



Первая треть XX века

Энциклопедический
биографический
словарь

АССОЦИАЦИЯ

«РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

(РОССПЭН)

Russia Abroad

Gold Book of Emigration

The First Third of the XXth Century

Biographical Encyclopedia

Moscow
ROSSPEN
1997

Русское зарубежье

Золотая книга эмиграции

Первая треть XX века

Энциклопедический биографический словарь

Москва
РОССПЭН
1997

ББК 70
Р 89

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)

проект № 96-01-16102

Руководители проекта:

А.К.Сорокин, *кандидат исторических наук;*
В.В.Шелохаев, *доктор исторических наук, профессор*

Под общей редакцией **В.В.Шелохаева**

Ответственный редактор **Н.И.Канищева**

Редакционная коллегия:

В.П.Борисов, *кандидат технических наук;*
Н.И.Канищева, *кандидат исторических наук;*
И.С.Розенталь, *доктор исторических наук;*
А.К.Сорокин, *кандидат исторических наук;*
Т.И.Ульянкина, *кандидат биологических наук;*
В.В.Шелохаев, *доктор исторических наук, профессор*

Подбор иллюстраций:

Н.И.Канищева, В.В.Леонидов, А.Ю.Морозова

Корректура: **Л.Н.Кузнецова**

Р 89 **РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века.** Энциклопедический биографический словарь. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997 — 742 с., илл.

Настоящее издание включает в себя свыше 400 биографий выдающихся представителей русской эмиграции первой трети XX века. Это кр...ные ученые, представляющие различные отрасли науки, писатели и художн... деятели культуры и искусства, иерархи Православной церкви. Вклад их в ...ровищницу мировой культуры неоценим, им удалось сохранить, развить ... иумножить вековые традиции русской науки и культуры, сделать их дост... ием человечества. Книга основана на материалах отечественных и зарубе... архивов, богато иллюстрирована редкими фотографиями. Она рассчита... широкие круги специалистов, а также массового читателя.

БК 70

ISBN 5-86004-038-5

Эмиграция как историческое явление возникло гораздо раньше, чем появилось само это понятие. С развитием человеческой цивилизации увеличивалось количество и многообразие факторов, вызывающих этот феномен. К разного рода табу, широко распространенным в древнейших обществах, образование государств добавило экономические, социальные, политические, идеологические, национальные, конфессиональные причины. От единичных случаев, когда люди в силу ряда обстоятельств вынуждены были покидать свою родину и переселяться в другие места, эмиграция со временем становилась все более заметным явлением.

В средневековье и новое время, когда в Европе возникли национальные государства, шли многолетние и кровопролитные религиозные войны, эмиграция приобрела характер разнонаправленных потоков. Реформация, а затем цикл революций на европейском континенте сделали их массовыми. Если же учесть, что любая революция есть сублимированный результат совокупности разноуровневых конфликтов, то нетрудно понять и причины нарастания масштабов эмиграционных потоков. После Великой Французской революции, влияние которой на европейский континент недаром сравнивали со сдвигом геологического характера, десятки тысяч французов вынуждены были покинуть свою родину и эмигрировать в другие страны, в том числе Америку и Россию. Некоторым из них удалось найти пристанище при императорском и великокняжеских дворах, инкорпорироваться в политическую, экономическую и военную элиту, применить свои способности в науке и культуре. Большинство же эмигрантов вынуждены были прозябать в провинциальной глуши, обучая дворянских детей азам французского языка и европейского этикета. В свою очередь, эмиграционные потоки шли из России в европейские страны, Америку, Канаду, Австралию.

В начале XX века эмиграция приобрела общемировой характер. Эмиграция из России, которая пережила за первую четверть века три революции, три войны (русско-японскую, первую мировую, гражданскую), распад «единого и неделимого» тысячелетнего государства, «красный» и «белый» террор, массовый голод и эпидемии, представляла совершенно особое явление, уникальное и беспрецедентное по своим масштабам в мировой истории. По самым приблизительным подсчетам, в изгнании оказалось около 2 млн. российских граждан. Это уже само по себе создавало для вынужденно покинувших родину острейшую проблему адаптации, которая многократно усложнялась в силу своеобразного характера русского исхода: в среде российской эмиграции практически сразу же были включены механизмы противодействия ассимиляции. Недаром в самосознании, а затем и в исследовательской литературе укоренилось понятие — русское зарубежье, наиболее рельефно отражающее и выражающее существование за границей как бы второй («малой») России — особого самодостаточного «мира» со своим образом жизни и устоями, взаимоотношениями и привязанностями, существование внутри которого как бы воспроизводило бытие на утраченной родине. Характерная черта русского зарубежья — приверженность соборному типу поведения и непопулярность в эмигрантской среде индивидуализма. Вырванные волей судеб из системы привычных и устоявшихся ценностей, русские эмигранты воспринимали свою чужеродность с особой остротой, драматизмом. Отсюда их непреодолимое стремление как-то отгородиться от непривычного мира за искусственно возведенной стеной русской колонии. Можно также сослаться на сохранявшиеся и долгие годы взаимно поддерживаемые надежды на скорое возвращение домой, в Россию. Иллюзии временности пребывания за рубежом долгое время питались то военными успехами Деникина, Колчака, Врангеля, то Кронштадтским восстанием и антибольшевистскими выступлениями крестьян и рабочих, саботажем «спецов», наконец, политикой непризнания советской власти западными державами — бывшими союзниками по Антанте. В конечном счете эти иллюзии определяли особое состояние «чемоданного» образа жизни русских эмигрантов, готовых в любой благоприятный момент покинуть временное пристанище и возвратиться в Россию. Но, пожалуй, главным и определяющим для российских интеллигентов, считавших себя носителями и хранителями национальной культуры, оставался морально-нравственный стимул поведения, осознание собственной, если не мессианской,

то, несомненно, исключительной исторической миссии. Задачи служения «русской идее» ставились ими достаточно широко. Во-первых, они считали своей первостепенной задачей сохранение в изгнании накопленных духовных ценностей, исторической памяти, национального опыта с тем, чтобы не прервалась связь времен и поколений, чтобы сохранялась основа для будущего возрождения России. Во-вторых, они считали своим долгом познакомить Запад с достижениями отечественной мысли и культуры в различных областях человеческого знания.

Выполнение русской эмиграцией своей миссии, естественно, требовало сохранения особых условий ее существования за рубежом. Для подготовки будущих специалистов русское зарубежье воссоздало и развило систему национальной школы всех ступеней, от начального до высшего специального образования, включая подготовку специалистов высшей квалификации. Причем программа обучения ориентировалась на специфику работы именно в России и тем, следовательно, существенно отличалась от учебных программ стран русского рассеяния. Были также воссозданы научные сообщества, регулярно созывались академические съезды, действовали постоянные семинары, проводились диспуты, что в целом воспроизводило картину научно-педагогической деятельности ученых в России. Активно поддерживались и развивались национальные традиции в различных жанрах искусства (балетные студии, театральные антрепризы, музыкальные общества, русская консерватория, кинофабрики, литературные вечера, лекции и даже традиционные «чашки чая» и т.д.). Работали русские, по своему преимущественному составу, конструкторские бюро и лаборатории. Зарубежье имело русскоязычные органы печати, книгоиздательства, свои церковные приходы. Действовало множество обществ: политических, воинских, спортивных, культурных, профессиональных, благотворительных и т.д. Следует особо подчеркнуть, что в своей духовной и практической деятельности русская эмиграция прежде всего питалась национальными идеями: шла ли речь о научной школе или о художественных традициях.

Первая волна русской эмиграции, составившая основу русского зарубежья, изобилует блестящими талантами, выдающимися открытиями в различных областях науки, техники, культуры. Русские изгнанники сыграли уникальную и, к сожалению, до конца все еще не оцененную роль в достижениях человеческой цивилизации XX века. Такой беспрецедентный в мировой истории взлет творческой мысли трудно объяснить лишь сугубо материальными соображениями (жесткой конкуренцией, необходимостью бороться за элементарные средства существования). Своими делами русские эмигранты как бы стремились доказать всему миру, и не в последнюю очередь самим себе, что Россия, несмотря на тяжелые испытания и унижения, выпавшие на ее долю, не только не погибла, но по-прежнему обладает огромным потенциалом нерастраченных творческих сил, и в этом залог ее будущего возрождения. Рассматривая себя неотъемлемой частью России, они продолжали созидать во имя ее будущего.

Понимая социокультурную значимость русской эмиграции как для мирового сообщества, так и для России, представители ряда эмигрантских организаций предпринимали неоднократные попытки написать историю русского зарубежья, чтобы сохранить в памяти потомков все перипетии жизни в изгнании, донести до них результаты своей творческой деятельности. В начале 1930 года была создана специальная комиссия по сбору материалов для будущего труда, получившего оригинальное название «Золотая книга» (председатель — Д.П.Рябушинский, секретарь П.Е.Ковалевский). По инициативе В.В.Вырубова образовалась группа по подготовке книги к изданию, а в 1962 году начал действовать соответствующий Комитет во главе с князем Н.С.Трубецким. К сожалению, возраст, болезни, а затем и кончины инициаторов проекта, непреодолимые финансовые трудности помешали реализовать задуманное. Тем не менее этот благородный замысел не мог оставить никого равнодушным. Сознавая особую моральную ответственность перед соотечественниками, оказавшимися волей судеб в эмиграции, редколлегия и авторский коллектив предприняли попытку продолжить начатое дело — познакомить современного читателя с выдающейся плеядой деятелей русского зарубежья, внесшей весомый вклад практически во все сферы человеческой деятельности. Столкнувшись с огромным обилием материала, редколлегия была вынуждена внести некоторые ограничения при отборе персонажей для данного издания. В книгу преимущественно включались те из эмигрантов, кто, получив в России высшее образование, специальность и достигнув определенных результатов в своей профессиональной деятельности, смог занять в изгнании приоритетное положение в

соответствующих областях научного знания, инженерной и конструкторской мысли, литературе и публицистике, изобразительном и театральном искусстве, общественной деятельности и т.д.

Данное издание, разумеется, ни в коей мере не претендует на исчерпание поднятых в ходе работы проблем. Его задача более скромна и конкретна: дать материал для размышлений последующим поколениям исследователей и стимулировать изучение русской эмиграции. В неменьшей мере для нас важно было по возможности искупить хотя бы толику исторической вины перед теми, кто оказался на чужбине, но сумел сохранить преданность своей великой стране, ни на минуту не переставая искренне ее любить и надеяться на ее возрождение. Исследование вклада русских эмигрантов в мировую культуру еще раз демонстрирует давно очевидную истину — русская земля родит великие таланты.

Редколлегия выражает глубокую признательность за ценные советы и замечания, высказанные в ходе подготовки издания, народной артистке СССР Е.В.Образцовой и академику РАН В.Л.Янину, кн. Н.Д.Лобанову-Ростовскому.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОСНОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

авт. — автор
акад. — академия, академический
арх. — архив
асс-ция — ассоциация
балетм. — балетмейстер
б/г — без года издания
биогр. — биография
б-ка — библиотека
б/м — без места издания
быв. — бывший
бюлл. — бюллетень
в. — век
вестн. — вестник
воен. — военный
вол. — волость
вопр. — вопросы
восп. — воспоминания
вост. — восточный
врач. — врачебный
всерос. — всероссийский
вступ. — вступление
вып. — выпуск
г. — год, город, господин
газ. — газета
ген. — генерал
гл. — главный
гл.обр. — главным образом
гос. — государственный
губ. — губерния
д. — действие, дело
дер. — деревня
доп. — дополнительный
дораб. — доработанный
др. — другой
ед. — единица
естествозн. — естествознание
журн. — журнал
зап. — западный; записки
изб. — избранный
изв. — известия
изд. — издание, издавался
изд-во — издательство
изуч. — изучение
илл. — иллюстрация; иллюстрированный
им. — имени
ин-т — институт
иск-во — искусство
испр. — исправление; исправленный
исслед. — исследование; исследовательский
ист. — история
истор. — исторический
кн. — князь
комп. — композитор
лит. — литературный
лит-ра — литература
литограф. — литографическое
м. — местечко
матем. — математический
матер. — материнский
мин-во — министерство
мн. — многие
моск. — московский
муз. — музыка; музыкальный
назв. — название
народ. — народный
наст. — настоящий
науч. — научный
нац. — национальный
нач. — начало
неопубл. — неопубликованный
нов. — новый
о. — остров; отец
об-во — общество
обл. — область
обозр. — обозрение
обществ. — общественный
ок. — около
окон. — окончательный
оп. — опись
опубл. — опубликован; опубликованный
орг-ция — организация
отд. — отделение, отдельный
отеч. — отечественный
отч. — отчество
офиц. — официальный
пер. — перевод
переизд. — переизданный; переиздано
перепеч. — перепечатано
петерб. — петербургский
петрогр. — петроградский
подг. — подготовка
полит. — политический
полн. — полный
послесл. — послесловие
пост. — постановка
пр. — прочие
предисл. — предисловие
преп. — преподобный
прим. — примечание
произв. — произведение
просвещ. — просвещение
проф. — профессор
псевд. — псевдоним
публ. — публикация
рев-ция — революция
ред. — редактор; редакция
реж. — режиссер
рец. — рецензия
рос. — российский
руб. — рубль
рук. — рукописный
с. — село
сб. — сборник
св. — сведения; свыше; святой
свобод. — свободный
сел. — селение
сельскохоз. — сельскохозяйственный
сер. — серия
сл. — слова
см. — смотри
соавт. — соавтор
собр. — собрание
сов. — советский
совм. — совместно
совр. — современный
сост. — составитель
соч. — сочинение
соц. — социалистический
ст. — станция; статья
т. — том
т.д. — так далее
т.е. — то есть
театр. — театральный
т.к. — так как
т.н. — так называемый
тр. — труды
т-р — театр
тран-т — транспорт
тыс. — тысяча
у. — уезд
ун-т — университет
урожд. — урожденная
уч. — ученый
ф. — фонд
фам. — фамилия
физ. — физический
философ. — философский
ф-т — факультет
хим. — химический
худ. — художественный; художник
центр. — центральный
церков. — церковный
ч. — часть
чел. — человек
шт. — штат
экон. — экономический
энтомол. — энтомологический
яз. — язык

Примечания

1. Применяются сокращения слов, обозначающих государственную, языковую или национальную принадлежность (напр., англ. — английский, рус. — русский), название месяцев (напр., апр. — апрель, апрельский).

2. В прилагательных и причастиях допускается отсечение окончаний и суффиксов: «альный», «анный», «ельный», «енный», «еский», «ческий», «нальный», «ионный», «ский», «ованный» и др. (напр., центр., значит., естеств., жен.).

ОСНОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ОПИСАНИЯХ

Вест. РСХД — Вестник русского студенческого христианского движения
НЖ — «Новый журнал»
ПН — «Последние новости»
СЗ — «Современные записки»

АББРЕВИАТУРЫ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЩЕСТВ

АН — Академия наук
АНУМ — Ассоциация независимых украинских мастеров искусства
АРА — Американская организация помощи голодающим
АХ — Академия художеств
ВАДК — Вольная академия духовной культуры
ВВФ — Военно-воздушный флот
ВРК — Военно-революционный комитет
ВСКД — Всероссийский совет крестьянских депутатов
ВСНХ — Всероссийский совет народного хозяйства
ВСЮР — Вооруженные силы юга России
ВХУТЕМАС — Высшие государственные художественно-технические мастерские
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦУ — Высшее церковное управление
ГАХН — Государственная академия художественных наук
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГИАП — Государственный исторический архив Петербурга
ГИМ — Государственный исторический музей
ГММК — Государственный музей музыкальной культуры им. М.И.Глинки
ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека
ГПУ — Главное политическое управление
ГРМ — Государственный русский музей
ГТГ — Государственная Третьяковская галерея
ГУС — Государственный ученый совет (НКПРОСа РСФСР, 1919-1933)
ГЦТМ — Государственный центральный театральный музей им. А.А.Бахрушина
ЗД — Заграничная делегация
ИВАК — Императорский Всероссийский аэроклуб
ИИПС — Институт инженеров путей сообщения
ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А.М.Горького АН СССР
ИНХУК — Институт художественной культуры
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
ИЭМ — Институт экспериментальной медицины
КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
КЕПС — Комиссия по изучению естественных производительных сил России
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МГУ — Московский государственный университет
МХАТ — Московский художественный академический театр
МХТ — Московский художественный театр (1898-1920)
НАСА (англ.) — Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (NACA, США)
НБЭИ — Национальное бюро экономических исследований
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
ОР — Отдел руписей
ОРЭСО — Объединение русских эмигрантских студенческих организаций
ПСР — Партия социалистов-революционеров
РАН — Российская академия наук
РБВЗ — Русско-балтийский вагонный завод (до 1917)
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ — Российская государственная библиотека
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
РИО — Русское историческое общество
РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
РМО — Русское музыкальное общество
РНБ — Российская национальная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина
РНУ — Русский народный университет
РОВС — Российский общевоинский союз
РПЦЗ — Русская православная церковь за границей
РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия
РФА — Религиозно-философская академия
РФО — Русское фотографическое общество
РЦХИДНИ — Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
СВОМАС — Свободные художественные мастерские
СИСН — Совет по исследованиям в области социальных наук
ССАВСК — Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н.П.Кондакова
УНКВД — Управление Народного Комиссариата внутренних дел
ФИДЕ (фр.) — Международная шахматная федерация (FIDE)
ХПСРО — Художественно-просветительный союз рабочих организаций
ХТИ — Харьковский технологический институт
ЦАГИ — Центральный аэрогидродинамический институт им. Н.Е.Жуковского
ЦГА — Центральный государственный архив
ЦИАМ — Центральный исторический архив Москвы
ЦИК — Центральный исполнительный комитет СССР
ЦК — Центральный Комитет
ЧК — Чрезвычайная комиссия
ЮНЕСКО (англ.) — Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (UNESCO)

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ ГОРОДОВ

Л. — Ленинград
М. — Москва
Пг. — Петроград
СПб. — Санкт-Петербург

А

АВЕРЧЕНКО Аркадий Тимофеевич (15.3.1881, Севастополь — 12.3.1925, Прага) — писатель, драматург, театральный критик. Отец Тимофей Петрович — разорившийся севастопольский купец, мать Сусанна Павловна (урожд. Романова) — из мещан. Окончил два класса севастопольской гимназии, затем, по состоянию здоровья, учился дома. А. писал П.Быкову: «Девяти лет отец пытался отдать меня в реальное училище, но оказалось, что я был настолько в то время слаб глазами и вообще болезненен, что поступить в училище не мог. Поэтому и пришлось учиться дома. С десяти лет пристрастился к чтению — много и без разбора. Тринадцати лет пытался написать собственный роман, который так и не кончил. Впрочем, он привел в восторг только мою бабушку».

В 1896 А. поступил младшим писцом в Брянскую транспортную контору, с 1897 до 1900 работал конторщиком на станции Алмазная, затем в Харькове — бухгалтером Брянского акционерного общества. «Вел я себя с начальством настолько юмористически, что после семилетнего их и моего страдания был уволен», — вспоминал А. 31.10.1903 в харьковской газете «Южный край» появился первый рассказ А. «Как мне пришлось застраховать жизнь», но сам писатель считал своим литературным дебютом рассказ «Праведник» (Журн. для всех, 1904, № 4). В 1905 он сотрудничал в «Харьковских губернских ведомостях», с 1906 стал редактором (с № 4) сатирического журнала «Штык» (Харьков, вышло всего 9 номеров, большая часть которых заполнена произведениями А.). В 1907 начал выпускать новый журнал «Меч», закрытый на 3-м номере.

24.12.1907 А. уехал в Петербург, стал сотрудничать в юмористическом журнале «Стрекоза» (с № 23 за 1908 в качестве редактора), газете «Свободные мысли», «Журнале для всех». В начале 1908 издатель «Стрекозы» М.Корнфельд пригласил его в новый сатирический еженедельник «Сатирикон», бессменным редактором которого А. был с 9-го номера (выходил с 1908 по 1913; в 1913-18 как «Новый Сатирикон»). Здесь А., по словам *А.Куприна*, «сразу нашел себя: свое русло, свой тон, свою манеру». В «Сатириконе» из номера в номер печатались юмористические рассказы, фельетоны, театральные обозрения, сатирические миниатюры, подписанные не только его фамилией, но и псевдонимами (Аве, Медуза Горгона и др.). Он же вел раздел «Почтовый ящик», остроумно и находчиво отвечая на письма читателей. Из произведений, опубликованных в «Сатириконе», А. в 1910 составил три книги рассказов («Веселые устрицы», «Рассказы (юмористические)», «Зайчики на стене»), которые принесли ему всероссийскую известность. В них много задора и беззаботного веселья, смеха, основанного на комизме ситуаций и положений. А. повествует о «быте», который полностью заслонил собой только что отгремевшее «событие» — 1-ю русскую революцию. Его герой — обыватель, интересы которого сосредоточены на ресторане, спальне, детской. Высмеивая героя, который прячется от жизненных бурь в свою «устричную» раковину, А. часто пользуется фантастикой, доводя до абсурда юмор положений. Однако в основе самых нелепых и смешных ситуаций у него всегда лежит абсурдная в своей нелепости российская действительность. Смех А. часто превращался в гомерический хохот, напоминая юмор М.Твена и О.Генри с его ярко выраженной буффонадностью, стихийной веселостью. Это отмечали уже первые критики — А. Полонский и М.Кузмин. А.Измайлов, напротив, увидел в рассказах А. не «американизм», а традиции А.Чехова с его интересом к маленькому человеку. К.Чуковский почувствовал в первых книгах А. «ненависть к среднему, стертому, серому человеку, к толпе, к обывателю» и сравнил писателя с Ф.Ницше.

Творчество А. отразило стихийный протест демократических слоев русского общества против политики насильственного «успокоения» России. Свой задорный «краснощекий» юмор писатель предложил как лекарство от безверия, тоски и уныния в период реакции. Вышедшие в 1912 книги А. «Круги по воде» и «Рассказы для выздоравливающих» упрочили его славу как «короля» русского юмора. А. пытался отвлечь читателя от сложных жизненных проблем, вылечить Россию с помощью жизнерадостного веселого смеха. Идеал писателя — любовь к жизни во всех ее будничных проявлениях, основанная на «простом здравом смыс-

ле». Книги А. — систематический каталог «добрых знакомых». Под его ироническим пером возникла страна, в которой обесценились все моральные принципы, прогнили устои и стала очевидной фальшь общественных и личных связей. В каждом из своих героев А. разоблачал какой-либо общечеловеческий порок: лень, жадность, глупость, ложь, подлость, моральную нечистоплотность. Ему симпатичны лишь те, кто «выламывается» из привычной обывательской среды: шутники, дети, пьяные, предприимчивые дельцы.

В последние предреволюционные годы А. стал одним из самых популярных писателей. Одна за другой выходили книги его юмористических рассказов «Сорные травы» (СПб., 1914, под псевд. Фома Опискин), «Чудеса в решете» (Пг., 1915), «Синее с золотом» (Пг., 1917), повесть «Подходцев и двое других» (Пг., 1917), инсценировки рассказов и театральные миниатюры шли в петербургских и московских театрах. По свидетельству князя М.Путятина, «большим читателем и почитателем» А. был Николай II.

Февральскую революцию А. восторженно приветствовал, октябрьский же переворот встретил резко отрицательно. Он высмеивал «хлопотливого большевика», сожалея о «раздетых людях», «раздеваемой государственности», о гибели старого быта. Революционный ураган казался ему чертовым колесом, на полированной поверхности которого не может удержаться никакая политическая партия, претендующая на господство в России. Власть большевиков он сравнивал с «дьявольской интернационалистской кухней, которая чадит на весь мир». В сатирическом памфлете «Моя симпатия и мое сочувствие Ленину» А. восклицал: «Да черт с ним, с этим социализмом, которого никто не хочет, от которого все отворачиваются, как ребята от ложки касторового масла». В конце 1918 «Новый Сатирикон» был закрыт, а А., спасаясь от ареста, уехал на занятый белыми Юг. Сотрудничал в газетах «Приазовский край», «Юг», «Юг России». Фельетоны и рассказы этого периода вошли в сборник «Нечистая сила» (Париж, 1920), «Кипящий котел» (Константинополь, 1922), «Дети» (Константинополь, 1922), «Двенадцать портретов знаменитых людей в России» (Париж-Берлин-Прага, 1923) и др. Центральная их тема: «За что они Россию так?» Писатель часто выступал с чтением своих рассказов, заведовал литературной частью в севастопольском Доме артиста, написал пьесы «Лекарство от глупости» и «Игра со смертью» (о своем бегстве от чекистов). В апреле 1920 он организовал собственный театр «Гнездо перелетных птиц», где играл роль «Аркадия Аверченко». В октябре вместе с войсками генерала Врангеля эмигрировал в Константинополь. Здесь написаны наиболее резкие антибольшевистские памфлеты, печатавшиеся в 1921 в журнале «Зарницы». Из насмешливого созерцателя А. превратился в непримиримого врага советской власти, обличавшего «кровавый балаган», устроенный творцами «горе-революции».

Сборник памфлетов А. «Дюжина ножей в спину революции» (Париж, 1921) Ленин назвал книжкой «озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца», отметив, вместе с тем, что «до кипения дошедшая ненависть вызвала и замечательно сильные и замечательно слабые места этой высокоталантливой книжки». «Записки простодушного» (Константинополь, 1921) повествуют о том, «как мы падали, поднимались и снова падали, о нашей жестокой борьбе и о тихих радостях». Картины «константинопольского зверинца», зарисовки эмигрантского быта окрашены горькой самоиронией. А. все чаще изменяет веселому доброму смеху, заменяя его желчным сарказмом, «юмором висельника», за которым скрыта подлинная забота о маленьком человеке, невзначай оказавшемся под тяжелым сапогом эпохи, о «разбитых вдребезги» чувствах сострадания и гуманизма.

В июне 1922 А. поселился в Праге, где прожил последние годы, изредка совершая поездки в Германию, Польшу, Румынию, Болгарию, Прибалтику. Его произведения печатались в периодических изданиях этих стран, а также в Харбине («Рассказы», 1920), Шанхае («Рассказы», т. 1, 1920), Загребе («Рай на земле», 1922) и др. В Праге написаны последние книги А. «Рассказы циника» и роман «Шутка мецената». Рисуя развороченный муравейник эмигрантского быта, он изображает людей, у которых все в прошлом, а впереди — лишь близость неизбежного конца. Сама история кажется ему «циничной пройдохой», которая разыгрывает с людьми какие-то глупые шутки («Исторические нравоучительные рассказы»). Европа раскрывалась перед А. совсем не с той стороны, которая запечатлена в остроумной веселой «Экспедиции в Западную Европу» (1911) или в пародийной «Всеобщей истории, обработанной «Сатириконом» (1911). Горестные эмигрантские будни, «врангелевское осадное сидение» приводят к ожесточению, не способствующему поискам «смешного в страшном» (название сборника рассказов, вышедшего в Берлине в 1923). Герой «Записок простодушного. Я в Европе. Турция-Чехословакия» (Берлин, 1923), напоминающий самого автора, плачет на свадьбе и смеется на похоронах, он отчаянно пытается сохранить связь с родиной, чувствуя с каждым днем невосполнимость ее потери.

Циник — последняя из масок А. Обличитель мещанства, потом его развлекатель, эстет, сибарит и сноб превратился в циника. Смех А. становился все глуше. Лишь в книге «Пантеон советов молодым людям на все случаи жизни» (Берлин, 1924) слышится прежний жизнерадостный голос писателя. В книге «Отдых на крапиве» (Варшава, 1924) А. признавался: «Я всегда был против того, чтобы мои книги низводились до степени мягкой перины».

Роман А. «Шутка мецената» — последняя попытка воскресить веселый смех. В шаржированной форме писатель рисует обстановку литературной жизни в России начала XX в., передает атмосферу петербургского мирка, в котором привольно чувствовал себя сатириконский «король смеха». Пародийный образ Мецената, отразив какие-то черты самого автора, свидетельствует о творческом кризисе А. Скучающий Меценат признается, что любил «всякую живую жизнь, но как-то случалось, что искал он ее не там, где нужно».

Незадолго до смерти А. сетовал: «Какой я теперь русский писатель? Я печатаюсь, главным образом, по-чешски, по-немецки, по-румынски, по-болгарски, по-сербски, устраиваю вечера, выступаю в собственных пьесах, разъезжаю по Европе, как завзятый гастролер». Летом 1924 А. перенес операцию по удалению глаза; стала резко прогрессировать болезнь сердца. Он скончался в пражской городской больнице, похоронен на Ольшанском кладбище. Завещал перевезти тело в Россию. В некрологе *Н.Тэффи* писала: «Многие считали Аверченко русским Твеном. Некоторые в свое время предсказывали ему путь Чехова. Но он не Твен и не Чехов. Он русский чистокровный юморист, без надрывов и смеха сквозь слезы. Место его в русской литературе свое собственное, я бы сказала — единственного русского юмориста. Место, оставленное им, наверное, долгие годы будет пустым. Разучились мы смеяться, а новые, идущие на смену, еще не научились».

Соч.: Развороченный муравейник. Эмигрантские рассказы. М.-Л., 1927; Избранное. Вашингтон, 1961; Три книги. Нью-Йорк, 1979; Салат из булавок. Нью-Йорк, 1982. Кривые углы. М., 1989; Осколки разбитого вдребезги. М., 1989; Битва в киселе. М., 1990; Хлопотливая нация. М., 1991; Записки простодушного. М., 1992.

Лит.: Пильский П. Затуманившийся мир. Рига, 1929; Тэффи Н. Воспоминания. Париж, 1931; Евстигнеева Л.А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М., 1958; Левицкий Д.А. А.Аверченко. Жизненный путь. Вашингтон, 1973; Спиридонова Л.А. Русская сатирическая литература начала XX века. М., 1977; Михайлов О.Н. Страницы русского реализма. М., 1982.

Арх.: РГАЛИ, ф. 32; ОР ИРЛИ, ф. 273, оп.1, д. 770.

Л.Спиридонова.

АДАМОВИЧ Георгий Викторович (7.4.1892, Москва — 21.2.1972, Ницца) — поэт и литературный критик. Родился в семье военного. Учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Писать стихи начал будучи студентом. В 1916 в издательстве «Гиперборей» вышел его первый сборник стихов «Облака», в рецензии на который Н.Гумилев отметил влияние на А. И.Анненского и А.Ахматовой. Было очевидно и влияние А.Блока, которому молодой автор послал свою первую книгу. Блок отозвался письмом. Еще в университетские годы А. вошел в литературный мир Петербурга, сблизился с Гумилевым, Ахматовой, Мандельштамом, *Г.Ивановым*. Вскоре после революции стал членом созданного акмеистами «Цеха поэтов», участвовал в одноименном альманахе. В 1922 опубликовал второй сборник стихов «Чистилище», открывавшийся посвящением «памяти Андрея Шенье», что намекало на судьбу расстрелянного Гумилева (и в некоторой степени напоминало о Блоке, которого тоже иногда называли «русский Шенье»). Книга укрепила за поэтом репутацию одного из лучших мастеров, продолжавших традиции «петербургской поэтики». Камерная лирика А. была сосредоточена на мотивах одиночества, тоски, обреченности; в поэтике он придерживался акмеистической ориентации.

В 1923 эмигрировал. Поэзия А. 20-30-х оказала значительное воздействие на молодых поэтов русского зарубежья. Он пытался объединить символическую устремленность в запредельное с акмеистической «тяжестью» слов. Наряду с акмеистически сдержанными и музыкальными стихами встречаются и более пространные и риторические. А. поощрял камерную поэзию; стихи его последователей, где доминируют вечные темы и особенно тема смерти, — это «парижская нота» в эмигрантской поэзии. А. был авторитетен как наставник молодых (царил в «Числах» — журнале, где публиковались преимущественно молодые). В 1939 в серии «Русские поэты» вышел третий сборник А. «На Западе», который критики считали лучшим из написанного им в стихах. Отход от акмеизма наметился еще в книге «Чистилище», а в сборнике «На Западе» от этой манеры осталась лишь склонность к «литературности» и к перекличке с другими поэтами; любимыми его поэтами были Лермонтов (его «тревожность» А. противопоставлял пушкинскому совершенству), Бодлер и Анненский. В 1967 вышел четвертый и последний сборник стихов «Единство», свидетельствовавший об исключительной строгости автора к себе.

К критическому жанру А. обращался до эмиграции, отзываясь на творчество своих кол-

лег по «Цеху поэтов»; третий, последний в России, номер альманаха «Цех поэтов» почти наполовину состоял из его статей и рецензий. В эмиграции А. вскоре стал ведущим литературным критиком парижских газет, затем журнала «Звено», позднее газеты «Последние новости»; его статьи, появлявшиеся каждый четверг, стали неотъемлемой частью довоенной культурной жизни не только русского Парижа, но и всего русского зарубежья. Публиковался также в парижских журналах — «Современные записки», «Встречи», «Русские записки», газете «Дни», в нью-йоркских журналах «Воздушные пути», «Опыты», в альманахе «Мосты» (Мюнхен). Писал о новых книгах, вышедших в России и в эмиграции, о маститых и начинающих, о русских и французских классиках, о новинках французской, а позже и англоязычной беллетристики. В журнале «Звено» (1923-28) А. регулярно печатал свои «литературные беседы», в которых сформулировал основные мысли, определившие пафос его книги «Одиночество и свобода» (Нью-Йорк, 1955); здесь же отрабатывался прием критического анализа, характерный для его книги «Комментарии» (Вашингтон, 1967). Степень правдивости, искренности творчества и силу дарования поэта или писателя А. определял понятием «лиризм». Находил, например, лиризм высокого качества в пьесе М.Булгакова «Дни Турбиных». Называл М.Цветаеву «по-настоящему «лиричным критиком», способным в одном чувстве, душевном движении подметить множество спорных подразделений»; писал, что у нее «за словом чувствуется человек». В докладе «Есть ли цель у поэзии?», прочитанном на «беседах» «Зеленой лампы» у *Гиппиус* и *Мережковского*, видел своих главных оппонентов в большевиках, превративших поэзию в государственное «полезное дело», тем самым произведя «величайшее насилие над самой сущностью искусства». По убеждению А., единственное, чем можно объяснить существование поэзии, — это «ощущение неполноты жизни... И дело поэзии... эту неполноту заполнить, утолить человеческую душу». В «Литературных беседах» проявилось свойственное А. противоречие между теоретическими формулировками и практикой конкретного анализа произведений, однако главным критерием оставалось «сознание ответственности поэта перед миром за каждое произносимое слово». Он стремился уловить главные тенденции развития писателя, а также раскрыть то, что «препятствует внутренней свободе». При этом «личностная или человеческая» новизна была для А. важнее «литературной».

Одним из главных и последовательных противников А. как критика был *В.Ходасевич*. В 1935 они вели полемику о сущности поэзии в связи с общепризнанным ее кризисом. Причину спада поэтического творчества А. видел в кризисе культуры, в разложении личности, что и должна отразить поэзия. Он считал лучшими стихи тех поэтов, которые, не заботясь о «мастерстве», о форме, старались с предельной простотой и обнаженной правдивостью говорить о том, что больше всего задевало их, и провозглашал первенство интимной дневниковой поэзии. Суть расхождения А. с Ходасевичем *Г.Струве* сформулировал так: «С одной стороны, требование «человечности» (Адамович), а с другой — настаивание на мастерстве и поэтической дисциплине (Ходасевич)». А. не принимал крайности «формализма» и приветствовал (как программное) стихотворение Ю.Терапиано «Кто понял, что стихи не мастерство...». Провозглашаемая здесь «человечность» импонировала А. как отталкивание от «формализма», крайностей которого критик не принимал. Вместе с тем на разных этапах деятельности у А. много высказываний в защиту формы: «...поэзия есть не только тайнотворчество, но и ремесло»; «...мастерства чисто внешнего, голого, бездушного не бывает и никогда не было... Великая и подлинная власть над словом всегда соединялась с богатством содержания». В 1939 в парижском сборнике «Литературный смотр» А. опубликовал эссе «О самом важном» — он видел это «важное» в проблеме соединения правды слова с правдой чувства. Полемика между А. и Ходасевичем воспринималась как одно из центральных событий литературной жизни эмиграции. Герой романа *В.Набокова* «Дар» Годунов-Чердынцев с «холодком внезапного волнения» читает очередной фельетон Христофора Мортуса (под таким именем выведен в романе А.), посвященный его литературному противнику Кончееву (Ходасевичу). Своей полемикой критики раскололи литературную эмиграцию на два полюса: старшие поддерживали Ходасевича, молодежь тянулась к А.

В книге «Одиночество и свобода» А. признавал, что «понятие творчества в эмиграции искажено не было, духовная энергия на чужой земле не иссякла и когда-нибудь сама собой включится в наше вечное, общерусское дело». В 1927 он утверждал: «Россия не есть понятие, которое можно развозить по частям. Нельзя вывезти язык, как нечто до конца отделимое. Язык есть форма духовной жизни народа, он существует только для своего народа...» Временами А. ставил советскую литературу выше эмигрантской; последняя, писал он, лишена «пафоса общности», который в советской литературе возникает от «вкуса к работе», а также от бодрости, от направления «вперед», взятого Россией. Эти настроения по-

сле войны привели А. к приятию советского режима, к сотрудничеству в течение нескольких лет в просоветских «Русских новостях» и к «оправданию» Сталина в книге «L'autre patrie» (Paris, 1947). Однако сам А. не раз говорил, что советская литература скучна и примитивна. А. нашел особую форму — «комментарии», — позволявшую ему, отталкиваясь от любого факта, явления или мысли, высказываться о роли литературы и самой эмиграции, о России и Западе, о религии и искусстве. А. склонялся к тому, что литература не должна быть только литературой, иначе она становится не нужна, и с этих позиций обращался к творчеству Толстого, Достоевского, Некрасова, Блока, Анненского, глубоко чувствовавших недостаточность чистой художественности. А. стремился совместить красоту и совесть, толстовско-некрасовскую линию с Ф.Тютчевым и даже К.Леонтьевым. Последняя книга А. «Комментарии» сложилась из публиковавшихся в 30-е заметок, эссе — по выходе они часто вызывали бурную реакцию в среде молодых литераторов русского Парижа. В полемику с А. вступали философы, публицисты (*Ф.Степун, Г.Федотов*).

Соч.: Л.Н.Толстой. Париж, 1960; Вклад русской эмиграции в мировую культуру. Париж, 1961; Начало повести // НЖ, 1966, № 85; О книгах и авторах. Заметки из лит. дневника. Париж, 1967; Большой поэт и большой человек [об Ахматовой] // Октябрь, 1989, № 6; «Заходит наше солнце...»: Стихи // Волга, 1990, № 12; Невозможность поэзии // Лит. учеба, 1991, № 1; Стихотворения. Критическая проза // Лепта, 1991, № 2; Несобранное // Лит. обозр., 1992, № 5/6.

Лит.: Цветаева М. Поэт о критике. Цветник // Благонамеренный, 1926, № 2; Федотов Г.П. О парижской поэзии // Ковчег. Нью-Йорк, 1942; Струве Г. Об Адамовиче-критике // Грани, 1957, № 34/35; Иваск Ю. Памяти Г.В.Адамовича // НЖ, 1972, № 106; Вейдле В. Некролог// Рус. мысль, 1972, 2 марта; Hagglund R. A Vision of Unity: Adamovich in Exile. Ann Arbor (Mich.), 1985.

А.Ревякина

АЙХЕНВАЛЬД Юлий Исаевич (псевд. Ю.Альд, Б.Каменецкий) (12.1.1872, Балта, Подольской губ. — 17.12.1928, Берлин) — литературный критик, переводчик, философ. Родился в семье раввина. Окончил в Одессе Ришельевскую гимназию (1890) и историко-филологический факультет Новороссийского университета (1894), получив диплом 1-й степени и золотую медаль за философскую работу «Эмпиризм Локка и рационализм Лейбница». Печатался в газетах с 14 лет. После переезда в Москву (1895) преподавал в гимназии, университете им. А.Шанявского, на Высших историко-филологических женских курсах В.Полторацкой. Член Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности, ученый секретарь Московского психологического общества и секретарь редакции журнала «Вопросы философии и психологии». Театральный обозреватель. Член редакции журнала «Русская мысль» (1902-3, 1907-8). Сотрудничал в газете «Русские ведомости» (1895-1902), в журналах «Научное слово», «Вестник воспитания», в 1911-19 в газетах «Речь», «Утро России». Выступал вначале преимущественно как переводчик и автор статей на философско-педагогические темы. *Ф.Степун* рисует портрет молодого А.: «Застенчивый, тихий, ласковый, ко всем очень внимательный, духовно сосредоточенный и серьезный, источающий дыхание мягкости и благожелательности, всегда изумительно ровный и верный самому себе, чуждый социально-политической злободневности». Литературное имя приобрел благодаря сборнику статей «Силуэты русских писателей» (СПб., 1906), где изложил главные принципы своего литературно-критического метода — «принципиального импрессионизма». В основе его отказ от претензий на научность литературоведческого анализа, ибо литература «своей основной стихией имеет прихотливое море чувства и фантазии... со всей изменчивостью его тончайших переливов... Одно то, что мысль и чувство разнятся между собой, делает литературу «беззаконной кометой в кругу расчисленных светил»; «искусство недоказуемо; оно лежит по ту сторону всякой аргументации». Методу А. отвечал жанр его работ — литературно-критических эссе, изобилующих метафорами и афористичными формулировками. Как отмечал Ф.Степун, А. был «близок завет Фридриха Шлегеля, требовавшего, чтобы критическая статья представляла собою художественное произведение».

«Легенда об Айхенвальде», сложившаяся в результате идеологизированной трактовки его творчества, создала упрощенный образ А. — талантливого, но «несерьезного» критика, неисправимого субъективиста и интуитивиста. Еще более упрочилась эта легенда в советское время, когда работы А. попали в разряд запрещенных. В действительности А. располагал четкими эстетическими критериями и ясными общественно-политическими и нравственными идеалами. В представлении А. писатель-творец выступает как жизнеутверждающее начало, одухотворяющее косную природу: «Писатель по отношению к своей материи — зиждущая форма... Орфей, победитель хаоса, первый двигатель, он осуществляет все мировое развитие. В этом его смысл и величие». А. высказывал мысли о диалогически-коммуникативной природе искусства. Литературное про-

изведение — диалог между писателем и читателем, где читатель — соавтор художника; оно неисчерпаемо: «писателя никогда нельзя прочесть до конца».

Полемика между А. и критиками социологической ориентации особенно обострилась после публикации его работы о В.Белинском (1913), в которой А. утверждал, что Белинский — «человек шаткого ума и колеблющегося вкуса», отличавшийся «умственной несамостоятельностью», отсутствием «широты духа и настоящей духовной свободы».

Октябрьскую революцию А. встретил с неприязнью. По свидетельству И.Гессена, «А. был органическим противником всякого насилия... Отсюда непримиримая, буквально всепоглощающая ненависть к большевикам». Аналогичную оценку дал *Г.Струве*: «А. оставался таким же критиком-импрессионистом, каким был до революции... К большевистской революции и ее насилию над свободным творчеством он был непримирим». Перебиваясь после закрытия «буржуазных» газет случайными заработками, А. отказывался публиковаться в советских изданиях. Если в работе «Наша революция. Ее вожди и ведомые» (М., 1918), написанной в основном до октября 1917, он еще высказывал надежды на победу духовного начала в русском обществе, то в начале 20-х эти иллюзии полностью исчезли. В статьях «Похвала праздности», «Бессмертная пошлость», «Самоубийство», «Искусство и мораль» А. не столько критик, сколько философ. Определяя материализм как «цинизм, доходящий до величия», А. противопоставлял ему утверждающий духовную автономию личности спиритуализм. В статье «Писатель и читатель» защищал самодовлеющую сущность искусства, не подвластную злобе дня. Отстаивая такие взгляды, А. не мог вписаться в послеоктябрьскую российскую действительность, несмотря на то, что оба его сына стали коммунистами. Рецензируя сборник «Похвала праздности» (М., 1922), В.Полянский (П.Лебедев) писал, что А. — «верный и покорный сын капиталистического общества, твердо блюдущий его символ веры, глубокий индивидуалист». По поводу его сборника «Поэты и поэтессы» (М., 1922), содержавшего, в частности, очерк о Н.Гумилеве, который был назван «поэтом подвига, художником храбрости, певцом бесстрашия», в «Правде» 2.6.1922 появилась статья «Диктатура, где твой хлыст» (подписана криптонимом О; многими, в том числе и самим А., приписывалась Л.Троцкому). В ней утверждалось, что А. «во имя чистого искусства» «называет рабочую советскую республику грабительской шайкой», и предлагалось «хлыстом диктатуры заставить Айхенвальдов убраться за черту в тот лагерь содержанства, к которому они принадлежат по праву...».

В сентябре 1922 А. был выслан за границу вместе со многими учеными и писателями. Высылке предшествовали арест и сидение на Лубянке. В Берлине А. читал курс «Философские мотивы русской литературы» в Русской Религиозно-Философской академии (с дек. 1922), часто выступал с лекциями и докладами. В конце 1922 был среди создателей литературного общества «Клуб писателей», принимал активное участие в деятельности созданного в 1924 Кружка друзей русской литературы. Вступил в Союз русских журналистов и литераторов в Германии. Сотрудничал в журнале «Новая русская книга», в рижской газете «Сегодня», но основным его пристанищем стала берлинская газета «Руль», где вел литературно-критический отдел. Вокруг А. группировался кружок литературной молодежи, среди участников которого был *В.Набоков*, назвавший А. в своих воспоминаниях «человеком мягкой души и твердых правил». Основной вклад А. в культурную жизнь русской эмиграции — еженедельные «литературные заметки» в газете «Руль», в которых он утверждал, что нельзя теперь, как прежде, не быть публицистом: «Во все, что ни пишешь... неудержимо вторгается горячий ветер времени, самум событий, эхо своих и чужих страданий». В России, писал А., установилось «равенство нищеты и нищенской культуры», но «даже там, где беллетристы хотят присоединиться к казенному хору славословия, они то и дело срываются с голоса, потому что правда громче неправды... Талант органически честен».

Искренними, правдивыми художниками в Советской России А. считал М.Зощенко, Вс.Иванова, Л.Лунца, Н.Тихонова; резко отрицательно оценивал проявления сервилизма, тенденциозности, насилия писателя над своим талантом в угоду политической конъюнктуре (В.Вересаев, М.Горький, В.Маяковский, *А.Толстой*, И.Ясинский и др.). Среди эмигрантов выделял *И.Бунина*, *Б.Зайцева*, *А.Ремизова*, *И.Шмелева*, поддерживал литературную молодежь — *М.Алданова*, *Н.Берберову*, *Г.Газданова*, В.Набокова. Нередко обращался к мемуарному жанру: опубликовал в газете «Сегодня» цикл «Дай оглянусь...» о Л.Толстом, В.Короленко, А.Чехове, Вл.Соловьеве, Д.Мамине-Сибиряке и др.; в «Руле» — о *Л.Андрееве*; подготовил переиздание (включающее новые очерки) «Силуэтов русских писателей» (Берлин, 1923, т. 1-3; 1929, т. 1). Усилилась ориентация А. на классику; он подчеркивал, что эмиграция обязана сохранять и развивать культурные традиции, оборванные советской властью. В эмиграции литературно-критическая деятельность А.

играла консолидирующую роль, поддерживая сложившуюся иерархию литературных авторитетов и ценностей. А. погиб в результате несчастного случая, попав под трамвай. «Вот и последний... Для кого теперь писать? Младое незнакомое племя... Что мне с ним? Есть какие-то спутники в жизни — он был таким», — откликнулся на его смерть Бунин. Осталась незавершенной начатая А. в Советской России книга «Диктатура пролетариата», задуманная как продолжение «Нашей революции».

Соч.: Осколки воспоминаний // Лит-ра в школе, 1989, № 2; «Товарищество на пайках» // Час пик, 1992, 17 авг.; Русское общество и евреи: статьи // Вест. Еврейск. ун-та в Москве, 1992, № 1.

Лит.: Матусевич И. Затаенная пламенность (Памяти Айхенвальда) // СЗ, 1929, № 39; Степун Ф. Памяти Ю.И.Айхенвальда / Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей, т. 1. Берлин, 1929; Ходасевич В. «...Я очень слежу за вашими отзывами...» (Письма В.Ф.Ходасевича Ю.И.Айхенвальду) // Встречи с прошлым, вып. 7. М., 1990; Рейтблат А.И. «Подколодный эстет» с «мягкой душой и твердыми правилами»: Ю.И.Айхенвальд на родине и в эмиграции // Евреи в культуре рус. зарубежья, вып. 1. Иерусалим, 1992.

Арх.: РГАЛИ, ф. 1175.

А.Дранов,
А.Рейтблат

АКЕРМАН Янис Давович (24.4.1897, Митава — 8.1.1972, Миннеаполис, США) — авиаконструктор, общественный деятель. Родился в крестьянской семье, лютеранин; родными языками считал латышский и русский. Окончил в 1915 митавское реальное училище и поступил на механическое отделение Рижского политехнического института, эвакуированного вскоре в Иваново-Вознесенск. В 1916 добровольцем («охотником») поступил в русскую армию и был направлен на Теоретические курсы авиации при Московском техническом училище. Руководитель курсов профессор Н.Жуковский отметил талантливого курляндца, самого молодого на курсе, и стал привлекать его к научным исследованиям. По окончании курсов и Московской школы авиации А. по рекомендации Жуковского был направлен в декабре 1916 за границу для продолжения обучения и участия в работе русских закупочных миссий. Чувство благодарности своему великому учителю А. сохранял всю жизнь.

Во Франции А. прошел полный курс летчика-истребителя, закончив последовательно школу первоначального обучения («Ecole d'Aviation») в Эво, школу высшего пилотажа («Ecole d'Acrobacy Aerien») в По и знаменитую школу воздушного боя («Ecole de Tir Aerien») в Козо. В конце лета 1917 унтер-офицер вольноопределяющийся А. был переведен летчиком-приемщиком в русскую военно-закупочную миссию в Италии и участвовал в подготовке уникального перелета русского экипажа из Италии в Россию на тяжелом бомбардировщике Капрони. Однако большевистская революция сделала перелет невозможным, и после заключения Брестского мира прапорщик А. эмигрировал в США.

Первое время трудился рабочим на заводе Форда, закончил городской колледж Детройта. В 1922-25 учился на авиационном отделении Мичиганского университета в Эн Арбор, слушал лекции профессора *С.Тимошенко*. Получив диплом бакалавра по авиационной технике, а также вид на жительство, перешел работать инженером на авиационное отделение компании «Форд», где участвовал в серийном производстве самолетов по лицензии. Одновременно начал преподавательскую деятельность в среднем специальном заведении — Технической школе «Cass». Для преподавания в высшем учебном заведении требовался диплом магистра, и в 1927 А. поступил в магистратуру Мичиганского университета, где руководил строительством Гуггенхеймовской аэродинамической лаборатории. В том же году А. был приглашен главным конструктором в небольшую авиационную фирму «Hamilton Metalplane». Вместе с Т.Гамильтоном он построил очень удачные легкие пассажирские самолеты Н-19, Н-20, Н-21 и Н-22, завоевавшие ряд призов на авиационных конкурсах и первыми среди цельнометаллических аппаратов подобного класса получившие сертификат летной годности.

Диплом магистра А. защитил в 1928 и получил приглашение прочесть пробный цикл лекций по авиационной тематике в университете Миннесоты; на следующий год университет присвоил ему звание адъюнкт-профессора. А. быстро стал одним из видных авиационных деятелей штата Миннесота, много сделал для организации воздушного движения на Северо-Западе США, создал студенческий аэроклуб. В 1934 он был назначен комиссаром по аэронавтике штата, входил в Национальную комиссию по гражданской авиации. В связи с переездом в Миннеаполис, где располагался университет, А. пришлось оставить работу в «Hamilton Metalplane». Он занял пост главного конструктора в находившейся поблизости авиационной фирме «Mohawk», где в конце 20-х построил 3 удачных легких пассажирских свободнонесущих моноплана смешанной конструкции. По заказу Воздушного корпуса США А. вместе со своими студентами построил в 1930 оригинальный экспериментальный низкоплан с толкающим винтом JDA-8. Успешные испытания самолета укрепили его авторитет. В 1931 А. было присвоено звание профессора, и Совет

университета Миннесоты поручил ему сформировать кафедру авиационной техники. А. был одним из организаторов высшего авиационно-технического образования в США. Созданная им кафедра накануне 2-й мировой войны была преобразована в крупный авиационный факультет. А. был автором ряда программ, инструкций и методических разработок по подготовке авиационных инженеров, организовал и провел несколько посвященных этому вопросу конференций. Долгое время он возглавлял Общество поощрения инженерного образования США.

Значительных успехов А. добивался в конструкторской и научной работе. В 1933 его проект выиграл конкурс, объявленный фирмой «Эдисон» на создание ветряного двигателя системы «Флеттнера». Гигантский ротор был построен под руководством А. и установлен на опытной ветроэлектростанции в штате Нью-Джерси. В 1936 после экспериментальных исследований в университетской лаборатории он построил легкий самолет-бесхвостку. Затем возглавил разработку рекордного гоночного самолета «Laird Turner» LTR-14. На нем знаменитому американскому летчику Р.Тернеру удалось в 1938 побить рекорд скорости, поставленный ранее на французском самолете Кодрон С-460, созданном русским эмигрантом Ю.Отфиновским. Одновременно А. консультировал разработку высотного реактивного перехватчика в фирме «Porterfield Aircraft» в Канзас Сити. В начале 30-х А. заинтересовался проблемой исследования высших слоев атмосферы при помощи специальных стратосферных самолетов. Им была разработана программа фундаментальных международных научных исследований в этой области, получившая поддержку в научных кругах многих стран мира, в том числе и в СССР, но ее осуществлению помешала 2-я мировая война. Проведенные А, исследования по разработке герметичных кабин самолетов и систем индивидуального жизнеобеспечения пригодились американскому самолетостроению в годы войны.

Большое внимание А. уделял исследованиям в области экспериментальной аэродинамики и расчета на прочность авиационных конструкций, общим проблемам проектирования самолетов. В 30-е совместно с учениками он опубликовал ряд научных работ по данным вопросам. В 1936 вышла фундаментальная книга-учебник А. — «Проблемы анализа самолетных конструкций», впоследствии неоднократно переиздававшаяся. В 1940 А. был приглашен консультантом в крупнейшую авиационную фирму «Боинг» в Сиэтле, где участвовал во всех исследованиях по аэродинамике строившихся там тяжелых самолетов. Им были разработаны профиль и форма крыла для знаменитой «летающей крепости» Боинг В-29 «Super Fortress», послевоенных — авиалайнера В-377 «Strato Cruiser», воздушного танкера К-97 и первого многомоторного реактивного бомбардировщика В-47 «Strato Fortress». Одновременно в 40-х А. консультировал фирмы «Bell Aircraft», разрабатывавшую первый американский реактивный истребитель, и «Minneapolis Honeywell Regulator», проектировавшую автопилоты. С началом 2-й мировой войны А. был приглашен в состав Советов национальных оборонных научных исследований, Национального аэронавтического консультативного комитета и Центра научных исследований ВМФ. В 1944-45 служил специальным советником ВВС США в Европе.

После войны авторитет А. был столь велик, что он был избран председателем Национального аэронавтического общества и Института аэронавтических исследований, президентом Академии наук штата Миннесота. А. состоял членом многочисленных общественных организаций. До самого ухода на пенсию в 1958 он бессменно возглавлял созданный им факультет. Под его руководством при университете Миннесоты была построена в 1953 Аэронавтическая лаборатория «Rosemount», оснащенная сверхзвуковой аэродинамической трубой, в которой впервые была достигнута скорость потока 7,06 М. Руководителем лаборатории А. оставался до конца 60-х. В послевоенные годы вышел ряд его публикаций, посвященных авиационной теории и проблемам высшего авиационно-технического образования.

Соч.: Production of Electric Power from the Winds // Minnesota Technolog, 1932, January; Future Prospects for the Employment of Aeronautical Engineers // Journal of Engineering Education, 1942, March; Problems of Industry Raids on University Faculties // Ibid., 1957, June.

Лит.: Who's Who in Aviation. New York, 1943.

В.Михеев

АЛДАНОВ (наст. фам. Ландау) Марк Александрович (26.10.1886, Киев — 25.2.1957, Ницца, Франция) — писатель, философ, химик. Сын предпринимателя-сахарозаводчика. В 1905 окончил классическую гимназию в Киеве, овладев, помимо древнегреческого и латинского языков, немецким, французским и английским. В детские годы проводил лето в деревне Иванково Волынской губернии, где находился один из сахарных заводов отца, с 17 лет — за границей. В 1905-10 продолжал образование в Киевском университете, одновременно на двух факультетах — юридическом и физико-математическом; после

совместной работы в Париже с профессором *В.Анри* специализировался по физической химии. Первая статья — «Законы распределения вещества между двумя растворителями» — опубликована в 1912 в киевских «Университетских известиях», последующие научные работы — в петербургском «Журнале Русского физико-химического общества», в парижском «Comptes rendus de l'Académie des Sciences» и берлинском «Zeitschrift für physikalische Chemie». В Париже на французском языке изданы книги: «Лучевая химия» (1937) и «О возможностях новых концепций в химии» (1951). Встречался в разное время с Л. де Бройлем, П.Ланжевеном, А.Эйнштейном, Р.Оппенгеймером. Вместе с тем в круг его интересов всегда входили гуманитарные дисциплины, литература и искусство. В 1923 окончил в Париже Высшую школу социальных и политических наук. Как вспоминал *Л.Сабанеев*, «во всем он был не поверхностно, не с налету, а глубоко и тщательно осведомлен. Я думаю, что другого русского писателя с такой эрудицией в стольких областях совершенно разных и не существовало... Не зря он говорил, что треть своей жизни просидел в библиотеках и за чтением книг»; при этом его отличала «известная научность мыслей и даже чувств». Абсолютную достоверность героев и ситуаций в художественных произведениях А. на исторические темы отмечал историк *А.Кизеветтер*.

В Париже накануне 1-й мировой войны А. приступил к написанию книги «Толстой и Роллан» (т. 1. Пг., 1915; рукопись 2-го тома пропала в 1918). Переиздал ее позднее (без раздела о Роллане) под названием «Загадка Толстого» (Берлин, 1923). В ней вполне проявились особенности творческой манеры А.: свобода стиля, широкий охват фактов, непринужденно-изящное владение словом. Мировоззрение А. формировалось в условиях предвоенного периода, характеризуя который он писал: «Люди моего поколения хорошо помнят ту волну гуманитарного идеализма, которая заливала Европу в последнее десятилетие перед войной. Вероятно, для демократической идеи это было, на протяжении всей истории мира, самое благоприятное время». Застигнутый войной в Париже, возвратился в Россию кружным путем, побывав «в трех главных государствах противогерманской коалиции и в двух нейтральных странах». В Петрограде включился в разработку способов защиты столицы от предполагаемых газовых атак. Входил в партию народных социалистов. Познакомился с ветеранами народнического движения В.Фигнер, Г.Лопатиным, Н.Чайковским; с лидерами главных политических партий, в частности, с *П.Милюковым*; общение с ними оказало влияние на литературное творчество А. и его публицистику.

В 1918 в Петрограде вышла книга А. «Армагеддон», состоявшая из написанного в 1914 диалога «Дракон» и заметок на темы дня «Колесница Джагериатха». В 1-й части А. отстаивал «оборончество», отвергая шовинизм; 2-я — отклик на Октябрьскую революцию, размышления о ее перспективах. Тираж «Армагеддона» был конфискован и по-видимому уничтожен. С этого времени главной темой творчества А. становится революция во всех ее вариантах — от общенародной до заговорщической, от бунта до дворцового переворота. Как философа и свидетеля революционных событий в России его глубоко интересовала «загадка» русской революции. Сознавая грандиозность происходивших на его глазах общественных катаклизмов, А.-гуманист не мог принять режим, опиравшийся на насилие и претендовавший на абсолютную власть над умами и душами людей. Неприятие А. большевизма вытекало также из его убеждения в том, что перевороты, подобные октябрьскому, не являются исторически неизбежными: «Любая шайка может, при случайно благоприятной обстановке, захватить государственную власть и годами ее удерживать при помощи террора, без всякой идеи, с очень небольшой численно опорой в народных массах; позднее профессора подыскивают этому глубокие социологические основания».

В 1918 А. уехал вместе с первым председателем Временного правительства Г.Львовым в Одессу. В качестве секретаря делегации Союза возрождения вел осенью 1918 переговоры в столицах западных европейских государств о военной и финансовой помощи в борьбе против большевиков. В марте 1919 эмигрировал, в апреле приехал в Париж. В 1922-24 жил в Берлине, здесь женился на своей двоюродной сестре Т.Зайцевой. Первая книга в эмиграции — «Ленин» (Париж, 1919, на франц. яз., затем еще 4 издания; переводы: Берлин и Милан, 1920; Нью-Йорк, 1922). Ее продолжением явились книги: «Две революции: революция французская и революция русская» (на франц. яз. — Париж, 1921; на итал. яз. — Рим, 1921) и «Огонь и дым» (на рус. яз. — Париж, 1922). Выраженное здесь отношение к Ленину оставалось у А. и дальше неизменным; в 1957 он писал: «...Я его ненавижу, как ненавидел всю жизнь... Того же, что он был выдающийся человек, никогда не отрицал».

Имя А.-прозаика открыла читателю опубликованная в 1921 в «Современных записках» повесть о последних днях жизни Наполеона

«Святая Елена, маленький остров» (отд. изд. Берлин, 1923; 1926); затем она стала завершающей частью тетралогии «Мыслитель» (романы «Девятое Термидора», 1923; «Чертов мост», 1925; «Заговор», 1927). В «Современных записках» печатались и романы А., составившие эпопею о революционных событиях XX в. в России, но без изображения реальных исторических лиц: «Ключ» (1928-29; отд. изд. 1930), «Бегство» (1930-31; отд. изд. 1932), «Пещера» (1932-34; отд. изд. т. 1, 1934; т. 2, 1936).

Панораму переломных событий истории за 200 лет составили написанные в разное время повести «Пуншевая водка» (1938) — о восшествии на престол Екатерины II, «Могила Воина» (1939) — о Байроне и его таинственной смерти и «Десятая симфония» (1931) — об Александре I, Венском конгрессе и Бетховене; романы «Повесть о смерти» (на рус. яз. посмертно — Франкфурт-на-Майне, 1969; на англ. яз. — 1952) — о революции 1848 и Бальзаке; «Истоки» (1950) — о жизни русского общества 1870-80-х и убийстве Александра II — мировой, по словам А., трагедии, исключившей возможность мирного развития России; «Самоубийство» (посмертно в 1958) — о событиях 1903-24, главным действующим лицом романа, наряду с Б.Муссолини, А.Эйнштейном, С.Морозовым, И.Сталиным, выступал В.Ленин; «Начало конца» (т. 1, 1938, на рус. яз.; т. 2, 1943, на англ. яз., перевод — Октябрь, 1993, № 7-8, 11-12 — о 1937 годе и войне в Испании; роман стал в США «книгой месяца». В романе «Живи как хочешь» (1952) история смыкается с современностью: генералы Французской революции выступают на фоне Организации Объединенных Наций.

Литературным кумиром А. был Л.Толстой, преклонение перед ним лежало в основе дружбы А. с *И.Буниным*, который несколько раз выдвигал А. на Нобелевскую премию. В октябре 1945 Бунин писал А.: «Недавно перечитал (уж, верно в третий или четвертый раз) «Могилу Воина». До чего хорошо!» Историко-философская концепция А., воплощенная в его художественных произведениях, восходит отчасти к Толстому и Декарту; А. изложил ее в книге «Ульмская ночь. Философия случая» (Нью-Йорк, 1953), противопоставлял идее исторической закономерности (предопределенности) тезис о «миллионе случайностей, образующих независимые друг от друга «цепи причинности». Этой философией обусловлен как скептицизм А. (его сравнивали с А.Франсом), так и внимание — в традиции Толстого — не только к «великим», но и к рядовым участникам и нередко жертвам больших событий истории, войн и революций; в отношении А. к этим вымышленным персонажам совмещаются сочувствие и ирония. По определению историка *М.Карповича*, А. — «гуманист, не верящий в прогресс». Вместе с тем он следовал нравственному принципу: «Зная, что мир лежит во зле», «в меру отпущенных тебе сил способствовать осуществлению в мире простейших, бесспорнейших правил добра»; этим стремлением было продиктовано и вступление А. в масонскую ложу. Наивысшее достижение А.-художника — роман «Истоки». Менее удачны ра- боты А. для театра и кино.

Кроме «Современных записок», А. печатался в газетах «Дни» (1922-28; заведовал отделом литературы), «Сегодня» (1927-40), где опубликовал цикл статей о революциях 1917 и последующих событиях в России; в журналах «Числа», «Иллюстрированная Россия», «Русские записки». Приобрел популярность среди широкого читателя портретами современных политических деятелей (Черчилля, Клемансо, Ллойд-Джорджа, Блюма, Пилсудского, Бриана, Ратенау, Тардье, Ганди и др.), которые перепечатывались газетами всего мира и вошли в книги: «Современники» (Берлин, 1928), «Портреты» (кн. 1. Берлин, 1931; кн. 2. Париж, 1936), «Юность Павла Строганова и другие характеристики» (Белград, 1935), «Земля, люди» (Берлин, 1932). Некоторые критики (*В.Ходасевич*, *М.Слоним*, В.Яновский) считали, что А. сильнее как публицист, чем как романист, многие предпочитали романам его прозу «малых форм», например, историко-биографические очерки из эпохи декабризма («Ольга Жеребцова», «Сперанский и декабристы», «Адам Чарторыйский в России», «Поездка Новосильцева», «Коринна в России» и др.). Особое место в публицистике А. занимают портреты деятелей большевизма; верные наблюдения соседствуют здесь с поверхностными. О Сталине (1928) он писал, что тот «залит кровью так густо, как никто другой из ныне живущих людей, за исключением Троцкого и Зиновьева»; признавал за ним «свойство редкой силы воли и бесстрашия», но утверждал, что «для Сталина не только чужая жизнь копейка, но и его собственная» (Сталина периода «экспроприаций» на Кавказе А. изобразил также в романе «Самоубийство»). У Троцкого, по мнению А., «идей никогда не было и не будет... Его нынешняя оппозиционная критика — общие места эмигрантской печати». Он «великий артист — для невзыскательной галерки». Позже А. напишет очерк «Убийство Троцкого».

Проницательнее оказался А. в суждениях о А.Гитлере (1932), которого, как отмечал он, очень почитали иные русские эмигранты: это «очень неглупый человек», «влюбленный в се-

бя, злой, мстительный и беспредельно честолюбивый», «он ненавидит евреев, социалистов и Францию, ...считает русский народ низшей расой, вдобавок обреченной на гибель», но он, «как это ни печально, делает историю, ...за Гитлером теперь идут миллионы людей, и не сегодня-завтра он, чего доброго, подожжет мир» (крушение гитлеровской Германии — тема рассказа «Астролог», 1947).

В июне 1940, после капитуляции Франции, А. уехал в Ниццу и оттуда в Нью-Йорк. Заняв Париж, нацисты захватили и вывезли его библиотеку и архив. В 1942 вместе с *М.Цетлиным* стал основателем нью-йоркского «Нового журнала» (ред. № 1-4) — наследника «Современных записок»; привлек к сотрудничеству в «Новом журнале» и в газете «Новое русское слово» Бунина. В 1947 вернулся в Ниццу; жил попеременно во Франции и в США. В июле 1956 участвовал в заседаниях 28-го конгресса Международного Пенклуба в Лондоне. Умер скоропостижно, спустя 4 месяца после празднования 70-летия. Книги А. переведены на 24 языка.

Соч.: Собр. соч., т. 1-6. М., 1991-93; Письма М.А.Алданова к И.А. и В.Н.Буниным // НЖ, 1965, № 80, 81; Мыслитель, т. 1-2. М., 1989; Из переписки М.А.Алданова и Е.Д.Кусковой // Евреи в культуре рус. зарубежья, вып. 1, 2. Иерусалим, 1992-93.

Лит.: Ledré Charles. Trois romanciers russes. Paris, 1935; Карпович М. Алданов в истории // НЖ, 1956, № 47; Ульянов Н. Алданов-эссеист // НЖ, 1960, № 62; Lee Nicolas C. The Novels of M.A.Aldanov. The Hague, Paris, 1969; Grabowska Y. The Problem of Historical Destiny in the Works of M.A.Aldanov. Toronto, 1969.

А.Романенко

АЛЕКСЕЕВ Александр Александрович (5.8.1901, Казань — 9.8.1982, Париж) — художник-мультипликатор, иллюстратор книг. Родился в семье военно-морского атташе, загадочно исчезнувшего во время служебной командировки в Берлине. Воспитывался в кадетском морском корпусе. Предположительно учился в гимназии при Лазаревском институте восточных языков. Во время гражданской войны А. служил моряком на Дальнем Востоке. В 17-летнем возрасте принял решение покинуть Россию; через Японию, Китай, Индию, Египет и Англию добрался до Франции и с 1921 обосновался в Париже. Здесь в студии *С.Судейкина* он продолжил обучение живописи, начатое еще в Петрограде. В 1923 женился на актрисе А.Гриневской. С 1922 по 1925 работал декоратором и художником-оформителем в различных театрах: «Saint-Jeann», «Летучая мышь» *Н.Балиева*, «Knock» Жюля Ромэна, выполнял заказы для театральных постановок *Жоржа Питоева*, Луи Жуве, Гастона Бати, «Русского балета» *С.Дягилева*. По признанию самого А., техника работы театрального декоратора способствовала его увлечению графикой, гравюрой, что, в свою очередь, подтолкнуло к иллюстрированию книг, а затем привело в кино. Проживая во Франции, он продолжал развивать в эмиграции традиции русского изобразительного искусства. Хорошо был знаком с советской школой графики, высоко ценил работы В.Лебедева и Н.Тырсы. С 1926 А. уже известен как книжный иллюстратор. Его первыми работами были 4 гравюры на меди к повести «Записки сумасшедшего» Н.Гоголя — особенно любимого им писателя. В манере письма Гоголя, созвучии и музыкальности его фраз А. видел ту гармонию, к которой стремился всю свою творческую жизнь. В неменьшей степени талант иллюстратора А. проявился в оформлении книг А.Пушкина, «Слова о полку Игореве», «Братьев Карамазовых» Ф.Достоевского, а также «Дон Кихота» Сервантеса, сказок Г.Х.Андерсена, «Падения дома Ашеров» Э.По, стихотворений Ш.Бодлера, произведений А.Мальро, а позже — книг Л.Толстого и Б.Пастернака.

Первоначально, по словам А., его интерес к кино был вызван огромным желанием войти в интеллектуальную среду общества. Большое впечатление на него в это время произвели фильмы немецкого кинематографа. У А. зародились планы «проиллюстрировать» музыку. Наконец, в 1932, после просмотра фильма Бертольда Барташа «Идея», который был первой попыткой представить «ожившую гравюру» на экране, он внезапно открыл для себя огромные кинематографические возможности мультипликации, ее музыкальную стихию. Однако решительное неприятие общепринятой графической культуры 20-30-х стимулировало поиск своего собственного пути. Стремление достигнуть в выразительных средствах той степени неопределенности, зыбкости, незавершенности, которые придают особый поэтический оттенок повествованию, не лишая его в то же время предметности, заставило его заняться разработкой нового технического приспособления. В 1931 вместе со своей ученицей и помощницей Клер Паркер, ставшей впоследствии его женой, А. приступил к созданию, на первый взгляд, весьма простого изобретения — т.н. «игольчатого экрана». Он представлял собой небольшую экранную плоскость из мягкого материала, пронизанную несколькими тысячами иголок, выступавших при надавливании на 30-50 мм и повторявших форму предмета. Эффект, построенный на неровном выдвижении тел на экранной по-

верхности, освещенной подвижным боковым источником света, создавал необыкновенные графические возможности и световую гамму, включавшую все оттенки черного и белого цвета. В отличие от таких мультипликаторов, как Уолт Дисней, создавших целую киноиндустрию, А. с помощью своего «экрана» мог работать в полном одиночестве и делать фильмы, «передающие полутона, дымку и нечеткие переливающиеся формы», фокусируя внимание на движущемся образе. Первой картиной, снятой на «Игольчатом экране», была «Ночь на Лысой горе» «Une nuit sur le mont chauve», 1933) на музыку М.Мусоргского. Удивительное созвучие музыкального и пластического ритмов сделало эту ленту шедевром анимационного кино и принесло режиссеру, потратившему почти два года на ее создание, чувство творческого удовлетворения. В 1935 А. поставил кукольно-игровой фильм «Спящая красавица» («Belle au bois dormant»). Не имея стабильного заработка, находясь в достаточно сложных материальных условиях, А. не мог полностью отдаться творческой работе, поэтому в дальнейшем (с 1935 по 1939) он вместе с Клер Паркер, Жоржем Виоле и др. помощниками полностью занялся подготовкой рекламных фильмов (всего было выпущено 25 рекламных роликов); они снимались экспериментальным путем, с применением «игольчатого экрана» и др. технических изобретений. Даже неполный перечень этих лент дает представление о разнообразии рекламируемой продукции: «Заводы Лингнера» («Lingner Werke»), «Парад шляп» («Parade des chapeaux»), «Франк Арома» («Frank Aroma»), «Одежда от Сигро» («Vêtements Sigraud»), «Эвианская вода» («L'eau d'Eviant»), «Литье фирмы Мартен» («Les Fonderies Martin»), «Апельсины из Яффы» («Les oranges de Jaffa»), «Газ» («Gaz») и т.д.

В 1940 А. вместе с Клер Паркер эмигрировал в США, где продолжал работать в области рекламы, временами используя свое изобретение. Так, в 1943 в Канаде на «игольчатом экране» был снят интересный экспериментальный фильм «Мимоходом» («En passant»).

В 1949 А. возвратился во Францию, продолжив работу в качестве иллюстратора и создателя рекламных роликов. Однако заряд его творческой энергии искал новых возможностей применения. С 1947 по 1951 А. стал проводить эксперименты с новым техническим приспособлением для постановки мультипликационных фильмов, назвав этот метод «тотализацией иллюзорных твердых тел»: движущийся по сложной кривой (посредством системы маятников) источник света снимается покадрово с длительной экспозицией. С помощью этого изобретения был создан способ киносинтеза трансформирующихся объемных геометрических фигур задолго до появления компьютерной графики. С 1951 по 1964 методом «тотализации», который предоставлял режиссеру-мультипликатору колоссальные, невиданные доселе возможности для передачи всего многообразия форм движения, было снято около 20 рекламных роликов, в основном по заказу фирмы «Cocinor». Наиболее известные среди них «Дым» («Fumées», 1951), «Истинная Красота» («Pure Beauté», 1954), «Сок земли» («La Sève de la Terre», 1955).

В начале 60-х мастерство и авторитет А. в кинематографическом мире были признаны настолько, что он получил от «Cinéma Nouveaux» предложение снять игровой фильм на «игольчатом экране». При абсолютной свободе в выборе сюжета оговаривалось лишь одно условие — это должна была быть экранизация литературного произведения. А. решил осуществить свою давнишнюю мечту — «оживить Гоголя на экране», остановив свой выбор на повести «Нос». Этот фильм рождался из ностальгических воспоминаний детства о столь дорогом ему Петербурге и давал выход непреходящей с годами страсти А. к импровизации. Возможности «игольчатого экрана» позволяли передать все нюансы и богатство движения, варьировать цветовую гамму и достигать того эффекта поэтической ирреальности в фильме, который находил полное художественное соответствие литературному источнику. Будучи принципиальным противником речевого озвучивания анимационного фильма, А. стремился найти этому необычному зрелищу адекватное музыкальное оформление. Поиск нетрадиционных путей свел его с весьма своеобразным музыкантом. Композитор Хай Мин в процессе просмотра фильма с собственного голоса записывал на магнитофон музыкальную импровизацию, которая впоследствии была аранжирована и исполнена на фольклорных инструментах Востока. Непривычный экзотический музыкальный фон в еще большей степени усиливал эффект таинственности, загадочности, волшебства, который завораживал зрителя и полностью погружал его в гоголевский фантастический мир. Очередной кинематографический эксперимент А. увенчался грандиозным успехом: фильм получил всемирное признание и вошел в золотой фонд мировой кинематографии. Впоследствии с помощью «игольчатого экрана» будут сняты фильмы, снискавшие А. мировую славу: пролог и эпилог к фильму «Процесс» («Le Procès», 1962, реж. О.Уэллс по роману Ф.Кафки), «Нос» («Nez», 1963), «Картинки с

выставки» («Tableaux d'une exposition», 1972), «Три темы» («Trois Thèmes», 1980) — два последних на музыку М.Мусоргского.

В творчестве А. всегда удачно сочетались две стороны его таланта: работа гравера вдохновляла на поиск новых технических возможностей в мультипликации, а как художник-мультипликатор он был одержим идеей придать своим гравюрам максимальную выразительность, тонко и точно передать момент движения, пластику тела. Оставаясь всегда истинным мастером, А. стремился не просто проиллюстрировать отдельные сюжетные моменты литературного произведения, но отразить индивидуальные творческие черты писателя, образность его языка, дух и колорит его книги. В послевоенные годы наиболее крупной и долговременной (более 7 лет) работой в этом направлении было создание 120 гравюр к роману «Анна Каренина». Используя все новшества технического характера, которые в основном являлись его собственным изобретением, он завершил к началу 50-х свой уникальный труд. С точки зрения самого А., оформление книг Л.Толстого, мысль которого, как правило, имела весьма абстрактную форму выражения, представляло для художника в плане изобразительности наибольшую сложность. Однако ему удалось блестяще справиться и с этой задачей.

В работе иллюстратора он видел много сходного с творчеством режиссера, считая книгу своеобразным спектаклем. В 1959 А. создал уникальный цикл иллюстраций (202 рисунка) к роману Б.Пастернака «Доктор Живаго». Используя в качестве графической основы «игольчатый экран», он средством мультипликации создал нерукотворную книжную графику, как бы сведенную с экрана. Пользовался А. и фотоспособом, т.е. соединением изобразительных наслоений, тем, что в кино называется двухкратной или многократной экспозицией. Конструируя книгу как кинематографист (каждая последующая иллюстрация являлась развитием предыдущей и основой для последующей), он внес в понятие книги элементы кинематографа и стал в этой области первооткрывателем.

У А. была долгая творческая жизнь, однако смерть Клер Паркер (1981), столь близкого ему человека и бессменного помощника, роковым образом сказалась на его физическом состоянии. Менее чем через год он скончался. В 1989 его дочь, художница Светлана Алексеева-Роквел, передала Музею кино в Москве часть архива своего отца и копии некоторых его фильмов. К сожалению, мастерская художника была продана в 1991. Письмо российского режиссера-мультипликатора Ю.Норштейна министру культуры Франции с просьбой сохранить ее в качестве музея пришло с опозданием.

Творчество А. было заметным явлением в культуре Франции. Его называли «инженером и теоретиком» французской мультипликации. Вместе с тем нельзя не согласиться с киноведом Андре Мартеном, считавшим, что «такой тип кинематографиста, художника и гравера, а также математика и механика столь уникален, что трудно определить его место, квалифицировать его творчество...». Таланты подобного масштаба минуют границы пространства и времени.

Соч.: Ehere Marthe // Bull. d'information. ASIFA, 1972, № 1; Le Chaut d'ombres et de lumières de 1.250.000 epingles // Cinéma pratique, 1973, № 123; Pages d'Alexeeff. Milan, 1983; Воспоминания санкт-петербургского кадета (фрагменты) // Иск-во кино, 1993, № 4.

Лит.: Rusett R., Starr C. Experimental Animation. New York, 1976; A.Alexeiff et C.Parker by N.Salomon. Annecy, 1980.

Т.Гиоева

АЛЕКСЕЕВ Николай Николаевич (1.5.1879, Москва — 2.3.1964, Женева) — правовед. В 1906 после окончания Московского университета был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию. Специализировался по кафедре энциклопедии права и истории философии права. Через два года получил ученую степень магистра государственного права, в качестве приват-доцента начал преподавать на кафедре философии. Одновременно читал лекции в Коммерческом институте. В 1908-10 находился в научной командировке в Берлине, Гейдельберге, Париже. Первые работы А. были посвящены проблемам методологии правовой науки. В 1911 в Москве издана его книга «Науки общественные и естественные в историческом взаимодействии их методов. Очерки по истории и методологии общественных наук».

В годы 1-й мировой войны А. активно занимался общественной деятельностью. В феврале 1915 стал членом Всероссийского Земского союза (уполномоченный Урмийского отряда союза в Тифлисе); в 1916-17 один из руководителей по снабжению русской армии в Иране. С 1916 профессор юридического факультета Московского университета; сотрудничал в журналах «Юридический вестник», «Вопросы права». В книге «Введение в изучение права» (1918) А., помимо разработки вопросов теории права, пытался проанализировать истоки и сущность российской революции, подчеркивал анархиче-

ский характер социально-политической идеологии в России, предубежденность против права. «Мы велики размахом, но бедны мыслью. Мы не сумели осмыслить наш размах, не сумели осветить его новым общественным сознанием и новой идеологией. Безграничный общественный простор, боязнь всяких принудительных и правовых форм характеризует наше социальное сознание в отличие от западного».

Решение покинуть Советскую Россию созрело летом 1918. Внутренняя невозможность примириться с большевиками вынуждала к устройству жизни вне родины. Получив командировку за границу на 3 месяца с целью изучению международного права, 21.7.1918 А. выехал из Москвы в Берлин. За границей он понял, что большевизм не может быть свергнут при помощи иностранной интервенции. Дело организации белых армий стало казаться ему первоочередным. В октябре 1918 он отправился из Берлина в Киев, оттуда — в Крым. В Симферополе был избран профессором кафедры государственного права Таврического университета. В 1919 издал переработанный вариант книги «Введение в изучение права» под названием «Общее учение о праве». Одновременно в Москве была издана книга А. «Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки». Не замыкаясь в преподавательской работе, А. стал редактором ежедневной газеты «За единую Россию», ставившей целью пропаганду идей добровольческого движения. При начавшемся наступлении Красной армии поступил в Крымский конный полк Добровольческой армии (1919) в качестве временно исполняющего обязанности писаря первого эскадрона. Участвовал в военных действиях. С начала августа 1919 редактор газеты «Великая Россия», а затем заведующий литературной частью отдела пропаганды Добровольческой армии («Осваг»). Вместе с сотрудниками «Освага» 1.3.1919 был эвакуирован в Константинополь. Затем была София, потом Белград. В июне 1920 А. получил приглашение от имени главнокомандующего генерала Врангеля вернуться в Крым и занять место начальника информационной части при штабе армии. А. без промедления принял приглашение и вернулся в Россию. Но «белое дело» было уже проиграно. Из Севастополя он уже второй раз (в окт. 1920) эвакуировался в Константинополь. Начались долгие годы эмиграции.

Первое время А. работал инспектором русской школы в Константинополе (1921), затем перебрался в Прагу; стал секретарем Русского юридического факультета Карлового университета (1922). Основателем и первым деканом факультета был *П.Новгородцев*, друг и учитель А. по Московскому университету. В состав Русского юридического факультета в Праге входили профессора: *С.Булгаков*, Г.Вернадский, *А.Кизеветтер*, *А.Флоровский* и др. Цель факультета — подготовка юристов для работы в России, учитывая национальный характер юридической науки, не позволяющий заменить вполне русское юридическое образование обучением на юридических факультетах иностранных университетов. Как секретарь факультета входил в состав юридической испытательной комиссии; участвовал в работе Философского общества, постоянно выступал с докладами. На съезде ученых в Праге (25.9.— 20.10.1924) прочитал доклад на тему: «Понятие об обществе и явлениях общественности».

Основное внимание в своей исследовательской и преподавательской деятельности в Праге А. уделял вопросам философии права, которые впервые выделены им из общей теории права в самостоятельный круг проблем («Основы философии права», 1924). С группой соавторов работал над двухтомным трудом «Право Советской России» (1925). Продолжением исследований А. в области истории и философии права стала книга «Идея государства. Очерки по истории политической мысли» (Нью-Йорк, 1955). Автор рассматривал основные политические доктрины, теории, верования, которые оставили глубокий след в развитии европейского политического сознания.

Новые перспективы для творчества А. открывались в связи с формированием евразийского движения, одним из зачинателей которого он являлся. А. принимал активное участие в разработке программного документа «Евразийство. Опыт систематического изложения» (1926). Все основные темы движения разрабатывались А. в его публикациях: «Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства» (Париж, 1928); «На путях к будущей России. (Советский строй и его политические возможности)» (Берлин, 1927). В этих работах полнее всего выражено отношение евразийцев к советской системе. Идеократическое государство должно взять на себя организацию всей жизни общества и прежде всего народного хозяйства. Экономическая система евразийства не есть просто «государственная», но «государственно-частная система», в которой государственная собственность, как господствующая, сосуществует с другими видами собственности.

Наиболее значительный вклад А. внес в разработку государственно-правовых аспектов концепции евразийцев (см. его статьи: «Евра-

зийцы и государство» (Париж, 1927); «Обязанность и право» (Париж, 1928); «Народное право и задачи нашей правовой политики» (Париж, 1927); «Евразийство и марксизм» (Прага, 1929); «Советский федерализм» (Париж, 1927) и т.д.)

В 30-е центр евразийского движения переместился в Париж и Берлин. Здесь вышли новые работы А.: «Религия, право и нравственность» (1930); «Духовные предпосылки евразийской культуры» (1935), «Мировая революция и духовное назначение человека» (1935), «О гарантийном государстве» (1937), «Пути и судьбы марксизма. От Маркса и Энгельса к Ленину и Сталину» (1936). Евразийство внесло в политический лексикон новые понятия и термины: «правящий отбор», «идея-правительница», «идеократическая и гарантийная государственность». Большая заслуга в этом принадлежит А., разработавшему политическую доктрину евразийства. Под «идеократией» он понимал такой социальный и государственный строй, в основе которого лежит единая и единственная государственная идея. Одновременно «идея-правительница» — господствующая идеология общества — превращалась в само общество, в государство идеократического типа, по своим характерным чертам очень сходное со средневековой теократией. Как утверждал А., на смену классовым организациям должны будут придти организации «государственно-идеологические, внеклассовые и надклассовые»; политические партии старого парламентского типа уступят место новым организациям корпоративного, профессионального или территориального характера.

Однако реальные результаты «идеократических» государственных экспериментов в Италии, Германии и СССР оттолкнули большую часть евразийских теоретиков, в том числе и А., от прямолинейных авторитарных конструкций, которых они придерживались в 20-е. Все более тщательную разработку в статьях А. стала получать идея «демократического» государства. Он резко критиковал различные модели фашистского режима, подчеркивал, что «евразийство всегда боролось с насаждением в России фашизма, поскольку он является чисто западным продуктом» («Куда идти? К вопросу о новой Советской конституции», б/м., б/г.). Евразийское же государство, по оценке А., отличается от фашистского корпоративного государства тем, что оно «демократическое» и «гарантийное». «Демократичность» евразийской государственной модели, с точки зрения А., обусловлена тем, что в центре его внимания «практическая жизнь», тогда как современные демократии сосредотачивают внимание масс на политике, отвлекая их от «реальных хозяйственных потребностей». «Гарантийное» государство главной своей задачей ставит обеспечение в управлении компетентных спецов. «Гарантийное» и «демократическое» государство, по мнению А., выражает свою идеократичность в формулировании постоянной цели.

Вопросы религии, веры, церковно-государственных отношений исследуются в работах А.: «Религия, право и нравственность» (1930), «Идея «Земного Града» в христианском вероучении» (1926), «О высшем понятии философии» (1937), «Русский народ и государство»(1927), «Христианство и идея монархии» (1927), «Христианство и социализм» (1931) и др. А. полагал, что в религии следует искать основания абсолютно истинной идеологии. Не видя в подражании Европе единственно возможный для России путь культурного развития, он считал одним из устоев будущей России православие: «православие есть основная ценность, которая светит православным евразийцам». Негативная заслуга революции заключалась, по мысли А., в том, что она «выяснила материальное и духовное убожество, отвратность социализма и спасающую силу религии».

А. — участник экуменического движения. В составе русской делегации он присутствовал на конференциях «Дело и жизнь» в Оксфорде и «Вера и строй» в Эдинбурге (1937).

После Праги А. преподавал в Берлине (до 1931), в Страсбурге (1931-40), в Белграде (1940-48) и в Женеве (1948); сотрудничал в ряде эмигрантских периодических изданий: газете «Евразия», журналах «Евразийский временник», «Евразийский сборник», «Утверждение евразийцев», «Евразийская хроника», «Путь», «Грани», «Вестник русского (студенческого) христианского движения», «Новый град», «Русские записки», «Архив русской революции», «Новый журнал».

Соч.: В бурные годы (из воспоминаний Алексеева) // Арх. рус. рев-ции, 1926, № 17; НЖ, 1958, № 53-55; 1959, № 57; Грани, 1960, № 47, 48; Русский народ и государство // Путь, 1927, № 8; Современные задачи правоведения, кн. 7. Париж, 1931.

Арх.: РГИА, ф. 733, оп.154, д. 15, л. 153-154; д. 555, л. 239-240; д. 307, л. 165-166; д. 564.

И.Исаев

АЛЕКСИНСКИЙ Иван Павлович (3.5.1871, Владимир — 26.8.1945, Касабланка, Марокко) — хирург. Из потомственных дворян. Окончил в Москве гимназию (1889), поступил на естественное отделение физико-математического

факультета Московского университета, но, проучившись год, в 1890 перешел на медицинский факультет. Среди его преподавателей видные российские ученые: гистолог А.Бабухин, анатом Д.Зернов, физиолог Л.Мороховец, прозекторы П.Карузин и А.Губарев, физик А.Столетов.

Особую любовь еще студентом А. проявил к хирургии, твердо решив посвятить себя этой специальности. После окончания университета (1894) был оставлен при факультетской хирургической клинике, которой руководил профессор А.Бобров; с ноября 1895 сверхштатный ординатор этой клиники и одновременно консультант в Иверской общине Красного Креста, состоявшей под попечительством великой княгини Елизаветы Федоровны. В составе группы медиков общины был направлен в качестве хирурга в Грецию для оказания помощи раненым в ходе греко-турецкой войны (апр.-июль 1897), награжден орденом Св.Анны 3-й степени, а также греческими золотой и серебряной медалями Илитаза и турецкой серебряной медалью.

В 1900 как старший врач санитарного отряда Иверской общины А. был командирован на Дальний Восток (в связи с военными действиями русских войск в Китае): около года А. работал в лазаретах Красного Креста в Благовещенске и Хабаровске; был награжден орденом Св.Анны 2-й степени и удостоен права ношения знака Красного Креста.

Став сверхштатным ординатором, а затем ассистентом факультетской хирургической клиники, А., наряду с практическим оперированием, занялся и научно-исследовательской работой по проблеме эхинококкоза. Эксперименты, проведенные А. в этой области, легли в основу докторской диссертации «Эхинококк в брюшной полости и его оперативное лечение», в которой была всесторонне исследована проблема возникновения и хирургического лечения этого заболевания. По количеству собранных наблюдений, анализу экспериментального материала и клинических наблюдений, в том числе новых тогда микроскопических и химических исследований, а, главное, по обоснованности и практической важности выводов, работа не имела аналогов в мировой литературе; отмечена премией им. профессора И.Новацкого.

В апреле 1900 А. стал приват-доцентом; в 1901-3 заведовал амбулаторным отделением факультетской хирургической клиники, читал курс «Семиотики и диагностики хирургических болезней», вел практические занятия со студентами по клинической хирургии.

По своим политическим взглядам А. примыкал к кадетам. В апреле 1906 был избран от Владимирской губернии депутатом 1-й Государственной думы. Летом 1906 за пропаганду идей Выборгского воззвания привлекался к дознанию в качестве обвиняемого по 129 ст. Уголовного уложения и был отдан под особый надзор московской полиции.

В ноябре 1906 А. избрали преподавателем клинической хирургии медицинского факультета Московских Высших женских курсов; 5.7.1907 он был назначен экстроординарным профессором по кафедре хирургической патологии Московского университета; одновременно в декабре 1907 занял должность главного врача Иверской общины. А. продолжал вести интенсивную научную работу, посвящая ее актуальным проблемам хирургии: модификации техники иссечения прямой кишки, оперативному лечению синовитов и др., являлся членом правления Общества российских хирургов. В 1911 А. в знак протеста против политики министра народного просвещения Л.Кассо вместе с большой группой (130 чел.) профессоров Московского университета подал в отставку; продолжал активную хирургическую деятельность в клинике Иверской общины и преподавательскую — на Высших женских курсах. В декабре 1913 А. был избран председателем 8-го съезда российских хирургов.

В начале 1-й мировой войны А. призвали на военную службу; заведовал медицинской частью Красного Креста сначала на Юго-Западном фронте, а затем во внутренних районах страны; продолжал хирургическую работу в клинике Иверской общины Красного Креста, превратившейся, по существу, в солдатский госпиталь.

11.4.1917 А. был зачислен на должность экстраординарного профессора Московского университета по кафедре хирургической патологии с десмургией и с учением о вывихах и переломах. Вскоре на него возложили еще и обязанности директора андрологической клиники. В связи с начавшейся в Москве в начале октября 1917 забастовкой «низших служителей» клиник и Ново-Екатерининской больницы А. самым решительным образом высказался против закрытия клиник, считал бесчеловечным отказ низшего персонала оказывать помощь больным, настаивал на немедленном прекращении забастовки в лечебных учреждениях.

Октябрьскую революцию 1917 А. оценивал резко отрицательно. В начале 1919 он принял решение примкнуть к белому движению: в начале лета вместе с семьей выехал на Юг в расположение Добровольческой армии; работал в качестве хирурга в военных госпиталях. В конце 1920 А. из Крыма эвакуировался

: войсками генерала Врангеля в Константинополь. В первые годы пребывания за границей А. занимался активной политической деятельностью. В январе 1921 являлся одним из близких сотрудников Врангеля, часто встречался с ним в числе других деятелей Политического объединенного комитета; в апреле вошел в состав Русского совета в качестве заместителя председателя. Принимал активное участие в создании и деятельности других эмигрантских политических организаций (Русское зарубежное патриотическое объединение; Русский комитет объединенных организаций, Комитет частных организаций в Женеве). Одновременно А. участвовал в устройстве и деятельности сестринских медицинских курсов Красного Креста в Константинополе, Сербии и Болгарии, долгое время возглавлял в Париже Общество русских врачей им. Мечникова; являлся вице-председателем Совета Русско-французского госпиталя; оказывал, зачастую безвозмездно, медицинскую помощь русским эмигрантам.

В последние годы жизни А. редко появлялся на людях и, очевидно, не поддерживал широких контактов со своими соотечественниками. Он уже не присутствовал на многочисленных собраниях российской эмиграции, различных чествованиях, юбилеях, вечерах встреч. Единственным исключением, которое отметили издававшиеся в Париже русские газеты, было его присутствие 16.8.1936 в церкви на панихиде по митрополиту *Антонию.*

Соч.: Эхинококк в брюшной полости и его оперативное лечение. М., 1899.

Лит.: Русский Красный Крест после 1917 г. Париж, 1925; Красный Крест после 1917 г. Париж, 1930.

Арх.: ЦИАМ, ф. 418, оп. 84, д. 509; оп. 514, д. 97; ф. 1609, оп. 1, д. 25.

М.Мирский

АЛЕХИН Александр Александрович (18.10.1892, Москва — 24.3.1946, Эшториал, Португалия) — шахматист. Сын А.И.Алехина — воронежского губернатора, предводителя дворянства, члена 4-й Государственной думы и А.И.Прохоровой — сестры директора правления Товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры. Окончил гимназию Поливанова в Москве и Петербургское училище правоведения. С шахматами познакомился семи лет; в гимназические годы начал участвовать в соревнованиях. В 1908 одержал победу в московском турнире любителей, затем дебютировал на международной арене (турнир в Дюссельдорфе, 4-5 места). В 1909-14 успешно выступал в ряде всероссийских и международных соревнований, выдвинувшись в число сильнейших шахматистов мира. Ошеломляющим был успех А. в петербургском международном турнире 1914, собравшем всю тогдашнюю шахматную элиту; занял 3-е место, пропустив вперед лишь чемпиона мира Э.Ласкера и будущего чемпиона мира Х.Р.Капабланку, опередив Рубинштейна, Тарраша, Нимцовича, Маршалла, Яновского и др. Своим учителем считал Ласкера, о котором впоследствии писал: «Без него я не был бы тем, кем я стал». В этот период в основном сформировались черты шахматного облика А.: ярко выраженное творческое начало, стремление решить исход борьбы неожиданным комбинационным ударом, постоянная нацеленность на осложнения и атаку. Поставив цель добиться мирового первенства, А. стремился к ней с упорством, граничащим с фанатизмом.

В начале 1-й мировой войны интернирован в Германии, где находился как участник турнира в Мангейме; вернулся в Россию, инсценировав душевную болезнь. Войну провел на фронте в качестве начальника летучего отряда Красного Креста, был контужен; находясь в Тарнопольском госпитале, давал сеансы одновременной игры местным шахматистам. В 1918-19 прожил в Одессе. Арестованный как сотрудник деникинской контрразведки красными, был спасен от расстрела по указанию Л.Троцкого. С 1919 в Москве, работал в московском уголовном розыске. В 1920 выиграл без единого поражения первый советский чемпионат — шахматную олимпиаду Всеобуча.

Женившись на швейцарской журналистке, выехал в 1921 за границу. Одержав блестящие победы на турнирах в Триберге, Будапеште и Гааге, принял решение не возвращаться в Советскую Россию, после чего был объявлен советским шахматным руководством «белоэмигрантом» и исключен из шахматной организации. Поселился в Париже; в 1923 защитил в Сорбонне диссертацию на звание доктора права. Победа на сильнейшем по составу турнире в Баден-Бадене (1925) (12 побед, 8 ничьих без единого поражения) сделала А. в глазах шахматной общественности кандидатом на матч за мировое первенство с Капабланкой. Матч состоялся в 1927 в Буэнос-Айресе, были сыграны 34 партии, ничьи не засчитывались; Капабланка выиграл 3 партии, А. же — требуемые 6. «Мечта моей жизни осуществилась, и мне удалось пожать плоды моих долгих трудов и усилий», — писал А. об итогах матча.

В последующие годы стремился доказать неслучайность своего успеха. Завоевал первые призы на турнирах в Сан-Ремо (1930), Бледе (1931), Лондоне (1932), Берне (1932), Цюри-

хе (1934), не считая мелких соревнований. В 1929 и 1934 отстоял звание чемпиона мира в матчах с *Е.Боголюбовым*. К середине 30-х у А. обострилось чувство ностальгии по родине, он не раз обращался с телеграфными приветствиями к советским шахматистам, стремясь восстановить прерванные связи; вел переговоры с М.Ботвинником о матче между ними. Неупорядоченный быт (А. был женат 4 раза), отсутствие настоящего дружеского окружения усиливали депрессию, привели к злоупотреблению алкоголем и утрате спортивной формы. В 1935 А. потерпел поражение в очередном матче на мировое первенство с М.Эйве, но в 1937 в матч-реванше возвратил себе титул чемпиона мира.

О начале 2-й мировой войны узнал в Аргентине, где участвовал в Турнире Наций (командном чемпионате мира). Вернувшись во Францию, вступил в армию в качестве военного переводчика. После поражения Франции дал согласие играть в турнирах, организуемых гитлеровцами. Крайне неблагоприятное впечатление произвела опубликованная в нацистской «Парижской газете» антисемитская статья А. «Еврейские и арийские шахматы» — о якобы характерном для «неарийцев» творческом бессилии в области шахмат. Сам А. впоследствии утверждал, что передал газете чисто шахматный материал, подмененный или переписанный нацистами. Возможно, что статья была написана, чтобы получить визу на выезд в Испанию. После окончания войны А. обвиняли в коллаборационизме, требуя лишить звания чемпиона мира. Последние годы жизни провел в Испании и Португалии в бедности и лишениях. В феврале 1946 получил от М.Ботвинника телеграмму с вызовом на матч за мировую корону; согласился при условии проведения матча в Москве, но вскоре неожиданно скончался от паралича сердца.

В 1956 прах А. был перевезен во Францию и погребен на кладбище Монпарнас в Париже. На могиле А. Международной шахматной федерацией был поставлен памятник, основание которого выполнено в виде шахматной доски: на черно-белом мраморном обелиске — скульптурный барельеф А. и надпись: «Александр Алехин. Гений шахмат России и Франции».

Соч.: Международный шахматный турнир в Нью-Йорке 1924. М., 1925; Мои лучшие партии, кн. 1-2. М.-Л., 1928; Международный шахматный турнир в Нью-Йорке 1927. М.-Л., 1930; На пути к высшим шахматным достижениям (1924-1927). М., 1932 (Ноттингем, 1936; М., 1962).

Лит.: Alexander C.H. Alekhine's Best Games of Chess, 1938-1945, London, 1949; Панов В.Н. 300 избранных партий Алехина с его собственными примечаниями. М., 1954; Котов А.А. А.Алехин. М., 1973; Его же. Белые и черные. 3-е изд. М., 1981; Шахматное наследие Алехина. 2-е изд., т.1-2. М., 1982; Шабуров Ю.Н. Александр Алехин — непобежденный чемпион. М., 1992. Дудаков С. Об «арийских» и «неарийских» шахматах // Евреи в культуре рус. зарубежья, вып. 1. Иерусалим, 1992.

В.Акимов

АМФИТЕАТРОВ Александр Валентинович (псевд. Old Gentleman, Икс, Аббадонна и др.) (14.12.1862, Калуга — 26.2.1938, Леванто, Италия) — прозаик, публицист, фельетонист, литературный и театральный критик. Отец — Валентин Николаевич — протоиерей, настоятель Архангельского собора Московского Кремля, мать — Елизавета Ивановна (урожд. Чупрова), дворянка, сестра профессора А.Чупрова. В 1881 А. окончил 8-ю московскую гимназию, в 1885 — юридический факультет Московского университета. В автобиографии он писал: «Увлекся искусством, стал учиться петь у профессора Кизатти, потом у А.Александровой-Кочетовой. Окончив университетский курс в 1885, через год поступил на оперную сцену. Имел контракт с Мариинским театром, но оказался для него «слишком молодым» и отправился для усовершенствования в Италию, где учился у знаменитого Виче». Первые стихи опубликованы в мае 1878 в журнале «Пчела»; в 1882-87 сотрудничал в юмористическом журнале «Будильник». После возвращения из Италии пел два сезона в Тифлисе и Казани. Первое крупное произведение — повесть «Алимовская кровь» (Рус. ведомости, 1884, 24,25,27 окт.). В 1886-87 корреспондент русских газет в Милане, в 1889 оставил оперную карьеру, работал фельетонистом и театральным обозревателем в тифлисском «Новом обозрении» (1888-91), бакинском «Каспии» (1892); вел в московском «Новом времени» (1891-99) рубрики «Москва. Типы и картинки» и «Этюды», выступая как остроумный, но не беспристрастный журналист умеренно-охранительного толка.

В 1897 А. совершил поездку в Польшу, которая, по его признанию, сильно поколебала «доверие к охранительству и национализму», после чего началось «охлаждение между ним и «Новым временем», окончившееся во время мартовских студенческих беспорядков 1899 разрывом». К этому времени опубликованы романы «Людмила Верховская» (М., 1890) и «Жар-цвет» (ч. 1-2, журн. «Север», 1895, № 2-47), свидетельствовавшие об увлечении А. оккультизмом и спиритизмом, сборник рассказов «Психопаты» (М., 1893), «Оборванные

струны» (М., 1895), драмы «Полоцкое разорение» (М., 1892), «Отравленная совесть» (СПб., 1898), которые шли в московском Малом театре. В 1899 А. совместно с В.Дорошевичем основал радикальную газету «Россия», где выступал с фельетонами, литературно-критическими статьями, сатирическими сказками, направленными против косности и застоя в общественной жизни. Накануне 1-й революции совершил резкий поворот влево, критикуя правящую династию в памфлете «Господа Обмановы» (Россия, 1902, 13 янв.), за что газета была вскоре закрыта, А. сослан в Минусинск, затем в Вологду.

Оказался там в большой колонии политических ссыльных (А.Богданов, *Н.Бердяев*, *А.Ремизов*, Б.Савинков и др.), но «во внимание к заслугам его престарелого отца» был в 1903 освобожден. В январе-феврале 1904 получил разрешение выехать корреспондентом на Дальний Восток, но за публикацию в газете «Русь» статьи «Листки» (27 апр.) был лишен права литературной деятельности и в июле уехал за границу. В Париже в 1906-7 издавал журнал «Красное знамя» — без определенного политического направления, но с ярко выраженной антицаристской направленностью. Выступал с публичными лекциями в Высшей русской школе общественных наук, издал сборник «Современные сказки» (Женева, 1905, вып. 1-5), «Акафист Сергию Каменноостровскому и Стихиры» (Париж, 1906), высмеивая политику С.Витте и других политических деятелей; совместно с Е.Аничковым написал памфлет «Победоносцев» (СПб., 1907).

С 1906 по 1916 жил в Италии, постоянно общался с Г.Лопатиным, часто виделся и переписывался с М.Горьким, что дало повод В.Поссе назвать Горького и А. «Герценом и Огаревым русской эмиграции»; работал над многотомными историческими романами: «Восьмидесятники» (т. 1-2. СПб., 1907), «Девятидесятники» (т. 1-2. СПб., 1910-11), «Закат старого века» (т. 1-2. СПб., 1910), «Дрогнувшая ночь» (СПб., 1914), предполагая объединить их в хронику о судьбах русского общества под общим заглавием «Концы и начала». Бытовой натурализм, за который критики называли А. «маленьким русским Золя», сочетался в них с тонкими наблюдениями, пристрастием к красочному факту; А. включал в повествование реально существующих лиц или их шаржированные образы, легко узнаваемые читателями. По отчетам библиотечной выставки 1911 книги А. занимали 2-е место в России после сочинений А.Вербицкой. *И.Шмелев* считал достоинством язык романов — «живой, с русской улицы, с ярмарки, из трактира, из гостиных, из «подполья», из канцелярий, от трущоб».

Продолжая очерки о Балканах, которые суммировали его впечатления от неодно- кратных поездок в Болгарию, Македонию и др. страны («В моих скитаниях. Балканские впечатления». СПб., 1903), А. издал книгу «Славянское горе» (М., 1912), печатал корреспонденции в газетах «Киевская мысль» и «Одесские новости», в петербургской «Нашей газете». Романы «Марья Лусьева» (1903), «Виктория Павловна» (1903), «Марья Лусьева за границей» (1910), «Дочь Виктории Павловны» (1914-15), посвященные проблеме женской эмансипации, вызвали упреки критики в легковесности и торопливости: «Бегом через жизнь, не давая ее углубленной трактовки» (А.Измайлов).

В литературно-критических работах А. создал выразительные портреты Л.Толстого, М.Горького, *Л.Андреева* и др. писателей, актеров, драматургов. В Италии продолжал работу над исторической хроникой из жизни Рима эпохи Нерона «Зверь из бездны» (т. 1-4; полн. изд. в собр. соч., т. 5-8. СПб., 1911-14), антологией сатиры и юмора «Забытый смех. Поморная муза» (сб. 1-2. М., 1914-17). В 1911-12 руководил журналом «Современник», пытаясь воскресить в нем демократические традиции одноименного журнала 1860-х, однако отсутствие ясной политической программы не принесло журналу успеха.

В сентябре 1910 А. писал *Н.Рубакину*: «Считаю себя... не записанным эсером. Но в хороших отношениях со всеми другими левыми партиями, борющимися с монархизмом». В годы 1-й мировой войны А. занял, по его словам, «яро-патриотическую позицию и в качестве корреспондента «Русского слова» в Риме горячо отстаивал русское дело». Вернувшись в 1916 на родину, сотрудничал в газетах «Русская воля», «Петербургский листок», журналах «Бич», «Нива», «Огонек» и др. Продолжал работать над серией романов под общим названием «Сумерки божков», в которую предполагал включить 12 томов, «изображающих ликвидацию русского XIX века в веке XX-м — переломы в искусстве, в семье, в торговле, в политике и т.д.»

В феврале 1917 за публикацию «Этюдов» с криптограммой, высмеивающей министра внутренних дел А.Протопопова (Рус. воля, 22 янв.), был выслан в Иркутск, «ввиду вредной его деятельности», но освобожден Февральской революцией. Октябрь встретил крайне отрицательно, определив большевистский переворот как «лавину ужасов и мерзостей». Работал во «Всемирной литературе», создав для секции «исторических картин» пьесы «Аввакум» и «Ва-

силий Буслаев» (Берлин-Ревель, 1922). Оценивая последнюю, А.Блок писал: «Все изрядно упрятано в литературу, сглажено, как у Ал.Толстого (или Римского-Корсакова), отчего эта самая русская мордобойная «правда» выходит немного слащавой, книжной, даже... газетной. Есть, однако, и живые слова и та сочность, которая свойственна А. всегда». М.Горький похвалил драму: «Хорошая вещь. Я полагаю — лучшее из всего когда-нибудь сочиненного Амфитеатровым».

Проживая в революционном Петрограде, А. трижды подвергался арестам и допросам в ЧК. Речь, произнесенная им на банкете по случаю приезда Г.Уэллса, и неопубликованный очерк «Ленин и Горький» свидетельствуют о его резко отрицательном отношении к советской власти. Опасность нового ареста заставила А. эмигрировать: 23.8.1921 вместе с семьей он на лодке уехал в Финляндию. Опубликовал в рижской газете «Последние новости» открытое письмо Ленину, в котором констатировал исчезновение «грани между идейным коммунизмом и коммунизмом криминальным», т.к. для осуществления «самых соблазнительных лозунгов» избран «противоестественный путь, путь крови и насилия». После недолгого пребывания в Праге поселился в Италии (Леванто), где прожил до смерти. Сотрудничал в берлинских, парижских, шанхайских изданиях («Сполохи», «Перезвоны», «Илл. Россия», «Слово»), был постоянным сотрудником парижской газеты «Возрождение», поддерживал монархическую организацию «Братство русской правды». Написанные в это время исторические хроники («Сестры». Берлин, 1922-23; «Гнездо». Прага, 1922) продолжали и развивали его ранние произведения. Используя «человеческие документы», А. почти не прибегал к вымыслу, хотя романтическое повествование часто брало верх над объективным изложением. Манера его письма приобрела философский характер, романист пытался осмыслить опыт последнего десятилетия, объясняя «социально-политическое безобразие русской коммуны» крахом старой культуры, рухнувшей под напором «извечной азиатчины». В книге «Горестные заметки. Очерки красного Петрограда» (Берлин, 1922) собраны статьи, печатавшиеся в гельсингфорской газете «Новая русская жизнь». Дневниковые записи А. близки «Несвоевременным мыслям» Горького, «Окаянным дням» *И.Бунина*. Не прекращая публицистическую деятельность, А. все больше погружался в изучение древних памятников, легенд и поверий, в стихию древнерусской литературы и фольклора. Итогом этой работы явились книги «Одержимая Русь: демонические повести XVII века» (Берлин, 1929), «Соломония бесноватая» (Златоцвет, 1924, № 22-30). Параллельно работал над сборником «Зачарованная степь» (1921), «На заре и другие рассказы» (1922), романами «Без сердца» (Берлин, 1922) и «Скиталица» (Берлин, 1922).

Продолжая работу над исторической хроникой «Концы и начала», создал роман «Вчерашние предки» (т. 1. Новый Сад, 1928; т. 2. Белград, 1931) — пятую часть повествования, доведенного до начала XX в.; намерение А. охватить период до 1-й мировой войны и Октябрьской революции не осуществилось. В те же годы А. развивал тему женского равноправия — в книге «Заря русской женщины» (Белград, 1929). В романе «Лиляша» (кн. 1-3. Рига, 1928) история «одной женской жизни» раскрывается на фоне повествования о тайной проституции.

В последние годы жизни А. выступал с воспоминаниями о театральных деятелях, этюдами о писателях и актерах (В.Комиссаржевской, А.Сумбатове-Южине, М.Писареве, И.Горбунове и др.). Лекция, которую он прочитал в Миланском филологическом обществе в мае 1929, легла в основу его книги «Литература в изгнании» (Белград, 1929). Характеризуя разные ветви эмигрантской литературы, А. замечал картину не упадка, «а высокого подъема и прочного созидания». В произведениях И.Бунина, *Б.Зайцева*, И.Шмелева, *А.Куприна*, *В.Набокова* и др. писателей русского зарубежья он находил «красочного богатства несравненно больше, чем в предшествовавший нам литературный период от кончины Чехова до революции». Работал над книгой о Гоголе «Человек, смешащий людей», которая осталась неоконченной (этюды в газете «Возрождение», 1936; сборнике «Земля Колумба». Нью-Йорк, 1937, № 2).

Значительная часть обширного творческого наследия А. осталась неопубликованной. Собрание его сочинений (далеко не полное), выходившее в России с 1910, оборвалось на 37-м томе. В некрологе Н.Кривич писал: «Ушел последний выдающийся представитель целой полосы в истории русской журналистики». Критики отмечали, что исторические романы и хроники А. во многом носили автобиографический характер, под прозрачными псевдонимами его героев угадывались «вся Москва и весь Петербург». В.Ивинский заметил, что А. — писатель «подлинной культуры и культуры национальной, тонко чувствующий прелесть русского языка, знавший его как мало кто другой и любивший его».

Соч.: Собр.соч., т. 1-30, 33-35, 37. СПб., 1911-16 (1-е изд., 1910-14); Русский поп XII-го века. Белград, 1930; Стена плача и стена нерушимая. Брюссель, 1931; Две надежды. Шанхай, 1936; Мертвые боги. Рассказы. Роман. М., 1991.

Лит.: Рыбинский К. Неостывающее сердце: К 70-летию А.В.Амфитеатрова // Рус. голос, 1932, 17 июля. Некрологи: ПН, 1938, 1 марта; Возрождение, 1938, 4 марта; Букчин С. Судьба фельетониста. Минск, 1975; Спиридонова (Евстигнеева) Л.А. Русская сатирическая литература начала XX века. М., 1977.

Арх.: РГАЛИ, ф. 34.

Л.Спиридонова

АНДРЕЕВ Леонид Николаевич (9.8.1871, Орел — 12.9.1919, дер.Нейвола, близ Териоки, Финляндия) — прозаик, драматург, публицист. Родился в семье чиновника. В 1897 окончил юридический факультет Московского университета. Начал печататься в 1892 в петербургском журнале «Звезда» (рассказ «О голодном студенте»). В 1901 в издательстве «Знание» вышел первый сборник его рассказов. Произведения конца 1890-х — 1-й половины 1900-х ввели его в круг писателей-знаньевцев. В дальнейшем для творчества А. стало характерным редкое для русской литературы сочетание традиционно-реалистической манеры письма с символистско-гротескной образностью, что проявилось в его драматургии: «Жизнь человека» (1907), «Царь-голод» (1908), «Черные маски» (1908), «Анатэма» (1909), «Океан» (1910). Накануне и во время 1-й русской революции был захвачен революционными настроениями. В «Рассказе о семи повешенных» (1908) — одном из вершинных своих произведений — выразил протест против смертных казней. Начиная с 1907 отходит от горьковского «Знания»; сблизился с петербургским издательством «Шиповник», в альманахах которого печатались его пьесы «Екатерина Ивановна» (1912), «Милые призраки» (1917), роман «Сашка Жегулёв» (1911), повесть «Иго войны» (1916). В 1913 издательством А.Маркса было выпущено полное собрание сочинений в 8-ми томах. В 1913-17 выходило собрание сочинений в 17-ти томах, но оно не было завершено (издано четыре тома, после смерти А. его вдова, Анна Ильинична Андреева, продолжала издание за границей). В 1914-17 публицист был одним из наиболее активных выразителей идеи «войны до победного конца». Статьи этих лет составили сборник «В сей грозный час» (Пг., 1915). С 13.4.1917 — главный редактор газеты «Русская воля», на страницах которой с декабря 1916 по октябрь 1917 появилось около 100 статей, фельетонов, рецензий, открытых писем и художественных произведений А.

Февральскую революцию 1917 А. восторженно приветствовал. В статье «Путь красных знамен» писал, что «в своем логическом развитии эта война... закончится не обычным путем всех ранее бывших войн, а европейской революцией. В свою очередь эта революция приведет к уничтожению милитаризма, то есть постоянных армий, и к созданию европейских соединенных штатов». То, что произошло в России вслед за Февралем, повергло А. в состояние, близкое к отчаянию: «Я на коленях молю вас, укравших мою Россию: отдайте мне Россию, верните, верните...»

Октябрьскую революцию 1917 А. не принял «ни единым атомом своей души», как писал в своих мемуарах В.Вересаев. 25.10.1917 А. уехал из Петрограда в Финляндию на свою дачу на Черную речку (Ваммельсу) и оказался после провозглашения независимости Финляндии 31.12.1917 в эмиграции. Его выступления в печати, а также письма 1918-19 к *В.Бурцеву*, И.Гессену, *П.Милюкову*, *Н.Рериху*, С.Голоушеву, И.Белоусову, записи в дневнике, которые были частично опубликованы в 1920 и 1922 в Париже и Берлине, содержат резкие характеристики большевиков и их политики, исполнены боли и тревоги за судьбу и будущее России. Большевики, по мнению А., ввергли страну в хаос и анархию, «закона нет, власти нет, весь общественный строй без охраны». Большевизм «съел огромное количество образованных людей, умертвил их физически, уничтожил морально своей системой подкупов, прикармливания. В этом смысле Луначарский со своим лисьим хвостом страшнее и хуже всех других Дьяволов из этой свирепой своры». «Конечно, как двухголовый теленок, как всякий монструм, биологически нелепый, большевизм должен погибнуть, но когда это будет?» По поводу расстрела Николая II в дневнике А. содержится следующая запись: «Мне не жаль Николая II, я когда-то слишком ненавидел его, чтобы перейти к иному чувству. Бездарный и бессильный, ...злой неудачник — он заслужил свою судьбу. Но расстрел его — безобразен, невыносим для ума и человеческого сознания, как воплощение глупости, безобразия и жалкой низости». В написанной за полгода до смерти в феврале 1919 статье «S.O.S.» А. призывал правительства США, Англии и Франции не входить ни в какой альянс с большевиками (речь шла о предполагавшейся конференции на Принцевых островах) и прийти на помощь России, гибнущей под большевистской властью; уподоблял понятие «большевик» образу «современного Безумца — человека, лишенного зрения и слуха, памяти и сознания, разума и воли, человека, страдающего нравственным умопомешательством, грязного и тупого». «Надо совсем не иметь ушей, — или иметь, но ничего ими не слышать, — писал А., — чтобы не услыхать этих воплей

и стонов, воя женщин, писка детей, хрипения удушенных, треска непрерывных расстрелов, что составляет неумолчную песню России в течение последних полутора лет. Надо совсем не знать разницы между правдой и ложью, между возможным и невероятным, как не знают ее сумасшедшие, чтобы не почувствовать социалистического бахвальства большевиков в их неистощимой лжи: то тупой и мертвой, как мычание пьяного, как декреты Ленина, то звонкой и виртуозной, как речи кровавого шута Троцкого...»

В начале 1919 А. закончил свое последнее художественное произведение — роман «Дневник Сатаны», впервые опубликованный после смерти автора в 1921 в издательстве «Библион» в Гельсингфорсе. В интервью, данном им финским журналистам 29.8.1919, А. сказал, что его деятельность писателя «прервалась сразу же после большевистской революции. — Три года ... я почти ничего не писал. Только последней зимой я написал роман «Дневник Сатаны». Это фантастический роман, героем которого является дьявол. Действие романа происходит в довоенные годы... В том же интервью (оно оказалось последним) А. изложил свою точку зрения на положение послереволюционной России: «Я считаю, что Россия уничтожена как государство, но русский народ существует и будет существовать... Для того, чтобы Россия смогла стать на ноги, нужно, по-моему, по крайней мере, два года..., не больше. Но ей потребуется десять лет, может быть, и дольше, чтобы выздороветь окончательно..., по-моему, сейчас можно сравнить русский народ с больным человеком».

26.6.1919 А. переселился с семьей из Ваммельсу, где проходила линия фронта, на дачу Лобека в Тюрсево — там к этому времени обосновалась колония беженцев из России. В последние месяцы жизни собирался предпринять поездку в Америку и Англию, о чем сообщал в письме к И.Гессену: «Еду в Америку. Там читаю лекции против большевиков, разъезжаю по штатам, ставлю свои пьесы ...и миллиардером возвращаюсь в Россию для беспечальной маститой старости». Предполагал занять пост министра пропаганды в белогвардейском Северо-Западном правительстве; с этой целью поехал для переговоров в Гельсингфорс в конце августа 1919. Но, как вспоминал впоследствии сын писателя Вадим Андреев, «для белой эмиграции Андреев оказался слишком яркой и революционной фигурой», и через несколько дней он вернулся в Тюрсево. Осуществление его планов и замыслов не состоялось из-за внезапной смерти от разрыва сердца. В 1956 прах А. перенесен из Ваммельсу на Литераторские мостки Волкова кладбища в Ленинграде.

Соч.: Держава Рериха // Рус. жизнь, 1919, 29 марта (переизд. Жар-птица. Берлин-Париж, 1921, № 4/5); Европа в опасности / Скорбь земли Русской: Сб.статей. Нью-Йорк, 1920; Из дневника / Рус. сборники. Париж, 1920; Ночной разговор. Гельсингфорс, 1921; Собачий вальс // СЗ, 1922, № 10; Отъезд: Страничка из дневника // Грани, 1922, № 1; Письма к Н.К.Рериху // Нов. рус. слово, 1924, 23, 30 нояб., 14 дек.; Самсон в оковах // СЗ, 1925, № 24; Перед задачами времени: Полит. ст., 1917-1919 гг. Бенсон (Вермонт), 1985; Письма Л.Андреева к Л.А.Алексеевскому // Рус. лит-ра, 1990, № 3; Из частной переписки: Последние дни Леонида Андреева. Письмо Л.Андреева к И.В.Гессену // Арх. рус. рев-ции, т. 1. М., 1991; «Спасите наши души!»: Статья и письма к В.Л.Бурцеву и И.А.Белоусову // Вопр. лит-ры, 1991, № 7; Два неизвестных письма к П.Н.Милюкову // Минувшее, вып. 4. М., 1992.

Лит.: Пильский П.М. Леонид Андреев: Заметки памяти и дневника // Одесский листок, 1919, 17 окт.; Иорданская М.К. Эмиграция и смерть Леонида Андреева: Воспоминания // Голос России, 1920, 23 мая, 6, 13, 20 июня (перепеч. Родная Земля, сб. 1. Нью-Йорк, 1920); Рогальский М.Л. Леонид Андреев // Русь, 1920, № 1; Цетлин М.О. О творчестве Леонида Андреева // Грядущая Россия, 1920, № 2; Чириков Е.Н. Л.Андреев // Рус. сборники, кн. 2. София, 1921; Книга о Леониде Андрееве. Пб., Берлин, 1922; Скиталец С.Г. Л.Андреев; Воспоминания // Рус. голос, 1922, 7,12,17,19,21 февр.; Фальковский Ф.Н. Предсмертная трагедия Л.Андреева: Из воспоминаний // Прожектор, 1923, № 16; Айхенвальд Ю.И. Л.Андреев: К 5-летию со дня кончины // Сегодня, 1924, 12 сент.; Kaun A. Leonid Andreev: A Critical Study. New York, 1924; Андреев П.Н. Воспоминания о Л.Андрееве // Лит. мысль, 1925, № 3; Андреев А. Из воспоминаний о Л.Андрееве // Красная новь, 1926, № 9; (Андреев Н.Е.) «S.O.S.»: Десять лет со дня смерти Л.Андреева // Новь, 1928, № 2; Адамович Г. Л.Андреев: К 10-летию со дня смерти // Илл. Россия, 1929, № 41; Реквием. Сб. памяти Леонида Андреева. М., 1930; Андреев В.Л. Детство. М., 1963; Его же. Дом на Черной речке. М., 1980; Хелман Бен. Леонид Андреев и революция // Рус. мысль, 1987, 5 июня.

А.Руднев

АНДРУСОВ Николай Иванович (7.12.1861, Одесса — 27.4.1924, Прага) — геолог и палеонтолог. Отец — Иван Андреевич — уроженец Нарвы, служил вольнонаемным штурманом в Русском обществе пароходства и торговли, погиб во время шторма 5.9.1870 у берегов Анапы. Мать — Елена Филипповна — дочь керченского купца Ф.Белаго, после смерти мужа уехала с детьми (тремя дочерьми и двумя сыновьями) к одному из своих братьев в Керчь. Учился А. в Александровской керченской гимназии, отличался пытливым умом и любовью к природе, увлекался археологией, зоологией, собирал окаменелости в окрестностях Керчи. В гимназии прочитал первые книги по геологии. из-за материального недостатка в семье рано

начал трудиться и уроками зарабатывать на жизнь.

Окончив с отличием гимназию (1880), А. поступил в Новороссийский университет как стипендиат Русского общества пароходства и торговли. Учителями, формировавшими научное мировоззрение начинающего ученого-геолога, были профессора университета И.Мечников, А.Ковалевский, А.Клосовский и др. Увлекательные лекции Мечникова по морфологии и эмбриологии животного мира усилили пробудившийся еще в гимназии интерес к зоологии, однако постепенно перевесила любовь к геологии, обещавшей более интересные перспективы в будущем. Занятия в геологическом кабинете под руководством профессора И.Синцова окончательно сформировали интересы А. в избранной области науки. Геологические командировки на Керченский полуостров, осуществленные в 1882-84 на средства Новороссийского общества естествоиспытателей, позволили А. собрать обширный материал о фауне полуострова, составить его палеогеографические карты по эпохам и опубликовать первые, студенческие работы (в числе них «Заметки о геологических исследованиях в окрестностях города Керчи», 1883).

По окончании университета (1884) А. намеревался поступить в аспирантуру, но этому помешали его радикальные взгляды, а также выговор, полученный от университетского Совета за то, что в 1883 он подписался под протестом против увольнения И.Мечникова и ряда др. профессоров в отставку. Профессорам зоологии В.Заленскому и А.Ковалевскому удалось выхлопотать для А. Микрюковскую стипендию, которая назначалась на два года для усовершенствования образования за границей в размере 1200 рублей в год. В 1885-87 А. побывал в Вене, Мюнхене, Загребе, Кроации, Италии, Тироле. Лекции Э.Зюсса в Вене по общим проблемам геологии и курс лекций по палеонтологии, прослушанный в Мюнхене у К.Циттеля, а также общение с известными западноевропейскими учеными способствовали расширению научного кругозора А. Он научился свободно говорить по-немецки, овладел основными западноевропейскими языками — английским, французским, итальянским, испанским и др., знание которых открывало доступ к зарубежной научной литературе.

После возвращения из-за границы А. поступил в аспирантуру на кафедру геологии Петербургского университета, которую возглавлял профессор А.Иностранцев (1887). В этом же году он стал членом Петербургского общества естествоиспытателей, где сделал ряд докладов («О характере миоценовых осадков Крыма» и др.). В 1888 А. совершил первую экспедицию в Закаспийскую область. Результаты этих полевых изысканий были опубликованы в том же году в работе «О третичных отложениях Дагестана». В 1888 проводил гидрогеологические исследования в Керчи. В 1890 защитил магистерскую диссертацию «Керченский известняк и его фауна».

14.2.1889 А. получил должность лаборанта Геологического кабинета Новороссийского университета, а после защиты магистерской диссертации в звании приват-доцента читал в 1890-91 лекции о геологической роли организмов и курс геотектоники. В рамках реализованного в Одессе проекта по изучению Черного моря сделал 22.1.1890 на заседании Географического общества доклад «О необходимости глубоководных исследований в Черном море». Президентом общества был великий князь Константин Николаевич, который содействовал организации экспедиции, осуществленной летом 1890 после того, как морское министерство выделило Географическому обществу канонерскую лодку «Черноморец» для исследования дна Черного моря. Помимо интересных физико-географических результатов, касающихся температур, плотностей и пр., экспедиция сделала два открытия — нашла на дне моря остатки послетретичной фауны каспийского типа и установила заражение вод Черного моря на глубине ниже 100 метров.

В 1889 А. женился на дочери выдающегося археолога Г.Шлимана — Надежде. Семейные обстоятельства (смерть тестя) заставили А. зиму 1891-92 провести в Париже. Летом 1892 он побывал на съезде британских натуралистов. Затем в Вене и Загребе готовил материал для докторской диссертации о дрейссенсидах. Осенью 1893 А. вернулся в Петербург и был назначен приват-доцентом Петербургского университета. В 1894 он организовал экспедицию на турецком корабле «Селяник» на Мраморное море. Экспедиция получила новые данные по обмену вод Черного и Средиземного морей, их глубинной фауны, а также геологического происхождения прилегающего района. Еще одну плавательную экспедицию — на судне «Красноводск» — А. осуществил в 1897, когда его научные интересы обратились к другому водному бассейну — Кара-Бугаз.

Одним из лучших периодов в жизни А. были годы работы в Юрьевском университете, где с 1896 по 1905 он заведовал кафедрой геологии. 20.5.1897 защитил докторскую диссертацию «Живущие и ископаемые дрейссенсиды Евразии». Эта работа в 1898 была отмечена Ломоносовской премией. В 1897 принимал участие в 7-м Геологическом конгрессе. А. часто выезжал в поле на Кавказ (Шемаха, Ку-

банская обл., Дагестан) и на Керченский полуостров, где собирал материалы по мшанковым рифам.

В 1904 А. получил приглашение на кафедру геологии в Киевский университет, приступил к работе осенью 1905. Условия для работы в Киеве были непростыми: у местных властей он числился в списке «неблагонадежных», не смогли сложиться отношения с консервативно настроенными профессорами университета. Несмотря на это годы педагогической и научной деятельности в Киеве были плодотворными. На киевский период приходится более четверти всех опубликованных при его жизни трудов, среди которых большое место занимают работы, составляющие главный труд жизни — создание подробной стратиграфии неогена юга России на солидной основе палеонтологических данных («Критические заметки о русском неогене», 1909; «О стратиграфическом положении так называемых конкских пластов», 1910; «О возрасте и стратиграфическом положении акчагыльских пластов», 1912; «Ископаемые мшанковые рифы Керченского и Таманского полуостровов», 1909-12). В этот период А. проводил геологические исследования в Румынии, на Мангышлаке, в Керчи, в окрестностях Судака, в Абхазии и Шемахинском уезде, собирая материалы по стратиграфии неогена и геологической истории Понтокаспийского бассейна.

В 1912 А. переехал в Петербург и стал профессором Высших женских курсов. 3.5.1914 его избрали в ординарные академики Академии наук (член-корреспондент с 1910); он сосредоточил усилия на организации работы Геологического музея, издании под его эгидой «Трудов» и «Геологического вестника». Погруженный в научные исследования, ученый не проявил интереса к революционным событиям 1917, однако последствия этих событий сами вмешались в его жизнь. Трудности со снабжением топливом, продовольствием и т.п. нарушили работу Геологического музея. А. начал искать возможность перебраться в более теплый и спокойный район России. Летом 1918 он выехал по командировке Академии наук в Крым; занимался исследованиями на берегах Керченского пролива и преподавал в Таврическом университете. В Крыму находились также его дочери Вера и Марианна, сыновья Вадим и Дмитрий. Не было лишь старшего сына Леонида, который отправился с биологической экспедицией на Кольский полуостров. В октябре 1919 А. получил трагическое известие о его гибели. Этот удар стал для него роковым: в результате наступившего инсульта произошел паралич руки и ноги. Родные решили вывезти А. во Францию. В марте 1920 семья Андрусовых отплыла из Севастополя на пароходе «Альдо» в Константинополь и после месячного путешествия добралась до Парижа. Лечение газовыми ваннами и душами немного улучшило здоровье А.; он начал сотрудничать в Геологическом кабинете Сорбоннского университета. Душой и мыслями А. был по-прежнему в России. Письма, которые он писал академикам В.Вернадскому и Ф.Левинсону-Лессингу в Петроград, полны ностальгических чувств, волнений за свое детище — Геологический музей. В 1924 Андрусовы переехали в Прагу, где материальные условия для работы были более благоприятными. Однако трудиться как прежде А. уже не мог: мешало нездоровье, отсутствие полнокровных научных контактов и необходимой перспективы. А. скончался в Праге. Его сын, Дмитрий Николаевич, ставший впоследствии действительным членом Словацкой Академии наук, опубликовал в 1925 рукопись А. «Послетретичная тирранская терраса в области Черного моря». Работы А. по неогену послужили основой дальнейшего развития стратиграфических исследований в России.

Соч.: Воспоминания 1871-1890. Париж, 1925; Избр. тр., т. 1-4. М., 1961-65.

Лит.: Воспоминания учеников и современников о Н.И.Андрусове. М., 1965; Оноприенко В.И. Николай Андрусов: сдвиг истории и излом судьбы. Российские ученые и инженеры в эмиграции. М., 1993.

В.Борисов

АНИСФЕЛЬД Борис Израилевич (Бер Срулевич) (2.10.1879, Бельцы, Бессарабия — 4.12.1973, Уотерфорд, США) — живописец, график, сценограф, скульптор, педагог. Родился в купеческой семье. В 1900 окончил Одесскую художественную школу у Г.Ладыженского и К.Костанди, в 1907 Петербургскую Академию художеств, где учился сначала у И.Репина, затем у Д.Кардовского. Начало известности А. связано с рисунками в политических сатирических журналах «Жупел», «Адская почта», «Сатирикон» и др., но в те же 1900-е он преимущественно занимался живописью (библейские сцены, портреты, натюрморты), которые воспроизводились в журналах «Золотое руно», «Мир искусства», «Столица и усадьба». С 1903 выставлялся на отчетных выставках Академии художеств и Союза русских художников. С 1906 выставлял свои работы за рубежом; в Париже был участником выставки русского изобразительного искусства, организованной *С.Дягилевым*; действительный член Осеннего салона. В дальнейшем выставлялся в

Милане, Вене, Лондоне, Амстердаме, Мальмё. В 1910 вошел в объединение «Мир искусства» и выставлялся до 1917 на всех его выставках. В 1907 оформил свой первый спектакль — «Свадьба Зобеиды» Г.Гофмансталя (реж. В.Мейерхольд). В 1909-11 по эскизам *Л.Бакста* создал декорации для некоторых постановок Русских сезонов Дягилева — отсюда бытовавшая легенда об А. — «тени» Бакста. В 1912-14 оформлял спектакли для заграничного турне *А.Павловой* («Прелюды» Ф.Листа и «Семь дочерей Горного короля» А.Спендиарова), для лондонских выступлений *В.Нижинского* («Видение розы» К.М.Вебера), для хореографа *М.Фокина* («Исламей» М.Балакирева в Мариинском театре, «Садко в подводном царстве» — балет на муз. Н.Римского-Корсакова в Русских сезонах и в Мариинском театре, «Египетские ночи» А.Аренского).

В августе 1917 по инициативе американского импрессарио выехал в США (через Сибирь, Японию, Канаду) и в 1913 поселился в Нью-Йорке, где в Бруклинском музее состоялась выставка из 200 работ А., созданных в России. После ее огромного успеха совершил с выставкой двухгодичное турне по США. Персональные выставки А. состоялись в США в 1924, 1926, 1928. Участвовал в выставках русского искусства в Париже (1921), Нью-Йорке (1923), Филадельфии (1932); в передвижной выставке русского искусства в США и Канаде (1924-25); в Международных выставках в Питсбурге, Чикаго, Бостоне (1925-27); награжден золотой медалью за картину «Испания» на выставке в Филадельфии (1926).

В 1919-27 работал как сценограф в американских театрах, главным образом, в нью-йоркском «Metropolitan Opera»: «Мефистофель» Ф.Бойто (1920), «Снегурочка» Н.Римского-Корсакова (1922), «Король Лахора» Ж.Массне (1924); последняя работа — «Турандот» Дж.Пуччини (1927) — осталась неосуществленной (в музее театра хранятся эскизы). Для Чикагской оперы оформил спектакль «Любовь к трем апельсинам» *С.Прокофьева* (1921, 1-я постановка в США), для балетной труппы *М.Мордкина* — балеты «Азиада» и «Ярмарка» на музыку Ф.Листа, А.Глазунова и др.

В 1928 переехал в Чикаго, преподавал здесь в Институте искусств (1929-57). В 1933 после самоубийства жены переехал в штат Колорадо, создал «Школу живописи Анисфельда» (гл. обр. работая с учениками на пленэре). После перерыва возвратился к станковой живописи, порвав навсегда с театром. Регулярно выставлялся в крупнейших выставочных залах США, собирая восторженную прессу. Последние крупные выставки: «Театральный дизайн Анисфельда» в Нью-Йорке (1968) и Вашингтоне (1971). В последние годы А. жил затворником в хижине в «Скалистых горах», куда периодически приезжали его ученики.

Картины и эскизы театральных работ А. в России хранятся в Русском музее, Третьяковской галерее, музее Большого театра, Театральном музее им. А.Бахрушина, в картинной галерее Перми и др. Театральные работы А. выставлялись в Москве и Ленинграде на выставках, посвященных русскому театрально-декорационному искусству в 1960-80-е, на выставках из собрания Никиты и Нины Лобановых-Ростовских (1991, 1994). Выставка эскизов костюмов и театральных декораций А. из американских музеев и частных собраний (совм. с музеями России) состоялась в 1994 в Петербургском музее театрального и музыкального искусства.

В Вашингтоне, по сведениям Н.Лобанова-Ростовского, значительная часть работ А. хранилась в подвале, где они сильно пострадали от сырости; к сожалению, их не пытались реставрировать. После смерти А. его дочь Мара передала большую часть работ отца в дар Публичной библиотеке Нью-Йорка. Несколько ранних работ маслом купил у Мары в 1984 известный коллекционер Р.Шепард; после реставрации он выставил их в своей галерее в Нью-Йорке; выставка пользовалась успехом.

С ранних лет А. — признанный колорист, в этом он проявил себя как один из самых выдающихся художников современности. Эмоциональное воздействие цветом в живописи и сценографии А. всегда подчеркивалось критиками; «алхимик цвета» — оценка искусства А. в американских художественных кругах. «Живопись — это симфония цвета», — повторял А. ученикам. Искусство А., от ранних до поздних работ, — типичное воплощение идей символизма в мировом изобразительном искусстве, об этом говорят даже названия его работ («Контраст», «Мистики», «Мечтания», «Судьба» и т.п.); специфичен и творческий процесс художника: долгие годы он работал только при свечах, считая, что лишь таким способом можно передать мистические оттенки цвета. В 1940-60-е А. разрабатывал евангельские темы в живописи и частично в скульптуре. Вместе с тем изысканное искусство А., лишенное экзальтации, поэтично и конкретно; оно оставалось традиционно-реалистическим, приближаясь, в своей философской задаче, скорее к Врубелю и работам мирискусников, чем к иррационализму символистов европейской школы. По мнению

Н.Лобанова-Ростовского, работы А. последних лет «напоминали смесь Филонова с Врубелем».

Лит.: Эфрос А.М. Живопись театра // Аполлон, 1914, № 10; Грабарь И.Э. Искусство русской эмиграции // Рус. современник, 1924, № 3; Головин А.Я. Встречи и впечатления. Л.-М., 1960; Пожарская М.Н. Русское театрально-декорационное искусство конца XIX — начала XX в. М., 1970; Ее же. Русские сезоны в Париже. Эскизы декораций и костюмов. 1908-1929. М., 1988; Boris Anisfeldt. Twenty Years of Designes for the Theatre. Exh. Washington City, 1971; Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции (1917-1941). Биографич. словарь. Петербург, 1994.

Арх.: Арх. ун-та шт. Огайо (США); Арх. М.Чатфилд-Тейлор (США).

А.Кузнецов

АННЕНКОВ Юрий (Жорж) Павлович (лит. псевд. Б.Темирязев) (11.7.1889, Петропавловск-Камчатский — 18.7.1974, Париж) — живописец, график, иллюстратор, сценограф, мемуарист. Отец — Павел Семенович — был народовольцем, арестованным и высланным на Камчатку после событий 1.3.1881. Его предком был знаменитый декабрист И.Анненков. В 1892 [по др. св. в 1895] семья вернулась из ссылки в Петербург. А. поступил в казенную гимназию, из которой был исключен за участие в создании рукописного сатирического журнала (1905). Завершал свое образование уже в частной гимназии Столбцова. Параллельно занимался рисованием и живописью в Центральном училище технического рисования барона А.Штиглица. Спустя несколько месяцев после начала занятий, разочаровавшись в скучном черчении, покинул училище. В 1907 познакомился с И.Репиным, считал его своим учителем. В 1908 поступил на юридический факультет Петербургского университета и одновременно занимался в мастерской С.Зейденберга (вместе с *М.Шагалом*). В 1909-10 посещал мастерскую профессора Академии художеств Я.Ционглинского, но поступить в саму Академию не смог. В 1911 по совету Ционглинского выехал для продолжения образования в Париж. Увлекался импрессионизмом, писал пейзажные этюды (впоследствии сам уничтожил большую их часть).

В Париже занимался в мастерских под руководством М.Дени и Ф.Валлотона (соответственно живописью и графикой). Определенное влияние на молодого А. оказали футуризм и кубизм. В 1913 три работы художника были приняты в Салон независимых — выставочное объединение, где демонстрировались работы художников, занятых радикальными, новаторскими изысканиями. Летом 1912 А. делал зарисовки морской фауны и флоры для сотрудников биостанции в Бретани (часть рисунков была опубликована позже в одной из диссертаций по зоологии в Сорбонне).

В 1913 вернулся в Петербург. Работал над станковыми и декоративными произведениями, занимался иллюстрацией и сценографией. Сотрудничал в журналах «Сатирикон», «Новый Сатирикон», «Театр и искусство» (карикатуры), а также «Солнце России», «Лукоморье», «Аргус». Познакомился и сблизился с Н.Кульбиным (на даче в Куоккале), а также с членами группы «Союз молодежи» (с некоторыми впервые встретился в Париже — М.Матюшиным и *И.Пуни*). *Н.Евреинов* пригласил А. оформить спектакль «Homo Sapiens» в сатирическом театре «Кривое зеркало» — первая работа для театра. С 1914 стал заведующим декорационной частью этого театра. Кроме того, сотрудничал с Летним театром в Куоккале (совм. с Н.Евреиновым), в Троицком театре (у Л.Жевержеева), в театре им. В.Комиссаржевской (у *Ф.Комиссаржевского*) в Москве. С 1915 оформлял спектакли и програмки театра «Летучая мышь» *Н.Балиева*.

Содружество с Евреиновым принесло плоды и в области книжного оформления: А. иллюстрировал его книгу «Театр для себя» (т. 2, 1915-16), сделал обложку для другой его книги — «Представление любви» (Пг., 1916).

В 1916-17 А. оформлял номера и программы в артистическом кабаре «Привал комедиантов», ставил там балетные и пантомимические номера для О.Глебовой-Судейкиной и своей супруги, Е.Гальперн-Анненковой. В канун октябрьского переворота 1917 состоялась премьера спектакля по пьесе Н.Винниченко «Черная пантера» в Малом театре (быв. Суворинском) в оформлении А. и постановке Евреинова.

В 1910-е А. создал несколько крупных станковых произведений («Адам и Ева», 1913-18; «Желтый траур», 1914; «Бретань», 1916; «Купальщики», 1918), декоративные панно («Дикарка», «Цветы», 1914; «Испания», 1915 и др.). А. участвовал в выставках Современной живописи и рисунка в 1916 и 1918 в Петрограде. В те же 1910-е — начале 1920-х прославился как оригинальный портретист, автор живописных и графических портретов А.Ахматовой, Н.Евреинова, *В.Ходасевича*, *Е.Замятина*, *А.Бенуа*, М.Горького, М.Кузмина, *А.Ремизова*, *З.Гржебина*, Б.Пастернака, Ф.Сологуба.

В 1918 стал членом петроградской художественной артели «Сегодня», где выпустил в собственном оформлении книгу своих стихов «1/4 девятого». Тогда же занимался иллюстрациями к поэме «Двенадцать» А.Блока

(опубл. в 1918 в петроградском изд-ве «Алконост»).

Во 2-й половине 1918 — начале 1919 жил в Москве, преподавал в Свободных художественных мастерских (СВОМАС); оформлял улицы к 1-й годовщине революции, сотрудничал с театром им. В.Комиссаржевской (готовил эскизы декораций к пьесам «Лулу» Ф.Ведекинда и «Красные капли» С.Обстфельдера, выступал в постановке последней пьесы и как режиссер); оформлял программы в кафе «Питтореск» на Кузнецком мосту. В 1918 А. участвовал в работах по художественному оформлению Марсова поля в Петрограде к майским праздникам.

Обосновавшись в Петрограде в 1919, выступал как критик в газетах и журналах (рецензии по вопросам театра и изобразительного искусства); в «Жизни искусства» опубликовал программную статью «Ритмические декорации». Тогда же поставил на сцене Показательного (Экспериментального) Эрмитажного театра пьесу Л.Толстого «Первый винокур», где пытался на практике осуществить динамические декорации. В 1920 в Петрограде вместе с *М.Добужинским* и В.Щуко принимал участие в постановке «Гимн освобожденному труду» в портале Фондовой Биржи, оформлял массовую инсценировку «Взятие Зимнего дворца» (реж. Евреинов, А.Кугель, Н.Петров). Тогда же А. был избран профессором Академии художеств в Петрограде. С момента открытия нового театра «Вольная комедия» (нояб. 1920) стал его главным художником (до 1922), оформлял многие спектакли, расписал зал и фойе, а также интерьер кабаре «Балаганчик» при театре. В 1921 опубликовал статью-манифест «Театр до конца» в альманахе «Дом искусств». В Государственном Институте художественной культуры (ГИНХУК) экспонировал абстрактные металлические скульптуры-конструкции. В 1922 оформил спектакль «Газ» Г.Кайзера в Большом драматическом театре (БДТ).

В это время А. продолжал работать над портретами: Л.Троцкого, Г.Зиновьева и А.Луначарского (1920), а также многих деятелей культуры — *Г.Иванова*, В.Пяста, В.Мейерхольда и др. В 1924 А. получил 1-ю премию за портрет В.Ленина на Всесоюзном конкурсе. Часть портретов была издана в альбоме «Портреты» с сопроводительными текстами Е.Замятина, М.Кузмина и М.Бабенчикова в 1922 в Петрограде. В 1926 вышел еще один альбом — «Семнадцать портретов» (деятели советской власти) с текстом А.Луначарского (сам А. тогда был уже за границей). Портреты Ленина, Тухачевского и Сталина, отвергнувшего свое изображение, в альбом включены не были.

Значительное внимание А. отдавал книжной графике: рисовал для сатирических журналов «Мухомор» (1922), «Дрезина» (1923-24), оформлял и иллюстрировал «Мойдодыра» К.Чуковского (Пг.-М., 1923 и множество позднейших переизданий), «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова, «Брагу» Н.Тихонова (обе — Пг., 1923) и др.

В начале 1922 вступил в общество «Мир искусства», участвовал в Первой русской выставке в Берлине. В начале 1924 вместе с Д.Штеренбергом разработал устав и реализовал идею Общества станковистов (ОСТ), став его членом-учредителем. Тогда же подготовил экспрессивное динамическое оформление своего последнего театрального спектакля на родине — *«Бунт машин»* (пьеса А.Толстого по сюжету К.Чапека; премьера в БДТ состоялась в апреле 1924).

Весной 1924 А. выехал в Венецию, на 14-ю интернациональную художественную выставку, где всеобщее внимание привлекли портреты А., (в частности, Л.Троцкого). Из этой поездки художник в Россию уже не вернулся. Заехав в Сорренто к М.Горькому, А. с семьей перебрался в Париж. Во Франции занимался в основном живописью, книжной графикой и плакатом. Продолжал создавать свою «портретную галерею» современников (Л.Красин, А.Барбюс, С.Эйзенштейн, *О.Спесивцева* и др.). Его супруга работала актрисой и балериной в также уехавшем из России театре-кабаре «Летучая мышь» Н.Балиева. А. выступал с критическими статьями, обзорами и т.д. в русскоязычных газетах и журналах (Рус. мысль, СЗ) под псевдонимом Борис Темирязев. Принимал участие в парижских выставках: Международной художественно-декоративной (1925), «Мир искусства» (1927), а также в экспозициях: «Искусство книги» (1927, Лейпциг), «Современное французское искусство» (1928, Москва, в составе «Русской части» выставки), «Современное русское искусство» (1932, Филадельфия). В 1927 состоялась первая персональная выставка А. в Париже (галерея Биллер), в 1928 персональная экспозиция прошла в парижской галерее «Quatre chemins» («Четыре дороги»), а в 1929 и 1930 — в галерее Бинг. Еще две персональные выставки состоялись у А. в 1934 в галереях Бешер и Криллон. Всего же за время жизни за границей А. участвовал в 74 выставках, в том числе имел 8 персональных.

В 1931 А. получил общепарижское признание за оформление спектакля «Пиковая дама» в театре Мадлен (пост. Ф.Комиссаржевского). Интерес вызвала и следующая его театральная

работа в том же театре — комическая опера Анри Соге «Контрабас» (по рассказу «Роман с контрабасом» А.Чехова, пост. Н.Балиева). А. работал также с *М.Чеховым* (1934, «Ревизор», театр «Марэ»); с *С.Лифарем*, *Л.Мясиным*, *Дж.Баланчиным*, *Б.Нижинской* (балеты «Ревнивые комедианты» на муз. А.Скарлатти, «Вариации» на муз. Л.Бетховена, «Гамлет» на муз. Ф.Листа — все три спектакля остались в истории именно благодаря новаторству сценографии). После 1934 А. работал как художник кино (гл. обр. по костюмам). Он участвовал более чем в 60 съемках. За костюмы к фильму «Мадам де...» (реж. М.Офюльс, 1954) А. был удостоен премии «Оскар» (творчеству этого режиссера А. посвятил отдельную книгу — «Ничейная земля», опубл. в 1962). В 1945-55 был президентом секции художников по костюмам в Синдикате техников французской кинематографии.

В 1934 в Берлине в издательстве «Петрополис» вышла «Повесть о пустяках», подписанная псевдонимом Б.Темирязев. В известной мере это — автобиографическое сочинение, т.к. в него вошли многие реальные факты из жизни А.

В предвоенные годы А. много работал в книжной графике, занимался графическим портретом и станковой живописью (виды Парижа и его предместий, интерьеры). Живописные работы А. того времени отличались декоративностью, сочетанием графичности и свободной игры цветовых пятен.

Весной 1939 А. поставил как режиссер пьесу *В.Набокова* «Событие» в собственном оформлении. Спектакль вызвал неоднозначную реакцию, но добавил популярности художнику. Во время немецкой оккупации поставил в большом зале Плейель три русские оперы: «Пиковая дама» (1941), «Евгений Онегин» (1943) П.Чайковского и «Женитьба» М.Мусоргского (в варианте *Н.Черепнина*, 1943). После войны А. сотрудничал преимущественно с французскими театральными коллективами. Он оформлял все пьесы Э.Ионеско, а также Карко, Тардье, Т.Уильямса. В 1956 А. принял участие в фестивале авангардного искусства в Марселе. В 1957 оформил и поставил в Театре Старой голубятни собственную инсценировку «Скверного анекдота» Ф.Достоевского. В 1961 вместе с С.Лифарем поставил балет на музыку Чайковского к «Пиковой даме» в театре Монте-Карло.

В 1951 вышла книга А. «Одевая звезд» — о работе художника-костюмера. Главная книга мемуаров — «Дневник моих встреч. Цикл трагедий» — вышла 1-м изданием в Нью-Йорке в 1966 (в 2-х т.); дважды переиздана в России в 1991. Похоронен в Париже.

Лит.: Тугендхольд Я. Портреты Ю.Анненкова // Рус. иск-во, 1923, № 1; Бабенчиков М. Анненков — график и рисовальщик // Печать и рев-ция, 1925, кн. 4; Его же. Ю.П.Анненков / Мастера современной гравюры и графики. М., 1928; Современное французское искусство. Каталог выставки. М., 1928; Берман Б. Заметки о Юрии Анненкове // Иск-во, 1985, № 2; Одоевцева И. На берегах Сены. М., 1989.

А.Толстой

АНРЕП Глеб Васильевич, фон (10.9.1889, Петербург — 9.1.1955, Каир) — физиолог. Родился в семье дворянина, известного русского ученого-фармаколога и токсиколога, профессора *Василия Константиновича фон А.*, профессора Харьковского университета, первого ректора Женского медицинского института в Петербурге. В 1908 А. окончил гимназию в Петербурге, поступил в Военно-медицинскую академию (ВМА). В студенческие годы он заинтересовался лекциями и опытами И.Павлова и начал специализироваться по физиологии. В 1912 А. начал свою исследовательскую работу в области физиологии в лаборатории Павлова. Летом того же года по предложению Павлова А. был командирован в Англию, в Лондонский университетский колледж, где убедительно продемонстрировал Э.Старлингу действие блуждающего нерва на панкреатическую секрецию. Будучи в Лондоне, изучил методику получения секретина.

В марте 1913 А. был исключен из ВМА вместе с другими студентами «за неподчинение приказу военного министра об отдаче воинской чести студентами, наряду с рядовыми армии». Заканчивать свое медицинское образование А. пришлось в Юрьевском университете (1913). В 1913 А. был избран членом Британского физиологического общества; получил возможность публиковать свои статьи в английском «Journal of Physiology».

С началом 1-й мировой войны А. был мобилизован и работал врачом полевого госпиталя. За воинскую храбрость награжден Георгиевским крестом. В 1916 был ранен, демобилизован и в марте того же года прикомандирован к ВМА; возобновил научную работу под руководством Павлова на кафедре физиологии. В 1916/17 А. сдал экзамены на соискание ученой степени доктора медицины. В 1918 поступил практикантом в Физиологический отдел Института экспериментальной медицины, где выполнял (наряду с Л.Орбели) обязанности помощника заведующего отделом Павлова, совмещая эту работу с работой в ВМА.

В 1918 А. вступил в ряды армии генерала *Деникина*, после поражения которой в 1920

эмигрировал в Англию. Вначале он занимал должность ассистента в Университетском колледже Лондона; вскоре ему была присуждена степень доктора медицины. В 1925 получил английское гражданство. В 1926 А. перешел на работу в Кембридж, где преподавал физиологию в должности доцента. В 1928 А. был избран членом Лондонского королевского общества; помимо диплома доктора наук, был удостоен в Англии также диплома доктора искусств Кембриджа (Master of Art Cantabrigian).

Работы А. по изучению условных рефлексов, физиологии пищеварения и физиологии кровообращения, опубликованные во многих физиологических журналах, были удостоены высоких научных наград, в том числе премии Э.Шарпей-Шефера (президента Британского физиологического общества), премии Вест Майкла и др. А. принадлежит несколько открытий в области физиологии высшей нервной деятельности (явление «статистической иррадиации» или открытие «предела торможения»; описание наличия максимума тормозного напряжения коры головного мозга); описание особенностей функционирования кожного анализатора, синхронно изменяющего свое состояние во всех своих точках и др.

Почти все работы А. в области высшей нервной деятельности и условных рефлексов были выполнены им еще на родине, в лаборатории Павлова, тогда как работы по физиологии пищеварения и кровообращения, также начатые в России по предложению Павлова, велись и за границей — в Великобритании и Египте, куда семья Анрепов переехала в 1931. На медицинском факультете университета в Каире А. руководил кафедрой физиологии почти до конца жизни. Здесь он исследовал восстановительные процессы в поджелудочной железе и сделал вывод об их относительной независимости от нервной регуляции. Он также изучал деятельность слюнных желез, гуморальную регуляцию просвета сосудов с помощью адреналина и гистамина, рефлекторные воздействия на сердечный ритм, влияние нервной и гуморальной регуляции на дыхание и коронарное кровообращение и др. Большое значение для пропаганды павловского учения за рубежом сыграло издание «Лекций о работе больших полушарий головного мозга» Павлова (1927, на англ. яз.). Павлов поддерживал с А. самые тесные отношения: он переписывался со своим учеником и неоднократно встречался с ним в своих зарубежных поездках (на 11-м международном физиологическом конгрессе в Эдинбурге в июле 1923, 12-м международном физиологическом конгрессе в Бостоне в августе 1929, Психологическом конгрессе в Нью-Хейвене в сентябре 1929 и др.). А. оказывал большую помощь в переводе докладов Павлова на английский язык. Помимо кафедры физиологии, А. имел свою собственную физиологическую лабораторию в Каирском университете; воспитал большую группу талантливых египетских физиологов.

Соч.: On the Part Played by the Suprarenals in the Normal Vascular Reactions of the Body // Journal of Physiol., 1912, vol. 45; Задерживающие нервы поджелудочной железы // Арх. биол. наук, 1917, т. XX; The Irradiation or Conditioned Reflexes / Proc. Roy. Soc. of London, 1923; Liberation of Histamine by the Histamine in Blood. // Journal of Physiol., 1939, vol. 95 with G.S.Barsoum and M.Talaat).

Лит.: Who was Who. An Annual Biographic Dictionnary, vol. 5. London, 1951-1960; Квасов Д.Г., Федорова-Грот А.К. Физиологическая школа И.П.Павлова. Портреты и характеристики сотрудников и учеников. Л., 1967.

Арх.: РГВИА, ф. 749, оп. 42, д. 15, 94.

Т.Ульянкина

АНРИ Виктор Алексеевич (6.7.1872, Марсель, Франция — 21.6.1940, Ла-Рошель, Франция) — физиолог, физико-химик. Сын Александры Викторовны Ляпуновой, тетки академика А.Крылова со стороны матери. Сведений об отце найти не удалось. Через два года после рождения сына А.Ляпунова вернулась с ним из Марселя в Россию, сначала поселилась (вместе с семьей А.Крылова) в Таганроге, а затем в Севастополе.

А. окончил немецкую школу (Петершуле) в Петербурге, а затем в возрасте 14 лет вместе с матерью уехал в Париж, где продолжал обучение в лицее Луи-Ле-Гран (1886-91). Со школьной скамьи А. вел переписку с А.Крыловым, обсуждая с ним решение различных, преимущественно математических вопросов. Дружеские контакты с Крыловым сохранились и позже.

Уже в лицейские годы А. начал посещать лекции в Сорбонне и в «Collège de France». Став студентом Сорбонны (1891), он получил сначала аттестат по математике, а вскоре и по естественным наукам. Затем последовало увлечение психологией и философией, и в 1897 в Гёттингене ему была присуждена степень доктора философии за диссертацию «Локализация чувства вкуса», руководителем которой был Элиас Мюллер.

Вернувшись в Париж, А. вместе с А.Бине подготовил работу «Интеллектуальная усталость», опубликованную в 1897. Этот труд и до сих пор привлекает внимание специалистов-психологов. Присущее А. стремление проникнуть в суть вещей и явлений привело его к мысли, что психологию надо отделить от физи-

ологии, а последняя должна основываться на физике и молекулярной химии. В 1900 он стажировался в Лейпциге, работая в лаборатории В.Оствальда, бывшего в то время директором Института злектрохимии.

После возвращения в Париж А. продолжал свои занятия в области физико-химической биологии в Сорбонне, где в 1903 защитил диссертацию «Общие законы действия ферментов» и получил степень доктора наук. В это же время он стал ассистентом физиологической лаборатории в Сорбонне, которой руководил профессор Дастр, ученик К.Бертрана, разделявший взгляды своего учителя на психологию как науку физико-химическую.

Еще раньше, когда М.Ковалевский с группой либеральных профессоров организовал в Париже Русскую высшую школу общественных наук, А. некоторое время был не только слушателем этой школы, но и сам читал там лекции.

Научные работы А. были отмечены премиями Института высших исследований в Париже, а на результатах его докторской диссертации было основано немало последующих трудов других ученых. А. занимался исследованиями коллоидов, изучал действие ультрафиолетового излучения на человека и спектры поглощения биомолекул. В 1910 он изобрел прибор для опреснения воды. В 1913-14 А. стал заместителем директора физиологической лаборатории в Практической школе высших исследований.

1-я мировая война прервала бурную научную деятельность А. Многие коллеги и друзья были убиты или ранены. Сам А. в 1915 устремился в Россию, чтобы внести вклад в дело защиты страны, которую он считал своей родиной и в которой он, по-видимому, намеревался остаться навсегда. В Москве в 1916-18 он стал заведовать лабораторией в Научно-исследовательском институте физики, директором которого был П.Лазарев; получил кафедру в московском Народном университете им. А.Шанявского. Поступило и предложение от Академии наук стать ученым секретарем московской секции Комиссии по изучению естественных и производительных сил.

По воспоминаниям коллег А., в его характере и в научных трудах проявились как стремление к логической строгости и ясности, так и пылкий романтизм. Не удивительно поэтому, что революцию в России А. воспринял как начало новой жизни, при которой общая организация науки будет способствовать счастью человечества. Об этом он сам говорил в предисловии к написанному им по-французски в 1918 курсу лекций по фотохимии, рукопись которого хранится в филиале архива Академии наук в Петербурге. Этот курс был издан в Париже в 1919.

Через некоторое время А. переехал в Петроград, где стал профессором Государственного оптического института, преподавал в различных учебных заведениях, а также работал как сотрудник Народного комиссариата здравоохранения старшим инспектором Рентгено-электромедицинской и фотобиологической подсекции (1919). В том же году А. выехал за рубеж как член комиссии по закупке оборудования и литературы, которую возглавлял Крылов, и больше в Россию не вернулся. За ним последовала жена, В.Ляпунова, брак с которой он заключил в России. В 1920-30 А. работал в Цюрихском университете (с 1924 в должности ординарного профессора), одно открытие следовало за другим. Его волновала разгадка тайн простых и многоатомных молекул. В 1925 появилась монография А. «Структура молекул», где он предложил новую молекулярную модель, а в 1927 — его совместный с Р.Вюрмсером фундаментальный труд «Элементарный механизм фотохимических процессов».

В 1930 А. решил воплотить в жизнь свои мечты о приложении результатов фундаментальной науки в промышленности. Он ушел из Цюрихского университета и переехал снова во Францию, где занял пост директора исследовательской службы на крупном нефтеочистительном комплексе, расположенном на берегу Этан-де-Бера вблизи Марселя. В декабре 1930 он прочитал в Париже лекцию «Научное обоснование крекинг-процесса и гидрогенизация нефти», в которой доказал, что решение больших промышленных задач будет успешным только в том случае, когда это решение опирается на фундаментальную науку. А. собирался возглавить будущий институт петрохимии, но эти планы не осуществились, и с конца декабря 1932 он снова на научно-педагогическом поприще, но уже как штатный профессор Льежского университета и директор лаборатории физической химии при этом университете. А. занимался спектроскопией многоатомных молекул и химической кинетикой, изучал спектры гормонов и витаминов для обоснования методов их дозировки — «Молекулярные спектры, структура молекул» (Париж, 1937). За 10 лет работы в Льеже он подготовил целую плеяду способных исследователей. А. часто выступал с лекциями и докладами в США и в европейских странах, причем всегда на языке пригласившей его страны.

И снова война прервала его работу. В мае 1940 нацисты оккупировали Бельгию, нависла угроза над Францией. А. присоединился к

Национальному центру прикладных научных исследований, в котором П.Ланжевен возглавил лабораторию физики. В июне 1940 вместе со службами Национального центра А., заболевший воспалением легких, покинул Париж. Однако болезнь приняла необратимый характер, и через несколько дней в Ла-Рошели он скончался.

Лит.: Contribution à l'étude de la structure moléculaire / Dédiée à la mémoire de V.Henri par R.Audulbert, R.F.Barrow, A.Barawoy. Liège, 1947-48; Крылов А.Н. Воспоминания и очерки. М., 1956; Duchesne J. Victor Henri / Liber memorialis l'Université de Liège 1936 à 1966. Liège, 1967; Стеклов В.А. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания. Л., 1991.

Н.Ермолаева

АНТОНИЙ (в миру Храповицкий Алексей Павлович) (17.3.1863, с. Ватагино, Новгородской губ. — 10.8.1936, Белград) — церковный деятель, философ, богослов. Из дворян. В 1885 окончил Петербургскую духовную академию; принял монашеский постриг. С 1890 ректор Петербургской духовной семинарии, с 1892 — Московской духовной академии. Епископ Чебоксарский (с 1897), Чистопольский (с 1899), Уфимский (с 1900), Волынский (с 1902); архиепископ Харьковский и Ахтырский (с 1914); митрополит Киевский и Галицкий (с 1917). Член Государственного совета и постоянный член Святейшего Синода (1906-7, 1912). Самый образованный и популярный иерарх Русской церкви, учитель и духовный авторитет известнейших церковных деятелей XX в., таких как митрополиты Петр (Полянский), *Евлогий* (Георгиевский), Сергий (Страгородский) и т.д. Друг и единомышленник, а затем непримиримый оппонент Вл.Соловьева. Делегат на Всероссийский поместный собор Русской православной церкви 1917-18 от ученого монашества; товарищ председателя собора. Первый из трех по количеству поданных голосов претендентов на патриарший престол — 101 голос против 23, отданных за будущего патриарха Тихона (Белавина). После убийства в 1918 митрополита Киевского Владимира был избран украинским духовенством его преемником и утвержден в этом качестве патриархом Тихоном. В декабре 1918 после захвата Киева Петлюрой А. вместе с архиепископом Евлогием был арестован и заточен в униатский монастырь в Галиции. После освобождения — председатель Высшего церковного управления (ВЦУ) Юга России, эмигрировал вместе с остатками белой армии в 1920 в Константинополь.

Актом от 29.12.1920, подписанным местоблюстителем Вселенского патриарха митрополитом Прусским Доротеусом, получил право управления русской церковной диаспорой. В 1921 по приглашению Сербского патриарха Димитрия А. вместе с ВЦУ Русской церкви заграницей переехал в Сербию. Как старейший по хиротонии архиерей и единственный постоянный член Священного Синода в соответствии с указом патриарха Тихона от 7.11.1920 был избран главой ВЦУ, вокруг которого объединялись все русские архиереи вне пределов России. Председатель 1-го Заграничного собора (нояб. 1921) Русской православной церкви заграницей (РПЦЗ), обратившегося к Генуэзской конференции с просьбой не поддерживать большевистскую власть в России и помочь русскому народу освободиться от коммунистического режима. После роспуска в 1922 (под давлением ГПУ) патриархом Тихоном ВЦУ А. был избран председателем Архиерейского Синода РПЦЗ и его имя возносилось за богослужениями во всех русских церквах после имени патриарха Тихона. В своих посланиях ко главам православных церквей, правительствам западных стран и руководителям инославных конфессий А. постоянно обращался за помощью в защите гонимой русской церкви на родине. Его обращение к архиепископу Кентерберийскому имело следствием вмешательство английского правительства в судьбу патриарха Тихона и освобождение его из заключения уже во время составления ГПУ обвинительного акта для вынесения смертного приговора.

После подписания заместителем патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским) декларации от 29.7.1927 о лояльности советской власти и его требования к заграничному духовенству дать аналогичные подписки А. разорвал церковное общение с Москвой и выступил с резким обличением декларации и политики митрополита Сергия. Его позиция получила поддержку подавляющего большинства русских зарубежных иерархов за исключением митрополита Евлогия, митрополита Платона и их викариев. Поддержавшие позицию Архиерейского Синода и А. эмигрантские епископы при участии и посредничестве сербского патриарха Варнавы выработали в 1935 «Положение о Русской православной церкви заграницей», явившееся основой для управления Русской зарубежной церковью. Основанная А. РПЦЗ (т.н. «Карловацкая церковь» по месту расположения Синода — г.Сремские Карловцы) была признана Сербским, Константинопольским, Антиохийским, Александрийским, Иерусалимским, Болгарским патриархатами; она осуществляла руководство

русскими приходами по соглашению с предстоятелями этих церквей и самостоятельно действовала в предоставленных ими границах. В 1935 в Белграде был отмечен юбилей — 50-летие священнослужения А., в котором приняли участие представители всех русских юрисдикций и многих православных поместных церквей.

А. вошел в историю русского православия как церковный реформатор, богослов и христианский философ. В своем ответе на опрос епископата Синодом в 1905 относительно реформ в церкви он настаивал на возрождении патриаршества, полной независимости церкви от государства; предлагал закрыть духовные семинарии и заново открыть их на совершенно новых началах — в монастырях, находящихся вне больших развращенных городов. Он считал, что русская церковь «лишена законного главы и отдана в порабощение мирским чиновникам», что «Синод есть учреждение, неведомое святому православию и придуманное единственно для его расслабления и растления». Являясь монархистом и русским патриотом, он, как и Иоанн Кронштадтский, резко выступал против Кишиневского погрома 1903, а в эмиграции отказывался поддерживать шовинистические настроения русских националистов. «Теперь вдруг полезли ко мне русские из Румынии, домогающиеся автономии церковной и славянского богослужения. Им я ничего не обещал, потому что у них стремления национально-шовинистические, а не церковные. Впрочем, последние мало у кого остались и поэтому всех, кто их сохранил, я ценю теперь еще выше, чем прежде, когда я впрочем тоже симпатизировал им более, чем кому бы то ни было». Признавая в частном порядке законность претензий великого князя Кирилла Владимировича на императорский престол, был уверен, что «не из учреждений политических, но именно из подвига свободных душ идет очищение нравов». Он постоянно выступал против всякой секуляризации церкви, являлся убежденным приверженцем ученого монашества, до конца дней своих сохранял некоторое пренебрежение к обмирщенному «белому» духовенству.

На формирование философской богословской системы А. огромное влияние оказали религиозное славянофильство, а также творчество Ф.Достоевского, большим ценителем и знатоком которого он был (А. стал легендарным прототипом Алеши Карамазова). Магистерская диссертация «Психологические данные в пользу свободы воли и нравственной ответственности» (1887) была написана им по философии и очерчивала круг будущих интересов этого богослова. Для его системы характерна попытка соединения веры и философии при полном неприятии «школьно-катехизического» учения об искуплении, т.н. «юридической теории», воспринятой русской религиозной мыслью из западной схоластики. Однако в своих работах — «Догмат искупления» (1917) и «Опыт христианского православного катехизиса» (1924) — он идет дальше, рассматривая основополагающий догмат христианства об искуплении с точки зрения «нравственного монизма». Это — неслучайный термин, взятый им по аналогии с натурфилософским монизмом. Если последний представляет собой как бы обожествление материалистической идеи (слияние с пантеизмом, однако без признания бытия Божия), то «нравственный монизм» А. является аналогичным изобретением в области богословия, т.к. переносит догмат об искуплении из иррациональной области в область чисто морального воздействия при соответствующем толковании евангельских текстов. От признания ненужности для искупления человека голгофской жертвы А. приходит к отрицанию христианского учения о наследовании первородного греха и вообще о первородном грехе.

Появление «катехизиса» А. вызвало «шок неожиданности» у многих известных богословов. В частности, некоторые критики — митрополит Елефеврий, архиепископ Феофан (Быстров) — указывали на наличие в нем пелагианской ереси, отрицающей первородный грех. После решения Архиерейского Синода РПЦЗ от 27.3.1925 о замене «классического» катехизиса митрополита Филарета на катехизис А. ряд русских архиереев обратились в русский Синод с протестом против включения его в учебный план русских духовных школ. Протест был поддержан известным критиком софиологического учения епископом Серафимом (Соболевым) и известным сербским богословом, редактором журнала «Гласник» о. Милошом Парента. В результате решение Синода о замене катехизиса было отменено, однако в особом письме А. просил разрешить пользоваться его катехизисом в качестве дополнительного учебного пособия.

Попытка нравственного истолкования догматов приводят А. к явному неприятию позднейшего «византинизма», к которому он относится скорее сурово и сожалеет, что «наше религиозное сознание воспитано в направлении этого, исключительно отрицательного, склада духовного саморазвития, исчерпывающегося в одной борьбе со страстями и малознающего о положительных плодах царства Божьего, о жизни радостной любви к людям». Будучи од-

ним из наиболее известных критиков учения Вл.Соловьева, он часто упрекает его за традиционный византийский «сакраментализм», за его взгляд на таинство «не как на акт моральный..., но как на акт только «мистический», т.е. как на какое-то священное волшебство». Миссия церкви мыслится А. также в моральном плане: «Богословие наше должно разъяснять, что жизнь земная представляет море страданий, горя и слез. Время ли, место ли заниматься бездеятельным созерцанием наличных своих сил и способностей и уклоняться от служения ближнему своему под предлогом нравственного несовершенства».

Миссия церкви, по А., есть прежде всего «руководство народной совестью». Поэтому он не перестает настаивать на необходимости для пастыря знать «жизнь и науку», особенно «со стороны их заманчивости для современных характеров, а равно их влияния на нравственную жизнь человека». Ему претят «бесконечные речи о противоположности знания и веры, о религии безотчетного чувства, о гибельности любознательного разума, опасение религиозных споров и даже несочувствие к принимающим православие иноверцам». Общественное призвание церкви — строить Царство Божие, однако пастырь всячески должен оберегаться от внутреннего обмирщения, от заражения формализмом и законничеством, должен остерегаться духовного насилия.

В онтологии А. является безусловно одним из самых ярких представителей православного «имманентизма»: он считает, что, «представляя Бога имманентным миру, мы приняли не самый пантеизм, а ту частицу правды, которая содержится в нем. Теизм перестает быть теизмом и становится пантеизмом не через внедрения Бога в мир, а через отрицание жизни в Боге». «Бог, оставаясь субъектом всех физических явлений, предоставил самостоятельное бытие субъектам явлений нравственных». Таким образом, с имманентизмом тесно связан и персонализм А. Он решительно отвергает представление «о каждой личности, как законченном, самозамкнутом целом (микрокосме)» и настаивает, что «единая природа» людей не есть только абстракция, отвлеченное понятие, но «реальная сущность». Эта единая природа, однако, не отвергает личностного бытия каждого: «Разделение в нас лица и естества не есть нечто непонятно отвлеченное, но истина, прямо подтверждаемая самонаблюдением и опытом». По мере духовного роста человек перестает ощущать себя как некую самозамкнутую структуру, но «свобода каждой личности совмещается — вопреки пантеизму — с метафизическим единством их бытия».

Богословское наследие А., наиболее известная часть которого — пастырское богословие, является безусловным достоянием не только русской религиозной, но и философской мысли XX в. Ему принадлежат также многочисленные статьи о русской литературе.

Соч.: Соч., т. 1-3. СПб., 1911-13.

Лит.: Архиепископ Никон Рклицкий. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого, т. 1-10. Нью-Йорк, 1953-65.

Р.Южаков

АНЦЫФЕРОВ Алексей Николаевич (10.8.1867, Воронеж — 1943, Париж) — экономист, педагог, публицист, кооператор. Из семьи военного. После окончания воронежской классической гимназии А. поступил на юридический факультет Московского университета. Среди преподавателей выделялся А.Чупров — известный российский экономист, статистик, немало времени уделявший изучению кооперативного движения. Именно он пробудил и развил у молодого А. интерес к исследованию проблем кооперации и статистики. В 1890 А. окончил курс университета и почти 10 лет трудился в земских организациях, состоял уездным и губернским гласным Воронежской губернии, почетным мировым судьей.

В 1899 А. отправился в Германию, где посещал лекции и семинар профессора И.Конрада. После возвращения в Россию он предпочел карьере юриста преподавательскую деятельность: в 1902 читал курс лекций по экономическим дисциплинам в Харьковском университете. В 1903 А. совершил вторую поездку в Германию и Францию, где изучал под руководством западных экономистов (И.Конрада, Л.Брентано, Ш.Жида, фон Майера) особенности сельскохозяйственного кооперативного движения. Результаты заграничных командировок нашли отражение в курсе лекций, которые А. читал в учебных заведениях Харькова и Москвы, в исследовательских трудах, в магистерской диссертации «Кооперация в сельском хозяйстве Германии и Франции», защита которой состоялась в 1907. В 1908 А. совместно с другими деятелями кооперации разрабатывал устав Московского народного банка, участвовал в съездах российских кооператоров, в международных конгрессах кооператоров в Баден-Бадене. Свои размышления и выводы по различным проблемам кооперативного движения — своеобразный итог исследований этого общественного явления — А. обобщал на

страницах периодической печати: «Вестник кооперации», «Экономист России», «Хроника учреждений мелкого кредита», в сборниках лекций и статей. Незадолго до 1-й мировой войны А. участвовал в занятиях Международного института земледелия в Риме. Плодотворной была и преподавательская деятельность А. В Москве он читал лекции по кооперации в Коммерческом институте и Московском Народном университете им. А.Шанявского, в Харьковском университете возглавлял кафедру политической экономии и статистики, а на Высших женских курсах — кооперативное отделение.

После Февральской революции А. выступил одним из авторов «Положения о кооперативных товариществах и их союзах», принятого 20.3.1917. Закон определял правовое положение российской кооперации, расширял границы ее деятельности и задачи — на ближайшее время и на перспективу. В мае 1917 состоялась защита докторской диссертации А. «Центральные банки кооперативного кредита».

В 1920 А. навсегда покинул Россию. Все годы эмиграции прожил в Париже, преподавая время от времени в Праге. В мае 1921 на Всеславянском кооперативном съезде А., представляя «Сельскосоюз», принял участие в разработке проекта организации кооперативного учебного заведения — Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. В течение 4-х лет А. возглавлял Совет института. После переизбрания оставался заведующим кафедрой сельскохозяйственной кооперации и кооперативной статистики, редактором научных изданий института, а также входил в состав редакций ряда исследовательских журналов, выходящих в Праге на русском языке («Земледелие», «Хутор», «Хозяин»). Одновременно А. состоял профессором Русского юридического факультета в Праге, читал курс лекций по статистике. В Чехословакии А. переиздал ряд своих работ по теории и истории кооперации, статистике, опубликовал результаты исследований в области организации сельского хозяйства, кредитования, русского земледелия. В монументальной «Энциклопедии социальных наук», выходившей в Нью-Йорке под редакцией профессора Зелигмана, А. поместил ряд статей по вопросам демографии и социальной политики. В 1929 А., в сотрудничестве с профессором Кайденом и при поддержке фонда Карнеги, издал свое исследование «Effect of the War upon Cooperative Credit and Agricultural Cooperation in Russia», в котором обобщил итоги влияния мировой и гражданской войн на развитие кооперации в России.

Значима деятельность А. и во Франции. Он преподавал на русском отделении юридического факультета Парижского университета (Институт права и экономики), где читал лекции «Методология статистики», «Экономический строй России»; заведовал кафедрой в Русском высшем техническом институте (французская высшая техническая школа с преподаванием на русском языке); вел экономический семинар в Институте славяноведения. С 1923 А. возглавлял Русскую академическую группу (РАГ) в Париже, которая объединяла ведущих специалистов практически всех отраслей научных знаний, представителей деловых кругов, творческую интеллигенцию. РАГ выступала одним из организаторов Экономического совещания российской эмиграции, съездов русских ученых, деятелей сельского хозяйства. Она способствовала финансированию высших учебных заведений во Франции и других странах, изданию работ исследователей и периодики, осуществляла подготовку научных кадров и т.д.

А. состоял бессменным председателем кружка «К изучению России», который ставил своей целью «обследование причин, объясняющих ход культурного развития русского народа в прошлом и выяснение условий, могущих благоприятствовать его успешному социально-экономическому развитию в будущем». В деятельности кружка принимали участие русские эмигранты — экономисты, юристы, инженеры, общественные деятели: Н.Автономов, В.Аршаулов, Н.Беляев, *М.Бунятян*, Г.Глинка, *К.Зайцев*, *Н.Зворыкин*, *А.Карташев*, П.Мигулин (отделение кружка в Ницце) и др. Этот кружок осуществлял издание трудов своих членов, которые выносили на обсуждение научной общественности различные вопросы, касающиеся аграрной проблематики, сельскохозяйственной катастрофы в Советской России, истории русского земства, будущего своего отечества.

А. возглавлял Совет русских высших учебных заведений во Франции и занимал пост вице-президента Ассоциации бывших студентов Московского университета. В начале 30-х А. выступил одним из организаторов создания Международного института по изучению социальных движений, был избран членом Международного института изучения кооперации (Institut International de l'études cooperatives). В официальном уведомлении об этом избрании отмечено, что «своим вотумом Институт хотел выразить признание научных заслуг проф. Анцыферова, выразившихся в опубликовании многочисленных трудов, написанных на кооперативные темы». Французская республика по достоинству оценила вклад А. в развитие

мировой науки, удостоив его в 1942 премии Академии наук.

Основную массу трудов ученого составляли работы по важнейшим проблемам теории и истории кооперативного движения: дефиниция и классификация, функции и отличительные черты, преимущества и недостатки системы. А. характеризовал кооперативное движение как свободное, добровольное соединение группы лиц для достижения единых хозяйственных целей, базирующееся на принципах полного равенства прав участников и самоуправления, в котором каждый из членов принимает непосредственное участие и несет материальную ответственность, а получаемая в результате хозяйственных дел прибыль не идет на рост капитала. Выступая сторонником Нимской школы, А. оценивал кооперацию с точки зрения разновидностей форм хозяйственного предприятия и хозяйственных отношений, как явление, отличающееся и от капитализма и от коммунизма. Взаимопомощь, свободное и мирное сотрудничество, составляющие незыблемый фундамент кооперации; нравственный, т.е. христианский принцип любви к ближнему, который необходимо внедрить в хозяйственную ткань, — такова, по мнению А., сущность кооперации. Исходя из этого, А. попытался теоретически развести кооперацию и «антагонистическую» ей систему — капитализм с его основополагающими факторами — конкуренцией, прагматизмом, разумным эгоизмом. А. считал, что исторически неверно связывать возникновение кооперации с капиталистическим строем, т.к. она возникла гораздо раньше. Дальнейшее развитие кооперации от ее простейших к более сложным формам должно вытеснять капиталистические формы. Подобный процесс просматривался, как полагал А., на примере эволюции сибирского и датского кооперативного маслоделия.

Представляют интерес работы А., в которых рассматривались вопросы демографии, статистики, христианства, правоведения. В своей последней работе — «Важнейшие законодательные акты Державы Российской» (опубл. посмертно, в 1950) — А. отстаивал идеи монархизма как основы государственного устройства, который, по словам автора, наиболее приемлем для России, исходя из ее исторического прошлого, ментальности, религиозности.

Соч.: Кооперативный кредит и кооперативные банки. Прага, 1922; Курс кооперации. Париж, 1929; Russian Agriculture during the War. New Haven, 1930; О законе земельной ренты / Тр. V съезда рус. академ. орг-ций в эмиграции. София, 1930; Христианство и кооперация // Вестник. Орган церков.-обществ. жизни, 1937, № 3-4.

Лит.: Прокопович П. Проф. А.Н.Анцыферов // Хозяин, 1929, № 36-37; Ижболдин Б.С. А.Н.Анцыферов как экономист // НЖ, 1976, № 124; Телицын В.Л. Алексей Николаевич Анцыферов (Краткий биографический очерк) // Кооперация. Страницы истории. Вып. IV. М., 1994.

В.Телицын

АРСЕНЬЕВ Николай Сергеевич (16.5.1888, Стокгольм — 18.12.1977, Нью-Йорк) — богослов, культуролог, историк, писатель. Родился в семье русского дипломата С.Арсеньева. Духовную атмосферу в семье сформировала его мать, Е.Арсеньева (урожд. Шеншина), обучившая сына английскому, французскому и немецкому языкам и привившая вкус к очень широкому кругу чтений: Библия и «Добротолюбие», знакомство в подлинниках с сочинениями Гёте, Гейне, Расина и Мольера, раннее чтение святоотческих текстов Исаака Сирина, Макария Египетского, Св.Франциска Ассизского.

Школьное образование А. получил в Московском лицее. Это был период его увлечения философией и греческим языком. Сильнейшее впечатление на лицеиста произвели книги ректора Московского университета князя С.Трубецкого «Метафизика древней Греции» и «Учение о Логосе». Глубокое религиозное воспитание, полученное в семье, было созвучно атмосфере русского религиозно-философского ренессанса начала XX в. В 1906 А. поступил на историко-филологический факультет Московского университета с уже сложившимся, по его мнению, мировоззрением, которое он называл философией сердца, освещавшей смысл жизни и живой лик Божества. Увлеченность А. религиозно-философской проблематикой эпохи средневековья и платонизмом эпохи Возрождения вылилась в целый ряд публикаций — «В поисках Абсолютного Бога» (М., 1910); «Плач по умирающем Боге» (М., 1912); «Платонизм любви и красоты в литературе эпохи Возрождения» (Журн. мин-ва народн. просвещения, 1913, янв. и февр.). Большое значение на духовную жизнь А. оказали философские кружки и салоны, которые он довольно активно посещал: Психологическое общество при Московском университете под председательством А.Лопатина; Религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьева; «Кружок ищущих духовного просвещения» под руководством В.Кожевникова.

После окончания университета (1910) с дипломом 1-й степени А. был оставлен для подготовки к профессорскому званию и получил

возможность совершить заграничную поездку в научные центры Мюнхена, Фрейбурга и Берлина (1910-12). В 1912 А. сдал магистерские экзамены и в марте 1914 был избран приват-доцентом Московского университета по кафедре западноевропейской литературы. В период 1-й мировой войны (с сент. 1914 по сент. 1916) А. был мобилизован и проходил службу в Красном Кресте на Северо-Западном фронте.

В сентябре 1916 курсом «Мистическая поэзия средних веков» А. возобновил свою педагогическую деятельность на историко-филологическом факультете Московского университета. Специальные курсы по культуре и литературе средних веков и эпохи Возрождения одновременно читались им на Московских Высших женских курсах и в Московском Народном университете им. А.Шанявского. В 1918 А. был избран профессором нового Саратовского университета. Религиозно-мистические интересы А. этого периода нашли отражение в его более поздних публикациях: «Античный мир и раннее христианство» и «Жажда подлинного бытия» (обе — Берлин, 1922).

В марте 1920 А. эмигрировал. С 1920 по 1944 жил в Кёнигсберге, где на философском факультете университета последовательно занимал должности лектора русского языка, приват-доцента, доцента, сверхштатного профессора по русской культуре и истории русской духовной жизни. Одновременно с 1926 по 1938 был профессором по Новому Завету и по истории религий и сравнительному богословию на православном факультете Польского государственного университета в Варшаве. Развиваемые им идеи вызывали неизменный интерес не только среди философов-эмигрантов, но и в широких научных кругах Западной Европы. А. часто приглашали читать отдельные лекции в университеты Лозанны, Берна, Оксфорда, Кэмбриджа, Лондона, Гренобля, Страсбурга. В мае 1945 он переехал в Париж, а в феврале 1948 — в Нью-Йорк, где в Православной духовной академии Св. Владимира занял должность профессора.

Несмотря на признанный авторитет и известность, мыслитель в эмиграции пребывал в состоянии интеллектуального одиночества. «Я жил, в общем, на отлете», — писал он в очерке «О русской эмиграции» (Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне, 1974). Возможно, определенную роль сыграло нежелание А. участвовать в эмигрантских философских дискуссиях, возможно, его взгляды представлялись слишком самобытными и не находили своих последователей. Вместе с тем А. вел весьма активную жизнь: частые лекционные поездки, участие в экуменическом движении (участник католических конгрессов и конференций, в 1964 был представлен папе римскому Павлу VI). А. активно сотрудничал в бердяевском журнале «Путь», где публиковал как аналитические статьи («Об избыточествующей жизни. Мистика и Церковь», № 3; «Пессимизм и мистика в древней Греции», № 4-5; «О духе нашего времени», № 6), так и обзорно-информационные («Современные течения в католичестве и протестантстве в Германии», № 1; «О современном положении христианства», № 7; «Лозаннская конференция», № 10; «Религиозные съезды в Ньюкастле и Кембридже», № 20; «Религиозное движение молодежи в Германии», № 23; «Движение к единению христианских церквей и проблема современного мира», № 31 и др.).

Проявившийся в публикациях интерес А. к западноевропейской религиозной и церковной жизни не был, однако, определяющим в общем спектре его духовных исканий. В сущности А. был мыслителем одной темы — духовной культуры России и русского православия. Структура и стилистика сочинений А. такова, что его можно вполне принять за богослова, но по сути он — историк религиозной культуры (Запада и Востока), философ культуры с «больным сознанием». Болезнь эта была всепоглощающей и всерадостной, т.к. называлась Россией с ее трагической судьбой и с вечными ценностями ее культуры, которая в своей православной форме жизни преизбыточествующей единственно способна к преображению мира и жизни.

А. был убежден в том, что существует некий высший смысл и непререкаемый внутренний закон творения и жизни, как жизни мира, так и жизни человека. Основные мотивы и обоснование этой убежденности А. изложил в своем учении о Логосе Божием, который понимался не только как основа творения вообще, но и как средоточие истории человечества, как специфический духовный центр, невольно притягивавший всякого человека, приходящего в мир. Воплощенный Логос Божий, воплощенное Слово Божие, по глубочайшему убеждению А., есть центр истории мира. К нему сходятся и от него расходятся все лучи. В Логосе все обетования Божии, в нем осуществляется план Божий о мире. В Логосе решающим образом раскрылась и вошла в мир воплощенная Любовь Божия — основоположный закон и «задний фон» бытия всего мира. Размышляя о структуре мира, А. видел в нем огромное величие: «В этих круговых вращениях электронов, в этом огромном напряжении и устремлении сил, из взаимодействия которых рождается то, что мы называем материей, —

здесь есть не только захватывающий зов глубин, уходящих в бесконечность, но и красота и планомерность, поражающие наш ум. Мы начинаем понимать слова о Премудрости, лежавшей в основе мироздания, подобно тому, как эту Премудрость разумел автор книги Иова и авторы псалмов, когда они восхищались величием Божиим». Нет никакого сомнения в том, что подобные рассуждения в значительной мере носят профетический характер, но это профетизм не религиозного фанатика, а углубленного ученого-богослова и тонкого мыслителя, пытающегося философски осмыслить пласты христианской культуры и осветить онтические аспекты мудрости античного и христианского миров.

Соч.: Из русской культурной и творческой традиции. Франкфурт-на-Майне, 1959; Преображение мира и жизни. Нью-Йорк, 1959; О Жизни Преизбыточествующей. Брюссель, 1966; О Достоевском. Четыре очерка. Брюссель, 1972; Единый поток жизни: К проблеме единства христиан. Брюссель, 1973; О красоте в мире. Мадрид, 1974; О некоторых основных темах русской религиозной мысли 19-го века / Русская религиозно-философская мысль XX века. Питсбург, 1975.

Лит.: Плетнев Р.Н. С.Арсеньев / Русская религиозно-философская мысль XX века. Питсбург, 1975; Филонова Л.Г. Николай Сергеевич Арсеньев / Русские философы. М., 1993.

А.Абрамов

АРХИПЕНКО Александр Порфирьевич (30.5.1887, Киев — 25.2.1964, Нью-Йорк) — скульптор. Сын профессора Киевского университета, инженера и изобретателя П.А.Архипенко, внук иконописца. В 1902 поступил в Киевское художественное училище; в 1905 отчислен за критику учителей. Посетил в 1906 Москву, сблизился с *М.Ларионовым* и др. молодыми живописцами, участвовал в выставках. С 1908 в Париже, поселился на Монпарнасе, колонии художников «La ruche» («Улей»). Недолго занимался в Академии изящных искусств. С 1910 его произведения появлялись на парижских выставках (в 1910-14 в Салоне независимых, в 1911-13 и в 1919 на Осеннем салоне). В 1912 вступил в группу «Золотое сечение» и открыл свою школу, пропагандируя собственные открытия и достижения новейших течений в искусстве.

Годы 1-й мировой войны провел в Ницце. Как скульптор А. начинал со статуй и групп с несколько утрированной гротескной выразительностью; до 1911 его работы отличались компактными обобщенными объемами, центрической композицией, кубистической огранкой форм («Сюзанна», 1909; «Поцелуй» и «Сидящая женщина», 1910; «Задрапированная ню», 1911). Однако со временем его все более стали занимать проблемы пространства и динамики, появились танцующие, жестикулирующие обнаженные фигуры («Композиция с фигурами», 1912; «Танец», 1912; «Боксерский матч», 1913 и др.). Широко вводил в свои работы «отрицательный объем», когда не выпуклость, а вогнутость строила скульптурную форму. Для небольших бронзовых статуй А. характерны вытянутые пропорции, плавность и легкость силуэтов, сквозные прорывы, проемы, напряженные изогнутые плоскости («Женщина, причесывающая волосы», 1915; «Стоящая ню», 1916 и др.). Под воздействием художественных импульсов кубизма интерес А. привлекли пограничные сферы, где объем и пластика активно взаимодействовали с цветом и рисунком («скульптоживопись»): «Медрано II», 1913; «Купальщик», 1915; «Гондольер» и др. Использовал стекло, дерево, металл, папье-маше, клеенку, считал, что продолжает мировые традиции полихромной скульптуры.

В 1921-23 А. жил в Берлине, где руководил школой. Женился на Ангелине Бруно-Шмиц. В 1923 переехал в Нью-Йорк (американское гражданство получил в 1929). Продолжая пластическо-динамические эксперименты, изобрел в 1924 специфический вид искусства под названием «Архипентура» (запатентован в 1927): аппарат с мотором приводил в движение объект, состоявший из живописных элементов. А. стремился отобразить «ту сферу реальной жизни, которая не могла быть передана статической живописью». «Архипентура, — писал он в одноименной статье-манифесте, — есть конкретное соединение живописи с временем и пространством». Произведение А. предвосхитило кинетическое искусство 2-й половины XX в. В дальнейшем в искусстве А. нарастали неоклассические тенденции, проявившиеся как в статуях «Стоящая обнаженная», 1925; «Диана», 1925; «Грация», 1930, так и в рисунках.

Продолжая считать себя российским художником, А. представил свои работы на 1-ю русскую художественную выставку (Берлин, галерея Ван Димена, 1922); выставлялся в Бруклине (Выставка русской живописи и скульптуры, 1923), в Филадельфии (Выставка современного русского искусства, 1933).

В 1927 подарил бронзу «Грация, или Величие красоты» Государственному музею нового западного искусства в Москве для русского раздела выставки «Современное французское искусство». Работы А. экспонировались на выставках Ассоциации независимых украинских

мастеров искусства (АНУМ), созданной во Львове в начале 1930-х. Львовскому Национальному украинскому музею А. подарил в 1934 бронзовый отлив скульптуры «Ма — Раздумье» (в 1952 эта и другие работы А. были изъяты, уцелело несколько рисунков). «Ма — Раздумье» была лучшей из трех композиций А., две других — «Ма — Щедрая сила» и «Ма — Видение» («ма» — ласкательное сокращение от слова «мама»). Скульптурному триптиху А. предпослал лирическое посвящение: «каждой матери; каждому, кто любит и страдает из-за любви; каждому творцу в искусстве и науке; каждому, задыхающемуся от проблем; каждому, кто ощущает и знает вечность и бесконечность».

Любовь А. к украинской национальной культуре нашла выражение в установленных в 30-е в Кливленде памятниках-бюстах Тараса Шевченко, князя Владимира, Ивана Франко. Еще один бюст Шевченко (1935) А. подарил Институту искусств в Детройте. Всего в США состоялось 150 его персональных выставок. А. — основатель ряда художественных школ в США, самая известная из них — в Нью-Йорке. А. преподавал также в университетах и институтах, выступал с лекциями.

Соч.: Архипентура. К истории международных связей ГМНЗИ. М., 1978.

Лит.: Голубец Н. Архипенко. Львов, 1922; Archipenko. Fifty Creative Years 1908-1958 (by Archipenko and Fifty Art Historians). New York, 1960; Коротич В. Плаксигласова мадонна самотності (Із біографії О.Архипенка // Вітчизна, 1966, № 10; Archipenko. International Visionary. Washington, 1969; Karshan D. Archipenko: Sculpture, Drawings and Prints, 1908-1964. Bloomington, Indiana, 1985; Ковжун П. Александр Архипенко // Творчество, 1989, № 10.

А.Шатских

АРЦЫБАШЕВ Михаил Петрович (24.10.1878, хутор Доброславовка, Ахтырский у., Харьковская губ. — 3.3.1927, Варшава) — прозаик, публицист, драматург. Из поместного дворянского рода, по матери — поляк. В 1897-98 учился в харьковской Школе живописи и рисования. С 1894 рассказы, заметки, репортажи А. стали появляться в провинциальных газетах, с переездом в 1898 в Петербург — в столичной прессе. А. критически воспринимал революционный пафос литераторов, группировавшихся вокруг горьковских сборников «Знание»: «Литература вовсе не так влияет на жизнь, чтобы даже самое великолепное художественное произведение отдельного автора могло произвести в ней ощутительный переворот... Литература влияет на жизнь... в течение десятков, если не сотен лет...» В произведениях А. часто возникали образы, заимствованные у Чехова, Толстого, Достоевского, но его описания нарочито натуралистичны, обнаженно жестоки. Роман «Санин» (Совр. мир, 1907, № 1-5, 9; отд. изд. СПб., 1908; М., 1990) надолго обеспечил ему скандальную репутацию проповедника аморальности. Автором разгромной статьи был К.Чуковский; оскорбленный писатель послал ему вызов на дуэль, которая не состоялась, а Чуковский записал после встречи с А.: «...какой он хороший человек». По мнению А.Блока, А. был «бесспорно талантливым писателем». Л.Толстой, хотя и упрекнул А. в том, что в романе «Санин» он «не показал никакой духовной жизни», но в целом положительно отозвался о писателе: «...у Арцыбашева работает — и самобытно — мысль, чего нет ни у Горького, ни у Андреева... Простой талант без содержания у Куприна; у Арцыбашева и талант и содержание». Особенно нравилась Толстому повесть «Смерть Ланде» (1904), в определенной мере созвучная идеям «толстовства». Лучшие романы А. печатались в сборниках «Земля»: «У последней черты», 1910-12, сб. 4, 7, 8 (отд. изд. Мюнхен, Лейпциг, 1910; М., 1913); «Женщина, стоящая посреди», 1915, сб. 17 (Рига, 1930). В 1912-18 было издано собрание сочинений А. в 10-ти томах.

В августе 1923 эмигрировал в Варшаву. О настроениях, с которыми А. оказался в эмиграции, свидетельствует сборник его размышлений «Вечный мираж» (Берлин, 1922), написанных в 1919 в России. «Жизнь, — утверждал он, — не в столкновениях народов, борьбе классов, создании религий и философских систем. Она в том, чего все эти события являются завершением: в мыслях, чувствах и поступках всех людей». По убеждению писателя, к каким бы результатам ни пришла социальная революция, трагизм ее в том, что «множество живых, страдающих... людей будет втянуто в смертельную борьбу, обречено на муку и гибель. В случае ее победы не торжество идеи будет важно, а облегчение участи опять-таки миллионов людей. Но хотя бы для грядущих поколений выгоды этой революции были бы даже неисчислимы, они все-таки ни на йоту не уменьшат ужаса страданий и смерти тех, кто падет в этой борьбе».

Для А. характерен апофеоз страдания, оно является, по его мнению, «настоящим двигателем жизни, и жизнь застыла бы в мертвом бездействии, если бы страдание и страх страдания не толкали ее на поиски спасения»; этим возбуждаются всякое сознательное творчество и всякое бессознательное влечение. Писатель говорил о «духовной узости» и «умственном убожестве» людей, «охваченных политической

борьбой», «ибо они ставят над жизнью идею». В завершении книги «Вечный мираж» А. обобщал: «Итак, «человек» не «звучит гордо», как провозгласил Горький, нет, «человек» звучит очень жалобно и жалко, но это все, что мы имеем, что мы есть. И да закатятся скорее все «великие солнца великих идей» о Богах всякого рода, и да воцарится в сознании человечества истина о том, что мы — одни, что нет и не может быть такой идеи, во имя которой можно было бы терзать живого человека. Если мы не можем жить без религии, то пусть этой религией будет любовь к человеку».

Первый сборник, изданный в Варшаве, «Под солнцем» (1924), был также составлен из произведений, написанных в России. В одноименном рассказе писатель предвещал гибель всей цивилизации и культуры в результате осуществления мировой революции. Политическими аллюзиями насыщена пьеса в стихах «Дьявол: Трагический фарс» (Варшава, 1925) — как бы продолжение «Фауста» Гёте в эпоху XX в. — «ада на земле», т.е. в эпоху битвы «за свободу, равенство и братство», всегда оборачивающейся, по мнению писателя, кровью и диктатурой. В ансамбль персонажей, наряду с традиционными фигурами Дьявола (Мефистофеля), Фауста, Маргариты, Марты, Ведьмы и др., введены многочисленные лица, подчеркивающие злободневность «старой легенды» (среди них — социалисты, рабочие, члены Комитета). В речи персонажей вплетены реминисценции не только из «Фауста», но также из политических гимнов пролетарского движения.

Главной для себя А. считал теперь публицистическую деятельность. Печатался постоянно в варшавской газете «За свободу» и помогал Д.Философову ее редактировать. По мнению *А.Амфитеатрова*, А. «вовсе не был «человеком экстремы», как многие пытались его определить, обманываясь его пламенным литературным темпераментом. Напротив, характером он был очень мягок, а ум имел рассудительный и логический. Но именно на прямолинейных путях строгой «честности мысли», логической до конца, обретал он ту беспощадную последовательность, что определяет его как писателя-гражданина, смелого до дерзости... Его варшавская противобольшевицкая кампания была сплошным бомбометательством в лагери коммунизма и соглашательства». *З.Гиппиус* подчеркивала художественность его политических статей. Наиболее последовательно А. изложил свои взгляды на советский режим в статьях, связанных с процессом убийцы В.Воровского — Конради, эти статьи, включенные в книгу «Записки писателя» (Варшава, 1925), способствовали его оправданию. А. призывал в свидетели против Воровского «всех замученных и расстрелянных в большевицких подвалах, всех погибших от голода и холода, всех погибших от грязи и эпидемии ...жертв великого коммунистического эксперимента...» и утверждал, что «Воровский был убит не как идейный коммунист, а как палач... Убит, как агент мировых поджигателей и отравителей, всему миру готовящих участь несчастной России». В основе подобных выводов лежала уверенность А., что «кровавый переворот 7 ноября 1917 года не выражал народной воли» и что Ленин является «гениальнейшим пройдохой, так полно сочетавшим в себе черты деспота — жестокость и лицемерие»; «ни нашествие Батыя, ни кровавое безумие Иоанна не причинили России такого вреда и не стоили русскому народу столько крови и слез, как шестилетняя диктатура красного вождя».

Получив известие о смерти А., Гиппиус сказала о нем на заседании «Зеленой лампы»: «Человек. Любил родину просто: как любят мать. Ненавидел ее истязателей. Боролся с ними лицом к лицу, ни пяди не уступая, не отходя от материнской постели». Для Амфитеатрова А. был «одним из тех авторов, которых понимание возрастает через отдаление их эпохи в историческую перспективу».

Соч.: Тени утра: Роман, повести, рассказы. М., 1990.

Лит.: Некрологи: Пильский П. // Сегодня, 1927, 4 марта; Куприн А. // Возрождение, 1927, 5 марта; (Скиталец) // Рус. слово, 1927, 22 марта; Неугасимая лампада: Сб. статей памяти М.П.Арцыбашева. Варшава, 1928.

А.Ревякина

АУЭР Леопольд Семенович (7.6.1845, Веспрем, Венгрия —15.7.1930, Лошвиц, близ Дрездена) — скрипач, дирижер, композитор, педагог. Родился в бедной еврейской семье маляра-живописца, расписывавшего наружные и внутренние стены домов. В раннем возрасте у А. проявились незаурядные музыкальные способности; с 4-х лет самостоятельно научился играть на скрипке и обратил на себя внимание окружающих. Благодаря меценатам с 9-ти лет обучался в консерватории Пешта у Р.Конэ. Вскоре с большим успехом выступил в благотворительном концерте в Будапештской опере с исполнением концерта Мендельсона. На собранные поклонниками его таланта средства А. с отцом выехали в Вену, где в 1857-58 юный скрипач обучался у Я.Донта и в квартетном классе Й.Хельмесбергера. В Вене А. получил настоящую профессиональную базу скрипичной игры. Он считал, что Донту он был

«обязан скрипичной техникой», а общение с Хельмесбергером дало ему широкое музыкальное образование.

Однако недостаток средств не позволил продлить занятия. С 1859 начались гастроли А. по странам Европы как «вундеркинда», который вынужден своим талантом содержать семью. Выступления продлились два года. Утомительные переезды, полуголодное существование (семья копила средства на обучение в Париже) во многом сказались на здоровьи мальчика. В 1861 А. оказался в Париже. Здесь он много играл в частных домах, познакомился с Россини и Берлиозом, оценившими его талант. С ним играл Юзеф Венявский, давал консультации один из лучших профессоров Парижской консерватории Ж.-Д.Аляр. С большим успехом прошел концерт А. в зале Плейель.

После нескольких месяцев пребывания в Париже А. переехал в Англию (1862). Концерты в Лондоне положили начало его европейской известности. Однако А. ощущал недостаточную развитость художественной стороны своей игры и отправился в Ганновер к знаменитому Йозефу Иоахиму. Почти два года (1863-64) он занимался у него, играл с ним в квартете. Как вспоминал А., Иоахим «явился настоящим откровением для меня, раскрыв перед моими глазами такие горизонты высшего искусства, о которых я и не догадывался до тех пор». А. выступал с концертами, которыми дирижировал Иоахим. Блистательным был его дебют в 1864 в Гевандхаузе. Иоахим писал в рекомендательном письме к Нильсу Гаде, что А. «как скрипач далеко превзошел всех своих сверстников, которых мне приходилось слышать!» А. подружился со многими немецкими музыкантами, особенно с Брамсом, с которым играл «Крейцерову» сонату Бетховена и др. сочинения.

В 1864-66 А. занимал место концертмейстера в Дюссельдорфе, а затем в Гамбурге, где также возглавлял смычковый квартет. Его ансамблевая деятельность была столь значительна, что в 1867 он был приглашен занять место первой скрипки в знаменитом «Квартете братьев Мюллер» (после смерти одного из братьев). В этом квартете он проработал два года, концертируя в различных странах Европы. В 1868 А. с большим успехом выступал в Лондоне как квартетист и солист. С Антоном Рубинштейном и Альфредо Пиатти он играл Трио Бетховена. Восхищенный искусством скрипача, Рубинштейн пригласил его занять место профессора Петербургской консерватории и солиста императорских театров вместо ушедшего Г.Венявского. Начался новый этап деятельности скрипача. Он подписал 3-летний контракт и в сентябре 1868 приехал в Россию, где ему суждено было провести 50 лет своей жизни.

В Петербургской консерватории А. вел высший класс скрипичной игры, квартета, камерного ансамбля, а также дирижировал студенческим оркестром. Одновременно в 1868-1906 он возглавлял квартет Русского музыкального общества (РМО), заменив Венявского. В квартете вместе с ним играли И.Пиккель, И.Вейкман и К.Давыдов. Ансамбль стал первым исполнителем многих квартетов русских композиторов. С 1886 состав квартета изменился. В нем стали играть П.Пустарнаков (ученик А.), Е.Альбрехт, а после ухода Давыдова (1880) партию виолончели начал исполнять А.Вержбилович. Квартет завоевал славу одного из лучших мировых ансамблей. Его очень высоко ценили П.Чайковский, А.Глазунов, С.Танеев и др. русские музыканты, а также Иоахим, Сен-Санс, Сарасате. Вместе с А.Есиповой и А.Вержбиловичем А. создал Трио профессоров Петербургской консерватории, пользовавшееся большой популярностью на эстраде.

Параллельно с сольной и камерной деятельностью А. в 1872-1908 исполнял обязанности солиста оркестра балета Мариинского театра, где его блистательные соло, неизменно вызывавшие восторг публики, надолго определили традицию трактовки сольных каденций в балетах (в известной мере она продолжается и ныне). В 1873 А., наконец, получил звание «Солиста двора», которое носил Венявский. В 1896 ему было пожаловано дворянство. Он был награжден многими высшими орденами Российской империи. Размах творческой деятельности А. был поразительным. В дополнение ко всему он еще с 1883 (с некоторыми перерывами до 1892) был главным руководителем-дирижером симфонических собраний РМО, продирижировав свыше 80 концертами. Как дирижер он выступал и со студенческим оркестром консерватории. На своих концертах как в России, так и за рубежом А. особенно пропагандировал произведения русских композиторов, в первую очередь Чайковского. Высоко оценивая дирижерский талант А., Чайковский доверил ему премьеру своей «Моцартианы». Блистательно трактовал А. «Франческу да Римини», симфонии русского композитора. Вместе с тем художественными событиями в музыкальной жизни России были исполнения А. Реквиема Г.Берлиоза (1889), «Манфреда» Р.Шумана (1890), шумановской Симфонии C-dur (1906), «Тиля Уленшпигеля» Р.Штрауса (1906) и др. Искусство А.-дирижера, как писал И.Липаев, «увлекало, чаровало, действовало неотразимо..., его оркестр поражает жизнью, он умеет ухватить общую картину, нерв, сок произведения».

Критики отмечали «темперамент, красивый взмах, выразительное лицо» А.

А. был блистательным скрипачом-солистом виртуозно-лирического плана. Он концертировал с Э.д'Альбером, Л.Брассеном, Р.Пуньо, И.Гофманом, Т.Лешетицким, Ю.Венявским и мн. др. выдающимися пианистами. Регулярно выступал с А.Рубинштейном, В.Сафоновым, С.Танеевым, С.Ляпуновым. С А.Есиповой у него сложился постоянный сонатный ансамбль. Они выступали совместно с 1895 по 1913, неоднократно исполняя циклы всех сонат Бетховена, Брамса.

Исполнительская манера А.-скрипача, несколько холодноватая, в определенной мере рационалистическая, во многом была близка по сочетанию интеллектуального начала и романтической приподнятости творчеству А.Вьетана, отчасти П.Сарасате, Й.Иоахима. Именно синтетический стиль, стремление к объективации интерпретации, утонченности и одновременно изящество игры, прекрасные виртуозные качества, певучесть, тонкость фразировки позволили А. занять высокое место среди концертирующих скрипачей конца XIX в. Рецензенты выделяли его «в высшей степени осмысленную игру», «чистоту, блеск и грацию». Чайковский писал: «Преобладающие качества Ауэра — задушевность, прочувствованность в передаче мелодии и нежная певучесть смычка. Он играет с большой выразительностью, с высокопоставленной чистотой техники, с тонкой обдуманностью и поэтичностью в фразировке». Его звук был небольшим, мягким, серебристым. Особыми качествами отличалась его трактовка русских сочинений, в частности, Чайковского и Глазунова. В них он подчеркивал поэтичность, черты мечтательности, широту мелодического дыхания, образность, импровизационность. Это ярко ощущается в сохранившейся записи исполнения А. «Мелодии» Чайковского. В репертуаре А. были концерты Бетховена, Мендельсона, Шпора, Вьетана, Эрнста, Рубинштейна, Глазунова, «Испанская симфония» Лало, множество сонат, пьес, отдельные части сольных сонат и партит Баха.

А. был одним из лучших исполнителей скирпичного концерта Чайковского. Известно, что Чайковский хотел посвятить сочинение А., принес его ему и сыграл на фортепиано. А. вспоминал, что «с трудом мог тогда охватить полностью содержание произведения при его первом исполнении, но сразу же был поражен лирической красотой второй темы первой части и прелестью овеянной грустью второй части». Однако позднее, ознакомившись с концертом, он нашел, что, «несмотря на всю его внутреннюю ценность, он требовал основательного просмотра, ибо некоторые места были «нескрипичны» и написаны в чуждой инструменту форме». А. признавался, что долго откладывал редакцию концерта и не стал, к сожалению, первым его исполнителем. Обладая достаточно консервативным вкусом, А., видимо, не смог в должной мере оценить концерт, кроме того, он, как правило, очень долго и тщательно разучивал сочинение (из всех посвященных ему концертов А. первым сыграл только концерт Глазунова). Редакция концерта была завершена лишь в 1893. Впервые А. исполнил сочинение в мае того же года в Мюнхене на Фестивале Немецкого всеобщего союза музыкантов и повторил через полгода (6 нояб.) на траурном вечере РМО под управлением Э.Направника. В феврале 1894 он играл концерт в Москве. Музыкальный критик Н.Кашкин писал: «Скрипичный концерт Чайковского слышали в Москве много раз и от прекрасных исполнителей; но г. Ауэр, выступивший с ним в этот вечер, совершенно увлек публику виртуозным блеском и теми новыми оттенками, которые он сумел вложить в это произведение». Редакция А. была опубликована в 1899 и пользовалась большой популярностью. Ныне она исполняется наряду с оригиналом. Временное охлаждение отношений с Чайковским вскоре исчезло. Композитор с пониманием отнесся к редакционным, относительно небольшим, «вторжениям» А.

А. и в преклонном возрасте сохранил свое исполнительское мастерство. Так, исполнение им концерта Бетховена в 1913 стало заметным художественным явлением. Известный музыкальный критик А.Спалдинг писал: «Это была выдающаяся интерпретация. Огромная ясность стиля, широта концепции руководили его фразировкой, а в лирических местах природное поэтическое чувство было глубоко волнующим». Одно из последних выступлений А. в России состоялось в 1915. В исполнении сонат Бетховена критики отмечали его «неувядаемый талант», то, что ему «удалось сохранить чисто-юношеский, животворящий темперамент, безукоризненную чистоту интонации, уверенность смычка, обаяние», волевую, устремленную игру. А. играл на скрипке Страдивари 1697, имел еще один инструмент Страдивари более раннего периода творчества («аматизе»), скрипку П.Гварнери, которые давал для концертов своим ученикам.

Велико значение педагогической деятельности А. В начале 1900-х из его класса начали выпускаться скрипачи мирового уровня — *М.Эльман*, *Е.Цимбалист*, М.Пиастро, *Я.Хейфец* и др., заставившие заговорить мир о «русской скрипичной школе». В 1908 праздновался 40-летний юбилей деятельности А. в Петербургской

консерватории. Выступали его лучшие ученики. А. было присвоено звание Почетного члена РМО. Решено было провести конкурс его имени. Необходимая сумма была собрана в 1911. В конкурсе участвовало 4 его ученика. Премия была присуждена М.Пиастро.

Наряду с преподаванием в консерватории А. основал в Лондоне летнюю «Школу-студию» (1907-16). В 1915-17 А. выезжал с учениками на летние каникулы в Норвегию — в горы около Христиании. Здесь же с ним занимались и ученики «английской студии». В середине 1917 А. последний раз приезжал в Петербург, а затем уехал в Норвегию, выступал с сонатными вечерами в Скандинавии. Известие о захвате власти большевиками укрепило его в намерении покинуть Россию. 7.2.1918 он отплыл на пароходе в Америку. В Нью-Йорке А. встретили его ученики — Эльман, Цимбалист, Хейфец, Э.Броун, М.Розен и др. Вскоре (25 марта) он дал свой первый концерт в Нью-Йорке. Слава об А., как о выдающемся педагоге, обеспечила ему широкий приток учеников. Но он теперь тщательно отбирал наиболее интересных, резко ограничив их число. У А. одновременно было не более 6-7 учеников. Занятия он вел в Институте музыкального искусства в Нью-Йорке, а затем в Кертис-институте в Филадельфии (где директором был его ученик Цимбалист).

В 1924 А. впервые выступил в Карнеги Холл. Там же в следующем году было торжественно отпраздновано 80-летие маститого артиста. В концерте участвовали *С.Рахманинов*, И.Гофман, О.Габрилович и ученики А. — П.Стасевич, И.Ахрон, Хейфец, Цимбалист. Программа открылась исполнением с оркестром Тройного концерта Вивальди. Играли А., Хейфец и Цимбалист. Специальную каденцию для трех солистов написал Ахрон. Затем А. сыграл «Мелодию» Чайковского и Венгерский танец Брамса. Аккомпанировал Рахманинов. Рахманинов также переворачивал ноты аккомпаниаторам Хейфеца и Цимбалиста. Концерт принес 20 тыс. долларов дохода.

В 1924 А. развелся со своей женой, Надеждой Евгеньевной (на которой женился в России) и женился на Ванде Богутке-Штерн, работавшей аккомпаниатором в его классе. В 1926 он получил американское гражданство. Каждое лето и часть осени А. проводил в небольшом городке Лошвиц под Дрезденом. В июле 1930 он там простудился и умер от воспаления легких. Его похоронили в Нью-Йорке. На панихиде Хейфец играл «Ave Maria» Шуберта, а Гофман — первую часть «Лунной» сонаты Бетховена. А. до конца дней сохранял ясность ума и владение инструментом. По воспоминаниям, «за несколько месяцев до смерти он еще играл в честь одного из выдающихся своих учеников: играл до тех пор, пока его друзья не признали, что он также жив, также бодр, также молод духом, как всегда».

Основной вклад в развитие музыкального искусства А. внес как гениальный педагог, проложивший новые пути формирования скрипача. Наследовав в Петербургской консерватории класс Венявского, исполнительская манера которого служила ему эталоном, он во многом развил существующие традиции преподавания, стараясь формировать своих учеников с учетом стиля Венявского, его темпераментной, масштабной игры, блистательной виртуозности, красочности звучания. Для решения этой задачи А. пришлось выработать совершенно новую систему обучения. Она основывалась не на методе постепенного движения, а на «методе эксперимента» (когда талантливому ученику дается задание, превышащее его возможности), учете индивидуальности ученика, внимании именно к его сильным сторонам (а не упор на его «всестороннее» развитие), воспитании самостоятельности, самооценки, артистического мышления. А. ввел т.н. «русскую хватку» смычка, когда пальцы на смычке располагаются гораздо глубже, высокое положение локтя правой руки с несколько опущенной кистью («кисть должна упасть»), свободное перемещение скрипки в горизонтальной плоскости и держание ее без подушечки. Он рекомендовал прием «длинного смычка» для выработки широкого, льющегося звука; советовал ученикам удерживать «в пальцах» репертуар, изучать партитуру сочинения, в обязательном порядке присутствовать на занятиях с другими учениками. Хейфец говорил: «Ауэр был несравненным педагогом. Думаю, что никто в мире не мог бы даже приблизиться к нему. Не спрашивайте, как ему это удавалось, я все равно не смогу ответить, но он умел быть абсолютно разным с каждым студентом. Возможно, это была одна из главных черт великого учителя». В то же время Цимбалист отмечал: «Занимаясь в классе Ауэра, боготворя своего учителя, вслушиваясь во все его замечания, мы никогда не были глухи и к своему внутреннему голосу, как бы говорившему: это для тебя, а это — нет!».

Педагогические принципы А. были усвоены и развиты его учениками и последователями в русской скрипичной школе, в первую очередь А.Ямпольским, а также Л.Цейтлиным, Ю.Эйдлиным и др. Среди лучших учеников А. (а их было у него более 300), кроме упомянутых, можно назвать Тошу Зейделя, Цецилию Ганзен, Рихарда Бургина, Кэтлин Парлоу, Бориса Сибора (Лифшица), Эмиля Млынарского, Иосифа Лесмана, Виктора Вальтера, Иоаннеса

Налбандяна, *Натана Мильштейна*, Юлия Эйдлина, Филарета Григоровича, Вацлава Коханьского, Изольду Менгес, Павла Пустарнакова и мн. др.

А. был одаренным композитором. Ему принадлежат: Концертная тарантелла, Романс, 2 Rêverie, Экспромт и др. Лучшим его произведением стала Венгерская фантазия для скрипки с оркестром. Чайковский писал: «Ауэр заявил себя артистом, далеко не лишенным композиторского дара. В его рапсодии много огня, увлекательности, подчас юмора, а инструментована она с замечательным блеском». А. принадлежат также каденции к концертам Бетховена (2 варианта), Брамса, Четвертому концерту Моцарта, сонате «Дьявольские трели» Тартини; им дополнена каденция к концерту Чайковского; создано огромное количество транскрипций и обработок для скрипки различных пьес Баха, Гайдна, Моцарта, Бетховена, Шуберта, Шумана, Вагнера, Давыдова, Дриго, Чайковского, Шопена, Глинки, Рубинштейна и мн. др. Интересны редакции концертов Чайковского, Глазунова, Моцарта (D-dur), Аренского, Шпора (№ 2, 6, 9, 11) и др.

Искусство А. высоко ценили многие русские композиторы. Чайковский посвятил ему «Меланхолическую серенаду», Глазунов и Аренский — свои скрипичные концерты, Танеев — «Концертную сюиту».

Свой концертный и педагогический опыт А. обобщил в работах: «Violin playing as I Teach it» (New York, 1921); «Violin Master Works and their Interpretation» (New York, 1925; рус. пер.: Моя школа игры на скрипке. Интерпретация произведений скрипичной классики. М., 1965); «Graded course of Violin Playing». (Books I-VIII. New York, 1926). Сохранились его воспоминания (My Long Life in Music. New York, 1933); интервью «О стиле и традиции» (Muzyka, 1930, № 10). А. также принадлежит «Курс игры в ансамбле» в 4-х тетрадях. Указания А. систематизированы в работах его учеников: И.Лесман. Скрипичная техника и ее развитие в школе Л.С.Ауэра (с предисл. Ауэра). СПб., 1909; В.Вальтер. Как учиться играть на скрипке. 3-е изд., СПб., 1910.

Лит.: Раабен Л. Леопольд Семенович Ауэр. Очерк жизни и деятельности. Л., 1962; Григорьев В.Ю. Принципы скрипичной школы Леопольда Ауэра / Из истории музыкальной жизни России (XVIII-XIX вв.). М., 1990.

В.Григорьев.

АФОНСКИЙ Николай Петрович (1892, Киев — 9.5.1971, Нью-Йорк) — регент русской православной церкви. Образование получил в Киевской духовной академии. Всю 1-ю мировую войну провел на фронте; там же впервые проявил дирижерские способности, организовав хор 129-го Бессарабского полка (где служил в чине поручика). Впоследствии находился в Добровольческой армии, эвакуировался в Германию, попал в русский лагерь в Вюнсдорфе под Берлином, где были собраны расформированные части Добровольческой армии, беженцы и т.д. В Вюнсдорфе А. также организовал церковный хор, который был во время пасхального богослужения отмечен митрополитом *Евлогием*. Некоторое время А. работал в канцелярии митрополита, затем псаломщиком и регентом русской церкви в Висбадене. В 1925 переехал в Париж и, получив назначение регентом в кафедральный собор Св.Александра Невского (на rue Daru), приступил к созданию парижского Митрополичьего хора, которым руководил затем в течение 22 лет, до переезда в США в 1947.

Хор под управлением А. не только пел службы в соборе, но и давал очень много концертов русской духовной и народной музыки, выступая как в залах, так и в храмах разных конфессий. В 1926 А. и его певцы приняли участие в первом исполнении «Демественной литургии» *А.Гречанинова* (во 2-й ред.) в парижском католическом храме Богородицы Белых Покрывал. В 1928, через три года после создания, Митрополичий хор занял 1-е место на объединенном концерте европейских хоров в Антверпене. В 1934 по приглашению *Ф.Шаляпина* хор осуществил записи двух пластинок русской церковной музыки с участием великого певца: «Сугубая ектения» А.Гречанинова и «Верую» А.Архангельского, «Покаяния отверзи ми двери» А.Веделя и «Ныне отпущаеши» М.Строкина. Первая пластинка получила премию на Международном конкурсе в Париже в 1934, вторая — в Нью-Йорке в 1954, где вместе с другими записями, лучшими в серии «Золотой век музыкального искусства», была замурована в стене Музея современного искусства. В 1936 хор дал ряд концертов в США и Канаде; в 1938 совершил турне по Бельгии, Германии, Голландии, скандинавским странам. Все выступления пользовались очень большим успехом. Постоянно участвуя в богослужениях в парижском православном соборе, А. исполнял там со своим хором целиком композиции Божественной литургии Чайковского, *Гречанинова*, *Рахманинова*, Архангельского, Кедрова и др. Отдельные песнопения из этих циклов и др. сочинения были записаны на пластинки.

В 1950 А. по приглашению митрополита Феофила занял место регента православного кафедрального собора в Нью-Йорке. Органи-

зованный им соборный хор много концертировал и записал четыре долгоиграющих пластинки (песнопения литургии Чайковского и Архангельского, песнопения Всенощного бдения и др.). А. создал в США еще три хора: молодежный Русский национальный хор, Детский хор и мужской хор «Капелла» (назван в честь петербургской Придворной певческой капеллы); все эти коллективы сосредоточивались в основном на исполнении русской хоровой музыки, духовной и светской. С «Капеллой» А. осуществил запись нескольких пластинок (в том числе православной Панихиды).

Стиль А. современники характеризуют как особенно нарядный, пышный, отмеченный сильными динамическими и тембровыми контрастами. Репертуар регента был весьма обширен, включая произведения русской церковной музыки разных стилей, преимущественно XIX-XX вв., в том числе авторов из русского зарубежья. По оценке историков культуры эмиграции, А. стал первым регентом, создавшим за пределами России хоры высокого уровня, которые привлекли интерес широких кругов зарубежных слушателей к православному церковному пению.

М.Рахманова

Б

БАБКИН Борис Петрович (25.12.1876, Курск — 2.5.1950, Монреаль) — физиолог. Родился в дворянской семье. Отец — Петр Иванович — издатель, литератор, общественный деятель. Взгляды отца оказали существенное влияние на последующую жизнь его сыновей Бориса и Александра. В 1895 Б. окончил в Петербурге гимназию Я.Гуревича. В том же году поступил на естественное отделение Петербургского университета, а в 1896 перевелся на медицинский факультет Харьковского университета. В 1898 поступил на 3-й курс Военно-медицинской академии (ВМА), которую окончил в 1901 с отличием. Под влиянием известного музыканта В.Андреева Б. увлекся игрой на народных инструментах; в 1896 опубликовал статью «Балалайка. Очерки ее развития и усовершенствования». В 1898-1900 вышли отдельными изданиями еще два его руководства по игре на балалайке. Любовь к музыке оказала влияние на исследования Б. в области высшей нервной деятельности. В 1901 Б. вступил в брак с Е.Соловьевой, сотрудницей профессора гистологии ВМА *А.Максимова.*

Студенческая работа Б. «Влияние искусственных швов черепа у молодых животных на их рост и развитие», выполненная у В.Бехтерева, была отмечена в ВМА золотой медалью. В 1901-12 он работал ассистентом у И.Павлова в физиологическом отделе Института экспериментальной медицины (ИЭМ) и на кафедре физиологии ВМА. В 1903 вышла первая работа Б. по физиологии пищеварения «Латентная форма стеапсина», в которой Б. показал, что фермент сока поджелудочной железы, расщепляющий жиры (липаза), содержится в неактивном состоянии; после соприкосновения со слизистой кишечника липаза переходит в активную форму. Это открытие помогло самому Б. разработать физиологическую операцию выведения наружу протока поджелудочной железы. После этой операции животные жили годами. Ранее попытки наложить постоянную фистулу оставались безрезультатными из-за быстрой гибели животных вследствии осложнений. К числу фундаментальных открытий Б. того времени относятся исследования влияния жиров и мыл на активность поджелудочной железы и участие желчи в активировании липазы.

В 1904 Б. защитил докторскую диссертацию «Опыт систематического изучения сложных нервных (психических) явлений у собаки». В 1904 он был командирован за рубеж. В Германии у профессоров Розенгейма и Магера совершенствовался по неорганической химии; у профессора Э.Фишера — по биологической химии. На неаполитанской Зоологической станции в Италии Б. исследовал физиологические функции некоторых морских животных, а в Физиологическом институте Лейпцигского университета занимался электрофизиологией. В это время он опубликовал (совм. с Абдергальденом) статьи по физиологической химии, сообщения об организации исследовательской работы на неаполитанской станции (1906), обзор по химии белков (1908). Методики, отработанные Б. в годы работы в ИЭМ, ВМА и лабораториях Германии, стали экспериментальной основой многих его будущих работ.

В 1907 Б. получил звание приват-доцента ВМА. Совместно с Савичем и Рубашкиным Б. показал различие в работе поджелудочной железы при возбуждении блуждающего нерва и под влиянием гормона секретина (1908). Совместно с Н.Тихомировым (1909) он пришел к выводу, что изменение качества сока поджелудочной железы является адаптационным процессом. С 1912 по 1914 Б. — адъюнкт-профессор физиологии Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства (под Варшавой). В 1914 он стажировался в физиологической лаборатории Э.Старлинга (Лондонский университет), где участвовал в исследованиях по влиянию секретина на моторику пищеварительного тракта. К этому времени он убедился, что поток гормонов, продуцируемых пищеварительным каналом, играет большую роль в гомеостазе. Об этом Б. сказал в лекции, прочитанной при вступлении в должность заведующего кафедрой физиологии Новороссийского университета (Одесса, 1915). В течение семи лет работы в Одессе он создал свою научную физиологическую школу. Ее основное направление — влияние разнообразных химических веществ на моторику и секрецию пищеварительного тракта. В 1915 вышла монография Б. «Внешняя секреция пищеварительных желез»; книга ос-

нована на исследовании физиологической школы Павлова.

В период смены политической власти в Одессе (1917-20) Б. устраивал на работу беженцев из Петербурга и Москвы, ходатайствовал по делам лишенцев, безработных, уволенных из учебных заведений, собирал подписи об освобождении арестованных. В 1921-22 Б. — ответственный работник Американской организации помощи голодающим (АРА). Он открыто протестовал против насильственных мер по отношению к преподавателям университета со стороны Одесского губнаробраза. В это же время он организовывал встречи ученых, в том числе Петербурга и Москвы, на которых обсуждались фундаментальные проблемы физиологии и затрагивались общечеловеческие проблемы развития личности и общества, проблемы веры. Б. разделял взгляды А.Ухтомского и С.Дурылина о единстве религии, о религиозном чувстве как особом состоянии человека, на котором покоятся нравственные принципы личности.

В августе 1922 Б. был арестован и приговорен к административной высылке из страны со следующей формулировкой: «Правый радикал, антисемит, активный противник советской власти. Группирует вокруг себя эту часть профессуры. Лекции читал очень мало. Служит в АРА, где является крупной величиной. Тип вредный». Вместе с другими 17 инакомыслящими преподавателями вузов Одессы на корабле, отплывавшем в Турцию, Б. навсегда покинул родину. В течение двух последующих лет он работал в Лондонском университетском колледже у профессора Э.Старлинга. Б. вторично защитил диссертацию на звание доктора медицины и получил разрешение преподавать в английских университетах. В 1923 Б. при поддержке А.Хилла получил место профессора физиологии в университете Далхаузие (Галифакс, Новая Шотландия, Канада); организовал физиологический практикум с демонстрацией методов Павлова в области физиологии пищеварения и условных рефлексов.

В 1927 в Петрограде вышло расширенное (2-е) издание его книги «Внешняя секреция пищеварительных желез» (доп. изд. на нем. яз. Берлин, 1928). Вместе с У.Гентом и У.Кенноном Б. перевел на английский язык книгу Павлова «20-летний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных» (Нью-Йорк, 1928). В университете Далхаузие Б. исследовал особенности формирования состава желудочного сока, исходя из совместной работы четырех видов железистых клеток желудка: обкладочных, пепсиновых, слизистых и клеток покровного эпителия.

В 1928 Б. получил приглашение занять должность профессора-исследователя в лаборатории физиологии и экспериментальной медицины на медицинском факультете университета Мак-Гилла. Вместе с деканом этого факультета, Чарлзом Ф. Мартином, Б. разрабатывал междисциплинарную программу по теоретической медицине для университетов, которая в 1943 была отмечена присуждением Б. степени доктора юриспруденции.

В университете Мак-Гилла Б. совместно с Макинтошем обнаружил в желудочном соке собаки сокогонные (гистамин и гистаминоподобные вещества) и депрессорные вещества. Совместно с Уэбстером установил роль слизи в нейтрализации соляной кислоты в желудке. Совместно с К.Хебб исследовал работу секреторных желез на клеточном уровне. Он выделил мукоидные вещества слизи и установил их защитную роль при повреждении слизистой желудка.

Б. вел обширную педагогическую работу. Он подготовил 36 докторов наук. Среди них К.Хебб, М.О.Маккей, Р.Грант, А.Сергеева, С.Комаров, Г.Ставраки, М.Фридман и др. По указаниям Б. Г.Сатерленд оборудовал в университете Мак-Гилла «беззвучную» павловскую комнату (1930), необходимую для проведения экспериментов по условным рефлексам. В ней приехавший из Советского Союза ученик Павлова Л.Андреев обучал сотрудников университета работе с условными рефлексами.

В 1942 Б. ушел в отставку, но продолжал сотрудничать с Монреальским неврологическим институтом, где профессор В.Пенфилд предоставил ему небольшую лабораторию. В 1943 на торжественном акте выпуска молодых врачей университета Мак-Гилла Б. произнес речь «Научные традиции в современной медицине», в которой указал на необходимость приоритетного развития научной теории.

В годы 2-й мировой войны Б. разрабатывал методы контроля слухового анализатора, с помощью которых оценивалась степень реабилитации летчиков, находившихся на излечении в Монреальском неврологическом институте. В 1944 вышел фундаментальный труд Б. «Секреторный механизм пищеварительных желез» (на рус.яз. — Л., 1960). В 1949 была опубликована книга Б. «Павлов. Биография». В тот период Б. сотрудничал в «Новом журнале». Возвращаясь из Атланты в Монреаль, Б. скоропостижно скончался в поезде от острой сердечной недостаточности. Похоронен в Монреале.

Б. — член Королевского общества Канады, член Лондонского Королевского общества, член Германской академии естествоиспытате-

лей (Леопольдина), президент Общества гастроэнтерологов «Сигма Х» (1939-40). Награжден медалью Королевского общества Канады им. Флавелля и медалью Фриденвальда (Общество гастроэнтерологов США).

Соч.: Материалы к физиологии лобных долей больших полушарий // Изв. Воен.-мед. академии, т. XIX, № 1, 2, 16; К характеристике звукового анализатора собаки // Тр. Об-ва рус. врачей в СПб., 1910, т. 77; Секреторные и моторные явления в слюнных и панкреатических железах // Врач. дело, 1927, № 23, 24; Secretory Mechanism of the Digestive Glands. New York, 1950.

Лит.: B.P.Babkin (1877-1950) Obituary // Gastroenterology, 1950, vol. 16, № 2; Жекулин А.Г. Б.П.Бабкин (1877-1950) // Современник. 1968. № 17/18.

В.Синельников

БАЙКОВ Николай Аполлонович (29.11.1872, Киев — 6.3.1958, Брисбен, Австралия) — писатель и натуралист. Дворянин, потомок Федора Исаковича Б., направленного в 1654-58 царем Алексеем Михайловичем во главе первого русского посольства в Китай для установления дипломатических и торговых отношений. Бабушка Б. — Мария Егоровна — племянница Шамиля. Отец Б. — Аполлон Петрович Б. — военный юрист, член Главного военного суда в Петербурге, закончил службу в чине генерал-лейтенанта; одним из его друзей был Н.Пржевальский, с которым Б. встретился в 1887. Воспитывался Б. в Киевском кадетском корпусе; получив аттестат зрелости при 1-й петербургской классической гимназии, поступил на естественный факультет Петербургского университета, но через два года оставил университет. Окончил Тифлисское пехотное юнкерское училище.

Военную службу начал в 1892 в 16-м гренадерском Мингрельском пехотном полку в Тифлисе, под командованием великого князя Николая Михайловича. По его рекомендации Б. познакомился с Г.Радде, известным путешественником и естествоиспытателем. Решив посвятить себя изучению Маньчжурии, Б. добился в 1901 при помощи Д.Менделеева, гостившего у великого князя, перевода в Заамурский округ пограничной стражи Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). В 1910-14 командовал ротой 5-го Заамурского полка, названной «тигровой» за мужество командира и солдат в охоте на хищников. За эти годы Б. исколесил обширный район Маньчжурии, от границ Кореи до Амура, выполняя задание Академии наук. Изложил научные результаты экспедиции в ряде работ; ввел тему Маньчжурии в русскую литературу (книга очерков и рассказов «В горах и лесах Маньчжурии», 1914). В 1-ю мировую войну «тигровая» рота Б. в составе 2-го Заамурского полка действовала на Юго-Западном фронте в Галиции. Б. был ранен, награжден орденом Св.Владимира за храбрость.

В годы гражданской войны воевал в рядах Добровольческой армии. В Новороссийске заболел тифом; по выходе из госпиталя в 1920 вместе с семьей покинул Россию. Из Константинополя направился в Египет, через год оказался в лагере Сиди Бишр, возле Александрии. Два года скитался по Африке, Индии и др. странам Юго-Восточной Азии. В сентябре 1922 приехал во Владивосток, поверив слухам о восстановлении белой власти, но уже через месяц снова эмигрировал — на этот раз в знакомую ему Маньчжурию. Устроился сначала сторожем на лесной концессии КВЖД. С 1925 жил в Харбине, участвовал в создании Общества изучения Маньчжурии, опубликовал очерк «Маньчжурский тигр». В дальнейшем продолжал выступать с научными статьями и заметками натуралиста, но главным его делом стала литература, а основной темой — жизнь маньчжурской тайги и ее обитателей. Воспоминания и впечатления Б. — участника событий 1914-19, монархиста, который сравнивал Октябрьскую революцию со стихийным бедствием, разрушавшим естественный порядок вещей, отразились лишь в одной книге — «По белу свету» (Харбин, 1937). В других книгах взор Б. обращен к природе, в ней он находил высшую нравственность. В 1934 в Харбине вышел сборник рассказов «В дебрях Маньчжурии», а повесть «Великий Ван» (Харбин, 1936) принесла автору мировую известность. В начале 40-х в Японии заговорили даже о «буме Байкова». Видный японский писатель Кикути Кан назвал повесть «первоклассным произведением мировой анималистической литературы». Сюжет повести — история тигра, владыки маньчжурских лесов и гор. На природу Б. смотрел глазами человека, воспитанного на идеалах нового времени, которому дорога идея самоценности человеческой личности, но он стремился найти точки соприкосновения с иным миропониманием, выраженным в восточных верованиях и легендах. Через взаимоотношения Вана и охотника Туна, понимающего «душу» зверя, Б. пытался проверить свою сокровенную мысль о мировой гармонии. В отличие от произведений других эмигрантских авторов в повести Б. нет восторга по поводу строительства КВЖД, как «оплота русского влияния на Дальнем Востоке»; для него это — драма умирающей красоты Шухая, лесного моря, под натиском железного века нарушающего природное равновесие. Позже были опубликованы повести «Тигрица» (Харбин,

1940), «Черный капитан» (Тяньцзинь, 1943) и сборники рассказов «Тайга шумит» (Харбин, 1938), «У костра» (Тяньцзинь, 1939), «Сказочная быль» (Тяньцзинь, 1940), «Наши друзья» (1941), «Шухай» (1942), «Таежные пути» (1943), где снова перед читателем развертывается картина бескрайнего маньчжурского простора; герой многих рассказов — русский богатырь Бобошин — готов заключить в свои медвежьи объятия весь Шухай, город ему враждебен. Тема ряда рассказов — превратности человеческих судеб в «окаянное время»; пронизанные поэзией стойкости в смертельной борьбе за существование, они были адресованы молодым читателям.

Во время 2-й мировой войны правящие круги Японии стремились использовать популярность Б.; он был одним из шести писателей, представлявших литературу Маньчжоу-го на состоявшемся в ноябре 1942 в Токио съезде писателей «великой Восточной Азии», созванном, чтобы продемонстрировать поддержку писателями «священной войны». Сам Б. высоко ценил народ и культуру Японии, но не японскую военщину. В декабре 1956 Б. с семьей переехал в Австралию, где и умер от атеросклероза. Незадолго до смерти написал книгу «Прощай, Шухай!», в которой называл Маньчжурию своей второй родиной. Произведения Б. переведены на многие европейские и восточные языки.

Лит.: Сайками Токио. Писатель маньчжурской тайги Байков // Сэкай, 1962, № 2; Жернаков В.Н. Николай Аполлонович Байков. Мельбурн, 1968; Канэмицу Сэцу. По следам Байкова // Иван, 1987, № 9; Мелихов Г. Предисловие // Рубеж, 1992, № 1; Ким Рехо. Николай Байков. Судьба и книги // Лит. обозр., 1993, № 7-8.

Ким Рехо

БАКЛАНОВ Георгий Андреевич (наст. фам., имя Баккис Альфонс-Георг) (23.12.1880, Петербург — 6.7.1938, Базель) — артист оперы и концертный певец (баритон). Латыш по отцу, русский по матери, рано осиротел, воспитывался в Киеве у родственников матери. Окончил Киево-Печерскую гимназию и поступил на юридический факультет Свято-Владимирского университета. Еще будучи гимназистом, под впечатлением от прослушанного в Киевской опере «Демона» А.Рубинштейна Б. увлекся оперой и неожиданно обнаружил у себя сильный голос. Вскоре он начал занятия у профессора Киевской консерватории Мартина Петца, воспитавшего многих видных певцов России и Польши. В 1901 Б. перевелся в Петербургский универститет (который так и не окончил). Здесь, в столице, он был прослушан педагогом и знаменитым в прошлом баритоном И.Прянишниковым, который настолько увлекся редкостным дарованием нового ученика, что взял его с собой в путешествие по Италии. В Милане Прянишников представил Б. профессору Витторио Вандзо. У него консультировались, проходили новые партии, совершенствовали вокальную технику известные русские артисты (в том числе *Л.Липковская* и *Д.Смирнов*). У Вандзо Б. занимался вплоть до возвращения на родину в конце 1903. Его первое выступление на сцене состоялось в январе 1904 в Киеве в партии Амонасро в опере Дж.Верди «Аида». Эту роль Б. готовил под руководством В.Лосского, известного оперного режиссера и певца. Несмотря на тщательную подготовку, дебют не обошелся без курьеза. В своих мемуарах Лосский рассказывает, что перед выходом на сцену Б. забыл завершить гримировку и «черный эфиопский царь появился с белой шеей и белыми руками!.. В публике раздался смех. Но как только дебютант открыл рот и дал первую ноту, публика замерла: это был из ряда вон выходящий голос. Звук лился, звенел, чаровал тембром, потрясал мощью. Успех был решительный». Окрыленный, Б. отправился в Петербург на пробу в Мариинский театр (февр. 1904). Несмотря на высокую оценку его таланта авторитетными артистами, включая Л.Собинова, Б. не получил приглашения в первый театр России и был вынужден подписать контракт с частной антрепризой на выступления в Житомире и Каменец-Подольске. В Ригу, куда отправилась труппа после Украины, его не взяли, т. к. посчитали слишком молодым, чтобы «петь в таком большом и музыкальном городе». Б. возвратился к Прянишникову в Петербург, продолжил у него занятия, а затем переехал Москву и с блеском выступил в театре С.Зимина в своей «коронной» партии — в рубинштейновском «Демоне» (15.4.1905). На спектакле присутствовал директор императорских театров В.Теляковский, год назад отказавший ему в поступлении в Мариинский театр. На этот раз Теляковский пожелал во что бы то ни стало заполучить молодого артиста. Б. не поверил его посулам и заключил контракт на следующий сезон с Зиминым, но Теляковский добился своего — заплатил Зимину неустойку, и уже 20 апреля новый баритон появился впервые на сцене Большого театра.

В своем первом сезоне в Большом театре Б. исполнял партии Валентина в «Фаусте» Ш.Гуно, Амонасро в «Аиде» Дж.Верди, Эскамильо в «Кармен» Ж.Бизе. Но особенно прославился артист в роли Демона. Трактованный им в соответствии с врубелевским образом, «без пошлых крыльев, с огнеными глазами... его Демон был духом отрицания и зла». Вскоре судьба свела Б. с *С.Рахманиновым*. *Ф.Шаляпин* отказался от участия в премьерах его опер «Франческа да Римини» и «Скупой рыцарь», и моло-

дому артисту поручили первое исполнение главных партий — Ланчотто и Барона. Впервые Б. довелось осваивать роли, не имеющие никаких исполнительских традиций. Опираясь на авторские пожелания и помощь известного артиста Малого театра А.Ленского, Б. создал впечатляющие образы, оказавшись на высоте требований, предъявляемых музыкой Рахманинова. Его выступление на премьере 11.1.1906 полностью удовлетворило автора. Партнерша Б. в тот вечер, ведущая солистка Большого театра Н.Салина, так пишет о нем в своей книге «Жизнь и судьба»: «Юный, высокий, стройный красавец с баритоном необычайной красоты и силы. Он только начинал свою карьеру, но уже чувствовалось, что далеко пойдет. Действительно, пробыв недолго в Москве, он уехал за границу, и скоро зарубежная пресса стала приносить нам известия о его колоссальном успехе». За рубеж Б. отправился в 1909, а до того успел выступить в Большом театре в 14 операх. Он исполнил Руслана Глинки и Князя Игоря А.Бородина, партии Виндекса в «Нероне» А.Рубинштейна и Поярка в «Сказании о невидимом граде Китеже» Н.Римского-Корсакова, спел вердиевских Риголетто и Тельрамунда («Лоэнгрин»), Зургу в «Искателях жемчуга» Ж.Бизе — репертуар разнообразный и неординарный (от лирической партии Онегина до басовой Руслана).

В 1909 Б. начал серию блистательных выступлений на сценах США. Он участвовал в открытии и в первом сезоне оперы в Бостоне (совм. с Л.Липковской и Е.Бронской), пел в Чикаго, в Нью-Йорке. В 1910 выступил в Венской придворной опере: Яго в «Отелло» Дж.Верди, моцартовский Дон Жуан, басовая партия Нилаканты в «Лакме» Л.Делиба. В 1911 русский баритон имел сенсационный успех в Германии, выступив в Гамбурге, Кёльне, Лейпциге, Дрездене, Берлине, где пел Риголетто и Скарпиа в «Тоске» Дж.Пуччини. В том же году он пересек Атлантику и появился на сцене крупнейшего театра Южной Америки «Colon» в Буэнос-Айресе, а в «La Scala» пел Демона по приглашению великого дирижера А.Тосканини. В 1912 пел в Праге, в 1913 — в парижской «Grand-Opéra», весной 1914 — в Монте-Карло, в театре «Casino», собиравшем в то время (как «Metropolitan Opera» в Нью-Йорке) лучшие исполнительские силы мировой оперы. Здесь Б. вместе с Э.Карузо и Липковской выступил в «Риголетто», с *М.Кузнецовой-Бенуа* в «Тоске», с Дж.Мартинелли в «Девушке с Запада» Дж.Пуччини, с Липковской в премьере оперы А.Понкьели «Валенсианские мавры». Это лишь некоторые из зарубежных гастролей великого артиста.

Будучи солистом Бостонской оперы (1911-14), Б. в каждом сезоне возвращался и выступал на родине. В Большом театре ему довелось участвовать в знаменитой постановке вагнеровского «Лоэнгрина» в 1911 с участием Л.Собинова, А.Неждановой, И.Петрова, Л.Балановской, под управлением прославленного немецкого дирижера А.Никиша. В Петербурге артист пел на сценах Мариинского театра и Народного дома (1913). В 1915 серию спектаклей с участием Б. дала Киевская опера. С этого года Б. подписал контракт с оперным театром в Чикаго, вторым по значению театром США, собиравшем труппу, способную соперничать с «Metropolitan Opera» — Р.Страччари, А.Галли-Курчи, Т.Скипа. Б. покинул родину, как он полагал, на время, но оказалось — навсегда.

В Чикагской опере Б. являлся первым баритоном (до 1930). После окончания 1-й мировой войны Б. снова появился в Европе, гастролировал в Варшаве, Париже, Белграде, Берлине. В столице Германии он был первым исполнителем партии Грозного в европейской премьере «Царской невесты» Римского-Корсакова, пел Мизгиря в «Снегурочке» (1923). По завершении работы в Чикагской опере он в 1930 перебрался в Германию, приобрел дом в предместье Берлина. Б. занял значительное положение в артистическом мире германской столицы. Он сыграл решающую роль в выборе творческого пути юной М.Чеботаревой, определив ее будущее оперной певицы — вскоре она стала знаменитой Марией Чеботари, примадонной опер Вены, Берлина и Дрездена. После прихода к власти нацистов Б. переехал в Швейцарию и уединился в имении близ Базеля, где он и окончил свои дни.

Несмотря на недолгую жизнь, Б. успел пережить свой голос и свою славу. Об этом свидетельствуют его последние записи, произведенные в Берлине в начале 1930-х. Артист тогда только что перешагнул 50-летний рубеж, возраст для баритона некритический, а уже слышны (сравнительно с ранними записями) значительные потери в голосе. Очевидно, сказалась безостановочная, в буквальном смысле слова, «на износ», работа на протяжении 25 лет. Но и эти поздние записи Б. производят большое впечатление. Ощущается высокий класс настоящего мастера, не знающего вокально-технических проблем, не щадящего ни свой голос, ни свои силы. Б. записывался довольно много, но не всегда удачно. Первые записи 1907 в Москве он был вынужден сделать с аккомпаниментом фортепиано, а не оркестра, поэтому в ариях имеются значительные купюры. Пластинки 1907, выпущенные компанией «Gramophone», быстро «уценились» и перешли в разряд более дешевых с маркой «Zonophone». В 1911 в США Б. записывал

пластинки для компании «Columbia» и продолжил с нею сотрудничество в 1918. Компания «Gramophone», лидер граммофонной индустрии в Европе, произвела (в Милане или в Вене) сеанс записей великого русского баритона в 1913. В числе этих фонограмм имеются и лучшие в его звуковом наследии. Б. ошибочно приписывают несколько пластинок, выпущенных киевской компанией «Экстрафон» под маркой «Артистотипия» в 1914-15. В 1919 голос артиста записывала в США компания «Victor». Матрицы были переданы компании «Gramophone» для выпуска пластинок в Европе. Эти диски (с маркой «His Masters Voice») входили в серию пластинок ведущих артистов мира, представленных компанией. В 1923 (или 1924) несколько пластинок Б. записал в Берлине для «Vox», радио и граммофонного предприятия. Все это были т.н. акустические записи (осуществлены при помощи рупора). К микрофону Б. встал, когда его голос уже утрачивал свои исключительные качества. Репертуар пластинок артиста состоит почти полностью из оперных арий, некоторые исполнены на итальянском и французском языках. Два дуэта (в 1911 и 1913) записаны в ансамбле с Липковской. Лучшие записи Б. полностью подтверждают его высочайшую художественную репутацию. Он ни в чем не уступает своим современникам-итальянцам в «их» репертуаре. Но некоторые записи неудачны — Мефистофель и Борис Годунов. Слишком сильны впечатления от созданных Шаляпиным шедевров, в сравнении с которыми Б. явно проигрывает. Зато к числу бесспорных удач относятся замечательные исполнения фрагментов из «Демона», относящиеся к разным годам. Даже поздняя запись «Клятвы» свидетельствует, что восторги тех, кто слышал и видел Б. в этой роли, не преувеличены. Великолепен Б. в ролях «злодеев», его Яго, Барнаба в «Джоконде» А.Понкьели исполнены на уровне мировых образцов.

Искусство великого русского артиста никогда не забывалось ни на Западе, ни на родине. В Австрии в 1970-х «Preiser» выпустил пластинку Б. в серии выдающихся певцов 1920-30-х. Фирма «Мелодия» выпускала монографические пластинки певца в 1977 и 1987.

Лит.: Левик С.Ю. Записки оперного певца. М., 1962; Kutsch J. & Riemens L. Unvergängliche Stimmen. Sängerlexicon. Bern, München, 1975; Пружанский А.М. Отечественные певцы 1750-1917. М., 1991; Перепелкин Ю.Б. Аннотация к пластинке фирмы «Мелодия» «Георгий Бакланов, баритон» в серии «Музыкальное наследие. Исполнительское искусство» М10, 48 015006.

П.Н.

БАКСТ Лев Самойлович (наст. фам. и имя Розенберг Лей Хаим; Бакст — фам. бабушки по матер. линии, принятая в качестве псевд. в 1889;) (27.4.1866, Гродно — 27.12.1924, Париж) — живописец, график, художник театра. Отец — Робинович Израиль Самуил Борух Хаимович, мать — Басия Пинхусовна (урожд. Розенберг). Вскоре после рождения Б. семья переехала в Петербург. Окончив 6-ю петербургскую гимназию, занимался в 1883-87 в качестве вольнослушателя в Академии художеств у И.Аскназия, К.Венига и П.Чистякова. В ранних исторических и бытовых полотнах проявилось влияние передвижничества и позднего академизма. В 1888-92 работал над иллюстрациями для детских книг и периодических изданий «Художник» и «Петербургская жизнь».

В 1890 сблизился с кружком *А.Бенуа*. В 1891 путешествовал по Германии, Испании, Италии, Швейцарии. С 1893 по 1897 жил подолгу в столице Франции, работал над картиной «Встреча адмирала Авелана в Париже» (закончена в 1900); совершенствовал рисунок в студии Ж.-Л.Жерома, а живопись — в академии Р.Жулиана и на занятиях с финским художником А.Эдельфельтом. В 1896 ездил в Мадрид, в 1897 — в Алжир и Тунис. Выполненные маслом и акварелью пейзажи и портреты Б. (в числе последних портреты-типы: «Испанец», 1891, акварель; «Молодой дагомеец», 1895, акварель и др.) экспонировались на выставках: Академических (1890, 1896, 1897), рисунков русских художников «Blanc et noir» (1890), Общества русских акварелистов (1891-97), Международных в Дрездене (1892) и Берлине (1896) и др.

К концу 1890-х Б. стал горячим энтузиастом объединения молодых художественных сил России. Ему принадлежала идея «Выставки русских и финляндских художников», устроенной *С.Дягилевым* в начале 1898 в Петербурге и затем показанной в Мюнхене, Дюссельдорфе, Кёльне и Берлине. В дальнейшем Б. активно сотрудничал с Дягилевым и Бенуа в издании журнала «Мир искусства» (1898/99-1904), участвовал в выставках того же названия (1899-1903, 1906, 1913), в выставке «Современное искусство» (1903), ретроспективных выставках русского искусства в Париже и Берлине (1906), в Международной художественной выставке в Венеции (1907), выставках Союза русских художников (1903-10) и др.

Особое место среди работ Б. 2-й половины 1890-х — 1900-х занимали портреты деятелей культуры Серебряного века: В.Нувеля, акварель, 1895; Д.Философова, пастель, 1897; А.Бенуа, акварель, пастель, 1898; И.Левитана;

Ф.Малявина (оба литогр., 1899); В.Розанова, пастель, гуашь, 1901; *З.Гиппиус*, черный карандаш, мел, сангина, 1906; С.Дягилева, масло, 1906; *А.Павловой*, итальянский карандаш, 1908 и др. Развиваясь в русле мировых художественных процессов, творчество Б. обнаружило в начале XXв. характерные признаки стиля модерн с его метафоричностью образов и декоративностью изобразительных приемов, особенно заметных в тяготеющей к орнаменту и силуэту журнальной, книжной и прикладной графике (рисунки для журналов «Мир искусства» 1902-4, «Золотое руно», 1906) и в таких станковых работах как «Ужин» (масло, 1902), «Ливень» (гуашь, тушь, 1906), «Ваза» (гуашь, акварель, 1906). В последней, запечатлев себя и свою жену бредущими по двум тропинкам, огибающим большую садовую вазу, Б. отразил перипетии личной жизни. В 1903 он женился на Любови Павловне Гриценко — дочери П.Третьякова, вдове художника Н.Гриценко; для совершения религиозного обряда перешел из иудаизма в лютеранство. В 1907 у Б. родился сын Андрей (1907-1972), в будущем художник театра и кино. Брак оказался непрочным, в 1910 супруги развелись, и Б. вернулся к религии предков; однако сохранил с женой и сыном дружеские отношения, поддерживал их материально.

В 1900-е Б. неоднократно совершал поездки в Западную Европу, в память о чем остались пейзажи, свидетельствующие о возросшем живописном мастерстве, об умении запечатлеть природу в обобщенных выразительных формах: «Пристань в Ментоне» (масло, 1903), «Оливковая роща в горах» (масло, 1903-4), «Море» (масло, 1908). В 1907 Б. вместе с В.Серовым побывал в Греции, завершил панно «Древний ужас» («Terror Antiquus», масло, 1908). В этот период Б. был увлечен идеей неоклассицизма, что проявилось в его публицистических выступлениях, педагогической деятельности в студии Е.Званцевой (1906-10) и лишь отчасти в собственном творчестве, до конца остававшемся неотрывным от модерна.

Наиболее полно Б. реализовал себя в театре. В 1901 с группой коллег по «Миру искусства» работал над эскизами декораций и костюмов к неосуществленной постановке в Мариинском театре балета Л.Делиба «Сильвия». В последующие годы в оформлении Б. были поставлены пантомима «Сердце маркизы» (1902) в Эрмитажном театре, балет И.Байера «Фея кукол» (1903) в Эрмитажном и Мариинском театрах, трагедии Еврипида «Ипполит» (1902) и Софокла «Эдип в Колоне» (1904) в Александринском театре, трагедия Софокла «Антигона» (1904, частный спектакль *И.Рубинштейн*). В 1907 началось сотрудничество Б. с балетмейстером-реформатором *М.Фокиным* (эскизы костюмов для танцевальных номеров: «Лебедь» в исполнении А.Павловой и др.). С 1909 работал в антрепризе С.Дягилева, с 1911 ее художественный директор. Отказ от канонов классического балета, слияние танца и пантомимы, изобразительность хореографии, стремление к стилистическому соответствию выразительных средств представляемой эпохе повышали роль художника, делая его соавтором балетмейстера. Б. стал одной из центральных фигур Русских сезонов, выполнив эскизы декораций и костюмов к балетам, слагающимся в несколько тематических циклов. Первый из них — ориентальный («Клеопатра» на муз. А.Аренского, С.Танеева, М.Глинки и др., 1909; «Шехеразада» Н.Римского-Корсакова, 1910; «Жар-птица» И.Стравинского, 1910; «Синий бог» Р.Гана и «Тамара» М.Балакирева, 1912), окрашенный, по словам одного из критиков, «в цвета страсти и сказки». Второй — европейский («Карнавал» Р.Шумана, 1910; «Призрак розы» К.М.Вебера), обращенный к эпохе романтизма и стилю бидермайер. Третий — античный («Нарцисс» *Н.Черепнина*, 1911; «Дафнис и Хлоя», М.Равеля, 1912; «Послеполуденный отдых фавна» К.Дебюсси, 1912), где проявилось увлечение художника греческой архаикой и эгейской культурой. В работе для сцены раскрылась способность Б., разделяя мирискусническую влюбленность в искусство прошлого, смело переосмысливать его мотивы, подчинять их вкусам, настроениям, ритмам своей эпохи. Отразив тенденцию времени к синтезу искусств, спектакли, оформленные Б., становились движущейся живописью или зримой музыкой: танцующие фигуры, приводя в движение яркие пятна одежд, покрывал, шарфов, образовывали новые и новые гармонии. Созданные им эскизы костюмов оказывались проектами будущего сценического образа, помогавшими М.Фокину, *В.Нижинскому* и др. балетмейстерам и танцовщикам найти соответствующее хореографическое решение. Б. во многом определил то воздействие, которое Русские сезоны оказали на мировой балет и декорационное искусство.

Конец 1900-х — начало 1910-х — самый плодотворный период в творчестве Б. Он работал также над эскизами костюмов и декораций для антрепризы И.Рубинштейн (мистерии Г.Д'Аннунцио «Мученичество Святого Себастьяна» и «Пизанелла», 1911 и 1913; драма О.Уайльда «Саломея», 1912; трагедия Э.Верхарна «Елена Спартанская», 1912), для труппы А.Павловой (балет на муз. «Восточная фантазия» М.Ипполитова-Иванова и М.Мусоргского, 1913; балет П.Чайковского «Спящая красавица», 1916), для парижских и лондон-

ских театров. Влияние Б. перешагнуло границы рампы, сказалось в оформлении интерьера и в светской одежде. Крупнейшие парижские модельеры Пуаре, Пакен, Ворт, Куртизье создавали модели, навеянные бакстовскими спектаклями, и сам художник приходил к сотрудничеству со знаменитыми фирмами, принося в костюм яркую театральность.

Обосновавшись в 1910 в Париже, Б. после этого лишь несколько раз побывал в России. Приезды осложнялись из-за распространявшегося на него закона о черте оседлости. Только после избрания в 1914 действительным членом Академии художеств Б. получил право на проживание в Петербурге, но началась 1-я мировая война, и ему больше не суждено было попасть на родину. Не осуществилась и постановка в Мариинском театре мимодрамы-балета Ж.Роже-Дюкаса «Орфей», над эскизами декораций и костюмов к которому Б. работал в 1914-15 в Швейцарии и в Париже.

С дягилевской антрепризой Б. продолжал сотрудничать и тогда, когда Фокина и мирискусников сменили балетмейстеры и художники следующих поколений: эскизы декораций и костюмов к мимодраме-балету «Шутницы» Д.Скарлатти (1917), к балету П.Чайковского «Спящая красавица» (1921) и др. В последние годы жизни он выполнял также эскизы для парижских театров «Grand-Opéra», «Thèâtre Jumnase», «Fémina», «de la Renaissanse». Б. был отзывчив на художественные искания более молодых мастеров: в его работах можно увидеть соприкосновения и с фовизмом, и с кубизмом. Однако с годами Б. становился все более одинок, его мучило сознание, что основные его достижения позади. Оформляя «Спящую красавицу», он словно грезил о первых дягилевских сезонах, о своих былых триумфах. Все тяжелее становился отрыв от родины. «Каждый день растет в его мастерской количество русских образов — группы, фигуры. Они русские не только по костюмам, но и по жестам. Зачем они? Художник сам не знает», — писал один из критиков. Эти образы легли в основу постановок в 1922 в театре «Fémina» по сценарию самого Б. мимодрамы «Подлость» и водевиля «Старая Москва». Диссонансы между традиционными национальными мотивами и жесткими геометризованными формами выражали и ностальгию мастера, и неприятие им многого в современной действительности. Таким образом, в поздних созданиях Б. проявились черты, становящиеся характерными для художественной культуры русской эмиграции.

В 1910-е — начале 1920-х Б. не оставлял работы над портретами (в числе его моделей Ж.Кокто, 1911; *Л.Мясин*, 1914; В.Цукки, 1917; И.Рубинштейн, 1921; *И.Бунин*, 1921), выполнил ряд декоративных панно, среди которых семь на сюжет сказки Ш.Перро «Спящая красавица» для особняка Д.Ротшильда в Лондоне (1914-22). Занимался литературной работой, публиковал статьи, выступал с лекциями о современном искусстве и одежде. Много раз выезжал в различные города Западной Европы, в начале 1924 побывал в США — в Вашингтоне и Нью-Йорке.

Летом 1924 во время репетиции труппой Рубинштейн в парижском «Grand-Opéra» балета «Истар» на музыку В.д'Энди по сценарию Б. и в его оформлении с художником случился нервный припадок. В конце года он скончался в клинике Руаль-Мальмезена и был похоронен на *кладбище Батиньоль*.

В зарубежный период своей жизни Б. участвовал во многих международных выставках. В 1910 на выставке в Брюсселе был награжден Большой золотой медалью, в 1911 был избран вице-президентом жюри Общества декоративных искусств во Франции; стал членом Осеннего салона в Париже и Брюссельской Королевской академии. Персональные выставки Б. при его жизни и после его смерти прошли в Париже (1957), в Лондоне (1912, 1913, 1917, 1976), в Брюсселе, в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии, в Чикаго и в др. городах Европы и Америки. В 1992 выставка произведений Б. из петербургских собраний состоялась в Русском музее.

Произведения Б. хранятся в Третьяковской галерее, в Музее изобразительных искусств им. Пушкина, в Театральном музее им. А.Бахрушина в Москве, в Русском музее, и Музее театрального и музыкального искусства в Петербурге, в Музее декоративных искусств в Париже, в Музее Виктории и Альберта в Лондоне, в Музее Эшмолиана в Оксфорде, в Метрополитен-музее в Нью-Йорке и в др. отечественных и зарубежных собраниях. Архив Б. — в отделе рукописей Третьяковской галереи.

Соч.: Пути классицизма в искусстве // Аполлон, 1909, № 2-3; Серов и я в Греции: Дорожные записки. Берлин, 1924.

Лит.: Бенуа А. «Салон» и школа Бакста // Речь, 1910, 1 апр.; Levinson André. Histoire de Léon Bakst. Paris, 1924; Spencer Charles. Leon Bakst. London, 1973; Пружан И.Н. Лев Самойлович Бакст. Л., 1975; Борисовская Н.А. Лев Бакст. М., 1979; Голынец С.В. Лев Самойлович Бакст. 1866-1924. Л., 1981; Leon Bakst: Set and Costume Designs. Book Illustrations. Painting and Graphic Works. Text and selection by J. Pruzhan. Leningrad, 1986; Лев Бакст. Живопись. Графика. Театрально-декорационное искусство. Авт.-сост. С.В.Голынец. М., 1992.

С.Голынец

БАЛАНЧИН Джордж (наст. фам., имя Баланчивадзе Георгий Мелитонович) (9.1.1904, Петербург — 30.4.1983, Нью-Йорк) — хореограф, педагог, танцовщик. Отец — Мелитон Баланчивадзе, грузин, уроженец Кутаиси, композитор по профессии, автор хоровой и церковной музыки. Мать — петербуржанка Мария Николаевна (урожд. Васильева) — увлекалась игрой на фортепиано. Младший брат Андрей впоследствии стал известным композитором. Старшей сестре прочили будущее балетной артистки и неоднократно приводили экзаменоваться в Театральное училище. В одно из таких посещений было предложено просмотреться и Георгию. В отличие от сестры его приняли в училище. Б., намеревавшийся стать военным, неожиданно для самого себя оказался на поприще артистическом.

С пяти лет мать обучала Георгия игре на фортепиано. Страсть к музыке сохранилась у него на всю жизнь. Музыка и танец, в их органическом слиянии и нерасторжимом союзе, определили особенность дара будущего хореографа. Именно Б. суждено было вновь обрести утраченное балетом начала века чувство гармонии и идеальной красоты. Это было новое понимание вечных идеалов совершенства в искусстве — того, что стало в будущем истоком неоклассицизма.

В Театральном училище Б. учился у П.Гердта пантомиме, у С.Андрианова классическому танцу: оба были премьерами, признанными столпами академизма. Кумирами для Б. были *Т.Карсавина* и Е.Гердт, среди танцовщиков — С.Андрианов и П.Владимиров. Первой ролью, отмеченной в программке, стала для Б. роль Обезьяны в балете «Дочь фараона», исполненная на третьем году обучения в училище. В 1916 вместе с другими воспитанниками, участниками спектакля, он был представлен царю.

Октябрьская революция 1917 привела к закрытию училища. Отец уехал в Тифлис, стал министром культуры продержавшейся недолго Грузинской республики. Вслед за ним отправилась и вся семья, за исключением Георгия. Тот оставался в Петрограде с теткой и в ожидании возобновления занятий вынужден был зарабатывать на жизнь, служа тапером в кинотеатрах. Характерный для того времени пафос преобразований был заразителен, и Б. мечтал о новом искусстве, жадно тянулся к знаниям. Параллельно с возобновившимися занятиями в училище он поступил в Петроградскую консерваторию на теоретико-композиторский и фортепианный факультеты (1920-24). Это не помешало Б. успешно окончить Театральное училище и быть принятым в кордебалет бывшего Мариинского театра (1921-24). Одновременно он серьезно занимался музыкой. Будущее пианиста, композитора, дирижера было для Б. вполне реально.

Сочинение музыки, постижение ее композиционных принципов, несомненно, способствовали пробуждению интереса к балетмейстерской деятельности. Одна из первых самостоятельных постановок — любовный дуэт на музыку А.Рубинштейна «Ночь», исполненный им с О.Мунгаловой на училищной сцене (1920), — была расценена начальством как скандально-эротическая. Следующая постановка Б. была также лирическим дуэтом на музыку Э.Фибиха «Поэма», партнершей Б. была *А.Данилова*. Здесь Б. выступал уже и как художник по костюмам. Первой рецензии удостоился «Вальс» на собственную музыку (исполнение то же): «Вестник театра и искусства» (11.6.1922) отмечал редкое соединение в одном лице таланта композитора, хореографа, танцовщика.

Гастроли московского хореографа К.Голейзовского и его поиски новых выразительных возможностей пластики произвели на Б. сильное впечатление. Не отказываясь от ценностей традиционного искусства, Б. соединял восхищение творчеством М.Петипа с увлеченностью новыми художественными идеями. Этот симбиоз в начале 20-х многим представлялся невозможным. На самом деле это направление оказалось плодотворным. Группа единомышленников создала в 1923 объединение «Петроградский академический Молодой балет» с Б. в качестве главного хореографа. Сюда вошли энтузиасты — молодые артисты балета и студенты — будущие художники и балетоведы. Концертная программа называлась «Эволюция балета: от Петипа через Фокина к Баланчивадзе» и состояла из традиционных номеров и новых, поставленных участниками. Здесь хореография Б. стала приобретать самобытные черты. Заявкой на рождение оригинального художника танца была постановка Б. «Траурного марша» Ф.Шопена в память жертв революции. «Вечера Молодого балета» проходили на многих площадках Петрограда и Москвы. Б. ставил охотно и много: пантомимное действо на фоне хора, произносившего текст поэмы А.Блока «Двенадцать», танцы в опере «Золотой петушок» Н.Римского-Корсакова на сцене Малого оперного, танцы в драматических спектаклях Александринского и Свободного театров. 5.7.1924 Б. с группой артистов оперы и балета выехал на гастроли за рубеж. Так начались странствия длиной в жизнь.

Встреча с *С.Дягилевым*, работа балетмейстером в его труппе (1925-29) ввели Б. в круг творческих интересов самого оригинального в мире коллектива. Погоня Дягилева за новым заставляла сотрудничавших с ним художников

включаться в этот лихорадочный темп непрерывно сменяющейся новизны. О повторах, об эксплуатации найденного не могло быть и речи. Б. успешно выдержал заданный и ревниво поддерживаемый мэтром темп, создавая разные спектакли. В этом помогала хореографу его музыкальность: встреча с оригинальной, новаторской музыкой отнюдь не обескураживала его. Принципиальной, определившей многолетнее сотрудничество в будущем, была встреча с *И.Стравинским:* Б. осуществил новую версию «Песни соловья» (1925) на его музыку с 14-летней А.Марковой в главной роли. С новейшими тенденциями западноевропейской музыки Б. познакомился в работе над спектаклями «Пастораль» Ж.Орика (1926), «Кошка» А.Соге (1927) и др. Жанровое разнообразие, экспериментальная природа этих работ способствовали стремительному развитию таланта Б. Молодой хореограф — редкий случай в мировой практике — вскоре создал шедевры, сохранившиеся в репертуаре по сей день, ставшие признанной классикой XX в.: «Аполлон Мусагет» Стравинского (1928) и «Блудный сын» *С.Прокофьева* (1929). Новаторские устремления соединились здесь с обращением к вечным темам, воплотились в лаконичные и совершенные в своей изумительной простоте неоклассицистские образы. Смерть Дягилева оборвала так плодотворно начавшийся союз двух крупнейших мастеров культуры XX в. Б. сохранил на всю жизнь благодарность мэтру и в одном из интервью заявил: он стал тем, что он есть, благодаря Дягилеву. А «Блудный сын» — последняя премьера Русских сезонов — стал кульминацией завершающего периода существования дягилевской труппы. Трансформация фамилии в более удобопроизносимую для иностранцев — Джордж Баланчин — также была сделана по инициативе Дягилева.

В 1932-33 Б. — балетмейстер труппы «Ballet Russe de Monte Carlo», где поставил «Мещанина во дворянстве» Р.Штрауса, «Конкуренцию» Орика, «Котильон» Э.Шабрие. В 1933 организовал труппу «Ballet 1933», в которой за год поставил «Песни» Д.Мийо, «Моцартиану» П.Чайковского (Четвертая сюита), «Семь смертных грехов» К.Вейля и др. Этот последягилевский европейский период не был для Б. успешным: из балета Монте-Карло его вытеснил *Л.Мясин*, а вновь организованная им труппа не смогла конкурировать с параллельно выступавшей мясинской. В трудных условиях маленькой группы, без финансовой поддержки требовалось не только быстро ставить, но и обходиться весьма скромными постановочными средствами. Приходилось обращаться к готовой музыке, а не заказывать ее композитору. Постепенно складывались черты новой эстетики балетного искусства — мобильность, лапидарность, экономия, учет особенностей зрительского спроса. Ей предстояло утвердиться в следующий, американский, период творчества Б.

Знакомство с Л.Кирстейном в 1933, пригласившим Б. работать в Америку, круто изменило всю его жизнь. Это было начало прочной и плодотворной дружбы: один ставил, другой занимался всем остальным — финансами в том числе, — чтобы обеспечить эту постановочную деятельность. Оба мечтали о своей балетной школе — она была открыта в 1934. В следующем году начала функционировать их труппа «American Ballet» (название затем неоднократно менялось; последнее — «New York City Ballet»). Заслугой Б. было создание постоянно действующей в Америке высоко профессиональной балетной труппы со своим репертуаром, пополняющейся в основном за счет выпускников своей школы. Полувековая деятельность Б. в Соединенных Штатах по сути привела к рождению новой, американской традиции классического танца, сделала этот танец неотъемлемой частью американской культуры.

Б. принял Америку сразу, целиком и, по утверждению его биографа Б.Тайпера, никогда не страдал ностальгией. Ему все здесь нравилось — и пристрастие нации к музыке и спорту, и внешний вид моложаво подтянутых, щедрых на улыбку людей, их раскрепощенность и контактность. Нравился ему и распространенный тип спортивной фигуры, повлиявший несомненно на идеал внешности балерины Б. — рослой, по-мальчишески длинноногой, суховато-аскетичной.

Для своей труппы Б. поставил огромное количество балетов — около 150. В качестве одного из главных постановочных принципов Б. объявлял разнообразие, сравнивая деятельность хореографа и кулинара: зритель, пришедший в театр, должен быть удовлетворен в своих «гастрономических» интересах. И Б. удавалось удерживать капризную любовь публики в течение многих десятилетий, став в итоге непререкаемым авторитетом и подлинным кумиром. Б. воспитывал вкус американцев. Он знакомил их также с шедеврами хореографии мастеров прошлого, и прежде всего Петипа, которыми сам в юности восхищался. Так появились «Раймонда» (совместно с Даниловой, 1946), «Лебединое озеро» (2-й акт, 1951; pas de deux, 1960), «Щелкунчик» (1954), «Арлекинада» (1965), «Дон Кихот» (с муз. *Н.Набокова*, 1965).

Хореография могла цитироваться либо сочиняться заново, но всегда была источником

вдохновения Б. Иногда образы балетного Петербурга служили лишь отправной точкой для собственных вдохновенных хореографических фантазий — таких как «Кончерто барокко» на музыку И.Баха, «Ballet Imperial» на музыку Чайковского (Второй концерт для фортепиано, оба — 1941). Многоактные балетные спектакли, основа репертуара императорского русского балета, появлялись в творчестве Б. редко. Хореограф создал целое направление в репертуарной практике мирового балетного театра — особого рода одноактные балеты, хореография которых не только сочинялась на основе инструментальной симфонической музыки, но была органически связана с ее образностью и структурой. Идея такого спектакля восходила к петербургскому опыту Б. и в основе содержалась в ряде экспериментов *М.Фокина* и А.Горского. Ф.Лопухов своей танцсимфонией «Величие мироздания» на музыку Четвертой симфонии Л.Бетховена (1923), осуществленной силами «Петроградского Молодого балета», теоретически формулировал и полемически заостряял эту идею. Б. пытался найти хореографические образы, адекватные симфонически-музыкальным. Но в отличие от предшественников Б. удалось в каждом конкретном случае оставаться верным духу музыки, передавать в танце индивидуальные особенности композиторского мышления и письма. Дару хореографа оказались одинаково подвластны и классическая, и остро современная музыка. Им созданы такие шедевры как «Симфония до мажор» («Хрустальный дворец») на музыку Ж.Бизе (1947), «Агон» на музыку Стравинского (1957), «Серенада» на музыку Чайковского (1935) и др. Б. поставил 27 балетов на музыку Стравинского, в том числе «Поцелуй феи», «Игра в карты» (оба — 1937), «Концертные танцы» (1944), «Орфей» (1948), «Жар-птица» (1949), «Пульчинелла» (совм. с Д.Роббинсом, 1972) и др., а также множество концертных номеров. Плодотворной оказалась педагогическая деятельность Б., вырастившего многих первоклассных балерин и танцовщиков, помогшего раскрытию их индивидуальности — таких как П.Мак-Брайд, Мария Толчиф, М.Хейден, В.Верди, А.Кент, С.Фаррел, Г.Киркланд, Ж.д'Амбуаз, А.Митчелл, Э.Виллелла, П.Мартинс, Ж.П.Бонфу и др.

В 1962 и 1972 Б. побывал на родине во время гастролей «New York City Ballet». Наследием Б. занимается фонд его имени.

Соч.: Унтер-офицерская вдова, или как А.Л.Волынский сам себя сечет // Театр, 1923, № 13; Рассказывает Баланчин // Сов. музыка, 1963, № 1; О балете и о себе // Лит. Грузия, 1963, № 1; Balanchine's New Complete Stories of the Great Ballets. New York, 1968 (совм. с F.Mason).

Лит.: Taper B. Balanchine. New York, 1963; Koegler H. Balanchine und das moderne Ballet. Velber bei Hannover, 1964; Карп П. Джордж Баланчин // О балете. Л., 1967; Dance Magazine, 1972, June; Гаевский В. Парижские сезоны Баланчина // Театр, 1978, № 4.

А.Соколов-Каминский

БАЛИЕВ Никита Федорович (наст. фам., имя Балян Мкртич Асвадурович) (9.1876 [по др. св. 1877], обл. Войска Донского — 4.9.1936, Нью-Йорк) — актер, режиссер, конферансье. Из купеческой семьи. Окончил Практическую академию в Москве, владел несколькими европейскими языками; пытался заниматься коммерцией, но неудачно. Любитель театра и страстный игрок. В 1906, путешествуя в компании с приятелем Н.Тарасовым (миллионером, изысканным и всесторонне талантливым человеком), познакомился в Берлине с артистами Московского Художественного театра (МХТ). Оказав театру, испытывавшему финансовые затруднения, материальную помощь, Б. и Тарасов стали его пайщиками, а Б. к тому же — секретарем В.Немировича-Данченко. Так, благодаря случайности, осуществилась мечта Б. о театре. Однако помехой на пути к сцене была его неартистическая внешность. Полный, с лицом подобным луне, маленькими, умными, насмешливыми глазами, он становился объектом нередко обидных шаржей и карикатур. И все-таки Б. настойчиво добивался возможности войти в состав труппы. С 1908 он начал играть эпизодические, порой бессловесные роли (Хлеб в «Синей птице», Шарманщик в «Анатеме», Гость в «Жизни человека»); безуспешно просил доверить ему более серьезные роли. Талант Б. неожиданно раскрылся в т.н. капустниках Художественного театра, где Б. выступал в роли конферансье, демонстрируя свое остроумие, находчивость, способность к импровизации. Томясь бездействием, Б. проводил свободное время, кроме ресторанов и скачек, в вырезывании различных карикатур, комических рисунков из иностранных журналов и сочинении к ним куплетов, частушек, шансонеток. Фигурки в его руках действовали, разговаривали. Так рождался будущий театр. Чтобы сделать капустники более регулярными (обычно они устраивались 2-3 раза в сезон), Б. вместе с Тарасовым и некоторыми актерами МХТ снял подвал в доме Перцова напротив храма Христа Спасителя и открыл ночное кабаре артистов МХТ «Летучая мышь». К серому сводчатому потолку была подвешена эмблема — ночной зверек, на большом столе горела толстая, высокая свеча, лежала

книга, где посетители оставляли автографы. Это был закрытый клуб для общения людей искусства. Среди выступавших можно было увидеть знаменитых актеров: В.Качалова, И.Москвина, О.Книппер-Чехову, В.Лужского, А.Коонен и др. Интеллигентность, вкус, артистичность актеров театра пронизывали всю атмосферу кабаре. Балиевские шутки и пародии попадали точно в цель, но обижаться здесь было не принято. Обращенные прежде всего на свой театр (МХТ), они обнажали и высмеивали скрытые неурядицы и конфликты. В одной из первых поставленных Б. пародий (на «Синюю птицу») вместо живых актеров действовали марионетки. Сделанные скульптором Н.Андреевым, они отличались портретным сходством, в том числе с руководителями МХТ.

Остроумец и весельчак, Б. в жизни был часто молчалив, раздражителен, угрюм. Не выносящий покоя и одиночества, он оставался закоренелым холостяком. Его всегдашнее недовольство собой в сочетании с энергией и настойчивостью заставляло осуществлять новые замыслы, искать новые формы.

Из перцовского подвала «Мышь» выгнало наводнение 1909. Другой подвал был снят в Милютинском переулке, 16. Здесь кабаре изредка начало давать платные представления, становясь «полуоткрытым». Б. «дирижировал» всем ходом создаваемых им представлений, сам исполнял номера: имитировал шансонетку, «пел» острые куплеты, читал «лекцию о хорошем тоне», в паре с Б.Борисовым (оба в клоунских костюмах) вел злободневный диалог. Продолжали ставиться пародии на спектакли МХТ: «Гамлет», «Пер Гюнт», «Екатерина Ивановна» и др. В прежней «клубной» обстановке проводились веселые чествования М.Савиной, Л.Собинова, О.Садовской, М.Блюменталь-Тамариной. Но постепенно «Летучая мышь» превращалась в открытый театр-кабаре, спектакли с продажей билетов шли регулярно, 4 раза в неделю. Полновластным хозяином театра становился Б., вся его жизнь оказалась связанной с «Летучей мышью», равно как и последняя обязана ему своим существованием и славой.

В труппу Б. пригласил артистов московских и петербургских театров (Т.Дейкарханову, Е.Хованскую, Е.Маршеву, Л.Колумбову, А.Гейнц, Вл.Подгорного, Я.Волкова и др.); постоянные гастролеры — артист Театра Корша Б.Борисов, исполнитель песенок Беранже В.Хенкин. В качестве авторов Б. привлек редактора журнала «Рампа и жизнь» *Л.Мунштейна*, поэтов Б.Садовского, Т.Щепкину-Куперник, композиторов В.Гартевельда, А.Архангельского, балетмейстера К.Голейзовского. Летом 1912 театр совершил первую гастрольную поездку: Киев, Днепропетровск, Ростов и др.; начались ежегодные успешные гастроли в Петербурге.

В Москве театр обосновался в 1914 в подвале дома Нирнзее в Большом Гнездниковском переулке. Зрительный зал на 350 мест; расписанный художником *С.Судейкиным* занавес; уютно обставленные мебелью красного дерева фойе, на стенах картины, карикатуры, шаржи. Несмотря на 5-рублевые билеты (в стоимость, кроме представления, входил бокал шампанского), в театре, сохранившем атмосферу элитарности и непринужденности, были неизменные аншлаги. В антрактах Б. играл роль гостеприимного хозяина. К.Станиславский отмечал «неистощимое веселье, находчивость, остроумие» Б.; его отличала «смелость, часто доходящая до дерзости, умение держать аудиторию в своих руках, чувство меры, умение балансировать на грани дерзкого и веселого, оскорбительного и шутливого, умение вовремя остановиться и дать шутке совсем иное, добродушное направление». «Человек на грани двух миров, мира подмостков и зрительного зала», — писал о Б. Н.Эфрос. Свою заслугу Б. видел в том, что перевел жанр западноевропейского кабаре «на язык русских осин». Б. создавал «миниатюры стиля»: инсценированные стихотворения и анекдоты; пародии на «жестокие романсы»; «ожившие» картины («Бабы» *Ф.Малявина*), куклы («Вятские игрушки», «Парад деревянных солдатиков»), сцены в духе стилизованного искусства XVIII в. («Под взглядом предков», «Старинный фарфор»). Использовал модные песенки и танцы, шарады, скороговорки, каламбуры. Тонкая режиссура Б., выверенность пластики и ритмического рисунка обеспечивали мгновенные переходы настроений от грустного и даже трагедийного к заразительно веселому. В годы 1-й мировой войны Б. включил в репертуар злободневные сценки *Дона-Аминадо* «Серая шинель», пародию «Сон Вильгельма», драматические песенки «Женщина в трауре», «Мать» и др.; считал, что «в годину народного бедствия» спектакли «Летучей мыши» должны вызывать «хохот сквозь слезы». Б. ставил больше спектаклей по классическим произведени ям: «Казначейша» (М.Лермонтов), «Бахчисарайский фонтан», «Граф Нулин», «Пиковая дама» (А.Пушкин), «Нос», «Шинель» (Н.Гоголь), рассказы А.Чехова, стихотворения И.Тургенева, Ф.Сологуба и др. Благодаря режиссуре Б. рождался особый жанр сценической миниатюры: событийный ряд выстраивался в серию стремительно менявшихся эпизодов наподобие кадров кинематографа, решенных преимущественно пластическими и живописными средствами.

Б. приветствовал Февральскую революцию (гротеск «В 12 часов по ночам», сценки Мунштейна «Страницы истории русской революции»), гордился тем, что его театр «внес посильную лепту в завоевание Свободы». Рецензенты утверждали, что театр «окрасился в красный цвет». Однако приспособиться к новой обстановке, к «гулу проклятий, злобы, ненависти», к новому составу публики, особенно после октябрьского переворота, Б. не сумел. Сотрудничество с новыми авторами (*Н.Тэффи*, *А.Толстой*, И.Эренбург), постановка оперетт Оффенбаха, поездка (в конце 1918 — начале 1919) в Киев и Одессу не изменили положения. 12.3.1920 торжественно отмечался очередной юбилей театра. Затянувшееся из-за множества чествований до 2-х часов ночи представление стоило Б. штрафа и трех суток ареста. Вскоре после этого «Летучая мышь» отправилась на гастроли по Кавказу, а оттуда за границу. В Москве остался богатый театральный гардероб, библиотека. С Б. выехала небольшая часть труппы.

Уже первые спектакли в парижском театре «Феллина», затем в лондонских «Апполо», «Колизеум» прошли с триумфальным успехом. Затем последовала Америка: Нью-Йорк, Голливуд, Лос-Анджелес и др. Поначалу игрались старые программы. Преобладали пантомимы, вокальные и танцевальные номера; комический эффект достигался также английским и французским произношением Б. «Таймс» писала, что представления «Летучей мыши» притягательны удивительным сочетанием вкуса с эксцентричностью, и оба эти качества особенно ярко обнаруживаются в личности Б. Постепенно обновляя состав труппы и репертуар, попеременно посещая с театром США и европейские страны (а затем и Латинскую Америку и Южную Африку), Б. закрепил за собой репутацию «истинного мастера своего дела» (*К.Бальмонт*). М.Сарьян писал по заказу Б. декорации к пантомиме «Зулейка» (1926). В парижском театре «Мадлен» Б. поставил инсценировку «Пиковой дамы» на французском языке (1931). Согласно оценке оформившего спектакль *Ю.Анненкова*, Б. впервые дал решение пушкинской новеллы, более адекватное Пушкину, чем либретто оперы Чайковского. Оставаясь в центре культурной жизни русского зарубежья, Б. проводил вечера отдыха, конферировал с Н.Тэффи, *И.Одоевцевой*; посещал гастроли советских театров. «Великая депрессия» 1929 уничтожила состояние Б., страсть к игре завершила разорение. Б. пытался создать в Париже «Театр русской сказки», готовил постановку «Руслана и Людмилы» с декорациями *С.Чехонина*. Но удержать театр не удалось, он закрылся в 1934.

Последние годы жизни Б. провел в США, выступал как конферансье в больших ревю, пытался сниматься в Голливуде. Весной 1936 работал в маленьком, созданном им, кабаре в подвале нью-йоркского отеля «Сен-Мориц». В мае кабаре закрылось. Б. хлопотал о гастролях, ездил к импрессарио; в такси случился инсульт.

Лит.: Эфрос Н. Театр «Летучая мышь» Н.Ф.Балиева. М., 1918; Ракитин Ю. Никита Федорович Балиев. Памяти друга // Илл. Россия, 1937, № 45-47; Тихвинская Л. «Летучая мышь» // Театр, 1982, № 3; Бессонов В.А., Янгиров Р.М. Большой Гнездниковский переулок, 10. М., 1990; Моск. наблюдатель, 1992, № 9.

Е.Уварова
В.Бессонов.

БАЛЬМОНТ Константин Дмитриевич (3.6.1867, Гумнищи, Шуйский у., Владимирская губ. — 24.12.1942, Нуази-ле-Гран, близ Парижа) — поэт, переводчик, эссеист. Родился в помещичьей семье; отец его был земским деятелем в Шуе. Б. учился в гимназии в Шуе и Владимире, на юридическом факультете Московского университета (1886-88), был исключен за участие в «студенческих беспорядках». Первые стихотворения напечатал в 1885 в петербургском журнале «Живописное обозрение». Первую книгу «Сборник стихотворений» издал на собственные средства в 1890 в Ярославле. Поэтические сборники «В безбрежности» (М., 1895), «Тишина» (М., 1898), «Горящие здания» (М., 1900), «Будем как солнце», «Только любовь» (оба — М., 1903), «Литургия красоты» (М., 1905) и др. выдвинули Б. в ряд корифеев русского символизма. За ними последовало «Полное собрание стихов» Б. в 10-ти тт. (1907-14). Его поэзия получала высочайшие оценки критики. «То было время, когда над русской поэзией восходило солнце поэзии Бальмонта, — отзывался о его поэтическом даре и мастерстве В.Брюсов. — В ярких лучах этого восхода затерялись едва ли не все другие светила. Думами всех, кто действительно любил поэзию, овладел Бальмонт и всех влюбил в свой звонкопевучий стих».

Б. переводил также классику всемирной поэзии. Начиная с 1892 совершил многочисленные путешествия, их результатом явились книги «Зовы древности» (М., 1908) — переводы древних преданий и мифов, «Змеиные цветы» — очерки о Мексике (М., 1910), «Край Озириса: Египетские очерки» (М., 1914) и др. Переводил Шелли, Кальдерона, Эдгара По, Уайльда, Уитмена и др. поэтов Европы и Америки. Автор первого полного перевода на русский язык «Витязя в тигровой шкуре» Шота

Руставели; одним из лучших признан его перевод «Слова о полку Игореве».

С 1905 находился под воздействием революционных настроений, обличал самодержавие, вынужден был эмигрировать; в Париже в 1907 издал сборник «Песни мстителя». В феврале 1917 приветствовал революцию, как «очистительную силу»: написал гимн «Да здравствует Россия, свободная страна!», но уже в мае заявил, что отказывается от прежних «мстительных призывов». Свои убеждения выразил в книге «Революционер я или нет?» (М., 1918): «Революция хороша, когда она сбрасывает гнет. Но не революциями, а эволюцией жив человек... Жизни нет там, где грозы происходят беспрерывно».

Испытал лишения и невзгоды послереволюционных лет в подмосковном местечке Новогиреево, где он «голодал и холодал». Описал те дни в очерках-воспоминаниях, вошедших в книгу «Где мой дом?» (Прага, 1924), в статьях, в лекции «О пережитом при большевиках», с которой он выступил в Париже в 1921.

Покинул Россию 25.6.1920, получив разрешение выехать во Францию на полгода, но в Россию не возвратился. Жил в окрестностях Парижа и в Бретани, на Атлантическом побережье.

Как поэт и человек Б. оказался на чужбине фигурой трагической: «Я живу среди чужих». «Мне душно от того воздуха, которым дышат изгнанники». «Я никому не нужен». «Я ушел из тюрьмы, уехав из Советской России... Зачем бы я вернулся? Чтобы снова молчать как писатель?... Но нет дня, когда бы я не тосковал о России, нет часа, когда бы я не порывался вернуться». В сборнике стихов «Марево» (Париж, 1922) выражено смятение и подавленность, глубокое чувство отчаяния: «Мутное марево, чертово варево, кухня бесовская в топи болот». «Волчье время — с ноября до февраля. Ты растерзана, родимая земля. Волколаки и вампиры по тебе ходят с воем... Их дорога — трупы, трупы, дым и дым». Мрачны были и предсказания судьбы России: «Великая держава, / Где твое величье?/ Упившись в диком пире. / Проснешься — вновь в цепях».

С течением времени, по мере того, как утихала боль души, менялась тональность стихотворений Б. «Ощутив веяние новых созвучий в душе, я начинал обратный путь домой, — в Россию, в правду, в красоту», — писал поэт. То же чувство он выражал в стихотворении «Уйти туда»: «Уйти туда, где бьются струи. В знакомый брег, / где знал впервые поцелуи / и первый снег... / Уйти туда хоть на мгновенье, / Хотя мечтой». Название сборника стихов «Мое — Ей» (Прага, 1924) звучит как послание поэта своей стране, выражение гордости за нее: «Мой край, в покров весны одет, / Другого счастья в мире нет» («Россия»). *Г.Струве*, близко знавший поэта и много о нем писавший, озаглавил рецензию на сборник «В раздвинутой дали» — «Бальмонт — певец России». Поэт сохранил и воспевал неукротимую любовь и привязанность к родной земле, ее лесам, запечатлевшимся на век просторам: «Пойти по косогору, / рекою многоводной. / Молиться водам, бору, / земле ни с чем несходной» («Хочу»).

В зарубежье вышло более десятка поэтических сборников Б. Они издавались в Париже («Светлый час: избранные стихи» и «Дар земле», 1921), в Стокгольме («Гамаюн», 1921), в Праге («Мое — Ей», 1924), в Чураевке, США («Голубая подкова: Стихи о Сибири», 1916-1928, 1936), в Берлине («Сонеты солнца, меда и луны», 1921), в Харбине («Светослужение», 1937). Печатался в журналах, газетах, альманахах — «Современные записки», «Россия», «Грани», «Сполохи», «Числа», «Воля России», «Перезвоны».

Критики отмечали много слабого из того, что он печатал, Г.Струве указывал на «отсутствие чувства меры и многописание», но все же считал, что «лучшие стихи Бальмонта этого периода стоят на том же уровне, что и те, которые когда-то пленяли читателей на заре второго золотого века русской поэзии». «Ни своего дара песни, ни своего мастерства Бальмонт в эмиграции не утратил».

Б. во многом оставался художником-символистом, его поэтическая речь «осталась тем же, чем была в эпоху, когда символизм нераздельно царствовал в русской поэзии», подчеркивал Г.Струве. Стихотворения из сборника «Гамаюн» — «Хлопья тумана», «Зарево мгновений», «Сумерки» передают тихое любование красотой, тонкие нюансы чувств, налет грусти. Символичны названия стихотворений «Цветочный звон», «Полночь в цветке» («Дар земле»).

В эмиграции Б. продолжал и переводческую деятельность, выпустил в новых изданиях книги «Из мировой поэзии» (Берлин, 1921), «Зовы древности» (там же, 1923), дополнив их переводами древнегреческой лирики, японской древней поэзии, фольклорных памятников Океании. Посетив Болгарию в 1929, он создал сборник «Золотой сноп болгарской поэзии: Народные песни» (София, 1930). Творческие контакты Б. поддерживал с поэтами Польши, Чехии. В его переводе вышли «Книга смиренных» Яна Каспровича (Варшава, 1928); «Стихотворения» Ярослава Вхрлицкого (Прага, 1928). Давние дружеские связи с литовскими поэтами Людасом Гирой, Балтрушайтисом и новые поездки в Литву завершились изданием сборника «Северное сияние. Стихи о России и Литве» (Париж, 1931). Многочисленные

переводы Б. печатал в еженедельнике «Россия и славянство» — «Болгарские песни», поэзия Ярослава Ивашкевича (1930). Выступал как популяризатор славянской поэзии и культуры. Отмечая заслуги Б. в переводах чешских поэтов, Чешская Академия наук и культуры избрала его в 1930 своим членом-корреспондентом.

Б. писал и прозу: «Воздушный путь. Книга рассказов», автобиографический роман «Под новым серпом» (оба — Берлин, 1923), сборник эссе на славянские темы «Соучастие душ» (София, 1930). Публиковал этюды о писателях, размышления о литературе, принимал участие в литературных вечерах и юбилейных торжествах. Выступая в клубе молодых литераторов в Париже с обращением «К молодым поэтам», раскрывал «секреты» своего успеха. В речи о Ф.Достоевском — «мученике глубин русского духа» (1921) — говорил о «бесконечно-сложной многогранной личности гениального художника», о том, каким образом писатель создает «художественное вещество», из которого можно сделать «хлеб каждого дня» и «святейшие знамения, которые возникают в самом высоком «таинстве нашей религии». Мысли о литературе и писателях у Б. выражены образно, слово эмоционально окрашено. «Узнав сам, много раз, величайшую боль.., видевший смерть лицом к лицу..., стоявший на эшафоте и считавший секунды, отделяющие его от казни.., без вины томившийся на каторге... — мог ли он не знать, что есть в душах человеческих?»

В эссе о И.Тургеневе (из цикла «Мысли о творчестве», 1921) назвал его самым русским из наших прозаиков, «лучше других постигшим разлив родной речи и лучше всех других понявшим основные черты нашего народа, прихотливый ход нашей истории»; «Тургенев — безупречный лик художника, воспринявший искусство как одну из граней вечности»; этот волшебный сказочник, «давший неумирающую жизнь всему рассказанному, спел такой гимн русскому языку, что он будет жить до тех пор, пока будет жить русский язык, значит, всегда». Вспоминая о Л.Толстом, которого он посетил вместе с Чеховым в Крыму, Б. писал, что одним простым вопросом Толстой умел, «как исповедальник, побудить к полной правде чужое сердце и заставить его мгновенно раскрыться». «Видеть это лицо, полным внутреннего света, и не любить его — было нельзя». В литературное наследие Б. входят также этюды о Е.Баратынском, С.Аксакове; он оставил отзывы о видных писателях зарубежья — *А.Куприне, И.Бунине, Д.Мережковском,* Г.Гребенщикове и др.

Соотечественники в эмиграции замечали, начиная с 1932, нарастание у поэта душевной депрессии, которая в конечном счете парализовала его мысль. Его дни закончились в русском приюте в окрестностях Парижа.

Критика в зарубежье по-разному оценивала творчество Б. в эмиграции и все его литературное наследие. «Это метеор, мерцавший обманчивым и неверным светом и исчезнувший, надо полагать, навсегда», — писал *Г.Адамович*. Большую активность Б., несмотря на упадок сил в конце жизни, отмечал Ю.Терапиано, хотя, по его словам, в поэзии зарубежного периода Б. «нет прежнего подъема и прежней восторженности. Она суше, беднее». Суд современников над нею был строг, но «со временем кто-нибудь откроет настоящего Бальмонта, отбросив много лишнего и даже никчемного».

Соч.: Стихотворения, Л., 1969; Избранные стихи и поэмы. Мюнхен, 1975; Избранное. М., 1990; Стихотворения. М., 1990; Золотая россыпь. Избр. переводы. М., 1990; Где мой дом: Стихотворения, художественная проза, очерки, письма. М., 1992.

Лит.: Пильский П.К. К.Д.Бальмонт: К 60-летию со дня рождения // Сегодня, 1927, 4 июня; Адамович Г. 70-летие К.Д.Бальмонта // ПН, 1937, 17 июня; Цетлин М. Бальмонт // НЖ, 1943, № 5; Седых А. Бальмонт // НЖ, 1958, № 55; Althaus-Schöbücher S. Konstantin D. Balmont. Bern, Frankfurt am Main, 1975; Бальмонт Е.А. Мои воспоминания о К.Д.Бальмонте // Лит. Россия, 1987, № 12.

Е.Трущенко

БАРАНОВ-РОССИНЭ Владимир Давидович (наст. фам. и имя Баранов Шулим-Вольф) (1.1.1888, с. Б.Лепатиха, Мелитопольского у., Таврической губ. — 1944) — живописец, скульптор. В 1903-8 учился в Одесском художественном училище, в 1908-9 в Высшем художественном училище при Академии художеств в Петербурге. Участник организованных *Д.Бурлюком* выставок «Стефанос» (М., 1907-8), «Звено» (Киев, 1908), «Венок-Стефанос» (СПб., 1909), «Импрессионисты» (СПб., 1909), в которых были представлены в тесном единстве живопись, скульптура, музыка и поэзия.

В 1910 уехал в Париж. Сращивание рациональной конструктивности с декоративно-живописными исканиями проявилось в его композициях «Кубистическая женщина» (1910). В «Кубистических автопортретах» (1910, 1913) сказались традиционные черты русского искусства. Многие натюрморты, пейзажи, жанровые сцены выдавали интерес Б.-Р. к футуризму («Кузница», 1911). О стремлении к «большому стилю» говорили композиции на библейские темы («Адам и Ева», 1912; «Апокалипсис в зеленых тонах», 1910-15).

С 1912 жил в «La ruche» («Улей»), где тесно общался с творцами периода «бури и нати-

ска» новейшего искусства. С 1910 выставлялся на Осеннем салоне, в 1912 экспонировал свои произведения в Цюрихе, в 1914 — в Амстердаме (под псевд. «Даниэль Россинэ»; в 1917 присоединил псевдоним к фамилии).

В 1914 в Салоне независимых представил скульптуру «Симфония № 2» — свидетельство выхода к «трехмерной живописи»; по описанию современника, это был «парадоксальный монтаж из цинка, покрытого пестрой и живой глазурью, с желобами, служащими подставками для каких-то странного вида мельниц для размола перца, синих, бежевых или красных шайб, перемешанных с торчащими в разные стороны пружинами и стальными прутиками». Необычные, эпатирующие публику работы Б.-Р. принадлежали к той же группе художественных явлений, что и эксперименты В.Татлина, П.Пикассо и *А.Архипенко*, стремившихся полностью освободиться от подражания природе. Программно беспредметная «Симфония № 2» апеллировала своим названием к музыке, продолжая творческие поиски Б.-Р. в направлении слияния пластических и музыкальных начал.

Во время 1-й мировой войны переехал в Норвегию (1915-17). В Христиании состоялась его первая персональная выставка (1916). В Россию возвратился после Февральской революции. В ноябре 1917 на выставке в Художественном бюро Н.Добычиной в Петрограде было показано свыше 60 его работ (единств. персональная экспозиция на родине).

С начала 1918 работал в отделе ИЗО Наркомпроса, которым заведовал Д.Штеренберг, его близкий знакомый по Парижу; руководил живописной мастерской в петроградских Свободных мастерских, бывшей Академии художеств. После переезда в Москву (апр. 1919) организовал мастерскую для изучения «Дисциплины одновременных форм и цвета» на основном отделении живописного факультета Высших художественно-технических мастерских (Вхутемас). В русле свойственного русской культуре XX в. (А.Скрябин, М.Чюрлёнис) стремления слить в едином ощущении разные по характеру и способу воздействия явления находилось изобретение Б.-Р. — «оптофон»: его клавиатура соединялась с экраном-«хромотроном», на котором при игре возникали движущиеся цветные формы (в 1925 запатентован в СССР, в 1926 — на Западе).

К 1-й годовщине Октябрьской революции Б.-Р. написал панно «365 дней Революции»; его демонстрацию, по мысли художника, должны были сопровождать сеансы игры на «оптофоне». В начале 1920-х в Москве, в Большом театре и театре В.Мейерхольда, состоялось несколько публичных концертов «оптофона»; в программу цветомузыкальных представлений были включены произведения Э.Грига, Р.Вагнера, Ф.Шуберта, А.Скрябина, *С.Рахманинова*, К.Дебюсси, выступления оперных певцов и танцовщиков.

В 1925 Б.-Р. уехал в Париж, но там его «оптофон» успехом не пользовался и лишь изредка сопровождал театральные постановки. Живописные произведения Б.-Р. в Салоне независимых привлекали внимание знатоков, однако среди широкой публики популярности не завоевали. Доминирующее место в его искусстве заняли абстрактные композиции, они воздействовали на зрителя напряженным цветом, странной пульсирующей жизнью неких биоморфных структур. Наряду с ними Б.-Р. писал большие полотна, представлявшие собой динамичную декоративно-абстрактную аранжировку традиционных сюжетов с использованием фигуративных элементов («Мученичество Св.Дени», 1927; «Леди Чаттерли», 1932; «Мать с ребенком», 1932 и др.).

После капитуляции Франции во время 2-й мировой войны был арестован как еврей; его творчество, по теориям идеологов Третьего рейха, относилось к «вырождающемуся» искусству. Погиб в концлагере. Ретроспективные выставки: в Париже (1954, 1970, 1972-73, 1984), в Лондоне (1970). Отдельные работы — на выставках «Париж-Москва» и «Москва-Париж» (1980-81), «Великая утопия. Русский авангард 1915-32» (Франкфурт-на-Майне, Амстердам, Нью-Йорк, Москва, Петербург, 1992-93).

Лит.: Vladimir Baranoff-Rossiné. Exh. Gal. Jean Clauvelin. Paris, 1969.

А.Шатских

БАХМЕТЬЕВ Борис Александрович (1880, Тифлис — 1951, Нью-Йорк) — ученый в области гидродинамики, политический и общественный деятель. Образование получил в тифлисской классической гимназии и Петербургском институте инженеров путей сообщения, который окончил в 1902. В 1903 продолжил обучение в Цюрихском политехническом институте. Начиная с 1905 в течение 12 лет преподавал в Петербургском политехническом институте, занимал должность профессора по кафедрам гидравлики, гидроэнергетики, теоретической и прикладной механики. В 1911 защитил докторскую диссертацию в Институте инженеров путей сообщения.

С началом 1-й мировой войны значительное место в жизни Б. стала занимать общественно-политическая деятельность. В 1915 он включился в работу Международного Красного Кре-

ста на территории России. Вслед за этим, как член Военно-промышленного комитета и Закупочной комиссии, занимался организацией поставок военного и прочего снаряжения для российской армии из США и Англии. Объем поставок из Америки существенно возрастал, и в 1917 Б. направился в США для решения вопросов закупок в ранге товарища министра торговли и промышленности Временного правительства. Вскоре он был назначен послом России в США.

Октябрьская революция в России первоначально не изменила статуса Б., поскольку США не торопились признавать правительство большевиков. По-прежнему он возглавлял посольство России, организовывал деятельность Закупочной комиссии и Русского информационного бюро в Нью-Йорке. Добавились и новые хлопоты — заботы о соотечественниках, бежавших из России; многие русские эмигранты, включая выдающихся деятелей науки *В.Зворыкина, О.Струве, И.Сикорского, С.Тимошенко* и др., на всю жизнь сохранили чувство благодарности к Б. за помощь с устройством в США. Б. принял активное участие в подготовке предложений и проектов документов для проводившейся в 1919-20 Парижской мирной конференции. Важнейшим результатом общественной деятельности Б. стало создание Российского гуманитарного фонда в США, главой которого он являлся в течение многих лет. Одновременно Б. был директором Фонда помощи российским студентам.

После подписания в 1922 Раппальского договора Б. прекратил работу в качестве посла и возвратился к научно-инженерной деятельности. В 1923 открыл в Нью-Йорке консультационную фирму по вопросам проектирования гидравлических систем, стал пайщиком ряда фирм. Наиболее тесно сотрудничал с «Lion Match C°», в которой являлся председателем совета компании. Одновременно Б. занимался научной работой, проводя исследования по вопросам переменных потоков жидкости в лаборатории гидравлики Колумбийского университета в Нью-Йорке. С 1931 — профессор кафедры гражданского строительства этого университета. Б. внес существенный вклад в развитие «новой гидравлики», в числе первых применив достижения и методы аэродинамики, что открывало новые горизонты в развитии науки о течении жидкостей. Широкую известность получили труды Б. «Переменные потоки жидкости» (1914), «Гидравлика открытых каналов» (1932), «Механика турбулентного движения» (1936). За последнюю работу, переведенную на несколько языков, он был удостоен Большой медали общества дипломированных инженеров Франции.

С 1917 Б. входил в Американское общество гражданских инженеров (в 1945 был избран его почетным членом), Американское общество инженеров-механиков, Институт аэрокосмических наук. Выдающиеся заслуги Б. в развитии прикладной науки были отмечены присуждением ему почетных премий Дж.Лори (1937) и Дж.Стивенса (1944). В середине 40-х он стал одним из членов-учредителей Американского национального фонда научных исследований. Б. входил также в Национальный внешнеполитический совет, Ассоциацию прогресса науки, Академии наук штатов Нью-Йорк и Коннектикут.

Запоминающимися были выступления Б. на различных форумах, по американскому радио и телевидению. Блестящее владение английским языком, отличная дикция, экспрессия и логика речи принесли ему славу замечательного оратора. Квартира Б. в Нью-Йорке напоминала картинную галерею, причем значительную часть коллекции составляли работы русских живописцев, собрание русских икон.

Данью памяти политику, общественному деятелю и ученому стали названные его именем Бахметьевский гуманитарный фонд и Бахметьевский архив российской и восточноевропейской истории и культуры, созданный при Колумбийском университете.

В.Борисов

БЕЗИКОВИЧ Абрам Самойлович (11.1.1891, Бердянск — 2.11.1970, Кембридж, Великобритания) — математик. Б. был 4-м ребенком в семье караимов Самуила и Евы Безиковичей, имевших четырех сыновей и двух дочерей. Отец Б. был ювелиром, но после ограбления своего магазина стал работать кассиром. От отца Б. унаследовал упорство в стремлении к совершенствованию, а от матери — способности к математике. В 1908 Б. закончил бердянскую гимназию и в том же году поступил на математическое отделение физико-математического факультета Петербургского университета, где одним из его учителей был академик А.Марков. Окончив университет (1912) с дипломом 1-й степени Б., по ходатайству А.Маркова и академика-математика В.Стеклова, был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В марте 1915 Б. закончил сдачу магистерских экзаменов. В том же году была опубликована его первая научная работа по теории вероятностей.

Сразу после университета, а, возможно, и на старшем курсе, Б. принимал участие в математическом кружке, организованном выпускниками университета А.Фридманом, *Я.Та-*

маркиным и А.Гавриловым. Участники кружка работали по собственной программе, изучая не только классические труды, но и новые тогда направления математического анализа, которые были вне круга интересов старшего поколения петербургских математиков. Кроме того, Б. посещал и семинар физика-теоретика П.Эренфеста, где, вероятно, и познакомился со своей будущей женой, Валентиной Витальевной Дойниковой (1888-1974), физиком по образованию. Брак был заключен в 1916, для чего Б. перешел в православие (караимские законы не разрешали вступать в брак с лицами другого вероисповедания).

Став в 1917 приват-доцентом Петроградского университета, Б. был направлен в Пермский университет в качестве исполняющего обязанности экстраординарного профессора по кафедре математики. В 1918 в Пермский университет приехала на работу группа молодых математиков из Петроградского университета; в конце лета было организовано Пермское физико-математическое общество и основан свой журнал. Б. опубликовал в этом издании четыре работы. С 1.10.1919 Б. занял пост декана физико-математического факультета; некоторое время был ректором Пермского университета. При отступлении армии Колчака университет был разрушен, а часть имущества была отправлена в Томск. Б. сыграл значительную роль в спасении книг и другого имущества университета. Летом 1920 Совет Пермского университета во главе с новым ректором Н.Оттокаром командировал Б. для научных занятий в Москву и Петроград. В Петрограде Б. стал работать в Педагогическом институте в должности профессора, а также в Петроградском университете приват-доцентом; одновременно он преподавал на рабфаке.

Существенную поддержку Б. оказал в этот период П.Эренфест, высоко ценивший талант Б., говоривший о нем: «Это — машина; нет задач, которые он не решил бы. Прямо бык!» Эренфест отправил научные работы Б. авторитетным математикам: Х.Бору в Данию, Н.Г. ван дер Корпуту в Голландию, Дж.Литлвуду и Г.Харди в Англию. Отзывы были прекрасными, и в ноябре 1924 Б. получил стипендию Рокфеллеровского фонда на 9 месяцев. Однако, несмотря на все хлопоты, разрешения властей воспользоваться стипендией он не получил. В этой ситуации Б., как и его коллега Я.Тамаркин, решил нелегально покинуть Советскую Россию. Он перешел латвийскую границу, затем перебрался в Копенгаген. Здесь Рокфеллеровская стипендия дала ему возможность работать в течение года с Х.Бором, который тогда занимался теорией квазипериодических функций. Эта теория была также предметом исследований Б. Из Копенгагена он отправился на несколько месяцев в Оксфорд к известному математику Г.Харди, который уже оценил аналитический талант Б. и обеспечил ему чтение лекций в университете Ливерпуля на 1926/27 учебный год.

С 1927 Б. жил в Кембридже. Сначала он занимал должность лектора университета, а с 1930 стал членом Тринити-колледжа. В 1950 ему была предоставлена кафедра математики, которую занимал до этого Дж.Литлвуд, вышедший в отставку. В Кембридже Б. читал не только обычный курс математического анализа, но и специальные разделы его для старшекурсников и окончивших университет. В этих специальных курсах он рассматривал те области математики, которыми занимался сам: квазипериодические функции, топология, мера Хаусдорфа и др. Кроме того, он организовал для студентов нечто вроде регулярного конкурса решения трудных задач. В 1927-50 Б. неизменно принимал участие в т.н. математическом трипосе — специальном экзамене для получения отличия по традиции Кембриджского университета.

После выхода на пенсию Б. в течение нескольких лет читал лекции как приглашенный профессор в различных университетах США. Некоторые его работы были напечатаны в изданиях Стэнфордского университета и Американского математического общества. Затем он вернулся в Кембридж. Основным направлением математических исследований Б. оставалась теория квазипериодических функций, которой он занимался вместе с Х.Бором. В 1932 Б. опубликовал в издательстве Кембриджского университета по этой теме монографию «Почти периодические функции», высоко оцененную специалистами. В 1955 книга была переиздана в Нью-Йорке. Теперь имя Б. носит класс квазипериодических функций, введенный им, и соответствующие этим функциям расстояния. Б. занимался также теорией меры, теорией функций комплексного и вещественного переменных и многими другими вопросами анализа. Результаты, полученные им в области плоской топологии, в настоящее время приобрели большое значение, и его имя связывается с новейшими исследованиями в этой области. За свою жизнь Б. опубликовал около 130 научных работ. Он подготовил в Англии немало математиков; более десяти из них стали известными профессорами.

Заслуги Б. были отмечены избранием его в 1934 членом Королевского общества в Лондоне и награждением в 1952 медалью им. Дж. Сильвестра. Еще ранее, в 1930, за исследования квазипериодических функций он получил премию Д.Адамса от Кембриджского уни-

верситета, а в 1950 — медаль О. де Моргана от Лондонского математического общества.

Лит.: Burkill J.C. Abram Samoilovitch Besicovitch. 1891-1970 / Biographical Memoirs of Fellow of the Royal Society, 1971, vol. 17; Taylor S.J. Abram Samoilovitch Besicovitch // Bull. London. Math. Soc., 1975, vol. 7, part. 2, № 20; Эренфест-Иоффе. Научная переписка. 1907-1933. 2-е доп. изд. Л., 1990; Костицын В.И. Ректоры Пермского университета. 1916-1991. Пермь, 1991.

Арх.: Арх. РАН, ф. 162, оп. 3.

Н.Ермолаева

БЕЛЯЕВ Николай Тимофеевич (26.6.1878, Петербург — 5.11.1955, Париж) — металлург, металловед, химик. Родился в семье генерала Т.М.Беляева. Следуя семейной традиции, в 1902 поступил в Михайловскую артиллерийскую академию в Петербурге. По окончании академии (1905) продолжил образование в Военно-инженерном училище. Здесь же начал работать сначала в должности преподавателя, а затем профессора химии металлургических процессов.

Еще учась в академии, Б. увлекся историей восточного стального оружия, начал изучать технологию изготовления т.н. дамасских сталей. Большое влияние на него оказал Д.Чернов, которого Б. считал своим учителем, и П.Аносов, первым раскрывший технологические секреты дамасской стали и организовавший производство таких сталей в Россиии в 1841. Уже в 28-летнем возрасте Б. написал классическую работу «О булатах» (СПб., 1906), в которой исследовал влияние механической и термической обработки на структуру и свойства специальных сталей. Спустя три года вышел получивший широкую известность труд Б. «Кристаллизация, структура и свойства стали при медленном охлаждении» (СПб., 1909). Эта работа послужила основой ряда последующих публикаций на английском, немецком и французском языках. В своей следующей работе — «Этюды по видманштеттовой структуре метеоритов и земных сплавов» (1911) Б. обосновал вывод, что структуры, обнаруженные в метеоритных материалах, могут быть получены в сталях при соответствующих условиях термической обработки.

1-я мировая война прервала научную работу Б.; он участвовал в боях на русско-германском фронте, где получил серьезное ранение. После выхода из госпиталя в 1915 Б. был командирован в Англию для работы по обеспечению поставок вооружения и материалов для русской армии. После революций 1917 деятельность по поставке военной продукции из Англии прекратилась, и перед Б. встал вопрос о его дальнейшей судьбе. Он принял решение остаться в Англии. Опубликованные труды явились наилучшей рекомендацией, и вскоре Б. начал работу в промышленности как консультант по вопросам технологии металлов. После выхода книги «Кристаллизация металлов» он получил известность на Западе как один из ведущих специалистов в области металлографии. Его труды выходили на многих языках, результаты исследований и теоретические обобщения, сделанные Б., оказывали значительное влияние на развитие мировой науки о сталях и сплавах.

В 1934 Б. переехал в Париж. Продолжая изыскания в избранной еще в молодые годы области техники, Б. опубликовал статью «Мечи и метеориты» (1939) и др. Опыт древних мастеров-металлургов, который был накоплен при изготовлении стальных мечей, Б. обобщил в работе, опубликованной в 1944 в журнале «Revue de métallurgie».

Б. встречался со многими учеными и общественными деятелями, участвовал в работе физико-математического отделения Российской Академии наук, Императорского русского технического общества, международных съездов и конференций (по горному делу, металлургии, прикладной механике, практической геологии и т.д.).

Соч.: The Crystallization of Metals. London, 1922.

В.Борисов.

БЕНУА Александр Николаевич (21.4.1870, Петербург — 9.2.1960, Париж) — живописец, график, художник театра, теоретик и историк искусства, художественный критик. Родился в семье академика архитектуры и архитектора двора Николая Леонтьевича Б., внука выходца из Франции Луи-Жюля Б.; младший из девяти детей. Его братья — известный акварелист Альберт Б. и архитектор Леонтий Б. Мать — Екатерина Альбертовна (урожд. Кавос), дочь известного зодчего венецианского происхождения А.Кавоса, строителя нескольких театральных зданий в России. В 1885-90 — учащийся гимназии К.Мая, в 1890-94 — студент юридического факультета Петербургского университета. В детстве учился рисованию у старшего брата Альберта, в 1887 четыре месяца посещал вечерние классы Академии художеств, в начале 1890-х копировал старых мастеров в Эрмитаже. В гимназические годы познакомился и сблизился с Д.Философовым, В.Нувелем и *К.Сомовым*, позже — с *С.Дягилевым, Л.Бакстом*, А.Нуроком. Кружок единомышленников («Общество самообразования») преобразовался в конце 1890-х в общество «Мир искусства» и

редакцию одноименного журнала. В 1891-96 выставлялся на Акварельных выставках в Петербурге. В 1893 женился на А.Кинд, роман с которой, по признанию Б., «протянулся на всю жизнь». У них было трое детей.

В 1893 опубликовал первую свою работу по истории русского искусства (главу в: Р.Мутер «История живописи в XIX в.»). Другие важнейшие искусствоведческие труды — «История русской живописи» (1901-2), «Русская школа живописи» (1904), «Русский музей имп. Александра III» (1906), «Путеводитель по картинной галерее Эрмитажа» (1910), «История живописи всех времен и народов» (1912-17, незаконч.) и др. Основатель сборника «Художественные сокровища России» (1901). Автор многочисленных статей в журналах «Мир искусства», «Золотое Руно», «Аполлон», «Старые годы»; в газетах «Слово», «Русь» и др. С 1908 по весну 1917 регулярно публиковал «Художественные письма» в газете «Речь».

В 1890 путешествовал по Германии. В 1895-99 был хранителем коллекции современной европейской и русской живописи и графики княгини М.Тенишевой. В 1896 организовал выставку нескольких русских художников в рамках Мюнхенского Сецессиона — творческого объединения, ставящего своей целью создание нового, всеобъемлющего стиля в архитектуре, дизайне, живописи. В том же году впервые побывал в Париже, положив начало своему «Версальскому циклу» (серии гуашей и акварелей на версальские мотивы, созданной в 1896-99 и в 1905-6; серия литографий и рисунков на ту же тему была издана в Петрограде в 1923). В 1904-6 впервые обратился к теме «Медного всадника» А.Пушкина (возвращался к ней и в 1910-е), а также к иллюстрированию «Пиковой дамы» и «Капитанской дочки» (обе — Пг., 1920). Оформлял отдельные номера журнала «Мир искусства» (в 1904; был соредактором С.Дягилева), работал над экслибрисами. В 1905 создал серию иллюстраций для книги «Азбука в картинках Александра Бенуа» и серию открыток «Игрушки».

Дебютировал как художник театра в 1900: оформил одноактную оперу «Месть Амура» в Эрмитажном театре в Петербурге. В 1902 оформлял оперу «Гибель богов» Р.Вагнера в Мариинском театре (показ спектакля состоялся в 1903). В 1907 оформил спектакль балета *Н.Черепнина* «Павильон Армиды» (Мариинский театр), в том же году был одним из основателей «Старинного театра» в Петербурге (выполнил занавес театра). В 1909 стал художественным директором Русских балетных сезонов Дягилева (до 1911), для которых оформлял балеты «Сильфиды», «Павильон Армиды» (оба — 1909), «Жизель» (1910), «Петрушка» (был также автором либретто, 1911), «Соловей» (1914). В 1912-15 был содиректором по постановочной части Московского Художественного театра.

В первые послереволюционные годы принимал активное участие в реорганизации и сохранении пригородных дворцов и парков Петрограда и Русского музея в этом городе. В 1917-26 состоял заведующим Картинной галереей Эрмитажа в Петрограде. Был членом Коллегии по делам музеев при Наркомпросе (1918), сотрудничал в издательстве «Всемирная литература», основанном М.Горьким. В 1918-22 создал серию литографий «Петергоф». Работал в петроградских театрах: Мариинском, Александринском, Большом драматическом (1919-26).

В 1926 выехал в командировку в Париж — как и ранее, для постановки спектаклей в «Grand-Opéra» и участия в выставках, но в Россию не вернулся. Это решение было связано, главным образом, с финансовыми и семейными обстоятельствами. Сохранял активные связи с Петроградом-Ленинградом вплоть до начала 1930-х, когда был отчислен из штата сотрудников Эрмитажа.

Б. оформлял спектакли в «Grand-Opéra» в Париже в 1924, 1926, 1928-34. В последний период работы для театра Б. сотрудничал с труппой *Иды Рубинштейн*, для спектаклей которой оформил в числе прочего «Поцелуй феи» *И.Стравинского* (1928); Б. был также режиссером-постановщиком ряда спектаклей, («Болеро» М.Равеля (1928) и др.). Ставил и оформлял спектакли в «Comédie-Française» (1930-е), в театре «Colon» в Буэнос-Айресе, в лондонском «Covent Garden» (1957). Оформил спектакль «Спящая красавица» для антрепризы Дягилева (1928), а также балеты «Жизель» Ж.Адана и «Лебединое озеро» П.Чайковского для антрепризы С.Юрока в Нью-Йорке в 1948. Особенно много оперных и балетных спектаклей поставил и оформил в миланском театре «La Scala» (1930-е — 1950-е), где постановочной частью заведовал его сын Николай.

Помимо работы в театре, Б. продолжал заниматься живописью и графикой; создал серии видов Петербурга и его пригородов под общим названием «Воспоминания», иллюстрировал книги русских авторов: А.Пушкин. «Капитанская дочка» (изд. 1944); А.Попов. «Григорий Орлов» (1946) и «Побрехушки кухмистерские» (1951). По воображению и памяти написал несколько картин на темы русской истории Петровской, Екатерининской и Павловской эпох (1929, 1940-е). Писал также пейзажи Парижа, Нормандии, Версаля, Бретани в манере, сложившейся в начале века. Иллюстрировал книги А. де Ренье «Грешница»

(1928), А.Моруа «Страдания молодого Вертера» (1926) и др.

В течение жизни Б. участвовал в выставках: «Мир искусства» (1898-1903; 1906; 1911-17; 1922; 1924 — в России; 1921 — в Париже); «Современное искусство» (1902-3) в Петербурге; «Союз русских художников» (1904-10) в Петербурге и Москве; «Салон С.Маковского» (1910-11) в Петербурге; «Международной художественной» в Риме (1911); «Русское искусство» при Осеннем салоне в Париже (1906); «Русской художественной» в Берлине (1922), в городах США (1924-25), в Брюсселе (1928), Белграде (1930), Праге (1935).

Персональные выставки Б. состоялись в Париже (1926, 1929, 1953), Лондоне (1936, 1939, 1959, 1960), Комо (Италия, 1955), Милане (посмертная, 1960), Москве (ретроспективная в Третьяковской галерее, 1972).

Б. — кавалер (1906) и офицер (1916) ордена Почетного легиона Франции, офицер ордена «Corona d'Italia» (1911).

На протяжении своего долгого пути художника, критика и историка искусства Б. оставался верен высокому пониманию классической традиции и эстетических критериев в искусстве, отстаивал самоценность художественного творчества и изобразительную культуру, опирающуюся на прочные традиции. Искренность устремлений того или иного автора была для него главным мерилом в оценке произведения искусства любого направления. Будучи традиционалистом, Б. не был закрыт для проявлений новаторства, но основное внимание все же уделял изучению истории искусства в музеях и архивах. Из этих изысканий выросли не только его замечательные труды по истории русского и зарубежного искусства, но и сочно, красочно написанные мемуары, зафиксировавшие целую эпоху отечественной художественной культуры рубежа XIX и XX вв. и отдельно — историю «Дягилевских балетов» периода их расцвета в 1910-е (большая часть воспоминаний написана в эмиграции). Постоянство и высокая «планка» эстетических принципов как в художественной практике (в станковом и театрально-декорационном искусстве, иллюстрации), так и в теории (критика и история искусств) делают творчество Б. одним из уникальных феноменов, оставившим заметный след в культуре на протяжении почти трех четвертей века. Важно также и то, что вся многогранная деятельность Б. была, по сути, посвящена одной цели: прославлению отечественного искусства в Европе и завоеванию для него достойного места в общеевропейском художественном процессе. Объединение «Мир искусства», душой которого на рубеже столетий был Б., сделало немало в этом направлении. После этого европейцы более не могли обозревать искусство Европы без учета вклада в его сокровищницу русских художников.

Соч.: Возникновение «Мира искусства». Л., 1928 (переизд. М., 1994); Воспоминания о балете // Рус. записки, 1939, № XVI-XXI; Жизнь художника. Нью-Йорк, 1955; Александр Бенуа размышляет... М., 1968; Мои воспоминания, ч. I-V. М., 1980.

Лит.: Эрнст С. Александр Бенуа. Пг., 1921; Маковский С. Силуэты русских художников. Прага, 1922 (переизд. М., 1994); Его же. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955; Эткинд Марк. Александр Бенуа. М., 1965; Его же. А.Н.Бенуа и русская художественная культура конца XIX — начала XX в. Л., 1989; Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Париж, 1966 (переизд. Л., 1991).

Арх.: РГИА, ф. 789, оп. 11, 1887, д. 143; Арх. Гос. Эрмитажа, оп. 5, д. 24 (личное дело А.Н.Бенуа); Секция рукописей ГРМ, ф. 137.

А.Толстой

БЕРБЕРОВА Нина Николаевна (26.7.1901, Петербург — 26.9.1993, Филадельфия) — поэт, прозаик, переводчик, литературный критик. Отец ее, Н.И.Берберов, происходил из проживавшего в Нахичевани (под Ростовом-на-Дону) армянского рода, в 1917 занимал пост чиновника по особым поручениям при министре финансов. Мать, Н.И.Караулова — дочь тверского помещика и земского деятеля. В гимназии ее учительницей французского языка была Т.Адамович, сестра *Г.Адамовича*, представившая в 1915 Б. А.Блоку и А.Ахматовой. Б. окончила Археологический институт и историко-филологический факультет Донского университета (1920). В 1921 вступила в петроградское отделение Всероссийского союза поэтов. В феврале 1922 впервые напечатала стихи в сборнике «Ушкуйники».

Став женой поэта *В.Ходасевича* в 1922, вместе с ним уехала в Берлин. В мае 1923 в берлинском журнале «Беседа» были помещены ее стихи. Свой первый гонорар получила за перевод романа Ш. де Лакло «Опасные связи» (Берлин, 1923). Опубликовала перевод книги Р.Роллана «Махатма Ганди» (Берлин, 1924). Б. и Ходасевич с 1923 жили у М.Горького в Саарове под Берлином, в Мариенбаде и в Соренто. В 1925 поселились в Париже. С Ходасевичем Б. разошлась в 1932, но не порывала с ним отношений до его смерти в Париже в 1939. Вела дружескую переписку с О.Марголиной-Ходасевич, ставшей женой поэта в 1933.

В Париже Б. в течение 16 лет была литературным сотрудником газеты «Последние новости». «Печатала рассказы и даже стихи, кинокритику, хронику советской литературы,

иногда — репортаж, а летом заменяла уехавшую в отпуск машинистку». К концу 20-х имя Б. приобрело в эмиграции широкую известность во многом благодаря ироничному, в зощенковском стиле, циклу из 12 рассказов о жизни русских эмигрантов под общим названием «Биянкурские праздники». В 30-е были опубликованы три романа: «Последние и первые: Роман из эмигрантской жизни» (Париж, 1930), «Повелительница» (Берлин, 1932), «Без заката» (Париж, 1938), также посвященные эмиграции. Б. рассказывала о судьбах бывших деникинских и врангелевских солдат и офицеров, которые работали на автозаводе Рено, открывали сапожные лавки и красильни. Б. печаталась в журналах «Новый корабль» (1927), «Звено» (1927), «Современные записки» (1920-40), «Беседа» (1923-25), «Воля России» (1922-32) и др. изданиях. Участвовала в сборнике «Якорь». В 1926-27 редактировала, совместно с Д.Кнутом и Ю.Терапиано, журнал «Новый дом». В 1939 на русской сцене в Париже была поставлена ее пьеса «Мадам», переведенная на чешский, немецкий и английский языки. Б. посещала заседания общества «Зеленая лампа», возникшего по инициативе *Д.Мережковского и З.Гиппиус* (1927-39). «Сегодняшний день, сегодняшний час, — говорила Б., — для литературной эмигрантской молодежи самый важный. Сейчас, унося в себе Россию, она становится «лицом к Европе», где почитали за счастье жить лучшие русские люди... Она считает изгнание трагедией, да... И, сознательно относясь к этой трагедии, она жертвует своим пребыванием в России ради того глубоко русского дела, которого там сейчас делать нельзя». Шесть рассказов Б., опубликованные в 1934-41 в журнале «Современные записки», позже были собраны в книге «Облегчение участи» (Париж, 1949). Перу Б. принадлежат две художественные биографии русских композиторов: «Чайковский, история одинокой жизни» (Берлин, 1936) и «Бородин» (Берлин, 1938). *М.Цетлин* в рецензии на книгу «Чайковский» писал: «На основании труда Модеста Чайковского и многочисленных других материалов, опубликованных в последние годы, на основании отчасти и расспросов людей, лично знавших Чайковского, она дала живой образ его, и книга ее, не будучи вымыслом, читается с увлечением, как роман». В книге использованы материалы, полученные от *С.Рахманинова*, А.Глазунова, потомков фон Мекк.

Во время войны Б. оставалась в оккупированной немцами зоне Франции. Когда в 1940 «Последние новости» закрылись, она стала литературным редактором только что основанного еженедельника «Русская мысль». Как корреспондент «Русской мысли» присутствовала на суде над «невозвращенцем» В.Кравченко, автором книги «Я выбрал свободу». С 1949 «Русская мысль» печатала ее репортажи с процесса, составившие впоследствии книгу «Процесс Кравченко».

После войны Б. опубликовала в «Новом журнале» роман «Мыс бурь» (1950, № 24; 1951, № 25-27). В 1950 переехала в США. Восемь лет прожила в Нью-Йорке, работала в архиве, училась на курсах английского языка. С 1958 преподавала русский язык в Йельском университете, позже стала профессором литературы. Преподавала в Принстонском университете, входила в редакцию альманаха «Мосты» (Мюнхен, 1958-68). В 1966 завершила работу над своим главным трудом — автобиографией «Курсив мой» (опубл. впервые в Лондоне и Нью-Йорке на англ. яз.; 1-е рус. изд. Мюнхен, 1972; 2-е доп. изд. Нью-Йорк, 1983). «Эта книга — история моей жизни, попытка рассказать эту жизнь в хронологическом порядке и раскрыть ее смысл» (Вопр. лит-ры, 1988, № 9). По словам А.Марченко, «книга Берберовой — «целая эпоха и люди в ней» — собрана, составлена, смонтирована из портретов и фрагментов известных лиц, поданных крупным планом, не позволяющим утаить ни одного «мгновенного выражения».

В 1971 Б. вышла в отставку, но продолжала жить в Принстоне до 1990. Б. являлась почетным доктором Миддлбери Колледжа (1983) и Йельского университета (1992), кавалером ордена Почетного легиона (1991).

Среди наиболее значительных работ Б. — книга «Железная женщина: Рассказ о жизни М.Закревской-Бенкендорф-Будберг, о ней самой и ее друзьях» (Нью-Йорк, 1981). В предисловии Б. писала: «Источники мои — это документы и книги от 1900 до 1975 гг. Они помогли мне раскрыть тайну ее предков, подробности ее личной жизни, имена ее друзей и врагов, цепь событий, с которыми она была иногда тесно, иногда косвенно связана... Обстановка и эпоха — два главных героя моей книги». А.Вознесенский в предисловии к советскому изданию отметил неточность жанра этой книги: «Я назвал бы ее инфроманом, романом-информацией, шедевром нового стиля нашего информативного времени, ставшего искусством. Это увлекательное документально-страшное жизнеописание баронессы М.Будберг — пленительной авантюристки, сквозь сердце которой прошли литературные и политические чемпионы столетия — как-то: М.Горький, Уэллс, Локкарт, Петерс и другие».

Книга «Люди и ложи: Русские масоны XX столетия» (Нью-Йорк, 1986), как признавала сама Б., написана не историком, а лишь современником описываемых событий. Получив

доступ к русскому масонскому архиву в Париже, Б. поместила в книге, помимо очерков о масонстве в России и в эмиграции, составленный ею биографический словарь (666 имен). По ее мнению, в дореволюционной России масонством были пронизаны Государственная дума, Государственный совет, Военно-промышленный комитет, Торгово-промышленный союз, земство, адвокатура, профессура Московского и Петербургского университетов; масонами были не менее 40 членов Думы (от социалистов до левых октябристов, особенно много — в партии кадетов), видные военные, аристократы и дипломаты. В список вошли пятеро из девяти членов Временного комитета для защиты русских интересов за границей, созданного в 1921. Б. выявила присутствие масонов и в правых кругах эмиграции. В списке представлены и имена писателей (Г.Адамович, *М.Алданов, А.Амфитеатров, Р.Гуль, Н.Евреинов, Л.Зуров*, А.Ладинский, *И.Лукаш, С.Маковский, К.Мочульский*, Вас.Немирович-Данченко, *М.Осоргин, Н.Оцуп*, Б.Савинков, *М.Слоним*, Ю.Терапиано, *А.Тыркова-Вильямс*, Ю.Фельзен, *И.Фондаминский*), однако не всегда указаны даты «посвящения» и выхода из ордена; некоторые из указанных лиц были причастны к масонству лишь в ограниченный период времени.

После перевода на французский язык в 1985 повести «Аккомпаниаторша» книги Б. переводились на все основные европейские языки.

Литературно-критические работы Б.: «Подстриженными глазами» (НЖ, 1931, № 27); «Владислав Ходасевич — русский поэт (1886-1939)» (Грани, 1951, № 12); «Набоков и его Лолита» (НЖ, 1959, № 57); «Великий век» (НЖ, 1961, № 64); «Советская критика сегодня» (НЖ, 1966, № 85; 1967, № 86); книга «A.Block et son temps» (Paris, 1947) — раскрывают ее как тонкого ценителя современной литературы, прежде всего поэзии. Основными качествами поэзии Б. считает насыщенность, точность и новизну. «Поэзия определяется как язык, насыщенный до возможного предела», как искусство «вкладывать максимальный смысл в слово», каждое из которых «приходит с десятком своих обертонов (и чар)». Раскрываемые Б. собственные поэтические ассоциации характеризуют плотную интертекстуальность ее критических исследований, высокий уровень образованности и гуманитарной культуры. Характеризуя пять основных методов англо-американской литературной критики, Б. высоко оценивает формальный метод, считая его обязательным «школьным фундаментом литературы». В этой связи книги русских формалистов, на ее взгляд, «учат больше, чем все написанное русскими критиками за последние пятьдесят лет». Основная задача литературной критики — интерпретация, избегающая оценок. Б. близка в этой позиции «новой критике» и цитирует ее мэтров: «Поэма не должна что-то значить, она должна быть» (А.Маклиш); «задача критики — видеть вещь, как она есть» (Т.С.Элиот). В обзоре советской критики Б. высоко отозвалась о тех литературоведах, которые «возвращают искусству его формосозидающую сущность, когда снова делается ясным, что поэт не вырастает, как дерево, из собственного детства и своего окружения, но из столкновения с достижениями других поэтов...» Б. одной из первых оценила талант *В.Набокова*, считая, что появление его оправдывает существование всей эмиграции.

В 1989 Б. впервые за 67 лет побывала на родине, посетила Москву и Ленинград. Ей был оказан горячий прием. Последние годы жизни, омраченные тяжелой болезнью, Б. провела в Филадельфии. В некрологе «Памяти Н.Н.Берберовой» А.Сумеркин написал: «Н.Н., конечно, радовалась успеху своих книг и признанию, она была счастлива, что ее книги выходят в России, но, по-моему, втайне больше всего гордилась тем, что с 1937 года, когда она получила свои первые водительские права, по 1991 год, когда она перестала садиться за руль, она всего один раз заплатила серьезный штраф — в 1963 году, когда переезжала из Нью-Хейвена в Принстон и, по ее словам, волновалась» (Рус. мысль, 1994, 14-20 окт.).

Соч.: Стихи, 1921-1983. Нью-Йорк, 1984; Биянкурские праздники и др. рассказы // Октябрь, 1989, № 11; Аккомпаниаторша: Повесть // Аврора, 1990, № 2; Маленькая девочка: Пьеса в 3 д. // Совр. драматургия, 1991, № 2; Железная женщина. М., 1991.

Лит.: Barker M. The Short Prose of N.Berberowa // Russ. Lit. triquart, 1984, № 22: Мейлах М. Нина Берберова в России // Рус. мысль, 1989, 20 окт.; Перельмутер В. Прямая речь Нины Берберовой // Лит. Армения, 1990, № 7; Костырко С. Выжить, чтобы жить // Нов. мир, 1991, № 9; Сумеркин А. Нине Николаевне Берберовой: К 90-летию // Рус. мысль, 1991, 9 авг.; Гинсбург А. Памяти Нины Николаевны Берберовой // Там же, 1994, 14 окт.

Е.Цурганова

БЕРДЯЕВ Николай Александрович (псевд.: Б.К-ский, К.Т-н) (6.3.1874, Киев — 24.3.1948, Кламар под Парижем) — философ, религиозный мыслитель, публицист. Происходил из старинного дворянского рода, известного со 2-й половины XV в. Несколько поколений его предков со стороны отца, Александра Николаевича, были военными. Отец состоял на военной службе до 15.10.1878, когда вышел в отставку в чине штабс-ротмистра и поселился в Кие-

ве; был предводителем дворянства и председателем правления Киевского Земельного банка. Мать — Александра (Алина) Сергеевна (урожд. Кудашева). По признанию Б., он никогда не любил семьи как таковой, он «никогда не ощущал, что родился от родителей», любя их, относился к ним, как отец к детям. Бердяевы владели родовым имением Обухово в Киевской губернии, заложенным в 1870-е в Киевском Земельном банке и затем проданным, а также майоратом Коваль в Царстве Польском, полученным в 1836 «за отлично усердную службу» дедом Б.

Б. получил начальное домашнее образование, хорошо владел немецким и французским языками. С детства зачисленный по семейной традиции в пажи, в 1887-91 учился в Киевском и Владимирском кадетских корпусах, после чего вместо поступления в Пажеский корпус около трех лет готовился к сдаче экзаменов на аттестат зрелости для поступления в университет. Б. получал посредственные оценки и считал себя малоспособным учеником, когда требовалось пассивное усвоение и запоминание. С 14 лет он полюбил чтение философских книг (Гегеля, Канта, А.Шопенгауера и др.) и осознал свое призвание — быть философом, «человеком, который посвятит себя исканию истины и раскрытию смысла жизни». Со второй попытки, 11.6.1894, Б. получил аттестат зрелости Киево-Печерской гимназии. В 1894-97 учился в Киевском университете Св.Владимира: год на естественном отделении физико-математического факультета, затем — на юридическом факультете. Занимался самообразованием, написал первую самостоятельную работу — антикантианский этюд «О морали долга и о морали сердечного влечения» (опубликован не был, рукопись не сохранилась). Участвовал в работе кружка, собиравшегося на квартире Г.Челпанова — приват-доцента университета, читавшего необязательный курс критики марксизма; а также студенческого марксистского Центрального кружка саморазвития и Киевского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. Уже тогда у Б. проявились способности лектора и страстного полемиста. В 1897 впервые был арестован за участие в студенческой демонстрации; вторично арестован 12.3.1898 по обвинению в участии в антиправительственных выступлениях. Разбирательство по его делу длилось почти два года; 22.3.1900 выслан на три года в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции.

В 1898 в библиографическом отделе майского выпуска журнала «Мир Божий» состоялся литературный дебют Б.: напечатаны две его рецензии (без подписи) на книги «История политических учений» Б.Поллока и «Будда, его жизнь, учение и община» Г.Ольденберга. В 1899 написал свою первую самостоятельную статью — «Ф.А.Ланге и критическая философия в ее отношениях к социализму», опубликованную в мае 1900 на немецком языке (Neue Zeit, 1899-1900, № 32/34) и представляющую собой критический анализ книги Ланге «История материализма». В 1900 завершил работу над книгой «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К.Михайловском» (СПб., 1901), в которой идеи марксизма сочетались с идеализмом.

Ссылку отбывал вместе с А.Богдановым (Малиновским), *А.Ванновским*, А.Луначарским, *А.Ремизовым*, Б.Савинковым, П.Щеголевым и др. Годы, проведенные в ссылке, Б. посвятил занятиям философией. Именно там произошел его *переход «от марксизма к идеализму». Последний* год ссылки ему разрешили провести в Житомире, после чего он смог вернуться в Киев.

С детства Б. был знаком с западноевропейской культурой. В 1900-1910-е много путешествовал по Европе (Германия, Италия, Франция, Швейцария). Летом 1903 слушал в Гейдельберге лекции В.Виндельбанда. В августе 1904 участвовал во 2-м международном конгрессе философов в Женеве, во время которого встречался с Г.Плехановым. Осенью 1904 женился на Л.Трушевой (по первому мужу Рапп, 1875-1945).

В 1904-7 жил в Петербурге, затем, после заграничного путешествия, с января 1909 обосновался в Москве. Б. стал свидетелем и одним из творцов того процесса, который он сам называл «русский ренессанс начала XX века». Б. принимал участие в работе Киевского, Московского памяти Вл.Соловьева и Петербургского Религиозно-Философских обществ (РФО), был действительным членом Психологического общества при Московском университете. Бывал на знаменитых средах «на башне» у *Вяч.Иванова*, на воскресеньях у В.Розанова, на заседаниях: московского православно-богословского кружка М.Новоселова, Академии изящных искусств у А.Скрябина, кружка «Православного возрождения», Общества свободной эстетики, Московского литературно-художественного кружка. Религиозно-философские собеседования устраивались и в доме Б. в Москве.

По приглашению *Д.Мережковского и З.Гиппиус* вместе с *С.Булгаковым* вошел в состав редакции журнала «Новый путь», а в 1905 редактировал его продолжение — журнал «Вопросы жизни». Печатался в журналах «Вопросы философии и психологии», «Мир Божий», «Полярная звезда», в «Московском еженедельнике», в газете «Биржевые ведомости» и

др. Участвовал в сборниках статей «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» (1909), вызвавшие бурный отклик современников и оставившие заметный след в истории русской культуры. В 1910-11 вместе с С.Булгаковым, Г.Рачинским, князем Е.Трубецким и В.Эрном участвовал в работе московского издательства «Путь», для которого написал биографию А.Хомякова.

За статью «Гасители духа» (Рус. молва, 1913, 5 авг.), направленную против Святейшего Синода, который олицетворял для Б. официальное православие, против него было возбуждено дело по обвинению в богохульстве (прекращено после Февральской революции). В 1914 издал книгу «Смысл творчества. Опыт оправдания человека», посвященную раскрытию религиозного смысла творчества и заложившую основы его оригинальной религиозно-философской системы. Книга была неоднозначно воспринята современниками. Так, Мережковский и Гиппиус ее активно не приняли; *А.Карташев* считал, что Б. «в ней доходит до границ какой-то истеричности при всем его интеллектуализме», «читатель начинает вместе с ним подниматься на головокружительную высоту и дышать воздухом иллюзии и необычной свободы, получаемой только от прикосновения к религиозным объектам». По мнению *В.Зеньковского*, это «одно из наиболее значительных религиозно-философских произведений последнего времени и во всяком случае лучшее, что было написано Н.А.Бердяевым».

События 1917 Б. пережил как «момент своей собственной судьбы, а не как что-то извне ему навязанное». Будучи идейным противником большевизма, он вместе с тем после октября 1917 испытал творческий подъем и период общественной активности. В 1917-18 им написано свыше 40 публицистических статей, опубликованных в журнале «Русская мысль», в еженедельниках «Накануне», «Народоправство», «Русская свобода». Часть этих статей, в которых философ определял смысл происходящих в России событий, истоки революции, высказывал предположения о дальнейшем развитии событий, были объединены в сборник «Духовные основы русской революции. Опыты 1917-18 гг.» (при жизни автора опубл. не был). Участвовал в сборниках: «Из глубины. De profundis. Сборник статей о русской революции» (1918), «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (1922) и др. 14.9.1917 присутствовал на московском Государственном совещании в качестве члена Временного совета Российской республики от общественных деятелей.

В 1-й половине 1918 на квартире Б. возникла Вольная академия духовной культуры (ВАДК), получившая официальный статус осенью 1919. В ВАДК Б. читал курс лекций по философии истории и философии религии. С 1918 выступал с лекциями по этике слова в Государственном институте слова. Весной 1919 работал в Хранилище частных архивов, занимаясь разборкой архива графов Игнатьевых; в 1920 был избран профессором Московского университета и в течение года читал лекции на историко-филологическом факультете о миросозерцании Ф.Достоевского и курс по философии истории. В сентябре 1921 стал действительным членом московского отделения Вольной философской ассоциации; с января 1922 поступил на работу в качестве действительного члена философского отделения в Российскую Академию художественных наук. Был членом Клуба московских писателей, членом правления Всероссийского союза писателей, одним из учредителей Лиги русской культуры, членом экуменического Общества соединения церквей; деятельно участвовал в работе Лавки писателей, открытой в сентябре 1918. В этот период им были написаны книги: «Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии» (лето 1918, изд. Берлин, 1923), «Философия Достоевского» (1921).

В первый раз был арестован ВЧК 18.2.1920 по делу Тактического центра — организации, на нескольких заседаниях которой Б. выступил с докладами об истоках и перспективах революции в России. Вторично арестован ГПУ в ночь с 16 на 17.8.1922 по обвинению в антисоветской деятельности и до 21 августа содержался во внутренней тюрьме ГПУ. Б. было объявлено решение Политбюро ЦК РКП(б) и Президиума ВЦИК о его бессрочной высылке из Советской России. Б. отрицательно относился к эмиграции и не предполагал, что будет вынужден уехать из России. По воспоминанию его жены, незадолго до высылки, сидя на балконе дачи в Барвихе, Бердяевы говорили *М.Осоргину*: «Вы, быть может, еще и попадете за границу, а мы, конечно, никогда!» Покинул Советскую Россию 28.9.1922. До лета 1924 жил в Берлине, воспринимая Германию как переходный пункт между Россией и Западной Европой. В ноябре или декабре 1922 на квартире Б. по инициативе *П.Струве* состоялось совещание философов, высланных из России, и представителей белого движения (*С.Франк, И.Ильин, А.Изгоев* и сам Б., с одной стороны, П.Струве, В.Шульгин, И.Биккерман, Г.Ландау, с другой). На этом собрании Б. в резкой форме отмежевался от белого движения, считая, что нельзя возлагать надежды на насильственное ниспровержение большевизма, ибо он может быть преодолен только медленным внутренним процессом религиозного пока-

яния и духовного возрождения русского народа.

В Берлине Б. продолжил культурно-просветительскую и преподавательскую деятельность. 26.11.1922 по его инициативе и при содействии Американского христианского союза молодых людей была открыта Религиозно-Философская академия (РФА), продолжившая традиции прежних РФО и ВАДК. Как и в Москве, Б. читал лекции и вел семинарий; являлся деканом отделения и членом ученого совета Русского научного института для обучения русских студентов, открытого 17.2.1923. В институте он читал популярный курс по истории русской мысли. Осенью 1923 участвовал в работе 1-го съезда Русского студенческого христианского движения (РСХД). Стал почетным членом совета РСХД и участвовал в съездах движения до 1936, когда, по его мнению, в движении стали преобладать правые группировки фашистского характера. В 1923 Б. удалось опубликовать ряд книг, написанных еще в России. Книга «Миросозерцание Достоевского» («Философия Достоевского»), по отзыву французского религиозного философа Ж.Маритена, чрезвычайно важна для понимания мировоззрения самого Б. В книге Б. подчеркивал, что «путь свободы ведет или к человекобожеству и на этом пути человек находит свой конец и свою гибель, или к Богочеловечеству — и на этом пути находит свое спасение и окончательное утверждение своего образа». В книге «Смысл истории», написанной на основе историософских лекций в ВАДК (Берлин, 1923), Б. заявлял, что смысл истории находится вне ее границ — в метаистории, т.е. в жизни, в Царстве Бога, где преодолевается объективация, причем существует связь истории и метаистории, метаистория постоянно присутствует как фон истории. В Берлине был написан этюд «Новое средневековье» (Берлин, 1924). Переведенный на многие европейские языки, этюд получил широкое распространение за рубежом, а его автор приобрел мировую известность. Вопреки желанию Б. многие воспринимали его исключительно как автора «Нового средневековья». В Берлине Б. познакомился с немецкими философами Г.Кейзерлингом, М.Шеллером, О.Шпенглером.

Летом 1924 Б. по ряду материальных соображений переехал во Францию. Вместе с семьей: женой, ее сестрой, Е.Рапп, и их матерью, И.Трушевой, он снимал квартиру в Кламаре под Парижем, а в 1938 переехал в собственный дом, полученный в наследство от друга семьи — англичанки Ф.Вест. По отзыву *Б.Вышеславцева*, у Б. был «милый помещичий дом, «Ясная поляна», где живет русский барин, боящийся сквозняков, любящий заниматься философией и решивший стать «пророком» и достигший успехов на этом поприще». С 1928 регулярно по воскресеньям у Б. устраивались собеседования с чаепитием, как в Москве и Берлине. В числе постоянных гостей были *И.Фондаминский*, Е.Извольская, М.Каллаш, о.Д.Клепинин, *К.Мочульский, Г.Федотов, Л.Шестов* и др.

В ноябре 1924 под председательством Б. в Париже открылась РФА. Он читал курсы лекций («О проблемах христианства», «О современных духовных течениях», «Об основных темах русской мысли XIX в.», «Судьба культуры (Философия кризиса культуры)», «Человек, мир и Бог (Проблемы религиозного сознания)» и др.); вел семинары («Идолы и идеалы», «Основные течения современной европейской культуры» и др.). С 1925 принимал участие в собраниях Братства Св.Софии, читал лекции на собраниях Русского национального комитета («Русская духовная культура» и др.), в конце 1920-х — начале 30-х — на собраниях газеты «Дни»; участвовал в работе литературного объединения «Кочевье». Был одним из основателей Лиги православной культуры (1930-35) наряду с о.Булгаковым, Зеньковским, Федотовым, Фондаминским. Сочувственно относился к благотворительной организации «Православное Дело», основанной в 1936 матерью Марией (Скобцовой).

С 1924 и до своей кончины был редактором издательства YMCA-Press. С сентября 1925 по март 1940 редактировал при участии Вышеславцева журнал «Путь. Орган русской религиозной мысли». По словам Б., журнал давал место для творческих проявлений мысли на почве православия. В журнале было напечатано 87 статей, очерков, рецензий, заметок Б. по проблемам христианской философии, истории, с оценкой современных событий, с отзывами на новейшие книги и т.д. Нередко статьи носили резко полемический характер и вызывали крайне негативные оценки русской эмиграции. Страстный защитник свободы творчества, Б. в 1935 выступил в защиту Булгакова, обвиненного за свои богословские взгляды указом митрополита Сергия в ереси (Дух великого инквизитора // Путь, 1935, окт./дек., № 49); в конце 1939 — начале 1940 встал на сторону Федотова, получившего, по предложению митрополита *Евлогия*, ультиматум от преподавателей Богословского института о несовместимости преподавательской деятельности в православном учебном заведении с написанием статей на политические темы для изданий «левой» ориентации (Существует ли в православии свобода мысли и совести? // Там же, 1939, окт./дек., № 59) и др. Сотрудничал в русско-

язычных изданиях: газетах «Дни» (1923-28), «Последние новости» (1927-39), «Русские новости» (1945-47); журналах «Современные записки» (1925-39), «Вестник РСХД» (1931-35), «Новый град» (1931-39), «Русские записки» (1937-38), «Новая Россия» (1936-40); в немецких журналах «Europäische Revue» (1926-30), «Orient und Occident» (1929-36), во французском — «Esprit» (1932-48) и др. изданиях.

Б. имел широкий круг общения с французским литературным, католическим и интеллектуальным миром. В 1925 организовал «Кружок интерконфессиональных исследований» (интерконфессиональные собрания) для сближения церквей, на которых присутствовали католики (о. Л.Жиле, о. Л.Лабертоньер, Ж.Маритен), протестанты (пастор Бергнер, В.Моно), православные (о. Булгаков, Федотов, *Г.Флоровский*) и др. С 1928, когда католикам не разрешили присутствовать на собраниях вместе с протестантами, Б. устроил частные собрания у себя дома. Участвовал в традиционных декадах в имении П.Дежардена Понтиньи и субботних собраниях в его парижском доме — «Союз для правды» («L'Union pour la vérité»), в философских собраниях у Г.Марселя и М.Море, в собраниях французской молодежи в кружках журнала «Esprit», на которых общался с Ж.П.Блоком, Ш.Дю Босом, Э.Дермингемом, Л.Массиньоном, Низаном, С.Фюме и др.

С 1924 Б. выезжал из Франции в Англию, Австрию, Бельгию, Италию, Латвию, Польшу, Чехословакию, Швейцарию, Эстонию для участия в международных встречах, для публичных выступлений. Принимал участие в работе конгрессов: 1-м и 2-м психосоциологических, международных философских, 2-м Польском философском, 6-м международном истории религии, Всемирном спиритуалистическом, конгрессах Пен-клуба, в ежегодных интернациональных встречах в Женеве и др. (1926-47).

В 1927-28 была опубликована в Париже «Философия свободного духа», получившая премию Французской Академии моральных наук и ставшая в творчестве Б. началом пересмотра основных проблем христианства. В книге «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (Париж, 1931) Б. рассматривал этику как познание духа, отмечая при этом, что «человеку принадлежит примат над бытием, ибо бытие раскрывается только в человеке, через человека. И только тогда раскрывается дух». Сразу по выходу книги *Н.Лосский* поставил под сомнение один из основополагающих тезисов философской системы Б., изложенный в ней, что «свобода не может быть сотворена и что если допустить тварность свободы человеком, то сам Бог окажется виновником мирового зла, так что теодицея будет невозможна». Книга «Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения» (Париж, 1934) посвящена проблеме человека. Б. писал, что «философия не есть наука, не есть даже наука о сущностях, а есть творческое осознание духом смысла человеческого существования». В книге «Судьба человека в современном мире» (Париж, 1934) Б. формулировал свою философию истории современности. В книге «Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности» (1935) писал о своем понимании Духа и о соотношении его с бытием, рассматривая такие проблемы Духа как зло, страдание и др. и подчеркивая, что устранение голода и нищеты не решает духовной проблемы, человек остается лицом к лицу, как и раньше, с тайной смерти, вечности, любви, творчества. Трагический конфликт между личностью и обществом, личностью и космосом, временем и вечностью даже при более рационально устроенной общественной жизни будет возрастать по своей напряженности. Социально-политическим вопросам посвящена работа «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937). В 1939-40 была в основном написана книга «Самопознание», в которой объектом исследования стала собственная жизнь философа, история его духа и его самосознания, делалась попытка самоосмысления и объяснения себя миру. В книге «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии» (Париж, 1939) Б., вновь рассматривая проблему личности, выделял такие виды рабства человека как рабство у бытия, у Бога, у природы, у цивилизации, у самого себя, у истории. По мнению Б., освобождение человека возможно только в области Духа.

После немецкой оккупации Франции, в июле 1940, Бердяевы вместе с Мочульским уехали в Пила под Аркашоном, но после появления немцев и там вернулись в Кламар. С началом войны Германии против России Б. занял т.н. «просоветскую» позицию, или, говоря словами самого Б., «естественно присущий ему патриотизм достиг предельного напряжения». Во время немецкой оккупации Б. почти нигде не выступал с публичными докладами и лекциями, посвятив это время «сосредоточенному философскому творчеству». Стал членом «Союза патриотов», сочувствовал движению Сопротивления, печатался в газете «Русский патриот». Участвовал в работе Центра философских и духовных исследований М.Дави («Centre des recherches philosophiques et

spirituelles») и в коллоквиуме в Ла Фортеле, организованном Центром и посвященном выходу на французском языке его книги «Дух и реальность». Б. не был удовлетворен состоявшимся там обсуждением и говорил после коллоквиума жене: «Критикуют и обсуждают не по существу, а по мелочам. И, кроме того, чувствую, что меня плохо понимают. Не понимают того, что вся моя философия основана на христианстве».

Под влиянием трагических событий 2-й мировой войны книгой «Опыт эсхатологической метафизики» (1941) Б. начал переосмысление традиционной христианской метафизики. «Я стал более революционером, я по натуре не человек закона. Кроме того, теперь в центре у меня стоит эсхатология, чего раньше не было. И я стал более пессимистом, чем раньше», — говорил Б. во время войны жене о происшедших в нем переменах. В этот же период философ обратился к истории русской мысли и на основе курса лекций в РФА написал работу «Русская идея» (1943), в которой особо подчеркивал эсхатологическую склонность русского ума и выделил существование целого эсхатологического течения русской мысли, к которому, наряду с Ф.Достоевским, К.Леонтьевым, Н.Федоровым, Вл.Соловьевым, князем Е.Трубецким, причислил и себя. В книге «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого» (1943-45) Б., основываясь «на собственной пережитой внутренней борьбе последних лет, испытанных муках и страданиях и их преодолении, пережитых надеждах», старался выразить «драматическую философию судьбы, существования в времени, переходящего в вечность, времени, устремленного к концу, который есть не смерть, а преображение». Философ пользовался при этом экзистенциально-антропоцентрическим и духовно-религиозным методом. Малоизвестное произведение Б. «Истина и откровение. Пролегомены к критике откровения» (1945-47) продолжало пересмотр основных проблем христианства — доказательства существования Бога, проблемы греха и искупления, рая и ада, добра и зла, возможности воскресения, божественного элемента в человеке, свободы человека. Проблема соотношения истины и откровения при ее философском рассмотрении «может быть только философией, внутренно основанной на религиозном, духовном опыте, не рационалистической философией, а экзистенциальной философией, признающей первичность духовного опыта». По мнению философа, «Бог есть то, что не может быть выражено. Это и есть откровение Духа». Именно это и является Истиной, поскольку «в том, что не может быть выражено, не может быть никаких сомнений». В 1945 Б. входил в редакционную коллегию журнала «Cahiers de la nouvelle époque». В 1946 был приглашен на прием в посольство СССР во Франции. Весной 1947 Б. была присуждена степень доктора теологии honoris causa Кембриджского университета.

Годы, прожитые Б. во Франции, стали для него «эпохой усиленного философского творчества». Там были написаны 15 крупных его исследований, не считая участия в сборниках, сотен статей, докладов, лекций и т.п. Он поражал своей работоспособностью даже своих близких, одновременно обдумывая по нескольку книг и статей. Последнее, незавершенное произведение Б. — книга «Царство Духа и царство Кесаря» (1946-48). Излагая гносеологические основы своей философской системы, он вновь обращается к проблеме познания Истины: «В конце концов на большей глубине открывается, что Истина, целостная Истина, есть Бог», что «истина... есть вхождение в божественную жизнь, находящуюся по ту сторону субъекта и объекта». Именно по отношению к Истине Б. проводил разделение «божьего» и «кесарева», Духа и мира. Окончательную победу Царства Духа Б. видел в изменении структуры человеческого сознания, т.е. в преодолении мира объективации; она мыслилась им лишь эсхатологически.

Философом была задумана книга о мистике, понимаемой им как «духовный опыт, выходящий за пределы противопоставления субъекта и объекта, т.е. не подпадающий власти объективации». На эту же тему в мае 1948 Б. должен был сделать доклад в Центре философских и духовных исследований.

Б. умер за письменным столом. Был похоронен на кладбище в Кламаре.

Соч.: Собр. соч., т. 1-4. Париж, 1989-90. Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907; Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные. 1900-1906 гг. СПб., 1907; Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии. 1907-1909 гг. СПб., 1910; Философия свободы. М., 1911; Алексей Степанович Хомяков. М., 1912; Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918; Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Париж, 1926; Христианство и классовая борьба. Париж, 1931;

Лит.: Шестов Л. Николай Бердяев (Гнозис и экзистенциальная философия)// СЗ, 1938, № 67; Lowrie D. Rebellious Prophet: A Life of N.Berdyaev. New York, 1960; Полторацкий Н.П. Бердяев и Россия (Философия истории России у Н.А.Бердяева). Нью-Йорк, 1967; Русская религиозно-философская мысль XX века. Питсбург, 1975; Ермичев А.А. Три свободы Николая Бердяева. М., 1989; Н.А.Бердяев в русской философии. Свердловск, 1991; Зеньковский В.В. Ис-

тория русской философии, т.2. Л., 1991; Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991; Clément O. Berdiaev. Paris, 1991; Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов. СПб., 1992; Вадимов А. Жизнь Бердяева. Россия. Окленд, 1993.

Е.Бронникова

БЕРНАЦКИЙ Михаил Владимирович (8.7.1876, Киев — 1945, Париж) — экономист, финансист, общественный деятель, педагог, публицист. Окончил юридический факультет Киевского университета. В 1911 защитил магистерскую диссертацию «Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения кн. Бисмарка», в которой выступил против предоставления коллективистским устремлениям приоритетных позиций в экономике. Преподавал в Петербурге в Политехническом и Технологическом институтах, Тенишевском училище. Доктор политической экономии и статистики, профессор. По политическим убеждениям — конституционный демократ, гласный Петроградской городской думы.

После Февральской революции Б. занимал различные должности в составе Временного правительства (с 25.9.1917 — министр финансов). 25 октября арестован, но вскоре освобожден. С мая 1918 входил в нелегальную организацию Национальный центр, объединявшую в своих рядах представителей ряда политических партий, офицерства, торгово-промышленных кругов.

В период гражданской войны Б. — активный участник белого движения; назначен генералом *Деникиным* управляющим отделом финансов «Особого совещания» при главкоме вооруженных сил Юга России (ВСЮР). В 1919-20 являлся начальником управления финансов ВСЮР. Определял финансовую политику в Крыму, в администрации генерала Врангеля. В ноябре 1920 эмигрировал в Турцию, затем переехал во Францию. Читал курс лекций по финансовому праву на русском отделении юридического факультета Парижского университета, в Русском коммерческом институте, Русском высшем технологическом институте, вел экономический семинар в Институте славяноведения (Париж).

Б. являлся одним из организаторов и членом правления Русской академической группы в Париже, с 1943 ее председатель; сотрудник Экономического кабинета профессора *С.Прокоповича* и редакции ежемесячного журнала «Право и хозяйство», член научно-исследовательского кружка «К познанию России», корреспондент газеты «Возрождение» и Русского экономического общества в Лондоне; вице-президент Объединения деятелей русского финансового ведомства, в распоряжении которого находились денежные средства заграничных учреждений Российской империи, товарищ председателя Торгово-промышленно-финансового союза, глава Совета Русского национального объединения с 1938.

В 1927-31 Б. участвовал в экономических совещаниях представителей деловых и научных кругов эмиграции в Париже, выступал с докладами, в которых на основе скрупулезного анализа действительности вскрыл причины нестабильности финансовой политики советской власти, показал бесперспективность «интегрального коммунизма» (нэпа) и пятилетних планов хозяйственного развития СССР. Из научных публикаций наибольшую известность получили исследования финансовой политики в России (на франц. яз., 1922), валютных реформ в Советской России и Чехословакии (на нем. яз., 1924), особенностей эволюции русских государственных финансов в период мировой войны (на англ. яз., 1928). Являлся общепризнанным — зарубежными научными и предпринимательскими кругами — специалистом в области денежного обращения; утверждал, что обращение базируется на капиталистической основе и не может быть стеснено в основных направлениях своего развития. Только в этом случае происходит процесс выявления накопления, капиталов, приложения их в различных отраслях хозяйства и вместе с тем — увеличение товарооборота, который один способен укрепить денежную систему, экономику в целом. Лишь в атмосфере свободного экономического духа денежное обращение — не просто сумма ценных знаков различных наименований, а эластичный механизм, тесно связанный с рыночной экономикой, который в состоянии выдержать потрясения и удары, вызванные борьбой между «народной экономикой» (т.е. «вольным рынком») и советской экономикой. В своих работах Б. отстаивал также преимущества золотого обращения, критиковал экономический радикализм Дж.М.Кейнса, выступал сторонником социальных реформ, при которых идеи частной собственности, свободной торговли, хозяйственной инициативы остаются неизменными.

Соч.: Währungsreform in der Tschechoslowakei und in Sowjet-Russland. München, Leipzig, 1924 (в соавт.); Monetary Policy of the Russian Government during the War / Russian Public Finance during the War. New Haven, London, 1928.

Лит.: Ижболдин Б.С. Памяти М.В.Бернацкого // НЖ, 1947, № 17.

В.Телицын

БИЛИБИН Иван Яковлевич (4.8.1876, Тарховка, близ Сестрорецка, под Петербургом — 7.2.1942, Ленинград) — мастер книжной графики и театрально-декорационного искусства, акварелист. Билибины — старинная фамилия, упоминаемая еще в документах времен Ивана Грозного; прямые предки художника — именитые калужские купцы. Его прадед, Яков Иванович, портрет которого написан Д.Левицким, был известен крупными пожертвованиями на оборону отечества в годы наполеоновского нашествия; славился меценатством. Отец художника, Яков Иванович — участник войны с Турцией 1877-78, совершил множество дальних плаваний; прошел путь от младшего судового врача до главного доктора Либавского морского госпиталя и одновременно медицинского инспектора Порта императора Александра III в Курляндской губернии, вышел в отставку в чине тайного советника. Мать — Варвара Александровна (урожд. Бубнова).

После окончания в 1896 с серебряной медалью 1-й петербургской гимназии Б. по настоянию отца поступил на юридический факультет Петербургского университета. Прослушав там полный курс и написав дипломное сочинение на тему «Precorium по римскому праву», сдал государственный экзамен в Новороссийском университете (Одесса). Рисовал с раннего детства, но только в 1895 начал посещать Рисовальную школу Общества поощрения художеств. Летом 1898 в течение 1,5 месяцев занимался в студии Антона Ашбе в Мюнхене, а осенью того же года поступил в Тенишевскую мастерскую И.Репина в Петербурге. Среди соучениц оказалась Мария Яковлевна Чемберс, которая стала в 1902 его женой, матерью его сыновей Александра (1903-1972), в будущем художника, и Ивана (1908-1993), в будущем журналиста; в 1911 брак распался. В 1900 Репин перевел Б. в качестве вольнослушателя в свою мастерскую в Высшем художественном училище Академии художеств, где тот продолжал занятия до 1904, однако работу на звание художника представлять не стал. Неизгладимое впечатление, по собственному признанию Б., произвела на него открытая в 1898 в залах Академии художеств выставка В.Васнецова: «Я увидел у Васнецова то, к чему смутно рвалась и по чем тосковала моя душа». Зародившееся в 1880-е в Москве национально-романтическое направление начало захватывать и петербургских художников. В ранних иллюстрациях Б. к народным сказкам (1899-1902), изданным Экспедицией заготовления государственных бумаг в виде серии из 6 крупноформатных книжек-тетрадей, заметно влияние не только Васнецова, но и Е.Поленовой, М.Якунчиковой, С.Малютина. Однако уже здесь обнаружилось особое восприятие Б. русской старины и сказки, его изначальная склонность к графике.

В 1899 билибинские заставки и концовки появились на страницах журнала «Мир искусства». Начинающий художник стал постоянным участником выставок «Мира искусства» (1900-3, 1906), в 1903 вместе с другими мирискусниками вступил в Союз русских художников, после раскола которого в 1910 оказался одним из активных членов возрожденного «Мира искусства» и в 1917 был избран его председателем. С теми, кто составлял ядро «Мира искусства», Б. роднила обращенность к высокой культуре прошлого, несмотря на то, что его исторические пристрастия были иными, нежели у *А.Бенуа* и других «западников». В 1902-4 Б. совершил несколько поездок по Вологодской, Архангельской и Олонецкой губерниям, где собрал коллекцию произведений народного искусства, большая часть которой была передана в Русский музей, выполнил фотографии памятников деревянного зодчества, вошедшие в важнейшие научные издания той поры. Результатом поездок стали и публикации Б.: «Остатки искусства в русской деревне» (Журн. для всех, 1904, № 10); «Народное творчество русского Севера» (Мир иск-ва, 1904, № 11); отчасти более поздняя статья «Несколько слов о русской одежде в XVI-XVII вв.» (Старые годы, 1909, июль-сент.), а также доклад «Русское деревянное северное зодчество» на Всероссийском съезде художников в Петербурге в 1911 (Тр. Всерос. съезда художников, т. 2. Пг., 1914). Начиная с иллюстраций к былине «Вольга» (1902-4) и к «Сказке о царе Салтане» А.Пушкина (1904-6), художник неотделим в Б. от исследователя. Он не терпел произвола в изображении архитектуры, костюма, утвари. Но в то же время, что характерно для мирискусников, был способен из исторически достоверных подробностей создавать в многоцветных акварелях и черно-белых рисунках тушью волшебный мир. Ему были свойственны также любовь к шутке, умение обыграть комическую бытовую деталь.

Старая Русь не только дала ему темы, но и подсказала формы их воплощения. В иллюстрации к «Сказке о золотом петушке» Пушкина (1906-7, 1910) и к «Сказкам» А.Рославлева (1908-11) Б. перенес целые композиционные схемы лубочных картинок, лишь «облагородив» рисунок по законам профессионального искусства. Использование приемов орнамента, лубка, равно как и японской ксилографии, способствовало формированию книжной графики модерна, стремившейся к слиянию изобразительного и декоративного начал. Выполненные кистью, но своими жесткими, «проволочными» контурами и однотонными заливками напомина-

ющие гравюру, рисунки Б. органично ложились на плоскость листа и сочетались со шрифтом, что дало художнику возможность одному из первых в его время подойти к ансамблевому решению книги. Одновременно с большими циклами иллюстраций Б. постоянно выполнял для журналов «Художественные сокровища России», «Народная читальня», «Золотое руно», для издательств Общины Св.Евгении Красного Креста, «Шиповник», для «Московского книгоиздательства» и др. виньетки, рисунки обложек, открыток, афиш, плакатов, чем способствовал подъему художественного уровня массовой печатной продукции. Разделив революционные настроения русской интеллигенции, он выполнил в 1905-6 ряд карикатур для журналов «Жупел» и «Адская почта» и даже подвергся в феврале 1906 суточному административному аресту. Билибинские графические приемы, утверждавшаяся им дисциплина линии оказали заметное влияние на художников, специализировавшихся в области книжной графики. Этому способствовала педагогическая деятельность Б. в Рисовальной школе Общества поощрения художеств, где он вел класс графического искусства (1907-17) и младший класс композиции (1908-17). С одной из учениц школы — Рене Рудольфовной О'Коннель — Б. вступил в 1912 в гражданский брак, продолжавшийся до 1918. Вскоре после выхода в свет его первых книг с иллюстрациями Б. стал известен не только в России, но и за ее пределами; его работы перепечатывались в зарубежных изданиях, экспонировались на выставках «Noir et Blanc» в Праге в 1904, Русского искусства в Париже и Берлине в 1906, Международной в Венеции в 1907, Русских художников на Сецессионе в Вене в 1908, Международной художественной в Брюсселе в 1910, Международной печатного дела и графики в Лейпциге в 1914.

В 1904 Пражский национальный театр заказал Б. эскизы декораций к опере Н.Римского-Корсакова «Снегурочка». Б. оказался едва ли не первым русским художником, работавшим для зарубежной сцены. Благодаря оформлениям постановок миракля Рютбеера «Действо о Теофиле» (1907) в Старинном театре и «тайны в одном действии» «Честь и месть» графа Ф.Соллогуба (1908) в театре-кабаре «Лукоморье» в Петербурге, Б. доказал, что его возможности не ограничены отечественной тематикой. Он получил признание как мастер театрального костюма различных времен и народов, исторически точного и сценически выразительного. В 1908 он выполнил эскизы русских костюмов к опере М.Мусоргского «Борис Годунов», в 1909 — восточных к танцевальной сюите «Пир» для антрепризы *С.Дягилева*, в том же 1909 — эскизы костюмов для русских плясок в исполнении *А.Павловой* и *М.Мордкина*, а в 1911 — испанских костюмов к комедии Лопе де Вега «Овечий источник» и к драме Кальдерона «Чистилище Святого Патрика» для Старинного театра. Особенности Б.-декоратора наиболее ярко раскрылись в оформлении оперы Н.Римского-Корсакова «Золотой петушок» (Москва, театр С.Зимина, 1909), где художник продемонстрировал свое умение условными средствами графики создать на сцене мир сказки. На рубеже 1900-1910-х мастер обратился к пейзажу. В 1908 в результате поездки в Англию и Ирландию появилась серия этюдов акварелью и карандашом, в которых запечатлены скалистые британские берега. Эти этюды — основной тип билибинского пейзажа с его вниманием к вечному, непреходящему. Над подобными пейзажами Б. работал в Крыму, куда с 1910 ездил каждое лето и где в 1913 в местечке Батилиман (несколько восточнее Балаклавы) стал, наряду с В.Короленко, *А.Куприным*, С.Елпатьевским, *Е.Чириковым*, В.Дервизом, А.Иоффе, В.Вернадским, *М.Ростовцевым*, совладельцем коллективного имения. Контраст к британским и крымским пейзажам составили акварельные этюды русского леса зимой и ранней весной, проявившие лирический аспект дарования художника.

Для билибинской графики этого времени характерны более пространственные композиционные решения, что заметно в незаконченной серии иллюстраций к киевским былинам (1912-18), в эскизах декораций к операм А.Верстовского «Аскольдова могила» (1912-13, для театра С.Зимина), М.Глинки — «Руслан и Людмила» (1913) и Римского-Корсакова «Садко» (1914, для Петербургского Народного дома). Одновременно влияние лубка вытеснялось у Б. влиянием древнерусской иконописи, цвета становились звучней и насыщенней, они кажутся сияющими искусственным светом, границы между ними обозначены теперь не черным проволочным контуром, а тональным сгущением и тонкой цветной линией (обложки журналов «Солнце России» и «Лукоморье», 1913, 1915; неизданные в свое время иллюстрации к сказке «Пойди туда, не знаю куда», 1919; первая работа в области монументально-декоративного искусства — росписи интерьеров построенного по проекту В.Покровского в 1913 к 300-летию Дома Романовых здания Нижегородского отделения Государственного банка). 30.1.1917 на заседании членов Академии художеств Б. был представлен к званию академика.

Февральскую революцию он, очевидно, принял сочувственно, вошел в состав Особого совещания по делам искусств, выполнил эскиз нового герба — двуглавый орел без короны и

плакат кадетской партии к Всероссийскому Учредительному собранию. Но в сентябре 1917, предчувствуя новые социальные потрясения, покинул Петроград и уехал в Батилиман, где прожил около двух лет, участвовал в Комиссии по охране художественных сокровищ Крыма, помогал *С.Маковскому* в организации в Ялте (окт. 1918) выставки «Искусство в Крыму», на которой были представлены работы находившихся там художников (самого Б., С.Сорина, *С.Судейкина, Н.Милиоти,* Н.Пинегина) и старых мастеров из частных коллекций. В октябре-ноябре 1919, живя в Ростове-на-Дону, Б. сотрудничал в журнале «Орфей», выполнял плакаты для деникинского издательства «Осваг». В декабре переехал в Новороссийск, откуда 21.2.1921 отплыл на пароходе «Саратов» и, в силу сложившихся обстоятельств, попал в Египет; более 4 лет прожил в Каире и около года (с окт. 1924 по авг. 1925) в Александрии, где состоялась его первая перснальная выставка, устроенная местным обществом «Друзья искусства».

В 1923 Б. вступил в гражданский брак со своей ученицей по Рисовальной школе Общества поощрения художеств *А.Щекатихиной-Потоцкой*, приехавшей в Каир с пятилетним сыном от первого брака. Дважды, в 1921 и 1925, Б. ездил в Верхний Египет к Луксорскому храму, летом 1924 совершил с семьей путешествие по Сирии и Палестине. Увлечение Ближним Востоком отразилось в многочисленных акварельных пейзажах, воспроизводящих его природу и архитектурные памятники, в карандашных портретах арабских крестьян, в декоративных стилизациях по мотивам древнеегипетского и мусульманского искусства. Но одновременно Б. сохранял интерес к древнерусской и византийской живописи, чему способствовали заказы греческой колонии в Каире на декоративные панно и сирийской общины в Александрии на эскизы фресок и иконостаса православного храма. В 1923 Б. выполнил для гастролировавшей в Египте труппы Павловой эскизы декораций и костюмов к двум балетам *Н.Черепнина:* «Роман мумии» и «Русская сказка».

С августа 1925 Б. с семьей в столице Франции, работал для издательства Н.Карбасникова в Париже и О.Дьяковой в Берлине, в его оформлении и с его иллюстрациями выходили номера журналов «Жар-птица»(1926, № 14) и «Перезвоны» (1928, № 40), тома «Хрестоматии по истории русской литературы» (София, 1931; Париж, 1932), сборник рассказов *И.Бунина* «Последнее свидание» (Париж, 1927) и «Солдатские сказки» *Саши Черного* (Париж, 1933); он выполнил эскизы фресок и иконостаса для русского храма на Ольшанском кладбище в Праге. Художник поддерживал любую инициативу, направленную на сохранение, изучение и популяризацию отечественной культуры: общество «Икона» в Париже, русский музей в Праге.

Основные силы в конце 1920-х — начале 1930-х Б. отдавал русским оперным сезонам в Театре Елисейских полей, организованным антрепризой *М.Кузнецовой-Бенуа* «Частная парижская опера» и антрепризой А.Церетели и В.Базиля «Русская опера в Париже». Для первой антрепризы оформил постановку «Сказки о царе Салтане» Римского-Корсакова (1929, часть костюмов А.Щекатихиной-Потоцкой), названную «миром ожившей иконы» (*С.Волконский*), для второй — постановки «Князя Игоря» А.Бородина (1930), «Царской невесты» Римского-Корсакова (1930) и «Бориса Годунова» Мусоргского (1931). В 1931 художник выполнил эскизы декораций и костюмов к балету *И.Стравинского «Жар-птица» для театра «Colon»* в Буэнос-Айресе, в 1934 — к опере Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже» для театра в Брно, а в 1935 Пражский национальный театр повторил парижскую постановку «Сказки о царе Салтане».

Во французский период своей жизни Б. неоднократно выступал на выставках русского искусства: в Брюсселе (1928), Копенгагене (1929), Белграде (1930), Праге (1935), Париже (1931, 1932 и 1934), в 1929 участвовал в международной выставке в Салоне де Тюильри в Париже. Как последний председатель «Мира искусства» Б. явился одним из инициаторов выставки этого объединения в 1927 в парижской галерее Бернгейма Младшего. В том же году состоялась персональная выставка Б. в Праге, а в 1929 — совместная Б. и Щекатихиной-Потоцкой в Амстердаме. В мастерской Б. на бульваре Пастера собирался цвет русского зарубежья: политические деятели *П.Милюков*, А.Керенский, В.Маклаков, известные писатели, художники, артисты. Со многими из них Б. общался также на Средиземноморском побережье в местечке Лафавьер, где приобрел небольшой участок земли и проводил каждое лето с 1927 по 1936, работая, чаще всего углем, над пейзажами.

К середине 1930-х главными заказчиками Б. стали французские издательства: «Boivin et Cie» выпустило с иллюстрациями и в оформлении художника сборники русских, французских и немецких сказок; «Flammarion» — иллюстрированные Б. книжки-тетрадки для детей; «Fernand Nathan» — сочинения по французской и русской истории («Генрих IV» А.Монтго, 1934; «Картуш и его шайка» Ш.Квинеля и А.Монтго, 1935; «Петр Великий» Х.Иссерли и Г.Пикве, 1935 и др.). «Сказки русской бабушки» (1933) вышли в нью-йоркском издательстве «Dublday Doran a Company». Новые темы и

типы изданий расширили диапазон художника книги. Но зависимость от вкусов заказчиков, то требовавших русской экзотики, повторения старых мотивов, то, напротив, заставлявших отказаться от себя, европеизироваться, не могла не сказываться отрицательно.

«Несмотря на громадный интерес жизни в Париже, в мировом центре искусства, мне больше всего не хватало моей страны», — писал поэже Б. Он никогда не принимал иностранного подданства и в сентябре 1935 стал гражданином СССР, а через год, после завершения работы над панно «Микула Селянинович» для советского посольства в Париже, отплыл с семьей из Антверпена на теплоходе «Ладога» в Ленинград, куда прибыл 16.9.1936. Главной до конца жизни художника стала педагогическая деятельность. Сразу по приезде Б. был назначен профессором графической мастерской Института живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской Академии художеств, хотя официально был утвержден в этом звании и степени доктора искусствоведения Высшей аттестационной комиссией 23.6.1939. Одновременно Б. работал в области книжной графики (илл. к «Сказке о царе Салтане» А.Пушкина, 1936-37; к роману *А.Н.Толстого* «Петр I», 1937; к «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М.Лермонтова, 1938-39; к кн. Н.Водовозова «Слово о стольном Киеве и о русских богатырях», 1939-41, серия незавершена); театрально-декорационного искусства (эскизы декораций и костюмов к опере Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане», 1936-37, для Ленинградского театра оперы и балета им. С.Кирова; к пьесе И.Бахтерева и А.Разумовского «Полководец Суворов», 1939, для Ленинградского театра драмы им. А.Пушкина) и монументально-декоративного искусства (эскизы росписей и мозаик для Дворца Советов в Москве, 1938). Во время летних поездок (в 1938 на Украину и Черноморское побережье Кавказа, в 1939 в Курскую область и в Крым, в 1940 снова в Крым) выполнял акварелью пейзажи.

Оставшись в блокадном Ленинграде, Б. скончался в суровую зиму 1942. Похоронен в братской могиле профессоров Института живописи, скульптуры и архитектуры на Смоленском кладбище в Ленинграде, над могилой в 1960 установлен памятник по проекту В.Мунца.

Персональная выставка Б. прошла в 1952-53 в Ленинграде, Москве, Киеве и Таллинне, в 1976 Театральный музей им. А.Бахрушина устроил выставку эскизов декораций и костюмов художника. Выставки произведений Б. и А.Щекатихиной-Потоцкой были проведены в Ленинграде: в 1977 — Ленинградской организацией Союза художников РСФСР, в 1978-80 и в 1994-95 — дирекцией Объединения музеев Ленинградской области. В 1993 выставка произведений Б. состоялась в Англии в Брайтонском политехническом университете. Произведения Б. хранятся в Русском музее, во Всероссийском музее А.Пушкина, в Музее театрального и музыкального искусства в Петербурге, в Музее изобразительных искусств им. А.Пушкина, в Театральном музее им. А.Бахрушина в Москве, в Киевском музее русского искусства, в Ивангородском историко-архитектурном и художественном музее Ленинградской области, в Музее Виктории и Альберта в Лондоне, в Музее Ашмолеан в Оксфорде, в Пражской национальной галерее, в Городском музее в Брно, в коллекциях С.Белица и Р.Герра в Париже, Н. и Н.Лобановых-Ростовских в Нью-Йорке, во многих других отечественных и зарубежных государственных и частных собраниях.

Лит.: Михеев Н.И. И.Я.Билибин // Перезвоны, 1928, № 40; Иван Яковлевич Билибин. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Ред.-сост., авт. вступит. статьи и комментариев С.В.Голынец. Л., 1970; Голынец Г.В., Голынец С.В. Иван Яковлевич Билибин. М., 1972; Golinetss S. Ivan Bilibin. Leningrad, 1981; Голынец С. Иван Билибин. Л., 1988.

С.Голынец

БИЛИМОВИЧ Александр Дмитриевич (1878, Житомир — 21.12.1963, Монтерей, шт. Калифорния, США) — экономист, статистик, педагог, публицист. Родился в семье военного врача. В 1900 окончил юридический факультет Киевского университета с награждением золотой медалью за статистическое исследование «Товарное движение на русских железных дорогах». Оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1909 защитил магистерскую диссертацию и был избран экстраординарным профессором Киевского университета. До 1-й мировой войны работал над вопросами,- связанными с проведением столыпинской аграрной реформы, отстаивал ее основные положения в печати, утверждая, однако, что бедность российских крестьян вызвана не столько малоземельем, сколько технической отсталостью России в целом. В 1915 защитил в Петрограде докторскую диссертацию; главным оппонентом на защите выступал *П.Струве*. Последующие два года преподавал в Киевском университете, на Высших женских курсах. К этому времени относится начало его административной карьеры, являлся товарищем председателя Военно-

промышленного комитета, руководил которым М.Терещенко.

Октябрьскую революцию воспринял отрицательно. В 1919-20 находился в районах, контролируемых Добровольческой армией, возглавлял управление земледелия и землеустройства «Особого Совещания» при генерале *Деникине.* В 1920 Б. эмигрировал в Югославию, где до 1944 руководил кафедрой политической экономии Люблянского университета, был одним из основателей Общества русских ученых в Королевстве СХС, организатором ряда научных съездов российских ученых, на каждом из которых выступал с оригинальным научным докладом: «Общество, государство и хозяйство» (1923), «Пафос хозяйствования» (1925) и др.

В 1946-47 Б. — профессор политической экономии и статистики, декан экономического и юридического факультетов университета UNRRA («The United Nations Relief and Rehabilition Administration») в Мюнхене. В июле 1948 эмигрировал в США. По приглашению Калифорнийского университета вел семинар в Институте славяноведения на тему, которую тогда разрабатывал: «Пятилетний план Югославии по сравнению с советским пятилетним планом»; состоял членом Экономического общества («Economic Society»), Русской академической группы в США, сотрудничал с Мюнхенским Институтом по изучению СССР. В 1949 завершил педагогическую деятельность, но продолжал публиковать свои работы в европейских и американских изданиях.

Наиболее плодотворный период исследовательской деятельности Б. приходится на годы эмиграции. За 43 года он опубликовал 148 своих работ. Кроме трудов по политической экономии, финансовой проблематике, критике марксизма, истории российской кооперации и советского хозяйства, Б. принадлежат получившие европейское признание исследования частных вопросов экономического и правового положения ряда западных государств. И это не случайно. Б. оценивал экономическую науку как эмпирическое исследование, что должно было подразумевать осознание бесперспективности чистого абстрактно-дедуктивного метода и введение в науку в качестве превалирующего средства сингуляристического мотива, который предполагает изучение хозяйственной жизни на основе описания ее конкретных проявлений, ограниченных пространственно-временной реальностью. Соглашаясь с тем, что любое исследование требует «упрощенного обобщения», Б. предостерегал от чрезмерного абстрагирования. Заслуживает внимания и опыт приложения математики к статистике, результаты которого представлены в обстоятельном труде по изучению конъюнктуры. Б. принадлежит также математическая интерпретация «Экономической таблицы» Ф.Кенэ и ряд экономических моделей, в том числе и динамическая модель народного хозяйства.

В 50-е Б. отстаивал принципы макроэкономического планирования, с помощью которого рассчитывал предотвратить возможные социальные кризисы и катастрофы, а также принципы социально-ориентированной политики распределения, т.н. «общественной собственности» посредством введения «народных акций». Поддерживал идею «социального капитализма», которая предопределяет «экономическую демократию». Считал, что подобные парадигмы возможно перевести в императив только путем эволюции.

Соч.: Nauk o konjunkturach // Zbornik Lnanstvenich razprav. Univerza Karalja Alexandra I Ljubljani. Ljubljana, 1931; Марксизм (изложение и критика). Белград, 1936(2-е изд., Сан-Франциско, 1954); Введение в экономическую науку. Белград, 1937; Кооперация в России до, во время и после большевиков. Франкфурт-на-Майне, 1955; Эра пятилетних планов в хозяйстве СССР, ч. 1-2. Мюнхен, 1959; Экономический строй освобожденной России. Мюнхен, 1960.

Лит.: Александр Дмитриевич Билимович // Зап. Рус. акад. группы в США, 1976, т. X.

В.Телицын

БИЛИМОВИЧ Антон Дмитриевич (8.6.1879, Житомир, Украина — 17.9.1970, Белград) — механик, математик. Родился в семье военного врача. Брат *Ал.Билимовича.* Начальную школу окончил во Владимире, где служил его отец. Затем семья вернулась в Житомир, а Б. поступил в Киевский кадетский корпус, который закончил с отличием (1896). Готовясь сделать военную карьеру, Б. продолжил обучение в Николаевском инженерном училище в Петербурге, но через некоторое время изменил свое намерение, решив поступить в университет. Сдав для этого положенные экзамены по латыни и греческому языку, он поступил на математическое отделение физико-математического факультета Университета Св.Владимира в Киеве, где стал учеником известных механиков Г.Суслова и П.Воронца.

После окончания университета с золотой медалью (1903) Б. был оставлен при университете стипендиатом и одновременно сверхштатным ассистентом при кафедре механики. Тогда же вышла в свет и первая его научная работа — «Элементарное построение Штейнеровского эллипса», в которой он решил задачу, поставленную ему математиком

Д.Граве. Первые работы, относящиеся к разделу дифференциальной геометрии, Б. докладывал на заседаниях Киевского физико-математического общества, членом которого состоял. В 1907 была опубликована его дипломная работа «Приложение геометрических производных к теории кривых и поверхностей» (рук. Г.Суслов). В этой работе Б. дал систематическое изложение вопросов дифференциальной геометрии в векторной форме. В 1907 Б., став приват-доцентом, вел практические занятия по механике и читал дополнительный курс «Малые колебания». В 1912 защитил магистерскую диссертацию «Уравнения движения для консервативных систем»; был направлен на стажировку в Париж и Гёттинген, где он пробыл 2 года.

Вернувшись в Россию в 1914, получил профессорскую должность в Новороссийском университете в Одессе на кафедре прикладной математики; продолжил научную работу в области аналитической механики, читал курс теоретической механики. В 1919 в Одессе была издана его докторская диссертация «Соприкасательные движения твердого тела». В 1918 Б. был избран ректором Новороссийского университета. Большое значение для Б., как ученого, имел приезд в Одессу академика А.Ляпунова. Осенью 1918 Ляпунов прочитал небольшой курс лекций «О форме небесных тел», которые слушали не только старшекурсники, но также профессора и преподаватели механики, математики, астрономии и физики. Кроме того, Б. имел возможность обсудить с Ляпуновым ряд научных вопросов. В своих воспоминаниях Б. писал: «Несмотря на бурную окружающую нас жизнь революционной Одессы, при наших встречах мы разговаривали почти исключительно о математике, о механике, о новых направлениях, о новых приложениях математики к задачам механики. В наших прогулках по берегу моря он рассказывал мне, какими путями идет к решению поставленных себе задач». После трагического ухода из жизни Ляпунова 3.11.1918 Б. возглавил комиссию по сохранению, обработке и подготовке к изданию работ академика, благодаря чему была сохранена, в частности, рукопись неопубликованной работы Ляпунова «О некоторых фигурах равновесия вращающейся жидкости».

В январе 1920 Б. покинул Одессу и вскоре нашел приют в Сербии. С 20.4.1920 он начал работать по контракту, а с 3.11.1926 — штатным ординарным профессором прикладной математики на философском факультете (позднее переименованном в естественно-математический) Белградского университета, читал там курс рациональной (т.е. теоретической) механики в векторном изложении. В апреле 1920 в Югославии была создана Русская академическая группа, насчитывавшая первоначально около 80 человек. Б. вошел в состав ее правления, а в дальнейшем принимал деятельное участие в созданном в Белграде Русском научном институте; в его изданиях он опубликовал ряд своих статей. Б. также работал в коллективе своих бывших соотечественников над составлением и изданием двух выпусков «Материалов для библиографии русских научных трудов за рубежом». В 1929-36 Б. преподавал в Русско-сербской гимназии.

Вскоре после своего избрания профессором Б. стал руководить математическим семинаром. Одновременно с преподаванием на философском факультете он по совместительству преподавал высшую математику на сельскохозяйственном факультете. Когда был создан Математический институт при философском факультете Белградского университета, Б. много лет был его директором.

Деятельность Б., много сделавшего для развития математики и особенно механики в Югославии, была отмечена избранием его 18.2.1925 членом-корреспондентом, а 17.2.1936 — действительным членом Сербской Академии наук и искусств. В 1939-40 он был секретарем отделения естественно-математических наук. Кроме того, он был избран членом Отделения технических наук.

Во время войны, когда в оккупированном Белграде немцы начали вводить свои порядки, а Б. не хотел этим порядкам подчиняться (видимо, ему, русскому, оставаться в университете было и небезопасно), он по собственному желанию вышел на пенсию. После освобождения города Б. снова был принят на прежнюю должность ординарного профессора естественно-математического факультета Белградского университета. Только 15.2.1955 вышел на пенсию: однако продолжал работать и в Математическом институте, и в Академии, занимался научной работой. Заслуженный ученый был награжден орденом труда 1-й степени.

В Югославии Б. развивал исследования, начатые им в России. Писал работы по общим проблемам механики; в области механики неголономных систем Б. получил ряд существенных результатов, которые вошли в науку; показал применение этих результатов к решению различных задач механики. Другими направлениями исследований Б. были небесная механика, а также механика твердого тела. В Белградском университете он сотрудничал с югославским академиком М.Миланковичем, занимавшимся теорией сдвига земных полюсов. В 1931 Б. обратился к геофизике, изучал смещение земных полюсов. Эта его работа также привлекла внимание специалистов. Последние

годы жизни он занимался неаналитическими функциями, дал их геометрическую интерпретацию и показал их применение в гидродинамике.

Б. стал основателем белградской школы механиков, которая была связана с русской школой. По инициативе Б. в Белградском университете была создана группа студентов, специализирующихся в области механики. Он сплотил вокруг себя научных сотрудников, руководил начинающими учеными. В 1932 Б. основал «Клуб математиков Белградского университета». Большое значение имела идея Б. основать математический журнал на французском языке, в котором печатались бы оригинальные работы как югославских, так и зарубежных ученых. Эту идею Б. воплотил в жизнь в 1932, и труды югославских ученых стали доступны мировому математическому сообществу.

Сразу после 2-й мировой войны Б. занялся созданием Математического института Сербской Академии наук, открытие которого состоялось в мае 1946. Возобновилась традиция публикаций на иностранных языках с резюме на сербском, французском и русском языках. В 1949 вышел первый том «Трудов Математического института Сербской Академии наук». В этом издании в течение нескольких лет Б. напечатал ряд своих работ, в том числе и воспоминания «Ляпунов в Одессе» (1956).

Б. был одним из основателей Югославского общества механиков, а на съезде общества в 1964 был избран его почетным председателем. Принимал он участие и в других научных мероприятиях, как всегда помогая советом и делом.

Педагогическая деятельность Б. не ограничивалась лекционной работой. После войны он был членом комиссии по организации профессорских экзаменов. Еще в Киеве Б. интересовали вопросы математического образования: писал о реформе преподавания математики в Германии. В Югославии ученый опубликовал (совм. с Т.Анджеличем) 6 учебников по геометрии для средних школ, писал статьи по вопросам постановки преподавания математики в школе, а также разрабатывал программу математических знаний для инженеров; участвовал в подготовке пятиязычного словаря (сербско-русско-франко-англо-немецкого) математических терминов и содействовал его изданию. Фундаментальный учебник Б. по теоретической механике в трех томах (1933-55) успешно служил не одному поколению студентов.

Интересовала Б. и история науки. Он перевел на сербский язык «Начала» Евклида, снабдив книгу своими библиографическими примечаниями и подробными комментациями (1957); написал ряд популярных статей об Архимеде, Евклиде, Галилее, И.Ньютоне, М.Ломоносове, статьи, посвященные памяти югославских математиков М.Петровича, Б.Петроньевича, русского профессора из Петербурга А.Хлытчиева.

Одним из проявлений признания заслуг Б. в науке и образовании в Югославии является статья о нем в Югославской энциклопедии, появившаяся еще при его жизни (1955). Будучи в изгнании, Б. оставался человеком, с уважением и любовью относящимся к своей родине. Он следил за успехами русских ученых и после войны участвовал в написании рубрики «Научные вести из Советского Союза».

Лит.: Лейбман Э.Б. Математическое отделение Новороссийского общества естествоиспытателей (1876-1928) // Истор.-матем. исслед., вып. 14. М., 1961; История механики в России. Киев, 1987; Цыкало А.Л. Александр Михайлович Ляпунов. 1857-1918. М., 1988.

Н.Ермолаева

БИЦИЛЛИ Петр Михайлович (1.10.1879, Одесса — 24.8.1953, София) — историк, филолог, литературный критик. Родился в семье мелкопоместных дворян, предки — выходцы из Албании, итальянского происхождения, один из них получил потомственное дворянство как участник войны 1812. Отец Б. служил секретерем в Одесском городском кредитном обществе. Среднее образование Б. получил в одесской 11-й гимназии. В 1905 закончил историко-филологический факультет Новороссийского университета и был оставлен стипендиатом при нем для подготовки к магистерскому экзамену по кафедре всеобщей истории. Несколько лет работал во Франции, Германии, Италии. В 1910, сдав магистерский экзамен, был избран приват-доцентом по кафедре всеобщей истории и одновременно преподавателем той же дисциплины на Одесских Высших женских курсах. В 1912 опубликовал исторические очерки «К вопросу об источниках «Афинской политики», «Тацит и римский империализм», а в 1914 — «Западное влияние на Руси и начальная летопись». Эти работы обнаружили широкие познания молодого ученого, его умение проводить тонкие параллели между филологией, историей и философией культуры, творческий подход к истории языка.

В 1917 Б. защитил в Петроградском университете диссертацию на тему «Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века» (опубл. Одесса, 1916), в которой на примере дворянина, единственного продолжателя рода

Гренонов, вступившего в орден Св.Франциска, раскрыл намечающееся отличие человека раннего Возрождения от средневекового. После защиты избран штатным доцентом, а вскоре — экстраординарным профессором по кафедре всеобщей истории в Новороссийском университете. В 1918 получил приглашение в Саратовский университет на должность ординарного профессора, занять которую помешала гражданская война. Б. был далек от политики и все свое время отдавал исключительно научной и преподавательской деятельности, однако накануне революции он из двух близких ему партий — кадетов и эсеров — выбрал последнюю; его привлекал свойственный русской интеллигенции романтический настрой по отношению к революции, который вскоре после октябрьского переворота сменился горьким разочарованием. В этот период Б. публиковал в Одессе исторические труды «Основы социализма» (1917), «Падение Римской империи» и «Элементы средневековой культуры» (оба — 1919), в которых, усматривая исторические параллели между прошлым и настоящим, писал о возможной деградации общественного сознания и возвращении к приемам и навыкам давно исчезнувшего мышления, к периоду безраздельного господства догматизма. «Что если, — провидчески предостерегал Б., — «экспроприация экспроприаторов» выродится в спорадические грабежи и насилия, завершится расхищением en masse общественного достояния и наступлением «сумерек цивилизации», нового средневековья?»

В 1920 Б. эмигрировал и поселился в Сербии, в небольшом городке Вране. В автобиографии он вспоминал: «Хотя в бурные 1917-1920 годы я был далек от активной политики, не участвуя непосредственно в гражданской войне и не разделяя ее идеологических обоснований, но по своей установке, по своим связям, которые поддерживал, находился в лагере, враждебном октябрьской революции; когда наступил неизбежный крах контрреволюции, вместе с людьми, меня окружавшими, покинул Родину...» Он пережил длительную депрессию, связанную также с тяжелым материальным положением и с неопределенным будущим, с невозможностью работать по специальности и продолжать научную деятельность, что было для него равносильно «отбыванию каторги».

Человек энциклопедических знаний, Б. соглашался на место школьного учителя, библиотекаря, пока не получил возможность преподавать в Скопье. В 1924 переехал с семьей в Софию и приступил к работе в Софийском университете как профессор по контракту на кафедре новой и новейшей истории. «Его присутствие стало причиной качественного скачка в преподавании. В его научном творчестве начинался самый плодотворный период, внесший ценный вклад в болгарскую историческую науку», — вспоминал его ученик, профессор Х.Гандев. Б. выделялся среди многих видных русских ученых, работавших в те годы в Болгарии (37 чел., в том числе *Н.Кондаков*, Н.Дылевский, С.Трубецкой); он прекрасно владел древнегреческим и латинским языками, свободно читал на семи европейских языках; тематика его лекций была необыкновенно широка. Помимо основного курса по новой и новейшей политической и социальной истории Западной Европы, вел многочисленные спецкурсы («Социальные утопии», «Исторические синтезы», «Социальная терминология» и др.), всего около 80 курсов. В Праге вышли в свет две его работы: «Очерки теории исторической науки» (1925) и «Этюды о русской поэзии» (1926). Первая из них вызвала неоднозначные отклики, Д.Чижевский указывал на главный ее недостаток — «вулканичность», подчеркивая в то же время «методологическую и философскую плодотворность». Именно в этом труде Б. впервые выдвинул и обосновал свой научный метод, в основе которого тезис о безграничном своеобразии исторического бытия. В «Этюдах о русской поэзии» Б. исследовал основу русского, итальянского, французского и английского стиха. Основой стихосложения Б. называл ритм, который «находится в органической связи с мироощущением поэтов». Проследив эволюцию стиха от Ломоносова до Блока, показав на ритмическом звучании ряда поэм и стихотворений Пушкина трагическую основу его поэзии, увидев в творчестве Лермонтова новое ритмическое искание русской поэзии, открывшее будущее для Некрасова, Блока, Гумилева, Б. в своем анализе стихосложения был близок к формальному методу и в то же время был индивидуален, провозглашая абсолютное равенство литературной формы и психологии творчества. *М.Цетлин* в своем отзыве особенно выделял этюд о Пушкине: «Его остроумное доказательство того, что единство «Евгения Онегина» создано ритмом и именно онегинской строфой, как и многое другое, сказанное о Пушкине, представляется нам прочным приобретением русской критики». В работе «Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого» (СЗ, 1928, № 36) Б. писал, что в отличие от Достоевского, пережившего явление смерти мгновенно, катастрофично, извне — в виде казни, Толстой, переживший смерть близких, войну и достигший сам того возраста, когда человек становится свидетелем собственного медленного угасания, ощущал магическую связь начала и конца, рождения и смерти.

Смерть у Толстого не трагедия и катастрофа, а некий уход. «Отношением к смерти — объективно самому важному как всеобщему, непреложному, неизбежному в жизни, — определяется у каждого отношение к жизни. У художника, следовательно, им определяется все его творчество».

Параллельно с научной и преподавательской деятельностью в Софийском университете Б. активно сотрудничал в периодических изданиях русского зарубежья: журналах «Числа», «Звено», «Русские записки»; в Болгарии — в «Ежегоднике Софийского университета» («Годишник на Софийския ун-т»), в «Болгарской мысли» («Българска мисъл») и др. Особенно часто Б. публиковался в «Современных записках». «Хотя он ни идейно, ни географически не был близок к редакции, им было напечатано с 1925 по 1940 30 статей и 75 рецензий, ...в отношении рецензий это был, кажется, рекорд для «Современных записок», — писал *Г.Струве*. Б. внимательно следил за судьбой русской литературы у себя на родине и в изгнании, его отзывы о произведениях *И.Бунина, В.Набокова, В.Шкловского, М.Алданова* имели большой авторитет в мире русской эмиграции, — это были не просто сухие обзоры, но суждения глубокого, увлеченного и взыскательного литературного критика. Даже небольшие статьи «Что такое роман?» (Звено, 1927, № 6), «Нация и язык» (СЗ, 1929, № 40), «Зощенко и Гоголь» (Числа, 1932, № 6), «Трагедия русской культуры» (СЗ, 1933, № 53), «Гоголь и Чехов» (СЗ, 1934, № 56) можно расценить как блестящие литературоведческие миниатюры. Известность Б., жившего вдалеке от основных центров эмиграции, была велика, об этом свидетельствует переписка с Буниным, Алдановым, *П.Струве* и др.

В 1931-32 Б. составил «Хрестоматию по истории русской литературы...», получившую высокую оценку *В.Вейдле*. В 40-е в «Ежегоднике Софийского университета» вышел ряд его наиболее значительных работ: «Творчество Чехова, опыт стилистического анализа» (1942), «Пушкин и проблема чистой поэзии» (1945), «К вопросу о внутренней форме романа Достоевского» (1946), «Проблема человека у Гоголя» (1948). Б. раскрыл стилистическую и философскую близость таких непохожих писателей как Чехов и Гоголь. Особенно интересны его размышления над средствами комической экспрессии у Гоголя. Б. видит в Гоголе обновителя комедийного жанра, герой Гоголя — «чистая идея актера». Не маска символизирует характер, а человек, надев маску, обретает на время образ и смысл жизни. Особенностью романа Достоевского Б. назвал «синхроничность», герой Достоевского — разновидность одного типа, двойник. Все романы писателя пронизаны «двойничеством», драматургичны в своей психологической основе, отсюда стиль — «романа-драмы».

1948 стал поворотным в его жизни. По истечении очередного контракта он был уволен из университета без пенсионного пособия. Новая власть Болгарии объявила Б. педагогом «буржуазного» направления, игнорируя большие заслуги ученого в деле развития болгарской исторической науки. Еще в 1946 началась травля Б., продолжавшаяся вплоть до самой его смерти. В печати появлялись клеветнические, откровенно враждебные статьи, критиковавшие научный метод и изыскания профессора в области новой и новейшей истории. Атмосфера травли губительно действовала на здоровье Б. «Чувство своей ненужности, обреченности все чаще овладевало им, — вспоминал его зять и биограф А. Мешерский. — Смерть (рак легкого) он встретил удивительно спокойно: он ее ждал и, очевидно, давно желал». Зарубежная и эмигрантская печать почти не обратила внимания на смерть Б. Между тем труды Б. и по сей день представляют собой большую научную ценность, их отличает глубокое познание литературы Запада и России, строгая дисциплина исторического метода и тонкое чувство эстетической формы.

Соч.: Падение Римской империи. Одесса, 1919; Проблема русско-украинских отношений в свете истории. Прага, 1930; Краткая история русской литературы. София, 1934; К вопросу о характеристике русского языкового и литературного развития в новейшее время. София, 1936; Пушкин и Вяземский. София, 1939; Заметки о роли фольклора в развитии русского языка и русской литературы. София, 1944; Леонардо да Винчи. София, 1946; Заметки о чеховском «Рассказе неизвестного человека». София, 1948; Заметки о некоторых особенностях развития русского литературного языка. София, 1954; Статьи: История. Культура. Литература // Рус. лит-ра, 1990, № 2.

Лит.: Некролог // Ист. преглед, 1953, № 5.

М.Васильева

БОБРИЩЕВ-ПУШКИН Александр Владимирович (псевд. Громобой) (8.12.1875, Петербург — 3.10.1937, Ленинград) — политический деятель, адвокат, публицист, драматург. Из дворян, сын присяжного поверенного. По окончании в 1896 Петербургского училища правоведения кандидат на судебные должности при Петербургской судебной палате. С 1898 помощник присяжного поверенного, с 1902 присяжный поверенный. Выступал на уголовных и политических процессах; в 1904 защищал поручика Е.Григорьева по делу Боевой организации партии эсеров, в 1906 — обвиня-

емых по делу о Керченском погроме, в 1907 добился оправдательного приговора В.Пуришкевичу. Сотрудничал в журнале «Юрист», критиковал российское судопроизводство. С 1905 член комитета пропаганды Партии правового порядка в Петербурге; один из организаторов Конституционно-монархического правового союза, член его Совета. Участник 1-го съезда Союза 17 октября, был избран в состав ЦК и Петербургского городского совета партии, участвовал в работе 1-го, 2-го и 3-го партийных съездов и конференций. С 1911 товарищ председателя Петербургского совета октябристов. Примыкал к левому крылу партии, активно поддерживал реформы П.Столыпина. Ведущий октябристский оратор и публицист, сотрудник газет «Голос правды» и «Голос Москвы». Сторонник блока с кадетами. Осуждал революционное движение и вместе с тем — правительственные репрессии, требуя отмены чрезвычайного положения и смертной казни; доказывал взаимосвязь революции и реакции. Критически отзывался о думской фракции октябристов, указывая на ее недостаточно энергичный отпор «посягательствам на народное представительство». Развивал идею «настоящего национализма» — подъема национальных чувств русского народа, в котором видел единственное средство преодоления политического кризиса в стране. Противник ограничения прав национальных меньшинств, отстаивал равноправие евреев, признавал право национальных меньшинств на культурную самостоятельность, но без отступления от принципа территориального единства Российской империи, полагая, что демократическое устройство государства приведет к отказу от стремления к автономии. В 1912 потерпел поражение на выборах в 4-ю Государственную думу по Калужской губернии, отказавшись от соглашения с местными националистами. В 1913 предлагал ликвидировать Союз 17 октября, заменив его партией левооктябристского толка. Автор пьес «Мертвое солнце», «Пираты жизни», «Соль земли» (1912).

После Февральской революции отошел от активной политической деятельности. С приходом к власти большевиков вступил в коллегию правозащитников, защищал В.Пуришкевича и др. монархистов (дек. 1917 — янв. 1918). В 1919 бежал из Петрограда к белым на Юг. Входил в «Особое совещание» генерала *Деникина*. В 1920 эмигрировал. Один из авторов сборника «Смена вех» (Прага, 1921), журнала «Смена вех» (Париж, 1921-22) и газеты «Накануне» (Берлин, 1922-24). Исходил из того, что вооруженная борьба против советской власти больше невозможна; эта власть явилась для России «цементом, склеивающим ее, заполняющим ее трещины», что должно определить отношение к ней защитников русской государственности. Обвинения в адрес этой власти парировал тем, что «слаба власть — ее и обвинять ни в чем не стоит. Просто она самоупраздняется, гибнет». Рассматривая большевизм как альтернативу анархии, осудил Кронштадтский мятеж и движение Н.Махно. Выступал с критикой парламентаризма, считал, что Февральская революция запоздала на 50 лет и что русский народ в принципе отвергает «пышную либеральную идеологию правового государства». Осуждал белый и красный террор, но защищал социальные реформы большевиков, которые, по его мнению, не исключали возрождения частной инициативы — без эмигрировавших прежних собственников. Связывал с новой властью надежды на осуществление идеи русского мессианизма: русский народ «в рабском виде», в муках, неисчислимых страданиях несет своим измученным братьям «всемирные идеалы».

Один из лидеров движения возвращенчества, Б.-П. работал юрисконсультом при русском отделе Лионской ярмарки, а в августе 1923 вернулся на родину. Состоял членом Ленинградской коллегии защитников, с 1933 пенсионер. 10.1.1935 арестован и 22 января приговорен военным трибуналом Ленинградского военного округа по обвинению в терроризме к расстрелу, замененному 2.8.1935 с учетом возраста и того, что Б.-П. допускал лишь «террористические высказывания», 10 годами лишения свободы. Отбывал наказание в Соловецком лагере. По тому же обвинению был приговорен 3.10.1937 «тройкой» УНКВД Ленинградской области к расстрелу. 20.2.1963 реабилитирован.

Соч.: Судебные речи, т. 1-2. СПб., 1909-12; Война без перчаток. Л., 1925; Патриоты без отечества. Л., 1925.

Лит.: Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.

А.Квакин

БОБРОВНИКОВ Николай Федорович (29.4.1896, Старобельск — 21.3.1988, Беркли, шт. Калифорния, США) — астроном, исследователь комет и малых планет. В 1914-16 учился в Горном институте в Петрограде. Однако профессия горного инженера не удовлетворяла Б., и в 1917 он поступил в Харьковский университет на астрономическое отделение. Здесь его учителем был известный астроном Людвиг Струве, внук основателя Пулковской обсерватории В.Струве. Вместе с Б. учился сын Людвига — *Отто Струве*, — впослед-

ствии известный американский астроном. Б. не удалось закончить учение в Харьковском университете: он был мобилизован в армию генерала *Деникина*, участвовал в боях против красных. В мае 1920, после поражения армии Деникина, англичане вывезли Б. на остров Кипр, откуда ему удалось добраться до Праги и там продолжить обучение в Русском институте под руководством астрономов-эмигрантов *В.Стратонова* и И.Сикоры.

В 1924 Б. переехал в США, занимался в Чикагском университете под руководством известного американского астрофизика, специалиста в области звездной спектроскопии Эдвина Фроста, который был одновременно директором Йеркской обсерватории. Окончив Чикагский университет с ученой степенью доктора наук (1927), Б. начал работать в Йеркской обсерватории в качестве ассистента, а в 1927-29 был откомандирован на средства фонда Келлога в Ликскую обсерваторию на горе Гамильтон. В 1929-30 он был стипендиатом Национального исследовательского фонда по физике в Калифорнийском университете в Беркли.

В 1930 Б. получил американское гражданство и в том же году женился. Начиная с 1930 он работал в университете штата Огайо: в 1930-34 ассистентом профессора, в 1935-45 доцентом, в 1945-66 профессором. Одновременно он в 1934-37 исполнял обязанности директора астрономической обсерватории Перкинс (принадлежащей университету шт. Огайо), а в 1937-51 был ее директором. В 1944 ненадолго призывался в армию и служил в Военно-воздушных силах США.

Основные научные исследования Б. были сосредоточены на изучении спектров и фотометрии комет. Еще в 1925 он фотографировал кометы с помощью 6-дюймовой (160 мм) камеры с объективной призмой. В дальнейшем он применил для спектроскопии комет более мощные инструменты, а именно, крупнейшие в мире телескопы-рефракторы Йеркской обсерватории (40-дюймовый — 102 см) и Ликской обсерватории (36-дюймовоый — 91 см). В области фотометрии комет Б. выполнил важную работу по сравнению оценок блеска комет, выполненных с помощью инструментов разной силы (вывел формулы, по которым эти оценки можно было приводить к неким стандартным условиям). В далнейшем большинство исследователей комет использовали методику Б.

Ученый произвел обстоятельное исследование процессов в комете Галлея во время ее приближения к Земле в 1910 (по фотографиям) и установил существование резких изменений в движении облачных образований в голове кометы. Он вычислил значения отталкивательных ускорений в кометах, доходивших в хвостах 1-го типа по классификации Ф.Бредихина до 2000 (по отношению к ускорению солнечного притяжения). Он рассчитал также скорости разлета компонентов распадающейся кометы и получил значения от 300 до 1000 м/с, что почти не отличается от значений, получаемых современными методами.

Для фотометрических исследований Б. собрал громадный материал: 4500 фотометрических наблюдений 45 комет с 1858 по 1937. Он рассмотрел наблюдения колебаний блеска комет, а также их векового убывания и связанную с этим проблему истощения и дезинтеграции комет. Вместе с известным американским астрономом Ф.Уипплом Б. полагал, что среднее время жизни кометы измеряется тысячами ее обращений вокруг Солнца. Изучая спектры комет, Б. наблюдал изменения относительной интенсивности спектральных эмиссионных линий и полос с изменением расстояния кометы от Солнца. По его данным было получено среднее время жизни молекул в голове и хвосте кометы. Он привел некоторые доводы в пользу наличия в спектрах комет изотопических полос молекулы углерода: $C^{12}C^{13}$. Полосы Свана, принадлежащие молекулярному углероду, были прослежены в хвостах комет порой на большие расстояния от головы кометы.

В 1942 Б. опубликовал итоговую статью «Физическая теория комет в свете спектроскопических данных», которая заложила основы физической теории комет. В дальнейшем многие исследователи в своих работах опирались на результаты Б. Так, бельгийский астроном А.Дельземм по скоростям выхода газов, определенным Б., вычислил скорости образования молекул C_2, CN и OH в голове кометы. Украинские астрономы Д.Андриенко и В.Ващенко использовали данные Б. по фотометрии комет для изучения связи их блеска с солнечной активностью. Исследования Б. использовали в своих работах советские астрономы С.Всехсвятский и Б.Левин, немецкий астроном К.Вурм, американская исследовательница комет Э.Ремер и др. В 1951 Б. опубликовал большой обзор «Кометы», который многими его коллегами был признан превосходным. Он не забывал и советские издания. В 1930 опубликовал в журнале «Мироведение» статью «Кометы и космогония», в которой подчеркивал значение исследования комет для решения проблемы происхождения Солнечной системы. В 1931 его обзор «Происхождение астероидов» был опубликован в первом выпуске «Успехов астрономических наук».

Другой проблемой, которой много лет занимался Б., была природа астероидов (малых планет). С помощью рефрактора Ликской обсерва-

тории он еще в 1928-30 изучил спектры 12 астероидов, построил кривые распределения яркости вдоль спектра, что дало возможность судить о природе их поверхностей. Б. доказал, что астероиды, в отличие от комет, светят отраженным светом Солнца, в их спектрах не наблюдается никаких эмиссионных линий или полос. Это означало, что астероиды не имеют газовых оболочек (атмосфер). Б. установил, что астероиды Церера, Паллада и Эвринома имеют более голубой цвет, чем Веста. По изменениям в спектре он определил период вращения Весты (5 час. 55 мин.), что почти совпало с периодом, определенным Т.Герелсом другим способом. Б. обратил внимание на то, что фиолетовый и ультрафиолетовый концы спектра астероидов заметно ослаблены, причину данного явления он приписал наличию у этих тел пылевых оболочек. Сходство спектров некоторых астероидов и комет (если исключить эмиссионные полосы в спектрах комет) навело Б. на мысль, что малые планеты — это кометы, потерявшие под действием солнечного излучения свои газовые оболочки. В этом он явился прямым предшественником эстонско-ирландского астронома Э.Эпика, который высказал аналогичную гипотезу (исходя из других соображений) на 34 года позже. Эта гипотеза в 60-х — 70-х широко обсуждалась в астрономических кругах и в конце концов была отвергнута большинством астрономов.

Б. занимался и спектроскопией звезд. В 30-х он изучил полосы окислов металлов: титана, циркония, скандия и опубликовал итоговую статью «Молекулярные полосы в звездных спектрах». Он изучал также спектры новых звезд и, в частности, наблюдавшуюся в них запрещенную линию кислорода.

В 1966 Б. ушел в отставку с поста профессора университета штата Огайо, получив звание заслуженного профессора, однако не оставил работы. Его внимание привлекли некоторые вопросы истории астрономии. В 1967 он опубликовал статью «Дотелескопическая топография Луны», в которой на большом материале рассматривал взгляды древних и средневековых астрономов на лунный рельеф и вообще на природу спутника Земли. Это была последняя публикация ученого. Он переехал в Беркли, и там протекал последний период его долгой жизни.

Соч.: Происхождение астероидов. Успехи астрономич. наук, 1931, вып. 1; The Physical Theory of Comets in the Light of Spectroscopic Data // Revue Mod. Phys., 1942, vol.14; Comets. Astrophysics. Ed. J.A.Hynek. New York, 1951.

Лит.: Osterbrock D.E. Nicolas T.Bobrovnikoff and the Scientific Study of Comet Halley 1910 // Intern. Halley Watch Newsl., 1986, № 9.

В.Бронштэн

БОГДАНОВИЧ Карл Иванович (29.10.1864, м. Люцинишки, Тракайской вол., Вильнюсского у. — 5.6.1947, Варшава) — геолог. В 1874-81 Б. учился в нижегородской гимназии; затем поступил в Петербургский горный институт. Призвание Б. определилось на студенческой практике после 3-го курса, которой руководил выдающийся русский геолог, исследователь Туркестана И.Мушкетов. После окончания 4-го курса, летом 1885, Б. поехал на студенческую практику на Урал, где он работал в качестве помощника геолога Ф.Чернышева, одного из крупнейших специалистов того времени. После окончания Петербургского горного института (1886) Б. принял участие в геологических исследованиях строящейся тогда Закаспийской железной дороги. Летний сезон 1886 он посвятил исследованию хребта Копет-даг. Б. был первым геологом, изучавшим этот пограничный с Персией хребет. В конце декабря 1886 Б. возвратился в Петербург, а 28.2.1887 состоялось его первое публичное выступление по итогам экспедиции. В докладе «Хорасанские горы и культурная полоса Закаспийской области» он дал первое описание орографии огромной территории Закаспийского края, физико-географических условий хребта Копет-даг, его геологического строения и полезных ископаемых; Б. высказал интересные соображения о хозяйственном освоении предгорной полосы Копет-дага. Впоследствии, предприняв еще одну экспедицию в Закаспийский край (1887), Б. собрал материал для составления первой геологической карты этой территории. В 1888 Б. был приглашен в качестве геолога в экспедицию известного исследователя Центральной Азии М.Певцова; предполагалось исследовать северные окраины Тибета. О результатах экспедиции Б. сделал доклад на общем собрании Географического общества (1891), а позднее опубликовал подробный отчет в виде отдельной книги — «Геологические исследования в восточном Туркестане К.И.Богдановича, действительного члена Императорского русского Географического общества». В книге были подробно освещены орография, геологическое строение и полезные ископаемые огромной территории между пустыней Такла-Макан и Тибетом.

Весной 1892 Б. отправился в новую экспедицию. На этот раз его путь лежал на восток России, в глухие районы Восточной Сибири. В связи со строительством железной дороги от Томска к Иркутску и далее к Тихому океану Геологический комитет организовал несколько горных партий, в задачу которых входило изучение геологического строения тех территорий, через которые должна была пройти эта транссибирская магистраль. Первая такая

партия начала работать под начальством Б. В ее задачу входило изучение обширной территории в Ишимских степях, где нужно было обследовать участок между Ишимом и Иртышом. Б., в частности, решил проблему водоснабжения этого отрезка железной дороги. Затем он работал в южной части Енисейской губернии. Его маршруты прошли по восточному склону Кузнецкого Алатау.

Летом 1893 Б. занялся изучением обширной территории Восточного Саяна между Енисеем на западе и рекой Кан на востоке. В 1894 он обследовал южные районы Иркутской губернии, изучал геологическое строение предгорий Восточного Саяна. Его маршруты проходили по рекам Уде, Оке, Ангаре; на многие сотни километров он уходил на север вглубь сибирской тайги. Б. был первым геологом, посетившим эти земли. Трехлетние исследования Б. в Восточной Сибири завершились выпуском в 1896 объемистой монографии, которая содержала описание геологического строения исследованных территорий, характеристику открытых им месторождений полезных ископаемых.

В 1895 Б. отправился в свою следующую, поистине героическую, экспедицию, положившую начало систематическому изучению геологии берегов дальневосточных морей России. Транссибирская железнодорожная магистраль к тому времени была построена меньше чем наполовину (дорога заканчивалась в Тюмени). Поэтому экспедиция Б. на восточную окраину Азии началась с поездки на запад — во Францию, чтобы оттуда пароходом попасть во Владивосток. Там, пересев на большой пароход, совершавший рейсы по Татарскому проливу, Б. 1 октября прибыл в Николаевск. Подготовка экспедиции и, главным образом, поиски оленей заняли значительную часть осени и начало зимы. Только в январе 1896 экспедиция смогла отправиться в путь. В самые холодные месяцы зимы Б. и его спутники пересекли низовья Амура и хребет Малый Хинган. Б. вместе с топографом Лелякиным весь путь вынуждены были пройти на лыжах, хотя все время держались жестокие морозы (до -40(-45)°С). Весной Б. проводил геологические изыскания в бассейне реки Уды; летом вел исследования вдоль побережья Охотского моря. В июле 1897 на крейсере, специально пришедшем за экспедицией из Владивостока, Б. переправился на западный берег Камчатки. Около года продолжалось исследование Камчатского полуострова. Большая часть времени была посвящена изучению его западных и центральных районов. Б. совершил несколько пересечений Срединного хребта; затем последовало путешествие на Чукотский полуостров, поездка в Порт-Артур и исследование золотоносности Ляодунского полуострова.

В начале 1900-х районом полевых исследований Б. становится Кавказ. Результат первого года работы — книга «Два пересечения Кавказского хребта» (1902), которая легла в основу его диссертации. Будучи профессором Петербургского горного института, Б. совмещал преподавание с работой в Геологическом комитете (зам. директора, а с 1914 — директор); практически ежегодно предпринимал полевые исследования, изучая последствия крупных землетрясений, проводя консультации разведываемых месторождений. Его перу принадлежит первый на русском языке учебник по рудным месторождениям, явившийся в то время своеобразной энциклопедией знаний о полезных ископаемых (1903); монографии «Железные руды России, характер их распространения и запасы» (1911), «Рудные месторождения» (1912, 1913).

В июле 1919 Б., поляк по национальности, уехал в Польшу, где сначала работал директором нефтяной компании, а с 1921 начал заведовать кафедрой прикладной геологии в Краковской горной академии. Наряду с преподаванием почти всех геологических дисциплин, он продолжал научную деятельность; проводил полевые исследования в Карпатах; ездил в Австрию и Румынию с целью изучения нефтяных месторождений. В это же время он издал капитальные монографии по различным проблемам геологической науки.

Особенно значительна роль Б. в исследовании нефтяной геологии. Этой теме посвящены более 40 из 226 его научных публикаций. Свои обобщения в области нефтяной геологии Б. изложил в курсе лекций, прочитанных в Горном институте (1921). Помимо описания месторождений, им рассматривалась и проблема происхождения нефти. Существенен вклад Б. в вулканологию. На материале Камчатских вулканов им раскрыта эволюция магматизма. Различие в химическом составе вулканического материала Б. объяснял дифференциацией магмы в очаге. Он опубликовал ряд работ по гидрогеологии, четвертичной геологии, геоморфологии, сейсмологии, каждая из которых — шаг в развитии науки. В 1927 вышел из печати труд Б., посвященный геологии Польши, в котором впервые сведены воедино геологические материалы по всем ее рудным месторождениям. В 1933 он выступил с научным докладом на Всемирном геологическом конгрессе в Вашингтоне. В 1938 Б. занял должность директора Государственного геологического института, в котором сконцентрировались практически все направления геологических исследований.

Оккупация Польши гитлеровской Германией прервала развернутые Б. работы по геологическому исследованию страны. Тем не менее он приступил к составлению своего самого главного исследования — «Полезные ископаемые мира», изданного посмертно.

После освобождения Польши в 1944 Б. в возрасте 80 лет возвратился к работе в качестве директора Государственного геологического института. Он занялся восстановлением разрушенной войной геологической службы страны, формулировал задачи предстоящих исследований. В этот период Б. расширял свои связи с русскими геологами, не прекращавшиеся в течение всей его жизни в Польше. Однако его научная деятельность в послевоенный период продолжалась недолго.

И.Резанов

БОГОЛЮБОВ Ефим Дмитриевич (14.4.1889, с. Станиславчик, Киевской губ. — 18.6.1952, Триберг, Германия) — шахматист. Недюжинные способности к шахматам проявил уже в раннем детстве. В Южнорусском турнире в Одессе (1909) разделил 2-е и 3-е места, во Всероссийском турнире любителей в Вильно (1910) занял 2-е место. Всероссийский турнир 1913-14, в котором Б. занял 8-е место, принес ему звание мастера; в составе большой группы русских шахматистов Б. получил право участвовать в представительном международном турнире в Маннгейме (Германия), но, в связи с началом 1-й мировой войны, все русские участники турнира были интернированы. В Триберге Б. женился на дочери учителя местной школы, Фриде Кальтенбах, и остался после войны в Германии. Активную шахматную деятельность возобновил в 1919. В 1922 занял первые места на международных турнирах в Берлине, Стокгольме, Киеве и Пештьяни и призовые места в ряде др. престижных соревнований.

В 1924 Б. вернулся на родину, где, приняв участие в 3-м чемпионате СССР, завоевал звание чемпиона страны. Свой успех он повторил и в 1925, одержав победу в 4-м первенстве. В том же году Б. был включен в состав участников международного турнира в Москве, в котором, за исключением *А.Алёхина*, играли все сильнейшие шахматисты мира, в том числе Х.Капабланка и Э.Ласкер (этому турниру, вызвавшему небывалый интерес, В.Пудовкин посвятил фильм «Шахматная горячка»). Б. уверенно провел весь турнир, и, несмотря на поражение в личной встрече с Капабланкой, завоевал первый приз, добившись одного из главных триумфов в своей шахматной карьере. После того как Б. принял решение вернуться к своей семье в Германию, он был исключен из советской шахматной организации и лишен звания чемпиона СССР. О нем писали как о «морально разложившемся» человеке.

За рубежом Б. продолжил жизнь шахматного профессионала. Победы на турнирах в Берлине (1926), Гамбурге (1927) и др. соревнованиях позволили ему бросить вызов чемпиону мира Алёхину. Первый матч между ними проходил в сентябре-ноябре 1929 в Германии и Голландии, он закончился со счетом 15,5 : 9,5 в пользу Алехина, во втором (апр.-июнь 1934, Германия) Б. несколько улучшил свой результат (15,5 :10,5), но снова не добился победы.

С 1928 по 1939 Б. 8 раз завоевывал звание чемпиона Германии. Продолжатель творческой манеры мастеров русской школы, Б. в открытой тактической борьбе оставался опасным противником для любого шахматиста, но игра его была неровной: он был «игроком настроения», неспособным все партии проводить с одинаковым напряжением. Снижала его результаты и некоторая недооценка дебютной теории. В условиях фашистского режима Б. был вынужден в поисках заработка принимать участие в соревнованиях, проводимых на территории Германии, но нацисты видели в нем «второсортного» славянина, недостойного играть в национальных первенствах. В послевоенный период единственным средством к существованию для него, жены и двух дочерей стала сдача внаем небольшого особняка, приобретенного еще в 20-е на призовые гонорары. Ему пришлось пройти длительный этап дознания относительно его политического поведения при нацистах, и, несмотря на то, что ничего предосудительного найдено не было, к участию в турнирах он был допущен лишь в 1949. Последнее серьезное выступление Б. — в зональном турнире ФИДЕ в Бад-Пирмонте (1951), где он занял 7-е место. В том же году решением ФИДЕ ему было присвоено звание международного гроссмейстера. В последние годы жизни Б. с успехом выполнял функции тренера юношеской сборной команды ФРГ. Скончался Б. в Триберге. Имя Б. носит местный шахматный клуб.

Лит.: Международный шахматный турнир в Москве 1925 г. Л., 1927; Brinckmann F. Grossmeister Bogoljubow. Berlin, 1953; Архипов Ю. Юбилей Боголюбова в Триберге // «64». Шахматное обозрение, 1989, № 16.

В.Акимов

БОЛДЫРЕВ Василий Николаевич (1872, Воронеж — 27.2.1946, Баттл-Крик, шт. Мичиган, США) — физиолог, гастроэнтеролог. Из купеческой семьи. Учился в воронежской гим-

назии. С 1890 служил в пехоте, затем поступил в Чугуевское юнкерское училище. С 1893 Б. — студент Военно-медицинской академии (ВМА) в Петербурге, окончив которую с отличием в 1898, начал службу земским врачом в Закавказье. В 1901 Б. возвратился в Петербург и начал работать в факультетской терапевтической клинике Женского медицинского института. В том же году был приглашен И.Павловым в Физиологический отдел Института экспериментальной медицины (ИЭМ) в Петербурге. Кроме ИЭМ, Б. ассистировал Павлову в проведении лекционных демонстраций в ВМА (кафедра физиологии, которую также возглавлял Павлов). Под руководством Павлова Б. с 1902 по 1905 проводил серию экспериментальных исследований в области физиологии пищеварения; одно из них — «Периодическая работа пищеварительного аппарата при пустом желудке» — стало основой его диссертационной работы на звание доктора медицины (защитил в 1904). В этом исследовании Б. получил экспериментальные доказательства ранее открытого Павловым «феномена автоматической (периодической) активности пищеварительного тракта»; кроме того, здесь же он впервые описал явление «забрасывания» в желудок содержимого двенадцатиперстной кишки и показал его значение для деятельности желудка и кишечника.

В эти годы Б. осуществлял также исследования, посвященные вопросу образования условных рефлексов на искусственные раздражители: звук, запах, свет, температурные воздействия. Он доказал, например, что стимуляция различных точек кожи животного может приобрести условно сигнальное значение и вызвать рефлекторное слюноотделение и другие пищеварительные реакции. За исследование «Психическое возбуждение слюнных желез» Б. был награжден в 1905 премией И.Павлова, которая выдавалась Обществом русских врачей Петербурга за лучшие работы в области физиологии. Работая в ИЭМ, Б. сотрудничал с отделением по изготовлению противодифтерийной сыворотки и пастеровским отделением института. В 1904 за работу по дифтерии и стрептококковым заболеваниям Б. был награжден специальной премией им. Покровского.

С 1905 Б. — прозектор, а с 1907 приват-доцент кафедры физиологии ВМА. С января 1907 начал читать курс физиологии на Женских Стебутовских сельскохозяйственных курсах. Б. часто выезжал в научные командировки за границу (Брюссель, Краков, Париж, Берлин). В 1906-7 ученики Павлова: Б.Бабкин, Б., Е.Генике работали в лаборатории известного Нобелевского лауреата Э.Фишера в Берлине, где изучали биохимические особенности пищеварительных ферментов, их состав и свойства.

В феврале 1912 Б. избран профессором кафедры фармакологии Казанского университета. В это время он отошел от изучения условных рефлексов. Помимо гастроэнтерологии, круг его научных интересов расширился за счет изучения токсикологии и фармакологии. Он выпустил в Казани «Краткое пособие для практических занятий студентов по фармакологии» (1913), «Программу по фармакологии» (1915), в «Казанском медицинском журнале» выходили его статьи, посвященные механизму действия лекарств. Он изучал также эндокринную функцию панкреатической железы (в норме и при некоторых патологических состояниях).

С началом 1-й мировой войны Б. перешел на службу в Красный Крест в качестве консультанта по защите от отравляющих газов. По линии Красного Креста Б. был командирован в 1916-17 во Францию и Англию. В 1918 он возвратился в Россию, но вскоре (в дек. 1918) навсегда покинул родину — вначале он выехал в Японию, где в университетах Токио, Киото, Осака читал лекции по физиологии пищеварения, а затем, спустя три года, переехал в США (1922). Там до 1940 Б. возглавлял Павловскую лабораторию, созданную при «Санатории д-ра Келлоча» в Баттл-Крике (шт. Мичиган). Работая в США, Б. продолжал исследования по гастроэнтерологии и эндокринологии панкреатической железы, публиковал большие обзоры по важнейшим направлениям физиологии пищеварения в ведущих физиологических изданиях США и др. стран мира. Находясь в эмиграции, он поддерживал тесную связь с академиком Павловым и его сотрудниками.

Профессор Б. скончался в возрасте 74 лет и похоронен в Батлл-Крике.

Соч.: О жировом ферменте (липазе) в кишечном соке. СПб., 1903; Образование искусственных условных (т.е. психических) рефлексов и свойства их // Тр. Об-ва русских врачей в СПб., 1906, т. 73; Самопроизвольное и искусственно вызываемое поступление в желудок панкреатического сока в смеси с желчью и кишечным соком. Значение этого явления для практической медицины. Харьков, 1908; Периодическая деятельность пищеварительного аппарата вне пищеварения, с точки зрения биологии и медицины. Казань, 1913.

Лит.: Ive A. Gastroentorology, 1946, № 6 [некролог].

Т.Ульянкина

БОЛЕСЛАВСКИЙ Ричард Валентинович (наст. фам. Стржезницкий) (4.2.1889 (?), Дембова Гура, Плоцкой губ. — 17.1.1937, Лос-Анджелес) — актер, режиссер, сценограф,

педагог. После смерти отца, художника Валенты С., семья переехала в Одессу. С 6-го класса гимназии Б. выступал в любительских спектаклях одесского «Польского очага» («Ognisku Polskim»), затем в спектаклях русской передвижной труппы; играл Генриха в «Потонувшем колоколе» Г.Гауптмана, Эроса в «Эросе и Психее» Г.Жулавского. Учился в Новороссийском и Московском университетах. С 1908 артист Московского Художественного театра (МХТ), в котором сыграл 20 ролей. В 1909 успешно дебютировал в большой роли Беляева в пьесе И.Тургенева «Месяц в деревне» (исполнение ее высоко оценила и польская критика во время гастролей театра в Варшаве в мае 1912). В 1911 с неменьшим успехом сыграл Левку в пьесе С.Юшкевича «Miserere», Лаэрта в «Гамлете» В.Шекспира, в 1914 — Фабрицио в «Хозяйке гостиницы» К.Гольдони. Среди других ролей — Пан Врублевский в «Братьях Карамазовых» (1910), адвокат Петрушин в «Живом трупе» Л.Толстого (1911), Аслак в «Пер Гюнте» Г.Ибсена (1912), Альсид в «Браке поневоле» Ж.-Б.Мольера (1913), Барановский в «Осенних скрипках» *И.Сургучева*. Актер В.Попов называл Б. «любимцем К.Станиславского» и характеризовал его как человека «исключительной одаренности»: «Он был замечательным актером, режиссером, гимнастом, фехтовальщиком, танцовщиком, художником-живописцем, скульптором, художником-декоратором и умел делать многое, что связано с театром». С.Гиацинтова вспоминала: «При всем своем авантюристическом складе, Болеславский был очень талантлив, рыцарски предан театру, наделен явными организаторскими способностями и несомненным человеческим обаянием». В 1912 Б. — один из организаторов 1-й студии МХТ, в которой освоил систему Станиславского. Поставил в 1913 «Гибель «Надежды» Г.Гейерманса, в 1914 — «Калики перехожие» В.Волькенштейна. Работу над «Балладиной» Ю.Словацкого не закончил, т.к. разошелся со Станиславским в трактовке пьесы. По словам П.Маркова, в режиссуре ему было свойственно «стремление к монументальности и безусловной героике», «его влек широкий размах и глубина чувств». Работая над «Гибелью «Надежды», он «перенес действие в маленькую рыбачью лачужку, дал жанровую картинку матросской попойки, а в 3-м действии передал прибой волн, треск снастей, гул ветра. «Море» было невидимым окружением, которое диктовало стиль спектакля... Болеславский чувствовал и любил простое на театре. Такое же простое — ценность жизни, горе, радость — передавал он в «Гибели «Надежды» — теми же актерскими приемами: взглядом, всхлипом, внезапным криком... Сила спектакля заключалась в том, что он подошел к первоначальному в человеке — и «первоначальное» довел до остроты». Занимаясь режиссурой, Б. оставался и актером, сыграл Вильгельма в «Празднике мира» Г.Гауптмана (1913), сэра Тоби в «Двенадцатой ночи» Шекспира (1917).

Летом 1914 совершил путешествие в Испанию и Италию, побывал в Австрии и Швейцарии. В том же году дебютировал в кино: играл в фильмах Я.Протазанова «Мимо жизни» («Сказка жизни») художника Волина, в «Танце вампира» исполнял новый характерный танец. В 1915 поставил свои первые фильмы — «Три встречи» и «Ты еще не умеешь любить», позднее — «Семья Поленовых», «Не разум, а страсть правят миром», «Домик на Волге». В 1916 ушел добровольно на фронт, служил корнетом в Польской уланской дивизии. Из армии писал В.Лужскому: «У меня взвод в 40 человек и команда разведчиков в 20. Жуткое и страшное чувство отвечать за всех и каждого. За жизнь и судьбу стольких людей». В 1918 был откомандирован на курсы телеграфистов в Москву и возвратился в студию.

14.1.1920 Б. уехал в Польшу. С апреля начал работу в Большом театре в Познани, поставил в своем оформлении «Потоп» Ю.-Х.Бергера. Спектакль был хорошо принят, но Б. стремился перейти в театр Ю.Остэрве «Редута». Это ему не удается. Тогда по предложению А.Шифмана он поступил режиссером и актером в варшавский Театр Польский. Подготовленный в его сценической композиции (вместе с Л.Шиллером) «Мещанин во дворянстве» (июнь 1920) с завершающей спектакль пантомимой «Мандрагора» на музыку К.Шимановского — одна из самых выдающихся постановок Мольера в Польше. В том же году поставил «Романтиков» Э.Ростана, сыграв Стафореля; «Милосердие» К.Ростворовского, выступив в роли режиссера, «Потоп», исполнив роль О'Нила; в 1921 — «Рюи Блаз» В.Гюго и «Кики» Л.-Б. Пикара. Л.Шиллер считал наиболее важными в этих постановках Б. «педагогически ценные репетиции», т.к. Б. работал с актерами по неизвестной тогда в Польше системе Станиславского, добиваясь от них ансамблевого исполнения, а смысл спектакля видел в его общественно-культурных задачах.

В 1920 Б. поставил несколько короткометражных пропагандистских фильмов, направленных против большевистской России, и на киностудиях «Сфинкс» и «Ориантфильм» — два больших художественных фильма. Не сумев получить постоянное место руководителя Городского театра в Лодзи (май 1921), уехал из Польши и вскоре присоединился к нахо-

дившейся в Праге качаловской группе Художественного театра; был с радостью принят ею, т.к., по словам С.Бертенсона, «обладал громадной долей энтузиазма, выразительным творческим воображением и был отличным организатором». Б. предложил ставить «Гамлет», сохранив основной замысел старого спектакля Г.Крэга-Станиславского в трактовке ролей, но заменив крэговские ширмы раздвижными декоративными полотнами. Премьера прошла с большим успехом в Праге осенью 1921; спектакль был затем показан в Вене, Берлине, Дрездене, Лейпциге, Копенгагене, Стокгольме. Везде он получил зрительское признание. Своеобразие его отметил *С.Маковский*: «То, что мы видим теперь за рубежом России, очень вольная перифраза замысла Крэга. Нынешний режиссер пьесы Болеславский и художник-декоратор И.Гремиславский нашли самостоятельные пути инсценировки «Гамлета»... Так же как от формы инсценировки, режиссер отошел от символического задания Крэга и приблизился в значительной степени к Шекспировскому реализму». О Б. писали как о режиссере, «чье имя надо запомнить». Приехавший в конце 1921 в качестве посланника из Москвы Н.Подгорный добивался возвращения Б. в Москву. В дневнике он записал: «Болеславский колеблется, но по-моему поедет, и надо, чтобы он ехал. Энергия, знания, желание работать, любовь к театру, — может быть исключительно полезным и необходимым». Но Б. уехал в Париж; осенью 1922 он присоединился к труппе МХТ во время гастролей в США и там остался после ее отъезда в Москву.

В театральный мир Америки он принес практическое знание системы Станиславского, распространял это знание, занимаясь с учениками. Он основал частную актерскую школу, преследуя цель создать в Америке психологический театр с постоянной труппой и постоянным репертуаром. В 1923-24 организовал небольшой театр («The Neighbourdhood Playhouse»), своего рода театральную студию, где поставил спектакли «The Player Queen» и «Blanco Posnet». Успех спектаклей и благожелательная критика открыли ему путь в Бродвейские театры; осуществил там ряд удачных работ: «Король бродяг» (1925), «Белый орел» (1927), «Мистер Монипенни» (1928), «Иуда» (1929). В 1928-29 руководил «American Laboratory Theatre», поставил «Три мушкетера», «Укрощение строптивой», «Макбет», «Миракль».

В 1929-30 работал в Голливуде, снял фильмы «Девушка-сокровище» («Treasure-girl», на муз. Дж.Гершвина), «Это называется любовь». Около 1930 женился на американской драматической актрисе Норме Друри. Вместе с Х.Вудворд написал роман-воспоминание о боях польских уланов в России в конце 1-й мировой войны (1-я кн.: «The Way of the Lancer», 1932; 2-я кн.: «Lancer down», 1935; 3-я осталась незаконченной). Роман пользовался большим успехом, 1-я книга выдержала несколько изданий в США, была переведена на немецкий и польский языки («Путем уланов». Варшава, 1939). В 1932 Б. вернулся в кино и поставил первый большой фильм «Распутин и Императрица». Умение работать с актером привлекало к Б. больших артистов, у него снимались Грета Гарбо и Марлен Дитрих. Режиссерский талант, энергия и высокая художественная культура позволили ему снять 19 фильмов, в том числе «Буря на закате» и «Красота на продажу» в 1933, «Человек в белом» и «Расписной занавес» с Гретой Гарбо в 1934, «Скала в Индии» и «Отверженные» в 1935, «Теодора сходит с ума» и «Сад Аллаха» в 1936. Работая в Голливуде, Б. продолжал интересоваться педагогикой и написал популярный учебник актерской игры в виде диалогов с ученицей «Acting. The First Six Lessons» (Нью-Йорк, 1933). Учебник выдержал 9 изданий (последнее — в 1947), в 1948 был издан в Праге, в 1949 — в Англии. Умер Б. во время съемок фильма «The Last of Mrs Cheyney».

Лит.: Эфрос Н. Московский Художественный театр. 1898-1923. М.-Пг., 1924; Московский Художественный театр Второй. М., 1925; Бертенсон С. Вокруг искусства. Холливуд, 1957; Вахтангов Е. Материалы, статьи. М., 1959; Гиацинтова С. С памятью наедине. М., 1985; Kulesza M. Ryszard Boleslawski. Umrzec w Hollywood. Warszawa, 1989; Шверубович В. О старом Художественном театре. М., 1990.

М.Иванова

БОЛЬМ Адольф (Эмилий) Рудольфович (25.9.1884, Петербург — 16.4.1951, Голливуд, шт. Калифорния, США) — танцовщик, балетмейстер, педагог. Отец, Рудольф Кондратьевич, был скрипачем и помощником дирижера в Михайловском театре. В 1894 Б. поступил и в 1903 окончил балетное отделение Петербургского театрального училища (педагог П.Карсавин) и был принят в кордебалет Мариинского театра. В 1905 стал солистом. Выступал в классических pas de deux, pas de trois. Среди его партнерш были *А.Павлова*, Ю.Седова и др. Б., обладая феноменальным прыжком, стремительными вращениями, ярко выраженным мимическим дарованием и огненным темпераментом, рано обратил на себя внимание публики и критиков. В 1907 был приглашен *М.Фокиным* для гастролей артистов

Мариинского театра в Москве. В 1908 организовал первую зарубежную поездку А.Павловой, в которой выступал как ее партнер (участвовали также *Л.Егорова*, Э.Вилль, А.Обухов, А.Ширяев). Труппа посетила Гельсингфорс, Стокгольм, Копенгаген и Ригу и везде имела огромный успех. В Стокгольме король Густав вручил Б. золотоую медаль «Literis et Artibus». «Эта удачная поездка не только с честью поддержала репутацию русского балета, но и подготовила почву для будущих успехов». В 1908 станцевал партии Петра в «Привале кавалерии» (комп. И.Армсгеймер) и Иллариона в «Жизели» (комп. А.Адан), поразив в последней своим актерским дарованием. В 1909 совершил с Павловой второе турне — в Берлин и Прагу. В 1909 и 1910 участвовал в Русских сезонах *С.Дягилева* в Париже, выступив в партии Главного воина (Лучника, «Половецкие пляски» на муз. А.Бородина) и, по признанию Фокина, был великолепен: «Это самая лучшая его роль, и он остался ее лучшим исполнителем. Много видал я «Главных воинов», но для меня Больм остался «incomparable» (несравненным)..., никто даже не приблизился к Больму». В 1910 выступал с *Л.Кякшт* в Лондоне в «Empire Theatre», поставив для этих гастролей «Хореографическую фантазию». Вернувшись в Петербург в том же году, был переведен в ранг 2-го танцовщика, станцевал pas de deux Голубой птицы («Спящая красавица», комп. П.Чайковский). К 1910 относятся так же его первые пробы себя на балетмейстерском поприще — поставил ряд концертных номеров для дивертисмента. Пользующийся громадным успехом за границей, Б. не был в должной мере оценен в Мариинском театре, дирекция которого не спешила с его продвижением по службе. Поняв, что его карьера в России складывается неудачно, Б. в 1911 ушел в отставку и уехал к Дягилеву в Париж.

В 1911 начал выступать в «Русском балете» Дягилева, в 1912-16 — ведущий характерный солист труппы, где, кроме неизменно имевшей громкий успех партии Главного воина в «Половецких плясках», создал также партии Принца (Путника, «Тамара», комп. М.Балакирев), Даркона («Дафнис и Хлоя», комп. М.Равель). Исполнил Амуна («Клеопатра», комп. А.Аренский), Пьеро («Карнавал», на муз. Р.Шумана), Шаха («Шехеразада» на муз. Н.Римского-Корсакова), Иллариона в «Жизели» (комп. А.Адан), Голубую птицу («Спящая красавица» Чайковского), Царевича Ивана и Мавра («Жар-птица» и «Петрушка» — оба *И.Стравинского*) и др. Его партнершами были *Т.Карсавина*, К.Маклецова. С 1912 занял должность репетитора в труппе. Также занимался постановочной деятельностью. В 1912 поставил оперу-балет «Праздник Гебы» (комп. Ж.Рамо), танцы персидок в опере «Хованщина» (комп. М.Мусоргский), русскую пляску в «Майской ночи» Римского-Корсакова (оба — 1914), а в 1916, по просьбе Дягилева — хореографическую сцену «Подводное царство» в опере «Садко» Римского-Корсакова (т.к. хореография Фокина не сохранилась).

Во время гастролей в США в 1917 на спектакле «Тамара» повредил ногу и вынужден был оставить труппу. С 1917 обосновался в США. Здесь в том же году организовал собственную труппу «Ballet Intime», включавшую 12 танцовщиков (среди солисток — Рут Пейдж), где был и танцовщиком, и хореографом. Одновременно в 1917-18 — ведущий танцовщик и хореограф «Metropolitan Opera» (Нью-Йорк), где поставил балет «Золотой петушок» на музыку Римского-Корсакова (сам исполнял мимическую роль царя Додона). Затем осуществил в 1919 свою хореографическую версию «Петрушки» (комп. Стравинский), исполнял заглавную партию. Был также постановщиком танцев в операх. Одновременно Б. ставил балетные номера для других трупп: в 1917 — «Осенние листья» на музыку Зигфельда для бродвейского спектакля «Мисс 1914», для «Ballet Intime» — пользовавшуюся громадным успехом танцевальную пантомиму «Белый павлин» (комп. Ч.Гриффес), в которой проявил себя и как изобретательный сценограф; позднее, в 1919, поставил «День рождения инфанты» на музыку Дж.Карпентера (исполнял роль Карлика). В эти же годы, с целью популяризации классического балета, он много работал в крупнейших бродвейских кинотеатрах, выступая перед кинофильмами. Это начинание Б. в 1920-е было подхвачено американскими танцовщиками. В 1920 вместе с «Ballet Intime» гастролировал с большим успехом в Лондоне. Вернувшись в Нью-Йорк, поставил джазовую пантомиму на темы популярной в Америке серии карикатур «Crazy Kat» («Безумная Кэт», комп. Карпентер). Б. исполнял в спектакле заглавную партию, которая послужила в дальнейшем основой создания мультфильмов о Микки Маусе.

В 1922 1-й танцовщик и балетмейстер Чикагской оперы, в 1924 — один из организаторов «Chicago Allied Arts Inc.», где тогда же занял пост главного балетмейстера. Поставил: «Тайный побег» (комп. В.Моцарт, с Т.Карсавиной), «Танцевальное фойе» на тему картины Э.Дега (комп. Э.Шабриер) — оба 1924; «Любовь-волшебница» (комп. М. де Фалья), «Маленький цирк» (на муз. Ж.Оффенбаха), «Соперники» (комп. Эйчхем), «Мандрагора» (комп. К.Шимановский), «Бал марионеток» (комп.

Э.Сати) — все 1925; «Лунный Пьеро» (комп. А.Шенберг), «Парнас на Монмартре» (комп. Сати), «Мистический визит» («Vision mystique», на муз. А.Скрябина) — все 1926; «Трагедия Виолончели» (комп. Тансман) — 1927; «Рождественский гимн» (комп. Вогхэн Вильямс) и др., а также много концертных номеров. В 1928 поставил «Аполлон Мусагет» (комп. Стравинский) на сцене Библиотеки Конгресса (Вашингтон), став первым интерпретатором этой музыки; «Павану усопшей инфанте» (на муз. М.Равеля), «Арлекинаду» (на муз. Ж.Мондонвилля), «Старую Вену» (на муз. Л.Бетховена). В 1928 работал в театре «Colon» (Бузнос-Айрес), ставя фокинские балеты.

В начале 1930 переехал в Голливуд, где работал для кинематографа. Еще в 1920 Б. поставил кинобалет «Пляска смерти» (на муз. К.Сен-Санса), сумев в немом фильме добиться синхронизации хореографического рисунка с музыкальным «живым» оркестровым сопровождением. Спустя 10 лет он стал хореографом фильмов «Мужчины в ее жизни» (в русском прокате — «Балерина»), «Жизнь Челлини» и др. В 1932 поставил «Механический балет» для фильма «Безумный гений», впоследствии перенесенный им на сцену с музыкой А.Мосолова «Завод».

В 1933 хореограф балетной труппы Оперы Сан-Франциско. Приглашенный для организации танцевальной труппы — участницы оперных спектаклей, Б. за 4 года (1933-37) не только создал крепкую труппу, способную выступать самостоятельно, но и подготовил серьезный балетный репертуар. Постановки: «Дон Жуан» (на муз. И.Альбениса), «Пассакалья» (комп. С.Скотт), «В саду Тюильри» (на муз. Й.Штрауса) — все 1933; «Модели» («Patterns», на муз. А.Черепнина), «Соперники» (комп. Г.Ичхейм) — 1934; цикл маленьких балетов на музыку И.С.Баха — 1935 и др. Организовал также школу при театре. осенью 1939 возвратился в Нью-Йорк, работал в «Ballet Theatre», поставив для первого сезона балет «Петя и волк» на музыку *С.Прокофьева* (1940), имевший большой успех и долгие годы не сходивший со сцены. В 1942-45 балетмейстер и главный режиссер «Ballet Theatre». Поставил «Жар-птицу» (с Марией Толчифф в заглавной партии, 1945), «Мефисто» (на муз. Ф.Листа, 1947) и др. В разные годы сотрудничал с художниками *С.Судейкиным*, Н.Ремизовым, *М.Шагалом*, а иногда и сам создавал костюмы.

Б. высоко оценен в Америке как хореограф, который в своей постановочной работе часто использовал музыку американских композиторов, занимал американских артистов и тем самым способствовал становлению американского балета. «Американский балет не мог бы стать тем, чем он является сегодня, без него... Его влияние чувствуется и сегодня, спустя двенадцать лет после его смерти». Б. вел и педагогическую деятельность: в созданной им Школе балета Сан-Франциско (1930-е), в частных школах Лос-Анджелеса (1938-40), в «Ballet Theatre», с 1940-х — в Голливуде. В процессе обучения он следовал методе Э.Чеккетти, на каждом уроке задавая новые хореографические композиции, поражая своих учеников богатой фантазией и сложностью ритмического рисунка. Сам блистательный характерный танцовщик, он в своих уроках также часто использовал движения народного танца.

Написал мемуары «Жизнь танцовщика» (Dance Magazine, 1926, sept., oct., nov.). Всю жизнь собирал книги, живопись, скульптуру. После смерти Б. жена передала его коллекцию в Сиракузский университет (США).

Лит.: Beaumont C. Complete Book of Ballet. London, 1937; Борисоглебский М.В. (сост.). Материалы по истории русского балета, т. 2. Л., 1939; Amberg G. Ballet in America. New York, 1949; Dougherty J. Perspective on Adolph Bolm // Dance Magazine, 1963, febr., march; Красовская В. Русский балетный театр начала XX века, ч. 2: Танцовщики. Л., 1972; Фокин М. Против течения. Воспоминания балетмейстера. Статьи, письма. Л., 1980.

Г.Андреевская

БОРОВСКИЙ Александр Кириллович (6.3.1889, Митава, Латвия — 27.4.1968, Уобен, шт. Массачусетс, США) — пианист. Из музыкальной семьи. Играть на фортепиано он начал в раннем детстве, к регулярным же занятиям приступил в возрасте семи лет. Первым его педагогом стала мать, в прошлом ученица В.Сафонова. Б., по собственному признанию, не был вундеркиндом. В детстве и юности музыка отнюдь не занимала в его жизни главное место. С большим рвением изучал он другие науки, в частности, юриспруденцию. Учебу в Петербургской консерватории в классе А.Есиповой он сочетал с посещением лекций на юридическом факультете университета, который окончил с отличием, получив диплом адвоката. Еще будучи учеником консерватории, в 1910 Б. был удостоен почетного отзыва на проводившемся тогда в Петербурге 5-м Международном конкурсе пианистов и композиторов им. А.Рубинштейна (всего на конкурсе была присуждена одна премия и два почетных отзыва). С этого момента началась широкая концертная деятельность молодого артиста.

В 1912 Б. окончил с золотой медалью консерваторию и получил Рубинштейновскую премию — рояль фирмы Шредера. На

протяжении нескольких лет он совершил целый ряд больших концертных поездок по России. Особенно много играл в Тифлисе, Баку, Саратове, Харькове. Пресса по достоинству оценила новое исполнительское дарование: «Техника Боровского виртуозна, его стиль всегда благороден и чужд резких красок. Безусловно художественна фразировка, всегда обдуманна педализация»; его замыслы «иногда пианистически весьма смелые, даже почти рискованные, и их выполнение образуют безукоризненно законченное целое. Пианист достигает всего как будто «играючи». Его игра носит уже сейчас печать настоящего мастерства». На одном из концертов Б. в Москве присутствовал К.Игумнов. Исполнение пианиста понравилось ему. Результатом стало приглашение на должность профессора в Московскую консерваторию. Здесь Б. работал с 1915 по 1920 (по его классу окончила курс, получив диплом свободного художника, Е.Протопопова, впоследствии многие годы преподававшая в том же учебном заведении).

В июле 1920 музыкант выехал на гастроли в Тифлис. На протяжении двух месяцев Б. дал в этом городе 20 концертов, пользовавшихся неизменным успехом. Тифлисские гастроли оказались столь удачными, что Б. предложили устроить концерты в Европе. Уже весной 1921 он в Париже играл в концертах *С.Кусевицкого*. Затем последовали Лондон, Берлин, другие города. Пианист концертировал по всему миру, много записывался на пластинки. В 1936 он был удостоен Grand Prix в Париже за лучшую запись.

Начиная с 1927 на протяжении 10 лет Б. почти ежегодно приезжал в СССР, выступал в Москве и Ленинграде. «...Боровский всегда идет от содержания, — писал о его концертах тех лет известный теоретик пианизма Г.Коган, — его психологическое искусство пытается передать жизненные эмоциональные процессы; исполнение Боровского повествовательно и динамично; под его пальцами музыка сближается с литературой».

Репертуар артиста был очень широк и разнопланов. Но высшие достижения Б. связаны все же с двумя пластами фортепианной литературы. Это, во-первых, музыка XVIII в., в том числе И.С.Баха. Уже в ранние годы критика отмечала, что он играл произведения Рамо, Скарлатти, Куперена «с большим вкусом и с тою гастрономическою тонкостью, которая обличает в нем подлинного любителя старины такого стиля». Другая важнейшая часть репертуара Б. — сочинения современных русских композиторов. Пианист много исполнял А.Скрябина, в том числе поздние сонаты. О его трактовке знаменитого dis-moll'ного этюда ор. 8 рецензент писал, что «после авторского это было самое лучшее исполнение Скрябина, которое доводилось слышать». В России, а впоследствии и за границей в программах Б. часто стояли произведения *С.Прокофьева*. Оба музыканта знали друг друга с юности, по консерватории (Прокофьев тоже учился в классе Есиповой). Особенно удавались Б. мелкие пьесы — «Сарказмы» и «Мимолетности». В репертуаре пианиста был среди прочего и Третий концерт Прокофьева. Композитор посвятил артисту одну из своих пьес ор. 52. Из сочинений Мясковского Б. нередко играл «Причуды» и Вторую сонату. Впоследствии Б. начал увлекаться музыкой Шопена. Свой особый подход к творчеству этого композитора он выразил в публикациях, одна из которых переведена на русский язык.

Своими блестящими концертными выступлениями пианист снискал себе славу первоклассного виртуоза. Техника Б. базировалась прежде всего на феноменальной одаренности. Так, он никогда не занимался более 2,5-3-х часов в день и не играл специально упражнений и гамм — только пассажи и трудные места из разучиваемых пьес. Очень быстро осваивал Б. новые произведения. Например, «Исламей» М.Балакирева, одно из сложнейших сочинений в мировой фортепианной литературе, был им выучен за 5 дней. Сам пианист объяснял эту свою способность зрительной памятью. Нотные страницы отчетливо запечатлевались в его представлении. Играя наизусть, он музицировал словно по нотам.

Б. скромно оценивал свою педагогическую работу в молодые годы. Тогда он страстно хотел концертировать и не считал себя готовым к преподаванию. Лишь много лет спустя, после более чем двух тысяч концертов, он смог разрешить для себя вопросы, встававшие перед ним на заре его педагогической деятельности. После переезда в 1940 из Парижа в США, когда концертная практика Б. сократилась, он смог передать свой богатый опыт музыканта ученикам, приезжавшим к мастеру со всех концов света.

Соч.: Фридерик Шопен / Шопен, каким мы его слышим. М., 1970; Воспоминания (1915-1920) / Пианисты рассказывают. М., 1979.

Лит.: Brower H. Modern Masters of the Keyboard. New York, 1926 (repr. 1969); Коган Г.М. Боровский и Петри (опыт сравнительной характеристики). Александр Боровский / Коган Г. Вопросы пианизма. Избр. статьи. М., 1968; Гольденвейзер А.Б. Концерт пианиста Боровского / А.Б.Гольденвейзер: О музыкальном искусстве. Сб. статей. М., 1975.

С.Грохотов

БОРОДИН Николай Андреевич (23.11.1861, Уральск — 22.12.1937, Кембридж, шт. Массачусетс, США) — ихтиолог. Родился в семье сотника (впоследствии есаула) Уральского казачьего войска. После окончания Уральской войсковой гимназии (с золотой медалью, 1879) поступил в Петербургский университет (в 1879-80 учился на математическом отделении, с сентября 1880 — на естественном). В студенческие годы началась его активная общественная деятельность. В своих мемуарах Б. вспоминал: «Заняться чистой наукой, забыв о служении народу, среди нас считалось совершенно недопустимым аристократизмом, и, лишь имея в виду приложение добытых в университете знаний к жизни с пользой для народа, — можно было еще со спокойной совестью сидеть в лаборатории над изучением строения того или иного животного или растения... Почему я возымел особый интерес к прикладной ихтиологии и рыболовству, ставшими моей специальностью? Да несомненно потому, что я заранее предвидел и стремился работать в своем родном крае, ...в котором рыболовство имело первостепенное значение, захватывало всех и вся». Б. участвовал в студенческих сходках в университете 20 и 21.10.1882. Он вошел в студенческое землячество «Яик»; составил программу «Товарищества объединенных землячеств», его главной целью ставилась подготовка общественно-политических деятелей, которые после окончания университета будут работать на местах. В конце осени 1883 примкнул к основному ядру группы Д.Благоева, после высылки которого вел сношения с заграницей, принимал участие в организационной работе по созданию кружков. Окончив университет (1885), выехал в Уральск, где был в мае 1886 арестован; привлечен по делу благоевцев; содержался под стражей с 18 мая по 17 июня 1886, освобожден по ходатайству наказного атамана Уральского казачьего войска Н.Шипова и депутата от Уральского войска при Главном управлении казачьих войск П.Мартынова под особый надзор полиции.

Еще в университете Б. приступил к изучению проблемы практического рыболовства. С 80-х XIX в., пользуясь поддержкой Шипова, он занялся организацией ихтиологической работы на реке Урал. В 1884 им было произведено искусственное оплодотворение икры севрюги — первый в России удачный опыт по оплодотворению икры осетровых. В 1885 опубликовал «Статистический атлас Уральского казачьего войска». На I-й Всероссийской рыбопромышленной выставке в Петербурге (1889) Б. выступил в роли гида при осмотре императором Александром III привезенных экспонатов. В 1891 вышел фундаментальный двухтомный труд Б. «Уральское казачье войско. Статистическое описание», приуроченный к трехсотлетнему юбилею Уральского войска. На основе материалов экономической переписи, составленной и проведенной по лучшим земским образцам, Б. пришел к выводу, что уральская казачья община являлась в высшей степени своеобразным и обособленным общественно-экономическим организмом. Позднее Императорское Географическое общество присудило Б. за этот труд золотую медаль по отделению этнографии и статистики.

В 1891 по решению атамана Уральского войска Б. был направлен в двухгодичную командировку по странам Европы и Северной Америки для изучения работы зарубежных ихтиологических станций. С 1891 он занимал специально для него созданную должность войскового техника Уральского рыболовства. В 1894 Б. опубликовал брошюру «Правила производства рыболовства в Уральском казачьем войске». С 1896 ученый ежегодно проводил на реке Урал эксперименты по искусственному оплодотворению икры осетра и севрюги, выращиванию молоди севрюги. Во 2-й половине 90-х, по поручению Российского общества рыболовства и рыбоводства, он начал широкое исследование биологии осетровых реки Урал (изучение особенностей их размножения, сравнительная оценка методов инкубации икры, гибридизация рыб). Б. проделал титанический труд для улучшения рыболовства на реке Урал и в Каспийском море; его справедливо можно назвать основоположником изучения промысловых рыб реки Урал. Одним из первых в России он выступил за утилизацию рыбных отходов, ценных по своему химическому составу продуктов; ратовал за рациональное использование даров моря и рек; доказал возможность искусственного разведения осетровых рыб (стерлядки, севрюги). В своей деятельности Б. опирался на накопленный народный опыт рыболовства уральских казаков.

Б. занимали вопросы изучения, систематики и инвентаризации ихтиофауны, рыболовной статистики, способы лова и обработки рыбы, проблемы запасов рыбы, биологии промысловых рыб и рыборазведения. И хотя Б. не удалось решить многих намеченных задач, его деятельность положила начало практическому осетроводству в России. Разработанное им учение о поэтапности эволюции рыб послужило теоретической базой разработки методики выращивания молоди. Одним из первых в стране Б. сформулировал основные параметры рационального ведения рыбного хозяйства. Ученый последовательно создавал биотехнику искусственного разведения осетровых на реке Урал, полученные им результаты представляли един-

ственный в мировой биологической практике того времени пример выращивания молоди осетровых рыб в искусственных условиях.

В 1899 Б. переехал в Петербург, где стал служить старшим специалистом по рыболовству департамента земледелия. В 1902 он был избран генеральным секретарем Международного конгресса по рыболовству и рыбоводству, проходившего в Петербурге. С 1900 по 1904 Б. исследовал такие районы рыболовства как Азово-Донской, Черноморско-Кубанский, Амударьинский, Каспийский.

В 1901 Б. опубликовал книгу «Уральские казаки и их рыболовство», основал газету «Уралец», был редактором-издателем «Уральского обозрения», «Вестника казачьих войск» (1901-4), сотрудником «Русских ведомостей» (с 1894) и «Нашей жизни».

Эволюция политических взглядов Б. привела его в либеральный лагерь. На выборах в 1-ю Государственную думу он голосовал за кадетский список. Стал членом Думы от Уральского казачьего войска (1906). Выступал в Думе против использования казачьих частей в карательных целях. Подписал Выборгское воззвание, за что отбыл тюремное заключение в «Крестах». В 1907 вступил в партию кадетов.

В 1907 увидела свет его монография «Прудовое хозяйство», а в следующем году — книга «Каспийские сельди и их промыслы». С 1908 Б. участвовал в работе Комитета по холодильному делу; был пионером использования искусственного холода для хранения и транспортировки рыбопродуктов. С 1910 вновь служил в департаменте земледелия; читал лекции по рыбоводству на Петербургских сельскохозяйственных курсах. В 1911-14 по поручению департамента побывал в нескольких длительных заграничных командировках для изучения состояния рыбопромышленности за рубежом. В 1915 совершил поездку в США с научными целями. Во время 1-й мировой войны Б. был привлечен правительственными органами в качестве специалиста по применению искусственного холода для хранения скоропортящихся продуктов для фронта. Работал также в отделе Всероссийского союза городов, который организовывал материальную помощь российским военнопленным в Германии и Австро-Венгрии.

После Февральской революции Б. принимал участие в пропагандистской деятельности кадетов в Петрограде: вместе с *П.Милюковым*, Н.Кареевым, *Н.Лосским* издавал газету «Свободный народ», а с В.Вернадским работал в партийной литературной комиссии по изданию политической литературы. Вновь выезжал в США в составе чрезвычайной миссии *Б.Бахметьева* при Временном правительстве, в задачи которой входило получить заем и обеспечить рациональное и планомерное выполнение заказов на военную и сельскохозяйственную технику. В 1917 был избран членом Учредительного собрания от Уральского войска. После его разгона покинул Петроград; через Уральск перебрался в Омск, где в 1918-19 служил в министерстве земледелия и был представителем Уральского войска при правительстве Колчака; преподавал в Омском сельскохозяйственном институте. В апреле 1919 министерство земледелия направило Б. в США для закупки сельскохозяйственной техники и оборудования для сельскохозяйственных учебных заведений Сибири. Узнав о разгроме армии Колчака, остался в США. Читал лекции в Русском народном университете в Нью-Йорке. В 1920 опубликовал лекции в виде учебного пособия («Экономические основы сельского хозяйства»). В 1926-27 работал в качестве ассистента-куратора Бруклинского музея «Искусство и науки»; в 1927-28 стал ассистентом американского Музея естественных наук, а затем куратором Музея сравнительной зоологии (отдел ихтиологии). С 1928 Б. работал в Гарвардском университете. Венцом его научной карьеры стало присуждение ему звания профессора Гарвардского университета (1931). В 1930 опубликовал мемуары «Идеалы и действительность», охватив в них события своей жизни за 1879-1919.

Лит.: Изюмов А.И. Николай Андреевич Бородин // США: экономика, политика, идеология, 1991, № 6; Его же. «Россия вновь возродится» (Судьба Николая Андреевича Бородина) // Природа, 1993, № 3.

А.Изюмов
О.Щелоков

БОТЕЗАТ Георгий Александрович (7.6.1882, Петербург — 1.2.1940, Нью-Йорк) — авиаконструктор. Семья Б. принадлежала к числу известных дворянских родов Бессарабии. По окончании кишиневского реального училища Б. поступил в 1902 на механическое отделение Харьковского технологического института (ХТИ). В 1905-7 учился в Электротехническом институте Монтефо в Бельгии, где получил звание инженера-электрика, а по возвращении в Россию в 1908 защитил с отличием диплом инженера-технолога в ХТИ. В 1908-9 продолжил свое образование в Гёттингенском и Берлинском университетах. В 1910 поступил в Сорбонну, где в следующем году под руководством П.Пейнлеве защитил докторскую диссертацию на тему «Исследование устойчивости самолета». Работа представляла собой наиболее глубокое математическое исследование данного вопроса. Ученый первым использовал

метод малых возмущений для решения задач об устойчивости самолета. Б. может по праву считаться одним из основоположников науки о динамике полета летательных аппаратов. Вопросами динамики полета самолетов и вертолетов он занимался по существу всю жизнь.

По возвращении в 1911 в Россию Б. получил должность преподавателя по курсу воздухоплавания в Петербургском политехническом институте. Одновременно при поддержке военного ведомства он приступил к исследованиям в аэродинамической лаборатории института. В 1911-14 Б. внес большой вклад в экспериментальное и теоретическое изучение устойчивости полета летательного аппарата, одним из первых провел исследование роли демпфирования в обеспечении устойчивости полета; изучил влияние параметров стабилизатора на продольные динамические характеристики самолета; заложил основы современных математических методов анализа устойчивости движения. Б. опубликовал в отечественной и зарубежной литературе множество статей по динамике полета; неоднократно выступал с публичными лекциями. Результаты его исследований имели огромное значение для инженеров-практиков, конструкторов и летчиков.

Помимо Петербургского политехнического института, Б. работал в аэродинамических лабораториях офицерской воздухоплавательной школы, Центральной научно-технической лаборатории военного ведомства и др. Он внес большой вклад в создание этих научно-исследовательских центров и формирование научно-опытной авиационной базы России. Б. вместе с известными петербургскими профессорами *С.Тимошенко, А.Фан-дер-Флитом*, А.Лебедевым и В.Найденовым был в числе основателей т.н. петербургской авиационной научной школы. В 1912 Б. был приглашен читать курсы теории полета и механики в Петербургской офицерской воздухоплавательной школе. Кроме столичных учреждений, он выступал с лекциями и в ряде других учебных заведений России и Западной Европы. В 1914 Б. был выбран экстраординарным профессором, а в 1915 — ординарным профессором Донского политехнического института в Новочеркасске.

Вскоре после начала 1-й мировой войны Б. вернулся из Новочеркасска в Петроград для работы в качестве научного эксперта в различных военных техничских учреждениях. Весной 1916 вместе с профессорами Тимошенко, Фан-дер-Флитом и Лебедевым он вошел в состав Технического комитета только что созданного управления Военно-воздушного флота (ВВФ) военного министерства (УВВФ). Члены Технического комитета не только обеспечивали научную консультацию зарождавшегося отечественного самолетостроения, контролировали качество имущества, поступавшего из-за рубежа и рассматривали многочисленные заявки изобретателей, но и заложили основы мощной научно-экспериментальной базы отечественной авиации. По их настоянию в 1916 началось создание крупнейшего в мире государственного научно-исследовательского, опытно-конструкторского, испытательного и учебного центра, получившего название Главный аэродром. Б. был основным инициатором и первым научным руководителем строительства этого уникального учреждения, являвшегося прямым предшественником современных исследовательских центров.

Помимо исследований по аэродинамике, Б. в годы войны занимался и другими важными проблемами, диктовавшимися требованиями времени. Им был проведен ряд научных работ по баллистике, разработана конструкция ряда бомбардировочных прицелов и другого вооружения. С 1915 в авиационных частях стали с успехом применяться баллистические таблицы Б., позволявшие бомбардирам принимать правильные поправки на скорость полета и направление ветра. В 1914 Б. был приглашен на должность главного конструктора авиационного отделения акционерного общества электромеханических сооружений «ДЕКА». Там им были построены гироскопический прицел и другие типы авиационного оборудования, проектировались самолеты различных размеров и назначения. Первый самолет конструкции Б. был построен в октябре 1917. К сожалению, этот оригинальный и передовой по конструкции аппарат был разбит из-за ошибки летчика. Революция прервала строительство других самолетов и вертолета Б. Важнейшим вкладом ученого в авиационную науку в годы 1-й мировой войны была разработка им в 1916 импульсной теории винтов. Б. проанализировал с единых позиций все режимы работы винта. Он впервые рассмотрел режим «вихревого кольца», получил основные формулы расчета воздушных винтов. Теория Б. получила высокую оценку как у отечественных, так и у зарубежных специалистов. Ее совершенствованием ученый занимался всю жизнь.

Первоначально Б. лояльно отнесся к советской власти и пытался сотрудничать с новым правительством. Однако в мае 1918 он был вынужден покинуть страну. Известность ученого была столь велика, что уже в июне того же года он был приглашен работать экспертом в Национальный консультативный комитет по аэронавтике США, читать лекции в Массачусетский технологический институт и Колумбий-

ский университет, консультировать различные предприятия. В следующем году Б. пригласили в Чикагский университет. Авторитет ученого значительно вырос в связи с переизданием его трудов на английском языке вскоре по приезде в США.

В 1921 командование Военно-воздушных сил США предложило Б. осуществить постройку давно задуманного им вертолета в исследовательском авиационном центре Райт-Филл (г. Дейтон). В декабре 1922 первый вертолет армии США поднялся в воздух. Аппарат оказался очень удачным для своего времени. Его грузоподъемность оставалась непревзойденной до начала 40-х. Оригинальная схема (4-винтовая с осями несущих винтов, наклоненными внутрь) обеспечила неплохие пилотажные характеристики. Однако американские военные предпочли воздержаться от дальнейшего финансирования работ по вертолетам, не оценив по достоинству их будущее. Очевидно, свою роль в этом сыграл и тяжелый характер Б.

После разрыва с армией ученый предпочел больше не связываться с государственными учреждениями. В 1926 он вернулся в Нью-Йорк и основал собственную фирму «De Bothezat Impeller Company», где рассчитывал реализовать на практике итоги собственных экспериментальных и теоретических исследований. Работа началась с постройки специально спроектированных осевых вентиляторов высокого давления, превосходящих по характеристикам распространенные центробежные вентиляторы. Первоначально к намерению Б. заниматься бизнесом все относились скептически, но вскоре его фирма выиграла конкурс Военно-морского флота США, и ее вентиляторы были установлены на новых американских крейсерах. Вслед за этим последовали заказы на вентиляторы для производственных и жилых зданий, в том числе престижный заказ на установку соосных вентиляторов Б. в помещениях Рокфеллер-Центра. Фирма Б., большинство сотрудников которой составляли русские эмигранты, была принята в состав крупного концерна «American Machine and Metall Manufacturing Corp.».

Коммерческая деятельность и совершенствование основной продукции отнимали массу времени. Несмотря на это, Б. продолжал интересоваться различными областями науки и техники: математикой, аналитической механикой, аэродинамикой, теоретической физикой, экономикой, социологией и теорией познания. Однако большинство его научных работ в этих областях остались неопубликованными. Не получила завершения и фундаментальная работа «Оперативная алгебра и конфигурационное исчисление». Правда в 1935 ученый опубликовал специальный труд, посвященный теории проектирования вентиляторов. Вышли из печати работы, касавшиеся критики теории Эйнштейна и вопросов применения математики в коммерческой деятельности. И все же того научного авторитета, который Б. имел на родине и за рубежом в первые годы эмиграции, ему сохранить не удалось. Бизнес помешал науке.

Упрочив свое экономическое положение, Б. в 1936 решил вернуться к постройке вертолетов. Он вместе с другим известным русским эмигрантом, выдающимся летчиком и инженером *Б.Сергиевским* основал «Air-Screw Research Syndicate», переименованный в следующем году в «Helicopter Corp. of America». Б. была разработана целая программа постройки вертолетов различных весовых категорий и назначения. В 1938 был построен экспериментальный вертолет GB-2, имевший оригинальную компоновку и систему управления. Силовая установка располагалась между соосными несущими винтами. Продольно-поперечное управление достигалось смещением и наклоном всей винтомоторной группы. После экспериментов на привязи испытателем Сергиевским были осуществлены небольшие свободные полеты. В 1940 вертолет был переделан в новую модель GB-5, однако завершить ее испытания и доводку не удалось. Б. скончался во время операции на сердце в возрасте 58 лет. Вскоре его фирма прекратила свое существование.

Соч.: Etude de la stabilité de l'aéroplane. Paris, 1911; Исследование явления работы лопастного винта. Пг., 1917; Fan Engineering Fundamentals. New York, 1935.

Лит.: Who's Who in Engineering. New York, 1925; Transche de N. The Genius of dr. G. de Bothezat // American Helicopter, 1957, July.

В.Михеев

БРАИЛОВСКИЙ Александр (4.11.1896, Киев — 25.4.1975, Нью-Йорк) — пианист. «Трудно сказать, когда именно я начал играть на фортепиано, — вспоминал артист, — с самого начала дело это было для меня совершенно естественным». Несомненно, причиной такого раннего развития послужила не только исключительная музыкальная одаренность мальчика, но и та чуткость, с которой отец, владелец нотной лавки и музыкант-любитель, руководил его первыми шагами в искусстве. Так, по словам Б., даже работа над техникой стала для него развлечением: «Помнится, когда мне было лет пять, мы с отцом обычно сидели вместе за фортепиано и играли гаммы наперегонки, кто быстрее доберется до конца клавиатуры. Сколько же веселья приносили нам эти гаммы!

Я изо всех сил старался победить отца в скорости и аккуратности, но он всегда оказывался чуть-чуть впереди. Это было для меня великолепной тренировкой». Дальнейшая учеба Б. проходила в стенах Киевской консерватории в классе известного профессора В.Пухальского. В 11-летнем возрасте юный пианист был представлен *С.Рахманинову*, гастролировавшему тогда в Киеве. «Я уверен, тебе на роду написано быть большим пианистом», — заявил тот после прослушивания его игры. Предсказанию великого музыканта суждено было сбыться.

В 1911 в сопровождении отца юноша направился в Вену к пианисту и педагогу Т.Лешетицкому. Под его руководством Б. занимался вплоть до начала 1-й мировой войны. С тех пор всю жизнь, по его собственному признанию, он ощущал на себе влияние «этого великого мастера и учителя». В годы войны, живя в Швейцарии, Б. брал также уроки у итальянского пианиста и композитора Ф.Бузони.

Дебют пианиста в 1919 в Париже стал настоящей сенсацией. С этого времени началась триумфальная карьера виртуоза. Б. выступал повсюду в Европе, а в ноябре 1924 дебютировал в Нью-Йорке. Затем последовали напряженные гастроли по Южной Америке. В одном Буэнос-Айресе за два месяца состоялось 17 концертов. В Аргентине и Бразилии назначались специальные поезда, доставлявшие слушателей из провинциальных городов на концерты Б. Среди многочисленных творческих предложений, с которыми обращались к артисту самые разные импресарио и концертные организации, было приглашение от бельгийской королевы Елизаветы, серьезно увлекавшейся музыкой. Впоследствии пианист часто музицировал с ней вместе (королева была скрипачкой-любительницей). Б. привлекался также в качестве члена жюри на организованный ею международный конкурс пианистов в Брюсселе, одно из самых авторитетных мировых музыкальных состязаний. В 1936 в Бельгии была учреждена специальная премия имени Б. для молодых пианистов.

Творческой индивидуальности артиста близка была прежде всего романтическая музыка: Шопен и Лист. В 1923 Б. почти целый год провел во французской деревушке Аннеси, готовя цикл из шести программ, посвященный сочинениям Шопена. В 1924 цикл этот, включавший в общей сложности 169 произведений, был с восторгом встречен в Париже, а затем в Лондоне, Нью-Йорке, других городах и впоследствии записан на долгоиграющих пластинках. В Париже пианист пользовался роялем фирмы Плейель, тем же, на котором играл в свое время Ф.Лист и которого с тех самых пор не касалась ничья рука. Впоследствии Б. предпочитал инструменты именно этой фирмы и играл на них всюду, где предоставлялась возможность. Значительное число программ пианиста было составлено из произведений Листа. Программы эти тоже образовывали циклы и с неизменным успехом исполнялись в Париже и Лондоне. «Листом нашего времени» назвала Б. одна из лондонских газет.

На своих концертах артист представал перед слушателями прежде всего исключительным виртуозом, продолжателем той старой пианистической традиции, во главе которой стоял И.Гофман. Блестящая мелкая техника, внушительные октавы, живой, захватывающий темперамент, непринужденность и энергия исполнения, элегантная отточенность фразировки — все эти черты сразу располагали к себе публику. Интерпретациям Б. было в высшей мере присуще импровизационное начало. Сам он так говорил об этом: «Я не знаю в точности, как именно я буду интерпретировать то или иное сочинение после того, как оно стало моим. У меня нет раз и навсегда устоявшейся трактовки; если бы была, то это не оставляло бы места для вдохновения». В такой спонтанности исполнения во многом заключался секрет обаяния, характерного для искусства пианиста. В ней же видится и причина критических высказываний в музыкальной прессе, подчас обвинявшей музыканта в нехватке цельной концепции и артистическом произволе.

На склоне лет пианист продолжал сохранять прекрасную пианистическую форму. В 1960 он снова исполнил свой шопеновский цикл в Брюсселе и Нью-Йорке к 150-летию со дня рождения композитора. Искренностью чувства и высоким мастерством отмечены его последние записи — Первый концерт Шопена и «Пляска смерти» Листа. В 1961 концертировал в Москве и Ленинграде. Вопреки отрицательным суждениям некоторых критиков, публика повсюду в мире с энтузиазмом принимала артиста. Прав был авторитетный американский музыкальный публицист А.Чейзинс, писавший: «Перед нами человек, который любит свое дело и заставляет публику любить его, год за годом. Быть может, это не пианист из пианистов и не музыкант из музыкантов, но он — пианист для слушателей. И об этом стоит задуматься».

Лит.: Brower H. Modern Masters of the Keyboard. New York, 1926 (repr. 1969); Коган Г. Александр Браиловский / Коган Г. Вопросы пианизма: Избр. статьи. М., 1968; Рабинович Д.А. Александр Браиловский / Рабинович Д.А. Исполнитель и стиль: Избр. статьи, вып. 2. М., 1981; Chasins A. Speaking of Pianists. 3 ed. New York, 1981; Григорьев Л., Платек Я. Современные пианисты. М., 1985.

С.Грохотов

БРУНСТ Виктор Эмильевич (1864 — 2.12.1932, Прага) — агроном, педагог. Из семьи военного. После окончания артиллерийского училища Б. более трех лет состоял на военной службе. В 1889 вышел в отставку и поступил в Петровскую сельскохозяйственную академию. Получив диплом «ученого агронома», он управлял имениями в Екатеринославской и Харьковской губерниях, затем перевелся в Москву, где сотрудничал в земской агрономической службе. Ему принадлежит первенство в разработке и практической реализации планов травосеяния в Московском, Подольском и Звенигородском уездах, подробных программ агрономических мероприятий в сфере огородничества и садоводства. С 1906 Б. работал в агрономических службах Харьковской губернии: отстаивал принципы участковой агрономии, чем приблизил ее к крестьянскому хозяйству, определил оптимальные размеры севооборотов для районов, организовал первые агрономиче ские съезды, носившие областной характер. При его непосредственном участии были созданы три опытные станции — Сумская, Харьковская, Ивановская. В 1909 Б. был переведен в департамент земледелия министерства земледелия, а с 1913 — возглавлял один из его отделов. Одновременно с государственной службой Б. руководил деятельностью Петербургского центрального сельскохозяйственного общества, в состав которого входило свыше 100 сельскохозяйственных организаций и кооперативов, а также сотрудничал в экономическом отделе Главного комитета Земского союза и в Московском народном банке. Заслуживает внимания и его педагогическая деятельность: он руководил кафедрой «Агрономическая помощь» на Стебутовских курсах и 4-годичными курсами Общества народных университетов. В различных специализированных изданиях — «Вестник мелкого кредита», «Вестник сельского хозяйства», «Хуторянин», «Земское дело» — публиковались его статьи, обзоры, заметки по различным вопросам как агрономии, так и сельского хозяйства в целом.

После февраля 1917 Б. возглавил департамент сельскохозяйственных машин и заводов, их изготовляющих, при министерстве земледелия. К Октябрьской революции Б. отнесся отрицательно и в годы гражданской войны эмигрировал.

Весь период эмиграции Б. проживал в Праге. Читал в Русском Институте сельскохозяйственной кооперации курс лекций по общему и частному животноводству, вел семинар по технике маслодельного производства и молочному хозяйству, возглавлял кафедру животноводства. Сотрудничал Б. в Экономическом кабинете профессора *С.Прокоповича*, а на страницах «Русского экономического сборника» (издание кабинета) публиковались его работы по теории агрономии, вопросам развития крестьянского хозяйства. Участвовал он и в заседаниях экономического семинария академика *П.Струве*.

В 1925 Б. в составе миссии Лиги Наций совершил поездку по Южной Америке, изучая сельское хозяйство Аргентины, Бразилии, Парагвая, Уругвая. Итоги обследования ученый обобщил в статьях и обзорах, которые были помещены в специализированных журналах: «Хутор», «Хозяин» (где Б. состоял еще и членом редакции), Бюллетень «Русский земледелец», «Земледелие», «Записки Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге». Работа Б. имела и практическое значение, т.к. в латиноамериканские страны готовились перебраться сотни русских земледельцев-эмигрантов, не нашедших применения в Западной Европе.

Вернувшись в Прагу, Б. возглавил Союз русских агрономов и лесоводов. Эта общественная организация была создана в 1922 для объединения и помощи русским крестьянам, эмигрировавшим в Чехословакию. Продолжил свою педагогическую деятельность в Институте сельскохозяйственной кооперации и в Чешском коммерческом институте. На 2-ю половину 20-х приходилось руководство Б. работами общественно-экономического кружка при Русском народном университете. Участники кружка — ученые, преподаватели, журналисты, студенты — обсуждали проблемы общественной жизни России и европейских стран, а также трудности, стоящие перед сельским хозяйством, промышленностью, транспортом, кооперацией. По приглашению Чехословацкого правительства Б. консультировал чиновников министерства земледелия республики по различным вопросам агрономии и крестьянского хозяйства. В 1929 научные круги русской эмиграции и чешская общественность торжественно отметили 40-летний юбилей его агрономической и общественной деятельности. Похоронен Б. на Ольшанском кладбище в Праге.

В.Телицын

БРУЦКУС Борис (Бер) Давидович (15.10.1874, Паланга, Курляндия — 6.12.1938, Иерусалим) — экономист, агроном, публицист. Отец — огранщик янтаря, позднее — владелец фабрики кожаных изделий в Москве. В 1884-91 Б. учился в московской гимназии; в 1891-94 — на медицинском факультете Варшавского университета; в 1894-98 в Институте сельско-

го хозяйства и лесоводства в Новой Александрии, который окончил с золотой медалью и званием «ученый агроном первого разряда».

С 1898 Б. руководил земледельческими службами в Центральном комитете Еврейского колонизационного общества в Петербурге. В том же году издал свою первую работу «О питательном значении аспаргина», опубликовал ряд статей по вопросам экономики и еврейской колонизации в периодических изданиях. С 1907 Б. состоял лектором кафедры экономики и истории сельского хозяйства и аграрной политики столичных Высших сельскохозяйственных курсов. С 1909 сотрудничал в «Российском транспортном страховом обществе»: в 1915-18 — в страховом обществе «Россия»; с 1913 исполнял обязанности члена редколлегии «Агрономического журнала».

Б. вел активную преподавательскую работу. С 1917 он читал курс лекций в Петербургском сельскохозяйственном институте. В 1921-22 он, уже в звании профессора, занимал пост декана факультета экономики и сельского хозяйства. Одновременно Б. читал цикл лекций «Сельскохозяйственные возможности Палестины» на курсах палестиноведения, а также руководил экономическим курсом в Еврейском университете. В 1918-21 Б. работал над «Экономикой сельского хозяйства», которую издал уже в эмиграции. В Советской России книга была опубликована в 1924 и принята в качестве учебника для большинства сельскохозяйственных учебных заведений, но в 1928 изъята из библиотек.

Б. принадлежал — совместно с Н.Кондратьевым, В.Косинским, Л.Литощенко, Н.Макаровым, А.Мининым, Н.Огановским, А.Чаяновым, А.Челинцевым — к «мозговому центру» российской аграрной науки, в которой был признанным авторитетом, сторонником либерального направления. В своих работах, посвященных аграрной проблематике, Б. теоретически обосновывал прогрессивность столыпинских реформ, доказывал соответствие последних интересам крестьянства, народного хозяйства в целом, оценивал преимущества, связанные с проникновением в крестьянское хозяйство «хрематистического (стяжательского)», т.е. рыночного духа.

В 1922 вошел в редакцию журнала «Экономист» (Вестник 11-го отдела Русского технического общества), где опубликовал серию статей по проблемам народного хозяйства при социалистическом строе, в которых доказывал, что социализм невозможно сконструировать на практике ни в отдельно взятой стране, ни в мировом масштабе. Выступая на сельскохозяйственном съезде в Москве в 1922, Б. — в качестве председателя сельскохозяйственного совета Петроградского района — обвинил советскую власть в организации голода на территории Поволжья. 17.8.1922 был арестован как «непримиримый враг Советской власти» (Г.Зиновьев), и в ноябре того же года выслан за границу. С 1923 по 1932 читал лекции по сельскому хозяйству и политической экономии, руководил исследованиями советского хозяйства и аграрной политики в Русском научном институте в Берлине; преподавал в Идишском университете в Вильнюсе. Участвовал в работе 1-го съезда русских деятелей сельского хозяйства (апр. 1924, Прага). В начале 1935 эмигрировал в Палестину, где с апреля этого же года заведовал кафедрой сельскохозяйственной экономики и политики Еврейского университета в Иерусалиме, входил в редакцию научно-публицистических обзоров еврейской экономики и демографии. Печатался в ряде эмигрантских периодических изданий.

В эмиграции Б. опубликовал 298 своих работ, в которых проанализированы проблемы экономического планирования, «социалистического хозяйства», аграрной революции, сельского хозяйства, земельного права, статистики, колонизации в Палестине, российской истории. Наиболее значимы те труды, где раскрываются концептуальные подходы Б. к проблемам политической экономии и общественной эволюции. По своим научным взглядам Б. был близок к новой либеральной школе экономической мысли, представленной Л.Мизесом, Ф.Хайеком и др. Основные положения его позиции сводились к следующему: конечного «райского» состояния общества нет и быть не может, неизвестен и механизм общественного развития; благополучие общества заключается в движении вперед, источником которого является волевой субъект действия — творческая личность; поэтому высшая ценность общественного развития есть принцип свободы личности. Оценивая с этой точки зрения российский опыт, Б. предпринял попытку сконструировать хозяйственный строй при социализме уже рефлексорно. Он пришел к выводу, что при отсутствии свободы личности исчезает объективный оценочный критерий происходящих процессов хозяйственной жизни. Все подчинено единому обезличенному государственному плану, все зависит от бесконтрольных действий клана чиновников, а это означает, что общество, превращаясь в казарму, теряет способность к саморегуляции, координации собственных действий и движется к «суперанархии». Благодаря своим трудам в области политической экономии и истории Б. приобрел среди западных экономистов авторитет одного из ведущих исследователей доктрины социализма, практики советского

хозяйства, причин и условий, обуславливающих революционные потрясения.

Соч.: Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. Берлин, 1923 (Париж, 1988); Экономика сельского хозяйства. Народнохозяйственные основы. Берлин, 1923; Agrarentwicklung und Argarrevolution in Russland. Berlin, 1926; Die Lehren des Marxismus im Lichte der russischen Revolution. Berlin, 1928.

Лит.: Каган В.К. Борис Бруцкус. Иерусалим, 1989.

В.Телицын

БУБНОВА Варвара Дмитриевна (5.5.1886, Петербург — 28.3.1983, Ленинград) — художник, искусствовед, педагог. Из дворянской семьи. Отец, Дмитрий Капитонович, банковский служащий, коллежский советник; мать — урожденная Н.Вульф, обладала прекрасным голосом и была музыкально одаренным человеком. Детство Б. и ее сестер прошло в имении матери Берново Тверской губернии, где бывал А.Пушкин. Они выросли в атмосфере поэзии и музыки. Б. училась в Рисовальной школе Общества поощрения художеств, в 1907-14 в Петербургской Академии художеств. Выйдя замуж за соученика, теоретика русского авангарда В.Матвея (Матвейса, псевд. В.Марков), вступила в объединение художников «Союз молодежи», с которым были связаны П.Филонов, *М.Ларионов*, *Н.Гончарова*, К.Малевич, В.Татлин и др.; сотрудничала в одноименном журнале, участвовала в совместных с объединениями «Бубновый валет» и «Ослиный хвост» выставках Союза молодежи. В 1913 совершила вместе с мужем поездку по этнографическим музеям Западной Европы для сбора материалов и фотографирования африканской скульптуры. После скоропостижной смерти мужа (1914) подготовила к печати его книгу «Искусство негров» (1919). В 1915 окончила Петербургский археологический институт. В 1917-22 работала в московском Историческом музее, изучала древнерусские миниатюры в Отделе древних рукописей и организовала первую их выставку; являлась членом Института художественной культуры (Инхука).

В 1922 по вызову младшей сестры *А.Бубновой-Оно* уехала вместе с матерью в Японию. В 1927 вышла замуж за русского эмигранта В.Головщикова (1897-1947). В середине 1930-х была лишена советского гражданства за «связь с врагом народа» (по поручению советского посольства знакомила видного советского деятеля (фам. неизвестна) с японскими достопримечательностями; по возвращении в СССР он был арестован). Впоследствии писала: «Свою жизнь в Японии я могла бы назвать счастливой, если бы не мысли о Родине, к которой меня так тянуло, что каждый пароходный гудок или свисток поезда пробуждал острую тоску... Только заполненность работой и искусством спасала меня от тоски по Родине». Преподавала с 1924 русский язык и литературу в Токийском университете Васэда. Б. вырастила несколько поколений японских русистов, которых учила понимать не только русский язык, не только «букву», но и дух русской литературы. Как утверждала японская газета «Цусё симбун», «если бы не она, переводы русской литературы в Японии не достигли бы, наверное, такого высокого уровня». Особую роль Б. сыграла в развитии японского пушкиноведения: все шесть переводчиков «Евгения Онегина» были ее учениками или добрыми знакомыми, и всем она помогала преодолеть трудности перевода. Первый в Японии сборник пушкинской лирики (1936) вышел в переводе ее ученика Уэда Сусуму с ее иллюстрациями. Иллюстрации Б. к переводам Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского способствовали раскрытию глубинного смысла их произведений. Профессор Енэкава Масао писал о Б.: «Она делает свое дело так мастерски, что назвать ее основную профессию невозможно, она в одинаковой мере и художник и литератор». За вклад в развитие японо-русских культурных связей и за заслуги в области изучения в Японии русского языка и литературы Б. была награждена впоследствии орденом Драгоценной короны.

В Японии Б. «старалась не забывать» о своем призвании художника. Она участвовала в выставках японского авангарда 20-х; в октябре 1922 опубликовала в журнале «Сисо» («Мысль») статью «О направлениях в современном русском искусстве» (главным образом, о конструктивизме); входила в организации японских художников «Никакай», «Санка», «МАВО». О русском искусстве много писала и позднее, в частности, в многотомном издании «Мировое искусство».

Поступив вскоре после приезда в Японию в Токийское художественно-промышленное училище, Б. разработала метод автолитографии на цинке, с помощью которого стремилась передать нюансы перехода тонов, характерные для японской тушевой живописи. «Что такое литография, какое это большое искусство, я впервые понял из ее работ», — писал художник Оно Тадасигэ. В Японии с успехом прошло 6 персональных выставок Б. (две в 1932, в 1938, 1948, 1954, 1958). Сама Б. утверждала, что сохранила в портретах, пейзажах, в сценках народной жизни принципы русской школы, но изучение японского искус-

ства расширило изобразительные возможности ее графического языка. При этом ее занимала не восточная экзотика, а обычная жизнь японцев: «Управляется она здесь, как и везде, экономическими условиями, которые рождают все ту же борьбу за существование, здесь далеко не легкую».

После т.н. «путча молодых офицеров» (1936) Б. и ее муж были объявлены нежелательными иностранцами, за ними велось строгое полицейское наблюдение. В те годы было закрыто русское отделение университета Васэда, позднее Б. была вынуждена покинуть Токийский институт иностранных языков. В конце 2-й мировой войны их выселили из Токио в горное место Каруидзава. Дом в Токио и все их имущество, включая библиотеку и литографии, погибли в результате бомбежки. В послевоенный период Б. снова преподавала и работала как художник, много сил отдавала Русскому клубу, вокруг которого группировались молодые люди, намеревавшиеся вернуться в СССР (Б. «дала нам почувствовать, что мы русские», — свидетельствовали они).

В 1958 Б. возвратилась в СССР и поселилась в Сухуми, где жила ее старшая сестра. При жизни Б. состоялось более 20 выставок, ей было присвоено звание заслуженного художника Грузинской ССР (1964). Работы Б. приобретались советскими музеями, в том числе Музеем изобразительных искусств им. А.Пушкина, Третьяковской галереей, Русским музеем. Б. работала над статьями и воспоминаниями, получившими одобрение А.Твардовского, Е.Дороша, К.Симонова, М.Алпатова, но опубликовать удалось лишь малую часть написанного, т.к. взгляды Б. на искусство не совпадали с официальными установками.

До конца жизни Б. поддерживала связь с Японией, встречалась с приезжавшими в СССР друзьями и учениками. В Японии изучают ее деятельность, отмечался ее 100-летний юбилей. В Литературно-художественном музее Пушкина в Бернове открыта мемориальная комната Б., в которой экспонируются присланные из Японии переводы произведений Пушкина с ее иллюстрациями.

Соч.: Уроки постижения. Воспоминания, статьи, письма. М., 1994.

Лит.: Кожевникова И.П. Варвара Бубнова — русский художник в Японии. М., 1985.

И.Кожевникова

БУБНОВА-ОНО Анна Дмитриевна (1.3.1890, Петербург — 8.5.1979, Сухуми) — скрипачка, педагог. Младшая сестра *В.Бубновой*. Училась в Петербургской консерватории (1904-11) по классу скрипки (ведущий профессор — *Л.Ауэр*). Окончив ее, преподавала музыку и выступала в концертах. В 1915 на концерте в пользу раненых ее увидел студент-вольнослушатель естественного факультета Петербургского университета японец Оно Сюнъити; обвенчавшись с ним, в феврале уехала в Японию. Убедившись, что европейская музыка здесь малоизвестна, а уровень исполнительского мастерства низок, решила, что ее долг «содействовать созданию условий для утверждения истинной музыки», ибо «без правильно поставленного музыкального образования настоящая музыка в Японии не расцветет». Первой в Японии стала заниматься с маленькими детьми (японцы начинали учиться играть на скрипке или на рояле взрослыми), открыв в своем доме детскую музыкальную школу; среди ее первых учениц — Сува Нэдзико и Ивамото Мари — впоследствии знаменитые скрипачки.

В середине 30-х от нелепой случайности погиб единственный сын Б.-О., обещавший стать выдающимся скрипачем; вскоре последовал развод с мужем. В дальнейшем она была профессором Музыкальных институтов Тохо и Мусасино, подготовила свыше тысячи учеников. По свидетельству президента Мусасино Фукуи Наоаки, Б.-О. была высоко ценима за свое «великолепное искусство и высокие человеческие качества». Как писал музыкальный критик Сонобэ Сабуро, «профессор Оно Анна воспитала в Японии два поколения скрипачей, пользующихся известностью и популярностью». В 1946 ее ученики объединились в музыкальное общество имени Б.-О. В 1959 за заслуги в музыкально-педагогической деятельности Б.-О. была награждена орденом Священного сокровища 4-й степени.

Следила за музыкальной жизнью в СССР, посещала все гастрольные концерты советских исполнителей, начиная с М.Эрденко и Н.Блиндера (1927) и кончая в послевоенные годы Д.Ойстрахом, Э.Гилельсом, Л.Коганом и М.Вайманом, которые прослушивали ее учениц.

На родину вернулась в 1960. В статье «До свидания, любимая Япония» писала: «Главная причина моего возвращения заключается в том, что Советский Союз — моя родина. Как бы ни привыкла я к Японии, каким бы вниманием и заботой меня здесь ни окружали, все-таки Япония не моя родная страна. Поэтому я решила вернуться домой и работать там на благо моей родины... Но я никогда не забуду Японию, ее прекрасные пейзажи и, самое главное, ее сердечных людей».

Вместе с сестрой В.Бубновой поселилась в Сухуми, преподавала в музыкальном училище. Переписывалась с учениками, встречалась с

ними в Москве и Ленинграде, в частности, на Международном конкурсе им. П.Чайковского (1966), где 2-е место заняла ее ученица Усиода Масуко.

В Японии Б.-О. называют «матерью японских скрипачей»; в 1990 был торжественно отмечен ее 100-летний юбилей. В 1992 ученик Б.-О, профессор Уракава, исполнил в Петербургской консерватории «Чакону» Баха, которую она исполняла здесь на концерте в 1915. Племянница мужа Оно Сюнъити, Оно Ёко, вдова Джона Леннона, часто вспоминала во время приездов в Москву свою «ласковую русскую тетю».

Лит.: Учитель Оно Анна в воспоминаниях (на япон. яз.). Токио, 1988; Кожевникова И. Анна Бубнова-Оно — скрипач и педагог (К 100-летию со дня рождения) / Зарубежный Восток. Лит. панорама, вып. 18. М., 1990.

И.Кожевникова

БУЙНЕВИЧ Казимир Альбинович (16.11.1872, Чернигов — 19.8.1953, Инсбрук) — ученый-терапевт. Родился в семье потомственных дворян. Окончив в 1892 черниговскую гимназию, поступил на медицинский факультет Московского университета. После его окончания (1898) начал работать в Старо-Екатерининской больнице, стал сверхштатным лаборантом размещавшейся здесь госпитальной терапевтической клиники университета, которой руководил профессор К.Павлинов — известный московский врач-терапевт. В соответствии с положением о сверхштатных сотрудниках работал в клинике «без содержания», бесплатно, поэтому вынужден был по совместительству трудиться в елисаветинских детских яслях Елисаветинского благотворительного общества.

По совету Павлинова Б. занялся одной из актуальнейших проблем нефрологии — определением функциональной способности почек. Свои наблюдения Б. обобщил в диссертации «К теории мочеобразования. Криоскопический метод в вопросе об определении функциональной способности почек», которую он защитил в 1902 в Московском университете. Диссертация отличалась насыщенностью данными из стремительно развивавшейся тогда физической химии, а также использованием математического аппарата — в то время для научных исследований по клинической медицине это было редкостью. Работа получила высокую оценку медицинской общественности; в 1902 она была издана.

В 1903 медицинский факультет избрал Б. ассистентом госпитальной терапевтической клиники Московского университета, а вскоре он был избран приват-доцентом Московского университета для преподавания необязательного практического курса «Диагностика внутренних болезней». Одновременно он стал врачом Лазаревского института восточных языков, где проработал до 1917.

Лекции Б. — глубокие по содержанию и интересные по форме — пользовались успехом у студентов и получили одобрение его коллег по кафедре. Возникла мысль написать на их основе учебное руководство. В 1905 вышло в свет 1-е издание «Руководства к изучению внутренних болезней. Частная патология и терапия», встреченная медицинской общественностью с большим интересом. Общество русских врачей в Москве удостоило труд Б. премии им. Голицынского.

Готовя 2-е издание своего руководства (М., 1909), Б. коренным образом переработал его: дополнил новым клиническим материалом, обогатил данными о применении новых, только входивших в практику методов инструментального исследования, таких как эзофагоскопия, бронхоскопия, цистоскопия и катетеризация мочеточников, а также большим справочным материалом — рецептами, описанием реактивов, препаратов, питательных сред, диетическими предписаниями. Изменил он и структуру книги — теперь она уже нисколько не походила на клинические лекции, а отвечала всем требованиям учебного руководства и врачебного терапевтического справочника. Фактически эта книга Б. стала единственным российским учебником по терапии для студентов-медиков. Учебник Б., наряду с клиническими лекциями С.Боткина, Г.Захарьина, А.Остроумова и иностранными учебниками Нотнагеля, Шарко, Штрюмпеля, рекомендовался студентам Московского университета, а потом и других университетов России. В 1910 вышло 3-е, в 1912 — 4-е, а в 1916 — 5-е издание книги Б.

В 1911 в знак протеста против действий министра просвещения Л.Кассо группа профессоров и преподавателей покинула Московский университет, на место ушедших пришли новые люди, в том числе Б., который был назначен экстраординарным профессором по кафедре частной патологии и терапии (одновременно он исполнял обязанности врача Лазаревского института восточных языков). В последующем был (вплоть до 1917) сверхштатным экстраординарным профессором по кафедре терапевтической госпитальной клиники. Но Б., в отличие от некоторых других новых профессоров, не был «ставленником Кассо».

В годы 1-й мировой войны Б. занимался лечением больных и раненых воинов; работал в Московском главном военном госпитале; не прекращал и педагогической работы.

После Февральской революции Совет Московского университета, отражая настроения медицинской общественности и студенчества, решил обсудить судьбу тех профессоров, которые в 1911 ушли из университета: 5.3.1917 было принято решение ходатайствовать перед министром народного просвещения о возвращении их в университет, а позднее — об увольнении «ставленников Кассо». В этот список попал и Б. Ни апелляция к университетскому уставу, ни ссылки на существовавшую практику не помогли — Б. пришлось уйти из Московского университета. Опытный и квалифицированный педагог оказался не у дел. Правда вскоре медицинский факультет, столкнувшийся с нехваткой знающих преподавателей, решил пригласить его вновь заняться педагогической работой. 1.6.1917 декан медицинского факультета Н.Митропольский ходатайствовал о разрешении взять Б. на работу в качестве приват-доцента «для преподавания систематического курса». 27.9.1917 попечитель московского учебного округа удовлетворил это ходатайство.

В 1918 Б. переехал из Москвы в Екатеринослав, стал директором 1-й терапевтической клиники Екатеринославского университета. В 1920 вышла его книга «Клиническое руководство для студентов и врачей. Внутренняя патология и терапия».

В 1922 Б. принял решение уехать. 17.8.1923 он стал профессором терапии медицинского факультета Каунасского (Литовского) университета Витаутаса Великого, созданного в 1920 и крайне нуждавшегося в квалифицированных педагогах. В 1924 в Каунасе были опубликованы (на рус. яз.) его книги: «Клинические лекции о нефрите и отеках», «Приемы симуляции и членовредительства», «Лекции по климато- и бальнеотерапии», представлявшие собой учебные руководства, в которых содержался обзор современного состояния проблем клиники внутренних болезней.

В 20-х — начале 30-х Б. часто выступал на страницах влиятельных органов российского медицинского зарубежья — медицинских журналов «Врачебное обозрение» (Берлин) и «Врачебный вестник» (Париж). Его статьи были посвящены самым различным разделам терапии — кардиологии, гепатологии, гастроэнтерологии, болезням кроветворных органов; чаще всего он обращался к проблемам нефрологии, выдвигая новые оригинальные теории («Моя теория мочеобразования», 1928), высказывая свою точку зрения по вопросам патогенеза и симптоматики, диагностики и терапии болезней почек.

Представитель российской терапевтической школы, Б. приложил много усилий к тому, чтобы в Литве интенсивно развивалась собственная медицинская литература. В выходившем в Каунасе журнале «Медицина» (на литов. яз.) он уже в 1923 поместил интересную статью «Брайтология» — о заболеваниях почек. В дальнейшем Б. стал постоянным автором этого литовского медицинского журнала. Свои статьи он посвящал артериосклерозу и бальнеотерапии (1925), диабету, патологической конституции, туберкулезу (1927), аппендициту, костным осложнениям, анемиям (1928) и мн. др. проблемам клинической медицины. Наиболее интересные его статьи были посвящены нефрологии (1923, 1924, 1928, 1938 и др.).

Лекции Б. вызывали большой интерес: опытный педагог, он строил их — так же, как и в Московском университете и в Екатеринославле — на материале клинического разбора «историй болезней», и это помогало лучше усвоить учебный материал.

В начале 30-х Б. начал публиковать статьи в научных журналах, выходивших на различных языках — немецком (св. 30 работ: в Германии — журналы по урологии, «Медицинское обозрение», «Обозрение внутренней медицины», «Медицинский мир» и др., а также в Швейцарии и Австрии), английском (ок. 10 работ: в США — Сент-Луис, журнал по урологии), польском (св. 10 работ: в Литве и Польше). Эти труды завоевали ему высокий авторитет в различных странах.

Основываясь на богатом клиническом опыте и использовав материал лекций в Литовском университете, он выпустил «Клинику внутренних болезней» (ч. I-V. Каунас, 1928-30, на литов. яз.); новое руководство «Клинические лекции» на русском языке (вып. I-V. Каунас, 1933-38), на польском (Каунас, 1933) и немецком языках (ч. I-II. Каунас, 1933-36).

По воспоминаниям знавших его людей, Б. жил очень скромно, в двухкомнатной квартире в старой части Каунаса, недалеко от больницы, в которой работал. Жена его была врач-педиатр, но по специальности не работала. У Б. было 4 сына. Мать с двумя из них много времени проводила в Париже, а двое других жили в Каунасе. Семейная жизнь Б., видимо, не была удачной.

В 1939 Б. отошел от активной научно-практической и педагогической деятельности. В годы 2-й мировой войны он, по-видимому, продолжал жить в Каунасе. Однако в 1944, когда Красная армия стала приближаться к границам Литвы, опасаясь возможных репрессий, решил эмигрировать на Запад. Он уехал в Мюнхен и, в конце концов, как российский

эмигрант оказался в Австрии, где и провел последние годы жизни.

Лит.: Межкаускас Ю. История медицины Литвы. Чикаго, 1987 (на литов. яз.).

М.Мирский

БУЛГАКОВ Сергей Николаевич (16.4.1871, Ливны, Орловской губ. — 12.7.1944, Париж) — философ, экономист. Родился в семье священника. Окончив духовное училище, поступил в Орловскую духовную семинарию (1885), но, проникшись материалистическими и революционными идеями, оставил ее (1888) и окончил елецкую гимназию. В 1890-94 учился на юридическом факультете Московского университета; вошел в ряд оппозиционных студенческих организаций и сблизился с марксистами. В 1895 оставлен при кафедре политической экономии и статистики для приготовления к профессорскому званию. Написанный им в качестве магистерской диссертации труд «О рынках при капиталистическом производстве» (М., 1896) был задержан цензурой и, изъятый из библиотек, лишь в конце 1897 смог увидеть свет, но, как книга революционно-марксистского направления, не мог быть принят к защите. В 1897 Б. начал преподавать политэкономию и статистику в Московском техническом училище, активно сотрудничал в марксистской легальной печати: журналах «Новое Слово» (1897), «Начало» (1899), «Научное Обозрение» (1899-1900), в области экономической теории и гносеологии примыкая к «критическому направлению» в русском марксизме. С 1898 — в научной командировке в Германии, Англии и Франции, где по плану профессора А.Чупрова занимался историей аграрного вопроса в Европе. Заграницей познакомился с лидерами социал-демократии К.Каутским, А.Бебелем, Г.Плехановым. Опыт исследования, суммированный им в новой магистерской диссертации «Капитализм и земледелие» (тт. 1-2, М., 1900), и личные впечатления от деятельности западной социал-демократии заставили Б. усомниться в экономической, философской и политической доктрине марксизма. Параллельное увлечение философией и публицистикой Вл.Соловьева предопределило поиски Б. в направлении «христианской политики» и софиологии (примерно до 1907-8), подчиненные идеям «христианского социализма», в котором религиозное понимание общественной жизни соединялось с социалистическими требованиями обобществления производства, уничтожения капиталистической эксплуатации и коллективного самоуправления, а также с общелиберальными принципами политических свобод.

В 1901-6 Б. — ординарный профессор Киевского политехнического института, с 1903 приват-доцент университета Св. Владимира, вел активную работу в рядах либерально-социалистической оппозиции, выступал с публичными лекциями, участвовал в киевском Литературно-художественном кружке, в организации и деятельности киевского отделения Союза освобождения. На совещании создателей Союза в Шафхаузене в 1903 выступил с докладом о его аграрной программе, сотрудничал в его органе — журнале «Освобождение». В рамках складывающегося в 1900-е т.н. «идеалистического направления» (вместе с *П.Струве, Н.Бердяевым, С.Франком, П.Новгородцевым* и др.) принял участие в его дебютном сборнике «Проблемы идеализма» (М., 1902). Осенью 1904 вместе с Бердяевым вошел в редакцию религиозно-общественного журнала «Новый путь», а с 1905 редактировал журнал «Вопросы жизни». С этих пор центром деятельности Б. стала пропаганда и организация структур «христианской политики», «христианской общественности» социалистического толка. В связи с этим он сблизился с участниками радикального Христианского братства борьбы (с 1905) В.Эрном и В.Свенцицким и вместе с ними организовал московское Религиозно-Философское общество памяти Вл.Соловьева, выпускал сборники «Вопросы религии» (1906-8), Религиозно-общественную библиотеку (серии брошюр для интеллигенции и народа), киевскую христианско-социалистическую газету «Народ» (апр. 1906). В практике этих предприятий соединялись программы церковной реформации, политического освобождения и решения социального вопроса. Приветствуя манифест 17 октября 1905, Б. оставался непримиримым противником монархии.

С 1906 профессор Московского университета, преподаватель ряда московских учебных заведений, в том числе Московского Коммерческого института. В 1907 член 2-й Государственной думы, избранный от Орловской губернии как беспартийный «христианский социалист»; председатель думской комиссии по церковному законодательству, в которой выступал как один из авторов кадетского законопроекта; член комиссий бюджетной, аграрной и др. Выступал с призывами к отмене военно-полевых судов, с осуждением правительственного и революционного террора. Из опыта работы в Думе Б. вынес глубочайшее разочарование в политике как средстве освобождения общества и человека, и летом 1907 началось возвращение Б. в лоно «исторической» православной церкви, одновременно отход от

религиозно-общественного радикализма, что было засвидетельствовано в его статьях в журналах «Русская мысль» и «Московский еженедельник», впоследствии объединенных в сборник «Два града» (т. 1-2, М., 1911). В сборнике «Вехи» (1909) выступил с концепцией духовного преодоления интеллигентской революционности и нигилизма. Личная трагедия летом 1909 (смерть сына) предопределила растущее сосредоточение Б. на богословской и историко-религиозной проблематике, вдохновляемой проектом построения целостной «христианской социологии», объединяющей все сферы деятельности человека от хозяйства до общественности. Его исследования на этот счет составили докторскую диссертацию «Философия хозяйства» (М., 1912). Под преобладающим влиянием Вл.Соловьева, а с 1910 — и П.Флоренского Б. развивал учение о Софии, всеединстве, объединяющем человека и его историю с Богом и его воплощениями. С 1910 активный участник и организатор московского религиозно-философского книгоиздательства М.Морозовой «Путь» (до 1918). В феврале 1911 в числе других представителей русской профессуры в знак протеста против ущемления университетской автономии вышел в отставку из Московского университета. Тем не менее общественно-политические взгляды Б. этого времени становились вполне консервативными и в принципе не противоречили монархическому устройству: его критика общественных проблем сводилась к осуждению властвующей бюрократии.

После Февральской революции 1917 Б. вновь был избран профессором Московского университета. Выдвинут делегатом Всероссийского Поместного собора православной церкви от мирян Таврической епархии и с августа 1917 до мая 1918 принимал активное участие в работе двух сессий собора, который ввел его в состав Высшего церковного совета. В 1917 вступил в организованную Струве «Лигу русской культуры», став товарищем председателя ее отделения в Москве. В июне 1918 принял священнический сан и, передав в сборник «Из глубины» диалоги «На пиру богов», анализировавшие национальную катастрофу 1917, выехал к семье в Крым, а затем в Киев, откуда в годы гражданской войны вернуться уже не смог.

Исключенный большевиками из Московского университета, Б. в качестве профессора Таврического университета преподавал в Симферополе политэкономию и богословие. Служил в ялтинском соборе. С уходом из Крыма белой армии был исключен из университета, а в декабре 1922 выслан в Константинополь. В 1923-25 профессор церковного права Русского юридического факультета при Пражском университете. Планируя продолжение религиозно-общественной пропаганды, включая издание журнала, Б. одновременно задумывался и над формой религиозного объединения близких по духу интеллектуалов либерально-консервативной ориентации, в основе совпадавшего с авторским коллективом сборника «Вехи». Им стало Братство Св.Софии, объединившее Б., как его духовного главу, *А.Карташева*, *Г.Флоровского*, Франка, Струве, Бердяева и др. Однако неудачная попытка расширить это сообщество (1924) за счет деятелей евразийства, а затем и ожесточенная полемика между Струве и Бердяевым в 1925-26 фактически раскололи Братство и окончательно свели сферу общественной деятельности Б. к преподавательской работе и углубленным занятиям православной теологией. С 1925 профессор догматики и декан Русского Богословского православного института (впоследствии — академии) в Париже. В этой должности Б. пробыл до смерти. Публиковал свои сочинения в религиозно-философском журнале «Путь» (1925-40). Учение Б. о Софии-Премудрости Божией стало основанием для обвинения его в ереси одновременно епископами эмигрантского Карловацкого собора и московским митрополитом, местоблюстителем патриаршего престола Сергием (1935). Б., однако, вел активную церковную жизнь, участвовал в съездах Русского студенческого христианского движения, сотрудничая с англиканским братством Св.Сергия и Албания, заседая в экуменических съездах, дважды (в 1934 и 1936) выезжая в США с циклом лекций и проповедей. Потеряв после операции рака горла голос (1939), сосредоточился на составлении большого числа письменных проповедей.

Соч.: От марксизма к идеализму. Сб. ст. М., 1903; Свет невечерний. М., 1917; Соч., т.1-2. М., 1993.

Лит.: Зандер Л. Бог и мир. Миросозерцание о. Сергия Булгакова, т.1-2. Париж, 1948. Роднянская И.Б. Булгаков С.Н. / Русские писатели 1800-1917. Биографич. словарь, т. 1. М., 1989; Хоружий С.С. Вехи философского творчества отца Сергия Булгакова, т.1-2 / Булгаков С.Н. Соч., т. 1. М., 1993.

М.Колеров

БУНИН Иван Алексеевич (10.10.1870, Воронеж — 8.11.1953, Париж) — поэт, прозаик, переводчик. Из старинного дворянского рода, к которому принадлежал В.Жуковский. Отец Б. — разорившийся помещик, мелкий чиновник, промотавший приданое жены; из 9 их детей 5 умерли в раннем возрасте. Детство Б. прошло на хуторе Бутырки

Орловской губернии в общении с крестьянскими сверстниками. В 1886 исключен из елецкой гимназии, но прошел затем гимназический курс со старшим братом Юлием, вел с ним «без конца ...разговоры о литературе». Детские и юношеские стихи Б. подражательны; первое выступление в печати — стихотворения «На могилу Надсона» и «Деревенский нищий» в журнале «Родина» (1887). С осени 1889 сотрудничал в газете «Орловский вестник», приложением к ней вышел первый сборник Б. «Стихотворения 1887-1891 годов». Был мучительно и страстно влюблен в Варвару Пащенко (один из прототипов Лики в «Жизни Арсеньева»), оставившую Б. в 1894. Служил в Полтавской городской управе статистиком, печатался в провинциальных, а с 1892 и в петербургских журналах — «Вестник Европы», куда его ввел А.Жемчужников, «Русское богатство», «Северный вестник». На Украине встречался с толстовцами, в январе 1894 посетил в Москве Л.Толстого; отголоски этики Толстого, его критики городской цивилизации слышны в рассказах Б. Пореформенное оскудение дворянства вызывало в его душе ностальгические ноты («Антоновские яблоки», «Эпитафия», «Новая дорога»). Б. гордился своим происхождением, но был равнодушен к «голубой крови», а ощущение социальной неприкаянности переросло в стремление «служить людям земли и Богу вселенной, — Богу, которого я называю Красотою, Разумом, Любовью, Жизнью и который проникает все сущее».

Бросив службу, Б. жил в 1895-1900 в Москве и Петербурге, у родственников в деревнях Глотово и Огневка Орловской губернии, у знакомых в Одессе, где сблизился с местными художниками. В 1898 женился на А.Цакни, но вскоре порвал с ней. В эти годы познакомился с Д.Григоровичем, А.Эртелем, *К.Бальмонтом*, В.Брюсовым, А.Чеховым, сыгравшим огромную роль в его писательском становлении, В.Короленко, М.Горьким. В 1896 вышла в переводе Б. поэма Г.Лонгфелло «Песнь о Гайавате»; переводил также Алкея, Саади, Патрарку, Байрона, Мицкевича, Шевченко, Бялика и др. поэтов. В 1897 в Петербурге издана книга Б. «На край света» и другие рассказы», в 1898 в Москве — сборник стихов «Под открытым небом», упрочившие его известность. Восторженными отзывами был встречен сборник «Листопад» (1901), отмеченный вместе с переводом «Песни о Гайавате» Пушкинской премией Петербургской Академии наук (1903) и снискавший Б. славу «поэта русского пейзажа». Лирика «Листопада» явилась подступом к поэтическому выявлению (в частности, на основе впечатлений от многочисленных путешествий) места, занимаемого Россией среди других национальных культур. Продолжением поэзии явилась лирическая проза начала 900-х и путевые очерки («Тень птицы», 1908).

Не приемля символизм, Б. входил в объединения неореалистов — товарищество «Знание» и московский литературный кружок «Среда», где читал чуть ли не все свои произведения, написанные до 1917. «Высокий, стройный, с тонким, умным лицом, всегда хорошо и строго одетый, любивший хорошее общество и хорошую литературу, много читавший и думавший, очень наблюдательный и способный ко всему, за что брался, легко схватывавший суть всякого дела, настойчивый в работе и острый на язык, он врожденное свое дарование отгранил до высокой степени», — вспоминал о нем Н.Телешов. Горький считал тогда Б. «первым писателем на Руси». В издательстве «Знание» вышло собрание сочинений Б. (1902-9, 5 тт.; т. 6 в петерб. изд-ве «Общественная польза»); полное собрание сочинений в 6-ти томах в издательстве А.Маркса (1915). На революцию 1905-7 Б. откликнулся несколькими декларативными стихотворениями; писал о себе как о «свидетеле великого и подлого, бессильном свидетеле зверств, расстрелов, пыток, казней». В 1906 познакомился с В.Муромцевой, которая стала его «подругой до гроба» (они обвенчались в 1922). Совершил с ней в 1907 путешествие в Египет, Сирию и Палестину, в 1909 и 1911 был у Горького на Капри, в 1910-11 посетил Египет и Цейлон. В 1909 ему снова присудили Пушкинскую премию, он был избран почетным академиком, в 1912 — почетным членом Общества любителей русской словесности (до 1920 — товарищ председателя). Повесть «Деревня» (1910) — начало, по словам Б., «целого ряда произведений, резко рисующих русскую душу, ее своеобразные сплетения, ее светлые и темные, но почти всегда трагические основы». Повесть «Суходол» (1911) — исповедь крестьянки, убежденной в том, что «у господ было в характере то же, что и у холопов: или властвовать, или бояться». Герои рассказов «Сила», «Хорошая жизнь» (1911), «Князь во князьях» (1912) — вчерашние холопы, теряющие образ человеческий в стяжательстве; рассказ «Господин из Сан-Франциско» (1915) — о жалкой смерти миллионера. Параллельно Б. рисовал людей, которым некуда приложить свою природную одаренность и силу («Сверчок», «Захар Воробьев», «Иоанн Рыдалец» и др.). Заявляя, что его «более всего занимает душа русского человека в глубоком смысле, изображение черт психики славянина», Б. искал стержень нации в фольклорной стихии, в экскурсах в историю («Шестикрылый», «Святой Прокопий», «Сон

епископа Игнатия Ростовского», «Князь Всеслав»). Усилила эти поиски 1-я мировая война, отношение к которой Б. было резко отрицательным. Той же теме посвящена проза предвоенного и военного периодов: сборники «Чаша жизни» (1915) и «Господин из Сан-Франциско» (1916). Октябрьская революция и гражданская война подытожили это социально-художественное исследование: «Есть два типа в народе. — писал Б. — В одном преобладает Русь, в другом — Чудь, Меря. Но и в том и другом есть страшная переменчивость настроений, обликов, «шаткость», как говорили в старину. Народ сам сказал про себя: «Из нас, как из древа — и дубина, и икона», — в зависимости от обстоятельств, от того, кто древо обработает».

Из революционного Петрограда, избегая «жуткой близости врага», Б. уехал в Москву, а оттуда 21.5.1918 в Одессу, где был написан дневник «Окаянные дни» — одно из самых яростных обличений революции и власти большевиков (полностью опубл. в 1935). В стихотворениях Б. называл Россию «блудницей», писал, обращаясь к народу: «Народ мой! На погибель / Вели тебя твои поводыри». «Испив чашу несказанных душевных страданий», 26.1.1920 отплыл в Константинополь и в конце марта прибыл в Париж. Вся последующая жизнь Б., не считая кратковременных поездок в Англию, Швецию, Германию, Эстонию, Югославию, Италию, прошла во Франции. С 1923 по 1945 большую часть времени проводил в Грассе (Южная Франция), на вилле Бельведер. В ближайшее литературное окружение Б. входили *Н.Тэффи*, *Б.Зайцев*, *М.Алданов*, *Ф.Степун*, *Л.Шестов*, а также его «студийцы» Г.Кузнецова (последняя любовь Б.) и *Л.Зуров*; напротив, антипатичны ему были *З.Гиппиус*, *Д.Мережковский*, *И.Шмелев*, *М.Цветаева*, а «имена Горького, *Андреева*, Блока, Брюсова порождали у него стихийный поток брани» (В.Яновский). До 1927 выступал в газете «Возрождение», затем (по материальным соображениям) в «Последних новостях», не примыкая ни к одной из эмигрантских политических группировок. Единственный в эмиграции поэтический сборник Б. — «Избранные стихотворения» (Париж, 1929) — вызвал положительные отклики *В.Ходасевича*, Тэффи, *В.Набокова*. В «блаженных мечтах о былом» Б. возвращался на родину, вспоминал детство, отрочество, юность, «неутоленную любовь». Те же поэтические мотивы Б. перенес в прозу; ключом к ней явилась миниатюра «Роза Иерихона» (вступление к изданной в 1924 в Берлине одноименной книге): роза Иерихона для Б. — символ Любви и Памяти о России, предстающей теперь в его произведениях в весенних, праздничных тонах. От рассказов о ней («Метеор», «Косцы», «Полуночная зарница», «В некотором царстве») Б. шел к самому значительному произведению периода эмиграции — роману «Жизнь Арсеньева» (1927-33; 1-е отд. изд. Париж, 1930; 1-е полн. изд. Нью-Йорк, 1952). Ходасевич увидел в романе «вымышленную автобиографию», Г.Кузнецова зафиксировала в дневнике, как первоначально лишь «интимная» повесть постепенно превращалась в «картину жизни вообще», расширялась «до пределов картины национальной». Описание переживаний Алексея Арсеньева овеяно печалью о минувшем, о России, «погибшей на наших глазах в такой волшебно краткий срок». В поэтическое звучание Б. сумел перевести даже сугубо прозаический материал (серия коротких рассказов 1927-30: «Телячья головка», «Роман горбуна», «Стропила», «Убийца» и др.). 9.11.1933 ему была присуждена Нобелевская премия «за правдивый артистический талант, с которым он воссоздал в литературной прозе русский характер». В 1934-36 в Берлине издавалось новое собрание сочинений Б. В 1937 он завершил философско-литературный трактат «Освобождение Толстого» — итог продолжительных размышлений на основе собственных впечатлений и свидетельств людей, близко знавших Толстого. Для Б. Толстой — «величайший из великих», мерило не только эстетическое, но и этическое, учитель жизни, равный Будде и Христу; его учение ведет к очищению человека от земных страстей. Но собственная философия Б. — философия любви; подобно Вл.Соловьеву, он не считал целью любви продолжение рода, но воспевал не платоническую, а чувственную любовь, окруженную романтическим ореолом. Любви, по убеждению Б., противопоказаны будни, всякая длительность, пусть даже в желанном браке, она — озарение, «солнечный удар», нередко приводящий к гибели. Повесть «Митина любовь» (Париж, 1925), рассказы «Солнечный удар» (в одноименном сб., 1927), «Ида» и книга новелл «Темные аллеи» (Нью-Йорк, 1943; 1-е полн. изд. Париж, 1946) уникальны по разнообразию женских типов, демонстрируют еще большую, чем в дореволюционных рассказах, глубину в изображении этой темы, они приближаются к стихам в прозе.

Во время 2-й мировой войны Б. не покидал Грасса, остро нуждался, внимательно следил за событиями на советско-германском фронте. Патриотическая позиция привела его к выходу из Союза русских писателей и журналистов в знак протеста против исключения из союза писателей-эмигрантов, принявших советское гражданство. Эта позиция изменила отношение к Б. советских властей: его уговаривали

вернуться на родину (в июле 1946 К.Симонов) или хотя бы приехать на 2 недели в Москву; в Гослитиздате были подготовлены его избранные сочинения (изд. не осуществилось), но от Б. отвернулись многие его друзья, в том числе Б.Зайцев. Интересуясь литературной жизнью в СССР, Б. положительно отзывался о некоторых произведениях К.Паустовского, *А.Толстого*, А.Твардовского, что не мешало ему по-прежнему выступать против коммунистического режима. Молодые писатели русского зарубежья оценивали творчество Б. как локальное явление, находящееся в стороне от художественных исканий своего времени и потому неспособное привлечь внимание европейского и американского читателя. Письмо А.Жида, присланное к 80-летию Б., — свидетельство более сложного восприятия: «...Мне казалось почти невероятным видеть из окон вашей виллы в Грассе пейзаж французского юга, а не русскую степь, туман, снег и белые березовые рощи. Ваш внутренний мир брал верх и торжествовал над миром внешним: он-то и становится подлинной реальностью. Вокруг вас я ощущал ту необычайно притягательную силу, которая позволяет братски сближаться человеку с человеком, вопреки границам, общественным различиям и условностям». К юбилею (1950) были изданы «Воспоминания» Б. (о *С.Рахманинове*, И.Репине, *Ф.Шаляпине*, *А.Куприне*, М.Волошине; здесь же памфлеты — о Горьком, В.Маяковском, А.Толстом, А.Блоке и др.). Книгу «О Чехове» (Нью-Йорк, 1955) Б. не удалось завершить. 1952-м датирован его последний шедевр — стихотворение «Ночь». Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Соч.: Собр соч., т.1-9. М., 1965-67; Собр. соч., т.1-6. М., 1987-88; Устами Буниных: Дневники Ивана Александровича и Веры Николаевны и др. архив. материалы, т.1-3. Франкфурт-на-Майне, 1977-82; Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990.

Лит.: Зайцев К. И.А.Бунин: Жизнь и творчество. Берлин, 1934; Кузнецова Г. Грасский дневник. Вашингтон, 1967 (Знамя, 1990, № 4); Иван Бунин // Лит. наследство, т. 84, кн. 1-2. М., 1973; Полонский Я.Б. Бунин во Франции // Время и мы, 1980, № 55, 56; Михайлов О.Н. И.А.Бунин. Жизнь и творчество. Тула, 1987; Вильчинский В. Литературная биография И.А.Бунина // НЖ, 1989, № 177; Смирнова Л.А. И.А.Бунин. Жизнь и творчество. М., 1991; Новое о Буниных // Минувшее, вып. 8. М., 1992.

Я.Маркович

БУНИЦКИЙ Евгений Леонидович (16.6.1874, Симферополь — 7.8.1952, Прага) — математик. Родился в семье военнослужащего. Среднее образование получил в Одессе в Ришельевской гимназии, по окончании которой в 1892 поступил на физико-математический факультет Новороссийского университета; увлеченно занимался математикой, в 1896 закончил университет с дипломом 1-й степени, оставлен при университете на два года стипендиатом.

Со студенческих лет Б. начал сотрудничать в издававшемся тогда в Одессе журнале «Вестник опытной физики и элементарной математики». Начиная с 1898 он был одним из редакторов этого журнала, в котором вел отдел задач, занимавший значительное место в «Вестнике». В 1900 Б. начал преподавательскую деятельность, работал в различных средних учебных заведениях Одессы, в том числе в одесской гимназии. В 1903 Б. сдал магистерские экзамены, а в марте 1904 стал приват-доцентом университета; его научные занятия были в основном направлены на теорию дифференциальных уравнений.

Два года (1906-7) Б. провел в научной командировке в Гёттингене, где он работал в лаборатории выдающегося немецкого математика Д.Гильберта, под влиянием которого занялся теорией интегральных уравнений. Познакомился с достижениями школы Гильберта в этой области и сам получил некоторые результаты, которые он докладывал на двух заседаниях Гёттингенского математического общества и опубликовал в зарубежных журналах.

Вернувшись в Одессу, Б. продолжал свои исследования, публиковавшиеся в одесских изданиях; преподавал в университете, в 1910 стал штатным доцентом. В 1913 Б. издал и защитил магистерскую диссертацию «К теории функции Грина для обыкновенных линейных дифференциальных уравнений», которая явилась итогом его работы, начатой еще в Гёттингене. Ученая степень магистра математики позволяла Б. занять профессорскую должность, но вакансий не было. В 1915 министерством народного просвещения он был назначен экстраординарным профессором Юрьевского университета, однако по ходатайству Новороссийского университета его оставили в Одессе. Б. читал лекции по различным математическим дисциплинам: дифференциальному исчислению, теории функций комплексного переменного, вариационному исчислению и теории вероятностей; стал работать на Высших женских курсах, которые в 1911 были приравнены к высшим учебным заведениям, где читал элементарную алгебру, вариационное исчисление, интегрирование дифференциальных уравнений в частных производных и теоретическую механику. В 1916 была опубликована большая работа Б. «К вопросу о решении обыкновенных линейных дифференциальных уравнений при данных предельных условиях», составившая его докторскую диссертацию, а в 1918 стал

ординарным профессором Новороссийского университета.

В одесский период своей работы Б. был активным участником математического отделения Новороссийского общества естествоиспытателей, на заседаниях которого многократно выступал с сообщениями и докладами по самым различным разделам математики. Преподавание элементарной математики побудило Б. посвятить ряд сообщений проблемам школьного обучения, а высказанные им предложения не потеряли интереса и в наши дни. В конце XIX — начале XX вв. внимание одесских математиков привлекла не преподававшаяся тогда в России математическая логика. Первая статья Б. по этой теме — «Некоторые приложения математической логики к арифметике» — вышла в 1896. За ней последовали и другие его статьи по алгебре логики.

В 1922 Б. уехал в Прагу, где при поддержке чехословацкого правительства русские ученые-эмигранты могли продолжать свою работу. Принял участие в организации и работе Русского свободного университета в Праге, основанного в 1923 русскими эмигрантами; с декабря 1925 был членом куратория Общества Русского народного университета в Праге. В 1928 при университете было создано Русское научно-исследовательское объединение, в университете стала преобладать научная деятельность, издавались сборники «Научных трудов», в которых печатался и Б. В первом томе появилась его статья «О научном и философском значении геометрии Лобачевского». В 1926 на русском языке в Праге вышла работа Б. «Теоретическая арифметика». Несколько работ Б. были напечатаны в «Ученых записках».

В 1931 стал преподавать математику на естественнонаучном факультете Карлова университета в Праге в качестве приглашенного профессора, а с 1.5.1935 он работал там по договору; читал различные курсы математического анализа, а также курс элементарной геометрии на основе высшей математики.

Во время 2-й мировой войны высшие школы Чехословакии были закрыты, Б. жил на маленькую преподавательскую пенсию. В это время он занимался вопросами страхового исчисления. В 1945 открылся Карлов университет, и Б. снова приступил к преподаванию математики на естественнонаучном факультете. Его слушателями теперь были преимущественно чешские студенты, но и для них он иногда читал лекции на русском языке, чтобы познакомить их с русской математической терминологией. Б. систематически оказывал своим ученикам помощь при изучении русской математической литературы. Это было особенно нужно чешским математикам, многие из которых в послевоенные годы работали в тесном контакте с советскими математиками, а «Чехословацкий математический журнал» стал издаваться на русском языке. В Карловом университете Б. регулярно (до 78 лет) читал лекции по вариационному исчислению, по интегральным уравнениям и их приложениям к страховому исчислению и к математической физике, а также курсы теории обыкновенных дифференциальных уравнений и уравнений в частных производных с приложениями их к математической физике. Диапазон научных интересов Б. был весьма широк: теория чисел, методы приближенных вычислений (особенно известной стала его статья по проблемам интерполяции), геометрия, непрерывные дроби и другие разделы математического анализа. За свою жизнь Б. опубликовал около 50 работ, последняя из которых вышла в свет в 1950.

Лит.: Пятнадцать лет работы Русского свободного университета в Праге (1923-1938). Прага, 1938; Bily J. Eugen Bunickij zemrel // Čas. pěst. matem, 1953, Roc. 78; Лейбман Э.Б. Математическое отделение Новороссийского общества естествоиспытателей (1876-1928) // Истор.-матем. исслед., вып. 14. М., 1961; История отечественной математики: в 4 т., т. 2. Киев, 1967.

Н.Ермолаева

БУНЯТЯН Ментор Абрамович (9.1.1877, ? — 31.1.1969, Монморанси, Франция) — экономист, педагог. Высшее образовние получил в университетах Германии. Доктор государственных наук Мюнхенского университета, диссертация «Кризисы хозяйства и сверхкапитализация» была опубликована на немецком языке в 1907, на русском — в 1915, дважды на французском. После возвращения в Россию Б. защитил магистерскую диссертацию по политической экономии и статистике в Московском университете, где и преподавал до 1917. После революции состоял профессором Тифлисского политехнического института. Во время гражданской войны эмигрировал во Францию.

В Париже Б. — один из основателей Русской академической группы, в которой состоял членом правления с 1922. Вплоть до 2-й мировой войны Б. преподавал экономические дисциплины на русском отделении юридического факультета Парижского университета (Русский институт права и экономики), среди преподавательского и научного состава которого выделялись экономисты и юристы с мировым именем — Г.Гинс, Б.Ижболдин, С.Стефановский, В.Энгельфельд, М. фон Энден и др.

В 20-30-е Б. руководил совместно с *А.Анцыферовым* экономическим семинаром в Институте славяноведения, выступал с докладами на заседаниях Экономического совещания деловых и научных кругов русской эмиграции. Участвовал в Международном конгрессе экономических и социальных наук (Париж, 1937). Наибольшую известность в среде западноевропейской научной общественности получила разработка Б. «теории кризисов», возникновение которых он объяснял диспропорциональным ростом производства материальных благ во время промышленного подъема. Этой теме посвящены две главнейшие работы ученого: «Опыт морфологии и теории периодических экономических кризисов» (Париж, 1922, на франц. яз.) и «Закон вариации цен» (Париж, 1926, на франц. яз.). Ряд оценок и выводов Б. нашли дальнейшее развитие в трудах французского и российского экономистов — А.Афталиона и Н.Кондратьева.

Б. занимался и исследованием идей «субъективной» ценности, которое подводило его к признанию допустимости процесса мирового перепроизводства, порожденного уменьшением предельной полезности произведенной продукции в обществе, к нейтральности характера денежных знаков, к отрицанию свойств депозита создавать дополнительную покупательную способность хозяйствующего субъекта. Заслуживает внимания оценка Б. свойств хозяйства адекватно реагировать на кризисные ситуации, исходя из собственных возможностей, которая расходилась с утверждением ряда западных экономистов, отрицавших наличие саморегулирующих механизмов и считавших, что экономические проблемы в рыночных условиях неразрешимы без учета их социальных аспектов и без фактора вмешательства государства.

Долгие годы Б. возглавлял Армянскую службу в Париже, защищая интересы армянских беженцев во Франции.

В 1949 Б. был избран действительным членом Американской Академии экономических наук.

Лит.: Ижболдин Б.С. К юбилею проф. М.А.Бунятяна // НЖ, 1969, № 89.

В.Телицын

БУРЛЮК Давид Давидович (9.7.1882, хутор Семиротовщина, Лебединского у., Харьковской губ. — 15.1.1967, Лонг-Айленд, США) — художник, поэт, художественный критик. Отец, Д.Ф.Бурлюк — потомок запорожских казаков, агроном, автор популярных брошюр по вопросам сельского хозяйства, мать — урожденная Л.И.Михневич — из дворян, художница-любительница. Художниками стали сестра и брат Б. — Людмила (Кузнецова) и Владимир, поэтом — брат Николай. В 1894-98 Б. учился в гимназиях в Сумах, Тамбове, Твери, в 1899 поступил в Казанское художественное училище. В связи с переездом семьи в имение князя Святополк-Мирского «Золотая балка», управляющим которого стал отец Б., в 1900 перевелся в Одесское художественное училище. После неудачной попытки в конце 1902 поступить в Петербургскую Академию художеств продолжал образование в Королевской Академии художеств и в школе А.Ашбе в Мюнхене, в 1904 — в Париже в Школе изящных искусств. В этот период Б. — автор реалистических портретов и пейзажей, затем стал писать в духе неоимпрессионизма. С 1906 участвовал в выставках. В дальнейшем — признанный «отец русского футуризма», создатель первой группы «кубо-футуристов» («будетлян») «Гилея», составитель сборников «Садок судей» (1910), «Пощечина общественному вкусу» (1913, соавтор одноименного манифеста и автор эссе «Фактура»); всего в 1910-15 участвовал не менее чем в 12 футуристических сборниках. Вызывающий, скандально-эпатирующий характер выступлений футуристов Б. объяснял впоследствии «классовой ненавистью»: «Никто из богатых нас никогда не поддерживал, нас только ругали..., только издевались над нами. Когда нас стали травить, мы озверели». Утверждал, что «литературно-художественная революция, коей являлись кубо-футуризм и футуризм, разразилась в России за 10 лет до Красного Октября». Б. считали своим учителем В.Маяковский и В.Каменский, который вспоминал, как Б. призывал «разгромить старое буржуазное «жречество», мистиков, символистов, бульваристов, порнографистов и академиков».

Организовал ряд авангардистских выставок: «Стефанос» (Москва, 1907-8), «Звено» (Киев, 1908), «Венок-Стефанос» (Петербург, 1909) и др., вместе с *М.Ларионовым* участвовал в создании объединения «Бубновый валет» и в первой его выставке (1910), в выставке «Ослиный хвост» (1912). Сблизился с *В.Кандинским*, при содействии которого работы Б. и других русских кубо-футуристов экспонировались на выставках «Голубой всадник» в Мюнхене (1911-12) и «Буря» в Берлине (1913). Получив в 1911 диплом Одесского художественного училища, поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, учился у *Л.Пастернака* и А.Архипова, но 21.11.1914 был исключен из училища вместе с Маяковским за турне по 27 городам России, где они пропагандировали авангардистское искусство.

В 1912 женился на М.Еленевской, жил в 1915-17 в ее имении в Уфимской губернии. С октября 1917 снова в Москве. Издавал «Газету футуристов», поставил совместно с Маяковским фильм «Не для денег родившийся», выступал в Кафе поэтов. В период 1-й мировой войны и революции были написаны символические картины «Ожившее средневековье», «Святослав», «Купальщицы» (1915), «Татаре» (1916), «Опоздавший Ангел мира», «Казнь русской Марии-Антуанетты» (1917) и др. По словам Б., эти его произведения «полны выражения глубочайшего сочувствия страданиям и скорби народных масс», он «в символических образах протестовал против дикости и бессмысленности капитала милитаристов».

Приехав в апреле 1918 в Уфимскую губернию к семье, Б. оказался, в результате восстания чехословацкого корпуса, за линией фронта. В 1918-20 на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке читал лекции о современном искусстве, проводил выставки, опубликовал сборники стихов «Лысеющий хвост» (Курган, 1919) и «Сибирь». В Чите издавал с Н.Асеевым, С.Третьяковым и Н.Чужаком журнал «Творчество». С октября 1920 в Японии, написал там около 450 живописных произведений, в том числе картины «Бурлюк предсказывает своим друзьям поглощение Иокогамы разбушевавшимися волнами» и «Рыбаки Тихого океана». Вошел в группу японских футуристов, выпустил сборник стихотворений со своими иллюстрациями «Восхождение на Фудзи-сан» (Иокогама, 1921), печатался в местных газетах. Пребыванию в Японии Б. посвятил изданные в Нью-Йорке книги «По Тихому океану: Из жизни современной Японии» (1925) и «Ошима. Японский Декамерон» (1927).

В августе-сентябре 1922 переехал с семьей в США, где пропагандировал советский опыт, читая лекции в рабочих клубах, сотрудничая в коммунистических изданиях («Русский голос», «Новый мир») и в газете «Новое русское слово». Член литературной группы «Серп и молот» и «Джон Рид-клуба». При участии Б. издавались сборники Кружка пролетарских писателей в Америке «В плену небоскребов», «Свирель собвея» (1924), «Красная стрела» (1932), альманах «Китоврас» (1924). Свою деятельность за границей Б. рассматривал как служение «моим братьям, рабочим и крестьянам Великой социалистической моей родины»; в то же время он настаивал на свободе творчества в искусстве. Широко использовал при этом апробированные еще в России формы выступлений — «поэзоконцерты», «поэзобалы», диспуты, конкурсы поэтов. В 20-30-е выпустил в нью-йоркском издательстве Марии Бурлюк несколько сборников стихов и прозы, к 20-летию футуризма — теоретический труд «Энтелехизм: Теория. Критика. Стихи. Картины» (1930). Составил справочник «Русские художники в Америке» (1928), написал книги «Рерих: черты его жизни и творчества» (1930), «1/2 века: Россия-Америка-СССР. 1882-1932. К 50-летию со дня рождения» (1932), поэмы «Десятый Октябрь» (1927), «Горький» (1929), цикл рассказов «Колчаковщина» (1920-29). Как правило, в каждой книге Б. мозаично перемежались стихи, рисунки, теоретические статьи, воспоминания и т.д. Издавал в 1930-67 вместе с женой журнал «Цвет и рифма», в котором публиковал автобиографические материалы и воспоминания о В.Хлебникове (1952), П.Филонове (1954), *В.Кандинском* (1963).

Среди живописных произведений Б., созданных за рубежом, — портреты *Н.Рериха*, В.Ленина, Маяковского, жены, фантастические картины («Глаза», 1920; «Демоны», 1925; «Приход механического человека», 1927; «Судьба», «Время и поток Человечества»), картины «Рабочие» (1923-24), «Ленин и Толстой» (1930). Принимал участие во всех крупных выставках современного искусства в США, в Европе, в Австралии; в 40-х — 60-х состоялось около 30 персональных выставок Б. В 1931 картины Б. экспонировались в Москве, но в условиях наступления «социалистического реализма» советская критика одобрила лишь их тематику (изображение американских безработных), в целом же сочла творчество Б. продолжением «буржуазных традиций» дореволюционного авангарда. В связи с отказом официальных искусствоведов в СССР признать футуризм «искусством пролетариата» принял в 1930 американское гражданство и все чаще подчеркивал свою роль в развитии американского изобразительного искусства. Картины Б. приобретали крупнейшие музеи США, в том числе нью-йоркские музеи Метрополитен, Уитни, Бруклинский музей, Музей современного искусства и др. В последние годы жизни Б. работал в реалистической манере. В 1956 и 1965 посетил СССР. В музеях России, в том числе в Русском музее, Третьяковской галерее и Уфимском Художественном музее, находится около 200 работ Б.

Соч.: Воспоминания отца русского футуризма // Минувшее, вып. 5. М., 1991.

Лит.: Голлербах Э. Искусство Давида Бурлюка. Нью-Йорк, 1930; Его же. Поэзия Давида Бурлюка. Нью-Йорк, 1931; Поступальский И. Литературный труд Д.Бурлюка. Нью-Йорк, 1930; Dreier K. Burliuk. New York, 1944; Bowlt I.E. David Burliuk, the Father of Russian Futurism // Canad.-Amer. Slavik studies, 1986, vol. 20, № 1/2.

Р.Ильин

БУРЦЕВ Владимир Львович (17.11.1862, форт Перовский, Закаспийской обл. — 21.8.1942, близ Парижа) — общественный деятель, публицист, историк, издатель. Сын штабс-капитана. Детские годы провел в Бирске Уфимской губернии. Окончил в 1882 гимназию в Казани, в 1882-85 учился на физико-математическом и юридическом факультетах Петербургского и Казанского университетов. В конце 1882 впервые арестован за участие в студенческой сходке. С 1883 входил в народовольческие кружки. После ареста в 1885 в Казани административно сослан в село Малышевское Иркутской губернии; летом 1888 бежал из ссылки, эмигрировал в Швейцарию, затем во Францию. Редактировал вместе с В.Дебогорием-Мокриевичем газету «Свободная Россия» (1889), издал брошюру «Белый террор при Александре III» (Женева, 1890) и в переводе на русский язык — книгу Дж.Кеннана «Сибирь и ссылка». С 1891 в Лондоне, подготовил издание (1897) сборника материалов по истории общественного движения в России «За сто лет (1800-1896 гг.)». Пропагандировал в журнале «Народоволец» (1897) террористические методы борьбы с царизмом, сблизился в дальнейшем с эсерами, но считал себя «человеком кабинета, литератором и журналистом». В январе 1898 арестован английской полицией и в феврале приговорен к 18 месяцам заключения в каторжной тюрьме за возбуждение в печати к убийству Николая II. В 1900 стал издавать историко-революционные сборники «Былое». Вынужденный по требованию властей в 1903 покинуть Великобританию, а затем Швейцарию, в 1904 поселился в Париже. В ноябре 1905 вернулся по амнистии в Россию. В письме к С.Витте выразил готовность выступить против революционного терорра, если правительство также откажется от террора и будет проводить последовательную политику реформ. В 1906-7 вместе с В.Богучарским и П.Щеголевым редактировал легальный журнал «Былое», объединив вокруг него участников революционного движения 1870-80-х; в 1907 составил «Историко-революционный альманах», вышедший в издательстве «Шиповник» и арестованный цензурой (переиздан в 1917 под названием «Календарь русской революции»).

Осенью 1907 снова эмигрировал. В Париже возобновил издание «Былого» (1908-12), издавал газеты «Общее дело» (1909-10) и «Будущее» (1911-14). С 1906 специализировался на разоблачении провокаторов, внедренных охранкой в революционные партии, прежде всего в партию эсеров; использовал с этой целью контакты с информаторами-чиновниками политической полиции М.Бакаем, Л.Меньщиковым, А.Лопухиным и др. Составил и опубликовал в «Былом» список «Шпионы, предатели, провокаторы»; среди агентов охранки, раскрытых Б., были Е.Азеф (1908), А.Гартинг (1909), З.Гернгросс-Жученко и др.; причислял к провокаторам и организаторов провокации-охранников. Приобрел благодаря этим разоблачениям широкую известность в России и за рубежом, но, по словам Б., выдержал «настоящую травлю» со стороны обвиняемых и их защитников — руководителей партии эсеров и не дождался от них «даже элементарной справедливости» после того, как выдвинутые им обвинения полностью подтверждались. Со времени дела Азефа считал эсеров «своими врагами». Оказывал содействие всем революционным и оппозиционным партиям; согласился в 1912 возглавить большевистскую комиссию по расследованию «центральной провокации» в РСДРП, но в 1914 поспешил публично поручиться за Р.Малиновского, заявив, что для обвинений его в провокаторстве нет никаких оснований. Выступал с критикой политики царского правительства в брошюре «Ответственность царя» (1910), в публикациях секретных документов «Царский листок. Доклады министров внутренних дел Николаю II» (1909), «Царь и внешняя политика. Виновники русско-японской войны...» (1910).

Во время 1-й мировой войны занял оборонческую позицию и в августе 1914 вернулся в Россию, но был арестован на границе и в январе 1915 приговорен к ссылке в Восточную Сибирь (села Монастырское и Богучанское); участвовал в дискуссиях ссыльных об отношении к войне, в частности, с большевиками Я.Свердловым и И.Сталиным. Амнистированный в конце 1915 по ходатайству французского правительства, вернулся в Петроград. Продолжал расследование полицейской провокации и пришел к выводу, что Малиновский был провокатором. В 1917 входил в редакцию восстановленного журнала «Былое», сотрудничал в журнале «Жизнь и суд», издавал газету «Общее дело», сборники «Будущее». Поддержал обвинение вождей большевиков в сотрудничестве с Германией, заявив, что «среди большевиков всегда играли и теперь продолжают играть огромную роль и провокаторы и немецкие агенты». Требовал установления сильной республиканской власти, критиковал А.Керенского за слабость в борьбе с пораженцами, был сторонником установления диктатуры генерала Корнилова. После того, как Временное правительство закрыло газету «Общее дело», стал издавать газету «Наше общее дело», запрещенную в день октябрьского переворота большевиками. В ночь на 26.10.1917 арестован, содержался в Петропавловской крепости и в Крестах, где получил новые сведения о

действиях охранки, общаясь с также находившимся в заключении бывшим директором департамента полиции С.Белецким. Освобожден 18.2.1918; в мае бежал через Финляндию в Стокгольм. Издал на русском, шведском и французском языках брошюру «Проклятие вам, большевики!», а по приезде в Париж — сборник статей из «Общего дела» — «В борьбе с большевиками и немцами» (1919).

В конце 1919 посетил Крым и Северный Кавказ, осенью 1920 — Крым, встречался с генералом Врангелем, настаивал, чтобы его правительство приняло меры против антисемитизма. За границей возобновил издание газеты «Общее дело» (1918-22, 1928-33). Написал «отчет о своей деятельности» — книгу «Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания (1882-1924 гг.)» (т. 1. Берлин, 1924; в СССР переизд. с сокращениями под назв. «В погоне за провокаторами». М.-Л., 1928; М., 1991); главы из 2-го тома воспоминаний были опубликованы в последних двух выпусках «Былого» (1933). В предисловии к книге подчеркивал, что «ни разу не сменил вех» и по-прежнему живет «с той же самой верой в Россию и в идеи свободы, права и демократии». К 10-летию Октябрьской революции выпустил брошюру «Юбилей предателей и убийц (1917-1927 гг.)», в связи со сталинскими политическими процессами 30-х — брошюру «Преступление и наказание большевиков» (1938). Продолжая борьбу против антисемитизма, выступил в качестве свидетеля на суде в Берне (1934-35), выяснявшем вопрос о подлинности «Протоколов сионских мудрецов», посвятил этой теме книгу «Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог» (1938; М., 1991); утверждал, что «в будущем еврейский вопрос разрешится, как это было в свое время намечено Временным правительством в 1917 г. и как этот вопрос разрешен в таких культурных странах как Франция и Англия». Занимался любительскими исследованиями по истории русской литературы: «Как Пушкин хотел издать «Евгения Онегина» и как издал» (Париж, 1934), «Восьмая, девятая и десятая главы романа «Евгений Онегин» (Париж, 1937). Был противником фашизма: дочь *А.Куприна* вспоминала, как в оккупированном гитлеровцами Париже Б. «спорил с пеной у рта и доказывал, что Россия победит, не может не победить». Умер в лечебнице для бедных.

Соч.: Владимир Бурцев и его корреспонденты (публ. О.В.Будницкого) // Отеч. история, 1992, № 6.

Лит.: Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники, вып. 1. Париж, 1964; Давыдов Ю.В. Г.Лопатин, его друзья и враги. М., 1984; Его же. Бурный Бурцев // Огонек, 1990, № 47, 48, 50; Сидоров Н.А., Тютюнник Л.И. В.Л.Бурцев и российское освободительное движение // Сов. архивы, 1989, № 2; Лурье Ф.М. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990; Его же. Полицейские и провокаторы. Политический сыск в России. 1649-1917. СПб., 1992; Николаевский Б.И. История одного предателя: Террористы и политическая полиция. М., 1991.

Арх.: ГАРФ, ф. 5802.

И.Розенталь

БУХОВЕЦКИЙ Дмитрий (1895-1932) — режиссер, сценарист. В начале своей кинематографической карьеры, пробуя силы в режиссуре, был занят также в качестве актера у других постановщиков, в частности, снялся в фильме Я.Протазанова «Богатыри духа» (др. назв. «Партизанская жизнь», 1918). Эта экранизация романа Э.Вернер, как и большинство тогдашних лент, носила назидательный характер, представив в образе двух братьев извечную историю о противоборстве добра и зла: персонаж Б. был олицетворением порока, а его партнером в роли «ходячей» добродетели выступал *И.Мозжухин*. Однако известность пришла к Б. не в России, а в Германии, куда он эмигрировал в 1919. Благодаря особому художественному чутью Б. удалось в предельно короткий срок не только освоиться в западном кинематографе, но и, став профессионалом высокого класса, войти в число наиболее плодовитых режиссеров Германии — самой крупной кинодержавы того времени. В творчестве Б. тех лет ощутимо влияние двух направлений: театральной режиссуры М.Рейнхардта, определявшей размах постановок, и немецкого киноэкспрессионизма с характерной для него выразительностью средств, которая достигалась благодаря пластической культуре, расширению кинематографического пространства с помощью света и тени. В Германии Б. специализировался на экранизации литературных произведений, и первый крупный успех был связан с фильмом «Братья Карамазовы» («Die Gebrüder Karamazov», 1920, совм. с К.Фрёлихом); в главной роли выступил здесь великолепный немецкий актер Эмиль Яннингс, исполнявший впоследствии главные роли почти во всех фильмах Б. Неменьший прокатный успех сопутствовал и последующим фильмам Б.: «Эксперимент доктора Митрани» («Das Experiment des Professors Mithrany», 1920), «Галилеец» («Der Galilaer», 1921), «Сафо» («Sappho», 1921), «Графиня Парижская» («Die Gräfin von Paris», 1922), «Петр Великий» («Peter der Grosse», 1922). Особое внимание и зрителей, и критики заслужила осуществленная Б. экранизация шекспировского «Отелло» («Othello», 1922). В блестящем исполнении Э.Яннингса, В.Крауса и И. фон Ленкеффи она

была признана лучшей на тот период. Однако подлинная слава пришла к Б. при создании т.н. «постановочных» фильмов на исторические сюжеты, пользовавшиеся особой популярностью в западном и особенно немецком кинематографе тех лет. Создатели «исторических лент» стремились добиться наибольшего зрелищного эффекта прежде всего за счет внешней атрибутики — декораций, костюмов, массовых сцен; исторические события становились лишь фоном повествования, суть которого сводилась к раскрытию судеб отдельных личностей. Классическим образцом подобной продукции явился фильм Б. «Дантон» («Danton», 1921, экранизация драмы Г.Бюхнера «Смерть Дантона»). Подражая в немалой степени Эрнсту Любичу — подлинному и неоспоримому мастеру этого жанра, — Б. продемонстрировал в своей работе такой уровень профессионализма и творческой зрелости, что сумел на время затмить по степени популярности своего кумира. Несмотря на очевидный зрительский и коммерческий успех, фильм был принят критикой неоднозначно. В определенной мере это объяснялось спорной трактовкой образа одного из самых ярких и талантливых героев Французской революции (в роли Дантона — Э.Яннингс); по словам С.Эйзенштейна, фильм рисовал портрет «гуляки и бабника, чудного парня и единственной положительной фигуры среди стаи злодеев». Картина прошла и по российским экранам (под назв. «Гильотина»), правда в существенно «отредактированном» варианте, менявшем, благодаря искусному монтажу, смысл отдельных сцен и психологический характер героев.

За 4,5 года Б. снял 10 фильмов в Германии и один — на киностудии Швеции — «Карусель жизни» («Das Karussell des Lebens», 1923). Для этого фильма, как и для ряда др. своих картин («Сафо», «Отелло»), Б. сам писал сценарии. Его ленты не только пользовались неизменным зрительским успехом, но и создавали мастеру определенный авторитет в кинематографических кругах. Не случайно поэтому Б. в числе первых европейских кинематографистов получил приглашение работать в Голливуде. В 1924 он вместе с двумя «звездами» немецкого, а впоследствии американского кино — актрисой Полой Негри и Э.Любичем — покинул Германию. Правда, в отличие от своих коллег Б. проработал в Голливуде всего 3 года. Он был среди тех режиссеров, которые делали добротные ленты, в основном мелодрамы, руководствуясь эстетическими принципами европейского кино. Сначала Б. работал на киностудии «Paramount», где поставил фильмы: «Люди» («Men», 1924), «Лилия из праха» («Lily of the Dust», 1924), «Лебедь» («The Swan», 1925), «Выросший изо лжи» («The Grown of Lies», 1926), «Полуночное солнце» («The Midnight Sun», 1926). Затем Б. недолгое время сотрудничал с киностудией «Metro-Goldwyn-Mayer» (MGM): «Валенсия» («Valencia», 1927), «Любовь» («Love», 1926). Как и прежде, Б. писал сценарии для многих своих лент или был соавтором сюжета.

В 1927, не поладив с хозяевами MGM и отстраненный от работы на студии, Б. покинул Америку. Вернувшись в Европу, занимался по преимуществу постановкой немецких и французских версий американских фильмов: «Женщина в джунглях» («Weib im Dschungel», 1930) — версия фильма «Письмо» («The Letter», реж. де Лимюр); «Обвинение» («Le Réquisitoire», 1930) — версия фильма «Непредумышленное убийство» («Manslaughter», реж. Эббот), «Ночь решений» («Die Nacht der Entscheidung», 1931) — версия фильма «Целомудренный грех» («Virtuous Sin»). Кроме того, Б. поставил фильмы «Стамбул» («Stamboul», 1931) и «Современная магия» («Magie moderne», 1931).

Высокая степень профессионального мастерства, тонкое понимание жанра, способность улавливать национальные оттенки в кинематографической культуре различных стран — все эти качества обеспечили Б. успех, выдвинув его в число популярных, плодовитых и востребованных кинорежиссеров.

Т.Гиоева

В

ВАКСМАН Зельман Абрахам (2.7.1888, Прилуки — 16.8.1973, Хайенис, шт. Массачусетс, США) — микробиолог. Родился в религиозной еврейской семье. Отец, Яков В., арендатор земельного участка. Мать, Фредия В. (урожд. Лондон), коммерсант. Получил начальное домашнее образование, включавшее изучение Талмуда, иврита, русского языка и литературы, истории, арифметики и геграфии. Родители стремились дать сыну скорее религиозное, чем светское образование. Большую роль в воспитании и образовании сыграла мать, которая поощряла любознательность ребенка и его сильное стремление к знаниям. В 1910 В. экстерном сдал экзамен в 5-й одесской гимназии.

Из-за ограниченных возможностей получить высшее образование в России В. хотел уехать в Швейцарию и в Политехническом институте в Цюрихе заняться изучением химических процессов жизни. Однако осенью 1910 он переменил свое намерение и уехал в США, куда его пригласили кузины, советовавшие после кончины его матери в 1909 покинуть Россию. В 1911 В. поступил в сельскохозяйственный колледж в Рутгерсе, где начал изучать под руководством доктора Я.Липмана, возглавлявшего кафедру бактериологии, микробиологию почвы. Советы Липмана и общение с другими профессорами колледжа помогли В. серьезно заняться изучением микроскопических популяций почвы, их роли в почвенных процессах и биохимической активности микроорганизмов. Экспериментальная часть его дипломной работы была связана с подсчетом различных групп микроорганизмов, встречающихся в почве. В ходе работы В. обнаружил многочисленные колонии организмов, которые были похожи на колонии бактерий, но под микроскопом больше напоминали грибы. Микроорганизмы демонстрировали поразительную регулярность распределения в почве, их количество полностью зависело от ее состава, происходящих в ней химических реакций и глубины, с которой они брались. Так, в самом начале научной карьеры, ученый приступил к исследованию актиномицетов — группы микробов, которые сыграли главную роль в разработке и создании им антибиотиков.

В 1915 В. получил степень бакалавра естественных наук, а в 1916 — степень магистра. В том же году принял гражданство США. В течение двух лет работал исследователем в лаборатории биохимика Т.Б.Робертсона в Калифорнийском университете (Беркли) и одновременно посещал лекции по биохимии, физической химии и математике. По совету Робертсона продолжил изучение грибов и актиномицет. Весной 1918 защитил докторскую диссертацию. Два года работы и учебы в Калифорнийском университете дали молодому ученому новые идеи, нестандартные подходы и современные концептуальные средства для углубленного изучения и расширения всей области микробиологии.

В июле 1918 по приглашению Липмана В. вернулся в сельскохозяйственный колледж в Рутгерсе, где ему поручили читать лекции по микробиологии почвы и назначили микробиологом на Нью-Джерсийской экспериментальной станции. Из-за финансовых трудностей основную работу в колледже и на экспериментальной станции совмещал с работой в промышленных лабораториях, в частности, в лаборатории Такамине в Клифтоне (шт. Нью-Джерси), где занимался изучением токсичности некоторых препаратов, используемых для борьбы с микробными инфекциями человека, а также исследовал проблему производства грибами диастатических и протеолитических энзимов. Работа в промышленной лаборатории дала дополнительные знания и опыт, научила находить практическое применение результатам научных исследований. 1918-20 были трудными, но плодотворными годами, позволившими В. завоевать и упрочить свое положение в научном сообществе: результаты исследований актиномицет были представлены в ряде научных статей, а курс лекций по микробиологии почвы, прочитанный в колледже в течение 3-4 лет, лег в основу монографии о началах почвенной микробиологии, которая вышла в свет в 1927 под названием «Библия микробиологии почвы» (2-е изд. 1932).

Очень важной и полезной в научной карьере ученого была первая поездка в Европу, предпринятая в 1924 с целью посетить известные экспериментальные станции и лаборато-

рии, обсудить с коллегами назревавшие проблемы, познакомиться с новыми идеями, определить направления развития микробиологии. В. посетил Англию, где побывал на старейшей экспериментальной станции мира в Ротхамстеде — родине современных идей в микробиологии почвы, затем направился во Францию и Италию, через Швейцарию добрался до Германии, посетил Россию, Швецию, Данию и Голландию. Научные впечатления от поездки были изложены в критическом обзоре «Микробиология почвы в 1924 году. Попытка анализа и синтеза». «Пришло время признать, — писал В., — что мы имеем дело с одной из самых сложных наук, которая в своем развитии зависит от ряда других фундаментальных естественнонаучных дисциплин, особенно органической, физической и биологической химии». После поездки более четко были определены направления будущих исследований — микробиологические популяции в почве, роль бактерий, грибов и других микроорганизмов в преобразовании органической материи в природе, ассоциативные и антагонистические взаимоотношения среди микроорганизмов. В ряду европейских ученых-микробиологов, оказавших несомненное влияние на формирование его научных взглядов, В. всегда с благодарностью вспоминал *С.Виноградского*, У.Бейеринк и М.Стефенсона.

В 1925 В. стал адъюнкт-профессором, а в 1929 — профессором университета в Рутгерсе; в 1929 ему была присуждена специальная премия за исследование роли микробов в образовании азота. Плодотворным в карьере ученого был период с 1929 по 1939. Научные усилия В. в это время были сосредоточены на решении проблемы гумуса — изучении его природы, возникновения и распада и роли микробов в этих процессах. Результатом исследований стала монография о гумусе, опубликованная в 1936, а через два года вышло 2-е, расширенное, издание этой книги. Проблеме гумуса был посвящен целый ряд научных статей, докладов и обзоров, напечатанных в различных международных журналах по микробиологии почвы. В. совершил несколько научных поездок в Европу (в 1930, 1933, 1935 и 1938) для участия в международных конференциях и симпозиумах, посвященных проблемам почвы, растений и микробов. С 1931 по 1942 он возглавлял отдел морской бактериологии в Институте океанографии в Вуде-Холе, где каждое лето проводил от одного до двух месяцев, консультировал ряд правительственных и промышленных научных организаций (Совет национальных исследований, Отдел научных исследований и разработок и др.)

Кульминационным пунктом в микробиологической карьере В. были исследования, связанные с разработкой и созданием антибиотиков. Задачи по созданию антибиотических веществ поставила перед учеными-микробиологами надвигавшаяся война. В 1941 В. ввел термин «антибиотик» для химических препаратов, полученных из микроорганизмов, убивающих болезнетворные бактерии. Антибиотики, созданные в лаборатории В., появлялись один за другим — актиномицин (1940), кавацин и фумигацин (1941). Эти препараты были чрезмерно токсичными и не очень эффективными. В 1942 был получен стрептотрицин, который почти решал задачу, т.е. был эффективным против бактерий, с которыми не справлялся пенициллин, но обладал некоторой запоздалой токсичностью. Веществом со свойствами, близкими к стрептотрицину, но менее токсичным, оказался стрептомицин, открытый в 1943. В то время в университете была создана кафедра микробиологии, и В. стал ее заведующим и профессором микробиологии Рутгерса (1943). По его признанию, открытия стрептотрицина и стрептомицина не были следствием простого везения, а стали результатом кропотливых исследований, тщательного планирования и подготовительной работы. Впервые стрептомицин был успешно применен на человеке 12.5.1945. В 1952 за открытие стрептомицина В. была присуждена Нобелевская премия в области медицины и физиологии.

В. являлся действительным членом Национальной Академии наук США, Национального исследовательского общества, Общества американских бактериологов, Американского научного почвоведческого общества, Американского химического общества, Общества экспериментальной биологии и медицины. Он был действительным и почетным членом многочисленных научных обществ во Франции, Швеции, Мексике, Индии, Японии, Германии, Бразилии, Испании и др. Его исследовательская деятельность и разработки в области микробиологии удостоены множества наград, медалей и премий — премии Карлсбергской лаборатории (Дания, 1948), медали Нью-Джерсийского сельскохозяйственного общества (1948), премии Ласкера (Американская ассоциация здравоохранения, 1948), медали Э.Х.Хансона (1948), медали Левенгука (Голландская Академия наук, 1950) и др. В 1950 В. стал кавалером ордена Почетного легиона Франции; был включен в список самых выдающихся деятелей мира. В мае 1949 попечители университета в Рутгерсе приняли решение создать Институт микробиологии и назначить В. первым его доктором. Значительная доля средств от авторских гонораров, полученных за разработку и создание стрептомицина, неомицина и др. антибиотиков, была им использована на строительство этого

института и финансирование его исследований. В. опубликовал более 350 научных статей, написал (один или в соавторстве) 12 книг.

В. был женат на Берте Деборе Митник, которая эмигрировала из его родного города Прилуки. Их сын, Байрон В., медик по образованию, служил в Медицинском корпусе армии США, затем занимался исследовательской деятельностью в области медицины.

Соч.: Ensymes: Ptoperties, Distribution, Methods and Applications. Baltimore M.D., 1926 (with W.C.Davison); Humus: Origin, Chemical Composition and Importance in Nature. Baltimore, 1936 (на рус. яз. Л., 1937); Антагонизм микробов и антибиотические вещества. М., 1947; Neomecin: Its Nature, Formation, Isolation and Practical Application. New Brunswick, New York, 1953; The Actinomycetes. Vol. 1-3. Baltimore, 1959-62; My Life with the Microbes. London, Hale, 1958.

В.Логинов

ВАЛЬДЕН Пауль (Павел Иванович) (14.7.1863, хутор Пипены, Розенбекской вол., Вольмарского у., Лифляндской губ. — 22.1.1957, Гаммертинген, Германия) — физикохимик. Родился в многодетной крестьянской семье. В 1875 В. окончил Паппендорфскую (близ Валмиеры) приходскую школу, где он находился на полном пансионе, т.к. после смерти матери (отец умер, когда ему было 4 года) семья разорилась, хутор пришлось продать. С помощью старших братьев В. смог продолжить образование, сначала окончив с отличием окружную школу в городе Цесисе (1876), а затем рижское реальное училище (1882). К этому времени улучшилось материальное положение его братьев, у которых В. жил в Риге (старший брат, Иоганн, стал коммерсантом, средний, Борис (Бренцис), служил прапорщиком). Это позволило В. в декабре 1882 стать студентом Рижского политехникума. Серьезно заинтересовавшись химией, В. выполнил и в 1886 опубликовал свое первое научное исследование, касающееся сравнительной оценки цветных реакций азотной и азотистой кислот с различными реактивами и установления пределов чувствительности реакций для открытия азотной кислоты. В апреле 1887, по рекомендации Н.Курнакова, Н.Меншуткина и И.Шредера, В. был утвержден членом Русского физико-химического общества. Важное значение для формирования научных интересов молодого ученого имело его сотрудничество с профессором В.Оствальдом (лауреатом Нобелевской премии по химии 1909). Выполненная ими совместно работа по установлению зависимости электропроводности водных растворов солей от их молекулярной массы, опубликованная в 1887, положила начало не только их последующему сотрудничеству, но и определила основное направление всех дальнейших исследований В. в области физической химии и стереохимии.

В 1888 В. с отличием закончил институт, получил диплом инженера-химика и был оставлен при кафедре химии в качестве ассистента профессора К.Бишофа, под руководством которого начал работать по составлению фундаментального «Справочника по стереохимии», увидевшего свет в 1894. В процессе подготовки справочника В. пришлось заниматься одновременно синтезами и физико-химическими исследованиями полученных веществ. В 1889-1900 В. опубликовал в российских и зарубежных журналах 57 статей по вопросам стереохимии. Одновременно он продолжал свои научные изыскания в области физической химии, установив в 1889, что ионизирующая способность неводных растворителей прямо пропорциональна их диэлектрической проницаемости. В летние месяцы 1890 и 1891 В. ездил для совершенствования своего образования к В.Оствальду, который с 1887 состоял профессором Лейпцигского университета. В сентябре 1891 В. защитил в Лейпцигском университете диссертацию «О величинах сродства некоторых органических кислот и их отношении к конституции последних», получив ученую степень доктора философии. Оствальд предложил В. остаться в Лейпциге в качестве приват-доцента, однако тот отказался, надеясь на скорое продвижение по служебной лестнице в Рижском политехникуме.

Летом 1892 В. был назначен на должность доцента по физической химии. Год спустя В. успешно защитил в Новороссийском университете в Одессе магистерскую диссертацию «Опыт исследования осмотических явлений с осадочными пленками», что позволило ему в сентябре 1894 стать профессором аналитической и физической химии Рижского политехникума, в котором он проработал до 1911 (в 1902-5 был директором института). В 1895 В. осуществил свое самое выдающееся открытие — явления обращения стереоизомеров, состоящее в том, что из одной и той же формы оптически деятельного соединения можно получить оптические антиподы в результате реакций обмена атома водорода, связанного с асимметрическим атомом углерода (вальденовское обращение). Полученные им экспериментальные результаты составили основу его докторской диссертации «Материалы к изучению оптической изомерии», защищенной в марте 1899 в Петербургском университете.

После защиты докторской диссертации научные интересы В. переместились от экспериментальной работы в области стереохимии к изучению электрохимии неводных растворов. В

1902 он предложил теорию аутодиссоциации неорганических и органических растворителей. В 1905 В. нашел соотношение между предельной молекулярной электропроводностью и вязкостью среды, названное «правилом Вальдена». Он первым ввел в научный оборот термин «сольватация» (1906). Эти исследования, равно как и исследования в области стереохимии, принесли ему мировую известность, о чем, в частности, свидетельствует выдвижение его кандидатуры на соискание Нобелевской премии по химии в 1913 и в 1914.

Помимо научной деятельности, исключительное внимание В. уделял преподаванию химии, был превосходным лектором. В своих воспоминаниях писал: «Моя аудитория обыкновенно была переполнена, реакция благожелательных слушателей придавала мне силы... Свои лекции я всегда читал свободно, чтобы придать моему предмету свежесть чего-то нового... Преподавание, даже спустя десятилетия, я никогда не воспринимал как бремя, ибо оно соответствовало моим педагогическим наклонностям». Хотя В. не создал собственной научной школы, его ученики и многолетние ближайшие сотрудники М.Центнершвер, В.Фишер, *Р.Свинне* и др. обогатили различные разделы химии своими оригинальными работами.

В 1896 Рижский политехникум был преобразован в Государственный политехнический институт с обучением на русском языке (до этого преподавание велось на немецком языке, причем В. был единственным профессором, читавшим курс физической химии по-русски). Это преобразование позволило институту получать субсидии от российского правительства, а также снимало ограничения в правах его выпускников на государственной службе в Российской империи. При активном участии В. в 1899-1901 было построено новое современное здание химического корпуса института, причем строители использовали опыт создания Физико-химического института Оствальда в Лейпциге (по просьбе В. Оствальд прислал чертежи химических лабораторий). В марте 1910 группа видных ученых-академиков (А.Карпинский, Б.Голицын, В.Вернадский и др.) предложили кандидатуру В. на открывшуюся вакансию ординарного члена Петербургской Академии наук, избрание его состоялось в мае того же года. Год спустя академик В. получил предложение занять место директора химической лаборатории в Петербурге (основанной еще в 1748 М.Ломоносовым, в то время единственном научно-исследовательском учреждении в составе Академии наук), оставался на этом посту до 1919. В порядке исключения ему было разрешено не переезжать в Петербург, а продолжать работу в Риге, где он располагал более благоприятными возможностями для проведения научных исследований. «Каждую неделю или каждые десять дней я только ездил скорым поездом в Санкт-Петербург, — писал В. в своих воспоминаниях, — принимал там участие в заседаниях физико-математического отделения Академии, давал указания и наставления для исследовательских работ в лаборатории и через несколько дней ночью снова возвращался в Ригу». В 1911-15 В. опубликовал в «Известиях Академии наук» 14 работ по электрохимии неводных растворов, в том числе об электропроводности растворенных в углеводородах различных веществ, об ассоциации бинарных солей в различных средах и др.

Последовавший в июле 1915 в связи с событиями 1-й мировой войны переезд Рижского политехнического института в Москву создал трудности в проведении В. экспериментов из-за отсутствия лаборатории. В силу этого В. сосредоточил свое внимание на учебных делах (в 1917 он был назначен ректором института), а также занялся исследованиями в области истории науки, популяризаторской и научно-организационной деятельностью. В 1917 вышел в свет написанный в годы 1-й мировой войны «Очерк истории химии в России». В. выступал с лекциями по физической химии и истории химии в Московском университете, Политехническом музее, на заседаниях научных обществ. С 1915 он принимал деятельное участие в работе созданной по инициативе В.Вернадского Комиссии по изучению естественных производительных сил России, в том же году возглавил Московское отделение Военно-химического комитета, осуществлявшего создание средств военной химии.

Октябрьскую революцию В. встретил с пониманием и сочувствием. В мае-июле 1918 он возглавлял вновь организованный Российский научно-технический пищевой институт, основной задачей которого стало создание в условиях разрухи и голода различных пищевых заменителей. В. руководил разработкой структуры и программы деятельности этого института. В июле 1918 вместе с Политехническим институтом В. был резвакуирован в Ригу. В 1919 после провозглашения Латвийской Социалистической Советской Республики (просуществовавшей всего 5 мес.) В. был назначен профессором Высшей школы Латвии, избран председателем профессионального союза инженеров-химиков и химиков. После ликвидации советской власти в Риге В. был назначен директором департамента высшей школы и науки при министерстве просвещения. В этот момент военная и политическая ситуация в Латвии оставалась крайне неопределенной, что вынудило В. в начале лета 1919 отправить свою семью в Герма-

нию. В августе 1919 он выехал в Германию в служебную командировку от министерства просвещения, из которой не вернулся. В октябре 1919 В. был избран профессором неорганической химии Ростокского университета, где работал до выхода на пенсию в 1934, после чего оставался почетным профессором. Продолжая свои исследования по электрохимии неводных растворов, В. опубликовал по этому вопросу капитальные монографии: «Явления оптической инверсии» (1919); «Величины молекул электролитов в неводных средах (к познанию полимерии, ассоциации и комплексообразования солей, кислот и оснований»)) (1924); «Химия свободных радикалов (ход развития и современное состояние учения о свободных радикалах)» и «Электрохимия неводных растворов» (обе — в 1924); 3-томный справочник «Электропроводность растворов» (1924). Эти труды содержали обобщение исследований, проведенных В. за годы его творческой деятельности. В апреле 1924 по приглашению Латвийского университета он с огромным успехом выступил в Риге с лекциями. Однако от предложения занять университетскую кафедру химии он отказался. В том же году В. отклонил два лестных приглашения вернуться в СССР и занять на выбор: кафедру Ленинградского университета или пост руководителя химической секции в Институте экспериментальной медицины в Ленинграде.

В Советской России один за другим выходили переводы книг В.: «Теории растворов в их исторической последовательности» (1921); «Из истории химических открытий» (1925); «Прошлое и настоящее стереохимии» (1926). В 1934 В. посетил СССР, приняв участие в проходившем в сентябре в Ленинграде 7-м юбилейном Менделеевском съезде, посвященном 100-летию Д.Менделеева, при этом он был руководителем немецкой делегации. Год от года рос международный авторитет В., что нашло выражение в избрании его иностранным почетным членом АН СССР (1927), иностранным членом Шведской королевской Академии наук (1928), членом немецкой Академии естествоиспытателей «Леопольдина» (1931), почетным членом Академии наук Финляндии (1932); он был удостоен степени почетного доктора Мадридского университета (1934) и мн. др. академий, университетов и научных обществ. В. был желанным гостем международных конгрессов и симпозиумов. Его авторитет ученого был так высок, что нацистское правительство не решалось препятствовать его многочисленным заграничным поездкам и подвергнуть преследованиям за отказ публиковать материалы, враждебные СССР. В 1941 вышел в свет фундаментальный труд В., посвященный истории органической химии.

Во время бомбардировки Ростока английской авиацией весной 1942 одна из зажигательных бомб упала на дом В. и сожгла его. По счастливой случайности супруги Вальдены в тот момент прятались от налетов в подвале у соседей, но огнем была уничтожена уникальная библиотека В., насчитывавшая более 10 тыс. томов раритетных изданий, которые он собирал всю свою жизнь, коллекция картин, а также научная переписка с Оствальдом (с которым их связывала более чем 40-летняя дружба), С.Аррениусом, У.Рамзаем, Д.Менделеевым и др. выдающимися учеными. Удрученные потерями и оставшиеся без крова, супруги Вальдены в апреле 1942 перебрались в Берлин, где около года прожили в гостинице для приезжающих ученых («Дом Гарнака»). Весной 1943 начались бомбардировки Берлина, во время одной из них В. был ранен осколками стекла, состояние его здоровья резко ухудшилось, начались серьезные сердечные приступы. В марте 1943 супруги перебрались во Франкфурт-на-Майне, где В. получил место приглашенного профессора по истории химии в местном университете. Здесь он встретил свое 80-летие. Окончание войны застало В. во французской зоне оккупации без всяких средств к существованию, поскольку Ростокский университет, который высылал ему ежемесячную пенсию, оказался в советской зоне оккупации. В отчаянии В. обратился в Президиум АН СССР с просьбой восстановить его членство в Академии и оказать материальное содействие, но ходатайство осталось без ответа. С огромными трудностями чету Вальденов удалось поместить в лечебницу-пансионат в маленьком городке Гаммертинген близ Тюбингена на средства, собранные немецкими химиками, которые сами оказались в бедственном положении. Лишь в 1947 В. смог получить место приглашенного профессора по истории химии в Тюбингенском университете, где он наездами читал лекции, постоянно проживая в пансионате в Гаммертингене до самой смерти. Его последняя лекция состоялась в Тюбингене 23.7.1953. Супруги Вальдены жили очень скромно, поскольку выплата пенсии возобновилась лишь в 1955. До тех пор престарелый профессор подрабатывал написанием статей в немецких и зарубежных журналах. Большую часть времени он посвящал подготовке «Хронологических таблиц к истории химии с древнейших времен до современности», увидевших свет в Берлине в 1952. В. скрашивал свое одиночество написанием мемуаров; завершил их в 1953, но завещал опубликовать только после своей смерти. Мемуары «Дороги и приюты. Моя жизнь» были опубликованы в

ФРГ лишь в 1974. В. скончался в возрасте 93 лет и был похоронен на кладбище Бергфридгоф в Тюбингене.

Соч.: Наука и жизнь, ч. 1-3. Пг., 1918-23; Из истории химических открытий. Л., 1925; Wege und Herbergen. Mein Leben. Wiesbaden, 1974.

Лит.: Волков В.А., Раскин Н.М., Страдынь Я.П. Новые материалы к биографии П.И.Вальдена // Изв. Акад. наук Латв. ССР, 1987, № 9; Страдынь Я.П., Соловьев Ю.И. Павел Иванович (Пауль) Вальден: 1863-1957. М., 1988.

В.Волков

ВАННОВСКИЙ Александр Алексеевич (11.9.1874, Чернь, Московской губ. — 16.12.1967, Токио) — литератор. Отец — выходец из тамбовского села Ваново (отсюда и фамилия), был офицером. Мать (урожд. Дурасова) — дочь помещика Саратовской губернии. Детство мальчика проходило в Туле, где отец занимал должность старшего адъютанта при начальнике гарнизона. В 1884 родители отдали В. в 3-й московский кадетский корпус на казенное содержание. Занятия ему давались легко, особенно математика и физика, и в старших классах он склонялся к карьере инженера. После окончания кадетского корпуса (1893) В., отбыв воинскую повинность на Военно-училищных курсах Киевского пехотного юнкерского училища, в звании подпоручика вышел в запас и в 1896 поступил в Московское техническое училище. В училище лекции по политической экономии читал *С.Булгаков*. «Мне улыбалась техническая карьера, — писал в своих воспоминаниях В., — но чисто моральные побуждения толкали меня в революцию, марксистскую основу которой развивал нам Булгаков в своих блестящих лекциях». Еще до поступления в училище В. несколько месяцев посещал кружок по самообразованию, существовавший при Московском университете, — один из первых марксистских кружков в России. Но решающее влияние на политические взгляды В. оказал его старший брат В.Ванновский, имевший к этому времени революционный стаж. Через Александра он создал в Техническом училище социал-демократический кружок, из которого в 1897 возник Московский Союз борьбы за освобождение рабочего класса. Делегатом от него на учредительный съезд социал-демократической партии в Минске в 1898 поехал В. Вскоре он, как и другие участники съезда, был арестован и после 14 месяцев заключения в Таганской тюрьме получил по приговору 3-летнюю ссылку в Вологодскую губернию.

Здесь он познакомился с эсером Б.Савинковым, подружился с социал-демократом А.Богдановым. Особенное же значение имело для В. знакомство с *Н.Бердяевым*, к которому он всю жизнь питал глубочайшее уважение. Ссылку В. отбывал в Сольвычегодске, где вместе с другими ссыльными и своей женой, Верой Владимировной Яковенко, строил планы продолжения революционной деятельности; создал социал-демократическую группу «Воля». Они нелегально переправили из-за границы печатную машину и шрифты и организовали тайную типографию сначала в Рыбинске, а потом в Ярославле. Вернувшись из ссылки, В. вошел в социал-демократический комитет Ярославля. Типография перепечатывала «Искру» и «Рабочее дело». После 2-го съезда РСДРП «Воля» вошла в северный комитет партии, но в 1903 группа В. была арестована. После двух лет заключения в ярославской тюрьме в июне 1905 он был освобожден; принимал активное участие в Киевском и Московском вооруженных восстаниях.

После поражения революции перешел на нелегальное положение; написал ряд брошюр: «Стачечная революция 1905 г.» (изд. в 1917), «Тактика уличного боя», «Тактика милиции» и статью «О подготовке к вооруженному восстанию» (Пролетарий, 1906, № 11). В. стоял на позиции меньшевиков, хотя во многих вопросах был близок к большевизму. В 1907 В. познакомился с Лениным, обсуждал с ним задачи Военно-технического бюро, где В. играл активную роль. Но подспудно в нем зрел духовный перелом. В. вспоминал: «После 1905 года, когда потухли огни национальной революции, у меня начали возникать сомнения в целесообразности социал-демократической программы и, вообще, в правильности материалистического понимания истории, выдвинутого Марксом. Я стал склоняться к мысли, что истинный социализм требует духовного обновления человечества, в силу чего классовая борьба должна быть соединена с борьбой за личность, способную творить новую, более совершенную культуру». В. начал искать в литературе идеального героя и остановился на Гамлете, видя в нем высокий гуманизм, который считал основой человеческой личности. Одновременно он обратился к Христу. Увлекшись философией, литературой, а также психологией (он много читал Фрейда), В. вышел из партии, отошел от всякой политической деятельности. Заработок на жизнь ему давало его техническое образование. Некоторое время он работал от Переселенческого управления в Томском уезде.

С началом 1-й мировой войны В. добился отправки на фронт. В чине подпоручика он был прикомандирован к главной радиостанции при штабе главнокомандующего армиями Западного фронта. За смелость был награжден орденом Св.Анны 3-й степени с мечами и бантом.

В 1916 В. командировали в Петроград в Офицерскую электротехническую школу для прохождения ускоренного курса по радиотелеграфу, а по ее окончании предложили следовать на Восток, в Хабаровск, для продолжения службы на военной радиостанции в должности ее начальника. Однако революции 1917 нарушили все планы.

В 1918 В. был в Петрограде на офицерском съезде как делегат от Приморского военного округа. Он мог бы возобновить знакомство с Лениным, но, как он сам писал, «между нами была уже пропасть». Помимо мировоззренческих позиций, их разделяли и политические — В. не мог принять Брестского мира. Во время наездов в Москву В. бывал у Бердяевых, участвовал в литературных вечерах. Его все больше увлекала история христианства. В. верил, что социальные проблемы не могут быть разрешены «путем длительной Варфоломеевской ночи», что спасение России — в духовном возрождении и единстве.

В 1919 В. серьезно заболел нервным расстройством, был признан «совершенно неспособным к воинской службе». Врачи рекомендовали морские купания и предложили поехать на два месяца в Японию. Он поселился в Иокогаме. Там жило много русских, поэтому у него не возникало трудностей с языком.

После падения Колчака В. принял тяжелое для него решение остаться в Японии. Несмотря на мучительную тоску по родине, он вместе с тем чувствовал, по собственному признанию, что «как будто приехал на новую родину, дальнюю родину своего духа». Своей миссией отныне он считал написание книги, которая помогла бы людям духовно очиститься. По приглашению профессора Катаками он занял место преподавателя русского языка и литературы в университете Васэда. Служба в университете обеспечила ему безбедное существование. Впервые за много лет у него появилось время и возможность для размышлений, литературных занятий, умственного труда.

Литературные интересы В. были весьма широки. Немного обжившись в Японии, он начал изучать (с помощью замечательного знатока японского языка *М.Григорьева*) японскую литературу, древние мифы, предания и т.н. жанр «кайдан» — рассказы о привидениях: в них В. привлек древнейший мотив о загробной мести, встречающийся у русских и европейских романтиков; он решил заняться сравнительным изучением японских и европейских «страшных рассказов». Но вскоре В. и Григорьев перешли к «Кодзики» (японский литературный памятник, повествующий о рождении японской земли и становлении государства) — началу начал японской литературы. Они пытались найти в «Кодзики» объединяющее начало, чтобы понять японский миф как единое целое. В то время им пришлось признать свою попытку неудачной. Разгадка появилась позднее, когда В. пришло в голову проанализировать «Кодзики» с точки роли вулканологии. Он объездил самые значительные вулканы, совершал пешие восхождения. Свою теорию он изложил в работе «Вулканы и солнце. Новый взгляд на мифологию «Кодзики» (1941; изд. в 1955 на япон. яз.; в 1960 — на англ. яз.).

Со времени приезда в Японию В. не оставлял свою работу о Гамлете. В 1962 на английском языке вышла его книга «Путь Иисуса от юдаизма к христианству в понимании Шекспира. Разыскание скрытого иудейского сюжета трагедии «Гамлет». В ней В. высказал убеждение, что Шекспир при написании «Гамлета» пользовался иудейскими источниками — книгами Иосифа Флавия о царствовании Ирода Великого и его преемников, где описывалась история, сходная с историей Гамлета. В. доказывал, что действие трагедии происходит в Иерусалиме. В книге В. выдвигал гипотезу, что принц Гамлет является религиозным реформатором: от языческих представлений, что месть убийце облегчает участь страдающей души жертвы и от иудейской морали «Око за око» он переходит к христианской заповеди «Не убий». В. считал, что Дух отца Гамлета, явление которого многие критики рассматривали только как театральный прием, на самом деле задуман как антитеза к образу короля, и именно он руководит поступками Гамлета. И колебания Гамлета, когда он все время, коря себя, откладывал месть, сам не понимая почему, в действительности отражали внутреннюю работу его души под влиянием Духа, внушающего ему, что важно не убийство врага, а пробуждение в его душе совести. По мнению В., Дух — это Логос, Божественное слово, вселившееся в Гамлета и руководящее его действиями.

Этот тезис — не убийство врага, а пробуждение в нем совести — звучит во многих работах В. В своей статье «Новые данные о влиянии Шекспира на Пушкина. (Загадка мести за душу)», опубликованной в сборнике «Изучение иностранных литератур» университета Васэда, он находит аналогии в действиях героев шекспировского «Гамлета» и пушкинского «Выстрела». Гамлет во время представления «Гонзаго» вместо того, чтобы убить короля, предается бурному восторгу, т.к., по словам В., «поймал совесть короля». Сильвио признается, что во время дуэли «подобно Гамлету выявляет ценное в душе противника, рискуя при этом своей жизнью».

В 1965 в Токио на русском языке вышла «главная книга» В. «Третий Завет и Апокалип-

сис. Новые данные о жизни, личности и учении Спасителя мира», посвященная «светлой памяти друга и учителя Николая Бердяева». В книге В. пришел к выводу, что не Апокалипсис вышел из Евангелия, а Евангелие из Апокалипсиса. И раз «Откровение предшествует земному служению Христа, то Созерцателем видений был не апостол Иоанн, а сам Спаситель мира». «Апокалипсис, — утверждал автор, — это видения будущего Спасителя, пережитые им в процессе воплощения в него Духа Божия». Высказав эту догадку, В. через анализ Откровения пытался понять личность его автора, Иисуса Христа. По его мнению, Созерцатель видений был поэт, сила и яркость образов указывали на его молодость. Конструкция Откровения та же, что и в греческой драме «Орестея» — отсюда вывод, что автором Апокалипсиса мог быть только тот, кто хорошо знал и иудейскую религию, и греческий театр, т.е. человек, вышедший из эллино-иудейской семьи. Далее В. делал предположение, что Созерцатель вырос в богатой семье — он часто употребляет названия драгоценных камней, к которым, видимо, привык с детства. Он получил блестящее по своему времени образование — прекрасно владел астрономией, математикой. Совершенно неожиданно трактовал В. 8-ю и 9-ю главы Откровения. Хорошо изучивший вулканы и бывший сам свидетелем извержений, он увидел в этих фантастических картинах описание извержений. Проштудировав материал о действовавших в то время вулканах, В. выяснил, что они расположены на пути из Палестины и Александрии в Рим. Это дало ему основание утверждать, что Созерцатель был в вечном городе, возможно, видел в театре исполнение «Орестеи», оказавшей такое большое влияние на его видения. И, вероятно, слушал философские разговоры, обогатившие его знания. Итак, по гипотезе автора, Созерцатель видений до какого-то времени жил обычной жизнью человека своего сословия. Вероятно, он любил — ведь только любящий может так поэтично описать жену, облаченную в солнце и в венце из 12 звезд. Но после того, как ему явились видения, открывшие его предназначение, он порывает со своей семьей, возлюбленной, как Гамлет с Офелией, и принимает имя Иисуса Христа. Вероятно, у него явилась потребность где-нибудь в тиши вести свое служение и подготовиться к своему подвигу. Он удаляется в Назарет, входит как приемный сын в семью плотника Иосифа. Пережив воплощение в него Логоса, Слова Божьего, Созерцатель видений превратился из человека в Богочеловека и создал новый христианский мир. Изучение Апокалипсиса позволило В. сделать свой главный вывод, что человек должен повести борьбу со зверем в себе и что возрождение России возможно только через обновленное христианство.

Образы Апокалипсиса постоянно присутствовали в статьях В. Он печатал материалы о своей революционной деятельности, мечтал завершить автобиографический труд — путь «От Маркса к Шекспиру и от Шекспира к Христу». В своих работах он постоянно размышлял о том, почему гуманнейшие идеи революционеров, свято веривших, что революция делается во имя освобождения и счастья народа, на деле обернулись трагедией. Ключ к несчастиям России он видел в нарушении естественного хода событий, в отступлении от христианских начал. И пути спасения он видел в возвращении к этим вечным истинам.

В. внимательно следил за всем, что происходило на его родине. Победа над гитлеризмом всколыхнула его патриотические чувства, а 20-й съезд КПСС вселил надежду на поворот к лучшему. Его очень тянуло в Россию. В середине 1950-х он получил предложение вернуться, но, чтобы доказать свою лояльность, он должен был написать статью о прислужничестве русской эмиграции японскому милитаризму; это условие В. посчитал неприемлемым. В последние годы жизни у него наладилась переписка с родными — это стало большой радостью в его одинокой жизни. В. похоронен на токийском кладбище Такао-рэйан.

И.Кожевникова.

ВАРШАВСКИЙ Владимир Сергеевич (1906, Москва — 22.2.1978, Женева) — писатель, литературный критик. Сын журналиста, присяжного поверенного. В 1918 семья переехала в Крым, в 1920 — в Чехословакию. Учился в Москве, Киеве, Константинополе, Тшебове, Праге, где закончил гимназию и Русский юридический факультет Пражского университета. В 1926 уехал в Париж; поступил в Сорбонну и в течение нескольких лет изучал философию и литературу. Первый рассказ, «Шум шагов Франсуа Виллона», опубликовал в журнале «Воля России» (1929, № 7), — своего рода пролог ко всему последующему творчеству писателя как выразителя мировоззрения т.н. «незамеченного поколения», детей русских эмигрантов «первой волны»; тема рассказа — страх одиночества. В статье «О прозе «младших» эмигрантских писателей» (СЗ, 1936, № 61) В. писал о литературе своего поколения как о «чахлой, растущей без воздуха, нерасцветающей прозе, и тем не менее, может быть, ближе «относящейся к делу», больше открывающей бесконечно печальный опыт эмигрантской

жизни — одиночество, чем все еще прекрасное, но как бы дореволюционное творчество «старших писателей», уходящее корнями в то время, когда душа русского мира не была еще так глубоко и трагически расколота на две противоположные, кажущиеся непримиримыми тенденции». В. — участник альманаха «Круг», сотрудник журнала «Числа» (1930-34) и др.

В 1939 В. вступил в ряды французской армии. Участвовал в Сопротивлении, объединившем эмигрантскую молодежь из часто враждовавших до войны группировок. Был в немецком плену, освобожден войсками союзников, награжден медалью. В предисловии к книге В. «Родословная большевизма» А.Шмеман писал о его мужестве, «с которым в июле 1940 г. он, рядовой разгромленной французской армии, почти в одиночку, на протяжении нескольких дней, в обреченной крепости сдерживал мощный натиск немцев». Книга «Семь лет» (Париж, 1950) раскрывает переживания автора, участника 2-й мировой войны.

В 1950 В. переселился в США. Здесь вышла в свет его программная книга «Незамеченное поколение» (Нью-Йорк, 1956) — «опыт рассуждения о судьбе эмигрантских сыновей», особенно тех из них, «кто при более благоприятных условиях могли бы стать продолжателями «ордена» русской интеллигенции». Об этом «ордене» он писал: «Немногочисленные, но активные группы кадетов, эсэров и меньшевиков... издавали главные эмигрантские газеты и журналы, и их публицистика и дискуссии занимали авансцену эмигрантской общественной жизни. Но по-настоящему, эти остатки демократической и социалистической интеллигенции не имели влияния и были окружены враждой огромного большинства эмигрантов, которые возлагали на «орден» ответственность за российскую катастрофу». Младшие эмигранты «еще помнят Россию и на чужбине чувствуют себя изгнанниками. В этом их отличие от последующих эмигрантских поколений. Но воспоминаний о России у них слишком мало, чтобы ими можно было жить. В этом их отличие от поколений старших. Зато есть в их судьбе сходство с судьбою всех «лишних людей» русского прошлого, всех «потерянных поколений Европы и Америки». В. давал характеристику всем заметным идейным группировкам, сыгравшим хотя бы мимолетную роль в духовном самоопределении младшего поколения русских эмигрантов.

Глава книги В., посвященная характеристике русского литературного Монпарнаса, демонстрировала обреченность людей «незамеченного поколения». Вместе с тем В. отмечал свойственные им героические черты, способность претворять слова в дело, жертвовать своей жизнью, если это окажется необходимым. В. раскрыл роль, сыгранную ими во время 2-й мировой войны: «Мелькают слова: убит, скончался от ран, расстрелян немцами, добит штыками, посмертно награжден Военной медалью, Военным Крестом с пальмами, доброволец, партизан, волонтер, перешел к генералу де Голлю, погиб в Резистансе, убит в рядах Свободной Франции...» 6-я глава книги — как бы мемориал «незамеченного поколения»: В. приводит список погибших в Сопротивлении молодых людей, среди которых расстрелянные, геройски встретившие смерть *Б.Вильде*, А.Левицкий, священник о.Дмитрий Клепинин, княгиня В.Оболенская и мн. др.

В книге «Ожидание» (Париж, 1972) переработаны и собраны публикации В. в разных эмигрантских журналах за последние 20 лет. Лирический герой автора Владимир Гуськов говорит: «Я был уверен, мир имеет доброе значение. Только с годами подсказываемые разумом сомнения разрушили мое первоначальное безотчетное в этом убеждение. Но, оглядываясь теперь на мою жизнь, я вижу, что мое сознание, моя жизнь, моя душа всегда стремились это убеждение восстановить».

Последняя незавершенная книга В. «Родословная большевизма» (Париж, 1982). В ней — размышления писателя о судьбе России, ее истории, опасения за ее будущее. В. был убежден в том, что «...истоки советского империализма нужно искать не в русской истории и не в особом мессианизме русского народа, а в марксистском эсхатологическом мифе мировой революции». Он утверждал, что Ленин и Маркс во всем идентичны: «при чтении перестаешь различать, где Маркс, где Энгельс, где Ленин. Образы трех угодников сливаются. Тот же ход мыслей, тот же строй чувств, тот же стиль, то педантически наукообразный, то площадной, та же бешеная ярость в полемике, то же непоколебимое убеждение, что прогресс не может совершаться без насилия и кровавых человеческих жертв и что, как бы ужасны ни были эти жертвы, на них нужно идти».

Соч.: Несколько рассуждений об Андрэ Жиде и эмигрантском молодом человеке // Числа, 1930/31, № 4; О «герое» эмигрантской молодой литературы // Там же, 1932, № 6; О Поплавском и Набокове // Опыты, 1955, № 4.

Лит.: Зеньковский В.В. По поводу кн. В.С.Варшавского «Незамеченное поколение» // Вест. РСХД, 1956, № 42; Карпович М.М. Рец. на: «Незамеченное поколение» // Опыты, 1956, № 6; Иваск Ю. Рец. на: «Ожидание» // НЖ, 1972, № 109; Фотиев К.В. В.С.Варшавский // НЖ, 1978, № 131; Шмеман А. Ожидание: Памяти В.С.Варшавского // Континент, 1978, № 16; Яновский В.С. Поля Елисейские. СПб., 1993.

Е.Цурганова

ВАСИЛЬЕВ Александр Александрович (22.9.1867, Петербург — 29.5.1953, Вашингтон) — историк. Отец — Александр Степанович В., подполковник, начальник крепостной команды Петропавловской крепости, последняя его должность — воинский начальник в городе Сычевка Смоленской губернии. Мать — Ольга Александровна Челпанова — из купеческой семьи. В 1887 В. с золотой медалью окончил 1-ю классическую гимназию в Петербурге и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где под руководством В.Васильевского приступил к изучению истории Византии; одновременно занимался на восточном факультете под руководством В.Розена арабским языком. «Васильевский и барон Розен сделали мою жизнь», — вспоминал В. В студенческие годы В. подружился с *М.Ростовцевым*. По окончании в 1892 университета был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию; три года работал преподавателем латинского языка в 1-й классической гимназии. Первый научный труд — рецензию на «Житие Феодора, архиепископа Эдесскаго» — опубликовал в 1893 (Журн. Мин-ва народ. просвещ., ч. 286). В 1897 направлен в заграничную научную командировку. В Париже в Школе живых восточных языков и в Сорбонне изучал арабский, турецкий и эфиопский языки, собрал в библиотеках Парижа, Лондона и Вены материал для магистерской диссертации. Защитил ее в 1898 («Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии». СПб., 1900). С января 1899 стажер в Русском археологическом институте в Константинополе; посетил Грецию, участвовал вместе с Б.Фармаковским и *П.Милюковым* в раскопках в Македонии. Третий год командировки провел в Западной Европе. Продолжением магистерской диссертации явилась защищенная им в 1902 докторская диссертация («Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии (867-959)». СПб., 1902). В том же году совершил поездку на Синайский полустров. Кроме преподавания в гимназии, читал в качестве приват-доцента лекции по истории Византии в Петербургском университете. В 1904-12 — профессор Юрьевского университета и преподаватель средневековой истории в женском педагогическом институте в Петербурге, в 1912-22 — профессор и декан этого института, в 1917-25 — профессор Петроградского университета. Автор общего курса истории Византии («Лекции по истории Византии», т. 1-3. Пг., 1917-25). Неоднократно представлял русскую науку за границей: в 1905 — в Алжире на международном конгрессе ориенталистов, в 1906 — в Австралии на торжествах по случаю 50-летия Мельбурнского университета, в 1910 — в Буэнос-Айресе на 17-м международном конгрессе американистов, в 1912 — в Афинах на международном археологическом конгрессе. В 1919 избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. В 1920-22 председатель Академии истории материальной культуры; пытался восстановить Русский археологический институт. Политической деятельностью не занимался. Летом 1924 выехал в Германию и Францию; в Париже встретился с Ростовцевым, который предложил В. занять его место в Висконсинском университете, и 15.9.1925 В. переехал в США, в Мэдисон, где занимал до 1938 кафедру древней истории Висконсинского университета, положив начало американскому византиноведению. Основные труды В. посвящены истории Византии, Трапезунда, арабского мира и славянских народов. Неоднократно перерабатывал и расширял курс истории Византии (1-е англ. изд. в 1928-29; последнее прижизненное — 1952). Автор монографий «Готы в Крыму» (1936), «Нападение руссов (норманов) на Константинополь в 860 году», «Юстин Первый» и др. В 1935-36 читал лекции в Колумбийском университете, в 1934 участвовал в 4-м Византологическом съезде в Софии, с 1936 почетный председатель Института им. *Н.Кондакова*. В 1934 был избран членом Югославской Академии наук, а в 1936 — Американской Академии Средневековья (Mediaeval Academy of America) в Кембридже (шт. Массачусетс).

В 1938 вышел в отставку, но продолжал участвовать в университетской общественной жизни. В 1944 был приглашен научным сотрудником в Византийский институт Гарвардского университета в Думбартон Окс (Вашингтон), в 1948 стал Scholar-Emeritus в этом институте. Как вспоминали работавшие с ним ученые, В. был «любим всеми, старыми и молодыми и до конца оставался наиболее яркой личностью в группе. Он передавал свою обширную эрудицию с большой легкостью и простотой и был всегда великодушен в признании качеств других ученых».

Умер после возвращения с Византийского конгресса в Салониках, на котором был избран почетным президентом конгресса. Среди учеников В. — М.Андреева, А.Вишнякова, Е.Скржинская, Дж.Шнейдер, Х.Рэмсей и др. Библиография работ В. насчитывает 168 названий.

Кроме научных занятий, В. увлекался музыкой; еще в России, будучи студентом университета, учился в течение года в Петербургской консерватории. «По его собственным словам, музыку он любил больше, чем науку», — утвер-

ждал *Г.Вернадский*. Другой его страстью были путешествия. Как писал *М.Карпович*, «всю свою жизнь он был неутомимым путешественником и, помимо европейских стран и Ближнего Востока, побывал и в таких частях света, куда русские туристы обычно не ездили — до Австралии включительно. Из русских эмигрантов, с которыми мне пришлось встретиться в Америке, он был кажется единственным, успевшим съездить из любознательности на Аляску, и притом даже два раза».

Лит.: Вернадский Г. А.А.Васильев (К семидесятилетию его) // Сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н.П.Кондакова. Прага, 1938, т. 10; Gregoire H. Alexandre Alexandrovich Vasiliew // Byzantion, 1952, т.XXII; Карпович М. М.И.Ростовцев и А.А.Васильев // НЖ, 1953, № 24; Медведев И.П. Васильев А.А. / Славяноведение в дореволюционной России. Библиографич. словарь. М., 1979; *Басаргина Е.Ю. А.А.Васильев и русский археологический институт в Константинополе* / Российские ученые и инженеры в эмиграции. М., 1993.

Ю.Дойков

ВАСИЛЬЕВ Николай Илларионович (23.10.1875, Полтава — 4.9.1930, Белград) — агрохимик. По окончании полтавской гимназии В. поступил в Ново-Александрийский институт сельского хозяйства и лесоводства. После окончания его (1897) был командирован за границу для подготовки к профессорскому званию. С 1898 В. в течение четырех семестров посещал курс лекций в Цюрихском университете и работал в лаборатории агрохимии у профессора Эрнста Шульца. В 1899-1900 В. изучал организацию сельского хозяйства в Западной Европе. С этой целью посетил опытные сельскохозяйственные станции Франции, Германии, Италии, Австро-Венгрии. Вернувшись в Россию, В. начал работать в должности ассистента на кафедре общего земледелия Киевского политехнического института. В 1909 В. сдал магистерские экзамены по агрономии в Новороссийском университете, после чего был приглашен читать курс агрономии в должности ассистента в университетет Св.Владимира в Киеве; совмещал педагогическую деятельность в университете с работой в Киевском политехническом институте.

В течение 1900-13 В. заведовал опытной сельскохозяйственной станцией при Политехническом институте; опубликовал ряд работ по синтезу и регенерации белковых веществ в растениях. В 1911 В. защитил в Новороссийском университете магистерскую диссертацию «Образование белковых веществ в созревающих семенах» (опубл. Киев, 1911). В 1913 работал в лаборатории профессора Бонньера в Парижском университете. По возвращении в Россию в январе 1914 В. был назначен экстраординарным профессором (в сент. 1914 — ординарным профессором) агрономии Донского политехнического института в Новочеркасске. В 1916 был избран ординарным профессором Донского сельскохозяйственного института; читал курс по агрономической химии и общему земледелию; избран помощником директора института.

При Донском политехническом институте организовал опытную сельскохозяйственную станцию (1914-15), где под его руководством проводились исследования по изучению почв Донского края, выращивались засухоустойчивые сорта южных пшениц.

В 1920 В. эмигрировал в Югославию; был назначен профессором сельскохозяйственного факультета Белградского университета по кафедре агрономической химии; в 1924 получил должность экстраординарного профессора этого же факультета, на которой оставался до конца своей жизни. В. активно включился в организацию агрономической лаборатории и Агрономического института Белградского университета; опубликовал ряд работ по химическим свойствам почв Югославии. В 1924 он около полугода работал в Институте Пастера у профессора *С.Виноградского*, изучая проблему механизма фиксации атмосферного азота почвенными микроорганизмами.

В Югославии В. принимал активное участие в научной и культурной жизни российского зарубежья, состоял членом многочисленных местных научных и творческих объединений: Русской академической группы; Русского научного института, Общества русских агрономов, Общества Русских литераторов и журналистов; выступал с докладами на Русском агрономическом съезде («Современные проблемы удобрений в хозяйствах Западной Европы и России»), состоявшемся в Праге в 1924; а также с докладами «Фиксация атмосферного азота почвами Югославии», «Почвы Попового Поля в Герцеговине, их состав и плодородие» — на 4-м съезде Русских академических организаций за границей, проходившем в Белграде в 1928.

В. скончался осенью 1930 после продолжительной и мучительной болезни в возрасте 55 лет. В некрологе, опубликованном в «Записках Русского научного института в Белграде» в 1931, Г.Злокович писал: «Н.И.Васильев оставил после себя немалое научно-литературное наследство, частью еще неопубликованное. Его научные работы касались вопросов химии и физиологии растений, общего и частного земледелия, учения об удобрениях, фиксации атмосферного азота почвами, химии и плодородия почв. Смерть застала Николая Илларионо-

вича накануне открывающихся новых возможностей проявить свою научную подготовку и организаторский опыт».

Лит.: Зап. Рус. науч. ин-та в Белграде, 1931, вып. 4.

Т.Ульянкина

ВАТТЕР Михаил (3.8.1899, Рига — ?) — специалист по новым материалам и технологиям. В 1915 вместе с родными эвакуировался вглубь России, в следующем году поступил в Рижский политехнический институт, эвакуированный в Иваново-Вознесенск. Вскоре перевелся в Московское высшее техническое училище, был учеником профессора Н.Жуковского, для пропаганды научных достижений которого впоследствии много сделал в эмиграции. Будучи студентом, летал на самолетах пассажиром и механиком. В 1919 В переехал из Москвы в Киев, где продолжал учебу в Политехническом институте.

В 1920 эмигрировал в Италию, закончил Туринский политехнический институт и прослушал дополнительный курс по проектированию летательных аппаратов. С дипломами доктора и авиационного инженера В. переехал в 1921 в США и поступил на работу в отдел аэродинамики фирмы «Curtis Aeroplane & Motors». Через два года он был приглашен на должность главного конструктора в фирму «Chance Vought» на Лонг-Айленде, где руководил разработкой и испытаниями очень удачных многоцелевых самолетов-бипланов «Корсар» O2U, 03U и XO4U, в больших количествах поставлявшихся в 20-х — 30-х в вооруженные силы США и др. стран. По совместительству работал техническим редактором журнала «Aero Digest», опубликовал ряд статей по аэродинамике и конструкции самолетов. С самого начала конструкторской деятельности лично участвовал в летных испытаниях своих самолетов, получил права пилота.

В 1931 основал на Лонг-Айленде собственную фирму «Warrior Engineering» для производства цельнометаллических военных самолетов собственной конструкции, однако наступивший в США период «великой депрессии» помешал В. добиться коммерческого успеха. Через два года он уехал в Мексику, где по приглашению правительства этой страны построил самолет MWT-1 для предполагавшегося сверхдальнего перелета через Атлантику (перелет не состоялся из-за «типичных латиноамериканских событий»). Возвратившись в США, В. поступил в фирму «Uppercu-Burnelli Aircraft» (шт. Нью-Джерси), участвовал в разработке оригинальных самолетов с несущим фюзеляжем. В 1935 перешел работать ведущим конструктором в фирму «Glenn Martin» в Балтиморе, где к тому времени уже работала большая группа русских инженеров-эмигрантов. В. принял участие в доводке бомбардировщика Мартин В-10 и разработке сверхтяжелой летающей лодки Мартин 170 «Марс», но главным результатом его деятельности стала знаменитая летающая лодка Мартин 162 «Маринер» — лучшая машина своего класса в авиации ВМФ США в годы 2-й мировой войны (В. был ведущим конструктором по разработке «Маринера»). Вскоре после первого полета летающей лодки В. пригласили на должность главного конструктора расположенного в Филадельфии авиационного отделения фирмы «Budd»; здесь он проработал 22 года. С началом войны руководство фирмы решило наладить производство самолетов, используя дешевую и хорошо налаженную технологию вагоностроения. В. прекрасно справился с задачей и построил в 1943 десантно-транспортный самолет «Budd» RB-1 «Конестога». Самолет был запущен в серийное производство, но окончание войны ограничило их выпуск.

После войны руководство фирмы «Budd» закрыло авиационное отделение. В. получил должность управляющего научными исследованиями. Он занимался освоением новых материалов и технологий применительно к транспортному машиностроению, внедрял в этой отрасли промышленности методы научных исследований, принятые в авиации. Благодаря В. фирме «Budd» удалось нарушить монополию знаменитой компании «Пульман» в производстве железнодорожных пассажирских вагонов, внести большой вклад в повышение безопасности и комфорта автомобильного транспорта. В. был одним из пионеров разработки научных методов управления и планирования производства, организации труда, внедрения автоматизации технологических процессов. Во 2-й половине 50-х В. активно занимался разработкой новых конструкционных материалов и технологий — эта проблема становилась первостепенной для аэрокосмической промышленности США в связи с освоением новой высокоскоростной и высотной техники. По его настоянию фирма «Budd» возобновила сотрудничество с аэрокосмической промышленностью. Для самолетов и ракет были разработаны изделия из новых сортов высокопрочных сталей, титана и «сандвичевых» конструкций. Деятельность в данной области В. продолжал и после выхода в 1961 на пенсию. Он был приглашен старшим научным сотрудником в Институт оборонных исследований США в Вашингтоне, руководил там исследованиями, связанными с разработкой ракет малой, средней и большой дальности, способов

их мобильного базирования, противоракетной обороны, а также планированием программы космических боевых действий.

В. неоднократно выступал с лекциями в университетах и докладами на научных конференциях, представлял промышленность США на международных форумах, состоял членом ряда научных обществ. Ему принадлежит 121 патент в области проектирования самолетов, транспортной техники, автоматизации производства и технологии новых материалов. В. был автором более 40 публикаций, командером Национальной гвардии США.

Соч.: Joukowski's Vortex Theory of Propellers // Aero Digest, 1930, vol. 16, № 4; Introducing the Budd RB-1 «Conestoga» // Aero Digest, 1944, May 15; Strength of Stainless Steel Structural Members as Function of Design. Philadelphia, 1950 (совм. с A.Lincoln); A New Missile Material // Missiles and Rockets, 1958, March.

Лит.: Who's Who in Aviation. New York, 1943.

Арх.: Арх. Нац. Аэрокосмич. музея США.

В.Михеев

ВЕЙДЛЕ Владимир Васильевич (1.3.1895, Петербург — 5.8.1979, Париж) — историк искусства, публицист, культуролог. Окончил реальное отделение петербургского Реформаторского училища, историко-филологический факультет Петербургского университета (1916). Юношей посещал кабаре «Бродячая собака». В 1918-20 В. — профессор Пермского университета, в 1920-24 преподаватель истории искусства в Петрограде, где в 1923 — начале 1924 часто бывал у А.Ахматовой. Осенью 1922 приезжал в Берлин; эмигрировал в июле 1924.

В. был флегматичен по натуре, запомнился современникам «почтенным, гологоловым... веснушчатым доцентом...» (В.Яновский). В 1928 женился на Людмиле Викторовне Барановской. Конец 1920-х — 1930-е семья В. провела в бедности, которая, по словам *Н.Берберовой*, — «была и организованная, и плановая». Материальное положение В. изменилось к лучшему только после 2-й мировой войны, когда он начал сотрудничать в Мюнхене с радиостанциями, вещавшими на СССР.

С 1925 В. — преподаватель, в 1932-52 профессор христианского искусства в парижском Богословском институте. В 1930-е интересовался экуменизмом; сотрудничал с *Ф.Степуном* и *Г.Федотовым* в «Новом Граде». Пришел к церкви под влиянием *о. С.Булгакова*. Как вспоминал В.: «Я в нем любил его самого, вне всяких определений, и вместе с тем, я любил что-то, что как бы сияло мне сквозь него..., что не больно любить: излучение добра». Печатался в «Последних новостях», «Современных записках», «Возрождении» (под псевд. Н.Дашков), «Числах», «Встречах» и др. Вместе со своим товарищем по Богословскому институту *К.Мочульским* работал в отделе критики газеты, а затем журнала «Звено» (Париж, 1923-28). С октября 1929 активный участник русско-французского литературного общества, в которое наряду с французскими писателями входили философы католической ориентации: Г.Марсель, Ж.Маритен и др. 18.7.1930 В. выступил с сообщением на вечере, посвященном символизму, с участием русских и французских литературоведов. В 1930-е начинал печататься по-французски. В 1937 — участник подборки эссе о Пушкине в «Journal de Poète», подготовленной *З.Шаховской*.

В конце 1920-х В. держался в стороне от большинства политических групп; руководство журнала «Современные записки», где он преимущественно печатался (с 1927), находило В. «скучным». В 1930-е сблизился с участниками альманаха «Круг» — издания, предпринятого *И.Фондаминским* и вместе с другими писателями «незамеченного поколения» (Ю.Фельзен, *В.Набоков*, Ф.Степун, Ю.Терапиано, мать Мария и др.), часто бывал на вечерах на квартире Фондаминского; стал отчасти разделять взгляды христиан-западников. После 2-й мировой войны печатался в «Новом журнале», «Новом русском слове», «Мостах», «Вестнике РСХД». В 1950-е в публицистике В. наметились славянофильские симпатии. Характеризуя творчество В. в целом, его относили (наряду с Д.Чижевским, *Н.Арсеньевым* и др.) к категории эмигрантских «любомудров».

На формирование творческого почерка В. наложили отпечаток близкие отношения с *В.Ходасевичем*, с которым его познакомил в марте 1922 в Петрограде поэт и переводчик Ю.Верховский. «С 1925 года до его смерти я постоянно виделся с ним в Париже... Лучшего друга у меня не было...» В. принадлежит книга «Поэзия Ходасевича» — первое монографическое исследование о поэте (Париж, 1928; 100 экз. за подписью В.В.В.), выросшее из статьи в «Современных записках» (1928, № 34). В. считал Ходасевича (который в письмах Н.Берберовой называл В. «Вейдличкой») одним из самых больших русских поэтов нашего времени и одновременно мастером русской прозы: «В стихотворстве своем Ходасевич защитился от символизма Пушкиным, а также... интимностью тона, простотой реквизита и отказом от превыспреннего словаря». В. защищал Ходасевича от нападок *Д.Мирского*, *Г.Иванова*. В 1969 и 1970 В. навещал Н.Берберову в Принстоне.

В. — критик-эрудит, владевший четырьмя европейскими языками, начитанный в новей-

шей литературе, тонко разбиравшийся в искусстве Запада XVIII-XX вв. (эссе о Пуссене, английской живописи XIX в., христианском искусстве Испании, итальянской культуре). Был лично знаком с П.Клоделем, П.Валери, Ш. Дю Босом, Т.С.Элиотом, Э.Курциусом, Э.Ауэрбахом, Х.Зедльмайром. Отчасти развивал тип критики, предложенный высоко ценимым им *П.Муратовым*. По мнению *Г.Струве*, В. явился «самым ценным приобретением зарубежной литературной критики после 1925 г.».

В. был непримирим к коммунистической власти: «И точно также, пять ли букв или четыре наклеить на живую плоть, это значит не имя ей дать, это значит украсть у ней имя. Нет, Россия не то самое, что зовется СССР. Так зовется лишь мундир, или тюрьма России». Для В. («Задачи России». Нью-Йорк, 1956) всемирно-*историческое значение России связано с Петербургом*. Петербургская Россия завершила единство Европы, подвела итог развитию Запада из одного «южного» корня. Культурным следствием этого стало рождение гибкого литературного языка и стихосложения, а также появление Державина — первого русского поэта общеевропейского масштаба. По мере знакомства с Западом Россия не европеизировалась, а становилась самобытнее, проявляя заложенный еще в ее византийско-киевско-московский фундамент смысл. Источник русского своеобразия — гуманизм, основанный на милосердии, которое вытекает из христианского чувства греха, из духовного понимания красоты страдания. Напротив, европейский гуманизм под влиянием Руссо и протестантизма проникся идеей «лже-сострадательности» (основанной на рассудочной утопической мысли о социальном уничтожении страдания), «излом» которой может быть преодолен в обращении Запада к еще не осознанному им богатству российской духовности. Большевики, прервав греко-христианскую преемственность, заставили Россию обратиться к Европе «своею азиатской рожей». Исторически задача российского будущего, в которое В. не переставал верить, определялось тем, что Россия должна заново осознать себя и Россией и Европой, «это будет для всех русских, где бы они ни жили, где бы ни умерли они, возвращением на родину». Концепция литературы русского зарубежья изложена В. в статье «Традиционное и новое в русской литературе XX века», где проводилась идея об общих истоках всего лучшего, что было написано на русском языке до и после 1917: «...не было двух литератур, была одна русская литература двадцатого столетия».

Как поэту и литературному критику В. наиболее близки поэты-«петербуржцы» Гумилев, Мандельштам, Ахматова и др. (эссе «Петербургская поэтика», 1968; «О стиходеланьи», 1960, 1970), творчество которых в начале 1910-х привело ко «второму цветенью» символизма, характеризовалось классической «простотой», преобладанием предметного значения слов над их обобщающим смыслом. В. принимал участие в многотомных изданиях О.Мандельштама, Н.Гумилева. Поэзию 2-го поколения эмиграции В. ценил не очень высоко, известен его резкий отзыв о И.Елагине. Среди прозаиков русского зарубежья выделял *М.Алданова*, романы которого сравнивал с произведениями Р.М. дю Гара, О.Хаксли, а также *И.Бунина* и В.Набокова. По мнению В., высшее достижение Бунина — роман «Жизнь Арсеньева», в котором осуществлено слияние поэзии и прозы, а лирическое начало выражено сильнее, чем в стихах. Среди критиков предпочитал *Г.Адамовича*, К.Мочульского, *Ю.Иваска*.

Одна из главных тем творчества В. — судьбы искусства. Лучшее из написанного им на эту тему — культурологическое исследование «Умирание искусства: Размышления о судьбе литературного и художественного творчества» (Париж, 1937; на франц. яз.: «Les abeilles d'Aristée» (Пчелы Аристея), 1936; 2-е перераб. изд. 1954). Всякое искусство, считал В., обусловлено верой в бытие творимого. «Живые лица» в высоком искусстве — это не «типы», «собирательные гомункулы», не «техника», а постепенное проявление иррационально явившегося хужожнику образа. Замена «лица» на «тип» в культуре XIX-XX вв. превращало роман в социологический трактат, более удаленный от реальности, чем самая условная елизаветинская трагедия; человек начинал изображаться «не таким, как он есть, а лишь таким, как он является рассказчику». Крайнее проявление подмены духовного реализма «сознанием» — «Улисс» Джойса.

Замена видения самосозерцанием — показатель нарушения равновесия между «поэзией» и «правдой» (в гётевском смысле): отрицается органическая целостность художественного произведения (всегда предшествующая его частям), творческое внимание направлено не на результат, а на самый состав творческого акта, что является знаком гордого безразличия к миру, нарциссического «идолопоклонства». Подавление творчества личностью художника рождает самоубийственное чувство покинутости в «чуждой» для автора «косности» мира. Современный художник — Гамлет — актер в трагедии, ключ к пониманию которой утрачен.

Общий пафос книги был поддержан Ходасевичем, который еще в эссе «Кризис в поэзии» (1934) высоко отозвался о статье В. «Чистая поэзия»: «Верен и прогноз Вейдле, прямо заявляющего, что европейская, в том числе

русская, литература обречена гибели, если в ней, как во всей европейской культуре, не воссияет вновь свет религиозного возрождения». Отстаиванию «звукосмысла» и полемике с тезисом структурализма о том, что искусство не только дает информацию о фактах, но и не имеет отношения к смыслу, посвящена книга «Эмбриология поэзии» (Париж, 1980).

Соч.: Мериме, Гоголь, Пушкин // Возрождение, 1931, 20 авг., № 2270; Пушкин и Европа // СЗ, 1937, № 63; Вечерний день: Отклики и очерки на западные темы. Нью-Йорк, 1952; О религиозном корне русского искусства // НЖ, 1953, № 33, 35; Les icones byzantines et russes. Milan, 1962; Рим-Париж, 1967; Зимнее солнце: Из ранних воспоминаний. Вашингтон, 1976; Статьи о русской поэзии и культуре // Вопр. лит-ры, 1990, № 7; Критические заметки: Об истолковании стихотворений, по преимуществу касающиеся трудов Р.О.Якобсона, Ю.М.Лотмана, К.Ф.Тарановского // Там же, 1992, № 1.

Лит.: Фельзен Ю. Умирание искусства // Круг. Париж, 1937, кн. 2; о.А.Шмеман. Памяти Вейдле // Вест. РСХД, 1979, № 129; Иваск Ю. В.В.Вейдле // НЖ, 1979, № 136.

В.Толмачев

ВЕНГЕРОВА Зинаида Афанасьевна (6.4.1867, Свеаборг, Финляндия — 30.6.1941, Нью-Йорк) — литературный и театральный критик, переводчик. Отец, А.Венгеров — общественный деятель и управляющий банком, мать, П.Венгерова — из купеческой семьи, автор книги «Мемуары бабушки» (Берлин, 1908-10, на нем. яз.), дед по матери, И.Эпштейн, написал комментарии к Талмуду, старший брат — историк русской литературы и библиограф С.Венгеров. Детство провела в Петербурге и Минске, где в 1881 окончила гимназию. В 1882-84 жила в Вене, изучая западноевропейскую литературу. В 1884-93 снова за границей. В Париже прослушала курс по литературе в Сорбонне, познакомилась с П.Лавровым и у него в доме с П. и Л.Лафаргами. В Лондоне занималась «вне всяких университетских программ» в библиотеке Британского музея, сблизилась с С.Кравчинским (Степняком), который ввел В. в круг английской либеральной интеллигенции. Путешествовала по Италии и Швейцарии. В 1889 опубликовала в журнале «Вестник Европы» первую статью «Джон Китс и его поэзия». Печаталась также в журналах «Мир Божий», «Северный вестник», «Образование» и др. журналах и газетах. Вела в «Вестнике Европы» хронику «Новости иностранной литературы» (1893-1909).

Статьи 90-х — начала 900-х посвящены Р.Браунингу, Р.Шеридану, Д.Мередиту, Г.Ибсену, А.Додэ и др. западноевропейским писателям. По отзыву Б.Глинского (1896), они были написаны с большим знанием дела, вполне литературно и простым, ясным языком. По возвращении в Россию В. продолжала общение с *Н.Минским* (впервые встретилась с ним в 80-х, впоследствии муж В.). Вошла в кружок писателей-символистов, группировавшихся вокруг «Северного вестника» (*З.Гиппиус, Д.Мережковский, К.Бальмонт* и др.). Для журнала Гиппиус «Новый путь» написала статьи о Э.Верхарне и А. де Ренье (1904). Статьи В., собранные в книгах «Литературные характеристики» (т.1. СПб., 1897; т.2. СПб., 1905; т.3. СПб., 1912) и «Английские писатели» (СПб., 1913), имели просветительную направленность и принесли ей широкую известность среди интеллигенции; вместе с тем, анализируя западную литературу, В. выражала философию символизма, о котором она писала: «Символизм мне казался и продолжает казаться основой модернизма, и в таком смысле я старалась истолковывать его во всех моих работах... Под знаком символизма я воспринимаю всё лучшее, что создавало и создает искусство и в минувшем и в настоящем». По мнению В., это лучшее — не в описании социальной действительности, а в изображении невидимого, независимо от «официальной» принадлежности писателя к символизму. «Символизм, — писала она, — это всё, что относится к сущему, как знаку невоплотимого. Символист — это тот, кто не сливается с переживаемым моментом, не утопает в нем, а воспринимает его, как искание цели, как путь».

Писала также о русской литературе и о духе русского модернизма на французском, английском и немецком языках. Во Франции сотрудничала в «Mercure de France», была ответственной за хронику, посвященную русской литературе («Lettres russes»); написала статьи о Гиппиус, Сологубе, Чехове, Достоевском и др. русских писателях. В Англии сотрудничала в «Saturday Review» (1902-03), где также вела рубрику о новых явлениях русской литературы. В 1910 опубликовала в «Fortnightly Review» статью «The Life and Death of Tolstoy» («Жизнь и смерть Толстого»), в которой пыталась доказать принадлежность его творчества к модернистской школе. В немецком журнале «Magazin für die Literatur des Auslands» писала о «молодой» литературе России. Автор статьи «Русский роман во Франции» (Вест. Европы, 1899).

С 1897 переводила пьесы западных драматургов; писала о русском и зарубежном театре, о театральных новинках; философский характер носила статья В. «Об отвлеченном в театре» (Заветы, 1914). Была близка с актрисой Л.Яворской-Барятинской, создательницей «петербургского театра» и с ее мужем, журналистом и драматургом, князем В.Барятинским; была также знакома с К.Станиславским, о кото-

ром написала статью в 1897 для энциклопедии Брокгауза и Ефрона, В.Качаловым. И.Москвиным, О.Книппер, В.Комиссаржевской и Т.Щепкиной-Куперник. Две статьи В. посвятила женщине и ее месту в современном обществе: «La femme russe» («Русская женщина») (Revue Mondiale, 1897) и «Феминизм и женская свобода» (Образование, 1898).

В сентябре 1921 эмигрировала, в 1921-23 жила в Берлине, в семье переводчика Луизы Флакс. О своем участии в жизни литературного Берлина писала в октябре 1921: «Я здесь уже в таком водовороте работы, точно не выезжала из Петербурга старого времени. Издается новый журнал «Вестник Западной Литературы» для России — и я очень занята, чтобы его интересно наладить». Журнал, вероятно, издавался Научно-техническим отделом издательства «Скифы»; В. написала для этого журнала статью об основателе антропософии Р.Штейнере и о немецком театре. В Берлине В. активно занималась редакторской и переводческой работой; была связана с издательствами «Аргонавты» и «Скифы», с советским издательством «Всемирная литература», основанным М.Горьким; редактировала газету «Голос России». Вместе с А.Белым, Н.Минским и др. писателями основала центр русской культуры — «Дом Искусств».

В 1923 с помощью английского писателя Хью Вальполя переехала в Англию. О своей работе в Англии она писала: «Моя печаль в том, что необходимость «жить» заставляет меня отдавать значительную часть времени... на работу очень прозаическую и далекую от моих дум, т.е., пользуясь знанием языков и литературным опытом, редактировать экономические статьи, переводить с английского и на английский разный объективно экономический, осведомительный материал в здешних изданиях... А в свободные от этой работы часы я работаю «для себя» — приготовила литературные лекции о новой русской литературе, читала несколько лекций, в дальнейшем предстоят лекции в Шотландии... Уже после Рождества лекция для здешнего Шекспировского общества при университете. Тема моя «Hamlet in the mankind of Russia» («Гамлет в русском восприятии»)». В конце 20-х В. переселилась в Париж. Написанные там две работы были опубликованы в СССР: «Парижский архив князя Урусова» (Лит. наследство, 1939, № 3) — разностороннее исследование, посвященное князю Урусову и его коллекции материалов, собранных для несостоявшейся книги о Флобере, и воспоминания о встречах с младшей доченью Карла Маркса, Элеонорой Эвелинг, с которой познакомил В. в Лондоне Кравчинский.

В 1937, после смерти Минского, она переехала в Нью-Йорк, к любимой сестре *Изабелле Венгеровой*, где и жила до своей кончины.

Лит.: Bayer Thomas R. The House of the Arts and the Writers' Club. Berlin, 1921-1923 / Russian Berlin Publishers and Writers. Kratz G., Verner Z. Berlin, 1987; Rozenthal Charlotta. Modernism and Women's Liberation // Slav. Studies, 1987, № 8; Neginsky R. Zinaida Vengerova: The Aesthetik of the Incarnation of the Unincarnated (дисс.). Ann Arbor, 1991; Нежинская Розина. Зинаида Венгерова и русский символизм // Revue des Etudes Slaves, 1995, Jan.

Арх.: РГАЛИ, ф.39.

Р.Нежинская

ВЕНГЕРОВА Изабелла Афанасьевна (17.2.1877, Минск — 7.2.1956, Нью-Йорк) — пианистка, педагог, младшая сестра *З.Венгеровой*. Музыкальное образование получила в Венской консерватории у Й.Даха. После окончания курса в 1895 В. на протяжении двух лет совершенствовалась под руководством Т.Лешетицкого, а затем, уже в Петербурге, занималась с А.Есиповой, одной из самых выдающихся пианисток, вышедших из его класса. В 1904 В. экстерном закончила Петербургскую консерваторию, а спустя три года стала ее преподавателем (в 1913-21 — профессором).

Как исполнитель она выступала нечасто, главным образом в ансамблях, в том числе со скрипачем И.Налбандяном. Рецензенты особенно отмечали прекрасное туше пианистки, «ласкающую интимную мягкость» и «проникновенную строгость» ее игры. «Звук ее был подобен бархату», — вспоминала одна из учениц. Сравнительно скромные масштабы исполнительской деятельности В. объяснялись, вероятно, размахом ее педагогической работы. «Музыка занимает у меня 11 часов в день, и иногда я чувствую себя совсем уставшей, — сообщала она в одном из ранних писем. — У меня 45 учеников, 20 консерваторских и 25 частных».

Покинув Петербург в 1921, В. некоторое время гастролировала в России и Европе, пока в 1924 не перебралась из Вены в США. Ее американский дебют состоялся 8.2.1925 с Детройтским симфоническим оркестром: пианистка исполнила Концерт Шумана. Вскоре она снова обратилась к преподаванию. Вместе с И.Гофманом приняла участие в организации Музыкального института Кертиса в Филадельфии, ставшего вскоре одним из лучших музыкальных учебных заведений Америки. В нем В. до конца жизни вела фортепианный класс, приезжая 1-2 раза в неделю из Нью-Йорка, где жила постоянно. В 1950 она была удостоена звания почетного доктора; одновременно В.

преподавала фортепиано в нью-йоркском Маннес-колледже (с 1933), занималась с частными учениками.

С самого начала деятельность В.-педагога пользовалась в США высочайшим авторитетом. Пианистку можно назвать в ряду основоположников американской фортепианно-педагогической школы. В 20-е — 30-е она одной из первых привнесла в фортепианное обучение дух высочайшей требовательности и профессионализма, характерный для ее великих учителей, Лешетицкого и Есиповой. В работе она по-своему развивала их педагогические принципы. Так, ставя ученикам руки, В. добивалась того, чтобы локти держались в стороне от корпуса, запястья были абсолютно свободны, а пальцы сохраняли полукруглое положение, что должно было придать им силу и точность. Много внимания уделяла она пальцевой технике. При этом после нажатия клавиши палец должен был мгновенно сниматься и переноситься в положение над следующей клавишей, той, которую необходимо ему взять. Движения пальцев и предплечья координировались между собой. Таким образом удавалось добиться разнообразия и богатства фортепианного звучания. Ученик В., известный американский пианист Дж.Латейнер, так сформулировал ее основные требования: певучий звук и красивое легато; рука, следующая за рисунком пассажа; погружение пальцев глубоко в клавиши; гибкость запястья. В начале обучения каждый ученик В. проходил курс интенсивной технической тренировки. Вот как характеризовала своего профессора одна из учениц: «Ее знание необъятной фортепианной литературы было поразительным, ее настойчивость в дотошном внимании к каждой детали — невероятным. Каждая нота, фраза, палец, звук, нюанс, педаль должны были быть совершенством. Такое строгое отношение к мелочам не затемняло однако целого. По натуре она была подлинным романтиком. Она придавала большое значение виртуозности и крупному сочному звуку, словно «льющемуся» из фортепиано. Ее подход к темпам был полон молодой свежести и горячности. У нее был прекрасный вкус и живое воображение». Ученики вспоминают В. как чрезвычайно властного и строгого человека — слово похвалы от нее было величайшей редкостью. Но эта строгость, как и у многих других преставителей русской фортепианной педагогики, обуславливалась творческой бескомпромиссностью, стремлением к совершенству, к передаче всей глубины и красоты, заложенных в музыке.

За более чем 30 лет работы в Америке В. воспитала огромное число музыкантов, среди которых известнейшие композиторы и пианисты С.Барбер, Л.Бернстайн, Л.Фосс, Г.Графман, Л.Пеннарио. Многие ее ученики, став педагогами, и сейчас продолжают за рубежом русскую пианистическую традицию.

Лит.: Flisser E. The Venerable Vengerova: Magician of Pianoforte // Music Journal, 1965, № 3; Resitz J. Lessons with Vengerova // Piano teacher, 1965, № 2; Gerig R. Famous Pianists and their Technique. Washington, 1974; Schick R.D. The Vengerova System of Piano Playing. University Park, Pennsylvania, 1982.

С.Грохотов

ВЕРНАДСКИЙ Георгий (Джордж) Владимирович (20.8.1887, Петербург — 12.6.1973, Нью-Йорк) — историк. Родился в семье потомственного дворянина, будущего академика и члена ЦК кадетской партии Владимира Ивановича В. Отец и мать В. (урожд. Наталья Егоровна Старицкая) были самыми близкими его друзьями и советчиками. В 1905 по окончании 5-й московской гимназии В. поступил в Московский университет на отделение истории историко-филологического факультета. Учился у В.Ключевского, Ю.Готье, М.Богословского, *А.Кизеветтера*, Р.Виппера, М.Любавского. В 1906 слушал лекции во Фрайбургском университете (Германия), был увлечен взглядами философа-неокантианца Г.Риккерта. Входил в Московском университете в студенческую секцию кадетской партии. Впоследствии оценивал свою политическую деятельность как «едва ли заслуживающую упоминания», однако усвоенные в юности идеи либерализма во многом сформировали В.-историка. В 1908 женился на своей троюродной сестре Нине Владимировне Ильинской, с которой, будучи студентом, ежегодно путешествовал в Западную Европу. Присутствовал на международном студенческом конгрессе славистов в Праге, где познакомился с Т.Масариком, будущим первым президентом Чехословакии. В 1910 окончил университет с дипломом 1-й степени за написанное под руководством М.Богословского сочинение «Общественная программа дворянских наказов в Екатерининскую комиссию 1767 г.».

Темой магистерской диссертации В. избрал историю колонизации Сибири в XVI-XVII вв. Статьи по этой проблеме 1913-14 стали основополагающими в его интеллектуальной эволюции, определив направление дальнейших исследований. В. сформулировал закон соотношения исторического времени и пространства: «Социальное явление для данной местности изменяется во времени. Для данного момента времени социальное явление различно при перемене пространства..., 1000 верст на север или восток от социального центра могут иметь для исследователя такое же значение как 100 лет

вглубь времен». В действии этого закона В. видел одну из важнейших причин своеобразия истории России — «общества, занявшего огромное пространство», и в этом «философия всей русской истории».

В 1913 В. переехал в Петербург и был принял в число приват-доцентов Петербургского университета. Изменив тему магистерской диссертации, подготовил работу «Русское масонство в царствование Екатерины II», изданную в 1917. В университете общался с А.Корниловым, М.Приселковым, С.Рождественским, познакомился с американскими историками Ф.Голдером и Р.Лордом; другом его стал *М.Карпович*. Занимался и общественной деятельностью: в 1911-14 член уездного земского собрания в Моршанске Тамбовской губернии; в 1915-16 служил в департаменте помощи беженцам Петроградского Союза городов, после Февральской революции В. в течение трех месяцев редактировал официальный орган министерства внутренних дел «Сельский вестник». Тогда же написал популярную биографию *П.Милюкова*. Весной 1917 В. принял кафедру русской истории в Пермском университете, опубликовал там биографию Н.Новикова, был инициатором создания «Общества исторических, философских и социальных знаний».

Принадлежность В. к кадетам и контакты с иерархами церкви привлекли к нему внимание ЧК. После того, как войска Колчака оставили Пермь, он был вынужден переехать в Симферополь во вновь открывшийся Таврический университет. Наряду с преподаванием, обрабатывал материалы архива графа Потемкина и на их основе опубликовал ряд статей в «Известиях» университета. Занимал пост начальника отдела печати в администрации Врангеля, поражение которого заставило В. эмигрировать. 1.11.1920 он отплыл в Константинополь, через 3 месяца переехал в Афины, где изучал источники и литературу по византиноведению в библиотеке Греческой археологической ассоциации. В феврале 1922 был приглашен в Чехословакию. В качестве профессора Русского юридического института в Праге читал курс по истории права Российской империи, выпустил учебник «Очерк истории права Русского государства XVIII-XIX вв.» (1925). Участвовал в работе семинара (впоследствии Института) *Н.Кондакова*, публиковал статьи в его «Трудах», а в 1925 возглавил институт. Воспринял выводы Кондакова о взаимосвязи степной, византийской и славянской культур; в сочетании с интересом В. к проблеме колонизации русскими Сибири это привело его к основанному *П.Савицким* и *Н.Трубецким* движению евразийцев. Не присоединяясь к этому движению политически, В. заимствовал евразийский словарь и своими работами подвел исторический фундамент под евразийскую доктрину: книги «Начертание русской истории» (Прага, 1927), «Опыт истории Евразии» (Берлин, 1934), «Звенья русской культуры» (Берлин, 1938). В основу концепции В. легло изучение взаимодействия природных и социальных факторов в ходе русской истории, он предложил оригинальную ее периодизацию, основанную на «соотношении леса и степи», употребляя эти понятия «не в почвенно-ботаническом их значении, а в совокупности их природного и историко-культурного значения». Достижение русским народом психического и физического единства с окружающей этнической и географической средой явилось, по мнению В., логическим завершением многочисленных попыток создания на территории Евразии единого государства. Унаследовав традиции монгольской государственности и византийского православного христианства, Россия превратилась в евразийскую империю. В. выдвинул идею периодической ритмичности государствообразующего процесса на территории Евразии — чередования государственности и политической раздробленности, начиная со «Скифской державы» и кончая созданием СССР.

С 1927 В. жил и работал в США, куда его пригласил по рекомендации *М.Ростовцева* и Ф.Голдера Йельский университет. К моменту переезда В. еще не знал английского языка и не мог вести занятий со студентами. Однако в первый год пребывания в США он получил заказ на написание однотомной «Истории России», впервые изданной в 1929. Эта работа стала своего рода визитной карточкой В. «История» несколько раз переиздавалась, причем В. дополнял главу по истории современного Советского Союза. Последнее издание вышло в 1969. Книга была переведена на европейские и японский языки. Рецензент 1-го издания Р.Кернер отметил объективность В.-эмигранта по отношению к советской истории и согласился с Ростовцевым в том, что автор «не злоупотребил своей евразийской точкой зрения».

С 1931 В. преподавал в Йельском университете, в дальнейшем также в Гарвардском, Колумбийском и Чикагском университетах. Участвовал во многих международных научных конференциях в США и в Европе. Для съезда Американской исторической ассоциации в 1933 подготовил доклад «Русская история: управление экономикой при киевских князьях, царях и Советах»; выступил на международном конгрессе в Цюрихе (1938) с докладом «Феодализм в России», на 20-м международном конгрессе востоковедов в том же году — с докладом о Ясе Чингисхана. Пользовался исключительной популярностью среди коллег, библи-

отекарей и архивистов как знаток исторических источников. Был обладателем коллекции русских грамот XVI-XVIII вв.; изучил, расшифровал и описал около 300 рукописей из семейных архивов Тамбовской и Пензенской губерний, предполагал опубликовать сборник документов о провинциальной жизни и обществе в России XVI-XVIII вв. (проект остался нереализованным). Работами педагога-популяризатора явились книги В. «Ленин: красный диктатор», «Русская революция: 1917-1932» (Бостон, 1936). «Политическая и дипломатическая история России» (Бостон, 1936). В середине 30-х задумал совместно с Карповичем создание многотомной «Истории России»; первые 6 томов из 10 должен был написать В. Он написал 5 книг: в 1943 вышла «Древняя Русь», в 1948 — «Киевская Русь», в 1953 — «Монголы и Русь», в 1958 — «Россия в средние века», в 1968 — «Московское царство». В. дописал русскую историю до 1682 (преждевременная смерть Карповича помешала завершению проекта). В этих работах проводилась мысль об определяющем влиянии «месторазвития» на исторические особенности всех общественных институтов, но, в отличие от представителей других историко-философских направлений (немецкой геополитики, французской «географической школы» и самого евразийства), В. не придавал действию природно-географического фактора самодовлеющего значения, понимая, что основным источником прогресса материальной и духовной культуры является внутреннее саморазвитие общества, а внесоциальные факторы лишь накладывают на него печать своеобразия. Наряду с натурализмом, он старался избежать и другой крайности в оценке взаимодействия природы и общества — вульгарного социологизма.

В годы 2-й мировой войны В. активно участвовал в гуманитарной и политической поддержке Советского Союза, к этому его побуждала и тревога за родителей, оставшихся в СССР. Последний раз он встречался с ними в Западной Европе осенью 1936. Мать В. умерла в 1943; в 1944 он получил разрешение приехать в СССР повидаться с отцом, но перед самым отлетом узнал о его смерти. Позже состояние здоровья не позволило В. воспользоваться приглашением на конференцию востоковедов в Москве (1960).

В 1956 вышел в отставку, получив звание заслуженного профессора истории Йельского университета. В 1958 Колумбийский университет присудил В. звание почетного доктора гуманитарных наук. Студенты В. посвятили ему сборник статей (1964). Американская ассоциация содействия славянским исследованиям избрала его в 1965 пожизненным почетным президентом, в 1970 он был удостоен высшей награды ассоциации. В США широко отмечалось его 70- и 80-летие. На склоне лет он начал писать и публиковать воспоминания, работал над рукописью о патриархе Никоне. За всю свою творческую жизнь им было создано около 300 работ. Д.Кларксон в 1964 назвал В. бесспорно одним из «выдающихся живущих авторитетов по русской истории». Ученик В. А.Фергюсон писал в некрологе, что «с его смертью завершилась великая эра русской исторической науки». Сам же В. считал себя продолжателем историографических традиций России.

Соч.: Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г. Прага, 1925; Братство «Приютино» // НЖ, 1968, № 93; 1969, № 95-97.

Лит.: К 80-летию Г.В.Вернадского // НЖ, 1967, № 88; Ковалевский П. Профессор Г.Вернадский и его история России // Возрождение, 1970, № 217; Пушкарев С. [Некролог] // НЖ, 1973, № 113; Андреев Н. [Некролог] // Зап. рус. акад. группы в США, 1975, № 9; Halperin Ch. Russia and Steppe: Georg Vernadsky and Eurasianism // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 1985, Bd. 36; Соничева Н. Философия евразийцев в концепции Г.Вернадского // Феномен евразийства. М., 1991; Пашуто В. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.

Арх.: ГАРФ, ф. 1137; Арх. РАН, ф.518; Колумбийский ун-т. Арх. Бахметьева.

Н.Соничева.

ВЕРТИНСКИЙ Александр Николаевич (21.3.1889, Киев — 21.5.1957, Ленинград) — артист, поэт, композитор. Детство В. прошло в Киеве. В 4 года потерял мать, скоро умер и отец — известный в Киеве адвокат. Мальчик и его старшая сестра, взятые на воспитание родственниками, оказались в разных городах и считали друг друга умершими. Случайная встреча с сестрой, тоже актрисой, произошла лишь в 1912 в Москве. Рос сиротой, испытывая постоянное чувство голода, терпя побои за плохие отметки, за вынужденное мелкое воровство. В. вспоминал: «Лежа ночами на сундуке на грубом солдатском ковре, в передней, весь в синяках, избитый и оскорбленный, горько плакал...» Учился плохо, гимназия осталась неоконченной. В 16 лет его выгнали из дома — ночевал где придется, на холодных лестницах, в садовых беседках... Рано увлекся театром, всеми способами проникал на концерты и спектакли, случалось, участвовал в них в качестве статиста. На любительских вечерах пел цыганские романсы под гитару. Чтобы прокормиться, работал корректором, грузил арбузы, продавал открытки... Увлечение искусством привело В. в круг киевской богемы, собиравшейся в подвале, в маленьком кабачке под Городской думой,

за стаканом дешевого вина. Одетый в купленный на толкучке подержанный фрак, всегда со свежим цветком в петлице, презрительный и надменный, он проводил здесь дни и ночи.

В 1912 в киевских журналах были опубликованы три рассказа В. Мечты о славе влекли его в Москву, где его никто не ждал и никто не знал. Снова полуголодное существование, случайные заработки, привычный круг богемы. Увлекался поэзией А.Блока, И.Анненского, А.Ахматовой, Ф.Сологуба, в качестве вольнослушателя посещал лекции в Московском университете. После неудачной попытки выдержать экзамены на статиста в Московский Художественный театр случайно оказался в маленьком Мамоновском театре миниатюр (1913), где вместо жалованья первое время получал ежедневный обед. Исполнял короткие юмористические рассказы, куплеты, партию Доброго молодца в одноактной опере «Княжна Азвяковна», а также пародии собственного сочинения, которые принесли первый успех.

Артистическую карьеру прервала начавшаяся 1-я мировая война. В. начал работать в московском госпитале, потом в санитарном поезде, делал не только перевязки, но и несложные операции. Работал самоотверженно, удивляя своей выносливостью. За полтора года им было сделано 35 тысяч перевязок. В короткие периоды досуга «Брат Пьеро» или попросту Пьероша, как называли его в поезде, пел под гитару романсы, сочинял пародии, шуточные злободневные стихи. Работа отучила его от кокаина, модного среди богемы поветрия, которое захватило В. перед войной.

Вернувшись в Москву (1916), «Брат Пьеро» трансформировался в подлинного романтического Пьеро, ежевечерне выступавшего в программе Петровского театра миниатюр. Балахон Пьеро (белый, позднее черный), условный, подчеркнутый грим (свинцовые белила, тушь, яркокрасный рот) помогали скрыть неуверенность, волнение: «Петь я не умел! Поэт я был довольно скромный, композитор тем более неважный, даже нот не знал». После первых «ариеток»: «Минуточка», «Жамэ», «Сероглазочка», «Маленький креольчик», «Лиловый негр», «Бал Господен», «Кокаинеточка» — пришел граничащий со скандалом успех. Портреты в витринах, статьи в прессе, издание нот, пластинок, которые расходились по всей стране. Критики недоумевали, размышляя о феномене В., упрекали его в упадничестве, «кокаинном дурмане», банальности. Суждения были не лишены оснований; но выстраданность в соединении с иронией, умением взглянуть на себя со стороны придавали банальным стихотворным строкам глубоко личную наполненность и неповторимо индивидуальную окраску. В. создавал свой собственный театр, где он и артист, и режиссер, и автор, и композитор. Рамки номера в программе театра миниатюр становились ему тесны и к концу 1917 он начал концертировать по стране со своей программой. В это трагическое для России время модный певец, призывавший дорожить «минуточкой», мимолетными радостями бытия, выступил с песней, посвященной погибшим в бою с большевиками юнкерам: «Я не знаю зачем и кому это нужно...» Костюм Пьеро заменила черная визитка с траурным креповым бантом на рукаве. Песня исполнялась яростно, гневно и одновременно торжественно, вызывала в публике слезы, истерики, овации, смешанные со свистом.

В конце 1918 В. покинул голодную Москву в надежде на скорое возвращение, состоявшееся, однако, лишь через четверть века. Киев, Харьков, Одесса, Севастополь — путь В.; осенью 1920 на пароходе вместе со штабом врангелевской армии прибыл он в Константинополь. «Начиная с Константинополя и кончая Шанхаем я прожил длинную и не очень веселую жизнь эмигранта... Я много видел, многому научился». Унижения, обиды — их довелось В. перенести немало — развили душевную чуткость, понимание чужого горя, сострадание ему. В Константинополе выступал в маленьком кабаре «Черная роза» с цыганскими песнями, затем перешел в загородный сад «Стелла», посещавшийся русскими, где он мог исполнять свой репертуар. Последовали приглашения на официальные банкеты, приемы и даже во дворец к султану. На переезд в Европу не было ни денег, ни документов. Выручил знакомый по Москве театральный администратор, он предложил концерты в Румынии и раздобыл для этой поездки паспорт на имя греческого подданного Александра Вардитиса, с которым артист объездил впоследствии чуть ли не полсвета. Начались гастроли: Румыния, Польша, Палестина, Александрия, Бейрут. В 1923/24 концертные турне в Германии, в 1925 — Франция. В. пел старинные цыганские романсы в третьесортных шантанах и в первоклассных ресторанах в сопровождении небольшого оркестра, иногда гитары или фортепиано. В Молдавии, Польше, где было много русскоязычного населения, исполнял свои песенки. Здесь возникало острое ощущение близости родины: «О, как сладко, как больно сквозь слезы / Хоть взглянуть на родную страну...» Ностальгия, столь свойственная русской эмиграции, рождала шедевры В.: «В степи молдаванской» (1925), «Чужие города» (1934, в соавт. с Р.Блох), «О нас и о родине» (1935) и др.

Почти на 10 лет задержался В. во Франции. Совершая короткие концертные турне по Европе, он к началу сезона возвращался в Париж в «Большой Московский Эрмитаж», где работали

известные русские артисты *Н.Плевицкая*, Ю.Морфесси, играл оркестр балалаечников и др. После часа ночи пел в «Казбеке» на Монмартре, в «Шехерезаде», маленьком, но очень дорогом «Казанова». Здесь собирались всевозможные знаменитости: короли, принцы, магараджи, великие князья, миллионеры, знаменитые актеры. В. сблизился с выдающимися деятелями русского искусства *Ф.Шаляпиным, С.Лифарем, Т.Карсавиной, А.Павловой, И.Мозжухиным, М.Кшесинской*. «В вечерних ресторанах, в парижских балаганах» родились известные песни: ироническая «Femme raffince», горестный «Желтый ангел», «Джимми», «Piccolo Bambino», и др. В 1934 В. на океанском лайнере прибыл в Нью-Йорк, где дал концерт в большом, на 2500 зрителей, зале «Town-Hall». На концерте присутствовал весь цвет русского артистического мира, включая *С.Рахманинова*, Ф.Шаляпина, *Н.Балиева*. Ангажементы в Калифорнии (Сан-Франциско, Голливуд) дали возможность познакомиться с лучшими американскими актерами. Известную песенку «Гуд бай» («Вас нетрудно полюбить») В. посвятил Марлен Дитрих. Последней страной в странствиях В. стал Китай (1935-43). Пел в ночных кабаре Шанхая и Харбина, где было много русскоязычной публики. Изредка давал концерты в больших залах. Продолжал писать песни, в том числе знаменитые «Прощальный ужин», «Как хорошо без женщин».

В песнях В. представал иллюзорный, разноцветный мир, населенный множеством причудливых персонажей. Среди них лакеи и лорды, матросы и адмиралы, епископы и клоуны, кокотки и принцессы... Резким взмахом руки, движением пальцев, надменной иронической полуулыбкой, легкой саркастической или скорбной гримасой В. показывал этих персонажей. Жесты не только давали мгновенную и яркую иллюстрацию к исполняемой песне, но в ряде случаев носили ассоциативный характер, помогали создать настроение, передать атмосферу. Исполнение строилось на контрастных переходах от плавных мелодических линий к энергичной, ритмизированной речитации, на резкой смене настроений, стыках обыденной ситуации и высокомерного тона. Ирония снижала патетику, насмешливость прикрывала трагизм, бравурная веселость — душевную боль. Изощренное исполнительское мастерство, виртуозно разработанная интонационно-пластическая партитура, высочайший артистизм делали песни-новеллы В. большим искусством. Не случайно в исполнении других артистов они, как правило, успеха не имели. В концертном репертуаре В. были песни не только на его собственные стихи. Верный своим юношеским увлечениям, он превращал в песни стихи А.Блока, Н.Гумилева, А.Ахматовой, И.Анненского. *Г.Иванова*, делая их доступными для самой широкой аудитории. В то же время по-своему исполняя старинные и цыганские романсы («Ехали на тройке с бубенцами», «Только раз бывают в жизни встречи» и др.), поднимал их на качественно иной уровень, очищал от налета пошлости, обращал душещипательность в чистую лирику. Сформированный искусством русского Серебряного века, В. гордо пронес его дух в своем, несколько «сниженном», варианте сквозь революции, войны, эмиграцию.

В 1943, после третьей просьбы, В. разрешили вернуться в Россию. Начались гастроли, выступления в концертных залах, небольших клубах, домах культуры. Повсюду с триумфальным успехом. Песни В., казалось, далекие людям, выросшим в советской действительности, не оставляли их равнодушными. Наряду с тонкими ценителями и знатоками (В. постоянно давал концерты в Домах творческой интеллигенции), ему рукоплескала самая широкая, неискушенная публика. Артист дал более 3 тысяч концертов в сопровождении пианиста М.Брохеса, несколько раз объехал всю страну. В начале 50-х снялся в кинофильмах «Заговор обреченных» (Кардинал, Гос. премия 1951), «Анна на шее» (Князь) и др. Молчание прессы, отсутствие пластинок, которые за рубежом выходили миллионными тиражами, публикаций нот, стихов, выступлений по радио больно ранили В. И все-таки он верил, что «через 30-40 лет меня и мое творчество вытащат из подвалов забвения». Пророчество сбылось. С конца 70-х начали выходить пластинки В. Наиболее полно его песни представлены в двойном альбоме «Александр Вертинский» (Мелодия, 1990). Два диска с песнями В. изданы во Франции (1993). Выходят стихи, ноты, мемуары.

Соч.: Дорогой длинною... М., 1990; Романсы и песни. М., 1991.

Лит.: Иофьев М. Профили искусства. М., 1965; Рудницкий К. Александр Вертинский / Эстрада без парада. М., 1991; Савченко Б. Кумиры забытой эстрады. М., 1991.

Е.Уварова.

ВЕСЕЛОВСКИЙ Александр Николаевич (1894, Москва — 4.2.1964, Луино, Италия) — артист оперы, тенор. Имеющиеся в настоящее время сведения о жизни В. в России требуют проверки и уточнений. Достоверно известно, что в 1914 В. был вольнонаемным певчим знаменитого Московского Синодального хора. Наиболее авторитетный «словарь певцов» — «Sängerlexicon» И.Куча и Л.Рименса сообщает, что В. был офицером, видимо, в годы 1-й мировой войны. Можно считать установленным, что

в 1919-21 В. был солистом Большого театра. Он не только хорошо знал, но и дружил с Н.Головановым, хормейстером Синодального училища и дирижером Большого театра. Эмигрировал В., безусловно, уже сформировавшимся певцом и имел определенный опыт, ибо уже в 1922 пел на сцене крупнейшего театра Испании — «Liceo» в Барселоне, а в 1924 вместе с *Н.Кошиц* гастролировал в Буэнос-Айресе в театре «Colon», признаваемый за первую оперную сцену Южной Америки. В то время европейские оперные театры были «перенаселены» певцами высокого класса, русская эмиграция прибавила к ним еще многих незаурядных артистов. Получить солидные ангажементы было необычайно трудно. Тем показательнее для оценки артистических возможностей В. предложение, которое он получил в 1925 от величайшего дирижера Италии Артуро Тосканини. Русский артист приглашался на роль Князя Голицына в постановке «Хованщины» М.Мусоргского на сцене театра «La Scala». А затем в течение 25 лет В. был солистом миланского театра. За 1925-50 он «установил своеобразный рекорд» — спел наибольшее число спектаклей из всех певцов неитальянцев, выступавших когда-либо на прославленной сцене Италии. В. исполнял в «La Scala» не только партии в русских операх, в которых он выделялся своею «аутентичностью». Он был артистом, способным с равным успехом выступить и в итальянском, и французском, и немецком репертуаре в окружении певческой элиты Милана. Среди его лучших партий, исполненных на сцене «La Scala», отмечают вагнеровского Лоэнгрина, Кавалера де Грие в «Манон» Ж.Массне, Альфреда в «Травиате» Дж.Верди, Лориса в «Федоре» У.Джордано. Сам факт исполнения таких ответственных партий в театре, где в эти годы господствовали теноры из категории «суперзвезд» — А.Пертиле, Д.Борджоли, Б.Джильи и др., позволяет поставить В. в один ряд с ведущими тенорами Европы межвоенного периода. Помимо «La Scala», он регулярно выступал на сцене Королевской оперы в Риме, гастролировал в парижской «Grand-Opéra». В конце 1940-х вокальные возможности артиста, видимо, были уже на спаде, т.к. он исполнял в основном характерные партии. О концертной деятельности В. ничего неизвестно, кроме того, что он был участником симфонических концертов, пел сольные партии в Девятой симфонии Л.Бетховена и в Мессе си минор И.С.Баха.

На рубеже 1920-1930-х в Милане голос артиста был записан известной компанией «Pathe» (всего 10 арий). Есть сведения, что В. также записывался для пластинок компании «Columbia». В звуковых архивах России этих фонограмм нет. Судя по исполнявшемуся В. репертуару, он обладал скорее всего голосом лирико-драматическим. Его репертуар дисков «Pathe» также характерен для тенора универсальных возможностей. Достоверных сведений о реконструкции записей В. на Западе нет.

Лит.: Kutsch J., Riemens L. Unvergängliche Stimmen. Sängerlexicon, Bern-München, 1975; Пружанский А.М. Отечественные певцы 1750-1917. М., 1991.

П.Н.

ВИЛЬДЕ Борис Владимирович (псевд. Борис Дикой) (1908, ст. Славянка, Петербургской губ. — 23.2.1942, Париж) — писатель, этнолог. Родился в семье железнодорожного служащего, мать — из крестьян. В 4-летнем возрасте В. потерял отца; семья переселилась на родину матери в село Ястребино, а в 1917 — в Эстонию. В 1920-26 В. учился в русской гимназии в Тарту; окончив ее, поступил на физико-математический факультет Тартуского университета, но был исключен за попытку в 1927 пересечь советско-эстонскую границу и выслан в Кохтла-Ярве. Летом 1930 уехал в Германию. Подрабатывал на фермах, сотрудничал для заработка в газетах; выступал с докладами о современной русской культуре в Веймаре и Йене (1932), доказывал, что революция в России была необходима и что сотрудничество между Германией и Советской Россией благотворно для обеих стран; участвовал в антифашистской демонстрации. По поводу мировой экономической депрессии писал матери: «Сейчас везде плохо — в Англии, во Франции, кроме, конечно, России». С августа 1932 в Париже, жил первое время в доме А.Жида, с которым познакомился в Берлине. Принадлежал к числу «русских монпарнасцев», входил в литературные объединения «Круг», «Кочевье» и др., печатал в журналах «Числа», «Полярная звезда» стихи, рассказы, критические заметки. Для русского литературного окружения В. был «очень милым, очень приятным молодым человеком, только и всего. Чувствовался в нем искатель приключений гумилевского романтического склада: мечты о походе в Индию или об охоте на белого слона» (*Г.Адамович*), но, по впечатлению В.Яновского, это был «человек в первую очередь активный, деятельный, агрессивный, а не созерцательного склада».

В июле 1934 В. женился на Ирэн Лот — дочери французского историка Ф.Лота и сотрудницы русского журнала «Путь» М.Бородиной; по ее словам, был для них «не зятем, а сыном». С 1933 учился на историко-филологическом факультете Сорбонны и в Школе восточ-

ных языков, изучал французский, английский, японский и финский языки, совмещая занятия с работой секретаря, бухгалтера, работал также в книжном магазине, давал уроки, переводил с эстонского. В 1936 получил французское гражданство и был приглашен на работу в основанный в 1935 Музей Человека. Участвовал в создании отдела Арктики и отдела культуры угро-финских народов, в 1937 Музей направил его в научную командировку в Эстонию (вместе с *Л.Зуровым*), в 1939 — в Финляндию. Одновременно учился в Этнологическом институте при Сорбонне.

В начале 2-й мировой войны был призван в армию; после развала фронта попал в плен, но бежал. В письме жене из армии В. писал: «Моя Франция, за которую я ушел воевать... для меня — не страна, не нация. Это — те идеалы, которые касаются всего человечества в целом». Организовал в Музее Человека антифашистскую группу, которая переправляла в «свободную» зону французов, англичан, русских (в частности, *И.Фондаминского, Г.Федотова*), собирала сведения о немецких войсках и передавала их в штаб «Свободной Франции». Вместе с А.Левицким В. наладил выпуск первой нелегальной газеты в оккупационной части Франции «Résistance» («Сопротивление»), дав тем самым название движению против оккупантов; 1-й номер вышел 15.12.1940. После ареста Левицкого 11.2.1941 В. вернулся в Париж из Тулузы, чтобы продолжать издание газеты и отвести, таким образом, подозрение от друга; в марте 1941 был арестован, предан суду как «английский агент» и расстрелян вместе с другими членами группы на военном полигоне Мон-Валерьен, несмотря на ходатайство о помиловании членов Французской Академии П.Валери, Ж.Мориака и Ж.Дюамеля. 3.11.1943 посмертно награжден генералом Ш. де Голлем медалью Сопротивления. В приказе о награждении говорилось, что «выдающийся пионер науки», В. «целиком посвятил себя делу подпольного Сопротивления с 1940 г. Будучи арестован гестапо и приговорен к смертной казни, явил своим поведением во время суда и под пулями палачей пример храбрости и самоотречения». В 1945 журнал «Europe» опубликовал «Диалог в тюрьме», написанный В. после ареста, в октябре-ноябре 1941.

Лит.: Против общего врага. М., 1972; Райт-Ковалева Р. Человек из Музея Человека. М., 1982; Яновский В.С. Поля Елисейские. СПб., 1993.

Р.Ильин.

ВИНОГРАДСКИЙ Сергей Николаевич (1.9.1856, Киев — 25.2.1953, Бри-Конт-Робере, под Парижем) — микробиолог. Родился в семье юриста. Окончив в 1873 2-ю киевскую гимназию с золотой медалью, поступил на юридический факультет Киевского университета, однако уже через месяц перешел на естественное отделение физико-математического факультета. Через два года, не удовлетворенный занятиями, он оставил университет и поступил в Петербургскую консерваторию по классу фортепиано. В 1877 оставил занятия музыкой и поступил на 2-й курс естественного отделения Петербургского университета. Большое влияние на формирование его естественно-научных взглядов оказали А.Бутлеров, Н.Меньшуткин, А.Бекетов, А.Фаминцын.

По окончании университета в 1881 В. был оставлен на кафедре ботаники (лаборатория физиологии растений под руководством Фаминцына) для подготовки к профессорскому званию. Его серьезным увлечением становится микробиология. Для углубления своих знаний в этой новой перспективной области В. выехал в 1885 на стажировку в Ботаническую лабораторию Страсбургского университета, возглавляемую выдающимся микологом и бактериологом Антуаном де Бари. В. занимался в лаборатории де Бари детальным изучением морфологии и физиологии серо- и железосодержащих бактерий, проводя непосредственное наблюдение за живыми клетками методом висячей капли и применив изобретенный им метод элективных (избирательных) культур, который оказался чрезвычайно ценным для выделения различных групп микроорганизмов, обладающих высокой специфичностью требований к условиям питания. В этой работе проявилась незаурядная интуиция В., позволившая ему открыть новый источник энергии, необходимый для выживания, роста и размножения клеток микроорганизмов; показал, что серобактерии используют для своей жизнедеятельности энергию, образующуюся при окислении сероводорода, серы, сернистой кислоты. Аналогичное явление В. обнаружил в группе железосодержащих бактерий, которые окисляли закись железа, превращая ее в окись. Такой тип окисления неорганических веществ аналогичен дыханию и обеспечивает бактерии энергией, необходимой для ассимиляции двуокиси углерода из атмосферы. В. назвал открытое им явление «минеральным дыханием». Открытие В. ознаменовало появление новой главы в биологии.

После смерти де Бари В. возвратился в Россию. Затем вновь (в 1888) уехал в Цюрих, где занимался усовершенствованием своей химической подготовки сначала в сельскохозяйственной лаборатории Э.Шульца, а затем — в химической лаборатории Политехнической школы под руководством Е.Ханта. Осенью 1888 он начал работать в Цюрихской лаборатории сани-

тарии и гигиены, где и приступил к исследованиям процесса нитрификации и его роли в почвообразовании. В своих экспериментах В. подтвердил, что нитрификация состоит из двух фаз, известных еще до него, но не расшифрованных так подробно: одна включает окисление аммониевых солей до нитритов, а вторая — окисление нитритов до нитратов. Сочетание этих двух реакций и производит ту энергию, которая используется затем бактерией для ассимиляции двуокиси углерода из атмосферы. Впоследствии В. назвал группы таких уникальных микроорганизмов, использующих энергию окисления неорганических веществ — анаргооксидантами, а тип метаболизма у этих микробов — хемосинтезом. Открытие хемосинтеза стало величайшим событием в биологии XX в.: стало ясно, что органическое вещество на земном шаре образуется не только в процессе фотосинтеза, но и в реакциях хемосинтеза. За эту блестящую работу В. был удостоен премии А.Левенгука, присуждавшейся раз в 10 лет, со следующей формулировкой: «Наука обязана Виноградскому четким представлением о существовании категории микроскопических организмов, жизненные функции которых столь удивительны, что будет более чем справедливо сказать, что Виноградский вписал новую главу в общую физиологию».

После завершения исследований по нитрификации В. было предложено прочесть курс лекций по бактериологии в Цюрихском политехническом институте. В 1890 в Цюрихе В. посетил И.Мечников, чтобы от имени Пастера предложить ему должность заведующего отделом в Институте Пастера в Париже. Однако В. отклонил лестное предложение; он предпочел продолжить свои исследования в Петербурге в открывающемся в декабре 1890 Институте экспериментальной медицины (ИЭМ). В августе 1891, по рекомендации Фаминцына, В. был утвержден заведующим отделом общей микробиологии ИЭМ (оставался на этом посту до 1912); в 1902 был назначен директором. В эти годы В. сосредоточился на изучении механизмов аэробной и анаэробной фиксации азота, исследовании процесса мочки льна, разработке методов приготовления противочумных вакцин (начатое им еще во время командировки в Париж в 1882). Он принимал также активное участие в разработке практических мер для борьбы с распространением чумы на юге России. С 1892 ИЭМ стал издавать по инициативе и под общим руководством В. новый отечественный естественно-научный журнал «Архив биологических наук», выходивший на двух языках: русском и французском. В 1903 В. стал организатором Русского микробиологического общества и первые два года был его председателем (до 1905).

Энергичная научная и общественная деятельность В. была по достоинству оценена русской и зарубежной общественностью. 29.12.1894 он был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук; в 1901 — почетным членом Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; в 1902 — членом Французской Академии наук и Французского сельскохозяйственного общества; в 1904 — непременным членом Русского медицинского совета.

В 1904 В. впервые выделил из почвы и подробно описал спороносную анаэробную бактерию, усваивающую молекулярный азот. Он назвал ее Clostridium Pasteurianum, отдав тем самым знак глубокого уважения великому Пастеру, учеником и продолжателем дела которого он сам себя считал. Это открытие стимулировало обращение В. к экологическим процессам нитрификации. По существу он первым ввел в науку современное представление о роли микроорганизмов в круговороте веществ в природе и доказал, что почва является сложнейшей биологической структурой и, следовательно, должна изучаться как интегрированный живой организм, заимствующий свои элементы из неорганического мира и возвращающий все взятое. Развитие фундаментальных основ почвенной микробиологии В. способствовало огромному прогрессу в научных рекомендациях и резкому повышению производительности труда в сельском хозяйстве. Кроме того, открытия В. дали возможность русской школе микробиологии занять ведущее положение в мире.

В 1905 В. неожиданно и ко всеобщему удивлению подал прошение в ИЭМ об увольнении с должности директора института, оставаясь, однако, его действительным членом. Причиной явилось давнее (с 1898) заболевание В. нефритом, в связи с чем он был вынужден многократно покидать холодный и сырой Петербург. 23.1.1912 В. официально оставил службу в институте и удалился в семейное поместье на Украине (под Подольском), где прошло его детство. Круг его интересов изменился: он переключил свое внимание на проблемы земледелия, землеустройства, почвоведения, лесоведения и др.

Октябрьская революция 1917 и события гражданской войны в России вызвали отъезд В., жены и четырех дочерей в Югославию. В 1922 он получил письмо от директора Института Пастера в Париже Эмиля Ру с предложением сотрудничества. Э.Ру писал: «Мои коллеги и я были бы Вам признательны, если бы Вы приехали работать в нашем Институте. Вы дадите ему свою блестящую научную подготовку

и сможете без всяких забот о преподавании продолжить Ваши великолепные исследования. Мы были бы горды считать Виноградского вместе с Мечниковым своим сотрудником. Вы будете для нас мэтром в почвенной бактериологии». В. получил должность заведующего агробактериологическим отделом Института Пастера, которым он руководил до самой смерти. Э.Ру специально подготовил для В. имение в департаменте Сена-и-Марна, ставшее филиалом «Бри-Конт-Робер» Института Пастера в Париже. Во Франции В. вновь энергично развернул свою исследовательскую деятельность. Разработка новых методов изучения физиологических особенностей важнейших представителей почвенной микрофлоры и разработка экологического направления и изучения микробиологии почв — таковы основные проблемы, над которыми плодотворно работал В. во Франции.

В 1923 он был избран почетным членом Российской Академии наук. Президиумом АН СССР была учреждена премия его имени. Член Французской Академии наук и Лондонского Королевского общества.

Соч.: Экологическая микробиология (La microbiologia œcologique) // Ann. Institut Pasteur, 1936, vol. 61; Микробиология почвы. М., 1952.

Лит.: Waksman S.A. Sergei N.Winogradsky. New Brunswick, 1953; Русские биологи С.Н.Виноградский и В.Л.Омелянский. М., 1960; Гутина В.Н. С.Н.Виноградский / Люди русской науки. М., 1963; Делонэ А. Пастер. Институт Пастера и русские ученые / Бароян О.В., Лепин П. Эпидемиологические аспекты современной иммунологии. М., 1972.

Т.Ульянкина

ВИШНЯК Марк Вениаминович (Мордух Веньяминович) (2.1.1883, Москва — 31.8.1976, Нью-Йорк) — публицист, политический деятель, юрист. Родился в ортодоксальной еврейской семье; отец — мелкий торговец тканями. Окончил 1-ю московскую гимназию (с серебряной моделью, 1901) и юридический факультет Московского университета (1907). После защиты кандидатской диссертации «Личность в праве» оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре государственного права. В 1903-4 изучал медицину в Баденском университете (Германия). С 1908 — помощник присяжного поверенного Н.Муравьева. В 1905-17 сотрудничал в журналах «Вестник права и нотариата», «Книга», «Образование», «Русское богатство» и «Юридический вестник»; в газетах «Русские ведомости», «Право» и «Сын Отечества».

Критически относясь к политической системе царизма, В. отвергал революционные методы социальной трансформации. Он относил себя к поколению, состоявшему в духовном родстве с просветителями XVIII в. и убежденному в том, что «главное решают не учреждения, а люди и уровень их умственного и морального развития: не внешняя обстановка и, тем менее, физическая мощь — главный фактор истории, а личный почин и идеи...». 5.12.1904 принял участие в демонстрации московских студентов, предпринятой против ущемления властями прав петербургского студенчества; был арестован и провел месяц в тюремном заключении. События 9.1.1905 убедили В., «к революции до этого дня никак не причастного», включиться в революционное движение.

В октябре 1905 он вошел в состав Московского комитета партии социалистов-революционеров (ПСР). Спустя полвека В. вспоминал, что требования свободы, равенства и справедливости казались ему «неоспоримыми и почти самоочевидными, социализм представлялся естественным и необходимым средством или техникой для реализации всей полноты этих требований»; вместе с тем «понимание социализма, как идеологии и морали, присущей определенному классу, не говоря уже о доктрине философского и исторического материализма», было ему всегда «абсолютно чуждо». Он отказывался рассматривать соглашение с определенной доктриной как «обязательное условие для совместных действий». «Все это, — писал В., — исключало для меня вступление в организацию РСДРП».

В декабре 1905 принял участие в вооруженном восстании в Москве; член редакции газеты «Известия» — органа Московского Совета рабочих депутатов. Участник 1-го съезда ПСР (дек. 1905 — янв. 1906). В январе 1906 арестован в Москве. В марте бежал из заключения. В 1906-7 в эмиграции (Германия). Вскоре после нелегального возвращения арестован в феврале 1907 в Москве; в августе освобожден под залог. В 1910-11 в ссылке в Нарымском крае (Томская губ.). В 1912-13 проходил срочную службу в армии. В годы 1-й мировой войны «оборонец»; на воинской службе в тыловых частях (1914-15). В 1916-17 секретарь «Известий Главного комитета Союза Городов». Февраль 1917 В. принял всецело, но без энтузиазма и веры в благополучный исход революции. На 1-м Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов (май 1917) избран в Исполком ВСКД; входил в бюро Исполкома. Избирался гласным Московской городской думы. Участник 3-го (май-июнь), 4-го (нояб.-дек.) партийных съездов и 7-го Совета ПСР (авг.). На 3-м съезде выступил с докладом «Основные принципы государственного устройства России (республика, автономия, федерация)», редактор центрального органа партии — газеты «Дело

народа» (1917-18). В апреле делегирован партией в состав Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание; был избран секретарем президиума и входил в комиссии: об осуществлении активного и пассивного избирательного права; о выборах на окраинах; о системах избирательного права; об избирательных списках и их обжаловании.

Принимал участие в работе московского Государственного совещания (авг.) и Демократического совещания в Петрограде (сент.). Как представитель Исполкома ВСКД входил во Временный Совет Российской республики (Предпарламент) (сент.-окт.). Работал в комиссии по выборам в Учредительное собрание при ЦК ПСР; был избран членом Учредительного собрания (от Ярославского избирательного округа). Решительный и принципиальный противник Октябрьского переворота. Вместе с другими членами президиума Особого совещания был арестован ВРК; 23-27 ноября находился в заключении в Смольном. Избран секретарем Учредительного собрания, открывшегося 5.1.1918; после его роспуска был объявлен «врагом народа», перешел на нелегальное положение. С апреля 1918 в составе Союза возрождения России. Участвовал в 8-м Совете ПСР (май), провозгласившим «борьбу за восстановление независимости России и возрождении ее национально-государственного единства на основе разрешения социально-политических задач, выдвинутых Февральской революцией». В сентябре, с фальшивыми документами на имя возвращающихся на родину беженцев из Белоруссии, В. с женой выехал из Москвы в Киев, где он был арестован по распоряжению И.Кистяковского — министра внутренних дел правительства П.Скоропадского. Освобожден после 6-недельного заключения. Через Одессу, Севастополь, Пирей и Марсель приехал в Париж (май 1919). Для В. «это было инстинктивное, почти стихийное притяжение ... центра, в котором решались международная политика, судьба мира и, тем самым, России».

В 1919-20 как эксперт по вопросам публичного права участвовал в работе Комитета еврейских делегаций при Конференции мира в Париже. Неоднократно выступал на международных совещаниях и конференциях, посвященных правам национальных меньшинств, неизменно отстаивая принцип национально-культурной автономии как залог реального обеспечения прав меньшинств на свободное самоуправление. С февраля 1920 входил в ЦК Российского общества в защиту Лиги Наций. Принимал участие в Совещании членов Учредительного собрания (янв. 1921), на котором выступал от имени группы социалистов-революционеров и по ее поручению вырабатывал резолюцию и вел переговоры с представителями других фракций о согласовании формулировок о пределах самоопределения российских национальностей и о взаимоотношениях между центральной государственной властью и территориально-государственными новообразованиями.

С 1922 профессор русского юридического факультета при парижском Институте славяноведения; читал курс лекций «Русские основные законы и политические идеи первой четверти XIX в.» и вел семинар по русскому государственному праву. В 1925 один из основателей Франко-русского института. Выступал с лекциями, университетскими и публичными, перед студентами и слушателями в Париже, Праге, Риге, Ревеле, Печорах. Оторванность от родины заставляла В. более остро воспринимать личную ответственность за трагическую судьбу России и русской революции. Вместе с тем усиливавшаяся изоляция российской эмиграции, наряду с укреплением основ советского государства, делали почти невозможным ведение активной политической работы. В. считал своим долгом сохранить «полную лояльность к партии»; в 1919-40 он постоянно участвовал в деятельности парижской организации ПСР: выступал докладчиком на публичных собраниях, совещаниях и съездах зарубежных организаций эсеров, писал в партийных органах, «отстаивал свои и своих единомышленников взгляды и позиции». Однако в основном в период парижской эмиграции он занимался (совм. с Н.Авксентьевым, *И.Фондаминским*, А.Гуковским и *В.Рудневым*) изданием и редактированием «Современных записок» — наиболее авторитетного общественно-политического и литературного журнала русского зарубежья (1920-40). При распределении редакционных обязанностей В., как ответственный секретарь редакции, взял на себя сношения с сотрудниками и выпуск журнала. Одновременно он вел постоянный раздел «На Родине», посвященный вопросам внутренней политики или т.н. внутреннее обозрение. Своей «главной мишенью или врагом № 1» В. считал большевизм; о чем бы он ни писал, он «всегда возвращался к этому первичному злу, которое отравляло и отравляет политическую атмосферу во всем мире...». Заметно усилившаяся ориентация журнала на материалы религиозно-идеалистической направленности вызывала протест со стороны В., полагавшего, что «журнал распахнул двери перед мракобесием, реакционными течениями дореволюционной общественной мысли в ущерб либеральным, гуманистическим и светским ценностям». С течением времени В. стал все более ощущать свою «идейную и политическую изолированность» в редакции.

Ввиду фактической устраненности от редактирования журнала, в 1936 он отказался от всех технических функций, в своем письме от 23.5.1938 заявил о нежелании продолжать сотрудничество (формально В. числился редактором до конца 1939). В 1937-39 ответственный секретарь ежемесячного журнала «Русские записки», выходившего в Париже под редакцией *П.Милюкова*. За несколько дней до занятия немцами Парижа В. покинул город, обосновавшись на юге Франции, а через 4 месяца, в октябре 1940, переехал в Нью-Йорк. В 1943-44 преподавал русский язык на военных курсах интенсивного обучения иностранным языкам при Корнельском университете; в 1944-46 — в Морской школе восточных языков при Колорадском университете. В 1946-58 редактор-сотрудник русского подотдела еженедельника «Тайм» (Нью-Йорк) (с 1958 — консультант по русским вопросам). Регулярно публиковался в «Новом журнале» (1942-69), «Новом русском слове» (1940-69). Сотрудничал в журнале нью-йоркской группы ПСР «За свободу» (1941-47). Входил в инициативную группу образованной 13.3.1949 в Нью-Йорке Лиги борьбы за народную свободу, ставившую основной задачей создание широкого российского демократического фронта для борьбы со сталинизмом. 18.3.1952 подписал обращение 14 русских социалистов «На пути к единой социалистической партии»; обращение рассматривалось как «первый шаг на пути к созданию будущей, освобожденной от большевистского тоталитаризма России единой социалистической партии».

Соч.: Черный год: публицистические очерки. Париж, 1922; Право меньшинств. Paris, 1926; Два пути (Февраль и Октябрь). Париж, 1931; Всероссийское Учредительное собрание. Париж, 1932; Lenine. Paris, 1932; Доктор Вейцман. Париж, 1939.

Лит.: Гуль Р. М.В.Вишняк (Некролог) // НЖ, 1977, № 126.

И.Чубыкин

ВОЛКОВ Александр Александрович (15.12.1881 [по др. св. 1885], Москва [по др. св. Гусь-Хрустальный] — 22.5.1942, Рим) — кинорежиссер. Происходил из семьи купечеcко-разночинской (отец — управляющий на заводе в г. Гусь-Хрустальный), однако связанной с артистической богемой. Потомок Федора Волкова, прославленного актера-трагика XVIII в., создателя первого русского публичного профессионального театра в Петербурге.

В. начинал свою карьеру как драматический актер, учился музыке под руководством профессоров Московской консерватории и императорской оперы, а также занимался живописью (выполненный им портрет императрицы был удостоен бронзовой медали на Парижской выставке 1900). Первые шаги в кино сделал еще до начала русско-японской войны 1904-5, сотрудничая с русским представительством фирмы «Патэ»; выступал в самых разных качествах: монтажера, титровальщика, сценариста, коммерческого директора, рекламного агента, механика и электрика. Как офицер запаса в 1904 был призван в армию. После демобилизации (1906) начал заниматься кино профессионально, работая в разных фирмах. Наиболее активная актерская деятельность была связана с фирмой Тимана и Рейнхардта, куда В. перешел в 1913 («Пригвожденный», «Клеймо прошедших наслаждений», «О чем рыдала скрипка», «Разбитая ваза»); в следующем году поставил как режиссер многие фильмы «Русской золотой серии» («Беглец», «Измаил-Бей», «Как смерть прекрасна»). В 1915 снялся в фильме В.Мейерхольда «Портрет Дориана Грея». Во время 1-й мировой войны В. вновь был призван в армию; в звании лейтенанта пехоты служил в 210-м Бронницком полку. Демобилизовавшись в результате серьезного ранения, поступил на постоянную работу в фирму Ермольева, где поставил, в частности, такие фильмы как «На вершине славы» (1916), «Виновен ли?» (1917), «Конкурс красоты» (1918), «Люди гибнут за металл» (1919). В августе 1918, спасаясь от большевиков, В. вместе со всей фирмой переехал работать в Крым (Ялта), что было для фабрики Ермольева фактически первым этапом эмиграции. В феврале 1920 с группой Ермольева уехал из Ялты в Константинополь, оттуда — через Марсель в Париж (апр. 1920). Несколько позже за В. в эмиграцию последовала его жена, Александра Федоровна Мясичева-Волкова.

Кинематографический дебют в эмиграции состоялся в 1920-21 на студии Ермольева, где он снялся в качестве актера в не дошедшем до нас 12-ти серийном фильме «Пьянчужка» (реж. Анри Этьеван). Увлечение сериалом заставило В. осуществить постановку, уже в качестве режиссера, своего следующего фильма во Франции — экранизации романа Жюля Мари «Дом тайн» («Ermolieff-Cinéma» и «Альбатрос» / «Films Albatros») в двух версиях: обычной полнометражной (1921-22) и шестисерийной (1923 — начало съемок, 1929 — выход на экран). Эта история о любви и ревности, о предательстве друга-соперника (его роль исполнил Шарль Ванель), который отправляет на каторгу своего приятеля (актер *И.Мозжухин*) для того, чтобы завладеть его женой. В финале с героя Мозжухина снимается ложное обвинение, супруги воссоединяются, и справедливость торжествует. Этот фильм, пользовавшийся огромным

успехом у публики, был одной из первых лент, утвердившей имена русских кинематографистов-эмигрантов в сознании французского зрителя.

Виртуозное владение жанром мелодрамы, по-видимому, было одной из причин, побудившей В. взяться за постановку фильма «Кин или гений и беспутство» (1923) по пьесе Дюма-отца. Без сомнения, уверенность режиссеру придавало наличие на киностудии «Films Albatros» такого артиста как Мозжухин, способного талантливо сыграть роль великого актера Кина. На вторых ролях были заняты также блистательные исполнители: Наталья Лисенко и Николай Колин. Фильм поражал выдержанностью ритма, игрой света и тени, мáстерской организацией внутрикадрового пространства, особенно заметной в сценах «театра в кино», с двумя действиями в рамках одного кадра — «сцена» и «зрительный зал». «Кин» пользовался огромным успехом у зрителей. Следующий фильм В., «Проходящие тени» (1923-24), сразу обратил на себя внимание, поскольку имена Мозжухина и Лисенко, исполнявших в нем главные роли, были уже хорошо известны. Элементы мелодрамы соединялись здесь с приемами комедийного жанра и с элементами трагедии, к которым В. обратился еще в «Кине». «Проходящие тени» — это трагедия несчастной любви благородной героини, вначале появлявшейся на экране в амплуа роковой соблазнительницы, а затем представавшей в драматическом образе.

После столь блестяще, казалось бы, складывавшегося сотрудничества с «Films Albatros», режиссер покинул фирму. Отказавшись от возможности собственной постановки, он перешел на должность ассистента режиссера Абеля Ганса, приступившего к съёмкам фильма «Наполеон». «Какая большая, какая увлекательная работа! — говорил В. в интервью журналу «Кинотворчество». — Ведь я буду как бы alter ego Абеля Ганса в его создании цикла наполеоновских картин... Предо мною теперь работа такого размаха, такого подъема, что все прошлое кажется мне лишь пустячною, ученическою подготовкою к настоящему. И я, конечно, не жалею, что ушел из фирмы «Альбатрос», но с нежностью и любовью вспоминаю об этом первом крове, который мы обрели, очутившись за границею. Велика в этом отношении и незабываема заслуга И.Н.Ермольева, который всех нас — целую семью кинематографических работников — привез в центр Европейской культуры и художественных достижений и создал здесь дело, которое дало нам возможность жить, учиться, совершенствоваться и творить!...»

После картины «Наполеон» В. возвратился к самостоятельной творческой работе. Его фильм «Казанова» (1926) осуществлен совместными усилиями двух студий, «Ciné-Allians» и «Société des Cinéromans». История знаменитого путешественника и сердцееда в интерпретации В. и его художника А.Лошакова стала одной из самых зрелищных лент французского кино. Сцены венецианских похождений Казановы во время карнавала сменялись картинами России, самая запоминающаяся из которых — бал во дворце Екатерины Великой, сцена, неслучайно возникшая в фильме русского эмигранта. Очевидно под влиянием недавнего сотрудничества с Абелем Гансом постановка В. отличалась масштабностью. При этом в игре Мозжухина, в тонком контрасте и обертоне с изобразительной изысканностью фильма доминировала комедийная нота.

Декорации Б.Билинского и А.Лошакова создавали удивительный мир сказок «Тысячи и одной ночи» в следующем фильме В. — «Шехерезада» (1927, «Ciné-Alliens»—«UFA»). Обращение к арабским сказкам — это особый, важный жанр русского эмигрантского фильма, как правило, выстроенного вокруг стереотипного сюжета: загадочная страна на Востоке, где узурпатор временно захватывает власть, но в финале торжествует справедливость, и законный наследник престола возвращает себе трон. «Шехерезада» открывала новый, берлинский период в творческой биографии В.-эмигранта, во время которого поставлен его последний шедевр — «Белый дьявол» (1929, «Блох-Рабинович»—«UFA») — экранизация «Хаджи-Мурата» Л.Толстого. Это самая ностальгическая картина В., здесь создан наиболее тонкий во всем эмигрантском кино образ России. С кинематографической точки зрения фильм сделан виртуозно, великолепна актерская игра Мозжухина.

Русская тема и сотрудничество с Мозжухиным возобновились и после возвращения В. во Францию, уже в период создания им звуковых фильмов («Сержант Х», 1931). В. обратился к мотивам восточных сказок («Тысяча вторая ночь», 1932), к излюбленной эмигрантами теме карнавала («Дитя карнавала», 1934), но уровня своих лучших лент, созданных в «немой» период, ему уже не суждено было достичь. Много сил в эти годы В. отдавал производственной деятельности на новой студии «Глория-фильм» («Gloria-Films»), где он являлся художественным руководителем. Последний созданный им фильм, «Власть любви», был поставлен в Италии в 1941, незадолго до смерти режиссера.

Если душой кинематографической эмиграции первой волны был Иван Мозжухин, то В. в диаспоре русских кинематографистов играл, скорее всего, роль отца — он был не только лучшим режиссером среди эмигрантов, но и

обладал даром вести за собой и указывать путь в творчестве. Об отношении к В. соотечественников можно, в частности, судить по стихам неизвестного автора, написанным на мотивы «Полтавы» и посвященным съемкам фильма «Шехеразада».

«Кто он?.. Кто этот полководец горделивый
В борьбу вступивший со страшнейшим из врагов —
Со Невозможностью...
Кто он?.. Серебряный... могучественно красивый...
Со бронзово-божественным лицом...

То... Александр Волков — Гений!
Он в камень душу воложил.
Он оживил талант, составил ритм движений,
И в сказку — быль он обратил».

Н.Нусинова

ВОЛКОНСКИЙ Сергей Михайлович (4.5.1860, Фалль, близ Ревеля, Эстляндской губ. — 25.10.1937, Ричмонд, США) — князь, театральный деятель, критик, беллетрист, теоретик актерской техники и ритмической гимнастики. Детство провел в аристократической атмосфере имения бабушки по матери графини Бенкендорф («под знаком Фалля прошел расцвет моей детской души»). Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1984). В 1880-х — начале 1890-х был предводителем дворянства в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии и членом Учредительного совета в Борисоглебске, где, как и в Павловке того же уезда, Волконские имели свои родовые усадьбы.

В 1893 В. был назначен комиссаром от министерства народного просвещения на Чикагскую всемирную выставку и на Всемирный конгресс воспитания. В 1896 прочитал цикл публичных лекций по русской истории и литературе в Лоуэллском институте (Бостон), изданных на английском и немецком языках. Совершил поездку по США с теми же лекциями, вызвавшими большой интерес, их результатом стало основание кафедры славяноведения в Гарвардском университете. Лекции дважды издавались в России, вызвав положительные отклики в критике (в том числе Вл.Соловьева). С конца 1880-х В. выступал как художественный критик, разрабатывая общефилософские и нравственные вопросы искусства. Тогда же делал попытки стать актером и режиссером. С 1896 В. — камергер, в 1899-1901 — директор императорских театров. Подал в отставку после конфликта с балериной *М.Кшесинской*, пользовавшейся покровительством царского двора. Непродолжительное время сотрудничал с *С.Дягилевым*, которого В. рекомендовал на должность редактора-издателя «Ежегодника императорских театров».

С начала 1900-х целиком посвятил себя театральной критике, изучению теории и практики современной режиссуры, актерского мастерства и декламации. Изучал системы К.Станиславского, Г.Крэга, М.Рейнхардта, экспериментальную сценографию А.Аппиа. Издавал книги, оказавшие влияние на эстетику русского театра начала века. Станиславский ценил его книги «Выразительное слово» и «Выразительный человек» (обе — СПб., 1913). Публиковался в журналах «Аполлон», «Студия», «Русская художественная летопись», «Мир искусства», «Ежегодник императорских театров» и др., поддерживая новаторские тенденции на русской сцене. В 1910-е В. горячо поддерживал систему ритмической гимнастики Э.Жак-Далькроза, посетил его школу в Хеллерау. Начал пропагандировать собственную «ритмическую утопию» — универсальную систему движений человеческого тела как «материала жизни», создал в Петербурге Курсы ритмической гимнастики, издавал специальный журнал. В 1918-21 преподавал в литературных и театральных студиях Москвы, был членом дирекции Большого театра (1918-19). Сблизился с философом *И.Ильиным*, по его словам, «одним из самых выдающихся людей нашего времени», вместе с которым пытался привить на читаемых ими лекциях «свободное мышление и свободное его выражение», за что оба они были отстранены от преподавательской работы. В. был в списках тех профессоров, которые подлежали высылке из СССР в 1922, но ему удалось выехать из Петербурга во Францию в декабре 1921: «Наконец оставил за собой границу, отделяющую мрак советской России от прочего мира Божьего. Стоны, скрежет и плач остались там, во тьме..., позади остались насилие, наглость и зверство...»

В Париже В. стал театральным обозревателем газеты «Последние новости», в то же время читал лекции по истории русской культуры, русского театра для эмигрантов и по приглашению французских, итальянских и северо-американских университетов. Внимательно следил за театральной жизнью Европы, в том числе за выступлениями советских театров. Не принял радикализма постановок В.Мейерхольда, расхождение с которым произошло еще в 1900-е. «Ревизор» Гоголя, показанный Государственным театром им. Мейерхольда в Париже в 1930, вызвал настоящий гнев В., взявшего эпиграфом к рецензии слова пушкинского Сальери: «Мне не смешно, когда фигляр презренный...» (ПН, 1930, 30 июня). Остался глух к актерским новациям *М.Чехова*, только частично принял спектакли Камерного театра и стиль

Е.Вахтангова. «Фанатичный жрец Искусства», как назвал князя *А.Бенуа*, он во взглядах и вкусах до конца жизни остался в рамках русского Серебряного века, не приемля и крайностей французского театрального авангарда (например, поисков реж. А.Арто и др.). В своих рецензиях парижского периода В. оставался тем же, что и в суждениях конца XIX — нач. XX вв. — защитником ценностей классического искусства, допускающим отклонения от реализма разве только в сторону дорогой для него «музыкальности движения» актера и «биоритмики», к которой, правда, в последние годы обращался все реже. Он не искал сближения с Дягилевым, хотя с одобрением отозвался о новых постановках Русских сезонов и впоследствии написал проникновенный некролог Дягилеву. Отдавал он должное и хореографам-ученикам и соратникам Дягилева (среди них *Лифарь, Баланчин, Мясин*). Высоко ставил русские оперные спектакли в Частной опере *М.Кузнецовой-Бенуа*. В начале 1930-х В. стал директором Русской консерватории в Париже, объединившей музыкантов-эмигрантов и просуществовавшей, первоначально благодаря заботам В., несколько десятилетий.

В эмиграции В. по-прежнему занимался делом своей жизни — увековечиванием памяти своих выдающихся предков (он был внуком декабриста кн. С.Волконского). Его «Музей декабриста» в Павловке был разорен в годы революции, но часть вещей ему удалось вывезти в Париж. Изданный совместно с известным литературоведом Б.Модзалевским в 1910-е том семейного архива С.Волконского нашел свое продолжение в книге В. «О декабристах по семейным воспоминаниям» (Париж, 1921). В. написал в эмиграции 2-томные «Мои воспоминания» (Берлин, 1923-24; М., 1992), по праву считавшиеся образцом русской мемуарной прозы, исторический роман «Последний день» (Париж, 1928), множество статей. Современники-эмигранты высоко отзывались о личности В.; лучшей характеристикой могут быть слова *М.Цветаевой*: «Это моя лучшая дружба за жизнь, умнейший, обаятельнейший и гениальнейший человек на свете... Познакомилась я с ним в Москве в январе 1920 г. и люблю его, как в первый день». Цветаева посвятила В. цикл из семи стихотворений «Ученик» (1921) и статью о нем «Кедр. Апология» (1924) в связи с изданием книги В. «Мои воспоминания». В своем некрологе *Г.Адамович* написал о В. так: «Это был один из самых одаренных, самых своеобразных, живых и умственно-отзывчивых людей, которых можно было встретить в нашу эпоху... Своеобразие было все-таки наиболее заметной его чертой. Князь Волконский ни на кого не был похож, и в каждом своем суждении, в каждом слове оставался сам собой».

Соч.: Человек на сцене, СПб., 1912; Художественные отклики, СПб., 1912; Отклики театра, Пг., 1914; Быт и бытие. Из прошлого, настоящего и вечного. Берлин, 1924; В защиту русского языка. Сб. статей. Берлин, 1928 (совм. с кн. А.Волконским).

Лит.: Маковский С. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962; Сергей Дягилев и русское искусство, т.1-2. М., 1982; Ахмеджанова Т. «Волконский необходим...» // Театр, 1989, № 8; Бачелис Т. О Волконском / Князь Сергей Волконский. Мои воспоминания, т.2: Родина. М., 1992.

Арх.: ИРЛИ, ф.377; РГАЛИ, ф.938, ф.191; РГИА, ф.497.

А.Кузнецов

ВЫСОТСКИЙ Александр Николаевич (23.5.1888, Москва — 31.12.1973, Уинтер Парк, шт. Флорида, США) — астроном. По окончании гимназии поступил на физико-математический факультет Московского университета. Еще будучи студентом, вступил в члены Московского кружка (с 1912 — общества) любителей астрономии, где неоднократно выступал с докладами по астрономии на различные темы (в частности, о строении Вселенной). По рекомендации профессора К.Баева В. читал лекции также в кружке «Знание неба», организованном С.Шацким. Активно участвовал в вычислениях таблиц для «Русского астрономического календаря», издававшегося, начиная с 1895, Нижегородским кружком любителей физики и астрономии, и для ежегодника Русского астрономического общества. Совместно с Баевым он составил «Атлас астрономических картин», изданный в 1915.

Осенью 1913 В. начал работать в Главной астрономической (Пулковской) обсерватории под руководством известного астрометриста С.Костинского. Он сразу же представил директору обсерватории академику О.Баклунду план наблюдений движений в системах 700 двойных звезд, ранее наблюдавшихся основателем обсерватории В.Струве, и попросил на выполнение этого плана срок в 10 лет, на что Баклунд дал согласие. Но работа по этому плану продолжалась только два года, т.к. осенью 1915 В. был призван в армию. В период своей работы в Пулковской обсерватории В. продолжал сотрудничать в «Русском астрономическом календаре». В выпусках календаря на 1914-15 он опубликовал три статьи, в том числе большой материал о Пулковской обсерватории. В армии В. был назначен радистом на радиостанцию, находившуюся всего в 10 км от Пулковской обсерватории, что позволило ему поддерживать связь с обсерваторией.

После революции В. выехал в Америку, где, начиная с 1923, работал в университете штата Вирджиния и принадлежащей университету обсерватории Линдер Мак Кормик. Здесь его главной задачей было обширное исследование собственных движений многих тысяч слабых звезд, определяемых по фотографиям с 26-дюймовым (66 см) рефрактором. В работе ему деятельно помогала жена, Эмма Уильямс, сама специалист по звездной статистике. Эти исследования внесли важный вклад в изучение связи звездной кинематики в нашей Галактике и ее «населений», т.е. больших звездных комплексов, состоящих из звезд различных спектральных классов и имеющих различное распределение в Галактике.

Придя к выводу, что собственные движения звезд как-то связаны с их спектрами (т.е., что звезды разных спектральных классов имеют различные движения), В. предпринял большую работу по классификации спектров нескольких тысяч звезд до 12-й звездной величины по фотографиям, полученным с объективной призмой на 10-дюймовом (25 см) рефракторе. Преимуществом фотографирования спектров с объективной призмой является возможность получить на одной фотографии спектры многих звезд. Помимо основного результата: включения в обозрение собственных движений звезд данных об их спектрах, В. опубликовал списки звезд-карликов класса М (красных карликов), которые были открыты по их спектрам, а не по большим собственным движениям, как это делали ранее. В результате впервые были получены материалы для изучения движений этих звезд в большом количестве.

Работы В. дали обширный материал для изучения вращения нашей Галактики, открытого независимо шведским астрономом Б.Линдбладом и голландским астрономом Я.Оортом в 1926-27. История открытия вращения Галактики была детально описана В. в статье «Вращение системы Млечного Пути», опубликованной в «Русском астрономическом календаре» на 1933 (не теряя связь с редакцией календаря, он опубликовал в его приложениях в 1926-34 4 статьи). Дальнейшие исследования В. и его жены позволили уточнить значение долготы центра Галактики и постоянных ее вращения. Он показал, что положение апекса Солнца (точки, по направлению к которой оно движется) и величина скорости его движения довольно явно зависят от спектрального класса и звездной величины тех звезд, по которым определяется движение Солнца. Это означало, что в Галактике существуют движущиеся скопления звезд и некоторые отклонения от кругового вращения. Исследования В. в области параметров звездных движений и вращения Галактики были признаны всем астрономическим сообществом. Его называли выдающимся специалистом по звездным движениям.

В жизни В. был весьма скромным человеком, никогда не переоценивал полученных результатов, стремился объективно отразить вклад в науку других ученых. В 1958, когда ему исполнилось 70 лет, он ушел в отставку с поста астронома обсерватории Линдер Мак Кормик и из университета штата Вирджиния. Остаток своих дней прожил в Уинтер Парк, где и скончался в возрасте 85 лет.

Лит.: A Russian-American Astronomer // Sky and Telescope, 1974, vol. 47, № 3.

В.Бронштэн

ВЫШЕСЛАВЦЕВ Борис Петрович (псевд. Б.Петров) (17.10.1877, Москва — 1954, Женева) — философ, юрист. Родился в семье присяжного поверенного Московской судебной палаты, кандидата права Петра Александровича В. В 1895 окончил 3-ю московскую гимназию; поступил на юридический факультет Московского университета, по окончании которого несколько лет занимался адвокатурой. Однако В. более привлекала научная карьера. Вероятно в 1902 он окончательно оставил адвокатуру. Благодаря рекомендациям своего университетского товарища В.Савальского (будущего профессора Варшавского униврститета), В. стал заниматься в кружке профессора *П.Новгородцева*. В него входили также *И.Ильин* и *Н.Алексеев* — близкий друг В. еще с гимназической скамьи и впоследствии его шурин. Благодаря поддержке Новгородцева был оставлен на юридическом факультете Московского университета для подготовки к профессорскому званию.

В 1908 сдал магистерские экзамены и получил звание приват-доцента Московского университета. В том же году отправился в 2-годичную командировку за границу: работал в научных библиотеках Берлина, Марбурга, Гейдельберга, Рима, Парижа. Более всего В. привлекал Марбург, в университете которого он вместе с Алексеевым посещал лекции и семинары П.Наторпа и Г.Когена. Из молодых философов, бывших тогда в Марбурге, особенно сблизился с Н.Гартманом, В.Татаркевичем, В.Э.Сеземаном. Во время этой командировки он подготовил магистерскую диссертацию. Впоследствии В. вспоминал об этом времени как о «самом блестящем моменте... своей молодости — свобода, надежды, возможности, все впереди... Везде новые впечатления, новые встречи, новые мысли и идеи».

После возвращения из-за границы В. был поручен курс истории политических учений, который до него читал Новгородцев, вынужденный оставить профессуру после подписания им Выборгского воззвания 1906 с протестом против роспуска 1-й Государственной думы. Читал также лекции по истории философии в Московском Коммерческом институте и Народном университете им. Шанявского. Впоследствии *Ф.Степун* вспоминал о В. как об «одном из самых блестящих дискуссионных ораторов среди московских философов». Он был «артист-эпикуреец по утонченному чувству жизни и один из тех широких европейцев, которые рождались и вырастали только в России. Борис Петрович развивал свою философскую мысль с тем радостным ощущением ее самодовлеющей жизни, с тем смакованием логических деталей, которые свойственны скорее латинскому, чем русскому уму».

В декабре 1914 В. защитил магистерскую диссертацию «Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии», в которой был определен круг занимавших его впоследствии проблем и главные направления их решения. Интерес В. к Фихте определили три основные темы: «проблема Абсолюта в отношении к бытию», «основное значение этической сферы в человеке» и «проблема свободы в человеке». В философии Фихте В. подчеркивал моменты трансцендентального идеализма, показывал, что «понятие «трансцендентального», введенное Кантом, получив свое дальнейшее развитие у Фихте, приобрело значение Абсолюта, к которому становятся неприменимы рациональные категории». По его мнению, основной антиномией философии является антиномия рационального и иррационального. Ее разрешение, согласно В., может быть достигнуто преодолением рационализма, присущего Фихте и Гегелю. Поэтому вопреки традиционному стремлению философской мысли подчинить бытие категориям разума, В. в попытке овладеть внерациональной сферой придавал большое значение интуиции. Как он считал, Абсолютное невозможно раскрыть в рациональных понятиях, но его познание осуществляется прежде всего интуитивно. На этом метафизическом базисе В. строил систему этики, хотя и основывающуюся на Фихте, но выходящую за пределы идеалистической философии. Он полагал, что каждый человек абсолютоподобен. Поэтому познание мира, как и любое человеческое действие в нем, опирается на реляцию к Абсолютному, которое выше антиномии рационального и иррационального. Выраженные в диссертации собственные философские взгляды позволили *В.Зеньковскому* считать В. одним из «интереснейших представителей философского персонализма».

Успешная защита диссертации способствовала академической карьере В. В январе 1917 он был избран экстраординарным профессором юридического факультета Московского университета. Однако из-за последовавших Февральской, а затем и Октябрьской революций утверждения избрания не состоялось. В. преподавал в Московском университете еще некоторое время после революции. В самом начале 20-х В. сблизился с *Н.Бердяевым* и принимал участие в созданной им в Москве Вольной Академии духовной культуры.

В конце 1922 В. был выслан из России вместе с большой группой ученых и философов. Однако сохранились письма В. к профессору А.Ященко (издателю берлинского журнала «Русская книга»), свидетельствующие о его намерении самостоятельно покинуть Россию. В. поселился в Берлине. Читал лекции в воссозданной Бердяевым 1.12.1922 Религиозно-Философской академии (РФА). В 1923 вышла книга В. «Русская стихия у Достоевского». Он сблизился также с христианской молодежной организацией YMCA, посещал ее съезды и конференции. В изданном ею сборнике «Проблемы русского религиозного сознания» (Берлин, 1924) В. принадлежала статья «Религия и безрелигиозность». В сборнике приняли также участие Бердяев, Зеньковский, *Л.Карсавин, С.Франк, Н.Лосский*. Алексеев вспоминал слова В., сказанные им при первой их встрече за границей: «Философия должна быть теперь не изложением малодоступных для людей теоретических проблем, но учительницей жизни». Вероятно этим был обусловлен интерес В. к религиозной философии, на которой он сосредоточился в годы эмиграции. Однако под «религиозной философией» В. понимал «не богословскую догматику, ему чуждую, но свободное обсуждение религиозных проблем, в котором у него всегда чувствовалось влияние древней философской традиции и классического образования».

В 1924 В. переехал в Париж, где он сразу же был приглашен на должность редактора русского отдела в издательство YMCA—Press. В 1925 В. вместе с Бердяевым основал и долгое время редактировал журнал «Путь» — ведущий орган русской религиозно-философской мысли в эмиграции. С первых же дней пребывания в Париже В. принимал активное участие в деятельности РФА, открытие Парижского отделения которой состоялось 9.11.1924. Уже в ноябре 1924 В. начал читать курс лекций на тему «Добро и зло в христианском учении (личность, общество, государство)». В течение полугода (до апр. 1926) он вел в РФА систематиче-

ский курс «Социальная философия христианства». Спустя год, в мае 1927, им был прочитан повторный цикл лекций на ту же тему. В продолжение января — февраля 1927 предметом обсуждения слушателей РФА был курс В. «Христианство и государство». В марте 1929 он излагал «Социальную проблему в свете христианства». При этом «с христианской точки зрения» им рассматривались проблемы богатства и бедности, эксплуатации, современные решения социальных вопросов, коммунизм и идея коммунизма в христианстве.

В. выступал с докладами в Италии, Греции, Сербии, Болгарии, Германии, Швейцарии, странах Прибалтики. Во Франции В. участвовал и даже председательствовал на собраниях Русского студенческого христианского движения (РСХД); в январе 1928 им был прочитан доклад на тему «Христианство и теософия». В 1929 В. был делегатом 4-го съезда РСХД, проходившего в Париже с 15 по 30 июня. Он посещал также основанное 5.2.1927 *Д.Мережковским* и *З.Гиппиус* литературно-философское общество «Зеленая лампа», на заседаниях которого обсуждались религиозно-философские вопросы. В. являлся членом мн. др. русских общественных организаций за границей; выступал с докладами на собраниях Русского общественного клуба, Общества евразийцев, юношеского клуба при РСХД, Философского общества, студенческого клуба; принимал участие в Литературных франко-русских собеседованиях, на одном из которых, 27.5.1930, он познакомился с французским религиозным философом Жаком Маритэном, а 27.12.1930 состоялся их совместный публичный диспут о Декарте.

Давний интерес к проблеме иррационального и широкое понимание задач философской антропологии сблизили В. с психоаналитической школой Юнга. По-видимому, знакомство В. со швейцарским психоаналитиком произошло в середине 20-х. Он освоил концептуальный аппарат его школы и активно печатался в периодических изданиях юнгианцев. В 30-х В. (сначала с Э.К.Метнером, а после его смерти в 1936 — один) предпринял издание сочинений швейцарского ученого в русском переводе. Сохранились два письма В. к Метнеру, в одном из них (от 11.2.1936) он писал: «...есть у меня кое-что соединяющее с Юнгом за пределами психологии, т.е. в чистой философии (диалектике) и в пределах психологии и антропологии». Обращение от гносеологии к антропологии было обусловлено для В. потребностью уяснить метафизическую сущность моральных движений. Исследование этой проблемы регулярно становилось предметом обсуждения в РФА. В феврале 1926 и мае 1930 он прочитал цикл лекций «Подсознание и его тайны». В 1929 им была написана небольшая книга «Сердце в христианской и индийской мистике». Рассматривая сердце как эмоциональное средоточие человеческого духа, В. показывал глубину различия между христианскими и индусскими представлениями о человеке. В индийской мистике человек стремится встать «по ту сторону добра и зла» и раствориться в безличном божестве. В противоположность этому христианство призывает к нравственному совершенству личности для того, чтобы она была достойна войти в Царство Божие. Таким образом, В. показал невозможность отождествления или внешнего соединения этих двух религий в духе теософии.

Главным результатом занятий «глубинной психологией» Юнга явилась книга В. «Этика преображенного Эроса» (1934), в которой предпринят опыт построения «новой этики». В книге оригинально развито традиционное противопоставление этики благодати — этике закона. В исследовании этой темы В. использовал открытия психоаналитической школы Юнга, а также достижения современной ему этической философии — идеи немецких мыслителей М.Шелера и Н.Гартмана. В. указал на бессилие прямого морального запрета, которое он объяснял действием «закона иррационального противоборства». При этом он различал два вида противоборства: сопротивление плоти и сопротивление духа. Для их преодоления необходим процесс сублимирования низших этических движений в высшие. Главными орудиями сублимации двух движущих сил духа — эроса и свободы — являются воображение и внушение. Этический анализ внутренних моральных процессов подводил вместе с тем и к метафизической проблеме. В конечном итоге В. обосновывал свою этику религиозно. По его мнению, условием возможности подлинной сублимации является объективное бытие Абсолюта. В процессе сублимации человек возвышается над миром, предстоит Абсолютному. Следовательно, в представлении В. сублимирование соответствует тому, что христианская мистика говорит о преображении, обожении человека, возможности достижения им святости. В. делал вывод, что истинная благодатная этика есть этика преображенного Эроса, т.е. та, которая способна преображать и сублимировать.

Профессионально занимаясь богословием (В. был профессором по кафедре новой философии и нравственного богословия в Православном Богословском институте в Париже), он в то же время оставался в стороне от ведущихся богословских дискуссий. Печально закончилась его попытка вмешаться в богословский спор о софилогическом учении о. *С.Булгакова*, осужденном патриархией как еретическое. В ноябре 1935 в РФА В. вместе с Бердяевым ор-

ганизовали открытый философский диспут. Симпатии В. были не столько на стороне о.Сергия, сколько на стороне «свободы мысли»; он вел диспут в состоянии возбуждения, а после него, потеряв самообладание, избил другого участника диспута — *М.Ковалевского.*

В предвоенные годы В. участвовал в экуменическом движении. В 1937 он был делегатом на Всемирной экуменической конференции в Оксфорде; участвовал в составлении сборника, посвященного экуменизму, который был опубликован экуменическим центром в Женеве («Церковь, государство и человек». Гент, 1937; на нем. яз.), в котором были две его статьи. В. работал также в секретариате Женевской экуменической лиги.

По некоторым сведениям, во время 2-й мировой войны В. сотрудничал в оккупационной Франции с нацистским режимом; из-за боязни быть разоблаченным французским судом он переехал в конце 40-х в Женеву. Однако из других источников следует, что во время войны В. жил в Германии. После войны В. сблизился с Народно-трудовым союзом, следствием чего явилась его книга «Философская нищета марксизма» (1952), изданная им под псевдонимом Б.Петров. Эта работа представляла собой критический анализ и опровержение основ марксистской философии — диалектического и исторического материализма. Истинная диалектика, считал В., существует в рамках идеалистической философии и ведет свое происхождение от Платона. Диалектика есть раскрытие мыслящим духом истины через противоречия, которые по своей природе стремятся к синтезу. Абсолютизация противоречий в диалектическом материализме ведет к хаосу, торжеству абсурда. Очевидно, что это «объясняется ...не философскими, а политическими мотивами — как философское оправдание ...классовой борьбы».

Наряду с интересом к философской антропологии, В. также уделял большое внимание проблемам социальной философии, освещая их в последней вышедшей при жизни книге «Кризис индустриальной культуры» (1953). Он оценивал современную ему культутру как «индустриальную». Механическое усовершенствование быта сделало широко доступными жизненные удобства. Однако, вследствие тотальной механизации жизни, «индустриальная культура» не способствует духовному развитию личности. Более того, она усредняет человека и его духовные потребности, создает культ массовой продукции и стандартов. Эта тенденция нашла крайнее выражение в тоталитаризме. В. обнаруживал черты сходства капитализма и тоталитаризма: им обоим присуще использование достижений человеческого духа в целях стандартизации и механизации жизни. Правда, по мнению В., капитализм имеет некоторые преимущества в сравнении с тоталитаризмом, т.к. ему в меньшей степени свойственно стремление к усреднению человеческого общества вследствие присущей капитализму демократии. Кризис «индустриальной культуры», считал В., должен быть преодолен ее одухотворением высшими религиозными ценностями. Книга вызвала неприятие со стороны левых кругов эмиграции. В. вынужден был сформулировать свои возражения в статье «Ответ моим критикам» (НЖ, 1954, № 38). В ней он ясно выразил свои политические предпочтения, подчеркнув, что является сторонником «суверенного, правового, демократического государства», которое утверждает «свободный рынок, свободу торговли».

В. умер от туберкулеза в Женеве. Уже после его смерти увидела свет «одна из самых проникновенных его книг» — «Вечное в русской философии» (1955). В этой работе он, не проводя различия между художественным и философским творчеством, исследовал «вечные» темы русской культуры. Современники, знавшие В., отмечали, что «философское исследование привлекало его больше, чем систематизация идей». Вероятно, этим объясняется сравнительно небольшое количество написанных им систематических трудов.

Лит.: Алексеев Н.Н. Б.П.Вышеславцев // Вест. РСХД, 1954, № 35; Зеньковский В.В. Б.П.Вышеславцев как философ // НЖ, 1955, № 40; Алексеев Н.Н. В бурные годы. Наш академический мир // НЖ, 1958, № 54; Левицкий С.А. Очерки по истории русской философской и общественной мысли, т. 2. Франкфурт-на-Майне, 1981; Зеньковский В.В. История русской философии, т. 2, ч. 2. Л., 1991; Сапов В.В. Философ преображенного Эроса / Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М., 1994.

А.Поляков
Е.Тимошина

ВЫШНЕГРАДСКИЙ Иван Александрович (4.5.1893, Петербург — 29.10.1979, Париж) — композитор. Его отец, Александр Иванович, начал свою карьеру в министерстве финансов, позднее стал директором одного из крупнейших банков. В числе прочих финансовых деятелей он входил в состав главной дирекции Русского музыкального общества. Дед композитора — Н.Вышнеградский — был министром финансов при Александре III, создателем золотого стандарта в России; он также известен как крупный ученый, один из основателей теории автоматического регулирования, почетный член Петербургской Академии наук (1888).

Первые уроки игры на фортепиано В. преподал его отец — просвещенный меломан, композитор-любитель (некоторые из его сочинений исполнялись и были изданы). Любовь к слову и письму будущий композитор унаследовал от матери — Софьи Савич-В. — талантливой писательницы, лирические стихи, рассказы, небольшие драмы которой не раз служили ему литературной основой. Именно мать оказала решающее влияние на формирование характера В. В доме царила музыкальная атмосфера, нередко там бывали А.Глазунов, А.Лядов. *Н.Черепнин*, В.Сафонов, поэты, художники.

Среднее образование В. получил в 1-й гимназии, старейшем из государственных классических заведений, отличавшемся глубокими музыкальными традициями. По окончании гимназии В. поступил в консерваторию, где учился в классе композиции у Н.Соколова. Его первым фундаментальным сочинением стала консерваторская дипломная работа «День бытия» для большого оркестра, хора и чтеца (1916-17). По духу это сочинение близко «Мистерии» А.Скрябина. Влияние последнего сказывается как в стилистике и лексике текстов, так и в музыкальном языке, особенно в заключительной части экстатического характера, заканчивающейся 12-звучным хроматическим кластером. «День бытия» стал в каком-то смысле пророческим сочинением для композитора, в котором он усматривал источник всего своего последующего творчества. Исполнение состоялось лишь спустя 60 лет, 21.1.1978, и стало для В. важнейшим событием его творческой биографии.

В процессе написания этого сочинения композитору открылся ультрахроматизм (так в начале XX в. определялась микроинтервальная система темперирования), ставший его главной, всепоглощающей темой. К микроинтервалике В. подходил и в других своих ранних сочинениях, хотя и выдержанных в 1/2-тоновой системе, среди которых — «Три песни по Ницше», «Четыре фрагмента», имеющие две версии: 1/2-тоновую и 1/4-тоновую, «Семь вариаций на ноту ДО», примечательные отсутствием полутоновой версии. Так, в течение короткого времени (1916-18) В. была осознана вся творческая перспектива, «план», по которому предстояло последовательно овладеть 1/3, 1/4, 1/6, 1/8, вплоть до 1/12 тона, лежащими на грани человеческого восприятия, найти соответствующий замыслам инструмент, способ записи ритмического ультрахроматизма (эквивалента интонационного), нотацию и т.д. Его представление о звуковом «ультрахроматическом континууме» было вполне оформлено уже в эти годы и требовало дальнейшей конкретизации.

Все попытки реализации творческих планов упирались в «инструментальную проблему», которая преследовала композитора еще долгие годы. В 1918 его проект 1/4-тонового фортепиано поддерживался и даже предполагался быть осуществленным в рамках музыкального отдела Наркомпроса, но гражданская война отодвинула этот план на неопределенное время. Угрожающая ситуация в стране, а также невозможность реализовать себя предопределили решение об отъезде. В 1920 В. вместе с семьей приехал в Париж. Сразу же он отправился в инструментальные фирмы «Эрар» и «Гаво», чуть позже — «Плейель», где, однако, не нашел ни отклика, ни интереса к ультрахроматизму. Тем временем в Берлине в этой области интенсивно работали композиторы А.Хаба, Й.Магер, В.Меллендорф, Р.Штайн, ставшие впоследствии коллегами В. В Берлин В. переехал в 1922. Споры, обсуждения, даже «съезд четвертитоновых композиторов» во многом восполнили недостаток общения, но не принесли взаимопонимания. Только в 1930 В. получил от фирмы «Ферстер» инструмент, построенный специально по его проекту, на котором работал до конца своей жизни.

В течение первых лет парижского периода появились Два хора на слова А.Поморского, Прелюдия и танец для 2-х фортепиано, Первый струнный квартер. Получив, наконец, 1/4-тоновое фортепиано, композитор столкнулся с невозможностью найти исполнителя, решившегося бы освоить новую клавиатуру и сответственную нотацию. Поэтому в 1936 В. был вынужден отказаться от идеи специально сконструированного инструмента и окончательно утвердился в использовании 2-х и 4-х роялей, настроенных с разницей в 1/4 тона. Композитор переложил для этого состава большинство своих сочинений, что позволило ему в 1937 (25 янв.) дать полноценный концерт, где были исполнены Первый симфонический фрагмент, несколько прелюдий из цикла «24 прелюдии в 13-звучной диатонизированной хроматике», Этюд в форме скерцо и симфония «Так говорил Заратустра». После концерта круг общения В. расширился, появились новые друзья, среди которых — композитор О.Мессиан. Время, отмеченное относительным благополучием, длилось недолго, до начала 40-х. Два «затмения» постигли композитора — война и болезнь, на время парализовавшие его творческую волю. Однако, оправившись, он вновь возвратился к активной творческой деятельности. Среди наиболее значительных исполнений В. — концерт 1945, устроенный Мессианом, пригласившим в качестве исполнителей своих учеников, в том числе П.Булеза. В 50-е появились новые крупные сочинения: Соната для альта и двух

фортепиано, Композиция для струнного квартета, Четвертый симфонический фрагмент, Вторая симфония, два крупных сценических сочинения.

В 1954 на фестивале электронной музыки в Кёльне были представлены 7 новых сочинений В. Особенно важным для В. было исполнение его единственного к тому времени оркестрового 1/4-тонового сочинения «Пять вариаций без темы и Заключение» в Страсбурге, в студии под управлением Шарля Брука весной 1964. 21.1.1978 в Доме радио состоялось исполнение двух концертов — камерного и фортепианного, а также симфонического. В. составил их не только из своих сочинений, но и из произведений др. композиторов, близких ему по духу: в первом концерте прозвучали пьесы Скрябина, Черепнина, Мессиана, *Обухова*, а во втором — Скрябин и *Вагнер*. Однако концертные выступления были скорее эпизодическими, а положение композитора в музыкальном мире оставалось достаточно замкнутым и изолированным, что его самого очень тяготило.

Последние десятилетия жизни В. сопровождались спокойным размышлением, упорядочиванием теоретических работ, гармонической системы, мыслями о музыкальной истории и собственном пути. В. был оригинальным теоретиком, точнее, музыкальным метафизиком. Им была разработана собственная теория «звукового континуума», изложенная в его труде «Ultrachromatisme et espaces non octaviants» (La Revue Musicale, 1972, № 290-291), статьях «Раскрепощение звука», «Раскрепощение ритма», «Manuel d'harmonie à quarts de ton», «La Musique à quarts de ton et sa réalisation pratique», «Continuum électronique et Suppression de l'interprate» и др.

Е.Пальдяева

Г

ГАБО (наст. фам. Певзнер) Наум (Неемия) Абрамович (5.8.1890, Брянск — 1977, Уотербери, шт. Коннектикут, США) — скульптор, график, теоретик искусства. Младший брат *Н.Певзнера.* Родился в семье инженера. В детстве начал писать стихи и рисовать. Из начальной школы его исключили за дерзкое стихотворение о директоре. Старший брат Марк в 1904 забрал его в Томск, где Наум участвовал в студенческой политической демонстрации, после чего родители возвратили его домой. В 1905-6 оказался замешанным в работе нелегального кружка, члены которого занимались распространением грамотности среди рабочих. Был арестован, но ввиду малолетства скоро освобожден и направлен на учебу в гимназию Курска, где прожил до 1910. Продолжал писать стихи, но не стремился их публиковать, любил гимнастику, спорт, был общителен и весел. Серьезно изучал не только русскую, но и мировую литературу. Его выпускное сочинение директор гимназии отказался оценивать по пятибальной системе, назвав его высокохудожественным литературным произведением. В годы учебы испытал влияние древнерусской и византийской живописи, техники М.Врубеля. После окончания гимназии уехал в Берлин, но вскоре перебрался в Мюнхен. В 1910 — студент медицинского факультета университета, в 1911 перешел на его естественное отделение, а в 1912 — студент политехнической инженерной школы. В этот период он начал активно заниматься живописью и скульптурой. В Мюнхене познакомился с тремя «учителями», оказавшими решающее воздействие на становление его творчества: Г.Вельфлингом, В.Варинге и *В.Кандинским.* По настоянию профессора Вельфлинга летом 1913 отправился пешком в путешествие по Италии для изучения искусства в музеях и церквах. Пробыл там 6 недель, посетил Венецию и Флоренцию, до Рима дойти не смог по причине финансовых трудностей. В начале 1914 вернулся в Брянск. По воспоминаниям брата Алексея, он «почти ежедневно с большой поспешностью и нервностью писал маслом, пастелью, акварелью, но никогда с натуры, различные фигуративные образы».

В апреле 1914 вынужден вновь уехать за границу, сопровождать на лечение больную мать. Начавшаяся 1-я мировая война привела его в Скандинавию. Сначала он с братом Алексеем выехал в Данию, затем в Норвегию (Осло), где оставался до 1917. Пространство и время, бесконечность мироздания — вот основные темы его творчества. Зимой 1915-16 начал конструировать из цветного тонкого картона путем склеивания сочлененных плоскостей и различных небольших фигуративных моделей и головок. В его скульптурах появился рисунок, определились направляющие линии, выявилась глубина, создалась возможность многократного увеличения каждой сочлененной плоскости при помощи планиметра, обеспечивалась технологичность конструкции, т.е. возможность изготовления любой скульптурной композиции современными технологическими операциями машиностроения. Сам Наум считал себя конструктивистским скульптором с 1915, когда он создал первую «Голову»; с этого времени он подписывался Габо.

С марта 1916 Г. жил и работал с Н.Певзнером. В марте 1917 братья вернулись в Россию, сняли студию в Москве; активно включились в художественную жизнь Советской России, вошли в число лидеров идеологии нового абстрактного искусства. Большевистское правительство терпимо относилось к представителям левых течений в искусстве, поддерживало их материально, давало возможность работать и распространять свои идеи в художественных учебных заведениях. Большая группа друзей Г. и его брат работали во ВХУТЕМАСе; Г. предлагали возглавить отделение керамики и скульптуры, но он отказался. Г. стал соредактором еженедельной газеты «ИЗО», выпускавшейся отделом изобразительных искусств Наркомпроса. Неофициально он проводил занятия со студентами ВХУТЕМАСа, желавшими обучаться скульптуре. Принимал участие в семинарах, диспутах, проводимых в Москве; был великолепным оратором, владел аудиторией. В своих выступлениях развивал принципы нового искусства. В написанном им «Реалистическом манифесте» (1920) изложил основные принципы конструктивизма: 1) отрицание цвета, замена его тоном — светопоглощающей средой; 2) отрицание изобразительной линии в пользу линии направления статических сил и ритмов; 3) отри-

цание старого объема и массы как пространственно-скульптурных элементов, утверждение вместо них качества «глубины»; 4) отрицание неподвижности формы в пользу ритмов кинетических. Ведущая идея манифеста состояла в утверждении абсолютной, независимой ценности искусства как необходимом выражении человеческого опыта.

В 1920 Г. создал прообраз «мобилей» — кинетическую абстрактную скульптуру, приводимую в движение электромотором. Позднее исполнил прозрачные и полупрозрачные скульптуры, конструкции с отверстиями и разрывами, используя разнообразные материалы: алюминий, сталь, фосфоритную бронзу, позолоту, мрамор, дерево, картон, плексиглас, акрил, нейлоновые нити, пружины, люцит и проч. В развитие принципов манифеста исполнил проект радиостанции в Серпухове, напоминающий конструктивистскую скульптуру. С 1920-х полностью отошел от фигуративности. В 1922 принял решение покинуть Россию. Причины отъезда он объяснил много позже в одном из интервью (1956): советское правительство после окончания гражданской войны взяло курс на возвращение к реализму в искусстве, мастерские его и брата были закрыты, не было возможности получить работу, лекции во ВХУТЕМАСе были прекращены. Г. обратился к А.Луначарскому и получил разрешение на выезд.

В 1922 Г. обосновался в Берлине. Принял участие в Первой русской художественной выставке, организованной советским правительством в «Gallery Van Diemen». Эмиграция оказалась чрезвычайно плодотворным периодом в творчестве Г. В Берлине он примкнул к движению «Стиль», возглавлявшемуся Т.Ван Дусбургом и П.Мондрианом. Выступал с докладами, участвовал в авангардистских выставках в Германии и Голландии, устроил выставку в парижской «Gallery Percier» — «Русские конструктивисты: Габо, Певзнер» (1924); организовал вместе с Певзнером и Ван Дусбургом выставку в «Little Review Gallery» в Нью-Йорке (1926). В 1925 создал проект монументов для аэропорта и для института физики и математики; в 1926 — сценическую конструкцию из жести и зеркал к балету А.Соге «Кошка» в постановке *Дж. Баланчина* («Русский балет» *Дягилева*, Монте-Карло, 1927). В 1929 выполнил проект праздничного оформления Бранденбургских ворот в Берлине. На следующий год провел в Ганновере первую самостоятельную выставку под названием «Конструктивная пластика». В 1931 участвовал в объявленном советским правительством конкурсе проектов Дворца Советов. В 1932-35 жил в Париже, стал одним из организаторов союза «Абстракция—Созидание»; затем поселился в Лондоне (1935), женился на Мариам Израэльс. Выставлялся в «Chicago Arts Club» (1934); Музее современного искусства в Нью-Йорке на выставке «Кубизм и абстрактное искусство» (7 работ, 1936); на выставках в галерее «Jeu De Paume» (Париж); в «Kunsthalle» (Базель) и в «London Gallery» (1937). С 1937 издавал журнал «Circle: International Survey of Constructive Art» совместно с Л.Матрином и Б.Никольсоном; в журнале публиковались теоретические статьи о художественных и социальных аспектах конструктивизма.

В 1938 поехал в США для устройства своих выставок в «Julian Levy Gallery», «Vassar Colledge», «Wadsworth Atheneum»; выставил одну работу в Сан-Франциско («Golden Gate Exposition», 1939). В 1941 у него родилась дочь — Нина-Серафима. В 1942 выставил свои работы в городском музее Лондона. В 1944 стал членом Союза исследователей дизайна. Получил заказ на изготовление эскиза машины для фирмы «Jowett Cars Ltd.». В 1946 окончательно перебрался в США и принял (1952) американское гражданство. К тому времени работы Г. уже пользовались известностью. В 1948 в Музее современного искусства в Нью-Йорке состоялась большая ретроспективная выставка Г. и Певзнера, позднее его персональные выставки прошли в Массачусетском технологическом институте (1952), в галерее П.Матисса в Нью-Йорке и в «Hartford Atheneum» (обе — 1953). Он получал престижные заказы: в 1950 — от Музея искусств Балтимора (изготовленная им конструкция была установлена в 1951); в 1955 — на изготовление скульптуры для «Bejenkorf building» в Роттердаме, в 1956 — на изготовление барельефа для Рокфеллеровского центра в Нью-Йорке; в 1970 — на проект фонтана перед зданием больницы Св.Фомы в Лондоне (установлен в 1975); в 1973 — на скульптуру для Национальной галереи Берлина. Участвовал в международном конкурсе проектов памятника «Неизвестному политическому заключенному» (завоевал 2-й приз).

С 1953 профессор архитектурной школы Гарвардского университета.

Творческие достижения Г. были отмечены многочисленными премиями, а сам художник удостоен различных почетных званий. В 1954 Г. получил премию фонда Гугенхейма и медаль Института искусств в Чикаго, в 1960 награжден рядом американских университетов; он стал членом Американской Академии искусств и словесности (1965), почетным доктором Королевского колледжа искусств в Лондоне (1967), Почетным рыцарем ордена Британской империи (1971).

В 1960-70-е обратился к живописи и ксилографии, читал лекции на архитектурных факультетах. В 1965-66 провел персональные ретроспективы во многих городах США, а также в Амстердаме, Мангейме, Цюрихе, Стокгольме, Лондоне. В 1970-72 организовал передвижную выставку: Луизиана-Осло-Берлин-Ганновер-Гренобль-Париж-Лиссабон.

Г. оставил большое теоретическое наследие. Большинство его работ посвящены проблемам конструктивизма, дальнейшей разработке идей, заложенных в «Реалистическом манифесте» 1920. Конструктивизм, по его мнению, основан на трехмерном пространстве, осязаемых образах, направленных на широкую аудиторию. Конструктивистские принципы охватывают целый комплекс человеческих отношений и жизни: это образ мысли, действия, чувства и жизни. Конструктивизм — это созидание, это способ реакции на мир, поэтому в нем нет ничего неизменного, как в жизни. В 1976 в интервью журналу «Америка» Г. сказал: «Когда я делаю скульптуру, я отбрасываю из камня или целого куска материала ненужные части, чтобы освободить образ, скрытый в материале. Однако, когда я создаю конструкцию, я строю ее образ из ничего. Образ рождается изнутри, и пространство также является важной его частью, потому что в своих конструкциях я использую пространство как элемент, точно также, как я пользуюсь другими элементами, такими как цвет, форма, линия».

В 1962 Г. приезжал на родину, навещал братьев в Ленинграде и Москве.

Соч.: The Constractive Progress. London, 1976.

Лит.: Olson R., Chanin A. Gabo, Pevsner. New York, 1948; Reade H. Gabo. London, 1957; Pevsner A. A Biographical Scetch of my Brothers N.Gabo and A.Pevsner. Amsterdam, 1964: Певзнер А. Дорога. По обочине... М., 1992.

И.Купцова

ГАЗДАНОВ Гайто (Георгий) Иванович (псевд. Г.Г.) (6.12.1903, Петербург — 5.12.1971, Мюнхен) — писатель, литературный критик. По национальности осетин, писал только на русском языке. Отец — Иван Сергеевич (Бапп) Г., окончил Лесной институт, лесовод; мать — Мария Николаевна Абациева. С семьей Г. жил в Петербурге, в Сибири, в Белоруссии, на Украине, в Твери, в Смоленске. Ему не было шести лет, когда умерли две его сестры; в 1911 умер отец. Учился Г. год в Полтавском кадетском корпусе, затем в харьковской гимназии. В 1919, после 7-го класса, вступил в армию Врангеля, служил солдатом на бронепоезде, в 1920 с остатками белой армии эвакуировался из Крыма в Константинополь, где жил в Галлиполийском лагере. В Стамбуле неожиданно встретил двоюродную сестру — балерину Аврору Газданову, уехавшую из России до революции, с ее помощью в 1922 поступил в русскую гимназию, в апреле переместившуюся из Стамбула в Болгарию — в город Шумен. В 1923, пройдя курс 8-го класса, получил аттестат о среднем образовании и переехал в Париж, где в течение пяти лет работал портовым грузчиком, сверлильщиком на автозаводе, мыл паровозы, преподавал русский язык французам и французский — русским. Зимой 1925-26 3 месяца не мог найти работу и жил как клошар, ночуя на улице. С 1928 по 1952 работал ночным таксистом. В конце 20-х — начале 30-х поступил в Сорбонну, 4 года учился на историко-филологическом факультете, занимаясь историей литературы, социологией и экономическими учениями. Существует версия, по которой Г. в 1932 под влиянием *М.Осоргина* вступил в одну из масонских лож в Париже.

Писать начал в Константинополе. Первый рассказ — «Гостиница грядущего» — опубликовал в пражском журнале «Своими путями» в 1926 (?). С 1927 печатался в журналах «Воля России», «Современные записки», «Русские записки», «Числа», «Встречи», «Опыты», «Мосты», «Новый журнал». Активно участвовал в литературном объединении «Кочевье», возникшем в 1928 в Париже по инициативе *М.Слонима*. С успехом читал там свою прозу, доклады о В.Розанове, *А.Ремизове, И.Бунине*, В.Маяковском. Г. начал с рассказов о гражданской войне, обративших на себя внимание сочетанием иронии, лирики, парадоксами, остротой слога и мужественностью тона. Известность принесла ему публикация романа «Вечер у Клэр» (Париж, 1930; М., 1990), высоко оцененного Буниным и ведущими критиками русского зарубежья. Г. послал роман М.Горькому и получил одобрительный отзыв. За 45 лет творческой жизни Г. опубликовал 9 романов, 37 рассказов, несколько десятков литературно-критических эссе и рецензий. До войны, кроме «Вечера у Клэр», вышли романы — «История одного путешествия» (СЗ, 1935, № 58-59, отд. изд. Париж, 1938), «Ночная дорога» (СЗ, 1939, № 69; 1940, № 70; отд. изд. Нью-Йорк, 1952), «Полет» (Рус. записки, 1939, № 18-21; 4-я и 5-я части романа не опубликованы и хранятся в архиве Г. в Гарвардском университете). О Г. заговорили как о самом талантливом, наряду с *В.Набоковым*, русском писателе. Г. — автор эссе «О молодой эмигрантской литературе» (СЗ, 1936, № 60), в котором критически отозвался о творческих возможностях и перспективах молодого поколения русских писателей-эмигрантов: «Живя в одичавшей Европе, в отча-

янных материальных условиях, не имея возможности участвовать в культурной жизни и учиться, потеряв после долголетних испытаний всякую свежесть и непосредственность восприятия, не будучи способно ни поверить в какую-то новую истину, ни отрицать со всей силой тот мир, в котором оно существует, — оно было обречено». Эссе вызвало шквал возражений; Осоргин, в частности, приводил в качестве образца творчество Набокова и самого Г. В этот период, очевидно, сказалась накопившаяся у Г. усталость от жизни в чужой стране, боль разлуки с матерью (она жила во Владикавказе, преподавала в пединституте французский и немецкий языки, Г. переписывался с нею в 20-30-е и узнал о ее тяжелой болезни; умерла в 1939). У него возникло утопическое (учитывая явную несовместимость взглядов Г. с советской идеологией) желание вернуться на родину (20.6.1935 он обратился к Горькому с просьбой помочь ему в этом).

Еще до войны Г. подписал декларацию о верности Франции. Война застала его в Париже. Вместе с женой, Фаиной Дмитриевной Ламзаки, происходившей из семьи одесских греков (Г. женился в 1939), они укрывали в своей квартире евреев и многим помогли эмигрировать в США, в частности, Слониму. В 1942 с женой вступил в ряды движения Сопротивления — в советскую партизанскую бригаду; редактировал информационные бюллетени, жена была связной. Об этом периоде он написал документальную книгу «На французской земле», изданную на французском языке (рус. оригинал — в архиве Гарвардского ун-та).

После войны опубликовал в «Новом журнале» романы «Призрак Александра Вольфа» (1947-48; М., 1990), «Возвращение Будды» (1949-50), «Пилигримы» (1953-54), «Пробуждение» (1965-66), «Эвелина и ее друзья» (1969-71). Последний роман «Переворот» не окончен, опубликован посмертно (1972). Бросить работу таксиста Г. смог лишь после выхода романов «Призрак Александра Вольфа», переведенного на английский, французский, итальянский, испанский языки, и «Возвращение Будды» (пер. на англ. яз.). В 1953-71 постоянный сотрудник американской радиостанции «Свобода» (Мюнхен), некоторое время возглавлял русскую редакцию. В 1959-67 корреспондент «Свободы» в Париже.

Проза Г., как правило, автобиографична. Свой первый роман «Вечер у Клэр» Г. построил на приеме «потока сознания» — на исповеди героя, ищущего в утраченном прошлом то, что привело к настоящему. Водоворот российской смуты подхватил и понес 16-летнего героя; повод для его воспоминаний — о гимназическом времени, о гражданской войне, о службе на бронепоезде — встреча уже в Париже с француженкой Клэр, его первой любовью из прежних времен. Г. сразу выступил как блестящий стилист, мастер полулирического, полуиронического повествования, создающий особое эмоциональное напряжение, заставляющий читателя ценить каждое слово. «У Г. недюжинные литературные и изобразительные способности, он один из самых ярких писателей, выдвинувшихся в эмиграции», — писал Слоним.

В романе «История одного путешествия» сделана попытка создать картину идеальной жизни русского человека на чужбине, не лишенную элементов утопичности, нереальности. Но *Г.Адамович* отметил редкий дар Г. «писать и описывать», способность находить слова, будто светящиеся или пахнущие, то сухие, то влажные, в каком-то бесшумном, эластическом сцеплении друг с другом следующие...». Одна из лучших книг Г. — «Ночные дороги». В ней сквозь призму восприятия ночного таксиста из разрозненных эпизодов возникает картина жизни Парижа русских эмигрантов, проституток, клошаров. Обнаженное, без прикрас, без иллюзий изображение жизни сочетается с сочувствием к людям и присущим Г. тонким морализмом. Примечательная особенность творчества Г.: у всех персонажей есть прототипы в реальной жизни, заменены лишь имена. «Признак Александра Вольфа» — психологический полудетектив, любовная драма; роман построен на напряженной фабуле: герой всю жизнь мучается из-за убийства, на самом деле не совершенного им, в итоге он встречает свою мнимую жертву и все-таки убивает ее — срабатывает жестокий закон неизбежной судьбы. В романе «Пробуждение» герой — среднестатистический француз, по профессии бухгалтер. Г. со свойственным русскому писателю вниманием к «маленькому человеку» раскрывает его неординарность, уникальность, его тонкую душевную организацию, его скрытые душевные силы, позволяющие ему вернуть к жизни пережившую во время войны шок, потерявшую память и впавшую в животное состояние женщину (своеобразный вариант мифа о Пигмалионе). Очевидны вера автора в доброе начало человека и возможность хороших концовок в жизни.

По Г., сущность человека часто не видна окружающим и не всегда ясна ему самому, нужна экстремальная ситуация, чтобы обнажить скрытое («Пробуждение», рассказы «Судьба Саломеи», «Панихида», «Ошибка», «Нищий», «Письма Иванова», «Счастье» и др.). Г. писал в основном о русских эмигрантах, но и в произведениях о французах («Пробуждение», «Нищий» и др.) он склонен к «пересаживанию» русской души во французское тело, его персонажи «заболевают» простыми русскими вопро-

сами о смысле жизни своей и других людей. Мир прозы Г. отчасти напоминает Набокова прекрасным русским языком, склонностью к авантюрным, детективным поворотам сюжета, загадочными героинями. У Г. нет столь оригинально увлекательной игры приемов, столь блистательного, но холодного эстетизма, столь, по выражению Адамовича, «безошибочно рассчитанной механики», его мир теплее и лиричнее мира Набокова. Л.Ржевский назвал его прозу «медитативной», она полна мыслей-рефлексов, идущих иной раз «цепочкой»; «цепочка эта была отчасти западнолитературной природы, но внутренний лиризм целого был неоспоримо русский, и традиционно русским..., был некий парадоксализм бытия, спроектированный на собственно эмигрантскую литературу». Глубоко лирическое произведение — роман «Эвелина и ее друзья», герои которого верны дружбе университетских лет и находят счастье в любви. Тонкий психолог, блистательный рассказчик и стилист, Г. продолжил традиции русской классики, прежде всего А.Чехова и *И.Бунина*, и внес в нее свою метафизическую перспективу — особый, несколько отчужденный, отстраненный, ироничный, усталый взгляд на беспощадную реальность с позиций вечности. Писатель ощущает «необыкновенную хрупкость жизни», «ледяное дыхание и постоянное присутствие смерти», но это придает и особую чувственную выразительность его прозе, ощущение ценности каждого мига жизни, ее теплоты. Г. присущи ничем не замутненное, ясное понимание абсолютных ценностей бытия и того, что «каждая человеческая жизнь содержит в себе, в своей временной и случайной оболочке, какую-то огромную вселенную».

Лит: Слоним М. Молодые писатели за рубежом // Воля России, 1930, № 5-6, 10-11; Адамович Г. Памяти Газданова // Нов. рус. слово, 1971, 11 дек.; Drenes L. Russian Literature in Exile: The Life and Work of Gajto Gazdanov. München, 1982; Бзаров Р. О Гайто Газданове // Лит. Осетия, 1988, № 71; Хадарцева А. К вопросу о судьбе литературного наследия Гайто Газданова // Там же; Хадонова Ф. Гайто Газданов // Родник, 1989, № 2; Ржевский Л. Встречи и письма (О русских писателях зарубежья 1940-1960-х гг.) // Грани, 1990, № 157.

Т.Красавченко

ГАЙСИНСКИЙ Моиз (Моисей) (23.10.1898, Тараща, Киевской губ., — 10.2.1976, Париж) — химик. По окончании екатеринославской гимназии в 1917 поступил в Харьковский университет, в котором учился до 1920, после чего уехал за границу. С 1923 продолжал образование в Римском университете (доктор химии в 1927). До 1930 работал химиком в лаборатории промышленной фирмы «Томпсон-Хаустон» в Париже. В 1930-36 и в 1957-63 работал в Парижском университете (с 1959 профессор радиохимии). Во время 2-й мировой войны оставил Париж, жил в Лионе, где преподавал в местном университете (1940-45). В 1937-40 и с 1945 работал в Национальном центре научных исследований Франции в Париже (с 1955 его директор).

Основные научные труды — в области радиационной химии, одним из основоположников которой он являлся. Первые научные исследования, выполненные в 1937-39, были посвящены анализу свойств иодистых соединений азота. В 1945-47 изучал соединения протактиния, полония и кюрия электрохимическими и радиационно-химическими методами. В 1949-50 выступил с критикой актинидной концепции размещения элементов с порядковым номером более 89 в периодической системе Д.Менделеева (эта концепция была предложена в 1945 американским физиком и радиохимиком Г.Т.Сиборгом). Г. предложил и теоретически обосновал новую идею о размещении элементов седьмого периода, а именно группы элементов, начинающихся с урана (уранидная концепция Г.). Предсказал (1972) для элементов, начиная со 104-го номера, электронные конфигурации, состояния окисления, величины ионных и атомных радиусов, потенциалы ионизации, электроотрицательности, а также некоторые характерные аналитические реакции. Установил в 1960-е закономерности радиолиза воды и водных растворов оснований. В 1970-е указал на возможность применения результатов радиационной химии в кинетике и катализе, что в дальнейшем было подтверждено экспериментально. Открыл аналогию активирующего действия альфа-облучения и ультразвука на ход химических реакций. Внес существенный вклад в организацию научно-исследовательских работ во Франции. Автор капитальной монографии «Ядерная химия и ее приложения» (1957, рус. пер. — 1961), в которой изложил современные проблемы этой науки: ядерные реакции, деление ядер, действие ионизирующего излучения на вещество, получение и свойства трансурановых элементов, изотопное равновесие, а также практические проблемы использования радиоактивных изотопов и ядерного излучения в промышленности, биологии, геологии. Совместно с французским радиохимиком Ж.Радловым выпустил в 1965 «Радиохимический словарь терминов» (рус. пер. — 1968). В этой книге впервые были суммированы основные характеристики 104 известных элементов периодической системы, причем при описании каждого элемента авторы изложили историю открытия, его физические и химические свойства, изотопный состав, способы получения радиоактивных изото-

пов, их ядерные характеристики, а также наиболее важные области применения.

Г. неоднократно бывал на родине. В 1969 он знакомился с исследованиями, проводимыми в Радиевом институте в Ленинграде, в 1971 участвовал в работе 13-го международного конгресса по истории науки в Москве, где выступил с оригинальным докладом «Псевдооткрытия в истории радиоактивности».

В.Волков

ГАМОВ Джордж (Георгий Антонович) (20.2.1904, Одесса — 20.8.1968, Боулдер, шт. Колорадо, США) — физик-теоретик. Родители Г. были учителями: отец — Антон Михайлович — преподавал русский язык и литературу, мать — Александра Арсеньевна (урожд. Лебединцева) — историю и географию. Мать умерла, когда сыну было 9 лет. В 1913-20 Г. учился в Одесском реальном училище; выделялся хорошим знанием математики и физики, легко усваивал иностранные языки, любил литературу, особенно поэзию. После окончания училища Г. поступил на физико-математический факультет Новороссийского университета; проучившись год, отправился в Петроград, где, по его мнению, «физика начала процветать после ее зимней спячки в революционный период»; с 1.8.1922 стал студентом Петроградского университета. Одновременно ему приходилось подрабатывать на жизнь. Старый знакомый отца, профессор Лесного института В.Оболенский, помог устроиться на работу метеорологом-наблюдателем метеостанции. На этой службе, дававшей ему не только заработок, но и жилье, Г. числился до начала 1924. Затем он недолгое время работал преподавателем физики и метеорологии в Петроградской артиллерийской школе им. Красного Октября (1924). Лектор-студент получал, кроме жалованья полковника, еще и офицерскую форму, в которой он должен был выходить на преподавательскую кафедру перед красными курсантами. Эта не вполне серьезная воинская служба, длившаяся менее года, тем не менее имела далеко идущие последствия в его жизни: как бывший офицер Красной армии он не был привлечен к участию в Манхеттенском проекте создания атомной бомбы, а в период работы над водородной бомбой в Лос-Аламосской лаборатории должен был давать объяснения специальной Комиссии по атомной энергии.

Полный курс физико-математического факультета Г. завершил в декабре 1924, диплом об окончании Ленинградского государственного университета (ЛГУ) получил весной 1925; был зачислен в аспирантуру. В 1925 под руководством профессора Д.Рождественского начал работу, связанную с изучением спектров различных газов. Очень быстро выяснилось, что работа экспериментатора отнюдь не сильная сторона аспиранта; вскоре Г. решил перейти к чисто теоретическим изысканиям. Научным руководителем его стал профессор Ю.Крутков. В этот период Г. сдружился и проводил много времени с Л.Ландау и Д.Иваненко. «Три мушкетера» старались быть в курсе основных новостей физики. Предметом горячих обсуждений были успехи квантовой механики, связанные с работами Гейзенберга и Шредингера. В 1926 в зарубежных журналах появились две первые теоретические статьи Г. В 1928 по рекомендации профессора О.Хвольсона Г. направили на научную стажировку в Гёттинген, являвшийся центром развития квантовой механики. Здесь он написал статью, опубликование которой в 1928 сделало его имя известным миру физики. В этой работе Г. прим.л квантовую механику для объяснения взаимодействия L-частиц с ядром атома. Результатом стало новое представление о потенциальном барьере атомных ядер (туннельный эффект). После окончания 4-месячной стажировки в Гёттингене Г. переехал в Копенгаген, где Датская Академия наук предоставила ему годичную Карлсбергскую стипендию для работы у Нильса Бора в Институте теоретической физики.

Уехав в июне 1928 за рубеж аспирантом, Г. возвратился в Ленинград в мае 1929 получившим известность ученым. О его научных успехах писала «Правда», пролетарский поэт Д.Бедный посвятил молодому ученому стихи. По представлению Э.Резерфорда, а также академика А.Крылова и Ю.Круткова Г. была присуждена Рокфеллеровская стипендия для работы в течение года в Кавендишской лаборатории в Кембридже. В конце сентября 1929 он уже прибыл в Англию. 25-летний Г. вел себя теперь соответственно новому научному и общественному статусу: открыл счет в банке, брал уроки игры в гольф. Работал плодотворно: за время этой командировки им были написаны 8 статей и первая научная монография «Строение атомного ядра и радиоактивность», изданная на английском и немецком языках. По ходатайству Бора советское посольство в Дании продлило действие заграничного паспорта еще на 6 месяцев. Тем временем комиссия по загранкомандировкам Наркомпроса РСФСР требовала объяснений по поводу затянувшегося пребывания ученого за рубежом. Следующая попытка продлить действие заграничного паспорта еще на полгода оказалась безуспешной, и весной 1931 Г. возвратился в Россию.

Наряду с выполнением обязанностей доцента ЛГУ ученый работал в этот период физиком в Радиевом институте и в Ленинградском физико-техническом институте (ЛФТИ). Вскоре Г. с сожалением стал отмечать ухудшение общего морально-психологического климата, в котором приходилось работать ученым и преподавателям. «Наука была подчинена официальной государственной философии диалектического материализма, — вспоминал он много лет спустя, — любое отклонение от правильной (по определению) диалектико-материалистической идеологии считалось угрозой рабочему классу и сурово преследовалось». Общая установка касалась и такой, казалось бы, нейтральной области науки как теоретическая физика. Получив приглашение прочитать популярную лекцию в Доме ученых, Г. начал объяснять аудитории принцип неопределенности Гейзенберга, однако председательствующий прервал его и закончил лекцию. На следующей неделе Г. получил указание не говорить в публичных лекциях о неопределенности как о фундаментальном принципе физики.

В ноябре 1931 произошли изменения в личной жизни ученого: он вступил в брак с Л.Н.Вохминцевой. Красивая, честолюбивая жена, по-видимому, оказывала значительное влияние на Г. С какого-то момента выезд за границу стал «идефикс», в действиях ученого появился элемент авантюризма. Летом 1932 вдвоем с женой они сделали попытку на байдарке пересечь Черное море, чтобы добраться до берегов Турции. К счастью, ветер отнес их обратно к крымскому побережью, иначе путешествие скорее всего окончилось бы трагически. Не удалось реализовать супругам и план перехода через финскую границу на лыжах.

Неожиданно ситуация значительно упростилась: из Наркомпроса пришло письмо, официально уведомлявшее Г., что он делегируется советским правительством на международный Сольвеевский конгресс по ядерной физике, который должен состояться в октябре 1933 в Брюсселе. Ученый предъявил ультиматум: либо ему разрешают выезд вместе с женой, либо он вообще отказывается выступать на конгрессе. Власти пошли ему навстречу, что объяснялось в первую очередь ходатайством знаменитого физика П.Ланжевена и поручительством за Г. руководителя делегации академика А.Иоффе, а также члена-корреспондента АН СССР Я.Френкеля.

Из этой поездки Г. на родину не вернулся. После Сольвеевского конгресса он по два месяца читал лекции в Радиевом институте в Париже, Кавендишской лаборатории в Кембридже и в Копенгагене у Бора. В 1934 он отплыл на датском судне в США, где прошли последующие 30 лет его жизни. Отношение к факту невозвращения Г. в СССР было неоднозначным: Э.Резерфорд отказался принимать новоявленного эмигранта в Кавендишской лаборатории без разрешения советского правительства, Бор считал, что Г. подвел П.Ланжевена. Многие полагали также, что следствием истории Г. явилось запрещение П.Капице вернуться в октябре 1934 в Кембридж для продолжения работы.

В конце 1934 Г. получил должность профессора в Вашингтонском университете. В числе первых, кого он пригласил к себе в сотрудники, был Э.Теллер. К середине 1936 Г. и Теллер совместно установили т.н. правило отбора в теории бета-распада. Начиная с 1938 основным направлением исследований Г. стало использование методов ядерной физики для интерпретации процессов звездной эволюции. Ученый первым стал рассчитывать модели звезд с термоядерными источниками энергии, исследовал эволюционные треки звезд. Совместно с М.Шёнбергом в 1940-41 Г. установил роль нейтрино в резком увеличении светимости при взрывах новых и сверхновых звезд. В 1942 Г. опубликовал работу, в которой исследовал энергетический баланс и предложил модель оболочки красных гигантов.

В период 2-й мировой войны Г. сотрудничал с военным ведомством США в качестве консультанта отделения взрывчатых веществ; проводил работу по изучению детонации и ударных волн при взрывах разных типов. По окончании войны Г. побывал на атомном полигоне Бикини. В 1948 ученый получил допуск к секретам особой важности и вместе с Теллером и С.Улемом работал в Лос-Аламосе по проекту создания водородной бомбы. Как ученого Г. по-прежнему занимали проблемы астрофизики и космологии. В 1946-48 им была разработана теория образования химических элементов путем последовательного нейтронного захвата и модель «горячей Вселенной». В этот же период он высказал гипотезу движения материи Вселенной вокруг отдаленного центра вращения.

Постепенно Г. приобрел широкую известность в США, чему способствовала его активная популяризаторская деятельность. Из написанных им книг (ок. 30) большинство является научно-популярными («Создание Вселенной», «Звезда, названная Солнцем», «Тяготение», «Квантовая механика» и др.). При написании многих книг Г. выступал в роли не только автора, но и художника. За свои научно-популярные публикации Г. был удостоен в 1956 Калинговской премии ЮНЕСКО; своего рода поощрением стал также лекционный тур по Индии и Японии.

С 1956 Г. — профессор университета штата Колорадо. К этому периоду относится пред-

сказание ученым реликтового излучения с расчетной оценкой его температуры в GK. Теоретическое предсказание Г. подтвердилось в 1965, когда реликтовое излучение было открыто экспериментально. Г. принадлежит также разработка модели звездного коллапса. Интересы Г. не ограничивались теоретической физикой и космологией; он был первым, кто вполне определенно сформулировал принципы генетического кода.

Г. являлся членом Академии искусств и наук США, Международного астрономического союза, Американского физического общества и ряда др. научных обществ и академий.

Соч.: Строение атомного ядра и радиоактивность. М.-Л., 1932; My World Line: An Informal Autobiography. New York, 1970.

Лит.: Лисневский Ю.И. Георгий Антонович Гамов. Жизнь в России и СССР // Вопр. истории естествозн. и техники, 1989, вып. 1-2.

В.Борисов

ГАПОШКИН Сергей Илларионович (12.7.1898, Евпатория — 17.9.1984, Лексингтон, шт. Массачусетс, США) — астроном. Родился в семье каменщика. Не сумев завершить образование, он был призван в 1917 в царскую армию, после революции вступил в Добровольческую армию генерала *Деникина*. После ее поражения выехал в 1920 в Турцию; работал садовником у персидского шаха, находившегося в изгнании. В 1923 переехал в Германию, в 1927 окончил основанный *В.Стратоновым* в Берлине Русский научный институт; в 1932 получил ученую степень доктора философии. В 1933 обосновался в Америке, был принят ассистентом в астрономическую обсерваторию Гарвардского колледжа. После получения в 1939 американского гражданства стал научным сотрудником, а с 1948 занимал должность астронома. В 1934 Г. женился на Цецилии Пайн, которая работала в Гарвардской обсерватории и по уровню и значению своих работ превзошла супруга. Впрочем, многие работы они выполняли вдвоем.

Г. изучал переменные звезды (т.е. звезды, систематически изменяющие свой блеск), а также новые, спектрально- и затменно-двойные звезды, шаровые звездные скопления, галактики (в том числе Млечный Путь и Магеллановы облака). Две его работы, посвященные исследованиям переменных звезд, были в 1949-56 опубликованы в советском издании «Переменные звезды». В 1938 супруги Гапошкины опубликовали монографию «Переменные звезды», которая длительное время была единственной книгой, обобщавшей наши знания об этом классе звезд и вместе с тем содержавшей оригинальные результаты. Так, в ней приведен первый перечень группировок т.н. орионовых звезд — карликовых переменных звезд, непрерывно изменяющих свой блеск и связанных с темными диффузными туманностями. Начиная с 50-х эти группировки получили название Т-ассоциаций. В 1941 Г. доказал, что одна из звезд типа Вольфа—Райе (к этому типу относятся горячие бело-голубые звезды-гиганты с яркими линиями излучения гелия и ионов углерода, азота и кислорода) является двойной системой, причем одна из звезд может затмевать свет другой. Позже было доказано, что и другие звезды этого типа входят в двойные системы.

В 1943 супруги Гапошкины опубликовали большие ряды фотографических наблюдений звездных полей, полученные ими в Гарвардской обсерватории. Вскоре эти ряды наблюдений пригодились. После открытия в конце 40-х вспыхивающих звезд Г. вместе с шестью другими американскими астрономами проделал титаническую работу по просмотру более 25 000 фотографий звезд — красных карликов и у некоторых уверенно обнаружил вспышки, а у других — колебания блеска. Эти звезды получили название звезд типа UV Кита. В 1950 Г. открыл пульсирующую звезду с двумя периодами пульсации. Всего на небе таких звезд известно семь. Одну из них открыла Цецилия Пайн.

В 60-е Г. занимался исследованием пульсирующих звезд, получивших название цефеид (от созвездия Цефея, где была обнаружена их первая представительница). Проведенные наблюдения цефеид предоставили материал, помогавший определить расстояния до тех звездных систем, в которых они находятся. Для этого использовалась четко установленная зависимость между периодом изменения блеска (т.е. периодом пульсации) и их светимостью. В 1962 Г. опубликовал подробные сведения о цефеидах, обнаруженных в галактике Андромеды. В этой работе он обнаружил эффект уменьшения периода цефеид с удалением от центра звездной системы. В 1966 совместно с женой Г. проделал большую работу по построению кривых изменения блеска 1139 цефеид в Большом Магеллановом облаке и 1132 цефеид в Малом Магеллановом облаке. По полученным ими кривым блеска супруги Гапошкины построили распределение всех цефеид по периодам изменения блеска. Выяснилось также, что цефеиды класса S примерно в 1,5 раза ярче обычных.

После ухода из обсерватории (1978) и смерти жены (1979) Г. жил в Лексингтоне (шт. Массачусетс). Из трех детей Катарина продол-

жила астрономические исследования родителей. Стоит отметить, что Цецилия Пайн-Гапошкина была первой женщиной-профессором в Гарвардском университете и первой женщиной заведующей отделом. Астероид 2039 назван ее именем.

Соч.: Variable Stars (совм. с Ц.Пайн-Гапошкиной). Cambridge (Mass.), 1938.

Лит.: Бронштэн В.А. Советская власть и давление на астрономию // Философ. исследования, 1993, № 3.

В.Бронштэн

ГАРБУЗОВА Раиса (Рая) Борисовна (род. 25.1.1906, Тифлис) — виолончелистка. Родилась в музыкальной семье. Многоликость художественной жизни Тифлиса, посещения оперных спектаклей, концертов, куда отец, игравший в оркестре на трубе, охотно брал маленькую Раю, помогли рано проявиться музыкальным способностям одаренной девочки. С пяти лет она обучалась игре на фортепиано, а, услышав однажды знаменитого виртуоза-контрабасиста *С.Кусевицкого*, выразила твердое желание заниматься и на виолончели. Судьба благоприятствовала дебютантке. В 8 лет она поступила в класс отличного виолончелиста и педагога К.Миньяр-Белоручева, в свое время окончившего Московскую консерваторию по классу А.фон Глена, ученика К.Давыдова — основателя русской виолончельной школы. За годы обучения в Тифлисской консерватории (1914-23) Г. смогла стать отменным музыкантом, овладевшим большим репертуаром. Игру виолончелистки отличала поэтичная одухотворенность музыкального высказывания, красота тона, быть может, и не очень большого по силе, но богатого по тембровой палитре.

С огромным успехом прошли в Москве первые выступления Г. (1923). Ее интерпретация музыки Шумана, Шопена, Дворжака, д'Альбера покорила даже самых строгих критиков очарованием стихии музыкальности, которая пронизывала каждый звук. В 1924 Г. исполнила в Ленинграде «Вариации на тему рококо» П.Чайковского. Ее игра получила высокую оценку А.Глазунова, назвавшего артистку «чудом природы». Следующий, 1925, оказался рубежным в жизни Г. Вместе с некоторыми молодыми музыкантами ее направили по инициативе наркома просвещения А.Луначарского за границу для совершенствования мастерства. Виолончелистка с большим вниманием отнеслась к предоставленной ей возможности, взяв немало уроков у Х.Беккера, Ф.Сальмонда и даже самого П.Казальса. Маэстро с искренней симпатией отнесся к дарованию Г., о чем свидетельствовали в дальнейшем концертные выступления виолончелистки с оркестром, созданным великим музыкантом XX в. (Оркестр Пау Казальса).

Водоворот новых ярких впечатлений закружил Г. Признание и восторги сопровождали ее концерты в большинстве стран Западной Европы. Немалое значение имела при этом приветливая, скромная манера общения, привлекательная внешность артистки. «Восток, не раз оживляющий нашу музыкальную жизнь большими талантами, — писал один из рецензентов, — опять наградил нас исключительным музыкальным явлением. В недалеком будущем имя Раи Гарбузовой получит мировую известность». В 1927 Г. концертировала в США. Однако подлинный ее дебют в этой стране состоялся лишь в декабре 1934 в Нью-Йорке. Он значительно упрочил артистическое реноме виолончелистки, позволив ей принять окончательное решение о переезде в США (1939). Способствовали тому семейные обстоятельства и новые интересные ангажементы. Заметим, однако, что для самой Г. это был, видимо, нелегкий шаг; в течение ряда лет она сохраняла советское гражданство. Свою родину Г. посетила дважды — в 1934 и 1960. И оба раза ее концерты свидетельствовали о мастерстве, обаянии таланта, изяществе игры и самобытности трактовки. Они привлекали внимание музыкальной общественности, получили положительные отклики в прессе.

Имеющиеся грамзаписи с достаточной достоверностью и полнотой раскрывают многие черты интерпретаторского стиля Г. Так, в сонате Дебюсси для виолончели и фортепиано артистка, смело пользуясь принципом художественного контраста, рельефно воссоздает самые разнообразные и тонкие оттенки настоений: лирику и гротеск, мечтательность и танцевальность. В трактовке Г. камерный опус одного из наиболее значительных французских композиторов-импрессионистов предстает как ряд интересных «театральных сценок», стройных по форме и полных жизненной правды. «Звездным часом» артистической судьбы Г. следует назвать осуществленное ею первое исполнение концерта американского композитора Барбера. Оно состоялось в Бостоне 5.4.1946 совместно с оркестром под управлением С.Кусевицкого. Позднее Г. не только записала сочинение на пластинку, но и сделала редакцию виолончельной партии. Артистизм и мастерство, рельефность и пластичность фразировки, праздничность и красочность звучания позволили Г. оригинально воплотить характерный для этого опуса синтез элементов неоклассицизма (ясность формы, приемы развития) с элементами американской народной музыки, возможно, негритянских спиричуэлс.

Искусство Г. привлекало внимание не только американских авторов. В 1950 австрийский композитор Ратхауз специально для нее написал «Ночную рапсодию», в 1956 итальянец Риетти посвятил ей виолончельный концерт. Проявленный интерес к творчеству Мартину позволил Г. стать первой исполнительницей Третьей сонаты для виолончели и фортепиано этого своеобразного чешского композитора.

Свою лепту в американскую виолончельную школу внесла Г. и как педагог. В течение многих лет (с 1970) она преподает в Колледже Харти в Хартворде (шт. Коннектикут) и проводит занятия на различных курсах мастерства, существующих при многих американских университетах. Правда с 1991, после тяжелой автомобильной катастрофы, Г. значительно сократила свою педагогическую деятельность; но все же и сейчас она слушает и консультирует молодых музыкантов. Огромный опыт Г., ее известность и авторитет солистки-концертантки, безупречный художественный вкус позволяют с успехом передавать новому поколению виолончелистов приемы виртуозного владения инструментом.

Лит.: Гинзбург Л.С. История виолончельного искусства, кн. IV. М., 1978.

Т.Гайдамович

ГЕССЕН Сергей Иосифович (Serguis), (3.9.1887, Усть-Сысольск — 25.9.1950, Лодзь) — философ, педагог. Родился в семье известного адвоката и публициста, одного из лидеров кадетской партии Иосифа Владимировича Г. В 1905 после окончания петербургской гимназии Г. уехал в Германию, где в университетах Гейдельберга и Фрейбурга слушал курсы В.Виндельбанда, Э.Ласка, Г.Риккерта. Под влиянием последнего Г. стал горячим защитником трансцендентализма. Учившийся вместе с ним *Ф.Степун* вспоминал впоследствии, что «религиозной темы, или хотя бы только метафизической тоски в нем тогда не чувствовалось, но умен он был изумительно, причем определенно критическим и даже скептическим умом». В 1910 во Фрейбургском университете Г. защитил докторскую диссертацию на тему «Индивидуальная причинность», привлекшую к нему внимание в немецких философских кругах. В диссертации им было развито учение Риккерта о границах естественно-научного образования понятий прим.тельно к анализу идеи причинности. Г. рассматривал эту проблему на основании различия между «идеографическими» и «номотетическими» науками. По мнению *В.Зеньковского*, эта работа Г. «не забудется в развитии проблемы причинности».

Вернувшись в Россию, Г. в 1910 основал вместе со своими студенческими товарищами русскую секцию международного историософского журнала «Логос». По словам Степуна, «идея воплощения вечного Логоса философии в многоязычном журнале увлекала его своею новизною и красотою». В продолжение 4-х лет Г. редактировал созданный им журнал. Он также активно печатался в кадетской газете «Речь», переводил на русский язык работы Риккерта, А.Бергсона и др. европейских философов. С 1913 по 1917 приват-доцент Петербургского университета.

После Февральской революции Г. сблизился с плехановской группой «Единство», но скоро почувствовал свою непригодность к политической деятельности. Летом 1917 он переехал в Томск, где стал вначале профессором по кафедре философии и педагогики, а затем деканом историко-философского факультета Томского университета. Некоторое время работал директором Высших педагогических курсов. Однако революционные события в Сибири вынудили Г. к эмиграции.

До 1924 он жил в Германии: профессор Русского научного института в Берлине, а также редактор журнала «Русская школа за рубежом». В 1924 Г. переехал в Прагу, где в течение 3-х лет преподавал на кафедре педагогики в Русском высшем педагогическом институте. В 1925 вместе с Б.Яковенко и Степуном пытался возобновить русское издание «Логоса». В 1934 Г. получил приглашение на кафедру философии педагогики в Вольной Всепольской школе в Варшаве и принял польское гражданство. В Польше он пережил все события 2-й мировой войны, во время которой, как сообщает Степун, родные Г. погибли в нацистских концлагерях, а ему самому также пришлось пережить многократные аресты и концлагерь. После войны в 1945 Г. получил должность профессора педагогики в университете Лодзи. Однако с установлением режима новой власти его преподавательская деятельность в области философии стала невозможной. Последние годы жизни он занимался русской филологией.

В эмиграции Г. работал преимущественно над вопросами философии, социологии и права. В то же время он много писал и по педагогике. Главная его книга в этой области — «Основы педагогики» (Берлин, 1923) — выросла из лекций в Томском университете. В ней прежде всего сказалось тяготение Г. к прикладной философии. В предисловии к этой работе он писал: «Как философа меня привлекала возможность явить в этой книге практическую мощь философии». Книга Г. содержит философские

основы образования и воспитания. Система воспитания опирается на представление о личности, выражающее позицию трансцендентализма. По мнению Г., личность созидается только через приобщение к миру сверхличных ценностей. Поэтому цель воспитания Г. полагает в превращении естественного человека в человека культурного.

В области социологии Г. была написана книга «Проблема правового социализма» (1924). В ней предпринята попытка соединить положительные моменты индивидуалистической структуры общества с положительными моментами социалистического идеала. По мнению Г., осуществление этого придало бы более совершенное выражение ценностям религии, национальности, государства, частной собственности и свободы.

При разработке проблем этики Г. склонялся к интуитивизму, пытаясь расширить его при помощи концепции практической волевой интуиции, которую он называл «волезрением». Это можно обнаружить в его работе «Трагедия добра в «Братьях Карамазовых» Достоевского» (1928). По мнению Г., три брата — Дмитрий, Иван, Алексей — олицетворяют собой три стадии добродетели. Дмитрий — воплощение естественной основы нравственности, выраженной в соответствии с теорией Вл.Соловьева полуинстинктивными чувствами стыда, жалости и благоговения. Иван символизирует добродетель, которая стала предметом рационального анализа. Это автономная добродетель Канта, состоящая в исполнении долга без любви. Высшая степень добродетели — добродетель как любовь — воплощена в Алеше. В представлении Г. старец Зосима является представителем сверхэтической святой жизни. Он стоит выше сферы морали, а Федор Павлович Карамазов — ниже ее.

Философское творчество Г. не содержит законченной системы взглядов. По мнению Зеньковского, «философскому дарованию Гессена не дано было развернуться в полноте — и внешние неблагоприятные обстоятельства жизни, и внутренняя скованность мысли ...обеспложивающим трансцендентализмом помешали этому». Степун запечатлел некоторые черты психологического облика Г.: «Дома, в семье своего отца, а впоследствии и в своей собственной семье (Сергей Иосифович был женат на дочери известного в Москве психиатра Минора) он как-то не расцветал, иной раз даже тускнел..., зато на заседаниях, докладах и в особенности в гостях он распространял вокруг себя атмосферу подлинной симпозиальности».

Соч.: Мистика и метафизика // Логос, 1910, кн. 1; Философия наказания // Там же, 1912-13, кн. 12; Политические идеи жирондистов. К истории политических воззрений в эпоху революции. М., 1917; Политическая свобода и социализм. Пг., 1917; Свобода и дисциплина. Пг., 1917; Крушение утопизма // СЗ, 1924, № 19; Монизм и плюрализм в систематике понятий // Рус. народ. ун-т в Праге. Науч. тр., т. 1: Философия. Прага, 1928; Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф.М.Достоевского и Вл.Соловьева // СЗ, 1931, № 45-46; Мировоззрение и идеология // СЗ, 1935, № 57.

Лит.: Зеньковский В.В. С.И.Гессен как философ // НЖ, 1951, № 25; Степун Ф.А. Памяти С.И.Гессена // Там же; Зеньковский В.В. История русской философии, т. 2, ч. 1. Л., 1991.

А.Поляков,
Е.Тимошина

ГИППИУС Зинаида Николаевна (псевд. Антон Крайний) (8.11.1869, Белев, Тульская губ. — 9.9.1945, Париж) — поэт, прозаик, литературный критик. Отец из немецкой семьи, проживавшей с XVI в. в России; мать — дочь екатеринбургского полицмейстера. Из-за болезни легких Г. не получила систематического образования, жила с матерью (отец умер в 1881) в Ялте и на Кавказе. В Боржоми познакомилась с *Д.Мережковским*, 8.1.1889 обвенчалась и уехала с ним в Петербург. Этот духовный и творческий союз продолжался 52 года и описан в неоконченной книге Г. «Дмитрий Мережковский» (Париж, 1951; М., 1991).

Первые стихи Г., написанные под влиянием С.Надсона, появились в журнале «Северный вестник» (1888, № 12). Позднее Г. говорила: «Стихи я всегда писала редко и мало, — только тогда, когда не могла не писать». Литературная известность пришла с ее стихами, появившимися в «Северном вестнике» в 1895 (№ 3,12) и определившими ее место среди символистов. В 1904 и 1910 в Москве вышло «Собрание стихов» (кн. 1-2). В 1899-1901 в журнале «Мир искусства» печатались ее литературно-критические статьи. В 1901-3 вместе с Мережковским и В.Розановым организовала Религиозно-Философские собрания в Петербурге, была одним из редакторов журнала «Новый путь» (1903-4), где печатались протоколы этих собраний. Квартира Мережковских в доме Мурузи (Литейный, 24) стала местом встреч петербургских символистов и религиозных философов. Критические статьи Г. печатались в «Весах» (1906-8), «Русской мысли» (1910-14) и др. журналах. С 1906 по 1914 Мережковские жили за границей, в Париже, наезжая временами в Россию.

Г. — автор сборника рассказов «Новые люди» (СПб., 1896), «Зеркала» (СПб., 1898), «Третья книга рассказов» (СПб., 1902), «Алый меч» (СПб., 1906), «Черное по белому» (СПб., 1908), «Лунные муравьи» (М., 1912); романов

«Чертова кукла» (М., 1911), «Роман-царевич» (М., 1913); пьес «Маков цвет» (СПб., 1908, совм. с Мережковским и Д.Философовым), «Зеленое кольцо» (Пг., 1916), в которых переплетаются идеи символизма, ницшеанства, религиозной философии.

Особый интерес Г. проявила к жанру дневников и мемуаров. Предназначавшиеся для прижизненной публикации, они были вместе с тем образцами публицистики. В 1908 вышла ее книга очерков «Литературный дневник». Из дневников, которые Г. вела в течение полувека, наибольшей известностью пользуются «Петербургские дневники», частично изданные в 1921 в Софии и Мюнхене («Черная книжка» и «Серый блокнот») и в 1929 в Белграде («Синяя книга»), дважды переизданные с предисловием *Н.Берберовой* (Нью-Йорк, 1982, 1990).

Г. не была захвачена шовинистическим энтузиазмом первых лет мировой войны. В докладе, прочитанном в Религиозно-Философском обществе в ноябре 1914, утверждала, что война является осквернением человечества. Со временем Г. пришла к мысли, что только «честная революция» может по-настоящему покончить с войной. Подобно другим символистам видела в революции великое духовное потрясение, призванное очистить человека и создать свободную Россию, надеялась, что революция раскрепостит людей и их религиозное сознание, которое подавлялось самодержавием и церковью. Революция представлялась ей исходом «разрушительных» и «созидательных» сил, издревле дремавших в недрах России. «Петербургские дневники» писались, по признанию Г., «около решетки Таврического Дворца», где заседала Государственная дума и один день — 5.1.1918 — Учредительное собрание (Мережковский и Г. жили напротив Таврического дворца на Сергиевской, 83). Дневник 1917 рисует картину сползания страны в бездну безумия. Из окна своей квартиры они «следили за событиями по минутам». К ним приходили «исторические личности», особенно часто видные руководители эсеров и кадетов. Временное правительство воспринималось Мережковским, Г. и их друзьями как свое и близкое, с некоторыми министрами они были лично связаны (А.Керенский, Б.Савинков). Восторженно приняв Февральскую революцию, Г. одна из первых (как и В.Розанов, *И.Бунин, А.Ремизов*) увидела антидемократическую и антинациональную сущность октябрьского переворота 1917, наступление «власти тьмы». «Главные вожаки большевизма, — писала она в «Синей книге», — к России никакого отношения не имеют и о ней меньше всего заботятся. Они ее не знают, — откуда? В громадном большинстве не русские, а русские — давние эмигранты». «О, какие противные, черные, страшные и стыдные дни!» — восклицает Г. и пишет 9.11.1917 стихи о судьбе русской революции: «Лежим, заплеваны и связаны, / По всем углам. / Плевки матросские размазаны / У нас по лбам». По ее мнению, переворот 25.10.1917 произвел на всю интеллигенцию, за редкими исключениями, тягчайшее впечатление: «Расстрелянная Москва покорилась большевикам. Столицы взяты вражескими — и варварскими — войсками. Бежать некуда. Родины нет». Г. порвала с А.Блоком и В.Брюсовым, сотрудничавшими с новыми властями, которые были для Г. воплощением «царства Дьявола». Дневники с ноября 1917 до января 1919 («Черные тетради») остались в России; они хранились в Отделе рукописей ГПБ в Петербурге и впервые полностью опубликованы в 1992 в альманахе «Звенья» (СПб., М., вып. 2). В «Черных тетрадях», а также в ранее опубликованных частях «Петербургских дневников» Г. стала летописцем жизни тех, кто после октябрьского переворота оказался в родной стране на положении «внутренних» эмигрантов, она запечатлела репрессии против печати и политических партий, аресты и расстрелы интеллигенции, дворян, офицеров, составила список деятелей культуры — «перебежчиков», «кому не простит никогда» (среди них А.Блок, А.Белый, *А.Бенуа*, С.Есенин, Вс.Мейерхольд, К.Чуковский и др.). Чуковский отметил в дневнике, что Г. «в течение года ругает с утра до ночи большевиков...».

Мережковский и Г. надеялись на свержение большевистской власти, но, узнав о поражении Колчака в Сибири и *Деникина* на юге, решили бежать из Петрограда. 24.12.1919 они совместно с их другом Д.Философовым и секретарем В.Злобиным покинули город, якобы для чтения лекций в красноармейских частях в Гомеле; в январе 1920 перешли на территорию, оккупированную Польшей, и остановились в Минске. Здесь Мережковские читали лекции для русских эмигрантов, писали политические статьи в газете «Минский курьер». В феврале 1920 переехали в Варшаву, где занялись активной политической деятельностью. Жизнь снова наполнилась для них смыслом — борьбой за свободу России. Г. стала редактором литературного отдела в газете «Свобода». Из Парижа приехал Савинков, чтобы совместно продолжить борьбу против большевизма. Г. и Савинкова связывала долголетняя дружба, она редактировала его роман «Конь бледный», который привезла в Россию и напечатала в журнале «Русская мысль». История взаимоотношений Г.—Философов—Савинков рассказана в дневнике Г. «Коричневая тетрадь» (Возрождение, 1970, № 221), являющимся эпилогом трех ранних дневников: «Дневник любовных историй», «О Бывшем»

(Там же, 1970, № 217-220) и «Варшавский дневник» (Там же, 1969, № 214-216). Темы и мотивы постоянно переплетаются в них, образуя прихотливый узор гиппиусовской прозы.

В Варшаве Г. быстро разочаровалась в газете «Свобода», где ее, как она говорила, лишили какой бы то ни было свободы, и стала помогать Мережковскому в написании работы о правителе Польши Ю.Пилсудском, в котором они видели избранника Божьего для служения человечеству и для избавления мира от «безнравственного большевизма». В Польше Г. видела страну «потенциальной всеобщности», которая может положить конец вражде разъединенных наций: преодолев долголетнюю взаимную ненависть, Польша и Россия перед лицом общей опасности большевизма должны создать союз братских народов. Г. требовала от польского правительства признания, что Польша воюет не против русского народа и России, а против большевизма. В июле 1920 после такого заявления правительства Пилсудского Г., Мережковский и Философов написали воззвание к русской эмиграции и к русским в России по поводу союза с Польшей. Однако, когда в октябре 1920 Польша подписала перемирие с Россией, Г. стала критически относиться к Пилсудскому, правительство которого официально объявило, что русским людям в Польше воспрещается критиковать власть большевиков под угрозой высылки из страны. Убедившись, что «русскому делу» в Варшаве положен конец, Мережковские 20.10.1920 выехали в Париж.

Крушение судьбы и творчества писателя, обреченного на жизнь вне России — постоянная тема поздней Г. В эмиграции она оставалась верна эстетической и метафизической системе мышления, сложившейся у нее в предреволюционные годы в результате участия в Религиозно-Философском собрании и в Религиозно-Философском обществе. Эта система основывалась на идеях свободы, верности и любви, вознесенной до Христа. Поселившись в Париже, где у них с дореволюционных времен сохранилась квартира, они установили и возобновили знакомство с *К.Бальмонтом, Н.Минским*, И.Буниным, *И.Шмелевым, А.Куприным, Н.Бердяевым, С.Франком, Л.Шестовым, А.Карташевым*. Г. поражала всех своей «единственностью», пронзительно-острым умом, сознанием (и даже культом) своей исключительности, эгоцентризмом, нарочитой, подчеркнутой манерой высказываться наперекор общепринятым суждениям и очень злыми репликами. «Изломанная декадентка, поэт с блестяще-отточенной формой, но холодный, сухой, лишенный подлинного волнения и творческого самозабвения» (Ю.Терапиано).

В эмиграции Г. переиздавала написанное в России (сб. рассказов «Небесные слова». Париж, 1921). В 1922 в Берлине вышел сборник «Стихи: Дневник 1911-1921», а в Мюнхене — книга четырех авторов (Мережковский, Г., Философов и Злобин) «Царство Антихриста», где впервые опубликованы две части «Петербургских дневников» со вступительной статьей Г. «История моего дневника». В 1925 в Праге вышел двухтомник мемуаров Г. «Живые лица» (Л., 1991; Тбилиси, 1991), в котором воссозданы литературные портреты Блока, Брюсова, А.Вырубовой, В.Розанова, Ф.Сологуба и др. *В.Ходасевич* высоко оценил художественное мастерство этих мемуаров, но опроверг «слухи», приведенные Г., в частности, о Горьком и Розанове. Ответное письмо Ходасевичу Г. закончила словами: «Вы больше любите Горького, я — больше Розанова». *И.Одоевцева* выделяла мемуары Г.: «Проза Г. не очень хороша. Она — поэт, она — критик. Но прозаик слабый. Исключение — «Живые лица».

В 1926 Мережковский и Г. решили организовать литературное и филосовское общество «Зеленая лампа», президентом которого стал *Г.Иванов*, а секретарем — Злобин. Общество сыграло видную роль в интеллектуальной жизни первой эмиграции и соединило лучших представителей русской зарубежной интеллигенции. Это было закрытое общество, которое должно было стать «инкубатором идей» и все члены которого были бы в согласии относительно важнейших вопросов. Первое заседание «Зеленой лампы» состоялось 5.2.1927 в здании Русского торгово-промышленного союза в Париже. Во вступительном слове Ходасевич напомнил о собраниях «Зеленой лампы» в начале XIX в., в которых принимал участие молодой Пушкин. Для Г. зеленый цвет ассоциировался с верой в религию, в Россию, в высокие идеалы человечества. Стенографические отчеты первых пяти собраний напечатаны в журнале «Новый корабль», основанном Г. в Париже (ред. Злобин, Ю.Терапиано, Л.Энгельгардт). В своем докладе «Русская литература в изгнании», прочитанном на первом заседании «Зеленой лампы», Г. говорила об особой миссии русской литературы в изгнании — необходимости учиться истинной свободе слова. Она предлагала отказаться от узости, от партийности и многих прежних «заветов». Главной темой русской зарубежной литературы она считала правду изгнанничества и удивлялась, как могло случиться, что после 10 лет, в которые рушилось полмира и все погибло для эмигрантов, люди продолжают писать в Париже так же и о том же, что и раньше. В этом она видела известную ущербность литературы в изгнании. Вместе с тем, сопоставляя эту литературу с советской,

она предлагала конкретный исторический подход к этим двум явлениям: «Ведь когда мы просто литературу советскую критикуем, мы делаем не умное и, главное, не милосердное дело. Это все равно, как идти в концерт судить о пианисте: он играет, а сзади у него человек с наганом и громко делает указания: «Левым пальцем теперь! А вот теперь в это место ткни!» Хороши бы мы были, если б после этого стали обсуждать, талантлив музыкант или бездарен!» Этот образ «человека с наганом» воспринимался Г. достаточно широко — как «приказ собственной воли». Такое понимание восходит к статье Г. «Как пишутся стихи» (созданной в том же году, что и известная статья В.Маяковского с аналогичным названием), в которой утверждается преемственность культурной традиции русского зарубежья.

В сентябре 1928 Мережковский и Г. приняли участие в 1-м съезде русских писателей-эмигрантов, организованном югославским правительством в Белграде. При Сербской Академии наук была создана издательская комиссия, начавшая выпускать «Русскую библиотеку», в которой вышла «Синяя книга» Г.

Тема свободы и вопрос, возможно ли подлинное художественное творчество в отрыве от родной почвы, оставались главными для Г. на протяжении всех лет существования «Зеленой лампы», прекратившей свои собрания с началом 2-й мировой войны в 1939. Еще при обсуждении своего первого доклада в «Зеленой лампе» она с горечью говорила: «Некогда хозяин земли русской, Петр, посылал молодых недорослей в Европу, на людей посмотреть, поучиться «наукам». А что если и нас какой-то Хозяин послал туда же, тоже поучиться, — между прочим и науке мало нам знакомой — Свободе?» Этой теме Г. посвятила статью «Опыт свободы», где говорила о свободе слова в эмиграции и в прежней России, о мере свободы и значении этого понятия: «Пусть не говорят мне, что в России, мол, никогда не было свободы слова, а какой высоты достигла наша литература! Нужно ли в сотый раз повторять, что дело не в абсолютной свободе (абсолюта вообще и нигде не может быть, ибо все относительно); мы говорим о той мере свободы, при которой возможна постоянная борьба за ее расширение. Довоенная Россия такой мере во все времена отвечала... Но признаем: общая свобода в России прогрессировала медленно, и понятие ее медленно входило в душу русского человека. Он — не писатель только, а вообще русский человек — не успел еще ей как следует выучиться, когда всякую школу захлопнули».

С годами Г. изменялась, младшее литературное поколение, начавшее писать в эмиграции, постоянные посетители «воскресений» у Мережковских и «Зеленой лампы» застали Г. уже другой — обращенной к вечной теме «Сияний», как называлась книга ее стихов, вышедшая в Париже в 1938. В ней было много горечи и разочарования, она стремилась понять новый мир и нового человека, чем этот человек жив, во что верит и что в нем истинно. Однако в чем-то основном, главном этот новый мир от нее ускользал. В поэзии и в жизни сердца у Г. преобладало рациональное начало. Даже в Бога она верила умом, хотела верить в бессмертие души, но ей не было дано тех интуитивных прозрений, которые знал Блок. «Очарования», «прелести», «душевной теплоты», как отмечали современники, в ней не было. «Но в ней есть порой холодный блеск взлетающей с земли ввысь ракеты — ракеты, обреченной неминуемо разбиться о какое-нибудь небесное тело, не будучи в состоянии вернуться назад и рассказать нам о том, что там происходит. И еще — много горя, боли, одиночества» (Ю.Терапиано).

В июне 1940, за десять дней до оккупации немцами Парижа, Мережковский и Г. переехали в Биарриц на юг Франции. Отношение Г. к фашистской Германии неоднозначно. Ей был неприемлем любой вид деспотизма, но чтобы сокрушить большевизм, она готова была сотрудничать хоть с дьяволом. И все же, несмотря на страстное желание видеть Россию свободной, Г. никогда не сотрудничала с гитлеровцами. Ю.Терапиано подчеркивал, что она «всегда была подлинной русской патриоткой, глубоко любящей свою родину».

Соч.: Стихотворения и поэмы, т. 1-2. Мюнхен, 1972; Пьесы. Мюнхен, 1972; Стихи. Воспоминания. Документальная проза. М., 1991; Стихотворения. Проза. Л., 1991; Чертова кукла. Проза. Стихотворения. Статьи. М., 1991.

Лит.: Вишняк М. Гиппиус в письмах // НЖ, 1954, № 37; Злобин В.А. Тяжелая душа. Вашингтон, 1970; Pachmuss T. Z.Hippius: An Intellectual Profile. London, 1971; Ibid. Intellect and Ideas in Action: Sel. correspondence of Z.Hippius. München, 1972; Barad A. Bibliographie des œuvres de Z.Hippius. Paris, 1975; Святополк-Мирский Д.П. Зинаида Гиппиус (1928) // Рус. лит-ра, 1990, № 4; Савельев С.Н. Жанна д'Арк русской религиозной мысли. М., 1992.

Арх.: ОР РНБ, ф. 481.

А.Николюкин

ГОЛОВИН Николай Николаевич (22.2.1875, Москва — 10.1.1944, Париж) — военный теоретик, педагог, историк. Родился в дворянской семье, ведущей происхождение от крестника царя Ивана III — московского боярина Ивана Головы. Сын генерала-от-инфантерии Н.М.Головина — участника обороны Севастополя в Крымскую войну, заведующего передвижени-

ем войск и военных грузов в Русской армии (1886-96). Окончил Пажеский корпус (1894) и Николаевскую академию генерального штаба (1900). В 1896 опубликовал первую печатную работу «1812 год. Отечественная война и ее герои». Проходил службу в гвардейской конно-артиллерийской бригаде (1894-97), в 37-й пехотной и 2-й гвардейской пехотной дивизиях в должности старшего адьютанта штаба (1901-2) и командира эскадрона (1902-3), в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа в должности обер-офицера для особых поручений и помощника адъютанта (1903-4), в Варшавской крепости в должности начальника строевого отделения (1905). В период с 1905 по 1909 исполнял должность заведующего передвижением войск Петербургско-Двинского района, совмещая службу с научной деятельностью в Обществе ревнителей военных знаний (в 1905-7 секретарь). В 1907 защитил диссертацию по военной психологии («Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца») на звание экстраординарного профессора Николаевской академии генерального штаба. В диссертации одним из первых обосновал важность моральных и духовных качеств военнослужащего. В период с 6.2.1908 по 18.4.1909 сочетал исполнение служебных обязанностей с педагогической деятельностью в академии.

Осенью 1908 был откомандирован на год во французскую Военную академию («Ecole superieur de guerre») для изучения зарубежного опыта высшей военной школы. Находясь в Париже, установил дружеские отношения с начальником академии генералом Ф.Фошем. По возвращении он представил отчет «Французская высшая военная школа», в котором обосновал необходимость реорганизации военного обучения в России. Главным Г. считал изучение тактики и психологии солдатских масс, «перенесение центра тяжести обучения на приложение знаний к частному случаю», объединяя теоретические знания с прикладными. Выразил эти идеи в защищенной в 1909 диссертации на звание ординарного профессора, а также в лекции «Опыт применения прикладного метода обучения при обучении тактике в Императорской Николаевской военной академии» (1912). С 1910 приступил к практическому осуществлению своей программы реформирования процесса обучения в академии. Проводил научные изыскания в области развития военного искусства и военной психологии: «Высшая военная школа», «Введение в курс тактики», «Служба Генерального штаба. Оперативная служба» (1912); «Естественный отбор и социальный подбор в общественной жизни», «История военного искусства как наука» (1913). Предложения Г. по реорганизации учебного процесса не встретили поддержки военного министра генерала В.Сухомлинова и части профессуры академии во главе с генералом А.Байовым. Конфликт привел к тому, что в начале 1914 полковник Г. был отослан командиром 20-го Драгунского Финляндского полка в Вильманстранд, а вскоре стены академии вынуждены были покинуть и его единомышленники-новаторы.

1-ю мировую войну Г. встретил командиром 2-го лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, которым успешно командовал в период Галицийского сражения (авг.-сент. 1914). За доблестное командование полком Г. был произведен в генерал-майоры, награжден Георгиевским оружием и четырьмя орденами. В ноябре 1914 (после ранения и контузии) он назначен генерал-квартирмейстером штаба 9-й армии, с октября 1915 исполнял должность начальника штаба 7-й армии, а с апреля 1917 являлся начальником штаба Группы армий в Румынии (Румынского фронта). В период нахождения на этих командных должностях руководил разработкой и непосредственно участвовал в осуществлении более чем 30 крупных армейских операций (в том числе и в знаменитом Брусиловском прорыве русских войск на Юго-Западном фронте в 1916). Отмечен пятью боевыми наградами; получил чин генерал-лейтенанта. Весной 1917 выдвигался на должность начальника военной академии, но из-за независимых суждений Г. назначение не состоялось.

Развал фронта и октябрьский переворот 1917 Г. встретил в должности начальника штаба Румынского фронта. В декабре 1918 уехал через Одессу в Париж, затем в Лондон, где занял должность помощника по военным вопросам С.Сазонова — официального представителя адмирала Колчака и генерала *Деникина* на Версальском конгрессе государств-победителей в 1-й мировой войне. Участвовал в переговорах о предоставлении помощи белым армиям. Летом 1919 Г. принял приглашение адмирала Колчака возглавить штаб его армии, после чего прибыл в Омск, где успешно руководил обороной города. В этот период колчаковские войска, оставив Поволжье, отходили на восток. По разработанному Г. плану и при его непосредственном участии в сентябре была успешно осуществлена Петропавловская армейская наступательная операция белой армии. В октябре 1919 Г. в связи с последствиями контузии, полученной на германском фронте, был эвакуирован в Токио. В 1920, после поражения Колчака, уехал во Францию.

К периоду эмиграции относится расцвет его военно-научной деятельности: написал целую серию работ по истории 1-й мировой войны («Из истории кампании 1914 г. на Русском

фронте» в 4-х т. Прага-Париж, 1925-40); анализировал как отдельные кампании на русско-германском фронте, так и применение родов войск на войне («Авиация в минувшую войну и в будущую». Белград, 1922; «Современная конница». Белград, 1924-29; «Танки в минувшую войну и в будущую». Прага, 1925); рассматривал проблемы военно-стратегических исследований («Тихоокеанская проблема в XX-м столетии». Прага, 1924, совм. с А.Бубновым; «Современная стратегическо-политическая обстановка в Китае». Париж, 1932; «Современная стратегическая обстановка на Дальнем Востоке». Белград, 1934; «К чему идет Великобритания? (Стратегическое исследование)». Рига, 1935; «Итало-абиссинская война». Париж, 1935), нашедших отклик в научных и политических кругах многих стран мира. Для специалистов могут представлять интерес две его работы по вопросам боевого применения авиации в современной войне, написанные в соавторстве с сыном — М.Головиным («Air Strategy». London, 1936; «Views on Air Defence». London, 1938). Для издававшейся в 1927-32 под эгидой Фонда Карнеги серии «Economic and Social History of the World War» Г. написал в 1931 книгу «Русская армия в мировой войне» («The Russian Army in the World War»), принесшую ему мировую известность.

Помимо научных изысканий в области истории военного искусства и военной социологии, парижский период жизни Г. (1920-44) был связан с его активным участием в жизни учебных и исследовательских учреждений Европы и США. Он преподавал историю 1-й мировой войны во французской Военной академии, являлся профессором Русского историко-филологического факультета при Парижском университете, членом Русской академической группы; с 1926 по 1940 работал в качестве официального представителя Гуверовской военной библиотеки в Париже; посещал в 1930-31 Военный колледж в Вашингтоне и Стэнфордский университет (Калифорния), где читал цикл лекций по истории 1-й мировой войны.

Важное место в научной биографии Г. занимало сотрудничество с выдающимся социологом *П.Сорокиным*. Заинтересовавшись новой областью науки, Г. явился одним из основоположников специальной сферы социологических знаний — социологии войны («О социологическом изучении войны». Белград, 1937). С 1932 он работал над своим главным трудом «Наука о войне. О социологическом изучении войны» (Париж, 1938). По проблемам военной социологии выступал на 12-м международном социологическом конгрессе в Брюсселе (1935). Последняя фундаментальная работа Г. — «Военные усилия России в мировой войне» (в 2-х т. Париж, 1939); ее главная идея — зависимость духа войск от социальных и политических причин. Книги Г. издавались на русском, английском, французском, немецком, испанском и сербском языках.

Имя Г. связано с постановкой военного образования русских эмигрантов. С 1922 он создавал соответствующие кружки (к 1925 их насчитывалось 52, где занималось 550 слушателей). По поручению великого князя Николая Николаевича Г. организовал курсы изучения военного дела, открывшиеся 22.3.1927 вступительной лекцией Г. Были открыты также заочные курсы и отделение Парижских курсов в Белграде (1931), затем в Брюсселе при Белградских курсах — Русский военно-научный институт (1936, издавался под ред. Г. журнал «Осведомитель»), при Парижских — Институт по исследованию проблем войны и мира (1938). Через курсы в Париже в течение 12 лет (до осени 1939) прошло более 400 офицеров, 82 из них получили законченное высшее военное образование. Белградские курсы произвели до 1944 6 выпусков (ок. 200 офицеров), полный курс закончили 77 слушателей.

Формально не принадлежа ни к одной из политических партий, Г. по своим политическим воззрениям занимал крайне правую позицию среди военной эмиграции, выступал за активную борьбу против СССР. В 1920-23 входил в состав организации Н.Чайковского «Центр действия», был одним из руководителей Русского общевоинского союза (РОВС).

После окупации германскими войсками части Франции в ходе 2-й мировой войны занял в Париже пост в коллаборационистском Комитете взаимопомощи русских эмигрантов (преобразованном в апреле 1942 в Управление делами русских эмигрантов во Франции), занимаясь отправкой добровольцев на работу в Германию и пополнением армии генерала Власова офицерами.

Поражения немецких войск на советско-германском фронте, смерть в августе 1943 жены и тот факт, что единственный сын Михаил (авиационный инженер, один из ведущих сотрудников военно-технической разведки Военно-воздушных сил Англии) находился во враждебном ему лагере, подорвали его силы. Г. умер от сердечного приступа и похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Личный архив Г. был передан в 1947 его сыном на хранение в библиотеку Гуверовского института. В Советской России за все время было издано лишь две работы Г.: «Служба Генерального штаба. Разведывательная служба» (1918) по изъятой у него при обыске в Одессе рукописи; «Тихоокеанская проблема в XX-м столетии» (1925). В

основном же научное наследие русского военного ученого на родине не известно.

Соч.: Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы. Белград, 1925; Российская контрреволюция в 1917-1918 гг., т. 1-5. Париж, 1937.

Лит.: Алексеев Н.Н. Профессор Императорской Николаевской военной академии Генерального штаба генерал-лейтенант Н.Н.Головин // Рус. инвалид, 1933, 22 февр., № 52; Пятницкий Н. Профессор генерал Н.Н.Головин (Некролог) // Парижский вест., 1944, 15 янв., № 82; Шуберский А.Н. К 25-ти летию со дня основания Высших военно-научных курсов профессора генерала Головина в Белграде. Ментона (Франция), 1955; Поляков В.Н. Памяти профессора ген. Н.Н.Головина // Возрождение, 1957, № 68; Зарубежные высшие военно-научные курсы под руководством профессора генерал-лейтенанта Н.Н.Головина: 1927-1977. München, 1976.

Арх.: РГВИА, ф. 409, 544; ГАРФ, ф. 5826; Биб-ка Гуверовского ин-та, личный фонд.

Ю.Трамбицкий

ГОЛУБЕВ Виктор Викторович (12.2.1878, Петербург — 19.4.1945, Ханой) — археолог, востоковед, искусствовед. Из дворянской семьи. Отец Г. — инженер, промышленник, меценат. Брат Лев — камергер, деятель Красного Креста; женат на дочери адмирала С.Макарова. Семье принадлежали поместья в Орловской и Киевской губерниях, особняки в Петербурге и Сочи. В 1900 Г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, где учился у *М.Ростовцева*, который стал его большим другом. Продолжал обучение в Гейдельбергском университете, в 1904 получил степень доктора философии.

В 1900 женился на Натали де Кроос (вызывавшей восхищение А.Франса и О.Родена; она ушла в 1908 к Г.Д'Аннунцио). С 1905 Г. жил в Париже, изучал и коллекционировал персидскую и монгольскую миниатюру (в настоящее время — в Бостонском музее искусств и в музее Чернусского в Париже). Установил связи с парижским музеем Гима — центром востоковедения. Путешествовал по Востоку, побывал в Турции, Египте и в др. странах.

В 1910-12 Г. отправился в археологическую экспедицию в Индию, откуда привез 1500 фотографий памятников индийской культуры, в том числе свыше 300 снимков фресок буддийских пещерных храмов Аджанты; материалы экспедиции были выставлены в 1913 в музее Чернусского и получили высокую оценку *Н.Рериха*, который писал в статье «Индийский путь»: «За эту радость я очень благодарен моему другу В.В.Голубеву». Описание фресок «Peintures bouddhiquees aux Indes» — было опубликовано в «Annales du Musée Guimet» (vol. 40, 1913).

С августа 1914 Г. — представитель Российского Красного Креста во Франции в чине полковника. Организовывал автосанитарные отряды на фронте, стал летчиком; за проявленное мужество был награжден французским орденом Военного Креста (впоследствии также орденом Почетного легиона). До 1917 жил на широкую ногу; революция лишила его основного источника доходов — имений в России; он вынужден был продать часть своих коллекций и подумывал о карьере музыканта, т.к. блестяще играл на скрипке и имел инструмент работы Страдивари. Несмотря на материальные трудности, сохранил верность своему призванию и после войны возобновил деятельность в области востоковедения. Организовал издание искусствоведческой серии «Ars Asiatica», в которой ему принадлежит том, посвященный шиваистской скульптуре Индии. Читал лекции в Парижском университете, работал секретарем библиотеки университета. Редактор и художник многотомной серии по классическому искусству Востока, иллюстрировал том о тибетском народном театре. Был избран членом Французской Академии изящных искусств.

В 1920 вступил во французскую Дальневосточную школу в Ханое; с 1927 ее действительный член; в течение 25 лет вел исследовательскую работу в Индокитае. Он стал одним из ведущих археологов. Осуществил археологическую аэрофотосъемку Индокитая. Особый интерес в научном мире вызвали его раскопки в провинции Тхань-Хоа, исследования бронз Тонкина, происхождения бронзовых барабанов и стратиграфии развалин Ангкора. За археологические работы в Индокитае Французская Академия удостоила Г. премии Жиль (1935). Архив Г. находится в Ханое, включает и материалы по русской культуре.

Соч.: Les ruines d'Angkor. Marseille, 1924; Les miniatures orientales de la collection Goloubew au Museum of Fine Arts du Boston. Paris, 1929; Lôge du bronze au Tonkin et dans le Nord-Annam. Hanoi, 1930; Première ville d'Angkor. Saigon, 1934; Art et archéologie de l'Indochine. Hanoi, 1938.

Лит.: Рерих Ю.Н., Вампилов Б.Н. В.В.Голубев // Проблемы востоковедения, 1959, № 3; Malleret Louis. Victor Goloubew. Membre de l'Ecole Française d'Exrême-Orient. Saigon, 1964; Киркевич В.Г. Осколок вечности // Нева, 1988, № 7.

В.Киркевич

ГОМБЕРГ Мозес (Моисей Георгиевич) (27.1.1866, Елизаветград — 12.2.1947, Анн-Арбор, шт. Мичиган, США) — химик. Детство и юность Г. прошли в Елизаветграде, где в 1884 он окончил гимназию. В том же году

семья эмигрировала в США, обосновалась в Чикаго. Не зная языка и не имея средств к существованию, они вынуждены были браться за любую черную работу, часто на скотных дворах, чтобы заработать на кусок хлеба. Г. упорно откладывал крохи, чтобы продолжить образование. Ему удалось поступить и в 1890 закончить со степенью бакалавра наук Мичиганский университет в Анн-Арборе. Талантливого юношу заметили и оставили при университете, где он два года работал ассистентом. Затем защитил магистерскую, еще через два года (1894) докторскую диссертацию по химическим превращениям кофеина, которую выполнил под руководством известного химика А.Прескота. Все эти годы Г. приходилось каждодневно заботиться о дополнительном приработке, чтобы поддержать отца; он проводил химические анализы пищевых продуктов, минералов, патентованных лекарств и даже наркотиков для частных лиц.

В 1896-97 Г. получил научную командировку в Германию, где два семестра работал в Мюнхенском университете в лаборатории А.Байера под руководством его ближайшего сотрудника Ф.Тиле. В Мюнхене Г. познакомился и на долгие годы подружился с *В.Ипатьевым*, приехавшим из России также для совершенствования своего образования в лаборатории Байера. Работая в Мюнхене, Г. выполнил оригинальную работу по синтезу и исследованию нитроамино- и нитрозомасляной кислот. Третий семестр командировки Г. провел в лаборатории профессора Мейера в Гейдельбергском университете, где решил заняться синтезом тетрафенилметана. Эта работа казалась настолько кропотливой и сложной, что Мейер не раз предлагал ее заменить другой, но Г. терпеливо перебирал синтез за синтезом и, наконец, в 1897 добился успеха. Синтез тетрафенилметана положил начало циклу исследований полиарилалканов, которые, в конце концов, привели к выдающемуся открытию свободных радикалов. Г. поставил целью синтезировать полностью фенилированные простейшие насыщенные углеводороды. Он избрал путь взаимодействия металлов с трифенилхлорметаном, удачный способ получения которого он разработал незадолго до этого. Обычный путь — из трифенилхлорметана и натрия — не дал желаемого эффекта, но замена натрия порошком серебра привела к прекрасным результатам. При попытке синтезировать фенилированный углеводород — гексафенилэтан — неожиданно выделилось реакционноспособное соединение, имеющее интенсивную окраску в растворе; при этом оказалось, что полученное соединение — трифенилметил — представляет собой лишь «половину» молекулы. Это был первый из полученных в свободном виде радикалов. Событие это произошло в 1900 и сделало Г. знаменитым. Он получил звание профессора в Мичиганском университете (1904), где состоял в штате до 1936 (затем почетный профессор). После открытия Г. первого достоверного свободного радикала основным направлением его научных исследований на протяжении дальнейшей почти полувековой деятельности оставались полиарилированные алкилы, т.е. соединения типа трифенилметила, а также работы в области теории цветности. Он одним из первых прим.л жидкую двуокись серы для ионизации галохромных карбониевых солей триарилметанового ряда, что позволило ему установить возможность обмена галогена у метанового углерода на галоген в пара-положении бензольного ядра. Это наблюдение позволило получить экспериментальное обоснование представлений о распределении свободной валентности в радикалах.

В годы 1-й мировой войны Г. работал в Военно-химической службе США, где во главе группы ученых занимался исследованием боевых отравляющих веществ. После первых газовых атак немцев в 1915 предложил свой способ промышленного синтеза этиленхлоргидрина — промежуточного продукта в производстве отравляющего газа иприта. Позднее (с 1919) Г. стал главным химиком и советником артиллерийского ведомства США по производству порохов и взрывчатых веществ, возглавив в 1927 химическое ведомство США. Заслугой Г. явилось также создание первого удачного антифриза для автомобилей. Кроме того, он изучал металлоорганические соединения. Последнее наиболее известное открытие он сделал в 1924 совместно со своим учеником В.Бахманом. Ими был предложен способ конденсации двух арильных радикалов с образованием производных дифенила (реакция Г.). Следует отметить, что Г. был по натуре исключительно скромным и деликатным человеком, избегавшим почестей и не стремившимся к продвижению по службе. Всю свою жизнь он прожил один, не заводя семьи. Его научные заслуги были признаны во всем мире. Еще в 1914 он был избран членом Национальной Академии наук США, в 1931 — президентом Американского химического общества. Он также состоял членом многих зарубежных научных обществ.

Лит.: Мусабеков Ю.С., Кошкин Л.В., Белышева Л.В. Из истории учения о свободных радикалах. Моисей Гомберг, его труды и жизнь // Уч. зап. Ярославск. технологич. ин-та. Химия и хим. технология. Ярославль, 1970, т. 313.

В.Волков

ГОНЧАРОВА Наталия Сергеевна (21.6.1861, с. Нагаево, Тульской губ. — 17.10.1962, Париж) — живописец, график, театральный художник. Из дворян, двоюродная правнучка Н.Пушкиной (урожд. Гончаровой). Дочь архитектора С.Гончарова. Получила домашнее образование. Переехав с семьей из Тулы в Москву, окончила там гимназию. В 1901 поступила в скульптурный класс Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Училась у С.Волнухина и *П.Трубецкого*; в 1902 Г. получила за одну из работ серебряную медаль. Разочаровавшись в скульптуре, перешла в класс живописи к *К.Коровину*; затем оставила училище, но поддерживала с ним связь до 1909; результатом первоначальных занятий явилась скульптурная весомость фигур в ее живописных произведениях.

В начале 1900-х вышла замуж за *М.Ларионова* и стала заниматься живописью под его руководством, во многом повторяя этапы его эволюции. Творческое своеобразие Г. сказалось в написанных в имении Гончаровых (Полотняный завод) характерно русских пейзажах, во введении в пейзаж фигур работающих крестьянок. В 1907-10 Г. прошла через постимпрессионистскую и фовистскую живописные фазы, двигаясь ко все большему обобщению цвета, к более звучным контрастам красочных пятен («Автопортрет с желтыми лилиями», 1907). Осваивая опыт новейшей западной европейской живописи, Г., подобно Ларионову, тяготела в натюрмортах к традиции Ван Гога («Подсолнухи», 1908-9) и Гогена («Натюрморт с портретом и белой скатертью», ок. 1909). В дальнейшем стала одной из центральных фигур русского примитивизма. Участница выставок «Стефанос» (1907-8), «Бубновый валет» (1910-11), «Ослиный хвост» (1912), «Мишень» (1913), «№ 4» (1914), международных выставок авангарда, в том числе в 1912 в Мюнхене («Голубой всадник»), Берлине («Буря»), Лондоне («Выставка постимпрессионистов»).

Важнейшая идея, которой подчинены ее работы, — сближение и даже отождествление России с Востоком в качестве единого истока «первобытного творчества». В древней иконописи и стенописи, в народном лубке Г. искала первичную силу и свежесть чувства, непосредственную красочность мировосприятия. Цикл «Сбор плодов» (1908) создан под влиянием одноименной картины Гогена, но также и В.Борисова-Мусатова. В начале 1910-х Г. демонстративно заявила, что ею «пройдено все, что мог дать Запад для настоящего времени». «Мой путь — к первоисточнику всех искусств, к Востоку», — писала она в предисловии к каталогу персональной выставки (Москва, 1913, 768 работ; Петроград, 1914), реализуя эту декларацию в образах крестьянок с восточными, «скифскими» лицами и окаменело медлительными жестами («Уборка хлеба», «Хоровод», 1910), а в «Сборе плодов» (1911) крестьяне скорее похожи на восточных идолов.

В полотнах 1911 выражено предчувствие надвигающегося «судного дня»; при этом апокалипсис понимается как суровая восточная легенда, древнейшее откровение веры («Апокалипсис», 2 цикла — «Сбор винограда» и «Жатва», каждый из 9 картин). В «Сборе винограда» все экспрессивно сдвинуто к Востоку и к древности: «носильщики винограда» с ассирийскими бородами и укороченными фигурами, распластанными как на ближневосточных рельефах. В «Жатве» присутствуют и собственно апокалиптические картины божьего гнева — «Ангелы, мечущие камни на город» и «Город, заливаемый водой». Апогей таких настроений — цикл из четырех полотен «Евангелисты» (1911): на узких, вытянутых кверху холстах сопоставлены четыре суровые фигуры, и как на архаических фресках проступают из мрака фиолетовая, синяя и зеленые краски, насупленные лики и пальцы, то упертые в свитки и лбы, то предостерегающе поднятые кверху. Та же тема экспрессивно развивалась в иллюстрациях к поэме А.Крученых и В.Хлебникова «Игра в аду» (1912), в цикле литографий «Мистические образы войны» (1914) и по-новому — как саморазрушение механических цивилизаций — трактовалась в футуристических видениях Г.: «Фабрика» (1912) — город с его фабричными трубами словно бы сам разрушается от внутренних потрясений; надвигается бунт машин, сорвавшихся с моста — «Аэроплан над поездом» (1913); «Велосипедист» (1913) — восстание механизмов, вырвавшихся из-под контроля; «Ткацкий станок» (1912); «Электрическая машина» (1913). Одновременно Г. исполнила несколько беспредметных «лучистых» полотен, в частности, «Кошки» (1913). В основе «лучей» лежали как бы «разломы» предметов, включающих и землю, и зелень. На желто-коричневой поверхности картины местами вспыхивают световые лучи, но в основном это шрамы на воспламененной материи, сквозь которые проступает подспудная чернота. Отличие Г. от более поздних поколений европейских экспрессионистов в том, что ее мрачные образы одновременно торжественны и красивы.

Импульсы, идущие от образцов первобытного творчества, Г. претворила и в своих работах театрального декоратора; они принесли ей наибольшую известность. Триумфальный успех имела постановка в декорациях и костюмах Г. «Золотого петушка» — оперы-балета Н.Римского-Корсакова, открывшая полосу ее сотрудничества с антрепризой *С.Дягилева*. Летом 1914

Г. и Ларионов ездили в Париж на репетиции и премьеру балета, устроив одновременно выставку своих станковых работ в галерее Поля Гийома; как сообщал Ларионов, Г. «имела в Париже большой успех, ...в настоящее время у нее известность в Париже не меньше, чем в Москве...». После контузии Ларионова на фронте и его демобилизации из армии (1915) они присоединились к Дягилеву в Уши (Швейцария), затем направились вместе с его труппой в Испанию и в Италию; в 1917 обосновались в Париже (французское подданство Г. приняла в 1939). «Золотой петушок», костюмы к «Садко» Римского-Корсакова (1916) и к первому варианту «Свадебки» *И.Стравинского* (ок. 1916) отмечены стихийной мощью, русско-восточной пышностью, но и некоторой эстетической отстраненностью (Россия «глазами Запада»). В эскизах к «Литургии» — балету-мистерии, в основу которого были положены эпизоды из жизни Христа (1915, не осуществлен), наряду с декорациями, воспроизводившими экстатичные русские иконы, костюмы апостолов являли сходство с раскрашенной скульптурой испанских соборов. Как бы вспоминая свои навыки скульптора, Г. замышляла костюмы апостолов в качестве движущихся вдоль сцены уплощенных скульптур, сделанных из жестких материалов. Впечатления от путешествия по Испании отразились в оформлении цикла «испанских балетов» И.Альбениса, М.де Фальи, М.Равеля, Г.Форе (1916); здесь же, как и в других театральных и станковых работах, усиливаются конструктивные элементы. «Испанию я очень люблю, — писала Г. в 1917. — Мне кажется, что изо всех стран, где я бывала, это единственная, где есть какие-то скрытые силы. Этим она близка России... Я все надеюсь хоть ненадолго попасть домой...» Другие оформительские работы для Дягилева: «Ночь на Лысой горе» М.Мусоргского (1923), «Жар-птица» Стравинского (1926).

В наиболее интересных станковых произведениях Г. 20-х — 30-х так или иначе варьировались мотивы ее декоративных работ, например, в серии живописных композиций «Испанки», перенесенных на панно для виллы *С.Кусевицкого* в Париже. Покончив с недолгим художественным изоляционизмом, Г. творчески перерабатывала впечатления от широкого круга произведений западного искусства. 1-я половина 20-х — период своеобразного «примитивизма на западной почве». «Деревянная» пластика «женских портретов» напоминает порой о романской скульптуре, а картина «Завтрак» (1924) с приземистыми фигурами на фоне буйной растительности — о живописи Анри Руссо. Западный колорит Г. привнесла даже и в иллюстрации к «Слову о полку Игореве» (1923), в орнаментику которых введены мотивы средневекового звериного стиля, а многие рисунки и картины 2-й половины 20-х полны реминисценциями новой французской живописи от Милле (пейзажи с фигурами) до Мане («Испанки на балконе») и Ван Гога (рисунки южных пейзажей с «извивающимися» мазками). В портретах и пейзажах 30-х все более возрастает интерес к конкретной натурности, движение кисти уже не высекает формы, как раньше, но лепит ее монотонным мазком.

Работы в сфере декорационного и театрального искусства принесли Г. в эти же годы широчайшую известность. Имели успех альбомы пошуаров (трафаретов) Г. «L'art decoratif thèâtral modern» и «Portraits thèâtreax», выставки в галереях «Соваж» (1918) и «Барбазанж» (1919) — представления с исполнением музыки, театральных скетчей на фоне живописи. Вместе с Ларионовым Г. участвовала в оформлении праздников-балов (афиши, программы или пригласительные билеты, эскизы оформления лож, костюмы и маски).

Жизнь и творчество Г. в 20-е — 30-е окрашены ностальгическими настроениями. Она теснее, чем Ларионов, соприкасалась с русской эмигрантской, в особенности литературной средой, принимала участие в русских изданиях («Жар-птица», «Русское искусство», «Числа»), иллюстрировала книги *К.Бальмонта, А.Ремизова*, Н.Кодрянской. Дружеские отношения еще в 1917 связали Г. и Ларионова с Н.Гумилевым, которому она посвятила гуашь с изображением Христа на троне, позднее с *М.Цветаевой*, отметившей в статье о творчестве Г. (1929) огромное влияние Г. на современных русских и французских художников. О влиянии на Пикассо «наших красочников Гончаровой и Ларионова» писал и В.Маяковский. В иллюстрациях 20-х («Город» А.Рубакина, «Словодвиг» В.Парнаха) Г. использовала мотивы русского периода: крутящиеся детали машин, узкие пространства улиц, заполненных народом. В эскизах ко второму варианту «Свадебки» Стравинского (1923) в последний раз соединены восточная и русская темы. Восточное, азиатское все чаще оказывалось для Г. чужим, экзотическим («Березка», «Богатырь», 1938; «Клеопатра», 1939-42, спектакль для театра *Н.Балиева*; «Гюльнара», 1943; «Шота Руставели», 1946), а Россия приобретала отчасти этнографический, красочно-идиллический оттенок (иллюстрации к «Сказке о царе Салтане», 1922; «Деревенский праздник» для театра Ю.Сазоновой, 1924; «Сорочинская ярмарка», 1932). Эти работы уже не несут в себе энергии «скифской России». Это скорее прекрасный сон, Россия, увиденная издалека. Тенденция декоративности снова наме-

тилась в оформлении оперных постановок: «Джанина ди Бандоне» Чимарозы, «Никогда не догадаться обо всем», 1932; она достигла вершины в «Золушке» П.Эрлангера и «Богатырях» (оба — 1938). Г. сотрудничала с балетными антрепризами последягилевского этапа «Ballet Russe de Monte Carlo», «Русский балет полковника де Базиля», «Балет Б.Князева», 1938-42; «Компания М.Фокина», 1950 и др.).

Поздние станковые вещи Г., включая многочисленные салонные натюрморты и полотна «космического» цикла 50-х, не попадали на выставки, но постепенно росла известность ее ранних произведений (их переслали Г. из Москвы с помощью Л.Жегина и Б.Терновца). В 1948 М.Сефор устроил выставку «лучистых» работ Ларионова и Г.; итогом ее явилась новая вспышка интереса к их искусству. Выставки Ларионова и Г. в 60-е и 70-е открыли зрителю и примитивный период Г., после чего начались широкие приобретения ее произведений коллекционерами и музеями.

Соч.: Письма Н.С.Гончаровой и М.Ф.Ларионова к Ольге Ресневич-Синьорелли / Минувшее, вып. 5. М., 1991.

Лит.: Эганбюри Эли [Зданович И.] Наталия Гончарова. Михаил Ларионов. М., 1913; Харджиев Н. Памяти Наталии Гончаровой и Михаила Ларионова // Искусство книги, вып. 5. М., 1968; Loguine. Gontcharova et Larionov. Cinquante aux Saint Germain-des-Près. Paris, 1971; Chamot M. Natalia Gontcharova. Paris, 1972; Цветаева М. Наталия Гончарова. Жизнь и творчество // Прометей, вып. 7. М., 1989; Овсянникова Е. Книжная графика Наталии Гончаровой // Иск-во, 1989, № 8; Поспелов Г. Бубновый валет. Московская живопись 1910-х годов и городской фольклор. М., 1990.

Е.Илюхина
Г.Поспелов

ГОРОВИЦ Владимир Самойлович (18.9.1904, Бердичев — 5.11.1989, Нью-Йорк) — пианист. Происходил из состоятельной семьи. Отец, Самуил Иоахимович, был инженером, владельцем фирмы по торговле электрическим оборудованием. Среди родных Владимира многие были причастны к музыке. Мать, София Г., училась в свое время в Киевском музыкальном училище; дядя, Александр Иоахимович, окончил Московскую консерваторию по классу А.Скрябина и приобрел известность в Харькове как пианист и педагог; старшая сестра, Регина Самойловна, тоже стала пианисткой и преподавала в Харьковском музыкальном училище. Получив первые уроки фортепиано от матери, Г. с 1912 начал занятия в Киевской консерватории в классе В. Пухальского, а в 1915-19 учился там же у С.Тарновского. Затем его музыкальным наставником стал Ф.Блуменфельд. Личность и творческие принципы этого выдающегося пианиста, композитора и дирижера имели решающее воздействие на формирование молодого Г., всю жизнь остававшегося верным идеалам романтического пианизма. От Блуменфельда унаследовал он дирижерский подход к исполняемому, мастерство звуковой инструментовки, вокальную выразительность интонирования музыкальной фразы, репертуарные пристрастия. По свидетельству самого музыканта, большое влияние оказало на него также общение с Г.Нейгаузом, работавшим тогда в Киеве.

В детстве Г. не демонстрировал способностей вундеркинда, однако с самого начала проявилась его устремленность к музыке. По воспоминаниям родных, популярный тогда инструктивный репертуар не играл в его занятиях заметной роли, зато он страстно увлекался операми Н.Римского-Корсакова, Р.Вагнера, П.Чайковского, многие из которых мог исполнять наизусть от начала до конца. В эти ранние годы у Г. сложилось обыкновение, берясь за какое-нибудь новое произведение, одновременно разучивать все, созданное его автором. Обладая от природы уникальной виртуозностью, пианист, как утверждала его сестра, почти не уделял внимания чисто технической тренировке, он просто со всей серьезностью и добросовестностью работал над увлекавшим его сочинением. Учась в консерватории, Г. занимался не только игрой на фортепиано, но и сочинением. Юношеские пьесы пианиста написаны были под сильным влиянием его кумира — *С.Рахманинова*. Хотя впоследствии Г. оставил композицию, в 20-е он нередко исполнял некоторые свои фортепианные миниатюры и даже записал их на пластинки.

Приход к власти большевиков был воспринят Г. как катастрофа. «В 24 часа моя семья потеряла все, — вспоминал он позднее. — Своими собственными глазами я видел, как они выбросили наш рояль из окна». Горовицы оказались почти без средств к существованию. Поэтому решено было, что Владимир закончит консерваторию досрочно и начнет концертировать, чтобы поддержать семью материально. На экзамене 17-летний пианист исполнил Третий концерт Рахманинова, произведение, ставшее одним из его высших интерпретаторских достижений. Г. дебютировал в Харькове в 1921 и вплоть до мая 1925 ездил с концертами по многим городам Советской России, пользуясь сенсационным успехом. В лице Г. в искусство пришел один из самых выдающихся виртуозов, когда-либо появлявшихся на эстраде. Дело тут не только в технической безупречности, ловкости в преодолении трудностей, а в том высоком артистическом горении, рыцарской отваге, даре воспламенять слушателей, которые неотделимы от творческого облика подлинного виртуоза. И

музыканты, и любители, и пресса с самого начала единодушно именовали пианиста «новым Листом», «Листом номер два», «Листом XX века». Деятельность молодого артиста поражала своим размахом. Так в сезон 1924-25 он дал в одном Ленинграде 23 концерта, исполнив в общей сложности более 100 произведений.

В 1923 знаменитый австрийский пианист А.Шнабель, побывавший с концертами в Петрограде, рекомендовал Г. отправиться в Европу. Некоторое время спустя при содействии импресарио А.Меровича эту идею удалось осуществить. Зарубежный дебют пианиста состоялся 2.1.1926 в берлинском «Бетховенхалле» и прошел без особого успеха — имя артиста было никому неизвестно, к тому же местная публика привыкла к большей эмоциональной сдержанности исполнения. Шумная слава пришла к артисту после его выступления в Гамбурге. Г. предложили заменить заболевшую солистку в Первом концерте Чайковского, когда до начала концерта оставалось едва ли не полчаса. В антракте Г. был представлен дирижеру Э.Пабсту. Тот наскоро показал ему свои темпы, заметив: «Следите за моей палочкой, и даст Бог ничего страшного не произойдет». После первых же тактов дирижер сошел с подиума и с удивлением уставился на руки Г., механически продолжая показывать такт, но уже в темпе, заданном солистом. По словам американского музыкального критика А.Чейзинса, «когда все кончилось, и рояль лежал на эстраде, словно убитый дракон, все в зале, как один человек, вскочили с мест, истерически визжа». 3000 билетов на следующий концерт пианиста, назначенный в крупнейшем зале Гамбурга, были распроданы за два часа.

Затем последовала серия концертов в Париже, где критика причислила Г. к разряду «артистов-королей». Здесь по окончании завершающего цикл концерта в «Grand-Opéra» пришлось вызывать жандармов, чтобы очистить зал от неистовых поклонников музыканта, отказывавшихся покинуть помещение. Триумфы ждали Г. в Лондоне и др. европейских столицах. Наконец, в январе 1928 он пересек Атлантику. На первом же его выступлении в Нью-Йорке (с Концертом Чайковского b-moll) присутствовали И.Гофман и С.Рахманинов. Игра концертанта произвела на Рахманинова сильное впечатление, и спустя короткое время он предложил Г. встретиться и пройти с ним его Третий фортепианный концерт — пианисту как раз предстояло исполнение этого произведения. «То был самый незабываемый момент в моей жизни, — вспоминал Г., — мой подлинный дебют!» Восхищаясь техническим мастерством соотечественника, Рахманинов поначалу критически оценивал его как интерпретатора, однако вскоре изменил свое мнение и даже предпочитал горовицевское исполнение Третьего концерта собственному. «Рахманинов отдал этот концерт мне, — рассказывал впоследствии пианист. — Он всегда говорил: Горовиц играет его лучше, чем я. По его выражению, он сочинил концерт для слонов, так что, наверное, я и есть один из них!» В 1930 Г. первым из музыкантов осуществил запись Третьего концерта, заслужившую широкое международное признание.

Вплоть до 1935 пианист основное время проводил в поездках по Европе и Америке, давая до 100 концертов за сезон. В свободные летние месяцы он жил обычно во Франции или Швейцарии. Из важнейших событий тех лет следует упомянуть знакомство Г. с А.Тосканини и женитьбу в 1932 на его дочери Ванде. В 1934 к нему ненадолго приезжал из Советского Союза отец (по возвращении на родину он был репрессирован и умер в заключении).

Напряженность гастрольного графика, из года в год накапливавшаяся усталость стали наконец давать о себе знать. Искусство пианиста подчас теряло присущие ему убедительность и непосредственность. «Я играл некоторые вещи так часто, что не мог их слышать даже тогда, когда мои пальцы их исполняли», — рассказывал он позднее. Перенесенная в 1935 операция аппендицита полностью выбила его из колеи, заставив на три года прекратить концертную деятельность. В некоторых газетах даже появились известия о его смерти. Длительная творческая пауза имела причиной не только физическое недомогание. «Мне надо было о многом подумать, нельзя идти по жизни, играя октавы», — эти слова Г. хорошо передают внутренние предпосылки его музыкального молчания. Преодолеть творческий кризис помогло тесное общение с Рахманиновым, с которым Г. особенно сблизился, живя по соседству в Швейцарии. В 1940 он так говорил о периоде своего затворничества: «По-моему, я именно тогда начал отдыхать... и заниматься музыкой... Как мне кажется, я творчески вырос. Во всяком случае, в музыке я находил теперь то, чего не замечал раньше». Искусство пианиста становилось несколько иным, более серьезным и углубленным. Наряду с произведениями Шопена, Листа и Рахманинова, издавна составлявшими основу репертуара Г., на его концертах зазвучали сочинения Шумана. Так, центром его программ, сыгранных в Европе в сезоне 1938-39 была Фантазия Шумана. К исполнительским шедеврам Г. тех лет следует отнести также его трактовку «Картинок с выставки» Мусоргского и Второго концерта Брамса, записанного в содружестве с Тосканини.

Творческая деятельность Г. в 40-е — начале 50-х была столь же интенсивна, как и раньше, хотя территориально она и ограничивалась рам-

ками Соединенных Штатов. По-прежнему музыке он отдавал всего себя. Как сообщал секретарь пианиста Л.Бенедикт, «исполнительство было для него болезненным и требовало огромных усилий. Их хватало лишь на то, чтобы выдерживать переезды и играть. В течение пяти месяцев гастролей он не делал в свободное время абсолютно ничего: не играл в карты, не читал, не занимался на рояле». Выучив летом программу, он даже не брал с собой ноты. С годами снова нарастало чувство разочарования в своем искусстве, в возможности донести до публики сокровенную суть музыки: «Они слушали всегда лишь то, насколько быстро я играю октавы, но не слышали музыки. Это им было скучно. Я играл два часа, а им запоминались лишь последние три минуты из всего концерта. Я чувствовал неудовлетворенность тем, что я делал и тем, что я считал необходимым, дабы выполнить свое предназначение, как музыкант». Г. сравнивал себя с гладиатором в римском Колизее: «Боже мой, публика сидела прямо на сцене, а я собирался играть на бис шопеновский As-dur'ный полонез... Большое нарастание... У меня не было больше сил и я чувствовал, что сердце мое вотвот разорвется, желудок сдавили спазмы. Напряжение было ужасным, и мне действительно казалось, что я упаду замертво, прежде чем закончу. Когда я сыграл последний аккорд, загремели обычные овации, и я услышал, как какой-то мужчина в публике сказал своей жене: «Бог мой, ты слышала когда-нибудь что-то подобное?» «Это ерунда, — промолвила она в ответ. — Послушай-ка, что он сыграет еще, он ведь только начал». Я надрывался изо всех сил, а она говорит: «Пустяки, погоди только — он может еще, еще, еще...» Все. Я больше не мог». В феврале 1953, сыграв торжественный концерт по случаю 25-летия своего дебюта в «Карнеги Холл», Г. снова оставил эстраду.

Около года он вообще не выходил из дома и не прикасался к инструменту. Однако, готовя к выпуску пластинку с записью своего юбилейного концерта, он опять начал испытывать интерес к музыке. Г. погрузился в изучение творчества Скарлатти и Клементи, с увлечением слушал старые записи мастеров итальянского бельканто — Баттистини, Ансельми, Бончи. Наконец он сел за фортепиано. В специально оборудованной у него дома студии Г. записал много произведений, в том числе монографические программы из музыки Клементи, Скарлатти, Скрябина. Каждая выпущенная им пластинка становилась событием в музыкальной жизни.

9.5.1965 пианист снова появился на сцене «Карнеги Холл». Накануне, впервые в Нью-Йорке, люди стояли ночь напролет в ожидании билетов на концерт. Тот памятный вечер показал, что искусство артиста продолжало развиваться. «Время не остановилось для Горовица за те двенадцать лет, что прошли со дня его последнего публичного выступления, — писал нью-йоркский рецензент. — Ослепительный блеск его техники, неправдоподобная сила и интенсивность исполнения, фантазия и красочная палитра — все это сохранилось нетронутым. Но вместе с тем в его игре появилось, так сказать, новое измерение... Оно может быть названо музыкальной зрелостью».

Последующие 4 года были наполнены частыми сольными выступлениями. Затем наступила 5-летняя пауза, во время которой Г. работал над новыми пластинками. Следующее возвращение пианиста на эстраду состоялось в канун его 75-летия. С тех пор он давал концерты довольно редко, но все они становились сенсацией и получали широкую известность, будучи записанными на пластинки и видеокассеты. В 1982 артист впервые после более чем 30-летнего перерыва появился в Старом Свете, играл в Лондоне. Через год прошла серия концертов в Японии, а в 1986 — в СССР (в Москве и Ленинграде). В последний раз Г. гастролировал в Европе в 1987. Одновременно пианист продолжал записываться в студии. Последняя пластинка Г. вышла незадолго до его смерти.

Г. был прежде всего концертирующим артистом, педагогикой он занимался сравнительно немного. Но и в этой области он оставил свой след: среди его учеников известные музыканты Б.Джайнис, Г.Графман и Р.Турини. Подчас инициатива начать занятия исходила от самого маэстро. Так, услышав исполнение Джайнисом Второго концерта Рахманинова, он предложил ему бесплатно брать у него уроки. Работая с учениками, Г. больше внимания уделял общему музыкальному развитию, нежели технике исполнения. Он всячески содействовал формированию индивидуальности молодых пианистов, призывая их «лучше делать собственные ошибки, чем копировать ошибки других».

В своем искусстве Г. предстает перед нами как неповторимая творческая личность — его исполнительский почерк узнается сразу, достаточно прослушать лишь несколько сыгранных им тактов. «Я индивидуалист, каким должен быть каждый художник, — заметил он как-то раз в разговоре с журналистами. — Я слышал и знал всех пианистов и вынес о них отрицательное мнение. Я их критиковал. Никакого влияния они на меня не оказали. Моя индивидуальность тверда, как сталь, и никто не в силах поколебать ее». Но сколь бы эксцентричным не выглядел Г. в таких высказываниях — а они у него не редкость — будет неверным утверждать, что чужое исполнение не могло произве-

сти на него впечатления. Часто Г. выделял музыкантов, резко отличающихся от него по духу, например, А.Шнабеля, В.Гизекинга. Среди пианистов, привлекших его внимание, можно упомянуть также М.Розенталя и И.Фридмана. Наконец, высочайшим авторитетом всегда оставался для него Рахманинов.

При всем своеобразии творчество Г. развивалось в русле традиций романтического исполнительства. Музыка композиторов-романтиков была главной составной частью его репертуара. Интерпретации Г. листовских рапсодий, фантазии «Дон Жуан», Сонаты b-moll, этюдов, «Мефисто-вальса» поражали слушателей демонической мощью, необычайной изобретательностью звукового колорита. Глубиной прочтения отмечены его шопеновские трактовки — Соната b-moll, скерцо, баллады, полонезы, миниатюры. Всю жизнь сопровождала Г. музыка Рахманинова и Чайковского (Первый концерт). В поздние годы пианист постоянно обращался к наследию Шумана (Фантазия, «Крейслериана», «Детские сцены») и Скрябина (Пятая, Девятая и Десятая сонаты). Характерно, что произведения Баха Г. исполнял в романтических переложениях Бузони. Он и сам, подобно многим музыкантам XIX — начала XX вв., играл некоторые пьесы в собственных виртуозных транскрипциях — рапсодии Листа, отдельные его этюды, «Пляску смерти» Сен-Санса—Листа, марш Ф.Сузы «Звездный флаг». Получила также известность Фантазия Г. на темы из оперы «Кармен». Берясь за сочинения композиторов XVIII в. — сонаты Скарлатти, Клементи, Гайдна, Моцарта — Г. подходил к ним со всей серьезностью. Работая над произведениями Скарлатти, он, например, консультировался со знаменитым клавесинистом и исследователем старинной музыки Р.Киркпатриком. Но в целом Г. оставался чужд исторический научный взгляд на музыку давнего прошлого. В этой части своего репертуара он представал перед слушателями тем же исполнителем-романтиком, чьи интерпретации полны непосредственного чувства, естественности живого высказывания.

Сравнительно редко появлялись в программах Г. произведения современных композиторов. Но среди них тоже есть яркие художественные достижения — 6-я, 7-я и 8-я сонаты *С.Прокофьева* (пианист первым исполнил их в Америке), 2-я и 3-я сонаты Д.Кабалевского. На концертах Г. прошли премьеры некоторых сочинений американских авторов, например, Сонаты Барбера. Выбирая репертуар для своих выступлений, пианист стремился к тому, чтобы программа концерта была интересна всем, в том числе и малоподготовленным слушателям. Поэтому он почти не давал монографических концертов, считая их сложными для восприятия, а включал в программы музыку разных эпох и стилей. По такому же принципу он составлял большинство своих пластинок.

Г. был великолепным ансамблистом. В юности он выступал с замечательными русскими камерными певицами З.Лодий и *Н.Кошиц*, восхищая тонкостью передачи музыки Шуберта, Чайковского и Рахманинова. Впоследствии, в первые годы своей зарубежной карьеры, пианист играл в трио со своими соотечественниками *Н.Мильштейном* и *Г.Пятигорским*. Из эпизодических позднейших выступлений Г. в амплуа камерного исполнителя следует отметить его участие в концерте, посвященном 85-летию «Карнеги Холл» 18.5.1976 в ансамбле с Д.Фишером-Дискау («Любовь поэта» Шумана), И.Стерном и М.Ростроповичем (Трио Чайковского «Памяти великого артиста», Анданте из виолончельной сонаты Рахманинова).

С годами искусство Г. менялось. Артист, приезжавший в Россию в 1986, перешагнул уже свой 80-летний рубеж. И вместе с тем многое в его игре осталось прежним. Не потускнело его удивительное пианистическое мастерство — пальцевая техника в сонатах Скарлатти, пьесах Рахманинова, этюде «Искорки» Мошковского, легкость октав и двойных нот в шопеновском полонезе. При этом нетерпеливая властность, покоряющая мощь его былых концертных дерзаний отошли в прошлое. «Кажется, что музыка юных романтических гениев меняет свой возраст: она становится задумчивой, тихой, бесконечно участливой — становится отеческой речью», — писал рецензент о ленинградском концерте Г. Все в исполнении пианиста рождалось из тишины, piano решительно преобладало над forte. Играя перед тысячной аудиторией, он музицировал, словно один на один с инструментом. Современник сказал както о юном Г.: «Рояль был для него тем же, чем для араба лошадь, — его сокровище, его друг, его лозунг, его бог». Недаром в гастрольных поездках пианист не расставался со своим стейнвеем, который пересекал вместе с ним океаны и материки. Таким же предстал Г. за роялем более 60 лет спустя. Ничто не отделяло музыканта от слушателей, он как бы беседовал с ними. В этой беседе были и грусть, и утешение, и нежданная шутка — к примеру, в юмористически-«шикарных» басах или педальных мазках рахманиновской Польки. Сколько свежести, тончайших исполнительских находок было в каждой мелодической фразе, каждом аккорде знакомых произведений. Но надо всем царила высшая мудрость, которая даруется человеку в конце долгой и хорошо прожитой жизни. Для Г. это была жизнь, отданная служению искусству.

Лит.: Рабинович Д.А. Владимир Горовиц и русская пианистическая традиция / Рабинович Д.А. Исполнитель и стиль: Избр. статьи, вып. 2. М., 1981; Plaskin G. Horowitz. London, 1983; Григорьев Л., Платек Я. Современные пианисты. М., 1985; Гаккель Л. Владимир Горовиц. Ленинград, апрель / Гаккель Л. Я не боюсь, я музыкант. СПб., 1993.

С.Грохотов

ГОРЯНСКИЙ Валентин Иванович (наст. фам. Иванов; носил также фамилию матери; псевд. Вал. Борцов и др.) (24.3.1888 [по др. св. 26.3.1887], Петербург — июнь 1949, Париж) — поэт, драматург. Внебрачный сын художника Эдмона Адамовича Сулиман-Грудзинского. Мать — Александра Александровна Александрова-Гурьева, вологодская мещанка, крестный отец — писатель И.Леонтьев (Щеглов), в доме которого прошло детство Г. В 1901-2 учился во 2-й петербургской гимназии, затем в сельскохозяйственной агрономической школе, которую не закончил вследствие коллективного выхода из нее учащихся всех старших классов. Первые стихи начал писать с шести лет, под влиянием И.Щеглова, который на долгие годы оставался покровителем и наставником крестника. Первая публикация — в журнале «Русский паломник» (1903, № 19). Юность Г. прошла в обстановке крайней бедности и лишений; он давал частные уроки, жил на случайные заработки, в 1907 поступил на службу в канцелярию, но вскоре был уволен после скандала с директором департамента.

Сестра Г. — А.Иванова-Елина, вспоминала: «Когда В.Горянскому исполнилось 18 лет, Иван Щеглов призвал его и открыл историю его рождения. В данный момент князь Эдмон через друга своего Щеглова предлагал Валентину усыновление, на что юноша В.Г. отвечал: «Для меня все сделала моя мать, и я не знаю этого человека». С 1906 Г. стал сотрудником петербургской газеты «Слово», где помещал стихи, написанные под влиянием Н.Некрасова и поэтов-народников. Основной их мотив — проповедь «малых дел»; другая грань творчества Г. этих лет — лирические пейзажные зарисовки и сатирические миниатюры. Печатался в журналах «Солнце России», «Аргус», «Нива», «Всемирная панорама», «Пробуждение», «Златоцвет» и др. С 1913 — один из лидеров еженедельника «Сатирикон» (с 1914 — «Новый Сатирикон»). Цикл «лиро-сатир», в котором Г. высмеивал убогий провинциальный мирок с его маленькими радостями и горестями («Мещанские скорби»), принес автору заметный успех.

В 1915 вышел первый поэтический сборник Г. «Крылом по земле», составленный из лирических стихотворений о городе и его мещанских предместьях. В нем звучит мотив сострадания к маленькому человеку, задавленному черным городом, «подобным яме». Герои Г. тянутся на природу, мечтая о «радости невозможной». Г. поэтизирует обыденность, пытается расцветить выдумкой тоскливые серые будни. С лукавым юмором он описывает русскую деревню, создавая бытовые «сказки», ориентированные на древние славянские мифы, стилизует народные песни, черпает из русского фольклора колоритные образы, подобные есенинским. Красочный народный язык произведений 1912-14 напоминает написанные позднее стихотворения С.Есенина и поэтов литературного общества «Страда», к которым тяготел Г. Сборник «Крылом по земле» был замечен критикой. И.Ясинский даже назвал Г. выдающимся талантом и сравнил его «честный реализм» с реализмом И.Тургенева, И.Гончарова, Л.Толстого.

Более сурово критика отнеслась ко второй книге Г. — «Мои дураки. Лиро-сатиры» (СПб., 1916), объединившей большую часть произведений, опубликованных в «Новом Сатириконе». Н.Константинов писал в «Журнале журналов»: «Стыдно г. В.Горянскому так не уважать данного ему богом дарования, так разменивать его на уличную вульгарную дешевку». Между тем «лиро-сатирический» герой Г. — всего лишь маска, за которую спрятался поэт, чтобы высмеять «мещанские скорби» российской провинции. С насмешливо-добродушной иронией он повествовал о политике и быте, окружающих обывателя, одновременно смешного и страшного в своей мещанской ограниченности. В 1913-14 Г. переехал в Москву, где сотрудничал в газете А.Суворина «Новь», после начала 1-й мировой войны вновь вернулся в Петербург. Несмотря на «белый билет», по своей инициативе поехал корреспондентом на фронт. Как свидетельствует сестра, «в казарме В.Г. приняли любезно. В. писал солдатам поклоны на деревню, смешил частушками и удивлял их неумелым обращением с метлой». С фронта Г. вернулся убежденным пацифистом, о чем говорит опубликованное в горьковском журнале «Летопись» «Извещение о том, что было» (1917, № 5-6), а также стихи 1915-16 в «Новом Сатириконе». Война представлялась поэту всенародным бедствием, он пытался выяснить, «кто немилостивый и отчаянный виновен в ратном почине, в женской беде нечаянной, в злой мужицкой кончине». Сблизившись с демократическими литературными кругами, он начинал в журнале ту линию, которую продолжил В.Маяковский в сатириконовских «гимнах». Близость поэтов особенно заметна в развитии темы города, протесте против засилья золота («Концерт банкира», «Точильщик», «Великая Ектения» и др.). По

словам В.Князева, Маяковский, появившись в «Новом Сатириконе», «офутурил Горянского».

Свержение самодержавия Г. восторженно приветствовал в стихотворении «26 февраля» (альманах «Революция в Петрограде». Пг., 1917), но Октябрьскую революцию не принял. Колорит его последних произведений, напечатанных в «Новом Сатириконе» (закрытом в 1918 по распоряжению советского правительства), мрачен. Разруху и бытовые лишения, гибель культуры он воспринимал как эсхатологическую катастрофу. Г. мечтал о тихой спокойной жизни в «городе зеленых крыш», куда запрещено входить «политикам и героям». Он пытался скрасить жизнь с помощью «многоцветной мелочи быта», проповедуя квиетизм и беззлобие. В его поэзии заметно усиливались религиозные мотивы, а провинциальное мещанство, которое он остроумно высмеивал, превращалось в символ дореволюционной России, ее бытового и хозяйственного уклада.

В 1917 написал одноактную пьесу «Поэт и пролетарий», в которой резко критиковал новую власть (шла с 28 сентября в Петрограде, в Троицком театре). По отзывам критики, главную роль в ней играла «картонная фигура символического «пролетария», грозящая задавить поэзию». В начале 1918 Г. начал сотрудничать в «Красной газете», но оказался там чужим. Пытаясь хоть как-то прокормить семью, летом 1918 открыл в кинотеатре на Невском проспекте близ Аничкова моста небольшое кафе, которое принесло одни убытки. В конце июля вместе с семьей уехал в Одессу, откуда в 1920 эмигрировал в Константинополь. Вспоминая о скитаниях первых эмигрантских лет, А.Иванова-Елина пишет: «Неотвратимая судьба щедро вместила все: бедственное детство поэта, опыты художественных преодолений, эпохи войн и революций, тридцатилетнее странствование в «пустыне», могилу сына среди кипарисов античного кладбища Принцевых островов, горестный холм в Загребе, где осталась мать...» В Константинополе вышла поэма Г. «Вехи огненные» (Зарницы, 1921, № 17).

С 1922 по 1926 жил в Хорватии, работал в хорватском журнале «Младость», издал несколько книг сказок и детских рассказов в издательстве Вернича. На сербско-хорватском языке вышел его юмористический роман «Необычные приключения Боба» и книга для детей «Приключения под абрикосом» (1926). Сказки «Волшебные башмачки» и «Перепутанные души» опубликованы в рижском журнале «Юный читатель» (1926, № 16). В 1926 Г. поселился в Париже, став постоянным сотрудником газеты «Возрождение» и парижского «Сатирикона» (1931). Здесь написаны книга стихов об эмиграции «Неопалимая купина», цикл «Эмигрантский быт», стихи о старой России «В той стране, которой нет». В них доминируют мотивы обреченности и ностальгии. Ирония Г. становится зловещей, а смех звучит все более глухо. Сатира не противопоставлена «красивому вымыслу», как это было раньше, а тесно сплетается с ним. Особенно резки стихи о Сталине, публиковавшиеся в 1936-40.

В рассказах, опубликованных в 1928-31 в журналах «Иллюстрированная Россия» и «Сатирикон» («Искусственная лошадь», «Цыплята мадам Лили», «Таинственная потеря падишаха» и др.), элементы сатиры и юмора сочетаются с фантастикой, романтической иронией и философскими сентенциями. Характерная черта творчества 1930-х — гротеск, напоминающий гоголевский. «Не с Хлестаковым, а с настоящим Ревизором оглянем себя!» — обращался он к деятелям российской эмиграции в комедии «Лабардан», написанной по мотивам «Ревизора» (Возрождение, 1959, № 94-95). В эти годы Г. продолжал работать над циклами сказок и фантастических рассказов («Сказка о добром короле, волшебнике и каруселях». Париж, 1928; «Вторая жизнь доктора Шольца», «Машина выдумки», «О двуедином господине», «Кот Фру-Фру и прекрасная лунатичка» и др. — газета «Возрождение»). В 1936 опубликована повесть «Чудесные похождения сверчка Цитрилли». В журнале «Сатирикон» появились пародийные рассказы господина Тощенки, в которых характерный для Зощенко сказ ориентирован на «среднего» парижского обывателя. В конце 1930-х в творчестве Г. все большую роль стали играть религиозно-философские и теологические мотивы, что отразилось в неопубликованной поэме «Смерть ангелов» и сборнике стихов «Обращенная Харита». Осталась неопубликованной и поэма «Танцовщик и разбойники» (1943), где развивалась мысль о роли чистого искусства в обыденной человеческой жизни. Она отразила сокровенные мысли поэта об идеализме и реализме и одновременно содержала завуалированные намеки на современность. Прототипом главного героя был *С.Лифарь*, а в образах «разбойников» угадывались фашистские оккупанты.

В годы 2-й мировой войны Г. пережил несколько трагедий: расстрел сыновей, собственную слепоту. «Полная слепота и безвыходное восьмилетнее сидение на одном стуле в великой печали и ужасном одиночестве, в холоде и голоде, когда мир был отделен от меня глухой стеной», — записал он. В 1944 ему была сделана операция, вернувшая зрение. Итоговые произведения Г. — октавы «Невская симфония» и роман в стихах «Парфандр и Глафира» (Париж, 1956) — опубликованы после его смерти (Возрождение, 1956, № 54-55). В пер-

вом из них воскресает дореволюционный Петербург, увековеченный в прозрачном и чистом пушкинском стихе. Роман, также написанный классическим пушкинским стихом, — история трагической любви Парфандра и прекрасной Глафиры, символизирующей Россию. В образе «философа мыльных пузырей» Парфандра Г. изображает русскую либеральную интеллигенцию, которая в порыве чистого идеализма мечтала о счастливом браке с Глафирой. Однако она оказалась в объятьях затянутого в черную кожу энергичного брандмейстера Гросса, напоминающего большевистского комиссара, который безжалостно разрушил уютный мещанский мирок своей возлюбленной. Поток иносказаний в романе сложен и многозначен, смешное постоянно переходит в трагическое, рождая тонкую грустную иронию. В последние годы жизни поэт мучительно тосковал по родине, чувствуя себя чужим в эмиграции. Г. похоронен под Парижем на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Соч.: Поэты «Сатирикона». Л., 1966.

Лит.: Евстигнеева Л. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М., 1968; Харджиев Н., Тренин В. Маяковский и «сатириконская поэзия» / Поэтическая культура Маяковского. М., 1970; Спиридонова (Евстигнеева) Л.А. Русская сатирическая литература начала XX века. М., 1977.

Арх.: ОР ИРЛИ, ф. 770; РГАЛИ, ф. 2574; семейный арх. А.В.Иванова (Париж).

Л.Спиридонова

ГРАБАР Андрей Николаевич (26.7.1896, Киев — 5.10.1990, Париж) — историк искусства. Отец Г. — потомственный дворянин, член Кассационного суда России, позднее сенатор. Дед и прадед по матери, урожденной баронессы Притвиц, — российские генералы, среди ее предков — фельдмаршал И. Дибич-Забалканский. Сам Г. мечтал стать морским офицером. Детство и юность провел в Киеве. Окончив в 1914 гимназию, отправился в начале 1-й мировой войны добровольцем на фронт в Галицию, но вскоре был демобилизован по болезни и поступил на историко-филологический факультет Киевского университета. В 1915 перевелся в Петроградский университет. Впоследствии из своих университетских учителей вспоминал с особой признательностью Я.Смирнова, а также *Н.Кондакова* и Д.Айналова, у которого занимался в специальном семинаре вместе с Н.Окуневым, ставшим одним из основоположников науки о средневековом искусстве в Сербии. Окончил Новороссийский университет в Одессе с дипломом 1-й степени, был оставлен для подготовки к профессорскому званию, но в январе 1920 уехал вместе с матерью в Варну (Болгария).

Делом жизни Г. стало изучение христианских древностей, преимущественно памятников культуры православного средневековья. В юности он занимался живописью. Отвечая в 1989 на вопрос газеты «Le Monde», что более всего повлияло на него, Г. назвал Софийский собор в Киеве: «Я видел его каждодневно, он был в центре событий, как регулярно повторяющихся, так и выдающихся: церковных праздников, царских юбилеев и прочих. Это здание, его византийские мозаики уже очень рано наложили на меня свою печать и служили для меня источником вдохновения». Первую серьезную статью, написанную в пору учения в Петрограде, Г. посвятил фрескам Апостольского придела Софийского собора. В годы пребывания в Болгарии работал в Археологическом музее в Софии, руководители которого Б.Филов и А.Протич способствовали интенсивным поездкам Г. по стране: помогая фотографировать фрески, он изучал еще один национальный вариант православной средневековой культуры. Подготовил монографию о Боянской церкви (София, 1924). В том же году был приглашен известным славистом, профессором А.Мазоном в Страсбургский университет на должность преподавателя русского языка. Одновременно слушал в университете лекции, в частности, медиевиста Марка Блока и классика Поля Пердризе. Вскоре был назначен заместителем профессора общей истории искусства, а в 1928 после защиты докторской диссертации — доцентом. Диссертацией явились книги «Религиозная живопись в Болгарии» (т. 1-2. Париж, 1928) и «Восточные влияния в балканском искусстве». Читал курс византийского и восточноевропейского искусства. В Страсбурге женился на болгарке Юлии Ивановой, там родились его сыновья Олег (ставший известным востоковедом в США) и Николай. В 1928 Г. и его жена получили французское гражданство. В 1938 византинист Г.Мийе пригласил Г. в качестве своего преемника в Школу высших исследований в Париже. С 1946 Г., кроме того, профессор College de France (до ухода на пенсию в 1966). Был также членом французской Академии эпиграфики и изящной словесности, членом научных академий Австрии, Болгарии, Великобритании, Дании, Норвегии, Сербии, США, почетным членом многих научных обществ, почетным доктором университетов в Принстоне, Уппсале и Эдинбурге.

Труды Г. (в основном на франц. яз.) посвящены центральным проблемам византийского искусства. Мировую известность принесла ему книга «Император в византийском искусстве» (Париж, 1936), затем он обратился к теме

формирования культа святых, их реликвий, памятных мест в период поздней античности и раннего христианства («Мартириум», т. 1-2. Париж, 1943-46). В 1958 была опубликована книга, посвященная узловому периоду в истории Византии — иконоборчеству, временной победе противников священных изображений в VIII-IX вв. и восстановлению иконопочитания; в жестоких спорах того времени была окончательно выработана теория иконопочитания, которая стала основой культуры византийской и др. православных стран и сохранила свое значение после падения Византии. Итоги наблюдений Г. над формированием и развитием христианской иконографии явились предметом его книг 1968 и 1979. Г. занимался и отдельными видами византийского искусства: выпустил книгу-альбом о византийской живописи, исследования о византийской скульптуре, несколько специальных работ о книжной миниатюре, каталог византийских древностей в ризнице собора Сан Марко в Венеции, книгу о золотых и серебряных окладах византийских икон. Изучал прежде всего сюжет, иконографию и определяемый ими внутренний смысл памятников. Развивая традиции Кондакова и Мийе, подчеркивал, что средневековое искусство было предназначено для удовлетворения не только эстетических потребностей, но более всего — духовных, оно стремилось просвещать и обучать. Культура Византии выступает в работах Г. как длительный, логичный и связный процесс, где родившаяся тема, например, культ Св. мучеников и их реликвий, будет существовать долго, видоизменяясь в зависимости от новых исторических условий, перейдет в славянские страны и сохранится в русской культуре. Г. сумел показать преемственность культуры Византии по отношению к античности (так, в изображении триумфа императора были использованы иконографические формулы, созданные в Римской империи), выявил родство византийской и западноевропейской средневековой культуры — общность многих сюжетов, их взаимопроникновение, при всем своеобразии каждого из больших ареалов.

Собственно русскому искусству Г. посвятил несколько статей, в том числе опубликованных в Трудах Отдела древнерусской литературы Пушкинского дома за 1962, 1966 и 1981: о светском искусстве в домонгольской Руси, о Феофане Греке и о некоторых сюжетах в иконописи XV-XVI вв.; показал в этих статьях, как и в работах о поствизантийском искусстве, место древнерусского искусства в системе общевизантийской культуры. В 1966 и 1977 приезжал в СССР. В числе учеников Г. — С.Дюфренн, Т.Вельманс, К.Уолтер (Франция), Г.Бабич, В.Корач (Югославия), П.Милькович-Пепек, П.Мийович (Македония), М.Теохари, М.Гаридис, Н.Мутсопулос (Греция).

Соч.: La peinture byzantine. Geneve, 1953; L'Icônoclasme byzantin. Paris, 1957; Les sculptures byzantines de Constantinople. Paris, 1963; L'Art de la fin de l'Antiquité et du Moyen Âge, vol.13. Paris, 1968; Les manuscrits grecs illuminés de provenance italienne. Paris, 1972; Les revêtments en or et en argent des icônes byzantines du Moyen Âge. Venice, 1975; Les voies de la création de l'iconographie chrétienne. Paris, 1979; Грабар А.Н. Автобиографичен очерк // Изкуство, 1986, № 7.

Лит.: Бакалова Е. Приносът на Андре Грабар към методологията на съвременното изкуствознанието // Изкуство, 1985, № 7; Krautheimer R., Sevcenko I., Kitzinger E. André Grabar // Speculum. Cambridge (Mass.), 1991, vol.66, № 3; Maguire H. André Grabar. 1896-1990 // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1991, vol. 45; Dufrenne S. André Grabar 1986-1990) // Cahiers de civilisation médiévale. Paris, 1992, t. 35, fasc. 1.

Э.Смирнова

ГРАБАР Петр Николаевич (10.9.1898, Киев — 28.1.1986, Париж) — иммунолог. Родом из дворянской семьи. Отец Г. — Николай Степанович Г. — член Кассационного суда, сенатор. Мать — Елизавета Ивановна (урожд. баронесса Притвиц). Младший брат *А.Н.Грабара*. После окончания Киевского лицея в 1916 Г. поступил в Пажеский корпус в Петрограде, но окончить его не успел, т.к. в 1919 вместе с семьей эмигрировал во Францию.

В 1924 Г. окончил Химическую инженерную школу в Лилле, получив диплом инженера-химика. После нескольких лет работы на заводе, производящем серную кислоту, органические удобрения и мочевину, Г. в 1926 переехал к своему брату Андрею в Страсбург, где тот преподавал в университете на факультете изящной словесности. Вскоре Г. была предложена должность заведующего лабораторией клинической медицины на медицинском факультете в Страсбургском университете. Возникший интерес к проблемам биологии и медицины привел Г. к решению получить медицинское образование на естественном факультете Страсбургского университета, совмещая учебу с работой в лаборатории. Под руководством известного профессора медицинской химии Леона Блюма Г. занялся очисткой инсулина, который Блюм использовал в клинической практике. Большой цикл работ Г. в эти годы (1930-38) связан с открытием синдрома азотемии (при дефиците соли в организме) и его объяснением на биохимическом уровне. Именно этому и была посвящена его диссертация, которую он защитил в 1931.

В 1929 Г. принял французское гражданство. В 1931 известный французский ученый, заведующий кафедрой биохимии медицинского фа-

культета Страсбургского университета М.Никлу, оценив высокие аналитические способности Г., предложил его кандидатуру на пост ассистента медицинского факультета университета. На этой должности Г. проработал 7 лет.

В основу докторской диссертации (1942) Г. положил свою разработку метода ультрафильтрации, существенно видоизменив его для фракционирования белков крови; благодаря этому методу удалось оценить размеры различных биологических компонентов: ферментов, токсинов, антител, вирусов. Электронная микроскопия подтвердила большую точность полученных Г. результатов. В 1938 Г. пригласили на работу в Институт Пастера в Париже, где он получил собственную лабораторию, переименованную затем в отдел химии микробов (1946-68). Однако вскоре Г. уехал на год на стажировку в США учиться основам иммунохимии у одного из основоположников этого направления — М.Гейдельбергера. Именно тогда, по воспоминаниям самого ученого, он из биохимика и физико-химика превратился в заядлого иммунолога и, вернувшись в Институт Пастера, посвятил себя проблемам иммунохимии. Его интересовали антигенные свойства бактериальных токсинов, их структура, состав и пр. Г. разработал принципиально новый метод разделения белков, совместивший электрофорез с иммунной специфичностью взаимодействия антигенов и антител, известный под названием иммуноэлектрофоретического анализа, который стал использоваться во всем мире. Работам по иммуноэлектрофорезу предшествовали (1944-55) продолжительные исследования Г. вместе с Руйе и Прюдом механизма действия ультразвука на денатурацию белков. Ими была создана теория химического действия ультразвука, объяснявшая его эффект образованием свободных радикалов из воды и оксидантов, а также предложены методы, позволявшие избежать окислительных эффектов ультразвука при использовании его в экспериментах с биологическими объектами.

В 1952-53 Г. и его помощник — американский студент Вильямс, пытаясь выделить в эксперименте нерастворимый комплекс «антиген-антитело», модифицировали технику фракционирования белков в гелевых пластинах и уже в первых попытках получили по меньшей мере 18 специфических фракций в сыворотке крови. Поначалу они сомневались, не образуются ли эти комплексы продуктами распада белков и не являются ли полосы на пластинках артефактами. Серия опытов убедила их в высокой специфичности образованных комплексов. С этого момента иммуноэлектрофоретическая техника начинает свое интенсивное развитие во всем мире. Метод иммуноэлектрофоретического анализа оказал революционное влияние на развитие многих направлений физико-химической биологии и медицины и привел к серии блестящих открытий. Он позволил проанализировать антигенный состав очень сложных биологических смесей, кровяной сыворотки, костного мозга, желез, отдельных тканей и пр. При этом иммуноэлектрофорез дал возможность анализировать белки по 23 совершенно независимым параметрам: электрофоретической подвижности, антигенной специфичности, ферментативной активности (др. химическим или биохимическим свойствам). Для анализа требовались очень малые количества исследуемого вещества, без какой-либо его предварительной очистки от разного рода примесей. О высокой чувствительности иммуноэлектрофореза говорят следующие цифры: если в сыворотке крови этот метод позволяет обнаружить не менее 30 белковых структур, то обычный электрофорез в геле или на бумаге — всего 5-6. Кроме того, этим методом удалось открыть разные классы иммуноглобулинов (IgG, IgA, IgM, IgD, IgE), а также — генетические модификации некоторых белков сыворотки крови.

Анализ патологических сывороток крови показал, что благодаря использованию иммуноэлектрофоретического метода удается обнаружить характерные для заболеваний изменения: отсутствие некоторых белков и полипептидов, модификации в структуре и составе нормальных компонентов и, что особенно важно, метод выявляет присутствие новых ингредиентов, например, в случае некоторых онкологических заболеваний — миеломных белков. Так, при первичном раке печени (гепатоме) Г. и его коллеги выявили присутствие в крови больных альфа-фетопротеина, который в обычных случаях встречается в сыворотке зародыша. «Зародышевый компонент» встречался также и у экспериментальных и домашних животных, имевших экспериментально индуцированный рак печени, что свидетельствовало о закономерности данного процесса и позволило использовать его в диагностике первичной гепатомы. Эти данные обеспечили громадный прорыв в иммунологии рака.

Спустя несколько лет Г. предпринял исследование специфических антигенов различных органов и тканей: печени, селезенки, костного мозга, тимуса и др. Им и его коллегами впервые было выявлено отличие лимфоцитов тимуса (тимоцитов) от лимфоцитов другого происхождения, что позволило понять природу происхождения таких сложных иммунологических феноменов как отторжение трансплантата и др.

Большой интерес Г. к познанию механизмов образования иммуноглобулинов, а также физиологической роли т.н. «нормальных» антител и аутоантител привел его к созданию теории «транспортной роли антител»: ученый доказал,

что иммуноглобулины (антитела) служат в обычных условиях транспортерами продуктов физиологического катаболизма, связывая и выводя из организма чужеродные ему вещества, попавшие извне. Появление аутоантител, по Г., обусловлено патологической деградацией и распадом эндогенных веществ, на которые организм отвечает повышенным образованием иммуноглобулинов-транспортеров. Образование аутоантител может происходить и вследствие соматических мутаций, приводящих к образованию чужеродных данному организму белков. Известный французский ученый Ж.Э.Куртуа вспоминал: «Автор оригинального метода Пьер Грабар интуитивно подходил к новым гипотезам, базирующимся на предварительных экспериментальных данных. Как всякий новатор, Грабар постоянно сталкивался с непониманием и умолчанием. В 1953 г. на Международном конгрессе микробиологов, проходившем в Риме, когда он рассказал о существовании аутоантител, это понятие было еще далеко от общепринятых представлений. П.Грабар энергично утверждал свою концепцию. Будущее полностью подтвердило его правоту. Сейчас я с горечью вспоминаю, как упорствовало научное сообщество и трудно было убедить его в правильности своей позиции. Для нынешних же молодых студентов-медиков понятие аутоантител и аутоиммунных болезней такая же классика, как и представления об инфекционных и паразитарных болезнях».

В 1956 по предложению Института Пастера и Европейской патентной конвенции Г. изучал белки пшеницы, ячменя и исследовал состав ячменного пива. При этом он наблюдал изменение качественного и количественного состава белков на разных стадиях развития ячменя, ввел номенклатуру протеинов ячменя и с помощью антисывороток и иммуноэлектрофоретического анализа разработал эталоны белков этого растения для их скриннингового определения. За эту работу Г. был награжден дипломом «honoris causa» в Копенгагене.

В 1960 Г. был предложен пост директора Института по изучению рака в Вильжюифе, функционирующем при Национальном центре научных исследований Франции («Institut de Recherches scientifiques sur le Cancer»). Вплоть до своей отставки в 1966 Г. совмещал исследования в Институте Пастера и работу в Вильжюифе. Как иммунолог и иммунохимик Г. предложил онкологии высокочувствительные и специфические методы диагностики некоторых раковых заболеваний. Он разработал подходы к получению антител, обладающих направленной цитотоксической активностью, с помощью которых можно нейтрализовать опухолевые клетки. Будущее подтвердило большую перспективность его научной программы. Г. был генератором многочисленных идей в иммунологии, поэтому не удивителен его огромный международный престиж. На 1-м международном конгрессе иммунологов, проходившем в США в 1971, он был назван в числе самых выдающихся иммунологов мира. Его монография (совм. с П.Бургеном) «Иммунозлектрофоретический анализ» (L'Analyse Immunoélectrophorétique. Paris, 1960) была переведена на многие языки, в том числе и русский (М., 1963). Г. — основатель Французского общества иммунологов и долгие годы был его президентом.

Г. был удостоен многих наград и премий. Он был кавалером (1954) и офицером (1964) ордена Почетного легиона, командором Академических пальм (1962), почетным доктором Копенгагенского университета (1969); удостоен премии Пастера, премии Никлу (1935), премии Бреана (1944), премии Фонда Янсена (1944), премии Сольса Фрейсина (1958), международной премии по иммунологии им. Э. фон Беринга (1958), медали Клода Бернара Монреальского университета (1967), большого приза Фонда Яффе Института Франции (1968) и др.

В лаборатории Г. в Париже и Вильжюифе работали многие ученые из разных стран мира, в том числе и из России. Г. посещал СССР и высоко ценил дружбу с русскими учеными. В годы засилия лысенковщины, когда общественное мнение во Франции было резко отрицательным к Советскому Союзу и умалялись успехи науки и культуры, Г. публиковал во французских журналах большие обзоры о развитии иммунологии, микробиологии, генетики в СССР, упоминая в них и работы, которые пробивались через антигенетическую цензуру. Этим он старался показать, что в России, несмотря ни на что, живут и работают настоящие ученые. Как и многие русские, живущие во Франции, во время 2-й мировой войны Г. был членом движения Сопротивления.

Последние годы жизни Г. были омрачены смертью жены — Нины Николаевны (урожд. Ивановой, болгарки по происхождению). Г. умер в своей парижской квартире на 88 году жизни. Панихида состоялась в Свято-Александро-Невском соборе Парижа. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Соч.: Hermann et Cie «L'ultrafiltration fractionnée». Paris, 1942; Les Globulines du sérum sangulin (chez Desoer). Liège, 1947.

Лит.: Courtois J.E. Eloge de Pierre Grabar (1898-1986) // Bull. acad. Natl. Med., 1986, vol.170; Краткий миг торжества. О том как делаются научные открытия. М., 1989; Notice sur les Titres et Travaux de Pierre Grabar (unpublished).

Т.Ульянкина

ГРЕЧАНИНОВ Александр Тихонович (13.10.1864, Москва — 4.1.1956, Нью-Йорк) — композитор. Из семьи мелкого торговца. Музыке обучался в Московской консерватории (1881-90; среди педагогов С.Танеев, А.Аренский, В.Сафонов) и в Петербургской консерватории (1890-93, класс композиции Н.Римского-Корсакова). С 1896 жил в Москве. Сотрудничал с Художественным театром (муз. к спектаклям «Царь Федор Иоаннович» и «Смерть Иоанна Грозного» А.Толстого, «Снегурочка» А.Островского). С 1903 — заместитель председателя Музыкально-этнографической комиссии при Московском университете; с того же года — педагог Музыкальной школы сестер Гнесиных.

Г. начал свой творческий путь как один из представителей поздней формации петербургской школы. Дебютировал в Петербурге в 1894 Первой симфонией, написанной под сильным влиянием Римского-Корсакова. В той же стилистике выдержаны его первая опера «Добрыня Никитич», поставленная в Москве Большим театром в 1903 (либретто автора по мотивам русских былин; в гл. партии выступал *Ф.Шаляпин*), Вторая симфония, ранние романсы, хоры и т.д. Продолжением традиций петербургской композиторской школы являлась также многолетняя деятельность Г. по обработке песен разных народов России (русские, украинские, белорусские, татарские, башкирские и т.д.), собранные в экспедициях Музыкально-этнографической комиссии. Со 2-й половины 1890-х Г. обратился к сочинению духовной музыки, составляющей наиболее ценную часть наследия композитора. В русский период своей жизни он, вместе с А.Кастальским, являлся крупнейшим представителем т.н. «нового направления» в духовно-музыкальном творчестве, прежде всего его московской ветви — «школы Синодального училища». Это движение, возродившее русскую духовную музыку после застоя, продолжавшегося почти целое столетие, ставило своей целью, с одной стороны, возвращение к древним и традиционным церковным роспевам, а с другой — современное истолкование этих роспевов (обработка или свободное творчество на основе исконно русского интонационного материала). В своей статье «Несколько слов о «духе» церковных песнопений», опубликованной в газете «Московские ведомости» в 1900 и вызвавшей большую дискуссию в церковно-певческих кругах, Г. писал: «Если музыка точно соответствует содержанию текста, то через это самое она уже будет «в духе»... Иногда бранят церковную музыку, называя ее оперной, но ведь это не упрек, так как в опере можно слышать нередко музыку, весьма подходящую для церкви, например, в «Парсифале» или «Борисе Годунове» или же в «Хованщине», и наоборот, в церквах исполняется зачастую музыка, место которой в каком-нибудь увеселительном заведении». В другом выступлении на ту же тему Г. развивал концепцию церковного искусства как самого демократического, призванного художественно просвещать народ: «Единственное место, где народ и по сие время еще имеет общение с настоящим чистым искусством, есть церковь... Но произойдет развитие народного вкуса только тогда, когда будет изгнана из нашей церкви всякая ремесленность, а вместо нее водворится искусная работа тонких мастеров» (Хоровое и регентское дело, 1909, № 1).

В «русский период» Г. создано: три литургии (из них Третья, «Демественная» — в первой редакции для голоса соло и фортепиано), Всенощное бдение, цикл «Страстная Седмица» и несколько опусов отдельных духовных хоров, среди которых особой известностью пользовались хоры ор. 19 «Воскликните Господеви» и «Волною морскою»: они вошли в репертуар прославленного Синодального хора и многократно исполнялись им в концертах в России и за рубежом. Сенсационный успех имела также часть «Символ веры» из Второй литургии; в частности, на императора Николая II это «Верую» произвело такое впечатление, что автору была назначена пожизненная пенсия, а Придворной капелле было приказано исполнять сочинение за службой каждое воскресенье. В художественном отношении вершиной духовно-музыкального творчества Г. дореволюционного периода является хоровой цикл «Страстная Седмица» — литургическое музыкальное действо на канонические тексты, относящиеся к разным службам предпасхальной недели. Оригинальное сочетание архаического с современным, древних роспевов с утонченным лиризмом, глубоко почвенного колорита с экстатической напряженностью чувств делает «Страстную Седмицу» очень ярким образцом религиозных исканий Серебряного века.

В конце 1900-х — начале 1910-х Г. пережил увлечение модерном, что отразилось в его второй опере, «Сестре Беатрисе» по М.Метерлинку (поставлена в 1912 в Москве Оперой С.Зимина), а также в камерно-инструментальных сочинениях и вокальных циклах на стихи Ш.Бодлера и русских поэтов-символистов. В 1910-х Г. пришел к идее нового типа духовной музыки на церковно-славянские тексты для голоса соло и хора с инструментами. Как известно, введение интрументов в церковную службу православной традицией строго запрещено. Таким образом, речь шла о жанре концертной духовной музыки, хотя одно время композитор допускал возможность исполнения таких сочи-

нений за службой и даже выступал с подобным предложением на заседаниях Церковного Собора 1917-18. В дореволюционный период в этом жанре Г. созданы: кантата «Хвалите Бога» (1915, 2-я ред. — 1932), концертная ария для альта с оркестром «Благослови, душе моя, Господа», полиелей «Хвалите имя Господне» для альта, струнного оркестра, арфы и органа и «Демественная литургия» (1917, 2-я ред. с хором — 1926; из этой редакции наиболее известна часть «Сугубая ектения», записанная на пластинку Шаляпиным).

Г. сначала восторженно принял революцию 1905 (сочинил «Похоронный марш» памяти Н.Баумана), а потом Февральскую революцию (совм. с *К.Бальмонтом* сочинил пользовавшийся некоторой популярностью «Гимн Свободной России»). В первые послереволюционные годы он пытался зарабатывать на жизнь концертами-лекциями, преподаванием и т.д. С помощью друзей ему удалось в 1922 совершить концертную поездку в Лондон, где он получил предложение гастролей по Европе с певицей Т.Макухиной. В 1925 в возрасте 60 лет Г. покинул Россию. До 1939 жил в Париже, с 1940 — в Нью-Йорке.

За рубежом он вел активную творческую жизнь: много и успешно сочинял в разных жанрах, преподавал игру на фортепиано и пение (в основном давал частные уроки, сотрудничал также с парижской Русской консерваторией), работал по заказам западных и русских зарубежных издательств (особенно в области музыки для детей), сохранял связи с концертными организациями и издательствами в СССР. Наиболее эффективным средством заработка стали для него концертные поездки в США, которые начались с 1929, по предложению известной русской певицы *Н.Кошиц*. В зарубежный период Г. были созданы две симфонии (Четвертая и Пятая), несколько сонат для разных инструментов, Второе трио, масса фортепианной музыки для обучающихся, духовные и светские хоры, а также опера «Женитьба» по Н.Гоголю (не редакция незаконченного одноименного сочинения М.Мусоргского, как часто полагают, а вполне самостоятельное произведение).

Наибольшую известность, особенно в США, принесла Г. его духовная музыка. Сочинения композитора дореволюционного периода входили в репертуар популярных хоровых коллективов русского зарубежья. В 1930-е — 1940-е им были созданы: монументальная Missa oecumenica («Вселенская месса») для солистов, хора, оркестра и органа, 4 малые мессы для хора с органом, 6 мотетов для того же состава — все на латинские тексты; диптих псалмов Давидовых на древнееврейские тексты; Четвертая литургия для хора a cappella по мотивам православного обихода и ряд опусов церковных песнопений на церковно-славянские, латинские и английские тексты. Все эти произведения исполнялись во Франции и США; в частности, премьера «Вселенской мессы» состоялась в Бостоне под управлением *С.Кусевицкого*, премьера одной из малых месс — в парижском соборе Notre Dame. С успехом прошла в США и премьера Пятой симфонии под управлением Л.Стоковского.

В России духовная музыка Г. зарубежного периода, как и др. его произведения, не была известна вплоть до последних лет, хотя она представляет собой весьма любопытный образец «музыкального экуменизма» — сочетание русских церковных мотивов с католическими формами мессы и мотета и даже с формами синагогального пения (в диптихе псалмов). В 1943 возобновились прерванные во 2-й половине 1930-х связи Г. с Россией: в 1943 он передал в Москву через советское посольство в Нью-Йорке свою поэму для хора и оркестра «К Победе», осенью 1944 в Москве состоялись концерты в честь 80-летия композитора, в послевоенные годы некоторые произведения Г. были изданы в СССР, исполнялись по радио и т.д. В эти же годы композитор закончил и издал на свои средства автобиографию — книгу «Моя жизнь» (Нью-Йорк, 1951, на рус. яз.).

Г. скончался в возрасте 91 года. Его архив передан в Архив литературы и искусства (РГАЛИ), где он хранится вместе с частью дореволюционных материалов композитора; другая часть архива — в Музее музыкальной культуры им. М.Глинки.

Лит.: Александров Ю.А. А.Т.Гречанинов. Нотно-библиографич. справочник. М., 1978.

М.Рахманова

ГРЖЕБИН Зиновий Исаевич (июль 1877, Чугуев, Харьковской губ. — 4.2.1929, Ванве, близ Парижа) — художник-график, издатель. Окончил в 1899 Харьковское художественное училище, учился в школе Ш.Холлоши в Мюнхене (вместе с *М.Добужинским* и И.Грабарем), затем в Париже (до 1905). В Мюнхене познакомился с немецкими художниками-карикатуристами, группировавшимися вокруг запрещенного к распространению в России сатирического журнала «Симплициссимус» — Т.Гейне, Б.Паулем, Р.Вильке и др. Вернувшись в Россию, предложил в марте 1905 художникам «Мира искусства», а в июне М.Горькому и др. писателям круга «Знания» издавать подобный же русский журнал, который будет, как писал Г., иметь «большое культурное значение для жиз-

ни обновленной России» и принесет «как жизни, так и искусству большую пользу». В декабре 1905 — январе 1906 их силами были изданы 3 номера журнала «художественной сатиры» «Жупел»; среди рисунков первого номера выделялась пародия Г. на российский герб и одновременно карикатура на Николая II «Орел-оборотень, или политика внешняя и внутренняя». За «дерзостное неуважение к верховной власти» Г. как редактор был арестован и приговорен к одному году тюрьмы; 2-й и 3-й номера подлежали «полному истреблению». Карикатуры Г. на высших сановников были опубликованы также в журнале «Адская почта», выходившем с весны 1906 вместо «Жупела». Сотрудничество в сатирических журналах 1905-6 положило начало многолетним дружеским отношениям Г. с Горьким. Предполагая издавать новый журнал, Г. писал Горькому: «Я имею теперь такие превосходные рисунки Серова, Добужинского, Кардовского, Чехонина, Кустодиева, Билибина и др. — действительно живые, убедительные, остроумные и художественные, что ни на минуту не сомневаюсь, что дело наше здоровое, что таланты еще не перевелись». Не был реализован замысел Г. — создание театра политической сатиры под руководством В.Мейерхольда. В дальнейшем Г. посвятил себя целиком издательской деятельности. Один из учредителей и руководитель издательства «Шиповник», выпускавшего одноименные литературно-художественные альманахи (1907-16), издавал «Северные сборники» (произведения скандинавских писателей, 1907-11), «Сборники литературы и искусства», «Историко-революционный альманах» (1908), работы теоретиков социализма, уделяя особое внимание художественному облику книг. Г. фактически руководил издательством «Пантеон» (1907-12), которое специализировалось на издании новых переводов лучших произведений мировой литературы. С конца 1916 сотрудничал в издательстве «Парус», основанном в 1915 Горьким, в частности, подготовил сборник для детей «Ёлка» (1918).

После Февральской революции *А.Бенуа* включил Г. в список деятелей культуры, участие которых было, по его мнению, желательно в проектировавшемся тогда министерстве изящных искусств. Продолжая сотрудничество с Горьким, Г. заведовал в 1917-18 конторой газеты «Новая жизнь»; организовал в августе 1918 вместе с Горьким, А.Тихоновым и И.Ладыжниковым издательство «Всемирная литература», возглавив его производственно-издательский отдел, а в мае 1919 — собственное издательство, председателем редакционного совета которого стал Горький, разработавший вместе с виднейшими учеными и писателями грандиозную по своей универсальности программу издательства. Ряд проектов издательство Г. унаследовало от «Всемирной литературы», в том числе план издания серии «Избранные произведения русских писателей XIX в.» («сто лучших русских книг») — «для школ и общего рынка». Издательство ориентировалось на читателей, «стоящих на самых различных ступенях развития, начиная от малограмотных и кончая получившими высшее образование». «Вкус у этого толстяка — тонкий, нюх — безошибочный, а энергия — как у маньяка. Сколько я помню его, он всегда влюблялся в какую-нибудь одну идею — и отдавал всего себя», — записал в марте 1919 в дневнике К.Чуковский, знавший Г. с 1905; в другой записи (март 1921) он назвал Г. «большим и даровитым человеком». Противоположная тональность отзывов о Г. в дневниках *З.Гиппиус* («прохвост», разбогатевший благодаря покровительству большевиков) определялась враждебностью ее к Горькому; эти отзывы А.Блок считал «скверными анекдотами». В свою очередь, большевики, видевшие в издательских планах Г. угрозу своей идеологической монополии, обвинили его в коммерческом авантюризме и использовании в корыстных целях имен Горького и А.Луначарского. Резкую критику на страницах «Правды» (нояб. 1919) встретило намерение Г. опубликовать в серии «Летопись революции: библиотека мемуаров» воспоминаний не только большевиков, но и представителей враждебных большевизму политических сил (в Петрограде удалось выпустить единственную книгу из этой серии — «Великий переворот» Луначарского). Договор Г. с Госиздатом (янв. 1920) предусматривал издание за границей для распространения в России русских классиков, научно-просветительской и педагогической литературы. В декабре Г. сообщил Луначарскому, что доставит в Москву, помимо книг, около трех вагонов всевозможных учебных пособий; «смею думать, — писал Г., — что мною сделано не только все, что можно было сделать в тех неимоверно тяжелых и ненормальных условиях, в какие я был поставлен, но и гораздо больше». Однако в отсутствие Г. усилились нападки на его издательство как на «идеологически чуждое» (В.Невский) и даже «контрреволюционное» (Ленин), а когда в феврале 1921 Г. вернулся из-за границы, его обвинили в переплате иностранным фирмам и в том, что он не привез заказанные книги. В действительности, как отметил Чуковский, Г. «доконали большевики»: отказавшись взять уже напечатанное (в долг и на личные средства), они резко осложнили финансовое положение издательства. 3.10.1921 Политбюро ЦК РКП(б) разрешило Г. уехать с семьей за границу.

В Берлине он продолжал издательскую деятельность; публиковал работы как эмигрантов, так и авторов, живших в России, часть книг издавалась по заказу торгпредства РСФСР в Берлине. Среди зарубежных русских издательств начала 20-х издательство Г. занимало первое место по количеству, разнообразию и уровню выпускаемых книг, по качеству их оформления; с мая 1922 по октябрь 1923 было издано 225 названий. Наряду с классиками, Г. издавал современных поэтов, в том числе Б.Пастернака («Сестра моя жизнь»), Н.Гумилева, *В.Ходасевича*, *Г.Иванова*, *М.Цветаеву*, *П.Потемкина*, прозаиков — *Е.Замятина*, *А.Н.Толстого*, Горького, Б.Пильняка, *Б.Зайцева*, А.Чапыгина, *А.Ремизова*, А.Белого с иллюстрациями Добужинского, *Ю.Анненкова*, В.Конашевича и др.; книги по искусству *П.Муратова*, *С.Маковского*, книгу воспоминаний о *Л.Андрееве*, серию «Жизнь замечательных людей». В числе научных изданий 5-томный курс физики О.Хвольсона, книга А.Богданова «Тектология», работы историков О.Добиаш-Рождественской, С.Лурье. В серии «Летопись революции» были выпущены в 1922-23 под редакцией *Б.Николаевского* воспоминания Н.Суханова, С.Мстиславского, *Ю.Мартова*, *В.Чернова*, Г.Покровского, М.Маргулиеса, Н.Русанова, П.Аксельрода и др. политических деятелей. Было предпринято издание исторического журнала под тем же названием; в редакцию вошли меньшевистские и эсеровские лидеры-эмигранты, а также Горький, который, однако, после критики эсерами его брошюры «О русском крестьянстве» отказался от участия в журнале, не желая, как писал он Г., «повредить делу «Летописи» — очень ценному». В письме В.Могилевскому (февр. 1923) Г. так излагал свое credo: «О моем издательстве много чепухи писали. Но судить нужно по моим делам... Я готов печатать от Ленина до Шульгина и еще правее, если это будет талантливо и правдиво (вернее, искренно)... Я совершенно независим и печатаю то, что нахожу нужным. Я не могу оторваться от России, хочу, чтобы мои книги попали в Россию...» Однако запрещение ввозить в Советскую Россию книги, изданные за границей, и расторжение берлинским торгпредством договора привело Г. к разорению.

После финансового краха издательства он переехал в конце 1923 с семьей в Париж, все еще надеясь, по свидетельству *Н.Берберовой*, что напечатанные и подготовленные к изданию книги будут допущены в СССР (в частности, безуспешно предлагал Госиздату осуществить издание энциклопедического словаря под редакцией В.Водовозова); продолжал переписываться с писателями и художниками, снова выезжал в Берлин. В феврале 1924 «Русская газета» — парижский рупор правых кругов эмиграции — опубликовала статью с обвинениями Г. в шпионаже в пользу большевиков. В защиту Г. от клеветы выступило правление Союза русских издателей и книгопродавцев в Германии, газета «Последние новости», *М.Осоргин*. «Я знаю, многие за меня», — писал Г. Горькому. «Что можно было бы сделать, если бы не мешали!» — восклицал он в другом письме. В последние годы жизни Г. крайне нуждался, был выселен из парижской квартиры; избежать высылки из Франции за неуплату налога удалось лишь благодаря материальной поддержке Горького, несмотря на охлаждение с 1928 их отношений. Умер Г. скоропостижно, от разрыва сердца. Добужинский писал после его смерти, что «остался в памяти необыкновенно добрый и отзывчивой души человек и фантастически пламенный и «неисправимый» энтузиаст. Он был истинным «поэтом дела», ...наделен был талантом заражать своим собственным, всегда искренним горением».

Лит.: Каталог издательства З.И.Гржебина. С предисл. М.Горького. Пг.-Берлин, 1921; Каталог книг, вышедших вне России по июнь 1924 г. Берлин, 1924; Карасик З.М. М.Горький и сатирические журналы «Жупел» и «Адская почта» / М.Горький в эпоху революции 1905-1907 годов. М., 1957; Хлебников Л.М. Из истории горьковских издательств «Всемирная литература» и «Издательство З.И.Гржебина» / Литературное наследство, т. 80. М., 1971; Гржебина Е. З.И.Гржебин — издатель, т. 1. Solanus, 1987; Добужинский М.В. Воспоминания. М., 1987; Чуковский К. Дневник 1901-1929. М., 1991; Евреи в культуре рус. зарубежья, вып. 1. Иерусалим, 1992.

И.Розенталь

ГРИГОРАШВИЛИ Михаил Леонтьевич (6.2.1888, Дербент — 1953 (?), Трентон, шт. Нью-Джерси, США) — авиационный конструктор. Родился в семье учителя городского училища. По окончании гимназии в Петербурге поступил в 1906 в столичный Институт инженеров путей сообщения (ИИПС). С самого начала учебы в институте заинтересовался авиацией и был одним из организаторов студенческого воздухоплавательного кружка, редактором журнала «Аэромобиль». Учителями Г. в области теории и практики авиации и воздухоплавания были Н.Рынин и М.Заустинский (с 1917 в эмиграции). Вместе с ними Г. участвовал в 1908 в организации Императорского Всероссийского аэроклуба (ИВАК). В Аэроклубе Г. познакомился со многими пионерами российской авиации, в том числе с С.Щетининым и В.Лебедевым. В самолетостроительных мастерских Щетинина Г. вместе с др. столичными энтузиастами авиации построил в 1910 самолет «Россия Б», ставший первым отечественным се-

рийным монопланом. Лебедев был его первым летным инструктором. Для совершенствования навыков пилотирования Г. был направлен Аэроклубом во Францию в летную школу Пишофа, где в июле 1911 получил пилотское «бреве» № 577 и стал одним из первых российских летчиков.

По возвращении в Россию Г. получил должность инструктора в летной школе ИВАК и совершил ряд удачных показательных полетов в городах Прибалтики, Сибири и Украины. Во время одного из полетов потерпел аварию и вернулся в Петербург для продолжения учебы. Г. принимал активное участие в организации в ИИПС авиационной специализации и аэродинамической лаборатории. В начале 1913 он первым из студентов института защитил диплом по авиационной специальности. Будучи еще студентом, Г. поступил на службу в управление железных дорог министерства путей сообщения инженером по новым работам Юго-Западных дорог. За свою деятельность был награжден памятной медалью 300-летия дома Романовых. При этом он не разрывал своих отношений с воздухоплавательным кружком и аэродинамической лабораторией ИИПС, где вел фундаментальные исследования по воздушным винтам, сотрудничал с авиаконструктором А.Пороховщиковым, был испытателем его самолета оригинальной конструкции.

С началом 1-й мировой войны Г. недолгое время работал инженером на самолетостроительном заводе Щетинина, а летом 1915 стал главным конструктором известной петроградской фирмы «Мельцер», новый хозяин которой Р.Мельцер планировал развернуть на ней серийное авиационное производство. Построенные Г. воздушные винты собственной системы «Г» были испытаны на самолетах российского военно-воздушного флота и оказались по своим характеристикам лучше новейших зарубежных образцов. Их крупносерийное производство было развернуто на заводе «Мельцер», который стал к началу 1917 ведущим предприятием промышленности по выпуску воздушных винтов. Во многом благодаря усилиям Г. российская авиация в годы 1-й мировой войны не испытывала недостатка в этом виде продукции. Сам инженер последние два года войны одновременно с работой на заводе «Мельцер» служил зауряд-офицером в ополченческой «Автомобильно-авиационной дружине».

После большевистской революции Г. некоторое время пытался сотрудничать с новой властью, но вскоре был вынужден покинуть Петроград. Он перебрался в Тифлис, где работал инженером по строительству и эксплуатации дорог в министерстве путей сообщения независимой Грузии. С приходом в Закавказье большевиков эмигрировал в США.

В 1921 Г. работал конструктором на небольшом авиационном заводе «Gallandet Aircraft» в штате Род-Айленд, но вскоре перебрался в один из центров американской авиации Дейтон (шт. Огайо) на предприятие «Dayton Wright». В США он сменил свою фамилию на более удобную для американского уха — Грегор. В 1923 Г. стал конструктором крупнейшей в Америке авиационной фирмы «Curtiss-Wright», располагавшейся в Гарден-Сити на Лонг-Айленде, где принял участие в разработке целого семейства боевых скоростных самолетов. В 1926 он принял американское гражданство, а еще через два года стал главным конструктором и одним из основателей авиационной фирмы «Bird Aircraft», где создал ряд очень удачных многоцелевых коммерческих самолетов, пользовавшихся большим успехом. Однако фирма «Bird» пала одной из жертв великого кризиса, и Г. в 1932 принял предложение своего старого петроградского знакомого, летчика и инженера *А.Прокофьева-Северского*, занять место заместителя главного конструктора в новой фирме «Seversky Aircraft».

Г. принял самое непосредственное участие в разработке самолетов SEV-1, SEV-2, SEV-3 и их модификаций. К сожалению, отношения между двумя пионерами русской и американской авиации не сложились, и Г. покинул предприятие Северского, основав в 1934 на Лонг-Айленде свою собственную фирму «Gregor Aircraft». Фирма построила оригинальный легкий самолет GR-1, но заказы были небольшими, и через два года Г. по приглашению канадской фирмы «Car and Foundry» переехал вместе с женой Ли Кларк в Форт Уилльям в провинции Онтарио. Руководство известной фирмы по производству железнодорожной техники собиралось наладить там разработку и серийный выпуск самолетов; оно предоставило Г. возможность реализовать проект своего истребителя. Кроме того, ему пришлось достраивать и ранее начатый тренировочный самолет «Maple Leaf», а также заниматься налаживанием серийного производства самолетов по американским лицензиям. Таким образом, Г. стал одним из основателей канадской авиационной промышленности.

Истребитель-бомбардировщик «Car and Foundry» FDB-1 конструкции Г. был построен в конце 1938. Он был одним из лучших в мире истребителей-бипланов, однако время самолетов такой схемы уже прошло, в серийное производство аппарат не пошел. Первые годы 2-й мировой войны Г. работал главным конструктором небольшой субподрядной фирмы «Danbar Manufacturing» в штате Индиана и продолжал

консультировать канадскую авиапромышленность. В 1944 по приглашению *М.Струкова* он занял должность заместителя главного конструктора в новой фирме «Chase Aircraft». Возглавляемая Струковым фирма построила в 40-е — 50-е ряд очень удачных десантно-транспортных планеров и самолетов, послуживших основой для разработки в США концепции десантно-штурмовой операции. В 1953, с разделением фирмы на «Chase» и «Strukov Aircraft», Г. остался в первой, вышел на пенсию и вскоре скончался.

Лит.: Lewis P. Canadian Car & Foundry Gregor FDB-1 // Air Pictorial, 1972, № 12.

Арх.: Арх. Нац. Аэрокосмич. музея США.

В.Михеев

ГРИГОРЬЕВ Борис Дмитриевич (11.7.1886, Москва — 8.2.1939, Кань-сюр-Мер, Франция) — живописец, график. Сын Дмитрия Васильевича Г., в 1898-1907 управляющего Рыбинским отделением Волжско-Камского банка, и потомственной почетной гражданки Клары Ивановны Линдерберг, дочери капитана-мореплавателя. Детские и юношеские годы Г. прошли в Рыбинске. Окончив в 1899 гимназию, он поступил в Московскую практическую академию коммерческих наук, в 1903 — в Строгановское училище (с 1905 — в мастерской Д.Щербиновского). В 1907-13 вольнослушатель на живописном отделении Высшего художественного училища при Академии художеств, учился у А.Киселева, Д.Кардовского, Н.Дубовского.

В 1908-9 Г. сблизился с членами группы «Треугольник», руководимой Н.Кульбиным, участвовал в их выставке «Импрессионисты» (1909), познакомился с представителями литературного и художественного авангарда В.Каменским, *Д.Бурлюком, Н.Евреиновым*, В.Хлебниковым и др., но был далек от их радикализма. Художественное видение Г. отмечено в это время соединением разных тенденций. В 1909 совершил поезду в Швецию и Норвегию, в 1911 — в Австрию. Писал акварелью, гуашью, темперой, маслом пейзажи («Субботний звон», 1908; «Лесная сказка», 1911-12; «В горах» и «Лесной пейзаж», 1911), сюжетные композиции на темы провинциального и усадебного быта («Отдых», 1911; «Провинция», «Приезжие господа в деревне», «Вечерние мечты», «Соседки (Тургеневское время)», 1912; «Старая усадьба», 1913), интерпретировал характерные для искусства модерна мотивы маскарада, прогулок, купаний, детских игр («Маскарад», «Свадьба Пьеро», «Прогулка», «Купальщицы», 1913; «Баловни», «У дедушки в гостях», 1911), иллюстрировал произведения В.Каменского («Землянка», 1911; СПб., 1912), А.Пушкина («Дубровский», 1912), И.Тургенева («Вешние воды», 1912). По заказу мецената, библиофила и этнографа А.Бурцева им были выполнены иллюстрации к «Святочным гаданиям» (1910), «Сказке о трех королевичах» (1910), народным песням (1911, 1912-13), народному календарю и народным присловиям (1911). Стилистически они близки мирискуснической графике с ее культом декоративной орнаментальности и линейной стилизации, но в них большая экспрессивность, склонность к утрировке образов, гротескным деформациям. В 1909-12 Г. участвовал в отчетных выставках в Академии художеств, в 1912-13 — в выставках петербургского объединения художников «Товарищество независимых». С 1911 рисунки Г. публиковал «Сатирикон». В 1912 был издан роман Г. «Юные лучи» (под псевд. Борис Гри).

В 1913 Г. провел 4 месяца в Париже, где посещал занятия в академии Гранд Шомьер и собирал материал для конкурсной картины на звание художника в Академии художеств. Создал несколько тысяч рисунков, набросков, этюдов, эскизов на темы парижской повседневности. Париж сформировал Г. как виртуозного рисовальщика, свободно владевшего всем спектром выразительных возможностей линии. Парижские рисунки получили в России восторженные отзывы ведущих критиков, особенно после экспонирования их на выставках в конце 1913 в Художественном бюро Н.Добычиной и «Мира искусства». Однако Совет Академии художеств постановил в ноябре 1913 «не числить в списках» Г., т.к. он попросил годовой отсрочки для написания конкурсной картины.

В 1914 Г. посетил Италию, Грецию, Венгрию, Швейцарию, Францию. По возвращении сотрудничал в петербургских журналах «Новый Сатирикон», «Лукоморье», «Солнце России», его произведения воспроизводили «Столица и усадьба», «Аполлон». В 1915 «Аполлон» опубликовал статью Н.Пунина «Рисунки Бориса Григорьева» (№ 8-10). В 1914-18 Г. постоянный экспонент выставок «Мира искусства», с 1917 — его член. Парижские рисунки, акварели, гуаши 1913-14, рисунки для «Нового Сатирикона» легли в основу цикла «Intimité» (1918, издан книгой с одноименным названием в Петрограде в 1918 с текстом В.Дмитриева и В.Воинова), в цикл вошли также работы 1916-18 из серий «История одной девушки», «Париж» и близкие им по тематике работы, изображающие быт цирковых артисток, кафешантанных певиц, проституток. Обобщало цикл монументальное полотно «Улица блондинок» (масло, 1917). В 1916 Г. расписал интерьеры литера-

турно-художественного кабаре «Привал комедиантов» (зал «Таверна»), участвовал в проводимых там вечерах как художник (оформление постановки гротеска К.Гибшмана и *П.Потемкина* «Black and White», 1916) и поэт.

Работа с середины 1910-х в жанре портрета окончательно определила стилистическую манеру Г. От декоративности, плоскостности, орнаментальности раннего периода творчества («Портрет г-жи Т.Ж.», 1912; «Портрет артистки А.И.Аленниковой», 1914) через несколько рыхлую пластику «семейных» портретов 1915 («Мать», «Детство», «Портрет жены») он идет к большей конструктивности формы, построенности и чеканности ее в портретах 1916-18 (А.Коровин, М.Шерлинг, *Б.Шлёцер*, автопортрет «L'étranger», масло, 1916; *М.Добужинский*, масло, 1917; *Ф.Шаляпин*, масло, 1918). Концептуальное значение имел портрет В.Мейерхольда (масло, 1916), концентрировавший гротескные черты искусства Г. и ставший своеобразным символом эпохи, запечатлевшим, по словам В.Воинова, «гримасы современного духа..., какой-то надлом его, заставивший кошмарам русской действительности предпочесть кошмары «балаганчика». Будучи человеком чрезвычайно импульсивным, порой экстравагантным, в котором «преданность искусству доходила до фанатического, обжигающего пламенения» *(А.Бенуа)*, Г. интересовался людьми необыкновенными. Среди его моделей — А.Бурцев (1914), поэты В.Хлебников (карандаш, 1915; 1916), В.Каменский (карандаш, 1916), Н.Клюев (масло, 1918), художники — И.Репин (карандаш, 1915), *С.Судейкин* (карандаш, 1916), Б.Кустодиев (масло, 1917), *Н.Рерих* (темпера, 1917) и др. Писал Г. и заказные портреты: С.Молло и его жены А.Молло, М.Ясной (масло, 1917) и др.

В 1917-18 Г. работал над посвященным русской деревне циклом «Расея»; в первоначальном варианте, опубликованном в 1918 в Петрограде, 9 картин и 60 рисунков, закончен цикл в начале 1920-х за рубежом. Среди живописных произведений «Расеи»: «Снопы», «Подсолнухи», «Старуха молочница», «Девочка с бидоном», «Расея» (1917), «Олонецкий дед», «Земля народная» (1918) и др. Появление «Расеи» на выставках «Мира искусства» в 1917 и 1918, на 1-й государственной свободной выставке (Петроград, 1919) поразило современников непривычно жесткой, трагичной трактовкой образов; критики увидели в «Расее» «звериность» и одновременно «монументальность» (П.Щеголев), «детскость» и «почти всеобъемлющую искренность» (А.Бенуа), «идилличность» (правда, все же на вулкане) *(А.Левинсон)*, лишь один из ликов России — «корявый, убогий и печальный» (Б.Шлёцер). В 1918 Г. много работал в области книжной иллюстрации (рисунки к «Графу Нулину» и «Домику в Коломне» А.Пушкина, к «Опасному соседу» В.Пушкина), сотрудничал в журнале «Пламя», участвовал в оформлении Петрограда к 1-й годовщине Октября (эскизы декорации Английской набережной на темы поэзии Уолта Уитмена). В 1919 преподавал в Свободных художественных мастерских (быв. Строгановское училище), выполнил серию эскизов костюмов и декораций для неосуществленной постановки в Большом театре оперы Н.Римского-Корсакова «Снегурочка».

Поздней осенью 1919 покинул Петроград и через Финляндию перебрался в Берлин, где сразу принял участие в выставке Берлинского Сецессиона. В начале 1920 открыл персональную выставку в галерее Неймана в Берлине. Публиковал статьи в русских эмигрантских журналах «Жизнь» и «Русский эмигрант». В берлинских издательствах — русских («Слово», «Петрополис») и немецких («Орхис») — были изданы книги с его иллюстрациями: в 1921 — «Детский остров» *Саши Черного*; «Russische Erotik» (портфолио, 12 рисунков); несколько дополненный вариант «Расеи» (на нем. яз.: Rasseja. Text P.Barchan, O.Bie, B.Grigoriew); в 1922 — «Расея» (с текстом *А.Толстого*, А.Шайкевича, А.Бенуа и Г.); в 1923 — «Первая любовь» И.Тургенева (на нем. яз.), «Тетушка Анфиса Порфирьевна» М.Салтыкова-Щедрина (на рус. и нем. яз. и портфолио); в 1924 — «Boui-Boui au bord de la mer»; «Boui-boui».

С 1920 жил в Париже, участвовал в возрождении общества «Мир искусства» и в его выставках 1921 и 1927. С 1921 — член Осеннего салона. В 1922-23 создал серию портретов (карандаш, акварель, масло) гастролировавших в Париже актеров МХАТ: В.Качалова, В.Лужского, И.Москвина, К.Станиславского, Н.Александрова, О.Книппер-Чеховой и др. («Visages de Russie», Париж, 1923; «Faces of Russia», Лондон, 1924). Одновременно работал над нормандским и бретонским циклами, в которые вошли пейзажи, натюрморты и портреты-типы рыбаков, стариков, детей, написанные в неоклассической манере, где чувствуется влияние ранненидерландской живописи. Среди произведений бретонского цикла — «Бретонские крестьяне», «Бретонские волынщики», «Мать Агата», пейзажи Порт-Авена и Конкарно, «Старуха бретонка», «Бретонская женщина из Пэмпола» и др., написанные летом 1924 и показанные на персональной выставке Г. в Нью-Йорке.

В конце 1923 Г. впервые приехал в США по приглашению критика К.Бринтона. До 1926 ежегодно проводил зимы в Нью-Йорке и Фло-

риде, устраивал персональные выставки в нью-йоркской «New Gallery», приобрел популярность как портретист. Наиболее значительные из портретов запечатлели деятелей отечественной культуры Ф.Шаляпина (1922-23), С.Есенина (1923), *Л.Шестова* (1920-21), *А.Ремизова* (1924), Горького (1926) и его сноху Н.Пешкову (1926), *С.Рахманинова* (1931), Евреинова (1934), *С.Коненкова* (1935).

Во 2-й половине 1920-х в творчестве Г. произошел перелом, о котором он писал так: «В настоящее время я окончательно расстаюсь с заполонившими раньше мою душу «расейскими образами». Я иду теперь в царство чистой живописи, всеми силами стараясь овладеть тем совершенством формы, без которой не может быть истинного искусства. На вершинах его уже нет национальности в ее тесном смысле... Здесь царство искреннего чувства. Здесь форма, теряя всю свою сложность и частую надуманность, ...так же проста и серьезна, как само чувство. Только здесь я лично начинаю обретать для себя радость полного собой творчества». К «чистой живописи» художник обращается в пейзажах и натюрмортах, извлекая из любого неприхотливого мотива богатство фактурных и колористических нюансов. Определенную роль в этом процессе имело влияние французской живописной традиции.

В 1927 Г. приобрел участок земли в Кань-сюр-Мер (Прованс), где жили также в разное время О.Ренуар, А.Модильяни, *Х.Сутин*, и поселился на вилле «Борисела», но, по словам жены Г., он всегда был «непоседой, любил путешествовать и всегда жадно стремился все дальше и видеть новое». В 1927 был приглашен правительством Чили преподавать в Академии художеств в Сантьяго, дал 37 уроков, но, досрочно расторгнув контракт в начале 1929, отправился с женой и сыном в путешествие по Южной Америке (Аргентина, Бразилия, Эквадор, Уругвай, 1929). Показал гуаши и рисунки латиноамериканского цикла на персональной выставке в парижской галерее Колетт (1930), картину-ширму «Лики мира» (1920-31) — на Осеннем салоне (1930). Иллюстрировал «Детство» М.Горького (1931), «Братьев Карамазовых» Ф.Достоевского (60 рисунков; экспонировались на персональной выставке в Нью-Йорке в 1933).

С 1930 преподавал в Париже в Русской академии, организованной Т.Сухотиной-Толстой, затем открыл частную школу живописи и рисунка. В 1935 получил приглашение возглавить факультет в Академии прикладных искусств в Нью-Йорке, там же провел свою ретроспективную выставку. Работал для американских модных журналов, таких как «Harper's Bazaar». В 1936 совершил второе большое путешествие по странам Латинской Америки (Чили, Бразилия, Колумбия, Эквадор, Перу, Куба); возвратился во Францию с циклом гуашей (300 листов), показанных в галерее Шарпантье (1937), а затем на последней прижизненной выставке в Нью-Йорке (1938). Они покорили А.Бенуа своей «чудодейственной виртуозностью» и «острой красочностью», а критик газеты «Новое русское слово» назвал их «миражами», «сказками, созданными фантазией детей в их наивной и безудержной праздничности».

В последние годы Г. работал, как никогда, интенсивно — до полного физического изнеможения и нервного истощения. «Автопортрет» (масло, 1938) зафиксировал сложное психологическое состояние автора. В 1938 Г. тяжело заболел, перенес сложную операцию в связи с раком. Умер в своем доме в Кань-сюр-Мер; похоронен на местном кладбище.

Персональные выставки Г. проходили в Берлине (1920); Париже (1921, 1925, 1928, 1930, 1937); Нью-Йорке (1923, 1924, 1925, 1933, 1934, 1935, 1938); Ворчестере (1923, 1924); Милане и Праге (1926); Чикаго и Филадельфии (1927); Сантьяго (1928); Буэнос-Айресе и Монтевидео (1929); Кань-сюр-Мер (1940, 1979); Майями (1960). Он был участником крупнейших международных выставок: печатного дела (Лейпциг, 1914); выставок в Венеции (1920, 1926); Парижского Осеннего салона (1921, 1922, 1923, 1930, 1931); выставки в Бруклинском музее в Нью-Йорке (1923); русского искусства в Нью-Йорке (1924); выставок в Дрездене (1926); в Брюсселе (1928); в Бирмингеме (1928); выставок института Карнеги (1928, 1932); русского искусства в Париже (1932); выставок в Филадельфии (1932); в Праге (1932, 1935) и др.

Произведения Г. находятся в собраниях Третьяковской галереи и Музея изобразительных искусств им. А.Пушкина, в Музее им. А.Бахрушина, Музее Большого театра в Москве, в Русском музее, Музее-квартире И.Бродского в Петербурге, в Музее русского искусства в Киеве, Новосибирской областной картинной галерее, Псковском историко-архитектурном музее-заповеднике, во многих крупнейших музеях мира, в частных собраниях.

Соч.: Наброски на песке (Воспоминания) // Colour and Rhyme, 1951, № 23; Из дневника / Горький и художники. М., 1964; Письма. Публ. Р.Антиповой; вступ. ст. В.Сапогова // Наше наследие, 1990, № 4.

Лит.: Маковский С. Силуэты русских художников. Прага, 1922; Радлов Н.Э. От Репина до Григорьева. Пг., 1923; Галеева Т. Борис Григорьев // Иск-во, 1986, № 10; Ее же. Рисунки Бориса Григорьева // Сов. графика, 1986, № 10; Ее же. Борис Григорьев. М., 1995; Stommels S.-H. Boris Dmitrevich Grigoriev. A Biography. Nymegen, 1993.

Т.Галеева

ГРИГОРЬЕВ Михаил Петрович (1899, Мерв, Закаспийской обл. — 16.7.1943, Дайрен, Китай) — педагог, востоковед, переводчик. В 1918 окончил гимназию в Чите и поступил в Читинское военное училище на артиллерийское отделение; одновременно учился на курсах японского языка. По окончании училища весной 1920 в чине подпоручика был прикомандирован к японской военной миссии; вместе с ней уехал в том же году в Японию. Жил в Токио, женился на японке, имел от нее двух дочерей; они были православными, но по-русски немного говорила только жена; уклад семьи был японским. С 1921 по 1930 преподавал русский язык в генеральном штабе, с 1928 работал также переводчиком в правлении нефтяной компании «Кита Карафуто» («Северный Сахалин»). Еще в гимназии увлекся музыкой, играл в балалаечном, а затем организованном им «салонном» оркестре. В Японии игра на виолончели и дирижирование в кино стали для него одним из источников существования; узнав об этом, *В.Бубнова* «невольно подумала о приспособляемости русского человека к исключительным обстоятельствам жизни». «Это был, — вспоминала Бубнова, — человек жадный до культуры и высших интересов... Свежесть его восприятия и его впечатлительность, его благоговение к вопросам культуры и к тем, кто казался ему ее носителями, — все говорило о том, что этот человек своей головой и в поте лица добивался и добился приобщения к интеллектуальной жизни. То же для меня выражало и его лицо: в нем было много от нервного и утонченного интеллигента, но много и от молодого и здорового крестьянина, упорно и напряженно несущего свой тяжелый труд. Глаза его смотрели с детской прямотой, но в то же время в них горел какой-то неспокойный огонь: это была жажда познания и творчества».

Не получив никакого филологического образования, Г. практически освоил японский язык и стал японоведом «божьей милостью». Мечтал написать историю Японии, иллюстрируя каждый ее этап переводами художественных произведений. С начала 30-х изучал вместе с *А.Ванновским* древнейший памятник японской литературы «Кодзики» («Записи о делах древности»). Как свидетельствует близко знавший Г. профессор Нодзаки Иосио, «знания, им приобретенные, были столь велики и разносторонни, что могли сравниться лишь с познаниями коренных жителей страны, получивших в области словесности специальное образование». Исторический очерк возникновения «Кодзики» с изложением его содержания Г. опубликовал в вышедшем под его редакцией сборнике кружка русских эмигрантов (1935); в сборник вошли также его переводы рассказа Акутагава Рюноскэ «Вальдшнеп» и повести Танидзаки Дзюнитиро «Чи Лин» (в современной транскрипции — Цзилинь) с краткими характеристиками этих писателей, переводы буддийской легенды «Паутинка», стихотворения Исикава Такубоку «Памяти адмирала Макарова» и ряда стихотворений современных поэтов, а также эссе «Лик Японии». В конце 30-х работал вместе с В.Бубновой над изданием на русском языке японских сказок.

В 1939 принял приглашение переехать в Харбин для работы в отделе печати Южно-Манчжурской железной дороги и в журнале для русских писателей «Восточное обозрение». Причину переезда Г. в Маньчжурию Бубнова видела в том, что для него «русская атмосфера была неразрывно связана с русской церковностью, которой ему недоставало в Японии... Ему были дороги и обрядность и догмы русской церкви: он хотел верить, как верят дети»; его привлекали также русские библиотеки. В 1940 перебрался в Дайрен, где преподавал японский язык и японоведение в русской гимназии. В «Восточном обозрении» публиковал переводы произведений Акутагава Рюноскэ, Танидзаки Дзюнитиро, Кикути Кан, отмеченные верностью оригиналу и прекрасным русским языком (на вопрос, чем объяснить такое знание русского языка, в то время как он вращается преимущественно в японских кругах, Г. отвечал: «Никакого секрета нет. Я много читаю дореволюционных поэтов, особенно акмеистов»). Выступал и сам как поэт, сотрудничал в русских эмигрантских журналах — в шанхайском «Фениксе», в альманахах «Врата» и «Рубеж», был связан с издательством «Харбин». В воспоминаниях знавших Г. он предстает как «симпатичнейший и добродушный гигант с ослепительной улыбкой и грустными глазами». «В работе своей он сумел сочетать равноценное служение обоим народам, от которых он почерпнул свои знания», — писал Е.Агапов.

Скончался Г. от разрыва сердца; ходили слухи, что он был отравлен японской жандармерией.

Лит.: Памяти Михаила Петровича Григорьева // Вост. обозрение, 1943, № 16, июль-сент.

И.Кожевникова

ГУЛЬ Роман Борисович (8.1.1896, Киев — 30.1.1986, Нью-Йорк) — писатель, литературный критик. По отцу — потомок обрусевших шведов, мать — из старинного дворянского рода. Отец Г., которого он рано потерял, был присяжным поверенным, богатым помещиком. Детство и юность Г. прошли в Пензе и в поме-

стье отца. В 1914 поступил на юридический факультет Московского университета, но через два года был мобилизован. Весной 1917 окончил офицерскую школу в Москве и отправлен на фронт, где его застала Октябрьская революция. В декабре возвратился к матери в Пензу; в бесчинствах толпы на улицах города увидел «страсть всеразрушения, всеистребления и дикой ненависти к закону, порядку, праву, покою, обычаю, ...именно тот всенародный бунт, о котором Пушкин писал «бессмысленный и беспощадный». Вместе с братом Сергеем вступил в Добровольческую армию, участвовал в «Ледяном походе» генерала Корнилова, был легко ранен. В Киеве братья были мобилизованы в армию гетмана Скоропадского и после захвата Киева Петлюрой оказались военнопленными; в начале 1919 вывезены немецким военным командованием в Германию, жили в лагерях для «перемещенных лиц». Войти в офицерские части, формировавшиеся в помощь белой армии, Г. отказался: «Я почувствовал, что убить русского человека мне трудно». Работал у торговца лесом дровосеком, обдирщиком коры.

С 1920 жил в Берлине, куда приехали из Советской России его мать и невеста, Ольга Андреевна Новохатская, с которой Г. обвенчался в 1927. Сотрудничал в газетах и журналах «Жизнь», «Время», «Русский эмигрант», «Голос России». Примкнул к «сменовеховцам», но вскоре отошел от них, навсегда оставшись непримиримым в отношении «полулюдей», как называл он правителей СССР: «Их жизнью была исключительно партия. В партии интриги, склоки, борьба, но главное — власть, власть, власть, власть над людьми». «Чувство небывалого отвращения ко всей этой всероссийской революции» определило выбор Г. эмигрантской судьбы: «Родина без свободы для меня не родина, а свобода без родины хоть и очень тяжела, но все-таки остается свободой». Прожив в эмиграции 68 лет, Г. не утратил духовной связи с Россией: «Хотим мы этого или не хотим, ...мы ведь работаем, пишем, сочиняем только для нее, для России...»

В 1933 Г. был заключен нацистами в концлагерь; в сентябре, после освобождения, эмигрировал в Париж; в 1937 выпустил книгу «Ораниенбург. Что я видел в гитлеровском концентрационном лагере». В 1936-37 работал в Лондоне как киносценарист. Во время оккупации Парижа бежал на юг Франции (Лотэ-Гаронн); жил на ферме близ Нерака, работал на стекольном заводе, затем крестьянином-испольщиком. В 1945 вернулся в Париж, создал группу «Русское народное движение», издавал газету «Народная правда» (1948-52, Париж, Нью-Йорк), имея целью помощь соотечественникам, оказавшимся после 2-й мировой войны на Западе. В 1952 переехал в Нью-Йорк.

Литературное имя Г. принес роман «Ледяной поход» (Берлин, 1921; М., 1990), замеченный в эмигрантской среде и в Советской России, заслуживший похвалу М.Горького. *З.Гржебин* рассказал Г., что видел его роман на столе у Ленина. Книга звучала как протест против гражданской войны с её развращающей жестокостью братоубийства. Ту же тему Г. развил в «художественной биографии» «Конь рыжий», о которой *И.Бунин* писал автору: «Все еще вспоминаю порой Ваш роман — столько в нем совершенно прекрасных страниц!» (в то же время укоряя Г. «за вздохи о «братоубийственной войне»).

Собственный опыт и рассказы других эмигрантов стали основой книг Г. «Жизнь на фукса» (М.-Пг., 1923), «В рассеянии сущие» (Берлин, 1923) и «Белые по Черному» (М., 1928). Интерес Г. к ярким историческим личностям проявился в романе «Генерал БО» (Берлин, 1929, в последующ. изд. — «Азеф»); переведенный на 9 языков, включая японский, он привлек внимание А.Мальро и А.Камю. Центральные фигуры романа «Скиф» (Берлин, 1931) — М.Бакунин и Николай I (в 1974 переизд. в Нью-Йорке под назв. «Бакунин»). В 1922 в Берлине вышла книга «Тухачевский. Красный маршал» — один из лучших психологических этюдов Г. Продолжая анализировать обстоятельства и свойства характеров, которые вынесли будущих советских полководцев на руководящие посты, помогли им увлечь крестьянскую Россию и разгромить белых генералов, издал в 1933 книгу «Красные маршалы. Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский» (переизд. М., 1990). История коммунистического террора воссоздана в книге «Дзержинский (Менжинский, Петерс, Лацис, Ягода)». Цель террора Г. видел в уничтожении свободомыслия — почвы, на которой только может существовать культура: «В СССР у населения навеки разрушена память о прошлой России, отняты мысль, слово, и духовно советское население омертвело: мертвые молчат, и живые молчат, как мертвые»; эмиграция, по мнению Г., стала хранительницей русских культурных традиций, значительно обогатив и европейскую культуру. В 1978 Г. начал публиковать в «Новом журнале» трехтомный труд «Я унес Россию. Апология эмиграции» (полностью — в нью-йоркском изд-ве «Мост»: т.1 — «Россия в Германии», 1984; т.2. — «Россия во Франции», 1984; т.3 — «Россия в Америке», 1989), по замыслу Г., «некий справочник по истории Зарубежной России», хотя и носящий субъективный характер. Г. дает пестрый и увлекательный сплав явлений, составляющих жизнь русской

эмиграции, характеризует общественные и философские течения и объединения (масонство, «сменовеховство», евразийство и др.), рассказывает о деятельности русских издательств, о судьбе архивов, включает в повествование психологические и сатирические портреты известных и безвестных деятелей. Критики признали трилогию «огромной и ценнейшей» работой.

Критические работы Г. вошли в сборники «Одвуконь: Советская и эмигрантская литература» (Нью-Йорк, 1973) и «Одвуконь 2: Статьи» (Нью-Йорк, 1982). Объясняя название, Г. писал, что на долю эмигрантской литературы выпала роль «запасного коня», «но когда-нибудь настанет день — и непременно настанет — когда вся полувековая халтура «инженеров человеческих душ» отомрет, а творчество советских писателей, кто несмотря ни на что оставался духовно свободным, сольется с творчеством русских свободных писателей-эмигрантов». В работах Г. оба эти русла уже слиты. Ценностные критерии он находил в традициях русской классической литературы. Увлекающийся и увлекающий читателя критик, Г. тонко чувствовал оттенки, тона и полутона писательской манеры; художественным образам он давал проникновенное и часто необычное толкование. Б.Пастернак, прочитав статью Г. о романе «Доктор Живаго» (1958), просил передать автору, что «она превосходит своей красотой и глубиной все, на что я надеялся и что заслужил». «Преувеличенность, баснословность рисунка — законные черты в изобразительном даре Цветаевой, — писал Г. о ее прозе. — Они естественно рождены как из ее общего мироощущения, так и из исповедания ею некой заповеди мифотворчества. А так как искусство и жизнь были Цветаевой неразрывно слиты (она знала только «правду всего существа»), то и мифотворчество становилось не только литературным приемом, но приемом видения мира». Рассматривая русскую литературу в контексте мирового литературного процесса, Г. утверждал, что экзистенциализм *Г.Иванова* «много старше сен-жерменовского экзистенциализма Сартра и «уходит корнями... в граниты имперского Петербурга». По поводу «Реквиема» А.Ахматовой писал, что в приложении к ней «эпитет большого русского поэта (и в наши дни единственного большого) совершенно естественен». В А.Солженицыне видел «исключительное явление»: «Россия Солженицына это больше, чем государство, чем страна, нет, это некая русскость, разлитая в мире, в ее лучшем и духовном чувствовании». Высоко ценил романы В.Дудинцева, поэзию Б.Окуджавы.

Деятельность редактора Г. начал в Берлине в 1920 в журнале «Жизнь» по приглашению В.Станкевича, затем работал в «Новой русской книге» вместе с А.Ященко (1922-24). В 1952 начал сотрудничать в «Новом журнале» (Нью-Йорк), с 1959 его главный редактор, стремился, чтобы журнал был бы своего рода «магнитофонной лентой», на которой записаны для будущего голоса русских писателей, выдающихся мыслителей, ученых, общественных и религиозных деятелей. Посмертно в «Новом журнале» (1986, № 164) опубликованы мемуары «Моя биография».

Соч.: Киевская эпопея: Ноябрь-декабрь 1918 г. // Арх. рус. рев-ции, 1921, т. 2; Переписка через океан Г.Иванова и Р.Гуля // НЖ, 1974, № 140; Переписка Светланы Аллилуевой и Ольги и Романа Гуля // НЖ, 1986, № 164, 165.

Лит.: Филиппов Б. Роман Гуль — прозаик: К 90-летию // НЖ, 1986, № 162; Магеровский Е.Л., Пирожкова В., Филиппов Б. Памяти Романа Борисовича Гуля // НЖ, 1986, № 164; Мартынов И. Последняя книга патриарха русского зарубежья // НЖ, 1990, № 180; Глэд Дж. Роман Гуль / Глэд Дж. Беседа в изгнании. М., 1991; Померанцева Е.С. «...Только для нее, для России» (Роман Гуль) // Рос. литературовед. журнал, 1993, № 2.

Е.Померанцева

ГУРВИЧ Георгий Давыдович (Жорж) (19.10.1894, Новороссийск — 10.12.1965, Париж) — социолог, философ. Философскую литературу читал с 14 лет. В 1912-15 учился на юридическом факультете Юрьевского университета. 12.10.1914 юридический факультет присудил ему золотую медаль за работу по истории философии права «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича» (опубл. Юрьев, 1915). В августе 1915 по зачету 6 семестров перевелся в Петроградский университет. С 1917 преподавал в Петроградском университете и работал над докторской диссертацией «Руссо и Декларация прав» (Пг., 1918), защитив которую в 1920, получил докторскую степень. Через несколько месяцев эмигрировал в Чехословакию, где в качестве приват-доцента преподавал социологию и философию права на кафедре истории философии права Русского юридического факультета в Праге. Опубликовал в этот период ряд философских работ: «Идеи неотъемлемых прав в политической доктрине XVII-XVIII веков» («Труды русских ученых за границей», Берлин, 1921), «Введение во всеобщую теорию международного права» (Прага, 1923), «Этика Фихте» (Прага, 1925, на нем. яз.).

С 1929 во Франции. Состоял в масонской ложе «Северная Звезда» (1932-37). Сотрудничал в журнале «Современные записки», в газете «Дни», полемизировал с евразийцами; публиковал научные работы на немецком и французском языках. Преподавал философию в

«Sévigne College», затем несколько лет социологию в университете Бордо; в 1935-48 профессор социологии в университете Страсбурга. По приглашению Л.Бруншвича прочитал в Сорбонне курс «Современные тенденции в германской философии 1927-1928 гг.» (опубл.: 1930; 2-е изд. 1949). В 1932 появилась его книга «Идея социального права», над которой Г. работал еще в России; она принесла ему международную известность. Осуждал гитлеровский режим, уехал после капитуляции Франции в 1940 в США, был приглашен в нью-йоркскую Новую школу социальных исследований. В 1941 принимал участие в создании в Нью-Йорке под патронажем правительства Свободной Франции «Ecole Libre des Hautes Etudes». Участник дискуссий с американскими и французскими коллегами о будущем Франции, проходивших во французском институте социологии в «Ecole Focillon»; в 1944 написал «Декларацию социальных прав» (опубл. Нью-Йорк, 1944; во Франции в 1946), чтобы «вдохновить конституцию IV республики». Читал курс социологии в Гарвардском университете в 1944-45.

После возвращения в сентябре 1945 во Францию стал центральной фигурой французской социологии, первым директором Центра социологических исследований, лаборатории социологии познания и морали, главным редактором журнала «Cahiers internationaux de sociologie» (1946). С 1948 профессор социологии в Сорбонне и директор «L'Ecole Pratigue des Hautes Etudes». Президент Института социологии (1953-56), президент комиссии социологии и демографии национального центра научных исследований (1960-63). Кавалер ордена Почетного легиона. В 1962 избран президентом Международной ассоциации социологов франкоязычных стран.

Активно выступал против алжирской войны, против централизации власти в современном технико-бюрократическом обществе, участвовал в деятельности общества «Франция-СССР». В своих работах проводил междисциплинарные связи между социологией, историей, антропологией и социальной психологией. Взгляды Г. сложились под влиянием И.Фихте, А.Бергсона, Э.Гуссерля, социалистических концепций Сен-Симона, П.Прудона, К.Маркса, а также социологии М.Вебера, Э.Дюркгейма, особенно М.Мосса (идея «целостных социальных фактов»). Свою социологию Г. называл «диалектическим гиперэмпиризмом». Вместе с Я.Морено, Э.Мэйо, К.Левин и др. он был одним из создателей теории малых групп как главного объекта социологии. В свою очередь, влияние Г. проявилось в вариантах диалектической социологии Ж.П.Сартра («Критика диалектического разума») и в генетическом структурализме Л.Гольдмана. Учеником Г. был Жак Казнев, его преемник на кафедре социологии в Сорбонне.

Социолог преимущественно философского склада, Г. придерживался скорее германской, чем французской традиции; вместе с тем как европеец он был оппонентом американского эмпиризма. Приобрел репутацию «французского Питирима Сорокина», сам же *Сорокин* считал его одним из крупнейших социологов XX в.

Соч.: Государство и социализм // СЗ, 1925, № 25; Большевизм и замирение Европы // СЗ, 1925, № 26; Этика и религия // СЗ, 1926, № 29; Собственность и социализм // СЗ, 1928, № 36; 1929, № 38; Déterminismes sociaux et liberté humaine. Paris, 1955; Traité de sociologie, vol. 1-2. Paris, 1958-60; Proudhon. Sa vie, son œuvre. Paris, 1965; Les cadres sociaux classes connaissance. Paris, 1966.

Лит.: Bosserman P. Dialectical Sociology. An Analysis of the Sociology of George Gurvitch. Boston, 1968; Rankovic M. Gurvicevo shatunje strukture i tipologije globalnih drustava. Beograd, 1970; Stefani M.A. George Gurvitch. Roma, 1982; Swedberg R. Sociology as Disenchantment: the Evolution of the Work of George Gurvitch. Atlantic Highlands, 1982.

Ю.Дойков

ГУСЕВ-ОРЕНБУРГСКИЙ (наст. фам. Гусев) Сергей Иванович (23.9.1867, Оренбург — 1.6.1963, Нью-Йорк) — писатель, публицист. Родился в семье казака-торговца. Окончил Уфимскую духовную семинарию. С 1893 сельский учитель, затем священник в Мордовии; в 1898 отказался от сана. В «Оренбургском листке» (8.5.1890) появился первый его рассказ — «сентиментально-трогательная история о слепом». В 1900-2 публиковал очерки, фельетоны, рассказы в «Киевской газете», в 1897-1901 — в петербургском журнале «Жизнь». В раннем творчестве выступал как бытописатель родного края — оренбургских степей и предгорий Урала. Деревня в его рассказах предстает забитой, люди бесправными («Самоходка», «Где ветлы стояли», «Мгла», «Кошмар», «Нужда»). В повестях и рассказах о казаках создавал образы хозяев бескрайних степей, людей волевых, показывал их гуманное отношение к «инородцам» («Казак Колодин», «Суд»). Описывал служителей церкви: священников-просветителей, добрых и бескорыстных («Мечтатель», «Пастырь добрый», «Бедный приход»), и лихоимцев, обирающих прихожан («Жалоба», «Дьякон и смерть», «Злой дух»). Идейным настроем творчества был близок Г.Успенскому, В.Слепцову, писателям-народникам. Изображал социальное расслоение деревни, проявления вражды между миром богатства и нищеты, произвол властей («В приходе», 1906; «Последний час», «Конокрад», «Лукич», «Интрига»). Повесть

«Страна отцов» (1904) отразила предреволюционную атмосферу в деревне и городе; Г.-О. посвятил ее М.Горькому, с которым сблизился, участвуя в сборниках «Знание». Горький положительно оценивал рассказы писателя, отмечая его талант. В стихотворении «Реквием» (1905) Г.-О. выразил скорбь о жертвах народной борьбы, прославлял их подвиг. Показателем общественного признания творчества Г.-О. явилось выпущенное в 1903-13 издательством «Знание» собрание его рассказов в 4-х томах, а в 1913-18 издательством «Жизнь и знание» — полное собрание сочинений в 16 томах.

После 1-й русской революции в творчестве Г.-О. произошла смена акцентов: появились ноты пессимизма, мотивы эстетства, уход в фантастику («Сказки земли», 1908; «Горная легенда», «Золотой сон», 1915). Отношение к революционным событиям 1917 Г.-О. выразил в плакатно-поэтических картинах и образах книги «За свободу. Повесть в стихах» (Казань, 1919). Повесть «Бессмертный Прохорыч» (Чита, 1921) — карикатура на «революционные изменения» в жизни провинциального городка, где участковый страж порядка на рынке, промышляющий попутно поборами, становится первой личностью, «борцом» за передовые идеи.

О своих послереволюционных переживаниях Г.-О. писал: «В течение трех лет я скитался по пределам России в вихрях гражданской войны, жил на Украине, при немцах, Скоропадском, голодал и холодал год в Москве, ездил по польскому фронту, передвигался по Украине с деникинской армией, пережил ее расцвет и развал, пережил погромы, обстрелы Киева и Ростова, жил в Крыму после Врангеля и снова в Москве незадолго до перехода к новой экономической политике... За отсутствием всякой возможности прим.ть объективно свой литературный труд в России, с горечью в сердце вынужден был уехать за ее пределы». В середине 1921 выехал через Читу и Благовещенск в Харбин. В Чите издал «Дневник беллетриста. Облик Москвы» (1921), в Харбине — пьесу «В красной Москве», там же вышла его «Багровая книга: Погромы 1919-20 гг. на Украине» (1922). В связи с откликами на нее 30.8.1922 выступил в газете «Русский голос» со статьей «Мое кредо (письмо к своим)», в которой писал, что его, писателя, покинувшего страну, ... чтобы иметь свободу выяснения души», «травят свои»; он написал книгу как русский человек, живущий традициями русской общественности, зто — «протест против крови», книга его «только об одном и кричит: опомнитесь, люди русские, очнитесь... прежде, чем строить великую новую... Россию». «Я кусок русской народной души, — писал Г.-О., — Россия — моя земная мать... Верю в великое назначение русского народа в истории земли. Разрыв с народом — источник бед». Социализм же ему представлялся «коварной приманкой в руках антихриста». Из Харбина выехал в Америку, остался жить в Нью-Йорке. В письмах Горькому сообщал о невзгодах, физических и нравственных муках, выражал искреннее сожаление о разлуке с родиной.

Под редакцией Г.-О. в 1924-25 выходил в Нью-Йорке журнал «Жизнь». Литературно-художественный альманах «Русская деревня» (Берлин, 1924) поместил рассказы Г.-О. «Сельский священник» и «Бездождие», журнал «Зарница» (Нью-Йорк, 1925, № 2) — отрывок из романа «В миру человек» — о поездке чиновника правительства А.Керенского в уезд для разбирательства дела о поджоге помещичьих им.й. В описании новой российской реальности Г.-О. выступал как юморист и сатирик (сб. «Горящая тьма», 1926), рисуемые им картины мрачны, подробности жизни удручающи: «народ из веревок ботинки плетет», «из галок жаркое приготавливает», «это сны наяву, порожденные голодом», «Москва агонизирует вместе с Россией», «советский дьякон» не только занимается богослужением, но также поет и пляшет в клубе, «советская барышня» — поборница «свободной любви».

Книга «В глухом уезде и другие рассказы» (Нью-Йорк, 1952) состояла из старых произведений Г.-О. В Москве в 1923 повторно вышла повесть «Страна отцов», в 1924 и 1925 изданная в Нью-Йорке и Лондоне в переводе на английский язык. В романе «Страна детей» (Нью-Йорк, 1928; английский пер.: Лондон, 1963) Г.-О. показал, как отражались революционные события на судьбах русской интеллигенции. Традиционные для писателя мотивы и новые сюжеты характеризует сборник «Святая Русь: Эмигрантские рассказы» (Нью-Йорк, 1957). Автобиографическая книга «В поисках пути: Ритмические размышления» вышла в Нью-Йорке в 1955.

Лит.: Долматовская И.А. Жизнь и творчество Гусева-Оренбургского. М., 1976.

Е.Трущенко

ГУЧКОВ Александр Иванович (14.10.1862, Москва — 14.2.1936, Париж) — политический и общественный деятель. Родился в купеческой семье. В 1885 окончил историко-филологический факультет Московского университета. После службы вольноопределяющимся 1-го лейб-гвардии Екатеринославского полка и сдачи экзамена на офицерский чин — прапорщика

запаса армейской пехоты — он отправился за границу для продолжения обучения. Слушал лекции в Берлинском, Тюбингенском и Венском университетах, изучая историю, международное, государственное и финансовое право, политэкономию, трудовое законодательство.

В 1893 избран членом Московской городской думы. При его участии была закончена постройка мытищинского водопровода. В 1896-97 исполнял обязанности товарища городского головы. В 1898 поступил младшим офицером в Оренбургскую казачью сотню в составе недавно образованной Особой охранной стражи Китайско-Восточной железной дороги. В стычках с участниками вооруженных банд проявил незаурядное мужество. В 1899 вместе с братом Федором совершил опасное путешествие — за 6 месяцев они проехали 12 тысяч верст верхом по Китаю, Монголии и Средней Азии. В 1900 он сражался на стороне буров с англичанами на юге Африки, продемонстрировав хладнокровие, выдержку и меткую стрельбу. В сражении близ Линдлея (Оранжевая республика) в мае 1900 был тяжело ранен в бедро. После взятия города британскими войсками оказался в плену, но был отпущен после выздоровления «под честное слово». По возвращении в Россию избран директором, затем управляющим Московского учетного банка и председателем наблюдательного комитета страхового общества «Россия». Вновь работал в Московской городской думе, являясь членом нескольких ее комиссий. В 1903 за несколько недель до свадьбы уехал в Македонию и вместе с ее восставшим населением сражался против турок за независимость славян. В сентябре 1903 женился на Марии Ильиничне Зилоти, которая происходила из известной дворянской семьи и была в близких родственных отношениях с *С.Рахманиновым*.

В годы русско-японской войны Г. находился вновь на Дальнем Востоке в качестве помощника главноуполномоченного Российского общества Красного Креста при Маньчжурской армии. После отступления русских войск от Мукдена остался при госпитале с ранеными солдатами и попал в плен. В Москву вернулся национальным героем. В период революции 1905-7 отстаивал идеи умеренного национал-либерализма, высказывался в пользу сохранения исторической преемственности власти, сотрудничества с царским правительством в деле осуществления реформ, намеченных в Манифесте 17 октября 1905. На этих идеях им была создана партия высших слоев чиновничества, приспосабливающихся к переменам в стране помещиков, интеллигенции, и ряда деятелей торгово-промышленного мира — Союз 17 октября. Г. был бессменным лидером этой партии на протяжении всех лет ее существования, являлся автором программы партии и большинства решений ее ЦК.

В 1906-11 Г. активно сотрудничал с П.Столыпиным. В 1907 и в 1915-17 входил в состав Государственного совета от российских промышленников и торговцев, в 1907-12 был членом 3-й Государственной думы, возглавляя в 1907-10 думскую комиссию по государственной обороне. В этом качестве он немало сделал для возрождения вооруженных сил после катастрофы в русско-японской войне. Г. возглавлял самую многочисленную фракцию думы — октябристов. Ему стоило немало усилий сплотить членов фракции, состоявшей из местных лидеров, привыкших вести других, а не быть ведомыми. Сказалось умение ладить с людьми, такт, искусство убеждать и подбирать себе сотрудников. В 1910-11 Г. был председателем Государственной думы.

В эти годы он вступил в ряд общественных организаций, призванных защищать славянское единство и распространять славянскую культуру: Петербургское славянское благотворительное общество, Галицко-русское благотворительное общество и др. В 1912 уехал на 1-ю Балканскую войну поддержать братьев по крови в борьбе с турками. Был награжден болгарским и двумя сербскими орденами. В России в том же году получил чин действительного статского советника — вершина в его гражданской карьере.

В 1913 на конференции октябристов подверг резкой критике внутреннюю и внешнюю политику правительства. «Историческая драма, — говорил он, — которую мы переживаем, заключается в том, что мы вынуждены отстаивать монархию против монарха, церковь против церковной иерархии, армию против ее вождей, авторитет правительственной власти — против носителей этой власти». Лидер октябристов пророчески заявил о неизбежности новой революции в России.

С началом 1-й мировой войны Г. стал уполномоченным Российского общества Красного Креста на фронте, в 1915 возглавил Центральный военно-промышленный комитет и в качестве его председателя много сделал для улучшения материально-технического снабжения русской армии. Заседал в Особом совещании по государственной обороне и одновременно участвовал в подготовке заговора с целью смещения Николая II, ибо другого пути довести войну до победного конца не видел. Но заговорщиков опередила Февральская революция. Г. присутствовал при отречении Николая II и доставил текст отречения в Петроград.

Со 2 марта по 30 апреля 1917 был военным и морским министром во Временном пра-

вительстве 1-го состава. Провел ряд реформ в вооруженных силах, неоднозначно встреченных в армии и обществе. Особенно резкой критике подверглось одобренное им разрешение создавать в армии войсковые, преимущественно солдатские, комитеты, порождавшие двоевластие. Позднее, оправдываясь, писал: «Перед Ставкой и Военным министерством стал вопрос не о том, вводить ли в армию это революционное новшество, а в том, что в состоянии ли мы их распустить». Он употребил всю свою энергию, влияние, опыт и красноречие для того, чтобы удержать власть под контролем правительства. Пытаясь противодействовать Советам, Г. возглавил Общество экономического возрождения России, куда вошли многие промышленники и банкиры: А.Путилов, Н.Кутлер, Н.Белоцветов, А.Мещерский, А.Вышнеградский. Общество должно было оказать помощь буржуазным кандидатам на выборах в Учредительное собрание, но его средства использовались также для пропаганды достижения победы в войне и для поддержки генерала Корнилова, поднявшего в августе 1917 мятеж против Временного правительства. Выступал против «национализации» и «социализации» промышленности, против ликвидации частной собственности на средства производства. На базе октябристов летом 1917 Г. создал Либеральную республиканскую партию. Однако торгово-промышленным кругам тогда не удалось найти приемлемый для большинства населения путь выхода страны из кризиса, приостановить радикализацию масс и переход власти к Советам.

Накануне Октябрьской революции Г. перебрался на Северный Кавказ. Одним из первых дал деньги генералам Алексееву и *Деникину* (10 000 руб.) на формирование Добровольческой армии. Г. был сторонником интервенции стран Антанты для борьбы с Советской властью и сожалел, что эти страны предоставляли помощь добровольческому движению «в минимальной доле». В 1919 выехал в Западную Европу для переговоров с лидерами Антанты, попытался наладить переброску оружия в армию генерала Юденича, наступавшую на Петроград, и обнаружил резко отрицательное отношение к этому со стороны правительств прибалтийских государств. Он писал У.Черчиллю: «Страх перед вновь восстановленной сильной Россией определяет собой политику балтийских государств в отношении России». Возможно, все это повлияло на то, что после гражданской войны Г. стал более осторожен в выборе попутчиков или союзников по борьбе. Так, он не рекомендовал генералу Врангелю поддерживать режим братьев С. и Н.Меркуловых на Дальнем Востоке, равно и монархиста генерала М.Дитерихса или социалистов-революционеров.

Г. участвовал во многих общерусских съездах в эмиграции, часто ездил по странам, где в 20-30-е проживали соотечественники, и оказывал помощь русским беженцам, работал в управлении зарубежного Красного Креста. В начале 30-х возглавил работу по координации помощи голодающим в СССР. После прихода в 1933 к власти в Германии партии Гитлера он одним из первых предсказал военный конфликт между фашистами и Советским Союзом, однако уклонялся от ответа на вопросы о том, с кем будет эмиграция в случае начала войны. Умер Г. от рака, похоронен на кладбище Пер-Лашез.

Соч.: Речи по вопросам государственной обороны и об общей политике. 1908-1917. Пг., 1917; Из воспоминаний А.И.Гучкова // ПН, 1936, авг.-сент.

Лит.: Gleason W. Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire. Philadelphia, 1983.

А.Сенин

Д

ДАВЫДОВ Константин Николаевич (18.12.1877, Зубцово, Тверской губ. — 21.6.1960, Париж) — зоолог-эмбриолог, биолог. Отец, Николай Константинович Д., потомственный дворянин, состоявший в прямом родстве с легендарным партизаном Отечественной войны 1812 и поэтом Д.Давыдовым. Ранние детские годы Д. провел вместе со своими четырьмя сестрами в доме бабушки в городе Зубцово Тверской губернии, куда его отец был выслан под надзор полиции. Учился в псковской гимназии, где на протяжении 4 лет вел самостоятельные орнитологические наблюдения, результатом которых стала его первая научная статья, появившаяся в 1886 в «Трудах Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей». На последнем курсе гимназии во время своего посещения Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей Д. слушал лекцию А.Ковалевского. Эта встреча во многом определила его профессиональную судьбу. В 1896 Д. стал студентом физико-математического факультета Петербургского университета. Среди его учителей было много выдающихся ученых: А.Бекетов (ботаника), П.Лесгафт (анатомия), В.Шимкевич (зоология), А.Догель (гистология), Н.Меншуткин (органическая химия), Н.Введенский (физиология) и др. Летом 1897 Зоологический музей Российской Академии наук при содействии Ковалевского субсидировал поездку Д. за рубеж. Посетив Сирию, Палестину, Аравию, берега Мёртвого моря, Д. привез большую коллекцию фауны тех мест. В следующем году он повторил путешествие, вернувшись из него еле живым после перенесенного заболевания тропической малярией.

В 1899 за участие в февральских студенческих волнениях был арестован, посажен в тюрьму, а затем исключен из университета. Однако в мае 1899 по ходатайству университетской профессуры Д. был восстановлен в университете. В 1900 получил командировку в Италию, на Неаполитанскую зоологическую станцию (директор А.Дорн). Именно тогда Д. обратил внимание на проблему регенерации у низших животных, которая на долгие годы стала главной темой его научной работы.

По возвращении из Италии Д. продолжал интенсивно работать в лаборатории Ковалевского. В 1901 закончил университет с дипломом 1-й степени и был оставлен на кафедре зоологии и сравнительной анатомии «для приготовления к ученой степени» («на год, без стипендии»). Учитывая трудное материальное положение своего любимого ученика, Ковалевский предоставил ему место в своей лаборатории. Ввиду бюрократических проволочек зачисление Д. состоялось только в январе 1902, вскоре после скоропостижной смерти Ковалевского. В конце марта 1902, будучи стипендиатом Академии наук, Д. выехал на остров Ява. Помимо зоологической коллекции и зафиксированных объектов для морфологических и эмбриологических исследований, он вывез из Индокитая и Новой Гвинеи ценные этнографические материалы. В последующие годы Д. неоднократно выезжал за границу (Средиземное, Красное, Баренцово моря), много путешествовал по России.

В качестве магистерской диссертации Д. представил исследование о регенерации кишечнодышащих, которое было опубликовано в 1908, (1909 — на нем. яз.). С ноября 1910 приступил к чтению лекций в Петербургском университете в звании приват-доцента; одновременно работал лаборантом в зоологической лаборатории. В 1910-16 Д. по существу создал свой собственный курс эмбриологии беспозвоночных, принесший ему всемирную славу. По воспоминаниям современников, университетские лекции Д. воспринимались как научные шедевры. К моменту защиты докторской диссертации (нояб. 1915) Д. приобрел широкую известность, которая была подкреплена выходом в свет его монографии «Курс эмбриологии беспозвоночных» (1914).

В апреле 1918 физико-математический факультет Пермского университета единогласно избрал Д. ординарным профессором по кафедре зоологии. Однако его пребывание в Перми было кратковременным. В декабре 1918 Д. был командирован в Петроград и в 1919 взял

на себя заведывание зоологической лабораторией Научного института им. П.Лесгафта (вместо уехавшего в Крым профессора *С.Метальникова*).

Гражданская война нарушила зарубежные связи российских ученых. Лишь в начале 1922 Д. добился командировки в Германию и Финляндию. Накануне своего отъезда из России Д. познакомился с Агнией Юрьевной Верещагиной, родственницей знаменитого художника, сестрой его друга Г.Верещагина (известного исследователя озера Байкал). Сложные личные обстоятельства, мешавшие Д. жениться, привели его к мысли, что единственным возможным выходом из положения будет отъезд вместе с Верещагиной за границу. Д. выехал из России в декабре 1922, воспользовавшись содействием своего ближайшего друга и коллеги Метальникова, работавшего уже несколько лет в Институте Пастера. Пробыв недолго в Финляндии и Германии, Д. приехал в Париж. Здесь он приступил к научной работе в лаборатории профессора Сорбонны М.Коллери, с которым вел ранее научную переписку. Это не давало средств к существованию, поэтому Д. какое-то время подрабатывал разгрузкой винных бочек в пакгаузе Берси. Иногда читал лекции на естественно-научные темы на славянском факультете Сорбонны. После приезда жены, летом 1923, отправился в Бретань, где на Биологической станции в Росково продолжил работу по реституции у немертин. Весной 1924 у Давыдовых родился сын — Юрий. Зиму Д. работал в Париже в лаборатории Коллери, получая небольшую субсидию от Сорбонны. С мая 1925 семья жила под Ниццей, в Виллафранке, где Д. работал на бывшей Русской зоологической станции, основанной в 1886 киевским профессором А.Коротневым.

Дружеское участие в судьбе Д. принял О.Дюбоск, профессор Сорбонны и директор лаборатории морской биологии Араго, пригласивший его приехать в Баньюльс-сюр-мер (Восточные Пиренеи). В лаборатории Араго Д. имел скромное денежное содержание и казенную квартиру. Здесь вскоре произошла встреча Д. с американским исследователем — хирургом и патофизиологом (французского происхождения) А.Каррелем, который заинтересовался экспериментами Д. на немертинах. Вернувшись в США, Каррель оказал содействие в получении Д. гранта Рокфеллеровского фонда, необходимого для оплаты поездки на Неаполитанскую станцию в 1927.

Приняв французское гражданство, Д. по совету Дюбоска стал готовить для печати книгу «Руководство по сравнительной эмбриологии беспозвоночных». Однако в 1928 он получил предложение поехать работать в качестве заведующего лабораторией морской биологии в Индокитай, в Океанографический институт в Кауда близ Ня-Транга. За годы работы в институте (1929-34) он предпринял интенсивное изучение морской и наземной фауны Индокитая, сделав, по отзывам его коллег из Института Пастера и Сорбонны, «больше открытий, чем все зоологи, изучавшие эту страну в течение 25 лет». Работа нашла отражение в многочисленных статьях Д. о фауне и океанографии индокитайского региона.

В начале 1935 Д. с семьей вернулся через Египет и Палестину в Париж. За работу в Индокитае ему было присуждено звание «мэтра» («maitre des recherches») и ассигнованы средства на расходы по обработке индокитайской коллекции. После 6 лет работы в тропиках, которая оплачивалась значительно выше, чем во Франции, у Д. остались деньги на приобретение небольшого двухэтажного дома в пригороде Парижа — Со, связанного с центром города линией метро. Спустя 3 года Д. вернулся в Индокитай с целью завершить работу по описанию фауны (главным образом, морских и наземных беспозвоночных) этой страны (1938-39). Окончательное возвращение Д. совпало с началом 2-й мировой войны. Во Франции Д. ждала и радостная весть — его назначили на пост руководителя работ в Национальном центре научных исследований в Париже. В июне 1940, опасаясь за судьбу своего 16-летнего сына в связи с оккупацией Франции, Д. эвакуировал свою семью на юг страны — в Баньюльс-сюр-мер. Д. тяжело перенес оккупацию, потеряв во время войны многих своих французских коллег, которые в свое время поддержали и помогли его семье и ему: Дюбоска, Л.Перье, Ж.Манделя и др.

В 1949 Парижская Академия наук единогласно избрала Д. членом-корреспондентом. Летом 1951 он выполнил на Биологической станции в Эндууме под Марселем свою последнюю экспериментальную работу по регенерации. С середины 1950-х у Д. стало ухудшаться здоровье, ослабло зрение. Много времени и сил он вложил в работу над «Руководством по зоологии» («Traité de Zoologie»), разные тома которого выходили с 1949 по 1959 под редакцией профессора П.Грассе. Д. скончался от мозгового кровоизлияния. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Соч.: Обзор фауны беспозвоночных бассейна Мёртвого моря // Тр. СПб. об-ва естествоиспытателей, 1898, т. 29; По островам Индо-Австралийского архипелага. Впечатления и наблюдения натуралиста // Изв.

Акад. наук, 1904, т. 22, № 4; 1905, т. 22, № 4, 5; 1906, т. 25, № 5; Перелеты птиц. Шанхай, 1937.

Лит.: Бляхер Л.Я. Константин Николаевич Давыдов. М., 1963.

Т.Ульянкина

ДАН (наст. фам. Гурвич) Федор Ильич (др. псевд. Ф.Береснев, А.Глебов, Ф.Данилов, Меньшевик, Над, Ф.Д.) (7.10.1871, Петербург — 22.1.1947, Нью-Йорк) — политический и общественный деятель, публицист. Из еврейской семьи. Отец — аптекарь. По окончании 6-й петербургской гимназии поступил на медицинский факультет Дерптского (Юрьевского) университета, где примкнул к социал-демократическому движению. Получив диплом, около года проработал в Обуховской больнице в Петербурге (1895-96). Но революционная романтика всецело захватила молодого врача. Под псевдонимом Дан он получил известность в революционных кругах. «Уверенность, — писал его друг и соратник *Ю.Мартов*, — с которой он, еще не участвовавший в практической революционной работе и путем теоретических занятий пришедший к социал-демократизму, говорил о партийных задачах, — заставила меня с первых же встреч прозреть в нем будущую революционную силу». С 1895 Д. — член, а с января по август 1896 — руководитель Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. В августе 1896 арестован и сослан в Орловск Вятской губернии. Здесь он сошелся с *А.Потресовым*, в котором видел не только старшего товарища, но и учителя. В ссылке начал заниматься литературным трудом, написал первую большую рецензию (на книгу *Н.Бердяева* «Субъективизм и идеализм в общественной философии» // Рус. мысль, 1901, № 7). На основе изучения жизни крестьян Вятской губернии он подготовил в 1901 первое научное исследование, представленное в виде доклада 9-му съезду русских естествоиспытателей и врачей.

После ссылки, с разрешения властей, Д. в марте 1901 вместе с женой, В.Кожевниковой — соратницей по революционной борьбе — выехал в Берлин. Здесь он возглавил группу содействия «Искре»; стал членом Заграничной лиги русской революционной социал-демократии и Организационного комитета по созыву 2-го съезда РСДРП. Выехав в Россию для участия в работе Белостокской конференции, 4.4.1902 был вновь арестован и выслан в Енисейскую губернию, откуда в сентябре 1903 бежал за границу.

В Женеве Д. избрали в Техническую комиссию РСДРП, созданную для заведования организационно-техническими и финансовыми делами партии. Он стал одним из лидером меньшевизма, бессменным членом ЦО и ЦК РСДРП. В августе 1904 выступил с докладом на Амстердамском конгрессе 2-го Интернационала (опубл. Женева, 1904). Подготовленный совместно с Ю.Мартовым, этот доклад явился по сути первым очерком истории российской социал-демократии.

1-я российская революция дала возможность Д. вернуться в октябре 1905 на родину (приехал в Петербург вместе со второй женой — Лидией Осиповной, урожд. Цедербаум, сестрой Мартова). В декабре 1905 кооптирован в члены ЦК РСДРП; стал одним из политических руководителей социал-демократических фракций 1-й и 2-й Государственной думы. На 3-й Всероссийской конференции РСДРП (июль 1907) настаивал на участии социал-демократии в выборах в 3-ю Думу. Делегат 4-го и 5-го съездов РСДРП, на которых избирался в состав ЦО. «Не теоретик по своим склонностям, — писал Б.Сапир, — прагматически настроенный ...лидер больших движений, он рвался туда, где открывался простор заложенным в нем талантам организатора и руководителя народных масс». В эти годы Д., по его словам, поддался влиянию концепции перманентной революции, представленной Парвусом и Троцким, отстаивал принцип беспартийности профсоюзов. Вместе с Мартовым вел борьбу за восстановление единства в рядах РСДРП, в том числе на Женевской конференции меньшевиков (янв. 1908). Участник 5-й общерусской конференции РСДРП в Париже от Кавказской партийной организации (дек. 1908).

В 1-е десятилетие XX в. Д. приобрел широкую известность как блестящий публицист, организатор и редактор ряда социал-демократических газет. В 1903-5 входил в состав руководителей газеты «Искра», один из создателей и редакторов газет «Социал-демократ» (окт. 1904 — окт. 1905), «Голос труда» (1906), ЦО меньшевиков «Голос социал-демократа» (1908-11), член редакции ЦО РСДРП «Социал-демократ» (от ликвидаторов). На страницах этих газет регулярно печатались статьи самого Д. Вернувшись в Россию (1913) после пятилетней эмиграции, Д. стал бессменным редактором многих меньшевистских газет, выходивших в столице — «Луч», «Новая жизнь», «Новая рабочая газета» и др., лидером меньшевистской фракции 4-й Государственной думы.

Наряду с политической деятельностью он продолжал литературное и научное творчество. Значительный интерес представляют его фундаментальные работы, посвященные изучению государственного строя и политики правительства России, роли русской буржуазии в рево-

люции 1905-7, истории партии октябристов, напечатанные в пятитомнике «Общественное движение в России в начале XX-го века» (1909-14). Им написаны оригинальные рецензии на повесть Б.Савинкова «Конь бледный» (Возрождение, 1909, № 5-8), сборник «Вехи» (Там же, 1909, № 9-10). Литературное творчество давало и средства к существованию его семьи.

С началом 1-й мировой войны Д. был арестован и сослан в Минусинск, а затем переведен в Иркутск. В Сибири он сблизился с *И.Церетели*, В.Войтинским и др. социал-демократами-интернационалистами, А.Гоцем — лидером эсеров. В Иркутске он как врач был мобилизован. После Февральской революции Д. вновь в Петрограде. Его избрали членом бюро Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Организационного комитета РСДРП. Лидер, наряду с Церетели, господствовавшего в меньшевизме центристского течения «революционных оборонцев», Д. стал авторитетным политическим деятелем, его талант журналиста вновь ярко раскрылся, когда он возглавил «Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» (апр. — 25.10.1917). На Всероссийской конференции меньшевистских и объединенных организаций РСДРП (7 мая) выдвинул предложение о вхождении социалистов во Временное правительство; 13 июня заявил о полной поддержке правительства. На 1-м Всероссийском съезде Советов (июнь) вошел в состав ВЦИК и Президиума ВЦИК; был избран товарищем председателя ЦИК. В августе участвовал в работе Объединительного съезда РСДРП (меньшевиков) — первого легального съезда партии — и избран в состав ЦК. Участник Всероссийского Демократического совещания и Временного Совета Республики (Предпарламента). 24 октября на вечерней сессии Предпарламента была принята предложенная Д. резолюция, критиковавшая правительство за промедление в проведении политических и социальных реформ, означавшая отказ в доверии Керенскому.

В качестве исполнявшего обязанности председателя ЦИК Д. 25 октября открыл заседание 2-го Всероссийского съезда Советов, но после решения о передаче власти большевикам он, как и все члены фракции меньшевиков, в знак протеста покинул Смольный. На следующий день Д. в «Рабочей газете» (орган меньшевиков) заявил: «Тот метод террора, посредством которого будут управлять большевики, только ускорит провал демократии». Он поддержал идею создания однородного социалистического правительства. 3 ноября Д. выступил с предложением заставить большевиков отказаться от идеи власти Советов. На Чрезвычайном съезде РСДРП (нояб.-дек. 1917) он вместе с Мартовым возглавил новое левоцентристское руководство партии, вновь избран членом ЦК. Он также вошел в состав ЦО — редакцию газеты «Новый луч».

Для семьи Д. 1917 стал трагическим годом: погиб в Ялте его сын от первого брака, умерла дочь от второго брака. Но житейские невзгоды не сломили Д. В 1918 он вновь избирался членом ВЦИК, принимал участие в работе 3-го, 4-го, 7-го, 8-го Всероссийских съездов Советов, являлся депутатом Моссовета (1920). В течение почти трех лет Д. пытался противостоять диктаторскому курсу большевиков. 28.5.1920 он писал П.Аксельроду: «Мы видим, что большевистская политика неудержимо толкает страну к 18 брюмера...» В то же время еще в конце 1919 он выступил с призывом «защищать самую большевистскую революцию там и тогда, где и когда история вручила ей миссию сдерживать напор мировой контрреволюции»; не принял мирного договора с Германией.

Стремясь парализовать активную политическую и общественную деятельность видного члена ЦК РСДРП, военное ведомство призвало Д. в Красную армию. Он работал заведующим подотделом хирургии при отделе медицинского снабжения Наркомздрава, а затем сослан в «резерв» в Екатеринбург, где служил в Приуральском военно-санитарном управлении, позднее — в Петрограде врачом при 7-м Рождественском спорт-клубе, — входившем в систему допризывной подготовки (июнь 1919 — февр. 1921). 26.2.1921 Д. был арестован как один из организаторов рабочих выступлений. Благодаря усилиям Д.Рязанова ему удалось избежать расстрела (в ночь с 1 на 2 марта его уже привезли в Петропавловскую крепость для расстрела, в последний момент отмененного); 22.7.1921 был переведен в Бутырскую тюрьму, где уже сидели многие его товарищи. В январе 1922 после голодовки протеста Д. и ряд его друзей были выпущены из тюрьмы. Он получил разрешение на выезд за границу и вскоре прибыл в Берлин; но и здесь, а позднее в других городах, оставался под наблюдением ОГПУ-НКВД.

Д. целиком отдался работе в Заграничной делегации (ЗД) РСДРП (ЦК меньшевиков за рубежом), стал признанным лидером и идеологом партии, принимал активное участие в ра-

боте Социалистического Интернационала, завоевал признание в качестве одного из видных деятелей международного социализма. В Берлине Д. продолжал литературную и издательскую работу: готовил к печати со своим предисловием отдельной книгой цикл статей своего умершего друга Мартова «Мировой большевизм» (Берлин, 1923), переводил на русский язык и издал «Переписку между Лассалем и Марксом», книгу К.Каутского «Большевизм в тупике» (1930). Но главное внимание уделял работе в редакции журнала «Социалистический вестник», основанного Мартовым и Р.Абрамовичем. В апреле 1923, после смерти Мартова, он фактически возглавил ЦО ЗД РСДРП (вместе с Д.Далиным). При Д. «Социалистический вестник» заложил методологический фундамент науки, которую позднее назовут «советологией». На страницах журнала печаталась уникальная информация о положении в СССР, в большевистской партии, настроениях различных слоев общества, о потаенных пружинах деятельности Коминтерна. Здесь впервые опубликовано т.н. «Завещание» Ленина, записи бесед Бухарина с Каменевым (1928). В журнале появилось свыше 300 статей самого Д.

Д. — один из авторов ряда партийных документов, определявших стратегию и тактику партии в 20-30-е. От им. ЗД РСДРП он в 1924 сделал вывод о несвоевременности лозунга демократической республики в СССР и о необходимости требования «честных» Советов. В 1933 вместе с другими лидерами опубликовал материалы к пересмотру партийной программы, в которой в качестве основной задачи РСДРП была поставлена «борьба за предотвращение контрреволюции», против большевистской диктатуры. Он призывал отделять большевистскую диктатуру от революционной диктатуры трудящихся, которая «совместима с демократией и могла бы существовать лишь опираясь на нее». Д. призывал также защищать «существующие наряду и вопреки диктатуре Сталина возможности социализма». Эти рассуждения появились вскоре после получения известий о московских процессах, которые, по мнению Д., означали «громадный шаг вперед к самоутверждению и дальнейшему оформлению единоличной диктатуры и тех бонапартистских и реставрационно-капиталистических тенденций, носительницей которых она все больше делается...». Вместе с тем он опасался, что режим, который придет на смену сталинской диктатуре, будет наихудшей формой контрреволюции. Поэтому выступал против пересмотра программы партии по требованию группы меньшевиков (Абрамович, Б.Двинов, *Б.Николаевский*), ставящей целью «поражение диктатуры вовне и ее революционное свержение внутри страны». Оказавшись в меньшинстве в ЗД РСДРП, сложил с себя обязанности председателя и порвал с «Социалистическим вестником» (формально оставаясь руководителем до 1943).

В 1940 в Париже (сюда он переехал в 1933) Д. начал издавать свой «русский социал-демократический орган» — журнал «Новый мир» (апр. 1940 — апр. 1947), а переселившись в Нью-Йорк накануне оккупации Франции, основал журнал под символическим названием «Новый путь» (1941-47) и одноименный политический клуб. Он мечтал вернуться в Европу и продолжить издание журнала, превратив его в международный орган.

Последние два года тяжело больной Д. работал над книгой, вышедшей в свет 21.5.1946 в Нью-Йорке под заголовком «Происхождение большевизма». «По существу, — писал он 3.3.1945, — книга посвящена развитию идей демократии и социализма в России — начиная с освобождения крестьян — и объяснению причин, по которым у нас демократия могла быть осуществлена только как демократия социалистическая, а сам социализм оказался осуществлен только в антидемократической форме, и по которым эта, в национальных рамках неразрешимая, антиномия только теперь близится к разрешению в интернациональных рамках, создаваемых нынешней войной». В этой связи его коллега и один из первых биографов Б.Сапир заметил: «Книга его должна называться не происхождением большевизма, а оправданием большевизма. В этом трагедия Ф.И.Дана». Человек, стоявший у истоков русской социал-демократии, обладавший огромной энергией и волей, незаурядный оратор, выдающийся журналист, партийный аналитик — Д., казалось, был создан для активной государственной деятельности, но его способности остались невостребованными.

Соч.: Всенародное учредительное собрание. Женева, 1905; Социал-демократия в резолюциях Лондонского съезда. СПб., 1907; Выборы в Государственную думу по Положению 3 июня 1907 года. СПб., 1912; О войне и мире: Речи. Пг., 1917; Два года скитаний (1919-1921). Берлин, 1922.

Лит.: 60-летие Ф.И.Дана // Соц. вест., 1931, № 20; Шварц С. Ф.И.Дан // НЖ, 1947, № 15; Абрамович Р. Путь Ф.И.Дана // Соц. вест., 1947, № 1/2; Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959; Крылов В.В. Трагедия революционера // Сов. библиография, 1991, № 2.

В.Крылов

ДАНЗАС Юлия Николаевна (псевд. Нащ, Юрий Николаев) (1879, Афины — 1942) — философ, историк. Родилась в семье дипломата, секретаря русской миссии в Афинах Н.К.Данзаса — потомка К.Данзаса, лицейского товарища А.Пушкина, секунданта на его дуэли с Дантесом; мать Д. — гречанка (урожд. Аргиропуло), происходила от византийских императоров. В молодости Д. была статс-фрейлиной императрицы Александры Федоровны. Окончила Сорбонну, доктор философии. Испытала влияние А.Шопенгауэра и Ф.Ницше, затем увлеклась теософией; входила в масонский орден мартинистов. Сотрудничала в газете «Окраины России» (1909-11), участвовала в сборнике «Запросы мысли» (СПб., 1908), в 1913 опубликовала книгу о гностиках «В поисках божества». Интересовалась хлыстовством. В 1913-14 познакомилась с М.Горьким, который читал ее книгу и впоследствии уделил много места этой теме в романе «Жизнь Клима Самгина»; предполагается, что Д. явилась одним из прототипов Марины Зотовой (сама Д. считала роман свидетельством творческого бессилия Горького в последний период его жизни). Во время 1-й мировой войны вступила в действующую армию, служила в Уральском казачьем полку.

С 1917 профессор Петроградского университета. В марте 1920 назначена заведующей Домом ученых, созданным в Петрограде по инициативе Горького; вспоминала в эмиграции, как Горький «делал все возможное, чтобы спасти остатки русской культуры: музеи, научные учреждения, но особенно — человеческие жизни... Сколь многих защищал он, часто на свой страх и риск, — от великих князей до нищих священников». В Доме ученых Д. познакомилась с учеником Вл.Соловьева, экзархом русских католиков Л.Федоровым, порвала с теософией и перешла в католичество, а в 1923 стала монахиней. Вслед за Федоровым арестована 14.11.1923 в ходе развернувшейся антирелигиозной кампании и приговорена к 10 годам заключения. Отбывала его в сибирских тюрьмах и с 1929 — на Соловках. Печаталась в журнале «Соловецкие острова». В результате усилий Горького, видевшего ее во время посещения Соловецкого лагеря в июне 1929, Д. была освобождена досрочно, в январе 1932. Жила в Ленинграде, получала при посредстве Горького заказы на переводы, в том числе от издательства «Academia»; он же после встречи с ней в Москве добился разрешения на выезд Д. в Берлин к брату (янв. 1933). В биографической статье-отклике Д. на смерть Горького (1936) анализ противоречий в его жизни и творчестве и суровая оценка его роли в Советском Союзе соединяется с уверенностью в том, что, когда рассеются «облака официального фимиама», «снова обнаружится живой человек, гораздо более простой, иногда озадачивающий, но и более привлекательный».

За границей Д. организовала советологический центр «Истина», издавала журнал «Russie et Chrétienté». В 1935 опубликовала воспоминания о «красной каторге» («Bagne rouge. Souvenirs d'une prisoniere an pays des Soviets»). Пыталась осмыслить историю России с позиций католицизма. Утверждала в своих философских работах, что русское православие пронизано религиозным дуализмом. Источниками гностического влияния на новейшую религиозно-философскую мысль в России были, по ее мнению, древнерусская иконография и зодчество, а также западноевропейские мистики Я.Бёме и Д.Пордедж, влияние которых привело Вл.Соловьева к оккультизму и неоплатонизму. Критиковала с этой точки зрения *С.Булгакова* и др. эмигрантских богословов — сторонников «софианства», находила «неогностицизм» у С.Трубецкого, *Н.Бердяева* и особенно у П.Флоренского; соглашалась с осуждением в 1935 «софианства» местоблюстителем патриаршего престола Сергием и архиерейским собором Русской православной зарубежной церкви в Карловцах (Югославия). Бердяев назвал точку зрения Д. «провинциально-католической», свидетельствующей о непонимании оригинальности русской религиозной философии конца XIX — начала XX вв. и граничащей с обскурантизмом. В 1941 опубликовала в Риме работу, посвященную критике марксизма («Католическое Богопознание и марксистское безбожие»). Ее последняя книга — об императрице Александре Федоровне («L'Imperatrice tragica e il suo tempo». Верона, 1942).

Лит.: Диакон Василий. Леонид Федоров: Жизнь и деятельность. Рим, 1966; Агурский М. М.Горький и Ю.Н.Данзас // Минувшее, вып. 5. М., 1991; Лихачев Д. «Беседы прежних лет» // Наше наследие, 1993, № 27.

И.Розенталь

ДАНИЛОВА Александра Дионисьевна (род. 8.11.1904, Петербург) — танцовщица, педагог. Д. рано, еще в младенчестве, потеряла родителей, воспитывалась бабушкой, после ее смерти — крестной матерью, а затем Л.Готовцевой, которая смогла дать девочке хорошее образование и первой обратила внимание на ее хореографическую одаренность. В 1911-20 Д. училась на балетном отделении Петербургского (Петроградского) театрального училища (педагоги *О.Преображенская* и А.Ваганова). На выпускном вечере танцевала pas de deux из балета «Сильвия» Л.Делиба. По окончании была определена в кордебалет Петроградского театра

оперы и балета (быв. Мариинский), но вскоре ей были поручены сольные партии: исполнила вариацию «Мольба» в балете «Коппелия» Делиба, а вслед затем Беренику («Египетские ночи» А.Аренского), Повелительницу дриад («Дон Кихот» Л.Минкуса), Принцессу Флорину и Фею Сирени («Спящая красавица» П.Чайковского), Мирту («Жизель» А.Адана) и др. Невысокая, чуть выше среднего роста, хорошо сложенная, юная танцовщица привлекла внимание критиков, которые отмечали, что «из Даниловой вырабатывается первоклассная классическая танцовщица. Ее искусство овеяно шармом благородного изящества... Не обладая природной элевацией, артистка моментами достигает иллюзии превосходной легкости..., в сфере партерного танца у нее изумительная четкость и незаурядная устойчивость в движениях». Уже тогда Д. интересовал не только академический репертуар. В 1922, увлеченная хореографическими замыслами своего соученика и партнера Г.Баланчивадзе (впоследствии *Дж.Баланчин*), она — активная участница группы «Молодой балет» (исполняла хореографическую миниатюру «Поэма» на муз. З.Фибиха и др.). В 1923 Д. — солистка в экспериментальной работе Ф.Лопухова — танцсимфонии «Величие мироздания» (эпизод «Тепловая энергия»), а в 1924 станцевала заглавную партию в его «Жар-Птице». Встреча с Лопуховым (в то время художественным руководителем балетной труппы Петроградского театра оперы и балета) стала для Д. важной вехой в жизни. По ее собственному признанию, именно Лопухов пробудил в ней жажду знаний, помог осознать важность создания сценического образа.

Осенью 1924 Д. должна была танцевать Китри («Дон Кихот»), но летом в составе небольшого гастрольного коллектива из числа участников «Молодого балета» (Баланчивадзе, Т.Жевержеева, Н.Ефимов и др.) уехала на гастроли по городам Германии и Англии и уже не вернулась на родину. В своих воспоминаниях она писала, что «не собиралась покидать [Россию] навсегда, но хотела видеть мир, увидеть то, что лежало за ее пределами». В Лондоне была приглашена *С.Дягилевым* в труппу «Русский балет». Здесь брала уроки у Э.Чекетти — штатного педагога труппы. Первая сольная партия — комаринская в «Русских сказках» *Л.Мясина* (комп. А.Лядов). В 1926 станцевала Одетту-Одиллию в сокращенном варианте «Лебединого озера» и, после ухода В.Немчиновой, заняла место ведущей солистки труппы. Ее партнерами в «Русском балете» в разные годы были Баланчин, Мясин, *С.Лифарь*, А.Долин. Д. танцевала в балетах разных по своему художественному почерку балетмейстеров: *М.Фокина* (Жар-птица в одноименном балете *И.Стравинского*; Кьярина и Коломбина в «Карнавале» на муз. Р.Шумана, Девушка в «Видении Розы» на муз. К.Вебера, Балерина в «Петрушке» Стравинского); *Б.Нижинской* (сольная партия в «Ланях» Ф.Пуленка, Диана в «Вариациях» на муз. Л.Бетховена); Мясина (солистка в премьере балета «Стальной скок» *С.Прокофьева*, Муза в «Зефире и Флоре» В.Дукельского, Снегурочка в «Полуночном солнце» на муз. Н.Римского-Корсакова, главные партии в «Оде» на муз. *Н.Набокова*, «Чимарозиане» на муз. Д.Чимарозы в оркестровке О.Респиги, «Волшебной лавке» на муз. Дж.Россини в оркестровке и аранжировке Респиги, «Треуголке» М. де Фальи); Баланчина, с которым ее связывали в 1925-28 близкие отношения (была первой исполнительницей партий в его балетах «Барабо» В.Риети — 1925, «Пастораль» Ж.Орика, Сказочная королева в пантомиме «Триумф Нептуна» Дж.Бернерса, главная партия в «Чертике из табакерки» Э.Сати — все три 1926; Терпсихора в «Аполлоне Мусагете» Стравинского — 1928; Служанка в «Богах-попрошайках» на муз. Г.Генделя — 1929; танцы в опере «Турандот» Дж.Пуччини, постановка Оперного театра Монте-Карло). Последняя партия, исполненная Д. в «Русском балете» Дягилева — Аврора в «Свадьбе Авроры» (Лондон, 1929).

Три сезона после смерти Дягилева (1929) — трудное время для Д. Она не имела постоянной работы, кроме случайных и редких приглашений различных, в основном, французских трупп (в том числе солистка балета Оперного театра Монте-Карло, в 1931 танцевала в лондонском театре «Alhambra» в оперетте «Венские вальсы» И.Штрауса). Однако она продолжала совершенствовать свое мастерство (с известным педагогом *Л.Егоровой*). Ее упорство было вознаграждено, и в 1933 (до 1937, кроме сезона 1934, когда Д. танцевала в оперетте «Большой вальс» в нью-йоркском «City Center») она — балерина в «Ballet Russe de Monte Carlo», после раздела которого в 1936 осталась в «Ballet de Monte Carlo» под дирекцией Р.Блюма, выступая в своих прежних ролях и с особым успехом в деми-характерных партиях в балетах Мясина, который высоко ценил комедийное дарование Д., сверкающую виртуозность ее танца: в партии Уличной танцовщицы («Волшебная лавка») и в одной из самых любимых и блестящих своих ролей Продавщицы перчаток («Парижское веселье» на муз. Ж.Оффенбаха). В 1933 Мясин создал для Д. сольную партию в балете «Хореартиум» на музыку И.Брамса.

В 1938-51 Д. — прима-балерина в труппе «Ballet Russe de Monte Carlo» под руководством С.Денема. Во время войны 1939-45 гастролировала вместе с труппой в США и решила ос-

таться там (в 1946 получила американское гражданство). Мясин, бывший главным балетмейстером труппы, создал для нее в 1939 главную партию в «Испанском каприччио» на музыку Римского-Корсакова (балет снят в Голливуде под названием «Испанская фиеста», 1941), в 1940 — чеканно-виртуозную вариацию в дивертисменте «Вена 1814» (на муз. Вебера), в 1941 — партию Девушки в «Саратоге» Я.Вайнбергера. В этих балетах Мясин выступал вместе с ней. В 1939 английский балетмейстер Ф.Аштон поставил для Д. «Забавы дьявола» («Праздник дьявола» на муз. Н.Паганини в аранжировке В.Томмазини). Д. танцевала также классические партии: Одетту-Одиллию в «Лебедином озере», Аврору в «Спящей красавице», Раймонду (3-й акт, который поставила совм. с Баланчиным). С тех пор творческие контакты с Баланчиным не прерывались до самой смерти балетмейстера в 1983. Для нее Баланчин поставил «Концертные танцы» (комп. Стравинский), новую версию «Моцартианы» (вариации Чайковского на темы В.А.Моцарта), партию Сомнамбулы в балете «Ночная тень» (на муз. В.Беллини в аранжировке В.Томмазини), которая, по признанию самой балерины, стала одной из ключевых для нее. Создала также партию Весны в «Снегурочке» (на муз. Римского-Корсакова) и главную партию в «Концерте Шопена» — обе поставлены Б.Нижинской. Этот период — вершина карьеры Д., ставшей одной из наиболее популярных и знаменитых танцовщиц своего времени. Все достоинства артистки, отмеченные еще в пору ее выступлений в России, выкристаллизовались в совершенную форму. Ее внешние данные — великолепная осанка, грация и прекрасной формы ноги, изящная посадка головы, ее неотразимый шарм и блеск, элегантность и блистательная техника, чистота русского академизма и безукоризненный вкус, чувство стиля и полная самоотдача на сцене — снискали ей любовь публики и почитание критиков. Д. пользовалась заслуженной славой и как носительница академических традиций русской школы, и как исполнительница наиболее известных произведений новой хореографии. Д. покоряла зрителей женственностью и величавостью в Одетте, тонким чувством комедии в Сванильде, искрящимся весельем в Уличной танцовщице, элегантностью в Авроре.

В 1949 Д. вместе со своим постоянным партнером Ф.Франклином выступала в Лондоне в «Sadler's Wells Ballet» (в «Жизели», «Коппелии», «Волшебной лавке»). В 1951 она покинула «Ballet Russe de Monte Carlo», в последний раз выступив в «Парижском веселье». В 1952 и 1955 танцевала в лондонском «Festival Ballet», где З.Зорин в расчете на ее дарование поставил комедийный балет «Мадмуазель Фифи». В 1952-54 выступала в труппе М.Словенской—Ф.Франклина, в 1954 сформировала собственную маленькую (из 4-х человек) труппу «Великие мгновения балета», ставя своей целью посещение тех городков, до которых не добирались более крупные коллективы. В репертуаре — pas de deux и вариации из классических балетов и постановок Баланчина. С этой труппой она объездила США, Канаду, Латинскую Америку, Филиппины и др. страны, закончив выступления в Токио в 1957. В 1957 танцевала в «Ballet Russe de Monte Carlo» в Нью-Йорке. Ее последнее выступление в качестве классической танцовщицы состоялось на сцене «Metropolitan Opera» в 1959.

После ухода со сцены деятельность Д. весьма разнообразна: она выступала в бродвейских постановках мюзиклов: впервые — в «Норвежских песнях» (1944, пост. Баланчина), затем — «О, капитан!» (1958), ставила танцы и балетные сцены в оперных спектаклях «Metropolitan Opera» («Джоконда» А.Понкьелли, «Борис Годунов» М.Мусоргского, «Цыганский барон» Оффенбаха и др.). В 1971 еще раз появилась на балетной сцене в пантомимной роли Королевы («Свадьба Авроры» в Лондонском театре «Coliseum»), произведя невиданный фурор. Снялась в драматической роли в художественном фильме «Точка возврата» (1976), ездила по США с лекциями о русском балете. Но основной сферой приложения ее сил стала педагогическая деятельность. Сначала (с 1958) — в частной студии Ф.Ленского (Нью-Йорк), позже по приглашению Баланчина начала вести занятия по изучению классических вариаций в Школе «American Ballet». С 1964 там же преподавала классический танец, ставила с учащимися фрагменты из классических русских балетов. Воспитанница петербургской академической школы, Д. как танцовщица и в эмиграции продолжала совершенствовать свое мастерство в тех же традициях у Чекетти, *Н.Легата*, Егоровой, Преображенской, *М.Кшесинской*. И их опыт лег в основу ее собственной методы преподавания. Легендарная балерина, одна из блистательнейших звезд балета XX в., Д. прививала традиции русской школы американскому балету. Требуя чистоты, тщательности отделки и завершенности исполнения, она учила вместе с тем не форсировать движение, стремясь к мягкости и кантиле танца, а в классе по изучению наследия обращая особое внимание на стиль и манеру, побуждая своих учеников к расширению культурного кругозора. В 1989 решила отойти от преподавательской деятельности, но продолжала работать репетитором.

Еще в 1946 Д. занялась постановочной работой, перенося на сцены западных театров

классические русские балеты: впервые вместе с Баланчиным «Раймонду» в «Ballet Russe de Monte Carlo», затем там же «Пахиту» (1949), в 1961 — «Коппелию» в «La Scala» (Милан), в 1972 — «Шопениану», в 1974 — «Коппелию» (с Баланчиным) — оба в «New York City Ballet», в 1975 — «Павильон Армиды» для вечера в честь *В.Нижинского* в Гамбурге, в 1976 — 2-й акт «Лебединого озера» в Гамбурге для спектакля Дж.Ноймайера и др.

В 1989 президент США Дж.Буш вручил ей медаль Центра Кеннеди за совершенство в танцевальном искусстве. В 1991 Американская Ассоциация балетных критиков устроила цикл семинаров, посвященных творчеству Д. О ней создан фильм «Размышление балерины. Александра Данилова, прима-балерина assoluta». Д. — автор мемуаров («Choura. Memoire of Alexandra Danilova». New York, 1986).

Лит.: Twesden A. E. Alexandra Danilova. New York, 1947; Tassovin P. Danilova // Ballet Today, 1949, vol. 2, № 15; A Conversation with Alexandra Danilova // Ballet Review, 1973, № 4; Fay A. The Belle of the Ballets Russes Alexandra Danilova // Dance Magazine, 1977, Oct.

Г.Андреевская

ДЕНИКИН Антон Иванович (4.12.1872, Ловичь, Варшавская губ. — 7.8.1947, Анн-Арбор, шт. Мичиган, США) — военачальник, историк. Сын отставного майора, бывшего крепостного, начинавшего военную службу солдатом. Учился во Влоцлавском реальном училище и в Киевском пехотном юнкерском училище, из которого выпущен в 1892 подпоручиком во 2-ю артиллерийскую бригаду в город Бела Седлецкой губернии. В 1899 окончил Академию генерального штаба. Служил в штабе 2-й пехотной дивизии в Брест-Литовске, командовал в Варшаве ротой 183-го пехотного Пултусского полка, с осени 1903 в штабе 2-го кавалерийского корпуса на должности старшего адъютанта. С началом русско-японской войны добровольцем отправился на фронт, где зарекомендовал себя как блестящий офицер-генштабист, занимая должности в штабах 9-го и 8-го армейских корпусов, а также на строевых должностях в отрядах генералов Ренненкампфа и Мищенко; награжден тремя боевыми орденами, к концу войны полковник. Выступал за реформирование армии на страницах журнала «Разведчик». Прослужив около 4 лет штаб-офицером при управлении 57-й пехотной резервной бригады, получил в командование 17-й пехотный Архангелогородский полк.

Накануне 1-й мировой войны был произведен в чин генерал-майора с утверждением в должности генерала для поручений при командующем войсками Киевского военного округа. С развертыванием армии по мобилизационному плану занял должность генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии. Штабная работа, однако, его тяготила и, узнав, что открылась вакансия на должность начальника 4-й стрелковой «Железной» бригады, Д. упросил, чтобы его перевели в строй. Под его командованием эта бригада, развернутая в 1915 в дивизию, приобрела широкую известность как одна из лучших дивизий русской армии, «пожарной команды» Юго-Западного фронта. Д. был награжден Георгиевским оружием и двумя орденами, затем Георгиевским оружием, бриллиантами украшенным, получил чин генерал-лейтенанта (1916). С сентября 1916 командовал 8-м армейским корпусом, с марта 1917 помощник начальника, с 18 апреля начальник штаба верховного главнокомандующего, с 31 мая главнокомандующий армиями Западного фронта. Считал необратимой ликвидацию самодержавия; «разумным государственным строем» была бы, по его мнению, конституционная монархия, признавал необходимым дальнейшее радикальное обновление страны мирным путем. На совещании в Ставке 16 июля заявил, что армия нуждается в «героических мерах», чтобы вывести ее «на истинный путь», в частности, предложил «изъять политику из армии», «упразднить комиссаров и комитеты», «восстановить дисциплину и внешние формы порядка и приличия», назначать на высшие должности «по боевому и служебному опыту», создать «отборные, законопослушные части... как опору против военного бунта», ввести смертную казнь на фронте и в тылу. Программу Д. одобрил генерал Корнилов. С 2 августа Д. — главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. Поддержал Корнилова в противоборстве с А.Керенским, 29 августа направил Временному правительству телеграмму, в которой потребовал вернуть Корнилова на пост верховного главнокомандующего, обвиняя правительство в «планомерном разрушении армии, и, следовательно, гибели страны». Был арестован, находился в заключении в Бердичеве, затем в Быхове вместе с Корниловым и его сподвижниками. Освобожден 19 ноября по распоряжению генерала Духонина. Переодевшись в гражданское платье, с документами на имя помощника начальника перевязочного пункта А.Домбровского направился в Новочеркасск, где в декабре был избран членом Донского гражданского совета. Один из организаторов Добровольческой армии, после гибели Корнилова — ее командующий (с 13.4.1918). Переформировав армию, Д. в конце июня предпринял наступление, получившее название 2-го Кубанского похода. В тяжелых изнурительных боях ему удалось занять западную часть Северно-

го Кавказа. С 8.1.1919 по соглашению с командующим Донской армией генералом Красновым главком Вооруженных сил Юга России. Фактический руководитель Особого совещания, затем правительства при главкоме и Южнорусского правительства. Провозгласил целью борьбы с большевизмом восстановление «единой, великой и неделимой России», не предрешая будущую форму правления. 20.6.1919 отдал приказ о захвате Москвы. После успешного продвижения на Украину и в Центральные районы России войска Д. отступили под ударами Красной армии. В январе 1920 адмирал Колчак отказался от звания верховного правителя России в пользу Д., однако тот, утратив большую часть территории, вынужден был прекратить борьбу. 22.3.1920 Д. отплыл на борту английского миноносца из Новороссийска в Константинополь, назначив своим преемником генерала Врангеля.

После недолгого пребывания в Лондоне, где Д. отказался от предложения английских властей возглавить русское правительство в изгнании, он перебрался в Брюссель. Закончил там 1-й из 5 томов «Очерков русской смуты» — основного своего труда, соединяющего в себе черты исторического исследования и мемуаров. В июне 1922 семья Д. переехала в Венгрию, обосновавшись в Шопроне, затем в Будапеште и, наконец, в местечке близ озера Балатон. В середине 1925 переехал в Брюссель, а спустя год в Париж. Здесь были изданы «Очерки русской смуты» (т.1-5. Париж, 1921-26; частично: М., 1991; пер. на англ., нем., франц. яз.). Этот труд Д. считал «самым важным делом» эмигрантского периода своей жизни; «на работу эту я смотрел как на свой долг в отношении «белого движения» и перед памятью павших в борьбе, как добросовестное показание перед судом народным, судом истории», — писал Д. в 1944. В Париже Д. общался с писателями — *И.Буниным, А.Куприным, И.Шмелевым, К.Бальмонтом, М.Цветаевой*. Написал книги «Офицеры» (1928) и «Старая армия» (1929). К деятельности Российского общевоинского союза (РОВС) и его председателя А.Кутепова относился скептически. Был связан лишь с «Комитетом Мельгунова», который собирал и распределял деньги среди организаций, активно участвовавших в борьбе с большевизмом. Осенью 1930 после исчезновения Кутепова жил на ферме Мельгуновых недалеко от Шартра. Выступал с лекциями, которые были для него главным источником существования, в Париже, Чехословакии.

В 30-х занимал антифашистскую позицию. В докладе «Мировые события и русский вопрос» (дек. 1938) говорил: «Наш долг, кроме противобольшевистской борьбы и пропаганды, проповедовать идею национальной России и защищать интересы России вообще. Всегда и везде, во всех странах рассеяния, где существуют свобода слова и благоприятные политические условия — явно, где их нет — прикровенно. В крайнем случае молчать, но не славословить. Не наниматься и не продаваться». Вопреки настроениям многих эмигрантов Д. утверждал, что «Красная армия в какой-то степени является русской национальной силой, и всякое сношение с иностранцами на предмет борьбы против большевиков есть измена Родине». После капитуляции Франции Деникины на такси бывшего полковника Глотова перебрались на юг Франции в местечко Мимизан, близ Бордо. Предложение гитлеровцев переехать в Берлин, чтобы там продолжить начатую им работу над автобиографической книгой «Моя жизнь», Д. отверг. Тяжело переживал поражения Красной армии и радовался ее победам. Вместе с тем критиковал тех, кто полагал, что большевистский режим эволюционирует: «Положение внутри страны не изменилось, ...до тех пор, пока важнейшие свободы не восстановлены, до тех пор, пока трудящиеся находятся в порабощении и продолжается кровавая диктатура НКВД, мы должны сохранять верность идеям, провозглашенным основателями Добровольческой армии, и продолжать наш путь в эмиграции, каким бы тяжелым он ни был».

В мае 1945 вернулся в Париж, но, опасаясь депортации в Советский Союз, через полгода уехал в США, где в 1946 заключил договор с издательством «Э.Даттон» о публикации книги «Моя жизнь» и новой работы «Вторая мировая война, Россия и эмиграция». Лето 1947 провел у друзей на берегу озера Мичиган. Умер после очередного сердечного приступа. Похоронен с воинскими почестями на кладбище Эвергрин; впоследствии прах Д. перенесен на русское кладбище Св.Владимира в местечке Джаксон (шт. Нью-Джерси).

Соч.: Путь русского офицера. М., 1990.

Лит.: Соколов К.Н. Правление генерала Деникина. София, 1921; Василевский И.М. Генерал Деникин и его мемуары. Берлин, 1924; Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992.

Ю.Трамбицкий

ДОБРЖАНСКИЙ Феодосий Григорьевич (12.1.1900, Немиров — 19.12.1975, Дейвис, шт. Калифорния, США) — генетик. Окончил физико-математическое отделение Киевского университета (1921), где одно время помогал В.Вернадскому и даже числился его сотрудником в Украинской Академии наук. В 1924 пе-

реехал в Ленинград, где работал на кафедре генетики Ленинградского университета, с 1925 — ученый специалист отдела генетики КЕПС АН СССР. Д. принадлежал к числу ведущих специалистов по генетике дрозофилы; руководил в Ленинграде группой, в которую входили замечательные отечественные генетики (Ю.Керкис, М.Бельговский, Н.Медведев). В 1927 в качестве стипендиата Рокфеллеровского фонда Д. при содействии известного генетика Ю.Филипченко выехал в США на стажировку в лаборатории Т.Х.Моргана (вместе с женой Н.Сиверцевой). Сохранившаяся в архивах переписка Д. с Ю.Филипченко, Н.Вавиловым и др. позволяет утверждать, что Д. и его супруга не думали навсегда оставаться за границей. Однако изменение политической ситуации в СССР, принудительный уход Филипченко из университета, а также отсутствие каких-либо перспектив научной работы в избранном направлении на родине поставили Д. в безвыходную ситуацию, вынудив остаться в США; это была эмиграция поневоле.

В 1927 Д. работал в группе Моргана в Колумбийском университете (Нью-Йорк), в 1929-40 в Калифорнийском технологическом институте (Пасадена). С 1936 профессор генетики. В 1940-62 профессор зоологии Колумбийского университета, в 1962-70 профессор Рокфеллеровского института (Нью-Йорк). Закончил свою научную карьеру профессором генетики Калифорнийского университета (Дейвис). По словам Моргана, Д. привнес в американскую генетику сильное влияние русской школы популяционной генетики. Он сумел совместить изучение менделеевской наследственности и цитологии хромосом с работой по эволюционной проблематике. Именно Д. мировое научное сообщество обязано открытием возможностей эволюционной работы с природными популяциями дрозофилы. В начале своей деятельности в США Д. внес большой вклад в изучение транслокаций. Его теоретические предположения о механизме притяжения генов привлекали большое внимание, а обзоры по различным типам транслокаций (переведенные и на рус. яз.) были очень популярны. В 1937 вышла книга Д. «Генетика и происхождение видов», в которой были изложены основы теории микроэволюции — основной части синтетической теории эволюции, разработана программа генетико-эволюционных исследований на несколько десятилетий вперед. Д. стал одним из создателей экспериментальной генетики популяций и синтетической теории эволюции. Он внес существенный вклад в изучение изолирующих механизмов эволюции. В лаборатории Д. прошли подготовку многие выдающиеся генетики: Дж.Мур, Б.Уоллес, Р.Левонтин, Ф.Айяла. Будучи широко образованным и масштабно мыслящим человеком, Д. внес большой вклад и в работы по генетике и эволюции человека, в философские и гуманитарные аспекты эволюционной теории.

Всегда помня о своих корнях, отлично понимая положение генетики и генетиков в СССР, Д. одним из первых вместе с Г.Мёллером, Т.Соннеборном, Р.Клеландом в 1949 опубликовал официальное заявление от им. американских биологов, осуждающее политику уничтожения генетики в СССР. Переписка Д. со многими советскими коллегами восстановилась как только это стало возможным, однако предпринятые им в 60-е попытки повидать родину не увенчались успехом.

Д. являлся членом Американской Академии искусств и наук (1941), членом Лондонского Королевского общества и др. зарубежных Академий наук.

Соч.: Heredity and the Nature of Man. London, 1970; Evolution. San Francisco, 1977.

Лит.: Ayala F.J. Theodosius Dobzhansky: The Man and Scientist // Ann. Revue Gen., 1976, vol. 10; Lewontin R.C. Introduction: The Scientific Work of Th.Dobzhansky / Dobzhansky's Genetics of Natural Populations. New York, 1981; Конашев М.Б. Ф.Г.Добржанский (1900-1975) / Ф.Г.Добржанский и эволюционный синтез. Л., 1990; Его же. «Невозвращенец поневоле» / Российские ученые и инженеры в эмиграции. М., 1993.

Е.Музрукова

ДОБРОВЕЙН Исай Александрович (наст. фам. и имя Барабейчик Ицхок Зорахович) (15.2.1891, Нижний Новгород — 9.12.1953, Осло) — дирижер, пианист и композитор. Отец, Александр Осипович Барабейчик, играл на ударных инструментах и тромбоне в оркестре нижегородского театра. Мать — Анна Израилевна (урожд. Добровель). В детстве мальчик был усыновлен дедом И.И.Добровелем и получил его фамилию, которая была впоследствии изменена на Добровейн. Первым музыкальным наставником Д. был отец, затем — педагоги музыкальных классов нижегородского отделения Русского музыкального общества В.Виллуан и В.Гофман. В 1901 игра маленького музыканта привлекла внимание гастролировавшего в городе известного московского пианиста Д.Шора, который определил его на бесплатное обучение в Московскую консерваторию, в класс А.Ярошевского. С 1906 Д. занимался на старшем отделении с К.Игумновым и в 1911 окончил курс с золотой медалью. Затем он совершенствовался в Вене у Л.Годовского в Школе высшего исполнительского мастерства. Талант начинающего артиста был сразу сочувст-

венно встречен публикой и музыкальной критикой. «Его игра не бьет на эффект, — писалось в одной из рецензий 1913, — он никогда не виртуозничает и не бравирует своей техникой, как многие иные пианисты, никогда эта техника не вылезает у него на первый план. На первом плане — само сочинение... и г.Добровейн относится к интерпретации с осторожной вдумчивостью. Это корректная, благородная манера игры, и в то же время в ней нет обычного недостатка всех чрезмерно «корректных» исполнителей, в ней нет педантичности и хладнокровия. Напротив, все это исполнение дышит талантливостью, от первой до последней ноты». Критики единодушно отмечали основную черту дарования пианиста — «его мягкий, немного меланхолического оттенка лиризм». Те же особенности отличали и произведения Д.-композитора (сочинять он начал еще в стенах консерватории): «Композиторское дарование г.Добровейна чрезвычайно искренно, определенно элегично..., к положительным сторонам этого дарования следует отнести общую его культурность и хорошую пианистичность изложения». Стилистически музыка Д. находилась под влиянием творчества раннего А.Скрябина. Однако, по свидетельству многих современников, ей присущи были «известное однообразие», «слишком узкий круг настроений и даже средств». Впрочем, сочинения Д. пользовались в свое время успехом. Например, написанный в 1925 фортепианный концерт исполняли, помимо автора, известные пианистки Ф.Нэш и М.Тальяферо. Всего в наследии музыканта около 20 опусов, среди которых мелкие фортепианные пьесы, баллады, сонаты, романсы. В 1917-21 он преподавал фортепиано в Московском филармоническом училище. Поворотным моментом в жизни Д. стало его участие в постановке «Сказок Гофмана» Ж.Оффенбаха на сцене театра-студии *Ф.Комиссаржевского* в Москве в 1919. Артист впервые встал тогда за дирижерский пульт. С радостью встретил он предложение дирижировать оперными спектаклями Большого театра — «Севильским цирюльником» Д.Россини и «Борисом Годуновым» М.Мусоргского (дважды дирижировал этим спектаклем с участием *Ф.Шаляпина*). Однако новых постановок ему не поручали. К тому же отношения с администрацией театра оставляли желать лучшего, и контракт с Д. на сезон 1922/23 не был возобновлен.

В мае 1922 Д. уехал в Германию. Фриц Буш, дирижер Дрезденской государственной оперы, привлек его в качестве главного консультанта постановки «Бориса Годунова», а затем Д. был назначен и дирижером оперы. Этот спектакль, премьера которого состоялась 23.2.1923, стал для Германии подлинным открытием творения Мусоргского. Д. удалось преодолеть трудности восприятия русского исторического материала немецкой публикой. Пресса с восторгом отзывалась о новом сценическом прочтении оперы: «До сих пор казалось большой смелостью ставить «Бориса Годунова» без Шаляпина, но в Дрезденской опере появилась другая величина, которая сделала это возможным, молодой русский режиссер-дирижер с гениальным всевидящим глазом, всеслышащим ухом — подгоняющая, созидающая, всеохватывающая сила этого представления». Опера обрела неслыханную популярность — за два последующих сезона она была поставлена в 11 театрах Германии. Секрет успеха лежал в новых принципах синтетического оперного спектакля, осуществлять которые начал Д. В статье, опубликованной в берлинском «Бёрзенкурир» в 1923, он следующим образом формулировал свой взгляд на оперную постановку: «Необходимо воспитать дирижера и режиссера в одном и том же лице, и только при такой единоличной диктатуре возможно цельное и законченное оперное представление». Работая над «Борисом», Д. сам занимался со всеми участниками спектакля — солистами, хором, художниками, декораторами, читал им целые лекции по русской истории и культуре. Впоследствии, ставя оперы на крупнейших сценах мира, он продолжал руководствоваться теми же принципами.

Успех «Бориса Годунова» принес Д. известность и новые ангажементы. В 1923 состоялся его дебют в Лейпциге в качестве симфонического дирижера, в 1924 он получил штатное место дирижера в Берлинской народной опере и в Дрезденском филармоническом оркестре. В сезоне 1927/28 Д. работал в Софийской опере, затем с симфоническим оркестром во Франкфурте-на-Майне. Он получил постоянный ангажемент как концертный дирижер и в США (Сан-Франциско), часто посещал Венгрию и Италию. Семья Д. жила в Дрездене, туда музыкант возвращался в промежутках между гастролями. Лето все вместе проводили в деревне на берегу Боденского озера; Д. изучал партитуры, готовясь к новому сезону и отдыхал с удочками — страсть к рыбалке сохранилась у него с детских лет, проведенных на Волге. После прихода в Германии к власти нацистов Добровейны переехали в Осло: еще в 1929 артист получил норвежское гражданство. В годы 2-й мировой войны Д. нашел прибежище в Швеции: в 1939 работал с оркестром Гётеборга, в 1941 — в Королевской опере Стокгольма.

В послевоенные годы Д. работал с Лондонским оркестром «Philharmonia» и с театром «La Scala» в Милане, где он выступал как концерт-

ный дирижер и фактически являлся главным дирижером русского репертуара. Дебют Д. в «La Scala» состоялся 11.5.1948 в концертной программе — Пятая симфония Бетховена и «Поэма экстаза» Скрябина. Первый спектакль — «Хованщина» Мусоргского (9.2.1949) — с участием выдающихся басов Н.Росси-Лемени и Б.Христова. Следующая постановка — «Борис Годунов» с Б.Христовым в заглавной роли и *А.Веселовским* в роли Шуйского (сезон 1949/50). Еще две оперы были поставлены Д. как дирижером и как режиссером: «Сказание о невидимом граде Китеже» Н.Римского-Корсакова и «Князь Игорь» А.Бородина (1951). Д. дирижировал в «La Scala» и балетами («Лебединое озеро» П.Чайковского, «Любовь-волшебница» М. де Фальи, «Жар-птица» *И.Стравинского* в сезоне 1949/50), и крупными ораториальными произведениями («Страсти по Матфею» И.С.Баха и «Юдифь» А.Онеггера). Плодотворным было сотрудничество в «La Scala» Д. с художником Н.Бенуа.

Главнейшими исполнительскими достижениями Д. стали произведения русских композиторов. За 30 лет работы на Западе он осуществил в общей сложности 17 постановок 7 опер: «Борис Годунов», «Хованщина», «Князь Игорь», «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» Чайковского, «Сказание о невидимом граде Китеже». Под управлением Д. состоялись концертные исполнения «Золотого петушка» Римского-Корсакова в Турине и Брюсселе и «Китежа» в Лондоне. Д. выступал и в чисто режиссерском амплуа, поставив в Берлине «Сорочинскую ярмарку» Мусоргского и «Соловья» Стравинского, и как дирижер — в «Лебедином озере» Чайковского, балете «Шехеразада» по Римскому-Корсакову, «Жар-птице» и «Петрушке» Стравинского. Работал Д. и над операми современных западных композиторов, проведя премьеры «Кордильяка» П.Хиндемита и «Раскольникова» Г.Зутермейстера. К числу подлинных шедевров Д.-интепретатора принадлежат его трактовки сочинений Бетховена и русских композиторов от М.Глинки до *С.Прокофьева.* Особенно впечатляли сыгранные под его руководством Пятая и Шестая симфонии Чайковского и «Поэма экстаза» Скрябина. На концертах дирижера нередко звучала музыка Д.Шостаковича (в том числе Первая, Седьмая и Девятая симфонии), А.Хачатуряна. Высочайшая и разносторонняя культура, совершенное владение оркестром, яркий артистический темперамент — эти черты выдвинули Д. в ряд самых выдающихся дирижеров 1-й половины XX в. Все свои концертные программы Д., обладавший феноменальной музыкальной памятью, проводил наизусть, без партитуры, за исключением исполнений аккомпанементов.

Д. много записывался на пластинки, в том числе с известными солистами — Губерманом (скрипичные концерты Баха и Моцарта), пианистами Соломоном (Первый концерт Чайковского и Второй концерт Брамса), А.Шнабелем (Второй, Третий и Четвертый концерты Бетховена). *Н.Метнер* записал с Д. свои Второй и Третий концерты. Среди симфонических произведений, записанных Д., выделяются Четвертая симфония, Струнная серенада и «Франческа да Римини» Чайковского, «Богатырская симфония» Бородина (одно из лучших исполнений в грамзаписи). К числу бесспорных шедевров мировой фонографии относится запись «Бориса Годунова» с оркестром Французского национального радио и «Русским хором» (его основу составил хор русского православного собора Св.Александра Невского — руководитель *П.Спасский*; басовые партии исполнил Б.Христов). Внешняя сторона жизни Д. складывалась благополучно, однако он болезненно переживал разлуку с родиной. Многое в окружающем его мире было для него неприемлемо, на склоне лет он писал: «Сейчас жизнь моя (если это можно назвать жизнью!) протекает в воспоминаниях. Это убежище, единственное, которое дает мне отраду и подкрепление. Настоящее тяжело, будущее пугает...» Понимание и поддержку он находил в семье и в кругу друзей, среди которых — Метнер, Шаляпин, *С.Рахманинов,* Ф.Нансен, М.Горький (его музыкант знал с детства, еще по Нижнему Новгороду). Но главной отрадой в жизни Д. всегда оставалось искусство. «Музыка моя все такая же, — писал он в преклонные годы, — и в ней чувствую я себя моложе и радостнее, чем когда-либо».

Лит.: М.Л. Московские концерты // Хроника журн. Муз. современник, 1917, № 15, 31 янв.; Дрейден С. Слушая Добровейна / Муз. исполнительство. 6-й сб. статей. М., 1970; Добровейн М.А. Страницы жизни Исая Добровейна. М., 1972.

С.Грохотов

ДОБУЖИНСКИЙ Мстислав Валерианович (2.8.1875, Новгород — 20.11.1957, Нью-Йорк) — график, иллюстратор, живописец, театральный художник. Отец — В.П.Добужинский — генерал-лейтенант артиллерии и основатель Литовского общества охраны старины, мать — Е.Т.Борецкая, оперная певица. Детство провел в Петербурге; в 1889-95 жил с отцом в Вильно. По возвращении в Петербург поступил в Рисовальную школу Общества поощрения художеств (1895-97), занимался в мастерской Л.Дмитриева-Кавказского (1895-98). Учился также в Мюнхене в школах А.Ашбе (1899-

1901) и Ш.Холлоши (1898-1903). Окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1901 путешествовал по Италии и Франции, по возвращении в Россию обучался гравюре в мастерской В.Матэ. В 1897-1902 рисовал для петербургских сатирических журналов «Шут» и «Стрекоза».

Постоянный экспонент и член объединений «Мир искусства» (1902-4, 1906, 1911-13, 1915-18, 1922, 1924), Союз русских художников (1904-10) и Новое общество художников (1908-14). Основные темы станкового творчества — современный или исторический городской пейзаж, Человек и Город. Сотрудничал с журналами «Мир искусства» (1902-4), «Художественные сокровища России» (1903), «Золотое руно» (1906-8), «Аполлон» (1909-15); с альманахами «Белые ночи» (1907), «Шиповник» (1907-8). В 1905-8 публиковал политические карикатуры в журналах «Жупел» и «Сатирикон». Изготовлял оригиналы для открытых писем Общины Св.Евгении. Иллюстрировал сочинения А.Пушкина, М.Лермонтова, М.Кузмина, А.Блока, Н.Лескова, Ф.Достоевского, Г.-Х.Андерсена, К.Чуковского, Ю.Олеши и др. авторов (1906-25).

С 1907 работал как сценограф, оформив спектакли Старинного театра («Лицедейство о Робине и Марион» А. де Аля), театра В.Комиссаржевской («Бесовское действо» *А.Ремизова*; «Франческа да Римини» Г. Д'Аннунцио), Московского Художественного театра (пьесы И.Тургенева, А.Грибоедова, Достоевского, Блока). В 1914 оформлял балеты для Русских сезонов *С.Дягилева* в Париже: «Бабочки» Р.Шумана и «Мидас» А.Штейнберга. В 1910-е сотрудничал в литературно-художественном кабаре «Привал комедиантов», в любительских и кукольных театрах Петербурга. Работал в монументально-декоративных формах (эскизы оформления Строительной выставки в Петербурге, 1908; эскизы росписи плафона и убранства комнат особняка Носовых в Москве, 1912; имения Е.Олив «Кочановка» на Украине, 1915; эскизы росписи Казанского вокзала в Москве, 1916). Преподавал в Школах Е.Званцевой (1906-10), княгини Гагариной (1910-17), Свободных художественных учебных мастерских (1918-21), ВХТУЗ (1921-23), в Витебском художественно-практическом институте (1923-24).

В послереволюционные годы участвовал в оформлении уличных празднеств и шествий (украшение здания Адмиралтейства к 1-й годовщине переворота; совм. с *Ю.Анненковым* оформление мистерии-действа «Гимн освобожденному труду» 1.5.1920).

Продолжал заниматься сценографией: в 1919-21 оформил спектакли по пьесам «Дантон» Л.Левберга, «Разбойники» Ф.Шиллера, «Макбет» и «Король Лир» В.Шекспира в Большом драматическом театре в Петрограде и «Оливер Кромвель» А.Луначарского в московском Малом театре. Весной 1920 провел персональную выставку в петроградском Доме искусств, в 1923 — в городах Прибалтики, а также в Германии, Дании, Швеции, Голландии, Бельгии и Франции.

В 1924 покинул Россию как литовский гражданин. В 1925 работал для Рижского театра, в 1926-29 для парижского театра *Н.Балиева* «Летучая мышь». В 1929 стал ведущим художником Государственного литовского театра в Ковно (Каунасе), для которого оформил спектакли по пьесам Н.Гоголя, Шекспира, балеты П.Чайковского, М.Мусоргского, А.Глазунова, *Н.Черепнина*, Р.Вагнера, В.Моцарта и др. В 1935 отправился в Англию вместе с труппой литовского театра. В 1939 переехал в США. Оформлял спектакли для «Metropolitan Opera» (Дж.Верди, Мусоргский и др.) и различных театральных трупп. В 1947 написал либретто и исполнил эскизы декораций к балету на музыку Седьмой симфонии Д.Шостаковича. Продолжал заниматься живописью и графикой (создал воображаемые пейзажи блокадного Ленинграда в 1943, графические серии и циклы, в том числе иллюстрации и оформление нью-йоркских изданий сочинений Пушкина, Лермонтова, Лескова, *И.Бунина*, *Б.Зайцева* — в 1941-51).

Оставил обширное литературное наследие. Еще в 1910-е публиковал критические статьи о живописи и театре (псевд. Амадео). В 1923 выпустил книгу «Воспоминания об Италии» в конце жизни завершил обширные мемуары (опубл. Нью-Йорк, 1976, в 2-х т.; в России опубл. в сокращенном виде в 1987).

Участвовал в групповых зарубежных выставках в Берлине и Париже (1906); Брюсселе (1910); Риме (1911); Венеции (1913); Копенгагене и Париже (1923); Дрездене (1924). Персональные выставки художника прошли: в Петрограде—Ленинграде (1915, 1920, 1925 и 1965); Таллинне (1925); Вильнюсе (1963, 1975); Москве (1975), а также в Амстердаме (1928) и Лондоне (1935, 1955, 1959).

Последние пять лет жизни художник провел в Европе. Он скончался в США, но похоронен в Париже.

Лит.: Голлербах Э. Рисунки М.Добужинского. М.-Пг., 1923; Маковский С., Нотгафт Ф. Графика М.В.Добужинского. Берлин, [1924]; Гусарова А. Мстислав Добужинский. М., 1982; Чугунов Г. Мстислав Валерианович Добужинский. 1875-1957. Л., 1984.

А.Толстой

ДОН-АМИНАДО (наст. фам., имя Шполянский Аминад Петрович/Аминодав Пейсахович; псевд. Гидальго, Ама, Вероника К., Страшноватенко и др.) (25.4.1888, Елизаветград — 14.11.1957, Париж) — поэт, прозаик. Родился в мещанской семье, в 1906 окончил елизаветградскую классическую гимназию, учился на юридическом факультете Новороссийского университета в Одессе, в 1910 окончил (экстерном) юридический факультет Киевского университета. Тогда же начал литературную деятельность в качестве корреспондента елизаветградской газеты «Голос Юга».

В 1910-12 служил помощником присяжного поверенного в Москве, вращался в московских литературных кругах, где познакомился с *И.Буниным, В.Ходасевичем*, В.Брюсовым; с 1914 — член Общества деятелей периодической печати и литературы. После начала 1-й мировой войны около года находился на фронте, отразив свои впечатления в первой книге стихов «Песни войны» (М., 1914). Написанные в бодром патриотическом духе, они были проникнуты болью за судьбы мира и культуры («Реймсский собор» и др.), но не выделялись на фоне военной лирики тех лет. Свой собственный голос Д.-А. нашел в стихотворных юморесках и литературных пародиях, печатавшихся в журнале «Женское дело» (1915, № 1-3), а также в циклах газетных фельетонов «Соринки дня» и «Вечерние новости». В 1914-16 сотрудничал в газетах «Раннее утро», «Одесская газета», «Утро России» (1916), журналах «Красный смех» (1915), «Будильник» (1916-17) и др. В 1915 Д.-А. был ранен и вскоре демобилизован, с 1916 активно занимался журналистикой, сотрудничая в московских изданиях («Вечерние новости», «Новь», «Рампа и жизнь», «Кулисы» и др.) как обозреватель, театральный рецензент, хроникер, фельетонист. В 1916 стал сотрудником петроградского еженедельника «Новый Сатирикон», где вплоть до 1918 появлялись его стихотворные фельетоны, литературные пародии, юморески. Особенно удачны остроумные пародии на деятелей искусства и писателей (А.Блока, Ф.Сологуба, *К.Бальмонта*, А.Ахматову и др.). Отмечая высокий уровень мастерства Д.-А., критики писали, что его звучные стихи поражают «остротою гротеска, неожиданностью образа, красотою рифмы».

Февральскую революцию встретил восторженно («Первая радость»). В мае 1917 в московском Новом театре П.Кохмановского шла его пьеса «Весна семнадцатого года»; судьба свергнутого с престола Николая II сравнивалась в ней с участью других монархов (Людовика XVI, португальского короля Мануэля, персидского шаха Мухамеда Али и др.). Октябрьскую революцию Д.-А. не принял. В 1918-19 жил в Киеве, печатаясь в киевских газетах «Утро», «Вечер», «Киевская мысль» и в одесском «Современном слове». 20.1.1920 из Одессы эмигрировал в Константинополь. Вспоминая минуты отъезда, Д.-А. писал: «Все молчали. И те, кто оставался внизу на шумной суетливой набережной. И те, кто стоял наверху на обгоревшей пароходной палубе. Каждый думал про свое, а горький смысл был один для всех: «Здесь обрывается Россия над морем черным и глухим». Из Константинополя через Марсель приехал в Париж, где прожил все оставшиеся годы.

Эмигрантский период творчества Д.-А. оказался особенно плодотворным. Сборники стихов и прозы «Дым без отечества» (Париж, 1921), «Наша маленькая жизнь» (Париж, 1927), «Накинув плащ. Лирические сатиры» (Париж, 1928) продолжали классическую традицию русского юмора с его состраданием к «маленькому человеку», но эта тема трансформировалась прим.тельно к эмигрантскому зарубежью. «Дым без отечества» щиплет глаза, туманит сознание его героя, злой скепсис разочаровавшегося в революции либерального интеллигента превращается в мировую вселенскую скорбь. Прежний мир хрустнул и раскололся, «как маленький орех», поэтому герой Д.-А., близкий самому автору, не верит ни в народ, ни в высокое искусство. Книга «Наша маленькая жизнь» посвящена расколу эмиграции на партии и группки, ожесточенно спорящие о «способах спасения Руси»; сатира достигает здесь наибольшей остроты, сарказм и горестная ирония преобладают. Рассказывая о трудной жизни русского эмигранта в Париже (цикл «Бескрылые дни»), поэт замечает «испивших последнюю каплю», «стоящих на самом краю», «маленькая жизнь» русской колонии раскрывается как бесконечная цепь унижений и страданий. Поэт показал духовный кризис интеллигенции, оставшейся без родины, оторванной от народной почвы. Назвав Д.-А. «совершенно замечательным поэтом», *М.Цветаева* писала ему: «Вся Ваша поэзия — самосуд эмиграции над самой собой... Вы каждой своей строкой взрываете эмиграцию». Лирический герой сборника «Накинув плащ» — романтический бродяга, странник по Вселенной. Характерное для ранней поэзии неприятие пошлости и бездуховности, критика мещанства затуманены налетом ностальгии. Автор грустит о старом быте, унесенном войной и революцией, испытывая нежность даже к мещанской провинциальной жизни с исправником и «тещей». Заметив сильную лирическую струю в сатирических произведениях Д.-А., Бунин писал в 1927: «Дон-Аминадо гораздо больше своей популярности (особенно

в стихах) и уже давно пора дать подобающее место его большому таланту — художественному, а не только газетному, злободневному».

С годами желчная интонация первых эмигрантских сборников сменилась более мягкой, юмористической. Д.-А. призывал к бодрости и стойкости, советовал соплеменникам «не шляться с мордой освежеванного кролика». В 1920-30-х он активно сотрудничал в берлинских и парижских изданиях, редактировал детский журнал «Зеленая палочка» (1920-21), печатался в газетах «Свободные мысли», «Последние новости», журналах «Иллюстрированная Россия», «Современные записки», «Скифы» и др. В газете «Последние новости» из номера в номер появлялись его остроумные фельетоны на злобу дня, смысл которых можно охарактеризовать названием стихотворной сатиры «Всем сестрам по серьгам» (отд. изд. Париж, 1931). *А.Седых* писал: «В стихах Дон-Аминадо был лиричен. Его проза напоминала удары рапиры». Светлым юмором окрашены лишь детские произведения Д.-А. («Рассказ про мальчика Данилку, серую котомку и еще что-то». Берлин, 1922). Критики ставили ему в заслугу создание образа «денационализированного» эмигрантского мальчика Коли Сыроежкина.

В 1931 Д.-А. стал ведущим сатириком русского зарубежья, возглавив возобновленный в Париже журнал «Сатирикон», но, как писал *Л.Зуров*, Д.-А. «в жизни был талантливее своих фельетонов. Остроумие, как и жизненная энергия, казались в нем неистощимыми, у него была всеэмигрантская известность». Вышедшая в 1935 в Париже книга «Нескучный сад» содержала, наряду со стихами, циклы афоризмов под общим заглавием «Новый Козьма Прутков» («Похвала глупости», «Российские крестословицы», «Любовь к ближнему», «Философия каждого дня» и др.). С помощью сатирического парадокса и иронического каламбура подвергались переоценке все жизненные критерии и моральные ценности, выворачивался «наизнанку» расхожий катехизис мещанской морали. Предшественник автора этих афоризмов — не столько простоватый тугодум Козьма Прутков, сколько блестящий Оскар Уайльд.

Творчество Д.-А. было замечено на родине: перепечатывая ряд произведений, журнал «За рубежом» назвал его «одним из наиболее даровитых уцелевших в эмиграции поэтов», заметив, что в его стихах «отражаются настроения безысходного отчаяния гибнущих остатков российской белоэмигрантской буржуазии и дворянства». В том же духе выдержаны отзывы М.Горького о Д.-А.; он считал его подлинным выразителем настроений эмиграции («человек неглупый, зоркий и даже способный чувствовать свое и окружающих негодяйство»).

В последние годы жизни Д.-А. все чаще обращал свой взор к России, размышляя о ее исторических судьбах и судьбах своего поколения. В книгу «В те баснословные года» (Париж, 1951), наряду с лирическими стихотворениями о дореволюционной России и картинками эмигрантского быта, вошли «Афоризмы Козьмы Пруткова». В отличие от предыдущих они более философичны: исчезли злободневные намеки на Гитлера и Сталина, появились общечеловеческие мотивы и ностальгические ноты. В этот период Д.-А. приходит к горестному выводу, что «цена изгнания есть страшная цена». Эта мысль доминирует в книге воспоминаний «Поезд на третьем пути» (Нью-Йорк, 1954; М., 1991), где повествование о жизненном пути автора, характеристика литературно-художественной жизни России и русского зарубежья даны сквозь призму мироощущения эмигранта: «Бури. Дерзанья. Тревоги. Смысла искать — не найти. Чувство железной дороги... Поезд на третьем пути».

Являясь итоговым произведением Д.-А., эта книга содержит выразительные портретные характеристики (не всегда справедливые) многих современников. Оценивая значение творчества Д.-А., Седых писал: «Дон-Аминадо был сатириком, достойным наследником Козьмы Пруткова, а по-настоящему он хотел быть только поэтом, писать об уездной сирени и соловьях, о золотых локонах Тани в легкой зимней пороше». *З.Гиппиус*, напротив, считала, что Д.-А. был «задуман, как поэт гражданский, «некрасовской школы», поэтому его лирические стихотворения часто обрываются «неожиданным прозаическим «смешным словом», не всегда удачным». Сатирик, действительно, был в Д.-А. сильнее юмориста, однако и за тем и за другим все же скрывался тонкий и грустный лирик.

После 2-й мировой войны, во время которой Д.-А. занимал антифашистскую позицию, он уехал из Парижа в Монпелье, затем в Йер. Он почти не печатался, живя уединенно и называя себя «йеромонахом». По свидетельству Седых, ежедневные фельетоны в газетах он заменял письмами в Америку, которые были столь же блистательно остроумны. В письмах к Д.-А. Цветаева точнее других определила главную черту его творчества, говоря о «лирической жиле», которая есть «почти в каждой его шутке».

Соч.: Pointes de feu. Recueil de maximes. Paris, 1939; Из парижского архива Дон-Аминадо. Публ. Н.В.Волковой // Встречи с прошлым, вып. 7. М., 1990. Парадоксы жизни: Стихотворения, воспоминания, афоризмы. М., 1991.

Лит.: Шаховская З. Отражения. Париж, 1975; Спиридонова (Евстигнеева) Л.А. Русская сатирическая литература. М., 1977; Бахрах А. По памяти, по записям. Литературные портреты. Париж, 1980; Одоевцева И. На берегах Сены. Париж, 1983; «Ковчег». Поэзия первой эмиграции. Сост. В.Крейд. М., 1991.

Арх.: РГАЛИ, ф. 2257; Колумбийский ин-т, Бахметьевский арх. (США).

Л.Спиридонова

ДЯГИЛЕВ Сергей Павлович (19.3.1872, Селищенские казармы, с. Грузино, Новгородской губ. — 19.8.1929, Венеция) — русский импрессарио, издатель, театральный деятель. Мать, Е.Н.Евреинова, умерла при появлении на свет сына. Отец — потомственный дворянин, кавалергард Павел Павлович Д., в 1874 женился вторично. Д. с любовью относился к мачехе, Елене Валерьяновне Панаевой, много сделавшей для его воспитания. Вся семья была очень музыкальна. Отец обладал красивым тенором, охотно пела и мачеха. В доме часто устраивались музыкальные вечера. Просвещенный дилетантизм, окружавший Д. в детстве, способствовал формированию его художественных склонностей. Из-за чрезмерных трат отца семья вынуждена была в 1882 сменить столичный быт на провинциальный. Зиму проводили в Перми, лето — в Бикбарде. Д. поступил в гимназию, брал уроки музыки. Окружавшая природа Урала много значила для пробуждения особого чувства любви к русскому, отличавшему Д. в будущем.

Окончив гимназию в 1890, Д. возвратился в Петербург и поступил в университет на юридический факультет. Он жил у тетки, А.Философовой (урожд. Дягилевой), активной общественной деятельницы 1870-80-х, страстной последовательницы Н.Чернышевского. С ее сыном, Д.Философовым, Д. связала тесная многолетняя дружба; вместе они совершили в преддверии университетской жизни путешествие по Европе, посетив Берлин, Париж, Венецию, Рим, Флоренцию, Вену. Занятия в университете не стали главным для Д. и растянулись на год дольше принятого. Зато юноша с увлечением погрузился в театральную и музыкальную жизнь столицы, брал частные уроки пения у итальянца А.Котоньи, посещал класс композиции Петербургской консерватории. Огромное влияние на него оказали друзья Философова, вовлекшие его в 1890 в кружок по изучению искусств (ставший прообразом будущего объединения «Мир искусства»): В.Нувель, *К.Сомов*, Е.Лансере, *Л.Бакст*. Талантливое окружение питало и образовывало Д. Этот начальный период его вхождения в петербургскую культуру был чрезвычайно важен для формирования не только художественного вкуса, но и всех жизненных установок. Амбициозный юноша ощутил несоответствие своих притязаний и отпущенных ему возможностей. Окруженный несомненно одаренными людьми, юный Д. пытался утвердиться на равных с ними именно как творец, как самостоятельный и самобытный художник. Он продолжал сочинять музыку, за одобрением обратился к Н.Римскому-Корсакову, но вместо поощрения получил отповедь. Написав музыку к сцене у фонтана из «Бориса Годунова», он вместе с теткой, певицей А.Панаевой-Карцевой, исполнил ее для друзей и безнадежно провалился. В поисках призвания он обращался то к живописи, то к издательской деятельности, то к балету. Д. не мог отказаться от притязаний на лидерство; свою несостоятельность художника он прятал за маской высокомерного сноба. Первому периоду своей биографии Д. обязан особой, трепетной любовью к чужому таланту, но вместе с тем жестким чувством собственника, желавшего владеть им, как бы присоединить его к себе, возместить то, что не было дано ему самому. Он болезненно относился к любой попытке, хотя бы частично, освободиться от его безраздельной тирании. Причиняя боль другим, Д. нередко страдал и сам — до тех пор, пока воспринимал бунтовщика частью самого себя. Смирившись с утратой, становился оскорбительно равнодушен.

Талант самого Д. проявился не сразу и был особого свойства; начало было положено коллекционированием, тяга к которому обнаружилась во время заграничных путешествий в конце 1893 — начале 1894 и летом 1895. Д. приобрел за рубежом ряд картин, старинную мебель, бронзу; выбор подтверждал отличный вкус. Уязвленное самолюбие было удовлетворено: Д. почувствовал себя со своими друзьями на равных. Много разговоров было о создании собственного музея, но из этой затеи ничего не вышло. И всетаки Д. понял главное — его сила в инициативе, в правильном выборе приложения своих сил. Окончив университет в 1895 с дипломом юриста, Д. вовсе не собирался заниматься юриспруденцией. Он начал продуцировать и успешно осуществлять свои идеи в сфере пропаганды художественного творчества. Удались организованные им выставки: английских и немецких акварелистов (нач. 1897), русских и финляндских художников (1898). Осуществилась его идея нового художественного журнала. В ноябре 1898 под редакцией Д. вышел первый номер «Мира искусства» (журнал просуществовал до 1904). Д. стал также одним из основателей объединения «Мир искусства», проводившего выставки сначала зарубежного и русского искусства (1899), а затем

ежегодные экспозиции только русских художников (1900-3).

С приходом на пост директора императорских театров князя *С.Волконского* (1899) «мирискусники» получили доступ в закрытую прежде сферу. Д. стал чиновником особых поручений при новом директоре; реформировал издание «Ежегодника императорских театров». Однако деятельность в императорских театрах неожиданно оборвалась скандалом, связанным с постановкой балета «Сильвия», и в 1901 Д. был отправлен в отставку без права работать в государственных учреждениях. Его интересы теперь сосредоточились на старой русской живописи. Итогом стала грандиозная историко-художественная выставка русских портретов в Таврическом дворце, охватившая два века русской живописи (февр. 1905). Хлопоты о создании на основе этого собрания постоянной экспозиции не увенчались успехом, и многие картины, вернувшись к своим владельцам в усадьбы, погибли в дни бунтов. Начинания Д. в России, интересно реализованные, по разным причинам исчерпали себя. Весной 1906 Д. устроил заключительную выставку на родине. Его влекла новая идея — пропагандировать русское искусство на Западе.

Начал Д. с живописи, развернув в парижском Осеннем салоне 1906 выставку икон и картин русских художников. «Мирискусники» были представлены весьма обстоятельно. Экспозиция готовилась тщательно и была подчинена идее единства ансамбля: подбирались цветные фоны, скульптура, изделия художественной промышленности. Каждый из 10 залов «Grand Palais» был посвящен определенному историческому периоду и составлял некую художественную цельность. Выставка имела огромный успех и была показана также в Берлине и Венеции. Интерес к русскому искусству оказался столь велик, что Д. решил обратиться также и к музыке. Она прозвучала в Париже в следующем году. В «Grand-Opéra» было дано 5 концертов, познакомивших западных слушателей с произведениями М.Глинки, А.Бородина, Ц.Кюи, М.Балакирева, М.Мусоргского, Н.Римского-Корсакова, П.Чайковского, А.Глазунова, А.Лядова, А.Скрябина. Принцип исторического обзора русской культуры сохранялся. Дирижировали Артур Никиш и некоторые из русских композиторов. Солистами выступили *Ф.Шаляпин* и *С.Рахманинов*. Успех был ошеломляющим. Парижане бредили Мусоргским и Шаляпиным. Было положено начало Русским сезонам в Париже — ежегодным концертам и спектаклям, открывавшим Западу достижения русского искусства. Организатором сезонов был Д. В 1908 он показал на сцене «Grand-Opéra» «Бориса Годунова» Мусоргского с Шаляпиным в заглавной роли. Оформление принадлежало А.Головину, режиссура — *А.Санину*. Д. неуклонно приближался к тому, что стало в дальнейшем главным делом его жизни — к пропаганде новейших достижений русского балета.

Впервые балет появился в Сезонах в 1909 и сразу же потеснил оперу. Из-за нехватки средств лишь «Псковитянку» Римского-Корсакова, переименованную в «Ивана Грозного», удалось показать целиком; «Руслан и Людмила» Глинки, «Юдифь» А.Серова, «Князь Игорь» Бородина были представлены фрагментарно — одним актом. В спектаклях участвовали лучшие русские певцы: *Л.Липковская*, Е.Збруева, В.Касторский, В.Шаронов, А.Давыдов. Балетные спектакли сразу стали сенсацией. Д. преодолел все трудности, обрушившиеся в период подготовки программы в России: и лишение обещанных правительственных субсидий, и смену режима благоприятствования разгулом интриг. Это было вызвано ссорой с всесильной *М.Кшесинской*, неудовлетворенной той скромной ролью, которая ей отводилась в Сезонах. Вопреки всему Д. представил парижанам блестящих исполнителей и впечатляющую программу; отбор был весьма придирчивым. *Бенуа* порекомендовал *М.Фокина*, и тот был приглашен в качестве основного хореографа, монопольно выступая в этом качестве в период 1909-11 и в значительной мере определяя репертуар Сезонов. Тем не менее и роль Д. в формировании репертуара была значительна. Его вкус и представление о том, что должно быть интересно парижанам, диктовали установки, направление художественных поисков и окончательный выбор. Д. обладал и редкостным чутьем на талант. В Сезонах было представлено лучшее, чем располагал в то время русский балетный театр. Откровением стало обилие выдающихся исполнительских дарований — *А.Павлова*, *Т.Карсавина*, *И.Рубинштейн*, *В.Нижинский*, М.Фокин. Захватила эмоциональная глубина спектаклей, их художественная цельность. Поразило оформление художников А.Бенуа, *Н.Рериха*, *К.Коровина*, Л.Бакста. Наибольшее впечатление произвели «Половецкие пляски» из «Князя Игоря» Бородина в офомлении Рериха (19.5.1909, театр Шатле) с Е.Смирновой, *С.Федоровой*, *А.Больмом*. Это была единственная оригинальная, приуроченная к гастролям постановка. В остальном известный репертуар был приспособлен к задачам антрепризы. То были «Павильон Армиды» *Н.Черепнина*, переименованная в «Сильфид» «Шопениана», переделанные в «Клеопатру» «Египетские ночи» и дивертисмент «Пир». Успех этого Сезона по сути заново открыл миру балет как самостоятельное искусство. Мир

«заболел» балетом, признав его затем одним из высших достижений культуры. Но то было лишь прелюдией предстоящих потрясений.

Сезон 1910 проходил уже на сцене «Grand-Opéra», куда в предыдущие выступления балет допущен не был. Отныне Д. посвятил Русские сезоны исключительно танцу. Волшебный мир русского балета, поразивший парижан, все больше приковывал их внимание, стал главным событием театральной жизни французской столицы. Необходимость обращаться к готовому репертуару сохранилась: были показаны «Карнавал» на музыку Р.Шумана (20 мая) — недавняя петербургская премьера, и «Жизель» (18 июня) — старинный романтический балет, родившийся на французской сцене, забытый здесь и теперь возвращенный русскими. В обеих постановках были заняты Карсавина и Нижинский. Павлова предпочла организовать собственную труппу и с Д. порвала. Особый интерес вызвали новинки: «Шехеразада» на музыку Римского-Корсакова с оформлением Бакста (4 июня) и «Жар-птица» *И.Стравинского*, оформленная А.Головиным (25 июня). Изобразительное начало в этих талантливых постановках преобладало, подчиняя ему и танец. Д. знакомил западного зрителя с новым русским балетом, бросившим вызов балету традиционному. Фокин предлагал отказаться от монополии застывшего классического танца ради многообразия танцевальных форм и выразительных движений всего тела. «Жар-птица» воплотила импрессионистические поиски хореографа, опиравшиеся на звуковую живопись Стравинского, поддержанные изысканным мастерством Головина.

Кульминацией первого, фокинского, периода дягилевской антрепризы стал 1911, изобиловавший новинками. Намерение Д. создать постоянно действующую труппу в корне меняло характер антрепризы, переставшей быть явлением эпизодическим, гастрольным. Это обрекало на зависимость от возможностей «звезд», служивших в императорских театрах. Однако еще труднее было обеспечить высокий профессиональный уровень кордебалета, и с годами именно это снижало художественное впечатление даже от интересных постановок. Но Д. увлекла идея собственной труппы, и он переманивал к себе интересующих его танцовщиков. Изгнание Нижинского из Мариинского театра обеспечило «Русский балет» Д. премьером экстра-класса. Остальные одолевали директора императорских театров просьбами о длительном отпуске, так что их краткие появления в Петербурге все больше походили на гастроли. Выступления новой труппы начались в Монте-Карло, чтобы продолжиться в Риме; затем спектакли были показаны в парижском театре Шатле и повторены в Лондоне — там они были приурочены к коронации Георга V. Прежний репертуар перемежался с новым. Английских зрителей Д. решил поразить «Лебединым озером» (11.12.1911) в сокращенном до двух актов варианте. Ради этого он помирился с Кшесинской. Очень сильное впечатление на лондонцев произвела А.Павлова, согласившаяся выступить в «Жизели». «Видение розы» на музыку «Приглашения к танцу» К.Вебера (19 апр., Монте-Карло) имело сенсационный успех, поразив поэтическими возможностями танца, сочиненного Фокиным и блистательно исполненным Карсавиной и Нижинским. Однако центральным событием Сезона стала премьера «Петрушки» Стравинского (13 июня, Париж). Сценарий и оформление принадлежали Бенуа. Шедевр Фокина оказался высшим достижением всего его творчества, произведением провидческим, повлиявшим вообще на искусство XX в. Спектакль ошеломил внутренней правдой. Духовное начало человека, загнанное в тупик, обнаруживало свою неистребимость вопреки торжествующей пошлости и насилию. Главная проблема XX в. и всей цивилизации — проблема духовного геноцида и выживания — прозвучала здесь в полный голос.

Д. первым понял ограниченность таланта Фокина и склонность его к самоповторам. Сезон 1912 вполне это продемонстрировал: поставленные Фокиным «Синий бог» Р.Гана (13 мая), «Тамара» на музыку М.Балакирева (20 мая), «Дафнис и Хлоя» М.Равеля (8 июня) не были новаторскими. Д. же, напротив, отрицал эксплуатацию достигнутого: в его правилах было зрителя атаковывать, шокировать, поражать. Вот почему он решил готовить замену Фокину. Нижинский, вовсе не помышлявший о балетмейстерском поприще, по настоянию Д. начал ставить. Его первая премьера — «Послеполуденный отдых фавна» на музыку К.Дебюсси с оформлением Бакста (29 мая) — вызвала скандал, разделила зал на тех, кто приветствовал смелость хореографа, и тех, кто возмущался шокирующей новизной. Активное неприятие устраивало Д. больше, чем равнодушие. В Сезоне 1913 Фокин не принимал участия — в нем больше не нуждались. Антреприза менялась: все большее место в ней занимали зарубежные дирижеры, композиторы, художники. В кордебалете все чаще появлялись зарубежные любители, часто совсем неопытные. Труппа Д. из пропагандиста русского искусства превращалась в лабораторию современного творчества. Энергия и талант организатора активизировали самые дерзкие поиски. В «Играх» на музыку К.Дебюсси (15 мая) хореография Нижинского передавала интонации современности, воспринятые через тему спорта. Прорывом в будущее

стала следующая премьера — «Весна священная» Стравинского с оформлением Рериха (29 мая). Новаторскими были и музыка, и пластика. Образ древней языческой Руси потребовал непривычных движений, иных композиционных приемов. То было рождение принципиально новой хореографии. Экспрессионизм в танце пробивал себе путь. Премьера вылилась в грандиозный скандал: публика выкрикивала ругательства, шумела, пыталась сорвать представление. Авторы постановки и актеры были растеряны; лишь Д. уверял, что доволен.

Сезон 1913 по сути завершал первый, наиболее результативный период деятельности антрепризы, произведшей переворот на Западе в отношении к русскому искусству. Оно утвердилось в общественном сознании как передовое, изобилующее новыми, даже революционными художественными идеями. Зарубежного зрителя привлекали также ценности старого, традиционного искусства, в исполнении русских вновь обретавшие живость и глубину. На этом этапе художественные интересы превалировали над коммерческими. Умение Д. находить меценатов, увлекать и очаровывать их снимало финансовые проблемы в самых, казалось, безвыходных ситуациях. Создание постоянно функционирующей труппы, а вскоре и отрыв от родины — сначала в связи 1-й мировой войной, а затем вследствие революции 1917 — выдвигали необходимость содержать людей, видевших в антрепризе единственный источник заработка. Труппа «Русский балет» Д. вынужденно вступала на путь проката, а это влекло за собой эксплуатацию уже созданного репертуара и связанного с ним былого успеха — даже тогда, когда новые исполнители не могли состязаться с премьерными. Но главное — это была необходимость отвечать взятому курсу гонки за новизной. Д. оказался прикован к колеснице сотворенного им успеха.

В августе 1913 труппа отбыла на гастроли в Америку. В отсутствие Д. и без его ведома произошла женитьба Нижинского. Взбешенный мэтр порвал с ним контракт. Эпоха Нижинского в жизни антрепризы и самого Д. завершилась. Попытки примирения, даже приглашение участвовать в выступлениях и постановочной работе («Тиль Уленшпигель» Р.Штрауса, 23.10.1916, «Манхеттен-опера», Нью-Йорк) были безуспешными. Возвращения Фокина также оказывались временными и желанных результатов не давали. Появление талантливого хореографа *Б.Романова* в Сезонах 1913-14 было эпизодическим. Судьба дягилевского начинания во многом зависела от того, обретет ли труппа достаточно интересного хореографа. Д. ничуть не сомневался, что создать новый талант ему вполне по силам. Ставка была сделана на выпускника Московского театрального училища *Л.Мясина*. Он только начинал свой артистический путь в Большом театре. Первой премьерой Мясина в качестве танцовщика был одноактный балет Фокина «Легенда об Иосифе» с музыкой Р.Штрауса (17.5.1914, «Grand-Opéra»), где он исполнил центральную роль. За шесть лет (1915-20) Мясин поставил 12 балетов и вырос в оригинального хореографа. Среди них были такие удачи как «Парад» на музыку Э.Сати в оформлении П.Пикассо (18.5.1917, театр Шатле, Париж), «Волшебная лавка» с музыкой Дж.Россини в изложении О.Респиги и оформлением А.Дерена (5.7.1919, «Alhambra», Лондон), «Треуголка» на музыку М. де Фальи и оформлением Пикассо (22.7.1919, там же). Желание Мясина создать собственную труппу привело к разрыву с Д. Сотрудничество было возобновлено позднее: с 1924 по 1928 Мясин поставил еще 6 спектаклей для «Русского балета». В 1921 Д. назначил хореографом труппы *Б.Нижинскую*, поставившую до 1924 8 балетов, в том числе «Лису» («Байку про Лису, Петуха да Барана» — 18.5.1922, «Grand-Opéra») и «Свадебку» Стравинского (13.7.1923, «Гёте-лирик», Париж) — то и другое с оформлением *Н.Гончаровой*. Заключительный этап деятельности дягилевской труппы связан с постановками *Дж.Баланчина* (1925-29). Именно у Д. балетмейстерский талант Баланчина, проявившийся в начале 20-х в России, набрал силу и весьма разнообразно реализовался. Он поставил для «Русского балета» 9 спектаклей, включавших такие шедевры как «Аполлон Мусагет» (12.6.1928, Театр Сары Бернар, Париж) и «Блудный сын» (21.5.1929, там же) — оба с музыкой *С.Прокофьева*. «Блудный сын» оказался последней премьерой антрепризы. Это был спектакль, остродраматическое действие которого по существу перекликалось с судьбой каждого из дягилевцев, родины лишившихся. В числе сотворенных Д. талантов был и *С.Лифарь*, появившийся беспомощным любителем из Киева в 1921 и выросший под опекой всесильного мэтра в ведущего танцовщика труппы. По настоянию Д. и он начал ставить, но успел осуществить лишь новую версию «Байки про Лису» (1929).

В последние годы Д. утратил былой всепоглощающий интерес к балету, сосредоточившись снова на коллекционировании, собирал раритеры — автографы, редкие издания, особенно все, что было связано с Пушкиным. Умер Д. в Венеции и там же был похоронен. С его смертью антреприза прекратила свое существование.

Д. гордился своим сходством с Петром I и всячески его подчеркивал. И он действительно стал преобразователем отношений Запада и России в сфере искусства. Сделанное им произвело переворот в балете, создало истоки балета XX в., возродило к жизни это искусство во многих странах. Личность и судьба Д. во многом необычна. Оказавшись на стыке двух эпох и двух культур — дворянской и буржуазной, он так и не сделал окончательного выбора, по крайней мере — в самом себе. И чем смелее и неожиданнее были эксперименты, тем сильнее Д. чувствовал тягу к искусству прошлого, охотнее обращаясь к нему. Не потому ли так естественно родился неоклассицизм в репертуаре его труппы? Этот удивительный человек начал переход к коммерциализации зрелища. И он же в отношениях с людьми проявлял жестокость деспота, капризы барина-крепостника, вольного казнить и миловать и схожего в том едва ли не с владельцем крепостной труппы. Однако все это отступало перед подвигом Д., добившегося такого взлета в художественном творчестве, что мы теперь нередко называем его время — эпоха Д.

Лит.: Красовская В. Русский балетный театр начала XX века, ч. 1. Хореографы. Л., 1971; Григорьев С.Л. Балет Дягилева. 1909-1929. М., 1993; Лифарь С. Дягилев. СПб., 1993.

А.Соколов-Каминский

Е

ЕВЛОГИЙ Георгиевский (в миру Георгиевский Александр Семенович) (10.4.1868, с. Сомово, Одоевского у., Тульской губ. — 8.8.1946, Париж) — церковный и общественный деятель. Е. родился в семье бедного приходского священника. В 1877-82 учился в Белевском духовном училище, а в 1882-88 в Тульской духовной семинарии. В это время он увлекся литературой, библеистикой, вопросами морали, пастырства, помимо официальных занятий изучал труды епископа Феофана Затворника, И.Янышева, духовно-богословские журналы, часто приезжал в Оптину пустынь к знаменитому старцу Амвросию Оптинскому, который благословил его, несмотря на нежелание родных, на обучение в Московской духовной академии. Во время обучения в академии Е. находился под духовным влиянием ее ректора — архимандрита *Антония Храповицкого.* В 1895 постригся в монашество, в сане иеромонаха стал преподавателем Тульской семинарии. В 1895-97 работал инспектором Владимирской духовной семинарии, затем посвящен в сан архимандрита и назначен ректором Холмской семинарии в Галиции — уездном городе с польско-еврейским населением и сложной религиозной жизнью (частыми православно-униатскими конфликтами). В 1902 назначен епископом Люблинским, викарием Холмско-Варшавской епархии; стал одним из главных инициаторов русского национального и религиозного возрождения в Галиции. После выхода 17.4.1905 указа о свободе совести — ведущий деятель сопротивления католической экспансии на Холмщине, где вероисповедная распря тесно переплеталась с национальной, а экономическое воздействие католиков соседствовало с практикой открытого насилия. Лично ходатайствуя перед императором и обер-прокурором Синода К.Победоносцевым, добился выделения Люблинской и Седлецкой епархий в самостоятельную Холмскую епархию; был назначен ее епископом.

Во время революционных событий 1905 Е. противодействовал еврейским погромам в своей епархии, оставаясь одновременно последовательным сторонником русских национальных традиций; разрабатывал проект выделения Холмщины в самостоятельную губернию, который не нашел поддержки у С.Витте, но безусловно приветствовался П.Столыпиным. В 1907 избирался православным населением Холмщины членом 2-й и 3-й Государственной думы, примыкал к фракции националистов, выступая как против смертной казни, так и против террора, захлестнувшего империю, а также за радикальную земельную реформу на Холмщине, направленную против малоземелья и жестокой эксплуатации местных крестьян польскими магнатами. В 1912 стал архиепископом Холмским. В 1914 назначен архиепископом Волынским. С объявлением 1-й мировой войны личным приказом императора назначен управляющим церковными делами на оккупированных территориях. После Февральской революции и отречения императора Е. подвергался травле как «черносотенец» и «старорежимник» со стороны т.н. «социал-диаконов» и «социал-псаломщиков» низшего холмского духовенства. Тем не менее созванный епархиальный съезд Холмщины высказал полную поддержку своему архиерею.

Летом 1917 принял участие в работе открывшегося в Москве Всероссийского Предсоборного присутствия (в числе семи архиереев по выбору). 16 августа после литургии состоялось открытие Церковного Собора (в храме Христа Спасителя). Е. был избран председателем отдела «Богослужения, проповедничества и церковного искусства»; непосредственно он занимался выработкой богослужебного устава. Однако его проект реформ в этой области не получил одобрения председателя Соборного президиума митрополита Тихона (Белавина), который хотел сближения церкви со старообрядцами, не допускавшими никаких изменений в этой области. 5.11.1917 состоялось избрание патриарха. Накануне Е. совершал службу в Новоиерусалимском монастыре под Москвой, где молились члены Собора. 13 ноября по благословению патриарха Тихона он совершил заупокойную службу по убитым большевиками юнкерам. После интронизации патриарха в числе прочих был выбран в члены Патриаршего Синода.

После окончания сессии Собора Е. отправился в Киев и принял участие в борьбе за «единую и неделимую Русскую Церковь» против украинских автокефалистов. После занятия Киева Петлюрой он вместе с митрополитом Антонием был арестован в Киево-Печерской Лавре и в со-

провождении католического патера депортирован в униатский базиликанский монастырь в городе Баучаг, в который затем были перепровождены и другие арестованные православные клирики и архиереи. После поражения украинских сепаратистов Е. и митрополит Антоний были вновь арестованы уже польской властью и отправлены во Львов; определены на поселение к известнейшему униатскому деятелю митрополиту Андрею Шептицкому, который не только радушно принял русских архиереев, но и приложил немало усилий для их освобождения. По его совету и при его участии они составили и передали через французского агента во Львове петицию премьер-министру Франции Ж.Клемансо с просьбой о своем освобождении. Получив свободу, они были через Буковину и Константинополь переправлены в августе 1919 к генералу *Деникину* в Екатеринодар.

После непродолжительного пребывания в разных городах Юга России Е., ввиду развернувшегося наступления большевиков, эмигрировал на корабле «Иртыш» в Константинополь, затем переехал в Белград и, наконец, обосновывался в городе Сермские Карловцы; испросил согласия сербского патриарха на переезд сюда Высшего церковного управления (ВЦУ) во главе с митрополитом Антонием. В 1920 ВЦУ назначило Е. управляющим всеми западноевропейскими русскими церквами на правах епархиального архиерея (решение утверждено патриархом Тихоном). Е. занялся организацией церковной жизни во вверенных ему приходах, принял участие в экуменической Женевской конференции, организованной американской епископальной церковью. В мае 1921 на объединительном съезде русских монархистов в Рейхенгалле (Германия) он вошел в Высший монархический совет, а позднее был избран заместителем председателя совета. Осенью 1921 Е. принял участие в работе Всезаграничного Церковного Собора в Карловцах, на котором, несмотря на монархические воззрения, выступил сторонником полного отделения эмигрантской церкви от политических воззваний и отказался подписать промонархическое воззвание Собора. 17.1.1922 указом патриарха Тихона возведен в сан митрополита, а 22 мая получил патриарший указ о расформировании ВЦУ ввиду его политических деклараций и подчинении всех зарубежных приходов Е. под временную юрисдикцию патриарха при поручении представить соображения о порядке управления названными церквами. В 1923 с согласия Е. был принят новый устав Русской православной церкви заграницей (РПЦЗ), передававший основные полномочия по управлению зарубежной церкви Собору и архиерейскому Синоду РПЦЗ. Тем не менее в 1924 Е. заявил, что признает за Собором лишь «моральное», а не судебно-административное право в отношении себя. Он также оповестил о непризнании «Карловацкого учреждения» законной канонической властью над своей епархией. Данные действия были восприняты большинством русских архиереев за границей как раскол Зарубежной церкви. В 1927 они прервали общение с Е. и временно запретили ему совершать священнослужение. Это решение он также отказался признать. В том же году Е. и его духовенство приняло требование митрополита Сергия (Страгородского) дать подписку о «лояльности» советской власти, правда с оговоркой, что термин «лояльность» означает аполитичность. Это вызвало массу протестов со стороны видных деятелей российской эмиграции, в том числе и барона Врангеля, и одновременно привлекло к Е. целый ряд левых и либерально мыслящих эмигрантских философов.

Несмотря на обещание «лояльности», в 1930 Е. принял участие в Лондоне (по приглашению архиепископа Кентерберийского) в молениях о страждущей Русской церкви и 11 июля этого года был уволен митрополитом Сергием от управления Русской церковью в Западной Европе. Будучи «запрещенным» как Москвой, так и «карловцами», Е. обратился за помощью в Константинополь, перешел под юрисдикцию Вселенского патриарха. Даже после личного примирения с митрополитом Антонием в 1934 и непосредственного участия в попытках объединить русскую церковную диаспору сербского патриарха Варнавы Е. и созванное им епархиальное собрание западноевропейской епархии отказалось подписать в 1935 компромиссное решение о церковном единстве.

С начала 2-й мировой войны и оккупации Европы немецкие власти делали попытки переподчинить приходы Е. «правому» архиерейскому Синоду РПЦЗ. Во время оккупации Парижа Е., возмущаясь геноцидом евреев, в своих проповедях говорил на общехристианские темы веры и благочестия. Отечественную войну Е. переживал как «всенародный подвиг спасения Родины». Патриотические настроения привели его к мысли о возвращении в юрисдикцию Московской патриархии. Осенью 1945 он написал ходатайство о воссоединении с Московским патриархатом и 11.9.1945 получил соответствующий Указ патриарха Алексия (Симанского). Одновременно он дважды обращался в Константинополь с просьбой о разрешении вернуться в юрисдикцию Московской патриархии; ответа из Константинополя не последовало, и поэтому он до конца жизни оставался и именовался экзархом Вселенского патриарха. В то же время и Московский патриархат считал его своим экзархом. «Уклон» Е. к Москве вы-

звал упорное сопротивление его паствы, не разделявшей отношение своего иерарха к «советской церкви». В последние месяцы жизни Е. также испытывал разочарование от реальных контактов с представителями Московской патриархии.

Е. был похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. В его отпевании и похоронах принимали участие представители всех ветвей русского православия за границей, а также представители Московской патриархии. После смерти Е. некоторые его приходы перешли под юрисдикцию Москвы, основная же часть остается в подчинении Константинополя. В настоящее время это — небольшое русское викариатство Константинопольского патриарха с центром в Париже.

В историю русского православного зарубежья Е. вошел как «собиратель» либерально-философского направления русской церковной мысли. Под его юрисдикцией находились практически все деятели т.н. «русского религиозного возрождения»: о.*Сергий Булгаков, Н.Бердяев, С.Франк, Н.Лосский, Г.Федотов, А.Карташев, Г.Флоровский, В.Зеньковский, П.Струве* и др., которым импонировала аполитичность и «либерализм» митрополита. Он являлся создателем Парижского Богословского института, первого высшего духовного заведения русской эмиграции, профессорами которого являлись самые известные ученые, философы и богословы зарубежья. При его непосредственном участии было организовано т.н. «Христианское движение», объединившее русскую религиозную молодежь, находившуюся под духовным влиянием и пользующуюся материальной поддержкой Всемирного христианского союза молодых людей (поэтому движение не было принято православными традиционалистами, видевшими в нем влияние «жидо-масонов»). Из движения вышло знаменитое братство «Православное дело», созданное известнейшей русской монахиней и поэтессой, матерью Марией (Скобцовой), погибшей в гитлеровских лагерях. Е. — основатель новых храмов и приходов во Франции (в том числе знаменитого Сергиевского Подворья), в Германии, Чехословакии, Бельгии, Италии, Норвегии и Швейцарии. Он также известен активной экуменической деятельностью, в частности, участием в Женевской конференции христианских вероисповеданий (1920), Ламбетской (1930), Лозанской (1927), Эдинбургской (1937), а также ряда др. экуменических конференций, положивших начало созданию Всемирного совета церквей.

Соч.: Путь моей жизни. Париж, 1947.

Р.Южаков

ЕВРЕИНОВ Борис Алексеевич (24.11.1888, с. Борщень, Суджанского у., Курской губ. — 29.10.1933, Прага) — историк, общественный деятель. Из дворян. Брат *В.Евреинова.* В 1907 окончил 3-ю петербургскую классическую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Специализировался по русской истории в семинаре А.Полиевктова, по истории славян — у Н.Ястребова, по всеобщей истории — у Э.Гримма. Получив в 1911 выпускное свидетельство, поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардейский кирасирский полк, был произведен в прапорщики и уволен в запас. Государственные экзамены в университете сдал весной 1913, получил диплом 1-й степени за сочинение «Преобразовательный план М.М.Сперанского 1809 г.». Осенью 1913 избран мировым судьей 4-го Льговского судебного округа Курской губернии. С марта по октябрь 1917 — уездный комиссар Временного правительства в Курской губернии. Член кадетской партии. После октябрьского переворота был вынужден оставить родовое имение и уехать в Киев; с июня 1918 по февраль 1919 — секретарь ученого комитета министерства исповеданий Украинской державы. Весной 1919 вступил в ряды Добровольческой армии, служил корнетом в 17-м гусарском Черниговском полку. В феврале 1920 тяжело ранен под Ростовом и эвакуирован вместе с госпиталем в Салоники (Греция). Непродолжительное время жил в Югославии, затем переехал в Варшаву, где последовательно занимал должности начальника канцелярии управления интернированных русских войск в Польше, председателя культурно-просветительной комиссии, управляющего делами Русского комитета в Варшаве, управляющего делами и члена правления Русского попечительного комитета в Польше.

Весной 1923 переселился в Прагу. Состоял товарищем председателя Пражской республиканско-демократической группы — одной из ряда аналогичных кадетских групп, организованных *П.Милюковым* в противовес правому крылу партии. Правда, по свидетельству *С.Пушкарева,* Е. «был далек от партийно-политического сектанства и готов был служить делу сохранения и развития русской науки и русской национальной культуры рука об руку с людьми иных направлений и убеждений». Согласно *А.Кизеветтеру,* Е. был зачислен в члены Русской учебной коллегии в Праге по 3-й категории (в разряд оставленных для подготовки к профессорскому званию). В 1927 успешно выдержал магистерские экзамены на кафедре русской истории при Русской академической группе в Чехословакии, в 1928 получил звание приват-доцента. Один из основателей образо-

ванного в апреле 1925 Русского исторического общества (РИО) в Праге и его секретарь. В июне 1927 выступил с докладом «Реформа высших губернских учреждений в России в царствование Александра I» на Варшавской конференции историков Европы и славянского мира. С 1929 член Славянского института в Праге, одновременно являлся секретарем Русской академической группы в Чехословакии, членом Совета и ученой комиссии Русского заграничного исторического архива. Участвовал в работе 5-го съезда Русских академических организаций в Софии в 1930, выступил с докладом «Война за освобождение балканских славян (1877-78) и чешское общество». Входил в Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии. По инициативе Е. в Праге в 1932 было создано Русское музыкальное общество.

Входил в состав редакционного комитета по подготовке пражского сборника, посвященного 70-летнему юбилею Милюкова, в котором поместил статью «Русский администратор новейшей школы (Записка псковского губернатора Б.Обухова и ответ на нее)»; составил библиографию печатных трудов Милюкова. В 1931 предпринял поездку в южную Чехию для работы в частных архивах в Трежбони, Чешском Крумлове и Индржиховом Гродце. Результаты поисков отражены в статьях Е., посвященных неизвестным эпизодам из истории дипломатических связей России (Александр I в гостях у князя Шварценберга // Центр. Европа, 1932, № 4; Два документа эпохи наполеоновских войн // Там же, 1932, № 11; Свидание Николая I с австрийским императором в Мниховом Градище в 1833 // Там же, 1933, № 6). Одной из главных областей исторического интереса Е. была личность М.Бакунина. На основе изучения материалов Пражского полицейского архива и других архивохранилищ Праги вырос цикл статей Е., повествующих о пражском этапе в жизни Бакунина, о его увлечении идеей создания всеславянской федерации («Исповедь» М.А.Бакунина // Зап. РИО в Праге, 1930, т. 2; М.А.Бакунин и австрийские власти в 1849-1851 // Науч. тр. Рус. народ. ун-та (РНУ) в Праге, 1931, т. IV; Бакунин и Палацкий // Центр. Европа, 1931, № 6; Последний этап славянской деятельности Бакунина // Науч. тр. РНУ, 1933, т. V; Бакунин и славянский съезд 1848 года в Праге // Зап. Рус. науч. ин-та в Белграде, 1936, вып. 13). Статья Е. «Борьба Москвы с восточными инородцами в бассейне Волги и Камы» (Зап. РИО в Праге, 1927, кн. 1) направлена против утверждений евразийцев о мирном характере русской колонизации в Поволжье в XVI-XVII вв. Е. известен также как автор некоторых литературных произведений, опубликованных в зарубежных эмигрантских изданиях в 20-е — начале 30-х. Милюков так оценивал деятельность Е.: «В Б.А.Евреинове мы потеряли молодую силу, которая обещала, если бы обстоятельства сложились более благоприятно, развернуться в первоклассного исследователя».

Лит.: Пушкарев С.Г. Борис Алексеевич Евреинов. Биографич. очерк; Лапшин И. Музыкальная деятельность Б.А.Евреинова; Бем А. Б.А.Евреинов — писатель // Зап. РИО в Праге, 1937, кн. 3; Соловьев А.В. Борис Алексеевич Евреинов // RSU, 1935. sv. V-VII; Мейснер Д. Памяти Б.А.Евреинова // ПН, 1933, 4 нояб.; Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.

Арх.: ГАРФ, ф. 5891.

Л.Демина

ЕВРЕИНОВ Владимир Алексеевич (17.8.1887, Курск — 3.12.1967, Париж) — агроном. Из семьи помещика. Брат *Б.Евреинова*. В 1913 окончил физико-математический факультет Петербургского университета. В течение последующих четырех лет Е. состоял на службе в Курском уездном и губернском земстве, исполнял обязанности мирового судьи, предводителя дворянства губернии. После событий октября 1917 решил посвятить себя научной работе. В 1919 защитил диссертацию на соискание степени магистра естественных наук. С 1920 в эмиграции.

Около трех лет Е. прожил в Югославии, где преподавал естествознание и географию в 1-й русско-сербской гимназии Белграда. Одновременно он — помощник особоуполномоченного заграничной организации Всероссийского союза городов. В 1923 Е. переехал в Прагу. По приглашению преподавательского состава Русского института сельскохозяйственной кооперации он читал курс лекций по плодоводству. Согласился Е. и с предложением министерства земледелия Чехословакии о назначении ученым помологом Хлумецкого питомника. Его выступления на заседаниях научных обществ в Хлумце и Мельнике, Брно и Праге, в русских и чешских учебных заведениях всегда собирали огромную аудиторию. В Карловом университете Е. защитил докторскую диссертацию, получив диплом «rerum naturalium». В 1926 Е. издал учебное пособие по плодоводству, ягодоводству и огородничеству, которое специалисты оценивали как настольную книгу.

В 1928 Е. выехал во Францию, где получил пост директора имения «Сомашез», которое принадлежало сенатору Руару, создателю и владельцу фруктовых садов и питомников на юго-западе Франции. Уже через несколько лет им.е получило репутацию показательного, а работами Е. заинтересовались профессора Высшей на-

циональной агрономической школы Шале и Ривальс, к нему обращались за консультациями агрономы, студенты, сотрудники научных центров — «L'Horticulture de la Haute Garonne», «L'Histore Naturelle de Toulouse». Результаты наблюдений и экспериментов исследователь излагал на страницах специализированной печати — журнала «Хозяин» и др. Его статьи переводились на французский, немецкий, чешский языки.

С 1946 Е. возобновил педагогическую деятельность, возглавив кафедру Агрономической школы (института) в Тулузе. В начале 60-х он был избран почетным профессором этого учебного заведения, туда же ученый передал свою уникальную библиотеку. Продолжал Е. и исследовательскую работу. Со 2-й половины 40-х он в качестве технического директора Тулузских пепиньер создавал в им.и «Флямбель» опытные поля, питомники, новые коллекции фруктовых культур.

Французская общественность высоко оценила заслуги Е. Он неоднократно награждался Обществом садоводов Франции, а 17.11.1965 сельскохозяйственная Академия на своем открытом заседании присудила ему именную медаль и премию «Ксавье Бернар». Коллеги характеризовали Е. как человека, исключительно преданного делу, «которому столько обязаны фруктовые насаждения не только юго-запада, но и многих других районов Франции». Похоронен Е. на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

В.Телицын

ЕВРЕИНОВ Николай Николаевич (13.2.1879, Москва — 7.9.1953, Париж) — режиссер, драматург, историк и теоретик театра. Из дворянской семьи. Отец Е. — видный инженер и чиновник министерства путей сообщения, мать — из обрусевшего французского рода. Детство Е. прошло в Екатеринославе, Дерпте, Пскове и др. городах, где работал отец; окончил гимназию в Москве. Первые любительские театральные опыты Е. относятся к годам обучения в Петербургском училище правоведения (1892-1901), окончив которое, Е. поступил на службу в министерство путей сообщения и одновременно в Петербургскую консерваторию в класс композиции Н.Римского-Корсакова. В 1906 редактор левой газеты «Новый путь». Писал пьесы, которые ставились в провинции и столицах, позднее вошли в 1-й том его драматических сочинений (1908). Свой собственный драматургический стиль и почерк Е. обрел постепенно с включением в режиссерскую работу. Организатор (1907-8) и главный режиссер (1911-12) Старинного театра, ставившего перед собой задачу реконструкции театральных систем прошлого (средневековья, испанского театра). В 1908 был приглашен В.Комиссаржевской режиссером в ее театр, где поставил «Франческу да Римини» Д'Аннунцио, «Ваньку Ключника» Ф.Сологуба, «Царевну» («Саломею») О.Уайльда. Запрет последней постановки церковными властями привел к фактическому банкротству театра. Весной 1909 вместе с *Ф.Комиссаржевским* организовал «Веселый театр для пожилых детей», где впервые была поставлена его арлекинада «Веселая Смерть», а также пьесы К.Пруткова. Необычайный успех Е. в жанре театральной миниатюры и пародии привел к приглашению его главным режиссером в театр «Кривое Зеркало» (1910), где он проработал вплоть до революции. За эти годы Е. осуществил постановку около 100 миниатюр и пьес, в том числе им написанных: «В кулисах души», «Ревизор», режиссерская буффонада в 5-ти «построениях одного отрывка», «Школа этуалей», «Кухня смеха», «Четвертая стена» и др. Пользовался популярностью в кругах художественной интеллигенции как пародист и театральный насмешник, один из непременных участников петербургского артистического подвала «Бродячая собака» и его преемника — «Привала комедиантов», где выступал с «интимными песенками», частушками, «музыкальными гримасами» — импровизациями на фортепиано и др. инструментах.

В 1908-11 преподавал на драматических курсах Риглер-Воронковой. Работал над статьями и книгами «Введение в монодраму» (1909), «Крепостные актеры» (1911), «Нагота на сцене» (1911), «Бердслей» (1912), «Театр как таковой» (1912), «Театр для себя» (в 3-х частях, 1915-17), в которых разработал понятие «театральность» — по его мнению, это природой заложенный инстинкт преображения, присущий биологически едва ли не всему живому от птиц и рыб до человека. Создатель оригинальной драматургической теории, Е. разработал также принцип «монодрамы», в которой отношение персонажа к окружающему миру должно стать точкой зрения каждого из публики: зритель должен настолько вжиться в душевный мир действующего лица пьесы, что он как бы превращается в этого персонажа. Теории Е. и дискуссии вокруг них во многом обогатили практику нового театра XX в. Е. был одной из ключевых фигур русского художественного авангарда: дружил с футуристами (*Д.Бурлюк*, В.Маяковский, В.Хлебников), в 1910 оформил их выставку, участвовал в диспутах о настоящем и будущем искусства. Е. рисовали И.Репин, *М.Добужинский, Ю.Анненков*, Маяковский, С.Сорин и др.

Осенью 1917 уехал на юг, работал в Киеве, Сухуми, Тифлисе. Вернувшись в Петроград осенью 1920, возглавил постановку одного из

наиболее масштабных массовых празднеств революции — «Взятие Зимнего дворца». Читал лекции по истории и теории театра, работал в театре «Вольная комедия», ставил спектакли в московском «Кривом Джимми». Особый успех имела его пьеса «Самое Главное» (20.2.1921, «Вольная комедия»), впоследствии она шла в большинстве стран Европы и Америки. В послереволюционное время написал книги «Оригинал о Портретистах», «Происхождение драмы» (обе — 1922), «Азазел и Дионис», «Распутин», «Театр у животных» (все — 1924). В 1925, во время гастролей «Кривого Зеркала» в Варшаве, уехал через Польшу в Париж, не собираясь тогда еще остаться за границей. 1926 провел в США, где консультировал постановку своих пьес «Самое Главное» — на сцене «Guild-Theatre» и «Корабль Праведных» — в «Irving Place Jewish Art Theatre» (Нью-Йорк), читал доклады о театре.

С января 1927 постоянно проживал в Париже, где продолжал плодотворно работать как драматург, режиссер, сценарист. В 1929-30 поставил «Снегурочку», «Сказку о царе Салтане», «Руслана и Людмилу» для парижской «Русской оперы» *М.Кузнецовой*. Участвовал в организации и подготовке программ недолговечных эмигрантских театров миниатюр, в том числе «Летучей мыши» (франц. программы 1928, 1937), «Бродячих комедиантов» (1934). В 1937 завершил работу над фундаментальным эстетическим трактатом «Откровение искусства» (первонач. назв. «Искусство как сверхмастерство», неопубл.). В 1934-35 работал в Сорбонне с группами студентов над реконструкцией спектаклей средневекового театра. В 1935 поставил «Царя Салтана» и «Горе от ума» в Пражском Национальном театре. Успех «Самого Главного», переведенного более чем на 15 языков, как и отдельные постановки других его пьес: «Театр Вечной Войны» (1927), «Корабль Праведных» (опубл. в 1935), «Радио-поцелуй или Робот Любви» (1925, неопубл.), «Любовь под микроскопом» (1931, неопубл.) — способствовали материальному благополучию Е. В то же время ему откровенно не везло в киномире — большинство созданных по его сценариям и при его участии фильмов по техническим причинам не стали событием («Плодородие», 1928; «Только не в губке», 1931). Не пользовались особой популярностью и книги Е. по философии театра — сборники дореволюционных статей и отрывков из книг, переведенные на английский, французский, испанский и итальянский языки.

В годы 2-й мировой войны Е. сотрудничал с рядом русскоязычных парижских театров, писал мемуары о годах, проведенных в «Кривом Зеркале» («В школе остроумия» — не опубл.), создал либретто балета «Шота Руставели». Его исторический очерк «Караимы» помог представителям немногочисленной группы этого народа в Париже избежать депортации в нацистские лагеря смерти. Послевоенные годы Е. проводил в написании «Истории русского театра» (1948), редактировании старых пьес: «Шаги Немезиды» (1939, опубл. в 1956 — о сталинском терроре), «Чему нет имени» (1937, опубл. в 1963) и создании новых — «Граждане второго сорта» (1950). В 1945 выступал с циклом передач по французскому радио о выдающихся деятелях русской культуры, с которыми ему приходилось общаться — М.Горьком, К.Станиславском, Н.Римском-Корсакове, В.Маяковском, А.Таирове, М.Зощенко и др. Одна из последних работ Е.-режиссера — постановка ревю из его одноактных пьес на французском языке — в Казино-Монпарнас («Инфернальная Комедия», 1948). Последнее публичное выступление Е. состоялось на вечере, посвященном Московскому Художественному театру 7.11.1948. Перед смертью он успел закончить книгу об эмигрантском театре в Париже («Памятник мимолетному», 1953) и русскую версию «Истории русского театра» (1955). Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. На доме в Париже, где жил Е., в 1979 установлена мемориальная доска.

Соч.: Le théâtre en Russie avant 1946. Paris, 1946; Histoire du théâtre russe. Paris, 1947; Нас было четверо // Возрождение, 1952, № 21-23.

Лит.: Philippe M. Presentation de N.Evreinoff. Paris, 1959; Кашина-Евреинова А. Н.Н.Евреинов в мировом театре XX века, Париж, 1964; Hilderbrand O. Frälsaren Harleken: Theater och verkleghet Nikolai Evreinovs dramatik. Uppsala, 1978; Iolub S. Evreinov: The Theatre of Paradox and Transformation. Ann Arbor (Mich.), 1984; Белов Е.Н. О судьбе литературного наследства Н.Н.Евреинова // Сов. архивы, 1991, № 4; Бабенко В. Арлекин и Пьеро. Екатеринбург, 1992.

Арх.: ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 328; РГАЛИ, ф. 982.

А.Томашевский

ЕГОРОВА Любовь Николаевна (Александровна) [по 1-му мужу Мамонтова, по 2-му — Трубецкая] (27.7.1880, Петербург — 18.8.1972, Париж) — танцовщица, педагог. По метрике — «незаконнорожденная царскосельской купчихи». Закончила Петербургское театральное училище в 1898. Выпускавший педагог Э.Чекетти показал ее вместе с одноклассниками Ю.Седовой, М.Обуховым, *М.Фокиным* в pas de quatre, поставив короткий балет «Урок танцев в гостинице». Задача была одна — продемонстрировать в ролях сестер, хозяек гостиницы, танцевальные возможности выпускниц, состязающихся в виртуозном танце. Е. и Седова заслужили одобрение и публики, и прессы; обеим

было предсказано будущее балерин. Однако путь к званию и репертуару балерины оказался для Е. длинным и весьма непростым. Оказавшись в кордебалете Мариинского театра на положении «корифейки», Е. с полной самоотдачей занималась танцами и с радостью бралась за любую партию. С репертуаром же ей часто не везло, и то, что предлагали, далеко не всегда было выигрышно, как, например, ее первая балеринская партия — Илька в «Очарованном лесе» Р.Дриго в постановке Л.Иванова, которую она получила в 1901.

Дарование Е. было тихим, мягким, лиричным. Миловидное лицо, ладная женственная фигурка, красивой формы ноги с огромным подъемом — все в ней было изящно и гармонично, все располагало к умиротворению, созерцательному покою. Ее танец и игра были неброски, напора и чрезмерности лишены. Одно движение мягко переходило в другое, образуя спокойно льющуюся мелодию. Эта кантиленность танца была одним из высших достижений русской исполнительской школы XIX в., но в тот момент предпочтение отдавалось виртуозному танцу. Итальянские гастролерши устанавливали здесь рекорды, и многие русские балерины за ними тянулись, Е. же оставалась верна самой себе и своему таланту, и затаенный лиризм окрашивал ее танец множеством разнообразных оттенков. Е. совершенствовала свое танцевальное мастерство не за границей, как было принято в то время, а у русских педагогов Е.Вазем, М.Горшенковой, А.Иогансона. Но и веяния дунканизма не прошли мимо нее, обернувшись для танцовщицы еще большей раскрепощенностью, естественностью движений корпуса и рук. Она мечтала о новой хореографии, однако одноклассник Фокин — будущий реформатор балетного театра — долго не видел в ней свою героиню. Приходилось исполнять традиционное: Голубую георгину в одноименном балете М.Петипа (1905), Мирту в «Жизели» А.Адана (1907), принцессу Флорину в «Спящей красавице» П.Чайковского (1909). Критики, не находя в ней ни экстатического темперамента, ни броских исполнительских красок, часто недооценивали выступления Е. Некоторые балеты — например, «Раймонда» А.Глазунова (1910) — доставались ей «с чужого плеча» раз в год. Но репертуар Е. тем не менее пополнялся: на 2-м десятилетии своей службы она исполняла такие несхожие роли как Медора, Царь-девица, Китри, Пахита, Аспиччия. В 1911 состоялся дебют в партии Авроры («Спящая красавица»), в 1913 — в партиях Одетты-Одиллии («Лебединое озеро» Чайковского). Е. выигрывала там, где ей удавалось высветить лирические интонации. Ее Одетта была трогательной и в меру тревожной, Аврора — мягкой, словно светящейся изнутри. В 1914 Е. удостоили звания балерины. В этом выразилось скорее признание ее нужности в труппе, чем дань таланту. А талант у Е. был, но пришелся, очевидно, не ко времени. Сдержанные краски, естественность и простота оказались выигрышны в Жизели (1914). Эта роль была давно желанной и выстраданной. Героиня Е. привлекала психологической правдой чувств и затаенным, не показным, драматизмом. Рецензент сравнивал ее Жизель с павловской и отмечал: «Игра г-жи Егоровой, может быть, не так ярка, но она более натуральна, без пафоса, проще».

Е. получила пенсию в 1916, но продолжала выступать. Прощальный бенефис состоялся 22.1.1917 — давали «Лебединое озеро». Отъезд после революции многих ведущих исполнителей за рубеж обеднил труппу. В 1918 было решено пригласить на ряд гастролей в Мариинском театре Е. Обещали «Жизель», «Баядерку», «Талисман». Но Е., находившаяся в Финляндии, в Россию не вернулась. Она отбыла во Францию (1917) и с тех пор на родине ни разу не была.

В Париже Е. вступила в дягилевскую антрепризу (1921-23). На лондонской премьере «Спящей красавицы» (1921) исполнила фею Канареек, а позднее — и роль Авроры в очередь с *В.Трефиловой* и *О.Спесивцевой*. Выйдя замуж за князя Н.Трубецкого, оставила сцену. В 1923 открыла в Париже школу танцев. В 1937 создала там же труппу «Балеты молодости» во главе с Ж.Ведтом. В ней дебютировали многие ее ученики, в том числе Ж.Скибин. У нее учились также другие талантливые исполнители — С.Шварц, Ж.Шарра, Ю.Алгаров, Э.Пагава. Короткое время преподавала в Лондоне и поставила «Свадьбу Авроры» для Королевского Датского балета. Но Париж оставался местом ее постоянного жительства и работы, второй родиной. Е. преподавала до глубокой старости, приобщая западных артистов к великой школе русского балета. Сохранились кинокадры, запечатлевшие балерину уже в весьма преклонном возрасте во время урока. Показ и замечания Е. интересны тем, что дают некоторое представление об эстетике танца ее времени. Кроме того, даже эти несовершенные кадры зафиксировали живость педагога и заботу ее о выразительном и естественном танце. Современные исследователи видят в Е. исполнительницу, обогнавшую время, предвосхитившую поэтический лиризм танца Г.Улановой.

Лит.: Борисоглебский М. (сост.) Материалы по истории русского балета, т. 2. [Л.], 1939; Красовская В. Русский балетный театр начала XX века, ч.2. Танцовщицы. Л., 1972.

А.Соколов-Каминский

Ж

ЖАРДЕЦКИЙ Венчеслав Сигизмундович (16.4.1896, Одесса — 21.10.1962, Элкинс, шт. Зап. Виргиния, США) — астроном, механик, геофизик. Отец, Сигизмунд Ж., польский политический деятель. Мать — Мария Кудрявцева, русская. Ж. окончил гимназию в Одессе, дополнительно занимаясь математикой и музыкой. Затем 17-летнему юноше надо было решить, какую профессию выбрать: музыканта (он уже был хорошим пианистом и имел абсолютный слух) или математика. Он предпочел последнее и в дальнейшем почти не прикасался к роялю. В 1913 Ж. поступил на физико-математический факультет Новороссийского университета (Одесса), где увлекся астрономией. По окончании университета в 1917 с дипломом 1-й степени был оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре астрономии. Молодой специалист начал работать в Одесской обсерватории, директором которой был профессор университета А.Яковлев (впоследствии академик АН УССР). Вскоре Ж. получил место ассистента в Пулковской обсерватории в Петрограде, где его работой руководил директор обсерватории академик А.Белопольский. В то время Белопольский занимался применением астрофизических методов к изучению звезд, используя спектрограф своей конструкции. К этой работе был привлечен Ж., который под руководством Белопольского выполнил свою первую научную работу по спектру звезды Веги (α Лиры).

Поехав, как обычно, проводить отпуск в родном доме в Одессе, Ж. оказался на территории, занятой белой армией и войсками Антанты. Наступление Красной армии в январе 1920 вызвало волну эмиграции, и Ж., как и многие другие, эмигрировал в Югославию. Он обосновался в Белграде, где под влиянием югославского астронома и геофизика академика Милутина Миланковича увлекся небесной механикой. Миланкович был профессором теоретической и небесной механики и теоретической физики в Белградском университета. Там же преподавал и профессор механики *А.Билимович*, которого Ж. знал по Одесскому университету. Не исключено, что ученые вместе покинули Одессу.

В Белграде был организован Русский научный институт, который давал возможность эмигрировавшим ученым продолжать занятия наукой. Будучи членом правления этого института, Ж. участвовал в составлении и подготовке к изданию двух выпусков «Материалов для библиографии русских научных трудов за рубежом». В 1929 Ж. написал под руководством Билимовича диссертацию, которую защитил в 1929, получив степень доктора философии. После защиты продолжал работать в Белградском университете, с 1926 — доцентом, с 1929 — экстраординарным, а с 1939 — ординарным профессором.

В 1927 Ж. женился на Татьяне Тарановской, дочери профессора истории славянского права Ф.Тарановского, эмигрировавшего из России и работавшего в Белградском университете. В 1929 у Жардецких родился сын Олег. Когда в 1943 Белград был оккупирован немецкими войсками, Ж., как и ряд других профессоров, ушел из университета; занимался работой над задуманной им книгой по динамике, но она осталась незавершенной. После окончания войны Ж. переехал в город Грац в Австрии, где начал работу в качестве приглашенного профессора физики и астрономии местного университета. В 1946-47 он исполнял обязанности директора Института физики и астрономии, а в 1947-49 был приглашенным лектором по геофизике в Высшей технической школе Граца.

Новый поворот в судьбе Ж. произошел в 1949, когда он эмигрировал в США. Ж. обосновался в Нью-Йорке, где был принят на работу в Ламонтскую геологическую обсерваторию Колумбийского университета в качестве внештатного научного сотрудника. В этой должности он оставался до конца жизни. Кроме того, с 1951 и до ухода на пенсию Ж. был также профессором механики в Манхеттенском колледже. Ж. проявлял интерес к истории науки, писал о физических воззрениях М.Ломоносова. Он занимался также социальными проблемами, принял активное участие в дискуссии по вопросам социологии, организованной Нью-Йоркской Академией наук в 1959.

Выйдя на пенсию, Ж. жил в своем доме в Элкинсе, проводя большую часть времени за письменным столом. В прошлом остались занятия фехтованием и футболом, о чем теперь напоминали только спортивные награды; был он и хорошим шахматистом. Много сил отдавал уча-

стию в работе редакций научных журналов. Последние 4 года жизни работал как издатель-переводчик Американского геофизического союза над проектом, субсидируемым Национальным научно-исследовательским советом и Американской национальной академией, целью которого было налаживание более тесных международных связей в области геологических наук.

Научное наследие Ж. достаточно обширно как по тематике, так и по количеству опубликованных работ. Первые его книги были изданы еще в Белграде: «Гидромеханика» (1933) и «Теоретическая физика» (1940). В Ламонтской обсерватории Ж. занимался изучением распространения волн и сейсмологией; результаты своих исследований он опубликовал в ряде статей. В 1955 вместе с американскими коллегами М.Ивингом и Ф.Прессом написал книгу «Распространение волн в тонких слоях». Излюбленной областью научного поиска Ж. была теория зонального вращения Земли, которая объясняет миграцию континентов. Еще в 1929 Ж. увлекся гипотезой о тектоническом перемещении материков (высказана немецким геофизиком А.Вегенером), согласно которой Американский континент перемещается в западном направлении. Кроме отдельных публикаций, Ж. в 1935 опубликовал монографию «Математические исследования эволюции Земли» (на франц. яз.; издана Сербской Академией наук). Его расчеты показали, что не Американский континент дрейфует к западу, а Евразийский движется на восток. Сын Ж. впоследствии писал, что однажды его отец наблюдал за льдинами на реке Сава, и, увидев, как одна из них, крутясь в центре реки, вдруг раскололась так, что две ее части соединялись лишь узким перешейком, воскликнул: «Так это же Америка!» Эти льдины на Саве подали Ж. идею провести эксперимент, который он осуществил в Граце. В трудное послевоенное время он проявил недюжинную смекалку, чтобы из подручных средств (подчас негодного оборудования) собрать необходимые приборы. Свои результаты Ж. доложил на международном конгрессе математиков (1950, Кембридж, шт. Массачусетс), а также опубликовал в нескольких статьях, последняя из которых («Периодические полярные движения и деформация земной коры») вышла в свет в 1962 за неделю до смерти ее автора. Монография «Теория фигур небесных тел» (Нью-Йорк, 1958) подводила итог деятельности Ж. в области небесной механики, которой он занимался почти всю жизнь.

Не менее важной, чем научная, Ж. считал педагогическую деятельность, которой он отдавал много времени и сил. У него училось не одно поколение студентов Югославии, Австрии и Америки, в том числе и русские студенты, оказавшиеся в эмиграции в Югославии. Его лекции славились ясностью и стройностью изложения.

Ж. был избран членом многих научных обществ, в том числе Американского математического общества, Американского геодезического союза. Признанием его заслуг было избрание его в Американскую Академию наук и искусств.

Сын Ж. Олег тоже стал ученым. Еще в 1955 он, как и его отец, получил гражданство США; в 1966 стал директором биофизической и фармакологической компании, в 1969 — профессором Стэнфордского университета, с 1975 — директором Стэнфордской лаборатории магнитного резонанса. Он стал членом многих научных обществ и обладателем нескольких премий, а также членом издательского совета шести научных журналов, в том числе «Теоретической биологии», «Молекулярной фармакологии», «Медицинской химии».

Лит.: Jardetzky O. Professor Wenceslas S. Jardetzky (1896-1962) // Acta geophysica polonica, 1986, vol. 14, № 14; Who is Who in America. 1982-83, vol. 1.

Н.Ермолаева

ЖАРОВ Сергей Алексеевич (1.4.1897, Касимов, Нижегородской губ. — 6.10.1985, Лейквуд, США) — хоровой дирижер и регент. Получил образование в московском Синодальном училище церковного пения. В 1917 по окончании училища был призван в армию, в 1921, после разгрома войск генерала Врангеля, эвакуировался с дивизией генерала Гусельщикова на о. Лемнос. Там в тяжелейших условиях создал Хор донских казаков. Впоследствии, перебравшись в Болгарию, Ж. и его певцы работали на лесопильном заводе и пели за службой в русской посольской церкви в Софии. В 1923 хор дал свои первые концерты в Вене и Берлине и в дальнейшем стал предпринимать большие гастрольные поездки по всему миру. За полвека Хор донских казаков провел около 8,5 тысяч концертов, много записывался на пластинки, его выступления породили массу подражателей. По популярности у зарубежной публики жаровский хор иногда сравнивали с дягилевскими балетами. Особенно большой успех коллектив имел в Германии и США. Известна очень высокая оценка, данная хору *С.Рахманиновым* в 1930-х. Сам Ж. оставил воспоминания о встречах с композитором (опубл.: С.В.Рахманинов. Литературное наследие, т. 3. М., 1980). С похвалой отзывались о жаровских казаках *Ф.Шаляпин* и знаменитый ученый-генетик Т.Тимофеев-Рессовский, встречавшийся с ним в Берлине.

Ж. являлся выдающимся знатоком русской хоровой традиции и, обучаясь в Синодальном училище в эпоху его расцвета, прекрасно усвоил характерную манеру Синодального хора — главного церковного хора России, певшего в кафедральном Большом Успенском соборе Московского Кремля (все ученики Синодального училища определенный период пели в этом хоре). В своих концертных программах и звукозаписях Ж. придерживался обычно принципа смешанного репертуара: русская церковная музыка, песни разных народов, избранные образцы отечественной классики. Все это исполнялось в специальных аранжировках для мужского хора, сделанных самим Ж. или эмигрировавшим в США соучеником регента по Синодальному училищу композитором К.Шведовым. Как говорилось в некрологе Ж., напечатанном «Русской мыслью»: «Все было под силу жаровскому хору — от великолепных церковных песнопений Бортнянского, Чайковского и Рахманинова, виртуозных оперных фрагментов до удалых или задушевно-печальных народных песен». На эстраду хор выходил эффектно. Регент *П.Спасский* описывал парижское выступление казаков в 1958: «Вдруг появляются в темных шароварах с красными лампасами (Войска Донского), в черных рубашках военного образца, опоясанных темными кожаными тонкими поясами с набором из серебра, двадцать два певца, как сказочные богатыри» (ранее в хоре бывало до 40 певцов). Столь же эффектна была манера пения: «Голоса подобраны замечательно. Беспредельные и нежные тенора, удивительные глубокие басы и звонкие, как донские жаворонки, баритоны. Все это переплетается в гармонии, выявляется в мелодии, то вдруг уносится быстрым ритмом, как бурным весенним потоком, то замедляется в адажио и ленто, как могучая, широкая степная река».

Жаровский хор давал зарубежным слушателям очень яркое представление о русском хоровом искусстве, достигшем к началу XX в. высочайшего уровня. Хор и регент демонстрировали чрезвычайную гибкость, «вариантность» исполнительской манеры: по свидетельствам современников, одни и те же произведения в их исполнении на концертах звучали эстрадно, эффектно, за службой — сосредоточенно, величаво. К сожалению, имеющиеся записи отражают только концертную манеру хора.

Ж. был кавалером румынского ордена Звезды и югославского Св.Саввы.

М.Рахманова

З

ЗАВЬЯЛОВ Василий Васильевич (15.6.1873, с. Нововасильевское, Костромской губ. — 24.2.1930, София) — физиолог, педагог. Родился в семье крестьянина. В 1891 окончил с золотой медалью костромскую гимназию и поступил на медицинский факультет Московского университета, а в 1895 перешел на медицинский факультет Дерптского университета, в 1896 получил диплом лекаря. Еще студентом он по решению правления университета исполнял обязанности ассистента по физиологии. В 1899 защитил докторскую диссертацию «К теории белкового пищеварения», в которой исследовал условия образования под влиянием протеолитических ферментов белковоподобных веществ («пластеинов»), которым он придавал большое физиологическое значение. С 1899 приват-доцент по физиологии и физиологической химии.

В 1901 был избран приват-доцентом Новороссийского университета (Одесса), а в 1903 — профессором физиологии. Одновременно в 1915-19 руководил кафедрой физиологии Одесских высших женских курсов. Научные исследования З. посвящены, главным образом, биохимии: исследования пластеинов (1903, 1907), анализ крови при гемофилии (1914), значение минеральных солей для питания животных (1913), строение хондроитиносерной кислоты (1916) и др. Кроме того, он занимался проблемами бальнеологии и курортологии: изучением ессентукских минеральных вод (1914), исследованием биохимии лечебных грязей Тамбуканского озера (1906, 1912), курортных факторов Одессы (1910-14) и др.

Талантливый педагог и воспитатель, З. был автором целого ряда учебников для высшей школы и для средних учебных заведений: учебник «Физиология человека» для фельдшерско-акушерских школ (8 изд., в 1906-22); «Учебник анатомии и физиологии человека» для реальных, коммерческих и епархиальных училищ и для кадетских корпусов удостоен ученым комитетом министерства народного просвещения малой премии им.Петра Великого (изд. в 1907-16); «Начальный курс гигиены» (в соавт. с П.Диатроптовым; 2 изд., в 1910-15); «Элементарный учебник анатомии, физиологии и гигиены» (3 изд., в 1912-18). З. принадлежат переводы учебников и учебных руководств по физиологии и физиологической химии, изданных за рубежом (профессоров Е.Гедона, Дж.Лёба, Э.Абдергальдена и др.). Он являлся автором многих общедоступных книг: «Популярные лекции по физиологической химии» (1901), «Физиологические методы лечения» (1903), «Уход за больным» (1903), учебника для самообразования «Краткий очерк физиологии человека» (1916-22) и др.

В начале 1920 З. покинул Одессу, эмигрировал в Болгарию. Здесь он принял предложение организовать и возглавить в качестве профессора кафедру физиологии и физиологической химии. На медицинском факультете созданного в 1918 Софийского университета З. сразу же активно взялся за подготовку учебной литературы для студентов на болгарском языке. Уже в конце 1920 в Софии вышел его учебник физиологической химии, а в 1924 — руководство к практическим занятиям по физиологической химии. Не только студентам, но и практическим врачам была адресована написанная им вместе с профессором С.Абрамовым книга о методах проведения клинических лабораторных анализов (1925). Не оставлял он и научных исследований. Ряд работ (1923-25) З. посвятил биохимии гормонов, прежде всего инсулина. Его доклад об этом был с интересом встречен на 11-м международном конгрессе физиологов в Эдинбурге в 1923. З. также разработал органопрепарат «биотонин», который был рекомендован к применению при симптомах слабости и расстройствах нервной системы, сердечной слабости, расстройств обмена веществ. Этот препарат уже после его смерти выпускала специальная «Лаборатория имени профессора Завьялова» в Софии: биотонин в 30-е нашел довольно широкое распространение в странах Европы.

З. активно привлекал к участию в своих исследованиях молодых ученых. Болгарские врачи Добрева, Панайотова, Милованов, Вълкович, русские врачи *А.Янишевский* и В.Завьявов (сын) помогали ему в экспериментах, перенимали опыт научно-исследовательской работы. С ними вместе он продолжил цикл исследований хондроитиносерной кислоты, выяснив важные моменты ее биохимических превращений. В 1929 З. разработал клинический метод определения мочевой кислоты в крови, а также способ получения растворимого в воде бензоата.

Свои научные труды он публиковал преимущественно в «Ежегоднике медицинского факультета Софийского университета».

Лит.: Васильев К.Г., Васильев К.К., Калнин В.В. Воспитанник медицинского факультета Тартусского университета профессор В.В.Завьялов // Tartu Ülikooli ajaloo Küsimusi, t. 26.

М.Мирский

ЗАГОРСКИЙ Семен Осипович (1882 — 14.3.1930, Женева) — экономист. Из семьи военного врача, примыкавшего к радикальным кругам русской интеллигенции. Сам З. еще в годы учебы на юридическом факультете Петербургского университета участвовал в деятельности марксистских кружков, за что подвергался арестам. После окончания университета З. был оставлен на кафедре политической экономии для подготовки к профессорскому званию. В качестве приват-доцента читал курс лекций по тарифному делу на экономическом отделении Петербургского политехнического института и в университете. Был известен и как автор работ, посвященных рабочему вопросу в сельскохозяйственных районах юга России, критическому разбору основных положений марксизма, кризису немецкой исторической школы. В период 1-й мировой войны вышло в свет его исследование «Синдикаты и тресты (Учение о капиталистических монополиях)» (Пг., 1914), в котором анализировались проблемы мирового хозяйства предвоенного времени.

Февральская революция поставила перед ученым ряд проблем текущей экономической и социальной политики: финансы, бюджет, найм рабочей силы, труд и капитал. Эта тематика нашла отражение в его книгах, опубликованных в 1917. Научную деятельность З. сочетал с административной, возглавляя один из департаментов министерства труда Временного правительства. События октября 1917 заставили З. переехать в Одессу, где он сотрудничал в редакциях ряда местных периодических изданий. В 1919 — эмигрировал.

Проживал во Франции, работал в Русском экономическом бюро. В 1921 издал в Париже монографию «La République des Soviets», в которой проанализировал вопросы экономического баланса Советской России (в том же году переизд. в Риме и Мадриде). Сотрудничал в журнале «Современные записки» и газете «Последние новости». В марте 1922 по приглашению Альберта Тома З. возглавил русский отдел Международного бюро труда Лиги Наций — консультативный центр политических и профсоюзных деятелей, государственных чиновников. Пользуясь огромным статистическим материалом, З. изучил и систематизировал данные, относящиеся к Советской России. В 1922 издал в Париже книгу «L'évolution actuelle du bolchevisme russe», в которой прослеживается эволюция русского большевизма. Предисловие к ней подготовил известный социалист Э.Вандервельде. В том же году З. опубликовал результаты своего исследования проблем мирового экономического развития после 1-й мировой войны. На Гаагской международной конференции, где основным вопросом явилось принятие решения о признание де-юро Советской России, была распространена докладная записка З., которая касалась проблем организации промышленности и условий труда в СССР. Она стала настоящим открытием для большинства участников конференции. В 1924 З. одним из первых российских экономистов-эмигрантов подвел итоги 2 лет нэпа. Он утверждал, что «советская политика, не будучи в состоянии осуществить ни социализма, ни планового хозяйства, ни индустриализации, способствует насаждению в России низших форм хозяйственной жизни». З. подготовил книгу «Условия труда в Советской России» (на франц. яз., в 1925 в перераб. виде вышла на рус. яз. в изд-ве «Свободная Россия»). Книга нелегально распространялась в СССР. С 1925 по 1928 ученый изучал развитие потребительской и сельскохозяйственной кооперации в Советской России. Одновременно на основе анализа экономических процессов в сельском хозяйстве, промышленности и торговле пытался решить кардинальный вопрос: «Куда идет Россия: к капитализму или социализму?».

З. вел активную педагогическую деятельность, с 1923 читал курс лекций «Международная экономическая политика России в конце XIX — начале XX в.» на юридическом факультете Русского отделения Парижского университета (Русский институт права и экономики). В 1926 выступил одним из организаторов Франко-русского института социальных и политических наук, входил в совет профессоров этого заведения и читал лекции «Хозяйственный строй Советской России». В учебную программу «College des Sciences Sociales» (1926-27) был включен курс З. «Кооперативное движение в новой России». Преподавал З. и в Русском Коммерческом институте. Свои доклады и лекции он строил на удивительном для окружающих богатстве фактов и безукоризненной логике. Один из друзей ученого — Ст.Иванович — так охарактеризовал облик З.: «Он был то, что называется русским интеллигентом. Но с такой волевой творческой закалкой, с такой систематичностью, выдержкой, твердостью в работе, точно наградила его судь-

ба великим счастьем — дала ему русский свет без русской тьмы и русских сумерек».

Соч.: Международные экономические проблемы. Прага, 1922; La renaissance du capitalisme dans la Russie des Soviets. Paris, 1924; Рабочий вопрос в Советской России. Берлин, 1925; La Cooperation dans la Russie des Soviets 1917-1923. Paris, 1925; К социализму или капитализму. Берлин, 1927; Ou va la Russie. Paris, 1928.

В.Телицын

ЗАЙЦЕВ Борис Константинович (29.1.1881, Орел — 26.1.1972, Париж) — прозаик, мемуарист, переводчик. Сын горного инженера, в 1882-94 управляющего рудной конторой на заводах Мальцева в Калужской губернии, с 1898 директора московского завода Ю.Гужона. Детство З. прошло в селе Усты Жиздринского уезда Калужской губернии. В Калуге учился в классической гимназии (1892-94), в 1898 окончил реальное училище и поступил в Московское техническое училище, но первокурсником отчислен за участие в студенческом забастовочном комитете. В 1899 принят в Петербургский горный институт, в 1902, сдав дополнительные экзамены, перевелся на юридический факультет Московского университета (студент до начала 1907).

Как писатель дебютировал 15.7.1901 рассказом-эскизом «В дороге» в московской газете «Курьер». После рассказа «Волки» (1902) *Л.Андреев* ввел З. в кружок московских неореалистов «Среда». Кумир молодого З. — А.Чехов. Стиль ранних рассказов — сочетание натуралистического модерна с лирическим преклонением перед тайной мироздания, навеянным чтением пантеистически воспринятого Вл.Соловьева, ощутимо также влияние *И.Бунина*, с которым З. познакомился в 1902. Период ученичества — открытие Данте, интерес к поискам современников (*К.Бальмонт*, А.Белый, М.Горький, Ф.Сологуб), частые, начиная с 1904, поездки в Италию — был подытожен переводами произведений Г.Флобера «Искушение святого Антония» (1907) и «Простое сердце» (1910).

В первой книге З. — «Рассказы» (СПб., 1906) — отразились юношеские увлечения писателя, но *З.Гиппиус* сумела выделить главное: «Читая Зайцева — грустишь, но ждешь... Язык простой и круглый..., действительно живописный, иногда очень яркий. Так видел бы природу современный Тургенев... Тургенев без романтизма... и ...без тенденции». Соединение «натурализма» и «символизма» у З. зафиксировал Белый. Г.Чулков ввел З. в 1904 в петербургский журнал «Вопросы жизни». В 1904-8 З. познакомился с *Д.Мережковским*, А.Блоком, *Н.Бердяевым*, *А.Ремизовым* и др., бывал на «Башне» *Вяч.Иванова*. С 1907 редактор литературно-художественных альманахов издательства «Шиповник». 2.4.1912 обвенчался в Москве с дочерью археолога и нумизмата А.Орешникова — Верой Алексеевной Смирновой. Сборники: «Рассказы» (СПб., 1909), «Рассказы» (СПб., 1911), «Усадьба Ланиных» (М., 1914), «Земная печаль» (М., 1916), «Путники» (М., 1919) составили собрание сочинений, начавшее печататься с 1916 в московском кооперативном «Книгоиздательстве писателей». Написанное за это время получило по преимуществу положительные отзывы Блока, В.Брюсова, Чулкова, *Ю.Айхенвальда*, В.Гофмана, К.Чуковского и др. *И.Одоевцева* еще в Петербурге слышала от Гумилева и от *Г.Иванова*, что «в кругу «аполлоновцев», так строго и пристрастно судивших писателей-москвичей, Бориса Зайцева ценили и уважали...». Исключение составил роман «Дальний край» (1913, отд. изд. М., 1915), в котором ценность любви двух молодых людей и обращение к вере бежавшего в Италию русского террориста ставились выше революционных народнических заветов 1905, что вызывало неприязнь левого крыла критики. Драматургические опыты З. (пьеса «Усадьба Ланиных», пост. в 1914 в театре Корша) в дальнейшем не получили развития. С 1913 З. по совету своего друга *П.Муратова* принялся за перевод ритмизованной прозой дантовского «Ада» (Париж, 1961), к которому возвращался в разные и, как правило, тяжелые периоды жизни.

В начале 1910-х З. переживал творческий кризис. Ранние удачи (рассказы «Миф», 1906; «Священник Кронид», 1905; повесть «Аграфена», 1909) сменились вещами неровными (рассказы «Смерть», 1911; «Актерское счастье», 1913; повесть «Кассандра», 1915). Переломными стали повести «Путники» (1916, опубл. в 1919), «Голубая звезда» (1916, опубл. в 1918), твердые по почерку, но полные лирического напряжения. Обе завершены в Притыкино (имение отца на Оке в Каширском уезде Тульской губернии) и посвящены своего рода «лишним людям», которые, словно отстав от течения жизни и ощутив некую внутреннюю тишину, застывают на перепутье, распознают рождение в себе чего-то крайне важного, но до конца не понятого и потому соотнесенного с внешним, — льющими печаль звездами. «Голубая звезда» — самое тургеневское произведение З.

Летом 1916 З. был мобилизован, поступил в московское Александровское военное училище, выпустил брошюру «Беседа о войне» (М., 1917). Трагически пережил гибель

27.2.1917 в Петрограде племянника Ю.Буйневича, офицера Измайловского гвардейского полка; посвятил ему стихотворение в прозе «Призраки». Летом 1917 произведен в офицеры, но из-за воспаления легких в боях не участвовал. Большевистский переворот встретил в Притыкино, откуда время от времени наезжал в Москву. 19.1.1919 скончался отец писателя, в ночь на 1 октября был арестован и по обвинению в контрреволюционном заговоре расстрелян пасынок З. — А.Смирнов. Еще в декабре 1917 в однодневной газете Клуба московских писателей «Слову — свобода» в заявлении «Гнет душит свободное слово» и в открытом письме А.Луначарскому (Народоправство, 1917, № 17) З. заявил о неприятии большевизма.

В апреле 1918 принял участие в основании «самодельной гуманитарной студии» «Studio Italiano», работал в 1921 в кооперативной «Книжной лавке писателей», куда его устроил *М.Осоргин*. Тогда же избран председателем московского отделения Всероссийского союза писателей; 21 июля вошел во Всероссийский комитет помощи голодающим, арестован 26 августа вместе с другими его членами, но вскоре отпущен. Впечатления послереволюционных лет переданы З. в рассказах, вошедших в книгу «Улица Св.Николая: Рассказы, 1918-1922», а также в позднейшем рассказе «Последнее путешествие» (1926). «Улица Св.Николая» — своеобразная поэма в прозе, ритмы которой указывают на притягательность для З. «московской» прозы Белого. Почти в библейских интонациях в ней повествуется о превращении в мираж былого великолепия Вавилона-Арбата и необходимости преодоления этой утраты в христианском смирении и любви. Весной 1922 З. заболел сыпным тифом, после чего получил при содействии Л.Каменева (с которым учился в университете) и А.Луначарского визу на выезд за границу для поправки здоровья и 8.6.1922 уехал вместе с семьей в Германию.

Эмигрантские годы никогда не были легкими для З., но о выборе своем он не жалел: «Живя вне Родины, я могу вольно писать о том, что люблю в ней — о своеобразном складе русской жизни..., русских святых, монастырях, о замечательных писателях России». До конца жизни он не шел ни на какие компромиссы с советской властью, в результате чего в 1944-48 окончательно расстроились его отношения с Бердяевым, а в 1947 — произошла размолвка с Буниным. По словам *З.Шаховской*, «победа СССР в 1945 году была для Зайцева не русской победой, т.к. не могла послужить возрождению России и освобождению ее народа, и всякое заигрывание или кокетничанье с советскими властями было для него неприемлемо». Ранее неприятие большевизма и присущего ему богоборчества определило оценку творчества Блока и Горького в мемуарных очерках З. («Побежденный», 1925; «Максим Горький (К юбилею)», 1932) и отказ в 1930-е во встрече *А.Толстому*. В то же время отъезд на Запад не озлобил З., привел к укреплению веры. Православное мировидение позволило З. в эмиграции по-новому открыть для себя духовный фундамент русской культуры и распознать, как писал Ю.Терапиано, «русскую всемирность тех дореволюционных лет, когда наши... писатели умели ощущать весь мир своей родиной». Круг общения З. в годы изгнания — *М.Алданов*, Бунин, *Н.Берберова* и *В.Ходасевич*, Муратов, Осоргин, Ремизов, *Н.Тэффи* и др., а также о. Г.Спасский, архимандрит Киприан (Керн). Полагая, что Россия — там, где Христос, он сердцем почувствовал родину, побывав в апреле-мае 1927 на Афоне, и в июле-сентябре 1935 на Валааме (тогда — Финляндия).

Летом 1922 Зайцевы жили в курортном местечке Мисдрой близ Штеттина, с сентября — в Берлине, где писатель находился в гуще литературной жизни, регулярно посещал «Клуб писателей» и кафе «Ландграф». В марте 1923 З. был избран вице-председателем Союза русских писателей и журналистов; параллельно сотрудничал в берлинской газете «Дни», пражском журнале «Воля России». Лето 1923 семья З. провела в приморском поселке Преров-Остзеебад вместе с Бердяевыми, Ходасевичем и Берберовой, семьей *С.Франка*, Муратовым. В 1922-23 *З.Гржебин*, давний зайцевский знакомый, «в виде почетного исключения» выпустил в Берлине 7-томное собрание сочинений З., где впервые была опубликована книга лирических очерков «Италия». В сентябре-декабре 1923 З. посетил по приглашению итальянского слависта Э.Ло Гатто Италию, читал лекции в римском Институте Восточной Европы.

В 1920-30-е З. — один из наиболее уважаемых писателей «старшего» поколения эмиграции. Часто бывал в литературных салонах Фондаминских и Цетлиных, являлся почетным членом основанного в 1927 Мережковским и Гиппиус литературно-философского общества «Зеленая лампа». Начиная с 14-й тетради печатался в журнале «Современные записки», а также работал в газете «Последние новости», но из-за финансовых разногласий перешел осенью 1927 в более консервативное «Возрождение» (до 1940 — ок. 200 публикаций). С октября 1925 редактировал журнал «Перезвоны». Как праздник эмиграции был отмечен 12.12.1926 25-летний юбилей творческой деятельности З. (его речь опубл.: ПН, 14.12.1926). 30.9.1928 З. на белградском съезде русских ученых и писателей эмиграции получил (подобно Гиппиус и

А.Куприну) из рук высоко им чтимого «короля-рыцаря» Югославии Александра Орден Св.Саввы (покровителя искусств) 2-й степени.

Летом 1925 в имении профессора В.Ельяшевича на юге Франции завершил беллетризованное житие «Преподобный Сергий Радонежский» (Париж, 1925), работал над автобиографическим рассказом «Алексей Божий человек» (1925) и очерком о Блоке; на обратном пути впервые побывал у Буниных. Преподобный Сергий для З. — воплощение того типа русской святости, который особо дорог живущим в кровавые «времена татарщины», — тем, кто в «пленении» приходит к чувству покаяния (сочувственные отзывы *Н.Лосского* в журнале «Путь», 1926, № 2 и Гиппиус в «Современных записках», 1925, № 25).

Этапным произведением стал для З. роман «Золотой узор» (СЗ, 1923-25, № 15-19, 22-24; отд. изд. Прага, 1926), начатый в Берлине. Роман (написанная от первого лица история жизни молодой женщины с ее детства на рубеже столетий до отъезда с мужем в эмиграцию) распадается на две неравноценные части. Первая — посвящена дореволюционной эпохе и достаточно аморфна, является ухудшенным вариантом повествовательных ходов из «Голубой звезды». Вторая — лирический монолог, разреженный риторическими вопросами, чередованием абзацев разной длины, пейзажным декоративизмом. Контраст между двумя частями привел к особой экспрессивности последних глав об «окаянных днях» 1917-22. Покинув Россию, Наталия в тишине знаменитой часовни начинает понимать смысл слов Христа, сказанных по преданию на этом месте апостолу Павлу, поначалу бежавшему из нероновского Рима: «Quo vadis?». В совокупности сильных и слабых сторон «Золотой узор» свидетельствовал о завершении тургеневского этапа его творческой биографии.

Облик дома, в котором З. поселился в мае 1926, воссоздан в единственном романе З., полностью охватывающем жизнь эмиграции, «ДомАсси» (Берлин, 1935). Памяти матери, умершей 20.7.1927 в Москве, З. посвятил книгу рассказов «Странное путешествие» (Париж, 1927). Эмоциональным откликом на это событие явилась повесть «Анна», написанная в жесткой, не характерной для З. манере (СЗ, 1928, № 36-37; 1929, № 38; отд. изд. Париж, 1929), где описывается гибель в России молодой сельской женщины. В 1928 в Париже вышла посвященная митрополиту *Евлогию (Георгиевскому)* книга очерков «Афон». Начиная с ноября 1929 З. присутствовал на вечерах русско-французского общества, в работе которого приняли участие многие французские писатели и философы (Ж.Бернанос, П.Валери, А.Мальро, Ж.Маритен, П.Фор и др.). Многократные попытки описать тайну русской святости (книга очерков «Валаам». Таллинн, 1936) сказались также на обращении З. к беллетризованной биографии, в жанре которой написаны книги «Жизнь Тургенева» (Париж, 1932), «Жуковский» (Париж, 1951), «Чехов» (Нью-Йорк, 1954), эссе «Жизнь с Гоголем» (СЗ, 1935, № 59), «Тютчев — жизнь и судьба (К 75-летию кончины)» (Возрождение, 1949, № 1). Увидев в Тургеневе своего «спутника», З. неосознанно написал книгу не в меньшей степени автобиографическую, чем биографическую. По эротичности натуры, рассуждает З., Тургенев исконно русский писатель: любовь для него — не «гастрономия», как у современных ему французских прозаиков, а подобие мистического просвета. Но т.к. этому «дионисизму» не суждено было перерасти в веру, то отношение Тургенева к любви двойственное, это и источник чистого вдохновения, изящества, и страх небытия. Общий замысел З. в биографических сочинениях — показать «двойную» судьбу писателей: путь художника, с одной стороны, и отражение в его «жизни сердца» раздумий о преодолении смерти — с другой. Намерение увидеть в Тургеневе и, в особенности, Чехове писателей «подземно» религиозных определяется виденьем духовной целостности русской культуры.

В 1941-42 З. вернулся к переводу «Ада». Пережил бомбардировки Бианкура (пригорода Парижа, где некоторое время жил). Весной 1949 путешествовал по Италии (последняя встреча с Вяч.Ивановым). Сотрудничал в журналах «Грани», «Вестник РСХД», «Мосты», «Новый журнал», газетах «Русская мысль», «Новое русское слово» и др. 2.2.1957 В.А.Зайцеву разбил паралич, в течение 8 лет З. самоотверженно ухаживал за женой. 11.2.1960 скончался духовник З., архимандрит Киприан (Керн). З. пережил практически всех своих современников. В 1971 прошло торжественное празднование 90-летнего юбилея З., «последнего лебедя Серебряного века». Множеству близких З. сказал последнее «прости» в виде некрологов и мемуарных очерков, которые стали появляться еще в 1920-х. Они были собраны и переработаны в книгах «Москва» (Париж, 1939), «Далекое» (Вашингтон, 1965), «Мои современники» (Лондон, 1988), где даются портреты Белого, Бальмонта, Вяч.Иванова, Бердяева, Д.Мережковского, *А.Бенуа*, Муратова, Айхенвальда, *К.Мочульского* и др. В 1965 З. опубликовал один из лучших рассказов «Река времен» (НЖ, № 78), навеянный чеховским «Архиереем»; прототип архимандрита Андроника в нем — архимандрит Киприан (Керн). В 1969 написал открытое

письмо в поддержку А.Солженицына (Вест. РСХД, № 94). Скончался в кругу семьи своей дочери. Отпет в соборе Св.Александра Невского (в котором отпевали Тургенева), погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Итоговым и наиболее художественно совершенным произведением З. стала посвященная жене тетралогия «Путешествие Глеба»: «Заря» (1934-36, опубл. в 1937), «Тишина» (1938-39, опубл. в 1948), «Юность» (1940-44, опубл. в 1950) и «Древо жизни» (1953). Ее жанр — элегический и автобиографический роман, тема — становление художника, готовящегося к открытию своего «града Китежа» — ушедшей навсегда России — в изгнании. Глеб учится восприятию жизни у древних русских святых, князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, эмоциональный стержень повествования — христианская устремленность к вечности. По замыслу З. взросление Глеба перекликается с евангельской притчей о росте древа веры из «зерна горчичного». В маршруте своего путешествия он открывает смысл одновременно и индивидуальный, и общий — тот взгляд на мир, который Вяч.Иванов назвал «реалистическим символизмом». «Житийное» изображение главного персонажа и эпохи как преимущественно фона резко отличает тетралогию З. от «Жизни Арсеньева» Бунина — книги, под впечатлением которой роман, по-видимому, был задуман. Творчество З. примиряло по-своему трактуемые натурализм и символизм — Флобера с Тургеневым, Чехова с Буниным, «прозу» с «поэзией». Тем самым он откликнулся на потребность символизма в «обращении к канону» (А.Блок), которым для него стало как бы очищенное от субъективизма лирическое переживание собственной биографии, возвышенной до духовного чувствования единой людской участи.

Соч.: Письма Б.Зайцева к И. и В.Буниным. Публ. М.Грин // НЖ, 1980, № 139, 140; 1981, № 143; 1982, № 146, 149; 1983, № 150; Всепрощающая даль: Из творческого наследия Б.К.Зайцева. Публ. Е.В.Воропаевой // Лит. обозрение, 1989, № 12; Голубая звезда: Повести и рассказы. Из воспоминаний. Сост. А.Романенко. М., 1989; Белый свет. Сост. О.Михайлова, М., 1990; Земная печаль: Из шести книг. Сост. Л.Иезуитовой. Л., 1990; Далекое. Сост. Т.Ф.Прокопова. М., 1991; Золотой узор: Роман. Повести. Сост. Т.Ф.Прокопова. М., 1992; Соч., т. 1-3. Сост. Е.Воропаевой и А.Тархова. М., 1993; «Максим Горький (К юбилею)». Публ. В.М.Толмачева // Рос. литературовед. журн., 1993, № 2; Письма Б.К.Зайцева к Г.Н.Кузнецовой и Н.П.Смирнову. Публ. З.П.Смирновой // Там же.

Лит.: Чулков Г. Годы странствий. М., 1930; Тхоржевский И. Б.Зайцев / Рус. лит-ра. Париж, 1946; Pervouchine N. La place de B.Zaitsev dans la litterature russe du XX siecle // Etudes Slaves et Est-Europeénes, 1969, № 14; Шиляева А.С. Жизненный и творческий путь Б.К.Зайцева // Зап. рус. акад. группы в США, 1970, т. 4; Грибановский П. Борис Константинович Зайцев. Обзор творчества / Русская литература в эмиграции: Сб. статей. Под ред. Н.П.Полторацкого. Питтсбург, 1972; Бахрах А. По памяти, по записям: Литературные портреты. Париж, 1980; Толмачев В.М. От жизни к житию: логика писательской судьбы Б.Зайцева // Рос. литературовед. журн., 1994, № 4.

Арх.: РГАЛИ, ф. 548, 1623; ОР РГБ, ф. 357, 371; ИМЛИ, ф. 245; ИРЛИ, ф. 377; ГПБ, ф. 124, 408, 634, 1000; ЦИАМ, ф. 372, оп. 3, д. 615; ф. 418, оп. 316, д. 293; ГАРФ, ф. 63, д. 548, 1220; ф. 102, д. 188, ч. 1; д. 2702, 2707; ф. Б.Зайцева в Бахметьевском арх. Колумбийского ун-та (Нью-Йорк).

В.Толмачев

ЗАЙЦЕВ Кирилл Иосифович (архимандрит Константин) (28.3.1887, Петербург — 1975, Джорданвилл, США) — экономист, юрист, богослов. Высшее образование З. получил на юридическом факультете Петербургского университета и экономическом отделении Политехнического института. Проявил себя вдумчивым ученым еще в студенческие годы, подготовив к изданию два историко-экономических исследования (К вопросу о платежных книгах и платежницах. СПб., 1909; Очерки истории самоуправления государственных крестьян. СПб., 1912). После окончания Политехнического института З. был оставлен при нем для подготовки к получению профессорского звания. Его научные руководители — известнейшие историки и экономисты В.Гессен, М.Дьяконов, *П.Струве*.

К Октябрьской революции З. отнесся отрицательно и в 1920 эмигрировал. С начала 20-х проживал в Праге, где состоял приват-доцентом Русского юридического факультета. Читал там курс лекций по административному праву и вел семинарий, основная тема которого — анализ современного правового государства и проблем перехода к новым, принципиально иным формам этатического устройства. Совместно с Г.Вернадским З. руководил сводным семинаром, изучающим историю русского и административного права, эволюцию сословий в дореформенной России и правовых учреждений XVIII и XIX вв. Состоял профессором Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. Педагогическую работу совмещал с исследовательской деятельностью. Выступал с докладами на заседаниях экономического семинара академика П.Струве, в частности, о советском крестьянском законодательстве; предлагал признать факт «черного передела» земель в России, закрепление земли за ее владельцами и развитие на этой основе новых форм собственности. Осенью 1924 З. уча-

ствовал в работе состоявшегося в Праге 3-го съезда русских ученых. В своем выступлении доказывал, что правовые свободы состоят в непосредственной связи со свободой хозяйственного определения, выступая его производной. Эти же мысли содержались в его «Лекциях по административному праву, читанных на Русском юридическом факультете в 1922-1923 учебном году» (Прага, 1923). В выступлении на открытом заседании Русского студенческого национального объединения в Праге 20.1.1924 З. отрицал возможность признания советской власти, которую воспринимал как «абсолютное зло», но одновременно подчеркивал, что борьба с этим злом «может быть выражена лишь религиозными красками». В Париже раскрылся талант З. как публициста, литературного критика, культуролога; публиковался в газетах «Россия», «Россия и славянство». Участвовал в Товариществе «Единство», организованном в противовес белорусским и украинским сепаратистам, пытавшимся расколоть эмигрантские и научные круги по национальному признаку.

В начале 30-х З. уехал в Харбин, где с 1934 возглавил Педагогический институт. Период его руководства был ознаменован проведением «открытых лекций» по гуманитарным дисциплинам, доступных всем желающим. В 1938 З. издал первый выпуск пособия к лекциям по этике («Основы этики») — одну их трех задуманных частей курса этики. Даже в тяжелое время 2-й мировой войны З. продолжал исследовательскую деятельность. В 1942 была издана в Харбине его работа «Киевская Русь», в которую были включены фрагменты сочинений российских историков, отрывки из литературных памятников.

В 1945 принял священство. В конце 40-х З. вместе с семьей переехал в США, где в 1949 был пострижен в монашество, с 1954 — архимандрит. С начала 60-х профессор пастырского богословия и русской литературы в семинарии Св.Троицкого монастыря в городе Джорданвилле (США), являющимся духовным центром Синодальной русской церкви. В 60-70-е был опубликован целый ряд работ З. по истории русской словесности, русской истории, пастырскому богословию.

Соч.: Das Recht Sowjet Russlands. Tübingen, 1925; Крепостной земельный строй России XVI-XVIII вв. и отражение его в сочинениях Посошкова. Белград, 1931; Food Supplies during the World War. New Haven, 1933; К познанию православия. Шанхай, 1948; Православный человек. Мюнхен, 1950; Пастырское богословие, т. 1-2. Джорданвилл, 1960-1961; Лекции по истории русской словесности, т. 1-2. Джорданвилл, 1967-1968.

В.Телицын

ЗАМЯТИН Евгений Иванович (псевд. Мих.Платонов) (20.1.1884, Лебедянь, Тамбовская губ. — 10.3.1937, Париж) — прозаик, теоретик литературы. Родился в семье священника. Мать, Мария Александровна, обладала музыкальным дарованием. В доме постоянно ютились странники и паломники, чьи колоритные рассказы навсегда запали в душу писателя и чья незамысловатая речь отразилась в его произведениях. После окончания воронежской гимназии (1902) З. поступил на кораблестроительный факультет Петербургского политехнического института. Во время студенческой практики совершил длительные путешествия как по России, так и за ее пределами. Летом 1905 находился в плавании Одесса—Александрия. По возвращении в Одессу был свидетелем восстания на броненосце «Потёмкин», о чем позже рассказал в очерке «Три дня» (Ежемесячный журн., 1914, № 2). В те годы З. придерживался революционных взглядов. С 1903 активный участник политических демонстраций в Петербурге. С весны 1905 член РСДРП. 1-ю русскую революцию встретил восторженно. В письме (1906) Людмиле Николаевне Усовой (с 1917 жена писателя) признавался: «Революция так хорошо встряхнула меня. Чувствовалось, что есть что-то сильное, огромное, гордое, как смерч, поднимающий голову к небу, ради чего стоило жить. Да ведь это почти счастье!» Арестован в декабре 1905. Весной 1906 хлопотами матери освобожден из тюрьмы. Пробыв недолго в Лебедяни, летом того же года нелегально вернулся в Петербург, затем перебрался в Гельсингфорс, где оказался свидетелем Свеаборгского восстания (июль 1906). После этого снова Петербург, нелегальное положение, учеба в Политехническом институте, который окончил в 1908. Получив специальность морского инженера, З. был оставлен при кафедре корабельной архитектуры для научной работы. С 1911 преподавал в том же институте.

Литературный дебют З. — рассказ «Один» (Образование, 1908, № 11). Публиковал специальные статьи в журналах «Теплоход» и «Русское судоходство». В 1911 в Лахте (под Петербургом) З. написал повесть «Уездное» (Заветы, 1913, № 5). За повесть «На куличках» (Там же, 1914, № 3) был предан суду. Решением Петербургского окружного суда выслан на север, в Кемь. В 1914-15 публиковал в «Ежемесячном журнале», «Русской мысли» и в «Современнике» рассказы и рецензии, поддерживал связь с «заветинцами» — М.Пришвиным, *А.Ремизовым* и др. В марте 1916 уехал в Англию работать на судоверфях в Глазго, Ньюкасле и Сандерленде. Под его руководством построен один из самых крупных русских ледоколов «Александр Невский». В Англии З. напи-

сал «Островитянина» (Скифы, 1918, сб. 2) — тонкую сатиру на английский быт.

В сентябре 1917 З. вернулся в Россию. В статьях 1917-18 в газетах «Новая жизнь» и «Дело народа» выступал против произвола (в том числе литературного) и прислужничества перед властью, например, некоторых футуристов. Протестовал против расправы над членами ЦК кадетской партии, депутатами Учредительного собрания, А.Шингаревым и Ф.Кокошкиным, сатирически противопоставляя граждан покорных и непокорных. О покорных писал, что это «домашний мечтатель», «удобнейший гражданин. Бьют в морду: но, Боже мой, ведь это же ради высшей свободы. Вместо ста тридцати тысяч прежних столбовых — помыкают страной двести сорок тысяч столбовых новых; но, Боже мой, ведь это — ради высшего равенства». З. высмеивал размечтавшихся научных обозревателей, предлагавших неосуществимые прожекты, в частности, использование энергии северных рек. В своей публицистике З. беспощадный аналитик, темпераментный полемист, отстаивающий приоритет культуры. Разновидностью публицистики явились сказки З. (1-я — «Бог», опубл. в 1916 в «Летописи», затем цикл миниатюр в 1918 в «Деле народа»; в 1922 в Лейпциге сб. «Большим детям сказки»). В иносказательной форме З. писал о разъедающем все живое бюрократизме, о насильственной переделке человека.

В 1918 З. вошел в группу экспертов «Всемирной литературы», редактировал сочинения Г.Уэллса, Дж.Лондона, стал одним из руководителей издательств «Алконост» и «Эпоха», выпускал с группой писателей альманах «Дом искусств» (1921), журналы «Русский современник» и «Современный Запад». В 1920 оказал влияние на литературную группу «Серапионовы братья». По словам *Ю.Анненкова*, превратил петроградский «Дом искусств» «в своего рода литературную академию», читал там лекции (две опубл.: Грани, 1956, № 32; НЖ, 1964, № 77). Утверждал, что «настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики» (ст. «Я боюсь», 1921). 17.8.1922 З. был арестован, провел более месяца в петроградской тюрьме ГПУ, приговорен к бессрочной высылке за границу, но приговор был отменен. Написал рассказ «Пещера» (Записки мечтателей, 1922, № 5) и роман «Мы», в которых гротескно нарисованы картины человеческих переживаний периода военного коммунизма и связанные с этим представления о будущем.

В 1921 издательство *З.Гржебина* в Берлине предложило З. издать собрание сочинений в 4-х томах. За рубеж были посланы старые и новые произведения писателя, в том числе роман «Мы», предназначавшийся для 4-го тома. Разорившийся издатель успел выпустить лишь один, 3-й том, куда вошли повести и рассказы. Роман «Мы» без согласия автора был переведен на английский язык и издан в Нью-Йорке в 1924. В России усилия З. издать роман оказались безуспешными: советские цензоры увидели в нем прикрытую издевку над коммунистическим строем.

Между тем узкий круг литераторов в Петербурге и Москве уже ознакомился с рукописью романа. О нем заговорили резко отрицательно (Я.Браун в «Сибирских огнях», 1923, № 5/6; А.Воронский в «Красной нови», 1921, № 1). По-другому оценил «Мы» Ю.Тынянов: «...сам стиль Замятина ведет его к сатирической утопии: в утопических «Мы» — все замкнуто, расчислено, взвешено, линейно. Вещи приподняты на строго вычисленную высоту. Кристаллический аккуратный мир, обведенный зеленой стеной, обведенные серыми линиями юниф (uniform) люди и сломанные кристаллики их речей — это реализация замятинского орнамента, замятинских «боковых» слов. Инерция стиля вызвала фантастику. Поэтому она убедительна до физиологического ощущения... «Мы» — это удача» (Рус. современник, 1924, № 1).

В 1927 издательство «Круг» выпустило книгу З. «Нечестивые рассказы». В 1929 издательство «Федерация» выпустило его собрание сочинений в 4-х томах.; в 4-й том З. включил несколько «сказок», но из-за них том был задержан и вышел урезанным тиражом. С 1927 журнал «Воля России» (Прага) начал печатать без согласия автора главы романа «Мы». В СССР последовали резкие обвинения в адрес писателя. Роман вышел отдельным изданием на чешском (1927) и французском (1929) языках, после чего произведения З. перестали печатать в СССР. Безвыходное положение вынудило З. просить Сталина о временном выезде за границу. При содействии М.Горького такое разрешение было дано. В ноябре 1931 на Рижском вокзале в Москве его провожали Вс.Иванов и М.Булгаков. После недолгой остановки в Риге З. перебрался в Берлин, с февраля 1932 — в Париж, где он был связан с узким кругом друзей (Ремизов, Ю.Анненков, Б.Григорьев); которые, как и он, стремились сочетать новаторскую форму с бытовым сюжетом. В беседе с журналистом Ф.Лефевром, представлявшим «Nouvelles litteraires», З. в мае 1932 сказал: «Однажды на Кавказе мне рассказали персидскую басню о петухе, у которого была дурная привычка петь на час раньше других: хозяин петуха попадал из-за этого в такие неудобные положения, что в конце концов отрубил своему петуху голову. Роман «Мы» оказался персид-

ским петухом: этот вопрос и в такой форме поднимать было еще слишком рано, и поэтому после напечатания романа (в переводах на разные языки) советская критика очень даже рубила мне голову. Но, очевидно, я построен крепко — голова у меня, как видите, до сих пор на плечах». Первые свои произведения за границей З. написал для французских газет, среди них статья «Советские дети» — о системе принудительного воспитания в школе (дек. 1932). Основная же тема — состояние современной русской прозы, а также искусства авангарда. Лучшее из всей публицистики парижского периода З. — обширное исследование «Москва—Петербург» (опубл. в 1933 во Франции, Германии и Голландии; авторский текст: НЖ, 1963, № 72), выделяющееся тонким сарказмом сопоставлений, независимостью суждений и чувством меры и вкуса в оценках. Главная работа, которой был занят З. в 30-е — роман «Бич Божий» (Париж, 1938; предисл. *М.Слонима*), посвящен владыке Великой Скифии — Атилле. Еще в 1927 трагедия «Атилла» (НЖ, 1950, № 24) была представлена Большому драматическому театру в Ленинграде, доведена до премьеры и снята с постановки губреперткомом. Последовало судебное разбирательство, окончившееся для писателя безрезультатно. В это время и начал вырисовываться для З. контур романа «Бич Божий». Автор считал, что на протяжении истории человечества есть параллельные, одинаково звучащие эпохи. Такой параллелью нашей эпохе является эпоха «переселения народов». В центре его внимания — величайшие войны, столкновения стареющей западной и молодой, варварской культур. Он пожелал устроить некую перекличку времен и свой роман об Атилле мыслил как произведение, вызывающее живой непосредственный интерес у современного читателя. Роман «Бич Божий» остался незаконченным (написана лишь 1-я часть). З. создал в 1932 два кинематографических сценария: «На дне» по пьесе Горького и «Анна Каренина» по роману Л.Толстого. Режиссер фильма «На дне» Жан Ренуар умело реализовал замятинскую переработку пьесы, и лента пользовалась успехом. В декабре 1933 в Брюсселе была поставлена пьеса З. «Блоха» (по мотивам «Левши» Н.Лескова), снятая с репертуара советских театров, несмотря на исключительный успех во МХАТе и ленинградском БДТ.

В Париже З. не считал себя эмигрантом, жил с советским паспортом, встречался с наезжавшими писателями: Б.Пастернаком, К.Фединым, И.Эренбургом, *А.Толстым* и др. Принимал участие в антифашистском конгрессе защиты культуры (1935) в составе советской делегации. Умер З. от грудной жабы. Хоронили его 12 марта на кладбище Тие в пригороде Парижа, где находила себе вечный приют русская беднота. На похоронах присутствовали Слоним, *Р.Гуль, Г.Газданов* и *М.Цветаева.* Шел дождь, никакого церковного отпевания и даже никаких слов. Гроб опустили прямо в воду, залившую могилу. Цветаева о похоронах вспоминала: «Было ужасно, растравительно бедно — и людьми и цветами — богато только глиной и ветрами — четырьмя встречными».

Соч.: Лица. Нью-Йорк, 1955; Повести и рассказы. Предисл. М.Слонима. Мюнхен, 1963; Сочинения, т. 1-4. Мюнхен, 1982-86; Сочинения. Послесл. М.Чудаковой. М., 1988; Из переписки М.А.Булгакова с Е.И.Замятиным и Л.Н.Замятиной (1928-1936) // Рус. лит-ра, 1989, № 4; Избр. произведения. Вступ. ст. О.Михайлова. М., 1990, т. 1-2.

Лит.: Shane A.M. The Life and Works of Evgenij Zamjatin. New York, 1968; Мальмстад Дж., Флейшман Л. Из биографии Замятина (Новые материалы) // Stanford Slavic Studies, 1987, vol. 1.; Давыдова Т.Т. Евгений Замятин. М., 1991; Галушкин А.Ю. К истории ареста и несостоявшейся высылки Е.И.Замятина в 1922-1923 гг. // De visu, 1992 (нулевой номер).

А.Стрижев

ЗАХАРЧЕНКО Константин Львович (17.1.1900, Люблин, Польша — 1987, США) — авиаконструктор. В 1916 окончил киевскую гимназию и поступил в Морской кадетский корпус в Петрограде. Летом 1917 в качестве корабельного гардемарина принял участие в боевых действиях флотилии Северного Ледовитого океана. Осенью того же года вместе с другими учащимися кадетского корпуса был направлен для продолжения учебы во Владивосток. Октябрьская революция 1917 застала З. в составе экипажа вспомогательного крейсера «Орел» в Тихом океане. Гардемарины разоружили восставшую команду и выступили против советской власти. В годы службы в колчаковском военно-морском флоте З. был награжден Георгиевским крестом 4-й степени. По окончании Морского кадетского корпуса он был произведен в мичманы.

После поражения Колчака крейсер «Орел» ушел в Средиземное море, а часть его команды, в том числе и З., высадилась в Калькутте. Оттуда он перебрался в Нью-Йорк, где получил помощь в морской миссии при российском посольстве. В 1921 З. поступил на авиационное отделение Массачусетского технологического института. Еще будучи студентом, сотрудничал с разными авиационными фирмами, начав свою трудовую деятельность с должности чертежника. Получив в 1925 диплом инженера по аэронавтике, работал ведущим конструктором в фирмах «Kaess Aircraft Corp.» и «Wright

Aeronautical». В 1928 он вместе со своими бывшими однокашниками по институту Дж.Мак Доннелом и Дж.Коулингом создал собственную фирму, в которой компаньоны построили легкий двухместный спортивно-туристический самолет «Mc Donnell Doodlebug». Однако из-за разразившегося вскоре экономического кризиса фирму пришлось закрыть.

В 1934, когда З. работал заместителем главного конструктора *Б.Корвин-Круковского* в фирме авиационного оборудования «ЭДО» в Колледж Пойнт, к нему обратились представители китайской провинции Кантон с предложением организовать у них авиационное конструкторское бюро и серийный самолетостроительный завод. Летом того же года конструктор приехал в Южный Китай и приступил к проектированию заказанного кантонским правительством тяжелого бомбардировщика. Однако вскоре для него стало очевидным, что создание такого самолета не под силу местной промышленности. Поэтому вместо бомбардировщика З. разработал в 1936 легкий двухместный учебно-тренировочный биплан «Fushing» и, несмотря на отсутствие оборудования и квалифицированных кадров, наладил его серийное производство.

В 1938 З. перебрался на авиазавод в Шанхай, где для центрального китайского правительства серийно строились истребители «Curtiss». Работа в Шанхае продолжалась недолго. Японские бомбардировки вынудили эвакуировать завод в горную провинцию Куньмин, где он был размещен в пещерах под землей. В 1940 З. был назначен на должность технического советника и члена Бюро по аэронавтике при правительстве Чан Кайши и вскоре награжден высшим орденом «Слава Китая». В последние годы своего пребывания в этой стране он занялся разработкой ракетного оружия.

В начале 2-й мировой войны Дж.Мак Доннел воссоздал свою авиастроительную фирму и постарался разыскать институтского товарища. З. откликнулся на его предложение и в 1943 переехал в Сент Луис в США, где занял должность главного конструктора научно-исследовательского отделения по вертолетам и движителям «Mc Donnell Aircraft Corp.». Под его руководством в 1946 был построен первый американский двухмоторный вертолет Мак Доннел 37 «Whirlaway», в ходе испытаний которого конструктору удалось решить ряд сложнейших проблем, характерных для аппаратов двухвинтовой поперечной схемы. Воздушный гигант оставался самым большим вертолетом мира вплоть до осени 1948, когда с участием другого выходца из России — Я.Шапиро в Великобритании был построен трехвинтовой гигант Сиерва W-II «Air Horse». Кроме тяжелого гиганта «Whirlaway», З. построил в 1947 и «Mc Donnell» 38 «Little Henry» — первый в мире вертолет с реактивным приводом несущего винта посредством прямоточных воздушно-реактивных двигателей, установленных по концам лопастей. Относившийся к классу сверхлегких одноместных «воздушных мотоциклов», аппарат замкнул размерный ряд вертолетов с другого конца. Затем был построен двухместный вариант такой машины. Параллельно с постройкой вертолетов З. продолжил исследования по ракетной технике и реактивным двигателям, сотрудничал с Корнеллевской аэродинамической лабораторией. В годы работы в «Mc Donnell» конструктор женился и принял в 1947 американское гражданство.

В 1949 З. расстался с фирмой «Mc Donnell». Он переехал в Вашингтон, где после непродолжительной работы советником Национального бюро стандартов стал в 1950 техническим директором экспериментального подразделения Бюро Военно-морского флота по артиллерийскому и материально-техническому снабжению. В Бюро З. занимался разработкой методов управления научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами по ракетному оружию. В 1956 он был награжден медалью «За отличную гражданскую службу в Военно-морском флоте». В 1956-76 З. работал консультантом правительственного агентства по заказам ракетной техники, а также ряда государственных организаций от министерства обороны до Библиотеки Национального конгресса. Всю свою жизнь он продолжал интересоваться русской историей, внимательно следил за развитием техники и событиями в России.

Лит.: Berry H. Development of the Mc Donnell XHYD-1//American Helicopter, 1950, № 8; Francillon R. Mc Donnell Douglas Aircraft since 1920. London, 1979.

Арх.: National Air Space Museum's Archive, USA.

В.Михеев

ЗВОРЫКИН Владимир Козьмич (30.7.1889, Муром, Владимирской губ. — 29.7.1982, Принстон, шт. Нью-Джерси, США) — ученый, изобретатель в области электроники. Отец, Козьма Алексеевич, купец 1-й гильдии, торговал хлебом, пароходовладелец; пользовался уважением в городе, с 1903 являлся председателем Муромского общественного банка. Двое братьев Козьмы Алексеевича стали учеными: рано умерший Николай Алексеевич был магистром математики и физики, учеником А.Столетова; Константин Алексеевич, профессор Киевского политехнического института, получил широкую

известность как автор фундаментальных трудов по теории резания металлов и технологии машиностроения.

Учась в Муромском реальном училище, З. с 12-летнего возраста бывал на пароходах и в конторе отца; привыкал к организованности, контролируя график прибытия судов, любил заниматься ремонтом электрооборудования. Окончив реальное училище, он поступил в 1906 в Петербургский университет, однако по настоянию отца вскоре перешел в Технологический институт. Здесь произошла встреча, во многом определившая научные интересы З.: он познакомился с профессором Б.Розингом, автором новаторских работ по электронной передаче изображения на расстоянии. Начиная с 1910 З. вел под руководством Розинга научную работу в его лаборатории. Впоследствии З. вспоминал свои долгие беседы с Розингом, в ходе которых обсуждались возможности телевидения: «В это время я полностью понял недостатки механического телевидения и необходимость применения электронных систем». После окончания с отличием Технологического института (1912) З. продолжил свое образование в «College de France» в Париже под руководством известного физика П. Ланжевена.

1-я мировая война прервала научные занятия З., он возвратился в Россию, где его призвали в армию. В течение полутора лет служил в войсках связи в Гродно, затем работал в офицерской радиошколе в Петрограде. События Февральской революции 1917 были восприняты им неоднозначно. Для многих офицеров царской армии уже первые месяцы после февраля обернулись личной драмой: революционные трибуналы в тот период могли по жалобам солдат привлечь любого офицера или генерала к ответственности за плохое обращение с нижними чинами в прошлом. Был вызван в такой трибунал и З.: один из солдат пожаловался на то, что З. «издевался» над ним, заставляя подолгу повторять цифры в «дырочку» (мирокрофон), а сам в это время в соседней комнате копался в каком-то аппарате. Суд отпустил изобретателя, поняв вздорность предъявленного ему обвинения. Однако вести исследовательскую работу в Петрограде было едва ли возможно, и З. решил вернуться в регулярную армию. На этот раз он служил в местечке Бровары под Киевом. Обстановка была тревожной. Как делегат своей части З. участвовал в общефронтовых митингах. Однажды, возвращаясь обратно на поезде, он увидел, как в соседних вагонах арестовывали и разоружали офицеров. Зная, чем это грозит, З. выпрыгнул на ходу из окна поезда, скатившись благополучно под откос в мягкий кустарник. Выстрелы вдогонку не причинили ему вреда. Дальнейшая служба потеряла всякий смысл, и вскоре он, сменив военную форму на штатскую одежду, уехал в Москву. З. понимал, что «ожидать возвращения к нормальным условиям, в частности, для исследовательской работы в ближайшем будущем не приходилось». Ему не хотелось участвовать в гражданской войне, а все бывшие офицеры были обязаны явиться в комиссариат для призыва в Красную армию. «Более того, — вспоминал З., — я мечтал работать в лаборатории, чтобы реализовать идеи, которые я вынашивал. В конце концов я пришел к выводу, что для подобной работы нужно уезжать в другую страну, и такой страной мне представлялась Америка».

События вынуждали действовать решительно. Случайно узнав, что на него, как на не явившегося в комиссариат уже выписал ордер на арест, З. выехал из Москвы в Нижний Новгород. Знакомые служащие пароходной конторы бывшей компании «К.А.Зворыкин» помогли деньгами в обмен на сохранившиеся драгоценности. З. решил во что бы то ни стало добраться до Омска, где ему незадолго перед этим предлагали работу по оборудованию радиостанции с командировкой в США. С большим трудом З. добрался до Екатеринбурга; здесь его арестовали и посадили в тюрьму для выяснения личности. Неизвестно, как решилась бы его судьба, не войди в город чехословацкие части, после чего охрана тюрьмы разбежалась. У чехов русский инженер подозрений не вызвал, и он был отпущен. В Омске, являвшемся столицей независимой Сибири, молодого радиоспециалиста встретили радушно; ему выдали необходимые бумаги для деловой поездки в США, однако выехать в Америку оказалось практически невозможно: все дороги из Омска, кроме как на север, были отрезаны. В этой ситуации З. принял решение отправиться пароходом по рекам Иртышу и Оби, через Карское море к острову Вайгач. Плавание заняло больше месяца. В конце его З. оказался на маленьком острове в проливе Карские ворота. Отсюда можно было выбраться только на ледоколе. К счастью, он подошел, и еще через несколько недель З. добрался до Архангельска, оккупированного войсками Антанты. Дальнейшие трудности были связаны в основном с получением виз, после чего З. отправился по новым морям и океанам. Сделав по пути остановки в Норвегии, Дании и Англии, он накануне 1919 добрался до США. Однако изобретатель чувствовал себя связанным обязательствами перед Сибирским правительством, поэтому в том же 1919 он возвратился в Омск через Тихий океан, Японию, Владивосток и Харбин. Отчитавшись по прежним поручениям и получив массу новых, З. вновь отправился в Америку, на этот раз насовсем.

Обосноваться в Нью-Йорке на первых порах помог русский посол *Б.Бахметьев.* Непросто оказалось получить работу в исследовательской лаборатории. Наконец, З. дали возможность попробовать свои силы в фирме «Westinghouse Electric» в Питтсбурге. С головой уйдя в эксперименты, он принялся за реализацию давно вынашиваемых идей электронного телевидения. К 1923 З. создал телевизионное устройство, основой которого являлась оригинальная передающая трубка с мозаичным фотокодом. Возможности разработанной аппаратуры были, однако, еще очень ограниченными. Демонстрация устройства не произвела большого впечатления на руководство фирмы, в результате З. получил указание «заняться чем-нибудь более полезным». С недоверием была встречена его новаторская заявка и в патентном ведомстве США. Лишь спустя 15 лет после регистрации заявки, в результате обращения в т.н. «Суд совести», З. удалось получить патент. Разрабатывая в лаборатории приборы для практического применения, З. не оставлял своих «телевизионных идей». Он создал устройства (фотоэлементы, систему записи звука), которые могли быть использованы и в телевидении. Постепенно двигаясь к намеченной цели, он сконструировал к 1929 высоковакуумную приемную трубку — кинескоп, разработал еще ряд элементов для аппаратуры электронного телевидения. Основополагающим изобретением З., позволяющим решить главную проблему в развитии телевизионной техники, было создание передающей электронно-лучевой трубки с накоплением зарядов и высокой светочувствительностью. К началу 30-х во многих странах, включая Англию, Францию, Германию, СССР, велись работы по совершенствованию фотокатодов и созданию передающих трубок, пригодных для телевизионной передачи. Трудность объяснялась тем, что при развертке передаваемого изображения световое воздействие каждого его элемента на фоточувствительный слой происходит в течение всего лишь миллионных долей секунды. Возбуждаемый при этом фототок оказывается чрезвычайно малым, его усиление представлялось труднореализуемым технически. Задавшись целью найти способ накапливать заряд точечных фотоэлементов, З. получил в 1931 специальную электронно-лучевую трубку с мозаичной фоточувствительной структурой — иконоскоп. После успешных испытаний иконоскопа З. вместе со своими помощниками принялся за разработку телевизионной системы в целом. В 1933 была создана телевизионная система с разложением на 240 строк, в 1934 — на 343 строки с чересстрочной разверткой. В 1936 в США были начаты телевизионные передачи с использованием такой системы.

В 1933 лабораторию З. в США посетили посланцы из России — специалисты в области радиоэлектроники С.Векшинский и А.Шорин. В том же году З. нанес визит в СССР, выступил с обстоятельным докладом о своих работах в московском Доме ученых. Еще через год он вновь приезжал на родину, знакомился с работой ряда лабораторий в Ленинграде и Москве. Контакты оказались взаимно обогащающими: большой интерес З. вызвали работы Л.Кубецкого — изобретателя многокаскадного фотоэлектронного умножителя. По возвращении в США З. выполнил разработку аналогичного прибора у себя в фирме. Важным результатом встреч, в которых участвовал З., стало заключение в 1935 договора между фирмой «Radio Corp. of America» (RCA) и Наркоматом электропромышленности. Реализация договора сыграла положительную роль в развитии отечественной радиоэлектроники.

Получив признание во всем мире как автор фундаментальных изобретений в области электронного телевидения, З. внес значительный вклад и в развитие других направлений техники: в конце 30-х — начале 40-х им была выполнена серия работ по созданию электронных микроскопов; в его лаборатории разрабатывались также супериконоскоп, ортикон, видикон, электронно-оптические преобразователи. В послевоенные годы диапазон изобретательской мысли З. еще более расширился. Среди его разработок — компьютерный метод предсказания погоды с использованием ракет-радиозондов, система электронного управления движением транспорта и др. Особенно плодотворной в эти годы оказалась его деятельность в области медицинской электроники: он создал читающее телевизионное устройство для слепых.

Уйдя в 1954 в отставку с должности руководителя лаборатории фирмы RCA, З. принялся за активную организаторскую и научную деятельность как директор Центра медицинской электроники при институте Рокфеллера, президент-основатель Международной федерации медицинской электроники и биологической техники, член профессиональных групп медицинской электроники, созданных в США и Франции. Обратив внимание на разобщенность техники, медицины и биологии, З. выступил в печати против чрезмерной специализации профессиональных групп и обществ, предложил рациональные формы проведения технических разработок для медицины. С прежней увлеченностью З. продолжал изобретать: его идеи были использованы при разработке метода эндорадиозондирования («радиопилюли»), создании

компьютерных информационно-поисковых систем для медицины.

З. являлся членом Американской Академии искусств и наук, Академии инженеров, Американского философского общества, почетным членом многих академий и научных обществ. Ему принадлежат свыше 120 патентов и более 80 научных работ. З. называли «подарком американскому континенту». Изобретательская и научная деятельность З. отмечена занесением его имени в Американскую Национальную галерею славы изобретателей, он удостоен более 30 наград, включая Национальную медаль науки США, премию пионера Американской ассоциации промышленников, Президентский диплом Почета, орден Почетного легиона Франции и др. Неиссякаемую энергию и активный интерес к окружающему миру З. сохранил до преклонного возраста.

Соч.: Телевидение при помощи катодных трубок. Л., 1933; Телевидение. М., 1956 (в соавт. с В.А.Мортон).

Лит.: Abramson A. Pioneers of Television — V.K. Zworykin // SMPTE Journal, 1981, July; Борисов В.П. Одиссея русского американца номер один / Российские ученые и инженеры в эмиграции. М., 1993; Его же. Американец с русским акцентом // Неизвестная Россия, вып. 4. М., 1994.

В.Борисов

ЗДАНЕВИЧ Илья Михайлович (псевд. Ильязд, Эли Эганбюри) (9.4.1894, Тифлис — 25.12.1975, Париж) — искусствовед, график, поэт, прозаик. Из семьи преподавателя французского языка М.А.Зданевича, правнука сосланного на Кавказ польского аристократа, и пианистки, ученицы П.Чайковского, урожденной В.К.Гамкрелидзе, чьи предки занимали административные должности в закавказских губерниях. Брат художника Кирилла Зданевича. Во время поездки с отцом по России (1910) впервые увидел произведения новейшей западноевропейской живописи. Окончив в 1911 с серебряной медалью 1-ю тифлисскую мужскую гимназию, поступил на юридический факультет Петербургского университета. Познакомился с В.Бартом, М.Ле Дантю, *М.Ларионовым, Н.Гочаровой*, В.Маяковским, А.Крученых. Переписывался с родоначальником футуризма Ф.Маринетти, пропагандировал его манифесты. Один из авторов манифеста «лучистов». В январе 1913, приехав в Тифлис на каникулы, встретил Н.Пиросманашвили, которого считал «одним из величайших мастеров современной живописи»; вместе с братом и Ле Дантю привез его картины (в том числе портрет З.) в Москву, где они были показаны на выставке «Мишень» (1913). Написал первую статью о Пиросманашвили в газете «Закавказская речь» (10.2.1913) и обращение с призывом помочь ему в газете «Восток» (22.6.1914). В 1913 издал книгу о творчестве Ларионова и Гончаровой и опубликовал в журнале «Аргус» написанный совместно с Ларионовым манифест «Почему мы раскрашиваемся». Выступал с докладами об авангардистском искусстве, в том числе в «Бродячей собаке» (1914), в 1916 участвовал в издании журнала «Бескровное убийство». Написал первую драму на «заумном» языке «Янко круль албанскай». Вспоминал впоследствии: «Я действительно был футуристом (и первый в России заговорил о нем в конце 1911 года), но уже в 1914 году слово это потеряло всякий смысл, ...объединяя скорее людей, а не идеи. И с 1914 года я футуристом больше не называюсь (заумником — да, но это совсем не то же)».

После Февральской революции организовал общество «Свобода искусству», противостоявшее профессиональному Союзу деятелей пластических искусств и созданной М.Горьким Комиссии по делам искусств; выступил вместе с В.Мейерхольдом, *С.Прокофьевым* и Н.Пуниным против идеи учреждения министерства изящных искусств, выдвинутой *А.Бенуа*, как попытки «захватить заведывание искусством», настаивая на полном его «самоопределении». По окончании в 1917 университета служил некоторое время в секретариате А.Керенского. В мае вернулся с братом в Тифлис. Участвовал как фотограф и художник в экспедиции профессора Е.Такайшвили, изучавшей древнегрузинскую архитектуру на территории турецкой Грузии (июнь-окт. 1917). В независимой Грузии возглавил авангардистов, объединившихся в ассоциацию «Университет 41°» (Крученых, К.Зданевич, И.Терентьев и др.), написал новые заумные драмы — продолжение «Янко», оформил книги свои и товарищей по ассоциации, в том числе сборник «Софии Георгиевне Мельниковой. Фантастический кабачок» (Тифлис, 1919).

В октябре 1920 выехал во Францию с разрешения грузинских властей для ознакомления с новыми течениями искусства. Провел год в Константинополе, ожидая французскую визу, в октябре 1921 приехал в Париж; жил первое время у Ларионова. Пытался создать ячейки «Университета 41°», организовал вместе с С.Ромовым группу «Через», которая должна была связать русских поэтов и художников, живших в эмиграции и в СССР, с деятелями французской культуры, устраивал с этой целью выставки, благотворительные балы, банкеты (в честь Маяковского в 1922, Крученых в 1923 и др.). Сблизился с дадаистами и сюрреалистами,

в том числе с *С.Шаршуном*, П.Элюаром, Ж.Кокто, Р. и С.Делоне. В 1923 были изданы «заумные» драмы З. «Лидантю фарам» (экспонировалась в 1925 в советском отделе Международной выставки декоративных искусств в Париже) и «Остраф Пасхи». Роман «Восхищение», законченный в 1927 и отвергнутый в 1928 московским издательством «Федерация» за «мистику», был издан З. в Париже в 1930 (репринт в Беркли, США, 1983; на франц. яз. в 1987). Отвечая на советскую критику романа, З. писал, что «восхищение не мистика, это чувство революционное и революцию сопровождающее» и что роман, где он «воссоздал окружение гор подлой империей», является его вкладом «в общее дело». После непродолжительной службы в 1924 переводчиком в советском полпредстве стал художником по тканям, работая сначала для С.Делоне, затем на фабрике Блак Белэр, вошедшей в 1928 в фирму Шанель; с 1933 по 1937 ее директор, организовал филиалы фирмы в Англии. Был женат в 1926-39 на натурщице Аксель (Симоне-Элизе) Брокар, в 1940-43 — на нигерийской принцессе Ибиронке Акинсемойин, арестованной правительством Виши и отправленной в концлагерь. Выпустил сборники сонетов «Афет» (1940) и «Rahel» (1941), книги «Письмо» (1948) и «Пиросманишвили» (1973, на франц. яз. с иллюстрациями П.Пикассо). Восстановил в 40-е издательство «41°», привлек к оформлению книг по своим макетам Пикассо, А.Дерена, А.Матисса, Ф.Леже, Л.Сюрважа, *М.Шагала* и др.; среди этих книг — антология русской и французской «заумной» поэзии «Поэзия неузнанных слов» (1948). В 1968 женился на художнице-керамистке Элене Дуар и сам занялся керамикой. Работал также в 60-е как график, оформив книги Р.Османа и П.Элюара.

Лит.: К истории русского авангарда. Стокгольм, 1976; Le Rencontre Iliazd — Picasso. Hommage á Iliazd. Museé d'Art Moderne de la ville de Paris. Paris, 1978; Iliazd. Centre Georges Pompidou. Museé Nationale d'Art Moderne. Paris, 1978; Стригалев А. Кем, когда и как была открыта живопись Н.А.Пиросманишвили? // Панорама искусств, 12. М., 1989; Из архива Ильи Зданевича (публ. Р.Гейро) // Минувшее, вып. 5. М., 1991.

Р.Ильин

ЗЕНЬКОВСКИЙ Василий Васильевич (4.7.1881, Проскуров, Подольской губ. — 5.8.1962, Париж) — религиозный философ, историк философии, психолог и церковно-общественный деятель. Отец З. был педагогом и одновременно церковным старостой, дед — священником. До 14 лет З. был очень религиозен, в 15 лет под влиянием произведений Д.Писарева пережил сомнение в вере, увлекся науками. Намереваясь стать врачом, предполагал сначала основательно изучить естественные науки. По окончании киевской гимназии З. в 1900 поступил на естественное отделение физико-математического факультета Киевского университета. Здесь он много работал по всем дисциплинам, но особенно по электрохимии и электрофизиологии растений. На 2-м курсе естественного факультета (1902) поступил в семинар профессора Челпанова и стал заниматься психологией и философией (позднее, после отъезда Челпанова в Москву, в 1905 семинар перешел в ведение З. В студенческие годы, испытывая внутреннюю потребность решить для себя вопросы веры, все свое свободное время в течение двух лет посвящал изучению основ христианства, истории церкви; прочитал сочинения Вл.Соловьева и благодаря его влиянию окончательно встал на позиции религиозного мировоззрения. В юности З. сотрудничал в нескольких газетах: «Юго-Западная неделя», «Юго-Западный край» (где раз в неделю помещал философский фельетон), «Народ». С 1902 печатал статьи по психологии и философии в журналах «Педагогическая мысль» и «Вопросы философии». К этому периоду относится его сближение с *С.Булгаковым.*

Государственные экзамены на естественном факультете З. не держал, с осени 1904 перешел на историко-филологический факультет: сначала на философское, потом на классическое отделение. Осенью 1905 вместе с профессорами Киевской Духовной академии стал организатором киевского Религиозно-Философского общества, в котором был заместителем председателя, а с 1911 — председателем. По окончании университета (1909) был оставлен при нем для подготовки к профессуре. Одновременно приглашен преподавать на Женских курсах, где читал циклы лекций «Введение в философию» и «Психология детства». Через год начал читать курсы по общей психологии и психологии детства в Институте дошкольного воспитания, где через 2 года был избран директором. В 1912 выдержал магистерский экзамен и был утвержден штатным доцентом при кафедре философии. Одновременно работал над диссертацией. Летом 1913 и 1914 побывал в Италии, Австрии и Германии, где продолжал работать над диссертацией. В мае 1915 в Московском университете состоялась защита его магистерской диссертации «Проблема психической причинности», которая считалась одной из лучших работ на эту тему как в русской, так и в мировой науке. С 1915 З. — экстраординарный профессор психологии Киевского университета.

После революции 1917 против воли был вовлечен в политическую деятельность: неожиданно для самого себя стал министром исповеданий в правительстве гетмана П.Скоропадского (1918), надеясь помочь церкви в трудное время. Это была единственная попытка З. принять участие в политической деятельности. В 1919 был членом Украинского Церковного Собора.

В январе 1920 З. покинул Россию. В эмиграции вначале был профессором философии в Белградском университете сразу на двух факультетах — богословском и философском (1920-23). В Белграде З. стал членом студенческого православного кружка (по приглашению студентов). В 1923 брат З., живший в Праге, добился его приглашения во вновь организованный Русский педагогический институт, где З. занял кафедру экспериментальной и детской психологии, а позднее возглавил весь институт. В 1923 З. принял активное участие в съезде русских эмигрантских кружков молодежи. Съезд положил начало Русскому студенческому христианскому движению, председателем которого З. был избран в 1924 и оставался им до самой смерти. В 1926 чешское правительство прекратило субсидию Педагогическому институту, и З., воспользовавшись полученной им Рокфеллеровской стипендией, поехал в США для изучения постановки там религиозного воспитания; пробыл в Америке 9 месяцев. По возвращении, летом 1927, обосновался в Париже (где прожил всю оставшуюся жизнь), являясь профессором Богословского института.

В 1939 за день до объявления войны французские власти арестовали З. и без суда, следствия и даже обвинения заключили в Центральную тюрьму в Париже, где он провел 40 дней в одиночной камере, после чего был отправлен в лагерь; здесь, несмотря на заступничество ученых и церковных деятелей, пробыл 14 месяцев, стараясь нравственно поддерживать заключенных. Пребывание в одиночной камере и в концлагере привело З. к решению принять священство, и в марте 1942 он был рукоположен митрополитом *Евлогием* (позднее Евлогий полагал сделать З. епископом, своим преемником, но З. отказался — по природному смирению, нелюбви к парадной стороне епископской деятельности и по состоянию здоровья).

В 1948 получил степень доктора за монографию «История русской философии» (2 тт. Париж, 1948-50). Во Франции З. занимался церковно-общественной, научной и педагогической деятельностью. Участвовал в работе нескольких организаций, но прежде всего Русского христианского студенческого движения. Движение включало не только студентов, но интеллигентов всех возрастов. З. говорил: члены движения студенты, т.к. стремятся к просвещению. Он мыслил движение как живую силу церкви, которая формирует церковную интеллигенцию, задача которой — построение православной культуры; был убежденным сторонником аполитичности церкви. Другая важная сторона деятельности З. — работа в Парижском Богословском институте, где он преподавал философию, психологию, педагогику, апологетику и историю религии; пользовался большим личным влиянием в совете профессоров; играл важнейшую роль в финансовой жизни института — составлял бюджет, следил за его исполнением, хлопотал о деньгах и т.п. Институт сыграл большую роль в истории православного богословия, сохранив традиции русской богословской школы.

Взгляды З. в целом сформировались под влиянием религиозных исканий Н.Гоголя, Л.Толстого и философского учения Вл.Соловьева. Основные работы З. посвящены истории русской философии, своеобразие которой он видел в ее религиозной устремленности, в преобладании историософских и этико-антропологических тем; русский материализм З. рассматривал как извращенную форму религиозного сознания. Был пионером в создании христианской антропологии — христианской науки о человеке.

З. был духовным отцом множества людей; он обладал даром «душеводительства и душепопечения», и к нему тянулись страдающие люди, которым он помогал разобраться в запутанности их внутреннего мира, давал советы по самым разнообразным вопросам — семейной жизни, воспитания детей, научным проблемам и др. Воспоминания современников добавляют штрихи к портрету этого замечательного человека: по самосознанию он был «русским украинцем» — т.е. считая себя украинцем, рассматривал украинский народ как ветвь русского народа; украинского языка не знал, говорил по-русски, но с типичным южным акцентом; свободно владел французским, немецким, английским языками; по складу ума считал себя историком, т.к. любое явление старался понять и оценить в исторической перспективе; по политическим убеждениям был конституционным монархистом; был очень предан семье и всю жизнь помогал родным, особенно матери, которая после революция осталась в России; был не просто семьянином, но вообще почитателем семейного начала, видя в семье дарованную Богом полноту жизни; всегда жил в бедности, но имел все необходимое — пропитание, деньги на покупку книг, поездки, подарки, лечение (всегда в обрез!); отличался редкой душевной добротой, никому не отказывал в помощи; советы давал мягкие, всегда стремился

всех «понять и простить». Знал за собой «пассивное отношение к своей судьбе», «неумение, а потому нежелание «строить свою жизнь». Однако в старости писал: «Оглядываясь на прожитую жизнь, я вижу в ней какую-то логику, рисунок, который был создан не мною, но выявлению которого содействовало мое пассивное отношение к судьбе».

В июне 1962 З. перенес операцию по удалению желчного пузыря и камней желчного протока, после чего развилось осложнение в виде уремии, приведшее к смерти. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в Париже.

Соч.: Психология детства. Лейпциг, 1924; Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. Париж, 1934; Русские мыслители и Европа. 2-е изд. Париж, 1955; Основы христианской философии. В 2-х т. Париж, 1961-64.

Лит.: Верховской С. О В.Зеньковском // НЖ, 1962, № 70.

М.Куликова

ЗЕРНОВ Михаил Степанович (1.10.1857, Москва — 31.1.1938, Париж) — врач-терапевт, физиотерапевт, бальнеолог, общественный деятель. Родился в семье выпускника Московской Духовной академии, протоирея церкви Николы Явленного на Арбате — Степана Ивановича З. и Прасковьи Дмитриевны (урожд. Лебедевой), происходившей из семьи военного врача. По окончании московской классической гимназии З. поступил на медицинский факультет Московского университета. Закончив его (1882), был оставлен при университете в должности ординатора кафедры госпитальной клиники внутренних болезней, возглавляемой профессором А.Остроумовым. Ординатура проходила в напряженной исследовательской работе, чередовавшейся с выступлениями З. в Московском медицинской обществе и на Пироговских съездах. Профессор Остроумов первым в России стал широко практиковать физические методы лечения внутренних болезней: электроток, массаж, гимнастику, душ и т.д. З. увлекся этим направлением и скомбинировал свой собственный аппарат для электромассажа, получивший широкое применение и в России, и за рубежом. После поездки в Париж за консультацией к профессору Шарко З. привез в Россию «душ Шарко».

В 1886 З. был приглашен в качестве консультанта на Кавказские Минеральные Воды (Пятигорск, Ессентуки, Железноводск и Кисловодск). Он подробно изучил зарубежный опыт организации бальнеологических курортов и активно выступил за преобразование отечественных бальнеологических учреждений. Для этого необходимо было прежде всего провести отчуждение казачьих земель, на которых предполагалось построить курорты. Однако Государственный совет, несмотря на поддержку 10-го Пироговского съезда в Киеве и помощь наместника на Кавказе — князя Г.Голицына, отклонил ходатайство З. об отчуждении казачьих земель в пользу курортной зоны. Только на личной аудиенции у государя князю Голицыну удалось подписать акт об отчуждении. По плану инженера А.Милюкова (брата *П.Милюкова*) в Ессентуках был построен первый в России санаторий для небогатых больных (оплачивающих лишь себестоимость своего содержания, но не лечения). По инициативе З. были разбиты парки, сады, открыты электро-световой и тепловой институт, а также диагностический и терапевтический институт, в которых он сосредоточил самую современную по тем временам диагностическую технику, включая рентгеновские аппараты, электрокардиографы, разные типы электромассажа, аппараты для механотерапии, используемые с целью снижения веса тела, открыты химико-микроскопические лаборатории, мощные современные грязелечебницы. З. предлагали место председателя правления Кавказских Минеральных Вод, но он отказался, предпочитая остаться общественным деятелем и вольнопрактикующим врачом. В 1987 З. женился на Софье Александровне Кеслер, которая активно участвовала в общественной и благотворительной деятельности мужа, взяв на себя ответственность за хозяйственную работу санатория в Ессентуках. Зерновых также привлекли (в 1897) к реорганизации другого российского курорта — в Сочи.

З. около 20 лет состоял гласным Московской городской думы. Он был также председателем Арбатского попечительства о бедных и др. благотворительных организаций. В 1905 вступил в кадетскую партию. После увольнения из Московского университета в 1911 целого ряда профессоров и преподавателей стал одним из инициаторов создания Общества Московского научного института, которое ставило своей целью дать возможность ученым свободно заниматься творчеством без произвола административных структур.

В 1917 семья Зерновых покинула Москву. Годы гражданской войны они провели в Ессентуках, там З. работал врачом в военном госпитале. В 1920 вместе с медицинским управлением Добровольческой армии семья Зерновых была эвакуирована в Грузию. С вступлением Красной армии в Закавказье Зерновы вынуждены были выехать в феврале 1921 в Константинополь; осенью того же года они прибыли в Югославию. Здесь З. работал врачом на одном из лучших курортов этой страны — Врньячка

Баня. Министерство здравоохранения Югославии нуждалось в проекте реорганизации этого курорта, и проект был выполнен З. в очень короткие сроки. Со временем З. стал одним из самых популярных русских врачей в Югославии. В Белградском университете получили образование его дети: сыновья Владимир и Николай, дочери Софья и Мария.

В 1927 Зерновы перебрались в Париж, где З. открыл частную медицинскую практику. Много времени он уделял благотворительной и общественной деятельности. Прежде всего, активно включился в работу Московского землячества в Париже (основано в 1922) и вскоре возглавил его. Им была разработана система стипендий, пособий, пенсий, ссуд для нуждающихся эмигрантов, основан фонд в честь 175-летия Московского университета, создано 16 именных стипендий в память выдающихся русских ученых, писателей и общественных деятелей и др. Последние годы З. также состоял товарищем председателя Общества русских врачей им. И.Мечникова в Париже, насчитывавшем более 200 членов. З. умер на 82-м году жизни, скоропостижно, после традиционного празднования Московским землячеством Дня Татьяны. Его похороны на Медонском кладбище проходили при большом стечении народа, пришедшего почтить память выдающегося русского врача и общественного деятеля.

Лит.: Милюков П. Смерть праведного (Некролог) // ПН. 1938. 1 февр.; Седых А. Доктор Зернов (Некролог) // Там же; На переломе. Три поколения одной московской семьи (Семейная хроника Зерновых). 1812-1921 гг. Под ред. Н.М.Зернова. Париж, 1970; За рубежом. Белград-Париж-Оксфорд. Хроника семьи Зерновых. Париж, 1973.

Т.Ульянкина

ЗЕРНОВ Николай Михайлович (9.10.1898, Москва — 25.8.1980, Оксфорд, Англия) — общественный деятель, богослов, историк церкви. Сын *М.С.Зернова* и С.А.Зерновой (урожд. Кеслер). В 1917 с золотой медалью окончил гимназию Поливанова в Москве и поступил на медицинский факультет Московского университета. В 1921 покинул вместе с семьей Россию. Оказавшись в Югославии, поступил на богословский факультет Белградского университета, который окончил в 1925. Однако в отличие от своих сверстников З. священства не принял, избрав путь мирянского служения церкви. Был одним из основателей Русского студенческого христианского движения за рубежом (РСХД). Секретарь РСХД в Белграде и в Париже (1925-32), первый редактор «Вестника РСХД».

В октябре 1925 вместе с сестрой Софьей приехал в Париж по делам РСХД. Получал стипендию Оксфордского университета, посещал лекции в Сорбонне. Осенью 1927 З. женился на Милиции Владимировне Лавровой. Через 2 года, осенью 1929, они уехали на всю зиму в Англию, где З. учился в Оксфорде. Докторскую степень по философии Оксфордского университета он получил в 1932. В 1935 З. с женой окончательно поселился в Англии, а в 1936 получил британское подданство. Однако его материальное положение стало прочным только с 1956. С 1932 по 1947 он активно работал в Братстве Св.Албания и Преп.Сергия в Лондоне — обществе, созданном для взаимного обмена информацией православных и англикан. С 1947 профессор Оксфордского университета. Его лекторская деятельность была чрезвычайно активной как в Англии, так и в США, где З. преподавал православную восточную культуру. В течение года он возглавлял христианский колледж в Трананкоре в Южной Индии (1953-54), был профессором экуменического богословия американских университетов Дрью, Айова, Дью. В своем просветительстве З. не только стремился объяснить суть православия, но и всемерно работал над достижением взаимного понимания между христианами разных концессий, призывая к поискам путей сближения. Этим миссионерским духом проникнуты написанные им работы: «Москва — третий Рим» (Лондон, 1937, на англ. яз.); «Церковь Восточных христиан» (Лондон, 1942, на англ. яз.); «Вселенская церковь и русское православие» (Париж, 1952); «Русское религиозное возрождение XX века» (Лондон, 1963, на англ. яз.) и др. Кропотливой работы потребовало от З. составление значительного био- и библиографического труда, подводящего итог полувековой творческой деятельности русских религиозных писателей эмиграции.

В Оксфорде в 1959 З. организовал и возглавил православный центр — Дом Св.Григория и Св.Макрины, который привлек не только местный русский православный приход, но и православных англичан, греков, сербов и др. В 1967 З. был избран президентом Пушкинского клуба в Лондоне — общественного учреждения, в котором в течение всего академического года читались лекции о России на русском или английском языках. З. так и не стал «кабинетным» ученым и не удовлетворился академическим покоем и комфортом Оксфорда. Он объездил весь мир, читая лекции в Европе, Америке, Австралии, Индии. «По призванию, по дарам своим, по убеждению был он и до конца остался проповедником, — считал А.Шмеман, — свидетелем и, потому, как и апостолы, неутомимым путником..., проповедь и свидетельст-

во его были всегда о ...тех трех органически для него связанных реальностях, которыми он не просто жил, а подлинно горел: о Православии, о христианском единстве, и о России, — об ее трагической судьбе и подлинном лике...»

З. был одним из лидеров экуменического движения и участвовал в спорах об экуменизме, его целях и методах, о степени «дозволенного» и «недозволенного» в отношениях православных с представителями других религий. Для него разделение между христианами «было постоянной личной болью и страданием». Член Королевского общества литературы в Лондоне. В 1970 получил почетную степень доктора богословия Оксфордского университета. Архив семьи Зерновых до недавнего времени находился в Библиотеке Дома Св.Григория и Св.Макрины в Оксфорде.

Соч.: The Russians and Their Church. London, 1945; На переломе. Три поколения одной московской семьи (Семейная хроника Зерновых). 1812-1921 гг. Под. ред. Н.М.Зернова. Париж, 1970; За рубежом. Белград-Париж-Оксфорд. Хроника семьи Зерновых. Париж, 1973; Русские писатели эмиграции. Бостон, 1973; Закатные годы. Эпилог хроники семьи Зерновых. Париж, 1981.

Лит.: Прот. Александр Шмеман. Памяти Николая Михайловича Зернова (1898-1980) // Вест. РСХД, 1980, № 132; Андреев Ник. Памяти ушедших. Н.М.Зернов // НЖ, 1980, № 140

Т.Ульянкина

ЗЕРНОВА Софья Михайловна (24.12.1899, Москва — 18.1.1972, Париж) — общественный деятель. Родилась в семье московского врача и общественного деятеля *М.С.Зернова*. В 1918 окончила классическую гимназию Хвостовой в Москве. В 1921 вместе с семьей уехала из России. Жизнь в изгнании семья начала с Константинополя, откуда через 7 месяцев Зерновы переехали в Югославию. В 1925 окончила философский факультет Белградского университета. В октябре того же года вместе с братом, *Н.Зерновым*, приехала в Париж. Посещала лекции в Сорбонне. Вместе со своими братьями и сестрой З. принадлежала к основателям Русского студенческого христианского движения за рубежом (РСХД). В качестве генерального секретаря РСХД (1926-31) много ездила по странам Европы, была в Прибалтике и США.

В 1925 З. создала Центр помощи русским беженцам в Париже — организацию, сыгравшую огромную роль в судьбах «старой» и «новой» эмиграции русских во Франции; была бессменным генеральным секретарем Центра на протяжении всей своей жизни.

С 1932 по 1934 заведовала «Бюро по приисканию труда для русских», учрежденном при Российском общевоинском союзе в Париже. С середины 1930-х З. благодаря поддержке брата Н.Зернова и его жены, а также помощи Братства Св.Албания и Преп.Сергия регулярно устраивала отправку русской молодежи на летние каникулы в Англию. В предвоенные годы открыла в Вилльмуассоне Русский детский дом (с 1954 он существует в Монжероне). В нем воспитывалось около 100 детей. По достижении школьного возраста дети посещали французские учебные заведения, сохраняя тесную связь с детским домом, где продолжали брать уроки по русской культуре, языку, литературе; при нем был открыт православный храм. З. спасла от насильственной репатриации многих пленных русских.

С 1948 по 1951 работала секретарем ИРО (международный орган для помощи беженцам). Дважды посещала СССР: в августе 1961 и в июле 1966. Умерла после долгой и мучительной болезни в Париже.

Соч.: Одна из встреч иностранных студентов с русскими // Вест. РСХД, 1926, № 10; Америка // Там же, 1929, № 1-4.

Лит.: На переломе. Три поколения одной московской семьи (Семейная хроника Зерновых). 1812-1921 гг. Под ред. Н.М.Зернова. Париж, 1970; Энден М.Н. Памяти ушедших. С.М.Зернова // НЖ, 1972, № 106; За рубежом. Белград-Париж-Оксфорд. Хроника семьи Зерновых. Париж, 1973.

Т.Ульянкина

ЗИЛОТИ Александр Ильич (27.9.1863, близ Харькова — 8.12.1945, Нью-Йорк) — пианист, дирижер, педагог, музыкальный деятель. Родился в дворянской семье. Его отец, Илья Матвеевич З. — землевладелец Харьковской губернии; мать, Юлия Аркадьевна З. (урожд. Рахманинова), сестра отца *С.Рахманинова*. Первые уроки музыки дал мальчику отец, музыкант-любитель. В возрасте 8 лет З. начал систематические занятия фортепиано на младшем отделении Московской консерватории в классе Н.Зверева — педагога, воспитавшего целую плеяду замечательных пианистов, в том числе А.Скрябина и Рахманинова. В 1875 З. перешел на старшее отделение консерватории к Н.Рубинштейну, у которого занимался до 1881. Теорию музыки он изучал под руководством П.Чайковского. 25.10.1880 состоялось первое публичное выступлении З. с симфоническим оркестром под управлением Н.Рубинштейна. Ему пришлось заменить заболевшего солиста, и о своем участии он узнал в самый день концерта. «Как и подобает настоящему таланту, — вспоминал московский музыкаль-

ный критик Н.Кашкин, — юный ученик не только не смутился неожиданностью выступления в таком большом концерте, но со свойственною его возрасту резвостью прыгал козлом от восторга чуть ли не все оставшиеся до отправления в концертную залу часы. Играл он первую часть первого концерта А.Рубинштейна с большим блеском и одушевлением, заслужившими полнейшее одобрение его требовательного учителя».

В 1883 З. отправился в Веймар к Ф.Листу для окончания образования. Отношения учителя и ученика вскоре переросли в дружбу. Именно под влиянием Листа сформировались художественные принципы З.-музыканта. В дальнейшем он много сделал для пропаганды творчества своего великого наставника. Уже в 1885 З. основал в Лейпциге, где искусство Листа воспринималось тогда весьма неоднозначно, «Листовское общество». Тогда же завязалась дружба З. с Чайковским. Последний весьма высоко ставил талант молодого артиста, помогал организовать его гастроли. В свою очередь З., живя в Германии, часто исполнял музыку Чайковского, редактировал его сочинения (в том числе Первый и Второй концерты), правил корректуры, делал переложения некоторых оркестровых произведений композитора для фортепиано.

1888-91 З. провел в Москве, приняв приглашение Русского музыкального общества стать профессором Московской консерватории. Несмотря на недолгий срок своей работы в этом учебном заведении, он оставил яркий след в его истории (среди учеников З. — К.Игумнов и Рахманинов). Выехав снова за границу (в Париж), он активно гастролировал по всей Европе. Искусство пианиста приобрело в тот период широкое международное признание.

Еще во время своего первого пребывания за рубежом З. начал успешно выступать в качестве дирижера. Признанием его заслуг на этом поприще стало предложение в 1901 руководить симфоническими собраниями Московского филармонического общества. За два сезона З. сумел значительно обновить репертуар московских концертов. Но полного размаха дирижерская деятельность музыканта достигла после 1903. Год этот явился для З. переломным. Он переселился в Петербург и приступил к организации своего концертного дела. «Концерты А.Зилоти» были одним из самых грандиозных музыкально-просветительских начинаний в России начала XX в. Миссию свою З. видел в том, чтоб «заставлять публику каким бы то ни было способом ходить в концерты и слушать лишь хорошую музыку и лишь в хорошем исполнении; полюбить музыку «за самое себя» и получить потребность слушать хорошую музыку». Программы «Концертов А.Зилоти» отличались необычайным разнообразием. Музыкант был последовательным популяризатором творчества И.С.Баха. Только за первые 10 лет в его симфонических собраниях были сыграны все Бранденбургские концерты, три оркестровые сюиты, некоторые кантаты, «Магнификат». Большинство этих произведений звучали в России впервые. И это не считая скрипичных и виолончельных сонат, концертов для солирующих инструментов и органных сочинений. С 1907 З. начал устраивать монографические концерты, составленные исключительно из музыки Баха. Слушателям раздавались аннотации с выписанными хоральными мелодиями и переводами текстов кантат. Исполнялись и произведения других композиторов XVIII в. — Генделя, Вивальди, Ф.Э.Баха. Значительное место уделял З. в своих программах музыке Бетховена, Листа и Вагнера. Симфония «Фауст» и увертюра к «Мейстерзингерам» были в числе высших достижений З.-дирижера. С годами усиливался интерес музыканта к сочинениям современных французских композиторов — Шоссона, Дебюсси, Равеля, Роже-Дюкасса. Именно в концертах З. состоялись их многие петербургские премьеры.

В русской части репертуара, наряду с музыкой Чайковского, выделялись произведения А.Глазунова. З. буквально боготворил создателя «Раймонды» и исполнил почти все его симфонические сочинения. Творчество Рахманинова также было широко представлено в его программах. В «Концертах А.Зилоти» были впервые сыграны в Петербурге, а впоследствии многократно повторялись, все оркестровые и фортепианные сочинения Рахманинова. Начиная с 1911 З. часто обращался к музыке А.Скрябина, устраивал концерты с участием самого автора, дирижировал его симфониями и поэмами. Он поддерживал молодых авторов, например *И.Стравинского* и *С.Прокофьева*, проводил премьеры произведений, ставших впоследствии знаменитыми (упомянем в их ряду «Фейерверк» и сюиту из «Жар-птицы» Стравинского, «Скифскую сюиту» Прокофьева).

Для участия в своих концертах З. привлекал самых замечательных отечественных и зарубежных музыкантов. З. руководствовался при этом не только стремлением познакомить публику с искусством знаменитых исполнителей, но и просветительскими целями. В письме к другу и постоянному автору аннотаций к его концертам, музыковеду А.Оссовскому он писал: «Идя только слушать Шаляпина, толпа, его слушая, услышит кантату Рахманинова и Вагнера; вот эта-то самая толпа, пустая толпа, уйдет

из концерта больше образованная, чем шла в концерт — и это-то меня прельщает!»

На плечах З. лежала огромная административная работа, выполнением которой обычно занимается целая концертная организация филармонического типа: переговоры и заключение контрактов с исполнителями, аренда залов, составление программ, выпуск и продажа абонементов, вся финансовая сторона дела. Вдобавок к абонементным З. организовал в 1912 «Общедоступные концерты», билеты на которые стоили в два раза дешевле, чем обычно, а в 1915 еще и «Бесплатные народные концерты». В 1916 по инициативе З. и под его непосредственным руководством был создан Русский музыкальный фонд — благотворительное учреждение для помощи нуждающимся музыкантам и их семьям. При этом З. и сам активно концертировал как дирижер, солист, ансамблист, аккомпаниатор. Так, за первое десятилетие своих концертов он продирижировал 60 из 95 симфонических собраний. Разнообразием программ поражали сольные выступления музыканта, в которых звучал обширнейший репертуар — от Рамо, Генделя и Баха до Регера, Дебюсси и *Метнера*. Эти концерты были проникнуты тем же духом музыкального просветительства. Славу выдающегося камерного исполнителя З. завоевал, играя в дуэтах и трио с Ж.Тибо, П.Казальсом и *Л.Ауэром*, А.Вержбиловичем.

После октября 1917 абонементные концерты З. были отменены, дело всей его жизни оказалось разрушенным. В конце 1919 он уехал в Финляндию, оттуда в Германию и, наконец, в 1922 поселился в Нью-Йорке. З. пользовался здесь высоким авторитетом как педагог и исполнитель. На протяжении 16 лет (с 1926) он преподавал фортепиано в Джульярдской музыкальной школе (среди его учеников М.Блицстайн), изредка выступал в концертах. В 1936 музыкант принял активное участие в торжествах, посвященных 125-летию со дня рождения и 50-летию со дня смерти Листа. День 7.11.1936, когда в его интерпретации прозвучали Концерт A-Aur и «Пляска смерти», З. объявил своим прощанием с концертной эстрадой.

К жизни в Америке З. привыкал с трудом. Так, в конце 20-х он еще не говорил по-английски. Резко критически относился он к меркантильному духу, господствовавшему тогда в американском музыкальном образовании. «Вести школу с подлинно высокими идеалами, по справедливости относиться к профессорам, учителям и студентам и при этом делать деньги — невозможно. Деньги, которые вы делаете, отняты у педагога, работающего изо дня в день, для того чтобы учебное заведение могло отобрать себе половину платы за обучение», — говорил он в беседе с музыкальным критиком Х.Броуэр.

К сожалению, сохранилась лишь запись трех фрагментов в исполнении З. (на фонографе, около 1930-х). Остались также свидетельства современников. «Игра Зилоти блестящая, техника его крупная, удивительно законченная; нельзя сказать, что она всегда увлекает слушателей, зато удивляет своей силою и артистической законченностью, — писал музыковед Н.Финдейзен. — Одним из отличительных качеств артиста должны считаться его выдержанность, спокойствие и самообладание. Зилоти — знаток своего инструмента; он владеет и распоряжается им удивительно остроумно, сознательно и мастерски». А вот как вспоминает пианиста другой его слушатель: «Тонкостью своей игры Зилоти не мог сильно воздействовать на малообразованную, поверхностную публику. Из-за этого как музыкальная личность он стоит особняком и немного одиноко. В его игре — много нравственной чистоты. Зилоти так прост, что смущает этим слушателя, который эту простоту иногда принимает за холодность. Только истинное, только правдивое признавал Александр Ильич в жизни, и игра его была полна правды и истинно глубокого содержания».

Соч.: Мои воспоминания о Ф.Листе. СПб., 1911 (Переизд. *в сб.*: Александр Ильич Зилоти 1863-1945: Воспоминания и письма. Л., 1963).

Лит.: Brower H. Modern Masters of the Keyboard. New York, 1926; Ewen D. Living Musicians. New York, 1940.

С.Грохотов

ЗУРОВ Леонид Федорович (18.4.1902, Остров, Псковская губ. — 9.9.1971, Париж) — прозаик, археолог, искусствовед. Определяющими для формирования мировосприятия З. явились впечатления детства, проведенного в дворянской усадьбе, события 1-й мировой войны и революции. Юношей З. «по зову совести» пошел добровольцем в армию Юденича, был ранен, а после неудачи похода на Петроград в конце 1919 интернирован в Эстонии, где перенес сыпной тиф. В начале 20-х переехал в Чехословакию, поступил в один из институтов. Затем осел в Риге, работал маляром, участвуя в отделке здания кинематографа, служил в порту. Территориальная близость к России, возможность общаться с русскими — горожанами и крестьянами — помогли З. создать свой язык, определили тематику его произведений и его «почвенническое» мировоззрение. С 1927 печатался в рижской газете «Перезвоны».

На первые его произведения — сборник «Кадет» и повесть «Отчина» (Рига, 1928) обратил внимание *И.Бунин*, принявший горячее участие в судьбе молодого писателя; в письмах З. он высоко оценил его творческие возможности: «Очень, очень много хорошего, а местами прямо прекрасно... У Вас основа настоящая. Кое-где портит дело излишество подробностей, излишняя живописность, не везде чист и прост язык... Да все это, Бог даст, пропадет, если только Вы будете (и можете) работать». По настоянию Бунина З. в 1929 переехал из Риги во Францию и стал своим человеком в его семье. Некоторое время был личным секретарем Бунина, а впоследствии способствовал изданию его литературного наследия. Публиковал свои новые произведения в журналах «Иллюстрированная Россия», «Круг», «Современные записки». Хорошо знавшая его *З.Шаховская* писала: «Леню Зурова все любили. Да и трудно было его не любить. На Монпарнасе Леонид Зуров предстал как добрый русский молодец, высокий, румяный, сероглазый, русый, как бы прямо вступивший из древнего Пскова на парижский асфальт. Говорил он спокойно и благожелательно, в литературных склоках и интригах не участвовал, ...шел своей дорогой.»

Внимание З.-писателя в основном было сосредоточено на теме русской стихийности. *Г.Струве* отнес З. к т.н. «бунинской школе», имея в виду органическое ощущение жизненной плоти, цвета и запаха вещей. Однако от Бунина З. отличало более широкое видение исторического движения времени. Как писал Струве, «изображая войну и революцию, он изображал стихийное движение людских масс, а не только потревоженных революцией особей». Даже в самых «камерных» произведениях З., где описываются преимущественно любовные коллизии, ощутим ветер истории, «страшно и радостно» бушующий над «дикой как море российской равниной». Ощущая суровую диалектику происходящего, признавая неизбежность гибели старого и пришествия нового жизненного уклада, З. избегал мелодраматических интонаций и риторической приподнятости. Трагическую рознь между русской деревней и помещичьей усадьбой, кровь и грязь социальных катаклизмов З. изображал без предвзятости, не проклиная врагов и не восхваляя друзей. Если в его ранних вещах еще ощутим налет сентиментальности в изображении юных идеалистов, отдающих свои жизни в борьбе с большевиками, то в романе «Древний путь» (1934; 2-е изд. Франкфурт-на-Майне, 1985) в полной мере проявился реализм З. Здесь нет ни абсолютно правых, ни безоговорочно виноватых. Все связаны единой цепью убийств и жестокости, любви и раскаяния, подлости и милосердия.

Долгие годы З. работал над романом «Зимний дворец», оставшимся незаконченным (отрывки: альманах «Встреча», 1945; НЖ, 1949). В нем показана обреченность довоенного Петербурга с его «праздниками, дачами, светской легкомысленной и чопорной болтовней» — весь этот мир, «словно рой поденок, унесло куда-то ладожским ветром». Как «ночной нечеловеческий хорал» разворачивается в романе время, когда человек «задыхался, словно в эфире, от свободы», ощущая себя и Богом, и зверем. Писатель с горечью ощущает «злую радость рабочих», наблюдая, как «все пути заливало серое солдатское море, пахнущее хлебом, медвежье...», слыша «огромное дыхание возбужденного, сдвинутого с налаженной жизни народа», понимая, что «в том, что свершилось, разуму не было места». Некоторые критики видят в З. предшественника А.Солженицына (эпопея о «красном колесе»).

В повести «Отчина» З. перекладывает на язык современной прозы древние былины, народные предания, летописные сказания, апокрифы и легенды, повествуя о пожарах, битвах, разорениях, которые претерпела Псковщина в прошлые века, о древних церквах и монастырях, о неугасимой в народе жажде прекрасного, о нравственной чистоте и религиозном подвижничестве. Исторический — как христианский, так и языческий, древнеславянский — пласт постоянно присутствует в произведениях З., образуя второй, равный по значению (наряду с судьбами России в годы войны и революции) тематический центр его творчества. Русская старина привлекала З. не только как литератора, но и как этнографа и археолога. В 1935, 1937, 1938 он предпринял (по поручению парижского Музея Человека и министерства просвещения Франции) научные экспедиции в Эстонию, в 1935 реставрировал Никольскую церковь в Псково-Печерском монастыре. Результаты экспедиций отражены в научных работах, опубликованных в 1941 и 1946. В «Новом журнале» вышла статья З. о лермонтовской «Тамани» и генеалогии рода Лермонтова (1961, № 66; 1965, № 79). По свидетельству Шаховской, крест над могилой И. и В.Буниных в Сент-Женевьев-де-Буа сделан *А.Бенуа* по зарисовке З. с древнерусского памятника.

В сборнике рассказов «Марьянка» (Париж, 1958) З., по словам Я.Горбова, «зовет читателя последовать за ним по множеству русских тропинок, дорожек и дорог. Сколько образов, сколь-

ко смирения, доброты, боли, слов и молитв подметил, идя по русским дорогам, Зуров!»

В поздние годы источник его вдохновения оставался прежним — воспоминания о детстве, чувство горечи о невозвратном прошлом и растерянности перед «неведомой» новью, наполнившей «гадкие годы», когда «народ совесть потерял». По мнению Н.Андреева, «книги Леонида Зурова останутся в русской литературе не в разряде литературных экспериментов, но как важные и правдивейшие свидетельства очевидца, совестливого и чуткого, русских трагедий и русской стойкости, запечатленные талантливым мастером прозы в полновесном писательском слове». Похоронен З. на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Соч.: Даниловы // Белое дело, 1927, № 2; Поле. Париж, 1938; Астория // Рус. сборник, 1946, № 1; Как они умерли (о Д.Мережковском и З.Гиппиус) / Орион. Париж, 1947; Воспоминания // НЖ, 1962, № 69; 1968, № 90; Древний путь // Север, 1992, № 6.

Лит.: Андреев Н.Е. Л.Ф.Зуров (Некролог) // НЖ, 1971, № 105.

А.Дранов

И

ИВА́НОВ Вячеслав Иванович (16.2.1866, Москва — 16.7.1949, Рим) — поэт, мыслитель, филолог, переводчик. Отец И. — мелкий чиновник, землемер, умер в 1871. В воспитании И. решающую роль сыграла мать, от которой сын перенял глубокую и живую веру в Бога и любовь к наивно православному московскому быту, с одной стороны, с другой — убежденность в высочайшем назначении поэзии и поэта. Окончив 1-ю московскую гимназию, поступил в 1884 на историко-филологический факультет Московского университета. Пережил острый кризис детской веры, приведший к атеизму и попытке самоубийства, и увлечение крайними революционными настроениями. По окончании 2-го курса, решив выйти из революционной среды, оставил университет и уехал за границу с женой (в 1886 женился на Дарье Михайловне Дмитриевской). Продолжил учебу в Берлинском университете под руководством О.Гиршфельда и Т.Моммзена, занимался в основном экономико-юридическими аспектами римской истории. По окончании университета (1891) работал над докторской диссертацией о римских откупах, которую закончил, но не защитил (De societatibus vectigalium publicorum populi romani. SPb., 1910).

В 1893 встретил Лидию Дмитриевну Зиновьеву (в литературе — Зиновьева-Аннибал), ради которой в 1895 оставил жену и дочь. Вл.Соловьев, с которым И. познакомился в 1896, оказал на И. огромное влияние, в частности, ему И. был обязан возвращением к церковному исповеданию христианства. Ранние журнальные публикации стихов и переводов И. прошли незамеченными. В конце 1902 появилась первая книга И. — «Кормчие звезды», после чего среди символистов за ним установилась репутация мэтра. Прожил за границей до 1905, лишь изредка и на короткое время приезжая в Россию. Подолгу жил в Германии, Италии, в Париже, в Греции, бывал в Палестине, Англии; в начале века семья И. снимала дом в Женеве, где гостили многочисленные русские друзья, в том числе московские символисты. По возвращении на родину И. и Л.Зиновьева-Аннибал обосновались в Петербурге; с осени 1905 их квартира превратилась в знаменитый литературный салон — его называли «башней», поскольку Ивановы жили в угловой квартире, одна из комнат которой располагалась в башне. Там собирался весь литературно-артистический Петербург, гости из Москвы, из русской провинции, из-за границы.

Этапными явлениями в истории русского символизма были поэтические книги И. «Прозрачность» (М., 1904); «Cor ardens» (М., 1911-12, ч. 1-2); «Нежная тайна» (СПб., 1913). Еще важнее для истории этого движения теоретические выступления И., собранные в книге «По звездам» (СПб., 1909) и «Борозды и межи» (М., 1916). Философско-религиозная и эстетическая проповедь И. оказала едва ли не решающее влияние на становление группы т.н. «младших символистов», духовное лицо которой определяли внецерковная мистика и устремленность на преодоление индивидуализма в чаемой «соборности». В пору резкой идейной полемики, в 1906-8, разделившей символистов на «мистиков»-петербуржцев и «эстетов»-москвичей, И. с Блоком стояли во главе первых, тогда как вторые сплотились вокруг «Весов», руководимых В.Брюсовым. В конце 1900-х «младшие» — прежде всего А.Белый, И. и Блок — объединились вокруг московского издательства «Мусагет». Вместе с И.Анненским и М.Кузминым И. стоял во главе журнала «Аполлон», начавшего выходить в Петербурге с осени 1909.

В 1907 от скарлатины умерла Зиновьева-Аннибал. В И. жила убежденность, что он сохраняет общение с женой не только в памяти, но и в виденьях, снах, сеансах т.н. «автоматического письма» и что именно она указала ему на свою дочь от первого брака, Веру Константиновну Шварсалон, как на ее преемницу. Брак И. с падчерицей совершился в 1910; весной 1912 они уехали за границу, откуда вернулись лишь к осени 1913. Поселились в Москве, куда в начале 1910-х переместился центр религиозно-философской активности: московское Религиозно-Философское общество в память Вл.Соловьева и издательство «Путь» собрали наиболее близких единомышленников И.; основным работодателем И. стало издательство «М. и С.Сабашниковы», для которого он переводил Алкея и Сафо (М., 1914; 2-е доп. изд. 1915), Петрарку (М., 1915), Данте, Эсхила (пер. не завершены, опубл. посмертно).

Падение царской власти представлялось И. закономерным и необходимым, ибо «ветхое самодержавие» давно превратилось в «династическую литературу». В апреле 1917 И. написал «Гимн Новой России» («Мир на земле, на святой Руси воля...»). Однако реальное развитие событий не отвечало основным положениям историософии И.: «Революция протекает внерелигиозно. Целостное самоопределение народное не может быть внерелигиозным. Итак, революция не выражает доныне целостного народного самоопределения». Впечатления первых месяцев революции продиктовали «Песни смутного времени» — цикл стихотворений, печатавшийся в журнале «Народоправство»; от отдельного его издания поэт отказался, поскольку, говорил он, «у постели больного не следует говорить о его болезни». И. не скрывал, пока это было возможно и разумно, своего неприятия большевизма, печатал антибольшевистские статьи, сатирические стихи, но после консолидации большевистского режима занял лояльную к власти позицию. В 1918-20 был одним из организаторов и руководителей театрального и литературного отделов Наркомпроса, что позволяло ему деятельно участвовать в воссоздании жизненного пространства русской культуры, отчасти нейтрализовывать диктат леворадикальных установок в искусстве и в организации культурной жизни. Читал лекции и вел занятия в Пролеткульте, в различных учебных заведениях, самодеятельных кружках и студиях.

Вокруг петроградского издательства «Алконост» и его журнала «Записки мечтателей» в последний раз объединились «младшие символисты» — А.Блок, А.Белый, И., *А.Ремизов.* В этом издательстве вышли поэма И. «Младенчество» (1918), трагедия «Прометей» (1919), «Переписка из двух углов» (1921, совм. с М.Гершензоном). На рубеже 1918-19 создан один из самых знаменитых циклов И. «Зимние сонеты» (впервые: «Поэзия революционной Москвы». Берлин, 1922). «Переписка из двух углов» — важнейший документ общеевропейской дискуссии 20-х о «кризисе европейской культуры», кризисе гуманизма — была переведена на основные европейские языки и породила обширную критическую и исследовательскую литературу.

Семья И. жестоко голодала в холодной Москве, в начале революции навсегда исчез один пасынок поэта (вероятно, жертва солдатского самосуда), схвачен ЧК другой, от голода и лишений умерла ближайшая подруга Зиновьевой-Аннибал, М.Замятина, более 20 лет бывшая домоправительницей, членом семьи И., в 1920 умерла В.Шварсалон-Иванова. И. предпринимал настойчивые попытки выехать за границу, закончившиеся безрезультатно. Летом 1920 с детьми (Лидией — дочерью от Зиновьевой-Аннибал, Димитрием — сыном от Шварсалон) перебрался на Северный Кавказ, затем в Баку, куда был приглашен на кафедру классической филологии. Здесь защитил в 1921 докторскую диссертацию «Дионис и прадионисийство» (Баку, 1923), вел обширную культурно-просветительскую деятельность, написал шуточную «трагикомедию» «Любовь-Мираж» (неизд.), несколько стихотворений. Пришел к выводу, что «идеи перестали править миром», что достойнее уединенная и провинциальная жизнь. «Муза моя, — писал он В.Меркурьевой, — стала молчальницей». Отвергал все дружеские приглашения в Москву: «От меня... ничего больше не ждите, моя песенка оказалась спетой. Я даже разрешил себе душевную лень», — писал он 14.1.1923 Г.Чулкову.

В мае 1924 Общество любителей российской словесности пригласило И. в Москву на пушкинские торжества. В столице с помощью А.Луначарского и О.Каменевой ему удалось выхлопотать командировку в Италию, он вызвал из Баку детей и 28.8.1924 уехал из Москвы. Чаще всего объяснял отъезд необходимостью дать детям образование, но суть дела была в том, что самый строй советской жизни в корне противоречил всем представлениям И. В первом стихотворении, написанном в Риме, уподобил Россию сгоревшей Трое, а беглецов из России — спутниками Энея, вынесшим из пламени отеческих богов.

Считал себя связанным с Москвой не только материальным содержанием, получаемым от советских учреждений, но и морально (имеются указания, восходящие к семье поэта, что он обещал А.Луначарскому политическую лояльность поведения за рубежом). С другой стороны, он искал духовной сосредоточенности; центральное положение в обществе, которое он занимал в 1905-17, претензии на духовное водительство стали для него неприемлемыми. М.Горький прочил И. в заведующие поэтическим отделом журнала «Беседа», задуманного в целях объединения русской интеллигенции метрополии и диаспоры; И. отдал «Беседе» свои «Римские сонеты», но журнал закрылся, не успев напечатать одно из лучших произведений И.-лирика. С периодикой антисоветской эмиграции И. не считал для себя возможным сотрудничать. Каирский университет предложил И. кафедру, но английские власти отказали в праве на нее ученому с советским паспортом. 17.3.1926 И. перешел в католицизм. С осени 1926 профессор Колледжо Борромео в Павии. Работал там до 1936, когда достиг предельного по итальянским законам рабочего возраста. К концу 20-х были ликвидированы уч-

реждения, с которыми И. поддерживал связь и от которых получал деньги (ЦКУБУ, ГАХН). В советской пенсии ему было отказано, но еще в начале 30-х он получил издательский заказ из Москвы на перевод Гёте для собрания сочинений. Тяжело переживал гонения на церковь, чем объяснял свой отказ вернуться на родину. В 1936 И., до того сохранявший советское гражданство, принял итальянское подданство. Преподавал церковно-славянский язык в папских духовных школах, наблюдал за подготовкой русскоязычных переизданий Псалтири и Деяний и Посланий Св.апостолов.

С начала 30-х прекратилась и до той поры нерегулярная переписка И. с друзьями и учениками на родине, память о нем обросла легендами, созвучными образу «Вячеслава Великолепного» и закрепленными советскими справочными изданиями (будто бы он получил кардинальскую шапку, стал директором Ватиканской библиотеки, что ни в малой степени не соответствовало реалиям жизни старого нищего русского поэта в изгнании). Контакты И. даже с друзьями, единомышленниками, соратниками по литературной борьбе — не более чем разрозненные эпизоды: он обменивался случайными письмами с Э.Метнером, *С.Франком* (письма к нему опубл.: Мосты 1963, № 10; письма к *В.Ходасевичу* — НЖ, 1960, № 62), встречался с *Д.Мережковским* и *З.Гиппиус*, Ф.Зелинским, когда они изредка появлялись в Риме. С 1936 стихотворения И. регулярно печатались в «Современных записках». В 1939 в Париже издана мелопея И. «Человек». И. не стал при безграничных языковых возможностях человека, блистательно говорившего и писавшего на немецком, итальянском, французском, английском языках, представителем какой-либо инонациональной или космополитической культуры. С вниманием и пониманием к нему отнеслась европейская католическая (и не только католическая) элита — у него были встречи с Ж.Маритеном, Г.Марселем, Ш. Дю Босом, Дж.Папини, З.Р.Курциусом, М.Бубером, он печатался в утонченных журналах «Corona» (Мюнхен, Цюрих) и «Vigile» (Париж). Но связи, органически подразумевающей совместное действие с этими лицами и группами, у И. не возникло. Многие стихотворения этого периода — «Римские сонеты» (1924-25; СЗ, 1936, № 62). «Римский дневник» (1943-44) — вершины русской лирики XX в.; необычайно интересна в художественном отношении и неоконченная прозаическая «Повесть о Светомире-царевиче», над которой И. работал с конца 20-х до самой смерти.

После 1917 И. в определенном смысле слова переродился как человек общественный; новый духовный и поведенческий облик И. обрел именно в Италии. Определяющую роль в этом облике играли углубленная церковность, бытовая, душевная и интеллектуальная, связанная с нею строгая переоценка собственной личности и жизненного пути, смиренный отказ от притязаний (в литературном плане выражающийся в значительном опрощении стиля). Дж.Папини в очерке, опубликованном незадолго до кончины И., назвал его одним из «семи стариков» (наряду с Б.Шоу, К.Гамсуном, М.Метерлинком, П.Клоделем, Ганди и А.Жидом), в лице которых минувший век жил еще в культурной реальности послевоенного мира, семи великих из плеяды поэтов и мифотворцев, на ком лежала, хотя бы частично, ответственность за катастрофу XX в.

Соч.: Dostojevskij. Tübingen, 1932; Свет вечерний. Оксфорд, 1962; Собр. соч., т. 1-4. Брюссель, 1971-87; Стихотворения и поэмы. М., 1976.

Лит.: Степун Ф. Встречи. Мюнхен, 1962; Алтман М.С. Из бесед с поэтом Вяч.Ивановым. Баку, 1921; Котрелев Н.В. Вяч.Иванов — профессор Бакинского университета // Уч. зап. Тартус. ун-та, 1968, вып. 209; Tshopl C. Vjac.Ivanov. München, 1968; Guenter J., von. Ein Leben im Ostwind. München, 1969; Il Convegno, 1983, № 8-12; Malcovati F. Vjac.Ivanov: Estetica e filosofia. Firenze, 1983; Vjacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher / Ed. by Jackobson R.L., Nelson L. New Haven, 1986; Аверинцев С.С. Системность символов в поэзии Вячеслава Иванова // Контекст, 1989. М., 1989; Davidson P. The poetic Imagination of V.Ivanov: A Russian Simbolist's Perception of Dante. Cambridge, 1989; Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце. Париж, 1990.

Н.Котрелев

ИВАНОВ Георгий Владимирович (29.10.1894, Ковенская губ. — 26.8.1958, Йер ле Пальме, Франция) — поэт, прозаик, литературный критик. Сын дворянина, бывшего военного; мать — из голландского рода Бир ван Брештейнов. Детство И. прошло в имении Студенки. После разорения и смерти отца поступил во 2-й кадетский корпус в Петербурге, но не окончил его. Впервые выступил публично с чтением стихов в кабаре «Бродячая собака», в печати дебютировал в 1910 в журнале «Все новости литературы, искусства, театра, техники и промышленности». В 1911 сблизился с эгофутуристами, но в 1912 демонстративно порвал с ними и вступил в объединение акмеистов «Цех поэтов»; ему покровительствовал Н.Гумилев. В России выпустил сборники стихов: «Отплытие на о. Цитеру» (СПб., 1912), «Горница» (СПб., 1914), «Памятник славы» (Пг., 1915), «Вереск» (М., Пг., 1916), «Сады» (Пг., 1921), «Лампада» (Пг., 1922). Участник альманаха «Дом искусств» (1921).

Эмигрировал под видом заграничной командировки осенью 1922 вместе со второй женой, *И.Одоевцевой*. Жил в Берлине, с 1923 в Париже, временами в Риге. Печатался в жур-

налах «Современные записки», «Новый журнал», «Новый дом», «Числа» (1930-34; один из его создателей), «Возрождение», «Звено», в газетах «Последние новости», «Новое русское слово», «Сегодня», в сборнике «Круг» и в др. изданиях. Бессменный председательствующий на заседаниях организованного *Д.Мережковским* и *З.Гиппиус* общества «Зеленая лампа» (1927-40). Остался незаконченным исторический роман И. «Третий Рим» (1929-30). В жанре беллетризованно-мемуарной прозы написана книга «Петербургские зимы» (Париж, 1928; Нью-Йорк, 1952); преимущественно в газетах «Дни» и «Последние новости» публиковались портреты деятелей культуры под общей рубрикой «Китайские тени», не во всем достоверные, что вызывало неудовольствие изображенных И. писателей (в частности, А.Ахматовой и О.Мандельштама). Художественно-философскую концепцию «Петербургских зим» выражает образ идущего ко дну мира искусства, которому не дано победить прозу жизни. В первых изданных в эмиграции сборниках стихов «Розы» (Париж, 1931; *Г.Адамович* писал, что его следовало бы назвать «Пепел» — «все сгорело: мысли, чувства, надежды») и «Отплытие на о. Цитеру. Избр. стихи. 1916-36» (Берлин, 1937) И. прощался с прежними романтическими образами, противопоставляя им суровый и страшный мир, подвергая сомнению само существование прошлого: «Россия — счастье. Россия — свет. / А, может быть, России вовсе нет?».

Разноречивые оценки вызвала книга «Распад атома» (Париж, 1938): восторженный отзыв Гиппиус, сдержанные, но в целом положительные — *В.Набокова* и *В.Ходасевича*; С.Жегулов назвал книгу издевательством над русской культурой. И. утверждал, что «Пушкинская Россия обманула, предала», заставив поверить в могущество искусства; чтобы рассказать о жестком мире абсурда, нужно упростить поэтические средства, «изжить» «поэзию» в том ее понимании, которое было характерно для XIX в. Это требование к себе реализовал в сборниках «Портрет без сходства» (Париж, 1950; посвящен жене) и «1943-1958. Стихи» (Нью-Йорк, 1958), в циклах, опубликованных в «Новом журнале», в «Дневнике» (1953-57) и «Посмертном дневнике» (1958-61), в которых соединено традиционно поэтическое (в том числе реминисценции из русской классики и собственных ранних стихов) с прозаизмами, иронией и самоиронией. Свойственный И. «талант двойного зрения» позволил ему увидеть одновременно «жизни нелепость и нежность»; он писал: «Я верю не в непобедимость зла, / А только в неизбежность пораженья». «Посмертный дневник» — свидетельство стоицизма поэта у последней жизненной черты.

1943-45 И. с Одоевцевой провел в Биаррице и возле Биаррица, затем вернулся в Париж, жил в бедности, с 1953 находился в доме для престарелых в Йер-ле-Пальме под Ниццей.

Современники неоднозначно оценивали творчество и личность И. Гиппиус считала его лучшим поэтом русского зарубежья; Ходасевич, признавая высокое поэтическое мастерство И., упрекал его в подражательности и «непреодоленной красивости». В воспоминаниях Адамовича и Одоевцевой он рисуется эстетом, сибаритом, лишенным практической хватки; В.Яновский писал об аморализме и беспринципности И. По мнению *Р.Гуля*, И., воплотивший в своих стихах трагизм существования, был единственным в русской литературе экзистенциалистом, причем его экзистенциализм уходит корнями «в граниты императорского Петербруга».

Соч.: Собр. стихотворений. Вюрцбург, 1975; Несобранное. Орэндж, 1987; Стихотворения. Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М., 1989; Мемуары и рассказы. М., 1992.

Лит.: Вейдле В.В. Георгий Иванов // Континент, 1977, № 11; Блинов В. Проклятый поэт Петербурга // НЖ, 1981, № 142; Богомолов Н. Талант двойного зренья // Вопр. лит-ры, 1989, № 2; Одоевцева И. На берегах Сены. М., 1989; Арьев А. Сквозь мировое уродство // Звезда, 1991, № 9; Анненков Ю. Дневник моих встреч. Л., 1991; Ходасевич В. Колеблемый треножник. М., 1991; Яновский В.С. Поля Елисейские. СПб., 1993. Markov V.G. G.Ivanov: Nihilist as Light-bearer / The Bitter Air of Exile. Berkeley, Los Angeles, London, n.d.

В.Агеносов

ИЗГОЕВ Александр Соломонович (наст. фам. и имя Лянде Арон) (11.4.1872, Ирбит — 11.6.1935, Хаапсалу, Эстония) — публицист. Отец — учитель Виленского раввинского училища. В 1889 И. окончил ирбитскую гимназию и поступил на медицинский факультет Томского университета, но вынужден был оставить учебу из-за участия в марксистских кружках. С 1894 изучал общественные науки за границей. По возвращении в Россию обучался на юридическом факультете Новороссийского университета в Одессе (окончил в 1900). В 90-е начал политическую деятельность как легальный марксист, позднее — социал-демократ. Еще студентом сотрудничал в журналах «Новое слово» (1987), «Жизнь» (с 1899), «Образование», в газете «Южное обозрение». Разочаровавшись в марксизме, И. попытался найти сторонников в либеральных кругах русской интеллигенции. С 1902 — сотрудник либерального еженедельника «Южные записки»; в 1904-5 стал заведующим редакцией и редактором отдела журнала.

Он выступал одним из организаторов Союза освобождения, с 1905 руководил его Одесской группой. В декабре 1905, спасаясь от еврейских погромов, переехал в Петербург. На 3-м съезде партии кадетов в апреле 1906 был избран в состав ЦК, к правому крылу которого принадлежал до 1918. С 1906 сотрудник общественно-политических журналов «Полярная звезда», «Свобода и культура», «Без заглавия», газет «Речь» (ЦО партии кадетов), «Дума». С 1910 возглавлял политический отдел журнала «Русская мысль».

В 1906 появился первый научный труд И. — «Общинное право. Опыт социально-юридического анализа общинного землевладения как института гражданского права». В этой работе община была подвергнута скрупулезному исследованию с точки зрения исторической обусловленности и уровня правового развития современного общества. В 1909 И. опубликовал в сборнике «Вехи» статью, посвященную анализу мировоззренческих основ интеллигенции. Впоследствии он развил свои идеи в сборнике «Из глубины» (1918). В 1912 вышло подготовленное им исследование жизни и деятельности П.Столыпина.

Февральскую революцию И. воспринял пессимистически. Он оценивал культурный уровень подавляющего большинства российского социума как довольно низкий, что не могло позволить обществу перейти от авторитаризма к республиканской форме правления, к демократическим свободам. Именно поэтому И., в отличие от многих видных деятелей кадетской партии, не вошел ни в одну из государственных структур и продолжал публицистическую и общественную деятельность. В мае-июне 1917 он выступил одним из учредителей «Лиги русской культуры», а на страницах газеты «Речь» появлялись его статьи, в которых резкой критике подвергалась деятельность социалистических партий, в первую очередь большевиков. На 8-м съезде кадетской партии (май 1917) выступил против правительственной коалиции с социалистами. После Октябрьской революции занял антисоветскую позицию. В ноябре 1917 И. вместе с *А.Тырковой* организовал выпуск газеты «Борьба», в которой открыто призывал к вооруженному сопротивлению диктатуре пролетариата. Неоднократно подвергался арестам, ссылкам, тюремному заключению: с ноября 1918 по январь 1919 находился на окопных работах в Вологде, возвращен по ходатайству Союза писателей, в частности, М.Горького; с начала 1921 в Ивановском концлагере. Освободившись из заключения, работал в Публичной библиотеке, печатался в сборниках «Утренники», «Парфенон», выступал с лекциями, основное содержание которых сводилось к анализу «веховского» наследия, «Смена вех» и т.д. В августе 1922 И. вновь был арестован и вскоре с группой известных российских ученых и общественных деятелей выслан за границу.

До конца 20-х И. проживал в Праге, где состоял в Союзе русских писателей и журналистов; публиковался в различных эмигрантских изданиях — журналах «Хозяин», «Русская мысль», «Студенческие годы», газетах «Возрождение», «Россия и славянство», «Руль». Особое внимание он уделял политической и культурной жизни в Советской России. Вел раздел «Советский жемчуг» в газете «Руль». В 1923 в «Архиве русской революции» опубликовал воспоминания о времени, проведенном в Советской России. Считал кооперацию такой формой объединения, которая «не может ставить своей задачей социалистическое... преобразование общества». Его тезис — «социализм означает смерть кооперации» — породил бурю протеста со стороны леворадикальной прессы.

И. активно откликался на события эмигрантской жизни, подробно освещал деятельность научных эмигрантских центров: Экономического кабинета профессора *С.Прокоповича*, Экономического семинара академика *П.Струве* (где И. выступал с аналитическими докладами по истории общины), Института изучения России. Обобщенное представление о русском зарубежье содержится в работе И. «Рожденное в революционной смуте», где рассматриваются русские политические силы в эмиграции, анализируется крах правых и левых идеологий, а также дается оценка евразийскому течению. По мнению И., евразийцы вложили «много духовных сил» в обоснование формулы «Россия — особый мир» как с географической, антропологической, лингвистической, так и с исторической и социологической точек зрения. Заслугу евразийцев И. видел в том, что они «возродили русскую консервативно-националистическую мысль».

В начале 30-х И. выехал в Эстонию, где провел свои последние годы, продолжая публицистическую деятельность (в частности, сотрудничество в рижской газете «Сегодня»).

Соч.: Пять лет в Советской России // Арх. рус. рев-ции, 1923, т. X; К вопросу о природе кооперации // Зап. Рус. ин-та сельскохоз. кооперации в Праге, 1924, кн. 1; Общинное право / Сб. статей, посвященных П.Б.Струве. Ко дню 30-летия его научно-публицистической деятельности. 1890 — 30 янв. 1925 г. Прага, 1925.

В.Телицын

ИЗЮМОВ Александр Филаретович (25.7.1885, с. Озерки, Чухломского у., Костромской губ. — 1950) — историк, архивист. Окончил Костромскую духовную семинарию, затем в 1914 — историко-филологический факультет Москов-

ского университета; был оставлен для подготовки к магистерскому экзамену у профессора М.Любавского. В 1914-18 находился на фронте. С июля 1918 по май 1922 работал инспектором архивов при Московском областном управлении архивным делом, старшим инспектором Главного архивного управления. Организовал вывоз в Москву ряда архивов: документов Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве (март 1919), из Петрограда — библиотеки и документов Государственного совета (апр. 1919), из Кирилло-Белозерского монастыря — документов, эвакуированных туда Временным правительством (май 1920). Читал курс русской истории на Пречистенских курсах в Москве. В сентябре 1922 в числе большой группы ученых выслан за границу как «элемент общественно вредный».

С 1922 по 1925 находился в Берлине, читал лекции по русской истории в Русском научном институте. В октябре 1925 переехал в Прагу, работал в должности заведующего отделом документов Русского зарубежного исторического архива, член его ученой комиссии, с 1934 — заместитель директора архива, принимал активное участие в формировании его коллекций. В январе 1930 вместе с Н.Астровым, *М.Новиковым, А.Кизеветтером* входил в состав комиссии по организации праздника Татьянина дня в связи с 175-летием Московского университета. В 1940-х активный член Русского исторического общества в Праге.

Автор статьи «Московский центральный исторический архив» в сборнике исторических трудов в честь 70-летия *П.Милюкова* (Прага, 1929). Статьи И. «Декабристы», «Шпионство за декабристами» и др., включенные в историко-литературный сборник «На чуждой стороне» (1923-25), а также обзор «Литература о декабристах за последние годы» (Славянская книга, 1926) способствовали изучению декабристского движения. Интересны также работа «В поисках бумаг последнего царя» (На чужой стороне, 1923, № 3) и статья «Толстой и Герцен» в журнале «Современные записки» (1937, № 63).

Соч.: Краткое curriculum vitae / Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.

Лит.: Павлова Т.Ф. Заграничный исторический архив в Праге // Вопр. истории, 1990, № 11.

Л.Демина
М.Мохначева

ИЛЬИН Владимир Николаевич (16.8.1891, близ Киева — 1974, Париж) — православный богослов, литургист и историк культуры. Окончил Киевский университет по естественному (1913) и историко-филологическому (1917) отделениям, а также Киевскую консерваторию. До 1919 преподавал в Киевском университете, затем покинул Россию. За границей читал лекции по философии (Константинополь, Берлин, Прага). Изучение богословия продолжил в Германии, где слушал лекции А.Гарнака. С 1925 профессор Русской музыкальной академии в Париже и лектор Свято-Сергиевского Богословского института. Член Русского студенческого христианского движения; участвовал в экуменическом движении. Публиковался в различных периодических изданиях.

В книге «Преподобный Серафим Саровский» (Париж, 1925; 4-е изд. М., б/г) И. сочетает житийное повествование с научным исследованием жизни святого в контексте исторической эпохи. Святость Саровского чудотворца И. связывает с самой природой Православия, вышедшей из Древнего и Нового Израиля.

В книгах «Запечатанный гроб — Пасха Нетления» (Париж, 1926; 2-е изд. Париж, 1991) и «Всенощное бдение» (Париж, 1927) И. рассматривает последование всенощного бдения и богослужений Страстной седмицы и Пасхи в связи с текстами Священного Писания, святых отцов и церковным искусством. Объяснение богослужений дается применительно к современной литургической практике в переводе на русский язык.

И. проявлял интерес к библейским исследованиям и написал книгу «Шесть дней творения» (Париж, 1930; 2-е изд. Париж, 1991). В этом экзегетико-апологетическом труде автор ставил своей задачей интерпретацию первых глав книги Бытия в аспекте достижений современной науки. Особую ценность в книге представляют историософские и богословские обобщения, что же касается ее естественно-научного метода, то в настоящее время книга кажется устаревшей.

В работах «Арфа Давида. Религиозно-философские мотивы русской литературы» (т.1. Проза. Брюссель, 1960; 2-е изд. Сан-Франциско, 1980) и «Арфа Царя Давида в русской поэзии» (Брюссель, 1960) дано богословское осмысление духовных исканий в русской литературе XVIII-XIX вв. Неопубликованными остались главный труд его жизни — «Общая морфология» — этот своеобразный синтез богословия и философии, а также работы по истории философии, по науковедению и музыковедению.

Соч.: Религия революции и гибель культуры. Париж, 1987.

Лит.: Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1991.

о.Игнатий

ИЛЬИН Иван Александрович (псевд. Н.Иванов, Н.Костомаров, Юстус, И.Л., Ивер, С.П., Старый политик, Православный, Странник, Ослябя, Пересвет, Карл Брабазиус, д-р Алфред Норманн, Юлиус Швейкерт) (28.3.1883, Москва — 21.12.1954, Цолликон, Цюрих) — правовед, религиозный философ, литературный критик, публицист. Родился в дворянской семье. Отец, Александр Иванович И., присяжный поверенный, мать, Екатерина Юльевна И. (урожд. Швейкерт фон Штадион), лютеранка, перешедшая в православие. Крещен 22 апреля в церкви Рождества Богородицы за Смоленскими воротами. Семья была глубоко религиозной. Все три брата И. стали юристами. И. учился сначала в 5-й, а затем в 1-й московских гимназиях. После окончания (в 1901) гимназии с золотой медалью поступил на юридический факультет Московского университета, где занимался под руководством профессора *П.Новгородцева*. В 1906 окончил университет с дипломом 1-й степени и был оставлен на факультете для приготовления к профессорскому званию. В 1910-12 находился за границей (Германия, Италия, Франция) в научной командировке; собирал материал для магистерской диссертации.

После Февральской революции 1917 включился в общественную жизнь России. Издавал серию брошюр по вопросам правового государства. Страстно выступал против надвигавшейся угрозы захвата власти большевиками, о чем свидетельствуют его статьи в газетах «Утро России» и «Русские ведомости». К октябрьскому перевороту 1917 отнесся резко отрицательно. В апреле 1918 был арестован по подозрению в участии в контрреволюционной организации «Добровольческая армия», но вскоре освобожден до суда. Процесс длился до декабря 1918, но в результате умелой защиты И. был амнистирован и отпущен. За это время благодаря поддержке научной общественности Москвы И. защитил диссертацию «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», получил степень доктора государственного права, а также звание профессора Московского университета. Осенью 1922 вновь был арестован, судим и выслан за границу вместе с группой философов, ученых и литераторов.

После высылки И. оказался в Берлине; активно включился в создание очага русской культуры и отказался от заманчивого предложения переехать в Прагу, где материальные условия для русских эмигрантов были намного лучше. С октября 1922 И. начал выступать с лекциями и докладами в различных учебных заведениях и общественных местах. В 1923 он принимал участие в создании и открытии в Берлине научного института, Религиозно-Философской академии, Философского общества и религиозно-философского журнала при нем. В 1926 стал активным участником Российского Зарубежного съезда, в эти годы за ним основательно закрепилась репутация вне- и надпартийного идеолога белого движения. Он был тесно связан с Русским общевоинским союзом (РОВС). И. публиковал свои статьи в белградских газетах «Новое время», «Галлиполиец», в рижских газетах «Слово», «Наша газета», в журналах «Русская мысль» и «Перезвоны». В 1925-26 входил в редакцию парижской газеты «Возрождение»; после вынужденного ухода из редакции *П.Струве* И. перестал с ней сотрудничать и в 1927 стал издавать свой собственный журнал «Русский колокол» с характерным для его философии подзаголовком: Журнал волевой идеи. Ему удалось за три года выпустить 9 номеров. В 1930 участвовал в работе Сент-Жюльенского съезда, организованного Русской секцией Международной лиги для борьбы с 3-м Интернационалом (известной под названием Лиги Обера). С 1931 возобновил свои публикации в «Возрождении», печатался также в газетах «Россия и славянство» и «Русский инвалид».

С приходом Гитлера к власти И. удалили из Русского научного института и запретили печататься и выступать публично. В 1938 И. вынужден был покинуть Германию и переехать в нейтральную Швейцарию, власти которой, предоставив ему вид на жительство, запретили заниматься всякой политической деятельностью. Поселившись в Цолликоне, пригороде Цюриха, И. продолжил чтение своих лекций, но только на религиозно-философские и литературные темы. В это время он написал несколько книг на немецком языке, и с помощью друзей и меценатов ему удалось их издать. В 1948-54 он посылал без подписи листки-бюллетени РОВСу, который издал их уже после смерти автора под названием «Наши задачи»; они составили два тома политических статей. В 1953 И. завершил основной труд своей жизни — «Аксиомы религиозного опыта», который был опубликован в двух томах в Париже. Частые болезни мешали И. закончить все, им задуманное.

И. был религиозным философом и принадлежал той философской эпохе, которую принято называть русским религиозным ренессансом. Однако, в отличие от многочисленной плеяды русских философов (князья С. и Е. Трубецкие, *С.Булгаков, П.Флоренский, Н.Бердяев, Л.Карсавин* и др.), И. шел своим собственным путем. Являясь православным философом, И. сознательно не вторгался в область богословия, опасаясь впасть в еретический соблазн, всегда согласовывал свои религиозные построения с иерархами русской православной церкви. Он четко различал тварное и премирное. Большин-

ство его рассуждений обращены на первое, хотя постоянным фоном, направлением и предметом служит второе. Философия И. могла бы быть квалифицирована как реализм и идеализм в своем сопряжении и сочетании. Опыт исследования философии Гегеля показал И. слабость и неудовлетворительность построения идеальных метафизических систем, которые, столкнувшись с иррациональным, так и не смогли его преодолеть. И. попытался найти сочетание между рациональным и иррациональным, сознательным и бессознательным (в его формулировке — равновесие между индивидуализацией духа и индивидуализацией инстинкта — «скрещение и взаимопроникновение законов природы и законов духа»). Это равновесие уже заложено в том, что у И. гносеология совпадала с онтологией; он рано усвоил сократовскую истину и считал, что надо не только познавать, но и быть («быть по-другому» — его характерное выражение), что философские имена и учения нужно не только знать, но и жить ими. Поэтому вершины творений классиков мировой философии и культуры постоянно присутствуют в его работах. Он заново переживает великие, порой трагические моменты, цитируя Евангелие, отцов и учителей церкви, русских святых и святителей, а также древнегреческих философов Гераклита, Платона, Аристотеля, западных философов Фихте и Карлейля, русских поэтов и писателей — А.Пушкина, Е.Баратынского, Ф.Тютчева, А.Хомякова, А.К.Толстого, Ф.Сологуба, Н.Гоголя, Ф.Достоевского, Н.Лескова, *И.Шмелева*. Такое активное изучение-переживание творчества своих предшественников и составляло для И. феноменологический метод, восходящий к Э.Гуссерлю.

Во главу угла И. ставит философский духовный опыт или «философию как духовное делание». Опыт (опы́тка, испытание, проба, искус, попытка, изведка) шире, чем представляет его естествознание, фактически завладевшее этим термином. Существует не только физический, но и духовный опыт. И если в религии догмат является словесным выражением и оформлением глубокого и подлинного религиозного опыта, то и философия в форме разумной мысли с силою очевидности должна раскрыть содержание предмета «незримого, неслышимого, нечувственного, не материального, не существующего в пространстве и не длящегося во времени». Поэтому философия «творится именно нечувственным опытом». Интересуясь миром тварным и видимым, философская мысль распознает во всяком явлении и всяком состоянии «духовный смысл его, полагая в духовном смысле свой предмет, а в его разумном, для каждого очевидном раскрытии — свою задачу».

Очевидность — следующее ключевое слово философии И. Это искомое состояние философского ума, это то, чем должно завершиться философское доказательство и философская мысль. Переживание очевидности в философии отличается от переживания ее в религии, науке, искусстве, нравственной жизни, ибо акт очевидности в каждом случае имеет свое особое строение, происходит иначе. Но во всех случаях «акт очевидности требует от исследователя дара созерцания и притом многообразного созерцания, способности к вчувствованию, глубокого чувства ответственности, искусства творческого сомнения и вопрошания, упорной воли к окончательному удостоверению и живой любви к принципу».

Возможностью такого философского пути (метода) является Дух. И., как и другие философы, не дает определения Духа, а приводит его яркое описание: «Человек есть по существу своему живой, личный дух. Дух есть самое главное в человеке. Каждый из нас должен найти и утвердить в себе свое «самое главное» — и никто другой заменить его в этом нахождении и утверждении не может. Дух есть сила личного самоутверждения в человеке, — но не в смысле инстинкта и не в смысле рационалистического «осознания» состояния своего тела и своей души, а в смысле верного восприятия своей личностной самосути, в ее предстоянии Богу и в ее достоинстве. Человек, не осознавший своего предстояния и своего достоинства, не нашел своего духа. Ввиду этого можно было бы сказать, что есть живое чувство ответственности. Нашедший его в себе и утвердившийся в нем — ведет духовную жизнь. Человек, испытавший свое предстояние Богу, свое достоинство и свою ответственность, несет в себе живую волю к Совершенству. Поэтому дух можно было бы определить как волю к Совершенству — а также к совершенствованию — в самом себе, в своих деяниях и во внешнем мире. Эта воля предполагает способность узнавать лучшее, отличать худшее и дурное, видеть Совершенное и принимать его. Поэтому дух есть дар очевидности. Верное отношение к Совершенству есть отношение любви и служения. Поэтому дух можно было бы описать, как способность к бескорыстной любви и к самоотверженному служению. Все эти дары дают человеку способность верно управлять собою и верно строить свою жизнь. Поэтому дух есть сила личного самоуправления и первым проявлением ее является духовный характер человека. Вот почему правы те, которые связывают дух с идеей свободы. Дух есть дар свободы, данный человеку в зачатке от самой природы; в то же время он есть живая сила самоосвобождения и в заключительной стадии (вероятно — посмер-

тной) — полнота личной свободы. После всего этого будет понятно, если мы определим дух, как потребность священного и как радость верного ранга; если мы опишем его как дар молитвы, как силу поющего сердца; и как жилище совести; если мы обозначим его как местоположение художественного искусства; как источник правосознания, истинного патриотизма и национализма, как главную основу здоровой государственности и великой культуры... В действительности дух есть — все это сразу. Но это надо непременно испытать и увидеть самому: необходимо духовно прозреть». Из этого описания духа видно, что перед философским духовным опытом открываются широкие перспективы. Философ свободно и автономно берет на себя разрешение вопросов: что есть истина (теория познания и онтология), что такое добро и зло (нравственная философия), в чем особенность красоты и творчества (эстетика и философия художества), в чем смысл справедливости (философия права и учение о правосознании), необходимость и счастье труда (философия хозяйства), какова подлинная культура (основы христианской культуры), важность аксиом религиозного опыта (философия религии) и, наконец, что есть высший духовный Предмет (метафизика, выросшая из подлинного религиозного опыта).

Такой всеохватывающей философией является философия И. и все его наследие: оно — указание на то родовое гнездо, в котором можно искать и найти подлинный философский опыт. Его достоянием является только то, что верно перед лицом Божиим, его критерием истинности и меры веры есть смерть: «Жить стоит только тем, за что стоит бороться и умереть». Серьезность и глубина философии И. связана с ее волевым и рыцарским началом, отсюда и постоянное обращение к теме смерти, пронизывающее и его жизнь, и его произведения, что опровергает ходячее представление о «русской мечтательности, о женственной податливости русской души».

Соч.: Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека, т. 1-2. М., 1918; О сопротивлении злу силою. Берлин, 1925, Аксиомы религиозного опыта. Исследование, т. 1-2. Париж, 1953; Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг., т. 1-2. Париж, 1956; О сущности правосознания. Мюнхен, 1956; Путь к очевидности. Мюнхен, 1956; Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. Мюнхен, 1958; О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин-Ремизов-Шмелев. Мюнхен, 1959; Путь духовного обновления. Мюнхен, 1962; О монархии и республике. Нью-Йорк, 1979;

Лит.: Зиле Р.М. «Сообщение, посвященное памяти профессора Ивана Александровича Ильина» / Наши задачи. Париж, 1956, т. 2; Offermanns W. «Mensch, werde wesentlich!» Das Lebenswerk des russischen religiosen Denkers Ivan Iljin für die Erneuerung der Menschheit. Erlangen, 1979; Полторацкий Н.П. Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрения. Тенефлай, Нью-Йорк, 1989; Лисица Ю.Т. И.А.Ильин как правовед и государствовед // Вопр. философии, 1991, № 5; Его же. Иван Александрович Ильин. Историко-биографический очерк / Ильин И.А. Собр. соч. В 10-ти т. М., 1993, т. 1.

Ю.Лисица

ИОАНН (в миру Максимович Михаил Борисович) (4.6.1896, м. Адамовка, Харьковской губ. — 19.6.1966, Сиэтл, США) — церковный деятель. Происходил из известнейшего дворянского рода Максимовичей, среди представителей которого — канонизированный церковью Святитель Иоанн, митрополит Тобольский, известный духовный поэт и писатель, автор книги «Илиотропион, или Сообразование Человеческой воли с Божественной волей». Его отец был предводителем дворянства, а дядя — ректором Киевского университета. В 1914 Михаил был выпущен из Тамбовского кадетского корпуса и поступил на юридический факультет Харьковского университета, который окончил в 1918. Одновременно со штудированием юриспруденции он изучал богословие, стал духовным сыном известного харьковского священника о. Николая Сагнушко-Загоровского и познакомился с одним из самых выдающихся церковных деятелей того времени — архиепископом *Антонием Храповицким*, который пожелал приблизить юношу к себе лично и руководить его духовным развитием.

Во время гражданской войны вместе с родителями, братьями и сестрой был эвакуирован в Югославию, где поступил в Белградский университет на богословский факультет, который окончил в 1925, зарабатывая на существование продажей газет. В 1924 в русской церкви в Белграде он был посвящен в чтецы первоиерархом Русской православной церкви заграницей (РПЦЗ) митрополитом Антонием Храповицким, а через два года в Мильковском монастыре им же пострижен в монахи и хиротонисан в иеромонахи с именем Иоанн в честь его дальнего родственника Святителя Иоанна Тобольского. В эти годы он работал законоучителем в сербской государственной гимназии, а с 1929 стал преподавателем и воспитателем в сербской семинарии в городе Битоле. Здесь он по просьбе местных греков и македонских прихожан служил литургию на греческом языке, посещал больницы для душевнобольных и получил известность своей строгой аскетической жизнью. «Если желаете увидеть живого святого, пойдите в Битоль к отцу Иоанну», — говорил епископ Николай Велемирович — «сербский Златоуст», известный проповедник, поэт и

вдохновитель сербского народно-просветительного движения. «Этот маленький, слабый человек, почти ребенок с виду, является каким-то чудом аскетической стойкости и строгости в наше время всеобщего духовного расслабления», — писал о нем в частном письме митрополит Антоний.

В 1934 И. был вызван в Белград и 28 мая хиротонисан в епископы с назначением на Шанхайскую кафедру. По прибытии в Шанхай епископ И. разрешал местные юрисдикционные конфликты, налаживал связи с сербами, греками и украинцами, являлся вдохновителем и организатором всех общественных начинаний русского Шанхая: постройки госпиталя, приюта, домов для престарелых, коммерческого училища, женской гимназии, общественной столовой и т.п., а также руководил строительством русских православных храмов, в том числе огромного собора в честь иконы «Споручница грешных».

Одним из основных дел епископа И. в Шанхае была организация приюта Святителя Тихона Задонского для сирот и детей нуждающихся родителей. Приют дал убежище в общей сложности 3,5 тысячам голодающих детей, которых епископ сам подбирал на китайских улицах и вызволял из шанхайских трущоб. Он также постоянно посещал шанхайские тюрьмы и больницы для умалишенных.

Во время японской оккупации епископ И. всеми силами отстаивал независимость русской диаспоры в Китае и, несмотря на угрозы и убийства двух членов Русского эмиграционного комитета, объявил себя главой русской колонии. Одновременно он вел обширную миссионерскую деятельность среди китайцев, иногда служил литургию на китайском языке. В конце 2-й мировой войны вследствие изменившейся ситуации и активной коммунистической пропаганды, все русские иерархи в Китае, за исключением епископа И., перешли из подчинения Синода РПЦЗ в юрисдикционное подчинение Московской патриархии и активно призывали своих прихожан принять советское гражданство. Епископ И. отказался изменить данной им Зарубежному Синоду присяге и в конечном итоге спас от репатриации и сталинских лагерей около 6 тысяч своих прихожан.

С приходом к власти коммунистов большинство русской колонии (около 5 тыс. чел.) были вынуждены обосноваться в палаточном лагере Международной беженской организации на острове Тубабао (Филиппины), где И. являлся не только безусловным духовным лидером, но и реальным главой русских беженцев, будучи их единственным ходатаем перед правительством Манилы. Он также лично совершил поездку в Вашингтон и, вопреки различным препятствиям, добился изменения ряда пунктов иммиграционных правил США, благодаря чему все русские из его лагеря смогли переехать в Америку.

В конце 2-й мировой войны И. был возведен в сан архиепископа. В 1951 он назначен на кафедру Западноевропейской епархии РПЦЗ и, таким образом, стал одним из «старших» архиереев Русской зарубежной церкви. Он постоянно совершал миссионерские поездки по всей Европе, служил православную литургию по-французски, по-голландски, как раньше служил по-гречески и по-китайски, а позднее по-английски; слыл прозорливцем, бессребреником и целителем, пользовался уважением не только православных, но и католиков. Интересен отзыв одного католического священника в Париже, сказавшего, обращаясь к молодежи: «Вы требуете доказательств, вы говорите, что сейчас нет ни чудес, ни святых. К чему вам теоретические доказательства, когда сейчас по улицам Парижа ходит живой святой — Saint Jean Nus Pieds (святой Иоанн Босой)». Одним из основных дел архиепископа И. в это время было включение в православные святцы Святых Западной церкви, забытых или вовсе не известных православным в результате раскола католической и православной церквей. Архиепископ И. основал Голландскую православную церковь, которая сейчас имеет своего архиерея, свои монастыри, богослужебные книги и периодические издания. В 1952 он был назначен председателем первой комиссии по прославлению Св.Иоанна Кронштадтского, позднее участвовал в составлении службы и являлся автором кондака этому святому.

В 1962 по настоянию тысяч русских прихожан Сан-Франциско (фактически его бывшей шанхайской паствы) Синод назначил архиепископа И. на Сан-Франциско кафедру как единственного иерарха, способного устранить разногласия, возникшие в этой епархии. Под его руководством в 1964 был достроен кафедральный собор Сан-Франциско в честь иконы «Всех Скорбящих Радость». Собор явился самым большим кафедральным храмом русской зарубежной Америки, освящение которого сопровождалось Крестным ходом (более мили) при огромном стечении верующих. По его благословлению и при его участии было основано известное Братство преподобного Германа Аляскинского, одним из основателей которого был известный церковный писатель о.Серафим (Роуз), являвшийся духовным сыном архиепископа И.

Похоронен архиепископ И. в кафедральном соборе Сан-Франциско.

В русском зарубежье широко известны сборники его многочисленных проповедей, апологетические работы по опровержению ка-

толического догмата о «непорочном зачатии Девы Марии», а также эссе «Почитание Богородицы и Иоанна Крестителя и новое направление русской религиозной философской мысли», содержавшие богословскую критику основных начал «софиологии» о.*Сергия Булгакова* и явившееся основанием для соответствующего определения Святейшего Синода РПЦЗ.

В 1994 архиерейским Собором РПЦЗ принято решение о канонизации архиепископа И., который стал первым, не относящимся к новомученикам, канонизированным Святым Русской церкви послереволюционного времени.

Лит.: Блаженный Иоанн Максимович — архиепископ Шанхайский, Западно-Европейский и Западно-Американский. Сан-Франциско, 1971.

Р.Южаков

ИОАНН (в миру Шаховской Дмитрий Алексеевич) (23.8.1902, Москва — 1987, Санта-Барбара, США) — церковный деятель. Родился в древнейшей княжеской семье, записанной в Государев Родословец; его имя было внесено в Бархатную книгу и в дворянскую родословную книгу. Крещен Дмитрием в честь Св.Дмитрия Ростовского. Поначалу обучался дома, затем поступил в Царскосельскую гимназию (1912), а затем и в Императорский Царскосельский лицей (1915).

В 1918 после ареста матери (выпущенной из ЧК по заступничеству крестьян) и личной встречи с Ф.Дзержинским отправился на юг России, в Ростов-на-Дону, где принимал «эпизодическое», по его словам, участие в гражданской войне. Летом 1919 в Севастополе был зачислен во флотскую Беспроволочно-телеграфную школу, а летом 1920, как недостигший 18-летнего возраста, был демобилизован в Русское общество пароходства и торговли и в качестве радиста эвакуирован в Константинополь. В этом же году он переехал в Париж, обучался в «Ecole Libre des Sciences Politiques», живя светской и, по собственному признанию, «легкомысленной» жизнью. В 1921 познакомился с *И.Буниным, Б.Зайцевым* и *М.Алдановым*, а на следующий год получил в Бельгии стипендию Лувенского университета и обучался сначала на его экономическом, а затем и на историческом отделении. Тогда же серьезно начал заниматься литературным творчеством, приступил впервые к «поэтическому ремеслу». В журнале «Русская мысль» (1922, май) появилось его первое стихотворение, а в 1923 вышел первый сборник его стихов. В 1924 стал членом бельгийского Пен-клуба, в котором встречался с П.Валери, Г.Честертоном, братьями Торо, П.Кюделем и др. известными писателями. До 1926 печатался в разных периодических изданиях русской эмиграции, в 1925 стал редактором религиозно-философского сборника «Благонамеренный», в котором печатались *В.Ходасевич, А.Ремизов, Д.Мирский* и *М.Цветаева*, которая посвятила ему свое известное стихотворение «Старинное благоговенье».

В 1926 по совету своего духовника епископа Вениамина принял монашество в день своего рождения и поступил в Парижскую Духовную академию, где о.*Сергий Булгаков* поручил ему исследование «Об именах Божиих» — об истории и философии афонских имяславцев. Вскоре он получил вызов от епископа Вениамина в Югославию, где с 1927 по 1931 служил в Белой Церкви — маленьком городке на границе с Румынией. В 1927 рукоположен митрополитом *Антонием* в иеромонахи и открыл православное миссионерское издательство «За Церковь», издававшее православную просветительскую литературу; преподавал в Кадетском корпусе, в Пастырской школе для русских пожилых людей, начал писать «Философию Православного пастырства». Объезжая различные сербские города, он задумал и реализовал идею создания т.н. «Белого иночества», т.е. пострижения в монахини женщин, которые при этом оставались жить в миру, что вызвало недоумение и кривотолки в среде русского духовенства. Постепенно он пришел к выводу о необходимости «внеполитического пастырского служения», подчеркивая, что «задачи церкви столь же возвышаются над государственными задачами, сколь небо над деревом». По этой причине в 1932 он порвал с митрополитом Антонием и возвратился из Югославии в Париж, где был назначен митрополитом *Евлогием* благочинным русских приходов в Германии. Развернул в Германии бурную миссионерскую деятельность, участвовал в первых экуменических встречах.

С началом войны Германии с СССР архимандрит И. приветствовал немецкую оккупацию России, видя в ней промыслительное действие Божие, способное сокрушить ненавистный коммунистический режим. Этому была посвящена его панегерически воспевающая «германское воинство» статья «Близок час». Тем не менее считался германскими властями «неблагонадежным» священником (в частности, из-за принадлежности к юрисдикции митрополита Евлогия), у него отобрали все, кроме одного, приходы, принадлежавшие экзархату, закрыли его издательское дело, реквизировали книжные склады и склад теплых вещей, собранных для бедных, а ему самому запретили покидать Берлин. Несмотря на запреты властей, его церковь была открыта и для «остов», вывезенных из СССР на принудительные работы, и для тай-

но приходящих к нему евреев. Гестапо также расследовало донос о его якобы «неарийском» происхождении, но в конце концов все-таки официально признало его арийцем.

В 1945 был репатриирован во Францию, где получил вызов из Америки от своего духовного сына, авиаконструктора *И.Сикорского*. В 1946 прибыл в США и был послан главой Американской митрополии Русской православной церкви заграницей (РПЦЗ) митрополитом Феофилом в Лос-Анджелес, где оставался около года. Затем архимандрит И. был хиротонисан в епископа Бруклинского, а в дальнейшем назначен на Сан-Францискую кафедру и возведен в сан архиепископа. Он продолжал свою литературную деятельность, пользуясь псевдонимом «Странник».

После принятия монашества И. отрекся от призвания «светского литератора» как искушения, и его поэзия приобрела исключительно религиозный и боже-миссионерский характер. С начала вещания религиозных программ русской службы «Голоса Америки» и до своей смерти архиепископ И. — неизменный их участник, выступавший на апологетические темы. Он также являлся одним из главных идеологов отделения Американской митрополии от РПЦЗ и получения ею статуса Американской автокефальной церкви. С этой целью им и его единомышленниками было инициировано обращение американского епископата к Московской патриархии и в 1970 получен от нее статус автокефалии. Ввиду крайней канонической спорности этих действий Американская православная церковь до сих пор не признана ни одной Поместной православной церковью, за исключением Московской патриархии и ряда зависимых от нее восточноевропейских патриархатов.

Обширное литературное, богословское, философское и проповедническое наследие И. безусловно ставит его в один ряд с наиболее яркими фигурами русского православного возрождения XX в.

Р.Южаков

ИПАТЬЕВ Владимир Николаевич (9.11.1867, Москва — 29.11.1952, Чикаго) — химик-органик. Родился в дворянской семье респектабельного архитектора Николая Александровича И. и Анны Дмитриевны (урожд. Глики), гречанки по происхождению; ее отец, Д.Глики, в раннем возрасте приехал в Россию. Владимир был первым ребенком из трех детей в семье Ипатьевых. Его детские годы были омрачены семейной трагедией. Анна Дмитриевна вышла замуж по принуждению родителей и не любила Николая Александровича, долгие годы храня нежные чувства к скромному учителю физики А.Чугаеву. В 1873 между супругами произошел разрыв. Анна Дмитриевна переехала с детьми (кроме 5-летнего Владимира, которого отец оставил при себе) к своему двоюродному брату, доктору медицины и доценту Московского университета В.Глики. В том же году у Анны Дмитриевны и Чугаева родился сын Лев, впоследствии ставший известным химиком. О том, что Л.Чугаев — его брат по матери, И. узнал лишь в 1907, и с этого времени братья, которых сближала исключительная преданность науке и сходство характеров, трогательно заботились друг о друге. Дальнейшая судьба матери сложилась трагически: отвергнутая ближайшими родственниками и светом, она заболела туберкулезом легких, весной 1878 уехала лечиться в Крым, где через 2 года скончалась.

Когда Владимиру исполнилось 8 лет, мать, вопреки воле отца, желавшего, чтобы сын сделал военную карьеру, отдала его в подготовительный класс гимназии. Однако из-за болезни Владимира занятия вскоре пришлось прекратить и перейти на домашнюю подготовку, которую с большим успехом вел брат матери, Д.Глики. Это позволило Владимиру без труда поступить во 2-й класс 3-го Московского кадетского корпуса. В младших классах гимназии И. не отличался большими успехами и прилежанием. Перелом наступил весной 1882, когда он уже был в 6-м классе. Мальчика очень заинтересовал курс физики, особенно атомическая теория строения вещества. «Мне казалось, — вспоминал И., — что я впервые посмотрел на мир открытыми глазами, и мне захотелось учиться, чтобы полнее и лучше его понять». Окончив кадетский корпус в числе первых учеников, 16-летний И. поступил в 3-е Александровское военное училище, которое после двухгодичной подготовки окончил, отказавшись от производства в офицеры пехотных войск, т.к. решил сразу же продолжить образование в Михайловском артиллерийском училище в Петербурге, где на последнем курсе преподавались химические дисциплины. В 1887, успешно окончив училище, молодой офицер приступил к военной службе в подмосковном Серпухове в качестве руководителя батарейной школы во 2-й резервной артиллерийской бригаде. Все свободное время И. посвящал изучению курсов по математике, химии и артиллерии с тем, чтобы поступить в военную академию.

В 1889 он успешно сдал конкурсные экзамены в Михайловскую артиллерийскую академию в Петербурге, которую окончил в 1892 по первому разряду и был оставлен при ней в качестве репетитора и одновременно помощника заведующего химической лабораторией, а с июня 1895 стал штатным преподавателем хи-

мии. Важное значение для формирования И. как ученого имела предоставленная ему двухгодичная научная командировка в химическую лабораторию Мюнхенского университета, руководимую А.Байером, позднее ставшим лауреатом Нобелевской премии по химии. «Цель моей командировки за границу заключалась, главным образом, в усовершенствовании знаний по химии, — писал в своем отчете И. в августе 1897. — Произведенное мною, совместно с профессором Байером, исследование карона... обогатило химию еще одним интересным фактом, который является отчасти подтверждением верности представлений о стереохимии или о гипотезе пространственного расположения атомов в молекулах органических соединений... В начале ноября 1896 года я стал работать самостоятельно в Мюнхенской лаборатории». В Мюнхене И. завершил (1897) начатые еще в Петербурге исследования по синтезу и изучению строения изопрена, позволившие наметить новые пути для получения непредельных углеводородов.

Возвратившись из научной командировки, И. начал быстро продвигаться по служебной лестнице в Михайловской артиллерийской академии (с 1899 экстраординарный, с 1902 ординарный профессор химии; с 1909 заведующий химической лабораторией академии; в 1911 генерал-майор, в 1914 заслуженный профессор). Основным направлением его научной деятельности стало изучение явлений катализа при высоких температурах и давлениях. В 1901-5 он обстоятельно изучил термокаталитические реакции превращения спиртов, предложив новые методы синтеза альдегидов, эфиров, олефинов, а позднее и диеновых углеводородов; осуществил исследование каталитических свойств оксида алюминия, ставшего одним из самых распространенных в химии катализаторов. И. по праву считается новатором введения в практику гетерогенного катализа высоких давлений (1900), а сконструированный им в 1904 прибор — «бомба Ипатьева» — стал прообразом применяемых ныне в химической практике реакторов и автоклавов нового типа. В 1909 И. применил высокие давления и для проведения неорганических реакций, в частности, вытеснения металлов из водных растворов солей водородом. В том же году он первым установил принципиальную возможность получения из этилового спирта бутадиена (дивинила) на алюминиевом катализаторе с выходом продукта до 3-5%. В дальнейшем бутадиен нашел мировое применение как основной мономер в производстве синтетического каучука. И. также первым начал применять многокомпонентные катализаторы. На примере реакций восстановления камфары в борнеол, дегидратации борнеола в камфен и гидрогенизации камфена в изокамфан, протекающих с помощью разных катализаторов, он показал возможность совмещения окислительно-восстановительных и дегидратационных реакций в одном прямом процессе.

В дальнейшем И. использовал многофункциональные катализаторы при крекинге, риформинге и других процессах переработки нефти. Для научных исследований И. характерно сочетание высокого уровня теоретических исследований с требованиями промышленной практики. Он разработал многочисленные промышленно важные процессы, такие как синтез полимербензинов на основе газообразных олефинов — отходов крекинга; алкилирование ароматических и парафиновых углеводородов олефинами для получения ценных химических продуктов, ряд процессов крекинга и риформинга нефти. В 1913 он первым из химиков осуществил полимеризацию этилена, указав на возможность получения полиэтилена различной молекулярной массы.

И. проявил себя выдающимся организатором в годы 1-й мировой войны, когда в 1915, будучи уже генерал-лейтенантом, возглавил Химический комитет при Главном артиллерийском управлении, осуществлявший снабжение фронта продуктами военной химии, строительство новых химических предприятий, в том числе первого в России завода по производству синтетической азотной кислоты окислением аммиака (пущен в 1917). О своей деятельности на посту председателя Химического комитета И. рассказал в книге «Работа химической промышленности на оборону во время войны» (1920). В годы войны он пережил личную трагедию — в 1916 на германском фронте погиб его старший сын Дмитрий.

После Октябрьской революции 1917, внутренне не принимая ее и оставаясь по убеждениям сторонником конституционной монархии, И. тем не менее встал на путь сотрудничества с советской властью. Он решительно отказался от многочисленных предложений уехать на Запад или присоединиться к белой армии. От него отошел даже самый близкий человек — сын Николай, покинувший Россию с белогвардейцами и впоследствии погибший в Африке при испытании изобретенного им средства против желтой лихорадки. Младший же сын Владимир, ставший позже химиком, также отрекся от отца — публично, 29.12.1936 на Общем собрании Академии наук СССР, но уже как от «невозвращенца». Трагический разрыв с сыновьями И. остро переживал всю свою жизнь.

В первые послеоктябрьские годы И. активно включился в хозяйственное строительство. В 1918 Химический комитет, которым он ру-

ководил, был расформирован, а на его базе, с оставлением на рабочих местах его сотрудников, был создан Отдел химической промышленности ВСНХ. Сам же И. возглавил Комиссию по демобилизации химической промышленности (позднее она была переименована в Комиссию новых производств) при ВСНХ; И. провел исключительно трудную работу по налаживанию производств на разрушенных гражданской войной предприятиях, освоению новых, нужных республике химических продуктов. Блестящий ученый-теоретик и одновременно экспериментатор, тонкий знаток химической промышленности, он умел видеть перспективу развития своей науки. Еще в сентябре 1918 он провел два заседания своей Комиссии с участием крупнейших химиков (А.Фаворского, Н.Зелинского, С.Лебедева, Б.Бызова и др.), посвященных вопросу о постановке опытов по получению синтетического каучука в заводском масштабе. Ученые наметили наиболее перспективный путь исследований — синтез каучука из этилового спирта (С.Лебедев) и нефти (Б.Бызов), реализованных впоследствии впервые в мире в нашей стране. В марте 1920 на заседании Технического совета Отдела химической промышленности ВСНХ И. выступил с обстоятельным докладом о необходимости создания Радиевого института, «призванного объединять и направлять все работы по радиоактивности». Радиевый институт был создан в 1922 и внес существенный вклад в развитие народного хозяйства и обороноспособности страны. В 1921 И. возглавил вновь созданное Главное управление химической промышленности ВСНХ (Главхим), т.е. стал руководителем данной отрасли народного хозяйства республики; вошел в состав Президиума ВСНХ. В 1922 по решению правительства И. был включен в качестве эксперта по научно-техническим вопросам в состав делегации на Генуэзскую конференцию. В 1923-26 он также занимал пост председателя Химического комитета при Реввоенсовете, осуществляя руководство военно-химическими работами. И. был инициатором создания массового Добровольного общества помощи развитию химии и химической промышленности (Доброхим) в СССР. С мая 1924 исполнял обязанности заместителя председателя центрального комитета Доброхима (председатель Л.Троцкий); в 1927 это общество было реорганизовано в Осоавиахим.

Середина 20-х оказалась наиболее плодотворной для научного творчества И. Его исследования привлекли пристальное внимание крупнейших зарубежных концернов. В начале 1927 он получил предложение от руководителей Общества баварских азотных заводов, а также других фирм провести совместные исследования по органической и неорганической химии. Одним из пунктов договора фиксировалось право И. на изобретения, которые будут сделаны им в Германии: все они должны были патентоваться фирмой в Германии с указанием авторства И., а в СССР он получал право патентовать их от своего им., и они, по договору, безвозмездно переходили в собственность СССР. Советское правительство нашло предложения германской стороны приемлемыми для СССР и дало согласие на проведение И. исследований в Германии при условии, что он будет ежегодно отчитываться о ходе своих работ на заседании Президиума ВСНХ. Не возражала против такого решения и Академия наук. 6.6.1929 Президиум ВСНХ СССР, заслушав доклад И. о работе в Германии (с 28.9.1928), признал, что она привела к чрезвычайно важным открытиям. Особо отмечалось, что лаборатория высоких давлений, созданная им в Ленинграде в 1927 (преобразована в 1929 в Институт высоких давлений, который И. возглавлял вплоть до своего отъезда из СССР в 1930), «становится уже в настоящее время школой химиков, работающих в области высоких давлений и температур, и в дальнейшем будет играть громадную роль в деле подготовки новых кадров работников в этой области».

Думал ли в те годы И. о возможности остаться на Западе? В своих мемуарах, вышедших в США (1945), он касается этой темы. Во время одной из командировок в Германию в 1927 его пригласили в гости к нобелевскому лауреату В.Нернсту. Там во время обеда, вспоминал И., «один из немецких профессоров спросил меня, почему я совсем не покину СССР и не переселюсь за границу для продолжения своих научных работ, где я найду, несомненно, гораздо больше удобств, чем у себя на Родине. Я в то время не имел ни малейшей идеи покинуть свою страну... Я не замедлил ответить, что как патриот своей Родины должен остаться в ней до конца моей жизни и посвятить ей все мои силы. Профессор Эйнштейн слышал мой ответ и громко заявил: «Вот этот ответ я вполне разделяю, так надо поступать». И вот прошло 4-5 лет после этого разговора и мы оба нарушили наш принцип; мы теперь эмигранты и не вернулись в свои страны по нашему персональному решению, а не потому, что были изгнаны нашими правительствами...».

И., несомненно, пользовался доверием советского правительства. В том же 1927 он был в командировке в Швейцарии для ознакомления с новым способом изготовления пороховой целлюлозы. Итоги командировки обсуждались на секретном заседании Научно-технического совета Военно-химического треста. «То доверие, которое мне оказывали большевики, я

очень ценил и по совести могу сказать, что никогда не позволял себе им злоупотребить», — писал И. в своих мемуарах. И. неоднократно встречался с Лениным, который уважительно называл ученого «главой нашей химической промышленности». В мае 1927 в Москве научные и научно-технические учреждения, общественные и промышленные организации в торжественной обстановке отметили 60-летие И. и 35-летие его научной деятельности. В 1929 вышел в свет сборник статей, посвященный жизни и деятельности И., включивший статьи крупнейших отечественных и зарубежных ученых — Н.Зелинского, *А.Чичибабина*, Е.Шпитальского, Р.Вильштеттера, Г.Бредига, К.Матиньона, К.Фаянса и др. В том же году И. был удостоен высшей научной награды — премии им. В.Ленина за работы в области химизации. Казалось бы, ничто не предвещало опасности для маститого ученого, однако начавшиеся в 1929 аресты коллег и близких друзей И. — профессора П.Пальчинского, инженера В.Камзолкина, любимого ученика И. — Г.Годжелло, члена коллегии Главхима В.Кравца и др. — свидетельствовали о том, что скоро могла придти и его очередь. Особенно взволновал И. арест его близкого друга, профессора Е.Шпитальского, отправленного в тюрьму сразу же после избрания членом-корреспондентом Академии наук СССР (1929). «Мое настроение стало особенно тревожным, — писал И., — потому что Е.И. знал все детали моей жизни и при допросе совершенно случайно мог сообщить некоторые факты, которые позволили бы привлечь меня к допросу, а впоследствии и к аресту. Хотя я хорошо знал благородную натуру Е.И., я гнал от себя всякую мысль о возможности неблаговидного поступка с его стороны, но все слышанное мною о допросах ГПУ невольно порождало в моей душе мысль о возможности и моего ареста». Ходатайства И. об освобождении Шпитальского оказались безрезультатными. От многих своих друзей, в том числе из правительственных кругов, И. стал получать строго конфиденциальные, но заслуживающие доверия предупреждения о том, что он является ближайшим кандидатом на арест. И. также понимал, насколько опасными для него становились прежние связи с царской семьей и высокими царскими сановниками, его генеральское прошлое, деловые контакты с Троцким и другими «оппозиционерами», «вредителями» и «врагами народа». В этой ситуации он принял для себя решение об отъезде из СССР.

В июне 1930 вместе с женой Варварой Дмитриевной он выехал в Берлин для участия во 2-м международном энергетическом конгрессе, по окончании которого получил разрешение советского правительства и АН СССР задержаться на лечение сроком на один год. В июне-августе 1930 он побывал во Франции и Англии, в сентябре прибыл в США, сначала в Нью-Йорк, затем в Чикаго, где ему была сделана сложная операция по поводу болезни горла. Здесь же, в Чикагском университете, он стал читать курс лекций по катализу и одновременно приступил к экспериментальным работам по контракту с фирмой «Universal Oil Products C°» в прекрасно оборудованной специально для него лаборатории. Вплоть до 1936 И. регулярно высылал в СССР результаты своих работ, выполненных в США. В 1936 в СССР вышла его фундаментальная монография «Каталитические реакции при высоких температурах и давлениях»; неоднократно получал И. приглашения вернуться на родину. В своих ответах И. честно и откровенно изложил причины, мешавшие его возвращению в СССР. 29.12.1936 Общее собрание АН СССР приняло постановление о лишении И. звания академика, а неделю спустя, 5.1.1937, ЦИК Союза СССР лишил его советского гражданства. Ему навсегда был запрещен въезд в СССР. Часть его ближайших учеников подверглась репрессиям.

Находясь в США, И. стал богатым и весьма известным человеком. Помимо преподавательской деятельности в Чикагском университете и должности консультанта в нефтяной фирме, он состоял также профессором и директором лаборатории катализа и высоких давлений в Нортуэстернском университете в Эванстоне (близ Чикаго), ныне носящей его имя. Все заработанные им деньги он вкладывал в развитие лаборатории, приглашая на работу только русских или американцев, знающих русский язык. В 1937 И. был назван в США «Человеком года», будучи выбран из 1000 претендентов на это звание. В 1939 его избрали членом Национальной АН США, и в том же году в Париже состоялось торжественное вручение ему высшей награды Французского химического общества — медали им. А.Лавуазье. В ноябре 1942 в США отмечалось его 75-летие и полвека научной деятельности. На торжественном заседании, организованном по этому поводу Американским химическим обществом, нобелевский лауреат Р.Вильштеттер утверждал: «Никогда за всю историю химии в ней не появлялся более великий человек, чем Ипатьев». Несмотря на широкую известность, признание, долгие годы, прожитые в США, И. продолжал чувствовать себя здесь чужим. Он не имел автомобиля, отказался от возможности приобрести удобный коттедж на берегу озера Мичиган. С момента своего приезда в Чикаго до самой своей кончины супруги Ипатьевы снимали скромный номер в гостинице, жили замкнуто. Его редкие письма родным в Ленинград

проникнуты тоской по родным местам. «Работая здесь научно, я однако никогда не забывал, что всякое новое достижение приносит также пользу и моей Родине, — писал он в письме от 2.12.1945. — Хоть мы и не испытывали здесь холода и голода во время войны, но я должен тебе сказать, что мучительно переживал все начальные военные неудачи нашей Красной Армии, но однако верил, что потенциальная энергия русского народа возьмет свое и он выйдет победителем, несмотря на все лишения. С какой радостью узнавали мы о победах русской армии после блестящей беспримерной защиты Сталинграда. Как приятно было слышать от американцев похвалу нашей Армии и всему русскому народу, которые несомненно обеспечили победу союзникам». Чтобы скрасить одиночество, Ипатьевы удочерили и воспитали двух русских девочек-сирот. Начиная с 1944 И. неоднократно предпринимал попытки вернуться в СССР, но неизменно получал отказ. А.Громыко, бывший в годы войны послом СССР в США, в своих воспоминаниях описал одно из посещений посольства И., когда этот некогда сильный и уверенный в себе человек со слезами на глазах умолял о получении разрешения на возвращение домой, в Россию. Несмотря на преклонный возраст, И. до самой кончины трудился в своей лаборатории. В письме от 9.11.1952 Варвара Дмитриевна писала дочери: «Дед чувствует себя прилично для своих лет, работу свою он сильно любит, но все же без лаборатории он жить не может. Помогает он мне и по моим делам, особенно по утрам. Встаем мы рано, а в 9-м он уже идет в свою лабораторию...» 29 ноября того же года около 7 часов утра он тихо скончался. Варвара Дмитриевна пережила своего мужа всего на несколько дней: она скончалась 9.12.1952.

29.12.1990 Общее собрание Академии наук СССР приняло постановление о восстановлении (посмертно) И. в членах Академии наук СССР.

Соч.: Жизнь одного химика. Воспоминания, т. 1-2. Нью-Йорк, 1945.

Лит.: Кузнецов В.И., Максименко А.М. Владимир Николаевич Ипатьев, 1867-1952. М., 1992.

Арх.: Арх. РАН, ф. 941, оп. 1 (личн. фонд В.Н.Ипатьева); РГИА, ф. 740, оп. 18, д. 295; РГАЭ, ф. 3106, оп. 1, д. 175; РГВИА, ф. 310, оп. 1, д. 5579.

В.Волков

ИСЛЯМОВ Илья Исхакович (28.6.1899, Кронштадт — ?) — авиационный инженер. Сын известного русского гидрографа, сподвижника адмирала Макарова, генерала И.И.Ислямова. Отец был мусульманин, мать (В.А.Паннаш) — лютеранка, а сам И. крещен по православному обряду. В детстве юнгой принимал участие в полярных экспедициях отца, водружал русский флаг на Земле Франца-Иосифа. В 1916 окончил Петроградское коммерческое училище и поступил в Морской кадетский корпус. Летом следующего года проходил практику на крейсере Балтийского флота, а в октябре в числе учащихся корпуса был направлен для продолжения учебы в эвакуацию во Владивосток. Вместе с другими гардемаринами участвовал в захвате вспомогательного крейсера «Орел» и изгнании с него революционно настроенных матросов. На крейсере ушел во Вьетнам, после прихода к власти адмирала Колчака вернулся во Владивосток и продолжил учебу в корпусе, воевал с красными партизанами в Приморье. После восстановления на Дальнем Востоке в 1920 советской власти И. вместе с гардемаринами и кадетами отправился на «Орле» в Европу и во время стоянки в Калькутте был произведен в первый офицерский чин мичмана.

После продажи в 1921 «Орла» И. устроился таксистом в Каире, но через год перебрался к отцу в Стамбул, а оттуда в июле 1923 вместе с братом — в США. Работал в Нью-Йорке рабочим на кондитерской фабрике, посыльным, барменом и шофером, учился в Ренсселаеровском политехническом институте. Получив в 1925 диплом инженера по электротехнике, И. работал на строительстве электростанции в штате Нью-Джерси, но вскоре перешел в компанию Эдисона в Нью-Йорке. В то же время молодого инженера все больше привлекала авиация. Его старший брат был одним из ближайших сподвижников *И.Сикорского*.

Летом 1926 И. оставил фирму Эдисон и по приглашению своего товарища и однокашника по морскому корпусу *К.Захарченко* перешел работать конструктором в небольшую авиационную фирму «Kaess Aircraft» на Лонг-Айленде, где они вместе строили двухмоторный биплан по заказу эксцентричного миллионера Ч.Левина. Из-за причуд последнего аппарат достроен не был, фирма закрылась, и в начале 1927 И. поступил в «Sikorsky Manufacturing», где был ведущим инженером по модификации амфибии S-36 и бомбардировщику S-37. В самый разгар работ по новой перспективной амфибии S-38 он поссорился с начальником производства фирмы и в мае 1928 покинул Сикорского.

По приглашению Д.Белланка И. переехал в Нью-Кастл в штате Делавэр, где занял в «Bellanca Aircraft» должность ведущего конструктора по самым перспективным моделям фирмы — высокопланам с несущими подкосами «Pacemaker» и «Skyrocket». Аппараты пользовались огромным успехом не только у вла-

дельцев авиалиний, но и у летчиков-спортсменов. На них было сделано много выдающихся перелетов, в подготовке которых непосредственное участие принял И. После реорганизации фирмы в 1932 он занял место начальника планово-коммерческого отдела, в 1937 — начальника производства «Bellanca Aircraft». Ему удалось успешно внедрить в производство новые модели самолетов фирмы и обеспечить их своевременные поставки заказчику, несмотря на жесткие сроки и условия. Когда в начале 2-й мировой войны гражданские заказы фирме резко упали, И. обратился к субподрядам и быстро перестроил предприятие на выпуск новых видов авиационной техники. Благодаря ему «Bellanca» стала крупнейшим в США производителем авиационных турелей, которые устанавливались не только на самолете, но и на сухопутной технике. Фирма получила крупный подряд на строительство учебных самолетов для подготовки бортстрелков. В июле 1944 президент Белланка назначил И. вице-президентом и генеральным менеджером. Однако по окончании войны, когда объем производства резко упал, Белланка начал тяготиться тяжелым характером своего заместителя, и И. пришлось покинуть фирму, которой он отдал 18 лет жизни и которая была ему обязана своим становлением и благополучием.

Во 2-й половине 40-х И. занимал руководящие должности в фирме «Fairchild Aircraft» и авиакомпании «Trans World Airlines» (TWA). В 1951-58 он работал начальником конструкторского бюро, а затем вице-президентом фирмы «Ludwig Honold» в Пенсильвании, занимался освоением новых авиационных материалов и их применением в конструкции летательных аппаратов. Потом И. перешел в фирму «Heyes», где руководил разработкой оборудования, предназначавшегося для хранения, сборки, отладки и запуска баллистических ракет Сатурн, Паларис и Першинг, а также исследованиями по новым композиционным материалам. С 1963, будучи уже на пенсии, он работал консультантом по новым материалам и технологиям в Маршаловском центре космических исследований в лаборатории инженерного производства. За годы работы в ракетно-космической промышленности И. опубликовал 27 научных отчетов.

Арх.: National Air Space Museum's Archives, USA.

В.Михеев

К

КАНДИНСКИЙ Василий Васильевич (4.12.1866, Москва — 13.12.1944, Нейи-Сюр-Сен, Франция) — живописец, график, теоретик искусства, поэт. Сын нерчинского купца, потомок сибирских каторжан; мать К. — из дворянской семьи. Детство провел в разъездах с родителями по России и Западной Европе. Окончив в 1885 классическую гимназию в Одессе, поступил на юридический факультет Московского университета, учился там (с перерывом в 1889-91) до 1893 и по рекомендации А.Чупрова был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию (по кафедре политической экономии и статистики). В 1889 участвовал в экспедиции в Вологодскую губернию, увлекся народным искусством и иконописью. Написал диссертацию, но в 1895 решил посвятить себя искусству. В 1897-98 учился в Мюнхене в школе А.Ашбе, в 1900 — в Королевской Академии художеств у Ф.Штука. С 1902 жил в Мюнхене, но неоднократно бывал в России. Создавал в это время произведения, в которых образы Югендстиля (модерна) органично сочетались с русскими мотивами и темами, близкими мастерам «Мира искусства». Работал в области прикладного искусства и гравюры, экспериментировал в глине, делал эскизы женских украшений, мебельной фурнитуры, выполнил серию гравюр, объединяя их в поэтические сборники-альбомы. С 1901 участвовал в выставках в Германии (Мюнхен, Берлин, Дрезден, Гамбург), в Риме, Париже; с 1902 — в России (выставки Московского товарищества художников, петербургского Нового общества художников, Общества им. Леонардо да Винчи и др.).

После путешествия по странам Западной Европы и Северной Африки поселился в горном селении Мурнау близ Мюнхена (1908-10). Обобщив и переосмыслив все найденное им ранее, стал основоположником абстрактного искусства, создавая картины, в которых главный выразительный смысл переносился на пластический язык живописи: в его работах усилилась декоративность цвета, изображение стало плоскостным и фрагментарным, пейзажный мотив часто служил предлогом для создания красочных композиций, звучных цветовых гармоний; постепенно исчезала предметность. Подобно композитору, К. стремился обрести способность свободного выражения чувства, чтобы «духовным взором проникнуть в глубину мироздания», услышать его «тайную и прекрасную музыку» и поведать о ней миру языком линий и красок. Разработал три типа абстрактных картин: импрессии, импровизации и композиции. В композициях многолетние искания К. получили наиболее полное воплощение, лучшие из них созданы в период наивысшего расцвета таланта К. — в начале 1910-х. В 1911 вышла в свет книга К. «О духовном в искусстве» (Мюнхен, 1912, на нем. яз.; Л., 1989), сформулировавшая основные положения его научной теории (на рус. яз. не полностью в «Тр. Всерос. съезда художников в Петербурге. Дек. 1911 — янв. 1912 г.». Пб., 1914, т.1). Совместно с Ф.Марком издал в 1912 в Мюнхене альманах «Синий всадник», который по замыслу авторов должен был осуществлять «связь с прошлым» и быть «лучом в будущее»; в альманахе помещена сценическая композиция К. «Жёлтый звук». Входил в группы «Бубновый валет» и «Ослиный хвост». Участник сборника «Пощечина общественному вкусу» (М., 1913; переводы четырех стихотворений, написанных на немецком языке, из сборника «Звуки»). Организовал ряд международных выставок и творческих объединений: «Фаланга» (1901), «Новое художественное общество — Мюнхен» (1909), «Синий всадник» (1911). В издательстве берлинского объединения «Буря» выпустил в 1913 книгу «Живопись как чистое искусство» и альбом репродукций картин 1901-13. В 1911-14 состоял в неофициальном браке с художницей Габриэлой Мюнтер.

Вернувшись в 1914 в Россию, К. принял активное участие в художественной жизни страны. В послереволюционные годы — член коллегии и междунарородного бюро отдела ИЗО Наркомпроса, один из организаторов Музея живописной культуры в Петрограде (1919) и директор Института художественной культуры (Инхука) в Москве (1920), вице-президент Российской Академии художественных наук (1921). В 1918-21 — профессор Государственных свободных художественных мастерских, в 1920 — профессор Московского университета. Сблизился с художниками-авангар-

дистами К.Малевичем, А.Родченко, Л.Поповой, провозгласившими в искусстве принцип чистой формы и геометрической ориентации. В 1917 женился на Н.Андреевской.

В конце 1921 К. был направлен в Германию для создания международного отдела Академии художественных наук. Получив приглашение от архитектора В.Гропиуса преподавать в новом учебном центре Баухауз, поселился в Веймаре, с 1925 — в Дессау. Принял решение остаться в Германии, в 1928 принял немецкое гражданство. До 1933 жил в Веймаре, Дессау, Берлине. В Баухаузе преподавал одновременно с П.Клее, Л.Махой-Надем, Л.Фейнингером, О.Шлеммером, Г.Мухе, находил много общего в их методике обучения со своим пониманием задач художественного образования. Продолжал разрабатывать основные принципы своей теории, изложил их в книге «Точка и линия на плоскости» (1926). В живописи обратился к теме космоса как абсолютного и высшего порядка мироздания, развивая дальше идеи, родившиеся у него в России. В 20-30-х в Европе и США прошло несколько персональных выставок К. и выставок группы «Четверо синих» (с *А.Явленским*, Л.Фейнингером и П.Клее).

После того как нацисты, придя к власти, закрыли Баухауз, К. переехал в 1933 во Францию. В парижский период («синтетический») на творчество К. повлиял сюрреализм Х.Миро и др. Лейтмотив картин этого периода — тема микромира: комбинации свободно плавающих изогнутых форм, напоминающих клетки живой природы, ассоциируются у К. с «началом жизни». Поздние работы К. отличает изящество линий и красота форм, изысканность колористических сопоставлений, бесконечное многообразие композиционных вариаций, тончайшая филигранность деталей. В июне 1935 К. и И.Зервос организовали в галерее «Cahiers d'Art» выставку К. «Новые картины, акварели и рисунки». С 1936 по 1944 К. выставлял свои работы в галерее Ж.Буше. Познакомился с *А.Бенуа*, однако отметил различия в их взглядах: «...он очень приятный, но, к сожалению, новое искусство ему чуждо». В большинстве своем русский Париж не воспринимал творчество К., русские газеты обходили его работы молчанием. Вакуум прерванных отношений с соотечественниками отчасти заполняли творческие контакты с *А.Ремизовым*, с которым К. планировал издать книгу снов «Веселые острова. Скандальные рассказы о четвертом измерении», предложение *Л.Мясина* о сотрудничестве в области театра и балета, встречи и переписка с Явленским, *М.Шагалом*, Е.Эпштейном. Поддерживал дружеские отношения с племянником — философом А.Кожевником. Пытаясь сохранить связь с Россией, следил за творческими успехами мюнхенских коллег — Д.Кардовского, И.Грабаря, В.Бехтеева, интересовался судьбой своих картин, оставленных на хранение в 1921 в Музее новой западной живописи, не зная еще, что они национализированы. Вел в Париже уединенный образ жизни, держался в стороне от «полной интриг», по его словам, художественной среды, но мастерская К. оставалась полем притяжения многих художников, критиков, меценатов. Среди тех, кто посещал его, — С.Бранкузи, Соня и Робер Делоне, Ф.Леже, Х.Миро, *Н.Певзнер*, П.Мондриан, Г.Арп, А.Магнелли. За 11 лет парижского периода К. были созданы 144 картины, около 250 акварелей и гуашей, множество рисунков. Как вспоминала жена художника, Н.Кандинская, в 1936 ее и К. привели в ужас вырезки из немецких газет, в которых они «натолкнулись на жестокое выражение «дегенеративное искусство». В состав выставки под этим названием, организованной в Мюнхене в июле 1937, нацисты включили три картины и две акварели К. вместе с работами его друзей; музеи Германии стремились в это время избавиться от его произведений. В 1939 после того как немецкое посольство во Франции отказало К. в продлении паспорта, дающем право на проживание в Германии, он получил французское гражданство. Во Франции К. пережил немецкую оккупацию. По словам Шагала, К. был тем редким русским художником, который овладел свободой в искусстве и пользовался ею даже вдали от своей родины.

Соч.: Klange. München, 1913; Rückblicke: 1901-13. Berlin, 1913 (на рус. яз.: Ступени. Текст художника. М., 1918); Письма В.В.Кандинского к Н.И.Кульбину / Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1981.

Лит.: Grohman W. Wassily Kandinsky: Leben und Werk. Köln, 1958; Roethel H.K., Benjamin J.K. Kandinsky: Catalogue Raisonne of the Oil Paintings, vol. 1-2. London, 1982-84; Кандинский. 1866-1944. Живопись. Графика. Прикладное искусство. Каталог выставки. Л., 1989; Дмитриева М. Художник мироздания // Наше наследие, 1990, № 3; Barnett U.E. Kandinsky Watercolours: Catalogue Raisonne, vol.1-2. London, 1992; Hahl-Koch J. Kandinsky. New York, 1993.

Н.Автономова

КАРАКАШ Михаил Николаевич (1887, им.е Каракаш близ Симферополя — 15. или 19.8.1937, Белград [Бухарест?]) — артист оперы, концертный певец (баритон), режиссер музыкального театра, педагог. К. — сын профессора геологии Петербургского университета. Первым учителем музыки и вокальным педагогом К. была его мать — певица, ученица знаменитой Н.Ирецкой. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университе-

та и в 1910 Петербургскую консерваторию по классу профессора С.Габеля, из которого вышло несколько десятков певцов высокого международного уровня. Выступая, по традиции Мариинского театра, в конкурсе молодых певцов за право петь на первой сцене России, К. исполнил (26.4.1911) заглавную партию в первом дебютном спектакле «Евгений Онегин» П.Чайковского, в ансамбле со «звездами» — Л.Собиновым, А.Больской, Е.Збруевой, В.Касторским. На следующий день пресса отмечала исключительный успех дебютанта, сразу же ставшего вровень со своими прославленными партнерами. После «второго дебюта» — партии Грязного в «Царской невесте» Н.Римского-Корсакова — К. был принят в труппу Мариинского театра на первые партии лирического баритона. В сезоне 1911/12 он был единственным исполнителем партии Князя Елецкого в «Пиковой даме» Чайковского во всех спектаклях. В «Лакме» Л.Делиба (партия Фредерика) 15.11.1911 впервые выступил в одном спектакле с *Ф.Шаляпиным*. Он стал основным исполнителем партии Онегина в Мариинском театре. Признавали, что со времен Л.Яковлева, знаменитого баритона конца XIX в., Мариинский театр не имел столь совершенного исполнителя этой партии.

В дальнейшем репертуар артиста расширялся, в него вошли партии Меркуцио в «Ромео и Джульетте» Ш.Гуно, Невера в «Гугенотах» Дж.Мейербера, Шарплесса в первом в России исполнении оперы Дж.Пуччини «Мадам Баттерфлай». 12.11.1912 К. впервые исполнил одну из самых знаменитых своих ролей — Фигаро в «Севильском цирюльнике» Дж.Россини — в ансамбле с *Л.Липковской*, К.Пиотровским (Петраускасом) и Шаляпиным. К. стал лучшим Фигаро на русской сцене. Если в роли Онегина у него был единственный соперник — баритон Большого театра в Москве И.Грызунов, создавший своего рода «московский» вариант пушкинского героя, то в роли Фигаро никто не мог составить конкуренцию К., хотя эта партия исполнялась равно и лирическими, и драматическими баритонами. Не случайно, когда Шаляпин пел в «Севильском цирюльнике» в Большом театре, директор императоских театров В.Теляковский направлял в Москву молодого петербургского баритона. В «Севильском цирюльнике» К. и Шаляпин вместе спели более 20 спектаклей, но 16.10.1916 прямо во время действия произошел (по вине Шаляпина) скандал, получивший не без помощи прессы широкую огласку. К. требовал извинений от Шаляпина и отказался выступать с ним. Шаляпин получил от благоволившей к нему дирекции выговор, но почти два года артисты не встречались на сцене. Среди партнеров К. в «Севильском цирюльнике» были выдающиеся певицы — Е.Бронская в Петербурге и А.Нежданова в Москве.

Из последующих ролей артиста в Мариинском театре отметим партии Аполлона Локсия в «Орестее» С.Танеева, Валентина в «Фаусте» Ш.Гуно, Эскамильо в «Кармен» Ж.Бизе, Ферфакса в оперетте С.Джонса «Гейша», Дон Жуана в одноименной опере В.А.Моцарта, Дон Карлоса в «Каменном госте» А.Даргомыжского, Марселя в «Богеме» Дж.Пуччини. Благодаря выдающемуся вокальному мастерству К. справлялся и с партиями драматического баритона — Князь Игорь, Демон в одноименных операх А.Бородина и А.Рубинштейна, Тонио в «Паяцах» Р.Леонкавалло. Летом 1913 артист ездил в Милан для занятий с известным профессором В.Вандзо, консультантом ряда выдающихся русских певцов — Л.Липковской, *Г.Бакланова*, *Д.Смирнова* и др. Но еще годом ранее состоялись его первые зарубежные выступления — певец гастролировал в Вене, Берлине, Праге и Будапеште.

В 1913 К. вступил в брак с Елизаветой Ивановной Поповой, солисткой Мариинского театра, дебютировавшей на его сцене в партии Татьяны годом ранее. «Семейный» дуэт Поповой и К. в «Евгении Онегине» стал исключительным событием в истории музыкального театра — настолько совершенны были музыкально-сценические решения созданных ими образов. Даже внешне молодые артисты казались живыми воплощениями своих героев. Их ходили и слушать, и смотреть. Воспитанниц Смольного института и др. элитарных учебных заведений водили в Мариинский театр «на Каракаша и Попову» с целью показать эталонные светские манеры.

В 1915-17 К., помимо Мариинского театра, регулярно выступал в своих лучших ролях на сцене Театра музыкальной драмы (ТМД) в Петербурге, гастролировал в Одессе, Киеве, Харькове, Тифлисе. По свидетельствам современников, К. был, не менее чем в опере, убедителен в концертах с исполнением камерной вокальной лирики. В программы его совместных с Поповой концертов, помимо классических романсов от Глинки до П.Чайковского, включались новейшие произведения *С.Рахманинова*, *А.Гречанинова*, А.Спендиарова, *Н.Метнера*, *И.Стравинского*. Нередко аккомпанировал К. и Поповой один из лучших русских пианистов-ансамблистов М.Бихтер. «Оба артиста увлекли аудиторию своими прекрасными голосами, благородством фразировки, выразительным пением», — писал журнал «Театр и искусство» об одном из их концертов весной 1917. Последнее выступление К. в Мариинском театре состоялось 15.3.1918 в «Пиковой даме», затем вместе с Поповой он уехал в Москву. В 1918-

19 К. и Попова работали в Большом театре, в театре С.Зимина, переименованном в Театр Совета рабочих депутатов. Летом 1918 вместе с Шаляпиным, Неждановой и др. знаменитыми артистами они вошли в Первое театральное кооперативное товарищество. В июле 1918 К. и Попова пели с Шаляпиным в «Паяцах» Леонкавалло. Шаляпин, К. и Нежданова выступили также в «Севильском цирюльнике» и «Фаусте». Очевидно, ссора двухлетней давности между К. и Шаляпиным была предана забвению. Из числа концертов К. в Москве отметим его участие в бетховенской программе знаменитого дирижера *С.Кусевицкого* вместе с Неждановой, Метнером и А.Южиным 16.3.1919 в Колонном зале Дома Союзов. В апреле 1919 К. и Попова выехали в имение его отца под Симферополем. В городах Крыма им удавалось выступать с концертами. В это время произошло их знакомство с известным композитором Спендиаровым, который посвятил К. романс «К Армении» (К. по национальности — наполовину армянин).

В октябре 1921 супруги отбыли в Италию, в Рим. Здесь они поступили в труппу театра «Русская ласточка», а в 1923 перебрались в Париж, где до 1926 работали в антрепризе *М.Кузнецовой-Бенуа*. Тогда же К. гастролировал в Барселоне, Загребе, Будапеште. В 1926 выдающийся певец приступил к деятельности режиссера: в Париже, в антрепризе А.Церетели «Русская опера» он поставил «Садко» Римского-Корсакова. В 1931 К. стал профессором Русской консерватории в Париже, позднее он перебрался в Белград, где Попова выступала на правах одной из ведущих солисток оперы. Здесь К. был режиссером и одно время директором оперного театра, прославился своими постановками «Севильского цирюльника» (1934) и «Князя Игоря» (1935). В эмиграции К. написал несколько исследований на музыкальные и театральные темы. Две из них сохранились в рукописях: «Альберт Лортцинг и его опера «Царь и плотник», «Спектакль Михаила Чехова». Скончался К. в возрасте всего лишь 50 лет, так и не сказав полностью своего слова в искусстве ни как певец, ни как режиссер, не имея в самые плодотворные для артиста оперы годы условий, необходимых для художника его масштаба.

За свою недолгую артистическую карьеру К. создал несколько столь совершенных образов в русских и западных операх, что их следует признать классическими. Прежде всего это Евгений Онегин — наиболее точное воплощение замыслов Пушкина и Чайковского, что проявилось в каждой ноте, движении, черте внешнего облика. Благодаря драматическому дару К. созданные им лучшие роли следует поставить вровень с наивысшими актерскими достижениями Шаляпина. Таковы у К. роли Князя Елецкого в «Пиковой даме» и россиниевского Фигаро. Эти шедевры вокально-сценического искусства были созданы артистом в возрасте всего 24-27 лет. К. записывался на пластинки русского отделения крупнейшей европейской компании «Gramophone» (марка «Пишущий амур») в Петербурге в 1913 и 1914. Записей немного — всего 10 фрагментов из опер и, дань времени — «Авиационная песня» композитора М.Якобсона. Большой удачей дореволюционной грамзаписи следует считать фонограммы четырех сцен из «Евгения Онегина» с участием К. Им записаны арии Князя Елецкого, Князя Игоря и Демона; Эпиталама Виндекса из «Нерона» А.Рубинштейна исполнена им в «классическом» стиле. С Е.Виттнгом К. записал дуэты — из «Кармен» и из «Мадам Баттерфлай». Записи К., несмотря на свою малочисленность, свидетельствуют о нем как об одном из лучших певцов России предреволюционного времени. Все они вошли в состав монографической пластинки, выпущенной фирмой «Мелодия» в 1986.

Лит.: Пружанский А.М. Отечественные певцы 1750-1917. М., 1991; Перепелкин Ю.Б. Аннотация к пластинке «Михаил Каракаш, баритон» в серии «Музыкальное наследие, исполнительское искусство» М10 47 491 005.

П.Н.

КАРАЛЛИ (Коралли) Вера Алексеевна (27.7.1889 — 16.11.1972, Баден, Австрия) — танцовщица. Дочь провинциального актера и антрепренера Алексея Михайловича Каралли-Торцова. Училась на балетном отделении Московского театрального училища и считалась способной, но в 1902 врачи нашли у нее искривление позвоночника, и она полгода находилась на лечении. В 1902-4 продолжила занятия по облегченной программе. По окончании училища (1906, педагоги М.Станиславская и А.Горский) — корифейка балета Большого театра. Но уже в сентябре дебютировала в партии Одетты-Одиллии в «Лебедином озере» П.Чайковского, заменив заболевшую артистку. Она не обладала ни сценическим опытом, ни должной танцевальной техникой для этой роли, и Горский адаптировал партию к возможностям К., поступая так и в дальнейшем. В том же году была переведена в разряд вторых танцовщиц, выступала в партии Бинт-Анты («Дочь Фараона» Ц.Пуни), в 1907 — Лизы в «Тщетной предосторожности» П.Гертеля и Жизели в одноименном балете А.Адана, в 1908 — Раймонды в «Раймонде» А.Глазунова и Никии в «Баядер-

ке» Л.Минкуса, в 1909 — Китри в «Дон Кихоте» Минкуса, Медоры в «Корсаре» Ц.Пуни. Участвовала с *М.Мордкиным* в Русских сезонах в Париже (1909), исполняя главную партию в поставленном *М.Фокиным* «Павильоне Армиды» *Н.Черепнина.* В 1915 получила звание балерины.

К. создавала лирические, эмоционально окрашенные образы. Кроме классических партий, среди которых была также Аврора в «Спящей красавице» Чайковского, она выступала в балетах Горского: Царь-девица («Конек-Горбунок» Пуни), Саламбо («Саламбо» А.Арендса), пастушка Арета («Пятая симфония» на музыку Глазунова), Евника («Евника и Петроний» на муз. Ф.Шопена в оркестровке Арендса). Для К. Горский создал партию богини Танит («Саламбо») и Анитры («Нур и Анитра» А.Ильинского). Среди ее партнеров — Мордкин. Изысканная красота К., благородство и гармоничность пластики, великолепно развитое чувство формы, выразительные руки, одухотворенность исполнения (при некотором несовершенстве техники классического танца) позволили К. стать одной из самых популярных московских танцовщиц. Ее исполнение фокинского «Умирающего лебедя» часть критиков считала более глубоким и ярким, чем у *А.Павловой.* Неоднократно гастролировала по провинциальным городам России (Ростов, Воронеж, Харьков и др.).

К. обладала незаурядным драматическим талантом. Еще в 1908 выступала в спектакле «Принц и нищий» по пьесе И.Всеволожского, проявив себя как одаренная актриса. Ее даже приглашали в Малый театр, но К. отказалась. В 1914 начала сниматься в кино и почти сразу стала «кинобожеством» — первой русской кинозвездой и одной из самых (наряду с Верой Холодной) высокооплачиваемых актрис. За три года создала более 30 самых разнообразных киноролей, работала в основном на кинофабрике А.Ханжонкова, снялась в фильмах: «Любовь статского советника», «После смерти», «Сорванец», «Ты помнишь ли?», «Война и мир», «Хризантемы» и др. Самым знаменитым среди них стал «Умирающий лебедь». Кинематографическая популярность К. была отчасти причиной того, что вокруг ее имени возникало много слухов: шли разговоры, что К. была «приманкой в деле Распутина», дважды — в 1918 и 1922 — сообщалось о ее смерти, что вызывало в прессе массу отзывов. Велик был интерес к подробностям ее личной жизни (особенно к роману с Л.Собиновым, 1908-14).

В 1918 покинула Россию. В 1919-20 выступала в «Русском балете» *С.Дягилева*: половчанка («Половецкие пляски» А.Бородина), Тамара в одноименном балете Фокина на музыку М.Балакирева. В 1920 в труппе А.Павловой, затем танцевала в различных труппах Европы и США. В 1928 создала студию Литовского национального балета (Каунас), которой руководила до 1930. В 1930-35 — балетмейстер Румынской оперы (пост. «Лебединое озеро» Чайковского) и руководитель Бухарестской студии танца. В 1938-41 преподавала в Париже. В 1941 по приглашению друзей, узнавших о ее материальных трудностях, переехала в Дом для престарелых артистов в Бадене близ Вены, где жила до конца своих дней.

Лит.: Левинсон А. На смерть Веры Каралли // Жизнь иск-ва, 1918, № 38, 16 дек.; Маркврардт Н. В.А.Каралли // Театр. курьер, 1918, № 1, 25 дек.; Красовская В. Русский балетный театр начала XX века, ч.2: Танцовщики. Л., 1972; Кремень В. У истоков содружества искусств // Сов. балет, 1983, № 4.

Арх.: РГАЛИ, ф.659, оп.3, ед.хр.1601.

Г.Андреевская

КАРПОВИЧ Михаил Михайлович (1887 — 1959) — историк. По семейным преданиям, польский род Карповичей некогда имел двойную фамилию (Кораб-Карповичи) и графский титул. Мать К. — М.Е.Преснякова, сестра историка А.Преснякова, также происходила из старинного дворянского рода. Детские и юношеские годы К. провел в Тифлисе. Окончив в 1906 гимназию, поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Учился вместе с *Г.Вернадским*, слушал лекции В.Ключевского, работал в семинарах М.Богословского, Д.Петрушевского, А.Савина, но, по словам одного из друзей К., в период 1-й русской революции он хотел не столько изучать, сколько «делать историю». В 1904-6 в Тифлисе и в Москве входил в организации эсеров. Подвергался аресту и высылке из пределов Кавказского наместничества. В 1907 прекратил активное участие в революционной деятельности; как вспоминал К., «если от революции мы отошли, то без всякого «ренегатства», без проклятий по ее адресу, без переходов в стан врагов, без утраты нашего свободолюбия».

Весной 1914 блестяще сдал государственные экзамены и был оставлен на кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию, но вскоре вынужден был перейти в Петербургский университет. В 1916 призван в армию и направлен в секретариат при Особом совещании по обороне. Вскоре после Февральской революции близкий знакомый К. по Тифлису, товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства *Б.Бахметьев* получил назначение послом России в США и предложил К. войти в состав отправлявшейся туда «чрезвычайной миссии». В российском по-

сольстве К. работал до его закрытия в 1924. В 1927 по рекомендации *М.Ростовцева* был приглашен в Гарвардский университет преподавать русскую историю; последовательно занимал должности лектора, доцента, профессора и заведующего славянским отделением. Как писал о К. один из его учеников, он открыл студентам путь к познанию «действительной, а не воображаемой России». Вел три обширных курса: «Введение в историю России», «Русская литература XIX в.», «История идейных течений в России», читал также лекции по всеобщей истории Европы. По отзывам слушателей, каждая такая лекция была произведением искусства, заключая в себе богатство материала, тонкость анализа и совершенство формы.

Помимо Гарварда, К. преподавал в др. американских университетах, выступал с докладами в русских просветительских организациях. С 1943 К. — главный редактор основанного в 1941 в Нью-Йорке «Нового журнала». Считая эту работу чрезвычайно важной, он превратил журнал в одно из самых читаемых периодических изданий русского зарубежья. По словам американского историка Ф.Мосли, К. стремился «содействовать двусторонней связи между русской мыслью и свободным миром».

По своим общественно-политическим взглядам К. был внепартийным демократом, сторонником «все более социально окрашенного» либерализма, понимая либерализм как «пафос свободы и свободы личности — в первую очередь». В наш жестокий век, подчеркивал К., необходимо снова «восславить свободу», но если в XIX в. А.Токвиль призывал «либерализировать» политическую демократию, то теперь столь же важно — «либерализировать» демократию социальную.

Среди наиболее значительных научных работ К. — «Императорская Россия. 1801-1917» (Нью-Йорк, 1932, на англ. яз.), раздел по истории России в коллективной работе «Экономическая история Европы с 1750 г.» (Нью-Йорк, 1970, на англ. яз.). Обзор литературы о русской революции, опубликованный К. в 1930 (The Journal of Modern History, vol.2, № 2), положил начало изучению этой темы в США. Отвечая на вопрос, что «вызвало Февраль и привело к Октябрю», К. писал: «Неустойчивость русского государственного и общественного строя делала революцию, при неблагоприятных условиях, возможной. Война превратила эту возможность в вероятность. И только возникший во время войны острый политический кризис сделал революцию в конечном счете неизбежной. А за этот политический кризис ответственность лежала целиком на близорукой, более того — безумной политике власти» (при том, что после 17.10.1905 в России «самодержавие перестало существовать», «конституционный режим определенно был»). Возлагая вину за Февральскую революцию на «человеческую глупость правящих кругов», К. не усматривал здесь вины либералов. «Большинство оппозиции не только не хотело революции, но было озабочено тем, как бы ее предотвратить». Напротив, за «крушение Февраля» К. возлагал ответственность не только на Временное правительство, но и на всю русскую демократию. «Если бы она тогда действовала как единое целое, если бы все демократические партии безоговорочно сплотились вокруг Временного правительства, если бы они все вели решительную борьбу с максималистскими тенденциями, как в своей собственной среде, так и в народных массах, — то шансы на преодоление большевистской опасности и на спасение России от катастрофы несомненно возросли бы во много раз».

К 70-летию К. 27 его учеников преподнесли ему сборник своих очерков с посвящением: «Михаилу Карповичу в знак преклонения, любви и благодарности». Прошедшие его школу историки преподавали более чем в 20 университетах и колледжах США, в том числе в Гарвардском, Йельском, Калифорнийском и Чикагском университетах.

Соч.: The Baltic Commerce of the West Russian and Lithuanian Cities during the Middle Ages // BSC, 1937, vol.3(7); Church and State in Russian History // Russian Review, 1943/1944, vol.III; A Lecture on Russian History. Cravenhagl, 1962.

Лит.: Russian Thought and Politics // Harvard Slavic Studies, 1957, vol.IV; Zenkovsky S.A. A Russian Historian at Harvard // Russian Review, 1958, vol.XVII; М.М.Карпович [некрологи] // НЖ, 1959, № 58.

М.Гавлин

КАРСАВИН Лев Платонович (1.12.1882, Петербург — 20.7.1952, концлагерь Абезь, Коми АССР) — историк-медиевист, философ и богослов. Младшая сестра — балерина *Т.Карсавина*. Закончил Петербургский университет в 1906 по историческому отделению, был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Под руководством И.Гревса занимался религиозной историей западного средневековья, прежде всего францисканским движением и еретическими сектами вальденсов и катаров. В 1910-11 работал над этими проблемами в Италии и во Франции; в 1912 выпустил капитальный труд «Очерки религиозной жизни в Италии XII-XIII веков». В Петербурге преподавал исторические дисциплины в университете, на Высших женских курсах и в др. учебных заведениях. К. выдвинул и разработал собственный метод и подход в медиевистике, ставивший за-

дачи целостной реконструкции психологии, внутреннего мира, образа жизни и поведения человека средневековья, вводил целый ряд новых понятий. Идеи К., опережавшие время, были близки позднейшей французской школе «Анналов» и развитому ею направлению «исторической антропологии» — одному из самых влиятельных и важных в современной культурологии. Результаты исследования К. представлены в книге «Основы средневековой религиозности в XII-XIII веках, преимущественно в Италии» (1915).

Годы 1-й мировой войны и революции — переходный период творчества К.: темы его исследований непрерывно эволюционируют от истории к философской и богословской проблематике, затрагивая в качестве промежуточного этапа вопросы теории, методологии и философии истории. Первая религиозно-философская работа К. «Saligia» (1919) — небольшое сочинение в жанре духовной беседы, разбирающее средневековую классификацию смертных грехов. Значительное влияние на К. оказывали Бернард Клервоский, Гуго и Ришар де Сен-Виктор, Франциск Ассизский, Иоанн Скот Эригена. В 1922 вышла философская книга К. «Noctes Petropolitanae», посвященная метафизике любви. Эта книга сложного жанра и сложных заданий, отражающая и становление метафизики К., и драматические события в его личной жизни. Она написана в свободной неакадемической манере, в традициях романтической прозы как лирико-философские монологи автора, разделенные на 9 «ночей» и обращаемые к Любви и возлюбленной. Наряду с лирическими и экзистенциальными мотивами, с изрядными влияниями средневековой мистики любви, здесь уже выдвигаются идеи самостоятельной философии К. и намечаются контуры его будущей системы.

Формирование философской концепции К. совпало с резкими переменами в его жизни. Не занимаясь активной политической деятельностью, К. тем не менее не скрывал своего неприятия большевистской доктрины, постоянно подчеркивал свои христианские убеждения. В первые годы после октябрьского переворота 1917 он читал проповеди в петроградских храмах, являлся профессором Петроградского Богословского института. Независимая позиция К. по отношению к большевистской власти привлекла к нему симпатии широких кругов общественности; в течение нескольких месяцев в 1922 он являлся выборным ректором Петроградского университета. Неудивительно, что в большевистской печати его труды (в особенности «Noctes Petropolitanae») подвергались грубым нападкам, и летом 1922 К. оказался в списке ученых и деятелей культуры, намеченных к высылке за рубеж.

16.8.1922 К. был арестован ГПУ и 15 ноября вместе с другими высылаемыми петербуржцами вынужден был покинуть родину на немецком пароходе «Пруссия». Первый период его изгнания (1922-26) проходил в Берлине. К. активно участвовал в религиозной, академической, общественной жизни диаспоры; являлся профессором Русского научного института, принимал участие в деятельности руководимой *Н.Бердяевым* Религиозно-Философской академии, выступал с докладами и лекциями на исторические, философские и современные темы, руководил религиозно-философским кружком молодежи. В это время у него окончательно сложилась собственная философия. Работая чрезвычайно интенсивно, он опубликовал в берлинском издательстве «Обелиск» ряд важных книг, отчасти написанных еще в России: «Философия истории» (1923), «Джордано Бруно» (1923), «О началах» (1925).

Философия К. принадлежит руслу метафизики всеединства, начало которому в России было положено Вл.Соловьевым. Это — главное направление, развивавшееся философами Русского религиозно-философского ренессанса. Вслед за метафизикой Соловьева, к нему принадлежат философские системы П.Флоренского, *С.Булгакова*, Е.Трубецкого, *С.Франка*, *Н.Лосского*. В разработке центрального принципа всеединства К., как и Франк, во многом опирается на философию Николая Кузанского; однако, в отличие от Франка, он строит сложную иерархическую конструкцию всеединства как иерархию множества «моментов» различных порядков, пронизанную горизонтальными и вертикальными связями. Эта конструкция весьма эффективно используется им при анализе исторического и социального бытия. Принцип всеединства ставится у К. в неразрывную связь с другим онтологическим принципом — триединством. Подобно целому ряду учений в истории философии, от Плотина до Гегеля, К. строит свою онтологию как описание бытийной динамики, основанной на троичном принципе становления и развития. Всеединство же подчиняется этому динамическому принципу и в него интегрируется: оно описывает аспект распределенности, множественности, присущей триединству, когда оно рассматривается в любом своем статическом срезе; по К., всеединство есть «остановка и покой триединства». Последнее в своей полноте и совершенстве отождествляется с Богом как Пресвятой Троицей, а также с бытием личности; несовершенным же отражением триединства и личности служит всякая становящаяся цельность в здешнем бытии,

субъект развития: индивид и его психика, нация, церковь, совокупное человечество.

Три стадии триединства раскрываются у К. как «первоединство — саморазъединение — самовоссоединение», причем центральная из этих стадий означает небытие, смерть. Бытие сотворенное, «тварь», есть, по К., бытие, полученное от Бога или совершенного триединства; отдавая бытие твари, Бог тем самым утрачивает собственное бытие и своею волею избирает небытие, принимает жертвенную смерть ради твари. Наделение твари бытием — акт любви Божией, и оттого существо и высшее проявление любви — жертвенная смерть как свободная отдача своего бытия другому и ради другого. Суть же и назначение тварного бытия — воссоединение с Богом, и, по К., этот традиционный религиозный тезис означает не что иное, как ответ твари на Божию жертву, ее добровольную жертвенную смерть, принимаемую из любви к Богу. В этой смерти тварь совершает всецелую самоотдачу Богу и сливается с ним и в нем обретает воскресение и обожание, так что полное выражение ее пути дает формула-девиз «жизнь через смерть» (т.е. вечная жизнь через добровольную смерть: радикальное проведение исконной христианской идеи об уподоблении Христу). Это учение о смерти (включающее смелую богословскую концепцию смерти Бога), любви и жертве составляет один из главных специфических аспектов системы К., получая окончательную форму в последних из опубликованных им философских трудов — «О личности» (1929) и «Поэме о смерти» (1931).

С 1925 началось сближение К. с евразийским движением, к которому он ранее относился критически. 20.7.1926 К. переехал из Берлина в Париж и, поселившись в Кламаре, вскоре стал основным теоретиком парижского, левого крыла евразийцев, которое все более скатывалось на пробольшевистские позиции. С ноября 1928 по май 1929 К. поместил в газете «Евразия» 21 статью, в которых защищал евразийские идеи. Его брошюра «Церковь, личность и государство» (1927) рассматривалась как часть теоретической платформы евразийского движения. В середине 1929 К. прервал свое сотрудничество с евразийцами, хотя известная близость к евразийству в социальной философии и теории государства продолжала сохраняться в его работах и в 30-е. Его учение в этих областях всегда несло отпечаток иерархизма и социоцентризма, подчинения индивида коллективным образованиям (как это почти неизбежно в метафизике всеединства).

Получив в 1927 приглашение Каунасского университета, К. в следующем году переехал в Литву и возглавил кафедру всеобщей истории. Он читал по-литовски многочисленные курсы и по-литовски же писал большинство своих трудов. Главная работа К. — фундаментальный курс «История европейской культуры», где с единых позиций представлена история социальная и духовная, история событий, философских учений, религиозной жизни. Пять томов этого уникального курса (в 6 книгах) вышли в свет в Каунасе в 1931-37; рукопись 6-го тома была изъята при его аресте и ныне утрачена. Вокруг К. складывался кружок известных философов, примыкавших к традиции русской религиозной мысли; еженедельные собеседования этого кружка, куда, кроме К., входили В.Сеземан, В.Шилкарский и С.Шалкаускас, проходили в течение многих лет в Каунасе, а затем в Вильнюсе. Неизменная тяга К. к России привела к тому, что он, вопреки давлению окружения и семьи, отказался уехать на Запад. В 1940 К. вместе с университетом переехал в Вильнюс, где и провел годы войны, не вступая в сотрудничество с немецкой властью, содействуя спасению евреев из вильнюсского гетто.

В послевоенные годы К. стал подвергаться репрессиям. Он пробовал возобновить контакты с российскими учеными, совершил поездки в Ленинград и Москву, однако найти работу в России не удалось. В 1946 К. был уволен из университета. В 1944-49 он являлся директором вильнюсского Художественного музея и преподавал в Художественном институте, где читал курсы истории быта и истории костюма. Вместе с тем К. продолжал философскую работу. В эти годы им написаны и по-русски, и по-литовски важные сочинения, посвященные философии времени и истории; их сохранившиеся рукописи до сих пор не опубликованы. Как и в Петрограде после Октябрьской революции, его поведение было смело до безрассудства; он отказывался участвовать в выборах, допускал публично антисталинские высказывания. 9.7.1949 К. был арестован. 20.4.1950 ему объявили приговор (10 лет строгого режима) и в декабре этапировали в воркутинские лагеря.

В инвалидном лагере Абезь, болея туберкулезом, К. продолжал творческую работу, создав около 10 небольших религиозно-философских сочинений, в числе которых произведения философской поэзии: венок сонетов, крупный цикл терцин. Вокруг него образовался кружок заключенных, где обсуждались темы искусства, философии, религии. До последних дней его жизнь в лагере — непрерывная самоотдача: медленно умирая от туберкулеза, он не оставлял занятий с учеником, вел духовные беседы со всеми ищущими. В лагерной судьбе К. в значительной мере воплотилась его философия с ключевой идеей приятия жертвенной кончины.

Соч.: Религиозно-философские сочинения, т.1. М., 1992; Философия истории. СПб., 1993; Сочинения. М., 1993.

Лит.: Ванеев А.А. Два года в Абези. В память о Л.П.Карсавине. Брюссель, 1990.

С.Хоружий

КАРСАВИНА Тамара Платоновна (по 1-му мужу Мухина; по 2-му — Брюс) (25.2.1885, Петербург — 25.4.1978, Лондон) — танцовщица. Из потомственной актерской семьи. Дед, Константин Михайлович, в молодости был провинциальным драматическим актером и сочинял пьесы, затем стал портным. Отец, Платон Константинович — ведущий классический танцовщик Мариинского театра, ученик М.Петипа. Там же, в Мариинке, танцевал его брат Владимир; сестра Екатерина вышла замуж за Н.Балашова, театрального художника-декоратора. Мать, Анна Иосифовна (урожд. Хомякова), была дочерью хорунжего и гречанки, получила образование в Смольном институте. Ее дядя, А.Хомяков, был известным публицистом, поэтом и философом, одним из вождей славянофилов. Вся семья дышала атмосферой театра и жила его интересами. Когда старшего брата, *Л.Карсавина*, стали учить грамоте, сестра присутствовала на занятиях и выучилась читать в 5 лет. С этого времени чтение и книги стали страстью и брата, и сестры. Оба копили карманные деньги, чтобы затем истратить их на книги. Особенно полюбившееся Тата увлеченно декламировала окружающим, осознав лишь в зрелом возрасте, что то было первое проявление инстинктивной тяги к театру. Первые уроки танца проходили с В.Жуковой тайком от отца, не желавшего отдавать дочь в танцовщицы; в конце концов он смирился с артистическими притязаниями Таты и начал сам готовить ее к просмотру в училище, куда она и поступила в 1894. Первый выход на сцену состоялся в балете «Коппелия» Л.Делиба в детском антураже. Ее педагогами были А.Горский, осуществлявший свою новаторскую программу в балете, позднее — П.Гердт, крестный К., превыше всего ценивший традиционные нормы строгой классической школы. Участие в спектаклях театра знакомило с высшими достижениями исполнительского искусства. Труппа обладала очень сильным составом солистов и замечательными балеринами — блестящей *М.Кшесинской*, необыкновенно музыкальной *О.Преображенской*, виртуознейшей итальянкой П.Леньяни. Однако кумиром для К. оставался Гердт. Он был уже немолод, и техника никогда не была сильной стороной его дарования. Зато в благородстве манер и актерской выразительности ему не было равных. В балетной воспитаннице признавали несомненный актерский талант. Режиссер Юрковский, увидев К. в спектакле Александринского театра «Сон в летнюю ночь» одной из фей, сопровождавших Титанию, попросил ее почитать стихи и затем настоятельно рекомендовал К. посвятить себя драматической сцене как более подходящей для ее интеллекта.

Успехи К. в танце были таковы, что ей поручали танцевальные партии не только в школьных спектаклях, но и в спектаклях Мариинского театра. Воспитанницей она исполнила Амура на премьере балета «Дон Кихот» Л.Минкуса в постановке Горского (1902, Мариинский театр), фрагмент «В царстве льдов» из балета «Искра любви» на музыку И.Чекрыгина и П.Маржецкого в постановке Гердта (1902, спектакль Театрального училища в Михайловском театре). 17-летнюю К., не достигшую положенного для выпуска 18-летнего возраста, вопреки правилам решено было направить в театр. Официальный дебют состоялся в старинном pas de deux «Жемчужина и рыбак», вставленном Гердтом в возобновленную им «Жавотту» К.Сен-Санса (1902, Мариинский театр). Партнером был молодой премьер *М.Фокин* — ему выпало в будущем сыграть особую роль в жизни К.

Робкая, застенчивая, мало заботящаяся о своей внешности вне сцены, погруженная в книги, далекая от театральных интриг — такой была начинающая танцовщица, принятая в труппу корифейкой. Она была, несомненно, хороша собой. Застенчивость придавала сценическому облику К. трогательность и обаяние. К. сразу же полюбилась публике. Поклонников ее таланта было особенно много среди зрителей «райка». Дирекция также относилась к К. благосклонно: ей прощались танцевальные огрехи, относимые на счет неопытности. За сольными партиями последовали балеринские: Флора («Испытание Дамиса» А.Глазунова), Грациелла («Грациелла» Ц.Пуни), Царь-девица («Конек-Горбунок» Пуни), Одетта-Одиллия («Лебединое озеро» П.Чайковского). Постепенно накапливался опыт. Танец обретал уверенность, тщательность в отделке. Тому способствовали серьезное отношение к искусству, занятия у великолепных педагогов Х.Иогансона, *Н.Легата*, Е.Соколовой, стажировка в Италии у К.Беретта, консультации С.Легата.

Искусство К. складывалось в пору кризиса академизма и поисков выхода из него. Академической танцовщицей инструментального типа с блестящей виртуозной техникой она так и не стала. Талант К. раскрывался как бы нехотя и неторопливо, ожидая творческих импульсов и новых идей извне. Но уже само равнодушие к незыблемым ценностям классического танца располагало ее к новшествам, обеспечивало ин-

терес к ним. В Фокине, начинавшем с нарочитого противостояния академическому балету, К. уловила нечто близкое себе и поверила ему безоговорочно и до конца. Фокин же, делавший поначалу ставку на *А.Павлову*, не сразу рассмотрел в К. свою идеальную исполнительницу и лишь со временем оценил особый аромат ее интеллектуально-чувственного танца. К. явилась родоначальницей принципиально новых тенденций исполнительства в балетном театре XX в. — тех, что позднее получили название «интеллектуального искусства». Интеллект был отличительной чертой К. — чертой индивидуальной и в какой-то мере родовой, унаследованной по линии матери и ярко реализованной братом-философом. Интеллектуальные интересы университетской молодежи — друзей брата, напряженные духовные искания интеллигенции начала века — все, с чем К. столкнулась в юности, оставило глубокий след в ее становлении как личности. 1-я русская революция, наивно воспринятая балетной молодежью как призыв к самоуправлению и независимости от дирекции, вызвала создание забастовочного комитета — в нем, наряду с лидерами Фокиным и Павловой, оказалась и робкая К. «Революционная» деятельность результатов не дала — только обострила ощущение необходимости перемен.

В 1906 К. гастролировала по России с труппой Г.Кякшта, позднее состоялись ее гастроли в Праге, Милане и Лондоне (1910). Новое в искусстве танца уже пробивалось; создавалась новая эстетика балетного искусства; Фокину здесь принадлежала особая роль. Встреча с ним как хореографом произошла в новой редакции «Шопенианы» в 1907 — К. исполнила 11-й вальс (Ces-dur). В следующем году она заменила Павлову в роли Актеи («Эвника» А.Щербачёва). Все это создавалось не для нее, и сравнение с Павловой было невыгодным: слишком различались их индивидуальности. Решающей для К. стала встреча с *С.Дягилевым*, пригласившим ее участвовать в парижском сезоне 1909. Поначалу и там ей отводились вторые роли. Но судьба ей благоволила, и К. пришлось заменить неприехавшую Кшесинскую в «Жар-птице» (так Дягилев назвал pas de deux принцессы Флорины и Голубой птицы из «Спящей красавицы») с *В.Нижинским*. Успех был выдающимся. В следующем сезоне Павлова порвала с Дягилевым, и К. получила предназначавшиеся для той первые роли в «Жизели» А.Адана и «Жар-птице» *И.Стравинского*. С этого момента К. стала постоянной и самой надежной балериной дягилевской антрепризы. Она пользовалась особым расположением мэтра. Это, правда, не мешало Д. нередко задерживать выплату ей гонораров за выступления, подчас и вовсе «забывать» о своем долге. Высоко ценя балетмейстерский талант Фокина, К. не отказывалась от сотрудничества с другими хореографами. В.Нижинский поставил для нее, себя и Л.Шоллар хореографическую поэму «Игры» на музыку К.Дебюсси (15.5.1913, Театр Елисейских полей, Париж). Это была попытка через спортивные движения — игру в теннис — воплотить ритмы и пластику современности. В «Трагедии Саломеи» *Б.Романова* на музыку Ф.Шмитта (12.6.1913, там же) К. исполнила заглавную роль. Запутанность сценария помешала зрителям воспринять талантливую хореографию — балет провалился.

Уникальность дара К. проявилась в работе над новыми постановками Фокина. Найденное там оказывало свое воздействие и на исполнение традиционных спектаклей. Все помогало воплощению замыслов хореографа: чувство стиля, способность проникнуть в авторский замысел и не в последнюю очередь, внешность танцовщицы — изысканная лепка безупречно красивого лица с задумчивыми карими глазами, необыкновенного оттенка нежная смугловатая кожа; неторопливая вкрадчивая грация завораживали и зрителей, и товарищей по сцене. Аналитически-созидательная основа ее таланта, с одной стороны, отвечала как нельзя лучше природе музыки Стравинского, с другой — вносила организующее начало в модуляции оттенков, красок, состояний, присущих искусству импрессионизма (в частности, импрессионистической хореографии Фокина). Игра оттенков, преломленная К., вела к воплощению неких вечных истин и идей. Так поиски современного искусства в ее творчестве смыкались с ценностями академизма: к ним она возвращалась обновленной, «глотнув свежего воздуха» фокинских открытий.

Высшими достижениями творчества К. являются партии Девушки («Видение розы») и Балерины («Петрушка»; обе — 1911). В «Видении розы» К. воссоздавала богатую гамму едва наметившихся порывов-обещаний: от целомудренных до чувственно-мечтательных. Другая ее коронная роль — Балерина — была стилизованным изображением плотских соблазнов, привлекательность которых оттенялась и усугублялась кукольной оболочкой. Чувственное у К. никогда не становилось низменным — оно выступало облагороженным и часто было стилизовано, в том числе и в восточном духе: Жар-птица, Зобеида («Шехеразада» Н.Римского-Корсакова), любимая жена султана («Исламей» М.Балакирева, 1911), Тамара («Тамара» Балакирева, 1911), Шемаханская царица («Золотой петушок» Римского-Корсакова, 1911). Кроме того, К. была первой исполнительницей в таких фокинских постановках как «Египетские ночи»

(Рабыня, 1908); «Карнавал» (Коломбина, 1910); «Нарцисс» (Нимфа Эхо, 1911); «Синий бог» (Героиня, 1912); «Дафнис и Хлоя» (Хлоя, 1912); «Прелюды» (1913); «Мидас» (1914); «Сон» (1915); танцы в опере «Руслан и Людмила» (1917). Вкус к стилизаторству, приобретенный К. в сотрудничестве с Фокиным, сказался и в работе над академическим репертуаром; балерина исполнила главные партии в балетах: «Жизель», «Лебединое озеро», «Раймонда», «Баядерка», «Щелкунчик», «Фея кукол», «Спящая красавица», «Дон Кихот», «Пахита», «Арлекинада» и др. Последним спектаклем на Мариинской сцене для К. была «Баядерка» (14.5.1918).

В июле 1918 в Лондоне произошло воссоединение К. с дягилевской антрепризой. До 1929 она оставалась в труппе Дягилева. Наряду с прежними, исполнила партии в новых постановках *Л.Мясина*, ставшего главным хореографом труппы. В «Треуголке» М. де Фальи (22.7.1919, «Alhambra», Лондон) К. с большим успехом исполнила роль очаровательной Мельничихи. Партнером был Мясин, сочинивший темпераментные и очень выразительные испанские танцы. В балете «Песня Соловья» Стравинского (2.2.1920, «Grand-Opéra», Париж) К. с присущими ей обаянием и мастерством исполнила партию Соловья. Интерес вызвали ее озорная Пимпинелла в «Пульчинелле» Дж.Перголези-Стравинского (15.5.1920, там же) и изобретательно поставленное pas de deux с ее участием в опере-балете «Женские хитрости» Д.Чимарозы (27.5.1920, там же). Последней премьерой К. в дягилевской антрепризе был балет «Ромео и Джульетта» на музыку К.Ламберта в постановке *Б.Нижинской*, охарактеризованный как «репетиции без декораций в двух частях» (4.5.1926, Театр Монте-Карло). *Дж.Баланчин* ставил антракт — балет для отдельно танцующих ног, которые видны были зрителю из-за намеренно опущенного не до конца занавеса. К. исполнила роль Джульетты, *С.Лифарь* — Ромео. Герои сначала появлялись в костюмах эпохи Ренессанса — все остальные участники довольствовались прозодеждой. Действие в основном состояло из упражнений у палки. В многочисленные мимические сцены было вкраплено единственное pas de deux. В финале Ромео в униформе летчика увлекал Джульетту за собой, чтобы увезти ее на самолете.

После смерти Дягилева и распада антрепризы К. — в труппе «Ballet Rambert» (1929-31). Оставила сцену в 1931. Возобновила «Видение розы» для «Sedler's Wells Ballet» (1943), «Карнавал» для «Western Theatre Ballet» (1961), помогала Ф.Аштону в работе над «Тщетной предосторожностью» — показала партию Лизы и пантомимные сцены (1960), репетировала с М.Фонтейн партию Жар-птицы.

Разрабатывала новый способ записи танца (1905); переводила труд Новерра «Письма о танце». Автор ряда статей, мемуаров, методического пособия по классическому танцу. Вице-президент английской Королевской академии танца (1930-55).

Соч.: Theatre Street. London, 1930 (на рус. яз.: Театральная улица. Л., 1971); Ballet Technique. London, 1956; La Fille Mal Gardée at the Mariinsky / La Fille Mal Gardée, London, 1960.

Лит.: Cocteau Jan. Tamara Karsavina // Comedia illustre, 1911, № 18, 15 June; Светлов В. Т.П.Карсавина / Русский балет. СПб., 1913; Борисоглебский М. (сост.). Материалы по истории русского балета, т. 2. Л., 1939; Lifar Serge. Les Troi Graces du XX-e Siecle. Paris, 1957; Красовская В. Русский балетный театр начала XX века, ч. 2: Танцовщики. Л., 1972.

А.Соколов-Каминский

КАРТАШЕВ Антон Владимирович (11.7.1875, Киштьма — 10.9.1960, Париж) — богослов, историк церкви, церковный и общественный деятель. Родился в семье уральского шахтера. После окончания духовного училища прошел полный курс богословского образования в Пермской духовной семинарии (1894) и Петербургской духовной академии (1899), по окончании которой исполнял должность доцента по кафедре истории Русской церкви. В 1905 оставил преподавание в академии и поступил на службу в Петербургскую Публичную библиотеку; был избран преподавателем петербургских Высших женских курсов по кафедре истории религии и церкви (1906-18). С 1909 председатель петербургского Религиозно-Философского общества, сторонник обновления церковной жизни. С 25.3.1917 — товарищ обер-прокурора Святейшего Синода, а с 25 июля обер-прокурор. Осознавая необходимость церковных преобразований и изменения отношений между церковью и государством, К. настаивал на упразднении должности обер-прокурора; с 5 августа министр исповеданий Временного правительства. Был деятельным членом Поместного Собора русской церкви 1917-18. Вскоре после октябрьского переворота 1917 К. арестовали; отбыв трехмесячное заключение, жил на нелегальном положении в Москве. Основатель православного «Братства Св.Софии» (1918), в которое входили представители духовенства и церковной интеллигенции.

В январе 1919 выехал из России. Активный деятель русской эмиграции: председатель Русского национального комитета в Финляндии, затем в Париже, член епархиальных собраний и епархиального совета Русского экзархата

Вселенского престола, участник съездов Русского студенческого христианского движения (РСХД). Сторонник христианского единства, входил в состав русских делегаций на экуменических конференциях в Оксфорде и в Эдинбурге (1937). Был одним из основателей и профессором (доктор церковной истории «honoris causa») Свято-Сергиевского Богословского института в Париже (1925-60).

Научная деятельность К. отличалась подлинным энциклопедизмом, блестящей интуицией и необычайной энергией. Основной сферой его интересов была история церкви. Уже в первых, дореволюционных работах («Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории» // Христианское чтение, 1903, июнь-июль; «Был ли апостол Андрей на Руси» // Там же, 1907, июль) проявились аналитический подход к историографии и критическое отношение к источникам. В эмиграции научные публикации по церковно-историческим проблемам были продолжены в различных периодических изданиях — журналах «Путь», «Вестник РСХД», сборниках «Православная мысль». Итогом многолетней научной и преподавательской деятельности К. стал богословско-исторический трактат «Воссоздание Святой Руси» (Париж, 1956; М., 1991) — своеобразный опыт построения церковно-государственных отношений, и двухтомный фундаментальный труд «Очерки по истории Русской Церкви» (т. 1-2. Париж, 1959; М., 1991) — лучший на сегодняшний день обзор русской церковной истории в контексте общеисторического развития. В «Очерках» проявилась широта интересов, принципиальность и интеллектуальная честность автора, его научная объективность в анализе источников, критическое отношение к историческим событиям. Впрочем, в «Очерках», как и в «Воссоздании Святой Руси», автор не смог преодолеть некоторых старых идеологем («Москва — третий Рим»); утопичным оказывается и его призыв к построению православного государства. В книге «Вселенские соборы» (Мадрид, 1963; М., 1994), этом блестящем опыте систематизации догматического развития, автор представляет историю церкви как постепенное развертывание ступеней нараставшего откровения Божия в судьбах человечества, как царство свободы.

В актовой речи, произнесенной 13.2.1944 в Свято-Сергиевском институте и позже опубликованной отдельной книгой («Ветхозаветная библейская критика». Париж, 1947), К. поставил вопрос о необходимости использования всех видов библейской критики православными экзегетами в свете Халкидонского догмата. Хотя речь К. и вызвала тогда в академических кругах определенное смущение, в ней все же со всей ясностью перед православной библеистикой были поставлены задачи и намечены пути ее дальнейшего развития.

Соч.: Реформы, реформация и исполнение Церкви. Берлин, 1922; Свобода научно-богословских исследований и церковный авторитет / Живое Предание. Париж, б/г; На путях к Вселенскому Собору. Париж, 1932.

Лит.: Кассиан (Безобразов), епископ. Антон Владимирович Карташев // Православная мысль, 1957, № 11; Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Париж, 1974; Его же. А.В.Карташев / Русская религиозно-философская мысль XX века. Питсбург, 1975.

о.Игнатий

КАРТВЕЛИ Александр Михайлович (9.9.1896, Тбилиси — 20.7.1974, Нью-Йорк) — конструктор самолетов. Его отец, грузин, был мировым судьей. К. окончил военное училище и в годы 1-й мировой войны служил в русской армии в чине офицера-артиллериста. На фронте он познакомился с авиацией, и с тех пор самолеты стали главным делом его жизни. Когда в 1919 К. был послан в Париж для продолжения военного образования, он решил отказаться от специальности артиллериста и поступил в Высшую авиационную школу. Узнав в 1921, что в Грузии к власти пришли большевики, К. решил не возвращаться на родину. Он понимал, что эмигранту будет непросто найти хорошую работу, поэтому счел необходимым получить еще одну профессию; К. закончил Высшую электротехническую школу во Франции, но никогда не работал по этой специальности. Получив диплом авиационного инженера, К. поступил конструктором в фирму «Societé Industrielle», принимал участие в создании одноместных гоночных самолетов «Bernard» и «Ferbois», на последнем в 1924 был установлен новый мировой рекорд скорости. Тогда же он занялся по собственной инициативе проектированием гигантского пассажирского самолета для полетов из Парижа в Нью-Йорк. Семимоторный цельнометаллический моноплан весом около 50 тонн должен был перевозить 50-60 пассажиров на расстояние в несколько тысяч километров.

В 1927 К. познакомился в Париже с Ч.Левиным — эксцентричным американским миллионером и авиационным меценатом; К. рассказал ему о своем замысле и показал модель гигантского самолета. Идея настолько понравилась Левину, что он предложил К. и его коллегам немедленно переехать в США, чтобы приступить к работе над этим проектом, пообещав финансировать все расходы. В конце 1927 К. прибыл в Нью-Йорк. Прежде чем создавать до-

рогостоящий самолет-гигант, было решено построить его уменьшенный одномоторный прототип для пробного перелета из Нью-Йорка в Москву. Испытания экспериментальной машины, получившей название «Uncle Sam», в 1929 окончились неудачей. Левин, решив сэкономить, установил на самолете менее мощный, чем требовалось по расчетам, двигатель. В результате тяжело нагруженный топливом самолет не смог оторваться от земли. На этом сотрудничество с Левиным закончилось. Некоторое время К. работал инженером в филиале фирмы «Fokker» в США. В 1931 встретился с известным летчиком и изобретателем *А.Прокофьевым-Северским*, эмигрировавшим из России после революции. Северский предложил ему должность главного инженера в только что созданной фирме «Seversky Aircraft Corp.» в Лонг-Айланде (шт. Нью-Йорк), и К. охотно согласился. Творческое сотрудничество двух талантливых авиационных специалистов дало отличные результаты. В 1930-е фирма Северского произвела такие превосходные для своего времени самолеты как амфибия SEV-3, на которой был установлен мировой рекорд скорости, учебно-тренировочный самолет нового поколения AT-8, первый американский скоростной истребитель-моноплан P-35, двухместный конвойный истребитель 2PA. Сейчас трудно сказать, какую роль играл К. в создании каждой из этих машин. Можно предположить, что Северский, обладавший склонностью к изобретательству, являлся генератором общих идей, а имевший лучшую теоретическую подготовку К. занимался научным анализом и детальной проработкой проектов. О серьезном аналитическом подходе К. к проектированию самолетов свидетельствует, в частности, его статья об особенностях прочностного расчета металлических корпусов «летающих лодок» («Stress analysis of flying boat hulls» // Aviation Engineering, 1932, № 4), появившаяся в период работы над гидросамолетом SEV-3.

В 1939, когда по решению совета директоров Северский был смещен с поста президента фирмы, а сама фирма переименована в «Republic», К. назначили вице-президентом и руководителем конструкторского бюро фирмы. С этого момента и до начала 1960-х он являлся главным конструктором всех самолетов фирмы «Republic». Назначение К. на новый пост совпало с началом 2-й мировой войны. Америка еще сохраняла нейтралитет, но подготовка к войне уже началась. Военные требовали новых, более совершенных боевых самолетов. Ответом на эти требования было появление самолета «Republic P-47 Thunderbolt» — самого большого и самого мощного истребителя периода 2-й мировой войны. Первый полет самолета P-47 состоялся 6.5.1941. Наличие турбонагнетателя, приводимого в действие потоком выхлопных газов от двигателя, обеспечивало самолету превосходные летные качества на больших высотах (на последних модификациях самолета его скорость составляла почти 700 км/ч), а значительная емкость топливных баков — необычно большую дальность полета. Если учесть также мощное вооружение и высокую боевую живучесть благодаря сравнительно малой уязвимости двигателя воздушного охлаждения и мерам по бронезащите пилота и агрегатов самолета, то становится понятным, почему P-47 «Thunderbolt» нередко называют лучшим истребителем 2-й мировой войны.

Серийное производство самолета началось в марте 1942, а в начале 1943 P-47 приняли «боевое крещение» в составе 56-й американской истребительной группы, базировавшейся на Британских островах. Первое время летчики скептически относились к непривычно большому и казавшемуся неуклюжим самолету, ему даже дали насмешливое прозвище «Jug» («Кувшин») из-за бочкообразного фюзеляжа. Но когда P-47 отлично прявил себя в боях, отношение к нему изменилось. Самолет применялся на всех фронтах как истребитель завоевания господства в воздухе, истребитель сопровождения, истребитель-бомбардировщик и самолет поддержки земных войск. До конца 1945 было произведено более 15 тысяч P-47, на них было сделано 564 тысячи боевых вылетов, во время которых уничтожено или повреждено почти 12 тысяч самолетов противника, 86 тысяч железнодорожных вагонов, 6 тысяч бронетранспортеров и танков. При этом относительный уровень потерь P-47 был наименьший среди применявшихся в войне с Германией американских истребителей. Истребители P-47 поставлялись в другие страны антигитлеровской коалиции — Англию, СССР (наша страна получила 195 самолетов P-47D), Свободную Францию. После войны P-47 состояли на вооружении 15 государств. Создание К. самолета P-47 принесло фирме «Republic» процветание и известность. К концу войны эта была одна из крупнейших в мире авиастроительных компаний.

Когда скорость истребителей приблизилась к 700-километровой отметке, стало очевидно, что дальнейшее увеличение мощности поршневого двигателя уже не может дать заметных результатов. Поэтому в середине 1944 К. приступил к проектированию самолета с реактивным двигателем. Такой самолет, F-84 «Thunderjet», был построен в конце 1945. Это был один из первых в США реактивных истребителей. Самолет представлял собой принципиально новую конструкцию. Крыло приобрело прямолинейные очертания, фюзеляж стал бо-

лее узким и длинным, была разработана новая схема шасси с носовой стойкой. Воздух, идущий от воздухозаборника в носу самолета по двум каналам, огибающим кабину пилота, поступал к двигателю, расположенному в средней части фюзеляжа. Реактивное сопло большой длины образовывало заднюю часть фюзеляжа. Такая компоновка не оставляла места для размещения топлива в фюзеляже, и баки с горючим располагались внутри крыла. F-84 поступил на вооружение в 1947. Он являлся достойным преемником истребителя P-47. При максимальной скорости 950-1000 км/ч F-84 имел мощное вооружение (6 крупнокалиберных пулеметов и ракеты) и мог нести на подкрыльевых подвесках солидный груз бомб (до 900 кг). Вариант F-84G был снабжен системой дозаправки топливом в воздухе, что позволило подразделению этих самолетов в августе 1953 совершить рекордный по дальности для реактивных истребителей перелет из США в Англию. Всего было построено 4 457 самолетов F-84.

«Thunderjet» первое время принимал участие весьма успешно в войне в Корее. Но когда на вооружении северокорейских ВВС появились советские истребители МиГ-15 со стреловидным крылом, К. понял необходимость срочной модернизации своего самолета. В рекордно короткий срок — за первые 6 месяцев 1950 — фирма «Republic» спроектировала и изготовила вариант самолета со стреловидным крылом — F-84F «Thunderstreak». Максимальная скорость возросла до 1150 км/ч.

Последним истребителем, созданным под руководством К., был сверхзвуковой самолет «Republic F-105 Thunderchief». Проектирование этой машины началось в 1951 как инициативный проект, а первый полет самолет совершил в конце 1955. F-105 создавался на замену F-84, обладал вдвое большей скоростью и значительно превосходящей грузоподъемностью. В конструкции самолета было много нового: боковые воздухозаборники имели скошенные заостренные кромки для того, чтобы минимизировать влияние скачков уплотнения на обтекание задней части фюзеляжа и хвостового оперения. Поперечное управление на сверхзвуковых скоростях, когда эффективность обычных органов управления снижалась, осуществлялось с помощью выдвигающихся из крыла пластин (интерцепторов). Продольное управление достигалось отклонением цельноповоротных поверхностей горизонтального оперения. Створки регулируемого сопла двигателя могли отклоняться наружу на большой угол, выполняя таким образом функцию воздушных тормозов. На заводах США было произведено более тысячи самолетов F-105 различных модификаций. F-105 широко применялись американцами во время войны во Вьетнаме, в основном как бомбардировщики и самолеты поддержки наземных войск: они принимали участие в 75% боевых операций с использованием авиации. Если P-47 был одним из основных американских истребителей во 2-й мировой войне, то F-105 по праву можно считать «рабочей лошадью» ВВС США в годы вьетнамской войны.

В 1950-е фирма «Republic» стала лидером в производстве реактивных истребителей-бомбардировщиков. Главный конструктор этих самолетов, К., находился в зените славы. Он был членом Национальной аэронавтической ассоциации, Международного авиационного сообщества и целого ряда др. влиятельных организаций, имел степень почетного доктора наук. Однако К. занимался не только созданием истребителей. В конце 1944 он построил легкий самолет-амфибию RC-3 «Seabee» с четырехместной кабиной — своего рода «летающий автомобиль». Нетипичной для К. машиной был и дальний четырехмоторный фоторазведчик XF-12 с четырьмя поршневыми двигателями Пратт-Уитни R-4 360. Он создавался для стратегической разведки над Тихим океаном и должен был обладать огромной дальностью полета — более 7 тысяч километров. Максимальная скорость самолета составляла 724 км/ч; это был самый скоростной в мире многомоторный самолет с поршневыми двигателями. Столь впечатляющие летные характеристики были достигнуты за счет исключительной обтекаемости внешних форм самолета и использования энергии выхлопных газов как источника дополнительной тяги (удлиненные задние части мотогондол имели форму реактивных сопел). В связи с окончанием военных действий самолет не строился в серии.

К. всегда отстаивал значение эстетичности конструкции. «Опыт показывает, что законы аэродинамики и законы эстетики близки друг другу. Как правило то, что красиво внешне, является совершенным и в смысле аэродинамики», — говорил он. Проектируя военные самолеты, К. интересовался прежде всего обтекаемостью и конструктивным совершенством летательного аппарата. Пулеметные установки, подвесное вооружение, внешние топливные баки, стартовые ускорители и все прочие «наросты» на теле самолета, делающие его боевой машиной, он воспринимал как досадные помехи, возникающие по требованию людей, не понимающих красоты и не любящих самолет сам по себе.

К. жил в пригороде Нью-Йорка, в Хантингтоне, с женой Джинн Роббинс. Детей у них не было. В 1962, после почти 40 лет авиаконструкторской деятельности, К. решил покинуть

фирму. Но размеренная жизнь пенсионера оказалась не для него, и уже через 3 месяца он вернулся в «Republic», на этот раз как консультант. «Я люблю быть в компании людей моей профессии и идти в ногу с прогрессом», — объяснял он свое решение. В сентябре 1964 из-за служебного конфликта К. ушел с этой должности, но когда в 1965 фирма «Republic» слилась с компанией «Fairchild Hiller», он вновь занял место консультанта по проектированию летательных аппаратов. На этом посту он оставался до конца жизни, участвовал в разработке новейших боевых самолетов.

Лит.: Who's Who in World Aviation. Washington, 1955; Соболев Д.А. Главный конструктор фирмы Рипаблик // Крылья Родины, 1993, № 11-12.

Арх.: Biographical Sketch of Alexander Kartveli; Kartveli and Thiebot // National Air and Space Museum's Archive, USA.

Д.Соболев

КИЗЕВЕТТЕР Александр Александрович (10.5.1866, Петербург — 9.1.1933, Прага) — историк, политический деятель. Предки К. происходили из Тюрингии: прадед был кузнецом, дед-музыкант — переселился в Россию. Отец, А.И.Кизеветтер, окончил юридический факультет Петербургского университета, заведовал архивом главного штаба; мать — А.Н.Турчанинова, была внучкой протоиерея и церковного композитора, дочерью воспитанника Духовной академии и преподавателя истории. Первые 16 лет жизни К. прошли в Оренбурге, куда отец с семьей переехал по состоянию здоровья. В 1884 К. поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где учился у В.Ключевского, П.Виноградова, В.Герье, С.Фортунатова, Н.Тихонравова, *П.Милюкова*, И.Цветаева. Под руководством Ключевского «с головой погружался в памятники исторической старины», изучая служилое землевладение XVI-XVII вв. После окончания университета (1888) оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1894 женился на вдове друга — Е.Я.Кудрявцевой, взяв на воспитание ее детей. Читал с 1897 в университете специальные курсы по историографии, внутренней политике 1-й половины XIX в., крестьянской реформе 1861; с 1898 приват-доцент. Преподавал также историю в средней школе, на Высших женских курсах В.Герье, на педагогических курсах, в обществе воспитателей и учительниц, историю и географию — в Лазаревском институте восточных языков, историю русской литературы — в Московском художественном училище живописи, ваяния и зодчества. Активно занимался просветительской деятельностью, читая лекции по русской истории в Московском комитете грамотности, в Комиссии грамотности, созданной при учебном отделе Общества по распространению технических знаний.

В 1903 вышла книга К. «Посадская община в России XVIII столетия», которую он защитил в качестве магистерской диссертации. Оппоненты Ключевский и М.Любавский отметили ее новаторский характер; книге была присуждена премия Г.Карпова. Основываясь на огромном, впервые введенном в научный оборот документальном материале, К. изучил социальный состав, посадскую службу, тягло и самоуправление в русском городе и доказал, что разряды посадского населения совпадали с делением посадской общины на экономические группы: купечество трех гильдий, цеховые ремесленники и подлые люди (огородники и чернорабочие). Это позволило К. обозначить «бытовую социальную физиономию» посадской общины с ее резкой общественной дифференциацией.

С 1903 сотрудничал в журнале «Русская мысль» (член редколлегии), с 1905 — в газете «Русские ведомости». Публиковал статьи об эпохе Ивана Грозного, о реформах Петра I, о законодательной деятельности Екатерины II и др. Работая в редакциях и посещая телешовские «среды», сблизился со многими общественными деятелями, с литераторами (*Л.Андреев*, *И.Бунин*, А.Чехов, *Б.Зайцев*), артистами (*Шаляпин*, Г.Федотова, А.Ленский, А.Южин-Сумбатов, М.Ермолова). Принимал участие в журнале «Освобождение». В октябре 1905 вступил в партию кадетов; один из руководителей Московского губернского комитета и член городского комитета партии, выступал на митингах и собраниях. На 2-м съезде партии (янв. 1906) избран членом ее ЦК. Пропагандируя кадетскую программу, настаивал на более решительном отмежевании от крайних левых партий. Депутат 2-й Государственной думы от Москвы. По словам К., он не испытывал к политической деятельности «внутреннего вкуса» и «непосредственного влечения», но считал своим долгом в трудные периоды истории участвовать в общественной жизни.

В 1909 опубликовал книгу «Городовое положение Екатерины II. Исторический комментарий» (доктор. дисс.); установил, что источниками «Городового положения» являлись «Жалованная грамота дворянству», остзейские, шведские, немецкие законодательные акты и проекты, делопроизводство частных кампаний из Уложенной Комиссии 1767, и выяснил роль каждого их этих источников. В отличие от схемы В.Бильбасова, А.Брикнера и др. историков (охваченная идеями Просвещения, Екатерина II первоначально стремилась к уравнению сосло-

вий, уничтожению крепостного права и деспотизма и лишь затем стала «дворянской царицей») К. считал, что интересы дворянства Екатерина II защищала на протяжении всей своей деятельности. Тема русского города и его социальной жизни получила продолжение в книге «Гильдия Московского купечества» (М., 1915), в которой он доказывал, что функции гильдии слились с функциями «градского общества», а первостатейному купечеству принадлежала первенствующая роль в управлении городом. По признанию современников, К. больше, чем кто-либо из учеников Ключевского, напоминал учителя, в том числе ораторским мастерством. Его лекции отличались сочетанием выразительного изложения и глубокого научного содержания, анализа конкретного материала и историко-философских обобщений, яркими портретными характеристиками (Ивана Грозного, Александра I, Сперанского, Аракчеева, Александра II, деятелей реформ 60-х, Государственной думы и др.). При этом, по свидетельству *А.Флоровского*, «запас вдохновения и внутреннего подъема в его речах поддавался сдерживающей обработке внешней гармонии и размеренности».

В 1911 К. покинул в составе группы ученых Московский университет в знак протеста против нарушения университетской автономии (вернулся в марте 1917). Продолжал преподавать в Народном университете А.Шанявского и в Коммерческом институте.

Февральскую революцию встретил с воодушевлением; оценивал отречение Николая II от престола как «величайшую дату» в истории России, видел в революции событие общенационального значения. Высказывался за республику «в настоящий момент», не предрешая окончательного вопроса о судьбе монархии, за сотрудничество с социалистами, признающими путь парламентских реформ. Выдвигался кандидатом в Учредительное собрание. Отрицал социалистический характер Октябрьской революции, считая ее заговором меньшинства против своего народа, попыткой «сотворить из пролетариата новую буржуазию со всеми минусами и без всяких плюсов буржуазного жизненного уклада». В мае 1918 выступил с докладом на кадетской конференции, настаивая на необходимости усилить борьбу с советской властью. В 1920 ему было запрещено чтение лекций в высших учебных заведениях. Пытался поправить материальное положение преподаванием русской истории на Драматических курсах при Малом театре, службой в Архиве министерства иностранных дел, лекционными поездками по городам России. Работал в кооперативном издательстве «Задруга» (в частности, консультантом и продавцом в книжной лавке издательства). Как бывший член ЦК кадетской партии привлекал пристальное внимание ВЧК; арестовывался (в сент. 1918, освобожден в янв. 1919; в 1922 в Иваново-Вознесенске), в его квартире производились обыски.

В сентябре 1922 на пароходе «Обербюргермайстер Хакен» выслан из России в Германию в составе большой группы интеллигенции. В 1923 обосновался в Праге. Он вошел в состав Русской академической группы, Педагогического бюро, был избран председателем историко-филологического отделения учебной комиссии. Член Русского института в Праге. Профессор русской истории в Русском юридическом институте, в Русском народном университете, в Карловом университете, выступал с лекциями по русской истории и культуре в городах Чехословакии, Германии, Югославии («успеху К. могут позавидовать Анна Павлова и Шаляпин», — писала одна из белградских газет). Возглавил Совет Русского заграничного исторического архива и его учебно-административную комиссию. Один из учредителей (1925), председатель (с 1930) Русского исторического общества, заботился о сохранении и передаче молодым историкам традиций «русской исторической школы». Участник съездов ученых и писателей в Белграде (1928, 1930). Выступал на «Днях русской культуры», проводившихся в 13 странах. Стоял у истоков организации празднования 175-летия Московского университета (1930).

Постоянный сотрудник и рецензент редакции «Современных записок», печатал также статьи и рецензии в сборнике «Крестьянская Россия», в журналах «На чужой стороне», «Воля народа», «Slavia», в газетах «Руль», «Сегодня» и др. Критиковал евразийство. Опубликовал книгу «Исторические силуэты. Люди и события» (Берлин, 1931), в которую вошли ранее опубликованные в России исторические и литературоведческие статьи, брошюру о Московском университете. Наиболее значительный мемуарный труд К. — «На рубеже двух столетий (1881-1914)» (Прага, 1929). «Вырванный из родной почвы политической бурей, Вы и на чужбине не изменили своему призванию проповедника русской культуры и с ревностью апостола Вы разносите драгоценнейшие ее дары по всем пределам временного расселения русских изгнанников», — писал ему И.Петрункевич. В последние годы жизни К. нуждался, болел диабетом, похоронил жену, падчерицу, тосковал по России. Похоронен на Ольшанском кладбище в Праге. Памятник на могиле К. воздвигнут на средства, собранные Русским историческим обществом.

Соч.: История России XIX века. М., 1909; Исторические очерки. М., 1912; Исторические отклики. М.,

1915; М.С.Щепкин. Эпизод из истории русского сценического искусства. 2-е изд. Прага, 1925; Московский университет и его традиции. Прага, 1927.

Лит.: Милюков П.Н. Два русских историка (С.Ф.Платонов и А.А.Кизеветтер) // СЗ, 1933, № 1; Флоровский А. Александр Александрович Кизеветтер; Милюков П.Н. Три поколения // Зап. Рус. истор. об-ва в Праге, 1937, кн.3; Вандалковская М.Г. П.Н.Милюков, А.А.Кизеветтер: история и политика. М., 1992.

М.Вандалковская

КИСТЯКОВСКИЙ Георгий Богданович (18.11.1900, Киев — 7.12.1982, США) — физико-химик. Родился в академической семье. Отец — Богдан К., профессор права Киевского университета. Мать — Мария К. (урожд. Беренштам). «Мой отец, — вспоминал К., — социолог, выглядел «белой вороной» на рубеже столетия. Его труды были посвящены проблемам прав человека, которые представляли непопулярный предмет для занятий в России того времени. Эти вопросы просто никого не интересовали». Среднее образование К. получил в частных школах Киева и Москвы. Октябрьскую революцию не принял, т.к. считал власть большевиков «авторитарной». Осенью 1918 вступил в ряды белой армии и участвовал в боевых действиях до осени 1920. Эвакуировался из Крыма в Турцию, затем перебрался в Югославию к дяде, который советовал получить высшее образование и обещал материальную поддержку.

В 1921 К. поступил в Берлинский университет, за 3,5 года прошел полный курс обучения и в 1925 под руководством М.Боденштайна защитил докторскую диссертацию, которая была посвящена проблеме разложения оксида хлора, производимого с помощью света. По окончании университета остался работать у Боденштайна, по его рекомендации в январе 1926 был направлен в качестве стипендиата Международного комитета по образованию в области физической химии в Принстонский университет к профессору Х.С.Тэйлору. Здесь он начал исследовать проблемы адсорбции и катализа, однако по совету Тэйлора написал книгу по фотохимии — «Фотохимические процессы», которая вышла в серии монографий Американского химического общества в 1928. Публикация этого исследования принесла молодому ученому признание и известность в области фотохимии.

В 1930 К. получил приглашение работать в Гарвардском университете, где продолжил начатые в Принстоне исследования, используя спектроскопическую и флюоресцирующую технику для анализа первичного фотохимического акта. Он увлеченно работал над решением проблем кинетики газофазных реакций, термохимии органических соединений и реакций ферментативного катализа. К. был талантливым экспериментатором — сконструировал калориметр для измерения тепловых эффектов реакций гидрогенизации, измерял теплоемкости вещества при разных температурах для изучения скрытого внутреннего вращения атомных групп в их молекулах, применял разнообразные методы, включая кинетику, для экспериментального определения энергий связи С-Н, использовал масс-спектрометрию для изучения строения химических веществ.

В 1926 К. женился на Хильдегард Моебиус (брак распался в 1942). В 1945 К. женился вторично — на Ирме Е.Шулер. Единственная дочь К. — Г.Е.Фишер — стала впоследствии профессором физики Массачусетского технологического института. В 1933 принял гражданство США.

В годы 2-й мировой войны К. занимался исключительно военными вопросами. В июле 1940 он стал консультантом отдела по разработке взрывчатых веществ при Национальном исследовательском комитете по обороне, а в 1942 возглавил этот отдел, где занимался вопросами создания и испытания взрывчатых веществ, изучением их воздействия на окружающую среду, разработкой ракетного топлива. С 1941 член Комитета по атомной энергии при Национальной Академии наук; непосредственно участвовал в работе, предшествовавшей Манхеттенскому проекту (создание первой атомной бомбы в США). В 1943 он консультировал лаборатории в Лос-Аламосе, а в 1944 возглавил отдел по разработке традиционных взрывчатых веществ для взрыва атомной бомбы. Как впоследствии подчеркивал К., военными вопросами он «стал заниматься потому, что решительно был настроен против нацизма».

В феврале 1946 К. возвратился в Гарвардский университет, с 1947 по 1950 заведовал кафедрой химии и возобновил исследовательскую работу, читал лекции студентам. В 50-е активно участвовал в работе правительственных научных учреждений: в 1953-58 член консультативного комитета министерства обороны по баллистическим ракетам, с 1959 член консультативного комитета по химической энергии в Национальном управлении по аэронавтике (НАСА). В июле 1959 К. был назначен специальным советником президента США по науке и технике. Оставаясь в этой должности до 1961, он консультировал президента Д.Эйзенхауэра по широкому кругу проблем — от координации исследований и разработок в различных научно-технических учреждениях до подготовки научных кадров. Все время пребывания на посту специального советника вел служебный дневник, который впоследствии опубликовал под названием «Ученый в Белом Доме» (1976, на англ. яз.).

Дневник дает представление о том, как принимались в США важные государственные решения и как постепенно зрело разочарование К. в американском военном истэблишменте: «Я начал сознавать, что в действительности политика формируется довольно сомнительным образом». В январе 1968 в знак протеста против войны во Вьетнаме он подал в отставку и оставил все свои должности в правительственных учреждениях. С 1971, после прекращения активной исследовательской деятельности, К. активно участвовал в движении за предотвращение ядерной войны. В последние годы своей жизни он являлся председателем Совета за создание в мире достойных условий жизни для человека — организации, основанной в 1962 американским физиком-ядерщиком Л.Сциллардом. В высших эшелонах власти К. обвиняли в том, что он подрывал безопасность США и симпатизировал Советскому Союзу.

К. опубликовал около 150 работ; он обладатель 11 почетных ученых степеней, среди его многочисленных наград — премии Никольса и Петера Дебая, медали Теодора Уильяма Ричардса, Пристли и Дж.У.Гиббса, которыми удостоило ученого Американское химическое общество. К. были вручены государственные награды: в США — медаль за заслуги (1946), медаль свободы (1961), медаль за достижения в науке (1967); в Англии — медаль за заслуги в деле свободы (1948). Он являлся членом Национальной Академии наук, Американской академии искусств и науки, Американского химического общества, Американского философского общества, Американского физического общества, почетным членом Лондонского химического общества и др.

Соч.: National Policy for Science // Chemical & Engineering News, 1962, vol.40; American Science at the Crossroads // Ibid, 1972, vol. 50.

Лит.: Biographical Memoirs of Fellows of the Royal Society. London, 1985.

В.Логинов

КЛЫКОВ Владимир Александрович (29.12.1898, Севастополь — конец 80-х, шт. Вермонт, США) — авиационный инженер, конструктор. По окончании севастопольской гимназии в 1916 поступил на кораблестроительное отделение Петроградского политехнического института, однако вскоре ушел в русскую армию, служил в инженерных войсках. После демобилизации в следующем году вернулся в институт. В 1919 эмигрировал в США, где первое время трудился рабочим; в 1923 закончил Массачусетский технологический институт с диплом бакалавра по кораблестроению и судовым двигателям. Поступил работать инженером в фирму «Aircraft Development» в Детройте, возглавил расчет и проектирование металлической оболочки для строившегося жесткого дирижабля ZM-2 и прорабатывавшихся перспективных проектов. В 1926 получил американское гражданство; вскоре женился на В.Батч, имел двух сыновей. С 1928 по 1929 участвовал в разработке летательных аппаратов легче воздуха в фирме «Verville Aircraft», а затем возглавил отдел прочностного анализа фирмы «Detroit Aircraft».

Последние свои исследования в области дирижаблестроения К. провел в 1931-33 в фирме «Metalclad Airship», где занимался разработкой оболочек для гигантских дирижаблей. По совместительству читал лекции по летательным аппаратам легче воздуха в Детройтском университете. В Детройте К. сдал экзамен на пилота воздушного шара и в 1927-30 принимал успешное участие в проводившихся в США гонках аэростатов. Этим видом спорта он увлекался всю жизнь.

В начале 30-х интерес к летательным аппаратам легче воздуха стал ослабевать, большинство дирижаблестроительных фирм закрылось. К. устроился в 1933 заместителем начальника отдела прочности фирмы «Douglas Aircraft» в Санта-Моника (шт. Калифорния); одновременно преподавал расчет летательных аппаратов на прочность в Калифорнийском технологическом институте в Пасадене. Он принял непосредственное участие в создании большинства самолетов фирмы, в том числе и знаменитых DC-2 и DC-3. В те же годы департаментом коммерции США создавалась сеть отделений управления гражданской авиации, и К. перешел в 1937 работать инженером в эту службу; вскоре стал заместителем начальника ее отделения по Западному побережью. В 1942 он возглавил отделение.

После 2-й мировой войны К. заведовал отделениями управления гражданской авиации в разных регионах США, в том числе и в столице, в Вашингтоне. Вышел на пенсию в начале 60-х с поста начальника отделения в Лос-Анджелесе. Он был членом и председателем комитета по безопасности полетов Национального управления по аэронавтике (НАСА), читал лекции в различных учебных авиационных учреждениях и внес огромный вклад в организацию воздушного движения в США. К. принадлежали многочисленные заметки и статьи по проектированию и расчету летательных аппаратов тяжелее и легче воздуха, гидродинамике, надежности и безопасности воздушного транспорта.

Лит.: Who's who in Aviation. New York, 1943.

Арх.: National Air Space Museum's Archive, USA.

В.Михеев

КЛЮЧНИКОВ Юрий Вениаминович (1886, Казань — 10.1.1938, Москва) — политический деятель, специалист в области международного права. До 1917 приват-доцент Московского университета. Член кадетской партии. В 1918 участвовал в антибольшевистском мятеже в Ярославле. В период гражданской войны консультант, товарищ министра и министр иностранных дел правительства при Уфимской директории (1918), затем министр иностранных дел правительства адмирала Колчака (1918-19). В 1919 уехал за границу, входил в состав Парижского комитета партии кадетов. «Уверовав в гений Ленина», стал одним из лидеров «сменовеховцев». Участник сборника «Смена вех» (Прага, 1921) и журнала «Смена вех» (Париж, 1921-22). Переехав в конце 1921 в Берлин, вместе с Ю.Потехиным основал газету «Накануне» (Берлин, 1922-24). Критиковал авторов сборника «Вехи» (1909), которые «осмелились развенчать идеальный тип русского революционера»; заявлял, что «России была нужна революция» и «русская интеллигенция не могла и не должна быть иной». Считая идею мировой пролетарской революции воплощением идеи российской великодержавности, предлагал сторонникам Великой России идти на сотрудничество с большевиками — «единственной силой, оказавшейся способной вывести широкие русские массы на большие исторические пути». Указывал на неправомерность, с международно-правовой точки зрения, притязаний к Советской России правительств западных держав, желающих воспользоваться ее слабостью для восстановления собственной экономики; считал необходимым вести спор с представителями этих правительств, встающими в позу «непогрешимых цензоров добрых международных нравов». По рекомендации В.Ленина, отметившего аргументированность статей К. на эту тему, был приглашен в качестве эксперта советской делегации на Генуэзскую конференцию (1922).

Придавал большое значение провозглашению большевиками нэпа, но не исключал военно-коммунистического рецидива — в зависимости от положения в странах Запада, ухудшение которого будет создавать условия для усиления «коммунистической заразы». По мнению К., эволюция большевизма вправо открывает перед западными державами возможность избежать мировой революции путем налаживания связей с Советской Россией на основе взаимного мироприспособления: «Если новая экономическая политика есть большевистский термидор, то Каннская резолюция о том, что державы не претендуют на указывание друг другу правительственных режимов и обязательность для каждого из них режима собственности, есть термидор буржуазный». Считал процесс двустороннего взаимного мироприспособления — «требований русской революции к условиям иностранной жизни и буржуазии разных стран к требованиям русской революции» — единственным способом избежать новых мировых катастроф. Подчеркивал вместе с тем, что нормальное развитие международных отношений, в том числе внешнеэкономических связей, невозможно без «немедленного общего умиротворения вдоль всех русских границ». Как считал К., превращение России в могущественный фактор мира, действующий «силой своего влияния», устранило бы «раз и навсегда» опасность создания новых враждебных международных коалиций, чему могла бы способствовать и политика США, т.к. «Вашингтон и Москва вместе — это мир всего мира, прогресс и свобода».

Эволюцию своих взглядов К. изложил в пьесе «Единый куст» (1923); постановка ее была встречена в парижских эмигрантских кругах враждебно. Летом 1922 совершил турне по СССР, выступая с лекциями; получил предложение занять кафедру международного публичного права в Московском университете. В августе 1922 под давлением советских представителей в Берлине и членов редакционной коллегии газеты «Накануне» был смещен с поста редактора газеты. В августе 1923 вместе с И.Василевским (Не-Буквой), *А.Бобрищевым-Пушкиным* и *А.Толстым* вернулся на родину. Заведовал кабинетом международной политики Коммунистической академии, преподавал, работал консультантом в Наркомате иностранных дел, сотрудничал в журнале Наркоминдела «Международная жизнь». Под редакцией К. в 1925-26 были изданы тексты мирных договоров, завершивших 1-ю мировую войну. К. входил в число составителей сборников «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях» (1925-26). Постановлением «Особого Совещания» от 25.2.1934 за «антисоветскую агитацию» выслан на три года в Карелию. 5.11.1937 вновь арестован и 10.1.1938 приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР за «шпионско-террористическую деятельность» к расстрелу.

Соч.: Интернационализм: Основные вопросы международных отношений. М., 1918; На великом историческом перепутье. Берлин, 1922; Единый куст. Драматическая картина из русской жизни в 1918 году. Берлин, 1923.

Лит.: Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980; Квакин А.В. Идейно-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа: 1921-1927. Саратов, 1991.

А.Квакин

КОВАЛЕВСКИЙ Максим Евграфович (1903, Петербург — 1988, Франция) — математик, церковный и музыкальный деятель, регент, композитор. Происходил из известной в истории русской культуры дворянской семьи, младший брат *П.Ковалевского*. К. получил образование в петербургском Пажеском корпусе и во французских университетах, музыкой занимался с детства у разных педагогов, в том числе в Париже у Нади Буланже.

В эмиграции проживал в Париже. Председатель Русского музыкального общества во Франции, автор многочисленных статей о музыке в русской зарубежной периодике, исследований о древнем пении Восточной и Западной христианских церквей. В конце 1920-х — 1930-х занимался организацией в Париже франкоязычного православного богослужения совместно с младшим братом Евграфом Евграфовичем — церковным деятелем, иконописцем, членом парижского общества «Икона», регентом. К. — один из учредителей и членов Православного Братства им. Св. патриарха Фотия при Трехсвятительском Подворье в Париже (вместе с *В.Лосским*, Л.Успенским и др.), которое ставило своей целью раскрытие сущности православия в западных странах. В храме Братства, освященном во имя Богородицы Всех Скорбящих Радости и Св.Женевьевы — древней галльской святой, покровительницы Парижа, К. исполнял обязанности регента. При нем в певческий обиход храма были введены древние григорианские (Западной церкви) песнопения, в знак братства христианских церквей литургия раз в неделю служилась по-французски. В 1950-1960-е это начинание было продолжено организацией самостоятельного (не входящего в юрисдикцию ни одной из канонических христианских церквей) православного прихода под названием L'Eglise Catholique Orthodoxe de France, возглавляемого епископом Жаном де Сен-Дени (под этим именем принял монашество Евграф К. — в честь Св.Дионисия Ареопагита). Одновременно был образован Институт православной теологии Дионисия Ареопагита, в котором К. преподавал историю церковного искусства и сравнительную литургику. В храме Св.Иринея, принадлежащем общине, был создан хор, возглавлявшийся К. и французской исследовательницей древнего пения и дирижером А.М.Дешамп. Этим коллективом осуществлено несколько записей на пластинки, в том числе литургической оратории К. «Три дня Страстей Христовых» (на франц. яз. — так ведутся все службы в храме Св.Иринея). По замыслу автора в оратории использованы традиционные мелодические элементы (попевки) славянских, греческих и григорианских церковных песнопений. Тот же «экуменический» принцип принят и в храмовых богослужениях, хотя в остальном община опирается на православную традицию: ни инструментов, ни просто чтения вместо литургического речитатива не допускается. Ныне во Франции существует несколько десятков общин, принадлежащих к L'Eglise Catholique Orthodoxe.

Опыт братьев Ковалевских способствовал распространению православных песнопений в западной, в частности, французской католической, среде.

М.Рахманова

КОВАЛЕВСКИЙ Петр Евграфович (16.12.1901, Петербург — 4.5.1978, Париж) — историк, библиограф. Сын Е.П.Ковалевского, члена ученого комитета министерства народного просвещения, председателя комиссии по народному образованию Государственной думы. Среднее образование получил в училище при Реформатских церквах в Петербурге по классическому греко-латинскому отделению. В селе Ютановка Воронежской губернии началась его церковная работа: прислуживание, пение и чтение в церквах. Участвовал в 1918 в Петрограде в устройстве встречи патриарха Тихона. Различные послушания исполнял в Харькове в Покровском монастыре (1918-19), в Спасской церкви в Симферополе и на Андреевском подворье в Константинополе (1919-20).

В феврале 1920 вместе с родителями эмигрировал во Францию. В июле 1920 выдержал экзамен в Комиссии при бывшем Российском посольстве, утвержденный французским министерством народного просвещения и получил аттестат зрелости. В октябре того же года поступил на историко-филологический факультет Парижского университета. Прослушал курсы французского и древних языков, затем на отделении новых языков — курсы русской литературы и русского языка (у профессора Э.Ольмана), русской народной поэзии (у профессора Н.Кульмана), истории христианства в России (у профессора *А.Карташева*), истории французского языка. Средства на жизнь давало репетиторство. В июле 1922 получил диплом Парижского университета и по рекомендации Русской академической группы был оставлен на кафедре русского языка и словесности. Кроме историко-филологического факультета, слушал лекции и работал отдельно с профессорами Русского юридического факультета при Парижском университете. Был слушателем русских высших педагогических курсов и русских богословских курсов в Париже.

В 1924-25 писал докторскую диссертацию. Одновременно учился в Школе восточных языков. 30.1.1926 защитил диссертацию на степень доктора историко-филологических наук «Лесков, недооцененный бытописатель русской жизни» (опубл. в 1925). Преподавал латинский язык в только что основанном Православном Богословском институте в Париже, на Высших женских богословских курсах. С сентября 1926 по 1941 служил преподавателем русского языка, литературы, истории и географии России во французском государственном лицее «Michelet»; за 10 лет работы в 1936 получил похвальный лист от Парижского учебного округа. Осенью 1930 К. пригласили для чтения лекций по русской литературе на Русском историко-филологическом факультете при Парижском университете, а в 1934 — в славянский институт Женевского университета для прочтения лекций о Лескове и Мельникове-Печерском. Начиная с 1935 по приглашению профессорских объединений читал лекции пофранцузски в Ажене, Бордо, Гавре, Дижоне, Лионе и Меце.

Наряду с преподавательской деятельностью, К. вел большую церковную, просветительную и общественную работу. С февраля 1920 принял на себя заведывание прислуживающими при Ниццских церквах, а в мае того же года был привлечен о.Иоаковом Смирновым к устройству прислуживания при Александро-Невском храме в Париже. 5.10.1921 по поручению архиепископа Волынского *Евлогия* принял на себя заботы по образованию архиерейского штата прислуживающих, устройству архиерейских служб и заведыванию церковной молодежью; был посвящен в иподиаконы. В 1921 он возглавил и все последующие 50 лет руководил работой первого православного Братства, основанного в Париже — Братства Св.Александра Невского, целью которого являлось привлечение зарубежной молодежи к работе в церкви, прислуживанию, пению и чтению в храмах и помощи разъездному духовенству.

Юношеские кружки и объединения за рубежом постоянно находились в поле его зрения. К. являлся членом краевого просветительного комитета при Союзе соколов, а в 1946 — краевым воспитателем, членом попечительского комитета организации витязей. Он читал для соколов и витязей лекции по литературе, истории, россиеведению; очерк истории сокольства и его деятельности за рубежом изложил в юбилейном издании «Русский сокол», вышедшем под его руководством. С 1930 К. посещал летние лагеря. По его инициативе создалось объединение организаторов лагерей молодежи для обсуждения общих нужд и координации просветительной работы. Председательствовал на съезде русских юношеских организаций в августе 1936 в Ла Напуль, на юге Франции. В качестве секретаря организационного комитета принимал ближайшее участие в устройстве в Париже «Дней русской культуры для юношества и детей».

К. всемерно способствовал организации студенческого дела в Париже. С 1922 стал инициатором создания христианских и православных студенческих кружков, объединившихся в Русское студенческое христианское движение (РСХД). В 1924 и 1925 был делегатом от Франции на съездах движения в Праге. С 1924 по 1939 состоял председателем Национального студенческого союза во Франции. В 1929 студенческие организации в Париже объединились в Федерацию студенческих организаций, председателем которой был избран К. Кроме того, он был представителем Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО) на различных международных съездах и собраниях. С 1924 принимал участие в работе Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей (Федоровский комитет) вначале как его член, а с 1926 по 1930 как его генеральный секретарь.

С июля 1925 К. состоял членом, а с марта 1933 — секретарем Русского эмигрантского комитета, объединявшего свыше 300 русских организаций во Франции; был генеральным секретарем Союза русских педагогов.

В годы 2-й мировой войны К. оставался в Париже, не прерывал чтения лекций в Православном Богословском институте. Продолжал начатую еще в 1934 работу по пересмотру курса русской истории с учетом данных истории языка, литературы, искусств, археологии, соотнесения отдельных этапов истории России с событиями, происходившими на Западе. Весной 1939 первая часть его работы под названием «Исторический путь России» была отпечатана на ротаторе и разослана всем специалистам по русской истории. Вторая часть, представляющая собой библиографию, которая составлялась летом 1944 в промежутках между воздушными тревогами и бомбардировками. После войны книга была доработана и переиздана (всего с 1939 по 1949 вышло 5 изданий). К. завершил изложение истории России событиями гражданской войны, отметив, что становление СССР представляет собой еще не законченный исторический период. Что касается зарубежной России, то она, по мнению автора, является продолжением предреволюционного этапа русской истории и может рассматриваться как его завершение. В основе эволюции России, считал К., лежит борьба исконной само-

бытности с западничеством, поскольку Россия издревле находилась на рубеже двух миров и двух миропониманий, которые она синтезировала. Крен же в сторону чисто западной государственности и церковности или к национальной обособленности всегда приводил Россию к уклонению от исторического пути. В противовес евразийцам автор подчеркивал, что Россия всегда была страной озерно-речной и лесной, а не степной, и степь была для нее разорителем, распространение же на Восток — «народным и стихийным». В этой схеме автор сыскал место и эмиграции: культурное распространение России после объединения при Екатерине II пошло в XIX в. через литературу, в XX в. — через искусство и, наконец, через рассеяние.

В годы войны К. не прекращал и экуменическую деятельность, сосредоточившись на пропаганде религиозной терпимости; в декабре 1943 выступил за участие православных в «Неделе молитвы об единстве христианского мира». К. подготовил первое собрание с участием католиков и протестантов. В 1944 был избран генеральным секретарем Общеправославного комитета по экуменической работе. Установив по заданию митрополита Евлогия связь с Центральным комитетом «Недели молитвы» в Лионе (глава — аббат П.Кутюрье), К. в течение многих лет оставался официальным представителем православных в этой организации. В 1947 он стал одним из инициаторов встреч между православными и католическими богословами.

После окончания войны по предложению издателя Г.Пайо К. написал университетский «Курс русской истории», который вышел в 1948 и был принят как руководство во многих высших школах Западной Европы; за этот труд К. было присвоено звание лауреата французской Академии моральных и политических наук. К. читал лекции по русской духовной культуре на вечерних курсах при Богословском институте (1947-48) и в Центре изучения цивилизации и духовной жизни народов (1949, на франц. яз.); по агиологии и истории русской церкви на Высших женских богословских курсах в Париже (1950-51) и в Православном институте Св.Дионисия (на франц. яз.). В 1966 стал деканом Православного института. К. приглашали университетские центры не только Франции, но и Бельгии, Германии. Вместе с профессором Католического института И.В.Пузино он основал в 1953 Парижский научный институт. В 1962 К. возглавил Русскую академическую группу в Париже.

К. продолжал активно печататься. Им были опубликованы: «Краткая история русского рассеяния и его культурной роли» (1951, на франц. яз.); «Краткая история рода Ковалевских» (1951-54, на рус. и франц. яз.); «Культурный и исторический атлас России и славянских стран» (1961, на франц. и нем. яз.); «История Церкви. (Общая и русская)» (1958, на рус. яз.); «Св.Сергий и религиозная жизнь русского народа» (1958, 1969, на франц. яз.; 1962, на испан. яз.); работа по истории православного монашества (Лозанна, 1969). С 1954 являлся постоянным сотрудником католического журнала «Иреникон», в котором вел отдел библиографии исторических трудов; работал в газете и журнале «Возрождение», газете «Русская мысль», в «Церковном вестнике» и др. Им были опубликованы серия статей о православных святынях Франции, ряд очерков по сравнительному богословию, по истории русского зарубежья и пр.

Обострившееся давнее заболевание (туберкулез позвоночника) заставило К. в 1961-67 прекратить всякую работу. Лишь с 1968 он начал читать в Кёнигштейне (Германия) лекции на ежегодных двухнедельных курсах для студентов и преподавателей русского языка. В 1970 ему поручили лекции во французском университетском Центре восточных языков (быв. Школе восточных языков) для дипломников и докторантов.

Много труда приложил К. для сохранения культурного наследия русского зарубежья. С начала 1960 входил в качестве генерального секретаря в комиссию по сбору материалов для «Золотой книги» русского зарубежья, возглавлявшуюся *Д.Рябушинским*. До своей болезни К. успел выпустить первую часть работы, озаглавленную «Наши достижения, роль русской эмиграции в мировой науке» (два изд. в Мюнхене, 1960-61). В 1962 был основан Комитет по изданию книги, во главе которого после смерти Рябушинского и обострившейся болезни К. встал князь *Н.Трубецкой*. Позднее К. выпустил в Париже всеобъемлющий труд об эмиграции, ставший итогом многолетней работы — «Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека. 1920-1970» (1971; в 1973 вышел доп. вып., дораб. и испр.).

В 1968 К. стал председателем Общества охранения русских культурных ценностей, основанного Д.Рябушинским. Как товарищ председателя парижского Союза русских писателей и журналистов поддерживал тесные связи с литераторами-эмигрантами. На протяжении многих десятилетий напряженная самоотверженная работа К. была подчинена высоким целям — сохранению творческого потенциала эмиграции, преемственности исторического знания, культурных и национальных традиций в среде русского зарубежья. По словам *З.Шаховской*, не было «ни одного доброго начинания

русской эмиграции с начала 20-х годов», в котором бы К. не принимал самого активного участия.

Лит.: 70 лет П.Е.Ковалевского. Биобиблиография. Париж, 1972; Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.

З.Бочарова

КОГБЕТЛЯНЦ Эрванд Геворгиевич (16.2.1888, Нахичевань-на-Дону — ?) — математик и геофизик. Родился в семье купца Геворга Мельконяновича К. и Егинэ Аковбян. Родители были армяно-григорианского вероисповедания. Окончив в 1906 с серебряной медалью гимназию в Ростове-на-Дону, К. поступил на математическое отделение факультета наук Парижского университета. Однако через год подал заявление о зачислении его в Московский университет. Видимо, жизнь в Париже оказалась тяжелой нагрузкой для семейного бюджета, а в Москве у К. была возможность жить у тети, Евгении Яковлевны Сагировой (урожд. Хлытчиевой). Осенью 1907 К. был принят на математическое отделение физико-математического факультета Московского университета, где его учителями были известные профессора Д.Егоров, Н.Жуковский. В 1911 получил золотую медаль за конкурсное сочинение, а в мае 1912 закончил университет с дипломом 1-й степени; был оставлен для подготовки к профессорской деятельности. Первая его статья по теории тригонометрических рядов появилась в 1913 в «Сообщениях Харьковского математического общества», а с 1916 его работы публиковались во французских и др. иностранных журналах. С 1915 К. стал работать в Московском университете в должности приват-доцента.

После революции 1917 снижение уровня жизни в Москве заставило многих преподавателей искать заработок в других городах, К. уехал в Екатеринодар. В 1920 переехал в Армению, работал в должности профессора Ереванского университета.

В 1921 перебрался в Париж, где начал преподавать высшую математику на курсах, организованных Русским народным университетом, и одновременно занимался наукой. Он стал учеником крупного французского математика Э.Бореля; в 1923 получил степень доктора наук в Парижском университете. Продолжал заниматься теорией рядов, а в начале 1930-х — и геофизикой. В 1926-27 получил патент на изобретенный им гравиметр.

В 1933 К. покинул Париж и уехал в Иран, где пять лет работал в должности профессора Тегеранского университета. В 1939 был награжден иранским орденом «За заслуги в науках». Затем снова возвратился в Париж, работал в Национальном центре научных исследований. Не порывая до 1948 связей с этим Центром, он в 1942 переехал в США и два года преподавал математику в должности инструктора (ассистента) в университете города Бетлехем (шт. Пенсильвания). В 1944-54 К. состоял в должности профессора Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке, одновременно до 1967 являлся профессором Свободной школы. В 1945-46 работал консультантом по геофизике в «Standart Oil Company», с 1946 по 1953 — лектором Колумбийского университета в Нью-Йорке.

К. вел интенсивную научную работу, занимался вопросами программирования, проводил с помощью ЭВМ исследования по расходящимся рядам. В 1962 во французском журнале вышла его статья «Чтобы стать отличным программистом, надо сначала стать хорошим математиком».

Результаты своих исследований К. докладывал на различных конгрессах и конференциях. В 1932 он выступил с докладом о сходимости и суммируемости разложений в ряды по полиномам Эрмита и Лагерра на международном конгрессе математиков в Цюрихе. На конгрессе математиков в Осло, состоявшемся в 1936, сделал доклад по проблеме математической теории гравиметрии. Участвовал он и в международном конгрессе математиков в Амстердаме в 1954.

В 1968 К. вышел на пенсию и снова уехал в Париж. Сведений о его дальнейшей жизни выявить не удалось. Последняя известная статья К. вышла во французском журнале в 1969.

Лит.: Poggendorff J.C. Biographisch-literarisches Handwörterbuch, bd. 5, 6.

Арх.: ЦИАМ, ф.418, оп. 321, № 863; оп. 416, № 54.

Н.Ермолаева

КОМИССАРЖЕВСКИЙ Федор Федорович (23.5.1882, Венеция — 16.4.1954, Дариен, шт. Коннектикут, США) — режиссер. Вырос в театральной семье. Отец — оперный певец Ф.П.Комиссаржевский, старшая сестра — прославленная актриса Вера Комиссаржевская. По образованию К. — архитектор, учился в Петербургском университете, а также в Германии. При создании театра В.Комиссаржевской (1903) вошел в число пайщиков. Возглавил постановочную часть театра в сезон 1906/7, когда там работал В.Мейерхольд. В конфликте

между В.Комиссаржевской и Мейерхольдом принял сторону сестры. В кругах русского театрального эстетизма 10-х К. был авторитетной фигурой, критики неизменно называли его вслед за Мейерхольдом. Репутация «вечно второго» тяготила К., этим во многом объясняется его критика теории и практики Мейерхольда (при том, что К. не был склонен к агрессивной полемике). К. были чужды эстетические крайности, он пытался примирить подчас непримиримое в рамках широкого понимания театра как «праздника всех искусств», ассимилируя разнообразный театральный опыт. Выступал с идеями философского романтизма («Театральные прелюдии». М., 1916). Проявлял интерес к искусству Художественного театра. Написал по поводу едва только складывавшейся системы Станиславского сочувственную, хотя и легкомысленную книгу «Творчество актера и теория Станиславского» (Пг., 1915, 2-е изд. 1917). Правда, Станиславский книгу не принял, его привела в ярость упрощенность суждений автора.

Первая самостоятельная режиссерская работа К. — спектакль «Бесовское действо над некиим мужем, а также смерть грешника и смерть праведника, сие есть прение Живота со Смертью» *А.Ремизова* (1907). Спектакль провалился, автора освистали, не обращая внимания на режиссера, который нащупал здесь один из устойчивых мотивов своего творчества — мотив народного примитива как предмет стилизующих усилий высокого искусства. В 1908 К. поставил модернистские новинки «У врат царства» К.Гамсуна, «Флорентийскую трагедию» О.Уайльда, «Черные маски» *Л.Андреева*, в 1909 — актуализированные символистами «Праматерь» Ф.Грильпарцера и «Юдифь» Ф.Геббеля. Одновременно внес вклад в становление русского театра малых форм (театральное кабаре), организовав в 1909 вместе с *Н.Евреиновым* из части труппы «Веселый театр для пожилых детей». Основой пародийного репертуара стали сочинения Козьмы Пруткова «Черепослов, сиречь Френолог», «Фантазио», «Спор древних греческих философов об изящном». В 1910 К. переехал в Москву и поступил в антрепризу Незлобина. К этому времени репертуарные пристрастия К. меняются, теперь его увлекает классика. К. пытался переосмыслить свои прежние приемы применительно к задачам «большого стиля». Его высшим достижением стала первая в России полная постановка 1-й части «Фауста» Гёте (1912), в которой образы Гёте, утратив классическую невинность, приобрели модернистскую искушенность. В описании В.Сахновского, Мефистофель из спектакля К. «прижимался своим холодным профилем к пламенно горящему лбу Фауста, словно выползшая из его раздумий, словно частица его существования, нетленная, вечная разлагающая чувство и мир и спокойную целостность всего, субстанция». В пьесах «Мещанин—дворянин» (1911) и «Лекарь поневоле» (Малый театр, 1913) К. привлекла связь мольеровских фарсов с итальянской традицией комедии масок; в «Принцессе Турандот» К.Гоцци он во многом предвосхитил легендарный спектакль Е.Вахтангова. Попыткой «отнять» А.Островского у бытового театра явился спектакль «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (1910), решенный средствами стилизованного лубка, заостренных шаржированных характеристик. Вслед за Художественным театром К. обратился к трагедийному миру Ф.Достоевского. Его постановка «Идиота» (1912), сотканная из контрастов света и тьмы, стала заметным театральным событием.

Покинув Незлобина, К. открыл в 1914 на основе созданной в 1910 театральной школы небольшой театр, который назвал именем В.Комиссаржевской. В стенах этого театра начинали И.Ильинский, А.Кторов, М.Жаров, М.Бабанова, В.Зайчиков, М.Терешкович. К. осуществил здесь ряд экспериментов и художественных проб: в «Дмитрии Донском» В.Озерова (1914) вызвал к жизни видения русского театра начала XIX в.; в последовавших затем премьерах экспрессионистский гротеск «Скверного анекдота» Ф.Достоевского (1914) соседствовал со стилизованным средневековым действом «Каждого человека» (1915), а детская сказка в декадентском духе «Ночные пляски» Ф.Сологуба (1915) — с безмятежной этнографической «Майской ночью» Н.Гоголя (1915). В «Электре» Софокла-Гофмансталя (1916) К. предвосхитил театральный экзистенциализм. «Проклятый принц» А.Ремизова (1916), «Ванька Ключник и паж Жеан» Ф.Сологуба (1916) и «Комедия об Алексее» М.Кузмина (1917) продолжили линию рафинированных стилизаций лубочных тем.

Задачи «большого спектакля» и «большого стиля» К. перенес на сцену оперного театра С.Зимина, где поставил «Князя Игоря» А.Бородина, «Кудеяра» А.Оленина, «Сына земли» А.Канкаровича, «Орестейю» С.Танеева, «Золотого петушка» Н.Римского-Корсакова (1917), «Бориса Годунова» М.Мусоргского, «Пиковую даму» П.Чайковского, «Лоэнгрина» Р.Вагнера (1918). К. стремился к идеалам синтетического актера и универсального театра. Решительный шаг в этом направлении он сделал в сезоне 1918-19 в ХПСРО (Художественно-просветительном союзе рабочих организаций), объединив в одну труппу оперных солистов и драматических актеров, что, по его замыслу, должно было привести к выработке «совершенных ар-

тистов сцены». Спектакль часто составлялся из двух частей, оперной и драматической: «Брак по принуждению» Мольера и «Паяцы» Леонкавалло, «Похищение из сераля» Моцарта и «Женитьба Фигаро» Бомарше (1918). Особое место в этом ряду заняла шекспировская «Буря» (1919), где режиссер использовал приемы несвойственного ему авангарда. В 1919 К. уехал в Шотландию для участия в эдинбургском театральном фестивале. Свои впечатления излагал в советских театральных журналах, в газетах публиковались сообщения о скором его возвращении; обсуждался вопрос о назначении К. на предполагаемую должность «заведующего художественной частью академических театров». К. вернулся в 1926, но, по всей вероятности, его ожидания не оправдались, и он вновь выехал в Англию.

Считая, что в Англии он попал на подмостки другой театральной эпохи, куда еще не ступала нога реформаторов («Шекспир здесь играется как в Чухломе»), К. осуществил своими спектаклями миссию посредника между русской и западной культурами. Здесь им были поставлены «Князь Игорь» Бородина («Covent Garden», 1919), «Сестра Беатрис» М.Метерлинка (1920), «Ревизор» Н.Гоголя («Duke of York Theatre», 1920), «Шестеро персонажей в поисках автора» Л.Пиранделло («Kingsway Theatre», 1921), «Гонка за тенью» В.Шольца, «Дядя Ваня» А.Чехова, «У врат царства» К.Гамсуна («Courd Theatre», 1922). Следующий сезон К. провел в Нью-Йорке, поставив спектакли «Счастливчик» А.Милна, «Благовещенье» П.Клоделя, «Пер Гюнт» Г.Ибсена; сезон 1923/24 — в Париже: «Клуб мандариновых уток» Г.Дювернуа и П.Фортуни, «Дорога в Дувр» Милна, «Дуэнья» Р.Шеридана, «Зигфрид» Вагнера и др. По возвращении в Англию ставил в 20-30-е, наряду с пьесами западных авторов (А.Беннетта, Ф.Мольнара, Р.Роллана, Ф.Кроммелинка и др.), «Катерину» Л.Андреева (1926), «Павла I» *Д.Мережковского* (1927), «Латунное пресс-папье» (собственную инсценировку «Братьев Карамазовых», 1928), «Человека с портфелем» А.Файко (1930) и др. Крупный успех имела драматическая инсценировка «Пиковой дамы» А.Пушкина в театре *Н.Балиева* «Летучая мышь» (впервые в Париже в 1931, затем в Лондоне и в др. странах). В разные годы К. работал в Риге и в Вене. В Италии ставил оперы Моцарта, Россини, Альфано. Четыре чеховские пьесы, поставленные К. в лондонском театре «Barns» (1925-26), открыли англичанам доселе им неведомого драматурга, который после этого сравнялся по своей популярности с Шекспиром. Циклом постановок комедий и трагедий Шекспира в «Shakespeare Memorial Theatre» в Стрэдфорде (1932-39) К. разрушил штампы викторианских времен и тем самым подготовил почву для реформ Питера Брука и Питера Холла. Преподавал в Королевской академии драматического искусства в Лондоне. Автор статей о театре в Британской энциклопедии; написал несколько книг, которые стали неотъемлемой частью театральной рефлексии XX в.

В 1939 переехал в США. Здесь творческая активность К. стремительно убывала. Среди американских постановок последнего периода его жизни — «Русский банк», где он выступил как соавтор пьесы («Sent-James Theatre», Нью-Йорк, 1940), «Преступление и наказание» Достоевского (1947), «Цимбелин» Шекспира (Монреаль, Театр под открытым небом, 1950). Последний спектакль К. — постановка в Нью-Йоркской центральной городской опере «Воццека» А.Берга (1952).

Соч.: Myself and the Theatre. London, 1929; The Costume of the Theatre. London, 1931; Settings and Costumes of the Modern Stage. London-New York, 1933 (with Lee Simpson); The Theatre and Changing Civilization. London, 1935.

Лит.: Мгебров А. Жизнь в театре, т.1. Л., 1929; Ильинский И.В. Сам о себе. М., 1961; Герасимов Ю.К. Кризис модернистской театральной мысли в России / Театр и драматургия, вып.4. Л., 1974; Любомудров М.Н. Ф.Ф.Комиссаржевский — режиссер и теоретик сцены / У истоков режиссуры. Л., 1976; Боровский В. Московская опера Зимина. М., 1977; Бартошевич А. Федор Комиссаржевский. Чехов и Шекспир // Моск. наблюдатель, 1991, № 11; Анненков Ю. Дневник моих встреч, т. 1-2. Л., 1991.

В.Иванов

КОН Станислав Салезиевич (1888, Варшава — 3.2.1933, Прага) — статистик, экономист. После окончания варшавской гимназии в 1907 К. поступил на экономическое отделение Петербургского политехнического института, преподавателями которого в то время были *П.Струве*, А.И.Чупров. Именно они способствовали развитию у К. интереса к таким дисциплинам как статистика, демография, политическая экономия. В 1911 окончил институт с присуждением степени кандидата экономических наук, представив в качестве диссертации работу «Римское хозяйство конца республики и первых веков Империи». Был оставлен при институте для подготовки к профессорскому званию; занимался разработкой теории статистики, проблемой устойчивости статистических рядов и вопросами страхования рабочих. Участвовал в семинарах Струве, посвященных вопросам экономической истории и теории.

В период 1-й мировой войны К. поступил на службу статистиком в управление делами Особого Совещания по продовольствию; руководил математическо-статистическим отделом, кото-

рый занимался обработкой сельскохозяйственных переписей. Результаты его работ нашли отражение в одном их немногих опубликованных в России трудов К. — «К вопросу о применении выборочного метода при разработке сельскохозяйственных переписей» (Пг., 1917). В 1917 К. переехал из Петрограда в Тифлис, где заведывал статистическим отделом Земского союза. В 1918 был избран доцентом Тифлисского политехнического института, в котором до 1920 преподавал статистику. Курс его лекций опубликован в 1919.

В 1921 К. эмигрировал во Францию, проживал в Париже. Он сотрудничал в Российском Финансово-промышленно-торговом союзе и в редакции журнала «Экономические записки», преподавал в «Ecole Interallice des Hautes Etudes». К. продолжал разработку материалов русской экономической статистики, демографии и не прекращал свои наблюдения за хозяйственной жизнью Советской России, видел серьезную угрозу для нее в проводившейся политике национализации. С 1922 К. обосновался в Праге. По рекомендации Струве был принят преподавателем на Русский юридический факультет, где сдал магистерский экзамен и в качестве приват-доцента читал курсы лекций — «Логические основы теории статистики», «Введение в теоретическую статистику». Выступал с лекциями «Сущность статистического метода» на специальных курсах по методологии научной работы, организованных Экономическим кабинетом профессора *С.Прокоповича* для студентов русских вузов, расположенных в Праге. К. состоял членом Парижского статистического общества, членом-учредителем Американского эконометрического общества, консультантом Чехословацкого Института сельскохозяйственной экономии и бухгалтерии. В конце 1932 он получил приглашение вступить в Английское Королевское статистическое общество. К. постоянно участвовал в деятельности международных статистических конгрессов, съездов русских ученых. На 3-м съезде русских ученых, проходившем в Праге в 1924, выступил с докладом о понятии цены.

В 1926 он опубликовал на страницах «Руского экономического сборника» (кн. V-VI) ряд работ по применению выборочного метода в сельскохозяйственной статистике, который, по его мнению, позволял углубить исследование объекта, увеличив программу изучения за счет сокращения количества единиц массы. Особенное значение этот метод мог иметь для статистических исследований в России с ее огромным пространством и населением.

В 1929 Чехословацкое статистическое управление издало на чешском языке обобщающий труд К. по статистике — «Основы теории статистического метода». В 1932 при поддержке фонда Карнеги было опубликовано на английском языке исследование К. о движении населения в Европейской России во время мировой войны. За несколько дней до смерти К. закончил исследование о законе убывающей производительности в сельском хозяйстве на основании данных об урожаях сахарной свеклы. Исследование проводилось по заказу Франкфуртского конъюнктурного института.

Научные достижения К. русская эмиграция приравнивала к деятельности таких известных российских статистиков как В.Борткевич, *А.Чупров* и др. Современники характеризовали К. как крупную силу «отвлеченного научного мышления» и отмечали «сочетание страсти к углублению в отвлеченные конструкции общей теории статистики с живым интересом к техническим проблемам статистической практики, к вопросам экономической действительности».

Соч.: Die allrussischen Landwirtschaftszählungen von 1916 und 1917 // Nordisk Statistisk Tidskrift, 1922, b. 1, h 1; О «статистификации» политической экономии / Сб. статей, посвященных П.Б.Струве. Ко дню 30-летия научно-публицистической деятельности. Прага, 1925; Опыт советской национализации / Рус. экономические сборники. Прага, 1926, кн.IX.

В.Телицын

КОНДАКОВ Иван Лаврентьевич (26.9.1857, Вилюйск — 14.10.1931, Эльва, Эстония) — химик-органик. Учился в якутской и красноярской гимназиях. В 1880 поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, который окончил в мае 1884 со степенью кандидата. Уже на 2-м курсе серьезно заинтересовавшись химией, он опубликовал в «Журнале Русского физико-химического общества» первую научную работу «О составе серных желваков из Бахмутской огнеупорной глины», выполненную под руководством профессора Н.Любавина. Будучи студентом 3-го курса, перешел в лабораторию А.Бутлерова, общение с которым определило дальнейшую творческую деятельность начинающего ученого, избравшего своей специальностью органическую химию. Развивая позднее одно из заложенных Бутлеровым направлений — синтезы и изомеризация непредельных углеводородов — К. получил результаты мирового значения. В 1885, отбыв воинскую повинность, К. был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию; продолжал работать под руководством Бутлерова, смерть которого осложнила положение К. Проработав несколько месяцев сверхштатным лаборантом по химии, он в 1886 перешел на должность штатного ла-

боранта по физиологической химии в Варшавский университет; занимал ее до 1895, совмещая лаборантские обязанности с руководством лабораторными занятиями студентов-медиков по общей химии, качественному и количественному анализу. В 1893 К. сдал магистерский экзамен при Петербургском университете, а в следующем году успешно защитил магистерскую диссертацию «О синтезах под влиянием хлористого цинка в жирном ряду». В процессе подготовки диссертации ему удалось открыть каталитические реакции превращения непредельных углеводородов алифатического ряда под влиянием хлорида цинка, послужившие основой промышленных процессов переработки нефтехимического сырья.

В феврале 1895 К. был назначен экстраординарным профессором фармации Юрьевского университета и одновременно директором Фармацевтического института при этом университете. Приход К. в Юрьевский университет вначале вызвал неблагожелательную реакцию части профессорского и студенческого состава, т.к., будучи по призванию химиком-органиком, он не проявлял особого интереса к проблемам фармации и фармакологии. Положение К. усугублялось и другими причинами, в частности, его тяжелым и неуживчивым характером. Вскоре после назначения в Юрьевский университет К. поставил вопрос о пересмотре и изменении планов преподавания на фармацевтическом отделении университета по примеру лучших европейских фармацевтических институтов. При этом чисто фармацевтические работы уступили место работам в области органического синтеза, что было веянием времени и позволило создать ряд новых ценных фармацевтических препаратов. С февраля 1898 К. читал теоретические курсы по фармации, фармакогнозии, фармацевтической химии и судебно-химическому анализу, руководил практическими занятиями студентов по качественному, количественному и судебно-химическому анализу.

Период работы К. в Юрьевском университете (1895-1918) оказался самым продуктивным в его научной деятельности. Развивая бутлеровское направление, К. продолжал исследования по полимеризации углеводородов, которые привели его в 1901 к важному открытию — установлению возможности превращения симметричного диметилбутадиена в эластичный полимер. Это был второй углеводород после изопрена: синтез последнего К. осуществил в 1887, хотя и не сумев тогда его идентифицировать. Ему удалось заполимеризовать изопрен в каучкоподобный продукт и сделать вывод о возможности полимеризации в эластомер дивинила и различных его гомологов. Последующие работы немецкого химика К.Д.Гарриеса и русского химика С.Лебедева по полимеризации диеновых углеводородов были бы невозможны без работ К. На основе его разработок в Германии (1916) было организовано производство первых партий т.н. диметилкаучука (полимер диметилбутадиена). По этому методу было получено около 3000 т синтетического каучука, из которого изготовляли аккумуляторные коробки для подводных лодок. К. первым установил способность металлического натрия вызывать полимеризацию диметилбутадиена. В 1912 К. опубликовал первую в мировой истории монографию о синтетическом каучуке. К сожалению, в это время он выступил с необоснованными претензиями на ряд открытий в области синтетического каучука, что отрицательно сказалось на его авторитете ученого. К юрьевскому периоду относятся также исследования К. по химии терпенов.

В 1918 Юрьевский университет был эвакуирован в Воронеж, где на некоторое время обосновался и К. В 1920 в связи со смертью жены он вернулся в Юрьев (с 1919 — Тарту). Последние 10 лет жизни он прожил большей частью на своей даче в городе Эльва под Тарту; периодически выезжал в Прагу, где читал лекции, или во Францию, где работал по договорам с промышленными фирмами. В 1931 вышла его последняя работа «Некоторые исторические факты о химии синтетического каучука».

В 1959 на могиле К. в Эльве был установлен памятник, а у дома, где он жил и умер, в 1957, в связи со 100-летием со дня его рождения, была установлена мемориальная доска.

Соч.: Синтетический каучук, его гомологи и аналоги. Юрьев, 1912.

Лит.: Иламетс Т. Иван Лаврентьевич Кондаков // Уч. зап. Тартус. ун-та, 1969, т. V, вып.235.

В.Волков

КОНДАКОВ Никодим Павлович (1.11.1844, с. Халань, Новооскольского у., Курской губ. — 17.2.1925, Прага) — историк искусства. Сын бывшего крепостного, купца 3-й гильдии, управляющего им.ями князей Трубецких. В 1861-65 учился на историко-филологическом факультете Московского университета, слушал лекции К.Герца и Ф.Буслаева. Окончив университет, преподавал русский язык и словесность в средних учебных заведениях и историю искусств — в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. С 1870 приват-доцент, с 1877 профессор кафедры истории и теории искусств Новороссийского университета в Одессе; создал в университете первый в России музей античных слепков. Основал Одесскую рисовальную шко-

лу, был в 1884-88 ее директором. Член Московского (с 1867) и Русского (в 1876-91) археологических обществ. Первые три статьи К. были опубликованы в 1866; магистерскую диссертацию посвятил классическому искусству (1873), докторская диссертация — «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей» (Одесса, 1876; на франц. яз. — Париж, 1886).

С 1888 К. жил в Петербурге. Профессор кафедры истории искусств Петербургского университета (до 1897) и Высших женских курсов, главный хранитель отделения Средних веков и Возрождения в Эрмитаже (до 1893), входил в различные комиссии Академии художеств. Учениками К. были Д.Айналов, Е.Редин, Я.Смирнов, он оказал большое влияние на Н.Лихачева, *М.Ростовцева*, С.Жебелева, П.Покрышкина, Н.Окунева, Л.Мацулевича, Н.Сычева, В.Мясоедова и др. видных историков и историков искусства. Был одним из организаторов основанного в 1895 центра византиноведения — Русского Археологического института в Константинополе. В 1901 организовал Комитет попечительства о русской иконописи, управляющий делами комитета; участвовал в создании экспозиций икон в Третьяковской галерее (1905) и Русском музее, работал экспертом в области реставрации и охраны памятников средневекового искусства.

В своих трудах К. впервые охарактеризовал важные особенности византийского искусства и обосновал его периодизацию. Изучая культуры Византии и византийского ареала — Закавказья, балканских стран и особенно Древней Руси, много сделал для выяснения связей и взаимовлияния между ними и отличительных черт каждой из этих культур. Поставил проблему генетического родства искусства Западной Европы, Византии и Востока, прежде всего прим.тельно к прикладному искусству и архитектурной декорации. Исследования К. посвящены как отдельным видам художественной деятельности («Мозаики мечети Кахрие Джамиси в Константинополе». Одесса, 1881; «Византийские эмали». СПб., 1892; одновременно изд. на франц. и нем. яз. во Франкфурте-на-Майне), так и комплексам памятников крупных регионов и культурных центров («Византийские церкви и памятники Константинополя». Одесса, 1887; «Русские клады. Исследования древностей великокняжеского периода», т.1. СПб., 1896; «Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902; «Македония. Археологическое путешествие». СПб., 1909). Для изучения истории искусства в России большое значение имели труды К. «Русские древности в памятниках искусства» (СПб., 1889-97; с И.И.Толстым) и «О научных задачах истории древнерусского искусства» (СПб., 1899). Научный подход к памятнику К. видел не в подробном его описании, а в выявлении главных его черт. К. был выдающимся знатоком историко-культурной проблематики искусства. Он использовал принцип типологической систематизации памятников и тонкий анализ их техники. Последователь Буслаева, К. развил иконографический метод, соответствующий каноническому характеру средневековой художественной культуры. Метод включал в себя и традиционный для науки XIX в. анализ стиля. Среди крупнейших трудов К. — «Иконография Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа» (СПб., 1905); «Иконография Богоматери» (т. 1-2. СПб., 1914; Пг., 1915). Универсальность научных интересов К., оперировавшего огромным количеством фактов, уникальные знания в области художественных ремесел были связаны с его работой по сбору и систематизации памятников искусства в хранилищах (музеях, ризницах, частных коллекциях и т.д.) и, главным образом, в естественной среде. К. проводил раскопки в Керчи, Херсонесе, Тамани, с 1867 по 1914 совершил множество поездок с целью изучения памятников искусства, в том числе в Крым, в Грузию, на Кубань, по древнерусским городам, по иконописным селам Владимирской губернии; посещал Германию, Чехию, Швейцарию, Францию, Англию, Италию, Турцию, Египет, Грецию, Сирию, Палестину, Испанию, Венгрию, Швецию и др. С 1898 К. — действительный член Петербургской Академии наук по историко-филологическому отделению, с 1900 — по отделению русского языка и словесности, с 1907 почетный член Киевской и с 1908 — Петербургской духовных академий.

В апреле 1917 К. уехал из Петрограда в Одессу; осенью приезжал в Москву для сбора материалов о русских кладах и иконописи. Затем жил в Ялте, завершая там работу над книгой «Русская икона», и в сентябре 1918 вернулся в Одессу, где читал лекции в университете по истории русской иконописи и редактировал в 1919-20 газету «Южное слово» (отдел иностранной политики); одновременно проводил дома занятия по искусству Возрождения. Эмигрировав 8.2.1920, обосновался в Софии. Читал лекции в Софийском университете по средневековому искусству и культуре Восточной Европы, изучал древности Болгарии. В Одессе и Софии у К. продолжали учиться Н.Окунев и *А.Грабар*.

Последний этап жизни и творчества К. связан с Прагой, куда он переехал 26.4.1922. В Пражском университете был прочитан в 1922-24 курс «О роли восточноевропейских славянских и кочевых народностей в истории образования общеевропейской культуры», лекции по

истории античного быта и культуры (опуб. в 1931), по проблемам орнамента. К. был избран почетным президентом 2-го конгресса русских ученых за границей. Награжден более чем 50 дипломами научных обществ, университетов и академий разных стран. В апреле 1924 выступил с докладом на 1-м конгрессе византинистов в Бухаресте. В числе пражских учеников К. — А.Калитинский, Н.Беляев, Н.Толль, М.Андреева, Д.Рассовский и др., объединившиеся вместе с другими учеными после смерти К. в «Seminarium Kondakovianum», преобразованный позднее в Институт им. Н.Кондакова в Праге. Посмертно были изданы «Русская икона» (тт.1-4. Прага, 1928-33; на англ. яз.: Лондон, 1927), «Воспоминания и думы» (Прага, 1927); «Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры» (Прага, 1929). Часть работ К. осталась неопубликованной: т.3 «Иконографии Богоматери (Мадонны)» (в 1925 рукопись куплена Ватиканом); т.2 «Русских кладов»; «История средневековой итальянской миниатюры».

Лит.: Никодим Павлович Кондаков. 1844-1924. К 80-летию со дня рождения. Прага, 1924; Vernadskij G.V. Nikodim Pavlovic Kondakov // Сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н.П.Кондакова (ССАВСК), 1926, б/№; Айналов Д.В. Академик Н.П.Кондаков как историк искусства и методолог // ССАВСК, т.2. Прага, 1928; Лазарев В.Н. Никодим Павлович Кондаков / Византийская живопись. М., 1971; Кызласова И.Л. История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф.И.Буслаев, Н.П.Кондаков: методы, идеи, теории). М., 1985; Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986; Архивы русских византинистов в Петербурге. СПб., 1995; Н.П.Кондаков и его время. М., 1996; Мир Кондакова. М., 1996.

И.Кызласова

КОНЕНКОВ Сергей Тимофеевич (28.6.1874, с. Верхние Караковичи, Рославльского у., Смоленской губ. — 9.10.1971, Москва) — скульптор. Из крестьян. Окончил гимназию в Рославле. В 1892-96 учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества у С.Иванова и С.Волнухина, получил за дипломную скульптуру «Камнебоец» большую серебряную медаль. В скульптуре «Самсон, разрывающий узы», созданной во время учебы в Высшем художественном училище при Петербургской Академии художеств у В.Беклемишева, прим.л «метод синтетического упрощения» и тем самым, по словам *С.Маковского*, «выразил свое страстное отвращение от выродившихся канонов Академии». В 1903 возвратился в Москву; выполнил ряд заказов на оформление фасадов зданий — дома Второва, кафе Филиппова, банка Рукавишниковых в Нижнем Новгороде и др. Художественными откликами на события 1-й российской революции (в том числе на декабрьское восстание в Москве, в дни которого К. возглавлял одну из боевых дружин) явились головы из мрамора и песчаника «Нике» (портрет невесты К. — Т.Коняевой), «Рабочий-боевик Иван Чуркин», «Атеист», «Крестьянин», выставленные на 14-й выставке Московского товарищества художников (1906). На 16-й выставке (1908) показал скульптуру «Паганини» и портрет О.Якунчиковой. С 1908 член Нового общества художников, с 1909 — Союза русских художников, с 1917 — общества «Мир искусства». Осваивая дерево, К. на протяжении ряда лет создавал «лесную серию», в которой воплотил славянские философско-мифологические образы: «Егор-пасечник» (1907), «Старенький старичок» (1909), «Стрибог» (1910), «Еруслан Лазаревич» (1913), «Нищая братия» (1917). Был участником конкурса проектов памятника Александру III (1910); как писал Т.Ардов, проект, представленный К., оставлял «впечатление какого-то торжественного устремления в небо, к вечности. Император как будто переживает триумф нового венчания, народного, ...«венцом истории»; по мнению критика, памятник был так же далек от «быта», как «Медный всадник», «хотя автор и придал изображению необыкновенное сходство». Несколько работ было создано под впечатлением путешествия К. в Грецию и Египет. Одно из лучших произведений дореволюционного периода — «Бах». Персональные выставки К. состоялись в 1916, 1916-17, 1917-18 в его мастерской на Пресне. В 1916 он был избран действительным членом Академии художеств. Входил в отдел пластических искусств учрежденной в 1917 Комиссии по охране памятников искусства и старины, в коллегию художников театра, в комиссию «Красóты Москвы».

После Октябрьской революции К. участвовал в осуществлении плана «монументальной пропаганды»: мемориальная доска «Павшим за мир и братство народов» на Сенатской башне Московского Кремля, открытая к 1-й годовщине революции; деревянная скульптурная группа «Степан Разин со своей ватагой», установленная 1.5.1919 как временный памятник на Красной площади (на Лобном месте). Поставил в 1920 цирковое представление «Самсон-победитель». Несколько деревянных скульптур выполнил для Всероссийской сельскохозяйственной выставки 1923. В 1918-22 руководил скульптурной мастерской при Свободных художественных мастерских, профессор ВХУТЕМАСа.

Выехав в конце 1923 в США с группой художников, остался в Нью-Йорке (объяснял это впоследствии своим «несерьезным отношением» к вопросу о продлении визы, «огромным количеством заказов» и влиянием «ближайшего окружения»). Среди многочисленных работ, выполненных К. за границей в мраморе, дереве, гипсе и бронзе — «Пророк» (1928), портреты Л.Толстого, Ф.Достоевского (1924), *Н.Плевицкой, Ф.Шаляпина, С.Рахманинова* (1925), М.Горького (1927), И.Павлова (1930), В.Маяковского, А.Пушкина (1937), А.Эйнштейна (1938), А.Тосканини (1941), ученых Лебба, Флекснера, Ногуччи, членов Верховного суда США О.Холмса, Б.Кардадо, Х.Стоуна. «Лесную серию» продолжали «Счастливый странник», «Пан», «Старик-лирник» (1924), «Старушка» (1938) и др. Изготовлял образцы мебели из пней и кусков древесных стволов («Кресло Сергей Тимофеевич», «Стул Алексей Макарович»). Входил в общину «Ученики Христа», запечатлел евангельские образы: «Петр», «Иоанн Богослов», «Иаков Апостол», «Иуда» и др. В 1924 участвовал в 14-й Международной биеннале в Венеции; персональные выставки состоялись в Нью-Йорке (1925-26) и Риме (1928). В годы 2-й мировой войны вошел в Центральный совет Русского комитета помощи Советской России (ответственным секретарем комитета работала вторая жена К. (с 1922) — М.Воронцова-Коненкова). В конце войны вылепил по фотографиям портреты советских полководцев. Летом 1945 получил разрешение вернуться на родину и в декабре прибыл в Москву. В числе работ, созданных по возвращении — «Освобожденный человек» (1947), портреты О.Шмидта (1958), Г.Улановой (1960), *С.Эрьзи* (1961), Н.Хрущева (1962), А.Луначарского (1965) и др. К 80-летию (1954) и 90-летию (1964) К. устраивались его персональные выставки, в 1971 были опубликованы написанные им мемуары «Мой век». В первые годы проживания К. в СССР советские критики обвинили его в «формализме» и «модернизме», но вскоре он получил официальное признание: лауреат Сталинской (1951) и Ленинской (1957) премий, действительный член Академии художеств СССР (1954), народный художник СССР (1958), Герой социалистического труда (1964). К 100-летию К. в его мастерской открыт мемориальный музей.

Соч.: Воспоминания. Статьи. Письма, т. 1-2. М., 1984-85.

Лит.: Каменский А. Коненков. М., 1962; Кравченко К. Сергей Тимофеевич Коненков. М., 1962; Трифонова Л. Сергей Тимофеевич Коненков. Л., 1975; С.Коненков. Альбом. М., 1978; С.Т.Коненков. Встречи. Воспоминания современников о скульпторе. М., 1980; Бычков Ю.А. Коненков. М., 1982.

Р.Ильин.

КОРВИН-КРУКОВСКИЙ Борис Вячеславович (6.2.1895, Шацк, Тамбовской губ. — шт. Вермонт, США) — авиационный инженер-конструктор, летчик. Родился в семье потомственного военного. Образование получил в 1-м кадетском корпусе и Николаевском военном инженерном училище. Еще будучи юнкером, К.-К. по личному распоряжению военного министра поступил летом 1914 на авиационное отделение Офицерской воздухоплавательной школы (с авг. 1914 Военная авиационная школа в Гатчине). Его учителями были крупнейшие военные специалисты в области авиации и воздухоплавания В.Найденов, Н.Утешев, А.Борейко и др. В начале 1-й мировой войны был досрочно произведен в подпоручики инженерных войск. Как один из лучших выпускников он был оставлен летчиком-инструктором при Гатчинской авиашколе, но в августе 1915 добился отправки на фронт. До мая 1916 служил летчиком и заведующим технической частью в 6-м корпусном авиаотряде Северо-Западного фронта, зарекомендовал себя одним из лучших воздушных разведчиков, а также крупным знатоком материально-технической части. Был пионером внедрения радио в авиацию. Награжден орденом Св.Станислава 3-й степени, представлен к орденам Св.Анны и Св.Владимира 4-х степеней.

6.5.1916 К.-К. был сбит в воздушном бою и с тяжелым ранением руки эвакуирован в гатчинский госпиталь, переведен в штат управления Военно-воздушного флота, где служил военным приемщиком на авиационных заводах. Для пополнения знаний посещал занятия по авиационной специальности в Петроградском политехническом институте. 1.11.1916 обвенчался с Евгенией Адольфовной Новицкой в православном соборе города Мир. По мере восстановления работоспособности К.-К. стал возвращаться к летной работе, участвовал в испытательных полетах и с конца 1916 вновь был зачислен инструктором в гатчинскую авиашколу. Кроме того, несмотря на отсутствие высшего образования, он был бессменным преподавателем теории полета и руководил в школе различными работами по авиационной технике. Талантливый летчик-инструктор был зачислен в состав русской закупочной миссии в Италии, но не успел выехать по месту назначения из-за большевистского переворота. В конце 1917 покинул Гатчинскую авиашколу и отправился в отпуск во Владивосток.

Весной 1918 К.-К. оказался на западном побережье США, где нашел работу механика в фирме силовых установок «Union Gas Engine» в Окленде. На разработанный там проект двигателя русский эмигрант получил свой первый патент. Затем он переехал на судо-

верфь «California and Valec», а потом устроился чертежником в конструкторском бюро автотракторной техники «Drew» в Сан-Франциско. С приходом к власти адмирала Колчака российская закупочная миссия возобновила свою работу в Вашингтоне, и К.-К. получил должность помощника военного атташе. Он поступил на авиационное отделение Массачусетского технологического института, которое закончил в 1921.

С лета 1920 К.-К. работал чертежником в самолетостроительной фирме «Curtiss Aeroplane» на Лонг-Айленде, а по получении диплома занял место начальника проектирования в фирме «Aeromarine Plane and Motor C°» под Нью-Йорком, где занимался конверсией военных самолетов в аппараты гражданского применения, разработкой проектов новых машин. По инициативе К.-К. фирма развернула фундаментальные исследования по аэрогидродинамике. С 1921 в специальной литературе начали систематически печататься его научные статьи.

Осенью 1923 К.-К. была построена первая летающая лодка собственной конструкции АМС, продемонстрировавшая выдающиеся летно-технические и эксплуатационные характеристики. Она впервые в американском авиастроении имела цельнометаллический фюзеляж. За ней последовали другие разработки, однако осенью 1924 руководство фирмы «Aeromarine» решило закрыть самолетостроительное отделение, и конструктор некоторое время трудился в «Consolidated Aircraft» в штате Нью-Джерси.

Летом 1925 американский бизнесмен Э.Д.Осборн основал в Колледж Пойнте на Лонг-Айленде новую авиационную фирму «EDO Aircraft», вице-президентом и главным конструктором которой стал К.-К. Первенец фирмы, летающая лодка «Malolo», была построена в 1926. Это была первая цельнометаллическая бесподкосная лодка-моноплан в США. Ее схема и компановка стали классическими для аппаратов подобного типа. Доводка лодки затянулась; чтобы коммерциализировать уникальный опыт постройки цельнометаллических герметичных конструкций, К.-К. с весны того же года наладил в «EDO» серийное производство дюралюминиевых поплавков. Их первая пробная установка на самолет дала блестящие результаты. Фирма оказалась завалена заказами. Крупные самолетостроительные предприятия теперь предпочитали не беспокоиться о разработке поплавков для выпускающихся ими машин, а приобретать готовые из постоянно расширявшегося ассортимента, выпускающегося на «EDO». Хорошо налаженное производство поплавков позволило фирме уцелеть и даже расширить производство в годы экономической депрессии.

К концу 30-х поплавки «EDO» использовались более чем на 200 типах самолетов в 25 странах мира. Фирма стала мировым монополистом в производстве поплавков и др. оборудования для гидросамолетов. На фирме «EDO» нашли работу многие русские эмигранты (*К.Захарченко*, В.Гарцев и др.). «EDO» способствовала становлению фирмы *А.Прокофьева-Северского*. К.-К. получил многочисленные патенты на конструкцию и технологию изготовления поплавков. Конструкторскую и администраторскую деятельность К.-К. сочетал с научно-исследовательской работой. В 30-е им были опубликованы многочисленные статьи по динамике полета, гидро- и газодинамике.

В годы 2-й мировой войны поплавки конструкции К.-К. использовались на всех типах гидросамолетов США. В послевоенный период спрос на летающие лодки и гидросамолеты постепенно стал падать, однако, прежде чем «EDO» сделала ставку на перспективную электронику, К.-К. удалось в 1946 построить свой последний гидросамолет XOSE-1, который стал последним американским палубным катапультным самолетом.

С начала 50-х К.-К. публиковал в различных научных сборниках и журналах статьи по гидродинамике, прочности и теории корабля. Бывший летчик и авиаконструктор прославился и как крупнейший специалист по теории корабля. Выйдя на пенсию, К.-К. поселился на севере США в штате Вермонт, который больше всего напоминал ему родную заокскую Мещеру.

Соч.: Stability of a Controllability Airplanes // Aviation, 1925, March; 1927, Dec.; Flow of Compressible Gas // Journal of Franclin Institute, 1939, vol.227, № 1; High Speed Wind Tunnels // Journal of Franclin Institute, 1939, vol.227, № 4; Modern Gas Dynamics // Engineering Digest, 1946, vol.3, № 12; Investigation of Ship Motion in Regular Waves // Society of Naval Architects & Marin Engineers, 1955, № 7.

Арх.: National Air Space Museum's Archive, USA.

В.Михеев.

КОРЕНЧЕВСКИЙ Владимир Георгиевич (1880 — после 1961) — патолог, геронтолог, фармаколог, бактериолог. Родился в семье чиновника. В 1898 окончил гимназию в Риге и поступил в Военно-медицинскую академию (ВМА) в Петербурге, которую окончил в 1903 с отличием. Еще будучи студентом, выполнил в фармакологической лаборатории профессора Н.Кравкова работу «Сравнительно-фармакологические действия ядов на одноклеточных животных», удостоенную ВМА золотой медали (опубл. СПб., 1902). По окончании ВМА К. работал ординатором и заведующим химико-

бактериологической лабораторией в Харбинском сводном госпитале на Дальнем Востоке. В Монголии участвовал в ликвидации очагов чумы. По окончании русско-японской войны К. приехал в Москву, где начал работать на медицинском факультете Московского университета; прошел стажировку по бактериологии у профессора Г.Габричевского, однако после его смерти (1907) профессиональные интересы К. изменились в сторону патологии. В 1908 он был утвержден в должности ассистента кафедры общей и экспериментальной патологии Московского университета. Летом 1908 работал в Институте Пастера в Париже. В 1909 защитил докторскую диссертацию «К учению о желудочно-кишечном самоотравлении», был избран приват-доцентом Московского университета по кафедре общей и экспериментальной патологии.

В 1910 К. был приглашен И.Павловым в Петербург, где в течение шести месяцев работал в Физиологическом отделе Института экспериментальной медицины и на кафедре физиологии ВМА. В этот период им было выполнено три исследования, опубликованных в 1910 в «Архиве биологических наук»: «Влияние экспериментального малокровия на отделение и состав желчи»; «Влияние желчно-кислых солей в их комбинации с энтерокиназой на ферменты панкреатической железы»; «Влияние экспериментального малокровия на отделение и состав поджелудочного сока». Возвратившись в Москву, К. в течение года работал в Московском уииверситете, а в январе 1912 был избран экстраординарным профессором на кафедру общей и нормальной патологии ВМА.

В годы 1-й мировой войны К. по совместительству работал в Обществе Красного Креста (член совета складов). После Октябрьской революции 1917 он вошел в состав хозяйственного комитета ВМА. Как делегат академии принимал участие в организации просветительных лекций при научно-медицинском отделе Наркомпроса. В апреле 1919 К. был командирован на Биологическую станцию Академии наук в Севастополь. Его кафедра в ВМА целый год оставалась без руководителя.

Вскоре К. эмигрировал в Великобританию; принял британское гражданство. В 1921 он представлял Русскую академическую группу Великобритании на 1-м съезде Русских академических организаций в Праге. В 1928 К. — председатель 4-го съезда Русских академических организаций в Белграде. С 1920 по 1945 К. работал старшим научным сотрудником Листеровского института превентивной медицины, а также сотрудником (по совместительству) в Медицинском исследовательском центре. В этот период его интересы были тесно связаны с изучением витаминов и гормонов, исследованию активности которых он посвятил более 100 статей в научных журналах Великобритании и США.

Кроме того, К. постоянно занимался проблемами геронтологии, интерес к которой возник у К. еще в 1906 под влиянием визита в Русский дом для престарелых людей в Москве. Внешний вид и самочувствие людей, проживавших там, привели К. в шоковое состояние. Однако он сразу понял, что самочувствие этих людей обусловлено не столько патологическими симптомами, сколько возрастными физиологическими изменениями. В 1945 К. основал Оксфордскую геронтологическую лабораторию («The Oxford Gerontological Unit»). Вначале она размещалась в отделе зоологии и сравнительной анатомии, а затем — в физиологической лаборатории Оксфордского университета. Финансирование лаборатории осуществлял «отец геронтологии», виконт Ньюффельда-Ньюффельд. После 1952, когда К. вышел в отставку с поста директора геронтологической лаборатории, она была переведена в госпиталь Св.Бартоломью в Лондоне. Один из известных английских геронтологов писал о К.: «Из всего, что когда-либо делал Коренчевский, самым важным был тот огромный интерес к исследованиям в области геронтологии, которым он заражал буквально весь мир». К. основал в Великобритании Клуб старения («The Club of Ageing»), который вскоре был переименован в «Британское общество по изучению старения» («The British Society for Research of Ageing»); стимулировал образование геронтологических обществ и проведение исследований по геронтологии во многих странах мира. На 1-м международном конгрессе геронтологов К. был избран основателем Международной геронтологической ассоциации и пожизненным членом ее правления. Один из выдающихся исследователей в области геронтологии Е.В.Коудри говорил о К.: «Он стал истинным отцом геронтологии не только в Британии, но и во всем мире». В 1961 в США вышла монография К., посвященная физиологии и патологии старения («Physiological and Pathological Ageing»). Редактор книги — Джеффрей Н. Борн — писал в предисловии: «Это единственная в своем роде книга, это — энциклопедия, содержащая многочисленные факты, множество идей...» К сожалению, дальнейшая судьба К. нам неизвестна.

Соч.: Об азотистом и газовом обмене у бесселезеночных животных // Рус. врач, 1910, № 41; Соотношение щитовидной и половых желез в связи с влиянием их на обмен веществ. Пг., 1914; Общее предрасположение организма к росту в нем злокачественных новообразований. СПб., 1916.

Лит.: Квасов Д.П., Федорова-Грот А.К. Физиологическая школа И.П.Павлова. Портреты и характеристики сотрудников и учеников. Л., 1967.

Арх.: РГВИА, ф. 749, оп. 51, 1911, д. 62.

Т.Ульянкина.

КОРОВИН Константин Алексеевич (23.11.1861, Москва — 11.9.1939, Париж) — живописец, художник театра, график. Вырос в семье старообрядцев. Дед по отцовской линии владел ямщицким извозом, а по материнской был крупным чаеторговцем. Родители будущего художника получили хорошее образование и увлекались музыкой и живописью. Среди друзей дома были художники Л.Каменев и И.Прянишников. В 1875 К. поступил на архитектурное отделение Московского училища живописи, ваяния и зодчества, в следующем году перешел на живописное отделение, где познакомился с И.Левитаном, М.Нестеровым, А.Архиповым, *Л.Пастернаком.* Учился у Прянишникова, В.Перова, В.Поленова, А.Саврасова. В 1882-83 несколько месяцев учился в Петербургской Академии художеств, затем в 1883-86 завершал обучение в Московском училище. Получил малую серебряную медаль за живописные этюды, стипендию князя Долгорукова — за рисунки (1883); звание неклассного художника (1884).

В 1885 К. познакомился с С.Мамонтовым, вошел в Абрамцевский кружок, увлекся театром и сценографией. В Частной опере оформлял (вплоть до 1900) спектакли «Снегурочка», «Псковитянка», «Садко» (совм. с С.Малютиным и М.Врубелем), «Хованщина», «Князь Игорь», «Аида», «Кармен», «Фауст» и др. С 1889 участвовал в выставках Московского общества любителей художеств (до 1896); Товарищества Передвижных художественных выставок (1899). Начал регулярно участвовать в европейских выставках. В 1894 предпринял вместе с В.Серовым путешествие по русскому Северу. В 1896 работал над оформлением павильона Крайнего Севера на Всероссийской ярмарке в Нижнем Новгороде. С 1898 участвовал в выставках Московского Товарищества художников (до 1899). В 1899-1900 К. работал над оформлением Русского павильона и, в частности, Кустарного раздела для Всемирной выставки в Париже: исполнил 30 панно на темы Сибири, Средней Азии и Севера. Был удостоен Ордена Почетного легиона, Гран-при и нескольких медалей Выставки за декоративные работы. К этому времени относится его сближение с художниками круга «Мира искусства». В 1899-1903 он выставлялся на выставках «Мира искусства».

С 1900 К. начал работать для императорских театров. Назначен главным художником Большого театра в Москве. За 1900-е — 1910-е оформил более 100 оперных и балетных постановок, в том числе: «Конек-Горбунок», «Аленький цветочек», «Сказание о невидимом граде Китеже», «Дон Кихот» и др. С 1901 К. вместе с В.Серовым преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (до 1918). В 1903-23 — член-учредитель и постоянный участник выставок Союза русских художников. В 1905 был избран академиком живописи.

С 1917 К. активно участвовал в общественной жизни: член Особого совещания по делам искусств, Совета организаций художников Москвы, Коллегии художников театра; работал в Отделе пластических искусств, участвовал в реорганизации Московского училища живописи, ваяния и зодчества и Строгановского училища. В 1918-19 преподавал в Государственных Свободных художественных мастерских. В 1921-22 прошли персональные выставки К., устроенные Главполитпросветом в Москве.

В 1923 К. уехал во Францию, обосновался в Париже. На следующий год участвовал в выставке Русского искусства в Нью-Йорке. В 1925 состоялась его персональная выставка в парижской галерее Бернхейма. В 1920-е — 1930-е продолжал заниматься станковым искусством (портреты, натюрморты, пейзажи из серии «Огни Парижа»); оформлял спектакли многих театров и театральных трупп в разных странах: балет «Дон Кихот» (для гастролей труппы *А.Павловой* в Лондоне); оперы «Севильский цирюльник» (для гастролей *Ф.Шаляпина* в США), «Снегурочка» и «Князь Игорь» (для «Русской оперы» *М.Кузнецовой* в Париже) и др. Писал мемуарные очерки, рассказы и публиковал их в эмигрантских изданиях, в частности, в газете «Возрождение». Среди этих сочинений — мемуары «Из моих встреч с А.П.Чеховым» (1924, опубл. в 1929), воспоминания о М.Врубеле и А.Головине и др. Позднее вышла его книга «Шаляпин. Встречи и совместная жизнь» (1939). В 1929 прошла персональная выставка К. в парижской галерее Кольбера. Входил в жюри конкурса «Мисс Европа» в Париже.

К. умер в забвении в одной из парижских богаделен. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем рядом с супругой — А.Коровиной и сыном А.Коровиным.

Соч.: Константин Коровин вспоминает... Ред.-сост. И.С.Зильберштейн и В.А.Самков. Л., 1971; М., 1990; Краски России. Очерки. Воспоминания. Рассказы. Л., 1986.

Лит.: Константин Коровин. Жизнь и творчество. Письма, документы. Воспоминания. Сост. и авт. монографического очерка Н.М.Молева. М., 1963; Коган Д.З. Константин Коровин. М., 1964; Басыров А.Я. Константин Алексеевич Коровин Л., 1985.

А.Толстой

КОСТИЦЫН Владимир Александрович (28.5.1883, Ефремов, Тульской губ. — 29.5.1963, Париж) — математик, астрофизик, теоретик-эколог. Отец — Александр Васильевич К., окончил историко-филологический факультет Московского университета, мать — Ольга Васильевна (урожд. Раевская), дочь священника. В 1886 семья переехала в Смоленск в связи с назначением отца на должность учителя смоленской реальной гимназии. Там же поначалу учился и К., затем он перешел в мужскую классическую гимназию, которую закончил в 1902. Поступил на математическое отделение физико-математического факультета Московского университета, где стал учеником выдающегося математика профессора Д.Егорова. Будучи еще первокурсником, К. принял участие в только что организованном студенческом математическом обществе. В 1906 К. успешно сдал зачеты и получил право сдавать государственные экзамены, но, как писал он в заявлении ректору, «этим правом не воспользовался, т.к. желал посвятить себя научной деятельности и считал целесообразным пробыть еще год в университете». Трудно сказать, насколько это объяснение было исчерпывающим, т.к. в это время К. принимал активное участие в революционных событиях 1905-7. Весной 1907 К. был арестован и помещен в одиночную камеру Петербургского губернского жандармского управления. Профессор Егоров обратился к ректору университета А.Мануйлову с просьбой помочь К., которого он знает «как выдающегося студента, весьма талантливого и преданного науке». Однако обращение Мануйлова к властям об освобождении К. из-под стражи по состоянию здоровья не было удовлетворено; К. освободили лишь в 1908.

Вернувшись в Москву, К. узнал, что его исключили из университета еще 26.3.1908. Для получения диплома ему надо было проучиться в университете еще полтора года. Между тем по причинам политического характера оставаться в Москве было небезопасно, и он уехал за границу. По имеющимся сведениям, К. встречался с революционерами, в том числе с В.Лениным. Осенью 1909 К. поступил в Парижский университет; продолжал заниматься математикой, поддерживал связь со своим учителем Егоровым. В 1912 в «Математическом сборнике» была опубликована статья К. о системах ортогональных функций.

Незадолго до начала 1-й мировой войны К. вернулся в Россию, вскоре был мобилизован в действующую армию, где установил контакты с большевиками. После Февральской революции К. был назначен комиссаром своего полка, участвовал в Октябрьской революции. В конце 1917 его пригласили на работу в научный отдел Наркомпроса. В 1918 принял активное участие в работе московского отделения Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), занимался теоретической разработкой проблем, связанных с изучением курской магнитной аномалии. Разрабатывая теорию интегральных уравнений, успешно применил ее к решению практической задачи выявления глубины рудной залежи. В 1924 опубликовал одну из первых математических работ в данной области.

В начале 20-х К. вел интенсивную административную, научную и педагогическую работу. Он принял участие в создании при физико-математическом факультете 1-го МГУ трех научно-исследовательских институтов: математики и механики, астрофизического и геофизического, которые были объединены в Ассоциацию научно-исследовательских институтов. Являясь членом президиума Ассоциации, К. работал во всех трех институтах: ученым секретарем Института математики и механики, членом президиума Российского астрофизического института (с 1924), а затем — заведующим отделом теоретической астрофизики; членом президиума Государственного геофизического института, с 1927 — его директором и заведующим теоретическим отделом. Будучи профессором МГУ, К. участвовал в работе Московского математического общества, входил в редколлегию выпускаемых обществом «Математических сборников». С 1922 работал в научно-технической секции ГУС'а, занимавшейся изданием учебников, а также в экспертных комиссиях учебно-консультационного совещания Главнауки по астрономии, геодезии, физике и математике (1927, 1928). По заданию Главнауки писал рецензии на вышедшие в свет учебники, научные и научно-популярные книги. Эти рецензии, публиковавшиеся в серийном издании «Печать и революция», характеризуют К. как эрудированного ученого в области математики, астрономии, астрофизики и истории науки.

Кроме научных работ, К. опубликовал ряд научно-популярных статей, книг и брошюр, в том числе «Курская магнитная аномалия» (1923), «Что дает геофизика человечеству» (1926), «Происхождение Вселенной» (1926), «Н.И.Лобачевский и его значение в науке» (1926), «Успехи астрономии в СССР» (1928).

Под его редакцией и с его предисловием вышел сборник «Классические космогонические гипотезы» (1923), в который вошли переводы оригинальных работ И.Канта, П.Лапласа, Э.Фая, Дж.Дарвина и А.Пуанкаре.

В своей математической работе К. изучал различные виды интегральных уравнений, в том числе и нелинейные, а также дифференциальные и интегральные уравнения, используемые в молекулярной физике. В области астрономии и астрофизики К. исследовал структуру звездных систем, формы спиральных туманностей. Для изучения распределения звезд в шарообразных звездных скоплениях он применил метод интегральных уравнений к звездной динамике; его же он использовал и в другой области — при построении теории гистерезиса. Тесные научные контакты в этот период К. поддерживал с В.Вернадским. Будучи сотрудником Главнауки и Наркомпроса, К. содействовал Вернадскому в решении административных проблем не только по Радиевому институту, который тот возглавлял, но и по таким делам как, например, сохранение Тверской церкви Знамения. Широта взглядов Вернадского на естественные науки и их взаимосвязь несомненно оказала влияние на К., интерес которого к естественно-научным проблемам сочетался с государственным подходом к организации науки в стране.

К. принимал участие в различных научных форумах: в 1924 сделал доклад «Некоторые применения интегральных уравнений к задаче магнитного гистерезиса» на международном конгрессе математиков в Торонто, в 1926 он выступил с речью «Успехи современной геофизики и ее ближайшие задачи» на пленуме 1-го Всесоюзного геофизического съезда. 7.5.1927 К. выехал на три месяца в командировку во Францию, из которой вернулся только в октябре. В его отсутствие на заседании Президиума коллегии Наркомпроса, состоявшемся 29 сентября под председательством А.Луначарского, было принято постановление: «Ввиду того, что заведующий научным отделом Главнауки проф. Костицын, выбывший 7 мая с/г в 3-месячную заграничную командировку, до настоящего времени не вернулся, несмотря на отказ Главнауки продлить его командировку, считать его освобожденным от занимаемой должности». К. обжаловал это постановление. Однако 25.10.1927 Президиум подтвердил увольнение, хотя в другой редакции: по собственной просьбе К.

В конце 1928 К. получил разрешение уехать для лечения во Францию. В январе 1929 на закрытом заседании коллегии Наркомпроса была принята характерная для тех лет резолюция: «...поручить Главнауке справиться в нашем полпредстве во Франции о политическом поведении проф.Костицына в Париже. Одновременно поручить Главнауке совместно с ГПУ проверить обстоятельства и порядок выезда проф.Костицына». Неизвестно, какие последовали действия Главнауки и ГПУ и что стало известно об этом К., но в Россию он не вернулся. Была еще одна причина продления его пребывания во Франции. Жена К., Юлия Ивановна, в это время находилась в Париже на стажировке в лаборатории экспериментальной морфологии и очень увлеклась работой.

В эмиграции научное творчество К. приняло новое направление: он занялся решением задач биологии математическими методами и эволюционной теорией. Первая его работа в эмиграции была написана в соавторстве с женой и посвящена математико-статистическому анализу инвазии (заражения) раков-отшельников. Началось тесное сотрудничество К. с известным итальянским математиком Вито Вольтерра. В 1938 вышла их совместная статья. К. опубликовал около двух десятков работ по эволюционной теории, естественному отбору и связи биологических и геофизических феноменов, в том числе монографии: «Симбиоз, паразитизм и эволюция» (1934), «Эволюция атмосферы, биосферы и климата» (1935), «Математическая биология» (1937; англ. пер. 1939). В Париже К. установил научные контакты с ведущими экологами Франции. Вероятно, он виделся с Вернадским, который был там в 1932, и обсуждал с ним геологические проблемы, что стимулировало появление в том же году статьи К. «Об одном приложении дифференциальных уравнений в геологии».

После оккупации Парижа немецкими войсками К. был заключен в лагерь, но через некоторое время освобожден. В 1942 ему была вручена премия Монтьона Французской Академии наук.

В послевоенные годы К. продолжил свои исследования в различных областях естествознания. Далеко не все его работы оценены по достоинству. Однако выработанный им подход к построению математических моделей для комплексного изучения биосферы оказал влияние на развитие этих исследований в нашей стране.

Лит.: Scudo F.M., Ziegler J.R. Vladimir Aleksandrovich Kostitzin and Theoretical Ecology // Theor. Popul. Biology, 1970, vol.10; Моисеев Н.Н. Предисловие редактора / Костицын В.А. Эволюция атмосферы, биосферы и климата. М., 1984.

Арх.: ГАРФ, ф.2306, оп.1, д.181, 21686; оп.19, д.160; оп.69, д.3389, 582, 557, 832, 834, 1876; ф.298, оп.1, д.5, 100; ф.2307, оп.7, д.2, 145; Арх. РАН, ф.518, оп.3, д. 840.

Н.Ермолаева.

КОШИЦ Нина Павловна (17.1.1892, Киев — 14.5.1965, Санта-Ана, шт. Калифорния, США) — артистка оперы и камерная певица. Родилась в семье солиста Большого театра тенора Павла Алексеевича Порай-К. — артиста, высоко ценимого П.Чайковским, первого исполнителя на русской сцене вагнеровского Зигфрида. Певицей была и ее сестра Мария, брат — хороший дирижер. К. получила разностороннее музыкальное образование: Московскую консерваторию она окончила по классу вокала у профессора У.Мазетти, по классу фортепиано — у профессора К.Игумнова; занималась у С.Танеева. В год окончания консерватории (1913) К. дебютировала на сцене одного из лучших оперных театров России — Московской оперы С.Зимина в партии Татьяны в «Евгении Онегине» Чайковского. Во время работы в театре С.Зимина, продолжавшейся по 1918 включительно, она с большим желанием исполняла роли в новых операх, пусть даже и не претендующих на достоинства известных, — это Клара Милич в одноименной опере А.Кастальского, Руфь в одноименной опере М.Ипполитова-Иванова, Электра в танеевской «Орестее», Настя в опере А.Оленина «Кудеяр», Маша в «Капитанской дочке» Ц.Кюи, Анюта в заново оркестрованной опере XVIII в. М.Соколовского и Е.Фомина «Мельник — колдун, обманщик и сват» и т.п. При этом К. славились своим исполнением партий Лизы в «Пиковой даме» П.Чайковского, Ярославны в «Князе Игоре» А.Бородина, Дездемоны в «Отелло» Дж.Верди.

К. гастролировала в Киеве, Казани, Тифлисе и Баку, выступала в Петербурге, в том числе на сцене Мариинского театра, но была по преимуществу «московской» певицей. Ее артистическая деятельность органично входила в богатейшую музыкальную жизнь Москвы предреволюционных лет. Наибольшую известность К. приобрела своими концертами, быстро завоевав репутацию первоклассного интерпретатора русской и мировой камерной вокальной классики, новых произведений русских композиторов. Она была в числе первых исполнителей кантаты С.Танеева «По прочтении псалма» (апр. 1915). Кульминационным пунктом раннего периода творчества К. стали пять концертов в ансамбле с *С.Рахманиновым* в октябре 1916 — январе 1917 в Москве, Петербурге, Киеве и Харькове. В программе были только произведения Рахманинова, в том числе посвященные певице Шесть романсов, ор.38.

В 1920 вместе с украинским хором, руководимым ее братом, певица уехала в США. Дебют в Америке состоялся благодаря помощи руководителя симфонического оркестра в Детройте, дирижера и пианиста русского происхождения О.Габриловича. В 1921 К. впервые выступила в США в концерте Детройтского оркестра. Затем последовало приглашение в Чикагскую оперу, второй по значению театр Америки после «Metropolitan Opera» в Нью-Йорке. Здесь в декабре 1921 К. стала участницей первого исполнения оперы *С.Прокофьева* «Любовь к трем апельсинам» (партия Фата-Морганы). Чрезвычайно быстро певица приобрела известность и авторитет в музыкальном мире Америки. Ее приглашали для участия в симфонических концертах лучшие оркестры США — Филадельфийский (тогда руководимый Л.Стоковским), Бостонский *С.Кусевицкого*. К. выступала на сценах театров Нью-Йорка и Филадельфии, гастролировала в Париже и Буэнос-Айресе. В Париже она встретилась с величайшей певицей предыдущего поколения Ф.Литвин и брала у нее уроки. В своих воспоминаниях Ф.Литвин называет К. лучшей ученицей, в чьем пении она «узнает себя». Кроме Франции, гастроли К. в Европе проходили в Бельгии и Голландии, скандинавских и прибалтийских странах. Характерным для исполнительской деятельности К. являлся цикл концертов из произведений русских композиторов, осуществленный в Нью-Йорке в 1926.

В 1930-х певица ограничивала свою концертную деятельность пределами США. Здесь она концертировала в ансамбле с *Н.Метнером* (1929-30), давала сольные концерты с программами из произведений русских авторов в крупных и небольших городах. Концертный репертуар К. был поистине необъятным. Он включал классические русские романсы М.Глинки, А.Даргомыжского, Бородина, М.Балакирева, М.Мусоргского, романсы Чайковского (подготовленные под руководством С.Танеева), Н.Римского-Корсакова, Рахманинова, Метнера, *А.Гречанинова*, Н.Мясковского, С.Прокофьева, *И.Стравинского*, множество произведений менее известных авторов, зарубежную вокальную лирику от XVIII в. (Мартини) до XX в. (Равель). Певица сама была не чужда композиторских опытов: она автор ряда романсов на слова *И.Бунина* и др. русских поэтов. В исполнении огромного музыкального материала К. проявила качества музыканта высшего класса. Ее пение всегда отличали необычайная проникновенность, трепетность, искренность переживания. Обладая всей суммой данных для карьеры оперной певицы — изумительный голос (лирико-драматическое сопрано), большой сценический талант, яркая внешность, К. пренебрегала карьерой примадонны, хотя уже выступала как гастролер, и с успехом, на таких сценах как «Grand-Opéra» в Париже, Чикагская опера, театр «Colon» в Бузнос-Айресе. Она и не ставила себе целью «завоевание» славы оперной

«звезды». Концертная работа оставляла ей больший простор для творчества.

В конце 1930-х К. поселилась в Голливуде. Здесь неожиданно в ее жизнь вторглось кино. Она снялась вместе с знаменитым французским актером Шарлем Буайе в фильме «Алжир». В 1940-х певица уже выступала редко. В дальнейшем ее основная работа — это вокальная педагогика (дочь — Марина Кошиц, стала незаурядной певицей; она участница известного фильма «Великий Карузо»). По заказам музыкальных издательств К. переводила на английский язык поэтические тексты романсов русских композиторов.

Лучшим документом, сохранившим в какой-то мере искусство К., являются ее записи. Самые ранние из них произведены в Киеве на рубеже 1913-14 компанией «Экстрафон» и выпущены в престижной серии пластинок под маркой «Артистотипия». В начале 1914 в Москве голос К. записала немецкая фирма «Beka» — это самые редкие пластинки певицы, до 1-й мировой войны их успело выйти в свет немного. В 1922 и 1923 в США К. записывалась на фирме «Branswick». В 1928 и 1929 были сделаны лучшие, по сумме технических и художественных достоинств, записи выдающейся русской певицы. В Кемпдене (США) несколько пластинок записала компания «Victor». С дубликатов матриц в Европе эти диски выпускала знаменитая компания «Gramophone» (марка «His Masters Voice»). В числе этих записей — романсы Гречанинова в ансамбле с автором у фортепиано, неповторимые исполнения фрагментов из «Князя Игоря» и «Садко», филигранные по технике пения и полные очарования «Эстрелита» М.Понсе и «Plaisir d'Amour» Мартини. В 1939 в Нью-Йорке небольшое предприятие «Schirmer» записало альбом пластинок К., включающий 14 романсов Рахманинова, романсы Чайковского и А.Аренского и две пьесы («Любовь» Д.Садеро и «Очи черные»), в которых певица аккомпанирует себе на рояле. В этих записях уже чувствуются потери в голосе, но мастерство и одухотворенность исполнения захватывают слушателя. В США в 60-70-х были выпущены две «долгоиграющие» пластинки певицы. На одной были представлены избранные записи 1922-29 (к сожалению, реконструкция звучания выполнена небрежно), на другой — все записи 1939. На родине записи певицы, к сожалению, известны лишь незначительному кругу музыкантов и собирателей вокальных раритетов в грамзаписи.

Лит.: Kutsch J., Riemens L. Unvergängliche Stimmen. Sängerlexicon. Bern, München, 1975; Пружанский А.М. Отечественные певцы 1750-1917. М., 1991.

П.Н.

КРЫМОВ Владимир Пименович (20.7.1878, Двинск — 6.2.1968, Шату, пригород Парижа) — журналист, путешественник, писатель. Выходец из бедной староверческой сибирской семьи; согласно семейному преданию, вел по материнской линии родословную от протопопа Аввакума. Учился в Петровской сельскохозяйственной академии. Будучи студентом, печатал в московских газетах статьи и заметки, в том числе корреспонденции со Всемирной выставки в Париже (1900). Окончил в 1908 Московский университет. В 1909 совершил поездку в Южную Америку как представитель крупного акционерного общества; публиковал очерки о путешествии в газете «Новое время». Позднее совершил поездку в Центральную Америку; описал свои впечатления в книге «В стране любви и землетрясений» (1914). Первая беллетристическая книга (под псевд. Н.Н.Тавридин) — сборник психологических этюдов «Здесь» (Харьков, 1909) — была конфискована. В книгу «О прочем» (СПб., 1912) вошли печатавшиеся в газетах фельетоны, путевые очерки, небольшие рассказы («Как меня прогнал Толстой» и др.). В 1917 вышла книга наблюдений и журналистских заметок о переломном для России времени — «Чтобы жизнь не была так печальна». Все эти книги К. издавал на свои средства.

С 1911 К. жил в Петербурге, сблизился с А.Сувориным, был коммерческим директором газеты «Новое время», затем предпринял издание собственного «журнала роскошной жизни» — «Столица и усадьба» (1914-16), что позволило ему устанавливать контакты с выдающимися личностями, включая членов царской семьи. Суворин наставлял его в то время: «Пишите, как начали, просто, смело и ясно, без замысловатых выкрутасов, туманных фигур и притянутых за хвост образов и метафор». В 1914-16 К. написал книгу «То, что нельзя печатать» — об ужасах войны и бедах России, «которой правили Распутин и банки»; рукопись ее была изъята полицией. В апреле 1917 отправился из Петербурга через Сибирь в кругосветное путешествие, дважды обогнул земной шар; в Россию больше не вернулся; в 1921 обосновался в Берлине; описал странствия в книге «Богомольцы в коробочке» (Берлин, 1921). В заключительной ее части К. размышлял о контрастах увиденного, пропасти между бедными и богатыми, революции в России и ее влиянии на судьбы мира. Главный смысл происходящего видел в том, что под влиянием страшной войны и революции в России мир предстал «под иным углом зрения», «разделение людей на рабов и господ ушло в вечность»; писателю, чьи «мозги очистились от шелухи», стала близка мысль об изменении социальных условий

для работающих, о мировом братстве людей и строительстве новой, просвещенной России. С этим убеждением связана символика названия книги: богомольцы в коробочке — это люди, замкнувшиеся в себе; «строя новую Россию, надо это понимать».

Жил в США, в Англии, с 1923 в Берлине, по свидетельству современника, был «почти миллионером» и умножил свое состояние, участвуя в германо-советской торговле. Редактировал «сменовеховскую» газету «Русский голос». Обратился с письмом к И.Сталину «как одному из крупных государственных деятелей в современной России». Призывал его «во что бы то ни стало сохранить власть..., ничего не щадя», заботиться об усилении армии и увеличении населения, не притеснять религию, привлекать частный капитал; отмечал, что «революция уже сделала колоссально много», но «нужны какие-то выполнения обещанного благополучия пролетариата. А пока у вас волокиты больше, чем в царском строе».

В 1922 опубликовал очерк о Лондоне «Город-сфинкс», в 1923 — 2-е издание книги о кругосветном путешествии «Радость бытия», в 1927 — книгу о поездках в Монако — «Монте-Карло». В 1930 вышла книга «Люди в паутине» — о последнем его большом путешествии (1919) по странам мира, который, как писал он во введении, изменился поразительно, но «попрежнему человек еще опутан паутиной». Книга «Сегодня» (Л., 1925) — описание событий 1917 в Петрограде. Из беллетристических произведений К. в Берлине вышли: сборник «Странные рассказы» (1921) — о причудах миллиардера, «которому все надоело», «Детство Аристархова» (1924) и роман «Бог и деньги» (1926); эти произведения явились подготовительными этапами к роману-трилогии «За миллионами» (1933, «Сидорово ученье», «Хорошо жили в Петербурге», «Дьяволенок под столом»). Роман выходил с вариантами в Берлине и Париже, выдержал 4 издания. Трилогия, как и роман «Бог и деньги», имели автобиографическую основу. К. писал: «Я рос и работал полжизни в той среде, в тех стремлениях и идеалах, среди тех людей, для которых высшим достижением было накопление богатства, деньги, миллионы». По словам К., трилогия — это «хроника из предреволюционной жизни русской буржуазии»; он стремился «изобразить переживания человека, который полжизни думал, ...что в осуществлении задуманной карьеры вся цель жизни, важно только быстрое движение вверх, по ступенькам социальной лестницы; обгоняя толпу, он уперся вдруг в стену, озираясь растерянно на пройденный путь, вдруг понял, что цель была ничтожна, только мираж». Герой трилогии — издатель, затем крупный биржевой делец в Петербурге, после революции — в Нью-Йорке и Лондоне.

В 1933, с приходом нацистов к власти в Германии, К. переселился во Францию, в фешенебельный пригород Парижа — Шату. На эмигрантском материале написал роман «Фуга» (1935); детективные романы «Похождения графа Азара» (1938) и «Сенсация графа Азара» (1939); сочинение в жанре научной фантастики «В царстве дураков» (1939); роман «Фенька» (1945, репринт 1973). В числе изданного также «Дрозофилы и мы» (1947), сборник, составленный по записным книжкам, «Из кладовой писателя» (1951, репринт 1973). Книга, написанная на сюжет парапсихологии с элементами таинственного, опубликована в журнале «Мосты» (Мюнхен, 1960, № 5). Последний, философско-психологический роман «Завещание Мурова» (Нью-Йорк, 1960) создавался в условиях трагических переживаний автора во время немецкой оккупации Парижа и при полной потере им зрения; как и в прежних романах К., его персонаж в главных чертах является двойником автора.

Семь книг К. было издано в Лондоне в переводе на английский язык. «У автора исключительно острый дар наблюдательности, редкое, но тонкое остроумие и литературное умение, более которого нельзя желать», — писала газета «Daily Mail». О романе «Сидорово ученье» писала «Daily Herald»: «Потрясающая картина русского общества накануне революции. Остро, тонко и убедительно». Книга К. «Голос горной пещеры» издана в 1960 в Буэнос-Айресе. Остался неизданным сборник «Портреты необычных людей» (М.Горький, Г.Уэллс, В.Розанов, С.Рейли, *А.Н.Толстой*).

По-разному оценивала творчество писателя русская эмигрантская критика. По свидетельству К.Померанцева (1985), *Г.Адамович* считал книги К. «ниже всякого уровня». Сам же Померанцев признавал, что в романах «Сидорово ученье» и «Фенька» К. «талантливо рисует характеры и быт русских староверов»; о К. он писал, что это был человек «малоинтересный, ограниченный «практическим разумом», предельно сосредоточившим его на делании денег». По мнению В.Яновского, К. «был несомненно талантливым литератором, с культурою языка», но «привязанность к деньгам» и «скупость» были в нем «сильнее всего». «Житейская хроника, широкая словесная картина», — писала о «Завещании Мурова» Н.Клименко, отметившая, что герой романа из тех, кто в конце XIX — начала XX вв. пришел на смену дворянину-мыслителю или разночинцу, «борцу за народ», проявив упорство и энергию в достижении цели жизни — «стать самим собой». Писатель сумел

«заглянуть во все изгибы, углы, извилины души своего героя и талантливо показал его образ».

Лит.: Померанцев К. Сквозь смерть. Владимир Пименович Крымов // Рус. мысль, 1985, 23 мая; Яновский В.С. Поля Елисейские. СПб., 1993.

Е.Трущенко

КУЗНЕЦ Саймон (Семен) Смит (30.4.1901, Пинск [по др. св. Харьков] — 9.7.1985, Кембридж, шт. Массачусетс, США) — экономист. В семье торговца мехами Абрама и Полины (урожд. Фридман) Семен был средним из троих детей. В 1907 его отец уехал в США, собираясь вызвать туда семью, как только устроится сам. Начавшаяся 1-я мировая война, а вслед за ней революция и гражданская война нарушили эти планы. После окончания реального училища К. поступил на юридический факультет университета в Харькове, где в то время велось преподавание и экономических дисциплин. После двух лет учебы в университете К. на протяжении последующих двух лет работал в статистическом отделе Центрального совета профсоюзов руководителем одной из секций бюро статистики труда. В 1921 в сборнике «Материалы по статистике труда на Украине» была напечатана первая статья К. — «Денежная заработная плата рабочих и служащих фабрично-заводской промышленности г. Харькова в 1920 году».

После того, как по условиям советско-польского договора 1921 Пинск отошел к Польше и родившиеся на этой территории могли получить польское гражданство, семья К. перебралась в Польшу. Оттуда Семен и его старший брат Соломон в 1922 уехали в Нью-Йорк. Оба брата сразу же поступили на старший курс Колумбийского университета, где К. в 1923 была присвоена ученая степень бакалавра, в 1924 — магистра, а в 1926 — доктора наук. В аспирантуре Колумбийского университета под руководством известного американского экономиста и статистика У.Митчелла, крупного специалиста в области теории циклов и конъюнктурного анализа, К. выполнил небольшую по объему, но весьма глубокую по содержанию диссертационную работу, посвященную циклическим колебаниям в розничной и оптовой торговле США. Опубликованная в 1926 с предисловием Митчелла диссертация К. содержала попытку дать эмпирическое объяснение закономерностей экономического развития, представив его изменения через накопление статистической информации.

По завершении учебы в аспирантуре К. в течение полутора лет работал научным сотрудником в Совете по исследованиям в области социальных наук (СИСН). Результаты этой работы воплотились в монографии «Столетняя динамика производства и цен», опубликованной в 1930. В 1927 по приглашению Митчелла, назначенного директором созданного Национального бюро экономических исследований (НБЭИ), К. стал штатным сотрудником НБЭИ и проработал в нем до 1960. К. был назначен руководителем первого научно-исследовательского проекта бюро по изучению национального продукта и дохода США. Исследования К. по подсчету размера и компонентов национального дохода и их изменений во времени стали его крупнейшим вкладом в современную экономическую науку.

Уже в своей первой монографии «Столетняя динамика производства и цен» К. обратился к анализу экономического роста, исследуя долговременные тенденции в динамике производства и цен многих категорий товаров по данным шести стран за длительный исторический период. В книге был сделан вывод о несомненном наличии циклической составляющей в динамике выпуска товаров и цен, период которой превышал продолжительность обычного экономического цикла, но был короче длинных волн Кондратьева. Средняя продолжительность таких, по определению К., «вторичных вековых колебаний» составляла порядка 22 лет. В более поздних работах К. называл данное явление «длинными колебаниями», другие исследователи определили его как «цикл Кузнеца» (термин был введен в оборот английским экономистом А.Льюисом).

К. провел масштабное исследование сотен разнообразных источников, составив на основе статистических данных за длительный период времени таблицы национального дохода и его основных компонентов. Предложенная им методика оценки национального продукта страны используется в официальной статистике США до настоящего времени. Методика К. предполагает рассмотрение национального продукта с трех точек зрения: как сумму расходов разных категорий потребителей на разные категории благ; как сумму «произведенных доходов» (сумма заработной платы, процента, ренты, выплаченных дивидендов и нераспределенной прибыли во всех производственных отраслях экономики); как сумму доходов всех видов, полученных населением, что обеспечивает данные для анализа распределения доходов. Результаты своих исследований национального продукта и дохода К. изложил в серии публикаций, в том числе: «Национальный доход за 1929-1932 гг.» (1934), «Национальный доход и формирование капитала в 1919-1935 гг.» (1937), «Товарный поток и формирование ка-

питала» (1938). Наиболее значимым в этой серии был двухтомник «Национальный доход и его структура за 1919-1938 гг.», вышедший в 1941.

Как последовательный ученик Митчелла К. весьма скептически относился к абстрактно-теоретическим моделям экономики, отдавая предпочтение концепциям, основывающимся на тщательно выверенных статистических данных. Главную задачу экономиста он видел в детальном описании реального экономического мира и его объяснении таким образом, чтобы это имело ощутимую пользу для тех, кто делает экономическую политику. В центре исследований К. на протяжении всей жизни оставалась исчерпывающая интерпретация экономического роста и циклических колебаний экономики. Он ставил своей задачей расширить, насколько это возможно, спектр оценок, постепенно переходя от рыночного производства к тем видам человеческой деятельности, которые неподвластны рынку; к систематическому учету промежуточных продуктов, существенно влияющих на точность информации об объеме конечного продукта; а также к решению проблем ценностной оценки разнородной продукции и учета изменений цен. К. был чрезвычайно осторожен в оценке любых эмпирических данных, подвергая их всесторонней проверке и предостерегая от чрезмерного доверия к голым цифрам. Он подчеркивал зависимость предлагаемых решений от системы общественных ценностей, принятых в данном месте и в данный момент времени, от природы семьи, от организации промышленной жизни и государства. Первым из экономистов, на основе обширного круга данных, К. создал прочную базу для построения ясной и всесторонней картины национального производства и дохода. Занимаясь в течение многих лет изучением долгосрочных тенденций развития, К. тем не менее избегал делать какие-либо прогнозы экономического развития, понимая сложность учета всего многообразия факторов, воздействующих на экономический рост.

Начиная с 1930, когда его пригласили преподавать статистику в Пенсильванском университете, К. неизменно совмещал исследовательскую работу в НБЭИ с преподавательской деятельностью. С 1930 по 1954 он занимал должность профессора на кафедре экономики и статистики Пенсильванского университета. Затем — с 1954 по 1960 — преподавал в университете Джонса Гопкинса в Балтиморе, а с 1960 вплоть до выхода на пенсию в 1971 — в Гарвардском университете. Славу блестящего преподавателя К. снискал благодаря неиссякаемому интересу к излагаемому предмету, аналитическому таланту, четкости изложения, эрудиции, а также способности вовлечь своих слушателей в непосредственный процесс исследования.

В 1944 К. был назначен заместителем директора бюро планирования и статистики при министерстве военной промышленности и проработал в нем до 1946. Параллельно он продолжал сотрудничество в НБЭИ, поставив своей задачей ретроспективный анализ национального дохода США, начиная с 1869. Результаты этого исследования были изложены в монографии «Национальный продукт с 1869 года», вышедшей в 1946. Понимая, что как теоретические, так и практические проблемы оценки национального дохода требуют всестороннего изучения и обсуждения, в том числе на международном уровне, К., став в 1949 преподавателем Комитета по экономическому росту в СИСН, возглавил программу сравнительного изучения роста национального дохода различных стран. Он поставил задачу выявить на основе достоверных эмпирических данных идентичные для разных стран факторы, определяющие экономический рост, установить значение каждого из них, а также их внутреннюю взаимосвязь. В работе над проектом К. помогали аспиранты и исследователи из СИСН, а также из университета Джонса Гопкинса и Гарварда. Ключевыми публикациями в этой области стала получившая широкую известность серия из 10 статей, публиковавшихся под общей рубрикой «Количественные аспекты экономического роста наций» в журнале «Экономическое развитие и культурный обмен» с октября 1956 по январь 1967. Многие из полученных в ходе работы на проектом данных К. обобщил в работах «Современный экономический рост» (1966) и «Экономический рост наций» (1971).

К. являлся одним из инициаторов учреждения Конференции по исследованию национального дохода и богатства, на протяжении многих лет оставался одним из ее лидеров и активнейшим участником публикаций серии «Исследования дохода и богатства», насчитывающей к 1986 уже 51 выпуск. К. содействовал также созданию Международной ассоциации по исследованию дохода и богатства, деятельность которой сыграла большую роль в стимулировании и координации изучения национальных счетов в различных странах, а также в развитии исторической статистики.

В целом в исследовании проблем экономического роста К. принадлежал приоритет в разработке следующих тем: анализ изменений в темпах роста за 100-летний период, их связь с динамикой населения и экономическими циклами; выявление соотношения между сбережениями и приростом основного капитала; анализ отношения между структурными изменениями

и ростом производительности; соотношение между экономическим ростом и доходом; сравнительный анализ национального дохода и роста по странам. Проведенные К. исследования, базирующиеся на широком охвате многолетних статистических данных, не подвергавшихся ранее анализу, дали возможность установить ряд закономерностей, касающихся темпа роста 4 ведущих европейских стран и США. В частности, им было установлено, что в основе процесса экономического роста лежат длительные структурные сдвиги, для определения которых необходимо охватывать периоды наблюдения, существенно более продолжительные, чем экономический цикл. Сам К. склонялся к определению периода наблюдений порядка 50 лет.

С начала 50-х К. изучал различные аспекты проблемы распределения, в первую очередь, ее связь с экономическим ростом и экономическими циклами. Он показал, что повышение доли акционерного капитала в общем объеме производства и снижение прибыли на инвестированный капитал повышают долю труда в национальном доходе. Детально проанализировав данные о динамике национального дохода в 10 странах, К. выявил тенденцию к уменьшению неравенства в распределении дохода между физическими лицами в периоды бума, хотя и подчеркивал, что наличие огромного количества исключений не позволяет сделать исчерпывающие выводы. К. вообще уделял немалое внимание выяснению источников ошибок при сравнительном анализе экономики стран с различным уровнем экономического развития. Стремясь минимизировать возможные ошибки в подсчетах, он опробовал разнообразные методы количественной оценки экономических показателей. Значительный вклад внес К. в исследование роли накоплений и инвестиций, а также прироста капитала и технологических изменений в процессе экономического роста. Особенно тщательно эти проблемы были рассмотрены в работе «Капитал в американской экономике» (1961), где было показано, что за длительный период стабильность процесса накопления определяет долю капиталовложений в экономике. Одним из первых экономистов 60-х К. раскрыл роль капиталовложений в человеческий фактор в качестве одной из составляющих экономического роста, подчеркнув, что «самым большим капиталом страны являются ее люди с их мастерством, опытом и побуждениями к полезной экономической деятельности».

Как крупный авторитет в области проблем экономического развития К. неоднократно привлекался к международным исследовательским проектам. В 1953-63 он являлся председателем проекта Фалька по экономическому развитию Израиля, с 1963 — почетным председателем Института экономических исследований Мориса Фалька (Израиль), а в 1961-70 — председателем Комитета по экономике Китая в рамках СИСН.

В 1971 «за эмпирически обоснованное истолкование экономического роста, что привело к новому, более глубокому пониманию как экономической и социальной структуры, так и процесса развития», К. была присуждена Нобелевская премия по экономике. Оценивая его вклад в экономическую науку, член Шведской Королевской академии наук Бертил Улин подчеркнул, что в своих работах К. «оперировал огромным статистическим материалом, подвергая его столь глубокому и тщательному анализу, что будил мысль и проливал совершенно новый свет на проблему экономического роста».

К. был президентом Американской экономической ассоциации (1954), Американской статистической ассоциации (1949), почетным членом Ассоциации по экономической истории, Эконометрического общества, Международного статистического института, Королевского статистического общества (Великобритания), Американского философского общества, Британской академии наук (член-корреспондент), Шведской Королевской академии наук. Он имел почетные ученые степени многих университетов, в том числе Гарвардского, Принстонского, Колумбийского и Пенсильванского.

К. был с 1929 женат на Эдит Хандлер, также работавшей в НБЭИ. Супруги имели дочь Юдифь и сына Пола, преподавателя экономики в университете штата Индиана.

Соч.: Cyclical Fluctuations: Retail and Wholesale Trade, United States, 1919-1925. New York, 1926; Economic Change. New York, 1953; Growth, Population, and Income Distribution. New York, 1979; Growth and Structural Shifts. New York, 1979; Economic Development, the Family, and Income Distribution: Selected Essays. Cambridge (Mass.), 1989.

Лит.: Lundberg E. Simon Kuznets' Contribution to Economics // Swedish Journal of Economics, 1971, vol. 73, № 4; Bergson A. Simon Kuznets: 30 April 1901-9 July 1985 // American Philosophical Society Yearbook, 1986; Лутченко В., Макаренко В. Саймон Кузнец // Маркетинг, 1992, № 2; Абрамовиц М. Саймон Кузнец (1901-1985) // Thesis, 1993, т.1, вып.2.

Л.Васина

КУЗНЕЦОВА (в разное время к девичьей фамилии прибавлялись фамилии ее мужей: -Бенуа, -Карепанова, -Массне) Мария Николаевна (1880, Одесса — 26.4.1966, Париж) — оперная и камерная певица (лирическое сопрано), балерина, исполнительница народных танцев, музыкально-общественный деятель. Отец К. — известный художник-портретист Н.Д.Кузнецов

(автор знаменитого портрета П.Чайковского, 1893). В художественном салоне Кузнецовых в Одессе часто бывал со своими студентами и коллегами И.Мечников (дядя будущей певицы), П.Чайковский, обративший внимание на исключительную музыкальную одаренность девочки и предсказавший ей большое артистическое будущее. Однако творческие способности К. нашли свое применение лишь в Петербурге, куда она переехала, выйдя замуж за сына известного акварелиста Альбера Бенуа — А.Бенуа. Занятия с артистом итальянской труппы маэстро Марти принесли ей первый успех — дебют в партии Маргариты («Фауст» Ш.Гуно) в петербургской оперной антрепризе князя А.Церетели (1904). Вскоре К. предложили прийти на пробу голосов в Мариинскую оперу. Авторитетная комиссия во главе с дирижером Э.Направником по достоинству оценила талант певицы, и с 1905 она стала солисткой ведущего оперного театра России.

К. дебютировала в партиях Татьяны («Евгений Онегин» Чайковского) и Маргариты («Фауст»). Одно за другим следовали ее успешные выступления в партиях Антониды («Жизнь за царя» М.Глинки), Ольги («Русалка» А.Даргомыжского), Маши («Дубровский» Направника), Виолетты («Травиата» Дж.Верди), Джульетты («Ромео и Джульетта» Гуно), Эльзы («Лоэнгрин» Р.Вагнера). Гибкий ровный сильный голос широкого диапазона, незаурядное актерское дарование, яркая и обаятельная сценическая внешность позволяли артистке одинаково успешно воплощать такие разнохарактерные образы как Горислава и Людмила («Руслан и Людмила» Глинки), Снегурочка и Купава («Снегурочка» Н.Римского-Корсакова). Вскоре она уже пела в очередь со знаменитыми М.Фигнер, *Л.Липковской*, М.Черкасской, А.Больской. За 1,5-2 года, по всеобщему мнению, молодая дебютантка успела сложиться в большую и зрелую артистку.

К. постоянно совершенствовала свое мастерство, она брала уроки у своего партнера по спектаклям И.Тартакова — замечательного оперного певца, талантливого педагога, незаурядного режиссера и мастера сцены (*Ф.Шаляпин* недаром называл его в числе своих учителей). Ученик прославленного К.Эверарди, Тартаков открывал К. тайны итальянской культуры пения бельканто, учил голосом передавать характер и оттенки настроения героини, «петь мысль», заложенную в содержании партии. К. училась у него разработке тонкой тембровой палитры, усиливавшей воздействие певца-актера на слушателей. Великолепной школой была для нее также подготовка партий под руководством Направника, знакомившего К. с традициями, сложившимися при его совместной работе с Чайковским, Рубинштейном, Римским-Корсаковым и др. композиторами. Эталоном для К. стал уже прославленный к тому времени Шаляпин, с которым она впервые встретилась в спектакле «Фауст» (новый летний театр «Олимпия», антреприза Е.Кабанова и К.Яковлева, 25.8.1904); позднее Шаляпин пригласил ее на роль Тамары, когда в день своего бенефиса решился впервые выступить на сцене Мариинского театра в баритоновой партии Демона в одноименной опере А.Рубинштейна (30.12.1905). В дальнейшем, неоднократно выступая с Шаляпиным, певица постоянно пользовалась его советами, как на сцене «разворачивать» жест, психологически наполняя и обыгрывая его, как работать над внешним рисунком роли, дикцией и интонированием смысла. Под влиянием Шаляпина К. первой из певиц-актрис на сцене Мариинского театра начала борьбу с оперными штампами. Она сценически прорабатывала свои роли с А.Петровским — одним из основателей «Школы сценического искусства», известным характерным актером Александринского драматического театра, — передавшим К. тайны искусства перевоплощения. Добиваясь легкости, изящества и отточенности сценических движений, К. обратилась к балерине *О.Преображенской*, и та открыла в ней новую грань таланта — танцовщицы и балерины. Впоследствии К. эпизодически выступала в балетных спектаклях в Петербурге и Москве, а однажды даже участвовала в парижской премьере балетной пантомимы Р.Штрауса «Легенда об Иосифе» (Русские сезоны *С.Дягилева*, «Grand-Opéra», 1914). К. были чрезвычайно близки новаторские идеи, пытаясь развивать их на специальных пластических вечерах, она заслужила титул «русской Дункан».

Репертуар К. был обширен. Она вошла в историю музыкального театра как первая исполнительница партий Февронии («Сказание о невидимом граде Китеже» Римского-Корсакова, Петербург, 1907) и Клеопатры (в одноименной опере Ж.Массне, Монте-Карло, 1914). Принимая активное участие в вагнеровском цикле «Кольцо нибелунга», где ее партнерами были И.Ершов, Ф.Литвин, М.Фигнер, К. великолепно исполняла партию Зиглинды и впервые на русской сцене создала образ Воглинды в «Золоте Рейна». Она первой познакомила русских слушателей с оперой «Таис» Ж.Массне и блистала в премьерах Мариинского театра — операх «Нерон» А.Рубинштейна (Криза) и «Мадам Баттерфлай» Дж.Пуччини (Чио-Чио-Сан). С Л.Собиновым она участвовала в мейерхольдовской постановке оперы К.Глюка «Орфей» (1912), вызвавшей горячую полемику в музыкально-театральной среде. Своим же участием в премьере оперы Чайковского «Черевички» (Оксана)

на Мариинской сцене артистка вызвала бурный восторг: сама украинка, она брала всем — очаровательной внешностью, певучестью, а в сцене с пляской просто не имела соперниц. Артистка тонко разрабатывала психологию характера своих героинь. Придавая большую значимость выразительности и точности слова, К. приветствовала и активно вводила в спектакли новые русские переводы зарубежных опер, приближающие к оригиналу, углубляющие смысловое содержание партии. К. всячески стремилась выйти за рамки традиционного амплуа. Ради партии Кармен артистка сознательно пошла на риск (партия написана для меццо-сопрано), даже в сопрановой транскрипции несколько насилуя свой голос. Зато этот образ, дававший огромные возможности в плане сценической актерской игры, пластического и психологического решения, по признанию современников, стал своего рода квинтэссенцией ее многогранного артистического дарования.

Достаточно скоро К. приобрела известность за рубежом. Первые ее гастроли в январе 1908 в парижском «Grand-Opéra» прошли с грандиозным успехом. В «Лоэнгрине» (постановка была специально возобновлена для гастролей К.) ей пришлось бисировать арию Эльзы и дуэт с Ортрудой, а на представлении «Фауста» парижская публика буквально неистовствовала после сцены и арии с жемчугом и последнего действия. Затем последовали столь же успешные гастроли в Париже и Лондоне, Монте-Карло и Ницце, Нью-Йорке и Чикаго, поездки по городам Италии и Испании, Южной Америки и Японии. Как отмечали современники, ее не только ждали иной раз месяцами для объявления той или иной премьеры, но Массне специально для нее написал свою оперу «Клеопатра». К. покоряла слушателей не только превосходной сценической игрой, но и высокой певческой культурой. Подобно А.Неждановой и *М.Куренко*, она обогатила в своем искусстве блестящую итальянскую технику вокала певучестью украинской речи. Ее отлично отшлифованный голос располагал к полнокровной кантилене, и даже на коротких нотах звук был тягуч. Главное же — пение К. всегда было наполнено внутренним содержанием; любой пассаж был оправдан логикой музыкальной речи, вытекал из смысла и становился неотъемлемой частью фразы, что являлось одним из наиболее верных признаков русского исполнительского стиля. В 1917 К. выехала с пианистом Г.Поземковским на гастроли в Швецию. Ее камерные концерты, где она исполняла романсы Чайковского и *Рахманинова*, повлекли за собой новые приглашения, выгодные ангажементы. Вернувшись в Петроград, К. столкнулась с разрухой, фактическим развалом оперного дела. Осенью 1918 она покинула Россию. Гастролировала по Скандинавии и в 1919 стала солисткой сразу двух Королевских оперных театров — Швеции и Дании, выступала также на оперных сценах Парижа (французская премьера оперы Массне «Клеопатра», театр «Лирико», Париж, 1919) и Лондона («Covent Garden», 1920). Кроме того, К. решила завоевать себе на Западе славу танцовщицы. Она восстановила отдельные номера петербургских программ, усовершенствовала испанские пляски, которыми пленяла в «Кармен» на Мариинской сцене, сшила себе умопомрачительные туалеты по эскизам самых известных художников (в частности, *Л.Бакста*) и стала выступать в концертах, имевших шумный успех в Париже и Лондоне. Как вспоминал один из современников, К. обставляла свои вечера с большой помпой; солидные композиторы писали для нее музыку или оркестровали ее; все до последнего штриха отделывалось с величайшей тщательностью и вкусом.

В 1922 в Париже возник театр миниатюр под художественным руководством Л.Бакста. К. вступила в это предприятие и поручила *Р.Болеславскому* набрать труппу в ее антрепризу. По замыслу это должен был быть театр типа «Летучей мыши» *Н.Балиева*. На первых порах ставились инсценированные песни, костюмные танцы, стилизованные картины из восточной и древнерусссской жизни, в которых К., наряду с другими артистами, появлялась во всех амплуа. В погоне за популярностью представление в целом «отдавало» кафе-шантаном. Сборы прибыли не приносили. Организаторы рассчитывали на гастроли в Америке, и, действительно, труппа была приглашена на 3 месяца в Нью-Йорк в др. города Северной Америки.

С годами, однако, К. приходила к убеждению, что ее главная задача — популяризация за рубежом сокровищ русской музыкальной культуры и прежде всего — русской оперы. С помощью своего нового мужа — Альфреда Массне, племянника композитора, крупного акционера большого банка, миллионера — она создала «Русскую частную оперу в Париже» (торжественное открытие 27.1.1929 в Театре Елисейских полей). Труппа была необычайно сильной: в группе сопрано выступали Яковлева, Роговская, Новикова, Боярская, Азрова; меццо-сопрано — Давыдова, Садовень, Турель, Антонович; в группе теноров блистали Пиотровский, Петраускас, Третьяков, Райчев, Лаврецкий, Рич; у баритонов — Юренев, Попов, Дубровский, Лукин, Мельников; составом же басов мог бы гордиться любой европейский театр — это Запорожец, Кайданов, Ждановский, Жукович, Оксанский, Житовский. Удалось также собрать отличный хор в количестве 90 человек (из Рижской оперы и певцов Парижа) и пригла-

сить превосходный оркестр (т.н. «Оркестр Концертов Страрама»). В качестве руководителя музыкальной частью и главного дирижера был приглашен *Э.Купер*, позднее, после отъезда К. в США, его заменил А.Лабинский — ученик К. по Петроградской консерватории. В работе театра деятельное участие принимал и дирижер М.Штейман, часто выступавший с Шаляпиным и К. в Париже и Лондоне. Помимо оперы, был набран балетный состав во главе с *М.Фокиным*. Художники — *И.Билибин* и *К.Коровин*, режиссеры — *А.Санин*, *Н.Евреинов* и А.Севастьянов. Осенью 1928 К. провела «пробные» гастроли труппы в Барселоне, где впервые был исполнен «Царь Эдип» *И.Стравинского* (дирижер М.Штейман). Спекталь не имел успеха, и К. поняла, что акцент в репертуаре должен быть сделан на русской самобытности, она остановила свой выбор на операх А.Бородина («Князь Игорь») и Н.Римского-Корсакова («Сказка о царе Салтане», «Снегурочка», «Сказание о невидимом граде Китеже»). Блестящее открытие «Русской оперы» спектаклем «Князь Игорь» (дирижер Купер) буквально ошеломило парижан. И от премьеры к премьере успех рос. К. принимала участие в каждой постановке, исполняя ведущие партии (Ярославна, Царевна Лебедь, Снегурочка и Купава, Феврония). Критики отмечали продолжавшийся творческий рост артистки. Если в мариинской премьере «Китежа» она вносила в образ Февронии страстное увлечение, то в парижском спектакле ее героиня дышала чистотой и неземной отрешенностью. Спектакли давали невероятные сборы. В течение полугода Театр Елисейских полей буквально ломился от зрителей. Подобный успех сопровождал и гастроли труппы в Мадриде и Барселоне, Мюнхене и Милане.

Летом 1929 весь коллектив театра (129 человек) вместе с декорациями и костюмами отправился за океан — на гастроли в Бразилию, откуда началось триумфальное «завоевание» Южной Америки. Русские оперы впервые звучали на сценах ведущих театров Бразилии, Аргентины, Уругвая, Чили. Опьяненная успехом, К. сделала опрометчивый шаг — выступления в Уругвае и Чили не были предусмотрены в контракте. А.Массне, финансировавший поездку, потребовал срочного возвращения супруги в Париж. Она покинула труппу, оставив ее на попечение сына. Гастроли по Западному побережью своими утомительными переездами, отсутствием сборов в небольших городках внесли разлад в труппу русских артистов. Все же к следующему сезону К. удалось собрать новую труппу. В 1934 в Париже музыкальная общественность торжественно отметила 30-летие творческой деятельности К.

Оставив сцену, К. поселилась в Барселоне, где давала уроки и была музыкальным советником в оперном театре. Последние годы ее жизни прошли в Париже, который стал для К. второй родиной. О замечательном искусстве певицы некоторое представление дают записи, осуществленные граммофонными фирмами Петербурга, Парижа, Берлина. Многие из них ныне реставрированы и входят в золотой фонд истории вокального искусства.

Лит.: Старк Э. (Зигфрид). Петербургская опера и ее мастера. Л.-М., 1940; Левик С.Ю. Записки оперного певца. 2-е изд. М., 1962.

В.Руденко

КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА Елизавета Юрьевна, мать Мария (8.12.1891, Рига — 31.3.1945, Равенсбрюк, Германия) — поэт, философ, публицист, общественно-религиозный деятель. Отец — Ю.Д.Пиленко, был городским головой Анапы, неподалеку располагалось и его имение. Детские впечатления, наблюдения за археологическими раскопками курганов отразились в стихах ее первой книги «Скифские черепки» (СПб., 1912). Лирический герой стихотворений одновременно является и участником далекого прошлого, и современным наблюдателем. Назначение отца директором Никитского ботанического сада заставило семью в 1905 переехать в Ялту. После неожиданной смерти отца уехала в 1906 с матерью, С.Б.Пиленко, в Петербург, где, закончив частную гимназию, поступила на философское отделение Бестужевских курсов. В 1910 вышла замуж за Д.Кузьмина-Караваева, юриста по образованию, социал-демократа, ставшего позднее в эмиграции католическим священником; он был близок к петербургской литературной среде, в которую и ввел свою жену, увлеченную поэзией. К.-К. испытывала воздействие акмеистов, издавших ее первую книгу стихов, входила в «Цех поэтов», дружила с А.Ахматовой, С.Городецким и др., посещала заседания «башни» *Вяч.Иванова*, гостила в Коктебеле у М.Волошина. Длительное время находилась под сильным влиянием поэзии и личности А.Блока; переписка с поэтом длилась многие годы после его стихотворного обращения к ней: «Когда вы стоите на моем пути, / Такая живая, такая красивая...» К 15-й годовщине со дня смерти Блока написала и опубликовала статью «Встречи с Блоком» (СЗ, 1936, № 62., перепечат.: Уч. зап. Тартус. ун-та, 1968, вып.209). Была первой женщиной, заочно изучавшей богословие в Петербургской духовной академии. Ранние стихи, написанные главным образом в 1913-14, составили сборник «Руфь» (Пг., 1916).

Как член партии эсеров К.-К. после Февральской революции 1917 была городским головой Анапы; об этом эпизоде вспоминала позднее в статье «Как я была городским головой» (Воля России, 1925, № 4/5). В 1919 вместе со вторым мужем, Д.Скобцовым-Кондратьевым, казачьим деятелем, писателем, эмигрировала из России через Константинополь и Белград.

С 1923 жила в Париже. Под псевдонимом Юрий Данилов опубликовала автобиографический роман о годах революции и гражданской войны «Равнина русская (Хроника наших дней)» (СЗ, 1924, № 19-20) и повесть «Клим Семенович Барынькин» (Воля России, 1925, № 7-10). В издательстве «YMCA—Press» вышли два ее сборника житий святых «Жатва духа» (1927). Их тема — беспредельная, порой пародоксальная любовь к человеку, вплоть до принятия на себя чужого греха. «Вольная нищета и вольное унижение — формы любви, придающие ей особый характер нисхождения (богословски: кенозис)», — писал в своей рецензии *Г.Федотов.* Отмечая, что автор не включил в сборник ни одной мученической или аскетической легенды, которые преобладают в Четьях-Минеях, Федотов утверждал, что «Жатва духа» «бросает луч света» в таинственную область «связей древнерусской религиозной души с «безбожными» течениями русской интеллигенции». Это же издательство привлекло К.-К. к работе над серией коротких монографий, посвященных русским религиозным мыслителям (Париж, 1929): «Достоевский и современность», «Миросозерцание Вл.Соловьева», «Хомяков». К.-К. сотрудничала в журналах «Современные записки», «Русские записки», «Воля России», «Путь», «Новый град», газетах «Дни» и «Последние новости».

С 1930 — разъездной секретарь Русского студенческого христианского движения, вела миссионерскую и просветительскую деятельность среди русских эмигрантов в разных городах Франции (Тулузе, Лионе, Страсбурге и др.); свои впечатления отразила в статье «Русская география Франции» (ПН, 1932, 25 июня).

В 1932, после церковного развода с Д.Скобцевым, стала монахиней, приняв при постриге, который совершил глава русской православной церкви за рубежом — митрополит *Евлогий*, имя Мария (в честь Св.Марии Египетской). С тех пор выступала в печати под именем монахиня Мария, мать Мария. В 1937 в Берлине вышел сборник религиозной поэзии «Стихи», разделенный на две части: «О жизни» и «О смерти». *М.Цетлин*, отмечая, что К.-К. знает жизнь «подлинную, страдающее эмигрантское дно», и эта жизнь кажется ей «воронкой в ад, а иногда и прямо адом», видел в ее поэзии «свидетельство о чем-то большом и подлинном, комментарий к религиозному труду и подвигу». Тот же критик заметил, что стихи о смерти (кроме проникнутых сильным чувством стихов о смерти дочери, уехавшей в Москву и умершей от сыпного тифа в июне 1936) холоднее и дидактичнее стихов о жизни, в которых звучит тема Иова, упреки Богу за дурно созданный мир. *Г.Адамович* полагал, что монахиня Мария имеет основания поучать, потому что идет к людям с помощью; «она должна поучать и призывать, иначе изменила бы себе. Она говорит не от своего имени», ибо «нашла цель. Для нее уже невозможно быть всегда и во всем с теми, кто предоставлен сам себе и кто в творчестве ищет какого бы то ни было выхода из жизненной тьмы».

Свое монашеское призвание К.-К. видела в деятельной любви к ближним, прежде всего — в помощи бедным. Как свидетельствовал хорошо знавший ее *К.Мочульский*, она говорила, что путь к Богу лежит только через любовь к человеку, и на Страшном суде спросят: «накормила ли я голодного, одела ли голого, посетила ли больного и заключенного в тюрьме. И только это спросят». Она нашла свой путь служения людям, оставшись работать в миру и помогая тем, кто оказался на самом дне эмигрантской жизни. В середине 30-х основала в Париже центр социальной помощи — Братство «Православное дело», которое стало местом встречи многих писателей и философов. Еще в 20-е К.-К. была секретарем Религиозно-Философской академии, созданной *Н.Бердяевым*; поступив вольнослушательницей в Православный Богословский институт, сблизилась с о.*С.Булгаковым*, ставшим ее духовным отцом. Выступала на страницах журнала «Новый град», сборников «Православное дело». Деятельное участие принимала в собраниях общества «Круг», основанного в 1935 *И.Фондаминским*; в альманахе «Круг» (1937, № 1) была напечатана ее статья «Мистика человекообещания».

К.-К. выбрала своеобразный монашеский путь, сочетая иночество и материнство. Организовала общежитие с дешевой столовой, для которой сама доставала продукты и готовила, санаторий для туберкулезных больных. На улице Лурмель в Париже оборудовала церковь, выполнив роспись стен и стекол, вышитые гладью панно. В 1939 «Православное дело» основало швейную мастерскую, исполнявшую заказы для французской армии и дававшую этим заработок женам и матерям мобилизованных русского происхождения. После оккупации Парижа сотни евреев обращались к К.-К. за помощью и убежищем. Им выдавали свидетельства о принадлежности к православному приходу на Лурмель, документы, их укрывали, отправляли в провинцию. Во время массового еврейского погрома 1942, когда тысячи евреев, вклю-

чая детей, были загнаны на стадион (велодром д'Ивер), К.-К. пробралась туда и спасла несколько детей. В статье «Размышления о судьбах Европы и Азии» (1941) писала, что во главе избранной «расы господ стоит безумец, параноик, место которому в палате сумасшедшего дома, который нуждается в смирительной рубашке, в пробковой комнате, чтобы его звериный вой не потрясал вселенной». 9.2.1943 была арестована, отправлена в концлагерь Равенсбрюк и погибла в газовой камере.

В 1947 вышел посмертный сборник «Стихотворения, поэмы, мистерии: Воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк», изданный ее бывшим мужем Д.Скобцевым; там опубликованы две поэмы («Похвала труду» и «Духов день», 1942) и две мистерии в стихах («Анна», 1939 и «Солдаты», 1942). Первая — своеобразная апология образа жизни автора. Действие второй происходит во время войны в арестантском помещении при немецкой комендатуре; преследование французских евреев и коммунистов рассматривается как попрание основных принципов и религиозных законов жизни. С.Пиленко приводит в своих воспоминаниях прощальные слова К.-К.: «Мое состояние — это то, что у меня полная покорность к страданию, и это то, что должно со мною быть и что, если я умру, в этом я вижу благословение свыше. Самое тяжелое и о чем я жалею, что я оставила свою престарелую мать одну».

«Обществом друзей Матери Марии» и С.Пиленко в 1949 был издан 2-й сборник «Стихи», в который вошла также интермедия «Семь чаш». Автор вступительной статьи Г.Раевский пишет, что в этих стихах ощущается «полнота жизненной ответственности за все сказанное (и сделанное)», ибо подлинное творчество всегда искренне, и тем самым «оно является прямым свидетельством о человеке. Такою искренностью (в первичном, огненном значении слова) отмечено все, что написано матерью Марией. Стихи ее (как и все ее деяния) — «вулканического» происхождения, при чтении которых чувствуется порою как бы некий жар «неостывшей лавы».

Соч.: «Убери меня с Твоей земли»: Стихи // Нов. мир, 1990, № 5; Воспоминания, статьи, очерки. Париж, 1991; Избранное. М., 1991.

Лит.: Манухина Т.И. Монахиня Мария (К 10-летию со дня кончины) // НЖ, 1955. № 41; Зандер В. Мать Мария: К 10-летию со дня смерти // Вест. РСХД, 1955, № 36; Бердяев Н.А. Памяти монахини Марии (Скобцевой) // Там же, 1965, № 78; Микулина Е.Н. Мать Мария: Роман. М., 1983; 2-е изд., доп. М., 1988; Шустов А.Н. Свидетельства современника о матери Марии // Вест. РСХД, 1992, № 166; Носик Б. «Возьми свой крест...» (Мать Мария) / Носик Б. «Привет эмигранта, свободный Париж!» М., 1992; Гаккель С. Мать Мария. М., 1993.

Т.Петрова

КУПЕР (наст. фам. Купершток) Эмиль Альбертович (1.12.1877, Херсон — 16.11.1960, Нью-Йорк) — дирижер, скрипач, педагог, композитор. Родился в семье одесского учителя музыки и контрабасиста А.Куперштока, под руководством которого обучался с пяти лет игре на скрипке. Окончил Одесское музыкальное училище по классу скрипки у Г.Фримана (1891). Совершенствовался в 1891-93 в Венской консерватории у Й.Гельмесбергера, там же проходил занятия композиции у Р.Фукса. В 1891-96 выступал как скрипач-вундеркинд в Константинополе, Вене, городах Восточной Европы. Уже на своих первых сольных концертах К. продемонстрировал отличное владение инструментом и природную музыкальность, волевой напор и огненный темперамент, редкое ощущение формы произведения как единого целого. Все это пригодилось ему и в дирижерской профессии. Будучи скрипачем-концертмейстером Киевской оперы (с 1896), он без репетиций, заменив дирижера, бестяще провел оперу «Фра-Дьяволо» Л.Обера (1897), а затем «Аиду» Дж.Верди (1898), повторив тем самым «музыкальный подвиг» 19-летнего А.Тосканини. Б. умел быстро схватывать музыкальные образы и суть задачи, имел железную волю, чтобы блестяще ее реализовать. Почувствовав, что он нашел в дирижировании свое истинное призвание, К. фактически самостоятельно осваивал премудрости профессии оперного капельмейстера. С 1898 он — помощник дирижера в итальянской опере Александровского театра в Гельсингфорсе, дирижер частных оперных театров Одессы, Харькова, Петербурга, Ростова-на-Дону, Нижнего Новгорода. Всего два года практики понадобилось ему, чтобы с багажом ходового репертуара встать (в 1900) за дирижерский пульт Киевского оперного театра — в ту пору одного из лучших театров России.

За годы работы в Киеве (1900-7) К. прошел большую школу. В содружестве с опытными дирижерами И.Палицыным и И.Труффи, хормейстерами, певцами и оркестрантами он основательно изучил значительный оперный репертуар (св. 30 произведений) и из молодого, подающего надежды дирижера вырос в крупного авторитетного мастера. В его творческом багаже были все оперы П.Чайковского, «Садко» и «Царская невеста» Н.Римского-Корсакова, «Дон Жуан» В.А.Моцарта, «Отелло» и ряд др. опер Дж.Верди, «Гугеноты» Дж.Мейербера, «Лоэнгрин» Р.Вагнера. Отец К. работал в том же театре контрабасистом, и Эмиль помогал ему содержать большую семью, где было еще 7 детей (причем все они были исключительно музыкальны; брат, Макс Купер, стал оперным и хоровым дирижером, в 1931-45 работал главным хормейстером Большого театра).

Ряд обстоятельств (начавшиеся в Киеве еврейские погромы) заставил К. всерьез подумать о переезде в другой город. Оказавшись в Москве осенью 1907, без определенных планов, он, тем не менее, вскоре заставил заговорить о себе, добившись успеха как своими постановками на сцене Московской оперы С.Зимина («Сон на Волге» А.Аренского, «Борис Годунов» М.Мусоргского; К. — дирижер оперы Зимина в 1907-10), так и выступлениями на концертной эстраде, заменив уехавшего на гастроли *С.Рахманинова.* К. в 1907-12 был постоянным дирижером Керзинского «Кружка любителей русской музыки». К. также пригласили постоянным дирижером симфонических концертов Московского отделения Русского музыкального общества. С его именем связаны первые исполнения в Москве Третьей симфонии и «Поэмы экстаза» А.Скрябина (1909), Третьего фортепианного концерта Рахманинова (1910, солист — автор), музыки балета «Петрушка» *И.Стравинского* (1915) и ряда др. произведений, а в опере Зимина в 1909 — премьеры «Золотого петушка» Римского-Корсакова и «Мейстерзингеров» Вагнера (на рус. яз.), ставшие выдающимися художественными событиями года. Впечатляющее выступление К. в Париже с *Ф.Шаляпиным* («Борис Годунов», 1909) во время Русских сезонов *С.Дягилева* побудило присутствовавшего на спектаклях директора императорских театров В.Теляковского пригласить дирижера в Московский Большой театр.

Годы работы в Большом театре (1910-19) стали поистине «золотым» периодом в творческой жизни дирижера. Под его управлением прошли «Фауст» Ш.Гуно (в шаляпинской постановке и при его участии, 1910), премьеры опер «Дон Кихот» Ж.Массне (также с Шаляпиным, 1910), «Гибель богов» (1911), «Золото Рейна» (1912), возобновлен «Тангейзер» Вагнера. Впервые на сцене Большого театра он поставил «Сказку о царе Салтане» (1913) Римского-Корсакова, возобновил ряд его опер, а также оперы Рахманинова, А.Бородина, «Иоланту» Чайковского; осуществил вместе с Шаляпиным и последнюю дореволюционную премьеру в Большом театре — оперу Верди «Дон Карлос» (10.2.1917). Продолжал интенсивно выступать на концертной эстраде.

В 1912-14 К. — дирижер Русских сезонов Дягилева в Париже и Лондоне; впервые представил зарубежным слушателям «Хованщину» Мусоргского, «Князя Игоря» Бородина, «Псковитянку» и, в балетной версии, оперу «Золотой петушок», оперу Стравинского «Соловей». К. провел лондонскую премьеру оперы «Борис Годунов» с Шаляпиным в заглавной роли, которая стала шедевром русского театрального искусства. В Русских сезонах талант К. получил европейское признание.

Прогрессивные идеи и лозунги революции 1917 были восприняты К. с радостью и надеждой. Под его руководством состоялось грандиозное по размаху исполнение в Большом театре Девятой симфонии Л.Бетховена в честь 1-й годовщины Октября. Он участвовал в концертах-митингах, многочисленных музыкальных мероприятиях, вел большую работу по нормализации и улучшению быта музыкантов и артистов. В 1918-19 К. — профессор консерватории, член Московского совета музыкальных деятелей, член дирекции Большого театра по опере и заведующий художественной частью театра, председатель союза оркестрантов. В 1919 нарком А.Луначарский, зная блестящий организаторский талант К., направил его в бывшую *Мариинскую оперу (Театр оперы и балета).* В голодном опустевшем Петрограде К. встретился с большими трудностями, однако активно принялся за дело. На сцене театра ставились оперы с участием Шаляпина, возобновились «Орфей» К.Глюка, «Пиковая дама» Чайковского, «Сказание о невидимом граде Китеже» Римского-Корсакова. Он был в одном лице заведующим музыкальной частью и главным дирижером, управляющим оперной труппой (1919-24), позже — управляющим театром и заведующим музыкальной частью всех петроградских театров (1920-24). К тому же директор консерватории А.Глазунов предложил ему занять пост профессора по классу дирижирования, и отказать ему К. не смог (в 1919-24 К. — профессор Петроградской консерватории по дирижерскому и оркестровому классам). А в конце 1920, в связи с отъездом за рубеж *С.Кусевицкого* — руководителя бывшего Придворного оркестра (переименованного в Государственный симфонический оркестр), К. откликнулся на просьбу музыкантов и возглавил этот коллектив (1920-21).

К. выступил с идеей создания первой в стране государственной филармонии и летом 1921 стал ее руководителем. Всего за три летних месяца оркестр Петроградской филармонии провел 54 симфонических концерта при переполненном зале. «Вспоминаю человека, — писал о тех годах Е.Мравинский, — чем-то похожего одновременно и на Вагнера и на Наполеона, наделенного ярким талантом, неиссякаемой энергией, громадной волей. Это был Эмиль Купер». Но выдающемуся дирижеру пришлось взвалить на свои плечи не только музыкальные заботы. Отстранив неумелых организаторов, он сам ездил на грузовом суденышке за картошкой и дровами для артистов театра, «выбивал» паровые котлы и новые трубы для отопления видавшего виды концертного зала филармонии

(быв. Дворянского собрания), разрешал бесконечные финансовые затруднения. При этом готовил великолепные спектакли и концерты. Весной 1923 музыкальный Петроград торжественно отмечал 25-летие дирижерской деятельности К. К этой дате были приурочены премьера «Тангейзера» Вагнера в опере и концерт из произведения Скрябина в филармонии. За четверть века служения музыкальной России К. стал одним из выдающихся дирижеров своего времени. Однако чрезмерные нагрузки непомерно изматывали дирижера; в «Автобиографии» он писал: «Как перед этим в Москве, я и в Петрограде не нашел никакого отдыха. Наоборот, потребовалось еще больше внимания к моим обязанностям, еще больше ответственности, а материальные условия жизни с каждым днем становились все хуже и хуже...» К. было уже под 50, а нормальную обстановку для творчества он мог создать себе лишь во Франкфурте-на-Майне, где в 1922 выступал с Шаляпиным, или в Берлине, где исполнял музыку Чайковского во время зарубежной поездки на лечение.

Дав свой последний концерт из произведений Вагнера и получив разрешение на полугодовой отпуск, К. в мае 1924 выехал на гастроли в Буэнос-Айрес, где дирижировал спектаклями «Бориса Годунова» (театр «Colon») и симфоническими концертами (первое исполнение в стране «Поэмы экстаза» Скрябина). После успешных выступлений в Аргентине К. перебрался в Европу и принял решение больше не возвращаться в Россию. Благодаря неоспоримому дирижерскому таланту, высокой культуре, свободному владению французским и немецким языками К. органично «вписался» в музыкальную жизнь Запада, был поддержан в артистических кругах многих стран. Он стал главным дирижером Королевского театра в Мадриде («Реал») в сезоне 1924/25, театра «Сан-Карлуш» в Лиссабоне в сезоне 1925/26. В Париже на сцене «Grand-Opéra» под его управлением 6.7.1926 состоялось концертное исполнение оперы «Сказание о невидимом граде Китеже» силами «Частной русской оперы А.Церетели». Премьера прошла с большим успехом. К. был также музыкальным руководителем постановки оперы «Золотой петушок», показанной вскоре в Виши. В 1926-28 К. занимал пост главного дирижера Латвийской Национальной оперы в Риге, ставил оперы Римского-Корсакова («Сказка о царе Салтане», «Садко», «Золотой петушок», «Сказание о невидимом граде Китеже»), Мусоргского («Хованщина»), а также «Валькирию» Вагнера, «Джоконду» А.Понкьелли, «Отелло» Верди и др. Выступая как организатор, наставник, К. вывел театр в число высокопрофессиональных оперных коллективов. В 1929 К. сотрудничал с труппой «Русской оперы» (антреприза *М.Кузнецовой)*, поставив 4 оперы, имевшие выдающийся успех: «Сказку о царе Салтане», «Сказание о невидимом граде Китеже», «Снегурочку», «Князя Игоря». В 1929-32 К. дирижировал в Чикагской городской опере, гастролировал с этой труппой и самостоятельно в Бостоне, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско и др. городах США.

Концертная деятельность К. в эмиграции была чрезвычайно напряженной. Как приглашенный дирижер он выступал с ведущими коллективами Европы: Берлинским, Лондонским и Парижским филармоническими оркестрами, оркестром «Augusteo» в Риме, Парижскими оркестрами «Концерты Колонна» и «Концерты Страрама», а также Парижским симфоническим оркестром. Отмечая его разносторонние заслуги в области музыкального искусства, французское правительство наградило К. орденом Почетного легиона (1936). К. совершил турне по Южной Америке (Аргентина, Уругвай, Бразилия). В сезоне 1933/34 имел ангажементы в Бордо («Фестиваль Русской музыки»), в Амстердаме с оркестром «Concertgebouv» — знаменитым оркестром В.Менгельберга, с Варшавской филармонией, с оркестром Пау Касальса (Пабло Казальса) в Барселоне, с оркестром театра «La Scala» в Милане — оркестр А.Тосканини, в Монте-Карло с оркестром театра «Casino». В 1936 в Буэнос-Айресе провел спектакли Русского сезона в театре «Colon»: «Борис Годунов», «Сказка о царе Салтане», «Сказание о невидимом граде Китеже».

В 1940, незадолго до фашистской оккупации, К. покинул Париж и переехал в Нью-Йорк; преподавал в Джульярдской высшей музыкальной школе. В 1942 совместно с *М.Чеховым* поставил в Городской опере Нью-Йорка «Сорочинскую ярмарку» Мусоргского (в редакции *Н.Черепнина*; впервые в США), а затем осуществил постановку «Пиковой дамы» Чайковского. Принял деятельное участие в работе созданной в 1942 Американо-русской культурной ассоциации, объединившей многих выдающихся деятелей культуры (Э.Хемингуэй, Ч.Чаплин, Р.Кент, С.Кусевицкий и др.).

Венцом оперной карьеры К. стала работа в «Metropolitan Opera» (1944-50); он был единственным русским дирижером, стоявшим за пультом этого прославленного театра. Начав со сложнейшей оперы «Пеллеас и Мелизанда» К.Дебюсси (26.1.1944), К. доказал, что поправу считается одним из лучших оперных дирижеров своего времени. Под его управлением состоялись спектакли: «Парсифаль» Вагнера, «Аида», «Трубадур» Верди, «Джоконда» Понкьел-

ли, «Самсон и Далила» К.Сен-Санса, «Борис Годунов» и др. С большим успехом прошла его американская премьера «Золотого петушка» (1.3.1945, на англ. яз.). К открытию сезона 1945/46 (это считалось чрезвычайно почетным для дирижера) К. поставил оперу Ш.Гуно «Ромео и Джульетта». Он дирижировал первой постановкой в «Metropolitan Opera» оперы В.А.Моцарта «Похищение из сераля» (29.11.46), американской премьерой оперы Б.Бриттена «Питер Граймс» (12.2.1948). Последней премьерой К. в театре стала «Хованщина» (16.2.1950). За 6 сезонов К. исполнил 12 опер, провел 100 спектаклей, с равным успехом проявив себя в операх разных стилей. В его спектаклях были заняты ведущие артисты труппы. Дж.Вальденго, некогда выступавший с Тосканини, отметил ценнейшее качество К.-оперного дирижера: «Он руководил певцами так, будто бы на сцене пел он сам».

Уход К. из театра был вынужденным: новая администрация взяла курс на «омоложение» состава. В связи с ухудшением здоровья жены (певицы Э.Карениной) К. в конце 1950 перебрался на юг, в Батон-Руж (шт. Луизиана), где взял на себя руководство городским симфоническим оркестром. Одновременно К. стал главным дирижером Оперного театра Монреаля (Канада); в свои 75 лет он осуществил премьеры опер Дж.К.Менотти «Консул» и *С.Прокофьева* «Любовь к трем апельсинам». Превосходное впечатление оставила и его постановка «Отелло» Верди, которой он дирижировал в 80 лет. 22.10.1958 К. впервые в США дирижировал Десятой симфонией Д.Шостаковича. 23.3.1960 в возрасте 82 лет К. блестяще провел с оркестром Батон-Ружа последний симфонический концерт, в его программу входили произведения русской классики — Римского-Корсакова, Стравинского, Чайковского, Глинки.

Сохранились записи сцен из оперы «Борис Годунов» в исполнении хора и оркестра «Metropolitan Opera» («Columbia») и Латвийской национальной оперы («Polydor») под управлением К.

К. — автор ряда музыкальных сочинений: Венгерский танец, Венгерская фантазия для скрипки и фортепиано, Восточная симфония, Десять романсов на стихи О.Хайяма и Ибн-Сины, Романтическая поэма для скрипки с оркестром (для фортепиано), Романсы.

Соч.: Памяти Артура Никиша. Пг., 1922.

Лит.: Эмиль Купер: Статьи. Воспоминания. Материалы. Под общей ред. Г.Я.Юдина; сост. А.М.Кузнецов. М., 1988.

В.Руденко

КУПРИН Александр Иванович (26.8.1870, Наровчат, Пензенской губ. — 25.8.1938, Ленинград) — писатель-прозаик, публицист. Родился в чиновничьей семье (отец — безземельный дворянин, письмоводитель в канцелярии мирового посредника, мать — из обедневшего рода татарских князей Куланчаковых). Детские и юношеские годы К. прошли в Москве, куда его мать переехала после смерти мужа, поселившись во Вдовьем доме на Кудринской площади. В 1877-80 К. воспитывался в Разумовском пансионе, в 1880-90 учился в кадетском корпусе и Александровском военном училище, что впоследствии получило отражение в его творчестве (повесть «На переломе (Кадеты)», 1900). В течение четырех лет служил в чине поручика в 46-м пехотном полку, размещенном в Подольской губернии. В 1894 оставил военную службу, жил в Киеве, много ездил по России. Еще в кадетском корпусе начал писать стихи, а в 1889 опубликовал в московском «Русском сатирическом листке» рассказ «Последний дебют». В журнале «Русское богатство» печатались его рассказы «Впотьмах», «Лунной ночью» (1893), «Дознание» (1894), серия очерков «Киевские типы» (1895). Впечатления от жизни в Донбассе легли в основу повести «Молох» (1896). В 1897 вышел первый сборник рассказов К. «Миниатюры». Лучшие свои произведения К. создал в 1-й половине 1900-х, сблизившись с М.Горьким и группой писателей-«знаньевцев», среди них: «В цирке», «На покое», «Болото» (1902), «Трус», «Конокрады» (1903), «Мирное житье», «Корь», «Жидовка» (1904). В 1905 в 6-м сборнике «Знания» была напечатана его повесть «Поединок» — самое значительное произведение дореволюционной поры, критически изображавшее офицерскую среду. Откликом на события русско-японской войны и революцию 1905-7 явились повести и рассказы «Штабс-капитан Рыбников», «Река жизни», «Бред» (1906), «Гамбринус» (1907).

В десятилетие, предшествовавшее Октябрьской революции, К. создал такие произведения как «Листригоны» (1907-11), «Суламифь» (1908), «Телеграфист» и «Гранатовый браслет» (1911), «Анафема» (1913), «Яма» (1909-15), выдвинувшись в число наиболее ярких писателей-реалистов. С изощренным психологизмом изображал людей самых различных сословий и положений, особенно тонко раскрывая тему любви. В 1912-15 в издательстве А.Маркса вышло полное собрание сочинений К. в 9-ти томах. В «Московском книгоиздательстве» в 1908-17 — собрание сочинений в 11-ти томах, выдержавшее 4 издания. В 1907 3 тома произведений К. были изданы в качестве приложения к журналу «Мир Божий».

Как поручик запаса К. в 1914 был призван на фронт и недолгое время находился в действующей армии в качестве цензора. В статьях этого периода поддерживал идею «очистительной», «преображающей» войны, в принадлежавшем ему доме в Гатчине устроил лазарет для раненых солдат. Февральскую революцию воспринял восторженно и в период между Февралем и Октябрем активно сотрудничал в газетах «Петроградский листок», «Петроградский голос», «Вечернее слово», «Биржевые ведомости», выступая со статьями на политические темы. В мае-июне 1917 вместе с критиком *П.Пильским* редактировал «непартийную» «новонародническую» газету «Свободная Россия». После октябрьского переворота возмущался жестокостью большевистского режима; угнетало его и разрушение традиционного уклада русской жизни. Сотрудничал в руководимом Горьким издательстве «Всемирная литература», был активным участником Союза деятелей художественной литературы. Осенью 1918 у него возник план издания газеты для крестьянства под названием «Земля», в чем его поддерживал Горький. 25.12.1918 К. встретился с В.Лениным, который одобрил идею такой газеты, но вскоре выяснилось, что никаких субсидий на ее издание получить невозможно. На протяжении 1918 — 1-й половины 1919 К. не раз приходилось хлопотать перед Горьким и др. влиятельными лицами за арестованных (в основном это были жители Гатчины).

После того, как 16.10.1919 головной отряд армии генерала Юденича, наступавший на Петроград, вошел в Гатчину, К. в качестве офицера запаса был мобилизован и приписан к газете «Приневский край». В ноябре, когда наступление было отбито Красной армией, К. выехал в Финляндию. Непродолжительное время жил неподалеку от дачи И.Репина «Пенаты», часто общался с художником, а впоследствии переписывался с ним. В июле 1920 выехал в Париж и поселился на улице Эдмонд Рожэ, которая и стала его постоянным эмигрантским адресом. Сотрудничал в газете *В.Бурцева* «Общее дело», где выступал со статьями против большевистской власти, но вскоре перестал участвовать в какой бы то ни было политической и общественной деятельности. В эмигрантской среде, по свидетельству хорошо его знавшего *И.Бунина*, держался особняком и только в сентябре 1928 ездил в Белград на съезд русских писателей-эмигрантов.

Письма его пронизаны тоской по родине, он постоянно жаловался на тяготы эмигрантского существования. В феврале 1924 К. писал своей первой жене, М.Куприной-Иорданской: «Существовать в эмиграции, да еще русской, да еще второго призыва — это то же, что жить поневоле в тесной комнате, где разбили дюжину тухлых яиц... Почему-то прелестный Париж (воистину красота неисчерпаемая!) и все, что в нем происходит, кажется мне не настоящим, а чем-то вроде развертывающегося экрана кинематографа». За рубежом создал гораздо меньше, чем до эмиграции. В творчестве 1920 — 1-й половины 1930-х значительное место занимают произведения на темы из французской жизни: очерки «Юг благословенный» (1927), «Париж домашний» (1927), «Мыс Гурон» (1929), рассказ «Золотой петух» (1923), повесть «Жанетта» (1932-33). Но в основном К. обращался к дореволюционной России. Это рассказы на темы из русской истории «Однорукий комедиант» (1923), «Тень императора» (1928), «Царев гость из Наровчата» (1933), воспоминания о цирковых артистах («Ольга Сур», 1929), рассказы о природе («Ночь в лесу», 1931; «Ночная фиалка», 1933; «Вальдшнепы», 1933). Главным произведением К., созданным в эмиграции, был автобиографический роман «Юнкера» (1928-33), в котором особенно живо нарисованы картины старой Москвы.

В Париже испытывал тяжелую материальную нужду, а начиная с 1934 был тяжело болен; из-за резко ухудшившегося зрения его литературная деятельность почти прекратилась. Писатель Н.Рощин — близкий знакомый К. — вспоминал: «Знаменитый русский писатель жил в великой бедности, питаясь подачками тщеславных «меценатов», жалкими грошами, которые платили хапуги-издатели за его бесценные художественные перлы, да не очень прикрытым нищенством в форме ежегодных благотворительных вечеров в его пользу». Известен рассказ Бунина о встрече с К. на улице в Париже, когда больной, плохо одетый, резко изменившийся внешне писатель попросил у него взаймы несколько франков.

В 1936 К. и особенно его жена, Е.Куприна, начали хлопоты о возвращении в СССР. В мае 1937 при содействии советского посла в Париже В.Потемкина, *А.Толстого* и художника *И.Билибина* Куприным были выданы советские паспорта. 31.5.1937 писатель приехал в Москву. 2 июня парижская газета «Последние новости» поместила отклики писателей-эмигрантов на отъезд К. в СССР. *М.Алданов* писал, что «очень давно его не видел — верно, никогда и не увижу, о чем искренне сожалею, так как люблю его. Жилось ему за границей не сладко, хуже, чем большинству из нас... Меньше, чем кто бы то ни было из нас, он был приспособлен для жизни и работы за границей. Политикой он никогда не занимался и мало интересовался ею. Осуждать его нелегко. Могу только пожелать ему счастья». Правильным сочла решение Е.Куприной увезти на родину «своего больного

и старого мужа» *Н.Теффи*, поскольку жена «выбилась из сил, изыскивая средства спасти его от безысходной нищеты... Не он нас бросил. Бросили мы его. Теперь посмотрим друг другу в глаза». *А.Ремизов* отозвался более сдержанно: «Что ж — поехал, и Бог с ним. Я его ничуть не осуждаю. А голодал он и нуждался очень. Но разве не испытывают и другие писатели эмиграции постоянную и острую нужду?» Отклик Бунина: «Куприн давно уже не писал, и это облегчило его возвращение в Россию. Он по крайней мере не будет там ни в какой зависимости. Думаю, что перед тем, как решиться на это, ему пришлось многое пережить. Конечно, эмиграция во многом виновата, она могла бы содержать двух-трех старых писателей. Александр Иванович пользовался такой всесторонней славой, им так зачитывались, что нужно было о нем позаботиться должным образом... Очень жалею, что я его, очевидно, уже никогда не увижу в жизни». Заявления К. и очерки за его подписью, публиковавшиеся в советской печати, в действительности ему не принадлежали. В конце декабря 1937 К. переехал в Ленинград, где и скончался от рака пищевода. Похоронен на Литераторских мостках Волкова кладбища.

Соч.: Звезда Соломона. Сб. рассказов. Гельсингфорс, 1920; Купол св.Исаакия Далматского: Рассказы. Рига, 1928; Храбрые беглецы. Сб. рассказов. Париж, 1928; Елань. Сб. рассказов. Белград, 1929; Колесо времени. Повесть и рассказы. Белград, 1930.

Лит.: Бунин И.А. Перечитывая Куприна // СЗ, 1938, № 67; Вержбицкий Н.К. Встречи с А.И.Куприным. Пенза, 1961; Чуковский К.И. Куприн / Чуковский К.И. Современники: Портреты и этюды. М., 1963; Куприна-Иорданская М.К. Годы молодости. М., 1966; Куприна К.А. Куприн — мой отец. М., 1979; Фонякова Н.Н. Куприн в Петербурге—Ленинграде. Л., 1986; Храбровицкий А.В. А.И.Куприн в 1937 году / Минувшее, вып. 5, М., 1991.

А.Руднев

КУРЕНКО (наст. фам. Куренкова) Мария Михайловна (2.1.[по др. св. 16.3.]1890, Томск — 17.5.1980, Нью-Йорк) — оперная и камерная певица (лирико-колоратурное сопрано), педагог. Родилась в семье купца М.Куренкова. С детства К. приобщилась к народной песне, городским романсам. Обладая незаурядной музыкальностью и ясным чистым голосом, уже в возрасте 10 лет солировала в церковном хоре томского Центрального собора. В 1902 семья переехала в Москву. Наряду с театром у К. появилось еще одно серьезное увлечение — юриспруденция. Окончив гимназию, она поступила на юридический факультет Московского университета и одновременно — в Московскую консерваторию в класс знаменитого профессора пения У.А.Мазетти, у которого прошли великолепную школу А.Нежданова, Н.Обухова, В.Барсова и др. В 1913 К. окончила консерваторию с большой серебряной медалью. После завершения образования в университете она планировала открыть юридическую контору, однако Мазетти убедил ее продолжить музыкальную карьеру, тем более, что после успешного выступления на экзамене она была приглашена фирмой «Артистотипия» в Киев для записей на пластинки. Первые 8 записей быстро разошлись, и в 1914 молодую певицу пригласили в Харьковскую оперу, где состоялся ее дебют в партии Антониды («Жизнь за царя» М.Глинки). Успешный дебют способствовал приглашению ее в Московскую оперу С.Зимина, где вскоре она стала ведущей солисткой.

Соревнуясь с Большим театром, артисты труппы С.Зимина вели напряженную творческую работу. Серьезную конкуренцию с ведущей солисткой Большого театра Неждановой приходилось выдерживать и К. в сложных партиях лирико-колоратурного сопрано итальянского, французского и русского репертуара. Высокую оценку строгой и авторитетной оперной критики получили ее выступления в партиях Розины («Севильский цирюльник» Россини), Виолетты и Джильды («Травиата» и «Риголетто» Верди), Манон и Лакме (в одноименных операх Пуччини, Массне и Делиба), Маргариты («Фауст» Гуно) и Микаэлы («Кармен» Бизе), Филины («Миньон» Тома) и Маргариты («Гугеноты» Мейербера). Удивительно поэтичными в исполнении К. были образы Снегурочки и Волховы в операх Римского-Корсакова; одной из вершин сценических достижений певицы стала сложнейшая партия Марфы в опере «Царская невеста» Римского-Корсакова. Партии были настолько качественно подготовлены под руководством Мазетти, у которого К. продолжала брать уроки, что и десятилетия спустя артистка неизменно блистала в них на оперных сценах Европы и Америки.

В Москве К. вышла замуж за известного певца-баритона Ф.Гонцова. Их дом на Тверской (ныне помещение театра им. М.Ермоловой) охотно посещали друзья — музыканты, певцы, художники, актеры и среди них — корифеи Московского Художественного театра К.Станиславский и И.Москвин, Л.Леонидов и В.Качалов.

В годы гражданской войны К. и Гонцов выступали в многочисленных концертах-митингах, на фабриках и заводах, в рабочих клубах, выезжали порой далеко от Москвы, подвергаясь немалым опасностям (например, нападение на поезд, где ехали артисты, отрядов Махно). С возобновлением спектаклей К. продолжала успешно выступать в бывшей опере С.Зимина,

выезжала на гастроли в Нижний Новгород (1917), Киев (1922), Саратов (1923), где встречала восторженный прием. «Певица Мария Куренко блестяще исполнила партию Лакме, раскрыв богатство своего голоса во всей его красоте. Без сомнения, среди колоратурных сопрано это звезда первой величины», — писал саратовский корреспондент в марте 1923. «Певица является лучшим колоратурным сопрано в России. При этом у нее есть богатые возможности усовершенствовать свое искусство. Для этой певицы нет ничего невозможного ни в техническом, ни в вокальном смысле. Она поет так же легко, как и дышит».

Проведя в 1923 часть оперного сезона в Киеве, певица вместе с мужем и сыном Вадимом (род. 1915) эмигрировала в Ригу, где они жили в течение двух лет и где она с большим успехом выступала в опере. Затем К. с семьей отправилась в большое турне по Европе — Латвия, Польша, Чехословакия, Германия, Франция — и везде ее выступления в концертных залах и на оперной сцене сопровождались бурными аплодисментами. Когда в 1926 в Париже К. подписала контракт с американской компанией «Wolfsohn Musical Bureau», она уже была всемирно известной певицей.

Дебют К. в США состоялся в Лос-Анджелесе в 1926 («Grand Opera Company»), где она пела партию Джильды в опере Верди «Риголетто». Видавшая виды пресса была буквально ошеломлена. «Выступление совершенно неизвестной нашей публике певицы Марии Куренко прошло с триумфом», — констатировал критик «Daily Times». С этого момента артистка из России выступала в оперных театрах и на концертной эстраде почти во всех крупных городах Америки — в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Чикаго, Бостоне, Филадельфии, Вашингтоне. Она пела с первоклассными оркестрами, замечательными дирижерами, выдающимися певцами; выезжала на гастроли в Европу (Чехословакия, Германия, Финляндия, Швеция, Шотландия), в Индию и Канаду. О ее концерте в Торонто критик Э.Вудсон писал: «Голос Марии Куренко не поражает особой силой, но его тон кристально чистый и чарующий; каждая нота в ее исполнении имеет свой особый смысл». В другой газете о концерте в Торонто говорилось: «Певица знает все возможности человеческого голоса и владеет им, как виртуоз своим инструментом. В мире найдется всего лишь несколько певцов, которые могут исполнить Каватину Розины с такой ослепительной виртуозностью и с таким совершенным пониманием вокальных возможностей этого произведения». С успехом проходили выступления К. и в опере. Так, по поводу ее исполнения партии Маргариты в опере «Фауст» Гуно «Chicago Tribune» писала: «Ее интерпретация характера Маргариты была очень убедительной и грациозной в своей безыскусной простоте. Пение г-жи Куренко было полно редкого очарования и волшебства. Ее вокальное мастерство настолько совершенно в каждой детали, что трудно сказать, что было лучшим в этом выступлении».

Через несколько месяцев после своего приезда в Америку певица подписала контракт с радиостанцией WEAF. Она придавала большое образовательное значение этим выступлениям. Ее радио-концерты, в которых певица нередко исполняла сочинения молодых американских авторов, привлекали большое количество слушателей. Сохранилось одно из писем в радиокомпанию, где восторженный слушатель писал: «Я готов плакать! Ее последние выступления в радиопрограмме WABC — это самое замечательное, что я когда-либо слышал за свою жизнь. До конца моих дней я буду помнить «Вокализ» Рахманинова в интерпретации Марии Куренко: какой тонкий вкус, какой ритм..., великолепное исполнение, ничего подобного не слышал раньше!»

Популярность К. в Америке быстро росла: только за первые 6 лет в Штатах она дала 250 концертов, выступая с самыми известными симфоническими оркестрами страны — Бостонским, Филадельфийским, Нью-Йоркским и др. И, как она позднее вспоминала, ее быстро окрестили «русский соловей». Обладая неутомимой работоспособностью, певица не сдавала позиций с годами. Во время 2-й мировой войны она много пела в воинских частях, устраивала благотворительные концерты для музыкантов-ветеранов. В 1942-43 певица принимала живейшее участие в организации концертов в помощь Красной армии; на вырученные средства она вместе с *С.Кусевицким, С.Рахманиновым* и др. представителями художественной интеллигенции посылала медикаменты для военных госпиталей в СССР. В числе немногих артистов К. была удостоена чести петь в Белом доме по приглашению президента Рузвельта. На ее концерты съезжалась вся русская Америка. Четверть века спустя о певице писали: «От Нью-Йорка до Калифорнии, от Иллинойса до Флориды пресса и слушатели единодушны: в своем искусстве Мария Куренко отличается совершенством как певица, как интерпретатор и как мастер построения программ».

Певицу связывала творческая дружба со многими деятелями культуры, волею судеб оказавшимися после революции в США. У нее не угасал интерес к развитию музыкальной культуры своей родины. К. можно было видеть на всех американских премьерах музыки *С.Прокофьева* и Д.Шостаковича, в ее концертных

программах появлялись произведения Н.Мясковского и Т.Хренникова.

В США было выпущено большое количество пластинок с записями К. Многие из них тут же становились коллекционной редкостью. В 1977 «The New York Times» писала: «Совершенно невозможно найти альбом «Романсы Рахманинова», который был напет несравненной Марией Куренко для Общества Рахманинова». Фирма «Victor» выпустила пластинки с записями 12 песен *А.Гречанинова*, где певице аккомпанировал сам композитор. Ее исполнение этих произведений считается одним из шедевров исполнительского искусства, что неудивительно — композитора и певицу связывала многолетняя творческая и личная дружба. Она была первой исполнительницей партии Параши в американской премьере оперы *И.Стравинского* «Мавра», а в дальнейшем напела на пластинку целый альбом из вокальных сочинений композитора с фортепианным сопровождением его сына — Сулимы Стравинского. Показателем высочайших художественных достоинств искусства К. является и тот факт, что интерес к ее записям с годами не угас. Многие фирмы реставрировали и выпустили на долгоиграющих пластинках некоторую часть ее репертуара — от Генделя и Моцарта, Керубини и Берлиоза до Шопена и Мусоргского, Рахманинова и Прокофьева.

Репертуар певицы действительно был огромен, он отличался серьезностью подхода и разносторонностью интересов певицы. В концерте памяти А.Пушкина, который К. провела 30.1.1937 в «Town Hall» в Нью-Йорке, она исполняла произведения, написанные на стихи поэта композиторами М.Глинкой, А.Гурилевым, А.Даргомыжским, А.Бородиным, Ц.Кюи, М.Мусоргским, Н.Римским-Корсаковым, П.Чайковским, А.Глазуновым, Гречаниновым, Рахманиновым, *Н.Метнером* и Стравинским.

Никто, пожалуй, не сделал так много и столь блистательно, как К., для популяризации русской вокальной музыки в США. Не случайно именно она была приглашена петь в Карнеги Холл, когда там в 1943 отмечалось 50-летие со дня смерти Чайковского; граммофонная фирма «Columbia» пригласила ее для издания большого альбома его сочинений. Дирижер Кусевицкий однажды сказал, что К. — лучший в мире исполнитель произведений Чайковского. Искусство К. отличали высочайшая культура исполнения, исключительное мастерство владения голосом в сочетании с глубоким постижением авторского замысла, художественной правдой и убедительностью его воплощения, пристальной работой над словом и психологической выразительностью вокальной интонации. К. была одним из образованнейших художников-вокалистов своего времени. Она говорила на 6 языках, пела на 16, и всегда тщательно работала над смыслом и содержанием произведений, стремясь к музыкально-художественной выразительности незнакомой речи.

Блестящая ученица Мазетти, К. придавала серьезное значение работе над голосом и написала ряд статей об этом («Физическая координация голоса», «Не потеряйте ваш голос», «Романсы Рахманинова» и др.). Немалую часть своей жизни певица посвятила педагогической деятельности в музыкальных колледжах Америки. По словам одной из ее учениц, Д.Корто, широко известной в США, «преподавательский талант Марии Михайловны был почти таким же блестящим, как и ее артистическое дарование».

Портреты М.Куренко написаны М.Вербовым (1934, Нью-Йорк) и Е.Агафоновым (1936, Нью-Йорк). Архив находится в частном владении ее сына, В.Гонцова (США), частично в Библиотеке Конгресса (США) и Музее музыкальной культуры им. М.Глинки (Россия).

Соч.: Автобиография (воспоминания) (рукоп., на англ. яз., перевод И.Либерман; ГММК им. М.И.Глинки).

Лит.: Руденко В. Русский соловей // Голос Родины, 1991, № 6; Либерман И. Мария Куренко (рукоп.; ГММК им. М.И.Глинки); Макаев С. Русское искусство за рубежом (рукоп.; РГАЛИ); Корто Д. Моя учительница — мадам Куренко (рукоп.; ГММК им. М.И.Глинки); Руденко В. Русское музыкальное зарубежье: М.М.Куренко (рукоп.; ГММК им. М.И.Глинки).

В.Руденко

КУСЕВИЦКИЙ Сергей Александрович (14.7.1874, Вышний Волочёк, Тверской губ. — 4.6.1951, Бостон) — дирижер, контрабасист, музыкальный деятель. Отец, мелкий ремесленник, передал свою любовь к музыке четырем сыновьям. Овладев трубой, Сергей вместе с братьями, игравшими на разных инструментах, выступал на свадьбах и балах, летом — на ярмарках и в городском саду. Стремление к серьезным занятием музыкой привело его осенью 1891 в Музыкально-драматическое училище Московского филармонического общества, которое он блестяще окончил в 1894 по классу контрабаса у профессора Й.Рамбаусека и был приглашен на работу в оркестр Большого театра. В 1896 на выставке в Нижнем Новгороде К. дал свой первый сольный концерт, поразив слушателей виртуозной игрой. После шести лет работы в Большом театре стал концертмейстером группы контрабасов, а в 1902 ему было присвоено звание солиста императорских театров. Все это время К. много выступал и как солист-инструменталист. О степени его популярности свидетельствуют приглашения принять участие в

концèртах *Шаляпина, Рахманинова*, Збруевой, сестер Кристман. И где бы он ни выступал — будь-то турне по России или концерты в Праге, Дрездене, Берлине или Лондоне — всюду его выступления вызывали фурор и сенсацию, заставляя вспомнить о феноменальных виртуозах прошлого — Д.Драгонетти и Д.Боттезини. К. исполнял не только виртуозный контрабасовый репертуар, но также сам сочинял и делал множество переложений различных пьес и даже концертов — Генделя, Моцарта, Сен-Санса. Известный русский критик В.Коломийцов писал: «Кто никогда не слыхал его игры на контрабасе, тот не может себе и представить, какие нежные и легкокрылые звуки извлекает он из столь мало, казалось бы, благодарного инструмента, обыкновенно служащего лишь массивным фундаментом оркестрового ансамбля. Только очень немногие виолончелисты и скрипачи обладают такой красотой тона и так мастерски владеют своими четырьмя струнами».

Работа в Большом театре крайне затрудняла К. и поэтому, когда условия его жизни изменились (он женился на студентке-пианистке Филармонического училища Н.Ушковой, совладелице крупной чаеторговой фирмы), артист ушел из оркестра. Осенью 1905, выступив в защиту артистов оркестра, он писал: «Мертвящий дух полицейского бюрократизма, проникший в ту область, где, казалось, ему не должно было быть места, в область чистого искусства, обратила артистов в ремесленников, а интеллектуальную работу в подневольный труд рабов». Письмо это, опубликованное в «Русской музыкальной газете», вызвало большой общественный резонанс и вынудило дирекцию театров принять меры по улучшению материального положения артистов оркестра Большого театра.

В 1905 молодые супруги жили в Берлине. К. продолжал выступать как контрабасист: исполнение виолончельного концерта Сен-Санса в Германии (1905), выступления с А.Гольденвейзером в Берлине и Лейпциге (1906), с *Н.Метнером* и А.Казадезюсом в Берлине (1907). Однако пытливого, ищущего музыканта все менее удовлетворяла концертная деятельность контрабасиста-виртуоза: как художник он давно «вырос» из скудного репертуара; его все больше начало увлекать дирижирование. Со студенческим оркестром берлинской Высшей музыкальной школы он изучал классический репертуар, посещал концерты, пользовался советами известных дирижеров К.Мука, Ф.Вейнгартнера, О.Фрида, В.Фуртвенглера, А.Никиша.

23.1.1908 состоялся дирижерский дебют К. с оркестром Берлинской филармонии, после чего он выступил также в Вене и Лондоне. Первые успехи окрылили молодого дирижера, и супруги окончательно решили посвятить свою жизнь миру музыки. Значительная часть большого состояния Ушковых с согласия отца — мецената-миллионера — была направлена на музыкально-просветительные цели в России. На этом поприще, помимо художественных, проявились незаурядные организаторские и административные способности К., основавшего новое «Российское музыкальное издательство» (1909), создавшего превосходный оркестр (1909), организовавшего многочисленные гастрольные поездки по городам России. Основная задача, которую ставило новое нотное издательство, — популяризация творчества молодых русских композиторов. По инициативе К. здесь впервые были опубликованы многие сочинения А.Скрябина, *И.Стравинского* («Петрушка», «Весна священная»), Н.Метнера, *С.Прокофьева*, С.Рахманинова, Г.Катуара и мн. др.

В уставе нового оркестра К. стремился отразить свое понимание организации творческого процесса артистов оркестра. Определялись обязанности дирекции и музыкантов, предусматривалось участие артистов оркестра в половинной сумме доходов, постоянное жалование, выплата пенсии и денежных пособий. В оркестровый коллектив из 75 музыкантов К. удалось привлечь значительные художественные силы Москвы. Оркестр К. вскоре стал одним из лучших коллективов России. Он отличался сыгранностью, творческой активностью и большой художественной отдачей. С ним не раз выступали самые выдающиеся исполнители того времени. Это пианисты — Рахманинов, А.Скрябин, А.Рубинштейн, *А.Боровский*, Н.Метнер, *Н.Орлов*, К.Игумнов, *И.Добровейн*, Л.Годовский, А.Гольденвейзер, скрипачи — Ф.Крейслер, М.Полякин, *М.Эльман, Е.Цимбалист*, Д.Крейн, Л.Цейтлин, А.Марто, певцы — А.Нежданова, Н.Обухова, Л.Собинов, Ф.Шаляпин. С окрестром выступал К.Дебюсси, позднее — и зарубежные дирижеры А.Никиш, В.Менгельберг, Ф.Вейнгартнер, Ф.Мотль, О.Фрид. «Концерты Кусевицкого» — и само дело, и его размах — все это было ново и непривычно для России. Помимо 12 абонементных концертов в сезон как в Москве, так и в Петербурге, оркестр давал камерные и утренние концерты (по общедоступным ценам — для рабочих, служащих и студентов). И хотя содержание оркестра приносило убытки (за первые 5 лет — более 520 тыс.руб.), К. и Ушкову важны были результаты. А они были велики — в Москве и Петербурге были исполнены циклы симфонических концертов из произведений Баха и Бетховена, Чайковского и Скрябина; гастроли по городам Поволжья (1910, 1912, 1914), по Югу России (1913) знакомили слушателей не только с

классикой, но и с новинками симфонической литературы.

Одна из характерных черт творческого облика К. — обостренное чувство современности, постоянное расширение репертуарных горизонтов. Во многом именно он способствовал успеху произведений Скрябина, с которым ряд лет был в творческой дружбе. «Поэму экстаза» и Первую симфонию он исполнял в Лондоне (1909) и Берлине (1910), а в России был признан лучшим исполнителем творчества Скрябина. Кульминацией их совместной деятельности явилась премьера «Прометея» (1911). К. был также первым исполнителем Второй симфонии Р.Глиэра (1908), поэмы «Аластор» Н.Мясковского (1914). Своей широкой концертной и издательской деятельностью К. прокладывал дорогу признанию Стравинского и Прокофьева (в 1914 состоялись премьеры «Весны священной» Стравинского и Первого фортепианного концерта Прокофьева, солист — автор).

После октябрьского переворота К. лишился почти всего — были национализированы и экспроприированы его издательство, симфонический оркестр, художественные коллекции, миллионное состояние. И все же, мечтая о будущем России, артист в условиях хаоса и разрухи продолжал стремиться к творческой созидательной работе. Находясь в плену заманчивых лозунгов «искусство в массы», созвучных и его идеалам просветительства, он участвовал в многочисленных «народных концертах» для пролетарской аудитории, учащихся, военнослужащих. Являясь видной фигурой музыкального мира, К. наряду с Метнером, Неждановой, Гольденвейзером, Ю.Энгелем участвовал в работе художественного совета при концертном подотделе музыкального отдела Наркомпроса. Входя в различные организационные комиссии, он был одним из инициаторов многих культурно-просветительных начинаний (в том числе по проведению реформы музыкального образования, по авторскому праву, по организации государственного нотного издательства, созданию Государственного симфонического оркестра и др.). Он возглавлял оркестр Московского профсоюза музыкантов, созданный из оставшихся артистов его бывшего оркестра, а затем был направлен в Петроград возглавить Государственный (быв. Придворный) симфонический оркестр и бывшую Мариинскую оперу.

Свой отъезд за рубеж в 1920 К. мотивировал желанием наладить работу зарубежного филиала своего издательства. К тому же необходимо было вести дела и управлять капиталом семьи Ушковых—Кусевицких, оставшимся в зарубежных банках. Устроив дела в Берлине, К. вернулся к активному творчеству. В 1921 в Париже он вновь создал оркестр, общество «Симфонические концерты Кусевицкого», продолжил издательскую деятельность. В «Grand-Opéra» начались ежегодные весенние циклы концертов дирижера. Он исполнял русскую классическую музыку, произведения современных композиторов России и Франции. Впервые в «Концертах Кусевицкого» прозвучали в оркестровке М.Равеля «Картинки с выставки» М.Мусоргского, «Сарабанда и танец» Дебюсси; с именем дирижера связаны премьеры произведений А.Онеггера «Пасифик 231» (1924), Стравинского — Фортепианный концерт (1924). Особенно часто звучали у К. музыка Прокофьева, с которым дирижер поддерживал дружеские контакты с 1913. Одна за другой следовали премьеры «Скифской сюиты» (29.4.1921), Третьего фортепианного концерта (1922, впервые в Париже, солист — автор), Первого скрипичного концерта (1923, солист — М.Дарье), кантаты («Семеро их», 1924), Второй симфонии (1925). С успехом прошли выступления дирижера в Лондоне, Манчестере, Эдинбурге, Берлине, Риме, Мадриде, Лиссабоне, Барселоне. К. не ограничивался только концертной эстрадой. В 1921 он принял участие в постановке опер Мусоргского «Борис Годунов» и «Хованщина» в «Grand-Opéra», в сезоне 1922/23 дирижировал «Борисом Годуновым» в Барселоне, а в 1928 в «Grand-Opéra» под управлением К. состоялась премьера пятиактной оперы Прокофьева «Огненный ангел».

В 1924 К. получил приглашение занять пост главного дирижера Бостонского симфонического оркестра (США). С приходом К. мастерство этого коллектива стало быстро расти и вскоре Бостонский симфонический стал ведущим коллективом сначала Америки, а затем и всего мира. Выдающиеся художественные достижения оркестра в «эру Кусевицкого» объяснялись необычайной требовательностью русского дирижера к себе и окружающим, его профессиональным мастерством и особым организаторским талантом. Относясь с большим уважением к артистам, К. вместе с тем был их подлинным воспитателем, чрезвычайно строгим и требовательным в вопросах исполнительского мастерства. Ему удалось создать исключительно спаянный коллектив, где каждый музыкант был соучастником в творчестве дирижера. Переселившись на постоянное жительство в Америку, К. не порывал связей с Европой. До 1930 продолжались ежегодные весенние концертные сезоны К. в Париже, а в 1935 он дирижировал серией концертов с оркестром Би-Би-Си в лондонском Куин-холле.

Многочисленные записи в известной степени позволяют представить богатый художественный мир дирижера. Его отличают подлин-

ный художественный размах, отчетливость художественных намерений и их идеальное исполнительское воплощение, искренняя увлеченность, непосредственность и яркий темперамент в передаче характера музыкального произведения. Современники называли К. «великим художником колорита»; его интерпретациям известных партитур свойственны живописность и блеск звучания, тембровое чутье, тончайшая отделка деталей, исключительная художественная интуиция и чувство меры в пластичных нетрадиционных изгибах звуковой материи, экспрессивность выражения и умение передать пульс своего времени. И, наконец, всюду характерная для русской школы кантилена как основа художественной выразительности. У К. все пело, придавая звучанию Бостонского оркестра характерный неповторимый колорит. К. по праву считался «чемпионом исполнения современной музыки». В России, наряду с программами, посвященными Скрябину, Рахманинову, Стравинскому, Прокофьеву, он широко исполнял произведения Дебюсси, Равеля, Рихарда Штрауса, Малера, Регера, Сибелиуса. Во Франции одновременно с сочинениями молодых французских композиторов он пропагандировал американскую музыку. В Америке, помимо симфоний Прокофьева и Шостаковича (премьера Седьмой симфонии — 1942; Девятой — 1946), К. явился первым исполнителем «Симфонии псалмов» Стравинского, симфоний Онеггера и Русселя, «Турангалилы» Мессиана и многих сочинений американских авторов — С.Барбера, Л.Бернстайна, Э.Блоха, А.Копленда, В.Пистона, Х.Хансона, Р.Харриса, Э.Б.Хилла, У.Шумана и др. Подобно тому, как в России К. помогал Прокофьему и Стравинскому, во Франции и в Америке он всячески стремился стимулировать творчество крупнейших музыкантов современности. Так, например, к 50-летию Бостонского симфонического оркестра, которое отмечалось в 1931, по специальному заказу К. были созданы произведения Стравинского, Хиндемита, Онеггера, Прокофьева, Русселя, Равеля, Копленда, Гершвина. В 1942, вскоре после кончины жены, в ее память дирижер основал Музыкальную ассоциацию (издательство) и Фонд им. К. Благодаря Фонду К. появились произведения Барбера, Бартока, Л.Берио, Бернстайна, Бриттена, Даллапикколы, Копленда, Кшенека, Менотти, Мессиана, Мийо, Ноно, Онеггера, Пуленка, Русселя, Стравинского, Фосса, Шёнберга, Шмитта и др. авторов.

Еще в России К. проявил себя как крупный музыкально-общественный деятель и талантливый организатор. Само перечисление его начинаний может заставить усомниться в возможности осуществить все это силами одного человека. Причем каждое из этих начинаний оставило глубокий след в музыкальной культуре России, Франции, Соединенных Штатов. Особо следует подчеркнуть, что все идеи и планы, реализованные К. в течение жизни, зародились у него в России. Так, в 1911 К. задумал основать в Москве Академию музыки. Но эту идею удалось осуществить лишь в США 30 лет спустя. Он основал Беркширский музыкальный центр, который стал своего рода музыкальной Меккой Америки. С 1938 постоянно проводится летний фестиваль в Тэнглвуде (графство Леннокс, шт. Массачусетс), куда съезжается до 100 тысяч человек. В 1940 К. основал в Беркшире Тэнглвудскую школу подготовки к выступлениям, где вел со своим помощником, А.Коплендом, класс дирижирования. К работе были привлечены также Хиндемит, Онеггер, Мессиан, Даллапикколо, Б.Мартину. Для молодых музыкантов и, в особенности, для дирижеров занятия здесь стали неоценимой школой совершенствования своего мастерства (среди учеников К. — Бернстайн и др.).

Во время 2-й мировой войны К. возглавил сбор средств в помощь Красной армии, став председателем Комитета помощи России в войне, был президентом музыкальной секции Национального совета Американо-советской дружбы, а в 1946 занял пост председателя Американо-советского музыкального общества. В 1943 дирижер планировал приехать на гастроли во главе Бостонского оркестра в СССР, но помешали условия военного времени.

Отмечая заслуги К. в музыкально-общественной деятельности Франции в 1920-24, французское правительство наградило его орденом Почетного легиона (1925). В США многие университеты присвоили ему почетное звание профессора (Брауна, 1926; Руджерса, 1937; Йельский, 1938; Ручестер, 1940; Вильямс-колледж, 1943; Бостонский, 1945); а Гарвардский (в 1929) и Принстонский (в 1947) университеты — почетную степень доктора искусств.

Неиссякаемость энергии К. поражала многих близко общавшихся с ним музыкантов. В возрасте 70 лет (март 1945) он за 10 дней дал 9 концертов. Передав художественное руководство Бостонским оркестром Ш.Мюншу (1949), К. в 1950 совершил большую гастрольную поездку в Рио-де-Жанейро, по городам Европы, а возвратившись в Америку, продолжал неоднократно выступать как дирижер. Знаменательно, что в своем последнем концерте в Сан-Франциско 26.2.1951 К. дирижировал Четвертой симфонией Чайковского и Пятой Прокофьева, как бы прощаясь со своей далекой родиной.

Яркий портрет дирижера оставил близко общавшийся с ним русский виолончелист Г.Пятигорский: «Там, где пребывал Сергей Алек-

сандрович Кусевицкий, законов не существовало. Все, что препятствовало выполнению его замыслов, сметалось с дороги и становилось бессильным перед его сокрушающей волей к созданию музыкальных монументов... Его энтузиазм и безошибочная интуиция прокладывали путь молодежи, ободряли опытных мастеров, нуждающихся в этом, воспламеняли публику, которая, в свою очередь, вдохновляла его к дальнейшему творчеству... Его видели в ярости и в нежном настроении, в порыве энтузиазма, счастливым, в слезах, но никто не видел его равнодушным. Все вокруг него казалось возвышенным и значительным, каждый его день превращался в праздник. Общение было для него постоянной, жгучей потребностью. Каждое исполнение — фактом исключительно важным. Он обладал магическим даром преображать даже пустяк в настоятельную необходимость, потому что в вопросах искусства для него пустяков не существовало».

В.Руденко.

КУСКОВА Екатерина Дмитриевна (урожд. Есипова, по 1-му мужу Ювеналиева) (1869, Уфа — 1958, Женева) — общественный и политический деятель, публицист, мемуарист. Из семьи учителя словесности, затем акцизного чиновника и малограмотной татарки. В возрасте 15 лет, обучаясь в последнем классе саратовской женской гимназии, осталась без родителей (отец застрелился, мать умерла от туберкулеза). Чтобы обеспечить существование себе и младшей сестре, К. заняла место матери по заведыванию богадельней; участвовала в различных кружках самообразования. Формально за пропуск большого числа уроков, в действительности же за «возмутительный» характер сочинения на тему пушкинского стихотворения «Поэт и чернь» исключена из гимназии. В 1885 окончила гимназию вместе со своими одноклассницами, сдав экзамены экстерном и получив аттестат с отличием. Осенью 1885 вышла замуж за своего гимназического учителя физики И.Ювеналиева, в прошлом — участника одного из народнических кружков начала 1880-х. Вместе с мужем организовала у себя «домашний университет», слушательницами которого были гимназистки старших классов и окончившие гимназию девушки (ок. 15 чел.); помимо углубленного изучения математики, физики, химии, истории, предметами чтения и споров были произведения писателей-народников Н.Златовратского, Г.Успенского, статьи Н.Михайловского, сатиры М.Салтыкова-Щедрина и др., материалы журналов «Вестник Европы» и «Отечественные записки». Вскоре Ювеналиев скончался от чахотки, а в 1890 от дифтерита умер младший сын К. Осенью того же года К. стала слушательницей акушерских курсов при воспитательном доме в Москве, входила в студенческий кружок «самообразования», где изучалась философия (Кант, Гегель, Спенсер и др.), слушала лекции историка В.Ключевского в Московском университете, оказывала содействие в распространении нелегальной литературы, издаваемой народническим кружком писателя Н.Астырева. На лето 1891 вернулась в Саратов, где участвовала в собраниях радикальной интеллигенции, составившей ядро организации «Народное право», познакомилась с М.Натансоном и *В.Черновым.* По воспоминаниям К., она дебютировала как публицист в газете «Саратовский вестник» (публикации не выявлены). Закончив фельдшерские курсы, вступила в санитарный отряд по борьбе с холерой. Встреча К. с разъяренной толпой во время холерного бунта, чуть не стоившая ей жизни, стала одним из решающих факторов в ее политическом самоопределении: для нее стали предпочтительными задачи культурного и политического воспитания народа, его организация, и, следовательно, реформистский путь преобразования общества.

Вскоре за причастность к кружку Астырева выслана в Пензу, а оттуда — в Москву; месяц провела в тюрьме и 3 года — под гласным надзором полиции. Весной 1894, чтобы вызволить из тюрьмы члена «Народного права» студента-юриста П.Кускова, державшего многодневную голодовку и дошедшего до полного истощения, вступила с ним в фиктивный брак; летом выслана в Нижний Новгород, где близко познакомилась с В.Короленко, Н.Анненским и М.Горьким, вела пропаганду среди сормовских рабочих. В этот период она с позиций народничества перешла на позиции марксизма. В конце 1895, отбыв срок высылки, вернулась в Москву, стала женой *С.Прокоповича* и вместе с ним в феврале 1896 выехала за границу для лечения обострившегося туберкулеза и для установления связей с группой «Освобождение труда»; сблизилась с Плехановым, прослушала курс социальных наук в Брюссельском университете. В 1897-98 в Берлине по рекомендации Плеханова К. и Прокопович вошли в местную группу Союза русских социал-демократов, однако, ближе познакомившись с программой Союза, выступили с ее критикой.

В 1899 вернулась в Россию, пыталась пропагандировать свои взгляды среди петербургских социал-демократов и рабочих. Чтобы ознакомить со своей позицией узкий круг единомышленников, К. кратко изложила ее письменно, так появилось «Credo», не предназначавше-

еся для печати; однако А.Ульянова-Елизарова переслала один из списков «Credo» В.Ленину в Шушенское, который опубликовал его, сопроводив резкой критикой. К. считала, что российские условия требовали иного, чем западный, марксизма. В России, еще не пережившей свою буржуазную революцию, непосредственная проповедь социализма, по К., была преждевременна, даже вредна, т.к. ослабляла энергию борьбы за политическое освобождение, которую российские социал-демократы должны были вести вместе с либералами, помогая одновременно пролетариату вести экономическую борьбу. Особенно возмутительным для ортодоксальных русских марксистов было мнение К. о том, что российскому пролетариату пока не нужна самостоятельная политическая партия. Заклейменные представителями этого течения российской социал-демократии как «бернштейнианцы», «предатели рабочего движения», «экономисты», К. и ее единомышленники организационно порвали с российской социал-демократией.

С начала 1900-х энергично включилась в «освобожденческое» движение, участвовала в доставке из-за границы и распространении в России журнала «Освобождение». С осени 1904 один из редакторов легальной освобожденческой газеты «Наша жизнь». В 1905 в числе активных организаторов и руководителей Союза Союзов. На учредительном съезде конституционно-демократической партии в октябре 1905 избрана в ЦК, однако из-за программных и тактических разногласий отказалась войти в партию. С января по май 1906 — издательница, один из редакторов и постоянных сотрудников политического еженедельника «Без заглавия», автор программной статьи «Ответ на вопрос — кто мы?» (№ 3), выступала против тактики бойкота 1-й и 2-й Государственной думы, за блок всех левых сил, включая кадетов. В 1906-7 сотрудничала в газете «Товарищ»; с 1908 — в газете «Русские ведомости». В послереволюционный период вместе с мужем занималась вопросами кооперативного движения, пыталась возродить «освобожденческое» движение. В 1911 участвовала в переговорах, проходивших по инициативе Горького о создании журнала, способного объединить широкие демократические силы общества. В 1912-14 сотрудничала в журнале «Современник», опубликовала в нем большие статьи: «Во что верить?» (1912, № 5), призывавшую интеллигенцию помогать культурному росту народа, его организации, что должно, по К., предохранить его от экстремистских увлечений, и «Усложнение целей» (1913, № 9), в которой выступила с призывом преодолеть раскол в рабочем и социалдемократическом движении и др.

В годы 1-й мировой войны занимала «оборонческую» позицию. В 1915 участвовала в неоднократных попытках создать печатный орган, подобный закрытому «Современнику»; по свидетельству *Н.Бердяева*, «Е.Кускова и С.Прокопович были в центре» закрытых общественных собраний, происходивших в Москве перед февралем 1917. По некоторым данным К. была членом женской масонской ложи и в 1916 на ее московской квартире собирались масоны (на одном из таких собраний в апреле 1916 был намечен состав будущего Временного правительства). В 1917 К. поддерживала Временное правительство; в августе на Демократическом совещании в Москве представителями кооперации К. была избрана в т.н. Предпарламент, на заседаниях которого заявляла, что проводить социально-революционные преобразования «во всем их объеме во время войны есть преступление», призывала к обороне государства. После Октябрьской революции жила в Москве, издавала газету «Власть народа», бывшую одним из центров оппозиции большевикам. В период гражданской войны стояла на платформе «третьей силы», выступавшей против диктатуры и большевиков, и белых. Входила в руководство «Лиги спасения детей», созданной по инициативе В.Короленко, член Совета Политического Красного Креста.

В 1921 одна из организаторов и руководителей Комитета помощи голодающим. За попытку установить контакт с зарубежьем Комитет был разогнан, К., Прокопович и Н.Кишкин арестованы и приговорены к смертной казни, от которой их спасло заступничество Г.Гувера и Ф.Нансена. К. и Прокопович, отправленные в ссылку на Север, в 1922 были доставлены в Москву и высланы за границу. Первоначально жила в Берлине, была избрана председателем Политического Красного Креста, затем переехала в Прагу. В 1939, после оккупации Чехословакии немецкими войсками, перебралась в Женеву, где прожила оставшуюся жизнь. Сотрудничала в газетах «Последние новости», «Дни», «Новое слово» и др., а также в журналах «Современные записки», «Воля России», «Новый журнал», играла активную роль в политической жизни эмиграции, ее квартира в Праге была «политическим салоном». Вместе с *П.Милюковым* вела переговоры по созданию т.н. Республиканско-Демократического центра. Устные и письменные выступления К. по вопросам тактики эмиграции по отношению к Советской России были предметом острых дискуссий. В 1922-26 резко критиковала планы новых военных походов против Советской России, призывала «засыпать ров гражданской войны», считала, что в условиях нэпа в России можно действовать, не отрекаясь от своих

взглядов и не приспосабливаясь к большевистскому режиму, а потому усилия должны быть направлены на поиски мирного, но достойного пути возвращения на родину. Позиция К. не нашла поддержки у подавляющего большинства близких ей политических деятелей. Против нее выступили Милюков, Н.Авксентьев, А.Керенский, *М.Алданов*. Установление режима личной власти Сталина, насильственные формы коллективизации и индустриализации, разгул политических репрессий вынудили К. отказаться от надежд на демократическую трансформацию большевизма, на возможность примирения с ним. В годы Великой Отечественной войны симпатии К. находились безоговорочно на стороне России, а героизм русского народа и его победа над фашизмом вновь возродили у К. прежние надежды на возможность возвращения в Россию.

Соч.: Русский голод // СЗ, 1924, № 22; Открытки (из тетради воспоминаний) // СЗ, 1925, № 25; Об утопиях, реальностях и загадках; Деревня при НЭПе // Там же, № 26; Месяц «соглашательства» // Воля России, 1928, № 3-5; Из прошлого и современности // Там же, 1929, № 1, 3; Куда мы движемся? (О «востоках» и Западе) // Там же, № 8-9; Беспризорная Русь // СЗ, 1929, № 40; Крен налево // СЗ, 1930, № 44; Скачок в неизвестное // СЗ, 1931, № 47; Инициатива действий // Новый Град, 1933, № 6; В поисках права и справедливости // Рус. записки, 1938, № 8-9; Давно минувшее // НЖ, 1955, № 43; 1956, № 44, 45, 47; 1958, № 48-51, 54.

Лит.: Аронсон Г. Е.Д.Кускова, Портрет общественного деятеля // НЖ, 1954, № 37; Карпович М. Е.Д.Кускова (1869-1958) // НЖ, 1959, № 56.

Арх.: ГАРФ, ф.5865; ф.579, оп.5, д.210 (письма П.Н.Милюкову); ф.5778, оп.1, д.333-335 (письма В.А.Розенбергу); ф.5912, оп.1, д. 72 (письма П.Б.Струве); РГБ, ф.358, к.246, д.17 (письма Н.А.Рубакину). Гуверовский институт войны, революции и мира, ф.421, ф.712; Колумбийский университет — архив Бахметьева, ф.499, ф.667, ф.676; Гуманитарный исследовательский центр университета штата Техас, ф.5.

Н.Ерофеев

КШЕСИНСКАЯ (Кржесинская) Матильда (Мария) Феликсовна (19.8.1872, Лигово, пригород Петербурга — 6.12.1971, Париж) — танцовщица и педагог. Из потомственной семьи польских артистов в нескольких поколениях. Отец — Ф.И.Кшесинский, известный характерный танцовщик, мать — танцовщица Ю.С.Деминская. Притязания на принадлежность к роду польского графа Красинского архивными изысканиями не подтверждены. Первые уроки танца получила дома. Вслед за старшими сестрой и братом была принята в Петербургское театральное училище, где обучалась в качестве приходящей ученицы с 1880 по 1890 у педагогов Л.Иванова, Е.Вазем, Х.Иогансона. В классе последнего К. продолжала заниматься, уже служа в Мариинском театре; именно ему она была более всего благодарна за свои успехи в танцевальном искусстве. В дальнейшем занималась также с Э.Чекетти. Творческая личность К. складывалась в годы расцвета академического балета, в состязании со знаменитыми итальянскими виртуозками. Актерская выразительность итальянской гастролерши В.Цукки, с искусством которой К. познакомилась в 1886, поразила воображение воспитанницы, перевернула ее представление о балете. Желание сделать танец понятным и осмысленным сопровождало К. всю жизнь. На выпуске К. танцевала с одноклассником С.Рахмановым вставное pas de deux из «Тщетной предосторожности» на музыку итальянской песни «Stella Confidenta», взятое из репертуара Цукки. Этим же pas de deux она дебютировала 22.4.1890 на Мариинской сцене, исполнив его с *Н.Легатом*. В труппу была зачислена корифейкой как К. 2-я: ее старшая сестра Юлия — Кшесинская 1-я, уже служила в театре в кордебалете.

Параллельно с творческой началась другая, не менее важная в ее жизни, светская карьера. Знакомство с наследником, будущим императором Николаем II, ознаменовало начало биографии наложницы. Знакомство произошло по инициативе Александра III на торжественном ужине в честь выпускного спектакля, и лишь вступление в брак Николая II положило в дальнейшем конец их любовным отношениям. Покровительство между тем продолжалось. Это помогло К. занять особое место в театральной иерархии. Могущество ее со временем стало почти безграничным: она сама назначала, какие спектакли ей танцевать, а столкновение с нею директора императорских театров князя *С.Волконского* обернулось для него отставкой.

Привилегированное положение К. способствовало театральной карьере, но не только оно служило причиной быстрого продвижения по служебной лестнице. К. обладала и несомненным талантом, и умом, и редким практицизмом, и огромной волей. Невысокого роста, темноволосая, с мелкими чертами лица, пусть не отличающегося красотой, зато притягательного решительностью и надменным вызовом, с тонкой талией и грубовато мускулистыми ногами, она своей целеустремленностью и цельностью была особенно привлекательна для людей нерешительных, лишенных внутреннего стержня. Пикантность, шарм, безупречные манеры придавали ей специфическое обаяние, затушевывали циничность намерений. Благодаря деловитости и организованности ей удавалось распределять время между светскими удовольствиями и жесткими требованиями профессии, быть, когда нужно, в форме, зорко следить за соперницами,

поддерживать отношения с влиятельными критиками и, достигнув первенства, отстаивать его всеми доступными ей средствами, в том числе и профессиональным совершенствованием.

В первый же сезон службы в театре она получила сольные партии, среди них были фея Кандид и Красная шапочка в «Спящей красавице» П.Чайковского. Первой балеринской партией для К. стала героиня балета М.Петипа «Калькабрино» на музыку Л.Минкуса, появлявшаяся сначала в облике простодушной деревенской девушки, а затем в образе темпераментной волшебницы, посланницы ада (1.11.1891). Особенно удачным оказался следующий дебют. Партия Авроры в «Спящей красавице» Чайковского—Петипа (17.1.1893) стала одной из вершин ее исполнительского искусства. Смелость, виртуозность, отчетливость ее инструментального танца, позднее названного «колоратурным», передавали нарядную торжественность хореографических композиций. Правда, поэтическая глубина образа оставалась за пределами возможностей балерины. Вскоре ее репертуар пополнился партиями феи Драже в «Щелкунчике» Чайковского (25.4.1893) и Пахиты (2.2.1894). Приезд П.Леньяни, поразившей публику новым качеством виртуозного классического танца, отодвинул производство К. в ранг балерины. Оставалось перенимать достижения соперницы; вслед за Леньяни К. исполнила Сванильду в «Коппелии» Л.Делиба (25.4.1894). Первым спектаклем, поставленным Петипа специально для К., стал одноактный балет «Пробуждение Флоры» Р.Дриго (28.7.1894). Длительный траур по Александру III привел к свертыванию театральной деятельности в сезоне 1894/95. Компенсируя отсутствие спектаклей, К. согласилась на гастроли в Монте-Карло (февр. 1895). В составе труппы были ее брат Феликс, а также *О.Преображенская*, А.Бекефи, Г.Кякшт. Сенсацией стало выступление К. с братом в мазурке. В апреле того же года она с неменьшим успехом гастролировала с отцом в Варшаве.

Переломным в карьере К. стал сезон 1895/96. Казалось, готовы были рухнуть все надежды на будущее. Готовящиеся женитьба наследника и коронационные торжества не только означали разрыв близких отношений, но делали положение отставленной наложницы двусмысленным, лишали всех привычных удобств и преимуществ. В ознаменование предстоящих торжеств силами петербургской и московской трупп Петипа ставил балет «Жемчужина» Р.Дриго, участие в котором К. сочли бестактным по отношению к молодой императрице. Но К. была не из тех, кто мирится с положением: мобилизовав всю свою энергию, волю, связи, она добилась невозможного — включения себя в уже поставленный, целиком завершенный спектакль. Композитору пришлось спешно писать для нее музыку, хореографу — сочинять pas de deux Желтой жемчужины. Участие в этой премьере, состоявшейся в Москве 23.5.1896, означало для К. реставрацию ее прежнего привилегированного положения. Первые партии посыпались одна за другой. То были Лиза в «Тщетной предосторожности», Млада в возобновленном одноименном балете Петипа. Правда, роль Венеры в «Синей бороде» П.Шенка была второй — Изору, героиню, исполняла Леньяни; роль Терезы в «Привале кавалерии» И.Армсгеймера (сцен. Петипа) была получена после итальянки, станцевавшей премьеру. Состязание продолжалось, но талант К. набирал силу, участие ее в репертуаре было заметным и желанным. Возведение в ранг балерины состоялось 1.11.1896. Реестр побед множился, правда, пока над соотечественницами: так, в возобновлении «Царя Кандавла» Ц.Пуни (9.2.1897) успех К. в pas de Diane в немалой степени способствовал провалу московской гастролерши Л.Нелидовой, исполнившей центральную партию. Однако Леньяни, несомненно, лидировала — ей доставались главные роли в шедеврах Петипа, в том числе в «Лебедином озере» Чайковского и «Раймонде» А.Глазунова. К. тоже расширяла свой репертуар, но чаще за счет возобновлений. Так, она получила роль Эсмеральды в одноименном балете Пуни (1899), ставшую ее лучшим созданием. Это уже было законченное произведение большого мастера, в известном смысле подводившее итог поискам в сфере исполнительства завершавшегося XIX в.

К. являла собой тот тип танцовщицы, который идеально воплощал эстетику балетного спектакля Петипа. Ее Эсмеральда была трогательна, захватывала контрастной сменой чувств, убеждала картинной выверенностью поз, сохраняя при этом парадный блеск роскоши нарядов и столь же ослепительных танцев. В каждой из сфер — и в актерской, и в танцевальной — К. была великолепна, но и то, и другое существовало часто обособленно, не пересекаясь. Переход от пантомимной игры к танцу освежал восприятие, но превращал спектакль в изысканно-причудливую мозаику театральных сцен и концертных арий. Гений Петипа и талант К. здесь смыкались, оба в абстрагированных формах своего искусства запечатлевали особый образ мира идеальных, но умозрительно вычисленных пропорций. Созданные этим миром ценности являли картину устойчивости и стабильности. Все это надвигающийся XX в. подвергнет сомнению, а то и безжалостно сомнет. Торжество искусства К. было впечатляющим, но кратким. Ее танец подчинял победной

риторикой, мáстерской отделкой, даже темпераментом, но был лишен прозрений. Этот танец не будоражил и не звал — только восхищал и обязывал ему поклоняться.

Отточенное мастерство помогало со временем достигнуть совершенства и в ранее полученных ролях — например, в Аспиччии («Дочь Фараóна» Пуни, дебют в 1898). Ее исполнение и здесь было признано в дальнейшем эталонным. Партнером по спектаклю был отец, исполнявший роль нубийского царя со дня премьеры. Условный балетный Египет давал возможность проявить искусство благородного патетического жеста, которое переняла балерина у своего отца; вместе они составили весьма гармоничный ансамбль. К числу несомненных удач относилась также ее Фенелла в опере-балете «Немая из Портичи». И все же не состязание талантов обеспечило К. победу в противоборстве с Леньяни. В разделе новых ролей каждая из них в 1900 получила по премьере в одноактных балетах А.Глазунова. Более выигрышную получила К. Партия Колоса во «Временах года» (7 февр., Эрмитажный театр; 13 февр., Мариинский театр) представляла блестящие возможности продемонстрировать талант классической балерины во всем его великолепии. Оба балета ставил Петипа, превосходно знавший достоинства обеих исполнительниц. Но после смены директора императорских театров И.Всеволожского в 1898 хореограф утратил мощную поддержку, былое влияние и потому, спасая положение, решил подыграть К. в надежде на ее заступничество. Началась эра безраздельного владычества К. Отныне премьеры балетов Петипа танцевала исключительно она — даже тогда, когда роль ей явно не подходила, как было с Коломбиной в «Арлекинаде» Р.Дриго (10.2.1900, Эрмитажный театр; 13.2.1900, Мариинский театр). Контракт с Леньяни не возобновили, и та покинула петербургскую сцену.

В XX в. К. вступила единоправной хозяйкой мариинского балета. Победу ознаменовали бенефисом в честь 10-летия сценической деятельности. Некоторые спектакли стали ее собственностью и никем другим исполняться не могли — к ним принадлежали «Эсмеральда» и «Тщетная предосторожность». Репертуар пополнялся за счет балетов, ранее исполнявшихся Леньяни: «Лебединое озеро», «Конек-Горбунок» Пуни, «Камарго» Л.Минкуса. Иные, опробованные, не приходились К. по вкусу — к ним относилась «Баядерка» Минкуса (3.12.1900, возобновление). В премьере балета А.Горского «Дон Кихот» на музыку Минкуса (20.1.1902) К. исполнила роль Китри. Участие в спектакле, ставившем под сомнение не только хореографию, но и эстетику оригинала Петипа, в определенном смысле было изменой старому мастеру. Вместе с тем отойти от уже выработанных исполнительских приемов К. не могла и парадоксальным образом в спектакль новых ориентаций вносила черты дорогого ей академизма, усиливая эклектику постановки.

Отставка Петипа в 1903 вроде бы открывала дорогу новым тенденциям на сцене императорских театров. На деле же борьба консервативного и преобразующего начал оказалась длительной и сложной. Трагедия К. как художника заключалась в том, что, достигнув вершины, она исчерпала себя. Началась вторая половина творческой жизни, состоявшая из безуспешных попыток приспособиться к новому в искусстве. В последнем ей весьма способствовал Н.Легат, к традиционному мышлению которого она тяготела; на его уроках и репетициях старательно оттачивала мастерство, часто выступала с ним как с партнером. Поддержка К., несомненно, способствовала тому, что Легат утвердился в качестве преемника Петипа.

В светской карьере К. по-прежнему преуспевала. Ее опекал великий князь Сергей Михайлович. Император поручил ему в затруднительных ситуациях обращаться незамедлительно и продолжал выполнять любую прихоть бывшей возлюбленной. Знакомство с великим князем Андреем Владимировичем переросло в длительную и прочную привязанность. Брак был впоследствии юридически оформлен (30.1.1921). 18.6.1902 у них родился сын Владимир. Первой премьерой после вынужденного перерыва была «Фея кукол» Й.Байера в постановке С. и Н.Легат (16.2.1903) с К. в заглавной роли. К числу капризов и вместе с тем тщательно продуманных ходов относился «прощальный бенефис», данный 4.2.1904: шли два акта «Тщетной предосторожности» и 2-я картина «Лебединого озера». К. получила еще большую свободу, перейдя на положение гастролерши: отход от дел был видимым, вся полнота реальной власти оставалась в ее руках. Вместе с тем постоянное стремление увеличить поспектакльный гонорар не столько укрепляло ее материальное положение, сколько тешило тщеславие. 23.11.1904 К. было присвоено звание заслуженной артистки. Сотрудничество с Н.Легатом дало наиболее впечатляющий результат в «Талисмане» Р.Дриго, в котором балерина исполнила роль Нирити (21.2.1910). Здесь хореограф и исполнительница объединили свои усилия для утверждения могущества классического танца и его традиционных форм. В *coda* 4-й картины блистательное мастерство и темперамент К. неизменно приводили публику в экстаз: зрители требовали многократного бисирования. Оно стало столь привычным, что превратилось в знак самодовольного торжества этуали и было пародировано позднее *М.Фокиным* в

«Петрушке» партией Уличной танцовщицы. Объективно же танец К. был весомым аргументом в споре старого и нового и вопреки всему являл непреходящие ценности искусства предшествующих эпох. Однако успех новаторов интриговал К. Отношения с Фокиным неоднократно менялись: хозяйка петербургской сцены то активно противостояла ему, то готова была пойти на компромиссы. Хореограф предложил ей исполнить заглавную роль в «Эвнике» А.Щербачева (10.2.1907), но К. не могла смириться с успехом *А.Павловой*-Актеи, превосходившим ее собственный, и в дальнейшем от спектакля отказалась. Не удовлетворила ее и роль Армиды в «Павильоне Армиды» *Н.Черепнина*: прекратив репетиции незадолго до премьеры, К. едва не сорвала ее.

За рубежом с искусством К. были довольно хорошо знакомы по гастролям. В мае 1908 она вместе с Н.Легатом выступала в парижской «Grand-Opéra» в балетах «Коппелия», «Корриган» и спектакле, устроенном газетой «Фигаро». Весной следующего года гастроли повторились с возросшим успехом. Этому способствовал повышенный интерес к русскому балету, вызванный дягилевскими сезонами. От приглашения *С.Дягилева* принять участие в его начинании К. поначалу отказалась, т.к. понимала, что не она будет главной фигурой в намеченном репертуаре. В 1911 мэтр создал постоянно действующую труппу, которая должна была выступать в ряде европейских столиц, включая Петербург. В этих условиях поддержка К. была необходима, тем более, что Дягилев хотел купить у дирекции императорских театров декорации к «Лебединому озеру». Выступление К. в pas de deux из последнего акта «Спящей красавицы», в сокращенном «Лебедином озере» и «Карнавале» дополнило лондонский сезон; партнером ее везде был *В.Нижинский*. В следующем году сотрудничество с Дягилевым продолжилось: в феврале 1912 К. танцевала в его антрепризе в Вене, в марте — в Монте-Карло. Теперь ее репертуар пополнился «Видением розы» К.М.Вебера. «Лебединое озеро» было единственной премьерой К. у Дягилева; исполнялись 2-я и 3-я картины балета. В сцене на балу К. танцевала вставную вариацию на музыку А.Кадлеца и имела в ней очень большой успех, обычно бисируя ее. Виртуозное мастерство К., представлявшей достижения века минувшего, в то же время выгодно оттеняло новое в искусстве А.Павловой, *Т.Карсавиной*, В.Нижинского и вполне вписывалось в собранный Дягилевым роскошный букет неповторимых актерских индивидуальностей.

Эпизоды острейшей вражды с Фокиным и Дягилевым перемежались краткими периодами перемирий. Так, в свой бенефис в честь 20-летия сценической деятельности К. включила фокинскую «Шопениану» (13.2.1911), а затем добилась того, что исполнила ее с автором (11.12.1911). Балет «Бабочки» на музыку Р.Шумана Фокин поставил для нее и себя (10.3.1912), но открытием не стала ни хореография, ни исполнение. Разрыв с Дягилевым и 1-я мировая война ограничили сферу деятельности хореографа Мариинским театром. Ориентация на К. становилась неизбежной. Для нее Фокин поставил сентиментальный «Эрос» на музыку Струнной серенады Чайковского (с П.Владимировым, 28.11.1915), Pas classique на музыку Ш.Берио (с ним же, 9.1.1916), сюиту «Русские песни» А.Лядова (12.1.1916), Rondo capriccioso К.Сен-Санса (вставной номер в «Арлекиниаду» Петипа, март 1916). Притязания К. с годами не уменьшались. Вседозволенность оборачивалась утратой трезвого отношения к своим возможностям. 17.4.1916 она впервые исполнила Жизель, но ни возраст ее, ни лишенный поэтической одухотворенности и романтической растушеванности танец не содействовали успеху. Последнее выступление К. на Мариинской сцене состоялось в благотворительном спектакле 2.2.1917: она исполнила 1-е действие из «Дон Кихота» и Коломбину в «Карнавале» (оба — с Фокиным). Выступления в России завершились концертом для солдат в театре консерватории уже после Февральской революции. К. танцевала «Русскую» из «Конька-Горбунка» и имела необычайный успех. Новым хозяевам жизни лестно было развлекаться танцами той, что тешила прежде царскую фамилию. Тем не менее К. предпочла 16.7.1917 уехать с сыном к мужу в Кисловодск. 19.2.1920 вся семья покинула родину, отбыв на корабле из Новороссийска в Константинополь. Началось новое, зарубежное существование.

С 25.3.1920 они обосновались на собственной вилле «Алам» в Кап д'Айке (Франция). Надежды на реставрацию прошлого канули в небытие, нужно было зарабатывать на хлеб насущный. Это выпало на долю К. 4.2.1929 семья переехала в Париж, поселившись в скромной вилле «Монитор», где предполагалось устроить балетную студию. Финансовую помощь оказали эмигранты — чета певицы Н.Ермоленко-Южиной и певца и скрипача И.Махонина. Освящение студии митрополитом *Евлогием* состоялось 26.3.1929. Первой ученицей стала Т.Липковская, сестра известной русской певицы *Л.Липковской*. К. считала, что первая ученица принесла ей счастье на новом, педагогическом, поприще. Учениц поначалу было немного, но это помогало обрести педагогические навыки, впрочем К. всегда верила в себя. По приезде ее навестил Дягилев, посетила студию и Павлова, оставшаяся, по словам

самой К., довольной увиденным. Позднее студия разрасталась. В 1933-34 здесь занималось уже более 100 учениц. Пришлось расширять помещение за счет примыкающих квартир. В первые же годы в студии стали заниматься дочери *Ф.Шаляпина* — Марина и Дася; среди учеников К. были Т.Рябушинская, Б.Князев, Л.Ростова, Памелла Мей, Ширли Бридж, Диана Гульд, Андре Эглевский. Обращались за консультацией такие балетные «звезды» как Марго Фонтейн и Иветт Шовире. Последнее выступление на сцене состоялось 14.7.1936 в лондонском «Covent Garden». По приглашению В.Базиль К. танцевала «Русский танец» в гала-спектакле «Ballet Russe de Monte Carlo». Ей было 63 года. По просьбе Нинет де Валуа и Арнольда Хаскелла, открывавших балетную школу в Лондоне, К. посетила школу и дала открытый урок.

Начало войны в 1939 перевернуло наладившуюся было жизнь. Спасаясь от возможных бомбежек, пришлось перебраться за город; оттуда К. ездила давать уроки в парижскую студию. Приближение немецкой армии заставило бежать в Биарриц. Но вскоре фашисты оказались и там. Гестапо забрало сына, и тому чудом через 4 месяца удалось освободиться из концентрационного лагеря. В 1944 семья вернулась в освобожденный Париж. Осенью в студии возобновились занятия. 27.2.1945 труппа «Sadler's Wells Ballet», ставшая передвижной и обслуживавшая армию, во главе с Нинетт де Валуа, Марго Фонтейн посетила студию (в состав труппы входило много бывших учеников К.). В мае 1950 в Лондоне была учреждена Федерация русского классического балета, объединившая 15 английских школ. К. согласилась возглавить Федерацию. В мае 1951 она приехала в Лондон, присутствовала на экзаменах и отчетном представлении, участвовала в уроке характерного танца. Во время гастролей Большого театра в «Grand-Opéra» К. посетила выступления москвичей. В 1954 закончила мемуары, изданные одновременно на французском (Souvenirs de la K. Paris, 1970) и английском языках (Dancing in St.Petersburg. London-New York, 1970). В конце жизни К. очень нуждалась. Тем не менее она, не имея на то средств, приглашала на праздники множество гостей, и те приходили ради одного — выразить ей свое глубокое уважение и любовь.

Соч.: Воспоминания. М., 1992.

Лит.: Борисоглебский М. (сост.). Материалы по истории русского балета, т.2. Л., 1939; Красовская В. Русский балетный театр начала XX века, ч.2: Танцовщики. Л., 1972.

А.Соколов-Каминский

КЯКШТ (Кякшто) Лидия Георгиевна (13.3.1885, Петербург — 11.1.1959, Лондон) — танцовщица. Дочь крестьянина Ковенской губернии. По окончании балетного отделения Петербургского театрального училища (педагог П.Гердт) в 1902-8 в Мариинском театре. Сначала была принята в кордебалет, быстро выдвинулась в корифейки. Дебютировала в pas de deux в «Волшебной флейте» Р.Дриго. Сезон 1903/4 вместе с братом Георгием Георгиевичем Кякштом — в московском Большом театре. С 1905 переведена в разряд вторых танцовщиц. Поначалу критики, отмечая «благородную сценическую внешность и непринужденное изящество ее танца», находили, что ей недостает виртуозности. Ее брат, ведущий солист Мариинского театра, имевший большой сценический опыт, упорно занимался с Лидией, помогая осваивать технику танца, а в 1906 организовал гастроли артистов Мариинского театра по России, где К., занимая, наряду со своей одноклассницей *Т.Карсавиной*, место балерины, много выступала в академическом репертуаре, танцуя по два балета в день. Вернувшись в театр, стала заниматься с Е.Соколовой и заметно продвинулась в отношении техники. Жизнерадостной, темпераментной танцовщице особенно удавались лирико-комедийные партии. В 1908 — первая танцовщица. В этом же году исполнила свою первую большую партию — Сванильду в «Коппелии» Л.Делиба. Среди ролей: Тереза («Привал кавалерии» И. Армсгеймера), Царь-девица («Конек-Горбунок» Ц.Пуни), Клотильда («Кот в сапогах» А.Михайлова), Роза («Аленький цветочек» Ф.Гартмана), Фея Бриллиантов («Спящая красавица» П.Чайковского). Танцевала также сольные партии в балетах *М.Фокина*: «Виноградная лоза» А.Рубинштейна, «Павильон Армиды» *Н.Черепнина*, «Ночь Терпсихоры» (на сборную музыку). Среди партнеров — *В.Нижинский* (вставное pas de deux в «Пахите» на музыку Ф.Томэ, pas de deux принцессы Флорины и Голубой птицы в «Спящей красавице»). Критики единодушно отмечали возросшую виртуозность танца К., жизнерадостную энергию, темперамент, элегантность и изящество.

В 1908 вышла замуж за полковника А.Рагозина. Получила приглашение выступить на лондонской сцене и уехала в Англию. К. была первой русской балериной, продемонстрировавшей английской публике академическую школу балета; произвела огромное впечатление на английского зрителя. Дебютировала на сцене лондонского «Empire Theatre» в дивертисменте. В 1908-12 — прима-балерина «Empire Theatre». Пребывание в Лондоне затягивалось. Дирекция императорских театров отказалась предоставить ей отпуск на столь большой срок. К. ушла из театра и с тех пор жила в Англии, выступая в

России только как гастролерша: в 1911 (заменила заболевшую *О.Преображенскую* на сцене Суворинского театра), затем в 1914 и 1916. В 1912-19 периодически выступала в качестве приглашенной балерины в «Русском балете» *С.Дягилева*. Партии: Жар-птица (одноименный балет *И.Стравинского*), Коломбина («Карнавал» на муз. Р.Шумана), Девушка («Видение розы» К.М.Вебера), Нимфа («Нарцисс» Черепнина) и др. В 1913 гастролировала в США, позже — в Италии, Франции (1916), Германии, Австрии и др. странах. В 1914 в Лондоне, в театрах «Coliseum» и «Alhambra». Танцевала в балетах «Жавотта» К.Сен-Санса, «Коппелия», «Сильвия» Делиба, «Тщетная предосторожность» Гертеля и английских балетах-феериях. В 1925-26 организовала собственную труппу «A la Russe» («На русский манер»), с которой гастролировала по Англии. В 1926-33 прима-балерина различных небольших английских трупп, с которыми выступала в Лондоне и выезжала на гастроли в др. страны. В разные годы танцевала с *А.Больмом*, М.Фокиным, В.Нижинским, *Л.Мясиным*, А.Волининым, Ф.Фаррен, Ф.Веделлс и др.

В 1933 оставила сцену. В 1939-46 организатор и руководитель английской передвижной труппы «Балет английской молодежи» (позднее труппа называлась «Русский балет Л.Кякшт»). В ней работали английские балетмейстеры М.Инглесби, Р.Хелпмен, Дж.Реган. Здесь же начала свою балетмейстерскую карьеру ее дочь Лидия Кякшт-младшая.

Вела педагогическую работу: преподавала в школе «Sadler's Wells»; в 1935 организовала собственную школу, которая вскоре стала известна как «академия танца Лидии Кякшт» (через нее прошли многие известные английские артисты балета); в 1953-59 вела занятия в школе Николаевой-Легат и др. Член «Филиала комитета классического балета», пропагандирующего русский метод преподавания классического танца.

Соч: Romantic Recollections. London, 1929.

Лит.: Борисоглебский М. (сост.). Материалы по истории русского балета, т.2. Л., 1939; Красовская В. Русский балетный театр начала XX века, ч.2: Танцовщики. Л., 1972.

Г.Андреевская

Л

ЛАПИНСКИЙ Михаил Никитович (1862—1947, Загреб) — невропатолог. Из дворянской поместной семьи. В 1886-91 обучался на медицинском факультете Киевского университета Св.Владимира; в 1893-95 — стипендиат кафедры психиатрии и невропатологии, профессором которой был психиатр И.Сикорский. Затем стажировался в берлинской больнице «Charité» (1895-96). 12.2.1897 Л. защитил диссертацию «О заболеваниях сосудов при страдании первичных нервных стволов или периферических нервов», после чего ему была предоставлена заграничная двухлетняя командировка, во время которой он стажировался у Ф.Гольца и крупнейших психиатров и невропатологов Германии: Г.Липмана, Э.Крепелина, Г.Эрба и Г.Оппенгейма. В 1900-2 Л. подробно описал нервные окончания симпатических волокон в сонной артерии и впервые — преваскулярную инервацию мозговых сосудов со средним сечением. Им были изучены дегенерация и регенерация периферических нервов, гистология процесса восстановления нервных волокон при сближении перерезанных частей тела, показана роль сосудистого фактора в происхождении седалищной невралгии. С марта 1908 ординарный профессор кафедры психиатрии и невропатологии Киевского университета, которую возглавлял до середины 1918. В 1913 Л. описал отдаленные отраженные болевые синдромы при заболеваниях малого таза, шейную Dolores myalgia — по существу все стадии развития шейного остеохондроза. Однако он не связывал их с поражением позвоночника. Отдельные работы Л. посвящены отраженным болям в конечностях и голове при поражениях органов малого таза; он исследовал также диагностическое значение иррадиации болей при заболевании внутренних органов (печени и др.), впервые описал вегетативно-сосудистую точку на внутренней поверхности бедер. Первым среди специалистов разработал метод гидравлического массажа, конструкцию ванн для подводного и надводного массажа; предложил конструкцию ванн для вихревого, ротаторного и проточного водного массажа. В 1913-14 Л. опубликовал ряд сообщений по гидротерапии. Л. — автор популярной монографии «О развитии личности у женщин» (Киев, 1915).

Эмигрировав за границу, Л. обосновался в Загребе. Организовал при местном университете медицинский факультет, на котором открыл кафедру и клинику нервных и душевных болезней; 14.2.1921 был утвержден профессором кафедры, возглавлял ее в течение 25 лет. Живя в Загребе, Л. поддерживал дружеские связи с невропатологами СССР — Г.Россолимо, В.Бехтеревым и опубликовал несколько научных сообщений в советских медицинских журналах.

Л. — автор более 150 публикаций по экспериментальной и клинической невропатологии. Он впервые описал некоторые формы нервных окончаний в адвентиции артерий конечностей и, в частности, одним из первых показал роль нарушения Vasa Vasorum в возникновении патологии нервов, а также исследовал три стадии изменения артериальных сосудов после перерезки волокон периферического нерва. В период эмиграции Л. опубликовал статьи, посвященные эпидемическому энцефалиту, отраженным болям при заболеваниях печени, научно-популярные брошюры, посвященные И.Павлову, неврозам; он также занимался исследованием теоретических вопросов невропатологии, результаты которого опубликовал в «Записках Русского научного института в Белграде» (1918-37). Много времени Л. отдавал обучению врачей-невропатологов Хорватии.

Соч.: Боль и ее сосудистый механизм // Зап. Рус. науч. ин-та в Белграде, 1932, вып. 6; К вопросу об участии стриарной системы в механизме неврастении // Там же, 1935, вып. 10.

Лит.: Архангельский Г.В. Выдающийся российский невролог М.Н.Лапинский // Журн. неврологии и психиатрии им. С.С.Корсакова, 1996, т.96, № 1.

Г.Архангельский

ЛАРИОНОВ Михаил Федорович (22.5.1881, Тирасполь, Херсонской губ. — 10.5.1964, Фонтене-О-Роз, Франция) — живописец, график, театральный художник. Сын военного фельдшера. С 12 лет в Москве, где окончил реальное училище Воскресенского. В 1898-1910 учился с перерывами в Московском училище живописи, ваяния и зодчества у И.Левитана, В.Серова, *К.Коровина*, С.Иванова. В 1901 исключался на 1 год из училища (3 картины Л. бы-

ли признаны порнографическими). Познакомился в училище с *Н.Гончаровой*, ставшей в начале 900-х его женой. Ранние работы, написанные на рубеже 1890-х — 1900-х пастелью и маслом, карандашом и углем, — иллюстрации, сценки из мира театра и, главным образом, пейзажи и натюрморты, исполненные в сплавленных между собою серых и охристых красках («Зимний пейзаж», «Фабрика»). Картины: «Офицеры, играющие в карты» (1902), «Верхушки акаций» (1904), а также созданные в Тирасполе — «Рыбы», «Розовый куст после дождя», «Дождь» (1904) — представляли постимпрессионистский этап в ван-гоговской версии, привязанной к живой натуре; в работах 1906 появились домашние животные: «Волы на отдыхе», «Гуси».

Осенью 1906 Л. побывал по приглашению *С.Дягилева* в Париже и Лондоне; выставлял свои работы на выставках объединения «Мир искусства», Союза русских художников и парижского Осеннего салона. Сотрудник журналов «Золотое руно» и «Искусство», в которых впервые опубликовал репродукции картин Ван Гога, Гогена и Сезанна. Начало примитивистского периода в творческом развитии Л. — организованная вместе с *Д.Бурлюком* выставка «Стефанос» (Москва, 1907-8), на смену раздельным мазкам пришли интенсивные цветовые пятна («Портрет Велимира Хлебникова», 1910), росла динамичность натуры («Цыганка», 1908). В 1907 под впечатлением от образцов-примитивов была создана серия «Парикмахеры», в которой Л. утрировал приемы провинциальной вывески, придавая своей манере характер «жизнеутверждающего гротеска». Примитивистская и натурная линии этого периода были вариантами «фовистской» фазы творчества Л. Впечатления от военной службы дали Л. материал для обширной серии работ из солдатской жизни: группа натурных мотивов («Утро в казарме», 1910), прямые апелляции к искусству примитивов («Солдат верхом», 1911), композиции, где реальные эпизоды окрашены воспоминаниями о старинных лубках («Отдыхающий солдат», «Солдаты», 1910-11) и где достигла апогея «атмосфера снижений» («Курящий солдат», «Автопортрет в солдатской рубахе», 1911). По замечанию С.Романовича, ученика и друга Л., художник «был включен в круг той стихийной жизни, в которой все это существовало. Выразить эту жизнь так, как он этого хотел, можно было, передав ее мощную животную основу». Для Л. сцены из сниженного солдатского обихода — исток высокой поэзии. В четырех полотнах серии «Времена года» (1912) прототипы уже неузнаваемы, это наивное творчество как таковое.

В 1908-9 Л. был в числе организаторов двух экспозиций французской живописи при «Салонах Золотого руна», в 1911 устроил персональную выставку в Обществе свободной эстетики, в 1913 совместно с Н.Виноградовым — две выставки русских и восточных лубков. Вошел в 1910 в Союз молодежи. Организовал примитивистские выставки «Бубновый валет» (1910-11), «Ослиный хвост» (1912) и «Мишень» (1913), чьи нарочито сниженные названия отвечали замыслу превращения экспозиций в своего рода «площадные» или «ярмарочные» представления; оказал большое влияние на участников этих выставок — П.Кончаловского, И.Машкова, В.Татлина, А.Шевченко, Д.Бурлюка, М.Ледантю. В последующих произведениях творчество Л. достигло невиданной эстетической утонченности.

В 1912-14 созданы «лучистые» полотна Л., в которых натурный мотив исчез, но, в отличие от «абстрактного искусства», они вызывали ассоциации с реальными природными явлениями, например, сосновой хвоей («Желто-коричневый лучизм», 1912; «Лучистый пейзаж»). Экспонировал эти работы на московских выставках «Мишень» (1913), «№ 4» (1914), «1915-й год» (1915), в галерее Поля Гийома в Париже (1914). Выпустил манифест «Лучизм» (М., 1913; переизд. в 1917 в Италии). Воздействие нового Л. испытали будущие члены обществ «Маковец» и «Путь живописи» В.Чекрыгин, Л.Жегин, С.Романович и др. С 1912 Л. делал литографические рисунки со своих картин 1910-11, издававшиеся в виде почтовых открыток; некоторые литографии раскрашивал акварелью. Иллюстрировал «книжки футуристов», к которым, кроме рисунков, художник писал и тексты.

В 1914 помогал Гончаровой в ее работе над декорациями к опере-балету «Золотой петушок» Н.Римского-Корсакова для дягилевских Русских сезонов. Прапорщиком участвовал в начале 1-й мировой войны в боях в Восточной Пруссии, был контужен и после излечения в госпитале демобилизован. В 1915 Л. и Гончарова присоединились к балетной труппе Дягилева в Уши (Швейцария), затем сопровождали ее в Испании и Италии; с 1917 — в Париже. Вместе они оформили спектакли «Полуночное солнце» Римского-Корсакова (1915), «Естественная история» М.Равеля (1915, не осуществлен), «Русские сказки» А.Лядова (1916-18) и «Шут» *С.Прокофьева* (1921); ведущая роль принадлежала Л., определявшему основную идею спектакля, он же выполнял эскизы мизансцен и декораций, используя прежние находки (примитивы, «футуристическую» раскраску лиц). Л. выступал и как балетмейстер: под его руководством Т.Славинский поставил танец

в «Шуте». Балетмейстерские приемы накладывали своеобразный отпечаток на его работы: акцент все более смещался на пластику движений танцора. В рисунках для постановки «Шута» фигурки танцовщиков, сначала раздетые до трико, затем как бы лишались и тел, превращаясь в графические схемы движений, но, в свою очередь, эти типично балетмейстерские деловые наброски становились для Л. предметом обостренного эстетического переживания, влияя на самый стиль его зарисовок на балетные темы. Линеарные контуры утверждались также в костюмах и декорациях («Гамлет» М.Мартину, 1938; «Порт-Саид» К.Константинова, 1935). На смену писанным декорациям и фольклорным костюмам «Байки про лису» *И.Стравинского* (1921) пришли конструкция на сцене и рабочие трико для артистов («Классическая симфония» Прокофьева, 1931).

В 20-30-е у Л. постепенно стиралась грань между видами и жанрами искусства. Нарастающие монохромность, дематериализация, «рисовальный подход» сближали живопись с графикой, театральный эскиз все более превращался в станковое произведение по мотивам спектакля, и балетные персонажи продолжали свою жизнь в сериях станковых рисунков и гуашей (рисунки к «Лису»). В работах этого периода происходил возврат к предметности. Излюбленный круг мотивов — купальщицы, лежащие обнаженными, гуляющие женщины, сопровождаемые собаками; в натюрмортах — это либо обобщенный рисунок, либо кусочек зацветшей ветки, стоящей в стеклянном стакане.

Л. иллюстрировал «Двенадцать» А.Блока (на рус., франц. и англ. яз., 1920), сборник стихов В.Парнаха (1919-21), «Приключения дьяка Индикоплова» *Е.Замятина* (1932) и др. книги. Принимал участие в философских и художественных журналах «Аксьон», «Параллели», «Числа», «Русское искусство». Организуя художнические праздники-балы (1923, 1924, 1925, 1934), оформлял интерьеры, делал костюмы, ставил танцы, сочинял музыку и стихи. Участник французских, русских и международных выставок, вокруг которых сложилась «Ecole de Paris». Вице-президент Союза русских художников, член русских и международных ассоциаций и объединений, например, «Мира искусства», «1940». Переписывался со старыми друзьями в СССР, в 1925 помогал сформировать состав русского отдела на Международной выставке декоративных искусств в Париже, в 1928 был одним из организаторов и участников выставки французского искусства в Москве и устроил в Париже выставку московского общества «Путь живописи». Автор воспоминаний о дягилевском балете (N.Gontcharova, M.Larionov, P.Vorms. Les ballets russes. Serge de Diaghilev et la décolation théâtrale. Belvès. 1930; M.Larionov. Diaghilev et les ballets russes. Paris, 1970). Статья Л. «Главная линия русского балета», «Воспоминания», «Художественные заметки» и «Дневники» печатались в 1967-68 в газете «Русские новости». Дополнял их графическими воспоминаниями, изображая Дягилева, Прокофьева, Стравинского, Г.Аполлинера, воссоздавая мир кулис.

Параллельно с падением творческой активности Л. в 40-50-е росла известность его ранних произведений, созданных в России. В 1948 М.Сефор организовал выставку «лучистых» работ Л. и Гончаровой. После смерти в 1962 Гончаровой Л. оформил брак с А.Томилиной (связь с ней началась в 1920-е). После смерти Л. она провела серию выставок работ его и Гончаровой, последняя — в Ленинграде и Москве (1980). В 1988 по завещанию Томилиной бóльшая часть их наследия, библиотеки и архива поступила в собрание Третьяковской галереи. Кроме того, работы Л. хранятся в Русском музее, Национальном музее современного искусства в Париже, Лондонской галерее Тейт, в частных собраниях за рубежом.

Соч.: О Дягилеве. Воспоминания о Дягилеве. Дягилев и его первые сотрудники / Сергей Дягилев и русское искусство. М., 1982.

Лит.: Эли Эганбюри [Зданевич И.]. Наталия Гончарова, Михаил Ларионов. М., 1913; Gontcharova, Larionov. L'Art dècoratif théâtral moderne. Paris, 1919; Пунин Н. Импрессионистический период в творчестве М.Ф.Ларионова / Материалы по русскому искусству. М., 1928; George W. Michel Larionov. Paris, 1956; Харджиев Н. Памяти Наталии Гончаровой и Михаила Ларионова // Иск-во книги, вып.5. М., 1968; Сарабьянов Д. Примитивистский период в творчестве М.Ларионова / Русская живопись конца 1900-х — начала 1910-х годов. Очерки. М., 1971; Loguine T. Gontcharova et Larionov. Paris, 1971; Поспелов Г. О «валетах» бубновых и валетах червонных / Панорама искусств-77. М., 1978; Его же. М.Ф.Ларионов // Сов. искусствознание, вып. 2, 1979, М., 1980; Его же. Бубновый валет. Московская живопись 1910-х годов и городской фольклор. М., 1990.

Е.Илюхина
Г.Поспелов

ЛЕБЕДЕВ Алексей Александрович (21.8.1876, Петербург — 7.1964, Сантьяго) — один из основоположников науки об авиационных двигателях. Сын отставного канцелярского служителя, В 1901 окончил Горный институт и оставлен при кафедре прикладной механики для подготовки к профессорскому званию. Специализировался на изучении применения газовых двигателей для горнозаводских целей, знакомился с рудничным оборудованием в Европе. На основе диссертационного материала и читаемого им с 1904 курса опубликовал в 1907 свою первую книгу «Газовые воздуходувные двигатели».

В 1904 Л. был принят в Петербургский политехнический институт (ППИ) младшим лаборантом кафедры прикладной механики. В следующие два года он последовательно занимал должности руководителя практических занятий по машиноведению, старшего лаборанта, преподавателя металлургического отделения ППИ. В 1908 начал читать курс лекций по двигателям внутреннего сгорания на кораблестроительном отделении ППИ.

Вместе со своим младшим братом Владимиром, известным спортсменом, одним из первых русских летчиков и выдающимся организатором российской авиационной промышленности, Л. стоял у истоков отечественной авиации. В принадлежавшей им маленькой мастерской братья строили гоночные катера, мотоциклы, буера и аэросани, а с началом всеобщего увлечения авиацией одними из первых в России начали строить планеры и самолеты. Л. был в числе организаторов в 1909 авиационной специальности при кораблестроительном отделении ППИ, читал для будущих первых русских авиационных инженеров курс двигателей и «механизмов аэропланов».

Накануне 1-й мировой войны Л., считавшийся в России крупнейшим специалистом по авиационным моторам, организовал при ППИ первую в стране лабораторию воздухоплавательных двигателей внутреннего сгорания; стал профессором Горного института. В конце 1913 Л. был приглашен в состав технического комитета воздухоплавательного отделения (в апреле 1916 преобразовано в управление Военно-воздушного флота (ВВФ) Главного военно-технического управления военного министерства) и с этих пор вместе с профессорами *А.Фан-дер-Флитом*, *Г.Ботезатом* и *С.Тимошенко* осуществлял все научно-техническое руководство строительством российского ВВФ и авиационной промышленности; был организатором и руководителем петербургской научной авиационной школы авиации, опиравшейся на мощную экспериментально-лабораторную базу столичных военных и гражданских высших учебных и государственных учреждений. Помимо государственных учреждений, ученый работал научным консультантом ряда частных авиационных предприятий, в том числе помогал *И.Сикорскому* при создании многомоторных самолетов и своему брату — при организации проектирования и серийного производства авиационной техники на предприятиях фирмы «В.А.Лебедев».

В годы 1-й мировой войны Л. внес большой вклад в организацию отечественной авиамоторной промышленности и научно-исследовательских центров, проектирование новых силовых установок и разработку методов оптимального подбора к ним воздушных винтов, развитие теории полета. Он стал профессором ППИ, преподавал на его кораблестроительном, механическом и металлургическом отделениях, много сделал для укрепления учебной и лабораторной базы института и создания нового авиационного отделения. Л. оставался также профессором Горного института. Ученый был автором ряда научных работ и учебных пособий, касавшихся преимущественно проектирования легких двигателей (в том числе учебника «Воздухоплавательные двигатели», 1916). Накануне революции он стал статским советником, был награжден орденами Св.Анны и Св.Станислава 3-й степени. Был женат на Елизавете Николаевне Невзоровой, имел дочь Елизавету.

В декабре 1917 Л. вместе с братом покинул Петроград, отправился на Юг России и принял активное участие в белом движении, разделив его судьбу. В 1921 по личному приглашению короля сербов, хорватов, словенцев Александра поселился в Белграде, занял кафедру легких двигателей внутреннего сгорания на инженерном факультете университета. Созданные им кафедра и лаборатория заложили основы авиационного двигателестроения в Югославии. Л. был одним из организаторов авиационного факультета Белградского университета, вел большую научную и преподавательскую работу, консультировал государственные и частные учреждения Югославии, выезжал с лекциями в др. страны, чаще всего во Францию. Академия наук Франции наградила ученого Почетной Пальмовой ветвью и избрала в 1939 своим действительным членом.

В 1944 с приходом Красной армии в Югославию Л., подобно другим русским эмигрантам, переехал с семьей на Запад. Он стал профессором и заместителем декана технического факультета Мюнхенского университета. В 1951 поселился в США, в Лос-Анджелесе, где работал консультантом авиамоторного завода «Hellet Motors». Через несколько лет он перебрался в Чили, где получил кафедру легких силовых установок при университете Сантьяго. Считался крупнейшим чилийским специалистом в своей области. Л. был автором 15 книг и нескольких десятков статей по различным проблемам энергетической техники. При его непосредственном участии в Югославии, Франции, Германии, США и Чили был создан ряд авиационных, корабельных и локомотивных двигателей внутреннего сгорания.

Похоронен на православном кладбище в Сантьяго.

Лит.: РГИА, ф. 478; National Air Space Museum's Archive, USA.

В.Михеев

ЛЕВЕН Фоэбус Арон Теодор (наст. фам., имя Левин Фишель Аронович) (25.2.1869, Шавели, Ковенской губ. — 6.9.1940, Нью-Йорк) — биохимик. Родился в ортодоксальной еврейской семье. Отец Л. занимался коммерцией и имел 3 магазина в Петербурге. В 1886 окончил 10-ю петербургскую гимназию и поступил в Медико-хирургическую академию. Л. был одним из немногих студентов еврейского происхождения, которым было позволено учиться в этом элитном учебном заведении России. На кафедре А.Бородина он начал изучать органическую химию, в частности, участвовал в ряде исследований по конденсации фенолов с выделением альдегидов и кетонов. Преподаватели советовали ему продолжить занятия химией. В ноябре 1891 Л. закончил академию и получил диплом лекаря с отличием, а в марте 1892 уехал в США.

Сдав экзамены, дававшие ему право заниматься частной медицинской практикой, Л. до 1896 работал врачом в русско-еврейской колонии в одном из районов Нью-Йорка. Одновременно посещал лекции по органической химии в Колумбийском университете и занимался химико-физиологическими исследованиями на кафедре физиологии в колледже по подготовке врачей и хирургов при Колумбийском университете; опубликовал на немецком языке свою первую научную статью «Роль блуждающего нерва в регуляции уровня сахара в крови». Летом 1896 он взял на себя, дополнительно к собственной, медицинскую практику своего брата Исаака Левина, который на некоторое время уехал в Европу. По возвращении Исаак обнаружил, что у его брата открылся туберкулез. После консультации с известными диагностами Л. уехал на лечение в Давос. Проведя год в Швейцарии, где некоторое время он работал в лаборатории профессора Е.Дрекселя в Берне, Л. вернулся для продолжения лечения в туберкулезном санатории в Саранак-Лейке (шт. Нью-Йорк). Находясь на лечении, он использовал лаборатории санатория для дальнейших исследований. Именно в это время Л. принял решение порвать с медицинской практикой и посвятить свою жизнь биохимическим исследованиям прим.тельно к медицине. В 1896 его назначили руководителем отдела физиологической химии в Институте патологии при нью-йоркских клиниках для душевнобольных, но вскоре институт был закрыт. Некоторое время Л. проработал в лаборатории по изучению туберкулеза в Саранак-Лейке, где изучал химию туберкулезных палочек, а затем уехал в Европу, где продолжил свои исследования в лаборатории немецкого биохимика А.Косселя (Марбург), являвшегося в то время авторитетом по нуклеидам, и Э.Фишера (Берлинский ун-т), заложившего основы химии углеводов и пуринов и занимавшегося в тот момент изучением белков и аминокислот. Имя Л. появилось в совместной с Фишером публикации по проблеме разложения желатина.

В 1902 Л. вернулся в США и приступил к работе в химической лаборатории вновь открывшегося Института патологии, где занимался исследованиями до 1905. К этому времени он опубликовал 84 статьи и был приглашен читать лекции по химии патологии в Медицинском колледже при Нью-Йоркском университете. Лекции включали первые исследования Л. по нуклеиновым кислотам, биохимии туберкулезных бактерий и энзимным реакциям. В 1905 ему поручили возглавить биохимическую лабораторию только что созданного Рокфеллеровского института медицинских исследований, а в 1907 его назначили руководителем отдела химии этого института. В июле 1939 Л. ушел в отставку, получив статус почетного члена института, но продолжал исследования биомолекулярных процессов жизни.

Л. являлся действительным членом Американской ассоциации развития науки, Американского физиологического общества, Американского общества биохимиков (член-основатель), Американского общества естествоиспытателей, Германской академии естествоиспытателей, Немецкого химического общества, Общества Гарвея, Королевского общества естествознания (Швеция), Французского химического общества, Брюссельского Королевского общества медицинских наук и естествознания, Швейцарского химического общества и др. В 1931 Чикагское отделение Американского химического общества наградило Л. медалью Уилларда Гиббса, а в 1938 он получил медаль Уильяма Николса от нью-йоркского отделения общества.

Главный научный вклад Л. был сделан в изучение нуклеиновых кислот. Опираясь на результаты, полученные в лабораториях А.Косселя и Э.Фишера, он более полно разработал представление о нуклеиновых кислотах как полимерах, образованных из мономеров нуклеотидов, в состав которых входят пуриновые основания — аденин и гуанин, и пиримидиновые — тимин, цитозин и урацил. Методом мягкого гидролиза нуклеиновых кислот он выделил нуклеотиды и с помощью метилирования определил и описал их структуру. Л. принадлежит заслуга в понимании различий между рибонуклеиновой (РНК) и дезоксирибонуклеиновой (тимонуклеиновой, ДНК) кислотами. Он одним из первых определил существование этих двух типов нуклеиновых кислот, которые отличаются друг от друга в зависимости от содержащегося в них сахара. В 1909 Л. впервые выделил и идентифицировал сахар d-рибозу, который оп-

ределяет специфику 1-го типа нуклеиновых кислот — рибонуклеиновой кислоты (РНК). И только 20 лет спустя, после непрерывных и неудачных попыток, ему удалось выделить и идентифицировать дезоксирибозу — сахар, определяющий 2-й тип нуклеиновых кислот — дезоксирибонуклеиновую кислоту (ДНК). Трудности состояли в том, что дезоксирибоза разрушалась кислотой, которую использовали для выделения сахара в чистом виде. Успех был достигнут, когда нуклеиновую кислоту пропустили через желудочно-кишечный сегмент собаки, введя раствор в желудочную фистулу и выведя его через кишечную фистулу. Этот эксперимент Л. провел вместе с русским физиологом Е.Лондоном. В области исследования белков Л. продемонстрировал обоснованность фишеровской линейной пептидной теории строения белков. Широкую известность Л. приобрел в области изучения оптического обращения, где он успешно прим.л методы физической химии к биохимии.

Подавляющая часть работ Л. представляет собой статьи, которые опубликованы в «Журнале биологической химии», учрежденном Рокфеллеровским институтом. Всего он написал свыше 700 статей.

Соч.: Hexosamines and mucoproteins. London,1925; Chemical relationships of sugars optically active amino acids, hydroxy acids and halogen acids. New York, 1927; Nucleic acids. New York, 1931.

Лит.: Дэвидсон Дж. Биохимия нуклеиновых кислот. М., 1976; Шамин А.Н. История химии белка. М., 1977; Его же. Эмиль Фишер. Жизнь и труды / Эмиль Фишер. Избр. труды. М., 1979.

В.Логинов

ЛЕВИН Иосиф Аркадьевич (1.12.1874, Орел — 2.12.1944, Нью-Йорк) — пианист. Отец — Аркадий Леонтьевич — работал трубачом в оркестре московского Малого театра. Занятый заботами о содержании своего многочисленного семейства (у него было 7 детей), он не мог уделять особого внимания музыкальному развитию сына. Но в четырехлетнем возрасте тот сам начал подбирать музыку на фортепиано. Первым учителем Л. стал хормейстер Н.Кризандер. В 1886 мальчик поступил в Московскую консерваторию, сразу на старшее отделение в класс В.Сафонова. На одном из ученических концертов его услышал приехавший из Петербурга А.Рубинштейн. Игра Л. произвела на Рубиншейна такое впечатление, что он пригласил юного пианиста участвовать в руководимом им симфоническом концерте в большом зале Дворянского собрания в Москве. Вечер 17.11.1890, на котором прозвучал Пятый концерт Бетховена, стал первым ярким триумфом юного виртуоза. В 1892, закончив консерваторию с золотой медалью, Л. некоторое время жил в Дрездене и пользовался консультациями А.Рубинштейна, находившегося тогда в Германии. В первые послеконсерваторские годы пианист концертировал в России, Польше, Австрии и Германии, главным образом, в составе Московского исторического трио вместе со скрипачом А.Печниковым и виолончелистом М.Альтшулером.

Важной вехой в творческой жизни молодого артиста была победа на 2-м международном конкурсе пианистов им. А.Рубинштейна в Берлине в 1895. Совершенство, с которым Л. исполнил грандиозную бетховенскую сонату ор. 106, вызывало у слушателей ассоциации с искусством Карла Таузига, одного из корифеев фортепианного исполнительства, любимого ученика Листа. Имя русского пианиста сразу получило европейскую известность, ему предлагали выгодные контракты. Л. начал большое концертное турне, когда неожиданно пришло извещение из России о том, что его призывают в армию. Блестяще разворачивавшаяся исполнительская карьера на три года прервалась. В 1898 Л. женился на Розине Бесси, с которой был знаком еще со времен ученичества в консерватории. Отныне супруги нередко выступали совместно с исполнением фортепианных дуэтов, что было довольно необычно для концертной практики тех лет и привлекло к себе пристальное внимание прессы и публики. Роль *Розины Левиной* в творческой судьбе мужа трудно переоценить. Во многом благодаря энергии и настойчивости жены Л., человек по натуре очень скромный и лишенный артистического честолюбия, стал одним из самых выдающихся мировых виртуозов.

Осенью 1899 Левины переехали в Тифлис, где Иосифу предложили преподавать в местном музыкальном училище. Здесь они прожили до 1901, каждое лето проводя в Москве. «Мы были прекрасно устроены и в финансовом, и в общественном отношении. Иосиф был рядом со своими любимыми горами и звездами, — вспоминала впоследствии Розина Левина. — Но я вдруг поняла, что все это не было той атмосферой, какая необходима для его артистического развития. За исключением короткого приезда Гофмана, мой Иосиф абсолютно не имел пианистических соперников в Тифлисе. Не соревнуясь с лучшими артистами мира и не учась у них, он мог просто заплыть жиром в таких комфортных условиях». Решено было отправиться в Берлин. Зимой и весной 1902 Л. выступал в Варшаве, Париже, Берлине.

Следующий период жизни пианиста снова связан с Москвой. По приглашению В.Сафоно-

ва, бывшего тогда директором Московской консерватории, Л. занял пост профессора в своей Alma mater. Условиями контракта предполагалось, что он сможет также разъезжать с концертами. Л. рукоплескали не только Москва и Петербург, но и Париж, Вена, немецкие города. В декабре 1905, когда Москва была охвачена вооруженным восстанием и занятия в консерватории прекратились, Л. выехал в США, получив оттуда предложение провести серию концертов. Однако, сойдя с парохода в Нью-Йорке, он обнаружил, что гастроли срываются из-за финансовых затруднений. Благодаря содействию Сафонова, дирижировавшего в то время оркестром Нью-Йоркской филармонии, удалось организовать для Л. безгонорарный концерт и пригласить на него ведущих американских музыкальных критиков. На следующее же утро концертное бюро Стейнвея предложило артисту контракт на сезон 1906-7 с гонораром 10 тысяч долларов плюс дорожные расходы. До этого подобные договоры с солистами заключались Стейнвеем еще лишь дважды — с А.Рубинштейном и И.Падеревским. Вдобавок к этому Л. получил возможность немедленно начать короткое турне по американским городам. Нью-Йоркская пресса называла пианиста «подлинным Рубинштейном Вторым». «У него техника великого Антона, его порыв, его бравура, его блеск и порядочная доля его львиной мощи. Он также заставляет фортепиано петь».

Весной 1906 Л. вернулся в Москву за Розиной и ее отцом и увез их в Париж, а затем в Америку. Вплоть до мая 1909 семья жила в Нью-Йорке, а сам пианист ездил с гастролями по всей стране от восточного побережья до западного и от Канады до Мексики. Как и ранее в России, в его концертах нередко принимала участие жена. Последующие 10 лет Левины провели в Берлине. Здесь важное место в деятельности музыканта снова стала занимать педагогика. С учениками он занимался в промежутках между концертными поездками, которые проходили с октября по июнь. В отсутствие Иосифа уроки давала Розина, выполнявшая при нем обязанности ассистента. И в творческих, и в педагогических вопросах они всегда были единомышленниками. Тяжелым периодом в жизни Левиных стала 1-я мировая война. Как подданным России, им запрещено было выезжать из Берлина и давать платные концерты. Ученики Л., большинство которых составляли американцы и англичане, вынуждены были покинуть Германию или оказались в лагерях для интернированных. Семья была почти без средств к существованию. Большую поддержку оказал Л. венгерский музыкальный издатель Барци, который добился для него разрешения ежегодно выступать в Венгрии.

По окончании войны Левины возвратились в США и снова могли посвятить себя любимому делу. До конца жизни Иосиф продолжал активно концертировать в Америке, а, начиная с 1926, регулярно выступал и в Европе. Ни разу, однако, он не приезжал в Советский Союз. Весьма критически оценивая все то, что происходило тогда у него на родине, Л. заявил как-то в ответ на вопросы журналистов, что не будет играть в России до тех пор, пока не получит гарантий, что его там не убьют или не посадят в тюрьму. В 1924 в Нью-Йорке была организована Джульярдская музыкальная школа. С самого основания одним из ведущих ее педагогов стал Л. Здесь в полной мере расцвел его преподавательский талант (среди его учеников известные пианисты А.Маркус, С.Городницкий, Б.Смит). В своей работе с учениками Л. руководствовался важнейшими принципами русской фортепианной педагогики, унаследованными им от его учителей, Сафонова и Рубинштейна. Он воспитывал у начинающих музыкантов утонченную культуру звукоизвлечения, пристальное внимание к каждой детали нотного текста, абсолютную естественность и свободу исполнительского аппарата. Все в игре должно было быть подчинено характеру исполняемого произведения. Свой огромный опыт музыканта Л. передавал также на летних курсах в Американской консерватории в Чикаго, при университетах в Денвере и Болжере, в зальцбургском «Моцартеуме». Его практические советы начинающим пианистам собраны в книге «Основные принципы игры на фортепиано», впервые изданной на английском языке в 1924.

Л.-исполнитель владел значительным фортепианным репертуаром. Свой подход к составлению концертных программ он сформулировал в характерной юмористической манере: «Публичное выступление должно быть как хороший обед: не слишком много бифштексов, но и не один пустой десерт». В концертах Л. нередко звучали виртуозные сочинения Мошковского, Таузига и других композиторов, популярных на рубеже веков. Большое место в репертуаре Л. занимала музыка Рубинштейна, в частности, его концерты. Исполнение их поражало слушателей виртуозной мощью, красотой и разнообразием тона. Восторженный американский рецензент так писал об исполнении пианистом Пятого концерта Рубинштейна: «Сдержанные и экономные в движениях, его тяжелые лапы опускались на клавиатуру, исторгая из инструмента рев русского медведя, который восхитил бы самого Рубинштейна. Никогда простые гаммообразные пассажи не производили таких зву-

ковых ураганов. С удивлением приходилось вглядываться в оркестр: что за разрушительное орудие, изобретенное Рихардом Штраусом, удалось контрабандой протащить в рубинштейновский концерт? Но это был всего лишь Левин, играющий гамму... В других местах гаммы рассыпались у него хрустальными звучаниями, а пассажи стаккато хрустели и вспыхивали, подобно электрическим искрам...»

Звуковое великолепие игры Л. было плодом не стихийного порыва, а прежде всего мудрого и тонкого мастерства, прекрасного владения всеми тайнами инструмента. Главной целью пианиста всегда было донести до слушателей красоту композиторского замысла. Отсюда простота, убедительность и благородство трактовок Л., отсутствие всякого намека на артистический самопоказ. Это подчас даже вредило его внешнему успеху среди неподготовленной публики. «Левин слишком великий художник, чтобы думать о достижении собственной выгоды», — заметил как-то один из рецензентов.

С годами в творчестве пианиста все более усиливалось сдержанно-лирическое начало. В программах его, наряду с Шопеном, Шуманом и русскими композиторами, все чаще звучала музыка Брамса и Дебюсси. Л. стал одним из первых в Америке «дебюссистов». Его называли «идеалистом, мечтателем, стремящимся к утонченности, отточенности и совершенству». «Он, кажется, совершенно не приемлет энергичной манеры многих современных инструменталистов и нашел убежище в созерцательной философии», — писала «New York Times». Не случайно яркому и блестящему звучанию «Стейнвея» он со временем начал предпочитать более мягкий и матовый тембр роялей Чикеринга и Балдуина, выступал в полутемных залах, дабы ничто не отвлекало слушателей от музыки.

До самого конца жизни Л. продолжал концертировать, в последние годы по большей части с Розиной. Искусство его оставалось таким же совершенным, как и в молодости. К сожалению, пианист мало записывался на пластинки, и мы ныне лишены возможности почувствовать в полной мере все величие этого, как выразился его друг, пианист Артур Рубинштейн, — «последнего аристократа клавиатуры».

Лит.: Brower H. Modern Masters of the Keyboard. New York, 1926 (repr. 1969); Левина Р. Записки / Выдающиеся пианисты-педагоги о фортепианном искусстве. М.-Л., 1966; Wallace R.K. A Century of Music-Making: The Lives of Josef and Rosina Lhevinne. Bloomington, 1976; Schonberg H.C. The Great Pianists from Mozart to the Present. New York, 1987; Гинзбург Л. Талант и коррекция времени. Иосиф Левин: Дорога к дебюту // Муз. жизнь, 1994, № 6.

С.Грохотов

ЛЕВИНА (урожд. Бесси) Розина (Розалия) Яковлевна (17.3.1880, Киев — 9.2.1976, Глендейл, шт. Калифорния, США) — пианистка, педагог. Отец Розины, Жак Бесси, выходец из Дании, был состоятельным коммерсантом, торговал ювелирными изделиями и винами. В доме постоянно звучала музыка — и отец и мать, урожденная Мария Кач, были музыкантами-любителями. Шести лет Розина начала играть на фортепиано, и спустя два года ее отдали учиться в Московскую консерваторию. На младшем отделении ее педагогом стал С.Ремезов, а на старшем — В.Сафонов. Публичный дебют юной пианистки состоялся в 15-летнем возрасте, когда в ее исполнении прозвучал Первый концерт Шопена с оркестром под управлением Сафонова.

Через неделю после выпускного экзамена в консерватории, которую она закончила в 1898 с золотой медалью, Розина вышла замуж за *Иосифа Левина*. Став женой выдающегося пианиста-виртуоза, она решила отказаться от собственной сольной исполнительской карьеры, вопреки сетованиям Ц.Кюи и многих других друзей из музыкального мира. Все же изредка она впоследствии выступала в симфонических концертах, а также соло (упомянем, например, ее исполнение Концерта Гензельта с А.Никишем за дирижерским пультом в 1902 и клавирабенд в 1907 в нью-йоркском Мендельсон-холле). «Стиль ее несколько камерный и ограниченный по мощи и размаху экспрессии. Но у пианистки прекрасный вкус, свободная, журчащая техника и красивый звук, разнообразный по окраске и характеру», — писал один из американских рецензентов. Главным же в пианистической деятельности Л. была игра в ансамбле с мужем — музыканты образовали один из первых постоянно действующих фортепианных дуэтов. Публичные выступления с музыкой для двух фортепиано были редкостью в те годы и вызывали у слушателей живой интерес. Игра Иосифа и Розины Левиных отличалась идеальной слаженностью, гармонией и единством замысла. Эти качества, так же как и полнейшее взаимопонимание в процессе исполнения, отмечали все критики, писавшие об их концертах в России и за границей. В репертуаре дуэта было почти все, сочиненное для двух фортепиано (за исключением переложений): концерты Баха, сонаты и концерты Моцарта, сюиты Аренского и *Рахманинова*, — вплоть до концерта Пуленка. Все произведения игрались наизусть. Причем для более тесного ансамблевого взаимодействия рояли ставились «валетом», с тем чтобы музыканты имели возможность смотреть друг на друга. Такое размещение инструментов было тогда в диковинку.

Делом своей жизни Л. считала артистическую карьеру мужа. Биографы сходятся в одном: без нее этот уникально одаренный пианист в силу излишней скромности и отсутствия художественного честолюбия, возможно, не добился бы мирового признания. Смерть Иосифа зимой 1944 была для нее страшным ударом. Сын и дочь к тому времени уже выросли; существование, казалось, потеряло смысл. Спасением стала музыка. Еще в Берлине до 1-й мировой войны Л. начала работать как ассистент Иосифа с учениками его класса. В дальнейшем она занимала тот же пост в Джульярдской музыкальной школе с самого момента ее основания. Имея большой опыт преподавания, она, тем не менее, сомневалась в своей способности полностью самостоятельно вести занятия с учениками и не без трепета приняла предложение после смерти мужа унаследовать его класс в Джульярде. Уже в начале 50-х ее ученики стали одерживать первые победы на музыкальных конкурсах. Так, на конкурсе фортепианных записей, проводившемся анонимно в 1952, ученики Л. получили 32 премии из 45. На следующем аналогичном соревновании год спустя 22 победителя являлись ее учениками, а всего в состязании участвовало 33 тысячи человек со всех концов Америки. На многочисленных конкурсах внутри Джульярдской школы питомцы Л. одержали столько побед, сколько ученики всех остальных педагогов вместе взятых. При этом она придерживалась правила — никогда не присутствовать на конкурсных прослушиваниях, в которых принимали участие ее ученики. Среди замечательных артистов, вышедших из класса Л., выдающихся успехов достигли Д.Браунинг (победитель конкурса в Брюсселе) и легендарный В.Клайберн с его триумфом на 1-м Международном конкурсе им. Чайковского в Москве.

В основе преподавания Л. лежало внимательнейшее изучение звуковых возможностей фортепиано и физических особенностей ученика. Все в ее классе получали солидную техническую подготовку и умение слышать фортепианное звучание. Красочность звукоизвлечения достигалась игрой свободным упругим запястьем и использованием разнообразных положений пальцев на клавиатуре. Много внимания Л. уделяла работе над гаммами и арпеджио во всевозможных ритмических и динамических вариантах, разным туше. «Эти упражнения — хлеб, а остальное — масло, — говорила Левина. — Хотя масло и вкусное, оно не пойдет без хлеба». К чисто двигательным приемам она относилась без догматизма: если звуковые результаты ее удовлетворяли, Л. позволяла играть по-своему. То же самое было характерно для ее подхода к трактовкам. Когда ученик приносил ей пьесу, которую считал готовой к публичному исполнению, она выдвигала следующее условие: «Пьеса должна меня захватить. Совсем не обязательно ей быть решенной в том духе, как я люблю. Я только настаиваю, чтобы в ней была логика, теплота, осмысленность и хороший вкус. Если все это присутствует, я даю свое благословение». В работе с учениками Л. считала себя продолжателем дела Иосифа, унаследовав его эмоционально-образный подход к обучению (традиция, идущая от А.Рубинштейна). Но она была открыта для любых плодотворных творческих идей, постоянно консультировалась с коллегами и своими ассистентами. Так, по ее собственному признанию, она много почерпнула из общения с *И.Венгеровой*, представительницей школы Есиповой-Лешетицкого, а также с преподававшими в Джульярде Л.Томпсон и виолончелистом Ф.Салмондом.

Педагогические успехи Л. были во многом связаны с той особой доверительной и плодотворной атмосферой, которую она умела создать в своем классе. Общение с учеником не исчерпывалось для нее часами, проведенными вместе за инструментом. Класс Л. был словно большая семья. Каждое воскресенье профессор вместе с учениками выезжала на природу или отправлялась в музеи, на выставки. Ученики то и дело обращались к ней со всевозможными проблемами, причем не только музыкальными, но и личными, и находили понимание, поддержку и помощь. Кроме того, она постоянно общалась со своими питомцами по телефону — ободряла и распекала, вдохновляла и утешала. Искренний интерес, который она проявляла к личности каждого, помогал ей добиться главного — полностью раскрыть индивидуальность начинающего музыканта.

В старости Л. продолжала сохранять прекрасную исполнительскую форму. По сути именно в 75-летнем возрасте началась широкая концертная деятельность пианистки. Спустя почти 53 года после своего последнего сольного выступления с оркестром, она сыграла специально выученный Концерт C-dur (KV 467) Моцарта. Регулярными стали ее концерты совместно с Джульярдским квартетом. Р.Манн, игравший в ансамбле партию первой скрипки, вспоминал, что Л. «умела заставить звучать фортепиано подобно струнным инструментам». Среди высших исполнительских достижений артистки в те годы следует назвать Первый концерт Шопена. «Немногие молодые пианисты могли бы соревноваться с ней в передаче самой сути этой музыки, — писалось в одной из рецензий. — Это было прочувствованное и убедительное прочтение, которое и в темпах и во фразировке давало ощутить индивидуальность пианистки, не выставляя однако эту ин-

дивидуальность на первый план». Подлинным триумфом стало исполнение этого концерта в 1962 с Нью-Йоркским филармоническим оркестром под управлением Л.Бернстайна.

Столь плодотворная и долгая жизнь Л. в искусстве была возможна благодаря ее способности и в 90 лет сохранять юношескую свежесть чувств, восхищение красотой. В работе она была одержимой. Характерно ее высказывание об отдыхе: «На первый день я в восторге, на второй ощущаю беспокойство, на третий — жду не дождусь того момента, когда смогу снова начать заниматься и преподавать». Силы Л. давала музыка, общение с учениками. «Есть много способов описать талант, — говорила она. — Один из них, это когда после целого дня уроков вы сидите в полном изнеможении, но приходит ученик и играет так прекрасно, что вы чувствуете себя совершенно отдохнувшей».

Соч.: Мои воспоминания / Воспоминания о Московской консерватории. М., 1966; Записки / Выдающиеся пианисты-педагоги о фортепианном искусстве. М.-Л., 1966.

Лит.: Wallace R.K. A Century of Music-Making: The Lives of Josef and Rosina Lhevinne. Bloomington. 1976.

С.Грохотов

ЛЕВИНСОН Андрей Яковлевич (1.1.1887, Петербург — 3.12.1933, Париж) — критик, историк балета, литератор. По образованию филолог, специалист по французскому языку и литературе. В 1910 окончил Петербургский университет, в котором позднее был профессором по кафедре романских языков. Начал писать о балете в 1911 — в пору острого кризиса академизма и неутихающих нападок на балетные традиции XIX в. как со стороны поборников «свободного танца» (А.Дункан), так и со стороны балетмейстеров-реформаторов (А.Горский и *М.Фокин*). Л. аргументированно и настойчиво отстаивал ценности классического танца и традиционного балета, винил увлекающихся новизной в ограниченности, а то и ошибочности реформаторских попыток. Причина неприятия ряда новых явлений лежала не в консерватизме, а в глубоком проникновении в природу балетного искусства. Л. были присущи вкус и художественное чутье, понимание преходящего значения некоторых начинаний и опасности утраты в угаре новизны идеалов вечной красоты, утверждаемых балетным классическим наследием.

Л. оказался не только на стыке двух эстетических миров: он стал активным участником процесса мировой экспансии русского балета. Успех дягилевской антрепризы породил множество гастролирующих за рубежом трупп, которые пропагандировали достижения русской хореографической культуры. Л. имел редкую возможность постоянно наблюдать спектакли и исполнителей Мариинского театра на протяжении театрального сезона, а затем — постановки дягилевской антрепризы за рубежом в летний период. По сути он оказался в эпицентре тех эстетических катаклизмов, в результате которых не только формировалось новое искусство танца XX в., но и вообще определялись пути развития этого искусства в будущем. Обладая несомненным литературным даром, свободно владея французским, он смог одинаково легко и блестяще высказываться и в русской и во французской прессе. Редкостная эрудиция, погруженность в тот культурный слой, который собственно и породил поиски нового в балетном театре, понимание художественных процессов изнутри давали ему множество преимуществ перед теми, кто брал на себя функции балетного критика за рубежом. Не приемля творчество Дункан, Фокина, *В.Нижинского*, позднее — *С.Лифаря*, Л., тем не менее, так точно описывал и анализировал их постановки, что невольно стал историографом и исследователем балета той поры. Написанные в острой форме, его статьи будоражили художественное сознание, затрагивали вечные темы искусства. Они влияли и на художников, обнаруживая противоречия их творчества, расхождение намерений и результата. Л. удалось верно обозначить основную проблему балетного театра XX в. — необходимость создавать новое, не отвергая лучших достижений искусства предшествующих эпох. Мир постигал эту очевидную для Л. истину не одно десятилетие.

На долю Л. выпало подвести черту особому этапу в русской балетной критике — творчеству балетоманов. Способность воспринимать частное явление балетного искусства в контексте его коренных проблем позволяет считать именно Л. основоположником русской профессиональной балетной критики. К этому высокому уровню критической мысли, достигнутому в России, Л. приобщил и французские издания, с которыми он сотрудничал. Вот почему энциклопедия «Concise Encyclopedia of Ballet» Ф.Рейна (London and Glasgow, 1974) объявляет его, и вполне справедливо, основателем также современной французской балетной критики.

Творчество Л. распадается на два периода: «русский» — 1911-20 и «французский» — 1921-33. Первые статьи Л. вышли в журнале «Аполлон» в 1911 и были посвящены Л.Фуллер, московскому балету, исполнительскому искусству, гастролям *Л.Кякшт*; публиковал рецензии на спектакли и балетные премьеры. Особый интерес привлекла *А.Павлова* в «Баядерке» и «Жизели» — каждый ее спектакль

стал темой отдельной статьи Л. Позднее Л. сотрудничал также в «Ежегоднике императорских театров», журналах «Искусство» и «Жизнь искусства», газете «Речь». Опубликовал книги «Мастера балета» (Пг., 1914) и «Старый и новый балет» (Пг., 1918).

Покинул Россию в конце 1920. Через Прибалтику перебрался в Берлин. С 1921 жил в Париже. Вел активную журналистскую деятельность, откликаясь на многие события балетной жизни. В центре внимания — дягилевская антреприза, премьеры которой вызывали нередко очень острую критику с его стороны. Чаще всего публиковался в журнале «Comedia». «Французский» период творчества Л. ознаменован интенсивной исследовательской и литературной работой, итог которой — большое количество серьезных трудов, посвященных балетному романтизму, философии танца, современному танцу, творчеству *Л.Бакста*, П.Валери, жизни Ж.Ж.Новера, М.Тальони, А.Павловой, С.Лифаря. Эпизодически читал в Сорбонне лекции о балете.

Соч.: Ballet romantique. Paris, 1919; L'Œuvre de Léon Bakst. Paris, 1921; Meister des Balletts. Paris, 1923; La Danse au théâtre. Paris, 1924; La Vie de Noverre. Paris, 1925; Paul Valéry, philosophe de la danse. Paris, 1927; La Argentina. Paris, 1928; Anna Pavlova. Paris, 1928; Marie Taglioni. Paris, 1929; La Danse d'aujourd'hui. Paris, 1929; Les Visages de la danse. Paris, 1933; Serge Lifar. Paris, 1934.

Лит.: Koegler H. The Concise Oxford Dictionary of Ballet. 2 ed. London, New York, Melbourne, 1982; Лифарь С. Дягилев. СПб., 1993.

А.Соколов-Каминский

ЛЕГАТ Николай Густавович (15.12.1869, Москва — 24.1.1937, Лондон) — танцовщик, педагог, балетмейстер. Из потомственной театральной семьи. Дед, швед по национальности, был театральным машинистом. Мать, Мария Семеновна (урожд. Гранкен), и отец, Густав Иванович — выпускники Петербургского театрального училища; занимали ведущее положение в петербургской и московской труппах: мать как характерная танцовщица и пантомимная актриса, отец — как первый танцовщик и балетмейстер. Своих пятерых детей родители также отдали учиться балету.

С 8-летнего возраста Л. занимался танцем с отцом, в то время преподавателем классического танца в Московском театральном училище (домашние уроки продолжались у Л. до 20 лет). В Петербургском театральном училище обучался в 1880-88 (педагоги Н.Волков, П.Гердт, М.Петипа). Проявлял живой интерес к спорту — занимался подъемом тяжестей, акробатикой, греблей, плаванием, борьбой. Играл в ансамбле балалаечников и хорошо рисовал. Дебют в сольной партии Гения леса в pas d'action с выпускницей А.Виноградовой («Очарованный лес», хореография Л.Иванова) состоялся на сцене Мариинского театра в 1887. Предвыпускной ученик демонстрировал уверенность в сложных силовых поддержках, что несомненно объяснялось хорошей атлетической подготовкой. В 1888 был принят в труппу Мариинского театра сразу корифеем.

Невысокого роста, плотного мускулистого телосложения, с крупноватой головой, Л. был далек от идеала ведущего классического танцовщика. Но сила и ловкость делали его великолепным партнером. Вот почему Л. получал одну за другой партии балетных героев, хотя они не очень соответствовали его внешним данным. К тому же солидный возраст бессменного премьера П.Гердта и виртуозного солиста Э.Чекетти вынуждал их отказываться от части репертуара; заменить их поручали молодому Л. Первой значительной ролью был Оливье на премьере балета «Калькабрино» (13.2.1891); партнерша — К.Брианца. Л. заменил Чекетти (станцевавшего только премьерный спектакль), исполнив партию Голубой птицы («Спящая красавица» П.Чайковского), Гердта — в ролях принца Шарман («Золушка», с П.Леньяни), Альберта («Жизель» А.Адана), Дезире («Спящая красавица»). Позднее репертуар танцовщика пополнили многие ведущие партии. В них он оставался элегантным партнером балерин. Танец его был правилен и закончен, но ошеломляющей виртуозностью не отличался. Особенности его таланта проявились в ролях лирико-комедийных, требовавших жанровых красок и выразительной актерской игры. То были пастух Илас («Жертвы Амуру»), Лука («Волшебная флейта» Р.Дриго), Колен («Тщетная предосторожность» П.Гертеля), Франц («Коппелия» Л.Делиба) — роли традиционных балетных пейзан. Здесь он был естественен, изобретателен, органичен. Удался ему и Базиль, исполненный в том же ключе (премьера «Дон Кихота» балетм. А.Горского, 20.1.1902). Комические краски были Л. особенно близки. Его Арлекин («Арлекинада» Дриго в постановке Петипа) восхищал лукавым лиризмом, музыкальностью, экспрессией.

Вершиной актерской карьеры Л. стала роль Гренгуара в «Эсмеральде» Ц.Пуни. Первое выступление (4.1.1904) ничем не предвещало того успеха, который выпал исполнителю три года спустя. Понадобился не только сценический, но, главное, жизненный опыт (утрата покончившего с собой горячо любимого брата Сергея), чтобы произошла эта метаморфоза — из безучастного в остро чувствующего чужое горе человека. Поэт-неудачник в исполнении Л. пред-

ставал как трагикомическая и вместе с тем трогательная фигура. Он проникался смятением Эсмеральды, узнавшей в женихе знатной дамы своего возлюбленного, и искренне и заботливо утешал ее. Пронзительностью обостренной эмоции, столь контрастной с внешней несуразностью, его Гренгуар предвещал фокинского Петрушку.

Живой ум, музыкальность, интерес к творчеству в любых проявлениях позволяли Л. пробовать себя в разных качествах. Первый балетмейстерский опыт состоялся вскоре после окончания училища — по просьбе московской родственницы танцовщицы В.Мосоловой было поставлено pas de deux. Для 25-летнего бенефиса М.М.Петипа, гражданской жены брата, был сочинен и исполнен с *О.Преображенской* Valse caprice А.Рубинштейна, а для *М.Кшесинской* поставлено pas de deux (4.2.1901). На премьере комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь» в Александринском театре танец эльфов с выпускницей *Т.Карсавиной* также принадлежал Л. (2.11.1901). Смерть балетмейстера Л.Иванова, преклонный возраст самого Петипа заставляли думать о помощнике. Выбор пал на Л., официальное назначение было объявлено 1.9.1902. Дебют в новом качестве — премьера балета «Фея кукол» Й.Байера с оформлением *Л.Бакста*, поставленного совместно с братом Сергеем, — состоялся 16.2.1903 в Мариинском театре. Сюжет балета не был нов: обитатели кукольной лавки оживали ночью, разворачивалось празднество во главе с Феей кукол. Классический танец был окрашен привычной кукольной пластикой — деревянной механичностью движений. Маловыразительный музыкальный материал дополнялся вставной музыкой Чайковского, Дриго, Рубинштейна, А.Лядова. Постановщики изобретательно варьировали характеристические особенности танцевальной лексики, вплетая то национальные мотивы, то любые иные. Ансамбль исполнителей был блестящим: *А.Павлова* (испанка), *В.Трефилова* (японка), А.Ваганова (китаянка), О.Преображенская (кукла Бебе) и др. Каждый отделывал свою роль с присущим ему талантом и мастерством. Но даже это не могло возместить отсутствия драматургии: одноактный балет по сути представлял собой разросшийся дивертисмент. Центром балета было pas de trois Феи кукол и двух Пьеро (М.Кшесинская, С.Легат, *М.Фокин*).

Неразлучные братья свято верили в могущество формул классического танца, но воспринимали эти формулы как нечто застывшее, не подвластное переменам, навстречу которым уже шел балетный театр. Пути ортодоксально мыслившего Л. и его более чутких к новому коллег разошлись. Однако ориентация Л. пришлась по вкусу дирекции, и приказ от 25.11.1905 возвестил о назначении его вторым балетмейстером. При отсутствии первого Л. по сути становился хозяином труппы. Приходилось ставить и в операх. Танцы в «Нероне» Рубинштейна напоминали то приемы Петипа, то почерк Иванова. Для себя с Преображенской Л. сочинил классическое pas de deux. Все выглядело старомодным и недостаточно самостоятельным. Вторичным оказался и новый двухактный балет Л. «Кот в сапогах» (10.12.1906; муз. А.Михайлова, оформ. П.Ламбина). Сам балетмейстер исполнял маркиза Карабаса, Трефилова — принцессу Клементину. Не порадовал и «Аленький цветочек» Ф.Гартмана (16.12.1907). И здесь дивертисментное начало безраздельно торжествовало, сводя спектакль к бесконечной череде танцевальных номеров. Ни музыка, ни хореография не содержали значительных идей, способных объединить эту россыпь в единое целое. Талантливое оформление *К.Коровина* этнографической достоверностью и единством стилевого решения лишь подчеркивало безжизненность разрозненных хореографических воплощений. Постановка Л. обнажила противостояние охранительных тенденций животворным поискам нового. Обе тенденции причудливо переплелись при возобновлении «Талисмана» Р.Дриго (29.11.1909) — балета, поставленного Петипа в 1889. Л. помнил хореографию мэтра и охотно цитировал ее. Но он не мог избежать и влияния фокинских новаций. Эклектика неоспоримо убеждала в отсутствии собственной творческой позиции. Спектакль стал по сути «могильным камнем» на его карьере балетмейстера. Премьеру единственный раз станцевала в качестве прощального спектакля Преображенская. Затем спектакль перешел к Кшесинской. И хотя дирекция недвусмысленно высказывала предпочтение Л., сдерживая постановочную деятельность Фокина в Мариинском театре, новое, пусть и с трудом, но проникало на казенную сцену.

9.2.1914 состоялся 25-летний юбилей творчества Л. Юбиляр был удостоен почетного звания заслуженного артиста императорских театров. Тем не менее контракт с ним продлен не был. С Мариинским театром пришлось распрощаться. Его пригласили ставить в Народном доме. Еще раньше наметилось сотрудничество с молодым композитором Б.Асафьевым, на музыку которого Л. поставил несколько номеров. Теперь же он поставил на его музыку балет «Белая лилия» — старомодную историю любви Золотой бабочки (Преображенская), Мотылька (Л.), Лилии (любительница Н.Николаева, вторая жена Л.) и Ириса (А.Бекефи). Остальные роли и функции кордебалета исполняли учащиеся-любители частной балетной школы В.Москалевой, в которой преподавали Преображенская и

Л. Премьера (11.12.1915) включала еще один одноактный балет в постановке Л. — «Роза Маргитты» на музыку И.Армсгеймера. Завершал спектакль дивертисмент. Работа с любителями не дала интересного результата и в следующей постановке — «Волшебный сон принца» на музыку Н.Соколова. Цирковые полеты на тросах не могли возместить недостаток профессиональных танцев. Частную труппу создать Л. не удалось.

Тогда Л. всю свою энергию перенес на педагогическую деятельность. Опыт его в этой области был огромен. Находки отца, педагогов, с которыми Л. работал в училище, позднее дополнились уроками Х.Иогансона в театре. Сам он сначала преподавал в Театральном училище, затем вел класс усовершенствования в Мариинском театре, сменив Е.Соколову (с 1904). В числе учеников Л. были Кшесинская, Трефилова, Карсавина, Ваганова, Фокин, Ю.Седова, *В.Нижинский*, Ф.Лопухов. По инициативе Л. был впервые создан класс поддержки в Мариинской труппе, в котором он передавал собственный богатейший опыт дуэтного танца другим артистам (1909). Отстаивая ценности академического танца, Л. противостоял разрушительному пафосу новаторов. Вклад его в сохранение завоеваний классического танца для XX в. чрезвычайно велик. Заслугой Л. является также участие в процессе осмысления приемов классического танца, что вело в дальнейшем к созданию методики преподавания классического танца и поддержки. Педагогическое мастерство Л. включало индивидуальный подход к каждому ученику, умение точно подсказать, как преодолеть недостатки и выгодно оттенить достоинства.

После революции в начале 1920-х Л. пригласили преподавать в Московское театральное училище, но там он не прижился. Возращение в родной город ознаменовалось его скандальной статьей в журнале «Жизнь искусства» (1922, № 25, 27 июня), в которой деятельность петроградской балетной школы подвергалась резкой критике. Недовольство во многом было оправдано. Но Л. не замечал и того, что в тяжелейших условиях послереволюционного существования школа не только выжила, пополняла оскудевшую труппу, но и начинала перестраивать свою работу. Делали это педагоги, многие из которых были учениками Л., — такие как Ваганова. Л. продолжал преподавать в Школе русского балета А.Волынского, давал частные уроки, гастролировал с концертными выступлениями по стране. В августе 1922 его избрали членом высшего хореографического совета бывшего Мариинского театра, призванного руководить труппой. Несмотря на это, осенью того же года он покинул Россию, обосновавшись в Англии. В 1930 открыл в Лондоне студию.

За рубежом с творчеством Л. были знакомы со времен его гастролей в 1907 — с Трефиловой на сцене Трокадеро и Комической оперы в Париже, в 1908 — с Кшесинской на сцене «Grand-Opéra». Гастроли Л. с Кшесинской в Варшаве в феврале 1909 также прошли чрезвычайно удачно — успех обоих в «Тщетной предосторожности» был выдающимся. В апреле того же года группа артистов Мариинского балета (около 30 чел.) во главе с Л. отправилась в турне по городам Европы (Берлин, Лейпциг, Вена, Прага). В репертуаре, основу которого составили балеты классического наследия, блистали Павлова, *Л.Егорова*, Э.Вилль. В концертном отделении часть номеров была поставлена Л.; публика встретила их с энтузиазмом. Всего месяц отделял эти гастроли от дягилевских парижских сезонов. Предшествовавший им успех русских исполнителей неизбежно подогревал интерес к русскому балету вообще, обнаруживал значительность накопленных этим балетом богатств.

Л., олицетворявший старые традиции в русском балете, к тому же пользовавшийся благосклонностью дирекции императорских театров, был чужд *Дягилеву*. Пути этих людей пересеклись лишь однажды — и то ненадолго. Прославленный Э.Чекетти покинул в 1925 дягилевскую антрепризу. Труппа, состоявшая в тот период в значительной мере из недостаточно опытных танцовщиков, крайне нуждалась в опытном педагоге. Дягилев вынужден был пригласить Л. Однако тому не хватало гибкости в работе с мало подготовленными артистами, к тому же Л. был сторонником французской школы и скептически относился к итальянской, к которой приучал труппу Чекетти. По мнению Дягилева, успехи занимавшихся в классе Л. были невелики. Это стало поводом для отставки Л., проработавшего у Дягилева всего около года.

Заключительный период своей жизни Л. посвятил лондонской школе. Она многое значила не только для становления нарождавшегося заново английского балета; школа Л. стала мировым центром сохранения и передачи академических традиций. Сюда охотно приезжали совершенствоваться артисты балета из разных стран, приобщаясь к вечным ценностям классического танца. В школе Л. занимались такие выдающиеся исполнители как В.Немчинова, *А.Данилова*, Л.Лопухова, А.Маркова, М.Фонтейн, Н. де Валуа, А.Долин, *С.Лифарь*, А.Картер, А.Эглевский, М.Ширер. Школа Л. превратилась также в первый интернациональный центр по пропаганде и распространению методических знаний о русской школе классического танца. По-

сле смерти мужа школу возглавила вдова Н.Николаева-Легат. Затем руководство школы, существующей по настоящее время, перешло к Е.Бартелл.

Совместно с братом Сергеем осуществил серию карикатур («Русский балет в карикатурах». СПб., 1903). Автор книги «Story of the Russian School» (London, 1932).

Лит.: Красовская В. Русский балетный театр начала XX века, ч. 1: Хореографы. Л., 1971.

А.Соколов-Каминский

ЛЕДКОВСКИЙ Борис Михайлович (1894, Новочеркасская губ. — 7.8.1970, Нью-Йорк) — православный регент. Из семьи сельского священника. Образование получил в Новочеркасском духовном училище и в гимназии Ростова-на-Дону, затем в Московской консерватории. Эмигрировал в Болгарию, позднее переехал в Германию. Вплоть до 1945 служил в Берлине регентом хора русской церкви на Находштрассе, при настоятеле, архимандрите *Иоанне (Шаховском)*. С 1952 — регент кафедрального собора Русской зарубежной церкви в Нью-Йорке. С 1953 по 1968 Л. преподавал также церковное пение в американской Свято-Владимирской православной духовной семинарии и был руководителем ее хора. Часто выступал с концертами, сделал многочисленные записи на пластинки с хорами собора, семинарии и с мужским хором «Капелла».

Манеру Л.-регента отличает высокая литургическая и эстетическая культура. Репертуар исполняемых им произведений значительно шире, чем у большинства русских зарубежных церковных регентов; в него входили сложные и редко звучащие композиции, особенно мастеров «московской школы» *(А.Гречанинов*, П. и А.Чесноковы, Викт.Калинников, А.Кастальский и др.). Л. часто включал в программы произведения своих современников — авторов духовной музыки из русской диаспоры. Сам он являлся грамотным и одаренным церковным композитором; большая часть работ Л. — переложения роспевов, но есть и самостоятельные сочинения, стилистически принадлежащие к умеренно-консервативному направлению (они до сих пор часто звучат в православных храмах США).

Многолетняя деятельность Л. способствовала правильному пониманию и поддержанию русской православной певческой традиции в Северной Америке. Певческий стиль и основной репертуар песнопений, который культивировался Л., и сейчас оказывает сильное воздействие на духовное песнопение в православных приходах США. Наследие Л. является предметом пристального изучения американских музыкантов православного вероисповедания.

М.Рахманова

ЛЕОНТЬЕВ Василий Васильевич (род. 5.8.1905, Петербург) — экономист. Из семьи профессора политической экономии Петербургского университета, автора ряда работ по экономике Василия Васильевича Л. Закончив гимназию, Л. поступил в 1921 в Петербургский университет, где изучал философию, социологию, а затем и экономику. После окончания университета (1925) и получения диплома экономиста Л. некоторое время работал в университете на кафедре экономической географии. Затем выехал в Германию для продолжения учебы и работы над докторской диссертацией в Берлинском университете под руководством известного немецкого экономиста и социолога Зомбарта и крупного статистика-теоретика, выходца из России, Вл.Борткевича. Темой диссертации Л. было исследование народного хозяйства как непрерывного процесса. Не оставляя учебу, он начал свою профессиональную карьеру в качестве экономиста-исследователя Института мирового хозяйства при Кильском университете, занимаясь изучением производной статистического спроса и кривой предложения. В 1928 Л. получил степень доктора наук. Его исследовательская работа была прервана на год в связи с тем, что в 1929 он отправился в Нанкин в качестве экономического советника министерства железных дорог в правительстве Китая. После возвращения в Германию продолжал работать в Институте мирового хозяйства.

В 1931 директор Национального бюро экономических исследований (США), известный американский экономист-статистик, специалист в области анализа экономических циклов и конъюнктуры У.Митчелл пригласил Л. на работу в бюро, и тот переехал в США. С 1932 Л. начал преподавать политическую экономию в Гарвардском университете. В том же году женился на поэтессе Эстел Хеллен Маркс. Вскоре в Америку перебрались и родители Л. Его отец с конца 20-х являлся сотрудником советского торгового представительства в Германии, и когда в середине 30-х ему было предложено вернуться в СССР, супруги Леонтьевы предпочли остаться за границей. Судьбе этой семьи посвятила свои мемуары «Женя и Василий» мать Л., дожившая до преклонных лет и скончавшаяся в начале 70-х.

В 1932 Л. организовал в Гарварде научный коллектив под названием Гарвардский проект экономических исследований, бессменно возглавлял его до закрытия в 1973. Этот коллектив стал центром исследований экономических процессов по методу «затраты-выпуск». Одновременно все эти годы Л. оставался профессором Гарвардского университета, а с 1953 до 1975 был также заведующим кафедрой политической экономии им. Генри Ли. В 1975 Л. перешел на работу в Нью-Йоркский университет. Три года спустя он организовал при университете Институт экономического анализа и вплоть до 1986 являлся его директором. Оставив в 80-летнем возрасте административный пост, Л. продолжает активную исследовательскую работу.

Глубина экономического мышления сочетается у Л. с сильной математической подготовкой. В конце 20-х — начале 30х он провел ряд оригинальных исследований по изучению эластичности спроса и предложения, статистическому измерению промышленной концентрации, использованию кривых безразличия для объяснения некоторых закономерностей международной торговли. Одна из первых научных статей Л. была посвящена анализу баланса народного хозяйства СССР за 1923-24, который представлял собой первую в экономической практике тех лет попытку представить в цифрах производство и распределение общественного продукта с целью получения общей картины кругооборота хозяйственной жизни. Баланс явился прообразом разработанного впоследствии Л. метода «затраты-выпуск». Статья была написана на немецком языке и опубликована в журнале «Weltwirtschaftliches Archiv» в октябре 1925. Перевод на русский язык под названием «Баланс народного хозяйства СССР. Методологический разбор работы ЦСУ» появился два месяца спустя в декабрьском номере журнала «Плановое хозяйство».

В течение всей своей научной деятельности Л. неукоснительно следовал принципу, что экономические понятия бессмыслены и могут лишь вводить в заблуждение, если соответствующие процессы нельзя оценить реально, с помощью экономической практики. Современную экономическую науку он рассматривает как прикладную, эмпирическую, реальная польза которой оценивается в зависимости от того, как экономические теории применяются в реальной жизни. Теоретизирование, по словам Л., требует вдохновения и технических навыков, а сбор фактов — в частности, для разработки сложных моделей — гораздо больше пота и слез и всегда большого объема времени и затрат. Неудивительно, замечает он, что мы сталкиваемся с избытком теоретических моделей и недостатком данных, необходимых, чтобы эти модели не остались на бумаге. С особой осторожностью рекомендует Л. относиться к использованию в экономическом анализе математических моделей, полагая, что сложные математические конструкции формального свойства мало способствуют постижению структуры и принципов функционирования реальной экономической системы. Соотношению экономической теории и прикладных исследований он посвятил свою речь после избрания его президентом Американской экономической ассоциации (1970).

В 30-е Л. занимался изучением роли агрегированных экономических показателей объема выпуска продукции и общего уровня цен. В 1937 в «Ежеквартальнике по политической экономии» опубликовал статью «Слепое» теоретизирование. Методологическая критика нео-Кембриджской школы», получившую широкий резонанс. В ней он проанализировал методологию основанной в конце XIX в. английским экономистом А.Маршаллом кембриджской школы, характерной чертой которой был субъективно-психологический подход к определению экономических категорий и преобладание математических методов в объяснении экономических процессов.

В марте 1938 в приложении к «Американскому экономическому обозрению» Л. поместил работу «Современное значение экономической теории К.Маркса», которая содержала попытку объективного анализа экономической теории Маркса с позиций науки 30-х. Отмечая, что Маркс был великим знатоком природы капиталистической системы и имел собственные рациональные теории, не всегда, правда, последовательные, Л. заключал, что внутренняя слабость теории Маркса «проявляется тотчас же, как только другие экономисты, не наделенные исключительным здравым смыслом Маркса, пытаются на основе его проектов развивать марксистскую теорию».

Наиболее полно исследовательский талант Л. раскрылся в его главном научном достижении — разработке метода «затраты-выпуск». Теоретическим предшественником Л. в этой области можно считать швейцарского экономиста XIX в. Мари Эспри Леона Вальраса, создавшего общую статистическую экономико-математическую модель народного хозяйства, известную под названием системы общего экономического равновесия. Приверженцы этой модели сталкивались, однако, с тем, что эмпирическое использование ее принципов оказывалось крайне сложной задачей. Признавая систему взаимозависимостей Вальраса, Л. впервые прим.л на практике анализ общего равновесия в качестве инструментария при формировании

экономической политики. Предложенная Л. алгебраическая теория анализа «затраты-выпуск» сводится к системе линейных уравнений, в которых параметрами являются коэффициенты затрат на производство продукции. Реалистическая гипотеза и относительная простота измерений определили большие аналитические и прогностические возможности метода «затраты-выпуск». Л. показал, что коэффициенты, выражающие отношения между секторами экономики (коэффициенты текущих материальных затрат) могут быть оценены статистически, что они достаточно устойчивы и что их можно прогнозировать. Более того, им было показано существование наиболее важных коэффициентов, изменения которых необходимо отслеживать в первую очередь.

Расчеты по методу Л. (в нашей науке их стали называть экономико-математическими методами межотраслевого баланса) требовали современной вычислительной техники, без которой решение линейных уравнений оказывалось за пределами возможного. Начиная с 1933 Л. сосредоточился на преодолении этих трудностей путем сбора коэффициентов для 44 отраслевой таблицы «затраты-выпуск» (около 2000 коэффициентов). Поскольку решение системы, состоящей из 44 линейных уравнений, было в то время невозможно, он объединил для расчетных целей 44 отрасли в 10. Для проверки стабильности коэффициентов текущих материальных затрат в США были составлены межотраслевые балансы за 1919-29. Результат этого исследования под названием «Количественный анализ соотношений «затраты-выпуск» в экономической системе США» был опубликован в 1936. Центральное место в нем занимала таблица коэффициентов, составленная для экономики США в 1919, размерностью 41x41. Примерно в это время Л. тесно сотрудничал с профессором Массачусетского технологического института Джоном Б.Вилбуром — изобретателем компьютера, способного решать системы из девяти линейных уравнений. Л. свел 41-размерную матрицу к 10-размерной и использовал компьютер Вилбура для получения коэффициентов полных затрат валовой продукции на производство единицы конечной продукции. Возможно, он был первым, кто применил компьютер в исследовании экономических систем.

В 1941 была составлена 41-размерная таблица межотраслевых потоков, рассчитанная для 1929, которая затем также была агрегирована в 10-размерную. На ее основе Л. рассчитал объемы выпуска валовой продукции, необходимые для удовлетворения конечного спроса (валовое накопление, текущее потребление, правительственные закупки). Обе межотраслевые таблицы были опубликованы в монографии «Структура американской экономики в 1919-1929 гг.: эмпирическое применение анализа равновесия» (на англ. яз., 1941). Сравнение таблиц Л. давало возможность проверить устойчивость коэффициентов материальных затрат и выяснить возможности эффективного прогнозирования. Оно, однако, не позволяло прийти к однозначному выводу, частично из-за отсутствия достаточно четких критериев устойчивости оцениваемых коэффициентов. Тем не менее межотраслевые таблицы были признаны вполне целесообразными, а их создатель был приглашен в Статистическое бюро занятости США в качестве консультанта. С помощью метода «затраты-выпуск» бюро составило таблицу, включающую 400 отраслей, которая была использована для прогнозирования занятости населения в послевоенный период.

В 1944 Л. составил таблицу коэффициентов текущих материальных затрат за 1939 и, сопоставив ее с предыдущими, обнаружил достаточную степень устойчивости большинства коэффициентов за два десятилетия. Используя последнюю таблицу, он опубликовал в 1944-46 три статьи в журнале «Ежеквартальник по политической экономии», где с помощью своего метода дал оценку влиянию занятости, заработной платы и цен на выпуск валовой продукции по отдельным отраслям американской промышленности.

С конца 40-х, после основания Гарвардского проекта экономических исследований с целью применения и распространения метода «затраты-выпуск», особое внимание Л. уделял развитию межрегионального анализа «затраты-выпуск» и составлению матрицы инвестиционных коэффициентов, с помощью которых можно было бы судить о последствиях изменения конечного спроса на инвестиции. Этим было положено начало динамическому методу «затраты-выпуск», на основе которого стало возможным анализировать экономический рост. Результаты исследований были опубликованы в книгах Л. «Структура американской экономики, 1919-1939 гг.: эмпирическое применение анализа равновесия» (на англ. яз., 1951) и «Исследования структуры американской экономики» (на англ. яз., 1953). Одним из важнейших результатов этих исследований стал т.н. «парадокс» или «эффект Леонтьева», заключающийся в том, что, если принять во внимание прямые и косвенные затраты в процессе воспроизводства, то экспорт для США оказывается более трудоемким и менее капиталоемким, чем импорт. Это означает, что хотя в США очень сильна инвестиционная сфера и высока зара-

ботная плата, они импортируют капитал и экспортируют труд.

На протяжении 50-х и 60-х Л. совершенствовал свою систему. С появлением более сложных компьютеров он увеличивал количество секторов экономики, подлежащих анализу, освобождался от некоторых упрощающих допущений, прежде всего от условия, что технические коэффициенты остаются неизменными, несмотря на изменение цен и технический прогресс. На основе метода «затраты-выпуск» Л. и сотрудники Гарвардского проекта экономических исследований проводили оценки инфляционного влияния в регулировании заработной платы, рассчитывали затраты на вооружение и их воздействие на разные отрасли экономики, осуществляли прогнозирование темпа роста отраслей экономики и необходимые для этого капитальные вложения.

Поскольку метод «затраты-выпуск» доказал свою полезность в качестве аналитического инструмента в сфере региональной экономики, шахматные балансы по методу Л. стали составляться для хозяйства отдельных американских городов. Постепенно составление таких балансов стало стандартной операцией. Управление межотраслевой экономики в составе министерства торговли США, например, начало публиковать такие балансы каждые пять лет. ООН, Всемирный банк и большая часть правительств различных стран мира, включая СССР, взяли на вооружение метод Л. в качестве важнейшего метода экономического планирования и бюджетной политики. Он стал главной составной частью систем национальных счетов большинства стран мира, применяется и совершенствуется до сих пор правительственными и международными организациями и исследовательскими институтами во всем мире. Анализ по методу «затраты-выпуск» признан классическим инструментом экономического анализа, а его автор считается ученым, внесшим крупнейший вклад в экономическую науку XX в.

В 1973 Л. был удостоен Нобелевской премии по экономике «за развитие метода «затраты-выпуск» и его применение к решению важных экономических проблем». Будучи одним из первых экономистов, обеспокоенных воздействием экономической деятельности человека на окружающую среду, Л. в своей Нобелевской лекции, озаглавленной «Структура мировой экономики. Основы простой формулировки метода «затраты-выпуск», изложил модель «затраты-выпуск» применительно к мировой экологии, где загрязнение окружающей среды фигурировало как самостоятельный сектор.

В последние десятилетия Л. все больше обращался к проблемам роста мировой экономики, ее влияния на окружающую среду, анализу потребностей в природных ресурсах, к исследованию отношений между развитыми и развивающимися странами. В рамках ООН он руководил в середине 70-х глобальным исследовательским проектом, задачей которого являлось прогнозирование развития мировой экономики до 2000. Итоги этой работы были опубликованы в книге «Будущее мировой экономики» (1977; М., 1979).

Помимо Нобелевской премии, Л. имеет десятки различных научных премий и почетных наград, в том числе орден Херувима университета Пизы (Италия), орден Почетного легиона (Франция), Орден Восходящего солнца (Япония), Французский орден искусства и литературы. Он — почетный доктор более десятка университетов, в том числе Парижского (Сорбонна), Пенсильванского, Брюссельского, Ланкастерского, Йоркского, Тулузского, Будапештского; член американской Национальной академии наук, Эконометрического общества, Американского философского общества, Королевского статистического общества (Великобритания), Японского экономического исследовательского центра (Токио), Института Франции, Российской академии наук (с 1988), член-корреспондент Британской академии наук (с 1970). Л. занимал пост президента Эконометрического общества в 1954 и Американской экономической ассоциации в 1970.

В настоящее время Л. живет в Нью-Йорке. Единственная дочь супругов Леонтьевых — Светлана Альперс — профессор истории искусств в Калифорнийском университете в Беркли. В последние годы Л. установил тесную связь с родиной, он и его близкие неоднократно приезжали в родной город — Петербург.

Соч.: Исследование структуры американской экономики. Теоретический и эмпирический анализ по схеме затраты-выпуск. Пер. с англ. Под ред. А.А.Конюса. М., 1958; Essays in Economics: Theories and Theorizing. New York, 1966; Essays in Economics: Theories, Facts, and Policies, New York, 1977; The Future of the World Economy. New York, 1977 (в соавт.); Будущее мировой экономики. М., 1979; Military Spending. New York, 1983 (в соавт.); The Future Impact of Automation on Workers. New York, 1986; Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М., 1990.

Лит.: A Social Science Forum the World Issues: Special Issue in Honor of Wassily Leontief. New York, 1989; Nobel Laureates in Economic Sciences. A Biographical Dictionary. Ed. by B.S.Katz. New York, London, 1989; Лутченко В., Макаренко В. Василий Леонтьев // Маркетинг, 1992, № 2.

Л.Васина

ЛЕЩЕНКО Петр Константинович (1898, с. Исаево, Одесской губ. — 1954, Брашов, Румыния) — певец, баритональный тенор. Из села Исаево семья в поисках заработка перебралась в Кишинев. Вскоре отец, Константин Мартынович, умер. Мать, неграмотная крестьянка (урожд. Лещенко), осталась с малолетним сыном. Отчим, А.В.Алфимов, заметив музыкальную одаренность мальчика, определил его в хор кишиневской православной церкви. В 1905 семилетний Петр зарабатывал буханки хлеба, развлекая солдат танцами и пением. В конце 1910-х начал выступать между сеансами в иллюзионе «Орфеум», исполнял зажигательную лезгинку с кинжалом во рту. Вскоре освоил и добавил эффектный трюк — метание кинжала в купюры, которые зрители бросали из зала на сцену. С этим номером перешел в варьете кишиневского ресторана «Сюзанна». В 1917 ненадолго оказался в школе прапорщиков, но уже на следующий год Кишинев и вся Бессарабия по Брестскому миру отошли Румынии. Взяв фамилию матери, стал румынским подданным, эмигрантом поневоле.

Работа Л. в варьете позволила семье скопить деньги для переезда в столицу. В Бухаресте отчим купил маленький ресторанчик, назвав его «Кэсуца ноастро» («Наш домик»). В этом семейном предприятии хозяин работал швейцаром, дочери, Валентина и Екатерина, выступали с танцами, хореографический номер с пением исполнял дуэт «Петруччо (Л.) и Роэина». Стремясь приобрести профессиональное мастерство, Л. уехал в Париж (сер. 20-х) и некоторое время занимался в Парижском хореографическом училище. Здесь познакомился с выпускницей училища, танцовщицей Зинаидой Закит, женился на ней. Молодожены создали танцевальный дуэт и начали выступать со своими номерами в кафе, кинотеатрах и небольших ресторанах. В репертуаре, кроме опробованной Л., теперь уже дуэтной, лезгинки, был русский танец. Его мастерски исполняла Закит, Л. покорял темпераментными присядками и «арабскими» шагами (перекидки, не касаясь руками пола). У Закит были также сольные номера — шуточные и характерные танцы. Чтобы дать жене время для смены костюма, Л. выходил с гитарой в костюме цыгана и пел. «Голос у него был небольшого диапазона, светлого тембра, без металла, на коротком дыхании, как у всех танцоров», — вспоминал известный эстрадный певец С.Сокольский. Зрители принимали это пение, как заполнение вынужденной паузы в программе.

Весной 1930 Л. и Закит гастролировали в Риге в Дайлес-театре, кинотеатре «Палладиум» и в кафе «А.Т.», принадлежавшем отцу Закит. Это была уже целая программа на 40 минут. В «А.Т.» собиралась художественная интеллигенция, под руководством отличного скрипача Г.Шмидта играл оркестр, выступали русские артисты. Здесь состоялся первый сольный концерт Л.-вокалиста. В течение предшествующих недель он усиленно репетировал со Шмидтом. С репертуаром помог композитор, сыгравший большую роль в жизни Л., — О.Строк. Воспитанник Петербургской консерватории, рижанин, он тоже поневоле оказался «эмигрантом». В тот первый вечер пение Л. вначале принимали прохладно; но когда исполнялось «Мое последнее танго» Строка, находившийся в зале композитор сел за рояль, его аккомпанемент вдохновил Л., и концерт закончился триумфом певца.

Репертуар Л. значительно расширился. Кроме Строка, для него стал писать бывший петербуржец М.Марьяновский (автор песен «Татьяна, помнишь дни золотые...», «Марфуша», «Блины» и др.). Л. продолжал петь в небольших помещениях, попытки выступить в филармонических залах заканчивались неудачей, в них голос певца «терялся». Л. выступал в бухарестских барах «Волна», «Подкова», в Риге, в том числе в летних ресторанах на взморье, где было много русскоязычной публики. Здесь его услышали два деловых англичанина, уговоривших английскую фирму пригласить Л. в Лондон (1933) для участия в великосветском рауте, где среди гостей был русский князь Ф.Юсупов. Пение Л. имело такой успех, что немедленно последовали выступления на английском радио. Через год он получил новое приглашение в Лондон в престижные рестораны «Трокадеро», «Савой», «Палладиум». Пришла европейская известность, Л. разъезжал с концертами по разным странам, записывался на пластинки фирмами «Columbia», «Electrecord» и др. Несмотря на «железный занавес», напетые Л. пластинки получали распространение в России (песни Строка «Скажите, почему...», «Синяя рапсодия» и др., а также песни, написанные самим артистом — «Вернулась снова ты», «Давай простимся», «Не уходи» и др.). Л. все чаще выступал автором своих песен, в иных случаях — только текстов. Так, фокстрот «Андрюша» (слова Л., муз. Белостоцкого) с едва переделанным текстом вошел в репертуар К.Шульженко, стал шлягером конца 30-х. Песня с ее удалью и оптимизмом считалась характерной для «устремленной в будущее» советской молодежи. В то же время сам Л. с его популярнейшим танго «Черные глаза» (муз. Строка) именовался не иначе как «буржуазной отрыжкой». «Черные глаза» дали название соответствующей рубрике в журнале «Крокодил».

Л. умел оживить банальную мелодию, вдохнуть в примитивный текст подлинную грусть,

нежность, веселость, лукавство. Его простые, непритязательные песни, легко запоминающиеся, не претендовали на изысканность. Так, одной из популярных его песен был знаменитый «Чубчик кучерявый» (автор неизвестен); исполнял он и частушки собственного сочинения «Праздник в деревне», «Тпру-ты, ну-ты», «Трынцы-брынцы». Выходец из «низов», Л. песнями, размноженными миллионными записями, обращался к этим «низам».

В конце 30-х, когда новая мировая война была уже неизбежной, в Румынии русский язык был официально под запретом. Однако Л. продолжал петь только по-русски. В Белграде записал на пластинку «Широка страна моя родная» И.Дунаевского, лишь заменив в тексте «всенародный сталинский закон» на «всенародный, строгий всем закон». Пел украинские народные песни «Кари очи» и др., романсы Б.Прозоровского — «Караван», «Стаканчики граненые», Б.Фомина — «Эй, друг, гитара», Дм.Покрасса. Открыл собственный, прекрасно оформленный ресторан «Петр Лещенко» в центре Бухареста. В программе — оркестр под руководством композитора Жоржа Ипсиланти, русские и др. танцы в исполнении «трио Лещенко» (две его сестры и жена), небольшой хор и три солистки, в их числе А.Баянова, жена Ипсиланти. После полуночи Л. пел и играл на гитаре, в это время посетителям есть и пить строго запрещалось.

В период немецко-румынской оккупации Украины Л. неожиданно приехал в Одессу. Возможно, когда-нибудь станет известно, что заставило его решиться на такой рискованный поступок, в конечном счете, стоивший ему жизни. Он приехал в мае, выступал (1942-43) в помещении Драматического театра, клубах, летом — в Зеленом театре, на эстраде пляжа Ланжерон. Открыл свой ресторан-варьете «Норд». В программе участвовали акробаты, фокусники, небольшой хор с русскими и цыганскими песнями, дважды в неделю 2-е отделение занимал Л. На фортепиано и аккордеоне ему аккомпанировали две юные выпускницы музыкального училища. Аккордеонистка В.Белоусова (ей посвящен вальс «Черные косы» — «Это было в прекрасной Одессе...») стала его второй женой. В начале концерта Л. вынужден был петь несколько румынских песен, затем переходил на свой репертуар. Осенью 1943, когда советские войска приближались к Одессе, Л. исчез из города. Через 3-4 месяца появился в форме румынского офицера, покинув Одессу с отступающими войсками.

Вернувшись из Одессы, Л. некоторое время содержал загородный ресторан под Бухарестом. С приходом советских войск ресторан был закрыт. Тучи вокруг певца сгущались. По свидетельству очевидцев, он сильно изменился. В свои 50 лет выглядел старым, уставшим человеком, перестал заботиться о своей внешности. Изредка давал концерты для советских офицеров. Белоусова аккомпанировала на аккордеоне. Пронзительно звучала в их исполнении песня Ипсиланти «Я тоскую по родине». Хлопотал о советском паспорте и даже, как будто, получил его. Но не мог покинуть Румынию без жены, ей же, несмотря на все усилия, паспорт не давали. В начале 1951 исчез прямо во время концерта. Только через 9 месяцев жене разрешили свидание. Румынские власти обвиняли Л. в сотрудничестве с немцами, в создании ресторана на оккупированной территории, где он «веселил и веселился». Белоусову вернули под конвоем в Россию и приговорили к расстрелу «за измену Родине». Расстрел заменили 25 годами Гулага. В 1954 она была освобождена, в 1958 — реабилитирована. В год ее освобождения Л. погиб в заключении в городе Брашов (Сталин).

В 1990 фирма «Мелодия» выпустила 5 дисков Л. Его голос нередко звучит по радио. Издана книга «Танго и романсы Петра Лещенко» с полной публикацией всего репертуара певца и подробными комментариями. В Москве создан «ретро-клуб им. Петра Лещенко», вечера, ему посвященные, регулярно проходят в Одессе и др. городах.

Лит.: Гридин В., Галяс А. Возвращение Лещенко // Муз. жизнь, 1989, № 18; Савченко Б. Кумиры забытой эстрады. М., 1992.

Е.Уварова

ЛИПКОВСКАЯ Лидия Яковлевна (28.4.1884, с. Бабино, Хотинского у., Бессарабской губ. — 22.3.1958, Бейрут) — артистка оперы, концертная певица (сопрано), педагог. Л. родилась в семье сельского учителя, обучалась в гимназии в Каменец-Подольске. Здесь она пела в церковном хоре, с 14 лет участвовала в любительских концертах. Семнадцати лет, выйдя против воли родителей замуж, уехала в Петербург. Через год Л. (тогда под фамилией Маршнер) поступила в Петербургскую консерваторию, в класс профессора Н.Ирецкой (едва ли ни самый крупный в России педагог, занимавшийся с женскими голосами). Еще будучи студенткой, Л. восхищала своим талантом А.Глазунова, Э.Направника. Н.Римский-Корсаков угадал в ней будущую идеальную исполнительницу персонажей его опер — Снегурочки и Марфы. Дебютировала на сцене Л., не проучившись и года, несмотря на запрет педагога. Поддавшись

на уговоры антрепренера «русско-итальянской оперы» А.Угетти, Л. без репетиций заменила заболевшую певицу в «Риголетто» Дж.Верди с участием Н.Фигнера, выдающегося тенора, любимца петербургской публики (4.1.1904). Ирецкая «отлучила» Л. от занятий, но вскоре простила и вернула в класс. На экзамене Л. предложил петь Снегурочку сам Римский-Корсаков, но Ирецкая настояла на том, чтобы профессиональная карьера ее ученицы не форсировалась. Все же уже через два года, окончив консерваторию, Л. заключила контракт на три года с Мариинским театром.

На первой оперной сцене России она фактически стала преемницей знаменитой лирико-колоратурной певицы Е.Мравиной. Первой ролью в Мариинском театре была Джильда в «Риголетто», затем она исполнила заглавную партию в «Лакме» Л.Делиба в спектакле с участием *Ф.Шаляпина* (28.11.1906). По свидетельству очевидцев, «закончила она арию сверхвысоким «ми». Публика наградила ее бурей аплодисментов, а Шаляпин, обняв ее, подвел к рампе...». В следующем спектакле «Лакме» ее партнером был Л.Собинов. За короткое время Л. сформировалась в певицу мирового уровня. Она выдерживала сравнение с любой русской и зарубежной певицей в «Риголетто», «Травиате» Верди, «Сказках Гофмана» Ж.Оффенбаха, «Ромео и Джульетте» Ш.Гуно. Но особенно прославилась артистка в партиях Снегурочки и Марфы («Царская невеста») — в них она поднималась до вершины подлинной трагедии (по воспоминаниям ветеранов Мариинского театра, все, кто только мог из его работников, собирались за кулисами, чтобы услышать и увидеть потрясавшее всех исполнение сцены таяния Снегурочки). Другая грань таланта Л. проявилась неожиданно в оперетте — она пела Валентину в «Веселой вдове» Ф.Легара (постановка Мариинского театра с участием А.Вяльцевой и А.Давыдова).

В 1909 Л. впервые отправилась за рубеж. После недолгих занятий в Милане у известного педагога Витторио Вандзо она выступила в «La Scala», затем в Париже на сцене театра Шатле исполнила партию Ольги в «Псковитянке» Римского-Корсакова (с участием Шаляпина, В.Дамаева, Е.Петренко, В.Касторского), пела Людмилу в «Руслане и Людмиле» М.Глинки; позднее в лондонском «Covent Garden» участвовала в премьере оперы Э.Вольф-Феррари «Секрет Сюзанны». Осенью 1909 певица отбыла в Америку. Вместе с *Г.Баклановым* и Е.Бронской она пела на открытии и в первых спектаклях оперы в Бостоне, в Чикагской опере. Ее репертуар — «Лючия ди Ламмермур», «Дон Паскуале», «Любовный напиток» Г.Доницетти, «Ромео и Джульетта» и «Фауст» Гуно, «Лакме» Делиба. В «Metropolitan Opera» в Нью-Йорке дебютировала в «Травиате», имея партнером Энрико Карузо, затем пела с великим итальянцем в «Риголетто». В числе знаменитостей, с которыми Л. пела в Нью-Йорке, — тенор Алессандро Бончи, баритон Паскуале Амато. Из отзыва «Daily Telegraph»: «Г-жа Липковская — самая прелестная Лючия, какую когда-либо видели в Чикаго...».

В мае 1910 в Париже, в «Opéra Comique» пела заглавную партию в «Таис» Ж.Массне (специально для Л. композитор изменил эту партию, исходя из специфики ее голоса). В августе и сентябре 1910 Л. выступала в Риме, в Милане, в «La Scala» для нее ставили оперу В.Беллини «Сомнамбула». Затем снова Америка, вторые гастроли в «Metropolitan Opera». Вместе с *Д.Смирновым* Л. пела в «Травиате» и «Риголетто», выступала с концертами в различных городах США. Пресса свидетельствовала о «полном покорении» Америки. Директор консерватории в Чикаго Рабинов предлагал учредить что-то вроде синдиката для пропаганды русского исполнительского искусства, а для начала провести концерты Л. и Смирнова во всех городах США.

В апреле 1911 Л. триумфатором возвратилась в Петербург. «Я так рада, что очутилась снова в Петербурге и вижу серенькое, но милое небо моей Родины», — говорила она. Но уже в мае она в Париже. В Театре Сары Бернар ставили 6 русских опер, из них две — для Л. — «Царскую невесту» и «Майскую ночь». В «Opéra Comique» Л. пела в «Богеме» (партия Мими), в «Фаусте», в «Таис» и «Манон» Массне. По свидетельству журнала «Театр», Массне заявил, что «это — лучшая Манон из до сих пор им слышанных и виденных».

В сентябре 1911 певица возвратилась в Мариинский театр, заключила с ним контракт на два года. Кроме прежних партий, она пела в «Искателях жемчуга» и в «Секрете Сюзанны», в «Севильском цирюльнике». «Биржевые ведомости» писали о ее партии Снегурочки: «Маленькая, субтильная, воздушная, неземная Снегурочка-Липковская кажется прелестной снежинкой, которая вот-вот умчится вдаль... И это таяние — целая драма: снежинка полюбила!.. в минуту можно выразить всю глубину чувств, и Липковская это сделала!» В том же году она впервые выступила на сцене Большого театра в Москве (Джильда в «Риголетто»). Не прекращались и ее зарубежные гастроли: в октябре 1911 вместе с Баклановым она пела в Венской придворной опере. В декабре 1911 — «Орфей и Эвридика» К.Глюка в Мариинском театре (постановка В.Мейерхольда) с Собиновым, в январе 1912 — участие в прощальном спектакле

М.Фигнер в Мариинском театре — Микаэла в «Кармен» Ж.Бизе. Наконец, гастроли по России — концерты в Москве, Киеве, Одессе, Екатеринославе, Кишиневе, Ростове, Варшаве, Лодзи, Риге, Вильно. Апрель 1912 — спектакли в Будапештской опере.

Осенью 1912 Л. пела на сцене Мариинского театра — в ансамбле со Смирновым, Собиновым. Тогда же в концерте певицы принял участие знаменитый скрипач *Л.Ауэр.* С февраля 1913 — гастроли по городам России, затем выступления а Париже, в «Grand-Opéra». После возвращения на родину Л. пела в Московской опере С.Зимина на сцене Народного дома в Петербурге (антреприза С.Аксарина). Декабрь 1913 — вместе с Баклановым в «Гамлете» А.Тома на сцене Гамбургской оперы. Февраль-март 1914 — Л. покорила изысканную публику театра «Casino» в Монте-Карло. Здесь она выступила в опере-балете Ж.Ф.Рамо «Празднество Гебы» (заглавная роль), в премьере оперы А.Понкьелли «Валенсианские мавры» (партия Элемы). В мае 1914 Л. заключила контракт с Петербургским театром музыкальной драмы (ТМД), известным интересными сценическими решениями оперной классики, и уехала в Милан. Там она готовила с В.Вандзо партии в «Золотом петушке» Римского-Корсакова и опере Сен-Санса «Предки» для следующего сезона в Монте-Карло. С участием Л. и Карузо в Монте-Карло планировали также «Лючию ди Ламмермур», «Риголетто» и «Богему», но эти планы из-за начавшейся войны остались нереализованными, также как не состоялись намеченные в «La Scala» на декабрь 1914 года 9 спектаклей «Риголетто» под управлением А.Тосканини.

В октябре-ноябре 1914 Л. пела в Петербурге: в Мариинском театре участвовала в постановке В.Мейерхольда «Секрет Сюзанны» Э.Вольф-Феррари, в ТМД пела в «Паяцах» Р.Леонкавалло и в опере Ц.Кюи «Мадемуазель Фифи»; в основном же выступала на сцене Народного дома, называемого часто «театром гастролеров», в своих знаменитых ролях — в «Манон», «Травиате», «Лакме» (с Шаляпиным). Певица продолжала гастроли в лучших частных театрах России (Киев, Тифлис, Баку). Март 1916, Московская опера С.Зимина — «Риголетто» в ансамбле с Собиновым; тогда же с ним и в Большом театре в «Манон» и «Травиате». Как писала «Рампа и жизнь», «Манон» с Л. и Собиновым — «светлый праздник искусства». В октябре 1916 «Биржевые ведомости» в Петербурге рассказали читателям о намерении Л. создать свой театр, где «она будет ставить оперы на французском и русском языках». Как и почти все проекты тех дней, этот остался неосуществленным. Можно лишь сожалеть, что выдающаяся актриса не смогла испытать свои силы в качестве режиссера.

После выступлений в Мариинском театре в декабре 1916 Л. вместе со Смирновым и басом А.Мозжухиным пела в Киеве, и затем отправилась за рубеж. Началась беспокойная жизнь «вечного гастролера» — Париж и Монте-Карло, Рим и Лондон, Прага и Вена, Берлин и Стокгольм, Варшава. Русская певица исколесила Северную и Южную Америку, посетила Сингапур, Японию, Китай, Новую Зеландию. В 1925 поселилась в Кишиневе, начала сотрудничество с оперой в Бухаресте. Бухарестская «Рампа» писала о Л. в роли Виолетты: «Она законченная трагедийная актриса. Патетическая игра, сильная выразительность и скульптурная жестикуляция делают Липковскую одной из самых выдающихся артистических фигур эпохи». В 1927, после блистательных концертов в Париже и выступлений в Бухарестской опере с выдающимся итальянским баритоном Умберто Урбано, великая певица приехала на родину. Первое выступление состоялось 13 ноября в Большом зале Ленинградской филармонии. «Жизнь искусства» дала такой отзыв: «Большая, подлинная артистка, с голосом, по-прежнему свежим и певучим, с неисчерпаемыми ресурсами вокальной виртуозности и с властвующим над всем этим вокальным богатством огромным и глубоко индивидуальным артистическим темпераментом — такова Липковская, вновь представшая после десятилетнего отсутствия перед аудиторией филармонии». После трех концертов певица выступила в бывшем Мариинском театре в «Травиате» и в «Севильском цирюльнике». Затем она отправилась в путешествие по стране (Москва, Киев, Ростов-на-Дону, Одесса, Баку, Тбилиси, Днепропетровск). Из откликов «Известий» на выступление Л.: «Ее колоратура — не виртуозное украшение, а музыкально-оформленные интонации взволнованной речи, легко переходящие в живую разговорную речь, в смех, в слезы, ее декламация — средство создания художественного образа и даже маленькой драмы, звук выразителен, красочен и в то же время не отрывается от музыкально-драматического целого». Свое турне Л. закончила в Ленинграде в апреле-мае 1928, исполнив главные партии в «Мадам Баттерфлай», «Лакме», «Манон», «Севильском цирюльнике», «Риголетто», «Травиате». В это время в Ленинграде гастролировала студия К.Станиславского, и Л. выступила в ее спектаклях — «Царской невесте» и «Богеме». Зимой 1928-29 она совершила еще одно длительное турне — Ленинград, Москва, Харьков, Киев, Ростов-на-Дону, Тбилиси, Баку, выступила в бывшей Мариинке в пяти операх. В Ленинграде Л. дала 22 концерта, в Москве — 18, в них принимали

участие такие прославленные артисты как В.Качалов, Ю.Юрьев, пианист из Франции Ив Нат, молодой Д.Шостакович. Деятели искусства оценивали ее последние выступления на родине как нечто исключительное: «Липковская была очаровательной женщиной и превосходной артисткой ...ее мимика, жесты поражали чарующей свободой. Все обнаруживало истинный талант — не только певицы, но и драматической и комедийной актрисы».

В Париже, куда Л. прибыла из СССР, она попала в автокатастрофу. Это заставило ее нарушить обязательства перед концертными организациями и театрами. Артистическая репутация ее в это время была необычайно высока: в США пресса считала, что лишь одна певица — легендарная ныне Амелита Галли-Курчи — может состязаться с Л. в совершенстве вокальной техники; в Париже был выпущен альбом «Липковская на сцене и в жизни», чего не удостоились даже ее великие предшественницы. Находясь на вершине славы, певица сократила (очевидно вынужденно) свои выступления. Последний раз она дала концерты в Кишиневе в 1936. В 1937 возглавила кафедру сольного пения Кишиневской консерватории. В 1941, в начале войны, Л. пыталась эвакуироваться с консерваторией. Ее ученица, известная молдавская певица Т.Чебан, вспоминала: «На вокзале я увидела Липковскую. Как и все мы, она хотела попасть на поезд. Неожиданно на вокзал налетели самолеты и начала его бомбить. Все мы разбежались, и я больше не видела Липковскую». Ей все же удалось добраться до Одессы, но оттуда пришлось перебираться в Бухарест. Там она сначала довольствовалась частными уроками, затем начала преподавать в консерватории. Как педагог Л. проявила себя в высшей степени незаурядно: среди ее учеников ряд видных певцов Молдавии и Румынии — Т.Чебан, Л.Боксан, Л.БабичХанку, А.Стырча, известный солист оперы в Бухаресте тенор Г.Зобиан, сопрано Вирджиния Зани (Дзани), выступавшая на лучших сценах Италии и др. В 1952 Л. уехала в Париж, где рассчитывала преподавать в Русской консерватории. Когда и при каких обстоятельствах она оказалась в Бейруте (где скончалась в крайней бедности), неизвестно.

Л. обладала уникальной суммой дарований: в удивительной гармонии сочетались легкий голос прозрачного, серебристого тембра, феноменальная вокальная техника, высочайшая музыкальная и артистическая культура, огромное сценическое дарование и обаятельная внешность. Во времена Л. в России, в Европе и Америке было несколько певиц-сопрано, обладавших исключительной техникой колоратуры: Альма Фострем, А.Нежданова, Луиза Тетраццини, А.Галли-Курчи, Зельма Курц и некоторые др. Все они, однако, не могут сравниться с Л. как трагедийной, лирической и комедийной актрисой, а чисто технический шедевр Л. в записи — ария из «Семирамиды» Дж.Россини — позволяет считать и ее вокальную технику выше, чем у любой из современниц.

Звуковое наследие певицы сравнительно невелико. Все записи сделаны еще до 1-й мировой войны, и все же они дают достаточное представление об искусстве певицы. В сезоне 1909/10 в Петербурге были записаны 3 двусторонние пластинки под маркой «Odeon» — на них 4 арии: Виолетты, Снегурочки, две — Марфы из «Царской невесты». Это самые редкие записи Л. В 1911 в США голос великой певицы записывала компания «Columbia». На этих пластинках арии из «Риголетто», «Ромео и Джульетты», «Лючии ди Ламмермур», две арии из «Манон», три дуэта (из моцартовского «Дон Жуана», «Травиаты», «Севильского цирюльника») с испанским баритоном Рамоном Бланшаром, дуэт из «Риголетто» с Баклановым и посвященный певице «Липковская вальс». Все произведения исполнены на языке оригинала. Крупнейшая европейская компания «Gramophone» записывала Л. в 1912-14 в Петербурге — всего 17 произведений. Пластинки этой компании имели распространение не только в России, но и в Европе, где они включались в категорию «экстра». Среди этих записей выделяются два изумительных фрагмента из «Снегурочки», в том числе знаменитая сцена таяния, две арии из «Царской невесты», ария из «Иоланты» П.Чайковского. Шедевры искусства bel canto — арии из «Риголетто», «Ромео и Джульетты», «Богемы», транскрипции (специально для Л.?) фрагментов из балетов Л.Делиба дают представление о певице в «международном» репертуаре. Совсем незначительно в грамзаписи представлено искусство Л.-камерной певицы: «Шестнадцать лет» А.Даргомыжского, две песни Р.Шумана, в исполнении которых артистка проявила себя редкостным мастером психологически достоверной интерпретации. Все записи «Gramophone» реконструированы и изданы в середине 1980-х фирмой «Мелодия» — одна монографическая пластинка и диск совместно с записями Бакланова.

Лит.: Kutsch J., Riemens L. Unvergängliche Stimmen. Sängerlexicon. Bern, München, 1975; Арабаджиу Р. «Очарованная песней» (Страницы жизни и творчества Л.Я.Липковской). Кишинев, 1977; Его же. «Судьба примадонны» (Воспоминания и документы о жизни и творчестве Л.Я.Липковской). Кишинев, 1989; Перепелкин Ю.Б. Аннотация к пластинке фирмы «Мелодия» М10 46831004 «Лидия Липковская, сопрано» в серии «Музыкальное наследие. Исполнительское искусство». 1986; Пружанский А.М. Отечественные певцы 1750-1917. М., 1991.

П.Н.

ЛИПШИЦ Жак (30.8.1891, г. Друскеники, Гродненской губ. — 27.5.1973, о. Капри, Италия) — скульптор. Сын подрядчика. Учился в хедере, с 1899 в коммерческом училище в Белостоке и в Вильно, затем в Виленской рисовальной школе, готовясь стать архитектором. В 1909 отправился в Париж. Увлекшись скульптурой, поступил в Академию изящных искусств, где его мэтром стал Ж.А.Инжальбер; посещал также сеансы рисунка и лепки в академии Жюльена, академии Коларосси, муниципальном колледже на бульваре Монпарнас.

В 1912 уехал в Россию для прохождения военной службы. Вернувшись во Францию в 1913, снял мастерскую в «La ruche» («Улей»), охотно общался с земляками (*М.Шагалом*, О.Штеренбергом, *О.Цадкиным*, *Х.Сутиным* и др.), но наиболее близок ему оказался А.Модильяни, написавший двойной портрет «Жак Липшиц с женой» (1916-17). Решающее влияние на художественное мировоззрение Л. оказал кубизм Пикассо и Брака; ранние произведения Л. (из камня) — своеобразные кубистические полотна, вышедшие в третье измерение, обладающие устойчивостью, монолитностью, утяжеленной компактностью («Голова», 1915-16; «Гитарист», 1915; «Арлекин с аккордеоном», 1918 и др.). В рельефы и барельефы Л. вводил полихромную раскраску («Натюрморт с гитарой», 1919; «Музыкальные инструменты», 1924). В 1920 состоялась первая персональная выставка Л. в галерее Эффор Модерн. В 1924 принял французское гражданство. Международное признание принесла ему выставка в галерее Бюше (1930).

В середине 1920-х пластический язык Л. решительно изменился — сильное лирическое начало смягчило строгость и четкость линий, жесткую огранку условных обобщенных изображений. На смену стереометрическим объемам, группировавшимся в монолитную центрическую композицию, пришли динамика, пространственная свобода, прихотливость линий и силуэтов. Камень уступил место бронзе, лепка вытеснила ваяние. Проемы и «дыры» в плотной вещественности были самой заметной, бросавшейся в глаза пластической особенностью бронзовых вещей Л.; они породили общее определение новых работ — «транспарантная» («ажурная») скульптура. Излюбленными ее темами стали сюжеты, связанные с Арлекином («Арлекин с мандолиной», 1925; «Арлекин с банджо», 1926; «Арлекин с гитарой», 1926 и др.)

В 1928 участвовал в русском разделе выставки «Современное французское искусство» в залах Музея нового западного искусства. В 1935 приехал в СССР, впервые побывал в Ленинграде, в Эрмитаже. В Москве получил заказ на портрет Ф.Дзержинского (1935, бронза); подарил Музею изобразительных искусств им. А.Пушкина один из вариантов бронзовой скульптуры «Радость жизни». Почувствовав враждебную настороженность, отказался от мысли вернуться в СССР, но вынес из поездки сильные впечатления, особенно от размаха строительства, значимости пластики в архитектуре, т.к. считал чрезвычайно важным одухотворение архитектурных сооружений. Л. был близок со многими архитекторами группы «Esprit Nouveau», с ее организатором Ле Корбюзье, который спроектировал виллу Л. — одно из выдающихся сооружений XX в.

Свои представления о роли скульптуры в создании современного пластического синтеза Л. воплотил в монументально-декоративной композиции «Прометей», украсившей «Дворец открытий и изобретений» на международной выставке в Париже в 1937. Тема трагической битвы титана с хищным орлом стала сквозной в его творчестве; одну из лучших композиций создал в 1942-44 для здания бразильского министерства национального образования и здравоохранения в Рио-де-Жанейро.

После оккупации Франции нацистами переехал в 1941 в США и остался там жить после окончания войны. С конца 1930-х стали появляться произведения Л., интерпретировавшие в современном ключе барочные пластические концепции с их напряженностью объемов и масс, динамикой композиции, экспрессивной игрой светотени. Один из шедевров Л. — бронзовая группа «Мать и дитя» (1941-45), трагический пафос которой рожден переживаниями военных лет (женский торс с мучительно запрокинутой головой; раскинутые руки, защищавшие дитя). В послевоенные годы продолжал работать в области монументальной пластики: новый вариант скульптуры «Прометей, удушающий орла» (1944-53); композиция с фигурой Богоматери для собора в Асси (Франция).

Постоянной темой на протяжении всей творческой биографии Л. был портрет, не подверженный никаким пластическим экспериментам в отличие от станковых и монументальных скульптур. В портретах Л. всегда был реалистом. Считал обязательным внешнее сходство, стремился выразить всю глубину индивидуальности модели. Обобщенность форм, компактность масс, бережная модуляция сглаженных поверхностей придавали портретам Л. монументальность и весомую значимость; лучшие среди них — портрет Гертруды Стайн, портреты жены (1920-е) и др. Незадолго до смерти возвратился в Европу.

Соч.: My Life in Sculpture. New York, 1972.

Лит: Hammacher A. Jackes Lipchitz. New York, 1975.

А.Шатских

ЛИТВАК Анатолий Михайлович (10.5.[по др. св. 5.5.]1902, Киев — 16.12.1974, Нейи-сюр-Сен, под Парижем) — кинорежиссер. Детство и юность провел в Киеве, затем изучал философию в Петрограде. Увлечение драматическим искусством привело его в театральные студии Е.Вахтангова и В.Мейерхольда. Играл на сцене, поставил несколько спектаклей, затем заинтересовался кинематографом. В 1922-23 работал в «Севзапкино», его режиссерским дебютом на этой студии был фильм «Татьяна» (1923). В 1924 поставил одну из первых советских кинокомедий «Сердце и доллары», сатиру на нэпманское мещанство (в фильме снимались С.Магарилл, М.Бабанова, Е.Корчагина-Алексеева), а в 1925 — «Самый юный пионер». В том же году уехал на 6 месяцев во Францию с целью продолжить образование, однако на родину не вернулся. Работал в небольших театрах Парижа, затем в кино, на первых порах в качестве декоратора и ассистента режиссера. Под руководством русского режиссера-эмигранта *А.Волкова* принимал участие в съемках его фильмов «Казанова» («Casanova», 1927), «Шахеразада» («Sheherezada», 1929), «Белый дьявол» («Der weisse Teufel», 1930). В 1929 Л. выехал в Германию. С этого периода и до своего отъезда в Америку в 1936 Л. попеременно работал на студиях Берлина, Парижа и Лондона. Среди его первых самостоятельных фильмов — «Долли делает карьеру» («Dolly macht Karriere», 1932), «Песня одной ночи» («Das Lied einer Nacht»), «Этот старый мошенник» («Cette vieille canaille, 1933), «Экипаж» («L'Equipage», 1935), «Кале-Дувр» («Calais-Douvres») и др. Это были комедии, приключенческие ленты, мелодрамы. В них снимались популярные актеры 30-х: Ян Кипура, Лилиан Харвей, Магда Шнайдер, Харри Бор, Анабелла, Шарль Ванель, Жан-Пьер Омон. Но подлинный успех пришел к нему с постановкой «Майерлинга» («Mayerling», 1936). Это была наиболее зрелая работа: высокий уровень культуры, эрудиция, хороший вкус, интуиция художника помогли Л. с предельной достоверностью показать эпоху, приметы быта и времени, внешнюю атрибутику габсбургского императорского дома и вместе с тем максимально «очеловечить» хрестоматийные, почти условные исторические персонажи. Роман кронпринца Рудольфа и юной Марии Вечеры предстал на экране как история большой любви. Существенное значение имел при этом выбор исполнителей главных ролей. Способность «угадать» актера, увидеть его основные достоинства и умело использовать их стало неотъемлемой чертой режиссерского таланта Л. Молодая, тогда еще малоизвестная Даниэль Даррье, одна из самых лирических актрис французского экрана, и Шарль Буайе с его характерной загадочной внешностью преобразили скандальный адюльтер с кровавой развязкой в трогательную, поэтическую мелодраму. Успех фильма означал признание высокого уровня профессионализма Л.

В 1936 Л. уехал в Америку. С тех пор его имя оказалось надолго связано с кинопродукцией Голливуда. В США Л. довольно быстро завоевал репутацию режиссера, которого отличали хороший европейский вкус, великолепное чувство стиля, тщательность, отточенность мельчайших деталей в работе, организаторский талант и умение быстро достигать цели в рамках поставленных задач. Благодаря этим качествам Л., как художник не обладавший яркой индивидуальностью, создавал ленты, имевшие практически постоянный зрительский и коммерческий успех. Работал Л. в основном на студиях «Warner Brothers» и «XX Century Fox». В 1937 женился на «звезде» американского кино Мириам Хопкинс, исполнительнице главной роли в его первом заокеанском фильме — «Женщина, которую я люблю» («The Woman I Love», 1937). Среди других его довоенных работ — мюзикл «Товарищ» («Tovarich», 1937), где остроумно и изящно обыгрывались жизненные перипетии русских эмигрантов, в том числе и членов бывшей царской династии в Париже; картина смешанного жанра «Удивительный доктор Клиттерхауз» («The Amazing Dr. Clitterhouse», 1938), в которой режиссер талантливо сочетал дух веселой комедии с элементами криминальной уголовной драмы; мелодрама и психологическая драма «Сестры» («The Sisters», 1938) и «Все это и небо впридачу» («All This and Heaven Too», 1940). В фильмах снимались кумиры американского экрана: Ш.Буайе, Клодетт Кольбер, Эдвард Робинсон, Эрол Флинн, Бетт Дейвис, Хемфри Богарт, Клер Трейвор.

Среди довоенных лент особое чувство гордости вызывала у Л. картина «Признание нацистского шпиона» («Confessions of a Nazi Spy», 1939). Это был первый американский фильм, предупреждавший об опасности распространения фашизма в США и угрозе мировой войны. Режиссер сознательно сфокусировал внимание на фактической стороне в ущерб художественной, показав зверства нацистских банд, сеть шпионажа и работу агентов гестапо в Америке. Картина грешила некоторой схематичностью, но нарочитая близость к документальной манере повествования усилила эффект эмоционального воздействия. Фильм имел огромный успех и производил колоссальное впечатление на зрителя, хотя некоторые представители американской администрации расценили его как провокацию, направленную на вовлечение США в войну. Л. предстал по этому обвинению перед комиссией по расследованию антиамерикан-

ской деятельности, и только нападение Японии на Соединенные Штаты остановило процесс. Военная тема разрабатывалась и в последующих его лентах. В фильме «Это прежде всего» («This Above All», 1942) был поднят вопрос об ответственности правящих кругов за развязывание войны и роли рядовых граждан в ней. Но война вошла не только в творческую биографию Л. В начале 40-х он принял гражданство США, вступил в армию добровольцем, пробыл в ее рядах с 1942 до 1946, участвовал в операциях в Северной Африке, в Нормандии и дослужился до чина полковника. В 1943-44 вместе с известным американским режиссером Френком Капра работал над документально-пропагандистским киносериалом «Почему мы сражаемся?» («Why We Fight?»). Л. был автором нескольких фильмов этой серии: «Нацисты наступают» («The Nazis Strike», 1943); «Разделяй и властвуй» («Divide and Conquer», 1943); «Битва за Россию» («The Battle of Russia», 1944); «Битва за Китай» («The Battle of Chine», 1944) и «Война пришла в Америку» («War Comes to America», 1945).

По общему признанию, лучшим из них был фильм «Битва за Россию». Удачно комбинируя отрывки из советских историко-патриотических художественных фильмов («Александр Невский», «Петр Первый» и др.) и документальные кадры, Л. сумел эмоционально и фактически достоверно показать всю тяжесть тех испытаний, которые выпали на долю советского народа, его стойкость и мужество в борьбе с фашистской Германией. Для съемок фильма режиссер выезжал на фронт, какое-то время провел в Полтаве, откуда советские и американские самолеты вылетали на запад бомбить немецкие соединения. Во время одного из налетов Л. был ранен. В своем фильме режиссер использовал много кинохроники, снятой советскими операторами. Спустя два десятилетия он с большой теплотой вспоминал о встречах со своими бывшими соотечественниками: «Я счастлив, — говорил он, — что видел войну советского народа так, как видели ее солдаты». Фильм вышел накануне открытия второго фронта и имел огромное пропагандистское значение. Это был яркий и талантливый кинорассказ, который, как декларировалось в фильме, «навсегда уничтожил миф о непобедимости фашистов».

После войны Л. продолжил работу в Голливуде. В 1947 он сделал римейк фильма известного французского режиссера Марселя Карне «День начинается». Американская версия под названием «Длинная ночь» («The Long Night», в гл. роли Генри Фонда) ничем не напоминала свой французский оригинал — шедевр драматургии и режиссуры. Его своеобразная поэтическая атмосфера, сложность человеческих чувств, драма любви — все было выхолощено в новой постановке, призванной строго соответствовать стандартам заокеанской продукции. Следующий фильм Л. — «Змеиная яма» («Snake Pit», 1948) был страстным и страшным киноповествованием о больных людях, содержащихся в психиатрических клиниках, о чудовищной атмосфере, антигуманном, практически бесконтрольном поведении медиков по отношению к своим пациентам. С помощью различных режиссерских приемов, мастерски используя технические возможности кино, он сумел показать восприятие происходящего как бы изнутри, глазами больного человека, проникая в тайники его пораженного сознания и воспроизводя это с максимальной точностью на экране. Фильм, почти документальный по стилю и манере повествования, проникнутый искренней болью и сочувствием к этим людям, имел широкий общественный резонанс. Коллегия врачей-психиатров написала протест, сочтя его своего рода пасквилем, но критика и зрительская аудитория дали ему высокую оценку. Блестящая работа Оливии де Хевиленд в роли главной героини в немалой степени была тоже заслугой Л., который всегда умел акцентировать внимание на актерской игре, выдвигая ее на первый план и демонстрируя публике наиболее сильные стороны дарования исполнителя в ущерб своим режиссерским амбициям.

В 50-60-е Л. снимал фильмы не только в Америке; в качестве постановщика его часто приглашали в Европу, в основном на киностудии Франции и Великобритании. Среди работ этого периода были ленты самых разных жанров: антифашистский фильм «Решение перед рассветом» («Decision Before Dawn», 1951); великолепная мелодрама, одна из лучших его лент «Акт любви» («Act of Love», 1954); психологическая драма «Глубокое синее море» («Deep Blue Sea», 1955); фильм о венгерских событиях 1956 с элементами социальной критики «Путешествие» («The Journey», 1958); блестящий триллер «Пять миль в полночь» («5 Miles to Midnight», 1962). В фильмах снимались в основном «звезды» мирового экрана: Отто Вернер, Кёрк Дуглас, Вивьен Ли, Юл Бриннер, Дебора Керр, Софи Лорен и мн. др. Как и прежде, актерская игра являлась главным компонентом фильмов Л. Недаром целый ряд занятых в его картинах артистов удостаивались престижных наград. Ингрид Бергман получила «Оскара» за главную роль в фильме «Анастасия» (1956) — очередном киномифе о судьбе младшей дочери последнего русского императора. Энтони Перкинсу был вручен Золотой приз Каннского международного кинофестиваля (1961) за лучшее исполнение муж-

ской роли в одноименной экранизации романа Франсуазы Саган «Любите ли вы Брамса?» Великолепный актерский ансамбль (Ингрид Бергман, Ив Монтан, Энтони Перкинс) и добротная высокопрофессиональная постановка обеспечили этой картине огромную зрительскую аудиторию и небывалый коммерческий успех.

В 1967 еще одно созвездие актерских имен было представлено в новом фильме Л. «Ночь генералов» («The Night of the Generals»). Эта картина стала кульминацией его творческого подъема на завершающем жизненном этапе. Экранизация одноименного романа Ганса Гельмута Кирста, по признанию самого Л., была его «важнейшим послевоенным произведением». Мастерски используя все выразительные средства кинематографа, добиваясь почти документальной правды и высочайшего эмоционального накала, он вновь, как и 30 лет назад, предупреждал с экрана об угрозе фашизма. Бесчеловечность как основа фашистской морали стала главной темой фильма. Режиссер, по его словам, стремился показать нравственную деградацию «сверхчеловеков», бывших в действительности лишь «мелкими карьеристами и убийцами», и тем самым пытался пресечь предпринимаемые попытки их моральной и политической реабилитации. Образ эсэсовского генерала Танца, садиста и маньяка, воплощал суть нацизма как чудовищного сплава человеческих пороков. Автору удалось создать серьезное, талантливое произведение. Особо были отмечены интересные актерские работы исполнителей главных ролей — Омара Шарифа, Филиппа Нуаре и Питера О'Тула.

Последним фильмом Л. стала экранизация одного из лучших детективных романов известных французских писателей П.Буало и Т.Нарсежака «Дама в автомобиле, в очках и с ружьем» («La Dame dans l'auto, avec des lunettes et un fusil»). В этой картине Л. остался верен себе: режиссура, прекрасная актерская работа Стефани Одран плюс все необходимые слагаемые коммерческого успеха.

Л. был награжден за участие в войне орденами Франции: Военным Крестом и орденом Почетного легиона. За вклад в развитие киноискусства — Международным призом Венецианского МКФ; за фильм «Змеиная яма» в 1949 он получил премию гильдии режиссеров Америки.

Соч.: «A Cutter at Heart» (интервью) // Films and Filming, 1967, Febr.

Лит.: Nolan Jack. Anatole Litvak // Film in Review, 1967, Nov.; Интервью с А.Литваком / Экран 1967-1968. М., 1968; Anatole Litvak / American Film Directors. New York, 1974.

Т.Гиоева.

ЛИФАРЬ Серж (Сергей Михайлович) (2.4.1905, Киев — 15.12.1986, Лозанна, Швейцария) — танцовщик, балетмейстер, педагог. Азы хореографического образования получил в студии *Б.Нижинской* в Киеве (1921). В 1923 по рекомендации Нижинской вместе с четырьмя другими ее учениками был вызван на просмотр в «Русский балет» *С.Д.Дягилева*, испытывавший острую нехватку артистов. Несмотря на крайне слабую подготовку, новобранцев, включая Л., показавшегося хуже всех, приняли в прославленную труппу. Начался трудный процесс превращения начинающих любителей в профессиональных танцовщиков. Помогали уроки опытнейшего Э.Чекетти и общение с профессионалами высочайшего класса, которые всегда присутствовали в антрепризе. Л. обладал выигрышной внешностью, хорошими пропорциями удлиненного тела, достаточно привлекательным лицом с выразительными глазами. Дягилев имел страсть создавать и коллекционировать таланты, нередко остывая к предыдущим избранникам, торопясь заменить их новыми. Неуступчивость *Нижинской* в работе над «Голубым экспрессом» (1924) вызвала раздражение всесильного мэтра и желание расстаться. Тайком Дягилев начал пробовать Л. как хореографа; 19-летний юноша был явно не готов к новой деятельности, тем не менее оказанное доверие, несомненно, заронило мысль о такой возможности в будущем. Так началось сближение Л. с Дягилевым.

В 1925 начинающий артист впервые исполнил ведущую партию Борея в балете «Зефир и Флора» на музыку В.Дукельского с хореографией *Л.Мясина* (28 апр., Театр Монте-Карло). Танцы неокрепшего новичка не могли быть удовлетворительны. Удачней выступил Л. на премьере «Матросов» с музыкой Ж.Орика и хореографией Мясина (17.6.1925, «Гёте-лирик», Париж). Исполняя вместе с Л.Войциховским и Т.Славинским роли трех моряков, обратил на себя внимание не только молодостью, но и элегантной небрежностью, так шедшей его французскому герою. Занятия с *Н.Легатом*, а после ухода того — с П.Владимировым помогали преодолевать недостатки образования. Следующей премьерой для Л., уже в новом качестве ведущего танцовщика, стал балет с хором «Барабо» на музыку В.Риети (11.12.1925, «Колизеум», Лондон). Роль щеголя Сержанта давала возможность подчеркнуть достоинства нового фаворита Дягилева, скрывая при этом недостаточное владение техникой танца. Это была 2-я постановка *Дж.Баланчина*, ставшего основным хореографом в последний период существования «Русского балета». Л. принимал теперь участие почти в каждой новой премьере. В «Ромео и Джульетте» с музыкой К.Ламберта и хо-

реографией Нижинской (4.5.1926, Театр Монте-Карло) Л.-Ромео появлялся сначала в костюме эпохи Возрождения, затем в униформе летчика, чтобы увезти Джульетту на самолете. Баланчин ставил антракт-балет для отдельно танцующих ног, которые видны были зрителю из-за намеренно опущенного не до конца занавеса. Партнершей была знаменитая *Т.Карсавина.* Правда, ни она, ни шокирующие нововведения не сделали спектакль сенсацией, однако сотрудничество с мастерами способствовало становлению Л. и как танцовщика, и как личности.

К тому времени репертуар содержал лучшее из созданного дягилевской антрепризой, по сути был антологией крупнейших завоеваний балета последних двух десятилетий, начиная от постановок крупнейших мастеров XIX в. и кончая шедеврами М.Фокина, прозрениями В.Нижинского. У Л. постепенно формировалось собственное отношение к этому богатейшему опыту. Процесс превращения в эрудированного классного профессионала был быстрым. Недостаток школы возмещался смелостью и самоуверенностью — привилегированное положение тому способствовало. Полезно было даже участие в проходных спектаклях — таких как «Пастораль» Ж.Орика с Л. в роли Разносчика телеграмм (29.5.1926, Театр Сары Бернар, Париж) или «Триумф Нептуна» Д.Бернерса с Л. в роли моряка Тома Гужа (3.12.1926, «Лицеум», Лондон) — оба в постановке Баланчина. Жанровое начало придавало живость созданным образам. Интерес к актерской стороне роли преобладал. Хуже обстояло дело с академическим репертуаром — здесь требовалось мастерство в незаметной помощи партнерше и элегантная сдержанность, умение стушеваться, чтобы выгоднее подать балерину. Одноактный вариант «Лебединого озера» Л. танцевал с *А.Даниловой.* С нею же исполнил «Жар-птицу» в новом оформлении *Н.Гончаровой.* В «Послеполуденном отдыхе фавна» партнершей была Л.Чернышева. Л. был полной противоположностью создателю хореографии и роли В.Нижинскому. Приходилось с помощью более опытных коллег искать свои краски, собственное отношение к необычной пластике.

В следующем сезоне Л. исполнял «Лебединое озеро» с *О.Спесивцевой.* Они очень подходили друг другу: оба обладали эффектной внешностью. Трагедийность дара Спесивцевой выгодно оттенялась напыщенной декоративностью партнера. К этому времени сильный женский состав солистов «Русского балета» первенствовал там, где главным были виртуозные танцы; в современном же репертуаре Дягилев сохранил принципиальную установку на первенство мужского танца. В «Кошке» А.Соге (30.4.1927, Театр Монте-Карло) исполнение Л. затмило успех Спесивцевой. Это было самое удачное из последних созданий Баланчина. Юноша влюблялся в кошку и умолял Афродиту превратить ее в девушку. В новом качестве кошка не выдерживала искуса и, увидев мышь, кидалась за нею, принимая прежнее обличье. Юноша, потрясенный утратой, погибал. Аффектированность пластики, неординарность ситуации (басня Эзопа была перенесена в условия современной жизни) помогли Л. быть убедительным на сцене. Выигрышным оказалось и центральное pas de deux. Смелым было оформление *Н.Габо* и *А.Певзнера,* соорудивших архитектурные декорации из целлулоида и такие же прозрачные костюмы. Последняя премьера сезона — «Стальной скок» *С.Прокофьева* в постановке Мясина (7.6.1927, Театр Сары Бернар, Париж) — представляла собой дивертисмент на фоне конструктивистского оформления. Интересного материала для Л., неизменно появлявшегося с велосипедом, постановка не дала. В неудачной последней работе Мясина у Дягилева — двухактной «Оде» на музыку *Н.Набокова* (6.6.1928, там же) — Л. досталась невыразительная роль Студента, спасти которую не удалось. Центральным событием сезона стал «Аполлон Мусагет» *И.Стравинского* с оформлением А.Бошана в замечательной постановке Баланчина (12.6.1928, там же). В центральной партии Аполлона скульптурность выразительных поз чередовалась с классическим танцем, и Л. вполне справлялся и с тем и с другим. Музами, сопровождавшими Аполлона, были Данилова, Л.Чернышева, Ф.Дубровская.

Сезон 1929 был заключительным в истории дягилевской труппы. Положение фаворита обязывало и оказалось непростым для Л. Психология выскочки победила. Зазнайство, бахвальство, лживость расцвели, да так, что оттолкнули покровителя. По крайней мере, Дягилев к Л. совершенно охладел. Центральным событием оказалась премьера «Блудного сына» Прокофьева в постановке Баланчина с оформлением Ж.Руо (21.5.1929, Театр Сары Бернар, Париж). Л. исполнял главную партию. Баланчин избегал открытой театральной эмоции, предпочитая обобщенность символическую. Картинность разгула и страданий была Л. близка. Успех спектакля, в котором его партнершей выступила Дубровская (Сирена), был значительным. Обоих героев, правда, упрекали в недостатке драматизма. Балетмейстерский дебют Л. — новая версия «Байки про Лису, Петуха да Барана» И.Стравинского — прошел в тот же вечер без особого успеха. Л. для каждой роли назначил двух исполнителей: танцовщика и акробата, и они одновременно находились на сцене, поочередно вступая в действие. Танец перемежался акробатикой, как требовала того мода.

Конец дягилевской антрепризы застал Л. сложившимся танцовщиком и начинающим балетмейстером. Смерть мэтра поставила каждого в труппе перед необходимостью самому определять свою судьбу. В драматической жизненной ситуации Л. обнаружил завидный практицизм. Он победил в борьбе за право быть душеприказчиком Дягилева. Это давало не столько материальные преимущества, сколько право быть духовным воспреемником, что создавало престиж, служило гарантом успешной карьеры. Л. обосновался в «Grand-Opéra». Это был уже другой человек — циничный, с железной деловой хваткой, способный выстоять в театральной борьбе, в любой сшибке характеров и амбиций. В нем обнаружился настоящий талант слышать время, улавливать меняющиеся вкусы публики; талант нравиться и талант ставить — вполне профессионально, интересно, изобретательно. Как это ни парадоксально, Л. оказался самым живым памятником Дягилеву — его энергии, вкусу, безошибочности выбора, умению менять чужую судьбу.

Л. возглавил балет Парижской оперы — это значило, он стал законодателем вкуса французского балета. Он был премьером (1929-56), главным балетмейстером и педагогом (1929-45, 1947-58, 1962-63, 1977) «Grand-Opéra», способствовал превращению этой труппы в первоклассный художественный организм, с интересным и самобытным репертуаром, выдающимся составом труппы. За долгую творческую жизнь Л. сочинил более 200 балетов, в основном одноактных, и дивертисментов в операх; охотно сам танцевал в них, с некоторого времени выступал только в собственных постановках. Рамками своего театра не ограничивался, переносил и ставил новое для других трупп, порою брался руководить ими. Организовал труппу «Nouveaux Ballet de Monte Çarlo» (1945-47), для которой осуществил «Утреннюю серенаду» Ф.Пуленка, «Dramma per musica» И.-С.Баха, «Шота Руставели» Онеггера и других, «Пери» Дюкаса, «Ночь на Лысой горе» М.Мусоргского (все 1946), «Наутеос» Д.Лало (1947). В качестве приглашенного хореографа ставил на других сценах Франции и за рубежом. Уроки дягилевской антрепризы пришлись кстати, и Л. обращался к самым разным слоям музыки, сохраняя при этом неизменный интерес к современным поискам в этой сфере. В выборе жанра Л. также стремился сохранить присущую Дягилеву широту: диапазон, правда, определялся возможностями и пристрастиями самого хореографа. При всем разнообразии его спектакли представляли некую стилистическую цельность. Склонный к библейским и античным сюжетам, к темам, почерпнутым из классической поэзии и литературы, хореограф предпочитал патетически приподнятую театральность, скульптурность декоративной статики, намеренную нарочитость аллегории, дававшую нередко выразительные сценические эффекты. Создавал он и бессюжетные композиции, разрабатывающие симфонические возможности инструментального классического танца. Плодовитость не всегда была итогом вдохновения — практицизм нередко брал верх, приводя к повторам. Зато руководимые им труппы острого репертуарного голода не знали. Л. не стал ни изобретателем новых форм, ни создателем новых направлений. Он талантливо претворял открытия реформаторов балета XX в., разрабатывал брошенные ими походя идеи. Гастроли «Grand-Opéra» в СССР (1958, 1969-70) познакомили с рядом его произведений. Л. приезжал в СССР, подарил Пушкинскому дому часть раритетов из коллекции Дягилева.

Л. стал автором более 25 книг о балете, исследовал некоторые теоретические проблемы танца. Основал Парижский институт хореографии (1947) и Университет танца (1957). С 1955 читал курс истории и теории танца в Сорбонне. Подвел итог опыту дягилевской антрепризы в сочинениях мемуарного плана. С 1959 находясь на отдыхе, возвращался в «Grand-Opéra» эпизодически. Член Академии изящных искусств (1968), многих комитетов и жюри. Учредил дипломы *Анны Павловой* и Вацлава Нижинского. Последние годы провел в Швейцарии в местечке Глион. Несмотря на то, что большинство созданных им балетов исчезли из репертуара, Л. оказал огромное влияние на всю современную хореографическую культуру Франции.

Соч.: Лифарь С. Дягилев. СПб., 1993.

Лит.: Koegler H. The Concise Oxford Dictionary of Ballet. 2 ed. London, New York, Melbourne, 1982; Григорьев С.Л. Балет Дягилева. 1909-1929. М., 1993.

А.Соколов-Каминский

ЛОССКИЙ Борис Николаевич (род. 28.3.1905, Петербург) — искусствовед, историк архитектуры, мемуарист, сын философа *Н.О.Лосского* и Людмилы Владимировны Лосской, дочери видного педагога В.Стоюнина. Брат *В.Лосского*. Воспитывался и учился в Петербурге, в гимназиях М.Шидловской и М.Стоюниной. Дружил с молодым Митей Шостаковичем, посещал вместе с ним «Музыкальные курсы И.Гляссера». С юных лет определилось увлечение Л. искусствоведением и, особенно, историей архитектуры. В 1922, несмотря на то, что отец уже находился в заключении, ожидая

высылки, Борис принял решение поступить на факультет общественных наук Петроградского университета, дабы не «оказаться между двух стульев» в случае, если ему удастся остаться на родине. Однако уже в ноябре 1922, проучившись в университете чуть более месяца, он вместе с семьей выехал в Берлин, а затем в Прагу, где продолжил учебу на архитектурном отделении Чешского политехникума. Для совершенствования образования отправился в 1927 в Париж, закончил там Школу Лувра (1934) и Сорбонну (1937). С 1932 он — гражданин Франции, в 1933-34 отбывал воинскую повинность в 158-м пехотном полку Страсбурга, закончив службу в чине капрала. 26.6.1937 состоялось венчание Л. с Надеждой Константиновной Георгиевой, дочерью болгарского писателя К.Георгиева.

Деятельность Л. во 2-й половине 30-х была посвящена, главным образом, разыскиванию и изучению предметов французского искусства в Югославии и Чехословакии. 1.9.1939 был мобилизован в действующую армию, затем 19.6.1940 последовало пленение в городе Эпиналь и пребывание в лагерях в Нижней Австрии (до мая 1945). Условия жизни Л. в лагере были более или менее сносными. Он читал лекции по истории искусств для самодеятельного кружка французских военнопленных, смог написать несколько статей по искусствоведческой проблематике.

В 1945-47 Л., назначенный на пост «офицера по делам искусств» при французском оккупационном правительстве в Инсбруке, занимался розыском предметов французского искусства, вывезенных нацистами в Австрию. В 1947-65 состоял хранителем музеев городов Тур, Амбуаза, Ришелье, а с 1965 до выхода на пенсию в 1970 — хранителем национального дворца-музея в Фонтенбло. Научные исследования в области европейского Ренессанса, маньеризма, барокко и классицизма, несколько сотен статей, посвященных искусствоведческим и историко-архитектурным вопросам, снискали ему широкую известность как во Франции, так и за ее пределами. В разное время он удостаивался почетного членства и президентства в научных обществах и академиях Франции: в 1962 ему присвоено звание кавалера Почетного легиона.

После ухода на пенсию Л. продолжает активную деятельность в качестве искусствоведа, консультирует коллег из отделов Лувра и др. музеев Франции. Не покидая западноевропейской тематики, он в значительной мере переориентировался на историю российского искусства и архитектуры, опубликовав около 40 статей о творчестве архитекторов Петербурга — Леблона, Кваренги, Бренна, Тома де Томоне и др. Участились его контакты с сотрудниками Эрмитажа, Русского музея, Исторического музея Петербургской Академии художеств. Весьма удачным следует признать дебют Л. в мемуаристике — воспоминания о Д.Шостаковиче, семье Лосских-Стоюниных в 1914-22, жизни русской эмиграции в Праге (1922-27).

Соч.: Le Maniérisme en France et en Europe du Nord. Geneve, 1979; Наша семья в пору лихолетья // Минувшее, вып. 11-12. Париж, 1992-93.

П.Шалимов

ЛОССКИЙ Владимир Николаевич (26.5.1903, Гёттинген — 7.2.1958, Париж) — религиозный философ, богослов. Сын философа *Н.О.Лосского* и Людмилы Владимировны Стоюниной, дочери видного русского педагога В.Стоюнина. Детство и юность Владимира прошли в Петербурге. В 1912 он поступил в гимназию своей бабушки, М.Стоюниной, а затем в 1913-17 учился в коммерческом училище М.Шидловской, которую посещали сыновья А.Керенского, Л.Каменева, Л.Троцкого, Б.Кустодиева; в первых классах учился Д.Шостакович. Л. преуспевал в гуманитарных науках, его школьные сочинения зачитывались в качестве образцовых на уроках русского языка, особые надежды возлагала на него и преподавательница всеобщей истории А.Петрункевич. В 1919 в религиозном мировоззрении Л. произошел кризис, проявившийся в скептическом отношении к вероучению и церковным обрядам. Однако, благодаря отеческим и пастырским наставлениям, равно как и собственной внутренней духовной эволюции, Л. уже в следующем году пережил процесс религиозного возрождения и, по свидетельству брата, *Б.Лосского*, «до смерти... не провел года, а к концу жизни даже недели без принятия святых тайн». В 1920-22 Л. — студент факультета общественных наук Петроградского университета, слушал курсы лекций по западной медиевистике у О.Добиаш-Рождественской, И.Гревса, *Л.Карсавина*; древнегреческой литературе — у Ф.Зелинского; истории искусств — у Б.Фармаковского. Занятия были вынужденно прерваны насильственной высылкой в 1922 его отца. Лосские последовали за главой семьи вначале в Берлин, затем в Прагу, где с марта 1923 по июнь 1924 Владимир обучался на философском факультете Карлова университета, сосредоточившись на занятиях медиевистикой, греческим и латинским языками, а также византиноведением у академика *Н.Кондакова*. Стремясь к получению более основательного образования, Л. уехал в Париж,

поступил в ноябре 1924 на филологический факультет Сорбоннского университета, избрав своими научными руководителями известных специалистов по средневековой истории и философии — Ф.Лота и Э.Жильсона. Окончив в июне 1927 Сорбонну, Л. женился на Магдалине Исааковне Шапиро (4.6.1928).

Знакомство с *М.Ковалевским* и его братом Евграфом привело молодоженов в Братство Св. Фотия, главная задача которого состояла в утверждении православия и, конкретно, распространении Истин Православия во Франции. С 1931 по 1940 Л. возглавлял Братство. Отстаивая некоторые догмы православия и сохраняя верность московскому патриаршему престолу, Л. развернул в 1935-36 «спор о Софии», осудив софиологию о.*Сергия Булгакова*. Экуменическая деятельность Л., помимо диспутов и проповедей, была отмечена активным вкладом в дело основания на территории Франции в 1937 общины «православных западного обряда», существующей ныне под названием «Eglise Orthodoxe de France».

Начиная с 1927 и до конца жизни Л. вел углубленный научный анализ учения немецкого мистика XIII-XIV вв. Майстера Экхарта. Оставшись незавершенным, это исследование, тем не менее, вошло в число лучших трудов по истории средневековой философии и религии. Научная деятельность, однако, не приносила какого-либо дохода семье Лосских, пополнившейся четырьмя детьми. Заработок был найден у профессора Ф.Лота, поручившего своему выпускнику подготовку переиздания словаря средневековой латыни «Glossaire Ducange».

Перед началом 2-й мировой войны Л. принял французское гражданство. Считая своим долгом гражданина и христианина не оставаться в стороне от происходящих событий, он в октябре 1940 вступил в ряды движения Сопротивления. Антифашистская борьба в группе *Б.Вильде* сочеталась с интенсивной творческой, богословской работой; в 1944 вышла в свет одна из главных книг Л.-теолога «Очерки мистического богословия восточной церкви». Совсем не случайно книга была написана на французском языке. Полагая, что именно он призван свидетельствовать об Истине православия во Франции, Л. читал лекции и писал по-французски, за исключением тех случаев, когда его непосредственным адресатом была русскоязычная аудитория.

В декабре 1944 по инициативе о.Евграфа Ковалевского организовался Французский православный институт им. Св.Дионисия, куда Л. привлекли читать курс догматического богословия и церковной истории. С 1945 он стал членом редколлегии журнала «Живой Бог», а с 1947 — постоянным участником ежегодных конференций англо-русского Братства им. Св.Албания и преподобного Сергия в Абингдоне, главной задачей которых являлось сближение христианских вероисповеданий, в частности, англиканства с православием. После разрыва о.Евграфа Ковалевского с московской патриархией в 1953 Л. ушел из Института Св. Дионисия и преподавал догматическое и сравнительное богословие на Пастырских курсах, учрежденных при Русском западноевропейском патриаршем экзархате. В сентябре 1954 он участвовал в Августиновском конгрессе, а в сентябре 1955 — во 2-й Оксфордской конференции по патрологии.

В период эмиграции Л. опубликовал многочисленные книги и статьи на богословские темы, которые в совокупности составили новый этап в развитии православного учения. Согласно взглядам Л., богословие и мистика не исключают друг друга, а взаимно поддерживают. Богословие должно становиться опытным, к нему следует относиться как к живой боговдохновенной истине, а не как к набору умозрительных понятий и схоластических догматов. Л. утверждал жизненное познание Бога, т.е. единение людей с Богом, их обожение. Единение с Богом в его энергии (несотворенном свете) позволяет нам участвовать в естестве Бога. Обожение личности достигается взаимодействием двух воль — воли Св.Духа, дарующего благодать, и воли человека, на которого благодать нисходит и который к ней устремлен. Л. доказывал своими трудами, что, несмотря на известный консерватизм догматической части христианского вероучения, в православной традиции содержится значительный неортодоксальный потенциал. Созерцательная теология, ведущая Дух к сверхразумным реальностям, предполагающая, однако, участие в божественной жизни Св.Троицы, возрождение святоотеческих и исихастских традиций, разработка «православного энергетизма» — все это внесло освежающую творческую струю в современное православное богословие и в мировую христианскую мысль. Творчество Л. приобрело широкую известность и имело большое влияние в теологических кругах Запада.

Совершив в 1956 паломничество к православным святыням России (паломники посетили Богоявленский собор, Троице-Сергиеву, Киево-Печерскую и Александро-Невскую Лавры и др. храмы), Л. по возвращении написал: «Теперь, «из моего прекрасного далека», вспоминаю о встрече с русским народом как о драгоценном духовном опыте, который довелось иметь».

Раздумья о горнем не были оторваны от земного. По свидетельству друзей, Л. был необыкновенно добрым человеком, умел слушать других, понимать и помогать. Его жизнь в кругу

семьи и отношения с окружающими являли образец человека и христианина. Его душа была раскрыта всему живому — красоте, молодости, искусству, что сочеталось, однако, с особой мистической отрешенностью при чтении молитв, Библии. Л. похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Соч.: Théologie négative et connaissance de Dieu chez Maître Eckhart. 2 ed. Paris, 1973; Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие. М., 1991.

Лит.: Вест. Рус. зап.-европ. патриаршего экзархата, 1959, № 30-31, Париж, 1959; Ведерников А.В. Владимир Лосский и его богословие / Богословские труды, сб. 8. М., 1972.

П.Шалимов

ЛОССКИЙ Николай Онуфриевич (6.12.1870, м. Креславка, Двинского у., Витебской губ. — 1965, Париж) — философ, историк философии. Отец, Онуфрий Иванович, был обрусевшим поляком, православным. Мать, Аделаида Антоновна, польского происхождения, католичка. Несмотря на преобладание польской крови, семья считала себя русской, и воспитание 15 детей было проникнуто русским национальным сознанием. В 1872 отец Л., служивший до этого лесничим, получил должность станового пристава, и семья переехала в Дагду. После скоропостижной смерти отца в 1881 Николая отправили на учебу в витебскую гимназию, где он познакомился с сочинениями Д.Писарева, Н.Добролюбова, Н.Михайловского. Под влиянием революционных идей Л. стал материалистом, социалистом и атеистом. В 1887 был исключен из гимназии «за пропаганду социализма и атеизма» с «волчьим билетом», т.е. без права поступления в другие учебные заведения.

Л. нелегально перебрался за границу, желая продолжить образование в Цюрихе и в Берне. Здесь его революционно-материалистическое мировоззрение получило дальнейшее развитие: он познакомился с сочинениями К.Фогта, Г.Плеханова, присутствовал на публичных лекциях последнего, участвовал в демонстрации в честь приезда В.Либкнехта. Испытывая материальную нужду, Л. решил перебраться в Алжир и продолжить там учебу. Обманным путем он был завербован в Иностранный легион и, только прикинувшись душевнобольным, сумел покинуть Алжир.

В 1889 Л. возвратился в Россию и поступил на курсы бухгалтеров, но вскоре оставил их, т.к. влиятельные родственники через министра просвещения добились для него права обучения в петербургской гимназии. В 1891 он получил аттестат и осенью того же года поступил на естественнонаучное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Проявляя повышенный интерес к ботанике, химии и особенно к анатомии, которую преподавал П.Лесгафт, Л. продолжал самостоятельно изучать философию: знакомился с трудами Р.Декарта, Б.Спинозы, Г.Спенсера, читал «Историю философии» Куно Фишера, но его не удовлетворяли попытки объяснить мир, исходя из позиций механистического материализма. Большое влияние на Л. оказало знакомство с С.Алексеевым (Аскольдовым), сыном известного русского философа-неолейбницианца А.Козлова. С 1894 посещал лекции А.Введенского, философский кружок А.Козлова. В 1898 занятия философского кружка, членами которого были также *С.Метальников* и Я.Колубовский, проходили в доме известного русского педагога В.Стоюнина; его дочь, Л.В.Стоюнина, стала вскоре женой Л.

После окончания естественно-научного отделения в 1896 Л. стал вольнослушателем историко-философского факультета. На жизнь зарабатывал частными уроками и переводами философских текстов (перевел некоторые работы И.Канта, 4, 7 и 8 тома «Истории новой философии» Куно Фишера, «Основы логики» Т.Липпса и ряд др.). В 1898 Л. защитил дипломную работу «Рационализм Декарта, Спинозы и Лейбница» и был оставлен при кафедре философии для подготовки к профессорскому званию. С 1900 приват-доцент кафедры философии Петербургского университета. Осенью 1901 и весной 1902 находился в научной командировке за границей, вначале у В.Виндельбанда и Л.Циглера в Страсбурге, затем у В.Вундта в Лейпциге. В 1903 уехал в Гёттинген, где проходил практику по экспериментальной психологии у Г.Мюллера. Осенью 1903 Л. защитил магистерскую диссертацию «Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма», в которой попытался соединить волюнтаризм в психологии с интуитивизмом в гносеологии.

С 1904 Л. активно занимался общественно-политической деятельностью; был избран председателем Союза приват-доцентов, лаборантов и ассистентов, работал в секции разработки новых уставов университетов в Академическом союзе. В этот период он отошел от идей социализма, ближе ему оказались либеральные позиции, верность которым он сохранял на протяжении всей жизни. В 1905 вступил в только что образованную кадетскую партию, принадлежал к ее левому крылу. Л. являлся решительным сторонником демократического представительного образа правления, независимо от того, будет ли это конституционная монархия или республика, разделял идеи «фабианского социализма», отрицательно относился к большеви-

кам и марксистской идеологии. 1-ю русскую революцию встретил настороженно; во время слушания рассказа о разгоне одной из демонстраций с ним случился сердечный припадок психоневротического характера. Эти припадки будут периодически мучать его вплоть до революции 1917. Но ни революция, ни болезнь не отвлекали Л. от главного — разработки нового гносеологического направления — интуитивизма. В 1904-5 в журнале «Вопросы философии и психологии» была напечатана его докторская диссертация «Обоснование мистического эмпиризма», которую в 1907 он защитил в Московском университете. В 1908-9 Л. вел преподавательскую деятельность в Петербургском университете, Женском педагогическом институте, Бестужевских Высших женских курсах и др. учебных заведениях.

С 1909 Л. начал занятия метафизикой и приступил к подготовке книги «Мир как органическое целое» (опубл. в 1917). В ходе работы над книгой сформировались исходные принципы его оригинальной гносеологии и онтологии. Главную свою задачу он видел в преодолении кризиса новейшей философии путем синтеза эмпиризма с рационализмом и персоналистического индивидуализма с идеалистическим универсализмом. Л. перевел «Критику чистого разума» Канта и подверг критике ряд его идей. Вместо включения объекта в субъект Л. предложил предсознательную «гносеологическую координацию» субъекта и объекта, которые в его философской системе являются самостоятельными, но в то же время органично спаянными «отвлеченным единосущием». Это частичное единосущие позволяет субъекту наблюдать внутренний и внешний мир таким, какой он есть. Субъект не творит содержание восприятия и мышления, а лишь выбирает, какие предметы, данные в подсознании, следует подвергнуть опознанию. Наше познание несовершенно, фрагментарно, но мы познаем действительные, объективные истины, являющиеся частичками абсолютной истины, полностью достижимой в царстве Духа. Онтологическое строение мира Л. представлял как взаимодействие «субстанциональных деятелей» (преобразование монады Лейбница), творящих свои действия (реальные события) сообразно носимым ими отвлеченным идеям (в платоновском смысле). Субстанциональные деятели есть начала творящие, объединяющие физическое и психическое. Они являются потенциальными или реальными (персонами), абсолютно свободными в своих действиях (свободны даже от Бога), но связанными друг с другом отвлеченным единосущием, которое позволяет организовать им общение между собой по типу интуиции, т.е. непосредственно. Соответственно разным аспектам бытия Л. выделяет 3 типа интуиции: чувственную, интеллектуальную, мистическую. В целом же философская система Л. характеризуется такими чертами как гносеологический реализм и интуитивизм в теории познания и конкретный органический персоналистический идеал-реализм в онтологии.

1-я мировая война застала семью Лосских на отдыхе в Швеции, откуда они спешно эвакуировались на родину. В 1915-16 в связи с занятиями метафизикой начался медленный процесс возвращения Л. к религии. Как и многие другие русские философы, он совершил поездку в Оптину Пустынь. Обе революции 1917 Л. встретил отрицательно, считая, что революция есть величайшее бедствие для народа, однако весной 1917 участвовал в популяризации идей кадетской партии, из которой вышел лишь после ее официального запрета в ноябре 1917.

В трудные послереволюционные годы Л. продолжал активную философскую деятельность. В ряде своих работ он обосновывал динамистическое и виталистическое понимание материи, разработал собственную систему интуитивистической логики, в которой все суждения имеют в одном отношении аналитический (субъективная сторона знания), а в другом — синтетический (объективная сторона знания) характер. Одновременно он продолжал работать в Петроградском университете в должности профессора (с 1916). С 1920 Л. читал лекции в Народном университете. Будучи принципиальным противником революционно-социалистического мировоззрения, Л. не счел возможным стать членом Вольной Философской Академии (Вольфила), однако на одном из ее заседаний выступил с лекцией «Бог и органическое миропонимание». Попытка Л. организовать журнал «Мысль» закончилась неудачей (запрещен с 4-го номера). В 1921 за защиту догмата троичности Л. уволили из Петербургского университета. Сильное нервное расстройство, последовавшее за отставкой, послужило причиной тяжелой болезни. По совету врачей Л. намеревался отправиться в Карлсбад и уже через президента Чехословакии Т.Масарика добился получения визы, однако оказался в Чехословакии совсем по другой причине. В ноябре 1922 его вместе с группой известных ученых и общественных деятелей выдворили за пределы Советской России.

По совету *П.Струве* Л. решил обосноваться в Праге, где продолжил преподавательскую и научную работу. Он читал лекции в Русском университете, организовал лекторат в Брно, ездил с циклами лекций в Варшаву, Париж, Лондон, Белград, посетил США, Швейцарию; в 1942 получил кафедру философии в Братиславском университете. До 1930 Л. получал

профессорскую стипендию из фонда «Русской акции», а также единовременные пособия из канцелярии президента. Чехословацкие президенты Т.Масарик и Э.Бенеш были не чужды философии, а имя Л. к тому времени приобретало международную известность.

В эмигрантский период Л. продолжал работать над развитием своей философской системы. Главную задачу он видел в переходе от теоретической философии к практической, а с 1923 занимался историей русской философии. Сочинения Л. этого времени глубоко религиозны, направлены на поиск идеала абсолютного добра и красоты. В понимании Л. «субстанциональные деятели» абсолютно свободны и тем самым абсолютно ответственны за свои поступки. В природе и обществе одновременно действуют прогресс и регресс, в зависимости от свободного выбора «субстанциональных деятелей». Вследствие своего эгоизма многие «субстанциональные деятели» вступают в противоборство друг с другом и образуют наш грешный мир, или царство вражды. Те же, кто вступают друг с другом в отношения любви и гармонии, достигают «конкретного единосущия» и образуют Царство Божие, в котором нет разобщенности и материальности. Царство Божие и пути его достижения — важнейшая тема книг философа. Л. не создал самостоятельной апологетики, но он рассматривал свою книгу «Достоевский и его христианское миропонимание» (Нью-Йорк, 1953) как апологию христианства в преломлении через творчество великого писателя. Мировоззрение Л. наложило существенный отпечаток на его послевоенные сочинения. В работе «History of Russian Philosophy» (Нью-Йорк, 1951; М., 1993) он особенно подчеркивает реализм и интуитивизм русских философов, утверждает обязательность и прогрессивность христианских принципов в философии. В книге «Характер русского народа» (Франкфурт-на-Майне, 1957) выделяет в качестве определяющих такие черты русского характера как повышенная религиозность и постоянное искание идеала абсолютного добра.

После 2-й мировой войны Л. переехал в США, где с 1947 по 1950 преподавал философию и историю русской философии в Свято-Владимирской Духовной академии в Нью-Йорке, удостоился почетного членства в «Международном обществе Марка Твена». В 1952 получил американское гражданство. В 50-е жил у своих сыновей то в США, то во Франции. После скоропостижной кончины сына Владимира в 1958 состояние его здоровья резко ухудшилось. С 1960 Л. находился на попечении в Русском доме Сент-Женевьев-де-Буа. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа рядом с сыном Владимиром.

Соч.: Логика. Берлин, 1923; Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. Париж, 1938; Избранное. М., 1991; Условия абсолютного добра. М., 1991; Учение о перевоплощении. Интуитивизм. М., 1992.

Лит.: Левицкий С.А. Патриарх русской философии // Грани, 1960, № 48; Ильин В.Н. Н.О.Лосский и его значение в русской и мировой философии // Возрождение, 1965, № 160.

П.Шалимов

ЛУКАШ Иван Созонтович (1892, Петербург — 15.5.1940, Медон, Франция) — писатель, журналист. Родился в семье отставного солдата лейб-гвардии Финляндского полка, ветерана русско-турецкой войны 1877-78. Детство прошло в Академии художеств, где отец Л. *служил швейцаром и натурщиком*. Духовный облик и круг интересов будущего писателя во многом определило постоянное соприкосновение с живописью, архитектурой классицизма, общение с художниками и скульпторами. Увлекался театром, литературой. Окончил Петербургский университет. В 1910 при поддержке И.Северянина вышла из печати первая книга стихотворений в прозе «Цветы ядовитые». В 1912 участвовал в газете эгофутуристов «Петербургский глашатай», писал очерки в газетах «Речь», «Современное слово». Приветствуя Февральскую революцию 1917, посвятил ее героям серию брошюр: «Волынцы», «Преображенцы», «Павловцы», «Ночь на 28 февраля в Зимнем дворце», «Восстание в Павловском полку», «Восстание в Волынском полку». В 1918-20 в Добровольческой армии (старший унтерофицер из вольноопределяющихся), сотрудничал в газетах «Юг России» и «Голос Таврии». После эвакуации из Крыма жил в Константинополе, Галлиполи, Тырново, Софии, Вене, Праге, Берлине.

Эпизоды гражданской войны отразились в повести Л. «Смерть» (Рус. мысль, 1922, № 4,5/7), о воинах белой армии написана книга «Голое поле» (София, 1922; переизд.: Кубань, 1990, № 11). В Болгарии печатался в газете «Свободная речь», в Германии — в журнале «Русская мысль». Вступил в содружество писателей «Веретено», поддерживал дружеские отношения с *В.Набоковым*, в соавторстве с которым написал несколько скетчей для русского кабаре и либретто пантомимы «Агасфер». В Берлине вышли сборник рассказов о прошлом российской столицы «Черт на гауптвахте» (1922), мистерия «Дьявол» (1923), роман «Белцвет» (1923), повесть «Дом усопших» (1922) — о предсмертных часах советских граждан, умирающих от чахотки в крымском санатории и с ненавистью раскрывающих друг перед дру-

гом душу; историческая повесть «Граф Калиостро: Повесть о философском камне, госпоже из дорожного сундука, великих розенкрейцерах, волшебном золоте, московском бакалавре и о прочих славных и чудесных приключениях, бывших в Санкт-Петербурге в 1782 году» (1925; М., 1991), написанная с большой долей иронии и гротескным мастерством.

С 1925 Л. в Риге, сотрудничал в газетах «Слово» и «Сегодня». В его рассказах (журн. «Перезвоны»; вошли в сб. «Сны Петра». Белград, 1931) петербургские истории соседствуют с гротескно-фантастическими сюжетами из жизни старой Риги («Невероятные приключения Мюнхаузена в Риге», «Гомункулус», «Часы Людовика»). В 1928 переехал в Париж и стал сотрудником газеты «Возрождение». Темы его публикаций связаны с русской историей и культурой. Он рассуждал об историческом значении Москвы, остававшейся всегда «живой основой» всего русского бытия: «Москва, так сказать, горн России и ее материнское лоно, в которых выплавлялись и рождались российские формы империи. Без Москвы не могло бы быть Петербурга. Гениальный разум, голова Петра, — на мощном московском теле, — вот образ живой России, какой она шла из глубины веков». Писал о творчестве Н.Лескова, *А.Куприна*, *Б.Зайцева*, о молодых эмигрантских поэтах. В статье о *Д.Мережковском* утверждал, что истинное художество «всегда, вольно или невольно, ищет разгадки и понимания духа бытия», оно «всегда богопознание и боговыражение». Констатируя наметившийся поворот Л. в сторону более строгой художественности письма, *В.Ходасевич* отметил сборник рассказов «Дворцовые гренадеры» (1928). Любовь к родной истории помогли Л. найти свою тему и своеобразную тональность произведений. Роман «Пожар Москвы» (1930), переведенный на английский язык, охватывал драматический период русской истории от царствования Павла I до восстания декабристов. *К.Зайцев* писал, что на книге лежит печать «интуитивного прозрения судьбы России», «любовь к России, боль за нее, неотвязная, глубокая, настойчивая мысль и забота о России трепещет в этой книге, придает ей силу». Ходасевич обратил внимание на простой язык, точность и выпуклость описаний; автору «удается создать иллюзию широкого коллективного действия, и он достигает своей главной цели: в его книге действуют не герои, не личности, но народные массы»; «сталкиваются не личные воли, но исторические силы», однако же столкновениям этим «умеет он придать ту меру реализма, без которой нет художества».

Одним из самых удачных произведений Л. критикой был признан роман «Бедная любовь Мусоргского» (Париж, 1940; М., 1992) — сплав исторического документа, мистики с лирической биографией. И.Голенищев-Кутузов назвал Л. одним «из одареннейших писателей нашей зарубежной литературы», у которого есть свой стиль, своя манера, и, что самое главное, «он создает свой мир — легенду о Российской Империи», которая «обладает магической силой оживлять русские сердца в пустынях сорокалетнего странствования». Б.Зайцев ценил Л. как писателя, несущего «в облике и писании своем широкое, теплое и доброе дыхание России. Сын настоящей российской литературы, вольной и бедной, вышедшей из самых высоких источников русского духа — в изгнании независимо и непримиримо держит он свой путь».

Соч.: Вьюга. Париж, 1936; Портреты / Предисл. и публ. А.Богословского // Человек, вып. 2. М., 1992; Князь Пожарский: Этюд. Вступ. А.Богословского // Волга, 1993, № 7.

Т.Петрова

ЛУКОМСКИЙ Георгий Крескентьевич (2.3.1884, Калуга — 1954, Франция) — искусствовед, художник, краевед. Сын инженера-технолога путей сообщения, обедневшего дворянина Подольской губернии, происходившего, согласно семейным преданиям, из рода Гедиминовичей (брат Л. — специалист по геральдике, генеалогии, сфрагистике — подписывал первые работы псевд. В.Ольгердович-Лукомский). Учился Л. в калужском и орловском реальных училищах. Художественное образование получил в Орловской рисовальной школе Сычева, в петербургских классах живописи и рисования Гольдблата, в Казанской художественной школе и в петербургской Академии художеств (1903-13). В Казани входил в кружок любителей прекрасного, занимался описанием и обмерами местных памятников гражданского и церковного зодчества, явившись пионером в этой области. Две зимы провел в прогулках по окрестностям Казани, запечатлевая на бумаге маленькие церквушки, впоследствии перенесенные в его великолепные графические работы.

После первого курса в Академии художеств, летом 1904, отправился в заграничное путешествие по Европе. Эта поездка стала началом экскурсий, которые Л. совершал каждое лето. Оказавшись в Париже в 1905, работал здесь до весны 1906. Петербургский климат был противопоказан художнику, страдающему болезнью легких. С ноября 1907 жил в Москве, посещал мастерскую К.Юона, у которого продолжал изучать рисунок. Но вскоре учитель

сам начал перенимать у ученика блистательную манеру изображать строения.

После десятилетнего обучения закончил Академию художеств. Летом 1909 устроил в Академии выставку своих заграничных работ, сопровождая ее чтением докладов. Выставка имела крупный успех. После нее стал печататься в журналах «Зодчий», «Аполлон», «Старые годы», опубликовал множество статей и книг о памятниках архитектуры в городах Украины — Каменец-Подольске, Чернигове, Киеве, Львове, о Вишневецком замке, Батуринском дворце, Козелецком соборе и др. сооружениях со своими фотографиями и рисунками. В дальнейшем внимание Л. привлекали также города русской провинции — Курск, Кострома, Вологда, Воронеж, их быт, предания и легенды. Мастер архитектурного пейзажа, чье творчество находилось в русле художественных поисков «Мира искусства», Л. проникновенно чувствовал прошлое, стремился воскресить былое величие соборов и усадеб, спасти их от забвения. Книги и альбомы Л. содержат огромный материал, в том числе о памятниках архитектуры, погибших впоследствии, особенно на Украине.

С.Маковский писал в 1913: «Карандашные и акварельные рисунки Лукомского принадлежат к числу тех изысканных и правдивых архитектурно-художественных документов, которых так мало в России, плохо помнящей о сокровищах своей далекой и недавней старины». Среди наиболее значительных работ Л.: «Античные театры и традиции в истории эволюции театрального здания» (т.1. СПб., 1913); «Галиция в ее старине. Очерки по истории архитектуры XII-XVIII вв.» (Пг., 1915); «Памятники старинной архитектуры России в типах художественного строительства, ч.1. Русская провинция» (изд. 2. Пг., 1916); «Старинные усадьбы Харьковской губ.» (ч.1. Пг., 1917). После Февральской революции вошел во Всероссийскую коллегию по делам музеев. В качестве председателя Царскосельской художественно-исторической комиссии (июль 1917 — нояб. 1918) разработал вместе с *А.Бенуа* проект музеефикации Царского Села, организовал регистрацию, ремонт, реставрацию и изучение дворцов и парков; воспротивился разграблению бывшей резиденции Николая II — Александровского дворца. В конце 1918 приехал в Киев, где возглавил архитектурный отдел при Всеукраинском комитете охраны памятников истории и старины. Провел регистрацию и описание 160 гражданских зданий. В феврале 1919 назначен хранителем коллекции Б. и В.Ханенко, составил ее каталог (1259 худ. произв., 10 тыс. книг, в том числе 3 тыс. по истории искусства); в декабре 1919 она была передана в дар Всеукраинской Академии наук («2-й Киев. гос. музей»); впоследствии Л. издал несколько описаний коллекции (1921, 1925).

20.10.1919 уехал в Константинополь, оттуда — в Венецию и Берлин. Сотрудничал в газетах «Последние новости» и «Накануне», во французских изданиях, устраивал выставки русского искусства. В книге «Художник в русской революции» (Берлин, 1923) описал свою деятельность по спасению художественных ценностей. Объяснял свой отъезд за границу завистью и интригами, утверждал, что с первых дней революции искусство в России «переживало стадию ренессанса» — благодаря поддержке власти, но еще в большей мере благодаря усилиям художника — «героя от искусства, защищавшего грудью своею дворцы и храмы». Опровергал «досужие эмигрантские домыслы» о гибели в Советской России памятников церковного зодчества. Переехав в 1924 в Париж, был секретарем парижской группы «Мира искусства». В 20-е публиковал свои работы как в СССР, так и за границей, знакомил европейских читателей с русской культурой. В 30-е трудился над книгой по истории русского искусства XIX-XX вв., изданной в 1945. Тогда же в Лондоне вышла его книга «История современного русского искусства. 1840-1940».

Соч.: Russisches Porzellan. Berlin, 1924; L'art dans la Russie des Soviets. Paris, 1925; La vie de Russie au XVIII et XIX. Paris, 1927; История современного русского искусства. Лондон, 1945.

Лит.: Маковский С. Георгий Крескентьевич Лукомский // Сполохи, 1922, № 4; Calzini Raffaeli Giorgio Lukomski. Milano, 1923; Голлербах Э. Г.К.Лукомский. Казань, 1927; Киркевич В.Г. С рода Гедеминовичей // Украина, 1992, № 7.

В.Киркевич

ЛУРЬЕ Артур (наст. имя и отч. Наум Израилевич) (псевд. Артур Винсент, Артур Сергеевич) (1.5.1891, м. Пропойск, Быховского у., Могилевской губ. — 10.[по др. св.12.]10.1966, Принстон, шт. Нью-Джерси, США) — композитор, общественный деятель, музыкальный критик. По свидетельству либреттистки композитора И.Грэм (США), Л. принадлежал к старинному еврейскому роду испано-французского происхождения. Отец — Израиль Хацкелев Лурья — был инженером, владельцем небольшой фабрики, мать — Анна Яковлевна (урожд. Левитина) — христианка по вероисповеданию, хорошо играла на рояле, она же преподавала первые уроки игры на инструменте своему сыну. В 1899 семья переехала в Одессу, где с 1902 по 1909 Л. учился в коммерческом училище. В 1909 он поступил в Петербургскую консерваторию, где занимался вплоть до 1916

у В.Дроздова и М.Бариновой по классу фортепиано, а у А.Глазунова по теории и композиции; однако он не сдал заключительного экзамена и не получил диплома. Одновременно посещал философский факультет университета как вольнослушатель. Ранние сочинения консерваторского периода — 5 прелюдий, 2 эстампа, 2 поэмы для голоса и фортепиано на слова П.Верлена — обнаруживали влияние А.Скрябина и К.Дебюсси.

Приблизительно с 1913, отказавшись от академическо-традиционной стилистики, Л. примкнул к «лагерю футуристов»: Хлебникову, Маяковскому, Якулову, Татлину, Кульбину, братьям Бурлюкам и др., объединившимся в литературном союзе «Гилея» и художественном — Союзе молодежи. Оказавшись в «эпицентре» русского футуризма, Л. воспринял основные идеи этого направления и попытался адаптировать их к музыкальному материалу. Так возникли три основных реформаторских проекта Л.: во-первых, микроинтервальная музыка, вдохновленная статьей Н.Кульбина «Свободная музыка», где давалось обоснование микроинтонационности — деления звуковой шкалы не только на 1/2-тоны, но и на 1/3-, 1/4-, 1/8-тоны и т.д.; во-вторых, шумовая музыка, включающая в себя все мыслимые звуки и предвосхищающая «конкретную музыку» авангарда 1950-х; и, в-третьих, «виртуозная музыка», яркий образец которой представлен в сочинении «Формы в воздухе», где нотная запись предельно индивидуализирована и может быть отнесена к феномену «музыкальной графики». К числу наиболее значительных художественных открытий Л. этого периода принадлежит подход к 12-тоновости на основе свободной атональности (например, в фортепианном цикле «Синтезы»). Почувствовав эту актуальную для начала века тенденцию, Л., в отличие от Н.Рославца, *Н.Обухова* или композиторов «Новой венской школы», не пошел по пути додекафонии и стилистически «смодулировал» к «новой простоте».

Как и большинство леворадикальной интеллигенции и художников-авангардистов, Л. с восторгом принял события 1917; в 1918 был назначен Луначарским на пост заведующего музыкальным отделом Наркомпроса. Однако эйфория первых революционных лет прошла для Л. довольно быстро. Служба на посту «комиссара» становилась в тягость: жалобы профессуры Московской консерватории в ответ на попытку проведения реформ, обвинения в невнимании к всевозможным агитационным кампаниям, перевод с поста начальника МУЗО в петроградский Институт истории искусств... И все же его отъезд за границу был в известной мере неожиданным. В марте 1922 он поехал в командировку в Берлин для работы в «Интернациональной гильдии композиторов», инициатором которой был композитор Э.Варез, а представителями — *И.Стравинский*, М.Равель, Ф.Бузони, П.Хиндемит и др. По словам самого композитора, он не предполагал остаться за рубежом (вплоть до 1924 в Советской России еще печатались его ноты и статьи). Тем не менее в 1923 он отправился во Францию, где и пробыл до 1941. В Париже в среде русской эмиграции он не нашел взаимопонимания; в нем продолжали видеть «красного комиссара». Возможно, эта отчужденность сыграла свою роль в усилении католицизма в мировоззрении композитора. Религиозная линия, всегда присутствовавшая в его творчестве (еще в 1913 композитор принял католичество), во Франции проявилась в таких сочинениях как «Литургическая соната», «Духовный концерт», «Гимн Св.Бенедикту». Увлечение музыкой Стравинского предопределило «неоклассицистский» стиль Л. (например, Маленькая сюита in F). Идеи Вареза привели Л. к опытам минимализма. К числу наиболее значительных сочинений парижского периода относятся опера «Пир во время чумы», Первая симфония (Simfonia dialectica), Вторая симфония (Кормчая), католические мотеты, Сюита для струнного квартета и др.

В Париже все более важное место начала занимать деятельность Л.-музыкального критика: он состоял в редколлегии еженедельника «Евразия» (гл. ред. *П.Сувчинский*) как корреспондент и ответственный за рубрику «Концерты в Париже» — писал о важнейших музыкальных событиях. В журнале «Версты», наряду с такими авторами как *М.Цветаева*, С.Есенин, Б.Пастернак, печатались эссе Л. о Моцарте, аналитические этюды, посвященные музыке Стравинского и др. статьи.

В 1941 Лурье, спасаясь от фашизма, выехал в США. В течение 20 лет жил в Нью-Йорке, затем в Сан-Франциско и последние 6 лет — в Принстоне. В Америке были написаны крупное сценическое сочинение «Арап Петра Великого» по Пушкину, Кантата для женского хора и 5 инструментов «Sibylla Dicit», «Погребальные игры в честь Кроноса» для 3-х флейт, фортепиано и тарелки, «Заклинания» — вокальный цикл на стихи из «Поэмы без героя» А.Ахматовой и др.

В последние годы он написал интереснейшие воспоминания «Чешуя в неводе» (памяти М.Кузмина) и «Наш марш», воссоздающие портреты современников раннего русского авангарда 1910-х.

Е.Пальдяева

ЛЯЦКИЙ Евгений Александрович (3.3.1868, Минск — 7.7.1942, Прага) — этнограф, фольклорист, историк литературы. В 1889 окончил минскую гимназию, в 1893 — историко-филологический факультет Московского университета. В конце 1880-х начал печататься как поэт. Первые научные труды — по белорусской этнографии и фольклору. С конца 1890-х жил в Петербурге, работал в Институте антропологии и этнографии им. Петра Великого, в 1901-7, — старший этнограф и хранитель библиотеки Русского музея; дослужился до чина статского советника. С 1897 член Общества любителей российской словесности при Московском университете. Печатался в академической периодике, а также в журналах «Обозрение», «Журнал для всех», «Современный мир», «Русская старина», «Детский отдых», «Нива». Постоянный сотрудник «Вестника Европы» (1902-7), где писал о И.Гончарове, Н.Гоголе, М.Горьком, В.Вересаеве, *Л.Андрееве*, А.Чехове, В.Брюсове и др.; отрицательно относился к модернизму. Придерживался умеренно-либеральных взглядов. Был женат на дочери литературоведа, академика А.Пыпина, — В.Пыпиной и стал одним из наследников его архива; переиздал некоторые труды Пыпина, напечатал цикл статей о Н.Чернышевском (Совр. мир, 1909-10; Познание России, 1909; Современник, 1912-13), опубликовал его письма («Чернышевский в Сибири. Переписка с родными». СПб., 1912-13) и трехтомное собрание писем В.Белинского (СПб., 1914). Как последователь культурно-исторической школы в русском литературоведении придавал большое значение фактам биографии писателя, бытовой среде, литературным влияниям, что нашло отражение в его первой монографии «Иван Александрович Гончаров: Критический очерк» (СПб., 1904; 2-е доп. изд. — «Гончаров: Жизнь, личность, творчество: Критико-биографические очерки». СПб., 1912; Стокгольм, 1921). Книгу критиковали В.Брюсов, С.Венгеров, но поддержал П.Сакулин.

В конце 1917 Л. уехал в Финляндию и после ее отделения от России не вернулся; в 1918-19 редактор газеты «Северная жизнь», поместил в ней ряд статей антибольшевистского характера. В 1920 организовал в Стокгольме издательство «Северные огни», печатавшее А.Грибоедова, М.Лермонтова, И.Крылова со вступительными статьями и комментариями Л., ранее вышедшие в России «Былины. Старинки богатырские», «Стихи духовные. Словеса золотые», «Сказки. Утехи досужие», «Русь сражающаяся. Стихи народные о любви и скорби». Был редактором и издателем журнала «Около России».

С 1922 жил в Праге, являлся профессором Карлова университета, заведовал кафедрой русского языка и литературы. Руководил издательством «Пламя» (1923-26), был редактором газеты «Огни», сотрудничал в журналах «Новая русская книга», «Русский архив», в газете «Воля России», в «Научных трудах Русского народного университета в Праге» (участвовал в организации этого университета по приглашению Т.Масарика). Как и ранее, Л. оставался деятельным участником различных общественных и научных учреждений: председатель Комитета по улучшению быта русских писателей в Чехословакии, почетный доктор Белградского университета, почетный член Союза русских писателей и журналистов в Праге. Работы Л. печатались на русском, чешском, сербском, немецком, английском языках, он сотрудничал в итальянских, французских, финских, шведских журналах и газетах. Много занимался популяризацией русской классики: в Праге вышли его «Очерки русской литературы XIX в.» (на чеш. яз.), в Праге и Варшаве — «Классики русской литературы» (1930, на чеш. и польск. яз.), в Белграде — «Обзор русской литературы XIX в.» (1935, на серб. яз.). Выпустил новые исследования: «Гончаров в кругосветном плавании: Критико-биографический очерк» (Прага, 1922) и «Роман и жизнь: Развитие творческой личности И.А.Гончарова. Жизнь и быт. 1812-1857» (Прага, 1925), представив развитие творчества Гончарова в контексте духовной жизни эпохи и в связи с личными переживаниями писателя, отраженными в его письмах; опроверг бытовавшее тогда мнение о малосодержательности духовного облика писателя, обнаружил жизненные истоки созданных им образов, например, воздействие на развитие замысла «Обломова» романтического увлечения Гончарова Е.Толстой. В лекции о Чернышевском (1922) разъяснял его отношение к народу («при создании нормальных условий политического существования народ сам определит формы своего земледельческого и экономического развития») и характеризовал высокий нравственный облик Чернышевского. В 1929 Л. обратился к творчеству Л.Толстого: «Два мира в приемах изобразительности Л.Н.Толстого», «Толстой и природа», «Воскресение» Л.Н.Толстого как художественный памятник».

Следствием неизменного интереса Л. к творчеству Пушкина явилось избрание его председателем Пушкинского юбилейного комитета в Праге в 1937. Л. привлекала художественная история Пушкина. На 1-м конгрессе филологов-славистов в Праге в докладе «Пушкин-повествователь в «Истории Пугачевского бунта» (Пушкинский сборник. Прага, 1929) Л. утверждал, что писатель стремился прежде

всего воссоздать черты личности знаменитого самозванца; прикрываясь общим тоном исторического повествования, он готовил «материал для своего будущего романа» о Пугачеве. Несколько работ Л. посвятил Ф.Достоевскому. В статье «Художественная стихия в творчестве Ф.Достоевского» (1922) писал, что образы его романов использовались лишь для доказательства тех или иных философских или общественных положений, «защищали консерватизм основ русского политического и общественного строя, ...разрушали догматизм патриархальных суеверий и плесень сонного прозябания души, ...с одинаковым диалектическим искусством доказывали бытие и небытие бога...»; Л. же считал главным в языке писателя его попытку поисков того «единого всеобъемлющего начала ...духовной жизни и, в частности, национально-русской жизни», которое он называл «скрепляющей общей идеей».

В прозаическом произведении Л. «Тундра: Роман из беженской жизни» (Прага, 1925) — рецензенты усматривали «тень Достоевского», легко угадывая, чьими «потомками» являются герои романа. Сам Л. стремился, по его словам, выразить боль за Россию — «ту, что рождала в тайных помышлениях и молитвах красоту высокого подвига. Красота эта творит духовную личность, спасает душу и роднит живой связью кроткую ясность терпения с пламенной верой в грядущее пробуждение от тяжелого сна». Поэтому в каждом образе романа «столько тревоги и муки», столько «горя и скорби».

В работе о «Слове о полку Игореве» (Прага, 1934) Л. пытался согласовать противоположные мнения — об одном и нескольких авторах «Слова», доказывая, что определяющую роль сыграл редактор-составитель, объединивший два первоначальных текста. Критики нашли, что «чрезмерная нарядность» стиля Л. сообщила «расплывчатость и неясность его суждениям» (*В.Мякотин*), что его книга «скорее роман, многие страницы которого читаются с большим интересом, чем убеждающее научное исследование» (Н.Кульман). После нескольких новых обращений к «Слову» Л. осуществил стихотворный его перевод (Прага, 1943).

Соч.: История русского языка. Прага, 1928.

Лит.: Бельговский К. 70-летие проф. Ляцкого // Сегодня, 1938, 7 марта.

А.Ревякина

М

МАКОВСКИЙ Сергей Константинович (15.7.1877, Петербург — 13.5.1962, Париж) — художественный и литературный критик, поэт. Сын известного живописца-академика К.Маковского, автора масштабных исторических полотен и портретов. С 1898 М. выступал как художественный критик в различных периодических изданиях. В 1905 выпустил свой первый сборник стихов. На следующий год вышла первая книга М. — «Страницы художественной критики» (последующие две вышли в 1908 и 1913). В 1906-8 читал курс лекций по всеобщей истории искусств в Обществе поощрения художеств в Петербурге. Один из основателей журнала «Старые годы» (1907-17); позднее основал петербургский литературно-художественный журнал «Аполлон» (1909-17), став его редактором и издателем.

С 1908 выступал организатором художественных выставок. Вместе с художником А.Гаушем объединил молодых художников, близких к группе «Голубая роза» (П.Кузнецов, П.Уткин, А.Матвеев, *М.Ларионов* и др.), в новое общество «Венок». Первая выставка «Венка» прошла в Петербурге в том же 1908. Заведовал русским отделом выставки, устроенной журналом «Старые годы» в Петербурге (выставка работала только один день). Автор статьи «Русские комнаты» в книге-каталоге, изданной к вернисажу. В 1909 устроил выставку «Салон» в Петербурге, на которой демонстрировались свыше 600 произведений живописи, графики, скульптуры и архитектурные проекты В.Сурикова, В.Серова, И.Левитана, *Л.Бакста, Н.Рериха,* М.Врубеля, М.Чурлёниса, К.Петрова-Водкина, а также *В.Кандинского, Д.Бурлюка, А.Явленского* и др. В 1910 организовал выставку художников круга «Мира искусства» в парижской галерее Бернхеймов, на которой преобладали театральные эскизы (среди участников: Л.Бакст, *А.Бенуа, М.Добужинский*, А.Головин, К.Петров-Водкин, Н.Рерих). В том же году по поручению Академии художеств организовал русский художественный отдел на международной выставке в Брюсселе, где представлял работы мирискусников Бакста, Головина, Добужинского, Б.Кустодиева, Рериха, Петрова-Водкина. Принимал участие в организации в 1912 юбилейной выставки «Сто лет французской живописи. 1812-1912» в пользу Общества защиты искусства и старины в Петербурге как один из учредителей Общества; на выставке экспонировалось свыше 900 произведений живописи, а также графики и скульптуры из русских и зарубежных собраний.

В 1913 вошел в Совет Общества изучения древнерусской живописи, участвовал в издании журнала «Русская икона» (вышло только несколько номеров). Был назначен комиссаром русского отдела выставки книжного искусства и графики в Лейпциге (1914). Составлял и редактировал книгу о современной русской книжной графике (изд. в Петербурге). В 1915 вышла его книга о В.Серове.

После Октябрьской революции жил в Крыму, сотрудничал в ялтинских газетах, где публиковал статьи на литературные и художественные темы (1918). Позднее эмигрировал, сначала в Прагу, затем перебрался в Берлин. В 1921-23 сотрудничал в берлинском журнале «Сполохи». В 1922 в Праге вышла книга М. «Силуэты русских художников». Изучал народное творчество (вышивка и т.д.) в Чехословакии. Организовал выставку «Искусство и быт Подкарпатской Руси» в Праге и издал там же книгу на русском, чешском и французском языках — «Народное искусство Подкарпатской Руси». В Берлине вышла его книга «Последние итоги живописи». В 1924 совместно с Ф.Нотгафтом издал в Берлине книгу «Графика М.В.Добужинского».

В середине 1920-х переехал в Париж. Один из редакторов газеты «Возрождение», где заведовал литературно-художественным разделом (1926-32). В 30-е возвратился к литературному творчеству. В 1940 вышел поэтический сборник М. «Вечер». После 2-й мировой войны в течение нескольких лет председательствовал в Объединении русских писателей в Париже. Редактировал сборники членов Объединения под названием «Встреча». Выпустил сборники стихов: «Sumnium Breve» (1948), «Круг и тень» («Круг в тени», 1951), «На пути земном» (1953), «В лесу» (1956). Книга стихов «Requiem», которую он готовил к изданию в 1962, вышла уже после смерти М. Опубликовал мемуары «Портреты современников» (Нью-Йорк, 1955) и «На Парнасе «Серебряного века» (Мюнхен, 1962).

А.Толстой

МАКСИМОВ Александр Александрович (3.2.1874, Петербург — 4.12.1928, Чикаго) — гистолог, эмбриолог. В 1891 с отличием окончил гимназию К.Мая в Петербурге и поступил в Военно-медицинскую академию (ВМА). В студенческие годы проявил огромный интерес к научной работе в нескольких смежных областях: гистологии, эмбриологии, патологической анатомии. Уже на 3-м курсе студенческая работа М. «Об ангиомах гортани» была отмечена премией академии (1894), а в 1895 он был награжден медалью за исследование «Об изменениях паренхиматозных клеток печени при амилоидном перерождении».

Окончив с отличием в 1896 ВМА, был оставлен на кафедре патологической анатомии, руководимой профессором К.Виноградовым и через два года (1898) защитил диссертацию на звание доктора медицины. Его диссертация «К вопросу о регенерации семенной железы» была посвящена происхождению грануляционной ткани, образующейся на месте повреждений. Тогда же опубликовал работу, в которой рассматривал строение и происхождение элементов крови млекопитающих и человека («О строении красных кровяных телец млекопитающих и о происхождении пластинок Bizzozero», 1898). В этой работе он применил собственный метод окраски.

В 1900-2 стажировался в Германии у немецкого патолога Эрнста Циглера (Берлин, Фрейбург). Вернувшись в Россию, был утвержден в звании профессора гистологии и эмбриологии ВМА (1903). С 1902 научные интересы М. сосредоточились вокруг двух больших тем: изучение структуры и гистогенеза клеточных элементов соединительной ткани в норме и воспалении; изучение структуры и гистогенеза форменных элементов крови. Эти исследования привели к выдающимся результатам и принесли автору мировую известность. Он создал наиболее полную и общепринятую в современной науке классификацию клеточных форм соединительной ткани, подробно описав их морфологические особенности и генезис. Этому вопросу посвящена монография М. «Экспериментальные исследования над воспалительными новообразованиями из соединительной ткани» (1902), статьи «О воспалительных соединительных новообразованиях у белых крыс» (1903), «О клеточных формах рыхлой соединительной ткани» (1906), доклад «Гистогенез соединительной ткани», который М. сделал на 16-м международном медицинском конгрессе в Будапеште в 1909 и др.

М. экспериментально доказал развитие всех форм кровяных элементов из одной родоначальной клетки, т.н. стволовой клетки, тем самым подтвердив правоту «унитарной» теории кроветворения. Развитию этой теории посвящены работы М.: «Лимфоцит как общая постоянная клетка различных элементов крови в эмбриональном развитии и в последующей жизни млекопитающих» (1902), «Исследования крови и соединительной ткани» (цикл работ за 1909-23), «Сообщение о клетках крови, соединительной ткани и эндотелия» (1924), «О способности развития лейкоцитов крови (и мезенхимных клетках зародыша во взрослом организме)» (1926), «О развитии негранулярных лейкоцитов крови в полибласты (макрофаги) и фибробласты...» (1927) и др.

В эксперименте М. подробно изучил кроветворение у низших позвоночных и эмриогистогенез у млекопитающих, что позволило ему глубже понять эволюционный аспект кроветворения. Ему принадлежит одно из важнейших положений о влиянии внешней среды на развитие и дифференцировку клеток крови. В эксперименте с перевязкой кровеносных сосудов почки М. показал, что из лимфоидных клеток развиваются типичные миелоциты и эритробласты. Важное значение для экспериментальной биологии имели работы М. в области усовершенствования метода тканевых культур, позволявшего наблюдать развитие живых клеток высших животных в простых экспериментальных условиях. С помощью метода культуры тканей М. в 1914-15 получил дополнительную информацию о строении и развитии элементов крови и соединительной ткани («О культивировании «ин витро» соединительной ткани взрослых млекопитающих», 1916). Метод культуры тканей позволил ему работать с культурой клеток лимфатических узлов, наблюдать развитие лейкоцитов и открыть полипотентные свойства лимфоидных клеток, являющихся источником многообразных клеточных форм крови и пр.

В 1914 вышла в свет 1-я часть учебного пособия М. «Основы гистологии (Учение о клетке)», 2-я — «Учение о тканях», была опубликована в 1915. Эта работа принесла автору огромную известность как в России, так и за ее пределами (2-е изд. Пг., 1917-18). В декабре 1920 М. был представлен академиками И.Павловым и И.Бородиным в члены-корреспонденты Российской Академии наук по физико-математическому отделению. Представление заканчивалось следующими словами: «К сожалению, в высшей степени энергичная до недавнего времени научная деятельность профессора А.А.Максимова ныне остановилась вследствие полной материальной разрухи в лаборатории». Работы самого М. и его коллег и учеников (Н.Хлопина, А.Заварзина, С.Алфеева, С.Мясоедова и др.) дали богатый фактический материал для теоретических обобщений в его большой сводной работе, опубликованной в «Руководст-

ве по микроскопической анатомии» В. фон Мелендорфа в 1927.

В феврале 1922 М. эмигрировал из России, проехав на буере через Финский залив вместе с женой и сестрой. Из Финляндии Максимовы переехали в США, в Чикаго, где М. получил должность ассистента, а затем — профессора кафедры анатомии Чикагского университета. В 1922-28 он исследовал методом культуры тканей клетки зародышей млекопитающих на ранних стадиях развития; изучал гистогенез туберкулезных бугорков на модели экспериментального туберкулеза, культуру тканей молочной железы и др. За год до смерти М. опубликовал большую сводку своих работ по соединительной ткани и крови. Скоропостижно скончался в Чикаго. Его архив находится в Чикагском университете и содержит 23 тома текста, фотоснимков, рисунков и пр. Благодаря профессору Уильяму Блюму, близкому другу семьи Максимовых, сменившего М. на его посту в Чикагском университете, было подготовлено семь посмертных изданий «Учебника по гистологии» М. в США. Четыре издания учебника вышли в Испании, одно — в Португалии и одно — в Корее.

Соч.: Development of Nongranular Leucocytes (Lymphocytes and Monocytes) into Polyblasts (Macrophages) and Fibroblasts in vitro // Proc. Soc. Exp. Biol. and Med., 1926/27, vol. 24; Cultures of Blood Leucocytes. From Lymphocyte and Monocyte to Connective Tissue // Archiv für exper. Zellforsch, 1928, bd. 5;. A Textbook of Histology. 3 ed. Philadelphia, London, 1938 (в соавт.).

Лит.: Хлопин Н.Г. Профессор А.А.Максимов (некролог) // Русс. архив анатомии, гистологии и эмбриологии, 1929, т. 8, № 1; Weldenreich F. Alexander Alexandrovitch Maximow, 1874-1928. His Work in Histology // Archiv für exper. Zellforsch., 1929, bd. 9; Maximow Alexander, 1874-1928 // Proc. Inst. Med. Chicago, 1929, № 7, March 15; Möllendorff W., von. Alexander Maximow // Klin. Wochenschr., 1929, № 8, März 5; Мирский М.Б. А.А.Максимов // Проблемы гематологии и переливания крови, 1975, т. 20, № 6.

Т.Ульянкина

МАЛАХОВ Александр Егорович (6.3.1876, д. Запакове, Усть-Паденьгской вол., Шенкурского у., Архангельской губ. — 22.9.1950, г. Мост, Устецкой обл., Чехословакия) — деятель кооперативного движения. Из крестьянской семьи. Окончил Ломоносовскую гимназию в Архангельске. Учился на естественном факультете Московского университета, откуда в 1897 (с 4-го курса) исключен за распространение нелегальной литературы и участие в студенческих волнениях; арестован и выслан домой. Основатель артельного движения в крае, председатель Союза смолокуренных артелей Важской области. Для изучения потребностей в смоляном сырье на мировом рынке выезжал в Германию (Гамбург) и Англию (Лондон); изложил результаты этой поездки в серии статей (Изв. Архангельского отд. имп. об-ва судоходства, 1903-4). За организацию в Шенкурском уезде съезда крестьянских депутатов (нояб. 1905) арестован; снова арестован в 1908 в Вельске, после чего предан анафеме в Вельском кафедральном соборе. Союз смолокуренных артелей, председателем которого был избран М., удалось легализовать в 1912-13. Союз объединял артели нескольких уездов Архангельской, Вологодской и Вятской губерний — наряду с производственными кооперативами, потребительские и сельскохозяйственные общества (всего ок. 50 тыс. чл.), имел промышленные и ремонтные предприятия, коммерческое училище.

В 1917 М. некоторое время состоял в партии социалистов-революционеров. Член Всероссийского Совета кооперативных съездов. В 1918 арестован как «враг трудового народа»; из тюрьмы в Шенкурске бежал, но Союз был распущен, его печатные органы — журнал «Важская область» и газета «Воля Севера» — закрыты. В 1919 М. — член правления кооператоров в Москве. В том же году в связи с волной преследований кооператоров перешел, чтобы избежать ареста, русско-польскую границу по подложному паспорту. В Польше был арестован как «советский шпион» и заключен в Варшавскую цитадель. После освобождения уехал в Англию, где в 1920 на средства, полученные от продажи хранившихся в Гулле товаров Важского союза, организовал в Лондоне Московский народный банк. По предложению М. были разработаны условия передачи собственности Важского союза его правопреемнику — Союзу лесопромышленных кооператоров (передача оформлена в февр. 1923).

В 1921 вместе с группой А.Керенского переехал в Прагу; по некоторым данным, входил в т.н. Русское правительство за границей в качестве министра промышленности. После Всеславянского кооперативного съезда (май 1921), учредившего Всеславянскую кооперативную палату, был избран ее директором от русской кооперации. Тогда же вошел в Совет Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. В 1924 один из организаторов Союза господарских и кредитных дружеств в Подкарпатской Руси, в 1925 руководитель Карпаторусского крестьянского союза садовладельцев. Входил в редакцию газеты «Сельский господарь» (г. Мукачево). Организовал также кооперативы в Чехии, Белграде, Боснии и Герцеговине, Македонии. Работал библиотекарем в Институте изучения России и Югос-

лавии в Белграде, сотрудничал в издававшемся институтом журнале «Русский архив», в др. белградских и загребских изданиях.

В день нападения Германии на СССР арестован гестапо, находился в заключении до 9.9.1941. Перебрался в Македонию, был крестьянином-смолокуром; помогал партизанским отрядам. По окончании войны ходатайствовал о возвращении в СССР, и 13.5.1947 в Белградском консульстве ему был выдан советский паспорт. Для ускорения процесса получения визы в октябре 1947 переехал в Чехословакию. Однако ему не суждено было вернуться на родину. Похоронен на кладбище в городе Мост.

Соч.: Русская кооперация и коммунисты. Лондон, 1921; Великая русская революция и роль в ней коммунистов. Лондон, 1921; Промысловая и кустарная кооперация в России / Крестьянская Россия. Прага, 1923; Лесная кооперация и кустарные артели в России. Белград, 1929; Социальные условия русского кооперативного движения // Рус. архив, 1929, № 7 (на серб. яз.); О развитии лесной кооперации в Югославии. Загреб, 1930 (на серб. яз.).

Ю.Дойков

МАЛЕВСКИЙ-МАЛЕВИЧ Святослав Святославович (21.2.1905, Петербург — 5.6.1973, Париж) — живописец. Отец — Святослав Андреевич — окончил Николаевское кавалерийское училище, в 1917 в чине статского советника был управляющим делами «Дворянского земельного банка» в Петрограде. Мать — Людмила Матвеевна (урожд. Дерожинская) — помещица из Бессарабской губернии. Начальное образование М.-М. получил в Тенишевском училище в Петербурге. В 1920 эвакуировался вместе с отцом из Феодосии в Югославию. В 1920-22 учился в Донском кадетском корпусе, по окончании которого поступил в Белградский университет. Позднее переехал в Париж. Учился на физико-химическом отделении Сорбонны, посещал академию Жульяр и «La grande chaumière». Тогда же двоюродный брат М.-М. — П.Малевский — познакомил его с виднейшими деятелями евразийства, в том числе с *Л.Карсавиным, Б.Вышеславцевым,* оказавшими значительное влияние на его мировоззрение.

В 1926 женился на княжне *З.Шаховской* в Париже. Вместе с женой переехал в Бельгию. Из-за безработицы в Европе, обладая только беженским «нансеновским» паспортом, вынужден был согласиться на работу в Бельгийском Конго (1927-28). Затем вернулся в Брюссель, заведовал в 1929-39 отделом научной документации в консорциуме Угре—Марье. Вместе с женой получил бельгийское гражданство. С началом 2-й мировой войны поступил добровольцем в батальон противовоздушной обороны Бельгии (1939). Не признав заключенного перемирия с Германией, выехал во Францию (Дюнкерк). В 1942 демобилизовался из армии, получил должность в бельгийском посольстве в Лондоне, с 1945 работал в бельгийском посольстве в Берне (Швейцария). В 1947 вышел в отставку, много путешествовал, занимаясь живописью: пейзаж в духе постимпрессионизма начала века, абстрактные композиции. Однако в 1956 вновь, на непродолжительное время, вернулся на службу, работал 1-м секретарем посольства Бельгии в Москве. Участвовал в подготовке и проведении ретроспективной выставки бельгийского искусства в Музее изобразительных искусств им. А.Пушкина. Продолжал заниматься живописью.

По возвращении из СССР всецело посвятил себя живописи. Увлекся творчеством Николая де Сталя. Персональные выставки М.-М. состоялись в Париже (галереи «дю Вье Коломбье», 1958, «Стибель», 1961, «Андрэ Морис», 1963); в Брюсселе (галерея «Рубенс», 1961); в Нью-Йорке (галерея «Норвал», 1961). Его работы продавались во многие галереи и частные собрания Парижа, Цюриха, Женевы, Нью-Йорка.

С 1964 М.-М. прекратил заниматься живописью; в 1973 скоропостижно скончался от сердечного приступа. Посмертная ретроспективная выставка М.-М. состоялась в 1990 в парижской галерее Басмаджяна.

Лит: Malewski. St.Peterbourg 1905 — Paris 1973 [receuil des articles]. Paris, [1976].

А.Толстой

МАЛЬКО Николай Андреевич (22.4.1883, с. Браилово, Подольской губ. — 23.6.1961, Сидней, Австралия) — дирижер, музыкальный деятель, педагог. Родители М. были большими любителями музыки: отец, уездный врач, играл на скрипке, мать — на фортепиано; в доме регулярно устраивались вечера квартетной музыки, на которых исполнялись не только камерные сочинения, но и переложения симфонических. Первые музыкальные уроки дала Коле мать, в дальнейшем обучение продолжилось на музыкальных курсах К.Лангрена в Одессе, где М. одновременно окончил гимназию. Затем он поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета (окончил в 1906) и в Петербургскую консерваторию. Занимался у Н.Римского-Корсакова, А.Лядова и А.Глазуиова, в фортепианном классе Н.Лаврова и по дирижированию — у *Н.Черепнина.*

Уже в годы учебы в консерватории М. начал активно работать в публицистике. С 1906 он регулярно печатал статьи и заметки в петербургских газетах «Речь», «Голос правды». Его интересовали самые разные вопросы общественной жизни, исторические, культурные сюжеты. Правда, со следующего года он сосредоточился на событиях музыкальной жизни и вел музыкальный отдел в газете «Речь» (псевд. «Ля-ми»).

В 1906 начались и его концертные выступления: сперва в качестве пианиста-аккомпаниатора, а с 1907 — и дирижера. Выступления М. со студенческим оркестром вызвали одобрительные отзывы: «Сдержанный, но отчетливый и властный взмах, благородство и скромность общей осанки — вот внешность Малько-дирижера. Темперамент, чувство меры и интеллигентность — его художественные качества. И при всем этом — самое ценное для артиста: явные задатки собственной личности» — писал А.Оссовский. Неудивительно, что в 1908 молодой музыкант получил приглашение провести несколько симфонических программ в летних концертах в Сестрорецке и Павловске, а с осени — стать вторым дирижером балета в Мариинском театре. Он сменил стареющего Р.Дриго. 9.5.1909 М. закончил курс консерваторского обучения. В конце жизни он написал несколько очерков, посвященных учителям и коллегам — Римскому-Корсакову, Лядову, Глазунову. «В России каждый крупный музыкант учит, — отмечал М., — и это считается нравственным долгом — надо передавать традицию».

По окончании консерватории дирекция императорских театров направила молодого дирижера в Германию к известному ученику Р.Вагнера — Феликсу Мотлю, возглавлявшему тогда Мюнхенский оперный театр. Зарубежная командировка повысила статус М.: с осени 1909 ему начали поручать и оперные спектакли. В следующем году он уже дирижировал, наравне с Э.Направником, вагнеровской оперой «Золото Рейна», а по новому контракту стал оперным дирижером. Параллельно М. начал выступать как симфонический дирижер, постепенно нарабатывая и расширяя репертуар, завоевывая признание слушателей-музыкантов. Большую роль сыграли в этом его «летние сезоны» в Москве — в Сокольниках, а в 1913-14 — в Сестрорецке. Известный критик *Л.Сабанеев* отмечал в своих рецензиях на московские концерты удачное исполнение Вагнера, «современных новаторов» — А.Скрябина и К.Дебюсси, а также русских авторов. Показательно, что приглашение в Москву исходило от такого крупного музыканта как *С.Кусевицкий*; в Сестрорецке М. заменял признанного В.Сука.

Осенью 1914 М. стал главным дирижером симфонических концертов Русского музыкального общества, а с уходом Э.Направника в начале 1915 — основным дирижером Мариинского театра. Он активно пропагандировал новую музыку: все написанное *И.Стравинским*, многие сочинения *С.Прокофьева* (два фортепианных концерта играл с ним автор), «Сказку», Симфониетту, Вторую симфонию Н.Мясковского; попрежнему много места занимала классика. М. становился известным, в рецензиях на концерты отмечались его интеллигентность и музыкальный вкус, отличная дирижерская техника и общая культура. Но возникали и конфликты, связанные с его требовательностью к оркестрантам и артистам оперы. М. не терпел расхлябанности или приблизительности в исполнении, свое мнение выражал прямо и резко.

Февральская революция вызвала «расслоение» в театре. После Октября труппа раскололась: революционную часть возглавили В.Мейерхольд, певец И.Ершов и М. Их противники устроили 8.1.1918 забастовку, сорвав спектакль. Вмешался комиссар Государственных театров А.Луначарский, организаторы забастовки были уволены. Но остальная часть труппы не простила этого М., и на выборах дирижера он оказался забаллотированным. До осени он еще работал в Петрограде, дирижировал концертами Госоркестра; пропагандировал классическую музыку среди рабочих и солдат. В зале Дома Красной армии он организовал цикл симфонической музыки русских и зарубежных композиторов, в котором вступительные лекции читал Луначарский. Летом М. работал в Павловске, где концерты проходили в здании вокзала. Осенью 1918 уехал в Витебск.

Три года, проведенные в Витебске, были наполнены напряженным артистическим трудом. В полной мере проявились также и организаторские способности энергичного М. Отношение его к революции долгое время оставалось связанным с иллюзиями либеральной интеллигенции: просвещение и культура — в самые широкие народные массы, — так понимал он «задачи дня». Позже М. вспоминал: «Первые годы после революции все масштабы были нарушены и перепутаны, и вот в Витебске, где в течение девяти веков все шло тихо и спокойно, по-провинциальному, вдруг закипела жизнь. В городе, где не было ни одной музыкальной школы, были основаны консерватория и пять музыкальных школ. В городе, где за девять веков был, кажется, один раз организован концерт оркестра, появился симфонический оркестр, который сыграл за первый сезон 22 концерта, а всего за два с половиной года — около 240 концертов». М. стал директором организованной в Витебске Народной консерватории. Все же рамки провинциального города были ему тесны.

В 1921 М. перебрался в Москву; занял пост ректора и руководителя инструментальных классов во вновь созданном Государственном институте Музыкальной драмы (1922); был также назначен главным дирижером симфонического оркестра Московской филармонии, вошел в правление Московского симфонического общества. Однако и институт, и оркестр вскоре распались. Некоторое время М. работал в Московской консерватории — руководил оркестровым классом, ставил вместе с Мейерхольдом в театре ГИТИСа оперу Даргомыжского «Каменный гость». Затем уехал в Харьков, куда его пригласили в качестве дирижера оперы и симфонического оркестра. Однако и в Харькове М. пробыл недолго, недовольный состоянием тамошней оперы. Более продуктивной была его работа в Киеве, где, кроме дирижирования, он вел класс в Музыкальном институте им. Лысенко (реорганизованная консерватория). Здесь он оставался до осени 1925, постоянно гастролируя в разных городах — Ростове-на-Дону, Витебске, Одессе, Риге и др.

Осенью 1925 М. возвратился в Ленинград. Будучи главным дирижером, а с 1927 и директором Ленинградской филармонии, он развернул широкую пропаганду музыки. М. дирижировал концертами в Домах культуры, цехах заводов, выступал сам с пояснительными лекциями и привлекал к этому Луначарского, Асафьева. Широчайший репертуар выступлений М. включал в себя классику и романтическую музыку XIX в. В историю филармонии вошел организованный им фестиваль к 100-летию со дня смерти Бетховена, в котором приняли участие выдающиеся немецкие дирижеры Отто Клемперер и Ганс Кнаппертсбуш, солисты И.Сигети и А.Шнабель. В интерпретации современной симфонической музыки М. не знал соперников. Под его управлением были сыграны сочинения Шёнберга, Мийо, Онеггера, Шрекера, Хиндемита — все, что поддерживала Ассоциация современной музыки. Особенно ревностно он играл русских современников — Скрябина, Стравинского, Мясковского, Прокофьева, был первым исполнителем Первой и Второй симфоний Шостаковича.

В эти же годы складывался педагогический курс М. Преподавая в Ленинградской консерватории (1925-28), он, в сущности, создавал теорию программы обучения, заботился о всесторонней образованности и профессиональной подготовке дирижера. Вводил в учебные планы практические дисциплины: знакомство с инструментами — их штрихами, выразительностью звука, обязательный аккомпанемент в классах вокала, духовых, знакомство с историей театра. Среди его учеников — крупнейшие фигуры советской дирижерской школы: Б.Хайкин, Л.Гинзбург, Е.Мравинский, А.Мелик-Пашаев, Н.Рабинович, Н.Мусин.

В конце 20-х М. начал выезжать на гастроли в Европу. В концертах в Вене (1928) он исполнил Пятую симфонию Мясковского. Успех был велик. Многочисленные рецензии принесли ему известность. В следующем году он совершил поездку в Чехословакию и Англию, летом — в Южную Америку (Буэнос-Айрес). С этой поездки началась «зарубежная» жизнь дирижера — на родину он приехал лишь на гастроли, после 30-летнего перерыва, в 1959. Непосредственной причиной невозвращения стал очередной конфликт в консерватории и филармонии: желание М. получить длительный отпуск с целью организации своих гастролей не встретило понимания администрации, и он был уволен. В то время как М. приглашали крупные оркестры Европы и Америки, на родине он оказался без работы, что побудило его выехать за границу.

Работая в Европе, в США, а позже в Австралии, М. активно пропагандировал музыку русских и советских композиторов. Пятые симфонии Мясковского и Шостаковича неизменно входили в его программы; в письмах к Мясковскому, Шерману он просил о присылке новинок — партитур, клавиров; в них звучит неподдельная заинтересованность и увлеченность новой русской музыкой. М. мог вполне искренне писать о себе: «По-настоящему, не на словах, распространяющий советскую музыку и укрепляющий культурные связи с заграницей...» Первое время М. «делился» между Веной и Прагой, но с 1930 работал в Копенгагене как дирижер симфонического оркестра радиоцентра; датчане считают его создателем этого оркестра. Часто бывал в Лондоне, совершал турне по Германии (до 1933), Чехословакии: много лет был связан с оркестром Пражской филармонии и Пражской Национальной оперой.

Годы 2-й мировой войны М. провел в США, куда переехал в 1940: сначала в Бостон, потом в Чикаго. Подобно *С.Рахманинову* он возглавил в Чикаго кампанию по сбору средств помощи Советскому Союзу. Только после войны он вновь начал совершать ежегодные турне по Европе, оставаясь, впрочем, постоянным дирижером в Чикаго. Правда М. возобновил контракт (с осени 1946) с Копенгагеном, работал в Лондоне: в 1947 ставил на Би-Би-Си оперу Глинки «Иван Сусанин», в 1949 совершил большое турне с Лондонским симфоническим оркестром. С Копенгагеном связи сохранялись до конца жизни дирижера. Здесь была издана его большая книга («Дирижер и его палочка». Копенгаген, 1950), обобщившая его педагогические искания.



А.Т.Аверченко



Г.В.Адамович



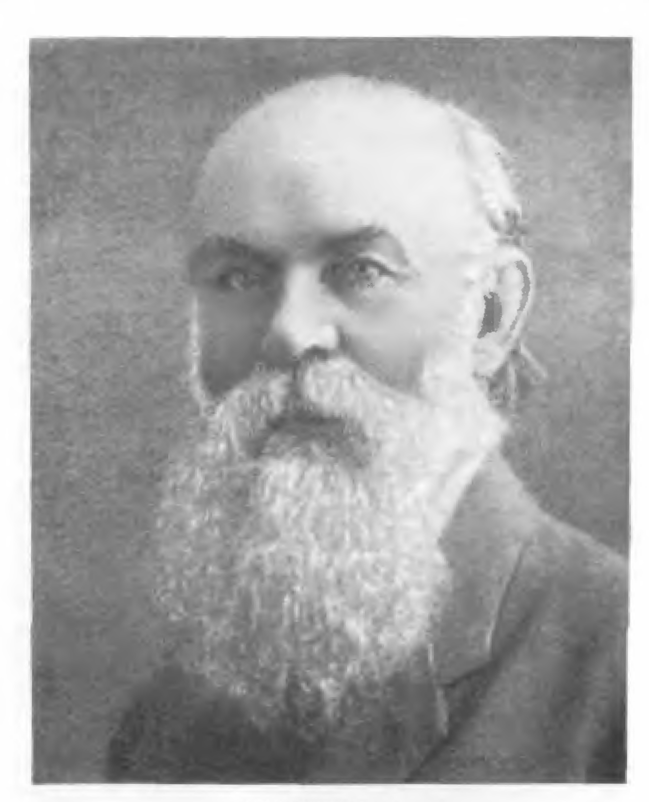
Л.Н.Андреев



А.В.Амфитеатров



Ю.И.Айхенвальд



Н.И.Андрусов



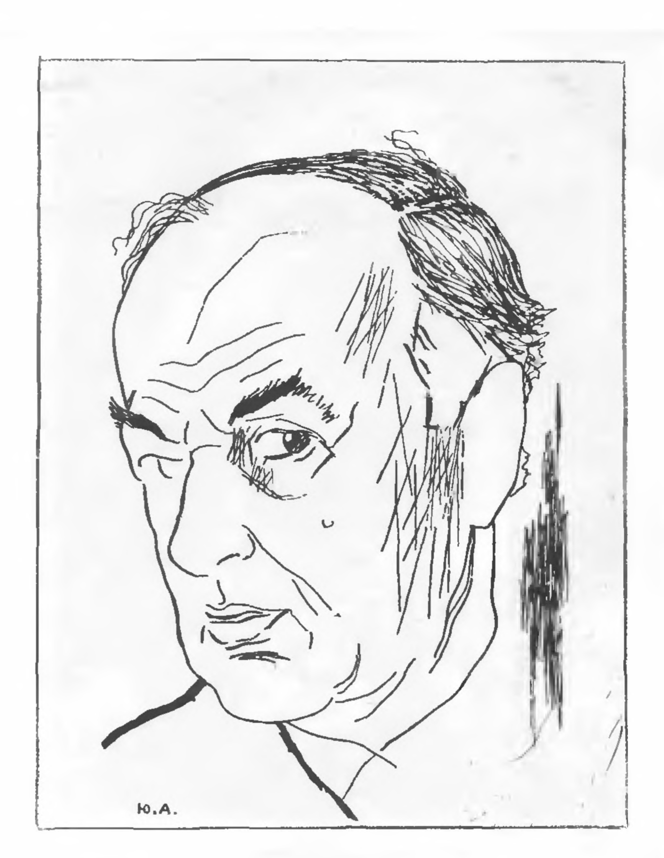
М.А.Алданов



Н.Н.Алексеев



М.П.Арцыбашев



Ю.П.Анненков. Автопортрет



Б.И.Анисфельд. Автопортрет



Антоний Храповицкий



Л.С.Ауэр (сидит) и Б.Рабинов

Г.А.Бакланов. Демон в одноименной опере А.Рубинштейна



Л.С.Бакст. Автопортрет. 1906 г.



Н.Ф.Балиев



Дж.Баланчин



В.Л.Бурцев



Н.А.Бердяев



И.Я.Билибин на фоне портрета своего прадеда Я.И.Билибина работы Д.Г.Левицкого. Начало 1910-х гг.



А.Р.Больм. Любимый раб. Балет Н.Римского-Корсакова «Шехеразада». 1935 г.



А.Д.Бубнова-Оно с сыном



В.Д.Бубнова



Н.Н.Берберова



А.Н.Бенуа



И.А.Бунин



К.Д.Бальмонт



Р.В.Болеславский



С.Н.Булгаков



С.Н.Виноградский



М.В.Вишняк



Д.Д.Бурлюк



И.А.Вышнеградский



А.А.Волков



Б.П.Вышеславцев



А.Н.Вертинский



А.А.Ванновский



Г.В.Вернадский



С.М.Волконский



Н.Габо



В.И.Горянский



Р.Б.Гуль



Н.Н.Головин



П.Н.Грабар



Н.С.Гончарова. «Автопортрет с желтыми лилиями»



З.И.Гржебин



А.И.Гучков



З.Н.Гиппиус. Портрет работы Л.С.Бакста


М.Гайсинский


В.В.Голубев


М.В.Добужинский. Портрет работы К.Сомова


В.С.Горовиц



И.А.Добровейн



А.И.Деникин



А.П.Дон-Аминадо



С.П.Дягилев. Рис. П.Пикассо



А.Д.Данилова с Ф.Франклиным. Балет А.Делиба «Коппелия»



А.Д.Данилова



К.Н.Давыдов



Б.А.Евреинов



Митрополит Евлогий



Н.Н.Евреинов

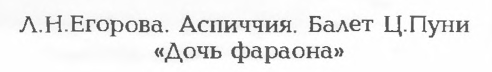


С.А.Жаров



Ф.И.Дан





Л.Н.Егорова. Аспиччия. Балет Ц.Пуни «Дочь фараона»



А.И.Зилоти



Б.К.Зайцев



Н.М.Зернов



Л.Ф.Зуров



Иоанн Шаховской



В.К.Зворыкин



Е.И.Замятин. Рис. Ю.Анненкова



В.Н.Ильин



И.А.Ильин



В.Н.Ипатьев в рабочем кабинете. Чикаго. 1950 г.


Г.В.Иванов. Рис. Ю.Анненкова


В.И.Иванов


Е.Д.Кускова


М.М.Карпович



А.А.Кизеветтер



В.Кандинский



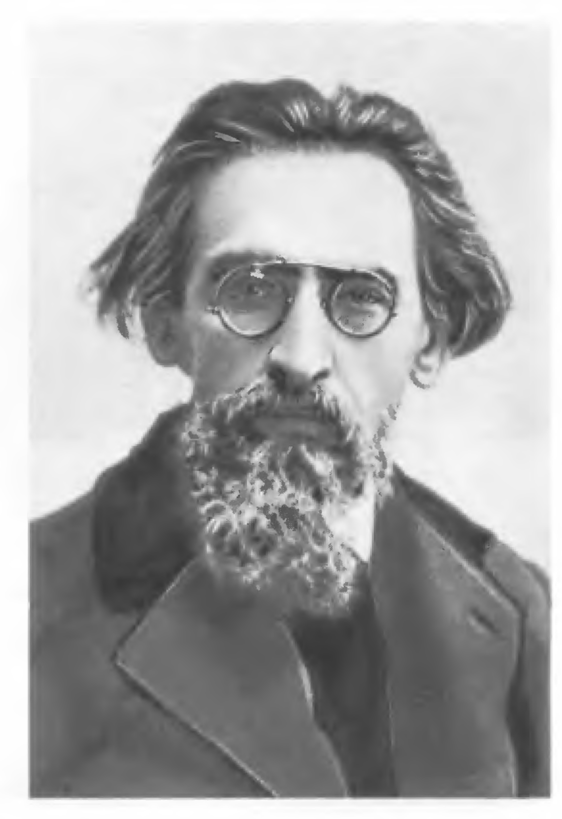
С.Т.Коненков



М.Н.Каракаш. Евгений Онегин в одноименной опере П.Чайковского



А.В.Карташев



Л.П.Карсавин



Т.П.Карсавина



Т.П.Карсавина. Жар-птица с М.М.Фокиным (Иван-царевич) в одноименном балете И.Стравинского



П.Е.Ковалевский



Ф.Ф.Комиссаржевский



К.А.Коровин



В.П.Крымов



М.Н.Кузнецова-Бенуа



Э.А.Купер



Н.П.Кошиц. Татьяна в опере П.Чайковского «Евгений Онегин»


Л.Г.Кякшт


М.М.Куренко


С.А.Кусевицкий и Б.Бриттен


С.А.Кусевицкий



Н.Г.Легат



М.Ф.Кшесинская. Лиза в балете П.Гертеля «Тщетная предосторожность»



И.С.Лукаш



А.И.Куприн



Б.Н.Лосский



В.Н.Лосский



Н.О.Лосский



Г.К.Лукомский



Л.Я.Липковская. Снегурочка в одноименной опере Н.Римского-Корсакова



С.Лифарь и А.Никитина в балете А.Соге «Кошка»



А.Лурье. Портрет работы П.Митурича. 1915 г.



П.К.Лещенко



П.Н.Милюков



В.А.Мякотин



С.К.Маковский



А.А.Максимов



Ф.А.Малявин. Автопортрет. 1930-е годы



С.С.Малевский-Малевич. Портрет работы А.Старицкой. 1935 г.



Ю.О.Мартов



И.И.Манухин и А.М.Горький



Н.О.Массалитинов. Андрей в пьесе А.П.Чехова «Три сестры»



Е.А.Ляцкий



Н.А.Малько



К.В.Мочульский


Н.М.Мильштейн


И.И.Мозжухин


Н.К.Метнер



П.П.Муратов



С.И.Метальников



Л.Г.Мунштейн



Д.С.Мережковский



М.М.Мордкин. Танец с луком и стрелами. Музыка А.Арендса



Л.Ф.Мясин. Балет П.Хиндемит «Nobilissimo visione»



Л.Ф.Мясин. Дэнди в балете Я.Вейнбергера «Саратога». 1941 г.


Б.И.Николаевский


В.В.Набоков


В.Ф.Нижинский


П.И.Новгородцев



Б.Ф.Нижинская. Уличная танцовщица в балете И.Стравинского «Петрушка»



И.В.Одоевцева



Н.А.Орлов



Н.А.Оцуп



Л.О.Пастернак



Ж.О.Пастернак



Л.О.Пастернак


Б.Ю.Поплавский


А.В.Пешехонов


А.Н.Потресов


В.А.Петрушевский



А.П.Павлова



О.И.Преображенская. Береника в балете А.Аренского «Египетские ночи»



Е.А.Полевицкая



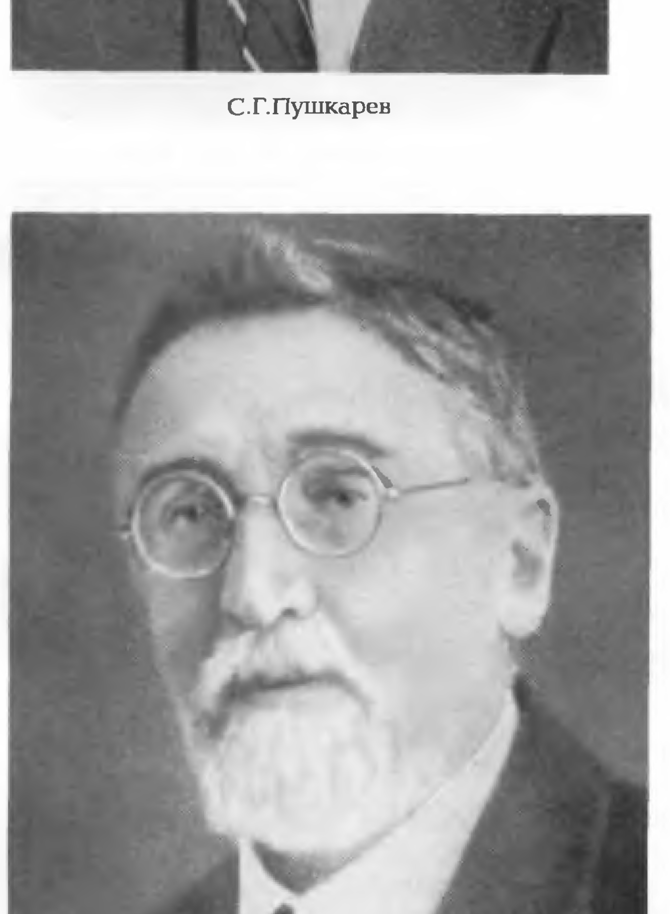
Н.В.Плевицкая



С.Г.Пушкарев



П.П.Потемкин



С.Н.Прокопович



С.П.Постников


А.Н.Прокофьев-Северский



И.А.Пуни. Рис. Ю.Анненкова


С.С.Прокофьев



Г.П.Пятигорский (слева) и Я.Хейфец (справа)



П.П.Рябушинский



В.П.Рябушинский


А.М.Ремизов


В.С.Розинг


В.В.Руднев (слева) и О.С.Минор


Н.К.Рерих


С.В.Рахманинов


М.И.Ростовцев



З.Е.Серебрякова. Автопортрет



И.Л.Рубинштейн. «Пляска Семи Покрывал» в трагедии О.Уайльда «Саломея»



И.А.Рубинский. 1912 г.



Д.П.Рябушинский



П.А.Сорокин



М.Л.Слоним



Ф.А.Степун


С.Ю.Судейкин


С.Г.Сватиков


А.В.Сахновский


И.И.Сикорский



О.А.Слободская



К.А.Сомов. Портрет работы Л.Бакста





О.А.Спесивцева. Одетта в балете П.Чайковского «Лебединое озеро»

Д.А.Смирнов. Фауст в опере Б.Бойто «Мефистофель». 1912 г.



Г.П.Струве



И.Ф.Стравинский



П.Б.Струве



Е.В.Спекторский


В.А.Трефилова


А.Н.Толстой


А.В.Тыркова-Вильямс


Б.П.Уваров


Н.С.Тимашев


А.П.Фан-дер-Флит


Н.Трубецкой



Н.А.Тэффи



М.М.Фокин



С.Л.Франк. Рис. Л.Зака


В.Ф.Ходасевич. 1931 г.


Г.П.Федотов


И.И.Фондаминский


Я.Хейфец


Г.В.Флоровский


Е.А.Цимбалист


М.И.Цветаева. 1924 г.


И.Г.Церетели



О.А.Цадкин. Рис. Ю.Анненкова





Г.О.Чечотт



Н.Н.Черепнин



Саша Черный



М.А.Чехов



Б.Ф.Шлецер



В.М.Чернов





А.Е.Чичибабин



Е.Н.Чириков



З.А.Шаховская


М.Шагал


И.С.Шмелев


С.И.Шаршун



В.И.Шухаев



Ф.И.Шаляпин



Л.И.Шестов. Портрет работы Б.Григорьева


А.А.Экстер


С.С.Юшкевич


М.Эльман



А.В.Щекатихина-Потоцкая. Париж. 1925 г.



З.Юрьевская



А.Е.Яковлев. Автопортрет

В 1957 М. переехал на постоянное место жительства в Сидней. Здесь он создал симфонический оркестр, стал, по мнению австралийцев, основоположником австралийской симфонической школы. Благодаря его энергии на пятом континенте побывали и выдающиеся советские артисты: Д.Ойстрах, М.Ростропович, Г.Вишневская, Л.Коган. Он по-прежнему исполнял советских авторов — Прокофьева, Мясковского, Шостаковича, Хачатуряна, Шебалина, Кабалевского. В 1959 выступил с концертами в Союзе — Москве, Ленинграде, Киеве. Память о М. сохраняют и Дания, и Австралия. В Сиднее стоит памятник ему, в Копенгагене раз в четыре года проводятся международные конкурсы молодых дирижеров его имени.

Соч.: Воспоминания. Статьи. Письма. Л., 1972.

Лит.: Рахманинов-дирижер / Воспоминания о Рахманинове, т.2. М., 1957 (2-е изд. 1961); После гастролей // Сов. музыка, 1959, № 6; Основы техники дирижирования. М.-Л., 1965.

Д.Дараган

МАЛЯВИН Филипп Андреевич (10.10.1869, с. Казанка, Самарской губ. — 23.12.1940, Ницца, Франция) — живописец, график. Из крестьян. С детства проявлял яркие способности к рисованию. Первое представление об изобразительном искусстве получил по иконам, попадавшим в родное село из Греции, с Афона. Эти впечатления были столь сильны, что в 16 лет М. отправился на Афон и принял там монашество. В 1885-91 изучал иконопись в мастерских при монастыре Св.Пантелеймона в Агиос-Оросе (Афон). Профессор Академии художеств В.Беклемишев, посетивший Афон в 1891, оценил работы М. и помог ему перебраться в Петербург (1892).

В Петербурге М. поступил в Академию художеств, занимался в мастерской И.Репина (с 1894). Представил на конкурс картину «Смех». Отвергнутая Советом Академии, только благодаря вмешательству Репина принятая как диплом, она дала М. звание художника. Работал над портретами художников-современников. Участвовал в выставках «Мира искусства» (1899-1903, 1906). В 1900 картина «Смех» была удостоена золотой медали на Всемирной выставке в Париже, а в следующем году приобретена на Венецианской биеннале Венецианским музеем современного искусства. В это время художник продолжал работать над экспрессивными композициями с изображением крестьян. С 1903 — член Союза русских художников (выставлялся в 1903, 1905-7, 1910-12, 1916-17). В 1906 участвовал в ретроспективной выставке русского искусства на парижском Осеннем салоне и в берлинском Салоне Шультэ. Был избран академиком живописи. Писал заказные салонные портреты. Выставлялся на Венецианской биеннале (1907), международной выставке в Риме (1911).

В 1919-20 жил в Рязани. Работал в местном комиссариате просвещения, участвовал в создании городской картинной галереи и студии живописи, преподавал в местных Свободных художественных мастерских. Провел свою персональную выставку (1919). В 1920 приехал в Москву; на Всероссийской конференции являлся делегатом от Союза русских художников. Рисовал с натуры В.Ленина и А.Луначарского в Кремле. Участвовал в выставках «Мира искусства» и Ассоциации художников революционной России (АХРР) (1921-22).

В 1922 уехал из России, обосновался в Париже; позже перебрался в Ниццу. Рисовал карикатуры на советских лидеров. Выставлялся в Осеннем салоне (1923, 1924) и в Салоне Независимых (1924). Персональная выставка его работ прошла в парижской галерее Шарпантье (1924). В 20-30-е продолжал писать и рисовать типы русских крестьянок, много времени отдавал портрету. Участвовал в Международных выставках в Питсбурге (1925, 1927); Венеции (1926, 1927); Выставках русского искусства в Брюсселе (1928); Праге (1928, 1935); Филадельфии (1932). Его персональные выставки были организованы в Праге и Белграде (1933), Ницце (1934, 1937), Лондоне и Стокгольме (1935).

Во время немецкого наступления (1940) находился в Бельгии, попал в немецкий плен и подозревался в шпионаже. Доказав, что является всего лишь художником, был отпущен и пешком добирался до Ниццы. Умер вскоре после возвращения домой. Похоронен на городском кладбище Ниццы.

Лит.: Ф.А.Малявин. Авт.-сост. Н.Александрова. М., 1966; Живова О.А. Филипп Андреевич Малявин. Жизнь и творчество. 1869-1940. М., 1967; Булгаков В.Ф. Встречи с художниками. Л., 1969.

А.Толстой

МАМУЛЯН Рубен Захариевич (8.10.1897, Тифлис — 6.12.1987, Вудленд-Хилл, шт. Калифорния, США) — режисер театра и кино. Родился в семье банкира Захария М., мать — Вирджиния Калантарян, продюссер и актриса Армянского театра в Тифлисе. С 6 до 10 лет учился в лицее Монтэн в Париже, где его товарищем по классу был Рене Шометт, более известный в будущем как режиссер Рене Клер. По возвращению на родину закончил с золотой медалью русскую гимназию в Тифли-

се и два года проучился на юридическом факультете Московского университета. Однако увлечение театром привело его в студию Е.Вахтангова, где он изучал основы театрального мастерства. В 1919 М. выехал в Лондон навестить сестру, вышедшую замуж за англичанина. Здесь ему предложили поработать в старейшем столичном «St.-James Theatre»: вначале в качестве ассистента режиссера, затем доверили самостоятельную постановку пьесы «Стук в дверь» («The Beating on the Door», премьера состоялась 6.11.1922). Работа молодого дебютанта привлекла внимание известного французского театрального деятеля Жана Эберто, который пригласил М. в Театр на Елисейских полях. Чуть позже первые шаги М. в области режиссуры заинтересовали американского антрепренера Джорджа Истмэна. Тот предложил начинающему постановщику переехать в Америку и помочь в организации оперной студии в городе Рочестер (шт. Нью-Йорк). В 1922, не имея еще каких-либо определенных планов на будущее, М. уехал в Соединенные Штаты.

Его первая постановка в «Eastman-Theatre» — «Симфония шумов», о неграх американского Юга — была выдержана в сугубо реалистической манере и испытывала заметное влияние школы Московского Художественного театра и системы Станиславского. Однако уже в следующих своих работах М., пытаясь нащупать собственный путь, отступил от жесткого сценического натурализма и обратился к более стилизованным формам. Свой творческий почерк М. определил как «поэтический реализм» и стремился следовать ему все последующие годы работы в театре и в кино. Первый настоящий успех пришел к М. с постановкой «Порги». Соединив ритмически стилизованные негритянские песни и танцы с диалогом, он создал великолепный поэтический, уникальный по своему жанру, музыкально-драматический спектакль. Премьера состоялась на Бродвее 10.10.1927. Прием, оказанный публикой и критикой, превзошел все ожидания и подтвердил правильность избранного пути. Стилизация, соединенная с психологической правдой, имела бóльшее воздействие, чем обычный натурализм. По отзывам Мориса Равеля, это «была лучшая опера, которую я когда-либо видел». Акцент французского композитора на слове «опера» оказался провидческим, т.к. на основе этого спектакля появилась первая национальная американская опера — «Порги и Бесс» (на муз. Дж.Гершвина), которую М. поставил в 1935. С 1922 до конца 30-х М. был режиссером и продюссером почти трех десятков постановок на самых разных сценах Америки, в том числе и знаменитой «Metropolitan Opera». Среди них — оперетты, музыкальные спектакли, оперы классического репертуара: «Риголетто», «Фауст», «Кармен», «Тангейзер», «Борис Годунов» и мн. др.

В 1943 еще одна театральная работа принесла М. всемирное признание — музыкальная драма «Оклахома» («Oklahoma!»), 12 лет не сходившая с театральных подмостков в США (премьера в Нью-Йорке в марте 1943) и 7 лет — в Англии (премьера 30.4.1947, театр «Dryry Lane»). В 40-50-е этот спектакль в постановке М. триумфально прошел на сценах Парижа, Милана, Неаполя и Венеции. От него берет свое начало весь музыкальный театр Америки; он послужил предтечей знаменитых киномюзиклов, ставших гордостью и символом американского кинематографа.

Отличительной чертой М. как художника является его неуемность, вечный поиск, экспериментаторство, риск в работе, отказ от удачно найденных решений во имя новизны. Он всегда стремился к разнообразию в своем творчестве и не удивительно поэтому, что после триумфа «Порги» с готовностью принял предложение студии «Paramount» поработать в кино, причем в течение двух лет всего лишь ассистентом режиссера. Этот абсолютно незнакомый М. вид искусства захватил его целиком. Саму технику кинопроизводства М. освоил всего за 5 недель, а во всем остальном полагался только на собственную интуицию и воображение художника. Поиск чисто кинематографических средств выразительности и отказ от театрального способа повествования — вот те задачи, которые он ставил перед собой, приступая к съемкам своего первого фильма «Аплодисменты» («Applause», 1929), рассказывающего о жизни актерской театральной среды. Уже в этой работе отчетливо проявилась страсть М. к новаторству. Использованные им нетрадиционные приемы передвижения камеры позволили впервые ввести в кино длинные планы, а применение двойной экспозиции — разделить экран на две части. Однако наиболее интересные эксперименты М. осуществил в области звукозаписи. Предвидя ее потенциальные возможности, он не хотел использовать звук как простую имитацию жизни. Добиваясь образно-звукового единства, М. первым ввел одновременную запись музыки, пения и монолога на двух звуковых дорожках. Внеся исправления и микшируя звук, М. переносил его на одну ленту, сохраняя при этом слышимость всего записанного материала. Кинематографический дебют М. не остался незамеченным. Фильм «Аплодисменты» вошел в число лучших произведений мирового кинематографа.

Работу со звуком М. продолжил в своей следующей картине — «Городские улицы» («City Streets», 1931). Здесь зритель впервые

услышал закадровый голос, что было не только очередной технической новинкой, но одновременно и режиссерским приемом, усиливавшим драматический эффект сцены. Этот фильм служил примером характерного для творческой манеры М. смешения жанров (М. называл себя «эклектиком»). По внешней сюжетной канве лента, безусловно, относится к числу боевиков, однако ее лирико-поэтическая атмосфера, особый язык повествования, романтический характер героев (в гл. ролях Гарри Купер и Сильвия Сидней) раздвигали привычные рамки гангстерского фильма. Ярко выраженная индивидуальность, экспериментаторство молодого режиссера выдвинули картину в число наиболее значительных лент мирового экрана.

1932 оказался удивительно плодотворным для М.: одновременно вышли две его работы. Первая — мюзикл «Люби меня сегодня вечером» («Love me Tonight») — легкая, веселая, искрящаяся юмором комедия, где музыка впервые становилась частью действия (в гл. ролях Морис Шевалье и Джанет Макдональд), сразу завоевала признание и популярность. Второй фильм — экранизация знаменитого романа Р.Л.Стивенсона «Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда», признанная лучшей из 10 киноверсий этого произведения. Фильм под названием «Доктор Джекиль и мистер Хайд» («Dr. Jekyall and Mr. Hyde») завораживал зрителя с первых же кадров, погружая его в атмосферу таинственности и мистического ужаса. Особенно сильное эмоциональное воздействие оказывала сцена превращения доктора Джекиля в чудовищного мистера Хайда. Не прибегая к комбинированным съемкам, М. проделывал этот трюк столь виртуозно, что секрет его не раскрыт до сих пор, а мастерские приемы монтажа и поныне служат материалом для учебных пособий. В поисках новых выразительным средств режиссер находил порой весьма неординарные решения, иногда в прямом смысле слова «вкладывал себя целиком» в работу. Добиваясь необычного звукового оформления для этого фильма, он скомбинировал звуки очень низких и высоких частот на одной пленке, прокрученной в обратную сторону. Этой фантастической музыке М. придал ритм учащенного биения собственного сердца, записанного на фонограмму. Заслугой М. был весьма удачный выбор исполнителя главной роли: Фредерик Марч, практически не имевший никакого опыта работы в кино, получил за эту двойную роль сразу два приза — американского «Оскара» и приз Международного кинофестиваля (МКФ) в Венеции.

Вместе с тем М. пришлось пережить и разочарования. Известный американский продюссер Самюэль Голдвин доверил ему съемки очередной киноверсии романа Л.Толстого «Воскресение», оригинальное название фильма — «Мы живем вновь» («We Live Again», 1934). Пригласив на роль Катюши Масловой актрису из России Анну Стэн, для оформления фильма — художника *С.Судейкина*, а в качестве консультанта — сына писателя Илью Толстого, М. задумал создать своего рода «киносимфонию на русскую тему». В коммерческом отношении фильм потерпел провал. Однако следует признать, что, с точки зрения режиссуры, картина, безусловно, не свободная от голливудских штампов, в целом была сделана довольно добротно, с большим уважением к литературному источнику и к русской культуре.

В 1935 М. поставил «Бекки Шарп» («Becky Sharp») — экранизацию романа У.Теккерея «Ярмарка тщеславия». Это был первый фильм, снятый на цветной пленке «Техниколор». Как подлинный художник-экспериментатор М. искал в цвете новые возможности, используя его не только в плане декоративности, но и для драматургического решения. В зависимости от характера происходящего тона на экране становились то теплее, то холоднее. С наибольшим мастерством этот прием был применен в сцене бала накануне битвы при Ватерлоо. Драматическая кульминация достигалась исключительно сменой цветовой гаммы, которая варьировалась от кадра к кадру и заканчивалась преобладанием красного цвета, более всего соответствующего напряженности момента. Несмотря на огромный успех и всемирное признание его новой работы, М. как обычно желал большего. Он стремился к цветовому соответствию человеческих эмоций и хотел, чтобы цвет стал не только драматургическим, но и психологическим компонентом фильма. С точки зрения самого режиссера, в наибольшей степени ему удалось этого достичь в экранизации романа испанского писателя Бласко Ибаньеса «Кровь и песок» («Blood and Sand», 1941).

М. работал в разных жанрах — мьюзиклы, мелодрамы, криминальные и приключенческие фильмы, музыкальные комедии, но даже те его картины, которые принято относить к разряду коммерческих, отличали вкус и изящество режиссерского почерка, удивительная гармония и завершенность. Путем технического новаторства М. стремился, по его словам, сделать любую постановку «столь предметно-осязаемой, чтобы сам зритель почувствовал себя режиссером и тем самым преодолел существующий между ним и экраном барьер». В своем творчестве он всегда придерживался принципа: «Нельзя создать произведение искусства без критического отношения, хорошего вкуса и твердой веры в то, что конечная цель художника — внести свой вклад в понятие важности

жизни и благородства человека. Не искусство для искусства, а искусство для жизни». За время своей работы в кино М. открыл немало новых имен. Тонко чувствуя природу актерской игры, глубоко проникая в психологию людей, он умело использовал особенности дарования артистов. Сильвия Сидней («Городские улицы»), Мириам Хопкинс («Доктор Джекиль и мистер Хайд»), Мирна Лой («Люби меня сегодня вечером»), Ида Люпино и Уильям Холдем («Золотой мальчик»), Рита Хейворт («Кровь и песок») получили свой «звездный» билет из рук М. Не только начинающие актеры, но и ведущие мастера экрана создавали в его фильмах свои лучшие персонажи. Роль королевы Кристины в одноименной картине М. («Queen Christine», 1934) вошла в число наиболее удачных работ великолепной Греты Гарбо. Доверяясь ее актерской интуиции, М. с помощью крупных планов, длительных пауз в кадре, еще в большей степени усилил в образе героини те ощущения таинственности, загадочности, недоговоренности, которые всегда были неотъемлемой чертой самой исполнительницы. Многие кумиры американского и мирового экрана с успехом играли в его фильмах: Гарри Купер, Марлен Дитрих («Песнь песней» — «The Song of Songs», 1933), *Алла Назимова*, Тайрон Пауэр («Кровь и песок» и «Знак Зорро» — «The Mark of Zorro», 1940), Энтони Куин, Генри Фонда («Кольца на ее пальцах» — «Rings of Her Fingers», 1942), Фред Астор, Сид Чарисс («Шелковые чулки» — «Silk Stockings», 1957).

Бескомпромиссность художника, не пожелавшего поступаться своими творческими принципами, привела к тому, что в 1958 М. отстранили от экранизации оперы «Порги и Бесс», а в 1961 он сам отказался от работы над историческим «суперколоссом» «Клеопатра». После этого М. окончательно ушел из кинематографа и сосредоточился на театральных постановках, работая не только в музыкальном, но и в драматическом жанре. Среди его многочисленных театральных работ (он был режиссером-постановщиком более 60 спектаклей) одна заслуживает особого внимания: в 1966 на сцене университета штата Кентукки М. поставил «Гамлета» в своей версии перевода на современный английский язык.

Творческая биография М. сложилась счастливо. Начиная с 20-х, когда он только делал первые шаги на театральных подмостках, его талантливые, новаторские работы сразу попали в поле зрения профессионалов, а многогранная, плодотворная, полная поисков, экспериментов долгая жизнь в искусстве была неоднократно оценена самой взыскательной критикой. Четыре фильма М. — «Аплодисменты», «Городские улицы», «Королева Кристина», «Бекки Шарп» — попали в число лучших фильмов мирового кинематографа соответственно за 1929, 1931, 1934, 1935. Кроме того, М. были присуждены: в 1935 диплом Американского университета кино за достижения в области киносъемок; в 1936 приз Нью-Йоркской кинокритики за лучшую режиссуру фильма «Веселый бандит» («The Gay Desperado»); в 1940 особый приз МКФ в Венеции за лучший цветной фильм «Кровь и песок»; в 1945 премия Дональдса за лучшую режиссуру спектакля «Карусель» («Carousel»); в 1955 премия Туринского фестиваля технического прогресса за оригинальное использование цветовой гаммы в фильме «Бекки Шарп»; в том же году почетные знаки городов Парижа и Версаля за спектакль «Оклахома»; в 1963 и 1966 призы университетов Южной Калифорнии и Трансильвании; в 1973 Серебряная медаль Французской синематеки. В знак признания выдающегося вклада М. в киноискусство неоднократно были организованы ретроспективные показы его фильмов: в Галерее современного искусства в Нью-Йорке (1969); в начале 70-х — в Американском институте кино в Калифорнии, в Национальной галерее в Вашингтоне, в Метрополитен-музее в Нью-Йорке, в Монреальском университете, на кинофестивале в Сан-Себастьяне и во Французской синематеке; в 1972 в Калифорнии был организован фестиваль его музыкальных фильмов «Musical Mamoulian». М. часто выступал с лекциями в различных учебных заведениях и киношколах США. За свою активную творческую жизнь он неоднократно получал всевозможные почетные звания. Так, в 1935 его сделали почетным капитаном полиции Мехико-Сити и вручили Золотой ключ города Сан-Франциско; в 1943 он стал почетным гражданином штата Оклахома; в 1955 — получил почетное гражданство от итальянского правительства за фильм «Бекки Шарп», а в 1967 — от администрации города Нью-Йорка за выдающиеся заслуги в области киноискусства. М. присутствовал и председательствовал на многих престижных кинофестивалях, проводившихся на всех континентах земного шара. В 70-х он дважды был почетным гостем Московских МКФ; всегда проявлял большой интерес к достижениям российского кинематографа.

М. был автором ряда статей, опубликованных в различных сборниках, а также книг: «Abigayil» (1964), «Contributed to Scoundrels and Scalawags» (1968), «Ararat» (1969), «Style is the Man» (1971) и др.

Лит.: Milne Tom. Rouben Mamoulian. London, 1969; Horgan P. Rouben Mamoulian. The Start of a Carier // Films in Review, 1973, Aug.-Sept.

Т.Гиоева

МАНУХИН Иван Иванович (19.1.1882, г. Кашин, Тверской губ. — 1958, Париж) — врач-терапевт, ученый-иммунолог, радиобиолог. В 1906 окончил Военно-медицинскую академию (ВМА) в Петербурге, получив диплом лекаря. Будучи студентом, серьезно занимался экспериментальными исследованиями в области иммунологии под руководством профессора С.Боткина. Увлекшись боткинским открытием лейкоцитолиза как реакции иммунной защиты в организме высших животных и человека, М. собрал исчерпывающий материал по биохимии и физиологии белых клеток крови, количественным изменениям их отдельных фракций при разного типа инфекциях. Модифицировав ряд методик, он подробно изучил явление лейкоцитолиза на животных и человеке и обосновал его высокое прогностическое и диагностическое значение. М. предложил новый иммунологический метод лечения фибринозного воспаления легких — т.н. лейкоцитотерапию, суть которой состояла в подкожном впрыскивании вытяжек из лейкоцитов, взятых из крови самого больного (статья «О лейкоцитотерапии при фибринозном воспалении легких», 1910). Лечебный эффект метода, по М., заключался в распаде лейкоцитов и освобождении в кровь бактериолизинов, антитоксинов и прочих антител, специфически нейтрализующих возбудитель (пневмококк) и его токсин, а также протеолитических ферментов, помогающих рассасыванию воспалительного инфильтрата в легких. Все эти данные М. изложил в диссертации, изданной отдельной книгой («О лейкоцитолизе». СПб., 1911). В 1912 работа была представлена ВМА к премии им. Ахматова, рецензентом ее был академик И.Павлов.

После смерти С.Боткина в 1910 и появления на кафедре терапии ВМА его давнего противника — профессора Н.Чистовича, М., питавший к последнему личную неприязнь, покинул кафедру и уехал с женой, Т.Манухиной, в Париж. Для увлеченного проблемами иммунологии М. знакомство с Парижем началось с визита в Институт Пастера и встречи с И.Мечниковым, сотрудничество с которым продолжалось в течение двух с половиной лет. Во французских научных журналах появился ряд публикаций М. Сотрудничая с профессором Анри Вокезом в Парижском университете, М. пришел к мысли о возможности усиления иммунной защиты путем слабого рентгеновского облучения селезенки. Вначале он проверил безопасность этого метода на себе самом и коллеге из России, работавшем в Парижском университете. Затем по совету Мечникова стал проводить эксперименты на животных, зараженных туберкулезом. При этом он получил обнадеживающие результаты полного выздоровления животных при облучении рентгеновскими лучами. Данные парижских экспериментов были описаны в журнале «Русский врач» за 1916.

В 1913 из-за болезни жены (легочной формой туберкулеза) М. решил не возвращаться в Россию, а переждать зиму на юге Италии; начал применять разработанный им метод для лечения М.Горького, у которого в тот период произошло обострение болезни. Быстрота и эффективность радиобиологического метода при лечении легочного туберкулеза удивили многих, в том числе и самого М.: уже через три недели после начала облучения у М.Горького и Т.Манухиной исчезли многие тревожные симптомы болезни. Лечение писателя на два с лишним месяца соединило под одним кровом две семьи: Горького и М. Они жили вместе на Капри, в Сорренто, Неаполе. Их теплые и доверительные отношения переросли в дружбу, сыгравшую большую роль в личной судьбе ученого и врача. Горький, в свою очередь, выступил в защиту метода М., который некоторые врачи считали шарлатанским.

Вернувшись в Россию, М. с большим оптимизмом встретил Февральскую революцию. Важным проектом, захватившим его, стало создание «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук», в состав оргкомитета которой в марте 1917 вошли ученые самых разных специальностей: академики *И.Бунин*, В.Вернадский, И.Бородин, И.Павлов, А.Крылов, профессора *С.Метальников*, В.Омелянский, Д.Заболотный, А.Догель, Н.Кравков и др. М. был избран секретарем оргкомитета. Ассоциация ставила своей целью содействовать развитию и совершенствованию точных наук, популяризировать научные знания в широких народных массах, помогать практическому внедрению открытий и изобретений, способствовать созданию сети научно-исследовательских институтов. Именно последней теме и был посвящен доклад М. на открытии Ассоциации 9.4.1917 в Михайловском дворце («Исследовательские институты и научное творчество»). Тогда же, весной 1917, М. дал согласие Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства работать врачом Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, где после февральских событий содержались в заключении бывшие члены царского правительства и сотрудники различных департаментов. Благодаря активности М. в октябре 1917 все т.н. старорежимники под тем или иным предлогом были вывезены из Трубецкого бастиона. Позднее, после прихода к власти большевиков, сотрудники Политического Красного Креста уговорили М. продолжить свою деятельность в Петропавловской крепости. Своих подопечных под предлогом их сла-

бого здоровья он переводил в другие тюремные больницы (чаще всего в «Кресты») или в частные лечебницы, оттуда было легче выйти на свободу. Некоторым из его пациентов (А.Вырубовой, Е.Сухомлиновой) удалось бежать за границу. М. дал свыше 20 поручительств, необходимых для освобождения заключенных из крепости. Благодаря М., уговорившему М.Горького ходатайствовать перед Лениным, удалось освободить из Петропавловской крепости, а затем переправить через границу великого князя, президента Академии художеств России Гавриила Константиновича Романова и жену великого князя Михаила Александровича — Н.Брасову.

Жизнь семьи Манухиных в годы гражданской войны была тягостной. Их квартира попала под «уплотнение», и новым жильцам выдали ордер на манухинский рентгеновский кабинет. Тогда М. попробовал вернуться в науку. Известный ученый Д.Заболотный, руководивший в те годы эпидемиологическим отделом Института экспериментальной медицины (ИЭМ), охотно отозвался на просьбу ученого и предоставил ему место своего помощника. Одной из тем исследований М. выбрал поиск возбудителя особо опасного инфекционного заболевания — «испанки», от которого осенью 1918 чуть не погибла его жена; он участвовал также и в др. научных программах Института. Из-за разрухи транспорт в 1919 практически не работал, и ученому приходилось часто добираться до Института пешком в «дальнюю даль» Каменноостровского проспекта, где расположен ИЭМ. Иногда М. оставался ночевать в лаборатории и спал на лабораторном столе.

24.12.1919 ближайшие друзья М. — *З.Гиппиус* и *Д.Мережковский* — бежали из Петрограда. Вскоре и Манухины приняли решение уехать из России. Весной 1920 во время очередного сеанса рентгеновского облучения Горький согласился помочь с отъездом. Сохранилась переписка Горького с Лениным о необходимости командирования М. во Францию, в Институт Пастера. В письме от 21.11.1920 Горький уже с нескрываемым раздражением на волокиту с выездной визой для М. обратился к Ленину: «До сего дня д-р Манухин, командировка которого в Институт Пастера разрешена еще в сентябре, не может выехать, ибо особый отдел ВЧК не дал визы. Нужно аннулировать командировку, чтоб Манухин мог приняться за работу в России, или же отпустить его. А.Пешков».

О жизни М. в Париже имеются весьма неполные и противоречивые сведения. С 1924 по 1948 им было опубликовано несколько статей во французских научных журналах, посвященных анализу некоторых дискуссионных вопросов иммунологии, радиобиологии, рассмотрению учения о внутренней секреции. В письме К.Федину от 29.3.1932 Горький писал: «Манухина я потерял из вида. Знаю, что он все еще в Париже, но в Институте Пастера — не работает... Его метод лечения туберкулеза освещением селезенки рентгеном, видимо, не привился, хотя в Сан-Блазиене Бакмейстер освещал мне рентгеном, но не селезенку, а легкое; Манухина — жаль, человек — талантливый, и лечение его давало отличные результаты. Если б не он, я уже 19 лет имел бы чин покойника, а благодаря ему состою в живых». Справочник «Русские во Франции», изданный в Париже в 1937, приводит имя М. в списке врачей, являвшихся членами Общества русских врачей им. Мечникова в Париже, указывая в графе «специальность» — «внутренние болезни и туберкулез». В трех номерах «Нового журнала» (за 1958, 1963, 1967) были опубликованы воспоминания М., которые касались его жизни в России.

Его жена была известна в эмигрантских кругах своими литературными эссе («Друг человечества», 1938; «Замятин Е.И.»,1939; «Монахиня Мария», 1955; «Светлой памяти митрополита Евлогия», 1960 и др.), критическими заметками, романом «Отечество» (1933). Публиковалась под псевдонимом Т.Таманин. Литературные наклонности Т.Манухиной горячо поддерживались Гиппиус.

Лит.: Княгиня Антонина. Как был спасен князь Гавриил Константинович: Воспоминания // Илл. Россия, 1934, № 35-39; Гиппиус З.Н. Живые лица. Стихи. Дневники. Воспоминания, т. 1-2. Тбилиси, 1991; Ульянкина Т.И. Этот неизвестный известный Иван Манухин / Вопр. истории естествознания и техники. М., 1993.

Т.Ульянкина

МАРКЕВИЧ Игорь Борисович (27.7.1912, Киев — 3.3.1983, Антиб, Франция) — дирижер, пианист. Его предки имели глубокие связи с русской национальной культурой. Прадед по отцовской линии, Николай Андреевич М. — известный украинский историк и этнограф, автор пятитомного труда «История Малороссии»; был связан дружбой с Глинкой и даже помог ему при сочинении «Руслана и Людмилы» (дописал часть стихов для Баллады Финна); будучи музыкантом-любителем, создал одно из первых вокальных произведений на слова Шевченко, изданных при жизни поэта («Сирота»); известны также его политические связи с декабристами Рылеевым, Бестужевым, Пестелем и Граббе. Дед М., Андрей Николаевич М. — блестящий виолончелист, участник многочисленных кон-

цертов, где он выступал вместе с А.Рубинштейном, Н.Римским-Корсаковым, А.Лядовым, А.Глазуновым; один из учредителей Петербургской консерватории, член-учредитель Русского Музыкального общества в Петербурге, при его активном участии создано 20 отделений общества по всей стране. Дед по материнской линии, Иван Павлович Похитонов — участник русско-турецкой войны, друг И.Мечникова и Л.Толстого, был известным русским художником.

В раннем детстве, незадолго до начала 1-й мировой войны, М. был увезен родителями в Париж, а затем в Швейцарию. Отъезд семьи был связан с болезнью отца (туберкулез). Детство М. прошло в Швейцарии, в Вене, где он посещал школу, изучал иностранные языки (впоследствии он владел шестью языками), обучался, под руководством отца, игре на фортепиано. Когда Игорю было 10 лет, отец умер, оставив семью (мать и троих детей) в трудном материальном положении, однако М. продолжал заниматься музыкой. Его первые музыкальные впечатления были связаны с творчеством А.Онеггера, поразившим его своей смелостью. Уже тогда М. начал сочинять небольшие музыкальные произведения. В 12-летнем возрасте он написал пьесу для фортепиано «Свадьба». Одна из приятельниц матери была знакома с А.Корто, и по ее настоянию знаменитый французский пианист и дирижер прослушал пьесу М. Корто убедил отвезти мальчика в Париж для получения серьезного музыкального образования, он также предоставил М. бесплатный пансион в Парижской музыкальной школе; позаботился об издании «Свадьбы» (1925). Занимаясь в школе, М. одновременно сам давал уроки музыки и делал платные инструментовки чужих произведений. Он стал хорошим пианистом и первым в своем выпуске окончил школу в классе Корто, но впоследствии дирижирование поглотило все его время. М. считал, что для пианиста и дирижера нужны разные навыки и оба вида деятельности трудно совместимы. Теоретическими предметами и композицией будущий композитор занимался с Надей Буланже и Полем Дюка. Позднее он брал также уроки у Риети (оркестровка). Надя Буланже — талантливый преподаватель, требовала от учеников четкости и ясности композиций, стройности их архитектоники, что в дальнейшем сказалось как в композиторской, так и в дирижерской деятельности М. «Мои первые симфонические сочинения, написанные в возрасте 15-16 лет, создавались под несомненным влиянием композиторов, «открытых» благодаря Наде Буланже», — вспоминал М.

В 1928 М. заключил контракт с *С.Дягилевым*, обратившим внимание на талантливого, подающего надежды композитора. По контракту М. сочинил концерт для фортепиано с оркестром и стал работать над созданием балета на сюжет сказки Андерсена «Новый наряд короля». Хореографию должен был осуществить *С.Лифарь*, а декорации — Пабло Пикассо. Вместе с Дягилевым молодой композитор приехал в Лондон, где в июле 1929 успешно исполнял свой концерт в «Covent Garden» под управлением Роже Дезомьера. Концерт прозвучал в виде интермедии между двумя балетными представлениями. Через два месяца Дягилев умер, и балет не увидел сцены.

В 1932 в Лондоне началась дирижерская деятельность М. В 1933 на концерте, где М. дирижировал одним из своих произведений («Гимн»), присутствовал Герман Шерхен — немецкий дирижер и педагог, разработавший свою научную систему дирижирования, ориентированную на независимость рук дирижера и уточнение функций каждой руки. Шерхен предложил М. обучать его технике дирижирования. В течение двух лет они вместе репетировали, ездили с выступлениями по разным городам Европы. Кроме Шерхена, М. испытал благотворное влияние трех крупнейших дирижеров своего времени: Артуро Тосканини с его бурной энергией, Вильгельма Фуртвенглера, обладавшего необыкновенным чувством стиля, и Бруно Вальтера — крупнейшего интерпретатора произведений Моцарта, Верди и Малера, сочетавшего эмоциональную насыщенность исполнения с бережным отношением к тексту композитора.

В 1928 М. написал первое крупное сочинение — «Симфониэтту». Затем последовали кантата для сопрано и мужского хора с оркестром (сл. Жана Кокто, 1930); балеты «Ребус» (1931) и «Полет Икара» (1933), поставленный С.Лифарем; кантата «Псалом» для сопрано с оркестром (сл. Жана Кокто, 1934); оратория «Потерянный рай» для солистов, смешанного хора и оркестра (1935-36), текст к которой сочинил сам композитор на основе поэмы Мильтона. Современники считали ораторию М. образцом наилучшего воплощения поэмы Мильтона в музыке, хотя эту тему разрабатывали многие композиторы. Были написаны также «Гимн любви» (1937), оратория «Новый век» (1937), исполненная под управлением автора в Варшаве в 1938. Создан ряд симфонических и камерных сочинений: Concerto grosso (1930), концерт для фортепиано с оркестром (1931), концертная обработка «Музыкального приношения» И.С.Баха. Сам М. считал 30-е периодом своей композиторской деятельности. Познакомившись с сочинениями М., *С.Прокофьев* отозвался о нем, как о весьма даровитом молодом композиторе. Бела Барток, получив одну из партитур М., не только похвалил его, но и по-

благодарил «за преподнесенный урок оригинальности и мастерства».

Несомненное влияние на творчество М. оказали общение и дружба с *Ф.Шаляпиным, И.Стравинским*, Прокофьевым, Дягилевым. М. также сблизился с *В.Нижинским*, на дочери которого женился. В феврале 1930 одним из ярких впечатлений для М. стали встреча и дружеское общение с С.Эйзенштейном, который предложил ему вернуться в Россию для совместной творческой работы. Однако по многим причинам этому замыслу не суждено было осуществиться.

В 1940 М. приехал во Флоренцию для создания оратории «Лоренцо Великолепный» на текст Лоренцо Медичи. Он хотел на месте воссоздать для себя атмосферу того времени, изучить исторические источники. Оратория была написана и с успехом исполнена в Риме в 1941. Однако пребывание М. в Италии затянулось почти на 8 лет. Захват Франции гитлеровцами лишил его возможности вернуться в Париж. Ранее далекий от политики, М. стал антифашистом и в течение 6 лет активно участвовал в движении итальянского Сопротивления. «Гнусность нацизма, с которой я столкнулся лицом к лицу, поведение немцев в Италии не могли оставить меня равнодушным», — вспоминал он позднее. Для партизанской газеты М. писал пламенные статьи, призывавшие к террору и саботажу; сочинял для партизан гимны, один из которых стал популярным. М. разыскивали фашисты, его портреты были вывешены на улицах Флоренции и за его голову предлагали большое вознаграждение. М. пришлось уйти в глубокое подполье, но его жену арестовали и заключили в концлагерь на севере Италии. С огромными усилиями партизанам удалось освободить ее. М. помог спасти жизнь известному художнику и писателю Карло Леви, которого он предупредил о том, что за ним «охотится» гестапо. Леви успел скрыться за 20 минут до появления эсэсовцев, окруживших дом. В память об этом эпизоде художник написал портрет М. О своей жизни в подполье М. рассказал в книге «Сделано в Италии» (1946): «Тогда я не написал и не сыграл ни одной ноты, и в то же время это был один из самых важных этапов на моем пути музыканта..., я словно аккумулировал в себе значительный материал — принципы и наблюдения, оказавшиеся очень полезными для меня позднее, когда я начал преподавать».

Худой как спичка, изголодавшийся, небритый — таким появился М. во Флоренции, где его едва не казнили как фашистского шпиона. Хорошо, что М. вновь встретил К.Леви, который подтвердил его принадлежность к подполью. Один из офицеров, музыкант, знавший М. понаслышке, был несказанно удивлен, убедившись, что «этот оборванец» когда-то дирижировал оркестром Би-Би-Си. По предложению союзных войск М. дирижировал торжественным концертом в Риме в День Советской армии. Тогда русские шли на Берлин. Программа открылась исполнением гимнов союзных стран. После долгих лет запрета прозвучала неповторимая музыка «Марсельезы», и в зале началось настоящее исступление! После окончания 2-й мировой войны М. получил золотую медаль «Партизан Северной Италии».

В освобожденной Флоренции М. на протяжении трех лет руководил всей музыкальной жизнью: восстановил флорентийские «Майские музыкальные фестивали», дирижировал воссозданным им оркестром — практически первым коллективом, которым он руководил. М. вспоминал: «Пришлось привыкать быть штатским... Я просто начал с нуля, и мне казалось, что я новый человек, живущий в новом мире, который сам пытался осознать себя среди развалин... Я был очень старым композитором далеких времен и совсем молодым дирижером — в будущем». В этот период деятельность дирижера стала главной в его жизни. В 1948 М. дирижировал в Англии на Би-Би-Си. Однако особые воспоминания связаны у него с оркестром филармонии. Работа, проделанная в этом оркестре, была едва ли не самой интересной в творчестве дирижера. Все относились к нему с добротой, зная о тяжелых годах, пережитых им в итальянском подполье. Музыканты оркестра были молоды, хотели играть как можно лучше. На глазах М. и с его участием создавался один из лучших ансамблей в мире. В дальнейшем М. совершил многочисленные гастрольные поездки по странам Европы, Латинской Америки, выступал в Японии и США. Он особенно прославился как дирижер-исполнитель современной музыки (Хиндемит, Малер, Стравинский, Равель). М. был замечательным истолкователем творчества Стравинского: многократно исполнял «Весну священную», был первым исполнителем музыки балета Стравинского «Орфей» (Венеция), осуществил первое исполнение в Москве «Симфонии псалмов». Вместе с тем он превосходно дирижировал классическими сочинениями и исполнял произведения русских композиторов. В Париже в конце 50-х прозвучала опера М.Глинки «Иван Сусанин» в концертном исполнении (на рус. яз.), поставленная М. с участием Бориса Христова, болгарских артистов и оркестра Ламуре. В Лондоне в «Covent Garden» М. поставил «Золотого петушка» Н.Римского-Корсакова, в Вене — «Любовь к трем апельсинам» Прокофьева. Произведения Прокофьева и Шостаковича исполнялись им постоянно, как и музыка Чайков-

ского; М. подготовил и осуществил энциклопедическое издание всех симфоний Бетховена.

В конце 50-х М. стал художественным руководителем парижского оркестра Ламуре, значительно обновив его репертуар и доведя до совершенства качество его звучания. Он возглавлял также оркестры в Монреале и Гаване. В течение семи лет, по приглашению Фуртвенглера, М. вел семинары по дирижированию во время летних фестивалей в Зальцбурге, а также панамериканский курс по дирижированию в Мексике. В 1963 М. пригласили в город Скопье — столицу Македонии для восстановления оркестра после сильнейшего землетрясения. Все надо было начинать сначала, т.к. было уничтожено не только здание филармонии, но и нотная библиотека и инструменты. Многие музыканты покинули город, и оркестр пополняли участниками самодеятельности и исполнителями на народных инструментах, «переквалифицируя» их «на ходу». После многочисленных репетиций, проводимых с энтузиазмом, была подготовлена программа, с которой оркестр под управлением М. выступил в Белграде, а затем совершил турне по странам Европы: Венгрия, Румыния, Чехословакия, Польша, ГДР, Дания, Швейцария. Весь сбор от концертов был отправлен в фонд помощи пострадавшим от землетрясения.

С 1960 М. неоднократно приезжал с гастролями в СССР. Весной 1963 он провел четырехмесячный семинар по дирижированию в Московской консерватории. «Если я подал мысль дать когда-нибудь курс дирижерства, то это потому, что я был горд и счастлив внести что-то в страну, которая, несмотря на долгое отсутствие, всегда представляет для меня нечто самое дорогое», — писал М. советскому дирижеру Н.Аносову. М. всегда считал Россию своей родиной.

М. обладал выдающимся дирижерским дарованием. Он предпочитал крупные формы с участием хоров и солистов, но великолепно дирижировал и миниатюрами. Его исполнение поражало стройностью воплощения композиторского замысла, благодаря чему сложные для исполнителей и слушателей произведения становились простыми и ясными. Он никогда не старался показать себя публике, а стремился помочь оркестру донести до слушателей идею музыкального сочинения. Создавая свою, отличную от принятых шаблонов, трактовку произведения, он делал это настолько убедительно, что слушатели воспринимали его исполнение как единственно возможное. Во время гастролей М. в России рецензенты отмечали русский характер его исполнительской манеры, что сказывалось в стремлении «распеть» гармонию, придать мелодическую свободу и текучесть движению всех голосов оркестра. Сердечность и простота, полное саморастворение в музыке — вот характерные черты М.-дирижера. Исполняя музыку Стравинского в Москве, М. отметил, что на русской почве и с русскими музыкантами «Весна священная» прозвучала иначе — более по-славянски и менее «моторно». Славянские черты артистической натуры М. в сочетании с воздействием французской школы определяют его неповторимую индивидуальность как музыканта. Поклонник Мусоргского, М. оркестровал 6 его песен, исполненных Г.Вишневской во время гастролей дирижера в Москве (1963). Он мечтал создать свою оркестровую редакцию «Бориса Годунова». М. всегда дирижировал наизусть и требовал этого от своих учеников. Его репертуар как дирижера был огромнейшим. К концу 50-х жена М. составила каталог произведений, которыми он мог дирижировать наизусть в любое время без предварительной подготовки. В каталог вошло более 300 музыкальных произведений различных композиторов разных стилей и эпох.

В преподавании техники дирижирования М. создал собственную систему, обучив за время своей педагогической деятельности более 300 молодых дирижеров. М. считал, что дирижера надо готовить с 12-14 лет, в период его физического формирования; к концу курса (8-10 лет учебы) он должен знать наизусть большой репертуар; его музыкальный и образовательный уровень обязан быть не ниже уровня подготовки оркестрантов; дирижер должен постоянно пополнять свои знания; ему необходимо изучить несколько иностранных языков (перед гастрольной поездкой в Россию М. специально занимался русским языком). Вслед за Шерхеном М. считал, что настало время, когда принципы дирижерского мастерства должны стать наукой, обоснованной теоретически, как и наука игры на отдельных инструментах. «Дирижирование оркестром есть в одно и то же время искусство, наука и управление», — утверждал он. Свои взгляды М. изложил в статьях «Искусство дирижирования в наше время» (Муз. жизнь, 1963, № 1), «Дирижер, оркестр, партитура» (Там же, № 2).

Серьезное внимание М. уделял грамзаписи. Он считал, что при достигнутом техническом уровне грамзапись позволяет избегать всяких случайностей и воплотить звучание партитуры как бы идеально, близко к намерениям автора. За время своей деятельности М. сделал огромное число записей. В 1959 он записал все симфонии Чайковского, включая «Манфреда». Он неоднократно делал грамзаписи «Весны священной», в том числе и в СССР. Опера Д.Мийо

«Хоэфоры», записанная М. в 1958, получила премию Шарля Кро.

В 70-х возродился интерес к творчеству М. как композитора. В концертных залах Европы исполнялись: пьеса для оркестра «Новый век», кантата «Псалом», музыка к балетам «Ребус» и «Полет Икара». Весной 1980 сам автор дирижировал в Мадриде своей кантатой «Потерянный рай». «Слушатель, столкнувшись с мощными кульминациями, с проникновенным лиризмом, с пластичной и прозрачной, как горный хрусталь, музыкой, ощущает удивление и восхищение талантом композитора», — отмечал испанский критик Э.Франко.

Одновременно с многогранной деятельностью дирижера и композитора М. занимался литературным трудом. Значительный интерес представляет его работа «Органный пункт» (1959), в которой воспроизведен цикл бесед дирижера с критиком Клодом Ростаном, передававшихся по французскому радио. В конце жизни М. работал над мемуарами, оставшимися незаконченными (т.1. Париж, 1980).

Соч.: Исполнительское искусство зарубежных стран, вып. 5. Органный пункт. Главы из книги Статьи. М., 1970.

Лит.: Леонтьева О. Дирижирует Игорь Маркевич // Муз. жизнь, 1965, № 2.

С.Разумова

МАРТОВ (наст. фам. Цедербаум) Юлий Осипович (др. псевд. А.Б., Берг, Гамма, Дракон, А.Егоров, Ю.Кедров, Л.М., М., Л.Мартов, М-ов Л., Л.Сергеев, Нарцисс Тупорылов, Фабр, Эльмар, Ю.О., Ignotus, Martin) (12.11.1873, Константинополь — 4.4.1923, Шемберг, Германия) — политический и общественный деятель, публицист, историк. Дед его был основоположником первых в России еврейских газет, отец — служащий Русского общества пароходства и торговли, корреспондент «Петербургских ведомостей» и «Нового времени». Братья Сергей (псевд. Ежов, расстрелян в 1938, Москва) и Владимир (псевд. Левицкий, умер в следственной тюрьме в 1938, Уфа) — известные политические деятели, литераторы; сестра Лидия — общественный деятель (во 2-м браке жена *Ф.Дана*). После возвращения семьи в Россию М., окончив 1-ю петербургскую гимназию, поступил в 1891 на естественный факультет Петербургского университета. Основал студенческую социал-демократическую группу, принявшую название Петербургская группа «Освобождение труда», которая установила связи с Г.Плехановым, послала ему мандат на конгресс 2-го Интернационала. В июне 1893 выслан в Вильно, где принимал участие в деятельности местной социал-демократической организации, в движении за создание Всеобщего еврейского рабочего союза Литвы, Польши и России (Бунд, 1897), часто выступал на митингах и собраниях. Тогда же состоялся литературный дебют партийного публициста.

В октябре 1895 вместе с Лениным и др. явился инициатором создания единой социал-демократической нелегальной организации — Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. После ареста Ленина 9.12.1895 М. возглавил Союз, в написанном им воззвании были изложены цели и задачи этой организации. 5.1.1896 М. был арестован (передал свой пост руководителя Союза Ф.Дану) и сослан на 3 года в Туруханск. В ссылке поддерживал письменные контакты с Лениным, находившемся в Шушенском. В 1899 присоединился к «Протесту российских социал-демократов» против «Credo» «экономистов». Находясь в камере предварительного заключения, М. написал первый исторический очерк — «Современная Россия» (Женева, 1898), в ссылке — еще две книги: «Рабочее дело в России» (Женева, 1899, выдержала 6 изд., 1903-17; в 1904 изд. на армян. и груз. яз.) и «Красное знамя в России» — очерк истории русского рабочего движения (Женева, 1900; 4 изд., 1900-6). Уже в этих работах ярко проявился талант аналитика-историка и публициста.

Отбыв ссылку, направился в Полтаву, участвовал в Псковском совещании (апр. 1900), где обсуждался вопрос о создании общерусской политической газеты. Заключил в связи с этим «тройственный союз» с *А.Потресовым* и Лениным. Активно работал по подготовке издания газеты «Искра» и журнала «Заря». В марте 1901 приехал в Мюнхен, жил в Париже, Женеве. Вошел в редакцию «Искры» и сыграл большую роль в ее регулярном издании. Период «Искры» и «Зари» (1901-3) — время наибольшей идейной близости М. и Ленина, поддерживавших также тесные дружеские отношения. М. участвовал в подготовке проекта программ РДСРП, выступал против тезиса о национализации земли. Делегат 2-го съезда РСДРП (1903), внес альтернативное ленинскому определение членства в партии — содействие РСДРП под руководством одной из организаций, вместо обязательного участия в ее работе (проект М. принят 28 голосами против 22), бойкотировал выборы в ЦО. Невключение части членов старой редакции «Искры» в новый состав и избрание в нее лишь Плеханова, Ленина и М. оценил как ограничение вотума доверия «Искре», а свое избрание объявил «пятном на... политической репутации». М. вернулся в редакцию «Искры» лишь после выхода из ее состава Ленина; тогда же вошел в Совет пар-

тии. В статье «На очереди» впервые для определения взглядов Ленина М. ввел термин «ленинизм». Он оценил как незаслуженное и необоснованное отнесение Лениным меньшинства к оппортунизму и призвал «поднять знамя восстания против ленинизма». В ленинском плане создания партии «нового типа» М. увидел угрозу возникновения будущего тоталитаризма. Одну из причин отсутствия у Ленина объективного анализа меньшинства и большинства и их борьбы М. видел в неспособности Ленина к самокритике, назвал Ленина «русским дикарем» в вопросах политической организации.

В октябре 1905 вернулся в Россию вместе со своим другом и соратником Даном. Убежденный холостяк, плохо умевший устраивать свои житейские дела, М. часто и подолгу проживал в это время (как и позднее, в 1917) на одной квартире с семьей Дана. Он работал в Петербургском Совете рабочих депутатов, вошел в Организационный комитет (меньшевистский партийный центр), в состав ЦК РСДРП (дек. 1905). Отвергал тактику бойкота Государственной думы, активно выступал на митингах и собраниях. В феврале 1906 арестован, содержался в одиночной камере, затем — под надзором полиции; в июле — вновь арестован и по решению Особого совещания был приговорен к 3 годам ссылки в Нарымский край, замененной высылкой за границу. С сентября 1906 — в Женеве, затем в Париже, присутствовал на 5-м съезде РСДРП, Международном социалистическом конгрессе в Штутгарте, Женевской конференции меньшевиков (1908). М. выступал за создание легальной партии; вместе с Даном отстаивал принцип беспартийности профсоюзов.

Его талант журналиста и публициста вновь ярко проявился, когда он работал в «Партийных известиях», «Социал-демократе», «Голосе социал-демократа» (орган меньшевиков, 1908-11), печатался в таких изданиях как «Отклики», «Товарищ», «Киевская мысль» и др. М. писал обширные аналитические труды об общественных движениях и идейных течениях в России в период с 70-х XIX в. по 1905 (История русской литературы XIX века. М., 1910-11, т. 4-5), о развитии промышленности и рабочего движения в XIX — начале XX в. (История России в XIX веке. СПб., 1908-9, т.6,8), о зарождении политических партий и их деятельности (Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909-14, т.1,3, кн.5). Эти труды были изданы посмертно в Москве отдельными книгами в 1923-26 его братом Владимиром. Большой интерес представляет также книга о положении евреев (Русский народ и евреи. СПб., 1908).

В августе 1912 М. принимал участие в конференции социал-демократов (Вена), выступал с докладом об избирательной тактике. Вошел в Заграничный секретариат Организационного комитета. В начале 1-й мировой войны М. — интернационалист, затем «центрист». Участник Циммервальдской (авг. 1915) и Кинтальской (апр. 1916) международных социалистических конференций, представлял левоцентристское крыло. Возглавил борьбу меньшевиков-интернационалистов за заключение немедленного коалиционного мира, отрицал ленинский план поражения своего правительства и превращения империалистической войны в войну гражданскую. Входил в редакции газет «Известия Заграничного секретариата ОК РСДРП», «Наше слово» (Париж, 1915 — март 1916). По получении известий о Февральской революции М. выдвинул план возвращения эмигрантов через Германию, в обмен на интернированных в России немцев, который был принят германским правительством. 9.5.1917 вернулся через Германию в Петроград и сразу же занялся активной политической и общественной деятельностью. Один из организаторов Временного центрального бюро и «Летучего листка меньшевиков-интернационалистов». Основал собственный орган меньшевиков-интернационалистов — газету «Искра» (окт.-дек. 1917), сотрудничал в «Кронштадтской искре», «Новой жизни», основанной М.Горьким. Делегат 1-го Всероссийского съезда Советов (от Исполкома Петроградского Совета), на котором избран членом ВЦИК. Осуждал политику наступления на фронте, отмежевался от ленинской программы мира. Делегат Объединительного съезда РСДРП (авг.), избран членом ЦК. М. принимал участие в работе Всероссийского Демократического совещания (сент.), высказывался против союза с буржуазией; вошел в состав Временного совета Российской Республики (Предпарламента), возглавил фракцию меньшевиков-интернационалистов. Выступая против правительства Керенского, М. тем не менее призвал рабочих и солдат воздержаться от вооруженного восстания. На заседании ВЦИК 24 октября заявил: «Хотя меньшевики-интернационалисты не противятся переходу власти в руки демократии, но они высказываются решительно против тех методов, которыми большевики стремятся к власти».

Делегат 2-го Всероссийского съезда Советов (25-27 окт.), где сразу же поставил вопрос о мирном разрешении политического кризиса путем образования «единой демократической власти». К заявлению М. присоединились все делегаты, но оно было сорвано уходом со съезда умеренных социалистов. После чего М. и его сторонники покинули съезд. Октябрьский

переворот стал для М. тяжелым ударом, а сам факт захвата власти и способ, которым он был осуществлен, М. считал «отвратительным». «Необходимым условием соглашения с большевиками» М. считал «отказ последних от анархистских приемов диктатуры против демократии». Вошел в левоцентристский ЦК, созданный его сторонниками и сторонниками Дана; стал также редактором ЦО РСДРП — «Рабочей газеты». Объясняя причины оппозиции ленинскому правительству, М. писал 30.12.1917 Н.С.Кристи в Швейцарию: «Дело не только в глубокой уверенности, что пытаться насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране — бессмысленная утопия, но и в органической неспособности моей помириться с тем аракчеевским пониманием социализма и пугачевским пониманием классовой борьбы, которые порождаются, конечно, самым тем фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве. Получается такой букет, что трудно вынести. Для меня социализм всегда был не отрицанием индивидуальной свободы и индивидуальности, а, напротив, высшим их воплощением, и начало коллективизма я представлял себе прямо противоположно «стадности» и нивелировке. Да не иначе понимают социализм и все, воспитавшиеся на Марксе и европейской истории. Здесь же расцветает такой «окопно-казарменный» квазисоциализм, основанный на всестороннем «опрощении» всей жизни, на культе даже не «мозолистого кулака», а просто кулака, что чувствуешь себя как будто бы виноватым перед всяким культурным буржуа».

В марте 1918 М. переехал в Москву, где находился ЦК РСДРП. В 1918-20 член ВЦИК, депутат Моссовета (1919-20, выдвигался на пост председателя). Делегат 3-го и 4-го Чрезвычайных съездов Советов; выступал против заключения мирного договора с Германией. Делегат Всероссийского совещания меньшевиков (май 1918). М. — один из авторов платформы РСДРП «Что делать?» (июль 1919), требовавшей от советской власти демократизации политического строя, отказа от национализации значительной части промышленности, изменения аграрной и продовольственной политики. Он — автор «Апрельских тезисов» (1920), которые были положены в основу меньшевистской платформы «Мировая социальная революция и задачи социал-демократии», принятой Всероссийским партийным совещанием при ЦК РСДРП (апр. 1920). Основная идея — объединение «всех марксистских социалистических партий», включая и РКП(б), на основе последовательного народовластия, самой широкой свободы идейной борьбы и пропаганды. После легализации меньшевиков (30.11.1918) вошел в редакцию ЦО РСДРП — «Всегда вперед!» (затем «Интернационал»). В 1918-20 литературно-публицистическая деятельность М. была очень активна: он первым из меньшевиков поднял проблему грядущего «русского термидора», размышлял о судьбах демократии при диктатуре большевиков, открыто заявил о причастности Сталина к экспроприациям в 1907 и утверждал, что тот в этой связи исключался из партии. Революционный трибунал, куда обратился Сталин за защитой, выразил М. общественное порицание «за легкомысленное для общественного деятеля и недобросовестное в отношении народа преступное пользование печатью». Разгул террора заставил М. заявить решительный протест против расстрелов. Брошюра «Долой смертную казнь!» (написанная «кровью сердца и соком нервов») вышла в августе 1918 в Петрограде, а затем и в ряде европейских стран. «Всю силу своего желания, страсти, негодования, бичующего сарказма» М. бросил «в лицо палачам, чтобы остановить их преступную руку». В начале 1918 М. начал писать свои воспоминания, изданные в Берлине под заголовком «Записки социал-демократа» (1922). В 1919 в харьковском социал-демократическом журнале появился цикл его статей, позднее составивших отдельную книгу «Мировой большевизм» (Берлин, 1923). Статьи М. регулярно появлялись в таких изданиях как «Вперед», «Всегда вперед!», «Рабочий Интернационал». М. выступал с лекциями по актуальным политическим проблемам, с докладами на различных конференциях, в том числе профсоюзных.

В 1918-19 подвергался кратковременным арестам (домашним) за резкую критику большевистской диктатуры и красного террора. Он тяжело переживал горькое предчувствие крушения своих идеалов. «Думаю, — писал он своим друзьям за границу, — что лет 15 такого режима достаточно, чтобы люди покрылись шерстью и залаяли». В сентябре 1920 по поручению ЦК своей партии и с согласия пленума ЦК РКП(б) от 16 июля М. выехал в Германию для участия в съезде Независимой социалистической партии Германии (незадолго до этого ВЧК был выписан ордер на его арест). 15.10.1920 по поручению М., который уже не мог говорить из-за обострения туберкулеза, А.Штейн зачитал его речь «Проблемы Интернационала и русская революция». М. впервые открыто поведал миру об истинном положении в Советской России. Беспощадно клеймя политику советской власти, считал наилучшим исполнением международной солидарности по отношению к русской революции — защиту мирового рабочего движения «от разлагающих влияний примитивно-коммунистического большевизма».

На родину М. уже не вернулся. В Берлине он руководил Заграничной делегацией РСДРП (меньшевистский центр за границей), основал и возглавил вместе с Р.Абрамовичем журнал «Социалистический вестник» (с окт. 1922 — ЦО РСДРП), а также издательство «Искра». Его талантливые статьи регулярно печатались на страницах этого журнала (45 статей и заметок). М. стал одним из создателей и лидеров 2½ Интернационала. Постоянно размышляя о социалистическом эксперименте в России, он все больше приходил к мысли о том, что «от русского неудавшегося социализма надо сворачивать на путь компромисса с капитализмом...».

М. скончался в одном из санаториев Шварцвальда. Как свидетельствовал Н.Суханов, это был «самый умный человек», какого он когда-либо знал. На кремации и похоронах М. присутствовал М.Горький. На надгробном памятнике (Берлин) выбита надпись: «Юлий Мартов — борец за освобождение рабочего класса».

Соч.: Народ и Государственная дума. СПб., 1906; Спасители или упразднители? Париж, 1911; Против войны: Сб. статей 1914-16. М., 1917; История российской социал-демократии. Пг., 1918; Национализм и социализм. Пг., 1918; Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России. Пг.-М., 1923; В борьбе за Интернационал. Берлин, 1924; Общественные и умственные течения в России, 1870-1905 гг. Л.-М., 1924; Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. Берлин, 1924; Очерки международного социализма и рабочего движения (1907-1913). Л.-М., 1926; Письма. 1916-1922. Benson, 1990; Из публицистического наследия Л.Мартова // Сов. архивы, 1991, № 5.

Лит.: Памяти незабвенного вождя // Соц. вест., 1923, № 8/9, 10 апр.; Аронсон Г. Сталинский процесс против Мартова // Там же, 1939, № 7/8; Getzler J. Martov. Political Biography of Social-demokrat. Melbourne, 1956; Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959; Крылов В.В. От «Искры» к «Социалистическому вестнику» // Сов. библиография, 1990, № 5; Помпер Ф. Троцкий и Мартов // Ист. СССР, 1991, № 5; Иоффе Г.З. Ю.О.Мартов / Россия на рубеже веков: Исторические портреты. М., 1991.

В.Крылов

МАРШАК Яков (23.7.1898, Киев — 27.7.1977, Лос-Анджелес, шт. Калифорния) — экономист. Окончив гимназию, М. учился в 1915-18 в Технологическом институте в Киеве, по-видимому, собираясь стать инженером. После революции на некоторое время оказался на посту министра труда Грузинской Демократической Республики и, вероятно, после ее падения в марте 1921, вместе с другими деятелями меньшевистского правительства перебрался за границу.

Первые годы эмиграции М. провел в Германии. Экономическое образование получил в Берлинском университете, где изучал экономику и статистику под руководством профессора Вл.Борткевича, выходца из России, крупного статистика-теоретика. Свою учебу М. продолжил в Гейдельбергском университете и в 1922 защитил там диссертацию по проблеме выравнивания валютного курса. Первая научная статья М. — «Планирование народного хозяйства и общественное хозяйство» — была опубликована в 1923 в журнале «Archiv für Sozialwissenschaft». В ней М. поставил проблему эффективности социалистической экономики. В последующие годы М. зарабатывал на жизнь журналистикой, публикуя на страницах ежедневной газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung» статьи с обзором текущей экономической политики; в 1924-25 — редактор экономического раздела газеты. В 1926 в качестве стипендиата Гейдельбергского университета М. побывал в Лондоне. По возвращении в Германию работал в 1926-28 младшим исследователем в Исследовательском центре экономической политики в Берлине, а затем два года в Институте мирового хозяйства при Кильском университете в качестве научного редактора материалов, собираемых в Институте для комиссии рейхстага по экспортным отраслям.

В 1930 М. вернулся в Гейдельбергский университет, заняв должность приват-доцента, и преподавал там в течение трех лет экономику. В 1931 вышли в свет его первые книги — «Дискуссия о заработной плате» и «Эластичность спроса», в 1936 — написанная в соавторстве с профессором Гейдельбергского университета В.Ледерером работа «Формирование капитала». В 1933, по всей вероятности после прихода к власти Гитлера, ему удалось получить место преподавателя экономики в «All Souls College» Оксфордского университета, и он перебрался в Англию. В 1935 М. стал лектором по статистике в Оксфорде и первым директором только что основанного в рамках этого университета Института статистики. В этот период М. рассматривал преимущественно теоретические аспекты статистического анализа спроса, являясь по некоторым позициям пионером в этой области. Работы М. конца 30-х существенно углубили понимание проблемы статистического анализа спроса на деньги (наибольшего внимания заслуживает статья «Деньги и теория ценных бумаг» // Econometrica, 1938, № 6).

Начало 2-й мировой войны застало М. в Соединенных Штатах, где он проводил свой отпуск. Так, волею случая, его судьба оказалась отныне связана с Америкой. Приобретенный опыт эмигранта помог ему довольно быстро адаптироваться в новой обстановке и сделать успешную карьеру на академическом поприще.

В 1940-42 он уже занимал должность профессора экономики в т.н. Новой школе социальных исследований в Нью-Йорке — учебном и исследовательском центре, созданном специально для поддержки эмигрантов из Европы. После этого, с 1943 по 1955, работал профессором экономики в Чикагском университете. Продолжая интересоваться проблемами прикладной экономики и статистики, М. постепенно расширял рамки научного поиска. На протяжении почти 12 лет он был активным участником т.н. «эконометрической революции» в США, которую обычно связывают с деятельностью Комиссии Коулза по экономическим исследованиям, размещавшейся в те годы в Чикагском университете. С 1943 по 1948 М. занимал в Комиссии пост директора по науке. Широкое проникновение эконометрики в экономический анализ и ее распространение в Соединенных Штатах во 2-й половине 40-х было в немалой степени заслугой М., который организовал в Национальном бюро экономических исследований семинары по эконометрике и принимал самое деятельное участие в их работе. М. оказал большое влияние на формирование научных интересов целой плеяды молодых исследователей; наиболее одаренные из них, будучи аспирантами или даже студентами Чикагского университета, привлекались к разработкам, проводимым Комиссией Коулза. Среди тех, кто непосредственно «прошел школу» М., были будущие лауреаты Нобелевской премии по экономике Кеннет Эрроу, Герберт Саймон, Милтон Фридмен, Франко Модильяни, Лоуренс Клейн, Трюгве Хаавельмо, Гарри Марковиц. Позднее они выражали признательность М. за науку сочетать теоретические постулаты с результатами эмпирического анализа — принцип, который являлся руководящим для М. на протяжении всей его жизни.

Результаты исследований М. периода 40-х нашли воплощение в нескольких фундаментальных статьях по проблемам эконометрического анализа (в соавт. с Т.Хаавельмо и У.Андрюсом; опубл. в журнале «Econometrica», 1943-44), а также в написанных М. введениях к монографиям «Статистическое обоснование в динамических экономических моделях» (1950) и «Очерки по эконометрическому методу» (1953), изданным Комиссией Коулза.

В 1955 Комиссия, переименованная в Фонд Коулза, переехала в Йельский университет. М. последовал за нею и с 1955 по 1960 являлся профессором Йельского университета. В 1960 он перешел в Калифорнийский университет (Лос-Анджелес) на должность профессора проблем управления и экономики. В 1965 получил звание заслуженного профессора этого университета. Одновременно в 1960-65 М. являлся директором Западного института проблем управления.

С середины 50-х М. во все большей степени стали интересовать проблемы измерения полезности методами статистического анализа и вопросы рационального поведения в процессе принятия экономических решений. Исследования М. этого периода затрагивали общую теорию принятия решений, теорию информации и теорию экономической организации. М. разработал т.н. теорию принятия стохастических (случайных) решений, задача которой заключалась в том, чтобы объяснить эмпирически наблюдаемые отклонения от оптимальности при принятии решений отдельными субъектами экономических отношений. Оставаясь в рамках концепции рационального экономического выбора, М. построил эконометрическую модель, которая позволяла изучать поведение индивидуума в процессе принятия им решений, когда рациональность и последовательность в его поведении не могли быть непосредственно удостоверены путем эмпирического наблюдения, т.к. наблюдатель, как правило, лишен возможности установить всю совокупность факторов, воздействующих на процесс принятия решений. В конце 50-х М. опубликовал первые статьи по теории стохастических решений, а в последующие годы последовательно развивал отдельные ее положения. В обобщающем виде идеи М. в этой области были изложены в статьях, написанных в соавторстве с Г.Беккером и М.Дегрутом и опубликованных в 1963-64 в журнале «Behavioral Science». Первоначально ценность изучения М. поведения в процессе принятия решений была признана психологами, занимающимися проблемами поведения личности. Лишь в 70-х теория стохастических решений стала использоваться в новых подходах к теории равновесия, учитывающих фактор неопределенности в поведении субъектов экономических отношений в рамках экономической системы. В 80-х теория М. нашла применение в качестве базы для статистического анализа поведения при индивидуальном выборе решения.

М. принадлежит приоритет в разработке такого, относительно нового, раздела современной экономической науки как экономика информационных систем или экономика информации. Одним из первых он поставил проблему стоимостной оценки информации, включая измерение затрат на ее получение, стоимость ее обработки, передачи и использования при принятии решений. Эти вопросы М. относил к особому классу задач в рамках общей теории принятия решений. С наибольшей полнотой проблемы экономики информации были освещены М. в разделе «К экономической теории организации и информации» в книге «Процесс приня-

тия решений» (1954) и в главе «Экономика информационных систем» в сборнике «Границы количественной экономики» (1971). Хотя работы М. в этой области носили чисто теоретический характер, в них подчеркивалась важность получения достоверных эмпирических данных, касающихся методов наблюдения, обработки и передачи информации и непосредственного процесса принятия решений.

Важным направлением исследовательской деятельности М. в 70-е стала разработка теории групп и организации. М. создал модель экономической организации, названную им группой, члены которой различаются по своим действиям, а также по информации, на которой они основываются в своих поступках. Более сложный тип экономической организации, члены которой исходят в выборе того или иного решения из вероятности альтернативных результатов, рассматривался в рамках теории игр. Модель, разработанная М., имела более упрощенный характер и предоставляла возможность для изучения эффективного использования информации в экономических организациях. Идея группы как простейшей ячейки экономической организации была введена М. впервые в его статьях середины 50-х. В систематическом виде теория групп была изложена в монографии «Экономическая теория групп» (в соавт. с Р.Рэднером, 1972).

М. внес существенный вклад в развитие таких разделов современной экономической теории как теория принятия решений в условиях неопределенности, теория информации, теория организации и др. Работы М., в которых широко использовались методы психологического анализа, статистики, вычислительной техники, оказали, в свою очередь, обратное воздействие на развитие этих дисциплин.

М. являлся активным участником многих международных научных обществ. Еще в 1935 он стал членом только что основанного Эконометрического общества, в 1944-45 — его вице-президентом, а в 1946 сменил Джона Мейнарда Кейнса на посту президента этого общества. В 1947 М. был избран вице-президентом Американской статистической ассоциации, а на следующий год — членом Международного статистического института. Он являлся также членом Королевского статистического общества в Лондоне (с 1934), а в 1963 получил звание его почетного члена. Внезапная кончина помешала избранию М. в 1978 президентом Американской экономической ассоциации. Он имел множество почетных наград, которыми были отмечены его исследовательский талант и разнообразные достижения в области экономической науки.

Соч.: Stochastic Modes of Choice Behavior // Behavioral Science, 1963, vol. 8; Economic Information, Decision and Prediction, vol. 1-3. Dordrecht, 1974.

Лит.: Stone R. Jacob Marschak, 1898-1977 // Journal of the Royal Statistical Society. Ser. A, 1979, vol. 142, pt. 1; Radner R. Marschak Jacob / The New Palgrave. A Dictionary of Economics, vol. 3. London, New York, Tokyo, 1987.

Л.Васина

МАСЛОВ Сергей Семенович (1.11.1887, Нижнедевицк, Воронежской губ. — не ранее мая 1945) — экономист, политический деятель, публицист. Из мещан. Окончил 6-классное городское училище и среднее агрономическое училище в Харькове. Член партии социалистов-революционеров с 1906. Вел партийную работу в Полтавской, Орловской губерниях, Кубанской и Донской областях, в Житомире. Входил в состав Харьковского комитета партии. Проживая в Миллерово Донской области, начал печатать в легальных изданиях статьи о кооперации, написал работу «Мысли социалиста». В декабре 1911 арестован; после 11 месяцев заключения сослан в январе 1913 на два года в Пинегу Архангельской губернии под гласный надзор полиции. После окончания ссылки (апр. 1914) обосновался в Вологде, получил известность как один из организаторов Всероссийского союза сельскохозяйственной кооперации. В период 1-й мировой войны состоял инструктором кооперации по культурно-просветительской работе при Вологодском кооперативном союзе маслоделов, в его обязанности входило: проведение лекций, выставок, анкетирование, выступление с докладами и отчетами на съездах обществ, открытие новых кооперативных заведений, помощь в организации и оборудовании народных домов. На страницах местной и центральной кооперативной прессы неоднократно появлялись его статьи, посвященные проблемам крестьянства, агрономии.

С августа 1916 в Москве. На проходивших 13-17.4.1917 в Петрограде совещаниях представителей крестьянских Советов был избран председателем оргбюро по созыву 1-го Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Открыл съезд 4 мая, вошел в избранный им Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Был избран в Учредительное собрание от Вологодской губернии по эсеровскому списку. Член президиума 2-го Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов (нояб.-дек. 1917). Опубликовал ряд работ, в которых критически высказывался о деятельности наиболее радикальных кругов российских социалистов, считал, что предлагаемый штурмовой способ разрушения старого и построения ново-

го общества может привести лишь к неуправляемым, стихийным процессам. После разгона Учредительного собрания был вынужден скрываться. Член созданного в марте 1918 Союза возрождения России, который направил его на Север для подготовки восстания против большевиков. Осенью 1918 был гражданским губернатором Архангельска при правительстве Северной области Н.Чайковского. Участвовал в кооперативном движении в Сибири, где его арестовали колчаковцы; после освобождения перешел на нелегальное положение. Осенью 1919 сдался органам советской власти в Уфе, отправлен в Москву, но вскоре освобожден. Работал в сельскохозяйственных учреждениях. В декабре 1920 основал в Москве нелегальную ячейку «Крестьянская Россия» из студентов и преподавателей Тимирязевской сельскохозяйственной академии; к середине 1921 появились организации вне Москвы.

В конце 1921 эмигрировал; выступал в европейских столицах, создавал ячейки «Крестьянской России» среди эмигрантов. Как бывший гласный Вологодской городской Думы принят в состав эмигрантского Земгора. В 1923-24 заведовал заграничным отделом пражского Института изучения России, руководил работой Комитета практических проблем сельской жизни, читал лекции в Русском народном университете в Праге. Был одним из учредителей Союза русских писателей и журналистов. Под редакцией М. в Праге выходили сборники статей по общественно-политическим и экономическим вопросам «Крестьянская Россия» (9 вып.); их задачей провозглашалось «всемерное содействие поднятию экономического и духовного уровня крестьянства России, возрождение последней через возрождение этого класса, через его экономическую, политическую и культурную организацию». В Париже М. опубликовал в 1922 книгу «Россия после четырех лет революции» (т. 1-2), в которой охарактеризовал состояние населения, промышленности, транспорта, сельского хозяйства, государственной власти, образования, духовных запросов, печати в Советской России (в 1923 издана в Лондоне на англ. яз., в 1924 — в Праге на чеш. яз.). В 1925-33 редактировал «Вестник Крестьянской России». На съезде в декабре 1927 «Крестьянская Россия» была преобразована в партию «Крестьянская Россия — трудовая крестьянская партия» (ТКП), которую возглавили М. (генеральный секретарь), А.Аргунов и А.Бём; по словам Д.Мейснера, они «не ужились под эсеровской крышей», а сам М. был «человеком способным, но крайне неуживчивым и временами просто очень грубым». Программа партии в основном соответствовала программам крестьянских партий Западной Европы. М. был автором партийных брошюр и листовок, нелегально распространявшихся в СССР, издателем органа партии «Знамя России» (1933-39, 112 номеров). Партия пользовалась большим влиянием в эмигрантском демократическом движении в Праге, особенно среди молодежи; в 1930 имела 22 заграничные группы и ряд групп в СССР, 10 пригородных пунктов связи с СССР в 6 странах. Первоначально входила в состав возглавляемого *П.Милюковым* республиканско-демократического объединения, но затем между Милюковым и М. произошел разрыв на почве разного отношения к «активизму»: М. настаивал на отправке в СССР агентов партии, не исключая террористической деятельности. Имя М. и ТКП упоминалось в советской печати в связи с судебными процессами по делу «Промпартии» (1930) и «Союзного бюро меньшевиков» (1931). М. руководил Кабинетом сельского хозяйства и кооперации Института изучения России, выступал с докладами «Демократизация аграрного строя в послевоенной Европе», «Тенденции аграрного законодательства в послевоенной Европе» на заседаниях Экономического кабинета профессора *С.Прокоповича*, а также перед различными аудиториями (студенты, земледельцы, профсоюзные и рабочие деятели) в Праге, Варшаве, Новом Саде, Белграде. Входил в товарищество «Единство», созданное в противовес белорусским и украинским сепаратистам, пытавшимся «расколоть» научные круги эмиграции по национальному признаку. Сотрудничал в ряде эмигрантских изданий («Современные записки» и др.).

Во время 2-й мировой войны М. занял оборонческую позицию, призывал эмиграцию к защите Советского Союза. Несколько раз арестовывался гестаповцами, в конце войны заключен в концлагерь, из которого был освобожден Советской армией, но вскоре вновь арестован. *Р.Гуль* писал о М., как о человеке деловом, боевого темперамента: «Издавал бескомпромиссно антикоммунистическую «Крестьянскую Россию», журнал, который проникал и в СССР, и естественно, стоял большевикам поперек горла, недаром после занятия Праги красными СМЕРШ схватил Маслова и убил».

Соч.: Социалистическая партия, ее значение и политическая организация крестьян / Демократия и ее политические задачи. Пг.-М., 1918; Что такое социализм? / Там же; Мирской человек (В мире крестьянской интеллигенции). Томск, 1919; На революционной работе в России. Прага, 1930.

Лит.: Мейснер Д. Миражи и действительность. М., 1966.

Арх.: ГА Архангельск. обл., ф. 150, оп. 2, д. 321; ГА Вологодск. обл., ф. 108, оп. 5, д. 119.

Ю.Дойков
В.Телицын

МАССАЛИТИНОВ Николай Осипович (24.2.1880, Елец, Орловской губ. — 22.3.1961, София) — актер, педагог, режиссер. Из патриархальной семьи; отец, Осип Иераклиевич М., был служащим чайной фирмы Боткиных, занимался определением сортов чая (гутор). Мать, Анна Максимовна (урожд. Зубова), вела домашнее хозяйство. Большое влияние на детей, Николая и его сестру Варвару, оказала бабушка — Глафира Николаевна — исполнительница народных песен, сказительница. В 1886 отца перевели в Томск, где прошли детство и юность М. Гимназистом он принимал участие вместе с сестрой в любительских спектаклях, проходивших в зале городской библиотеки. М. мечтал стать врачом и в 1900 поступил на медицинский факультет Томского университета, но был исключен за участие в студенческих демонстрациях; перешел в Технологический институт, откуда уволен по той же причине и лишен права жительства в Томске. По совету сестры — к тому времени актрисы Малого театра, переехал в Москву и в 1904 был принят в Театральное училище в класс А.Федотова. Вторым педагогом М. был А.Ленский, любовь к слову привили ему О.Садовская, Г.Федотова, М.Ермолова, А.Южин, Е.Лешковская. На выпускном спектакле училища в 1907 присутствовали К.Станиславский и Вл.Немирович-Данченко, пригласившие М. в Художественный театр (МХТ). Между Малым театром и МХТ началась борьба за талантливого ученика, но М. предпочел МХТ, который давно страстно любил. Он сразу был включен в старый репертуар, сыграв Скалозуба в «Горе от ума» А.Грибоедова, Доктора в «Бранде» Г.Ибсена, 3-го рабочего в «Драме жизни» К.Гамсуна. В 1907-9 играл небольшие роли в премьерах: «Борис Годунов» А.Пушкина (князя Воротынского и князя Курбского), «Жизнь человека» *Л.Андреева* (Отца и в массовой сцене), «Синяя птица» М.Метерлинка (Отца и Бук), «Ревизор» Н.Гоголя (Уховертова), «У царских врат» Гамсуна (профессора Гиллинга), «Месяц в деревне» И.Тургенева (Ислаева). Новые крупные роли М. показали, что он занял прочное место в театре: Клавдий в «Гамлете» В.Шекспира (1911), Станицын в «Где тонко, там и рвется» Тургенева (1912), Шатов в «Николае Ставрогине» Ф.Достоевского (1913), Живновский в «Смерти Пазухина» М.Салтыкова-Щедрина (1914), Ростанев в «Селе Степанчикове» Ф.Достоевского (1917). Он вводился в спектакли: «Три сестры» (Соленый), «Вишневый сад» (Лопахин) и «На дне» (Сатин). Работая в МХТ с 1907 по 1922, М. сыграл более 30 ролей. Станиславский называл его среди тех мастеров психологической школы, которые были, по его мнению, фигурами мирового масштаба. Н.Эфрос писал о нем: «Для Массалитинова верх, самый высокий полет его сценических сил — был второй спектакль Достоевского «Бесы». Но такие же черты актерского образа и такой же сценический метод проявляются иногда и даже с большим результатом во всех исполнениях Массалитинова». В 1913 вместе с Н.Подгорным и Н.Александровым М. создал частную Школу драматического искусства («Школа трех Николаев»); когда из-за нехватки средств школа закрылась, ученики последнего класса объединились во 2-ю студию Художественного театра. Среди учеников М. были А.Тарасова, В.Соколова, А.Зуева, Н.Баталов, М.Крыжановская, В.Вербицкий.

6.6.1919 группа актеров МХТ открыла гастроли в Харькове спектаклем «Вишневый сад» (М. играл Лопахина); в «Дяде Ване» исполнил роль Войницкого. В.Шверубович вспоминал: «Дядя Ваня-Массалитинов был, по-моему, во много, много раз лучше создателя этой роли — Вишневского... Не знаю, так ли это уж было важно, но даже если Массалитинов и не был элегантен (этого он не мог), то он был интеллигентен, талантлив, умен, ничего дикого не было в мысли, что если бы он жил иначе, из него бы мог выйти Шопенгауэр, Достоевский... Массалитинов действительно очень любил Елену и страстно ненавидел Серебрякова — в это можно было поверить, так как темперамент Николая Осиповича легко вспыхивал и пламенел ярче и горячее всего именно в ненависти. Он лучше, страстнее ненавидел, чем любил». После того, как занявшие 23 июня части белых отрезали «Качаловскую группу» (так называлась труппа по имени ее главного актера) от Москвы, она выступала в южных городах, испытав холод, неудобства, отсутствие хороших сцен, недоброжелательство, но и восторг зрителей. М. входил вместе с И.Берсеневым и С.Бертенсоном в правление группы и стал режиссером: в Одессе поставил «Осенние скрипки» *И.Сургучева* (сыграл роль Лаврова), в Екатеринодаре (совм. с Н.Литовцевой) — «У жизни в лапах» Гамсуна и «Братья Карамазовы» Достоевского (играл Бондезена и Прокурора): Вслед за гастролями в Тбилиси (1920) артисты выехали 27 сентября из Батума в Константинополь, а оттуда в Софию, где 20 октября «Вишневым садом» с Лопахиным-М. открыли гастроли. Здесь «Братья Карамазовы» были М. восстановлены в полном объеме и игрались в два вечера. Вместе с Литовцевой поставлены «Три сестры» (М.— Андрей). Гастроли прошли удачно, М. заметили и зрители, и коллеги-актеры. С 18.1.1921 начались выступления в Югославии: Белград, Загреб; в Любляне 1 и 2 марта состоялась премьера «На дне» М.Горького (постановка М., он также сыграл Сатина). Затем гастроли продолжились в Праге. После возвращения части

группы в Москву М. вместе с оставшимися актерами играл в Городском театре на Королевских виноградах (в просторечьи «Виноградский театр»). 18 сентября состоялась премьера «Гамлета» (реж. *Р.Болеславский*, М. играл роль Клавдия). 2.9.1921 у М. и его жены, К.Краснопольской, родилась дочь Таня, ныне народная артистка Болгарии. В октябре играли в Братиславе, затем переехали в Вену, имели там шумный успех. Позднее выступали в Стокгольме, в Берлине. В начале 1922 в Берлин приехал Н.Подгорный, представитель Немировича-Данченко. Всю группу звали обратно в театр, но М. решил в Москву не возвращаться. Он играл старые роли в Лейпциге, Дрездене, Сопоте, в Прибалтике, в Скандинавии. В группе не было уже прежнего единения и взаимопонимания. В мае 1922 в Мальмё М. в последний раз сыграл в «Качаловской группе» Лопахина и Сатина, и группа перестала существовать. М. остался с немногими актерами, которые с момента отъезда Качалова, Книппер-Чеховой и др. в Москву стали называть себя «Зарубежная группа артистов МХТ» или, по месту основной работы, «Пражская группа». М. много играл, он заново поставил и обновил следующие спектакли: «Село Степанчиково» (играл Ростанева), «Вишневый сад» (играл Лопахина), «Дядя Ваня» (играл Войницкого), «Король темного чертога» Р.Тагора (читал от автора). В 1924 были поставлены новые спектакли: «Битва жизни» Ч.Диккенса, «Женитьба» Гоголя, «Екатерина Ивановна» Андреева, «Медея» Еврипида. В том же году М. создал в Берлине частную театральную школу; через учившихся там болгар имя М. стало известно в Болгарии, где театр переживал кризис. После новых болгарских гастролей «Пражской группы» (конец 1924) М. окончательно обосновался в Болгарии.

С 1925 М. — главный режиссер Народного театра в Софии. Первый спектакль М. — «Двенадцатая ночь» Шекспира (1926) — вызвал бурную реакцию зрителей и восторг прессы: «Всё и все связаны умелой рукой мастера — в одно органическое целое. Здесь всё стройно и гармонично слилось: и декорации, костюмы, музыка, освещение и мизансцены — с исполнителями всех ролей, даже самых незначительных. Получилась одна дивная симфония из красок, тонов и линий». В болгарский театр М. привнес принципы МХТ, основы системы Станиславского. С помощью своих берлинских учеников М. за три года омолодил труппу театра, поднял уровень режиссуры и создал интересный репертуар. Среди постановок М.: русская классика — «Горе от ума» (1930), «Бедность не порок», «На дне» (1932), «Бесприданница» (1937), «Враги» (1944), «Три сестры» (1953), «Таланты и поклонники» (1955); пьесы западных драматургов — «Принц Гамбургский» (1942), «Гамлет», «Эрнани» (1943); но главной его заботой было создание национального репертуара. По словам драматурга С.Костова, М. «создал болгарскую пьесу». Введя систему совместной работы театра и драматурга, он помог развиться дарованиям таких писателей как И.Йовков, С.Костов, Р.Стоянов, Т.Влайков, Н.Икономов, С.Савов и др., поставил множество спектаклей по их пьесам и пьесам болгарских классиков: «Мастера» Стоянова (1927); «Албена», «Боряна» (1928); «Миллионер» (1930); «Обыкновенный человек» Йовкова (1936); «Над пропастью», «Престол» И.Вазова (1934); «Борьба продолжается» Кр.Кюлявкова (1946). Одновременно со строительством театра М. продолжал выступать на сцене, сыграл Тартюфа, Фамусова, Маттиаса Клаузена («Перед заходом солнца» Г.Гауптмана), Леона («Борьба продолжается»); на концертной эстраде читал А.Блока, А.Пушкина, М.Лермонтова, М.Горького, Ф.Тютчева, В.Маяковского и др. Созданная им в 1926 школа при Народном театре положила начало систематическому театральному образованию в Болгарии. В 1948 она превратилась в институт (ВИТИЗ), профессором которого М. работал многие годы. Среди его учеников Иван Димов, Зорка Иорданова, Ирина Тасева, Филипп Филиппов, Петя Герганова, Марта Попова, Константин Кисимов, Ольга Кирчева, Стефан Гецов. Руководил Народным театром до 1944, работал и в др. театрах Болгарии, ставил спектакли в Югославии. Имя его носит театр в Пловдиве. В 1948 удостоен звания народного артиста Болгарии. К.Сафаров, вспоминая о М., говорил: «Этот человек — счастье для всего нашего театра».

Лит.: Державин К. Болгарский театр. Очерк истории. М.-Л., 1950; Тихова И. Массалитинов. София, 1959; Николай Осипович Массалитинов. К 80-летию со дня рождения. София, 1960; Шверубович В. О старом Художественном театре. М., 1990.

М.Иванов

МАХОНИН Иван Иванович (1895, Петербург — 9.7.1973, Франция) — инженер, изобретатель авиационной и транспортной техники, систем вооружения, дистилляции топлива. По окончании высшего технического заведения основал в Петербурге в годы 1-й мировой войны собственное бюро изобретений. Занимался разработкой новых типов вооружения: реактивных снарядов, бронебойных пуль, авиационных торпед и т.п. После революции активно сотрудничал с советской властью, участвовал в восстановлении и реконструкции железнодорожного транспорта. М. был автором ряда проектов по-

движного состава, некоторые из которых были реализованы при поддержке Президиума ВСНХ и лично наркома путей сообщения Ф.Дзержинского. В 1919 построил на Мытищинском заводе три мотовоза с дизелями, работавшими на сыром мазуте, с электрической передачей. Они эксплуатировались Николаевской железной дорогой. В следующем году по проекту М. на Балтийском судостроительном заводе был построен оригинальный электропоезд, состоявший из трех вагонов с электродвигателями, тендеров с аккумуляторными батареями и обычных пассажирских вагонов. Он предназначался для регулярного сообщения между Москвой и Петроградом, был опробован, но оказался неэкономичным по сравнению с обычными электровозами и тепловозами. Отношение к новаторским идеям М. изменилось. Разработанный им в 1921 проект гигантского дирижабля поддержки не получил, так же как и ряд других его изобретений. Воспользовавшись своими связями в Наркомате путей сообщения, М. вместе с женой в конце 1921 эмигрировал во Францию.

В Париже М. предложил свои изобретения французскому правительству. Артиллерийское ведомство заинтересовалось проектами многоступенчатых ракет, а морское министерство — предложением организовать производство дистиллированного топлива из угля, которое было с успехом опробовано на торпедах, катерах и транспортных суднах. Менее дорогой и пожароопасный, чем бензин, дистиллят М. заинтересовал и авиационное министерство. Получив государственную поддержку, изобретатель основал в Сен-Море под Парижем завод по дистилляции «La Compagnie des Carburants Makhonine». Произведенное дистиллированное топливо нашло применение в наземном транспорте, а в июле 1926 начались его испытания на самолетах. Однако, несмотря на поддержку общественного мнения и прессы, завод М. был в следующем году закрыт из-за вредных выбросов и ядовитых выделений продукта. Инженер занялся разработкой экспериментальных самолетов.

В сентябре 1929 М. представил проект самолета с изменяемым размахом крыла. Внешние части консолей могли телескопически втягиваться внутрь корневых частей крыла. Благодаря этому при полете с большой скоростью существенно снижалось вредное сопротивление. Ранее самолеты подобной схемы не строились. Получив некоторую финансовую помощь, М. выполнил в Сен-Море в 1931 первый образец своего экспериментального самолета Мах-10. После 4 лет испытаний он был значительно модернизирован и получил обозначение Мах-101. Во избежание захвата самолета немцами во время оккупации Франции он был уничтожен летчиком-испытателем. Несмотря на давление оккупантов, М. отказался сотрудничать с ними в производстве дистиллированного топлива.

По окончании войны М., пользуясь поддержкой авиационного министерства, построил в 1947 четырехместный самолет-разведчик Мах-123, основанный на тех же принципах, что и предшественник. Аппарат прошел испытания, но продолжить исследования изобретателю не удалось. В 50-60-х М. вновь занимался опытами по дистилляции топлива. Всего во Франции им было сделано 24 изобретения, касавшихся, преимущественно, транспортной техники и вооружения.

Лит.: Victor M. L'Avion a surface variable de l'ingenieur Makhonine // Les Ailes, 1931, № 531; Техника в ее историческом развитии. М., 1982.

В.Михеев

•

МЕЛЬГУНОВ Сергей Петрович (25.12.1879, Москва — 26.5.1956, Шампиньи-Сюр-Марн, близ Парижа) — историк, публицист, редактор и издатель, политический деятель. Из дворян. Среди предков М. — вельможа времен Екатерины II А.Мельгунов и общественный деятель 40-60-х XIX в. Н.Мельгунов. Дед М. по матери, Ф.Грушецкий, двоюродный брат С. и М.Муравьевых-Апостолов, привлекался к дознанию по делу декабристов. Отец М. — Петр Петрович М. — преподаватель истории в московском Николаевском институте и в гимназии Ф.Креймана, автор книги «Первые уроки истории (Древний Восток)» (М., 1879).

Гимназистом М. написал сочинение «Был ли раскол движением прогрессивным или регрессивным?», переводил книги французских историков А.Токвиля, Г.Ганато, Г.-К.Масперо. В 1899 поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где к нему благожелательно отнеслись В.Герье (учитель отца М.) и В.Ключевский (сокурсник отца). Женился на Прасковье Евгеньевне Степановой, учившейся на Высших женских курсах Герье. Участник студенческого кружка; написал популярные брошюры «Карл Великий» (1899) и «Арабы и Магомет» (1901); после преобразования кружка в историческую комиссию при учебном отделе распространения технических знаний (ОРТЗ) — ее руководитель. С 1901 автор статей по церковным вопросам в газете «Русские ведомости». По словам М., «ему самому как бы пришлось установить точку зрения, которая фактически и сделалась точкой зрения газеты». Сотрудничал также в журналах «Русское богатство», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Вестник воспитания», в др. столичных и провинциальных изданиях. Встречал-

ся в июле 1905, в связи с опубликованием очерков о сектантах села Павловка Харьковской губернии, с Л.Толстым.

Окончив в 1904 историко-филологический факультет, поступил на юридический факультет университета. Затем в Лазаревский институт восточных языков, но не закончил курса. Некоторое время преподавал историю в частных московских гимназиях. Входил в Педагогическое общество при Московском университете. В 1905-6 на военной службе. Принял участие с группой офицеров в похоронах Н.Баумана. Был, по собственному признанию, «недостаточно активным революционером». В 1906 вступил в партию кадетов, в 1907 перешел в народно-социалистическую партию. Участвовал в организации издательств «Народное право» и «Свободная Россия» (1905-6), Союза свободных книгоиздателей. Один из основателей (1911) кооперативного издательского Товарищества «Задруга», был до ликвидации Товарищества (1922) председателем правления. Редактор-издатель исторического журнала «Голос минувшего» (1913-23), опубликовавшего ряд ценных мемуарных и документальных источников по истории России и русской литературы XVIII — начала XX вв.

Исторический метод М. сочетал скрупулезную верность документу с публицистическими обобщениями, его работам свойственна отточенность мысли и письма; М. отличало обостренное чувство гражданского долга. Большой отклик имели два сборника его статей: «Старообрядцы и вопросы совести» (М., 1907) и «Церковь и государство в России (К вопросу о свободе совести)» (М., 1907-8, т. 1-2). Исследовал вопросы религиозной веротерпимости, взаимоотношения церкви и государства; ожидал окончательного торжества свободы совести от «русского народного представительства». Роли студенчества в общественном движении посвящены работы М. «Из истории студенческих обществ в русских университетах» (М., 1904) и «Студенческие организации 80-90-х гг. в Московском университете» (М., 1908). Под редакцией и с авторским участием М. вышли коллективные труды издательств «Задруга» и И.Сытина «Великая реформа» (1911), «Крестьянство в России и реформа 19 февраля» (1911), «Отечественная война и русское общество» (1911-12), «Масонство в его прошлом и настоящем» (1914-15) и др.

Сразу после Февральской революции вошел в Организационный комитет народных социалистов. На 1-м съезде Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП) в июне 1917 был избран в ЦК; товарищ председателя ЦК, член редколлегии газеты «Народное слово» и журнала «Народный социалист». Призывал к объединению всех демократических сил, чтобы противостоять надвигающейся анархии и контрреволюции. Принимал участие в Государственном совещании. Выдвигался кандидатом от ТНСП в члены Учредительного собрания, в предвыборной программе высказывался за объединение «одномыслящих партийных группировок», что явилось бы «признаком нашей... политической зрелости и величайшей победой русской демократии», но потерпел поражение, как и вся партия. На 2-м съезде партии (сент. 1917) говорил о необходимости сохранения прежних лозунгов, «чуждых примеси демагогии, не смущаясь временным неуспехом».

В марте 1917 Временное правительство назначило М. ответственным за обследование и прием архивов министерства внутренних дел, Московской духовной консистории и Миссионерского совета, а затем поставило его во главе Комиссии по разработке политических дел Москвы (Архива политических дел), что позволило ему приступить в 1918 к изданию (в изд-ве «Задруга») серии — «Материалы по истории общественного и революционного движения в России» (под ред. М. и М.Цявловского). Из всех предполагавшихся сборников («1905 год», «Майский погром в Москве в 1915 году», «Ходынка», «Русская провокация» и др.) удалось выпустить один — сборник документов Московского охранного отделения «Большевики» (М., 1918). Его издание было истолковано новой властью как стремление представить большевизм в искаженном виде. В соответствии с декретом от 19.4.1918 Комиссия по разработке политических дел была ликвидирована; в созданный вместо нее Архивно-политический отдел при СНК Москвы и Московской области М. не был допущен.

Встретив настороженно Октябрьскую революцию, М. после подписания Брестского мира вступил на путь борьбы против большевистского режима. Он был одним из руководителей Союза возрождения России и Тактического центра. 23 раза подвергался обыскам, 5 раз — арестам. Арестованный 17.2.1920 по делу Тактического центра, приговорен в августе к расстрелу, замененному 10 годами заключения; в результате ходатайств Академии наук, В.Фигнер и П.Кропоткина освобожден 13.2.1921, но в мае 1922 вновь арестован; осенью выслан за границу и вскоре лишен советского гражданства.

До высылки издал книги: «Из истории религиозно-общественных движений в России XIX в.» (М., 1919) и «Религиозно-общественные движения XVII-XVIII вв. в России» (М., 1922), в последней рассматривал социально-политическую роль «старой веры» в идеологии восстаний С.Разина и Е.Пугачева.

Полученные до выезда из РСФСР полномочия от Совета «Задруги» открыть заграничный отдел Товарищества и распоряжаться его средствами позволили М. организовать в Берлине издательство «Ватага», выпускавшее исторические сборники «На чужой стороне» (1923-25, 13 номеров; со 2-го номера — совм. с пражским изд-вом «Пламя») под редакцией М., *Е.Ляцкого* и *В.Мякотина*; М. был и автором ряда статей. Исторические исследования и мемуары, публиковавшиеся в сборниках, принадлежали участникам недавней исторической драмы и освещали пережитый ими опыт. В 1926 М. обосновался в Париже. Под редакцией М. и Т.Полнера издательство Товарищества «Н.П.Карбасников» выпускало в 1926-28 сборники «Голос минувшего на чужой стороне» (6 номеров), унаследовавшие курс закрытого московского журнала и основной состав его сотрудников. М. был членом Заграничного комитета ТНСП. В 1926-31 он сотрудничал вместе с *В.Бурцевым*, Т.Полнером, *А.Карташевым* и Н.Рыссом в политическом еженедельнике «Борьба за Россию»; выступал за создание единого антикоммунистического фронта русской эмиграции, допускал возможность интервенции. В феврале-мае 1931 публиковал фрагменты работы «Чекистский Олимп» — портреты Ф.Дзержинского, В.Менжинского, М.Кедрова, Н.Крыленко, с которыми вынужденно общался во время арестов 1918-20. Вступил в контакт с секретными офицерскими организациями, но после ряда их провалов прекратил с начала 30-х политическую деятельность, целиком занявшись историческими исследованиями.

Работы, опубликованные М. в России, были собраны в книге «Дела и люди Александровского времени» (Берлин, 1923); М. готовил 2-й том, посвященный движению декабристов. В дальнейшем его научные интересы сосредоточились на истории событий 1917 и гражданской войны. М. широко использовал при этом, наряду с другими источниками, данные, полученные в результате опросов участников событий — эмигрантов. В книге «На путях к дворцовому перевороту: заговоры перед революцией 1917 года» (Париж, 1931) развенчал эмигрантскую легенду о Февральской революции как результате заговоров в военных и дворцовых кругах; пришел к выводу о «несерьезности» действий оппозиции с целью низложения Николая II: «все ждали революцию», но она «оказалась неожиданной для всех, и все оказались в растерянности». В книге «Золотой немецкий ключ большевицкой революции» (Париж, 1940) доказывал, что германский генеральный штаб субсидировал при содействии немецких социал-демократов партию большевиков. Проблемам гражданской войны посвящены работы М. «Н.В.Чайковский в годы гражданской войны» (Париж, 1929), «Гражданская война в описании Милюкова» (Париж, 1929) и «Трагедия адмирала Колчака» (ч. I-III. Белград, 1930-31). В книге «Красный террор в России 1918-1923» (Берлин, 1924) стремился показать, что классовый «красный террор» был организован новой властью и направлен против всех слоев населения. Книга была переведена на несколько европейских языков (в СССР — М., 1990).

В годы 2-й мировой войны и оккупации Франции отвергал возможность сотрудничества с фашистами. В послевоенные годы выступал против просоветских настроений в эмиграции, утверждал, что «Сталину нельзя верить», «надежда на мирную эволюцию власти, на мирное сожительство с красным самодержавием — утопия». На этой платформе издавал с 1946 сборники «Свободный голос» (далее под др. назв.; в 1948-57 — «Российский демократ», № 15-27). В 1950-54 редактор журнала «Возрождение». С 1948 председатель Союза борьбы за свободу России, с 1951 председатель координационного центра антибольшевистской борьбы. В последние годы жизни М. издал в Париже книги «Судьба императора Николая II после отречения» (1951), «Как большевики захватили власть: октябрьский переворот 1917 года» (1953), «Мартовские дни 1917 года» (1956). Одним из первых обратившись к этим сюжетам как исследователь, М. стремился разобраться в разноречивом материале и установить фактическую канву событий, отделив правду от легенд. Выводы М. были приняты западной историографией.

Скончался от рака легких. Посмертно вышли «Легенда о сепаратном мире» (1957), а также «Воспоминания и дневники», подготовленные к публикации женой М. (ч. 1-2. 1964).

Соч.: Осада Зимнего дворца (публ. Ю.Н.Емельянов) // Вопр. истории, 1993, № 1.

Лит.: Ульянов Н. С.П.Мельгунов // Нов. рус. слово, 1956, 10 июня; Его же. М. — как историк // Там же, 25 нояб., 2 дек.; Ковалевский П.Е. С.П.Мельгунов. Его вклад в советоведение // Вест. ин-та по изуч. СССР, 1956, № 20; Емельянов Ю.Н. Что мог знать С.П.Мельгунов о германском золоте / Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994.

Арх.: ГАРФ, ф. 1152; ОР РГБ, ф. 454; Арх. РАН, ф. 647; РГАЛИ, ф. 305.

Ю.Емельянов

МЕРЕЖКОВСКИЙ Дмитрий Сергеевич (2.8.1865, Петербург — 9.12.1941, Париж) — поэт, прозаик, драматург, философ, литературный критик. Отец — из украинского дворянского рода, чиновник придворной конторы, до-

служился до чина действительного тайного советника. Мать — дочь управляющего канцелярией петербургского обер-полицмейстера. В гимназии начал писать стихи, прослушав которые, Ф.Достоевский сказал: «Слабо, плохо, никуда не годится. Чтобы хорошо писать, — страдать надо, страдать!»

Первое стихотворение М. — «Нарцисс», появилось в сборнике «Отклик» (СПб., 1881). В 1884-88 он — студент историко-филологического факультета Петербургского университета. Летом 1888 в Боржоми познакомился с *З.Гиппиус*, 8.1.1889 обвенчался в Тифлисе и вернулся с ней в Петербург. В предисловии к воспоминаниям «Дмитрий Мережковский» она писала: «Мы прожили с Д.С.Мережковским 52 года не разлучаясь, со дня нашей свадьбы в Тифлисе, ни разу, ни на один день».

В 1888 в Петербурге вышла первая книга М. «Стихотворения (1883-1887)», в 1892 — «Символы (Песни и поэмы)», в 1893 — первая литературно-критическая книга «О причинах упадка и о новых течениях современной литературы», в которой обосновывается теория русского символизма. В 1897 появился сборник статей М. «Вечные спутники: Портреты из всемирной литературы» (о Марке Аврелии, Кальдероне, Сервантесе, Монтене, Флобере, Ибсене, Достоевском, Гончарове, Пушкине и др.). В 1895 в «Северном вестнике» печаталась 1-я часть трилогии «Христос и Антихрист» — роман «Отверженный» (в дальнейшем названный «Смерть богов. Юлиан Отступник»), в 1900 в журнале «Мир Божий» — 2-я часть, «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи», в 1904 в журнале «Новый путь» — 3-я часть, «Петр и Алексей», получившая в отдельном издании название «Антихрист» (СПб., 1905; все три части переизд. Берлин, 1922). В 1900-2 журнал «Мир искусства» печатал крупнейшую критическую работу М. «Толстой и Достоевский» (отд. изд. СПб., 1901-2).

М. — один из создателей Религиозно-Философского собрания (1901-3), отчеты которого печатались в журнале «Новый путь» (1903-4); одним из редакторов был М. В 1907 начались заседания Религиозно-Философского общества, в которых принимал участие М. Он переводил Эсхила, Софокла, Эврипида, Лонгуса, итальянские новеллы эпохи Возрождения. В 1906 вышли два его исследования: «Гоголь и черт», «Грядущий Хам» — о близящейся революции.

В 1906 М. и Гиппиус уехали в Париж, где прожили до 1914, временами наезжая в Россию. В 1907 в Париже на французском языке вышел сборник стихов М., Гиппиус и Д.Философова «Le Tsar et la Révolution», в Петербурге — сборники «В тихом омуте» (1908), «Не мир, но меч: К будущей критике христианства» (1908). В 1910 в Петербурге появилось его «Собрание стихов, 1883-1910» и сборник статей «Больная Россия». Наиболее полное собрание сочинений дореволюционного периода в 24 томах вышло в Москве в 1914 (1-е полн. собр. соч. в 17 т. 1911-12). Затем до эмиграции М. опубликовал еще несколько книг в Петрограде: «Было и будет: Дневник, 1910-1914» (1915), «Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев» (1915), «Невоенный дневник: 1914-1916» (1917). Вышла вторая трилогия М. «Царство зла», посвященная судьбам России: драма для чтения «Павел I» (СПб., 1908), «Александр I» (Рус. мысль, 1911-12; отд. изд. 1913; Берлин, 1925; М., 1990) и «14 декабря» (Пг., 1918; Париж, 1921).

В конце декабря 1919 М. с женой, Философовым и секретарем В.Злобиным эмигрировали сначала в Минск и Варшаву, а в октябре 1920 — в Париж, где у М. была собственная квартира. 16.12.1920 он прочитал в Париже первую лекцию — «Большевизм, Европа и Россия», в которой рассмотрел тройную ложь большевиков: «мир, хлеб, свобода» — война, голод, рабство. В 1922 в Мюнхене вышла книга четырех авторов (М., Гиппиус, Философов и Злобин) «Царство Антихриста» — программное выступление в печати после бегства из Советской России, полное живых впечатлений от двух лет жизни в большевистском Петрограде. В 1926 М. и Гиппиус организовали в Париже литературное и философское общество «Зеленая лампа», президентом которого стал *Г.Иванов*. Стенографические отчеты (1-е заседание 5.2.1927) печатались в парижском журнале «Новый корабль» (1927). В эмиграции М. создал исторические и философские романы «Рождение богов. Тутанкамон на Крите» (СЗ, 1924, № 21, 22; отд. изд. Прага, 1925), «Мессия» (СЗ, 1926-27, № 27-32; отд. изд. Париж, 1928). Центральным трудом этого времени стала книга «Иисус Неизвестный» (Белград, 1932; переизд. в журн. «Октябрь», 1992-93), завершившая трилогию о средствах спасения человечества: «Тайна трех: Египет и Вавилон» (Прага, 1925); «Тайна Запада: Атлантида-Европа» (Белград, 1930; М., 1992). Цифра «три» играла исключительную роль в философии истории и культуры у М. Он часто группировал свои произведения в трилогии или придавал им трехчастный характер. В романах М. ощущается воздействие религиозно-философских концепций Вл.Соловьева и В.Розанова, а также стремление осмыслить катаклизмы XX в. в свете духовно-нравственной истории человечества. *Г.Адамович* писал, что М. «думал о Евангелии всю жизнь и шел к «Иисусу Неизвестному» через все свои прежние постро-

ения и увлечения, издалека глядя в него, как в завершение и цель». Вместе с тем он говорил об исходящем от всего сочинения М. «холодке» и объяснял это отвлеченностью и «внежизненностью» — как самыми характерными чертами М. *Б.Вышеславцев* определил это сочинение, переведенное на несколько иностранных языков, как «не литературу, не догматическое богословие, не религиозно-философское рассуждение, а интуитивное постижение скрытого смысла, разгадывание евангельских притч». Рассматривая жанровые особенности другой части трилогии («Тайна Запада: Атлантида-Европа») *Б.Поплавский* назвал ее опытом «непрерывного интеллектуального экстаза», «сплошным экстатическим монологом».

М. давно был известен как мастер жанра биографического романа. В годы эмиграции он создал еще две книги этого рода: «Наполеон» (Белград, 1929; М., 1993) и «Данте» (Брюссель, 1939). В сентябре 1928 М. принял участие в 1-м съезде русских писателей-эмигрантов, организованном югославским правительством в Белграде. При Сербской Академии наук была создана издательская комиссия, выпускавшая «Русскую библиотеку», в первом номере которой вышел «Наполеон» (отрывки в журн. «Новый корабль», 1927, № 2 и СЗ, 1928, № 34, 35). Идеи книги о Наполеоне входят в концепцию «Третьего Завета», проповедовавшуюся М. еще в петербургский период. Судьба мира, согласно этим идеям, высказанным еще в XII в. итальянским монахом Иоахимом Флорским, проходит через три основных этапа: период Бога-Отца, Творца Ветхого Завета, когда жизнь определяется законом (господин и раб); период Сына Божьего Христа (отец и дитя), длящийся и поныне; в грядущем откроется «Третий Завет» — Царство Духа, когда жизнь будет проходить в полной любви и интимности. Наполеон для М. — «последнее воплощение бога солнца, Аполлона». Атлантида и Апокалипсис — это конец первого человечества и конец «Второго Завета». Наполеон — «человек из Атлантиды» и «апокалипсический Всадник» одновременно. Он послан в мир, говорит М., чтобы сказать людям: «Может быть, скоро конец». Философский смысл романа, его «метаисторическое значение» *(М.Цетлин)* определяются обращенностью к настоящему, к тому, что переживала Россия в ту пору. Книга писалась с неизбывной думой о русской революции, о катастрофе 1917, после которой «бесы революции» установили в стране «красный террор». М. говорил о своих исторических произведениях: «Большинство считает, что я исторический романист; и это глубоко неправильно; в прошлом я ищу будущее... Настоящее кажется мне иногда чужбиною. Родина моя — прошлое и будущее».

Среди религиозно-философских сочинений М., написанных в годы эмиграции, выделяются три небольших исследования: «Павел. Августин» (Берлин, 1936), «Св.Франциск Ассизский» (Берлин, 1938) и «Жанна д'Арк и Третье Царство Духа» (Берлин, 1938) под общим заглавием «Лица святых от Иисуса к нам». Отмечая, что подход М. к фигуре Франциска Ассизского не реально-исторический, а историко-философский, *П.Бицилли* утверждал: «Цель автора — указать место Св.Франциска не в истории Европы, а в «вечной», «идеальной» истории».

Посмертно на французском языке издана трилогия М. «Реформаторы», оконченная незадолго до 2-й мировой войны: «Luther» (Париж, 1941), «Calvin» (Париж, 1942), «Pascal» (Париж, 1941). На русском языке трилогия вышла в Нью-Йорке в 1991. Незадолго до смерти М. завершил свою последнюю трилогию об «испанских тайнах»: «Санта Тереза Испанская» (Возрождение, 1959, № 92, 93), «Св. Иоанн Креста» (НЖ, 1961, № 64, 65; 1962, № 69) и «Маленькая Тереза» (Ann Arbor, 1984).

Характеризуя значение М. для русской литературы, Адамович писал: «Влияние Мережковского, при всей его внешней значительности, осталось внутренне ограниченным. Его мало любили, мало кто за всю его долгую жизнь был и близок к нему. Было признание, но не было порыва, влечения, даже доверия, — в высоком, конечно, отнюдь не житейском смысле этого понятия. Мережковский — писатель одинокий». Еще резче оценивал М. в своей лекции в берлинском Русском научном институте 29.6.1934 *И.Ильин*: «Психология, психика, целостный организм души совсем не интересует Мережковского: он художник внешних декораций и нисколько не художник души. Душа героя есть для него мешок, в который он наваливает, насыпает все, что ему, Мережковскому, в данный момент нужно и удобно. Пусть читатель сам переваривает все, как знает... Замечательно, что читателю никогда не удается полюбить героев Мережковского — Мережковский не вчувствуется в своих героев, не вчувствует в них и своих читателей; не любя показывает нелюбимое и не вызывает к нелюбимому никакой любви». О том же еще в 1915 писал В.Розанов, близко знавший М. и оставивший воспоминания о нем в книге «Мимолетное»: «...мне кажется иногда (часто), что Мережковского нет... Что это — тень около другого... Вернее — тень другого, отбрасываемая на читателя... О, как страшно ничего не любить, ничего не ненавидеть, все знать, много читать, постоянно читать и, наконец, к последнему несчастию, — вечно писать, т.е. вечно записывать

свою пустоту и увековечивать то, что для всякого есть достаточное горе, если даже и сознается только в себе. От этого Мережковский вечно грустен».

М. был противником всех форм тоталитаризма. Его философия духовной свободы как основы Царства Божия на земле («Третьего Завета») делала для него невозможным сотрудничество с большевизмом или с нацизмом. Он надеялся на взаимное уничтожение этих двух зол. В радиоречи, произнесенной после нападения Гитлера на СССР, М. остался верен себе и повторил то же, что писал с 1920 о большевизме как абсолютном зле и необходимости крестового похода против большевизма, к чему он в свое время призывал Пилсудского и Папу римского. «Большевизм никогда не изменит своей природы, как многоугольник никогда не станет кругом, хотя можно увеличить до бесконечности число его сторон... Основная причина этой неизменности большевизма заключается в том, что он никогда не был национальным, это всегда было интернациональное явление; с первого дня его возникновения Россия, подобно любой стране, была и остается для большевизма средством для достижения конечной цели — захвата мирового владычества». Не случайно Гиппиус закончила свою книгу о М. словами, что М. и она «были и в начале, и в конце, и всегда «за интервенцию». Писатель верил, что духовное начало, культура и разум, планомерно уничтожавшиеся большевиками, возвратятся в Россию. Он был убежден, что именно повергнутая в кровь Россия духовно возродится и начнет «спасение мира», которое другие народы завершат.

Соч.: Избр. статьи. Мюнхен, 1972.

Лит.: Бахтин Н. Мережковский и история // Звено, 1926, 24 янв., № 156; Ильин В. Памяти Д.С.Мережковского // Возрождение, 1965, № 168; Чижевский Дм. Рец. на: «Избр. статьи» // НЖ, 1973, № 111; Bedford C.H. The Seeker: D.S.Merezhkovskiy. Lawrence (Kansas), 1975; Pachmuss T. D.S.Merezhkovsky in Exile: The Master of the Genre of Biographie-romancée. New York, 1990.

Арх.: ОР РНБ, ф. 481.

А.Николюкин

МЕТАЛЬНИКОВ Сергей Иванович (23.4.1870, Симбирская губ. — 27.9.1946, Париж) — биолог. Отец — Иван Михайлович М., мать — Екатерина Ивановна (урожд. Фатеева, во 2-м браке — Виннер). Отчим, генерал Б.Виннер, был основателем и владельцем порохового и динамитного заводов в Петербурге. Семья располагала большими средствами. По воспоминаниям близкого друга М., философа *Н.Лосского*, Виннеры жили в Петербурге в большом собственном доме на Пантелеймоновской улице и имели «чудное имение Артек у подножия Медведь-горы (Аюдага)» в Крыму. В студенческие годы М. увлекался философией, совместно с Н.Лосским организовал философский кружок, который собирался в доме Метальниковых. М. окончил естественный факультет Петербургского университета и прошел стажировку в лучших западноевропейских научных учреждениях: в 1897 — в Гейдельбергском университете у протозоолога Отто Бючли; в 1897-99 на Неаполитанской зоологической станции у А.Дорна и А.Ковалевского; в 1900-2 в отделе И.Мечникова в Институте Пастера в Париже.

Первые научные интересы М. были связаны с изучением внутриклеточного пищеварения у низших животных (морских ежей, аскарид, инфузорий). В Париже у Мечникова он увлекся проблемой иммунитета; принимал участие в изучении т.н. цитотоксического иммунитета. В 1900, инъекцируя сперматозоиды морских свинок кроликам, он смог получить активную спермотоксическую сыворотку, которая, будучи инокулированной той же морской свинке, вызывала атрофию ее тестикул. Этот эксперимент был в какой-то степени историческим в иммунологии. Он впервые помог расшифровать механизм феномена некоторых форм стерильности и продемонстрировал возможность участия в нем собственных антител. Перу М. принадлежат замечательные обзоры результатов исследования отдела Мечникова в Институте Пастера в Париже по цитотоксическому иммунитету, написанные в 1900-2. Мечников поддержал сравнительные исследования М. по изучению фагоцитоза (клеточного иммунитета) у низших животных. Мечниковская идея о том, что иммунитет к туберкулезу у личинки пчелиной моли (Galleria mellonella), возможно, обусловлен способностью насекомого каким-то образом переваривать воскообразные оболочки туберкулезных бацилл, легла в основу большого цикла исследований М. по фагоцитозу у насекомых. Он экспериментально подтвердил, что туберкулезные бациллы, введенные в организм личинки пчелиной моли, заглатываются ее фагоцитами и гигантскими клетками и очень быстро разрушаются с помощью фермента-липазы. На основе этих данных М. сделал общий вывод о том, что любые способы, приводящие к повышению активности липазы в организме, например, жировое откармливание заболевших животных, могут служить эффективными терапевтическими средствами в борьбе с туберкулезом.

В 1907 М. был избран профессором зоологии Петербургского университета; преподавал зоологию на естественном факультете Высших

женских курсов. В 1909 после смерти П.Лесгафта стал его преемником по Биологической лаборатории. В эти годы им был опубликован ряд статей по иммунитету у беспозвоночных в «Известиях СПб. Биологической лаборатории», а также журнале «Природа», ответственным редактором которого М. являлся со дня его основания в 1915. В 1910-15 М. начал разработку идеи о возможности переноса павловского учения об условных рефлексах на реакции иммунитета. Однако первые же попытки выйти за пределы парадигмы павловского учения потерпели фиаско. Статья М. «Рефлексы как творческие акты», опубликованная в «Известиях Императорской Академии наук» в 1915, вызвала резкую критику со стороны К.Тимирязева, который нашел ее «невежественным пасквилем на все то физиологическое направление, которое благодаря Павлову и Сеченову составляет гордость и силу русской науки». По М., иммунные реакции как бы «вставлены» в эволюционный процесс, это — приобретенные реакции, наследственно закрепленные эволюцией. Безграничное разнообразие вариаций иммунных феноменов у каждого индивидуума обуславливает трудности их контроля в эксперименте. В глазах оппонентов М. этот тезис подрывал доверие к научному эксперименту как таковому. Тимирязев препятствовал публикации работ М. в «Летописях» в 1916. Негативное отношение к М. усилилось после Октябрьской революции, когда началась борьба с «витализмом, менделизмом и мракобесием» в биологии, возглавляемая Тимирязевым. Это, вероятно, сыграло не последнюю роль в решении М. эмигрировать.

В 1918 советское правительство приняло Биологическую лабораторию им. П.Лесгафта, возглавляемую М., на государственный бюджет, она была переименована в Научный институт им. П.Лесгафта. Директором института был назначен шлиссельбуржец Н.Морозов, т.к. М., уехавший организовывать Крымский университет в Симферополе, был отрезан от Советской России фронтом гражданской войны. В 1920 М. покинул Крым и эмигрировал во Францию. Еще в 1919 Эмиль Ру пригласил его возглавить одну из лабораторий в Институте пастера в Париже.

Работа М. в Институте Пастера была чрезвычайно плодотворной. Вначале он вернулся к изучению иммунитета у низших животных и даже запланировал издание книги «Иммунитет у пчел», которую начал писать со стипендиатом Рокфеллеровского фонда К.Тумановым, приехавшим из России. Но после того, как Туманов отказался возвращаться на родину, фонд прекратил финансировать его проект, и издание книги было отложено на неопределенное время. Наиболее активный период жизни М. во Франции связан с изучением роли нервной системы в иммунитете беспозвоночных и позвоночных животных. В эксперименте 1921 с личинкой пчелиной моли он показал, что разрушение определенного участка нервной системы насекомого приводит к невозможности развития иммунных реакций. М. принадлежит описание «нервного центра иммунитета» у низших животных (1937), он характеризовал иммунитет как адаптивную реакцию, как эфферентное звено чувствительности всего организма, находящееся под контролем нервной системы. Он полагал также, что и у высших животных некоторые иммунологические реакции, в том числе и синтез антител, имеют в известной степени условнорефлекторный характер. В 1926 вместе с русским зоологом-эмигрантом В.Шориным М. провел знаменитый эксперимент, в ходе которого он получил доказательства роли условных раздражителей на получение вторичного гуморального ответа без всякого участия антигена. Возникновение болезней и устойчивость к инфекции М. также тесно связывал с психической и ментальной активностью. Идеи М. близки направлению, возникшему в науке в начале 80-х XX в. и названному психонейроиммунологией. Недаром русский ученый признан ее основоположником, хотя современники скептически относились ко многим его выводам.

Большую известность М. принесли его опыты по бессмертию клетки, послужившие основой его знаменитой книги «Проблема бессмертия и омоложения в современной биологии» (Берлин, 1924). Еще в 1908 в своей царскосельской лаборатории М. изолировал несколько инфузорий, за делением которых стал наблюдать. Последовательно опыты с инфузорией были перенесены в 1910 в Биологическую лабораторию, затем в 1918 — в Крым, в 1919 — в Париж. Спустя 22 года́ инфузории безостановочно делились, несмотря на то, что от царскосельского предка их отделяли тысячи поколений. Вывод автора был прост: если на инфузорию не влияют разрушительные внешние причины, она никогда не станет трупом. Следовательно, смерти нет, клетка бессмертна. М. изучал феномены старения организма и пришел к выводу, что природа не может программировать столь короткую человеческую жизнь и что старение вызвано случайными внешними условиями, на которые сам человек может воздействовать, устранив или изменив их.

Последние годы жизни М. были посвящены разработке программы ведения бактериальной борьбы с вредными насекомыми. По его мнению, бактериологические методы обладают большими преимуществами по сравнению с хи-

мическими воздействиями, небезопасными для человека. Им были получены интересные результаты не только в лабораторных условиях, но и на практике, на винограднике, фруктовых деревьях, хлопке и т.д. При жизни М. опубликовал более 250 научных работ на русском и западноевропейских языках.

В эмиграции М. принимал активное участие в работе русских эмигрантских организаций: читал лекции в Русском народном университете, в 1922-23 являлся товарищем председателя его правления; на 1-м съезде Русского национального объединения, проходившем в июне 1921 в Париже, М. вошел в состав избирательной комиссии съезда вместе с *И.Буниным*, князьями Долгоруковыми, И.Васильчаковым, Г.Трубецким, *В.Набоковым*, *М.Ростовцевым*, *А.Куприным*. На 1-м съезде Русских академических организаций, состоявшемся в октябре 1921 в Праге, он представлял Русскую академическую группу из Франции и был избран председателем комиссии по вопросам о положении науки и ученых в России. Имя М. встречается в программе общедоступных курсов медицинских знаний, которые организовывало Общество русских врачей им. Мечникова в Париже. Научный архив ученого находится в Институте Пастера в Париже.

Соч.: Токсические сыворотки // Изв. СПб. Биологич. лаборатории, 1901, т. 4, вып. 4.; Rôle des réflexes conditionnels dans l'immunité // Ann. de l'Instit. Pasteur, 1926, vol. 40 (avec Chorine V.); Le rôle du systéme nerveux et des facteurs biologiques et psychiques dans l'immunité. Paris, 1932.

Лит.: Négre L. Metalnikov Serge (1870-1946) // Ann. de l'Inst. Pasteur, 1946, vol. 72; Ульянкина Т.И. Зарождение иммунологии. М., 1994.

Т.Ульянкина.

МЕТНЕР Николай Карлович (24.12.1879, Москва — 13.11.1951, Лондон) — композитор, пианист, педагог. Его отец, Карл Петрович, был одним из директоров акционерной компании «Московская кружевная фабрика», мать, Александра Карловна (урожд. Гебхард) — певица. Старинные обрусевшие немецкие роды Метнеров и Гебхардов включали в себя много художественно одаренных людей. В русских музеях сохранились портреты художницы-миниатюристки Минны Гебхард, сестры бабушки композитора. С материнской стороны родственниками М. было и музыкальное семейство Гедике. Уже в 6 лет мальчик начал учиться игре на фортепиано, сначала у матери, затем, с поступлением в реальное училище, у брата матери — профессора Московской консерватории Ф.Гедике. Очень рано проявились и его творческие склонности, стремление сочинять и даже попытки записывать свои пьесы. Раннее взросление определило его музыкальный вкус: никакой «детской» музыки, он требовал для изучения Баха, Бетховена, Скарлатти, Моцарта, а через два года занятий решительно заявил, что больше в школу не пойдет, т.к. хочет поступить в консерваторию. В 1892 он стал учеником фортепианного отдела в классе А.Галли, а с 1894 перешел к П.Пабсту. М. много времени посвящал игре на рояле, но параллельно росла и страсть к сочинению. Он начал заниматься с А.Аренским и С.Танеевым, но не регулярно, и курса по композиции так и не прошел.

В 1900 М. окончил консерваторию по классу фортепиано у В.Сафонова с золотой медалью и в августе того же года поехал в Вену на 3-й международный конкурс им. А.Рубинштейна. А.Гольденвейзер, также участвовавший в конкурсе, вспоминал, что по условиям на конкурсе было две премии: одна для композитора, другая для пианиста. Среди композиторов сразу определился лидер — А.Гедике, также из Москвы. Только этим, по мнению Гольденвейзера, объяснялось получение М. Почетного отзыва, а не премии — жюри не хотело давать обе премии русским конкурсантам. Так или иначе, но это был заметный успех молодого пианиста. Он получил приглашение на большое концертное турне по Европе, однако отказался от него, не согласившись на программы, составленные Сафоновым. К тому же его влекли собственные творческие планы: сочинительство захватывало его все больше и больше. И это не преувеличение; по словам жены, А.Метнер, темы к М. «приходили сами». М. признавался Гольденвейзеру, что «у него при сочинении бывает такое чувство, как будто он должен запечатлеть то, что где-то уже существует, ему же нужно только снять все лишнее, выявить подлинную сущность этой музыки в предельном приближении к тому идеальному образу, который он ощущает». Такая погруженность в сферу звуков делала процесс сочинения почти непрерывным; темы возникали даже во сне, некоторые использовались спустя многие годы после первой записи (так случилось с темой Квинтета, последнего сочинения композитора). «На протяжении ряда лет у него накапливались записи музыкальных мыслей... и заполняли довольно большой чемодан. Сергей Васильевич Рахманинов даже подтрунивал над этим «имуществом» и спрашивал: «Нельзя ли взять из него что-либо взаймы?» — вспоминала жена.

Одновременно М. вел преподавательскую работу: сначала в московском Елизаветинском институте (с 1900), затем (с 1909) — профессура в Московской консерватории. М. не любил преподавание, ибо оно отвлекало его от

сочинения; он всегда брал небольшую нагрузку. Но именно эта работа обеспечивала постоянный скромный заработок. Однако, занимаясь с учениками, независимо от того, были они консерваторскими или частными, он не щадил себя, щедро делился своими знаниями и опытом. Некоторые из учеников М. по много лет пользовались его консультациями, например (уже в пору его эмигрантства), английская пианистка Э.Айлз, приезжавшая с этой целью из Бирмингема во Францию, профессор Йельского университета Э.Грёман, дочь французского композитора Марселя Дюпре — Маргарита Дюпре.

Характерная для композиторского стиля М. преданность романтической традиции была не только естественным проявлением природных склонностей, но и осознанной позицией, протестом против бездуховного, бездумного отношения к искусству, против всегда ему чуждого модернизма. Один из музыкантов — *В.Поль*, вспоминал, что мысль о моральной ответственности композитора, о том, что музыкальное произведение имеет «духовный смысл и что сочинение музыки есть поступок, о последствиях которого художник должен думать», неоднократно повторялась М. Этот своего рода моральный императив являлся важной составной частью его творчества. Сочинения М. неброски и не монументальны. Он много писал для фортепиано и для голоса с фортепиано. Эта сосредоточенность на камерной музыке отвечала его индивидуальности и одновременно позволяла ему выступать исполнителем своих сочинений, к звучанию которых он был достаточно внимателен и придирчив. Его глубина не страдает многозначительной загадочностью. Даже в драматических сочинениях нет ложного пафоса. Всюду сохраняется сдержанный, отмеченный благородством тон высказывания. «Лирическое раздумье» — вот образ, отмечающий его лучшие страницы. Эта доверительная, внутренняя исповедальность интонации захватывала чутких слушателей. Многие находили в музыке М. — внешне замкнутого, отгороженного, — ту теплоту чувства, которой им не хватало в окружающем мире.

М. много сочинял, до отъезда за границу написаны 40 из 60 с небольшим опусов. Параллельно он выступал как пианист, а также в паре с известной певицей Олениной-д'Альгейм. В своем исполнении М.-пианист также избегал всего вычурного, блестящего, не стремился к эффектам; он прежде всего хотел донести до слушателя глубину мысли и чувства автора произведения. Его интерпретации покоряли серьезностью и искренностью тона, чистотой вкуса, верностью стилю. Богатство палитры было подчинено художественной и содержательной задаче. Он как бы заново слышал произведение и передавал эту свою способность слушателям. Тайну его артистичности составляла именно глубокая одухотворенность, проникновение в музыкальную и эмоциональную сущность исполняемого произведения.

В 1911 М. ушел из консерватории, некоторое время жил в селе Траханееве, в имении друзей. Там композитор нашел необходимое уединение. Однако в 1913 ему пришлось снова вернуться в Москву. Того требовали и работа в Российском музыкальном издательстве, и необходимые для семейного бюджета частные уроки. М. с женой и старшим братом Эмилием поселился в Саввинском переулке на Девичьем поле, тогда московской окраине. С 1915 он вновь преподавал в консерватории, но лишь до 1919, когда, потеряв московскую квартиру и, следовательно, возможность работать в Москве, вынужденно жил в дачном поселке. К этому времени распалась дотоле сплоченная семья Метнеров: умерли мать и отец, на фронте погиб старший брат (Карл), другой (Эмилий) в 1914 уехал в Германию, а после начала войны был интернирован в Швейцарию. Не имея работы, постоянного жилья, лишившись близких, М. принял в 1921 решение уехать в Германию, где в сезон 1921/22 дал три концерта (в Берлине и Лейпциге), а в следующем сезоне выступил в Польше (в Варшаве и Лодзи). В программы концертов входили в основном сочинения самого пианиста, кроме того, он несколько раз сыграл Четвертый фортепианный концерт Бетховена.

В 1924, после посещения Швейцарии и Италии, Метнеры осели во Франции, в местечке Эрки в Бретани. Оттуда М. выехал на концерты в США. Этим первым турне он обязан заботам *С.Рахманинова*, который поддерживал композитора в годы его зарубежных скитаний. По соглашению с фирмой «Стейнвей» М. должен был играть с лучшими симфоническими оркестрами в разных городах. В поездке он выступал с необычной для него интенсивностью: с 31.10.1924 до 13.3.1925 он дал 17 концертов, исполняя свой Первый концерт, а также Четвертый — Бетховена. В сольных программах, кроме своих сочинений, М. играл сонаты Скарлатти и Бетховена, Фантазию Шопена, пьесы Листа, а также выступал с певицей, исполнявшей его романсы и песни. Эта поездка, финансово обеспечившая семью, предоставила возможность на некоторое время отдаться сочинению. Вернувшись во Францию, Метнеры поселились в местечке Фонтен-д'Иветт в 30 км от Парижа. Неподалеку отдыхал Рахманинов, и они постоянно общались. Здесь композитор сочинил Вторую скрипичную сонату, Второй концерт для фортепиано, Сказки ор. 48. Отсюда в

феврале 1927 М. поехал на концерты в Россию. В Москве, Ленинграде, Одессе, Киеве, Харькове состоялись его выступления, доставившие радость не только слушателям, но и самому концертанту. Он уезжал из России с надеждой вскоре вернуться обратно и показать здесь сочинения последних лет. Однако помешали иные гастрольные планы. В 1928 по приглашению певицы Т.Макушиной М. совершил поездку в Лондон.

Летом 1928 он жил в нормандской деревушке Виллер-сюр-Мер, неподалеку от Рахманинова, который показывал М. посвященный ему Четвертый фортепианный концерт. В 1929/30 М. вновь совершил турне по США и Канаде, затем дал концерты в Англии. Со временем его начали утомлять бесконечные странствия и переезды. В начале 30-х композитор много размышлял об эстетических вопросах. Он собирал разные мысли о музыке в книгу под названием «Муза и мода», в которой подытоживал свои суждения о назначении музыки, ее путях и современном ему творчестве. Книга была издана стараниями и на средства Рахманинова, а позже, в 1951, вышел и ее английский перевод, сделанный другом и почитателем М. — А.Сваном.

В конце 1935 М. обосновался в Англии, в небольшом домике в северной части Лондона. Он выступал с концертами еще два сезона (1935/36 и 1936/37), после чего сосредоточился на композиторской работе. Если и выступал, то только со своими сочинениями. В 1942 перенес инфаркт, приковавший его на два месяца к постели. Но лишь оправился, занялся оркестровкой только что сочиненного Третьего фортепианного концерта, который сам же исполнил в 1944 с оркестром Лондонского филармонического общества. Получив приглашение на большое турне в США в сезон 1947/48, М. согласился на поездку, но не чувствуя в себе достаточно сил, отложил ее на год. Это решение имело удивительные последствия. Судьба, словно решив вознаградить его за годы тревог и лишений, подарила ему — последнему романтику — чудесную романтическую историю. Согласно рассказу Свана, незадолго до войны молодой индийский студент Джайя Гамараджа Уадиар, наследник магараджи, по пути из Оксфорда домой случайно у своей сестры в Берлине услышал одну из сказок М. Пьеса произвела на него столь сильное впечатление, что он дал обет записать ее на граммофонные диски. Во время войны Уадиар унаследовал княжество, а в 1946 по его распоряжению было достигнуто соглашение с фирмой «His Masters Voice», в результате которого появились три альбома грампластинок с записями произведений М. В альбомы вошли все три Концерта, фортепианные и вокальные произведения. В знак благодарности М. посвятил Уадиару свой Третий фортепианный концерт. Существуют и другие пластинки с записями сочинений композитора: Третья скрипичная соната в исполнении американских артистов Э.Розенблита и Б.Рубакина, ряд песен в исполнении Э.Шварцкопф с автором. Это была его последняя работа, сделанная в 1950.

Лит.: Долинская Е. Н.Метнер. М., 1966; Н.К.Метнер. Воспоминания. Статьи. Материалы. Сост.-ред. З.А.Апетятян. М., 1981.

Д.Дараган

МЕЩАНИНОВ Оскар Самойлович (21.4.1886, Витебск — 1957, шт. Калифорния, США) — скульптор. Учился у Ю. Пэна, затем в Одесской художественной школе, с 1906 в Париже, в Школе декоративных искусств и в Академии изящных искусств (мастерская А.Мерсье), однако, разочаровавшись в возможностях натуралистического академического искусства, вскоре ее покинул. Работал помощником у Ж.Бернара, позднее М. пригласил его консультантом в скульптурное ателье Русской академии в Париже. Жил в «La ruche» («Улье»). Работы М. свидетельствовали о внимательном изучении им древнеегипетской и ранней античной скульптуры; романская и готическая скульптура укрепили его устремление к лаконичному обобщению и синтезу форм в пластике.

С 1908 участвовал в выставках Национального общества изящных искусств, с 1912 регулярно экспонировал свои работы на Осеннем салоне. Один из влиятельных критиков отметил в 1915 в качестве основных черт его творчества глубинное постижение мировой культуры и талантливое претворение великих традиций. Многолетняя дружба связала М. с Диего Ривера, который написал в начале 1910-х его кубистический портрет; остро-характерную внешность М. запечатлели также *Х.Сутин* и А.Модильяни.

В мировом скульптурном наследии М. больше всего привлекали произведения архаического характера. В 1919 он совершил первое путешествие в Камбоджу для ознакомления с храмовыми ансамблями Ангкора, в 1927 — в Индию, где знакомился со скальными храмами Эллоры.

В 1920-е М. играл видную роль в парижском Обществе русских художников, способствовал устройству выставки «Современное французское искусство» в Музее нового западного искусства в Москве в 1928. В связи с этим он в последний раз приехал на родину, посетил Ленинград и Москву; выступил с рассказом о художественной жизни послевоенно-

го Парижа. Одну из работ М., представленных в русском отделе выставки («Девушка с букетом», 1927), предполагала приобрести Третьяковская галерея; реально туда поступил «Человек в цилиндре» (1922), наиболее известная из работ М., демонстрировавшая его понимание скульптурной формы прежде всего как композиции из обобщенных, архитектонически выдержанных объемов.

2-я мировая война заставила М. эмигрировать в США. Последние годы его жизни были отданы преимущественно созданию портретов; один из лучших — «Портрет Пьера Вертхеймера» (1950).

Работы М. охотно приобретались коллекционерами и престижными музейными собраниями. Мраморная «Девушка» (1912) и бронзовый бюст Жозефа Бернара (1933) вошли в коллекцию Музея Израиля в Иерусалиме; в Национальном музее современного искусства в Париже хранятся «Человек в цилиндре», «Причесывающаяся обнаженная» (1937); в музее «Stedelÿk» в Амстердаме — бронзовый «Портрет матери художника» (1915). Много работ М. находятся в художественных музеях США (Кливленд, Нью-Йорк, Лос-Анджелес и др.). В Русском музее — «Голова девы» (1912).

Персональные выставки М. прошли в Пти-Пале в Париже (1939), в одной из галерей Нью-Йорка (1944) и в Музее искусств графства Лос-Анджелес (1955).

Лит.: Oscar Miestchaninoff. Sculpteur, explorateur, collectionneur par Waldemar George. Paris, 1966.

А.Шатских

МИЛИОТИ Николай Дмитриевич (16.1.1874, Москва — 1962, Париж) — живописец, график. Из купеческой семьи. Окончил частное реальное училище Воскресенского в Москве. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1894-1900) у А.Архипова, Н.Касаткина, *Л.Пастернака*, В.Серова, входил в кружок П.Кузнецова. Продолжал образование в художественных школах Парижа у Ж.-П.Лорана, Б.Констана и М.Уистлера. Член творческих объединений «Голубая роза», «Свободная эстетика» (1907-17), «Мир искусства» (1915-16; входил в его Комитет). Участвовал в выставках «Алая роза» (1904, Саратов), «Голубая роза» (1907, Москва), «Союз русских художников» (1905-9, Москва-Петербург), «Мир искусства» (1906, 1911, 1912, Москва-Петербург) и др. В 1900 выставлял свои произведения в Париже на Международной выставке (и, по словам М., «был единственным, продавшим свои вещи в первые коллекции Парижа»), в 1906 — в Париже и Берлине, в 1907 — в Венеции. Вместе с младшим братом Василием принадлежал к числу московских художников-символистов, наследников М.Врубеля и В.Борисова-Мусатова. Произведения М. — бессюжетные, смутные по содержанию, загадочные — завораживали современников красотой живописной музыки; вместе с тем это были обдуманно построенные, декоративно-организованные композиции («Ангел печали», «Звон», «Волшебная роза», «Les Galats», «Шум моря», «Пастораль» и др.). Как писал *С.Маковский*, «из волшебного грота Н.Милиоти выходишь отуманенный, оглушенный звенящими переливами красок ...их воздействие не внешнее, физическое, а психологическое; в красочных аккордах почти всегда — сложные, острые признания. Рассказ отсутствует, отвергнута определенность образов..., творческое намерение остается идейно-символическим». Сравнивая М. с его товарищами из «Голубой розы», Маковский считал его менее непосредственным, но более зрелым и опытным мастером, уверенно владеющим формой и рисунком. «Его лиловые, розовые, знойно-синие вихри, опаловые и смарагдовые дожди, изумрудные россыпи — не случайные красивые пятна, но обдуманный, строго вылепленный узор. Они пластичны, в этом их особенная прелесть. В них тоже лиризм нежной символики: певучий ритм Верленовских признаний и «райские кущи» Бодлера».

В начале 1-й мировой войны М. был мобилизован; воевал в чине прапорщика в Галиции, командовал батареей. Товарищи свидетельствовали, что «обычно нервный и впечатлительный, в бою он спокоен, выдержан, деятелен». Демобилизован в июне 1917 по решению Временного правительства.

Эмигрировав после октября 1917, жил в Берлине, входил в Совет Дома искусств. С 1922 — в Париже. Был в числе русских художников, которые испытывали крайнюю нужду. В 1924 М.Нестеров утверждал, что они, в том числе М., «одичали от голода». Сам М. признавался, что «погибал». Работал в кукольном театре Ю.Сазоновой, в 1929-30 преподавал в академии Т.Сухотиной-Толстой. В дальнейшем его положение несколько изменилось к лучшему. В письме к А.Остроумовой-Лебедевой (1949) М. сообщал, что за годы эмиграции, «по общему признанию, сделал самый большой путь... Мое имя как портретиста известно не только в Париже, но и в Италии, и в Америке». В 1938 в Париже состоялась персональная выставка М. *К.Сомов* писал М., что его «многое восхитило», «но особенно замечательный, безупречный портрет Т.А.Толстой».

Из др. портретов известны портреты Г.Гиршман, *А.Бенуа*, *Н.Тэффи*, *Ф.Шаляпина*. Новая

персональная выставка М. состоялась в 1949 в Биаррице. В 1957 А.Бенуа ответил заместителю директора Третьяковской галереи Г.Недошивину, что М. *«по-прежнему живет в Париже* ...и продолжает, несмотря на всякие хвори, с успехом работать. Главным образом, портреты». По словам же *Н.Берберовой*, М. «до последних дней... искал прибежище у обожавших его женщин... Седой как лунь, в рваном пальто, заколотом английской булавкой, с мешком за плечами и беззубый, выглядел как типичный «клошар» — бездомный бродяга».

Произведения М. имеются в Третьяковской галерее, в Русском музее, в музеях Франции, Голландии, Люксембурга, Швеции, Болгарии, Югославии, Австралии, в частных собраниях.

Лит.: Маковский С. Современные русские художники / Страницы художественной критики, кн. 2, СПб., 1949; Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические заметки, кн. 1-2. М., 1974; Сергей Дягилев и русское искусство, т. 1-2. М., 1982.

И.Гофман

МИЛЬШТЕЙН Натан Миронович (18.12.1904, Одесса — 21.12.1992, Лондон) — скрипач. Уже в раннем детстве обнаружилось незаурядное музыкальное дарование мальчика, что позволило родителям обратиться к известному педагогу профессору П.Столярскому. Под его руководством юный музыкант сделал столь значительные успехи, что через три года занятий Столярский направил его в Петербургскую консерваторию. В 1914 после прослушивания М. поступил в класс профессора *Л.Ауэра*, ученики которого (*М.Эльман*, *Е.Цимбалист*, М.Полякин, *Я.Хейфец*) добились всемирного признания. Оттачивая виртуозное мастерство юного М., развивая его природную индивидуальность, Ауэр прививал ему навыки правдивой интерпретации произведений, воспитывал музыкальный вкус и исполнительскую культуру.

Первые публичные концерты М. состоялись в 1920: он дебютировал в Одессе, где исполнил с симфоническим оркестром скрипичный концерт А.Глазунова под управлением автора. В память о блестящем исполнении растроганный композитор преподнес 16-летнему артисту свой фотопортрет с теплой дарственной надписью. Вскоре состоялись и сольные концерты скрипача в Одессе, Харькове и Киеве. Здесь он познакомился с семьей талантливых музыкантов — братом и сестрой Горовиц. Регина стала его постоянным аккомпаниатором и сопровождала скрипача во всех его многочисленных поездках по России. С 1923 М. стал выступать вместе с *В.Горовицем*, в то время выпускником Киевской консерватории. По воспоминаниям современников и отзывам прессы, их исполнение сонат Бетховена и Брамса, Грига и Франка покоряло романтической вдохновенностью, *необычайной виртуозностью*, художественным совершенством и тонкостью.

Состоявшийся в 1925 парижский дебют М. и последовавшие затем гастроли по многим европейским странам принесли ему славу одного из самых блистательных скрипачей-виртуозов. В его дальнейшем творческом формировании важную роль сыграли занятия в Брюсселе с прославленным скрипачом Эженом Изаи (1926) и многочисленные совместные выступления в трио с В.Горовицем и *Г.Пятигорским*. В сезоне 1928/29 по приглашению знаменитого американского дирижера Л.Стоковского М. впервые выступил с Филадельфийским симфоническим оркестром, и вскоре — с Нью-Йоркским филармоническим, вызвав бурный восторг публики. В это время музыкант поселился в США, но продолжал активно концертировать по всему миру. В годы 2-й мировой войны артист постоянно выступал в воинских частях, давал концерты в пользу раненых и семей погибших на фронтах. После войны М. много выступал в Европе. Особенно значителен был его вклад в музыкальную жизнь Франции; показательно, что много лет спустя, в 1968, артист был награжден орденом Почетного легиона.

Уже в начале 1930-х в манере скрипача, наряду с феноменальной виртуозностью, буквально ошеломлявшей слушателей, критики отмечали чуткость в восприятии стиля произведения, убедительность передачи авторского замысла, бурную эмоциональность, контролируемую незаурядным интеллектом. При этом в его игре подчеркивались и особая теплота, сердечность высказывания, властный волевой ритм, насыщенность звучания инструмента. С годами арсенал выразительных средств М. еще более расширился. Тонкий вкус, великолепное чувство формы произведения помогали ему создать законченное художественное впечатление. Глубокое же проникновение в сокровенные тайники человеческого сердца создавало ту особую наполненность, жизненность музыкальных образов, которой стало отличаться искусство зрелого художника.

Еще в России репертуар М. включал, наряду с крупными сочинениями И.С.Баха, В.А.Моцарта, Л.Бетховена, Ф.Мендельсона, И.Брамса, П.Чайковского, множество виртуозных пьес Н.Паганини, Г.Эрнста, Г.Венявского. Позднее все большее место в репертуаре М. стали занимать сочинения старых мастеров, а также концерты, сонаты и миниатюры современных авторов. Исключительной по силе впечатления была его интерпретация, например, сонаты «Дьявольские трели» Дж.Тартини, Шести сонат и партит

для скрипки соло Баха. В исполнении последних особенно покоряла способность артиста подчинить труднейшие технические проблемы высшей цели — передаче глубины баховской мысли, жизненной силы его искусства. Как-то давая интервью, М. заметил: «Какую бы музыку я ни представлял слушателям, в моих программах всегда присутствуют два автора — Бах и Паганини. Что касается Баха, например, то я не могу и мысли допустить, чтобы дать сольный концерт, не исполнив одного из его произведений. И хотя музыка их очень отличается по стилю, думаю, кроме Баха и Паганини нет других композиторов, которые бы столь волнующе и захватывающе писали для скрипки». Не случайно, по-видимому, на пороге 50-летия артист создал свои вариации «Паганиниана» для скрипки соло, где на теме Каприса № 24 Паганини дана как бы ретроспекция искусства великого артиста. Уникальное произведение скрипичной литературы, «Паганиниана» стала своеобразным «музыкальным памятником» родоначальнику виртуозно-романтического искусства, созданным одним из самых замечательных виртуозов XX столетия.

Соч.: Из России на Запад. Воспоминания. Лит. запись С.Волкова. Нью-Йорк, 1990 (2-е изд. Лондон, Нью-Йорк, 1992).

Лит.: Gavoty B. Nathan Milstein. Geneva, 1956.

В.Руденко

МИЛЮКОВ Павел Николаевич (15.1859, Москва — 31.3.1943, Экс-ле-Бен, Франция) — историк, политический деятель. Отец М. — городской архитектор, инспектор художественных училищ, профессор Московской школы ваяния и зодчества (в конце жизни — оценщик в одном из московских банков). Мать — из дворян рода Султановых, владела имением в Ярославской губернии. С детства М. любил музыку, играл на скрипке и альте. Окончив в 1877 1-ю московскую гимназию, поступил на историко-филологический факультет Московского университета, учился у Ф.Фортунатова, В.Миллера, М.Троицкого, В.Герье, П.Виноградова, В.Ключевского, из них особенно ценил двух последних. В гимназические и студенческие годы занимался репетиторством, чтобы поддержать семью (отец М. умер в 1879). За участие в студенческой сходке в 1881 исключен из университета, через год восстановлен; в промежутке побывал в Италии.

По окончании в 1882 университета оставлен на кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию. С 1886 приват-доцент, читал несколько спецкурсов: по историографии (впоследствии оформлен в книгу «Главные течения русской исторической мысли», 1897), по исторической географии и истории колонизации в России. Продолжал преподавать историю в 4-й женской гимназии, вел занятия по истории и истории русской литературы в Земледельческом училище. В 1888 женился на А.Смирновой, дочери церковного историка С.Смирнова, ученице Ключевского. 17.5.1892 защитил магистерскую диссертацию «Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» (М.,1892). Огромный архивный материал позволил М. раскрыть связь петровских реформ в области государственного устройства с податной и финансовой системой, с деятельностью административных органов. Но, выступая против крайних оценок Петра I (отождествление реформы и реформатора; реформа — выражение логики органического развития России), М. сводил значение деятельности Петра к роли регистратора событий, лишенного сознательных и целесообразных стремлений. Виноградов предложил присудить М. сразу докторскую степень, однако Ключевский выступил против, считая, что М. мог бы написать более совершенную работу. Книга была удостоенна премии им. С.Соловьева.

С начала 90-х М. — член Общества истории и древностей российских, Московского археологического общества, Общества естествознания, географии и археологии. Вел просветительскую деятельность в Московском комитете грамотности, в Комиссии по самообразованию. За «намеки на общие чаяния свободы и осуждение самодержавия» в лекции, прочитанной в Нижнем Новгороде, в начале 1895 уволен из университета с запрещением преподавать в других учебных заведениях и сослан в Рязань, где участвовал в археологических раскопках и начал работу над «Очерками по истории русской культуры» (М., 1896-1903). В этом труде М. аккумулировал завоевания предшественников: внимание к географическому фактору, демографическим и колонизационным процессам, особый интерес к экономической, социальной и культурной истории, к роли государства, позитивистский факторный подход и стремление к культурно-историческому синтезу. Рассматривая историю России на фоне и в сравнительном сопоставлении с историей Западной Европы, М. утверждал, что развитие России шло в русле общих закономерностей, но отличалось рядом специфических черт: запоздалостью исторических процессов, особым и определяющим значением государства, от политики которого зависело развитие экономики, культуры и социальных отношений.

В 1897 читал лекции по всеобщей истории в Высшем училище в Софии (прекратил чтение по требованию русского посла), путешествовал

по Македонии («Письма с дороги» публиковались в «Русских ведомостях» в 1897-99). В 1901 вновь арестован в Петербурге. Автор программы Союза освобождения, сотрудник журнала «Освобождение». В статьях и лекциях за границей в 1902-5 (в США, Англии и др. странах) пропагандировал необходимость установления в России конституционного правления, ориентируясь прежде всего на политический строй Англии. Вернувшись в апреле 1905 в Россию, сосредоточил свои усилия на политической деятельности. Один из лидеров созданной в октябре конституционно-демократической партии (партии народной свободы). Редактор центрального органа партии — газеты «Речь». В условиях роста революционного движения и попыток правительства привлечь на свою сторону либералов стремился построить партию «третьей возможности», которая могла бы направить революционное движение в русло парламентской борьбы, «спасти революцию от нее самой» и реально ограничить монархию. Депутат 3-й и 4-й Государственной думы, лидер кадетской фракции. Проявлял в своей думской деятельности тактическое искусство, диктовавшееся желанием сохранить ростки парламентаризма в России, не отказываясь ни от критики правительства, ни от сближения с ним, ни от использования революционной борьбы, прибегая подчас к сложным политическим комбинациям и демагогии.

Сторонник мирного разрешения международных конфликтов, М. в начале 1-й мировой войны заявил об отказе от оппозиции для победы России, но в 1915 организовал в Думе Прогрессивный блок с целью создания правительства общественного доверия, возобновив конфронтацию с режимом. В апреле-мае 1916 посетил в составе думской делегации Швецию, Норвегию, Англию, Францию, Италию. 1.11.1916 подверг в Думе резкой критике правительство, намекая на «измену» верхов; по свидетельству охранки, благодаря этой речи он «стал героем дня». Февральскую революцию М. предвидел и считал неизбежной, но пытался сохранить монархию, передав престол великому князю Михаилу. Вошел во Временный комитет Государственной думы и в качестве министра иностранных дел — в состав Временного правительства. Провозглашенный М. внешнеполитический курс — война до победного конца в единении с союзниками — привел его к отставке (апр. 1917); впоследствии описал Февральскую революцию и свою роль в ней, а также последующие события до октября 1917 в «Истории второй русской революции» (София, 1921-23; Париж, 1927). Видел цель кадетской партии в 1917 в ликвидации политической роли Советов и в создании «сильной власти», способной обуздать большевиков и продолжать войну. Участвовал в Совещании пяти партий (июль), в Государственном совещании (авг.), во Временном совете Российской республики (Предпарламент, сент.-окт.).

Октябрьскую революцию встретил враждебно. С конца 1917 один из организаторов попыток объединения антибольшевистских сил в России и за границей, в том числе путем союза с Германией. В конце 1918 направлен для переговоров о военной помощи в Париж, но был выслан правительством Клемансо как германофил. Член Комитета освобождения России, созданного в январе 1919 в Лондоне при материальной поддержке правительства Колчака, редактор еженедельника «The New Russia».

В январе 1921 переехал в Париж. Пересмотрев опыт белого движения, разработал «новую тактику» борьбы с большевистской Россией, которая строилась на признании главных последствий революции — республики, федерации, передела земли. Считал необходимым изучение Советской России, учета эволюции власти и изменений в условиях ее существования; исключал интервенцию как средство освобождения России от большевизма «вопреки воле народа». Парижская группа кадетов во главе с М. создала Республиканско-демократическое объединение в Париже, подобные объединения были созданы в других центрах Европы для консолидации эмигрантов вокруг платформы М. «Новая тактика» встретила сопротивление, в том числе в кадетской партии и особенно среди монархистов, сторонники которых в 1922 совершили покушение на М. во время его выступления в Берлине, за ним последовало еще одно — в 1927 в Риге. С марта 1921 и до 1941 М. — главный редактор наиболее влиятельной эмигрантской газеты «Последние новости». Учредитель и председатель Общества русских писателей и журналистов, Клуба русских писателей и ученых, Комитета помощи голодающим в России (1921). Один из организаторов Русского народного университета. Читал лекции в Сорбонне, во Франко-русском институте. Возглавлял празднование 100-летия восстания декабристов, 200-летия со дня рождения Петра I, юбилея Московского университета, «Дня русской культуры» и др. юбилеев. Выступал с докладами и лекциями во многих странах, особенно часто в Чехословакии. Вернулся к научной работе: подготовил к публикации новое издание «Очерков по истории русской культуры» (Париж, 1930-37), посвятив его умершей в 1935 жене; в 1927 на основе лекций, прочитанных в 1921 в Бостоне, издал двухтомную книгу о гражданской войне «Россия на переломе». Одновременно писал многочисленные статьи для «Последних новостей»,

«Иллюстрированной России», «Британской энциклопедии», и др. изданий. Оставался, как и раньше, страстным библиофилом. В эмигрантский период в М. по-прежнему органично сосуществовали политик и историк: занятия историей научили его сдержанности, философскому подходу к действительности; политическая деятельность развила в нем глубину проникновения в историческое прошлое, умение ассоциативно мыслить, он всегда, по собственному признанию, стремился связать прошлое с настоящим. В 1929 русская эмиграция и мировая общественность широко отмечали 70-летний юбилей М. На средства, врученные болгарским правительством М. как верному защитнику славянской идеи, он приобрел дом на юге Франции. 80-летие М. прошло в домашней обстановке (с 1935 был женат на Н.Лавровой).

Тяжело переживал обострение международной обстановки накануне 2-й мировой войны, усиление фашистской Германии, Мюнхенское соглашение и оккупацию Чехословакии. Одобрил заключение советско-германского пакта (1939), но считал неизбежным нападение Германии на СССР. Доказывал, что в этом случае русская эмиграция «должна безоговорочно быть на стороне своей Родины». Во время наступления немцев на Париж переехал на дачу близ Фонтенбло, затем в Виши, Монпелье, с мая 1941 жил в Экс-ле-Бен. Отступление советских войск воспринимал трагически, Сталинградскую битву оценивал как поворотный этап в войне. Полемизируя с *М.Вишняком* (1943), признавал определенные достижения большевиков (укрепление государственности, экономики, армии и т.п.), писал, что «народ в худом и хорошем связан со своим режимом», «примирился с его недостатками и оценил его преимущества». Работал над воспоминаниями, которые не успел завершить.

Скончался в гостинице Экс-ле-Бен; прах М. перенесли позднее в семейный склеп в Париже.

Соч.: Письма П.Н.Милюкова М.А.Осоргину 1940-1942 годов // НЖ, 1988, № 172-173; Воспоминания. М., 1991.

Лит.: П.Н.Милюков. Сб. материалов по чествованию его 70-летия (1859-1929). Париж, 1929; Седых А. Далекие, близкие. [Нью-Йорк], 1970; Вандалковская М.Г. П.Н.Милюков, А.А.Кизеветтер: история и политика. М., 1992; Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П.Н.Милюкова, ч. 1. М., 1993.

М.Вандалковская

МИНСКИЙ (наст. фам. Виленкин) Николай Максимович (15.1.1855, с. Глубокое, Виленская губ. — 2.7.1937, Париж) — *поэт, философ, публицист, переводчик*. Из небогатой еврейской семьи (в 1886 принял православие). В 1875 окончил с золотой медалью минскую гимназию, в 1879 — юридический факультет Петербургского университета со степенью кандидата права. Печататься начал в 1876 в «Журнале русских романов и путешествий», с 1877 — в журнале «Вестник Европы». В поэме «Последняя исповедь» (Народ. воля, 1879, № 1), в сборнике «Отклик» (СПб., 1881), в журнале «Устои» (1881-82) пропагандировал народнические идеи. В списках распространялась запрещенная духовной цензурой поэма «Гефсиманская ночь» (сер. 80-х). В «гражданских стихах» М., написанных под влиянием Некрасова, над мотивами «мести» преобладали мотивы «печали», предвосхищая элементы декаденства. Поэма М. «Белые ночи» (1879) была любимым произведением *К.Бальмонта* и Ф.Сологуба. В 1883 цензура сожгла тираж его сборника «Стихотворения», по поводу которого, вспоминал М., «министр Д.Толстой кричал и топал на меня ногами»; сборник вышел снова в 1887 (репринт — Мюнхен, 1977). После этого неожиданно для читателя М. объявил себя вместе с И.Ясинским (газета «Заря», Киев, 24.7.1884) сторонником «чистого» искусства.

В «богоискательской» книге «При свете совести: Мысли и мечты о цели жизни» (СПб., 1890) отрицал наличие у человека альтруистических чувств и обосновал «религию небытия» — «меонизм» (от греч.: «meon» — несуществующее), вобравший в себя народнические мотивы «совести» и «жертвы» и различные положения религиозно-мистических учений. Как писал позднее М., он поднял «знамя индивидуализма, самообожествления, эстетизма», провозгласив «культ абсолютной личности». «...Чтобы сделать возможным любовь к людям и служение им, декадентство как бы отвернулось от людей...» Среди интерпретаций взглядов М. выделяется точка зрения, высказанная в эмиграции *С.Маковским*: «В его «собственной» метафизике небытия, «меонизме», какое-то мерещится мне теперь предчувствие хайдеггеровского экзистенциализма». Пропагандируя свои воззрения, М. читал лекции, сотрудничал в журналах «Северный вестник» (1891-98), «Мир искусства» (1899-1904). Инициатор вместе с *Д.Мережковским* и В.Розановым Религиозно-философских собраний (1901,1902-3). Трактатом «Религия будущего: Философские разговоры» (СПб., 1905) М. утвердил за собой, по словам С.Венгерова, «печальное титло отца русского декаданса». Печатался в журналах «старших» символистов «Весы» (1904-9) и «Золотое руно» (1906-9). Драма «Альма» (1909) — апофеоз и художественная иллюстрация «меонизма».

В период 1-й русской революции М. полагал «внутренне необходимым» союз между

символизмом и революцией: «новаторы в области искусства не могут не стать рука об руку с преобразователями практической жизни». Исходя из этого, М. предоставил в 1905 большевикам имевшееся у него право на издание газеты «Новая жизнь», опубликовал там «Гимн рабочих», начинавшийся словами «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и перевод «Интернационала». Отвечая критикам (*Н.Бердяеву*, Д.Философову и др.), упрекавшим М. за то, что он позволил В.Ленину и М.Горькому нападать на метафизику и религию, писал: «В ту пору, в самый разгар борьбы за свободу, я не счел себя вправе из-за философски-эстетических разногласий сорвать издание газеты, игравшей в этой борьбе такую видную роль и обслуживавшей рабочий класс, интересы которого, по мере того, как развертывалась картина борьбы, становились мне дороже и ближе. Интересы свободы и борющегося пролетариата я ставил выше всех других...» При этом М. «надеялся воздвигнуть в самом центре рабочего движения кафедру для проповеди нового идеализма», но члены редакции, которых он считал «друзьями и союзниками», не дали ему такой возможности. В 1905-6 называл себя социал-демократом, однако позднее утверждал, что, как убедился он воочию, «интересы социал-демократии непримиримы с интересами культуры, догматы политиканствующего марксизма не менее враждебны идеальным стремлениям интеллигенции, чем тирания бюрократии и насилия реакции».

Как официальный редактор «Новой жизни» М. был арестован, привлечен к суду по обвинению в призыве к «ниспровержению существующего строя», освобожден под залог; вслед за тем выехал за границу. С 1905 по 1913 жил в Париже, где написал трилогию: «Железный призрак» (1909), «Малый соблазн» (1910), «Хаос» (1912, переизд. в 1922). Две первые пьесы — психологические драмы о власти вещей над человеческим сознанием: третья — социальная драма, отразившая революционные события. В сентябре 1913 вернулся на родину, но летом 1914 снова выехал за границу. Во время 1-й мировой войны — корреспондент русских газет во Франции. Революция 1917, как писал М. позднее, «вместе с радостью торжества ...отозвалась в сердце и прежним знакомым страхом за судьбу культуры». «Еще задолго до выступления большевиков, в первые мартовские дни я с тревогой почуял, что смертельная опасность грозит у нас творческому духу, интеллекту, хранителям интеллекта, мозгу народному, рабочей интеллигенции...» «Меонистические» идеи по-прежнему владели художественным сознанием М., о чем свидетельствует философская драма («мистерия») «Кого ищешь?» (Берлин, 1922), в которой он ставил вопрос: «Что надо считать реальным — вымышленную ли мысль или осязаемость плоти и ее радость?», склоняясь к первому. Мистические увлечения М. разделяла его жена, поэтесса и критик Людмила Вилькина; ее книга «Мистерия о конце мира» была издана в Берлине (1923) со вступительной статьей М. (2-е изд. 1961). Ранее в переводе М. и Л.Вилькиной вышло полное собрание сочинений М.Метерлинка (Пг., 1915).

В течение пяти послеоктябрьских лет М. читал лекции и публиковал статьи «о союзе между умственным и физическим трудом» против партийного «властолюбия». Некоторыми эмигрантами эти идеи были восприняты как «пророческие видения художника, как чистейшая интуиция грядущего», но за их проповедь М. был выслан из Испании, где выступал с лекцией. В «Манифесте интеллигентных работников» (сб. «Современные проблемы». Париж, 1922) М. утверждал, что «умственные труженики» составляют «самовластный класс, который вместе с самовластным классом ручного труда» должен взять в свои руки «всю власть по производству и распределению». Однако «начало общественности» М. видел в личности; «как моменты в огромной вековой проблеме личности» рассматривал творчество писателей в книге «От Данте к Блоку» (Берлин, 1922), находил сходство между ними в том, что «Блок вступает в ад (Революция) с тем же чувством, как Данте, — с сознанием необходимости и справедливости свершающейся мести» (на книгу положительно откликнулась просоветская газета «Накануне»). В 1922 вышел сборник избранных стихотворений М. «Из мрака к свету» (Берлин-М.-Пб.). Рецензент «Новой русской книги» (1923, № 1) отметил, что М. «любит жизнь, любит любовь, и ни налет «холодных слов», ни тусклый блеск разочарования не заслонит его воли к жизни, к охватыванию души вселенной». Критик газеты «Руль» В.Кадашев, не отрицая «теоретических» заслуг М. перед русским литературным возрождением, все же не поставил его в ряд поэтических представителей «декадентства» и «модернизма», т.к. в отличие от Блока, Белого, Бальмонта стих М. — «вялый», сочинения его — умные, но холодные, ему чуждо «желание раскрыть мир как художественный символ». Резкий протест вызвало у рецензента включение в сборник «Интернационала». Н.Петровская в «Накануне», напротив, увидела в поэзии М. «синтез философского мышления и богатого эстетического содержания», причем «с течением времени облик поэта-мыслителя и мистика вычерчивается все ярче и рельефнее». *Ю.Айхенвальд*, посвятивший творчеству М. главу в переизданной

книге «Силуэты русских писателей» (1923), подчеркивал, что значение М. в новейшей литературе определяется не столько его философскими рассуждениями, сколько его стихами. Он «колебался от тем гражданской скорби к искусству модернизма и обратно», и «хорошее» у него проявилось только после того, как он «освободился было от рамок обязательной гражданственности и раскрыл в себе то, что она заглушала». Теперь, заключал критик, когда «...трагическое вино революции не опьянило нас, а отрезвило от революционной романтики, — теперь часто отказываешь Минскому в поэзии... Но все же стихи его навевают хорошие, и теплые, и чистые воспоминания о той поре жизни, когда гражданская задача рисовалась нам в слишком элементарных и наивных чертах, зато — в юношеской красоте идеализма и героизма».

В начале 20-х М. — председатель берлинского Дома искусств, член редакции его «Бюллетеня». В 1925 женился на *З.Венгеровой*, с которой был знаком с 1880-х. Переехав в Лондон, работал в советском полпредстве, составляя бюллетень английской печати. На протяжении всего творческого пути занимался переводами: «Илиада» Гомера (1896; 1935), произведения П.Верлена, П.Б.Шелли, Дж.Байрона, Г.Флобера («Саламбо», 1914), Аристофана («Лисистрата», 1922).

Соч.: Короленко и Гоголь // Грани, 1923, № 2; Поэты 1880-1890-х гг. М.-Л., 1964; Мастера русского стихотворного перевода, т. 2. Л., 1968; Поэты 1880-1890-х гг. Л., 1972; Русская поэзия XIX в., т. 2. М., 1974; Русская поэзия конца XIX — начала XX в. (Дооктябрьский период). М., 1979; Английская поэзия в русских переводах (XIV-XIX вв.). М., 1981; Вольная русская поэзия XVIII-XIX вв., т. 2. Л., 1988.

Лит.: Мильтон Е. Воспоминания о поэте Н.М.Минском // НЖ, 1968, № 91; Ryman A. Minzky: A Preliminary Study of the Man in his Generation // Scottish Rev., 1983, № 2.

А.Ревякина

МИРСКИЙ (Святополк-Мирский) Дмитрий Петрович (15.8.1890, с. Гиёвка, Харьковской губ. — 1946 (?), Дальневосточный Гулаг [по др. св. 1952, Коми]) — литературный критик, публицист. Князь, принадлежал к древнему роду, который восходит к Святополку Окаянному (IX-X вв.). Сын государственного деятеля, министра внутренних дел в 1904-5 Петра Даниловича Святополка-Мирского. В 1906 поступил в 1-ю петербургскую гимназию, сотрудничал в ученическом журнале «Звенья». С 1908 студент факультета восточных языков Петербургского университета (специальность — китайский язык). Литературные взгляды и вкусы М. формировались в «Обществе свободной эстетики» при журнале «Аполлон» (1909-17). В 1911 издал книгу стихов, в которой явно влияние символизма и акмеизма. Тогда же Н.Гумилев в «Рецензиях на поэтические сборники» охарактеризовал ее как изящный, построенный «на плавной смене отточенных и полнозвучных строф» сборник, но с зауженным горизонтом, с отказом от острых переживаний и волнующих образов, как будто автор «боится признать себя поэтом...». М. высоко оценил критику Гумилева — в отличие от скупой, по его мнению, на конкретные указания критики В.Брюсова. Бросив университет, М. поступил в 4-й Гвардейский полк в Царском Селе и стал офицером. В 1913 вернулся в университет, изучал классическую филологию на историко-филологическом факультете; в мае 1914 сдал экзамены по античной литературе. Летом 1914 мобилизован, послан на Западный фронт, в 1916 ранен, после выздоровления вернулся в свой полк в Царском Селе. Вскоре за либеральные взгляды переведен на Кавказ. В 1918 демобилизовался, вернулся в Гиёвку, осенью получил диплом в Харьковском университете. В 1919-20 офицер армии *Деникина*, по некоторым данным, начальник штаба дивизии.

Летом 1920 эмигрировал в Афины, присоединившись к своей семье. В октябре 1922 (при содействии русиста, переводчика Мориса Бэринга) приехал в Англию, где до 1932 преподавал в Лондонском университете — читал курс русской литературы в Королевском колледже и Школе славистических исследований. Г.Козловская, учившаяся в Лондоне, вспоминала: «Мне посчастливилось прослушать несколько его лекций о Толстом и Достоевском, которые он читал на английском для студентов Лондонского университета... Это было такое проникновение, озаряющее до самого дна творческую суть и характер двух русских гениев, что это не имело ничего общего с литературоведческими разборами других. Он сам, его речь, потрясающая по своей стилистике, каждая мысль, все это творилось у вас на глазах как ослепительное создание искусства. Зал, где он читал, всегда был набит до отказа, студенты всех факультетов бросали все, чтобы протиснуться, прилепиться на подоконниках и при распахнутых дверях стояли, не шелохнувшись, на площадке и на лестнице... Когда он кончал, молодежь обступала его тесным восторженным кольцом и, не отпуская, аплодировала безудержно и самозабвенно».

Получил признание в лондонских литературных кругах, печатался в журнале «Criterion», издававшемся Т.С.Элиотом, в университетских славистических журналах, опубликовал на английском языке книги «Совре-

менная русская литература 1881-1925» (1926) и «История русской литературы с самых ранних времен до Достоевского» (1927), до сих пор переиздающиеся и переведенные на др. языки, несколько антологий русской поэзии. Считал самым значительным направлением в 1900-10 символизм, называя этот период «золотым веком эстетики и экономики». С символизмом связывал все живое и талантливое в русской литературе, прослеживая истоки прозы 1917-24 в творчестве *А.Ремизова*, А.Белого, *Е.Замятина*; влияние М.Горького закончилось, по его мнению, к 1910.

Важную роль в формировании литературно-критических взглядов М. сыграли поэзия и критика Т.С.Элиота, которого М. называл величайшим поэтом послевоенной Европы. Элиот подвел его к пониманию «трудной» поэзии модернизма. Влияние Элиота очевидно в книге М. «Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (Париж, 1924), в которой он представляет литературу вне времени, выстраивая единый ряд в пространственной перспективе. В критике М. видел сотворца поэта. Живя на родине «новой критики» и наблюдая зарождение «формального метода в литературоведении» на Западе, развивал его элементы в своих работах. Как и русские формалисты (Б.Эйхенбаум, Ю.Тынянов), выявлял значение «второстепенных» поэтов — Н.Языкова, В.Кюхельбекера, К.Павловой, Н.Огарева, И.Тургенева, В.Бенедиктова, К.Случевского. Благодаря частым поездкам в Париж был активным участником русской эмигрантской литературной жизни. С 1924 печатался в журналах «Современные записки», «Звено», «Воля России», «Благонамеренный», в 1928-29 — в еженедельнике «Евразия» (один из основателей и редакторов). Дружил с «красавицей тринадцатого года» С.Андрониковой, *П.* и *В.Сувчинскими*, которые познакомили его в 1925 с *М.Цветаевой* (ранее писал о ней, как о «талантливой, но безнадежно распущенной москвичке»). Влюбился в Цветаеву и стал яростным защитником ее поэзии; рассматривал ее творчество в контексте русского модернизма, в связи с поэзией Блока, Маяковского, Пастернака. Первый оценил новый этап в ее творчестве, когда прежнюю легкость стиха сменила плотная, многослойная, философская глубина, масштабность. Парируя критику *Г.Адамовича*, *Ю.Айхенвальда*, *З.Гиппиус* и др., обвинявших Цветаеву в непонятности, заумности, хаотичности и пр., М. заметил в 1926: «Все непонятно для тех, кто не имеет времени понять. Искусство — создание новых ценностей... Никто не упрекает Эйнштейна за трудность теории относительности... Я допускаю, что многими Пастернак и Цветаева не сразу воспринимаются, но ведь надо сделать усилие и для того, чтобы попасть из дому в Британский музей...» Морально и материально М. поддерживал Цветаеву в ее очень трудные парижские годы — вплоть до 1931. Цветаева считала М. умным, но говорила, что «он — дефективный, как все князья».

Позднее американский критик Э.Уилсон даст М. титул «товарищ князь». М. проделал сложную, гибельную для него эволюцию от юношеского идеализма к евразийству (1922) и затем к «марксизму-ленинизму». Уже в марте 1926 он бросил вызов «эмигрантскому синедриону» на вечере, который провела жаждавшая заявить о себе группа евразийцев «Версты», прочитав вызвавший негодование многих доклад «Тема смерти в предреволюционной литературе» (опубл. в 1927). К июлю вышел 1-й номер журнала «Версты» — под редакцией П.Сувчинского, М. и С.Эфрон. В разделе «Библиография» М. обрушился на литературный «генералитет» русской эмиграции, заявив, что крупнейший журнал русского зарубежья — «Современные записки» — последователен в «чистой, почти беспримесной установке на прошлое», сочетающейся с «ненавистью, почти брезгливой, ко всему новому»; его авторов он разделил на «литературное ядро» или «Олимп» русской литературной эмиграции (*Д.Мережковский*, З.Гиппиус, *И.Бунин*, *Б.Зайцев*, *М.Алданов*) и «гастролеров» (А.Белый, Цветаева, Ремизов, *Шестов*), отдавая симпатии «гастролерам», ориентированным на будущее и доказавшим, что Россия жива «не в границах Русского мира, но в царстве Духа, превыше всех границ...». Мережковский же, по словам М., «если когда-нибудь и существовал (не как личность, конечно, а как желоб, по которому переливались порой большие культурные ценности), перестал существовать, по крайней мере, двадцать два года назад. Зайцев был когда-то близок к тому, чтобы засуществовать, но не осуществился: не нашлось той силы, которая могла бы сжать до плотности его расплывчатую газообразность... Ходасевич — маленький Баратынский из подполья, любимый поэт всех тех, кто не любит поэзии... Зинаида Гиппиус видна во весь рост только изредка в немногих стихах... Бунин, «краса и гордость» русской эмиграции... — редкое явление большого дара, не связанного с большой личностью». В ответ Бунин заявил в газете «Возрождение», что М. «повторяет почти слово в слово все то, что пишется о нас в Москве». 14.8.1926 Гиппиус в «Последних новостях» намекнула: М. — главный «обманщик», грубой лестью заманивший в свои сети Ремизова и Цветаеву, а его главное «грязное дело» — разложение русской эмиграции изнутри. *В.Ходасевич* писал в «Современных записках», что

«главный дирижер и хозяин «Верст», М., «хорошо усвоил самые дурные литературные приемы ...большевистской и большевизанской печати». Роль идейного «искусителя-совратителя» приписывала М. и Ариадна Эфрон, считавшая, что именно М. и Сувчинский, став евразийцами, вовлекли в круг своего влияния С.Эфрона, «они шли от православия к коммунизму». Современники полагали, что Эфрону и М. «как-то импонировала» Советская Россия, и они сыграли роковую роль в евразийстве, основатели которого, *П.Савицкий* и *Н.Трубецкой*, совсем не хотели полевения движения, изначально белогвардейского, в результате чего в евразийстве произошел раскол.

М. играл важную роль в евразийстве, в том числе и организационную: собирал деньги на движение (в частности, у известного английского мецената Сполдинга). Эволюция взглядов М. отражалась в последовательно предпринимавшихся шагах: еще в 20-е он начал читать Маркса и Ленина; в январе 1928 посетил Горького в Сорренто; в 1931 вступил в Коммунистическую партию Великобритании, опубликовал апологетическую книгу «Ленин» в серии «Творцы современного века» и книгу «Россия: Социальная история». Свое превращение объяснял знакомством с советской действительностью, ее великими экономическими достижениями, «ярким светом ленинского научного мышления». Советская Россия казалась ему страной, «наиболее серьезно занимающейся строительством новой цивилизации (опирающейся на научное знание, а не на субъективные прихоти или причуды анимизма)».

Особое место в наследии М. занимают работы о советском кинематографе; он написал рецензию на фильм В.Пудовкина «Потомок Чингисхана», статьи «Книги и фильмы в России», «Происхождение русского кино». Советское кино привлекало его своим авангардистским пафосом новой культуры. У радикальных западных интеллектуалов фильмы С.Эйзенштейна, В.Пудовкина, А.Довженко, Д.Вертова имели шумный успех; четкие идеологические установки в сочетании со смелыми экспериментами создали мастерам советского кино высокий авторитет. Среди многочисленных поверхностных зарубежных толкований советской кинематографической школы статьи М. выделялись фундаментальностью объяснения западному читателю «поэтики кино», сложившейся в контексте «формальной школы». М. предложил стройную социологическую версию происхождения советского революционного киноискусства, послужившую образцом для более поздних интерпретаций.

Возвращению М. на родину содействовал Горький. Получив советский паспорт, М. в 1932 уехал в СССР, где активно включился в литературную жизнь, много ездил по стране, участвовал в создании серии «История фабрик и заводов», популяризировал английскую литературу. С 1932 по 1937 напечатал в «Литературной газете», «Литературной учебе», «Литературной критике», «Звезде» и др. изданиях около 100 статей и рецензий. В 1934 принят в Союз писателей. Среди опубликованных в СССР работ — статьи о Т.С.Элиоте (Красная Новь, 1933, № 3), о Джойсе (Год Шестнадцатый. Альманах первый, 1933), «Об Улиссе» (Лит. современник, 1935, № 5), предисловие к сочинениям Т.Смоллета, П.Б.Шелли, О.Хаксли. Составил первую на русском языке «Антологию новой английской поэзии» (1937), вышедшую уже без имени составителя. Написал статьи о Н.Заболоцком, Э.Багрицком, П.Васильеве. Его критика эрудирована, остра, парадоксальна, но он уже типично советский литературовед, не преминувший отдать дань вульгарной социологии. В апреле 1934 разгорелась полемика между М. и несколькими историками литературы — в связи с организованным Пушкинским домом «круглым столом» на тему: «Изучение русской литературы XVIII в.». М. с энтузиазмом новообращенного деформировал литературную реальность XVIII в., применив к ней ленинскую теорию двух культур (статья «О некоторых вопросах изучения русской литературы XVIII в.» // Лит. наследство, 1933, № 9-10). М. критиковали В.Десницкий, И.Сергиевский. Критику (в частности В.Гиппиуса) вызвало исследование М. о Пушкине («Проблема Пушкина» // Там же, 1934, № 16/18). В книге «Интеллигентсиа» (1934) русское понятие «интеллигенция» М. попытался привить на британскую почву и, характеризуя новые явления английской литературы XX в. — наступление «красных тридцатых», резкое полевение писателей, описал и свой опыт: князь, бывший белогвардеец, белоэмигрант — «белая ворона», несмотря на свою правоверность.

Будучи арестован и находясь в пересыльном лагере «Вторая речка» (в нескольких километрах от Владивостока), читал раз в неделю в своем бараке лекции по истории русской литературы. Известно, что он работал в лагерной котельной на Колыме, но и здесь, верный себе, писал работу по теории стихосложения. До сих пор считалось, что М. умер в 1939 на Колыме, но появились свидетели, утверждающие, что в 1945-46 он был жив, работал вахтером на автобазе в поселке Атка в 208 км от Магадана. Потом его якобы угнали на прииски (Э.Поляновский). В воспоминаниях А.Ва-

неева упоминается, что М. работал при столовой в Коми в 1951-52.

Соч.: О.Мандельштам. Шум времени // СЗ, 1925, № 25; Чем объяснить наше прошлое и чего ждать от нашего будущего? Париж, 1926; О нынешнем состоянии русской литературы // Благонамеренный, 1926, № 1; Поэты и Россия // Версты, 1926, № 1; О современной русской поэзии // НЖ, 1928, № 131; A History of Russian Literature, comprising A History of Russian Literature and Contemporary Russian Literature, 1881-1925. New York, 1949; Литературно-критические статьи. Сост. Андронов М.В., Крамов И.Н. Вступ.ст. Полякова М.Я. М., 1978; Статьи о литературе. Вступ. ст. Анастасьева Н.А. М., 1987; Uncollected Writings on Russian Literature. Berkeley, 1989.

Лит.: Гиппиус В.В. Проблема Пушкина (По поводу статьи Д.Мирского...) / Временник Пушкинской комиссии, т. 1. М.-Л., 1936; Эйснер А. Перечитывая сегодня // Вопр. лит-ры, 1980, № 5; Lavroukine N., Tchertkov L. D.S.Mirsky: Profil critique et bibliographique. Paris, 1980; Lavroukine N. Maurice Baring and D.S.Mirsky: A lit. relationship // Slav. a. East European Bev., 1984, vol. 62; Янгиров Р.М. Советское кино глазами Дмитрия Мирского // Лит. обозрение, 1993, № 5.

Т.Красавченко

МОГИЛЯНСКИЙ Николай Михайлович (18.12.1871, Чернигов — 1933, Прага) — этнограф, антрополог. Отец — судебный деятель. В 1889 окончил черниговскую классическую гимназию и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Слушал лекции Д.Менделеева, П.Лесгафта, П.Фан-дер-Флита и др. На последних курсах специализировался по географии и антропологии. В 1893 окончил университет с дипломом 1-й степени. Испытывая особый интерес к антропологии, поступил на 2-й курс Военно-медицинской академии, однако и здесь уровень образования не удовлетворял требованиям М., и весной 1894, сдав экзамены, он решил оставить академию. В июне того же года отправился в Берлин, прослушал ряд лекций в университете. Здесь он познакомился с социалистическим движением, бывал на собраниях социал-демократов. В августе, получив известие о кончине отца, вернулся в Чернигов; начал работать в земской статистике. Через год снова выехал за границу: Берлин, Женева, затем обосновался в Париже. До 1897 проходил курс обучения в «Ecole d'Anthropologie», поступил в лабораторию профессора Л.Манаврие; специализировался по антропологии, археологии и этнографии. Первая научная работа — «Etude sur les ossementes humious de la grolta se'pul crale ge Livry-sur-Vesle» — была напечатана в «Revue de l'Ecole d'Anthropologie de Paris».

В мае 1897 вернулся в Петербург. С 1898 работал в Музее антропологии Академии наук. Тогда же началась его педагогическая деятельность: в 1898-1910 М. преподавал географию в Учительском институте и 1-м кадетском корпусе. В конце 1901 перешел на службу в Русский музей в качестве хранителя этнографического отдела, курировал район Центральной России. Работа отдела была ориентирована на создание «этнического портрета» каждого из народов Российской империи. Этот исследовательский подход соответствовал замыслам М., полагавшего, что объектом этнографической науки должен быть «народ — коллективная единица — этнический индивидуум, поражающий исследователя изумительным блеском своих особых, ему одному свойственных граней своего быта внешнего и духовного». В 1902-7 неоднократно выезжал в экспедиции для сбора этнографического материала. В 1900-2 М. заведовал научным отделом журнала «Мир Божий», печатал статьи в журналах «Библиотека для самообразования», «Журнал для всех», «Образование», «Сборник Музея антропологии и демографии» и др.

С 1907 М. состоял профессором педагогических курсов военного ведомства при Военно-педагогическом музее в Петербурге, в том же году был избран на кафедру географии и этнографии Высших женских курсов М.Лохвицкой-Скалон (в обоих учебных заведениях работал до конца 1918, когда они были закрыты по распоряжению большевистской власти). В 1907-8 М. знакомился с музейным делом в Швеции, Норвегии, Дании, присутствовал на открытии «Nordiska Museet» в Стокгольме. Был избран действительным членом Российского географического общества.

Научные установки М. вступали в противоречие с теоретическими посылками российской этнографии, связанными с устаревшей, заимствованной из Западной Европы парадигмой эволюционизма. В 1916 он опубликовал в журнале «Живая старина» программную статью «Предмет и задачи этнографии», где настаивал на необходимости поставить в центр внимания этнографии не вопросы культуры, как это предусматривалось традиционными подходами, а проблему установления «этнических групп, рас, народов как этнических индивидуумов». Именно этнос, полагал он, и составляет подлинную базу этнографии, единственное, «что поможет сохранить ее в качестве науки». Сформулированное в статье М. понимание предмета этнографии, ее задач, места в системе наук оказалось в центре ожесточенной дискуссии, результаты которой не были обнадеживающими: сторонники эволюционизма, не желавшие уступать своих главенствующих позиций, выходо-

стили содержание диспута, придав ему характер спора о терминах. Идеи одного из наиболее интересных российских этнологов рубежа веков остались невостребованными.

По своим политическим взглядам М. принадлежал к либеральной интеллигенции, был членом кадетской партии. Присутствовал в качестве делегата от Украины на 8-м съезде партии в мае 1917, возражал против положений проекта Ф.Кокошкина по национальному вопросу. Выступая решительным противником сепаратизма, М. тем не менее отстаивал принцип децентрализации, федерализма, культурной автономии Украины. В 1918 входил в правительство гетмана П.Скоропадского (товарищ государственного секретаря.)

В мае 1920 М. выехал в Константинополь, спустя месяц перебрался в Париж. М. стал редактором журнала «La jeune Ukraine», выпустив 5 номеров. В целях борьбы с украинскими сепаратистами и противодействия проводимой ими в европейских странах пропагандистской кампании создал немногочисленную организацию Украинский национальный комитет. В сентябре 1920 был вызван в Крым на совещание по украинскому вопросу с представителями администрации генерала Врангеля. Принимал участие в работе Парижской кадетской группы.

В годы эмиграции М. не прекращал своей научной и педагогической работы. В 1921-23 он преподавал в Сорбонне (Faculté des Sciences), в «Lycée Henri IV» и «Lycée Janson de Sailly». Позднее, обосновавшись в Праге (1923), он читал лекции в Русском педагогическом институте Яна Каменского (1923-26), в Русском народном университете (1924-26), в Русском институте сельскохозяйственной кооперации (1926). Был членом Русской академической группы в Париже и Праге, членом Педагогического бюро в Праге. Участвовал в работе съезда русских ученых (окт. 1921, Прага). Публиковал статьи и библиографические заметки в различных органах печати: «Последние новости», «Руль», «Общее дело», «Сегодня», «Родное слово», «Голос минувшего», «Звено», «Архив русской революции», «Научные труды Русского народного университета в Праге», «Slavia», «Prager Presse» и др. М. был автором книг: «Основы антропологии», «Украина во время мировой войны», «Воспоминания о Петербургском университете 90-х годов».

М. жил в Праге одиноко, его жена и дочь остались в России. Он получал профессорскую стипендию от чехословацкого правительства. Можно предположить, что отъезд М. и С.Широкогорова — ученых, наиболее продвинувшихся в разработке теоретических подходов к изучению этноса — стал одной из причин, в силу которых в отечественной этнологии на несколько десятилетий практически угас интерес к этносу как объекту научного изучения.

Арх.: ГАРФ, ф. 5787, оп. 1, д. 17.

Т.Соловей
Н.Канищева

МОЗЖУХИН Иван Ильич (26.9.1889, Пенза — 17.1.1939, Нейи, под Парижем) — артист, режиссер, сценарист. Родился в семье богатого крестьянина-землевладельца Ильи Ивановича М. С юных лет у М. проявилось актерское дарование. Первый успех пришел к нему в роли Хлестакова, сыгранной в любительском спектакле. По настоянию родителей М. в 1906 поступил на юридический факультет Московского университета, однако, не имея никакой склонности к юриспруденции, по окончании 1-го курса бросил университет и заключил контракт с труппой актера и антрепренера П.Заречного (наст. фамилия Телегин). Уроки актерского мастерства давались ему исключительно практикой во время многочисленных гастролей, где он играл в основном на подмостках провинциальных театров. На эти же годы пришлось его знакомство с сестрой Заречного — О.Телегиной (по сцене Броницкой) и рождение единственного сына Александра.

В начале 1908 М. получил ангажемент в Москве, в труппе Введенского народного дома (реж. Н.Аксагарский), хотя в летнее время (вплоть до 1914) он продолжал гастролировать с труппой Заречного. В начале своей театральной карьеры в столице М. играл большей частью роли своих сверстников: Петя Трофимов («Вишневый сад» А.Чехова), студент Беляев («Месяц в деревне» И.Тургенева), Незнамов («Без вины виноватые» А.Островского). Однако М. стремился к сценическому разнообразию, и в его репертуаре появились характерные роли: неотразимый помещик Бабаев в комедии Островского «Грех да беда на кого не живет», жалкий Базиль в пьесе Винникова «Мохноногое». Особым успехом М. пользовался в роли графа Клермона в пьесе *Л.Андреева* «Король, закон и свобода», сыгранной в Московском драматическом театре, куда был приглашен осенью 1914 (поначалу лишь на разовые спектакли). В августе 1916 он окончательно перешел в труппу и выступал на одной сцене с такими знаменитостями как Н.Радин, *Е.Полевицкая*, М.Блюменталь-Тамарина, И.Дуван-Торцов. М. с успехом играл в инсценировках по произведениям А.Пушкина, Ф.Достоевского, Н.Гоголя, И.Тургенева, И.Гончарова, М.Арцыбашева,

О.Уайльда, Г.Д'Аннунцио. Тем не менее уже осенью 1917 ушел из театра вместе со своей партнершей, а вскоре и женой, актрисой Н.Лисенко. Это был конец его театральной карьеры, ибо в дальнейшем М. так и не вернулся на сцену. Окончательный уход из театра был вызван, вероятно, желанием серьезно и бесповоротно связать свою судьбу с кинематографом (его кинодебют состоялся в 1909).

Первоначальное отношение к кино, как к своего рода развлечению, к источнику дополнительного заработка со временем трансформировалось в подлинную страсть к этому новому виду искусства, по его признанию, «в той же мере любимому, как и театр». Кинематограф стал для М. нечто большим, чем только профессия. «Это моя кровь, нервы, надежды, провалы, волнения... миллионы крошечных кадриков составляют ленту моей души», — признавался несколько лет спустя уже прославленный король экрана. Наделенный от природы гениальной художественной интуицией, которая во многом заменяла ему школу, М. сразу ощутил принципиальную разницу между игрой в кино и в театре. Не претендуя на роль теоретика, он пытался распознать, апробировать на экране и даже сформулировать законы киноязыка, его «главные творческие принципы», основанные на «внутренней экспрессии, на гипнозе партнера, на паузе, на волнующих намеках и психологических недомолвках». «Актеру достаточно искренне, вдохновенно подумать о том, что он мог бы сказать..., загореться во время съемок, — писал М., — и он каждым своим мускулом, вопросом или жалобой одних глаз... откроет с полотна публике свою душу, и она... поймет его без единого слова, без единой надписи».

М. начинал свою карьеру в студии А.Ханженкова. Расцвет творчества М. пришелся на период, когда в кинематографе, по его словам, господствовали «нервозные, откровенные до жестокости сложные драмы», а центральным персонажем нередко был герой «с садистски утонченной чувственностью». Именно в такой роли М. познал свой первый экранный успех: герой фильма «Жизнь в смерти» (1914, реж. Е.Бауер, сценарий В.Брюсова) убивал свою возлюбленную, чтобы набальзамировать труп и сохранить нетленной ее красоту. Несмотря на явную паталогию образа, М. играл своего персонажа с подлинным драматизмом и впервые продемонстрировал на экране удивительную способность плакать «настоящими слезами».

Вопреки существовавшей в те годы традиции варьировать из фильма в фильм удачно вылепленный однажды образ М., обладавший удивительным по широте актерским диапазоном, был готов до неузнаваемости менять свой типаж. Культуру сценического перевоплощения он принес из театра, но, тонко чувствуя природу экрана, создал целую галерею самых разнообразных киноперсонажей. Уже в первых небольших ролях в фильмах режиссера П.Чардынина «На бойком месте» (1911) и «Снохач» (1912) явственно проступало его стремление и вкус к созданию внешнего рисунка роли. Следующей удачей была роль молодого еврея Исаака в фильме «Горе Сарры» (1913, реж. А.Аркатов). Удачно найденные пластические приемы, мимика, жестикуляция придали роли особый национальный колорит. В те же годы М. создал блестящие по внешней выразительности образы фантастических и сказочных персонажей в фильмах *В.Старевича*: Черт в «Ночи перед Рождеством» (1913), Колдун в «Страшной мести» (1913), Руслан в «Руслане и Людмиле» (1915). Мастерски работая с гримом, что впоследствии стало одним из важных компонентов его актерского мастерства, М., вместе с тем, использовал для перевоплощения не только внешние средства. Для небольшого научно-популярного фильма «Пьянство и его последствия» он специально изучил медицинскую литературу, чтобы воспроизвести на экране подлинную картину сумасшествия в результате алкоголизма. Великолепное чувство юмора, врожденное изящество, легкость, пластичность обеспечивали ему успех и в фильмах комедийного жанра. За 5 с небольшим лет он сделал головокружительную карьеру, став уже к 1915 одной из самых ярких «звезд» русского дореволюционного экрана.

Особое место в творчестве М. занимают роли в экранизации русской классики. Его первые опыты в ранних и довольно слабых киноверсиях — «Братья-разбойники» по А.Пушкину (1911, реж. А.Гончаров), Трухачевский в «Крейцеровой сонате» по Л.Толстому (1911, реж. П.Чардынин), Куракин в «Наташе Ростовой» по Л.Толстому (1913, реж. Чардынин) — скорее всего разочаровывали молодого артиста, воспитанного в традициях уважения к автору и литературному источнику. Однако в 1913 он снова снялся у Чардынина в экранизации пушкинского «Домика в Коломне». Благодаря блестящей виртуозной игре М. в двойной роли — Гусара и кухарки Мавруши — этот фильм при всех его объективно обусловленных недостатках и по сей день считается одной из удач ранней кинопушкинианы. В 1915 М. ушел от Ханжонкова и перешел в студию И.Ермольева, где с большим успехом играл в экранизациях русской классики в постановке Я.Протазанова. В роли Николая Ставрогина, героя одноименного фильма, снятого по роману Ф.Достоевского «Бесы» (1915), М. уже сделал попытку создать свою концепцию образа, его киноинтерпретацию, к чему он будет стремиться

и в других ролях классического репертуара. Драма пушкинского Германна в «Пиковой даме» (1916), одержимого маниакальной идеей, была передана М. психологически тонко и реалистически достоверно. В этой роли актер добивался точного авторского и исторического соответствия, акцентируя внимание даже на деталях. «Пиковая дама» вошла в число шедевров ранней русской экранной классики в немалой степени благодаря талантливой и серьезной работе М. Через два года он достиг не меньшего успеха в фильме «Отец Сергий» того же режиссера, экранизировавшего повесть Л.Толстого. Актеру удалось максимально приблизиться к замыслу писателя и создать весьма сложный образ, состоящий из трех последовательных перевоплощений: сначала молодой офицер, затем истерзанный страданиями монах и, наконец, угасающий старик. Роль князя Касатского в исполнении М. и вся картина в целом, по оценке ведущих критиков в области кино, была причислена к высшим достижениям мирового кинематографа.

В артистической натуре М., его темпераменте, внешности было много от романтического русского актера-трагика. Именно поэтому драматические роли занимали большое место в его творчестве тех лет: поэт («Нищая», 1916), прокурор в одноименном фильме, пастор («Сатана ликующий», 1917, реж. Я.Протазанов) и мн. др. Силой своего таланта М. поднимал подчас надуманные фальшивые мелодраматические сюжеты до уровня подлинной человеческой трагедии. Эти роли принесли ему небывалый успех в кино. На родине М. снялся более чем в 70 фильмах.

В 1920 вместе со студией Ермольева М. покинул Россию, эмигрировав сначала в Константинополь. Отъезд студии был продиктован невозможностью продолжать работу в условиях гражданской войны. Спустя короткое время вся группа переехала во Францию и расположилась в местечке Монтрей-сюр-Буа, где была создана новая русская кинофабрика «Товарищество И.Ермольева», а после отъезда самого Ермольева в Германию в 1922 на ее основе под руководством продюссера А.Каменки возникла студия «Альбатрос» («Films Albatros»). В этом небольшом и уютном предместье французской столицы М. снялся в своих лучших ролях, принесших ему мировую славу. Он начал с комедии «Горестные приключения» (реж. Протазанов), для которой сам же и написал сценарий. В следующем фильме — «Дитя карнавала» («L'enfant du carnaval», 1921) М. выступил сразу в трех ипостасях — сценарист, режиссер, исполнитель главной роли. Непритязательный комедийный сюжет о подкидыше имел большой успех у публики и был восторженно принят критикой. В 1922 в фильме *А.Волкова* «Дом тайн» («La maison du mystère») М. продемонстрировал французскому зрителю свою удивительную способность к перевоплощению. В шестисерийном фильме с весьма причудливым сюжетом он создал несколько десятков образов, диаметрально противоположных по физическому типу и социальному положению, характеру и манере поведения. Однако подлинный триумф пришел к нему в фильме «Кин» («Kean», реж. А.Волков), где он сыграл великого романтика английской сцены XIX в. Эдмунда Кина. В этой роли воплотился гений двух актеров: личность одного вдохновляла игру другого. М. не играл, а растворялся в этом образе. «Тонкий алхимик страсти и страданий... Иван Великолепный, ослепленный искусством и его сверкающими видениями, выражает... невыразимое», — писал о его игре видный французский киновед и критик Рене Жанн. Эта роль позволила М. войти в число «звезд» мирового экрана и упрочила его славу не только в Европе, но и в Америке. Однако М. хотел большего — создать авторский фильм, увидеть «идеально выполненной свою мысль». Считая экранизацию литературных произведений чуждой природе экрана, М. мечтал об особой, «кинематографической», литературе. «Подметить у людей их подлинное лицо и перенести на экран фарс жизни, смешанный с ее интимной драмой» — такова была его задача, цель, которую он поставил перед собой, претворил в сценарий, снял и назвал «Костер пылающий» («Le Brasier ardent»). Будучи не только автором, но и исполнителем главной роли, М. создал неординарное произведение, где сон смешан с явью, а фантазия причудливо переплетается с реальностью. Фильм получился чрезвычайно эклектичным. В приемах режиссуры, стиля, монтажа отчетливо прослеживалось влияние французского киноавангарда, и, в частности, сходство с фильмами корифеев этого направления — Абеля Ганса, Жана Эпштейна, Марселя Л'Эрбье. Изобразительное решение отдельных эпизодов картины позволяло также провести параллель с картинами немецкого экспрессионизма, прежде всего, со знаменитым «Кабинетом доктора Калигари» (реж. Р.Вино). Впрочем, несмотря на столь очевидное воздействие западных школ и направлений, фильм, в первую очередь, отражает своеобразную индивидуальность его создателя. Недаром часть французской критики называла «Костер пылающий» «настоящим русским фильмом», который обладал всеми характерными чертами национального искусства, «пронизанного тем особым настроением тревоги, которое ощущалось во всей русской культуре» (Н.Нусинова). У массового зрителя фильм вызвал неоднозначную оценку, но интеллектуаль-

ная элита безоговорочно отнесла его к числу шедевров русского эмигрантского кино. Один из признанных лидеров французского кинематографа Жан Ренуар, в то время молодой художник-керамист, был настолько потрясен лентой М., что решил бросить свое ремесло и заняться кино.

В 1924 по сценарию М. был снят фильм «Лев Моголов» («Le lion des Mogols», реж. Ж.Эпштейн), где он блистал в роли раджи Роундгито-Синга. Экстравагантный сюжет, действие которого развивалось то на фоне экзотического Востока, то в Париже, был разработан М. в духе авантюрного романа, что давало ему возможность продемонстрировать всю свою артистическую палитру, одновременно подчеркивая и незаурядные физические достоинства. Авторитет М. был к тому времени настолько велик, что присутствие режиссера на съемках практически сводилось к минимуму. По существу «Лев Моголов» тоже можно отнести к числу авторских фильмов М. В 1925 он вновь ошеломил французского зрителя, на сей раз в экранизации романа Л.Пиранделло «Покойный Матиас Паскаль» («Feu Mathias Pascal», реж. М.Л'Эрбье). По признанию самого режиссера, большого поклонника таланта М., он мечтал сделать фильм, «в котором был бы не один, а по крайней мере два Мозжухина». Следуя причудливым сюжетным поворотам романа Пиранделло, М. блистательно представил главного героя в двух ипостасях, изображая два абсолютно разных характера, которые в финале сливались воедино. Силой своего таланта ему удалось тонко уловить своеобразие литературного материала и точно перевести его на язык экрана. «Я впервые доверился искусству немоты, потому что ему служили два великих артиста: Иван Мозжухин и Марсель Л'Эрбье», — писал Пиранделло. В 1926 М. снялся в фильме «Михаил Строгов» по одноименному роману Жюля Верна (реж. В.Туржанский). Герой этой приключенческой ленты был сыгран М. как всегда высокопрофессионально и в точном соответствии с жанром. Фильм имел невероятный зрительский и коммерческий успех, который был продолжен и закреплен в роли Казановы в одноименном фильме Волкова («Casanova», 1927). Триумф М. в этих нашумевших картинах привлек внимание голливудского продюссера Карла Лемке, который заключил с артистом весьма выгодный контракт.

В 1928 М. уехал в Голливуд. Его переезд в Америку был продиктован не только соображениями материального характера. Страстный поклонник таланта Чарли Чаплина, которым он начал увлекаться еще в России, М. со все более растущим интересом наблюдал за развитием американского кинематографа в целом, отдавая ему предпочтение даже по сравнению с немецким. Однако пребывание в Голливуде обернулось горьким разочарованием. Снявшись в одном лишь фильме «Капитуляция» («The Surrender», реж. Э.Слоган), не прожив и года, расторгнув выгодные контракты, М. вернулся в Европу. Догадок относительно причин такого срыва существует множество, но ни одна из них не имеет документального подтверждения. Можно только предположить, что неординарность натуры и своеобразие таланта великого русского актера не укладывались в рамки голливудского стандарта. Подчиняясь его диктату, М. был вынужден даже сделать себе пластическую операцию, но не смог с той же легкостью изменить свой внутренний мир.

По возвращению в Европу он несколько лет снимался на студии UFA в Германии. Фильмы: «Тайный курьер» («Der geheime Kurier», 1928, реж. Дж.Ригелли), «Президент» («Der Präsident», 1928, того же реж.), «Адъютант царя» («Der Adjutant des Zaren», 1929, реж. В.Стрижевский), «Белый Дьявол» («Der weiße Teufel», 1930, реж. Волков) и др. в какой-то мере были вариациями на темы прошлых лент. Вернувшись в Париж в начале 30-х, М. тщетно пытался обрести свой прежний успех в повторных постановках: «Похождения Казановы» («Les amours de Casanova», 1933, реж. В.Барбериз), «Дитя карнавала» («L'enfant du carnaval», 1934, реж. Волков). Между тем звуковое кино постепенно вытесняло немой кинематограф. Этот процесс стал для М. творческой и личной трагедией. Будучи яростным противником озвученного на экране слова, которое он считал столь же грубым и безвкусным, как «разрисованное красками мраморное изваяние», М. так и не смог вписаться в контекст новой кинематографической эпохи. Помимо соображений эстетического характера, было препятствие вполне практического свойства: недостаточное знание французского языка, сильный иностранный акцент. Его первый звуковой фильм под названием «Ничего» («Nichevo», 1936, реж. Ж. де Баронселли), в котором он играл небольшую роль и должен был произнести всего несколько реплик, оказался для него и последним. Звук стал непреодолимым препятствием для короля немого экрана.

Несмотря на явную неудачу, М. пытался найти выход в режиссуре и написал сценарий под названием «Алеко», в котором хотел объединить произведения двух русских классиков: Пушкина («Цыгане») и Л.Толстого («Отец Сергий»). Сделать красивый, живописный фильм, погрузить европейского зрителя в специфическую славянскую атмосферу, заставить сопереживать героям — таков был замысел М. Но

этим планам не суждено было сбыться. Последние годы оказались тяжелым временем в жизни М.: к творческим неудачам добавились затруднения материального характера. Широкий, гостеприимный, радушный, щедрый до расточительности, М. относился к деньгам чрезвычайно легко. По воспоминаниям близко знавшего его *А.Вертинского*, «целые банды приятелей и посторонних людей жили и кутили за его счет. В частых кутежах он платил за всех. Деньги уходили, но приходили новые. Жил он большей частью в отелях... и был настоящей и неисправимой богемой...». Помимо прочего М. приходилось постоянно помогать, практически содержать старшего брата Александра. Выпускник Саратовской консерватории, А.Мозжухин с 1911 выступал на сцене Театра музыкальной драмы в Петербурге, был тонким, артистичным камерным певцом, признанным и любимым столичной публикой. В эмиграции в силу ряда причин оборвалась его столь успешно начатая карьера, он остался почти без средств и продолжительное время жил только за счет своего именитого брата.

Не очень удачно складывалась и личная жизнь М.: с Н.Лисенко, которая на протяжении многих лет была не только женой, но и партнершей и по праву делила с ним успех в его лучших фильмах, он расстался в 1927. Непрочным оказался второй брак со шведкой Агнес Петерсон. Последней подругой стала французская актриса русского происхождения Таня Федор (Федорова). Переживания последних лет, вызванные вынужденным творческим простоем, легкомысленное отношение к здоровью, надвигавшаяся нужда способствовали быстрому развитию болезни. Осенью 1938 М. почувствовал себя плохо. Пребывание в санатории уже ничем не могло ему помочь, и в начале января 1939 в клинике в Нейи он скончался от скоротечной чахотки. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Соч.: Мозжухин о кинематографе / Киноведч. записки. М., 1992, вып. 13.

Лит.: Arroy J..Recit apogryphe el'Ivan Mosjoukine «Quand j'étais Michel Strogoff». Paris, 1927; Gary Romain. Promesse à l'aube. Paris, 1959; Mitry L. Ivan Mosjoukin 1889-1939 // Antologie du cinema, 1969, № 48; Зоркая Н. Иван Мозжухин. М., 1990.

Т.Гиоева

МОРДКИН Михаил Михайлович (9.12.1880, Москва — 15.7.1944, Милбрук, шт. Нью-Джерси, США) — танцовщик, балетмейстер, педагог. М. окончил московскую балетную школу в 1900 по классу первого танцовщика и педагога Большого театра В.Тихомирова. 1.9.1900 был зачислен в труппу Большого театра; известность среди московских зрителей получил, выступая на сцене Большого театра еще будучи учеником школы, в частности, в роли Колена в балете П.Гертеля «Тщетная предосторожность» (1899), которая осталась одной из лучших партий в его репертуаре. М. обладал разносторонним дарованием, одинаково успешно выступая в партиях и классического, и характерного амплуа. В первый же год в театре он получил главную роль в балете «Звезды» (постановщик И.Хлюстин). Живость актерской игры, яркая внешность, мужское начало в танце, умение выразить на сцене собственную личность вскоре сделали М. премьером Большого театра, поставили образы создаваемых им героев вровень с ведущими балеринскими партиями. М. танцевал в Большом театре в *1900-10*, *1912-18* (с *1904* занимал должность репетитора, а с 1905 — помощника балетмейстера). Он был исполнителем новых ролей, которые предлагались ему реформатором московского балета тех лет А.Горским (Феб — «Дочь Гудулы» А.Симона, Хитарис — «Дочь фараона» Ч.Пуни, Нур — «Нур и Анитра» на муз. Ильинского, Мато — «Саламбо» А.Арендса, Зонневальд — «Шубертиана», Рыбак — «Любовь быстра!» на муз. Э.Грига). В его репертуаре были также первые роли классических балетов (Жан де Бриен — «Раймонда» А.Глазунова, Солор — «Баядерка» Л.Минкуса, Конрад — «Корсар» А.Адана, Эспада, Базиль — «Дон Кихот» Минкуса и др.). «Атлетическое сложение, бесподобная фигура, дышащее темпераментом лицо, большие притягивающие к себе глаза — Мордкин был идеалом мужской красоты на сцене. Он умел превосходно носить экзотический костюм, пленял живостью поз и жестов. Как никто, он умел заполнять своими движениями сцену Большого театра, потому казался могучим как античный бог и вызывал бурю оваций... Как актер Мордкин мог бы стоять рядом с Шаляпиным и был ему сродни своей манерой выразительности. Образ Мато в «Саламбо» был наивысшим достижением артиста. Он был страшен и трогателен, прекрасен, когда ослепленный, с вырезанным сердцем все же продолжал стоять, слегка раскачиваясь, пока не падал мертвым на землю. Публика любила его и в роли Базиля; в классической вариации он использовал и кастаньеты, и бубен, чего до него никто не делал, ибо танцевать с предметами, да еще классику, чрезвычайно трудно. А Мордкин любил сценические атрибуты и бутафорию, умел их обыгрывать, стремясь усилить действенность сценического поведения. Этот прием придавал танцу окраску реальности», — вспоминал об искусстве М. патриарх русской балетной сце-

ны Ф.Лопухов. М. начал воплощать новые черты мужского балетного исполнительства, новый тип героико-романтического танцовщика. Актерский пафос, умение эффектно выйти на сцену, лепить роль яркими, крупными мазками, любовь к броской детали, живописности внешнего облика и эмоций роднили исполнительскую манеру танцовщика с исканиями московского модерна начала XX в. в драматическом искусстве, живописи, литературе.

В 1909 М. участвовал в первом Русском сезоне дягилевской антрепризы, исполнял партию Рене де Божанси в «Павильоне Армиды» *Н.Черепнина* (балетм. *М.Фокин*). Настоящий успех ждал танцовщика в Лондоне в 1910, во время выступлений с *А.Павловой*. «Такого искусства Лондон еще не видывал — оно стало настоящим культом» (Артур Г.Френкс). В 1910-11 гастролировал с Павловой и собственной труппой в Америке и Великобритании. В 1911 Павлова и М. выступили в американском «Palace Theatre», где им опять сопутствовал грандиозный успех.

После гастролей М. снова вернулся в Большой театр. С 1914 он начал переходить на мимические роли (Хан — «Конек-Горбунок» в новой постановке Горского). Одновременно развертывалась его педагогическая деятельность вне стен Большого театра, балетмейстерская и исполнительская работа на концертной эстраде и в кабаре *Н.Балиева*. Среди лучших концертных номеров, поставленных и исполненных М. — «Танец с луком и стрелой» (на муз. А.Арендса), «Вакханалия» (на муз. А.Глазунова, с Павловой), «Комическое па» (на муз. Э.Грига), «Джипси» или «Итальянский нищий» (на муз. К.Сен-Санса) и др.

В 1914 в Москве, на углу Петровки и Столешникова переулка, М. открыл собственную балетную студию, из которой впоследствии вышло немало известных московских танцовщиков и хореографов, ставших в 20-е экспериментаторами в советском балете. Цель этой частной школы состояла в подготовке танцовщиков для будущей собственной гастрольной труппы, получившей название «Московский передвижной театр балета». Театр должен был пропагандировать искусство танца в русской провинции. Создаваемая труппа, «звездой» которой являлся сам ее организатор, опиралась на фундамент классического танца; новшества в ее спектаклях определялись поисками драматизации, жизнеподобия, конкретности действия, вниманием к индивидуальному поведению каждого находящегося на сцене персонажа, иной, чем в академических балетах М.Петипа, роли массы, индивидуализированной в духе принципов ранних спектаклей Московского Художественного театра (не зря сам М. до открытия собственной школы преподавал на частных драматических курсах МХТ А.Адашева). Репертуар труппы составляли сочинения самого премьера, его концертные номера, классические и характерные танцы, а также первый большой балетный спектакль хореографа — «Азиадэ» (на муз. Л.Бурго-Дюкудре, либретто К.Голейзовского) — спектакль, варьирующий мотивы восточного балета начала века. Позднее (в 1918) «Азиадэ» был снят в кино. В 1916 в Киеве М. создал свой второй балет, «Цветы Гренады», на сборную музыку, вновь с либретто Голейзовского. Критика увидела в балете черты нового жанра — мимической «хореопоэмы», не лишенной влияния реформ А.Дункан. В постановочной работе хореограф уделял главное внимание работе с массой, постоянно двигающейся, но подчиненной единому сценическому рисунку.

С 1918 по 1923 коллектив М. объездил с гастролями огромное количество городов (Нижний Новгород, Екатеринослав, Ростов-на-Дону, Киев, Винница, Полтава, Воронеж, Одесса, а также Крым, Сибирь, Кавказ). В гастролях принимали участие и ведущие танцовщики Большого театра — М.Рейзен, А.Балашова, В.Кригер, М.Фроман, М.Кандаурова и др. Постоянной балериной труппы была жена М. — Б.Пожицкая. В прессе труппа получила название «Балет Мордкина», которое впоследствии закрепилось за труппой. В 1918 М. был приглашен одним из революционеров драматического театра К.Марджановым для работы над массовыми сценами в его знаменитом спектакле «Фуэнте Овехуна». В 1920-22 «Балет Мордкина» работал в Тифлисе, здесь же была открыта новая студия, поставлены балет «Карнавал», куда вошли музыкальные фрагменты на тему карнавалов композиторов разных времен и стран (Г.Берлиоз, И.Свендсен, Ф.Лист, А.Глазунов, Н.Паганини, Р.Шуман, К.Сен-Санс), новая редакция «Тщетной предосторожности», «Коппелия» Л.Делиба, «Привал кавалерии», «Праздник Диониса» (на муз. «Времен года» Глазунова), новая редакция «Жизели» Адана. В 1923 «Балет Мордкина» возвратился в Москву, но успеха его выступления уже не имели. В том же году М. поехал на гастроли за рубеж вместе с балериной Большого театра В.Кригер. В Россию он не вернулся. Вначале работал в Литве. В 1924 переехал в США. С этого времени творческая деятельность М. оказалась связанной с историей американского балета времени его становления, восприятия европейских и, в частности, русских традиций классического театра.

В 1926 М. организовал в Америке собственную балетную труппу, в которую вошли русские танцовщики-эмигранты Бутсова, Зве-

рев, Дубровская, Владимиров. «Балет Мордкина» продолжал на практике развивать и утверждать московские традиции искусства классического танца. В репертуар труппы вошли постановки хореографа предшествующих лет и «Лебединое озеро» (на муз. П.Чайковского, 1927). Труппа давала спектакли в Америке, гастролировала в Европе. Затем была распущена.

М. продолжал работать как свободный хореограф, сотрудничал с разными коллективами. В 1937 вместе со студентами своей частной балетной школы он попытался заново создать «Балет Мордкина» в Нью-Йорке для того, чтобы иметь возможность показать таланты своих учеников. В 1938 труппа превратилась в профессиональный коллектив. Здесь М. продолжал пропагандировать спектакли классического наследия, создавал собственные оригинальные редакции. Среди его постановок — «Тщетная предосторожность», «Весенние голоса» (на муз. *С.Рахманинова*), «Жизель» А.Адана, «Трепак», «Золотая рыбка» (обе — на муз. Н.Черепнина), «Дионис» и др. Среди учеников — танцовщики, которые прославили американский балет тех лет — Люсия Чейз, Виола Эссен, Леон Варкас и др. Выступал в текущем репертуаре и сам М. Позднее прима-балериной труппы стала Патриция Боумен, а солистами — Нина Строганова, Карен Конрад, Эдвард Кэтон, Владимир Дубровский и др. Финансировала труппу Л.Чейз, ее энергией «Балет Мордкина» был преобразован в 1939 в «Ballet Theatre». Однако сам М. не остался в новом коллективе и вернулся к частной педагогической деятельности.

Лит.: Красовская В. Русский балетный театр начала XX в., ч.2: Танцовщики. Л., 1972; Ее же. История русского балета. Л., 1978.

Н.Чернова

МОЧУЛЬСКИЙ Константин Васильевич (28.1.1892, Одесса — 21.3.1948, Камбо, Франция) — литературовед и литературный критик. Предки М. по линии отца были священнослужителями, отец — профессор Новороссийского университета (Одесса), мать — гречанка. Окончил в 1910 гимназию, затем историко-филологический факультет Петербургского университета. Приват-доцент Саратовского университета по курсу истории французской литературы. В 1919 эмигрировал в Болгарию, преподавал в Софийском университете. С 1922 в Париже, читал лекции на русском отделении Сорбонны и преподавал в русской гимназии. Входил в редакцию еженедельника «Звено», был одним из его ведущих критиков. В Религиозно-Философской академии, основанной *Н.Бердяевым*, выступал с докладами о мистиках стран Запада. Вместе с матерью Марией (*Е.Кузьминой-Караваевой*) возглавлял созданное в 1935 общество «Православный центр». Жил в одиночестве. В период оккупации Парижа преследовался нацистами. Скончался от туберкулеза в санатории во Французских Пиренеях.

Уже в начале 20-х М., готовивший себя до революции к академической деятельности, привлек внимание своими критическими статьями «Поэтическое творчество Ахматовой» (Рус. мысль, 1921, № 3/4) и «О классицизме в современной русской поэзии» — о Н.Гумилеве, М.Кузмине, Г.Маслове, Вс.Рождественском, *Г.Иванове*, *Г.Адамовиче* (СЗ, 1921, № 11). В дальнейшем опубликовал в «Звене» очерки о Н.Некрасове, А.Жиде, «Заметки о русской прозе», статьи о Н.Гоголе, Ф.Сологубе, В.Розанове (1927-28), в «Современных записках» — статью «Положительный прекрасный человек у Достоевского» (1939), в сборниках «Встреча» (1928) — «Мать Мария», «О.Э.Мандельштам». Издал популярную книгу «Великие русские писатели XIX века: Пушкин — Лермонтов — Гоголь — Достоевский — Толстой» (1939). Совместно с М.Гофманом и Г.Лозинским создал курс по русской литературе на французском языке. Рецензировал произведения *И.Шмелева*, *Д.Мережковского*, Ю.Терапиано, *В.Набокова*, *А.Ремизова* и др. писателей эмиграции. Как литературовед М. получил признание исследованиями жизни и творчества Гоголя, Достоевского и русских символистов. В 1934 в Париже вышла его книга «Духовный путь Гоголя» (2-е изд., 1976), она отражала религиозные пристрастия и самого исследователя. По мнению М., традиционная критика недооценивала важнейшую сторону духовного мира писателя — «дело всей его жизни», которое он считал важнее литературного творчества: «Гоголь был не только великим художником. Он был и учителем нравственности, и христианским подвижником, и мистиком». Не соглашаясь с тем, что, «ударившись в мистику», Гоголь «загубил свой талант», М. раскрыл роль духовно-религиозного фактора в судьбе писателя. Основываясь на анализе «Выбранных мест из переписки с друзьями», М. выделил два этапа в биографии Гоголя: «религиозный кризис» (1842-43) и «духовное просветление» (1848-51). Гоголю-художнику «мистического реализма», «священного безумия» было суждено, утверждал М., круто повернуть всю русскую литературу от эстетики к религии, сдвинуть ее с пути Пушкина на путь Достоевского; «ночное сознание» и «учительство» русской словесности пошло от Гоголя. Книга М. вызвала полемику в эмигрантской критике. *Б.Вышеславцев* находил, что М. многое

сделал для раскрытия тайны жизни Гоголя, тогда как *П.Бицилли* видел не «просветление», а одержимость Гоголя; оспаривал он и мысль М. об уходе русской литературы с пути Пушкина.

Нравственно-религиозный подход положен и в основу написанной в 30-е книги «Достоевский. Жизнь и творчество» (Париж, 1947). Для современников, писал М., Достоевский был только проповедником гуманности, певцом униженных и оскорбленных. Между тем, если Тургенев, Гончаров, Толстой эпически изображали незыблемый строй русского «космоса», то Достоевский кричал, что этот «космос» непрочен, под ним шевелится хаос, он один говорил о надвигающихся на мир катастрофах. Его пророчества были восприняты лишь в XX в., когда в Достоевском увидели «не только талантливого психопатолога, но и великого религиозного мыслителя», воспринимавшего историю в свете Апокалипсиса. Самое важное у Достоевского — погружение в глубины подсознания, его прозрения. Рассматривая Достоевского как «гениального исследователя царства духа», М. ставил его в ряд с великими христианскими писателями Данте и Мильтоном; любовью всей его жизни, заключает М., была любовь «к сияющему трону Христа». Книга М. о Достоевском вызвала наибольший интерес, ее перевели на ряд языков.

Первой из серии книг М. о видных представителях русского символизма явилась книга «Владимир Соловьев. Жизнь и учение» (Париж, 1936). Свой исследовательский метод М. назвал «синтетическим»: чтобы раскрыть смысл творчества писателя, необходимо изучение «внешней истории его жизни» и вместе с тем выявление истоков развития личности, определение ее духовного сознания. Применив этот метод к загадочной личности Вл.Соловьева, М. подверг анализу, наряду с его философскими сочинениями, письма философа и свидетельства современников. *В.Зеньковский* оценил книгу М. как «лучшее введение в изучение Соловьева», в котором предстает «живой и яркий образ великого нашего философа», но выразил несогласие с тем, что в основе всего творчества Соловьева лежит мистическая интуиция и что ключ к его философским построениям — в «видениях».

В книге «Александр Блок» (Париж, 1948) М. рассматривал развитие поэта в мистическом свете символистских исканий; отмечалась его близость к Вл.Соловьеву, прослеживались взаимоотношения с *З.Гиппиус*, Д.Мережковским, А.Белым, В.Брюсовым. Современники (М.Кантор, Ю.Терапиано) подчеркивали приверженность М. к нереалистическим трактовкам, желание уловить иррациональную основу искусства Блока. Выясняя, каким образом писатель обретает свое религиозное призвание, М. искал параллели с собственным духовным переломом. Но ценность его работ, писал Терапиано, в другом: «Он умеет найти убедительный синтез творческого развития исследуемых писателей, пролить новый свет на источники их мысли, на силы, которым повиновалось их художественное воображение».

Осталась незаконченной книга М. «Андрей Белый» (Париж, 1955). Автор предисловия к ней — *Б.Зайцев* отметил, что исследования М. отличаются «тонкостью понимания, глубокой серьезностью, простотой и изяществом стиля». Рецензент книги М.Кантор признавал оправданным стремление М. выявить связь творчества поэта с его биографией, в частности, объясняя аномалию психики А.Белого как результат пережитой в раннем детстве драмы в семье. Виртуозность, формальные изыски скрывали внутреннюю дисгармонию лирики А.Белого, он был гениальным импровизатором, но плохим композитором. Вся его жизнь — вечное смятение, метания от одного идеологического прибежища к другому. Необъяснимым зигзагам были подвержены его отношения к людям, например, от дружбы с Блоком к вражде. М. сумел показать во весь рост одну из самых необыкновенных фигур новой русской литературы, отразить неповторимую атмосферу рубежа двух столетий.

В заключительной работе М. о символистах — «Валерий Брюсов» (Париж, 1962) — освещен творческий путь поэта, его взаимоотношения с *К.Бальмонтом*, В.Маяковским, А.Блоком и А.Белым, восприятие им русских революций 1905 и 1917, последующее угасание его таланта. Представляя читателям посмертно изданную книгу, *В.Вейдле* назвал ее обстоятельной и серьезной. *Г.Струве* считал, что работы М. грешат заострением биографического метода, но все они представляют значительный и ценный вклад в историю литературы.

Соч.: Выбранные места из переписки с друзьями (Предисл. П.Паламарчука) // Вопр. лит-ры, 1989, № 11.

Лит.: Вышеславцев Б.П. Рец. на: Духовный путь Гоголя // СЗ, 1936, № 56; Пильский П. Рец. на: Великие русские писатели XX в. // Сегодня, 1939, 22 авг.

Е.Трущенко.

МУНШТЕЙН Леонид Григорьевич (лит. псевд. Lolo, Лоло) (1.3.1867, Екатеринослав — авг. 1947, Ницца) — поэт, драматург. Окончил 1-ю киевскую гимназию и юридический факультет университета Св. Владимира. Впервые опубликовал стихи в киевских газетах в годы студенчества; начинал с лирики, вдохновленной любовью к Татьяне Щепкиной, которая, не-

смотря на юный возраст (ей было всего 14 лет) и противодействие родителей, вскоре стала его невестой. Впоследствии, став писательницей, Т.Щепкина-Куперник вспоминала в 1928: «В сущности никакого чувства у меня к моему поэту — да, вероятно, и у него ко мне — не было и все это было несерьезно, взято из пьес и романов и объяснялось главным образом желанием писать стихи». Прочитав эти строки, М. посетовал на то, что «старая писательница» «зло осмеяла наш роман».

В середине 1890-х М. переехал в Москву, вел в газете «Новости дня» еженедельные стихотворные фельетоны о жизни театральной Москвы, отмеченные В.Брюсовым: «Я читаю его часто. Меня всегда заинтересовывают его рифмы. Писать каждый день и давать не шаблонные стихи — это трудное дело»; а А.Чехов *выписал «рецензию» М. на один из спектаклей:* «Но эти тонкие детали до нас почти не долетали». В годы первой революции М. отдал дань политической сатире, остроумно комментируя текущие события, едко высмеивая сановников и правых журналистов, но не щадил и либералов. Выступал с сатирическими стихотворениями в журналах «Стрелы», «Сигнал», в киевских, петербургских газетах.

В 1903 сочинил первую пьесу «Фея-каприз», тогда же поставленную в театре Ф.Корша и в Петербурге на сцене Александринского театра. За ней последовали комедии «Вечный праздник», «Причуды сердца», «Святое искусство», «Шуты». Женитьба на актрисе В.Ильнарской еще больше сблизила М. с театральным миром. С 1908 М. — постоянный автор театра-кабаре «Летучая мышь», сочинял пьески, ревю, юморески, скетчи, «неожиданные фразы» для *Н.Балиева. П.Пильский* писал, что пьесы М. «пленяют... изяществом, нарядной мечтательностью: это — шутки, порхающие сновидения, милые обманы чувств, ...сердечные причуды». Строже судил о них *В.Ходасевич*, по мнению которого,миниатюры М. были «поверхностными», а А.Белый считал, что М. «лишь играет в литературу». Плодотворное сотрудничество М. с театром Балиева продолжалось 10 лет, причем практически ни одно представление не обходилось без авторства М. Последнюю пьесу для «Летучей мыши» — «Екатерина II» — М. написал вместе с *Н.Тэффи* весной 1918.

Одновременно М. редактировал журнал «Рампа и жизнь» (1908-18), который, по его мысли, должен был «обслуживать интересы русского театра, как с эстетически-художественной, так и с бытовой стороны». Пильский вспоминал, как «Лоло рыцарски бился за актерский интерес, стоял горой и защитой», причем ему «было нелегко, ибо театр — это столкновение интересов, личностей (и каких!), интриг, а Лоло всегда был чужд всякому политиканству (тут всегда можно было обидеть кого-то)». Многие из публиковавшихся в «Рампе и жизни» эпиграмм, фельетонов, рецензий, пьес М. вошли в его юмористический словарь «Жрецы и жрицы искусства» (т. 1-2. М. 1910-12), сохранивший для истории театра, наряду с портретами корифеев сцены, и забытые имена.

В дни октябрьского переворота 1917 помещение редакции журнала было захвачено анархистами, но и в этих условиях журнал сумел дать правдивую информацию архитектора И.Машкова о разрушениях в Кремле после его обстрела большевиками. В ноябре-декабре М. опубликовал серию статей в защиту свободы печати. После того, как в октябре 1918 журнал был запрещен, М. вслед за Тэффи уехал с *женой в Киев, а затем через Одессу — в Кон*стантинополь. На острове Принкипо в феврале 1920 написал одно из лучших своих стихотворений — «Пыль Москвы». Сотрудничал в берлинском еженедельнике «Театр и жизнь» и в др. эмигрантских изданиях. Вопреки суровой оценке Ходасевича, сводившего творчество М. этого времени к «шутовству и пошлости», в его поэзии была и неподдельная тоска по родине: «Погасли вешние огни... / мы потускнели, опустились, мы в зарубежье очутились»; «Мы глядим на беженскую елку, вспоминаем старую Москву. / Рождество... Я плачу втихомолку, опустив усталую главу». В 1923 М. вместе с антрепренером И.Зоном организовал в Риме театр миниатюр «Маски», который с огромным успехом гастролировал по Франции, Германии, Италии. Рецензенты подчеркивали, что «Маски» не подражали Балиеву и что основным автором «отлично сыгранной труппы» являлся «поэт Лоло».

В 1926 М. оставил театр и поселился в Ницце, рассылая стихотворные фельетоны в «Руль», «Последние новости», «Сегодня», «Иллюстрированную Россию». Только в парижском «Возрождении» ежегодно появлялось не менее 50 его фельетонов («Клочков») на злобу дня. Выступал в качестве антипода Демьяна Бедного, откликаясь с противоположных позиций на выступления Сталина, постановления ЦК ВКП(б) и т.п. события в СССР. Задолго до сталинских «чисток», в 1931, он напутствовал советских студентов: «Дети! Кончивши вузы с дипломами... / Не старайтесь встречаться с наркомами... / Знайте: тот, кто сегодня нарком, / Может завтра расстаться с пайком, / Может быть уничтожен тайком...» Поначалу, как и многие, М. верил, что не за горами тот час, когда он войдет «с цветами в золотую старую Москву», но на вопрос анкеты «Когда мы вернемся в Россию» ответил горьким признанием:

«Себя я тешил и лицемерил... / В самообмане часы текли. / Я ждал чего-то, во что-то верил. / Был верным сыном родной земли. / Я думал: сгинут враги лихие! / Мне луч спасенья сиял вдали... / Теперь погас он!.. Прощай Россия / Хочу быть сыном чужой земли!..» Тема старой Москвы, засыпанных снегом любимых переулков не раз возникала в его «клочках», но он любил и «сказочную Ниццу, залитую бодрящим солнцем октября...», небольшой квартал, где он жил и где царил «патриархальный тихий уют»: «В садиках-крошках герань неизбежная. / В клетках с утра канарейки поют... / Знают друг друга в мельчайших подробностях, / Знают о свойствах, привычках, способностях / Сколько кто тратит на стол и на кров...» Каждую весну М. устраивал свои поэтические утренники, которые вела приезжавшая из Парижа Н.Тэффи. В.Ильнарская вместе со знакомыми актерами разыгрывала пьески М., а сам он читал новые «клочки».

Единственный сборник стихов М. — «Пыль Москвы» (Париж, 1931), был сочувственно встречен критикой. В 1937 русская литературная общественность во Франции отметила 70-летие М. В юбилейный комитет во главе с Тэффи вошли *М.Алданов, И.Бунин, Б.Зайцев*, А.Плещеев; по их инициативе был образован фонд для издания нового сборника стихов М. «Москва далекая. Клочки воспоминаний», посвященного театральному прошлому Москвы, но по неизвестным причинам он не увидел свет. Литературовед В.Крейд назвал М. «газетным поэтом», стихи которого несли в себе «что-то от репортажа, но этим-то ценные, ибо они исторические в прямом смысле этого слова». *Г.Струве* причислял М. к «присяжным юмористам, поставщикам мелких фельетонов для газет». В таких стихотворениях как «Пыль Москвы», «Крик сердца», «Думы осенние», «Мисс Россия» М. предстает перед читателем и как тонкий лирик; два из них вошли в антологию А.Боголепова «Русская лирика от Жуковского до Бунина» (Нью-Йорк, 1952).

В 1945 умерла В.Ильнарская, утрату ее М. тяжело переживал. Последние годы жизни он ничего не писал.

Соч.: Вечный праздник. Наброски в 3-х действиях. СПб., 1903; [Стихотворения] / Стихотворная сатира первой русской революции (1905-1907). Л., 1969; Онегин наших дней (роман-фельетон в стихах). М., 1986.

Лит.: Юбилей Лоло (30-летие литературной деятельности) // Илл. Россия, 1933, 22 апр.; Пильский П. 70-летие Лоло (Л.Г.Мунштейна) // Там же, 1937, 13 марта; Гольденвейзер А. Л.Г.Мунштейн-Лоло // Нов. рус. слово, 1947, 5 окт.; Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1952.

Арх.: РГАЛИ, ф.44, 878, 1086, 2266; ОР РГБ, ф. 48, 611; ТМБ, ф. 76, 100.

В.Бессонов

МУРАТОВ Павел Павлович (март 1881, Бобров, Воронежской губ. — 5.11.1950, Уотерфорд, Ирландия) — писатель, искусствовед, переводчик, издатель. Отец М. — военный врач, которому принадлежало имение Подгорье в Петербургской губернии. М. учился в кадетском корпусе. В 1903 окончил в Петербурге Институт путей сообщения и переехал в Москву. Активно участвовал в культурной жизни Москвы, посещал «среды» В.Брюсова, дружил с *Б.Зайцевым, В.Ходасевичем*, Б.Грифцовым, А.Койранским. Служил помощником библиотекаря библиотеки Московского университета, помощником хранителя (с 1906), а затем хранителем (до авг. 1914) отдела изящных искусств и классических древностей Румянцевского музея. До 1910 был женат на Евгении Владимировне (во 2-м браке Стражевой). В 1909 у них родился сын Никита. С 1911 женат на Е.Грифцовой (урожд. Урениус), подруге молодости В.Орешниковой-Зайцевой и В.Муромцевой-Буниной.

В 1905-6 М. путешествовал по Англии (Письма из Лондона // Весы, 1906, № 7) и Франции, выпустил брошюру «Борьба за избирательные права Англии» (М., 1906). Увлекся прерафаэлитами, У.Пейтером, а также живописью постимпрессионизма — в первую очередь Сезанна. С 1906 регулярно печатался как художественный критик в «Зорях», «Перевале», «Утре России», «Русских ведомостях», «Старых годах», «Золотом руне», «Аполлоне» и др. Любимый русский живописец М. — В.Серов, в полотнах которого ему виделось соединение ума, воли, безупречной прямоты, непреклонной художнической честности, исключительного личного достоинства. Высоко ценил ученика Серова, своего близкого друга Н.Ульянова, В.Борисова-Мусатова и одного из лучших, по его оценке, русских пейзажистов 1910-х — Н.Крымова. Ранним статьям М. — «О нашей художественной культуре» (1906), «Выставки «Союза» и «Передвижная» в Москве» (1907), «Добужинский в Художественном театре» (1909), «Пейзаж в русской живописи» (1910) и др. — не свойственен академизм; его стиль подчеркнуто описателен.

В 1908 впервые попал в Италию, жил там около года. За серией статей о кватроченто, Боттичелли, Понтормо, Пиранези (в частности, «Очерки итальянской живописи в Московском Румянцевском музее, II: Кватроченто» // Старые годы, 1910, окт.) последовала посвященная B.K.Z. (Б.Зайцеву) книга очерков «Образы Италии» (М., 1911-12, т. 1-2), принесшая автору широкое признание. М. учитывал опыт литературных «путешествий» по Италии как западных (Гёте, Стендаль, И.Тэн, Я.Буркхардт, Дж.А.Саймондс, прерафаэлиты, У.Пейтер,

Б.Беренсон, В.Ли), так и отечественных авторов (Н.Гоголь, Ф.Буслаев, А.Герцен, *Д.Мережковский*, *Вяч.Иванов*). Вместе с тем это — работа не систематизатора и гида, а писателя, который смешивает «набеги» в историю искусства и жизнеописания легендарных личностей с не очень тщательно скрытыми заимствованиями из других писателей. Он и лирик (итальянское прошлое для него не мертво, а является частью живой, современной Италии — необходимой школой души, учащейся ценить красоту: «Дни, прожитые там, не исчезают бесследно...»), и философ культуры, полагающий, что сила классического итальянского искусства обусловлена синтезом античных и христианских начал, «природной латинской религией». Итальянская «любовь к миру» породила бессознательное ощущение материального, «осязательные формы». Постепенно Италия изменила в христианстве то, что делало его религией Востока, крайнего Юга. Одна из центральных фигур итальянского искусства — Джотто, видевший «одно человеческое существо» во всех бесчисленных фигурах, наполняющих его фрески, а также всегда трудившийся над воплощением связей между душой и телом человека.

Увлечение Италией привело к взрыву разнообразной творческой деятельности М. Во многом он определял редакционную политику издательства К.Некрасова (1911-16), предприняв серию «эстетско»-просветительских изданий: в 1912 — осуществленный Зайцевым перевод с французского языка «Ватека» У.Бекфорда с предисловием М.; «Новеллы итальянского Возрождения, собранные и переведенные П.Муратовым» (обложка — Н.Ульянова; т. 1-2) — книга, над которой М. работал в Италии, где находился с 29.11.1911 по август 1912 в творческой командировке от Румянцевского музея; в переводе Е.Урениус сборник Ж.де Нерваля «Сильвия. Октавия. Изида. Аврелия» (под ред. М.) и в 1913 — «Избранные рассказы» П.Мериме, а также в переводе М. книга У.Патера «Воображаемые портреты. Ребенок в доме» (2-е испр. изд., 1916). В 1913 М. и Зайцев задумали перевод «Божественной комедии» Данте (осуществить этот замысел помешала война).

М. был своеобразным московским «антимодернистом», на первое место он ставил позднеромантическое романское представление о вкусе, образцовости, форме. Но он и «дилетант», «стилизатор», ему нравился тип творца, не чуждый постоянной самоиронии и творческих «капризов»: «У Мериме были данные сделаться величайшим из всех французских прозаических писателей XIX века. Он не создал, однако, ничего великого. Он сделал вид, будто не удостоил нас быть писателем... Он не хотел или не мог говорить людям о том, что составляло его внутреннюю сущность». Совмещала эти две ипостаси натура М. — человека интуиции, очень увлекающегося, боящегося застывшего артистического канона, влюбчивого. В целом М. маловнимателен к религиозной проблематике (хотя и почитал Св.Иеронима) в том виде, в каком ее видели русские идеалисты начала века, и рассматривал «русскую идею» в свете общезападного опыта. С позиций западничества М. хранил верность идеалу эстетской «утонченной цивилизации»: «...музыкальность и геометричность рублевского письма вошли в историю европейской культуры как последний живой отзвук великой эллинской живописи». *Н.Берберова* назвала италофильски окрашенный и ни на чей иной не похожий символизм М. «не декадентским, вечным», а самого М. относила к числу «оригинальнейших, интереснейших собеседников», каких ей довелось знать. А.Эфрос, ведущий русский художественный критик 2-го десятилетия XX в., видел в М. одного из «основных людей послесимволической критики».

Под влиянием постимпрессионизма у М. обострился интерес к русской иконе. В феврале 1913 он вошел в комитет первой выставки русской старины (из собр. И.Остроухова и С.Рябушинского). Один из пионеров расчистки икон в Кремлевских соборах; совершал поездки в различные монастыри для изучения фресок. Исходил из того, что икона — высокое искусство, подобие русского «античного начала», «...обет древнего русского художника был обетом монашества в искусстве». В 1912 И.Грабарь пригласил М. написать 5 из 6 выпусков для 6-го тома (М., 1913) «Истории русской живописи», посвященного иконописи допетровской эпохи.

Итогом довоенного творчества М. стало издание журнала «София» (1914, № 1-6), задуманного для пропаганды русской иконописи и в противовес намечавшемуся к выходу двухмесячнику *С.Маковского* «Русская икона». Редакция во главе с М. рассматривала русское искусство в связи с судьбами европейской цивилизации, «на стыке» литературы, живописи, архитектуры; название журнала указывало на общий — «южный» — корень «Запада» и «Востока»: «Благодаря искусству нам является теперь образ первой России, более рыцарственный, светлый и легкий, более овеянный ветром западного моря... и перво-христианского юга. Четыре столетия отделяют нас от этой неведомой Руси... Мы слишком долго отказывались от нее ...поглощенные историческими бедами второй и третьей России». Со всей решительностью М. выступал за такой тип эстетической критики, который бы делал предмет искусства не «собы-

тием» прошлого, а «происшествием» настоящего. М. не близки постоянные колебания моды, ажиотаж идеологических переоценок, вносящий «действительное развращение в умы», равно как и наступление дегуманизированного искусства, — «...безликих лиц, пестро одетых или экзотически обнаженных, не прекрасных, но лишь чувственных тел, неосязаемых вещей...». Византийская тяга к мифотворчеству, сближающая русское и итальянское искусство, — «добрая»; человек, прикасаясь к ней, «отдыхает душой», тогда как от древнего и мудрого искусства Азии «веет тонким злом».

В мае-июле 1914 М. предпринял поездку во Францию и Италию; в Париже по поручению К.Некрасова, намеревавшегося открыть в Ярославле художественную галерею, покупал французскую живопись, предметы китайского прикладного искусства, японские гравюры. По возвращении был призван в армию, служил офицером в гаубичной батарее на Юго-Западном, затем на Кавказском фронтах; с весны 1915 отвечал за воздушную оборону Севастополя, военным комендантом которого был его брат. В свободное время занимался переводами (Б.Бернсон. Флорентийские живописцы. М., 1923) и стилизованной прозой, первые опыты которой печатались в 1915-17 в «Русских ведомостях» и вошли в сборник исторических этюдов «Герои и героини» (М., 1918), характеризовавшийся автором как «нечто полубеллетристическое ...участники наполеоновских войн, авантюристы-поляки и т. д. ...беллетристически-фантастическое изображение ...«кавалеров и дам», никогда не существовавших...» (переизд. Берлин, 1922; Париж, 1929).

Революционных событий 1917 М. не принял: «О России нынешней и газетах думаю холодно. Слава Богу, что хоть успела спастись Европа-то. Создание на протяжении 50 лет новых великих империй (как Римская) ...считаю делом возможным». На Всероссийском кооперативном съезде (Москва, март 1918) избран в президиум Комитета по охране художественных и научных сокровищ России (до начала 1919). Публиковался в журнале «Народоправство». Подчеркивая неприятие жестокости и в противовес проофициально настроенному Дворцу искусств, в апреле 1918 основал «Studio Italiano» — подобие гуманитарной академии, членами которой состояли Б.Зайцев, А.Дживелегов, Б.Грифцов, И.Новиков, *М.Осоргин* и др. Один из учредителей книжной лавки писателей в Москве. В августе 1921 вошел в состав Комитета помощи голодающим в России (Помгола), после его роспуска был арестован ВЧК, находился во внутренней тюрьме на Лубянке, но был выпущен. В те годы им написаны сборник «Магические рассказы» (М., 1922) и роман «Эгерия» (Берлин, 1922; оформление В.Фаворского), динамично повествовавший о приключениях авантюриста в Италии XVIII в. Одновременно с прозой М. пробовал себя в драматургии: комедия «Кофейня» (М., 1922). М. пореволюционной поры выведен в лице Георгия Александровича Георгиевского в романе Зайцева «Золотой узор» (1923-25). В 1922 М. как заведующий секцией центральных музеев Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса вместе с семьей выехал в заграничную командировку, откуда не вернулся.

До осени 1923 жил в Германии; под впечатлением отъезда в Россию А.Белого чуть было не вернулся на родину. Летом 1923 М. жил в курортном местечке Прероу вместе с Зайцевыми, Бердяевыми, Осоргиными, Ходасевичем; будучи очарован Н.Берберовой, посвятил ей рассказ «Шехеразада». Один из основателей «Клуба писателей», сотрудничал в Русском научном институте. Печатался в пражском еженедельнике «Воля России», берлинском журнале «Беседа» и др. *М.Алданов* дал высокую оценку муратовской стилизации в рецензии на роман М. «Эгерия». Событием стал выпуск в издательстве *З.Гржебина* окончательной редакции «Образов Италии», дополненной 3-м томом (Берлин, 1924). В начале осени 1923 при участии итальянского слависта Э. Ло Гатто М. вместе с другими русскими писателями был приглашен в Италию, поселился в Риме. На его квартире бывали Вяч.Иванов, художник Г.Шилтьян, художник и архитектор А.Белобородов, художник Дж. де Кирико, писатель А.Спаини и др. В Италии М. подготовил к печати том о древнерусском искусстве (1925), увлекся творчеством Беато Анджелико. Бывал в Сорренто у Горького. В 1927 перебрался в Париж, завершил свои драматургические опыты в жанре по-экспрессионистски условной трагикомедии («Приключения Дафниса и Хлои» и «Мавритания»), встреченные отрицательно *Г.Ивановым* («...эстетизм 1910 года в 1927 неуместен...») и Горьким. В 1928 опубликовал «Магические рассказы».

С лета 1927 М. вел рубрику «Каждый день» в газете «Возрождение». Высоко ценил М. как публициста *И.Бунин*. Характерное для политических статей М. яростное неприятие леворадикального опыта (в 1931 в статье «Бабушки и дедушки русской революции» он назвал русских социалистов, в том числе Е.Брешко-Брешковскую, «хищными зверями») привело к конфликту М. с Алдановым, *М.Цетлиным* и др., обвинившими М. в том, что он стал реакционером, поддержал М. только Зайцев. Определяя политическую позицию М., *Г.Струве* назвал его антиподом князя *Д.Мирского*.

Интересы М. в эмиграции разнообразны: в 1931 он опубликовал книги о готической скульптуре, в 1926 в «Воле России» — серию статей «Очерки трех литератур» (1926, № 2, 4; появились два очерка о драматургии Л.Пиранделло и романах Ж.Жироду). В культурологическом цикле эссе («Анти-искусство», «Искусство и народ», «Кинематограф»), опубликованных в «Современных записках» в 1924-26, главная тема — возможность преодоления кризиса культуры. «Пост-Европу» М. оценивал в плане конфликта между «человеком органическим» и «человеком механическим», искусством и «анти-искусством». Корень кризиса культуры — в утрате искусством чувства «пейзажа» как связующего звена между «рукой» художника и его интеллектом. Критицизм новейших форм художнического самовыражения (экспрессионизм, сюрреализм, театр Мейерхольда) не в состоянии соответствовать душе «народного человека», приведенного в состояние варварства индустриализмом XIX в. Специализация искусства — следствие триумфа науки («тирана естества»), которая форсирует силы природы, добывая энергии и скорости, делающие нереальными параметры данного человеку в физических ощущениях мира. Уничтожение пластического («статического») образа, или «выпадение из пейзажа», привело к торжеству в искусстве механических форм знания, которые интересны профессионально, но не способны внушать эстетическое наслаждение. Перестройка культуры на механический лад убивает в творце «народное», — ремесленническое начало, притупляет эмоциональность. Между 1840 и 1880 европеец утратил контроль над знанием и высвободил энергии, которые в конечном счете сделали его игралищем сил, ему не подвластных. Оценивая перспективу развития искусств, М. не пессимистичен: параллельно с эмоциональными следствиями индустриализма («анти-искусством») существуют, пусть и в искаженном виде, пласты культуры, которые способны привести к возрождению органических форм творчества. Кинематограф, детективы общедоступны и, несмотря на частую тривиальность, являются способом удовлетворения стихийной эстетической потребности народа. Прорыв от «варварства» к «досугу» и «субботству» длителен, но служит показателем эстетической надежды и «демофилии» не как политико-демагогического, а творческого фактора. Подобно Честертону М. склонен видеть в массовой культуре проявление тяги к морализму и «порядку», а также протест против автоматизма и «хаоса» цивилизации, которые суггестируются элитарным искусством.

В середине 1930-х М. постепенно отошел от журналистики, предпринял путешествие в Японию и США, начал работу по истории 1-й мировой войны. С началом 2-й мировой войны перебрался в Англию и жил там в уединении. Незадолго до смерти в ирландском имении своих знакомых выпустил в соавторстве с дублинским коллекционером икон и журналистом У.Алленом последнюю книгу: Allen W.E.D., Muratoff P. The Russian Campaigns of 1944-1945 (New York, 1946). Посмертно издан их труд по военной истории Кавказа в XIX в. Кончина М. осталась в эмиграции практически незамеченной. Одним из немногих на нее сразу же откликнулся о.Киприан Керн («Образы Италии» П.Муратова (Вместо некролога) // Возрождение, 1951, № 15).

Соч.: L' Ancienne peinture russe. Rome, 1925; Книга о Державине // Возрождение, 1931, 9 апр.; La sculpture gothique. Paris, Rome, 1931; Искусство и народ / Литература русского зарубежья: Антология. Сост. В.В.Лаврова, т. 1, кн. 1. М., 1990; Образы Италии, т. 1-2. Ред., послесл. В.Н.Гращенкова. М., 1993-94; То же. Ред., послесл. В.М.Толмачева. М., 1994.

Лит.: Зайцев Б. Образы Италии // СЗ, 1924, № 22; Его же. Новые книги Муратова // Возрождение, 1931, 30 мая.

В.Толмачев

МЯКОТИН Венедикт Александрович (14.3.1867, Гатчина, Петербургской губ. — 5.10.1937, Прага) — историк, публицист, политический деятель. Родился в семье почтового служащего. Учился в кронштадтской гимназии и на историко-филологическом факультете Петербургского университета, по окончании которого в 1891 был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Тогда же стал преподавать в Александровском лицее; в 1892 опубликовал лекции по истории России XVIII-XIX вв. Читал также специальный курс лекций по истории Украины для украинской молодежи, обучавшейся в Петербурге, преподавал в Александровской военно-юридической академии. Сотрудничество с 1893 в журнале «Русское богатство» (с 1904 — член редакции) выдвинуло М. в число видных общественных деятелей либерально-народнического направления. В 1895 подписал петицию литераторов на Высочайшее имя об изменении законов о печати. Один из руководителей образованного в 1896 Союза взаимопомощи русских писателей, Комитета общества вспомоществования студентам Петербургского университета. В 1899 совместно с другими учеными подписал письмо министру внутренних дел о предоставлении советам профессоров права самостоятельно принимать меры к успокоению студенческой молодежи. С

1900 член общества «Герцен», распространявшего издания русских эмигрантов, с 1901 сотрудничал в «Социал-демократической рабочей библиотеке». По обвинению в поддержке студенческих выступлений в апреле 1901 был арестован, через два месяца выслан из Петербурга и до ноября 1904 находился в ссылке на Валдае. Член редакции органа Союза освобождения — газеты «Сын отечества». 8.1.1905 вошел в депутацию представителей петербургской интеллигенции, которая пыталась предотвратить расстрел рабочих. В 1906 вместе с *А.Пешехоновым* основал отделившуюся от эсеров народно-социалистическую партию. Будучи противником самодержавия, выступал вместе с тем против резкой ломки государственного устройства. Считал, что социализм должен проникать в идеологические, политические, экономические сферы общества постепенно, в результате последовательных реформ. За брошюру «Надо ли идти в Государственную думу» приговорен в 1911 к году заключения.

Научно-исследовательская деятельность М. концентрировалась на проблемах истории Украины XVII-XVIII вв., а также на вопросах русской общественной жизни XVII-XIX вв. (сб. статей «Из истории русского общества. Этюды и очерки». 1-е изд. СПб., 1902). Социальную историю Украины М. исследовал в связи с развитием отношений между Россией и Малороссией. Он опроверг утвердившуюся в науке концепцию, согласно которой крепостное право на Украине возникло в результате политики Екатерины II. Основываясь на огромном количестве исторических источников, многие из которых он впервые ввел в научный оборот, доказал, что закрепощение явилось закономерным следствием внутреннего социально-экономического развития украинских земель после их отделения от Польши.

Февральская революция 1917, по мнению М., «разразилась стихийно, ...явившись прямым результатом всего внутреннего строя государства и легшей на него непосильной тяжестью жестокой войны», тогда как в октябре 1917 к власти пришла группа политических террористов. Это убеждение определило активную роль М. в организации Союза возрождения России (апр. 1918) и в разработке его программы; с сентября 1918 он выполнял задания Союза в Киеве, Екатеринодаре, Ростове-на-Дону, Одессе, Николаеве. В Екатеринодаре работал в редакции газеты «Утро Юга», в Ростове основал в 1919 газету «Парус». Поддерживал в целом политику командования Добровольческой армии, однако критически относился к диктаторским тенденциям в деятельности генерала *Деникина*. После разгрома войск Деникина, в конце 1920 был арестован большевиками по делу Тактического центра; в начале апреля 1921 освобожден, но осенью 1922 вместе с большой группой интеллигенции выслан из России без права возвращения.

1.11.1922 прибыл в Берлин, где принял участие в создании Русского научного института (РНИ). С 1923 по 1925 читал в РНИ курс лекций «Русская история в XVI-XVII веках», в 1925 прочитал там же и в Русском народном университете в Праге специальный курс «История Малороссии». Участвовал в деятельности комитета пражского Земгора, занимавшегося созданием исторического архива, был одним из авторов проекта Положения об архиве — будущем Русском заграничном историческом архиве (РЗИА); член Совета архива и эксперт его ученой комиссии. Член Союза русских писателей и журналистов в Софии. Избранный в январе 1924 в состав Кабинета по изучению современной русской культуры при Берлинском РНИ (Кабинет занимался собиранием, хранением, изучением и публикацией исторических документов дореволюционного времени и периода русской революции), М. вошел в его руководящий Комитет, читал публичные лекции по вопросам истории русской культуры.

В Берлине при ближайшем участии М. было создано книгоиздательство «Ватага». В 1923-26 он — один из редакторов историко-культурного альманаха «На чужой стороне», издававшегося «Ватагой» и пражским издательством «Пламя», в 1926-28 — журнала «Голос минувшего на чужой стороне». Как член первого правления общества «Еднота» (Прага) принимал участие в научной и культурно-просветительной работе этого учреждения. В 1928 переехал в Софию и до 1937 возглавлял кафедру русской истории в Софийском университете. Все эти годы М. активно выступал в печати, редактировал тексты исторического содержания, научные и публицистические статьи для русских эмигрантских и иностранных периодических изданий: «Славянский мир» (Париж), «Slovansky Prehled» (Прага), «Slavonic Review» (Лондон), «Дни», «Последние новости», «Le Monde Slave» (все — Париж).

В эмиграции М. продолжал политическую деятельность, был председателем ЦК пражской группы народных социалистов (НСП). Неоднократно выступал в Праге и Париже с докладами о русско-украинских отношениях, оспаривая аргументацию украинских националистов в пользу отделения Украины от России («Украинский вопрос в свете русской революции». Париж, 1927). Утверждал, что сохранение государственного единства России диктуется национально-историческим родством русского и украинского народов; трактовал Переяславский договор как акт добровольного при-

знания Украиной своей вассальной зависимости от Московского государства, а зарождение украинского сепаратизма объяснял действиями германского правительства. Возвращение эмигрантов в Советскую Россию М. считал недопустимым и саму проблему «возвращенчества» связывал прежде всего с вопросом об отношении к идеологии и политике «тиранического» советского правительства. В выступлениях на конференциях пражской группы НСП и в Париже в январе 1926 («О белоэмигрантах и Советской России») М. сформулировал основные тактические задачи русской эмиграции: эмигрантская общественность должна организационно оформляться в политические объединения в целях выработки определенной программы; на этапе противобольшевистской борьбы возможно сотрудничество с некоторыми группировками, кроме монархистов; учитывая социально-политическую обстановку в России, необходимо сочетать мирные способы борьбы и военную интервенцию. «Экономическая интервенция великих держав в Россию представляется мне совершенно неминуемой. Не может совершенно обессиленная страна сама себя вытащить из глубокой трясины. А экономическая помощь в широком государственном масштабе неразрывно связана с политическим влиянием». М. оставался сторонником демократической республики, его взгляд на политическое устройство России определялся формулой: государственное единство плюс федеративный строй.

В исторической концепции М. важное место занимала оценка, как чрезвычайно существенного, фактора внешней опасности. Историко-культурное развитие русского общества, процесс создания государственности находились, по его мнению, в постоянной зависимости от внешних сил и событий. Для русских, как ни для какого другого народа, характерна постоянная забота о внешней безопасности, пристальное внимание к иностранным соседям. Внешняя опасность (набег кочевников) стала основной причиной разделения русского народа на великорусскую и малорусскую ветви. Вместе с тем при анализе проблемы «Россия и Запад» М. исходил из признания единства русского и западного исторического пути. Результатом его научно-исследовательской работы в период эмиграции был ряд крупных монографий, статей и около 100 рецензий. Они внесли значительный вклад в историографию прежде всего украинского крестьянства и русско-украинских отношений. Наиболее крупная монография М. — «Очерки социальной истории Украины в XVII-XVIII вв.» (вып. 1-3. Прага, 1924-26) — содержит подробный анализ причин восстания 1648-54 и его последствий, здесь впервые представлена картина образования отдельных сословий и эволюции землевладения. Исследуя изменения в политической и экономической жизни Украины, М. пришел к выводу, что в основе закрепощения крестьян находилось появление частной земельной собственности; крепостное право отвечало в первую очередь интересам украинской землевладельческой аристократии («Прикрепление крестьянства левобережной Украины XVII-XVIII вв.». София, 1932).

Похоронен М. на Ольшанском кладбище в Праге.

Соч.: А.С.Пушкин и декабристы. Берлин, 1923; История Руси в конце XVII и первой половине XVIII стол. София, 1928; Шляхетские имения в гетманщине // Науч. тр. Рус. народ. ун-та, 1931, т. 4; История Руси от IX до XVIII вв. София, 1937.

Лит.: Одинец Д.М. Очерки социальной истории Украины в XVII в. // СЗ, 1925, № 23-24; Могилянский Н.М. К 60-летию В.А.Мякотина // Новая Россия, 1927, 4 марта; Алданов М.А. Памяти В.А.Мякотина // СЗ, 1937, № 65; Керенский А.Ф. В.А.Мякотин // Новая Россия, 1937, № 3; Милюков П.Н. Памяти В.А.Мякотина // Там же, 1937, 8 окт.

Арх.: ГАРФ, ф. 5917.

Е.Иогансон

МЯСИН Леонид Федорович (27.7.1895, Москва — 15.3.1979, Боркен, Вестфалия, ФРГ) — танцовщик, балетмейстер. Родился в семье музыкантов: отец, Федор Афанасьевич М., валторнист оркестра Малого театра; мать, Евгения Николаевна, хористка Большого театра. М. рано почувствовал потребность в пластическом самовыражении, в 8 лет (1903) он поступил на балетное отделение Московского театрального училища. В начальных классах занимался у Н.Домашова, в выпускном — у А.Горского. Учеником много выступал на сцене Большого театра, в том числе в своей первой роли Черномора в опере «Руслан и Людмила» М.Глинки. Одновременно участвовал в драматических спектаклях Малого театра, а также начал серьезно заниматься живописью в школе А.Большакова и игрой на скрипке. Интерес к изобразительному искусству сопутствовал М. всю жизнь и оказал заметное влияние на его хореографическое мышление. По окончании училища в 1912 был зачислен в кордебалет Большого театра и экстерном 2-го разряда — в Малый театр. П.Марков вспоминал его как «стройного, нервного и очень искреннего юношу, который играл роли гимназистов в спектаклях с участием Южина, Лешковской, Никулиной, Рощиной-Инсаровой. Он имел большой успех и ему сулили блестящее будущее». Какое-то время, увлеченный своими успехами в дра-

ме, М. колебался в выборе профессии. Поворотным моментом в его жизни стала встреча с *С.Дягилевым*, который в конце 1913 увидел М. в «Лебедином озере», где тот с В.Кригер танцевал тарантеллу. Дягилев искал, после разрыва с *В.Нижинским*, нового премьера для своей труппы. В январе 1914 М. покинул Россию, чтобы вступить в «Русский балет» Дягилева, как он сам считал — на один сезон. Первый период работы у Дягилева стал для М. временем интенсивного накопления знаний. По настоянию мэтра он стал заниматься у Э.Чекетти. В том же году дебютировал в маленькой роли Ночного сторожа в «Петрушке» *М.Фокина* (комп. *И.Стравинский*), а затем — в главной роли в премьере балета Фокина «Легенда об Иосифе» (на муз. Р.Штрауса) и имел заметный успех. Позже танцевал также в других балетах Фокина: Петрушку в одноименном балете, Ивана-царевича в «Жар-птице» Стравинского, Негра в «Шехеразаде» (на муз. Н.Римского-Корсакова), Амуна в «Клеопатре» А.Аренского и др. Начиная с 1920-х исполнял в основном главные партии в собственных постановках. Как танцовщик М. тяготел к полухарактерным и характерным, даже гротесковым партиям. Обладая эффектной сценической внешностью, высоким и легким прыжком, артистическим магнетизмом, отличаясь мимической выразительностью, легко усваивая пластические «языки» различных народных танцев (он был блистательным интерпретатором испанских танцев), редко встречающимся в балете чувством юмора, М. скоро стал одним из самых известных танцовщиков своего времени.

Работа с таким хореографом-новатором как Фокин, обилие впечатлений от знакомства во время гастролей с культурой других стран, особенно Италии, посещение музеев, общение с Дягилевым, немало способствовавшим духовному развитию молодого артиста, пробудили в М. желание попробовать себя на балетмейстерском поприще. Первый опыт — балет «Литургия» (1914), создававшийся под воздействием живописи Чимабуэ, не был доведен до конца. Но следующий его балет, созданный по предложению Дягилева, — «Полуночное солнце» на музыку оперы Римского-Корсакова «Снегурочка» (1915, «Grand Theatre», Женева) — стал заметным явлением. Находясь во многом под влиянием неопримитивизма *М.Ларионова*, оформившего спектакль в стиле русского лубка, М. построил хореографию балета на значительно стилизованном русском фольклоре. И в дальнейшем для М. большое значение имели творческие контакты с художниками и впечатления от изобразительного искусства. Он работал в содружестве с такими сценографами как Ларионов, *Н.Гончарова*, П.Пикассо, *М.Шагал*, *А.Бенуа*, Н.Бенуа, С.Дали, А.Дерен, А.Матисс, *Л.Бакст*, *М.Добужинский*, *П.Челищев*, Г.Якулов, Ж.Брак, К.Берер и мн. др. «Успех «Полуночного солнца», — вспоминал впоследствии М., — был достаточен для того, чтобы я начал серьезно думать о моем будущем как хореографа».

В 1916, находясь в Испании, М. поставил балет «Менины» (по картине Д.Веласкеса, на муз. Г.Форе), открывший испанский цикл в его творчестве. М. стал серьезно заниматься изучением испанского народного танца, приглашая знаменитых испанских танцовщиков для участия в своих постановках (Фернандеса, Рамироса, Архентиниту). Легко осваивая все новое, М. в 1917 в содружестве с поэтом Ж.Кокто, написавшим сценарий, композитором Э.Сати, использовавшим в своей музыке синтез джаза и регтайма, и художником Пикассо, создавшим костюмы в стиле кубизма, поставил балет «Парад», применив свойственные футуризму приемы эпатажа публики и стерев границы между академической сценой и балаганом. Балет не имел успеха, шокировав публику и критику своей новизной и необычностью. В том же году М. поставил также один из самых знаменитых своих балетов «Женщины в хорошем настроении» («Проказницы»; на муз. сонат А.Скарлатти в оркестровке В.Томмазини) по мотивам комедии К.Гольдони, в котором сочетал стилизацию балетной техники XVIII в. с изломанностью движений марионеток и влияний современного искусства. Успех спектакля способствовал тому, что и в дальнейшем М. неоднократно возвращался к найденным здесь образам и приемам. Этот балет, как и созданные в том же году «Русские сказки» (на муз. А.Лядова), поставленные в духе русского лубка, долго держались в репертуаре труппы, всегда вызывая восторги зрителей. Уже в этих первых постановках были заявлены черты, свойственные балетмейстерскому творчеству М.: интерес к фольклору, как русскому, так и других народов, влияние изобразительного искусства на хореографическое решение, интерес к стилистике commedia dell'arte, преломленные сквозь современное пластическое видение. В 1919 поставил «Волшебную лавку» на музыку Дж.Россини в аранжировке О.Респиги. «При очаровательной и в то же время малоизвестной музыке Россини, а также остроумной и динамичной хореографии Мясина «Волшебная лавка» привлекла к себе исключительный интерес и вошла в число самых популярных балетов... Особенно выделялись Лопухова и Мясин, буквально «взрывавшие» зрительный зал исполнением канкана». В том же году поставил «Треуголку» М. де Фальи, снискав успех также как блистательный исполнитель фаруки. В 1920 обратился к приемам commedia dell'arte в «Пульчинел-

ле» (комп. Стравинский по Дж.Перголези). Стравинский считал балет «одной из лучших постановок Мясина, сумевшего проникнуться духом неаполитанского театра. А его исполнение роли Пульчинеллы было выше всяких похвал». В том же году поставил в парижской «Grand-Opéra» «Песнь соловья» и собственную хореографическую версию «Весны священной» (оба — комп. Стравинский), в 1920 — балетные сцены в опере-балете «Женские хитрости» (на муз. Д.Чимарозы в оркестровке О.Респиги; в дальнейшем исполнялись самостоятельно под названием «Чимарозиана»).

В 1921 женился на американской балерине Вере Савиной (наст. фам. Кларк); стремясь к профессиональной независимости, покинул «Русский балет». Сформировав в Риме собственную труппу, гастролировал с ней по Южной Америке. В 1922 поставил в Лондоне несколько маленьких балетов для «Covent Garden», собрал новую труппу для гастролей по Англии, открыл в Лондоне школу, в которой обучал по методу Э.Чекетти (среди учеников Ф.Аштон, Э.Марра). В 1924 поставил для сезона «Парижские вечера» балеты: «Меркурий» (комп. Э.Сати), «Салат» (на народные итальянские мелодии в оркестровке Д.Мийо), «Жига» (на муз. И.С.Баха, Г.-Ф.Генделя, А.Скарлатти), «Розы» (на муз. О.Метра) и один из самых знаменитых своих балетов — «Прекрасный Дунай» (на муз. И.Штрауса). В 1924 разошелся с В.Савиной. В 1925-26 сотрудничал с английским импресарио Ч.Кокраном, поставил балеты: «Повеса» (по мотивам рис. У.Хогарта, комп. Р.Куилтер) и «Крещендо» (оба — 1925), «Бадья» («The Tub», на муз. Й.Гайдна, 1926).

В 1925 вернулся в «Русский балет» Дягилева, оставался в труппе до 1928. Осуществил постановки: «Зефир и Флора» В.Дукельского и «Матросы» Ж.Орика (оба — 1925), «Стальной скок» *С.Прокофьева* (1927) — балет, связанный с русским конструктивизмом (сценография Г.Якулова), пластически близкий к «танцам машин», «Ода» *Н.Набокова* (на сюжет «Оды» М.Ломоносова, 1928), в которой впервые в творчестве М. возникает та тяга к обобщенным до символа образам и сюжетам, которая в дальнейшем получит развитие в его симфонических балетах. Женившись в 1928 на танцовщице труппы «Немчинова—Долин» Евгении Деляровой, уехал в Америку, выступал вместе с ней на концертной эстраде. В 1928-31 работал в труппе *И.Рубинштейн* (Национальная Академия музыки и танца, Франция). Поставил: «Давид» А.Соге (1929), «Амфион» А.Онеггера (оба — 1929). Одновременно (1928-30) сотрудничал с американской компанией «Рокси Синема», где ставил дивертисменты и выступал в них. В 1930 создал новую редакцию своей «Весны священной» в «Metropolitan Opera» с Мартой Грехэм в партии Избранницы. В том же году возвратился в Европу, где поставил балет «Белкис» Респиги в миланской «La Scala».

В 1932 встретился с немецким режиссером М.Рейнхардом в работе над оперой-буфф «Елена Прекрасная» Ж.Оффенбаха (шла в лондонском театре «Аделфи» под названием «Елена!»); по признанию М., получил от него несколько важных уроков, «касающихся главным образом значения ритмической организации больших сцен». С 1932 (и до 1942) работал в труппе «Ballet Russe de Monte Carlo» (с 1933 — главный балетмейстер), поставил «Детские игры» (на муз. Ж.Бизе, 1932). М. не раз был первопроходцем в хореографии, с 1933 в его творчестве возникла новая линия — первым на Западе он начал ставить хореографические симфонии, открыв новую сферу использования классической музыки: «Предзнаменования» (на муз. Пятой симфонии П.Чайковского), «Хореартиум» (на муз. Четвертой симфонии Й.Брамса) — обе 1933, «Фантастическая симфония» («Эпизод из жизни артиста», на муз. Г.Берлиоза, 1936), «Седьмая симфония» (на муз. Л.Бетховена, 1938), в которой развил хореографические идеи, впервые найденные в «Оде» — соединение сюжетного балета с эпизодами «чистого» (симфонического) танца, асимметричное построение кордебалета, использование не только горизонтальных, но и вертикальных построений кордебалета и др. Отличаясь некоторой иллюстративностью, их действие строилось, как правило, на столкновении аллегорических понятий. Одновременно М. продолжал также работать и в др. жанрах. Среди его постановок: «Юнион Пацифик» Н.Набокова (1934, «Forest Theatre», Филадельфия), в котором он использовал многообразие танцевального фольклора (китайского, индейского и др. народов); «Парижское веселье» (на муз. Ж.Оффенбаха, 1938; снят в Голливуде в 1941 с М. и *А.Даниловой*); «Nobilissima visione» П.Хиндемита (1938); «Красное и черное» («Странная фарандола», на муз. Д.Шостаковича, 1939); «Испанское каприччио» (на муз. Римского-Корсакова, 1939; снят фильм «Испанская фиеста», Голливуд, 1941); «Нью-Йоркер» (на муз. Дж.Гершвина в оркестровке Д.Раскина, 1940); «Саратога» Я.Вейнбергера и «Лабиринт» (на муз. Седьмой симфонии Ф.Шуберта) — оба 1941.

В 1938 М. разошелся с Е.Деляровой и женился на Татьяне Милишниковой (сценич. псевд. Орлова). В 1941 у них родилась дочь Татьяна (в будущем также танцовщица, в замужестве баронесса Стефан де Ватсдорф), а в 1944 — сын Леонид, ставший артистом балета

и балетмейстером, известным под именем Лорка Массин (Массине).

После ухода из «Ballet Russe de Monte Carlo» М. работал в 1942-45 в «Ballet Theatre» (Нью-Йорк), среди постановок: «Мамзель Анго» А.Лекока (1943), «Алеко» на музыку Чайковского. В 1944 получил американское гражданство. В 1945-46 гастролировал с организованной им труппой «Ballet Russe Highlights», куда вошли И.Баранова, А.Эглевский, А.Истомина, Ю.Лазовский, Р.Хайтауер и др. Репертуар составляли фрагменты из русских классических балетов и постановок самого М. В 1946 принял приглашение выступить в лондонском ревю «Пуля в балете», одновременно по приглашению Н. де Валуа работал в «Sadler's Wells Ballet».

С 1947 творчество М. связано преимущественно с Европой. Поставил: «Симфония часов» (на муз. Гайдна, 1948, «Sadler's Wells Ballet»); «Художник и его модель» (на муз. Ж.Орика, 1949, Балет Елисейских полей); «Гарольд в Италии» (на муз. Г.Берлиоза, 1951, «Ballet Russe de Monte Carlo»); «Марио и волшебник» (на муз. Ф.Маннино, 1954, «La Scala»); «Дон Жуан» К.В.Глюка (1959, там же). Одна из последних значительных постановок М. — «Евангелисты» («Laudes Evangelii», на муз. умбрийских песнопений XIII в. в обработке В.Букки), вдохновленная атмосферой пре-джоттовских живописцев и византийскими мозаиками, — была поставлена в 1952 в церкви Сан-Доменико (Перуджи). Балет, в котором нашел развитие замысел его первого, неосуществленного, балета «Литургии», имел большой успех и в течение многих лет неоднократно ставился в разных странах; в 1961-62 был показан по телевидению в целом ряде стран. М. поставил также: «Гарольд в Италии» (на муз. симфонической поэмы Берлиоза, 1954, «Ballet Russe de Monte Carlo»); «Ашер» («Падение дома Ашеров» Р.Морилло, 1955, театр «Colon», Буэнес-Айрес). В 1960 М. — художественный руководитель 5-го международного фестиваля танца в Генуе, для которого поставил: «Человеческая комедия» (на муз. XIV в. в оркестровке К.Ори); «Севильский цирюльник» (на муз. Дж.Россини); «Бал воров» Орика и свою версию «Шехеразады» (на муз. Римского-Корсакова).

М. осуществил постановки около 100 балетов разнообразных жанров (от балетов-буфф, доходящих до бурлеска, с точной обрисовкой характеров и нравов, до симфонических, порой аллегорических, балетов), тематики, стилей. В своих произведениях он использовал многообразие пластических «языков» — классический танец, акробатические движения, разнообразный танцевальный фольклор. Он часто был первооткрывателем в хореографии, его произведения вызывали бурную полемику. И эта «его способность меняться от стиля к стилю, сохраняя свое, мясинское, лицо и есть то, что делает его наиболее представительным из всех хореографов XX века» (Дж.Синклер).

В 1961 и 1963 побывал в Москве по договоренности с «Совэкспортфильмом», вел переговоры о съемках для показа по телевидению своих балетов в исполнении русских артистов. Этот замысел не осуществился.

М. принадлежит хореография фильмов-балетов «Красные башмачки» (1948), «Сказки Гофмана» (1951), «Неаполитанская карусель» (1953) и др. В разные годы ставил танцы в операх и драматических спектаклях. В конце 1950-х — в 1960-е выступал вместе со своим сыном с лекциями о балете и народных танцах (русских, испанских, бразильских, американских и др.) и с демонстрацией их. Написал книгу воспоминаний «My Life in Ballet» (London, 1960) и теоретический труд «Theory and Exercise in Composition» (London, 1978).

Лит.: Haskel A. Some Studies in Ballet. London, 1928; Beaumont C. Ballet's past and present. London, 1955.

Арх.: РГАЛИ, ф. 2964, оп. 1.

Г.Андреевская

Н

НАБОКОВ Владимир Владимирович (псевд. Владимир Сирин в 1926-40, Василий Шишков — в поэтических мистификациях) (10.4.1899, Петербург — 2.7.1977, Кларенс, Швейцария) — прозаик, поэт, драматург, литературный критик, переводчик. Старший сын Елены Ивановны Рукавишниковой (из рода сибирских золотопромышленников) и Владимира Дмитриевича Н., потомка старинного княжеского рода (ведущего свое происхождение, очевидно, от обрусевшего татарского князя Набока Мурзы, XIV в.), юриста, публициста, энтомолога, одного из лидеров кадетской партии, члена 1-й Государственной думы, управляющего делами Временного правительства, министра юстиции краевого правительства в Крыму (1919), погибшего в марте 1922 в Берлине от пули русского монархиста, заслонив собой *П.Милюкова*. В 1911-16 Н. учился в Тенишевском училище, известном своим высоким уровнем образования и либерализмом (оно не было сословным). Печатал стихи в журнале училища «Юная мысль», входил в его редакцию. В июле 1916 опубликовал стихотворение «Лунная гроза» в журнале «Вестник Европы», в октябре — сборник «Стихи», в 1917 — стихотворение «Зимняя ночь» в журнале «Русская мысль» (№ 3/4). В 1918 с А.Балашовым издал альманах «Два пути. Стихи». После пребывания в Крыму, где в сентябре-октябре 1918 Н. напечатал в газете «Ялтинский голос» стихи, в марте 1919 из Севастополя на греческом судне «Надежда» со всей семьей покинул Россию. Два месяца провел в Греции, летом 1919 приехал в Лондон и осенью поступил в Кембриджский университет — в Тринити Колледж, где изучал русскую и французскую литературу.

Окончив в 1923 Кембридж с отличием, переехал в Берлин. В 1925 женился на Вере Евсеевне Слоним, дочери юриста и предпринимателя-лесоторговца; в 1934 родился их сын Дмитрий. В Берлине, как и позднее в Париже, куда они перебрались в 1937, зарабатывал на жизнь уроками английского, французского, тенниса, переводами. В письмах (1933-39) *З.Шаховской* постоянно жаловался на непреодолимую бедность. В 1922-29 регулярно печатал стихи, эссе, статьи, рецензии в берлинской газете «Руль». В 1923 опубликовал две книги стихов «Горний путь» и «Гроздь», в 1926 — первый роман «Машенька». За ним последовали романы: «Король. Дама. Валет» (Берлин, 1928); «Защита Лужина» (СЗ, 1929-30, № 40-42; отд. изд. Берлин, 1930); «Возвращение Чорба. Рассказы и стихи» (Берлин, 1930); «Соглядатай» (СЗ, 1930, № 44); «Подвиг» (СЗ, 1931-32, № 45-48; отд. изд. Париж, 1932); «Камера обскура» (СЗ, 1932-33, № 49-52; отд. изд. Париж-Берлин, 1933); «Отчаянье» (СЗ, 1934, № 54-56; отд. изд. Берлин, 1936); «Приглашение на казнь» (СЗ, 1935-36, № 58-60; отд. изд. Париж, 1938); «Дар» (СЗ, без гл. 4, 1937-38, № 63-67; отд. полн. изд. Нью-Йорк, 1952; 1975 — с исправл.). В 1938 закончен первый роман на английском языке — «Истинная жизнь Себастьяна Найта», опубликованный после переезда в США в 1941. Остался незаконченным роман «Solus Rex» «Одинокий король» (СЗ, 1940, № 70). Все эти романы переводились на английский язык (сыном Дмитрием и самим Н.) и на др. европейские языки.

В Берлине Н. выступил как драматург, автор пьес «Скитальцы» (Грани, 1923, кн. 2); «Человек из СССР» (поставлена Ю.Офросимовым, состоялось одно представление; 1-й акт — газ. «Руль», 1927, № 1); «Событие» (Рус. записки, 1938, № 4; ставилась до войны в Европе и США); «Изобретение Вальса» (Там же, 1938, № 11; опубл. в 1966, поставлена в 60-е в Англии и США). Среди переводов, сделанных Н. в Берлине, — «Николка Персик» («Кола Брюньон») Р.Роллана (1922), стихи Р.Брука, Ронсара, О'Салливана, Верлена, Сюпервьеля, Теннисона, Йетса, Байрона, Китса, Бодлера, Шекспира, Мюссе, Рембо, Гёте, опубликованные в газетах «Руль», «Последние новости», в альманахах «Грани», «Родник», в сборнике «Горний путь»; «Аня в стране чудес» — перевод «Алисы в стране чудес» Л.Кэрролла (Берлин, 1923). После публикации в газете «Руль» рецензии Н. на роман *И.Одоевцевой* «Изольда» началась многолетняя вражда Н. с *Г.Ивановым* (мужем Одоевцевой), поместившим в «Числах» оскорбительную рецензию на книги Н. В рассказе «Уста к устам» Н. высмеял корыстных издателей (*Г.Адамовича*, Г.Иванова); написал эпиграмму (1939 ?): «Такого нет мошенника второго / во

всей семье журнальных шулеров!» / Кого ты так? — «Иванова, Петрова / Не все ль равно...» — «Постой, а кто ж Петров?» Русские романы и сборник рассказов Н. воспроизведены репринтным способом американским издательством «Ардис» (Анн Арбор, 1974-84), составив с переводами книг англоязычного Н. своего рода первое собрание его сочинений.

В мае 1940, спасаясь от фашистской оккупации, Н. с семьей эмигрировал из Сен-Назера на пароходе «Шамплен» в США. В 1941-48 преподаватель в Уэллслейском колледже (шт. Массачусетс) русского языка и литературы. В 1942-48 сотрудник (специалист по лепидоптерии) Музея сравнительной зоологии в Гарвардском университете. В 1945 получил американское гражданство. В 1948-58 профессор Корнеллского университета (г. Итака, шт. Нью-Йорк), в 1951-52 читал курс лекций в Гарвардском университете. С 1940 печатался под своим именем. В американский период, помимо «Себастьяна Найта», опубликовал роман «Под знаком незаконнорожденных» (1947), «Девять рассказов» (1947), рассказы, воспоминания, в том числе «Убедительное доказательство» (1951), в Лондоне в том же году под названием «Говори, память», затем в авторском переводе с изменениями в Нью-Йорке под заглавием «Другие берега» (1954). На русском языке в 1952 в Париже вышел сборник «Стихотворения. 1929-1951»; посмертно издан сборник «Стихи» (1979). В 1953 Н. получил премии фонда Гуггенхейма и Американской Академии искусств и словесности. В 1955 на английском языке в Париже опубликован роман «Лолита»; в 1956 в Нью-Йорке на русском — «Весна в Фиальте» и другие рассказы»; в 1957 — «Пнин» (на рус. яз. — 1983); в 1958 — «Набоковская дюжина», сборник из 13 рассказов; в 1959 — «Стихи» (на англ. яз.).

Н. перевел на английский в 1941 несколько стихотворений *В.Ходасевича* (который был его другом и, возможно, послужил прототипом Кончеева в «Даре»), «Моцарта и Сальери» А.Пушкина (вместе с американским писателем и литературоведом Э.Уилсоном), в 1944 — стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева, в 1958 — «Героя нашего времени» Лермонтова (совм. с сыном). Н. — теоретик перевода, автор работ: «Заметки переводчика» (НЖ, № 49; Опыты, № 8), «Рабской стезей» (на англ. яз.) в сборнике Гарвадского университета «Искусство перевода» (Кембридж) — о принципах перевода «Онегина» на английский язык.

Благодаря успеху «Лолиты» Н. смог оставить преподавательскую работу и в 1960 переехал в Швейцарию, в Монтрё (по совету английского писателя и актера Питера Устинова), поселился в отеле «Палас»; неподалеку, в Женеве, жила его сестра, Елена, в Италии — сын Дмитрий, ставший оперным певцом. В «швейцарский период» Н. напечатал английский перевод «Слова о полку Игореве» и комментарий к нему (Нью-Йорк, 1960); киносценарий «Лолита» (1961, фильм поставлен реж. Стенли Кубриком в 1962; Н. назвал его по-своему первоклассным, но далеким от авторского замысла); роман «Бледный огонь» (на англ. яз., Нью-Йорк, 1962; рус. пер. В.Набоковой в 1983); «Стихи» (1962) — русские и английские, в параллельном переводе на итальянский — в Милане; «Заметки о просодии» (на англ. яз., 1963); перевод на английский язык (нерифмованный) «Евгения Онегина» и комментарий к нему в 4-х томах (Нью-Йорк, 1964; переизд. с испр. 1975; 1981). Перевод вызвал шумную полемику в печати (1965-66), особенно с Эд.Уилсоном, неудачно пытавшимся уличить Н. в неточностях. В 1965 опубликованы «Примечания к тюремным письмам В.Д.Набокова» (альманах «Воздушные пути», № 4), на английском языке: «Набоковский квартет» (сб. рассказов); в 1969 — эротический роман «Ада, или страсть: Семейная хроника», переизданный в 1970 с примечаниями Вивиан Даркблум (под именем которой скрывался Н.); в 1971 — «Стихи и задачи» (на рус. и англ. яз.); в 1972 — роман «Призрачные вещи»; в 1973 — «Русская красавица и другие рассказы» — переводы довоенных русских рассказов, каждый предварен небольшим авторским предисловием; в 1974 — роман «Смотри, Арлекины!» — вымышленная исповедь с примесью правды и сценарий «Лолита»; в 1975 — «Истребление тиранов и другие рассказы», в 1976 — «Подробности заката и другие рассказы».

Н. умер от болезни легких. Кремирован в Веве, погребен на кладбище в Кларенсе рядом со своей прабабушкой Прасковьей Набоковой, урожденной Толстой. На его могиле, на мраморе, простая надпись на французском языке: «Владимир Набоков. Писатель. 1899-1977».

Русская эмигрантская критика обратила внимание на Н. после выхода «Машеньки», героиня которой была воспринята как символ России. «Ни один из писателей его поколения никогда не получал такие восторженные отклики со стороны старших собратьев» (З.Шаховская). *И.Бунин* в 1930 отозвался о Н. как о первом, кто «осмелился выступить в русской литературе» с новыми формами искусства, за что «надо быть благодарными ему». По словам *Г.Струве* (1930), Н. никогда не находился во власти своих тем, но вольно и напряженно ими играл, причудливо и прихотливо выворачивая свои сюжеты. Самое значительное приобретение эмигрантской литературы увидел в Н. *Е.Замятин*. Одобрительными были отзывы *М.Алда-*

нова, *Г.Газданова*, один из самых ранних и верных ценителей Н. — В.Ходасевич. Критики одобряли его «изобразительную силу», дар «внешнего выражения», изобретательность, формально-стилистические и психологические находки, меткость, зоркость взгляда, остроту сюжета, умение показать неожиданный разрез обычного, мириады живописнейших мелочей, физиологическую жизненность, сочность, красочность описаний. В умении «чувственного восприятия мира мало найдешь равных ему не только в русской, но и вообще в современной литературе», — писал критик М.Кантор (1934), а в игре с языком, в степени смелости использования художественных приемов Н., по словам *П.Бицилли*, «идет так далеко, как, кажется, никто до него» (1939). Но в целом отношение русской эмигрантской критики к Н. двойственно: «Слишком уж явная «литература для литературы» (Г.Иванов, 1930); «очень талантливо, но неизвестно, для чего...» (*В.Варшавский*, 1933). Такое отношение к Н. характерно для критики, воспитанной на гуманистических традициях русской классической литературы и лишь смутно сознававшей, что перед ней — новая литература с новым отношением к человеку и миру. Один из лейтмотивов этой критики — Н. все равно, о чем писать, лишь бы прясть словесную ткань, его проза — самоцель; даже Бунин назвал его «чудовищем».

Н. сравнивали с Прустом, Кафкой, немецкими экспрессионистами, Жироду, Селином, в подражании которым его упрекали. Варшавский на примере Н. доказывал, что на смену «вымирающей, неприспособившейся расе» серьезных русских писателей, «последних из могикан», вроде Бунина, приходит «раса более мелкая, но более гибкая и живучая», успешно овладевшая искусством писать легко и ни о чем; «за стилистическими красотами кроется плоская пустота...». Произведения Н. воспринимали и как онтологическую клевету: «обезображены не отдельные черты» человека, а его «глубочайшее естество...» (*К.Зайцев*). Признание получила теория «героев-манекенов»: писатель показывает механистичность, автоматизм, обездушенность, пошлость современных людей (*М.Цетлин*), тем самым оправдывалась жестокость автора и возникала возможность символического прочтения: персонажи — символы, художественная реальность — модель. Но в целом критики считали Н. «странным писателем», сущность которого загадочна. Наиболее близкое современным западным литературным теориям толкование творчества Н. дал Ходасевич (1937), полагавший, что его главная тема — механизм творчества, его цель — «показать, как живут и работают приемы». Он писал о двоемирии Н.: о сосуществовании в его творчестве воображаемого мира и реальной жизни, причем первый — более действительный. О двоемирии писали и сторонники интерпретации произведений Н. как аллегорий (Г.Струве, П.Бицилли), видя цель писателя в обнажении, «восстановлении» подлинной действительности, прикрываемой повседневностью. По Бицилли, произведения Н. — вариации на тему «жизнь есть сон». Задача героя, писателя и читателя — «пробудиться» для реального мира и настоящей жизни.

Проза, как и поэзия Н., пронизана верой в предопределенность человеческой судьбы. В центре его романов — конфликт между судьбой и героем, пытающимся, обычно безуспешно, противостоять ей, переиграть ее. Вместе с тем в творчестве Н. с небывалой силой выражено трагическое мироощущение русского эмигранта, отчужденного и от России, и от западноевропейской жизни. Н. занимает особое место в литературе, как и в общественной жизни XX в. Политический темперамент отца чужд ему, он чурался любых группировок, союзов, объединений; ему близок английский индивидуализм, «человек как остров». Его обвиняли в равнодушии к реальной России. По свидетельству З.Шаховской, лишь один раз он выступил в английской печати с политическим заявлением — в защиту В.Буковского. Тем не менее именно А.Солженицын в 1972 выдвинул Н. на Нобелевскую премию; однако присуждению ее помешал самый знаменитый роман Н., принесший писателю мировую известность, «Лолита» — о любви 40-летнего мужчины к «нимфетке» — рано созревшей 12-летней девочке.

Эстетизм, литературность, в которых обвиняли Н. критики, присущи литературе XX в. и тем более характерны для Н. — «дважды изгнанника», бежавшего из России от большевизма и из Европы — от Гитлера, дважды испытавшего на своем опыте зыбкость, ненадежность реального мира. Литература, мир вымысла, послужила для него спасительной реальностью. В его романах литература часто — почти действующее лицо. О «Даре», романизированной автобиографии, он и сам говорил, что его героиня — русская литература. «Бледный огонь» — роман о поэте и его тени, безумном комментаторе, оплакивающем утраченную далекую северную страну «Зембля», низверженным королем которой он себя считает, — построен на комментарии одного персонажа к поэме другого. «Лолита» заканчивается обращением к литературе: «Говорю я... о спасении в искусстве. И это единственное бессмертие, которое мы можем с тобой разделить, моя Лолита». Этическую и эстетическую позицию Н. проясняют, наряду с мемуарами и интервью, его лекции, прочитанные им в колледже Уэллсли (шт. Мас-

сачусетс), в Корнеллском и Гарвардском университетах. После его смерти рукописи лекций, заметки к ним были собраны и подготовлены к печати американским текстологом и библиографом Ф.Бауэрсом (Виргинский ун-т).

В основе эстетизма Н. — реакция на конкретную российскую историко-литературную ситуацию, выраженная в биографии Чернышевского в «Даре» и еще четче — в лекции «Русские писатели, цензоры и читатели» (10.4.1958). В России, по его мнению, две силы боролись за обладание душой художника: правительство и радикальные антиправительственные критики Белинский, Чернышевский, Добролюбов, по уровню культуры, честности, духовной активности неизмеримо превосходившие чиновников. Однако неподкупные, равнодушные к лишениям, они были равнодушны и к красоте искусства, рассматривая литературу, науку, философию как средство улучшения социального и экономического положения угнетенных и изменения политического устройства страны. Родственные старым французским материалистам, предтечам социализма и коммунизма, они создали в борьбе с деспотизмом свою форму деспотизма. Как и власть имущие, они были филистерами в отношении к искусству, считая писателей слугами народа, тогда как цари видели в них слуг государства; через это двойное чистилище прошли, по Н., почти все великие русские писатели. Н. отрицал правомерность взгляда на роман как «зеркало жизни»; связь между литературой и реальностью он признавал, но не столько отражательную или подражательную, сколько творческую: великие произведения искусства для Н. — не столько варианты реального мира, сколько «новые миры», «сказки», а не социологические исследования или «страницы» биографии автора. Великий писатель, по Н., сочетает в себе рассказчика, учителя и мага, но маг в нем доминирует и делает его великим писателем. Его любимый автор — Н.Гоголь, у которого Н. находил то, что свойственно ему самому: выдумку, сочинительство, отсутствие морали; реализм его он считал лишь маской. Пошлость, к обличению которой так склонен Н., для Гоголя — грех, унижение души, оскорбление Бога, для Н. же это — антиэстетизм, антитворчество.

В романе «Другие берега» Н. обратился к теме памяти, казавшейся критикам чрезмерной, аффектированной. Время приобрело особое значение для писателя, ставшего свидетелем гибели мира, в котором он родился и вырос и который был необратимо сметен революцией. Мы все пойманы временем, все его жертвы, если не найдем путь к преодолению его власти посредством искусства — такова позиция Н. Память — существенный компонент художественного творчества (поэтому Пруст — образец для Н.), но она динамично взаимодействует с подсознанием. Писатель «не ловит прошлое», а инкорпорирует его в настоящее — прошлое — будущее. Так художник преодолевает власть времени: оно перестает существовать. Эти высшие моменты творчества порождают в Н. почти мистическое чувство слияния с миром. Для него смысл искусства, литературы — в отказе человека принять реальность хаоса, будь-то пошлость массовой культуры, убийственная действительность тоталитарного государства или стремительный поток времени. В сущности Н. свойственна высшая моральная серьезность как основа всех предлагаемых им «игр» в «Приглашении на казнь», «Даре», «Лолите», «Бледном огне» и т.д. В одном из позднейших интервью, сняв маску «усталого равнодушия», он заметил: «Я верю, что когда-нибудь появится переоценщик, который объявит, что я не был легкомысленной жар-птицей, а, наоборот, строгим моралистом, который награждал грех пинками, раздавал оплеухи глупости, высмеивал вульгарных и жестоких и придавал высшее значение нежности, таланту и гордости». Тем самым Н. точно сформулировал основные обвинения в свой адрес, наметившиеся в «русский период» его творчества и во многом усвоенные западным литературоведением: виртуозность, отсутствие морали, холодность к человеку.

Н. считают русским писателем до переезда в США и американским — после того, как он начал писать на английском языке (он пробовал и французский во Франции, но с меньшим успехом). Однако, по мнению английского писателя Э.Берджесса (1967), английский Н. слишком правилен, в нем нет непосредственности. Несмотря на все реверансы Н. в адрес приютившей его и давшей ему признание Америки, ее цивилизация, уклад жизни раздражали его, вызывая размышления о филистерстве, мещанстве; недаром он попытался ввести в английский язык русское слово «пошлость».

По мнению З.Шаховской, со временем творчество Н. «остывает», после «Лолиты» начался «спуск». «Смотри, Арлекины!», «Прозрачные вещи», «Ада» — перепевы прошлого, оригинальность становится маньеризмом, «будто иссякли творческие силы при сохранившейся виртуозности, и ремесло притупило творческий жар». Она считает «Аду», роман о потомках русских княжеских родов с XVIII в. до 20-х нынешнего столетия, громоздким, барочным, хотя и современным сооружением, перенасыщенным эротикой, «вавилонским смешением языков». Самый теплый и человечный из «американских романов» Н. на ее взгляд, — «Пнин», но и в нем, как в «Аде» и др. сочи-

нениях Н., звучит тема утраченной русской культуры. Однако та же Шаховская справедливо заметила: «Отыскать «глубинную» набоковскую правду — нельзя, но приблизиться к ней можно».

В историю мировой науки Н. вошел как энтомолог, открывший новые виды бабочек, он — автор 18 научных статей.

Соч.: Собр. соч.: В 4 т. Сост., вступ. ст. В.Ерофеева. Послесловие, примеч. О.Дарка. М., 1990; т.5. доп., 1992; Strong Opinions. New York, St. Louis a.o., 1973; The Nabokov — Wilson Letters, 1940-1971. Ed., annot. a. with an introd. by Walton Litz A. Michigan, 1980; Lectures on Russian Literature. Ed. by Bowers F. New York, London, 1980; Lectures on Don Quijote. Ed. by Bowers F. Introd. by Davenport G. New York, London, 1983; Selected Letters 1940-1977. Ed. by Nabokov D. a. Briccoli M.J. London, 1990.

Лит.: Берберова Н. Набоков // НЖ, 1959, № 57; Grayson J. Nabokov Translated. A Comparison of Nabokov's Russian and English Prose. Oxford, 1977; The Achievements of Vladimir Nabokov. Essays, Studies, Reminiscences and Stories. Ed. by Gibian G. a. Parker J.S. Ithaca, New York, 1984; Clancy L. The Novels of Vladimir Nabokov. London, Basingstoke, 1984; Karges Nabokov's Lepidoptera: Genres and Genera. Ann Arbor, 1985; Boyd B. Vladimir Nabokov. The Russian Years. London, 1990; Idem. Vladimir Nabokov. The American Years. London, 1992.

Т.Красавченко

НАБОКОВ Николас (Николай Дмитриевич) (17.4.1903, Любча, Новогрудского у., Минской губ. — 6.4.1978, Нью-Йорк) — композитор. Потомок старинной русской дворянской семьи. Прадед — Николай Александрович Н. — офицер флота, исследователь Новой Земли (1817), одна из рек которой получила его имя. Брат прадеда — генерал Иван Александрович Н. — был комендантом Петропавловской крепости. Дед — Дмитрий Николаевич Н. — министр юстиции в эпоху судебных реформ середины XIX в. Дядя — Владимир Дмитриевич Н. — юрист. Его двоюродный брат — писатель *В.Набоков.*

Николай получил начальное образование в Петербурге. В 1917 оказался в Крыму, в Ялте, где брал уроки композиции у В.Ребикова. В 1920-22 учился в консерватории в Штутгарте, а позже — в консерватории Страсбурга. Приехав в Берлин, стал учеником Ф.Бузони по фортепиано. В 1923 Н. поселился в Париже, где с 1924 продолжил образование в Сорбонне, получив там степень бакалавра искусств. В Париже Н. был представлен *С.Дягилеву*, который сразу же поручил ему написать сочинения для «Русского балета», что послужило благоприятным началом музыкальной карьеры композитора; Н. написал балет-ораторию «Ода» (по оде М.Ломоносова «Вечернее размышление...»), которая была поставлена в Париже 6.6.1928. Являясь, в сущности, вокально-хореографической поэмой, «Ода» исполнялась в театрально-танцевальных традициях и принесла известность молодому композитору. Лирические вокальные произведения и «Ода» раскрывают главное свойство Н. — культуру вокального мелоса. По отзыву Б.Асафьева (1929), «о многих страницах его музыки можно сказать, что они напевны, даже проще: они поют». В работах композитора заметно стремление к непосредственности через вокальное начало, что может считаться убедительным показателем ценности его исканий. К сожалению, другой балет Н. — «Жизнь Афродиты» (1929) — менее удачен. Здесь искомая простота превращается уже, по словам Асафьева, в прямую стилизацию, не имеющую под собой почвы. С 1923 и до смерти Дягилева в 1929 Н. работал для «Русского балета».

В 1933 Н. переехал из Парижа в США и стал преподавателем различных колледжей: вначале (1935-36) в «Mannes School» (Нью-Йорк), в 1936 в Йельском колледже (Нью-Йорк), в 1941-45 в «St. John's College» (Аннаполис) и в 1947-51 в консерватории Пибоди в Балтиморе. В 1945-46 Н. — офицер по культурным связям при американских правительственных войсках в Германии.

Параллельно с педагогической деятельностью Н. продолжал работать как композитор, создавая новые музыкальные произведения, в том числе и балетные. «Мирный союз», написанный для «Ballet Russe de Monte Carlo», имел своеобразный характер оперы. Известный исторический сюжет, оригинальная музыкальная концепция, драматическая интенсивность, славянские мотивы, тональная и хроматическая техника сливаются и звучат убедительно, находя отклик у публики. И музыка, и исполнители имели заслуженный успех.

Вторая опера Н. — «Напрасные усилия любви» (либретто Аудена и Кальмана по одноименной комедии Шекспира) — была поставлена на сцене театра «de la Monnaie» в Брюсселе в 1973 (реж. В.Бауэрнфайнд, худ. Ф.Санжюст). Поскольку оперные либреттисты убрали из произведения Шекспира острые пародийные каламбуры, элементы сатиры на современное драматургу общество, важная исходная позиция — противопоставление и высмеивание различных контрастных ситуаций — была для композитора потеряна. Но Н. не был этим обескуражен, он создал прелестную занимательную комедию в манере деревенского музыкального секстета, умело сочетая песенки и мадригалы с ариями и ансамблями. Р.Петерс дирижировал с душевной щедростью, умело раскрывая характер музыки. Певцы играли лег-

ко и исполняли свои партии с воодушевлением. Премьера оперы была парадным, праздничным действием.

На протяжении всей творческой жизни Н. работал в области инструментальной и вокально-оркестровой музыки. Его первая Лирическая симфония была исполнена в Париже в феврале 1930; Симфония № 2 Библейская («Biblica») — в Нью-Йорке 2.1.1941; Третья симфония «Молитва» («A Prayer») также показана в Нью-Йорке 4.1.1968. Музыкальный эпизод по трагедии «Самсон-борец» («Samson Agonistes») Мильтона исполнен в Нью-Йорке 14.5.1938; «Возвращение Пушкина» («The Return of Pushkin»), элегия, прозвучала в Бостоне 2.1.1948; Кантата «Америка была обещаниями» («America was Promises») — в Нью-Йорке 25.4.1950. 2.3.1951 исполнена «Новая жизнь» («Vita nuova») для сопрано, тенора и оркестра; Виолончельный концерт с подзаголовком «Подношения» («Les Hommages») показан в Филадельфии 6.11.1953. Кроме этих сочинений, написаны также: Оратория «Иов» («Job», 1933); «Коллекционер эхо» («Collectionneur d'Echos») для сопрано, баса и девяти ударных инструментов (1933); «Жених» («Le Fiancé») для оркестра (1934); Струнный квартет (1937); Соната для фагота и фортепиано (1941); две фортепианных сонаты (1926 и 1940); фортепианный концерт (1932); концерт для флейты (1948); «Христианские символы» («Simboli Chretiane») для баритона и оркестра (1953); «Размышление в одиночестве» («Studies in Solitude», 1961); 5 поэм Анны Ахматовой для голоса с оркестром (1964); 4 поэмы из «Доктора Живаго» Б.Пастернака (янв. 1968); фортепианные пьесы, песни.

Круг тем, затронутых Н., очень широк. Неудивительно, что музыкальный язык различных его сочинений так неодинаков. Работая во Франции, композитор объединил в своем творчестве русское мелодическое начало с традициями французского импрессионизма. Некоторые сочинения более позднего периода написаны в воспринятом им космополитическом стиле с примесью «модной битональности» (Н.Слонимский, 1984). В работах на русские темы композитор возвращался к мелоритмам русских народных песен. А.Онеггер в своей книге «Я — композитор» (1950-51), перечисляя весьма талантливых композиторов, работавших во Франции, назвал Н. наряду с такими именами как Хиндемит, *Прокофьев*, Бриттен, Орфф, Барбер, Копленд, Шостакович.

Начиная с 50-х Н. активно участвовал в пропаганде современной музыкальной культуры. Он стал видным музыкально-общественным деятелем: с 1952 по 1963 генеральный секретарь музыкальной секции ЮНЕСКО в Париже, в 1963-68 художественный руководитель «Берлинских музыкальных фестивальных дней», организатор «Парижских фестивалей XX века» (1952), музыкальных фестивалей в Риме (1954) и Токио (1961). В 1970-71 Н. читал лекции по эстетике в Государственном университете Буффало и затем в университете Нью-Йорка (1972-73). Н. автор книг: «Старые друзья и новая музыка» (Бостон, 1951); «И.Стравинский» (Бостон, 1964); «Мемуары русского космополита» (на англ. яз., Нью-Йорк, 1975). Он входил в число авторов многотомного труда «Композиторы двадцатого века», изданного в Лондоне в 1971-74, опубликовал множество музыкально-критических статей в журналах Америки и Европы.

Лит.: Kessler G. Italien. Catania. «Rasputins Tod», Oper von Nicolaus Nabokovs // Opernwelt, 1963, № 4; Fabian I. Was es alles gibt im zeitgenossischen *Musiktheater. Nabokovs Shakespeare Spaß in Brüssel* // Ibid, 1973, № 3; Асафьев Б.В. О балете. Л. 1974.

С.Разумова

НАЖИВИН Иван Федорович (25.8.1874, д. Пантюки, Владимирской губ. — 5.4.1940, Брюссель) — писатель, публицист. Родители из крепостных, позднее отец занялся лесным промыслом. «Я сын мужика, выросший среди народа...», — подчеркивал Н. в автобиографии (1922). «Родным гнездом» он называл деревню Буланово в Суздальском крае. В начале 900-х выпустил в Москве первые сборники рассказов и очерков: «Родные картинки» (1900), «Убогая Русь» (1901), «Перед рассветом» (1902). Длительное время был близко знаком с Л.Толстым, вел с ним переписку, испытал его влияние. До 1917 выступал против «гнилого правительства», впоследствии свидетельствовал, что много лет стоял «на довольно левых позициях», но уже под впечатлением революции 1905-7 эволюционировал к более умеренным взглядам, поскольку, как утверждал Н., «началось великое нравственное падение русского народа», «вся страна кипела кровью и все гуще наливалась злобой». Нарастание вражды рабочих к предпринимателям отобразил в рассказе «Забастовка» (1906). Герой романа «Менэ... Тэкэл... Фарес...» (М., 1907) — интеллигент, «начитавшийся либеральных книг» и соприкоснувшийся с западноевропейским рабочим движением; увидев «изнанку прогресса», он ищет уединения в деревне, но становится жертвой крестьянского бунта. В 1911 Н. опубликовал несколько книг о Л.Толстом («Дедушка Толстой», «Из жизни Л.Н.Толстого»). В собрание сочинений Н. (т. 1-8, 1910-17) вошли также ранние рассказы, 1-я книга автобиографических записок «Моя Исповедь» (1912), романы

«Сфинкс», «Белые голуби принцессы Риты» (1913), сборник лирических миниатюр «Вечерние облака. Книга тихого раздумья» (1916), сборник рассказов «Кикимора» (1917). Отметив, что «Иван Наживин — имя довольно видное в литературе нашей», М.Горький отозвался о «Моей Исповеди» как о книге «на протяжении двух третей скучной, торопливо и небрежно написанной», интеллигенция получила в ней «возмездие в форме различных пинков и плевков». «О Наживине не стоило бы говорить, не будь он единицей в тысячах русских людей, изуродованных безобразной нашей жизнью, ...отчаявшихся и впавших в крикливый, а потому оглушающий молодое поколение, заразный нигилизм».

Отношение к событиям 1917 Н. выразил в «Записках о революции» (Вена, 1921); оценивал революцию как «банкротство левых деятелей»: «Мы представляли себе нашу роль в истории, как какой-то триумфальный марш по вершинам веков в поучение всем народам. Мы ошиблись. Нам предстоит не светлое торжество победителей, а уныние и позор... и тяжелая работа по исправлению наших страшных ошибок». Вместе с тем возлагал вину за жестокость революции на старый режим, утопивший народ в морях крови на войне. С 1918 Н. находился на территории, занятой Добровольческой армией, куда бежал, по его словам, спасаясь от «голода и крови», чтобы бороться с хамом... за Россию, за монархию». Выступал как пропагандист белого движения, сотрудничал в одесской газете «Южное слово», опубликовал брошюру «Что нужно знать солдату?» (Ростов-на-Дону, 1918), «Два письма» (1919), в которых упрекал крестьян в том, что они обрекают рабочих на голод, призывал тех и других «идти вместе, вместе делать жизнь лучше».

В 1920 эвакуировался из Новороссийска в Болгарию. Жил в Югославии (Новый Сад), Австрии, Германии. В Вене возглавлял отдел в издательстве «Детинец». В 1924 поселился в Бельгии. Вслед за «Записками о революции» издал автобиографические книги «Накануне: Из моих записок» (Вена, 1923) и «Среди потухших маяков: Из записок беженца» (Берлин, 1922). Раскрывая название последней, Н. писал: «Наше время... — время крушения утопизма, всякой социальной фантастики. Утопизм рухнул в пучину голода и крови»; большевизм — «это только заключительный аккорд тысячелетнего безумия». «Потухшим маяком» стали для Н. и надежды на спасительный Запад. «Главный трагизм нашего положения, — писал он, — мы не знаем, что делать, куда идти». Советский критик В.Полонский заметил, что название книги неплохо передает положение русской эмиграции, блуждание во мраке самого писателя.

Поняв безысходность своего положения в зарубежье, Н. склонился к «сменовеховству», а в начале 30-х отмежевался от монархизма. В брошюре «Национальная слава и национальный позор. О Николае II» (Брюссель, 1933) писал о последнем царе как о личности, «которую хотелось бы вырвать из нашего прошлого», осуждал его как виновника небывалого разорения страны, вызвавшего революцию. Брошюра «Глупость или измена? Открытое письмо Милюкову» (Брюссель, 1930) — памфлет на кадетского лидера: «Вы, старик..., уже стоящий в могиле..., рветесь к власти..., в ослеплении своем метите себя в преемники Сталина»; претензии *П.Милюкова* Н. называл «старческим слабоумием». Придя к выводу о невозможности возврата России к прошлому, Н. стал мечтать о возвращении на родину: «Самая заветная теперь мечта моя — это какая-нибудь глухая дыра, где можно спрятаться вдали от всего»; ему виделись в то же время мрачные картины российской действительности: «разрушено все, голод в Поволжье, неизбежны войны», «будет жизнь наша сера, как безводная пустыня». В 1926 Н. просил предоставить ему советское гражданство. Эту эволюцию писателя усиливало чувство изолированности в эмиграции, о которой он писал: «Я знаю эмиграцию... это душное болото, мертвечина ее поражает». Изданная в 1935 в Тяньцзине (Китай) книга «Неглубоко уважаемые» — беллетризованные записки об эмиграции, в которых в нелестном свете предстают и писатели — *М.Алданов, И.Бунин, Д.Мережковский, К.Бальмонт* и др. В финальную часть книги было введено обращение «К Иосифу Сталину», к которому действительно обращался Н.: «Сил у меня осталось уже немного, но я все их отдам служению Родине», заверял он (ходатайство не было удовлетворено).

Эмигрантская критика оценивала произведения Н. отрицательно или с иронией. «Ив.Наживин все сделал, чтобы заслужить дурную славу ...злостного врага новой, честной России», — писал меньшевик Ст.Иванович (1921) по поводу «Записок о революции». Автор записок, «не понимая революции, так и говорит..., а раз не понимает, то все это чепуха, мерзость»; книга Н. — «незаменимое руководство к тому, чтобы поближе узнать автора, приглядеться к нему — бунтующему обывателю революции». Как «вопль обывателя, маленького, задавленного грандиозностью событий человека» оценивалась книга Н. и в журнале «Сполохи».

Наряду с документальной прозой Н. издал большое число беллетристических произведе-

ний — повесть «Четверть века спустя» (Берлин, 1922), рассказы для детей «В деревне», сборник рассказов «Перед катастрофой» (Мюнхен, 1922). К «Запискам о революции» примыкал сборник «Во мгле грядущего» (Вена, 1921), в который вошла повесть «Искушение в пустыне» — антиутопия о «коммунистической колонии» на уединенном острове в океане. Автор пародировал идею создания коммунистического общества: на остров доставляются из лондонской тюрьмы коммунисты разных стран и национальностей, им предоставляется полная свобода деятельности, ее финансирует международная комиссия по борьбе с коммунизмом. За этим следуют дискуссии, раскол, саботаж, преследование «врагов коммуны», расстрелы «за контрреволюционный образ мышления» и т.п. В результате — полный развал хозяйства. «Общее дело не сложилось», «духа коммунизма не оказалось». Спасительной стала идея перехода к более совершенной и справедливой форме экономической жизни — на основе частной собственности. В годы эмиграции продолжалось издание собрания сочинения Н., начатое в Москве, в 1926-35 отдельные тома издавались в Париже, Новом Саде, Риге, Тяньцзине (всего 41 том). Среди них «Фатум. Беженский роман» — о судьбе высокообразованного интеллигента, гвардейского офицера и талантливого художника, отец которого был расстрелян, а имение разграблено; в эмиграции он бедствует, служит лакеем на морских судах и находит благополучие и счастье в Америке. «Прорва. Беженский роман» вышел в 1928 в Риге, «Молодежь» — о молодом поколении эмигрантов в Бельгии, студентах университета, их невзгодах и драмах жизни — в Париже, «Недостроенный храм» — в Тяньцзине (1935).

Н. писал и исторические романы: «Во дни Пушкина» в 3-х томах (1930-32); «Кремль. Хроника XVI в.» (Новый Сад, 1932); «Распутин» в 3-х томах (Лейпциг, 1923; пер. на нем., болг., чеш., англ. яз.); «Иудей» (Рига, 1933) и «Евангелие от Фомы» (1933) — о времени зарождения христианства, «Глаголют стяги» и «Бес, творящий мечту» — о древней Руси. Романы «Поцелуй королевы» и «Древние письмена» написаны в приключенческом жанре. Рассказы Н. печатались в журналах «Юный друг», «Рассвет», «Русский голос» и др.

Соч.: Лилии Антиноя. Брюссель, 1933.

Лит.: Григорков Ю. Рец. на: «Во мгле грядущего» // Нов. рус. жизнь, 1921, 10 нояб.; И.В.[Василевский]. Рец. на: «Среди потухших маяков» // Накануне, 1922, № 98; Алексеев А.Д. Литература русского зарубежья. Книги 1917-1940. Материалы и библиографии. СПб., 1993.

Е.Трущенко

НАЗИМОВА (наст. фам. Левентон) Алла Яковлевна (4.6.1879, Ялта — 30.6.1945, Лос-Анджелес) — актриса, продюссер, сценарист. Младшая дочь ялтинского аптекаря, принявшего православие. В три года увезена отцом, заболевшим туберкулезом, в Монтрё (Швейцария), где провела детство. После развода родителей и возвращения в Ялту (1891) училась в музыкальной школе в Одессе по классу скрипки. В 16-летнем возрасте впервые участвовала в любительской постановке, предопределившей ее дальнейшую судьбу. Поступив в 1896 в Московское филармоническое училище на курс В.Немировича-Данченко, играла в незначительных ролях в первых спектаклях Московского Художественного театра (МХТ), закончила училище с медалью. В годы обучения вышла замуж за соученика, актера С.Головина, брак быстро распался, но формального развода Н. так и не добилась, что впоследствии негативно сказалось на ее карьере в США. Проведя год после окончания училища в МХТ, но не получив настоящей роли, предпочла работу в провинциальных антрепризах Бобруйска, Вильно, Костромы, где в короткий срок освоила роли разного плана в русском классическом и западном репертуаре. Осенью 1900 в Костроме познакомилась с актером П.Орленевым, который стал ее другом, учителем и партнером. Гастролировала по провинции с труппой Орленева в ролях Грушеньки в «Карамазовых», Оленьки в «Горе-злосчастии» В.Крылова, Регины в «Привидениях» Г.Ибсена и др. В 1903 появилась в этом репертуаре на сцене театра Неметти в Петербурге. В конце 1904 вместе с Орленевым отправилась на гастроли за границу, чтобы показать запрещенную цензурой пьесу *Е.Чирикова* «Евреи», в которой изображались погромы, организованные не без участия властей. Успех гастролей в Берлине, а затем в Лондоне, где, кроме прочего, были показаны пьесы Ибсена, Чирикова и водевильные сценки, позволил труппе отправиться на первые в истории русского театра гастроли в США. Дебют Н. состоялся 23.3.1905 на сцене «Herald Square» в Нью-Йорке. Известные продюссеры Шуберты пригласили ее дебютировать в американском театре, при условии, что она выучит английский язык. Освоив язык всего за несколько месяцев, Н. выступила 13.11.1906 в «Гедде Габлер» Ибсена. «Англоговорящая сцена сегодня стала богаче на одну великую актрису, мадам Алла Назимова показала одно из наиболее ярких и разнообразных исполнений, какие видела наша сцена за годы ее существования», — писала газета «New York Times» после премьеры. В последующие годы Н. получила всеамериканское признание как пропагандистка творчества Ибсена: играла в его пьесах «Кукольный дом»

(1907), «Строитель Сольнес» (1907), «Маленький Эльф» (1910), «Дикая утка» (1918), гастролируя с ними едва ли не по всей Америке. Еще больший успех снискала Н. в мелодрамах и водевилях, создавая в них тип «женщин-вамп», роскошных и коварных соблазнительниц: «Комета» (1907), «Белла Донна» (1913), «Тот сорт» (1914) и др. Большую часть года гастролировала и вынуждена была жить в гостиницах, затем приобрела небольшое поместье в Порт-Чешер (шт. Нью-Йорк), назвала его «Хуторок», проводила здесь время с приехавшей из России сестрой Ниной, ставшей впоследствии главным редактором кинокомпании «Metro» и ее двумя детьми. Племянник Н. — Вэл (Иван) Льютон — в 30-40-е стал крупным кинопродюссером. Сама же Н. профессионально познакомилась с кино в 1916.

Драматический талант актрисы, который во всей полноте раскрылся на театральной сцене, способствовал также кинематографическому успеху Н. Ее приход в кино был связан с экранизацией в 1916 пьесы «Невесты войны» («War Brides»), пользовавшейся большой популярностью на американской сцене прежде всего благодаря талантливой игре Н. Пригласив актрису на главную роль в этом фильме, продюссер Л.Дж.Селзник заключил весьма выгодный для нее контракт (1 тыс. долл. за один съемочный день). Однако щедрость Селзника оказалась оправданной, подобно пьесе картина имела ошеломляющий успех у зрителей и принесла огромную прибыль. В этой ленте, проникнутой духом пацифизма, актриса создала яркий образ молодой независимой женщины, способной отстаивать свои права даже ценою собственной жизни, мужественно вступив в противоборство с властью придержащей. В 1917 и 1918 Н. с неменьшим успехом снялась в фильмах режиссера Дж.Бейкера «Разоблачение» («Revelation») и «Игрушки судьбы» («Toys of Fate»), но вершины своей популярности достигла в картинах режиссера А.Капеллани: «Из тумана» («Out of the Fog», 1918); «Красный фонарь» («Red Lantern», 1919) и «Око за око» («Eye for Eye», 1919), где ее партнером неизменно был Чарльз Брайант. Стиль, мастерство, европейская утонченность фильмов Капеллани находили абсолютное соответствие природе актерского дарования Н. Мелодрама, излюбленный жанр кино тех лет, благодаря одухотворенной, исполненной подлинно драматического накала игре Н., превращалась в маленький кинематографический шедевр. По отзывам тогдашних критиков, Н. наибольшим успехом пользовалась у женской аудитории, т.к. ей удавалось показать в представительнице слабого пола «глубоко чувствующую личность, сильную не только страстью, но и творческим интеллектом». Игру Н. в кино сравнивали со сценическими шедеврами Сары Бернар и Элеоноры Дузе. Однако не только актерский талант, но и незаурядная личность Н., многогранная творческая индивидуальность в сочетании с нестандартной, почти экзотической внешностью сделали ее своего рода мифологической фигурой Голливуда 20-х. Она создала на американском экране свой, особый тип женщины — таинственной, загадочной обольстительницы, привнеся в него и аристократическую роскошь, и декаданс старой Европы, и то, что, по меткому выражению одного из ее современников, олицетворяло собой «агонизирующий экстаз». Этот дух эстетического эротизма был унаследован и развит впоследствии в творчестве таких звезд мирового экрана как Пола Негри, Глория Свенсон, Грета Гарбо. Вместе с тем Н. играла роли иного плана, в частности, с большим успехом создала комедийный образ в фильме «Отродье» («The Brat», 1919).

В начале 20-х Н. снималась в основном на фирме «Metro», иногда в довольно посредственных фильмах. В это время ее популярность достигла апогея. Определив свое творческое и жизненное кредо: «Немного слез, немного смеха, много работы, много любви» — Н. культивировала созданный ею экранный образ в какой-то степени и в быту. Духом таинственности, необычности, экзотики была проникнуты атмосфера ее роскошного дома, окруженного великолепным садом, — своего рода поместье, названное «Садом Аллы». Н. постоянно стремилась максимально реализовать свои творческие возможности. Она разорвала контракт с фирмой «Metro» и с присущей ей страстностью и энтузиазмом, купив огромную студию, начала новое для себя дело — организацию собственного кинопроизводства. После провала двух первых фильмов — «Неизвестная принцесса» («Princesse Tirloff») и «Мадам Пекок» («M-me Peacoch»), Н. приступила в 1921 к постановке «Дамы с камелиями» («Camille»). При формальном наличии режиссера (Рей Смолвуд) подлинными авторами были сама Н. и ставший ее мужем Ч.Брайант, которому она доверила и следующие постановки своей студии. Экранная версия знаменитого романа Дюма-сына, выполненная в стиле модерн, и несколько необычная трактовка главной роли самой Н. шокировали публику и критику, прежде всего во Франции, о чем свидетельствовали рецензии тех лет.

Не менее спорной была экранизация «Кукольного дома» по пьесе Ибсена (1922). Однако наиболее рискованной и, в конечном счете, роковой для карьеры Н. стала постановка «Саломеи» («Salome», 1923) по повести О.Уайльда. Фильм был поставлен как балет, что полностью соответствовало дарованию актрисы. Талант

танцовщицы помогал ей создавать яркие, удивительные по своему пластическому рисунку роли. Знаменитый критик Ш.Деллюк уделял особое внимание этой стороне творчества Н. и подчеркивал, что «ее кинематографический танец точно дозирован, прекрасно поставлен, всегда ...вписывается в общую идею фильма или психологию роли». Пышные декорации в стиле английского художника О.Бердслея с элементами французского декоративного искусства 1910-х были выполнены художницей Наташей Рамбовой (наст. фам. Уинифред Шонесси). Однако смелая попытка соединить танец и драматургию на экране закончилась неудачей. Интересный творческий эксперимент оказался преждевременным в эпоху раннего кинематографа и потерпел коммерческий крах. Материальные затраты, связанные с постановкой фильма, окончательно разорили актрису: она закрыла студию, превратила в гостиницу свой роскошный экзотический дом и практически исчезла с голливудского экрана. Губительным для ее имиджа стал всплывший в прессе факт, что Н., так и не получив развода в России, давно связала свою жизнь с английским актером. В 1927 Н. приняла американское гражданство.

Н. возвратилась на сцену, ее первой ролью стала Раневская в «Вишневом саде» А.Чехова («Цивик репертори» на 14-й улице Нью-Йорка в постановке Евы ле Гальеен, 1928). В этом же первом американском репертуарном театре она с успехом выступала в постановках «Собачьего Вальса» и «Катерины» *Л.Андреева* (1929). Годом позже Н. ушла в «Guild Theatre», где участвовала в постановке пьес «Месяц в деревне» И.Тургенева и «Траур — участь Электры» О'Нила. Большая часть этих постановок и те роли, что исполняла в них Н., принадлежат к числу этапных хрестоматийных побед американского театра. Позднее актриса играла в пьесах Б.Шоу, Ибсена, закончив свою театральную карьеру в «Матери» К.Чапека (1939). В конце 30-х Н. окончательно переселилась в Голливуд, где жила в «Саду Аллы» теперь уже на правах пансионерки. В кино снималась изредка, в основном в ролях второго плана: «Уличная мадонна» (1924); «Искупленный грех» и «Мой сын» (1925); «Побег» (1940); «Кровь и песок» (1941); «Мост через реку Сан-Луис», «Наше время», «С тех пор, как ты ушла» (все — 1944). Работала на радио. Основным занятием в годы войны для Н. было писание мемуаров, которые так и не были опубликованы. Н. оказала огромное влияние на американский театр. Так, О'Нил написал одну из первых своих пьес — «Анна Кристи», в надежде, что актриса сыграет в ней, а Т.Уильямс, увидев Н. в «Привидениях», впоследствии говорил: «Я долго не мог опомниться от ее игры. Это было одно из тех незабываемых впечатлений, которые заставили меня писать для театра».

Н. похоронена на кладбище Форест-Лоун. Ее выдающийся вклад в американское киноискусство отмечен двумя звездами в аллее Славы Голливуда — как актрисе немого и звукового кино.

Лит.: Орленев П. Жизнь и творчество русского актера П.Орленева, описанная им самим. М.-Л., 1931; Литаврина М. Американские сады Аллы Назимовой // Славяноведение, 1993, № 4.

Арх.: Рук. отд. Биб-ки Конгресса, Вашингтон, США, Коллекция документов А.Назимовой.

Т.Гиоева
А.Томашевский

НЕВСКИЙ Николай Александрович (18.2.1892, Рыбинск, Ярославской губ. — 24.11.1937, Ленинград) — востоковед. Из семьи судебного следователя; дед со стороны матери — священник, протоиерей Рыбинского собора. Оставшись сиротой, Н. учился в гимназии на казенный счет, зарабатывал репетиторством. В 1909 поступил в Петербургский технологический институт, но в 1910 перешел на китайско-японское отделение восточного факультета Петербургского университета. Учился у китаистов А.Иванова и В.Алексеева (последний отметил в дневнике: «Мой двойник, только сильнее и вообще лучше»), а также у Л.Щербы. Одновременно изучал в Практической восточной академии современный японский язык и у Л.Штернберга — этнографию. В мае-сентябре 1913 впервые посетил Японию. В 1914 окончил университет, подготовив дипломную работу о китайском поэте Ли Бо. В 1915 уехал на стажировку в Японию — на год, затем срок был продлен до декабря 1917, но по совету Алексеева, сообщавшего Н. о революционных событиях в России («Россия перестала быть государством. Здесь черт знает что происходит. Кроме насилия, ничего»), решил отложить возвращение.

В 1915-19 занят был в основном изучением синтоизма, прежде всего народных традиций и обрядов непосредственно в отдаленных районах Японии («Культовая поэзия древней Японии. VI-VIII вв.» / Восток, сб. 1. Л., 1935). Жил в Токио, в 1919-22 в Отару (Хоккайдо), где преподавал русский язык в Высшем коммерческом училище и собирал материалы об айнах («Айнский фольклор» / Там же). Познакомился в Отару с Мантани Исо, ставшей его женой. С 1922 жил в Осаке, профессор Университета иностранных языков. Первые свои печатные труды опубликовал в японских научных изданиях, в том числе статьи о своеобразной культуре островов Рюкю (посещал их в 1922, 1926 и

1928) и, в частности, острова Мияко. В 1925 побывал в Китае. Во время второй поездки в Китай в 1927 начал изучать на острове Тайвань язык и культуру племени цоу — потомков докитайского населения, родственных древнейшему населению Японии. Приступил к расшифровке тангутских текстов, которые П.Козлов обнаружил в 1909 в мертвом городе Хара-Хото (Монголия), и опубликовал первые статьи на эту тему.

С 1922 Алексеев, Н.Конрад, приезжавший в 1927 в Японию, и др. друзья студенческих лет уговаривали Н. вернуться на родину. Осенью 1929 он возвратился в Ленинград. Работал в Институте востоковедения Академии наук СССР, в университете (доцент, затем профессор), в Институте живых восточных языков (до 1936), в Эрмитаже. В 1933 к Н. приехали жена и дочь. Основные научные занятия Н. в этот период — японская лингвистика и тангутоведение: обработка коллекции, собранной Козловым, расшифровка текстов, составление словаря, реконструкция языка, подготовка к изданию памятников. Подготовил также учебник японского языка (вместе с Е.Колпакчи, Л., 1934) и книгу «Материалы по говорам языка цоу» (М.-Л., 1935). 3.10.1937 был арестован и по обвинению в «шпионаже в пользу Японии» приговорен вместе с женой и др. востоковедами к расстрелу. Посмертно, благодаря усилиям Конрада, была издана книга Н. «Тангутская филология» (М., 1960), в 1962 удостоенная Ленинской премии; затем «Айнский фольклор» (М., 1972); «Фольклор острова Мияко» (М., 1978); «Материалы по говорам языка цоу» (М., 1981). Подготовлен сборник «На стеклах вечности: Николай Невский. Переводы, исследования, материалы к биографии». Значительная часть работ Н. и подготовительных материалов остается неопубликованной.

Лит.: Громковская Л.Л., Кычанов Е.И. Николай Александрович Невский. М., 1978; Баньковская М.В. Мой двойник, только сильнее и вообще лучше // Восток, 1992, № 5; Алпатов В.М. Н.А.Невский // Изв. Акад. наук. Сер. лит-ры и языка, т. 52. 1993, № 6.

Р.Ильин

НИЖИНСКАЯ Бронислава Фоминична (27.12.1890, Минск — 22.2.1972, Лос-Анджелес) — танцовщица, балетмейстер, педагог. Сестра *В.Нижинского*. Принадлежала к театральной династии польских балетных артистов в четырех поколениях. Родители служили в Варшавском императорском театре до получения отцом пенсии, затем стали разъезжать, гастролируя во многих городах России и Европы. Отец, Томаш Н., не только танцевал, но и ставил. Сочинил для своих детей pas de trois, в котором Н. появилась в 5-летнем возрасте. Первые уроки танца Н. получила у матери. После того, как родители разошлись, мать — Элеонора Николаевна Н. (урожд. Береда), обосновалась в Петербурге. Будучи весьма стесненной в средствах, она отдала Брониславу вслед за Вацлавом в балетную школу.

Поступила в Петербургское театральное училище в 1900. Окончила его в 1908 и была принята в Мариинский театр кордебалетной танцовщицей. Вместе с братом принимала участие в дягилевской антрепризе, исполняя и классические, и характерные партии. Начинающей танцовщице довелось выступить в первом Русском сезоне (1909) в дивертисменте «Пир» и в кордебалетных местах других парижских постановок. В 1910 репертуар Н. пополнили фокинские Бабочка в «Карнавале» на музыку Р.Шумана и «Половецкие пляски» на музыку А.Бородина, исполненные сначала в дягилевской труппе (19 мая), а затем в Мариинском театре (22 сент.). В этом же году Н. перевели в разряд корифеек. Из солидарности с уволенным из Мариинского театра братом в феврале 1911 подала прошение об уходе. Несмотря на просьбу дирекции, заинтересованной в перспективной исполнительнице, покинула труппу, войдя в созданный *С.Дягилевым* постоянно функционирующий «Русский балет».

Особенностью биографии Н. являлось то, что с первых шагов артистка оказалась тесно связана с самыми значительными художественными явлениями своего времени в танце — с хореографией *М.Фокина* и антрепризой Дягилева. По сути она оказалась в гуще событий балетной жизни — там, где создавалось новое хореографическое искусство XX в. 26.4.1911 Н. исполнила партию Вакханки на премьере одноактного балета «Нарцисс» (муз. *Н.Черепнина* и хореография Фокина), с которой начались в Монте-Карло выступления «Русского балета». Напористый танец Н. вторгался в пасторальную идиллию и оттенял своей динамикой и темпераментом появление томного, влюбленного в себя Нарцисса. Неординарная внешность молодой танцовщицы: грубоватые черты лица, отнюдь не изысканная форма ног — лишали ее права на лирические роли. К счастью, Н. обладала настоящим сценическим темпераментом, столь выигрышным в динамичном классическом танце и характерных плясках. Умные, проницательные глаза впечатление некрасивости смягчали. Обладая хорошей памятью, чуткая к пластическим новациям, Н. внимательно наблюдала за тем, как сочинял Фокин, как он работал с актерами, впитывала творческую атмосферу дягилевских лихорадочных поисков нового. Это были ее «университеты». На глазах Н. и с ее участием

создавался балет «Петрушка», объединивший *А.Бенуа, И.Стравинского*, Фокина. Н. исполняла эпизодическую роль Уличной танцовщицы. Ее непритязательные, под аккомпанемент шарманки по складам «произнесенные» кукольные движения вызывали не столько интерес, сколько жалость, выгодно оттеняя торжествующее женское обаяние, надменный профессионализм победоносной Балерины. Начальные движения Уличной танцовщицы пародировали знаменитую коду противницы Фокина — *М.Кшесинской*, которую та в балете «Талисман» бисировала до шести раз. Н. участвовала также в одном из составов исполнителей в балете «Синий бог» (муз. Р.Гана), в котором хореография Фокина была стилизована в духе индийских танцев (премьера 13.5.1912). Н. поддерживала смелые пластические фантазии брата в его первых балетных постановках.

В декабре 1913 Дягилев разорвал контракт с Вацлавом; это привело к тому, что Н. также покинула дягилевскую труппу. Вместе с мужем, А.Кочетовским, в прошлом танцовщиком московского Большого театра, она вошла в организованную Вацлавом собственную труппу и отправилась в Россию, чтобы завершить формирование новой труппы. Тем временем гастроли брата в Лондоне (1914) провалились и были прекращены до окончания срока контракта. Начало 1-й мировой войны застало Н. в Петрограде. Здесь она впервые попробовала свои силы в качестве балетмейстера, поставив «Табакерку» А.Лядова. В 1915 уехала в Киев, где выступала в оперном театре и организовала свою балетную школу. Среди ее учеников был *С.Лифарь*, вошедший позднее в дягилевскую антрепризу. В 1921 Н. окончательно покинула Россию, воссоединившись с «Русским балетом».

Теперь в труппе Дягилева Н. выполняла обязанности танцовщицы, режиссера и хореографа. Она участвовала в возобновлении Н.Сергеевым «Спящей принцессы» для лондонской постановки (2.11.1921) — варианта «Спящей красавицы» П.Чайковского. Н. сочинила некоторые добавления, в том числе номер для заключительного дивертисмента «Три Ивана», пользовавшийся большим успехом. В качестве хореографов следующего балета — «Свадьба Авроры» (18.5.1922) — были названы Петипа и Н. Неожиданным было оформление — костюмы Бенуа к «Павильону Армиды» соседствовали с новыми костюмами, предложенными *Н.Гончаровой*. Дягилев, имевший особое чутье на таланты, поверил в балетмейстерские возможности Н. К тому же после разрыва с *Л.Мясиным* надобность в хореографе была острейшая. Вплоть до 1924 Н. оставалась основным постановщиком в «Русском балете».

Парижский сезон 1922 был двенадцатым. Кроме «Свадьбы Авроры», был показан также новый спектакль — «Лиса» (первонач. назв. «Байка про Лису, Петуха, Кота да Барана»; премьера 18.5.1922, «Grand-Opéra», Париж) с либретто и музыкой Стравинского, оформлением Гончаровой и хореографией Н. Короткая, 16-минутная, постановка, объявленная как «бурлескный балет с пением», продолжала традицию «Золотого петушка». Но здесь певцы находились не на сцене, а в оркестровой яме. Сценическое действие, объединявшее четырех актеров (Н., С.Идзиковский, Ж.Язвинский, М.Федоров), восходило к традиции скоморошьего представления. Пластика каждого соотносилась с вокальной партией и по сути изобретательно иллюстрировала звучащий текст. Постановка «Лисы» подтвердила правильность выбора Дягилева: Н. оказалась оригинальным хореографом и вполне отвечала стремлению мэтра поражать зрителей. В полной мере балетмейстерский талант Н. проявился в постановке следующего сезона — «Свадебки» (композитор и художник те же, 13.7.1923, «Гёте-лирик», Париж). Фольклорный свадебный обряд дал возможность создать впечатляющие оживленные фрески. Дерзкие звучания рождались в своеобразной оркестровке, избранной композитором: 4 фортепиано и ударные. Но главным в музыке было хоровое пение. Оно создавало образ огромной мощи. Оформление было скупым: задник, кулисы из холста, на спускавшихся сверху «языках» — окна, цвет которых менялся по ходу действия. Н. сочиняла пластику подчеркнуто приземленную, с завернутыми внутрь стопами, угловатыми движениями рук — как антитезу воздушному безусильному классическому танцу. Рецензенты отмечали, что она усвоила находки и Фокина, и своего брата, но предлагала собственный вариант хореографических решений для воплощения первобытной силы обряда. Действие составляли 4 эпизода: благословение невесты, благословение жениха, прощание с невестой, свадебное торжество. В балете участвовали Л.Чернышева, Ф.Дубровская, Н.Семенов, Л.Войциховский и кордебалет. Успех постановки был огромен и напомнил о начальных триумфах дягилевских сезонов. Парадоксальным открытием «Свадебки» стало то, что при всей новаторской смелости хореографии сочинение Н. было ближе к традициям классического балета, чем создания Фокина и Нижинского. Новый спектакль объявили даже провозвестником «неоклассицизма».

Сезон 1924 стал блистательным расцветом творчества Н.-хореографа. Взлет был стремительным — но, увы, кратким. Премьеры одноактных постановок Н. следовали одна за другой. Балет «Искушение пастушки, или Любовь-

победительница» с маловыразительной музыкой М.Монтеклера в оркестровке Ф.Казадезюса обращался к стилизации жеманной эпохи XVIII в. (3.1.1924). Громоздкие платформы разной высоты делали оформление испанского художника Х.Гри неудобным для развертывания танца и неприспособленным к переездам. Сами же танцы, сочиненные Н., по свидетельству участников, были замечательные. Партию Пастушки исполняла В.Немчинова, Пастуха — Л.Войциховский, Маркиза — А.Вильтзак. Наибольший успех выпал на долю балета «Лани» («Милочки») с остро современной музыкой Ф.Пуленка (6.1.1924). Композитор входил в знаменитую «Шестерку», объединившую музыкальный авангард Парижа. М.Лорансен предложила оформление как вариации белого цвета с вкраплениями бледноголубого. Балет был бессюжетным и представлял сюиту танцев: Рондо, Танец-песенка, Раг-мазурка, Игры. Изобретательность хореографа обеспечивала спектаклю особенно восторженный прием зрителей (исполнители — Немчинова, Н., Чернышева, Л.Соколова, Вильтзак, Войциховский, Н.Зверев). Разногласия с Дягилевым начались в процессе постановки «Докучных» по сценарию Б.Кохно на основе комедии-балета Ж.-Б.Мольера (19.1.1924). Музыка Ж.Орика, тоже композитора «Шестерки», знакомила с новейшими завоеваниями авангардистов. Оформление Ж.Брака в желтых, зеленых и коричневых тонах было выполнено так, что создавало иллюзию эскиза. И мэтр, и опекаемый им либреттист осаждали Н. предложениями и советами, но те не согласовывались с ее намерениями. Споры оказывались горячими и долгими, ни одна сторона не хотела уступать, и репетиции нередко отменялись. Одно настойчивое пожелание Дягилева пришлось все же выполнить — поставить для А.Долина вариацию, которую он исполнял в пальцевых туфлях. Отсутствие русской музыки восполнила постановка хореографической картины «Ночь на Лысой горе» М.Мусоргского с оформлением Гончаровой (13.4.1924). Основные партии исполняли Соколова и Федоров. Все эти премьеры состоялись в Монте-Карло. Здесь же Н. ставила много танцев в оперных спектаклях, шедших в труппе Р.Гинзбурга (он предоставлял для выступлений «Русского балета» зал) — дягилевские актеры по соглашению должны были часть сезона участвовать в этих спектаклях. Одновременно шли постановочные репетиции балета «Голубой экспресс» с музыкой Д.Мийо по сценарию Ж.Кокто, премьера которого приберегалась для Парижа (20.6.1924, Театр Елисейских полей). Оформление спектакля было разностильным: П.Пикассо выполнил занавес с двумя бегущими женскими фигурами, А.Лоран — архитектурные декорации пляжа, знаменитый модельер Г.Шанель просто повторила модные пляжные и спортивные костюмы. Жанр постановки был определен как «танцевальная оперетта». Удачней всего была хореография, построенная на спортивных движениях и акробатике. Особым успехом пользовался исполнитель главной роли Долин, англосаксонская спортивность которого всячески обыгрывалась. Он ходил на руках, легко делал сальто, становился на голову, чтобы потом перекувырнуться и стать на колени. За плотно спрессованными трюками следовала остановка действия — участники просто смотрели на свои воображаемые наручные часы. Н. применила здесь также прием кинематографический — плывущих, медленно трансформирующихся движений, как в рапиде. Спектакли затем были показаны в Лондоне в зале «Coliseum».

Разрыв с Дягилевым назревал. Тот тайком готовил Н. смену — пробовал в качестве хореографа 19-летнего Лифаря, начинающего неопытного танцовщика. Обида была тем больней, что новоявленный претендент, ее киевский ученик, всего год назад был принят в труппу по ее настоятельной просьбе. Столь плодотворный сезон завершался расставанием с труппой. Встретиться предстояло в будущем еще только раз — в работе над «Ромео и Джульеттой» с музыкой К.Ламбера (4.5.1926, Театр Монте-Карло). Балет назывался «репетицией без декораций в двух частях». Декорации действительно отсутствовали: поднимавшийся занавес открывал пустую сцену. Скомпенсировать ее наготу должны были два сценических занавеса художников-сюрреалистов М.Эрнста и Ж.Миро, безотносительных к теме балета, а также стенды с изображением части комнаты, двора или балкона — их передвигали сами актеры. Все исполнители были в репетиционной одежде: женщины в туниках песочного цвета, мужчины в обычных для урока трико. Лишь костюмы героев были иные и напоминали об эпохе. Музыка достоинствами не отличалась. Хореография Н. строилась в основном на экзерсисе у палки. Экзерсис прерывался мимическими сценами. Несмотря на то, что центром действия было pas de deux, танцем балет был все же беден. Авторам нравилось шокировать зрителей. В перерыве между частями, например, занавес опускался не до конца — так, чтобы из-под него мелькали ноги танцовщиков. Эту «усеченную» хореографию для одних ног ставил *Дж.Баланчин*. В финале Ромео появлялся в форме летчика, чтобы увезти с собой Джульетту на самолете. В главных ролях выступили Лифарь и *Т.Карсавина*.

После ухода от Дягилева Н. работала хореографом в Парижской опере, Театре «Colon» в

Буэнос-Айресе, в труппе *И.Рубинштейн*. Для последней были поставлены «Поцелуй феи» Стравинского, «Болеро» М.Равеля (оба — 1928), «Вальс» М.Равеля, «Утренняя серенада» Ф.Пуленка (оба — 1929). Сотрудничала с Русской оперой в Париже (1930-31). Организовала собственную труппу в 1932, для которой возобновила некоторые из своих ранних постановок, в том числе «Этюды» на музыку И.-С.Баха. Труппа просуществовала до 1935. Н. создала для нее балеты: «Вариации» на музыку Л.Бетховена (1932), «Гамлет» на музыку Ф.Листа, в котором исполнила заглавную роль (1934). В труппе «Ballet Russe de Monte Carlo» поставила спектакль «Сотни поцелуев» на музыку Ф.Эрлангера (1935). Возглавила в качестве художественного руководителя парижскую труппу Б.Полоне (1937), осуществив постановки «Концерт Шопена», «Песня земли» Р.Палестера, «Краковская легенда» М.Кондраки (все — 1937). Сотрудничала с М.Рейнгардтом в Берлине над спектаклем «Сказки Гофмана» и фильмом «Сон в летнюю ночь», работала с труппой во главе с А.Марковой и Долиным. В 1938 открыла собственную балетную школу в Лос-Анджелесе. В качестве приглашенного хореографа работала в различных труппах, осуществив постановки: «Тщетная предосторожность» П.Гертеля («Ballet Theatre», 1940), «Снегурочка» на музыку А.Глазунова («Ballet Russe de Monte Carlo», 1942), «Древняя Русь» с музыкой Чайковского (там же, 1943), «Вариации» Брамса и «Картинки с выставки» Мусоргского («Интернациональный балет», 1944), «Время урожая» на музыку Г.Венявского («Ballet Theatre», 1945). После 1945 работала в основном в качестве репетитора в «Большом балете маркиза де Куэвас». Возобновила балеты «Лани» и «Свадебка» (оба — 1966) в лондонском Королевском балете, подтвердив репутацию одного из реформаторов балетного театра XX в.

Лит.: Koegler H. The Concise Oxford Dictionary of Ballet. 2 ed. London, New York, Melbourne, 1982; Григорьев С.Л. Балет Дягилева. 1909-1929. М., 1993; Лифарь С. Дягилев. СПб., 1993.

А.Соколов-Каминский

НИЖИНСКИЙ Вацлав Фомич (17.12.1889 [по др. св. 28.2.1890], Киев — 8.4.1950, Лондон) — танцовщик, балетмейстер. Принадлежал к театральной династии польских балетных артистов в четырех поколениях. Родители танцевали в Варшавском императорском театре. После выхода на пенсию отца, Томаша Н., гастролировали в разных городах, в том числе в Париже, Петербурге, Киеве, Минске, Тифлисе, Одессе. Отец также пробовал свои силы как балетмейстер. После того, как родители разошлись, мать, Элеонора Николаевна Н. (урожд. Береда), вместе с тремя детьми поселилась в Петербурге. Все дети были очень способны к танцу, с малолетства привыкли к бродячей актерской жизни. Первые уроки танца преподала дома мать. Специфический дебют состоялся в pas de trois, сочиненном отцом специально для 6-летнего Вацлава, его старшего брата и младшей сестры, *Б.Нижинской*.

В Петербургское театральное училище Н. поступил в 1898 и очень быстро обратил на себя внимание феноменальными физическими данными, прежде всего огромным прыжком. Он учился у великолепных педагогов (С. и *Н.Легат*, М.Обухов). Увлеченность танцем была страстной, в свободные от занятий часы мальчик продолжал тренировать свое тело, достигая в движениях классического танца совершенства. В нем как бы существовали два человека, и Н. поворачивался к наблюдавшим за ним то одной, то другой своей стороной. Вот почему воспоминания о нем столь несхожи. Привыкнув к бедности и тяготам материальной жизни, Н. мог быть замкнут и угрюм — настолько, что производил впечатление надутого и глупого. Освободившись от каких-то занимавших его забот, превращался в азартного заводилу шалостей и озорства. Невысокого роста, с тяжелой формой отнюдь не длинных ног, он массивностью и приземистостью тела ничем не походил на идеал балетного танцовщика. Но в грубоватых линиях его тела таилась какая-то вкрадчивая, не мужественная вовсе мягкость пластики, своеобразная, не балетная грация. Успехи Н. в танце были выдающимися — вплоть до совершеннолетия он неизменно получал как высший знак отличия стипендию Дидло.

В училище Н. не только осваивал академический репертуар, его охотно привлекали и к новым работам. *М.Фокин* в своей первой постановке «Ацис и Галатея» (1905), сделанной для выпускного спектакля, занял Н. в роли Фавна, выделявшейся своей нетрадиционностью. Первые же впечатления от танцев Н. были восторженными — критики предрекали ему блестящее будущее. Эффект был столь силен, что Н.Легат занял Н. (тогда еще предвыпускного воспитанника) в новой постановке танца роз и бабочек в опере «Дон Жуан» (торжественный спектакль в честь 150-летия Моцарта, 18.1.1906, Мариинский театр) — там ему довелось танцевать на равных с лучшими балеринами и первыми танцовщиками. В школьные годы обнаружилась способность Н. ставить: он сочинил в частном доме танцы на балу в детской опере Б.Асафьева «Золушка» и с удиви-

тельным терпением и тактом разучивал сочиненное с маленькими участниками.

Неординарным, непохожим на других был внутренний мир Н. Непонятливый, плохо схватывающий на предметах общеобразовательных, он ловил на лету указания педагога на уроках танца. Любовь к книгам и чтению тоже не вязалась с расхожими представлениями о его туповатом равнодушии. Педагоги признали, что учить одаренного воспитанника больше нечему, и предложили выпускаться годом раньше, но Н. отказался. Тем не менее он стал героем выпускного спектакля 1906, исполнив с Е.Смирновой главные партии в новом балете Фокина «Сон в летнюю ночь» на музыку Мендельсона и вставленный в этот балет номер «Полет бабочек» на музыку Шопена. Полетность Н. обыгрывалась изобретательно и эффектно. Новым было то, что мужской танец вступал в состязание с женским, не уступая тому первенства.

Н. выпускался 15.4.1907, продемонстрировав отличную школу в классическом репертуаре. У Фокина Н. исполнил центральную мужскую партию в «Ожившем гобелене» (один акт из «Павильона Армиды» *Н.Черепнина*). 25.5.1907 Н. был принял на Мариинскую сцену и сразу же стал желанным партнером для балерин. Даже всесильная *М.Кшесинская* пожелала танцевать с ним 28.10.1907 в «Тщетной предосторожности» и «Принце-садовнике». Успех юноши затмил привычный успех фаворитки, но та пренебрегла минутной досадой и от совместных выступлений с ним не отказалась. Освоение традиционного репертуара — pas de deux принцессы Флорины и Голубой птицы («Спящая красавица», 28.11.1907), pas de deux мулата и баядерки («Царь Кандавл», 15.12.1908) — оттачивало виртуозный танец.

Раскрыться исполнительскому таланту Н. помогла новаторская хореография Фокина. Она завладела им целиком — настолько, что найденное у Фокина танцовщик невольно повторял и в академическом репертуаре. В фокинских спектаклях Н. обнаружил чуткость подлинного художника. В «Павильоне Армиды» (25.11.1907) Н. исполнял роль раба Армиды (*А.Павловой*) — капризного баловня госпожи, восхищавшегося хозяйкой и послушного ее воле. Иным был его смуглый раб в «Египетских ночах». Не смея поднять глаз на повелительницу, он счастлив был возможностью распластаться у ее ног. Резвясь и упиваясь игрой с взвившимся в воздух легким покрывалом, он оставался единственным естественным существом в торжественно-застывшей свите Клеопатры. Танец Н. пробивался к архаичным пластам древнейшей культуры, впечатлял новизной, неожиданной свежестью ощущений. Особенность дарования Н. сказалась и на первоначальном замысле Фокина в «Шопениане» (8.3.1908). Юноша-мечтатель и поэт в исполнении Н. пребывал в сонме сильфид как равный. Мужской танец достигал поэтической сущности женского и едва ли не превосходил его. Очертания танца Н. становились изменчивы и капризны, обретая богатство оттенков и полутонов и размывая тем определенность контуров пластики, его прыжок неправдоподобно длился, словно утрачивал тяготение к земле.

Участие в дягилевской антрепризе летом 1909 положило начало мировой славе Н. Неожиданно он оказался в центре внимания парижской публики, прессы, художественных кругов и самого *С.Дягилева*. Именно Дягилев с его натиском, титанической волей помог превращению начинающего танцовщика в феноменальное художественное явление не только балета — искусства XX в. В первый парижский сезон (1909) Н. исполнил партию раба в отредактированных «Египетских ночах», шедших под названием «Клеопатра», мужскую партию в «Шопениане», переименованной в «Сильфиды», и Голубую птицу в pas de deux из «Спящей красавицы», выданной за «Жар-птицу». Для танцовщика это был известный и обкатанный репертуар; новым он был для парижан. Искусство Н. впечатлило французов особенно, т.к. мужской танец в Европе давно находился в жалком состоянии. Мощь танцевального мастерства новоявленного кумира покорила парижан и перевернула их представление о возможностях танцовщика.

Отныне Сезоны оттеснили службу в Мариинском театре на второй план. Н. нередко манкировал своими обязанностями, и это неудивительно — в репертуаре преобладали все те же вставные pas de deux. Критики даже отмечали деградацию Н. в профессиональном отношении. Танцовщик ожил весной, когда началась подготовка к новому Русскому сезону. С удовольствием, самозабвенно репетировал с Фокиным. Осмелев, сам поставил номер «Кобольд» на музыку Э.Грига и, словно устыдившись собственной дерзости, выдал его за фокинское сочинение (20.2.1910, Мариинский театр). Во втором Сезоне (1910) Н. участвовал как признанная «звезда». Его Арлекин в «Карнавале» на музыку Р.Шумана казался существом инфернальным и сверхъестественным: его танец то обманно вспыхивал, чтобы тут же раствориться в картинной меланхолии, то дразнил и обволакивал соблазном — и вдруг разрушал иллюзию издевкой над всеми подлинно человеческими чувствами. Успех новой постановки Фокина, предварительно показанной в Петербурге, в Париже был оглушительным — и прежде всего благодаря Н. В «Шехеразаде» на музыку Н.Римского-Корсакова (премьера 4.6.1910,

«Grand-Opéra») Н. исполнил роль раба, фаворита шахини. Светловолосый мулат в роскошных прозрачных одеяниях пантерой выпрыгивал из-за золоченой двери, чтобы сладострастно раствориться в объятиях любовницы. Застигнутый ревнивым шахом, жизнью расплачивался за украденное счастье. Борясь со смертью, раб, как могучее животное, судорожно бился. В последней конвульсии его тело мощно взлетало вверх и уже безжизненным распластывалось по полу. В дивертисменте «Ориенталии» Н. исполнял два номера — свой «Кобольд» и фокинский «Восточный танец» на музыку К.Синдинга: премьера обоих состоялась в один вечер в Петербурге. Вовсе не традиционным было выступление Н. в «Жизели» (18.6.1910, «Grand-Opéra»), хотя вполне оно оценено не было. Его Альберт *был поэтом: любовь к Жизели должна была* дать ключ к миру иному, ему не доступному. Но все рушилось. Это не потрясало Альберта — лишь добавляло еще одно разочарование. А весь 2-й акт возникал как плод его фантазии: танцы вилис не пугали — восхищали его, и он словно пытался поймать и остановить дивные видения. И здесь, как в «Шопениане», его поэт был скорее сродни поэтическим грезам сильфид.

Н. вернулся в Петербург снова с большим опозданием и, ссылаясь на болезнь, от выступлений отказывался. Первый выход в новом сезоне состоялся 26.1.1911 в «Жизели». Он стал последним появлением танцовщика на сцене Мариинского театра. Его уволили за самовольство — собственный костюм, не санкционированный начальством. Костюм был выполнен по эскизу *А.Бенуа* для Сезонов. Танцовщик отказался от традиционных коротких штанов и ограничился трико, плотно облегавшим ноги. То была утвердившаяся позднее обычная профессиональная униформа. Отлучение от петербургской сцены состоялось по сути в начале творческого пути — танцовщику едва исполнился 21 год. В знак протеста сестра Бронислава также порвала с труппой. Это было на руку Дягилеву, обеспечивало стабильность организованной им постоянно функционирующей труппы «Русского балета».

Третий Сезон (1911) стал вершиной в исполнительском искусстве Н., кульминационным в дягилевской антрепризе вообще. Теперь он принимал участие во всех премьерах. География гастролей расширялась: они начинались в Монте-Карло, затем проходили в Риме, Париже, Лондоне. В английской столице в рамках своеобразной ретроспективы репертуара антрепризы за прошедшие три года было показано в сокращенном варианте «Лебединое озеро» с М.Кшесинской и Н. Подлинной сенсацией Сезона стали фокинские новинки. В «Видении розы» на музыку К.Вебера (19.4.1911, Монте-Карло) Н., благодаря завораживающе мягкой пластике, создавал образ чарующий, клубящийся, нежный, одновременно целомудренный и запретно-сладострастный. То была эротическая греза девичьей чистоты, фантом неясного соблазна. Успех балета был столь велик, что его включили в правительственный спектакль в честь французской авиации на сцене «Grand-Opéra». Присутствовали президент республики, руководители сената. И эта публика неистовствовала. Балет заставили повторить. Способность таланта Н. к поэтическому обобщению с предельной силой выразилась в «Петрушке» *И.Стравинского* (13.6.1911, Париж, театр Шатле). Его кукольный герой с безвольно повисшими руками и набеленным лицом-маской, нелепый и жалкий, приходил в отчаяние от одиночества, судорожно бился в истерике, сердцем тянулся к хорошенькой бездушной Балерине. Сохраняя в себе искру надежды, он вступался за право верить и любить. Кукольная драма перерастала в человеческую. Шедевр Стравинского—Бенуа—Фокина был также лучшим из созданного Н. Спектакль оказал могучее влияние на все развитие культуры XX в., на каждую область искусства. Он давал свой ответ на мучительные раздумья о судьбах духовного начала в человеке.

Сезон 1912 был для Н. поворотным: под давлением Дягилева он становился хореографом. Мэтр верил в его талант, но еще больше — в собственный дар таланты созидать. Помимо всего, преследовались чисто прагматические цели: погоня за новизной обеспечивала самый краткий путь к успеху. Одновременно Н. был занят почти во всех фокинских постановках. Он исполнил центральные партии в балетах «Синий бог» с музыкой Р.Гана (13.5.1912, Париж, театр Шатле), «Дафнис и Хлоя» на музыку М.Равеля (8.6.1912, там же), но новых стимулов к творчеству эта работа уже не давала. Оставалась собственная постановка — здесь он был и хореографом, и танцовщиком. «Послеполуденный отдых фавна» на музыку К.Дебюсси (29.5.1912, там же) в образах античного искусства воскрешал ощущение первозданных основ жизни. Фавн словно растворялся в природе и был выражением ее. Он неподвижным камнем возвышался на скале, вслушиваясь в тишину, вдыхал ароматы трав, медленно потягивался и расправлялся. Его движения были неторопливы и редки, завершались долгой фиксацией позы. Появление нимф неудержимо влекло к ним. Фавн то требовательно застывал возле одной из них, то бережно поднимал оброненное избранницей покрывало, укрывал свое тело, погружаясь в эротические грезы. Финал

эпатировал видавшую виды парижскую публику: зал раскололся на два лагеря. Одни возмущались нарушением благопристойности, другие не менее горячо выражали восхищение дерзостью и новизной хореографии. Балетная премьера стала событием, всколыхнувшим парижан. Бурная газетная полемика придала художественному явлению масштаб социальный и политический. Отказом от классического танца, непривычным отношением к музыкальной фразе хореография Н. предлагала принципиально новые пути в балетном искусстве XX в.

Подлинный взлет Н.-хореографа пришелся на сезон 1913. Между тем притязания Дягилева на монопольное владение судьбой фаворита становились невыносимы. Мэтр бесцеремонно вторгался во все сферы жизни, понукал медленно ставившего Н., одному себе приписывал право судить о результате. «Игры» на музыку К.Дебюсси (15.5.1913, Театр Елисейских полей) ставились впопыхах. Неожиданным было обращение к современности. Действие происходило в городском саду на фоне индустриального пейзажа. Движения участников были фронтальны, угловаты, резки; отдельные позы и па классического танца возникали в измененном виде, как бы разъятые на составляющие и вновь собранные, но по каким-то другим законам. Н. сам исполнял мужскую партию. Балет выглядел наброском к каким-то иным, более значительным полотнам. Подзаголовок «Поэма в танце» объявлял отказ от сюжетности. Здесь, как и в «Послеполуденном отдыхе фавна», основное содержание передавалось сменой состояний. Это новое качество хореографии с особой силой выявилось в следующей, лучшей постановке Н. — «Весне священной» И.Стравинского (29.5.1913, там же). Жесткие непривычные звучания воплощали первобытную мощь природы. Хореография была также пугающе нова. Индивидуальное начало отсутствовало. Людская нерасчлененная масса была во власти высших природных сил, таинственных и жестоких. В пластике существовали свои условности и каноны, обратные тем, что были обязательны в классическом танце. Носки ног заворачивались вовнутрь, локти прижимались к телу, отбрасывалось смягчающее прыжок plié. На смену эстетики гармонии, плавности пришла эстетика внутренней напряженности, рваного ритма, общности стада. Работа над спектаклем была мучительна, столь непривычна была вся пластика. Непривычно нова была и музыка, требовавшая от исполнителей обязательного счета. На спектакле Н. стоял на стуле в кулисе и помогал подсказками танцовщикам. Премьера вылилась в грандиозный скандал. Публика выкрикивала ругательства, шумом пыталась сорвать действие. Ничто не могло ее образумить: ни включение в зале света, ни просьба Дягилева. Дело доходило до рукопашной. Сторонники и противники одинаково неистовствовали. Лишь пляс Избранницы заставил ненадолго притихнуть зал. Авторы спектакля были растеряны. Дягилев же торжествовал, утверждая, что достиг желаемого.

В августе 1913 «Русский балет» отбыл на гастроли в Америку. Дягилев, смертельно боявшийся морских путешествий, от поездки отказался. Так же поступили некоторые танцовщицы кордебалета. Приходилось заполнять освободившиеся места случайными людьми. Так в труппе оказалась начинающая любительница, поклонница Н. Ромола де Пульска. Трехнедельное морское путешествие завершилось свадьбой в Буэнос-Айресе. Зависимость от Дягилева сменялась не менее цепкими объятиями расторопной венгерской барышни. Взбешенный мэтр в декабре того же года порвал контракт со своим лучшим танцовщиком и хореографом. Н. было всего 24 года.

Желанная свобода ни счастья, ни удовлетворения не принесла. Нужно было добывать средства к существованию: жена ждала ребенка, приходилось содержать мать и потерявшего рассудок брата. Предложение возглавить балет «Grand-Opéra» заманчивым не показалось: слишком слаба была труппа. Пришлось создавать собственную антрепризу. Поиски артистов балета были малопродуктивны. Удалось собрать труппу из 17 человек. В нее вошла сестра Бронислава с мужем, оставившие Дягилева. Контракт с лондонским театром Палас был подписан на 2 месяца. Репертуар составили постановки Н. и частично фокинские. Кое-что — например, «Сильфиды» — Н. переставил заново. Спектакли новой труппы интереса не вызвали. Не прошло и трех недель, как контракт расторгли. Это было финансовым крахом для Н.: на новое дело ушли все личные сбережения. Неудачи преследовали его. Война застала возвращавшихся в Петербург супругов с недавно родившейся дочерью в Будапеште, и они оказались интернированы до начала 1916. Н. мучительно переживал вынужденное бездействие. Между тем Дягилеву пришлось пойти на мировую: обязательным условием гастролей в Северной и Южной Америке было участие Н. Танцовщик выступил на сцене «Metropolitan Opera» в Нью-Йорке в «Петрушке» и «Видении розы» (12.4.1916). На сцене нью-йоркского театра «Manhattan Opera» была показана премьера «Тиля Уленшпигеля» Р.Штрауса с хореографией Н. (23.10.1916). Он же исполнял заглавную партию. Спектакль, создававшийся в лихорадочной спешке, несмотря на ряд интересных находок, провалился. 26.9.1917 Н. последний раз появился на сцене, снова в «Пет-

рушке» и «Видении розы». Но уже другие, мучительные видения обступали его со всех сторон. Душевная болезнь прогрессировала, делала невозможной артистическую деятельность. В декабре 1917 Н. вместе с семьей обосновался в Швейцарии. Болезнь вроде бы отступила. Н. размышлял о новой системе записи танца, мечтал о собственной школе, театре, исследовательском центре. Однако сознание оставалось светлым недолго. Припадки шизофрении участились. Н. пришлось поместить в клинику для душевнобольных.

Н. умер в Лондоне. Тело его было перевезено в 1953 в Париж и там похоронено на кладбище «Sacre Cœur», рядом с могилами Г.Вестриса и Т.Готье. Н. совершил смелый прорыв в будущее балетного искусства, открыл утвердившийся позднее в танце стиль экспрессионизма и принципиально новые возможности пластики. Его поразительная интуиция проникала в глубины подсознания, чтобы воплотить смутные ощущения в невиданные прежде хореографические образы. Время как бы спрессовывалось в его короткой напряженной (всего 10 лет!) творческой жизни. Воздав за краткость щедрой мерой таланта.

Лит.: Красовская В. Русский балетный театр начала XX века, ч. 1. Хореографы. Л., 1971; Ее же. Нижинский. Л., 1974.

А.Соколов-Каминский.

НИКОЛАЕВСКИЙ Борис Иванович (псевд. А.Андреев, Н.Борисов, Г.Голосов, Е.Николаев и др.) (8.10.1887, Белебей, Уфимской губ. — 1966, Нью-Йорк) — историк, политический деятель. Сын священника. С 1901 в социал-демократическом движении, в 1903-6 большевик, затем меньшевик. Учился с 1898 в самарской, с 1899 в уфимской гимназиях, но не закончил обучение, т.к. в 1904 был арестован. Всего арестовывался 8 раз, трижды ссылался, совершал побеги из ссылки. Вел партийную работу в Уфе, Самаре, Омске, Баку, Петербурге, Екатеринославе. Делегат 5-го съезда РСДРП (1907) от Батумской организации. Печатался в меньшевистских изданиях («Наше слово», 1912; «Новая рабочая газета», 1913-14; «Наша заря», 1913;). В 1917 левый меньшевик, сотрудничал в «Рабочей газете» и «Искре». На 1-м Всероссийском съезде Советов (июнь 1917) был избран членом ВЦИК; входил от ВЦИК в комиссию П.Щеголева по изучению архива департамента полиции при Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. После образования в Самаре Комитета членов Учредительного собрания (1918) был представителем меньшевистского ЦК в Поволжье и на Урале, в 1919 — в Сибири; по возвращении из Сибири в Москву в июле 1919 призвал к совместной с большевиками борьбе против Колчака. С 1920 член ЦК меньшевиков. Работал в 1919-21 в историко-революционном архиве в Москве, сотрудничал в журнале «Былое» (1917-18, 1921). Протест Н. против подавления большевиками Тамбовского и Кронштадтского восстаний привел к его аресту 21.2.1921; освобожден из Бутырской тюрьмы в феврале 1922 в результате длительной голодовки вместе с *Ф.Даном* и др. меньшевиками, после чего выслан за границу.

Обосновавшись в Берлине, выступал со статьями и обзорами в журнале «Новая русская книга» (1922-23), печатался также в сборниках *С.Мельгунова* «На чужой стороне» (1924-25) и «Голос минувшего на чужой стороне» (1926), в журналах «Современные записки» (1938-40), «Русские записки» (1938-39). Один из создателей журнала «Летопись революции» (1923), участвовал в редактировании одноименной мемуарной серии, выходившей в издательстве *З.Гржебина.* Тогда же начал собирать книги, газеты, рукописи, фотографии, документировавшие политическую историю России. Представитель Русского заграничного исторического архива (Прага) в Берлине, с декабря 1924 по 1931 заграничный представитель Института К.Маркса и Ф.Энгельса, собирал по поручению его директора, Д.Рязанова, документы и печатные издания по истории международного рабочего движения. Продолжал сотрудничать в выходивших в СССР журналах «Каторга и ссылка» (1922-31) и «Летописи марксизма» (1926-30), главным образом, как рецензент советской и эмигрантской исторической литературы. После того, как осудил коллективизацию и репрессии сталинского режима, был лишен в феврале 1932 в числе других эмигрантсв-меньшевиков советского гражданства.

Приход к власти в Германии нацистов вынудил Н. переехать в 1933 в Париж; сумел вывезти из Берлина архив Германской социал-демократической партии, переданный затем Международному институту социальной истории в Амстердаме; возглавлял парижское отделение института. В феврале-апреле 1936 по поручению меньшевистского руководства вел переговоры с Н.Бухариным и др. представителями ВКП(б) о продаже СССР архива К.Маркса; высказывания Бухарина о борьбе в большевистской верхушке привел (в переработанном виде и не называя его имени) в анонимной статье «Как подготовлялся московский процесс. Из письма старого большевика» (опубл. в дек. 1936 — янв. 1937 в «Социалистическом вестнике»), более полно и точно — в 1965, в

интервью «Бухарин и оппозиция Сталину» (на англ. яз., в сб. «Власть и советская элита»; на рус.яз., в «Социалистическом вестнике»), а также в письмах Н.Валентинову, Б.Суварину, Л.Фишеру и др. Общался в Париже с сыном Л.Троцкого — Л.Седовым, консультировал Троцкого в связи с его работой над «Историей русской революции».

В 1940 переехал в США. Сотрудничал в русских эмигрантских изданиях («Новый журнал», 1942-51; «Народная правда», 1948-50; «На рубеже», 1951-52; «Новое русское слово», 1952-59), в еврейском социал-демократическом журнале «Форвертс», издавал журнал «За рубежом». Занимал должность директора Американского рабочего архива в Нью-Йорке. В 1948 основал Лигу борьбы за народную свободу, оказывал помощь новым советским эмигрантам, в том числе бывшим солдатам армии А.Власова; подготовил вместе с Д.Далиным книгу о принудительном труде в СССР (1948). Входил в редакцию «Социалистического вестника», в марте 1952 подписал обращение группы меньшевиков и эсеров, в котором декларировался отказ от мировоззренческого характера социализма и от традиционного для России деления его на марксистский и народнический. Оспаривая мнение Валентинова, объяснявшего политику Сталина психической болезнью, утверждал, что Сталин — «исключительно преступная натура, полностью отвечающая за свои действия». Большая часть архива и библиотеки Н., захваченная в Париже нацистами, по-видимому, погибла в Германии; в США он возобновил сбор материалов, но отказывался открыть доступ к ним, что вызвало трения с другими меньшевиками — участниками американского проекта по изучению истории меньшевизма. В конце 1963 продал коллекцию (более 250 фондов) Гуверовскому институту войны, революции и мира при Стэнфордском университете, оставаясь ее хранителем.

Литературное наследие Н. насчитывает свыше 500 книг, статей и документальных публикаций, изданных на 10 языках. Среди них работы по истории РСДРП и партии эсеров, биографические очерки о лидерах этих партий — *А.Потресове* (1937), П.Гарви (1946), *В.Чернове* (1953), *И.Церетели* (1963), комментарии к сборникам писем Г.Плеханова, П.Аксельрода, *Ю.Мартова*, Потресова, а также статьи о текущей советской политике и деятелях СССР. Старые меньшевики ставили эти статьи ниже исторических работ Н.: «Он очень много знает и очень жаль, что он вылезает из прошлого и лезет в настоящее, которого он не знает и о котором судит по-суздальски» (Л.Цедербаум-Дан). Преобладало, однако, иное мнение: «Такого знания истории русского революционного движения, истории КПСС и истории Советского Союза, какое было у Б.И., не было ни у кого в мире» (*Р.Гуль*).

Рассматривая «историко-партийную» литературу, выходившую в СССР, Н. постоянно указывал на искажение фактов в угоду политике правящих кругов. Помимо исключительной эрудиции, современники отмечали свойственную ему безукоризненную точность («он мог увлекаться, мог быть несправедливым в своих оценках, но выдумщиком он не был») и «феноменальную, почти «фотографическую» память». Наиболее значительное историческое исследование Н. — книга об Азефе; в деле Азефа он видел классический пример полицейской провокации, которая сложилась в царской России «в стройную, законченную систему». Использовал, наряду с архивными документами и воспоминаниями, записи бесед с теми, кто знал Азефа; подобным же образом собирал с конца 20-х свидетельства эмигрантов о русском масонстве начала XX в., но отказался от публикации записей, как и подготовленной статьи, подчинившись возражениям своих информаторов — бывших масонов. Своей деятельностью историка и архивиста Н. способствовал распространению интереса к новейшей российской истории в США. По словам Р.Такера, для многих англо-американских историков он «был и остается в полном смысле слова наставником». После смерти Н. издано несколько сборников материалов из его коллекции и книг, основанных на этих материалах.

Соч.: История одного предателя. Террористы и политическая полиция. Берлин, 1932; М., 1991; Karl Marx. Man and Fighter. London, 1936 (в соавт. с O.Maenchen-Helfen); Меньшевики в дни Октябрьского переворота. Нью-Йорк, 1962; Forced Labor in Soviet Russia (в соавт. с Д.Ю.Далиным). New York, 1965; 3-е изд. 1975; Power and the Soviet Elite. New York, Washington, London, 1965; Русские масоны и революция. М., 1990; Письма / Валентинов Н. Наследники Ленина. М., 1992.

Лит.: Б.И.Николаевский // НЖ, 1966, № 83; Revolution and Politics in Russia: Essays in Memory of B.I.Nikolaevsky. Bloomington, London, 1972; Фельштинский Ю.Г. Два эпизода из истории внутрипартийной борьбы: конфиденциальные беседы Бухарина // Вопр. истории, 1991, № 2-3; Крылов В. «Живая энциклопедия революционного и освободительного движения» // Сов. библиография, 1992, № 5-6.

И.Розенталь

НИКОЛЬСКИЙ Александр Михайлович (23.10.1902, Курск — 1963, США) — конструктор в области вертолетостроения. Из дворянской семьи, учился в московской гимназии, из которой перешел в Морской кадетский корпус. Осенью 1917 корпус был эвакуирован из

Петрограда во Владивосток. Подобно большинству гардемарин и кадетов Н. воевал на стороне Колчака против советской власти на кораблях Сибирской флотилии и в сухопутной артиллерии. По отзывам лиц, хорошо знавших Н., его главными принципами были «честь и отвага». В 1920 вместе с группой гардемарин и кадетов он захватил во Владивостоке корабль, на котором уплыл в Японию. Продав там корабль, молодые люди намеревались отправиться к генералу Врангелю, но не успели. Крым пал, когда Н. с друзьями были еще в Каире.

Русская эмиграция в Париже выделила Н. финансовую помощь для поступления на учебу в Сорбонну; в 1924 он получил диплом по математике, через два года — по физической механике. Кроме того, Н. сдал экзамены на инженера-механика и инженера-электрика, однако, перспектив применения своих знаний во Франции он не видел. Поэтому в 1928 он завербовался в качестве матроса на судно, идущее за океан. Сойдя на берег в Филадельфии, Н. направился в Бостон, где, опять с помощью русской эмиграции, поступил в Массачусетский технологический институт.

Окончив в 1929 аэродинамическое отделение института, поступил в фирму *И.Сикорского* инженером-специалистом по расчету на прочность конструкций. В этой русской фирме он проработал 13 лет, пройдя путь от инженера до заместителя главного конструктора. В 1937 вместе с рядом др. русских эмигрантов — ведущих специалистов фирмы Сикорского — получил американское гражданство. Н. входил в небольшую группу верных соратников Сикорского, которая в 1938 приступила к созданию нового для того времени типа летательного аппарата — вертолета. В скором времени Н. стал крупнейшим специалистом в различных областях науки о вертолетах. Однако лишения в молодости и напряженная работа подорвали здоровье ученого; в 1942 ему пришлось покинуть фирму Сикорского и перейти на преподавательскую работу в Принстонский университет.

Через два года Н. было присвоено профессорское звание. Русскому эмигранту удалось первому в мире организовать подготовку специалистов-вертолетостроителей с высшим техническим образованием, развернуть в Принстоне фундаментальные теоретические и экспериментальные исследования по аэродинамике, динамике полета и прочности винтокрылых летательных аппаратов. Большую помощь в этом ученому оказал Сикорский. В 1944 вышла книга Н. «Заметки по теории проектирования вертолетов», ставшая первым учебником по новой специальности. Ею пользовались не только студенты, но и гражданские и военные специалисты, осваивавшие новый вид авиационной техники. В следующем году книга была переиздана. Вскоре Н. пришел к выводу, что изложенный в книге анализ нагрузок на лопастях несущего винта неудобен для практического использования и в 1947 подготовил новое исследование по данному вопросу. В 1951 был опубликован фундаментальный труд Н. «Вертолетный анализ», впервые комплексно охвативший все разделы науки о винтокрылых летательных аппаратах: проектирование, аэродинамику, динамику полета и прочность. Особое внимание автор уделил исследованию характеристик вертолетов в разных режимах полета, математическому анализу динамической устойчивости и управляемости винтокрылых аппаратов, вопросам обеспечения прочности лопастей. Монография не только охватывала все основные аспекты теории нового вида авиационной техники, но и давала методику решения главных проблем. С этой книги многие вертолетостроители начинали постижение основ своей профессии.

Н. был убежден, что аналитическая оценка феномена полета винтокрылого аппарата при всей своей важности не дает исчерпывающего и окончательного результата, особенно в вопросах, касающихся его динамики и пилотажных характеристик, и требует также всесторонней экспериментальной проверки. «Не доверяй каким-либо вычислениям, пока они не сопровождены хотя бы простым физическим объяснением и не подтверждены результатами ряда испытаний, предпочтительно на разных экспериментальных стендах», — учил Н. своих студентов и аспирантов. Ученый заслужил славу не только блестящего аналитика, но и выдающегося экспериментатора. Под его руководством в Принстонском университете было создано уникальное оборудование для экспериментальных исследований по вертолетной тематике. Во 2-й половине 40-х построена многоэтажная «Башня Никольского» для всесторонних исследований режима авторотации несущих винтов, а в 50-х — знаменитый «Принстонский трек», представляющий собой длинный (ок. 250 м) корпус-коридор, внутри которого с большой скоростью движется по рельсам тележка с испытываемой моделью. Оснащенный уникальным оборудованием, обеспечивающим испытания в условиях, максимально приближенных к реальному полету, трек широко используется и в настоящее время для исследований различных вопросов, связанных с полетом вертолетов.

Фундаментальные разработки, проведенные Н. в «Башне» и на «треке», получили отражение в его многочисленных статьях и отчетах. Под его руководством были созданы также испытательные стенды для изучения индуктивных потоков под несущим винтом. Отчеты об этом

внесли важнейший вклад в современные представления о вихревой теории несущего винта. Параллельно с экспериментальными исследованиями на моделях Н. занимался и совершенствованием методик летных испытаний по динамике полета вертолета. Вопросам динамической устойчивости винтокрылых летательных аппаратов был посвящен ряд его последних работ. Помимо основной специальности — вертолетостроения, ученый занимался исследованиями вопросов динамики и аэродинамики самолетов, консультировал вертолето-, и самолетостроительные фирмы. Н. были подготовлены многочисленные специалисты-вертолетостроители. Его ученики занимали высокие посты в промышленности и на государственной службе, были профессорами университетов. Ученый неоднократно выезжал для чтения лекций в др. американские и зарубежные научные и учебные заведения. Он состоял в числе советников президента США, военного и морского министерств, НАСА и др. государственных и общественных организаций. В память о выдающемся ученом Американское вертолетное общество учредило «Мемориальную лекцию Никольского», которой Общество награждает выдающихся ученых в области вертолетостроения за научные работы, представляющие «высочайшие идеалы и достижения в области проектирования и постройки вертолетов...». Первым такой награды удостоился в 1981 крупнейший американский ученый в области проектирования вертолетов В.Степневский, уроженец Каменец-Подольского.

В.Михеев.

НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ Иван Иванович (наст. фам. и имя Пояшкевич Ян) (13.11.1893, Александровск-на-Амуре — 10.7.1969, Ванв, близ Парижа) — поэт, прозаик. Детство провел на Амуре, жил затем в Мариинске Томской губернии, учился в Омском механико-техническом училище, окончил военную школу в Иркутске. Далекие предки Н.-С. были переселенцами из Новгород-Северска, с этим связан его псевдоним. В молодости исходил и изъездил весь сибирский край на верховой лошади, почтовых упряжках и на лыжах по личным интересам и по делам Переселенческого управления. Увиденное и пережитое явилось предметом его творчества. Он «впитал в себя всю поэзию Севера России», — писал один из его современников (*П.Ковалевский*). Штабс-капитаном участвовал в 1-й мировой войне, был контужен. В годы гражданской войны служил в Добровольческой армии; генералом Врангелем был произведен в полковники. Автор популярной песни «Пусть свищут пули». В 1920 через Константинополь эмигрировал в Болгарию, оттуда — в Париж. Был студентом Богословского института при Сергиевом Подворье (1926-27). Женился на племяннице *И.Шмелева* — Ю.Кутыриной.

Писать стихи начал в 1913, но издавать их стал только в эмиграции. В Константинополе вышла первая его книжка «Как растут кресты» (1921), в Париже — сборник «Заполярье» (1939). За ним последовало издание отдельными «книжками-тетрадками» стихотворных циклов «Тундра» (1939), «Арктика» (б.г.), «Айсберги» (1942), «Чум» (1942), «Шаманы» (б.г.) и др., объединенные затем в одну книгу под названием «Аргыш» (на языке эвенков — караван собачьих упряжек). Шмелев сопроводил сборник «Заполярье» вступительной статьей, в которой писал: «Я прочитал и увидел, унылая тундра открыла чуткой душе поэта редкую красоту... В этих книжках нет слова «Россия». Но ее чувствуешь в безмерности снеговой пустыни». В стихах Н.-С. «не только пейзаж, картинки жизни тунгусов-эвенков, в них — и духовная углубленность и чувство благоговения, богатство внутреннего видения. Поэзия его светлая, бодрая». По названиям стихотворений и отраженной в них реальности нетрудно представить маршруты путешествий Н.-С.: «К океану», «Край земли», «На Таймырском полуострове», «Арктика», «Медвежьи острова», «Индигирка». «Я первый следопыт родных снегов, / Я капитан Майн Рид полярных прерий», — писал Н.-С. Современники отмечали мастерство Н.-С. в обрисовке картин природы, умение опоэтизировать суровый и угрюмый пейзаж, запечатлеть мгновения. В его стихах узнаются черты быта, характера и обычаи хозяев снежного края: «В тунгусском чуме одиноком / Я отдохнуть порой непрочь... / Со мной хозяева тунгусы / разделят ужин и покой»; «У камелька сидит старушка с детворой / ...И льются ручейком седые сказки». В цикле «Тайга» — стихи о Приморье («Тайга шумит», «Жень-Шень», «Дерсу Узала»). Цикл «Пески поют» уводит за пределы Сибири — в Монголию, Среднюю Азию, Тибет. Цикл «Ковыль да поле» поэтизирует путешествие по Алтаю. В 1949 Н.-С. издал стихотворный цикл «Самоцветы» — о драгоценных камнях — уникальное в поэзии явление. К тайнам каждого из камней поэт нашел поэтический ключ: «В топазном блеске гамма света»; «Аквамарин — застывшая волна... Но грань его огня полна»; «Жемчуг черный — жемчуг ночи / томной страсти, мутных снов». Циклом «К созвездиям» поэт создал род философско-космической лирики, он видел божественное творение «там, в бесконечности вселенной, ...где места нет для

смерти тленной». Н.-С. проявил себя и как своеобразный богослов, перелагая в «Библейских напевах» стихами «Песнь песней», «Послания», сочиняя и просто молитвы. Во вступительной заметке к циклу «Аве Мария» М.Гофман писал, что Н.-С. «поэт совершенно особенный». Безразлично, что он пишет, «важно его поэтическое восприятие и поэтическое выражение мира. Содержание его поэзии глубоко, богато и разнообразно».

Н.-С. публиковал в парижском журнале «Возрождение» стихотворения (1954), «Таежные рассказы» (1962, 1965, 1967, 1968), в мюнхенском альманахе «Грани» — «Сибирские сказки» (1956). Книга «Сказки сибирские. Легенды о Божьей матери» издана в Мюнхене (1960) и в Париже Русским институтом (1961), книга «Степные огни» — в Мюнхене (1964). Проза, как и поэзия Н.-С., вызывала положительные отзывы писателей и критиков. Я.Горбов писал о книге сказок и легенд, что «в них отразилась самобытная оригинальность автора-сибиряка и таежника», его манера вести рассказ «под народную речь»; объектом его сказок стали «одухотворенные и неодухотворенные обитатели тайги, рек, тундры, гор и озер», «он их любит и делит с ними радости и невзгоды». О.Можайская отмечала мягкий, но язвительный юмор автора, эпический тон повествования, приверженность народному языку, «погруженность всем существом в народную стихию». Он вобрал в себя «душу Сибири-Матери», всех разноязычных племен, ее населяющих. В статье, посвященной памяти писателя, Ю.Терапиано писал о любви Н.-С. к родному краю, ее природе, ее народностям. Уроженец Сибири, «он с детства научился чувствовать природу этого сурового, но чрезвычайно величественного края и нашел свой особый язык, чтобы говорить о нем».

Соч.: Моя Сибирь. Париж, 1973.

Лит.: Горбов Я. Литературные заметки // Возрождение, 1961, № 114; П.К. (П.Ковалевский). Ив.Ив.Новгород-Северский // Рус. мысль, 1969, 14 авг.; Можайская О. Иван Новгород-Северский — чудесный сказочник // Там же, 1969, 11 сент.; Терапиано Ю. Памяти И.И.Новгород-Северского // Там же, 1969, 30 окт.; Ю.Я.К. (Кутырина). Иван Новгород-Северский (Некролог) // Возрождение, 1969, № 23.

Е.Трущенко

НОВГОРОДЦЕВ Павел Иванович (28.2.1866, Бахмут, Екатеринославской губ. — 23.4.1924, Прага) — философ права, общественный деятель. Родился в купеческой семье. В 1884 окончил екатеринославскую гимназию и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, с которого в том же году перешел на юридический факультет. По окончании университета в 1888 Н. был оставлен на кафедре истории философии права для подготовки к профессорскому званию. В конце 1880-х Н. сблизился с социал-либеральным кружком В.Вернадского, С.Ольденбурга и др. («Приютинское братство») и принял участие в ряде его общественных инициатив, в том числе во время голода 1891-92. С 1890 по 1899 с перерывами работал над диссертацией в заграничных командировках. В 1896 избран приват-доцентом университета, в 1897 защитил магистерскую диссертацию «Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба». С 1898 читал в университете курс истории философии права. В 1902 защитил докторскую диссертацию «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве» и в 1903 стал профессором университета по кафедре энциклопедии права и истории философии права. В 1901-2, вместе с представителями «критического направления» в русском марксизме (*П.Струве, С.Булгаковым, С.Франком* и др.) стал одним из составителей и редактором сборника «Проблемы идеализма» (1902), положившего начало синтетическому либерально-социалистическому «идеалистическому направлению» в русском освободительном движении. С 1904 член Совета Союза освобождения. В конце 1905 Н. вступил в кадетскую партию, в марте 1905 был кооптирован в состав ее ЦК. Избранный в 1-ю Государственную думу от Екатеринославской губернии, летом 1906 принял участие в составлении и принятии оппозиционными депутатами думы Выборгского воззвания о гражданском неповиновении в связи с досрочным ее роспуском, за что подвергся тюремному заключению. Лишенный избирательных прав, Н. отказался и от профессуры Московского университета, продолжая читать там лекции в качестве приват-доцента (1907-11). С 1906 возглавил Московский коммерческий институт, ставший центром притяжения либеральной профессуры. Одновременно преподавал на Высших женских курсах.

Труды и лекции Н. сделали его признанным главой идеалистической школы в русской философии права. Критикуя историзм и релятивизм в философии права, он обосновывал идеи естественного права, опирающегося на этику «абсолютных ценностей». Соединяя идеи этической автономии личности и правового государства, Н. стремился согласовать личное и общественное начала права, политическую свободу и социальную справедливость. Однако, признавая абсолютные идеалы, Н. последовательно выступал против разнообразных консервативных, социалистических и анархических «утопий земного рая».

В 1911 в знак протеста против нарушения университетской автономии вышел в отставку из университета. В годы 1-й мировой войны — активный сотрудник Всероссийского союза городов, московский уполномоченный Особого совещания по топливу. После Февральской революции 1917 вновь избран профессором Московского университета, стал членом-учредителем «Лиги русской культуры», ее Временного комитета в Москве. Избранный снова в состав ЦК кадетской партии, Н. занял определенно антиреволюционную позицию, полагая необходимым установление военной диктатуры для предотвращения государственной катастрофы. В 1918 один из инициаторов создания и руководителей ряда антисоветских подпольных организаций в Москве; в мае, избежав ареста, перешел на нелегальное положение. Участник сборника «Из глубины» (1918). Летом-осенью 1918 перебрался в расположение белых армий на Юге России. Из-за боязни навредить своей семье, оставшейся в Советской России, отказывался от занятия официальных постов (ему предлагали заведовать управлением народного просвещения в администрации генерала *Деникина*) и публичных выступлений, хотя негласно участвовал в разработке законопроектов Особого совещания при Деникине. В 1919 участник конференции кадетской партии в Екатеринодаре и Харькове. Выехав по болезни за границу, вскоре вернулся в занятый войсками генерала Врангеля Крым, короткое время преподавал в Симферопольском университете.

После эвакуации из Севастополя (сент. 1920) жил некоторое время в Берлине, сотрудничал в газете «Руль», участвовал в работе местной кадетской группы. С конца 1920 в Праге, отклонив ряд предложений о политико-публицистической деятельности (в том числе в журнале П.Струве «Русская мысль»), сосредоточился на преподавательской работе. В 1921-22 читал лекции в Аахенской технической школе. Весной 1922 основал и возглавил Русский юридический факультет при Пражском университете, стал инициатором создания при нем студенческого Религиозно-философского общества им. Вл.Соловьева. На частной встрече кадетов в Праге 13.4.1923 заявил о необходимости разрыва со старыми кадетскими традициями, об обреченности идей либерализма. По его мнению, в ходе возрождения России идеи правового государства и свободы личности должны быть на время забыты. В конце жизни в серии статей и публичных выступлений Н. сосредоточил свое внимание на религиозном обосновании общественной свободы и права, стремясь синтезировать западническую идею правового устроения жизни с православно-почвенническим проектом внутреннего преобразования личности.

Соч.: Об общественном идеале. М., 1991; Нравственный идеализм в философии права. М., 1994.

М.Колеров

НОВИКОВ Михаил Михайлович (14.3.1876, Москва — 12.1.1965, Нэйак, под Нью-Йорком) — биолог, общественный и государственный деятель. Отец из зажиточной семьи крупных российских скотопромышленников. Осенью 1886, успешно сдав вступительный экзамен, Н. был зачислен в Московское коммерческое училище. После окончания училища в течение семи лет вынужден был в связи с тяжелым материальным положением семьи работать в страховом обществе, банке, заниматься репетиторством. В эти годы у него возникло желание начать изучение биологии и получить образование за границей в одном из университетов, куда принимали с аттестатом коммерческого училища. В 1901 стал студентом Гейдельбергского университета.

В Германии Н. учился у известных ученых: зоолога О.Бючли, из школы которого вышло большое число выдающихся исследователей; профессора физиологии А.Косселя, известного своими исследованиями биохимии клеточного ядра, химии белков и нуклеопротеидов (Нобелевский лауреат 1910) и др. Главными предметами на естественном факультете Н. избрал зоологию, ботанику и палеонтологию. В 1904 Н. получил степень доктора натурфилософии.

Вернувшись в Россию, начал работать по приглашению Н.Кольцова в Институте сравнительной анатомии при Московском университете. Осенью 1906 получил звание приват-доцента Московского университета. Для углубления своего научного образования в этом же году выехал на два года за границу. Работал в Гейдельберге, Париже, на Биологических станциях в Виллафранке, Триесте, Ровиньо. В Москву вернулся вполне сформировавшимся ученым, опубликовав несколько научных трудов и подготовив материал для докторской диссертации. В 1908/9 учебном году начал читать курс по общей гистологии; был избран гласным московской городской думы (в этой должности состоял в течение 10 лет). В 1909 Н. защитил магистерскую диссертацию, посвященную гистологическому исследованию хрящевой и костной ткани, в январе 1911 — докторскую диссертацию, в которой описал строение третьего («теменного») глаза у некоторых позвоночных животных. На эту тему Н. сделал

в августе 1910 научный доклад на международном съезде зоологов в Граце. Докторская степень давала Н. право на занятие должности ординарного профессора Московского университета. Однако в 1911 он в знак протеста против политики министра народного просвещения Л.Кассо подал в отставку в числе 130 наиболее влиятельных профессоров и доцентов Московского университета. Н. трижды принимал участие в коллективных протестах в защиту университетской автономии. Второе его выступление состоялось в 1920, когда он в качестве ректора Московского университета резко возразил против радикальной ломки основ университетского самоуправления Наркомпросом. Третий случай имел место в начале 1945, когда совет Братиславского университета, членом которого Н. состоял, единодушно опротестовал закон, принятый правительством Словакии, по которому в угоду Гитлеру в систему управления высшей школой вводились диктаторские приемы.

Покинув Московский университет, Н. получил возможность продолжить свою преподавательскую деятельность в Московском коммерческом институте, куда его пригласили читать курс сравнительной анатомии на техническом отделении. В институте Н. проработал около 5 лет. В 1912 он был избран ординарным профессором Коммерческого института. Став членом 4-й Государственной думы (1912), всячески содействовал примирению министерства народного просвещения с покинувшими в 1911 Московский университет профессорами, многие из которых стали возвращаться на свои старые кафедры.

В годы 1-й мировой войны Н. был назначен председателем Московского отделения Комитета помощи военнопленным Международного Красного Креста. За энергичную деятельность был удостоен ордена Красного Креста. 30.9.1916 на заседании физико-математического факультета Московского университета Н. был избран ординарным профессором кафедры зоологии. Однако, занятый работой в Государственной думе (организация новых учебных заведений в России, подготовка законопроекта об изменении устава университетов, обеспечивавшего им наибольшую автономию и др.), он приступил к преподаванию лишь в октябре 1917. Тогда же был избран ректором Московского университета. На кафедре зоологии Н. читал новый курс по общей биологии и сравнительной анатомии беспозвоночных. Одновременно заведовал Зоологической лабораторией и занимался редакторской работой в Обществе испытателей природы. Помимо Московского университета, Н. читал курсы лекций в Московском коммерческом и в Горном институтах.

После Октябрьской революции Н. неоднократно попадал в опалу. В 1918 Совет народных комиссаров издал предписание, согласно которому Н. и бывшему ректору Московского университета М.Мензбиру угрожали привлечением к ответственности за неисполнение декрета СНК о ликвидации домовых церквей. Однако арестован Н. был по иному поводу — в связи с судебным процессом над участниками т.н. подпольной контрреволюционной организации Тактический центр (сент. 1918). В течение 13 дней он находился в заключении в Сущевской районной чрезвычайной комиссии; дома у Новиковых был произведен обыск. Иных последствий для Н. это дело не имело. На какое-то время, казалось, жизнь наладилась: в 1918 Н. стал деканом физико-математического факультета Московского университета, весной 1919 вновь был выбран ректором. Летом 1919 его избрали председателем Научной комиссии при Научно-техническом отделе ВСНХ. Резкий поворот в судьбе Н. произошел в сентябре 1922, когда его вызвали в ГПУ и предъявили немотивированное требование в семидневный срок покинуть пределы России.

По прибытии в Берлин Н. принял участие в организации Русского научного института. В Берлине семья Новиковых оставалась недолго, вскоре они переехали в Гейдельберг, где Н. предоставлялась возможность продолжить свою научную деятельность. В 1923 он получил приглашение от *П.Новгородцева*, возглавлявшего Русский юридический факультет при Пражском университете, переехать в Чехословакию. В Праге Н. участвовал в организации Русского народного университета (РНУ), открытие которого состоялось 16.10.1923; выбран заместителем председателя университета (председателями являлись Новгородцев и *А.Кизеветтер*). Вскоре Кизеветтер отказался от поста, и Н. был выбран на его место. Он возглавлял РНУ в течение 16 лет, до конца 1939. Результаты исследовательской работы РНУ публиковались в его «Научных трудах» (выходили с 1928 на рус. и иностр. яз.). Н. также преподавал в чешском Карловом университете.

В 1935 Н. участвовал в организации Русского эмигрантского музея (инициатива исходила от В.Булгакова — бывшего личного секретаря Л.Толстого); его открытие состоялось 29.9.1935. Музей разместился в огромном историческом замке XII в., принадлежавшем крупному чешскому промышленнику, ценителю старины и искусства К.Бартонь-Дебенину; 3000 крон музею выделила канцелярия президента Чехословакии. Из разных стран Европы

поступали в музей предметы живописи, скульптуры, литературные произведения, труды по науке, технике и истории эмиграции.

Весной 1939 Прага была оккупирована гитлеровской армией. Продолжение работы в Карловом и Русском народном университетах, где культивировалась славянская идея, становилось бесперспективным. Поэтому, получив приглашение из Братиславы занять пост руководителя кафедры зоологии и директора Зоологического института университета, Н. 18.10.1939 переехал с семьей в Словакию. Н. был также президентом Комитета по поддержанию Русской Биологической станции в Виллафранке, расположенной на Средиземном море, недалеко от Ниццы (Франция). С 1886 станция была передана русскому правительству для бесплатного пользования на 99 лет. После большевистского переворота станция была лишена финансирования, и ее сотрудники испытывали большие трудности.

С приближением Советской армии к Братиславе в начале 1945 немецкое командование, по воспоминаниям Н., предложило русской профессуре переехать на Запад, в Германию. После того, как Новиковы попали в американскую зону оккупации Германии, их чуть было не подвергли репатриации. С большим трудом им удалось добраться до Регенсбурга, где располагалась большая колония русских во главе с бывшим членом Государственной думы В.Харламовым. До 1949 они жили там, однако на работу Н. ездил в Мюнхен (находящийся в 4-х часах езды от Регенсбурга), где силами разных международных организаций был создан (февр. 1946) университет UNRRA («The United Nations Relief and Rehabilition Administration») — учебное заведение для эмигрантов различных национальностей (существовал в течение двух лет). 6.11.1945 Н. был избран профессором УНРРА и деканом естественного факультета; он читал курс общей зоологии для всех четырех факультетов университета. Работая в УНРРА, Н. был избран также профессором Мюнхенского университета, где он продолжал свою академическую деятельность. В августе 1949 в возрасте 73 лет Н. уехал в США, в Нью-Йорк, где выступал с чтением публичных лекций в русских и американских научных и культурных учреждениях, занимался писательской деятельностью, возглавлял Русскую академическую группу в США.

Н. было написано свыше 120 книг и статей естественно-научного содержания на разных европейских языках. Многие его научные открытия, как, например, исследования особенностей строения зрительных органов низших животных, действия гормонов на жизнедеятельность простейших организмов, теория закономерного образования органических форм и др., получили широкое признание. В 1954 Гейдельбергский университет наградил Н. «золотым докторским дипломом»; Н. был избран действительным членом Американской Академии искусств и наук (1957), а также членом целого ряда российских и иностранных научных обществ.

Соч.: Исследования о хрящевой и костной ткани. М., 1909; Исследования о теменном глазе ящериц. М., 1910; Минога как ценное пищевое средство (в соавт. с Я.Я.Никитинским). М., 1919; Московский университет в первый период большевистского режима / Московский университет, 1755-1930. Юбилейный сб. Париж, 1930; От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952; Великаны российского естествознания. Франкфурт-на-Майне, 1960.

Лит.: Скончался профессор М.М.Новиков // Рус. мысль, 1965, 12 янв.

Т.Ульянкина

О

ОБУХОВ Николай Борисович (10.4.1892, с. Ольшанка, Старосельского у., Курской губ. — 1954, Париж) — композитор. Его отец — потомственный дворянин, штабс-капитан Борис Трофимович О., мать — Екатерина Александровна. Семья Обуховых на протяжении нескольких поколений отличалась редкой музыкальностью. Прекрасный голос был у бабушки Николая со стороны отца — Елизаветы Обуховой (урожд. Баратынской). Братья отца — Александр и Андрей (отец Надежды Обуховой) — обладали красивыми голосами, пели, а Сергей, учившийся вокалу в Италии и выступавший там в опере, после 1906 был управляющим императорских театров в Москве.

Детские и юношеские годы Николая прошли в Москве, домашнее образование он получил в семье. Много внимания уделялось музыкальному обучению. С шести лет О. играл на скрипке и фортепиано, с десяти — посещал оперу, дома часто устраивались концерты и музыкальные представления. В 19-летнем возрасте О. сдал экстерном экзамены в гимназии, с 1911 учился в консерватории у А.Ильинского, затем Н.Страхова. Осенью 1913 поступил в Петербургскую консерваторию, где учился у *Н.Черепнина* и М.Штейнберга в классе теории и композиции вплоть до лета 1916. Ранние фортепианные пьесы и романсы этого периода, среди которых — «Я буду ждать тебя» (1913) и «Ничего не жди» (1918) — еще далеки от его подлинного стиля. Точкой отсчета для О. стал гармонический язык позднего А.Скрябина.

Около 1914 О. сформулировал для себя понятие «абсолютная гармония» — «гармония 12 тонов без удвоений», которая соизмерима с открытиями Шёнберга, Кляйна, Хауэра, Голышева, но была открыта совершенно самостоятельно. «Я запрещаю себе всякое удвоение, — писал О., — моя гармония базируется на 12 звуках, и ни один из них не должен удваиваться. Повторение порождает впечатление света без силы; от этого гармония погибает, теряет свою чистоту». В 1915 О. изобрел новый способ нотации, который являлся прямым следствием его 12-тоновой гармонии: композитор чувствовал, что каждый звук 12-тоновой шкалы должен иметь самостоятельное название и независимое положение на нотном стане. Впоследствии нотация О. получила некоторое распространение: ею пользовались французский композитор А.Онеггер, отдельные чешские композиторы. Разумеется, все сочинения самого О. с момента создания этой нотации были записаны модернизированным образом. Впервые он последовательно воплотил свою новую систему нотации в трех поэмах: «Агнец и наше раскаяние» (1918), «Пастырь и наше утешение» (1919) и «Да будет один Пастырь и одно стадо» (1921) на слова *К.Бальмонта*. Третья поэма примечательна тем, что в ней, наряду с голосами, использованы новые, изобретенные в 1917 самим композитором электроакустические инструменты под названиями «Кристалл» и «Эфир», — ставшие предшественниками знаменитого в будущем «Croix sonore» («звучащий крест»), инструмента звуковых радиоэлектрических волн.

О. был глубоко религиозным художником, большинство исследователей считают его мистическим музыкантом. Им были усвоены и приняты основные идеи новой русской религиозной философии, его непосредственным духовным источником является учение Вл.Соловьева. Отсюда следует его отношение к идее сочинения. Все наследие композитора отличается необыкновенной цельностью. Его сочинения, не исключая тех, что имеют самостоятельный статус, как бы устремлены к единому центру. О. можно назвать композитором одного сочинения: это «Книга жизни» — оратория, мыслимая композитором как мистерия, гигантское сочинение для большого оркестра, хора, солистов, так и оставшееся незаконченным. Предварительную работу по подбору источников и текста композитор начал в мае 1917 и работал над ним до конца своей жизни.

В 1918 О. вместе с семьей (в 1913 он женился на графине Ксении Комаровской; имел двух сыновей) покинул Россию. Путь пролегал через Константинополь, его странствия окончились в Париже. Приехав во Францию, 27-летний композитор показал свои сочинения М.Равелю и высказал желание учиться у него оркестровке. Равель был поражен услышанным и, помимо уроков и советов по оркестровке, не раз повторял свою высокую оценку, ходатайст-

вуя за О. перед издателями и другими заинтересованными людьми, готовыми оказать молодому композитору поддержку.

О жизни О. во Франции мало что известно. Единственным источником являются редкие свидетельства о его концертных выступлениях. Первый показ фрагментов «Книги жизни» состоялся весной 1925. На частном прослушивании, прошедшем в салоне м-м Рене Дюбо при содействии журнала «La Revue Musicale», присутствовало множество музыкантов и критиков, русских и французских. Автор представил фрагменты для голоса и фортепиано, сам исполнял фортепианную партию и делал необходимые комментарии. Первое публичное исполнение, организованное теософским обществом, состоялось 15.6.1925. Важнейшим событием было исполнение 3.6.1926 «Вступления к Книге жизни», выглядевшего как симфоническая поэма, длящаяся около получаса, для четырех голосов и большого симфонического оркестра под управлением *С.Кусевицкого* в «Grand-Opéra». Отдельную страницу в биографии музыканта занимают концерты 1934, примечательные тем, что тогда О. продемонстрировал свой инструмент «Croix sonore», отчасти близкий «Терменвоксу», отчасти — «L'ondes Martenot» («волны Мартеноо»). О. считал, что с обретением «Croix sonore» он нашел свой настоящий инструмент, исполненный мистическим смыслом. Сочинения для «Croix sonore» — «Всемогущий благославляет мир», «Вечная жизнь», «Коронация» и др. — были с большим успехом исполнены в феврале 1934 в Брюссельской консерватории, 15.5.34 — в зале Гаво; в концертах принимали участие певицы Сюзан Бальгерье, Луис Мата и пианистка Мари Антуанет Осенак де Брогли, блестяще овладевшая игрой на «Croix sonore» и ставшая убежденной последовательницей и сотрудницей О. После его смерти в 1954 ею на кладбище Сен Клод была установлена стелла в виде «Croix sonore», позже она выступила организатором международного композиторского конкурса имени композитора.

К числу важнейших событий биографии О. относятся исполнения сочинений «Всевышний благославляет мир» у гробницы со святыми мощами «Дуамон» в ночь на 14.7.1936 и «Всемирный гимн», прозвучавший на международной выставке в Париже в 1937. Потом была война, вынужденный перерыв в творчестве. В конце 1949 О. постиг роковой удар судьбы — он лишился своего главного сочинения. Это произошло при трагических, до конца не выясненных обстоятельствах: позднее ночное возвращение, нападение, избиение с похищением портфеля, где была рукопись... Композитор попал в больницу. Пережив, видимо, тяжелое потрясение, О. с тех пор (а ему суждено было прожить еще 5 лет) больше ничего не сочинял.

Сейчас трудно судить о том, каким было реальное положение О. в музыкальной культуре XX в., какой резонанс вызывали во Франции его идеи, имевшие точный временной и географический адрес — Россия начала XX столетия. В октябре 1934 в Италии при содействии Института Рима был снят фильм о «Croix sonore». В феврале 1935 состоялась научная конференция под названием «От Бетховена к Обухову». В 1947 издатель Дюран вновь выпустил обуховский «Трактат о тональной, атональной и тотальной гармонии». В 1970-е была предпринята попытка реконструкции партитуры «Книги жизни», отдельные ее части были записаны на пластинку. Но о многом ли говорят эти факты, и был ли О. действительно понят? Значительная часть его идей, восходящих к русскому космизму начала века, осталась нереализованной, религиозный мистицизм — непонятым, а главное сочинение — утерянным. Одна из статей *Б.Шлёцера*, написанная еще в середине 1920-х, содержит печальное предсказание судьбы наследия О.: «Не без чувства опасения приступаю я к очерку творчества Обухова. Его мысли, чувства и желания далеки от наших привычек, от наших эстетических, моральных и религиозных идей; они не укладываются в рамках современной психологии, непонятны миру искусства наших дней, их не принимают во Франции, Англии, так же как и в России; поэтому так трудно найти слова, которые могли бы донести до ума читателя это своеобразие так, чтобы он почувствовал за такой странной и необычной формой яркую красоту и глубокий смысл».

Лит.: La Revue Musicale, 1972, № 290-291.

Е.Пальдяева

ОДОЕВЦЕВА Ирина Владимировна (наст. фам., имя Гейнике Ираида Густавовна) (23.11.1901, Рига — 14.10.1990, Петербург) — поэт, прозаик. Дочь адвоката. Начинала как ученица Н.Гумилева, привлекла к себе внимание чтением на литературных вечерах в Петрограде своих произведений. Вспоминала впоследствии, что «стихи тогда были нужны не меньше хлеба». Прочитанную ею 3.3.1920 «Балладу о толченом стекле» высоко оценили *Г.Иванов*, К.Чуковский; напротив, Л.Рейснер намекнула в «Красной газете» на контрреволюционность автора, представившего красноармейца спекулянтом и преступником. Первое стихотворение О. опубликовала в 1921 (Дом искусств, № 2), первый сборник стихов —

«Двор чудес» — в 1922. В том же году выехала вслед за мужем, Г.Ивановым, в Берлин, затем в Париж.

В эмиграции не нашла читательскую аудиторию, подобную петроградской, и стихов писала мало. Издала в Париже поэтический сборник «Контрапункт» (1950), «Стихи, написанные во время болезни» (1952), «Десять лет» (1961), «Златая цепь» (1976), в Вашингтоне — «Одиночество» (1965), в которых она демонстрировала техническое мастерство. О. придавала большое значение составлению сборников, считая, что «книга в идеале должна быть настолько цельной, чтобы производить впечатление одного стихотворения». По свидетельству *Р.Гуля*, О. не разрешила вашингтонскому издательству «Русская книга» распространять сборник «Одиночество», поскольку издатели нарушили установленный ею порядок расположения стихов (некоторые экземпляры сборника все же успели разойтись). Критики отмечали изменчивость творческой манеры О. Она отказывалась от найденных удачных приемов ради новых ритмических и стилистических открытий; в то же время критически отзывалась о «т.н. авангардистской поэзии» поэтов-эмигрантов, чьи стихи находила «антилогичными, абстрактными, часто доведенными до абсурда».

В середине 1920-х обратилась к прозе. Один из первых ее рассказов — «Падучая звезда» — был отмечен *И.Буниным*. Героини рассказов О. («Жасминный остров», «Елисейские поля», «Румынка», «Праздник» и др.), опубликованных в журналах «Иллюстрированная Россия», «Числа», «Новый дом», чаще всего русские девушки, а иногда и девочки, отведавшие горечь эмигрантской судьбы. Их напоминают и главные персонажи романов «Ангел Смерти» (Париж, 1927) и «Изольда» (Париж-Берлин, 1931), в которых критики усматривали «неизвестное раньше начертание женского образа», умение автора вызвать сочувствие «к своим грешным героиням... и к женской судьбе вообще»; на смену «птичьему щебетанью» стихов пришли «страшные сны». *В.Вейдле* утверждал, что О. прокладывает свое направление в женской литературе. *Г.Адамович* назвал роман «Изольда» «утонченно поэтическим» произведением, атмосфера, «настроение» в котором имеют не меньшее значение, чем действие и поступки героев. Роман «Зеркало» (1939), герои которого — молодая русская женщина и французский кинорежиссер, — искусная мелодрама, заставлявшая, как отмечали критики, испытывать подлинное волнение. В.Мирный считал, что О. этим романом «выходит на первые места молодой эмигрантской литературы».

Во время оккупации гитлеровцами Парижа О. жила в Биаррице, поступила в Американский университет. После войны вернулась в Париж, написала по-французски три пьесы. В 1948 вышел в ее переводе на французский язык роман «Оставь надежду навсегда» (1949, на англ. яз.; 1954, на рус. яз.; Октябрь, 1992, № 10-12), действие которого происходит в Советском Союзе. Ведущая тема романа — предательство, вынужденное и добровольное, трагедия личности в условиях сталинского режима; по отзыву С.Юрасова, О. — предшественнице А.Кестлера и В.Сержа — удалось «заглянуть в самую суть событий, в душу советских людей и передать в них главное».

Испытывая материальные затруднения, О. работала над сценариями, делала переводы. После смерти Г.Иванова (1958) занялась журналистикой, сотрудничала в газете «Русская мысль». По совету Ю.Терапиано стала писать воспоминания. В 1-й их части — «На берегах Невы» (Вашингтон, 1967; М., 1988), охватывающей период с 1919 по 1922, рассказала о поэтах Серебряного века («Я одна из последних, видевшая и слышавшая их») — Н.Гумилеве, А.Блоке, А.Белом, О.Мандельштаме и др. По словам *З.Шаховской*, воспоминания О. отличаются «своей молодостью, легкостью, беззлобностью»; ее интересовало главное в этих людях — их поэтический дар, она сознательно опускала все мелочное и, по ее признанию, видела их окруженными сиянием, «как лики святых на иконе». Р.Гуль назвал «На берегах Невы» «талантливой, увлекательной книгой»; считал, что каждый исследователь поэзии 20-х должен будет обратиться к мемуарам О. и найдет в них меткие характеристики поэтов и неизвестные ранее факты. 2-я книга мемуаров — «На берегах Сены» (Вашингтон, 1983; М., 1989), имеет иную тональность. «О горьком жребии эмигрантских писателей вспоминать тяжело и больно, — писала О. — Это сплошной перечень имен преждевременно умерших, погибших в газовых камерах нацистов или кончивших свои дни в унизительной бедности, бедности, которой не удалось избежать даже нашему Нобелевскому лауреату Бунину». В книге воссозданы портреты Г.Иванова, Г.Адамовича, И.Бунина, Я.Горбова (женой которого О. стала в 1978) и др. писателей; описаны «воскресения» у *З.Гиппиус* и *Д.Мережковского* и собрания «Зеленой лампы», их влияние на жизнь русской литературной эмиграции. 3-ю книгу воспоминаний О. хотела посвятить целиком «молодым писателям», начавшим печататься в эмиграции. В 1987 вернулась в Россию и дожила до выхода обеих книг мемуаров на родине («Я всю жизнь писала свои книги с тайной надеждой, что когда-нибудь меня будут читать в моей стране»).

Соч.: «Скользит слеза из-под опухших век» // Слово, 1989, № 9; «Толченое стекло». Баллада // Лит. обозр., 1991, № 2.

Лит.: Арьев А. Все впечатленья бытия: Мемуарная проза Ирины Одоевцевой // Звезда, 1988, № 2; Лавров В. «Кончается мой сон туманный» // Подъем, 1988, № 1; Радашкевич А. [Некролог] // Лит. обозр., 1990, № 11; Померанцев К. Сквозь смерть. Ирина Одоевцева // Рус. мысль, 1991, 11 янв.

Е.Померанцева

ОРЛОВ Николай Андреевич (14.2.1892, Елец, Тамбовской губ. — 31.5.1964, Грантаун-он-Спей, Шотландия) — пианист. Родился в семье юриста. Начатки музыкального образования получил от матери, а с 1899, после переезда Орловых в Москву, занятиями мальчика руководила Е.Гнесина. О. был одним из лучших воспитанников училища сестер Гнесиных. Выпускной экзамен он не держал, а был досрочно переведен в Московскую консерваторию (окончил ее в 1910 с золотой медалью). Здесь О. занимался в классах К.Киппа, а вскоре вслед за тем — К.Игумнова. Одновременно он брал частные уроки контрапункта у С.Танеева, который высоко ценил талант своего ученика. На это указывает тот факт, что именно ему композитор доверил первое публичное исполнение своей монументальной Прелюдии и фуги gis-moll (12.10.1912). Еще в консерваторские годы О. привлек к себе внимание прессы выступлениями на ученических вечерах. «В его игре много непосредственности, изящества, что при большой свободе игры делает его особенно интересным», — писал рецензент об исполнении юным пианистом Концертного аллегро Шопена.

Артистический дебют музыканта на большой эстраде состоялся в октябре 1912. Тогда в трактовке О. впервые прозвучал фортепианный концерт Глазунова f-moll. По свидетельству критика Ю.Энгеля, «твердость, отчетливость, широкий виртуозный размах, наконец, теплота исполнения сами по себе привлекли симпатии к юному артисту, сумевшему проникнуться чудесной музыкой Глазунова. Но симпатии эти еще возросли и смешались с глубоким удивлением, когда оказалось, что г.Орлов играл почти экспромтом. Концерт должен был исполнить Годовский, но под конец отказался, и заменившему его г. Орлову пришлось меньше чем в две недели разучить труднейший, совершенно не известный ему ранее концерт. От такого пианиста тоже можно ждать многого!» За самое короткое время О. стал одним из любимцев музыкальной Москвы. Третье его публичное выступление — сольный клавирабенд — прошло, по отзыву современника, «при необычайном для таких концертов наплыве слушателей и с внешним блеском чуть ли не гофмановского масштаба». В дальнейшем слава О. еще более упрочилась. «Знаменитым московским пианистом» называла его М.Юдина, а *Л.Сабанеев* ставил его в один ряд с *Н.Метнером*, *С.Рахманиновым* и *А.Зилоти*.

Вскоре по окончании консерватории О. начал педагогическую работу в Музыкально-драматическом училище при Московском филармоническом обществе. С 1917 он был профессором Московской консерватории. Впоследствии пианист надолго отошел от преподавания. Известно лишь, что в 1947 он провел два пятинедельных курса в музыкальном колледже города Цинциннати (шт. Огайо).

В декабре 1921 по командировке МУЗО Наркомпроса О. уезхал за границу. Одновременно за рубеж направился А.Глазунов. Именно он дирижировал первыми концертами О. в Германии. Успешное выступление в одном из концертов *С.Кусевицкого* в Париже открыло для артиста крупнейшие залы Европы и Америки. Он поселился в Париже, но большую часть времени проводил в гастрольных поездках. «Жизнь моя — жизнь странника! — писал О. своему учителю К.Игумнову в феврале 1927. — Смена впечатлений необходима для движения вперед. Какое-то беспокойство овладевает артистом и уже никогда его не оставляет». В 1924 состоялся дебют О. в Лондоне, где критика отмечала необычайную тонкость его интерпретаций и «технику, ставящую его в один ряд с величайшими исполнителями современности». В США О. выступил впервые 28.10.1926 в нью-йоркском Эолиан Холл. В отзыве на последующий бостонский концерт рецензент писал: «Чем более пианистична музыка под его руками, тем проникновеннее исполнение. Он словно рожден для того, чтобы лелеять звучащее фортепиано». На протяжении 20-30-х О. совершил еще 7 продолжительных турне по Северной Америке и 3 — по Южной. В одном Буэнос-Айресе он дал за два месяца 15 концертов. А была еще и Европа: Польша, Прибалтика, Бельгия... В Бельгии он был удостоен звания Кавалера ордена Леопольда. По свидетельству друга О., известного пианиста *А.Боровского*, особую популярность искусство пианиста приобрело в скандинавских странах, Италии, Голландии, а также в Англии, где в 1948 артист окончательно обосновался. В послевоенное время число его выступлений постепенно сокращалось.

Репертуар О. был весьма обширен. Основу его составляла музыка Шопена. Еще в России пианист зарекомендовал себя как прекрасный шопенист. Цикл из пяти шопеновских про-

грамм, сыгранный О. в Лондоне в 1933, стал, по отзывам современников, одним из выдающихся музыкальных событий. Впоследствии цикл этот был повторен и в других странах. Как вспоминал Боровский, «его Шопен — скорее интимный, чем блестящий, более лирический, чем романтический». Эти качества ярко проявились в трактовке прелюдий, запись которых хранится в фонотеке Музея музыкальной культуры им. М.Глинки (она была осуществлена, по-видимому, в 50-60-е). Исполнение О., отмеченное тонкостью эмоциональных движений и в то же время простотой по-речевому убедительного интонирования, особой теплотой звучания, показывает, что и на склоне лет О. оставался продолжателем игумновской пианистической традиции.

Однако не только черты изысканной камерности были свойственны художественному облику артиста. Еще на заре его творческой жизни, в 1912, высказывалось мнение, что «его настоящее место — блестящая эстрада симфонического концерта». Многие трактовки пианиста отличались виртуозным размахом, масштабностью. Таким было, например, исполнение Третьего концерта Рахманинова. В 20-е О. был одним из немногих, постоянно игравших этот концерт публично. В его репертуар входили почти все фортепианные сочинения композитора. «Он страшно любит Вас!» — писал Рахманинову Н.Метнер. Кстати, музыка последнего, в числе прочего Первый фортепианный концерт, тоже звучала в исполнении О. в России и за границей. О. много сил отдал пропаганде современной русской музыки, в том числе *С.Прокофьева*, посвятившего пианисту одну из своих фортепианных пьес ор. 52. Играл он и произведения Н.Мясковского, в частности, Вторую сонату. Третья соната вышла с посвящением О. Будучи знакомым со многими западными дирижерами, он содействовал тому, чтобы советская музыка чаще звучала за рубежом.

Поддерживая постоянные контакты с родиной, О. намеревался приехать с концертами в Россию, как это сделали в 20-30-е Метнер и Боровский. Однако осуществить эти планы ему не удалось. Недоступными для наших слушателей остались многочисленные записи, выходившие на Западе.

Лит.: Ewen D. Living Musicians. New York, 1940; Huth A. Orloff / Grove's Dictionary of Music and Musicians. New York, 1944; Энгель Ю.Д. Глазами современника: Избр. статьи о русской музыке 1898-1918. М., 1971; Мильштейн Я. Константин Николаевич Игумнов. М., 1975; Юдина В. Статьи, воспоминания, материалы. М., 1978; Боровский А. Воспоминания (1915-1920) / Пианисты рассказывают. М., 1979.

С.Грохотов

ОРЛОВА Хана (1888, Староконстантинов, Волынской губ. — 1968, Тель-Авив) — скульптор. Родилась в религиозной еврейской семье, эмигрировавшей в 1904 в Палестину, в Петах-Тикве, где ее отец обрабатывал землю, а сама О. работала портнихой. В 1910 приехала в Париж. Училась рисунку в Национальной школе декоративного искусства (поступила туда в 1911, заняв 1-е место на конкурсе) и скульптуре — в Русской академии М.Васильевой. Поселилась в «La ruche» («Улье») на Монпарнасе, познакомилась с А.Модильяни (в 1920 выполнила его посмертную маску), П.Пикассо, Ж.Кокто, Г.Аполлинером. Впервые выставила свои работы (2 бюста, дерево) на Осеннем салоне (1913), затем в 1915 вместе с А.Матиссом, К.Ван Донгеном и Ж.Руо — в галерее Бернхейма-младшего. Среди ранних работ, исполненных в дереве и отлитых затем в бронзе, — «Портрет Жанны Эбютерн» («Дева»), 1915; «Амазонка», 1913; «Беременная», 1916; «Дама с веером» и «Танцующая пара», 1919. В 1916 вышла замуж за поэта Ари Юстмана, вскоре погибшего на фронте.

Новый этап творчества О. начался после 1-й мировой войны и был отмечен монументальностью и лаконичностью форм («Портрет художникаеврея», 1919; «Курильщик с трубкой» — портрет художника Д.Видгофа, 1924, бронза; «Мой сын»; портреты *А.Яковлева*, Иды Шагал, *Л.Питоевой* и др.). Некоторые из созданных О. образов деятелей еврейской культуры — художника Р.Рубина (1923), поэта Х.Бялика (1926) — схожи с ликами древнерусских икон. Юмором окрашены антропоморфические изображения животных: «Индюк», 1925; «Собака», 1936; «Павлин», 1939 и др. Работы О. охотно приобретались французскими (Париж, Гренобль) и американскими (Чикаго, Филадельфия) музеями. В 1925 она получила французское гражданство, в том же году ее наградили орденом Почетного легиона. Критика относила ее к небольшой группе европейских художников, «которая дала новую жизнь скульптуре».

Пять бронзовых скульптур О. были представлены в русском отделе выставки «Современного французского искусства» в Москве (1928). Б.Терновец писал в связи с этим о «ее выдающемся портретном даровании», о том, что она «создает грандиозный в своем единстве и упрощенный образ»; в ее искусстве борются экспрессивные и конструктивные начала, но «победительницей выходит тенденция к экспрессии». По мнению А.Луначарского, стилизация, характерная для «нашей знаменитой парижской соотечественницы», «может быть лучше всего названа монументальной карикатурой»; она выявляет внутреннюю сущность объекта «путем крайнего сжатия основных черт

формы», вызывая курьезное, почти жуткое чувство». Другие критики писали о «скульптурном гротеске» и «экспрессионистическом реализме» О. В 1935 состоялась первая выставка О. в Тель-Авиве.

В 1940 из оккупированного Парижа О. бежала с сыном в Швейцарию; нацисты уничтожили в ее парижской мастерской около 100 лучших работ. Произведения этого времени отличали трагизм («Возвращение», 1945; «Вдова», 1946). В 50-60-е было создано множество изображений балерин. Ряд работ О. связан с рождением еврейского государства: бюст Д.Бен-Гуриона (1949), установленные в киббуцах скульптурная группа «Материнство» (1949) и скульптура «Орлы» (1958), памятник казненному англичанами Д.Груннеру (1953) в Рамат-Гане, памятник трем летчикам «Раненая птица» (1963), «Голубь мира» (1964) — для Дворца наций в Иерусалиме. В послевоенные годы персональные выставки О. прошли в Париже, Амстердаме, Осло, Нью-Йорке, Чикаго, Сан-Франциско, Тель-Авиве, Иерусалиме, Хайфе. Умерла О., приехав в Израиль для участия в юбилейной выставке. Мемориальная ретроспективная выставка состоялась в парижском Музее Родена в 1970-71.

Лит.: Rey R. Les portraits sculptés de m-me Chana Orloff // L'Art et Decoration, 1922, vol.41; Werth L. Chana Orloff. Paris, 1929; Ромм А.Г. Современная скульптура Запада. М., 1937; Казовский Г.И. Еврейское искусство в России 1900-1948 // Сов. иск-во, 1991, № 2; Латт Л. Скульптор Хана Орлова / Евреи в культуре рус. зарубежья, вып. 1. Иерусалим, 1992.

Р.Ильин

ОСИПОВ Николай Евграфович (12.10.1877, Москва — 19.2.1934, Прага) — психоневролог, психотерапевт, патограф, преподаватель медицинской философии. Отец О., Евграф Алексеевич, был лидером земской медицины. В 1897 О. окончил 3-ю московскую (Поливановскую) гимназию с золотой медалью и поступил на медицинский факультет Московского университета. На 2-м курсе (1899) О. был арестован как член студенческого стачечного комитета, через 6 дней был освобожден без права восстановления в университете. О. уехал в Швейцарию к другу своего отца Ф.Эрисману, где закончил медицинский факультет Бернского университета, специализируясь по нейрогистологии. 16.11.1903 О. защитил диссертацию и возвратился в Москву в связи с тяжелым состоянием отца. С сентября 1904 О. — штатный помощник прозектора на кафедре гистологии и эмбриологии Московского университета. С мая 1905 — врач частной психиатрической лечебницы Н.Баженова и С.Цейтлина. В 1906 сдал экзамен для получения российского диплома лекаря. 1.5.1907 на съезде русских врачей им. Н.Пирогова делал доклад «О плазматических клетках при прогрессивном параличе», в котором описал метод выявления амебоидных глиальных клеток. Летом 1910 находился за границей, посетил клиники З.Фрейда, Э.Блейлера, К.Юнга, Р.Дюбоа. В 1911-14 О. был организатором издания книг в Москве — «Психотерапевтическая библиотека». В ответ на реакционные реформы министра просвещения Л.Кассо О. вместе с профессором В.Сербским ушел из Московского университета; работал в должности приват-доцента кафедры психиатрии и невропатологии на Высших женских курсах в Москве. В начале 1917 О. был мобилизован в армию.

В 1921 О. эмигрировал в Белград. С 1923 работал доцентом, затем профессором Карлова университета в Праге; читал курс медицинской философии, неврозологии и психоанализа (по Фрейду). О. похоронен в Праге на православном кладбище.

О. считал своими учителями психиатров В.Сербского, Н.Баженова, неовиталиста-гистолога В.Карпова, гипнолога П.Подъяпольского. По своему мировоззрению был неовиталистом и сочувственно относился к философским взглядам *Н.Лосского*. Начиная с 1906 научные интересы О. связаны с изучением психологии неврозов, психотерапии и патографии. С 1907 он популяризировал в России учение З.Фрейда и метод рациональной терапии Дюбоа. Хотя теоретических воззрений Фрейда О. не разделял, он стал поклонником его метода исследования больных, защищал Фрейда от обвинений в преувеличении роли сексуальных влечений, подчеркивая, что у Фрейда существует также влечение к смерти, страх секса, страх смерти и др. патопсихологические состояния. В докладе «О больной душе» (1913) он ввел понятие «душевно-телесная конституция», позволяющее рассматривать человека с психофизиологической точки зрения. Одновременно он пытался переработать фрейдизм, используя свои персоналистические взгляды и философскую систему Н.Лосского.

В статье «Революция и Сон» (1931) О. сравнивает два явления — сновидения и революции: первые, согласно взглядам Фрейда, есть исполнение подавленных желаний, противопоставление «Я» личности; революция — есть реализация подавленных, вытесненных желаний у людей, принадлежащих к одному классу. Исходя из этих предпосылок, О. делает парадоксальное заключение, граничащее с логическим заблуждением: «революция и сновидения имеют одинаковое содержание».

О. стремился создать новую науку о неврозах — неврозологию, основными методами которой был бы психологический анализ, психотерапия и гипнотерапия, которыми он владел в совершенстве, в то же время он игнорировал физиологический аспект неврозов. Понятие «неврозология» не получило распространения в психиатрии.

О. был талантливым патографом: ему принадлежат статьи о психологическом и патопсихологическом анализах героев произведений Л.Толстого, Ф.Достоевского, Н.Гоголя; об изображении в литературе ими феномена страха. Философские взгляды О. на медицину изложены в обширном очерке «Двуликость и естество медицины» (1929).

О. утверждал, что существует наукоучение (или теория науки). Медицина — прикладное естествознание, врач — естествоиспытатель. Медицина — особая сторона человеческой культуры — это наука, искусство, связанные с техникой и взаимоотношением между врачом и больным. Медицинская наука — это нозологическая наука. В сущности медицина всегда антропоцентрична; врач — не только естествоиспытатель, но и психолог. Клиническая медицина стремится к индивидуальному лечению больного. В теоретическое понятие «болезнь» включены ряд др. понятий: симптом, симптомокомплекс, процесс, течение, патоморфологическая картина, этиологическая сущность, телеологическое понимание, вытекающее из принципа борьбы организма с болезнью, онтологическое понимание болезни как единого целого. Критерии определения болезни, предложенные О., — современны.

Соч.: Психотерапия в литературных произведениях Л.Н.Толстого // Психотерапия, 1911, № 1; Программа исследования личностей. Приложение к «Отчету состоящего под Высочайшим государя императора покровительством Московского городского рукавишниковского приюта для малолетних за 1913 г.». М., 1914; Двуликость и единство медицины // Науч. тр. Рус. народ. ун-та в Праге, 1929, т.II; Революция и сон // Там же, 1931, т.4; Страшное у Гоголя и Достоевского / Жизнь и смерть. Прага, 1931, т. 1.

Лит.: Памяти д-ра Николая Евграфовича Осипова. Жизнь и смерть. Сб. статей. Прага, 1935; Лосский Н.О. Воспоминания, жизненный и философский путь. München, 1968.

Г.Архангельский

ОСОРГИН Михаил Андреевич (наст. фам. Ильин) (7.10.1878, Пермь — 27.11.1942, Шабри, деп. Индр, Франция) — прозаик, эссеист, публицист. Из дворянской семьи, сын А.Ф.Ильина — юриста, участника проведения судебной реформы Александра II. Окончил в 1902 юридический факультет Московского университета. С 1895 сотрудничал в газетах. За участие в студенческих волнениях на год отчислялся из университета и высылался в Пермь. С 1904 в партии эсеров, примыкал к максималистам. В декабре 1905 арестован, после 6-месячного заключения в Таганской тюрьме приговорен к 5 годам каторги, замененной высылкой из России; в 1907 через Финляндию уехал за границу. Жил с 1908 по 1913 в Италии, публиковался в русских либеральных изданиях («Вестник Европы», «Русские ведомости»); статьями О. о каморре — корсиканской мафии — зачитывались в столицах и провинции. В 1913 выпустил книгу «Очерки современной Италии».

Вернувшись в Россию в 1916, приветствовал Февральскую революцию, входил в Московскую «Комиссию по обеспечению нового строя». Советскую власть не признавал. В 1918-21 работал в Книжной лавке писателей в Москве, входил в издательское товарищество «Задруга», был одним из организаторов Всероссийского союза писателей (тов. председателя московского отделения) и Всероссийского союза журналистов (председатель). Как член Помгола и редактор издаваемого им бюллетеня «Помощь» в августе 1921 арестован, затем выслан в Казань, а после возвращения, через несколько месяцев, в Москву оказался среди инакомыслящих деятелей культуры, изгнанных в 1922 из Советской России; сохранял советское гражданство до 1937, когда советское консульство в Париже потребовало от него возвращения в СССР. До высылки издал несколько брошюр, 3 книги беллетристики («Признаки», 1917; «Сказки и несказки», 1921; «Из маленького домика», Рига, 1921). Сделанный О. перевод «Принцессы Турандот» К.Гоцци (изд. 1923) был использован Е.Вахтанговым для его знаменитой постановки.

После недолгого пребывания в Берлине и двух поездок в Италию обосновался в 1923 в Париже. Печатался, главным образом, в газетах «Дни» (прервав из-за конфликта с А.Керенским работу в ней с 1925 по 1928) и «Последние новости», но, как заметил *М.Алданов*, если бы «ненавистник партий», «анархист» О. «хотел сотрудничать в газетах, его взгляды разделявших, то ему сотрудничать было бы негде». Тяготел к циклизации статей, печатавшихся иногда по многу месяцев и даже лет; со временем в них стал преобладать мемуарный оттенок (серия «Встречи» публ. в 1928-34). Сожалел о разобщенности эмигрантской среды, об отсутствии постоянно действующего писательского союза и старался поддерживать молодых литераторов — А.Ладинского, *Ю.Анненкова*, *Г.Газданова*, В.Яновского. Своими литературными

учителями считал Л.Толстого и Ч.Диккенса. На долю первого вышедшего за границей романа О. «Сивцев Вражек» (начат в Казани, первые главы опубл. в 1926-28 в «Современных записках», отд. изд. Париж, 1928; М., 1990) выпал громадный читательский успех — он был дважды переиздан, переведен на многие европейские языки, в 1930 получил премию американского клуба «Книга месяца» (истраченную в значительной степени на помощь нуждающимся эмигрантам). Действие романа разворачивается в «местах Москвы дворянско-литературно-художественной». Чтобы осмыслить российскую катастрофу с точки зрения гуманизма, О. стремился воссоздать образ жизни, мыслей и чувств представителей интеллигенции и офицерства, не примкнувших ни к одной из противоборствующих сторон. 1-я часть романа показывала жизнь москвичей накануне и во время войны, 2-я — в годы революции, они различаются тональностью, большевистский переворот оценивается через метафорические уподобления, материал для которых О. черпал в мире фауны. Язвительно оценила роман *З.Гиппиус*, снисходительно — *Б.Зайцев*, которому роман показался «сырым», с явным тяготением к толстовской традиции. Наибольшее нарекание вызывали пантеистические воззрения автора, идея нераздельности природного и социального.

«Повесть о сестре» (СЗ, 1930, № 42, 43; отд. изд. Париж,1931) погружала в мир «безвозвратного», она навеяна памятью о семье самого О. Родственный чеховским «сестрам» образ чистой и цельной героини О. приглушает безысходную ноту «общеэмигрантской тоски», придает повести теплоту и задушевность. Здесь, как и в рассказах, О. предпочитал мягкие, задушевные тона, неяркую акварельность. Автобиографичен и сборник «Там, где был счастлив» (Париж, 1928). 1-ю часть книги — воспоминания о жизни в Италии — *Г.Адамович* назвал «стихотворениями в прозе»; о рассказах из 2-й части он отзывался как о написанных с «меньшей остротой», усматривая в них то, что «на условно-эмигрантском языке принято называть «березками». Другие современники видели в «нежном лиризме» О. его силу. В рецензии на сборник «Чудо на озере» (1931) *К.Мочульский* отмечал мудрую простоту и безыскусный слог рассказов, способность автора говорить с читателем о самом заветном «от чистого сердца... и, главное, без ложного стыда». О. был одним из самых читаемых авторов Тургеневской библиотеки в Париже.

Небольшая часть юмористических рассказов О., печатавшихся в газетах, вошла в сборник «Повесть о роковой девице» (Таллин, 1938). Как комический рассказчик О. отличался изяществом, непринужденностью и удивительным чувством меры в дозировке серьезного и смешного; современники писали о «блеске его юмора», достигаемом прежде всего разнообразием стилистики — от едкой шутки до добродушной насмешки. О. выступал и в качестве критика, обладавшего отменным литературным вкусом и безошибочно отличавшего модные однодневки от значительных явлений литературы. Трезво оценивал положение дел в эмигрантской литературе, сознавал неизбежное падение ее художественного и нравственного уровня. Пристально следил за литературой в СССР, полагая, что ее расцвет «еще придет» и видя ее преимущество в том, что «есть для кого писать».

Сам О. в 30-е выпустил три романа: «Свидетель истории» (1932), «Книга о концах» (1935) и «Вольный каменщик» (1937). Два первых — художественное осмысление на автобиографическом материале революционных умонастроений молодежи начала века. Судьбы гибнущих героев подтверждают обреченность и безнравственность террористической борьбы. В «Книге о концах» О. подвел итог жертвенно-идеалистическому этапу революции, описанному в «Свидетеле истории», который отмечен чертами авантюрно-приключенческого романа, индивидуальным психологизмом; в роли «свидетеля» предстает отец Яков Кампинский, чьи воззрения на жизнь обусловлены народным здравым смыслом.

В 1914 в Италии О. был посвящен в масонство; в мае 1925 вошел в русскую ложу «Северная Звезда», подчиненную «Великому Востоку Франции», в 1938 стал ее мастером. Выступал против политизации масонских лож, в ноябре 1932 организовал независимую ложу «Северных Братьев». С этими страницами биографии О. связана повесть «Вольный каменщик», в которой образ русского обывателя-эмигранта, увлеченного благородными идеалами всеобщего братства, противостоит мещански-расчетливой среде парижан. Повесть интересна привнесением в эпическое повествование приемов кинематографа и газетного жанра.

Все творчество О. пронизывали две задушевные мысли: страстная любовь к природе, пристальное внимание ко всему живущему на земле и привязанность к миру обыкновенных, незаметных вещей. Первая мысль легла в основу очерков, печатавшихся в «Последних новостях» за подписью «Обыватель» и составивших книгу «Происшествия зеленого мира» (София, 1938). Очеркам присущ глубокий драматизм: на чужой земле автор превращался из «любовника природы» в «огородного чудака», протест против технотронной цивилизации соединялся с бессильным протестом против изгнанничест-

ва. Воплощением второй мысли явилось библиофильство и коллекционирование. О. собрал богатейшую коллекцию русских изданий, с которыми знакомил читателя в цикле «Записки старого книгоеда» (окт. 1928 — янв. 1934), в серии «старинных» (исторических) рассказов, вызывавших нередко нападки из монархического лагеря за непочтение к императорской фамилии и особенно к церкви.

Прямой наследник демократической традиции русской литературы, О. в своих историко-литературных изысках не делал поправок на изменившиеся русские реалии. Читатели и критики восхищались слегка архаизированным языком этих рассказов; «у него был безошибочный слух на русский язык», — отмечал *М.Вишняк*; М.Алданов, называя стиль книги воспоминаний О. «Времена» превосходным, жалел, что не может «процитировать из нее целые страницы». Из воспоминаний, над которыми работал О., до войны были опубликованы «Детство» и «Юность» (Рус. записки, 1938, № 6, 7, 10), в период войны — «Времена» (НЖ, 1942, № 1-5; в посл. изд. Париж, 1955; М., 1989 — эта часть публ. под назв. «Молодость»). Это скорее роман души, путеводитель по вехам душевного становления писателя, принадлежавшего, по определению О., к сословию «просчитавшихся мечтателей», «русских интеллигентных чудаков». Образ России в «Молодости», написанной после нападения Германии на СССР, приобрел на заключительных страницах книги трагический оттенок. Свою общественную позицию О. выразил в письмах в СССР старому другу А.Буткевичу (1936), в которых обращал внимание на сходство режимов в фашистских государствах и в СССР, хотя и утверждал, что не смешивает их. «Мое место неизменно — по ту сторону баррикады, где личность и свободная общественность борются против насилия над ними, чем бы это насилие не прикрывалось, какими бы хорошими словами не оправдывало себя... Мой гуманизм не знает и не любит мифического «человечества», но готов драться за человека. Собой я готов пожертвовать, но жертвовать человеком не хочу и не могу».

Бежав в июне 1940 вместе с женой из Парижа, О. обосновался в городке Шабри на юге Франции. Корреспонденции О. публиковались в «Новом русском слове» (1940-42) под общим названием «Письма из Франции» и «Письма о незначительном». В душе его нарастал пессимизм. В книгу «В тихом местечке Франции» (Париж, 1946) вплетаются мотивы его прежних книг; главные для писателя жизненные ценности оказались, как показала война, слишком хрупкими. Боль и гнев гуманиста О. были вызваны тем тупиком, в который зашел мир в середине XX в. Скончавшийся в разгар войны, писатель был похоронен в Шабри, месте своего последнего изгнанничества.

Лит.: Fiene Donald M. M.A.Osorgin — the Last Mogican of Russian Intelligentsia — on the One-hundred Anniversary of His Birth // Russian Literature Quarterly, 1979, № 16; Becca Pasqinelli A. Vita e le opinioni di M.A.Osorgin (1878-1942). Firenze, 1983; Курбатов В. Космос хаоса // Москва, 1990, № 7; Недорезова И. Вдали от родины, но с думой о ней: о творческом пути писателя М.Осоргина // Татарстан, 1992, № 56; Марченко Т.В. Осоргин / Литература русского зарубежья: 1920-1940. М., 1993.

Т.Марченко

ОСОРГИН Михаил Михайлович (30.6.1887, с. Сергиевское, Калужской губ. — 29.10.1950, Париж) — общественный и церковный деятель, регент. Отец, Михаил Михайлович О. — одно время калужский губернатор, в конце жизни протоиерей — происходил из рода Св. княгини Юлиании Лазаревской (Осоргиной); мать, княжна Елизавета Николаевна Трубецкая — сестра известных философов и общественных деятелей Сергея и Евгения Трубецких. О. учился в гродненской и тульской гимназиях, на юридическом факультете Московского университета. Затем — член калужской уездной земской управы и помощник калужского уездного предводителя дворянства. В 1-ю мировую войну — ординарец главнокомандующего Северо-Западным фронтом, командир автомобильной роты; впоследствии сражался на Румынском фронте, занимал разные должности в Ясской военной комендатуре. В 1918 — заведующий поездом Красного Креста, совместно с будущей женой, графиней Е.Муравьевой; в 1919 — помощник начальника уезда в Ялте.

Эвакуировался через Константинополь в Германию, в Баден-Баден, где в течение нескольких лет служил псаломщиком и регентом в местной православной церкви. В 1924 по предложению митрополита *Евлогия (Георгиевского)*, экзарха патриарха московского в Европе, переехал в Париж, где занялся организацией нового русского православного прихода, т.к. единственный в ту пору православный «посольский» храм Св.Александра Невского на rue Daru не вмещал молящихся. О. подыскал подходящий большой участок с садом и постройками бывшей немецкой кирхи на rue Crimée и срочно занялся сбором средств в эмигрантской среде для выкупа этой собственности. В результате его самоотверженной деятельности в сентябре 1924 в новом Сергиевском Подворье была совершена первая служба, и далее под руководством строительной комиссии, возглавлявшейся О., начались восстановительные ра-

боты. 1.3.1925 был освящен главный придел храма во имя преподобного Сергия Радонежского, а в мае того же года состоялось торжественное открытие Богословского института при Подворье — единственного высшего духовного учебного заведения в русском зарубежье (институт существует по сей день). С 1925 по 1927 О. принимал участие в росписи Сергиевского храма по проекту Д.Стеллецкого.

О. выполнял обязанности управляющего Подворья; преподавал в Богословском институте церковный устав. Одновременно с О. профессорами института являлись епископ Вениамин (Федченко) — глава Института, *А.Карташев*, *о.Сергий Булгаков*, *Г.Флоровский*, *В.Зеньковский*, а также *Г.Федотов*, архимандрит Киприан (Керн), *Б.Вышеславцев* и др. О. были учреждены курсы псаломщиков, опубликованы книга «Уставщик» (краткое изложение порядка церковных служб) и ряд статей в церковной периодике.

О. ввел в Сергиевском Подворье строгий стиль пения за службой, основанный на древних и традиционных роспевах, исключавший всякую «концертность» и «светскость», допускавший авторские произведения для исполнения в храме только в тех случаях, когда они, будучи написаны в строго литургической форме, являлись переложениями роспевов или вариациями на обиходные мотивы. Служба на Подворье велась, главным образом, по русскому монастырскому обычаю, что резко отличалось от стиля службы и пения в парижском кафедральном соборе и большинстве других храмов русского зарубежья. Через посредство выпускников Богословского института, учеников О., подворский обычай был распространен по всей русской диаспоре и оказал значительное влияние на новообразованные приходы в Европе и США; его значение подчеркивалось рядом исследователей и авторов духовной музыки.

О. был хорошо известен как псаломщик и регент хора Богословского института, состоявшего из студентов. Под управлением И.Денисова (в юности монастырского прислужника, затем солиста императорских театров, участника известного мужского вокального квартета Н.Кедрова; студента института) хор дал на протяжении 30-х около 300 концертов, проводившихся в церковных помещениях (преимущественно протестантских конфессий) во Франции, Англии, Швейцарии, Голландии, Скандинавии с целью сбора средств для поддержания деятельности института. Для этого хора были сделаны новые обработки церковных песнопений такими крупными мастерами как А.Глазунов, *Н.Черепнин*, *А.Гречанинов*. О. был выдающимся знатоком русского церковного пения и сделал несколько десятков переложений традиционных роспевов (частично вошли в т.н. Лондонский сборник — два выпуска песнопений Божественной литургии и Всенощного бдения, опубликованных в Лондоне в 1962 и 1975 и обобщивших основной церковно-певческий репертуар русского зарубежья).

О. пользовался славой выдающегося певца и чтеца. В воспоминаниях о нем его ученик, священник А.Семенов-Тян-Шанский говорит: «Здесь [в Подворье] послужил он православному просвещению как охотно делившийся своими знаниями несравненный знаток церковной музыки и как регент, а в качестве канонарха он просвещал и просветил многих богословски и духовно. Сколько церковных текстов сделались понятными и дошли до сердец молящихся благодаря этому труду. Сохранившийся и в России почти только в монастырях этот способ пения стихир (слова выразительного речитатива, тотчас повторяемые ликом) в исполнении М.М. давал, из года в год, совершенно незаменимую духовную пищу...» О. «пел и читал в храме почти до самого последнего дня жизни».

После кончины О. дело было продолжено его сыновьями. В частности, Николай Михайлович О., наследовавший отцу на посту регента Подворья, записал с подворским хором на рубеже 70-80-х несколько пластинок (с участием соборного протодиакона М.Стороженко), дающих ясное представление о репертуаре и стиле пения, культивировавшегося его отцом.

М.Рахманова

ОСТРОВСКИЙ Александр Маркович (25.9.1893, Киев — 20.11.1986, Лугано, Швейцария) — математик. О. родился в семье Марка О. и Веры Рашевской. Родители имели чулочно-трикотажную фабрику, но детей в семье было много, а потому жили довольно бедно. Окончив начальную школу и проучившись один год в частной гимназии, О. поступил в Киевское коммерческое училище, которое он окончил с золотой медалью в 1911, получив звание кандидата коммерции. Математическое дарование О. проявилось еще в школьные годы. Его учитель математики Чирьев, понимая, что изучаемая программа не соответствует способностям Александра, привел 15-летнего О. к профессору Киевского университета Д.Граве, создателю первой в России крупной алгебраической школы. Позднее Граве вспоминал, как он проводил испытание О.: «Я открыл наобум книгу по теории чисел и выписал несколько страниц теорем без доказательств из самой трудной части теории абстрактных чисел. Через два дня Островский пришел со своими до-

казательствами. Вторая проба заключалась в том, чтобы испытать, насколько быстро он способен читать трудные книги. Я дал ему мою литографированную книгу о квадратичной области. Островский прочитал ее в несколько дней и, придя ко мне, спросил о моих приемах доказательств. Я немедленно принял Островского в мой семинар, где он сразу начал делать доклады на всех заседаниях и печатать статьи». Первая научная работа О. — о полях Галуа — была напечатана со значительным опозданием, только в 1913, в киевских университетских «Известиях».

После окончания училища встал вопрос о поступлении в университет; но, хотя О. по своим знаниям в математике превосходил многих выпускников, в университет его не приняли даже в качестве вольнослушателя, т.к. для этого требовался гимназический аттестат. Граве написал письмо Э.Ландау в Гёттинген и К.Гензелю в Марбург с просьбой об устройстве О. Зарубежные коллеги согласились помочь. По совету Граве в 1912 О. отправился в Марбург. С началом 1-й мировой войны он был интернирован как иностранец, но, благодаря хлопотам Гензеля, получил право заниматься и пользоваться университетской библиотекой. Граве иногда получал отрывочные сведения о своем талантливом ученике; узнав, что О. нуждается, тайком посылал ему деньги. Впоследствии О. не считал 4 военных года потерянными для себя, т.к., живя в изоляции, он полностью сосредоточился на своих алгебраических исследованиях. Кроме того, он прочитывал все математические журналы, по его признанию, от корки до корки, а также изучал музыку и иностранные языки. За это время он стал широко эрудированным математиком и полиглотом, чему способствовала его феноменальная память. В дальнейшем он свободно говорил на пяти языках.

В 1913 О. переехал в Гёттинген к Ф.Клейну. Там он занялся подготовкой к изданию собрания сочинений этого знаменитого ученого, общался с такими выдающимися математиками как Д.Гильберт и Э.Ландау. В 1920 О. получил первую ученую степень «с наивысшей похвалой» за труд «О рядах Дирихле и дифференциальных уравнениях». К этому времени он уже был автором 15 научных работ. Из Гёттингена О. перебрался в Гамбург, где в 1922 защитил диссертацию о модулях колец полиномов, после чего получил право читать лекции. В летнем семестре 1922 он снова в Гёттингене, но уже в качестве приват-доцента. Преподавание курса современной теории функций явилось толчком для исследований в новой для О. области, где он добился существенных результатов. В это же время он работал вместе со своим другом Г.Шмидтом над переводом на немецкий язык книги «Теория относительности в ее математической трактовке» английского физика А.Эддингтона (опубл. в 1925).

После годичной стажировки в университетах Кембриджа, Оксфорда и Эдинбурга в качестве стипендиата Рокфеллеровского фонда перед О. встал вопрос о работе, тем более, что его материальное положение было далеко не блестящим. Он был уже мировым авторитетом, которого всюду цитировали, но получить профессуру не удавалось. В это время в Ленинградском университете рассматривались кандидатуры на вакантную кафедру. Имеющиеся документы свидетельствуют о том, что О.Шмидтом была предложена кандидатура О. Такой выдающийся математик как О., несомненно, украсил бы Ленинградский университет. Однако кафедру он мог получить путем назначения, что входило в противоречие с уже объявленным конкурсом. Кроме того, было неизвестно, как он освоится с трудностями жизни в России, особенностями работы. Судя по всему, О. приглашения так и не получил.

Осенью 1927 Базельский университет пригласил О. на единственную в то время кафедру математики, что означало высокую оценку его таланта. О. стал гордостью Базельского университета. Вот что писала газета «Базельские новости» по поводу 80-летнего юбилея ученого: «Наша высшая школа в XVIII в. потеряла, отдав России, знаменитого математика Леонарда Эйлера, потому что в Базеле судьба оказалась против него; но университету выпала большая удача приобрести происходящего из России А.М.Островского». О. был прекрасным преподавателем, много времени уделял подготовке молодых математиков в созданном им студенческом семинаре. Он подготовил учебные руководства по основным разделам математики и трехтомный сборник задач, который был переведен на английский и португальский языки. В изданных им лекционных курсах, безупречных в методическом отношении, математическая теория была тесно связана с ее приложениями к естественным наукам. Особо следует отметить издательскую деятельность О. При его содействии швейцарское издательство Биркхойзера выработало программу, которая привлекла внимание математиков, а само издательство приобрело большую известность.

Тематика исследований О. весьма разнообразна: это алгебра и теория чисел, геометрия и топология, теория функций и дифференциальные уравнения. Такая универсальность — явление чрезвычайно редкое в XX в. С 1950 основное внимание О. было направлено на проблемы численного анализа, что было связано с его сотрудничеством с Национальным бюро стандартов в Вашингтоне, куда он часто ездил в

50-60-х. На основе оригинального лекционного курса специально для этого бюро О. написал монографию «Решение уравнений и систем уравнений», которая вышла в 1960 на английском языке и в 1963 в русском переводе. Позднее О. полностью переработал ее с учетом развития вычислительной техники и модернизации теории. Книга стала называться «Решение уравнений в евклидовом и банаховом пространствах» (Нью-Йорк, 1973) и не потеряла актуальности до наших дней.

О. с женой Маргарет Сакс построили дом в местечке Монтаньола на Луганском озере, где они радушно принимали друзей и коллег со всего света, в том числе иногда и математиков из СССР. В 1956 О. по собственному желанию вышел в отставку, но еще более 20 лет не порывал связей с Базельским университетом, продолжал занятия математикой, готовил к печати свои научные труды. К своему 90-летию он издал собрание своих сочинений в 6 томах (Базель, Бостон, Штутгарт, 1983). Заслуги О. были отмечены избранием его почетным доктором Федеральной политехнической школы в Цюрихе (1958), университетов в Безансоне во Франции (1967), Ватерлоо в Канаде (1968). Его жизни и научному творчеству были посвящены обширные статьи. По завещанию О., из его наследства был образован фонд, цель которого — каждые два года присуждать премию за лучшую в мире математическую работу.

Лит.: Елч-Фрикер Р. Памяти А.М.Островского (1893-1986) // Алгебра и анализ, 1990, т.2, № 1; Автобиографические записки Д.А.Граве (публ. А.Н.Боголюбова) // Истор.-матем. исслед., вып. 34. М., 1993.

Арх.: Арх. РАН, ф.496, оп.3, № 168.

Н.Ермолаева

ОСТРОМЫСЛЕНСКИЙ Иван Иванович (9.9.1880, Орел — 16.1.1939, Нью-Йорк) — химик-органик, инженер-технолог, иммуно-химик, фармацевт. Родился в семье потомственного дворянина, поручика жандармского дивизиона. В июне 1898 окончил 2-й Московский кадетский корпус и поступил в Московское Высшее техническое училище, которое окончил в апреле 1902. Затем поступил в Высшую техническую школу в Карлсруэ (Германия), где специализировался по физической и органической химии, электрохимии. Завершив свое техническое образование в июле 1906, О. вернулся в Россию и в феврале 1907 был принят на должность сверхштатного лаборанта в Московский университет в лабораторию неорганической и физической химии, руководимой профессором А.Сабанеевым. Одновременно сотрудничал с профессором Л.Чугаевым, руководившим лабораторией органической и общей химии в Московском Высшем техническом училище. С 1909 О. — доцент Московского университета; в 1912 ушел из университета из-за ссоры с *А.Чичибабиным*.

Уже в 1905 стали появляться первые публикации О. по полимеризации диенов и синтезу исходных мономеров искусственного каучука. О. было запатентовано свыше 20 способов получения бутадиена, в частности, метод альдольной конденсации ацетальдегида (1905), реализованный в промышленном масштабе в Германии в 1936, или способ получения бутадиена пропусканием паров этилового спирта и уксусного альдегида при температуре 440-460° С над оксидом алюминия (1915), получивший промышленное использование в 1942-43 в США. В 1911 для улучшения свойств синтетического каучука О. предложил вводить органические основания (толуидины, нафтиламины и др.). Пиролизом скипидара он получил изопрен и вместе с Ф.Кошелевым осуществил его полимеризацию под действием света (1915, «изопреновая лампа Остромысленского»). О. был одним из первых исследователей, кто подробно изучил роль активаторов (помимо серы) в вулканизации каучука и его превращения в резину. Исследования О. по каучуку первоначально велись в химической лаборатории Московского технического училища, а затем были перенесены в лабораторию Общества производства и торговли резиновыми изделиями «Богатырь» (1912-17).

В 1910 в Москве вышла монография О. «К теории бензольного кольца и этиленовой связи», посвященная анализу экспериментальных и теоретических исследований структуры бензола — родоначальника обширного ряда многих ароматических веществ. Изучению структуры бензола и его аналогов были посвящены 6 лет экспериментальной работы О. (1903-9). По результатам этих исследований Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии Московского университета присудило ему премию им. В.Мошнина. О. был обладателем двух докторских степеней (по философии и медицине), которые были присвоены ему Цюрихским университетом; имел богатый опыт преподавательской работы в разных вузах (Московском техническом училище, Московском университете, Рижском политехническом институте) и др.

В 1913 вышла в свет книга О. «Каучук и его аналоги», явившаяся первым отечественным пособием по химии и технологии каучука. В ней была собрана фактически вся литература, опубликованная до 1913 по этому вопросу, и особое внимание было уделено малодоступной

для русского читателя патентной литературе. В книге описаны способы анализа и очистки диолефинов (дивинила, изопрена, диметилэритрена), синтез каучука через *В*-мирцен и способы полимеризации диолефинов, а также методы переработки каучука в технические продукты. О. описал 16 собственных оригинальных способов получения диолефинов и методы их полимеризации, имеющие производственное значение. Он показал также огромное значение «спутников» природного каучука: белков, смол, азотистых соединений, углеводов и т.д. Касаясь важной роли катализаторов в синтезе каучуков, он писал: «...катализаторы вызывают подчас совершенно неожиданный эффект, и нередко мы останавливаемся в изумлении перед результатами процесса; каучук как бы синтезируется сам собой».

В эти годы в исследовательской деятельности О. отчетливо выделяется, помимо органического синтеза и исследований каучука, другое направление — медицинская химия. объединяющая его биохимические, иммунохимические и фармацевтические работы. В 1913 О. открыл собственную лабораторию в Москве, на Маросейке («Частная химическая и химико-бактериологическая лаборатория И.Остромысленского»), где провел ряд блестящих иммунохимических исследований по изучению природы антител и антигенов и иммунологической специфичности. Результаты этих разработок отражены в четырех статьях, объединенных общим названием «Исследования в области токсинов и антитоксинов», опубликованных в химическом разделе «Журнала Русского физико-химического общества» за 1915. В них О. изложил собственную теорию, согласно которой синтез антител происходит, якобы, посредством физического контакта глобулинов сыворотки крови с антигенными молекулами; специфичность антител не следует рассматривать с точки зрения особенностей химического строения белковых молекул, поскольку она предопределена физическим состоянием коллоидной молекулы глобулина крови, которое ей «навязал» антиген, оставив на глобулине свой отпечаток. После взаимодействия глобулин-антиген последний отщепляется от антитела и продолжает «печатать» или «маркировать» все новые и новые молекулы глобулинов. Теорию О. следует рассматривать как один из первых вариантов т.н. матричной теории синтеза антител, исходившей из инструктивной роли антигена в приобретении специфичности молекулами антител. Эта теория приобрела сторонников в 30-60-е и была чрезвычайно популярна в иммунологии, хотя впоследствии выявилась ее научная несостоятельность и предпочтение было отдано селективным теориям.

В «Журнале Русского Физико-химического общества» (т.47) в 1915 опубликованы еще три статьи О., касавшихся разных вопросов медицинской и органической химии («Пикраминовая кислота, как реактив на белковые соединения», «О составе, строении и свойствах гинокардовой кислоты и ее некоторых производных (I-е сообщение)», «О гинокардате меди (L-Cuprum Gynocardicum) и его терапевтическом значении при туберкулезе и проказе»); а также 10 его статей по химии, классификации, технологии и вулканизации каучука. Можно сказать, что 1915 был периодом «взрыва» в научном творчестве О.

В 1918 О. опубликовал отдельной книгой популярный очерк «Сон у человека и животных», в котором рассмотрел токсикологические, иммунологические и физиологические аспекты такого сложного биологического феномена как сон. Эту работу можно было бы отнести к разряду научной фантастики, если бы не наличие множества важнейших научных наблюдений. Работа была написана в период огромного увлечения О. иммунологией, теориями синтеза антител и химиотерапией; он смело проводил аналогию между сном и «отравлением» организма человека и животных бактериальными и промышленными токсинами, а также фармакологическими препаратами. О. рассматривал сон как процесс самоотравления организма неким «гипнотоксином». Отсюда его рекомендация «лечить сон» (укорачивающий продолжительность жизни человека и животных) специфическим антитоксином, действие которого нейтрализует «гипнотоксин». Заменить «яд сна» можно и не прибегая к иммунологическим препаратам, вводя в организм универсальное противоядие, способное нейтрализовать в организме все токсины без исключения. В качестве такого противоядия О. предложил амфотерную органическую кислоту. Путем сокращения потребности во сне, считал О., будут открыты «сверхчеловеческие» возможности и «гениальность станет ординарным явлением».

В 1918-20 О. руководил Химико-терапевтической лабораторией в Научном химико-фармацевтическом институте в Москве, где исследовал структуру и свойства противосифилитического препарата «сальварсан» («или препарата 606», синтезированного П.Эрлихом) и разрабатывал метод заводского синтеза отечественного мышьяксодержащего препарата противосифилитического действия, названного «арсолом». Использование очень простой технологии для производства коллоидного мышьяка по методу О. имело огромное практическое значение для России в годы гражданской войны и хозяйственной разрухи. В письме председателя Ученого совета Научного химико-фармацевти-

ческого института А.Чичибабина в Научно-исследовательский отдел ВСНХ в апреле 1922 в числе достижений института назывались «интереснейшие исследования И.И.Остромысленского о механизме действия сальварсана и применении вместо этого — коллоидального раствора мышьяка — уже этого одного было бы достаточно, чтобы не дать институту погибнуть или ограничить его деятельность существованием на бумаге, без средств и людей».

В октябре 1921 О. уехал в Латвию; был избран приват-доцентом кафедры органической химии Латвийского университета в Риге; приступил к чтению двух курсов: по химии каучука и химиотерапевтическим препаратам. Однако пребывание О. в Риге было кратковременным: уже в мае по его собственной просьбе администрация Латвийского университета освободила его от занимаемой должности. По приглашению доктора Хопкинсона из американской каучуковой компании «US Rubber Company» О. выехал в США, в Нью-Йорк. Там он продолжил свои исследования в области химии и технологии каучука и фармацевтической химии в двух американских фирмах: «Rubber Company» и «Goodyar Tire». В 1925 О. открыл свою собственную научно-исследовательскую лабораторию «Ostro Research Laboratory», где продолжал изучать препараты мышьяка, действие пиридиума, исследовал структуру и свойства некоторых растительных масел, эффективно используемых при лечении проказы. Он также помогал создать корпорацию для коммерческого производства препаратов, используемых в химиотерапии: пиридиума и пиразолона, просуществовавшую до 1936. В 1930-е О. был приглашен на работу в компанию «Union Carbid Corp.» для разработки коммерческой технологии производства бутадиена (из этанола). Это производство прекратилось только после 2-й мировой войны, т.к. не могло конкурировать с технологиями, основанными на использовании бутилена.

О. принадлежит несколько новых разработок технологий для производства каучука, в том числе и производства каучука из гевеи путем образования каучукового гидрохлорида при добавлении к каучуксодержащей смеси водородного хлорида. Позже продукт, полученный из гевеи (каучук), получил торговое название плиофильма, а сама технология производства каучука из гевеи была взята на вооружение двумя большими американскими компаниями: «Goodyar Tire» и «Rubber Company». О. также разработал технологию получения небьющегося стекла для лобовых окон автомобиля посредством полимеризации стерина между слоями стекол. В 1930 О. получил гражданство США.

О. умер в возрасте 59 лет в Нью-Йорке, так и не получив признания, несмотря на тот огромный вклад, который его работы внесли в развитие российской и американской науки и промышленности. Сейчас, по прошествии более чем полувека после его смерти, открытия О., например, в области полимеров, оцениваются выше достижений в этой области, принадлежащих Нобелевским лауреатам П.Дж.Флори, Г.Штаудингеру и др.

Соч.: Исследования в области токсинов и антитоксинов (сообщение I-IV) // Журн. Рус. Физ.-химич. об-ва. Раздел химии. 1915, т.47, вып.2.

Лит.: Ivan Ostromislensky // India Rubber World, 1939, vol.99, № 5; Максименко А.М., Мусабеков Ю.С., Страдынь Я.П. Деятельность И.Л.Кондакова и И.И.Остромысленского в Прибалтике / Из истории естествознания и техники Прибалтики. Рига, 1971, т.III; Seymour Raymond B. Ivan Ostromislensky: Polymer Scientist and Doctor of Medicine // New Journal of Chemistry, 1989, vol.6.

Т.Ульянкина

ОЦЕП Федор Александрович (9.2.1893 [по др. св.1895], Москва — 20.6.1949, Оттава) — сценарист, режиссер, организатор кинопроизводства. В 1916 был привлечен своим двоюродным братом М.Алейниковым к сотрудничеству в журнале «Кино—Театр и жизнь» (выступал под псевд. Федор Машков). Довольно быстро зарекомендовал себя в кругу творческой интеллигенции, группировавшейся вокруг этого первого русского кино-театрального периодического издания, как талантливый критик. Непосредственно в кинематографическую среду он был привлечен в качестве сценариста. В дореволюционном кинематографе им были написаны сценарии для целого ряда фильмов известного русского режиссера Я.Протазанова, одного из лучших киноинтерпретаторов литературной классики: «Николай Ставрогин» (1915, по роману «Бесы» Ф.Достоевского с *И.Мозжухиным* в гл. роли), «Дети Ванюшина» и «Пара гнедых» (1915), «Мертвый дом» (1915) и «Пиковая дама» (1917), «Проклятые миллионы», «Отец Сергий» (1918, совм. с Н.Эфросом и *А.Волковым*), «Тайна королевы» (по роману Элинор Глин «Три недели»).

После Октябрьской революции О. принимал участие (в качестве сценариста совм. с Н.Эфросом) в создании одной из первых значительных и наиболее удачных советских кинолент — фильма «Поликушка» (1919) — экранизации одноименной повести Л.Толстого. Своим успехом картина в немалой степени обязана исключительному таланту исполнителя главной роли И.Москвину и режиссеру *А.Санину*. По замыслу тогдашнего руководства киностудии Товари-

щества «Русь», куда входил в качестве заведующего художественной частью и О., необходимо было «создать своеобразный мост, который соединил бы экран с Художественным театром и перенес на киностудию метод Станиславского». Привлечение к работе известного режиссера и артистов двух ведущих московских театров (В.Пашенная, Е.Раевская, С.Головин, Н.Знаменский и др.) оправдало ожидания. В этом фильме сохранялась «тщательность передачи» и «психологическая достоверность литературного произведения на экране», что выгодно отличало ее от прочей кинопродукции тех лет, в том числе и экранизаций. В 1922-23 фильм с огромным успехом демонстрировался на отечественных и зарубежных экранах.

В 1924 О. вошел в состав руководства единственного негосударственного кинопредприятия «Межрабпом-Русь». Учитывая недостаточную мощность внутреннего кинорынка, новая студия выдвинула задачу осуществить «прорыв на Запад» с целью закрепить там позиции отечественной кинопродукции. Первой серьезной попыткой реализации этого замысла стала экранизация фантастического романа *А.Толстого* «Аэлита» (1924, сценарий О. совм. с А.Файко, реж. Я.Протазанов). Фильм был задуман как советский боевик в «экспортном» варианте. Масштабность постановки, необычность сюжета, в котором фантастика причудливо сочеталась с красочными сценами московского быта тех лет, обилие действующих лиц, громкое имя режиссера, блестящий актерский состав (Н.Баталов, М.Жаров, Ю.Завадский, В.Орлова, И.Толчанов, Ю.Солнцева и др.) призваны были стать слагаемыми будущего успеха. Однако картина, несмотря на шумную рекламу, так и не стала кинематографическим событием; если в России она пользовалась большой популярностью, то в глазах западного зрителя мало чем отличалась от привычных лент этого жанра. В том же году О. в соавторстве с Файко написал сценарий для одной из первых советских комедий — «Папиросница от Моссельпрома» (реж. Ю.Желябужский, в ролях И.Ильинский, Ю.Солнцева и Э.Баратов), прошедшей по отечественному экрану с большим успехом. Фильм, сделанный как своего рода реклама государственной торговли, интересен и ценен прежде всего как документ эпохи, детально воссоздававший московскую жизнь начала нэпа. В 1925 совместно с В.Туркиным О. написал сценарий еще одной экранизации: фильм «Коллежский регистратор» (по повести А.Пушкина «Станционный смотритель», реж. Ю.Желябужский, в гл. ролях И.Москвин, В.Малиновская, Б.Тамарин), как и «Поликушка», вошел в золотой фонд отечественного немого кинематографа. В следующем году О. приступил к съемкам, уже в качестве режиссера, трехсерийного приключенческого фильма «Мисс Менд», в основу которого был положен роман М.Шагинян «Месс-Менд». Литературный источник — остроумная пародия на американский детектив — подвергся значительной переделке авторами сценария (О. и В.Сахновский), к тому же многое строилось на импровизации, что безусловно усложняло сюжет, но одновременно придавало многим эпизодам ленты свежесть и непосредственность. Будущий известный советский режиссер Б.Барнет, получивший в фильме одну из ролей, стал сорежиссером О. Кроме Барнета, в фильме был представлен блестящий актерский ансамбль: И.Ильинский, М.Жаров, В.Фогель, И.Коваль-Самборский и др. Фильм имел колоссальный успех у зрителя и довольно долго не сходил с экрана.

В конце 20-х О. много и плодотворно работал как режиссер. После постановки фильма «Земля в плену» (1928) он уехал в Германию, где приступил к съемкам совместной советско-германской («Межрабпом» и «Прометеус») экранизации пьесы Л.Толстого «Живой труп». Подбор актеров на главные и второстепенные роли предопределял успех фильма: в роли Феди Протасова снялся известный советский режиссер В.Пудовкин; с русской стороны участвовали также В.Марецкая, Н.Вачнадзе, Б.Барнет, Д.Введенский, В.Уральский; с немецкой — Мария Якобини, Густав Дисоль, Виола Гарден и др. Создатели фильма, сознательно ориентируясь на немецкого зрителя, представили на экране не Россию, а, скорее, Германию 20-х, что было особенно заметно в изобразительном решении отдельных сцен, снятых в духе немецкого экспрессионизма. Несколько трансформировался и сам образ главного героя: в трактовке О. драма идей стала мелодрамой, в результате чего получилось эмоциональное повествование о судьбе маленького человека, загнанного в тупик толпой обывателей. Немецкая пресса приняла фильм с восторгом (за рубежом он шел под названием «Законный брак»), а роль Протасова в исполнении Пудовкина была объявлена высшим актерским достижением. Однако на родине картина была воспринята довольно критически. После окончания работы над фильмом О. остался в Германии и снял там первую звуковую экранизацию романа Достоевского «Братья Карамазовы» — «Убийца Дмитрий Карамазов» («Der Mörder Dimitri Karamasoff», 1931). Философское произведение русского классика преобразовалось на экране в мелодраму с роковыми страстями и эффектным драматическим финалом, в котором причудливо переплелись образы и судьбы героев из других романов писателя. Такое вольное обращение с первоисточником вполне отвечало духу западного кинематографа;

О. продолжал использовать некоторые приемы советского немого кино, в том числе т.н. «русский монтаж».

В начале 30-х О. переехал во Францию и тут же включился в работу. Уже в 1932 он поставил фильм «Миражи Парижа» («Mirages de Paris»). Имея репутацию серьезного режиссера с высоким культурным и профессиональным уровнем, он с успехом работал в коммерческом кино, выпуская продукцию, которая неизменно пользовалась спросом на кинорынке. О. продолжал заниматься экранизациями, снял ленту «Амок» (1934, по одноименной повести С.Цвейга); в 1935 поручил *Е.Замятину* написать сценарий картины «Анна Каренина», правда, замысел остался не осуществленным. Огромным успехом пользовались поставленные им фильмы: «Пиковая дама» («La Dame de pique», 1937) и «Княжна Тараканова» («Tarakanova», 1938) с тогдашними «звездами» французского экрана Маддел Озере и Анной Верней; неменьшая популярность выпала на ленту «Гибралтар» («Gibraltar», 1938) с Вивиан Романс и Эрихом фон Штрогеймом. Начавшаяся во Франции «странная война» прервала карьеру О. в Европе; по распоряжению тогдашней администрации он, как и многие иностранцы, был интернирован в лагерь для перемещенных лиц, где и пребывал до поражения Франции в июне 1940. Затем уехал в Марокко, оттуда перебрался в 1941 в США, а чуть позже — в Канаду. За океаном им были поставлены такие фильмы как «Music Master» (1943), «Three Russian Girls» (1944), «Whispering City» (1947).

Более чем 30-летняя творческая деятельность О. свидетельствует о разносторонности его дарований: несомненные литературные способности, высокий профессионализм его режиссуры сочетались с незаурядными качествами организатора кинопроизводства, коммерческой интуицией. О. принадлежит к числу тех, кто разрабатывал «русскую тему» на Западе, популяризировал экранными средствами классику русской литературы.

Лит.: Godin D. Fedor Ozep. A Brief Biography // Griffithiana, 1989, Oct., № 35/36.

Т.Гиоева

ОЦУП Николай Авдеевич (23.10.1894, Царское Село — 28.12.1958, Париж) — поэт, критик, мемуарист. Сын придворного фотографа. В 1913 окончил Александровский лицей в Царском Селе; поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, но в том же году уехал в Париж, где, по его словам, «с отвращением учился в Ecole de droit и предпочитал слушать Бергсона». В начале 1-й мировой войны возвратился в Россию, поступив снова в Петербургский университет, но был мобилизован в армию. Попал в запасный полк («...Петербург уже с красными флагами, ошалевшими броневиками, я тоже ошалел»); вскоре, однако, понял, что нужно «заниматься своим делом» и начал сотрудничать в издательстве «Всемирная литература».

В 1920 основал вместе с Н.Гумилевым, *Г.Ивановым*, М.Лозинским Новый цех поэтов. В 1921 вышел первый сборник стихотворений О. «Град». В 1922 О. уехал в Берлин, где переиздал в 1923 «Град» и выпустил в 1926 новый сборник «В дыму». «Разорванность и расхлябанность» стихов О. критика объясняла «тяжестью недавних лет», но сам он в начале эмигрантского пути был «человеком весьма компанейским и жизнерадостным», с желанием «обсуждать запутанные, «последние» метафизические вопросы».

Из Берлина О. переехал в Париж, где в 1928 отдельным изданием вышла его поэма «Встреча». Редактор журнала (альманаха) «Числа» (Париж, 1930-34, 10 номеров) — сначала с Ирмой де Манциарли, с 5-го номера — один. Издание журнала мотивировалось тем, что «Современные записки» публиковали главным образом маститых авторов. Новый журнал был задуман как преимущественно литературный; отвечая на критику *З.Гиппиус*, О. писал, что требование от литературного журнала сиюминутных политических откликов — это «большевизм наизнанку»; «Числа» «не против политики, а против ее тирании». Благодаря О. многие представители молодого поколения русской эмиграции, выступившие впервые в «Числах», добились литературного признания.

Сомнение О. в том, что искусству надо служить «любой ценой» («есть и другой подвиг — отказ от искусства навсегда или на время, если то, во имя чего отказался, — может быть названо жизнью или волей к жизни») нашло художественное выражение в романе «Беатриче в аду» (Париж, 1939).

В начале 2-й мировой войны О. записался добровольцем во французскую армию. Во время отпуска в Италии был арестован как антифашист, провел более полутора лет в тюрьме, в 1941 бежал, был схвачен, отправлен в концлагерь, откуда в 1942 снова бежал, уведя с собой 28 военнопленных. В 1943 О. стал участником итальянского Сопротивления. За ряд смелых операций получил после войны английские и американские военные награды. В 1951 О. была присуждена ученая степень доктора в Парижском университете за работу о Н.Гумилеве. До конца жизни — профессор «Ecole Normale».

В 1950 О. опубликовал «Дневник в стихах. 1935-1950», который насчитывал 12 тысяч стихотворных строк, — по оценке Ю.Иваска, «памятник последнего полувека». Вопрос о силе веры ставила драма в стихах «Три царя» (1958). Посмертно издан двухтомник «Жизнь и смерть» (Париж, 1961), в котором собраны стихотворения, ранее публиковавшиеся в журналах; сборник показал, что О. всегда оставался поэтом возвышенного склада. В зрелой лирике О. варьировалась тема всепоглощающей любви к женщине, тема России и тема спасения духовности человека; постоянно присутствует и мотив неизбежности смерти, которая высвечивает все ценности жизни. Особенно существенно отношение О. к духовной свободе: писатель обязан избавляться от всех ложных «святынь», внедренных в его сознание политикой. В поэме «Красавица» он писал, что хотел бы воспеть не тех женщин, которые шли «в народ» и готовили 1917 год, а «более простую героиню... мать с ребенком, кроткую богиню...». Со страниц сборника, писал Н.Ульянов, глянуло «лицо многодумное, со следами былого жизненного опыта... Умудрило его и изгнанничество. Не в сереньком, беженском плане, а скорее в духе Данте».

Опорой поисков О. были русская литература и христианство. Пушкин для О. — мерило всех духовных ценностей; фальшивому патриотизму «с претензиями подчинить себе чужие культуры» он противопоставлял национализм Пушкина, «насквозь пронизанный свободой». В книге «Современники» собраны воспоминания О. об И.Анненском, Н.Гумилеве, Ф.Сологубе, А.Белом, С.Есенине, К.Чуковском, *Е.Замятине*, В.Шкловском, статьи о Серебряном веке русской поэзии, о Пролеткульте, «Серапионовых братьях», о «Климе Самгине» М.Горького. В книгу «Литературные очерки» (Париж, 1961) вошли статьи «Тютчев», «Николай Гумилев», «Лицо Блока», «Сатана и Демон», «М.А.Шолохов», «Венец Пастернака», «Свобода творчества», «Гуманизм в СССР», «Апокалипсис», «Миф Владимира Маяковского». В последнее десятилетие жизни О. утверждал, что на смену акмеизму, сыгравшему свою роль, пришел «персонализм» как реакция на атеизм, стадность, экзистенциализм, как защита личного достоинства писателя.

Соч.: Персонализм как явление литературы // Грани, 1956, № 32; Океан времени. Дневник в стихах. Статьи и воспоминания. СПб., Дюссельдорф, 1993.

Лит.: Можайская О.Н. Биография души. Николай Оцуп: «Жизнь и смерть» // Возрождение, 1965, № 161; Ильин В.Н. Памяти Н.Оцупа // Там же.

Е.Померанцева

П

ПАВЛОВА Анна Павловна (Матвеевна) (31.1.1881, Петербург — 23.1.1931, Гаага) — артистка. По документам — дочь отставного солдата Матвея Павловича П. и прачки Любови Федоровны П. Позднее делались предположения о том, что в действительности ребенок был внебрачным и имел другого отца. Поступила в Петербургское театральное училище в 1891 при содействии балерины Е.Соколовой. В младших классах училась у одной из любимых балерин М.Петипа — Е.Вазем, в старших — у другого корифея академизма — П.Гердта. Выпускалась 11.4.1899 в специально поставленном Гердтом балете Ц.Пуни «Мнимые дриады», исполнив роль дочери дворецкого. В апреле же участвовала в pas de quatre из балета «Трильби» (бенефис кордебалета) и в pas de six из «Тщетной предосторожности» П.Гертеля. Была принята в Мариинский театр, на сцене которого ее дебют в сольной партии состоялся 19 сентября того же года в pas de trois из «Тщетной предосторожности».

Репертуар начинающей танцовщицы быстро пополнялся. За первые три сезона она приготовила следующие партии: Зюльма («Жизель» А.Адана), подруга Флер де Лис («Эсмеральда» Ц.Пуни), фея Кандид («Спящая красавица» П.Чайковского), pas de deux («Марко Бомба»), trio («Баядерка» Л.Минкуса), pas de trois («Камарго»), pas de Diane («Царь Кандавл» Ц.Пуни) и др. Занимали П. и в танцевальных эпизодах оперных спектаклей. У худенькой, отличавшейся слабым здоровьем танцовщицы обнаружился волевой характер: она привыкла превозмогать себя и даже больной не отказывалась от выступлений на сцене. Нагрузка была большой, иногда чрезмерной. Не все ей было под силу, и слова одобрения в прессе перемежались укорами в недостаточной отделке танца. Маститый Х.Иогансон, ведший класс усовершенствования в театре, полного удовлетворения работой молодой артистки не выказывал. П. действительно не вписывалась вполне в каноны академической школы. Но то, что воспринималось как несовершенство, предвещало черты нового стиля.

Работа над классическим репертуаром помогала преодолевать недостатки в технике; однако индивидуальное, непохожее на других, в танце П. продолжало жить. Сольные партии временами пополнялись балеринскими: в «Корсаре» А.Адана П. исполняла партию Гюльнары и pas de l'esclave, в «Пробуждении Флоры» — партию Авроры и героиню. Событием для самой танцовщицы и для зрителей стало ее выступление в «Баядерке» 28.4.1902. Драматизм партии выражался в смене контрастных психологических состояний, реализованных в нервном, иногда сбивчивом пластическом рисунке. Это был пока лишь эскиз одной из удачнейших в будущем ролей П., но и по нему можно было судить о неординарности таланта исполнительницы. Внутренняя наполненность партии, стремление представить спектакль как единый процесс сложной духовной жизни героини перекликались с искусством лучших драматических актрис того времени и прежде всего с В.Комиссаржевской. Исполнение П. раздвигало рамки узкопрофессиональных интересов, становясь фактом духовной жизни. Год спустя П. исполнила балет «Жизель», также вошедший в число ее самых удачных творений в классическом репертуаре. Ее Жизель обретала себя в мире вилис — только там воплощалось ее идеальное представление о мире как совершенной красоте. В павловской вилисе не было ни отсветов разбитого чувства, ни сожаления о нем. Но само упоение гармонией и растворение в ней вызывали мучительные воспоминания об утерянном личном счастье, о недостижимости его. И Никию, и Жизель П. объединяли трагическое восприятие жизни, а позднее — и духовный мятеж. Спектакли, в которых не было места драматическим трактовкам — «Наяда и рыбак», «Корсар», «Царь Кандавл» — оставались для П. проходными. Чуждой своеобразному таланту П. оказалась «Спящая красавица»; в рамках строгих академических норм этого балета исполнительнице было тесно. Огненный темперамент, потребность любую хореографию пропустить сквозь призму собственного мироощущения естественней реализовывались в танцах, имевших национальную окраску. Это объясняло пристрастие П. к балетной Испании. Героини «Пахиты» и «Дон Кихота» даже в сценах торжествующего клас-

сического танца создавали ощущение тревоги и надвигающейся бури. Актриса охотно исполняла в «Дон Кихоте» не только Китри, но и Уличную танцовщицу и Мерседес. В ее репертуаре было много характерных танцев: панадерос в «Раймонде», Шоколад в «Щелкунчике», фанданго в опере «Кармен», уральская пляска в «Коньке-горбунке». Интерес к национальным танцам сохранился у нее на всю жизнь. П. не была равнодушна к традиционным ценностям классического танца и никогда, в отличие от молодого *М.Фокина*, не отрекалась от них. Она просто предлагала собственный взгляд на эти ценности, обновляя их за счет своеобразия своей индивидуальности. П. по собственной инициативе совершенствовала танцевальное мастерство у адептов академизма (М.Петипа, Э.Чекетти). В 1905 она получила звание балерины, в 1906 — прима-балерины, ей был предоставлен также длительный зарубежный отпуск. П. использовала его для поездки в Италию — выступила на сцене «La Scala» и занималась в классе знаменитой К.Беретта.

Подготовкой к новому этапу в творчестве П. стало участие в «Дочери фараона» Ч.Пуни: она исполнила партию героини балета сначала в московском варианте А.Горского, затем в петербургском оригинале Петипа (1906). Эклектика Горского, соединившего традиционные формы классического танца с наивной стилизацией под профильные древнеегипетские изображения, была балерине ближе. Более того — силой своего искусства П. снимала нелепость резких стилевых перепадов. Попытка перенести приемы достоверной психологической игры в спектакль Петипа нравилась неожиданностью, но отторгалась стилистикой академической традиции. Осознать творческое предназначение помогла встреча с хореографией Фокина. Период их содружества был недолог, но продуктивен. Обоих впечатлили гастроли американской «босоножки» Айседоры Дункан, воспевавшей танец как естественные движения души, чуждые нормативности и канонам. Фокин пытался найти новую пластику с первых же балетмейстерских шагов. В его «Эвнике» П. исполнила сначала роль Актеи (10.2.1907), а затем и героини, к которой, вместе с исполнительницей, перешел поставленный для нее танец семи покрывал. В «Египетских ночах» А.Аренского (8.3.1908) она получила роль Вереники, но и эта, и две предыдущие роли оставались в рамках декоративно-прикладных задач. «Павильон Армиды» *Н.Черепнина* (25.11.1907) позволил проявиться, хотя бы частично, драматическому таланту П.: обманный плач Армиды она исполняла с искренней страстью, обнаруживая горькую тоску по романтическому идеалу. Подлинными же шедеврами стали «Шопениана» и «Лебедь». Здесь талант П. властно диктовал хореографу. Поставленный в традициях романтического балета для нее и М.Обухова 7-й вальс оказался самым удачным номером 1-го варианта «Шопенианы» (10.2.1907). Он и определил стилистику 2-й редакции («Балет под музыку Ф.Шопена», 8.3.1908) как воспоминание о тальониевском романтизме. Порывистая сильфида П. воплощала в танце тему поиска утраченного идеала. Она устремлялась ввысь, увлекая за собой поэта, кружила вокруг, словно оберегала его сосредоточенный покой, и, сама обретя вечную гармонию, манила героя в свой мир идеальной красоты. Тема хрупкости, ранимости зыбкой красоты с особой силой прозвучала в «Лебеде» на музыку К.Сен-Санса (22.12.1907). Номер, намеченный лишь в самых общих контурах, как бы между прочим и впопыхах, сочинялся в духе импровизации П. на заданную Фокиным тему. И в дальнейшем импровизационность сохранялась, сама П. исполняла номер по-разному. Постепенно характер танца приобретал все более драматическую и, наконец, трагическую окраску. В итоге изменилось даже название — лирический монолог балерины стал называться «Умирающий лебедь». Шедевр Фокина—П. возвещал о ценности духовного начала. Образ Умирающего лебедя стал символом русского балета.

Весной 1908 состоялись организованные *А.Больмом* гастроли группы из 20 человек с П. во главе по Европе (Гельсингфорс, Стокгольм, Копенгаген, Прага, Берлин). Выступления прошли успешно, вызвав большой интерес к русскому балету. На следующий год гастроли в Берлине повторились. П. выступала с *Н.Легатом* в «Лебедином озере», «Пахите», «Тщетной предосторожности», «Арлекинаде», «Привале кавалерии». Затем состоялись незапланированные спектакли в Праге. С опозданием балерина прибыла в Париж для участия в 1-м дягилевском сезоне. Она танцевала в балетах: «Павильон Армиды» (19.5.1909), «Сильфиды» и «Клеопатра» (2.6.1909) — под такими названиями шли «Шопениана» и «Египетские ночи». Весь этот репертуар П. уже исполняла в России. В роскошном ансамбле самых крупных исполнительских дарований, представленных *Дягилевым* в Париже, П. занимала одно из первых мест. Но к тому времени союз ее с Фокиным, главным хореографом начальной поры дягилевской антрепризы, исчерпал себя. Талант П. не мог ограничиться рамками творчества этого мастера. Началась полоса метаний, поиск иного пути.

В августе 1909 в интервью «Петербургской газете» П. заявила, что, несмотря на ангажемент в Америку, окончательно покидать Россию не собирается. Первое выступление в Нью-Йорке состоялось 16.2.1910. Затем ее концерты увидели в Бостоне, Филадельфии, Балтиморе. Гастроли продолжились в апреле-мае в Лондоне. Исполнялись классические pas de deux с *М.Мордкиным*, но главный интерес представляли такие номера как «Вальс каприс» А.Рубинштейна и «Умирающий лебедь». Законченные миниатюры позволяли проявиться лирико-трагическому дару П. При ее участии родился особый жанр пластической мелодекламации. Естественным было попробовать ставить самой. Такую попытку она предприняла в 1909 на спектакле в Суворинском театре в честь 75-летнего юбилея владельца — А.Суворина. Для своего балетмейстерского дебюта П. выбрала «Ночь» Рубинштейна. Она появилась в белом длинном хитоне с цветами в руках и волосах. Глаза ее загорались, когда она протягивала кому-то свой букет. Гибкие руки то страстно взывали, то пугливо отстранялись. Все вместе превращалось в монолог о безумной страсти. Патетика оправдывалась наивной искренностью чувства. Свободные движения корпуса и рук создавали впечатление импровизации, напоминая о влиянии Дункан. Но и классический танец, включая пальцевую технику, присутствовал, разнообразя и дополняя выразительные жесты. Самостоятельное творчество П. было встречено с одобрением. Следующими номерами были «Стрекоза» Ф.Крейслера, «Бабочка» Р.Дриго, «Калифорнийский мак». И здесь классический танец соседствовал и переплетался со свободной пластикой. Объединяло их эмоциональное состояние героини.

Гастроли в Америку с Мордкиным повторились. Успех был огромным. Выступления русских стали центральным художественным событием. Весной 1911 лондонский «Palace Theatre» снова показывал П. и ее товарищей. Балетные номера составили 2-е отделение обычной программы ревю с участием акробатов, жонглеров, дрессированных собачек. В августе 1911 П. вернулась в Петербург и выступила в Мариинском театре в балетах «Баядерка» и «Жизель». Пребывание на родине было недолгим, уже 5 октября П. выехала в длительную (11 недель) поездку по Англии, Ирландии, Шотландии с новым партнером, московским танцовщиком Л.Новиковым. Функции антрепренера балерина впервые выполняла сама. Группа была небольшой, режим выступлений чрезвычайно напряженным. Нередко утром танцевали в одном городе, вечером в другом. Балерине приходилось исполнять до 14 номеров в день. Выступления П. вызвали волну интереса к искусству балета — желание танцевать стало повальной модой, охватившей даже круги высшего света.

В начале 1913 П. вернулась в Петербург; с 20 января по 24 февраля танцевала на сцене Мариинского театра в спектаклях «Дон Кихот», «Дочь фараона», «Баядерка». Она выступила также 22 февраля в парадном спектакле в честь 300-летия дома Романовых, исполняя вместе с другими прима-балеринами мазурку в опере «Жизнь за царя». 13 февраля состоялся ее концерт в Московской консерватории, включавший многие миниатюры, в том числе 7-й вальс и «Умирающий лебедь». Затем снова последовали гастроли. Во время поездки труппы П. по Германии состоялись премьеры фокинских «Прелюдов» на музыку Ф.Листа и балета «Семь дочерей горного короля» на музыку А.Спендиарова (31.3.1913). Контракт с Фокиным возобновился, чтобы тут же прерваться. Принципиально нового для творчества П. он не нес. Отношения П. с Мариинским театром осложнились из-за финансовых разногласий. Артистка нарушила условия контракта с дирекцией ради выгодной поездки в Америку и вынуждена была выплатить неустойку. Желание дирекции заключить с нею новый контракт наталкивалось на требование вернуть неустойку. Тем не менее театр был заинтересован в выступлениях П. Предпринимались шаги уладить инцидент. По инициативе дирекции в 1913 П. была удостоена почетного звания заслуженной артистки императорских театров и награждена золотой медалью. Дирекция по-прежнему настаивала на том, чтобы П. выступала только в России.

Рамки казенного театра для П. уже стали тесны. Она предпочитала быть полной хозяйкой. А это выдвигало новые трудности. Маленькая передвижная труппа не могла соперничать с Мариинским театром ни исполнительским составом, ни музыкальной культурой, ни оформлением. Утраты были неизбежны и весьма ощутимы, особенно при обращении к академическому репертуару. Спектакли «Спящая красавица», «Лебединое озеро», «Раймонда», «Дон Кихот», «Пахита», «Жизель», «Коппелия», «Тщетная предосторожность» шли в труппе П. в жалком виде, с переделанной И.Хлюстиным сокращенной хореографией. Излишней вольностью отличались также беспомощные фантазии на темы таких популярных балетов как «Дочь фараона», «Эсмеральда», «Шопениана». П. в подобных переделках обращалась с музыкой бесцеремонно — меняла темпы, тембровые краски, купировала номера и вставляла музыку

других композиторов. Единственный критерий был важен — будить ее творческую фантазию. И балерине в силу таланта нередко удавалось в какой-то мере преодолеть явные нелепости музыкального материала.

Последний приезд П. в Россию состоялся весной 1914. П. выступила 31 мая в петербургском Народном доме, 7 июня в Павловском вокзале, 3 июня в Зеркальном театре московского сада «Эрмитаж». Репертуар включал «Умирающего лебедя», «Вакханалию», другие ее миниатюры. Восторженный прием был адресован новой П. — международной «звезде», заезжей знаменитости. Маленькой, хрупкой балерине, привыкшей к чрезмерно напряженной работе, было 33 года. Это был 15-й сезон в ее театральной карьере, середина ее сценической жизни.

Начало 1-й мировой войны застало П. в Берлине. Пришлось спешно перебираться в Лондон. Собрав там небольшую труппу, П. снова отправилась в гастрольные путешествия. Теперь ей предстояло кочевать по чужим странам до конца жизни и выполнять миссию пропагандистки классического балета. Она побывала в Норвегии, Дании, Голландии, Австрии, Германии, Чехии, Италии, Испании, Португалии, Бельгии, Франции, Канаде, Бразилии, Турции, Египте, Японии, Индии, Китае. Посетила даже Африку, Австралию, Новую Зеландию, Цейлон, Яву. Во многих городах, где выступала ее труппа, люди впервые видели новое для себя искусство. И оно входило в их жизнь под знаком П. Вторая половина театральной судьбы П. свелась к прокатыванию сделанного прежде репертуара. Приходилось много работать, чтобы не потерять профессиональную форму. Одновременно надо было заботиться о повышении профессионализма тех беспомощных новичков, которые нередко пополняли ее труппу. Слава П. росла и умножалась. Балерина при жизни стала по сути легендой. Судьба П. интересна тем, что она реализовала новую тенденцию — коммерциализацию балетного искусства. И на ней самой лежат отсветы зарождавшейся на Западе индустрии «звезд».

К положению в России П. не была безучастна. Она присылала посылки в трудные послереволюционные годы учащимся Петербургской балетной школы, переводила крупные денежные средства голодающим Поволжья, устраивала благотворительные спектакли с целью поддержать бедствующих на родине.

П. умерла во время гастролей в Гааге 23.1.1931. Оставалась неделя до ее 50-летия. Она мечтала отметить его на сцене.

Лит.: Красовская В. Анна Павлова. Л.-М., 1964.

А.Соколов-Каминский

ПАВЛОВСКИЙ Александр Дмитриевич (1.10.1857, с. Чуфарово, Ярославской губ. — 8.10.1944, г. Сороки, Бессарабия) — патологоанатом, хирург и бактериолог. Отец П. — священник, поэтому естественным было поступление сына в духовное училище, а затем в Ярославскую духовную семинарию. Однако вскоре П. перешел из семинарии на естественное отделение физико-математического факультета Варшавского университета, а в 1876 — в Петербургскую Медико-хирургическую академию (МХА). Еще студентом П. какое-то время работал земским врачом в Боровицком уезде Новгородской губернии. О результатах своей деятельности он сообщил в статьях, опубликованных в журнале «Здоровье» (1879), «Врачебные ведомости» (1881) и «Еженедельной клинической газете» (1881).

Получив в 1883 диплом врача, П. был направлен на службу в военный госпиталь, а затем стал ординатором хирургической клиники МХА, возглавляемой профессором Е.Богдановским. Темой своей диссертации П. избрал гистологическое и экспериментальное исследование костно-мозговых опухолей и гигантских клеток соединительной ткани. Свои исследования проводил в патолого-анатомической лаборатории академии под руководством профессора Н.Ивановского. Защитив диссертацию на степень доктора медицины, П. остался в академии преподавать патологическую гистологию (1885-86). Его научные интересы включали новую область знания, получившую, благодаря работам Пастера и Коха, интенсивное развитие — бактериологию. В 1885 он опубликовал исследование о рожистом воспалении, в 1886 — монографию «Бактериологическое исследование». Работа П. «О микроорганизмах воздуха» была отмечена в Академии премией им. профессора Ильинского и серебряной медалью.

В 1886 П. был назначен приват-доцентом кафедры патологической анатомии Киевского университета. В том же году уехал в двухгодичную командировку за границу. В 1886-89 работал в бактериологических лабораториях Р.Вирхова, Р.Коха, Ф.Розенбаха в Берлине и лаборатории Л.Пастера в Париже. П. делал попытку найти свое собственное направление и предложил т.н. бактериотерапию — лечение инфекционных болезней с помощью бактерий-антагонистов. Так, в лаборатории Вирхова он осуществил попытку лечения сибирской язвы с помощью чистой культуры чудесной палочки, диплококков, стрептококков и др. (1887).

Вернувшись, получил звание ординарного профессора кафедры хирургической и патологической анатомии Киевского университета. Возглавлял эту кафедру с 1889 по 1918. Круг интересов П. достаточно широк. Он изучал раз-

личные формы туберкулеза суставов и пришел к выводу о существовании особых клинических форм — т.н. смешанных форм туберкулеза суставов (1889). Заинтересовавшись актуальной проблемой хирургии — этиологией и лечением острого перитонита, П. доказал, что независимо от того, как возник перитонит: в результате перфорации или инфицирования извне, необходимо хирургическое вмешательство — ранняя лапаротомия. Только так можно спасти больного. Это был важный научный и практический вывод. Клинической хирургии были посвящены и другие практические разработки П. (например, прием подкожного вливания физиологического раствора поваренной соли при упадке сердечной деятельности во время операций, 1892).

П. исследовал проблемы антисептики, хирургических инфекций, иммунитета; был энтузиастом асептики. Он применял ее активно в университетской хирургической клинике и в больнице Красного Креста в Киеве, где он оперировал. В 1890 П. ввел в практику кипячение хирургических инструментов в 1% растворе соды, автоклавирование белья и перевязочных материалов, открыл специальные асептические перевязочные блоки и др. В результате ему удалось сократить применение антисептических средств. «Сферы применения антисептики и асептики, по нашему мнению, ясны и строго разграничены, — считал П. — Антисептика — для ран инфицированных, с микробами; асептика для ран чистых и тканей нормальных, без микробов».

В 1892 он одним из первых доказал, что воспалительный очаг в организме имеет защитный характер. При университете П. создал свою бактериологическую лабораторию, в которой организовал в 1893 производство противохолерной сыворотки. Ее успешно применяли не только в России, но и в Германии (Пфейффер) и Японии (Китазато). В 1894 П. был вновь направлен в Париж, в Институт Пастера с целью усовершенствования методики приготовления антидифтерийной сыворотки. Вернувшись из Франции, П. освоил получение антидифтерийной сыворотки в бактериологической лаборатории Киевского университета. Сыворотка изготавливалась на общественные пожертвования и рассылалась в больницы Киева, Киевской, Черниговской, Курской, Воронежской и Херсонской губерний, а также в районы Дона и Кавказа. Антидифтерийная сыворотка П. отличалась высокой активностью, и число смертельных случаев при ее использовании не превышало 10% (для сравнения: сыворотка Э.Беринга в Германии давала 19% смертности в клинике; сыворотка Э.Ру в госпитале Труссо в Париже — 16-19%).

Большое внимание П. уделял практическим вопросам организации эпидемиологической и бактериологической службы. Еще на 1-м Пироговском съезде врачей в 1885 он выступил с предложением создать на медицинских факультетах самостоятельные кафедры бактериологии. В 1894 по инициативе П. было создано «Общество для борьбы с заразными болезнями», на средства которого в 1896 при Киевском университете был построен Бактериологический институт. П. был первым научным руководителем этого института (1896-1918) и заведовал в нем специализированным сывороточным отделом. При институте функционировали курсы по подготовке врачей-бактериологов и иммунологов.

П. выполнено более 100 научных исследований в области бактериологии и инфекционной патологии. В 1897 П. создал препарат «риносклерин» для лечения риносклеромы; позже он разработал специальную питательную среду для туберкулезных бактерий. Из важных экспериментальных исследований можно выделить также его работу «К вопросу об инфекции и иммунитете»(1899). В ней П. выяснил влияние разнообразных факторов: охлаждения, травмы, голодания, алкоголизма и пр. на течение инфекции и состояние иммунной защиты организма животного. Во время русско-японской войны 1904-5 был врачом русской армии в Маньчжурии, а в годы 1-й мировой войны работал хирургом в военных госпиталях Киева.

В 1918 П. покинул Россию, жил за границей, в Бессарабии; работал хирургом в больницах Кишинева и Сороки и параллельно продолжал заниматься научной работой. Ему принадлежит интересное исследование, посвященное природе бактериофага и его роли в иммунитете и терапии (1929). В 1925-26 он опубликовал несколько статей по «модной» в 20-е проблеме старения и омоложения живых организмов, в 1927 — о роли радия в медицине. Пропаганде новаторских работ *С.Виноградского*, работавшего в эти годы в Институте Пастера в Париже, посвящена статья «Микробиология почвы», опубликованная на русском и румынских языках в агрономическом журнале в Кишиневе в 1936.

В 30-е внимание П. было сосредоточено на проблеме эндокринологии. На 15-м конгрессе Румынского общества невропатологов, физиологов и эндокринологов в октябре 1935 выступил с докладом о лечении кретинизма. О диагностике заболеваний желез внутренней секреции и применении эндокринных препаратов П. писал в статьях, опубликованных в румынских медицинских журналах в 1937-38.

Соч.: К учению о бактериотерапии. Лечение сибирской язвы и судьба сибиреязвенных бацилл в орга-

низме. СПб., 1887; К учению об этиологии, способе происхождения и формах острого перитонита. СПб., 1889; О лечении риносклеромы риносклерином. Киев, 1894; К вопросу об иммунизации и серотерапии при риносклероме. М., 1897; Проблема старости и идея омоложения // Бюлл. Асс-ции кишиневских врачей, 1925-26; Радий и его применение в медицине // Там же, 1927; К вопросу о бактериофаге Herelle и его роли в иммунитете и терапии // Бессарабский мед. вест., 1929, т. 10.

Лит.: Павловский Александр Дмитриевич (1.X.1857 — 8.10.1944) // Биологи. Биографич. справочник. Киев, 1984.

Т.Ульянкина
М.Мирский

ПАНТЕЛЕЙМОНОВ Борис Григорьевич (1880, Сибирь — 18.9.1950, Париж) — инженер-химик, писатель. Участвовал в студенческие годы в революционном движении, некоторое время был в ссылке. Высшее образование завершил в Германии. Перед революцией — директор департамента в министерстве сельского хозяйства, профессор, работал с *А.Чичибабиным*. Служил в советских учреждениях, в 1919 (?) был направлен в Берлин для участия в химическом конгрессе и для закупки в Германии минеральных удобрений, но не вернулся. Впоследствии оценивал свою судьбу и судьбу Чичибабина как «трагедию случайного, не злостного отрыва от Родины». По просьбе М.Горького написал для советского журнала «Наши достижения» (1929, № 2) статью «Использование соляных озер». Занимал высокооплачиваемую должность в Палестинской поташной компании, созданной в мае 1929 для разработки месторождений Мертвого моря. В Палестине в начале 30-х женился на 20-летней Зинаиде Крумбах; после того, как она ушла от него, переехал вслед за ней в Бейрут, где работал в химической компании Леви. После завершения бракоразводного процесса инсценировал 23.9.1935 самоубийство, о чем как об истинном факте сообщили ближневосточные газеты. Первые стихи прислал из Бейрута в парижские «Последние новости». Жил в Париже — до 1939 и снова с 1944, оборудовал лабораторию по изготовлению косметики. Тогда же сблизился с *И.Буниным*, *А.Ремизовым* (познакомился с ним в 1937), *Н.Тэффи*, высоко ценившими его талант и человеческие качества. Женился на работавшей в «Последних новостях» художнице Т.Кристин.

В 1945 получил советское гражданство. Сотрудничал в газете «Советский патриот» и в др. просоветских изданиях. В статье «Толпа» и в ответе на возражения по поводу этой статьи *Н.Бердяева* ставил знак равенства между толпой и народом, «коллективный разум которого создает и необъятное государство Российское и Великую русскую революцию», тогда как фашизму — в отличие от советского режима — свойственно пренебрежение к массе. В статье «Судьбы народов» утверждал, что «эра германо-романской цивилизации подошла к своему концу, ...Россия не согласилась служить для Европы только этнографическим материалом... Из дряхлеющих рук Европы выпадает рычаг духовного превосходства»; главная идея новой цивилизации — социальная справедливость.

Почти все художественные произведения П. — циклы рассказов «Приключения дяди Володи», «Молодые глаза», рассказ «Лес» — были посвящены России конца XIX — начала XX вв., Сибири, миру детства. Их особенность, по словам *Г.Адамовича*, — «неподдельная, душевная бодрость и какое-то, столь же неподдельное, органически доброе отношение ко всему живому». Отчасти автобиографичны повесть о Д.Менделееве и рассказ «Ванда», в которой нашла отражение история любви П. к З.Крумбах.

Умер П. от рака горла. Тэффи писала *А.Седых*: «Из всей нашей компании («трио») жаль только П., потому что он очень хороший. А мы с Буниным — так себе»; Бунин «очень плачет о П.». В выпуске альманаха «Дело», посвященном памяти П. (Сан-Франциско, 1951), творчество его было названо «неоконченной симфонией» и говорилось, что он «светлым взглядом смотрел на мир», «ничего злого не видел ни в природе, ни в судьбе...».

Соч.: Зеленый шум. Париж, 1947; Звериный знак. Париж, 1948; Последняя книга. Нью-Йорк, 1952; Приключения дяди Володи. М., 1992.

Лит.: Агурский М. Сибиряк на Мертвом море: О Борисе Пантелеймонове / Евреи в культуре рус. зарубежья, вып.1. Иерусалим, 1992.

Р.Ильин

ПАСТЕРНАК Леонид Осипович (22.3.1862, Одесса — 31.5.1945, Оксфорд) — живописец, портретист. Родился в бедной семье, младшим из шести детей. Рано проявил пристрастие к рисованию, что встречало сопротивление родителей. Окончил в 1881 гимназию, одновременно посещая Одесскую рисовальную школу. В 1881-82 учился на медицинском факультете Московского университета, занимаясь живописью и рисунком в мастерской академика Е.Сорокина. Овладение анатомией дало будущему художнику обширные познания о строении человеческого тела, его пропорциях и движении. В 1883 перевелся на юридический факультет Новороссийского университета (Одесса); вскоре поехал в Мюнхен, где провел несколько семестров в Королевской Академии

изящных искусств у профессоров И.Г.Гертериха и И.Лиценмейера. Тогда же познакомился с В.Серовой, возглавлявшей русский кружок, — матерью художника В.Серова, это, вероятно, послужило началом дружбы между семьями Серовых и Пастернаков. У обоих художников было много общего во взглядах на искусство и на жизнь. В свои наезды в Одессу для сдачи университетских экзаменов П. помещал карикатуры, эскизы и бытовые сценки в юмористических и др. журналах, и много лет спустя М.Горький говорил П.: «Я помню вашего «босяка», он был первым в нашей литературе». По окончании университета П. в 1885-86 проходил военную службу вольноопределяющимся в артиллерии. Как и везде, он зарисовывал все, что представлялось интересным глазу. Один из этих эскизов послужил сюжетом для первого большого холста — «Письмо с родины» (1889).

В Одессе П. встретился с пианисткой Розой Кауфман, которую А.Рубинштейн еще в ее детские годы отметил как исключительное музыкальное явление и устраивал ее концертные выступления в Москве и Петербурге; в 1889 они поженились и переехали в Москву, где П. присоединился к поленовскому кружку. Известный коллекционер П.Третьяков посетил П. и тут же, «с мольберта», купил «Письмо с родины»; успех этой картины на очередной Выставке передвижников выдвинул имя П. в ряд с наиболее видными передовыми художниками того времени. Репин посылал к нему учеников, Н.Ге называл его своим продолжателем. В Москве П. давал уроки, впоследствии с художником Штембергом открыл частную рисовальную школу: П. вводил новые, приобретенные в мюнхенской Академии приемы, в особенности рисование углем, с натуры. В 1890 у Пастернаков родился сын Борис, будущий поэт, а через три года — Александр, ставший впоследствии известным архитектором.

В 1890 граф Ф.Сологуб сделал П. художественным редактором нового литературно-художественного журнала «Артист», который, по мнению *К.Бальмонта*, печатавшего там свои первые стихи, «был предтечей «Мира искусств». В 1891, по предложению издателя П.Кончаловского (отца художника), П. взял на себя общее руководство художественной частью иллюстрированного издания сочинений Лермонтова. Помимо включения собственных иллюстраций, П. пригласил к участию ряд других художников, в том числе и малоизвестного тогда, но высоко ценимого им М.Врубеля. В это время П. много сил отдавал писанию портретов, в них он старался достичь слияния живописной композиции не только с лицом, но и с внутренней сущностью портретируемого. П. обладал способностью улавливать нюансы постоянной смены настроений в живой натуре, и эта импрессионистическая быстрота фиксирования неповторимых мгновений характерна не только для его портретов, но для всего творчества, в особенности для его рисунков и эскизов. В 1894 П. написал картину «Накануне экзаменов», которая получила 1-ю премию на Мюнхенской международной выставке, а в 1900 со Всемирной выставки в Париже была куплена для Люксембургского музея (теперь находится в постоянной экспозиции музея Орсе в Париже).

В своих воспоминаниях П. замечает, что два года были особенно знаменательными в его жизни: 1893 — знакомство и сближение с Л.Толстым и 1894 — поступление преподавателем в Училище живописи, ваяния и зодчества. В результате реформ и включения в состав преподавателей Н.Касаткина, *К.Коровина*, П., Серова и др. Училище стало считаться наиболее прогрессивной художественной школой не только в России, но и за рубежом. Введены были общеобразовательные курсы. В.Ключевский читал лекции по русской истории, и П. увековечил его в портрете. За время 25-летнего преподавания П. в Училище многие из его учеников сами стали известными художниками (С.Герасимов, П.Кончаловский, Н.Крымов, С.Щербаков и др.). В 1898 Л.Толстой через свою дочь, Т.Толстую, обратился к П. с просьбой проиллюстрировать его новую книгу «Воскресенье». Для П., боготворившего Толстого, это предложение было одним из «чудес» в его жизни. «Воскресенье» с иллюстрациями П. вышло в Петербурге (отд. изд. в Париже, Лондоне и Нью-Йорке); оригиналы рисунков были выставлены в русском павильоне на Всемирной выставке в Париже в 1900. Л.Толстой восторгался портретностью пастернаковских рисунков, угадыванием изображаемых в романе лиц.

В 1900 у Пастернаков родилась дочь Жозефина, а через два года — Лидия. П. создал целую галерею интерьеров с детьми, передающих музыкальность и теплоту домашнего мира. Намекая на успехи его детских портретов, знакомые шутили, говоря, что у П. «дети кормят родителей».

В 1901 Люксембургский музей в Париже заказал пяти наиболее известным художникам, среди которых был и П., картины из русской жизни. П. написал ставшую знаменитой картину «Толстой в кругу семьи» в вечернем освещении. Великий князь Георгий Александрович, увидев ее на выставке «Мир искусства», решил приобрести для Музея Александра III (ныне Русский музей в Петербурге). П. участвовал в первых выставках «Мир искусства» и был членом-учредителем Союза русских художников. В 1904 ему было поручено устройство русско-

го отдела на выставке в Дюссельдорфе. Воспользовавшись пребыванием за границей, он посетил Италию; не имея времени копировать любимые картины, делал небольшие эскизы, представлявшие полную гамму красок оригинала. И.Грабарь, а впоследствии и знаменитый английский искусствовед лорд Кеннес Кларк отметили эту чрезвычайно оригинальную, по их мнению, «миниатюрную галерею старых мастеров».

Во время революции 1905 П. в связи с закрытием Училища прожил год в Берлине. Там он написал портрет М.Горького, занимался техникой гравюры. Вместе с финским художником Акселем Галеном выставлялся в галерее Шульте в Берлине. В 1907 ездил в Бельгию и Англию по приглашению Ч.Винсента — англичанина, познакомившегося с детскими сюжетами П. по репродукциям в лондонском журнале «Studio» и заказавшего художнику портрет своей дочери. П. предлагали переехать в Лондон, но у него «и в мыслях не было покинуть Москву и любимое училище», как писал он в своих воспоминаниях. Работы П. тех лет характеризовало органическое соединение лиризма и непосредственности. В 1912 во время пребывания всей семьи за границей в связи с лечением Р.Пастернак (сначала на водах в Киссингене, затем на море, недалеко от Пизы) П. начал свою большую работу «Поздравление» — портретную группу детей, пришедших с подарками поздравить родителей с днем их серебряной свадьбы (1914).

В начале 1-й мировой войны П. по просьбе городских властей Москвы выполнил плакат «Раненый солдат» цветной литографией. Плакат предназначался для благотворительного сбора в пользу жертв войны. В 1918 Московский совет использовал подаренный в свое время городу плакат в качестве антивоенной пропаганды. П. делал зарисовки и портреты деятелей революции, в том числе Ленина, композиции во время заседаний ВСНХ, ВЦИК и др. Приобретенные правительством, они были уничтожены в 1930-е.

В 1921 П. в связи с ухудшением здоровья выехал в Берлин. Вместе с ним отправились жена и дочери, сыновья остались в Москве. После лишений военных и послереволюционных лет П. испытал как бы новый подъем творческих сил. Несмотря на малоблагоприятные условия в скромном пансионе, он с воодушевлением взялся за работу, написал портреты многих известных ученых, художников и писателей: филолога А. фон Гарнака, физика А.Эйнштейна, поэта Р.М.Рильке, писателя Г.Гауптмана, художников Л.Коринта и М.Либермана и мн. др. Среди русских, с кем П. встречался и портреты которых он писал в Берлине, — *А.Ремизов, Л.Шестов, С.Прокофьев,* дипломат Я.Суриц и его жена, А.Луначарский и Н.Розенель. Интересны городские пейзажи Берлина и окрестностей Мюнхена, натюрморты и интерьеры с мягким вечерним освещением. В 1924 по предложению друзей П. присоединился к литературно-художественной экспедиции в Египет и Палестину; результатом явилась серия колоритных зарисовок.

Помимо участия в выставках Сецессиона, П. показывал свои работы в галерее Хартберга (персональные выставки в 1927 и 1931). Пресса и публика восторженно отнеслись к творчеству русского художника, однако приход к власти нацистов коренным образом изменил обстановку. В 1932 в Берлине вышла монография П. с воспоминаниями о Л.Толстом и автобиографическими заметками; большую часть тиража не успели вывезти из типографии, где она была уничтожена в мае 1933 во время публичного сожжения книг нацистами. Была запрещена также подготовленная к 75-летию художника выставка, которую он собирался потом переслать в Москву.

В конце 1930-х П. принял решение вернуться на родину, но перед этим он хотел навестить свою младшую дочь в Лондоне. Картины П. в ящиках советского посольства были отправлены туда же, чтобы затем последовать в Москву. В Лондоне П. снова взялся за работу, написал более десятка портретов; несколько картин были отданы в Британский музей, планировалась выставка его работ. Внезапная смерть жены в августе 1939 была тяжелым ударом; через неделю началась 2-я мировая война. П. остался у дочери в Оксфорде, где и скончался.

Работы П. находятся в музеях и частных собраниях в России (Третьяковская галерея, Русский музей, Музей Л.Толстого, Музей изобразительных искусств им. А.Пушкина и многочисленные провинциальные музеи); в Европе и Америке («Musée d'Orse» — Париж, «Tate Gallery», «British Museum» — Лондон, «Asmolean Museum» — Оксфорд, «Artmuseum» — Бристоль и др.); в собрании наследников двух дочерей П. в Англии (там же хранятся рукописи его записок и обширная переписка). Бумаги и рисунки П. находятся также в рукописных отделах музеев России, РГАЛИ, РГБ, РНБ, ИРЛИ и семейных собраниях его наследников в Москве.

Несколько посмертных выставок П. прошли в Москве (1969, 1979, 1990), а также в Англии, Германии и США (полный каталог работ художника подготовлен к изданию в Англии). В организации выставок большую роль сыграли дочери П.

Жозефина Леонидовна Пастернак (1900—1993) летом 1921 выехала через Латвию в Берлин; окончила там философский факультет университета, работала над книгой, посвященной критике детерминизма. Весной 1924 вышла замуж за своего троюродного брата — Федора Карловича Пастернака, одного из директоров Южногерманского банка, и поселилась вместе с мужем в Мюнхене. Родители ежегодно приезжали к ним на лето; П. подарил им и сам развесил в комнатах часть своих лучших работ (среди них портрет Жозефины, 1927). Жозефина начала писать стихи. Прочитав некоторые из них, ее брат, Борис Пастернак, писал: «Я в совершенном удивленьи... Уверенность прикосновенья к теме, естественность спокойно исчерпывающего ее оборота, движенье в том промежутке между напряженностью и прозрачностью, в каком только и можно сказать так, как это хотел — все это я у тебя встретил в степени, редкой даже у сложившихся художников». Книга стихов Жозефины под псевдонимом Анна Ней была издана в Берлине («Координаты», 1938). Осенью 1938 Жозефина с двумя детьми и мужем вынуждены были спешно бежать из Германии; обосновались в Оксфорде. После войны Жозефина много сил отдавала работе с архивом отца; составила книгу П. «Записки разных лет». Фототипическим способом переиздала книгу своих стихов уже под собственным именем (1971), а в 1984 в Париже вышла ее вторая книга — «Памяти Педро». Бумаги Жозефины хранятся у ее наследников, Чарлза Пастернак и Элен Рамзи в Оксфорде.

Лидия Леонидовна Пастернак (1902—1989) в сентябре 1921 вместе с родителями уехала в Берлин. В 1926 окончила химический факультет Берлинского университета и поступила работать в Мюнхенский институт психиатрии; получила докторскую степень. В начале 1930-х перешла в лабораторию психиатрии Института Кайзера Вильгельма в Берлине (в той же группе работал Н.Тимофеев-Ресовский). В 1935 вышла замуж за своего коллегу Эл.Слейтора, переехала в Англию. В своем доме в Оксфорде Лидия давала приют самым разнообразным людям — беженцам из Германии и Польши, бездомным поэтам и художникам. Лучшую комнату отвела отцу под мастерскую, где он много и плодотворно работал. Воспитывала своих четверых детей. После войны завязываются ее связи с русской колонией в Оксфорде, дружба с университетскими славистами, профессорами *Н.Зерновым*, Г.Катковым и др. Она помогала изданию английского перевода прозы Бориса Пастернака. Всю свою жизнь Лидия писала стихи, в том числе и на английском языке. Поэтическое мастерство, умение облечь в четкую форму поэтические образы пригодились в ее литературных занятиях: Лидия начала переводить стихи Бориса (первая книга вышла в 1958; в 1963 и 1984 изданы сборники с предисловием Лидии). Переводы Лидии поражают гармоническим и образным сходством с оригиналом, в них слышна звуковая форма русского стихотворения, удивительное проникновение в знакомую ей с детства манеру выражения мысли поэтом. С 1956 Лидия — поверенная брата в делах английских изданий. После смерти Бориса ежегодно приезжала в Москву; стала переводить на английский язык стихи А.Ахматовой, А.Вознесенского, Б.Ахмадулиной, Е.Евтушенко, публиковала их в разных английских журналах. Устраивала вечера русской поэзии в Пушкинском клубе в Лондоне и разных университетах Англии; ее выступление в Карнеги Холл в Нью-Йорке прошло с большим успехом. Английские стихи Лидии вышли в книге «Before sunrise» (Лондон, 1971), русские — в Женеве в 1974. Ее стараниями через год вышел сборный том воспоминаний, очерков и переводов о семье Пастернак (Женева, изд-во «Poesie vivante»). Последней работой Лидии была подготовка новых переводов для двуязычного издания стихов Бориса Пастернака (М., 1990). Архив Лидии хранится в ее доме в Оксфорде.

Соч.: Записи разных лет. М., 1975.

Лит.: Osborn Max. Leonied Pasternak. Warsaw, 1932.

Е.Пастернак

ПЕВЗНЕР Натан (Антуан) Абрамович (18.1.1884, Орел [по др. св. Климовичи, Могилевской губ.] — 12.4.1962, Париж) — скульптор и живописец. Старший брат *Наума Габо*. Родился в семье инженера. В детстве был чрезвычайно религиозен; рано проявилась страсть к рисованию. В 1902-9 учился в Киевском художественном училище; увлекался живописью М.Врубеля, самостоятельно изучал иконопись и византийскую старину. В 1909 родители отправили его в Петербург, в Академию художеств, но он был отчислен по истечению трехмесячного испытательного срока, установленного для евреев, принятых сверх трехпроцентной нормы. В 1909-11 жил дома, почти не рисовал. Был приглашен в Орел написать портрет жены генерала Блохина, где провел три месяца. В этот период познакомился с импрессионизмом и кубизмом благодаря коллекциям Щукина и Морозова.

В 1911 уехал в Париж вместе с братом Наумом, с которым был очень дружен, оста-

вался там до 1913. По свидетельству другого брата — Алексея, «все время в Париже... был в подавленном состоянии, очевидно находился на перепутье». Большое впечатление на него произвела Эйфелева башня, позднее он назовет Эйфеля первым конструктивистом. В начале 1914 братья возвратились в Брянск. К этому периоду творчества П. относится его «Марокканка в желтой чалме». Через несколько месяцев П. снова отправился в Париж. Во время 2-й поездки он познакомился и подружился с *А.Архипенко* и А.Модильяни. Тогда же написал первую абстрактную картину — «Абстрактные формы». В начале 1-й мировой войны переехал в Копенгаген, затем в Осло. Под влиянием картин кубистов, скульптур У.Боччиони и конструктивистских опытов брата он обратился к скульптуре и начал вместе с Габо разрабатывать теоретические основы конструктивизма.

В марте 1917 они вернулись в Россию, сняли студию в Москве; с 1918 преподавали во ВХУТЕМАСе. П. участвовал в 1-й выставке картин Профсоюза художников-живописцев Москвы (1918), 5-й Государственной выставке картин (1919) и 1-й Русской художественной выставке в Берлине (1922). В 1920 П. и Габо со скульптором Г.Клуцисом устроили уличную выставку на Тверском бульваре и опубликовали «Реалистический манифест» — первый манифест конструктивизма, в котором, по существу, заложили основы новой эстетики декоративной скульптуры. «Тупик, в котором застряло искусство в результате последних 20 лет исканий, должен быть проломан. Это тупик распадающихся форм». В противовес предлагался принцип «созидания», «творчества», «дела», направленных на жизнь. В манифесте были провозглашены 4 принципа новой эстетики: 1) отрицание цвета, замена его тоном — светопоглощающей средой, 2) отрицание изобразительных линий в пользу линии направления статических сил.и ритмов, 3) отрицание старого объема и массы как пространственно-скульптурных элементов и утверждение вместо них качества «глубины» как единственной формы пространства, 4) отрицание неподвижности формы в пользу ритмов кинетических.

В 1923 П. выехал в Берлин, в конце года перебрался в Париж. В 1930 принял французское гражданство. С этого времени он мало рисовал, его немногочисленные работы — наброски будущих скульптур. С 1923 работал как скульптор. В 1924 в парижской «Gallerie Percier» состоялась выставка «Русские конструктивисты: Габо и Певзнер». В 1926 П., Габо и Т.Ван Дусбург выставлялись в «Little Review Gallery» в Нью-Йорке, участвовали в выставках в Хартфорде и Бруклине, а также в Салоне независимых (1925) и Осеннем салоне (1926) в Париже. В 1920-е создал последние фигуративные произведения: «Портрет М.Дюшана» (1926), сконструированный из цинковых и целлюлоидных дисков, укрепленных на деревянной основе; экспрессионистский «Торс» (1924-26); фигуру «Богиня» к балету «Кошка» А.Соге, оформленному Габо для антрепризы *С.Дягилева* (1927) и др. В дальнейшем его искусство становилось полностью абстрактным. Основным материалом скульптур П. избрал стальные и бронзовые нити, которые, по его мнению, являлись единственно возможным материалом, соответствовавшим рисунку.

В 1930 участвовал в международной выставке в Стокгольме. В 1931 — в создании международного авангардистского объединения «Abstraction—Creation» («Абстракция—Созидание — бесфигуративная художественная группа») вместе с Хербином, Купке, Мондриани. В 1934-36 работы П. выставлялись в Амстердаме, Базеле, Нью-Йорке, Лондоне, Чикаго, Бруклине, в 1939 — в «Charpentier Gallery». В 1934 исполнил «Конструкцию для аэропорта», которая дала толчок новому взлету художественной карьеры. Лейтмотивом его творчества стала криволинейная поверхность, образованная большим числом равномерно расположенных стержней из оксидированной бронзы или латуни различных оттенков. В этом духе решены скульптуры «Развивающаяся поверхность» (1936), «Проекция в пространстве» (1939).

В послевоенные годы получил признание как глава конструктивистского направления в скульптуре. В 1946 П. участвовал в создании группы «Новые реальности» (с 1953 — вице-президент, с 1956 — почетный президент), силами которой был организован в том же году салон; в нем приняли участие *В.Кандинский*, С.Делоне. В 1947 состоялась большая ретроспективная выставка П. в галерее Друэ в Париже, в 1948 — совместная с Габо выставка в Музее современного искусства в Нью-Йорке, в 1949 — в Цюрихе. Он участвовал также в выставках: в «Buttersea Park» (Лондон, 1951); «Шедевры XX века» в Музее современного искусства (Париж, 1952); одновременно в «Tate Gallery» (Лондон); в Милане, где его работы были отмечены и высоко оценены; «Пионеры современной скульптуры» (Цюрих, 1954). В этот период творчества работы П. приобретали крупнейшие музеи Европы и Америки, а также частные коллекционеры. В 1950 Венесуэла приобрела «Динамическую проекцию под углом в тридцать градусов», которая была установлена в комплексе Каракасского университета. В 1955 «General Motors» приобрел его скульптуру «Взлетающая птица», которая была

установлена перед зданием научно-технического центра в Детройте. Макет П., подготовленный для международного конкурса проектов памятника «Неизвестному политзаключенному», в котором принимали участие скульпторы из 53 стран, завоевал второй Гран-при. В настоящее время его ажурный шарообразный «Монумент политическому заключенному» находится в Лондоне в «Tate Gallery».

Персональные выставки П. были организованы в Леверкузене (Германия, 1955); в Музее современного искусства в Париже (1957). Его работы выставлялись на выставках «Международное искусство в XX веке» (Кассель) и «Истоки современного искусства» (Музей «Stedelijk», Амстердам; обе — 1956). Скульптуры П. были представлены на выставках в Венеции, Антверпене и Брюсселе, где удостоились высоких наград. В 1961 П. наградили орденом Почетного легиона.

Работы П. представлены во многих музеях мира: Музеях современного искусства в Нью-Йорке, Париже, Вене, Институте искусства в Чикаго и др. В Русском музее в Петербурге выставлена картина «Абсент» (1922-23), в Третьяковской галерее — «Портрет. Карнавал» (1917).

Лит.: Massat R. Antoine Pevsner et la Constructivism. Paris, 1956; Pevsner A. A Biographical Sketch of my Brothers. Amsterdam, 1964; Валериус С. Прогрессивная скульптура XX в. М., 1973; Певзнер А. Дорога. По обочине... М., 1992; Художники русской эмиграции. Петербург, 1994.

И.Купцова

ПЕТРАЖИЦКИЙ Лев Иосифович (13.4.1867, с. Колонтаево, Витебской губ. — 15.5.1931, Варшава) — правовед, основатель психологической школы права. Окончил витебскую гимназию, обучался на юридическом факультете Киевского университета, после окончания которого слушал лекции в Гейдельберге и Париже. По возвращении в Россию был принят приват-доцентом на кафедру энциклопедии и философии права Петербургского университета. В это время П. занимался проблемами гражданского права. В начале 90-х он выступил с оригинальной и впоследствии общепринятой теорией о правах добросовестного владельца на доходы. Основная работа по этой проблеме («Учение о доходе», т. 1-2, 1893-95, на нем. яз.) содержала принципиальное требование создания новой науки в правоведении — политики права. Большое внимание П. уделял критическому разбору обсуждавшегося тогда в Германии нового проекта Гражданского уложения. П. доказывал, что многие проектируемые нормы представляли собой шаг назад по сравнению с соответствующими положениями римского права. Критика П. вызвала сенсацию в научных и парламентских кругах Германии и повлияла на изменение некоторых положений проекта. В своих рассуждениях П. исходил из того, что при создании новых законов необходимо учитывать психическое влияние права на поведение человека и развитие человеческого характера, что, по его мнению, должно служить предметом изучения политики права.

В 1898 П. защитил диссертацию на ученую степень доктора права. Вскоре был назначен ординарным профессором, возглавил кафедру энциклопедии и философии права Петербургского университета, руководил ею в течение 20 лет, до 1918. Был деканом юридического факультета. В 1900 возглавил кружок студентов, работавших по теме об обычном праве. Лекции, которые читал П., были уникальны по своему содержанию и форме изложения, они пользовались невероятной популярностью среди студентов не только юридического, но и др. факультетов. П. также преподавал энциклопедию права в училище правоведения, но в октябре 1905, протестуя против преследования ряда старших воспитанников за их политические убеждения, подал в отставку. Соредактор журналов «Право» и «Вестник права». Член кадетской партии, входил в ее Центральный и Петербургский комитеты. Был избран в состав 1-й Государственной думы, за подписание Выборгского воззвания отбывал тюремное заключение.

Философские концепции П. близки эмпириокритицизму и имманентной школе. Согласно его учению реально существуют лишь психические процессы, остальные социально-исторические образования суть их внешние проекции — «эмоциональные фактазмы». Он полагал, что науки о праве, государстве, нравственности должны опираться на анализ психических явлений. Считая неудовлетворительным деление психических явлений на познание, чувство и волю, где первые два феномена пассивны, а третий — активен, П. ввел понятие эмоций, носящих двусторонний, активно-пассивный характер (например, переживания голода, жажды и т.п.). Эмоции у него — истинные мотивы, двигатели человеческого поведения. Среди различных эмоций особую роль играют эмоции этически-моральные и правовые. Моральные эмоции императивны, т.е. обязательны; правовые — императивно-атрибутивные, обладают обязательно-притязательным свойством. П. разделял право на интуитивное и позитивное. Интуитивное право по своему содержанию является принципиально индивидуальным и потому характеризуется как мне-

ние. Вместе с тем он не сводил понимание права просто к мнению, а наделял его качествами действующего права. В отличие от интуитивного права позитивное — исходит из внешнего авторитета, государства. Реальным для П. являлось только индивидуальное правосознание, субъективное переживание индивидом сознания двусторонней, императивно-атрибутивной связанности воли. Это право существенно отличается и от нравственности, нормы которой носят исключительно повелительный характер (imperare). Право у П. представляло собой совокупность норм императивно-атрибутивных. Иначе, сущность юридических норм не исчерпывалось только велением, но и включало «воздаяние» (attribuere). По мнению П., правоведение нуждалось в совершенствовании «путем развития психологической науки о праве, обнимающей и интуитивное, и позитивное право». Политика права, как он считал, призвана очищать психику людей от антисоциальных склонностей и направлять их поведение в сторону общего блага. Учение П. о политике права было изложено в работах: «Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология (3-е изд. СПб., 1908)»; «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (т. 1-2. СПб., 1909).

В 1918 П. покинул Петербург и возглавил кафедру социологии Варшавского университета. Более 12 лет он вел научную работу за пределами России. Исследования П. в эмиграции отличаются многоаспектностью. В них содержатся оригинальные идеи и решения, которые охватывают вопросы, относящиеся к метанауке, психологии, социологии, этике, политической экономии и юридическим наукам. Столь широкие научные интересы П. были подчинены одной ведущей цели — созданию новой научной дисциплины, предметом изучения которой были бы характерные черты и закономерности развития права как продукта и одновременно фактора общественной жизни. Выступая с идеей научной политики права, П. далеко опередил как прежние школы и теории (школа естественного права, историческая школа права, Иеринг, Штаммлер), так и современные правовые направления (американский функционализм, скандинавский правовой реализм). Его опытно-психологическая теория является многосторонней, поскольку она охватывает различные сферы права как сложного явления, а именно: психологическую, логическую, нормативную, социологическую, аксиологическую.

П. выделял в юриспруденции два типа мышления: профессионально-нормативное, практическое, определяющее догматический способ подхода к праву, и научное, теоретическое, которое исследует право как психообщественное явление. Он смотрел на право как бы двояко: через индивидуальное переживание и через общественные процессы. Согласно его концепции правовые явления находятся в двусторонней причинной связи с другими процессами общественно-психической жизни. В учении П. выделяются также два типа оценки права. К первому типу относятся оценки позитивного права с точки зрения справедливости — эмоционального интуитивно-правового переживания, которое по своей сути автономно и индивидуально, хотя социально обусловлено и проявляет сильную тенденцию к абсолютизации. Второй тип включает оценки, определяющие позитивное или интуитивное право как «правильное и разумное». Эти оценки объективизированы и рационализированы путем их отнесения к актуальному уровню этического развития данного общества. Полное тождество обоих типов оценок, когда «право правильное и разумное» будет одновременно правом «справедливым», наступит в момент осуществления общественного идеала — идеала «действенной любви между людьми». Но тогда, по мнению П., исчезнет предмет оценки — позитивное право.

Круг научных интересов П. в области юриспруденции включал не только проблемы права, но и — государства. Им была разработана концепция государственной власти, которая рассматривалась как правовое явление, основанное на психологических проекциях прав и обязанностей. На базе этих проекций возникает отношение власти, в котором правящий получает правомочия издавать приказы и требовать их исполнения, а подвластные обязаны выполнять эти приказы. Таким образом, характер психологических переживаний становится основой классификации отношений государственной власти. Согласно этой теории психологические эмоции не только удостоверяют власть, но и создают явления власти. П. подготовил целую плеяду талантливых исследователей в Польше и др. странах. Его последователи и ученики оказали большое влияние на современную американскую социологию права.

Соч.: Очерки философии права, вып. 1. СПб., 1900; О мотивах человеческих поступков. СПб., 1904; Университет и наука, т. 1-2. СПб., 1907.

Лит.: Annales Universitatis Mariae Curie Skladowska. Sectio G., Jus., vol. XXVIII. Lublin, 1981.

Э.Кузнецов

ПЕТРУШЕВСКИЙ Владимир Александрович (4.2.1891, Москва — 30.8.1961, Сидней, Австралия) — вулканолог, поэт, общественный де-

ятель. Его прадед, Фома Иванович П., был ученым метрологом, автором фундаментального труда «Общая метрология»; переводил Евклида и Архимеда; занимал пост директора института слепых в Петербурге. Дед, Василий Фомич П., генерал-лейтенант артиллерии, гвардеец, постоянный член артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления; преподавал химию наследнику престола, будущему императору Александру III; первым сумел сделать нитроглицерин безопасным; был награжден многими орденами, в том числе и «Белым Орлом». Отец, Александр Васильевич П., крестник Александра III, в год рождения сына Владимира проходил службу в Москве в Гренадерской артиллерийской бригаде. Брат П. — Федор, был известным физиком, заслуженным профессором Петербургского университета, главным редактором Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона.

Император Александр III отметил рождение Владимира телеграммой: «Поздравляю с пажем». Однако в Пажеский корпус мальчик не был определен. Во время Боксерского (Ихэтуаньского) восстания в Северном Китае (1899-1901) отец П. был послан на Дальний Восток, где и остался, приписавшись к уссурийским казакам. Владимир закончил Хабаровский кадетский корпус (1908) и затем поступил в Михайловское артиллерийское училище; через год перешел в Николаевское кавалерийское училище, по окончании которого (1911) в звании хорунжия начал службу в Уссурийском казачьем дивизионе. Когда началась 1-я мировая война, П., опасаясь, что его дивизион опоздает или вовсе не примет участия в военных действиях, перевелся в 5-й Гусарский полк, в рядах которого провел всю войну.

В годы гражданской войны служил в чине полковника в армии адмирала Колчака. Понимая, что ему нет места в большевистской России, сохраняя верность идеалам самодержавия, П. принял решение покинуть отечество. Свершившиеся события он тяжело переживал всю свою жизнь.

24.8.1920 П. отплыл из Владивостока. В поисках работы оказался в Индонезии на острове Ява, находившемся тогда под голландским управлением. В 1921 поступил на службу в Горный департамент в отдел геологии; изучил голландский и малайский языки. Одновременно окончил Военно-научные курсы генерала Головина. Начав работать рядовым чиновником вулканической службы, П. проявил недюженную волю, целеустремленность, подлинный талант организатора и исследователя. Пройдя последовательно все ступеньки служебной лестницы, он закончил свою профессиональную деятельность начальником геологической службы разведки вулканов. П. принимал участие в 280 экспедициях по исследованию вулканических районов, каждая из которых длилась от нескольких дней до нескольких месяцев. Он изъездил, исходил и облетал острова Яву, Суматру, Целебес, Борнео, Бали и длинный ряд мелких островов Океании. В районе Восточно-Индийского архипелага имел на своем попечении 130 вулканов. В его обязанности входило давать заключение о характере поведения вулкана и соответствующие рекомендации относительно эвакуации местного населения и ее сроках. Поэтому при первых сообщениях об угрожающих признаках деятельности вулкана П. брал любой свободный гражданский или военный самолет и вылетал на место, чтобы как можно скорее принять решение. Такая работа, связанная с постоянной опасностью для жизни, требовала от исследователя большого личного мужества. Его не однажды считали обреченным на смерть во время походов по тропическим джунглям с их гигантскими удавами, во время спуска на дно кратера или плаванья в лодке в районе подводных извержений.

Деятельность П. получила признание среди его коллег-ученых: на послевоенном конгрессе геологов в Осло он был объявлен «чемпионом», т.к. единственным спустился на дно 68 кратеров. П. получил звание геолога «honoris causa»; один из вулканов на острове Ломблен (Малые Зондские острова) был в честь него назван «Петруш» — так его звали местные жители. П. написал 5 брошюр по вулкановедению, участвовал во многих научных конференциях и съездах, выступал с докладами.

В 1950 здоровье П. ухудшилось, и он вышел на пенсию. Переехал в Австралию, поселился в Сиднее, где занимался активной общественной и церковной деятельностью в среде русской эмиграции. Он входил в состав 14 общественно-политических, церковных, военных и казачьих организаций, был энергичным и инициативным защитником интересов своих соотечественников. Особенно внимательно П. относился к нуждам и заботам соратников по воинской службе: был почетным председателем Союза инвалидов в Австралии, постоянно собирал средства для помощи пострадавшим на фронтах 1-й мировой и гражданской войн; даже умирая, он завещал положить в кафедральном соборе подписной лист, чтобы в день его похорон вместо венков и цветов его друзья жертвовали деньги на помощь инвалидам. П. сотрудничал в австралийских и заокеанских печатных органах русской эмиграции.

П. был глубоко религиозным человеком. В Индонезии он в течение долгих лет исполнял обязанности старосты одного из приходов Русской православной церкви заграницей. Религи-

озность соединяла в его душе в единое понятие «Кесарево» и «Божие»; он оставался горячим сторонником православной монархической идеи, имевшей для него священное значение, в ней он видел основы духовного и нравственного устроения жизни.

Помимо занятий вулканологией, П. был известен как поэт. В своем творчестве он выражал любовь к России, тоску по ней, думы о ее возрождении: «И верить хочется до боли, / Что загорится вновь заря, / Заря счастливой русской доли...»

Интересы П. отличались большой широтой: в результате многолетних занятий нумизматикой его коллекция насчитывала около 600 редких монет русской чеканки; он обладал прекрасным собранием старинных книг, подлинных документов и фотографий, относящихся к российской истории. Все эти увлечения определялись единым мотивом — сохранить в изгнании связь с родиной, изучая ее прошлое, ее культурные корни. Исключительная цельность натуры П. проявилась и в нежелании изменить свое подданство; он навсегда остался гражданином исторической России: «Я часть Руси, которую невзгода, / Как мяч забросила за море-океан, / Я верный сын великого народа...»

В 1953 П. перенес тяжелую операцию, состояние его здоровья постепенно ухудшалось, и 30.8.1961 его не стало. Чин отпевания совершил Преосвященнейший Савва, архиепископ Сиднейский и Австралийский, соборно в сослужении со всем духовенством кафедрального собора Св.Петра и Павла. Похоронен на русском кладбище в Руквуде.

Лит.: В.А.Петрушевский. Сидней, 1966.

О.Орешкин

ПЕШЕХОНОВ Алексей Васильевич (21.1.1867, с. Чукаево, Старицкий у., Тверской губ. — 3.4.1933, Рига) — политический деятель, статистик, экономист. Родился в семье сельского священника; отец умер молодым, оставив вдову с семью детьми. С 5 лет Алексей приобщался к труду; рано научился читать. Блестяще учился на казенном коште в Твери в духовном училище, затем в духовной семинарии. Организовал там кружок самообразования для семинаристов, желавших знать больше того, что предусматривалось учебной программой и недовольных казарменными порядками в семинарии. В конце 1883 — начале 1884 кружок был ликвидирован полицией; П. арестован, однако вскоре освобожден. Спустя год исключен из семинарии за издание нелегального рукописного журнала «Из-под гнета». Работал народным учителем, классным наставником, отбывал воинскую повинность в Дагестане. В начале 90-х поселился в Твери, принимал участие в статистическом обследовании Весьегонского уезда Тверской губернии, в кампании по борьбе с голодом в 1891-92. Летом 1891 учился на землемера в ярославском имении князя Д.Шаховского, одного из самых активных лидеров земского либерального движения. С 1893 служил в Орловском губернском статистическом бюро. Близко познакомился с лидерами партии «Народного права», оказывал ей всевозможную поддержку, однако формально в нее не входил, т.к. выступал против террористических методов борьбы. Арестован 18.4.1894 по обвинению в принадлежности к народоправцам, отбыл пятимесячное заключение в «Крестах».

После того, как в 1898 П. навсегда была запрещена земская служба, он стал литератором. Известность П. принесли статьи: «К вопросу о роли «собирателей земли» в русском земледельческом производстве» и «Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях» (Рус. богатство, 1897, № 7; 1898, № 8,9), в которых П. обосновывал народнические взгляды на крестьянство, доказавшие его экономическую устойчивость, социальную общность с рабочим классом. В 1898 по приглашению Н.Михайловского возглавил в его журнале «Русское богатство» один из важнейших отделов — «Хронику внутренней жизни», в котором отражалась позиция журнала по важнейшим вопросам общественной жизни страны. Одновременно заведовал статистическим бюро частных акционерных страховых обществ.

По данным Департамента полиции, П. в это время принадлежал к «радикально-оппозиционной группе», являлся организатором и участником актов протеста столичной интеллигенции против реакционных действий властей. П. стремился возродить традиции народничества 70-х и объединить революционные и оппозиционные силы для борьбы с самодержавием. По постановлению Особого совещания от 5.6.1901 выслан из столицы на два года. Поселившись в Пскове, установил связи с революционным подпольем, с эсерами, начал сотрудничать в газете «Революционная Россия», ставшей позднее центральным органом эсеровской партии; писал также прокламации эсеров. Изменив отношение к террору, оказывал помощь эсерам в подготовке покушения на министра внутренних дел В.Плеве. Одновременно вместе с *П.Милюковым* составил «проект конституции», способной объединить антиправительственные силы. Избран в Совет Союза освобождения, но вскоре вышел из его состава, недовольный возобладавшими среди руководства Союза шовинисти-

ческими настроениями, вызванными начавшейся русско-японской войной.

В ночь на 9.1.1905 вместе с другими делегатами от петербургской интеллигенции на переговорах с правительственными сановниками пытался предотвратить кровавую расправу над мирным шествием рабочих с петицией к царю. На следующий день арестован, выслан из Петербурга, вернулся в столицу после издания Манифеста 17 октября 1905. Органом, способным разрешить противоречия русской жизни, считал Учредительное собрание, избранное на основе свободного, равного, прямого и тайного голосования; в решении аграрного вопроса отстаивал идею национализации земли, передачи права собственности на землю государству.

В конце 1905 предпринял вместе с другими публицистами «Русского богатства» и руководством партии эсеров попытку создания открытой народнической партии; вошел в редакцию органа партии — газеты «Сын Отечества». Однако 1-й съезд эсеров отверг идею такой партии. После очередного ареста (март 1906) принял участие в формировании Трудовой группы, в выработке ее программы, особенно знаменитого думского аграрного законопроекта «104-х», отразившего позицию российского крестьянства в 1-й революции. 19.4.1906 3-е отделение Вольного экономического общества, занимавшееся крестьянскими делами, избрало П. председателем. В июньско-сентябрьских 1906 номерах «Русского богатства» П. опубликовал серию статей, излагавших теоретические, программные, тактические и организационные принципы Трудовой народно-социалистической партии, решение о создании которой приняли сотрудники газеты; партия не стала массовой, а в межреволюционный период совсем исчезла с политической арены.

В ходе Февральской революции П. вел активную общественную и политическую деятельность. Как представитель от партии энесов вошел в Исполком Совета рабочих депутатов, а также в литературную и финансовую комиссии Совета; один из авторов воззвания Совета к населению; был кооптирован в состав продовольственной комиссии, созданной совместно Исполкомом Совета и Временным комитетом Государственной думы. 28 февраля стал комиссаром Петроградской стороны (пробыл на этом посту около 3 недель). В марте участвовал в Москве в подготовке и работе восстановительной конференции народно-социалистической партии. На объединительном съезде энесов с трудовиками (июнь 1917) был избран в ЦК Трудовой народно-социалистической партии, редактором и издателем ее центральной газеты «Народное слово». Входил в Главный организационный комитет Всероссийского Крестьянского союза. С 26 мая по 26 августа 1917 — министр продовольствия во Временном правительстве; проводил политику хлебной монополии и регулирования распределения хлеба и продуктов. Поводом для ухода в отставку явилось повышение вдвое (без его согласия) цен на хлеб.

К октябрьскому перевороту П. отнесся отрицательно, был поборником создания широкой коалиции для борьбы с большевиками; один из основателей и активных деятелей Союза возрождения России. В феврале 1918 П. вместе с ЦК Трудовой народно-социалистической партии перебрался из Петрограда в Москву, жил легально, редактировал партийные издания, выступал на митингах и собраниях с критикой политики большевистской власти, особенно Брестского мира. В июле того же года арестован, но по ходатайству Д.Бедного вскоре освобожден. Осенью после разгрома большевиками ЦК партии энесов, ареста ряда его членов и ухода партии в подполье выехал на Юг. Участвовал в белом движении, сотрудничал в различных периодических изданиях, жил в Киеве, Екатеринодаре, Одессе, Ростове-на-Дону. Формально оставаясь членом ЦК своей партии, политикой уже «совершенно не занимался». Работал статистиком в кооперации, затем в ЦСУ Украины, входил в комиссию помощи голодающим при украинском ЦИКе. В голодный 1921 был обвинен в занижении нормы продовольственного налога, откомандирован в Москву на должность научного сотрудника в Наркомземе. В июле 1922 арестован на улице, а в октябре вместе с другими «неблагонадежными» выслан из России.

П. не представлял для себя жизни вне России, поэтому считал, что лишив его родины, большевики не могли нанести ему удара «более тяжелого и мучительного, более тяжкого и оскорбительного». Жил в Риге, Праге, Берлине. Внимательно следил за тем, что происходило в России, написал ряд работ: брошюра «Почему я не эмигрировал», статьи «К вопросу о социальной трансформации России» (СЗ, 1923, № 16), «Родина и эмиграция» (Воля России, 1925, № 7-11); «Опыт национализации» (Там же, 1926, № 8/9, 10, 12/1) и др. По оценке Милюкова, эти выступления П. «были страстным и красноречивым призывом к эмиграции — ...вернуться в Россию, — хотя бы «духовно». П. звал не к примирению с большевизмом, а к продолжению борьбы с ним, но в форме и методами, которые должны были трезво учитывать происходившие в России изменения и неудачный опыт прошлого. Интеллигенция, считал П., должна проделать громаднейшую идеологическую работу, найти новые аргументы в защиту прежних идеалов, которые доходили бы до сердца и

ума народных масс в России, проживавших в условиях большевистского социального эксперимента.

Отрицательно относясь к методам и средствам, которыми пользовались большевики, к их диктатуре, он вместе с тем как убежденный сторонник сильной государственной власти и принципа национализации отдавал должное большевикам за то, что они воссоздали русскую государственность «во всей полноте»: восстановили государственный аппарат, утвердили в массовом сознании людей расшатанный революциями и гражданской войной авторитет государственной власти; осуществили национализацию важнейших отраслей народного хозяйства. Он был категорически не согласен с теми экономистами и публицистами, которые высказывались за распродажу в частную собственность «национальных имуществ», считая, что если даже национализация и плановое хозяйство и не приведут к социализму, то они могут во всяком случае «помочь России перейти к высшим формам капитализма, не возвращаясь к тому «классическому», даже «чумазому» капитализму, ...который, ...уже отжил свой век». Выступления П., поддержанные *Е.Кусковой*, писателем *М.Осоргиным* и рядом др. представителей левой эмиграции, составили вторую, после «сменовеховства», волну возвращенства русской эмигрантской интеллигенции на родину. В ответ на обвинения в готовности пойти на соглашательство с большевистским режимом П. писал, что не отказывается от «своего миросозерцания», что по-прежнему считает, что «человеческая личность должна быть поставлена во главу угла всего общественного строительства». Он сохранял веру в свои идеалы демократии и социализма, в то, что борьба за них начнется вновь, но уже «с новых позиций и начнется на той почве, какую представляет из себя новая Россия». П. стремился в Россию, чтобы увлечь своими идеалами молодежь, оторвав ее «от монархизма и большевизма». После трехлетнего пребывания в эмиграции П. подал в берлинское советское полпредство заявление о своем желании вернуться на родину, но получил отказ. Через год подал заявление в пражское полпредство и в августе 1927 получил предложение из Москвы занять место экономического консультанта в странах Балтии: Эстонии, Литве и Латвии. Умер в Риге, похоронен в Петербурге, на Волковом кладбище, рядом с Н.Михайловским.

Соч.: Аграрная программа в связи с крестьянским движением. СПб., 1906; Земельные нужды деревни и основные задачи аграрной реформы. СПб., 1906; Программные вопросы, вып.1-2. СПб., 1907; Почему мы тогда ушли (К вопросу о политических группировках в народничестве). Пг., 1918; Россия в цифрах. Прага, 1925.

Лит.: Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979.

Арх.: ГАРФ, ф.4653; ОР РГБ, ф.225; РНБ им.М.Е.Салтыкова-Щедрина (Петербург), ф.58.

Н.Ерофеев.

ПИЛЬСКИЙ Петр Моисеевич (псевд. Журналист, Петроний, Петр Девнер, П.П-ский, П.Хрущов и др.) (1876 — 21.12.1941, Рига) — журналист, литературный и театральный критик. Товарищ В.Брюсова по гимназии Ф.Креймана в Москве, откуда перешел в 4-й Московский кадетский корпус. Посещал в 1891-92 литературные «беседы» Брюсова, о которых впоследствии вспоминал: «Все мы будто готовились в литературные прокуроры. Еще бы! На скамье приговоренных нами сидела вся последняя литература той современности, вся журналистика, все ежемесячники того тихого, того странного времени». В 1894 в поисках ответа на вопрос «о смысле жизни» отправился в Ясную Поляну и был принят Л.Толстым. Печататься начал в апреле 1901 в московской газете «Курьер»; в 1902-3 *Л.Андреев* опубликовал в редактируемом им литературном отделе «Курьера» первые рассказы П., в том числе и написанный под влиянием Андреева и ему же посвященный рассказ «Власть смерти». В 1907 в петербургском издательстве «Прометей» вышел сборник рассказов П., в рецензии на который *А.Куприн* отметил, что рассказы, изображающие затхлый провинциальный быт и изобилующие убийствами и самоубийствами персонажей, в чтении производят «жуткое впечатление», но признал всестороннюю одаренность автора. Сам же П. назвал свою книгу «надгробным памятником на могиле былого беллетриста» и в дальнейшем переключился на журналистику.

Офицером-артиллеристом участвовал в русско-японской войне 1904-5, был ранен; после войны вышел в отставку. Сотрудничал в «Журнале для всех», «Науке и жизни», «Перевале», «Весне», «Пробуждении», «Образовании», «Осколках», «Солнце России», «Всемирной панораме», в газетах «Биржевые ведомости», «Одесские новости», «Южная мысль», «Волгарь» и др. В 1907-8 фельетонист петербургской газеты «Свободные мысли». «Молодой и талантливый критик», — отозвался о нем А.Блок. Фельетон П. «Кадриль слепых» (1908), в котором автор подверг критике марксистский сборник «Литературный распад», получил отповедь В.Воровского (в статье «О буржуазности модернистов»). Широкую известность приобрели брошюра П. «Охранный шпионат» (СПб., 1906) и цикл статей «Армия и общество» (Мир Бо-

жий, 1906, № 6, 7, 8), осуждавших систему казенного армейского воспитания. Часть статей и фельетонов П. на литературные темы вошла в его книги «Критические статьи» (т. 1. СПб., 1908) и «Проблемы пола, половые авторы и половой герой» (СПб., 1909). В 1913 жил в Одессе, редактировал газету «Одесский понедельник».

В 1-ю мировую войну мобилизован и зачислен в артиллерию в чине капитана. Из-за ранения локтевого сустава правой руки был вынужден после этого не писать, а диктовать свои статьи. В 1916 приглашен Андреевым в качестве литературного критика и рецензента в петроградскую газету «Русская воля»; был также редактором-издателем журнала политического памфлета «Эшафот» и вместе с Куприным редактировал газету «Свободная жизнь»; оба издания имели антибольшевистскую направленность. В том же году основал в Петрограде 1-ю всероссийскую школу журналистики. За антисоветские статьи в газете «Петроградское эхо» в мае 1918 был арестован, а газета закрыта. В 1921 с женой, актрисой Е.Кузнецовой, получившей приглашение в рижский театр Русской драмы, уехал в Ригу, где начал сотрудничать в газете «Сегодня». В 1922-27 жил в Таллине; много печатался в местной газете «Последние известия» (статьи о Б.Савинкове, «Человек без двойника» о В.Розанове, «Россия и социализм. Памяти В.С.Соловьева», очерки «Тайна и кровь», изданные в 1927 отд. изд. с предисл. Куприна). По возвращении в Ригу возобновил сотрудничество в «Сегодня», заведовал литературным отделом газеты, в котором печатались *И.Бунин*, А.Куприн, И.Северянин, *К.Бальмонт*, *И.Шмелев*, *А.Амфитеатров*, а также советские писатели Л.Сейфуллина, М.Зощенко, Б.Пильняк, М.Шолохов и др. П. превратил «Сегодня» в одну из самых богатых художественными произведениями газет русской эмиграции. Среди литературно-критических работ самого П. — очерки, воспоминания и некрологи о А.Блоке, Брюсове, Андрееве, Куприне, *Е.Чирикове*, *М.Арцыбашеве*, *А.Аверченко*, Ф.Сологубе, Н.Гумилеве, *П.Потемкине* и др.; часть их вошла в книгу «Затуманившийся мир» (Рига, б.г.). Писал о В.Катаеве, И.Бабеле, К.Федине, В.Маяковском, М.Зощенко, Вл.Лидине, Л.Леонове, М.Булгакове и др. советских писателях; автор предисловий к их книгам, изданным в Риге в 1928-29. Совместно с В.Гадалиным издавал в 1928 критико-библиографический журнал «Литература и жизнь». Выпустил книгу «Гримасы кисти и пера. Сборник русских юмористов», написал для нее вступительную статью и юмористическую автобиографию. Печатался также в латышской газете «Яунакас Зиняс», в журналах «Мансарда» (Рига), «Числа» и «Современные записки» (Париж), в газете «Новое русское слово». Газетные статьи и очерки об актерах *Т.Карсавиной*, А.Дункан, *Н.Плевицкой*, В.Давыдове, П.Орленеве, А.Сумбатове-Южине, *А.Вертинском* и др. составили книгу П. «Роман с театром» (Рига, 1928). Автор книги «Заочные лекции. Писательство и журнализм. Как писать романы, повести и рассказы. Журнализм» (Рига, 1936). Современники называли П. «критиком-художником», «рыцарем художественной критики», «другом писателей».

Лит.: Амфитеатров А. Рыцарь художественной критики // Сегодня, 1931, 19 апр.; Шмелев Ив. П.М.Пильский. К 30-летию литературной деятельности // Россия и славянство, 1931, 25 апр.; Саввич Н. Критик-художник. К 70-летию со дня рождения Петра Пильского // Грани, 1947, № 3.

В.Чуваков

ПИО-УЛЬСКИЙ Георгий Николаевич (24.1.1864, Псков — 12.8.1938, Белград) — специалист в области теплотехники. Родился в семье директора губернской гимназии. Начав учебу в Пскове, среднее образование завершил в Петербурге, во Введенской гимназии. Затем поступил в Морское инженерное училище в Кронштадте, которое окончил в 1884, получив специальность инженер-механика флота. Науки увлекли способного юношу, он продолжил образование в Николаевской Морской академии; пройдя полный курс по отделению механики, окончил академию в 1890. Уже в тот период П.-У. имел возможность познакомиться с организацией машиностроительного производства в Швеции, куда он был послан для приемки судовых двигателей минных транспортов «Дунай» и «Буг».

С 1891 П.-У. преподавал в Кронштадтском инженерном училище: сначала математику и сопротивление материалов, позднее специализировался в области проектирования судовых машин. В 1896 его пригласили в Институт инженеров путей сообщения на должность преподавателя, а затем — профессора по кафедре паровых машин и основ машиностроения. На этой кафедре П.-У. первым в России оборудовал лабораторию для испытания паровых машин — нового вида двигателей, получившего распространение в промышленности с середины 90-х XIX в. В 1906 П. был избран профессором Кораблестроительного отделения Петербургского политехнического института. Его научная и преподавательская деятельность была отмечена присвоением ученых званий «адьюнкта прикладной механики» и «заслуженного профессора».

В период работы в России ученый опубликовал на русском и иностранных языках 28 научных работ, посвященных проблемам проектирования судовых машин и механизмов, а также вопросам теории и расчета паровых турбин. Ему принадлежит первая в России книга по паровым турбинам (опубл. в 1916), отличавшаяся фундаментальной теоретической базой, наличием многих практических рекомендаций.

Свои знания П.-У. воплощал на практике, работая консультантом и конструктором на Балтийском судостроительном и механическом заводе. Среди его разработок был, например, выполненный совместно с инженерами завода «Brown-Bowery» проект паровых турбин для крейсеров «Кинбурн» и «Измаил» водоизмещением 32500 тонн. За достижения в области турбиностроения был награжден орденами Св.Станислава 1-й степени, Св.Анны 1-й степени, ему был присвоен чин генерала корпуса инженер-механиков флота. Хотя основная деятельность П.-У. проходила в гражданских учебных заведениях, он оставался на действительной военно-морской службе и вплоть до своей эмиграции из России неизменно носил флотский мундир.

После Октябрьской революции 1917 П.-У. уехал из Петрограда в Новочеркасск, где некоторое время работал в Донском политехническом интитуте. Затем перебрался в Екатеринодар: здесь он принимал деятельное участие в создании нового Политехнического института. В виду отступления белой армии П.-У. в 1920 покинул Россию и уехал в Белград. Его судьба оказалась на долгие годы связана с этим городом. П.-У. получил должность профессора технического факультета Белградского университета; сразу же он проявил себя как энергичный организатор и талантливый преподаватель. В 1931-37 издал для студентов-сербов на их родном языке объемный курс по паровым турбинам в 4-х частях, а в 1934 — учебник термодинамики. Впоследствии эти труды были по достоинству оценены известным парижским издательством «Dunod» и переведены на французский язык. На техническом факультете ученый создал Музей машин, привлекая для его оборудования крупные машиностроительные заводы Европы. В стенах музея будущие инженеры могли знакомиться практически с современной техникой и передовыми технологиями. На факультете П. организовал также машинную лабораторию.

П.-У. был одним из организаторов открытого в 1928 в Белграде Русского научного института; руководил отделением математических и технических наук института, работал в редакционной комиссии, с 1928 по 1934 являлся товарищем председателя правления. В течение многих лет П.-У. занимал должность председателя Союза русских инженеров в Югославии, в немалой степени содействуя тому, что среди русских инженеров, эмигрировавших в Югославию, практически не было безработных. П.-У. участвовал во всех съездах Федерации Союзов русских инженеров в эмиграции. При его непосредственном участии Союз издавал единственный в эмиграции специализированный журнал на русском языке «Инженер». П.-У. также состоял членом Федерации инженеров-славян. Оставаясь непримиримым противником большевизма, ученый возражал против всякого сотрудничества с представителями СССР. Эта бескомпромиссность сыграла значительную роль в судьбе самого П.-У.: когда выяснилось, что его труды изданы в СССР, ученый оставил пост председателя Союза русских инженеров, а затем уволился и из Русского научного института. Правда, П.-У. всегда оставался в Союзе инженеров почетным членом. Кроме того, он был почетным членом Союза русских инженеров во Франции и почетным председателем Объединения бывших воспитанников Морского инженерного училища. Много сил П.-У. отдавал воспитанию русской молодежи в Югославии; долгое время заведовал студенческими делами в белградской Державной комиссии, ведавшей назначением стипендий и пособий.

За годы эмиграции ученый издал многочисленные статьи, брошюры, учебники. Им написан целый ряд крупных научно-технических трудов в области теплотехники, в особенности, по теории и конструированию паровых турбин. Его учебные пособия, а также переводы служили настольными книгами многим студентам, инженерам, конструкторам.

Соч.: Паровые турбиины. СПб., 1916-17; Русская эмиграция и ее значеиие в культурной жизни других народов. Белград, 1939.

В.Борисов

ПИТОЕВ Жорж (Георгий Иванович) (4.9.1884, Тифлис — 17.9.1939, Бельвю, Швейцария) — актер, режиссер, художник. Из богатой торгово-промышленной армянской семьи. Дед П. — Егор, получивший дворянство, дал детям европейское образование и привил им любовь к искусству. Отец П., Иван, директор и режиссер Тифлисского театра, дядя, Исай, основал в Тифлисе Артистический кружок, оба многое сделали для развития музыкальной, театральной культуры в Грузии. П. рано познакомился с театральной жизнью Парижа и обеих российских столиц; испытал силь-

ное влияние Московского Художественного театра. Окончив в 1902 гимназию в Тифлисе, учился в Московском университете и в Институте путей сообщения, с 1905 — на юридическом факультете Сорбонны. Первые сценические опыты — в Русском Артистическом кружке, созданном в Париже его отцом.

Вернувшись в 1908 в Россию, П. сблизился с петербургским театром В.Комиссаржевской, которая заметила его актерский дар; познакомился с *Н.Евреиновым, Ф.Комиссаржевским*, К.Марджановым, А.Таировым, с поэтами-символистами. В 1911 прошел курс ритмики в школе Э.Жак-Далькроза в Хеллерау (Германия). С 1910 актер и режиссер 1-го Передвижного драматического театра П.Гайдебурова и Н.Скарской, приобрел здесь навыки художника-декоратора и механика сцены. В 1912 организовал «Наш театр» как театр автора-драматурга (имя постановщика в афишах не указывалось).

Уехав в Париж в связи с внезапной смертью матери, не вернулся на родину из-за начавшейся вскоре 1-й мировой войны. Накануне войны, весной 1914, встретился со своей будущей женой.

ПИТОЕВА Людмила Яковлевна (урожд. Сманова) (15.12.1895, Тифлис — 15.9.1951, Париж) — актриса. Дочь крупного чиновника. Окончила в Тифлисе пансион Св.Нины, брала уроки музыки, пения, танца, иностранных языков в Париже, готовясь к поступлению в драматический класс консерватории, но не выдержала вступительный экзамен. Летом 1915 Жорж и Людмила вступили в брак и переехали в Швейцарию. Их связала не только семья (у них родилось 7 детей), но и театр. В 1916 Людмила дебютировала в спектакле мужа по пьесе А.Блока «Балаганчик». Жорж давал благотворительные спектакли на русском языке в пользу русских пленных, но вскоре перешел на французский язык. В 1918 создана первая компания П., в 1919 названная театром П.; театр давал спектакли в пригороде Женевы — Пенлеве, в др. городах Швейцарии, трижды гастролировал в Париже.

Сохраняя верность традициям русской сцены (театр единомышленников; подвижническое служение искусству; проникновенный психологизм), Жорж был склонен к постоянному обновлению и эксперименту. Разнообразие репертуара определялось не только материальными трудностями, диктовавшими необходимость частой смены пьес, но и творческой ненасытностью и сознательной установкой на интернациональный театр: за 7 сезонов в Швейцарии Жорж поставил более 70 пьес 46 авторов 15 национальностей, в том числе «Гамлета» (1920) и «Дядю Ваню», которым открылся швейцарский период его творчества. Самая значительная часть репертуара — европейская драма конца XIX — начала XX вв. (А.Чехов, М.Горький, Л.Толстой, *Л.Андреев*, А.Блок; Г.Ибсен, А.Стриндберг, М.Метерлинк, О.Уайльд, Б.Шоу, Д.Синг, Г.Д'Аннунцио, С.Пшибышевский, А.Ленорман, особенно близкий Жоржу в этот период).

С 1922 театр П. переехал в Париж; в 1924 создана вторая компания П. В 1923 труппа совершила первое турне по европейским странам. Видные представители французской интеллигенции, с которыми Жорж был связан творческими и дружескими отношениями, активно поддерживали театр П.; помогали преодолевать финансовые трудности. Пьесы Ж.Ануйя, Ж.Кокто, Р.Мартен дю Гара и др. писателей постоянно включались в репертуар театра. Вместе с Ш.Дюлленом, Л.Жуве и Г.Бати Ж.П. участвовал в образовании «Картеля четырех» (1927), направленного на обновление театральной культуры. Театр П. открыл французской публике Чехова, здесь шли все его большие пьесы и несколько миниатюр; «Чайку» режиссер заново поставил в конце жизни (1939). Символом чеховского театра П. стали «Три сестры» (1929). Раскрывая всеобщность Чехова, Жорж трактовал его драматургию как воплощение «любви и человечности». В классической пьесе стремился выявить то, «что именно в ней есть ценного ...для духа нашей эпохи». Отстаивал лаконизм сценографии и утверждал, что только декорация, очищенная от всего лишнего, может дать проявить себя актеру и «объективировать мысль автора». Особенно выразительным было его оформление пьес Шекспира («Гамлет», «Макбет», «Ромео и Джульетта»). Театр П. прошел путь от реализма к экспрессионизму, место рядом с Чеховым занял Л.Пиранделло: «Шесть персонажей в поисках автора» (1923), «Генрих IV» (1925) и др. спектакли, действие которых происходило на грани яви и сна, реальности и фантазии. Исключительной любовью зрителей пользовались П.-актеры, парижане воспринимали их как внутренне родных себе людей. Наиболее известные роли Жоржа — Гамлет, Астров в «Дяде Ване», Лёвбор в «Гедде Габлер» и доктор Штокман во «Враге народа» Ибсена, Генрих IV; Людмилы — Жанна д'Арк в «Святой Жанне» Б.Шоу и в др. драматургических версиях, Офелия, героини чеховских пьес. Одна из величайших актрис межвоенного периода, Людмила покоряла редкой индивидуальностью — сочетанием хрупкости и душевной силы, искренностью, одухотворенностью, глубиной перевоплощения. Крайняя степень самоотдачи привела ее к нервной болезни, Жоржа — к болезни сердца; совре-

менники называли их творческую жизнь героической.

После смерти мужа Людмила жила в Швейцарии (1939-41), в годы войны — в США и Канаде, по окончании войны вернулась в Париж. Играла в старых или восстановленных спектаклях П., в спектаклях своего сына Сашá, занималась педагогикой. Похоронены Жорж и Людмила на кладбище «Cehthod» близ Женевы.

Литературной и артистической одаренностью обладали и дети П. Их третий сын Сашá Питоев (11.3.1920 — 1991) дебютировал как актер при жизни отца, после его смерти возобновил многие спектакли; унаследовал любовь отца к Чехову и Пиранделло и чуткость к новым веяниям театрального времени.

Соч.: Notre théâtre. Textes et documents réunis par Jean de Rigault. Paris, 1949.

Лит.: Pitoëff Sacha. Georges Pitoëff et le decor de théâtre // La Revue théâtrale, 1948, № 9-10; Pitoëff Aniouta. Ludmilla, ma mère: Vie de Ludmilla et Georges Pitoëff. Paris, 1955; Frank A. Georges Pitoëff. Paris, 1958; Spectacles // Cahiers d'art du théâtre et du cinéma, 1960, № 1; Hort Jean. La vie heroique des Pitoëff. Genève, 1966; Финкельштейн Е. Картель четырех. Л., 1974; Гительман Л. Русская классика иа французской сцене. Л., 1978; Jomaron Jacqeline. Georges Pitoëff metteur en scène. Lausanne, 1979; Шах-Азизова Т. Питоевы, или русско-французский Чехов / Чеховиана. Чехов и Франция. М., 1992.

Т.Шах-Азизова

ПЛЕВИЦКАЯ (урожд. Винникова) Надежда Васильевна (7.9.1884, с. Винниково, Курской губ. — 21.9.1941, Ренн, Франция) — певица (меццо-сопрано), исполнительница народных песен. Отец — отбывший службу солдат, Надежда — пятый ребенок в трудолюбивой, богобоязненной крестьянской семье. Через всю жизнь Дёжка, так звали ее в детстве, пронесла воспоминания о деревенских буднях и праздниках, о хороводах, гуляньях, обрядах. Выплакав у родителей разрешение учиться, закончила три класса церковно-приходской школы. В 14 лет была отдана в монастырь в качестве прислужницы, после испытательного срока и денежного взноса ей предстояло пострижение в монахини. Свободолюбивая и своенравная, девочка не ужилась в монастыре. Посланная по делам в Курск, сбежала, прельстившись стоявшим на площади балаганом. Уже примеряла «роскошное» голубое платье в блестках, тренировалась в хождении по канату, но... после недолгих поисков ее нашли и со скандалом водворили в семью. Отправили к старшей сестре в Киев, где она оказалась в хоре Л.Липкина, который выступал в летних садах и кафешантанах юга России. Своей первой «учительницей» называла солистку хора А.Липкину, исполнявшую народные песни. Начала понемногу солировать сама, но хор вскоре распался. Поступила в польскую балетную труппу Штейна, где познакомилась и вышла замуж за бывшего танцора Варшавского казенного театра Эдмунда Плевицкого (1902). С 1903 вместе с мужем в труппе Минкевича, летом работавшей в Петербурге. Выступала в шантанах с модными цыганскими романсами, но вскоре по совету Минкевича перешла на русские бытовые песни. С этим репертуаром была приглашена в московский Яр (1908-9). Киевский журнал «Подмостки» посвятил ей статью под названием «Звезда русского кафешантана» (1909, № 7). «Силой своего дарования Плевицкая держит весь зал — нужно не забывать, что есть зрительный зал кафешантана», — писал автор.

Выступление в ресторане Наумова на Нижегородской ярмарке летом 1909 определило дальнейшую судьбу певицы. Она пела драматическую песню «Ухарь-купец» и грустную повесть деревенских похорон «Тихо тащится лошадка». Случайно присутствовавший на одном из выступлений Л.Собинов оценил стихийный дар певицы и пригласил П. участвовать вместе с ним в благотворительном концерте. В сентябре в разгар великосветского сезона П. с триумфальным успехом пела в летнем театре Ялты. С кафешантаном было покончено. П. начала выступать в самых престижных столичных концертных залах, гастролировала по стране; пела в Царском Селе, в Мариинском театре в присутствии императорской фамилии; в Эрмитаже давала концерты «военно-патриотической» песни для офицеров московского гарнизона. Стала кумиром армейских кругов, была принята в великосветских салонах. Огромные гонорары, роскошные туалеты, бриллианты контрастировали с ее репертуаром. Ей тактично передали совет царя «одеваться поскромнее». В родном Винникове в 1911 была куплена часть помещичьей земли, выстроен дом, где П. отдыхала летом. У нее появилось множество подражательниц (М.Комарова, М.Лидарская), но ни одной из них не суждено было повторить П.

Война застала П. на отдыхе в Швейцарии. С осени 1914 она на фронте (Вильно, Ковно), давала концерты в пользу Красного Креста, работала сиделкой в дивизионном госпитале: «притерпелась и к ранам и к лишениям. Сплю на соломе, в душной хате, на полу, не раздеваясь», — писала она в письме. В боях погиб любимый человек, считавшийся ее женихом (с Э.Плевицким она рассталась). Вернулась с фронта в сильном нервном потрясении. После некоторого перерыва снова начала концертировать, по отзывам критиков, ее исполнение стало тоньше, одухотвореннее, строже. Еще в 1913 сме-

нила концертные платья на подлинный костюм крестьянки Курской губернии. Среди ее почитателей — *Ф.Шаляпин*, В.Качалов, И.Москвин, А.Кугель; пела в доме К.Станиславского.

Попав в водоворот гражданской войны, П., далекая от политики, оказывалась то по одну, то по другую линию фронта. В 1918 пела в революционном Курске, в Одессе в одном концерте с другой звездой эстрады — И.Кремер, впоследствии тоже эмигранткой. Вместе с мужем, офицером Э.Левицким — командиром взвода Красной армии — П. была взята в плен частями деникинской армии (1919). Левицкий, мгновенно переметнувшийся к деникинцам, вскоре бросил жену на произвол судьбы. Вместе с офицерами деникинской армии П. отплыла в Турцию, жила в Галлиполийском лагере, давала концерты. Здесь произошло ее обручение с молодым генералом Н.Скоблиным. В 1922 молодожены обосновались в Париже, купили небольшой дом в предместье. П. много гастролировала, пела в Берлине, Белграде, Софии, Бухаресте. В 1926 состоялись триумфальные гастроли в США, собравшие весь «русский Нью-Йорк». П. позировала *С.Коненкову*, который лепил ее бюст. Пением П. восторгался *С.Рахманинов*, с аккомпанементом которого записана на пластинку русская народная песня в исполнении П. «Белолицы, румяницы вы мои...»

В эмиграции П. выходила на эстраду только в русском национальном костюме. Выступление заканчивала обычно песней «Занесло тебя снегом, Россия», неизменно вызывавшей слезы у слушателей. Выросшая на русской почве («курский соловей»), она остро тосковала по России. Тоска звучала в ее песнях — «чарующих, русских, черноземных». Французского языка она так и не освоила, круг знакомых был довольно узким — в основном русская военная диаспора. В Париже пела в ресторане «Большой Московский Эрмитаж», разрисованном боярами и тройками, с русской кухней. Здесь выступали *А.Вертинский*, Ю.Морфесси, иногда хор цыган, играли оркестры, в том числе оркестр балалаечников. Среди посетителей, кроме русской эмиграции, богатые американцы и др. иностранцы, которых манила русская «экзотика». Вертинский вспоминал, что П. привозил на автомобиле «скромный и даже застенчивый» генерал Скоблин, выглядевший «забытым мужем у такой энергичной и волевой женщины». Ничто не предвещало трагедии, разразившейся осенью 1937. Одновременно с исчезнувшим руководителем Русского общевоинского союза (РОВС) генералом Е.Миллером, заменившим на этом посту похищенного в 1931 генерала А.Кутепова, пропал Скоблин. Было неопровержимо доказано, что именно он организовал похищение Миллера по заданию советской разведки. Скоблину удалось скрыться. Он навсегда исчез из жизни П., привлеченной к делу сначала в качестве свидетельницы, а вскоре как соучастницы. На суде, все детали которого подробно обсуждались в прессе, П. упорно отрицала свою вину, всячески выгораживала мужа. Суд приговорил 53-летнюю певицу к 15 годам каторжной тюрьмы, где она скончалась в одиночестве, забвении, нищете после 4 лет заключения. В Колумбийском университете Нью-Йорка хранятся 6 толстых тетрадей, исписанных крупным угловатым почерком, чернилами и карандашом, — тюремный дневник П., в котором она продолжала утверждать о своей невиновности. Созналась лишь перед смертью священнику на исповеди и не оставившему ее адвокату. Уже в ходе судебного процесса восхищение, почитание сменились ненавистью к «убежденной большевичке», но П. никогда таковой не была. Скорее всего, ее поступками руководило отсутствие каких-либо убеждений, самоотверженная любовь к мужу, а также «звездное» пристрастие к безбедному существованию (на суде было доказано, что ее расходы более чем в 10 раз превышали гонорары).

П. не была красива — яркие черные глаза выделялись на деревенском широкоскулом лице с большим ртом и слегка вздернутым носом. Внешность служила объектом для карикатуристов, высмеивавших «фабрично-кухарочную певицу». Музыкальные критики указывали на слабые вокальные данные, отсутствие «школы», музыкального образования, неразвитый вкус. Но все это не помешало П., выросшей в русском кафешантане, стать кумиром не только самой широкой публики, но и элитарных, высокообразованных кругов. «По мне ...не считайте П. певицей, отрицайте у нее голос — не все ли равно? Дело в том, что она чарующе прекрасно сказывает народные песни и былины... и я вижу, чувствую «калужскую дорогу» с разбойничками, и словно обоняю братину зелена вина, которую пьет-не-перепьет ухарь-купец. Песни П. для национального самосознания и чувства дают в тысячу раз больше, чем все гунявые голоса гунявых националистов, взятых вместе», — писал театральный критик А.Кугель. При всем художественном несовершенстве многих песен, отмеченных примитивностью напевов, сентиментальностью, слезливостью текстов, стихийный дар П. окрашивал их подлинным, глубоким драматизмом. С годами она научилась владеть своим небольшим от природы голосом, гибким и сочным меццо-сопрано, передавать им сотни оттенков и настроений. Задушевный полушепот переходил в удалые деревенские выкрики (почти «белый звук»), мягкие приглушенные тембры сменялись драматически обостренными, резкими. Присущее П.

мастерство речитатива, насыщенного правдой чувств, сравнивали с шаляпинским. При этом естественность «сказа», декламационность, драматизм общего рисунка органически сочетались с музыкальной напевностью, свойственной устной деревенской традиции. Романтические баллады, раздольные русские песни, сентиментальные городские шлягеры переплавлялись в недрах ее души и таланта, создавая «иллюзию русской силы, русского простора, русской хватки и порой — скорби, что в ней лучше всего». Покоряла (а в эмиграции особенно) ее великолепная русская речь, особый южнорусский, звонкий говор. Выразительные руки, запечатленные в скульптуре Коненкова, дополняли впечатление. Пальцы, как-то по-особому сцепленные, страдали, шутили, смеялись. Умела быть вовремя неподвижной, вовремя двинуться с чисто русской степенностью и природным изяществом.

Репертуар П., широкий и разнообразный, представлен в различных нотных изданиях. Более 60 песен записаны на пластинки. Среди них песни эпического склада — «Есть на Волге утес», «Славное море, священный Байкал», «Дубинушка», «Из-за острова на стрежень»; исторические повествования — «Варяг», «Среди лесов дремучих»; песни народной печали — «Умер, бедняга, в больнице военной», «Когда на Сибири займется заря...», «Мучит, терзает головушку бедную...»; «городские» песни малоизвестных композиторов — В.Бакалейникова, своего аккомпаниатора А.Заремы (его песня «Шумел, звенел пожар московский» десятилетиями сохранялась в репертуаре П.). Исполняла она и песни веселые, танцевальные, удалые — «Калинка», «Всю-то я вселенную проехал», «Ах, ты сад, виноград...», «Во селе Покровском» и др. В первые годы концертирования продолжала исполнять модные цыганские песни — «Ну, быстрей летите, кони...», «Пожалей ты меня, дорогая...» и др. Были в репертуаре и песни ее собственного сочинения («О, Русь!», «Золотым кольцом сковали...» и др.) — нехитрые стихи неизвестных авторов положены П. на собственный простой напев. Репертуар певицы вызывал споры. Этнографы, фольклористы обвиняли ее в спекуляции на фольклоре, отрицали народность ряда ее песен. Прислушиваясь к критике, П. с конца 1913 ввела в репертуар старинные хороводные, свадебные песни («Во пиру была» и др.). И все-таки наибольший успех в ее исполнении имели мелодраматические баллады «лубочного» содержания: «Ухарь-купец», «Стенька Разин и княжна» и им подобные.

В эмиграции пользовалась в основном проверенным, сложившимся в России, репертуаром. Стремилась строже подходить к своим песням, отказывалась от проходных, случайны› типа «Маруся отравилась...». «Чисто русский» репертуар был в особой цене, если учесть, чт‹ в парижском Эрмитаже рядом с ней выступали великолепный исполнитель цыганских песен романсов Ю.Морфесси и изысканный А.Вертинский со своими драматическими ариэтками. Для многих П. была больше, чем артистка, она — «воспоминание о прекрасной сказке зеленых полей России».

В эмиграции выпустила автобиографические книги: «Дёжкин карагод» (Берлин, 1925) и «Мой путь с песней» (Париж-Берлин, 1930).

Лит.: Кугель А. Надежда Плевицкая / Театральные портреты. М., 1967; Нестьев И. Звезды русской эстрады. М., 1974; Костиков В.В. Тайна курского соловья / Не будем проклинать изгнанье. М., 1990; Моск. наблюдатель. 1993, № 2-3.

Е.Уварова

ПОДТЯГИН Николай Евгеньевич (19.4.1887, Белгород — 10.6.1970, Братислава) — математик. В 1906 П. окончил белгородскую гимназию и в том же году поступил на математическое отделение физико-математического факультета Харьковского университета. В 1910, окончив с отличием университет, был оставлен при нем для приготовления к профессорскому званию с ведением при этом практических занятий по высшей алгебре. Одновременно он преподавал арифметику, физику и космографию в харьковской частной женской гимназии, а затем — математику в харьковской частной мужской гимназии. В апреле 1912 П. стал стипендиатом министерства народного просвещения и был направлен на двухгодичную стажировку в Париж, где он установил научные контакты с крупными французскими учеными Эмилем Борелем и Полем Аппелем. Первая научная работа П., посвященная сходимости кратных интегралов, была опубликована в 1913 в Бюллетене Математического общества Франции, членом которого он был позднее избран. В тот период он начал изучать теорию роста функций. В 1914 П. вернулся в Харьковский университет, а в 1915 получил должность профессора высшей математики в Харьковском политехническом институте. Молодой ученый был избран членом Харьковского математического общества.

Революционные события, захватившие вскоре всю Украину, вынудили П. эмигрировать. В 1921 он выехал в Константинополь, а вскоре получил приглашение на работу в Чехословакию. С 1922 началась его многолетняя преподавательская деятельность сначала в Праге, а позднее в Братиславе. В Праге П. читал курс

высшей математики для русских студентов-эмигрантов в Карловом университете, продолжал заниматься исследованиями по теории роста функций. Результаты своих разработок публиковал на русском языке в «Ученых записках, основанных русской учебной коллегией в Праге», во французских и итальянских журналах (1926-36); в 1926 в Праге вышла его монография «Теория роста функций». С 1921 член Объединения чехословацких математиков и физиков; в 1934 выступил с докладом на 2-м конгрессе математиков славянских стран, проходившем в Праге.

После 1936 изменил тему исследований и переключился на математическую теорию страхования жизни, что было связано с новым местом службы (в 1932 П. стал работать на математическом отделении Института социального обеспечения в Праге). Все его дальнейшие работы публиковались только в чехословацких изданиях на чешском или французском языках. Новой теме была посвящена докторская диссертация П. (в 1938 в Карловом университете ему присуждена степень доктора естественных наук). В июле 1939 П. были поручены организация и заведывание математическим отделением Института социальных проблем в Братиславе, где проходила дальнейшая жизнь ученого.

После войны, с августа 1948 по октябрь 1951, П. возглавлял статистический отдел Народного страхования, а затем, до сентября 1963, работал в должности доцента на кафедре математики Словенской высшей технической школы. Кроме того, он был членом комиссии по математике и физике Словенской Академии наук. В связи с 25-летним юбилеем Словенской высшей технической школы он был награжден памятной медалью. Свой педагогический опыт П. использовал для написания статьи по методике преподавания статистики в вузах, а также трехтомного учебника «Математика» (т. 1, 1960; т. II, 1961; т. III, 1968). Последние научные работы ученого относились к теории рациональных кривых.

С детства П. имел слабое здоровье, часто и тяжело болел, но при этом не прекращал работать; заслужил большое уважение своих коллег, ценивших его как специалиста и человека высоких нравственных качеств.

Лит.: Сообщения Харьковского математ. об-ва, 1907-10, т. II, № 16; Obona J. In memoriam Nikolaja Podtjagina // Čas. pešt. matem., 1971, sv.96, c.1.

Н.Ермолаева

ПОЛЕВИЦКАЯ Елена Александровна (3.6.1881, Ташкент — 1973, Москва) — актриса. Из семьи банковского служащего. В 1900 закончила с большой серебряной медалью Александровский институт и двухгодичные педагогические курсы в Петербурге. Четыре года училась в художественном училище Штиглица, откуда, несмотря на присуждение ей «высшей премии» за акварель, была отчислена в июне 1905 якобы «за неуспешность», а в действительности за участие в студенческом движении. В декабре 1905 поступила на курсы драматического искусства Е.Рапгофа, где занималась под руководством А.Петровского. Окончив в 1908 курсы, впервые выступила на профессиональной сцене в Пскове, затем играла в Гельсингфорсе и Казани. Пыталась поступить в Александринский и Малый театры, но безуспешно. В 1909-10 — в петербургском театре В.Комиссаржевской, оказавшей, наряду с *Ф.Шаляпиным*, особенно сильное влияние на П., в 1914-16 — в московском драматическом театре Суходольских, вместе с режиссером И.Шмитом, за которого вышла замуж, в 1910-14 и 1916-18 — в труппе Н.Синельникова в Харькове и Киеве. Приобрела всероссийскую известность воплощением женских образов русской классики: Лиза («Дворянское гнездо» И.Тургенева), Вера («Обрыв» И.Гончарова), Настасья Филипповна («Идиот» Ф.Достоевского), Катерина и Юлия («Гроза» и «Последняя жертва» А.Островского); Синельников отмечал ее богатейшую мимику, благородство движений, прекрасный голос.

Уехала в 1920 с мужем на гастроли в Болгарию, ее выступления проходили с большим успехом; царь Борис наградил актрису высшим национальным орденом Болгарии. Позднее П. играла у М.Рейнгардта в Германии. В 1923 приезжала в СССР, играла в течение двух месяцев в составе труппы Малого театра, актеры которого благодарили ее «как одно из крупнейших дарований современного русского театра... за те многие часы радости», которые она подарила «своим талантом, давая возможность видеть его и наслаждаться так близко и непосредственно». Отзывы критики, однако, были противоречивы и подчас отрицательны. В 1924-25 снова гастролировала в СССР. В 20-х — начале 30-х выступала с большим успехом в театрах Германии, Австрии, Чехословакии, государств Прибалтики на русском и немецком языках, прославилась как «русская Дузе», в частности, в роли Марии Стюарт (в драме Ф.Шиллера). В 1934 И.Шмит, заподозренный пришедшими к власти нацистами в «неарийском» происхождении, был изгнан из театра в Берлине, что вынудило его уехать вместе с П. в Эстонию. После смерти мужа и оккупации в 1941 гитлеровскими войсками Прибалтики П. была арестована и отправлена в концлагерь на Северном море; освобождена благодаря вмешательству друзей. С

1943 преподавала в Высшей школе сценического искусства при Академии искусств в Вене, одновременно играла в «Бургтеатре», «Скала», «Народном театре». В 1955 получила разрешение вернуться в СССР. В Москве, Ленинграде, Киеве прошли ее творческие вечера. С 1961 преподавала в Театральном училище им. Б.Щукина, одной из ее учениц была Л.Чурсина. Снималась в фильмах «Муму» (1959) и «Пиковая дама» (1960). С 1963 работала над воспоминаниями, довела их до 1914. Ю.Завадский считал П. актрисой «яркой, самобытной, но не сумевшей реализовать в полной мере свои большие артистические возможности». Умерла в московском Доме ветеранов сцены.

Соч.: Путь актрисы // Встречи с прошлым, вып. 3. М., 1987.

Лит.: Синельников Н.Н. Шестьдесят лет на сцене. Харьков, 1935; Бронштейн С. Герои одного мгновения. М., 1964.

Арх.: РГАЛИ, ф. 2745.

Р.Ильин

ПОЛЬ Владимир Иванович (1.1.1875, Париж — 21.6.1962, Париж) — пианист, композитор, педагог, художник. Отец, Иван Фридрихович П., обрусевший немец, врач по нервным болезням, приехавший в Париж защищать диссертацию; мать — Александра Сергеевна (урожд. фон Пейч), пианистка, ставшая первой преподавательницей П. Детские годы и юность П. прошли в Киеве. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Киевского университета. Получил музыкальное образование в Киевской консерватории по классу рояля у профессора А.Пухальского и по теории музыки — у Е.Рыбы, ученика Н.Римского-Корсакова. С малых лет пристрастившись к рисованию, учился в Киевском художественном училище, брал уроки у Н.Ге.

Студентом женился на пианистке Марии Станиславовне Новицкой; в дальнейшем брак распался (после революции М.Поль осталась с двумя детьми в России; сын П. — Олег, богослов, стал жертвой репрессий в 1923).

В 1903 П. выдержал экзамен в консерватории и получил звание «свободного художника». Из-за начавшейся болезни легких перебрался в 1904 в Крым. Сочинял музыку, преподавал, был директором Крымского отделения Русского музыкального общества. В Ялте состоялось знакомство П. с начинающей камерной певицей, дочерью либерального общественного деятеля М.Петрункевича — Анной Михайловной Петрункевич (более известной под сценическим псевдонимом Ян Рубан), вскоре ставшей его женой и соисполнителем в концертных программах, где П. выступал в качестве аккомпаниатора. Вместе они продолжали работать переселившись в Москву. В этот период П. сочинял этюды, вальсы, романсы на стихи Ф.Тютчева («Последняя любовь»), А.К.Толстого («На нивы желтые»), А.Майкова. На «огонек» к Полям заходили В.Поленов, Н.Ге, *А.Бенуа*, С.Меркуров, К.Станиславский. П. неоднократно бывал у Л.Толстого в Ясной Поляне, дружба связывала его с С.Толстым. Увлечение философией и оккультизмом привело его к знакомству с *Н.Лосским*, П.Успенским. Всю жизнь П. был озабочен проблемой самоусовершенствования, гармоничного развития тела и души, соблюдал строгую диету, занимался йогой. В музыке оставался приверженцем классической школы, но при этом, по свидетельству *С.Маковского*, «свои мистические прозрения мечтал вложить в гармонически совершенную оркестровую симфонию».

Революцию П. и Ян Рубан встретили в Крыму. Выступали с концертами перед красногвардейцами. Эмигрировав, поселились в Париже. Музыкальные вечера и концерты четы Поль проходили с исключительным успехом. Ян Рубан исполняла песни Шуберта, Чайковского, Дебюсси, сочинения П. В Париже он написал три небольших балета, многочисленные романсы, был создателем Русского музыкального общества (Русской консерватории) в Париже, после смерти *С.Рахманинова* — ее почетным директором. Активный участник всех музыкальных мероприятий русской эмиграции. Публиковал статьи как музыкальный критик. Профессор теории музыки и по классу фортепиано до ухода на пенсию по состоянию здоровья в 1953; Ян Рубан преподавала в Русской консерватории по классу вокала. Погиб П. в результате несчастного случая. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, в той же могиле похоронена Ян Рубан.

Лит.: Андреев А. Владимир Иванович Поль // Возрождение, 1962, № 128; Маковский С. На Парнасе Серебряного века. Мюнхен, 1962; Мищенко А.А. В.И.Поль // Вест. РСХД, 1962, № 65.

Э.Шулепова
А.Святославский

ПОПЛАВСКИЙ Борис Юлианович (24.5.1903, Москва — 9.10.1935, Париж) — поэт, прозаик. Родился в семье Ю.Поплавского — журналиста и предпринимателя из польских крестьян, товарища председателя Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района, в молодости окончившего Московскую консерваторию по классу фортепиа-

но; по свидетельству П.Бурышкина, его отличала «легкость слова и легкость пера». Мать (урожд. Кохманская) — из дворянской семьи, скрипачка. Атмосфера дома, где собирался литературно-музыкальный кружок, и влияние старшей сестры способствовали проявлению поэтических способностей П. Воспитывался гувернерами, провел несколько лет с матерью в Швейцарии и Италии, затем до 1917 учился во французском лицее в Москве. В 1918 уехал с отцом в Крым, здесь состоялся его литературный дебют — публикация стихотворения «Герберту Уэллсу» в симферопольском альманахе «Радио».

С ноября 1920 П. в эмиграции: на острове Принсипо, в Константинополе, с мая 1921 в Париже. В 1922 несколько месяцев обучался живописи в Берлине; современники отмечали влияние живописи, в частности, *М.Шагала* на поэзию П. По возвращении в Париж поступил на историко-филологический факультет Сорбонны. В 1925 в кафе «Ла Болле» впервые в эмиграции выступил с чтением своих стихов, в 1928 четыре стихотворения П. были опубликованы в журнале «Воля России» (№ 2). Печатался также в журналах «Вся Россия», «Звено», «Числа», в сборнике Союза молодых писателей в Париже (1929). Автор определения «парижская нота» (в эмигрантской поэзии). Участник выставки произведений изобразительного искусства русских и французских писателей (1932-33). В 1931 вышла единственная прижизненная книга стихов П. «Флаги» (ок. 90 стихотворений). В журнале «Встречи» (1934) публиковались главы из романа-исповеди «Аполлон Безобразов», над которым П. работал с 1926. Посмертно были изданы сборники стихов «Снежный час» (1936), «В венке из воска» (1938); в альманахе «Круг» опубликованы отрывки из романа «Домой с небес» (2-й части задуманной трилогии), написанного, по словам В.Яновского, «бурной, размашистой лирической прозой большого поэта, со всеми преимуществами и недостатками такой манеры от Андрея Белого до Пастернака включительно». По рукописи оба романа были впервые изданы в Петербурге в 1993; 3-я, незавершенная часть, не издана. Последний сборник стихов «Дирижабль неизвестного направления» вышел в 1965. На рубеже 20-30-х П. принимался критикой как заметная фигура поэзии русской эмиграции. В стихах его много боли и тревоги, ощущения дисгармонии с окружающим миром. О себе он писал: «Мы, лирические поэты, поэты субъективного, всегда останемся несозвучными эпохе, и люди правильно делают, когда загоняют нас в подполье или доводят до дуэлей или самоубийства».

Несмотря на признание участниками литературных собраний эмиграции («Зеленая лампа», «Числа», «Кочевье»), П. не смог избавиться от чувства одиночества, которое толкало его в нездоровую среду «псевдоинтеллектуальных нищих» (по определению *Г.Газданова*), с которыми его роднила лишь житейская неустроенность. Доверчивый и непрактичный в жизни, П. часто становился жертвой человеческой непорядочности. Погиб, приняв, по-видимому, слишком большую дозу наркотика. Похоронен на кладбище в Иври, затем прах перенесен на русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. Безвременная кончина П. вызвала многочисленные отклики в эмигрантской печати. По мнению *В.Ходасевича*, П. был самым талантливым поэтом русской эмиграции.

Соч.: Домой с небес. Романы. СПб.-Дюссельдорф, 1993.

Лит.: Борис Поплавский в оценках и воспоминаниях современников. СПб.-Дюссельдорф, 1993.

Э.Шулепова
А.Святославский

ПОПРУЖЕНКО Михаил Георгиевич (псевд. В.М., М., М.Р., Н.Е.Розов, М.Самборский, С.Р.Г., Старый профессор) (25.7.1866, Одесса — 30.3.1944, София) — историк и филолог-славист. Из семьи протоиерея и духовного писателя, родственник *А. и Г.Флоровских*. Окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета в Одессе (1889), специализировался по кафедре славянской филологии, был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. До 1891 преподавал русский язык в Одесском коммерческом училище, затем после сдачи магистерских экзаменов — приват-доцент Новороссийского университета, с 1896 одновременно заведующий Публичной библиотекой Одессы, в течение нескольких лет секретарь Одесского общества истории и древностей. В 1894 защитил в Одессе магистерскую диссертацию «Из истории литературной деятельности в Сербии XV века: «Книга царств» в собрании рукописей библиотеки Императорского Новороссийского университета» (Одесса, 1894); в 1899 в Харькове — докторскую диссертацию «Синодик царя Борила» (Одесса, 1897-99, тт. 1-2). С 1908 экстраординарный, с 1910 ординарный и с 1916 заслуженный профессор Новороссийского университета по кафедре славянской филологии.

Эмигрировал в 1919 в Болгарию. В 1920-41 профессор истории русской литературы, с 1939 почетный доктор Софийского университета. Член-корреспондент (с 1923) и академик

(с 1941) Болгарской Академии наук. Действительный член Болгарского археологического института (с 1928) и Македонского научного института в Праге (с 1934).

Ранние работы П. посвящены широкому кругу вопросов средневековой истории и культуры западных, южных и восточных славян; некоторые удостоились благожелательных отзывов крупнейших ученых и деятелей культуры. До 1917 занимался также историей Новороссийского края, писал статьи по вопросам педагогики. С конца XIX в. разрабатывал проблемы болгарской истории, исследовал памятники древнеболгарской письменности. В 1896 впервые посетил Болгарию в связи с работой над докторской диссертацией, затем принимал участие в исследованиях, предпринятых на территории Болгарии Русским археологическим институтом в Константинополе, неоднократно работал в болгарских архивах и библиотеках.

Наибольший вклад в болгаристику внес изданием и исследованием источников по истории богомильства, библиографическими работами по кирилло-мефодиевской проблематике, трудами по истории болгарского Возрождения. Эти направления творчества определились в России; в годы эмиграции лишь продолжал сбор материалов, более солидно фундировал выводы, развивал высказанные ранее взгляды. В Болгарии им подготовлены новые издания источников по истории богомильства — переработанная публикация «Синодика царя Борила» с исследованием об этом памятнике (София, 1928) и аналогичная переработка вышедшего впервые в 1909 издания «Слова на еретики...» Козмы Пресвитера (Козма Пресвитер, болгарский писатель X в. София, 1936). Эти труды П., по оценкам позднейших исследователей, имели фундаментальный характер. Издание «Слова на еретики...», в частности, решило «многие вопросы изучения деятельности Козмы Пресвитера» и было в середине 1930-х «высшим достижением в этой области» (Л.Лаптева).

При работе над книгой «Козма Пресвитер» П. пользовался не только собранными самостоятельно материалами, но и выписками, различными справками оставшегося в России слависта Г.Ильинского, с которым оживленно переписывался и которому оказал большую помощь в издании труда «Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии». После ареста Ильинского довел до конца печатание «Опыта...» (изд. София, 1934) и опубликовал (совм. с С.Романским) его продолжение — «Кирилломефодиевска библиография за 1934-1940 год» (София, 1942); эта книга завершила серию трудов П. о Кирилле и Мефодии, начатую еще в 1890-х в России.

В начале XX в. в России и Болгарии выходили исследования П. по истории болгарского Возрождения, написанные по материалам архивов Одессы, Кишинева, Петербурга, Варшавы, Москвы. В них приведены новые материалы о Браильском восстании 1842 под руководством Г.Раковского, исследовалась история болгарских колоний в России, рассматривались вопросы развития болгарской духовной культуры, характеризовались проживавшие в России деятели болгарского Возрождения. В эмиграции П. опубликовал еще свыше 30 статей по данной тематике, сосредоточившись, главным образом, на выяснении роли России в возрождении болгарской культуры и освобождении Болгарии от османского ига. Он стремился также показать роль писателей, просветителей, ученых Болгарии и России (И.Вазова, В.Гаршина, Н.Герова, Н.Гоголя, Ф.Достоевского, В.Палаузова и др.) в болгарском Возрождении и в поддержке Болгарии в борьбе за независимость.

П. активно работал в эмиграции как публицист и популяризатор. Он выступал со статьями об эволюции идеи «славянской взаимности» после русской революции 1917, заявлял о необходимости создания в будущем славянской федерации с участием посткоммунистической России. Ему принадлежат обзоры творчества русских писателей XIX в., работы, знакомящие русских беженцев с болгарской культурой и некоторыми событиями общекультурного значения. В русской эмигрантской и болгарской печати появился также ряд статей П. о жизни и деятельности работавших в России славистов прошлого и настоящего — М.Погодина (1925), Ф.Успенского (1928), Ю.Венелина (1929), А.Соболевского (1930), основанных и на личных впечатлениях. «М.Г.Попруженко, хотя он и не болгарин по рождению, до настоящего времени остается весьма деятельным болгарским ученым, имеющим выдающиеся заслуги в изучении древнеболгарской литературы и болгарского Возрождения», — писали в 1939 видные болгарские филологи и историки — академики С.Романский, Ю.Трифонов, П.Мутафчиев. Деятельность П. оставила значительный след как в болгарской, так и в русской науке.

Соч.: Из заметок по истории болгарского Возрождения // Изв. на Народен етнографски музей, 1923, № 23; Обществените настроения в Русия в надвечерието на Освободителна война // Българска мисъл, 1926, кн.57; Кнез Черкаски и гражданското устройство в България // Ibid., 1927, кн.4; Из истории религиозных движений в Болгарии в XIV веке // Slavia, 1928, seš.3; Личность императора Александра II // Славянски глас., 1931, кн.1-2; Проява на българщината в Македония // Училищен преглед., 1931, кн.9-10; България и Киевская Русь // Родина, 1939, кн.3; Руска книжовна реч в образци. София, 1943 (совм. с С.Романским).

Лит.: Бегунов Ю.К. Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973; Славяноведение в дорево-

люционной России: Библиографич. словарь. М., 1979; Лаптева Л.П. Изучение источников по истории богомильства в Болгарии русской историографией XIX — начала XX веков // Palaeobulgarica,1986, № 12; Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.

Арх.: Арх. Болгарской Акад. наук, ф.61.

А.Горяинов

ПОСТНИКОВ Сергей Порфирьевич (1.7.1883, Архангельск — 1964, Чехословакия) — литератор, библиограф, политический деятель. Из семьи учителя греческого языка, преподававшего в Архангельской духовной семинарии. В 1903 окончил эту семинарию и два года работал учителем в Островлянской школе Архангельского уезда. Вошел в местную организацию партии социалистов-революционеров (ПСР), в 1906 был членом Архангельского комитета партии. В 1908 арестован в Крыму, где лечился от туберкулеза, и около года находился в симферопольской тюрьме. В 1909-10 жил в Баку, издавал и редактировал нелегальные эсеровские журналы «Морская волна» и «Современник». Представлял Бакинскую организацию на партийной конференции в Париже (1909). С конца 1911 в Москве, учился в Коммерческом институте (окончил в 1915). В 1912 основал в Петербурге легальный неонароднический журнал «Заветы», был секретарем редакции, привлек многих видных прозаиков, в том числе М.Горького, *А.Ремизова*, *И.Бунина*, *И.Шмелева*, Ф.Чапыгина, М.Пришвина, и поэтов — А.Блока, А.Белого, Н.Гумилева, А.Ахматову, О.Мандельштама и др.; среди новых авторов — И.Вольнов, О.Форш, *Е.Замятин*. Сам П. выступал, главным образом, в качестве рецензента. Печатался также в газетах «Сын отечества», «Экономическая газета», «Русские ведомости», «Современник», «Мысль» (Киев), «Северный край» (Ярославль) и др. Осенью 1914 поступил на службу в Союз городов.

В 1916 совместно с Р.Ивановым-Разумником, С.Мстиславским, А.Иванчиным-Писаревым предпринял издание литературно-публицистических сборников «Скифы», но политически разошелся с другими членами редакции до выхода 1-го сборника в свет. В марте 1917 основал газету «Дело народа», ставшую центральным органом партии эсеров (был фактически главным редактором) и издательство «Революционная мысль», выпускавшее политические брошюры и серию художественных произведений для народа «Коробейник». Возглавлял фракцию эсеров в Петроградской городской думе. Был избран членом Учредительного собрания (от Воронежской губ.). После октябрьского переворота издавал популярную «Простую газету», «весь фокус которой был в борьбе с захватчиками власти». В январе 1918 «Простая газета» и «Дело народа» были закрыты большевиками; на следствии П. заявил, что считает «возбуждение настоящего дела актом политической расправы». В том же году под редакцией П. вышел 1-й номер периодического сборника «Мысль» с участием *В.Чернова*, А.Гизетти, Е.Замятина, А.Ремизова и др. Работал в 1918-21 в Союзе городов и в Продпути. После обыска в октябре 1920 на его квартире в Москве решил эмигрировать и в 1921 нелегально перешел вместе с женой границу с Финляндией.

В 1922-23 жил в Берлине, где заведовал литературно-художественным отделом газеты «Голос России» и редактировал (в 1923-27 — в Праге) центральный орган ПСР — журнал «Революционная Россия». Входил в состав Заграничной делегации ПСР; в 1932 принимал участие в эсеровском съезде в Париже и конгрессе Социалистического Интернационала в Вене. В 1923 был приглашен для работы в пражский Русский заграничный исторический архив (РЗИА) и возглавил его отдел печатных изданий (библиотеку). Во многом благодаря усилиям П. РЗИА и библиотека приобрели мировую известность. Собрал 100 тысяч книг и журналов на всех языках по истории русского общественного и революционного движения, истории 1-й мировой войны, эмиграции и Советской России, в том числе советские книги и журналы до 1940, поддерживал деловые отношения с советскими учреждениями — Комакадемией, Книжной палатой, Литературным музеем. Был членом пражского Земгора. Публиковал статьи исторического и библиографического характера в журналах «Современные записки» и «Воля России». В 1924 в Праге под редакцией П. вышла работа «Русская зарубежная книга» (2 тт.), в 1928 — «Русские в Праге», в 1938 — «Библиография русской революции и гражданской войны (1917-1921)», о которой один из рецензентов (Вл.Лебедев) писал, что П. «удалось сделать замечательное дело и составить такую библиографию великих событий, без которой не обойдется ни один историк, ни один исследователь нашей эпохи».

В годы нацистской оккупации Праги продолжал собирать различные издания, в том числе немецкие, казачьи, власовские. Принимал участие в Пражском восстании в мае 1945, но 30 июня был арестован органами контрразведки «Смерш» 1-го Украинского фронта. Обвинен в участии в антисоветской организации и 12 ноября приговорен постановлением Особого совещания при НКВД СССР к 5 годам лагерей. Срок отбывал в Северо-Уральске Свердлов-

ской области. Арест прервал работу П. над книгой «Библиография идеологии, политики, быта и ученых трудов эмиграции» (довел до 1928; опубл. в 1993 в Нью-Йорке). 15.6.1950 передан под опеку сестре, жившей в Никополе Днепропетровской области. Работал там швейцаром в чайной, написал воспоминания о журнале «Заветы». В начале 60-х выехал в Чехословакию.

Соч.: Некоторые добавления к воспоминаниям о С.Есенине / С.А.Есенин, материалы к биографии. М., 1992.

Лит.: Постникова Е.В. Жизнь в ленинской России // Арх. рус. рев-ции, 1924, т.XIII.

Арх.: ГАРФ, ф.6065; ОР РГБ, ф.369, карт. 320, д.20 (письма В.Д.Бонч-Бруевичу); ИМЛИ, Арх. Горького. МОГ 11-25; ИРЛИ, ф.114; ОР РНБ, ф.1304, д.233.

Ю.Дойков

ПОТЁМКИН Петр Петрович (псевд. Андрей Леонидов, Пикуб, Вестрис и др.) (1886, Орел — 21.10.1926, Париж) — поэт, прозаик, драматург, переводчик. Родился в семье чиновника, занимавшего крупный пост в петербургской службе сборов. Детство провел в Петербурге, где учился в гимназии и на отделении словесности историко-филологического факультета Петербургского университета. Будучи студентом, напечатал первые стихи («Диалог Хилкова с Грибоедовым») в сатирическом журнале «Сигнал» (1905, № 2). П. вспоминал: «Когда меня выгнали из гимназии, я решил сделаться писателем». В 1905-6 активно сотрудничал в сатирических оппозиционных журналах «Водолаз», «Рапира», «Маски», «Комета», «Еж», «Ночь» и др., обличал царских генералов и черносотенцев, высмеивал Манифест 17 октября, воспевал солнце свободы. В 1906 П. сблизился с символистскими литературными кругами, стал завсегдатаем в доме Ф.Сологуба, влияние которого ощутимо в его ранней поэзии. Печатался в иллюстрированном приложении к газете «Русь», сборнике «Остров» и др. Широкую известность приобрел после того, как стихотворение «Дьявол» было отмечено премией и напечатано в «Золотом руне» (1907, № 1).

Первая книга стихов («Смешная любовь». СПб., 1908) написана под влиянием символистской поэзии, прежде всего, блоковской. Любовь к красочной детали, внимание к быту сближали П. с М.Кузминым. Он тяготел к тем российским модернистам, которые группировались вокруг издательства «Оры». Город П. конкретнее, проще, приземленнее таинственного и страшного города Блока, хотя муза поэта тоже томится среди петербургских «серых улиц» и «слепых домов». Из тумана и мглы она создает забавный миражный мирок «жестяных любовников» и «парикмахерских кукол». П. сознательно снижает, едва ли не окарикатуривает возвышенный мир символизма, заменяет романтические атрибуты подчеркнуто конкретными, прозаическими (пародийный цикл «Он» и «Она»). Отмечая сложность и противоречивость первой книги П., один из критиков писал: «Смешная любовь» произвела фурор. Все в ней было необычно, начиная от внешности, кончая странным содержанием. П. стал популярным поэтом, его портреты продавались в магазинах, о нем говорила критика, им интересовалась публика... причем тайна его творчества остается и по сие время тайной: что в нем серьезно, что — юмористика. Серьезное стихотворение написано шаловливо, юмористика — серьезно». В.Брюсов заметил, что П. сразу сделался «маленьким «метром», создателем своего стиля и чуть ли не своей школы».

В 1908 П. стал сотрудником еженедельника «Сатирикон» (впоследствии «Новый Сатирикон»), где занял место одного из поэтических лидеров и секретаря редакции. В «Сатириконе» во всю ширь раскрылось дарование П., его неброский, но настоящий талант. В его сатирах сосуществуют чувство радости бытия и щемящая тоска, ощущение призрачности, маскарадности бытия, сочная звуковая живопись и романтическая ирония (цикл «Маскарад», стихотворение «Двойник» и др.). Характерные черты поэзии П. особенно отчетливо проявились в бытовых юморесках, составивших вторую книгу — «Герань» (СПб., 1912). С редким мастерством и тонкой иронией он передавал поэзию будничного, обыденного («Лихач», «Жених», «На бал» и др.). Герои П. — приказчик, белошвейка, лихач, дворник, мастеровой, а, главное, город в его повседневной шумной жизни. Своеобразие музы П. в необычном соединении лирического и буднично-забавного. Его рисунки-стихотворения лукаво веселы и простодушны. Поясняя заглавие книги, рецензент писал: «Это цветок, который сросся со спокойной, уютной и наивно-мещанской обстановкой. Он стал олицетворением ее, синонимом примитивных чувств, влечения, сжатого рамками условности, легкой неубывающей скуки, неясных, сдержанных несмелостью души порывов и тусклой, кладущей свой отпечаток на каждую душевную эмоцию обыденщины».

Став певцом городской мещанской окраины, П. не избежал упреков в мещанстве. Однако зарисовки поэта всегда окрашены добродушно-лукавым юмором. Поэт пытается подобно акмеистам уйти в простоту и предметный мирок вещей от другого, более сложного и страшного мира. Ему чужда фетишизация вещи, он тяготеет к фольклорной образности, напев-

ной народной речи. Подтекст большинства его произведений — конфликт между романтической мечтой и суровой действительностью. Развитие П. шло от романтической пародии к бытовому юмору с психологическим подтекстом. После 1910 он занимался переводами с немецкого («Чудесная история Питера Шлемиля» А.Шамиссо. СПб., 1910), создавал изящные театральные миниатюры, которые шли в «Летучей мыши», «Бродячей собаке», «Доме интермедий» («Китайские болванчики», «Катенька», «Павловские казаки в Париже», «Барометр», «Старожилы», «Блэк энд уайт» и др.). В содружестве с В.Мейерхольдом он поставил «Шута Тантриса» в Александринском театре.

В 1912-16 П. выступал как детский писатель в журнале «Галчонок», постоянный фельетонист газеты «День» («Записки фланера», репортажи об авиаторах и шахматистах), прозаик («Сила любви», «Верба», «Петруха» и др.), сотрудничал в журналах «Солнце России», «Аргус», «Синий журнал», газетах «Русская молва» и «Русское слово». Вел театральную и балетную хронику, полемизируя с рецензентом «Биржевых ведомостей» А.Волынским. П. славил «правду любовного романа», открывал «Америку романтики в Петербурге», уверял, что «безголовая ложь прекраснее прекраснодушной правды». В годы 1й мировой войны П. сблизился с акмеистами, но ненадолго. Он пытался найти себя в стилизованных романсах, переводах из Шамиссо и Ведекинда, собирал народные частушки, задумывал поэму «На рассвете», которая осталась неоконченной. Не состоялось и издание сборника «Париж», написанного в 1913 после поездки во Францию. Один из друзей поэта вспоминал, что П. стал тяготиться суетным театральным миром, «знал, что занимается поэтическими пустяками, что талант его уходит все глубже в него и нет ему выхода».

Октябрьскую революцию П. не принял, и в ноябре 1920 вместе с женой и маленькой дочерью эмигрировал: из Одессы уехал в Бессарабию, переплыл на лодке Днестр, «представший Рубиконом», затем переехал в Чехословакию и жил в Праге вплоть до 1924. Был членом правления и казначеем Союза русских писателей, организовал «Устный альманах», в котором выступали члены литературных кружков «Скит поэтов» и «Таверна поэтов», сотрудничал в варшавской газете «За свободу». По словам Р.Словцова, «работал над более обширными темами, чем театральная миниатюра или стихотворная шутка». В 1925 в Праге вышла «Антология чешской поэзии» с его переводами, он также перевел поэму «Христос и пахарь» И.Голенчика.

В третьей книге стихов П. — «Отцветшая герань» (Берлин, 1923) — были собраны произведения, написанные накануне революции и созданные в Праге. Подзаголовок книги — «То, чего не будет» — свидетельствовал, что поэт не питал никаких надежд на восстановление старого строя. Он любовно смакует каждую деталь прошлого, романтизирует милый его сердцу петербургский и провинциальный российский быт. Колоритные фигуры его героев («Татарин», «Дуняша», «Вдова» и др.), оживая в предметно точных зарисовках, напоминают П. о навек потерянной родине. В книгу включены и стихи парижского цикла, написанные в 1913, которые в эмиграции наполнились новым смыслом. Сборник пронизан чувствами одиночества, бесцельности бытия, которые особенно ощутимы в цикле «Двое» (Воля России, 1922, № 32). Столь же безысходны стихотворения об эмигрантской жизни («Беженка», «Переход» и др.). Смех П. становился грустно-ироническим, порой переходящим в сарказм («Нет, не пустим Ильича», «Романтические цветы»). В 1922 П. печатал политические сатиры в газетах «За свободу» и «Бухарестские новости», создал цикл «ЧеКа», посвященный памяти расстрелянного поэта Н.Гумилева, с которым его связывала многолетняя дружба (За свободу, 1922, 5 марта). В 1922-26 П. печатался также в рижских газетах «Сегодня», «Рижский курьер», берлинских газетах «Руль» и «Дни», пражском журнале «Воля России». Он мучительно тосковал по родине, пытался воскресить светлый юмор в легких театральных миниатюрах («Любовь по чинам», «Полотер» и др.), воспоминаниях о В.Мейерхольде и «Театре интермедий» («Доктор Дапертутто»). По отзывам современников, в его произведениях этих лет «было очень острое чутье русского быта, старого Петербурга, былой провинции». В 1924 в Берлине вышла детская книжка — «Зеленая шляпа. Книжка-картинка для детей».

В 1924 П. переехал в Париж, стал сотрудничать в газете «Последние новости» и журнале «Жар-птица». Совместно с С.Поляковым-Литовцевым руководил литературным отделом театра «Еврейское зеркало» (1-е представление состоялось 8.1.1925), писал театральные миниатюры для оказавшихся в эмиграции театров «Летучая мышь» и «Бродячая собака», в парижском Доме артиста шли его скетчи «Факир», «Кафекрем», «Шашлычники». В 1924 совместно с Поляковым-Литовцевым написал комедию «Дон-Жуан — супруг Смерти», которая с большим успехом шла в «Театре независимых» в Риме. Действие в ней происходит «вне времени», однако сцена бунта в королевстве полна злободневных намеков. П. принадлежит общий

замысел пьесы, виртуозно выполненные сцены обольщения Смерти и сцены в доме Лепориуса.

В последние годы жизни П., по свидетельству *Дон-Аминадо*, «бился, маялся, никогда не жаловался, а все изведал, что полагается служителю муз в благоустроенных республиках, сумрачному скитальцу в старомодном плаще». Присматриваясь к жизни русских эмигрантов, он искал знакомые колоритные фигуры людей из народа: маляра, чья кисточка красит Эйфелеву башню, посетителей ярмарки в Париже или русского ресторана «Яр». Но круг этих образов все уже, все чаще в стихах П. появлялись картины чуждого ему жестокого мира. *Н.Оцуп* вспоминал, как П. устроил в Париже «поминки» по «Бродячей собаке»: «...грусть П. на этом вечере была не элегической, а горькой, трагической. От былой веселости не осталось и следа, он осунулся, вид имел угрюмый».

В 1925 начал писать роман из жизни шахматистов, поместил в «Последних новостях» восторженную статью о столетнем юбилее московского Большого театра. Последнее лето своей жизни провел в Венеции, где снимался в кинофильме «Казанова». На площади Сен-Марко поставили настоящий венецианский карнавал, который П. описал в очерке «В городе дожей и гондол». В это же время итальянская оперная комиссия заказала ему оперетку. Когда съемки «Казановы» были закончены, П. вернулся в Париж, где, наконец, после долгих лет скитаний приобрел новую квартиру близ Венсенского леса. Здесь 19 октября он заболел гриппом, а через два дня после сильного сердечного приступа скончался. П. похоронили на кладбище Пантен, позже перевезли тело в постоянный склеп Тургеневского общества на кладбище Пер-Лашез.

В.Горянский писал: «Потёмкин — создатель капризных стихотворных ритмов, которые как нельзя больше соответствуют капризной изысканности содержания его произведений. Он писал вольным неправильным стихом, но неправильности и перебои стиха, распределенные периодически и по законам симметрии, создали музыку, и в этом отношении Потёмкин сохраняет за собой место одного из самых тончайших мастеров стиха». *Саша Черный* также восхищался мастерством П., виртуозной формой его произведений: «Форма эта под рукой мастера-поэта, как послушная гармоника, растягивалась и сжималась, была исполнена порывистого движения, и всякое бытовое прозаическое слово претворялось в ней и радостно звенело».

Соч.: Антология сатиры и юмора. Берлин, 1920; «Автомат или чудеса, случившиеся в старой Праге в 183.. году» // Жар-птица, 1926, № 14; Избр. страницы. Дон-Жуан — супруг Смерти. Париж, 1928; Парикмахерские куклы. Пьеса в стихах // Южный крест, 1951, № 1; Поэты «Сатирикона». М.-Л., 1966; Русская поэзия Серебряного века. Антология. М., 1993.

Лит.: Талин В.И. Смерть в изгнании // ПН, 1926, 22 окт.; Пяст В. Встречи. М., 1929; Евстигнеева Л. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М., 1968; Спиридонова (Евстигнеева) Л. Русская сатирическая литература начала XX века. М., 1977; Корнфельд М.Г. Из «Воспоминаний» // Вопр. лит-ры, 1990, № 3.

Арх.: РГАЛИ, ф. 1715, оп. 1, д. 1.

Л.Спиридонова

ПОТРЕСОВ Александр Николаевич (псевд. Арсеньев, А.Красенский, Старовер и др.) (19.8.1869, Москва — 11.7.1934, Париж) — политический деятель, публицист. Сын генерал-майора, председателя Харьковского военно-окружного суда. По окончании частной гимназии Гуревича в Петербурге поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, окончил его в 1891; в 1891-93 учился на юридическом факультете.

С начала 90-х в революционном движении, с 1892 входил в социал-демократический кружок *Ю.Мартова*, в 1896 — в петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Организовал легальное издание работ Г.Плеханова и марксистского сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». Арестован в декабре 1896, находился в 1898-1900 в ссылке в городе Орлове Вятской губернии и в Вятке; сотрудничал в легальных марксистских журналах «Новое слово» и «Начало», переписывался с *П.Струве*, В.Лениным и Мартовым. Женился на ссыльной социал-демократке Е.Тулиновой.

В 1900 выехал за границу и вошел в состав редакции газеты «Искра» и журнала «Заря». На 2-м съезде РСДРП был автором резолюции, допускавшей соглашения с либералами. После раскола партии примкнул к меньшевикам, вел кампанию против Ленина в германской социал-демократической печати. Вернувшись в октябре 1905 по амнистии в Петербург, сотрудничал в меньшевистских изданиях и входил в их редакции («Начало», «Невский голос», «Русская жизнь» и др.). Делегат 5-го (Лондонского) съезда РСДРП. Один из лидеров «ликвидаторства» в РСДРП; редактор журнала «Наша заря», сотрудничал в газетах «Луч», «Голос социал-демократа» и др.; полемизировал с большевиками и Плехановым, отстаивая идею европеизации РСДРП, превращения ее в массовую самодеятельную рабочую организацию. Основной порок отношения большевиков к российской действительности П. видел в том, что в политиче-

ский анализ они привносят «марксизм кружкового подполья» со «схематично упрощенными, коротенькими мыслями и наглядными формулами», в особенности свойственными Ленину, следствием чего является «голый революционизм» народнического типа. Член редакции и участник 5-томного меньшевистского издания «Общественное движение в России в начале XX века».

В годы 1-й мировой войны оборонец; в сборнике «Самозащита», в журналах «Наше дело» и «Дело», в книгах «Война и вопросы международного демократического сознания» (Пг., 1916), «Интернационализм и космополитизм. Две линии демократической политики» (Пг.-М., 1916; 2-е изд. 1917) утверждал, что социал-демократия не должна противодействовать ведению войны, продолжая вести критику правительства и требуя демократического мира. Оспаривал выводы левых социал-демократов о достаточной зрелости экономических предпосылок социализма; полагал, что населению России «еще надо поступить в приготовительный класс той школы гражданственности, через которую — в течение ста лет и более — проходила Европа», чтобы «ощутить своим национально-государственное целое», и постольку видел в лозунгах Ленина возвращение к идее российского мессианизма («я не верю в восточный интернационализм, который будто бы процвел и спасает честь социализма, между тем как Запад увял и погрузился в греховность»).

После Февральской революции сотрудничал в московской меньшевистской газете «Вперед», с мая 1917 возглавлял редакцию газеты «День» — органа правых меньшевиков. Защищал коалицию с буржуазными партиями, в частности, на Всероссийском съезде меньшевистских и объединенных организаций РСДРП (авг.), на Демократическом совещании (сент.). Входил в Предпарламент, выдвигался по самостоятельному списку меньшевиков-оборонцев кандидатом в Учредительное собрание. После Октябрьской революции констатировал «просачивание в большевизм черносотенства». Считал допустимым объединение против большевиков с любыми политическими силами и не исключал вооруженных методов борьбы. На Чрезвычайном съезде РСДРП/о/ (нояб.-дек.) призвал «пойти в рабочие кварталы и сказать прямо и резко, что у нас нет ничего общего с большевизмом», который «можно сломить, но согнуть нельзя». Ввиду несогласия с П. большинства делегатов отказался вместе со своими сторонниками участвовать в выборах ЦК. После закрытия в июле-августе 1918 меньшевистских изданий занимался подготовкой исторических трудов и переводами. В сентябре официально порвал («с болью и негодованием») с партией меньшевиков. Вступил в Союз возрождения России (впоследствии считал этот шаг ошибочным по причине невозможности для социалистов определять цели антибольшевистского движения). В сентябре 1919 был арестован Петроградской ЧК, на следствии в Москве утверждал, что не имеет «никакого касательства» к антисоветским организациям и заговорам; освобожден в ноябре благодаря вмешательству Н.Бухарина и под поручительство группы меньшевистских лидеров, с запрещением выезжать из Москвы. В 1920-22 читал лекции на Пречистенских рабочих курсах по истории русской общественной мысли и истории социализма. Предвидел переход к нэпу, но предполагал первое время, что за ним последует «нэп политический». В июле 1922 Ленин отнес П. к числу «господ», которых следует «выслать за границу безжалостно»; в феврале 1925 ему был разрешен выезд из СССР по болезни (туберкулез позвоночника).

Жил в Париже и на юге Франции, сотрудничал в еженедельнике А.Керенского «Дни»; отклонил предложение *Ф.Дана* вернуться в партию. В основном соглашаясь в оценке Октябрьской революции и ее последствий с К.Каутским (реакционный характер переворота, превращение власти большевиков в «деспотию олигархической клики» — нового эксплуататорского класса), П. пропагандировал необходимость объединения всех демократических сил против большевистской диктатуры, считая ее революционное свержение «центральной всенародной задачей нашей эпохи». Критиковал как утопические надежды меньшевистского «Социалистического вестника» на единый фронт с коммунистами в Западной Европе, а затем и в России. Предсказал массовое разочарование в идеях социализма, когда «из-за преступлений советской власти будут всех собак вешать на социалистов» — «за компанию с действительно виновным коммунизмом большевиков». Редактировал «Библиотеку демократического социализма», с 1931 — журнал «Записки социал-демократа», печатался в еврейской социалистической газете «Vorwärts». Автор политических портретов Плеханова, Ленина, В.Засулич и др. Подготовил вместе с *Б.Николаевским* сборник писем из своего архива — «Социал-демократическое движение в России. Материалы» (М.-Л., 1928). В некрологе, опубликованном в «Социалистическом вестнике» (1934, № 14), Дан ставил П. в один ряд с Плехановым, но утверждал, что лучшие свои статьи он написал в начале века, а на склоне жизни был «консерватором новаторских идей юности»; это и явилось источником его трагического политического одиночества. П.Гарви, напротив, подчеркивал, что П. всегда был убежденным

сторонником демократического социализма и вместе с тем «аристократом духа — по разносторонности умственных интересов, по обширности знаний, по яркости и своеобразию литературного дарования». Как писал Гарви, П. имел мужество оставаться в меньшинстве, т.к. впитал в себя вековую культурную и моральную традицию русской интеллигенции, ее одержимость идеей.

Соч.: В плену у иллюзии (Мой спор с официальным меньшевизмом). Париж, 1927; А.Н.Потресов. 1869-1934. Посмертный сб. произведений. Париж, 1937.

Лит.: Иванович Ст. А.Н.Потресов. Опыт культурно-психологического портрета. Париж, 1938; Аронсон Г. К истории правого течения среди меньшевиков. Нью-Йорк, 1960; Память. Историч. сб., вып. 3. М., 1978—Париж, 1980; Розенталь И.С. А.Н.Потресов / Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993.

Арх.: РЦХИДНИ, ф. 265.

И.Розенталь

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ Ольга Иосифовна (Осиповна) (21.1.1871, Петербург — 27.12.1962, Сен-Манде, Париж) — танцовщица, педагог. Дочь канцелярского служащего. С раннего детства всерьез увлеклась танцем. Тем не менее девочку долго не принимали в Петербургское театральное училище: внешность ее не была выигрышной, к тому же обнаружились изъяны в форме спины и ног. Неудача не остановила претендентку, три года подряд она являлась на приемные испытания и в итоге добилась желаемого: стала «казенной воспитанницей». В младших классах занималась у Л.Иванова, в старших — у М.Петипа и Х.Иогансона. Окончила Театральное училище в 1889, исполнив на выпускном экзамене роль Эсмеральды (2-й акт одноименного балета Ц.Пуни), pas de caractére с одноклассником А.Горским, pas de trois из «Севильской жемчужины» с предвыпускной *М.Кшесинской*.

П. являла собой образец преданности искусству: все в ее жизни было подчинено театру. Работая много и умно, она постепенно постигала внутренние законы танца, сохраняя при этом живость, естественность, непринужденную грацию. Принятая в Мариинский театр, она с радостью исполняла поручаемые ей кордебалетные места, но в кордебалете не задержалась: заменив заболевшую танцовщицу, успешно исполнила китайский танец в балете «Катарина, дочь разбойника», и сольные партии посыпались на нее одна за другой. Начинающая танцовщица одинаково охотно бралась и за классические, и за характерные партии — редкий случай, когда одной исполнительнице удавалось и то, и другое. Пресса благожелательно отмечала успехи молодой танцовщицы, сразу же обратив внимание на лирическую просветленность и особую музыкальность ее танца. Музыка влекла столь сильно, что танцовщица брала уроки пения и игры на фортепиано, занимаясь истово и увлеченно. Именно музыкальность помогала П. хранить в памяти множество вариаций и постигать их внутреннюю логику, их образный смысл. Музыкальность была основой уникального дара П. — дара импровизации. Повторяя по требованию публики свой сольный номер, она непременно варьировала его, сочиняя по сути новую, собственную хореографию. Этот путь вел в дальнейшем к постановочной деятельности. Пока же П. уверенно набирала репертуар, нередко заменяя других. Партию феи Кандид в «Спящей красавице» П.Чайковского получила в 1891 вместо Кшесинской, а Белую кошечку — в 1893 вместо первой исполнительницы М.Андерсен. Вслед за сольными партиями последовали ведущие: в 1898 П. исполнила Бабочку в «Капризах бабочки», Терезу в «Привале кавалерии», Сванильду в «Коппелии» и Галатею в «Ацисе и Галатее». Это было признание ее успеха в камерном жанре: в 1893 Петипа возобновил для нее и В.Рыхляковой одноактный балет «Жертвы Амуру, или Радости любви», и роль пастушки Хлои открыла в обаятельной и кокетливой танцовщице лирико-комедийное дарование. На этом пути естественным продолжением была роль Лизы в «Тщетной предосторожности» П.Гертеля. Однако спектаклем монопольно владела Кшесинская, и П. получила его лишь в 1906. Выступление новой исполнительницы пытались сорвать: во время ее соло с шумом появились из незакрытых почему-то клеток куры. Однако и это не смутило дебютантку и не испортило ее танцев. Происшествие же вопреки ожиданию лишь способствовало успеху. К тому времени П. уже получила звание балерины. Это произошло 3.9.1900: шел балет «Синяя борода», первый «большой» в ее послужном списке спектакль. Роль Изоры, по словам критика, она исполнила «с неподражаемой кокетливостью и негой — рисунок танца выходит у нее мягким, округленным, а колорит его — прозрачным». Директор императорских театров В.Теляковский после 2-го акта поздравил П. с получением высшего звания, официальным признанием ее выдающихся успехов.

П. вносила в старые и устаревшие спектакли свое понимание роли, оживляя их своим светлым талантом. Новые же спектакли ставились для нее нечасто. В бенефис балерины 2.12.1901 показали премьеру «Сильвии» Л.Делиба — начатую Л.Ивановым постановку за-

вершил П.Гердт. А в 1902 Гердт поставил для П. «Жавотту» К.Сен-Санса. Иногда готовая хореография обновлялась в расчете на индивидуальность балерины. Например, в «Капризах бабочки» появилась специально предназначенная для П. плавная, распевная вариация, музыку которой сочинил арфист оркестра Э.Цабель. Возведенная в ранг балерины, П. тем не менее не отказывалась от партий второго плана. В ее репертуаре были Гюльнара («Корсар»), Флер де Лис («Эсмеральда»), Гамзатти («Баядерка») и мн. др. Жадная до танца, она продолжала исполнять и характерные партии. На этом пути ее также ожидали подлинные удачи. Подарком судьбы стало участие в шедевре Л.Иванова — поставленной им Второй рапсодии Листа (1901). А на премьере «Дон Кихота» Л.Минкуса в интерпретации А.Горского (1902) П. исполнила сначала Уличную танцовщицу в 1-м акте, затем Мерседес во 2-м. Однако не все многоцветье ролей было П. близко. В этом убедило обращение к партии Жизели, исполненной впервые 28.12.1899. Игра актрисы была умна и разработана до мелочей, но поворотный момент действия — сцена сумашествия — ей не удавался. Роль не достигала тех трагических высот, которые потрясали в исполнении *А.Павловой*. Критики признавали — «эта драматическая роль не лежит в самом характере ее таланта». И были правы, напряженный драматизм не был П. близок. Она сама вскоре это поняла и от роли отказалась. Не умножило число побед и исполнение «Лебединого озера» П.Чайковского (1904): спектакль распадался на звенья, утрачивал силу контрастов. Искусство П. тяготело к камерности, и танец ее неожиданно терял протяженность дыхания. Зато в других балетах Чайковского танцовщицу ждал прочный, убедительный успех. В Фее Драже («Щелкунчик», 1900) и Авроре («Спящая красавица», 1904) в полную силу вступал инструментальный танец. Здесь лирическому дарованию П. было привольно и легко. Балерина чутко следовала за музыкой, стремясь воспроизвести каждый нюанс музыкальной мысли. Позднее, когда Павлова исполнила партию Авроры, критики единодушно отдали пальму первенства в этом невольном состязании П. Вершиной творчества П. стала партия Раймонды в одноименном балете Глазунова, впервые исполненная 21.9.1903. Критики восхищенно отмечали — здесь «музыка и танец взаимодействуют», а все вместе воспринимается как «очаровательная хореографическая мелодекламация». Подводя итоги исполнительству П., известный критик *А.Левинсон* утверждал, что в ее Раймонде была воплощена «радостная, игривая, ...моцартовская стихия классического танца».

Поиски хореографов-реформаторов с творческими устремлениями балерины почти не пересекались. Встреча с *М.Фокиным*, правда, обернулась шедевром: он поставил ей прелюд в «Шопениане», используя мягкое туше ее воздушного танца. По сути это был портрет балерины. В фокинских «Египетских ночах» П. исполнила роль Вереники (1910), в его же «Павильоне Армиды» — центральную героиню (1913), однако событием ни то, ни другое не стало. Соприкосновение с новым не меняло ее творческой сути — П. оставалась блестящей носительницей традиции балета XIX в. Ближе ей были балетмейстерские опыты тех, кто, как и она, были убеждены в жизненности и силе этих традиций, например, братьев Легат. П. танцевала и в поставленной ими «Фее кукол», и в более поздних сочинениях *Н.Легата*. Но здесь эксплуатировались возможности балерины, а не открывалось новое в ее таланте.

20-летие сценической деятельности П. в 1909 ознаменовалось присвоением ей лестного звания заслуженной артистки императорских театров, заключением контракта на новых условиях — как гастролерши. Балерина по-прежнему была в отличной творческой форме, совмещая выступления на Мариинской сцене с обширной программой заграничных гастролей. За рубежом ее знали давно — с середины 1890-х. Монте-Карло, Италия, Франция, Англия, Германия, Южная Америка — география поездок расширялась, росла и популярность. Искусством П. восхищались, возобновляли приглашения. Выступления блистательной русской балерины вводили европейских зрителей в мир сказочного совершенства академического танца, в значительной мере утраченного их собственным балетом. Триумфальными были выступления П. на сцене «Grand-Opéra» в «Жавотте». Сен-Санс скептически встретил способность балерины импровизировать при повторе текста вариации, но неожиданно обнаружил в ней музыканта-профессионала и в итоге вместе со всеми был очарован ее талантом. Гастроли П., Кшесинской, др. балерин привлекали интерес и к русскому искусству вообще, и к искусству танца, готовя тем самым к восприятию дягилевских сезонов.

П. стала родоначальницей нового отношения к танцу как искусству со своими закономерностями, поддающимися анализу. Пришла к этому П. в итоге освоения достижений классического танца, накопленных русской, а также итальянской и французской школами. П. ездила к самым известным зарубежным мастерам: в Париж — к балетмейстеру «Grand-Opéra» Ганзену, в Лондон — к Катти Ланнер, в Милан — к прославленной Беретта, и та по

нескольку часов в день занималась отдельно с талантливой русской. Сознательное постижение законов танца, разнообразия его красок и выразительных возможностей открыли ей дверь в педагогику. В Мариинском театре П. поручили класс пластики для оперных артистов (1917-21). Она преподавала классический танец в «Петроградском частном балете» В.Москалевой, в «Школе русского балета» А.Волынского, в Петроградском театральном училище (1914-17, 1919-21). Но самая значительная часть ее педагогической биографии приходится на второй, зарубежный период жизни. Искусство П. обеспечивало непрерывность академической традиции и связывало в этом смысле век XIX с веком XX.

П. была профессионалом высшей пробы. Наградой оказалось невиданное по тем временам сценическое долголетие. В 1920 она танцевала на сцене Каменноостровского Большого Летнего театра «Пахиту» — это было одно из последних ее выступлений. Большой интерес вызывали ее сольные вечера, открывавшие простор балетмейстерской фантазии и дару импровизации.

П. покинула Россию в 1922, уехав сначала в Германию, но в следующем году навсегда обосновалась в Париже. Там она открыла собственную балетную студию. Педагогический талант П. здесь развернулся в полную силу: она воспитала несколько поколений известных европейских танцовщиков. Среди ее учеников И.Баронова, Т.Рябушинская, Н.Вырубова, Н.Нерина, Л.Черина, С.Головин, Ж.Скибин, И.Юшкевич, М.Мишкович, В.Скуратов. В России тоже продолжали выступать ее ученицы по Петроградскому театральному училищу: Л.Иванова, *А.Данилова*, О.Мунгалова, Н.Млодзинская, Н.Вдовина и др. Все они, за исключением рано погибшей Ивановой, совершенствовали свое танцевальное мастерство у Вагановой, считавшей себя в педагогике ученицей П.

П. прекратила преподавать в 1960 в возрасте 89 лет... И очень нуждалась. Последние годы провела в больнице для престарелых.

Соч.: Пережитое // Солнце России, 1914, № 225.

Лит.: Светлов В. О.О.Преображенская. СПб., 1902; Красовская В. О.Преображенская / Русский балетный театр начала XX века, ч. 2: Танцовщики, Л., 1972.

А.Соколов-Каминский

ПРОКОПОВИЧ Сергей Николаевич (1871, Царское Село — 4.4.1955, Женева) — экономист, статистик, общественный и политический деятель, публицист. Из дворянской семьи. Об отце сведений не сохранилось; мать, Александра Федоровна — участница демократического движения 60-х XIX в. Родителям принадлежало имение «Старый селец» в Могилевской губернии. После окончания смоленского реального училища П. поступил в Петровскую сельскохозяйственную академию, но из-за студенческих беспорядков прервал обучение. В 1894-98 прослушал курс в Брюссельском университете. По возвращении в Россию в 1899 П. сотрудничал в Вольном экономическом обществе, Русском техническом обществе, кооперативных учреждениях, Обществе им. А.Чупрова, преподавал в Народном университете им. А.Шанявского. П. был известен своими исследованиями в области политической экономии, промышленного производства России, статистики, теории и истории кооперативного движения, аграрного и рабочего вопросов, социалистических идей.

Политические воззрения П. не отличались постоянством: в начале 90-х XIX в. был близок к народовольческим кругам, являлся сторонником идей П.Лаврова, в конце 90-х входил в Союз русских социал-демократов за границей. Публикация двух книг — «Рабочее движение на Западе. Опыт критического исследования» и «К критике Маркса» — определила отход П. от социал-демократии. И это не случайно, т.к. своими работами П. разрушил идеальные представления о социал-демократии, на примере ряда западных стран вскрыл ее ограниченный характер и предложил альтернативный путь общественного движения, который усматривал в организации и продуктивной деятельности обществ взаимопомощи, профессионального и женского движений, христианского социализма и т.д. при отрицании разрушительной революции. П. попытался разработать собственное видение социализма, проникнутое идеей эволюции. Трансформация общественно-политических воззрений привела П. в ряды либерального Союза освобождения, членом Совета которого он состоял в 1904. В 1905 П. избирался во временный ЦК кадетской партии, но отказался войти в его состав, т.к. считал, что только «практический социализм в противоположность научному» в состоянии продолжать дело либерализма. П. издавал совместно со своей женой, *Е.Кусковой*, общественно-политический журнал «Без заглавия» (1906), состоял членом редакции газет «Товарищ», «Наша жизнь» (1907). В 1913 П. получил от Бернского университета ученую степень доктора философии.

После Февральской революции развернулась активная общественная и государственная деятельность П. Он был избран в исполком Комитета общественных организаций, состоял председателем Экономического комитета, заместителем председателя Экономического совета при Временном правительстве, председа-

телем правления Совета Всероссийских кооперативных съездов, был выдвинут в Учредительное собрание от кооперативной группы. 24.7.1917 П. занял должность министра торговли и промышленности Временного правительства, а 25 сентября — министра продовольствия. Его программа базировалась на идее активного вмешательства государства в экономику (установление твердых цен, распределение продуктов, регулирование в известных случаях производства); настаивал на введении трудовой повинности, создании центра управления хозяйством, выработке единого плана снабжения во всех отраслях народного хазяйства.

К Октябрьской революции П. отнесся отрицательно, активно сотрудничал в «Комитете спасения родины и революции», до 16.11.1917 возглавлял подпольное Временное правительство. Но отрицая вооруженную борьбу как метод разрешения политических споров, П. отошел от активной политики. Последующие 4 года посвятил преподавательской деятельности, читал курсы лекций в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, Московском университете, где состоял деканом факультета общественных наук, в Кооперативном институте, которым руководил в 1918.

В 1921 П. выступил одним из организаторов и руководителей Комитета помощи голодающим («Помгол»). 22.9.1921 был арестован по обвинению в шпионаже в пользу иностранных государств, приговорен, как и ряд др. деятелей «Помгола», к смертной казни, которую заменили (благодаря заступничеству Ф.Нансена и президента США Э.Гувера) ссылкой во внутренние губернии России, а затем — высылкой за рубеж.

В 1922 П. основал в Берлине Экономический кабинет, в задачи которого входили сбор, систематизация, критическое осмысление хозяйственной и общественно-политической жизни в Советской России. С апреля 1924 кабинет из-за недостатка средств был перенесен в Прагу; используя материальную помощь чешского правительства, он расширил сферу исследований за счет анализа проблем крестьянского хозяйства, экономического положения Европы. П. привлекал к сотрудничеству виднейших российских ученых вне зависимости от их политических убеждений: экономистов — О.Андерсона, *М.Бернацкого*, *Б.Бруцкуса*, Б.Ельяшевича, Д.Иванцова, А.Каминку, *С.Кона*, А.Маркова, *П.Струве*, А.Челинцева, *А.Чупрова*; историков — *А.Кизеветтера*, Б.Никольского; правоведа и социолога *Н.Тимашева*; публициста В.Розенберга и др. П. руководил всей научно-организационной деятельностью кабинета. По его инициативе устраивались семинары и собеседования, посвященные вопросам народного хозяйства России, мирового хозяйства, теоретическим проблемам экономики и кооперации; для студентов организовывались специальные курсы лекций по методологии научно-исследовательской работы, теории индуктивного метода, корреляции, статистики и т.д. Кабинет издавал под редакцией П. «Экономический вестник» (Берлин, вып. 1-3); «Русский экономический сборник» (Прага, кн. 1-12), «Бюллетень» (Прага, № 1-134), «Quartely Bulletins of Soviet Russian Economics» (Geneva, № 1-10).

Одновременно с работой в Экономическом кабинете П. вел семинар при Русском народном университете (Прага), возглавлял там же научное общество по изучению хозяйственного быта, выступал с докладами в Институте изучения России, в Русском юридическом обществе и т.д., публиковал результаты собственных исследований на русском, английском, немецком, чешском языках.

В 1938-39 деятельность кабинета фактически прекратилась, многие российские ученые вынуждены были покинуть Чехословакию; П. эмигрировал в Швейцарию, где продолжил научно-исследовательскую работу, сотрудничал с русскоязычными изданиями, с фондом Карнеги, выпускал «Quartely Bulletins...», пока последний не был запрещен швейцарскими властями в октябре 1941. Но даже в тяжелое время 2-й мировой войны П. не прекращал исследование экономических проблем.

Незадолго до смерти ученого вышел его фундаментальный труд «Народное хозяйство СССР» (т. 1-2. Нью-Йорк, 1952), в котором П. предпринял попытку просинтезировать более 25 показателей развития народного хозяйства России за 35 лет, построенных в предметном порядке: население, сельское хозяйство, промышленность, торговля и т.д. Монография была переведена на итальянский и французский языки, появился отклик на работу в СССР.

Подчеркнутый объективизм проводимого П. анализа хозяйственной жизни, «музыка фактов» (Е.Юрьевский) подразумевали знание законов, правил, приемов, теории статистики. Характерная черта ученого — все 30 лет исследовательской деятельности в эмиграции он постоянно пользовался советской официальной статистикой, будучи убежден, что она при умелом и постоянном изучении, скрупулезном анализе, сопоставлении фактов способна всесторонне освещать происходящее в СССР.

П. не выдвигал каких-либо концептуальных идей, но его труды представляют собой великолепные экономические обзоры хозяйственной жизни СССР и ее отдельных структурных элементов. Ученому принадлежит и ряд работ, в которых рассматривались вопросы, выходящие за пределы его основных научных интересов —

культурная и политическая опасность ядерной войны, способность народных масс к демократии, национальные отношения и т.д. Часть работ была опубликована уже после смерти П.

Соч.: Очерки хозяйства Советской России. Берлин, 1923; Крестьянское хозяйство по данным бюджетных исследований и динамических переписей. Берлин, 1924; Об экономических основах национального вопроса. Прага, 1927; Идея планирования и итоги пятилетки. Париж, 1934; Познавательная ценность статистических рядов. Прага, 1936 (на чеш. яз.); Russlands Volkswirtschaft unter der Sowjets. Zürich, New York, 1944; L'industrialisation des pays agricoles et la structure de l'economie mondiale apres la guerre. Geneva, 1945.

Лит.: Юрьевский Е. О С.Н.Прокоповиче // НЖ, 1955, № 42.

В.Телицын

ПРОКОФЬЕВ Сергей Сергеевич (11.4.1891, с. Сонцовка, Бахмутского у., Екатеринославской губ. — 5.3.1953, Москва) — композитор, пианист, дирижер. П. родился в семье агронома, его отец — купеческий сын — в юности предпочел науку выгодному делу своего рода и окончил Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию в Москве. Небогатая семья Прокофьевых имела высокие интеллектуальные запросы. «Такие понятия как «просвещение», «прогресс», «наука», «культура» почитались у родителей выше всего и воспринимались как Просвещение, Прогресс, Наука, Культура — с заглавной буквы», — вспоминал композитор. Тяготение и способности к музыке проявились рано: в пять с половиной лет мальчик начал сочинять небольшие фортепианные пьесы, в девять появилась опера «Великан». С 1901 начались поездки в Москву для консультаций с С.Танеевым; два лета (1902 и 1903) в Сонцовке провел, занимаясь с мальчиком, Р.Глиэр. В сентябре 1904 П. поступил в Петербургскую консерваторию. Ее творческая атмосфера отражала стремительные перемены, происходившие в русском искусстве начала века, столкновение традиций и тенденций обновления. П. принадлежал к числу самых ярких выразителей нового из композиторов молодого поколения России. Творческие дерзания, жажда поиска и открытия П., активно поддержанные, главным образом, его педагогом по дирижерскому классу *Н.Черепниным*, ярко проявились уже в ученические годы. «Новатор до самых резких крайностей» — эта характеристика, сохранявшаяся за П. долгие десятилетия, родилась в академических кругах консерватории. Вместе с тем, «огромное своенравное дарование» П. (А.Лядов) в своем беспрестанном обновлении оставалось плотью от плоти русской классики. Дар яркой изобразительности, психологизм он унаследовал от А.Даргомыжского и М.Мусоргского. Богатырский размах его музыки напоминает о А.Бородине. Пленительные, одухотворенные вальсы, в благородной утонченности которых порой сквозит оттенок ностальгии, воскрешают лирические страницы М.Глинки, П.Чайковского, А.Глазунова. А красочная фантастика — то жутковато-зловещая, то кукольно-скерцозная — связана с достижениями Глинки, Н.Римского-Корсакова, Лядова. В годы учебы началось общение П. с Н.Мясковским, вошедшее в историю как пример редкостной творческой и человеческой дружбы. Опубликованная переписка двух музыкантов содержит около 450 писем.

П. окончил консерваторию по трем специальностям: как композитор, дирижер и пианист (1914). Первые публичные выступления П. нередко эпатировали публику и критику. Так, в атмосфере скандала прошла премьера «Скифских сюит» в Петрограде (янв. 1916). Когда композитор исполнил в Павловске свой Второй фортепианный концерт, анонимный рецензент «Петербургского листка» писал: «На эстраде появляется юнец с лицом учащегося из Петершуле. Это — С.Прокофьев. Садится за рояль и начинает не то вытирать клавиши, не то пробовать, какие из них звучат повыше или пониже. При этом острый сухой удар... Некоторые возмущаются. Встает «пара» и бежит к выходу — Да от такой музыки с ума сойдешь! — Что, над нами издеваются, что ли? За первой парой в разных углах потянулись еще слушатели. Прокофьев играет вторую часть своего концерта. Опять ритмический набор звуков. Публика, наиболее смелая часть ее, — шикает. Места пустеют. Наконец немилосердно диссонирующим сочетанием медных инструментов молодой артист заключает свой концерт. Скандал в публике форменный. Шикает большинство. Прокофьев вызывающе кланяется и играет на «бис».

И тем не менее уже в эти годы П. становится одной из самых значительных творческих фигур. Масштаб его личности сказывался в многообразии устремлений и богатстве стилистических поисков. В дореволюционный период появились произведения, сделавшие П. классиком еще при жизни — Первый и Второй фортепианные концерты, Классическая симфония, «Мимолетности». Об этом фортепианном цикле музыкальный критик В.Каратыгин писал: «Там и здесь, среди всяческих задорных всплесков и взвизгов, суетни и кутерьмы, вдруг пахнет на вас чем-то нежным, кротким, сладостным. Прокофьев и нежность... Не верите? Убедитесь самолично, когда эта прелестная сюита выйдет в свет». Славу бунтаря, музыкально-

го скифа, ниспровергателя основ в искусстве принесли композитору сочинения, представляющие «новаторскую» линию его творчества: балет «Ала и Лоллий», халдейское заклинание «Семеро их» — произведение с «ошеломительными» звуковыми эффектами, одно из ярчайших музыкальных воссозданий грозовой атмосферы 1917, фортепианный цикл «Сарказмы». В них проявилось то, что для современников П. было определяющим в его искусстве: стихийная мощь, мятежное буйство словно высеченных из камня образов, острота, терпкость. Но тогда же родились такие сочинения как опера «Игрок», в которой эпизоды сгущенной экспрессии соединяются с образами ярчайшей характерности. А опера-драма «Маддалена» (1-е исполнение — 1979) открывает сегодняшнему слушателю прекрасную лирику молодого П. — она развивается от нежных, деликатных полутонов к вершинам экстатичным и восторженным.

Летом 1914 во время поездки в Лондон П. познакомился с *С.Дягилевым.* Началось сотрудничество с антрепризой Русские сезоны, продолжавшееся до самой смерти великого импрессарио в 1929. Дух игры, постоянная готовность к эксперименту, ярко выраженное театральное начало, синтетичность мышления, парадоксальность и непредсказуемость как важнейшие свойства творческой натуры — эти черты личности композитора, войдя в соприкосновение с устремлениями создателей нового русского балета, привели к рождению спектаклей, которые стали событиями в истории музыкального театра XX столетия.

7.5.1918 через Сибирь и Японию П. выехал из России в Сан-Франциско. Его выступления в США в качестве пианиста вызвали шумную разноречивую прессу, но не принесли успеха. «Я бродил по огромному парку в центре Нью-Йорка и, глядя на небоскребы, окаймлявшие его, с холодным бешенством думал о прекрасных американских оркестрах, которым нет дела до моей музыки; о критиках, изрекавших сто раз изреченное вроде «Бетховен — гениальный композитор» и глубоко лягавших новизну; о менеджерах, устраивавших длинные турне для артистов, по 50 раз игравших ту же программу из общеизвестных номеров. Я слишком рано сюда попал: дите (Америка) еще не доросла до новой музыки. Вернуться домой? Но через какие ворота? Россия со всех сторон обложена белыми фронтами, да и кому лестно вернуться на щите!» Однако веселая опера «Любовь к трем апельсинам» по сказке К.Гоцци стала «одной из самых примечательных премьер в истории американской музыки» (М.Браун). Во время подготовки спектакля впервые проявил себя режиссерский талант П., который постоянно вмешивался в ход репетиций. Это в конце концов возмутило постановщика: «Собственно говоря, кто из нас хозяин на сцене, вы или я?!» П. ответил с характерной для него резкой прямотой: «Вы — для того, чтобы исполнять мои желания!»

С октября 1921 начался парижский период жизни П., продолжавшийся около полутора десятилетий. В Париже, куда устремлялись таланты со всего мира, композитор поддерживал творческие и дружеские контакты с многими деятелями искусства, среди них — *И.Стравинский*, А.Глазунов, Н.Черепнин, В.Дукельский, М.Равель, Ф.Пуленк, *Ф.Шаляпин*, *С.Кусевицкий*, Ж.Кокто, Ч.Чаплин, *А.Бенуа*, А.Остроумова-Лебедева, *З.Серебрякова*, Ж.Руо, Х.Р.Капабланка и *А.Алехин.*

В марте 1922 композитор оставил на 1,5 года Париж, поселился в местечке Этталь в баварских Альпах, где написал большую часть музыки «Огненного ангела» по одноименной повести В.Брюсова — лучшей своей оперы. Яркие страсти, сильные человеческие характеры, в сочетании с потрясающими по силе воздействия картинами мистических видений, мрачного колдовства — соединились в произведении, которое долго открывал музыкальный мир. «Знаете, что меня особенно поражает? — Невероятная, если так можно выразиться, человечность Вашей музыки и восстающих из нее образов. Фигуры Рупрехта и Ренаты — это не театр, еще менее опера, а совершенно живые люди, до того глубоки и подлинны все их интонации... Для того, чтобы дать такие образы, как Рупрехта и Ренаты, во всей их глубине и невероятно человеческой сложности, надо созреть до полной гениальности», — писал композитору Мясковский. Эту оперу П. никогда не видел поставленной на оперной сцене (1-я постановка — Венеция, 1955; в СССР — Пермь, 1984).

В 20-е П. много гастролировал по всему миру, часто — с женой, певицей Л.Льюбера. Именно в 20-30-е слушатели разных стран сумели оценить искусство П. — одного из самых выдающихся пианистов XX столетия. Вспоминая его игру на фортепиано, Г.Нейгауз писал, что особенно сильное впечатление производили «мужественность, уверенность, несокрушимая воля, железный ритм, огромная сила звука (иногда даже трудно переносимая в небольшом помещении), особенная «эпичность», тщательно избегающая всего слишком утонченного или интимного (чего тоже нет и в его музыке), но при этом удивительное умение полностью донести до слушателя лирику, «поэтичность», грусть, раздумье, какую-то особенную человеческую теплоту, чувство природы — все то, чем так богаты его произведения наряду с совершенно другими проявлениями человеческо-

го духа... Его техническое мастерство было феноменально, непогрешимо...».

В этот период композитор продолжал работать в самых различных жанрах. После Третьего фортепианного концерта, сразу ставшего одним из самых популярных сочинений фортепианного репертуара, озорного балета «Сказка про шута, семерых шутов перешутившего», он сочинил Вторую симфонию «из железа и стали», для антрепризы Дягилева — балет «Стальной скок», который показывал победу новой жизни в никогда не виденной автором Советской России. В 1929, также по заказу Дягилева, П. написал балет о Блудном сыне с нежной, прозрачной музыкой, полной неброской красоты и поэтичности; уже после смерти Дягилева для «Grand-Opéra» — лирический балет «На Днепре».

С 1927 упрочились творческие и деловые связи П. с советскими музыкальными кругами, начались его поездки в СССР (1-е гастроли, в начале 1927, прошли с триумфальным успехом). В 1936 композитор с семьей вернулся на родину. Он стал лидером в музыкальном искусстве, пережил период небывалого творческого расцвета. Стремясь сохранить неповторимость своего новаторского стиля, он в эту пору искал контактов с широкой слушательской аудиторией. П. стремился к тому, что сам называл «новой простотой», к тому, чтобы «выражаясь ново, выражаться просто». Именно тогда родились произведения, которые стали самыми репертуарными, самыми любимыми в музыкальном театре — такие как балеты «Ромео и Джульетта», «Золушка», «Каменный цветок». В оперном творчестве П. продолжал изумлять новизной замыслов, смелостью воплощения. Таковы поразительная в выражении живой правды человеческих характеров опера «Семен Котко», грациозная «Дуэнья», наполненная голосами русских народных песен «Повесть о настоящем человеке», а также самое грандиозное в прокофьевском творчестве создание — величественная, прихотливо соединившая черты героической эпопеи и лирико-психологической драмы «Война и мир». В разное время — при жизни композитора или годы, десятилетия спустя — стали классикой XX в. «Петя и волк», кантата «К 20-летию Октября», оратория «На страже мира», театральная музыка, которую после смерти П. Г.Рождественский объединил в сюиту «Пушкиниана», музыка к кинофильмам «Александр Невский» и «Иван Грозный», последние Пятая, Шестая и Седьмая симфонии, камерные сочинения.

В предвоенные годы П. работал над своей «Автобиографией». Он обладал блестящим литературным даром. Его остроумие, наблюдательность, прекрасное владение литературным слогом делают «Автобиографию» одним из самых увлекательных произведений мемуарного жанра. С.Рихтер оставил незабываемое описание П. 30-х: «Как-то в солнечный день я шел по Арбату и увидел необычного человека. Он нес в себе вызывающую силу и прошел мимо меня, как явление. В ярких желтых ботинках, клетчатый, с красно-оранжевым галстуком. Я не мог не обернуться ему вслед — это был Прокофьев».

Опубликованное в феврале 1948 Постановление «Об опере «Великая дружба», в которой композитор был обвинен в формализме, резко изменило его положение в музыкальном мире СССР. Большая часть сочинений П. перестала исполняться. Тяжелая болезнь (прогрессирующая гипертония) заставляла композитора вести жизнь аскета, отказаться от посещения театров и концертов, почти прекратить чтение, свести ежедневную норму работы к одному часу в день. С 1949 П. редко выезжал с дачи на Николиной горе. Сын композитора, Святослав, вспоминал много лет спустя о том, что в облике композитора, «несмотря на сохранившееся чувство юмора и трудоспособность, проглядывало какое-то угнетенное состояние, затаившаяся горечь и утомление, которые ...отражали пережитое».

Композитор вошел в историю как один из ярчайших новаторов. Слушателей изумляла острота и терпкость его музыкального языка, капризные изломы мелодики и безудержный напор бодрых, «тонизирующих» ритмов. Он неустанно экспериментировал. «Классический композитор, — утверждал П., — это безумец, сочиняющий вещи, непонятные для своего поколения». Его творчество нелегко находило дорогу к слушателю. 25-летний П. написал одному из своих оппонентов: «Человеческий слух, а может даже ухо, эволюционирует непрерывно, и разгадки Вашего непонимания в том, что игрой природы я на скале его эволюции брошен на несколько делений вперед в сравнении с Вами!» П. вызывал недоумение музыкантов старшего поколения, американских слушателей и просвещенной художественной элиты Парижа, он должен был пережить горечь неприятия своей музыки, вернувшись на родину. П. постоянно был в центре художественной жизни XX в. и хорошо знал ее переменчивость. Высокоразвитый артистизм, особая духовная утонченность воспитанника русской музыкальной школы вели П. к созданию художественного стиля, который в многоликой пестроте XX в. выделяется своей неповторимостью; его стройность, соразмерность и красота воскрешают гармоничное совершенство классического искусства.

Соч: С.С.Прокофьев: Материалы, документы, воспоминания. М., 1961; Автобиография. М., 1973; Сергей Прокофьев: Дневник, Письма, Беседы, Воспоминания. М., 1991.

Лит: Нестьев И.В. Жизнь Сергея Прокофьева. М., 1973.

Н.Савкина

ПРОКОФЬЕВ-СЕВЕРСКИЙ Александр Николаевич (24.5.1894,Тифлис — 24.9.1974, Нью-Йорк) — летчик, авиаконструктор. Родился в семье потомственных дворян Петербургской губернии. Предки его были военные, и только отец изменил этой традиции — посвятил свою жизнь искусству, был известным в Петербурге певцом оперетты, режиссером, владельцем театра (Северский — его сценический псевдоним, присоединенный к фамилии). Сыну он решил дать военное образование, зачислив его в Морской кадетский корпус. В декабре 1914 П.-С. получил чин мичмана, но карьера моряка его мало интересовала. Он мечтал стать военным летчиком. Интерес к авиации пробудился в нем с юношеских лет под влиянием отца, который был одним из первых русских летчиков-любителей. Вскоре П.-С. представилась возможность осуществить мечту. В 1914-15 в России при Военно-морском флоте начали создавать авиационные группы, предназначенные для разведки над морем и для действий совместно с кораблями. П.-С. был в числе нескольких молодых моряков, направленных в авиационные школы для подготовки летчиков морской авиации. 2.7.1915 он сдал экзамен и получил звание морского летчика.

Летная служба П.-С. началась на базе гидросамолетов на острове Эзель, расположенного у входа в Рижский залив. Через несколько дней случилось несчастье: 6.7.1915 при посадке самолета, на котором П.-С. летал на разведку и бомбардировку немецких кораблей, внезапно взорвалась имевшаяся на борту 10-фунтовая бомба. Летчик был тяжело ранен. Опасаясь гангрены, врачи хотели почти полностью ампутировать П.-С. изувеченную взрывом правую ногу, но, вняв просьбам летчика, не желавшего расставаться с мыслью о полетах, решили пойти на риск и ограничились ампутацией ноги чуть ниже колена. После операции он начал усиленно тренироваться ходить сначала на костылях, а потом без костылей, с деревянным протезом. Сильная воля, вера в себя и хорошая спортивная подготовка сделали чудо: со временем он смог не только отлично летать, но и научился играть в гольф и бадмингтон, кататься на коньках, танцевать, плавать на большие расстояния.

В начале 1916 П.-С. вновь приступил к службе; его назначили наблюдателем за постройкой гидросамолетов для авиации Балтийского моря на заводе Первого Российского товарищества воздухоплавания в Петрограде. Долгие часы, проведенные в наблюдении за постройкой и испытаниями самолетов, пробудили в П.-С. конструкторский талант. Позднее он писал: «До катастрофы авиация была для меня только одним из замечательных видов спорта. Теперь же случившееся со мной несчастье сделало меня восторженным почитателем чудес аэродинамики и гидродинамики. ...Я понял, что авиация — это больше чем полеты, это еще наука и искусство».

Первые технические идеи П.-С. были направлены на улучшение боевых качеств гидросамолетов. Он предлагал усилить вооружение «летающих лодок», высказывался за подвижную установку пулеметов, применение бронеплит для защиты экипажа. Изобретательская деятельность не давала полного удовлетворения. П.-С. был убежден, что, несмотря на протез, он может и должен летать. Чтобы доказать это, он без разрешения выполнил полет на новом типе самолета. За нарушение дисциплины П.-С. был арестован, и его спасло только вмешательство Николая II, прослышавшего об этом необычном случае. В знак восхищения перед отвагой и волей одноногого пилота царь специальным решением простил дисциплинарный проступок и разрешил П.-С. вернуться к летной службе. Вскоре молодой авиатор показал себя как выдающийся боевой летчик, и в 1917 ему был присвоен чин лейтенанта.

С началом активной летной работы тяга к конструкторской деятельности не угасла. В перерывах между полетами П.-С. занимался усовершенствованием самолета, стараясь сделать его максимально удобным для пилотирования. Чтобы уменьшить нагрузку на протез при управлении, он разработал конструкцию балансирного руля направления, а затем и балансирных элеронов, сконструировал регулируемые педали, позволяющие изменять расстояние между сидением летчика и органами управления в кабине. Большой заслугой П.-С. являлось создание им зимой 1916-17 лыжного шасси для «летающих лодок» Григоровича. Применение такого устройства позволяло использовать гидроавиацию на Балтике и в зимние месяцы, когда вода покрывалась льдом. Начальник авиации Балтийского флота Б.Дудоров докладывал в Морской генеральный штаб в январе 1917: «Мичманом Прокофьевым произведены опыты постановки на лыжи истребителей (имеется в виду одноместная «летающая лодка»-истребитель М-11 — Ред.). Аппарат опробован в полете с посадкой на снеге, на земле. ...Это усовер-

шенствование может избавить в будущем от необходимости иметь зимний тип аппаратов и в смысле боевого снабжения Воздушной Дивизии зимний истребитель является очень важным».

К моменту октябрьского переворота П.-С. был одним из самых известных летчиков-ассов в России. Он имел 1600 часов налета, участвовал в 57 воздушных боях, одержал 13 побед, имел множество боевых наград, в том числе почетное Золотое оружие и орден Св.Георгия, врученный лично главой Временного правительства А.Керенским, специальную награду за ценные изобретения в области морской авиации, звание командующего истребительной авиацией Балтийского флота, должность технического консультанта при Адмиралтействе. В сентябре 1917 П.-С. предложили место помощника атташе по делам Военно-морского флота в русском посольстве в США. Тогда он отказался, оставшись, по просьбе командования, на фронте. Но после захвата власти большевиками и последовавшего за тем разложения в авиации и на флоте П.-С. решил воспользоваться этой возможностью, чтобы навсегда покинуть страну.

П.-С. прибыл в США в марте 1918 и поступил на службу в русское посольство в Вашингтоне; он изменил свою труднопроизносимую для иностранцев двойную фамилию и стал просто Александр Северский. Должность помощника военно-морского атташе по вопросам авиации предоставила ему возможность познакомиться с многими американскими авиационными деятелями, что очень пригодилось в дальнейшем. Дипломатическая служба оказалась недолгой. Вскоре после заключения российским правительством сепаратного мира с Германией посольство было закрыто.

Оставшись не у дел, П.-С. стал подыскивать себе новую работу. Вскоре состоялась его встреча с генералом У.Митчеллом — убежденным сторонником развития бомбардировочной авиации, «крестным отцом» американских стратегических военно-воздушных сил. П.-С. поделился с ним своими соображениями по техническому усовершенствованию самолетов. Идеи молодого русского летчика заинтересовали генерала, и он предложил П.-С. место инженера-консультанта при военном департаменте в Вашингтоне.

Для развития и коммерческого использования своих идей П.-С. основал в 1922 фирму «Seversky Aero Corp.». Фирма начала с создания новой модели бомбардировочного прицела. Это устройство автоматически определяло угол прицеливания, «подсказывало» летчику нужный курс и в нужный момент автоматически осуществляло сброс бомб. После успешных испытаний правительство США в 1925 купило у П.-С. права на данное изобретение за 50 тысяч долларов. Крупная по тем временам сумма позволила фирме расширить масштабы изобретательской деятельности. Совместно с Л.Сперри, создателем первых автопилотов, П.-С. разработал автомат контроля за сносом самолета ветром, который мог применяться в условиях полета вне видимости земли и являлся важным дополнением к устройствам для автоматического управления самолетом. К изобретениям этого периода относятся также роликовое лыжное шасси, позволяющее самолету взлетать и садиться на неприспособленные площадки, например, на вспаханное поле, и даже преодолевать канавы, механизм заправки горючим в полете и целый ряд др. технических усовершенствований. В ноябре 1927 П.-С. получил американское подданство, а в следующем году ему было присвоено звание майора ВВС США в запасе.

Успешное развитие дел было нарушено тяжелейшим экономическим кризисом, разразившимся в США в конце 20-х. Среди тысяч обанкротившихся предприятий оказалась и фирма П.-С. В очередной раз все пришлось начинать заново. П.-С. разработал проект самолета-амфибии. Для реализации этого замысла он собрал вокруг себя несколько единомышленников, и в феврале 1931 на Лонг-Айленде (шт. Нью-Йорк) появилась новая самолетостроительная фирма «Seversky Aircraft Corp.». П.-С. являлся одновременно президентом, конструктором и летчиком-испытателем; главным инженером был его соотечественник *А.Картвели*. Самолет-амфибия, названный SEV-3, был готов к лету 1933. Это была подлинно новаторская машина. Самолет представлял собой цельнометаллический моноплан с низкорасположенным свободнонесущим крылом с работающей обшивкой. В отличие от других металлических самолетов того времени гофрированная обшивка крыла была покрыта сверху гладкими металлическими листами. Это, наряду с хорошо обтекаемым фюзеляжем овальной формы, позволило заметно уменьшить аэродинамическое сопротивление. В результате по максимальной скорости (305 км/ч) амфибия, несмотря на большие подкрыльевые поплавки, не уступала самолетам с обычным колесным шасси. Внутренняя полость крыла представляла собой топливный бак, что также являлось новшеством. Закрылки и аэродинамические тормоза оригинальной конструкции способствовали улучшению посадочных характеристик. При взлете с воды колеса с помощью гидравлической системы могли убираться внутрь поплавков, уменьшая тем самым гидродинамическое сопротивление при разбеге. На самолете был установлен двигатель

воздушного охлаждения Райт J-6 мощностью 420 л.с. В кабине амфибии могло разместиться 3 человека.

Первый полет SEV-3 состоялся 18.6.1933. П.-С. сам поднял в воздух свое детище. Испытания показали отличные скоростные качества машины. 9 октября того же года П.-С. установил на самолете мировой рекорд скорости для амфибий — 290 км/ч. 15.9.1935, после замены двигателя новым, мощностью 750 л.с. (модификация SEV-3M), П.-С. был достигнут новый результат — 371 км/ч. Эта скорость многие годы оставалась рекордной для самолетов-амфибий с поршневым двигателем. Вариант SEV-3 с обычным колесным шасси, появившийся в 1934, послужил прототипом для учебно-тренировочного самолета АТ-8. Цельнометаллический, со свободнонесущим монопланным крылом и закрытой двухместной кабиной — АТ-8 коренным образом отличался от применявшихся тогда для подготовки пилотов устаревших тихоходных самолетов-бипланов. Двигатель мощностью 400 л.с. позволял достигать скорости почти в 300 км/ч. Шасси было неубираемым, с обтекателями, но в кабине, имитирующей кабину самых современных боевых самолетов, для обучения летчиков был предусмотрен тумблер уборки и выпуска колес. Все это делало ненужным переучивание при переходе с учебных на военные самолеты и ускоряло тем самым подготовку летчиков. АТ-8 явился родоначальником «нового поколения» учебно-тренировочных самолетов. В 1935, после того, как новый самолет П.-С. получил первый приз на конкурсе учебно-тренировочных самолетов в США, управление ВВС заказало 30 АТ-8. Они использовались для обучения пилотов до 1939.

В середине 30-х ведомство ВВС США объявило конкурс на создание самолета для замены истребителя Боинг Р-26. Фирма П.-С. представила на конкурс созданный на основе самолета SEV-3 одноместный истребитель Р-35, конструкция которого воплощала новейшие достижения авиационной науки и техники: убирающееся шасси, тормозные колеса, закрытая кабина пилота, посадочная механизация крыла, гидроскопические навигационные приборы, новый двигатель Райт R-1820, трехлопастный пропеллер изменяемого в полете шага. Правительственный заказ на 77 самолетов Р-35 создал основу для дальнейшего роста фирмы. В 1937 П.-С. «вытеснил» расположенную по соседству фирму Грумман и занял ее производственные корпуса. Теперь «Seversky Aircraft Corp.» представляла собой крупную самолетостроительную компанию. На спортивных вариантах Р-35 был установлен ряд рекордов скорости: в 1937 и 1939 летчик Франк Фуллер дважды выигрывал в США состязания в гонках на приз Бендикса; американская летчица Жаклин Кокран на самолете SEV-1XP установила два национальных женских рекорда скорости (в 1937 и 1940), превысив показатель 500 км/ч.; 3.12.1937 П.-С. установил на этом самолете еще один рекорд, совершив беспосадочный перелет из Нью-Йорка в Гавану за 5 час. 3 мин. В тот же день Ж.Кокран выполнила на самолете П.-С. рекордный перелет из Нью-Йорка в Майями со средней скоростью 483 км/ч.

Другим направлением в деятельности «Seversky Aircraft Corp.» стало создание двухместного истребителя. Самолет предназначался для охраны бомбардировщиков от вражеских самолетов. Хорошие аэродинамические формы и большая емкость топливных баков, занимавших весь внутренний объем крыла, обеспечивали ему необычно большую для истребителя дальность — более 5 тыс. км. Самолет был построен в 1938. Он получил обозначение 2РА. В зависимости от желания заказчика самолет мог устанавливаться на поплавки, к мотораме могли крепиться звездообразные двигатели различной мощности — от 400 до 1200 л.с., за счет замены законцовок крыла могла быть изменена площадь несущей поверхности. Большинство указанных конструктивных изменений можно было осуществить в полевых условиях. В результате, помимо основного назначения — истребитель сопровождения — самолет мог быть быстро модифицирован в легкий бомбардировщик, дальний разведчик или тренировочный самолет. Американское военное руководство не проявило интереса к новому самолету П.-С. В связи с появлением на вооружении скоростных бомбардировщиков считалось, что они смогут выполнять боевые задачи без прикрытия истребителями, т.к. их скорость является гарантом их безопасности. Несколько лет спустя жизнь показала ошибочность этой точки зрения — при налетах американских бомбардировщиков на Германию без охраны их истребителями потери американской стороны были так велики, что от подобных операций пришлось отказаться.

30-е были для П.-С. необычайно плодотворным периодом. В эти годы он изобрел оригинальную конструкцию убираемого шасси для самолетов-верхнепланов, воздушный тормоз и щеловой закрылок нового типа, складывающееся металлическое монопланное крыло, двойную телескопическую стойку шасси для самолетов палубного базирования, автоматическое якорное устройство и расщепляющийся подводный киль для гидросамолетов, противоштопорный парашют, регулируемое сидение пилота, новый способ балансировки органов управления. Многие его изобретения находили применение

не только в авиации, но и в других областях техники, в частности, в автомобилестроении, на фирме Крайслер.

Проектирование новых самолетов и изобретательская деятельность не давали средств, необходимых для успешного роста фирмы, а новых заказов от американского правительства не было. Поэтому П.-С. сделал ставку на экспорт своих самолетов. Первый зарубежный заказ поступил, неожиданно для конструктора, из Советского Союза. В 1938 советское торговое представительство «Амторг» обратилось к П.-С. с предложением продать два самолета 2PA, один — в варианте амфибии, другой — с обычным колесным шасси, а также лицензию на производство этих самолетов в СССР. За это «Seversky Aircraft Corp.» получила почти 1 миллион долларов.

В поисках новых заказов П.-С. в начале 1939 предпринял турне по Европе. Его самолеты демонстрировались во Франции, Англии, Бельгии, Швейцарии, Швеции. Конструктор сам выполнял на них показательные полеты, установил целый ряд новых рекордов скорости во время перелетов между европейскими столицами. Находясь в Европе, П.-С. получил возможность детально ознакомиться с достижениями европейской авиации. По приглашению правительств Франции, Англии, Германии и Италии он посетил авиационные заводы и военно-воздушные центры этих стран и даже летал на некоторых из новейших военных самолетов. В частности, он был первым американским летчиком, кому позволили опробовать знаменитый английский истребитель «Speedfire».

В апреле 1939, когда П.-С. находился в Париже, он получил телеграмму из США, в которой уведомлялся, что Совет директоров «Seversky Aircraft Corp.» снял его с поста президента фирмы. Причин смещения было несколько. Многие члены совета директоров были недовольны финансовой политикой предприятия и обвиняли П.-С. в том, что тот тратит слишком много денег на экспериментальные разработки, тогда как доходы фирмы год от года снижаются. К этому добавился скандал в связи с нелегальной продажей 20 истребителей П.-С. Японии, являвшейся потенциальным противником США (официально все было оформлено как продажа самолетов Сиаму). Свою роль сыграло и отрицательное отношение к П.-С. многих высокопоставленных военных, считавших его ставленником попавшего в опалу генерала Митчелла; к тому же П.-С. часто нелестно отзывался о действиях военного руководства США.

П.-С. срочно вернулся в Нью-Йорк. Попытки доказать руководству фирмы, что экспериментальные работы необходимы и что только они в конце концов могут принести компании успех и процветание, оказались тщетными. П.-С. был вынужден покинуть созданное им предприятие. В сентябре 1939 фирма «Seversky Aircraft Corp.» получила новое имя — «Republic».

П.-С. был глубоко уязвлен случившимся. Даже почетный приз Хармана, врученный ему в 1940 президентом Ф.Рузвельтом за заслуги в области авиации, не заглушил чувство обиды. Он решил навсегда отойти от конструкторской работы. П.-С. начал заниматься прогнозами развития военной авиации и ее роли в мировой войне; в этой сфере он проявил себя как незаурядный аналитик и военный стратег. Его прогнозы были поразительно точными: в июле 1939 он предсказал, что Гитлер начнет войну в сентябре этого года; тогда же заявил, что через несколько лет скорость самолетов достигнет 800 км/ч. Год спустя П.-С. выступил с критикой распространенного в США мнения, что английская авиация не продержится против немецких военно-воздушных сил и нескольких недель. Как известно, англичане выиграли «битву над Британией». Позднее он предсказал провал немецкого плана «молниеносной войны» против СССР. Безошибочность прогнозов П.-С. определялась прекрасными аналитическими способностями и знанием реального потенциала американской и европейской авиации.

Всеобщую известность П.-С. принесла книга «Воздушная мощь — путь к победе», опубликованная в 1942 и быстро ставшая бестселлером. В этой книге он показал близорукость политики военного департамента США в области авиации, долгое время не понимавшего, что без завоевания господства в воздухе и разрушения промышленного потенциала противника путем массированных бомбардировок победа в современной войне недостижима. К концу 2-й мировой войны П.-С. был уже признанным авторитетом в делах военной стратегии и имел должность консультанта по военным делам при правительстве США. Его высокий авторитет в этот период подтверждает награждение его в 1946 медалью «За заслуги» — самой почетной наградой США, присуждаемой гражданским лицам. В специальном послании президента Трумена, врученном П.-С. вместе с медалью, высоко оценивались его усилия, направленные на повышение боевой мощи американской авиации в годы войны. «Авиационные знания мистера Северского, его целеустремленность и энергичная пропагандистская деятельность оказали большую помощь в успешном завершении войны», — говорилось в послании.

До конца своей жизни П.-С. оставался консультантом ВВС США и лектором Авиационного университета, где обучались будущие командиры военно-воздушных подразделений. Он много ездил по стране, читал лекции, выступал

в прессе, участвовал в конференциях. П.-С. опубликовал две новых книги, в которых призывал к развитию военно-воздушной и ракетной мощи США, указывая, на этот раз, на опасность агрессии со стороны Советского Союза. П.-С. был членом 17 научных и общественных организаций — Академии наук, Общества американских военных инженеров, Американского Легиона, Ассоциации пилотов-спортсменов, Клуба искателей приключений и др., имел степень почетного доктора наук. Он продолжал пилотировать самолеты и в конце 50-х, имел более 13 тысяч часов налета.

В конце жизни П.-С. увлекся проблемами экологии. Для разработки изобретений в этой области он организовал фирму «Seversky Electronatom Corp.». Одним из изобретений был электростатический фильтр, предназначенный для поглощения загрязнений воздуха и очистки промышленных отходов. П.-С. был также автором проекта экологически чистого летательного аппарата «Ionocraft» (1964). Этот необычный аппарат вертикального взлета и посадки должен был поддерживать себя в воздухе благодаря вертикальному движению ионизированных частиц воздуха, отбрасываемых вниз под действием тока высокого напряжения. Электрическую энергию предполагалось передавать с земли в виде микроволн, излучаемых лазером.

Соч.: Victory through Air Power. 1942; I Owe My Carreer to Losing a Leg // Ladies' Home Journal, 1944, May; Air Power: Key to Survival. 1950; America: Too Young to Die! New York-London-Toronto, 1961.

Лит.: Malony E. Sever the Sky: Evolution of Seversky Aircraft. Corolina del Mar (Calif.), 1979; Соболев Д.А. Рожденный летать. Пилот, конструктор, аналитик и прогнозист Александр Прокофьев-Северский // Воздушный тран-т, 1993, № 21; Его же. Свободнонесущее крыло // Крылья Родины, 1993, № 9-10.

Д.Соболев

ПУНИ Иван Альбертович (20.11.1894, Куоккала, Финляндия — 28.12.1956, Париж) — живописец. Родился в семье музыкантов итальянского происхождения. Его дед, Цезарь П., итальянский композитор, автор многочисленных партитур к балетам, руководитель оркестра оперы в Париже и Лондоне, обосновался в Петербурге в 1857, писал музыку для императорских театров. Отец — Альберт П. — известный виолончелист. Начальное музыкальное и художественное образование П. получил в семье. Закончил театральную гимназию и поступил в Военную академию. В 1900-8 брал частные уроки рисования у И.Репина, затем, в 1910, поступил в академию Р.Жульена в Париже. В годы учебы увлекался кубизмом и фовизмом. В 1912-13 путешествовал по Италии, в 1913 возвратился в Россию. Полный энтузиазма и энергии, П. включился в работу художественного объединения Союз молодежи, участвовал в его выставках, сблизился с В.Татлиным, К.Малевичем, *М.Ларионовым*, *Д.Бурлюком*, В.Маяковским, В.Шкловским. На одной из выставок чрезмерное новаторство П. вызвало недовольство устроителей, что вынудило М.Матюшина объяснять членам жюри и публике работы П. наряду с произведениями Бурлюка.

В 1913 П. познакомился и женился на художнице Ксении Богуславской. Вновь предпринял поездку в Париж, где выставил несколько своих работ в Салоне независимых вместе с Малевичем и Бурлюком. Живопись П. этого периода можно квалифицировать как фовистскую, несмотря на темную тональность, хотя постепенно он начинал склоняться к кубистским конструкциям. В 1914 сделал эскиз обложки футуристического альманаха «Рыкающий Парнас». В 1915 П. и Богуславская организовали в Художественном бюро Н.Добычиной выставку «Трамвай «В», где, помимо их работ, были представлены работы Малевича, Татлина, Моргунова, *Экстер*, Поповой, Розановой, Удальцовой. С 19.12.1915 по 19.1.1916 они провели Последнюю футуристическую выставку «0,10». К ее открытию была выпущена листовка с изложением художественного кредо организаторов, выступивших в противовес конструктивизму Татлина. Манифест был важен для понимания беспредметного мира; утверждение, что картина есть новая концепция абстрагированных реальных элементов, лишенная смысла, было вместе с заявлением Малевича одной из первых ясных деклараций самодовлеющей художественной формы. П. сыграл важную роль в организационном оформлении супрематизма. В январе 1916 он выступил в зале Тенишевского училища с лекцией «Кубизм — футуризм — супрематизм». В том же году на выставках «Товарищества независимых» и «Бубнового валета» экспонировал, наряду с жанровыми картинами и портретами («Скачки», «Парикмахерская», «Игроки в карты», «Автопортрет» и др.), беспредметные картины, близкие к произведениям Малевича. Правда, увлечение П. беспредметным искусством было «не только кратковременным, но и достаточно поверхностным» (Н.Хаджиев).

Весной 1917 П. стал одним из учредителей союза «Свобода искусству». В 1918 преподавал в Свободных художественно-учебных мастерских в Петрограде. В 1918-19 принимал участие в оформлении улиц и площадей города (Литейный проспект и Охта), работал на Государственном фарфоровом заводе, исполнил проект печати Совнаркома; принял участие в выставке «Русский пейзаж». В 1919 препода-

вал некоторое время в Витебском художественном училище, затем уединился в имении отца в Финляндии, где пробыл более года практически бездеятельно.

Осенью 1920 П. переехал в Берлин; сблизился с Рихтером, Эггелингом, Дусбургом, Беллингом. Вошел в Ноябрьскую группу, объединявшую авангардистов разных направлений. В 1921 участвовал в выставках группы в Берлине, провел персональную выставку в галерее «Der Sturm» (1921) и участвовал в Международной выставке в Дюссельдорфе (1922). Работал как иллюстратор, оформлял детские книги, например, С.Рафаловича «Марк Антоний. Трагедия» (Берлин, 1923). Много сотрудничал с театрами, рисуя эскизы костюмов и декораций; наиболее известны его эскизы костюмов для театров «Синяя птица» и «Карусель» (1921), «Возрождение» (1922), «Folies Bergere» (Париж, 1923), декорации и костюмы для турне в Аргентину театра «Douvan», для «Балладин оперы» (Прага, 1923). Участвовал в конференциях по проблемам современного искусства.

В 1922 П. опубликовал в Берлине книгу «Современное искусство». В ней он дал анализ и резкую критику беспредметничества: «Вот в том-то и дело, что в русском беспредметничестве танцевали только первые вещи, только первые, вот тот Малевичев квадрат, еще несколько и затем ничего. Затем триста тысяч комбинаций из одного круга и пары квадратов»; «беспредметное конструирование [в России]... неизбежно должно было превратиться и превратилось в искусство аналитическое, в ряд опытов, простых и сложных. Примеры: работы Малевича, мои собственные того времени, Родченко, Розановой, Бруни и др.». Фактически в своей книге П. отвергал супрематизм. В том же году в лекции, прочитанной в Берлине, он назвал супрематические формальные достижения переходными и поверхностными и заявил о поддержке, с одной стороны, *В.Кандинского*, с другой — П.Пикассо.

Изменение художественного стиля во многом определило смену места жительства. В 1923 П. переехал в Париж. Как он позднее вспоминал, «в Париже я заново родился... Именно там я сформировался как художник». В Париже П. сблизился с Ф.Леже, А.Марке, А.Озанфаном, Дж.Северини. Пройдя через увлечение конструктивизмом, кубизмом, дадаизмом, в середине 20-х он пришел к светлой и нежной импрессионистской живописи — натюрмортам, интерьерам, парижским пейзажам. В Париже П. стал приверженцем фигуративной живописи, работал в стиле, напоминающем манеру Пьера Боннара и Эдуарда Вюйяра. П. был разносторонним художником, но прежде всего живописцем. С 1924 выставлялся в салоне Тюильри, в 1928 участвовал в Международной выставке в Брюсселе и выставке «Современного французского искусства» в Москве. В 1925 состоялась его первая персональная выставка в галерее «Barbazanger» (Париж), где были представлены «Большой натюрморт» и «Большая ню». Вторая персональная выставка прошла в 1928 в галерее Джорджа Бернхейма и имела большой успех. В 30-е П. выставлялся в основном во Франции, где он был популярен: персональные выставки в галерее Кастель (1933), галерее Ле Ниво (1937); отдельные работы представлены в салонах «Temps Presénts» (1934-35), «Современные художники» (1936), в клубе архитекторов (1937). В 1940-42 П. жил в Антибе, на юге Франции, вместе с супругами Делоне. В 1942 вернулся в Париж, где в 1943 устроил свою выставку в галерее Л.Карре. В 1946 он принял французское гражданство и вскоре стал кавалером ордена Почетного легиона.

В послевоенный период П. вновь изменил манеру. В его поздних картинах отдельные черты предметов даны укрупненно и приблизительно, а цвета — чистыми, без полутонов, плоскостями. Такая мозаичная структура создает изысканную колористическую гармонию, которая не вредит изобразительности («Оранжевое кресло», 1948; «Интерьер с пианино», 1949; «Пригород», 1953; «Пикник», 1954; цикл Арлекины, 1948-56 и др.). В 40-е П. получил международное признание. Его персональные выставки с успехом прошли в парижских галереях «Де Франс» (1947 и 1950), «Корд» (1953 и 1956); в Нью-Йорке (1949 и 1952) и Лондоне (1950). Он активно участвовал в международных выставках в Вене, Каире и Париже (1946), Питсбурге (1950), Турине (1953), Токио (1953 и 1955), Риме, Марселе, Провансе, Шартре и Мехико (1955-59).

Умер художник в мастерской. Его мемориальные выставки состоялись в Париже (1956, 1958, 1959, 1966), Цюрихе (1960), Ницце, Амстердаме (1961), Турине (1962), Женеве (1964). Работы П. экспонировались также на выставках «После Гогена» (Варшава, 1959); «Русские художники парижской школы» (Сен-Дени, 1960); «Пикассо и его друзья» (Страсбург, 1960); «Французская живопись» (Москва, 1961); «Французская живопись в Женеве» (Женева, 1962) и др. Представлен во многих музеях Европы и Америки, а также и России.

Соч.: Творчество жизни // Иск-во коммуны, 1919, 5 янв.; Современные группировки в русском левом искусстве // Там же, 1919, 13 апр.

Лит.: Pougny. Exposition. Musée de Nice. 1961; Lassaigne J. Jean Pougny. Baden-Baden, 1964; К истории русского авангарда. Стокгольм, 1976.

И.Купцова

ПУШКАРЕВ Сергей Германович (8.8.1888, сл. Казацкая, Старооскольского у., Курской губ. — 22.1.1984, Нью-Джерси, США) — историк. Дворянин, сын нотариуса Г.И.Пушкарева. Детство провел в имении Прохоровка Корочанского уезда Курской губернии, принадлежавшем матери, урожденной А.И.Шатиловой. Окончив курскую классическую гимназию с золотой медалью, в 1907 поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета. Учился у профессора М.Клочкова, ученика академика М.Дьяконова. Принимал участие в деятельности РСДРП, был близок меньшевикам, в 1910 по просьбе своего кузена Н.Попова (в советское время секретаря ЦК КП/б/ Украины и историка партии) взялся доставить в Киев прокламации, был арестован и исключен из университета. Продолжал обучение за границей на философских факультетах Гейдельбергского и Лейпцигского университетов (1911-14). Вернувшись в начале войны через Швецию на родину, добился восстановления в Харьковском университете, но в июне 1917 поступил юнкером в Виленское военное училище. Отошел от социал-демократов. В декабре, после расформирования училища, возвратился в Прохоровку, подготовился к выпускным экзаменам, успешно сдал их в 1918 и по рекомендации М.Клочкова был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В июле 1919 вступил в армию генерала *Деникина*, занявшую Харьков. В декабре в бою с махновцами был тяжело ранен, после долгого лечения в госпитале служил в управлении начальника авиации войск генерала Врангеля, затем на бронепоезде «Офицер», с командой которого был эвакуирован в ноябре 1920 в Турцию.

В 1921 П. приехал в Прагу, где ему была предоставлена стипендия для научной работы под руководством И.Лаппо. Выдержал в 1924 магистерские экзамены при Русской академической группе и получил звание приват-доцента. В том же году опубликовал свою первую в эмиграции крупную работу — «Очерк истории крестьянского самоуправления в России» — обзор законодательства по этому вопросу, начиная с эпохи феодальной раздробленности до реформы местного суда 1912. По отзыву *А.Кизеветтера*, «автору удалось отметить все наиболее существенное и соединить краткость изложения с точностью сообщаемых сведений и ясностью общего рисунка». В 1925 П. стал членом Русского исторического общества в Праге. Преподавал в Русском народном университете, в Русской детской школе, на Русском юридическом факультете, входил в состав Ученого Совета Русского заграничного исторического архива. В 1929 был избран членом Славянского института при Чешской Академии наук, где работал над сравнительным словарем славянского права. В 1925-26 примыкал к евразийцам, посещал семинар *П.Савицкого*, по просьбе которого написал статью «Россия и Европа в их историческом прошлом» (Евразийский временник. Прага, 1927, кн.5). В 1937 избран профессором кафедры русской истории в Братиславе. Сотрудничал в русских эмигрантских журналах и сборниках «Хозяин», «Родное слово», «День русской славы», «Россия и славянство», «Евразийский временник», «Евразийская хроника», а также в чешских изданиях; автор статей по истории русского крестьянства, внутренней политике Московского государства, донского казачества, колонизации Сибири, средневекового города, ему принадлежат брошюры по истории русской православной церкви, о русском государственном праве. Основной труд пражского периода — «Происхождение крестьянской поземельно-передельной общины», — в которой доказывал, что, будучи орудием налоговой политики правительства и закрепощения крестьянства, община, с одной стороны, отвечала крестьянским идеалам солидарности и взаимопомощи, а с другой — способствовала упадку сельского хозяйства.

Женился в 1928 на Ю.Поповой. В годы 2-й мировой войны оставался в оккупированной Праге; воспринял манифест генерала Власова как возможный путь к освобождению России от большевизма, идейно поддерживал его армию. В апреле 1945 Пушкаревы перебрались в Западную Германию (Бавария), где П. преподавал в русских школах в лагерях «для перемещенных лиц». Во время переезда погиб архив П.: дневники периода революции и гражданской войны, выписки из архивных материалов, собранные документы, рукописи работ ученого. В начале 1946 П. был избран доцентом истории в Мюнхенском университете. В конце июля 1949 *Г.Вернадский* помог Пушкаревым выехать в США, в Нью-Хэйвен.

С осени 1950 П. преподавал в Йельском университете, в 1951-52 прочитал курс лекций по русской истории в Русском институте Фордэмского университета в Нью-Йорке, а в 1954 — в Русском институте Колумбийского университета. Совместно с Г.Вернадским работал над составлением сборника источников по истории России на английском языке, подготовив в качестве отдельного тома универсальный словарь русских исторических терминов.

Из работ П., опубликованных на русском языке в США, самыми известными являются изданные в Нью-Йорке книги «Обзор русской истории» (1953) и «Россия в XIX веке» (1956; расшир. и доп. пер. вышел под назв. «The Emergence of Modern Russia, 1801-1917»,

1963; Эдмонгтон, 1985). В предисловии к первой книге П. писал: «В своем изложении я стремлюсь быть совершенно объективным «докладчиком», но не прокурором и не адвокатом нашего исторического прошлого, я не окрашиваю его ни в черный, ни в нежно розовый цвет; я не стараюсь втиснуть факты нашей истории в рамки какой-нибудь историософской или социологической схемы, — я даю лишь фактическое изложение исторических событий и описание политического и социального строя в каждом периоде». Опубликовал 3-ю часть исследования о судьбах общины; отмечал, что столыпинская аграрная реформа должна была открыть для русского крестьянства путь, «которым шли его западные соседи», тогда как ни политика императорского правительства в XVIII-XIX вв., ни советская социализация земли «не принесли русскому крестьянству ни равенства, ни благосостояния». Статьи П. печатались в американских и зарубежных русских изданиях («Новое русское слово», «Новый журнал», «Записки Русской академической группы в США», «Грани», «Мысль», «Посев», «The Russian Review», «Slavic and East European Journal»). Основные их темы — Московская Русь, эпоха Петра Великого, взаимоотношения России и США, внутренняя политика России XIX — начала XX вв. «Странички из воспоминаний» опубликованы в 1980 в «Новом русском слове». Статьи, посвященные теме октябрьского переворота 1917, составили сборник «Ленин и Россия» (Франкфурт-на-Майне, 1978; 1988); П. доказывал, что революция 1917 — «обвал», «обрыв» русской истории, явление, чуждое национальным корням русского народа. Два посмертных сборника работ П. — «Самоуправление и свобода в России» (Франкфурт-на-Майне, 1985) и «Роль Православной церкви в истории России» (Нью-Йорк, 1985) — подготовлены сыном П., Б.Пушкаревым. Работы, вошедшие в первый сборник, характеризуют существовавшие в русской истории начала политической свободы и общественной самодеятельности. В предисловии ко второму сборнику протоирей Иоанн Мейендорф подчеркивал ведущую, по его мнению, мысль автора: «...при самых разных ...исторических обстоятельствах — Святая Церковь оставалась Церковью, т.е. открывала людям их истинное и единственное назначение — быть гражданами не только земного Отечества, но и Царства Божия, и тем самым обладать подлинной радостью и внутренней неотъемлемой свободой».

П. подготовил многих американских историков. Как вспоминал один из его учеников, П. «предельно использовал те узкие возможности, которые открывались перед русским эмигрантом-специалистом по русской истории».

Соч.: Как русский народ заселял Сибирь // Хозяин, 1925, № 9, 11, 15; Vnitrni zrizenia a vnejsi postaveni pskovskeho státuve XIV-XV stol. // Sbornik ved pravnicha štatnich. Prague, 1925, XXV; Zácady obchodni a prumyslove politiky Petra Velikoho // Ibid., 1926, XXVI; И.Т.Посошков и его значение в истории русской культуры // Зап. Рус. истор. об-ва в Праге, 1927, т.1; Крестьянский «мир» на севере России // Хозяин, 1928, № 12, 13, 38, 40; The Political Movements and Political Organization of the Russian Peasantry in the Twentieth Century / A systematic Source Book of Rural Sociology, vol.II. Minneapolis, 1931; Целовальники в суде и управлении Московской Руси // Зап. Рус. науч. ин-та в Белграде, 1933, вып.9; Происхождение крестьянской поземельной общины // Зап. Рус. науч.-исслед. объединения Рус. свобод. ун-та в Праге, 1939, ч.1-2, № 67; 1941, № 77; Русская земля в «безгосударственное время» (1606-1613) // Зап. Рус. акад. группы в США, 1967, т.1; Донское казачество и Московское государство в XVII веке // Там же, 1968, т.2; Dictionary of Russian Historical Terms from the Eleventh Century to 1917. New Haven, 1970; A Source Book for Russian History from Early Times to 1917. 3 vol. New Haven, 1972; Петр Великий // Зап. Рус. акад. группы в США, 1973, т.7.

Лит.: Fisher R.T. С.Г.Пушкарев // Slavic Review, 1984, № 2; Жернакова Н. Сергей Германович Пушкарев // Зап. Рус. акад. группы в США, 1986, т.19; Магеровский Е. Пророк, обернутый вспять: С.Г.Пушкарев // Там же.

Арх.: ГАРФ, ф. 5891, д. 437.

О.Семякина

ПШЕБОРСКИЙ Антон Павлович (14.5.1871, с. Хороше, Украина — 24.5.1941, Варшава) — математик и механик. Родился в семье врача Павла П. и Марии Меленевской, выходцев из обедневших шляхетских родов. Отец получил медицинское образование в Киеве, служил на Черноморском флоте. П. окончил с золотой медалью гимназию в Николаеве и в 1890 поступил на математическое отделение физико-математического факультета университета Св.Владимира в Киеве. В студенческие годы был награжден золотой медалью за конкурсное сочинение. В 1894 П. закончил университет и был оставлен при нем на два года стипендиатом для приготовления к профессорскому званию. Его научные занятия шли успешно, за работу «О методах Абеля, Якоби, Лиувилля и Вейерштрасса в теории эллиптических функций» он получил в 1895 премию им. киевского профессора И.Рахманинова. Затем П. некоторое время (1896-97) жил у отца в Николаеве, готовясь к магистерским экзаменам, которые сдал в 1897. Был представлен университетом к должности приват-доцента, однако не утвержден попечителем Киевского учебного округа Н.Игнатьевым на основании антипольского указа 1864. П. смог лишь получить с 28.1.1898 должность

штатного доцента механики в Технологическом институте в Харькове, а через год был приглашен в Харьковский университет на должность приват-доцента кафедры математики.

Тематически первые работы П. были связаны с исследованиями П.Покровского, с которым он поддерживал переписку, а после смерти ученого посвятил ему обстоятельную и тепло написанную статью. В 1902 защитил диссертацию «Некоторые приложения теории линейчатых конгруэнций» (Харьков, 1901; Варшава, 1903; М., 1907) на степень магистра математики, после чего был назначен исполняющим обязанности экстраординарного профессора кафедры математики Харьковского университета.

В 1904 П. стажировался в Германии: в Гейдельберге и Гёттингене, где он слушал лекции Д.Гильберта, Ф.Клейна, посещал заседания математического общества. Впоследствии стал членом Общества прикладной математики и механики в Берлине. После возвращения из-за границы П. продолжил работу в Харьковском университете в качестве экстраординарного профессора. В 1908 защитил в Московском университете докторскую диссертацию «Исследования по теории аналитических функций, задача о продолжении ряда Тейлора». В том же году П. стал ординарным профессором Харьковского университета. Одновременно с работой в университете он был профессором математики на Высших женских курсах, вел практические занятия по математическому анализу и геометрии в Технологическом институте.

В 1919 П. был избран ректором Харьковского университета, а с июня 1920 — ректором Академии теоретических знаний, основанной на базе университета. Однако высшая школа на Украине претерпевала в это время значительные изменения. В соответствии с постановлением новой власти вся система образования переориентировалась на решение практических задач. Академию преобразовали в Харьковский институт народного образования, а научно-исследовательские кафедры были отделены от учебных. В 1920 П. возглавил кафедру теоретической механики. Вскоре он был арестован как «польский заложник», снят с должностей, но через 20 дней освобожден. Его выбрали деканом физико-математического отделения, а затем вторично ректором Харьковского института народного образования.

В августе 1921 П. обратился в польское министерство религиозного и народного образования с просьбой помочь ему переехать на постоянное жительство в Польшу. В результате переговоров получил должность ординарного профессора кафедры математики в Виленском университете, который в то время находился на территории Польши. О переводе П. в Варшаву хлопотал крупный польский математик Вацлав Серпинский.

После месячного пребывания в Вильно в 1922 П. уехал в Варшаву, где стал работать ординарным профессором кафедры теоретической механики Варшавского университета (до 1939). На этой кафедре, преобразованной вскоре в факультет теоретической механики, П. читал лекции в расширенном объеме по аналитической и теоретической механике, вел практические занятия и семинар по этим дисциплинам; читал он также курс по динамике твердых и жидких тел. Одновременно в 1922-32 П. преподавал аналитическую геометрию, дифференциальное и интегральное исчисление, дифференциальные уравнения и др. разделы высшей математики на архитектурном факультете Варшавского политехнического института.

Педагогическое наследие П. сохранилось в виде ряда учебных руководств. До эмиграции он опубликовал двухтомное «Введение в анализ» (Харьков, 1903; 1908), объемный «Курс аналитической геометрии» (Харьков, 1905; 1909). В Варшаве вышли: его учебник «Вариационное исчисление» (1926) и «Лекции по теоретической механике» в 2-х томах (1930 и 1935).

Научные интересы П. были весьма широки. Еще в России он написал ряд статей по алгебре, дифференциальным уравнениям, дифференциальной геометрии и по вариационному исчислению. Особенно ценными являются три статьи П. по теории полиномов, наименее отклоняющихся от нуля, в которых он развил исследования петербургских ученых П.Чебышева, Е.Золотарева и В.Маркова. Этими работами П. привлек внимание математиков XX в. к чебышевскому направлению в теории оптимального приближения функций. В Польше в научных трудах П. стали преобладать исследования по механике. Он писал работы по проблемам классической механики: по динамике неголономных систем и по неаналитическим интегралам нелинейных дифференциальных уравнений (1930-36). Этими работами он внес заметный вклад в развитие механики.

В 1923-39 П. был членом редколлегии журнала «Работы по математике и физике», издававшегося известным польским математиком и историком математики С.Дикштейном. С 1930 являлся членом Варшавского научного общества, а также членом польских Математического и Физического обществ. Заслуги П. были отмечены в 1923 избранием его членом Академии технических наук в Варшаве. Кроме науки, П. увлекался музыкой, сам был хорошим пианистом.

Лит.: История отечественной математики: В 4-х т., т.2-3. Киев, 1967-68; Wachulka A. Antoni Przeborski. 1871-1941 // Wiad. matem., 1976, т.20, № 1.

Арх.: Арх. РАН, ф.162, оп.2, д.365

Н.Ермолаева

ПЯТИГОРСКИЙ Григорий Павлович (3.4. [по др. св. 6.4.] 1903, Екатеринославль — 6.7.1976, Лос-Анджелес, м. Брентвуд, США) — виолончелист. Детство и отрочество П. связаны с Екатеринославлем, где его отец — Павел Иванович П., скромный музыкант-альтист — играл в местном симфоническом оркестре. Быстро распознав одаренность маленького Гриши (уже с 6 лет успешно принимавшего участие в домашнем любительском квартете), отец отдал его в музыкальное училище, в руки опытных преподавателей — С.Ямпольского и Д.Губарева. К моменту переезда семьи в Москву (1914) юный виолончелист уже приобрел оркестровый опыт; в отзывах на его успешные выступления в сольных концертах неизменно отмечались красота звука и присущая исполнителю редкая музыкальность. Успешно выдержав вступительные экзамены в Московскую консерваторию, П. стал учеником профессора А. фон Глена, одного из наиболее авторитетных педагогов, в прошлом воспитанника К.Давыдова — основателя русской виолончельной школы. Несомненно полезными оказались для П. и кратковременные занятия с известным виолончелистом и педагогом А.Брандуковым.

Еще в стенах консерватории за П. укрепилась слава превосходного солиста и оркестранта. В 16 лет (по др. св. в 15), выдержав конкурс, П. уверенно занял место солиста-концертмейстера группы виолончелей в Большом театре. Подлинной сенсацией стало его выступление с труднейшей сольной партией из «Дон-Кихота» Р.Штрауса; состоявшееся экспромтом, оно вызвало всеобщее восхищение слушателей, оркестрантов, дирижера Г.Фительберга. В 1918 П. пригласили в квартет им. В.Ленина, хотя он был значительно моложе участников ансамбля — известных музыкантов Л.Цейтлина, К.Мостраса, Ф.Криша (в отдельных концертах — Л.Пульвера). В 18 лет П. играл на равных с такими корифеями ансамблевого искусства как пианисты К.Игумнов, А.Гольденвейзер. В дуэте с пианисткой Е.Бекман-Щербиной П. впервые в России исполнил Сонату К.Дебюсси, «Балладу» *С.Прокофьева*, «Импровизации» А.Гедике. *Ф.Шаляпин*, Л.Собинов приглашали его участвовать в своих концертах. С успехом проходили выступления трио в составе П., *И.Добровейна*, М.Фишберга.

В 1921 артист, тяготившийся сложившимися в России условиями жизни, оказался с группой музыкантов в Польше. Недолгое время проработав в Варшавском филармоническом оркестре, П. переехал в Германию. Ему представлялось интересным получить уроки у крупнейших педагогов-виолончелистов Х.Беккера в Берлине и Ю.Кленгеля в Лейпциге. Однако, как позднее вспоминал П., эти встречи были непродолжительными и мало что прибавили к знаниям, обретенным в Московской консерватории. В 1924 произошло одно из важнейших событий в творческой судьбе П. — встреча с немецким дирижером, руководителем Берлинского филармонического оркестра В.Фуртвенглером. Услышав в исполнении П. концерт Р.Шумана, первую часть концерта А.Дворжака и фрагменты из «Дон-Кихота», Фуртвенглер немедленно пригласил молодого артиста занять место концертмейстера. С этого времени исчезли многие заботы, отвлекавшие внимание П. от искусства. Работу в оркестре виолончелист успешно сочетал со все более расширявшейся концертной деятельностью и даже педагогикой. Помимо сольных концертов в различных городах и странах Европы, П. принимал участие в фортепианном трио совместно с Л.Крейцером и Й.Вольфсталем, а затем с А.Шнабелем и К.Флешем. Охотно играл он и в различных камерных составах со многими знаменитыми пианистами, скрипачами, альтистами.

5.11.1929 состоялась первая встреча П. с Америкой. В этот день он сыграл свой сольный концерт в Оберлине, небольшом университетском городе (шт. Огайо). В том же сезоне (1929/30) триумфальный успех сопутствовал артисту в Филадельфии, где был исполнен концерт Дворжака с Филармоническим оркестром под управлением Л.Стоковского, а затем в Нью-Йорке (дирижировал В.Менгельберг). Американский период творческой биографии П. (1929-76) отмечен художественной зрелостью его искусства, совершенным исполнительским мастерством. Поистине огромен его репертуар. Помимо сочинений, составляющих «золотой фонд» виолончельной литературы XX в., артист исполнял множество сочинений, либо ему посвященных (ок. 25), либо получавших из его рук успешную «путевку в жизнь». Назовем концерты Кастельнуово-Тедеско (1935), Голестана, Хиндемита (1941), Уолтона (1957), Мийо. В 1940 П. осуществил в США премьеру Первого концерта с оркестром Прокофьева, соч.58 (Бостон, дирижер *С.Кусевицкий*). Многие пьесы П. исполнял в собственном переложении: Дивертисмент и сонату В.А.Моцарта, Adagio и Rondo К.М.Вебера, Ноктюрны (cis-moll) Ф.Шопена, «Русскую пляску» А.Лядова и др. Особого внимания заслуживает виолончельная версия

«Итальянской сюиты» по «Пульчинелле» *И.Стравинского*, осуществленная П. совместно с автором. Артист охотно играл пьесы, посвященные ему его коллегами — Г.Кассадо и Э.Майнарди. Ряд миниатюр он написал сам: «Пляска», «Скерцо», Вариации на тему Паганини, музыкальная шутка для инструмента Solo «Прогулка Прокофьева и Шостаковича по Москве» — все они свидетельствуют о наличии у музыканта сочинительских способностей, о его совершенном владении выразительными тайнами виолончели.

С середины 30-х и до последнего года жизни П. концертировал во всех странах мира. Он выступал со знаменитыми оркестрами под управлением Тосканини, Стоковского, Кусевицкого, Вейнгартнера, Казальса, Бичема, Барбиролли, играл в сонатных ансамблях с *С.Рахманиновым*. С 1930 участвовал в фортепианном трио с *В.Горовицем* и *Н.Мильштейном*, а с 1949 — с А.Рубинштейном и *Я.Хейфецем*.

Огромным успехом пользуются осуществленные П. записи на пластинки, особенно пять сонат Л.Бетховена (совм. с пианистом Ф.Салмоном), соната С.Барбера, Концерт Уолтона, пьеса «Шелом» Э.Блоха, Двойной концерт И.Брамса (с Мильштейном). В 1966 вышла в записи серия — «Концерты Хейфеца и Пятигорского». Этот цикл камерных скрипично-виолончельных программ был задуман и исполнен великими артистами еще в 1961 в Лос-Анджелесе, а затем повторен в Нью-Йорке в 1964.

Немало сил П. отдавал педагогической деятельности, в которой столь своеобразно сочетались национальные черты американской и русской культур. П. преподавал в целом ряде учебных заведений США: в 1941-49 — профессор Музыкального института Кёртис в Филадельфии; с 1957 — мастер-классы в Бостоне; с 1960 — руководитель камерно-музыкального отдела фестивалей Беркширского музыкального центра; в 1962-75 — профессор университета Южной Калифорнии (Лос-Анджелес). Одновременно П. проводил летние курсы и семинары в др. странах. Как и в исполнительстве, в методике преподавания П. не было ничего формального, схоластичного. Все шло от естественности движений, логики музыкального содержания. Обладая редким даром и тактом, П. не подавлял личность молодого исполнителя, а, напротив, развивал ее и совершенствовал. Прогрессивность его педагогического метода нашла осязаемое подтверждение в успехах множества его учеников, в числе которых лауреаты международных конкурсов Л.Парнас, Л.Лассер, С.Кейтс, Н.Розен, Д.Девис и др. Заслуги П. в области педагогики были отмечены званиями почетного доктора университетов Филадельфии, Чикаго, Лос-Анджелеса, Техаса и др. (всего 14). Он являлся также почетным президентом виолончельного общества в Нью-Йорке, где в 1962 была учреждена премия его имени, присуждаемая каждые три года одному из молодых виолончелистов. П. — почетный член Королевской академии музыки и Королевского филармонического оркестра (Англия). Он был награжден золотой медалью Королевского музыкального общества (1957) и удостоен ордена Почетного легиона.

Жизнь П. на чужбине складывалась более чем благополучно. Всегда и везде ему сопутствовали успех и признание. Тем не менее мысли о родине не оставляли его, тревожа душу. В письме к брату Александру, также виолончелисту (псевд. Стогорский), П. признавался: «Мне хочется все больше и больше в Россию. Я с жадностью читаю про все, что пишут о России». Отголоски ностальгии звучат и в других письмах: «Все-таки Родина — это великая штука, а для музыканта в особенности». В 1962, 40 лет спустя, он вновь оказался в Москве как член жюри Международного конкурса виолончелистов им. П.Чайковского. Подобное же приглашение и приезд П. состоялись в 1966. В эти дни было много встреч с теми, кто прежде знал П., а также с молодыми воспитанниками русской школы — Н.Шаховской, Н.Гутман, В.Фейгиным, М.Хомицером.

С годами творческая энергия не изменила П. В 1973 торжественно отмечалось его 70-летие: в честь П. был дан концерт в Карнеги-холле (Нью-Йорк), где 10 знаменитых виолончелистов исполнили «Итальянскую сюиту» Стравинского в обработке юбиляра. В 1974, в летнем Лондонском фестивале, П. совместно с пианистом Д.Баренбоймом играл сонаты Брамса, Дебюсси, Шопена, пьесы Шумана. В 1975 в Париже артист осуществил первое исполнение сонаты и двух пьес А.Веберна. Подвигом артиста можно назвать последние три месяца жизни, когда он, уже тяжело больной, перенеся сложную операцию, смог дать в Филадельфии два концерта, на которых присутствовало 60 тысяч слушателей, а также провести двухнедельный мастер-класс в Швейцарии. Всей своей жизнью П. доказывал истинность слов, сказанных им в Москве: «Для меня виолончель самое важное на свете и главная сущность нашей вселенной». П. — одно из ярчайших явлений на виолончельном небосклоне XX в. Его совершенное искусство игры на инструменте, художественная самобытность, завершенность создаваемых образных представлений покоряли слушателей на протяжении более полувека.

Лит.: Piatigorsky G. Cellist. New York, 1965; Гинзбург Л.С. История виолончельного искусства, кн.4. М., 1978.

Т.Гайдамович

Р

РАХМАНИНОВ Сергей Васильевич (20.3.1873, Онега, Новгородской губ. — 28.3.1943, Беверли-Хилс, шт. Калифорния, США) — композитор, пианист и дирижер. Р. происходил из древнейшего дворянского рода. Среди его предков по отцовской линии было немало музыкально одаренных людей. Его дед учился у Джона Фильда, старший двоюродный брат — *А.Зилоти* — стал крупнейшим пианистом с мировым именем. Музыкальные способности Сергея проявились очень рано, первые уроки он получил у матери, а потом обучался у пианистки А.Орнатской. С начала 1880-х жизнь семьи Рахманиновых изменилась — расстались отец с матерью, не стало средств к существованию. Мальчик оказался в Петербурге (1882) на младшем отделении столичной консерватории. Но попав в класс к В.Демянскому, одареннейший ученик не встретил понимания. К счастью, помог Зилоти, который отправил Р. в Москву (1885) в пансион Зверева, одного из лучших педагогов Московской консерватории на младшем отделении. Среди учеников Зверева, которые жили в его доме на полном материальном обеспечении, были очень способные мальчики. Наряду с Р. выделялся своим дарованием юный А.Скрябин (он был всего на год старше Р.). Зверев сумел очень сильно повлиять на Р. — приучить его к труду, дать ему основы пианистической культуры, приобщить к театральной и концертной жизни Москвы. Воспитанники Зверева имели возможность общаться в его доме с П.Чайковским и А.Рубинштейном. Живя у Зверева, Р. начал активно сочинять.

Перейдя на старшее отделение Московской консерватории, он стал учеником своего брата, Зилоти, по классу фортепиано, С.Танеева — по теоретическим предметам, А.Аренского — по композиции. Учился Р. блестяще и в 1891 окончил консерваторию по классу фортепиано, а через год (в 1892) — по классу композиции с Большой золотой медалью. Дипломная работа по композиции — опера «Алеко» на заданное либретто Вл.Немировича-Данченко — была написана за 17 дней и получила столь высокую оценку, что весной 1893 была поставлена в Большом театре. Определенную роль сыграла при этом поддержка Чайковского, с любовью относившегося к молодому, подающему большие надежды композитору. Когда осенью того же года Чайковский скончался, Р. выразил свою скорбь в Элегическом трио памяти П.Чайковского.

Творческая деятельность Р. была необыкновенно активной, его сочинения и пианистические выступления пользовались неизменным вниманием публики и критики. Он быстро становился знаменитым. К середине 1890-х Р. были созданы: симфоническая поэма «Князь Ростислав», Первый фортепианный концерт, «Рапсодия на русские темы» для двух фортепиано, циклы фортепианных пьес (среди них известнейшая прелюдия до-диез минор ор. 3, которая впоследствии стала своеобразной «визитной карточкой» зрелого композитора), фантазия «Утес», «Каприччио на цыганские темы», романсы.

К 1895 была завершена работа над Первой симфонией, исполнению которой молодой композитор придавал большое значение. Симфония вобрала лучшие свойства музыки юного Р. — искренность, особую теплоту и лирическую наполненность, вдохновеннейший мелодизм, захватывавший слушателей темперамент. Первая симфония открывала горизонты драматической стороны его дарования, в ней появились новые для композитора средства выразительности, опора на традиции древнецерковного знаменного пения. Есть сведения о том, что на рукописи партитуры существовал автограф — изречение из библии, использованное Л.Толстым в романе «Анна Каренина»: «Мне отмщение, и аз воздам». Однако Первая симфония, исполненная в Петербурге (1897) в «Русских симфонических концертах» под управлением А.Глазунова, не была принята слушателями и потерпела фиаско. «После этой симфонии не сочинял ничего около трех лет, — рассказывал много позже Р. — Был подобен человеку, которого хватил удар и у которого на долгое время отнялись голова и руки».

Тяжелый душевный кризис все-таки не отвратил от исполнительской деятельности. В сезоне 1897/98 раскрылась третья «ипостась» великого таланта — Р. стал дирижером в Московской частной опере С.Мамонтова, где познакомился с *Ф.Шаляпиным*, дружба с которым продолжалась всю жизнь. Их совместное

музицирование и выступления оценивались Р. как одно «из самых сильных, глубоких и тонких переживаний». В театре Мамонтова он общался и с Н.Римским-Корсаковым, приезжавшим из Петербурга на постановки своих опер. Очень важными были для Р. знакомства с близкими ему по духу деятелями вновь открывшегося Художественного театра и особенно — с А.Чеховым. 1899 принес все еще «молчавшему» композитору Р. лавры исполнителя — успешно прошли гастроли в Лондоне в качестве пианиста и дирижера. А в Петербурге была с успехом поставлена опера «Алеко».

Выход из творческого кризиса связан с рождением ныне всемирно известного Второго фортепианного концерта (1901). Он полон особой лирической взволнованности и бурного подъема счастливых, радостных чувств. Затем появились две одноактные оперы «Франческа да Римини» и «Скупой рыцарь» (1904), цикл фортепианных прелюдий (1902), кантата «Весна» (1902). В 1902 Р. женился на своей двоюродной сестре, Наталии Сатиной; у них были две дочери. Брак оказался счастливым. «Лучшей жены он не мог бы себе выбрать», — утверждала современница.

Р. был приглашен в качестве дирижера в Большой театр (1904-6), где поставил заново «Пиковую даму» Чайковского, «Жизнь за царя» М.Глинки, «Князя Игоря» А.Бородина. Личность Р., его гениальная одаренность оказывали сильнейшее и благотворное воздействие на художественный облик театра. Таким же было и воздействие Р.-пианиста, много выступавшего в первые годы XX в. Для того, чтобы реализовать творческие замыслы, отключившись от исполнительской деятельности, Р. с семьей весной 1906 уехал в Дрезден. Пробыв в отдалении от России до середины 1909, Р. сочинил много музыки. В Дрездене были созданы Вторая симфония, симфоническая поэма «Остров мертвых», соната для фортепиано, романсы, часть оперы «Монна-Ванна» (по М.Метерлинку). Творческий подъем продолжался и по возвращении в Россию. Композитор достиг своего высочайшего расцвета — написаны такие шедевры русской и мировой классики как Третий фортепианный концерт (1909), этюды-картины (1910-11), романсы (1912), кантата «Колокола» (1913), «Всенощная» (1915).

В предреволюционные годы Р. много выступал как симфонический дирижер, включал в свой репертуар произведения Чайковского, Бородина, Лядова, Глазунова, Моцарта, Бетховена, Берлиоза, Листа, Вагнера, Брамса. Он дирижировал произведениями Баха и Вивальди, а современность была представлена Дебюсси и Равелем. В 1911 Р. аккомпонировал А.Скрябину, представившему свой фортепианный концерт. Однако наиболее совершенным современниками считалось исполнение Четвертой симфонии Бетховена, Второй симфонии Бородина и «Сечи при Керженце» Римского-Корсакова.

Не приняв Октябрьской революции, Рахманиновы уехали в конце 1917 из России сначала в Швецию, а оттуда, через несколько месяцев — в Америку. В 1918-26 Р. занимался только концертно-пианистической деятельностью. Это был его второй, более длительный, «творческий кризис». Нужно было завоевывать новую публику, надо было зарабатывать деньги, но были и другие, более серьезные причины творческого молчания. О них Р. говорил в 1934 американскому журналисту: «Возможно, беспрестанные занятия на рояле и вечная суета, связанная с жизнью концертирующего артиста, берут у меня слишком много сил... А может быть, истинная причина того, что я в последние годы предпочел жизнь артиста-исполнителя жизни композитора, совсем иная. Уехав из России, я потерял желание сочинять. Лишившись родины, я потерял самого себя. У изгнанника, который лишился музыкальных корней, не остается желания творить, не остается иных утешений, кроме нерушимого безмолвия нетревожимых воспоминаний».

Регулярная концертная деятельность за границей оставалась неизменной почти до самой смерти композитора. Ему пришлось значительно расширить свой репертуар, и, кроме собственных произведений, он играл Листа и Шумана, Бетховена и Шопена. Мировая слава пианиста приносила не только моральное удовлетворение, но и способствовала вполне благополучному материальному положению. В спокойной Швейцарии, на берегу озера было куплено для семьи и уединенной работы поместье, которое назвали Сенар (Сергей и Наталья Рахманиновы). Композитор стал заядлым автомобилистом, любил управлять моторной лодкой и яхтой.

С 1926 начался последний период композиторской деятельности. За 14 лет было написано несколько крупных произведений разных жанров, и каждое из них — свидетельство высочайшего подъема творческой энергии, возросшего мастерства. Закончив в 1926 работу над Четвертым фортепианным концертом, начатым на родине, Р. в том же году создал «Три русские песни» для хора, солистов и оркестра. В сочинениях 30-х — «Вариации на темы Корелли» для фортепиано (1931); «Рапсодия на тему Паганини» для фортепиано и оркестра (1934); Третья симфония (1936); «Симфонические танцы» (1940) — усиливается трагическое начало, которое проявлялось и раньше, в некоторых произведениях середины 1910-х.

В 30-е трагизм обнаруживает себя в остром конфликте двух образных сфер — неумолимого рока, смерти, душевной печали, тоски и высокой поэзии, красоты желанного идеала. Эта романтическая концепция нашла выражение в Третьей симфонии, в «Симфонических танцах», «Рапсодии на тему Паганини». Поздние произведения Р. более экспрессивны, гармонический язык их жестче, ритмика острее и четче, но главное остается неизменным — широкое мелодическое дыхание, покоряющая искренность, ярко выраженная национальная природа музыки, ее «повышенная эмоциональная температура». Оставаясь всю жизнь продолжателем высоких традиций русской музыкальной классики, Р. постоянно их развивал и обогащал, он всегда шел в ногу со временем. Свое творческое credo композитор высказал в интервью в декабре 1941, ставшем последним: «Музыка должна быть в конечном счете выражением всей личности композитора... В музыке композитора должны найти отражение родина композитора, его любовь, вера, книги, картины, которые произвели на него впечатление. Музыка должна быть продуктом всей суммы жизненного опыта композитора. Изучите шедевры любого великого музыканта, и вы найдете в них все аспекты его личности и окружающей среды... В моих собственных сочинениях я не делал сознательных усилий быть оригинальным, или романтиком, или национальным, или каким-либо еще. Я просто записывал на бумагу как можно естественнее ту музыку, которую слышал внутри себя. Я русский композитор, моя родина определила мой темперамент и мое мировоззрение. Моя музыка — детище моего темперамента, поэтому она — русская».

В последние годы жизни великий композитор, живя в Америке, продолжал много концертировать. Внимательно следил он за ходом Великой Отечественной войны, сопереживая своему народу в его тяжких испытаниях. Сбор от нескольких концертов, крупную сумму денег, он передал русскому консулу в Нью-Йорке с целью покупки медицинского оборудования и медикаментов для посылки на родину. Свой дар он сопроводил письмом: «От одного из русских посильная помощь русскому народу в его борьбе с врагом. Хочу верить, верю в полную победу! Сергей Рахманинов». Однако дожить до окончания войны ему было не суждено.

Лит.: Воспоминания о Рахманинове. т.1-2. М., 1957 (2-е изд. 1974); Брянцева В. С.Рахманинов. М., 1962; Рахманинов С. Литературное наследие: В 3-х т. М., 1978-80.

Ю.Розанова

РЕЙН Георгий Ермолаевич (20.4.1854, Петербург — 1942 [по др. св. 1943], Ницца, Франция) — врач, профессор акушерства и гинекологии. После окончания гимназии 15-летним юношей поступил в 1869 в Петербургскую медико-хирургическую академию и в 1874 окончил ее. Еще студентом написал свою первую работу — исторический очерк по овариотомии, за что был награжден золотой медалью. Избрав своей специальностью акушерство и гинекологию, стал ординатором клиники, которой руководил профессор А.Крассовский; под его руководством Р. выполнил и защитил в 1876 докторскую диссертацию об удалении фибром матки посредством чревосечения.

Вскоре после защиты диссертации Р. отправился в 1876 в качестве хирурга Военно-временного подвижного госпиталя на русско-турецкую войну и только после ее окончания, получив за переправу через Дунай орден с мечами, возвратился в Медико-хирургическую академию; в 1890 избран приват-доцентом. Затем продолжительное время работал в лабораториях и акушерско-гинекологических клиниках Германии, Франции, Италии, Англии.

В 1883 Р. был избран профессором кафедры акушерства и женских болезней Киевского университета. Под его руководством была построена новая университетская клиника, в которой Р. и его сотрудники развернули широкую оперативную деятельность. В практику клиники вошли принципы антисептики и асептики, в том числе предложенный Р. (1883) асептический метод ведения рожениц, многие новые акушерско-гинекологические операции. Сам Р. разработал широкий круг проблем анатомии, физиологии, эмбриологии и патологии женской половой сферы, особенно детально — вопросы иннервации матки, а также бактериологии и патогистологии в акушерстве, вопросы родовспоможения в народной медицине и др. Много внимания он уделял совершенствованию акушерских и гинекологических операций (кесарево сечение и др.). После введения антисептики и асептики смертность от родильной горячки, достигавшая в клиниках Западной Европы и России 20-30 %, в университетской клинике Р. снизилась до 0,2 %. То же самое произошло и со смертностью после чревосечений (в 1896 Р. сообщил о 500 чревосечениях), иссечений яичниковых кист, овариотомий, др. гинекологических операций. В 1887 Р. основал и долгое время возглавлял Киевское акушерско-гинекологическое общество.

В 1900 Р. был избран руководителем кафедры акушерства и женских болезней Петербургской военно-медицинской академии (ВМА), а вскоре почетным лейб-хирургом Им-

ператорского двора. В ВМА под его руководством была сооружена новая акушерско-гинекологическая клиника, которой Р. заведовал в течение 10 лет. В своей научной деятельности он уделял много внимания социальным проблемам акушерско-гинекологической помощи, в особенности организации родовспоможения в России: руководил работой 9-го Пироговского съезда врачей (1903), на котором выступил с докладом «Организация подачи помощи при родах в сельском и городском населении России». На съезде впервые в России были разработаны нормативы акушерской и гинекологической помощи, поставлены вопросы подготовки акушерок из местного населения, организации женских консультаций. Р. был депутатом 2-й и 4-й Государственной думы, входил во фракцию октябристов.

В 1908 по рекомендации П.Столыпина Р. был назначен председателем Медицинского совета министерства внутренних дел — высшей медицинской инстанции в России; в 1908-11 в качестве главноуполномоченного руководил борьбою с холерной эпидемией в Донбассе и на юге России. Р. пользовался большим авторитетом среди российских врачей. В 1910 был избран председателем 11-го Пироговского съезда, на котором он высказал ряд идей о необходимости «строго демократических реформ в организации законодательных учреждений и органов самоуправления», об улучшении здравоохранения, повышении качества подготовки врачей. Будучи последовательным сторонником государственной медицины, Р. выступил автором проекта реформы здравоохранения в России. Он возглавил Международную комиссию по пересмотру врачебно-санитарного законодательства, которая выработала «Положение об учреждении Главного управления общественного здравоохранения». Такое Главное управление (на правах министерства) было создано в России в декабре 1916; его возглавил Р., ставший фактически первым министром здравоохранения. После Октябрьской революции, когда произошло крушение всех институтов старой власти, идеи Р. относительно объединения на государственной основе медицинского дела в стране стали определяющими для политики Наркомздрава, провозгласившего курс на организацию в России государственного здравоохранения.

Сам Р. вскоре после революции примкнул к белому движению, а затем, еще до окончания гражданской войны, эмигрировал за границу. Он принял предложение Софийского университета возглавить клинику акушерства и гинекологии на вновь организованном медицинском факультете. Р. вложил много сил в организацию этой клиники как учебного и научно-исследовательского учреждения, при котором действовала лаборатория, школа акушерок и пр., в воспитание специалистов — акушеров-гинекологов. В клинике вместе с Р. работали его старые и новые ученики из России и Болгарии (доктор Р.Белопитов, приват-доцент Н.Тричков и др.). Поскольку литературы по акушерству и гинекологии в Болгарии тогда, по существу, не было, Р. написал и издал на болгарском языке пользовавшееся популярностью руководство для студентов и врачей «Оперативное акушерство» (София, 1926). Будучи профессором Софийского университета, он в течение года читал лекции по своей специальности еще и в университете Загреба.

В 1925 в Софии торжественно отмечалось 50-летие ученой, врачебной и общественной деятельности Р. Состоялось торжественное заседание, на котором с большой речью выступил профессор Д.Крылов; Софийский университет издал специальную брошюру с портретом Р.; было получено много приветствий из разных стран Европы и Америки. Болгарское правительство наградило его Звездой ордена «За гражданские заслуги».

В конце 20-х Р. прекратил преподавательскую деятельность в Софии и уехал во Францию, в Ниццу. Там его навещал хирург *И.Алексинский*, с которым Р. связывали дружеские отношения. Алексинский, описывая их встречу, рассказывал, что застал Р., как всегда, за работой — подготовкой труда об истории врачебно-санитарной реформы в России («Из пережитого», в 2-х т. Берлин, 1935, на рус. яз.). «Оглядываясь теперь на долгий пройденный путь трудной и ответственной работы врача, педагога, ученого, организатора и руководителя, — писал Алексинский, — Георгий Ермолаевич имеет великое счастье сознавать, что тяжелый труд его славного прошлого не исчерпал еще его больших природных сил, что и в настоящее время он остается ценным участником человеческого прогресса и на избранном им врачебном пути, и в других областях духовной жизни».

Соч.: К вопросу об удалении фибром матки посредством чревосечения. СПб., 1876; Обезболивание и антисептика в акушерстве и хирургии. Киев, 1886.

М.Мирский

РЕМИЗОВ Алексей Михайлович (24.6.1877, Москва — 26.11.1957, Париж) — писатель. Потомственный почетный гражданин, сын владельца галантерейного магазина и нескольких лавок; мать Р. — из известного купеческого рода Найденовых. Учился в 4-й московской гимназии, затем в Александровском коммерческом учили-

ще, закончив которое, поступил в 1895 вольнослушателем на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. С 15 июня по 15 августа 1896 был за границей (Австрия, Швейцария, Германия), откуда привез нелегальную социал-демократическую литературу; 18 ноября арестован за активное участие (агитация и подстрекательство к беспорядкам) в студенческой демонстрации в память о «Ходынке» и сослан на 2 года в Пензу. В феврале 1898 был там вторично арестован и сослан в Усть-Сысольск Вологодской губернии. В 1901-2 жил под гласным надзором полиции в Вологде, где решил посвятить себя литературной деятельности. Познакомился в ссылке с палеографом Серафимой Павловной Довгелло, на которой женился в 1903.

После окончания ссылки, ввиду запрещения проживать в столицах, Р. жил на юге России (Херсон, Одесса, Киев). В Херсоне работал помощником режиссера у В.Мейерхольда (с которым сблизился еще в Пензе) в организованном им «Товариществе Новой Драмы», перевел для его театра несколько пьес европейских модернистов. Здесь же познакомился с будущим «отцом русского футуризма» — *Д.Бурлюком* (одно время снимал у его родственников квартиру). В 1904 в Киеве встретился с философом *Л.Шестовым*, близкая дружба связала их на всю жизнь. В январе 1905 переехал в Петербург; работал заведующим конторой в журнале «Вопросы жизни», позже жил почти исключительно на литературные заработки. Первое самостоятельное произведение Р. — стихотворение в прозе «Плач девушки перед замужеством» — было опубликовано 8.9.1902 по рекомендации *Л.Андреева* в московской газете «Курьер» под псевдонимом Н.Молдованов. В том же году вышел его (совм. с В.Мейерхольдом) перевод с немецкого книги А.Роде «Гауптман и Ницше». В Петербурге Р. поддерживал дружеские отношения с В.Розановым, А.Блоком, *Вяч.Ивановым*, Л.Шестовым, *З.Гиппиус*, *К.Сомовым*, Г.Чулковым и мн. др. писателями, философами и художниками, оставаясь при этом верным собственной, оригинальной и рано сформировавшейся мировоззренческой и художественной позиции. Печатался в альманахах «Северные цветы» и «Шиповник», журнале «Вопросы жизни» и др. периодических изданиях. В 1907 журнал «Золотое руно» издал первую книгу Р. — цикл сказок «Посолонь», положительно оцененный в рецензиях А.Белого и М.Волошина; в том же году вышла книга апокрифических легенд «Лимонарь», в следующем — романы «Пруд» и «Часы», написанные еще в ссылке и в скитаниях по югу. В 1912 в издательстве «Сирин» (часть тиража — в изд-ве «Шиповник» в 1910-12) издавалось 8-томное собрание сочинений Р.

Примыкая к модернистскому крылу русской литературы, Р. никогда не манифестировал свою близость к какой-либо конкретной литературной школе или группировке. Постоянный посетитель петербургских литературных салонов (З.Гиппиус, Вяч.Иванова, В.Розанова, Ф.Сологуба и др.), один из инициаторов создания издательства «Сирин» (совм. с меценатом М.Терещенко, А.Блоком и Ивановым-Разумником), он печатался одновременно в «Биржевых ведомостях» и в эсеровском журнале «Заветы». Связи с эсеровскими кругами со времени вологодской ссылки, дружба с Б.Савинковым, И.Каляевым и др. эсерами в некоторой степени определили творческую биографию Р.: в 1917-18 он сотрудничал в проэсеровской «Простой газете», в сборниках «Скифы». В 1919 подвергался кратковременному аресту по делу левых эсеров. Однако все это не означало идейной близости к эсерам, скепсис Р. в отношении эстетических школ распространялся и на политические группировки: «До чего все эти партии зверски: у каждой только своя правда, а в других партиях никакой, везде ложь. И сколько партий, столько и правд, и сколько правд, столько и лжей».

Октябрьскую революцию Р. воспринял как трагический слом тысячелетней российской государственности и культуры («Слово о погибели Русской земли», ноябрь 1917). Некоторое время служил в театральном отделе Наркомпроса. Был одним из литературных мэтров для молодых писателей, влияние его ощутимо в ранней прозе Л.Леонова, К.Федина, Вяч.Шишкова, М.Зощенко, Б.Пильняка. В начале августа 1921 эмигрировал. Жил в Берлине, с 5.11.1923 и до самой смерти — в Париже. Оценку революционной эпохи дал в лирической эпопее «Взвихренная Русь» (1927; по мнению А.Белого — одной из лучших художественных хроник России смутного времени), но не допускал лобовых антисоветских инвектив. Надеялся вернуться на родину; в Советской России у родственников оставалась его дочь Наташа.

В эмиграции печатался в различных по своей политической ориентации периодических изданиях. В 20-е у Р. сложилась определенная близость (через В.Никитина и *П.Сувчинского*) к евразийству; публиковался в евразийском журнале «Версты» (1925-28). С 1931 по 1949 не смог издать ни одной книги, но его парижская квартира являлась одним из притягательнейших центров для литературной эмигрантской молодежи, здесь бывали *Б.Поплавский*, В.Яновский, И.Шкотт, *З.Шаховская*, *В.Набоков* и др. Продолжались дружеские контакты Р. с *Б.Зайце-*

вым, И.Шмелевым, И.Буниным, М.Цветаевой, Н.Евреиновым, А.Тырковой-Вильямс, С.Лифарем. В период немецкой оккупации, в 1943, умерла С.Ремизова-Довгелло; ее жизненный путь Р. любовно восстановил в книге «В розовом блеске» (1954).

Творчество Р. привлекало внимание деятелей французской интеллектуальной элиты 40-50-х (славистов Поля Буайе и Пьера Паскаля, литераторов и сотрудников престижного издательства «Галлимар» М.Арляна, Ж.Поляна, писателей М.Бриона и Ж.Шюзевиля). Р. много переводили на французский язык, он выступал по радио с чтением своих произведений, был вхож в литературные салоны, о его творчестве писали крупнейшие французские газеты. Русские литераторы молодого поколения — В.Мамченко, В.Сосинский, С.Прегель, В.Андреев, Н.Резникова, Н.Кодрянская — опекали больного и старого писателя в последние годы его жизни. В 1946 под влиянием охватившего после войны часть эмиграции движения за возвращение в Россию Р. получил советский паспорт. Вступил в переписку с рядом сотрудников Института русской литературы (Пушкинский дом) в Ленинграде, присылал в институт свои книги и рукописи. Похоронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Уже в самых первых книгах Р. современники почувствовали уникальное художественное видение, тесно связанное вместе с тем с магистральными мировоззренческими и эстетическими исканиями XX в. Преодоление индивидуалистического, декадансного начала в искусстве — задача, весьма актуальная для «младших символистов» (Блок, Белый, Вяч.Иванов), — видилась писателю в вовлечении индивидуального творчества в фольклорную традицию, в приближении к творчеству средневекового типа, анонимному и практически не признававшему литературную собственность. В письме Р. в редакцию «Русских ведомостей» (6.9.1909) по поводу обвинений писателя в плагиате он выдвинул целую программу для авторов-«неомифологов», близкую к концепции соборности искусства Вяч.Иванова. Судьбы современников, живущих на рубеже двух веков (и на сломе двух культур), нерасторжимо связаны для Р. с самыми глубинными пластами российской истории. По словам А.Грачевой, «самого себя Р. воспринимал как носителя коллективного народного сознания, писателя, синтезирующего в своем творчестве различные срезы единой русской культуры, развивавшейся от фольклора до современной индивидуально-авторской литературы как единое целое». В книгах «Посолонь» и «К Морю-Океану» реставрируется древнее мифологическое мировиденье, дана своеобразная утопия гармоничного единства человека и природы, «доличностного» восприятия мира; основной моделью для сюжетов и образов сказок становятся детские игры («выродившиеся у взрослых обряды») и игрушки. Осознание себя личностью, «повзросление» оказывается в этой историософской модели трагическим рубежом человеческой истории, совпадающим с христианизацией мира. Но для средневекового русского сознания еще характерно одновременное обращение и к новым, и к старым истокам. Описывающая этот этап «духовной эволюции» книга «Лимонарь» проникнута двоеверием и богомильством — ересью, возникшей внутри христианства в XII в. и признающей управляющее миром равновесие между силами добра и зла, между дьявольским и божеским (аналог в декадентской и отчасти символистской литературе и искусстве — манихейские этические тенденции).

Неоднозначность, «расколотость» национального сознания Р. видел и в современном ему фольклоре, переложением которого явилась книга сказок «Докука и балагурье» (1914). Опираясь на изыскания русской фольклористики, медиевистики и этнографии 2-й половины XIX — начала XX в., Р. экстраполировал исторически локальные наблюдения и концепции А.Веселовского, А.Афанасьева, А.Потебни и др.; модели средневековой (в фольклористике — народной) культуры становятся архетипами национального сознания в целом. Поэтому ремизовская метафизика истории включает и современный этап и даже способна прогнозировать развитие грядущих трагических катаклизмов (некоторые предостережения писателя оказались пророческими). Драматический мир универсалий, восходящих к древнерусской мифологии, явлен и в произведениях, повествующих о современной России («Часы», «Пруд», «Крестовые сестры», «Пятая язва» и др.). Подобно другим писателям-«неомифологам» Р. расширил этот круг мифологем за счет образов и мотивов из позднейшей литературы. Реальность и надреальность оказываются в его произведениях взаимопроницаемыми в духе принципов символистской литературы (с которой Р. постоянно соприкасался, не разделяя, впрочем, мистико-метафизической концепции двоемирия и скептически относясь к жизнестроительским ее устремлениям).

Этот скепсис определяется ремизовской концепцией человека, близкой к экзистенциалистской «философии трагедии» Шестова. Трагедия конечности человеческого существования усугубляется у Р. убежденностью в раздвоенности человеческой природы (имеющей истоки в средневековых представлениях и почерпнутой у Гоголя и Достоевского). Крайним выражением этого комплекса идей и настроений

раннего Р., который *И.Ильин* охарактеризовал как «черновиденье», становится формула «Человек человеку бревно» («Крестовые сестры»). Исходя из данных представлений, Р. размышляет о судьбе России, наиболее полно — в повести «Пятая язва» (1912). Герой повести — следователь Бобров, отчаявшийся в своих попытках восстановить законность и потому отказывающийся «быть русским», пишет «обвинительный акт ...всему русскому народу», но терпит поражение в духовном поединке с носителем иррациональной органики народной жизни — старцем Шапаевым. Р. против абсолютизации интеллигенцией хороших, а после революции — дурных черт народа, и потому «обвинительный акт» его героя — это «плач» о народной судьбе.

В драматургии Р. наиболее отчетливо выразилась исповедуемая им «необарочная» поэтика, позволяющая совместить фарс и трагедию, низменно-животное, «обезьянье» и возвышенно-духовное, «серафическое», инвективы к вечности и злободневные намеки («Бесовское действо над неким мужем», 1907; «Трагедия о Иуде, принце Искариотском», 1908; «Действо о Георгии Храбром», 1910; «Царь Максимилиан», 1919). Апеллируя к средневековым формам театральности, Р. стремился создать представление-мистерию, погружающую зрителя в фантастическую, «сновидную» атмосферу и непосредственно вовлекающую его в соборное, одновременно и сакральное, и площадное действо.

В 20-е экспериментальное начало ремизовского творчества особенно ярко выступило в книгах «Кукха», «Россия в письменах» и «Взвихренная Русь». По отзыву А.Синявского, «ремизовская «Кукха» замечательна тем, что содержит не просто портрет Розанова, каким он был, но — портрет стилистики Розанова, которая пародийно и вместе с тем зеркально отражается в стилистике Ремизова». Сам Р. писал о «России в письменах», что это «не историческое ученое сочинение, а новая форма повести, где действующим лицом является не отдельный человек, а целая страна, время же действия — века». Мозаичная картина событий в «Взвихренной Руси», перемешанная со сном, лирическим плачем, молитвой, анекдотом, композиционно и графически передает картину драматического слома эпохи.

Автобиографическая проза Р. во многом отличается от привычных форм этого жанра: реальные факты переплетены с авторской фантазией, композиция, как правило, не линейно-хронологична, а мозаично-непоследовательна, подчинена лирическому импульсу.

Последние книги Р. — переосмысление в свете истории XX в. памятников русской и мировой культуры («Тристан и Изольда», «Савва Грудцын», «Круг счастья» и др.). В подготовленном в последние годы жизни, но неизданном сборнике сказок «Павлиньим пером» Р. обратился к фольклору мусульманского Востока, включая религиозно-мистические суфийские предания, известные писателю благодаря творческим беседам с востоковедом В.Никитиным. Своеобразное эстетическое завещание Р. — книга «Огонь вещей» — явилась уникальным «гипнологическим» исследованием русской литературы (тема снов в творчестве Гоголя, Пушкина, Достоевского, Тургенева и др.) и как бы замыкает литературно-философскую эссеистику Серебряного века, посвященную русской классике.

Соч.: Мышкина дудочка. Париж, 1953; Петербургский буерак. Париж, 1981; Учитель музыки. Каторжная идиллия. Париж, [1983]; На вечерней заре. Переписка А.Ремизова с С.Ремизовой-Довгелло. Подгот. текста и коммент. Антонеллы д'Амелия // Europa Orientalis. Roma, 1985, т.4; Неизданный «Мерлог». Публ. Антонеллы д'Амелиа / Минувшее, вып. 3. М.; 1991.

Лит.: Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959; Гречишкин С.С. Архив А.М.Ремизова // Ежегодник Рукопис. отд. Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977; Резникова Н. Огненная память. Воспоминания об Ал.Ремизове. Berkeley, 1980; Images of Aleksei Remizov: Drawing and Handwritten and Illustrated Albums from Thomas P.Whitney Collection / Essay and Catalogue of the Exhibition by Greta Nachtailer Slobin. Mead Art Museum, Amhers College, 1985; Синявский А. Литературная маска Ремизова / Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Ed. by G.Slobin. Slavic Studies. Columbus, 1987, vol.16; Переписка Л.И.Шестова с А.М.Ремизовым. Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И.Ф.Даниловой и А.А.Данилевского // Рус. лит-ра, 1992, № 2-4; Грачева А.М. Революционер Алексей Ремизов: Миф и реальность / Лица: Биографич. альманах, вып.3. М.-СПб., 1993; Чалмаев В.А. Ремизов (1877-1977) / Литература русского зарубежья 1920-1940. М., 1993; Цивьян Т.В. О ремизовской гипнологии и гипнографии / Серебряный век в России: Избр. страницы. М., 1993.

Арх.: РГАЛИ, ф.420.

М.Козьменко

РЁРИХ (Рерих) Николай Константинович (27.9.1874, Петербург — 13.12.1947, Наггар, шт. Пенджаб, Индия) — художник, философ, историк, общественный деятель. Сын нотариуса К.Ф.Рериха; мать — М.В.Калашникова — из купеческой семьи. Окончив в 1893 частную петербургскую гимназию К.Мая, поступил на юридический факультет Петербургского университета (где прослушал также полный курс исторических дисциплин) и одновременно в Академию художеств. Своим «учителем жизни» считал А.Куинджи, испытал влияние В.Стасова и Л.Толстого. В 1900 учился в Париже у Ф.Кормона и Пюви де Шаванна. В 1901 же-

нился на Е.Шапошниковой, которая стала, по словам Р., его «другиней, спутницей, вдохновительницей». Известность принесла Р. удостоенная большой золотой медали Академии и приобретенная П.Третьяковым картина «Гонец. Восстал род на род» (1897) — первая в серии «Начало Руси. Славяне» (последующие: «Идолы», «Заморские гости», «Город строят», «Строят ладьи» и др.). Интерес Р. к русской старине отразили также этюды, созданные во время поездки по древним городам (1903-4). Изображал северную природу («Седая Финляндия», «За морями — земли великие»); образ природы, в которой растворены люди, доминировал и в исторических картинах Р., проникнутых мистическим пантеизмом. Проводил археологические раскопки на Северо-Западе страны, изучал фольклор и древнерусскую религиозную литературу (жития, апокрифы), откуда черпал материал для своих произведений; осваивал в духе модерна традиции иконописи и фрески. Декоративный дар и стремление к театрализации истории сблизили Р. с художниками «Мира искусства», однако он призывал не только «любить прошлое», но и «жить будущим». Особенно занимали Р. взаимосвязи национальных культур; образы его произведений несли символику общечеловеческих понятий. Самобытность его творчества заставила говорить о «державе» Р. (*Л.Андреев)*, о «целом космосе», «одушевленном мудростью» (Э.Голлербах). Участвовал во многих русских и с 1905 — в зарубежных выставках (Прага, Париж, Лондон, Берлин, Вена, Брюссель, Рим, Венеция, Мальмё). Фантазия Р., обогащенная знанием истории, ярко проявилась в его работах для театра, в частности, для Русских сезонов *С.Дягилева* в Париже и Лондоне: «Псковитянка» Н.Римского-Корсакова (1909), «Половецкие пляски» из оперы «Князь Игорь» А.Бородина (1908, 1914). Оригинальным постижением духа языческой Руси явились эскизы Р. к пьесе А.Островского «Снегурочка» (постановки 1908, 1912, 1922) и либретто, костюмы, декорации к балету *И.Стравинского* «Весна священная» (1912, 1930). Среди других театральных работ — эскизы к спектаклям М.Метерлинка «Сестра Беатриса» и «Принцесса Малэн» (1912-14), к опере Р.Вагнера «Тристан и Изольда». Музыкой подсказаны и многие станковые работы Р., например, картина «Небесный бой» (1912), навеянная «Полетом валькирий» Вагнера, — на тему борьбы света и тьмы, проходящую через все творчество Р.

С 1906 Р. — директор Рисовальной школы Общества поощрения художеств, в 1909 избран членом Академии художеств, в 1910 возглавил возрожденный «Мир искусства». «Великий интуитивист», по определению М.Горького, Р. символически выразил накануне I-й мировой войны свои тревожные предчувствия: «Пречистый град — врагам озлобление» (1911), «Град обреченный» (1914). Постепенно интересы Р. смещались в сторону культур Востока, все более влиявших на его мировоззрение и искусство. Статья Р. «Индийский путь» (1913) обозначила главное направление его художественно-философских исканий.

Из-за болезни легких Р. жил с конца 1916 с семьей в Сердоболе (Сортавала); в 1917 этот город отошел к Финляндии. Здесь были написаны лирические пейзажи, пьесы (сохранилась одна — «Милосердие»), стихи, повесть «Пламя», картина «Карелия. Вечное ожидание». Работы этого периода Р. выставил в ноябре 1918 в Стокгольме (дополнив их картинами, оставшимися там от Балтийской выставки русских художников 1914), затем — в других скандинавских странах и осенью 1919 — в Лондоне, где также оформил оперу «Князь Игорь» у Дягилева и несколько русских опер в «Covent Garden». В 1920 встретился с Р.Тагором, который приветствовал давнее намерение Р. посетить Индию. К тому времени Р. был знаком с индийской философской мыслью, с работами русских индологов, старший сын Р., Юрий, изучал индо-иранские языки в Кембридже, Гарварде и Сорбонне, но английские власти не дали разрешения на поездку, ввиду близости Р. к индийским оппозиционным кругам.

С 1920 Р. в США; выставки его работ прошли в 28 городах, читал лекции о русском искусстве и литературе, организовал в Нью-Йорке Институт объединенных искусств, в Чикаго — союз художников «Пылающее сердце» и международный культурный центр «Венец мира». Они подготовили учреждение в Нью-Йорке музея Р. (открыт в марте 1924), в котором было собрано свыше 1000 его работ, а также произведения искусства Востока и русские иконы; все это Р. передал в дар американскому народу. В США были написаны серии картин «Новая Мексика», «Сюита океана» и «Санкта» («Подвижники»).

В мае 1923 Р. направился в Индию и в декабре прибыл в Бомбей. Предпринял экспедиции в Сикким и Бутан (1924), посетил Индонезию и Цейлон (1925), приступил к созданию цикла картин «Знамена Востока» («Учителя Востока»), воссоздававших образы основоположников и проповедников различных религий — Конфуция, Будды, Магомета, Сергия, Моисея и др. Совершил с женой и сыновьями Юрием и Сергеем грандиозное путешествие через Гималаи в Центральную Азию, преодо-

лев 25 тысяч км (1925-28; описал его в книгах-дневниках «Сердце Азии», «Алтай-Гималаи» и «Шамбала Сияющая»). В труднейших условиях были собраны ценные ботанические, археологические, геологические коллекции, приобретены произведения искусства, редкие рукописи и книги. Созданные под впечатлением увиденного картины, написанные темперой, снискали Р. славу «мастера гор», открыли посетителям музеев Гималаи и архитектуру древних горных монастырей, выразив высокий нравственный порыв художника («чем-то зовущим, неукротимо влекущим наполняется дух человеческий, когда он, преодолевая все трудности, восходит к этим вершинам», — писал Р.). В пути получил разрешение на въезд из Китая на территорию Советского Союза и в 1926 *приехал в Москву; заверил Г.Чичерина* (который характеризовал Р. как «полукоммуниста, полубуддиста») и А.Луначарского, что вернется в СССР. Поселившись в 1928 с семьей в окрестностях Наггара (долина Кулу), основал здесь Международный институт гималайских исследований «Урусвати» («Свет утренней звезды»), названный так в честь Е.Рерих. Был избран членом научных учреждений Азии, Европы и Америки.

С 1929 в США и в Западной Европе началась реализация выдвинутой Р. (впервые еще в 1914) идеи пакта об охране культурных ценностей во время войны — «пакта Рериха». Р. предложил символ такой охраны — «Знамя Мира», которое он назвал «Красным крестом культуры», но подчеркивал, что и «без грома пушек часто совершаются ...непоправимые ошибки против Культуры»; посвятил теме пакта картину «Орифламма» (1931). В 1929 выдвигался кандидатом на Нобелевскую премию мира. В развернувшихся в 30-е спорах среди русских эмигрантов об отношении к Советскому Союзу в случае войны выступал за его поддержку. В 1934 снова приезжал в США, в 1934-35 совершил последнюю большую экспедицию — в Манчжурию и Северо-Западный Китай. В годы 2-й мировой войны написал картины, в которых, используя образы русской истории и мифологии, предрекал России победу над фашизмом. Всего им было создано около 5 тысяч художественных произведений. Среди большого числа литературно-философских трудов Р. — «Пути благословения» (1924), «Держава света», «Твердыня пламенная» (1932), «Врата в будущее» (1936), «Нерушимое» (1936) и др. Умер Р. вскоре после того, как были оформлены документы для возвращения на родину. Согласно его завещанию, Ю.Рерих привез значительную часть картин Р., созданных в Индии, в СССР.

Соч.: Из литературного наследия. М., 1974.

Лит.: Эрнст С. Н.К.Рерих. Пг., 1918; Кузмин М. Рерих. М., 1923; Бурлюк Д. Рерих (Черты его жизни и творчества). Нью-Йорк, 1930; [Иванов Вс., Голлербах Э.]. Рерих, ч.I. Рига, 1939; Беликов П., Князева В. Рерих. М., 1973; Н.К.Рерих. Жизнь и творчество. Сб. статей. М., 1978; Полякова Е.И. Рерих. 2-е изд. М., 1985; Держава Рериха. Сб. материалов. М., 1994.

О.Румянцева

РОЗИНГ Владимир Сергеевич (11.1.1890, Петербург — 23.11.1963, Лос-Анджелес) — артист оперы, камерный певец (тенор), режиссер и продюссер музыкального театра, музыкальный и общественный деятель. Родился в семье петербургского адвоката, окончил юридический факультет Петербургского университета. Однако в несравнимо большей степени, чем юриспруденция, его внимание привлекала значительная коллекция граммофонных пластинок, хранившаяся дома, и увлечение музыкой быстро переросло в главное дело всей жизни. Р. обучался пению у знаменитого баритона Мариинского театра и профессора Петербургской консерватории И.Тартакова. В 1910 состоялось его первое публичное выступление — в салонном концерте вместе со скрипачем-вундеркиндом *Я.Хейфецем*. Успех побудил Р. продолжить занятия, он уехал за границу, где брал уроки у нескольких известных педагогов и артистов, представлявших разные вокальные школы и исполнительские традиции — Джорджа Пауэра в Лондоне, Джованни Сбрилья в Милане, Жана де Решке в Париже. В 1912 Р. поступил в труппу петербургского Театра музыкальной драмы (ТМД). Его первое выступление было в скромной роли Трике, а следующее — в партии Ленского в «Евгении Онегине» П.Чайковского. Дебютант произвел самое благоприятное впечатление. Критик И.Кнорозовский писал: «Г-н Розинг после Собинова больше всего приближается к пушкинскому замыслу. Его Ленский молод, гибок, чист душой, от него веет свежестью чувства и мягким прекраснодушием идеалиста. У артиста великолепный тенор с блестящими верхами, масса темперамента и вкуса... Ему можно предсказать блестящую карьеру». Действительно, Р. быстро завоевывал популярность. Уже в мае 1912 он записал свою первую пластинку в петербургском филиале ведущей граммофонной компании Европы «Gramophone», через год дал в Лондоне сольный концерт в крупнейшем зале британской столицы Альберт Холле. Успех задержал

его в Англии надолго, а с родиной он оказался разлучен навсегда.

В 1914 Р. стал директором оперного театра в лондонском «Kingsway». Здесь в конце сезона, в мае 1915, им было поставлено несколько опер, в том числе «Пиковая дама» Чайковского. В этом спектакле Р. выступил и как режиссер, и как исполнитель партии Германна. В некоторых других ролях также были заняты русские артисты (Графиня — С.Красавина, Лиза — А.Никитина, Полина — Е.Фонарева, Чекалинский — П.Молчанов). Спектакль, несмотря на сложное военное время, имел значительный успех. Пресса особенно выделяла «сильное впечатление, произведенное исполнителем и игрой» Р. Компания «Gramophone» сразу же записала несколько фрагментов партии Германна. «Пиковая дама» шла до тех пор, пока болезнь Р. (а он не имел дублера) сделала невозможным продолжение спектаклей.

Основным видом исполнительской деятельности Р. стали камерные концерты, позволявшие артисту обрести наибольшую творческую свободу. Его репертуар состоял преимущественно из произведений русских композиторов, включая и малоизвестные. Концертная программа Р. была чрезвычайно интенсивна. Только в Лондоне за 1913-21 он дал 104 концерта. Выступления Р. получали самую высокую оценку в прессе. Так, «Times» в рецензии на его концерт в Лондоне 16.3.1918 писала: «Г-н Розинг исполняет Шумана и Вагнера действительно великолепно, но мы с гораздо большим удовольствием слушаем в его исполнении русские романсы... Г-н Розинг обладает большим творческим потенциалом и главная его черта в том, что он не показывает их [свои артистические достоинства — Ред.] специально, а они проявляются совершенно естественно, исходя из самой природы романсов и песен». Одновременно Р. отдавал немало сил режиссуре многих оперных спектаклей. Незадолго перед тем, как покинуть Лондон, летом 1921, он провел «Оперную неделю Розинга» с английским дирижером сэром Эдриеном Боултом и режиссером *Ф.Комиссаржевским*. Были поставлены «Севильский цирюльник», «Паяцы», «Служанка-госпожа» и «Пиковая дама». Собственная оперно карьера Р. не увлекла, хотя в начале 1920-х он продолжал выступать на «престижных» сценах Европы — пел в «Тоске» Дж.Пуччини в лондонском «Covent Garden» (окт. 1921), в парижской «Grand-Opéra», выступал в «Фаусте», «Кармен», «Пиковой даме» (сезон 1923-24), гастролировал в театре «Де Ла Монне» в Брюсселе и в театре «Реал» в Мадриде. В это же время он записал для пластинок компании «Vocalion» около 20 оперных арий на итальянском, русском и французском языках.

В 1921 Р. впервые выступил в США, где, согласно музыкальному критику из Бостона, «произвел необычайную сенсацию». «New York World» писала: «Розинга должно поставить в один ряд с другими великими певцами. Его интерпретации также великолепны, как и шаляпинские». Во время гастролей Р. узнал о страшном голоде в Поволжье. Весь доход с первого же концерта (ок. 80 тыс. франц. франков) он немедленно передал Фонду помощи голодающим. Кроме того, Р. выступил по радио (одно из первых радиовыступлений именитых артистов), исполнил на нескольких языках романс Ц.Кюи «Голод» и призвал к пожертвованиям. На его призыв откликнулось около 500 тысяч слушателей.

*Находясь в Америке, Р. получил приглаше*ние возглавить оперное отделение Исменской высшей музыкальной школы в Рочестере (1922-26). В 1927 он создал и возглавил «American Opera Company» — передвижную оперную труппу. Под его руководством скромный «театр на колесах» столь быстро прогрессировал в творческом и деловом аспектах, что уже через два года выдвинулся в число лучших оперных коллективов США и занимал 2-е место в рейтинге театров вслед за «Metropolitan Opera». Печально знаменитый крах на Уолл стрит в 1930 привел к преждевременному концу это великолепное предприятие.

В 1931 Р. вернулся в Англию и сразу же приступил к работе оперного режиссера и продюссера. Вместе с прославленным английским дирижером Альбертом Коутсом (также уроженцем Петербурга, работавшим в Мариинском театре), он создал «British Music Drama Opera Company». В течение года новая труппа работала в помещении Королевского театра «Covent Garden». По мнению Флорис Джинболл, исследователя творчества русского артиста, «Розинг был основателем того, что можно назвать теперь исконно английским оперным стилем». Труппа Р.—Коутса показывала в числе прочего две оперы М.Мусоргского — «Бориса Годунова» и «Сорочинскую ярмарку». В 1937-38 Р. сотрудничал в качестве оперного продюссера и режиссера еще с одним выдающимся дирижером Англии — сэром Томасом Бичемом.

В 1939 по приглашению Калифорнийской оперной ассоциации Р. уехал в США, в Лос-Анджелес. Здесь он стал директором оперных предприятий, продолжал работу режиссера. Во время 2-й мировой войны артист участвовал в деятельности Фонда помощи Советской России. Его авторитет в музыкальном мире Америки был очень высок. В послевоенное время он занимал пост главного режиссера Нью-Йорк-

ской городской оперы, в 1950-х ставил ряд спектаклей в Чикагской опере, в том числе со «звездами» итальянской оперы Марио Дель Монако и Ренатой Тебальди. Из работ Р.-режиссера в Чикаго выделяется масштабная постановка «Князя Игоря» А.Бородина с декорациями Н.Бенуа, при участии баритона И.Горина в заглавной партии и великого болгарского баса Б.Христова в ролях Кончака и Галицкого. Для США Р. был в первую очередь выдающимся оперным режиссером, но, как справедливо пишет Флорис Джинболл, «хотя значительную часть карьеры Розинга занимают постановки опер, его основной заслугой и вкладом в музыкальную жизнь Англии и Америки было несомненно то, что он представил по-видимому неистощимый репертуар русских песен [имеются в виду камерные вокальные произведения в целом — Ред.] нерусской аудитории». Концертная деятельность артиста не прерывалась вплоть до 1940-х, несмотря на всю занятость иными видами творчества.

По мнению современников, «его голос отличался необыкновенной выразительностью, как у Шаляпина, а также у таких сопрано как Кошиц и Слободская». Один из лучших пианистов-ансамблистов Европы Айвор Ньютон, сотрудничавший и с *Ф.Шаляпиным* и с *О.Слободской*, пишет в своей книге «За фортепиано»: «Исполнение Розинга никогда не было дешевым [артиста иногда упрекали в вычурности, манерности — Ред.], все, что он исполняет, производит впечатление необычайной искренности. Если он исполняет песни не традиционно, он делает это превосходно. Во время концерта вы сможете ощутить присутствие настоящего живого человека». Бесспорно, Р. обладал недюжинным драматическим талантом. Его исполнение камерной вокальной музыки превращалось в своего рода «театр одного актера», выразительным средством которого был только голос. Каждое произведение, исполнявшееся Р., воспринималось как личное переживание артиста. В своих трактовках Р. был совершенно независим от сложившихся привычных интерпретаций, над ним не довлели и ставшие классическими исполнительские традиции таких авторитетов как Шаляпин (в «Эй, ухнем», «Песне убогого странника», «Очи черные»). Р. создал совершенно новые прочтения, часто потрясающие по своей убеждающей силе. Таков Р. в исполнении романсов Чайковского и Римского-Корсакова, Бородина и *Рахманинова*, Аренского и *Гречанинова*, Глинки и Даргомыжского, *Черепнина* и Речкунова. Важно также отметить характерное для Р. необычайное искусство владения словом, причем не только на родном языке. Р. был столь же убедителен в исполнении западной музыки на французском, итальянском и английском языках (необычайно интересно звучали в его собственном (?) переложении «Пляски смерти» К.Сен-Санса). Особенной силы воздействия артист достигал в произведениях с насыщенной внутренней драматургией, яркой характерностью, в музыке, глубоко прочувствованной, с большим накалом страстей. Бернард Шоу, бывший и известным оперным критиком, считал Р., наряду с Шаляпиным, самым выдающимся оперным певцом XX в. К сожалению, мощный, баритонального тембра голос певца со временем претерпел значительные изменения, в основном связанные с пренебрежением вокальной «тренировкой» (для достижения большей выразительности Р. отступал от приемов академического пения уже на раннем этапе творчества).

Р. оставил значительное и разнообразное по репертуару звуковое наследие. На Западе в настоящее время оно практически не востребовано. В 1985 и 1987 фирма «Мелодия» выпустила три «долгоиграющих» диска выдающегося певца. В первом были представлены ранние записи 1912-15, во втором — самые поздние (1937) и бесподобные исполнения популярных романсов (1933 и 1934), в третьем — антология песен Мусоргского, записанная в 1935 (в Англии и Америке и по сей день Р. считается лучшим исполнителем песен Мусоргского). Но это лишь меньшая часть обширной дискографии артиста. С 1912 по 1916 Р. записывался для компании «Gramophone» в Петербурге. К сожалению, многие из этих записей не увидели свет (возможно, они хранятся в архиве концерна «EMI», наследника компании «Gramophone»). Среди них два дуэта с *Л.Липковской*, дуэт с М.Давыдовой (с ними Р. сотрудничал в ТМД в Петербурге в 1912), ария Ленского, строфы из «Нерона» А.Рубинштейна, ария и ариозо Германна, несколько романсов. Два фрагмента из «Пиковой дамы», записанные в 1915, позднее включались компанией в «престижную» серию пластинок, наряду с дисками Шаляпина, *Д.Смирнова*, Карузо, Титта Руффо. Наиболее обширный раздел дискографии певца представляют его записи на пластинках компании «Vocalion», сделанные в 1920-21: свыше 20 оперных арий и более 50 романсов, преимущественно русских авторов. Третья группа записей (почти исключительно камерных произведений) относится к 1933-37, когда в Лондоне Р. сотрудничал с «Parlophone». Эти записи выходили также в США под маркой «Decca» и «Columbia», в Японии — под маркой «Columbia», в Европе — под маркой «Odeon». Среди фонограмм артиста много бесценных открытий, особенно в записях камерной музыки: это «Рыцарский романс» Глинки, «Козел» Му-

соргского, «Море» Бородина, «Средь шумного бала» Чайковского и мн. др.

Р. — одна из самых значительных фигур среди русских музыкантов в эмиграции. Совершенно неизвестный на родине, для современников на Западе он был артистом, мало чем уступавшим по силе своего таланта великому Шаляпину. Масштаб и самобытность его дарования уникальны.

Лит.: Kutsch J., Riemens L. Unvergängliche Stimmen. Sängerlexicon. Bern-München, 1975.

П.Н.

РОМАНОВ Борис Георгиевич (10.3.1891, Петербург — 30.1.1957, Нью-Йорк) — танцовщик, балетмейстер, педагог. Сын гардеробмейстера Мариинского театра. Окончил Петербургское театральное училище в 1909 (педагоги М.Обухов, С. и *Н.Легат*, А.Ширяев). Невысокий, пропорционально сложенный, с лицом монгольского типа, Р. привлек к себе внимание уже на выпуске темпераментом и смелостью виртуозного танца, исполнив пляску шута из балета «Млада». Он был принят в труппу Мариинского театра на гротесково-характерные роли. Прослужив лишь год в кордебалете, стал получать сольные партии: Шут в «Щелкунчике», Король шутов в «Павильоне Армиды», Пьеро в «Карнавале» и «Бабочках», Лучник в «Половецких плясках» и др. В 1914 получил звание первого танцовщика. Его репертуар расширялся также за счет пантомимных и характерных ролей: Ротмистр («Привал кавалерии»), Флорестан («Карнавал»), Невольник («Корсар»), Солист («Арагонская хота»), Эухенио («Андалузиана» на муз. Ж.Бизе), характерные партии в операх и балетах. Участвовал в дягилевской антрепризе. Сцена сулила ему прочное будущее танцовщика. Но Р. решил не замыкаться в исполнительстве. Интерес к балетмейстерской деятельности возник у него рано, обнаружился в первый же месяц его службы в театре. В спектакле Красносельского театра он вместе с одноклассником Ф.Шерером исполнил в июне 1909 пляску шута из «Млады», изменив ее хореографию, введя второго исполнителя.

Балетмейстерский опыт Р. приобрел, ставя поначалу вне академической сцены. Интенсивная художественная жизнь в Петербурге тому способствовала: танец и пластика в самых разных видах считались неотъемлемой частью многих зрелищ. Став «заведующим хореографической частью» в Литейном театре, Р. увлеченно занялся постановочной деятельностью. Условия работы были весьма специфическими и требовали изощренной фантазии балетмейстера: ставить приходилось на драматических актеров, балетной подготовки обычно не имевших. Откровенно развлекательный характер репертуара в небольшом театре, тяготевшем к малым эстрадным формам, заставлял считаться со вкусами публики. Зрители ждали разнообразия, и Р. с готовностью предлагал им одноактные балеты, пантомимы, танцевальные фантазии, сценки, интермедии. Комедийность, склонная к шаржу, пикантность рискованных ситуаций преобладали. В одноактной мимодраме «Рука», например, образ плотских вожделений создавался приемами свободной пластики (1911). Скандальная известность хореографа началась с постановки «Козлоногих» на ультрамодернистскую для обывательского слуха музыку И.Саца (1912). Танец складывался из весьма изобретательных позировок и переходов, выражавших экстатическое похотливое беснование, которое уводило в глубины подсознания, в первоосновы жизни, в ту животную природу человека, что была сокрыта покровами цивилизации. Художественные интересы здесь парадоксальным образом смыкались с той сферой эмоций, которая будет присуща новым формам пластики, родившимся на рубеже веков и вполне утвердившимся в первые десятилетия XX в. Спектакль шел ежедневно с 12 октября по 1 ноября 1912 и вызывал противоположные отзывы. Публика на спектакль валом валила, но неожиданным зрелищем была шокирована. Р. не только потрафлял вкусам обывателя, но и охотно эпатировал эту публику, разжигая тем еще более любопытство и интерес. Первозданная, почти языческая чувственность выступила на первый план и в следующей постановке Р. — пантомиме «Ноктюрн слепого Пьеро», шедшей в Литейном театре следом за «Козлоногими» с 1 по 17.11.1912. Коломбина, увлекшись на карнавале плясками веселого Арлекина, обманывала мужа, слепого Пьеро. Чувственность обретала здесь формы то откровенно грубоватые, то смягченные флером манерности. В итоге оргиастический экстаз был центром действия и его высшей целью, а буйство эротики объявлялось единственной ценностью, не изменяющей человеку.

Знакомство с дягилевской антрепризой и стилем ее работы произошло на 2-й год службы Р. в Мариинском театре. Молодой танцовщик, испросив у дирекции отпуск, принял участие в Русских сезонах. Лихорадочная спешка, недюжинный размах дела покорили юношу, жаждущего найти применение своим силам. *С.Дягилев* обратил внимание на новичка, отличавшегося пытливостью и настойчивостью. А когда после разрыва с *М.Фокиным* пришлось искать исполнителей уже задуманного, Дягилев вспомнил о Р. и поручил ему в сентябре 1912

постановку «Трагедии Саломеи». Музыка Флорана Шмитта была написана на сюжет мимодрамы Робера д'Юмьера, предназначавшейся еще для Лой Фуллер. Декорации принадлежали *С.Судейкину*. Премьера состоялась 12.6.1913 в Театре Елисейских полей и успеха не имела. Спектакль был насыщен элементами гиньоля и призван был ужасать: отрубленная голова Иоанна Крестителя, выброшенная героиней в море, вдруг, кровоточа и поражая гигантскими размерами, появлялась на небе, укоряюще взирая на грешницу. Экстатическая экспрессивность была чужда *Т.Карсавиной*, исполнявшей главную роль. Равнодушие зрителей объясняли запутанностью сценария и невыразительностью оформления. Хореография плохой не объявлялась. Контракт с Дягилевым был продолжен.

Ситуация складывалась весьма благоприятно и в родном театре. Отсутствие Фокина вынуждало дирекцию императорских театров искать новых претендентов на пост руководителя балетной труппы. В декабре 1913 было решено попробовать Р. как постановщика. На следующий сезон его уже пригласили на должность балетмейстера Мариинского театра, правда, на деле деятельность Р. в Мариинском театре ограничивалась в основном постановкой танцев в операх. Иногда ему поручали сочинять дивертисментные номера в балетных спектаклях. Сфера интересов Р. была достаточно широка. Он не избегал обращения к фольклору, в том числе русскому. Еще в декабре 1912 для Литейного театра он поставил сюиту характерных танцев «Праздничный день», явившуюся фантазией на русские народные темы и выдержавшую всего три представления. В октябре 1914 был создан «Лубок XVIII века» для танцовщицы и трех партнеров. Камерность состава исполнителей возмещалась взвинченным эмоциональным строем. Много значащей для формирования творческой личности Р.-хореографа стала встреча с поэтом-акмеистом М.Кузминым в совместных постановках Литейного театра, в названии которого появилось уточнение — «интимный». В октябре-декабре 1913 Р. поставил несколько балетных миниатюр: автором либретто и музыки был Кузмин. Пикантность ситуации любовного треугольника соседствовала со стилизацией — и временной, и этнографической. То были балеты-пантомимы «Свидание» с сюжетом, восходившим к поэме Мюссе, и «Одержимая принцесса» — здесь смаковалась экзотика придуманного Китая. Рафинированность искусства Кузмина была близка Р.

1914 был для Р. многообещающим. 29 января в Мариинском театре состоялась премьера оперы «Измена» М.Ипполитова-Иванова: там Р. ставил грузинские пляски. Затем последовали цыганские — в «Алеко» *С.Рахманинова*, испанские — в «Кармен» Ж.Бизе, японские — в «Мегае» А.Тадеуша. Творческий багаж Р. расширялся за счет благотворительных спектаклей. В них принимали участие самые интересные исполнители. Например, карнавал Аэроклуба в Дворянском собрании ознаменовался балетом-пантомимой «Пьеро и маски» с музыкой Б.Асафьева (10.2.1914). Хореографию Р. исполнили Карсавина (Коломбина), В.Мейерхольд (Пьеро) и он сам (Арлекин). Р. сближал с Мейерхольдом интерес к традиционализму. Тем не менее единомышленниками они не были: балетмейстер по-прежнему тяготел к чуждой режиссеру поэтике ужасного.

Новая встреча с экзотическим Китаем ждала Р. у Дягилева. Премьера «Соловья» — оперы с балетом *И.Стравинского* — состоялась 26.5.1914 на сцене Парижской оперы. Постановку осуществили *А.Бенуа* и *А.Санин*; оформление принадлежало Бенуа. Зрелищность выступала здесь на первый план. Центральной сценой спектакля стал Китайский марш — чрезвычайно помпезная процессия, постепенно разворачивавшаяся в роскошную, живописно оформленную картину. Р. мастерски сочинял пластику каждой группы, свободно играя пространством сцены и компануя живую картину из красочных, подобных диковинным цветам, фигур. Авторы спектакля — и Стравинский, и Бенуа — остались довольны результатом. Публика встретила премьеру сдержанно. Сотрудничество Р. с дягилевской антрепризой больше дало, пожалуй, самому хореографу: бесценный опыт совместной работы с интереснейшими мастерам; но продолжения оно не имело.

К 1915 Р. стал наиболее активно действующим хореографом в Петербурге. Режиссер И.Лапицкий, организовавший в 1912 Театр музыкальной драмы (ТМД) в здании консерватории, пригласил в свою труппу Р. — и как хореографа, и как учителя танцев. В 1915 Р. здесь поставил одноактный балет по сказке Х.Андерсена «Принц-свинопас» на музыку А.Давидова, позднее показанный на благотворительном спектакле в Мариинском театре. Кроме того, хореограф сочинял танцевальные сцены в других постановках ТМД. И все-таки именно благотворительные вечера предоставляли наибольшую творческую свободу хореографу. Запомнившимся событием стал вечер в Мариинском театре 31.10.1915. Были показаны три балета-миниатюры: уже известный «Принц-свинопас» и два новых — «Что случилось с балериной, китайцами и прыгунами» на музыку В.Ребикова к опере «Елка» и «Андалузиана» на музыку «Арлезианки» Ж.Бизе. Последняя миниатюра имела наибольший успех, свидетельствовала и о зрелости хореографа, и

об оригинальности его сложившегося самостоятельного художественного мышления. Либретто принадлежало поэту-сатириконцу *П.Потемкину*, декорации были созданы Судейкиным. В испанском кабачке развивалось соперничество матадора (Р.) и бродяги (Монахов) за обладание гитаной (Е.Смирнова). Та раззадоривала обоих, упиваясь своей властью над ними, делала неизбежной и схватку, и кровавый исход. Истекающие кровью, свившиеся в клубок, связанные веревкой воедино, соперники продолжали размахивать навахами, нанося смертельные раны. Жизнь покидала их — а вокруг разгоралась стихия темпераментного танца, подчиняя себе все и всех, даже чинного аббата, пускавшегося в общий плясовой разгул. Финальная вакханалия толпы, потряхивающей руками в такт музыке, убеждала мощью и экспрессией. Эмоциональный строй был взвинчен и обострен, утверждался как новое эстетическое качество и был по сути предчувствием новых тенденций в искусстве танца — тенденций экспрессионизма. «Андалузиана» повторялась и в других благотворительных спектаклях — например, 8.2.1917 на сцене петроградского Палас-театра с О.Федоровой, Монаховым, В.Пономаревым.

Революция Р. поначалу не испугала — скорее поманила новыми возможностями проявить талант и инициативу. Весной 1918 он вошел в состав «трудового товарищества» Театра трагедии, созданного Ю.Юрьевым и объединившего видных деятелей русской культуры, в их числе — М.Горького, *Ф.Шаляпина*, *С.Прокофьева*. Р. помогал режиссеру А.Грановскому ставить массовые сцены в «Макбете» Шекспира с музыкой Асафьева и Юрьевым в главной роли. В Театре художественной драмы (на сцене быв. Литейного) Р. ставил танцевальные эпизоды в «Севильском обольстителе» Тирсо де Молино. После объединения обоих театров в Большой драматический Р. продолжал в нем работу балетмейстера. На его сцене 22.4.1919 состоялся концерт Р. и Е.Смирновой, включавший его номера. Особый успех имел «Танец Саломеи» в исполнении Смирновой. В мае 1918 с постановками Р. познакомились москвичи во время гастролей группы петроградских танцовщиков во главе с Р. и Смирновой. Попыткой поделиться своими мыслями о танце и искусстве сочинять хореографию стала статья Р. «Заметки танцовщика» (Бирюч петроградских гос. театров, 1918, № 7). Опираясь на опыт М.Петипа, изучение его архива, собственные размышления, Р. анализировал соотношение музыки и танца, призывал к балетному симфонизму. 1-я годовщина Октябрьской революции была отмечена постановкой Р. балета «Карманьола» с музыкой Асафьева на тему Великой французской революции. Спектакль шел на сцене одного из петроградских клубов. Оставшись единственным штатным балетмейстером петроградского балета, Р. задумал ставить балет «Сольвейг» на музыку Э.Грига с оформлением А.Головина и работал над сценарием к нему. 7.12.1919 в Мариинском театре был показан дивертисмент «Вечер национальных танцев» в постановке Р., имевший, по признанию рецензентов, наибольший успех в сезоне.

Р. покинул Россию весной 1920 (зарубежные источники называют 1921). Странствия начались с Бухареста. Затем последовал Берлин. Здесь совместно с Эльзой Кругер он организовал труппу «Русский романтический балет», в которую вошли также Смирнова, впоследствии ставшая его женой, и А.Обухов. Основу репертуара составили одноактные балеты «Пир Гудала», «Пастораль» Глюка, «Арлекинада» Дриго, «Картинки боярской свадьбы». Труппа, возглавляемая Р., гастролировала по Центральной и Западной Европе в течение 5 лет. Один из спектаклей «Русского романтического балета» в Лондоне посетила *А.Павлова*, пригласившая соотечественников войти в ее труппу. Началась совместная гастрольная деятельность. Р. и Обухов выступали партнерами Павловой в «Кокетстве Коломбины» и, кроме того, обогатили дивертисмент своими концертными номерами. Положение приглашенных «звезд» давало возможность участвовать не во всех гастролях. Одним из следующих было приглашение Р. в труппу Павловой в качестве балетмейстера. Так репертуар труппы пополнился «Русским танцем» на трех исполнителей (мужчина и две женщины). Смирнова возобновила для Павловой Grand Pas из «Пахиты». В 1928-34 Р. исполнял обязанности балетмейстера в театре «Colon» (Буэнос-Айрес). В том же качестве работал некоторое время в Монте-Карло и Югославии, в Римской опере и миланском «La Scala».

Оставшуюся часть жизни Р. жил и работал в Нью-Йорке. В 1938-42 и 1945-50 он был балетмейстером «Metropolitan Opera». В 1944 — хореограф нью-йоркской труппы маркиза де Куэваса «Ballet International», в 1956 — труппы «Ballet Russe de Monte Carlo». Р. ставил свои собственные сочинения в этих труппах и возобновлял чужие балеты — старые и новые: «Жизель», «Щелкунчик», «Петрушка», «Пульчинелла». Преподавал также в Школе балетного репертуара. Отдавая должное вкладу Р. в развитие американского балета, авторитетнейшее оксфордское издание энциклопедического словаря «Ballet» (by Horst Koegler, London, New York, Melbourne, 1982) называет его не только

русским, но и «американским танцовщиком, хореографом и руководителем».

Лит.: Mara T. Boris Romanov // Dance Magazine, 1957, № 3; Красовская В. Русский балетный театр начала XX века, ч.1. Хореографы. Л., 1971.

А.Соколов-Каминский

РОСТОВЦЕВ Михаил Иванович (28.10.1870, Житомир — 20.10.1952, Нью-Хейвен, США) — историк античности и археолог. Прадед Р. был купцом; дед — директором гимназии в Чернигове. Отец, И.Я.Ростовцев — по образованию филолог-классик, знаток и исследователь поэзии Вергилия — сделал блестящую карьеру в области образования: от директора гимназии в Житомире до попечителя Оренбургского учебного округа; поддерживал близкое знакомство с Н.Пироговым. Мать Р. (урожд. Монахова) в совершенстве владела несколькими иностранными языками, занималась литературными переводами, увлекалась садоводством. В Оренбурге ее стараниями было основано отделение Русского общества садоводства.

Среднее образование П. получил в Киеве, где в 1888 окончил гимназию. Затем два года учился на историко-филологическом факультете Киевского университета. В этот период Р. увлекался одновременно и классической, и русской историей; его преподавателем в университете был Ю.Кулаковский. Затем перевелся на 3-й курс Петербургского университета, где стал изучать классическую филологию у Ф.Зелинского, И.Помяловского, В.Ернштедта, Ф.Соколова, П.Никитина, а археологию — у *Н.Кондакова*. Во время учебы в университете Р. подружился с С.Жебелевым, Я.Смирновым и Б.Фармаковским. Позднее друзья стали завсегдатаями дома Н.Кондакова, где собирались члены кружка «фактопоклонников». В дальнейшем работа этого кружка была связана с Археологическим обществом и Музеем древностей при Петербургском университете.

В 1892 Р. окончил Петербургский университет и на собственные средства отправился в путешествие по Италии. В 1895-98 находился в научной командировке за рубежом. Сначала он выехал в Константинополь, затем вместе со Смирновым и Фармаковским посетил Афины и некоторые острова Эгейского архипелага. При содействии Немецкого археологического института в Риме осенью 1895 Р. побывал в Италии, а оттуда выехал в Вену. Именно в это время появилась одна из самых ранних его статей на немецком языке, написанная для «Archäeologisch-Epigraphishe Mitteilungen aus Oesterreich», которая легла в основу его магистерской диссертации. Одновременно Р. приступил к разработке новой для себя темы — истории свинцовых тессер. Весной 1896 он вместе с Кондаковым и Смирновым посетил Испанию. Впоследствии Р. вспоминал об этой поездке как о весьма полезной и особенно отмечал влияние Смирнова, который научил «смотреть» вещи и «видеть» в них существенное. С тех пор археология для Р. являлась не только источником иллюстраций, но и возможностью получить независимую информацию, не менее важную и ценную, чем свидетельства нарративных источников. «Мы должны, и мы постоянно учимся тому, как с помощью археологии писать историю», — отмечал он. Переехав из Испании в Париж, Р. приступил к работе над каталогом свинцовых тессер в «Cabinet des Medailles». Из Франции он переехал в Англию, а оттуда возвратился в Россию.

В Петербурге Р. был приглашен на должность приват-доцента кафедры классической филологии столичного университета и Высших женских курсов. В 1899 защитил магистерскую диссертацию «История государственного откупа в Римской империи», а в 1903 — докторскую диссертацию «Римские свинцовые тессеры». Почти сразу после этого Р. было предложено руководство кафедрами в Петербургском университете (с июня 1903 — профессор кафедры классической филологии) и на Высших женских курсах. Преподавательская деятельность Р. в этих учебных заведениях продолжалась вплоть до его отъезда из России в 1918. Одновременно он принимал деятельное участие в работе Русского археологического общества.

Летом 1901 Р. вступил в брак с Софьей Михайловной Кульчицкой, происходившей из семьи известных польских аристократов.

Начало политической деятельности Р. относится к 1903-5, когда он стал членом ряда общественных организаций. Уже после 1905 он вступил в ряды партии кадетов. Сотрудничал с журналами «Мир Божий», «Вестник Европы» и «Русская мысль». С началом 1-й мировой войны и вплоть до лета-осени 1917 Р. неоднократно организовывал сбор средств в пользу раненых воинов и беженцев. Деятельность Р. была высоко оценена правительством Франции, наградившим его орденом Почетного легиона. 9.5.1917 он был избран академиком Российской Академии наук.

В 1918 на основе приглашения, присланного Р. из Швеции от О.Монтелиуса, Академия наук командировала его в Европу; из командировки он в Россию не вернулся. Два первых года эмиграции Р. провел в Англии, в Оксфордском университете. Одновременно с научными штудиями принимал деятельное участие в орга-

низации поддержки белому движению, выступал с публичными лекциями, осуждавшими большевистский режим в России. Вместе с *П.Милюковым, А.Тырковой-Вильямс* и Г.Вильямсом стоял у истоков Русского освободительного комитета в Лондоне («Russian Liberation Committee»). В это время им было написано большое количество политических и публицистических работ. Наиболее известной из них является брошюра «Пролетарская культура», вышедшая в свет на английском языке. В 1919-20 Р. по приглашению французского правительства посетил ряд университетов Франции, где выступил с лекциями о современном положении в России.

В 1920 Р. переехал в США, где его ожидала преподавательская деятельность на кафедре древней истории в университете Висконсина в Мэдисоне. Он вел также активные научные исследования. Стремясь компенсировать отсутствие необходимого источникового материала для изучения древностей юга России, ученый много путешествовал, по-настоящему «открыл» для себя Индию и Китай и благодаря фантастической научной интуиции восполнил лакуны в своем творческом поиске материалом, собранным в этих регионах.

В 1925 Р. был приглашен в Йельский университет, где создал собственную научную школу: с 1925 по 1939 он являлся профессором древней истории и классической археологии, с 1938 по 1940 был хранителем древностей из «Dura-Europos» в Йельском университете, в 1940-44 — хранителем произведений древнего искусства, и одновременно в 1939-44 — директором Археологических исследований университета. Красноречивее всего о научной карьере Р. свидетельствуют строки из исторических регистров Йельского университета, где сообщается, что с 1919 по 1941 ему были присвоены почетные звания и степени самых престижных университетов Европы и США: в 1919 — Оксфордского, в 1925 — Висконсинского в Мэдисоне и Йельского, в 1931 — Кембриджского, в 1936 — Гарвардского, в 1937 — Афинского, в 1941 — Чикагского.

Научное наследие Р. грандиозно и многолико. Он активно разрабатывал проблемы истории и культуры северо-черноморских греческих колоний, античной цивилизации и «варварской» периферии, стремился показать их взаимодействие («Эллинство и иранство на юге России». Пг., 1918). Р. предстает тонким знатоком и ценителем искусства в фундаментальном труде «Античная декоративная живопись на юге России» (т.I. СПб., 1914). В разработке социально-экономических проблем древнего мира он был близок концепции экономического развития древних обществ Эд.Мейера. «История государственного откупа в Римской империи от Августа до Диоклетиана» (1898), «Исследования по истории римского колоната» (1910) посвящены изучению роли эллинистического наследия в распространении откупной системы и колоната, сложному генезису римского общества, его корням. В труде «Большое поместье в Египте III в. до н.э.» (1922), представляющем по сути сводку фактических данных, составленных по материалам архива Зенона, Р. анализировал структуру хозяйства диойкета Аполлония. Птолемеевское государство представлялось ему централизованным государством с национализированной продукцией сельского хозяйства и промышленности, где функционировала детально разработанная система планирования и государственного контроля. Именно всеохватывающий государственный контроль, по мнению Р., являлся истинной причиной падения царства Лагидов. Хозяйство Аполлония он рассматривал как уменьшенную копию царского хозяйства.

Колоссальный личный исторический опыт, грандиозные события 1-й половины XX в., свидетелем и участником которых стал Р., наложили отпечаток на разработанную им историческую концепцию развития античного мира («эволюция античного мира является уроком и предостережением для нас»), послужили источником смелых исторических параллелей, проводимых Р.: в Ленине и Троцком ему видились Катилина и Клодий, а в Керенском — Цицерон. Цезарь же представал в изображении Р. истинным революционером.

Самые значительные труды по истории социально-экономического развития древних обществ были написаны Р. в эмиграции. «Социально-экономическая история Римской империи» (1926) и «Социально-экономическая история эллинистического мира» (1941) являют собой образец гениальной модернизации античной истории; Р. анализировал борьбу античной «буржуазии» и «пролетариата», «античный капитализм», «феодальный древний Восток». Эти труды и по сей день продолжают оставаться в центре внимания исследователей древности, в первую очередь, благодаря тому, что они представляют собой пример удачнейшего синтеза и интерпретации разнородных исторических источников и богатого фактологического материала для подкрепления оригинальной концепции развития эллинистического мира. Современное европейское и американское антиковедение до сих пор плодотворно использует идеи и гипотезы Р. о развитии античного общества. Научная и преподавательская карьера Р. — это почти 60 лет беспрестанного научного поиска и сотни публикаций в самых известных издательствах и журналах. Отдельно следует отметить учеников

Р.: в разные годы у него учились Э.Бикерман, А.Момиллиано, Дж.Гиллам и др.

В эмиграции Р. принимал участие в организации нескольких периодических изданий: «The New Russia», «Struggling Russia», «The New Europe», «Новый журнал». Испытав вскоре разочарование в политической деятельности, он тем не менее первоначально поддерживал связи с «Russian Information Bureau», которое, фактически, являлось филиалом Русского освободительного комитета в Нью-Йорке. Одновременно Р. сотрудничал с научными и образовательными группами, возникшими в межвоенный период в Европе и США: Русской академической группой в Париже, Американским комитетом по обеспечению образования русскому юношеству за границей («American Committee for the Education of Russian Youth»), который был учрежден в 1919 американским археологом и византинистом Томасом Уайтмором (существовал под разными названиями), Семинарием (позднее Институтом) им. Н.Кондакова, Российско-американским комитетом при Институте им. Н.Кондакова, Толстовским фондом, основанным в 1939 в Вашингтоне по инициативе *Б.Бахметьева* и др.

Многочисленные архивы сохранили переписку Р. с цветом русской эмиграции в Европе и США — *М.Алдановым, И.Буниным, Г.Гребенщиковым, Н.Лосским, В.Набоковым*, С.Паниной, *Н.Рерихом, К.Сомовым, П.Сорокиным*. С некоторыми из них Р. был знаком еще в петербургский период жизни, когда «вторники» у Ростовцевых притягивали к себе интеллектуальную и творческую элиту Петербурга (у них бывали А.Блок, *Л.Бакст*, историки Н.Кареев и Н.Кондаков, литературовед Н.Котляревский, И.Бунин и мн. др.). В судьбе других (*Г.Вернадского*, В.Набокова, византиниста *А.Васильева*, И.Гессена, историка-слависта Л.Старковского, *М.Вишняка*, литературоведа В.Ледницкого, Э.Бикермана) он принимал деятельное участие, уже находясь в эмиграции. Случайная встреча в сентябре 1922 с П.Сорокиным, только что эмигрировавшим из России в США, сделала их искренними друзьями. С такими же теплыми чувствами он относился к художнику *М.Добужинскому*.

У Ростовцевых не было детей. Поэтому они завещали все свое имущество, архив и библиотеку университетам, многочисленным знакомым и ученикам.

Соч.: Рождение Римской империи. Пг., 1918; Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925; A History of Ancient World, vol. 12. Oxford, 1926-27; Mystic Italy. New York, 1927; The Caravan Cities. Oxford, 1932; Dura-Europos and Its Art. Oxford, 1938.

Лит.: Бороздин И. Ученые заслуги М.И.Ростовцева. М., 1915; Вернадский Г.В. М.И.Ростовцев (к 60-летию его) / Сб. статей по археологии и византиноведению. Прага, 1931, IV; Welles C.B. Michael Ivanovich Rostovtzeff (1870-1952) // The Russian Review, 1953, № 12; Coser L.A. Refugee Scholars in America. New Haven, 1984; Bowersock G.W. Rostovtzeff in Madison // The American Scholar, 1986, Summer; Фролов Э.Д. Судьба ученого: М.И.Ростовцев и его место в русской науке об античности // Вест. Древней истории, 1990, № 3; Wes M.A. Michael Rostovtzeff: Historian in Exile // Historia. (Zeitschrift für Alte Geschichte), 1990, № 65.

К.Аветесян

РОЩИНА-ИНСАРОВА (урожд. Пашенная) Екатерина Николаевна (12.6.1883, ? — 28.3.1970, Париж) — актриса. Дворянка, дочь актера Н.П.Рощина-Инсарова, сестра актрисы В.Пашенной. Впервые вышла на сцену в 1897. В 1899 была приглашена Н.Синельниковым в его киевскую труппу, затем играла в театрах Астрахани, Пензы, Москвы (театр Корша), Ростова-на-Дону, Самары и др. городов. В 1905-9 — в Петербурге, в театре Литературно-художественного общества, в 1909-11 — в Москве, в театре К.Незлобина, где сыграла Анфису («Анфиса» *Л.Андреева*), в 1911 перешла в Малый театр. С 1913 снова в Петербурге, в Александринском театре. Для Р.-И. как исполнительницы роли Элизы Дулитл В.Мейерхольд поставил «Пигмалион» Б.Шоу. По его словам, в роли Катерины в «Грозе» А.Островского Р.-И. «со всем ее скитским обликом» была «точно сошедшей с картины Нестерова». Другие основные роли, сыгранные Р.-И. в России: Нора («Нора» Г.Ибсена, Магда («Родина» Зудермана), Маргарита Готье («Дама с камелиями» А.Дюма-сына), Даша («Любовь» И.Потапенко), Елизавета Дроздова («Бесы» по Ф.Достоевскому), Лулу («Обнаженная»), Анна («Цена жизни» Вл.Немировича-Данченко), Беата («Бесчестные» Филиппи), Нина («Маскарад» М.Лермонтова). «Она самая молодая и самая талантливая в Александринке», — писал Мейерхольд. Критика отмечала изящество ее игры, изощренность и тонкость нюансов, глубину переживаний. В последние предреволюционные годы ее образы приобрели еще большую ясность и завершенность.

Уехала в 1918 с мужем, офицером, графом С.Игнатьевым, из Москвы на юг и в 1919 эмигрировала. В Париже впервые выступила 5.1.1921 на вечере памяти Л.Толстого. В 1922 участвовала в спектакле «Ревность» *М.Арцыбашева*. Организовала свою труппу, затем открыла русский Камерный театр и студию в Риге, просуществовавшие два сезона. Вернувшись в 1925 в Париж, при материальной поддержке Ф.Юсупова давала еженедельные спектакли в театре «Альбер». В 1926 отмечалось 25-летие сценической деятельности Р.-И., ее приветство-

вали *А.Куприн, И.Бунин, К.Бальмонт, Н.Тэффи,* Вас.Немирович-Данченко, *Б.Зайцев, Д.Мережковский,* который назвал ее «одной из наших самых тонких и пленительных артисток» и пожелал «увидеть ее опять на милой старой Александринской сцене в свободном Петербурге». В 1928 Р.-И. разошлась с мужем, с 1933 жила в парижском пригороде Булонь-Бийянкур. Главным источником существования было для нее участие в литературно-художественных вечерах («Москва театральная»), концертах, сборных спектаклях, а также уроки актерской игры для русских и французов (среди ее учениц Ани Вернье, Лиля Кедрова). Играла на французском языке в театре *Ж. и Л.Питоевых.* До 1934 переписывалась с В.Пашенной, уговаривавшей ее вернуться на родину; с такими же предложениями обращался к ней Вл.Немирович-Данченко. Входила в дирекцию воссозданного осенью 1934 в Париже Театра русской драмы. Режиссер и исполнитель ролей в «Цене жизни», в пьесе Тэффи «Старинный романс», в «Без вины виноватых» и «Женитьбе Бальзаминова» Островского. Играла до 1949. Последний раз выступила в 1957 на вечере памяти Тэффи. В том же году перебралась в пригород Парижа — Кормей-ан-Паризи. Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Лит.: Е.Н.Рощина-Инсарова. Пг., 1916; Коваленко Ю. Первая актриса русского Зарубежья // Известия, 13.10.1993; Из зарубежных архивов // Театр. жизнь, 1993, № 3.

Арх.: Колумбийский ун-т, Бахметьевский арх. США.

Р.Ильин

РУБАКИН Николай Александрович (псевд. Н.Александрович, Книжный червяк, С.Некрасов, Ораниенбаумский, Н.Р-н и др.) (1.7.1862, Ораниенбаум, Петербургской губ. — 23.11.1946, Лозанна, Швейцария) — книговед, библиограф, писатель. Из семьи купца 2-й гильдии, городского головы Ораниенбаума. Окончив реальное училище, сдал экстерном экзамены за курс классической гимназии и поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета; посещал также лекции на историко-филологическом и юридическом факультетах. Первую статью опубликовал в 1877 в журнале «Детское чтение». В 1886 окончил университет с отличием; тогда же был арестован за участие в нелегальной студенческой организации и подчинен гласному надзору полиции на 1 год. С 1892 руководил принадлежавшей матери общедоступной библиотекой (передал ее в марте 1907, когда она насчитывала 115 тыс. томов, Российской лиге образования, как заявил Р., «всему петербургскому населению и прежде всего — петербургскому пролетариату и трудовой интеллигенции»). Работая в издательствах О.Поповой (1894-97) и И.Сытина (1897-99), организовал выпуск книг для народа; составлял программы для самообразования, изучал особенности читательского восприятия («Этюды о русской читающей публике», 1895). Выразил свои убеждения народника-просветителя в рассказах «Искорки», «Книгоноша» и др. Сблизился, будучи в 1895 в ссылке в Рязани, с *П.Милюковым;* был видным деятелем либеральных организаций 90-х — начала 900-х: Союза взаимопомощи русских писателей, Комитета грамотности и 3-го отделения Вольного экономического общества. Участвовал в протесте против избиения студентов 1.3.1901, за что был выслан из Петербурга на 2 года; поселился в Крыму, близ Алушты, где под влиянием Е.Брешко-Брешковской вступил в партию эсеров. Написал ряд революционных брошюр и статей, основанных на данных статистики («Хватит ли на всех земли?», «Военная бюрократия в цифрах», «Много ли в России чиновников?» и др.; итоговая работа — «Россия в цифрах». СПб., 1912). Вышел из партии эсеров после разоблачения Е.Азефа. С 1906 жил в Выборге, с декабря 1907 в эмиграции в Швейцарии (в Кларене, с 1922 в Лозанне).

Р. — автор множества научно-популярных книг (до 250, общий дореволюционный тираж свыше 20 млн. экз.). Новаторский характер носил основной библиографический труд Р. «Среди книг» (1-е изд. 1906) — систематический обзор русской литературы по всем отраслям знания. Для правого фланга общественности просветительская деятельность Р. оказалась неприемлемой, ввиду ее определенно социалистической направленности: В.Пуришкевич называл Р. «одним из самых опасных, самых дерзких посягателей на народную душу»; В.Розанов — «социал-библиографом». Лидеры социал-демократии, в частности, В.Ленин, отдавая должное Р. («чрезвычайно ценное предприятие»), напротив, видели недостаток его труда в «эклектизме» и принципиальном отказе от полемики, которую Р. считал «одним из лучших способов затемнения истины». На этой позиции неприятия агрессивной партийности Р. оставался и позже, особенно под впечатлением событий гражданской войны: «Все прут против всех», — писал он; вопросы об истине и справедливости окрашены «кипеньем не столько человеческих, сколько звериных чувств». По убеждению Р., эти великие вопросы, «не решенные даже в ходе тысячелетий, разумеется, не решаются в какие-нибудь два часа, да притом еще в вихре

всеобщей потасовки», когда «тысячи голосов кричали, что истина может быть только белой», а «другие доказывали, что она не иначе, как красная». Необходимо, утверждал Р., «искреннее доброжелательство к людям», нельзя «тащить людей в рай... за волосья».

На протяжении многих лет Р. разрабатывал библиопсихологию — «науку о социальном и психологическом воздействии книги», получившую признание в Западной Европе. В советских изданиях 20-х библиопсихология была подвергнута разносной критике как «руководство для деятельности, объективно направленной к разоружению пролетариата и притуплению его классовой бдительности»; «рубакинщина» объявлялась «смертельным врагом марксистско-ленинского мировоззрения». В 1916 Р. основал при Институте Ж.-Ж.Руссо (Женева) секцию библиопсихологии, преобразованную затем на базе новой библиотеки, собранной Р. за границей, в Международный институт библиопсихологии в Лозанне. В 1930 советское правительство назначило Р. персональную пенсию. В письме В.Бонч-Бруевичу (1931) Р. убеждал его в том, что созданный им институт — «чуть ли не самый важный центр советской литературы за пределами СССР»; писал Н.Чехову (1934), что не чувствует оторванности от родной страны, живет и питается «духом ее социалистического строительства». В годы 2-й мировой войны Р. снабжал книгами советских военнопленных, бежавших в Швейцарию из немецких лагерей. Согласно завещанию Р., его библиотека (св. 100 тыс. томов) была перевезена в 1948 в Москву, составив «рубакинский фонд» Российской государственной библиотеки. Прах Р. похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

Соч.: Introduction à la psychologie bibliologique, t.1-2. Paris, 1922; Что такое библиологическая психология? Л., 1924; Психология читателя и книги. М.-Л., 1929; Избранное, т. 1-2. М., 1975.

Лит.: Иванова Л.М. Архив Н.А.Рубакина // Сов. библиография, 1962, № 3; Арефьев Е.П. Н.А.Рубакин как книгособиратель и его библиотеки в Советском Союзе / Книга, сб.8. М., 1963; Разгон Л. Под шифром «Рб». Книга о Н.Рубакине. М., 1966; Мавричева К.Г. Н.А.Рубакин. М., 1972; Рубакин А.Н. Рубакин. Лоцман книжного моря. 2-е изд. М., 1979.

И.Розенталь

РУБИНСКИЙ Иван Александрович (1.1.1890, сл. Маяк, Изюмского у., Харьковской губ. — 15.10.1967, Бейрут) — инженер-конструктор. Родился в семье священника. После окончания Харьковской духовной семинарии (1910) поступил на механическое отделение Московского технического училища (МТУ). Уже на 1-м курсе активно включился в деятельность Воздухоплавательного кружка, созданного при училище под руководством Н.Жуковского в 1909; участвовал в постройке летательных аппаратов, создании измерительных приборов и проведении экспериментальных исследований. С начала 1-й мировой войны принял участие в организации авиационной школы добровольцев при Московском обществе воздухоплавания и обучался в ней «искусству летания». В октябре 1914 вместе со своим однокурсником К.Ушаковым сконструировал тренажер для обучения пилотированию самолета, использовавшийся впоследствии в школе. В 1915 поступил «охотником» в действующую армию, окончил краткие теоретические курсы авиации при МТУ и после производства в прапорщики заведовал технической частью и авиационными мастерскими военно-авиационных школ в Москве. Наряду с этим вел исследования в Аэродинамической лаборатории МТУ, выступал в качестве эксперта по вопросам авиации в различных учреждениях. Р. разработал прибор для записи реакции самолета на действие элеронов и рулей, исследовал коэффициент сопротивления авиационных стрел — металлических стержней с оперением, которые широко применялись тогда авиацией воюющих стран для уничтожения живой силы противника. Ему принадлежит установка для записи траекторий самолетов (и падающих бомб), с помощью которой, сравнивая моторный полет с планирующим, можно было определять характеристики винтомоторной группы самолета. В 1916 Р. спроектировал (в сотрудничестве с Ушаковым) зеркальный коллиматорный прицел, применявшийся с весны 1917 на фронте и переданный военным миссиям союзников (применялся в Англии во время 2-й мировой войны).

В 1916 Р. был рекомендован Советом МТУ для командирования в союзные страны — Англию и Францию — с целью изучения состояния производства самолетов в этих странах, но последовавшие события не позволили реализовать его планы. В 1916 Р. назначили в 1-й авиационный парк, переведенный из Петрограда в Одессу. Этот парк делегировал его на авиационный съезд в Москве (1917). Там Р. был выбран членом Совета авиации. Октябрьский переворот застал его в Одессе, и ввиду приближения австрийских войск на Р. легли заботы об эвакуации рабочих и имущества парка в Саратов. Демобилизовавшись в январе 1918, Р. вернулся в Москву для завершения своего обучения в Московском училище. Здесь у него возникла идея объединения научных работников и инженеров, связанных с проблемами авиации. М.Громов посоветовал ему обратиться по этому вопросу в правительство, а Н.Жуковский рекомендовал привлечь к организации такого цент-

ра еще А.Туполева. Осенью Р. направил в НТО ВСНХ официальное предложение о создании «Центрального аэрогидродинамического института» (ЦАГИ). Предложение это было одобрено, и в декабре 1918 ЦАГИ начал свою работу под руководством «коллегии» в составе трех человек: Н.Жуковский (председатель), А.Туполев и Р.

Наряду с ЦАГИ Р. участвовал в работе центрального управления авиационных заводов. В 1919 он был направлен для урегулирования взаимоотношений с рабочими на авиационный завод в Одессу, занятую в это время белогвардейцами. Там, в Одессе, Р. принял решение уехать из России в Америку. Он поступил кочегаром на пароход, который, однако, был реквизирован Добровольческой армией и превращен в госпитальное судно для тифозных больных. Вскоре Р. заразился тифом и оказался в пароходном лазарете, корабль же в связи с эвакуацией белой армии был направлен в Египет. В результате Р. попал в лагерь для беженцев под Александрией. Недалеко от лагеря находился английский военно-воздушный парк, и Р. устроился туда на работу (1920). Однако вскоре он переехал в Сирию. В 1921 Р. женился на уроженке Тифлиса — Эллине Браун, дочери работавшего на Кавказе английского инженера; у них было двое сыновей и дочь.

В 1922-25 Р. имел частную инженерную практику в Дамаске и в течение двух лет (1924-25) работал также в вычислительном бюро Управления земельного кадастра и сельскохозяйственной мелиорации государств Сирии, Алауитов и Великого Ливана (французские подмандатные территории на Ближнем Востоке). В 1926 Р. переехал в Ливан, где получил должность преподавателя в частном Американском университете в Бейруте. В 1931 Р. стал адъюнктом, затем доцентом (1939) и профессором инженерных наук (1951). Удивительно разносторонним был спектр его преподавательской деятельности в университете. Он вел курсы теоретической и аналитической механики, графостатики, теории механизмов, гидравлики, гидрологии, теплотехники и термодинамики, изысканий в общей и высшей геодезии, практической астрономии, ирригации, технического черчения; руководил проектированием по водоснабжению, отоплению и холодильному делу; вел лабораторные и практические занятия по инженерной гидравлике, испытанию материалов, теплотехнике и практической геодезии; читал дополнительные курсы для аспирантов по векторному анализу, теории ошибок, небесной механике, гидродинамике. Разнообразие общетеоретических и прикладных инженерных курсов, которые вел Р., свидетельствовало не только о его личной одаренности, но и о той блестящей инженерной школе, которую он прошел в МТУ. Первый годичный отпуск Р. провел в 1938/39 учебном году в Массачусетском институте (США). Здесь он предложил употреблять в сверхзвуковых аэродинамических трубах тяжелые газы вместо воздуха, что сильно снижало потребную мощность (о результатах своих исследований Р. сообщил в советское консульство — для передачи в ЦАГИ). Следующий свой годичный отпуск Р. провел в 1950/51 учебном году в Принстонском университете (США), где продолжил исследования по применению стекловолокна в предварительно напряженном бетоне. В 1955 Р. ушел на пенсию, но числился научным сотрудником университета до 1963.

Р. принадлежит масса новаторских идей и изобретений в различных областях. К сожалению, многие из них остались неосуществленными из-за отдаленности Бейрута от ведущих научных центров промышленно развитых стран. В 1923 Р. направил в Военное ведомство США обоснование целесообразности полетов в стратосфере в целях выигрыша скоростей. В 1925 разработал вычислительные приборы для обработки геодезических данных. С 1930 изучал снижение гидродинамического сопротивления судов с помощью «воздушной подушки», предвосхитив последующее бурное развитие этой идеи. Им была спроектирована вычислительная машина для решения систем уравнений со многими неизвестными. Р. изучал распространение звука по натянутым струнам и использовал результаты этого исследования для разработки устройства, усиливающего звук или аналогичные вибрационные процессы. Он предложил оригинальные дифференциальные трансмиссии для высоких коэффициентов передачи. На протяжении ряда лет успешно занимался проектированием и испытанием простейших высокоэффективных центробежных водяных насосов для орошения, начало работ над которыми было положено запросом Переселенческого комитета Лиги наций. Р. участвовал в проектировании и строительстве в Бейруте сооружений для промышленного обезвоживания нефти газами. Ему принадлежит также конструкция ряда измерительных приборов. Небольшой сборник его работ содержит статьи, посвященные снижению трения в грунтах с помощью электроосмоса, использованию методов графостатики для оптимизации коммуникационных линий, устройствам для опреснения морской воды, центрифужным испытаниям хрупких материалов, использованию «жидкого стекла» в дорожном строительстве, устройству для предварительного напряжения бетонных стержней и расчету предварительно напряженных бетонных блоков. Последнюю свою работу (1966) о про-

стых аналогиях, поясняющих действие тяготения, написанную к 300-летию закона всемирного тяготения, Р. посвятил памяти двух русских ученых — П.Лебедева и Н.Жуковского. Незадолго до смерти (1965) Р. побывал в Москве, оставив здесь свои краткие автобиографические заметки.

За многогранную научно-техническую и преподавательскую деятельность правительство Ливана наградило Р. орденом Кедра, а министерство образования республики — бронзовой медалью.

В качестве хобби Р. увлекался цветной стереофотографией, конструированием быстроходных лодок, мастерил визуальные средства для преподавания.

Похоронен на бейрутском кладбище в Ашрафие, отпевание было совершено в церкви Св.Димитрия.

Соч.: The Use of Heavy Gases or Vapors for High Speed Wind Tunnels // Journal of the Aeronautical Sciences, 1939, vol.6, № 11; Research Papers. Beirut, 1964; К истории Воздухоплавательного кружка. Рукопись. Научно-мемориальный музей Н.Е.Жуковского.

Лит.: Emeritus Professor Ivan Rubinsky Dies in Beirut // American University of Beirut, Faculty Bulletin, 1968, 13 Jan.; Некоторые даты к истории ЦАГИ. М., 1978.

В.Бычков
Г.Михайлов

РУБИНШТЕЙН Ида Львовна (1885, Петербург — 20.9.1960, Ванс, Франция) — танцовщица и актриса. Из любителей. В 1907 художник *Л.Бакст* познакомил ее с *М.Фокиным*, согласившимся давать девушке из очень богатой семьи частные уроки танца. Ученица оказалась настойчивой. Намерившись сыграть Саломею и появиться в «Танце семи покрывал», она прилежно занималась и даже ездила летом вслед за педагогом в Швейцарию ради ежедневных уроков. По свидетельству самого Фокина, успехи ее в танце были невелики. Однако совместная работа дала воможность понять неординарность ее внешних и актерских данных, чтобы использовать их в предстоящих постановках. В 1908 Фокин почти одновременно сочинял балет «Египетские ночи» и танцы к трагедии О.Уайльда «Пляска царевны». Предполагалось, что Р. будет участвовать в обеих постановках, исполняя роли Клеопатры и Саломеи. Роль Клеопатры хореограф задумывал и воплощал специально в расчете на пластические возможности непрофессиональной танцовщицы. Однако Р. получила роль позднее, в спектакле дягилевской антрепризы. В Петербурге же она реализовала свое желание выйти на сцену в «Танце семи покрывал». Музыку к нему в спектакле В.Мейерхольда для Михайловского театра написал А.Глазунов. Оформление и костюмы принадлежали Баксту. Спектакль из-за запрета Синода не был доведен до конца; публике был показан только «Танец семи покрывал» 3.11.1908 в Михайловском театре (благотворительный спектакль) и 21 декабря в Большом зале Петербургской консерватории. Впечатление от него было меньшим, чем от аналогичного номера в фокинской «Эвнике», исполненного двумя годами раньше *А.Павловой*. Реванш Р. взяла в «Египетских ночах» А.Аренского с оформлением Бакста, шедших в парижских Русских сезонах под названием «Клеопатра» (2.6.1909, театр Шатле). Новое название отражало происшедшие в спектакле перемены, иные акценты, замену благополучного финала трагическим. В итоге в центре балета оказалась Клеопатра-Р., заслонив Таор-Павлову. Высокая, неправдоподобно тонкая фигура, красивое бесстрастное лицо — все в облике этой хрупкой, похожей на натянутую струну женщины было необычно, влекло обещанием упоительных контрастов, пугало леденящей отрешенностью. Клеопатра появлялась на носилках, ее медленно вынимали из них и осторожно ставили на высокие котурны. Тело, скрытое покровами, едва угадывалось. Рабыни неторопливо разматывали драгоценные шали, оставляя последнюю — прозрачную дымку голубой ткани. Неподвижная фигура царицы в голубом парике наконец оживала: Клеопатра мановением руки отбрасывала это последнее покрывало, представая полуобнаженной, во всеоружии жестокой красоты, царственного великолепия и роскоши. Струящиеся ткани облегали фигуру, каждый шаг открывал ногу утонченной красоты — по словам *А.Левинсона*, «более длинную и стройную, чем у сказочных образов прерафаэлитов». Изобразительность преобладала. Жесты были редки и каждый выверен. Величественная красота подавляла и завораживала. Р. на этой парижской премьере имела большой успех и по сути впервые в полный голос заявила о своем необычном таланте. Эротический образ дивы, торжество красоты женщины-вамп отныне сопутствовали исполнительнице.

В «Шехеразаде» Н.Римского-Корсакова, также поставленной Фокиным (4.6.1910, «Grand-Opéra», Париж), Р. исполнила роль Зобеиды, любимой жены шаха Шахриара. Декорации Бакста контрастом изумрудных стен и алых ковров создавали удушливо-чувственную атмосферу гарема, освещенного висящими на цепях фонарями. Выразительным был костюм Зобеиды — длинные шаровары, по словам критика, символизировали «жестокое, как жало пчелы, сладострастие». Скупая пластика героини приковывала внимание к малейшему жесту,

выглядевшему чрезвычайно значительным, контрастно оттенялась подвижностью раба-любовника (*В.Нижинского*) и разгулом оргии. Фокин свидетельствовал в мемуарах, что Р. достигала большого впечатления «самыми экономными, минимальными средствами. Все выражалось одной позой, одним жестом, одним поворотом головы. Зато все было точно вычерчено, нарисовано. Каждая линия продумана и прочувствована». Этот спектакль был последним в сотрудничестве Р. с *С.Дягилевым.* Успех подогрел ее честолюбивые желания, и она организовала свою труппу, заняв в ней ведущее положение. В парижских Русских сезонах Р. выступила еще лишь однажды — в 1920 в благотворительном спектакле. Шла та же «Шехеразада», но былого впечатления актриса уже не произвела.

Р. начала самостоятельную деятельность с постановки пятиактной мистерии «Мученичество Святого Себастьяна» с текстом Г. Д'Аннунцио и музыкой К.Дебюсси (22.5.1911, театр Шатле, Париж). Она сама сочиняла хореографию и исполняла заглавную роль. Оформление снова принадлежало Баксту. Спектакль представлял собой подобие кантаты с оперными и балетными сценами. В нем была сделана попытка соединить элементы культа Адониса с христианством. Необычность ситуаций, в которых соседствуют чувственность, страдание, пряная экзотика, помогали достигать зрелищных эффектов. Картинность преобладала, составляя главный интерес. Статуарная пластика выгодно подавала возможности актрисы, как всегда строилась на чрезвычайно эффектной внешности исполнительницы и выверенности ее расчетливых жестов. В том же году для труппы Р. режиссер *А.Санин* поставил «Елену Спартанскую» Д.Северака и Э.Верхарна (также в театре Шатле). Продолжилось и сотрудничество Р. с Фокиным. Постановка пьесы Г.Д'Аннунцио «Пизанелла или Душистая смерть» (20.6.1913, театр Шатле) с музыкой итальянского композитора И.Парма объединила тех, кто встретился в работе над трагедией О.Уайльда в Петербурге. Режиссером был Мейерхольд, художником — Бакст, хореографом — Фокин. Р. исполняла роль Пизанеллы. В спектакль было включено много танцев. В финальном — 7 нубеянок окружали пляшущую героиню и душили ее весьма необычным способом — охапками роз.

После 1-й мировой войны Р. появлялась в различных пьесах как драматическая актриса. В 1924 она станцевала в балете «Истар» Л.Стаатса («Grand-Opéra», Париж). В 1925 пригласила известных танцовщиков Л.Шоллар и ее мужа, А.Вильтзака, для совместных выступлений, и они ради этого сотрудничества покинули дягилевскую антрепризу. В 1928 организовала новую труппу, просуществовавшую год и снова возрождавшуюся в 1931 и 1934. Исполняла ведущие роли в специально созданных для нее в 1928 постановках («Пиршества Психеи и Амура» на музыку И.С.Баха, «Болеро» М.Равеля, «Поцелуй феи» *И.Стравинского* — все с хореографией *Б.Нижинской*; «Давид» А.Соге с хореографией *Л.Мясина*). И в следующие годы круг хореографов, ставивших для Р., почти не обновлялся. Репертуар актрисы пополнялся спектаклями: «Вальс» Равеля с хореографией Нижинской (1929), «Амфион» А.Онеггера с хореографией Мясина (1931). К.Йосс поставил для Р. мелодраму в трех актах «Персефона» с музыкой Стравинского, оформлением А.Барзака (30.4.1934 «Grand-Opéra», Париж). Целый вечер одноактных балетов создал для труппы Р. Фокин: «Семирамида» с музыкой Онеггера, «Диана де Пуатье» с музыкой Ж.Ибера, «Болеро» и «Вальс» Равеля; оформление принадлежало *А.Бенуа* (3.5.1934, «Grand-Opéra», Париж). Ее партнерами были К.Лейстер и А.Вильтзак. Покинула сцену в 1935. Состояние, которым она располагала, позволяло ей заказывать музыку известным современным композиторам и тем вступать в конкуренцию с всесильным Дягилевым, а нередко переманивать к себе его прежних сотрудников, как это случилось со Стравинским. Сочиненные по ее заказу, но не воплощенные на сцене партитуры Р. передала в «Grand-Opéra». Среди них были произведения Мийо, Клоделя, Онеггера, Ибера. Последние единичные выступления состоялись в Базеле в 1938 и Орлеане в 1939 в спектакле «Жанна д'Арк на костре» Онеггера и Клоделя. Снималась также в кино.

Лит.: Красовская В. Русский балетный театр начала XX века, ч.1. Хореографы. Л., 1971; ч.2. Танцовщики. Л., 1972; Фокин М. Против течения. 2-е изд. Л., 1981; Koegler Horst. The Concise Oxford Dictionary of Ballet. 2 ed. London, New York, Melburn, 1982.

А.Соколов-Каминский

РУДНЕВ Вадим Викторович (1874 — 19.11.1940, По, Франция) — политический деятель, журналист. Из дворян. С 1900 учился на медицинском факультете Московского университета. В 1902 за участие в студенческом движении сослан в Сибирь. Эсер, согласно оценке жандармов, один из «ряда выдающихся по смелости» участников 1-й русской революции в Москве. Летом 1905 арестован, содержался в Таганской тюрьме до Манифеста 17 октября. В 1906 делегат I-го съезда партии социалистов-революционеров (ПСР) от московской организации. С середины 1907 член ЦК партии. В 1907 сослан на 4 года в Якутскую губернию.

После освобождения эмигрировал в Швейцарию, где завершил медицинское образование. В 1914, сдав государственные экзамены, поступил добровольно врачем на госпитальное судно.

Февральскую революцию встретил в Москве. Способствовал возрождению городского комитета эсеров, членом которого был избран 22.3.1917, состоял в редакции эсеровской газеты «Труд». С 11 апреля член президиума Московского Совета рабочих депутатов. С 11 июля московский городской голова. Член Временного комитета (органа борьбы с выступлением генерала Корнилова). В сентябре член президиума совещания представителей земств и городов для выработки программ общественного самоуправления. Съездом Союза городов делегирован в Предпарламент.

В дни Октябрьской революции возглавил московский Комитет общественной безопасности; на экстренном заседании городской думы 8 ноября доложил о бесплодных попытках мирного урегулирования положения в Москве, после чего дума заявила, что «вина за дальнейшую междуусобную войну целиком ложится на ВРК большевиков». С ноября председатель бюро фракции эсеров в Учредительном собрании, подписал 5.1.1918 протест 109 депутатов против действий большевиков и 6 января — протест Московской городской думы против разгона Учредительного собрания. Участвовал в работе Союза возрождения России. Переехал в Киев, был направлен вместе с *И.Фондаминским* на Северный Кавказ для связи с генералом *Деникиным*. В ноябре 1918 участвовал в совещании с послами Антанты в Яссах. В конце 1918 перебрался в Одессу, где возглавил бюро земств и городов Союза городов. 5.4.1919 эмигрировал. Находился на острове Халки под Константинополем, откуда через Марсель добрался до Парижа.

С 1919 секретарь редакции газеты М.Винавера «Еврейская трибуна». Вместе с О.Минором и И.Коварским написал в ЦК ПСР письмо, в котором осуждал «все растущую терпимость к Советской власти» и «готовность идти с нею единым фронтом для борьбы с антибольшевистской коалицией». Участвовал в заседании бывших членов Учредительного собрания в Париже (янв. 1921). Входил в правую группировку эсеров-«раскольников», подписал их манифест с призывом к новой интервенции против Советской России (май 1918). Дело Р., как находящегося за границей, было выделено в ходе процесса над правыми эсерами в Москве (1922) в отдельное производство.

Как член (с 1921) Комитета Земгора по оказанию помощи российским гражданам за границей Р. более 10 лет занимался «попечением о нуждах русской школы». 10.7.1925 выступал на 2-м Педагогическом съезде в Праге с докладом «Финансовое положение и перспективы беженской школы». Опубликовал несколько книг, брошюр и статей об эмиграции и русской школе (Зарубежная русская школа. Париж, 1924; Русское дело в Чехословацкой республике. Париж, 1924 и др.).

Наибольшую известность в эмигрантских кругах Р. приобрел издательской деятельностью. В 1920 при его участии в Лозанне вышли 12 номеров газеты «Родина». Был одним из редакторов издававшейся в Берлине газеты «Дни». Вместе с *М.Вишняком* издавал в Париже эсеровскую «Свободу». В 1937-39 при участии Р. выходил журнал «Русские записки». Самым любимым его детищем были «Современные записки» (1920-40, 70 номеров), о которых он в 1933 писал: «Современные записки» посвящены прежде всего интересам русской культуры, сохранению ее преемственности, насильственно прерываемой в России большевиками. К этому заданию приводит нас не эмигрантское самомнение — слишком ограничены объективные возможности культурного творчества в условиях эмиграции, — а сознание первейшего национального долга, лежащего на оказавшейся в изгнании русской интеллигенции». В значительной степени благодаря усилиям и «организаторско-техническим» способностям Р. к участию в «Современных записках» удалось привлечь всех сколько-нибудь значительных писателей и поэтов русского зарубежья. Несмотря на репутацию придирчивого редактора (Вишняк упрекал его в «излишнем ригоризме»; В.Яновский называл его страдающим «болезнью непогрешимой принципиальности»), авторы журнала считали Р. «душой» издания.

Сам Р. стал в эмиграции разносторонним публицистом и критиком. Его внимание, кроме проблем школы, привлекали социально-экономические, исторические, литературоведческие вопросы, особенно рабочее законодательство, развитие промышленности в России и СССР, будущее буржуазии, прошлое и настоящее русской деревни. Ему по-прежнему были дороги «идеи народничества, демократического социализма», «русской свободы». Он был глубоко религиозным человеком. Негативно оценивал настроения эмигрантской молодежи, которая «обращена лицом к Советской России»: «Страстное обличение зол капитализма... неразрывно связывается в «пореволюционном» сознании с оптимистической, почти благодушной оценкой процессов, происходящих в России под советским режимом... Для нас советский режим — величайшая тирания, небывалая хозяйственная бессмыслица, злейшая духовная реакция». Тем не менее в журнале печатались и «молодые

русские». Журнал постоянно испытывал финансовый дефицит. Р. взял на себя мучительный и неблагодарный труд по добыванию средств, «стал своего рода Иваном Калитой в «Современных записках» (Вишняк). Когда к концу 30-х внутри редакции обострились разногласия, последние два номера удалось выпустить лишь стараниями Р.

С началом фашистской агрессии против Франции Р. уехал с женой в По. Накануне отъезда в США скончался от рака.

Соч.: Судьбы эмигрантской школы. Прага, 1930; Двадцать лет тому назад // СЗ. 1934. № 56.

Лит.: Вишняк М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954; Его же. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Индиана, 1957; Анин Д. Революция 1917 г. глазами ее руководителей. Рим, 1979; Яновский В.С. Поля Елисейские. СПб., 1993.

Л.Бадя

РЯБУШИНСКИЙ Владимир Павлович (29.6.1873, Москва — 7.10.1955, Париж) — промышленник и банкир. Из семьи хлопчатобумажных фабрикантов, брат *Д.и П.Рябушинских.* Образование получил в Московской Практической академии коммерческих наук (1891), стажировался в Гейдельбергском университете в области истории философии, литературы и искусства. В 1894 вступил в семейное дело — «Товарищество мануфактур П.М.Рябушинского с сыновьями» (основано в 1887, основной капитал к 1914 — 5 млн. руб., владело хлопчатобумажным комбинатом близ Вышнего Волочка Тверской губ.). Директор правления Харьковского Земельного банка (1901), совладелец банкирского дома «Братья Рябушинские» (1902), председатель правления созданного на его основе Московского акционерного коммерческого банка (1912). Активно участвовал в общественно-политической жизни России начала XX в. Конституционный монархист по убеждениям, в 1905 вместе с братом Павлом вошел в ЦК «Союза 17 октября», один из инициаторов создания в конце 1905 Торгово-промышленной партии (вскоре распалась). В 1912 избран в состав Московского отдела ЦК Прогрессистской партии. В 1911-12 на средства Р. был издан сборник «Великая Россия» (кн.I-II. М.,1911-12; под общей ред. *П.Струве*), лейтмотивом которого являлся призыв к восстановлению нарушенного русско-японской войной статуса России как великой военной державы. «Подъем военной мощи России, — писал Р. во вступительной статье к изданию, — неразрывно связан и с будущим культурным процветанием».

В период 1-й мировой войны добровольцем отправился на фронт, организовав подвижной автоотряд. Был ранен, за участие в боевых действиях награжден орденом Св.Георгия 4-й степени и произведен в офицерский чин. Находился в армии вплоть до окончания военных действий. В октябре 1918 участвовал в Ясском совещании представителей небольшевистской России и держав Антанты, на котором обсуждались перспективы борьбы с большевизмом ввиду близившегося окончания войны. Осенью 1920 приглашен в качестве эксперта на организованное генералом Врангелем в Севастополе экономическое совещание. После «крымской катастрофы» эвакуировался в Константинополь, затем осел во Франции. Вошел в Совет организованного в 1921 в Париже Российского Торгово-промышленного и Финансового союза, но активной роли в политической жизни российского зарубежья не играл.

Старообрядец Рогожского прихода по семейному вероисповеданию, он посвятил себя сохранению русского духовного наследия в эмиграции. В 1925 в Париже по инициативе Р. и при содействии лучших художественных (Д.Стеллецкий, *И.Билибин*, А.А.Бенуа и др.) и общественных сил (*П.Муратов*, кн. Г.Трубецкой, кн. С.Щербатов и др.) было основано общество «Икона», которое Р. возглавлял до конца жизни. Общество, поставившее своей целью сберечь и развить традиции русского иконописания, организовало более 30 художественных выставок во многих странах мира. Р. вместе с братом Сергеем руководил богословско-литургическим отделением Общества. Силами членов Общества проектировались и расписывались храмы русской диаспоры во Франции (Сергиевское подворье в Париже, церковь на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа), Бельгии (храм-памятник на русском военном кладбище в Мурмелон-ле-Гра), Финляндии (собор в Хельсинки) и др.

В эмиграции Р. опубликовал ряд статей по истории русской иконы, книгу «Старообрядчество и русское религиозное чувство» (Жуанвиль-ле-Пон, 1936), ценные воспоминания о московском купечестве. Говоря о причинах интереса к русской иконе на Западе, в качестве главной называл «большевицкую революцию»: «Она выбросила в мир массу русских людей с их иконным религиозным и бытовым обиходом и с тем иконным энтузиазмом, который уже с чисто художественной, не религиозной только точки зрения, стал разгораться в России в кругах, любящих искусство». «Эмиграция, — писал он в другой статье, — принесла с собой или, вернее, в самой себе идею и веру христианского православия и приняла, поняв его значение, возрождение иконописания». Решающее значение в деле сохранения народной души в «подъ-

яремной России» он придавал старообрядческому религиозному чувству, призванному противостоять «сатанинской прелести»: «В России идет сейчас отчаянная борьба за душу, борьба еще более грозная, чем та, которая шла при Петре: тогда удалось только частично искалечить душу русского народа — теперь хотят добить ее окончательно... Одолеет ли в этой борьбе, отстоит ли свою душу русский народ лишь тогда, если во всем нем возродится и разгорится старообрядческий дух».

Оставаясь непримиримым противником большевизма, в 1930 опубликовал в прессе статью «Необходимая война» (Возрождение, 1930, 7 июня), в которой призывал правительства европейских стран к военной интервенции в Россию, поскольку крестьянство вследствие проводимой коллективизации полностью отошло от советской власти. В связи с этой публикацией имя Р. фигурировало на процессе по т.н. делу «Промпартии» в конце 1930. Главный обвиняемый профессор Л.Рамзин под давлением обвинения (прокурор Н.Крыленко) заявил, что в 1927 в Париже встречался с Р., якобы обещавшим финансовую помощь организации от «Торгпрома». Р. выступил с официальным опровержением в эмигрантской прессе (Возрождение, 1930, 22 нояб.), подчеркнув, что никаких контактов с Рамзиным не имел. В дальнейшем отверг идею военной интервенции против Советской России; в период гитлеровской оккупации Франции, находясь в Париже, отказывался от предложений сотрудничества с фашистским режимом. В последние годы жизни, почти потеряв зрение, работал над книгой о русских иконах, оставшейся неопубликованной. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Соч.: Русская икона в иностранной литературе // СЗ, 1934, № 54; Значение русской эмиграции в идейной жизни современного мира // Возрождение, 1955, № 40.

Лит.: Торговое и промышленное дело Рябушинских. М.,1913; Рябушинский В. Купечество московское / День русского ребенка. Сан-Франциско, 1951, апр. (переизд. Былое, 1991, № 1-3); Исцеленов Н. Памяти Владимира Павловича Рябушинского // Возрождение, 1955, № 47.

Ю.Петров.

РЯБУШИНСКИЙ Дмитрий Павлович (18.10.1882, Москва — 27.8.1962, Париж) — аэро- и гидродинамик, один из основоположников экспериментальной аэродинамики в России. Из известной семьи московских промышленников и банкиров, брат *В.* и *П. Рябушинских.* После окончания 5-й московской гимназии он, по семейной традиции, поступил в Московскую Практическую академию коммерческих наук, которую окончил в 1901 с золотой медалью и званием кандидата коммерции. Курс механики в этом среднем специальном учебном заведении читал профессор Н.Жуковский. Знакомство с «отцом русской авиации» определило дальнейшую жизнь Р. Осенний семестр 1901 он провел в Гейдельбергском университете. Посетив затем «дышавшую воздухоплаванием» Францию, отправился в кругосветное путешествие, во время которого наблюдал за полетом морских чаек. Домой Р. приехал с твердым намерением вместо коммерции заняться постройкой летательных аппаратов, о чем сообщил профессору Жуковскому; тот посоветовал начать с создания аэродинамической лаборатории для изучения законов полета.

В 1904 в имении Рябушинских в Кучино под Москвой было возведено здание Аэродинамического института, являвшегося по своему оснащению и широте постановки исследований первым в мире научным заведением подобного типа (за рубежом аналогичные учреждения возникли лишь 5-6 лет спустя). Как само строительство, так и первые исследования в институте велись под общим руководством Жуковского. Кучинский Аэродинамический институт сыграл большую роль в становлении не только отечественной, но и мировой науки о теории полета летательных аппаратов. Наряду с Жуковским в проводимых исследованиях участвовали его соратники и ученики: В.Кузнецов, Б.Бубекин, С.Неждановский и др. Правда, через год-полтора большинство учеников Жуковского и он сам покинули институт. Дело в том, что Р. не пожелал ограничиться ролью директора института и богатого мецената и захотел лично проводить научные исследования, зарекомендовав себя вскоре талантливым экспериментатором. Начав свою работу под непосредственным руководством Жуковского, он постепенно стал проявлять все большую самостоятельность и вскоре подчинил почти всю исследовательскую деятельность института своим личным научным интересам; возможности для работы других сотрудников оказались резко ограниченными. Кучинский институт стал уникальным учреждением, владелец которого был, за исключением оставшегося профессора В.Кузнецова, единственным научным работником. В исследованиях Р. опирался на работу своих лаборантов, в первую очередь, В.Ковалева, П.Гусева и И.Смирнова (Ковалев в дальнейшем последовал за Р. в эмиграцию и остался там его постоянным помощником). Впрочем, несмотря на свой уход из института, Жуковский продолжал оказывать Р. необходимую помощь, широко используя в своей научной и педагогической деятельности результаты исследований института.

Для восполнения пробелов в теоретической подготовке Р. с 1907 посещал в качестве вольнослушателя занятия в Московском университете, а в следующем году поступил на математическое отделение физико-математического факультета. По окончании в 1912 университета был оставлен Жуковским при возглавляемой им кафедре теоретической механики для подготовки к профессорскому званию. В начале 1916 выдержал экзамен на степень магистра и был зачислен приват-доцентом университета; начал читать курсы теории упругости и аэродинамики.

В тематике первых научных работ Р. прослеживается влияние Жуковского, который в то время интересовался проблемами вертолета, в первую очередь характерными режимами работы несущего винта. С этой точки зрения, важное значение имело исследование Р. влияния косой обдувки винта. Мировую известность принесло ему изучение авторотации винта, что было частью исследований, проводившихся в Кучинском институте. Многие эксперименты в этой области (изучение вихрей и поля индуктивных скоростей под винтом) были проведены в столь полном объеме впервые в мире. В 1910-х Р. уделял все большее внимание совершенствованию методов экспериментальной аэродинамики, улучшению характеристик лабораторного оборудования. Была проведена большая работа по изучению поля трубы и обеспечению его равномерности, анализировалось влияние стенок трубы и величины моделей на их обтекание потоком. Значительный вклад был внесен ученым в развитие теории подобия. В 1911 Р. впервые была установлена частная формулировка π-теоремы для механических явлений, получившей в дальнейшем широкую известность под названием теоремы Букингема. В Кучинском институте велась большая работа по изучению ламинарного и турбулентного потоков, спектров обтекания разных тел, в том числе разрезных крыльев, исследованию вихрей, образуемых несущими поверхностями в потоке. Под руководством Р. в институте создавались и совершенствовались новые экспериментальные установки, многие из которых отличались большой оригинальностью конструкции. На базе построенной в 1911 при институте специальной лаборатории Р. начал свои исследования в области гидродинамики.

Исследования Кучинского института, издававшиеся в виде бюллетеней на французском языке, были широко известны как в России, так и за рубежом. Труды Р. печатались в отечественных и зарубежных сборниках, выходили отдельными изданиями. Они принесли заслуженную славу Р. и русской авиационной науке. Августейший покровитель русской военной авиации великий князь Александр Михайлович наградил ученого особым знаком отличия, «даруемым за заслуги, оказанные отечественному воздухоплаванию». Ученик и сподвижник Жуковского по праву может считаться одним из основоположников отечественной экспериментальной аэродинамики. В апреле 1914 научный мир России и других стран торжественно отметил 10-летие Кучинского института. Во время празднований Р. заявил о выдвижении новой, «гораздо более трудной и грандиозной» задачи — разработки теории «перелета на другую планету». Он приступил к исследованиям по теории ракетного движения, которые продолжил и в эмиграции. Начавшаяся 1-я мировая война внесла свои коррективы в работу института. Глава Московского военно-промышленного комитета П.Рябушинский привлек своего брата к выполнению заданий Главного артиллерийского управления. В Кучино при непосредственном участии Р. строились и испытывались новые виды вооружения: минометы, безоткатные орудия и ракетное оружие.

Октябрьская революция ознаменовалась в Кучино поджогами соседних имений. Опасаясь за семью, Р. отправил жену и трех дочерей за границу, а сам остался, пытаясь сберечь Аэродинамический институт. Он добился национализации института и покровительства над ним Наркомата просвещения. Решением отдела научных учреждений Наркомпроса Р. был оставлен директором Кучинского института. Однако осенью 1918 его арестовали; чудом оставшись в живых, в декабре того же года он уехал в Данию, а оттуда (в 1919) переселился в Париж. Вскоре после эмиграции своего создателя Кучинский институт прекратил свое существование.

Во Франции Р. продолжил исследования по гидродинамике, в том числе по изучению движения твердых тел в жидкости, вихревых течений, кавитации и сопротивления жидкостей. В июне 1922 он был удостоен Парижским университетом звания доктора математических наук за две представленные диссертации: «Исследования по гидродинамике» и «Об общих уравнениях движения твердых тел в жидкости». С этого времени ученый начал сотрудничать с техническим управлением министерства авиации и читать лекции в университете. С 1925 по 1953 им было прочитано в Сорбонне 15 курсов лекций. Р. не принимал французского гражданства и до конца жизни сохранил паспорт русского эмигранта, однако на международных конгрессах он представлял французскую науку и высшую школу. Р. выступал с докладами и читал лекции в научных аудиториях США, Великобритании, Югославии и Польши. Р. состоял членом Лондонского Королевского института,

Аэронавтического научного института в Нью-Йорке, Французского математического общества и т.д.

В 1929 при Институте механики Парижского университета была организована лаборатория механики жидкостей; Р. занял пост заместителя директора лаборатории, стал членом Совета Института механики. Он внес большой вклад в совершенствование методов и оборудования экспериментальных исследований. Созданные Р. приборы с успехом демонстрировались на международных авиационных выставках. В 1929 в Сорбонне было организовано торжественное чествование 25-летия со дня основания Кучинского Аэродинамического института, а его основатель признан «одним из наиболее выдающихся мастеров в гидромеханике».

Основной тематикой исследований Р. в 30-е продолжало оставаться изучение воздушных и гребных винтов, гидроаэродинамических сопротивлений. Ряд его работ был посвящен газогидравлическим аналогиям плоских течений, причем он исследовал структуру как потоков, так и сопротивления. Разработанные ученым аналогии между воздушными и жидкостными течениями получили название «аналогий Рябушинского». В публикациях ученого исследовались задачи дозвуковых, околозвуковых и сверхзвуковых течений газа и, в частности, задача истечения газовых струй. В 1932 Академия наук Франции присудила Р. премию Генри Вазена, а в 1935 избрала ученого своим членом-корреспондентом.

Лаборатория механики оставалась основным местом работы Р. до 1940, когда она была закрыта немецкими оккупационными властями. После 2-й мировой войны он сотрудничал преимущественно с Национальным центром научных исследований Франции. В мае 1954 в Сорбонне торжественно праздновался 50-летний юбилей научной деятельности Р., на котором присутствовали ученые из всех стран, за исключением СССР. Французское министерство авиации выпустило юбилейный сборник с научными статьями его друзей, коллег и учеников. Всего с 1906 по 1962 ученый опубликовал свыше 200 научных работ, посвященных аэродинамике, астрофизике, сверхзвуковой динамике, геометрии, гидродинамике, математике и теоретической физике. Среди его работ по геометрии особенно важными были ис-следования по абсолютным величинам и по прерывистой геометрии.

Р. занимал важное место в научных кругах русской эмиграции. Он был одним из основателей Русского Высшего технического училища во Франции: с 1931 профессор этого института, заведовал кафедрой теоретической механики, в течение многих лет состоял председателем Совета профессоров. Из среды молодых эмигрантов он воспитал много талантливых учеников, в том числе В.Демченко, С.Владимирского, А.Гербильского, И.Воронца и др. Они внесли большой вклад в развитие французской и мировой науки. Р. принимал также активное участие в общекультурной жизни русской эмиграции, оставался большим патриотом России. Он интересовался событиями у себя на родине, развитием советской науки и техники, судьбой своего любимого детища в Кучине. Всю жизнь ученый защищал и пропагандировал на Западе достижения и приоритеты российских ученых и конструкторов. Р. был основателем и председателем Русского Научно-философского общества во Франции. Прочитанные там доклады представляют собой настоящую энциклопедию научных достижений русского зарубежья. Он основал и возглавил Общество охранения русских культурных ценностей за рубежом, спасшее от разграбления и гибели многочисленные архивы русских эмигрантов. Кроме того, он состоял председателем Европейского комитета по изданию Книги о вкладе российской эмиграции в мировую культуру и членом Совета Русской академической группы. Похоронен среди выдающихся русских авиаторов на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Соч.: Аэродинамический институт в Кучине 1904-1914. М., 1914; Thirty Years of Theoretical and Experimental Research in Fluid Mechanics // The Journal of the Royal Aeronautical Society, 1935, № 292-293; 25 Years More of Theoretical and Experimental Research in Fluid Mechanics // Ibid., 1962, № 620.

Лит.: Bulletin de l'Institute Aerodynamique de Koutchino. Moscou. Paris, fasc. 1-5, 1906-14; fasc.6, 1920; Jubilé scientifique de M.Dimitri P.Riabouchinsky. Paris, 1954; Вечорин Е. Дмитрий Павлович Рябушинский // Рус. мысль, 1962, 30 авг.; Михайлов Г.К. Основатель Аэродинамического института // Вест. АН СССР, 1991, № 11.

В.Михеев

РЯБУШИНСКИЙ Павел Павлович (17.6.1871, Москва — 19.7.1924, Камбо-ле-Бэн, Франция) — промышленник и банкир, политический деятель. Из семьи хлопчатобумажных фабриантов, брат Д. и *В. Рябушинских*. Образование получил в Московской Практической академии коммерческих наук (1890), с 1900 возглавил семейную фирму — «Товарищество мануфактур П.М.Рябушинского с сыновьями», председатель правления Харьковского Земельного банка (1901), совладелец банкирского дома «Братья Рябушинские» (основан в 1902) и председатель совета организованного на его основе Московского акционерного коммерческого банка (1912), директор «Товарищества типографии

П.П.Рябушинского» (1907). Принимал активное участие в представительных органах российского предпринимательского класса — член Совета съездов представителей промышленности и торговли (1906), председатель общества хлопчатобумажных фабрикантов Московского района (1909), старшина (1906), затем председатель (1915) Московского Биржевого комитета.

Политической деятельностью занимался с начала 1900-х, возглавлял группу «молодых» московских предпринимателей, выступавших за утверждение в стране конституционного строя, за проведение либеральной политики в рабочем вопросе. С ноября 1905 член ЦК «Союза 17 октября», в 1906, несогласный с политикой лидера октябристов *А.Гучкова*, перешел в партию мирного обновления, в 1912 — один из инициаторов создания партии прогрессистов, член ее ЦК и председатель Московского комитета.

Старообрядец Рогожского прихода по вероисповеданию, с 1905 — товарищ председателя Совета съездов старообрядцев, один из лидеров движения за уравнение старообрядцев в правах с другими конфессиональными группами. Издавал на свои средства «Народную газету» (1906) с приложением «Голос старообрядца», финансировал издание журнала «Церковь» и «Слово церкви» (1908-17). Свои поли-тические взгляды под лозунгом «Купец идет!» проводил в издававшихся на собственные средства газетах «Утро» (1907), «Утро России» (1907, 1908-17). В 1908-12 совместно с А.Коноваловым при активном участии *П.Струве* проводил т.н. «экономические беседы» с представителями либеральной профессуры (С.Котляревским, А.Мануйловым и др.) для выработки экономической программы развития страны.

В период 1-й мировой войны стал одной из ведущих политических фигур либерального лагеря. В мае 1915 на 9-м торгово-промышленном съезде в Петрограде призвал к организации военно-промышленных комитетов, возглавил созданный в июне Московский военно-промышленный комитет. Летом 1915 в связи с образованием Прогрессивного блока в Государственной думе принимал участие в совещании лидеров оппозиционно-либеральных партий, избран в состав депутации к царю в октябре 1915 (депутация в составе Г.Львова, М.Челнокова и Р. не была принята Николаем II). В сентябре 1915 вместе с А.Гучковым избран в Государственный совет по выборам от торговли и промышленности. С 1916 приступил к созданию единой всероссийской предпринимательской организации — Союза торговли и промышленности. После Февральской революции, на 1-м съезде Всероссийского союза торговли и промышленности в марте 1917 призывал к единению национальных сил, настаивая на долгосрочной перспективе капиталистического строя в России: «Еще не настал момент думать, что мы можем все изменить, отняв все у одних и передав другим, это является мечтою. Россия в этом отношении еще не подготовлена, поэтому мы должны еще пройти через путь развития частной инициативы». Отражая недовольство предпринимательских кругов экономической политикой Временного правительства, в августе 1917 на 2-м съезде торгово-промышленного союза, предрекая «финансово-экономический провал», предостерегал правительство и руководство Советов от увлечения социалистическими экспериментами: «То, о чем я говорю, является неизбежным (экономический крах — *Ред*.). Но, к сожалению, нужна костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа, членов разных комитетов и советов, чтобы они опомнились». В политической области выступал за ликвидацию «диктатуры советов» и переход власти к генералу Корнилову. После подавления корниловского путча отошел от политической деятельности, по постановлению Симферопольского Совета в сентябре 1917 арестован как «соучастник заговора», освобожден по личному распоряжению А.Керенского.

В начальный период гражданской войны находился в Крыму, в октябре 1918 участвовал в совещании в Гаспре с лидерами кадетской партии по поводу плана действий в связи с близившимся окончанием мировой войны, поддерживал курс на тесный союз со странами Антанты. Осенью 1918 вошел в образованный в Киеве Союз государственного объединения России (СГОР). «Среди промышленников здесь, — по отзыву председателя Центрального Военно-промышленного комитета М.Маргулиеса, — только один человек с большим политическим кругозором, с темпераментом, волей и умом, несомненно занявший бы на Западе крупное положение в любом правительстве — это П.П.Рябушинский». В связи с готовившейся в начале 1919 конференции на Принцевых островах был намечен в состав делегации от СГОРа (конференция не состоялась).

В 1919 змигрировал во Францию, где пытался возродить Всероссийский Торгово-промышленный союз («Протосоюз») для поддержки правительства генерала Врангеля, призывал собратьев по предпринимательскому классу «занять все подступы к России, чтобы быть готовыми к моменту, когда откроется поле деятельности в самой России». Его планы встретили противодействие со стороны петроградских деловых кругов во главе с бывшим директором

Сибирского Торгового банка Н.Денисовым, создавшими в начале 1921 собственное объединение российских капиталистов за рубежом — Российский Торгово-промышленный и финансовый союз («Торгпром»), членом которого стал и Р. Анализируя причины исторического поражения своего класса в России, в числе основных считал недостаточную консолидацию предпринимательских слоев общества: «Русская буржуазия, численно слабая, не в состоянии была выступить той регулирующей силой, которая помешала бы событиям идти по неверному пути».

После провозглашения в Советской России новой экономической политики рассчитывал на внутреннюю эволюцию коммунистического режима под влиянием «естественных экономических законов». В мае 1921, будучи избран почетным председателем торгово-промышленного съезда в Париже, высказывал убеждение в исторической преемственности дореволюционного и «нэповского» предпринимательского класса, на который возложена «колоссальная обязанность — возродить Россию». Торгово-промышленному классу, по замыслу Р., предстояло «научить народ уважать собственность как частную, так и государственную, и тогда он будет бережно охранять каждый клочок достояния страны». В тот период Р. занимался составлением «плана торговой политики для переходного момента в России, который наступит после падения Советской власти», ожидаемого как следствие нэпа. В последние годы жизни в связи с обострившейся болезнью (туберкулез) отошел от политической деятельности. Похоронен на кладбище Батиньоль в Париже.

Лит.: Торговое и промышленное дело Рябушинских. М., 1913; Петров Ю.А. П.П.Рябушинский / Россия на рубеже XX века. Исторические портреты. М., 1991.

Ю.Петров

С

САБАНЕЕВ Леонид Леонидович (1.10.1881, Москва — 3.5.1968, Антиб, Франция) — музыковед, музыкальный критик, композитор. Из дворянского рода. Его отец, Леонид Павлович, помещик Ярославской губернии, был известным зоологом и специалистом по вопросам охоты; на собственные средства издавал научно-популярный журнал «Природа» (1873-77), был редактором и издателем журнала «Природа и охота» (1878-98). Брат — Борис Леонидович, стал преподавателем Московской консерватории. Юность братьев Сабанеевых была суровой. Отец тяжело болел и умер в Ялте 25.1.1898. Мать, страдавшая психическим заболеванием, часто лежала в больнице. Сабанеевых поддерживал их преподаватель по классу композиции в Московской косерватории С.Танеев, который почти ежедневно навещал братьев и бесплатно занимался с ними, приглашал их на домашние «ассамблеи», где преподаватели и ученики поочередно исполняли новые музыкальные произведения. На собраниях присутствовали *Рахманинов*, Гольденвейзер, Игумнов, Скрябин, Катуар. Консерваторский педагог С. по классу фортепиано Зверев умер в 1893 и завещал братьям свою нотную библиотеку, что также помогло их музыкальному развитию. После Зверева С. стал заниматься по фортепиано у П.Шлёцера, с которым много и плодотворно общался.

Одновременно с занятиями в консерватории С. изучал математику в Московском университете, в 1906 получил степень магистра математики. Однако применить на практике полученные знания С. не пришлось; он безраздельно посвятил себя музыке, занимался композицией и особенно обстоятельно — музыкознанием. Постепенно увлечение С. музыкой Вагнера, а позже — Скрябина, активным пропагандистом которой он стал с 1906, отдалило его от Танеева, оставшегося верным русским классическим традициям. Годы, с 1909 по 1915, прошли у С. под знаком близости и дружбы со Скрябиным. По воспоминаниям С., именно тогда полюбил он «этого беспредельного мечтателя»: «Это была именно крылатая душа, которая фантазировала, сама в это верила и действительно заражала кругом всех каким-то энтузиазмом веры или красивой мечты». В 1916 С. написал монографию «Скрябин» (2-е изд. 1925). Свои впечатления как «друга-наблюдателя» он изложил много позже в книге «Воспоминания о Скрябине» (М., 1925), где попытался воспроизвести высказывания композитора о творческих замыслах, о содержании произведений, имеющих философский характер. В 1923 С. издал письма Скрябина.

В течение короткого времени С. стал музыкальным критиком и корреспондентом газет и журналов: «Голос Москвы» (1909-15), «Музыка» (1910-15), «Московская газета» (1913-15), «Театральная газета» (1914-17), «Музыкальный современник» (1915-16), «Театральная Москва» (1921-22), «К новым берегам» (1923), «Музыкальная культура» (1924), «Современная музыка» (1924-25), «Музыка и революция» (1927). Его многочисленные статьи охватывали широкий круг вопросов; в них С. заявил о себе как о горячем последователе современных направлений в музыке.

Математическое образование дало ему возможность для более глубокого изучения научных аспектов музыки. Ранние работы С. содержат ряд теоретических изысканий по гармонии, ритму, мелосу, а также взаимоотношениям между звуком и цветом: «К вопросу об акустических основах гармонии Скрябина» (Музыка, 1911, № 16); «О звуко-цветовом соответствии» (Там же, № 9); «Наука о музыке» (Там же, 1912, № 74); «Эволюция гармонической идеи» (Пг.,1915); «Музыка речи: эстетическое исследование» (М., 1923). В работе «Психология музыкально-творческого процесса» (Иск-во, 1923, № 1) он делает попытку проанализировать сложный творческий механизм создания композитором музыкального произведения на основе личного опыта.

Музыкально-общественная деятельность С. проходила очень активно. С 1921 он — член правления и заведующий музыкальной секцией Академии художественных наук. В 1921-23 — председатель ученого совета Института музыкальной науки. Он — музыкальный обозреватель газет «Правда» и «Известия».

В 1926 С. уехал за границу и попеременно жил во Франции, Англии, Германии, США, затем окончательно обосновался в приморских Альпах. В первый год жизни в Париже (1927)

публиковался в периодической печати СССР как парижский корреспондент («Письма из Парижа»). Напечатал в ленинградской газете «Жизнь искусства» от 14 июня интервью с *И.Стравинским.*

С. писал многочисленные работы в области истории музыки, монографии о многих композиторах: «Метнер» (1913); «Клод Дебюсси» (М.,1922); «Рихард Вагнер и синтез искусства» (1923); «Национальная еврейская школа в музыке» (М., 1924); «Морис Равель» (1924); «История русской музыки» (М.,1924 и также на нем. яз., 1926); «Всеобщая история музыки» (1925); «Современные русские композиторы» (Нью-Йорк, 1927, на англ. яз.); «Александр Абрамович Крейн» (1928); «Сергей Танеев» (Париж, 1930, на рус. яз.); «Музыка к кинофильмам» (1935). Не все его работы сохранили свое значение, но «Воспоминания о Скрябине» и исследования в области теории музыки остаются актуальными и сегодня.

Параллельно с музыковедческой деятельностью С. много сочинял. Находясь под сильным влиянием Скрябина, он пытался писать в том же творческом ключе, как и гениальный композитор. Однако он подвергся критике *С.Прокофьева*, считавшего, что Скрябину подражать невозможно, т.к. его индивидуальность неповторима. Среди сочинений С. балет «Летчица» («L'Aviatrice», 1928, Париж), симфоническое сочинение «Морская лазурь» («Flots d'azur», 1936, Ницца), два трио (1907 и 1924), соната для скрипки и фортепиано, множество фортепианных сочинений: чаконна и фуга (1940), прелюды, этюды, экспромты, поэмы, фрагменты, листки из альбома; Кантата «Апокалипсис» для солистов, хора, органа и оркестра (1940). С. сделал переложение «Прометея» Скрябина для двух фортепиано в 4 руки. Отдавая дань уважения Скрябину, С. восстановил на основе отрывков манускрипта единственный романс композитора, посвященный Наталии Секериной — его юношескому увлечению. С. принадлежат ряд романсов на тексты *К.Бальмонта*, А.Апухтина, М.Сабашниковой.

Лит.: Асафьев Б.В. Мысль о музыке / Русская музыка XIX и начала XX века. Л., 1968.

С.Разумова

САВИЦКИЙ Петр Николаевич (псевд. П.Востоков, С.Лубенский) (3.5.1895, Чернигов — 13.4.1968, Прага) — экономист-географ, историк, философ, поэт. Сын земского начальника, затем предводителя дворянства Кролевецкого уезда и председателя (с 1906) Черниговской губернской земской управы, члена Государственного Совета (с 1915), действительного статского советника Н.П.Савицкого. Окончил в 1913 гимназию в Чернигове и в 1917 — экономическое отделение Петроградского политехнического института. Ученик *П.Струве*; по его отзыву, студентом С. «обнаружил выдающиеся дарования». В 1915-16 опубликовал первые свои статьи в журнале «Русская мысль». По рекомендации Струве был прикомандирован к российской миссии в Христиании (Норвегия) коммерческим секретарем посланника (1916-17), подготовил заключение двух торгово-политических соглашений между Россией и Норвегией, собрал материал для кандидатской диссертации «Торговая политика Норвегии во время войны».

Получил по возвращении в Россию звание кандидата экономических наук, в октябре 1917 оставлен при Петроградском политехническом институте для подготовки к профессорскому званию по кафедре истории хозяйственного быта.

После Октябрьской революции уехал на Украину. «Силою слова и оружия» защищал от большевиков родовое имение, воевал в рядах русского корпуса на стороне гетмана Скоропадского с наступавшими на Киев войсками Петлюры, жил в Одессе, Екатеринодаре, Полтаве, Харькове, Ростове, работал с 1918 над книгой «Метафизика хозяйства и опытное его познание» (опубл. в 1925). В декабре 1919 — апреле 1920 и в мае-июле 1920 находился в заграничных командировках в качестве представителя администрации генералов *Деникина* и Врангеля в Париже, занимался организацией помощи русским беженцам. Помощник начальника части общих дел, затем начальник экономического отделения Управления иностранных дел в созданном в апреле 1920 правительстве Юга России.

11.11.1920 направлен в Константинополь, откуда уехал в Болгарию. Директор-распорядитель Российско-болгарского книгоиздательства, входил в редакцию возобновленного Струве в Софии журнала «Русская мысль», в котором (1921, № 1-2) поместил статью «Европа и Евразия» — рецензию на брошюру *Н.Трубецкого* «Европа и человечество». В конце 1921 переехал в Прагу. Приват-доцент кафедры экономики и статистики Русского юридического факультета, с 1928 также Русского института сельскохозяйственной кооперации, заведующий кафедрой экономической и сельскохозяйственной географии. В 1929-33 председатель обществоведческого отделения Русского народного университета и член научно-исследовательского общества при Русском свободном университете. В 1935-41 преподавал русский и украинский языки и россиеведение в Праж-

ском немецком университете. Один из организаторов и идеологов евразийского движения. Участник сборников «Исход к Востоку: Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921, кн.1); «На путях: Утверждение евразийцев» (М., Берлин, 1922, кн.2); «Россия и латинство» (1923). Вместе с *П.Сувчинским* и Н.Трубецким издавал «Евразийский временник» (Берлин, 1923-25; Париж, 1927), «Евразийскую хронику» (Прага, Париж, 1925-37), «Евразийский сборник» (Прага, 1929) и др. В Праге в 1927 были изданы книги С. «Геополитические особенности России» (ч.1. Растительность и почвы) и «Россия — особый географический мир». Тогда же статья С. «Геологические заметки по русской истории» была опубликована в качестве приложения к работе *Г.Вернадского* «Начертание русской истории» (см. также: Вопр. истории, 1993, № 11-12). В Берлине в 1932 вышла книга С. «Месторазвитие русской промышленности» (вып.1: «Вопросы индустриализации»). На Международном конгрессе историков в Варшаве (1933) выступил с докладом «Евразийская концепция русской истории». Всего до 1940 опубликовал 178 работ, в том числе об экономической, политической и культурной жизни СССР, по вопросам экономической истории и экономической географии, о развитии после Октябрьской революции исторической науки, философии, географии. Печатался в немецких, французских, чехословацких, польских изданиях. Интересовался историей архитектуры («О религиозном зодчестве в России» // Рус. мысль, 1923-24, № 9-12; «Гибель и воссоздание неоценимых сокровищ». Берлин, 1937).

С. внес решающий вклад в обоснование евразийской доктрины. В истории России он видел процесс превращения Евразии как географического мира в Россию-Евразию как геополитическое единство, принципиально отличное от Западной Европы. Россия, по мнению С., представляет собой «целостный Востоко-Запад», в ее исторических судьбах сильнее всего проявляется «азиатский элемент», «степная стихия» — наследие периода, когда пространство Евразии политически объединили монголы. Будучи «наказанием Божиим», монгольское иго оказало неискоренимое влияние на психологию, быт, социальную организацию и государственность русского народа, вследствие чего невозможно отделить «татарское» от «подлинно русского». Больше того, власть татар благоприятствовала сохранению «чистоты национального творчества» русских, тогда как на территории, оказавшейся в орбите влияния Литвы и Польши, русская культура почти исчезла, вытесненная «латинством». В то же время «под пеленою Золотой Орды возрастало Русское государство», которое с XV в. было многонациональным; Россия явилась «наследницей Великих Ханов», хотя духовный её источник — Византия.

Революция в России, как считал С., не меняет направления исторического процесса: Евразия остается «месторазвитием» особой цивилизации, происходит лишь видоизменение многовековой традиции, её «мутация». Поэтому, категорически отвергая большевизм как идейное порождение западной культуры, материализма и атеизма, С. находил его созвучным евразийству постольку, поскольку, во-первых, революция, вопреки умыслу большевиков, на деле «означает выпадение России из рамок европейского бытия» и, во-вторых, поскольку «социализм преображается в этатизм». Евразийское понимание планового хозяйства, утверждал он, еще радикальнее, чем у большевиков, и в этом смысле «мы являемся сверхсоциалистами». Не отказываясь от заимствования у западной цивилизации материально-технических достижений, Россия сохранит, благодаря православию, самостоятельность в духовно-нравственной сфере, «русское благочестие», и в конечном итоге место социализма займет Церковь. Вместе с тем С. был убежден, что, воспринимая объединительную традицию, современная Россия «должна решительно и бесповоротно отказаться от прежних методов объединения, принадлежащих изжитой, преодоленной эпохе, — методов насилия и войны».

Взгляды С. и других евразийцев подвергли критике многие деятели эмиграции, в том числе *А.Кизеветтер, Н.Бердяев, П.Милюков, С.Франк;* они писали об «отталкивании» евразийцев от западной культуры в эпоху, когда происходит взаимопроникновение культурных типов Востока и Запада, о распространении ими антихристианской нелюбви к народам Западной Европы, о том, что они «спешат похоронить демократию и воскуряют фимиам большевистскому режиму».

Выразил несогласие с С. и Струве. Вместе с *Н.Алексеевым* и *В.Ильиным* С. отмежевался от «парижского» направления евразийства («кламарского уклона»), сторонники которого считали необходимым политизировать движение и идти на прямое сотрудничество с большевиками («О газете «Евразия»: газета «Евразия» не есть евразийский орган». Париж, 1929). Истинное евразийство, по мнению С., — в отказе от «соблазнов эмигрантской политической мишуры», вообще в замене примата политики приматом культуры; евразийство чуждо как материализму, так и идеализму, ибо «евразийцы отмечены совершенно исключительным вниманием к материальному, ...но эта материя, проникнутая идеей, это материя, в которой дышит Дух». Однако, по свидетельству Д.Мейснера,

несмотря на «сильный православноцерковный акцент многих евразийцев — прежде всего Савицкого», «правоверные эмигранты» считали и его «большевизаном», склоняющимся к большевизму».

В 1938-39 С. работал над книгой «Основы геополитики России», заказанной *И.Фондаминским* (книга осталась незаконченной), в которой в согласии с Г.Вернадским доказывал, что многое в истории, культуре и экономике России определено взаимодействием между своеобразными «историческими формациями» двух «флагообразно» расположенных зон — степной и лесной. В те же годы безуспешно пытался восстановить евразийское движение. В 1940-44 С. был директором русской гимназии в Праге. Сразу после освобождения Праги в мае 1945 арестован, привезен в Москву и по обвинению в антисоветской деятельности приговорен к 10 годам заключения в лагерях. Отбывал наказание с 1946 в Мордовии, с 1954 — под Москвой. Освобожден в 1956, получил разрешение вернуться к семье в Прагу, но к преподавательской деятельности не был допущен. Занимался переводами с чешского языка на русский, писал стихи и воспоминания. Снова был арестован чехословацкими властями за изданный в 1960 в Париже сборник стихов «Посев», в котором нашла отражение и лагерная тема; вскоре освобожден под давлением международной научной общественности, в частности, Б.Рассела.

Соч.: Из прошлого русской географии: Периодизация истории русских открытий. Прага, 1931; За творческое понимание природы русского мира. Прага, 1939; [Статьи] / Евразия: Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992; [Статьи] / Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. М., 1993.

Лит.: [Савицкий Нил]. Савицкие: Родословная роспись. Киев, 1913; Мейснер Д. Миражи и действительность. М., 1966; Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России. Конец XIX — начало XX в. М., 1991; Степанов Н.Ю. Идеологи евразийства: П.Н.Савицкий / Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992.

Арх.: ГАРФ, ф.5783.

И.Розенталь

САЛТЫКОВ Николай Николаевич (25.5.1872, Вышний Волочек, Тверской губ. — 28.9.1961, Белград) — математик и механик. В 1895 учился у А.Ляпунова и В.Стеклова, окончил Харьковский университет и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1898 защитил магистерскую диссертацию по теории дифференциальных уравнений с частными производными. После стажировки во Франции и Германии вернулся в Россию, вскоре переехал из Харькова в Томск, начал преподавать в Томском технологическом институте рациональную (теоретическую) механику. В конце 1903 С. перешел по конкурсу на кафедру механики Киевского политехнического института. Защитив в 1906 докторскую диссертацию «Исследование по теории уравнений с частными производными первого порядка одной неизвестной функции» (Харьков, 1905), С. вернулся в Харьковский университет уже как профессор кафедры теоретической механики (на вакантное место после отъезда В.Стеклова в Петербург), где проработал более десяти лет. В 1913 С. принял участие во 2-м Всероссийском съезде преподавателей математики.

В январе 1919 в Харькове была установлена советская власть, и Харьковский университет был преобразован в Педагогический институт. С. переехал в Тифлис, в качестве профессора математики преподавал в местном университете и в Русском политехническом институте. После установления в Грузии советской власти эмигрировал в Сербию, в 1921 профессор математики на философском (позднее математико-естественном) факультете Белградского университета. За 33 года работы в университете воспитал не одно поколение учеников. 12.2.1934 он был избран членом-корреспондентом, а 2.3.1946 — действительным членом Сербской Академии наук и искусств по естественно-математическому отделению. Принимал активное участие в работе Русской академической группы в Белграде и в работе Русского научного института, объединившего русских ученых различных специальностей. Часть своих работ он опубликовал в «Записках» этого института.

Будучи человеком с активной гражданской позицией, С. принимал участие в различных мероприятиях, связанных с деятельностью русской эмиграции: представлял Русскую академическую группу в Югославии на международном математическом конгрессе в Цюрихе (1932), Русский научный институт в Белграде — на 1-м конгрессе математиков славянских стран. Он выступал с докладами на межбалканском математическом конгрессе (Афины, 1934), на 4-м съезде Русских академических организаций за границей (Белград, 1929), на 1-м Конгрессе физиков и математиков Югославии (Белград, 1949). Большое значение имела его деятельность по пропаганде достижений русских ученых.

В апреле 1946 в Белграде был основан Математический институт Сербской Академии наук, и С. стал его научным сотрудником. Даже выйдя на пенсию в 1954, он продолжал свою деятельность как почетный научный сотрудник этого института.

С. был деятельным членом Общества математиков, физиков и астрономов Сербии, затем

Союза математиков, физиков и астрономов Югославии. Несмотря на преклонный возраст, он продолжал заниматься наукой; последние его статьи вышли в свет в 1962-63, уже после смерти их автора. Только за период эмиграции он опубликовал более 100 работ, в том числе и монографии.

Почти все научные работы С. относятся к теории дифференциальных уравнений с частными производными. В 1925 в Париже вышла его книга «Теория уравнений в частных производных первого порядка с одной неизвестной функцией», в которую вошли полученные им еще в России результаты за 1905-18. Еще две книги С. вышли также в Париже в знаменитой серии монографий по математическим наукам: «Классические методы интегрирования уравнений с частными производными первого порядка» (1931) и «Современные методы интегрирования уравнений с частными производными первого порядка с одной неизвестной функцией» (1935). Итогом дела научной жизни С. стала монография «Методы интегрирования уравнений с частными производными первого порядка с одной неизвестной функцией», изданная Сербской Академией наук. Эта уникальная в своем роде книга является энциклопедией данного раздела математики. Кроме того, С. работал над проблемами небесной механики, механики и геометрии в части, соприкасающейся с тематикой его основных исследований.

В Белграде С. часть своих публикаций посвятил реформе математического образования в высшей школе и написал учебник по аналитической геометрии в 2-х томах (Белград, 1947-49). Особое место занимает в научном творчестве С. история математики, в частности, работы, посвященные его любимым дифференциальным уравнениям у К.Якоби, Ж.Д'Аламбера и др. математиков прошлого. С. изучил неопубликованные мемуары по дифференциальным уравнениям математика XVIII в. Шарпи, выявил его научное значение. Он написал очерки о жизни и деятельности французских математиков А.Пуанкаре и Э.Картана, югославских математиков М.Петровича и М.Гетальди, русского математика-эмигранта *Д.Селиванова*, а также статьи об Архимеде и Р.Декарте как создателях математических методов. К числу его заслуг принадлежит знакомство западных коллег с историей математики в России.

Н.Ермолаева

САНИН (наст. фам. Шёнберг) Александр Акимович (1869, Москва — 8.5.1956, Рим) — режиссер, актер. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1887 встретился с К.Станиславским; играл в любительских спектаклях Общества искусства и литературы под псевдонимами Бежин и Санин, ставил массовые сцены в «Уриэле Акосте» К.Гуцкова, «Горькой судьбине» и «Самоуправцах» А.Писемского. С момента основания Художественного театра (1898) входил в его труппу. Сорежиссер Станиславского в первых спектаклях театра: «Царь Федор Иоаннович» (автор народных сцен, в том числе сцены на мосту через Яузу, исполнитель роли боярина Луп-Клешнина) и «Смерть Иоанна Грозного» А.К.Толстого, «Венецианский купец» Шекспира, «Потонувший колокол» Г.Гауптмана (сыграл Водяного), «Самоуправцы», «Снегурочка» А.Островского. Самостоятельно осуществил постановку «Антигоны» Софокла (1899). Женился в марте 1902 на Л.Мизиновой, ставшей постоянной помощницей С. в осуществлении его режиссерских замыслов.

В 1902-7 режиссер, актер и преподаватель сценического искусства в Александринском театре. Поставил в первом сезоне «Дмитрия Самозванца и Василия Шуйского» Островского; Ю.Юрьев вспоминал, как на репетиции сцены народного бунта С. «сбросил с себя пиджак, забрался на стул и, не щадя голоса, в азарте поднимал настроение, воодушевлял участвующих, доводил исполнителей до такой стихийной силы, что положительно жутко становилось сидеть в зрительном зале...»; отмечал Юрьев и пристрастие С. к «натуральным ужасам» — крови, выстрелам, трупам. Другие постановки С. в этом театре: «Не в свои сани не садись» (1903) и «Горячее сердце» (1904) Островского. В дальнейшем был режиссером петербургского Старинного театра (1907-9, мистерии «Три волхва» и «Действо о Теофиле» *Н.Евреинова*), театра на Офицерской (1909-10), Свободного театра К.Марджанова (1913-14, «Сорочинская ярмарка» М.Мусоргского — «образец театрального реализма в опере», по словам одного из зрителей), Московского драматического театра Суходольских (1914-15), Большого и Мариинского театров, Театра музыкальной драмы. Называл себя «театральным скитальцем», что было отчасти следствием склонности С. к интригам (против Вл.Немировича-Данченко, П.Гнедича). В воспоминаниях современников немало свидетельств его неискренности, «фиглярства», самолюбования и самовосхваления, «демагогических приемов» в общении с актерами, но также исключительной неутомимости и самоотдачи. Для одних он «яркая, красочная фигура», для других — носивший маску «чудака-энтузиаста, человека не от мира сего, живущего только во имя «святого искусства» (В.Шверубович). Участник организованных *С.Дягилевым* Русских сезонов в Париже и Лон-

доне. После постановки в 1908 на сцене «Grand-Opéra» «Бориса Годунова» Мусоргского с *Ф.Шаляпиным* в главной роли французская газета писала о С.: «Этого нового человека надо оставить у нас ценою золота». В театре Шатле С. поставил «Хованщину» Мусоргского и «Псковитянку» Римского-Корсакова (1909), «Елену Спартанскую» Э.Верхарна и «Саломею» О.Уайльда (1911), в Театре Елисейских полей и в лондонском «Drury Lane» — «Бориса Годунова», «Псковитянку», «Соловья» *И.Стравинского*.

Сблизился с А.Южиным, который считал С. «гениальным по стихийному чувству театра», фактически стал главным режиссером Малого театра. В 1917 самая значительная работа С. — постановка в Малом театре «Посадника» А.К.Толстого (А.Луначарский утверждал, что этот спектакль явился «предвестником большевизма» на театральной сцене). Там же С. поставил «Лес» и «Бешеные деньги» Островского, «Электру» Г.Гофмансталя, «Собаку садовника» Лопе де Веги, «Ричарда III» Шекспира, «Горе от ума» А.Грибоедова, «Оливера Кромвеля» Луначарского. В 1922 выпустил несколько спектаклей в бывшем театре Корша: «Лукреция Борджиа» В.Гюго, «Сирано де Бержерак» Э.Ростана, «Король и цирюльник» Луначарского. В Большом театре поставил сцену веча в «Псковитянке», «Князя Игоря» А.Бородина (1917) и «Кармен» Ж.Бизе (1922). Всегда тяготевший к монументальности, С. прославился прежде всего как мастер выразительных, живописно и объемно завершенных «диагональных» мизансцен, служивших источником динамической энергии спектакля. По словам *Е.Полевицкой*, «он терпеть не мог горизонтальной, спокойной, как равнина, линии массы; он всегда старался сломать ее, эту горизонтальную плоскость толпы, делал ее неровной, со сломанными, неспокойными очертаниями массивов...»; он умел превратить равнодушных статистов «в целеустремленный, бурлящий, наэлектризованный, темпераментный организм, рвущийся к действию». К этому же времени относится работа С. в кино: первый неудачный опыт — «Девичьи Горы» и получивший европейскую известность фильм «Поликушка» по Л.Толстому, где снялся И.Москвин.

В конце 1922 С. выехал с больной женой в Берлин. Впоследствии не раз говорил, что не хотел навсегда покидать Россию, сетовал (в одном из писем): «Разметала нас всех сейчас судьбина, как каких-то калик перехожих, по всему миру». За границей продолжал вести жизнь «странника» и почти целиком посвятил себя опере, соединив в своих постановках оперное начало с мистически-религиозным. Вместе с певицей *М.Кузнецовой-Бенуа* проводил в 20-е сезоны «Русской оперы» в театрах «Liceo» (Барселона) и «La Scala» (Милан). Работал также в театрах «Grand-Opéra», «Real» (Мадрид), «Colon» (Буэнос-Айрес), «Metropolitan Opera» (Нью-Йорк), «Театро Реале» (Рим), в театрах Генуи и Палермо; иностранные антрепренеры и артисты высоко ценили его эрудицию, культуру и вкус. С неизменным успехом шли поставленные С. на разных сценах «Садко» и «Сказание о невидимом граде Китеже» Римского-Корсакова, «Борис Годунов» и «Хованщина» Мусоргского, которого он открыл итальянской и испанской публике. Особенно любил Испанию, напоминавшую ему Россию. В письме из Барселоны (1928) он сообщал театральному критику А.Плещееву: «Сезон вышел глупый, убийственный по совокупности условий для труда и творчества, но все тяготы забыты перед триумфом русского имени, дела, чести, культуры». По свидетельству певицы М.Давыдовой, итальянские актеры спустя много лет не позволяли изменить мизансцены «гран Санин». *А.Бенуа* писал, что сцена у С. «жила так, как нигде, ни в каком театре, и даже у Рейнхардта она не жила... Этот удивительный человек сочетал в себе бешеный темперамент с самой образцовой методичностью, с самой упорной поддержкой дисциплины». Дирижера *Н.Малько* восхищало, что С. не «покушался» на оперу и не боялся «признать ее тем, что она есть, — музыкальным произведением». Своим «духовным отцом» называл С. директор постановочной части «La Scala» (с 1936) Н.Бенуа. Тонкий стилизатор русской истории, С. ставил также оперы Р.Вагнера и Дж.Верди, проявив способность проникнуть в исторические судьбы, в духовный мир и других народов. Как писала Полевицкая, он попрежнему занимал среди режиссеров всего мира «свое неоспоримо первое место режиссера народных масс». За всю свою творческую жизнь С. поставил свыше 150 спектаклей. После смерти в 1939 Л.Мизиновой-Саниной женился на Лауре Бенвенутто. В 1945 встречался с представителями советской военной миссии в Италии, которые уговаривали его вернуться на родину; готов был принять это предложение, но оно не было подтверждено. Оставил незаконченные мемуары.

Лит.: Левик С.Ю. Записки оперного певца. М., 1955; Ходотов Н.Н. Близкое, далекое. М.-Л., 1962; Юрьев Ю.М. Записки, т.2. Л., 1963; Каверин Ф.Н. Воспоминания. М., 1964; Путь актрисы (Воспоминания Е.А.Полевицкой) // Встречи с прошлым, вып. 3. М., 1987.

Арх.: ГЦТМ им. А.А.Бахрушина, ф. 245; Бахметьевский арх. Колумбийского ун-та (США).

В.Максимова

САПЕЛЬНИКОВ Василий Львович (21.10.1867, Одесса — 17.3.1941, Сан-Ремо, Италия) — пианист и композитор. Начав учиться музыке в раннем де-

тстве дома, он продолжил занятия в одесском Институте изящных искусств в классах фортепиано Ф.Кестлера и скрипки Г.Соколова. Уже семи лет мальчик впервые публично выступил как скрипач. Довольно долго было неясно, с каким инструментом он свяжет свое будущее. Решающей стала встреча с А.Рубинштейном. Тот принял живое участие в судьбе юного музыканта и рекомендовал ему целиком посвятить себя роялю, продолжив образование в Петербургской консерватории. По настоянию Рубинштейна городские власти и Одесское отделение Русского музыкального общества выделили деньги для поездки С. в Петербург. Рубинштейн помог организовать и бытовую сторону его жизни в незнакомом городе: С. поселился в доме тогдашнего директора консерватории Ю.Иогансена. Фортепианную игру он изучал под руководством Л.Брассена (с 1882 по 1884) и знаменитой ученицы Листа — С.Ментер. По ее классу С. окончил в 1887 консерваторию. Дебютировал в Гамбурге 20.1.1888 с Первым фортепианным концертом П.Чайковского. За дирижерским пультом стоял сам автор. Это выступление, а также последующие концерты в Лейпциге, Берлине, Париже, Лондоне принесли С. международное признание. На первой же репетиции стало ясно, что на эстраду пришел исключительный талант. Чайковский так вспоминал об этом: «На репетиции, по мере того, как В.Л.Сапельников превозмогал одно за другим невероятные трудности моего концерта и постепенно разоблачал всю силу и все свойства своего громадного дарования, мой восторг возрастал. И что всего было приятнее, этот восторг разделяли все артисты оркестра, восторженно приветствовавшие его при каждой остановке и в особенности в конце. Необычайная сила, красота и блеск тона; изумительная техника, вдохновенная горячность исполнения и вместе с тем поразительное умение владеть собой и не давать увлечению переходить за должные пределы, музыкальность, законченность, полная уверенность в себе — вот отличительные качества игры г. Сапельникова. «Великолепно! невероятно! колоссально!» — слышалось из уст музыкантов после сделанной ему овации. Можно себе представить, до чего для меня было радостно такое искреннее, неподдельное увлечение немецких артистов игрой нашего будущего знаменитого пианиста!» Чайковский посвятил С. свою фортепианную пьесу «Приглашение к трепаку» op.72.

Чайковский ввел С. в художественные круги крупнейших музыкальных центров Европы. Повсюду искусство пианиста находило восторженный прием. Так, Э.Григ считал его гением, а известный музыкальный критик и теоретик пианизма В.Ниман назвал С., наряду с *А.Зилоти*, «крупнейшим русским пианистом после А.Рубинштейна». Начиная с конца 80-х музыкант активно гастролировал в европейских музыкальных столицах. В промежутках между поездками он подолгу жил в замке Иттар в Баварии, принадлежавшем С.Ментер. С. был постоянным пропагандистом музыки русских композиторов. Особенно часто в его программах стояли произведения Чайковского и *С.Рахманинова*, Второй фортепианный концерт которого впервые прозвучал в Берлине в исполнении С. Известно, что сам Рахманинов высоко ценил искусство пианиста.

В 1897-98 по приглашению В.Сафонова С. занял пост профессора Московской консерватории (среди его учеников *Н.Метнер*), однако вскоре оставил его и возобновил зарубежные гастрольные турне, время от времени выступая и в России. Жил он, главным образом, в Германии близ Мюнхена. В 1916 пианист вернулся на родину и поселился в Одессе, спустя же 7 лет — окончательно покинул Россию, ночью перебравшись вброд через пограничную реку. Вплоть до 2-й половины 30-х С. продолжал концертировать, по большей части в Германии и Италии. Нередко выступал он и в качестве дирижера.

В своем исполнительстве С. развивал традиции виртуозного романтического пианизма. Игру его отличали яркость, мужественность и пылкий темперамент. Так, Бернард Шоу под впечатлением от исполнения С. шопеновского As-dur'ного полонеза писал, что тот «низвергался как обвал под мощными руками пианиста». Однако искусству артиста присуща была и тонкость звуковых красок. Как свидетельствовал тот же Шоу, музыкант «развил до невероятных высот чисто звуковые и тактильные качества своей игры. По деликатности туше, независимости и быстроте движений его левая рука была чудом и ни в чем не уступала правой». «Легкое эфирное туше» отмечал музыкальный критик Э.Розенов в трактовке С. Четвертого концерта Бетховена. Репертуар артиста составляла, главным образом, романтическая музыка: наряду с Чайковским и Рахманиновым — Лист, Григ, Брамс. Немногое сохранилось в грамзаписи, в том числе Первый концерт Чайковского, записанный в начале 20-х.

С. заявил о себе и как композитор. Он является автором оперы «Хан и его сын», небольших пьес для фортепиано, в том числе весьма популярного в свое время этюда «Танец эльфов». Фортепианная музыка С. по стилю приближается к сочинениям петербургских композиторов беляевского кружка, с их тяготением к тонкому фортепианному письму, созерцательному характеру музыки.

Лит.: Алексеев А.Д. Русские пианисты: Очерки и материалы по истории пианизма, вып.2. М.-Л., 1948; Розенов Э.К. Статьи о музыке. М., 1982; Schonberg H.C. The Great Pianists from Mozart to the Present. New York, 1987.

С.Грохотов

САХНОВСКИЙ Алексей Владимирович (12.11.1901, Киев — 1964, Атланта, США) — дизайнер автомобилей. Родился в богатой аристократической семье. Его отец — граф Владимир С. — был личным советником Николая II, сторонником развития российской науки; во время 1-й мировой войны служил комендантом станции Новый Порт, заведующим Петроградской портовой таможней и председателем комиссии по приемке автомобилей, поставляемых России союзниками. Мать С. была дочерью сахарного фабриканта Н.Терещенко, мультимиллионера, который еще в начале века пытался установить автомобильное сообщение между Киевом и Житомиром, построив для этого, с участием французских инженеров, автомобильную фабрику. В семье Сахновских имелся автомобиль «Мерседес». Алексей с детства мечтал стать конструктором автомобилей и уехать на работу в Америку. В 13 лет он соорудил небольшую коляску, на которой можно было съезжать вниз по улицам холмистого Киева. Это занятие, однако, было признано опасным для окружающих; коляску отобрали и сломали.

Безмятежную жизнь Алексея нарушили социальные потрясения 1917-18. Отец покончил жизнь самоубийством. С. записался в 1919 рядовым в армию генерала Врангеля. В январе 1920 эмигрировал в Париж, где жила его родная тетя. Поступил в Лозаннский университет в Швейцарии, затем учился в Школе искусств и ремесел в Брюсселе, которую не окончил из-за нехватки средств. Пришлось искать работу. Первая должность С. была весьма скромной — младший чертежник бельгийской фирмы «Ван ден Плас», изготовлявшей автомобильные кузова для индивидуальных богатых заказчиков.

Когда же выяснилось, что С. свободно владеет не только французским, но также английским и немецким языками, не говоря уже о редком для этих мест, но необходимом русском, его сделали переводчиком. Вскоре творческие способности С. были замечены руководством фирмы. Ему был предоставлен комфортабельный кабинет, в котором он мог создавать эскизы автомобильных кузовов. Кроме того, была удовлетворена его просьба отдавать свободное время испытанию собранных фирмой автомобилей. Элегантно одетый С. стал появляться по уик-эндам в самых фешенебельных районах Брюсселя, каждый раз на новом роскошном автомобиле; это льстило его самолюбию.

27.12.1924 владелец фирмы Антуан Ван ден Плас назначил 23-летнего С. художественным директором, приобщив его тем самым к брюссельской элите. Поскольку фирма «Ван ден Плас» работала совместно с автомобильными компаниями «Минерва», «Металлуржик» и «Империя», ее кузова устанавливались на шасси автомобилей этих известных марок. На шасси «Минерва» были установлены кузова, сконструированные С.: типа «конвертибл» для индийского магараджи, фаэтон — для бельгийского принца. Для Адриана Конан Дойля (сына создателя эпопеи о Шерлоке Холмсе) кузов С. был поставлен на английский «Роллз-Ройс».

До 1929 кузова, созданные С., использовались автомобильными фирмами «Панар-Левассор», «ФИАТ», «Эксцельсиор», «Испано-Сюиза», «Мерседес-Бенц», «Изотта Фраскини», «Бентли», «Вуазен», «Кадиллак», «Бьюик», «Греф унд Штифт», «Пух», «Статс» и «Паккард». С. стал «звездой первой величины» среди дизайнеров автомобиля, бессменным победителем конкурса автомобильных кузовов — «Гран-при Монте-Карло». Удостоенные этого приза кузова С. в 1926 и 1927 стояли на автомобилях «Минерва», в 1928 — на «Роллз-Ройсе», в 1929 — на «Паккарде».

Тем не менее С. не покидала мечта уехать в Америку — самую автомобильную державу в мире. Но ему не хотелось быть рядовым эмигрантом, ищущим работу в чужой стране. Поэтому он решил заранее подготовить стартовую базу — стал посылать в нью-йоркский журнал «Autobody» («Автомобильный кузов») свои статьи с многочисленными фотографиями принадлежавших ему дизайнерских решений. В результате в 1928 он получил два приглашения из Детройта. Первое из них было от «Дженерал Моторс», которое предусматривало лишь 6-месячное пребывание С. в США; это его не устраивало. Он принял второе приглашение — от фирмы «Хейз Води К°» сроком на два года. Находящаяся в городе Гренд Репидс компания утвердила его в должности художественного директора; контракт был заключен 22.10.1928.

В течение всего предшествующего периода С. разрабатывал конструкции кузовов исключительно для автомобилей высшего класса. В 1930 дизайнер решил обратиться и к автомобилям массового производства. Сначала он проектировал кузова для американской фирмы «Мармон», затем — «Пирлес». Кроме того, С. явился первым в Америке стилистом «компактных» автомобилей, создав кузов для маленького автомобиля «Америкен Остин», который по-

зже был переименован в «Бэнтам» — прототип будущих автомобилей типа «джип».

В 1930 С. вновь выиграл «Гран-при Монте-Карло» за представленный на выставке 8-цилиндровый переднеприводной роскошный американский автомобиль «Корд» (он был самым низким и широким из числа представленных моделей). С. создавал кузова и для автомобилей других фирм — «Оберн», «Паккард», «Виллис», «Континентал», «Студебекер», «Уайт». С ним консультировались «Дженерал Моторс» и «Форд Мотор К^0». В 1933 он сконструировал обтекаемый кузов для автомобиля фирмы «Нэш».

В 1937 С. получил американское гражданство. В течение двух последних лет 2-й мировой войны служил в американской армии. Демобилизовался в чине полковника. В 1961 С. поселился в Атланте; конструировал кузова для грузовиков, автобусов, участвовал в дизайне самолетов, но легковые автомобили всегда были более близки его сердцу.

Лит.: Beverly Rae Kimes. Alexis de Sakhnoffsky // Automobile Quarterly, 1965, vol. III, № 4.

Арх.: РГВИА, ф.802, оп.4, д.154.

В.Дубовской

СВАТИКОВ Сергей Григорьевич (псевд. С., Св., С-ов, Сергей и др.) (1880, Ростов-на-Дону — 1942, Франция) — историк, общественный деятель. По окончании ростовской гимназии учился на юридическом факультете Петербургского университета; исключен за участие в студенческом движении.

Завершил образование в Гейдельбергском университете, получив в 1904 звание доктора философии. Сотрудничал в журнале «Освобождение»; социал-демократ, меньшевик. Весной 1907 встречался с Г.Плехановым в Сан-Ремо, переписывался с ним, но вскоре перешел на позиции «ликвидаторства». «Сведущее лицо» в комиссиях при социал-демократических фракциях 2-й и 3-й Государственной думы, читал лекции в петербургских рабочих клубах по истории освободительного движения в России (в 1908 запрещены градоначальником), проводил экскурсии для рабочих в музеях. В 1905 издал книгу «Общественное движение в России (1700-1895)» и брошюру «Созыв народных представителей». В письме Плеханову (февр. 1908) сообщал, что закончил книгу «Проекты и попытки изменения государственного строя в России (с 1801 по 1881 г.)» — на основе диссертации, изданной в Гейдельберге (1904, на нем. яз.). Статьи и рецензии С. публиковались в журналах «Былое», «Голос минувшего», «Исторический вестник», «Русское богатство», «Современный мир», «Русская мысль». Ряд работ посвятил истории высших учебных заведений: «Русские университеты и их историческая биография» (Пг., 1915); «Увольнение В.И.Семевского и петербургское студенчество» (Голос минувшего, 1916, № 2); «Опальная профессура 80-х» (Там же, 1917, № 2). Подтвердив в России юридическое образование, стал помощником присяжного поверенного. В 1915-17 преподавал на Бестужевских курсах.

В период 1-й мировой войны оборонец. После Февральской революции назначен помощником начальника Главного управления по делам милиции, в мае 1917 направлен в качестве комиссара Временного правительства в западноевропейские страны для ликвидации заграничной агентуры Департамента полиции и проверки дипломатических служб. Выступал в английском парламенте, во Франции встречался с Р.Пуанкаре; допрашивал бывших секретных сотрудников царской охранки, реабилитировал эсера М.Куриско и большевика М.Литвинова; посещал русские войска во Франции, но не сумел переломить антивоенных настроений солдат. В отчете Временному правительству (окт. 1917) привел сведения о реваншистской деятельности находившихся в Европе русских монархистов. По итогам командировки написал также книгу «Русский политический сыск за границей» (Ростов н/Д., 1918; в 1941 была переиздана НКВД «для служебного пользования»). В ноябре 1917 уехал, чтобы избежать ареста, в Ростов-на-Дону. Сотрудничал в конце 1917 — начале 1918 с генералами Алексеевым и знакомым по Петрограду — Корниловым. В январе-феврале 1919 работал в отделе пропаганды при Особом совещании — правительстве генерала *Деникина* (тов. руководителя отдела Н.Парамонова — предпринимателя и издателя, одноклассника С.), привлек к работе меньшевиков; но и С., и Парамонов вынуждены были уйти в отставку под давлением председателя Особого совещания генерала Драгомирова и других сторонников реставрации монархии. Намеревался организовать за границей с помощью *В.Бурцева*, которого знал с 1906, пропаганду в пользу белых (издание литературы, создание Российского телеграфного агентства); по-видимому, с этой целью выехал в феврале 1920 в Париж, где и остался после поражения Деникина. Был парижским представителем Русского заграничного архива в Праге, членом правления Русской библиотеки им. И.Тургенева. Сотрудничал в газете «Общее дело», в журналах «Родимый край», «Донская летопись» (Вена), в «Казачьем журнале». Читал в Сорбонне лекции по истории политических идей и студенчества в России.

Участвовал в проведении литературных утренников для детей эмигрантов, Дней русской

культуры, выступал с докладами и чтением произведений русских классиков.

В 1924 в Белграде вышел наиболее значительный труд С. — «Россия и Дон (1549-1917)» (1-я часть печаталась в конце 1919 — начале 1920 в Новочеркасске, но почти весь тираж погиб). Рецензенты отметили богатство собранного С. материала, но оспорили его выводы. *А.Кизеветтер* не согласился с тем, что с 1549 по 1614 Дон представлял собой республику, лишь вассально зависимую от Московского государства, а казаки были прирожденными республиканцами и носителями идей социального равенства; сам С. привел противоречащие этому утверждению факты, излагая историю расслоения казачества и отмечая преобладание на Дону царистских настроений. *Б.Николаевский* (Каторга и ссылка, 1926, № 1) также указал, что С. не сумел объяснить взаимную связь фактов и не определил предмет своего исследования — политические движения на Дону или только казачье движение. В последующие годы С. продолжал изучать историю общественного движения в России («Россия и Сибирь. К истории сибирского областничества в XIX в.». Прага, 1930; «Аркадий Гончаренко — основатель русской печати в Северной Америке». Париж, 1938).

В октябре 1934 выступал свидетелем и экспертом на Бернском процессе по делу об авторстве «Протоколов сионских мудрецов», доказывая на основании сведений, полученных им в 1917, что «Протоколы» — фальшивка, изготовленная по поручению заведующего заграничной агентурой П.Рачковского (впервые высказывался по этому поводу в 1921 в парижской газете «Еврейская трибуна»).

Лит.: Попов А.Л. Дипломатия Временного Правительства в борьбе с революцией // Красный арх., 1927, № 1(20); Бурцев В. В погоне за провокаторами: «Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог. М., 1991; «Большевистский Карфаген» должен быть разрушен... (Письмо С.Г.Сватикова В.Л.Бурцеву) // Отеч. история, 1993, № 2.

Арх.: ГАРФ, ф.324; Музей революции.

Л.Гусарова

СВИННЕ Рихард Иоганнович (10.3.1885, Рига — 6.9.1939, Берлин) — физико-химик. Сын железнодорожного агента, С. по окончании Николаевской гимназии в Риге в 1903 поступил в Рижский политехнический институт: сначала на коммерческое отделение, а затем — на химическое. Научная деятельность С. началась уже на младших курсах. Параллельно с учебой в 1908-11 он работал личным ассистентом выдающегося физико-химика *П.Вальдена.* Первая научная статья С. была опубликована в «Журнале Русского Физико-химического общества» (1909); в ней сообщалось о разработанной автором методике определения арсенатов в присутствии арсенитов при помощи магнезиальной смеси. Дальнейшие исследования С., выполненные под руководством Вальдена, относились к проблемам молекулярной диссоциации в жидкостях и электрохимии неводных растворов. Заинтересовавшись явлениями радиоактивности, С. провел в 1910 исследования радиоактивности водных источников Латвии, Эстонии, Псковской и Новгородской губерний.

После окончания института в мае 1912 С. получил двухгодичную научную командировку в Тюбингенский университет, где работал под руководством известного спектроскописта профессора Фридриха Пашена. В середине 1913 по рекомендации Пашена С. продолжил работу во вновь открытом (1910) Радиологическом институте при Гейдельбергском университете, возглавляемом известным физиком, лауреатом Нобелевской премии Леонардом Ленардом. Под его руководством С. получил редкую возможность приобщиться к теоретическим и экспериментальным исследованиям разрядных излучений; познакомился и подружился с выдающимся немецким физиком В.Косселем. На заседании Гейдельбергского химического общества в июне 1914, проходившем под председательством Теодора Курциуса, был заслушан доклад С. о зависимости продолжительности жизни радиоактивного элемента от его атомной массы.

Начавшаяся 1-я мировая война застала С. врасплох: оказалась безуспешной его попытка вернуться в Россию через Данию и Швецию, он был арестован немецкими властями в Ганновере и вывезен в Германию. Вскоре как подданный России С. был интернирован в Бад-Рапенау (близ Гейдельберга) и лишен возможности продолжать работу. Оставшись почти без средств, он перебивался случайным заработком, изредка получая денежные переводы от матери из Риги. Лишь с 1917 он, наконец, начал работать: первое время на химическом заводе, затем на оптическом предприятии Зендлингера и, наконец, с 1924 — в коцерне Сименса, сначала в центральной лаборатории, а впоследствии в центральном научно-техническом бюро фирмы в Берлине, где до конца жизни занимался редактированием журнала «Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Siemens-Werke».

Теоретическими и экспериментальными работами С. мог заниматься лишь от случая к случаю, однако получил известность как популяризатор новейших идей в физике. Его лекции, обзоры новейших достижений в области явлений

радиоактивности, строения атома, периодической системы элементов, вызывали живейший интерес. Лекции С., прочитанные в 1923-25 в Германском обществе технической физики, были изданы в 1926 в Германии и в том же году переведены на русский язык в СССР. Скончался С. за несколько недель до начала 2-й мировой войны.

Основные работы С. были посвящены химии радиоактивных элементов. Еще в 1911 он сделал попытку сформулировать общие законы радиоактивного распада. Ему также принадлежат исследования взаимосвязи между спектральными переходами, фосфоресценцией и строением электронной оболочки химических элементов. В 1914 он первым высказал гипотезу о существовании «островков относительной стабильности» ядер сверхтяжелых трансурановых элементов и предпринял попытки их обнаружения. В 1926 высказал предположение о продолжении периодической системы за счет долгоживущих изотопов с порядковыми номерами выше 108-го.

Соч.: Свинне Р. Периодическая система химических элементов в свете теории строения атома // Успехи физ. наук, 1926, т.6, вып. 4-5.

Лит.: Страдынь Я.П. Рихард Свинне — видный исследователь радиоактивности и периодической системы химических элементов / Из истории естествознания и техники в Прибалтике, т.3 Рига, 1971.

В.Волков

СЕДЫХ Андрей (наст. фам., имя Цвибак Яков Моисеевич) (1902, Феодосия — 15.1.1994) — журналист, писатель, литературный критик. Окончил гимназию в Феодосии. В 1919 нанялся матросом на пароход, шедший через Ялту в Болгарию, оттуда попал в Константинополь, где в течение шести месяцев продавал на улицах русские газеты. В ноябре 1920 через Италию приехал во Францию. Бывший министр торговли царского правительства М.Федоров, занимавшийся делами русских студентов, устроил С. в Парижский университет, в Школу политических наук, по окончании которой (1926) он начал работать в газетах «Последние новости» и «Сегодня» парламентским корреспондентом; впоследствии член редакции «Последних новостей». Писал также о крупных судебных процессах, в частности, в связи с похищениями А.Кутепова, Е.Миллера. Публиковал очерки и рассказы. Вспоминал впоследствии, как покровительственно относился к нему *П.Милюков*: «...Я ему очень благодарен за это. Я считал себя его учеником, он научил меня быть журналистом». Считал своим учителем и другого редактора газеты — А.Полякова.

По настоянию *А.Куприна* С. издал с его предисловием книгу «Париж ночью» (Париж, 1928) — очерки и рассказы о парижских улицах, притонах, проститутках. В 1930 в Париже вышла книга С. «Там, где была Россия» — о его поездке на родину в августе-октябре 1929. К книге «Звездочеты с Босфора» (Нью-Йорк, 1948) предисловие написал *И.Бунин*, который говорил С.: «Это хорошая книга, вы должны писать, из вас выработается хороший писатель, если вас не убьет журналист».

В 1933 С. сопровождал Бунина в Стокгольм для участия в торжествах по поводу получения им Нобелевской премии. «Позже при всякой встрече мы вспоминали сумасшедшие дни, последовавшие за присуждением премии. Я стал на время секретарем Бунина, принимая посетителей, отвечая на письма, давал за Бунина автографы на книгах, устраивал интервью. Приезжал я из дома в отель «Мажестик», где останавливался Бунин, рано утром и оставался там до поздней ночи. К концу дня, выпроводив последнего посетителя, мы усаживались в кресла в полном изнеможении и молча смотрели друг на друга... Письма приходили буквально со всех концов мира». В обширном личном архиве С., часть которого он передал в Йельский университет, около 100 писем Бунина, а также письма Куприна, *М.Алданова*, *Д.Мережковского.*

В 1941 С. бежал из Франции. В 1942 оказался в США без знания языка, но уже через три дня давал телеграммы последних новостей в газету «Новое русское слово», для которой регулярно писал до конца жизни. «Нет русской газеты в мире старее «Нового русского слова», и я очень горжусь, что я ее редактор и что мне в последние годы удалось поднять ее на большую высоту», — вспоминал С. в беседах с журналистом Дж.Глэдом. В Нью-Йорке С. опубликовал путевые очерки «Дорога через океан» (1942), «Сумасшедший шарманщик» (1951), «Замело тебя снегом, Россия» (1964), «Крымские рассказы» (1977) — о крымских татарах по впечатлениям доэмигрантского периода. В мемуарной книге «Далекие, близкие» (Нью-Йорк, 1962) С. рассказал о своих встречах с Куприным, Волошиным, О.Мандельштамом, Алдановым, *С.Рахманиновым*, *К.Бальмонтом*, Милюковым, А.Глазуновым, Буниным, *Ф.Шаляпиным* и др. деятелями русской культуры, сообщая подчас малоизвестные подробности их облика. С Шаляпиным С. дружил, записывал его рассказы; он отмечает, что Шаляпин «обожал скульптуру, делал прекрасные вещи», безукоризненно владел рисунком, писал портреты. Бунина С. характеризует как прекрасного актера с великолепной внешностью, мастера художественного чтения, которого К.Станис-

лавский умолял перейти на сцену. Интересны наблюдения С. о *А.Ремизове, К.Коровине* и др.

С. остро интересовал вопрос о роли российской еврейской интеллигенции в эмиграции. В статье «Русские евреи в эмигрантской литературе» (в сб. «Книга о русском еврействе. 1917-1967». Нью-Йорк, 1968) он писал, что на либеральном фланге русской эмиграции была широко представлена еврейская интеллигенция: адвокаты, книгоиздатели, общественные и политические деятели, ученые, писатели, журналисты. Из периодики, редактировавшейся евреями в годы войны и сразу после нее, С. называет «Новый журнал» (основатель *М.Цетлин*), парижскую «Русскую мысль» (С.Водов), «Воздушные пути» (в числе основателей Цетлин, Ф.Гринберг). С начала 1940-х в газете «Новое русское слово» и в «Новом журнале» сотрудничали меньшевики и эсеры Б.Двинов, С.Шварц, Д.Далин, Р.Абрамович, С.Соловейчик, Д.Шуб, *М.Вишняк*; «при довольно большом разнообразии печатных органов и их политических направлений, мы встречаем почти всюду одних и тех же сотрудников».

В эмиграции С. суждено было провести долгие годы, пережить потерю близких и друзей. К 90-м он оставался одним из последних российских эмигрантов, бережно хранивших память о своей отчизне.

Соч.: Монмартр (очерки). Париж, 1927; Там, где жили короли; очерки об окрестностях Парижа. Париж, 1930; Люди за бортом. Очерки. Париж, 1933; Только о людях. Нью-Йорк, 1955; Три юмориста // Мосты, 1961, № 7.

Лит.: Тэффи Н.А. Письма к Андрею Седых // Возд. пути, 1963, № 3; Штурман Д.М. «Далекие, близкие». Андрей Седых // Время и мы, 1979, № 45; Глэд Дж. Беседы в изгнании. М., 1991.

Е.Цурганова

СЕЛИВАНОВ Дмитрий Федорович (5.2.1855, Городище, Пензенской губ. — 5.4.1932, Прага) — математик. Родился в дворянской семье. Его отец, умерший в возрасте около 40 лет, был предводителем дворянства и мировым судьей. В семье было шесть детей. Старший брат С., юрист, стал сенатором. Его младший брат был членом Ученого комитета ведомства императрицы Марии. Начальное образование и знание иностранных языков С. получил дома. Затем он поступил в реальную гимназию в Пензе, где проявил способности и склонность к математике. По окончании гимназии в 1873 С. поступил на математическое отделение физико-математического факультета Петербургского университета, где его учителями были П.Чебышев и Ю.Сохоцкий. Под влиянием последнего С. занялся алгеброй.

После окончания университета в 1878 С. был оставлен в нем для подготовки к профессорскому званию, а через два года был послан П.Чебышевым в Берлин, где слушал лекции К.Вейерштрасса. Сдав магистерские экзамены, в 1881 С. снова уехал за границу (1882-84): сначала в Париж к Ш.Эрмиту, а затем в Берлин, куда съезжались математики разных стран. Осенью 1883 С. слушал также лекции С.Ковалевской по теории абелевых функций, которые она прочитала приватно нескольким молодым математикам. С. работал в семинаре Вейерштрасса, участвовал в заседаниях Берлинского математического общества. За границей он познакомился со многими математиками и с некоторыми из них поддерживал дружескую связь в течение всей своей жизни, чему способствовали его дальнейшие частые поездки за границу и хорошее знание иностранных языков.

В 1885 С. защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию «Теория алгебраического решения уравнений» (СПб., 1885), а 16.2.1890 в Московском университете — докторскую диссертацию «Об уравнениях пятой степени с целыми коэффициентами» (опубл. СПб., 1889). Обе работы содействовали распространению в России идей теории Галуа. С 1885 С. — приват-доцент Петербургского университета, но долгое время ему не удавалось получить там штатную должность. Приходилось дополнительно работать в других учебных заведениях: он читал различные математические курсы в Петербургском технологическом институте (1888-1900), на Высших женских (Бестужевских) курсах (с 1889). В 1905 С. стал экстраординарным, а через год — ординарным профессором Петербургского университета. Активное участие С. принимал в работе Петербургского математического общества, одним из членов-учредителей которого он был (с 1890) и на заседаниях которого неоднократно выступал с докладами. С 1903 состоял секретарем общества.

Первая научная работа С. была опубликована в 1882 в Бюллетене Математического общества Франции; об этой работе Ш.Эрмит писал, что ее автор показал себя настоящим и искусным учеником Вейерштрасса. Кроме различных статей, С. написал раздел по дифференциальному исчислению для немецкой «Энциклопедии математических наук» (1901). Более широкую известность получили учебные руководства С., особенно его «Курс исчисления конечных разностей», который вышел сначала в Лейпциге в 1904 на немецком языке, а на русском — только в 1908. Обширные научные связи С., большая эрудиция, знание многих иностранных языков способствовали его активному участию

в работе Бюро международной библиографии Российской Академии наук.

После Октябрьской революции С. работал в Петербургском университете, покидать Петербург он вряд ли собирался. Однако 19.11.1922 вместе с группой профессоров и другими представителями русской интеллигенции С. был выслан в Штеттин на немецком пароходе «Preußen». Высылку предварял арест. Как впоследствии вспоминал С., иных обвинений, кроме того, что он преподает математику не «по-красному», ему не предъявлялось; в тюрьме его продержали месяц.

В эмиграции С. был со своим верным другом и женой Еленой Павловной Подашевской, бывшей его студенткой на Высших женских курсах. После месячного пребывания в Берлине С. получил приглашение от Русской учебной коллегии в Праге и переехал в Чехословакию. Там с января 1923 до мая 1929 он читал лекции по различным разделам математики для русских студентов, а также для отдельных лиц. Одним из его чешских слушателей в 1928-29 был К.Петр, будущий профессор Карлова университета в Праге. В последние годы жизни С. не смог по состоянию здоровья продолжать чтение лекций.

За рубежом С. опубликовал несколько работ, изданных в основном в «Записках Русской учебной коллегии в Праге», а в 1930 в переводе на чешский язык вышел его известный «Курс исчисления конечных разностей».

Лит.: Салтыков Н.Н. Жизнь и ученые труды заслуженного профессора Д.Ф.Селиванова // Зап. Рус. науч. ин-та в Белграде, 1932, вып.6; Rothe R., von. D.F.Selivanoff // Jahresber. d. Deutschen math. Ver., 1934, bd. 44, h. 9-12; Юшкевич А.П. История математики в России до 1917 г. М., 1968.

Н.Ермолаева

СЕРГИЕВСКИЙ Борис Васильевич (20.2.1888, Царское Село — 1971, Нью-Йорк) — летчик-испытатель, авиационный инженер, общественный деятель. Родился в семье инженера путей сообщений; отец и мать (Екатерина Томашевская) происходили из старых русских дворянских родов. Вскоре семья переехала в Одессу, где С. закончил в 1906 реальное училище Св.Павла и поступил на строительное отделение Киевского политехнического института. Еще будучи школьником, С. был награжден медалью за спасение утопающего.

С. был активным членом созданного в институте студенческого воздухоплавательного кружка, где познакомился с *И.Сикорским*. Под руководством одного из первых русских летчиков — С.Уточкина, начал в 1912 учиться летать на самолете. В том же году, отбывая воинскую повинность, С. сдал экзамен на прапорщика запаса. После получения в 1913 диплома он вновь вернулся в армию, желая поступить в военную авиацию, но вакансии не нашлось, и С., демобилизовавшись, работал инженером-мостостроителем.

С началом 1-й мировой войны С. призвали в армию; он служил в 125-м Курском пехотном полку. В одном из боев был ранен, принял командование ротой и произведен в поручики. Находясь в действующей армии, С. получил все обер-офицерские ордена: Св.Георгия 4-й степени, Св.Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Св.Анны и Св.Станислава вторых степеней с бантом, Св.Анны и Св.Станислава третьих степеней с мечами и бантом и Св.Анны 4-й степени. В начале 1916 перешел в авиацию, служил непродолжительное время летчиком-наблюдателем. Сдав весной 1917 экзамен на военного летчика в Севастопольской военной авиационной школе, С. поступил во 2-й истребительный авиаотряд, который вскоре и возглавил. Он быстро стал одним из лучших летчиков-истребителей. В 155 воздушных боях уничтожил 11 вражеских самолетов и 3 аэростата, был произведен в штабс-капитаны.

В 1918 уехал в Англию и поступил летчиком-инструктором в Королевские ВВС, но начавшаяся гражданская война заставила его вернуться назад в Россию. В конце 1919 С. командовал эскадрильей в армии генерала Юденича, а в следующем году формировал авиацию 3-й армии генерала Врангеля на территории Польши. За свою службу летчик был награжден орденом Св.Николая 4-й степени с мечами и бантом и произведен в капитаны. После прекращения боевых действий С. работал в Польше в комиссии по военнопленным, зарабатывая также на жизнь исполнением оперных арий.

В 1923 С. вместе со своей второй женой и сыном эмигрировал в США, где первое время работал строителем, но, узнав об организации Сикорским на Лонг-Айленде собственной фирмы, присоединился к ней в качестве инженера и летчика-испытателя. Внес большой вклад в разработку S-35 и др. первых американских самолетов Сикорского. С 1926 по 1928 С. служил на гидросамолете Сикорского в нефтедобывающей компании в Колумбии, потом вернулся шеф-пилотом в фирму Сикорского в Стратфорд. Он был испытателем почти всех амфибий и летающих лодок Сикорского, установил на них с 1930 по 1936 18 мировых рекордов, совершил в 1931 уникальный перелет из Нью-Йорка в Сантьяго, принял в 1933 участие в трансафриканской экспедиции. С. заслуженно считается одним из самых выдающихся летчиков Америки и летчиком № 1 среди русских

эмигрантов. Он продолжал летать на собственной амфибии до глубокой старости, не раз пересекая Атлантику.

В 1935 С. вновь женился, на этот раз на дочери нью-йоркского миллионера Г.Б.Хохчайлда, от брака с которой имел дочь. В имении жены под Нью-Йорком прожил всю оставшуюся жизнь. Принадлежавшие ему и жене большие средства С. использовал для поддержки различных начинаний русских эмигрантов. В 1938 он занял пост вице-президента, исполняя одновременно обязанности летчика-испытателя в возглавлявшейся русским конструктором *Г.Ботезатом* фирме «Helicopter Corp. of America». Им были испытаны вертолеты GB-2 и GB-5 оригинальной соосной схемы. Вскоре после смерти Ботезата в 1940 фирма прекратила свое существование, а С. в годы 2-й мировой войны служил техническим советником 8-й и 9-й американских воздушных армий.

В послевоенные годы С. некоторое время летал на чартерных линиях, руководил летной школой на Лонг-Айленде; занимался большой общественной деятельностью. Он был бессменным председателем Общества бывших русских летчиков в США и почетным председателем всех объединений русских летчиков в зарубежье, в течение 22 лет возглавлял Союз Георгиевских кавалеров, а также руководил Союзом русских военных инвалидов и американо-русским Союзом помощи престарелым, был одним из основателей и попечителей фондов: Толстовского, Серафимовского, Эмиграционного издательского, Православного и др. До конца своих дней С. оставался русским патриотом, был крупным деятелем Русского общевоинского союза, 10 лет возглавлял Русский Политический комитет. Как истинный христианин он много помогал церкви и русским эмигрантам, пожертвовал десятки тысяч долларов обществам и частным лицам.

Лит.: Борис Васильевич Сергиевский. Нью-Йорк, 1975.

Арх.: National Air Space Museum's Archive, USA.

В.Михеев

СЕРЕБРЯКОВ Александр Борисович (1907, с. Нескучное, Белгородского у., Курской губ. — 10.1.1995, Париж) — живописец, график, дизайнер и художник театра. Сын *З.Серебряковой*. Детство провел в Нескучном и в Петербурге. В 1925 уехал вслед за матерью из России во Францию. Искусству учился самостоятельно. Помогал своему дяде — Н.Бенуа в оформлении постановок труппы *И.Рубинштейн* в Париже. В 1926 исполнил цикл географических карт для оформления временных выставок в Музее декоративных искусств в Париже. В 1928 успешно дебютировал на выставке русских художников в парижской галерее Лесника. Впоследствии неоднократно участвовал в групповых выставках в Париже, а также в Петербурге и Брюсселе. На рубеже 20-30-х писал парижские пейзажи акварелью, работал для театра и кино, иллюстрировал и оформлял книги для французских, бельгийских и американских издательств, сотрудничал в модных журналах.

В 1931 написал цикл больших панно-карт для Колониального музея в Париже; в 1934-35 разрабатывал проект оформления особняка барона Броуэра под Брюсселем с панно З.Серебряковой. В 1941 создавал проекты и расписывал интерьеры замка де Груссе. После этого начал писать акварели с изображениями интерьеров замков и королевских резиденций; продолжал разрабатывать проекты оформления интерьеров, писал панно-обманки для стен. В 1946-47 оформил балет «Сильфида» для труппы Р.Пети (постановка в Театре Елисейских полей).

Совместно с *А.Бенуа* иллюстрировал поэму А.Попова «Григорий Орлов». В 1951 написал сцены костюмированного бала в интерьерах Палаццо Лабиа в Венеции для венецианского коллекционера К. де Бестеги. В 1969 писал сцены Восточного бала в отеле Ламбер на острове Сен-Луи в Париже. В 1985 состоялась совместная ретроспективная выставка в Париже С. и его сестры, Е.Серебряковой; в 1987 — персональная ретроспективная выставка в галерее Дидье Аарон в Нью-Йорке. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Лит.: Alexandre Serebriakoff. Portraitiste d'Interieurs. Texte de Patrik Mauries. Milano, 1990.

А.Толстой

СЕРЕБРЯКОВА Зинаида Евгеньевна (28.11.1884, с. Нескучное, Белгородского у., Курской губ. — 19.11.1967, Париж) — живописец, график. Выросла в семье с давними художественными традициями. Прадед — А.К.Кавос и дед — Н.Л.Бенуа, были известными архитекторами. Отец — Е.А.Лансере — скульптор. Мать — Е.Н.Лансере (урожд. Бенуа) — училась живописи у П.Чистякова. Брат — Е.Лансере — живописец, график, член общества «Мир искусства». Племянница *А.Бенуа*. С 1901 посещала школу М.Тенишевой, где преподавал И.Репин. В 1902-3 путешествовала по Италии. Брала уроки у О.Браза (1903-5), позднее зани-

малась в Academie de la Grande Chaumière в Париже (1905-6); путешествовала по Франции; вышла замуж за Б.Серебрякова.

В 1900-е писала пейзажи и портреты крестьян Нескучного, с 1909 — портреты друзей и членов семьи. В 1909-10 участвовала в выставке «Союза русских художников» и «Современный женский портрет» в редакции журнала «Аполлон» в Петербурге. «Автопортрет» и одну из крестьянских композиций приобрела Третьяковская галерея. С 1911 — постоянный экспонент выставок Общества «Мир искусства». Много путешествовала: по Крыму в летние месяцы (1911-13), по Италии и Швейцарии (1914). В 1915-17 писала эскизы четырех панно для интерьеров Казанского вокзала в Москве. В 1917 была выдвинута в академики наряду с А.Остроумовой-Лебедевой и др. женщинами-художницами, но из-за революционных событий выборы не состоялись.

Первые послереволюционные годы жила в Нескучном с семьей; пережила смерть мужа и пожар имения. В 1919 работала в Харькове, участвовала в 1-й выставке подотдела искусств Харьковского Совета. В 1920 переехала в Петроград. Писала сценки из жизни артистов балета, городские пейзажи. Ее работы были представлены на выставках членов Дома искусств и «Мира искусства» (1922 и 1924).

В 1924 С. выехала в Париж для устройства выставки, но в Россию больше не вернулась. Участвовала в выставке русского искусства в США. Писала пейзажи. Была среди участников выставки русского искусства в Японии (1926-27).

Ее персональная выставка состоялась в 1927 в парижской галерее Шарпантье (следующие прошли там же в 1930/31, 1932, 1938); кроме того, в парижских галереях В.Гиршмана и Бернхейма (1929). Участвовала в выставке русского искусства в Париже, в Брюсселе (1928), в выставках русских художников в Берлине и Белграде (1930), в совместной с Д.Бушеном выставке в Брюсселе и Антверпене (1931), в выставках русского искусства в Париже и Риге (1932), Праге (1935). В 1928-32 работала в Марокко. Вернувшись в Европу, создала в 1933-34 серию итальянских пейзажей; писала декоративные панно для особняка барона Броуэра под Брюсселем (разработку интерьеров осуществил ее сын — *А.Серебряков*). В 1954 состоялась персональная выставка С. в ее собственной мастерской в Париже, а в 1965-66 — персональная ретроспективная выставка в Москве, Ленинграде, Киеве и Новосибирске. Похоронена на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Лит.: Князева В.П. З.Е.Серебрякова. М., 1979; З.Серебрякова. Сб. материалов и каталог экспозиции к 100-летию со дня рождения художника. М., 1986; Зинаида Серебрякова. Письма. Современники о художнице. Авт.-сост. В.П.Князева и Ю.Н.Подкопаева. М., 1987; З.Серебрякова. Избр. произведения. Альбом. Авт.-сост. Т.А.Савицкая. М., 1988.

А.Толстой

СИКОРСКИЙ Игорь Иванович (25.5.1889, Киев — 26.10.1972, США) — конструктор и ученый в области вертолето- и самолетостроения. Родился в семье известного врача-психиатра, профессора Киевского университета. После окончания в 1906 в Петербурге Морского кадетского корпуса вернулся в Киев. В связи с революционными событиями высшие учебные заведения не работали, и С., чтобы не терять времени, уехал во Францию, где учился в технической школе Дювиньо де Ланно. В 1907 он поступил в Киевский политехнический институт, который, однако, ему закончить так и не удалось; диплом инженера ему выдал Петербургский политехнический институт в 1914 за создание многомоторных воздушных кораблей.

После опытов с летающими моделями и изучения воздушных винтов С. в июле 1909 во дворе своего киевского дома построил первый в России вертолет, доведенный до состояния натурных испытаний. Подъемная сила его соосных несущих винтов была недостаточной, и С. ранней весной 1910 собрал второй вертолет. Этот аппарат был первым и единственным в России вертолетом, способным поднимать свой собственный вес. Тогда же С. пришел к выводу, что время вертолетов еще не наступило и более перспективными являются самолеты.

Свой первый самолет С. построил на Куреневском аэродроме, в мастерских, созданных совместно с Ф.Былинкиным. Законченный в апреле 1910 БиС-I мог только подпрыгивать. Впервые подняться в воздух С. удалось 3.6.1910 на своем втором самолете — БиС-2. Из-за недостаточного запаса мощности самолет мог летать только по прямой. Характеристики последующих самолетов С. — С-3 и С-4 — также были невысокими. Намного совершеннее и крупнее оказался С-5. На нем С. сдал экзамен на звание пилота, установил 4 всероссийских рекорда, совершил показательные полеты, а в начале сентября 1911 участвовал в военных маневрах, где продемонстрировал превосходство С-5 над принятыми на вооружение самолетами иностранных марок. Учтя опыт постройки и испытаний С-5, С. разработал в конце 1911 самолет С-6, на котором установил мировой рекорд скорости полета с двумя пассажирами. Конструктор был удостоен почетной медали Императорского Русского технического

общества. Модификация самолета С-6А была выставлена на Московской Воздухоплавательной выставке 1912, где С. удостоился Большой золотой медали. Его имя стало широко известно в России.

В апреле 1912 председатель правления Русско-балтийского вагонного завода (РБВЗ) М.Шидловский пригласил С. на должность главного конструктора авиационного отдела завода. Сначала на РБВЗ строился С-6Б; в сентябре 1912 этот самолет занял первое место в военном конкурсе аэропланов, опередив лучшие аппараты иностранных конструкций. Следующий, С-7, на котором С. первый раз опробовал схему моноплана, стал первым самолетом отечественной конструкции, проданным за рубеж. На учебном С-8 места конструктора и ученика располагались рядом. Биплан С-10 и моноплан С-11А стали победителями конкурса военных аэропланов (1913). Моноплан С-12 создавался как тренировочный и применялся в 1-ю мировую войну на фронте в качестве разведчика. На основе С-10 в 1913 был разработан гидросамолет С-15.

Основными направлениями развития самолетостроения конструктор считал повышение скорости и грузоподъемности. Скоростной трехместный моноплан С-11 «Круглый» имел монококовый фюзеляж и хорошие аэродинамические формы, но оказался перетяжеленным. Творческая удача ждала С. на другом направлении — повышении грузоподъемности. Уже в 1911 он разработал концепцию многомоторного тяжелого самолета-гиганта с закрытой комфортабельной кабиной для членов экипажа и пассажиров. С. предвидел использование таких самолетов в России на регулярных пассажирских линиях, для перевозки срочных грузов, для освоения Сибири и Северного морского пути. Несмотря на мнение большинства авиационных авторитетов того времени, отвергавших идею тяжелого многомоторного самолета, председатель правления РБВЗ разрешил в октябре 1912 молодому конструктору приступить к постройке невиданного до тех пор аппарата. В начале марта следующего года С-9 «Большой Балтийский» или «Гранд» был готов. Первоначально он имел два двигателя с тянущими винтами, установленными на крыльях по бокам фюзеляжа. Затем в тандем к ним добавили еще два с толкающими винтами.

Превосходивший в несколько раз по размерам и весу все до тех пор построенные самолеты, гигантский биплан совершил первый полет 27.4.1913, а 10 мая был показан в полете над Петербургом. В июне 1913 четыре двигателя из положения попарно в тандем переставили в ряд по крылу. Самолет был переименован в «Русский Витязь». Он дал жизнь целому направлению в авиации — тяжелому самолетостроению и стал родоначальником всех многомоторных гигантов — пассажирских авиалайнеров, тяжелых бомбардировщиков и транспортных самолетов. 10.12.1913 поднялся в воздух «Илья Муромец», являвшийся дальнейшей модификацией «Русского Витязя». После многочисленных испытательных, рекордных и демонстрационных полетов аппарат был установлен на поплавки и оставался до 1917 самым большим гидросамолетом в мире. На втором «Муромце» С. с экипажем из трех человек совершил летом 1914 уникальный перелет из Петербурга в Киев и обратно. Военное министерство выдало РБВЗ большой заказ на «Муромцы» в варианте дальнего разведчика и бомбардировщика.

Первоначальное разрозненное применение «Муромцев» на фронтах 1-й мировой войны было неудачным, пока их не свели вместе в «Эскадру воздушных кораблей», во главе которой стал М.Шидловский. С ним вместе на фронт отправился и С. Он лично обучал экипажи, разрабатывал тактику применения бомбардировщиков и оперативно вносил изменения в их конструкцию. Вслед за первыми типами «Муромцев» завод освоил серийное производство их улучшенных моделей: «В», «Г», «Д» и «Е». О качестве самолетов говорит тот факт, что за всю войну был сбит только один «Муромец». Помимо тяжелых бомбардировщиков, С. в годы войны разрабатывал и легкие самолеты. Серийно строился в 1914-16, сначала как разведчик, а потом как истребитель-перехватчик, маленький биплан С-16.

Двухместный истребитель и разведчик С-17 продолжил линию развития С-6 и С-10. Двухмоторный С-18 представлял собой истребитель сопровождения. С-16 и С-18 были первыми истребителями отечественной конструкции. С. создал и первый отечественный штурмовик С-19. Последним самолетом, построенным конструктором в России, был одноместный истребитель С-20, превосходивший по своим характеристикам аналогичные иностранные образцы. Всего в России в 1909-17 С. было создано 25 типов самолетов и два вертолета.

С развалом армии и промышленности в 1917 РБВЗ был закрыт; многие соратники С., в том числе Шидловский, — убиты. В марте 1918 С. отправился на английском корабле из Мурманска во Францию, где ему предложили продолжить конструкторскую деятельность. Мировая война закончилась раньше, чем он построил французский вариант «Ильи Муромца».

В марте 1919 С. перебрался в США, где был вынужден начать практически с нуля, зарабатывая первоначально на жизнь учителем вечерней школы. В 1923 ему удалось вместе с

группой русских эмигрантов организовать самолетостроительную фирму «Sikorsky Air Engineering». Финансовую поддержку авиастроителю оказал *С.Рахманинов*.

Эксплуатация первого построенного в США самолета — S-29A, представлявшего собой дальнейшее развитие «Ильи Муромца», позволила несколько укрепить финансовое положение фирмы. Однако время тяжелых транспортных самолетов еще не пришло, и С. пришлось попробовать свои силы на поприще легкой авиации. Так появились самолет-разведчик S-31, пассажирский S-32, авиетка S-33, амфибия S-34. Все же занять прочное место на хорошо обеспеченном в этих классах самолетов американском рынке оказалось непросто. С. вновь попытал счастья на тяжелых бипланах S-35 и S-37, предназначавшихся для первого трансатлантического перелета. Его ждала неудача: S-35 разбился при взлете, а ко времени постройки S-37 трансатлантический перелет был уже совершен.

Для становления фирмы требовалось создать машину, пользующуюся широким спросом. Ею стала 10-местная двухмоторная амфибия S-38, разработанная в 1928 на основе опыта постройки S-36. Амфибии С. стали применяться во всех частях земного шара. Об их надежности и безопасности ходили легенды. «Русская» фирма С. оказалась завалена заказами и была принята в состав мощной авиационной корпорации «United Aircraft and Transport Corp.». Потеряв самостоятельность, фирма С. получила надежное экономическое обеспечение. Основными работниками фирмы С. были русские эмигранты, в числе его первых помощников — талантливые инженеры Михаил и Сергей Глухаревы, Борис Лабенский, Михаил Быовид, Николай Гладкевич, Игорь Сикорский (двоюродный брат), Дмитрий Винер и др. Фирма С. дала работу и специальность многим выходцам из России, ранее не имевшим отношения к авиации. Рядом с заводом в Стратфорде (шт. Коннектикут) образовалась большая русская колония, были открыты клуб, церковь, школа и даже русская опера.

Используя опыт S-38, С. вскоре создал удачные серийные амфибии: 5-местную «летающую яхту» S-39, 16-местную S-41 и 45-местный «летающий клиппер» S-40. Четырехмоторные S-40 стали первыми серийными пассажирскими авиалайнерами, эксплуатировавшимися на регулярных океанских авиалиниях большой протяженности. На амфибиях С. произошло становление известной авиакомпании «Pan American», которая также заказала С. первые многомоторные пассажирские авиалайнеры S-42, предназначенные для регулярных трансокеанских перевозок. Первый S-42 поступил в 1934 на пассажирскую авиалинию, связывавшую обе Америки, второй — в 1935 открыл рейсы через Тихий океан. В 1937 на серийном S-42 начались и первые пассажирские перевозки через Атлантику. Так, летающая лодка «русской» фирмы С. стала первым самолетом, соединившим континенты. Ее уменьшенная модификация, двухмоторная S-43, широко эксплуатировалась в разных частях света, в том числе и в СССР, главным образом, в системе «Севморпуть». Последним самолетом С. стала большая четырехмоторная летающая лодка S-44, созданная в 1937. Она была хорошим аппаратом, но время «летающих клипперов» уже прошло, и гигантская S-45 так и осталась в проекте. К концу 30-х спрос на амфибии и летающие лодки упал, и правление «United Aircraft» слило в 1938 фирму С. с фирмой «Vought».

Роль субподрядчика не устраивала авиаконструктора, и С. вместе с небольшой группой русских эмигрантов начал работы по созданию вертолета. Он не прекращал интересоваться винтокрылыми аппаратами все годы работы в самолетостроении. Авиаконструктор прозорливо предвидел реальную возможность создания работоспособного вертолета. Правление «United Aircraft», впрочем, отнеслось к работе С. скептически, особенно большие сомнения вызывала выбранная одновинтовая схема. В настоящее время, однако, ее имеют свыше 90% построенных вертолетов. Экспериментальный VS-300 впервые оторвался от земли 14.9.1939 под управлением самого конструктора. Вскоре последовал заказ на армейский вертолет связи и наблюдения. Двухместный S-47 был готов в декабре 1941 и стал первым в мире вертолетом, запущенным в крупносерийное производство. Он был единственным вертолетом стран антигитлеровской коалиции, принявшим участие во 2-й мировой войне. За S-47 последовали в 1943 его улучшенная модификация — S-49 и более тяжелый S-48. Правление «United Aircraft» в январе 1943 восстановило самостоятельность фирмы С., которая существует до настоящего времени и является ведущим производителем вертолетной техники.

По окончании 2-й мировой войны С. в 1946 построил S-51, широко применявшийся как для военных, так и для гражданских целей во многих государствах; особенно прославился он на операциях по спасению человеческих жизней. Именно это назначение С. всегда считал главным для вертолета. С приобретением лицензии на S-51 началось серийное вертолетостроение в Великобритании. Легкий S-52 стал первым в мире вертолетом, выполнившим фигуры высшего пилотажа. Однако наибольший успех ждал С. на поприще создания тяже-

лых вертолетов, здесь ему не было равных. Он построил по классической одновинтовой схеме в 1949 3,5-тонный S-55, а в 1953 — 14-тонный S-56, доказав возможность использования такой схемы для вертолетов любого весового класса. Гениально изменяя компоновку, С. создал на редкость удачные для своего времени транспортные вертолеты.

С лицензии на S-55 началось серийное вертолетостроение во Франции. Он же стал первым вертолетом, совершившим перелет через Атлантику. S-56 был самым большим и грузоподъемным серийным вертолетом с поршневыми двигателями; установив мировой рекорд, он стал и самым скоростным. Фирме С. традиционно принадлежит большинство рекордов мира по скорости полета. На базе динамической системы S-56 С. впоследствии построил новый экспериментальный вертолет S-60, воплощавший собой концепцию бесфюзеляжного вертолета-крана.

Последним вертолетом, построенным С. до ухода на пенсию, стал S-58, поднявшийся в воздух в 1954. Он строился, кроме США, в Великобритании, Франции и Японии. S-58 по праву считается лучшим зарубежным вертолетом первого поколения. В 1957, когда серийное производство S-58 достигло своего пика (до 400 машин в год), С. вышел на пенсию, сохранив за собой должность советника фирмы. Он оставил фирму в превосходном состоянии, ни один из конкурентов не мог сравниться с ней по техническому и лабораторному оснащению, по числу сотрудников, объему и ассортименту продукции, количеству гарантированных заказов.

Мощный задел и постоянные советы С. способствовали созданию в конце 50-х — начале 60-х на фирме «Sikorsky Aircraft» удачных вертолетов нового, второго поколения, главной особенностью которых было применение газотурбинных двигателей вместо поршневых. На смену S-55 пришел S-62, S-58 заменил S-61, отличительной особенностью которого было большое число (14) базовых модификаций. Вместо S-56 и S-60 были запущены в серийное производство S-64 и S-65, ставшие самыми грузоподъемными вертолетами за рубежом. На базе S-61 было создано несколько экспериментальных скоростных винтокрылов, а в 1970 — опытный боевой вертолет S-67.

Основатель мирового вертолетостроения оставался на недосягаемой высоте вплоть до самого конца своей трудовой деятельности. Под его руководством были созданы и доведены до серийного производства вертолеты всех существовавших классов, не уступавшие, а в ряде случаев и превосходившие машины других конструкторов. Недаром С. еще при жизни называли «вертолетчиком № 1». В США им было создано 17 типов самолетов и 18 — вертолетов.

С. был дважды женат. Первый брак (1917) был непродолжительным. От него осталась дочь Татьяна (по мужу — фон Йорк). Она много лет работала профессором социологии Бриджпортского университета, автор ряда книг. Второй раз С. вступил в брак в 1924 с Елизаветой Алексеевной Семеновой. Их первый сын, Сергей, пошел по стопам отца: работал в «United Aircraft», занимал пост вице-президента в «Sikorsky Aircraft». Второй сын, Николай, стал скрипачем, третий — Игорь — адвокат и политический деятель, четвертый — Георгий — математик, специалист по компьютерам.

С. принимал активное участие в жизни русской колонии в США, оказывал моральную и материальную поддержку соотечественникам, различным общественным и политическим эмигрантским организациям, неоднократно выступал в них с лекциями и докладами, причем не только на авиационные темы.

Великий авиаконструктор много сделал по пропаганде в Америке достижений русской культуры и науки. Будучи глубоко религиозным человеком, С. способствовал развитию русской православной церкви в США: поддерживал ее материально, являлся автором ряда книг и брошюр (в частности, «Эволюция души» и «В поисках высшего разума»), относимых специалистами к числу наиболее оригинальных произведений русской зарубежной богословской мысли.

За свою жизнь С. получил более 80 различных почетных наград, призов и дипломов. Среди них российский орден Св.Владимира 4-й степени, медали Давида Гугенхейма, Джеймса Уатта, диплом Национального зала Славы изобретателей. В 1948 ему была вручена редкая награда — «Мемориальный приз братьев Райт», а в 1967 он был награжден почетной медалью Джона Фрица «За научно-технические достижения в области фундаментальных и прикладных наук». В авиации, кроме него, ею был удостоен только Орвиль Райт. С. был почетным доктором многих университетов.

Соч.: Sikorsky I. The Story of the Winged S. New York, 1967; Delear F.J. Igor Sikorsky. New York, 1969.

Лит.: Катышев Г.И., Михеев В.Р. Крылья Сикорского. М., 1992.

В.Михеев

СИРОТИНИН Василий Николаевич (1.1.1856, Петербург — 12.1.1934, Париж) — врач-терапевт. Выпускник Императорской Военно-медицинской академии в Петербурге (ВМА). Учился

у знаменитого русского врача-терапевта и общественного деятеля, профессора ВМА С.Боткина. В 1884, будучи ординатором клиники Боткина, защитил диссертацию на степень доктора медицины по физиологии кровообращения. В 1895 был избран профессором ВМА по кафедре частной патологии и терапии. С 1904 директор Госпитальной клиники внутренних болезней академии, заведующий 1-м терапевтическим отделением Клинического военного госпиталя, председатель медицинского совета академии, лейб-медик и член главного управления Красного Креста. На этих должностях его и застала революция 1917.

Во время гражданской войны С. был председателем медицинского совета при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерале *Деникине*. Покинув Россию, обосновался с семьей в Югославии. Здесь работал в должности консультанта Белградского госпиталя и одновременно — врачом короля Петра I. В 1921 был избран председателем Русско-Сербского медицинского общества. В 1924 С. переехал во Францию, где продолжил свою врачебную деятельность. Французское правительство высоко отметило научные заслуги С., наградив его орденом Почетного легиона. Король Югославии Александр наградил С. в честь 50-летия его научной деятельности орденом Св.Саввы 1-й степени со звездой, при королевском рескрипте.

Умер в Париже от инфаркта. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Жена — Екатерина Сиротинина, скончалась в Париже в 1938.

Основные научные работы С. были посвящены исследованию патологии внутренних органов и описанию клиники различных заболеваний. В своих экспериментальных и клинических работах широко использовал бактериологические, химические и физиологические методы. В медицине известен симптом Сиротинина-Куковера, широко используемый для диагностики поражений аорты сердца при сифилисе.

Соч.: Лекции, читанные в 1910-11 году проф. В.Н.Сиротининым, вып. 1. СПб., 1913; Сергей Петрович Боткин. Харьков, 1928.

Лит.: Беляев Б. Памяти В.Н.Сиротинина // ПН, 1934, 14 янв.; Чирейкин. К симптому В.Н.Сиротинина // Клин. мед., 1930, № 4.

Т.Ульянкина

СКИТАЛЕЦ (наст. фам. Петров) Степан Гаврилович (28.10.1869, с. Обшаровка, Самарской губ. — 25.6.1941, Москва) — поэт, прозаик, публицист. Родился в семье бывшего крепостного, столяра и гусляра. Учился в Самарской учительской семинарии, откуда в 1887 исключен ввиду политической неблагонадежности. Принимал участие в революционном движении, в 1888, 1901, 1902 и 1905 подвергался арестам. Первые стихотворения С. были опубликованы в харьковской газете «Южный край» в 1884; активную литературную деятельность начал в 1897 в «Самарской газете», где на протяжении трех лет, как впоследствии указал в автобиографии, «писал еженедельные большие фельетоны в стихах под псевдонимом Скиталец под общим заглавием «Самарские строфы». Знакомство в 1898 с М.Горьким во многом определило дальнейшую литературную судьбу С. В 1900 в журнале «Жизнь» было напечатано первое большое его произведение — повесть «Октава», в 1901 в журнале «Современный мир» — повесть «Сквозь строй». Кроме того, печатался в «Журнале для всех», газетах «Нижегородский листок» и «Курьер». 12.12.1902 на благотворительном вечере в московском Благородном собрании выступил с чтением своего стихотворения «Гусляр», после чего выход газеты «Курьер», где оно было опубликовано в разрешенном цензурой виде, был приостановлен на 2 месяца. В 1900-х С. — активный участник литературного кружка «Среда».

Основные произведения С. этого времени: «Кандалы» (1904), «Полевой суд» (1905), «В дороге (1905), «Лес разгорался» (1906), «Огарки» (1906), «Этапы» (1907), стихотворения «Гусляр», «Колокол», «Я и меч». Творчество С. отличалось демократическими тенденциями в изображении народной жизни и народных характеров. В 1902-7 в издательстве «Знание» вышли три тома его произведений; 4, 5 и 6 тома вышли в 1912 в издательствах «Общая польза» и «Освобождение». Собрание сочинений в 8-ми томах выпустило в 1916-19 книгоиздательство «Жизнь и знание».

В начале 1-й мировой войны С. отправился санитаром на фронт, результатом этой поездки явились несколько очерков и рассказов, в которых он выступил с осуждением войны. Принял как Февральскую, так и Октябрьскую революции. 14.5.1921 с группой писателей был командирован А.Луначарским в Дальневосточную республику (ДВР) для установления связей с местными литературными организациями и, как говорилось в мандате Наркомпроса, «для собирания образцов народного революционного творчества». Поскольку Владивосток был занят белогвардейцами, С. остался в Чите, где организовал газету, выходившую до конца 1921. Напечатал в Благовещенске в литературном альманахе «Утес» рассказ «Лаврентий Шибаев». В конце декабря 1921 был направлен правительством ДВР в Харбин для постановки его

пьесы «Вольница», но не сумел оттуда своевременно выехать и поэтому считал себя «невольным» эмигрантом.

В Харбине С. много печатался в газетах «Русский голос» («Русское слово»), «Герольд Харбина», «Новости жизни», «Молва». Перерабатывал свои прежние произведения — «Этапы», «Кандалы», работал над романом «Дом Черновых» (впервые опубл. в СССР в 1935; фрагменты в «Русском слове» в 1927).

Среди опубликованного в газетах — стихотворные фельетоны «Харбинские письма», воспоминания о встречах с Л.Толстым, А.Чеховым, В.Короленко, Н.Гариным-Михайловским, Н.Златовратским, М.Горьким, *Л.Андреевым*, *Ф.Шаляпиным*, *М.Арцыбашевым* и др., ряд рассказов, очерки «Силуэты революции» (1922). В первом очерке «Ленин и Плеханов» вспоминал о встречах с В.Лениным в Самаре весной 1889, в Женеве в 1903 и о состоявшемся на квартире С. в Петербурге в 1905 совещании сотрудников газеты «Новая жизнь», когда С. задело восклицание Ленина: «Что такое Россия?... Социализм выше России, человечество больше России». «Начетчику от революции» Ленину С. противопоставлял «мудрого европейца» Г.Плеханова. В очерке «Палач» С. пересказывал покаянную исповедь работника ЧК и выражал тревогу, что «новая власть с еще большей жестокостью, чем прежняя, будет подозревать, травить за каждое правдивое слово, за всякое истинное дело».

Вспоминал о встрече в занятом белыми Симбирске с разоренным большевистской революцией атлетом И.Заикиным и о старике, которого большевики расстреляли за то, что он предоставил свое жилье белым офицерам. К «Силуэтам революции» примыкали путевые впечатления «В Приморской земле»; не склонный идеализировать ни белых, ни интеллигенцию, С. сочувственно приводил слова учителя из Никольска Уссурийского: «Пусть революция сметет нас, издерганное, несчастное, чеховское поколение, — вырастут они, новые люди, и построят новую жизнь». Рецензировал произведения писателей-эмигрантов, бывших «знаньевцев» — *Е.Чирикова, И.Шмелева.* 2.12.1927 в письме главному редактору газеты «Русское слово» С. заявил об уходе из газеты «ввиду расхождения моих взглядов с взглядами редакции по общественно-политическим вопросам».

С 1928 сотрудничал в московском журнале «Красная новь», где появился ряд его статей о советской литературе — о «Жизни Клима Самгина» Горького (статья «Питомец славы»), о В.Маяковском, Ф.Панфёрове, П.Романове и др. С этого времени не раз выражал желание вернуться в СССР, однако из-за конфликта на КВЖД советским подданным (каковым был С.) выезд до 1933 был запрещен, и только 17.6.1934 он вернулся в Москву. Незадолго до этого, 24.4.1934, «Литературная газета» опубликовала письмо С., в котором он писал: «Ураганом событий надолго оторванный от моей страны, я сердцем, мыслью не отрывался от нее, взоры мои всегда были прикованы к ней».

В Москве неоднократно встречался с Горьким; для 1-го съезда советских писателей подготовил доклад «Эмигрантская литература», который не был произнесен, а только опубликован в стенографическом отчете. В этом докладе он с просоветских позиций писал об «обульваривании» литературы эмиграции, о падении и оскудении талантов *И.Бунина, А.Куприна,* И.Шмелева, *Н.Тэффи*, о «желтой прессе» Харбина и т.д. Смерть С. через несколько дней после начала войны прошла незамеченной.

Лит.: Заурядбуревестник // Рус. слово, 1927, 4 дек.; Вельский Р. Человек и его тень: Писатель Скиталец (Петров) сменил вехи // Сегодня, 1927, 21 дек.

А.Руднев
В.Чуваков

СЛОБОДСКАЯ Ода Абрамовна (28.11.1895, Вильно — авг. 1970, Лондон) — артистка оперы, концертная певица (драматическое сопрано). Воспитанница Петербургской консерватории, занималась в классе знаменитого педагога, специалиста «по женским голосам», профессора Н.Ирецкой. Дебютировала в Петроградском Народном доме в роковой день 25.10.1917 в опере Дж.Верди «Дон Карлос». В этом спектакле, состоявшемся, несмотря на гремевшие в Петрограде выстрелы, в роли Короля Филиппа выступал *Ф.Шаляпин*, Королеву Елизавету пела С. Первое выступление С. на сцене Мариинского театра состоялось в 1918, С. исполнила партию Лизы в «Пиковой даме» П.Чайковского. Работа в Мариинском театре в послереволюционные годы не сделала ее имя известным. Настоящая артистическая карьера С. началась лишь в Париже в 1922. 3 июня на сцене «Grand-Opéra» силами антрепризы *С.Дягилева* была впервые представлена публике опера *И.Стравинского* «Мавра». Партия Параши исполнялась С., в роли Соседки выступила Елена Садовень, голос которой записывала крупнейшая компания грампластинок в Европе «Gramophone — His Masters Voice», в роли Гусара — Стефан Белина-Скупевский, дирижировал Г.Фительберг. С этого времени имя С. приобретает европейскую славу. В 1920-х она работала в Русской опере в Париже, совершала гастрольные поездки с украинским хором по

Северной и Южной Америке, давала сольные концерты в Мексике. Лучшая работа С. в Русской опере — Феврония в «Сказании о невидимом граде Китеже и деве Февронии» Н.Римского-Корсакова — принесла певице триумфальный успех во время гастролей труппы в «La Scala» и др. крупнейших театрах. Строгий возвышенный вокальный и сценический стиль, выдающиеся качества музыканта-интерпретатора, искренность пения, присущие С., в полной мере соответствовали требованиям, предъявляемым партии Февронии. В целом исполнительская манера артистки противоречила моде того времени на избыточную внешнюю эмоциональность, но была столь убедительна своей правдивостью, что позволила С. занять особое место в певческой элите своей эпохи.

В 1931 С. поселилась в Лондоне, где выступала на сцене театра «Drury Lane» под управлением знаменитого английского дирижера сэра Томаса Бичема. В том же году в Лондоне гастролировал Шаляпин с труппой Русской оперы. Через 10 лет после совместной работы в Мариинском театре Шаляпин и С. снова встретились на сцене, в «Русалке» Д.Даргомыжского (С. исполнила партию Наташи). В следующем сезоне певица дебютировала в Королевском театре «Covent Garden» в опере Р.Вагнера «Тангейзер» в партии Венеры, чаще исполняемой певицами меццо-сопрано, нежели сопрано. Ее партнером был лучший вагнеровский тенор тех лет датчанин Лауритц Мельхиор.

В дальнейшем она выступала в «Covent Garden» в разнообразном репертуаре. С. была первой в Англии исполнительницей Катерины Измайловой в «Леди Макбет Мценского уезда» Д.Шостаковича (Лондон, 1936, концертная постановка под управлением Альберта Коутса). В разгар 2-й мировой войны, в 1943, она содействовала постановке в лондонском театре «Savoy» оперы М.Мусоргского «Сорочинская ярмарка» и исполнила в ней роль Параси.

Много сил С. отдавала концертам, в которых знакомила публику с богатством русской музыкальной культуры. Программы концертов она составляла, сочетая классические романсы с произведениями композиторов-современников — *А.Гречанинова, С.Рахманинова, Н.Метнера*, И.Стравинского и др. Если до начала войны С., помимо Англии, выступала с концертами в континентальной Европе (в основном в Голландии и Бельгии), то по ее окончании ограничила свою деятельность пределами Великобритании. Концертные выступления и работа в студиях грамзаписи продолжалась до 1960. Но и в последующие годы С. не порывала с искусством, выступая по радио (Би-Би-Си). Незадолго до смерти С. побывала в Ленинграде, где у нее проживали родственники, но затем вернулась в Лондон, на родину супруга-летчика, погибшего во время войны в «битве над Англией». Свой артистический архив она передала в частное собрание в Петербурге.

Имя этой замечательной певицы практически забыто в России, но в Англии С. и по сей день является одним из самых почитаемых русских музыкантов, наряду с Шаляпиным и *В.Розингом*. Исполнение ею русского камерного репертуара (в Англии довольно хорошо известного) и ныне считается эталонным. Записи С. в полной мере подтверждают ее высокую репутацию певицы. Ею был записан обширный репертуар. На пластинках «His Masters Voice» значительнейшей работой певицы являются записи романсов Метнера в ансамбле с автором, одним из лучших пианистов своего времени. Часть этих записей была выпущена в 1983 фирмой «Мелодия» в составе авторской пластинки Метнера. Романсы русских композиторов записывала С. и для другой крупной граммофонной компании «Decca».

Позднейшие, 1950-х, записи принадлежат фирме «Saga». На этих, уже «долгоиграющих», пластинках записан разнообразный репертуар — от «Письма Татьяны» (поистине выдающееся исполнение, подлинный шедевр) до песни М.Блантера «В лесу прифронтовом». Романсы Чайковского, Гречанинова, песни Стравинского и Я.Сибелиуса, произведения популярные и совершенно нерепертуарные — все они в исполнении С. приобретают особую значимость, «классичность». Голос певицы отличался редкостным по благородству тембром, а ее исполнительская манера — строгостью, сдержанностью, исключавшими какую-либо поверхностность.

Лит.: Unvergängliche Stimmen. Sängerlexicon. Bern & München, 1975.

П.Н.

СЛОНИМ Марк Львович (23.3.1894, Новгород-Северский — 1976, Болье-сюр-Мер, близ Ниццы) — политический деятель, публицист, литературный критик, переводчик. Окончил классическую гимназию в Одессе, Петербургский университет и Институт Высших наук во Флоренции (историко-филологический факультет). Член партии эсеров, депутат Учредительного собрания. Покинул Россию в 1919, жил во Флоренции, Праге, Париже. В 1941 переехал в США, где преподавал русскую и европейскую литературу в американских колледжах.

В книге «Русские предтечи большевизма» (Берлин, 1922) С. писал, что корни большеви-

стской идеологии «уходят далеко вглубь прошлого столетия, не только в учение Маркса, но и в доктрину славянофилов, в коммунистический анархизм Бакунина или социальный максимализм Герцена»; при этом «русские предтечи большевизма суть одновременно духовные отцы антибольшевистской идеологии». Автор книг «По золотой тропе: Чехословацкие впечатления» (Париж, 1928); «Портреты советских писателей» (Париж, 1933). С. опубликовал переводы: «Воспоминания Дж.Казановы» (т.1. Берлин, 1923); «Итальянские новеллы» Стендаля (Берлин); «Цивилизация и другие рассказы» Ж.Дюамеля (Прага, 1924).

Основным литературно-критическим трудом С. является двухтомная история русской литературы. Первый том — «The Epic of Russian Literature: From its Origin through Tolstoy» (New York, 1950) — охватывает область древней русской письменности и фольклора, а также литературу XVIII и XIX вв. до Л.Толстого включительно. Второй том — «Modern Russian Literature: From Chekhov to the Present» (New York, 1953) — начинается с анализа народничества 1870-х, заканчивается обзором послевоенной советской литературы. С. использует различные литературные критические подходы: социально-исторические, идеологические, психологические и формально-эстетические, что вызвало упреки в эклектизме. Ю.Маклейн, автор рецензии на книгу С. (1953), писал: «Лозунг критических суждений везде — осторожность, трезвость, здравый смысл... у Слонима не чувствуется цельного критического взгляда».

В.Яновский оценивал литературно-критическую деятельность и личность С. как «провинциальную и второклассную», главным его поприщем считал политику. В январе 1921 С. принимал участие в совещании бывших членов Учредительного собрания в Париже, на котором принял сторону левых эсеров и сблизился с меньшевиками. В 1922 С. (вместе с В.Лебедевым, Е.Сталинским, В.Сухомлиным) возглавлял эсеровский по ориентации толстый ежемесячный журнал «Воля России» (1922-32). По свидетельству *Н.Берберовой*, С. был масоном. В «Воле России» С. вел отделы: литературный дневник, литературная хроника, обзор журналов. Он стал руководителем объединения «Кочевье», которое в 20-30-е опиралось на «Волю России». По четвергам в кафе напротив вокзала Монпарнас собирались все представители «Кочевья». С. занимался тогда творчеством советских писателей (Бабель, Олеша, Зощенко, Леонов, Катаев), полагая, что им принадлежит будущее, тогда как русская зарубежная литература обречена на умирание. С. руководил агентством «Европейское литературное бюро» в Париже, сотрудничал в журнале «Числа», газетах «Дни», «Огни», «Голос России». В.Яновский писал, что С., кроме политики, «находил время, чтобы заниматься искусством и, по-видимому, любил это трудное занятие. Причем не ограничивал себя предметами одной культуры. В самом деле, он знал толк и во французских школах, и в итальянских романах, и в американских новеллах: для русского интеллигента, успешно боровшегося с царским режимом, нет и не может быть мещанских ограничений».

Накануне 2-й мировой войны в русской эмиграции обнажились мировоззренческие расхождения, явившиеся продолжением дискуссии 1920-х о допустимости и недопустимости иностранной интервенции в России и о сущности советской власти. С. был на либеральном (керенско-милюковском) фланге, считая, что главное — сохранить «русскую территорию», большевизм рано или поздно кончится сам. С. стал одним из создателей «Российского эмигрантского оборонческого движения», с участниками которого сотрудничал врангелевский генерал П.Махров, призывавший создать эмигрантский «Оборонческий батальон» для борьбы с Красной армией. В связи с делом «Оборонческого движения» С. сидел в лагере, созданном французской полицией.

В 1942 С. помогал С.Прегель выработать патриотическое направление нового литературного журнала «Новоселье», который она стала издавать в Нью-Йорке, а затем в Париже. В редакционной статье «Новоселья» (1947, № 33-34) была определена платформа журнала: «Создать независимый орган, посвященный литературе, искусству и науке и откликающийся на вопросы современности, объединить вокруг него русские творческие силы в Америке и Европе и крепить в его читателях живую связь с родиной».

В книге С. «Три любви Достоевского» (Нью-Йорк, 1953; М., 1991) его целью было «проследить историю отношений великого писателя к женщинам и рассказать об его увлечениях и двух браках с возможной полнотой, без стыдливых умолчаний и обычного прихорашивания действительности». С. выступает здесь не как «летописец, а как рассказчик и толкователь», в распоряжении которого были многочисленные документы, позволившие ему судить о роли пола и любви в жизни Достоевского и пролить свет на «тайны, провалы и безумия пола», раскрытые в произведениях писателя.

В книге «Soviet Russian Literature. Writers and Problems. 1917-1977» (New York, 1977) С. исследует влияние коммунистической идеологии на литературу в период от Сталина до Хрущева. Круг имен писателей широк — от Блока, Мандельштама, Ахматовой до поэтов «новой волны», включая Евтушенко и Вознесенского. В

книге обсуждаются многие теоретические проблемы: метод социалистического реализма, коммунистическая эстетика, исторический роман, значение литературы самиздата и др. Портреты писателей даны в соотнесении с их политическими взглядами и характеристикой их творческого метода. И.Бабель рассматривается как романтик, *Е.Замятин* — ироничный диссидент, Б.Пильняк — символист, Л.Леонов — психологический новеллист и т.д.

Соч.: Литература эмиграции // Воля России, 1925, № 2, 4; Десять лет русской литературы // Там же, 1927, № 10, 11/12; Сталинщина в литературе // Там же, 1930, № 10; Заметки об эмигрантской литературе // Там же, 1931, № 7/9; Литературные портреты. Л.Леонов // Там же, 1932, № 4/5; Парижские поэты // Новоселье, 1946, № 29/30; Роман Пастернака // НЖ, 1958, № 52; О Марине Цветаевой // НЖ, 1970, № 100; 1971, № 104.

Лит.: Мельникова-Папоушкова Н. Рец. на: «По золотой тропе» // Воля России, 1929, № 5-6; Кельберин Л. Рец. на: «Портреты советских писателей» // Числа, 1933, № 9; Ходасевич В. Рец. на: «Портреты советских писателей» // Возрождение, 1933, 25 мая.

Е.Цурганова

СМИРНОВ Дмитрий Алексеевич (7.11.1882, Москва — 27.4.1944, Рига) — артист оперы, концертный певец (тенор). Происходил из семьи московского купца 2-й гильдии. Пяти лет потерял отца, воспитывался отчимом, П.Ютановым, вместе с его детьми. Увлечение детей музыкой поощрялось (сводная сестра С. — Н.Серебрякова впоследствии долгое время была его аккомпаниатором). Будучи воспитанником Комиссаровского технического училища, занимался в частных «Классах пения Мечислава Раньери-Горбовского» в Москве. Выпускной спектакль классов — «Евгений Онегин», состоявшийся 10.3.1902, — привлек внимание прессы, отметившей С. — исполнителя партии Ленского. Тем не менее он не был принят в класс А.Додонова в музыкально-драматическом училище (позднее ГИТИС). С. занимался у ученицы Полины Виардо-Гарсии — А.Пусковой, выступал в благотворительных концертах. Его судьбу решила встреча в январе 1903 с С.Мамонтовым, который угадал в С., как ранее в *Ф.Шаляпине*, будущего большого артиста и пригласил его в «Товарищество артистов Московской частной оперы», выступавшей на сцене театра «Эрмитаж» под управлением М.Ипполитова-Иванова. 3.2.1903 С. дебютировал как профессиональный певец в партии Джиджи в премьере комической оперы Э.Эспозито «Каморра» на либретто С.Мамонтова. Выступление дебютанта было отмечено прессой. За краткий срок под руководством Мамонтова С. подготовил и исполнил еще 13 ответственных партий, многие из которых стали потом украшением его репертуара — Альфред в «Травиате», Джеральд в «Лакме», Князь в «Русалке», Ромео в опере Ш.Гуно, Герцог в «Риголетто» (Герцога за свою карьеру артист спел 923 раза). Работа у Мамонтова дала С. ту же великолепную школу оперного драматического артиста, что и Шаляпину. С. не выбила из колеи неудача в роли Фауста в октябре 1903, но, желая совершенствовать свою вокальную школу, он приступил к занятиям с Э.Павловской, выдающейся певицей, одной из любимейших исполнительниц П.Чайковского. Вскоре он получил пробный дебют в Большом театре и пел Синодала в «Демоне» А.Рубинштейна (26.4.1904). С. был принят в труппу Большого театра и летом того же года он, уже как солист императорских театров, гастролировал в Кисловодске с труппой антрепренера В.Форкатти. Здесь произошла его первая встреча на сцене с Шаляпиным. Они вместе выступили в «Евгении Онегине», затем в «Лакме» и «Паяцах». В последующие годы С. и Шаляпин совместно участвовали во множестве спектаклей (ок. 80); С. стал наиболее частым партнером великого Шаляпина, который ценил талант С., восторгался его совершенным вокальным искусством.

5.9.1904 С. начал свой первый сезон в Большом театре партией Йонтека в «Гальке» С.Монюшко, на следующий день пел Баяна в «Руслане и Людмиле» (дирижировал *С.Рахманинов*), 12 сентября — Герцог в «Риголетто», 17 сентября — Владимир Игоревич в «Князе Игоре» с участием Шаляпина под управлением Рахманинова, 22 сентября — Ленский, 10 ноября — Надир в «Искателях жемчуга» Ж.Бизе, 14 декабря — в «Травиате» с А.Неждановой, 17 декабря — Синодал в «Демоне» с Шаляпиным. Это перечисление наглядно показывает, как быстро С. освоился, на равных вошел в круг сильнейших оперных артистов России. Ему было всего 22 года. А.Нежданова вспоминала: «Я пела с ним весь свой основной репертуар. Это был прекрасный певец и артист. У Смирнова был громадный диапозон и исключительно большое дыхание. Он обладал замечательно красивыми верхними нотами, которые умел искусно филировать». В течение многих лет артист не прекращал занятий у Павловской, возвращаясь в ее класс в межсезонье, кроме того, по ее рекомендации в Милане занимался у Витторио Вандзо, в Париже консультировался у прославленного тенора Леона Эскалаиса. С. удалось достигнуть небывалых высот в вокальной технике благодаря постоянному труду. В своем пении он сочетал достижения трех вокальных школ: итальянской, французской и русской, оставаясь наследником русской исполнительской традиции.

Уже после первого сезона в Большом театре С. причислили к лучшим тенорам русской оперы. Летом 1905 он начал свою концертную деятельность. В следующем сезоне в Большом театре участвовал в премьере «Франчески да Римини» Рахманинова под управлением автора (11.1.1906), исполнил 10 партий в 35 спектаклях. В сезоне 1906/7 впервые пел вместе с Шаляпиным в «Фаусте» (21 окт.), участвовал в премьере «Садко» в Большом театре, пел Тамино в премьере оперы В.А.Моцарта «Волшебная флейта».

Ему не было еще 25 лет, когда к нему пришла европейская слава. В мае 1907 в Париже в «Grand-Opéera» прошли знаменитые «Русские исторические концерты», организованные *С.Дягилевым*. Они принесли триумфальный успех русской музыке и ее исполнителям во главе с Шаляпиным. Концерты открылись (3 мая) исполнением 1-го действия «Руслана и Людмилы» М.Глинки, где партия Баяна принадлежала С. Кроме того, С. исполнял партию Шуйского во 2-м действии «Бориса Годунова» с участием Шаляпина, Е.Збруевой, Е.Петренко, пел в 5-м действии «Хованщины» с Шаляпиным и Збруевой (партия Андрея Хованского). О впечатлении, произведенном С., сохранилось свидетельство Дягилева: «...тенор Московской оперы Смирнов так понравился, что его наперерыв приглашали петь в великосветских домах... Редактор «Фигаро» Кальметт пришел в такой восторг от этого певца, что сказал мне: «Я дал бы четырех Карузо за одного Смирнова». Со С. заключил контракт на следующий сезон Рауль Гюнсбург, хозяин театра «Casino» в Монте-Карло, собиравший в свою антрепризу лучшие артистические силы Европы — Шаляпина, Титта Руффо, Мориса Рено и др. Это тем более показательно, что обычно артисты приглашались в Монте-Карло после выступлений в «Grand-Opéra», «La Scala» и иных крупных театрах Европы, исключением не был даже Шаляпин.

На родине успехи С. не остались незамеченными. Его пожелал слышать Петербург. 24.10.1907 С. дебютировал в Мариинском театре в «Риголетто» Дж.Верди. Спев на казенной сцене в 34 спектаклях, С. отправился во Францию, пел в Монте-Карло (март 1908) Фауста в «Мефистофеле» А.Бойто с Шаляпиным, Альмавиву в «Севильском цирюльнике» Дж.Россини с Титта Руффо, Шаляпиным и солисткой Венской оперы Зельмой Курц. Эти спектакли были для него последним, самым важным экзаменом — признание публики «Casino», слышавшей теноровую элиту Европы, имело особую ценность в музыкальном мире. Не случайно в мае он стал одной из главных фигур дягилевского Русского сезона в Париже. С. исполнил партию Самозванца в «Борисе Годунове» на сцене «Grand-Opéra» с участием Шаляпина, Н.Ермоленко-Южиной, И.Алчевского, выступил в концертах, исполняя арии и дуэты с Ф.Литвин, Ермоленко-Южиной, В.Касторским, пел русские песни, участвовал в гала-спектакле «Севильский цирюльник» (с Шаляпиным и баритоном Марио Анкона).

В сезоне 1908/9 С. уже солист двух императорских театров — Мариинского и Большого, как и Шаляпин, пел примерно равное число спектаклей на их сценах. Два великих артиста вместе выступили в «Фаусте», «Юдифи» А.Серова (С. в роли Вагоа). Весной 1909 они пели в Монте-Карло, вместе с Литвин и Давыдовой на итальянском языке исполняли «Русалку» А.Даргомыжского. Во время Русских сезонов в Париже С. пел партию Вагоа в концертной постановке «Юдифи», в которой был собран цвет русской оперы — Литвин, Шаляпин, И.Ершов, Збруева, Петренко, К.Запорожец.

В следующем сезоне С. окончательно перешел в Мариинский театр. Причиной тому послужила кампания поклонников Собинова, не желавших простить С. его успеха, затмевавшего, как им казалось, достижения их любимца. Не желая тратить силы на навязываемое соперничество, С. ушел из Большого театра. Популярность С. неуклонно росла. Специально для него возобновили «Майскую ночь» (12.10.1910, партия Левко). В декабре 1910 С. дебютировал в «Metropolitan Opera» в Нью-Йорке в «Риголетто». Он смог занять достойное место в блистательной труппе этого театра, где в сезоне 1910/11 выступало 10 теноров мирового класса, включая знаменитейшего Энрико Карузо, а дирижерами были Густав Малер и Артуро Тосканини. С. пел в «Ромео и Джульетте» с примадонной театра Джеральдин Фаррар в «Травиате». Новой в его репертуаре стала партия Рудольфа в «Богеме» Дж.Пуччини (18.1.1911) под управлением Артура Тосканини. С. выступал еще и в регулярных концертах «Metropolitan Opera» вместе со звездами театра и известным скрипачем *М.Эльманом*, исполняя в них романсы и песни Мусоргского, Рахманинова, Кюи, *Гречанинова*, Кашеварова. Дирекция театра заключила с русским артистом контракт на следующий сезон ранее окончания гастролей. Журнал «Театр и спорт» сообщал о успехе С. в Америке, о том, что его наперебой приглашают в дома миллионеров.

Наряду с работой в «Metropolitan Opera» С. неизменно участвовал в Русских сезонах в Париже, много гастролировал, а конец года провел в Петербурге, где успел спеть обязатель-

ные для «солиста императорских театров» 23 спектакля.

Самое примечательное выступление С. состоялось 25.1.1912 в сборном гала-спектакле «театра звезд» — русский тенор пел с Альмой Глюк, Антонио Скотти и Адамо Дидуром в 1-м действии «Богемы». В мае 1912 года в Париже С. участвовал в Сезоне итальянской оперы, привлекшем мировых звезд — Шаляпина, Нежданову, Карузо, Титта Руффо, Агостинелли, Эльвиру Де Идальго. Как вокалист С. снова выдержал сравнения с Карузо, а его актерские достижения были оценены вслед за шедевром Шаляпина — Мефистофелем. Накануне 1-й мировой войны, в августе 1914, С. пел в Лондонском театре «Drury Lane» в специально для него поставленной «Майской ночи» на русском языке. «Петроградская газета» цитировала английскую прессу: «...такого тенора Лондон еще не слыхал». На родине С. в 1914 впервые выступил в роли Лоэнгрина. Успех был полным, как отмечалось в прессе, «после знаменитого рассказа певца вызывали около десяти раз...». 21.10.1914 в концертном исполнении «Жизнь за царя» М.Глинки (вместе с Шаляпиным и Е.Степановой) С. исполнил труднейшую оригинальную версию партии Собинина. В Большом театре им были исполнены Рауль в «Гугенотах» Дж.Мейербера (окт. 1915), Германн в «Пиковой даме» — ария в оригинальной тональности (16.10.1916). Он пел Пинкертона в «Мадам Баттерфлай», Алешу Поповича в опере Гречанинова «Добрыня Никитич» (1915, Народный дом в Петербурге). В Мариинском театре — Владимира в «Дубровском» Э.Направника. Тяжелобольной Направник слушал спектакль по телефону и просил выразить «искреннюю благодарность Дмитрию Алексеевичу Смирнову за включение оперы в его репертуар и сегодняшнее исполнение».

В годы 1-й мировой войны интенсивность работы артиста исключительна. Помимо обязательных 25 спектаклей в Мариинском и (снова) в Большом театрах, он пел в Петербургском Народном доме (в том числе с М.Баттистини в «Риголетто», с Де Идальго в «Лакме», с Адой Сари в «Богеме», в нескольких спектаклях с Неждановой). Он совершал длительные турне по России, сверх того давал многочисленные благотворительные концерты. С 1918 — С. только в Большом театре. Среди его концертов выделялись: участие в исполнении Реквиема Моцарта с Неждановой и В.Петровым под управлением В.Сука и партия Фауста в «Осуждении Фауста» Г.Берлиоза под управлением *С.Кусевицкого* (май 1919).

В 1920 С. выехал за рубеж, последовали его гастроли по всей Европе. В начале 1926 он вернулся на родину и 25 февраля дал первый концерт в Большом зале Ленинградской филармонии. «Красная газета»: «Победа полная. Если буря, всколыхнувшая зал, была данью прошлому, тому Дмитрию Смирнову, что жил в воспоминаниях, ...«единственному», «несравненному» и проч., то восторг после первой же арии был восторгом перед настоящим... Налицо было все то же бесконечное дыхание, которым Смирнов так прославился, то же изумительное mezzo voce, то же мастерство, та же одухотворенность передачи. И держался он на эстраде все так же просто, непринужденно, приветливо, без тени высокомерия... И каждая новая вещь вызывала новые восторги, новые овации, — Дмитрий Смирнов был принят безоговорочно, безусловно». С. пел в бывшем Мариинском театре, много концертировал. В конце 1926 артист гастролировал в различных городах США, американская пресса отмечала, что «его голос и искусство остаются на той же, редко достигаемой оперными артистами высоте». С 1927 по 1930 С. выступал на родине, лишь изредка выезжая за границу, давал в Москве и Ленинграде концерты совместно с супругой — певицей Лидией Павловной Мальцевой. Прославленный артист ездил с многочисленными гастролями по стране, выступал даже в межсезонье. В Москве спектакли в Большом театре с его участием транслировались по радио.

С лета 1930 С. пел уже только за рубежом (в Лондоне, затем в Париже). В последний раз он выступал вместе с Шаляпиным в сезоне Русской оперы на сцене Театра на Елисейских полях («Русалка», дек. 1930; «Борис Годунов», янв. 1931). Его буквально закружила жизнь гастролера — Амстердам и Гаага, Белград и Афины, Бейрут и Стамбул. В Бухаресте после его выступлений в «Лакме» и в «Богеме» (1932) газета «Рампа» писала: «Смирнов был и остается исключительным артистом, который смог завоевать весь мир». В 1935 он обосновался в Лондоне, сотрудничал с радио Би-Би-Си, выступал в концертах, где ему аккомпанировал знаменитейший ансамблист — пианист Джералд Мур. Отсюда он выезжал с концертами по городам Британии, на континент. 12.11.1937, после концерта в Бухаресте, он получил телеграмму о смерти в Лондоне супруги Л.Мальцевой.

Перезахоронив ее прах поближе к родным пределам в Эстонии, в Псково-Печерском монастыре, С. поселился в Таллине, резко оборвав свою артистическую деятельность. В 1940 он перебрался в Ригу. Его настойчиво приглашали в Москву на должность профессора консерватории. Он начал готовиться к возвраще-

нию на концертную эстраду; на осень 1941 планировались его концерты в Ленинграде. Но все планы сломала начавшаяся война. С. остался в Риге. Здесь великий артист скончался и похоронен на Покровском кладбище.

Вокальное мастерство С. сохранилось в обширном (около 100 фонограмм) звуковом наследии. Большая часть записей — свыше 60 — выполнены в 1900-14 крупнейшей компанией Европы «Gramophone» в основном в Петербурге. Уже первые пластинки С. включались в раздел «экстра» в каталоге компании и вскоре уже ценились на уровне шаляпинских. Некоторые записи не успели выйти в свет из-за событий военного и революционного времени. В 1921-25 в Лондоне и в Париже С. записал для той же компании (знаменитая марка «His Masters Voice») 25 фонограмм. Вместе с некоторыми более ранними записями эти пластинки вошли в престижную серию пластинок лучших артистов компании (Шаляпин, Карузо, Собинов, Джильи, Рахманинов и др.). Во 2-й половине 1920-х С. записал в Берлине несколько пластинок для концерта Линдштрема, выходили эти пластинки под разными марками — «Odeon», «Parlophon», «Columbia» — в разных странах. Записи С. всегда пользовались вниманием на Западе. В 1970 их реконструировали и выпускали «Siena», «Rococo», «Preiser». Практически полное их издание осуществила фирма «Мелодия» в 1984-90 (7 «долгоиграющих» пластинок). Ныне на Западе ряд фонограмм С. выпущен и на компакт-дисках. Анализируя записи С., С.Лемешев писал: «В техническом мастерстве он превзошел многих прославленных итальянских певцов, хотя и сам у них многому научился. Даже после Карузо и Скипа Смирнов покоряет своим, казалось бы, беспредельным дыханием и столь же беспредельной кантиленой... Голос на верхних нотах, как бы попав в родную стихию, приобретает еще большую красоту и благородство. При этом его пение всегда выразительно: совершенная филировка звука, mezzo voce и piano наполнены каким-то трепетом вибрации души... Записи Смирнова для меня не только источник наслаждения, но и познания».

Один из крупнейших виртуозов вокала, числившийся на протяжении 1910-1930-х среди лучших теноров мира, С. внес огромный вклад в мировое признание русского певческого искусства, русского музыкального театра.

Лит.: Stratton J. Dmitri Smirnoff, tenor (1882-1944) // The Record Collector, 1973, vol. 14, № 11/12; Kutsch J., Riemens L. Unvergängliche Stimmen. Sängerlexicon. Bern-München, 1975; Перепелкин Ю. Русский мастер бельканто // Мелодия, 1985, № 3 (24).

П.Н.

СОЛОВЬЕВ Александр Васильевич (1890, Калиш — 15.1.1971, Женева) — историк, музыковед, литературовед. Из дворян. Отец — председатель мирового суда в Калише, мать — дочь фольклориста, собирателя русских былин П.Рыбникова. В 1908 окончил 6-ю классическую гимназию в Варшаве и поступил на юридический факультет Варшавского университета, затем перешел на филологический факультет. По окончании университета в должности ассистента юридического факультета специализировался по истории русского и славянского права. В 1915 вместе с Варшавским университетом был эвакуирован в Ростов-на-Дону, где сдал магистерский экзамен. В 1918-19 читал курс сравнительного славянского права в университете и курс русской истории в Археологическом институте.

В 1920 выехал в Белград. В 1921-35 преподавал русский язык и русскую литературу в старших классах 1-й русско-сербской гимназии. Одновременно читал курс по сравнительному славянскому праву в должности профессора Белградского университета. В 1928 защитил докторскую диссертацию «Законник короля Стефана Душана» — одно из лучших исследований этого источника. В 1930 избран экстраординарным профессором Белградского университета по кафедре истории права южных славян, с 1936 ординарный профессор той же кафедры. В 1927-36 член Русского археологического общества, с 1928 член Русского научного института в Белграде. По предложению *А.Флоровского* принимал участие в работе Славянского института в Праге, член редакционной коллегии 12-го тома «Трудов» института. В августе 1933 в составе делегации Русских академических организаций за границей выступил с докладом «Corona Regni» на 7-м международном конгрессе историков в Варшаве. В 1947 назначен деканом юридического факультета только что открытого университета в Сараево. В 1951 покинул Югославию и переехал в Женеву, работал в должности приват-доцента философского факультета, затем экстраординарным профессором по кафедре славянских языков и славянской литературы Женевского университета. Одновременно читал курс по истории Византии. В сентябре 1955 участвовал в работе 10-го международного конгресса историков в Риме. В 1960 вышел в отставку по выслуге лет. В 1961 был избран профессором honoris causa Женевского университета.

Автор многочисленных работ, статей по истории русского и славянского права, истории Византии, истории русского средневековья и особенно русской средневековой литературы, а также истории русской музыки; рецензий на книги И.Лаппо, А.Погодина, К.Кадлец,

Е.Ляцкого и др. Большая часть научного наследия опубликована посмертно на страницах «Нового журнала» (1971-74), в том числе работы «Светлая и святая Русь», «О Ченстоховской иконе Богоматери», «П.И.Чайковский и его музыка», «Русская музыка до начала XX века» и др.

Соч.: Soloviev A. Byzance et la formation de l'Etat Russe. Recueil d'études. London, 1979.

Лит.: Флоровский А.В. Русская историческая наука в эмиграции (1920-1930) / Тр. V съезда Рус. акад. орг-ций за границей в Софии, 14-21 сент. 1930. София, 1932, ч.1; Спекторский Е.В. Десятилетие Русского научного института в Белграде, 1928-1933 // Зап. Рус. науч. ин-та в Белграде, 1937, вып. 14.

М.Мохначева

СОМОВ Константин Андреевич (18.11.1869, Петербург — 6.5.1939, Париж) — живописец, график. Родился в семье известного историка искусств и коллекционера, автора каталога Эрмитажа А.И.Сомова. В 1879-88 учился в петербургской гимназии К.Мая, где сблизился и подружился с *А.Бенуа*, В.Нувелем, Д.Философовым. В 1881 совершил поездки с родителями в Вену и Грац. В 1888 поступил в Академию художеств в Петербурге. Учился у К.Венига, П.Чистякова. Окончил академический курс в 1892, а с октября 1894 по март 1897 посещал академическую мастерскую И.Репина.

Академию покинул под влиянием друзей из «Общества самообразования» — ядра будущего «Мира искусства» во главе с А.Бенуа. Много путешествовал по Европе (с матерью в 1890 — Польша, Германия, Швейцария, Италия; с отцом в 1894 — Германия, Италия). В 1894 впервые участвовал в выставке Общества русских акварелистов, а в 1895 — в Ученической выставке Академии художеств и в графической «Blanc et noir», начал работать в живописи (портреты матери, А.Бенуа, пейзажи). С сентября 1897 до весны 1899 с небольшим перерывом прожил в Париже, где встречался с Бенуа, *Л.Бакстом*, Е.Лансере, А.Обером; посещал «академию Коларосси» — одну из частных учебных художественных мастерских. Выезжал из Франции в Англию.

С 1899 участвовал в Петербурге во всех выставках Общества «Мир искусства». С. пробовал себя в разных жанрах. Удачны его портретные работы: отца (1897), Е.Мартыновой (т.н. «Дама в голубом», 1897-1900), сестры — А.Сомовой-Михайловой (1900), а также многочисленные зарисовки и законченные портретные изображения многих известных людей, представителей творческой интеллигенции своего времени, выполненные для журналов (напр., «Золотое Руно» — А.Блок, *Вяч.Иванов*, Е.Лансере, М.Кузмин и др., 1906-10). Всеобщее признание и известность принесли С. его многочисленные жанровые сценки, изображающие костюмированные балы, прогулки дам и кавалеров, фейерверки и т.д.; при этом все персонажи одеты по моде эпохи рококо и стилизованы в духе стиля модерн — они словно играют в воображаемом театре. Среди ранних жанровых композиций стоит отметить: «Конфиденции», «Радуга» (1897), «В боскете» (1899), «Остров любви» (1900). Работал С. и в пейзаже, достигая даже в небольших акварелях монументальности и законченности незамысловатого природного мотива.

В 1901 он совершил поездку в Берлин и Дрезден, знакомился с немецкой графикой модерна (в частности, журналом «Симплициссимус»). В том же году участвовал в выставках Венского Сецессиона и Дармштадской «колонии» художников, известных своей ориентацией на стиль модерн в графике, живописи и прикладном искусстве. Интерес С. к немецкому искусству был взаимен, его часто приглашали на выставки в Германию: в 1902 он экспонировал свои работы в «Художественном салоне» Кассирера в Гамбурге и в Берлине (Берлинский Сецессион). Первая персональная выставка С. состоялась не только в России (в залах салона-предприятия «Современное искусство», организованного участниками «Мира искусства» в Петербурге в 1903), но и в Германии (у Кассирера в Гамбурге и Берлине в том же году было показано почти 100 работ С.).

С этого времени «жанровые сценки» художника наполняются все более очевидным «символическим подтекстом» («Вечер», «Волшебство» — 1902; «Эхо прошедшего времени», «Дама в розовом», «Спящая в синем платье» — 1903; «Арлекин и смерть» — 1907; «Осмеянный поцелуй» — 1908 и т.д.). Погруженность персонажей «в себя» или их механистичные движения намекают на сверхчувственные, сверхъестественные силы, двигающие людьми как марионетками и распоряжающиеся их судьбами. Игры этих марионеток происходят как бы на грани жизни и смерти, реальности и фантазии. Это главная особенность искусства С., воплотившаяся во всех жанрах его творчества. Помимо станковой графики, С. много работал в книжной графике (илл. к поэме А.Пушкина «Граф Нулин», 1899; оформление журналов «Мир искусства», «Золотое Руно», 1900-е; обложка к книге «Жар-птица. Свирель славянина» *К.Бальмонта*, 1907; илл. к «Книге Маркизы» Ф. фон Блея, подражающей книжному оформлению эпохи рококо, 1907; в 1918 расширенный вариант книги опубликован на франц. яз. в России; илл. к «Лирическим дра-

мам» А.Блока, 1908; «Cor Ardens» Вяч.Иванова, 1911). Он пробовал создать свой стиль в малой фарфоровой пластике («Дама, снимающая маску», «Влюбленные», обе — 1906).

В 1905 С. вновь побывал во Франции. Он активно выставлялся: в России — помимо «Мира искусства», после его распада, участвовал в экспозициях Союза русских художников вплоть до выхода из него вместе со старыми друзьями-мирискусниками в 1910 и организации выставочного объединения со старым названием «Мир искусства» (с 1911); за границей его картины демонстрировались в Германии, в Вене, на Международных выставках в Венеции (1907) и Риме (1909), в Париже на Русской выставке при Осеннем салоне в 1906 и в галерее Жоржа Пти в 1908.

В 1910-е С. занимался, главным образом, написанием парадных портретов жен крупных аристократов и промышленников (Г.Гиршман, Е.Носовой-Рябушинской, Н.Высоцкой и др.). Продолжал портретировать поэтов и художников (Ф.Сологуб, *М.Добужинский* — нач. 1910-х). С. был заядлым театралом, однако, в отличие от своих единомышленников по «Миру искусства», работал для театра очень мало. Среди нечасто встречающихся театральных эскизов С. первое место, безусловно, принадлежит его занавесу для Свободного театра в Москве (1913), суммировавшему его излюбленные темы и приемы решения образа. В начале 1914 С. был удостоен звания академика Академии художеств. С 1915 преподавал в Школе Е.Званцевой в Петрограде (обучал приемам штудии натуры молодых живописцев). Тогда же участвовал в создании театра марионеток Ю.Сазоновой (Петроград).

В 1919 в Третьяковской галерее по случаю 50-летия С. была устроена большая ретроспективная выставка его работ. Художник участвовал в выставках, организованных по инициативе Дома искусств в Петрограде. В декабре 1923 отправился в Америку (через Ригу, Берлин, Лондон) в составе представительной делегации, сопровождавшей Выставку русского искусства (С. участвовал в ее организации вместе с И.Грабарем, оформил каталог; экспонировалось 38 произведений С.; выставка открылась в марте 1924). Из Нью-Йорка, где проходила выставка, С. съездил летом 1924 в Париж, провел там около двух месяцев и устроил небольшую персональную выставку в магазине-салоне В.Гиршмана. По возвращении в Америку С. сблизился с семьей *С.Рахманинова*, портретировал композитора и его близких. Весной 1925 обосновался во Франции, продолжая поддерживать дружеские связи с Рахманиновыми. Он исполнил большой портрет композитора для фирмы «Стейнвей». Жил на вилле Гранвилье в Нормандии до 1928, когда перебрался в Париж (Бульвар Эксельманс).

Во Франции С. оставался верен своим излюбленным сюжетам и темам: он продолжал рисовать и писать сценки-фантазии на темы «галантного века» (эпохи рококо), исполнил серию акварелей, посвященных русскому балету, занимался пейзажем и портретом. Из работ С. позднего периода следует отметить иллюстрации: к «Манон Леско» А.Ф.Прево; «Дафнису и Хлое» Лонга, 1930; «Опасным связям» Ш. де Лакло (портрет Сесиль Воланж), 1934; а также сценку «Жадная обезьянка» (1929); несколько «Фейерверков»; натюрморты — «с автопортретом» (1934), «с красивыми лилиями и перламутровой коробкой» (1934), «с фарфором и отражением в зеркале» (1933); портреты Т.Брайкевич, Б.Снежковского, В.Будановой и др. За эти годы он участвовал во многих выставках: русского искусства в Брюсселе (1928) и Париже (1932), в Копенгагене (1929), в Берлине, Белграде (1930) и т.д. Его персональные выставки прошли в Париже (магазин Лесника, дек. 1928), в Лондоне (галерея Голицына, июнь 1930).

В 1939 С. скоропостижно скончался от болезни сердца в Париже. Ряд поздних произведений С. был приобретен его другом, инженером М.Брайкевичем, по завещанию которого они в 1949 попали в музей Эшмолиан в Оксфорде. В 1950 там состоялась мемориальная выставка С. В 1969 ретроспективные выставки к 100-летию С. состоялись в Третьяковской галерее и Русском музее. Похоронен С. на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Соч.: Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979.

Лит.: Эрнст С. К.А.Сомов. Петроград, 1918; Радлов Н.Э. От Репина до Григорьева. Очерки. Петербург, 1923; Пружан И. Константин Сомов. М., 1972; Гусарова А. К.А.Сомов. М., 1973; Журавлева Е. Константин Андреевич Сомов. М., 1980.

Арх.: РГИА, ф.789, оп.11, 1888, д.125; Секция рукописей ГРМ, ф.133; РГАЛИ, ф.869.

А.Толстой

СОРОКИН Питирим Александрович (23.1.1889, с. Турья, Яренского у., Вологодской губ. — 10.2.1968, Уинчестер, шт. Массачусетс, США) — социолог. Родился в семье обрусевшей зырянки (коми) и русского — золотых и серебряных дел мастера, зарабатывавшего ремонтом и изготовлением церковной утвари. В возрасте менее 3 лет С. лишился матери. Отец рано начал приучать сыновей к своему ремеслу. Жизнь в окружении девственной природы, общение с людьми, работа в храмах ока-

зали решающее влияние на формирование мировоззрения и характера С., заложили в нем глубокие этические и эстетические представления, пробудили интерес к живописи, скульптуре и архитектуре, который он сохранил на всю жизнь. В 1900, после конфликта с отцом, С. и его старший брат ушли из дома и стали вести самостоятельную жизнь бродячих ремесленников; жили в семье тетки, сестры матери. В 1901 С., «экспромтом» сдав вступительный экзамен, поступил в школу в селе Гам, где учился до 1904; жил на небольшую стипендию в школьном общежитии; усиленно занимался самообразованием. В эти годы он был певчим, потом регентом церковного и руководителем школьного хоров; будучи знакотом религиозных текстов и обрядов, на деревенских посиделках стал центром своеобразного кружка, где крестьяне обсуждали вопросы религиозно-духовного содержания. Осенью 1904 поступил в церковно-учительскую школу в деревне Хреново Костромской губернии, где учился вместе с Н.Кондратьевым. В 1905 вступил в партию эсеров, стал агитатором, за что зимой 1906 был арестован в Кинешме и 4 месяца провел в местной тюрьме, затем был отдан под гласный надзор полиции и исключен из школы. Участвовал в революционном движении в поволжских городах и в Иваново-Вознесенске как агитатор, организатор, автор листовок.

Осенью 1907 приехал в Петербург; зарабатывая на жизнь репетиторством, занимался самообразованием, учился на вечерних Черняевских курсах. Через преподавателя курсов К.Жакова вошел в среду столичной интеллигенции, здесь же встретил учившуюся на Бестужевских курсах свою будущую жену, Е.Баратынскую (впоследствии ботаника-цитолога, профессора в США; свадьба состоялась в конце мая 1917). Вел просветительскую и агитационную работу среди рабочих Путиловского и др. петербургских заводов. Весной 1909 сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости в Велико-Устюжской гимназии и осенью поступил в Петербурге в Психоневрологический институт, где имелась единственная в России кафедра социологии. Чтобы избежать воинской повинности и получать стипендию, перешел в 1910 на юридический факультет Петербургского университета.

Сотрудничал с М.Ковалевским в качестве его секретаря и ассистента, с Е. де Роберти, *Л.Петражицким* и В.Бехтеревым — в качестве соредактора ряда периодических изданий по социологии, психологии и правоведению. В 1911 на несколько месяцев уехал за границу. В университете продолжал заниматься политической деятельностью, в связи с чем в марте 1913 был арестован, но вскоре освобожден по ходатайству Ковалевского. Окончив в 1914 университет с дипломом 1-й степени, оставлен при кафедре для подготовки к профессорскому званию. Т.к. социологии как отдельной дисциплины в университете не было, С. выбрал для специализации уголовное право и пенологию, продолжая заниматься социологией.

В годы 1-й мировой войны С. работал в разных комитетах: по мобилизации экономических ресурсов, науки, по обеспечению армии и т.п., читал лекции в военных и гражданских аудиториях, в 1915 входил в редакцию двухнедельника «Народная мысль». Изучал проблему войны и мира, был сторонником «всемирной федерации государств» и «мирового правительства», которое на основании тщательно разработанного международного права действовало бы как арбитр в возникающих между государствами конфликтах. Один из организаторов Русского Социологического общества им. Ковалевского (1916), секретарь общества. В октябре-ноябре 1916 досрочно сдал магистерские экзамены и стал приват-доцентом; защите магистерской диссертации по книге «Преступление и кара, подвиг и награда» (СПб., 1914), назначенной на март 1917, помешала Февральская революция. В предисловии к книге Ковалевский писал: «В будущей русской социологической библиотеке не один том будет принадлежать перу автора».

В 1917 — член Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, с июля секретарь А.Керенского и главный редактор газеты «Воля народа», противостоявшей газете «Дело народа», из редакции которой С. вышел вместе с другими правыми эсерами; отстаивал коалицию с буржуазными партиями, утверждал, что Керенский «головой выше почти всех деятелей революции». Избран депутатом Учредительного собрания. Накануне его открытия, 3.1.1918, арестован вместе с другими членами редакции «Воли народа» и заключен в Петропавловскую крепость, откуда 30 января писал: «Как ни темна ночь, все же впереди огни. Не умрет трудовая Россия. Не умрут и великие идеалы свободы и социализма». Освобожден 13 февраля; в конце мая нелегально отправился в Великий Устюг, Вологду и Архангельск для подготовки восстания против власти большевиков, однако план провалился, за поимку С. была назначена денежная премия. Скрывался в лесах, а после наступления осенних холодов — у родственников в Великом Устюге. Чтобы не подвергать их опасности, написал в Северо-Двинский губисполком письмо о выходе из партии эсеров, об отказе от политики, «которая может быть общественно полезна, но может быть и общественно вредна», и о решении посвятить себя работе в области науки и народного просвеще-

ния, т.к. она «всегда полезна, всегда нужна народу».

Добровольно явился в местную ЧК, был арестован и приговорен к расстрелу. Письмо С., опубликованное 29 октября в архангельской газете «Крестьянские и рабочие думы», было затем благодаря вмешательству Г.Пятакова и Л.Карахана, знакомых с С. по университету, перепечатано 20 ноября в «Правде», оно стало известно В.Ленину, по распоряжению которого С. отправили в московскую ЧК и вскоре освободили. В декабре он вернулся в Петроград, был восстановлен в числе преподавателей юридического факультета (позднее вошедшего в состав факультета общественных наук) Петроградского университета и Психоневрологического института, избран профессором социологии в Сельскохозяйственной академии в Царском Селе и в Институте народного хозяйства. Провел ряд эмпирических исследований влияния войны и революции на социальную группировку населения Петрограда, изучал специфическое поведение и социально-психологические особенности некоторых групп. В 1919-20 прочел ряд спецкурсов; посещал университеты Москвы и ряда др. городов для ознакомления с преподаванием социологии и чтения лекций. Собирал материал для «Системы социологии», два тома которой были опубликованы в 1920 в обход цензуры и 22.4.1922 защищены им в Петроградском университете на степень магистра социологии. 31.1.1920 избран профессором по организованной им в университете кафедре социологии, однако был уволен после того, как в марте Ленин заявил, что в статье «О влиянии войны» (Экономист, 1920, № 1) С. «искажает правду в угоду реакции и буржуазии» и что «подобным крепостникам» место в странах буржуазной «демократии», но не в Советской России.

Преподавал в Сельскохозяйственной академии в Царском Селе, где жил, не зарегистрировавшись у местных властей, т.к. опасался преследований, и после каждого публичного выступления, где всегда открыто высказывал свое отношение к происходящему, недели две не возвращался домой.

Сблизился с И.Павловым, совместно с которым организовал Общество объективных исследований человеческого поведения. Вместе с Бехтеревым они рассматривали в 1921 влияние голода на человеческое поведение, социальную жизнь и организацию общества; для сбора материала С. выезжал в голодавшие Самарскую и Саратовскую губернии. Подготовленная по собранным данным книга С. о голоде была уничтожена (изд. в США после смерти С. его женой). Травлю С. в печати подхватили Л.Троцкий, Г.Зиновьев и др., его имя было внесено в списки представителей инакомыслящей интеллигенции, подлежащих высылке за границу. С. избежал ареста, т.к. находился в тот момент в отъезде — в Москве, но взвесив все обстоятельства, счел высылку лучшим выходом и сам явился в московскую ЧК.

23.9.1922 выехал в Берлин. Сразу по приезде был приглашен президентом Чехословацкой республики Т.Масариком преподавать в Пражском университете. В Праге пробыл несколько месяцев: знакомился с новой западной литературой, редактировал журнал «Крестьянская Россия», в котором помещал статьи по сельской социологии, издал книги «Современное состояние России» (Прага, 1922; Нов. мир, 1992, № 4-5) и «Очерки социальной педагогики и политики» (Ужгород, 1923).

Не успев приступить к преподаванию, получил приглашение от американских социологов Э.Хайеса и Э.Росса прочитать серию лекций о русской революции и в октябре 1923 выехал в США. Читал лекции в разных колледжах и университетах, в частности, в Иллинойсском и Висконсинском. В течение 6 лет работал в университете Миннесоты. В 1930 принял американское гражданство. В том же году Гарвардский университет пригласил его сначала на серию лекций и семинаров, а затем предложил создать и возглавить новое отделение по социологии, которое вскоре стало руководящим центром социологического развития в Америке; занимал этот пост до 1942, после чего еще в течение 17 лет оставался там профессором социологии. В 1959 вышел в отставку. За несколько лет до отставки перенес центр тяжести своей работы на созданный им исследовательский институт по изучению чувства альтруизма. Читал лекции в Америке и Европе, участвовал в научных конференциях.

С. посвятил свою жизнь теоретической социологии: дал определение социологии, вычленил элементы каждого социального явления, разрабатывал социологическую терминологию. Создал концепцию всемирно-исторического развития человеческой культуры, положив в основу всех социальных явлений и процессов идеологическую доминанту культуры. Рассматривал историческую действительность как иерархию в разной мере интегрированных культурных и социальных систем. Центральная идея концепции С. — приоритет сверхорганической системы ценностей, значений, «чистых культурных систем», носителями которых являются индивиды и институты. Исторический процесс, по С., представляет собой циклическую флуктуацию типов культур, каждая из которых — специфическая целостность и имеет в основе несколько главных философских посылок (представление о природе реальности,

методах ее познания). С. выделяет три основных типа культуры: чувственный — в нем преобладает непосредственное восприятие действительности; идеациональный, в котором преобладает рациональное мышление; идеалистический — с преобладанием интуитивного вида познания. Трем способам познания соответствуют три формы истины — чувственная, рациональная и духовная (интуитивная). Все три способа познания должны быть использованы в систематическом исследовании социокультурных феноменов, однако высшим методом познания С. считал интуицию, полагая, что при ее помощи были сделаны все великие открытия. Каждая система истин воплощается в праве, искусстве, философии, науке, религии и структуре общественных отношений. Доминирующее мировоззрение и обусловленные им основные принципы восприятия действительности постепенно исчерпывают свои возможности и заменяются одним из двух других мировоззрений. Процесс перехода от одного доминирующего мировоззрения к другому сопровождается радикальной трансформацией социальных институтов и нормативных образцов взаимодействия, длительными периодами социальных и культурных кризисов, войн и др. бедствий. Так, 1-ю мировую войну и Октябрьскую революцию С. считал результатом огромных переворотов в социокультурной системе западного общества. Культуры, по С., движутся имманентно, т.е. силами, в них заложенными, а не посторонними факторами.

С. создал теорию социального изменения и исследовал влияние социальных потрясений на поведение личности. Выдвинул «принцип поляризации», по которому тенденция к моральной индифферентности и рутинному интерсубъективному поведению интенсифицируется в периоды обострения общественных кризисов, когда большинство ищет гедонистического, ориентированного на себя удовлетворения, в то время как меньшинство ориентировано на альтруистическую, религиозную и т.п. активность. Когда социальное потрясение минует, поведение возвращается к прежнему, «нормальному» распределению. После 2-й мировой войны С. сосредоточил свои исследования на способах поведения, значение которых, по его мнению, возрастало, на формах и проявлениях любви и альтруизма, их распределении и социальном выражении. Считал, что только перевоспитанием как вождей, так и масс на путях альтруизма можно обеспечить мир. С. известен как зачинатель эмпирических исследований социальной мобильности и социальной стратификации, как критик увлечения количественными методами в ущерб содержательному анализу.

Вклад С. в науку оценивается в мировом научном сообществе как «коперниковская революция в социологии», «решительный поворот в истории социальной мысли».

Соч.: Проблема социального равенства. Пг., 1917; Сущность социализма. Пг., 1917; Причины войны и пути к миру. Пг., 1917; Дальняя дорога. М., 1992; Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Лит.: Тимашев Н.С. Три книги о П.А.Сорокине // НЖ, 1963, № 74; Его же. Научное наследство П.А.Сорокина // НЖ, 1968, № 92; Канев С.Н. Путь Питирима Сорокина. Сыктывкар, 1990; Голосенко И.А. Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар, 1991; Его же. Социология Питирима Сорокина. Самара, 1992; Дойков Ю. Питирим Сорокин. Страницы жизни. СПб.-Архангельск, 1992.

М.Куликова

СПАССКИЙ Петр Васильевич (1.2.1896, хутор Караичев, Донецкого окр., Донской обл. — 30.5.1968, Вернуйе, Франция) — церковный регент. Образование получил в Новочеркасском духовном училище и Донской духовной семинарии, где управлял семинарским хором. Поступил в Духовную академию, но учебе помешала начавшаяся 1-я мировая война. С. добровольцем отправился на фронт, служил в 16-й казачьей сотне, 2-м Донском пулеметном полку; обучался в Донском и Атаманском военных училищах. Был контужен на фронте, награжден Георгиевским крестом.

После разгрома войск генерала Врангеля осенью 1920 эвакуировался с казачьими частями на остров Лемнос, затем в Болгарию. Член общества студентов-казаков, сотрудничал в газете «Казачьи думы». В 1920-е получил юридическое образование в католическом университете в Милане, одновременно занимался с итальянскими педагогами вокальным искусством, пел в церковных и светских хорах. Участвовал в создании в Милане православного прихода, а также русской библиотеки. В 1927 переселился в Париж, где стал регентом и псаломщиком церкви Св.Николая в районе Булонь-Бийянкур.

Сотрудничал с композиторами *И.Стравинским, А.Гречаниновым, Н.Черепниным*, с хормейстером А.Лабинским. С 1947 до кончины — руководитель хора кафедрального собора Св.Александра Невского и преподаватель Закона Божьего в русской гимназии и школе при соборе.

Парижским соборным хором под управлением С. было записано 6 «долгоиграющих» пластинок, которые содержат свыше 80 наиболее употребительных песнопений и представляют собой своего рода антологию (циклы Божественной Литургии, Всенощной, Панихиды, песнопения Великой Пасхи, Рождества, Великого

поста, Страстной Седмицы, Богородичные). Этот труд был дважды удостоен награды французской Академии музыки и составляет, по оценке современников, «незаменимый клад исполнения русского православного пения регентами старшего поколения, принесшими с родины духовную и певческую технику русского церковного пения». Выполненные в конце 1950-х — начале 1960-х на отличном техническом уровне, с очень хорошим составом хора, с участием великолепного соборного архидиакона Николая Тихомирова (в молодости служившего в церквах Зимнего Дворца), эти записи зафиксировали последний этап естественного бытования собственно русской исторической церковно-музыкальной традиции в европейском зарубежье. В 1952 возглавил хоровой ансамбль (его основу составил хор С.), созданный специально для записи оперы «Бориса Годунова» М.Мусоргского под управлением *И.Добровейна*.

Регентская манера С. — очень мягкая, гармоничная, чуждая резких эффектов, по характеру выразительности близкая к московскому или среднерусскому пению. С. широко контактировал с русскими и зарубежными музыкантами. Большую роль в его жизни сыграли встречи со знаменитыми итальянскими учителями bel canto, а также с Бруно Вальтером, Стравинским, Черепниным, Гречаниновым. Подобно знаменитым московским регентам школы Синодального училища С. особую важность придавал осмысленному произнесению слов песнопений и на спевках посвящал немало времени толкованию содержания исполняемого. Репертуар регента насчитывал несколько сотен песнопений разных стилей. Он был очень активен в общении с другими конфессиями и, не прибегая к «эстрадным» формам исполнения церковных песнопений, умел внушить зарубежным слушателям очень высокое представление о православном певческом искусстве. Об этом свидетельствует, например, отзыв итальянской газеты на выступление соборного хора под управлением С. на церковном фестивале в Италии (Римини) в 1962: «Русская православная община в Париже, которая в Александро-Невском соборе сохраняет и поддерживает хоровое искусство восточного обряда, заставила нас услышать страстный и скорбный голос Русской церкви и молчание миллионов верующих по ту сторону железного занавеса».

Сын С., Николай Петрович, также является церковным регентом в Париже. Он осуществил несколько записей на пластинки с хором храма православного кладбища в Сент-Женевьев-де-Буа и основал концертный духовный хор «Св.Николай».

М.Рахманова

СПЕКТОРСКИЙ Евгений Васильевич (1875, Острог, Волынской губ. — 3.3.1951, Нью-Йорк) — философ, юрист. Родился в семье мирового судьи, двоюродного брата известного московского психиатра, профессора Корсакова. Мать С. была швейцарской француженкой. В 1893 окончил с золотой медалью гимназию в городе Радоме в Царстве Польском. В том же году поступил на юридический факультет Варшавского университета, где сложилась социологически ориентированная школа правоведения. Там С. был учеником профессора А.Блока (отца великого русского поэта), о котором в 1911 в Варшаве выпустил брошюру «Александр Львович Блок, государствовед и философ». В 1898 закончил Варшавский университет, получив степень кандидата права за работу «Жан-Жак Руссо как политический деятель». Был оставлен при кафедре государственного права для подготовки к профессорскому званию. В 1901 выдержал магистерские экзамены, за которыми последовала командировка за границу; в продолжение двух лет С. работал в научных библиотеках Парижа, Берлина, Гёттингена, Гейдельберга.

Вернувшись в Варшаву, был избран в 1903 доцентом по кафедре энциклопедии и истории философии права Варшавского университета. В 1910 получил степень магистра права от Юрьевского университета. В 1913 избран профессором по кафедре энциклопедии и истории философии права юридического факультета Киевского университета Св.Владимира. Преподавал на Высших женских курсах, являлся председателем Киевского философского общества. В 1917 в Московском университете получил степень доктора государственного права. С 1918 декан юридического факультета, а спустя непродолжительное время — ректор Киевского университета.

В 1919 генерал *Деникин* назначил С. попечителем Киевского учебного округа, а затем товарищем главноуправляющего народного просвещения. Однако С. не удалось вступить в должность. Спасаясь от большевиков, он уехал в Одессу, откуда в начале 1920 эмигрировал в Югославию. С 1920 профессор Белградского университета. В 1924-27 профессор и декан Русского юридического факультета в Праге, основанного *П.Новгородцевым*. В течение одного семестра С. преподавал также в чешском Карловом университете. Затем вернулся в Белградский университет. В 1930 был избран ординарным профессором университета в Любляне (Югославия), где и преподавал до 1945. С. являлся почетным членом Общества русских ученых в Югославии, Русской академической группы в Праге и Общества галлиполийцев в Белграде. Был избран членом-корреспондентом

Сербской Академии наук в Белграде и Славянского института в Праге.

Председательствовал на 2-м и 3-м съездах Русских академических организаций, проходивших в Праге (1922) и Белграде (1928). Избран первым председателем основанного в Белграде Русского научного института. С 1930 по 1945 С. занимал пост председателя национально-просветительской организации «Русская Матица» и Словенского общества философии права и социологии в Любляне.

В 1945 С. был вынужден покинуть Югославию, занятую советскими войсками. Ему пришлось оставить все имущество, в том числе готовые к печати рукописи: «Введение в социологию», «Воспоминания» (судьба которых до сих пор не известна), а также ежедневную политическую запись, которую он вел в продолжение 15 лет. С. с женой пешком перебрался в Италию, где провел два года в девяти лагерях, несколько раз подвергаясь опасности репатриации. В 1947 он был приглашен в Нью-Йорк для участия в создании Свято-Владимирской православной Духовной академии, профессором которой и состоял до своей смерти. С 1948 председатель сформировавшейся Русской академической группы в США. С первых же месяцев существования группы были начаты лекции на русском и английском языках в Американской Академии наук. Собирались материалы для издания научного периодического сборника, а также персональные сведения о деятельности русских ученых за рубежом, в чем непосредственно участвовал С. Он предоставил в распоряжение группы свои неопубликованные статьи, которые долгое время являлись одним из главных источников для издания «Записок Русской академической группы в США». С. преподавал русскую историю и литературу на вечерних курсах для русской молодежи. Возглавлял Русскую секцию Ассоциации американских и иностранных ученых.

Для ранних философских взглядов С. характерно увлечение немецким идеализмом, от которого он вскоре перешел к философскому релятивизму. Итогом эволюции взглядов С. было принятие им христианского идеализма, который лег в основу его философских построений. Однако увлечение релятивизмом наложило отпечаток на все последующее творчество С. Профессионально занимаясь богословием, он предпочитал христианской догматике религиозную философию в форме христианского идеализма. При этом он отделял веру от церковности и не связывал себя принадлежностью к определенной конфессии: «Христианство мы понимаем шире отдельных вероисповеданий и отдельных церквей». В христианстве С. более всего привлекает его «прикладное» значение. В своей книге «Христианство и культура» (1925) он исследует разнообразные проявления культурного творчества и показывает их христианскую основу, т.к. «настоящая идеология всякой культуры всегда религиозна». По мнению *В.Зеньковского*, С. «больше, чем кому бы то ни было из русских светских мыслителей, удалось сделать для богословия культуры». Ценность его работ заключается прежде всего в том, что он «убедительно показывает, что... все крупные проблемы жизни неразрешимы без Христа».

По своим политическим взглядам С. был «горячий поборник правового государства с подлинными демократическими гарантиями законности и личной свободы». С. являлся автором многочисленных учебников по энциклопедии права, по истории философии права, государственному праву. Скончался от кровоизлияния в мозг, причиненного случайным падением.

Соч.: Органическая теория общества. Варшава, 1904; Проблема социальной физики в XVII столетии, т.1. Варшава, 1910; т.2. Киев, 1917; Понятие общества в античном мире. Этюд по семантике обществоведения. Варшава, 1911; Белинский и западничество. Варшава, 1912; Происхождение протестантского рационализма. Варшава, 1914; Чехов. Белград, 1930; История социальной физики, т. 1-2. Любляна, 1932-1938; Свобода и детерминизм // Зап. Рус. акад. группы в США, 1967, т.1.

Лит.: Арсеньев Н.С. Памяти Е.В.Спекторского // Возрождение, 1951, № 16; Е.В.Спекторский. Изд. Рус. акад. группы в США. Нью-Йорк, 1956; Тимашев Н.С. Профессор Спекторский // Зап. Рус. акад. группы в США, 1970, т.4; Белоусов К.Г. Е.В.Спекторский (1875-1951) // Там же, 1975, т.9; Зеньковский В.В. Е.В.Спекторский / Русская религиозно-философская мысль XX века. Питсбург, 1975.

А.Поляков
Е.Тимошина

СПЕСИВЦЕВА Ольга Александровна (5.7.1895, Ростов-на-Дону — 16.9.1991, Ньяк, графство Рокланд, шт. Нью-Йорк, США) — танцовщица. Родилась в семье провинциального актера. После смерти отца воспитывалась в приюте для детей артистов. По окончании Петербургского театрального училища (педагог К.Куличевская) в 1913 поступила в Мариинский театр, где совершенствовала танцевальное мастерство и готовила роли с А.Иогансон. В 1916 вошла в дягилевскую антрепризу; С. должна была заменить выбывшую на время *Т.Карсавину* на гастролях в США, танцуя с В.*Нижинским* «Видение розы». И позднее она несколько раз участвовала в спектаклях труппы и даже премьерах, но дягилевской балериной, как Карсавина, так и не стала, однако внесла присущие ее особому, почти провидческому дару трагические интонации обреченности в спектакли антрепризы.

Замкнутость внутреннего, художнического мира, обеспечивая независимость, вместе с тем обрекала С. на одиночество. Одиночество плотным кольцом смыкалось и вокруг Нижинского. Обособленность их миров в «Видении розы» обернулась фантасмагорией призрачного, кажущегося и оттого пронзительно желанного счастья. Оба героя становились воображаемыми — игрой фантазии художника, подчеркивая тем самым прозаическую обыденность существования. И ни один из них так и не понял ни одиночества другого, ни сходства предназначенных им судеб. Разъединенность звучавших в них и по-своему совершенных мелодий вносила неожиданный драматизм в хореографию, этого драматизма лишенную — в «Шопениану» и pas de deux Флорины и Голубой птицы из «Спящей красавицы».

Без сожаления вернулась С. в Мариинский театр. Здесь ей предстояло в следующем, 1918, после исполнения «Эсмеральды» и «Пахиты» получить наконец звание балерины — официальное подтверждение значимости, а вместе с тем — и признание лидирующего положения в труппе. На родной сцене талант С. окреп и расцвел. Балеринские партии у С. следовали одна за другой. За ее набирающим силу даром пристально и заинтересованно следил критик А.Волынский, откликаясь вдохновенными разборами на каждое выступление балерины. Он видел в С. воплощение своего художественного идеала. Отстаивая непреходящую ценность классического наследия, Волынский противился новациям и потому мешал ее контактам с *С.Дягилевым*. Не отличаясь здоровьем и выносливостью, С. совершенствовала технику танца. Однако торжествующий академический танец, его уверенные и ликующие интонации не были вполне ей близки. Дягилев временами сманивал С. для участия в спектаклях его труппы. В 1921 балерина станцевала Аврору на премьере дягилевской версии «Спящей принцессы» («Спящей красавицы») в Лондоне, где занималась у Э.Чекетти, отдавшем ей предпочтение перед прославленной *А.Павловой*. Но эти появления были эпизодическими. Она участвовала и в других гастролях — например, в 1923 танцевала в театре «Colon» (Буэнос-Айрес). Каждый раз С. возвращалась на родину. В 1924 она покинула Россию навсегда.

Одной из причин отъезда была личная драма, толкуемая современниками по-разному. В 1924-32 — этуаль Парижской оперы, танцевала здесь в балетах «Жизель», «Праздничный вечер» Л.Делиба (балетм. Л.Staaтс); «Творения Прометея» на музыку Л.Бетховена и «Вакх и Ариадна» А.Русселя (оба — балетм. *С.Лифарь*); «Трагедия Саломеи» Ф.Шмитта (балетм. Н.Гуэрра); «Пери» П.Дюка (балетм. Стаатс). В качестве приглашенной «звезды» продолжала выступать в «Русском балете» Дягилева, исполнив партию Кошки на премьере поставленного для нее одноименного балета А.Соге (балетм. *Дж.Баланчин*, 1927). Выступала в балетах *М.Фокина* «Жар-птица», «Видение розы». Тем не менее современная хореография так и не стала ей близка. В 1932-37 гастролировала с разными труппами: Фокина — в Буэнос-Айресе, В.Дандре (быв. труппа Павловой) — в Австралии. Покинула сцену в 1937 в связи с началом душевной болезни. Некоторое время преподавала классический танец. С 1939 жила в США. В 1943-63 находилась в клинике для душевнобольных. С 1963 после выздоровления проживала в русской колонии, организованной графом А.Толстым под Нью-Йорком. В видеофильме «Жизели мира» запечатлено исполнение С. этой партии с А.Долиным (фрагменты любительских съемок).

Изысканная хрупкая красота, одухотворенность и замкнутость, всегда отмеченные печатью смерти, придавали сценическим созданиям С. неповторимое своеобразие. Танец С. отличался пронзительной четкостью графичных поз, совершенством ломких линий, безусильностью воздушных парений. Ее героини были далеки от реального мира, житейских страстей; все роли С. пронизывала тема опустошенности, неизбежной гибели красоты. Трагический дар балерины с наибольшей полнотой реализовался в исполнении ею Жизели. Героиня С. была существом болезненным, даже паталогичным, со странными жестами, изначально разорванным сознанием. При этом танец ее оставался безупречным по форме и как бы являл собою поруганный идеал. Партия была построена на контрастах и диссонансах, воспринимавшихся очень современно, и была у С. отлична от трактовок, предложенных другими крупнейшими балеринами начала XX в. — Павловой и Карсавиной. Причастность искусства С. к экспрессионизму здесь обнаруживалась вполне определенно. Трактовка С. оказала мощное влияние на зарубежную традицию исполнения партии Жизели, а позднее, в конце 50-х — и на русскую, что положило конец канонизации в советском балете улановского решения. С. оставалась верна трагической теме и в других балетах: «Баядерке», «Эсмеральде», «Спящей красавице», «Лебедином озере», «Щелкунчике». Все ее героини были заранее обречены — независимо от того, насколько это отвечало характеру исполняемой партии.

Соч.: Technique for ballet Artist. London, 1967.

Лит.: Борисоглебский М.В. (сост.) Материалы по истории русского балета, т.2. Л., 1939; Veillat L. Olga Spessivtseva. Paris, 1944; Schaikevitch A. Olga

Spessivtseva. Magicienne envoûtée. Paris, 1954; Lifar S. Les Trois Graces du XX siecle. Paris, 1957; Dolin A. The Sleeping Ballerina. London, 1966; Богданов-Березовский В. Спесивцева / Встречи. М., 1967; Красовская В. О.А.Спесивцева / Русский балетный театр нач. XX в., т.2. Л., 1972; Гаевский В. Спесивцева / Дивертисмент. Судьбы классического балета. М., 1981; Слонимский Ю. Ольга Спесивцева / Чудесное было рядом с нами. Л., 1984.

А.Соколов-Каминский

СТАРЕВИЧ Владислав Александрович (8. [по др. св. 6.]8.1882, Москва — март 1965, Фонтене-су-Буа, близ Парижа) — режиссер-мультипликатор. Родился в семье обедневших польских дворян Антонины и Александра С. Его детство и юность прошли в Ковенском уезде. Потеряв в раннем возрасте мать, С. с четырех лет воспитывался в семье ее родственников Легецких. Теплая, полная любви и забот, творческая атмосфера этого дома — его обитатели прекрасно рисовали, лепили, играли на многих музыкальных инструментах — самым благоприятным образом сказалась на формировании личности и развитии способностей С. Одаренный от природы, он попеременно увлекался различными видами искусств, многое умел делать собственными руками. В 10-летнем возрасте сконструировал собственное устройство к «Волшебному фонарю», с помощью которого ставил первые домашние спектакли. Затем последовали «Тауматроп», «Волшебная книга», на страницах которой оживали рисунки. Чуть позже С. увлекся энтомологией, а по окончании гимназии стал брать уроки у художника Яротского в частной школе Трутнего в Вильно. Однако недостаток средств вынудил его прервать занятия живописью. Возвратившись в Ковно, С. поступил на службу в Казенную палату; вскоре женился, обзавелся собственным домом и семьей. Размеренная жизнь чиновника безусловно не являлась призванием С. Его жизненной стихией было творчество, выход которому он находил в различных увлечениях: участие в любительских спектаклях, публикация своих острых карикатур в местных сатирических журналах «Оса» и «Кривое зеркало», рисование рекламных плакатов для городских кинотеатров, за что получал право бесплатного посещения киносеансов. Однако самую громкую славу ему принесли новогодние маскарады, для которых он мастерил умопомрачительные костюмы, выполненные из рогожи, пробок и пшеничных колосьев, создавал фантастические маски и грим. С неменьшим энтузиазмом С. увлекся фотографией. Оформив из собранных материалов красочный альбом, С. преподнес его в дар Ковенскому этнографическому музею. Идея создания этнографического фильма привела его в Москву и свела с известным кинопредпринимателем А.Ханжонковым. Приобретение аппаратуры и договор с кинофирмой стали важной вехой в творческой биографии С., знаменующей его приход в кинематограф.

По возвращении в Ковно С. снял свой первый 10-минутный фильм «Над Неманом», затем два документальных фильма из области энтомологии — «Жизнь стрекоз» и «Жуки-скарабеи». Его следующий замысел заключался в постановке игрового фильма, где бы насекомые могли быть действующими лицами и исполнителями. Неудача с живыми жуками навела его на мысль изготовить «кукольных актеров». Знание энтомологии и собранная прекрасная коллекция насекомых помогли С. создать их крохотные копии, практически не отличимые от оригинала. Обладая огромной фантазией и изобретательностью, он расчленял миниатюрные «актерские» фигурки на суставы, делая для каждого подвижный шарнир. Движение кукол, фазированное с помощью длинного пинцета, снималось покадрово. Через кадр С. менял положение отдельных частей почти микроскопических тел этих удивительных исполнителей. Он индивидуализировал своих героев, выявляя в их походке, жесте присущие им характерные особенности; мимика отрабатывалась мельчайшими изменениями формы маски, изготовленной из мягкого материала. Талант художника, волшебные руки мастера, творческая интуиция и титанический труд дали блестящий результат. Его первый опыт объемной мультипликации — фильм «Прекрасная Люканида» (1911) — имел колоссальный успех. В журнале «Вестник кинематографии» писали, что «картина настолько необычна, нова и оригинальна, что ставит в тупик даже специалистов кинематографического дела». Этот необычный фильм вызвал восторг и удивление не только отечественного зрителя, он стал первой русской картиной, приобретенной для проката зарубежной фирмой. Зрители, журналисты и даже некоторые профессионалы были убеждены, что использовались живые насекомые, тайной оставался только способ их дрессировки. Сам С. и сотрудники фирмы вплоть до 20-х поддерживали эту иллюзию, умалчивая о подлинной технике съемки.

После шумной премьеры первого фильма С. вместе с семьей переехал по приглашению Ханжонкова в Москву. Имея теперь устойчивое и достаточно обеспеченное материальное положение, он приступил к монтажу еще 4 фильмов, снятых в Ковно в 1911; вскоре они были выпущены на экраны. Один из них — «Месть кинематографического оператора» — был столь же восторженно принят кинокритиками, как и «Прекрасная Люканида». Оставляя

в качестве исполнителей насекомых, С. создал своего рода шедевр пародийного жанра. В этой мини-картине со столь экзотическими актерами блестяще, с потрясающей выдумкой и юмором была представлена вся атрибутика классической салонной мелодрамы — роковые страсти, интриги, месть, мир артистической богемы и даже вставные танцевальные номера в духе Айседоры Дункан. К рождественским праздникам С. выпустил первую мультипликацию для детей — «Рождество обитателей леса» (1912). В этой ленте он впервые использовал прием, который стал характерной чертой многих его будущих фильмов: на глазах у зрителей куклы «оживали», и это было настоящим чудом. Добрый сказочный фильм с успехом прошел не только в России, но и за рубежом.

Конец 1912 был особенно удачным для С. Подлинным триумфом увенчалась премьера его новой работы «Стрекоза и муравей». Зрители Копенгагенского кинотеатра «Палад-рояль» приветствовали фильм стоя. С тем же энтузиазмом лента была встречена и на родине в феврале 1913. Добиваясь в новом фильме максимального «очеловечивания» героев, С. предварительно снимал живых актеров в мизансценах, задуманных для кукольных персонажей, а затем пользовался этим материалом для фазировки движения кукол. Неистощимый на выдумку и фантазию, режиссер создал блестящую импровизацию на тему знаменитой басни И.Крылова. Отодвигая на задний план назидательный момент, он сумел средствами мультипликации так изобретательно и остроумно рассказать незамысловатую историю, что эта лента до сих пор считается шедевром анимационного жанра. На Всемирной выставке в Милане (1913) она получила Золотую медаль.

Летом 1913 С. был привлечен к работе в игровом и одновременно просветительском фильме «Пьянство и его последствия». Здесь произошла его встреча с будущим королем немого кино *И.Мозжухиным.* В этой картине впервые был проведен интересный эксперимент по соединению в одном кадре мультипликации и живого актера. Хитроумно придуманный С. трюк с вылепленным им же пластилиновым чертиком, демонстрировавшим пагубные последствия алкоголизма, стал центральным и самым впечатляющим эпизодом фильма.

Вслед за тем С. на некоторое время оставил мультипликацию и переключился на игровое кино. Причины подобного шага носили в основном материальный характер. Старые куклы уже «отыграли» свой срок, а для постройки нового ателье и создания очередных «актеров» требовались время и деньги. Кроме того, очень трудоемкие короткометражные анимационные фильмы оплачивались значительно ниже обычных картин, требовавших намного меньше времени и быстрее окупавшихся. Однако и в новом качестве С. оставался верен старым привычкам творца-одиночки. Как и прежде, он совмещал в себе одном и автора сценария, и оператора, и постановщика, и рабочего сцены, и монтажера, и даже киномеханика. Изобразительные и технические качества его фильмов отвечали самому высокому уровню, а операторские способности вызывали одновременно и удивление, и восхищение. Он первым в России применил светофильтры, умело использовал зарубежные пленки Патэ и Кодак, был изобретателем оптических приспособлений по части комбинированных съемок, оригинально пользовался эффектами кукольной и графической мультипликации. «Волшебник по призванию», С. всегда отличался необычным видением мира, недаром он тяготел к сказочным сюжетам. Проза Н.Гоголя предоставляла широкие возможности для реализации его фантазии и экспериментаторства. В 1913 были экранизированы «Страшная месть» и «Ночь перед Рождеством». С. старался достигнуть наивысшего эмоционального воздействия и поразить воображение зрителя, слабости режиссуры компенсировались высоким уровнем операторской и оформительской работы; ленты потрясали самых искушенных профессионалов необычностью трюковой и комбинированной съемки. В значительной степени успеху картин С. способствовало участие в них легендарного И.Мозжухина, который в ролях гоголевских персонажей блестяще продемонстрировал новые грани своего редкого актерского дарования. Он был исполнителем главной роли и в следующей ленте С. — «Руслан и Людмила» (1914), столь же горячо принятой зрителем. Сохраняя приверженность миру грез и волшебства, С. тогда же экранизировал «Снегурочку» по пьесе А.Островского (в гл. роли Антон Фертнер).

В годы 1-й мировой войны С. продолжал работать в кинематографе, однако теперь в основе его картин лежали военно-бытовые сюжеты с четко выраженной патриотической, а порой и националистической направленностью («Как немец выдумал обезьяну», «Пленники Марса» и др.). В 1915 С. был призван на военную службу и взят в Военно-кинематографический отдел Скобелевского комитета, где он в основном занимался работой пропагандистского характера, съемками военной хроники, но одновременно и постановкой игровых картин. Именно в этот период он создал ленты по польской тематике. Сын польского дворянина, участника восстания 1863, С. оставался верен национальным традициям, идеалам и культуре своей исторической родины, что в полной мере проявилось в его фильмах: «На Варшавском тракте», «Дочь корч-

маря», «Пан Твардовский». Эти ленты выделялись из общего ряда кинопродукции тех лет благодаря профессионализму, мастерству, подлинному новаторству в искусстве их создателя (С. широко использовал усложненную технику съемок, наплывы, многократные экспозиции).

С. снимал фильмы самых разных жанров: мелодрамы, комедии, фарсы, агитки, но, как и прежде, любимым его автором оставался Гоголь. Только в 1918 были экранизированы «Вий», «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь», а чуть раньше «Портрет». Многие фильмы снимались в Ялте, куда перебрался почти весь кинематографический мир России. Придерживаясь своих прежних эстетических воззрений и идеалов, С. в сложных финансовых условиях пытался снимать близкие его художественной природе фильмы: «Калиостро», «Иола», «Стелла Марис» («Звезда моря» по Локку) — картина, в которой царит мир волшебной красоты и удивительной гармонии. Как режиссер игрового кино С. поставил около 50 фильмов, но при всех их достоинствах в душе он всегда оставался верен своему призванию художника-мультипликатора. Выехав в Ялту в надежде получить временную работу, С. оставил на своей московской квартире около 3 тысяч масок, изготовленных для будущего фильма. Замысел так и остался неосуществленным, т.к. ухудшавшаяся в связи с гражданской войной обстановка не позволяла продолжать работу даже и в Крыму. По предложению продюссера фирмы «Икарус-фильм» Хапсаева С. уехал вместе с семьей в Италию, а оттуда во Францию.

С 1922 начался новый этап в его жизни. 45 лет он прожил во Франции, так и не став ее гражданином, но здесь, в Фонтене-су-Буа, он обрел свой новый дом, основал собственную студию и создал фильмы, которые принесли ему мировую славу. Первая лента, выпущенная во Франции, называлась «В лапах паука» и повествовала о злоключениях мухи, ставшей содержанкой паука-банкира. Изобретательная, забавная мультипликация была своеобразной пародией на светско-салонные мелодрамы и входившие тогда в моду сериалы типа пресловутого «Фантомаса». В этом фильме куклы-насекомые С. впервые теряли свою прежнюю, поражавшую зрителя натуралистичность, начинали активно мимировать и все более приобретали антропоморфные черты. В 20-е С. выпустил целую серию сказок, где вместе с куклами играла его младшая дочь Янина, снимавшаяся под псевдонимом Нина Стар: «Пугало» («L'épouvantail», 1921); «Свадьба Бабила» («Le mariage de Babile», 1921); «Лягушки требуют короля» («Les grenouilles demandent un roi»); «Маленькая уличная певичка» («La petite chanteuse de rues», 1923); «В лапах паука» («Dans les griffes de l'araignée», 1924); «Глаза дракона» («Les yeux du Dragon», 1927); «Любовь белая и любовь черная» («Amour noir et amour blanc»); «Волшебные часы» («L'horloge magique», 1928); «Лев и мошка» («Le lion et le moucheron»). Выпущенный в 1925 фильм С. «Голос соловья» («La voix du rossignol») был первым европейским кинопроизведением, получившим американскую награду — Приз Розенфельда. В 30-е С. подготовил ряд трогательных фильмов о плюшевой собачке Фетише, имевших колоссальный успех у детей. В 1949 за совместную с Соникой Бо работу «Зинзабель в Париже» («Zinsabelle à Paris») о приключениях жирафа в городе С. был награжден призом Международного фестиваля детских фильмов. С. прочили славу Диснея, но он отказался ехать за океан и остался верен старым кустарным принципам производства. Как всегда, весь его творческий коллектив состоял только из членов семьи.

Работая в новых условиях и на другую аудиторию, С., не теряя своей творческой самобытности, был вынужден учитывать вкусы и традиции западноевропейского зрителя. Результатом этой амальгамы стал его знаменитый полнометражный фильм «Роман о Лисе» («Le Roman de Renard») по мотивам средневекового французского эпоса XII-XIII вв. и сказки Гёте «Рейнеке-Лис». По праву причисленный к шедеврам мировой кинематографии, этот фильм долго шел к французскому зрителю. Съемки начались в 1929, закончились в 1931, но озвучание произошло только в 1939. В 1936 С. создал немецкую версию этого фильма. Отказавшись от первоначального замысла сочетать игру живых актеров и объемную мультипликацию, он пошел на эксперимент и все функции игрового кино возложил на своих своеобразных исполнителей. С. продемонстрировал верх изобретательности и фантазии, создавая куклы величиной от 10 см до размеров человеческого роста. Куклы обладали удивительной мимикой, их гримировали, им придавали «выражение лица», они сохраняли пластику настоящего тела животных, могли чудесным образом «оживать» на экране. Потрясенные зрители почти уверовали в то, что это были дрессированные животные, которых каким-то неведомым способом заставили носить костюмы. Однако за всем этим стоял титанический труд художника: для достижения такой степени мимической и пластической выразительности С. приходилось для каждого персонажа изготовлять до 500 масок, продвигаясь в съемках движения одной или нескольких кукол со скоростью менее 1-2 мет-

ров пленки в час. При этом С. старался не только поразить зрителя техническими новациями или куклами, не имевшими аналогов в мире, но и вносил в западную мультипликацию лучшие элементы русской актерской школы: ее психологизм, глубину, эмоциональную насыщенность.

Уединенная жизнь отшельника в доме-студии под Парижем, оживавшие чудо-куклы, определенная таинственность, сопровождавшая его творческий процесс, к которому допускались только самые близкие люди — все это порождало мифы и легенды вокруг имени С. Примечательны слова известного киноведа А.Арну: «Нет, не поеду я к Старевичу, ...не хочу, чтобы он превратил меня в камень... или напустил своих гномов, духов, домовых, своих ужасных мух и драконов со сверкающими бриллиантами глаз...» Сам же С. на все разговоры о «тайнах» неизменно отвечал: «...секрета особого здесь нет. Это все труд. Большой кропотливый труд. Все это создано по кадрику, только очень тщательно». До конца своих дней С. оставался великим тружеником; задумывая все новые и новые сюжеты, он мечтал создать грандиозную фреску «Сотворение мира». Безудержно смелый в творческом поиске, С. вместе с тем не был свободен от присущих людям слабостей: из суеверного страха не решался, приступая к религиозному сюжету, наделять марионеток человеческой мимикой; по тем же соображениям боялся речевого озвучания кукольных персонажей. С. мечтал о создании музея кукол, однако этому не суждено было сбыться. Его уникальная коллекция оказалась рассеянной по всему миру. Ходатайства известного мультипликатора И.Иванова-Вано о приобретении ее Россией не увенчались успехом. Секрет создания своих уникальных кукол художник унес с собой.

Заслуга С. состояла не только в создании особой техники съемки, но также в талантливом решении с ее помощью особых образных и жанровых задач, и по сей день стоящих перед объемной мультипликацией. С. стал первопроходцем в этом жанре и намного опередил современный ему кинематограф.

Лит.: An L.Stárévitsh, l'animateur des poupées et des marionettes, réalisé un nouveaux film: «Le Roman de Renard» // «Ciné-Miroir», 1929, 27/XII; Михин Б. Художник-кудесник // Иск-во кино, 1961, № 8; Нусинова Н.И. Роман о Лисе // Там же, 1989, № 12; Форестье Луи. Великий немой // Родина, 1991, № 11-12.

Т.Гиоева

СТЕПУН Федор Августович (6.2.1884, Москва — 23.2.1965, Мюнхен) — религиозный философ, историософ, культуролог, социолог, теоретик искусства, писатель и публицист. Родился в расположенном в Москве доме «Человеколюбивого общества», что, как иронично замечал сам С., ко многому обязывало. Предки С. по отцу владели земельными угодьями между Тильзитом и Мемелем. Кроме литовской и немецкой крови, у С. были примеси французской и шведско-финской крови по линии матери, в роду которой (Аргеландер) встречаются уважаемые имена протестантских пасторов. Спустя три года после рождения Федора семья переехала в имение недалеко от Калуги, где отец получил место директора известной на всю страну кондровской писчебумажной мануфактуры. Природа средней полосы, провинциальная жизнь и связанные с ней воспоминания способствовали глубокому вживанию в образ России, ставший впоследствии одной из ведущих тем его творчества.

По настоянию отца в 1894 С. поступил в московское реальное училище Св.Михаила, которое окончил в 1900. В выборе дальнейшего пути колебался между желанием изучать философию и тягой к художественному творчеству. Так и не приняв окончательного решения, С. отправился для отбытия воинской повинности на год (1901) в мортирный дивизион, стоявший в Коломне. Затем по совету матери и доцента Московского университета *Б.Вышеславцева* С. в 1902 выехал для продолжения образования в Гейдельберг. Там в университете он изучал философию, историю, политическую экономию, государственное право, историю искусства и литературы, стал учеником В.Виндельбанда. Пройдя курс обучения в Гейдельбергском университете, С. защитил докторскую диссертацию по историографии Вл.Соловьева, после чего отправился путешествовать по Франции и Италии.

Формирование философских взглядов С. проходило под влиянием неокантианства, Вл.Соловьева, символизма, немецкого романтизма (особенно Шлегеля и Новалиса) и мистицизма (Плотина, Мейстера Экхарта, Шеллинга, Рильке) и вполне завершилось в 1910, когда в сборнике «О мессии. Очерки по философии культуры» (Лейпциг, 1910) появилась его статья «Трагедия творчества (Фр.Шлегель)». В ней С. предпринял первый набросок своей философии культуры, стержнем которой стала формулировка противоречия между душевно-духовным планом личности (жизнью) и объективированными в процессе творчества ценностями (культурой).

С возвращением в Россию в 1910 С. принял самое деятельное участие в издании международного ежегодника по философии культуры «Логос» (1910-14, 1925), постоянными участниками и редакторами русского издания

которого стали, кроме него, адепты «научной метафизики» *С.Гессен*, Э.Метнер, Б.Яковенко. «Задачей русского «Логоса», — писал С., — было подведение методологического фундамента под научно ...малоозабоченную русскую философию, как религиозно-интуитивного, так и марксистско-догматического характера». Свое направление авторы «Логоса» противопоставляли деятельности православно-славянофильского издательства «Путъ», вокруг которого были объединены такие известные философы и богословы как Г.Рачинский, Е.Трубецкой, В.Эрн, *С.Булгаков*, *Н.Бердяев*, П.Флоренский. Позднее, однако, некоторые авторы «Логоса», среди которых был и С., перешли на религиозные позиции и даже стали деятельными членами православной церкви.

1910-14 — период напряженной творческой деятельности С. Он являлся членом «Бюро провинциальных лекторов», в качестве которого объездил почти всю Россию, особенно часто посещая волжские города; выступал на заседаниях Религиозно-Философского общества им. Вл.Соловьева; входил в кружок И.Астрова; участвовал в семинарах в издательстве «Мусагет», читал лекции в Московском народном университете. В журналах «Труды и дни», «Русская мысль», «Северные записки» был напечатан ряд ярких статей С. В «Логосе» (кн. 3-4, 1913) опубликована во многом программная для С. философская работа «Жизнь и творчество», в которой он пытался «на почве кантовского критицизма научно защитить и оправдать явно навеянный романтиками и славянофилами религиозный идеал».

Разразившаяся 1-я мировая война отвлекла С. от научной и литературной работы. В начале октября 1914 он в составе 12-ой Сибирской стрелковой артбригады отправился на Галицийский фронт, в 1915 — на Рижский фронт, где был тяжело ранен. Спустя 10 месяцев, проведенных в армейских лазаретах, в 1916 возвратился в Галицию. Свои переживания, связанные с участием в военных действиях, описал в философско-автобиографическом романе «Записки прапорщика-артиллериста» (М.,1918), признанном критиками одной из лучших книг о 1-й мировой войне. С началом Февральской революции С. попал во главе армейской делегации Юго-Западного фронта в Петроград, где остался в качестве фронтового представителя во Всероссийском Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Не удовлетворенный своей деятельностью, С. возвратился на фронт как правительственный комиссар и принял участие в съезде Юго-Западного фронта в Каменец-Подольском. Вскоре С. вновь был вызван в Петроград, где возглавил культурно-просветительскую часть при политическом отделе военного министерства, редактировал одновременно журнал «Инвалид»; некоторое время исполнял обязанности начальника политического управления при военном министерстве. После ухода в отставку работал редактором журнала «Армия и флот Свободной России» (быв. «Инвалид»). Утром 24.10.1917 арестован в Мариинском дворце солдатами Кексгольмского полка, но вскоре освобожден.

После октябрьского переворота С. перебрался в Москву, где весной 1918 сотрудничал в оппозиционной прессе, заведовал культурно-философским отделом в правоэсеровском «Возрождении». С началом гражданской войны был призван в Красную армию и лишь благодаря вмешательству А.Луначарского оставлен в Москве, назначен на должность заведующего репертуаром при «Показательном театре революции». После постановок «Царя Эдипа» Софокла и «Меры за меру» Шекспира С. был уволен из театра за «явное непонимание сущности пролетарской культуры». Однако, по его мнению, специфически пролетарской культуры «и быть не может; культура требует языка, а у пролетариата, как и у каждого класса, есть только терминология». Покинув театр, С. остался в Москве, читал лекции в ряде театральных студий, преподавал в Вольной Академии духовной культуры, делал доклады в аудиториях Политехнического музея, вел интенсивную литературную работу. В 1919 С. вместе с женой решил обосноваться в деревне, где они вместе с другими родственниками организовали небольшую коммуну, работавшую с разрешения местного исполкома на 14 десятинах земли, оставшихся от имения тестя С. В 1922 С. был составлен сборник «Освальд Шпенглер и закат Европы» и выпущен под его редакцией литературно-художественный сборник «Шиповник», куда вошли, кроме статьи самого С., работы Н.Бердяева, *П.Муратова*, Л.Леонова, Б.Пастернака. Осенью 1922 С. вместе с другими известными деятелями русской культуры был выслан из Советской России.

С. нашел пристанище в Германии и первоначально поселился в Берлине; стал одной из самых заметных фигур культурной жизни эмиграции. При его непосредственном участии выходили журналы «Современные записки» (зав. лит.-худ. отделом) и «Новый Град» (соред. вместе с *Г.Федотовым* и *И.Фондаминским*). Формируя программу «Нового Града», С. отмечал отсутствие жестких партийных рамок в направлении журнала. Главным для «новоградцев» был вопрос духовности, а не конечных целей движения. Возможность выхода из глубокого духовного, социального и экономического кризиса, поразившего мир, они связывали «с христианской культурой средневековья, со свобо-

долюбивым гуманизмом Возрождения и с либеральным социализмом, требовавшим такой хозяйственной системы, которая гарантировала бы каждому человеку возможность полного развития своей личности». С. — убежденный христианский демократ. Его политические взгляды эволюционировали от правого крыла партии социалистов-революционеров к позиции религиозных социалистов типа П.Тиллиха во времена Веймарской республики.

В 1923 вышли в Берлине книга С. «Жизнь и творчество», составленная из статей, уже опубликованных в России, и работа «Основные проблемы театра», в которой философ продолжал разработку ключевой для него темы противоречия жизни и творчества: «Каждый человек, осознающий себя на достаточной глубине, неизбежно осознает себя в раздвоении, каждый дан себе как бы двояко, дан себе как несовершенство, как то, что он есть, и как совершенство, как то, чем он должен стать, дан себе как факт и задан себе как идеал; дан себе как хаос и задан себе как космос... Жизнь, изживаемая нами изо дня в день, — не жизнь вовсе. В ней господствует слепой случай, в ней царит обман...»; подлинная жизнь — «это жизнь как содержание трагедии». Та же мысль о высокой культурной миссии театрального искусства, соединяющего и возвышающего актеров и зрителей, проводилась С. в работе «Театр и кино» (Берлин, 1932).

В 20-30-е С. сосредоточился на проблеме исторической судьбы России и осмыслении феноменов революции и большевизма. В «Новом Граде» (1934, № 8) появилась его программная статья «Идея России и формы ее раскрытия», в которой он, в частности, отмечал, что «русскость есть качество духовности, а не историософский политический и идеологический монтаж», и потому раскрытие русской идеи «требует не формул, а тщательной живописи исторического пути и лица России». Большевизм С. трактовал как результат «ложного направления религиозной энергии русского народа, псевдоморфоза русской потребности верить» и потому большевизм «не может быть преодолен ничем иным как возрождением веры в Распятого». Эти идеи развивались С. в работе «Das Antlitz Rußlands und das Gesicht der Revolution» (Leipzig, 1934), а феноменология революции исследовалась им в серии очерков «Мысли о России», печатавшихся в «Современных записках» (1923-28).

Опираясь в своих философских интуициях на учения о положительном всеединстве и цельном знании Вл.Соловьева и славянофилов, С. придерживался стратегии синтеза всех человеческих познавательных способностей. Отсюда своеобразие его писаний, часто шокирующих парадоксами и похожих одновременно и на научные изыски, и на философские рассуждения, и на глубоко личную лирическую прозу. Наиболее ярко этот синтез нашел свое выражение в религиозно-философском романе в письмах «Николай Переслегин» (Париж, 1929) и мемуарах «Бывшее и несбывшееся» (тт. 1-2. Нью-Йорк, 1956). Органичность и наблюдательность С., умение, как писал литературный критик Ю.Иваск, «охватить целое, а не части (форму, стиль, настроение)», позволяла ему глубоко проникать в тайну художественного творчества и творческой личности. Это в полной мере проявилось в работе «Встречи: Достоевский — Лев Толстой — Бунин — В.Иванов — Белый — Леонов» (Мюнхен, 1962), а одна из последних книг С. — «Mystische Weltschau. Fünf Gestalten des russischen Symbolismus» (München, 1964), по свидетельству долголетнего собеседника, личного секретаря, друга и ученика философа, А.Штаммлера, «не только самое глубокое, проникновенное толкование символизма, которое ныне существует на каком бы то ни было языке, но также подведение итогов богатейшей жизни и творчества самого С.».

В статье, посвященной памяти С., Штаммлер нарисовал портрет философа: «С. меня поразил: в нем было что-то львиное, при этом благосклонное, приветливое, открытое; глубокая серьезность соседствовала с милой шутливостью, глаз иногда прищуривался, лукаво подмигивал. Это был с головы до пят русский барин, но вместе с тем несомненно и ученый, одновременно и человек с некоторыми чертами театральности, — светский человек, офицер и хороший наездник». Черты аристократизма отмечал у С. и один из редакторов «Современных записок» *М.Вишняк*: «Элемент игры и театра, импровизации, вдохновения или выдумки чувствовались во всем, о чем бы он ни говорил или писал». Именно неподражаемый артистизм вкупе с незаурядным ораторским талантом принесли С. славу одного из лучших ораторов Германии.

В 1926 С. был приглашен на кафедру социологии в дрезденское Высшее техническое училище, откуда в 1937 он был уволен нацистским правительством без права печатного и устного выступления по причине, как иногда иронично выражался С., «неисправимой русскости, жидофильства и склонности к религиозному мракобесию». Чудом избежав гибели во время бомбардировки Дрездена в 1945, но потеряв все свое имущество, С. перебрался сначала в небольшой городок Тагернзее, а оттуда в Мюнхен. В 1947 С. пригласили возглавить созданную специально для него кафедру истории русской культуры в Мюнхенском университете

Людвига Максимилиана, где он вплоть до 1960 читал курсы по русской литературе (в основном символизму) и социологии русской революции. По словам Штаммлера, «он был одним из самых блестящих лекторов, когда-либо читавших в Мюнхенском университете». В послевоенные годы С. активно сотрудничал в периодических изданиях эмиграции (альманахе «Мосты», журналах «Опыты», «Новом журнале» и др.), одновременно являлся одним из учредителей и постоянных представителей Товарищества зарубежных писателей. К 80-летию С. правительство ФРГ наградило его высшим знаком отличия. С. скоропостижно скончался, возвращаясь с одной из своих публичных лекций.

Соч.: Der Bolschewismus und die christliche Existenz. München, 1959; Dostoewskij und Tolstoj. Christentum und soziale Revolution. München, 1961.

Лит.: Нижевский Д.И. Речь о Степуне // НЖ, 1964, № 75; Штаммлер А.В. Ф.А.Степун. In memoriam // НЖ, 1966, № 82.

М.Галахтин

СТРАВИНСКИЙ Игорь Федорович (5.6.1882, Ораниенбаум — 6.4.1971, Нью-Йорк) — композитор, дирижер и пианист. Родился в семье великого русского певца Федора Игнатьевича С., солиста Мариинского театра, обладавшего уникальным басом и выдающимися сценическими данными (был первым исполнителем в целом ряде русских опер, в том числе П.Чайковского и Н.Римского-Корсакова). Мать — Анна Кирилловна С. (урожд. Холодовская). В доме отца в Петербурге собирались виднейшие деятели русской культуры, что в немалой степени способствовало становлению художественных вкусов молодого С. С 9 лет обучался игре на фортепиано. В 1900 окончил частную гимназию Я.Гуревича и по настоянию отца поступил на юридический факультет Петербургского университета (обучался в 1901-6; однако, по имеющимся сведениям, не получил диплома об окончании университета, т.к. не сдавал выпускных экзаменов). В 1903-8 брал уроки композиции у Римского-Корсакова, но академического музыкального образования не получил, т.к. по совету учителя в консерваторию не поступал. К этому времени относятся первые сочинения С. — Соната для фортепиано (1904), Симфония для большого оркестра ми-бемоль мажор (1907), Фантастическое скерцо (1908), первые вокальные циклы. Дебютировал как композитор в Петербурге 27.12.1907 — были исполнены вокальные сочинения С. «Пастораль» и «Весна монастырская» (солистка Е.Петренко), однако ранее на закрытых репетициях исполнялись вокальная сюита «Фавн и пастушка» (17.4.1907) и 2-я и 3-я части Симфонии (16.4.1907).

Определяющую роль в развитии творческих и эстетических взглядов С. сыграла художественная атмосфера Петербурга начала века, его сближение с *С.Дягилевым*, *А.Бенуа* и др. представителями художественного объединения «Мир искусства». Встреча с Дягилевым стала по сути основополагающей в дальнейшей судьбе С. По совету Б.Асафьева Дягилев, вынашивавший идею создания балета на сюжет о Жар-птице, и будущий постановщик балета *М.Фокин* 9.1.1909 присутствовали на 1-м исполнении симфонической фантазии С. «Фейерверк», которая, несмотря на весьма скромный успех у публики, произвела на обоих буквально ошеломляющее впечатление. Три первых балета С., написанные по заказу Дягилева, открыли русский период творчества композитора (до 1919) и представили русскую тему его творчества в трех различных ракурсах: сказочную в «Жар-птице» (1910), бытовую в «Петрушке» (1911) и ритуально-архаичную в «Весне священной» (1913). Уже в самом обращении С. к жанру балета была видна позиция композитора нового времени: в музыке XIX в. основным жанром музыкального творчества оставалась опера. Точнее всего по этому поводу С. высказался в одном интервью: «Опера — это ложь, претендующая на правду, а мне нужна ложь, претендующая на ложь». Видимо, именно этим можно объяснить отказ С. завершить начатую еще в 1909 работу над оперой «Соловей» (завершена только в 1914). Работа над балетами естественным образом соприкоснулась и с опытом претворения С. русского музыкального и поэтического фольклора. С. заострил внимание не на смысловой стороне стиха, а на музыкальном звучании русского слова, его фонике, что изначально сблизило его с русской поэтической школой того времени (В.Хлебников, *М.Цветаева* и др.): «В стихах этих меня прельщала не столько занимательность сюжетов..., сколько сочетание слов и слогов, то есть чисто звуковая сторона». Вокальные циклы, созданные в 1910-е («Прибаутки», «Колыбельные песни кота», «Три истории для детей» и др.), стали в прямом смысле творческой лабораторией С., где сложились основные элементы стиля, сохранившиеся в его музыке на протяжении всего творчества (использование мелодических попевок небольшого диапазона, нерегулярность метра и ритмических акцентов, свобода в сочетании инструментальных тембров и т.д.).

С 1910 подолгу жил в Швейцарии, хотя основным местом, где была создана бо́льшая часть сочинений русского периода, был Устилуг. По архитектурному проекту С. в 1907 здесь был построен дом «Старая мыза» (сохра-

нился в перестроенном виде; в июне 1994 открыт дом-музей С.). В 1914, собирая материал для «Свадебки», в последний раз был в Устилуге, откуда, минуя Петербург из-за начинавшейся войны, возвратился в Швейцарию. С этого времени оказался оторван от родины навсегда. В поздние годы неоднократно подчеркивал, что эмигрировал из царской России и было это связано с болезнью жены — Екатерины Гавриловны (урожд. Носенко), вынужденной лечиться в Швейцарии (женитьба состоялась в 1906). Впрочем, переезд за рубеж был во многом инспирирован и политическими взглядами молодого С. — в те годы достаточно либеральными и позже коренным образом изменившимися. В письмах к В.Римскому-Корсакову — сыну композитора и другу С. — оценивал царскую Россию как «проклятое царство хулиганов ума и мракобесов», писал о желании серьезно заняться изучением «научного социализма», горячо приветствовал Февральскую революцию.

Годы 1-й мировой войны С. прожил в Швейцарии (в Кларане, Морж, Монтрё и др. небольших городках). В этот период русская тема оставалась по-прежнему доминирующей в творчестве С. (муз. притчи «Байка про лису, петуха, кота да барана», 1916; «История солдата», 1917). Главное и итоговое для русского периода произведение — «Свадебка» (1917, окончат. вариант 1923), органично соединившая обе основные жанровые линии этого периода — балетную и фольклорную; этот балет С. назвал «симфонией русской песенности и русского слога».

С момента создания балета «Пульчинелла» (1919), целиком построенного на свободной обработке тем итальянского композитора XVII в. Дж.Перголези, в творчестве С. произошел резкий стилистический перелом, открывший новый важнейший период его деятельности — период неоклассицизма (1919-53). С. назвал «Пульчинеллу» «первым намеренным рейдом в прошлое», определив этими словами новый эстетический постулат своего творчества — обращение к принципам музыкального мышления, композиционным приемам, жанрам европейской музыки (главным образом музыки барокко, отчасти позднего Возрождения и раннего классицизма). Но несмотря на то, что в его творчестве отныне почти полностью исчезли русская тема, русская музыкальная интонационность, С. и в неоклассицизме оставался русским художником. Претворение европейской культуры, обращение к авторитетным художественным системам европейского искусства всегда были одним из важнейших источников развития русского искусства. Это во многом объясняет беспрецедентную в истории музыки многоликость претворений неоклассицизма у С., т.к. в каждом его неоклассическом опусе «исследуются» все новые и новые музыкальные архетипы прошлого: традиции инструментальной культуры барокко (Октет для духовых, 1923; Концерт для фортепиано и духовых, 1924; Концерт для 2-х фортепиано соло, 1935; Концерт для камерного оркестра «Дамбартон-Окс», 1938 и др.); опера-буффа («Мавра», 1922); балет-буффа («Пульчинелла», 1919; «Игра в карты», 1936); балет-аллегория, использующая мифологические сюжеты («Аполлон Мусагет», 1928; «Орфей», 1947); мелодрама («Персефона», 1934); ранний венский классицизм (Симфония в До, 1940) и т.д. С. по сути суммировал и завершил в европейской музыке межвоенного двадцатилетия тенденцию неоклассицизма. Его неоклассический метод не адекватен приему стилизации, т.к. в конечном итоге основным для него оставался момент подчинения элементов «чужого» стиля под свой (в стилизации — обратное). С. создал некие эталонные образцы неоклассицизма, представившие органичное соединение прототипов старинной музыки с языком, жанрами и, главное, мышлением, свойственным музыке XX в.

С 1920 переехал в Париж, где жил до 1939. С 1925 (во время первой гастрольной поездки в США) началась интенсивная дирижерская деятельность С., всегда протестовавшего против исполнительских интерпретаций его сочинений и считавшего, что авторская трактовка останется для потомков единственным эталоном для исполнений его музыки. В 1935 вышли в свет мемуары С. «Хроника моей жизни» (Л., 1963). 1939 стал роковым для него годом: в течение нескольких месяцев скончались старшая дочь, жена и мать. Эти трагические события, равно как и начинавшаяся 2-я мировая война, вынудили его переехать в США, где он остался до конца жизни. В 1939 С. получил приглашение на чтение курса лекций в Гарвардском университете (позже они вышли отдельным изданием под названием «Музыкальная поэтика»). В 1940 вторично женился на Вере Артуровне (урожд. де Боссе). В 1948 познакомился с молодым американским дирижером Робертом Крафтом, ставшим секретарем С. и принимавшим самое деятельное участие во всех его делах, в том числе и сугубо житейских. Р.Крафт запечатлел и сделал достоянием читателей содержание своих бесед со С. (вышло 7 вып. их совм. бесед; первые 4 с сокр. опубл. на рус. яз. под назв. «Диалоги»).

До 1953 С. продолжал работать в русле неоклассицизма — католическая Месса (1948; это дало основание сделать опрометчивый вывод, будто С. принял католичество — С. всегда исповедовал православие), опера «Похождения повесы» (1951), Кантата (1952) и др. В 1953

в творчестве С., перешагнувшего 70-летний рубеж, произошла новая творческая переориентация — он обратился к т.н. серийной технике музыкальной композиции, основанной на неизменной повторности на протяжении сочинения (или его отдельной части) серии — заранее определенной композитором последовательности звуков. Музыке позднего, серийного, периода С. (1953-66) свойственны подчеркнутый аскетизм, столь отличающий ее от предыдущих периодов, строгая конструктивная логика формы (хотя это качество, особенно усилившееся в сочинениях позднего периода, всегда было присуще композиции С.: «в моей музыке слишком сильно преобладание геометрии», — сказал С. уже в 1928), обращение к полифоническим приемам добаховского времени. Бóльшая часть сочинений позднего периода связана с религиозной тематикой, часто на библейские тексты — «Священное песнопение» (1956), «Плачи» (1958), «Потоп» (1962), «Авраам и Исаак» (1963). Последнее крупное сочинение С. — Реквием (1966), ставший венцом творчества С. Последние 5 лет жизни С. не сочинял (многие замыслы остались неосуществленными).

В сентябре-октябре 1962 С. впервые после 1914 посетил Москву и Ленинград, выступив с триумфальным успехом в авторских концертах. Его приезд восстановил, казалось, навсегда утерянные связи с родиной. С. никогда не был равнодушен к событиям, происходившим в СССР, порой болезненно реагировал на них, в частности, с глубокой горечью воспринимал известия об изменении политического курса после хрущевской «оттепели», вместе с тем он верил в будущие исторические перемены («молодежь поможет»).

Важнейшей темой публичных выступлений С., к которой он обращался на протяжении всей жизни, было признание своей близости традициям русской художественной культуры и своего русского происхождения: русский — «язык моей мысли»; «я всю жизнь по-русски говорю, по-русски думаю, у меня слог русский» и точнее всего — «моя музыка в основе своей русская, но принадлежу я и к европейской культуре».

Историческое положение С. в истории музыки достаточно необычно. Он начинал творческий путь в годы музыкальных тенденций, генетически еще связанных с романтизмом, а к концу жизни стал свидетелем появления образцов конкретной и электронной музыки. Но между этими крайними точками было великое множество иных музыкальных течений. С. в редких случаях оставался их сторонним наблюдателем. При этом уникален избранный им метод художественной ретроспекции, не имеющий аналогов в истории музыки. Каждое сочинение С. — это художественная неожиданность, связанная, с одной стороны, с намеренным освоением различных музыкальных архетипов прошлого, наполненных, однако, в каждом случае духом современности, а с другой — с теми переменами «творческих манер», о чем писал С., и которыми отмечены отдельные периоды его деятельности. Огромная синтезирующая сила интеллекта позволяла С. на протяжении всего творчества сохранять основные стилистические константы в музыке, созданной им. Влияние С. на музыку XX в. было не просто значительным — оно было магическим. Едва ли не все композиторы этого времени, испытав на себе воздействие его музыки, признавали его самым великим композитором XX в.

С. похоронен в Венеции в православной части кладбища на острове Сан-Микеле рядом с могилой Дягилева. С 1983 архив С. в полном объеме (манускрипты сочинений, письма его корреспондентов, газетные и журнальные вырезки, иконография и личная библиотека) находятся в Базеле в Фонде Пауля Захера. В архивах Москвы и Петербурга сохранились многочисленные письма С. к его русским корреспондентам, а также отдельные манускрипты сочинений и их корректуры с правкой автора.

Соч.: Диалоги. Л., 1971; Письма Стравинского / И.Ф.Стравинский. Статьи и материалы. Л., 1973; Стравинский-публицист и собеседник. М., 1988.

Лит.: Вершинина И.Я. Ранние балеты Стравинского. М., 1967; Смирнов В.В. Творческое формирование И.Стравинского. Л., 1970; Stravinsky in Pictures and Documents. New York. 1978; Друскин М.С. Стравинский. Л., 1982; Муз. академия, 1993, № 4; Варунц В.П. Неизвестный Стравинский // Муз. обозр., 1993, 22 дек.; Walsh S. The Music of Stravinsky. Oxford, 1993.

В.Варунц

СТРАТОНОВ Всеволод Викторович (17.4.1869, Одесса — 6.7.1938, Прага) — астрофизик. Родился в семье директора классической гимназии. В 1891 окончил Новороссийский университет с дипломом I-й степени и золотой медалью, присужденной за дипломную работу «Пассажный инструмент и определение географических координат». В 1891-92 работал в астрономической обсерватории Новороссийского университета под руководством известного астрофизика профессора А.Кононовича, одного из пионеров астрофизических исследований в России. По его рекомендации С. в 1892 был откомандирован в Пулковскую обсерваторию, где работал два года под непосредственным руководством ее директора академика Ф.Бредихина.

В 1894 по плану Бредихина были изготовлены два нормальных астрографа для Пулковской и Ташкентской обсерваторий. С. был направлен в Ташкент для работы на этом приборе. Специально для него в Ташкентской обсерватории была учреждена должность астрофизика, ему была предоставлена свобода в выборе объектов для работы, заказе за границей новых инструментов и т.д. В течение 10 лет работы С. получил на нормальном астрографе колоссальный фотографический материал: более 400 снимков звездного неба и небесных объектов, в том числе около 200 фотографий шаровых и рассеянных звездных скоплений, 85 снимков положений малой планеты Эрос во время ее выгодного противостояния в 1900-1, ряд фотографий Млечного Пути, светлых и темных туманностей, переменных звезд, планет, поверхности Солнца. Используя ясное и прозрачное небо Ташкента, С. применял многочасовые экспозиции, что позволило ему фиксировать на снимках весьма слабые объекты.

Продолжая исследования своего учителя А.Кононовича, ученый провел тщательное измерение скорости вращения Солнца на разных широтах по наблюдениям факелов (горячих облаков в атмосфере Солнца). В 1897 он опубликовал мемуар о вращении Солнца, в котором делал вывод, что не существует единого закона вращения Солнца, а каждый широтный пояс имеет свою скорость вращения. Мемуар был отмечен премией Николая II. Большое внимание С. уделял исследованию звездных скоплений, в частности, Плеяд. Провел статистику звезд в Плеядах, измерил их собственные движения, изучил зависимость «светимость—спектр». Изучая туманности, окружающие наиболее яркие звезды скопления, обнаружил в них волокнистую, а порой клочковатую структуру. Подробно изучил также рассеянное скопление x и h Персея, шаровое звездное скопление в Геркулесе, рассеянное скопление в Щите, кольцеобразную туманность в созвездии Лиры. Изучая строение Млечного Пути, доказал, что наблюдаемое раздвоение Млечного Пути — явление кажущееся, вызванное наличием темных поглощающих масс диффузной материи. Подверг статистическому анализу Боннское и Капское обозрения неба и вывел свой закон убывания числа звезд в Млечном Пути с широтой, а также их распределение по долготам. Провел трудоемкую работу по выявлению этих распределений для 900000 звезд различных величин, построил карты полученных распределений. Выявил сложность строения нашей Галактики, его отличия от упрощенных моделей В.Струве и Г.Зеелигера. Одним из важнейших результатов этого исследования явилось открытие звездных облаков. Эта большая работа была опубликована в 1900-1 в двух частях под названием «Исследования строения Вселенной» (на франц. яз.). Опубликовал также ряд исследований переменных звезд, в частности, Миры Кита, Новой Персея 1901. Проводил наблюдения метеорного потока Леонид.

В 1904 из-за болезни глаз С. был вынужден оставить работу в Ташкентской обсерватории и вообще работу астронома-наблюдателя. Он переехал на Кавказ, где служил чиновником для особых поручений при наместнике. Кроме того, обладая некоторым состоянием, открыл собственный банк. Издал на свои средства несколько своих книг по астрономии, в частности, роскошно оформленную книгу «Солнце» с многочисленными иллюстрациями, удостоенную премии Русского астрономического общества. Тремя изданиями вышел его учебник «Космография», получивший одобрение министерства народного просвещения и ряда др. ведомств. Специально для женских гимназий и духовных семинарий выпустил «Сокращенный курс космографии». Двумя изданиями вышла его научно-популярная книга «Здание мира». В 1919 издал книгу «Звезды», рекомендованную в качестве учебного руководства для средних учебных заведений и также удостоенную премии Русского астрономического общества.

В 1918 переехал в Москву, где занял должность профессора Московского университета, а вскоре был избран деканом физико-математического факультета. Читал курс общей астрономии для студентов I-го курса. Одновременно заведовал физико-математическим отделением Главной государственной библиотеки в Москве (позднее — Библиотеки им. Ленина). В 1918-20 был научным консультантом Наркомпроса, курируя издание научной литературы в Советской России. В начале 1920 выступил с предложением построить на юге страны большую астрофизическую обсерваторию, оснащенную самыми современными приборами, которые надлежало выписать из-за границы. Предложение встретило горячую поддержку со стороны многих астрономов, физиков и геофизиков, а также научных организаций. 25.3.1921 Государственный ученый совет принял решение об учреждении Главной астрофизической обсерватории и утвердил ее оргкомитет во главе с С. Были направлены экспедиции для выбора места строительства в район Одессы и на Северный Кавказ, начат выпуск «Трудов» обсерватории. Впоследствии на базе оргкомитета был образован Астрофизический институт, объединенный в 1931 с Астрономической обсерваторией МГУ в Астрономический институт им. П.Штернберга. Южная обсерватория была построена только в 50-х в Крыму и не соответствовала тем масштабам и задачам,

которые намечал в своем проекте С. В начале февраля 1922 резкое обострение обстановки в высших учебных заведениях страны, вызванное новым уставом вузов, утвержденным Наркомпросом, низкой зарплатой профессоров и преподавателей, плохой обеспеченностью лабораторий, привело к волне профессорских забастовок, одним из организаторов которых был С. После переговоров с заместителем председателя Совнаркома А.Цюрупой условия работы профессоров были улучшены и забастовки прекратились. Однако в августе 1922 С. был арестован, а в октябре — выслан из РСФСР вместе с большой группой ученых.

Обосновавшись на недолгий срок в Берлине, С. активно содействовал организации Русского научного института, чтобы помочь детям русских эмигрантов продолжить образование, а ученым — научную деятельность. В 1923 С. переехал в Прагу, где жил и работал до конца своих дней. С. читал научно-популярные лекции по астрономии во многих городах Чехословакии, а также в Литве, Латвии и Эстонии, сотрудничал с Русским национальным университетом в Праге. Получив чехословацкое гражданство, начал читать курс лекций по общей и практической астрономии в Чешском высшем техническом училище в Праге. В 1927 издал учебник «Астрономия» на чешском языке, который в 1929 был переиздан также на немецком языке. Кроме того, выпустил несколько научно-популярных книг по астрономии. В последние годы жизни С. обрабатывал свои наблюдения малой планеты Эрос, выполненные им в Ташкенте в 1900-1, готовил к печати свои лекции по общей астрономии. Завершению этих работ помешала смерть ученого. С. похоронен в Праге, на Ольшанском кладбище.

Лит.: Бронштэн В.А. Изгнание Стратонова // Природа, 1991, № 1.

В.Бронштэн

СТРУВЕ Глеб Петрович (19.4.1898, Петербург — 4.6.1985, Беркли, США) — литературовед, журналист, переводчик, педагог. Окончил коммерческое училище в Петербурге (1916). Весной 1917 отправился добровольцем на фронт, служил в гвардейской артиллерии в Карпатах. В 1918 вступил в Добровольческую армию генерала Алексеева, в декабре с фальшивым паспортом пересек границу Финляндии. С отцом, *П.Струве*, в 1919 переехал в Англию. Учился в Оксфордском университете («Ballion College»), получил диплом по новой истории. Весной 1922 покинул Англию, 10 лет работал в качестве журналиста сначала в Берлине, где ведал изданием журнала «Русская мысль», выходившим под редакцией его отца (1921-24), затем в Париже, где сотрудничал в газете «Возрождение» (1925-27), входил в редакцию еженедельников «Россия» (1927-28) и «Россия и славянство» (1928-32).

В 1932 С. стал лектором по истории русской литературы в Лондонском университете (Высшей школе славистики), сменив на этом посту *Д.Мирского*, возвратившегося в СССР. В 1946 С. был приглашен читать лекции в американских университетах, на следующий год стал профессором кафедры славянских языков и литератур Калифорнийского университета в Беркли, где работал до ухода на пенсию в 1967. За годы пребывания в США читал лекции в Гарвардском, Вашингтонском, Колорадском, Оклахомском и Торонтском (Канада) университетах. С 1960 редактор созданного по его инициативе славистического журнала «California Slavic Studies». Принимал участие в работе издательства «Международное литературное содружество».

Научные заслуги С., прежде всего его большая роль в развитии славистики в США после 2-й мировой войны, получили высокое признание и отмечены знаками поощрения Американской Ассоциации славистики (1973) и Калифорнийского университета (1978). С. был удостоен почетной степени доктора права Торонтского университета (1971), избран почетным председателем Русской академической группы в США (1977).

С. известен своими исследованиями русской литературы XIX и XX вв., включая советский период и литературу русского зарубежья. В книге «Soviet Russian Literature» (London, 1935) освещается историко-литературный процесс 20-х — начала 30-х. Этот труд выдержал несколько изданий: расширенный вариант, дополненный обозрением литературной жизни между 1935 и 1943, появился под названием «25 years of Soviet Russian Literature (1918-1943)»; затем книга была опубликована в 1946 в Париже (на франц. яз.), в 1951 в Беркли (США), в 1957 и 1964 в Мюнхене; наиболее полным по охвату историко-литературного процесса явилось издание 1971 — «Russian Literature under Lenin and Stalin. 1917-1953». В этой работе С. стремился писать историю «объективно», рассматривая советскую литературу прежде всего с точки зрения ее художественности, но стараясь при этом «говорить откровенно и критически». Проведенный анализ убеждал С., что советский период в развитии литературы не был бесплоден, он дал миру немало произведений, отличающихся свежестью видения и оригинальностью формы, заслуживающих того, чтобы их переводили и читали за

пределами России. Доминирующим в начальный период советской литературы С. признавал русский футуризм с наиболее одаренным его представителем — В.Маяковским, но отмечал также расцвет других школ и течений: Маяковский революционизировал поэтику, Олеша и Фадеев представляли новый русский реализм; как произведения «живой реальности и человеческой глубины» определял первые романы Федина и Леонова. Вместе с тем С. акцентировал внимание на особенностях развития советской литературы, выделяя в их числе политизацию литературного дела, подавление свободы творчества, жесткий контроль со стороны коммунистов, стремящихся создать «специфическую советскую литературу в соответствии с намеченным планом». С. приходил к заключению, что «современная Россия располагает блестящими писателями, но она не может иметь большой литературы, поскольку свобода разума здесь скована». В более поздних изданиях С. изменил некоторые акценты, в отличие от традиционно нигилистических трактовок социалистического реализма, находил в этой тенденции не только негативные, но и позитивные итоги, выражавшиеся, в частности, в обновлении языка и стиля литературы, возрастании интереса к человеку, усилении «элементов гуманизма»; хотя одновременно соцреализм, по его словам, навязывал художнику определенные ограничения. Наиболее критично оценивал период после 1946: «Мрак и темнота опустились на советское искусство и литературу»; термином «ждановизм» характеризовал строгий партийный контроль, довлеющий над сферой творческой мысли.

С. принадлежит книга «О четырех поэтах: Блок, Сологуб, Гумилев, Мандельштам» (Лондон, 1981), в которой он задался целью показать подлинное значение творчества тех, кого он считал крупнейшими русскими поэтами. С. регулярно печатал в американских, английских, русских эмигрантских газетах, журналах и альманахах статьи, рецензии, обзоры литературной жизни России и русского зарубежья; вел «Дневник читателя» в газетах «Новое русское слово», «Возрождение», «Русская мысль» и др. В числе опубликованного: «Бунин в советской критике» (Нов. рус. слово, 1954, 3 янв.); «Бальмонт — певец России» (Россия и славянство, 1930, 29 марта); «Об Адамовиче-критике» (Грани, № 34-35); «О Ремизове: К годовщине смерти» (Вест. РСХД, 1957, № 51); «Б.К.Зайцев: к 80-летию» (Нов. рус. слово, 1961, 10 июня); «По поводу Нобелевской премии Шолохова» (Нов. рус. слово, 1968, 26 окт.); «Новые пушкинские материалы Британского музея» (Белградский пушкинский сб. Белград, 1937). Составленная Р.Хьюзом библиография трудов С. включает свыше 900 наименований.

С. неустанно собирал материал о жизни и деятельности русских писателей-эмигрантов в странах Европы, Америки, Азии; итогом явилась книга «Русская литература в изгнании: опыт исторического обзора русской литературы» (Нью-Йорк, 1956; 2-е изд. Париж, 1984). С. исходил из того, что «зарубежная литература есть временно отведенный в сторону поток общерусской литературы. И воды этого отдельного, текущего за рубежами России потока... будут содействовать обогащению общего русла»; понятию «эмиграция» он противопоставил термин, «более отвечающий смыслу вещей» — «русское зарубежье», вошедший ныне в научный лексикон. Своей главной задачей С. считал создание «максимально объективной картины развития русской зарубежной литературы на общем фоне бытия эмиграции». В книге систематизированы сведения об эмигрантских потоках из России в страны Запада и Востока в годы революции и после нее, об образовании центров русской эмиграции; дается характеристика движений евразийства, «сменовеховства», анализируется творчество старшего поколения писателей — *И.Бунина, Д.Мережковского, И.Шмелева, И.Куприна, Б.Зайцева, А.Ремизова*, поэтов — *К.Бальмонта, З.Гиппиус, Вяч.Иванов, В.Ходасевича, М.Цветаевой*, представляется молодое поколение литераторов. Как период расцвета зарубежной литературы С. характеризует 1925-39, когда проявились новые идейные течения, были созданы наиболее значительные романы и повести, лучшие свои произведения написали Ходасевич и Цветаева, стали известны имена *Н.Берберовой* и *И.Одоевцевой*, возникли группировки молодых поэтов в Париже, Праге, Берлине, Варшаве, Харбине. Едва ли не самым ценным вкладом зарубежных писателей в «общую сокровищницу русской литературы» С. считает критику, эссеистику, философскую прозу, мемуары. В годы 2-й мировой войны зарубежная русская литература, по словам С., либо ушла в подполье, либо перекочевала в Америку. Главным фактором послевоенного периода явилась, по его мнению, «встреча двух эмиграций» — пореволюционной и послевоенной, принесшей иные навыки, новые настроения.

Многие годы С. посвятил популяризации в странах Европы и Америки творчества русских писателей, изданию их книг в Нью-Йорке, Вашингтоне, Париже, Мюнхене; писал к ним вступительные статьи, комментарии. С. выпустил на английском языке в своем переводе сборник «Русские рассказы» (3 изд.: 1961, 1963, 1965); «Семь рассказов Антона Чехова» (1963); «Антологию русской поэзии: от Пушки-

на до Набокова» (1967); совместно с Б.Филипповым — сборник произведений И.Бунина (2 изд.: 1933, 1946). Заслугой С. в области русской культуры была публикация произведений «гонимых» в Советской России поэтов. В 1952 в Нью-Йорке вышла книга «Неизданный Гумилев», составителем и редактором которой был С.; в нее вошли материалы, оставленные поэтом в Лондоне в 1918 и оказавшиеся затем в распоряжении С.: рукопись «византийской трагедии» — «Отравленная туника», повесть «Веселые братья», неизданные варианты стихотворений 1916-18. Позднее усилиями С. совместно с Филипповым было осуществлено издание сочинений Н.Гумилева в 4-х томах (1962-68); опубликованы стихотворения О.Мандельштама (Нью-Йорк, 1955), а затем собрание его сочинений в 3-х томах (1964-69); сочинения Б.Пастернака в 3-х томах; трехтомник сочинений А.Ахматовой (Вашингтон-Париж, 1965-83); собрание сочинений Н.Клюева в 2-х томах (Мюнхен, 1969); «Стихотворения и поэмы» М.Волошина в 2-х томах (Париж, 1982-84). Вступительные статьи С. сопровождали издания книг М.Цветаевой, А.Ахматовой. С выпустил также стихи Н.Заболоцкого (1965). Б.Филиппов называл С. «ученейшим академическим литературоведом».

Соч.: Русский европеец: Материалы для биографии и характеристики князя П.Б.Козловского. Сан-Франциско, 1950; The Double Life of Russian Literature / Books Abroad. New York, 1954; К истории русской поэзии 1910-х–начала 1920-х годов. Беркли, 1979.

Лит.: Филиппов Б. Памяти Г.П.Струве // НЖ, 1985, № 160; Раевская-Хьюз О., Рязановский Н. In memoriam (памяти): Глеб Петрович Струве // Зап. Рус. акад. группы в США, 1985, т. 18; Лаппо-Данилевский К.Ю. Глеб Струве — историк литературы // Рус. лит-ра, 1990, № 1; Трущенко Е.Ф. Глеб Струве и литература русского зарубежья / Русское литературное зарубежье. Сб. обзоров и материалов, вып. 2. М., 1993.

Е.Трущенко

СТРУВЕ Отто (12.8.1897, Харьков — 6.4.1963, Беркли, США) — астроном. Принадлежал к знаменитой династии астрономов, родоначальник которой, прадед Отто — Василий Яковлевич (Фридрих Георг Вильгельм) С. — был основателем и первым директором Пулковской обсерватории в России. Отец Отто — Людвиг Оттович С. — ординарный профессор астрономии и геодезии Харьковского университета, занимал одновременно пост директора университетской обсерватории. Отто с детства увлекся астрономией, с 8 лет он стал бывать с отцом в башне с телескопом, а в 10 лет уже проводил самостоятельные наблюдения. Блестящие математические способности Отто унаследовал не только от отца, но и от матери — Елизаветы С., происходившей из знаменитого рода Бернулли.

Окончив с отличием гимназию, С. стал студентом Харьковского университета, но из-за начавшейся 1-й мировой войны вынужден был оставить учебу. По совету отца поступил в Петроградское артиллерийское училище, через год получил чин младшего офицера и направление на турецкий фронт. Лишь в 1918 С. смог вернуться в Харьков. Он быстро догнал своих сверстников, получил диплом астронома и в 1919 уже начал преподавать в университете. Однако вскоре был мобилизован в армию генерала *Деникина*. Осенью 1920 вместе с остатками деникинских войск на пароходе, битком набитом страдающими от голода и дизентерии людьми, С. навсегда покинул родину.

Зиму 1920-21 прожил в палатке в Галлиполийском военном лагере, весной безуспешно пытался найти постоянную работу и жилье в Константинополе, временами работал чернорабочим, ночевал на чердаках. В Константинополе С. узнал о трагической судьбе своей семьи: скончался брат Вернер, утонула шестилетняя сестра, не пережив несчастий, умер отец. Тем временем по протекции родственников С. получил приглашение от директора Йеркcской обсерватории Чикагского университета Эдвина Фроста приехать в США на должность ассистента по звездной спектроскопии. Преодолев тяжелые душевные переживания и материальные трудности, С. скопил, работая грузчиком в порту Гамбурга, нужную сумму и осенью 1921 прибыл в Америку. Сюда к нему в 1923 приехала мать, здесь в 1925 С. женился на певице Марии Марте Лэннинг. Детей у них не было.

С. был на редкость разносторонним человеком. В нем сочетались астроном-наблюдатель, вычислитель и конструктор инструментов, талантливый астроном-теоретик, популяризатор науки, историк астрономии, редактор известнейших научных периодических изданий, блестящий педагог, отличный организатор и руководитель. Целеустремленность и настойчивость при достижении намеченных целей обеспечили ему прекрасную научную и административную карьеру. Профессор Фрост тепло встретил С., зачислив его в штат сотрудников с мая 1921. По его совету С. немедленно приступил к спектральным исследованиям звезд по программе, разработанной Фростом, и с завидной настойчивостью занялся углубленным изучением английского языка. В 1923 Чикагский университет присудил С. степень доктора философии; в 1932, после кончины Фроста, он стал директором, с 1947 — почетным директором Йеркской обсерватории.

В Йерксе С. постоянно сотрудничал с астрономом Джорджем ван Бисбруком, с которым на 24-дюймовом рефракторе определил положение многих комет и астероидов. Однако со временем ученые убедились, что имеющийся телескоп не дает возможности наблюдать слабые кометы и астероиды, а Брюсовский спектрограф обсерватории не подходит для средних или высокодисперсных спектров звезд. Выход заключался в создании новой станции, местом для которой были выбраны высокогорные прерии вблизи Амарилло (шт. Техас). Однако эти планы начали осуществляться лишь в 1932, когда С. занял пост заместителя директора Гарвардской обсерватории, а президенты двух университетов — Чикаго и Техаса — договорились о совместном строительстве обсерватории, используя и частные пожертвования. В 1939 обсерватория Мак-Дональд в Техасе была открыта, и С. стал ее директором. С 1947 по 1950, оставаясь почетным директором обсерваторий Йеркcской и Мак-Дональд, он одновременно возглавлял кафедру астрономии Чикагского университета. В 1950 переехал в Беркли, где стал заведовать кафедрой астрофизики Калифорнийского университета и руководить его Лейшнеровской обсерваторией. В 1959, неожиданно для многих, он принял предложение возглавить новую Национальную радиоастрономическую обсерваторию США в Грин Бэнк в штате Западная Вирджиния. По его инициативе в обсерватории был сооружен самый крупный в то время в США 42-метровый радиотелескоп. К сожалению, на этом посту С. не смог оставаться долго, его здоровье было подорвано колоссальными нагрузками в течение всей жизни. Сохранились воспоминания о режиме работы С., когда он руководил одновременно двумя крупнейшими обсерваториями США — Йеркcской и Мак-Дональд: «Он уезжал утром на машине из Вильямс Бэй в Чикаго, затем из Чикаго летел в Биг Спринг, затем опять на машине в Мак-Дональд (более 200 миль) и был готов всю ночь работать на 82-дюймовом телескопе». В 1962 из-за резко ухудшившегося здоровья С. подал в отставку с поста директора радиообсерватории. Но оставаться не у дел он не смог и продолжал трудиться в качестве профессора в знаменитом Принстонском институте перспективных исследований. О кончине С. писали все ведущие астрономические издания мира.

На протяжении всей своей жизни С. поддерживал творческие и дружеские связи с русскими астрономами. Хорошо зная, в каком трудном положении оказались после революции ученые России, он сразу по приезде в США принял самое активное участие в работе неофициальной комиссии (ее секретарь), созданной американскими астрономами для помощи их русским коллегам; в Россию посылались научная литература, журналы, фотоматериалы, продовольствие. С. проводил совместные исследования с Б.Герасимовичем, Г.Шайном, К.Огородниковым. Знание русского языка давало ему возможность публиковать в реферативном журнале «Astronomical News Letters», одним из основателей и редактором которого он был, обстоятельные обзоры выходящих в России работ. Более 50 имен астрономов России и Советского Союза называет С. на страницах книги «Астрономия XX века» (совм. с В.Зебергс. Нью-Йорк, 1962, на англ. яз.; М., 1968), им опубликованы биографические очерки о А.Белопольском, Ф.Бредихине, М.Ковальском, Г.Шайне, М.Ломоносове. Благодаря энергии С. оказалось возможным проведение в США 1-го советско-американского симпозиума по радиоастрономии.

С. — создатель обширной школы спектроскопистов. Руководимые им обсерватории послужили отправной точкой при выборе направления научной деятельности для многих молодых ученых из разных стран. Одним из первых среди астрономов он вплотную занялся исследованием широкого круга практических и теоретических проблем ведущей области астрофизики — звездной спектроскопии. Около 150 статей, опубликованных им в период с 1923 по 1947, посвящены этим проблемам. Тщательное изучение звездных спектров, полученных в разные периоды при многократных возвращениях к изучению тех же объектов, позволило С. выделить едва уловимые изменения тончайших деталей спектров — расширение и смещение линий, искажения их контуров, усиление и ослабление интенсивности линий, внезапные появления ярких линий среди привычных линий и полос поглощения. Сравнение этих изменений в спектрах с выполненными им предварительными теоретическими расчетами привело С. к интереснейшим открытиям. Так, он обнаружил и доказал вращение одиночных звезд. Совместно с Г.Шайном в 1929 разработал метод определения скоростей осевого вращения звезд. Исследование быстро вращающихся звезд позволило С., совместно с К.Т.Элви, определить связь между скоростью вращения звезд и их спектральным типом и сделать ряд открытий, стимулировавших развитие теории звездной эволюции.

Одним из первых С. начал изучать диффузное вещество в Галактике. Совместно с Герасимовичем была не только дана оценка плотности межзвездного газа, но и установлено, что газовые облака, концентрирующиеся в плоскости Млечного Пути, принимают участие во вращении Галактики. С. исследовал и многочислен-

ные виды наиболее интересных для астрофизиков звезд с неправильным изменением блеска, получивших название пекулярных, в спектрах которых наблюдаются особенности, не объяснимые с помощью спектральной классификации устойчивых звезд. Эти особенности свидетельствовали о процессах, происходящих в самой звезде или в ее атмосфере — вспышках, выбросах материи, пульсации атмосфер. Все астрономы династии Струве исследовали двойные звезды. Продолжил эту семейную традицию и С., только на более высоком — астрофизическом — уровне. Изучение им на протяжении десятилетий сотен спектрально-двойных звезд позволило получить новые данные — определить их массы и орбиты.

С. занимал важные посты в Национальной Академии наук США, в Американских Астрономическом и Философском обществах, в Тихоокеанском астрономическом обществе, Национальном Научном совете, был избран членом Королевских астрономических обществ Великобритании, Канады, Новой Зеландии, Академий наук Бельгии, Дании, Норвегии, Франции, Швеции, почетным доктором более 10 университетов (в Копенгагене, Льеже, Мехико, Киле, Ла-Плата), которые неоднократно присуждали ему свои высшие награды. В 1944 Лондонское Королевское астрономическое общество присудило С. золотую медаль — 4-ю представителям династии Струве на протяжении 118 лет.

Соч.: Stellar Evolution. An Exploration from the Observatory. Princeton, 1950; M., 1954; The Astronomical Universe. Eugene, Ore, 1958; Stellar Spectroscopy (with M. Hack). 2 vols. Triest, 1960-70; The Universe. Camb. (Mass.), 1961; Spectroscopic Astrophysics. An Assessment of the Contributions of Otto Struve. Ed. by G.H.Herbig. Berkeley-Los Angeles-London, 1970.

Лит.: Modern Astrophysics. A Memorial to Otto Struve. Gauthier-Villars, Paris, Gordon and Breach York, 1967.

З.Соколовская

СТРУВЕ Петр Бернгардович (26.1.1870, Пермь — 26.2.1944, Париж) — политик, историк, экономист, издатель. Сын пермского губернатора, внук астронома В.Струве. В 1879-82 жил с семьей в Германии. В 1889 окончил 3-ю гимназию в Петербурге. В 1895 экстерном сдал экзамены за курс юридического факультета Петербургского университета, в котором учился сначала на естественном (1889-90), а затем на юридическом факультетах (1890-91). В 1890-е — один из лидеров русского марксизма, организатор марксистских кружков, органов печати, изданий. В 1892 учился в Граце (Австрия) у Л.Гумпловича, тогда же начал литературную деятельность в немецкой социал-демократической прессе, где выступал с обзорами и рецензиями на русскую экономическую литературу, а также с оригинальными статьями по проблемам экономического развития России. По возвращении в Петербург в 1892-94 работал библиотекарем в министерстве финансов. В апреле 1894 был арестован за связи с народовольцами. В августе 1894 выпустил книгу «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», открывшую эпоху легальной борьбы русских марксистов с народничеством и ставшую первым систематическим изложением в русской легальной печати основ марксизма. Впрочем, уже в этой книге С. ясно отмежевался от материалистических основ доктрины. В январе 1895 от имени земской депутации, принятой Николаем II, составил «Открытое письмо Николаю II» с осуждением его отказа от продолжения либеральных реформ Александра II. Весной 1895 участвовал в составлении и издании вместе с *А.Потресовым* марксистского сборника «Материалы к характеристике нашего экономического развития», уничтоженного цензурой. В 1896 входил в делегацию от российской социал-демократии на международном социалистическом конгрессе в Лондоне (4-й конгресс 2-го Интернационала), написал аграрную часть ее доклада, с которым выступил Г.Плеханов. Вместе с М.Туган-Барановским редактировал марксистские журналы «Новое Слово» (1897) и «Начало» (1899). В издательстве О.Поповой заведовал редакцией общественно-научной литературы, издал I-й том нового перевода на русский язык «Капитала» К.Маркса. Весной 1898 написал «Манифест» для организовавшейся РСДРП. Тогда же в трудах С. вызревало и укреплялось т.н. «критическое направление» в русском марксизме. Начатые им в 1898-1900 исследования по истории крепостного права в России (изд. в 1913), политической экономии (впервые — в статьях 1900 в журнале «Жизнь»), социологии («Архив Брауна», 1899, рус. пер. 1905) в политическом аспекте складывались в систему реформистского социализма, активно использующего ценности и принципы либерализма. В области политической экономии строил свои теории вокруг понятий хозяйства и цены. На Псковском совещании с социал-демократами во главе с В.Лениным (апр. 1900) и совещании в декабре 1900 от имени «демократической оппозиции» обещал поддержку организуемым газете «Искра» и журналу «Заря», принявшими по отношению к нему впоследствии резко критический тон. В предисловии к книге *Н.Бердяева* «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (1901) выступил с обоснова-

нием философской метафизики как основы для общезначимого социального идеала. В развитие идеалистической платформы сближения левых либералов и «критических марксистов» выступил инициатором программного сборника «Проблемы идеализма» (1902).

В марте 1901 участвовал в демонстрации петербургской интеллигенции у Казанского собора, протестовавшей против правительственных репрессий по отношению к левому студенчеству: был избит полицией, арестован и после двухнедельного заключения выслан в административном порядке в Тверь под гласный надзор полиции с запретом на проживание в столицах и университетских городах. Летом принял предложение земских деятелей возглавить оппозиционный журнал за границей. Для этого в декабре 1901 выехал в Штутгарт (Германия), где с июля 1902 издавал и редактировал журнал «Освобождение» (до окт. 1905). Один из создателей «Союза Освобождения». В сентябре-октябре 1904 — секретарь конференции революционных и оппозиционных партий в Париже. После Манифеста 17 октября 1905 вернулся в Россию. С декабря 1905 в Петербурге редактировал еженедельный журнал «Полярная Звезда» (затем «Свобода и культура», до мая 1906), в котором призывал к строительству правового государства на основе октроированной «конституции», выступал против продолжения революционной борьбы и правительственного террора. Член ЦК кадетской партии с ее 2-го съезда в январе 1906 (до 1915). В марте 1906 привлечен к суду за выступления против правительства в печати. В апреле-июне 1906 редактировал ежедневную газету «Дума». Летом 1906 присутствовал в Выборге при составлении воззвания группы депутатов бывшей Думы о гражданском неповиновении, но выступил против его принятия.

С осени 1906 преподавал политэкономические дисциплины в Петербургском политехническом институте (до 1917), а с 1910 также — на Бестужевских женских курсах и в университете. С 1907 (до 1918) редактор журнала «Русская мысль», привлек к сотрудничеству десятки крупнейших русских философов, ученых-естественников и гуманитариев, политических публицистов право-кадетской ориентации. В 1908 сдал магистерский экзамен в Московском университете. Тогда же в одноименной статье выдвинул проект «Великой России», которая должна была бы соединять либеральные ценности с «национализмом», внешнеэкономической экспансией и империализмом. В 1909 участник сборника «Вехи», где осудил «безрелигиозное отщепенство интеллигенции от государства». В 1909-13 принимал активное участие в работе петербургского Религиозно-Философского общества. В 1913 защитил магистерскую диссертацию «Хозяйство и цена» (ч.1), избран экстраординарным профессором Петербургского университета.

С началом 1-й мировой войны стал одним из руководителей Всероссийского Земского союза, председателем комитета по борьбе против торговли с неприятелем. В 1916 в составе представительной общественной делегации посетил Англию и Францию, где прочел серию лекций о современном положении России и удостоился степени почетного доктора Кембриджского университета. В 1917 в университете Св.Владимира в Киеве защитил докторскую диссертацию «Хозяйство и цена» (ч. 2) и летом был избран академиком Российской Академии наук по отделу политэкономии (исключен из АН СССР в 1928). В апреле-мае директор экономического департамента МИДа. В качестве «идейного центра для духовно-обоснованного патриотизма» организовал Лигу русской культуры (май — сент. 1917), фактическим органом которой стал еженедельник «Русская свобода». В ноябре 1917 — в Новочеркасске, где вошел в состав «Донского гражданского совета» для организации Добровольческой армии. С февраля 1918 в Москве, участник ряда подпольных организаций, редактировал и издал сборник «Из глубины». В декабре 1918 из Петрограда нелегально перебрался в Финляндию; член Национального комитета при генерале Юдениче. В 1919 — в Англии и Франции, где развернул активную кампанию по сбору средств в поддержку белых армий. С лета 1919 на Юге России, член Особого совещания при генерале *Деникине.* Являлся фактически идейным руководителем правой газеты «Великая Россия». Сблизившись в начале 1920 с генералом Врангелем, в апреле возглавил в его правительстве в Крыму управление внешних сношений, лично добился признания Врангеля правительством Франции, что решающим образом помогло эвакуации белых из Крыма в Константинополь.

В начале октября 1920, незадолго до эвакуации Врангеля, выехал с семьей из Севастополя и обосновался в Париже, подолгу живя также в др. центрах русской эмиграции: Праге, Берлине, Варшаве, Белграде. С первых месяцев эмиграции С. вошел в ряд научных, общественных и политических русских организаций, предпринял несколько издательских, преподавательских и культурных начинаний. Стал членом Парижской и Брюссельской академических групп, членом правления Союза русских академических организаций за границей, членом Совета Института русского права при факультете права Парижа, участником съездов русских ученых с 1-го (Прага, 1921) по 5-й

(София, 1930). Публицистическую деятельность дополнял систематической научной работой по истории и теории экономики, философии, социологии. Под псевдонимом Сергей Лунин опубликовал опыты в художественной прозе. Активно занимался литературоведением и литературной критикой, большой цикл работ посвятил А.Пушкину. Отказавшись от поста директора Экономического института в Софии (но продолжая контролировать местное Российско-болгарское книгоиздательство), с 1921 в Праге—Берлине возобновил издание журнала «Русская мысль» (до 1927), сосредоточившего прежние и новые литературные силы, среди которых выделялись его политические единомышленники *З.Гиппиус, М.Ростовцев, И.Бунин* и др. В мае 1922, по приглашению *П.Новгородцева*, стал профессором политической экономии Русского юридического факультета, состоявшего под протекторатом Пражского Карлова университета (до мая 1925).

Политическая позиция С. в основных своих чертах сложилась во время его пребывания в правительстве Врангеля и зиждилась на признании невозможности реставрации дореволюционного порядка. Тем не менее в политической практике С. придерживался идеи «революционной борьбы против коммунистической власти», для чего требовалось создание широкого единого фронта русской эмиграции, на деле охватывавшего лишь право-монархическую ее часть; особо С. выделял единомышленных ему «галлиполийцев» (та часть военной эмиграции, которая не оставляла планов вооруженной борьбы с большевиками). Убежденный в невозможности эволюции большевизма, С. пропагандировал идею интервенции в СССР, а во 2-й половине 1920-х — начале 1930-х отдал существенную дань фашистско-нацистским искушениям правой русской эмиграции, полагавшей фашизм наиболее радикальным средством борьбы с коммунизмом. Однако в ноябре 1922 в Берлине, при встрече с многолетними своими единомышленниками *С.Франком, А.Изгоевым* и Н.Бердяевым, высланными из Советской России, С. обнаружил свою изоляцию в кругу близкой ему либерально-консервативной традиции: в первую очередь в отношении анализа причин победы революции и большевиков в гражданской войне. Концепции «народной» революции С. противопоставил бескомпромиссный общественный активизм, способный, по его мнению, если не переломить ход событий, то, по крайней мере, сохранить чистоту морального отвержения зла. Поэтому в середине 1920-х в эмиграции не осталось ни одного направления примирительного толка, с которым С. не вел бы ожесточенной полемики («сменовеховство», евразийство, лично Бердяев). Политическое поправение С. выразилось в его деятельной работе в Российском центральном объединении (председатель — до 1927), Национальном комитете (тов. председателя), в сотрудничестве с Российским общевоинским союзом.

С мая 1925 по просьбе промышленника А.Гукасова возглавил ежедневную газету «Возрождение» (Париж), в которую привлек Г.Трубецкого, С.Ольденбурга, *Н.Арсеньева, И.Ильина, А.Тыркову, А.Амфитеатрова,* И.Бунина, *И.Шмелева,* И.Бикермана и др. видных деятелей литературы. Тогда же С. начал свой длившийся десятилетие «Дневник политика», практически еженедельно освещавший важнейшие политические события вкупе с размышлениями автора по различным проблемам идеологии и общественных наук, мемуарные зарисовки, отклики на новинки художественной литературы и др. Избранный председателем организационного комитета Зарубежного съезда, в ноябре 1925 С. сложил с себя полномочия, протестуя против внутренних интриг в политической эмиграции, мешавших «духовному цементированию» антибольшевистских сил. Несмотря на то, что и в апреле 1926 С. пришлось председательствовать на съезде, его роль «политика вне политики» вызывала, вместе с уважением оппонентов, довольно прохладное отношение к нему как к человеку, мало приспособленному к партийному делу и чрезмерно самостоятельному, что не преминуло отразиться на его положении в газете. В конце концов, в августе 1927 С. вынужден был покинуть «Возрождение» и учредить собственный орган — еженедельную газету «Россия» (1927, авг. — конец 1928). В условиях растущей политической изоляции С. формулировал свою достаточно узкую платформу, на которой политическое объединение, им самим признаваемое носителем контрреволюционной диктатуры, могло существовать лишь в проекте. С. писал об образе посткоммунистического «национального правового государства»: «прочно огражденная защита лица и сильная правительствующая власть».

Большую часть своих сил С. посвятил теперь научной работе, исполнению представительских функций (тов. председателя Экономического совещания Российского торгово-промышленного и финансового союза), преподаванию, выездным лекциям в Праге, Берлине, Варшаве, Белграде. После одной из таких поездок в Белград С. обосновался там, с 1928 стал во главе отделения общественных наук местного Русского научного института, а в 1930 — на съезде русских писателей и журналистов — председателем их Союза (до 1934). В институте читал курс лекций «Экономическая история России в связи с образованием государства и

общим развитием культуры», многочисленные доклады. Возникновение в Праге в декабре 1928 во главе с его ближайшими сотрудниками нерегулярной газеты «Россия и славянство» уже не изменило его положения на периферии общественной и политической жизни русской эмиграции. С. лишь принимал посильное участие в выработке общей линии издания, привлекая к нему *К.Бальмонта, П.Бицилли,* В.Шульгина, Н.Арсеньева, С.Ольденбурга, Г.Трубецкого. В сферу своих научных интересов С. включил историю языка и общественной мысли, литературную критику и др., но печатался все реже. Его рискованные, зачастую намеренно заостренные против политической конъюнктуры и умеренности, заявления, жесткая антисоветская и невнятная по отношению к нацизму позиции вызывали взаимоисключающие отталкивания в эмигрантской среде, особенно белградской, политический спектр которой был слишком поляризован, чтобы оставаться терпимым по отношению к политическим индивидуалистам типа С. Усилиями сербских радикалов и их русских единомышленников в апреле 1934 была сорвана вступительная лекция С. в Белградском университете, и он вынужден был поступить лектором в удаленный и не знающий русского языка университет в Субботице.

Фактически отойдя от политической и активной общественной деятельности, С. сосредоточился на систематическом изложении своих взглядов; результатом явились рукописи «Система критической философии» (погибла, содержание известно предположительно) и «Социально-экономическая история России...» (не окончена, опубл. в 1952). Перед лицом наступления Гитлера в Европе С. все еще пытался согласовать свой, наконец, определившийся антифашизм с поддержкой его антикоммунистических планов, но оставался оптимистом относительно «победы англосаксонского мира и торжества дела свободы и права». В мае 1939 С. удостоился степени почетного доктора права Софийского университета. В мае 1941 по ложному доносу его арестовало гестапо и до июля содержало в заключении как «близкого Ленину человека». В 1943 он переехал к сыну в Париж, где продолжал научную работу до самой смерти.

Соч.: Размышления о русской революции // Рус. мысль, 1921, № 1/2; Итоги и существо коммунистического хозяйства. Берлин, 1921; Социализм // Рус. мысль. 1922, № 6/7; Научная картина экономического мира и понятие равновесия // Экон. вест., 1923, № 1; Хозяйствование, хозяйство, общество: Основные понятия экономической науки // Там же, 1923, № 2; Заметки о плюрализме // Тр. рус. ученых за границей. Берлин, 1923; My Contacts and Conflicts with Lenin // Slav. Review, 1934, vol. 12 (№ 35, 36), vol. 13 (№ 37); Метафизика и социология // Зап. Рус. науч. ин-та в Белграде, 1935, вып. 2; С.П.Шевырев и западные внушения и источники теории-афоризма о «гнилом», или «гниющем» Западе // Там же, 1940, вып. 17.

Лит.: Pipes R. Struve: Liberal on the Right. Camb. (Mass.)-London, 1980; Материалы к творческой биографии П.Б.Струве (1920-25) // Вопр. философии, 1992, № 12; Испытание революцией и контрреволюцией: переписка П.Б.Струве и С.Л.Франка (1922-1925) // Там же, 1993, № 2.

М.Колеров

СТРУКОВ Михаил (29.1.1883, Екатеринослав — 5.1.1974, Пристон, шт. Нью-Джерси, США) — инженер, конструктор планеров и самолетов. В 1908 закончил Киевский политехнический институт. В годы 1-й мировой войны обучался в Военном кавалерийском училище, затем служил в армии в чине капитана. За храбрость в действиях против неприятеля был награжден орденом Св.Георгия.

В 1923 С. эмигрировал в США. Там он занимался строительством мостов, железных дорог, общественных зданий. В 1943 в Нью-Йорке С. явился одним из инициаторов создания, совладельцем и одновременно вице-президентом и главным инженером фирмы «Chase Aircraft», специализировавшейся на разработке и производстве транспортных планеров по существующей в США военной программе. 30.10.1943 был заключен контракт с ВВС на проектирование 16-местного десантного планера XCG-14, а 4.1.1945 состоялся его первый полет. В отличие от других американских военно-транспортных планеров XCG-14 был рассчитан на большую скорость полета, что потребовало усиления конструкции аппарата, в первую очередь, более толстой обшивки. Однако отличные аэродинамические характеристики спроектированного С. крыла большого удлинения обеспечили планеру, несмотря на его вес, хорошие летные свойства. При испытаниях XCG-14 выдерживал скорость до 440 км/ч.

В конце 1944 руководство ВВС США заявило о необходимости создания транспортных планеров нового поколения, которые имели бы более долговечную конструкцию и при необходимости могли быть преобразованы в самолет. В соответствии с поставленной задачей С. сконструировал на основе XCG-14 транспортный планер CG-18; его основным отличием явилась цельнометаллическая конструкция. Шасси осталось неубирающимся, но на земле, чтобы облегчить погрузку и разгрузку, колеса посредством электропривода могли подтягиваться вверх так, что пол грузовой кабины становился почти вровень с землей. В грузовом отсеке могли быть размещены 35 солдат-десантников или 24 раненых на носилках. В начале

1946 С. получил заказ на производство 7 планеров CG-18. К этому времени он уже располагал контрольным пакетом акций фирмы «Chase» и являлся по существу ее президентом. В том же году фирма переехала из Нью-Йорка в новые корпуса в Трентоне (шт. Нью-Джерси).

После установки на CG-18 двух двигателей воздушного охлаждения Пратт-Уиттни R-2000-11 по 1250 л.с. каждый планер был преобразован в военно-транспортный самолет С-122. Таким образом, С. возродил принцип «от проекта — к планеру, от планера — к самолету», которым руководствовались на заре развития авиации. Этот принцип потом использовался во всех конструкциях фирмы «Chase». Чтобы летательный аппарат был хорошим самолетом, он прежде всего должен быть хорошим планером, утверждал С. Самолет С-122 совершил первый полет *18.11.1948. Он* оказался вполне удачной машиной, мог перевозить 32 человека на расстояние 1360 км, имел недорогую и надежную конструкцию. С-122 строился для ВВС США и применялся как военно-транспортный самолет до 1958.

Вскоре после начала работ по самолету С-122 С. получил от военных заказ на аппарат с вдвое большей грузоподъемностью. Как и прежде, было решено проектировать машину в двух вариантах — планера и самолета. Планер получил обозначение CG-20, а его моторизованная версия — С-123. Их испытания начались на рубеже 40-х и 50-х. По сравнению с CG-18 и С-122 эти летательные аппараты имели значительно большие размеры и вес. Грузовая кабина была рассчитана на перевозку 60 десантников с полным вооружением или 155-мм гаубицы и грузового автомобиля-тягача. Загрузка могла осуществляться как через заднюю грузовую рампу, так и через боковую дверь в фюзеляже. Для улучшения аэродинамических качеств самолета шасси было сделано убирающимся, фюзеляж приобрел более обтекаемые округлые очертания. С-123 был снабжен двумя звездообразными поршневыми двигателями Пратт-Уиттни R-2800 мощностью по 2300 л.с. Он имел максимальную скорость 392 км/ч, дальность полета была более 2000 км. Прямое крыло большого удлинения, посадочные закрылки и усиленное шасси с пневматиками низкого давления обеспечивали хорошие взлетно-посадочные характеристики и возможность эксплуатации самолета со сравнительно небольших небетонированных аэродромов, а использование быстроразъемных соединений позволяло заменить двигатель в течение всего 45 минут. Расположенные в крыле топливные баки были сконструированы таким образом, что при необходимости (например, при аварийной посадке) могли быть сброшены в полете. Первый полет самолета состоялся в октябре 1949. Отличные летные и эксплуатационные свойства машины обеспечили большой заказ от ВВС. Серийный самолет получил обозначение С-123В «Provider». В 1951 прошли испытания реактивного варианта — ХС-123А. Это был первый реактивный военно-транспортный самолет в США. Вместо двигателей внутреннего сгорания под крылом на пилонах установили гондолы, в каждой из которых было расположено по 2 турбореактивных двигателя J-47 тягой 2360 кг каждый. ХС-123А развивал скорость более 800 км/ч, но из-за повышенного расхода топлива и ухудшения взлетно-посадочных характеристик заказов на этот самолет не последовало.

В силу ограниченных производственных возможностей завода в Трентоне С. решил объединиться с Г.Кайзером, владельцем бывшего авиационного завода Форда в Мичигане. Президентом совместного предприятия стал сын Кайзера — Эдгар; С. получил должность вице-президента. Основной выпуск С-123В должен был производиться на заводе в Мичигане, в Трентоне были построены только 5 самолетов. Выбор Кайзеров в качестве деловых партнеров явился роковой ошибкой в судьбе С. В 1953 вскрылась попытка Эдгара Кайзера нажиться на государственном заказе (самолеты С-119, также производившиеся на заводе в Мичигане, он продавал правительству значительно дороже их реальной стоимости). В результате были аннулированы контракты с Кайзером на производство С-119, а заодно и заказ на выпуск самолета фирмы «Chase» на этом предприятии. По решению Конгресса США производство С-123 было передано фирме «Fairchild», которая в 1954-58 выпустила более 300 военно-транспортных самолетов С-123 «Provider»; они состояли на вооружении США, широко применялись в войне во Вьетнаме, поступали на экспорт, принесли фирме немалые доходы и известность. Конструктор же самолета, С., остался без заказов и без денег. В конце концов ему все же удалось добиться от своих партнеров компенсации в размере около 2 миллионов долларов. Это позволило С. продолжить конструкторскую деятельность, на этот раз в качестве президента и главного конструктора фирмы «Chase».

Стремясь получить новые заказы, С. неустанно работал над повышением эксплуатационных качеств самолета С-123. Основные усилия были направлены на улучшение взлетно-посадочных характеристик и расширение возможностей базирования самолета. В 1954 на модификации ХС-123D была применена система управления пограничным слоем крыла. Год спустя начались испытания варианта YC-123E.

Благодаря герметизации фюзеляжа, установке подкрыльевых поплавков, применению убираемого в полете колесно-лыжного шасси этот самолет обладал уникально широкими возможностями эксплуатации: он мог взлетать с неровной грунтовой поверхности, со снега и льда, с воды. В 1956 С. построил самолет YC-134, представлявший собой развитие серийного С-123 с увеличенной длиной фюзеляжа и, соответственно, с более вместительной грузовой кабиной. Это был самый большой самолет фирмы «Chase» — его взлетный вес достигал 41 т. Также как и предыдущие машины С., С-134 был оборудован системой управления пограничным слоем крыла и приспособлениями для взлета со снега и воды. Однако заказов от ВВС не поступало, и фирма «Chase» прекратила существование. Незаслуженно забытый всеми, С. скончался в возрасте 90 лет.

Лит.: Jane's All The World Aircraft. London, 1953; Who's Who in World Aviation, vol.2. Washington, 1958; Mrazek J. Fighters Glider of World War 2. London, 1977.

Д.Соболев

СУВЧИНСКИЙ Петр Петрович (граф Шелига-Сувчинский) (5.10.1892, Петербург — 24.1.1985, Париж) — философ, музыковед, литературный критик, пианист, педагог. Родился в семье председателя правления русского Товарищества «Нефть», потомственного польского дворянина. Детские и юношеские годы С. прошли в родовом имении в селе Тхоржовка под Полтавой на Украине. Занимаясь самообразованием, достиг всесторонней культуры, в том числе музыкальной. Пианист профессионального уровня, С. в 1900-е совершенствовался у Ф.Блуменфельда. В 1910-е вошел в круг деятелей культуры, близких «Миру искусства», сдружился с В.Мейерхольдом, *С.Дягилевым, А.Ремизовым*, встречался с А.Блоком. В 1915-17 вместе с А.Римским-Корсаковым издавал в Петербурге журнал «Музыкальный современник» (с приложением), в котором пропагандировались новаторские течения в русской и европейской музыке. На вечерах современной музыки, проводимых журналом, исполнялись новые сочинения *С.Прокофьева, И.Стравинского*, Н.Мясковского (с ними С. был связан многолетней дружбой). Для Мясковского С. написал либретто оперы «Идиот» по Достоевскому (не осуществлена композитором), для Прокофьева (который посвятил С. свою Пятую сонату для фортепиано) — вариант текста «Кантаты о Ленине» (впоследствии «Кантата к XX-летию Октября»). Совместно с Б.Асафьевым С. в 1917-18 издавал в Петербурге сборники «Melos».

В 1920 эмигрировал, поселился сначала в Берлине, затем в Париже. В 1921 основал в Софии вместе с *П.Савицким, Г.Флоровским и Н.Трубецким* культурное движение «Евразия», идейные положения которого были изложены ими в сборнике «Исход к Востоку» (София, 1921). Центральный тезис: «Россия — «третий континент» между Европой и Азией (Евразия) — в новых, пореволюционных условиях призвана обновить культурный мир Запада, размывая политически большевизм неизбежным возвращением русского народа к православным ценностям. В евразийских организациях, весьма разветвленных, идеологом которых с 1923 стал *Л.Карсавин* (С. был женат на одной из дочерей Карсавина), сменивший в этой роли Флоровского, С. выполнял функции координатора. Кружки евразийцев, не без участия С., распространились по всей Европе, они были в Харбине, в США. Вместе с Савицким С. проводил конгрессы «Евразии» в Праге и Лондоне. С начала 30-х, когда обнаружились связи некоторых евразийцев (главным образом, «младороссов»; типичный их представитель — муж *М.Цветаевой*, С.Эфрон) с советскими органами безопасности, «Евразия» стала клониться к закату и в конце 30-х прекратила существование. С. отошел от нее одним из последних. В 20-е в евразийских изданиях (София, Париж, Берлин) С. опубликовал историософские очерки о России, статьи о Н.Федорове, В.Розанове, А.Блоке и др. В 30-е для С. эмиграция на некоторое время стала мостом (во многом иллюзорным) между новой русской зарубежной и советской культурами. Он переписывался с Горьким, пытался установить контакты с Б.Пастернаком, которого высоко ценил, встречался с приезжавшими тогда на Запад В.Мейерхольдом, И.Бабелем, И.Эренбургом. Четко обозначился и круг единомышленников С. в предвоенные годы: кроме Л.Карсавина и некоторых бывших евразийцев, это прежде всего А.Ремизов, которого С. проводил до могилы (в архиве С. сохранилось несколько десятков книг с дарственными Ремизова, письма); С.Прокофьев, М.Цветаева — до их возвращения в СССР; И.Стравинский, знакомство с которым переросло в дружбу и творческое сотрудничество. Философские изыскания С. в области музыкального времени были использованы Стравинским в его лекциях «Музыкальная поэтика», изданных в 1942. Стравинский говорил, что С. — «единственный русский», который олицетворяет для него Россию. В то же время происходило сближение С. с художественными кругами Франции, которое стало особенно тесным после войны, когда театраль-

ный деятель А.Арто пригласил С. в качестве консультанта постановок пьес русских авторов. На этой же почве происходило сотрудничество с актером и режиссером Ж.-Л.Барро, поддержавшим С. в его просветительском начинании — проведении концертов, на которых французской публике, как некогда в Петербурге, демонстрировались новые сочинения композиторов-«авангардистов» (П.Булеза, К.Штокгаузена, Л.Ноно и др.). Так, в 1953 возникли просуществовавшие более 10 лет концерты «Domain Musical», во главе которых, кроме С. и Ж.-Л.Барро, стояли П.Булез и Г.Шерхен. Последние десятилетия жизни С. отдал поиску, с целью показа широкой публике, музыки молодых талантливых композиторов, в том числе из России (исполнялись сочинения А.Волконского, Э.Денисова). В эти же годы С. создал капитальный труд «Век русской музыки» (на франц. яз., издан частично), опубликовал статьи о русской музыке и литературе. В конце жизни вел активную переписку с деятелями культуры в России (среди них Б.Пастернак, М.Юдина). Давал частные уроки игры на фортепиано, в том числе известным пианистам Г.Анда, Н.Анрио-Швейцер.

Соч.: Неизвестная переписка Б.Пастернака и П.Сувчинского. Публ. В.Козового // Независимая газ., 1991, 1 окт.; Типы творчества (Памяти А.А.Блока) // Вест. Моск. ун-та. Сер. 9. 1991, № 3; «Вергилий по кругам современной музыки»: Письма П.П.Сувчинского к М.В.Юдиной. Публ. А.М.Кузнецова // Муз. академия, 1992, № 3; Инобытие русской религиозности // Вест. Моск. ун-та. Сер. 9. 1994, № 3, 4.

Лит.: Нестьев И. Четыре дружбы // Сов. музыка, 1987, № 3; Письма М.И.Цветаевой. Из архива П.П.Сувчинского. Публ. Ю.Клюкина, В.Козового, Л.Мнухина // Нов. мир, 1993, № 1; Кузнецов А.М. В поиске вселенской идеи [П.П.Сувчинский и Н.А.Бердяев] // Накануне, 1995, № 4.

Арх.: Национальная б-ка (Париж); Фонд Пауля Захера (Базель); ОР РГБ, ф. 527 (М.В.Юдина); личные архивы Р.Крафта (Нью-Йорк), В.М.Козового (Париж), Ж.Массона (Париж), А.М.Кузнецова (Москва), Е.А.Стравинской (Петербург).

А.Кузнецов

СУДЕЙКИН Сергей Юрьевич (7.3.1882, Петербург — 12.8.1946, Нью-Йорк) — живописец, график, театральный художник. Сын жандармского полковника, убитого в декабре 1883 по заданию народовольцев провокатором С.Дегаевым. В 1897-1909 учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества вместе с П.Кузнецовым, П.Уткиным, *Н.Милиоти*, Н.Сапуновым и др. («Кузнецовский кружок»). Вступал в конфликты с учителями-передвижниками; в 1902 исключался из училища на год. В 1909-11 совершенствовал мастерство рисунка в Академии художеств под руководством Д.Кардовского.

Самостоятельная творческая деятельность С. началась еще в пору ученичества. В начале 1900-х, по заказу С.Мамонтова, сыгравшего немалую роль в его судьбе, исполнил совместно с П.Кузнецовым декоративные росписи в одном из подмосковных имений. Тогда же оформил с Н.Сапуновым несколько постановок в оперной антрепризе Мамонтова. Газета «Курьер» выделила С. среди оформителей училищного вечера (1902), но сочла его «зараженным новыми художественными веяниями в их крайнем проявлении», имея в виду искания С. в духе символизма.

В 1905 был издан с иллюстрациями С. перевод М.Метерлинка «Смерть Тентажиля», после чего В.Мейерхольд пригласил С. и Сапунова оформить постановку пьесы в организованном им экспериментальном Театре-студии на Поварской. Возникновение Театра-студии С. воспринял очень заинтересованно. Он, как утверждал *С.Маковский*, «давно лелеял мечту о каком-то новом невиданном, чародейном метерлинковском театре». С. деятельно участвовал в оформлении театра, декорировав фойе и одну из лестниц. Его эскизы к спектаклю «Смерть Тентажиля» отличались «прозрачной нежностью красок и таинственной расплывчатостью» (В.Соловьев). Оформление же С. другой метерлинковской пьесы — «Сестра Беатриса» (пост. Мейерхольда, театр В.Комиссаржевской, Петербург, 1906) — стало классикой русского театрального искусства начала XX в. «Тут не было ничего случайного, — вспоминала актриса В.Веригина, — дивная гармония в сочетаниях тонов и линий, в строгой декорации на приближенной к зрителю сцене».

С. получил также известность как художник-график, оформитель книг. Он иллюстрировал журналы «Весы» (1904) и «Золотое руно» (1906-9). Его изысканные заставки, концовки, фронтисписы выявляют в нем тонкого мастера, находившегося в ту пору под обаянием творчества популярного тогда в России английского графика О.Бёрдсли. Однако прежде всего С. оставался живописцем, наделенным ярким декоративным даром. Он был своеобразной фигурой среди художников объединения «Голубая роза». Ранние работы С. («Эрот», 1905; «Ночной праздник», «Романтическое», «Пастораль», 1907) написаны коротким динамичным мазком, светлыми светоносными красками и, казалось бы, близки манере импрессионистической живописи, однако в них нет того реального мира, впечатления от которого передавали импрессионисты, нет ни предмета, ни солнца, ни реального пространства. Жизнь в ранних работах С. — светлая греза, его картины, писал *А.Бенуа*,

— это «какие-то дымы от зажженных курильниц с таинственными ароматами, это галлюцинации гашиша и эфира, убедительность несуществующего и неосуществимого». Желание сделать живопись, подобно музыке, средством выражения эмоций отразилось в названиях работ С. («Вальс снежных хлопьев», «Ноктюрн», «Прелюд», «Каприччо»), в мотивах романтического балета как волшебства («Балетные пасторали»). Работы С. экспонировались на выставках «Московского товарищества художников» и «Союза русских художников» (1905-10), на выставках «Голубой розы» (1907) и др.

Мироощущению С. была свойственна прежде всего театральность. Но если поначалу театр представлялся художнику воплощением мечты о красоте и гармонии, то позже возобладало «трагикомическое — клоунада, балаган, бурлеск» («Карусель», 1910; «Масленичное гулянье», 1910-е; «Петрушка», «Кукольный театр» и «Арлекинада», 1915). На этом этапе манера живописи С. заметно изменилась: краски стали плотнее и ярче, рисунок определеннее, композиции картин более четкими и построенными, художник стал проявлять интерес к предметному миру («Река», «Дорога», «Пастбище», «Вид на имение»), он обратился к жанру натюрморта, к портретированию. Однако и зрелое творчество С. оставалось условно-декоративным и символико-аллегорическим: натюрморты, составленные из искусственных цветов в декоративных вазах, статуэток саксонского фарфора на фоне красочных панно или зеркал, похожие на спектакли кукольного театра; портреты, герои которых (например, жена художника О.Глебова-Судейкина в роли Путаницы из одноименной пьесы Ю.Беляева, 1909) напоминают сценические персонажи; пейзажи («Летний пейзаж», 1916; «Сельский Эрмитаж», 1914; «В Михайловском парке», 1915), представляющие плоские декоративные панно на темы галантного жанра XVIII — начала XIX вв.

Будучи активным членом содружества «Голубой розы», С. тем не менее тяготел и к мирискусничеству: «...он тоже художник мечты и стиля, мечты об улыбке прошлого, о милых подробностях не нашей, навеки отжитой, грациозно-призрачной жизни» (Маковский). Правда этот «ретроспективный сентиментализм» у С. исполнен двусмысленности, гротеска, сливается с эстетикой мещанского вкуса («Северный поэт», 1909; «Русская Венера»; «Жанровая сцена»). Творчество зрелого С. противоречиво, парадоксально; в нем сосуществуют тяга к стилизации и одновременно тенденция к ее развенчанию, граничащая подчас с эпатажем. Средством снижения традиционно возвышенного служит художнику прием примитивизации. С. охотно обращался к лубку, к приемам и образам русского балаганного театра или итальянской комедии дель арте. Судейкинская примитивизация не столь остра и гротескна, как например у *М.Ларионова*, она более мягка, лирична и привносит в искусство художника момент озорства.

Сложившийся стиль С. определил и характер его театра, где излюбленными жанрами художника становились комедия и оперетта. На сцене С. создавал великолепное праздничное зрелище, которое, как правило, соединялось с элементами кафешантана или грубоватой примитивностью народной площадной комедии («Забава дев» М.Кузмина, петербургский Малый драматический театр, 1911; «Изнанка жизни» Х.Бенавенте, реж. А.Таиров, Русский драматический театр в Петербурге, 1912). В 1912 исполнил в Париже для *С.Дягилева* декорации к «Послеполуденному отдыху фавна» по эскизам *Л.Бакста* и к «Весне священной» по эскизам *Н.Рериха*. Постепенно судейкинское понимание театра выходило за рамки традиционных жанров, требовало иных форм, иных сцен. В «Доме интермедий» (1910-11) С. продолжал сотрудничество с Мейерхольдом. Участвовал в создании петербургских литературно-артистических кабаре «Бродячая собака» (1911-15) и «Привал комедиантов» (1915-17).

К Февральской революции 1917 С. отнесся положительно (плакат-карикатура на Николая II «Слетайтесь, вольные птахи...»). Летом 1917 уехал со второй женой, В.А. де Боссе, в Крым, занимался учетом ценностей в Воронцовском дворце, где декорировал интерьеры, делал афиши, оформлял постановки пьес, творческие вечера, балы, маскарады, «капустники». Такой тип театра привлекал С. до конца жизни. С 1919 С. в Тифлисе; стал одним из устроителей кабачка «Химериони», расписал его «адскими и эротическими мотивами», изготовил для вечера поэта-футуриста В.Каменского афишу и 12 декоративных панно-ширм.

С 1920 — в Париже, представил свои работы на выставках «Мир искусства» и на Осеннем салоне (1921), сблизился с *Н.Балиевым* и его театром «Летучая мышь» (занимался не только оформлением спектаклей, но определял сам характер деятельности театра). Оформил для труппы *А.Павловой* балеты «Фея кукол» И.Байера и «Спящая красавица» П.Чайковского.

В августе 1922 переехал в Нью-Йорк. Организовал вместе со своим другом, композитором С.Корона, кабаре «Подвал падших ангелов», в котором ставились остросовременные спектакли, такие как «Да-да» — «ядовитый бурлеск», представлявший направление дадаизм; «Мадонна» — по мотивам творчества Ш.Бодлера. Его приглашали для сотрудничества круп-

нейшие американские театры. В 1924-31 работал в «Metropolitan Opera», оформив около десятка постановок, в том числе оперы В.А.Моцарта («Волшебная флейта», 1926), А.Тома, Р.Вагнера («Летучий голландец», 1930), М.Мусоргского («Сорочинская ярмарка», 1931), Н.Римского-Корсакова («Садко», 1929), *И.Стравинского* («Свадебка», 1929; «Соловей», 1925-26); но наиболее удачная и любимая работа — балет «Петрушка», в котором, по словам С., «жизнь должна быть сказкой, а сказка жизнью. Я думаю, что в моих декорациях я в этом успел» (1924-25).

В Лондонском театре «Covent Garden» оформил балет *С.Рахманинова* «Паганини» (1939-40). В балетных постановках сотрудничал с *Дж.Баланчиным, Б.Нижинской, М.Мордкиным, М.Фокиным.* В 1934-35 С. привлекли в Голливуд для работы над постановкой фильма «Воскресенье» по роману Л.Толстого. Персональные выставки С. прошли в Чикаго и Питсбурге (1929), в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Чаттануге (1934-39). Станковые произведения, созданные в эмиграции, свидетельствуют о малоуспешном стремлении С. обогатить язык своего искусства («Моя жизнь», нач. 1940-х).

Похоронен на Бруклинском кладбище. Мемориальная выставка состоялась в Нью-Йорке в 1964. *Д.Бурлюк* отмечал, что среди русских художников в Америке С. был «наружно самым русским».

Соч.: Две встречи с Врубелем / Врубель: Переписка. Воспоминания о художнике. Л., 1976; «Бродячая собака» // Встречи с прошлым, вып. 5. М., 1984.

Лит.: Маковский С. С.Ю.Судейкин // Аполлон, 1911, № 8; Соловьев В. Н.Судейкин // Там же, 1917, № 8-10; Коган Д. Сергей Судейкин. М., 1974; Киселев М. Живопись С.Ю.Судейкина // Иск-во, 1982, № 2.

Арх.: РГАЛИ, ф. 947; ф. 982, оп. 1, д. 303; ф. 680, оп. 1, д. 1494.

И.Гофман

СУРГУЧЁВ Илья Дмитриевич (15.2.1881, Ставрополь — 19.11.1956, Париж) — прозаик, драматург, очеркист. Родился в семье разбогатевшего крестьянина, переселившегося в город. Занимался самообразованием и, закончив гимназию, уехал в Петербург. Поступил на восточный факультет Петербургского университета, окончил китайское отделение в 1907. Начал печататься в студенческие годы в ставропольской газете «Северный Кавказ», в петербургских журналах «Вестник Европы», «Журнал для всех» и др.; вошел в круг литераторов книгоиздательства «Знание», руководимого тогда М.Горьким. В конце 1900-х вернулся в Ставрополь, сотрудничал в местной печати, участвовал в общественно-политической жизни (выдвигался кандидатом в Гос. думу). В то же время не порывал с петербургскими изданиями, переписывался с Горьким, *Л.Андреевым* и *И.Буниным*, высоко оценившим талант С. В 1912 в сборнике «Знание» (№ 39) вышла повесть С. «Губернатор», имевшая большой резонанс. Описывая жизнь крупного русского провинциального города тех лет, С., в отличии от других писателей-современников, избегая натурализма, сосредоточил внимание на душевной жизни своих героев. Нравственно-философское начало преобладало и в последующих рассказах С., в которых, ставя героев лицом к лицу со «смыслом жизни», он избегал модных в декадентских кругах мотивов безысходности и тоски. Определенное влияние на прозу С. тех лет оказал Чехов и дидактика поздних произведений Л.Толстого. «Победа в глубине человеческих сердец» С. интересует больше, чем общественно-политическая «злоба дня» (типичны в этом смысле его рассказы «Счастье», «В поезде», «Родители»).

В 1913 в Александринском театре Петербурга была поставлена первая пьеса С. — «Торговый дом» с М.Савиной в главной роли. По просьбе присутствовавшего на спектакле К.Станиславского следующую свою пьесу «Осенние скрипки» С. передал в Московский Художественный театр. В 1915 она с большим успехом была показана в МХТ в Москве и в Петербурге; если в пьесе «Торговый дом» С. следовал реалистической традиции А.Островского, то в «Осенних скрипках» выступил как продолжатель психологической драмы Чехова и Ибсена.

После октябрьского переворота С., оставаясь в Ставрополе, сотрудничал в антибольшевистской печати, с войсками генерала Врангеля переехал в Крым, где издавал собственную газету. В 1920 с частями белой армии добрался до Константинополя, жизнь в котором нашла отражение в написанной здесь пьесе «Реки Вавилонские» с ее типичными для русской эмиграции мотивами ностальгии и «вины перед народом».

В 1921 С. поселился в Праге, сотрудничал с литературными и театральными эмигрантскими кругами. В организованном им русском театре были поставлены «Осенние скрипки» и «Реки Вавилонские». В 1924 переехал в Париж и с 1925 до конца жизни печатался в умеренно-монархическом журнале «Возрождение», считая себя «не политическим, а эмоциональным монархистом». С 1930 в составе редакции «Возрождения»; вел отдел прозы и очерка. Опубликовал в журналах «Возрождение», «Грани» и др. множество рассказов и очерков на темы жизни русской эмиграции и воспоминания о Северном Кавказе и студенческих годах; издал роман «Ротонда» (Париж, 1952) и книгу

рассказов. Работал в последние годы над незавершенной пьесой «Вождь» о Сталине, который в молодости, скрываясь от полиции, служил в доме отца С. лакеем-поваром. Отрывок из этой пьесы под названием «За чахохбили» опубликовал в журнале «Грани» (1954, № 20). Не оставляя интерес к театру (сам пробовал себя актером еще в Петербурге), основал в Париже в 1942 в зале Гужона «Театр без занавеса» (реж. Ю.Загребальский), в котором несколько лет ставились пьесы, водевили, оперетты, балетные интермедии. С. выступал как режиссер, актер (играл в пьесе *А.Аверченко* «Старики»), чтец собственных рассказов. В Париже несколько раз ставилась пьеса С. «Осенние скрипки», существует ее экранизация на французском языке. В конце жизни задумал роман о русской жизни «Ночь», действие которого должно было охватывать период от начала века до событий послевоенного времени; отрывки романа публиковались в журнале «Возрождение».

Независимая позиция С. не способствовала его сближению с широкими эмигрантскими кругами. Под старость вел уединенный образ жизни, занимался библиофильством, собиранием икон, обладал большой коллекцией антиквариата, которую незадолго до смерти продал в США. По воспоминаниям эмигрантов, в Париже С. выглядел как «русский, чистый, прямой, крепкий, твердый «мужик» ...с университетским образованием». Творчество С. эмигрантского периода получало неизменно положительные оценки, его имя ставилось в один ряд с «духовными наследниками Достоевского, Толстого, Чехова», представителями писательского «цеха русского зарубежья» (И.Бунин, *Б.Зайцев, А.Куприн, Д.Мережковский, А.Ремизов, И.Шмелев*). Похоронен С. на парижском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Рассказы и пьесы С. переведены на иностранные языки, пьесы ставились в Германии, скандинавских странах.

Соч.: Соч., т. 1, 3, 4. Пг.-М., 1915-17; Рассказы, т. 1-2, СПб., 1910-13; Осенние скрипки и рассказы. Пг., 1915 (2-е изд. 1916); Преддверие. М., 1917; Ванькина молитва. М., 1918; Эмигрантские рассказы. Париж, [1927]; Детство императора Николая II. Париж, 1953; Губернатор. Повесть, рассказы. М., 1987; Реки Вавилонские / Литература русского Зарубежья. Антология, т.I, кн. 1. М., 1990.

Лит.: Горький М. Материалы и исследования, т. 1. Л., 1934; Его же. Письма к И.Д.Сургучеву. 1911-1913 / Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т., т. 29-30. М., 1955; Веритинов Н. Человек глубоких прозрений. К годовщине смерти И.Д.Сургучева // Возрождение, 1957, № 72; Унковский В. Зарубежный Сургучев // Грани, 1959, № 44; Симонова З. Свидетели Защиты // Там же; Кузнецов А.М. «Сургучев обещает немало» / Сургучев И.Д. Губернатор. Повесть, рассказы. М., 1987.

А.Кузнецов

СУТИН Хаим (1893 [по др. св. 1894], м. Смиловичи, Минской губ. — 9.8.1944, Париж) — живописец. Сын портного по ремонту одежды, десятый ребенок в бедной еврейской семье. В 1907 бежал из дома в Минск, работал учеником фотографа, брал уроки рисования у художника Крюгера. С 1910 в Вильно, посещал там художественную школу. В 1913 на деньги, собранные виленской интеллигенцией, отправился в Париж вместе с друзьями по школе — М.Кикоиным и П.Кременем. Поселился на Монпарнасе в квартале «La ruche» (Улей), жил одно время у *О.Мещанинова*, поступил в Академию Ф.Кормона. В первые годы пребывания в Париже познакомился с Д.Риверой, Ф.Леже, *Ж.Липшицем, О.Цадкиным, М.Шагалом*, в 1915 — с А.Модильяни. Вел полуголодное существование; по свидетельству И.Эренбурга, встречавшего С. в кафе «Ротонда», «у него были глаза затравленного зверя». В начале 1-й мировой войны хотел вступить добровольцем во французскую армию, но был забракован по состоянию здоровья. В 1918 Модильяни познакомил С. с художником и поэтом Л.Зборовским, на средства которого С. обосновался в 1919 в горном городке Кёре на границе с Испанией, где жил до 1922. Участвовал в выставках «47 с Парнаса», «Сотня с Парнаса» (1920-21), в выставке группы русских художников «Удар» (1923).

Все свои картины, заполненные «простыми вещами», писал с натуры; учился у художников разных эпох и, по словам Ш.Вильямса, «каким-то образом умудрялся сочетать смелость Ван Гога, страстность немецких экспрессионистов и видение Рембрандта мясной лавки»; с влиянием Ф.Достоевского связаны в творчестве С. мучительный надлом и сочувствие униженным и оскорбленным. Память о тяжелом детстве и нищете в годы парижской юности воплотились в натюрмортах периода войны («Натюрморт с селедкой», «Натюрморт с супницей», «Натюрморт с трубкой») и 20-х («Рыбы и томаты», 1926-27), отвращение к жестокости — в изображениях убитых животных («Бычья туша», 1925). В 1922-23 начал серию портретов «Пироженщики», в конце 20-х — серию портретов служащих ресторанов («Грум», 1927; «Посыльный у «Максима», 1933 и др.). В гротескных автопортретах (1918, 1920, 1923-24) утрировал свой образ. Экспрессивны пейзажи С.: «После грозы», «Ветреный день», «Дерево на ветру» (1939).

Получил европейскую и мировую известность после того, как по рекомендации Зборовского около ста картин С. приобрел в конце 1923 американский искусствовед и меценат доктор А.Барнс, основатель фонда Барнса в Марионе близ Филадельфии, и примерно

столько же — французские маршаны. И.Грабарь, побывавший в 1929 во Франции, писал, что к этому времени С. был уже «баловнем счастья», ему одному прощали отступление от стандартных размеров холста. *К.Коровин* считал С. одним из «пяти-шести лучших художников мира» и ставил его наравне с К.Моне, П.Сезанном и О.Ренуаром. Протестуя против диктата маршанов, предпочитавших одни и те же мотивы произведений С., художник избегал выставок. Зависимость от маршанов привела к тому, что его работы оказались непредставленными (несмотря на обещания прислать их) на выставке «Современное французское искусство» в Москве (1928), где, по словам А.Эфроса, С. — «столь известный Парижу и столь неведомый у нас» был бы «выразительнейшим художником русской группы». В период господства в СССР «социалистического реализма» имя С. приводилось в подтверждение того, что «Запад гниет», т.к. художник «пишет только гнилое мясо»; лишь из воспоминаний Эренбурга советский читатель узнал, что о работах С. мечтали музеи всего мира. Первая и единственная прижизненная персональная выставка С. во Франции состоялась в парижской галерее «Бинг» в 1927, другие прошли за рубежом: в Чикаго (1935); Нью-Йорке (1936, 1938, 1940, 1943); Лондоне (1937); Вашингтоне (1943).

С 1929 С. жил в Леве, близ Шартра. Несмотря на достаток, а в 30-е и богатство, С., как писал Эфрос, «неловкий, милый, местечковый, удивленный неожиданной славой», не знал, «что делать теперь со своими несколькими комнатами и телефоном», и по-прежнему был убежден, что художник только тогда способен почувствовать чужую беду, если сам неблагополучен и неустроен. В 1939 безуспешно пытался вступить в армию. После разгрома Франции гитлеровцами не принял предложение уехать в США; два года находился в «свободной зоне», в департаменте Турень. Обострение язвенной болезни заставило С. тайно приехать в Париж; умер на следующий день после запоздалой операции. В 40-50-х в странах Европы и в США состоялись его мемориальные выставки, в том числе в Париже в 1945 и 1959; выставка «Сутин и его круг» — в 1958-60 в Нью-Йорке, Манчестере и Лондоне.

Лит.: Эфрос А. Профили. М., 1930; Cogniat R. Soutine. Paris, 1945; Forge A. Soutine. London, 1965; Tuchman M. Soutin. Los Angelos, 1968; Фальк Р.Р. Беседы об искусстве. Письма. Воспоминания о художнике. М., 1981; Зингерман Б.И. Парижская школа: Пикассо. Модильяни. Сутин. Шагал. М., 1993.

Р.Ильин

Т

ТАМАРКИН Яков Давыдович (28.6.1888, Чернигов, Украина — 18.11.1945, Вашингтон) — математик. Родился в семье физика Давида Т. С Украины родители переехали в Петербург, где их сын поступил во 2-ю петербургскую гимназию. Там он подружился со своим одноклассником А.Фридманом, будущим знаменитым ученым. Оба занимались в организованном в гимназии физическом кружке («Общество любителей физики 2-й С.-Петербургской гимназии»), оба посещали городской семинар по математике для гимназистов, где занятия вели университетские профессора. Способности Т. и Фридмана оценил академик А.Марков. Друзья занимались исследованиями в области теории чисел, и в 1906 их совместная статья о числах Бернулли была опубликована в немецком журнале «Mathematische Annalen», а молодые авторы были награждены в гимназии золотой медалью. В 1905 в гимназии проходила забастовка, в которой Фридман и Т. приняли активное участие, в качестве представителей своей гимназии вошли в Центральный комитет средних школ Петербурга, а также стали членами Петербургской социал-демократической организации.

После окончания в 1906 гимназии Т. и Фридман поступили на математическое отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Они продолжали дополнительно заниматься теорией чисел, участвовали в студенческом математическом кружке под руководством Я.Успенского, причем Фридман был казначеем, а Т. — секретарем кружка. Их новая совместная работа по теории чисел была отмечена золотой медалью университета (статья была опубл. в 1909 в немецком журнале). На старших курсах научные интересы друзей разделились: Фридман стал заниматься механикой жидкости, а Т. под руководством В.Стеклова — краевыми задачами математической физики; общим увлечением оставалось посещение физического теоретического семинара, организованного Паулем Эренфестом.

По окончании в 1910 университета с дипломом 1-й степени Т. (как и Фридман) был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию. В 1913 друзья закончили сдачу магистерских экзаменов по прикладной математике и работали над диссертациями. Одновременно Т. стал преподавать в Институте инженеров путей сообщения, а также в Электротехническом и Политехническом институтах. Был освобожден от военной службы из-за плохого зрения. В 1914 опубликовал свой «Курс анализа». Защита диссертации «О некоторых общих задачах теории обыкновенных линейных дифференциальных уравнений и о разложении произвольных функций в ряды» состоялась в июле 1917.

В начале 1920 Т. выехал в Пермь, приняв приглашение занять должность профессора Пермского университета; там уже находились его товарищи по Петербургскому университету, в том числе Фридман и *А.Безикович*. В университете Т. выполнял также обязанности декана физико-математического факультета. Однако уже весной 1920 Т. вернулся в Петроград и приступил к преподаванию в университете и ряде др. институтов. В Политехническом институте, после отъезда А.Крылова в длительную зарубежную командировку, весной 1921 Т. стал заведовать кафедрой математики. Успевал он работать также консультантом в Центральном бюро погоды, в Физико-техническом институте и Атомной комиссии при Государственном оптическом институте, хотя условия жизни в Петрограде вынуждали тратить много времени на перемещение по городу.

Несмотря на всю эту нагрузку, Т. ухитрялся успешно заниматься наукой. За три года после возвращения из Перми он написал 9 статей, преимущественно по прикладной математике, некоторые из них в соавторстве с Безиковичем, Фридманом или Н.Крыловым. Вместе с В.Смирновым подготовил два тома «Курса высшей математики для инженеров и физиков» (Пг., 1924), а в соавторстве с В.Булыгиным, Смирновым и Фридманом — задачник по высшей математике.

Регулярно принимал участие в работе математического кружка при Педагогическом институте, на базе которого в 1921 было организовано Петроградское физико-математическое общество. Однако наблюдения за политическими изменениями в стране убеждали Т. в небезопасности пребывания в Советской России.

Его меньшевистское прошлое стало интересовать ГПУ. Появился страх голодной смерти, т.к. за последние годы он похудел на 40 кг. Все это подталкивало Т. к мысли уехать за рубеж.

Весной 1924 он участвовал в 1-м международном конгрессе по прикладной математике в Дельфте (Голландия), а в августе 1924 — в международном конгрессе математиков в Торонто (Канада). Там посланцы России встретились со своим бывшим соотечественником и коллегой *Я.Шохатом*, который представлял Мичиганский университет. Возможно помощь Шохата содействовала принятию окончательного решения эмигрировать в США. В конце 1924 Т. нелегально перешел латвийскую границу и в марте 1925 прибыл в Америку. Через год к нему приехала его жена с сыном (Т. женился в 1919 на Елене Георгиевне Вейхарт, в 1922 у них родился сын Павел).

Первым местом работы Т. был Дартмутский колледж в штате Род-Айленд, где он два года читал лекции в качестве приглашенного профессора и опубликовал более десятка математических работ. В 1927 Т. стал профессором Брауновского университета в городе Провиденс (шт. Род-Айленд), где он работал до конца жизни. Его научная, педагогическая и общественная деятельность достигла своего расцвета. Он читал разнообразные курсы лекций: по интегральным уравнениям и по топологическим группам, теории рядов Фурье и теории полиномиальной аппроксимации функций, по дифференциальным уравнениям в частных производных и по субгармоническим функциям. За 18 лет работы в этом университете Т. подготовил 22 доктора философии, многие из которых стали известными профессорами математики. Одна за другой публиковались научные статьи Т., большая часть которых написана вместе с американскими коллегами А.Зигмундом, Г.Сеге, Э.Хиллом и др. В 1943 в Нью-Йорке вышла его книга «Проблема моментов», написанная вместе с Я.Шохатом.

Т. много сделал для развития математики в США, являясь соиздателем или издателем основных американских математических журналов, таких как «Труды Американского математического общества» (с 1928). Он входил в оргкомитет международного математического конгресса, который планировали провести в США в 1940, но помешала война. Т. был активным членом Совета Американского математического общества (с 1931; вице-президент в 1942-43), Американской математической ассоциации, был избран в Американскую академию искусств и наук.

Важную роль сыграл Т. в творчестве Норберта Винера, основоположника кибернетики; первым оценив значение новых идей Винера для последующего развития науки, Т. убедил его систематически изложить полученные результаты по тауберовым теоремам, существенно помог при подготовке второй, более важной части — «Тауберовы теоремы». Винер в своей книге «Я — математик» подчеркивал, что бескорыстная помощь коллегам являлась характерной чертой Т.

Т. был большим знатоком и ценителем музыки. В Петербурге ученый собрал не только большую математическую, но и музыкальную библиотеку, в которую входила богатая коллекция русской музыки; устраивал домашние концерты и сам принимал в них участие как исполнитель. Осенью 1924 на одном из таких концертов Д.Шостакович впервые исполнил вступительную часть своей Первой симфонии, которая стала любимым произведением Т. В США Т. продолжил традицию домашних концертов.

Внезапная смерть жены в 1934 была для Т. ударом, от которого он не смог оправиться; после 1935 он опубликовал только 4 статьи. В феврале 1945 состояние его здоровья резко ухудшилось; Т. был вынужден оставить работу. Последние полгода своей жизни он провел у сына в одном из пригородов Вашингтона.

Лит.: Hill E. Jacob David Tamarkin — His Life and Work // Bull. Amer. Math. Soc., 1947, vol. 52; Юшкевич А.П. История математики в России до 1917 г. М., 1968; Тропп Э.А., Френкель В.Я., Чернин А.Д. Александр Александрович Фридман. М., 1988.

Н.Ермолаева

ТИМАШЕВ Николай Сергеевич (9.11.1886, Петербург — 9.3.1970, Нью-Йорк) — социолог, правовед и историк общественной мысли. Принадлежал к старинному дворянскому роду, давшему на протяжении поколений ряд видных государственных деятелей и ученых. Отец, Сергей Иванович Т., в 1903-9 был управляющим государственным банком, в 1909-15 министром торговли и промышленности, с 1911 членом Государственного совета, с весны 1915 — председателем артиллерийской комиссии при Особом совещании по обороне.

Т., старший из 4-х сыновей, окончил в Петербурге 1-ю классическую гимназию и Александровский лицей; изучал правоведение в Страсбургском университете. В ноябре 1914 защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию «Условное осуждение» (тогда же опубликованную), вскоре получил степень доктора права за 2-томную диссертацию «Преступное возбуждение масс», посвященную подрывной деятельности с правовой точки зрения; текст диссертации был уничто-

жен большевиками и не увидел света. В 1914-17, помимо научной работы, исполнял обязанности личного секретаря у отца. В 1915 приглашен в Петроградский университет для чтения лекций; с 1916 одновременно приват-доцент Политехнического института, где в 1918 избран экстраординарным, а затем ординарным профессором по кафедре социологии и деканом экономического отделения; преподавал общую теорию права и социологию права.

В августе 1921 в связи с угрозой ареста по делу Петроградской боевой организации («заговор Таганцева») вынужден был бежать в Финляндию с женой и младшим братом, студентом электротехнического отделения Политехнического института (позднее профессором электроники в Канаде). Первое время жил в Германии, сотрудничая в газете «Руль» и др. эмигрантских изданиях. В 1923 был приглашен профессором в Пражский университет, стал членом Института русской экономики, которым руководил *С.Прокопович*. В 1928 переехал в Париж, где работал в газете «Возрождение»; вел «русский отдел», публикуя заметки по вопросам внутренней политики СССР. Одновременно был профессором Славянского института при Сорбонне и Франко-русского института. В те же годы много ездил по Европе с чтением лекций в университетах Базеля, Цюриха, Бирмингема и др.

В 1932 получил из США от *П.Сорокина*, с которым был в дружеских отношениях еще по Петербургу, предложение принять участие в фундаментальной работе, посвященной динамике социального и культурного развития; к исследованию были привлечены несколько десятков крупных американских и европейских ученых. В течение двух лет Т. составил сводку данных об изменениях состава преступлений и суровости наказаний в странах Европы со времен падения Римской империи до современности, систематизировал сведения о революциях с V в. н.э. до 1925. Как представивший лучшую работу, в январе 1936 был приглашен на год в Гарвардский университет и с сентября читал там лекции по социологии права и по современным социальным движениям (главным образом по коммунизму и фашизму). В начале 1937 срок приглашения был продлен до 5 лет, но в 1940 Т. получил предложение занять должность профессора социологии в Фордэмском университете, где он создал отдел социологии и читал в течение 18 лет различные курсы: по социологии права, этики и государства; по криминологии; о развитии социологических теорий; о структуре фашистского и коммунистического обществ; о методологии в социологии; о социальной динамике; о расовых и этнических проблемах и др. Лекции Т., по отзывам слушателей, отличались тщательной проработанностью, насыщенностью социологическим материалом, полным отсутствием внешних, «театральных» эффектов, безупречным английским языком. Слушать лекции Т. приезжали студенты из Западной Европы, Японии, Индии и др. Одновременно Т. преподавал социологию в женском Мэримаунтском колледже в Манхэттене, читал летние спецкурсы в Институте советоведения Миддльберийского колледжа в Вермонте; в течение отдельных семестров преподавал в Калифорнийском университете в Беркли, Радклиффском колледже при Гарвардском университете и др. В 1955-56 читал курсы по социологии и смежным дисциплинам в Гронингенском университете в Голландии (специально для этого овладев голландским языком) и в др. университетах Западной Европы. В годы 2-й мировой войны возглавляемый Т. отдел социологии Фордэмского университета занимался специальной программой обучения персонала для армии США. Т. неоднократно давал консультации американскому правительству по разным вопросам. В 1958 вышел в отставку с пожизненным почетным званием, соответствующим российскому званию заслуженного профессора; Мэримаунтский колледж учредил стипендию его имени.

Наряду с научной и преподавательской деятельностью много времени и сил отдавал общественной работе в различных эмигрантских организациях: был вице-председателем нью-йоркских обществ — Друзей Св.Сергиевской Духовной академии в Париже и Друзей русской культуры, членом совета директоров Русского православного богословского фонда в Нью-Йорке, председателем комитетов по организации юбилейных торжеств по случаю 100-летия освобождения крестьян в России (в 1961) и 1100-летия Российского государства (май 1962) и др.

Т. считается основоположником социологии права. Будучи юристом по образованию, он, однако, еще в гимназии заинтересовался социологией, уже тогда рассматривая с социологической точки зрения и тему своей магистерской диссертации; на социологической основе построил в Петроградском политехническом институте курс лекций по общей теории права для студентов-экономистов. Впоследствии использовал эти лекции в статье «Право как коллективно-психологическая реальность», излагавшей «социальную подкладку» права (в сб.: «Труды русских ученых за границей», т. 2. Берлин, 1923). Еще до отъезда в эмиграцию Т. написал книгу «Социология права», но издать ее в Советской России не удалось, не смог он и взять рукопись за границу. Годы спустя, уже за рубежом, Т. восстановил по памяти содержа-

ние книги, опубликовав ее в 1939 под названием «Введение в социологию права» (Cambr. Mass., на англ. яз.). Рецензенты отмечали, что тем самым Т. создал данную науку и, кроме того, внес вклад в государственное право, антропологию, этику, психологию группы. Право Т. трактовал как социальное, а не психологическое явление, правовую систему считал отражением социальной системы и ее изменений. Вслед за *Л.Петражицким* полагал, что право возникает при слиянии двух элементов социального бытия: 1) наличия в каждой устойчивой социальной группе такого порядка, который может быть выражен в правовых нормах и который посредством сложных механизмов делается обязательным для всех; 2) наличия социальной власти. В работах по общей социологии идеи Т. близки взглядам П.Сорокина. По мнению Т., социология изучает «биопсихологический коллективный опыт людей», и нет минимального принципа или субстрата, к которому можно свести все общественные процессы. Он отвергал тем самым исторический монизм, утверждая, что исторические процессы определяются взаимодействием многих факторов — экономических, демографических, религиозных, психологических и др. Единицей, подлежащей социологическому анализу, является, по Т., взаимодействие между двумя или более людьми. При изучении любого социального явления Т. исходил из анализа его действительного, фактического течения, следовал «логике факта», а не априорной схеме, никогда не навязывал заранее установленной формулы для выбранного материала, был свободен и непредвзят в своих подходах.

В эмиграции Т. начал развивать науку о политических системах, явившись одним из основоположников политической социологии. Автор многочисленных статей по вопросам политической структуры и власти, системы выборов, финансовых и правовых процессов — на материале, главным образом, СССР, но и в сопоставлении с другими системами. Его книга «Три мира» (Милуоки, 1946, на англ. яз.) — подробный анализ господствующих политических формаций 1-й половины XX в. С 1917 вел подробную хронику событий в России; автор многих публикаций по вопросам новейшей российской истории.

Опубликовал в европейских и американских русскоязычных изданиях более 2000 статей по общественным и политическим вопросам. Научные труды Т. переведены на 15 языков. Его «Теория социологии» (1955) во многих странах стала официальным университетским учебником.

Соч.: Преступления против религии. Пг., 1916; Право Советской России: В 2-х т. Прага, 1924; Введение в изучение уголовно-судебного права. Прага, 1925; Политическое и административное устройство СССР. Париж, 1931; The Great Retreat. New York, 1946; Sociology: An Introduction to Sociological Analysis. Milwaukee, 1949 (в соавт.); General Sociology. Milwaukee, 1959 (в соавт.); War and Revolution: A Sociological Analysis. New York, 1965; Как я стал социологом // НЖ, 1966, № 85.

Лит.: Шойер И. Социология Н.С.Тимашева // НЖ, 1964, № 75; На темы русские и общие. Сб. статей и материалов в честь профессора Н.С.Тимашева. Нью-Йорк, 1965.

М.Куликова

ТИМОШЕНКО Степан Прокофьевич (22.12.1878, с. Шпотовка, Конотопского у., Полтавской губ. — 29.5.1972, Вупперталь, Германия) — ученый в области прикладной механики. Родился в семье землемера. В 1889-96 учился в реальном училище города Ромны, где одним из его одноклассников был будущий академик А.Иоффе. В 1896 поступил в Петербургский институт инженеров путей сообщения, окончив который в 1901 в числе лучших выпускников, работал в течение года ассистентом в механической лаборатории. В 1903 по приглашению профессора С.Дружинина перешел в Петербургский политехнический институт на должность лаборанта новой механической лаборатории. Большое впечатление на Т. произвели встречи с корифеями механики А.Крыловым и В.Кирпичевым, советы которых помогли ему выбрать направление дальнейшей деятельности — «математические приложения в инженерных науках». В 1905, когда из-за начавшихся беспорядков был закрыт Политехнический институт, Т., воспользовавшись вынужденным отпуском, уехал в Германию, где в Гёттингенском университете работал вместе с известным специалистом в области механики Л.Прандтлем.

В 1906 по совету В.Кирпичева Т. принял участие в конкурсе на замещение должности преподавателя кафедры сопротивления материалов Киевского политехнического института (КПИ) и вскоре получил приглашение переехать в Киев. В первый же год работы в КПИ Т. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени адъюнкта по прикладной механике (1907). По инициативе Т. была переоборудована и оснащена новыми приборами лаборатория по испытанию механических свойств строительных материалов. Помимо чтения лекционных курсов, Т. подготовил краткий курс сопротивления материалов, позже переведенный на многие языки. Важным этапом его научной работы стали исследования, направленные на развитие т.н. «метода Рэлея» для случаев из-

гиба балок, пластинок и цилиндрических труб, а также вынужденных колебаний балок под действием силы, движущейся вдоль балки. Однако успешная деятельность Т. оказалась прерванной. В январе 1911 вместе с рядом профессоров КПИ Т. подписал протест против усиления произвола и полицейских порядков, проводимых министром просвещения Л.Кассо. В феврале он был уволен из КПИ.

В этот трудный период жизни большой моральной и материальной поддержкой для Т. стало присуждение ему в конце 1911 высшей научной награды за работы в области строительной механики — премии им. Д.Журавского. С августа 1911 Т. начал работать в Электротехническом и Полиграфическом институтах в Петербурге. В январе 1913 он был утвержден в должности профессора. Получив возможность больше времени уделять исследованиям, Т. выполнил ряд работ, связанных с теорией упругости, результаты которых значительно дополнили, в частности, теорию изгиба балок.

После Октябрьской революции Т. переехал в Киев. В 1918 он получил предложение участвовать в организации Академии наук Украины, а Совет Киевского политехнического института восстановил его в должности профессора. Включившись под руководством академика В.Вернадского в работу по созданию Украинской АН, Т. задался целью разработать организационные формы, обеспечивающие широкое взаимодействие академической науки и техники. По мысли Т., Академия наук должна содействовать тому, чтобы специалисты-практики могли шире использовать научные методы, а представители науки были в курсе неисследованных практических вопросов. Большое значение ученый придавал также применению новейших достижений техники в научных экспериментах. Идеи, высказанные Т., оказались весьма прогрессивными. Дальнейший опыт деятельности Украинской АН, где впервые в мировой практике в число академических наук были включены технические науки, подтвердил эффективность новых форм взаимодействия ученых, конструкторов, инженеров и производственников.

Одновременно осенью 1918 Т. приступил к чтению лекций в КПИ. На первой лекции студенты устроили профессору, уволенному 7 лет назад за сопротивление реакции, бурную встречу с приветствиями, лозунгами и аплодисментами. Однако с наступлением холодов занятия в КПИ прекратились. Осенью 1919 в Киев вошла армия генерала *Деникина*. Деятельность Украинской Академии наук оказалась парализованной. Оставшись без работы и средств к существованию, Т. решил уехать за границу.

После продолжительных поисков, в середине 1920, ему удалось получить должность профессора кафедры сопротивления материалов в Загребском политехническом институте. Впрочем, жизнь его была полна лишений. «В Югославии я живу в полнейшей нужде, — писал Т., — не имею своего жилья и вынужден ютиться с семьей в лабораторных помещениях». Весной 1922 группа русских инженеров-эмигрантов, создавших в Филадельфии фирму, которая занималась уравновешиванием машин и устранением вибраций, прислала Т. приглашение переехать в США. После долгих колебаний Т. принял приглашение. «Правильно я поступил или ошибся, я и теперь, через сорок лет, не знаю, — писал Т. в воспоминаниях. — Оставшись в Америке, я, конечно, расширил свой опыт применения научного анализа к решению технических задач. Занявшись подготовкой инженеров, годных для теоретического исследования технических задач, я написал ряд курсов, которые нашли широкое распространение. Но нового в Америке я сделал мало. Произошло ли это потому, что мне было уже около сорока пяти лет и начал стареть, я не знаю».

Проработав в фирме меньше года, Т. перешел в 1923 на работу в исследовательский институт известной компании «Вестингауз», где уже работал ряд эмигрантов, в частности, *В.Зворыкин* и Муромцев. Деятельность Т. в «Вестингаузе» оказалась связанной с решением, главным образом, практических задач. Однако сам Т., будучи ученым-исследователем, жаждал фундаментальной работы. Большое удовлетворение приносили занятия, которые он вел с молодыми инженерами, специализировавшимися в области механики.

Весной 1927 Т. получил приглашение возглавить кафедру в инженерной школе Мичиганского университета, что давало возможность вести, наряду с преподавательской, и исследовательскую работу. В сентябре того же года он переселился в Анн-Арбор — город, где расположен Мичиганский университет. Помимо занятий со студентами, Т. преподавал в ставшей широко известной летней школе механики для инженеров, готовившихся к получению докторской степени. Для обеих категорий обучаемых Т. подготовил вариант учебника «Сопротивление материалов», неоднократно переиздававшийся и переведенный на несколько языков. В этот период ученый часто выступал с докладами на различных научных форумах — съезде Международного союза инженеров-строителей в Париже (1932), международном съезде механиков в Цюрихе (1932), конференции инженеров-механиков и инженеров-строителей в Чикаго (1933) и др. Имея за плечами прекрасную отечественную научную шко-

лу по механике и математике, показав высочайшую квалификацию при решении практических задач и обучении инженерных кадров, Т. в течение многих лет занимал ведущее положение в США среди специалистов в области механики. В американской промышленности того времени инженер-механик с хорошей теоретической и общеинженерной подготовкой был редким явлением. Отмечая это, Т. пришел к выводу, что наибольшую пользу он может принести, передавая свои знания преподаванием и написанием учебников и монографий.

В 1936 Т. переехал в Пало-Альто для работы в Стэнфордском университете, здесь он занимался преподавательской деятельностью 19 лет. После 1955 ученый оставил преподавание, решив сосредоточить усилия на работе, связанной с изданием своих книг. Почти каждый год Т. принимал участие в научных съездах и симпозиумах, посещал различные учебные заведения и научные учреждения Европы. В 1958 и 1967 Т. побывал в Киеве, Харькове, Москве, Ленинграде. Последние годы жизни Т. провел в немецком городе Вуппертале, где жила его старшая дочь Анна Хельцельт-Тимошенко.

Творческая деятельность Т., составившая целую эпоху в развитии механики твердого деформируемого тела, была отмечена присуждением ему высших наград и почетных научных званий академиями и правительствами многих стран. Среди них медали им. Дж.Уатта (Англия), Леви (США), Дж.Эвинга (Англия) и др.; Т. был избран членом-корреспондентом Американской, Французской, Польской и др. Академий наук, почетным членом Лондонского Королевского общества, Американского общества инженеров-механиков и т. д. В 1928 его избрали членом-корреспондентом, а в 1964 — действительным иностранным членом Академии наук СССР. Американским обществом инженеров-механиков в 1957 была учреждена медаль им. С.Тимошенко; первая медаль была вручена самому Т. «за неоценимый вклад и личный пример как лидера новой эры в прикладной механике». Т., воспитавшего в США целую плеяду учеников, по праву называли отцом современной американской механики. Всегда стремившийся к объективности, ученый в воспоминаниях подчеркивал: «Обдумывая причину наших достижений в Америке, я прихожу к заключению, что немалую роль в этом деле сыграло образование, которое нам дали русские высшие инженерные школы».

Соч.: As I Remember (Vospominanija). Princeton (New York). Van Nostrand, 1968.

Лит.: Писаренко Г.С. Степан Прокофьевич Тимошенко. М., 1991.

В.Борисов

ТОЛСТОЙ Алексей Николаевич (29.12.1882, Николаевск, Саратовской губ. — 23.11.1945, Москва) — прозаик, драматург, публицист. Происходил из старинной, но обедневшей дворянской семьи — одной из ветвей рода графов Толстых. По линии матери, детской писательницы А.Л.Бостром, приходился родственником декабристу Н.Тургеневу. Детские годы провел в имении своего отчима, А.Бострома, на хуторе Сосновка Самарской губернии. Окончил в 1901 Сызранское реальное училище, затем учился в Петербургском технологическом институте, но оставил его осенью 1907, не закончив. Начинал как поэт: в 1907 вышла в Петербурге его «Лирика» — по позднейшему признанию Т., «подражательная, наивная и плохая книжка». В 1908 в журнале «Нива» (№ 21) появилось первое прозаическое произведение — рассказ «Старая башня», затем были изданы «Сорочьи сказки» (1910), сборник стихов «За синими реками» (1911).

В раннем творчестве Т. выступал продолжателем традиций русской классической литературы, что отмечала критика (*А.Амфитеатров*, К.Чуковский). В литературе конца 1900-х—1910-х был одним из наиболее крупных представителей неореализма. Под пером Т. угасающие дворянские гнезда, типы современного ему дворянства представали в ироническом, а иногда анекдотическом освещении: рассказы, впоследствии объединенные в книгу «Под старыми липами», — «Заволжье» («Мишука Налымов»), «Неделя в Туреневе», «Петушок», «Прогулка», «Яшмовая тетрадь» и примыкающие к ним повесть «Приключения Расстегина» (1912) и романы «Чудаки» (1911), «Хромой барин» (1912). Ближайшее литературное окружение молодого Т. составляли в основном писатели-символисты — И.Анненский, М.Волошин, *Вяч.Иванов*, В.Брюсов, *А.Ремизов*; многие произведения его увидели впервые свет на страницах журнала «Аполлон». В 1911-12 издательство «Шиповник» выпустило «Сочинения» Т. в двух томах, в 1913-18 «Книгоиздательство писателей в Москве» — 9 томов собрания сочинений, куда вошли такие произведения как «Без крыльев», «Наташа», «Обыкновенный человек», «Утоли моя печали», «Миссис Бризли», «Прекрасная дама», «Для чего идет снег», пьесы «Насильники», «Милосердия!», «Касатка», «Нечистая сила», «Ракета» и др.

В годы 1-й мировой войны Т. был некоторое время военным корреспондентом газеты «Русские ведомости», в феврале 1915 с группой писателей посетил Англию и английские войска на Западном фронте. Казенно-патриотическими настроениями не отличался; в рассказах, очерках, статьях этих лет («Шарлотта», «Буря», «Макс Вук», «Первая ступень», «По Волыни»,

«По Галиции») с большой силой показывал страдания простых людей на войне. Февральскую революцию приветствовал как «канун вселенского мира». В марте-апреле 1917, живя в Москве, принимал участие в реорганизации издательских учреждений, был назначен комиссаром по регистрации печати. Октябрьский переворот встретил в Москве и отнесся к нему враждебно. В июле 1918, когда в Москве начался голод, выехал с семьей в Одессу, откуда весной 1919 на пароходе Добровольческого флота направился в Константинополь. Об этом путешествии он писал *И.Бунину*: «Что было перетерплено — не рассказать. Спали мы с детьми в сыром трюме рядом с тифозными, по нас ползали вши. Два месяца сидели на собачьем острове в Мраморном море».

В июле 1919 Т. удалось переехать в Париж, где он, поселившись на улице Ренуар, начал работу над 1-й частью трилогии «Хождение по мукам» — романом «Сестры» (1-я публикация начальных глав в журнале «Грядущая Россия», 1920, № 1-2). В 1920 в парижском журнале «Зеленая палочка» (№ 2-6) было опубликовано одно из лучших произведений Т. — повесть «Детство Никиты». Летом 1921, живя близ Бордо, в имении, купленном эмигрантами, Т. решил покинуть Францию и в октябре переехал в Берлин, предварительно договорившись о сотрудничестве в «сменовеховской» газете «Накануне». Близко общался здесь с М.Горьким, А.Белым, *Е.Замятиным*, А.Ремизовым, Б.Пильняком, В.Шкловским и др. В апреле 1922 получил письмо из Парижа от бывшего главы белогвардейского «Северного правительства» Н.Чайковского, в котором тот от имени бюро комитета помощи писателям-эмигрантам требовал у Т. объяснений по поводу его сотрудничества в газете «Накануне»; по мнению бюро, это означало разрыв с эмиграцией и переход на сторону большевистской власти. 14.4.1922 газета опубликовала ответ Т. под заглавием «Открытое письмо Чайковскому» (перепечатан 22 апр. в «Известиях»), в котором он писал, что «в существующем ныне большевистском правительстве газета «Накануне» видит ту реальную — единственную в реальном плане — власть, которая одна сейчас защищает русские границы от покушения на них соседей, поддерживает единство русского государства и на Генуэзской конференции одна выступает в защиту России от возможного порабощения ее иными странами. ...Я представляю из себя натуральный тип русского эмигранта, проделавшего весь скорбный путь хождения по мукам. В эпоху великой борьбы белых и красных я был на стороне белых. Я ненавидел большевиков физически. Я считал их разорителями русского государства, причиной всех бед. В эти годы погибли два моих родных брата, — один зарублен, другой умер от ран, расстреляны двое моих дядьев, восемь человек моих родных умерло от голода и болезней. Я сам с семьей страдал ужасно. ...Но Россия не вся вымерла и не пропала. 150 миллионов живет на ее равнинах, живет, конечно, плохо, голодно, вшиво, но, несмотря на тяжкую жизнь и голод, — не желает все же ни нашествия иностранцев, ни отдачи Смоленска, ни собственной смерти и гибели».

Заведуя «Литературными приложениями» к газете «Накануне», Т. привлек к сотрудничеству М.Горького, К.Федина, С.Есенина, М.Булгакова. «Шлите побольше Булгакова», — писал он в одном из писем в Москву. В берлинский период им самим были написаны роман «Аэлита» (1922), повесть «Рукопись, найденная в мусоре под кроватью» (1923) и др. В феврале 1922 побывал в Риге; рижская газета «Сегодня» опубликовала интервью с ним о новой советской литературе, в клубе писателей состоялось публичное чтение Т. его пьесы «Любовь — книга золотая» (1919), прошедшее с большим успехом; в спектакле Рижского театра русской драмы «Касатка» он сыграл роль Желтухина.

В конце мая 1923 Т. в качестве представителя газеты «Накануне» выехал в Москву; московские писатели и театральные деятели устроили ему торжественный прием (этот эпизод впоследствии изобразил М.Булгаков в «Театральном романе», где в образе Измаила Александровича Бондаревского легко узнается Т.) Летом 1923 Т. принял решение вернуться в Советскую Россию, о чем сообщил 27 июля в статье «Несколько слов перед отъездом»: «Я уезжаю с семьей на родину, навсегда... Я еду на радость? О, нет: России предстоят нелегкие времена». 1 августа приехал с семьей в Петроград.

В творчестве Т. постэмигрантского периода тема эмиграции освещалась с просоветских позиций, обретая развлекательно-бульварные или же агитационно-карикатурные очертания. Таковы «Убийство Антуана Риво» (1924), «Черная пятница» (1924), «Похождения Невзорова, или Ибикус» (1924), «Мираж» (1924), «Записки Мосолова» (1926), «Гиперболоид инженера Гарина» (1927), «Эмигранты» («Черное золото», 1930-31). В 1937 Т. приезжал в Париж; по свидетельству *Ю.Анненкова*, признавался, что он «циник», который «хочет... хорошо жить», и для этого ему приходится в угоду Сталину «быть акробатом».

Умер в Барвихинском санатории близ Москвы признанным классиком советской литературы, удостоенный всех мыслимых в то время званий и наград.

Соч.: Собр. соч.: В 2-х т., Берлин, 1923; Наваждение. Рассказы / «Русская земля». Париж, 1921; Необыкновенные приключения Никиты Рощина / Биб-ка ж-ла «Зеленая палочка», 1921; Четыре картины волшебного фонаря // Жар-птица. Париж, 1921; Нисхождение и преображение. Сб. статей. Берлин, 1922; Краткое жизнеописание блаженного Нифонта (Повесть смутного времени) // Эпопея, 1922, № 2; Настроения Бурова (В Париже) // СЗ, 1922, № 9; Падший ангел [Памяти А.А.Блока] // Накануне, 1922, 13 авг. (спец. приложение); Санди. Одиссея: Сб. первый [Рассказы]. Берлин, 1922.

Лит.: Тэффи Н.А. Алексей Толстой // Нов. рус. слово, 1948, 7 нояб.; Воспоминания об А.Н.Толстом: Сб. М., 1973; 2-е изд. 1982; Крандиевская-Толстая Н.В. Я вспоминаю. Л., 1977; Крандиевский Ф.Ф. Рассказ об одном путешествии // Звезда, 1981, № 1; А.Н.Толстой: Материалы и исследования. М., 1985; Толстая М.А. «Тихая музыка памяти» // Нева, 1987, № 7, 8; Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. М., 1991; Анненков Ю.П. Алексей Толстой / Анненков Ю.П. Дневник моих встреч: Цикл трагедий, т. 2. Л., 1991.

А.Руднев

ТОТОМИАНЦ Вахан Фомич (21.1.1875, Астрахань — 9.5.1964, Париж) — экономист, исследователь истории кооперативного движения, публицист. Отец Т. — директор армянской гимназии, мать — домохозяйка, немка по национальности. Благодаря родителям Т. с детства прекрасно владел немецким и армянским языками. Среднее образование получил в Астрахани, высшее — в университетах Германии, Швейцарии, Бельгии (1896-99). Еще гимназистом основал в Астрахани кооператив по выписке из Петербурга книг и учебных пособий. Интерес к изучению кооперативного движения зародился во время учебы в зарубежных университетах, где Т. познакомился с Ш.Жидом — известным французским общественным деятелем и кооператором. Занимаясь переводами работ Ш.Жида и его последователей на русский, немецкий, итальянский языки, Т. пришел к мысли, что кооперация, которая базируется на принципах солидарности, представляет собой наиболее приемлемый для России путь вхождения в систему мирового сообщества.

В 1898 Т. получил от Брюссельского университета ученую степень доктора социальных наук. В 1899 возвратился в Россию, сотрудничал в журнале «легальных» марксистов «Начало», в редакциях газет «Северный курьер», «Сын отечества». В 1903-4 редактировал либеральную «Экономическую газету», вел экономический раздел журнала «Образование», а в 1905-7 сотрудничал с газетами меньшевистской направленности. Вскоре он отошел от политической публицистики, увлекшись педагогической работой. С 1904 читал курсы лекций по политической экономии, финансовой науке в Московском лицее и университете, Петербургском коммерческом и сельскохозяйственном институтах, Тифлисском политехникуме. В научных и общественных кругах Т. был известен и многочисленными работами на кооперативные и экономические темы, которые выдерживали не одно издание. В 1913 получил ученую степень магистра политической экономии в Московском университете, а в 1915 — степень доктора политической экономии и статистики в Киевском университете.

Октябрьскую революцию Т. оценивал отрицательно, с 1919 — в эмиграции. В 20-е преподавал в Римском кооперативном институте, по приглашению Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге читал курсы лекций по истории и теории кооперации, кооперативному законодательству; вел семинар по изучению иностранной кооперативной литературы, возглавлял Совет института. Т. читал курс лекций на Русском юридическом факультете в Праге, а в 1925 вел курс по истории кооперативного движения в Берлинской коммерческой академии.

20-е были для Т. самыми плодотворными годами и в плане научных изысканий. Он издавал и готовил к переизданию ряд своих трудов: по истории и теории кооперации, истории экономических учений. Его статьи, заметки, рецензии публиковали различные исследовательские и общественно-политические журналы — «Archiv für Sozialwissenschaft», «Gemeinwirtschaft», «Prager Presse», «Современные записки» и др. Работы Т. переводились на болгарский, сербский, словенский, латышский, польский, финский, шведский, испанский, японский языки. Т. состоял членом Международного кооперативного союза, Европейского центра социальной политики, Чешского общества изучения славянства; он — участник кооперативного съезда в Стокгольме, съезда потребительской кооперации в Праге и ряда конференций. В 1929 российские эмигранты, проживавшие в Праге, и чешская общественность чествовали 30-летие его кооперативной и 25-летие педагогической деятельности.

В 1932 Т. переехал в Софию, где сотрудничал в кооперативных организациях, преподавал. Во время 2-й мировой войны погибли его рукописи и уникальная библиотека. Однако это не сломило воли ученого, который продолжал исследовательскую и педагогическую деятельность. В 1956 он издал монографию по истории экономической мысли, а в 1961 — по кооперации. С 1953 Т. преподавал в Русском научном институте в Париже. По оценке коллег, он являл собой «пример необыкновенного упорства и настойчивости в своем научном труде»; несмотря на преклонный возраст и слепо-

ту, он не прекращал напряженной исследовательской работы.

Придерживаясь взглядов Ш.Жида, А.Носта, Б.Лаверна, Г.Миллера, Т. оценивал кооперацию — с точки зрения «этико-идеологических» мотивов — в качестве своеобразного общественно-экономического строя, занимающего срединную позицию между капитализмом и социализмом. Кооперативное движение, по мнению Т., впитывает основы христианского учения, внушает понятия о моральных обязанностях и предлагает в качестве «орудия социальных реформ» личность, а не государство. Т. пытался выработать гибкую формулу для учения, способного выявлять рациональные мотивы в различных социально-экономических системах в качестве элементов социального обновления.

Соч.: Теории кооперации. Прага, 1921; Сущность и положение современной кооперации. Берлин, 1922; Основы кооперации Берлин, 1923; Энциклопедия международной кооперации, т. 1-4,. Берлин, 1927-29 (на нем. яз.); Из истории русской экономической мысли. Мюнхен, 1956; Кооперация (история, принципы, формы, значение). Франкфурт-на-Майне, 1961.

Лит.: Прокопович П.В. Ф.Тотомианц // Хозяин, 1929. № 19-20.

В.Телицын

ТРЕФИЛОВА (Иванова) Вера Александровна (по 1-му мужу Бутлер, по 2-му — Соловьева, по 3-му — Светлова) (26.9.1875, Владикавказ — 11.7.1943, Париж) — танцовщица, педагог. Незаконнорожденная дочь унтер-офицерской вдовы, драматической актрисы Н.П.Трефиловой, крестница М.Савиной. С детства любила театр. Попав на репетицию балета в одном из летних петербургских садов, решила стать танцовщицей. На просмотре в Петербургском театральном училище девочку готовы были «забраковать», но за нее заступилась Е.Вазем, угадавшая в ребенке способности к танцу. Позднее, в старших классах, Т. завершала у Вазем свое профессиональное образование. Педагог был силен в танце инструментальном; чистота, законченность, музыкальность стали достоинствами исполнительской индивидуальности одаренной ученицы.

Т. закончила Театральное училище в 1894 и была принята в кордебалет Мариинской труппы. На прославленной сцене в это время танцевали *О.Преображенская, М.Кшесинская,* П.Леньяни. В течение двух лет Т. держали в кордебалете. Начинающая танцовщица совсем было махнула рукой на свою карьеру и стала заниматься танцем с прохладцей. Преодолеть апатию помогла Леньяни, предсказавшая Т. успешную будущность. С этого момента отношение Т. к профессии резко переменилось; с 1897 она усиленно занималась у Э.Чекетти, затем у знаменитой Беретта в Милане. Французскую школу Т. изучала у Мори в Париже. И все же, пройдя искусы других школ, осталась верна школе русской, продолжая совершенствовать свое мастерство у Е.Соколовой, а с 1906 — у *Н.Легата.* Последнему, по ее собственному признанию, она и была всецело обязана своим успехом.

Карьера поначалу продвигалась весьма медленно. На премьере «Дочери микадо» Л.Иванова (1898) Т. заменила Гельцер, но вписаться в ансамбль солисток не смогла, получив выговор рецензента. Все же партии постепенно набирались: фея Серебра в «Спящей красавице», вставное pas de deux в 1-м акте «Жизели»; участвовала в танце маленьких лебедей в «Лебедином озере». Первой сольной стала партия Гименея в «Ацисе и Галатее» Л.Иванова (*1898*) — в ней Т. заменила Преображенскую, получившую в свою очередь роль Галатеи. Критики отмечали достаточную правильность танца, сетовали на отсутствие в нем широты и невыразительность рук. Тем не менее через год ей поручили первую большую роль — Терезу в «Привале кавалерии», еще через год — балеринскую партию в «Коппелии». Танцевальное мастерство росло, адажио и вариации расцвечивались все новыми красками, но актерская выразительность ее не интересовала или оставалась за пределами возможностей. Т. обладала выигрышной сценической внешностью: невысокого роста, с пропорциональной фигурой, хорошей формы ногами, красивым, с правильными чертами лицом. Но это красивое лицо оставалось к действию безучастным — лишь формально передавались жесты разученной и не одушевленной изнутри пантомимы. Т. целиком полагалась на танец и настойчиво разрабатывала его возможности.

Исполнив в 1902 роль Китри вслед за Кшесинской в новой версии «Дон Кихота» в интерпретации А.Горского, Т. заслужила похвалу за прекрасное исполнение арфовой вариации. На премьере балета «Ручей» (1902) в ансамбле с *Л.Кякшт* и *Т.Карсавиной* Т. имела огромный успех, превзойдя мастерством менее опытных молодых танцовщиц. А Эмма в «Гарлемском тюльпане» (1903) вызвала одобрение самого сурового критика искусства балерины — В.Светлова, будущего супруга. Тот проницательно назвал формулу ее успеха — «классична и музыкальна» и уточнял: «Мы увидели в ней настоящую, вполне готовую балерину, и притом недюжинную, а интересную, пластичную, грациозную, с богато развитой техникой и даже виртуозностью классического танца. Что особенно ценно в ней — это полнейшее взаимодействие рук, ног и корпуса: все в гармонии,

ничто не режет глаз, ни одного фальшивого движения, ни одной неоконченной позы».

В 1904 Т. получила роль Авроры, ставшей вершиной ее творчества. Здесь ее инструментальному танцу было привольно, и балерина вслушивалась в музыку, передавая чеканными формулами академического танца богатство оттенков музыкальной фразы. Ее Аврору называли лучшей после К.Брианцы, создательницы роли, и отдавали предпочтение перед другими исполнительницами — Кшесинской и Преображенской. Т. удавались и менее значительные партии — такие как фея ручья Наила («Ручей»), лишь бы там была представлявшая интерес хореографии. Балерина так тщательно и разносторонне эту хореографию разрабатывала, так любовно пестовала нюансы и оттенки, что незначительная партия в ее трактовке обретала цельность хореографического образа. Вопреки утверждавшемуся в исполнительстве импрессионизму Т. упрямо отстаивала незыблемые ценности классического танца, накопленные балетом XIX в. Новаторские поиски современников ей были чужды; она не приняла ни наивного дилетантизма А.Дункан, ни изощренного отступничества *М.Фокина*. Все это Т. рассматривала как преходящее, не заслуживающее ни ее времени, ни сил.

Личная жизнь Т. не задавалась и порой драматически влияла на ее творческую судьбу. Первый муж, А.Бутлер, сын известного сенатора, оказался картежником и пьяницей. Второй муж, Н.Соловьев, сын миллионера, потребовал ее ухода со сцены. Травля режиссера Н.Сергеева способствовала принятию решения об уходе (или была его истинной причиной). Оставалось всего 1,5 года до полной выслуги лет и пенсии. В бенефисе Т. отказали, но милостиво разрешили прощальный спектакль и чествование при открытом занавесе. Последнее выступление Т. на сцене Мариинского театра состоялось 24.1.1910 в «Лебедином озере». Т. была в расцвете сил и таланта. С 1906 она значилась прима-балериной и с достоинством оправдывала это высокое звание и признание ее профессиональных заслуг.

В России на балетной сцене Т. больше не выступала, а на драматической появилась в 1915 после смерти мужа. В 1916 Т. вышла замуж за редактора журнала «Нива», автора нескольких книг и бесчисленного числа рецензий, посвященных балету, В.Светлова. Тот в 1917 увез ее в Париж, где ими была открыта балетная студия.

Сценическая деятельность Т. неожиданно возродилась в дягилевской антрепризе. В 1921 в Лондоне она исполнила Аврору в версии дягилевской «Спящей красавицы», а в следующем — в укороченном варианте, называвшемся «Свадьба Авроры». В очередь с ней танцевали более молодые *Л.Егорова*, Л.Лопухова, *О.Спесивцева*. Лучшей была Аврора Т. В 1924 балерина выступила с дягилевской труппой в Монте-Карло. Давали «Лебединое озеро»; Т. еще раз поразила мастерством, с необыкновенным блеском исполнила фуэте. Танец оставался подвластен ей и в преддверии пятидесятилетия. Последнее ее выступление за рубежом состоялось в 1926.

Лит.: Борисоглебский М. (сост.). Материалы по истории русского балета, т. 2. Л., 1939; Красовская В. Русский балетный театр начала XX века, ч. 2. Танцовщики. Л., 1972.

А.Соколов-Каминский

ТРОШИН Григорий Яковлевич (30.9.1874, Елабужский у., Вятской губ. — 13.3.1938, Прага) — невропатолог, психиатр, психолог. Отец Т. был техником-помощником инженера. В 1895 Т. окончил гимназию в Казани и поступил на юридический факультет Казанского университета. Но юристом не стал, т.к. вскоре перешел на медицинский факультет и, окончив его в 1900, получил звание лекаря с отличием.

Сначала Т. служил уездным врачом в Ардатовском уезде Симбирской губернии. В ноябре 1900 переехал в Петербург и стал младшим медицинским чиновником при медицинском департаменте министерства внутренних дел. Однако работа чиновника не удовлетворяла Т., и в августе 1901 он поступил в петербургскую больницу для душевнобольных Св.Николая Чудотворца; в дальнейшем был там ординатором, заведующем отделением, главным врачом.

Еще в студенческие годы Т. увлекся невропатологией и психиатрией, которую в Казанском университете преподавал профессор Л.Даркшевич. В 1899 он выполнил свою первую научную работу, в которой, после серии экспериментов на кошках и исследования фронтальных срезов спинного мозга, изучил центростремительные связи ядер задних столбов. Об итогах исследования сделал доклад в Научных собраниях врачей клиники нервных болезней Казанского университета; по решению Совета медицинского факультета научная работа студента Т. была признана отличной и опубликована. В студенческие годы он выполнил еще ряд исследований, посвященных чувствительным и двигательным черепно-мозговым нервам, морфологическим аспектам их связи с корой головного мозга. Результаты нейроморфологических исследований, которые Т. проводил в лаборатории клиники нервных болезней профессора Даркшевича, он изложил в моно-

графии «Петля. Ее начало, окончание, состав, связи и топография» (1900).

В Петербурге Т. познакомился и подружился, несмотря на разницу в годах, с В.Бехтеревым, возглавлявшим клинику нервных и душевных болезней Военно-медицинской академии. В этой клинике Т. под руководством Бехтерева выполнил и защитил докторскую диссертацию «О сочетательных системах больших полушарий» (1903). Базируясь на экспериментальных данных и морфологических исследованиях, высказал ценные мысли об общих чертах топографии, ходе и распределении ассоциационных волокон, связывающих различные по физиологической функции участки коры головного мозга. Диссертация Т., выполненная в духе идей, характерных для школы Бехтерева, получила высокую оценку невропатологов и психиатров.

В 1904-5 Т., призванный на военную службу, был полковым врачом. Позднее по совету Бехтерева перешел на научно-педагогическую работу и был избран профессором клиники психиатрии Казанского университета; накануне 1-й мировой войны вернулся в Петербург, продолжал работать психиатром и создал по своему проекту успешно действовавшую школу-лечебницу для отсталых детей. Еще в период работы в больнице Св.Николая Чудотворца Т. заинтересовался проблемами детской психиатрии и психологии. Ряд его работ («Психология детского чтения», 1903; «Детская ненормальность за последние 100 лет», 1912; «Классификация детской ненормальности с выделением практически важных форм», 1914 и др.) был посвящен актуальным вопросам этого нового раздела психологии и психиатрии. Наиболее важным трудом Т. по детской психопатологии была его 2-томная монография «Сравнительная психология нормальных и ненормальных детей» (1915). В ней Т. впервые всесторонне проанализировал важнейшие проблемы детской психопатологии, сочетая воедино начала детской психологии и психиатрии. Монография завоевала признание общественности, а ее автор был удостоен премии им. К.Ушинского Российской Академии наук.

В круг научных интересов Т. входили многие проблемы невропатологии и психиатрии. Вместе с Л.Пуссепом он выполнил интересное исследование о казуистике одеревенелости позвоночника (1903). В годы 1-й мировой войны, работая в отделении для нервнобольных воинов одного из военных госпиталей Петрограда, Т. проанализировал (1916) весьма актуальную тогда проблему травматического невроза, высказал обоснованные суждения о диагностике и лечении военных травм нервной системы. Важным проблемам практической психоневрологии (преимущественно детской) были посвящены доклады Т. на 11-м съезде российских естествоиспытателей и врачей (1902), на 1-м Всероссийском съезде по вопросам народного образования (1913), на врачебных съездах. Будучи авторитетным ученым-психиатром, Т. проявлял постоянный интерес к физиологии нервной системы, функционированию психической сферы человека. Вместе с тем он уже тогда выступал против попыток некоторых ученых, как он писал, «неосторожно перенести целиком» данные экспериментальных наблюдений И.Павлова в область человеческих психозов. Не признавал он и фрейдизма.

После Октябрьской революции Т. возвратился в Казанский университет, где вновь стал профессором психиатрии. Продолжил он и свои научные исследования, преимущественно по проблемам детской психологии и психиатрии. Однако вскоре его научно-педагогическая деятельность была прервана: в 1922 вместе с группой ученых — *Н.Лосским, Н.Бердяевым, А.Кизеветтером* и др. — он был выслан из Советской России за границу. Из Берлина он переехал в Прагу, где вначале преподавал на кафедре судебной медицины и психиатрии Русского юридического факультета. Т. возобновил и научную деятельность, подготовив оригинальную работу «О строении психоза» (1923). Затем его пригласили на кафедру педологии Русского педагогического института им. Яна Амоса Коменского в Праге. Т. занялся также изучением умственных способностей детей российских эмигрантов. Под его руководством были проведены психотехнические обследования в двух русских гимназиях — в Моравской Тржебове и в Старых Страшницах; для этого научного проекта он специально разработал «Краткие программы для исследования умственной одаренности по антропологическому методу».

Ряд интересных работ, выполненных в эти годы, Т. посвятил психиатрии: «Строение душевных болезней» (1927), где он проанализировал соотношения между психическим заболеванием и его проявлениями и, основываясь на клинике, дал свою классификацию этим проявлениям; «Заболевания психической заразительности» (1928), где Т. вступил в область социальной психологии и дал весьма четкую картину коллективных психозов во время революций и массовых движений в Европе за тысячелетие; интересные мысли о психической наследственности высказал он в работе о менделизме в психиатрии и психологии (1924). Решив обобщить собственный опыт и результаты проведенных ранее исследований, Т. взялся за составление «Руководства по психиатрии» для студентов и врачей в 9-ти томах. Работа эта оказалась чрезвычайно сложной, заняла много лет и, к сожалению, осталась неоконченной.

В Праге, несмотря на благожелательное отношение и творческую атмосферу, Т. угнетала невозможность работать в психиатрической клинике: на прошение о приеме, хотя бы в качестве младшего врача, этот крупнейший ученый-психиатр получил отказ. Лишенный возможности заниматься клинической психиатрией, Т. обратился к психологическому анализу проблем эстетики. Эти вопросы всегда интересовали ученого, о чем свидетельствуют некоторые его ранние работы («Музыкальные эмоции», 1901; «Литературно-художественные эмоции с нормальной и патологической стороны», 1903; «Патологическое у Н.В.Гоголя», 1902 и др.). Продолжением начатого явилась чрезвычайно познавательная статья «О влиянии музыки на душевное творчество человека» (1936).

Последним научным трудом Т. стала изданная в Праге на русском языке монография «Пушкин и психология творчества» (1937), написанная к 100-летию со дня смерти великого поэта. Оригинальные суждения высказал он по поводу установленной им годичной «творческой кривой» Пушкина (пик — в октябре, значительно меньший подъем — в апреле), о «кризисах сомнений» у поэта, их психологическом анализе и др. Бесспорно интересным и новаторским был психологический анализ различных сторон художественной формы у Пушкина, проделанный Т. в связи с философией творчества поэта. В работе над этой монографией Т. во многом помогало то, что он сам был творчески одаренной личностью — обладал незаурядным литературным даром, писал стихи, был блестящим лектором.

Т. деятельно участвовал в научной жизни российского зарубежья в Праге. Его работы регулярно публиковались в трудах Русской учебной коллегии в Праге. На съездах русских ученых (Прага, 1924 и др.) он выступал с докладами по актуальным проблемам психологии и психиатрии. В Чехословакии по инициативе Т., врача и педагога С.Острогорского, психиатра *Н.Осипова*, хирурга Ф.Никишина и др. в 1923 было создано Общество русских врачей (ок. 80 чел.). Общество регулярно, раз в месяц, проводило заседания — тематика научных докладов была достаточно разнообразной, причем известное внимание уделялось медицине в Советской России. Кроме того, общество помогало своим членам в устройстве на работу, оказывало материальную поддержку. Т. был председателем общества в течение почти 12 лет (с 1927); в качестве его представителя участвовал в съездах Общеславянского союза врачей, проходивших в Варшаве, Праге, Белграде, Софии и др., а также в съездах Объединения русских врачей за границей (с центром в Париже). Т. вел бесплатный амбулаторный прием в представительстве Российского общества Красного Креста в Чехословакии, где оказывалась медицинская помощь нуждающимся русским безработным эмигрантам.

Т. пользовался в российском медицинском зарубежье заслуженным авторитетом и как ученый, и как врач, и как человек. Он всегда занимал активную жизненную позицию, говоря: «Собрать богатый запас идей и идеалов не значит еще быть годным и способным применить их на деле. Последнее дается только жизнью: она дает плоть и кровь нашим идеалам». Т. похоронен в Праге на православном Ольшанском кладбище.

Лит.: Русский врач в Чехословакии, 1938, № 4.

М.Мирский

ТРУБЕЦКОЙ Николай Сергеевич (16.4.1890, Москва — 25.6.1938, Вена) — лингвист, философ, культуролог. Древняя княжеская фамилия Трубецких восходит к роду Гедиминовичей, среди предков Т. — декабрист Сергей Петрович Т., его дядя — известный философ и богослов Евгений Николаевич Т. Отец, Сергей Николаевич Т. — профессор Московского университета, недолгое время его ректор. Обстановка в семье благоприятствовала раннему и всестороннему развитию мальчика. Еще 13-летним гимназистом Т. начал регулярно посещать заседания этнографического отдела Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Председатель общества В.Миллер (крупнейший фольклорист, иранист, директор Лазаревского института восточных языков), известный археолог С.Кузнецов, изучавший ареал поволжских финнов, оказали большое влияние на формирование научных интересов Т., обратившегося к изучению финно-угорского фольклора и соответствующих языков. В 1905 в «Этнографическом обозрении» (т. 17, № 2-3) появилась первая публикация Т. — «Финская песнь «Kulto neito» как переживание языческого обычая». За ней последовало еще несколько публикаций по финно-угорской и северо-кавказской фольклористике. Занятия в этой области, по признанию самого ученого, способствовали пробуждению в нем серьезного интереса к теоретическому языкознанию. В 1907 Т. приступил к изучению палеоазиатских языков Восточной Сибири и кавказских языков. По совету Кузнецова он начал собирать сведения о камчадальском (ительменском) языке, составил словарь и краткий грамматический очерк языка. Потребность в расширении материала побу-

дила его обратиться за консультацией к Иохельсону, Богоразу, Штернбергу — трем ученым-народовольцам, специалистам по палеоазиатским языкам, которые сперва отбывали ссылку на Дальнем Севере, а позже приобрели глубокие познания в специальных экспедициях. Когда Богораз приехал в Москву и нанес визит своему корреспонденту, то был поражен, встретив гимназиста.

Будучи уже автором трех публикаций, Т. экстерном в 1908 окончил 5-ю мужскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Сначала он посещал занятия по циклу философско-психологического отделения, а потом по отделению западноевропейских литератур; продолжал заниматься в миллеровском этнографическом обществе. Стремясь овладеть фундаментальными филологическими знаниями в области древних языков и точными методами лингвистического анализа, перешел после 3-го семестра, в 1910, на только что созданное отделение сравнительного языковедения, где первоначально обучалось 12 человек. Кроме греческого, латинского, старославянского, студенты углубленно изучали готский, литовский, авестийский языки и санскрит, обучались приемам сравнительно-исторического и этимологического анализа. В 1911 часть летних каникул Т. провел в имении В.Миллера на Кавказском побережье Черного моря; активно собирал материалы по черкесскому языку. Весной 1913 прочел три лекции для участников съезда естествоиспытателей, географов и этнографов в Тифлисе. В 1912 состоялся первый и единственный выпуск отделения сравнительного языковедения; его смогли закончить только двое — М.Петерсон и Т., подготовивший работу «Образование будущего времени в главнейших индоевропейских языках». Оба выпускника были оставлены при университете для магистерской подготовки. В конце 1913 Т. стажировался в Лейпцигском университете — одном из главных центров тогдашней индоевропеистики. В Россию возвратился незадолго до начала 1-й мировой войны. В течение 1914-15 Т. готовился к доцентуре. В 1915 он стал приват-доцентом Московского университета; проводил со студентами занятия по сравнительному языкознанию и санскриту. В 1915 Т. выступил на заседании Московской диалектологической комиссии, возглавлявшейся Д.Ушаковым, с докладом, посвященным критическому разбору книги А.Шахматова «Очерк древнейшего периода истории русского языка». По признанию Т., доклад, раскрывавший несовершенство и дефекты метода реконструкции языка, унаследованного школой Ф.Фортунатова, произвел эффект разорвавшейся бомбы, поскольку до того все московские лингвисты принимали методологические принципы этой школы безоговорочно. Т. сделал своей задачей поиск иного метода.

Летом 1917 Т. отправился с научными целями на Кавказ, но вскоре оказался странником, гонимым обстоятельствами. В марте 1918 попал в Баку, болел тифом. Потом — Кисловодск и Ростов, где в местном университете он был доцентом и занимал кафедру сравнительного языковедения. Еще в Кисловодске Т. начал писать диссертацию «Опыт праистории славянских языков» и, невзирая на скудость библиотеки Ростовского университета, продолжал работать над сравнительной грамматикой языков Северного Кавказа. Обе рукописи были оставлены на хранение в Ростовском университете при эвакуации в Константинополь в декабре 1919 (их дальнейшая судьба неизвестна). Удалось вывезти только несколько тетрадок с заметками; в эмиграции Т. вел работу по восстановлению утраченного.

В 1920 Т. оказался в Софии и возобновил свою преподавательскую и научную деятельность. Воспользовавшись рекомендацией болгарского историка И.Шишманова, когда-то подарившего свою книгу 15-летнему Т. с посвящением: «Будущему историку древних болгар», он был принят доцентом в Софийский университет на вновь созданную кафедру сравнительного языкознания. Основной курс Т. — «Введение в сравнительное языкознание с особым вниманием к главнейшим индоевропейским языкам» — собрал всего трех слушателей. Одно время он подумывал о переезде в Прагу, однако сознавал, что, не имея научной степени и печатных трудов по специальности, ему будет трудно устроиться на новом месте. Т. решил побольше писать и печатать. Работал он много; в Софии написал 10 работ по лингвистике и истории культуры. Постепенно расширил сферу научной деятельности, особо сосредоточившись на проблемах философии истории. Свои изыскания Т. обобщил в книге «Европа и Человечество» (София, 1920), вызвавшей много откликов в зарубежье и, по существу, положившей начало евразийству. Эта работа была задумана Т. еще в 1909-10 как первая часть трилогии, носящей название «Оправдание национализма».

Все последующие годы он принимал активное участие в деятельности евразийского движения, публикуясь в сборниках «Исход к Востоку» (София, 1921), «На путях» (София, 1922), «Россия и латинство» (Берлин, 1923); в «Евразийских временниках» и «Евразийских хрониках», «Верстах». В 1925 в Берлине была опубликована его работа «Наследие Чингисхана. Взгляд на российскую историю не с Запада, а с Востока» (предназначенную для распростра-

нения в СССР), а в 1927 в Париже — «К проблемам русского самопознания».

Концепция Т. основывалась на мультилинейной схеме исторического развития. В противовес традиционной характеристике прогресса как поступательного движения вперед Т. трактовал прогресс как реализацию разнообразных возможностей, заложенных в различных культурах. Он ввел новый принцип — качественной несоизмеримости культур, настаивал на отказе как от «эгоцентризма» одного народа, одной культуры, так и от общечеловеческой культуры, одинаковой для всех народов. Особое значение придавал «органическому», спонтанному развитию национальной культуры, исходя из ее собственных начал, не допуская сильного влияния со стороны других цивилизаций или критически его осваивая. Воздействие европейской цивилизации, стремящейся во всем мире нивелировать индивидуальные национальные различия, сыграло для России, по мнению Т., роковую роль: способствовало превращению страны в милитаристскую и крепостническую, а позднее привело к становлению большевизма. Идеологическая дорога Европы, утверждал Т., «пройдена до конца» и привела в тупик; русские должны отказаться от европейских форм политического мышления, перестать верить в возможности идеального законодательства, автоматически гарантирующего всеобщее благополучие. В работе «Вавилонская башня и смешение языков» Т. писал, что наиболее жизнеспособной является культура отдельного «национального организма»; из национальных культур составляется «радужная сеть», единая и гармоничная в силу непрерывности и в то же время бесконечно многообразная в силу своей дифференцированности.

Т. выдвинул идею идеократии в статье «О государственном строе и форме правления» (Евразийская хроника, 1927, вып. 8), которую *П.Савицкий* рекомендовал всякому, кто хотел основательно ознакомиться с евразийством. В ней утверждалось, что евразийская культура создает особый тип государства, основанного на сильной власти, близко стоящей к народу.

С конца 1922 Т. жил в Вене, преподавал в Венском университете, на кафедре славистики, которую вскоре возглавил. В университете он подготовил и прочел около 100 курсов по славянским языкам и литературам. И хотя с 1924 им было написано и опубликовано 111 книг, статей, рецензий (полная библиография его работ содержит 171 название), все же Т. предпочитал живое общение с коллегами и студентами. Он посещал Семинар им. *Н.Кондакова* (Прага), Пражский лингвистический кружок, который стараниями Т. сделался центром мировой фонологии. Во многом благодаря организаторскому таланту Т. стало возможным проведение 1-го международного конгресса лингвистов в Гааге (1928) и 1-го международного съезда славистов в Праге (1929); Т. подбирал участников, занимался выработкой платформы. Его доклады были заслушаны на 3-м (Рим, 1933) и 4-м (Копенгаген, 1936) конгрессах лингвистов.

К концу 1920-х Т. уже считался одним из ведущих специалистов по языковедению. Основы фонологического учения Т. широко излагались на чешском и украинском языках; библиографические обзоры литературы по языковедению завели особый отдел для работ «школы» Т. В Будапеште даже появилась специальная кафедра фонологии. В 1930 Т. был избран членом Венской академии, а в 1933 — почетным членом Финно-угорского общества.

Во многих областях науки труды Т. являлись пионерскими. Он первым обратился к проблемам лингвистической географии; первым в истории славистики предложил в 1921 периодизацию общеславянской праязыковой истории, разделив ее на 4 периода. Многие положения, выдвинутые им при рассмотрении праславянского и славянских языков, могут быть использованы и при изучении других языковых семей. Он находил общие линии эволюции языка, постоянно учитывал географический фактор и воздействие экологии, что в то время было ново для гуманитарных наук. Т. размышлял над будущим языков, с большим вниманием относился к проблеме искусственного международного языка. Т. обладал редким даром глубоких научных обобщений на фоне совершенно необычных постановок конкретных вопросов. А.Мейе заявил на 1-м международном конгрессе языковедов, что Т. является «сильнейшей головой современного языкознания».

Т. умер вскоре после вторжения гитлеровцев в Австрию. Германский фашизм не простил Т. его непримиримости к насилию над культурой, над народами, его выступлений против пропаганды идей расизма. Тяжелобольной, Т. находился в больнице, когда гестапо устроило обыск в его кабинете. Значительная часть рукописей, в том числе и неоконченный «Опыт предыстории славянских языков», при обыске была изъята, а в дальнейшем потеряна или уничтожена. Уже посмертно появились на немецком языке его «Grundzüge der Phonology» (1939). Этот труд завоевал себе широкое признание как классический, проложивший новые пути в науке о языке (несколько раз изд. на нем., франц., а также на англ., япон., итал., исп., польск. и рус. яз.). Хотя смерть помешала автору дописать заключительные страницы рукописи и завершить ее подготовку к печати, общий замысел книги получил в ней полное и после-

довательное осуществление, завершив длительный этап теоретической разработки фонологии.

В 1973 в Венском университете была установлена мемориальная доска в честь русского профессора. Идеи Т. повлияли на становление московской фонологической школы. На родине статьи Т. впервые появились в журнале «Вопросы языкознания» (1958, 1959). В 1960 вышли «Основы фонологии», а в 1987 — «Избранные труды по филологии» с детальным обзором научной деятельности ученого. В 1990-е стали активно печататься его труды, излагающие евразийскую концепцию. Без богатого духовного наследия Т. невозможно представить современную филологию, отечественное славяноведение, теоретическое языкознание, философию языка, историю мировой культуры.

Лит: Николай Сергеевич Трубецкой (к 100-летию со дня рождения) // Вест. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1990, № 3; Топоров В.Н. Николай Сергеевич Трубецкой — ученый, мыслитель, человек (к столетию со дня рождения) // Сов. славяноведение. 1990, № 6; 1991, № 1.

З.Бочарова

ТРУБЕЦКОЙ Павел Петрович (Паоло) (15.2.1866, Интра, Италия — 12.2.1938, Палланца, Италия) — скульптор. Отец — из старинного княжеского рода. Мать — американка, пианистка Ада Винанс. Семья была тесно связана с художественными кругами Милана. Брат Т. — Пьеро, стал живописцем, портретистом высшего общества Лондона и Нью-Йорка. Т. рано обнаружил интерес к лепке; систематического художественного образования не получил, но его одаренность, тем не менее, позволила ему с легкостью овладеть необходимыми техническими навыками под наблюдением художника Дж.Гранди и в мастерских мраморщиков Д.Баркальи и Э.Баццаро. В 1886 на выставке в Брера восторженные отклики вызвала скульптура Т. «Лошадь». В том же году состоялась первая персональная выставка Т. в США: часть работ приобрел музей в Сан-Франциско. Разорение семьи заставило Т. избрать искусство главным занятием. Выступал сначала как скульптор-анималист, лепил с натуры животных. До конца дней он был несравненным «физиономистом» и «портретистом» представителей животного мира (исключая хищников, т.к. был вегетарианцем и членом многочисленных обществ защиты животных).

Десятилетие с 1886 по 1897 было трудным периодом в жизни Т. — он постоянно менял место жительства. Много трудился, не позволяя себе никаких перерывов. С появлением все новых и новых работ крепло мастерство. Т. ощутил в себе силы перейти к портрету. Среди исполненных в те годы портретных изображений выделялись портреты Дж.Сегантини (1897), статуэтка «Сидящая дама. Госпожа Хернхеймер» (1897). В 1890 он получил 1-ю премию в конкурсе на создание конного монумента Гарибальди в Милане; проектировал памятник Данте для Тренто (1891); в Палланце по проекту Т. был установлен памятник сенатору К.Кадорна. Пластический стиль Т. получил название скульптурного импрессионизма (внимание к натуре, убедительная передача острого впечатления, свободная, раскованная манера лепки, светоносная фактура). Наряду с итальянским скульптором М.Россо Т. принадлежал к ведущим мастерам этого стиля. Подобно О.Родену, Т. ввел в скульптуру современность.

В России Т. впервые побывал в 1883 у своих родственников, в 1897 переехал в Петербург. Это был уже зрелый мастер, хорошо известный в художественных кругах. Его скульптура, показанная в рамках выставки итальянских художников в российской столице, произвела фурор. Пытался преподавать (с 1898) в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, но неудачно: человек немногословный, по-русски говорящий с затруднениями, к тому же автодидакт, органически не способный выработать какой бы то ни было систематический подход к овладению скульптурным мастерством, Т. оказался чужд традиционным приемам педагогики. Он требовал от учеников лепки «из нутра», с обязательной передачей эффекта мгновенного впечатления, полученного от натуры. Ни о какой композиционной продуманности в расположении объемных масс и речи не шло; преподаватель, не вдаваясь в пояснения, собственноручно исправлял работу ученика. В конце концов из 60 записавшихся в мастерскую через два года осталось 2 человека. Вместе с тем новая пластическая форма, проповедуемая Т., была с большим воодушевлением воспринята русскими художниками; школой для них стали произведения маэстро, появлявшиеся на выставках. Они учились у Т. вниманию к натуре, динамике объемов, любви к «большим массам», «дышащей» фактуре со свободными темпераментными мазками.

Т. активно сблизился с деятелями «Мира искусства», которые горячо пропагандировали его произведения. После того, как итальянские власти отказали ему в праве демонстрировать работы в итальянском павильоне на Всемирной выставке в Париже (1900), Т. выставил их в русском отделе, получив награду. В России творческие достижения мастера были весьма значительны. Он исполнил около 50 станковых произведений: доминировали среди них портреты, анималистическая скульптура, бытовой

жанр. В малой статуарной пластике Т. наиболее полно проявилось лирическое начало его творчества, умение придавать своим миниатюрам психологическую глубину, одухотворенность. Его любимыми материалами были пластилин и воск, позволявшие мгновенно фиксировать все изменения, происходившие в натуре. Малая пластика носила следы эскизной легкости и свободы, и вместе с тем она обладала способностью выдержать большие увеличения. Текучесть и живописность лепки, ее богатейшая светотеневая фактура отлично закреплялись в бронзовых отливках. Жанровость и портретность в соединении с характерностью, специфической выразительностью стали определяющими чертами искусства Т.

Как и в Италии, моделями Т. были преимущественно близкие ему по духу художники, общественные деятели, представители высшей аристократии. Событиями в художественной жизни России стали портреты Л.Толстого (1899), *Ф.Шаляпина* (1899-1900), С.Витте (1901), С.Боткина (1906); жанровые и групповые композиции — «Московский извозчик» (1898), «Л.Н.Толстой на лошади» (1900), «Мать с сыном» (1901), «Девочка с собакой. Друзья» (1901) и др. Вершиной в творческом развитии Т. явилась работа над памятником Александру III. Она доказала, что его дарованию, наряду с малой камерной пластикой, в равной мере была подвластна и монументальная скульптура. Выиграв заказ в конкурсе на памятник (1900), Т. лепил глиняную модель в натуральную величину в специально построенном павильоне у Александро-Невской лавры. Требовательность к себе была столь велика, что несколько раз он разбивал совсем готовую статую. Модель окончательно была завершена в 1906. Открытие памятника на Знаменской площади в Петербурге произошло в мае 1909 в его отсутствие. Лаконизм очертаний тяжелой фигуры застывшего гиганта на коне вызывал ощущение подавляющей грозной силы. Великолепная архитектоника монумента и гармоническое распределение масс сделали памятник выдающимся произведением искусства и вместе с тем придали ему многозначное общественное звучание. Правое крыло русского общества вначале одобрительно восприняло тяжеловесную силу памятника; демократические же круги сочли его сатирой («неповоротливый самодержавный городовой на ломовой кобыле»), в итоге правые стали требовать его снятия (после Октябрьской революции памятник был перемещен во внутренний двор Русского музея). Памятник Александру III воплотил существенный поворот в сфере монументального пластического мышления. Концентрация образа, широта возможных интерпретаций делали монумент «памятником идее», произведением высокой художественной силы.

Последняя работа Т., связанная с Россией, — присланный им из Парижа скульптурный бюст председателя 1-й Государственной думы С.Муромцева (1912, бронза, кладбище московского крематория). С 1906 Т. лишь наездами бывал в России, но его произведения появлялись на отечественных выставках вплоть до начала 1-й мировой войны.

В Париже, где он жил до 1914, известность приобрели созданные им портретные миниатюры О.Родена, А.Франса, Б.Шоу, Г.Д'Аннунцио; тогда же Т. впервые обратился к жанру ню. В 1912 галерея Уффици заказала ему автопортрет. Имела успех его выставка в США (1911), куда Т. переехал в 1914 и где жил вплоть до 1920. В Америке Т. продолжал работать в области портретной и анималистической пластики, главным источником дохода были для него многочисленные статуэтки экзотически-романтического плана — пешие и конные ковбои, индейцы, кроме того, Т. исполнил модели для памятников Данте в Сан-Франциско и генерала Харрисона Грай Отиса в Лос-Анджелесе (1920). Дом Т. в Голливуде посещали многие знаменитости — Энрико Карузо, Мэри Пикфорд, Дуглас Фербенкс и др.

В 1921 Т. вернулся в Париж; на лето выезжал с семьей в Палланцу, где окончательно поселился в 1932 на вилле Кабианко. Совершил ряд поездок в связи с проведением своих выставок — в Александрию и Каир, в Бергамо и Сальсомаджоре. В последний период жизни Т., не прерывая занятий малой пластикой, снова обратился к монументальной скульптуре: монумент солдатам, павшим в 1-ю мировую войну, в Палланце; памятник Дж.Пуччини перед домом-музеем в Торре дель Лаго и статуя Пуччини для миланского театра «La Scala». В доме Т. в Палланце расположен мемориальный музей, сосредоточивший большую коллекцию его работ.

Лит.: Giolli Rafaello. Paolo Trubetzkoy. Milano, 1913; Турчин В.С. Паоло Трубецкой / Советская скульптура-76. М., 1978.

А.Шатских

ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС Ариадна Владимировна (14.11.1869, Петербург — 12.1.1962, Вашингтон) — писатель, журналист, политический деятель. Дочь мирового судьи Владимира Алексеевича Т., действительного статского советника, происходившего из древнего новгородского рода, упоминаемого в летописях XIV в. Один из братьев отца, Владимир Дмитриевич Т., во время 1-й мировой войны был произведен в

адмиралы. Мать Т. была дочерью офицера. Детство Т. провела в родовом имении Вергеж под Новгородом (от его названия она образовала впоследствии один из своих псевдонимов — А.Вергежский). С 7 лет свободно читала по-французски, тогда же родители определили ее в петербургскую частную гимназию А.Оболенской, где ее подругами были Н.Крупская, Л.Давыдова — дочь директора Петербургской консерватории, впоследствии жена М.Туган-Барановского, Н.Герд — будущая жена *П.Струве*, В.Черткова — дочь приближенного императора Александра II. На судьбу Т. оказало большое влияние участие ее брата Аркадия в подготовке убийства Александра II 1.3.1881, за что он был сослан в Сибирь, где провел 20 лет. Экзамены за гимназический курс ей пришлось сдавать экстерном, после чего она поступила на математическое отделение Высших женских курсов, но проучилась лишь год. В это же время стала заниматься литературными переводами (первый перевод — «Дети капитана Гранта» Жюля Верна).

В ноябре 1890 вышла замуж за А.Бормана — инженера-кораблестроителя из петербургской немецкой купеческой семьи. Через 7 лет рассталась с ним, оставшись с двумя малолетними детьми. С середины 90-х сотрудничала в газетах («Северный край», «Русские ведомости», «Русь» и др.). *М.Добужинский* вспоминал, как на собраниях конца 90-х «с судейскими людьми, литераторами, журналистами и артистами» встречал Т. — «необыкновенно красивую женщину с огненными глазами и горячей речью». Тогда же она сблизилась с земско-либеральными кругами; решающее влияние на ее общественные убеждения оказал известный земский деятель, конституционалист, князь Д.Шаховской. Вместе с ним Т. дважды посетила Ясную Поляну, где беседовала с Л.Толстым.

Осенью 1903 была арестована на станции Белоостров при попытке провоза из Финляндии либерального оппозиционного журнала «Освобождение», издававшегося в Штутгарте (Германия). В апреле 1904 осуждена на 2,5 года тюрьмы с лишением прав. Освобожденная под залог по болезни, решила бежать за границу. Перейдя финляндскую границу, направилась через Швецию в Штутгарт, встречалась с Лениным и Крупской в Женеве, с П.Струве — в Париже. В Штутгарте познакомилась с близким «Освобождению» английским журналистом, корреспондентом «The Times» и др. газет Гарольдом В.Вильямсом, который в 1906 стал ее 2-м мужем.

Возвратившись в Россию после политической амнистии октября 1905, включилась в организацию конституционно-демократической партии. Принадлежала к правому ее крылу. В апреле 1906 по предложению Шаховского избрана в ЦК партии (до марта 1917 — единственная женщина в составе ЦК). На эти годы приходится наиболее плодотворный период ее публицистической и писательской деятельности. Блестящие статьи Т.-В. привлекали внимание столичных газет: она много выступала в кадетской газете «Речь», в крупнейшей либеральной газете «Русские ведомости». В газетах «Биржевые ведомости» и «Слово» освещала работу Государственной думы. Рассказы и романы Т.-В. («Жизненный путь», «Ночью») печатались в журналах «Вестник Европы», «Русская мысль», «Нива»; выходили отдельными изданиями. Прожив около года в Константинополе (1911-12) с Г.Вильямсом, издала вместе с ним сборник корреспонденций «Старая Турция и младотурки» (впоследствии источник сведений о Турции для советских дипломатов). Активная участница феминистского движения. В 1912-13 редактировала орган правых кадетов, газету «Русская молва» (это был первый случай, когда редактором ежедневной столичной газеты становилась женщина). В период 1-й мировой войны работала во Всероссийском союзе городов, создавала санитарные отряды, выезжала в прифронтовые районы.

После Февральской революции Т.-В. — член продовольственного комитета, созданного Временным комитетом Государственной думы, член Петроградского комитета кадетской партии, руководитель бюро печати. Уже с апреля 1917 отмечала, что в партии «есть генералы и нет солдат». Летом 1917 избрана по списку кадетов в Петроградскую городскую думу, лидер кадетской фракции Думы, в августе входила в делегацию Думы на Государственном совещании в Москве, после которого пришла к выводу, что военная диктатура — «последний шанс, чтобы спасти положение». В сентябре была делегирована партией во Временный Совет Республики (Предпарламент). Выдвигалась кандидатом в Учредительное собрание, но, как писала впоследствии, «никакому парламентскому пути не верила». В конце 1917 участвовала в борьбе с большевистским режимом, выпуская газету «Борьба» и обеспечивая отправку офицеров на юг России.

В марте 1918 уехала вместе с мужем и дочерью через Мурманск в Англию. По приезде Т.-В. и Г.Вильямс, считавшийся виднейшим экспертом по России, были приняты премьер-министром Д.Ллойд Джорджем и др. английскими политическими деятелями. С осени 1918 статьи Т.-В. регулярно публиковались в американской газете «The Christian Science Monitor». Весной 1919 она выпустила первую свою книгу на английском языке — «От свободы к Брест-Литовску». По отношению к большевист-

ской власти Т.-В. занимала неизменно непримиримую позицию. Была одним из инициаторов воззвания группы русских эмигрантских деятелей к президенту США с просьбой о спасении России путем интервенции. Участвовала в создании в начале 1919 в Лондоне вместе с *М.Ростовцёвым*, Струве и др. эмигрантами, а также английскими общественными деятелями Комитета освобождения России. В июле 1919 вернулась с мужем в Россию, работала в отделе пропаганды при правительстве генерала *Деникина*. Смысл своей деятельности видела в том, чтобы поддерживать армию, отодвинув на второй план демократическую программу, поскольку «универсальность идеи западной демократии — обман», а русский народ — «дикий зверь».

После поражения Деникина — вновь в Лондоне, основала и на протяжении 20 лет возглавляла Общество помощи русским беженцам. Резко разошлась с лидером кадетов *П.Милюковым* в связи с выдвинутой им «новой тактикой» в отношении Советской России. Однако главным делом ее жизни оставалось литературное творчество. Написала на английском языке вместе с мужем роман из времен русской революции. В 1929 в Париже был опубликован 1-й том книги «Жизнь Пушкина», в 1948 — 2-й том. «Оба тома, — вспоминала Т.-В., — я писала в Лондоне и оба тома печатаю в Париже. Это не мешало мне во время работы мысленно жить в тогдашней пушкинской России. Самый факт пушкинского юбилея, как он был отпразднован в России и за границею, русскими и иностранцами, зто один из немногих солнечных лучей в затемненных сумерках русской и мировой жизни». Печаталась в журнале «Возрождение» и в др. эмигрантских изданиях, в газете «The Times». После смерти Г.Вильямса написала о нем книгу, изданную в Лондоне в 1935. Во время 2-й мировой войны жила в Гренобле (Франция). В последние годы жизни принимала активное участие в церковно-общественной деятельности. Обладала особым даром общения с людьми вне зависимости от их социального происхождения. Всю жизнь, вспоминают близкие, к ней шли за советом и поддержкой. В 1951 переехала к сыну в США. Автор трехтомных воспоминаний.

Соч.: Cheerful Giver: The Life of Harold Williams. London, 1935; На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952; Лондон, 1990; То, чего больше не будет. Париж, 1954; Петроградский дневник (публ. М.Ю.Сорокиной) / Звенья, вып. 2. М.-СПб., 1992.

Лит.: Ракитин А. Жизнь Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс // Возрождение, 1962, № 123; Борман А.А. А.В.Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Вашингтон-Лувэн, 1964; Его же. Москва — 1918: Из записок секретного агента в Кремле / Рус. прошлое, кн. 1. Л., 1991; А.В.Тыркова-Вильямс // НЖ, 1970, № 98.

М.Гавлин

ТЭФФИ Надежда Александровна (урожд. Лохвицкая, в замужестве Бучинская) (27.4.1872, Петербург [по др. св. Волынская губ.] — 6.10.1952, Париж) — прозаик, поэтесса, драматург. Из родовитой дворянской семьи. Дед по отцу — философ и литератор, друг М.Сперанского. Отец — А.В.Лохвицкий — адвокат, профессор криминалистики, издатель и редатор «Судебного вестника». Мать (урожд. де Уайе), француженка по происхождению; хорошо знала европейскую литературу, увлекалась поэзией. Старшая сестра Т. — поэтесса Мирра Лохвицкая, которую *И.Бунин* называл «русской Сафо». Закончила петербургскую гимназию на Литейном проспекте. С детства писала стихи, но сестры, по шутливому признанию младшей — Елены, «уговорились... не мешать Мирре, и только когда она станет знаменитой и, наконец, умрет, мы будем иметь право печатать свои произведения». Стихотворение Т. «Песенка Маргариты» было отвергнуто редактором «Осколков» Н.Лейкиным, но впоследствии она напечатала его «в разных изданиях не меньше 4 раз». Вышла замуж за юриста Владислава Бучинского, разошлась с ним в 1900, после рождения второй дочери.

Первая публикация — в журнале «Север» (1901, № 35); под псевдонимом «Тэффи» впервые выступила в журнале «Театр и искусство» (1901, № 51), но стихотворения 1902-3 подписывала фамилией «Н.Бучинская». В 1903-4 публиковала фельетоны в стихах и в прозе в газетах «Биржевые ведомости» и «Русь», помогая, по ее словам, бичевать «отцов города, питавшихся от общественного пирога». В эти годы вошла в круг виднейших писателей и поэтов (И.Бунин, *А.Куприн*, Ф.Сологуб, *Вяч.Иванов*, *А.Ремизов* и др). Басня «Лелянов и канал», опубликованная в «Биржевых ведомостях», привлекла внимание Николая II, который стал поклонником ее творчества.

С энтузиазмом поддавшись революционным настроениям, сотрудничала в большевистской легальной газете «Новая жизнь» (окт.-дек. 1905): очерк «18 октября» о последствиях дарованных «свобод»; отмеченное В.Лениным стихотворение «Пчелки»; басня «Патроны и Патрон», омонимическая игра слов которой сразу же стала излюбленной шуткой свободолюбивого Петербурга; фельетон «Новые партии». Публиковалась в оппозиционных сатирических журналах «Сигнал», «Сигналы», «Зарницы», «Красный смех», «Понедельник», «Серый волк». В 1910 вышли стихотворный сборник Т. «Семь огней» и 2 тома «Юмористических рассказов», неоднократно позже переиздаваемых, затем сборники «И стало так» (1912), «Карусель» (1913), «Восемь миниатюр» (1913), «Дым без огня» (1914), «Миниатюры и моноло-

ги» (1915), «Житье-бытье» (1916), «Неживой зверь» (1916) и др. Книга стихотворений была воспринята неоднозначно (В.Брюсов разглядел в ней следы заимствований, подражательность, Н.Гумилев же хвалил именно «литературность в лучшем смысле этого слова»), но в оценке юмористических рассказов расхождений не было. В дореволюционной России Т. принадлежала к числу самых печатаемых авторов. По свидетельству *И.Одоевцевой*, Т. «восхищались буквально все, начиная от почтово-телеграфных чиновников... до императора Николая II», что отчасти объяснялось разнообразием ее рассказов: в первых сборниках бытовой юмор сочетался с политической сатирой, пронзительные миниатюры о жалких и нелепых человечках соседствовали с проходными газетными фельетонами. Как постоянный автор журнала «Сатирикон» — с 1-го номера (апр. 1908), в котором был напечатан ее рассказ «Из дневника заточенного генерала», до реорганизации в 1913 в «Новый Сатирикон» и, наконец, до закрытия (авг. 1918) — Т. способствовала всероссийской славе этого журнала, открывшего новую эру в истории русского юмора. Написала несколько пьес («Наказанный зверь», 1914; «Сатир Кукин», 1915; «Шарманка сатаны», 1916).

В конце 1918 вместе с *А.Аверченко* уехала на гастроли в Киев. Отъезд ее в 1920 за границу объясняет одно из эссе Т., опубликованное в одесском журнале «Грядущий день» (1919, № 1): «Увиденная утром струйка крови у ворот комиссариата... перерезывает дорогу жизни навсегда. Перешагнуть через нее нельзя. Идти дальше нельзя. Можно повернуться и бежать». Через Константинополь направилась в Париж; книга Т. «Городок» явилась, по определению *Дона Аминадо*, настоящей летописью, «по которой можно безошибочно восстановить беженскую эпопею».

Т. оставалась любимицей всего русского зарубежья. Первые сборники в эмиграции — «Восток» (Шанхай, 1920), «Тихая заводь» (Париж, 1921), «Черный ирис» (Стокгольм, 1921) и др. Публиковалась в газетах «Последние новости», «Общее дело», «Возрождение», «Руль», «Сегодня», в журналах «Грядущая Россия», «Современные записки», «Жар-птица», «Перезвоны», «Иллюстрированная Россия», «Звено», «Русский инвалид» и др. Участвовала в литературных, художественных вечерах, в сборах средств нуждающимся писателям, была заместителем президента Союза русских театральных деятелей и киноработников. Блестящее остроумие, непринужденность, светскость Т. делали ее желанным украшением любого вечера. В 1922 она получила свой последний российский паспорт, но все еще верила, что сможет вернуться; однако бодрость сменилась к концу 20-х натужной иронией (одно из объявлений 1929: «Н.А.Тэффи расскажет о счастливой, вызывающей всеобщую зависть, жизни русской эмиграции»).

Мучительная разлука с родиной и ухудшающееся состояние здоровья стали причиной эмоционального кризиса в творчестве Т. Все чаще грустные ноты проскальзывали в ее рассказах, все отчетливее звучал ностальгический мотив. Творческую манеру Т. всегда отличало удивительное сопряжение серьезного и комического, трагедии и анекдота. Публика любила ее смеющейся. «Смейся! — говорили мне читатели. «Смейся!» Это принесет нам деньги», — говорили мои издатели... — и я смеялась». «Что поделаешь! Больше нравятся мои юмористические рассказы: нужно считаться с требованиями общего вкуса». Однако в сборниках рассказов «Рысь» (Берлин, 1923) и «Городок» зазвучал голос иной Т., горестная жизнь соотечественников в эмиграции вырвала из ее сердца скорбное признание: «Боялись смерти большевистской — и умерли смертью здесь... Вянет душа — душа, обращенная на восток. Думаем только о том, что теперь т а м. Интересуемся только тем, что приходит оттуда» («Ностальгия»). Эмигрантскую жизнь Т. называла «загробной», «жизнью над бездной».

Побудительный мотив творчества Т. — любовь. В «Авантюрном романе» (1932) она говорит о «самом горьком и самом подвижническом» ее лике — материнской любви. «В форму, создаваемую ею, свободно вливаются и отъявленные негодяи — их остро жаль, как заблудших, и люди глупые — глупость умиляет, и ничтожные — ничтожные особенно любимы потому, что жалки и беспомощны, как дети». Провозглашая «благословение Божьей десницы» равно над праведниками и грешниками, Т. говорит о «едином хаосе» добра и зла, не тщась разделить их. Ее цель на этой земле — «свечою малой озарить великую Божью тьму». Этими христианскими истинами пронизан поэтический сборник «Passiflora» (1923). 30-е отмечены появлением наиболее сильных произведений Т.: сборники рассказов «Книга Июнь» (Белград, 1931), «О нежности» (Париж, 1938) и «Зигзаг» (Париж, 1939), «Воспоминания» (1931) и «Авантюрный роман», в которых Т. предстает разными гранями своего таланта: она неисчерпаема в обрисовке детских характеров, много пишет о нелепом и странном эмигрантском быте, разглядев в замученных жизнью эмигрантах то детское, что в них уцелело, являет способности мемуаристки, предстает автором занимательного детективного романа, пишет пьесы, критические статьи, сценарии фильмов, песни, оперетту, описания путешествий. Особняком

стоит книга «Ведьма» (Париж, 1936), сама Т. признавала ее наиболее удачной: «В этой книге наши древние славянские боги, как они живут еще в народной душе, в преданиях, суевериях, обычаях. Все, как встречалось мне в русской провинции, в детстве... Эту книгу очень хвалили Бунин, Куприн и Мережковский, хвалили в смысле отличного языка и художественности. Я, между прочим, горжусь своим языком, который наша критика мало отмечала, выделяя «очень комплиментарно» малоценное в моих произведениях». По выражению М.Зощенко, Т. владела «тайной смеющихся слов».

При всей кажущейся легкости соскальзываемых с ее пера острот Т. не любила, когда ее считали юмористкой. «Анекдоты, — говорила она, — смешны, когда их рассказывают. А когда их переживают, это трагедия». Лучшие ее рассказы — анекдоты-трагедии, или анекдоты глазами их действующих лиц, она продолжала традиции Гоголя и Достоевского с их вниманием к беспомощности «маленького человека». Не случайно потому главные герои Т. — дети и животные. Пронзительны, психологически необычайно точны ее рассказы о детях — мечтателях и врунах, застенчивых и неловких, одиноких, не очень-то счастливых, скрывающихся от холодной действительности в теплом мире фантазии. В «страну Нигде» (название одного из рассказов Т.) уходят и ее взрослые герои, «игра скрашивает любые невзгоды». Горячий отклик вызывали ее рассказы о животных, среди которых она тоже видела любовь и нежность.

Тема любви с особой силой звучит в последних книгах Т.: «Все о любви» (Париж, 1946), «Земная радуга» (1952). «Нежность, — писала она, — самый кроткий, робкий, божественный лик любви. Сестра нежности — жалость, и они всегда вместе... Любовь-нежность (жалость) — все отдает и нет ей предела. И никогда она на себя не оглянется, потому что «не ищет своего». В Париже судьба свела Т. с П.Тикстоном, с которым они прожили вместе до самой его кончины. Брак не регистрировали, поскольку оба были уже немолоды, имели в прошлом семьи. Знакомая Тэффи В.Васютинская вспоминала: «За стеной ее рабочего кабинета медленно угасал тяжело больной, день и ночь нуждавшийся в ее присутствии, заботах и уходе. И она годами окружала его своей нежностью, бдела над ним неотступно и ... писала развлекающие читателей веселые рассказы».

Состояние здоровья не позволило Т. покинуть Париж в 1940, когда Францию оккупировали немецкие войска. Связь с дочерьми прервалась (Валерия работала в польской миссии в Лондоне, Елена — театральная актриса, осталась в Варшаве). Имя Т. впервые надолго исчезло с газетных и журнальных страниц. В 1943 нью-йоркский «Новый журнал» ошибочно поместил посвященный ее памяти некролог. Незадолго до кончины она говорила: «Принадлежу я к чеховской школе, а своим идеалом считаю Мопассана. Люблю я Петербург, любила очень Гумилева, хороший был и поэт, и человек. Лучший период моего творчества был все же в России». Похоронена Т. на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Соч.: Сокровище земли. Берлин, 1921; Стамбул и солнце. Берлин, 1921; Так жили. Стокгольм, 1922; Шамрам: Песни Востока. Берлин, 1923; Вечерний день: Рассказы. Прага, 1924; Взамен политики. М.-Л., 1926; Танго смерти. М.-Л., 1927; Ничего подобного. Харьков, 1927; Парижские рассказы. М., 1927; На чужбине. Л., 1927; Сладкие воспоминания. М.-Л., 1927; Пьесы. Париж, 1934.

Лит.: Дело, 1951, № 2 [номер посвящен Тэффи]; Алексинский Г.А. Ее доброй и светлой памяти: воспоминания о Тэффи // Грани, 1952, № 16; Окс В. Тэффи и ее поэзия // Нов. рус. слово, 1952, 19 окт.; Ржевский Л. У Н.А.Тэффи // Грани, 1952, № 16; Н.А.Тэффи (Вместо критич. очерка) // Нов. рус. слово, 1952, 26 окт.; Васютинская В. Надежда Александровна Тэффи // Возрождение, 1962, № 131; Терапиано Ю. Н.А.Тэффи // Рус. мысль, 1968, 21 ноября; Зощенко М.М. Н.Тэффи / Ежегодник рукописн. отдела Пушкинск. Дома, 1972; Евстигнеева Л.А. Противление злу смехом (Чехов и Тэффи) / Чехов и его время. М., 1977; Спиридонова (Евстигнеева) Л.А. Русская сатирическая литература конца XIX—нач.XX века. М., 1977; Бахрах А. Тэффинька // Рус. мысль, 1979, 14 июня.

Е.Трубилова

У

УВАРОВ Борис Петрович (5.11.1888, Уральск — 18.3.1970, Лондон) — энтомолог, зоограф, эколог. Отец — Петр Иванович, был служащим Государственного банка; мать — Александра Ивановна, занималась воспитанием троих сыновей, Борис был младшим. Большие любители природы, родители сумели привить эту страсть сыновьям. Начальное образование У. *получил дома, а затем — в сельскохозяйст*венной школе (1895-1902). С 1904 по 1906 он продолжал образование в Горном училище Екатеринославля. С ранних лет У. увлекался изучением насекомых, коллекционировал их. Этот интерес под влиянием преподавателя сельскохозяйственной школы С.Журавлева перерос в глубокое изучение биологии и энтомологии; У. оставил училище и поступил в Петербургский университет, где стал учеником профессоров В.Шимкевича, М.Вагнера, А.Догеля, Ю.Филипченко, А.Любищева. Все они были активными членами Русского энтомологического общества, которое в конце XIX — начале XX вв. имело мировой авторитет. После окончания с отличием университета (1910) У. получил ученую степень по зоологии и в тот же год женился на уроженке Петербурга, дворянке Анне Федоровне Проданюк. Чисто научной работе в университете он предпочел практическую деятельность энтомолога. Вместе с женой поступил на должность энтомолога в Закавказье, а затем в Ставрополе, где проработал с 1911 по 1915. Там он организовал первое в России Энтомологическое бюро и стал его директором. В 1915-20 У. находился на аналогичной должности в Тифлисе, где он также организовал Бюро по борьбе с вредными насекомыми. В эти годы окончательно определилась область научных интересов У. — изучение обширного надсемейства саранчовых (Acridoi-dea) — массовых вредителей сельскохозяйственных культур. Успешно сочетая полевые опыты и наблюдения с научной и преподавательской деятельностью, У. продуктивно выполнял обязанности главного энтомолога Закавказья, профессора энтомологии университета и заведующего энтомологическим отделом Музея естественной истории Грузии.

События 1918-20 не давали возможности У. продолжить работу, это послужило главной причиной его отъезда в 1920 в Лондон, где ему было предложено место главного специалиста Имперского бюро по энтомологии. Первые 10 лет в эмиграции У. оставался «кабинетным» ученым. В эти годы он по существу создал и развил новое направление в биологии, посвященное изучению группового эффекта и его морфологических, физиологических, а также популяционных воздействий на животные организмы. Тогда же он создал свои классические работы по таксономии и питанию саранчовых, которые являются «библиями акридологов».

На 30-40-е приходится расцвет научно-организационной деятельности ученого. В 1945 У. создал противосаранчовый Центр (Anti-Locust Research Center), который в дальнейшем вырос в передовое учреждение с высочайшим авторитетом и получил международный статус. У. был 1-м директором Центра (до 1959). Его главной заслугой являлось разрешение основного вопроса в изучении саранчовых — определение причин чрезвычайно интенсивного увеличения стадных саранчовых. У. разработал оригинальную «теорию фаз», снискавшую мировое признание. Он открыл, что массовые появления саранчовых, напрямую связанные со стадными фазами их существования, происходят только вследствие открытой им категории экологического полиморфизма. Это явление и обуславливает чрезвычайно быстрое увеличение количества особей саранчовых, а затем такое же быстрое снижение их численности. Он установил также, что образование стадной фазы саранчовых является прямым следствием подъема волны размножения, связанной с климатическими условиями. У. раскрыл тонкие механизмы изменений плотности особей в популяциях и кулигах саранчовых: увеличение плотности особей отражается на активизации деятельности нервной и эндокринной систем насекомых, что, в свою очередь, обуславливает ускоренное развитие особей, повышает их активность, меняет морфологию, приводя к образованию стадной фазы. Явление стадной фазы, обнаруженное У., используется в настоящее время при разработке эффективных мер борьбы с вредителями.

Широкий экологический аспект изучения морфо-функциональной организации индивидуального развития и условий обитания зоологических объектов дал возможность У. развить новый системный подход к исследованию организмов, который еще только начинал проникать в зоологические науки. «Теория фаз» У. находится в тесной связи с учением В.Вернадского, вслед за которым У. отмечал, что невозможность полной реализации в природе биотического потенциала видов является следствием ограничивающего воздействия среды — под ее влиянием происходит либо снижение плодовитости, либо гибель части потомства. Эти отклонения от нормальных показателей постоянно устраняются, и тем самым экологическое соответствие организма и среды постоянно восстанавливается. В конечном итоге изменение численности особей в популяции рекомендуется анализировать как результат тех воздействий, которые нарушают и восстанавливают согласованность системы «организм и среда». На основе этих положений сформулирована концепция гелиобиологической зависимости ритмичности и цикличности массовых размножений животных.

С 1959 по 1961 У. возглавлял Лондонское Королевское энтомологическое общество. Кроме того, он был почетным членом энтомологических обществ ряда стран (Франции, Нидерландов, Египта, Индии, а также России). Награжден многими иностранными орденами, в том числе и высшей наградой Великобритании — «Орденом подвязки».

Несмотря на то, что У. полвека своей жизни провел на чужбине, он всегда оставался русским, тянулся к своим коллегам-соотечественникам, делился с ними своими мыслями и достижениями, интересовался их успехами. Он вел переписку с университетским другом А.Любищевым, известными энтомологами Г.Бей-Биенко и Ф.Правдиным. Оказывал через этих лидеров научных школ определенное влияние на формирование круга своих учеников и последователей.

За два года до смерти, после 47-летнего перерыва, У. смог ступить на родную землю. В качестве почетного гостя Академии наук он посетил в 1968 13-й международный конгресс энтомологов в Москве. В своем докладе он говорил о больших экологических проблемах, которые надвигаются на нашу планету. Уже в те годы он предупреждал: прежде, чем осуществлять любые проекты по использованию Земли, необходимо предварительное глубокое эколого-фаунистическое прогнозирование возможных экологических и экономических последствий намеченных проектов. По словам его друга и коллеги, известного физиолога В.Уигилсворза, У. до конца своих дней оставался редким труженником, скромным, справедливым, глубоко уважаемым своими коллегами, друзьями и близкими.

Соч.: Locusta and Grasshoppers. London, 1928; Insect Nutrition and Metabolism. London, 1929; Grasshoppers and Locusts: A Handbook of General Acridology. London, 1966; Текущие и будущие проблемы акридологии // Энтомол. обозр., 1969, т.48, вып.2.

Лит.: Бей-Биенко Г.Я. Б.П.Уваров (1889-1970) и его вклад в науку и практику // Энтомол. обозр., 1970, т.49, вып. 4; Haskell P.T. Sir Boris Uvarov. London, 1970; Wigglesworth V.B. Boris Petrovitch Uvarov / Biographical Memoirs of Fellows of the Royal Society. 1971, vol.17.

Л.Чеснова

УСПЕНСКИЙ Яков Викторович (11.5.1883, Урга, Монголия — 27.1.1947, Сан-Франциско, шт. Калифорния, США) — математик. Родился в семье дипломата. В 1903 поступил на математическое отделение физико-математического факультета Петербургского университета. В 1906 досрочно окончил университет с дипломом 1-й степени. Свою первую научную работу написал еще в студенческие годы. Был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию; вел практические занятия и читал лекции по теории чисел, а позднее, став преподавателем, по исчислению конечных разностей и по теории эллиптических функций.

С 1912 приват-доцент университета. У. фактически руководил вновь созданным студенческим кружком по математике, в котором принимали участие не только студенты, но и специалисты, окончившие университет. В 1914 ему было официально поручено руководство этим кружком, многие участники которого впоследствии стали известными математиками (в их числе А.Фридман, *Я.Тамаркин*, Н.Кошляков и др.). Одновременно он преподавал в Институте инженеров путей сообщения (1907-29) и на Высших женских курсах (1911-17). Некоторые университетские курсы лекций, которые читал У., были опубликованы небольшим тиражом. В задачнике, изданном преподавателями Института инженеров путей сообщения, У. принадлежит более тысячи оригинальных задач. 16.5.1911 У. защитил диссертацию «Некоторые приложения непрерывных параметров к теории чисел» (опубл.: СПб., 1910) и получил степень магистра чистой математики. Оппоненты Ю.Сохоцкий и А.Марков отмечали, что автор диссертации — «вполне сложившийся ученый, умеющий стойко и мастерски справляться с серьезными научными трудностями». В 1915 У. был в порядке исключения избран экстраординарным профессором Петербургского уни-

верситета. Рекомендуя факультету кандидатуру У., академик В.Стеклов отмечал не только эрудицию и незаурядные способности молодого ученого, но и «несомненный талант самостоятельного и оригинального исследователя, стоящего на верном пути к дальнейшему научному успеху». В университете У. работал до 1923 (с 1917 в должности ординарного профессора).

После 1917 защиты диссертаций временно прекратились, поэтому докторской диссертации У. не защищал, но в 1921 был сразу выбран действительным членом Российской Академии наук на свободную, после смерти академика А.Ляпунова, вакансию. Академики А.Марков, В.Стеклов и А.Крылов в своем представлении писали, что У. является известным специалистом по проблемам современного математического анализа и талантливым изобретателем новых приемов для их решения. У. продолжал заниматься своей любимой областью математики — теорией чисел, опубликовал ряд работ, среди которых выделяются 5 мемуаров в «Известиях Российской Академии наук» за 1925-26 о представлении чисел квадратичными формами. Его привлекали и другие отделы математики (например, сходимость квадратур или разложение функций в ряды по полиномам Эрмита и Лагерра). У. подготовил начно-популярные книги «Введение в неевклидову геометрию» (Пг., 1922) и «Очерк истории логарифмов» (Пг., 1923). В 1921 было организовано Петроградское физико-математическое общество, которое с 1923 возглавлял профессор Н.Гюнтер. У. стал его ближайшим соратником по Обществу и пользовался большим авторитетом среди математиков. Когда в 1926 по инициативе Стеклова был основан журнал Ленинградского физико-математического общества, У. стал его ответственным редактором.

У. принял участие в международном конгрессе математиков, проходившем 10-18.8.1924 в Торонто (Канада); он выступил с докладом по теории чисел, написанным со своим учеником Б.Венковым, впоследствии профессором и известным специалистом по теории чисел. После конгресса У. ездил в Чикаго, затем прочитал в Мичиганском университете три лекции, посвященные достижениям русских ученых в области теории чисел. Следующая командировка У. в США была более продолжительной: в течение 1926 он преподавал в Карлтонском колледже (Мортфилд, шт. Миннесота), а в 1927 прочитал небольшие циклы лекций в Стэнфордском университете в Сан-Франциско и в Калифорнийском университете в Беркли (шт. Калифорния).

Вернувшись в СССР, У. вскоре, летом 1929, вновь выехал в США и на родину уже не вернулся. Причин такого шага было несколько. Одной из них было то, что во время своей второй поездки в США У. женился и его жена категорически отказалась жить в СССР; вместе с тем резко ухудшилась обстановка в математической жизни страны — шло усиленное внедрение марксизма в математику, сопровождавшееся травлей ученых, в том числе Гюнтера (в письме П.Капице в Англию У. передавал ему настоятельную рекомендацию А.Крылова не приезжать в СССР). В США У. сначала читал лекции в Миннесотском университете, а затем в том же 1929 был приглашен в Стэнфордский университет, принят в штат в должности профессора; в этом университете он работал до конца жизни. От академического звания в СССР У. отказался. На Общем собрании Академии наук 29.11.1930 было зачитано письмо У. с просьбой считать его выбывшим из числа действительных членов в связи с переездом в США на постоянное жительство. Просьба была удовлетворена.

У. — автор 6 монографий, из которых 4 изданы в России, и более 50 статей, опубликованных в научных журналах различных стран. В своих трудах и лекциях У. всегда отдавал должное достижениям русских ученых. В его книге «Введение в математическую теорию вероятностей» (Нью-Йорк, Лондон, 1937) отмечается вклад в науку П.Чебышева, Маркова, Ляпунова, А.Колмогорова и др. русских математиков. В работах У. проявляется и педагогическое мастерство автора. Такова книга «Элементарная теория чисел» (Нью-Йорк, Лондон, 1939, в соавт. с американским математиком М.А.Хислетом), явившаяся итогом научной и педагогической деятельности У. в этой области. Глубокие познания в различных разделах математики и истории науки создали У. международную репутацию. Последние 10 лет своей жизни он участвовал в семинаре по прикладной механике, где неоднократно выступал с докладами, а также консультировал физиков и инженеров, помогая им в решении прикладных задач. Хорошо знавшие его математики Д.Пойя, Д.Сеге и Д.Х.Янг писали, что в преподавании У. «следовал классическому стилю и идеалам», что «его изложение материала, как устное, так и письменное, было ясным, простым, логичным и элегантным». Отмечалась также большая эрудиция У. не только в технических, но и в гуманитарных дисциплинах — литературе и истории, особенно хорошо он знал греческих и латинских классиков. В течение трех лет он изучил испанский язык и писал научные статьи на этом языке.

До непродолжительной болезни, оборвавшей его жизнь, У. продуктивно работал. Свою последнюю книгу он закончил незадолго до

кончины; она была опубликована уже после его смерти.

Лит.: Марков А.А., Стеклов В.А., Крылов А.Н. Записка об ученых трудах профессора Петроградского университета Якова Викторовича Успенского / Протоколы заседаний Общего собрания РАН. Пг., 1921, James Victor Uspensky // Revue Science, 1947, № 9; Ожигова Е.П. Развитие теории чисел в России. Л., 1972; Ее же. Математика в Академии наук в первые годы советской власти // Истор.-матем. исслед., 1986, вып.17.

Арх.: Арх. РАН, ф.1, оп.1, д.254.

Н.Ермолаева

УСТРЯЛОВ Николай Васильевич (псевд. П.Сурмин) (март 1890, Петербург — 14.9.1937, Москва) — правовед, философ, политический деятель. В 1913 окончил юридический факультет Московского университета. В 1916-18 приват-доцент Московского университета; преподавал государственное право. Кадет. В 1916 печатался в журналах «Русская мысль» и «Проблемы Великой России», доказывал необходимость для России великодержавной империалистической политики. После Февральской революции 1917 возглавил Калужскую организацию кадетской партии. В 1917-18 сотрудничал в московской газете «Утро Росии» («Заря России»). В 1918 издавал вместе с *Ю.Ключниковым* и Ю.Потехиным журнал «Накануне»; подчеркивал, что революция является «подлинно русской», а большевизм представляет собой «комплекс идей, пусть ошибочных, пусть ложных, пусть диких, но все же издавна присущих нашему национальному сознанию». В 1918 приват-доцент Пермского университета. В декабре 1918, после захвата Перми войсками Колчака, переехал в Омск. Юрисконсульт при управлении делами правительства Колчака, с февраля 1919 — директор пресс-бюро отдела печати, издатель газеты «Русское дело». Председатель Восточного отделения ЦК кадетской партии, сотрудник газеты «Сибирская речь». Утверждал, что «силой вещей линия развития русской государственности сливается с линией кадетизма», считал политику Колчака и *Деникина* «единственно серьезной и государственно-многообещающей формой белого движения», но уже в начале 1919 говорил Ключникову о возможности победы большевиков и о том, что в этом случае «мы должны быть с Россией».

В начале 1920 эмигрировал в Харбин. В 1920-34 преподавал в Харбинском университете. Работал в советских учреждениях Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД): в 1925-28 начальник учебного отдела, в 1928-34 директор центральной библиотеки. В 1920-34 редактор газеты «Новости дня», сотрудничал в газете «Вестник Манчжурии», в 1920-24 издавал вместе с Г.Диким альманах «Русская жизнь». Печатался в московской газете «Россия». Статьи У., опубликованные в 1-й половине 1920, вошли в сборник «В борьбе за Россию» (Харбин, 1920). Признавая бесперспективность возобновления вооруженной борьбы, У. писал, что большевизм будет изживать себя в атмосфере гражданского мира и этому должны способствовать национально-патриотические элементы России. Развил эту идею в сборнике «Смена вех» (Прага, 1921), явившись главным идеологом «национал-большевизма» («сменовеховства»). Предлагал пойти «на подвиг сознательной жертвенной работы с властью, во многом нам чуждой..., но единственной способной в данный момент править страной, взять ее в руки». Считал, что провозглашение права наций на самоопределение вплоть до отделения — лишь тактический маневр большевиков, и, следовательно, перспектива восстановления единства страны создает почву для поддержки русскими патриотами «правительства революции». Интеллигенции У. рекомендовал критиковать отдельные аспекты политики большевиков, но сотрудничать с ними и побуждать их к реформам, которые приведут к преодолению коммунистической хозяйственной системы и трансформации «диктатуры пролетариата» в демократическое государство. Начало эволюции в этом направлении усматривал в отказе большевиков от ориентации на немедленное установление коммунизма («экономический Брест»), в концессиях и др. проявлениях нэпа. Предсказывал появление вслед за нэпманами «созидательной буржуазии», прежде всего «крепкого мужичка». Своеобразным откликом на эти рекомендации явилась характеристика У. в докладе И.Сталина на 14-м съезде ВКП(б) (1925): «Он служит у нас на транспорте. Говорят, что он хорошо служит..., ежели он хорошо служит, то пусть мечтает о перерождении партии, мечтать у нас не запрещено». В 1925 У. отмеживался от позиции «сменовеховцев», группировавшихся вокруг берлинской газеты «Накануне», которые довольствовались лишь некоторыми корректировками «социалистического строительства». По мнению У., «раз став на путь уступок, советская власть окажется настолько увлеченной их логикой, что возвращение на старые позиции коммунистического правоверия будет для нее уже невозможным». Размышляя о вероятной эволюции государства в СССР, У. не считал неминуемой «рецепцию Россией западных конституционных канонов» и рассчитывал, что России удастся создать новый «культурно-государственный тип,

авторитетный для Запада», включающий в себя и советскую систему, которую «мы непростительно не учитывали, когда пребывали в белом лагере». Однако в конце 20-х — начале 30-х У. был вынужден признать, что надежды на реставрацию капитализма не оправдываются в связи с успехами индустриализации и коллективизации, которые «обновили страну», из чего следует, что нужно сделать «реальный выбор — с революционным государством против его врагов», а «двусмысленная лояльность в спецовской среде» неприемлема, как и вредительство. В 1934 заявил, что о возвращении к капиталистическим отношениям больше не может быть речи, все правоуклонистские и «перерожденческие» теории утратили почву. В 1935, после продажи КВЖД Японии, вернулся в СССР; перед отъездом переправил свой архив в США. Профессор экономической географии в Московском институте инженеров транспорта и некоторое время — в Московском университете. 6.6.1937 арестован. 14.9.1937 приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР по обвинению в «шпионаже, контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации» к расстрелу. Реабилитирован 20.9.1989.

Соч.: Под знаком революции. Харбин, 1925; На новом этапе. Шанхай, 1930; Наше время. Шанхай, 1934; Белый Омск: Дневник колчаковца / Рус. прошлое, 1991, № 2; 1919-й год: Из прошлого / Там же, 1993, № 4.

Лит.: Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980; Его же. The Third Rome. National Bolshevism. Boulder, 1987; Его же. У истоков национал-большевизма / Минувшее, вып.4. М., 1991; Квакин А.В. Идейно-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа: 1921-1927. Саратов, 1991; Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993.

А.Квакин

Ф

ФАН-ДЕР-ФЛИТ Александр Петрович (29.10.1870, Петербург — 1.9.1941, Прага) — специалист в области теории корабля и авиационных конструкций. Ф. принадлежал к обрусевшей семье голландского происхождения. Одна из ветвей рода Фан-дер-Флитов (Van-der-Vliet) обосновалась в России в 1-й половине XVIII в., войдя в состав сначала архангельского, а затем петербургского купечества. Потомки рода находились на государственной службе, были приняты в российское дворянство в XIX в., породнились с известными русскими семьями (в родстве с ними состояли адмиралы М.Лазарев и В.Корнилов, академик А.Пыпин).

Ф. был вторым сыном в семье профессора кафедры физики Петербургского университета Петра Петровича Ф.; мать, Пелагея Николаевна, была сестрой известного русского литературоведа А.Пыпина. После окончания гимназии при Историко-филологическом институте (1889) Ф. поступил в Петербургский университет. В 1895 окончил математическое отделение с дипломом 1-й степени и был оставлен на два года при кафедре практической и теоретической механики, которую возглавлял профессор Д.Бобылев, для подготовки к профессорскому званию.

На протяжении всей своей жизни Ф. занимался педагогической деятельностью. Он начал с преподавания тригонометрии, начертательной геометрии и краткого курса дифференциального исчисления в Военно-топографическом училище (1896-1900), вел также занятия по математике и механике в Институте инженеров путей сообщения (1896-1902). В 1902 перешел на преподавательскую работу в только что открывшийся Петербургский политехнический институт. Здесь его деятельность была связана с кафедрой теории корабля, во главе которой стоял тогда известный кораблестроитель профессор К.Боклевский. После защиты диссертации Ф. был утвержден в звании адъюнкта института (1904). С 1909 ординарный профессор Политехнического института по кафедре теории корабля. Неоднократно Ф. исполнял обязанности декана кораблестроительного отделения, а также директора института. Параллельно с работой в Политехническом институте Ф. состоял профессором по кафедре прикладной механики (с 1908) и директором (1911-16) Лесного института. В 1915 был назначен членом Совета при министре земледелия. В 1910 награжден орденом Св.Анны 2-й степени. В 1912 удостоился «Высочайшей благодарности за выдающуюся распорядительность и примерное исполнение служебных обязанностей». С 1914 действительный статский советник.

Ф. был дважды женат. В 1896 он женился на дочери сенатского прокурора М.Белова — Надежде Михайловне, от которой имел сына Андрея (род. 1901). Однако вскоре брак этот распался, и после получения развода Ф. женился вторично (1914) — на кандидате естественных наук Лидии Фаддеевне Горбачевой (урожд. Лобза), с которой прожил до конца своих дней (их единственная дочь Александра родилась в 1909).

Интерес к теории корабля появился у Ф. в результате раннего увлечения парусным спортом, сначала в качестве любителя, а потом и конструктора яхт. «Немало способствовало интересу к теории корабля и личное знакомство с А.Н.Крыловым — гениальным творцом многих трудных отделов этой науки», — отмечал Ф. в своем «Curriculum vitae» (1904). Впоследствии им был создан оригинальный трехтомный курс «Теории корабля», развивавший, в частности, теорию качки Крылова. Ряд статей Ф., связанных преимущественно с остойчивостью корабля, был опубликован в «Известиях» Политехнического института и др. петербургских журналах. Ф. вел также практическую инженерную работу. Лодки конструкции Ф. использовались в начале XX в. Петербургской спасательной службой. В Галерной гавани функционировала «Яхтенная верфь А.П.Фан-дер-Флита», занимавшаяся постройкой и проектированием спасательных ботов и лодок, парусных и моторных яхт, моторных лодок, мелкосидящих судов разного типа, а также буеров для катания на льду. В течение ряда лет Ф. был инженером Главного правления Российского общества спасания на водах, участвовал в издании журнала «Теплоход».

Отзываясь на веяния времени, Ф. начал с 1909 читать курс аэродинамики на организованных при кораблестроительном отделении Политехнического института воздухоплаватель-

ных курсах. В 1911 был опубликован его курс «Аэромеханика», явившийся одним из первых фундаментальных руководств в этой области. Ф. принимал участие в работе всех трех Всероссийских воздухоплавательных съездов, выступая с докладами на первых двух (1911, 1912) и являясь председателем секции «Научные основы воздухоплавания» и почетным членом 3-го съезда (1914).

В годы 1-й мировой войны Ф. принимал участие в научно-технических консультациях по военным вопросам. В связи с созданием по инициативе великого князя Александра Михайловича военной авиации он был введен в качестве постоянного члена в Технический комитет учрежденного тогда управления Военно-воздушного флота (1916). В этой роли он проводил, в частности, — совместно с профессорами *С.Тимошенко* и *Г.Ботезатом* — экспертизу прочности и надежности модифицированного варианта аэроплана *И.Сикорского* «Илья Муромец» (май 1917), в процессе которой была выявлена необходимость усиления конструкций этого самолета. Ф. был связан также с созданными при Петроградском политехническом институте «Офицерскими теоретическими курсами авиации». В 1916 Ф. назначили руководителем строительства крупнейшего в России авиационного центра «Авиагородок» под Херсоном. Центр должен был включать авиазаводы, исследовательский комплекс и учебные заведения.

В конце 1917 Ф. переехал из Петрограда в Херсон, участвовал в создании Херсонского политехнического института (открыт летом 1918, но вскоре, после восстановления в Херсоне советской власти, осенью 1920, закрыт). В эти трудные, голодные годы Ф. успел издать ряд учебных курсов для херсонских студентов, хотя порой вынужден был ходить на лекции босиком; средства к существованию добывала его жена, изготовляя из тряпья куклы и торгуя ими на рынке. В 1920 Ф. был привлечен советскими властями к сотрудничеству с судостроительным кооперативом, однако он уже принял решение эмигрировать вместе с семьей. Ф. удалось, несмотря на трехсуточный шторм, выбраться на парусном суденышке из Херсона в Констанцу. Румынские власти отказали русским беженцам в высадке на берег, пришлось отправиться на том же суденышке в Варну, где им было позволено сойти на берег. Ф. послал запросы своим коллегам в Белград и Прагу и вскоре получил приглашения в оба эти университетских города. Ф. выбрал Прагу, 1.1.1921 вместе с семьей он пересек чешскую границу. Ф. сразу же начал работать в Чешском высшем техническом училище — сначала доцентом, а затем (1934-39) профессором аэродинамики и кораблестроения. Он принимал участие также в деятельности Русского народного университета в Праге. В начале 20-х был председателем Союза русских агрономов в Чехословакии. Активным было участие Ф. в создании чехословацкой авиации.

Первой опубликованной за рубежом книгой Ф. был его курс элементарных приближенных вычислений. В 20-х и 30-х в Праге были опубликованы многочисленные литографированные учебные пособия и инженерные работы Ф. по вопросам кораблестроения и самолетостроения, связанным с ними задачам сопротивления материалов и аэродинамики, по механике и математике, а также по лесоведению (часть из них включала переложение на чешский язык его работ, ранее опубликованных в России). Работы Ф. печаталась в основном в журналах «Technicky obzor», «Strojnicky obzor», в трудах Военно-воздушного учебного института и Масариковской Академии наук, а также в «Ученых записках Русской учебной коллегии в Праге» и в «Научных трудах Русского народного университета в Праге».

Соч.: Изгиб симметрично нагруженных сжатых и вытянутых балок со свободными и заделанными концами. СПб., 1904; Теория корабля. Курс лекций, читанных на Кораблестроительном отделении. СПб., 1911-16 (литограф. изд.); Аэромеханика. Лекции, читанные на воздухоплавательных курсах при Кораблестроительном отделении. СПб., 1911 (литограф. изд.); Арифметика приближенных чисел. Прага, 1922.

Лит.: Levicka (Van-der-Vliet) A. Lebenserinnerungen. Рукопись.

Арх.: ГИАП, ф.478, оп.23, д.305; РГИА, ф.25, оп.1, д.4598; ф.381, оп.41, д.29163; ф.387, оп.24, д.12597.

Г.Михайлов

ФЕДОРОВА Софья Васильевна (16.9.1879, Москва — 3.1.1963, Нейи под Парижем) — танцовщица. Отец — ремесленник, медник. Училась на балетном отделении Московского театрального училища, по окончании которого (педагог Н.Домашев) с 1.9.1899 танцовщица Большого театра — значилась как Федорова 2-я. В 1900 с большим успехом исполнила партию Мерседес в «Дон Кихоте» Л.Минкуса, заменив заболевшую Е.Гельцер. В том же году была переведена в разряд вторых танцовщиц. Выступала в основном в балетах А.Горского, который создал для нее: в 1901 миниатюру «Танец Анитры» (на муз. Э.Грига) и новую версию партии Жены хана в «Коньке-Горбунке» Ц.Пуни; в 1902 одну из самых значительных партий Ф. — Эсмеральду в «Дочери Гудулы» А.Симона; в 1903 — Старуху в «Золотой рыбке» Л.Минкуса (с добавлением музыки др. комп.); в 1906 — служанку Селестен («Робер и Бертрам, или Два

вора» И.Шмидта Пуни, (с добавлением муз. Ф.Шумана, Ф.Шопена, П.Чайковского); в 1910 — Рабыню (жрицу Молоха) в «Саламбо» А.Арендса; в 1914 — Цыганский танец в «Коньке-Горбунке». Среди партий Ф. также: Уличная танцовщица («Дон Кихот»), Хита («Дочь фараона» Минкуса), Белая кошечка («Спящая красавица» Чайковского), Лиза («Тщетная предосторожность» П.Гертеля), Гюльнара и Медора («Корсар» А.Адана), Жоржетта («Парижский рынок» Пуни), Принцесса («Волшебное зеркало» А.Корещенко). Ф. исполняла характерные танцы: украинский («Конек-Горбунок»), панадерос в «Раймонде» А.Глазунова, лезгинка в опере «Руслан и Людмила» М.Глинки, вакханалия («Времена года» А.Глазунова), индусский в «Баядерке» Минкуса, чардаш («Коппелия» Л.Делиба), испанский («Аленький цветочек» Ф.Гартмана) и др.

Ф. была характерной танцовщицей. От исполнения классических партий она, как правило, отказывалась, не чувствуя себя достаточно подготовленной к ним технически. Но даже характерные танцы в дивертисментах становились в исполнении Ф. ярким явлением, приобретая самостоятельное значение. Обладая огромным стихийным темпераментом, необычайной экспрессией, доходящей до экстатических состояний, драматическим дарованием, она создавала эмоционально насыщенные образы, окрашенные, как правило, в мрачные тона, что со временем приобретало все больший вес в ее творчестве. *Вяч.Иванов* сказал о Ф., что «всем своим обликом она будит смутное, тайное воспоминание... Связанные стихии, скрытые за обычной жизнью, умеет развязывать эта заклинательница. Ее область — темная мистика души».

В 1909 она приняла участие в первом балетном Русском сезоне в Париже, танцевала Половецкую девушку в «Половецких плясках» А.Бородина в постановке *М.Фокина*, с В.Фокиной — «Вакханалию» (муз. Глазунова) и сюиту танцев «Пир» (чардаш на муз. Глазунова в пост. Горского, с *М.Мордкиным*), имела огромный успех у парижской публики. В 1910 — одалиска в «Шехеразаде» Фокина (на муз. Н.Римского-Корсакова), 1913 — Таор в «Клеопатре» А.Аренского (с музыкой др. комп.).

В 1913 впервые станцевала Жизель в одноименном балете А.Адана, сделав акцент на натуралистической передаче безумия своей героини. Короткое время спустя врачи нашли у нее серьезное нервное расстройство, предвестник скорого психического заболевания. В 1917 закончился срок контракта Ф. с дирекцией Большого театра, но она еще продолжала изредка появляться на сцене. В 1918 ей было приостановлено содержание, в 1919 она переехала в Петроград к своему мужу — П.Оленину, режиссеру и управляющему оперной труппой Мариинского театра. После смерти мужа в 1922 уехала для лечения за границу. Жила в Париже, где давала уроки и периодически выступала на концертной эстраде. В 1925-26 работала в труппе *Анны Павловой*, в 1928 по приглашению *С.Дягилева* выступала с «Русским балетом» и спустя 19 лет в «Половецких плясках» снова очаровала Париж. Это было последнее выступление Ф. Вскоре, в связи с обострением болезни, она была помещена в госпиталь, откуда ее забрал друг — Г.Столповский, и поддерживал до конца ее дней.

Лит.: Григоров С. Балетное искусство и С.В.Федорова 2-я. Опыт. М., 1914; Шайкевич А. Судьба артистки // Русские новости, 1963, № 943; Красовская В. Русский балетный театр начала XX века, ч.2. Танцовщики. Л., 1972.

Арх.: РГАЛИ, ф.659, оп.3, д.3796.

Г.Андреевская

ФЕДОТОВ Георгий Петрович (1.10.1886, Саратов — 1.9.1951, Бэкон, шт. Нью-Джерси, США) — христианский мыслитель, церковный историк культуры, публицист. Родился в семье управляющего канцелярией саратовского губернатора Петра Ивановича Ф. После его кончины всю заботу о детях (Георгию — старшему из них, было всего 11 лет) взяла на себя мать, Елизавета Андреевна (урожд. Иванова), бывшая учительница музыки; несмотря на материальные трудности, она сумела дать детям приличное образование. Георгий поступил в 1-ю воронежскую гимназию; в средних и старших классах он вынужден был обучаться за казенный счет и даже один год провести в интернате. Не отличавшийся крепким здоровьем, тихий и скромный по натуре, мальчик не мог вполне разделять увлечения своих сверстников. Однако он выделялся необычайными способностями, особенно к гуманитарным наукам. В гимназии Ф. зачитывался произведениями Белинского, Добролюбова, Писарева, Щедрина, Михайловского, Шелгунова и властителей дум тогдашней молодежи — Горького, *Андреева*, Чехова, *Скитальца*, а в старших классах увлекся марксизмом и сблизился с социал-демократами. Приверженность неписанному кодексу русской интеллигенции и озабоченность социальной проблемой сохранились у Ф. на всю жизнь.

После окончания в 1904 с золотой медалью гимназии Ф. отправился в Петербург, где в явном противоречии со своими наклонностями к гуманитарным наукам по «идейным» соображениям поступил на механическое отделе-

ние Технологического института. Карьера инженера, по его мнению, дала бы возможность сблизиться с рабочими и вести среди них пропаганду. Революция 1905 и прекращение занятий в институте вынудили Ф. уехать в Саратов, где он участвовал в митингах и собраниях рабочих. Вскоре Ф. был арестован за революционную деятельность и приговорен к ссылке в Архангельскую губернию. Однако благодаря общему смягчению полицейского режима при П.Святополк-Мирском и семейным связям (дед Ф. был некогда полицмейстером) ссылку заменили высылкой на два года за границу. В это же время наметился глубокий поворот в духовном становлении одаренного юноши, прошедшего, как и многие интеллигенты того времени, путь от марксизма к православию.

В июле 1906 Ф. подал прошение о зачислении его на историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1906-8 учился в университетах Берлина и Йены, посещал лекции и семинары по истории и философии. После возвращения в Россию продолжал учиться в Петербургском университете, специализируясь по истории средних веков. Значительное влияние на становление Ф. как ученого оказали семинары известного русского медиевиста профессора И.Гревса. Освоившись в петербургской культурной среде, Ф. серьезно увлекся поэзией. Особенно заметным на его эстетические вкусы было влияние символизма (А.Блок, *Вяч.Иванов*) и акмеизма (М.Зенкевич, О.Мандельштам). Занятия в университете продвигались весьма успешно. В выпускном 1910 Ф. написал сочинения «Исповедь» Св.Августина как исторический источник», удостоенное золотой медали. Гревс, опубликовавший небольшую рецензию, был весьма высокого мнения об этой работе своего ученика. Для завершения курса в университете Ф. оставалось лишь сдать государственные экзамены, однако неожиданные обстоятельства помешали осуществлению намеченных планов.

Как свидетельствуют архивные документы, и после возвращения Ф. из ссылки он не оставлял активной революционной работы, продолжал сотрудничество с социал-демократами. Во время пребывания Ф. в Саратове на каникулах летом 1910 полиция предприняла попытку повторного ареста за распространение прокламаций. Ф. вынужден был покинуть родной город и эмигрировать. Около года он находился в Италии, кое-как перебиваясь случайными заработками. В 1911 возвратился в Петербург и продолжил подготовку к государственным экзаменам в университете. В течение года Ф. жил по чужому паспорту, постоянно находясь под угрозой ареста. Наконец, он добровольно сдался полиции, надеясь на снисхождение. В ход опять пошли семейные связи, и приговор был вновь смягчен: вместо ссылки его выслали на год из Петербурга с правом выбрать город. Ф. поселился в Риге, где усиленно готовился к экзаменам, которые успешно сдал осенью 1912. Блестящие способности молодого ученого не остались не замеченными, он был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории. В 1914-15 Ф. выдержал магистерские испытания, после чего получил приват-доцентуру по кафедре истории средних веков. С весеннего семестра 1917 он должен был приступить к чтению лекций в университете, но не набралось необходимого числа студентов, записавшихся на курс. Одновременно Ф. преподавал в коммерческом училище М.Шидловской (1913-16) и готовил материалы к диссертации о Св.епископах Меровингской эпохи. Осенью 1917 Ф. поступил вольнотрудящимся в отдел истории Публичной библиотеки, где познакомился с *А.Карташевым* и А.Мейером, сыгравшими значительную роль в духовной эволюции Ф. к христианской церковности.

Вскоре после октябрьских событий 1917 вокруг активных участников петербургского Религиозно-Философского общества А.Мейера и К.Половцевой сложился религиозный кружок «Воскресение». Члены кружка, среди которых был и Ф., ставили своей целью осмысление происходящего в христианском духе и выработку практики духовного общения. Первоначально весьма аморфный кружок постепенно приобретал церковный характер, и в ноябре 1918 его ядро, куда входил Ф., образовало Братство с обетом «Христос и Свобода». В 1918 Ф. редактировал издававшийся кружком Мейера журнал «Свободные голоса» (вышло всего два номера). В первом номере появилось во многом программное для творчества Ф. эссе «Лицо России», в котором историк с христианско-социалистических позиций ставил проблему переосмысления опыта исторического и культурного развития России в свете революционной катастрофы, призывал к тому, чтобы «облечь плотью великую душу России».

В тяжелые пореволюционные годы Ф. продолжал работать в библиотеке. В 1919 женился на Елене Николаевне Нечаевой, одной из участниц мейеровского кружка. В 1920 после перенесенного тифа он отправился для поправки здоровья в Саратов, где ему была предложена кафедра истории средних веков. Однако преподавательская деятельность Ф. в Саратове не сложилась. Студентов, желавших посвятить себя медиевистике, было немного, а профессорская среда не способствовала глубокому религиозному и философскому общению, несмотря на интересные новые знакомства с фи-

лософами В.Сеземаном и *С.Франком* и встречу со старыми друзьями по университету. Свою роль сыграло нежелание идти на идеологические компромиссы, характерные для советской высшей школы, все более испытывавшей давление новой власти. В начале 1923 Ф. покинул родной город — теперь уже навсегда — и возвратился в Петроград. Здесь он вновь стал членом мейеровского Братства, переживая небывалую полноту молитвенного общения. Вместе с некоторыми членами Братства в том же году окончательно вошел в ограду церкви и причастился Св.Даров. Наладилась и материальная жизнь. Оживление издательской деятельности во времена нэпа позволило найти работу переводчика в частных издательствах. В 1923-25 появился ряд статей Ф. по медиевистике, где он стремился выявить идеальные основы самосознания европейской средневековой культуры. В 1924 в серии «Образы человечества», редактировавшейся Гревсом, вышла его первая и единственная на родине книга «Абеляр», в которой четко обозначен его подход к осмыслению культурно-исторической эпохи сквозь призму трагической судьбы религиозной личности. Этот же прием будет использован Ф. позднее в работе «Святой Филипп Митрополит Московский» (1928).

С постепенным угасанием нэпа таяли надежды на свободное творчество. Из-за ужесточившейся цензуры осталась неопубликованной статья Ф. «Об утопии Данте». В конце концов под благовидным предлогом работы в иностранных библиотеках Ф. решился навсегда покинуть родину. В начале сентября 1925 он отправился по французской визе через Берлин в Париж. Надежды на работу в частных издательствах или публикацию научных статей во французских исторических журналах оказались неосуществимыми. Но уже зимой 1926 Ф. выступил с блестящими статьями «Три столицы» и «Трагедия интеллигенции» в евразийском журнале «Версты», хотя вовсе не разделял евразийской позиции, усматривая истоки русской культуры в ориентализированном христианстве Византии, связавшей Русь с наследием грекоримского мира, т.е. с европейским культурным типом. За этими работами, принесшими ему известность, последовали статьи, эссе, рецензии в крупнейших периодических изданиях русского зарубежья: бердяевском «Пути» и двухнедельнике А.Керенского «Новая Россия», «Современных записках» и «Вестнике РСХД», «Числах» и «Православной мысли» и др. Энциклопедическое разнообразие тем от социализма до поэзии *В.Ходасевича*, блестящий литературный талант и дар публициста, поразительная независимость, глубина и парадоксальность мысли, тонкое понимание нюансов духовных процессов в культуре, безупречная нравственная позиция христианина вскоре выдвинули Ф. в число наиболее ярких мыслителей эмиграции, а его публицистику сделали заметным явлением культурной жизни русского зарубежья.

В эмиграции Ф. являлся одним из активных сторонников экуменического движения и с середины 30-х неизменным участником экуменических съездов. Участвовал он и в работе Русского студенческого христианского движения. На Клермонском съезде летом 1927 Ф. познакомился с Е.Скобцовой (матерью Марией) и *И.Фондаминским*, близкую дружбу с которыми поддерживал вплоть до их гибели в гитлеровских лагерях смерти. В 1931-39 Ф. совместно с философом *Ф.Степуном* и Фондаминским издавал журнал «Новый Град», провозгласивший в своей программе идею конструктивного переустройства общества на принципах свободного социального и культурного строительства в духе христианства.

Дальнейшая судьба историка определилась приглашением его в 1926 в парижский Православный богословский институт, где он преподавал историю Западной церкви, латинский язык и, позднее, агиологию. Исследование русской святости и, в целом, духовности вылилось в небольшие по объему, но значительные по содержанию книги «Святые Древней Руси» (1931) и «Стихи духовные» (1935). В первой — Ф. ставил своей задачей найти «русскую ветвь православия», основываясь на изучении русской житийной литературы, а во второй — осмыслить особенности русского духовного типа, анализируя по духовным стихам нижние пласты народной религиозности. Эти работы, подготовленные отчасти исследованиями историка А.Кадлубовского, явились предварительным материалом для основного произведения Ф. — «The Russian Religious Mind», которое задумывалось как обширное сочинение по истории русской духовной культуры, охватывавшее период с X по XX вв. Этот уникальный по масштабу и замыслу труд, к которому мыслитель приступил лишь в конце жизни, находясь в США, так и не был закончен (вышла всего одна книга, посвященная Киевской Руси; 2-й незавершенный том появился уже после смерти историка под редакцией о. И.Мейендорфа).

В 1932 вышла книга Ф. «И есть, и будет», в которой он предложил свое понимание причин и развития революции, утверждал, что она отнюдь не была неизбежной. В брошюре «Социальное значение христианства» (1933) он доказывал, что, хотя христианство не содержит какой-либо социальной доктрины, тем не менее для христианской совести невозможно игнорирование социальных проблем, а социальная этика составляет неотъемлемую часть свято-

отеческого предания. Христианско-гуманистические ценности культурного и социального творчества противополагаются Ф. торжеству обездушенной мощи современной цивилизации в статье «Ecce Homo» (1937). В работе «Эсхатология и культура» (1938) он настаивает на самоценности этого творчества перед лицом эсхатологических ожиданий, выдвигая смелую для ортодоксии гипотезу о воскрешении культуры, подобно человеческим телам. Вершиной публицистики Ф. этого периода явились три статьи, объединенные общим названием «Письма о русской культуре». Столь свойственная мыслителю историческая интуиция достигает тут особой остроты. Переосмысливая прошлое и настоящее России, он стремится заглянуть в «завтрашний день», понять резкую грань, проведенную через русскую историю и культуру революцией. Солидаризируясь с *Н.Бердяевым* в признании противоречивого дуализма национальной души, которая «не дана в истории», а является сменой исторических форм, подобно чередованию звуков в музыке, Ф. показывает, что революция смела верхний европеизированный слой русской культуры, обнажив ее «московские» основания. Этот духовный тип оказался легко вовлеченным в тоталитарную цивилизацию Запада, нивелировавшую все национальные культурные различия («Русский человек», 1938). Поэтому «Завтрашний день» (1938) русской культуры безрадостен, если нация не найдет в себе силы к духовному возрождению и исполнению своей культурно-исторической миссии. Это, в свою очередь, станет возможным, по мнению Ф., если интеллигенция примет на себя роль духовной аристократии, способной обеспечить движение культурных токов («Создание элиты», 1939).

Некоторые из неоднозначных публицистических высказываний Ф. в «Новой России» в конце 30-х вызывали возмущение и осуждение профессоров Богословского института, давно указывавших на непозволительно левый уклон его статей. Разразился скандал, на Ф. обрушился шквал критики. В статье «Есть ли в православии свобода мысли и совести» Бердяев выступил на защиту Ф., подчеркивая политический аспект порицания профессорами института высказываний своего коллеги. Сам Ф. не участвовал в публичной полемике (он находился тогда в Англии), не желая подводить под удар институт, но в отставку не подал и в «Новой России» писать не перестал.

После начала 2-й мировой войны и оккупации Парижа нацистами Ф. вынужден был перебраться на юг Франции. Здесь он оказался на острове Олероне, занятом немцами. Однако не терял присутствия духа, отдавшись давно задуманной работе — переводу Псалмов на русский язык. Неожиданно, благодаря помощи Американского Еврейского рабочего комитета, представилась воможность перебраться в США. Путешествие в Новый Свет затянулось почти на 8 месяцев, во время которых он то и дело был на краю гибели. Однако все окончилось благополучно, и 12.9.1941 Ф. вступил на американский берег. Вначале Ф. жил два года в Нью-Хейвене. Сразу найти подходящую работу оказалось непросто. В 1943 он принял предложение занять должность профессора истории в открывшейся Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке, где оставался до конца своих дней. Последнее американское десятилетие жизни и творчества русского мыслителя отмечено рядом статей в одном из крупнейших периодических изданий эмиграции — «Новом журнале». Эти работы относятся, по свидетельству Степуна, к лучшему, но и наиболее спорному, что было написано Ф. («Новое отечество», 1943; «Загадки России», 1943; «Рождение свободы», 1944; «Россия и свобода», 1945; «Запад и СССР», 1945; «Между двух войн», 1946; «Судьба империй», 1947; «Народ и власть», 1949; «Христианская трагедия», 1950 и др.). Одновременно он выступал с публичными лекциями в «Обществе друзей Богословского института в Париже», публиковался в эсеровском журнале «За свободу», составлял антологию «A Treasury of Russian Spirituality», сотрудничал в ряде американских изданий (в частности, журнале «Christianity and Crisis», редактировавшемся Р.Нибуром). Даже прогрессирующая сердечная болезнь не заставила его отказаться от напряженной творческой работы.

После двухнедельного пребывания в госпитале города Бэкон (шт. Нью-Джерси) Ф. скончался за чтением «Вильгельма Мейстера» Гёте.

Соч.: Полн. собр. статей, т. 1-4. Париж, 1973-88; Новый Град. Сб. статей. Нью-Йорк, 1952; Христианин в революции. Сб. статей. Париж, 1957; Судьба и грехи России, т. 1-2. Избр.статьи. СПб., 1991.

Лит.: Карпович М.М. Г.П.Ф. // НЖ, 1951, № 27; Иваск Ю.П. Г.П.Ф. (1886-1951) // Опыты, 1956, № 6; Его же. Эсхатология и культура. Памяти Г.П.Ф. (1886-1951) // Вест. РСХД, 1972, № 103; Степун Ф.А. Г.П.Ф. // НЖ, 1957, № 49; Сербиненко В.В. Оправдание культуры. Творческий выбор Г.Ф. // Вопр. философии, 1991, № 8.

М.Галахтин

ФЛОРОВСКИЙ Антоний Васильевич (1.12.1884, Елизаветград — 27.3.1968, Прага) — историк. Родился в семье священника. Учился в Одессе в 4-й классической гимназии (1894-1903) и на историко-филологическом факультете Новороссийского университета

(1903-8), где занимался в семинарах В.Истрина, И.Линниченко, Э.Штерна, Е.Щепкина. Студенческая работа «Крестьянский вопрос в законодательной комиссии 1767 г.» была удостоена золотой медали (1907). Опубликованная на ее основе монография (1910) стала первой печатной работой ученого. По окончании учебы Ф. был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории. Специализировался в области истории России XVIII в. После сдачи магистерских экзаменов (1911) начал читать лекции в должности приват-доцента. В 1916 в Московском университете защитил магистерскую диссертацию на тему: «Состав Законодательной комиссии 1767-1774 гг.» (опубл. в 1915, в 1916 удостоена Уваровской премии Академии наук). С 1916 профессор по кафедре русской истории Новороссийского университета (вел курс по древней истории Руси). Одновременно читал лекции по русской истории на Высших женских курсах в Одессе (с 1915), на экономическом факультете Одесского политехнического института (1917-18). С 1920 преподавал в институтах, образованных на базе университета, в Археологическом институте.

Работал в научных организациях и обществах — Одесском библиографическом обществе, Историко-филологическом обществе (1912), Одесском обществе истории и древностей (1911-22). Был помощником заведующего Одесским областным архивным управлением (1920), директором Одесской публичной библиотеки (1921) и главной библиотеки Одесской высшей школы (быв. Университетской, 1922). Действительный член Одесского славянского благотворительного общества (1911).

В 1922 по распоряжению советского правительства был выслан за границу. Вначале поселился в Праге. Вошел в состав Русской учебной коллегии и возглавил ее историко-филологическое отделение (1923-30), работал на Русском юридическом факультете (с 1923), читал лекции для русских студентов Карлова университета, где с 1933 преподавал историю России на философском факультете. С 1933 доктор философии и профессор Карлова университета. В 1936 на заседании Русской академической группы защитил диссертацию «Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X-XVIII вв.)», оппонентами по которой выступали Я.Бидло, *П.Милюков*, В.Францев. Был утвержден в степени доктора русской истории, в 1957 получил степень доктора исторических наук Чехословакии. Ординарный профессор кафедры русской истории Карлова университета (1948-57).

Ф. был членом Славянского института в Праге (с 1929), принимал участие в деятельности русских научных организаций в Праге — Русского исторического общества (с 1924, в 1938-40 — председатель общества), Семинара (Института) им. *Н.Кондакова* (с 1925, в 1947-52 — руководитель Института), Русского заграничного исторического архива (с 1925, в 1933-45 — председатель Ученого совета). Ф. входил в правление Федерации исторических обществ Восточной Европы и славянских стран (с 1927) и участвовал в съездах и конференциях этой организации (1927-38). Выступал с докладами на съездах русских академических организаций за границей (1923, 1928, 1930), Международных конгрессах исторических наук (1933, 1938), конгрессах славистов (1929, 1934), византинистов (1936) и др. В декабре 1946 Ф. получил советское гражданство, но остался жить в Праге.

Научные интересы Ф. охватывали различные проблемы истории России, русско-славянских отношений, историографии и т.п. Ранние работы ученого посвящены изучению крепостного права в России и процессу его ликвидации, начиная со времен Екатерины II. Обращение автора ко всем доступным ему источникам и литературе позволило подойти к рассмотрению состояния крестьянского вопроса в 60-70-х XIX в. достаточно объективно, учитывая позиции различных слоев русского общества. Автор явно симпатизировал императрице, представляя ее как просвещенную монархиню, неприемлющую рабства и, хотя не выступавшую открыто против позиции большинства российского дворянства, но инспирировавшую в этой среде оппозицию по крестьянскому вопросу. Ф. пришел к выводу, что безрезультатность работы Комиссии 1767-74 и нерешенность крестьянского вопроса заставили крестьян примкнуть к Пугачеву. Однако деятельность Комиссии он не считал бесплодной, т.к. в передовых кругах общества пробудился интерес к положению русских крестьян. Некоторые выводы автора подверглись пересмотру уже в 20-е (Г.Закке), но богатая документальная основа его трудов сохраняет свою ценность и поныне.

Естественным продолжением этих исследований были работы о крестьянском движении в Новороссийском крае в период реформы 1861, основанные на местных архивных материалах («Воля панская и воля мужицкая» была отмечена как одна из лучших работ с точки зрения анализа источников). Ф. выступал как историк революционного движения, которое, по его мнению, имеет два направления: первое — основанное на теоретических предпосылках, осмысленных кружками, партиями, готовящими широкие организованные выступления; второе — «органическое», возникающее стихийно и выражающее протест в форме массовых на-

родных выступлений, например, крестьянские волнения в период отмены крепостного права. Ф. считал, что для разработки этой темы необходимо привлечь «провинциальные материалы», которые помогают определить масштаб, интенсивность, конкретные формы крестьянского движения. Такая постановка вопроса выявляет и методологические подходы Ф. к исследованию. Обильное цитирование делает изложение конкретным и обстоятельным. На основе анализа источников автор приходил к выводу, что крестьянское движение вызвано не «ложным пониманием» реформы, а «всей системой отношений крепостного крестьянства к земле и помещикам», «несоответствием актов 19 февраля ожиданиям и чаяниям крепостных», а их выступления «отражают насущные запросы и потребности крепостного крестьянства». Сосредоточение на краеведческой тематике, к которой Ф. обращался и раньше («Отечественная война и Новороссийский край»), объяснялось не только интересом к местной истории, но и невозможностью во время гражданской войны работать в архивах Москвы, Петрограда и др. городов.

В Праге Ф. продолжал начатое в России изучение комплекса проблем по привезенным с собой материалам. Он опубликовал еще несколько очерков по истории Комиссии 1767-74, расширил исследование древней русской истории, откликаясь на новые работы по вопросу о происхождении и начальном периоде истории Руси («Новый взгляд на происхождение Русской Правды», «Франко-тюркская теория происхождения Руси», «Князь Рош у Иезекииля. Из заметок об имени Русь», «Известия о древней Руси арабского писателя Мискавейхи X-XI вв. и его продолжателя», рецензии на книги Г.Янушевского, Г.Бараца, М.Шахматова и др.). Ф. тщательно излагал концепции различных авторов, особое внимание обращая на методику исследования и анализ ими источников, высказывая свою точку зрения на рассматриваемые вопросы. При этом глубокое уважение к чужому мнению и признание заслуг других ученых являлось неотъемлемой чертой сочинений Ф.

В пражский период Ф. привлекла тема об Угорской Руси и ее представителях, работавших в России («Заметки И.С.Орлая о Карпатской Руси», «Карпатоbesросс И.А.Зейкан — наставник императора Петра I-го» и др.).

Большое внимание уделял Ф. составлению систематических обзоров русской исторической литературы, издаваемой в СССР и за рубежом. Ему удалось создать ценную, достаточно полную библиографию советских и эмигрантских исторических изданий за 1918 — начало 1930-х. Объясняя неравномерность исследований в разных областях исторической науки составом научных сил эмиграции и условиями работы русских историков за рубежом, Ф. в то же время подчеркивал их неразрывную связь с русской исторической традицией и отстаивал их право представлять русскую науку на международных научных форумах. В своей оценке советской историографии Ф., отмечая зачастую необъективность научной позиции и сужение исследовательской тематики, вместе с тем подчеркивал, что исследовательская и особенно публикаторская деятельность советских историков служила расширению познания исторических процессов и явлений; для плодотворного осмысления накопленного ими огромного материала, считал Ф., не хватало лишь «свободы научной мысли». Ф. опубликовал также научно-биографические очерки о *Б.Евреинове, А.Кизеветтере, Е.Шмурло* и др.

В годы жизни в Чехословакии основной научно-исследовательской темой Ф. стали чешско-русские отношения, результаты изучения которых позволяют считать его также и историком-славистом. Этой теме посвящены многие работы ученого, опубликованные на русском и чешском языках. Главный труд — «Чехи и восточные славяне» (т. I-II. Прага, 1935-47) — отличается чрезвычайно широкой постановкой вопроса; он охватывает период с X по XVIII в. и рассматривает историю культурных, политических и экономических отношений двух славянских народов. Для освещения темы им привлекались в основном опубликованные источники и литература, но выявлялись и совершенно новые архивные материалы, на основании которых в книге подняты не изучавшиеся ранее вопросы (о русско-чешской торговле с XV в., о восприятии в Чехии исторических событий Московского государства в XVI-XVII вв. и др.). Давая монографическую разработку различных аспектов чешско-русских связей, Ф. подчеркивал, что в анализе межславянского общения нужно прежде всего иметь в виду не столько «всю полноту фактического соотношения этих племен и народов», сколько «проявления сознания близости» этих народов, «мысль о славянской взаимности»; в этой связи необходимы аналогичные исследования взаимоотношений всех славянских народов. Книга имела большой отклик в Чехословакии. Реферат ее Ф. опубликовал в СССР (Вопр. истории, 1947, № 8).

Большое внимание Ф. уделял изучению эпохи Петра I, особенно внешней политике России в конце XVII — 1-й четверти XVIII вв., обследовав с этой целью многие архивы Чехословакии и Австрии. Основные труды по этой теме — «Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого» (Прага, 1955) и «От Полтавы до Прута» (остался незаконченным, опубл. Пра-

га, 1971). В книгах раскрыты малоизвестные в науке обстоятельства деятельности австрийской миссии в России, на основании которых автор делал вывод о том, что сходство внешнеполитических интересов не определяет механически «неизбежности солидарности» двух держав. В этих, как и в других работах, Ф. показал исключительное мастерство представлять конкретные эпизоды в широком историческом контексте. Главным критерием ученого всегда оставалась научная объективность исследования. «Для подлинного историка, — писал Ф., — ...не существует розовых очков».

Свои политические взгляды Ф. не афишировал. Известно, что в 20-х он мечтал о России, которая «освободится от советской власти и вновь оживет»; после 2-й мировой войны его отношение к стране, победившей фашизм, изменилось. Он установил тесные научные связи с советскими коллегами и опубликовал на родине ряд работ.

Соч.: Легенда о Чехе, Лехе и Русе в истории славянских изучений. Прага, 1929; Русская историческая наука в эмиграции (1920-1930) // Тр. V съезда Рус. акад. орг-ций за границей, ч.1. София, 1931; Historical Studies in Soviet Russia // The Slavonic and East European Review, 1935, vol. XIII, № 38; Češti jesuité na Rusi. Jesuité ceské provincie a slovansky Vychod. Praha, 1941; Česko sukno na vychodoevropském trhu v XVI az XVIII veku. Praha, 1947; Об архиве Карла XII под Полтавой / Полтавская победа. М., 1959; Из материалов по истории России эпохи Петра I в чешских архивах / Археографич. ежегодник за 1967 г. М., 1969.

Лит.: Зайончковский П.А. Антоний Васильевич Флоровский [Некролог] // Ист. СССР, 1969, № 2; Биография А.В.Флоровского (1960 г.) / Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992; Лаптева Л.П. Русский историк-эмигрант А.В.Флоровский как исследователь чешско-русских связей // Вест. МГУ. Сер.8. История. 1994, № 1.

Арх.: Арх. РАН, ф.1609, оп.1-2.

Е.Аксенова

ФЛОРОВСКИЙ Георгий Васильевич (28.8.1893, Елизаветград — 11.8.1979, Принстон, США) — философ и богослов. Родился в семье священника. В 1894 семья Ф. переселилась в Одессу, где отец Ф. в 1905 стал настоятелем кафедрального собора. В 1911 с золотой медалью окончил 5-ю городскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Новороссийского университета в Одессе. В 1912 дебютировал в научной прессе. В университете Ф. испытал сильное влияние философии Ш.Ренувье и У.Джемса, а также марбургской школы неокантианства. В 1913 Ф. получил серебряную медаль за студенческую работу по классической филологии «Разработка мифа об Амфитрионе в древней и новой драме». В 1916 — золотую медаль за философскую работу «Современные учения об умозаключениях». В 1916 по окончании университета был оставлен при кафедре философии и психологии для подготовки к профессорскому званию и до 1919 готовился к магистерскому экзамену, преподавая в одесских гимназиях логику и философию. В октябре 1919 по прочтении пробных лекций на факультете занял должность приват-доцента.

В конце 1919 вместе с семьей эмигрировал из России и в январе 1920 обосновался в Софии. Первое время давал частные уроки детям, выполнял техническую работу для русско-болгарского издательства. Одновременно работал над диссертацией о Герцене. Принимал активное участие в Русском Религиозно-Философском обществе. В это время Ф. сблизился с *П.Савицким, Н.Трубецким и П.Сувчинским* и стал одним из основателей евразийства. Опубликовал ряд статей в первых евразийских печатных изданиях, которые положили действительное начало его писательской деятельности. В декабре 1921 переселился в Прагу, где с осени 1922 начал читать курс истории русской литературы в Высшем Коммерческом институте, а зимой приступил к исполнению обязанностей ассистента профессоров *П.Новгородцева, Н.Алексеева* и доцента *Г.Гурвича* в семинаре «Философия закона и государственный закон» на Русском юридическом факультете при Пражском университете. Здесь же в Праге 27.4.1922 Ф. обвенчался с Ксенией Ивановной Симоновой, выпускницей Бестужевских курсов, талантливой художницей и переводчицей, которая на протяжении 55 лет была его верной спутницей.

3.6.1923 состоялась защита докторской диссертации Ф. «Историческая философия Герцена», вызвавшая острые дискуссии (офиц. оппоненты *Н.Лосский, П.Струве, В.Зеньковский*). После присвоения Ф. звания доктора наук он занял должность приват-доцента на кафедре истории философии права Русского юридического факультета; читал курс «Платон и Аристотель», вел практические занятия. Как автор статей и рецензий активно сотрудничал в крупнейших журналах эмиграции — «Русская мысль», «Путь», «Современные записки». За время пребывания в Праге опубликовал более десятка статей и эссе, преимущественно по историко-философским проблемам. Среди наиболее значимых — «К обоснованию логического релятивизма», «К метафизике суждения», «Метафизические предпосылки утопизма». Весной-осенью 1923 начался его отход от евразийства. Почувствовав в евразийстве властные и «геополитические» амбиции, Ф. обвинил евразийцев в измене первоначальным принципам дви-

жения. Выдвигая приоритет «православия и культуры», Ф. не мог смириться ни с политизацией евразийства, ни с общей «национал-большевистской» ориентацией его лидеров. Размежеванию Ф. с евразийством способствовали его личный конфликт с Савицким и сближение с *С.Булгаковым*, который стал его «духовным отцом». Осенью 1923 последний пригласил Ф. (вместе с другими евразийцами) к участию в Братстве Св.Софии, объединившем большинство русских религиозных мыслителей старшего поколения. Вступление в Братство окончательно развело Ф. с евразийцами.

В 1926 Ф. обосновался в Париже и по приглашению С.Булгакова занял место профессора патрологии в Православном Богословском институте. Интерес к патрологии возник у Ф. еще в Одессе, но к ее серьезному исследованию он смог приступить лишь в Праге в 1924, обнаружив, что патрология была его «истинным призванием». В Богословском институте Ф. также преподавал греческий язык и вел курс введения в философию; немалой была роль Ф. в создании институтской библиотеки. Религиозные и богословские темы доминировали в творчестве Ф. начала 30-х, среди них особое значение имеют его «Богословские очерки» и книги «Восточные Отцы IV-го в.» (Париж, 1931) и «Византийские Отцы V-VIII вв.» (Париж, 1933), в основу которых легли лекции, прочитанные в Богословском институте. Эти книги в полной мере демонстрируют достоинства исследовательского поиска Ф.: беспристрастный анализ первоисточников, богатство фактического материала, продуманные обобщения на фоне широкой исторической перспективы. Начиная с 1933 по инициативе *Н.Зернова* Ф. в летние месяцы выезжал в Англию для чтения в колледжах лекций по истории православной церкви, положению русской церкви в СССР. В 1937 в Париже вышла самая известная крига Ф. — «Пути русского богословия», ставшая фактически очерком русской интеллектуальной истории, особенно важным в заключительной своей части, повествующей о философски-общественных направлениях начала XX в. В 1939 Ф. был избран член-корреспондентом Русского академического института в Белграде.

Наряду с научной и преподавательской деятельностью Ф. с конца 20-х активно участвовал в экуменическом движении. В 1928 он вступил в Братство Св.Сергия и Св.Албания. С 1929 и до войны выступал с докладами на всех его ежегодных конференциях, с 1936 был соиздателем его журнала — «Соборность», в 1937 избран вице-президентом Братства (оба эти поста он сохранял вплоть до начала войны). Вместе с тем Ф. сыграл видную роль в Русском студенческом христианском движении (РСХД): писал статьи для «Вестника РСХД», участвовал в различных конференциях движения, в частности, был главным докладчиком на конгрессе РСХД в 1931 (Латвия). После своего рукоположения в сан священника (1932, обряд совершен митрополитом *Евлогием*) вел службу в часовне РСХД (это было его первым местом отправления церковной службы). Ф. приглашали на авторитетные церковные форумы: 1-й конгресс православных богословов в Афинах (29 нояб.—4 дек. 1936), 2-ю конференцию Веры и Церковного устройства (3-18 авг. 1937, Эдинбург).

Начало 2-й мировой войны застало Флоровских в Швейцарии, затем в 1941 они обосновались в Белграде, где и оставались до осени 1944. Ф. преподавал в гимназиях, был священником. С занятием Белграда войсками Б.Тито решил переехать в Чехословакию. С большим трудом в ноябре 1944 он с женой добрался до Праги, однако с приходом Красной армии они отказались от намерения задержаться здесь у родственников; возник план вернуться во Францию. Между тем выезд на Запад для русских эмигрантов представлял значительные трудности, понадобились официальные обращения к президенту Бенешу, а также известная доля везения, прежде чем в декабре 1945 на дипломатическом самолете Флоровские вылетели в Париж.

Весной 1946 Ф. возобновил преподавание в Богословском институте (догматика и моральное богословие). Одновременно он часто выезжал с чтением лекций в ведущие университетские центры Европы: Дублин,Ааргус, Лунд (1946), Оксфорд, Кэмбридж (1947), Марбург, Майнц, Тюбинген, Гейдельберг (1948). Ф. вернулся также к своим многочисленным обязанностям в рамках экуменического движения: принимал участие в ежегодных конференциях Братства Св.Сергия и Св.Албания; выступал на ежегодных конгрессах РСХД; был переизбран в Комиссию движения Веры и Церковного устройства; числился среди активных участников совещаний Временного комитета по подготовке созыва Всемирного Совета Церквей, проходивших на протяжении 1946-48 в Женеве. На Ф. была возложена почетная миссия выступить в качестве представителя православной церкви на открытии 1-й ассамблеи Всемирного Совета Церквей в Амстердаме (22.8.1948). Он был избран в состав Центрального комитета и Исполнительной комиссии Совета. В это время деятельность Ф.-богослова приобретает международную известность.

В сентябре 1948 отбыл в США, где получил место профессора догматического богословия и патрологии, а вскоре стал и деканом Свято-Владимирской духовной академии в Нью-Йор-

ке (до 1955). Одновременно Ф. преподавал богословие в Колумбийском университете (1951-53), был адъюнкт-профессором восточной православной истории и богословия Объединенной богословской семинарии (1951-56), а также адъюнкт-профессором патрологии и догматического богословия в Греко-православной богословской школе Бруклина (шт. Массачусетс, 1955-65), вел курс в Бостонской университетской Школе богословия (1954-55), преподавал историю русской общественной мысли и церковную историю на кафедре Дальнего Востока в университете Вашингтона (лето 1961); регулярно читал лекции во многих университетах и колледжах Америки. С 1956 по 1964 Ф. — профессор восточной церковной истории в Гарвардском университете. В 1950 Бостонский университет присудил ему звание honorary doctorate (S.T.D.).

За годы пребывания в Америке Ф. опубликовал более 50 работ. Оставаясь штатным профессором, Ф. писал преимущественно проповеди, эссе по догматическому богословию и вопросам экуменического движения. Позднее он вновь обратился к волновавшим его темам истории русской религиозной культуры и отцов церкви.

В 50-е Ф. по-прежнему занимал ведущие позиции в экуменическом движении. Он неизменно принимал участие во Всемирных конференциях движения Веры и Церковного устройства, в ежегодных заседаниях Комитета движения. Ф. был среди делегатов на ассамблеях Всемирного Совета Церквей, являлся одним из деятельных членов руководящих органов Совета. По отзыву Н.Лосского, «из всех современных русских богословов о.Георгий наиболее ортодоксален: он стремится строго придерживаться Священного Писания и святоотеческого предания». В конце 1954, в знак признания его заслуг, Ф. был избран президентом Национального совета Церквей в США. Много усилий приложил Ф. по организации православного студенческого движения в США: содействовал созданию Братства студентов в Колумбийском университете (1950), которое послужило примером для подобных Братств в Пенсильванском, Йельском, Бостонском и др. университетах. Не удивительно поэтому, что на объединительной конференции православных Братств Новой Англии, учредившей федерацию православных студенческих колледжей Новой Англии, главным докладчиком выступал Ф. Почти четверть века Ф. вел многоплановую, чрезвычайно напряженную экуменическую деятельность. Однако годы брали свое. В 1961 он вышел из состава Центрального комитета и Исполнительной комиссии Всемирного Совета Церквей, оставив за собой лишь членство в Комитете движения Веры и Церковного устройства.

В июне 1964 Ф. вышел на пенсию, оставил Гарвард и переехал в Принстон, где работал приглашенным профессором на кафедре славистики и богословия: вел семинары по истории славянской литературы, русской религиозной мысли и патрологии. Контракт с ним пролонгировался в течение 8 лет (до 1972), но и позже Ф. не оставил работу: Принстонский богословский семинарий предоставил ему стипендию, и в качестве приглашенного лектора он преподавал церковную историю.

Научная, преподавательская и экуменическая деятельность Ф. принесли ему широкую известность и высокий авторитет в церковных кругах Запада. Идеи Ф. оказали значительное влияние на западную славистику и привлекли устойчивое внимание славистов к истории русской философии XX в.

Соч.: О смерти крестной. Париж, 1930; Christianity and Culture. Belmont, 1974; The Ecumenical World of Orthodox Civilization. The Hague, 1974; Aspects of Church History. Belmont, 1975; Creation and Redemption. Belmont, 1976.

Лит.: Блейн Э. Завещание Флоровского // Вопр. философии, 1993, № 12; Лосский Н.О. История русской философии. М., 1994.

С.Бычков
М.Колеров

ФОКИН Михаил Михайлович (23.4.1880, Петербург — 22.8.1942, Нью-Йорк) — танцовщик, балетмейстер, педагог. Мать — немка Екатерина Кинд из города Мангейма; отец — владелец первоклассного буфета-ресторана в императорском Яхт-клубе — юридически оформил брак и усыновление, когда младшему в семье, Михаилу, было 8 лет. Мать с детства страстно любила театр; отец же был против карьеры сына как танцовщика — по его словам, «попрыгунчика». Мать тайком отвела Михаила на приемные экзамены в Петербургское театральное училище, и отцу пришлось смириться с происшедшим. Позднее Ф. считал, что именно семья заложила в нем двойственное отношение к танцу: страстная любовь уживалась в нем со скептицизмом к своей профессии.

Ф. оказался старательным и способным учеником (педагоги: П.Карсавин, Н.Волков, А.Ширяев, П.Герд, *Н.Легат*; по классу последнего Ф. выпускался). Вместе с другими воспитанниками участвовал в спектаклях Мариинского театра: исполнил Луку в «Волшебной флейте» (1893), Колена в «Тщетной предосторожности» (1896), Адониса в «Шалостях Амура» (1897); хореография всех этих постановок принадле-

жала Л.Иванову. В выпускном спектакле 28.3.1898 на сцене Михайловского театра Ф. танцевал партию Адониса в балете «Две звезды» М.Петипа и роль учителя танцев в балете Э.Чекетти «Урок танцев в гостинице». А через месяц, 26 апреля, участвовал в pas de quatre, сочиненном Чекетти для своих лучших учениц — *Л.Егоровой* и Ю.Седовой и их партнеров — Ф. и М.Обухова. То был вставной номер в спектакль Мариинского театра «Пахита». Дебют был признан блестящим; особенно выделяли воспитанников, по мнению рецензентов, немногим уступавших лучшим солистам.

Всех четверых, минуя кордебалет, определили сразу в танцовщики 2-го разряда. Исполнительская карьера Ф., начавшись на редкость счастливо, и в дальнейшем складывалась удачно. Обилие штрафов и замечаний, вызванных прегрешениями против строгой театральной дисциплины, ничуть не мешали быстрому продвижению по службе, получению новых ролей, а также поощрительных заграничных отпусков. В 1904 Ф. был переведен в танцовщики 1-го разряда и начал преподавать в Театральном училище. Освоение академического репертуара шло в обычном порядке — от сольных партий к ведущим. В «Лебедином озере» Ф. исполнил pas de trois и, правда, очень поздно, в 1917, Зигфрида; в «Спящей красавице» — Голубую птицу, одного из женихов Авроры, наконец, принца Дезире (1904). Иногда приходилось танцевать и характерные партии — например, испанский в «Лебедином», индусский в «Талисмане», танцы в опере «Евгений Онегин». Но главным достоинством Ф.-исполнителя было виртуозное владение классическим танцем. Редкий случай — его заставили бисировать вариацию в «Тщетной предосторожности». Критики ценили в Ф. танцовщика, но и сетовали на недостаток темперамента и артистизма. Тем не менее послужной список артиста пополнялся новыми ролями: Рыбак («Наяда и рыбак»), Арлекин («Арлекинада»), Люсьен д'Эрвильи («Пахита»), Принц Коклюш («Щелкунчик»), Базиль («Дон Кихот»), Солор («Баядерка»), Жан де Бриен («Раймонда») и др. В этом репертуаре Ф. был традиционно добросовестен, иногда даже восхищал технологией танца, но к игровой и выразительной стороне роли оставался равнодушен, нередко уступая в силе воздействия на зрителей другим исполнителям. В этом отчасти проявилось и его критическое отношение к классическому танцу, к его поэтической условности, к грузу штампов и нелепиц, наслаивавшихся на традицию.

Интересы Ф. были весьма разнообразны. Еще в школе он увлекся живописью, брал частные уроки рисования, много времени проводил в Эрмитаже и в музее Александра III, копируя известные картины. Интерес к музыке, русской прежде всего, привел юношу в любительские кружки, а затем и в оркестр Андреева в качестве балалаечника. Другим любимым инструментом стала для него мандолина. Ф. разучивал на ней «Лебедя» К.Сен-Санса, что послужило в дальнейшем толчком к выбору этой пьесы для создания знаменитого номера *А.Павловой*. Интерес к фольклору и народным музыкальным инструментам, знакомство с практикой аранжировки, внимание к достоверности изобразительного ряда — все это позднее сказалось в его балетмейстерском творчестве.

Ф. острее многих почувствовал кризисную ситуацию в балетном искусстве и необходимость поиска новых путей. Приезд в Петербург в 1904 знаменитой танцовщицы-босоножки Айседоры Дункан, объявившей своими полуимпровизациями войну канонам классического танца, подсказал новые приемы. Античность, вазовая живопись стали и для Ф. источниками идей. В его первой постановке — «Ацис и Галатея» А.Кадлеца (20.4.1905) — необычным был танец фавнов, движения которых не воспроизводили ни одного из знакомых па: в нем выделялся воспитанник *В.Нижинский*. В тот же вечер состоялась еще одна фокинская премьера: то был номер «Polka pizzicato» на музыку И.Штрауса для воспитанников Е.Смирновой и Г.Розая. Балетмейстерский дебют Ф. был достаточно скромен, почти не обнаружив ни своеобразия дарования, ни масштаба таланта того, кому в будущем суждено было стать одним из крупнейших хореографов XX в., преобразователем балетного искусства.

Поначалу постановочная работа сосуществовала с педагогической деятельностью и собственным исполнительством, со временем же потеснила и то, и другое. Ф., заменивший П.Гердта у старших воспитанниц, ставил и для Театрального училища, и для благотворительных спектаклей с участием артистов Мариинского театра. Первой постановкой для прославленной труппы была сцена «Погреб вин» из балета А.Рубинштейна «Виноградная лоза» (8.4.1906, Мариинский театр). Хореография заслужила одобрение посетившего спектакль М.Петипа, что косвенно подтверждало ее согласие с классической традицией. Но уже во «Временах года» на музыку П.Чайковского (22.3.1909) — последнем сочинении для Театрального училища — явственно проступало желание хореографа обновить лексику включением в академический танец пластических элементов Дункан.

Самобытный хореограф в Ф. вполне обнаружился в постановках «Эвники» с музыкой композитора-любителя А.Щербачева и «Шопенианы» (10.2.1907, Мариинский театр). В «Эвнике» сюжет из античности позволял хореографу

создать ряд весьма эффектных живописных сцен, пластика которых была разнообразно разработана и напоминала известные академические полотна живописцев; жесты и позы каждого участника были индивидуальны и строго согласованы с музыкой. Движения не передавали существа действия, лишь дополнительно украшали его. Особенно эффектны были танец Эвники (*М.Кшесинская*) среди воткнутых в пол мечей и танец семи покрывал Актеи (А.Павлова). Постановка была признана удачной и в 1909 вошла в репертуар Мариинского театра. Музыку «Шопенианы» составила сюита из произведений Шопена, оркестрованных А.Глазуновым. Ф. попытался воскресить образы романтического искусства прошлого века в смене контрастных сцен: то праздничных, то мрачных. Своей поэтичностью выделялся Седьмой вальс — его исполнили Павлова и Обухов в костюмах и гриме по эскизу *Л.Бакста*. Этот номер и определил поэтику второй, известной и поныне, постановки (премьера 11.3.1908, благотворительный спектакль на сцене Мариинского театра; оркестровка М.Келлера). Хореография номеров, сочиненных им для Павловой, *Т.Карсавиной*, *О.Преображенской* так точно отвечала характеру дарования этих балерин, что по сути стала портретом каждой. Шедевр Ф. обнаруживал в классическом танце те поэтические глубины и непреходящий смысл, которые он остальным своим творчеством подвергал сомнению. Другим шедевром стал «Лебедь» К.Сен-Санса, миниатюра, сочиненная для А.Павловой как ее импровизация на заданную хореографом тему (22.12.1907). Родившийся в совместном творчестве образ Умирающего лебедя стал позднее символом русского балета.

В 1907 в работе над «Павильоном Армиды» *Н.Черепнина* произошла знаменательная встреча Ф. с *А.Бенуа*, сценаристом и художником постановки. Хореограф оказался вовлечен в сферу интересов передовых художественных кругов Петербурга, познакомился с театральным традиционализмом и представителями «Мира искусства». Премьера, состоявшаяся 18.11.1907 в Мариинском театре, утвердила Ф. как самостоятельного художника. В следующем году внимание привлекла постановка «Египетских ночей» на музыку А.Аренского (8.3.1908). Талант Ф. набирал силу. Хореограф ставил много, в том числе миниатюры. Некоторые из них впервые затрагивали темы, принесшие впоследствии хореографу мировую славу. Успехи Ф. дали Бенуа основание рекомендовать его в качестве постановщика *С.Дягилеву* для готовящихся Русских сезонов в Париже. Сообщество первоклассных художников, литераторов, композиторов, художественное чутье и энергия самого инициатора Сезонов составили ту питательную среду, которая помогла выявиться разным сторонам дарования Ф. Он стал единственным хореографом Сезонов. Поставленные Ф. «Половецкие пляски» из «Князя Игоря» А.Бородина в оформлении *Н.Рериха* (19.5.1909) оказались самой цельной и безусловно оригинальной постановкой первого Сезона и имели успех едва ли не больший, чем пение *Ф.Шаляпина* в этом фрагменте. Хореограф создал образ стихийной мощи половцев, по-новому осмысливая возможности характерного танца, но не порывая с традицией этого танца в академическом балете. Остальные постановки — «Павильон Армиды», «Сильфиды» («Шопениана»), «Клеопатра» («Египетские ночи») — повторяли с некоторыми вариациями петербургские оригиналы. Наибольшим переделкам подверглись «Египетские ночи» — там центральным стал образ Клеопатры, что оправдывало смену названия, а благополучный финал заменили трагическим. Везде театральная живопись становилась важным участником зрелища, в значительной мере определяя силу эмоционального впечатления. Пластика также чаще всего была ориентирована на зрелищность и чисто внешнюю мотивированность. Например, образ Древнего Египта создавался средствами профильной пластики, буквально повторявшей рисунок древних изображений с профильным положением ног и головы, но фронтально развернутым корпусом. Показательно, что роль Клеопатры исполнила любительница *И.Рубинштейн*, успех которой в значительной мере объяснялся экзотической внешностью и эффектностью изобразительной пластики. Успех Сезонов взорвал лед равнодушия к балету на Западе. Отныне балет становился центром притяжения самых разнообразных художественных интересов, лабораторией новых идей, оказавших влияние на развитие всего искусства XX в.

Творчество Ф. на этом этапе реализовывало идеи импрессионизма: все подчинялось силе и убедительности каждого отдельного впечатления, из них и складывался спектакль. Творчество Ф. распахнуло двери инструментальной музыке, не предназначенной для балетного искусства. Это открывало новые возможности для хореографии и широко вошло позднее в практику балетного театра XX в. Постигнуть содержание этой музыки пока удавалось редко. Иногда смысл музыки игнорировался ради заманчивого драматического действия. Так произошло в «Шехеразаде» Н.Римского-Корсакова, показанной в Парижской Grand-Opéra 4.6.1910 в оформлении Бакста. Действие не соответствовало эпическому характеру музыки, что однако оправдывалось роскошью представления.

Образы итальянской комедии дель-арте помогли Ф. создать в «Карнавале» изящную ин-

термедию, в которой музыке Шумана навязывались идеи поэзии начала века. Классический танец здесь изобретательно возникал в отдельных номерах — и тут же уступал место эпизодам изобразительно-пантомимным. Показанный в Петербурге 20.2.1910 с В.Мейерхольдом в роли Пьеро, «Карнавал» произвел столь благоприятное впечатление, что позднее был включен дирекцией в репертуар Мариинского театра. Парижане увидели спектакль впервые 20 мая того же года.

Наибольший интерес вызвала «Жар-птица» (сценарий и постановка Ф., муз. *И.Стравинского*, оформление А.Головина; премьера 25.6.1910 в «Grand-Opéra»). Ф. строил спектакль на сопоставлении нескольких пластических рядов: полет Жар-птицы вспыхивал, переливался, пугливо замирал в движениях классического танца на пальцах; свободная пластика характеризовала босоногих царевен; персонажи Поганого царства во главе с Кащеем изъяснялись средствами гротеска. Все вместе складывалось в эстетизированное изысканное зрелище, в котором разнообразие пластических возможностей использовалось как многоцветье красок, но выразительности собственно танцевальных композиций Ф. по-прежнему избегал.

Третий парижский Сезон начался подлинной сенсацией, вызванной «Видением розы» на музыку «Приглашения к танцу» К.Вебера (сценарий Ж.Водуайе по поэме Т.Готье, оформление Бакста). Девушка, вернувшись с бала, засыпала; роза, оброненная ею на пол, источала пряный аромат, вызывала видение прекрасного юноши. Юноша-греза кружил, взмывал ввысь, вовлекал девушку в свой клубящийся, обволакивающий танец, дарил ей прощальный поцелуй и улетал, так и не пробудив, но оставив томительно-сладостные воспоминания. Т.Карсавина и В.Нижинский — и, увы, только они — создавали этот поэтический образ целомудренной грезы о чувственной любви. Лишь им оказалось подвластно «Видение розы», потому что особенности их исполнительства стали у Ф. материалом постановки, дополнявшим хореографию и придававшим ее поэзии символический смысл.

Вершиной творчества Ф. и дягилевских Сезонов первого, фокинского периода, стал «Петрушка» Стравинского (сценарий Бенуа и Стравинского, оформление Бенуа; премьера 13.6.1911, театр Шатле, Париж). Здесь была достигнута редкостная гармония всех составляющих спектакля. На материале русского площадного театра, включавшего фольклорные мотивы и традицию кукольных представлений, родилось произведение, обнажавшее коренную проблему XX в.: судьбы духовного начала. Спектакль ошеломил внутренней правдой и провидческой ясностью, словно предрекая грядущие испытания человечеству и неистребимость, несмотря ни на что, духовного естества человека. Ф. строил спектакль на контрастном сопоставлении массовых сцен масляничного гулянья и камерных «кукольных» эпизодов. Пластическая характеристика каждой куклы была индивидуальна и чрезвычайно выразительна. Элементы пальцевой техники классического танца в примитивном кукольно-схематизированном варианте составляли танец Балерины. Нагло-вызывающий самодовольный Арап — весь en dehors, нараспашку; Петрушка, напротив, «закрыт», en dedans, движения его угловаты, ломки, экспрессивно-нервны и как бы рассогласованы. В замечательном дуэте Карсавиной (Балерина) и Нижинского (Петрушка) лидировал танцовщик — он был центром действия, так же, как и в «Видении розы». В противовес классической традиции балета XIX в. мужской танец выходил на первый план. Это было новым в эстетике хореографического искусства.

В следующем Сезоне 1912 состоялся балетмейстерский дебют Нижинского, положивший конец монополии Ф. в этой сфере. Ф. продолжал ставить, но не его спектакли были теперь в центре внимания. Хореограф и в новых работах возвращался к опробованным полюбившимся темам. Ссора с Дягилевым привела к временному разрыву, и в Сезоне 1913 Ф. не участвовал. Последовавшее перемирие уже не могло вернуть былого положения. Премьеры оказывались самоповторами. Не стали новым словом ни его «Бабочки» на музыку Р.Шумана, ни «Тамара» на музыку М.Балакирева, ни «Дафнис и Хлоя» М.Равеля. Художественные идеи Ф. словно бы исчерпали себя, став мощным стимулом в творчестве шедших следом. В годы 1-й мировой войны лишь подтвердилось очевидное — Ф. Дягилеву был больше не нужен.

Оставался Мариинский театр. В эти петербургские годы Ф. явно тяготел к русским композиторам, и прежде всего к Глинке, поставив на Мариинской сцене его «Вальс-фантазию», «Арагонскую хоту» и танцы в опере «Руслан и Людмила». Хореографическая картина «Сон» была сочинена, по всей видимости, наспех для благотворительного спектакля Литературного фонда 10.1.1915 в честь 100-летия со дня рождения М.Лермонтова по его стихотворению. Батальные сцены, предсмертные видения, являвшиеся раненому герою в облике хоровода девушек, может быть, и перекликались с волновавшими всех военными темами, но с музыкой «Вальса-фантазии» Глинки сопрягались все

же насильственно. Напротив, «Арагонская хота» (29.1.1916, Мариинский театр) стала одним из его шедевров, увы, нами утраченных. Внимание хореографа было приковано к тем элементам испанского танца, которые близки танцу классическому. Этот ход сообщал всей композиции аромат естественности и подлинности. Изысканное оформление Головина дополняло эффект, придавало пластической картине законченность. Интуиция и отменная музыкальность не изменили Ф. и при постановке уже в советское время танцев в опере «Руслан и Людмила» (27.11.1917).

Война подталкивала художника к высказываниям на героическую тему. Так появился «Стенька Разин» на музыку симфонической поэмы А.Глазунова (28.11.1915). В тот же вечер давались две другие фокинские премьеры — «Эрос» и «Франческа да Римини» с музыкой Чайковского. В «Эросе» мотивы «Видения розы» и «Шопенианы» узнавались без труда. Эклектика отражала компромиссность фокинских усилий. Участие М.Кшесинской в главной роли этот компромисс делало неизбежным. И во «Франческе да Римини» готовность уступить классическому танцу успеха не принесла.

Особняком в творчестве Ф. этого периода стоят «Прелюды» на музыку Ф.Листа, показанные на Мариинской сцене 31.3.1913, но созданные для гастролировавшей в Берлине труппы А.Павловой. Премьера была восторженно принята в Берлине, заслужив одобрение великих Р.Штрауса и А.Никиша, но встречена в штыки в Петербурге. Критики осудили самый принцип сценического истолкования симфонической музыки, для балета не предназначенной. И — ошиблись. Пусть Ф. не вполне удалась эта попытка, он верно выбрал путь. Он был из тех, кто начинал, в том была его миссия.

Весной 1918 Ф. отправился на гастроли в Стокгольм и больше на родину не возвращался. Вместе с ним была жена и партнерша Вера Петровна Фокина (урожд. Антонова). Ф. было уже 38 лет — «пенсионный возраст» по меркам императорских театров, но он продолжал балетмейстерскую, педагогическую, даже исполнительскую деятельность. Приходилось браться за все, чтобы выжить. Правда, побед больше не было. Уже в последние петербургские годы критики отмечали утраты в танцевальной форме: и не случайно — Ф. мало танцевал. Тело деформировалось, перестало быть послушным. За рубежом утраты становились все заметнее. Но танцевать приходилось даже если случалась травма — ради гонорара за спектакль. В 1919 семья Ф. перебралась в Америку. 30 декабря состоялся первый концерт в «Metropolitan Opera»: «Видение розы», «Умирающий лебедь», ряд других миниатюр. Новое появилось через год, но по существу новым не было — перепевы старого соединялись с безуспешными попытками заинтересовать зрителя. В 1921 супруги осели в Нью-Йорке, открыв там балетную школу. Ставить приходилось для полупрофессионалов и откровенных любителей — американский балет лишь зарождался. Мысли о возвращении возникали. Тем более, что Ф. в России ждали — надеялись, что именно он возглавит труппу бывшего Мариинского театра. Слали телеграммы, задумывали чествования. Ф. приглашения принимал, но в последний момент возвращаться раздумывал. Безрезультатно завершились и последние переговоры с Ф. о возвращении в 1931. Но и американским хореографом он тоже не стал. Ф. продолжал жить в кругу своих прежних идей, чуждый происходившим вокруг изменениям.

Наиболее значительным из поставленного в последний зарубежный период были балеты «Паганини», «Синяя Борода», «Русский солдат». «Паганини» на музыку *С.Рахманинова* (премьера 30.6.1939 в Лондоне, труппа «Ballet Russe du Colonel de Basil») эклектично объединил гротесковые зарисовки и эпизоды белотюникового балета: особенно неубедительными были как раз сцены сильфид. В «Синей Бороде» на музыку одноименной оперетты Ж.Оффенбаха (премьера 27.10.1941, Дворец искусств в Мехико-сити) в комическом свете представала вампука академического балета и те формы классического танца, которые раньше казались Ф. безнадежно устаревшими, а теперь вызывали явную симпатию. Балет «Русский солдат» на музыку сюиты *С.Прокофьева* к кинофильму «Поручик Киже» (премьера 23.1.1942, Бостон, одновременно в Opera House и Балетном театре) обращался к эпохе Павла I, но явно перекликался с идущей в то время войной с фашистами. Действие развивалось на двух разнесенных по уровню площадках: на одной — погибал смертельно раненый солдат, на другой — сменялся калейдоскоп картин, проносившихся в его сознании. Действие склонялось к мелодраматическому. В музыке же преобладали иные — сатирические — интонации...

Реформы Ф. положили начало новому балетному театру — театру XX в. Изолированности балета от развития других искусств был положен конец. Требование подчинить действие логике открывало дорогу режиссуре, исторической достоверности, убедительности детали. Иным стало оформление, превратившись из служебно-функционального в чрезвычайно су-

щественный компонент спектакля. Свою художественную программу Ф. высказал в мемуарах, опубликованных на английском языке в 1961 (Memoirs of a Ballet Master. Boston).

Соч.: Умирающий лебедь. Л., 1961; Против течения. Воспоминания балетмейстера. Статьи, письма. Л.-М., 1962; 2-е изд. Л., 1981.

Лит.: Красовская В. Русский балетный театр начала XX века, ч.1. Хореографы. Л., 1971.

А.Соколов-Каминский

ФОНДАМИНСКИЙ (псевд. Бунаков) Илья Исидорович (1881, Москва — 19.11.1942, Освенцим) — политический деятель, издатель. Из семьи богатого торговца. Учился в московской частной гимназии Креймана. Как вспоминал В.Зензинов, в конце 90-х Ф. вместе с А.Гоцем был идеологом «кружка юных идеалистов-общественников, искавших смысла и оправдания жизни, чутко откликавшихся на все ее веяния и мечтавших о служении человечеству». С 1900 изучал философию в Берлинском и Гейдельбергском университетах, был членом Галле-Гейдельбергского кружка «молодых эсеров». Весной 1902 арестован на границе за помощь политэмигрантам и участие в организации транспортов нелегальной литературы, 2 месяца провел в одиночной камере Петербургского дома предварительного заключения. После окончания учебы в конце 1904 вернулся в Россию. В начале 1905 — член Московского комитета партии эсеров (ПСР). С сентября по 18.10.1905 — в Таганской тюрьме. В 1906 делегат 1-го съезда партии на Иматре. Получил известность как талантливый оратор; вел партийную работу под всевдонимами Лассаль, Непобедимый; псевдоним Бунаков выбрал по случайно увиденной на Маросейке вывеске магазина. В 1906 при попытке проникнуть по заданию ЦК ПСР на восставший крейсер «Память Азова» был арестован, дважды судим военным судом, но оправдан, после чего бежал через Берлин во Францию, где близко сошелся с *Д.Мережковским, З.Гиппиус,* Б.Савинковым. Был членом Заграничной делегации партии, участвовал в разоблачении Азефа. С 1910 один из лидеров ликвидаторства среди эсеров, в 1913 участник создания группы «Почин». С 1914 «горячий оборонец». Вместе с Н.Авксентьевым и Савинковым издавал в 1914-15 газету «Новости», в 1915 — журнал «Призыв» (орган социал-демократов и социалистов-революционеров-оборонцев) и газету волонтеров «За рубежом».

В апреле 1917 вернулся в Москву. 20 мая избран на 1-м Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов товарищем председателя исполкома Советов. 3-й съезд ПСР (май-июнь) избрал его в ЦК. Принадлежал к правой группе партии, входил в число ее главных «златоустов». Комиссар Временного правительства на Черноморском флоте, где пытался противостоять растущему влиянию большевиков. 5.1.1918 выступал на заседании Учредительного собрания; проявив себя в очередной раз как «блестящий оратор и диалектик, умевший спорить и убеждать» (*М.Вишняк*). После разгона Учредительного собрания нелегально работал в Москве, Петрограде, Костромской губернии, представлял правых эсеров в Союзе возрождения России, редактировал вместе с М.Вишняком и *П.Сорокиным* печатный орган Союза — «Возрождение» («Сын Отечества»). Был послан на Северный Кавказ для связи с генералом *Деникиным,* в ноябре 1918 участвовал в Ясском совещании с послами стран Антанты. 5.4.1919 через остров Халки близ Константинополя и Марсель эмигрировал в Париж.

Первые годы изгнания Ф. занимался активной политической работой в правой группировке эсеров-«авксентьевцев». Один из основателей и редакторов журнала «Современные записки». Как писал сам Ф., «когда нас спросят, в чем оправдание вашего пребывания в эмиграции, мы укажем на томы «Современных записок». Согласно программе журнала, он создавался для «сплочения демократических сил России вокруг лозунгов: возрождение русской культуры; преодоление большевизма; воссоздание свободной России на началах, провозглашенных мартовскою революцией 1917 года». На Ф. возлагалась организационная и техническая работа, успеху журнала способствовали его личные качества: «Совершенно неслыханной в кругу русской идеологической интеллигенции была его терпимость к чужим убеждениям, даже самым далеким, даже враждебным. Он всегда старался понять противника в его основной правде, не переспорить, а переубедить его» (*Г.Федотов*). В 30-е Ф. организовал Общество друзей «Современных записок», устраивал вечера журнала, чтобы создать «сочувствующее окружение» и обеспечить материальное существование «Записок». По инициативе Ф. при журнале возникло издательство, в котором издавались книги лучших его авторов (*П.Милюкова, И.Бунина, М.Алданова, Б.Зайцева* и др.). Сам Ф. писал мало. Серия его статей в «Современных записках» под названием «Пути России», где анализовалась политическая история страны, идеологическая сущность русской государственности, свидетельствует о близости Ф. к взглядам евразийцев.

Много работал Ф. с молодежью в кружках Христианского студенческого движения, «Православного дела», в Пореволюционном клубе

Ширинского-Шихматова. В 1932-39 вместе с *Ф.Степуном* и Г.Федотовым издавал религиозно-философский журнал «Новый Град», где пытался отойти от узкопартийных догм, подняться до понимания общечеловеческих ценностей. Как писал Федотов, Ф. «жаждал принять участие в строительстве нового мира, который он провидел за хаосом исторического крушения». К журналу примыкало объединение молодых поэтов «Круг», под воздействием Ф. был создан «Русский театр». По словам Фетодова, Ф. обладал способностью притягивать к себе людей, «мучающихся личным горем или заблудившихся на путях жизни. К нему шли не только как к другу, но почти как к духовнику или светскому старцу».

Прекрасно зная литературу и искусство, Ф. собрал богатейшую библиотеку и коллекцию фотографий (библиотека, изъятая в Париже фашистскими оккупантами, погибла во время бомбардировки эшелона на пути следования в Германию). Сам Ф. был в июле 1941 интернирован в Компьенский лагерь, где много работал, читал лекции товарищам по заключению, принял христианство. Отказался бежать из тюремной больницы, был вывезен в Германию и погиб в лагере смерти.

Лит.: Зензинов В. Памяти И.И.Фондаминского-Бунакова // НЖ, 1948, № 18; Федотов Г. И.И.Фондаминский в эмиграции // Там же; Вишняк М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954; Его же. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Индиана, 1957; Янковский В.С. Поля Елисейские. Париж, 1991.

Л.Бадя

ФРАНК Семен Людвигович (16.1.1877, Москва — 10.12.1950, близ Лондона) — религиозный философ и психолог. Родился в интеллигентной еврейской семье. Его отец — Людвиг Семенович — доктор, был удостоен дворянства в связи с награждением его орденом Св.Станислава 3-й степени за службу во время русско-турецкой войны 1877-78. После смерти отца (1882) Семен, его брат и сестра воспитывались матерью — Розалией, дедом со стороны матери (приобщившим их к еврейским религиозным традициям), позднее их отчимом — Василием Заком, народником, отбывавшим в 1870-е ссылку в Сибири. Ф. посещал гимназию при Лазаревском институте восточных языков в Москве (1886-91), а затем местную гимназию в Нижнем Новгороде (до 1894), куда переехала его мать вместе с семьей после развода. Уже в школе Ф. познакомился с народническими и марксистскими идеями. В 1894 поступил на юридический факультет Московского университета; сразу же вступил в социал-демократический кружок, однако вскоре обнаружил, что его больше интересуют теоретические вопросы, нежели практика социальной борьбы. В 1896 Ф. отдалился от своих товарищей по социал-демократическому кружку и начал участвовать в дискуссиях на квартире своего научного руководителя профессора-экономиста А.Чупрова. Тем не менее он оставался тесно связанным со студенческим движением вплоть до 1899; играл активную роль в московских студенческих волнениях 1899; был арестован и выслан из Москвы на два года.

В 1898 Ф. познакомился с *П.Струве* и сразу же подпал под его влияние; Ф. привлекала интеллектуальная независимость Струве. Ф. вошел в группу «критических марксистов» наряду с *Н.Бердяевым*, *С.Булгаковым*, Струве и М.Туган-Барановским. Принципиально важной работой Ф. того времени стала «Теория ценности Маркса и ее значение» (СПб., 1900), которая представляла собой попытку соединить марксову теорию стоимости с австрийской психологической школой стоимости.

В 1899-1901 в основном находился в эмиграции в Германии, интересовался немецкой философией. По возвращении в Россию сдал экзамены в Казанском университете. Зимой 1901-2 находился под влиянием труда Ф.Ницше «Так говорил Заратустра». Впоследствии написал статью о Ницше для сборника статей «Проблемы идеализма» (1902), который отражал эволюцию «критических марксистов» в сторону идеализма. В 1903-5 в Германии помогал Струве в редактировании журнала «Освобождение» и в июле 1903 был среди создателей либерального Союза освобождения. Вернулся в Россию в октябрьские дни 1905 и присутствовал на 1-м съезде кадетской партии. В 1905-6 Ф. и Струве совместно редактировали либеральные журналы «Полярная Звезда» и «Свобода и культура». В этот период политические взгляды Ф. претерпели значительные изменения: от откровенно враждебных к российскому государству и его политической системе к более эволюционистской позиции; Ф. и Струве совместно развивали энергичную критику утопических политических взглядов и утилитарной этики социалистов. Это послужило основой известного сборника статей «Вехи» (1909), который поставил под сомнение все оттенки революционного мировоззрения. В 1908 Ф. женился на Татьяне Сергеевне Барцевой, у них было четверо детей: Виктор (1909), Наталья (1910), Алексей (1912) и Василий (1920).

Решив, что политика не его призвание, Ф. отдал предпочтение философским исследованиям. После открытия для себя Ницше Ф. испытал также влияние Фихте, Канта и неокантианства; в 1904 опубликовал перевод работы

В.Виндельбанда «Прелюдии». В 1907-8 под воздействием сочинений Гёте и Спинозы Ф. эволюционировал от идеалистической к идеал-реалистической позиции. В последующие годы он синтезировал свои знания по истории философии и собственное мировосприятие.

С 1906 по 1917 Ф. преподавал философию в различных учебных заведениях Петербурга, включая Бестужевские курсы, Политехнический институт, а с 1912 — Петербургский университет. В 1912 он принял православие. В 1913-14, находясь в научной командировке, подготовил в Германии магистерскую диссертацию «Предмет знания» (опубл. Пг., 1915), которая представляла основу его философской системы (защитил диссертацию в мае 1916). В 1917 опубликовал докторскую диссертацию «Душа человека» (осталась незащищенной).

С 1907 Ф. возглавлял философский, а с 1914 — также и литературный отдел журнала «Русская мысль», написал для него много статей. Помещал статьи и в др. журналах, таких как «Критическое обозрение», «Логос». Публиковал переводы книг ряда авторов, в числе прочих Ницше и Гуссерля. В 1917 помогал Струве в редактировании журнала «Русская свобода»; вошел в возглавляемую Струве Лигу русской культуры. В сентябре 1917 Ф. вместе с семьей отправился в Саратов, где занял пост декана только что открытого историко-философского факультета местного университета. Оставался там до 1921; спасаясь от голода, вывозил семью на некоторое время в немецкие поволжские села. Затем вернулся в Москву, где начал преподавать на философском факультете Московского университета; вместе с Бердяевым вел занятия в Вольной Академии духовной культуры. В августе 1922 вместе с группой ученых Ф. был арестован, а затем выслан за границу.

Ф. и его семья прибыли в Германию в конце сентября 1922 и поселились в Берлине. Хотя Ф. знал немецкий язык с юных лет и свободно говорил на нем, ему было нелегко зарабатывать на жизнь. Вместе с Бердяевым Ф. работал в Религиозно-Философской академии, которая, однако, вскоре переехала в Париж и стала одним из интеллектуальных центров русской эмиграции. Он также преподавал в Русском научном институте, который давал молодым эмигрантам из России университетский курс обучения; стал директором института в последний год его существования (1932). Ф. был членом Русского академического союза, вошел в Братство Св. Софии, а также принимал участие в Русском студенческом христианском движении. В 1930-е с приходом Гитлера к власти многие евреи потеряли работу, семья Ф. бедствовала. Определенная помощь пришла от швейцарского психоаналитика Л.Бинсвангера, с которым Ф. познакомился в 1934 и с которым поддерживал активную переписку. В 1937 Ф. вызывался на беседы в гестапо, это послужило причиной его спешного отъезда в конце года из Германии во Францию; семья вскоре последовала за ним.

В Германии Ф. был принужден чем дальше, тем больше вести жизнь затворника, это сказалось на чрезвычайной продуктивности его как философа. В первые годы он написал несколько популярных философских работ для русских студентов: «Крушение кумиров» (1924), «Смысл жизни» и «Основы марксизма» (обе — 1926), статью «Я и мы» (1925). В 1930 он создал самую значительную для того периода работу по социальной философии — «Духовные основы общества». В 30-е Ф. много времени посвящал книге, которая, вероятно, стала его самой известной — «Непостижимое». Работа над ней была начата в Германии, но в той политической обстановке Ф. не смог найти издателя и в конце концов перевел ее на русский язык и опубликовал в Париже в 1939.

В 1938-45 Ф. жил во Франции. Сначала семья поселилась на юге страны в курортном местечке Лавьер, но вскоре Ф. вместе с женой переехал в Париж. Они обосновались в Фонтене-о-Роз, общались с широкими кругами русской эмиграции. Разразившаяся война заставила их снова вернуться на юг Франции, где они жили до августа 1943, затем, спасаясь от голода, перебрались в маленькую деревушку Сен-Пьер-д'Аллевар в горах близ Гренобля. Жизнь там была тяжела, особенно из-за постоянной опасности облав гестапо на евреев. Иногда Ф. и его жена вынуждены были по целым дням скрываться в лесу. Наконец пришло освобождение, и Ф. с женой переехали в Гренобль. В сентябре 1945 они смогли выехать в Англию и воссоединиться с находившимися там детьми. Все эти годы Ф. не прекращал работы, написав книги «С нами Бог» и «Свет во тьме»; последняя, хоть и появилась после войны (1949), но была задумана в те тяжелые годы.

Последние 5 лет своей жизни Ф. провел с дочерью Натальей в Лондоне. Ее муж погиб на войне, и она одна воспитывала двоих детей. Большую часть времени с ними жил сын Ф. Алексей, получивший на фронте тяжелые ранения. Ф. работал над своей последней книгой «Реальность и человек», которая была завершена к концу 1947, но опубликована лишь в 1956. Ф. никогда не отличался хорошим здоровьем, в 1936 и 1938 перенес обострение сердечного заболевания. Удивительно, что он вообще смог справиться с тяготами войны. В августе 1950 у Ф. был обнаружен рак легкого, в декабре он скончался. В период болезни он

испытывал глубочайшие религиозные переживания, которые воспринимал как чувство единения с Христом. «Я лежал и мучился, — говорил он своему сводному брату Льву Заку, — и вдруг почувствовал, что мои мучения и страдания Христа — одно и то же страдание. В моих страданиях я приобщился к какой-то литургии и в ней соучаствовал, и в наивысшей ее точке я приобщился не ко страданиям Христа, а, как ни дерзновенно сказать, к самой сущности Христа».

Ф. отдавал себе отчет, что слишком просто критиковать материалистические идеи и совсем иное — предложить философское обоснование для альтернативного взгляда на мир. Делом его жизни стала попытка создать такое обоснование. Главные идеи Ф. изложены в трех книгах, которые были задуманы как трилогия: «Предмет знания», «Душа человека» и «Духовные основы общества». «Предмет знания», вероятно, наиболее сложная работа Ф. Это — попытка высвобождения теории познания из тисков психологии путем опоры (в получении знаний о мире) на универсальную онтологию или всеединство. Ф. доказывал, что существуют два типа знания: рациональное знание о мире и непосредственный опыт о нем, который также имеет право на существование, т.к. оба — субъект и объект — коренятся в «абсолютном бытии». В работе «Душа человека», следуя характерному для неоплатонизма разграничению между духом (духовным началом), душой и телом, он рассматривал человека как существо с глубокой внутренней жизнью, которая отнюдь не является исключительно продуктом воздействия окружающей материальной среды. Ф. доказывал, что нации так же, как и индивидуумы, имеют душу, и этот довод определял его последующую интерпретацию большевистской революции, истоки которой он связывал с духовным распадом российского национального самосознания. В книге «Духовные основы общества» Ф. использовал понятие «всеединства» для исследования социальной жизни и доказывал, что состояние всех обществ в большей или меньшей степени отражает их связь с Богом. Эта работа представляла попытку пересмотра основ политического либерализма. Поддерживая многие либеральные идеи, Ф. отмечал их неадекватное философское толкование. Он полагал, что свобода и право должны служить абсолютным духовным ценностям. «Либеральный консерватизм» Ф. был одной из многих его попыток примирить идеи личной свободы и религиозно-государственного «всеединства». Трилогия Ф. создавала основу для всесторонней и взаимосвязанной интерпретации мира, которая по широте и смелости взглядов напоминала идеалистические концепции Гегеля и Фихте.

Критика Ф. современного либерализма вплеталась в его трактовку большевистской революции. В статье «De Profundis» (сб. «Из глубины», 1918) он доказывал, что революция разразилась из-за духовной ограниченности консервативной и либеральной оппозиции. Охраняя государство, консерваторы, заявлял Ф., отказались от своих религиозных корней, в то время как либералы, обладая избытком технических знаний и опыта, не понимали того, что государство и закон имеют абсолютную метафизическую ценность. В результате им не хватило твердой воли и убежденности, способной противостоять большевикам. Ф. также сетовал на пассивность русской религиозной культуры. В этой и других своих статьях он воспринимал революцию как симптом разложившейся национальной души, что, по его мнению, вытекало из процесса секуляризации Европы и, как следствие этого, упадка христианской гуманистической традиции.

Ф. не был удовлетворен своей трилогией. В его позднейшие работы были внесены изменения, которые, помимо прочего, обуславливались и переменами во внутренней жизни самого Ф. То, что Ф. в дореволюционный период называл «идеал-реализмом», в начале 1930 превратилось в «религиозный онтологизм». Горький опыт революции и эмиграции заставлял Ф. в поисках ответа на волновавшие его вопросы все чаще обращаться к религии. В статье «Я и мы» он непосредственно связывал жизнь индивидуума с жизнью сообщества и предлагал персоналистическое обоснование социальной жизни, что в дальнейшем (в «Непостижимом») стало одним из элементов его философской картины мира. Таким образом, всеединство «Предмета знания» становилось персональным всеединством и персональным Богом.

С годами творчество Ф. все более приобретало исповедальные черты. Он доказывал, что Бог непостижим вне связи с ним. Ф. утверждал, что страдание, воспринимаемое как возможность приблизиться к Богу, может быть благотворным; при этом он отмечал, что это — его собственный опыт. Будет, видимо, справедливым сказать, что в работе «Непостижимое» Ф. пытался дать феноменологическое описание своего собственного религиозного опыта. Этот труд создавался под сильным влиянием теории «совпадения противоположностей» Николая Кузанского. Ф. доказывал, что знание зависит от сопоставления и выявления связей, от сравнения объектов изучения с их противоположностями. Рассуждение нуждается в диалоге, учете различных мнений, следовательно, уважение к иной точке зрения является определяющим для человеческого общения. Этот вывод был его ответом на философские тео-

рии фашизма и коммунизма, исключающие оппозицию.

Ф. полагал, что истоки трагедий XX в. могут быть найдены не только в политических, но и в философских течениях, и в своих работах пытался это раскрыть, особенно откровенно — в работах периода 2-й мировой войны. Великолепный образец христианской апологетики представляет его сочинение «С нами Бог», посвященное преимущественно вопросам связей человека с Богом, реальности присутствия Бога в человеческой жизни и его провиденциальному участию в мирских делах. Работа была написана в начале войны, когда казалось весьма смелым иметь столь оптимистический взгляд на взаимоотношения человека и Бога. В самые тяжелые дни своей жизни и жизни человечества XX столетия Ф. призывал к христианизации политической и социальной жизни, к созданию христианских обществ, привносящих новый дух в вероисповедание. Наиболее всесторонне и тщательно продуманная концепция его видения послевоенного мира дана в работе «Свет во тьме». Ф. предлагал своего рода христианскую реальную политику, рисовал картину христианского общества без примеси утопических представлений. Это чрезвычайно смелый, впечатляющий труд, редкий для нашего столетия пример зрелой христианской политической философии. Итоговой работой Ф. стала книга «Реальность и человек», задуманная еще во время войны. Ее идея заключалась в объяснении того, что Ф. называл «принципом созидания» мира. На основе новых открытий в науке Ф. доказывал, что человек и материальный мир равным образом созидаются творческим импульсом — Божественным началом, которое создает единство Вселенной.

Философия Ф. всегда была религиозной и соответствовала в большей степени германской, нежели англо-саксонской традиции. Ее основная посылка состоит в том, что все предметы взаимосвязаны и пребывают в абсолютном или всеобщем единстве и что, следовательно, наблюдая мир, наблюдаешь абсолют. Широта и ясность изложения подобного взгляда ставят Ф. в ряд с наиболее выдающимися представителями русской религиозно-философской традиции.

Соч.: Философия и жизнь. Сб. статей. СПб., 1910; Очерк методологии общественных наук. М., 1922; Введение в философию в сжатом изложении. Пг., 1922; Из размышлений о русской революции // Рус. мысль, 1923, № 6-8; Религиозно-исторический смысл русской революции / Проблемы русского религиозного сознания. Берлин, 1924; Пушкин как политический мыслитель. Белград, 1937; Биография П.Б.Струве. Нью-Йорк, 1956; По ту сторону правого и левого. Сб. статей. Париж, 1972; Предсмертное // Вест. РСХД, 1986, № 1; Из истории создания «Вех» (С.Л.Франк. Письма М.О.Гершензону. 1908-1909). Публ. В.Проскуриной и В.Аллоя / Минувшее, вып. 11. М., 1992; Письма С.Л.Франка к Н.А. и П.Б.Струве (1901-1905). Публ. М.А.Колерова // Путь, 1992, № 1; Переписка П.Б.Струве и С.Л.Франка (1922-1925). Публ. М.А.Колерова и Ф.Буббайера // Вопр. философии, 1993, № 2; С.Л.Франк. Из писем М.О.Гершензону (1912-1919). Публ. М.А.Колерова // De Visu, 1994, № 3/4.

Лит.: Сб. памяти Семена Людвиговича Франка. Мюнхен, 1954; Boobbyer Ph. S.L.Frank. The Life and Work of Russian Philosopher, 1877-1950. Athens, 1995.

Арх.: Арх. Бахметьева, Колумбийский ун-т (Нью-Йорк), «Semen Frank Papers».

Ф.Буббайер

Х

ХЕЙФЕЦ Яша (наст. имя Иосиф) (20.1.1901, Вильно — 16.10.1987, Беверли-Хиллз, Лос-Анджелес, шт. Калифорния, США) — скрипач-виртуоз, педагог. Первые уроки на скрипке получил в возрасте трех лет у своего отца, Рувима Х. — выходца из города Пулавы (Польша), скрипача-самоучки, игравшего на свадьбах (клейзмера). С 4-х лет начались занятия под руководством одного из лучших скрипачей и педагогов города И.Малкина, ученика *Л.Ауэра*, преподававшего в Виленском музыкальном училище Русского музыкального общества. Дарование Х. стремительно развивалось. Уже в 1906 он впервые выступил на выставке «Искусство в жизни детей», а 7 декабря исполнил на вечере училища «Пасторальную фантазию» Зингеле и 12 декабря — «Арию с вариациями» Берио. В 1908 он играл «Балладу и Полонез» Вьетана и его слушал Ауэр, высоко оценивший дарование юного скрипача. В следующем году 8-летний Яша исполнил в Ковно с оркестром концерт Мендельсона. В том же году он окончил музыкальное училище исполнением Второго концерта Венявского. Большую помощь в обучении Х. оказало виленское Еврейское общество. Оно же дало средства для переезда семьи в Петербург и поступления Х. в 1910 в Петербургскую консерваторию в класс Ауэра.

Первый год Х. занимался с ассистентом Ауэра — И.Налбандяном, затем перешел в класс профессора. 17.4.1911 состоялся дебют Х. в Малом зале консерватории. В программе были концерты Мендельсона, Второй Венявского (2-я и 3-я части), Рондо-каприччиозо Сен-Санса, Паганини-Ауэр Каприс; аккомпанировал Э.Бай. 30 апреля был исполнен концерт Мендельсона с оркестром под управлением А.Глазунова. Этот же концерт был сыгран 13 мая в Павловском вокзале. Вскоре последовали 3 концерта в Одессе, а также в Варшаве и Лодзи. В том же году вышла первая пластинка с записью игры 10-летнего артиста — «Пчелки» Шуберта и «Юморески» Дворжака («Звукопись», № 215 и 217).

В 1912 Х. исполнял концерты Чайковского, Бруха, Эрнста, Чакону Баха, «Цыганские напевы» Сарасате и др. сочинения. Начало мировой славы Х. положили 7 концертов в Берлине, где он выступал с оркестром Берлинской филармонии под управлением В.Сафонова (24 мая) и А.Никиша (28 сент.). 8 концертов состоялись в других городах Германии — Дрездене, Гамбурге, а также в Праге. Несмотря на то, что Х. играл на 3/4 скрипке, он поражал слушателей полным звучанием необычайной красоты и выразительности, блистательной виртуозностью и легкостью исполнения, энергией и безупречным вкусом. Критика уже тогда отмечала его серьезные достижения в области интерпретации. Лето 1912 Х. провел вместе с Ауэром в местечке Лошвиц (близ Дрездена), где исполнил вместе с Тошей Зейделем Двойной концерт Баха. Немецкая критика назвала Х. «Ангелом скрипки». 4 ноября в Грюнвальде игра Х. была запечатлена на фонографических валиках (хранятся в Пушкинском доме в Петербурге). Он исполнил «Восточную мелодию» Кюи, Гавот Баха-Бурместра, «Прекрасный розмарин» Крейслера (который ему аккомпанировал на одном из вечеров в Берлине) и «Цыганские колокольчики» (автора установить не удалось). В том же году состоялось его выступление в Варшаве на Выставке художников.

В 1913 Х. выступал в Москве, Вильно (где играл концерт Бетховена), Лейпциге и Вене (оркестром дирижировал В.Сафонов). 21 января следующего года он впервые играл в Петербурге концерт Глазунова под управлением автора, выступал в Витебске, вновь дал концерты в Берлине. Эти годы вся семья Хейфецов (у них были еще две дочери, одна из которых занималась на фортепиано в Петербургской консерватории) жила на гонорары, получаемые с концертов Яши. Ауэр поощрял выступления мальчика, считая, что они ему не повредят, ибо он уже был, по его мнению, сформировавшимся артистом. В Германии семью застало начало 1-й мировой войны. Юному скрипачу предложили дать концерты в пользу раненых немецких солдат, но тот отказался. Тогда члены семьи Хейфецов были объявлены пленными и лишь через 4 месяца им удалось вернуться домой.

В 1915 Х. неоднократно выступал в Петрограде, исполнял сонаты Франка, Грига, «Дьявольские трели» Тартини, Первый концерт Паганини (8 апр., единственный раз в жизни) и

его же вариации «Пальпити», а в следующем году — «Кампанеллу», Третий концерт Сен-Санса, множество скрипичных пьес. Он — уже признанный виртуоз, поражавший совершенством игры, безукоризненностью стиля. Лето 1916 Х. провел вместе с Ауэром в Норвегии около Христиании; выступал в городе и на приеме у короля. Американский импрессарио, покоренный его игрой, подписал с юным скрипачом контракт на выступления в следующем году в США.

В 1917 Х. давал концерты в Петрограде и Саратове. В его репертуаре появились концерты Моцарта (A-dur), Конюса, «Вариации на английский гимн» Паганини, «Шотландская фантазия» Бруха, Каприс № 24 Паганини-Ауэра. Последний раз он играл в Петрограде на Концерте-митинге эсеров, где выступал А.Керенский. Путь в Америку из-за войны пролегал через Сибирь. 8 июля семья Хейфецов (кроме дочерей) отплыла на пароходе из Владивостока в Японию, а оттуда в Америку. 27 октября Х. с невероятным успехом дебютировал в Карнеги-Холл. Он исполнил Чакону Витали, Второй концерт Венявского, «Ave Maria» Шуберта-Вильгельми, Менуэт Моцарта, Ноктюрн Шопена-Вильгельми, «Хор дервишей» и «Турецкий марш» Бетховена-Ауэра, «Мелодию» Чайковского и Каприс № 24 Паганини-Ауэра. Аккомпанировал Андрэ Бенуа. Критика отмечала, что «большая аудитория включала всех профессиональных скрипачей, находящихся в радиусе 200 миль», что искусство Х. «переходит границы возможного», что это — «светящееся пророчество», что Х. — «настоящий гений», «концентрация высших скрипичных и музыкальных качеств», что его игра — «проникновенная красота». Х. стал «идолом американской публики» и на протяжении года дал только в Нью-Йорке свыше 30 концертов. Его искусство было запечатлено на 10 пластинках. В следующем году появилось еще 9 записей. Все они сделаны на скрипке Тонони, на которой Х. играл с 13 лет. Затем один из его почитателей предоставил ему для выступлений скрипку Страдивари 1731, позднее Х. приобрел ее в собственность.

С этих пор началась интенсивная гастрольная деятельность Х. В 1939 он утверждал, что уже 4 раза совершил кругосветное путешествие, а по протяженности маршрутов дважды добрался до Луны. В 1920 он впервые выступил в Лондоне, в следующем году совершил большое турне по Австралии. В 1922, 1924, 1925 снова давал концерты в Англии, в 1923 состоялось его длительное турне по Востоку. В 1925 Х. принял американское гражданство. В следующем году прошли его гастроли по странам Южной Америки и Ближнего Востока. Он играл с лучшими оркестрами мира и получал наивысшие гонорары среди исполнителей.

В 1929 Х. женился на известной американской кинозвезде Флоренс Арто (до этого бывшей замужем за выдающимся американским кинорежиссером Кингом Видором). В следующем году у него родилась дочь Жозефа (ставшая впоследствии пианисткой и композитором, занималась в Париже у Д.Мийо), а в 1932 — сын Роберт.

В 1933 состоялась премьера Второго скрипичного концерта М.Кастельнуово-Тедеско «Пророк», посвященного Х. Оркестром Нью-Йоркской филармонии дирижировал А.Тосканини, высоко ценивший талант скрипача. В 1934 Х. приезжал в Россию. Во время проезда через фашистскую Германию он отказался там выступать. 6 концертов артиста в Москве и Ленинграде, выступления перед студентами консерваторий (где он также отвечал на вопросы) прошли с огромным успехом. Его игра во многом перевернула устоявшиеся представления и оказала заметное воздействие на исполнительство и педагогику. Ученый совет Московской консерватории провел специальное заседание, посвященное анализу игры Х. С докладом выступил ученик Ауэра — Л.Цейтлин. Х. были показаны малолетние виртуозы — Н.Латинский, Л.Гилельс, М.Фихтенгольц, Б.Гольдштейн. Х. предложил взять их с собой в Америку для обучения, но не нашел поддержки.

В 1938 Х. снялся в игровом фильме «Shall Play Music», где играл самого себя. Это — первая видеозапись игры великого артиста.

В 1939 Х. впервые исполнил посвященный ему концерт Уолтона. В 1940 купил дом в Беверли-Хиллз, а также небольшой домик неподалеку в местечке Малибу на берегу океана. В том же году начал преподавательскую деятельность в университете Южной Калифорнии (его занятия в мастерклассе запечатлены на пленку в 1952), концертировал в Южной Америке. Во время 2-й мировой войны Х. вместе с *С.Рахманиновым*, М.Андерсен, Ж.Пирсом и др. музыкантами много выступал в госпиталях и перед солдатами. В эти годы он играл на скрипке Гварнери дель Джезу 1742 «Давид», которая ранее принадлежала Ф.Давиду и А.Вильгельми.

В 1945 Х. развелся с женой, а в начале 1947 женился на Френсис Шпигельберг. В следующем году родился его сын Иосиф. К 1950 относятся съемки фильма о Х. — встреча со студентами Калифорнийского университета. В 1953 во время гастролей в Израиле на Х. было совершено покушение — он получил удар металлической палкой по правой руке, что, к счастью, не привело к серьезным повреждениям. Постепенно Х. сокращал свои гастроли, начинал больше играть в ансамбле с *Г.Пятигор-*

ским, У.Примрозом, А.Рубинштейном. Большим событием было выступление Х. с исполнением концерта Бетховена 9.12.1959 в ООН во время одного из юбилеев организации. В 1962 Х. развелся со второй женой и еще более сократил число своих сольных концертов (за этот год он выступил всего 6 раз), зато записал много камерной музыки с Пятигорским, пианистом Л.Пеннарио и др. артистами. В 1968 он практически прекратил выступления. В интервью Х. говорил: «Я исчерпал свою долю гастролей. У меня больше нет интереса к этой карьере». Последние выступления Х., запечатленные на пленке, состоялись в 1970 («Шотландская фантазия» Бруха, Чакона Баха, Пассакалья Генделя, миниатюры). В 1972 Х. дал прощальный концерт в Лос-Анджелесе, где сыграл Сонаты Франка и Р.Штрауса, «Цыганку» Равеля, три части Третьей партиты Баха и миниатюры. Аккомпанировал Брук Смит. В 1975 Х. перенес операцию плеча, что лишило его возможности играть.

Творческая деятельность Х. — блистательная страница мирового скрипичного искусства. Его по праву называли «Паганини XX в.», «Император скрипки». Х. в определенной мере свойственны романтические традиции скрипичного исполнительства, идущие от Венявского, русской школы, связанные с повышенным эмоциональным тонусом, патетикой, драматизацией образов, усилением контрастов. В чем-то его искусство перекликается и с декламационной манерой, свойственной русским певцам, в первую очередь *Ф.Шаляпину*. Эти черты особенно ярко раскрывались в интерпретации им концертов Брамса, Сибелиуса, Вьетана, Чайковского, «Шотландской фантазии» Бруха и др. сочинений. В то же время в манере игры Х. отчетливо проявлялось интеллектуальное начало, предельное внимание к воплощению целостной формы сочинения. В концертах Моцарта, Бетховена, сонатах и партитах Баха он сдержан в выражении, классически величественен, порой даже производит впечатление некоторой холодности, отстраненности. Исполнительскому стилю Х. присущи мужественность, волевой напор, огромный масштаб трактовки, динамичность и поразительная красочность редкого по красоте тембра звучания скрипки. Особая певучесть, свойственная славянской исполнительской школе, пронизывает не только мелодические, но и все технические места. Он широко применял прием portamento, микроглиссендирования пальцев, что приближало звучание его инструмента к выразительному человеческому голосу. Стремление к яркости, светлости тембра подчеркивалось им предельно острой акцентировкой, особым приемом вибрато, при котором преобладает движение пальца вверх от основного тона («я вибрирую только вверх, вверх», «беру ноту чуть выше ожидаемой высоты»).

Всего Х. было записано свыше 200 дисков скрипичных и камерных сочинений. В его репертуаре была практически вся концертная скрипичная литература. Он исполнял на эстраде и вышедшие уже из широкого репертуара произведения — концерты Шпора, Вьетана, Бруха, «Венгерские напевы» Г.Эрнста и др. В то же время он много играл музыку XX в. Представляет большой интерес и недостаточно оцененная педагогическая деятельнсть Х. На протяжении 20 лет он руководил классом скрипичного мастерства в университетах Калифорнии. В классе он много показывал, советовал играть гаммы, этюды Крейцера, сонаты и партиты Баха. Съемки его уроков дают представление о тонких деталях его педагогического метода, обращение к врожденным способностям ученика, его разуму. Он говорил, что «скрипач владеет технологическими элементами потому, что они заложены в нем самом, и, как правило, добивается через свои интеллектуальные способности больше, чем через механические возможности». Он не был сторонником многочасовых занятий, утверждая, что «три часа занятий — счастливая середина, это создает впечатление большой легкости. То, что люди говорят, будто занимаются шесть, семь или восемь часов в день — это смешно. Я не смог бы жить в таких условиях». Среди лучших учеников Х. — Эрик Фридман, лауреат 3-го Международного конкурса им. П.Чайковского в Москве, известный французский скрипач Пьер Амояль.

Х. посвящено много скрипичных сочинений, среди них концерты Кастельнуово-Тедеско, Уолтона, Л.Грюнберга, Третий концерт И.Ахрона, М.Роша, Фантазия на темы оперы Россини «Севильский цирюльник» Кастельнуово-Тедеско, Фантазия на темы оперы Бизе «Кармен» Ф.Ваксмана. Х. — один из крупнейших мастеров транскрипции XX в. Ему принадлежит свыше 200 транскрипций и переложений пьес XIX и XX вв. для скрипки и фортепиано, которые показывают блистательное знание скрипичной выразительности, острое ощущение современного стиля. Наибольшую популярность приобрели из них «Хора стаккато» Г.Динику, 5 фрагментов из оперы «Порги и Бесс» Дж.Гершвина (который собирался написать для Х. концерт), Рондо И.Гуммеля, «Старая Вена» Л.Годовского, «Полет шмеля» Н.Римского-Корсакова, Марш из оперы «Любовь к трем апельсинам» *С.Прокофьева*, «Танец с саблями» из балета «Гаяне» А.Хачатуряна, пьесы Альбениса, Аренского, Ахрона, Бородина, Дворжака, Дебюсси, Сен-Санса, Рахманинова, Вивальди, Баха, Гайдна и мн. др. Ему принадлежат также каденции к концертам Брамса и Моцарта D-dur (KV 218).

Х. был разносторонне развитым музыкантом. Он прекрасно играл на рояле, нередко аккомпанировал в классе Ауэра своим товарищам, одно время работал дирижером «Metropolitan Opera» в Нью-Йорке, писал музыку к некоторым кинофильмам; обладая незаурядным чувством юмора (нередко переходящего в сарказм), записал юмористический диск, имитируя плохую скрипичную игру (под именем «Joseph Hague» — инициалы J.H.), где играл «Интродукцию и рондо-каприччиозо» Сен-Санса, Каприс № 13 Паганини, «Хабанеру» Сарасате, Сонату № 1 Шуберта. Есть его записи с джазовым певцом Б.Кросби и т.д. Х. был прекрасным спортсменом, особенно любил теннис, плавание на яхте, вождение автомобиля.

В Сан-Франциско в музее «Fine Arts» имеется экспозиция, посвященная Х., там же хранится его скрипка Гварнери дель Джезу и организуются, по его завещанию, «Вечера скрипки Гварнери-Хейфеца». Архив Х. находится ныне в Библиотеке Конгресса. Скрипка Страдивари и смычок Киттеля, подаренный Яше его учителем Ауэром, переданы в Музей «Metropolitan Art» в Нью-Йорке. С 1992 на родине Х., в Вильнюсе, проводятся конкурсы им. Хейфеца для молодых скрипачей.

Лит.: Раабен Л. Жизнь замечательных скрипачей. М.-Л., 1967; Roth H. Jascha Heifetz / Master Veolinists in Perfomance. Los Angeles, 1982; Ойстрах И. Памяти Яши Хейфеца // Сов. музыка, 1988, № 4; Axelrod H. Heifetz. 3 ed. New York, 1990; The Strad, 1988, dec. [номер, посвященный Хейфецу].

В.Григорьев

ХЛЫТЧИЕВ Яков Матвеевич (1886, Ростов-на-Дону — 16.4.1963, Белград) — инженер-кораблестроитель, механик. В 1911 окончил кораблестроительный факультет Петербургского политехнического института. В том же году поступил на службу в конструкторское бюро Балтийского судостроительного завода. Одновременно начал заниматься преподавательской деятельностью на кафедре строительной механики Политехнического института. Его научным руководителем вплоть до 1918 являлся крупный специалист в области строительства кораблей профессор И.Бубнов. На этой кафедре в должности доцента Х. читал курс строительной механики корабля и теории упругости.

Весной 1918, когда большинство кафедр института опустело, он уехал из Петрограда в Херсон, где принял участие в организации местного Политехнического института. Пребывание в Херсоне было непродолжительным. В феврале 1920 в город вошли части Красной армии, и ученый принял решение эмигрировать. В трюме французского корабля вместе с женой и коллегой по институту — профессором *С.Тимошенко* — Х. переправился из Севастополя в Константинополь, оттуда выехал в Белград. Здесь он получил место преподавателя технического факультета Белградского университета, в котором к этому времени работало уже немало русских ученых-эмигрантов. В 1937 Х. был избран на должность профессора университета. Он читал студентам курс технической механики и теорию корабельных конструкций. Одновременно Х. вел научную работу по специальности, публиковал результаты исследований (преимущественно в югославских изданиях), набрал группу учеников из числа начинающих сербских ученых. После 2-й мировой войны эта группа учеников и единомышленников Х. на техническом факультете Белградского университета уже называлась его школой.

Многолетняя научная деятельность Х. была отмечена избранием его 10.6.1955 действительным членом Сербской Академии наук и искусств. В этот период он сотрудничал с Машиностроительным институтом «Владимир Фармаковски», продолжал работу над трудами по кораблестроению. Последняя его статья, посвященная вопросу эффективной ширины поперечных балок в корабельных конструкциях, вышла в свет в 1964 уже после смерти автора. Х. являлся организатором первых трех конгрессов по теоретической и прикладной механике в Югославии, к участию в работе которых он привлек ученых из многих стран.

Югославское правительство высоко оценило научный вклад русского ученого, наградив его несколькими государственными орденами.

Лит.: Гласник Српска академиј а наука и уметности, 1967 (за 1963), кн.15, св.1, 2; Зборник радова посвећен преминулом академику Јакову М.Хлитчијеву. Београд, 1970; Воспоминания о П.Ф.Папковиче. Л., 1984.

В.Борисов
Н.Ермолаева

ХОДАСЕВИЧ Владислав Фелицианович (16.5.1886, Москва — 14.6.1939, Париж) — поэт, прозаик, критик. Из дворян. Шестой ребенок в католической семье Фелициана Ивановича Х. и Софьи Яковлевны (урожд. Брафман). Читал с 3-х лет, писал стихи с 6-ти. В 1896-1904 учился в 3-й московской классической гимназии. В 1903 переехал к старшему брату, адвокату М.Ходасевичу, который долгое время поддерживал его материально. В 1904 поступил на юридический факультет Московского университета, осенью 1905 перешел на исто-

рико-филологический факультет, учился с перерывами до весны 1910, но курса не окончил; стал страстным карточным игроком. По одним описаниям, «был большим франтом»; *Дон-Аминадо* вспоминал Х. «в длиннополом студенческом мундире, с черной подстриженной на затылке копной густых, тонких, как будто смазанных лампадным маслом волос, с желтым, без единой кровинки, лицом, с холодным нарочито равнодушным взглядом умных темных глаз, прямой, неправдоподобно худой...».

В 1905 в альманахе московского книгоиздательства «Гриф» было опубликовано три стихотворения Х., в начале 1908 вышел первый его сборник «Молодость: Стихи 1907 года», посвященный М.Рындиной, с которой он обвенчался 17.4.1905 (в дек. 1907 ушла к *С.Маковскому*). Книга отразила спектр ранних влияний, особенно А.Белого и В.Брюсова; В.Гофман нашел в ней «засиженные места русского модернизма», В.Брюсов — остроту переживаний, однако выраженную на среднем уровне. С середины 1900-х Х. в гуще литературной московской жизни: посещал В.Брюсова и телешовские «среды», Литературно-художественный кружок, вечеринки у Зайцевых, печатался в журналах «Весы», «Золотое руно», «Перевал» (секретарь редакции), «Зори», газетах «Руль», «Русские ведомости», «Голос Москвы» и др.; имел отношение к многочисленным скандалам московской богемы. За Х. закрепилась репутация, впоследствии мало изменившаяся: «Со всеми дружа, делал всем неприятности, ...но всем импонировал Ходасевич: умом, вкусом, критической остротой, ...пониманием Пушкина...» (А.Белый). *В.Вейдле* — друг Х. в эмиграции, видел корень сложности его характера в ином: «Трудность эта проистекала из того, что он был ревностно правдив и честен, да еще наделен... трезвым, не склонным ни к каким иллюзиям умом, а с другой стороны — из того, что литературу принимал он нисколько не менее всерьез, чем жизнь...»

В 1910-11 Х. страдал болезнью легких; пережил любовную драму с Е.Муратовой. С конца 1911 у Х. установились близкие отношения с младшей сестрой Г.Чулкова — А.Чулковой-Гренцион; в 1917 они обвенчались. В журнале *П.Муратова* «София» (1914, № 2) Х. напечатал рецензию на первый том «Полного собрания сочинений и переводов» В.Брюсова, где говорил о «пушкинском» характере его ранней поэзии и обновлении им поэтического словаря за счет «тривиального и грубого». В собственном творчестве Х. уже около 1908 наметилась тенденция к обретению оригинального почерка (неоклассицизм). Взятое из пушкинского стихотворения «Домовому» название сборника «Счастливый домик. Вторая книга стихов» (М., 1914) и его содержание совмещали ощущение семейного комфорта с тайной печалью. Трагический мир поэзии Х. складывался под влиянием острого, с детства, чувствования смерти, хрупкого здоровья, приступов одиночества, связанных как с любовными драмами, так и с гибелью матери под колесами пролетки (отец скончался месяцем позже, 1911) и самоубийством ближайшего друга Муни (С.Киссина) (март 1916). В понимании Х., этот трагизм — проявление «орфеева пути», отражение конфликта между «поэзией» и «судьбой». Мотив непрочности физического мира — «кукольного дома», данный в концентрированном виде в стихотворении «Душа», оттенялся декоративными образами рыбок, мышей, сверчков. По определению Н.Гумилева, «европеец по любви к деталям красоты», Х. «все-таки очень славянин по какой-то особенной равнодушной усталости и меланхолическому скептицизму».

В годы 1-й мировой войны Х. сотрудничал в «Русских ведомостях», «Утре России», в 1917 — в «Новой жизни». Из-за туберкулеза позвоночника лето 1916 и 1917 провел в Коктебеле у М.Волошина. После Февральской революции ждал «свободного дыхания» для писателей и приобщения народных масс к высшим ценностям искусства, предпочитал «диктатуру рабочего» буржуазной «диктатуре бельэтажа», но к концу 1917 пришел к выводу, что «при большевиках литературная деятельность невозможна», и решил «писать разве лишь *для себя*». В 1918 совместно с Л.Яффе издал книгу «Еврейская антология. Сборник молодой еврейской поэзии»; работал секретарем третейского суда, вел занятия в литературной студии московского Пролеткульта. В 1918-19 служил в репертуарной секции театрального отдела Наркомпроса, в 1918-20 заведовал московским отделением издательства «Всемирная литература». Принимал участие в организации книжной лавки на паях (1918-19). Из-за голода и холода заболел в марте 1920 острой формой фурункулеза и в ноябре перебрался в Петроград, где получил с помощью М.Горького паек и две комнаты в писательском общежитии. Опыт 1917-20, включая такие события как начало войны и октябрьские бои в Москве, отразил в сборнике «Путем зерна. Третья книга стихов» (М., 1920; Пг., 1922). Стихи «Эпизод», «Обезьяна», «Полдень», «Дом», «Анюте» и др. выдвинули Х. в число первых русских поэтов. Они символически раскрывали мучительность рождения нового, смешение жизни и смерти (евангельский образ в названии сборника и в одноименном стихотворении), утверждали самоценность внутреннего мира поэта («...малое, что здесь, во мне, и взрывчатей и драгоценней, чем все величье потрясений в моей пылающей стране»).

14.2.1921 на пушкинском вечере в Доме литераторов выступил с речью, вызвавшей значительный резонанс. Будучи свидетелем «сумерек культуры нашей» вследствие вызванного войной и революцией «небывалого ожесточения и огрубления», Х. предсказывал второе (после Писарева) «затмение пушкинского солнца» и тосковал о том, что та близость к Пушкину, «в которой выросли мы», уже никогда не повторится.

Середина лета 1921 — начало марта 1922 — период интенсивной поэтической деятельности Х. В конце 1921 он познакомился с *Н.Берберовой*; увлечение ею стало, по-видимому, одной из главных причин его отъезда из России. В мае 1922 Х. оформил в Москве загранкомандировку по линии Наркомпроса для «поправления здоровья» себе и Берберовой. 22 июня втайне от знакомых выехал с ней в Ригу и оттуда в Берлин. Печатался в журнале «Новая русская книга», в газете «Дни», стал одним из инициаторов создания Дома искусств, редактор журнала «Беседа» (1923-25). Жил с Берберовой в семье М.Горького (Сааров, нояб. 1922 — авг. 1923; Мариенбад, дек. 1923 — март 1924; Сорренто, окт. 1924 — апр. 1925), посетил Прагу, Италию, Париж, Лондон, Ирландию, главным образом, в поисках заработка. Из-за близости к Горькому с Х. общались немногие эмигранты, он нередко воспринимался как «советский гость» на Западе. Окончательно рассорился с А.Белым, когда 8.9.1923 на прощальном обеде в ответ на реплику Белого, будто он едет домой, чтобы дать себя распять за всю русскую литературу — заметил, что не может дать ему такое поручение.

Горького, которому Х. посвятил несколько очерков (СЗ, 1937, № 58; 1940, № 70; Возрождение, 1937, 18 марта; 1938, 6 мая), он высоко ценил как личность (но не как писателя), признавал его авторитет, зависел от него материально, видел в нем гаранта гипотетического возвращения на родину, но знал и слабые свойства характера Горького, из которых самым уязвимым считал «крайне запутанное отношение к правде и лжи, которое обозначилось очень рано и оказало решительное воздействие как на его творчество, так и на всю его жизнь».

Покидая Сорренто, Х. знал, что его имя вошло в список писателей и профессоров, подлежавших в 1922 высылке из России; «Счастливый домик» был включен в список запрещенных в РСФСР книг. Если в 1923 Х. еще печатал в советских изданиях «совершенно лояльные и благополучные стихи», то в 1924-25 он опубликовал в берлинских «Днях» статьи о деятельности ГПУ за границей, фельетон о редакторе рапповского журнала «На посту», приспособленце С.Родове, на что тот ответил в «Октябре» (1925, № 2) обвинением Х. в «белогвардейщине», отправив копии своей публикации в ЦК РКП(б), правление ВАПП и др. инстанции, после чего, по словам *Р.Гуля*, «сам Лев Давыдович Робеспьер отозвался о Ходасевиче крайне презрительно». В марте 1925 советское посольство в Риме отказало Х. в продлении паспорта, предложив вернуться в Москву. Отказавшись и уехав в Париж, он фактически стал эмигрантом.

Важным поэтическим событием явилось берлинское расширенное и переработанное издание «Тяжелая лира: Четвертая книга стихов» (1923; впервые: М.; Пг., 1922). Книга выдержана в строго классических формах стиха, но если «Путем зерна» — итог вдохновения, то «Тяжелая лира» — следствие рационализации обретенного метода и трагических сомнений в нем; Х. склоняется к версии символизма, данной Анненским, а не Блоком. Это — наименее пушкинская книга Х. («звуки правдивее смысла»), из «коры» повседневности поэт стремится вырваться к своим «бреду», «боли», «пению дикому».

Шумному Парижу Х. предпочитал пригороды, от постоянной нужды у него возобновился фурункулез, к которому добавились зубная боль и жестокая экзема. Журналистика была для Х. вынужденным занятием; по словам В.Яновского, он «задыхался от нудной работы». До 1926 печатался в «Днях» (редактор лит. отдела) и в «Последних новостях», откуда ушел по настоянию *П.Милюкова*. Разочарование в Горьком, неприязнь к евразийству и «возвращенчеству» обусловили его поправение; с февраля 1927 до конца жизни возглавлял литературный отдел газеты «Возрождение». Был одним из ведущих критиков русского зарубежья. Постоянно полемизировал с *Г.Ивановым* и *Г.Адамовичем*, в частности, о задачах литературы эмиграции, о назначении поэзии и ее кризисе. Совместно с Берберовой писал обзоры советской литературы (за подписью «Гулливер»). Первым высоко оценил произведения *В.Набокова* (Х. — один из прототипов Despite Кончеева в его романе «Дар»), критически относился к романам *М.Алданова*. Неоклассицизм Х. определил неприятие им как нигилизма футуристов, так и «писаревщины наоборот» формалистской критики.

Жил обособленно, в суждениях и вкусах оставался независимым, его уважали как поэта и наставника поэтической молодежи (Ю.Терапиано, В.Смоленский, О.Мандельштам), но не любили. Х. ограничился сообщением на первом собрании общества «Зеленая лампа», созданного в 1928 *З.Гиппиус* и *Д.Мережковским*, и вскоре перестал бывать там. Как вспоминал Терапи-

ано, Мережковский и Гиппиус обвиняли Х. «в неспособности понимать метафизику. Действительно ...Ходасевич не выносил разговоров о «последних вопросах». 4.4.1930 «Возрождение» и «Современные записки» отметили 25-летие творческой деятельности Х.

Итогом его поэтических трудов стала книга «Собрание стихов» (1927; после ее опубл. он напечатал только 8 стих.). Новым в книге был написанный в 1922-27 цикл «Европейская ночь» («Слепой», «Берлинское», «An Mariechen», «Соррентинские фотографии», «Баллада», «Джон Боттом», «Звезды» и др.), в котором различимы новые влияния — *М.Цветаевой*, сюрреалистической образности, переклички с О.Мандельштамом. Романтическая тема конфликта между творчеством и жизнью заканчивается здесь поражением поэзии. Путем использования постсимволистской эстетики достигается диссонанс — подобие экспрессионистского «крика» и «ужаса», возникающего в точке скрещения примет послевоенной Европы с присущими ей ритмами чуждой Х. массовой культуры и «ночных знаний души»; лирический герой везде видит себя «отраженным» и «искаженным». В.Вейдле в отзыве на сборник писал, что Х. «защитился от символизма Пушкиным»; Г.Иванов отозвался о сборнике в ироническом ключе; Г.Адамович утверждал, что лирический герой Х. разделил судьбу всех романтиков, которые противопоставили мир искусства «миру вашему». Берберова позднее высказалась сходным образом: «Пленник своей молодости, а иногда и ее раб (декораций Брюсова, выкриков Белого, туманов Блока), он проглядел многое или не разглядел многого, обуянный страшной усталостью и пессимизмом, и чувством трагического смысла вселенной...»

С 1928 работал над мемуарами; они вошли в книгу «Некрополь. Воспоминания» (Брюссель, 1939) — о Н.Петровской, Брюсове, Белом, Муни, Гумилёве, Сологубе, Есенине, Горьком и др. В книге «Державин» (публ. с 1929; отд. изд. Париж, 1931; М., 1988) Х. изобразил поэта со всеми его человеческими слабостями, отказавшись от идеи «героической биографии»; эта книга прежде всего о «языке» екатерининской эпохи, сделавшем возможным явление предтечи Пушкина. Рефлексия о Пушкине сопровождала Х. всю жизнь («Поэтическое хозяйство Пушкина». Пг., 1924; «О Пушкине». Берлин, 1937 и др.), но намерение написать биографию Пушкина Х. оставил из-за ухудшения здоровья («Теперь и на этом, как и на стихах, я поставил крест. Теперь у меня нет ничего», — писал он 19.7.1932 Берберовой, ушедшей в апреле от Х. к Н.Макееву). В 1933 он женился на О.Марголиной, погибшей впоследствии в Освенциме. Похоронен в предместье Парижа на кладбище Булонь-Бьянкур.

Соч.: Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк, 1954; Собр. стихов (1913-1939). Ред. и прим. Н.Берберова. [Berkeley], 1961; Избранная проза, т. 1-2, Нью-Йорк, 1982-83; Садовский Б.А., Ходасевич В.Ф. Переписка. Ann Arbor, 1983; Стихотворения. Л., 1989; Из переписки В.Ф.Ходасевича (1925-1938). Публ. Дж.Мальмстада / Минувшее, вып. 3. М., 1991; Письма В.Ходасевича к Н.Берберовой. Публ. Д.Бетеа / Там же, вып. 5. М., 1991; Переписка В.Ф.Ходасевича и М.О.Гершензона // De Visu, 1993, № 5.

Лит.: Сирин В. О Ходасевиче // СЗ, 1939, № 59; Вишняк М. Владислав Ходасевич (из личных воспоминаний) // НЖ, 1944, № 7; Письма Максима Горького к В.Ф.Ходасевичу // НЖ, 1952, № 30; Терапиано Ю. Об одной литературной войне // Мосты, 1966, № 12; Письма М.Цветаевой к В.Ходасевичу. Публ. С.Карлинского // Там же, 1967, № 89; Hughes R.P. Khodasevich: Irony and Dislocation: A Poet in Exile // Russ. Lit. Triquarterly, 1973, № 27; Hagglund R.M. The Adamovič—Xodasevič Polemics // SEEJ, 1976, № 20; Гиппиус З. Письма к Н.Берберовой и В.Ходасевичу. Ann Arbor, 1978; Струве Н. «Некрополь» В.Ходасевича // Вест. РСХД, 1978, № 127; Smith G.S. Stanza, Rhythm and Stress Load in the Iambic Tetrameter of V.F.Xodasevič // SEEJ, 1980, № 24; Bethea D. Vladislav Khodasevich: His Life and Works. Princeton, 1983; Левин Ю.И. Заметки о поэзии Вл.Ходасевича // Weiner Slawistischer Almanach, 1986, № 17; Бочаров С.Г. Ходасевич (1886-1939) / Литература русского зарубежья: 1920-1940. Сост. О.Н.Михайлов. М., 1993.

В.Толмачев

Ц

ЦАДКИН Осип Аронович (14.7.1890, Смоленск — 25.11.1967, Париж) — скульптор. Сын школьного учителя Арона Ц. и Софии Лестер, принадлежавшей к роду шотландских кораблестроителей, переселившихся в Россию при Петре I. Детство и отрочество провел в Витебске. Учился в 4-классном городском училище (1900-4); его одноклассником был *М.Шагал*, близким приятелем — Л.Лисицкий. Первые уроки в искусстве получил у живописца Ю.Пэна. В 1905 был отправлен к родственникам матери в городок Сандерленд (Великобритания), с 1906 в Лондоне в Школе искусств и ремесел, где занимался резьбой и высеканием. Приехав погостить в 1907 на родину, исполнил первую монументальную работу из розового гранита — «Героическую голову».

Осенью 1907 Ц. возвратился в Лондон, где продолжил обучение, с 1909 — в Париже, поступил в Школу изящных искусств, в мастерскую Ж.-А.Инжальбера. Однако академическую лепку, прививаемую Инжальбером, Ц. воспринимал как безжизненную имитацию искусства и в 1911 ушел из Школы. Тогда же впервые выставил свои работы в Салоне независимых, вместе с *А.Архипенко* и В.Лембруком. Посещал Русскую академию артистической колонии «La ruche» («Улей») на Монпарнасе, где познакомился с К.Бранкуси, А.Модильяни, Б.Сандраром, Р.Делоне и др. творцами новейшего искусства. Под влиянием общения с поэтами М.Жакобом и Г.Аполлинером начал писать стихи и прозу, обнаружив незаурядный литературный дар. Источником вдохновения для Ц. в эти годы стала романская скульптура, экспрессивные готические статуи, монументальные произведения архаических эпох, творчество Родена. Увлечение африканской пластикой проявилось в деревянной пятифигурной композиции «Иов» (1914).

С началом 1-й мировой войны помощь из дома иссякла; в революционные годы родители Ц. погибли от голода. В 1915 Ц. вступил добровольцем в армию, служил в русском госпитале. Пережив газовую атаку немцев, заболел и в начале 1917 был демобилизован. На организованной совместно с Модильяни и М.Кислингом выставке (1918) показал 25 рисунков на военные темы. Выставка имела большой резонанс в художественной жизни Парижа — здесь читали стихотворения фронтовики Блэз Сандрар и Жан Кокто, а композиторы знаменитой «Шестерки» (Л.Дюрей, Д.Мийо, А.Онеггер, Ж.Орик, Ф.Пуленк, Ж.Тайфер) исполняли свои произведения.

В 1920 состоялась первая персональная выставка Ц. в галерее «Кентавр» (Брюссель), затем выставки в Голландии и Нью-Йорке; первую монографию о Ц. написал в 1921 художественный критик М.Рейналь. В 1920-е работы Ц. стали более свободными, легкими, прихотливо-пластичными. Дальнейшее развитие кубистических приемов привело его к окончательной выработке собственных принципов выпукло-вогнутых плоскостей, формировавших скульптурную форму.

В 1928 вместе с другими мастерами Парижской школы представил свои произведения для экспонирования в русском разделе выставки «Современное французское искусство» в Москве. С конца 1920-х жил в провинции, в 1934 вместе с женой поселился в деревушке Арк.

Излюбленные герои Ц. — мифологические, библейские, театральные персонажи, великие музыканты, живописцы, поэты. Вариации на темы античной классики — статуи «Ниобея», «Дискобол», «Деметра» (кон. 20-х). Под впечатлением поездки в Грецию (1931) родился образ Орфея, который превращался в лиру, реализуя поэтическую метафору «играть на струнах собственного сердца». Сам Ц. виртуозно владел аккордеоном, был тонким знатоком классической и современной музыки. В 1936 завершил работу над деревянной композицией «В честь Баха». В конце 30-х создал проекты памятников А.Рембо, Г.Аполлинеру, А.Жарри, Лотреамону.

Ц. любил сопрягать скульптурные формы с рисунками-граффити: на вогнутых и плоских поверхностях рисовал или гравировал изображения рук, лиц, цветов, иногда — по примеру архаической древневосточной скульптуры — писал целые поэмы. Бурная динамика, могучий пластический ритм, монументальность и безудержная эмоциональность его произведений превратились в поздние годы в драматическую, напряженную экспрессию. Ц. смело совмещал и комбинировал разнообразные материалы — мрамор и известняк, алебастр и хрусталь, дуб и перламутр, цветное стекло и свинец; в деревянных скульптурах обильно применял раскраску, лакировку, полировку, инкрустацию.

Нападение Германии на Францию вынудило Ц. эмигрировать в США. Создал там статуи «Заключенный» и «Воющий Арлекин», выразившие скорбь и горечь ввергнутого в войну человечества. Вернулся в Париж в 1945. Трагическим символом XX в. стал памятник «Разрушенный город», водруженный в Роттердаме в 1953. Фигура агонизирующего человека с вырванным сердцем воплотила ужас кровавой акции гитлеровцев, дотла разбомбивших Роттердам 14.5.1940.

Тема великого художника-творца, ответственного за человеческую культуру, получила продолжение в послевоенном творчестве Ц. В нескольких работах он воплотил образ Ван Гога, которого считал основоположником новейшего искусства: памятник в Овер-сюр-Уаз близ Парижа (1956), бронзовая фигура художника, бредущего по дорогам Франции с мольбертом и этюдником (1963), двухфигурная группа «Братья Ван Гог», соединившая пластические темы и «Орфея», и «Разрушенного города».

Работу Ц.-скульптора сопровождало огромное количество офортов, рисунков, гуашей, часть из них служила иллюстрациями его литературных произведений; вместе с тем в этих композициях явственно ощутим пластический подход.

Диапазон скульптурных работ Ц. очень широк: упрощенные, мощные головы из камня или дерева, обобщенные монолитные женские фигуры, группы из двух-трех фигур, экспрессивные, барочные композиции («Скульптор», 1930; «Менады», 1934; «Homo sapiens», 1934; «Христос», 1939; «Рождение форм», 1949; «Лабиринт», 1950 и др.), портреты. Барельефы Ц. украсили здания в Париже и Брюсселе, его садово-парковая скульптура имеется во многих городах.

Большое влияние на развитие современной скульптуры оказала педагогическая деятельность Ц. — он преподавал в собственной художественной школе, в мастерских академии Гран-Шомьер в Париже. Автор книг «Путешествие в Грецию» (1955), «Три свечи» (1955), «Клетка и птица» (1968).

Соч.: Zadkine Ossip. Le millet et ciseua. Souvenirs de ma Vie. Paris, 1968.

Лит.: Gianou J. Zadkine. Paris, 1964.

А.Шатских

ЦВЕТАЕВА Марина Ивановна (26.9.1892, Москва — 31.8.1941, Елабуга) — поэт. Из дворянской семьи. Отец ее, Иван Владимирович Ц. — сын сельского священника, филолог-классик, профессор истории искусств в Киевском и Московском университетах, директор Румянцевского музея, основатель Музея изящных искусств в Москве (ныне Музей изобразительных искусств им. А.Пушкина), член-корреспондент Петербургской Академии наук, доктор honoris causa Болонского университета. Мать — Мария Александровна Мейн — из богатой семьи обрусевших немцев, талантливая пианистка, рано (в 1905) умерла. В 1903-5 Ц. жила в Швейцарии и Германии, училась в частных школах; в 1909 приезжала в Париж, слушала лекции в Сорбонне, изучала французскую поэзию. Писала стихи с 6 лет, печаталась — с 16. Впечатления детства, чувство доверия к жизни нашли отражение в первых сборниках Ц. «Вечерний альбом» (1910), изданном ею самой, и «Волшебный фонарь» (1912); рецензенты (М.Волошин, Н.Гумилев, В.Брюсов) увидели их новизну в тематике, документализме. Ранние увлечения Ц. (Л.Чарской, Э.Ростаном, Наполеоном) незначительно сказались на ее творчестве.

В мае 1911 в Коктебеле Ц. познакомилась с С.Эфроном, обвенчалась с ним в январе 1912; в 1913 родилась их дочь Ариадна (Аля), в 1917 — Ирина. Переходный сборник «Юношеские стихи, 1912-1915» и стихи 1916 (сб. «Версты», 1921), в которых Ц. отказывалась от прежней камерности, наметили ближайшие этапы ее поэтического восхождения. Дружила в эти годы с Волошиным. Ни к одной из литературных группировок не принадлежала — ни к символистам, несмотря на близость к ним и обожание ею А.Блока, ни к акмеистам, хотя любила А.Ахматову, дружила с О.Мандельштамом; чужда была футуристам, но интересовалась В.Маяковским и В.Хлебниковым.

Студентом 1-го курса Московского университета С.Эфрон уехал в 1914 на фронт с санитарным поездом, позднее поступил в юнкерское училище, в ноябре 1917 оказался на Дону и в результате гражданской войны — в Галлиполи, в Константинополе, затем — в Чехословакии. Ц. осталась в Москве с детьми в тяжелых бытовых и морально-психологических условиях, усугублявшихся открытым восхвалением ею белого движения. П.Антокольский ввел Ц. в круг актеров вахтанговской 3-й студии МХТ. Для них Ц. написала цикл пьес: «Метель», «Фортуна», «Каменный Ангел», «Червонный валет», «Феникс», «Приключение» (объединенные впоследствии общим названием — «Романтика»); при чтении они имели шумный успех, но ни одна не была поставлена. Бывшим студийцам, «спутникам юной поры» Ц. посвятила «Повесть о Сонечке» (1938), написанную после известия о смерти актрисы студии С.Голлидей. Пыталась (неудачно) служить в Народном Комиссариате по делам национальностей (1918). Осенью 1919 в отчаянии отдала дочерей в Кунцевский приют, где им было обещано

полное обеспечение, но вскоре забрала домой заболевшую Ариадну; 2.2.1920 в приюте умерла Ирина.

По просьбе Ц. И.Эренбург разыскал за границей Эфрона (тот поступил на философский факультет Пражского университета), и 11.5.1922 Ц. с дочерью уехала из России — не сломленная, состоявшаяся как личность, как шедший к зрелости поэт (В.Лосская). В Праге получала скромное пособие чехословацкого правительства, выступала на вечерах поэзии и прозы, ей помогали друзья (С.Андронникова-Гальперн и др.). Быт Ц. оставался трудным, но, как отметил *М.Слоним*, «дар Ц. достиг наивысшей полноты именно в изгнании, в безвоздушном пространстве чужбины»; «после разбега, взятого в Праге», творческий расцвет ее продолжался до начала 30-х. В Берлине, где она провела два месяца, были изданы книги «Стихи к Блоку», «Ралука» (обе — 1922), «Ремесло», «Психея. Романтика» (обе — 1923); в Праге — «Поэма Горы» (Версты, 1926, № 1), «Поэма Конца» (сб. «Ковчег», 1926), в журнале «Воля России» опубликованы «Попытка Комнаты» (1928, № 3), сатирический «Крысолов» (1925, № 4-8, 12; 1926, № 1), «Деревья» (1926, № 8/9), «Поэма Лестницы» (1926, № 11; 1927, № 10), «Полотерская» (1925, № 1), созданы лирические стихи, в которых нашла высшее выражение ее оригинальная поэтика — «цветаевская манера», трагедии «Ариадна» (1924, опубл. под названием «Тезей» — Версты, 1927, № 2) и «Федра» (СЗ, 1928, № 36, 37).

После рождения 1.2.1925 сына Георгия (домашнее имя Мур) Ц. решила уехать в Париж, надеясь найти новые возможности печататься, более широкую аудиторию; 31 октября покинула Прагу. Надежды Ц. укрепил успех ее вечера в феврале 1926: чтение стихов, в том числе отрывков из «Лебединого стана», воспевающего белую гвардию, вызвало восторженные аплодисменты, а отчеты о вечере появились во всех эмигрантских газетах. Главный внутренний нерв жизни Ц. в 1926 — переписка с Б.Пастернаком и Р.Рильке. Обнадежила и перемена отношения к ней *Д.Мирского*, в свое время назвавшего Ц. «распущенной москвичкой» и не включившего ее стихи в антологию «Русская лирика» (1924), а после выхода поэмы-сказки «Молодец» (Прага, 1924) и личного знакомства ставшего ее другом и поклонником ее поэзии. Творчество Ц. последних лет он рассматривал в контексте достижений Блока, Маяковского, Пастернака; на смену прежней легкости стиха пришла многослойная глубина, полифония, отразившая перемены в мироощущении. Однако существенно осложнила отношения Ц. с видными литераторами-эмигрантами ее статья в журнале «Благонамеренный» (Брюссель, 1926, № 2) «Поэт о критике» (с дополнением в виде «Цветника» — цитат из критических выступлений *Г.Адамовича*, иллюстрировавших произвольность и легковесность его оценок). В ней Ц. задела также *М.Осоргина*, *Ю.Айхенвальда*, А.Яблоновского. Не имевшая личной подоплеки вражда Ц. и Адамовича оказалась длительной и глубокой: Адамовичу, ценившему акмеизм — поэтическую сдержанность и ясность, был чужд дух поэзии Ц. Она позволила себе вступить в спор и с неназванными прямо *И.Буниным* и *З.Гиппиус*, подвергнув сомнению их предвзятые отзывы о Блоке, Есенине, Пастернаке. Гиппиус отозвалась о «Поэме Горы» как о «запредельном новшестве» по форме и почти непристойности по содержанию.

До 1932 гонорары из «Воли России» были основным писательским заработком Ц. Печаталась также в «Верстах», «Ковчеге», «Своими Путями», «Числах», «Окне», «Встречах» и др., но в наиболее авторитетных эмигрантских изданиях — «Современных записках» и «Последних новостях» — ее стихи не понимали, безжалостно сокращали, подвергали нелепой цензуре. Резкое письмо Ц. в редакцию «Последних новостей» по поводу откладывания статьи о ее погибшем друге, поэте Н.Гронском, привело к разрыву (1935). Последняя публикация Ц. «Сказка матери» была искажена до неузнаваемости. В «Современных записках» ее стихи шли в общей подборке, завершая алфавитную очередность. Единственная книга стихов Ц. — «После России. 1922-1925» (Париж, 1928) — раскупалась плохо, вызвала отрицательные рецензии, за исключением откликов Слонима, *В.Ходасевича* и *П.Пильского*. Сторонники классической стройности и строгости упрекали Ц. в словесной и эмоциональной расточительности, анархичности, избыточной страстности, слишком «прерывистом дыхании» и «револьверной дроби» размеров, считая романтизм вышедшим из моды и не приемля «органический», «природный романтизм» Ц., определявший как ее личные отношения — взлеты и поражения в дружбе, в любви, так и принадлежность к литературной школе. Только Ходасевич сумел оценить Ц. как поэт поэта; убежденный приверженец классической поэтики, он еще в 1925 назвал «восхитительной» поэму-сказку «Молодец», увидев в ней талантливейший образец поэтической обработки народной сказки средствами, отличными от пушкинской традиции.

Немалую роль в усилившейся враждебности к Ц. сыграла публикация ею в газете «Евразия» приветствия приехавшему в Париж Маяковскому, что эмигрантская пресса расценила как одобрение советского режима. После того, как журнал «Версты» (1926-28) прекратил свое существование, а в евразийском движе-

нии произошел раскол, Эфрона в 1929 обвинили в апологии революции и большевиков, в искажении евразийских идей. Все это отразилось на Ц., далекой от политических страстей мужа, на материальном положении семьи. Оказавшись «белой вороной» в эмигрантской среде, она пыталась найти выход к французскому читателю: в 1931 перевела на французский поэму «Молодец» (иллюстрированную *Н.Гончаровой*), в 1934 написала на французском «Письмо к амазонке», несколько автобиографических миниатюр в прозе: «Шарлоттенбург», «Мундир», «Приют», «Машинка для стрижки газона», но опубликовать ничего не удалось.

Слоним справедливо назвал поэзию Ц. кинетической, построенной на движении и полете слов и ритма. В 1931-32 чувствуется замедление темпа и увеличение объема прозы: ее легче было печатать, платили за нее больше. Более глубокая причина — в обстановке парижского периода; лишь благодаря исключительной стойкости Ц. выдержала все удары судьбы. Укрепила ее психологически и переписка с Б.Пастернаком (началась в 1922, заглохла к 1935-36).

Проза Ц. разнообразна: «Мои службы» (СЗ, 1925, № 26), «Вольный проезд» (там же, 1924, № 21), «Октябрь в вагоне» (Воля России, 1927, № 11/12); статьи «Поэт и время» (там же, 1932, № 1/3), «Живое о живом» — о Волошине (СЗ, 1933, № 52, 53), «Пленный дух» — об А.Белом (там же, 1934, № 55), «Мой Пушкин» (там же, 1937, № 64); проза об отце, его музее (ПН, 1933, 1 февр.; 17 сент.; «Встречи», 1934, № 2), о матери — «Мать и музыка» (СЗ, 1935, № 57), о детстве — «Черт» (там же, 1935, № 59), «Башня в плюще» (ПН, 1933, 16 июля) и др. Даже скупой на похвалы Бунин одобрительно отозвался о лирической прозе Ц. Стихи Ц. 30-х — «Куст» (СЗ, 1936, № 62) и др. — о таинственной связи человека и природы — подтвердили суждение Ходасевича о постоянном развитии как особенности таланта Ц. Уже в лирике чешских лет мощно зазвучала трагедийная тема человека, удушаемого современной цивилизацией. «Стихи к Чехии» (нояб. 1938, март 1939) не уступают лучшим образцам любовной лирики Ц. Последние годы в эмиграции отмечены созданием поэмы «Перекоп», «Стихов к Пушкину» (СЗ, 1937, № 63 — с изъятием многих строф, не пропущенных редакцией).

Ц. писала о себе: «Не дал мне Бог дара слепоты», она оказалась единственной «зрячей» в собственной семье, все члены которой, кроме Ц., стремились к возвращению в СССР. Своей чешской подруге, писательнице и переводчице А.Тесковой, Ц. писала в феврале 1931: «Все меня выталкивает в Россию, в которую — я ехать не могу. Здесь я не нужна. Там я невозможна». Первой уехала весной 1937 Ариадна, имевшая право, достигнув совершеннолетия, принять любое подданство. Еще в июне 1931 подал прошение о советском паспорте Эфрон, убежденный в том, что Ц. не понимает «великого эксперимента», совершаемого в Советской России. Он активно участвовал в деятельности созданного в 1925 Союза возвращения на родину; предполагается, что около 1933 его завербовал иностранный отдел НКВД. Замешанный в делах об «исчезновении» в Париже генерала Миллера, возглавлявшего Российский общевоинский союз, и в Швейцарии — Игнатия Рейсса, сотрудника НКВД, не пожелавшего вернуться в СССР, Эфрон в октябре 1937 поспешно уехал в Гавр, а оттуда пароходом — в Ленинград. 22 октября у Ц. на квартире произвели обыск; на допросе в Surtée National она, ничего не зная о подпольных делах мужа, заверяла чиновников в его честности, цитировала «то ли Корнеля, то ли Расина», читала французские переводы Пушкина. Во 2-й декаде июня 1939, не видя иного выхода, вернулась в СССР. Поселилась с семьей в Болшево, под Москвой, где 27.8.1939 была арестована Ариадна (реабилитирована в марте 1955); 10.10.1939 арестован Эфрон (расстрелян 16.10.1941, посмертно реабилитирован в 1956). В Москве Ц. не имела постоянного жилья, зарабатывала на жизнь переводами; единственная публикация в СССР — стихотворение пражского периода «Старинная песня» (журнал «Тридцать дней», 1941, март). Пастернак просил А.Фадеева принять Ц. в Союз писателей или хотя бы в члены Литфонда, что дало бы ей материальные преимущества, но получил отказ, ее приняли лишь в групком литераторов. 8.8.1941 Ц. с сыном эвакуировалась в Елабугу. После тщетных попыток найти там или в Чистополе, где жило много писателей, работу, она покончила с собой, повесившись утром 31.8.1941, оставив письмо Н.Асееву и его жене с просьбой позаботиться о сыне. Похоронена 2.9.1941 на Елабужском кладбище. Г.Эфрон (Мур) в ноябре 1943 поступил в Литературный институт на факультет прозы; направлен на фронт в конце мая или начале июня 1944, смертельно ранен 7.7.1944 под деревней Друйка (в районе Полоцка).

«Возвращение» Ц. в литературу в России началось в 1956, когда в альманахе «Литературная Москва» были напечатаны 7 ее стихотворений, затем еще 42 — в альманахе «Тарусские страницы» (1961); с 1961 выходили сборники избранных произведений. На Западе ее проза и стихи печатались в более полном виде с 1953, в том числе неизданные прежде «Лебединый стан» (Мюнхен, 1957), «Перекоп» (Воздушные

пути, 1967, № 5), обширная переписка, а также воспоминания современников о Ц. В 1982 в Лозанне состоялся 4-й международный симпозиум, посвященный Ц., в 1992 в Москве и Париже — международные конференции. Признанная одним из величайших европейских поэтов XX в., Ц. знала и ощущала, что слово «есть высший подарок Бога человеку», ее новаторство в сфере поэтического языка рождалось из необходимости воплотить глубинное художественное знание. Как всякий сильный человек, заметил И.Бродский, она в чем-то была абсолютно беззащитна и не делала тайны не из чего, опираясь на презумпцию доверия и понимания со стороны читателя; «Ц.-поэт была тождественна Ц.-человеку, между словом и делом, между искусством и существованием для нее не стояло ни запятой, ни даже тире; Ц. ставила там знак равенства». «Бес разрушения», видевшийся некоторым в ней, на самом деле — живое негодование перед любым насилием, угнетением в жизни и в искусстве. Для чее не существовало ни преград, ни запретов, ни ограничений, ни полуправды. «Ц. — поэт крайностей только в том смысле, что «крайность» для нее не столько конец познанного мира, сколько начало непознаваемого». Она «поэт в высшей степени посюсторонний, конкретный, точностью деталей превосходящий акмеистов, афористичностью и сарказмом — всех», «поэт.., возможно, самый искренний в истории русской поэзии». «В стихотворениях Ц. читатель сталкивается не со стратегией стихотворца, но со стратегией нравственности, ...с искусством при свете совести ...с их — искусства и нравственности — абсолютным совмещением.., сила Ц. именно в ее психологическом реализме» (И.Бродский).

Значительная часть архива Ц. (черновые тетради, записные книжки, письма и т.д.), находящаяся в РГАЛИ, по распоряжению ее дочери, А.Эфрон, закрыта до 2000.

Соч.: Проза (предисл. Ф.Степуна). New York, 1953; Избр. произведения. Вступ. ст. Вл.Орлова. Сост., подг. текста, примеч. А.Эфрон, А.Саакянц. М.-Л., 1965; Несобранные произведения. München, 1971; Избр. проза: В 2-х т. 1917-37. Предисл. И.Бродского. New York, 1979; Соч.: В 2-х т. М., 1980; Стихотворения и поэмы: В 5-ти т. New York, 1980-90; Рильке Р.М., Пастернак Б., Цветаева М. Письма 1926 года. М., 1990.

Лит.: Karlinsky S. Marina Tsvetaeva: The Woman, her World and her Poetry. Cambridge (Mass.), 1985; Саакянц А. Марина Цветаева. Страницы жизни и творчества (1910-1922). М., 1986; Ее же. «Все понять и за всех пережить!» М., 1993; Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. Париж, 1988; Лосская В. Марина Цветаева в жизни. Неизданные воспоминания современников. Нью-Йорк, 1989; М., 1992; Кудрова И. Версты, дали... Марина Цветаева: 1922-1939. М., 1991; Lossky V. Chants de femmes. Paris, 1994.

Т.Красавченко

ЦЕРЕТЕЛИ Ираклий Георгиевич (псевд. К.Ц.; Вирильский) (20.11.1881, Кутаиси — 21.5.1959, Нью-Йорк) — политический, государственный и общественный деятель. Отец — Г.К.Церетели, из родовитой дворянской, но обедневшей семьи, грузинский писатель, просветитель, общественный деятель, ученик и последователь Н.Чернышевского — оказал большое влияние на нравственное воспитание сына. Гимназистом Ц. увлекся русской литературой. Печатался с 14 лет в еженедельнике отца «Квали» («Борозда») как поэт. Осенью 1900 Ц. поступил на юридический факультет Московского университета. Принимал участие в студенческом движении: входил в Исполком объединенных землячеств и организаций, а с конца 1901, в дни студенческих волнений, возглавил его. Ц. — автор листков и брошюры «Наша борьба», излагавших взгляды и требования студентов. После подавления волнений в числе других сослан на 5 лет в Иркутск, в 1903 возвращен по амнистии. В ссылке Ц. написал первую книгу — «Старые русские революционеры, их деятельность и их заветы» (Тифлис, 1903, на груз. яз.)

Вернувшись в Тифлис, Ц. вступил в РСДРП и вошел в местный социал-демократический комитет. Участвовал в работе 2-го съезда Кавказского союза РСДРП, выступил с резкой критикой ленинских идей партийного строительства, в результате чего не был избран в состав Комитета, но назначен редактором легального еженедельника «Квали». После его закрытия (март 1904), спасаясь от ареста, Ц. уехал в Германию, где поступил на юридический факультет Берлинского университета; включился в политическую деятельность русских социал-демократов. Был среди участников 1-й общерусской конференции партийных работников (Женева, май 1905). Вскоре тяжелая болезнь заставила его вернуться на родину. Осенью 1906 Закавказский областной комитет РСДРП выставил кандидатуру Ц. во 2-ю Государственную думу. Ц. одержал убедительную победу; стал членом аграрной комиссии и председателем социал-демократической фракции. Первое же выступление в Думе начал с обличения политики правительства Столыпина. Оно привлекло к личности Ц. широкое общественное внимание. Ц. являлся делегатом 5-го съезда РСДРП (Лондон, май 1907), участвовал во фракционных собраниях меньшевиков; сблизился с П.Аксельродом. Выступил с докладом на съезде о деятельности социал-демократической фракции Государственной думы, и в этот же день в Петербурге было начато следствие против фракции, обвиненной в организации т.н. «военного заговора».

2.6.1907, выступая с думской трибуны, Ц. предупреждал о готовящемся государственном перевороте, а на следующий день 2-я Государственная дума была распущена, социал-демократическая фракция арестована, а ее лидер осужден на 5 лет каторжных работ с заменой, по состоянию здоровья, 7 годами одиночного заключения в Александровской каторжной тюрьме с последующим поселением в селе Усолье под Иркутском. В Усолье вокруг Ц. сложилась социал-демократическая группа «сибирских циммервальдистов», в которую вошли В.Войтинский, С.Вайнштейн. Им удалось выпустить по одному номеру «Сибирского журнала» (1914), а после его закрытия — «Сибирского обозрения» (1915). В них напечатаны и статьи Ц. — «Война и Интернационал» и «Демократия среди воюющей России».

После получения в Иркутске известий о Февральской революции Ц. принял участие в создании Комитета общественных организаций, Совета рабочих депутатов, Военной организации. 19.3.1917 вернулся в Петроград, включился в политическую деятельность; вошел в состав Исполкома Петроградского Совета. Вместе с *Ф.Даном* Ц. стал лидером господствовавшего в меньшевизме центристского течения «революционных оборонцев». На Всероссийском совещании Советов (29 марта — 3 апр.) выступил с докладом об отношении к войне, предлагал «мобилизовать все живые силы страны... для укрепления фронта и тыла». 5 мая решением Петроградского Совета Ц., пользовавшийся большим авторитетом, был введен в состав 1-го коалиционного Временного правительства в качестве министра почт и телеграфов, был одним из признанных лидеров меньшевистско-эсеровского блока. «Из правоверного марксиста и прирожденного миротворца, — по словам *П.Милюкова*, — вышел замечательный специалист по межпартийной технике». Ц. принимал участие во Всероссийской конференции меньшевистских и объединенных организаций РСДРП (май 1917), которая высказалась за полную и безусловную поддержку коалиционного Временного правительства. На 1-м Всероссийском съезде Советов Ц. обосновывал в своем выступлении необходимость единения всех сил, чтобы не допустить распада государства и гражданской войны, утверждал, что «в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть». В ответ на реплику Ленина — «Есть!» — Ц. заявил, что власть должна быть достаточно сильной, «чтобы противостоять тем, кто решается на эксперименты, опасные для судеб революции». На съезде был избран членом Президиума ВЦИК.

Попытки проведения большевиками 10 июня демонстрации Ц. оценил как заговор для низвержения правительства и захвата власти. Ц. входил вместе с М.Терещенко и А.Керенским в состав делегации для переговоров с Украинской Центральной Радой относительно состоявшегося 4 июня провозглашения автономии Украины. В результате переговоров было достигнуто компромиссное соглашение, которое, однако, вызвало протест и привело к правительственному кризису. В новом кабинете Ц. занял пост управляющего министерством внутренних дел (8-24 июля). 18 июля вместе с *В.Черновым* Ц. добился внесения поправки в закон о выборах в Учредительное собрание, лишавшей избирательных прав членов семьи Романовых. По состоянию здоровья и «устав» от правительственных дел, 24 июля Ц. вышел из правительства, предпочтя сосредоточиться на работе в Советах. Он рассматривал Советы как «временные леса», которые легко можно убрать, когда будет достроено здание буржуазного государства. На Государственном совещании (авг.) он заявил, что имущие классы должны думать не об облегчении бремени налогов, а о жертвах во имя государства. Широкую известность получила сцена символического рукопожатия социалиста Ц. и видного промышленника А.Бубликова на сцене Большого театра, где проходило совещание. В августе Ц. принимал участие в работе Объединительного съезда РСДРП, избран членом ЦК от оборонческого большинства. 6 сентября после принятия Петроградским Советом большевистской резолюции «О власти» Ц. вместе со всем эсеро-меньшевистским Президиумом Совета сложил свои полномочия. Участвовал в работе Демократического совещания (14-18 сент.). Предложил создать постоянный представительный орган, перед которым правительство будет нести ответственность вплоть до созыва Учредительного собрания — Временный Совет Российской Республики (Предпарламент, образован 20 сент.). В дни октябрьского переворота — на Кавказе на лечении.

10 ноября на заседании Собора земств и городов Ц. предлагал создать «демократический центр, который должен быть противопоставлен узурпаторам власти». В декабре 1917 дважды арестовывался. 5.1.1918 на Учредительном собрании Ц. выступил с большой и страстной речью и огласил декларацию: «Социал-демократическая фракция призывает весь рабочий класс России отвергнуть неосуществимые и гибельные попытки навязать всей революционной демократии... диктатуру меньшинства и грудью встать на защиту полновластия Всероссийского Учредительного собрания..., требовать, чтобы все органы власти, возникшие на почве гражданской войны, признали верховную власть Учредительного собрания».

После разгона большевиками Учредительного собрания Ц. уехал в Тифлис, где включился в общественно-политическую жизнь Грузии. Как депутат Учредительного собрания от Закавказского избирательного округа вошел в состав Закавказского Сейма, который объявил вскоре после Брестского мира об отделении Закавказья от России. Выступая 13 апреля в Сейме, по поручению социал-демократической фракции заявил об отказе подписать Брест-Литовское соглашение. В надежде избежать турецкой оккупации Ц. на заседании Закавказского правительства 26 мая объявил о выходе Грузии из состава Федерации и о провозглашении государственной независимости. Выступая на Грузинском национальном собрании, особо подчеркнул, что «в Грузии дело национальной независимости, дело демократии... не должно делаться большевистскими методами». В феврале 1919 — апреле 1920 Ц. — член делегации Грузии на мирных конференциях в Версале и Сан-Ремо.

В феврале 1921 большевистская Россия аннексировала и оккупировала Грузию. Грузинская демократическая республика прекратила существование. Ц. оказался в эмиграции во Франции, а с 1940 — в США. Он являлся представителем грузинской социал-демократии в Международном социалистическом бюро, членом Исполкома II Интернационала. Противился антирусским настроениям большинства грузинской социал-демократии, распространившимся после оккупации Грузии Красной армией и подавления антисоветского восстания в Грузии в 1924. На этой почве отказался представлять интересы грузинских социал-демократов в Рабочем Социалистическом Интернационале. С середины 20-х приступил к работе над мемуарами, которые печатались в Швеции в 1928-29; полностью изданы посмертно отдельной книгой (1963) в США. В 1933 Ц. помогал *Б.Николаевскому* в спасении Русского социал-демократического архива. Писал биографические очерки о соратниках и друзьях, статьи по актуальным проблемам. В день похорон Ц. А.Керенский отметил, что он «воскреснет в памяти народа, когда снова в России и в Грузии, которые нераздельно владели его сердцем, опять послышится голос чести и свободы, которым он так беззаветно служил».

Соч.: Из воспоминаний о думской работе / Тернии без роз. Женева, 1908; Речи И.Г.Церетели в России и на Кавказе, т. 1-2, Тифлис, 1918; Речи И.Г.Церетели. Пг., 1927; К национальному вопросу // Воля России, 1930, № 5/6; Российское крестьянство и В.М.Чернов // НЖ, 1952, № 29; Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963, т.1-2.

Лит.: Дан Ф.И. Ираклий Церетели // Нов. раб. газета, 1913, № 56; Войтинский В.С. Годы борьбы и поражений. Берлин, 1924, кн.2; Вишняк М. И.Г.Церетели // Соц. вест., 1959, № 6; Николаевский Б.И. И.Г.Церетели: (Страницы биогр.) // Там же, 1959, № 6-12; 1960, № 2/3; Roobol W. Tsereteli. A Democrat in the Russian Revolution. A Political Biography. 1976.

В.Крылов

ЦЕТЛИН Михаил Осипович (псевд. Амари, Мих. Ос.) (28.6.1882, Москва — 10.11.1945, Нью-Йорк) — поэт, прозаик, критик, редактор, издатель. Из богатой еврейской семьи чаеторговцев. Окончил московскую гимназию Ф.Клеймана. Из-за болезни (костный туберкулез) в университет не поступал, но получил хорошее домашнее образование; был человеком разносторонней культуры, владел основными европейскими языками. Участвовал в революции 1905-7; член эсеровской партии, материально поддерживал ее и после того, как в 1908 отошел от политики, чтобы избежать ареста. Преследовался как член редакционной комиссии издательства «Молодая Россия», вынужден был в 1907 эмигрировать вместе с Марией Самойловной (урожд. Тумаркина, в 1-м браке — Авксентьева), с которой в 1910 обвенчался во Франции. М.Цетлина активно поддерживала все начинания мужа. Супруги жили во Франции и Швейцарии, много путешествовали.

В первой книге Ц. «Стихотворения» (М., 1906), уничтоженной цензурой, содержались стихи революционно-гражданской направленности. Сборник «Лирика» (Париж, 1912) выдержан в традициях лирической поэзии XIX в., проникнут радостным волнением, ощущением счастья; о нем писали В.Брюсов, *В.Ходасевич*. В издательстве «Зерна» (которое Ц. субсидировал) в 1916 вышла книга «Глухие слова (Стихи 1912-1913 гг.)». В ней продолжалась тема любви, пейзажная живопись словом, но вместе с этим нарастала тоска по родине, по Москве. В стихах (нередко подражательных) ощущается какая-то нерешительность, неуверенность в себе. Эти черты характера Ц. не раз отмечали его современники. Ц. понимал, что обладает скромным поэтическим дарованием; ориентировался на тютчевскую традицию. О себе писал: «...С одним я народом скорблю / (С ним связан я кровью); / Другой безнадежно люблю...» Печатал стихи в журналах «Русская мысль», «Новый журнал для всех», «Современный мир», «Вестник Европы», «Заветы». Узнав о Февральской революции, возвратился на родину и около года прожил в Москве; печатался в газетах «Черниговский край», «Вольный Урал», в сборнике «Весенний салон поэтов» (М., 1918). Октябрьскую революцию не принял; осенью 1918 вы-

ехал вместе с семьей *А.Толстого* в Одессу, в 1919 — за границу.

Обосновавшись в Париже, Цетлины жили на широкую ногу, в их литературном салоне могло быть одновременно до 100 человек, как это было на вечере в пользу *И.Бунина*, организованном Комитетом помощи русским писателям. Дочь Ц. Ангелина утверждала, что ее «родители никогда не причисляли себя к белой эмиграции, оставаясь верными эсерам». В своем салоне, наряду с писателями, они собирали политических деятелей — эсеров и кадетов.

Сборник стихов «Прозрачные тени» (Париж; М., 1920) тяготел по содержанию и стилистике к изысканности. Характерно своей нарочитой красивостью стихотворение «Ожерелье» («Алмазы радости ... черные печали жемчужины ... осколки уничтоженных рубинов» и т.п.). Стихотворение «Возвращение» выразило отношение Ц. к России: «...Я так стремился к тебе / и еле тебя узнаю: / Вдохновенную, мерзкую, злую, святую, / И, быть может, только не ту, не мою, / А другую, другую!» В 1923 Цетлины издали три номера альманаха «Окно».

Ц. бывал на «воскресениях» у Мережковских и на заседаниях «Зеленой лампы». На первом собрании (5.2.19127) прочитал доклад «О литературной критике». В беседе «Русская интеллигенция как духовный орден» (по поводу речи *И.Фондаминского*) говорил: «Пусть мы часть России, попавшая в трудное, трагическое положение. Но и Советская Россия тоже находится в трагическом положении. Мы физически лишены родины, почвы. Они лишены свободы... Кому хуже? Обоим... Будем избегать греха гордыни, не будем думать, что мы соль земли. Нет, мы соль без земли и все же есть в нас соленость, и мы не должны ее потерять. Между Россией и эмиграцией есть, я верю, духовное взаимодействие... В этом смысле мы должны быть обращены «лицом к России»...» В статье «Эмигрантское: Критические заметки» (СЗ, 1927, № 32) предпринял попытку подытожить спор о зарубежной русской литературе, выразив сомнение в способности молодых стать достойной сменой старшему поколению писателей-беллетристов: «старшие» «принесли на подошвах комочек земли из своих уездов, унесли с собою родину», этого нет у «молодых», но они могут «войти в литературную жизнь Запада и тем обогатить и осложнить приемы и формы письма».

В «Современных записках» публиковал «Литературные заметки», очерки «На литературные темы», статьи «Племя младое: (О Серапионовых братьях)» (1922, № 12), «О современной эмигрантской поэзии» (1935, № 53), портретные зарисовки: «Короленко, человек и писатель» (1922, № 37), «О Чехове» (1929, № 40), свыше 60 рецензий, в том числе на произведения А.Толстого, *Д.Мережковского, Б.Зайцева, М.Алданова, М.Осоргина, В.Набокова*. Руководил поэтическим отделом журнала, писал о стихах *К.Бальмонта, Н.Берберовой, З.Гиппиус, Дона-Аминадо, Е.Кузьминой-Караваевой, Б.Поплавского, Н.Тэффи, З.Шаховской* и др. Рецензировал литературно-критические работы *П.Бицилли* и *Д.Мирского*. Критические суждения Ц. отличались оригинальностью, например, в рецензии на книгу «Роза Иерихона» Бунина (1924) он высказал мысль, что непримиримость писателя к большевистской революции связана с его «классическим духом», которому «чуждо все нечистое, смешанное, ублюдочное, всякая ложь и компромисс».

Рецензируя биографические романы С.Сергеева-Ценского и Ю.Тынянова (1929), отдавал предпочтение художественным биографиям, когда автор — не романист, а биограф — стремится «только вчувствоваться в подлинную данную личность своего героя, осветить и оживить сухие документы, скорее воссоздать, а не сотворить». Таким принципам отвечала книга Ц. «Декабристы: (Судьба одного поколения)» (Париж, 1933) — по определению М.Алданова, «высокий образец историко-биографической литературы». Ц. изображал декабристов (кроме «средневекового рыцаря» Лунина) не как героев, а как средних, обычных людей, отмечая, что сама «атмосфера Александровского времени была оппозиционной»; из описываемых Ц. «мелочей» возникает «замечательная картина исторической трагедии» (Алданов). В стихотворной книге о декабристах «Кровь на снегу» (Париж, 1939) Ц. воссоздал образ «России Николая»: «...Внутри развращена, больна, / Но миру робкому — пока / Ее недуг точил не зримо — / Она казалась велика / Безрадостным величьем Рима». Вместе с тем Русь видится поэту «в буйном камзоле», в безудержности «чуд», он призывает: «...Против себя же крепи / Выстрой, о, русский люд!» Однако, писал Ц., «ключ свободы» «не вовсе замерз» — «друзья 14-го» (декабря) будут жить в каждом последующем поколении.

После вторжения Гитлера во Францию Цетлины эмигрировали в США, где вместе с Алдановым Ц. основал «Новый журнал», опубликовал в первых его номерах отрывки из книги «Пятеро и другие» (Нью-Йорк, 1941), которую ставил в один ряд с «Жизнью Тургенева» Зайцева и «Державиным» Ходасевича. В книгу вошли романизированные портреты В.Стасова, М.Глинки, М.Балакирева, А.Бородина, М.Мусоргского, а также Н.Римского-Корсакова, А.Даргомыжского, В.Серова, Ц.Кюи. Наиболее интересны портреты Мусоргского и особенно Балакирева, с симпатией изображен Стасов.

В редакционной статье номера «Нового журнала» говорилось, что, издавая единствен-

ный русский журнал вне СССР, редакция открывает его страницы писателям разных направлений, но «в известных пределах: люди, сочувствующие национал-социалистам и большевикам, у нас писать не могут». Однако личные черты Ц. — мягкость, доброжелательность, терпимость — оборачивались порой нетребовательностью. Тем не менее о его вкусе свидетельствует публикация рассказов Бунина, романа Алданова «Истоки», произведений Зайцева, Набокова, Осоргина, Яновского, воспоминаний *М.Чехова, М.Добужинского, А.Гречанинова, В.Ипатьева, Б.Бабкина*, бывшего советского дипломата А.Бармина, И.Гессена. Среди авторов публицистического отдела были *П.Милюков, П.Сорокин, Г.Федотов*, В.Войтинский, А.Керенский, А.Гольденвейзер, *В.Чернов, М.Вишняк, Б.Николаевский*, Г.Аронсон, Д.Далин и др.

В последние годы жизни Ц. работал над книгой о символистах (многих из них он знал лично). Отрывки под названием «Восьмидесятые годы» публиковались в «Новом журнале» после смерти Ц. (1946, № 14). Умер Ц., редактируя 11-й номер журнала. М.Цетлина продолжала его издание, а затем предприняла издание журнала «Опыты».

Лит.: Гуль Р. «Новому журналу» 45 лет // НЖ, 1986, № 162; Доминик-Цетлин А. Из воспоминаний / Евреи в культуре рус. зарубежья, вып.1. Иерусалим, 1992.

А.Ревякина

ЦИМБАЛИСТ Ефрем Александрович (9.4.1889 [по др. св. 1890], Ростов-на-Дону — февр. 1985, Филадельфия) — скрипач, композитор, педагог, дирижер, музыкально-общественный деятель. Родился в семье профессионального скрипача и дирижера оперного оркестра. Интерес к музыке и рано проявившиеся исключительные способности мальчика заставили отца серьезно отнестись к его музыкальному образованию. Он давал ему первые уроки, а в 9 лет Ефрем уже поразил театральную публику, возглавляя оперный оркестр отца и выступая с концертами. В 1901 отец повез его в Петербург, где мальчик был принят в консерваторию. Огромную роль в становлении творческой личности молодого скрипача сыграли занятия в классе профессора *Л.Ауэра* и по композиции — у профессора Н.Римского-Корсакова, от которого Ц. унаследовал высокие художественные идеалы. Композитор А.Глазунов, в ту пору директор Петербургской консерватории, услышав на выпускном экзамене (1907) игру Ц., записал в экзаменационном листе: «Колоссальный талант. Передача вдохновенная, полная настроения. Впечатление потрясающее. Вне сравнений!» Ц. был удостоен золотой медали и премии им. Антона Рубинштейна.

Восторженные отзывы сопровождали выступления Ц. в Берлине (7.11.1907) и Лондоне (9.12.1907), где он блестяще исполнил концерты И.Брамса, П.Чайковского, «Испанскую симфонию» Э.Лало под управлением прославленного дирижера Ханса Рихтера. «Это, конечно, гений среди скрипачей», — писал корреспондент из Лондона. После триумфального исполнения 1.1.1910 в Лейпциге концерта Чайковского со знаменитым дирижером Артуром Никишем Ц. подписал контракт на гастроли в США. 27.10.1911 состоялся его американский дебют с Бостонским симфоническим оркестром. Впервые в США Ц. блестяще исполнил скрипичный концерт А.Глазунова.

Горячий прием в США, обилие предложений, контрактов открывали перед молодым артистом заманчивые перспективы; Ц. решился избрать США местом своего постоянного пребывания. В течение почти полувека артист вел напряженную концертную деятельность. С его искусством познакомились миллионы слушателей не только в Америке и Европе, но и в Африке, Азии, Австралии. Он совершил два «кругосветных» турне, покрыв в 1916 расстояние в 30 тыс. миль, а в 1920 — в 50 тыс. миль. До 1939 артист совершил 7 поездок на Восток, культура которого оставила определенный след в его творчестве. В 1914 Ц. женился на известной оперной и концертной певице (сопрано) Альме Глюк, с которой часто выступал в концертах в качестве пианиста и дирижера. Ряд сохранившихся записей свидетельствует о замечательном ансамбле двух музыкантов. Для А.Глюк Ц. написал ряд романсов, создавал обработки народных песен, как, например, «Две украинские народные песни» — «Виють витры» и «У сусида хата била».

Обладая огромным репертуаром, Ц. с большим успехом проводил ретроспективные «исторические» циклы концертов, исполняя музыку композиторов XVII-XX вв. Незабываемое впечатление оставляло исполнение артистом масштабных полотен: концерты Брамса и Чайковского, Мендельсона и Глазунова, передаваемых им в трепетном лирико-драматическом ключе. Он превосходно интерпретировал и современную музыку (посвященные ему концерты Ч.Стока и Д.К.Менотти). Обладая исключительным виртуозным мастерством, он с ослепительным блеском исполнял собственную Фантазию на темы оперы Римского-Корсакова «Золотой петушок» и в то же время своей мягкой певучей манерой игры придавал особое очарование концерту ре-мажор Н.Паганини, в котором одним из первых исполнил труднейшую каденцию Э.Соре, развеяв легенду о ее неисполнимости. Сдержанно

и сосредоточенно звучали в его исполнении произведения Баха и Бетховена, романтической свежестью чувств отличались сонаты и Венгерские танцы Брамса. Обладая талантом перевоплощения, Ц. славился и как подлинный мастер инструментальных миниатюр, где его талант тонкого лирика захватывал слушателей обаянием филигранного мастерства, изысканностью красок, передачей тончайших оттенков чувств и настроений.

В 1934 и 1935 Ц. с огромным успехом гастролировал в СССР. «Он буквально околдовывал слушателей элегантной виртуозностью, — вспоминал Д.Ойстрах, — Хейфец побеждал публику, подчиняя ее себе силой своего искусства; Цимбалист очаровывал, обращаясь к глубоким тайникам души и сердца... В художественной палитре Цимбалиста есть все краски, ему подвластны все «тайны» инструментальной выразительности, но он пользуется ими в мягкой, пожалуй, только ему одному присущей манере... Цимбалист неповторим, потому что в его игре нет ничего внешнего, эффектного, идущего от желания поразить или удивить... но за этой «простотой» и легкостью таится беспредельное мастерство виртуоза..., ни до него, ни после я никогда больше не встречал, чтобы в игре скрипача были настолько исключены малейшие случайности... Филигранная отточенность исполнения — результат великолепного таланта, напряженной работы, блестящей школы».

Очень скоро Ц. занял особое место в музыкальной жизни США. Своей концертной, а затем и активной педагогической деятельностью он оказал «огромное влияние на исполнительское искусство этой страны, создав, по существу, скрипичную школу, широко известную теперь во всем мире» (Д.Ойстрах). С 1928 он преподавал в Кёртис-институте в Филадельфии, где с 1941 по 1968 был также и директором, сменив на этом посту прославленного пианиста И.Гофмана. Особенно плодотворной была педагогическая деятельность артиста в последние десятилетия его работы. Достаточно сказать, что к 90-м почти все скрипачи прославленного Филадельфийского симфонического оркестра являлись его воспитанниками. Среди учеников Ц. — артисты с мировым именем, лауреаты международных конкурсов (Ш.Ашкенази, Х.Судзуки, О.Шумский, Н.Кэрол и др.). Вместе с тем творческие импульсы его таланта были столь сильны, что оказывали воздействие далеко за границами США. По признанию японских музыкантов, выступления Ц. у них в стране содействовали становлению японской скрипичной школы.

Примечательно, что и в области педагогики незримые нити постоянно связывали Ц. с родиной. Он признавался, что всю свою артистическую жизнь оставался по духу русским артистом, приверженцем лучших достижений русской педагогики с ее стремлением к развитию индивидуальности, подчинению технических средств раскрытию глубин художественного содержания («я всячески старался развить неповторимое своеобразие каждого, научить каждого говорить своим голосом»). Эти принципы, унаследованные от ауэровской школы, артист неизменно отстаивал в педагогической работе. В его классе постоянно звучали концерты Чайковского, Глазунова, «Концерт-ная сюита» Танеева, многочисленные пьесы и транскрипции (в том числе и его собственные) произведений Глинки, Чайковского, Римского-Корсакова, Скрябина, *Рахманинова*. Своей исполнительской, транскрипторской и педагогической деятельностью Ц. внес огромный вклад в популяризацию русского искусства.

Хотя «прощальный» концерт великого артиста состоялся в Нью-Йорке 14.1.1949, он, однако, возвращался на сцену неоднократно в 1950-е. В 1952 Ц. исполнил (впервые) посвященный ему скрипичный концерт Менотти, в 1955 — концерт Бетховена с Филадельфийским оркестром.

Исключительно велик был международный авторитет скрипача. В числе самых выдающихся музыкантов мира его постоянно приглашали на ответственнейшие музыкальные соревнования творческой молодежи. В 1958-70 он принимал участие в работе жюри четырех Международных конкурсов им. П.Чайковского.

Современники не раз подчеркивали особую гармоничность, утонченность и изысканность художественной натуры Ц. Широко эрудированный музыкант, владевший несколькими языками, он глубоко знал и любил искусство. Артист был известен как почитатель старинных рукописей и антикварных книг, в его собрании была огромная коллекция скрипок и музыкальных инструментов народов мира. Экзотическую часть коллекций составляли китайские росписи по шелку и вазы, японские гравюры и ткани.

Созданные Ц. опера «Ландара» (1956), музыкальная комедия «Нектар» (1920), с успехом поставленные на сценах США, симфонические произведения и концерты для скрипки, для фортепиано, для виолончели с оркестром, соната, сюита в старинном стиле, квартет и ряд др. камерно-инструментальных произведений свидетельствуют о незаурядном композиторском даровании музыканта и широте его творческих горизонтов.

Лит.: Ямпольский И. Е.Цимбалист // Сов. музыка, 1934, № 8; Ойстрах Д. Ефрему Цимбалисту — 75! // Там же, 1965, № 4; Applebaum S. E.Zimbalist / The Way they Play, vol.1. Neptune, 1971; Руденко В. Е.Цимбалист (вступ. ст. к грампластинке). «Мелодия», 1983.

В.Руденко

Ч

ЧЕЛИЩЕВ Павел Федорович (21.9.1898, Калуга — 31.7.1957, Гротта-Феррата, близ Рима) — живописец, график, сценограф. Сын богатого помещика. Получил хорошее домашнее образование. В юности готовился к медицинской карьере, увлекался математикой, танцами, занимался в детской художественной школе в Москве (1907). Позднее решил посвятить себя живописи: посещал художественные классы при Московском университете (1916-18), брал частные уроки у художника Большого театра К.Корасне по рисунку костюма (1917). Переехав с семьей в Киев в 1918, учился там в монастырской иконописной мастерской, в 1918-20 — в Академии художеств, в годы учебы брал частные уроки у *А.Экстер* и А.Мильмана. В этот период испытывал влияние идей кубизма и конструктивизма. Весной 1919 участвовал в декорировании Киева (исполнил монументальное панно «Бой красных с белыми» и «Бой артиллериста»). В том же году впервые попробовал себя в качестве сценографа: выполнил эскизы костюмов и декораций для неосуществленной постановки оперетты Сидни Джонса— Ивана Кариля «Гейша» в театре К.Марджанишвили (Марджанова) в Киеве. В его творчестве ощущалось большое влияние Доре, Винкеля, *Бакста*. В августе 1919 вступил в Добровольческую армию, служил картографом. В 1920 вместе с остатками армии через Севастополь эмигрировал в Константинополь.

Там он зарабатывал росписью интерьеров кабаре, работал над рядом балетных постановок Б.Князева и над шестью постановками балетной труппы В.Зимина. В 1921 уехал в Софию, где для российско-болгарского издательства оформил книгу «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев». Затем перебрался в Берлин. В 1921-23 работал над оформлением спектаклей и эстрадных представлений для театра «Синяя птица», для Русского романтического театра и театра Кёниггрэтцерштрассе. Оформил в экспрессионистском духе постановки «Золотой петушок» и «Савонарола» для Берлинской оперы.

С 1923 обосновался в Париже. Испытал увлечение астрологией и оккультизмом, много читал, особенно Данте. Начал писать картины в сюрреалистической манере. Впервые выставил свои работы в «Galerie Henry», но признание ему принесло участие в Осеннем салоне 1925. Своей известностью он был во многом обязан Г.Стайн, купившей несколько его натюрмортов. Вскоре он познакомился с К.Бераром и вошел в возглавляемую им группу «неоромантиков», первая выставка которой состоялась в 1926 в галерее Друэ. Под влиянием эстетики романтизма Ч. писал портреты и фигуры в манере, напоминавшей Пикассо «голубого периода»: «Обнаженная», «Рене Клевер» (1926). Интерес к пейзажу и портрету в этот период отразили его негативную реакцию на модное абстрактное искусство. Художник все время находился в процессе поиска, о чем свидетельствует, например, использование разнообразных «нехудожественных» материалов (морского песка, проволоки, воска и т.д.) — портрет Эдин Ситуэлл (1927). В 1928 провел персональную выставку в галерее Клэридж (Лондон), а в 1929 — в галерее «Pierre» (Париж).

В 1920 работал как художник-декоратор у *С.Дягилева*: в 1927 исполнил декорации и эскизы костюмов к балету *Н.Набокова* «Ода» (либретто Б.Кохно на сюжет оды М.Ломоносова «На величие Божие», пост. *Л.Мясина*, театр Сарры Бернар). По воспоминаниям постановщика, «декорации состояли исключительно из света, из кинематографа... Всевозможные световые эффекты: электрические, фосфорические, прозрачные поверхности, тюли...». Ч. любил путешествовать, в 1926 он посетил Тунис, в 1927 — Алжир.

В 30-е продолжал работать как художник и как сценограф. Сохранился его интерес к портрету, причем, как правило, позировали ему его друзья: Ч.Г.Форд, Э.Ситуэлл и др. Работал в традиционной манере («Княгиня Наталия Палей», 1932; «Монро Уилер», 1935) и в сюрреалистической («Явление», 1936-38). Персональные выставки прошли в галереях «Balzac» (1931), «Vignol» (1931), «Arthur Tooth» (1933, 1935, 1938), «Julian Levy» в Нью-Йорке (1934, 1937, 1940), «Arts Club» в Чикаго (1935), «Smith College Museum of Art» в Массачусетсе (1937). Также участвовал в выставках: в Музее современных искусств в Нью-Йорке (1930), в «Wanlsworth Athene» в Хартфорде (1931), в «Galerie des Quatre Chemins» в Париже (1939). По мнению Ш.Уильямс, его можно назвать «частным» художником, работающим

под патронажем семей-меценатов, как, например, Ситуэллы.

В 30-е сотрудничал с *Дж.Баланчиным*, оформив балеты «Скиталец» Шуберта (Театр Елисейских полей, 1933), «Волшебство» Моцарта («Ballet Russe de Monte Carlo», 1936 и 1938), «Орфей» Глюка («Metropolitan Opera», 1937), «Концерт» Моцарта, «Аполлон-Мусагет» и «Балюстрада» *И.Стравинского* («New York City Ballet», театр «Colon», Буэнос-Айрес, 1940) и др.

В начале 2-й мировой войны с помощью Ситуэллов перебрался в США, в 1942 принял американское гражданство. В картинах американского периода сочетал анатомические формы с фантастической архитектурой и вымышленными пейзажами: «Дом сумасшедших», «Фата-Моргана», «Хрустальный грот», «Детство Орсона», «Прятки», «Ищите и обрящете». Провел персональные выставки в «Durlacher Bros» в Нью-Йорке (1942, 1945, 1948), в «Julian Levy» (1942), в «Hanover Gallery» в Лондоне (1949), а также участвовал в выставке «Искусство и прогресс» в Музее современных искусств в Нью-Йорке (1944). В 1949 путешествовал по Европе, посетил Париж, Венецию, Лондон. Поселился в Италии.

В 1950-е пришел к абстрактной живописи. Его излюбленным мотивом стали спирали в пространстве и сложные симметричные узоры, напоминающие планетарную модель атома. Динамизм всегда был отличительной чертой искусства Ч.; он пришел к своей органической концепции реальности, где каждый предмет сферичен, очистил свои композиции от простой горизонтали, от плоскости, от прямого угла и заставил неподвижные формы двигаться. Большие персональные выставки состоялись в Нью-Йорке («Durlacher Bros», 1951), в Мичигане (Институт искусства, 1952), во Флориде («Worth Avenue Gallery», 1952), в Лондоне («Hanover Gallery», 1952), в Париже (галерея «Левого берега», 1954, 1956), в Милане («Galleria del Naviglio», 1955).

Наиболее удачную оценку творчеству Ч. дала Ш.Уильямс: «Челищев ни к кому не примыкает. Его творчество нельзя классифицировать, присвоив ему ярлык какого-либо художественного направления... Художник большого чувства и незаурядного мастерства, он всегда оставался в стороне. Всегда участвуя в важных выставках, никогда — или почти никогда — не был их звездой. Одно время он считался необычным сюрреалистом, человеком идей, часто эксцентричных. Но если заглянуть глубже — он одарен замечательной способностью к почти фигуративному (иногда полностью фигуративному) мастерству, стоящему выше академической образности. Он отдает предпочтение почти монохромной палитре, но это служит только для того, чтобы подчеркнуть его академическое мастерство в объемах и контурах. Если некоторые его работы имеют не вполне современный вид, то это все-таки вид безусловного качества мини-мастера, произведения которого легко можно поставить на аукционе рядом с гигантами».

В 60-70-е мемориальные выставки Ч. состоялись в Париже, Лондоне, Нью-Йорке. Представлен в Музеях современного искусства в Париже и Нью-Йорке, галерее Тэйт в Лондоне, в Третьяковской галерее и во многих частных коллекциях.

Лит.: Gagg S. Pavel Tchelitchew as a Twentieth Century Humanist. Cleveland, Ohio, 1972; Боулт Дж. Художники русского театра. М., 1994; Художники русской эмиграции (1917-1941). СПб., 1994.

И.Купцова

ЧЕРЕПНИН Николай Николаевич (15.5.1873, Петербург — 26.6.1945, Париж) — композитор, дирижер, педагог. Происходил из обедневшего дворянского рода. Его отец, Николай Петрович Ч. — известный петербургский врач, связанный с широкими кругами художественной интеллигенции, близко знакомый с М.Мусоргским, А.Серовым, Ф.Достоевским. Музыкальное образование в гимназические годы Ч. получил у профессоров Петербургской консерватории В.Демянского, Н.Шишкина, дирижера К.Зике. Поступив в 1891 по настоянию отца в Петербургский университет на юридическое отделение, Ч. не перестал заниматься музыкой и в 1893, не уходя из университета, поступил в консерваторию, сначала на фортепианное, а через некоторое время — на композиторское отделение. Учась в классе у Н.Римского-Корсакова, он много и старательно работал, пользуясь симпатией и особым вниманием со стороны великого композитора и педагога. Уже первые сочинения молодого Ч., созданные в студенческие годы, обнаружили крепкие связи с традициями «Могучей кучки», а представители ее — М.Балакирев и Ц.Кюи — охотно оказали ему поддержку. В 1896 в Ораниенбауме прозвучало первое крупное симфоническое произведение молодого композитора — «Принцесса Греза», очень тепло принятое публикой.

По окончании консерватории в 1898 (диплом юриста, полученный после завершения обучения в университете в 1895, так и не пригодился в жизни) началась активная творческая деятельность Ч. Как композитор он работал в разных жанрах: писал кантату «Сарданапал» по мотивам драмы Байрона, две симфонии, хоры, романсы, инструментальные ансамбли. В них заметны поиски новых музыкально-выразительных средств. В это время особенно близким Ч.

оказался французский импрессионизм с его картинной изобразительностью, тонкими нюансами гармонических и оркестровых красок. Проявлял себя Ч. и как дирижер. Среди продирижированных им опер в Мариинском театре — «Сказание о невидимом граде Китеже», «Снегурочка» Римского-Корсакова, «Нерон» А.Рубинштейна, «Кавказский пленник» Кюи, «Кармен» Ж.Бизе.

Жизнь и творчество Ч. в начале XX в. развертывалась в атмосфере многообразных контактов со своими великими современниками — *С.Рахманиновым*, А.Скрябиным, *С.Прокофьевым, И.Стравинским*, А.Глазуновым, А.Лядовым. Он участвовал в деятельности объединения «Мир искусства», создав музыку к балетам для антрепризы *С.Дягилева*. Первым балетом Ч. — «Павильон Армиды» (на либретто *А.Бенуа* по мотивам Т.Готье, со сценографией А.Бенуа в постановке *М.Фокина*) — открылись в Париже в 1907 дягилевские Русские сезоны. В 1911 был создан и поставлен второй балет по «Метаморфозам» Овидия и либретто *Л.Бакста* «Нарцисс и Эхо» (сценография Бакста, пост. Фокина, дирижировал, как и первым балетом, Ч.). Известный музыкальный критик и ученый П.Асафьев назвал этот балет «нежно-благоуханной поэмой любви».

Наряду с музыкальным театром Ч. много работал в жанрах оркестровой, хоровой и камерной музыки. В предреволюционные годы, самые продуктивные в творческом отношении, были написаны Симфониетта памяти Римского-Корсакова, Торжественная кантата для хора, вокальный цикл «Из Гафиза», 6 музыкальных иллюстраций к «Сказке о рыбаке и рыбке» для фортепиано (оркестрованы позже). Особое место в творчестве Ч. занимала духовная музыка. В 1906-14 им были созданы 3 литургии, а в 1918 — «Всенощная».

Весной 1918 музыкальная общественность отметила 20-летие творческой деятельности Ч., а летом того же года, оставив службу в Петроградской консерватории, Ч. с семьей уехал в Тифлис, где продолжалась его деятельность оперного и симфонического дирижера и педагога. Он проработал директором Тифлисской консерватории 3 года. В 1921, получив приглашение от *А.Павловой* из Парижа написать музыку для спектакля и продирижировать им, Ч. уехал из Грузии. Он предполагал пробыть в Париже один сезон, однако вернуться оттуда более не смог.

Тесно связанный с литературно-художественными кругами русской эмиграции, Ч., как известный дирижер, много выступал во вновь открывшихся антрепризах «Русской оперы». Он принимал участие в гастролях по разным городам Европы и Америки, имел в репертуаре русскую классику. Особенным успехом в его исполнении пользовались оперы «Князь Игорь» А.Бородина и «Борис Годунов» М.Мусоргского. На всю жизнь Ч. остался верен балетному театру, написав в общей сложности 9 балетов и несколько балетных сцен. Работы 1920-х — «Зачарованная птица» («Русские сказки»), «Роман мумии» и др. — были написаны для парижского театра музыкальных миниатюр; в них блистали А.Павлова, *Ида Рубинштейн*. Последний балет — «Золотая рыбка» — был создан в 1937 по мотивам «Сказки о рыбаке и рыбке» Пушкина.

В 1923 по инициативе Ч. в Париже была создана Русская консерватория, в которой он проработал почти до конца жизни. Будучи и директором, и педагогом ее, он отказался получать деньги за свой труд, считая, что те малые средства, которыми располагала консерватория, должны быть отданы более нуждающимся.

Ч. никогда не оставлял мысль о возвращении на родину, он так и не принял французское подданство. Мысли о России находили выход в сочинении произведений на национальные сюжеты, в обращении к русскому фольклору, в интересе к древнейшим пластам церковной культуры. Свою первую оперу «Сват» (1929) Ч. написал по пьесе А.Островского «Бедность не порок». К 1930 относится сочинение второй оперы — «Ванька-ключник» по мотивам пьесы Ф.Сологуба. Ч. продирижировал этой оперой в Белграде, где она была с успехом поставлена в 1933 (одно из последних дирижерских выступлений Ч.). В своих операх композитор талантливо претворил традиции национальной бытовой комической оперы. Ч. также занимался редактированием и оркестровкой русских опер «Мельник, колдун, обманщик и сват» Соколовского, «Сорочинская ярмарка» Мусоргского, которая была поставлена и исполнена под управлением Ч. в «Metropolitan Opera» Нью-Йорка. В годы эмиграции Ч. создал 13 духовных хоров, 7 из которых были изданы в Нью-Йорке.

В годы 2-й мировой войны семья Черепниных бедствовала, живя в оккупированном немецкими фашистами Париже. Из воспоминаний современников известно, что рукописями сочинений Ч. приходилось зимой растапливать печку. Дружба с эмигрантами-грузинами, почитавшими заслуги русского композитора, давала некоторые средства к существованию; благодаря их поддержке удалось исполнить в 1944 в зале Плейель одно из последних сочинений Ч. — «Грузинские погребальные песнопения», посвященные памяти Палиашвили и Баланчивадзе.

С великой радостью воспринял Ч. весть о разгроме гитлеровских войск, по-прежнему мечтая о возвращении в Россию. Однако немногим более месяца спустя он скоропостижно скончался от сердечного приступа и был похо-

ронен на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Дело Ч. продолжил его сын — Александр Николаевич Ч. — композитор, пианист, педагог. Ему принадлежат ряд опер, балетов, симфонических произведений и др.; он активно содействовал музыкальному образованию в различных странах: Японии и Китае (1934-37 — директор Шанхайской консерватории, консультант при министерстве просвещения Китая, глава Токийского музыкального издательства), Франции и США (1949-64 — вел класс композиции в Чикагском университете); он также много концертировал в странах Европы и Азии; его сыновья — Сергей и Иван, — верные музыкальным традициям семьи, также стали композиторами.

Соч.: Черепнин Н. Воспоминания музыканта. Л., 1976.

Лит.: Рассказывает Александр Черепнин // Сов. музыка, 1967, № 8; Томпакова О.М. Николай Николаевич Черепнин. Очерк жизни и творчества. М., 1991.

Ю.Розанова

ЧЕРНОВ Виктор Михайлович (псевд. Вечев Я., Гарденин, Ленуар В., Оленин Б., Тучкин, Юрьев Б. и др.) (9.11.1873, Новоузенск, Самарской губ. — 15.4.1952, Нью-Йорк) — политический деятель, публицист. Из дворян. Отец Ч. — бывший крепостной, дослужившийся до должности уездного казначея и ордена Св.Владимира, получивший дворянство; мать — из обедневшей дворянской семьи, умерла рано, оставив пятерых детей (Виктор был младшим). От второй жены отца родилось еще пять детей, семья едва сводила концы с концами, каждое лето арендовала землю под запашку и проводила его в деревне. В детские годы у Ч. возникло трепетное отношение к деревне, земле и крестьянам. С 1883 учился в саратовской гимназии, осенью 1891 был переведен в гимназию в Дерпте. В 1892 поступил на юридический факультет Московского университета. Участвовал в студенческом движении, один из организаторов и депутатов Всероссийского съезда студентов, защищал идею единства и самостоятельности студенческого движения. Тяготел к народничеству, хотя сознавал, что в своем патриархальном виде оно не имеет шансов на победу, требуется обновление его идейного багажа. Тогда же начал поиск «третьего решения» в главном вопросе спора между народниками и марксистами — о судьбах капитализма в России; самостоятельно и в различных кружках штудировал произведения К.Маркса и Ф.Энгельса. В апреле 1894 арестован по делу партии «Народного права», однако принадлежность Ч. к партии не была доказана. В заключении изучал работы И.Канта, Ф.Ланге, К.Маркса, *П.Струве*. 23.1.1895 освобожден под залог в 1000 руб.; вышел из тюрьмы социалистом. Написал статью «Философские изъяны доктрины «экономического материализма» (не опубл.), в которой освещались вопросы критической философии, социологии, судеб капитализма и революционного движения в России. Позднее считал, что в этой статье он изложил все основные идеи, которые впоследствии развил и защищал в своих работах. Считал, что Россия может выйти из кризиса лишь заменив мелкое производство крупным, но замена эта должна произойти минуя капитализм, мирным и постепенным путем с использованием общины и артели, применяющих научные знания и передовую технику.

В ноябре 1895 сослан в Камышин, затем переведен в Тамбов. Сотрудничал в «Тамбовских губернских ведомостях» и «Саратовском дневнике», работал в местном губернском земстве. 25.1.1898 женился на А.Слетовой, учительнице местной воскресной школы. При содействии Ч. была создана первая революционная крестьянская организация — «Братство для защиты народных прав» в селе Павлодар Тамбовской губернии, выработан его устав, в котором говорилось о необходимости крестьянского самоуправления, отмене частной собственности на землю, организации крестьян в борьбе за свои права «по возможности законными средствами» и лишь в крайнем случае — насильственными. Организовал небольшой съезд представителей от крестьян нескольких уездов, где было одобрено написанное Ч. «Письмо ко всему русскому крестьянству», призывавшее крестьян объединяться в тайные «Братства».

1.5.1899 вместе с женой и тестем легально выехал за границу. В феврале 1900 по инициативе Ч. была создана аграрно-социалистическая Лига, в программной брошюре которой «Очередной вопрос революции», написанной Ч., говорилось о том, что целью Лиги является вовлечение трудового крестьянства в революционное рабочее движение путем издания и распространения литературы для народа. Тогда же встретился с основателем и лидером Союза русских социалистов-революционеров Х.Житловским, по предложению которого перебрался в Берн, вошел в Союз, познакомился с Лавровым. В 1900 в журнале «Русское богатство» опубликовал серию статей, в которых заложены философские и социологические основы неонародничества. Считал Маркса «великим учителем» в области экономики. Вместе с тем полагал, что в российском земледелии превалировали негативные черты капитализма; этот вывод стал основой теории Ч. о благотворности некапиталистической эволюции русской деревни к социализму. Задачу социалистов Ч. видел

в содействии этой эволюции, используя формы народной жизни, организации производства, а также воззрения, привычки. Ч. принадлежит идея социализации земли (стала основным требованием эсеровской программы-минимум), согласно которой земля должна не национализироваться, а становиться общенародным достоянием и предоставляться всем работающим на ней на условиях уравнительного пользования. Как социалист-утопист Ч. верил, что возможна перестройка общества согласно идеалу в виде «царства душевной гармонии, царства примирения и солидарности всех интересов».

В декабре 1901 по предложению Г.Гершуни и Е.Азефа вошел в только что созданную ими партию социалистов-революционеров (ПСР) и редакцию центральной партийной газеты «Революционная Россия». В 1901-2 объехал ряд европейских городов, выступал с рефератами по программным и тактическим вопросам партии перед русскими студентами и эмигрантами, защищал ее идеи в острых дискуссиях с Г.Плехановым, В.Лениным, *Ю.Мартовым*, Л.Троцким и др., читал курс лекций по аграрным вопросам и по вопросам новейшей критики учения Маркса в Русской школе общественных наук в Париже. С лета 1902 публиковал серию статей в «Революционной России», в которых сформулировал и теоретически обосновал программные и тактические принципы партии. Главный теоретик и идеолог партии эсеров в течение всей ее истории. Вместе с Азефом представлял ПСР на Парижской конференции российских революционных и оппозиционных партий (осень 1904), входил в состав эсеровской делегации на Амстердамском конгрессе 2-го Интернационала (авг. 1904). В апреле 1905 вместе с Е.Брешко-Брешковской участвовал в конференции российских революционных партий в Женеве.

В конце октября 1905 вернулся из-за границы в Петербург. Инициатор создания, член редакции и один из ведущих сотрудников первой легальной народнической газеты «Сын отечества» (изд. ок. двух недель). Во время 1-го съезда партии (кон. дек. 1905 — нач. янв. 1906) играл исключительную роль. По воспоминаниям *М.Вишняка*: «Всю эту разноголосицу приводил к некоему общему знаменателю В.М.Чернов. Он был головой выше других членов съезда. И ему не было абсолютно чуждо ни одно из разноречивых мнений, высказывавшихся на съезде. В то время он в совершенстве владел искусством составлять растяжимые формулы, которые можно толковать и так и этак. Ч. был главным докладчиком и оппонентом от имени ЦК партии, автором почти всех резолюций и редактором протоколов». Избран в состав ЦК, в котором занимался преимущественно литературной работой. В 1906-7 один из основателей, член редакции и ведущий публицист эсеровских газет «Голос», «Дело народа», «Мысль», «Народный вестник», «Партийные известия», «Труд», «Знамя труда».

Выступал за бойкот выборов в 1-ю Государственную думу, усиление центрального террора и подготовку вооруженного восстания. После того, как население страны не поддержало тактику бойкота Думы, участвовал в формировании думской фракции Трудовая группа, объединившей большинство крестьянских депутатов, в подготовке ее программы и тактики. Выступал против разрозненных крестьянских выступлений, главной целью которых был захват помещичьих земель. Одновременно настаивал на усилении социалистической пропаганды в крестьянстве, надеясь таким образом направить и удержать крестьянскую революционную энергию в русле программы своей партии. С началом восстания в Свеаборге направлен ЦК в крепость. В сентябре 1906 участвовал в работе съезда крестьянских работников партии эсеров (Иматра). Был среди организаторов летучих боевых отрядов, взявших на себя террористическую деятельность партии. Выступал против бойкота 2-й Думы. Участник 2-го съезда партии (февр. 1907), основной докладчик, автор большинства резолюций, касающихся вопросов тактики партии во 2-й Думе. Сторонник создания блока левых сил в Думе и их совместных с кадетами действий против правительства, вновь избран в состав ЦК. Член аграрной комиссии, выработавшей земельный проект, внесенный этой группой в Думу с подписями 104-х депутатов. После роспуска Думы вместе с другими членами ЦК перебрался в Финляндию. Выезжал на Урал для выяснения возможности развернуть широкую партизанскую борьбу против правительства. Считал 3-ю и 4-ю Думу «конституционной фикцией», выступал за их бойкот.

На 1-й общепартийной конференции (авг. 1908, Лондон) предлагал усилить социалистическую пропаганду в массах, особенно среди крестьянства, интенсифицировать боевую подготовку масс и центральный террор, в том числе и против Николая II. Считал, что Боевая организация сможет осуществить террористический акт против императора лишь в том случае, если ее возглавит Азеф. Долго не мог примириться с мыслью, что Азеф — провокатор, защищал его от обвинений, считал их полицейской интригой. Поверил в них лишь после личной встречи с бывшим директором департамента полиции А.Лопухиным (дек. 1908, Лондон). 5.1.1909 вместе с Б.Савинковым и Б.Моисеенко участвовал в допросе Азефа, после которого тот скрылся. Считая себя ответственным за Азефа, Ч. вместе с другими членами ЦК на 5-м

Совете партии (май 1909) заявил об уходе в отставку; был избран в состав редакции газеты «Знамя труда». Не согласившись с «Заключением» судебно-следственной комиссии ЦК по делу Азефа, в апреле 1911 вышел из состава Заграничной делегации партии и редакции «Знамени труда»; временно исполнял обязанности редактора историко-партийного журнала «Социалист-революционер» (изд. в 1911-12 в Париже). 22.4.1911 уехал из Парижа на Капри с намерением «посвятить себя исключительно литературной деятельности» и передать ответственные ключевые позиции в партии другим, т.к. «мы не оправдали себя как руководители и практические работники».

В 1912-13 возглавлял идеологический журнал «Заветы». 1-ю мировую войну называл величайшей катастрофой для европейской цивилизации, считал идейным и моральным самоубийством для социалиста принятие той или иной воюющей стороны, говорил, что социалисты должны стать «третьей силой», бороться за мир без аннексий и контрибуций. В годы войны играл ведущую роль в газетах эсеров-интернационалистов «Мысль» и «Жизнь». Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций социалистов-интернационалстов.

8.4.1917 вместе с большой группой эсеров (Аргунов, Авксентьев, Савинков, *Фондаминский* и др.) через Англию вернулся в Петроград, вошел в состав городского комитета партии, исполняющего функции ЦК, и редакции газеты «Дело народа», избран членом Исполкома и товарищем председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, членом т.н. «контактной комиссии», поддерживавшей связи Совета с Временным правительством, затем товарищем председателя ВЦИК и почетным председателем ЦИК Совета крестьянских депутатов. Считал, что революция имеет «народно-трудовой», переходный характер, главные ее задачи — демократизация власти и социализация земли, что создает условия и возможность для эволюционного развития к социализму. Занял пост министра земледелия в 1-м коалиционном кабинете, внес на рассмотрение Временного правительства около десятка законопроектов; они были встречены в штыки в правительстве и вызвали резкую критику буржуазной печати. Против Ч. была развернута кампания по обвинению его в связи с германскими властями в период его сотрудничества в журнале «На чужбине», пропагандировавшем интернационалистские идеи среди русских военнопленных. В политической борьбе Ч. не проявил ни воли, ни решительности, делал уступку за уступкой, в итоге лишь 2 из предложенных им законопроектов стали законами — о запрещении земельных сделок и о прекращении работ столыпинских землеустроительных комиссий. Входил во 2-е коалиционное правительство, подал в отставку, полагая, что участие в проводимой политике окончательно дискредитирует партию эсеров. Считал необходимым создание однородного социалистического правительства. Выступал против требования большевиков о передаче Советам всей полноты власти.

Благодаря Ч. на 3-м съезде партии удалось на время приглушить разногласия путем избрания «эклектически компромиссного центра» и принятия компромиссных резолюций, авторство большинства которых принадлежало Ч. По словам Н.Ракитникова, Ч. «лучше, чем какой-либо другой член партии всегда олицетворял единство партии». После распада партийного центра возглавил левоцентристскую группу ЦК. 2.10.1917 получил отпуск для «объезда России» с целью выяснения настроения масс. Получив весть о большевистском перевороте в Петрограде, предпринял неудачные попытки поднять войска Западного фронта против большевиков и организовать однородное социалистическое правительство без большевиков. Во 2-й половине ноября 1917 вернулся в Петро-град, где участвовал во 2-м Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов (по предложению Ч. была принята резолюция о недоверии большевистскому Совету народных комиссаров), в 4-м съезде партии эсеров. Выступал за мирную агитационную пропагандистскую работу в массах, отзывы и перевыборы пробольшевистских депутатов Советов. Высказывал опасения, что партия эсеров своими неосторожными экстремистскими действиями даст повод большевикам для срыва Учредительного собрания и развязывания гражданской войны; категорически возражал против планов эсеровских боевиков «срезать» большевистскую головку, захватить в качестве заложников, а если понадобится, то и ликвидировать Ленина и Троцкого. Депутат Учредительного собрания, на первом и единственном заседании (5.1.1918) избран его председателем. Это был «звездный час» в его политической биографии. После разгона Учредительного собрания безуспешно пытался возобновить его работу в Москве, на Дону или на Украине; в июне 1918 направился в Самару, где образовался Комитет Учредительного собрания, однако добрался туда лишь в сентябре 1918, когда уже была создана Директория. На пленуме ЦК и на съезде членов Учредительного собрания Ч. безрезультатно добивался осуждения Директории, образование которой рассматривал как тяжелое поражение демократии.

В период гражданской войны Ч. видел задачу в том, чтобы не только свергнуть диктатуру

большевиков, но и сохранить одновременно социалистическую перспективу развития революции. Поэтому он считал, что эсеры вольны играть роль «третьей силы», ведущей решительную борьбу за демократию на два фронта — и против белых, и против большевиков. Наиболее эффективной, с точки зрения Ч., могла быть тактика «войны-восстания», ставка не на регулярные воинские силы, а на организованные ударные воинские части, прорывающиеся на территорию противника и поднимающие на восстание против большевистского режима недовольные слои населения. Весть о перевороте Колчака застала Ч. в Екатеринбурге; участвовал в создании комитета сопротивления. Арестован, однако на следующий же день освобожден благодаря вмешательству чешских легионеров, вместе с другими участниками съезда членов Учредительного собрания отправлен в Челябинск, а оттуда — в Уфу, где перешел на нелегальное положение. Намеревался выехать на Украину с целью установления там власти Учредительного собрания. В Уфе принял участие в дискуссии по вопросу о тактике партии. В борьбе с белыми считал возможными все средства, «вплоть до террора и восстания», предлагая прекратить на время вооруженную борьбу с большевиками. После победы считал необходимым вновь развернуть антибольшевистский фронт. Был категорически против любых соглашений с большевиками.

В марте 1919 нелегально прибыл в Москву. Относясь с недоверием к решению ВЦИК о легализации ПСР, настаивал на сохранении законспирированного партийного аппарата и сам оставался на нелегальном положении. Участвовал в печатной и устной пропаганде, призывал массы на борьбу с Колчаком и *Деникиным*, одновременно резко критиковал большевистский режим. После запрещения деятельности партии эсеров участвовал в издании антибольшевистской газеты «Вольный голос красноармейца». Выступая на собрании, организованном Союзом рабочих-печатников в честь прибывшей в Москву английской рабочей делегации, заявил, что русские рабочие вместо свободного, творческого социализма получили «какой-то новый, партийный абсолютизм, какой-то своеобразный опекунский социализм, олигархически-чиновничий, по строю управления, казарменный и военно-каторжный по методам — словом, аракчеевский коммунизм...».

20.9.1920 в связи с решением ЦК перенести издательство партийной литературы за границу покинул Россию. Основал и до конца октября 1921 единолично (потом коллегиально) редактировал партийный журнал «Революционная Россия», издававшийся сначала в Ревеле, затем в Берлине и Праге. С осени 1920 член Заграничной делегации ПСР, уполномоченный российского центра партии за границей, пытался проводить официальную левоцентристскую политику, определенную 4-м съездом и 8-м, 9-м и 10-м Советами партии. Однако, критикуя правых эсеров-эмигрантов за их тактику коалиции, все же принял активное участие в работе эсеровской фракции на частном совещании членов Учредительного собрания (янв. 1921, Париж), что стало одним из последних наиболее значимых в политическом отношении компромиссов ради сохранения формального единства партии: «Вы, — писал Ч. в ЦК ПСР, — может быть, недовольны мною за то, что я не выступил в Париже более категорически против того, что произошло. Формально вы будете, пожалуй, даже правы, но имейте в виду: я и без того все время ходил по самому краю обрыва. Еще один шаг — и был бы полный разрыв с Керенским, Зензиновым, Минором, не говоря о более правых». Во время Кронштадского выступления (март-апр. 1921) публиковал в журнале «Революционная Россия» статьи, призывавшие поддержать Кронштадт всеобщей стачкой и восстанием, предлагал по телеграфу Кронштадтскому ревкому свою помощь.

В июне 1926 в результате раскола Заграничной делегации эсеров меньшинство во главе с Ч. монополизировало «Революционную Россию». В марте 1928 группа Ч. вышла из заграничной организации партии, возглавлявшейся Областным комитетом, и образовала Заграничный комитет партии эсеров, продолжавший, по словам Ч., «старую левоцентровую ориентировку партии». Летом 1927 выступил с идеей создания «Лиги Нового Востока», объединившей представителей социалистических партий украинцев, белорусов и армян. В 1929-30 совершил длительную поездку в США и Канаду, в ходе которой предложил мексиканскому правительству план создания в этой стране земледельческих колоний из русских эмигрантов; содействовал образованию в США группы партии эсеров, разделявшей его идеи.

Сложившийся в России строй Ч. считал не социализмом, а «интегральным государственным капитализмом», а личный режим Сталина — «логическим выводом из внутренней тенденции развития, присущей государственному капитализму». Исключая возможность мирного перерождения «госкапиталистической системы большевиков» в сторону демократического социализма, полагал, что большевистская диктатура может быть «или свергнута всенародным восстанием, или сдаться под угрозой его созревания и наступления». Миссию партии эсеров Ч. видел в «возглавлении и руководстве всеобщим напором на правящую госкапиталистическую корпорацию». При этом победа над гос-

капитализмом не должна была привести к возврату к «капитализму частно-буржуазному». Партия эсеров, по мнению Ч., должна заранее готовиться к отражению попытки использовать крушение большевизма в интересах «цезаризма, бонапартизма, империализма». Отвергал «активистские» авантюры, всякое форсирование событий, считал недопустимым преждевременное и бесплодное расточение народных сил в «розницу», полагал необходимой моральную и политическую подготовку «к новой эпохе народно-общественного подъема». Считал положительным признание иностранными государствами Советской России для сохранения мира в Европе.

С середины 1930-х Ч. выступал за создание в европейских государствах народного фронта с участием коммунистов против набиравшего силу фашизма. В октябре 1938 предложил Исполкому Социалистического Интернационала проект резолюции, в которой утверждалась необходимость содействовать сближению Англии, Франции и США с Советским Союзом для того, чтобы помешать сближению СССР с фашистской Германией. С октября 1938 жил в Париже. В 1940 вместе с другими русскими социалистами перебрался в Нью-Йорк; член эсеровской организации, редколлегии журнала «За свободу». После нападения Германии на СССР признал необходимым «стать на защиту России» при условии, если советское правительство прекратит войну со своим собственным народом и объявит политическую амнистию. Незадолго до своей смерти в числе 14 русских социалистов подписал обращение «На пути к единой социалистической партии», в котором утверждалось, что история сняла все спорные вопросы между различными русскими социалистическими течениями и поставила задачу их объединения в одну социалистическую партию.

Оставил богатое и разнообразное литературное наследство. В 1925 издал книгу «Конструктивный социализм», в которую вошли старые статьи по вопросам программы партии и теории социализма, публиковавшиеся ранее в «Революционной России»; основная мысль книги — социализм в своем развитии прошел утопическую и научную фазы и теперь вступает в фазу конструктивную, в фазу практического строительства. В 1930-е писал историю партии эсеров (не завершена).

Соч.: Аграрный вопрос и современный момент. М., 1917; Война и третья сила. Пг., 1917; К обоснованию программы партии социалистов-революционеров. Пг., 1918; Записки социалиста-революционера, кн. 1. Берлин-М.-Пг., 1928; Конструктивный социализм, т.1. Прага, 1925; Рождение революционной России. Париж-Прага-Нью-Йорк, 1934; Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953; Показания В.М.Чернова по делу Азефа в следственной комиссии партии с.-р. 2 февраля 1910 // НЖ, 1970, № 100, 101.

Арх.: ГАРФ, ф.5847; ф.102, ДП-7, 1897, д.96, ч.2; ДП ОО, 1906, 1 отд., д.201.

Н.Ерофеев

ЧЕРНЫЙ Саша (наст. фам. и имя Гликберг Александр Михайлович; псевд. А.Черный, Сам по себе, Мечтатель, Лирический бродяга и др.) (1.10.1880, Одесса — 5.8.1932, Ла-Фавьер, Франция) — поэт, прозаик, переводчик. Сын провизора, агента химической лаборатории. Раннее детство Ч. прошло в Белой Церкви в тяжелой обстановке нищеты и семейного неблагополучия. В автобиографии он писал: «Крещен отцом 10 лет для определения в гимназию. Учился в Житомирской 2-й гимназии; исключен из 6 класса без права поступления». В 1895 он бежал из дома в Петербург, где поступил учиться, но был отчислен из гимназии за неуспеваемость, после чего в судьбе Ч. принял участие председатель крестьянского присутствия в Житомире К.Роше, ставший его воспитателем. 2.10.1898 Ч. вновь был принят во 2-ю житомирскую гимназию, но вскоре исключен после столкновения с директором. С 1902 по 1905 служил в Новоселицкой таможне, в 1-м «Обществе подъездных путей». В 1904 печатался в газете «Волынский вестник», где помещал театральные рецензии, хронику местной жизни, стихи; наиболее значительное произведение — «Дневник резонера» — написано под явным влиянием Гоголя.

В 1905 Ч. переехал в Петербург и стал служить чиновником на Службе сборов, куда его устроил К.Роше, к тому времени правитель канцелярии Варшавской железной дороги. Начальница канцелярии Службы сборов М.Васильева вскоре стала женой Ч. Эта энергичная, волевая, европейски образованная женщина, ученица профессора философии А.Введенского, родственница богачей Елисеевых сыграла решающую роль в судьбе начинающего писателя. Она ввела его в круг петербургских ученых и писателей, помогла его самообразованию. С 1905 Ч. печатался в одном из лучших сатирических журналов столицы — «Зрителе». 27.11.1905 опубликовал там антиправительственный памфлет «Чепуха» (№ 23) под псевдонимом Саша Черный. Вскоре журнал был закрыт, а номер конфискован «за подрыв государственных устоев и оскорбление личности государя». В 1905-6 Ч. активно сотрудничал и в других сатирических журналах: «Альманах», «Журнал», «Молот», «Маски» (за публикацию стихотворения Ч. «Вывеска и собака», в котором цензура

усмотрела «оскорбление чести мундира», журнал был закрыт), «Леший»; в сборниках «Вольница», «В борьбе», «Песни борьбы», «Вперед» и др. Первый сборник стихов «Разные мотивы» (СПб., 1906) был арестован. В книгу, наряду с гражданской лирикой, вошли ранние подражательные произведения и прозаические «Лунные рассказы»; доминировала тема разоблачения трусливого обывательского существования без идеалов и высоких стремлений.

Чтобы избежать ареста, Ч. вместе с женой в 1906 уехал в Гейдельберг, где пробыл около года, вращаясь в обществе немецких и русских философов, писателей, ученых (*Ф.Степун*, Е.Шмидт и др.). Из Германии привез цикл лирических сатир «У немцев», стихотворения «Карнавал в Гейдельберге», «Корпоранты» и др. Резко возрос уровень его поэтического мастерства, расширился кругозор. Это позволило ему вскоре после возвращения из-за границы занять место одного из поэтических лидеров в петербургском еженедельнике «Сатирикон». В 1908-11 из номера в номер здесь печатались циклы политических и литературных сатир Ч. под названиями «Всем нищим духом», «Невольная дань» и др. *А.Куприн* писал: «Величайшей заслугой «Сатирикона» было привлечение Саши Черного в редакционную семью. Вот где талантливый, но еще застенчивый новичок из «Волынской газеты» приобрел в несколько недель и громадную аудиторию, и широкий размах в творчестве, и благодарное признание публики». О том же свидетельствовал К.Чуковский: «Получив свежий номер журнала, читатель прежде всего искал в нем стихов Саши Черного. Не было такой курсистки, такого студента, такого врача, адвоката, учителя, инженера, которые не знали бы их наизусть».

В 1910 вышел сборник «Сатиры», объединивший циклы стихотворений, опубликованных, главным образом, в «Сатириконе». Написанные как бы от первого лица, сатиры Ч. высмеивали российского обывателя и пошлость окружающего его мира. Сборник был проникнут одним мотивом: жалобой на мелочность и пустоту «быта», задавившего собой бытие. Главный враг Ч. — пошлость, которую он замечал всюду: в политике, в искусстве, в любви. Сатирическое разоблачение усиливалось тем, что сатира звучала как лирическая исповедь. Едкая насмешка, бичующий сарказм прятались под маской саморазоблачения, создавая неповторимый сплав сатиры и лирики. Страстная непримиримость Ч. в борьбе с обывательщиной и ренегатством пришлись по душе В.Маяковскому, который записал: «Поэт почитаемый — Саша Черный. Радовал его антиэстетизм».

Отрицание современности было у Ч. глубоко выстрадано: порой жалобы героя сливались с лирическими признаниями самого поэта. Это заметно во второй книге стихов — «Сатиры и лирика» (1911). И хотя поэт по-прежнему утверждал свое право бичевать зло и высмеивать пошлость («В пространство»), злой сарказм и язвительная колкость соседствуют здесь с лирическими пейзажными зарисовками и камерными стихотворениями, написанными «под сурдинку». Критики отметили высокий уровень поэтического мастерства Ч.: точность и меткость эпитетов, почти осязаемую изобразительность. *А.Амфитеатров* писал: «Улыбка слов, блестяще скачущий ритм и порывистые темпы съедают неточности созвучий, которые позволяет себе Саша Черный звуковыми обманами, почти чудотворными».

Признанный «королем» поэтов «Сатирикона», Ч. испытывал все большее недовольство превращением журнала из сатирического в развлекательно-юмористический. В апреле 1911 он порвал с ним (стих. «Колумбово яйцо» — последнее). Вел «Маленький фельетон» в газете «Новый день», печатался в газетах «Киевская мысль», «Русская молва», «Одесские новости», журналах «Современный мир», «Аргус», «Солнце России», альманахе «Шиповник», с 1911 систематически публиковался в журнале «Современник» (раздел «Сверчок»). Искал опору в искусстве, природе, детях, народном быте, создавая циклы лирических миниатюр о деревне («Северные сумерки», «В деревне» и др.), писал прозаические произведения — «Люди летом» (1910), «Первое знакомство» (1912) и др.

Другой попыткой найти новые пути творчества явились стихи для детей, которые Ч. писал с 1911 (отд. изд. «Тук-тук». М., 1913). В 1912 принял участие в созданной по инициативе М.Горького «Голубой книжке» и в детском альманахе «Жар-птица» (под ред. К.Чуковского). В 1913 вышла «Детская азбука» Ч. Пробовал себя как переводчик с немецкого, готовя к печати «Книгу песен» Г.Гейне (1911), «Избранные рассказы» Г.Сафира (1912), переводы Р.Демеля, К.Гамсуна и др. Лето 1912 Ч. провел на Капри, познакомился с Горьким, который высоко оценил его талант: «Он гораздо интересней и талантливее своих двух книжек и кажется мне способным написать превосходные вещи. Задачи у него чудесные, и это настоящий литератор с большой любовью к делу». Однако к 1914 Ч. оказался на пороге творческого и духовного кризиса. Его мысли и переживания отразились в первом крупном произведении — поэме «Ной», где ощутимо звучат ноты разочарования и безнадежности. Размышляя о судьбах современного поколения, поэт предсказывал, что грядущий «всемирный потоп» не избавит людей от пороков и преступных страстей. Мечты о «неведомой новой отчизне», куда при-

плывет ковчег Ноя, представляются ему единственной «нетленной надеждой».

В годы 1-й мировой войны «запасной из вольноопределяющихся» Ч. был зачислен в 13-й полевой госпиталь, расположенный в Варшаве. Он служил также в санитарной части 6-й армии, участвовал в боях под Варшавой и Ломжей, видел тяжелые дороги отступления под Белостоком. Впечатления, полученные на фронте, легли в основу написанного в конце 1917 — начале 1918 в Пскове цикла стихотворений «Война», в котором впечатляюще нарисованы страшные военные будни, развертываются картины фронтового и лазаретного быта, возникает образ русского солдата.

Февральская революция застала Ч. и его жену в Пскове: он служил помощником смотрителя в 18-м полевом госпитале. Приехавший из Петрограда комиссар Северного фронта В.Станкевич назначил его своим заместителем. М.Гликберг вспоминала: «В первое время Саша растерялся, так как никогда раньше не занимался общественными делами, но скоро взял себя в руки и настолько освоился с делом, что во время отсутствия Станкевича возглавлял Комиссариат. Когда в июле Станкевич был вызван в Ставку, он окончательно занял его место».

Октябрьская революция осталась для Ч. только «зрелищем», неведомо откуда налетевшим ураганом. Вызванный в Петроград, он слушал речи А.Керенского, Г.Зиновьева, А.Коллонтай. С новой властью сотрудничать не стал и осенью 1918 уехал на литовский хутор около станции Турмонт, а в декабре того же года — в Вильно. Здесь написаны стихи о Литве и цикл «Русская Помпея», в котором поэт признается, что для него «нет путей назад». Реалистические зарисовки литовских пейзажей постоянно затуманиваются печалью авторских ламентаций («В тумане дороги и цели, жестокие, черные дни»); лишь «смех — волшебный алкоголь» — видится Ч. спасением от страшной действительности. В Вильно написана также книга детских стихов («Детский остров». Данциг, 1921) — свидетельство стремления автора спрятаться на этом острове от войн и революций. Светлый мир детских чувств и интересов воплотил положительный идеал Ч. — мечту о «естественном» человеке, свободном от пороков жестокого мира взрослых.

В 1920 Ч. перебрался в Берлин, где провел более двух лет (по июль 1923), сотрудничал в «Русской газете» и «Руле», в журналах «Сполохи», «Воля России», редактировал литературный отдел журнала «Жар-птица», работал редактором в издательстве «Грани». Благодаря этому он смог издать не только «Детский остров», но и третью книгу сатир, которая вышла в 1923 на средства автора. Ее заглавие — «Жажда» — выразительно говорило о безумном желании вновь обрести родину. Прежний мир, безвозвратно потерянный и воскрешаемый только в мечтах, был окружен поэтическим ореолом, и даже детали обывательского быта, который Ч. так остроумно высмеивал до революции, теперь стали ему казаться дорогими и милыми. В цикле «Чужое солнце» ощутим мотив ностальгии. Сборник «Жажда» явился завершением творчества Ч.-поэта, отразив наиболее характерные особенности его индивидуальной манеры: сочетание сатиры и лирики, бичующего желчного смеха и чистого светлого юмора.

С апреля 1924, после переезда в Париж (2-ю половину 1923 и начало 1924 Ч. провел в Италии), в творчестве Ч. все большее место занимает проза: многочисленные книги для детей («Библейские сказки», «Сон профессора Патрашкина», «Белка-мореплавательница», «Румяная книжка», «Дневник фокса Микки», «Серебряная елка» и др.), повесть «Чудесное лето» (1930), «Несерьезные рассказы» (1928), «Солдатские сказки» (1933). В центре внимания писателя — недавнее прошлое, милый сердцу петербургский, московский и провинциальный быт, сценки из эмигрантской жизни, списанные с натуры и освещенные грустной улыбкой автора. Рецензируя книгу «Несерьезных рассказов», Куприн писал: «Вся она пронизана легкой улыбкой, беззлобным смехом, невинной проказливостью, и если ухо улавливает изредка чуть ощутимый желчный тон, то что ж поделаешь: жизнь в эмиграции не особенный сахар». Важное место среди поздних произведений Ч. занимают «Солдатские сказки», печатавшиеся с 1928 в парижской газете «Последние новости». Блистательно остроумные, они тоже уводили читателя в праздничный мир «робинзонады», на остров выдумки и юмора. Вместе с тем они воскрешали вполне реальную жизнь солдатской казармы или военного лазарета периода 1-й мировой войны. В них бушевала неуемная стихия русской народной речи в соединении с мастерски стилизованной речью самого автора. Они ориентированы на традиции фольклора и русской классической литературы, на сказ Н.Лескова, *А.Ремизова*, М.Зощенко. Вслед за Лесковым Ч. пытается связать воедино изучение речи и быта русского народа с помощью своеобразного «анекдотически-бытового» реализма. Куприн, высоко оценив мастерство «Солдатских сказок», заметил, что автор здесь «и товарищ, и зачинщик, и выдумщик, и рассказчик-импровизатор, и тонкий, любящий наблюдатель».

В 1931-32 Ч. написал поэму «Кому в эмиграции жить хорошо» и цикл стихов о жизни во Франции. В них возникает образ автора — одинокого бесприютного странника, шагающего по чужой земле с полупустой котомкой за плеча-

ми. Его последними произведениями стали рассказ «Илья Муромец» и стихотворение «С холма». С лета 1930 Ч. с женой и фоксом Микки поселился в маленьком домике на юге Франции (Ла-Фавьер, близ Лаванду). Здесь 5.8.1932 произошло несчастье: начался пожар на соседней ферме. По свидетельству очевидцев, «во время пожара Саша вместе с другими много работал, возвратясь домой, плохо себя почувствовал, слег и больше уже не встал». Он скончался от сердечного приступа. В последний путь поэта провожали члены русской колонии и простые французы — фермеры и их дети. Ч. похоронен на небольшом кладбище Лаванду в департаменте Вар. В 1978 по инициативе почитателей поэта на кладбище установлена памятная доска. Получив в Париже известие о смерти Ч., Куприн написал: «Саша Черный жив, и переживет всех нас, и наших внуков, и правнуков, и будет жить еще много сотен лет, ибо сделанное им сделано навеки и обвеяно чистым юмором, который — лучшая гарантия для бессмертия».

Соч.: Стихотворения. Л., 1960; Солдатские сказки. Мюнхен, 1964; М., 1990; Сатиры. Париж, 1978; Стихотворения. М., 1991.

Лит.: Евстигнеева Л.А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М., 1968; Спиридонова (Евстигнеева) Л.А. Русская сатирическая литература начала XX в. М., 1977; Иванов А.С. «Не упрекай за то, что я такой» // Панорама иск-в, вып.10. М., 1987; Спиридонова Л. Саша Черный / Литература русского зарубежья. М., 1993; Иванов А. Потаенная биография Саши Черного / Евреи в культуре рус. зарубежья, вып.2. Иерусалим, 1993; Мемуары М.И.Гликберг. Публ. и предисл. Л.Спиридоновой // Рос. литературовед. журнал, 1993, № 2.

Арх.: ОР ИРЛИ, ф.377.

Л.Спиридонова

ЧЕХОВ Михаил Александрович (16.8.1891, Петербург — 1.10.1955, Лос-Анджелес, шт. Калифорния, США) — артист, педагог, режиссер. Сын литератора Александра Павловича Ч. (старшего брата Антона Павловича Чехова) и Натальи Александровны Гольден, гувернантки старших детей отца. Влияние отца, считавшего, что человеку все дозволено, было преимущественно отрицательным, несмотря на его разностороннюю одаренность. С детства Ч. проявлял интерес к литературе и театру. А.Чехов, заметивший его неординарность, писал в 1895 сестре М.Чеховой: «...Миша удивительный мальчик по интеллигентности. В его глазах блестит нервность. Я думаю, что из него выйдет талантливый человек». До 1913 семья жила под Петербургом в Удельной. Учился в гимназии, в 1907 поступил в Театральную школу им. А.Суворина при театре Литературно-Художественного общества, по окончании которой в 1910 стал артистом этого театра. С 1910 по 1912 сыграл множество ролей в ничтожном репертуаре и приобрел взгляд на театр как учреждение развлекательное. Вел рассеянный образ жизни. Однако под влиянием матери увлекся Ф.Достоевским и самостоятельно подготовил сцену из романа «Преступление и наказание», играя Мармеладова, а также царя Федора из трагедии А.Толстого «Царь Федор Иоаннович» (играл царя Федора на утренних спектаклях театра и был замечен публикой как «молодое дарование»).

Весной 1912 во время гастролей Московского Художественного театра (МХТ) в Петербурге был представлен К.Станиславскому и после прослушивания принят в МХТ. «Без всяких сомнений — талантлив, обаятелен. Одна из настоящих надежд будущего», — написал о нем Станиславский к концу первого сезона. В 1912-13 Ч. был занят в массовых сценах и эпизодах, введен на роли Васьки в «Нахлебнике» и Миши в «Провинциалке» Тургенева, играл Епиходова в «Вишневом саде» А.Чехова, но наиболее полно и интересно раскрылся в спектаклях 1-й студии МХТ. Сыгранные в 1913 роли Кобуса в «Гибели «Надежды» Г.Гейерманса и Фрибэ в «Празднике мира» Г.Гауптмана, в 1914 — Калеба в «Сверчке на печи» по Ч.Диккенсу, в 1915 — Фрезера в «Потопе» Ю.-Х.Бергера принесли актеру настоящую известность. Общение со Станиславским, Л.Сулержицким, Е.Вахтанговым заставило Ч. пересмотреть прежнее отношение к театру, изменило его нравственно. В 1914 Ч. женился на О.К.Книппер, 27.8.1916 от этого брака родилась дочь Ольга (впоследствии известная актриса немецкого кино и театра), но в 1917 жена ушла от Ч. Это вызвало тяжелый кризис у Ч., он не играл до конца сезона 1917/18. В 1918 женился на Е.Зиллер. В том же году организовал у себя на квартире частную театральную школу (переданную в 1921 А.Гейрату); в ней учились М.Кнебель, И.Кудрявцев, В.Громов, В.Татаринов. Увлеченный системой Станиславского, Ч. посвятил ей статьи в журнале «Горн» (1919, № 2-3, 4).

29.3.1921 вышел на сцену 1-й студии в роли Эрика XIV в одноименной трагедии А.Стриндберга, поставленной Вахтанговым. Предметом осмысления актера и режиссера стала не тема власти, а тема человека; оказавшись между миром живых и миром мертвых, герой Ч. ушел добровольно из жизни. Параллельно Ч. работал во МХАТе со Станиславским над ролью Хлестакова. После премьеры «Ревизора» 8.10.1921 он стал первым актером Москвы. Ч. создавал образ «фитюльки», пустоты, которая, материализуясь, может обернуться кошмаром, напугать до того, что все тайное проявится и осветит окружающую жизнь. Создание в течение одного года двух таких разных по амплуа образов рас-

крыло многогранность таланта актера, его способность подняться не только до комического, но и до трагического гротеска. В 1921 Ч. познакомился с А.Белым, который оказал большое влияние на духовное развитие актера и приобщил его к антропософии, во многом определившей его новый нравственный облик. После смерти Вахтангова, которого Ч. чрезвычайно уважал и считал единственно возможным руководителем 1-й студии, после очень удачных для Ч. гастролей 1-й студии за рубежом (1922) стал ее директором. Вл.Немирович-Данченко писал Станиславскому: «Чехов, между прочим, о чем-то замечтал, о каком-то особом, почти религиозном направлении театра и начал увлекать на это свою студию «довериться» ему вполне. Я его поддерживал, даже не зная, чего он хочет, потому что от него, как от талантливого человека, можно все-таки больше ожидать, чем от работы более «серединных». Но способен ли он быть «вожаком»? Это у меня под большим сомнением».

В 1924 Ч. было присвоено звание заслуженного артиста республики, и в том же году 1-я студия превратилась в театр МХАТ 2-й; 24 ноября он открылся спектаклем «Гамлет» с Ч. в заглавной роли. В 1925 Ч. сыграл Аблеухова-старшего в «Петербурге» А.Белого, в 1927 — Муромского в «Деле» А.Сухово-Кобылина. Все три роли были неповторимы по выразительности и точности отражения времени. В Гамлете Ч. сыграл современного интеллигента, борющегося со злом мира и побеждающего своей духовной силой; в Аблеухове раскрывалась суть мертвого мира, владеющего миром живых; в Муромском сочеталось смешное и жалкое с трагическим («...Вы чудесны в роли Муромского, — написал ему В.Мейерхольд. — Поздравляю Вас с новой победой. И спектакль в целом — превосходный спектакль»). В 1927 Ч. впервые снялся в кино («Человек из ресторана»). В 1928 в издательстве «Academia» вышла книга Ч. «Путь актера» — итог его деятельности в русском театре и свидетельство незаурядного литературного дарования.

Летом 1928 уехал в Германию, где жили его бывшая жена и дочь, получив отпуск для изучения немецкой актерской техники. Действительной причиной отъезда был конфликт внутри МХАТа 2-го, а также преследования властями инакомыслящих театральных деятелей. Тем не менее Ч. не считал этот отъезд эмиграцией и долгие годы сохранял советское гражданство. Играл в театрах М.Рейнхардта в Вене — Скида в «Артистах» Г.Уоттерса и А.Хопкинса (1928), в Берлине — Юзика в «Юзике» по повести О.Дымова «Певец своей печали» (1929) и Князя в пьесе «Феа» Ф.фон Унру (1930). Снимался в фильмах: «Тройка», «Глупец из-за любви», «Призрак счастья». В театре «Габима», гастролировавшем в Германии, поставил «Двенадцатую ночь» В.Шекспира (1930). В Берлине организовал из русских актеров-эмигрантов и учеников маленькую студию; готовил с ними спектакль «Гамлет», но серьезное искусство не интересовало Германию тех лет. Предполагавшийся переезд в Прагу, о чем Ч. вел переговоры с президентом Чехословакии Т.Масариком, не состоялся, т.к. Ч. не хотел оставить своих студийцев. Ему предлагали вернуться на родину приезжавшие в разные годы в Берлин Станиславский, Мейерхольд, З.Райх. Однако, получив информацию, что в случае возвращения он будет арестован, Ч. предпочел остаться за границей.

В конце 1930 переехал в Париж. Дал ряд концертов, в которых выступал с монологами из «Гамлета» и инсценированными рассказами А.Чехова. В апреле 1931 провел двухнедельные гастроли в Риге, где с актерами театра Русской драмы играл Хлестакова в «Ревизоре». С 1 июня три недели Ч. играл в парижском театре «Ателье» спектакли, подготовленные еще в Москве: «Эрик XIV», «Потоп», «Двенадцатая ночь», «Гамлет». Гастроли не принесли особой прибыли. Летом с актерами своей труппы подготовил новый спектакль — «Дворец пробуждается», по пьесе, написанной им вместе с В.Громовым на мотивы русских народных сказок (Ч. играл роль Ивана-царевича). Премьера состоялась 9.11.1931, однако успеха не имела. В феврале 1932 Ч. с женой и учениками Громовым и А.Даниловой переехал в Ригу; работал актером, ставил спектакли в Национальном театре («Эрик XIV», «Гамлет» и «Смерть Иоанна Грозного»), сыграв там заглавные роли по-русски; в театре Русской драмы — «Двенадцатую ночь» и «Село Степанчиково» Ф.Достоевского, сыграв роли Мальволио и Фомы Опискина. Одновременно в Литовском государственном театре (Каунас) ставил «Гамлета» (1932), «Ревизора» (1933) и «Двенадцатую ночь» (1933). О его постановке в Риге оперы Р.Вагнера «Парсифаль» газета «Часовой Латвии» писала: «На сцене Национальной оперы мы уже давно не видели столь тщательно, артистически серьезно отработанную, сценически блестяще воплощенную оперную постановку». В Прибалтике Ч. также много сил отдавал педагогике: в Риге создал театральную школу, вел циклы занятий и лекций для актеров в Сигулде, преподавал технику актерского мастерства в Литовском государственном театре.

Покинув Латвию после фашистского переворота, Ч. лечился в Италии, затем после гастролей в Париже и Брюсселе отправился в феврале 1935 с т.н. Пражской группой МХАТ в США. В Нью-Йорке, Филадельфии, Бостоне иг-

рал Хлестакова, Фрэзера, выступал в инсценированных рассказах А.Чехова, читал монологи из «Гамлета», «Преступления и наказания», «Смерти Иоанна Грозного», выступал с лекциями. По свидетельству Г.Жданова, американцы «сразу оценили актерский гений Ч.». Ему предложили вступить в качестве режиссера и педагога в «Груп-тиэтр», но Ч. отказался, т.к. осенью подписал контракт на работу в Англии. В Девоншире, недалеко от Тотнеса, в имении Элмхерстов, дочь которых Беатрис Стрейт заинтересовалась искусством русского актера и его педагогическим методом, ему была предоставлена возможность создать Театральную студию — часть большого культурного центра. Ч. стремился воспитать здесь актера нового типа, что предполагало, помимо профессионального обучения, формирование нравственно полноценной личности, ответственной за влияние, оказываемое на зрителя. Было набрано 20 учеников, и в 1936 начались занятия по разработанной Ч. новой системе. Он практически прекратил свою актерскую деятельность, сосредоточившись на преподавательской работе. В декабре 1938 студия была переведена в Америку, в специально купленное для нее имение в Риджфилде; в начале 1939 преобразована в театр со школой при нем. Первый спектакль — «Одержимый» («Бесы»), показанный 24.10.1939 в Нью-Йорке на Бродвее, — был создан по методу Ч., когда работа драматурга Г.Жданова велась параллельно с работой режиссера и актера (оформление *М.Добужинского)*. Среди других спектаклей Ч. — «Двенадцатая ночь», «Сверчок на печи», «Король Лир». Театр совершал гастрольные поездки по Америке. После распада театра в 1942, когда всех актеров забрали в армию, Ч. поставил в нью-йоркской Новой опере «Сорочинскую ярмарку» М.Мусоргского.

В 1944-45 в «Новом журнале» была опубликована книга воспоминаний Ч. «Жизнь и встречи». Повторяя в некоторой степени «Путь актера», книга освещала и годы пребывания в Западной Европе; воспоминания утратили прежнюю исповедальность, появилась ранее не свойственная Ч. самоирония. Книга «О технике актера» (1946) стала результатом работы, начатой Ч. еще в России и систематизированной в Англии. В основе метода Ч. лежала система Станиславского, обогащенная талантом Вахтангова и практикой самого Ч. Он развил свое понимание роли «атмосферы», «фантазии», по-новому поставил вопрос о взаимоотношениях актера и образа, разработал понятия «психологический жест», «центр». Книга стала настольной для американских актеров. С начала 50-х Ч. писал «биографические повести» о А.Чехове, К.Станиславском и Вл.Немировиче-Данченко, раскрывая процесс творческого становления личности художника путем жертв и отказа от первоначального призвания.

В 1942, когда Ч. остался без своего театра, *С.Рахманинов*, с которым он познакомился в 1929 в Париже, помог ему устроиться в Голливуд. Первая роль — старый крестьянин в картине «Песнь о России»; снимался также в фильмах «В наше время» (1944), «Зачарованный» (1945), «Клянусь!» (1946), «Призрак розы» (1946), «Ирландская роза Эбби» (1946), «Приглашение» (1952), «Рапсодия» (1952). Хотя эта работа и не удовлетворяла Ч., за роль доктора Брулова в кинофильме «Зачарованный», исполнение которой, по отзыву критика, «было поистине сенсацией», он получил премию и медаль Общества театральной кассы «Голубая лента». Давал уроки актерам Голливуда, среди его учеников Мерилин Монро, Грегори Пек, Юл Бринер, Херт Хатфилд. Читал циклы лекций по мастерству актера («Характер и характерность», «О многоплановости актерской игры», «О чувстве ансамбля», «О любви в нашей профессии», «О пяти принципах внутренней актерской техники», «О пяти великих русских режиссерах»). В 1946 работал с актерами голливудского Лабораторного театра над «Ревизором»; пресса отметила: «Постановка Михаила Чехова придала пьесе характер гротеска, и это впечатляет. Режиссура гениальна».

Влияние Ч. на американский театр гораздо более значительно, чем на русский, его имя получило мировую известность после того, как стало известно в Америке. На Западе Ч. сумел осуществить свою мечту об особом нравственно-художественном театре, но он сохранял духовную связь с Россией. Во время 2-й мировой войны давал концерты в пользу Красного Креста, направлявшего собранные средства в СССР. Увидев в 1945 кинофильм С.Эйзенштейна «Иван Грозный», обратился к участникам этой работы с письмом, в котором подробно ее разбирал и давал множество профессиональных советов. В переписке Ч. последних лет не раз упоминались Станиславский, МХАТ, Россия, Москва.

Долгие годы страдал болезнью сердца, умер скоропостижно. Урна с прахом артиста похоронена на кладбище Форест Лаун Мемориел, в Голливуде.

Соч.: Литературное наследие, т.1-2. М., 1986.

Лит.: Дикий А.Д. Повесть о театральной юности. М., 1957; Бирман С.Г. Путь актрисы. М., 1959; Попов А.Д. Воспоминания и размышления. М., 1963; Кнебель М.О. Вся жизнь. М., 1967; Громов В.А. Михаил Чехов. М., 1970; Пыжова О.И. Призвание. М., 1974; Алперс Б.В. Театральные очерки, т.2. М., 1977; Глумов А.Н. Нестертые строки. М., 1977; Гиацинтова С.В. С памятью наедине. М., 1985.

М.Иванов

ЧЕХОНИН Сергей Васильевич (2.2.1878 [по др. св. 21.9.1878], с. Лыкошино, Новгородской губ. — 23.2.1936, Лёррах, Германия) — график, мастер декоративно-прикладного искусства, художник театра. Родился в семье машиниста Николаевской железной дороги. Детство и отрочество провел на станции Чудово в Новгородской губернии. Благодаря дружеским связям с семьей писателя-демократа Г.Успенского Ч. познакомился со многими видными деятелями русского искусства, под влиянием которых сформировались его гражданские позиции. В 1896-97 учился в Рисовальной школе Общества поощрения художеств у Е.Сабанеева и Я.Ционглинского, в 1897-1900 — в Тенишевской мастерской у И.Репина в Петербурге.

С первых шагов в искусстве проявил интерес к его прикладным видам, к традициям художественных ремесел, специфике различных техник и материалов. Еще в ученический период увлекся керамикой. В 1-й половине 1900-х работал под руководством М.Врубеля и П.Ваулина в керамической мастерской «Абрамцево», организованной С.Мамонтовым в Москве за Бутырской заставой; принимал участие в изготовлении майоликовых украшений фасадов гостиницы «Метрополь» (мозаики балконов и панно на боковом фасаде по эскизам самого Ч.). С 1907 работал в мастерской «Голдвейн и Ваулин» в Кикерино под Петербургом. Выполнил изразцовый фриз для актового зала Городского училища дома им. Петра Великого (1909-11), майоликовые панно для церкви лейб-гвардии Московского полка и храма «В память 300-летия дома Романовых» (1914) в Петербурге. Керамикой не ограничивался: в 1903 расписал зал выставки «Современное искусство», устроенной С.Щербатовым на Большой Морской, позже — ряд других интерьеров в частных и общественных зданиях Петербурга; в 1913-15 вместе с другими художниками декорировал комнаты Юсуповского дворца на Мойке — выполнил, в частности, для мраморного камина финифть огромных размеров, изображающую корзину с цветами. В те же и последующие годы создал ряд миниатюр на эмали. В 1913 участвовал в подготовке Второй всероссийской кустарной выставки в Петербурге, после чего был назначен консультантом в отдел кустарной промышленности в министерстве земледелия, где проработал до 1917. Одновременно руководил мастерскими: финифтяными в Ростове Ярославской губернии и в Торжке — Тверской; по производству мебели по образцам XVIII-XIX вв. в селе Кологривове Ефремовского уезда Тульской губернии; золотошвейной и точальной (по коже) в Торжке.

Параллельно шла работа, связанная с полиграфией. Начало было положено в годы 1-й русской революции, когда Ч. принял активное участие в издании и иллюстрировании сатирических журналов «Зритель» (1905), «Маски» и «Альманах» с приложением «Вербный базар» (1906). В карикатурах для этих журналов, во многом еще несовершенных, а также в шмуцтитулах для «Календаря русской революции» *В.Бурцева* (изд. в 1917) проявилась склонность художника к гротеску и остроте графических решений. С конца 1900 работа в области книжной графики стала систематической. Один за другим получал Ч. заказы издательств «Шиповник», «Просвещение», «Брокгауз и Ефрон», «Пантеон», «Светозар», Общины Святой Евгении, Н.Бутковской, журналов «Сатирикон», «Галчонок», «Новый Сатирикон», «Аполлон», «Солнце России», «Голос жизни», «Лукоморье». Среди оформленных Ч. книг — «Французское искусство и его представители» Я.Тугендхольда (1911), «Легенда будней» Д.Цензора, «Бенгальские огни» *А.Аверченко*, «Апельсиновые корки» М.Моравской, сочинения *Г.Лукомского*, посвященные русским городам и памятникам архитектуры (все — 1914), «Моцарт и Сальери» А.Пушкина с рисунками М.Врубеля (1915), «Венок Врангелю», «Альманах муз» (обе — 1916), «Чудо» А.Федорова (1917). В своих многочисленных орнаментально-шрифтовых обложках и титульных листах, декоративных виньетках Ч., опираясь на достижения художников, группировавшихся в конце 1890-х — начале 1900-х вокруг журнала «Мир искусства», довел систему линейно-силуэтной графики до логического завершения. Развиваясь в русле стиля модерн, творчество Ч. обнаружило черты неоклассицизма, что выражалось и в строгой выверенности пропорций, и в симметрии заключенных в прямоугольные или овальные рамки композиций обложек, и в приверженности к ампирным мотивам: вазам, букетам, венкам, гирляндам, архитектурным деталям. Ч. привлекали также традиции русского народного искусства. Но к каким бы образцам Ч. не обращался, он никогда механически не повторял их, а постигал в художественном наследии, как и в самой натуре, законы формообразования, следуя которым создавал виртуозные узоры. Постоянное внимание уделял искусству шрифта, от сложного декоративного до строгого классического, предназначенного для отливки и набора. За один из таких шрифтов он получил первую премию на конкурсе, устроенном в 1912 типографией Лемана.

В 1909 Ч. дебютировал на 6-й выставке Союза русских художников в Петербурге, а в 1912 стал членом возрожденного объединения «Мир искусства», участвовал в его выставках в 1913, 1915-18, 1922 и 1924. В 1914 произведения Ч. экспонировались на Международной выставке печатного дела и графики в Лейп-

циге. Самому художнику к этому времени за рубежом довелось побывать дважды: в середине 1906, опасаясь политических преследований, он уехал в Париж и прожил там более года; в 1913 министерством земледелия был командирован в Берлин для подготовки Выставки русских кустарных изделий.

После Февральской революции Ч. продолжал деятельность в министерстве земледелия, явившись инициатором создания комиссии, призванной способствовать развитию художественной промышленности и кустарного производства; через несколько месяцев после октябрьского переворота вошел в коллегию при отделе изобразительных искусств Наркомпроса. В 1918-23 и в 1925-27 осуществлял художественное руководство подчиненного Наркомпросу Государственного фарфорового завода в Петрограде-Ленинграде, а в 1923-25 — Новгубфарфора (быв. фарфорового завода М.Кузнецова на Волхове). В искусство фарфора Ч. привнес высокую графическую культуру, совершенное владение традиционными и новыми технологиями; он работал над эскизами росписей и новыми формами как уникальных, так и массовых изделий. Вокруг Ч. сформировалась плеяда художников различных направлений, благодаря коллективным усилиям которых отечественный фарфор конца 1910-20-х стал заметным явлением искусства XX в. Среди тех, кто испытал непосредственное влияние Ч., были братья Вычегжанины: Петр Владимирович, впоследствии получивший признание во Франции под псевдонимом Пьер Ино как график и живописец-станковист, и Георгий (Юрий) Владимирович — усыновленные Ч. дети его жены Лидии Семеновны Вычегжаниной от ее первого брака с художником В.Левитским.

Захваченный революционными настроениями, а затем и пафосом советской государственности, Ч. увлекся агитационно-массовым искусством, активно включился в создание новой эмблематики, именно ему принадлежат официально утвержденные варианты печати Совнаркома, герба и флага Российской Федерации; он украшал революционными лозунгами, изображением серпа и молота и аббревиатуры РСФСР фарфоровые блюда, тарелки и чашки, ценные бумаги, разнообразные издания. Выполнил портреты деятелей революции. С его обложками и иллюстрациями выходили журналы «Пламя», «Красная панорама», «Москва», «Балтийский морской транспорт», «Сирена», «Дом искусств», «Красный командир», «Аргонавты» и др. В числе оформленных и проиллюстрированных им в послереволюционные годы — книги: «Фауст и Город» А.Луначарского (Пг., 1918), «2-й конгресс Коммунистического Интернационала» (М., 1920), «Руслан и Людмила» А.Пушкина (Пг., 1921), «Что такое театр» *Н.Евреинова* (Пг., 1921), «Десять дней, которые потрясли мир» Дж.Рида (М., 1923), «Власть Советов за пять лет» (М., 1927), детские книжки-тетрадки: «Тараканище» К.Чуковского (Пг., 1923, позднее выдержала еще 9 изд.), «Гости» Е.Полонской (Л.-М., 1924), «Книжка про книжки» С.Маршака (Пг., 1924). Одновременно Ч. создавал многочисленные издательские марки, экслибрисы и другие графические произведения.

Ч. оказался восприимчив к новому искусству: кубизму, супрематизму, конструктивизму. Правда, он не стремился осмыслить художественную сущность этих явлений, находя и в архитектонах К.Малевича, и в контррельефах В.Татлина лишь средства для усиления декоративности и фактурного разнообразия, экспрессии и динамики собственных композиций, в которых по-прежнему оставался мирискусникомстилизатором. Соединение классики и авангарда путем некоего компромисса между ними, породившее особый феномен — «советский ампир» (А.Эфрос), обеспечило графике Ч., его шрифту необыкновенную популярность, сделало их языком времени. Критика писала о послереволюционном творчестве Ч. как о праздничном и ликующем. Однако звучали в нем и трагические ноты, как, например, в росписах по фарфору, посвященных голоду 1921 в Поволжье: в них не только отклик на тяжелое бедствие, но и скорбное раздумье об исторической судьбе России. О неоднозначном восприятии художником окружающей действительности говорят и созданные в те же годы гротескно сатирические образы.

Помимо выставок «Мира искусства», в советский период своей жизни Ч. участвовал в выставках художников-членов Дома искусств (1920 и 1921), Общины художников (1921-22 и 1925) в Петрограде, Ассоциации художников революционной России (1923 и 1925), во Всесоюзной выставке советского фарфора (1926), выставке «Русский рисунок за 10 лет Октябрьской революции» (1927), Выставке художественных произведений к 10-летнему юбилею Октябрьской революции (1928) в Москве; в Выставке русских книжных знаков (1926), Выставке русского фарфора (1927), выставке «Художественный экслибрис» (1928) в Ленинграде; в Первой русской художественной выставке в Берлине (1922); в Международной книжной выставке во Флоренции (1922); в 14-й Международной выставке искусств в Венеции (1924); в Выставке русского искусства в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе (1924-25); в Международной выставке декоративно-художественных искусств в Париже (1925); в Международной выставке художественной промышленности и декоративных искусств в Монце-Милане

(1927); в Выставке советского искусства в Токио (1927).

В начале 1928 Ч. выехал во Францию. Этот шаг был во многом вызван открытием в Париже международной ярмарки, на которой был представлен советский фарфор и, в частности, вещи, расписанные по эскизам Ч. Обосновавшись в Париже, художник не предполагал, что навсегда покинул родину: в течение двух лет он продолжал работу для издательств Москвы и Ленинграда и до последних лет жизни не менял гражданства. Весной 1928 Ч. сделал попытку сотрудничества с Национальной мануфактурой в Севре. Но из-за несоответствия стилистическому направлению, принятому на севрском заводе, росписи Ч. не были допущены к тиражированию, хотя и по-лучили высокую оценку, а декорированные им уникальные изделия экспонировались в 1928 на Осеннем салоне. В конце того же года в Париже почти одновременно открылись две выставки: произведений четырех советских художников (Н.Альтмана, Р.Фалька, Ч. и П.Вычегжанина), устроенная галереей «Ласточки» («La Galerie de l'Hirondelle» в саду Пале Рояль) и персональная — Ч. на Rue de la Paix, финансированная парижским ювелиром А.Маршаком. На первой выставке Ч. был представлен работами, выполненными в России: фарфором, книжной графикой, портретными миниатюрами, пейзажами с натуры. Среди 70 произведений, показанных на второй — портреты, натюрморты, пейзажи, композиции на темы русского фольклора, эмаль, ювелирные изделия, фарфор, эскизы театральных костюмов и декораций, многие из них были созданы уже в Париже. Почти целиком из французских вещей состояла следующая и последняя персональная выставка Ч. «Портреты и миниатюры» в галерее «A la Renaissanse» на Rue Royale. Новые произведения показал он и на Выставке русского искусства в Копенгагене.

Ч. намеревался сосредоточиться на росписи по эмали. Однако неожиданная смерть А.Маршака, на материальную поддержку которого рассчитывал художник, нарушила планы. Главной стала работа для сцены, начатая еще в России в театре Р.Кугеля «Кривое зеркало». В Париже на рубеже 20-30-х Ч. выполнил эскизы декораций и костюмов к опере М.Глинки «Руслан и Людмила» для «Летучей мыши» *Н.Балиева*, к балету «Исламей» на музыку М.Балакирева, к балету «Снегурочка» на музыку А.Глазунова (постановка не осуществлена) для Русских балетов В.Немчиновой, к другим спектаклям и концертным номерам, а также рисунки театральных афиш; одновременно делал эскизы мебели, бытовых предметов, оформлял рекламные страницы популярного парижского журнала «Voque». Во всех этих работах стало заметнее влияние авангарда, однако и кубизм, и супрематизм здесь несли игровое начало, передавали атмосферу Парижа, ставшего средоточием различных художественных направлений. Композиции строились на острых, будоражащих контрастах геометризированных и текучих линий, жестких, рубленых и естественных форм, броских и изысканных цветовых сочетаний. В конечном счете гармония приглушала все диссонансы, а авангард оказывался растворенным в стилистике позднего модерна — ар деко. При этом большую роль приобрели характерные для русского эмигрантского искусства национально-романтические мотивы.

В начале 1930 Ч. занялся реставрацией старой живописи и фарфора. В процессе работы над росписями тканей, склонный к всевозможным техническим усовершенствованиям, он изобрел способ многоцветной печати с одного цилиндра, открывавший огромные возможности для текстильной промышленности, и запатентовал его в 1933 в Европе, а на следующий год — в Америке. Однако реализовать проект не удалось. Предпринятая с этой целью поездка в Нью-Йорк (1934) окончилась безрезультатно, через несколько месяцев из-за начавшейся болезни сердца Ч. вынужден был вернуться в Париж. Не имели успеха и его неоднократные обращения в советское посольство во Франции. В 1935 промышленная установка по чертежам Ч. была построена на красильно-печатной фабрике в Вейле близ Базеля. После месяца работы там, в начале 1936, Ч. скончался от инфаркта в госпитале Святой Елизаветы соседнего города Лёррах на швейцарско-германской границе. В 1995 в Петербурге в Русском музее состоялась выставка произведений художника из российских собраний.

Произведения Ч. хранятся в Третьяковской галерее, в Музее изобразительных искусств им. А.Пушкина, во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства, в Музее керамики и «Усадьбе Кусково XVIII в.» в Москве; в Русском музее, в музее Петербургского фарфорового завода в Петербурге; в Национальном музее современного искусства и в коллекции Р.Герра в Париже; в музее Национальной мануфактуры в Севре; в коллекции Н.Лобанова-Ростовского в Нью-Йорке, в др. отечественных и зарубежных собраниях.

Соч.: Русская кустарная выставка в Берлине // Аполлон, 1914, № 3; Техника росписи по фарфору / Русский художественный фарфор: Сб. статей о государственном фарфоровом заводе под ред. Э.Ф.Голлербаха и М.В.Фармаковского. Л., 1924; Русский фарфор // Жар-птица, 1927, № 6.

Лит.: Эфрос А., Пунин Н. С.Чехонин. М.-Пг., 1924; Боцяновский В. Художник двух революций // Былое, 1925, № 1; Андреева Л.В. Советский фарфор:

1920-1930-е годы. М., 1975; Ее же. О последних годах творчества С.Чехонина / Советское декоративное искусство, 26. М., 1978; Липович И.Н. Книжная графика С.В.Чехонина / Иллюстрация. М., 1988; Герчук Ю.Я. Орнаменталист революции / Художественные миры книги. М., 1989; Липович И.Н. Сатирические символы Чехонина // Творчество, 1990, № 11; Голынец С.В. Сергей Чехоннн: Серп и Молот и Тараканище // Вопр. искусствознания, 1994, № 1; С.В.Чехонин. 1878-1936: Каталог выставки. Авт.-сост. Е.А.Иванова, И.Н.Липович. СПб., 1994.

С.Голынец

ЧЕЧОТТ Генрих Оттонович (30.6.1875, Петербург — 6.9.1928, Фрейберг, Германия) — горный инженер. Родился в семье врача. В 1894 окончил гимназию и поступил в Горный институт в Петербурге, где обучался до 1900. С 1901 по 1908 работал в Главном горном управлении; затем в 1909 был зачислен адьюнктом по кафедре горного искусства в Горный институт. В том же году Ч. посетил Германию, где во фрейбергской Горной академии занимался изучением обогащения полезных ископаемых; побывал на ряде предприятий, изготовляющих горно-обогатительное оборудование. В 1914, когда в преддверии войны вопросы механической обработки полезных ископаемых приобрели для России особую актуальность, Ч. был командирован в США — страну, достигшую в то время наибольших успехов в этой области. Ч. поступил на старший курс обогатительного отделения Технологического института в Бостоне, где в течение трех месяцев слушал лекции Р.Ричардса. Здесь же он провел детальный осмотр горно-обогатительных предприятий.

Возвратясь в Петербург, Ч. защитил диссертацию. Обе «пробные лекции», чтение которых было обязательным по правилам защит диссертаций в Горном институте, были посвящены проблемам обогащения руд. В должности экстра-ординарного профессора (с 1915) Ч. читал лекции по механической обработке полезных ископаемых. Хорошо зная запросы практики, он понимал невозможность успешного развития горного производства без внедрения новых процессов обогащения, подготовки квалифицированных кадров, создания научно-производственной базы исследований. Благодаря его инициативе в 1920 в Горном институте была учреждена первая в стране кафедра обогащения полезных ископаемых. За эти годы вышел в свет «Курс механической обработки полезных ископаемых», еще 64 научных работы Ч., основная часть которых касалась непосредственно вопросов обогащения; он по праву считается пионером в этой отрасли знаний.

Имя Ч. получило широкую известность, к нему постоянно обращались руководители крупных горно-промышленных предприятий с просьбой провести экспертизу, консультацию, разработать проект обогатительной фабрики. Только за период с 1916 по 1922 под его руководством было выполнено 14 проектов обогатительных фабрик. Он постоянно выезжал в командировки по России и за границу, выступал с лекциями, в которых пропагандировал достижения обогатительного дела.

В 1916 Ч. организовал первую в России обогатительную лабораторию, в которой испытывались руды на обогатимость и проводились практические занятия со студентами. В 1918-19 по его проекту была создана испытательная станция с полупромышленными аппаратами — отсадочной машиной, круглым концентратным столом и деревянной флотационной машиной. Результаты испытаний стали исходным материалом для проектирования обогатительных фабрик. Такие проекты были выполнены в специальном производственном бюро, также организованном Ч. В лаборатории и испытательной станции, представлявших первую научно-исследовательскую базу в области обогащения полезных ископаемых, под руководством Ч. проходили подготовку инженерные кадры обогатителей нашей страны, зарождалась научная школа. После революции 1917 работа созданных Ч. учреждений не была остановлена. Проектное бюро по его предложению в 1920 преобразовалось в Институт механической обработки полезных ископаемых (МЕХАНОБР); его директором стал Ч. (1920-22).

В 1922 Ч. выехал в Польшу, где в качестве профессора приступил к преподаванию в краковской Горной академии. Он также вел большую практическую работу, поддерживая тесную связь с предприятиями горной промышленности Польши. За время с 1922 по 1928 Ч. опубликовал в Польше 43 научных работы, что стало значительным вкладом в развитие горного дела Польши. Одновременно в Петрограде в 1924-29 издавался в виде выпусков его фундаментальный труд «Обогащение полезных ископаемых» — книга, ставшая по существу энциклопедией обогатительного дела.

В 1928 по поручению Товарищества эксплуатации калиевых солей Польши Ч. выехал в Германию и Испанию, однако, не добравшись до места назначения, скончался во Фрейберге от заражения крови. Его тело было перевезено в Польшу и захоронено на Евангелическом кладбище в Варшаве.

Лит.: Глембоцкая Т.В. Первая отечественная научная школа в области обогащения полезных ископаемых / Становление и развитие отечественных горных научных школ. М., 1986.

Т.Глембоцкая

ЧИРИКОВ Евгений Николаевич (24.4.1864, Казань — 18.1.1932, Прага) — прозаик, драматург, публицист. Родился в семье безземельного дворянина, отставного офицера. Детство Ч. прошло в селах и уездных городах Поволжья. В 1883 окончил казанскую гимназию, в старших классах которой испытал воздействие идей народничества, и поступил на юридический факультет Казанского университета. В декабре 1887 исключен из университета в числе вожаков студенческой сходки (вместе с В.Ульяновым) и выслан в Нижний Новгород. Входил в марксистские кружки, неоднократно подвергался арестам и высылкам. В 1887 в казанской газете «Волжский вестник» был опубликован первый рассказ Ч. — «Рыжий».

С 1894 его рассказы печатались в петербургских журналах «Русское богатство», «Мир Божий», «Северный вестник», «Жизнь». Изображая темные стороны жизни («Свинья», 1888; «В лесу», 1895; «Прогресс», 1896; «Хлеб везут», 1897; «Танино счастье», 1901), Ч. следовал демократической традиции русской литературы. Излюбленными героями Ч. были представители провинциальной интеллигенции, в частности, студенты (напр., рассказ «Gaudeamus igitur», 1894). Одним из первых он изобразил столкновение народников с марксистами (повести «Инвалиды», 1897; «Чужестранцы», 1899). Переехав в Москву, вошел в литературный кружок «Среда». Откликом на Кишиневский погром явилась пьеса «Евреи» (1904), имевшая большой литературно-общественный резонанс. Он был автором и ряда др. пьес: «Иван Мироныч» (1901), «На дворе во флигеле» (1902), «Мужики» (1905), «Легенда старого замка» (1907), «Лесные тайны» (1911) и др.

В 1900-х Ч. был тесно связан с горьковским издательством «Знание», которое в 1901 выпустило 3 тома его рассказов; активно участвовал в литературно-художественных сборниках «Знания». С 1901 по 1909 в «Знании» выходило собрание сочинений Ч. в 8-ми томах, выдержавшее 6 изданий. В 1910-18 «Московское книгоиздательство» публиковало его собрание сочинений в 17-ти томах. В 1908 Ч. ушел из «Знания» и стал сотрудничать в альманахе издательства «Шиповник» и сборнике «Земля»; в этот период в его творчестве проявилось влияние символизма. Во время 1-й мировой войны занял оборонческую позицию (сб. рассказов «Эхо войны», 1915, 1916) и окончательно порвал с Горьким.

Сочувственно воспринял Февральскую революцию; к Октябрьской революции отнесся отрицательно, осуждая подавление демократии и разгул большевистского террора. В.Ленин, ознакомившись в 1919 с брошюрой Ч. «Народ и революция», отнес ее к «белогвардейской литературе»; в марте 1920 отметил «писания русских интеллигентов вроде Чирикова», которые, «помогая Деникину, рассуждают об Учредительном собрании, о равенстве и т.д.». Выступления Ч. против новой власти не раз ставили его жизнь под угрозу — так, летом 1918 только случайность спасла его от расстрела в Коломне.

Ч. неоднократно заявлял, что не покинул родину, а был изгнан. В 1918, после того, как Ленин предложил ему уехать из Советской России, угрожая в противном случае арестом, Ч. вместе с женой, актрисой В.Иолшиной, направился в Ростов-на-Дону, а затем в Крым, где имел дачу. Пятеро его детей были разбросаны по всей России, один из сыновей, сражавшийся в Добровольческой армии, потерял ногу. Под давлением окружающих, в частности, по настоятельному совету *В.Бурцева* 13.11.1920 Ч. выехал из Севастополя в Константинополь. В письме к дочери делился первыми эмигрантскими впечатлениями: «Жизнь здесь невозможна, никакого заработка, русские служат прачками, кухарками, лакеями — ужас!» В начале 1921 ему удалось перебраться в Софию, а оттуда в Прагу, где благодаря участию и помощи чешских писателей он собрал в конце концов всю семью. Среди русских писателей, находившихся в Чехословакии, Ч. был заметной и уважаемой фигурой. Его произведения переводились на чешский язык, на русском же языке публиковались в пражских эмигрантских изданиях «Ковчег», «Младорусь», «Студенческие годы» и др. В Чехословакии им была написана последняя часть начатой в России автобиографической книги «Жизнь Тарханова» — роман «Семья» (1925), рассказы «Красота ненаглядная» (1924), «Между небом и землей» (1927), «Девичьи слезы» (1927), повесть «Отчий дом» (1929). В сборник «Красный паяц: Повести страшных лет» (Берлин, 1928) вошли рассказы о гражданской войне («Красный паяц», «Опустошенная душа», «Да святится имя твое», «Мстители»). Ужасы революционного времени, гражданской войны, белого и красного террора получили отражение в романе «Зверь из бездны: Поэма страшных лет» (Прага, 1924), который писатель посвятил чешскому народу «в знак глубокой благодарности за то, что братский народ дал мне приют и возможность написать эту книгу». Роман вызвал огромный читательский интерес и бурную полемику в прессе.

В январе 1927 в Праге отмечалось 40-летие литературной деятельности Ч. Сам он не считал возможным продолжать ее: «Все в прошлом. Настоящего точно нет. Конечно, много сюжетов дать может и эмиграция, но не хочется и не можется шевелить и бередить наши язвы и наши страдания». В 1928 закончил работу

над воспоминаниями (отд. фрагменты публ. в 1921-2, полностью опубл. в 1933); описал встречи с Н.Чернышевским, А.Чеховым, резко отзывался о Ленине и Горьком («сперва друг, а потом непримиримый враг»). Спорил с эмигрантами, обвинявшими во всем А.Керенского, тогда как Временное правительство, впустившее в Россию Ленина («Троянского коня»), «имело в своем составе столько излюбленных мужей разума, среди которых был и испытанный политик и историк Милюков». В конечном счете возлагал ответственность за большевистскую революцию на правительства Александра III и Николая II, «все время державших котел государственной машины под давлением революционных паров и никогда вовремя не открывавших предохранительных клапанов», в частности, не решивших вопрос о земле, не приобщавших народ к гражданской жизни, оставлявших его в «искусственном невежестве».

Вспоминая о Ч.-писателе, Д.Мейснер писал: «В этом на первый взгляд нарочито простоватом человеке, немного лукавом, всегда остроумном и живом была удивительная, чисто русская уютность. Он был очень любим окружающими, прежде всего за эти его качества, за его простоту и какую-то особенную «народность». В торжественных похоронах Ч. участвовали представители русских и чешских организаций, в том числе первый премьер-министр Чехословакии К.Крамарж. Похоронен писатель на Ольшанском кладбище в Праге рядом с русским храмом.

Соч.: Собр. соч.: В 14-ти т. Прага, 1924-28; Русский народ под судом Максима Горького. М., 1917; Вечерний звон: Повести о любви. Белград, 1932; На путях жизни и творчества: Отрывки воспоминаний / Лица: Биографич. альманах, вып.3. М.-СПб., 1993.

Лит.: Сахарова Е.М. Е.Н.Чириков. Очерк жизни и творчества / Е.Н.Чириков. Повести и рассказы. М., 1961; Дроздов А. Интеллигенция на Дону // Арх. рус. рев-ции, т.2. М., 1991.

А.Руднев

ЧИЧИБАБИН Алексей Евгеньевич (17.3.1871, м. Куземин, Зеньковского у., Полтавской губ. — 15.8.1945, Париж) — химик-органик. Родился в семье коллежского секретаря Евгения Саввича Ч., служившего с 1861 письмоводителем Зеньковской дворянской опеки. Когда мальчику было 3 года, семья перебралась в уездный городок Лубны, где отец занял должность секретаря уездной земской управы. После его смерти все заботы о семье легли на плечи матери — Наталии Петровны (урожд. Лихачевой), выкраивавшей из весьма скудных доходов средства на образование сына, который в 1879 поступил в подготовительный класс лубенской гимназии. Учился он неровно; постоянно приходилось подрабатывать репетиторством. После окончания гимназии в 1888 поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Под руководством профессоров В.Марковникова и М.Коновалова Ч. выполнил свою первую научную работу — «Действие йодистого водорода на пропилбензол», которую доложил в октябре 1891 на заседании Русского химического общества. Однако научная карьера Ч. складывалась вначале неудачно. Окончив университет в 1892 с дипломом 1-й степени, он не был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию и, поработав непродолжительное время внештатным практикантом при университетской химической лаборатории, почти 3 года зарабатывал на жизнь частными уроками, случайными химическими анализами, писал в газеты заметки о научных заседаниях. В 1895 ему удалось получить место лаборанта по химии в Александровском коммерческом училище в Москве, но утвержден в должности он не был и через год вновь занялся поисками работы. В 1896 Ч. устроился помощником заведующего лабораторией Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности в Москве. В 1899 перешел на должность ассистента при кафедре неорганической и аналитической химии в Московском сельскохозяйственном институте. После сдачи экзамена на степень магистра химии (1900) Ч. одновременно с работой в институте получил звание приват-доцента Московского университета, где в 1904 защитил магистерскую диссертацию «О продуктах действия галоидных соединений на пиридин и хинолин». В 1905 он был назначен на должность экстра-ординарного профессора в Варшавский университет, однако условия для работы там оказались неподходящими, и после раздумий Ч. отказался от переезда в Варшаву. Должность профессора и кафедру общей и органической химии в Московском техническом училище Ч. смог получить лишь в 1908. Год спустя кафедра органической химии выделилась в самостоятельную, и Ч. возглавлял ее вплоть до отъезда из СССР в 1930; одновременно он долгие годы был деканом химического отделения (с 1924 — химического факультета).

Обладая обостренным чувством социальной справедливости, Ч. всегда занимал активную общественную позицию. Еще в 1890 за участие в студенческих «беспорядках» он был уволен из университета, но вскоре затем восстановлен. Позднее (в 1908) Ч., а также его жена, Вера Владимировна Подгорецкая (Ч. вступил в брак в 1897), были замечены «в сноше-

ниях с лицами, принадлежащими к противоправительственным организациям», хранении революционной литературы, устройстве у себя «незаконных собраний». В результате проведенного обыска жандармы обнаружили у Чичибабиных 14 названий нелегальных изданий партии социалистов-революционеров. В 1911 Ч. вместе с К.Тимирязевым, В.Вернадским, П.Лебедевым, М.Мензбиром и другими прогрессивными профессорами и преподавателями Московского университета вышел в отставку в знак протеста против политики правительства в области высшего образования.

В 1912 в Петербургском университете Ч. успешно защитил докторскую диссертацию «Исследования по вопросу о трехатомном углероде и о строении простейших окрашенных производных трифенилметана», в которой подвел итог своих почти 10-летних (с 1902) исследований в этой области, принесших ему известность в России и за границей.

С началом 1-й мировой войны Ч. со страниц газеты «Русские ведомости» обратился ко всем химикам с призывом принять участие в работе по производству медикаментов. Он организовал и возглавил Московский комитет содействия развитию фармацевтической промышленности, в Московском техническом училище организовал алкалоидную лабораторию, где под его руководством разрабатывались способы производства опия, морфия, кодеина, атропина. В другой лаборатории того же училища Ч. разработал технологию получения салициловой кислоты и ее солей, а также аспирина, салола и фенацетина. Созданные Ч. медицинские препараты спасли жизнь тысячам русских солдат.

После Октябрьской революции Ч., продолжая научную и педагогическую деятельность в Высшем техническом училище (МВТУ), возглавил в 1918 Правление государственных химико-фармацевтических заводов и Научный химико-фармацевтический институт. В 1922-27 был председателем Научно-технического совета химико-фармацевтической промышленности, главным редактором «Государственной фармакопеи» (7-е изд. вышло в 1925). В 1919-20 он открыл явление фототропии, т.е. способности ряда производных пиридина изменять окраску в зависимости от освещенности. В 1924 осуществил синтез пиридина из уксусного и муравьиного альдегидов в присутствии аммиака. Пиридин нашел широкие сферы применения в качестве исходного вещества для получения красителей, пестицидов, лекарственных средств, а также как растворитель. 17.8.1926 состоялось первое присуждение премий им. В.Ленина за научные работы, «имеющие наибольшее практическое значение», и Ч. стал первым лауреатом среди химиков за работы по химии алкалоидов и фармацевтической химии. Через 2 года его избрали действительным членом Академии наук СССР.

Высоких научных результатов Ч. добивался с огромными нервными издержками, связанными с необходимостью каждодневного преодоления косности и головотяпства. В своем письме академику *В.Ипатьеву* (в то время начальнику Главного химического управления ВСНХ РСФСР) от 7.1.1922 по поводу бедственного состояния своего детища — лаборатории алкалоидов — Ч. подчеркивал, что работа лаборатории могла бы стать «гордостью страны», если бы она была «бережно охраняема, и были бы приняты все возможные меры, чтобы обеспечить спокойное продолжение и всестороннее развитие ее. Но в России никогда не дорожили тем немногим хорошим, что у нее было...». Ч. был в числе 37 ученых, обратившихся в марте 1928 к правительству с запиской, в которой указывалось на бедственное состояние отечественной химической науки и промышленности, необходимость увеличения выпуска химических продуктов и внедрения прогрессивных химических технологий в различные отрасли народного хозяйства. Совет Народных Комиссаров СССР, рассмотрев эту записку, принял 28.4.1928 постановление «О мероприятиях по химизации народного хозяйства Союза ССР», в соответствии с которым создавался Комитет по химизации народного хозяйства СССР; в его работе Ч. принимал самое активное участие. В феврале 1929 на президиуме Комитета он выступил с докладом «О современном состоянии и необходимых мероприятиях по укреплению существующей системы аспирантуры при химических отделениях и химических факультетах вузов и втузов». На 1-й Всесоюзной конференции по вопросам высшей химической школы (февр. 1929) Ч. в ходе развернувшейся острой дискуссии о путях совершенствования подготовки химиков настаивал на том, что инженер-химик прежде всего должен иметь широкую теоретическую подготовку, а глубокие знания производственных процессов приобретаются в ходе его практической деятельности. Однако конференция сочла необходимым идти по пути создания отраслевых институтов нового типа «для подготовки специалистов с более резко выраженной специализацией в более короткий срок». Вскоре в химических вузах стали вводить специализацию уже на младших курсах, была отменена зачетная сессия, возник лабораторно-бригадный метод, при котором учебный процесс строился на коллективной деятельности студентов под руководством преподавателя, а успешная защита «коллективного» диплома обеспечивала всем членам бригады, независимо от их индивидуальной подготовки,

окончание института. Ч. выступил против такой реформы. В письме на имя председателя Комитета по химизации народного хозяйства Я.Рудзутака (от 17.7.1930) он решительно заявил, что в значительной мере стихийно проводимая реконструкция высшей химической школы «может иметь следствием уничтожение высшего инженерно-химического образования в СССР».

Еще в 1925 вышел в свет учебник Ч. «Основные начала органической химии», выдержавший только в нашей стране 7 переизданий (7-е изд. в 1963). Написанный ясным и понятным языком, но, вместе с тем, вводящий читателя в самые сложные проблемы органической химии, этот учебник до сих пор остается полезным пособием как для студентов-химиков, так и для работающих химиков-органиков. После «Основ химии» Д.Менделеева это был первый курс химии русского ученого, изданный на французском языке (в 1933) и рекомендованный в качестве учебника для университетов. «Лектором Чичибабин был весьма своеобразным, — вспоминал его ученик И.Кнунянц. — На первых лекциях набиралось полным-полно народа, но где-то к середине курса публика заметно редела. Действовал своего рода естественный отбор. Алексей Евгеньевич нисколько не заботился об ораторских красотах, быстро стирал с доски формулы — редко кто успевал их списывать, — так густо насыщал свой рассказ сведениями, а также идеями, нередко возникавшими у него прямо на ходу изложения, что выдержать такое мог только слушатель, искренне влюбленный в химию... Эти, казалось бы, сумбурные лекции, и эти многодневные экзамены слагались в довольно эффективную систему, с помощью которой Алексей Евгеньевич добивался самого главного, на что должно быть нацелено преподавание. Он развивал у учеников самостоятельное химическое мышление, ориентируясь не на отстающих, не на равнодушных, а на увлеченных, преданных». У Ч. был удивительный «нюх» на будущие таланты. Среди его учеников много химиков, внесших выдающийся вклад в развитие мировой науки — Н.Ворожцов, А.Кирсанов, П.Мошкин, Н.Преображенский, А.Сергеев и мн. др.

В 1930 в жизни Ч. произошло трагическое событие: нелепо, в результате несчастного случая на производственной практике, погибла его единственная дочь — студентка химического факультета МВТУ. Потрясенные родители не смогли справиться с горем. В том же году Ч. не вернулся из заграничной командировки, обосновавшись в Париже, где его жена длительное время лечилась в психиатрической больнице. О пребывании Чичибабиных на чужбине сохранилось крайне мало сведений. Известно, что Ч. работал в лаборатории фармацевтической химии, руководимой Эрнстом Фурно, в Пастеровском институте, а также преподавал в «Collége de France». Чичибабины занимали очень скромную квартиру и вели уединенный образ жизни. Все попытки советского правительства и руководства Академии наук вернуть Ч. на родину завершились неудачей. В письме от 24.6.1936 непременному секретарю АН СССР академику Н.Горбунову он писал: «Коренной ошибкой при Вашем обращении ко мне, как и при некоторых других обращениях из Москвы является представление обо мне, как о том человеке, каким я был до 1930 г., т.е. как о человеке, полном сил и энергии, с выдающейся работоспособностью, с упорством и настойчивостью в достижении намеченных целей. На самом же деле, тот ужасный удар, который поразил меня и мою жену 5 лет назад, настолько ослабил мою жизнеспособность, что я быстро превратился в старика, в значительной степени утратившего и интерес к жизни. Этому содействовало и прогрессирующее ослабление зрения (катаракта). Моими жизненными стимулами остались уход за женой, после нашего несчастья постоянно хворающей, и экспериментальная научная работа. Последняя позволяет забывать окружающее, а ее успехи дают некоторое удовлетворение... Беда моя в том, что работать теперь я могу лишь в спокойной обстановке, при отсутствии внешних беспокоящих событий. При наличии последних я теряю равновесие и делаюсь мало работоспособным... Отрыв от родины для меня тягостен, тем более что в здешней жизни я не вижу ничего, что бы меня привлекало и привязывало. И если я до сих пор не вернулся на родину, то это лишь потому — позволяю себе сказать совершенно откровенно, — что я мало верю в возможность найти для себя там обстановку, при которой я, в моем теперешнем состоянии, оставшиеся немногие годы своей жизни мог бы провести в спокойной и плодотворной работе».

29.12.1936 Общее собрание АН СССР приняло постановление о лишении Ч. звания академика. 5.1.1937 ЦИК СССР лишил его и советского гражданства «как отказавшегося выполнить свой долг перед родиной». Ему был навсегда запрещен въезд в пределы своей страны. Тем не менее в начале 1941 с Ч. возобновились переговоры относительно его возвращения, но началась война. Он тяжело болел за судьбу родины и остро переживал свой отрыв от нее. В последние годы работал над книгой, содержавшей обзор всего нового, что было сделано со времени выхода его классического курса по органической химии. Намечал новые исследования в области производных пиридина и хинина. Постановлением Общего со-

брания АН СССР от 22.3.1990 Ч. был посмертно восстановлен в действительные члены Академии.

Лит.: Барковский К. Алексей Евгеньевич Чичибабин: Научная и общественная деятельность. Париж, 1945; Евтеева П.М. А.Е.Чичибабин // Тр. Ин-та истории естествознания и техники, т.18. История хим. наук. М., 1958; Волков В.А., Куликова М.В. Судьба «невозвращенца» А.Е.Чичибабина (в свете неопубл. документов) // Природа, 1993, № 9.

Арх.: Арх. РАН, ф.288, оп.1, 2.

В.Волков

ЧУПРОВ Александр Александрович (5.2.1874, Мосальск, Калужской обл. — 19.4.1926, Женева) — статистик, экономист, математик. Родился в семье профессора политической экономии Московского университета Александра Ивановича Ч., известного издателя «Русских ведомостей», создателя земской статистики. Отец оказал большое влияние на сына, на его выбор профессии. Детство и юность Ч. прошли в Москве. Начальное образование он получил дома. В 14 лет поступил в 5-й класс 5-й московской гимназии; самостоятельно изучал логику, читал философскую и экономическую литературу. С целью овладения математикой и логикой как аппаратом изучения социальных явлений поступил в 1892 на математическое отделение физико-математического факультета Московского университета. Дипломную работу писал на тему «Теория вероятностей как основа теоретической статистики» (защита в 1896, рецензент П.Некрасов, читавший в университете курс теории вероятностей и являвшийся крупным специалистом в этой области).

После окончания университета направился на стажировку за границу для изучения общественных наук. Слушал лекции в Берлинском университете (зимний семестр 1896). В Берлине состоялось знакомство Ч. со статистиком и экономистом В.Борткевичем, который поддержал начинающего ученого. Затем в Гёттингене Ч. познакомился со статистиком В.Лексисом, горячим сторонником обоснования статистики теорией вероятностей; последователем этих взглядов стал и Ч. В 1897 вышла его первая печатная работа — статья в словаре Брокгауза и Ефрона «Нравственная статистика», в которой автор ставил задачу разработки достаточно простых и гибких математических методов для изучения социальных проблем. Весной того же года Ч. переехал в Страсбург, где вел уединенную жизнь, отдавая все силы диссертации и лишь изредка выезжая в Италию повидать отца. Участвовал в семинарах Борткевича и своего основного руководителя — профессора Г.Кнаппа, который, несмотря на различие взглядов по ряду вопросов, много сделал для становления Ч. как ученого-статистика.

Летом 1901 после сдачи экзаменов и защиты диссертации «Морфология земельной общины» получил степень доктора экономических и политических наук и вернулся в Россию. Весной 1902 сдал магистерские экзамены на юридическом факультете Московского университета (в России иностранные ученые степени не признавались) и получил приглашение в только что созданный в Петербурге Политехнический институт, где предполагалось открыть экономическое отделение; принял деятельное участие в создании кабинета статистики и специальной библиотеки. Читал курс статистики и организовал семинар по этому предмету, многие участники которого стали первоклассными специалистами. Предложенная Ч. система преподавания статистики до сих пор считается непревзойденной. Одновременно приступил к разработке теории статистики, которая стала основой его магистерской диссертации (опубл. в мае 1909 под названием «Очерки по теории статистики»; переизд. в 1910 и 1959). Ее защита состоялась 2.12.1909 в Московском университете, автору была сразу присуждена докторская степень.

С 1911 исследования Ч. приняли новое направление — он занялся разработкой математических методов статистики. Этому немало содействовало его знакомство с петербургским математиком А.Марковым, учеником П.Чебышева, который, как и его учитель, внес особый вклад в развитие теории вероятностей. В 1913, когда в Петербурге отмечалось 300-летие дома Романовых, академик Марков стал инициатором празднования другого, научного, юбилея — 200-летия закона больших чисел. По его приглашению Ч. принял участие в торжественном заседании Академии наук и сделал доклад «Закон больших чисел в современной науке»; тогда же обнародовал результаты начатой им работы по обобщению исследований статистиков английской школы (в 1922 расширенный вариант доклада Ч. был опубликован в шведском журнале). Разработку проблем теоретической статистики (метод моментов и теория дисперсии) Ч. в основном закончил к 1916 (опубл. позднее). К числу важных работ, изданных Ч. в петербургский период деятельности, относятся доклад на 12-м съезде русских естествоиспытателей и врачей, состоявшемся в Москве с 28.12.1909 по 6.1.1910, и статья по демографическим вопросам, опубликованная в 1916 в Международном статистическом бюллетене. Научные достижения Ч. были отмечены в России избранием его 2.12.1917 членом-корреспондентом Российской Академии наук по раз-

делу историко-политических наук (экономика, статистика). Ч. являлся также членом Международного статистического института, почетным членом Лондонского Королевского статистического общества и членом-корреспондентом Королевского экономического общества в Лондоне.

Для работы в библиотеках Ч. регулярно выезжал за границу. Так было и в мае 1917, когда он отправился на летние каникулы в Стокгольм для изучения материалов Главного статистического бюро. Обратно в Россию он уже не смог вернуться, сначала этому помешала болезнь, затем — денежные затруднения. В апреле 1918 ему предложили занять пост главы Центрального статистического управления Советской республики. В октябре 1918 Ч. писал, что готов вернуться, но денег на переезд у него нет, а из Петербурга он ничего не получил. Вероятно, главной причиной невозвращения ученого были все же последствия Октябрьской революции: рассказы бежавших от большевиков русских эмигрантов о новых порядках (в частности, о разорении дома Ч.) убеждали его в том, что в России он уже не сможет иметь спокойные условия для научных занятий и столь необходимые для работы поездки в зарубежные библиотеки.

В январе 1919 Ч. занял должность заведующего статистическим бюро русского дореволюционного Центросоюза в Стокгольме и возглавил издание «Бюллетеней мирового хозяйства»; в середине 1920 выехал в Берлин, а затем в Дрезден, где посвятил себя исключительно научным исследованиям. Есть сведения, что Ч. откладывал возвращение в Россию до завершения начатого им цикла работ, а к антисоветской деятельности русских эмигрантов относился отрицательно.

В 1925 Ч. принял приглашение занять кафедру на Русском юридическом факультете в Праге. Его переезд в Прагу был вызван, с одной стороны, необходимостью иметь твердый заработок, а с другой — желанием снова начать педагогическую деятельность. Однако жизнь в шумной Праге оказалась тяжелой для Ч., который нуждался в тишине и спокойствии для работы. К тому же перенесенный в детстве ревматизм ослабил его здоровье, начались сердечные приступы. Осенью того же года Ч. из Праги поехал в Италию, где в сентябре выступил с докладом в Риме на 16-й сессии Международного статистического института. После закрытия сессии был вынужден лечь в клинику в Риме. Врачи не смогли сразу поставить диагноз (это был эндокардит) и рекомендовали покой. Последние 9 месяцев Ч. провел в Швейцарии в семье своего друга С.Гулькевича. Он был окружен заботой и вниманием, но болезнь прогрессировала и вскоре он скончался в возрасте 52 лет.

Научные идеи Ч. оказали большое влияние на развитие статистики в России и др. странах. Не менее важными были и его конкретные исследования по демографии и экономике, а также работа последних лет — «Основные задачи стохастической теории статистики» (1925). Труды Ч., написанные на русском языке, переводились и издавались за рубежом. Он внес принципиально важный вклад в становление математической статистики как самостоятельной науки. Среди немалого числа учеников Ч. — Н.Четвериков, О.Андерсон, эмигрировавший из России и ставший директором Статистического института при Софийском университете в Болгарии.

Ч. был человеком большого благородства и интеллигентности; всего себя посвятил науке, ради которой вел затворническую и почти аскетическую жизнь. Он ценил искусство (особенно итальянскую живопись) и музыку, неплохо играл на рояле, однако отказался от серьезных занятий музыкой, которые могли бы помешать главному делу его жизни — науке. С раннего возраста характерными чертами Ч. были самостоятельность в суждениях и целеустремленность. Он не афишировал своих заслуг, благожелательно относился к людям, которых оценивал по их делам, а не по политическим взглядам. Владея к концу жизни семью языками, не считая двух древних, Ч. оставался русским не только по крови, но и по духу; принимал близко к сердцу успехи и неудачи русских ученых. «Годы разлуки оказались не в силах порвать культурно-ценную связь национальных научных традиций», — писал он в 1922.

Лит.: Tschetwerikoff N. Al.A.Tschouproff (1874-1926) // Metron, 1926, t.6; Georgievski P. Tchouproff Alexandre (1874-1926) // Bull. de L'Inst. Intern. de Stat., 1928, t.23, liv.1; Карпенко Б.И. Жизнь и деятельность А.А.Чупрова // Уч. зап. по статистике, т.3. М., 1957; О теории вероятностей и математической статистике (переписка А.А.Маркова и А.А.Чупрова). М., 1977.

Н.Ермолаева

Ш

ШАГАЛ Марк Захарович (24.6.1887, Витебск — 28.3.1985, Сен-Поль де Ванс, Франция) — художник. Старший из десяти детей мелкого торговца. Окончил в 1905 4-классное городское ремесленное училище. Первыми шагами будущего художника руководил Ю.Пэн. С 1907 Ш. в Петербурге, 2 года занимался в Рисовальной школе Общества поощрения художеств, руководимой *Н.Рерихом*, затем в мастерской С.Зайденберга и в частной школе Е.Званцевой, где его наставниками были *М.Добужинский* и *Л.Бакст*.

Начало художнической биографии Ш. — картина «Смерть» (1908) — переплетение фантастики и реализма. Для продолжения образования в августе 1910 уехал в Париж; поездку и обучение субсидировал известный юрист и общественный деятель М.Винавер. В Париже художественным школам предпочитал музеи и выставки, творчески усваивая достижения кубизма. В 1911 поселился в артистической колонии «La ruche» («Улей») в квартале Монпарнас; дружба с Гийомом Аполлинером, Блэзом Сандраром, Максом Жакобом, Андре Сальмоном была увековечена в стихах, рисунках, полотнах, статьях, в частности, Ш. создал картину «В честь Аполлинера (Половина четвертого)» (1912).

В 1912 Ш. впервые показал свои полотна на Осеннем салоне и в Петербурге, с группой «Мир искусства», в 1913 — в Москве, на выставке «Мишень», организованной *М.Ларионовым*. До конца своих дней Ш. называл себя «русским художником», подчеркивая родовую общность с русской художественной традицией (иконопись, творчество Врубеля, произведения безымянных вывесочников, живопись крайне левых). Вместе с тем творчество Ш. принадлежит в равной степени еврейской и французской культурам. Главная его особенность — сплав фантасмагории и быта, прошлого и будущего, мистики и реальности («сюрнатурализм», по определению Аполлинера), экспрессивность цвета и рисунка, что сделало Ш. предтечей экспрессионизма и сюрреализма. По словам Ш., он стремился «видеть мир особыми глазами, как будто только что родился». Художественно-поэтическая система Ш. определилась уже в ранних полотнах 1911-13 («Я и деревня», «Солдат пьет», «Россия. Ослы и другие», «Автопортрет с семью пальцами» и др.), они знаменовали рождение и зрелость новейшего еврейского искусства. В июне 1914 в берлинской галерее «Der Sturm» открылась первая персональная выставка Ш., устроенная Г.Вальденом; представленные здесь картины и рисунки дали импульс экспрессионизму немецких художников.

1-я мировая война заставила Ш. остаться в Витебске, куда он отправился на каникулы после берлинского вернисажа. В 1914-15 много писал Витебск, его жителей, бытовые сценки, свою семью; эта серия обеспечила запас убедительности его будущих полотен, неотделимых от реалий родного города. Летом 1915 женился на Берте (Белле) Розенфельд; в его картинах она стала воплощением Вечной женственности. Осенью они уехали в Петроград. В ноябре 1917 вернулись с дочерью в Витебск. Ш. воспринял революцию прежде всего как установление национального равенства, открывающее неограниченные возможности культурного возрождения народа.

Получив в августе 1918 мандат «уполномоченного по делам искусств г. Витебска и Витебской губернии», оформил город к 1-й годовщине Октября огромными панно с «летающими евреями» и «зелеными козами». Организовал музей и народное художественное училище, в котором преподавали Ю.Пэн, М.Добужинский, *И.Пуни* и К.Богуславская, а затем К.Малевич, вытеснивший Ш. из училища.

Покинул Витебск в июне 1920. В Москве познакомился с руководителем Еврейского камерного театра А.Грановским, нарисовал панно для зрительного зала театра, оформил три миниатюры Шолом-Алейхема. Летом 1922 направился в Берлин, чтобы узнать об участи своих произведений, оставленных на Западе. В течение многих лет длился судебный процесс, в ходе которого Ш. пытался вернуть хоть что-нибудь из 40 полотен и 160 графических произведений, выставленных летом 1914; обратно удалось получить меньше 10 работ. В Берлине овладел новыми видами техники — офортом, сухой иглой, ксилографией. Пытался издать книгу «Моя жизнь», написанную в Москве, но талантливая проза Ш. оказалась слишком труд-

27—3796

на для переводчика, свет увидел тогда лишь цикл офортов под этим названием (впервые книга опубл. в 1931 на франц. яз.).

С 1923 Ш. в Париже, где вошел в европейскую художественную элиту (Пикассо, А.Матисс, Ж.Руо, Ж.Бернар, П.Элюар и др.). По заказу маршана А.Воллара избрал для иллюстрирования «Мертвые души» Гоголя (96 офортов, концовки и заставки, 1923-27), затем исполнил иллюстрации к «Басням» Лафонтена (100 офортов, 1927-30). Путешествия по Франции вдохновили Ш. на создание радостных и светлых пейзажей. В 1931 он впервые побывал в Сирии и Палестине, в связи с работой над иллюстрациями к Библии (66 офортов в 1930-39 и 39 офортов в 1952-56), они стали фундаментом огромного цикла, над которым Ш. трудился почти всю жизнь, — «Библейского Послания» (гравюры, рисунки, картины, витражи, шпалеры, керамические скульптуры, рельефы).

Публичное сожжение произведений Ш. в нацистской Германии, гонения на евреев, предчувствие приближающейся катастрофы окрасили произведения Ш. в апокалиптические тона. В 1930-е ведущей темой его искусства стало Распятие; горящий Витебск служил фоном многочисленных композиций с умирающим на кресте мучеником-земляком. В мае 1941 по приглашению нью-йоркского Музея современного искусства Ш. переехал с семьей в США; дружескую поддержку оказал ему философ Жан Маритен; близкие отношения возникли у Ш. с искусствоведом Лионело Вентури. В США в 1943 произошла последняя встреча Ш. с давним московским другом С.Михоэлсом. В сентябре 1944 Ш. пережил внезапную смерть жены; огромной силой любви были продиктованы композиции «Моей жене посвящается» (1933-44), «Вокруг нее» и «Свадебные свечи» (обе — 1945). В 1945 Ш. написал три полотна-задника, занавес и костюмы для балета *И.Стравинского* «Жар-птица» в «Ballet Theatre».

Окончательно вернулся во Францию в 1948. Тогда же получил Гран-При за иллюстрации к «Мертвым душам» на 24-й биеннале в Венеции; затем последовал ряд др. знаков отличия. В 1952 вступил в брак с Валентиной (Вавой) Бродской. Из циклов цветных литографий, станковых и книжных работ 50-60-х, созданных после путешествия по Греции и Италии, наиболее известны иллюстрации к роману Лонга «Дафнис и Хлоя» (42 цветных литографии, 1960-62).

Постепенно Ш. все больше работал в монументальных видах искусства, занимался мозаикой, керамикой, шпалерами, скульптурой, с 1957 витражами; изготовил витражи для католических костелов, лютеранских храмов, синагог, общественных зданий Европы, Америки, Израиля. Небывалый резонанс вызвал плафон Парижской «Grand-Opéra», завершенный в 1964 по заказу президента Ш. де Голля и министра культуры А.Мальро. С 1966, после создания нового шедевра — панно для «Metropolitan-Opera» в Нью-Йорке, Ш. жил в Сен-Поль де Ванс близ Ниццы, где построил дом-мастерскую.

В июне 1973 посетил Москву и Ленинград. В следующем месяце присутствовал на торжественном открытии государственного Музея Ш. в Ницце, сосредоточившего внушительную часть «Библейского Послания». По случаю 90-летия Ш. была оказана редкая честь — уникальная выставка его работ была развернута в Лувре (окт. 1977 — янв. 1978); он был награжден Большим Крестом Почетного легиона.

Соч.: Моя жизнь. М., 1994.

Лит.: Venturi L. Chagall. Geneve-Paris-New York, 1956; Meyer F. Marc Chagall. Life and Work. New York, [1964]; Каменский А.А. Сказочно-гротесковые мотивы в творчестве Марка Шагала / Примитив и его место в художественной культуре нового и новейшего времени. М., 1983; Kamensky A. Chagall, période russe et sovietique. 1907-1922. Paris, 1988; Возвращение Мастера. Альбом. М., 1988; Апчинская Н.В. Марк Шагал. Графика. М., 1990; Greenfield H. Marc Chagall. New York, 1991.

А.Шатских

ШАЛЯПИН Федор Иванович (1.11.1873, Казань — 12.4.1938, Париж) — певец (бас). Родился в бедной семье крестьянина из деревни Сырцово Вятской губернии Ивана Яковлевича Ш.; мать — Евдокия (Авдотья) Михайловна (урожд. Прозорова) — из деревни Дудинской той же губернии. Уже в детском возрасте обладал красивым голосом (дискант) и часто подпевал матери, «подлаживая голоса». С 9 лет пел в церковных хорах, пытался научиться играть на скрипке, много читал, но вынужден был работать учеником сапожника, токаря, столяра, переплетчика, переписчика. В 12 лет участвовал в спектаклях гастролировавшей в Казани труппы в качестве статиста. Неуемная тяга к театру приводила его в различные актерские труппы, с которыми он кочевал по городам Поволжья, Кавказа, Средней Азии, работая то грузчиком, то крючником на пристани, часто голодая и ночуя на скамейках. В Уфе 18.12.1890 он впервые спел сольную партию (Стольник в «Гальке» С.Монюшко). В Тифлисе брал бесплатные уроки пения у известного певца Д.Усатова, выступал в любительских и ученических концертах. В 1894 пел в спектаклях, проходивших в петербургском загородном саду «Аркадия», затем в Панаевском театре. 5 апре-

ля 1895 дебютировал в партии Мефистофеля в опере «Фауст» Ш.Гуно в Мариинском театре.

В 1896 был приглашен С.Мамонтовым в Московскую частную оперу, где занял ведущее положение и во всей полноте раскрыл свой талант, создав за годы работы в этом театре целую галерею незабываемых образов в русских операх: Иван Грозный в «Псковитянке» Н.Римского-Корсакова (1896), Досифей в «Хованщине» М.Мусоргского (1897), Борис Годунов в одноименной опере М.Мусоргского (1898) и др. «Одним великим художником стало больше», — писал о 25-летнем Ш. В.Стасов. Общение в мамонтовском театре с лучшими художниками России (В.Поленовым, В. и А.Васнецовыми, И.Левитаном, В.Серовым, М.Врубелем, *К.Коровиным* и др.) давало певцу мощные стимулы для творчества: их декорации и костюмы помогали в создании убедительного сценического образа. Ряд оперных партий в театре певец подготовил с тогда еще начинающим дирижером и композитором *С.Рахманиновым.* Творческая дружба объединяла двух великих художников до конца жизни Ш. Рахманинов посвятил певцу несколько своих романсов: «Судьба» (сл. А.Апухтина, соч.21, № 1), «Ты знал его» (сл. Ф.Тютчева, соч.34, № 9) и др. В дальнейшем мировоззрение певца складывалось под воздействием общения с В.Ключевским, Стасовым, Римским-Корсаковым, И.Репиным, позднее — с М.Горьким.

Глубоко национальное искусство Ш. восхищало его современников. «В русском искусстве Ш. — эпоха, как Пушкин» (Горький). В опоре на лучшие традиции национальной вокальной школы Ш. открыл новую эру в отечественном музыкальном театре. Он сумел удивительно органично соединить два важнейших начала оперного искусства — драматическое и музыкальное, подчинить свой трагедийный дар, уникальную сценическую пластику и глубокую музыкальность единому художественному замыслу. «Ваятель оперного жеста», — так назвал певца Б.Асафьев.

С 24.9.1899 Ш. — ведущий солист Большого и одновременно Мариинского театров, с триумфальным успехом гастролировал за рубежом. В 1901 в миланском «La Scala» пел партию Мефистофеля в одноименной опере А.Бойто с Э.Карузо, дирижировал А.Тосканини. Мировую славу русского певца утвердили гастроли в Риме (1904), Монте-Карло (1905), Оранже (Франция, 1905), Берлине (1907), Нью-Йорке (1908), Париже (1908), Лондоне (1913-14). Божественная красота голоса Ш. покоряла слушателей всех стран. Его высокий бас, поставленный от природы, с бархатистым мягким тембром звучал полнокровно, мощно и обладал богатейшей палитрой вокальных интонаций. Эффект художественного перевоплощения изумлял слушателей не только внешним обликом (Ш. уделял особое внимание гриму, костюму, пластике, жесту), но и глубоким внутренним содержанием, которое передавала вокальная речь певца. В создании емких и сценически выразительных образов певцу помогала его необычайная многогранность: он был и скульптором, и художником (оставил свой автопортрет), писал стихи и прозу. Такая разносторонняя одаренность великого артиста напоминает мастеров эпохи Возрождения, не случайно современники сравнивали его оперных героев с титанами Микеланджело. Искусство Ш. перешагнуло национальные границы и повлияло на развитие мирового оперного театра. Многие западные дирижеры, артисты и певцы могли бы повторить слова итальянского дирижера и композитора Д.Гавадзени: «Новаторство Шаляпина в сфере драматической правды оперного искусства оказало сильное воздействие на итальянский театр... Драматическое искусство великого русского артиста оставило глубокий и непреходящий след не только в области исполнения русских опер итальянскими певцами, но и в целом, на всем стиле их вокально-сценической интерпретации, в том числе произведений Верди...»

В годы 1-й мировой войны гастрольные поездки прекратились. После Октябрьской революции 1917 Ш. занимался творческим переустройством бывших императорских театров, был выборным членом дирекций Большого и Мариинского театров, руководил (в 1918) художественной частью последнего. В 1918 был первым из деятелей искусств, удостоенных звания народного артиста Республики. Певец стремился уйти от политики, в книге своих воспоминаний он писал: «Если я в жизни был чемнибудь, так только актером и певцом, моему призванию я был предан безраздельно. Но менее всего я был политиком».

Весной 1922 Ш. не вернулся из зарубежных гастролей, хотя долго считал свое невозвращение временным. Значительную роль в случившемся сыграло домашнее окружение. Забота о детях, страх оставить их без средств существования заставляли Ш. соглашаться на бесконечные гастроли. Старшая дочь Ирина осталась жить в Москве с мужем и матерью, Иолой Игнатьевной Торнаги-Шаляпиной. Другие дети от первого брака — Лидия, Борис, Федор, Татьяна и дети от второго брака — Марина, Марфа, Дассия и дети Марии Валентиновны (второй жены) — Эдуард и Стелла жили вместе с ними в Париже. Ш. особенно гордился сыном Борисом, который, по словам Н.Бенуа, добился «большого успеха как пейзажист и портретист». Федор Иванович охотно позировал сыну;

сделанные Борисом портреты и зарисовки отца «являются бесценнейшими памятниками великому артисту...».

На чужбине певец пользовался неизменным успехом, гастролируя почти во всех странах мира (Англия, Америка, Канада, Китай, Япония, Гавайские острова). С 1930 Ш. выступал в труппе «Русская опера», спектакли которой славились высоким уровнем постановочной культуры (реж. *А.Санин*). Особый успех в Париже имели оперы «Русалка», «Борис Годунов», «Князь Игорь». В 1935 Ш. избрали членом Королевской Академии музыки (вместе с А.Тосканини) и вручили диплом академика. В репертуаре Ш. было около 70 партий. В операх русских композиторов он создал непревзойденные по силе и жизненной правде образы Мельника («Русалка» А.Даргомыжского), Ивана Сусанина («Иван Сусанин» М.Глинки), Бориса Годунова и Варлаама («Борис Годунов»), Ивана Грозного («Псковитянка»), Досифея («Хованщина»), Олоферна («Юдифь» А.Серова), Алеко («Алеко» Рахманинова), Фарлафа («Руслан и Людмила» Глинки), Еремки («Вражья сила» Серова), Демона («Демон» А.Рубинштейна), Кончака («Князь Игорь» А.Бородина). Среди лучших партий в западноевропейской опере — Мефистофель («Фауст» Гуно и «Мефистофель» Бойто), Дон Базилио («Севильский цирюльник» Дж.Россини), Лепорелло («Дон Жуан» В.Моцарта), Дон Кихот («Дон Кихот» Ж.Массне). Столь же велик был Ш. в камерно-вокальном исполнительстве. Здесь он привнес элемент театральности и создал своеобразный «театр романса»: «Титулярный советник» (сл. П.Вейнберга, муз. А.Даргомыжского), «Старый капрал» и «Червяк» (сл. В.Курочкина, муз. Даргомыжского), «Семинарист» (сл. и муз. Мусоргского). Его репертуар включал до 400 песен, романсов и др. жанров камерно-вокальной музыки. В число шедевров исполнительского мастерства вошли «Блоха», «Забытый», «Трепак» Мусоргского, «Ночной смотр» Глинки, «Пророк» Римского-Корсакова, «Два гренадера» Р.Шумана, «Двойник» Ф.Шуберта и др., а также русские народные песни «Прощай, радость», «Не велят Маше за реченьку ходить», «Из-за острова на стрежень».

В 20-30-х им было сделано около 300 грамзаписей. «Люблю грамофонные записи..., — признавался Ш. — Меня волнует и творчески возбуждает мысль, что микрофон символизирует собой не какую-то конкретную публику, а миллионы слушателей». Певец был очень требователен к записям, среди его любимых — запись «Элегии» Массне, русских народных песен, которые он включал в программы своих концертов на протяжении всей творческой жизни. По воспоминанию Асафьева, «широкое, могучее неизбытное дыхание великого певца насыщало напев, и, слышалось, нет предела полям и степям нашей Родины».

Вдали от родины для Ш. были особенно дороги встречи с Рахманиновым, с русской балериной *Анной Павловой*. Ш. был знаком с Тоти Даль Монте, Морисом Равелем, Чарли Чаплиным, Гербертом Уэллсом. В 1932 снимался в фильме «Дон Кихот» по предложению немецкого режиссера Георга Пабста; фильм пользовался популярностью у публики. Оказавшись в эмиграции уже на склоне лет, Ш. тосковал по России, потерял жизнерадостность и оптимизм, не пел новых оперных партий, часто болел. В мае 1937 врачи поставили ему диагноз — лейкемия, через год он скончался. До конца своей жизни Ш. оставался русским гражданином, — он не принял иностранного подданства, мечтал быть похороненным на родине. Его желание исполнилось: прах певца был перевезен в Москву и 29.10.1984 захоронен на Новодевичьем кладбище.

Соч.: Страницы из моей жизни (Автобиография Ф.И.Шаляпина) / Ф.И.Шаляпин, т.1. М., 1957; 1976; Переписка Ф.И.Шаляпина с А.М.Горьким / Там же; Переписка Ф.И.Шаляпина с В.В.Стасовым / Там же; Маска и душа. М., 1989.

Лит.: Асафьев Б.В. Шаляпин / Советская музыка, сб. 4. М.-Л., 1945; Стасов В. Статьи о Шаляпине. М., 1952; Дмитревский В. Великий артист. Л., 1973; Федор Иванович Шаляпин. Ред.-сост. Е.А.Грошева, т. 1-3. М., 1976-79; Ф.И.Шаляпин (Альбом). М., 1986.

Л.Алексеева

ШАРШУН Сергей Иванович (4.8.1888, Бугуруслан, Самарской губ. — 24.11.1975, Париж) — живописец, график, литератор. Родился в купеческой семье (отец торговал тканями). Рано потеряв мать, Сергей, будучи старшим из четырех детей, вынужден был искать заработок. В 1905-7 учился в коммерческом училище Симбирска, одновременно занимаясь живописью и готовясь к поступлению в Казанскую художественную школу. В 1908, оставив училище, уехал в Москву. Занимался в частной мастерской К.Юона, отличавшейся свободными художественно-педагогическими установками и привлекавшей многих провинциалов, готовящихся к поступлению в Училище живописи, ваяния и зодчества. В Москве познакомился с *Н.Гончаровой, М.Ларионовым,* А.Крученых, О.Розановой и др. представителями художественного авангарда.

В 1910 призван на службу в армию, откуда дезертировал незадолго до демобилизации в 1912. Через Польшу и Берлин перебрался в Париж. Поступил учиться в Русскую Свободную академию Марии Васильевой, затем в зна-

менитую кубистскую Академию «La Pallette», в которой преподавал Ж.Метценже, Д.де Сегонзак и А.Ле Фоконье. Последний оказал на Ш. наибольшее влияние, в его произведениях Ш. находил, по собственному признанию, «все то, чего ждал от французского кубизма — формальную четкость линий, строгий анализ темы, глубокий пантеизм, пропитанный символикой». Впрочем, в этот период в неменьшей степени его поразила и классическая французская живопись, в частности, «экспрессионизм» Э.Делакруа, которого он открыл для себя в Лувре. Позднее Ш. признавался: «Что касается современной живописи, Париж не был для меня откровением, зато Лувр меня восхитил».

В 1913 и 1914 выставлял свои кубистические произведения в Салоне независимых, наряду с другими русскими художниками, работавшими в те годы в Париже. В 1913 познакомился с Еленой Грюнгоф, молодым скульптором, которая впоследствии на протяжении 10 лет была его компаньоном и участником совместных выставок. В 1914 с началом 1-й мировой войны уехал в Испанию. За время трехлетнего пребывания в Барселоне близко соприкасался с древним испано-мавританским искусством, особенно прикладным (изделия из фаянса), которое подтолкнуло его к новым поискам. Позднее писал в автобиографии: «Крашенные фаянсовые квадраты изменили мою живописную концепцию, дав волю моей исконно славянской натуре — мои картины стали красочными и орнаментальными». Так рождалась у Ш. оригинальная и самостоятельная версия «орнаментального кубизма». Отказавшись от глубины, он в своих композициях испанского периода уподоблял плоскость холста декоративной эмалевой поверхности, разбитой на геометрические фрагменты ярких цветовых кусков. Магия мозарабского орнамента спровоцировала художника на активное развитие творчества в сторону беспредметности. Орнаментализм, как считал Ш., приносил ему необходимое очищение в жизни и в творчестве; мастер стремился возвратить орнаменту его глубинный духовный смысл, способность воплощать представления человека о мироздании.

В 1916-17 Ш. устраивал свои выставки в барселонской галерее Дальмо (в 1916 — совместно с Грюнгоф, в 1917 — персональную), на которых демонстрировал работы, созданные в Испании. Выставки заинтересовали дадаистов А.Кравана и Ф.Пикабия, с которыми Ш. близко познакомился уже по возвращению в Париж в 1919. В Барселоне Ш. создал также два рисованных цветных фильма: «Гитара», навеянный цыганской песней, и другой — посвященный русской теме. В 1919 по рекомендации Ф.Пикабия устроил персональную выставку в Париже в книжной лавке А.Форни. Сближение с дадаизмом отмечено участием Ш. в 1921 в Салоне Дада в галерее Монтэнь в Париже вместе с Г.Арпом, М.Эрнстом, Т.Тзара и др., где он показал программную дадаистскую работу «Сальпенжатная Дева Мария». Глава парижских дадаистов М.Дюшан отнесся к Ш. очень доброжелательно. Одновременно с Салоном Дада работы Ш. были представлены на выставке Салона независимых. В 1920-21 Ш. — активный участник всех манифестаций дадаистов в Париже. В то же время он сблизился с «Русским Монпарнасом» — русской литературно-художественной богемой, составлявшей значительную часть русской эмиграции в Париже. В 1921 Ш. вошел в литературно-художественное объединение «Палата поэтов», созданное Д.Кнутом (21.12.1921 там состоялся вечер Ш. «Дада Лир Кап»), а также в Союз русских художников (21.10.1921 Ш. провел с секретарем общества *И.Зданевичем* дадаистский вечер в духе цюрихского кабаре «Вольтер»). В 1923-24 участвовал в деятельности группы «Через», руководимой С.Ромовым и объединявшей русских художников и литераторов. Издал на французском языке свою поэму «Неподвижная толпа» с шестью авторскими иллюстрациями (1921, переизд. на франц. яз. в 1966 и 1968).

В 1922 Ш. приехал в Берлин с намерением получить советскую визу и вернуться на родину. Там он встречался с поэтами В.Маяковским, С.Есениным, Б.Пастернаком, *Б.Поплавским*, А.Белым, художниками — *И.Пуни*, Э.Лисицким, М.Андреенко и др. деятелями русской культуры, как эмигрантами, так и теми, кто приехал в Берлин по делам, в частности, для организации Первой русской художественной выставки в галерее Ван Димена (1922). Ш. тоже участвовал в этой большой экспозиции современного русского искусства. Он показал свои работы в стиле «орнаментального кубизма» и на выставках в галерее «Штурм» (сначала на совместной немецких и русских мастеров, затем на совместной с Грюнгоф — обе в 1922). Затем состоялась его персональная выставка в книжном магазине «Заря» (1923). В Берлине Ш. продолжал участвовать в дадаистском движении: сотрудничал в журналах «391», «Манометр», «Мерц», «Мекано» совместно с К.Швиттерсом, Т.Тзара и Г.Арпом, издавал свои собственные сочинения — брошюру «Дадаизм», журнал-листовку «Перевоз Дада» (в Берлине вышло 3 номера, издание было продолжено в Париже, где в период с 1924 по 1949 вышло еще 10 номеров). Ш. начал издание дадаистических листовок, выходивших крохотным тиражом, нерегулярно, иногда с большими интервалами с 1922 по 1975; они представляли собой 2-3-страничные журналы с

различными названиями: «Памятник» (1948-57, 3 номера), «Клапан» (1958-68, 20 номеров), «Вьюшка и Вьюшка» (1969-71, 4 номера), «Свечечка» (1972-73, 2 номера). Листовки были большей частью написаны на русском языке, в них предельно кратко, афористично Ш. представлен как художник, писатель и философ.

После 14 месяцев, проведенных в Германии, Ш. окончательно отказался от мысли вернуться в Россию и выехал в Париж, где принял участие в юбилейной выставке Салона независимых. Он отошел от дадаизма, сближение с которым было для него временным. Еще в Германии Ш. заинтересовался философскими взглядами Р.Штайнера — теорией антропософии, которая, по словам Ш., и наложила отпечаток на все его последующее литературное и живописное творчество. Художник направил свои усилия на поиски некоего абсолюта. По свидетельству Р.Герра, Ш. любил говорить, что он беспрерывно умирает и возрождается в своем творческом процессе и что в час творения он весь вливается в то, что творит. В 1926 Ш. выставлял произведения в духе «орнаментального кубизма» в галерее Ж.Бушше в Париже. Благодаря поддержке критиков А.Сальмона и В.Жоржа выставка имела успех и большая часть полотен была приобретена в частные собрания. В следующем, 1927, Ш. познакомился через Н.Ходасевич-Леже с А.Озанфаном и некоторое время испытывал воздействие цветопластических идей пуризма. Работы подобного рода парижская публика увидела на персональных выставках Ш. в галерее Обье (1927) и галерее Персье (1929).

В конце 1920-х — начале 1930-х из-за разразившегося экономического кризиса Ш. оказался в тяжелом материальном положении. Не имея достаточных средств для покупки холста и красок, Ш. ограничивался созданием небольшого размера полуабстрактных пейзажей — «домов-деревьев» или натюрмортов с неприхотливыми предметами из одинокой комнаты художника — кружками, кувшинами, бутылками, трубками, фруктами. В это трудное время литературное творчество Ш. опережало живописное. Он активно сотрудничал с журналом «Числа» (1930-34), в котором выступал как писатель и поэт, принимал участие в работе литературного объединения «Кочевье», руководимого *М.Слонимом*, посещал вечера «Зеленой лампы», проводимые *Д.Мережковским* и *З.Гиппиус* на их парижской квартире. В 1930-е были завершены и изданы маленьким тиражом: поэмы в прозе «Долголиков» (1918-34, изд. в Париже, 1934; тираж 100 экз.) и «Небесный колокол» (1919-29, изд. в Париже, 1938; тираж 200 экз.); лирическая повесть «Заячье сердце» (1933-37, изд. в Париже, 1937, тираж 200 экз.) и др. произведения, переизданные издательством Ля Кестьон в 1960-е. Литературные опыты Ш. были замечены критикой, особенно поэма в прозе «Долголиков» — история одиночества творческой личности; поэма, по словам *М.Осоргина*, выявила «зрелое искусство и значительный вкус художественной души». Своеобразной пластической метафорой душевного состояния героя поэмы — Долголикова и самого художника можно назвать картину Ш. «Маленькая читательница» (1932), в которой современник и друг художника Я.Горбов увидел образ одиночества — «глухого, непроницаемого, какого-то дрожащего: оно не только не пугает, оно притягивает, гипнотизирует».

В конце 1940-х в живописи Ш. наблюдалось отчетливое движение к абстракции, особенно в его сериях, интерпретирующих тему воды, моря как некой первоначальной материи, из которой все родилось. От декоративного орнаментализма, буйства красок художник шел к спокойной, умиротворяющей, почти монохромной живописи, превращающей, по наблюдению Р.Герра, водную стихию в «тихие и легкотекущие, чистые и небесные в их сущности и в их отражениях» шаршуновские воды (цикл живописных композиций «Морская стихия», 1948-49; цикл «Венеция», 1952; серия картин «Метаморфозы», созданная под впечатлением произведений Ф.Кафки).

С 1942 по 1960 Ш. снимал ателье «Сите Фальгер» в Париже. Начиная с 1944 на протяжении 12 лет регулярно выставлялся в галерее Р.Креза в Париже. С середины 1950-х все чаще обращался к теме музыки в своей живописи, сначала облекая в полуабстрактные формы пластические воплощения водной стихии и подчиняя их сложному музыкальному ритму, а затем вдохновляясь конкретными музыкальными произведениями (Бетховен. Вариации, 1954; *Стравинский*. Симфония псалмов, 1957; Бетховен. Концерт для фортепиано № 4, 1960; Бетховен. Кариолан, 1962; Шуберт. Симфония № 9, 1963; Брамс. Вальс, 1969 и др.). В произведениях 1960-х появляется особого рода монументальность, рождаемая строгой симметрией форм, осязаемой материальностью простых геометрических форм.

Лишь в самом конце жизни после большой ретроспективной выставки в Национальном музее современного искусства в Париже в 1971 художник получил мировое признание. Почти все картины были моментально раскуплены, к мастеру пришло наконец и материальное благополучие. Но Ш. продолжал вести скромный, почти аскетичный образ жизни, довольствуясь малым и раздавая имеющиеся деньги первым встречным русским людям.

Почти в 90-летнем возрасте, в 1973-74, художник совершил свое последнее путешествие на «край света», на остров Галопагос, где написал один из лучших своих автопортретов, в котором, по словам *Г.Адамовича*, «сквозь белую маску лица обнажает всю суть человека, в котором уцелел русский сектант-подвижник из заволжских степей, готовый за свою веру взойти на костер».

В 1950-70-е много иллюстрировал и оформлял книги, среди которых: произведения П.Лекьюра — «Письма Жана Борэ» (Париж, 1957, тираж 5 экз.); «Общая панорама» (Париж, 1963, тираж 66 экз.); «Книга балетов» (Париж, 1964, тираж 210 экз.); «Абракадабра, Серж Шаршун, поэма-портрет» (Париж, 1971, тираж 76 экз.); «Мой Фауст» П.Валери (Братислава, 1970); «Поэмы» М.Гагарина (Париж, 1969, тираж 60 экз.) и др.

При жизни персональные выставки Ш. прошли также в Монреале в 1956-57; в Париже в 1957, 1958-59, 1960, 1961, 1966, 1967, 1970, 1974; в Копенгагене в 1959; в Гейдельберге в 1960; в Нью-Йорке в 1960; в Милане в 1962, 1969, 1974; в Женеве в 1967, 1971; в Люксембурге в 1967, 1970-71 и в др. городах Европы.

Ш. похоронен, согласно желанию, на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Произведения Ш. хранятся в Третьяковской галерее и крупнейших музеях мира.

Соч.: Мое участие во французском дадаистическом движении // Воздушные пути, 1967, № 4.

Лит.: Герра Р. Профиль Шаршуна // НЖ, 1972, № 122; Андреенко М. Журнал Шаршуна / Русский альманах. Париж, 1981; Померанцев К. Сергей Иванович Шаршун // Рус. мысль, 1986, 14 нояб.; Ровская Н. Сергей Шаршун // НЖ, 1986, № 163.

Т.Галеева

ШАХМАТОВ Мстислав Вячеславович (1888-1943) — историк, юрист. Окончил юридический факультет Петербургского университета, ученик М.Дьяконова, затем преподавал на этом факультете. Автор работы «Обзор истории кодификации духовных законов православной греко-российской церкви с конца XVIII в. по настоящее время» (Журн. Мин-ва юстиции, 1917, № 2, 8).

С 1922 в эмиграции, профессор Русского юридического факультета в Праге, один из основателей и член Русского исторического общества в Праге. В 1926 защитил магистерскую диссертацию «Опыты по истории древнерусских политических идей, ч. I: Учение русских летописей домонгольского периода о государственной власти (кн.I. Начало соборности; кн.II. Начало единоличной власти)», в которой на основе многочисленных источников проанализировал политико-правовые воззрения древнерусских авторов. Выдвинул идею взаимодействия двух начал (единоличной власти и соборности) в истории российского государства. Последовательно проводил эту идею в других исследованиях по истории древнерусской политической мысли: «Подвиг власти: опыт по истории древнерусских политических идей» (Евразийский временник, 1923, кн.3); «Государство правды: опыт по истории древнерусских политических идей» (Там же, 1925, кн.4); «Платон в Древней Руси» (Зап. РИО, 1930, т.2) и др. Докторская диссертация Ш. посвящена истории органов исполнительной власти (приказного и воеводского управления, т.н. «приставов») и их деятельности в эпоху Московского царства (опубл. в «Записках» Рус. науч.-исслед. объединения в Праге в 1935-37 по частям: «Исполнительная власть в Московской Руси», «Компетенция исполнительной власти в Московской Руси, ч.1: Внутренняя охрана государства», «Компетенция исполнительной власти, ч.II: Охрана личности»). Рассматривая Московское государство как сословную монархию, основанную на правовых принципах, Ш. анализирует вопрос об охране государя и охране общества, жившего по «государственному уставу» всеобщего закрепощения сословий». Вопросам правовых отношений Московского государства посвящена еще одна работа Ш. — «Купчие грамоты в Московской Руси» (Зап. Рус. науч. ин-та в Белграде, 1931, вып.3).

Важное значение для истории исторической науки имела публикаторская деятельность Ш., его архивные разыскания в архивохранилищах Латвии и Эстонии. Им была найдена и опубликована «Челобитная московского «мира» царю Алексею Михайловичу 10 июня 1648 г.», содержащая ходатайство о созыве Земского собора для составления нового Уложения.

Лит.: Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.

Арх.: ГАРФ, ф.5891, оп.1, д.24, л.102-104.

Л.Демина
М.Мохначева

ШАХОВСКАЯ Зинаида Алексеевна (род. 1906, Москва) — поэт, прозаик, литературный критик, журналист. Родилась в семье, принадлежавшей к старинному княжескому роду. Отец ее — князь Алексей Николаевич Ш., статский советник, прослуживший много лет по департаменту герольдии, был награжден чином камергера за книгу для молодежи «Что

нужно знать каждому в России» (1912). Свое имя Ш. получила в честь прабабушки — Зинаиды Карловны Росси, дочери знаменитого зодчего. Детские годы Ш. прошли в Тульской губернии в имении Матово. В сентябре 1916 выдержала экзамены в 7-й класс Екатерининского института в Петрограде, но успела проучиться лишь 6 месяцев. Разоренный дом в имении Матово, арестованные и по дороге убитые брат и сестра отца, мать, отправленная в следственную тюрьму ЧК в Москве, любимые собаки, отравленные крестьянином, — все это отразится впоследствии в рассказе-воспоминании «Собачья смерть» (1978).

В 1920 с матерью и сестрами эмигрировала из Новороссийска (оставшийся в России отец умер в 1921 в рязанском имении). Продолжала образование в колледжах Константинополя, Брюсселя, Парижа. В Брюсселе общалась с участниками литературного объединения «Единорог»: К.Льдовым, Л.Страховским, *И.Наживиным*. Находилась под сильным влиянием Н.Гумилева (оставившего свои рукописи К.Льдову). В позднейшей статье о Гумилеве (1971) называла его «самым героическим поэтом Серебряного века», видела у него ту же тягу к простоте, слиянию «реализма и духовности», то же стремление находить «упоение в бою», что и у Пушкина; высоко ставила его переводы французских поэтов.

В Париже представляла брюссельский журнал «Благонамеренный», который редактировал ее брат Дмитрий, впоследствии ставший архиепископом *Иоанном*. В 1926 вышла замуж за *С.Малевского-Малевича;* их венчал в парижском Сергиевом подворье отец *Сергий Булгаков*. В конце 20-х — начале 30-х участвовала в работе Парижского союза молодых писателей и поэтов (А.Эйснер, Ю.Софиев, А.Штейгер, Вл.Смоленский) и, по словам *Г.Адамовича*, отлично усвоила «общепарижский поэтический стиль. Немного иронии, немного грусти, остановки именно там, где ждешь развития темы: рецепт знаком. Но пользуется им Шаховская с чутьем, находчивостью и вкусом». Сама Ш. позднее отмечала свою «черноземную, деревенскую жилку», «жизнерадостность и твердое намерение противостоять превратностям судьбы», что выделяло ее из этой литературной среды. Писала по-русский и по-французски в различных европейских и эмигрантских изданиях, переводила русских поэтов. В Брюсселе вышли сборники стихов «Двадцать одно» (1927, под псевд. «Зинаида Сарана»; Сарана — название имения в Пермской губернии), «Уход» (1934) и «Дорога» (1935), замеченные эмигрантской критикой.

В 1940 Ш. находилась в санитарных войсках французской армии, потом принимала участие в движении Сопротивления на юге Франции. В январе 1942 друзья помогли ей перебраться в Англию, где находился ее муж. В Лондоне работала редактором Французского информационного агентства. В 1945-48 военный корреспондент при союзных армиях в Германии, Австрии, Италии, затем в Греции. Передавала репортажи с Нюрнбергского процесса. Награждена орденом Почетного легиона. Широкую известность принесли Ш. романы, написанные по-французски под псевдонимом Жак Круазе и исторические исследования. Лауреат премии Парижа (1949), дважды лауреат Французской Академии.

Много путешествовала по Африке, США, Канаде, Мексике. В 1956-57 жила с мужем в Москве. Результатом осмысления всего виденного и пережитого стали книги мемуаров, воспоминаний и очерков. Первые четыре тома воспоминаний под общим названием «Tel est mon siécle» («Таков мой век») охватывают период с 1910 по 1950. «Несмотря на их «космополитичность», во всех четырех, а не только в двух первых томах, Россия и русские ...всегда присутствуют», — писала Ш. Впечатления о пребывании в Москве составили книгу «Ma Russie Habillée en URSS» (1958), переведенную с французского на многие языки; прочитав ее, генерал де Голль отметил в письме Ш.: «Ваша Россия есть то, что она есть, была тем, чем она была, будет тем, чем она будет. Во что бы ее ни «одевали», ничто не может переменить ее сущность ...очень большого, очень дорогого, очень человечного народа нашей общей земли».

В 1960-68 Ш. заведовала русской секцией французского радио и телевидения, в 1968-83 возглавляла редакцию газеты «Русская мысль». Сотрудничала во многих литературных журналах Бельгии, Швейцарии, США, Франции. Член Общества французских писателей, Пен-клуба и Синдиката французских критиков. В послевоенные годы в газете «Возрождение» и в «Новом журнале» печатались новые стихотворения Ш., в 1970 вышел поэтический сборник «Перед сном» с предисловием Адамовича.

Основными в мироощущении Ш. являются христианские идеи любви и жертвенного служения людям, активность жизненной позиции. В стихотворении «Без денег, даже без друзей» она утверждает: «И в страшный час земной разлуки — / Благословенно бытие, — / Прими, Христос, пустые руки / И сердце полное мое». Тема родины — одна из главных тем творчества Ш. В статье «От частного к общему», задавая себе вопрос о том, почему после стольких лет пребывания за границей она считает себя русской, Ш. писала: «Ответ один — я принадлежу к русской культуре, то есть к чему-то,

что единственное составляет народность и к себе притягивает», хотя русская культура и создавалась не одними русскими. Вместе с тем Ш. считала «за особую привилегию» свою принадлежность к французской культуре.

Очерки-воспоминания и материалы из личного архива о писателях-эмигрантах собраны в книге «Отражения» (Париж, 1975). Среди тех, с кем дружила Ш., — *А.Ремизов, В.Набоков, М.Цветаева, В.Ходасевич, Е.Замятин* и мн. др.; ее ценили *И.Бунин, И.Шмелев, Б.Зайцев*, их письма — памятники человеческих отношений. Воспоминания Ш. — стилистически изящные, написанные с юмором, лаконичные. «Я принадлежу к тем, которые верят, что жизнь писателя неотделима от его творчества, что они необходимо складываются вместе ...и что нельзя понять его произведения, игнорируя его биографию», — писала Ш. в предисловии к книге «В поисках Набокова» (Париж, 1979) — первой монографии о его творчестве на русском языке. В книге прослеживается путь писателя; личные воспоминания о нем перемежаются с мнениями других людей. Набоков предстает в отношении к России, к женщине, к русской и зарубежной литературе, к таким писателям как Пушкин, Гоголь, Жуковский, Достоевский, Л.Толстой, Бунин. Увидев основу его творчества в интеллектуальной игре, Ш. заметила в писателе «намечающуюся бездуховность» и «отсутствие внутреннего стержня». Назвав его «самым большим писателем своего поколения», «литературным и психологическим феноменом», она высказала опасение: «Что-то новое, блистательное и страшное вошло с ним в русскую литературу и в ней останется. Он будет — все же, вероятнее всего — как Пруст, писателем для писателей, а не как Пушкин — символом и дыханием целого народа. На нем заканчивается русский Серебряный Век». Сущность его трагедии, по мнению Ш., в утрате родины; отражение изгнанничества как вынужденного раздвоения она усматривает в постоянном сопоставлении мира воображаемого и реального.

Всю свою жизнь Ш. остается пропагандистом и защитником российской словесности и культуры. Одной из первых она стала поддерживать А.Солженицына, написала о нем не одну статью еще до его изгнания из страны. Заслугу писателя Ш. видит «в том, что он говорит нам о вечном новыми словами» и несет через все свои книги образ «внутренней и независимой от тирании свободы», показывая и путь к ней. Отвечая на вопрос, поставленный в названии своей книги «Одна или две русские литературы?» (Женева, 1989), Ш. утверждает, что «эмиграции осуждены на умирание, и только посмертно то, чем они жили, то, для чего они жили, возвращается к истокам, не задержавшись навсегда в странах, где они были гостями...».

Соч.: Рассказы, статьи, стихи. Париж, 1978; В поисках Набокова. Отражения. М., 1991.

Лит.: Бондаренко В. «Свет серебряного века» // Слово, 1991, № 4; Богословский А.Н. Поэты русского зарубежья — соотечественникам // Человек, 1993, № 3.

Т.Петрова

ШЕСТОВ Лев Исаакович (наст. фам. и имя Шварцман Иегуда Лейб) (31.1.1866, Киев — 20.11.1938, Париж) — философ-экзистенциалист и литератор. Родился в традиционной еврейской семье. Отец, Исаак Моисеевич Шварцман, был крупным коммерсантом, купцом 1-й гильдии. Выходец из небогатой среды, он создал собственное большое дело — мануфактурную торговлю «Мануфактурные склады Исаака Шварцмана». Отличался незаурядным знанием древнееврейской письменности и пользовался авторитетом в еврейской общине. Интересовался зарождавшимся сионистским движением, общался с его учредителями и помогал им. Сын, однако, остался чужд всем этим интересам отца. Свое обучение Ш. начал в Киеве, но заканчивал гимназию в Москве. В 1884 поступил на физико-математический факультет Московского университета, затем перешел на юридический факультет, один семестр учился в Берлине, окончил университет уже в Киеве в 1889. Диссертация его была посвящена рабочему движению и отвергнута цензурой. По окончании университета, в 1890-91, проходил военную службу как вольноопределяющийся, короткое время был помощником присяжного поверенного в Москве.

В 1891 вернулся в Киев, чтобы помочь отцу. Опубликовал ряд статей по финансовым и экономическим вопросам. Это был период интенсивных литературных и философских занятий, первых литературных опытов, углубленного изучения В.Шекспира, оказавшего на Ш. большое влияние. В 27 лет опубликовал книгу «Шекспир и его критик Брандес».

Участвовал в торговом деле отца до конца 1895, когда заболел острым нервным расстройством, вызванным, вероятно, гнетущей атмосферой предприятия. В 1896 отправился за границу для лечения, побывал в Вене, Карлсбаде, Берлине, Мюнхене, Париже и др. В начале 1897 переехал из Берлина в Рим, здесь познакомился, а в феврале 1897 женился на православной русской девушке Анне Елизаровне (Елеазаровне) Березовской, студентке-медичке. Религиозная нетерпимость отца заставила Ш.

долгие годы хранить этот брак в тайне и препятствовала возвращению семьи Ш. в Россию. В течение 10 лет Шестовы жили врозь, в разных городах, чтобы скрыть брак от родителей. Отец Ш., видимо, так и не узнал о нем, а матери он признался после смерти отца. По русским законам брак этот был недействительным, а дети, рожденные в нем, — незаконнорожденными. В 1897 у Ш. родилась дочь Татьяна, в 1900 — дочь Наталья. С согласия Ш. дети были крещены. С осени 1908 Ш. воссоединился с семьей.

В 1898-1902 Ш. жил в Берлине, Италии, Швейцарии, наезжая на время в Петербург и Киев. К этому времени относится его знакомство и дружба с *С.Дягилевым*, сотрудничество в журнале «Мир искусства». В Лозанне закончил книгу о Толстом и Ницше, начал работу о Достоевском и Ницше. В ноябре 1903 из-за болезни отца вернулся в Киев и до осени 1908 работал в семейном деле. Осенью 1908 поселился с семьей во Фрейбурге (Германия), с марта 1910 жил с семьей, главным образом, в Швейцарии, в маленьком городке Коппе на берегу Женевского озера, занимаясь классической европейской философией и богословием. Здесь он открыл для себя нового героя — М.Лютера; изучал труды средневековых мистиков и схоластов, многотомные немецкие истории догматических учений, средневековой церкви, лютеранства; в этот период (1910-13) практически не писал. В 1913 начал работу над новой книгой — «Sola fide», однако, не успев ее закончить, в 1914 в связи с началом 1-й мировой войны вынужден был вернуться в Россию (начатая рукопись осталась за границей; в 1920, уже находясь в эмиграции, Ш. удалось ее вернуть; частично главы из этой рукописи и высказанные в ней идеи вошли в другие его книги или были опубликованы отдельно, а целиком рукопись «Sola fide» была издана уже после смерти Ш. в Париже в 1966).

В Москве Ш. поселился на Плющихе, общался с *Вяч.Ивановым, С.Булгаковым, Н.Бердяевым*, Г.Шпетом, М.Гершензоном и др. Революцию встретил в Москве, отнесся к ней без энтузиазма. После гибели на фронте единственного сына в 1918 переехал с семьей в Киев. Здесь читал в Народном университете курс лекций «История древней философии», выступал с докладами и публичными лекциями. В октябре 1919 семья из Киева перебралось в Ялту в надежде выехать оттуда за границу. По ходатайству Булгакова и профессора Киевской духовной академии И.Четверикова, а также благодаря широкой известности своих трудов Ш. с декабря 1919 был зачислен приват-доцентом Таврического университета. Однако уже в начале 1920 Ш. с семьей из Ялты выехал в Севастополь, оттуда — в Константинополь, а затем через Италию в Париж.

Во Франции Ш. прожил до конца жизни. До 1930 жил в Париже, в 1930-38 — в парижском предместье, где вел очень замкнутую жизнь. С июня 1921 Ш. — член Русской академической группы. В феврале 1922 он был назначен преподавателем (1 час в неделю) историко-филологического факультета Русского отдела Института славяноведения при Парижском университете. Здесь Ш. почти 16 лет читал свободные курсы по философии («свободные» — потому что всегда читал и говорил только о тех проблемах философии, которые занимали его в данный момент): «Русская философия XIX столетия», «Философские идеи Достоевского и Паскаля», «Основные идеи древней философии», «Русская и европейская философская мысль», «Владимир Соловьев и религиозная философия», «Достоевский и Кьеркегор», «Религиозно-философские идеи Толстого и Достоевского». В эти годы произведения Ш. публиковались в переводах на европейские языки; он выступал с публичными лекциями и докладами в Германии и Франции; в 1936 по приглашению культурного отдела рабочей федерации посетил Палестину, читал лекции в Иерусалиме, Тель-Авиве, Хайфе. Репутация Ш. в среде французских интеллектуалов была очень высока; он находился в тесном творческом общении с Э.Гуссерлем, М.Хайдеггером, Л.Леви-Брюлем, Б.Фонданом и др. С 1925 член президиума Ницшевского общества, член Кантовского общества.

В декабре 1937 тяжело заболел (кишечное кровотечение), после выздоровления силы восстановить полностью не смог и в 1938 прекратил чтение лекций. В октябре 1938 заболел бронхитом, который перешел в туберкулез. Умер в клинике Буало, похоронен на Новом кладбище в Булони, предместье Парижа, в фамильном склепе.

Ш. — один из самых своеобразных мыслителей начала XX в., предвосхитивший основные идеи позднейшего экзистенциализма. По свидетельству людей, близко знавших Ш., писать он не любил; вынашивал свои мысли в уединенных прогулках и только после этого заставлял себя «закрепить» их на бумаге; язык его произведений отличается классической простотой, точностью и эмоциональностью. Творчество Ш. насыщено темами великой русской литературы, анализом наследия ряда крупнейших писателей и мыслителей — Ницше, Достоевского, Толстого, Шекспира, Паскаля, Лютера, Кьеркегора. После появления первых публикаций Ш. приняли за литературного критика, и он сам отчасти так считал. Главная тема философии Ш. — трагизм индивидуального че-

ловеческого существования, переживание безнадежности. Ш. отвергает возможность рационального достоверного суждения о смысле мироздания, не верит логике как единственному способу познания окружающего и пытается найти другие формы проникновения в тайны мира. Знание рассматривается им как источник грехопадения человеческого рода, подпавшего под власть «бездушных и необходимых истин» и утратившего свободу. Человек — жертва законов разума и морали, жертва универсального и общеобязательного. Ш. восстает против диктата разума над сферой жизненных переживаний, борется за личность против власти общего, за индивидуально-неповторимое. Освобождения от оков необходимости, от законов логики и морали Ш. ищет в Боге, он хочет вернуться в рай, к подлинной жизни, которая находится по ту сторону познанного добра и зла. По существу основная тема размышления Ш. — конфликт библейского откровения и греческой философии. Вера дает ему возможность прорыва к тайнам мира и их постижению.

Соч.: Избр. соч. М., 1993; Соч.: В 2-х т. М., 1993.

Лит.: Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Париж, 1983.

М.Куликова

ШЛЁЦЕР Борис Федорович (8.12.1881, Витебск — 7.10.1969, Париж) — журналист, философ, музыкальный критик. Ш. вырос в музыкальной семье. Мать, Мария Александровна Ш. (бельгийского происхождения), училась у Т.Лешетицкого (фортепиано); дядя, Павел Юльевич (Августович) Ш. — пианист, композитор, профессор Московской консерватории, в классе которого занимались Е.Гнесина, В.Исакович (первая жена А.Скрябина), *Л.Сабанеев,* Ю.Померанцев, Г.Беклемешев, Д.Корнилов. Ш. учился в Московском университете, затем продолжил обучение на философском отделении университета Брюсселя (социология). В 1901 защитил докторскую диссертацию на тему «Эгоизм». Теорию музыки Ш. изучал в Париже. В начале 900-х возвратился в Россию в качестве политического корреспондента одного из брюссельских журналов, жил в Петербурге и Москве. Посвятил себя глубокому изучению философии, эстетики и теории музыки; выступал как лектор и публицист.

В 1902 произошла первая встреча Ш. с А.Скрябиным, творчеством которого он беспредельно восхищался. В том же году Ш. переехал в Москву вместе с сестрой Татьяной, ставшей впоследствии второй женой Скрябина. Ш. вошел в число близких друзей Скрябина, был искренним поклонником эстетических и философских концепций композитора, на становление и развитие которых сам оказал сильнейшее влияние. Ш. пропагандировал музыку Скрябина, стараясь в своих статьях и докладах дать интерпретацию ее философского содержания; утверждал, что ряд произведений Скрябина (Поэма экстаза, Третья симфония) знаменуют собою «начало новой эпохи культуры».

Во время революции 1917 Ш. занялся организацией музея музыкальных инструментов в Петрограде. В 1918 переехал в Киев, где пытался создать музей урбанизма. Затем некоторое время жил в Крыму. В 1920, покинув Россию, Ш. обосновался сначала в Константинополе, позже — в Брюсселе, где закончил 1-й том начатой еще в Крыму (1919) первой монографии о Скрябине (А.Н.Скрябин, т.1: Личность. Мистерия. Берлин, 1923); 2-й том сочинения так и не был завершен.

С 1921 Ш. поселился в Париже. Здесь при посредстве и по рекомендации *С.Прокофьева* он стал секретарем редакции журнала «La Revue Musicale». В журнале периодически печатались его статьи. В то же году началось постоянное сотрудничество Ш. с «Nouvelle revue française», где он регулярно, с 1921 по 1957, за исключением 1940-47, публиковал свои хроники. Ш. печатался и в др. европейских журналах. За долгие годы деятельности как хроникера и остроумного наблюдателя музыкальной жизни Ш. накопил обширные познания, которые служили материалом его книг, бесчисленных статей, этюдов, докладов, новелл (повестей). В 1929 была опубликована работа Ш. об *И.Стравинском,* с которым автор сблизился после приезда в Париж («Igor Stravinsky»). В статье «Продолжение записок Гринкевича» Ш. дал оценку деятельности русского дирижера *С.Кусевицкого* как одного из лучших исполнителей симфонических произведений Скрябина.

Знакомство с воззрениями Ницше, Гегеля и др. философов оказало на Ш. немалое влияние. Он пересмотрел многие философские понятия, развил, скорректировал и создал свою музыкальную философскую систему. Музыкальный язык, эмоции и структуры музыкальной выразительности, взаимоотношения формы и содержания, их коммуникации, связи между произведением и слушателем, творческое сознание — все эти проблемы оказались в центре его философских изысканий. В 1947 вышла книга Ш. «Введение в И.С.Баха», в которой автор доказывает, что классические воззрения на вопросы музыкальной теории и музыкальной эстетики устарели. Это фундаментальное исследование положило начало общему «вторжению» в основы теории и эстетики музыки. Анализу

элементов произведения он противопоставляет глобальное понимание динамических его структур, пассивному изучению — восстановление того, «что было задумано композитором», наконец, «прямолинейной» идее о том, что музыка — это всего лишь экспрессия чувств — концепцию творца, созидающего себя в процессе творчества. Позднее книга была переиздана на испанском и немецком языках. Ее логическим продолжением и углубленным рассмотрением намеченных проблем явилась работа «Проблемы современной музыки» (Париж, 1959), которую Ш. написал в соавторстве со своей племянницей Мариной Скрябиной (дочерью композитора).

В 1953 Ш. примкнул к основанной П.Булезом музыкальной группе «Domaine musical», которая организовывала концерты из произведений современных композиторов. Одним из первых во Франции Ш. сумел распознать исторический и эстетический смысл и значение Новой венской школы и поставил задачу объяснить принципы додекафонной и сериальной музыки.

Критические статьи Ш. на музыкальные темы пронизывают тонкие аналогии с русским литературным творчеством, пропагандистом которого во Франции выступал Ш. Он работал над проблемой перевода с русского языка литературных произведений и познакомил Францию с творчеством А.Чехова. Он создал глубокую и оригинальную биографию Н.Гоголя, переводил на французский язык сочинения Ф.Достоевского. Ш. был известен как поэт.

Соч.: От индивидуализма ко всеединству // Аполлон, 1916, № 4-5.

Лит.: Дельсон В. Скрябин. Очерки жизни и творчества. М., 1971.

С.Разумова

ШМЕЛЕВ Иван Сергеевич (21.9.1873, Москва — 24.6.1950, Бюси-ан-От, Франция) — писатель. Предки Ш. — из крестьян-староверов Богородского уезда Московской губернии, отец — подрядчик (строил трибуны на открытии памятника Пушкину), умер, когда сыну было 7 лет. Детство, проведенное в Замоскворечье, в патриархальной семье, среди купеческого и мещанского люда, стало главным истоком творчества Ш.: «Здесь, во дворе, я увидел народ... Здесь я почувствовал любовь и уважение к этому народу, который все мог... Двор наш для меня явился первой школой жизни — самой важной и мудрой. Здесь получились тысячи толчков для мысли. И все то, что теплого бьется в душе, заставляет жалеть и негодовать, думать и чувствовать, я получил от сотен простых людей с мозолистыми руками и добрыми для меня, ребенка, глазами». Окончив гимназию, поступил в 1894 на юридический факультет Московского университета, посещал лекции К.Тимирязева, В.Ключевского, А.Веселовского. Журнал «Русское богатство» (1895, № 7) опубликовал его рассказ «У мельницы». В октябре 1895, женившись, Ш. совершил свадебное путешествие в Валаамский монастырь; книга очерков «На скалах Валаама» была задержана по распоряжению обер-прокурора Синода К.Победоносцева. Последовавшая затем продажа неразошедшегося тиража, обезображенного цензурой, букинисту за гроши надолго отвратила молодого автора от литературы. Спустя 40 лет Ш. создал новую редакцию этого повествования под названием «Старый Валаам» (Париж, 1935).

Окончив в 1898 университет, работал помощником присяжного поверенного в Москве, чиновником для особых поручений во Владимире. Открыл в это время для себя русскую деревню, а в путешествиях по Оке и Каме, в поездках в Сибирь — многообразие русской природы. По словам Ш., его «подняло» «движение девятисотых годов»; после рассказов, посвященных описанию природы («Под небом», «К солнцу»), он обратился к социальным темам («Вахмистр», «По спешному делу», «Распад», 1906; «Иван Кузьмич», «Гражданин Уклейкин», 1907). Для героев Ш. революция — очистительная сила, под ее влиянием они осознают новую правду. Печатался в «Русской мысли», «Детском чтении». Получив в 1907 отставку, поселился в Москве, участвовал в «средах» Н.Телешова, в 1910 вошел в Товарищество «Знание» и, несмотря на начавшееся расслоение писателей демократической ориентации, оставался типичным «знаньевцем». Всероссийскую славу принесла Ш. написанная в излюбленной им форме сказа повесть «Человек из ресторана» (1910). Критики сравнивали появление ее с дебютом Ф.Достоевского, но, продолжая традицию «бедных людей», повесть при всем ее социально-обличительном звучании несла в себе и новый пафос утешения, которое оскорбленная душа официанта Скороходова обрела в вере.

На события 1-й мировой войны Ш., живший в это время в калужском имении, откликнулся сборником рассказов «Суровые дни»; неприятие войны как самоистребления озверевших людей получило также выражение в повести «Это было» (М., 1919). Горячо приветствовал Февральскую революцию, выступал на митингах, в качестве корреспондента «Русских ведомостей» встречал в Сибири освобожденных политкаторжан, сотрудничал в газете «Власть народа». Однако размышления о начавшемся переустройстве общества привели Ш. к мысли, что оно не будет понято темной, косной массой

народа. Октябрь не принял, но вначале не терял оптимизма; 17.11.1917 записал: «Разрушение и хаос, куда не поглядишь... Что ж, умирает жизнь? Рождается..., только мы-то старыми глазами ясно не видим этого... Смерти нет для Великой Страны». В 1918 уехал в Крым, где в 1920 купил «дачку». О тогдашней его растерянности свидетельствует повесть «Неупиваемая чаша», поэтическое житие крепостного художника, «чистотою и грустью красоты» которой восхищался в письме к Ш. Томас Манн. Тогда же создал цикл из семи сказок, написал на материале 1-й мировой войны рассказ «Чужой крови» (1918-23).

После разгрома Врангеля большевики пощадили писателя, но расстреляли его единственного сына — офицера, смерть которого потрясла Ш. Впоследствии он писал: «Свидетельствую: я видел и испытал все ужасы, выжив в Крыму с ноября 1920 по февраль 1922 года. Если бы случайное чудо и властная международная комиссия могли получить право произвести следствие на местах, она собрала бы такой материал, который с избытком поглотил бы все преступления и все ужасы избиений, когда-либо бывших на земле!» 20.11.1922 Шмелевы выехали из Москвы в Берлин, через 2 месяца перебрались в Париж. Лето 1923 провели у *И.Бунина* в Грассе, где Ш. дописывал эпопею «Солнце мертвых», самую, по словам *А.Амфитеатрова*, «страшную книгу, написанную на русском языке», — о большевистском терроре и голоде в Крыму. Ш. не рассказывал о своем личном горе, но Т.Манн, Г.Гауптман, Р.Киплинг, Р.Роллан почувствовали общечеловеческое звучание книги. Это «кошмарный, окутанный в поэтический блеск документ эпохи», — писал Т.Манн. Произведения Ш. появлялись в газетах «Возрождение», «Руль», «Сегодня», «Последние новости», «За свободу», в журналах «Русская мысль», «Окно», «Иллюстрированная Россия», наиболее значительные — в «Современных записках» («Про одну старуху», «На пеньках», 1925; романы «История любовная», 1927; «Солдаты», 1930). В 1927 и в 1928 два сборника, включавшие, главным образом, дореволюционные сочинения Ш., были изданы в СССР. В Европе Ш. не смог прижиться и принять ее идеалы. Фиксируя в настоящем одичание человека, торжество варварства и низости, он видел залог России в ее прошлом, в православии. Чувством утраты родины и светом воспоминаний пронизаны сборники рассказов и очерков «Про одну старуху. Новые рассказы о России», «Степное чудо, сказки», «Свет разума. Новые рассказы о России», «Въезд в Париж. Рассказы о России зарубежной», «Родное. Про нашу Россию. Воспоминания, рассказы», «Няня из Москвы». А.Труайя так обозначил ведущую тему творчества Ш.: «За тысячи километров от России [он] с упоением пишет о ней. Он переполнен любовью, надеждой, скорбью за землю своих предков. Теперь его единственная цель — рассказать то, что таится в его памяти, ничего не растерять из этого сокровища, поведать миру наследие своих последних воспоминаний».

Не столько из-за монархизма, сколько благодаря православию — «исконному, кондовому, наполняющему жизнь и самому по себе являющемуся политической программой» (как писал критик В.Рудинский), Ш. оказался на крайне правом фланге эмиграции. Это привело к «выживанию» его из эмигрантской периодики, прежде всего из «Современных записок», ведущие критики которых обвинили Ш. в «полицейщине» и «черносотенстве». Их оппоненты объясняли такого рода упреки тем, что Ш. «осмелился защищать историческую Россию против революции». После рецензии *Г.Адамовича* на сборник «Росстани» (Белград, 1932) сам Ш. в письме в редакцию «Современных записок» отнес его «игриво-глумливые», «безответственные» замечания («Росстани» — рассказ о «благополучии разбогатевших банщиков») на счет того, что рецензенту «оказался недоступен внутренний лик произведения».

Писатель обрел и своего читателя — верующего русского изгнанника, и своего критика. Наиболее глубокое и тонкое прочтение Ш. дал *И.Ильин*: «Шмелев прежде всего русский поэт по строению своего художественного акта, своего содержания, своего творчества. В то же время он — певец России, изобразитель русского исторического, сложившегося душевного и духовного уклада, и то, что он живописует, есть русский человек и русский народ — в его подъеме, в его силе и слабости, в его умилении и в его окаянстве. Это русский художник пишет о русском естестве»; в его образах «раскрывается та художественно-предметная глубина, которая открывала Шмелеву доступ почти во все национальные литературы...» Характеристика Ильина относится прежде всего к «Лету Господню» (первые главы — 1927, ч. 1. 1933, полное изд. 1948). Содержание и композиция книги определяются годовым календарным циклом, который в России имел и природную, и религиозно-обрядовую стороны. Этот календарь сплетается с воспоминаниями о детстве, мир ушедшей России увиден глазами ребенка; в повествование вводится и точка зрения умудренного жизненным опытом писателя. Книгу отличает неповторимое своеобразие живой звучащей речи с устной, сказовой интонацией, но насыщенной богатством различных языковых пластов, от грубоватой, «дворовой», до книжно-поэтической, с примесью церковнославянизмов. Через словесную образность Ш. от-

ражает всю многоликую, многострадальную и праздничную Русь. Через церковные праздники, радости русской природы и реалии замоскворецкой старины и быта, через мир обретающих символический смысл вещей, еды и питья, животных и растений происходит приобщение героя-рассказчика, а вместе с ним и читателя к русской национальной духовности. «Лето Господне» — не идиллия, не утопия и не миф; это эпос русской жизни, увиденные в особой плоскости величие и гармония ее устройства. Параллельно Ш. работал над книгой «Богомолье» (1935, 1948) — о духовном притяжении главной русской святыни, обители Живоначальной Троицы в Сергиевом Посаде. Ш. показывает особую Русь: очерченный православием круг повседневной жизни русского человека охранителен для души, все бытие России «взято духом» (И.Ильин). Язык книги — московский говор, многоцветный, образный, богатый метафорами, с церковной и народно-поэтической символикой.

Рядом с этими художественными вершинами последний, незавершенный роман — «Пути небесные» (1-я кн. 1936, 2-я — 1946) — казался падением творческого дарования Ш., его упрекали в сентиментальности, лубочности, религиозном мистицизме. Это роман о высшем предопределении, о путях нравственного перерождения и обустройства жизни в согласии с правдой и совестью; Ш. отказывается от формы сказового повествования, от красочной метафорической речи, от всякой символики, не связанной с главной его темой — искуплением греха путем самопожертвования.

После смерти жены (1936) Ш. посетил по приглашению друзей Псково-Печерский монастырь, находившийся тогда на территории Эстонии. В годы войны Ш., один из немногих русских эмигрантов, остался в оккупированном Париже, опубликовал несколько статей в пронемецком «Парижском вестнике», чем навлек на себя обвинения в коллаборационизме. Умер от сердечного приступа в день приезда в обитель Покрова Божьей матери (в 140 км от Парижа), где хотел получить благословение на продолжение работы над «Путями небесными». Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. В Алуште (Крым) создан музей Ш.

Соч.: Душа родины. Сб. статей от 1924-50. Париж, 1967; Свет вечный. Посмертное издание рассказов. 1895-1950. Париж, 1968.

Лит.: Aschenbrenner M. Iwan Schmelew // Schriften der Albertus Universität. Königsberg-Berlin, 1937; Карташев А.В. Певец святой Руси (Памяти И.С.Шмелева) // Возрождение, 1950, № 10; Манн Т. Переписка с И.С.Шмелевым // Мосты, 1962, № 9; Станюкович Н.В. Ив.Шмелев. Свет вечный // Возрождение, 1969, № 210.

Т.Марченко

ШМУРЛО Евгений Францевич (29.12.1853, Челябинск, Оренбургской губ. — 7.4.1934, Прага) — историк. Родился в семье мелкопоместного дворянина литовского происхождения. Получил домашнее образование, учился в екатеринбургской гимназии, экзамены на аттестат зрелости сдал в воронежской гимназии. В 1874 поступил на юридический факультет Петербургского университета, затем перешел на историко-филологический факультет; специализировался по русской истории у профессора К.Бестужева-Рюмина. По окончании в 1878 университета был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Преподавал историю в гимназиях Петербурга (1879-91) и на Высших женских курсах (1884-86), в 1887 организовал кружок молодых историков. После защиты в 1888 магистерской диссертации «Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни 1767-1804» утвержден приват-доцентом Петербургского университета. Один из учредителей (1889) Исторического общества при университете.

Совершил несколько поездок в Италию (1880, 1886, 1890) и в др. европейские страны, приступил к занятиям в Ватиканском архиве, подготовил к публикации текст «Известий Джиованни Тедальди о России времен Ивана Грозного». Участвовал в работе 8-го Археологического съезда (янв. 1890). С июля 1891 по сентябрь 1903 профессор Дерптского (Юрьевского) университета, где занимал кафедру русской истории. Опубликовал монографию «Очерк жизни и научной деятельности К.Н.Бестужева-Рюмина» (Юрьев, 1899). Результатом новых разысканий материалов по русской истории в итальянских архивах и библиотеках (1892-93, 1893-94, 1897) явилась книга о первом русском докторе философии «П.В.Постников. Несколько данных для его биографии» (Юрьев, 1894), ряд опубликованных отчетов и «Сборник документов, относящихся к истории царствования Петра Великого» (т.I. Юрьев, 1903). Принимал участие в ликвидации последствий голода 1898-99, публиковал статьи на эту тему из Уфы и Стерлитамакского уезда («Голодный год. Письма в «Санкт-Петербургские ведомости». 1898-1899. М., 1900).

В докладе на 9-м Археологическом съезде в Киеве (1900) указал на необходимость создания постоянной исторической комиссии при Ватиканском архиве; с сентября 1903 занимал должность ученого корреспондента историко-филологического отделения Петербургской, затем Российской Академии наук при Ватиканском архиве (переизбирался в 1908 и 1913). В 1911 Ш. был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. До 1924 жил в Риме, продолжая обследовать архивы Италии и

др. стран; впоследствии обнаруженные там материалы были опубликованы в сборниках «Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией» (т.I, вып.1. Л., 1925) и «Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией» (т.1-4. СПб.-Л., 1907-27). Одним из первых Ш. обратил внимание на массив документов в Архиве Конгрегации пропаганды веры, освещающих деятельность католической церкви на территории Русского государства, позднее частично опубликованных в книге «Римская курия на русском православном Востоке в 1609-1654» (Прага, 1928); выступал с докладом об этом архиве на 5-м Международном конгрессе исторических наук (Брюссель, 1923). За заслуги перед исторической наукой был награжден орденами Св.Владимира 4-й и 3-й степени, Св.Станислава 3-й степени и черногорским орденом Данила I. Являлся членом Рязанской, Таврической, Витебской, Владимирской ученых архивных комиссий, ряда научных обществ и их филиалов (Русского географического общества, Русского археологического общества и др.), а также институтов и научных обществ за рубежом.

В Риме Ш. организовал в 1921 Русскую академическую группу, был ее председателем до 1924. Осенью 1924 его избрали председателем 3-го съезда русских академических организаций в Праге, куда он переехал в конце того же года. Получал стипендию от чешского правительства, выговоренную им при продаже своей личной библиотеки (8 тыс. томов), она составила основу Славянской библиотеки в Праге. Другую библиотеку — ученого корреспондента — Ш. передал на сохранение в Институт Восточной Европы в Риме. По инициативе Ш. в апреле 1925 в Праге при правлении Союза русских академических организаций за границей было образовано Русское историческое общество (РИО), председателем которого он оставался до 1931; на его заседаниях сделал около 20 докладов. Входил в Совет и Ученую комиссию Русского заграничного исторического архива, был членом историко-филологического отделения Русской учебной коллегии, членом Русской академической группы в Чехословакии, почетным членом Славянского института в Праге. В эти годы были опубликованы наиболее крупные обобщающие труды Ш.: «История России 862-1917» (Мюнхен, 1922), «Введение в русскую историю» (Прага, 1924), 3-томный «Курс русской истории» (Прага, 1931-35), а также «Вольтер и его книга о Петре Великом» (Прага, 1929). Несколько исследований Ш. посвятил А.Пушкину. 10.1.1929 на заседании РИО торжественно отмечали 75-летний юбилей Ш., приветственную речь произнес *А.Кизеветтер.*

Биограф Ш., В.Саханев, писал, что о заслугах историка говорит вся его жизнь, главную же его заслугу видел в открытии итальянских архивов для русской истории и в накоплении огромного материала, который еще долго будет осваиваться наукой. Поздравляя Ш. с 80-летием, *П.Милюков* отметил «чисто идейный подход» Ш. к научной работе, «стремление свести русский исторический процесс к общим началам и понять его как целое», особо выделил при этом «Курс русской истории». Позднее, однако, Милюков находил лишь «трогательным», что до конца жизни Ш. оставался верен «принципу воздержания от исторического рассказа и ограничения себя предварительным изучением источников».

Лит.: Саханев В.В. Евгений Францевич Шмурло. Биографич. очерк // Зап. Рус. истор. об-ва в Праге, 1937, кн.3; Демина Л.И. «Записки» Е.Ф.Шмурло об историках Петербургского университета (1889-1892) / Археологич. ежегодник за 1984 г. М., 1986.

Арх.: ОР РГБ, ф. 178. Муз. собр., к.7774; ГАРФ, ф.5965.

Л.Демина

ШОХАТ Яков Александрович (наст. имя Янкель Абрамович) (5.8.1866, д. Рогузна, Кобринского у., Гродненской губ. — 8.10.1944, Филадельфия) — математик. Окончил брестскую гимназию с золотой медалью и в 1906 поступил на математическое отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Будучи студентом, перешел в православие (25.5.1908). Окончив университет в 1910, он был оставлен, по ходатайству В.Стеклова, для подготовки к профессорскому званию (1912-16). «Человек способный и работящий», — писал Стеклов в своей рекомендации факультету. Ш. был среди участников математического кружка-семинара, организованного его бывшими сокурсниками (А.Фридманом, *Я.Тамаркиным*, А.Гавриловым), также оставленными при университете для подготовки к научной деятельности. Ш. изучал не только математические работы классиков, но и новейшие направления современной математики. В 1913 закончил сдачу магистерских экзаменов. Несколько раньше началась его преподавательская работа: сначала в Петербургском коммерческом училище и в Петербургском (Петроградском) политехническом институте (1912-16), в Горном институте (1916-17), затем в должности профессора в Уральском университете в Екатеринбурге (1917-21), после чего снова в Петрограде, но уже в Педагогиче-

ском институте (1921-23). Диссертация Ш. — «Исследование одного класса многочленов, наименее отклоняющихся от нуля в данном промежутке» — была в основном готова в 1916, но ему пришлось отложить ее защиту до 1922 (опубл. Екатеринбург, 1918, литогр.). В том же году Ш. получил разрешение советского правительства на выезд в Польшу.

В 1923 переехал в США, где сначала работал ассистентом на кафедре математики Чикагского университета, а с 1924 по 1929 — внештатным профессором Мичиганского университета. Вместе с Ш. уехала и его жена — Надежда Васильевна Галли (урожд. Какаули), физик по образованию, — на которой он женился в 1922. В 1929 Шохаты получили гражданство США. 1929/30 учебный год Ш. провел в Париже, занимаясь научной работой в Институте Анри Пуанкаре. Вернувшись в 1930 в США, получил место сначала лектора (1930-31), а потом внештатного профессора (1931-36) в Пенсильванском университете (Филадельфия, шт. Пенсильвания). Должность адьюнкт-профессора ему была предоставлена в 1936, а профессором он стал в 1942. Работая в Филадельфии, Ш. жил в небольшом городке Аппер-Дарби. В Америке он стал прихожанином православной греческой церкви.

Влившись в научную жизнь страны, Ш. стал членом Американского математического общества, Математической ассоциации Америки, Института математической статистики, Американской Ассоциации развития науки и Научного исследовательского общества. В течение 4 лет он был одним из издателей «Бюллетеня Американского математического общества». В США Ш. продолжал заниматься ортогональными многочленами, опубликовал немало работ по этой теме в американских и в европейских журналах. В 1934 в Париже вышла его монография «Общая теория ортогональных многочленов Чебышева», изданная в знаменитой серии монографий по теории функций, которую основал известный французский математик Э.Борель. Писать для этого издания приглашались только самые крупные специалисты в своей области. В книге было впервые дано систематическое и полное изложение теории этих многочленов; предполагаемое продолжение он не успел закончить (рукопись осталась в его архиве). При участии американских коллег, Э.Хилла и Дж.Уолша, Ш. написал книгу «Библиография ортогональных полиномов» (Вашингтон, 1940), опубликованную Национальным ученым советом Национальной Академии наук. Этот уникальный в своем роде труд до настоящего времени пользуется неизменным вниманием специалистов. В 1943 Ш. и Тамаркин опубликовали монографию «Проблема моментов». Этой книгой была открыта серия «Математических обзоров», издававшихся Американским математическим обществом. В январе 1944 Ш. написал письмо в Россию академику А.Крылову с предложением издать перевод его книги «О некоторых дифференциальных уравнениях математической физики, имеющих приложение в технических вопросах». Перевод был выполнен Ш., но вышел в свет уже после его смерти. Труды Ш. знакомили европейских и американских ученых с достижениями русской математической мысли; многие работы русских авторов стали известны за рубежом только благодаря этим изданиям.

Будучи одаренным лектором, Ш. подготовил немало докторов наук; как правило, он продолжал следить за научной карьерой своих питомцев и после защиты ими диссертаций, помогая советом и делом. Кроме лекций для студентов, Ш. читал специальный курс высшей математики для решения инженерных задач, который привлекал многочисленных слушателей — инженеров и физиков из различных организаций Филадельфийского округа. Лекции побудили Ш. отойти от излюбленной тематики и заняться дифференциальным уравнением Ван дер Поля, описывающим некоторые нелинейные колебательные процессы. Он успел опубликовать по этой теме две статьи. В последний год жизни Ш. в дополнение к своим педагогическим и научным обязанностям стал консультантом по математике Военно-морского министерства США. Однако до конца войны ему не суждено было дожить: после длительной болезни (бактериальный эндокардит) Ш. умер в университетской больнице. Его похоронили на Национальном Арлингтонском кладбище.

Лит.: Kline J.R. James Alexander Shohat // Science, 1944, vol. 100, № 2601.

Арх.: Арх. РАН, ф. 753, оп. 3, д. 284.

Н.Ермолаева

ШРЕЙДЕР Александр Абрамович (псевд. С.Разин, А.Зевин) (?- 1930) — философ, политический деятель, публицист, издатель. Сын зубного врача, преподавателя зубоврачебной школы в Екатеринославе. Участник революционного движения, эсер. Получил юридическое образование. В 1917 член Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов и Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Участник Демократического совещания (сент. 1917), входил во Временный Совет Республики (Предпарламент). Член редакции газеты «Знамя труда». На 2-м Всероссийском съезде Советов избран членом ВЦИК,

возглавлял отдел Учредительного собрания ВЦИК; позднее был членом ВЦИК 3-го и 4-го созывов. Входил в Центральное бюро левых эсеров, на 1-м съезде партии избран в ЦК. В январе-марте 1918 заместитель наркома юстиции, в январе-феврале — председатель Петроградского революционного трибунала печати, с марта — комиссар юстиции в Совнаркоме Москвы и Московской области (обобщил опыт этой работы в книге «Народный суд»). Член комиссии по составлению Конституции РСФСР. Входил в делегацию левых эсеров, направленную в июне 1918 в Швейцарию для установления контактов с левыми социалистами Запада; в Женеве члены делегации основали заграничное издательство партии, выпускавшее литературу на трех языках, но в октябре 1918 они были высланы из Швейцарии вместе с посольством Советской России. Редактор-издатель легального левоэсеровского журнала «Знамя» до ареста в феврале 1919 в связи с «заговором» левых эсеров. В Бутырской тюрьме написал «Очерки философии народничества». Освобожден в августе 1919. Вместе с И.Штейнбергом возглавлял фракцию левых эсеров, был сторонником легализации партии.

Осенью 1919 выехал из Москвы под видом дипломатического курьера персидского шаха в составе группы возвращавшихся на родину грузин; намеревался пробраться в Швейцарию, где хранились партийные деньги левых эсеров, был задержан в Новоград-Волынске польскими военными властями, арестован (при этом у него была отобрана расписка Федерального банка Швейцарии на 50 тыс. франков). До 1.8.1920 находился в заключении в Варшаве. После заступничества депутатов сейма был освобожден, выехал в Рим, затем перебрался в Берлин (1921). Издал книгу «Республика Советов» (Берлин, Милан, 1920), в 1921 под редакцией Ш. вышли 2 номера «временника литературы, политики и искусств» — «Знамя» (на рус., нем., итал. яз.). Один из создателей и руководителей основанного в сентябре 1920 в Берлине издательства «Скифы», которое поставило задачу «ознакомить русского и иностранного читателя с Россией переходной эпохи в областях поэзии, литературной критики и политики».

Летом 1921 Ш. обратился с радиозапросом к В.Ленину и Г.Чичерину о разрешении ему приехать в Россию для отчета перед центральными органами партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР). В августе прибыл в Москву, вел переговоры с А.Белым, Р.Ивановым-Разумником, *А.Штейнбергом* и др. об образовании в Берлине «Скифской академии» — ответвления Вольфилы (Вольной Философской ассоциации). Ввиду угрозы ареста осенью вернулся в Берлин; впоследствии был лишен советского гражданства. На состоявшемся 5.12.1921 организационном собрании учредителей берлинского отделения Вольфилы, «ставящей себе целью исследование и разработку в духе философии вопросов культурного творчества, вне всякой партийности и партийных устремлений», Ш. был избран секретарем Совета отделения. Принимал участие в работе берлинского Дома искусств. В 1922 «Скифы» начали выпускать «международное обозрение современного искусства» — «Вещь» (под ред. И.Эренбурга и художника Эль Лисицкого). В 1923 в издательстве «Скифы» вышла книга Ш. «Очерки философии народничества». В 1922 Ш. вместе с Ф.Брауном и Е.Лундбергом организовал Комитет помощи голодающим в России, написал обращение к трудящимся всего мира о голоде в России. Представлял левых эсеров в Международном рабочем объединении социалистических партий (Венском Интернационале), образованном в феврале 1921. Участвовал в его учредительной конференции и в Международной конференции 3-х Интернационалов в Берлине (апр. 1922). Вел переговоры с западными революционными синдикалистами и левыми коммунистами об образовании 4-го Интернационала (план не был реализован); вместе с И.Штейнбергом представлял в Международном бюро революционно-социалистических партий (Париж) заграничную делегацию ПЛСР и Союза эсеров-максималистов. Принимал участие в выпуске бюллетеня левых народников — «Знамя борьбы» (1924-30). В 1929 выпустил в Париже работу с книжной маркой «Скифов» — «Тетрадь о Достоевском (Из записок читателя)». Покончил жизнь самоубийством.

Соч.: Царь-Голод. Пг., 1917; О налогах. Пг., 1917; L'organisation judiciaire de la Russie des Soviets. Généve, 1918; Пути Октябрьской революции / Пути революции (Статьи, материалы, воспоминания). Берлин, 1923; B.W. (Из воспоминаний) / Там же.

Лит.: Лундберг Е. Записки писателя. 1920-1924, т.2. [Л., 1930].

Я.Леонтьев

ШТЕЙНБЕРГ Аарон Захарович (1891, Двинск, Витебской губ. — 1975, Лондон) — философ. Родился в религиозной еврейской семье. Брат одного из лидеров партии левых эсеров — И.Штейнберга. Высшее образование получил в Гейдельбергском университете (Германия), окончив два факультета — философский и юридический. Публиковал в журнале «Русская мысль» отчеты о развитии западноевропейской философской мысли, в 1911 присутствовал в качестве корреспондента на 4-м международном философском конгрессе в Бо-

лонье. Печатался также в «Журнале Министерства юстиции». Во время 1-й мировой войны интернирован в Германии как русский подданный, вернулся в Россию после заключения Брестского мира.

В сентябре 1918 вместе с Р.Ивановым-Разумником и К.Эрбергом (К.Сюннербергом) положил начало кружку «вольных философов», который стал ядром Вольной Философской ассоциации (Вольфилы, 1919-24); был ее членом-учредителем и ученым секретарем ее Совета. Сотрудничал в Театральном отделе Наркомпроса и в Институте театральных знаний, читал курсы в Петроградском философском и Еврейском институтах. В феврале 1919 арестован в связи с т.н. «заговором» левых эсеров; описал свой арест и впечатления от разговоров с арестованным тогда же А.Блоком в мемуарном рассказе (в книге «Памяти Александра Блока», 1922). В Вольфиле руководил отделом чистой философии и вел семинар по Канту, неоднократно выступал с докладами на публичных заседаниях («Иудаизм и христианство», «Время и пространство в философии истории», «Трансцендентальный метод и метафизика» и др.). Как философ Ш. был тесно связан с традициями отечественного самосознания и «русской идеей»; исследователи подчеркивают, «с одной стороны, его погруженность в область новейшей (для начала века) метафизики..., с другой стороны, его близость к идеям русского народничества — воззрениям Герцена, Михайловского, Лаврова» (В.Белоус). Сотрудничал в левоэсеровском журнале «Знамя» и печатался в коллективных сборниках неонародников.

29.11.1922 выехал в Германию. За границей поддерживал знакомство с А.Белым (в 1922-23), *Л.Шестовым, Н.Бердяевым, Е.Замятиным;* наиболее тесные контакты установились у него с философским кружком, группировавшимся вокруг *Л.Карсавина* (А.Кожевников, Я.Клайн и др.), и с руководителями издательства «Скифы» (И.Штейнбергом и *А.Шрейдером*). В 1923 под редакцией Ш. в «Скифах» вышла хрестоматия из произведений П.Лаврова и книга Ш. «Система свободы Достоевского», впоследствии переизданная в издательстве «YMCA-Press». По настоянию Карсавина он выпустил книгу «Die Idee der Freiheit (Ein Dostojewskij Buch)». Занимался исследованиями особенностей еврейского и русского национального характера, продолжал изучать Достоевского (статья «Достоевский и еврейство», пьеса «Достоевский в Лондоне»). Перевел на немецкий язык 10-томную «Историю еврейского народа» С.Дубнова, отредактировал ее сокращенную версию. Опубликовал работу о национальном характере русского народа (в сб.: «Die Biologie der Person», vol. 1, 1928) и эссе о немецком философе еврейского происхождения Г.Когене. Ряд статей и непубликовавшихся ранее работ Ш. позднее были сведены им в книгу, вышедшую посмертно под названием «History as Experience. Aspects of Historical Thought» (1983).

После прихода к власти Гитлера Ш. переехал в Англию. С 1934 жил в Лондоне. Участвовал в работе Всемирного еврейского конгресса, возглавил в 1941 его культурный отдел. Один из издателей еврейской энциклопедии. Во время 2-й мировой войны учредил исследовательский центр по проблемам геноцида, репатриации лиц без гражданства. Был назначен постоянным делегатом ЮНЕСКО. В конце жизни надиктовал книгу воспоминаний «Друзья моих ранних лет» (вышла в 1991 в изд-ве «Синтаксис»), в которой дал портреты Белого, В.Брюсова, В.Розанова, Карсавина, Иванова-Разумника, Шестова, Эрберга и др.

Соч.: Берега и безбрежность: К философии истории А.И.Герцена / А.И.Герцен. Пб., 1920; Начало и конец истории в учении П.Л.Лаврова / П.Л.Лавров. Сб. статей. Пб., 1922; Ответ Л.П.Карсавину [на ст. «Россия и евреи»] // Версты, 1928, № 3; Достоевский как философ // Вопр. философии, 1994, № 9.

Я.Леонтьев

ШУХАЕВ Василий Иванович (12.1.1887, Москва — 14.4.1973, Тбилиси) — живописец, график, сценограф, педагог. В 1897 поступил в московское Строгановское центральное художественно-промышленное училище, которое окончил в 1906 (педагоги *К.Коровин*, Д.Щербиновский, И.Нивинский, Н.Андреев, С.Ноаковский, И.Жолтовский). В том же году переехал в Петербург, готовился к поступлению в Академию художеств в частной студии. Был принят в класс рисования Академии (мастерская Д.Кардовского), которую окончил в 1912. Конкурсная картина «Вакханалия» (подражание Рубенсу) дала Ш. возможность стажировки в Италии (предоставлена Обществом поощрения молодых художников). Зиму 1913 и весну 1914 провел в поездке по городам Италии с другом, художником *А.Яковлевым*, сделав многочисленные зарисовки — прежде всего сангиной, в излюбленной технике Ш.; создал картины «Сусанна и старцы», «Карусель», «Арлекин и Пьеро» (двойной автопортрет совм. с Яковлевым, находится в Русском музее). В 1914-17 писал стилизованные в духе итальянского Возрождения портреты С.Андрониковой, Е.Шухаевой, Л.Рейснер, исполнил сангиной несколько десятков портретов офицеров 4-го гусарского лейб-гвардии Мариупольского полка для (незаконченного) полотна «Полк на позициях». В

1915 вместе с Яковлевым выполнил роспись плафона «Девять муз» в особняке Фирсановой на Пречистенке в Москве. Разрабатывал (также с Яковлевым) проекты росписей церкви Николая Мирликийского (в итальянском городе Бари) и зала ожидания Казанского вокзала. В 1914 состоялась первая персональная выставка картин Ш. в пользу лазарета деятелей искусств в Петрограде. В 1915 — первая выставка работ Ш. в Москве «в пользу пострадавших от войны бельгийцев». В том же году на 9-й выставке Нового общества художников в Петрограде показывал рисунки к монументальному полотну «Поклонение волхвов» (не завершено). Преподавал в 1915 в Новой художественной мастерской, в 1916-17 — на архитектурных курсах Багаевой в Петрограде и в Центральном училище технического рисования барона Штиглица, в 1917-19 — в Академии художеств (профессор-руководитель, вел две мастерские). Сблизился с художниками, членами объединения «Мир искусства» и в 1918 на их выставке в Академии художеств показал 70 своих работ. В 1-ю годовщину Октябрьской революции создал проект оформления Николаевского моста. В том же 1918 вместе с Кардовским и Яковлевым («мастера») организовал недолго просуществовавший союз художников «Цех Святого Луки» («подмастерья» — Б.Коварский, В.Мешков, Н.Радлов, Н.Ремизов, М.Фохт). С 1918 занят театральными работами: опера Вагнера «Золото Рейна» в петроградском Народном доме, комедия К.Миклашевского «Четыре сердцееда» в Малом драматическом театре.

В 1920 Ш. выехал в Финляндию, жил в Мустамяки, где писал пейзажи, портреты, жанровые картины. В 1921 переехал в Париж. Сразу оказался в среде русской и французской художественной интеллигенции. По свидетельству жены Ш. — художницы В.Шухаевой, в Париже «интересных знакомств было достаточно. Одни были близкими друзьями, с которыми мы виделись каждый день, другие менее близкие... Очень близкие — художники Александр Яковлев, Иван Пуни, Люсьен Вожель — издатель журнала, семья Гальперн. Менее близкие, но достаточно хорошо знакомые — дочь Вожеля Мари-Клод (жена писателя Вайяна-Кутюрье), художники Сомов, Добужинский, композиторы Прокофьев и Стравинский, а также Эренбург, Марина Цветаева, Мейерхольд, Шаляпин, Маяковский, князь Дмитрий Святополк-Мирский». В 1920-30-е создал множество работ на библейские темы, жанровые полотна, натюрморты, портреты (в том числе А.Бриана, *С.Прокофьева, И.Стравинского, Ф.Шаляпина*, Н.Слонимского и др.). Плодовитость Ш.-художника в эти годы была очень высока при также высоком уровне его работ. Ш. становился модным портретистом, поэтому большая часть написанного в эмиграции находится в частных собраниях; выставлялся на международных выставках в Риме (1924), в Нью-Йорке (1925, здесь был выставлен один из лучших портретов балерины *Анны Павловой*), в Питсбурге (ежегодно с 1924 по 1928), в Дрездене (1926), Мюнхене (1926), Белграде (1930), Праге (1935), в парижских салонах (ежегодно), в Москве (1928, на выставке «Современного французского искусства»). Персональные выставки Ш. прошли в Париже (в 1924, совм. с Яковлевым и в 1929).

В 1929-30 путешествовал по югу Франции и Корсике, в 1930 — по Испании и Марокко, сделав сотни зарисовок, которые легли в основу больших жанровых картин (часть из них создана по этим рисункам на родине через 30 лет). С 1924 оформлял спектакли театра-кабаре «Летучая мышь» *Н.Балиева* (хореографические миниатюры «Степан Разин», «Король приказал барабанить», «Тай Пу», балет «Пастораль»), для труппы *Иды Рубинштейн* создал декорации к балету «Семирамида» (1934). В 1926 исполнил эскизы декораций и костюмов для кинофильмов «Кармен» и «Песнь торжествующей любви». В 1922-30 много занимался книжной графикой: для парижского издательства «Плеяды» оформил книги: «Флорентийские ночи» Г.Гейне (1925) и «Две любовницы» А.де Мюссе (1928), иллюстрировал произведения Пушкина, Гоголя, Достоевского, Лескова, Тургенева, Чехова. Иллюстрации к «Пиковой даме» вошли в золотой фонд графической пушкинианы. В 1932-33 для американского журнала «Vanity Fair» сделал серию карикатур на известных политических деятелей и писателей. Европейская критика поставила Ш. в один ряд с выдающимися русскими и французскими художниками-современниками, причем подчеркивалась его верность русской теме в книжной графике и сценографии; ею проникнуты и фрески внутренних росписей концертного зала частного дома на улице Перголез в Париже (1925; совм. с Яковлевым — использована тема «Сказки Пушкина в музыке»). «Ш. — коренной русский и, несмотря на долголетнюю работу в Париже, он остается таковым. Он, возможно, единственный из работающих в Париже иностранных художников, кто абсолютно ничего не перенял от французских живописных школ, направлений и традиций. Он убежденный русский, не подчеркивая этого... Работы Ш. монументальны в истинном и лучшем смысле слова», — писал немецкий критик П.Бархан. В Париже Ш. преподавал в своей студии на Монпарнасе и в Русской академии Т.Сухотиной-Толстой.

В 1935 Ш. вернулся в Ленинград. Создал эскизы декораций к спектаклям ленинградских

театров, эскизы росписей для нового здания Библиотеки им. Ленина в Москве и санатория Наркомтяжпрома в Сочи, совершил поездку в Кабардино-Балкарию, сделав серию этюдов для неосуществленной картины из жизни горцев. В 1936 в Ленинграде и Москве состоялась большая ретроспективная выставка работ Ш., на которой были выставлены работы эмигрантского периода и написанные по возвращении. С 1935 Ш. преподавал в персональной мастерской в Институте живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской Академии художеств (у него начинали учиться С.Петров, В.Суворов, П.Ивановский и др.). В 1937 Ш. вместе с женой был арестован и выслан в Магадан. Находясь в заключении, оформлял спектакли и концерты магаданского Музыкально-драматического театра (часть эскизов находится сейчас в местном художественном музее). В 1947 был освобожден и вынужденно поселился в Тбилиси, где вернулся к станковой живописи (портреты грузинских и русских деятелей культуры, пейзажи, жанровые картины), оформил несколько спектаклей в тбилисских театрах, преподавал в тбилисской Академии художеств. В 1962 — заслуженный деятель искусств Грузинской ССР. Персональные выставки Ш. состоялись в Тбилиси (1954, 1962, 1971), Москве (1958), Ленинграде (1962, 1968, 1988). Выставка работ Ш. из частных собраний прошла в выставочном зале журнала «Наше наследие» (1994). Работы Ш. представлены в Третьяковской галерее, Русском музее, в Бруклинском музее в Нью-Йорке, в Люксембургском музее в Париже, в музеях Великобритании, Бельгии, Чехии, Франции, Австралии, в музеях городов России.

Соч.: Автобиография / В.И.Шухаев. Выставки в Москве и Ленинграде. Л., 1936; Воспоминания / Горький и художники. М., 1964; Письма В.И.Шухаева А.Е.Яковлеву из Италии и Петербурга / Панорама искусств-8. М., 1985; Письма В.И. и В.Ф.Шухаевых к Е.Ф., М.Ф. и С.А.Гвоздевым из колымских лагерей 1939-1941. Публ. М.Г.Овандер / Память Колымы. Магадан, 1990.

Лит.: Маковский С. Силуэты русских художников. Прага, 1922; Barchan P. Wassily Schuchaeff // Die Kunst, 1925, № 26; Мямлин И. / Василий Иванович Шухаев. Л., 1972; Яковлева Е. Живопись Шухаева в Русском музее // Художник, 1989, № 9; Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции. (1917-1941). Биографич. словарь. СПб., 1994.

Арх.: ОР ГРМ, ф. 133 и др.; РГИА, ф.789; ОР ГТГ, ф.П/839 и др.; ОР Петерб. АХ, ф. А-3; арх. М.Г.Овандер (Москва); арх. С.Т.Рихтера (Москва).

А.Кузнецов

Щ

ЩЕКАТИХИНА-ПОТОЦКАЯ (до конца 1930-х чаще писалась Щекотихина) Александра Васильевна (8.[по др. св. 19.]5.1892, Александровск, Екатеринославской губ. — 23.10.1967, Ленинград) — живописец, художник театра, скульптор, фарфорист. Родилась в семье русского купца-старовера Василия Григорьевича Щекотихина. Дед художницы, Григорий Васильевич, занимался иконописью и книжной миниатюрой, расписывал пасхальные яйца, бабушка по материнской линии слыла искусной вышивальщицей. Окончив в 1908 в Александровске гимназию, в которой рисование преподавал воспитанник Академии художеств Ф.Беляев, переехала в Петербург и поступила в Рисовальную школу Общества поощрения художеств, где ее учителями стали Я.Ционглинский, *Н.Рерих*, *И.Билибин*, В.Щуко. В 1910 получила малую серебряную медаль, в 1911 — большую. В 1910 была командирована на русский Север для ознакомления с памятниками старинного зодчества и народным крестьянским искусством, а в 1913 — в Грецию, Италию и Францию; в течение нескольких лет занималась в Париже в «Academie Ranson» под руководством М.Дени, Ф.Валлотона и П.Серизье. Русские и французские наставники воспитали в ней мастера широкого диапазона. Она помогала Рериху в работе над росписями церкви Святого Духа в имении княгини М.Тенишевой в Смоленской губернии и над оформлением балета *И.Стравинского* «Весна священная» (1913) для антрепризы *С.Дягилева*. Испытывая несомненное влияние учителя, она обнаружила самобытность: созданные ею эскизы костюмов отличает от рериховских больший динамизм и экспрессия. Театрально-декорационная живопись заняла заметное место в творчестве художницы 2-й половины 1910-х. Ею выполнены эскизы костюмов к «весенней сказке» А.Островского «Снегурочка» (театр Рейнике в Петербурге, 1916), к балету на музыку М.Мусоргского «Ночь на Лысой горе», к опере А.Рубинштейна «Демон», эскизы декораций и костюмов к опере А.Серова «Рогнеда» (театр С.Зимина в Москве, 1916) и к опере Н.Римского-Корсакова «Садко» (Петроградский Народный дом, 1920). Параллельно художница занималась станковой живописью, станковой и журнальной графикой.

В начале 1918 Щ.-П. была приглашена на Государственный фарфоровый завод, где сразу начала работу над эскизами росписей, а позже и над скульптурными формами. В искусство фарфора она принесла яркий, праздничный и одновременно драматичный мир фольклорных и иконописных образов, увиденных глазами художника, не чуждого авангарду 1910-1920-х. Мирискусническому стилизму и графической дисциплине художественного руководителя завода *С.Чехонина* она противопоставила свободу живописно-графического декора. Обобщенными, словно небрежно положенными пятнами, пространственными сдвигами, плясовым ритмом надписей она намеренно обостряла конфликт традиционных форм фарфоровой посуды и нового искусства. Наряду со сценами венчаний, застолий, плясок и забав в росписях художницы появились фигуры матросов, комиссаров, советская эмблематика и лозунги, что дает основание часть работ Щ.-П. назвать агитфарфором. Однако творчество художницы революционных лет неоднозначно. Несклонная к политическим размышлениям, эмоционально она остро воспринимала диссонансы современности и, восхищаясь красотой народной стихии, одновременно отразила трагизм эпохи (блюдо «Страдания России», 1921). Впервые выступив на выставке «Мир искусства» в 1916, Щ.-П. стала в 1922 его официальным членом. Она участвовала также в Первой государственной свободной выставке произведений искусств (Петроград, 1919), в Выставке произведений художников-членов Дома искусств (Петроград, 1921) и в Пятой выставке Общины художников (Петроград, 1922).

После смерти в 1920 мужа, юриста Николая Филипповича Потоцкого, с которым она прожила немногим более пяти лет, Щ.-П. с сыном Мстиславом поселилась в Доме искусств, на углу Невского и Мойки, где в голодные годы нашли пристанище многие литераторы и художники. Вскоре ее пригласил к себе обосновавшийся в Египте И.Билибин. Эти события жизни Щ.-П. отражены в романе О.Форш «Сумасшедший корабль». Уехав в Германию для ознакомления с Берлинской фарфоровой мануфактурой, Щ.-П. из командировки не вернулась и отправилась с сыном в Каир, где вышла за Билибина замуж. Летом 1924 семья совершила

поездку в Сирию и Палестину, в 1925, после переселения в Александрию, — в Верхний Египет к Луксорскому храму. В многочисленных этюдах, выполненных маслом и в различных графических техниках, в росписях по фарфору художница тонко улавливала как особенности стилей прошлого, так и черты проникающего на Арабский Восток европеизма.

В августе 1925 Щ.-П. переехала с Билибиным в Париж, где они поселились на бульваре Пастера и работали в одной мастерской. Как и Билибин, Щ.-П. участвовала в 1927 в выставке «Мира искусства» в галерее Бернгейма-младшего, а в 1929 состоялась их совместная выставка в Амстердаме. Однако в творческих судьбах двух художников были и существенные различия. Щ.-П. оказалась менее связанной с кругами русской эмиграции и постоянно *поддерживала отношения с Ленинградским* фарфоровым заводом; в 1925 ее работы показывались в советском отделе Международной выставки декоративно-художественных искусств в Париже, где их отметили медалью, а в 1927 в составе коллекции Ленинградского завода — на Международной выставке художественной промышленности и декоративных искусств в Монце-Милане, неоднократно экспонировались они и на выставках в Ленинграде и Москве. Одновременно художница органично вошла в художественную жизнь Франции. Щ.-П. были принята в Общество независимых художников, участвовала в выставках Осенних салонов и Салонов Тюильри; выполняла эскизы росписей фарфора для Национальной мануфактуры в Севре, эскизы тканей, модели спортивных костюмов и т.п., сотрудничала с парижскими издательствами. В ее работах — ощущение Парижа, его джазовых ритмов, его художественного авангарда. На рубеже 1920-1930-х в пейзажах, натюрмортах, в росписях фарфора при всей их экспрессивности усиливалось внимание к натуре, стремление к жизнеподобию; в этом проявились характерные для искусства того времени неотрадиционалистские тенденции.

Вернувшись осенью 1936 вместе с Билибиным и сыном на родину, Щ.-П. была снова принята на Ленинградский фарфоровый завод. Перейдя в росписях конца 1920-х от орнаментально-плоскостной к живописно-объемной трактовке зримого мира, она обратилась теперь к пластике. Опираясь на древнюю традицию, Щ.-П. уподобляет формы живой природы различным видам сосудов: масленки «Лимон» (1941) и «Перец» (1948), салатник «Карп» (1941), ликерный набор «Рябинка» (1945), графин с чарочками «Рыба», пепельница «Голубь» (1947) — это и не станковая скульптура, и не обычная посуда. Ее задача, как и декоративных статуэток, которые Щ.-П. создавала в эти же годы, вносить в повседневность праздник. Упругая сила словно вздувшихся изнутри форм, игра бликов света, яркие краски и золото, включенные в живописную фактуру поверхности, создают эффектное зрелище.

В отличие от Билибина Щ.-П. удалось пережить ленинградскую блокаду. Во время войны она обращалась к темам героического прошлого России в темперной живописи, в мелкой пластике, в росписях по фарфору, в 1942 участвовала в Выставке работ ленинградских художников в Москве, в 1944 в связи с 200-летним юбилеем Ленинградского фарфорового завода была награждена орденом «Знак Почета». Плодотворной была работа Щ.-П. после окончания войны. Большое количество вещей показала она в 1950 на Выставке произведений *ленинградских художников в промышленности и* декоративно-прикладном искусстве. С конца 1940-х в центре ее внимания роспись сервизов, предназначенных для массового тиражирования. Здесь она более сдержанна, ограничивая себя несколькими чистыми цветами, звучащими в полную силу на освобожденной белизне фарфора. В 1953 по состоянию здоровья Щ.-П. ушла с завода и вскоре была вынуждена прекратить работу. В 1955 в Ленинграде состоялась ее персональная выставка; в 1957 художница своими прежними работами приняла участие в Выставке народно-прикладного и декоративного искусства в Москве, после которой была награждена дипломом 1-й степени Министерства культуры РСФСР. Первая посмертная выставка произведений художницы прошла в 1972 в Ленинградском доме ученых, выставки работ Билибина и Щ.-П. были устроены в Ленинграде: в 1977 Ленинградской организацией Союза художников РСФСР, в 1978-80 и 1994-95 дирекцией Объединения музеев Ленинградской области. Произведения Щ.-П. хранятся в Русском музее, в музее Петербургского фарфорового завода, в Музее театрального и музыкального искусства в Петербурге, в Ивангородском историко-архитектурном и художественном музее Ленинградской области, во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства, в Театральном музее им. А.Бахрушина, в Музее керамики и «Усадьбе Кусково XVIII в.» в Москве, в др. отечественных и зарубежных государственных и частных собраниях.

Похоронена Щ.-П. на Охтинском кладбище в Петербурге.

Лит.: Голлербах Э.Ф. Сюжеты и характер живописи по фарфору / Русский художественный фарфор. Л., 1924; Ноcкович В.С. Александра Васильевна Щекатихина-Потоцкая. Л., 1959; Советский фарфор: Искусство Ленинградского государственного фарфорового завода им. М.В.Ломоносова. Сост. альбома и автор тек-

ста А.К.Лансере. Л., 1974; Андреева Л.В. Советский фарфор: 1920-1930-е годы. М., 1975; Иван Яковлевич Билибин. Александра Васильевна Щекатихина-Потоцкая: Каталог выставки. Авт. вступит. ст. и сост. Г.В.Голынец, С.В.Голынец. Л., 1977; Голынец Г.В., Голынец С.В. Искусство А.В.Щекатихиной-Потоцкой // Декоративное искусство СССР, 1977, № 8.

С.Голынец

ЩЕРБИНА Федор Андреевич (13.2.1849, ст. Новодеревянковская, Кубанского казачьего войска — 28.10.1936, Прага) — статистик, историк. Родился в семье священника из казаков. Закончил курс Ставропольской духовной семинарии. В 1872 получил войсковую стипендию для обучения в Петровско-Разумовской Сельскохозяйственной академии, но на 2-м году учебы был исключен за участие в студенческих выступлениях. Через год поступил в Новороссийский университет (Одесса). За участие в «хождении в народ» подвергся аресту, через месяц выпущен под залог и отправлен в ссылку в Вятскую, а затем в Вологодскую губернию (1874-77). В ссылке Щ. начал изучать общинный быт России, стал регулярно печататься в «Отечественных записках», «Русских ведомостях» и др., касаясь вопросов земельной общины, артельного движения, казачьей экономической жизни. В 1884 Щ. принят в качестве статистика на службу в Воронежское земство. В 1887 Императорское Географическое общество премировало золотой медалью его работу «Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду». До 1903 возглавлял организованное им же Воронежское статистическое бюро. С 1886 руководил экспедицией по исследованию областей Степного края; им сделаны интереснейшие литературные экскизы об уральских казаках.

Щ. — основоположник русской бюджетной статистики, ему принадлежит приоритет в разработке программы бюджетных исследований. Многочисленные работы Щ. долгое время служили методологической основой анализа потребления крестьян и рабочих. Он первым в России произвел в широких масштабах по обширной программе бюджетные исследования крестьянских хозяйств всей Воронежской губернии. В 1891 Российская Академия наук наградила ученого высшей денежной премией за работу «История Воронежского земства». Труды Щ. отличались обилием собранного материала; наиболее известные среди них: «Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии» (Воронеж, 1897); «Крестьянские бюджеты» (СПб., 1900). Член-корреспондент Петербургской Академии наук с 1904.

Щ. принял деятельное участие в работе редакции первой общероссийской казачьей газеты — «Вестник казачьих войск», выходившей в Петербурге с 1900 по 1906. На страницах издания, ставшего энциклопедией культуры казачества, защищал интересы войскового сословия в новых социально-экономических условиях XX в. Вместе с тем ему были чужды казакоманы, пытавшиеся законсервировать казачество в рамках средневековой психологии и традиций. Ученый смотрел на казачество как на особый пласт славян в рамках Российского государства. В 1907 Щ. избрали депутатом 2-й Государственной думы от Кубанского казачьего войска; он возглавил казачью фракцию в Думе. По поручению Наказного атамана Кубанского войска стал собирать материалы для фундаментальной летописи кубанских казаков. Автор ряда исторических книг, в том числе «Истории кубанского казачьего войска» в 2-х томах (Екатеринодар, 1910-13).

Приветствовал Февральскую революцию, а в августе 1917 в качестве делегата Кубани присутствовал на Московском Государственном совещании. До 1920 Щ. — постоянный член Кубанской краевой и законодательной Рады. В 1920 эмигрировал в Чехословакию. Вошел в состав Верховного совета Дона, Кубани и Терека, образованного в 1921 в Константинополе. В том же году издал в Белграде книгу «Законы эволюции и русский большевизм», в которой предрекал неизбежность гибели большевистского режима в России. Тесно сотрудничал с казачьей эмигрантской общественностью: принимал участие в казачьих празднествах, стал основателем «Общества изучения казачества», часто выступал на страницах казачьей периодической печати. Казаки любовно называли Щ. «Кубанский Дед», он стал духовным вождем казаков-эмигрантов. Щ. приветствовал казачье освободительное движение, не относясь, однако, к казачьим «самостийникам», проповедовавшим отделение от России, склонялся к идее насильственного свержения советской власти. В Чехословакии Щ. занимался педагогической деятельностью, был приглашен на место профессора статистики в Украинский институт (местечко Падебрадах), затем его избрали ректором Украинского народного университета. Одновременно Щ. возглавлял «Общество кубанцев в Чехословакии». В 1922-23 ученый издал свой курс лекций для студентов Украинской хозяйственной академии — «Статистика». В Падебрадахе в 1925 вышел в свет на украинском языке труд Щ. — «Основы мировой сельскохозяйственной статистики».

А.Изюмов

Э

ЭЙХЕНВАЛЬД Александр Александрович (23.12.1863, Петербург — 12.9.1944, Милан) — физик. Родился в семье фотографа-художника Александра Федоровича Э.; мать — Ида Ивановна (урожд. Папендик), была артисткой императорских театров, преподавала также в Петербургской, а затем в Московской консерватории. В 1883 Э. окончил частную московскую классическую гимназию Фр.Креймана и поступил на физико-математический факультет Московского университета. После окончания 2-го курса в 1885 перевелся в Петербургский институт инженеров путей сообщения; окончил его в 1888. Такое резкое изменение профессиональной ориентации было вызвано сугубо материальными соображениями. Еще будучи студентом, Э. во время каникул работал на постройке каменной трубы на Московско-Курской железной дороге и на строительстве московской скотобойни. В 1888-90 служащий правления Рязанско-Козловской железной дороги (сначала — технический секретарь, затем начальник технического отдела ремонта пути и зданий). В 1890-95 в качестве помощника производителя работ участвовал в проектировании и строительстве Киевской городской канализации. О произведенном им расчете периодического действия главного 9-верстного коллектора канализации и опытной проверке по окончании работ Э. сделал доклад Киевскому отделению Технического общества; принимал участие в проектировании и постройке паровой мельницы и элеватора при ней.

В начале 1895 Э. окончательно решил отказаться от профессии строителя и стать физиком. С марта 1895 по июль 1897 слушал в Страсбургском университете лекции по физике, химии, математике, а также выполнял, начиная с 1896, работу ассистента в лаборатории Физического института при университете. Директор института Ф.Браун (получивший в 1909 вместе с Г.Маркони Нобелевскую премию за развитие беспроволочной телеграфии) писал в 1908 П.Лебедеву: «Жаль, что я не чувствую себя вправе (как Вы) причислить Эйхенвальда к своим ученикам. Он приехал сюда (т.е. в Страсбург — Ред.) уже вполне сложившимся ученым. Я мог бы им гордиться». В июле 1897 Э. защитил докторскую диссертацию «Поглощение электрических волн электролитами», тогда же опубликованную в «Annalen der Physik».

С 1897 Э. работал в России, первоначально как преподаватель физики и электротехники Московского высшего инженерного училища (переим. в 1913 в Моск. ин-т инженеров путей сообщения, а в 1917 в Ин-т инженеров транспорта — МИИТ). Э. создал в училище научно-исследовательскую лабораторию, в которой выполнил (1901-4) самую известную свою экспериментальную работу «О магнитном действии тел, движущихся в электростатическом поле». За этот труд ученый получил степень доктора физики Московского университета (1908; тогда же вышел ее сокращенный нем. пер.). С 1905 Э. — первый выборный директор училища, в 1908-10 работал адъюнктом, с 1910 — профессором этого учебного заведения. В 1901-17 Э. преподавал также на Московских Высших женских курсах, в Московском университете (1906-11; 1917-19; с 1910 — проф.) и в Коммерческом институте (1907-17; с 1913 — проф.). Э. слыл одним из лучших педагогов-методистов и непревзойденным мастером лекционных демонстраций. Он организовал в Москве лучшие для того времени физические кабинеты и студенческие лаборатории в Инженерном училище и на Высших женских курсах. Э. — автор учебников, написанных на основе курсов, читанных им в учебных заведениях Москвы («Акустика и оптика», 2 изд., «Теоретическая физика» в 4-х т., «Электричество», многократно издававшееся в нашей стране и переведенное на нем. (1928) и укр. (1938) яз.

Число научных работ Э. невелико, но они относятся к принципиально важным проблемам физики; при их решении ученый идет своим оригинальным путем, а полученные им результаты до конца проясняют исследуемый вопрос. Таковы два крупных цикла его работ. Первый из них касается вопроса о магнитном поле движущихся электрически заряженных тел. В работе «О магнитном действии тел, движущихся в электростатическом поле» он установил, что магнитное поле конвекционного тока и по величине, и по направлению тождественно с по-

лем тока проводимости; ученый доказал эквивалентность токов смещения и токов проводимости («опыт Эйхенвальда»); наконец, проведя эксперименты, в которых оба диска конденсатора вместе с помещенным между ними диэлектриком вращались как единое целое, Э. показал, что верна теория Лоренца, согласно которой эфир не участвует в движении тел. Этот результат согласуется и с созданной вскоре теорией относительности. Второй цикл работ Э. связан с анализом световых волн. В теоретическом исследовании «О движении энергии при полном внутреннем отражении» (1908) Э. решил вопрос о направлении колебаний световых волн при полном внутреннем отражении, уточнив теорию Друде, и представил полученные результаты в виде диаграмм, вошедших в научную и учебную литературу. В работе «О поле световых волн при отражении и преломлении» (1912) он распространил свой метод на различные случаи отражения и преломления света.

Э. был человеком разносторонних дарований и интересов. Ему принадлежит предварительный проект здания Физико-химического института Высших женских курсов в Москве и ряд др. проектов. Он — автор нескольких романсов. Занимался Э. и общественной деятельностью: в 1912 был председателем попечительского Совета Народного университета им. А.Шанявского, после смерти П.Лебедева возглавил Московское физическое общество (1912-20). В 1918 Э. принял участие в организации Научной комиссии — консультационного органа коллегии Научно-технического отдела ВСНХ РСФСР. По поручению этой комиссии 3.9.1920 Э. со своей второй женой — Екатериной Константиновной Э. (быв. его курситской) — выехал в Берлин. Одной из основных целей командировки было «поставить на рациональную почву закупку за границей книг, журналов и научных приборов». В 1922 он вышел в отставку.

С 1923 Э. жил в Праге, где принял активное участие в работе Русского свободного университета. В конце 1920-х семья переехала в Милан, там Э. прожил до конца своих дней. В эти годы Э. тяготила невозможность работать экспериментально. Основным делом его жизни стало написание учебников (все они изданы в СССР, трижды — 4 тома «Теоретической физики», пять раз — «Электричество»; последнее, 8-е изд., опубл. в 1933). Как правило, в каждом из новых изданий Э. перерабатывал те или иные главы в соответствии с новейшими достижениями науки. Последняя статья Э. — «Акустические волны большой амплитуды» (опубл. в СССР в журн. «Успехи физических наук», 1934) — представляет переработанное изложение некоторых глав его учебника «Теоретическая физика».

Соч.: Избр. работы. М., 1956.

Лит.: Млодзеевский А.Б. А.А.Эйхенвальд / Развитие физики в России, т.I. М., 1970.

А.Дранов
А.Рейтблат

ЭКСТЕР Александра Александровна (6.1.1882, Белосток, Гродненской губ. — 17.3.1949, Фонтене-о-Роз, Франция) — живописец, тетральный художник, педагог. Из семьи акцизного чиновника, служившего с 1885-86 в Киевской губернии (город Смела) и Киеве. Училась в киевской женской гимназии (1892-99) и Киевском художественном училище (1901-6). В 1903 вышла замуж за своего кузена, адвоката Н.Экстера. Приехав в 1907 впервые в Париж, несколько месяцев посещала Академию Гранд Шомьер; познакомилась с П.Пикассо, Ж.Браком, Г.Аполлинером, М.Жакобом, Ф.Леже. В 1908-14 жила в Киеве, Москве, Петербурге, Париже, где имела мастерскую, путешествовала с мужем по Италии и Швейцарии. От пуантилизма натюрмортов и панно с видами Швейцарии и Бретани, написанных под влиянием Ж.Сёра и П.Синьяка, перешла к манере, близкой В.Ван Гогу (1910-12, пейзажи Москвы, городов Франции и Италии, в которых Я.Тугендхольд ценил слияние «женственно тонкого колоризма с мужской «организованностью» композиции»), а затем к кубизму и беспредметности. Наряду с новейшей французской живописью опиралась на традицию украинского народного искусства, прежде всего в фактурно-цветовом содержании своих работ. Участница выставок русских авангардистов «Звено» (1908), 1-й и 2-й Салоны В.Издебского (1909-10, 1911), «Треугольник» (1910), «Союз молодежи» (1910, 1913-14), «Венок-Стефанос» (1910), «Бубновый валет» (1910-17), «№ 4» (1914), «Трамвай «В» (1915), «Магазин» (1916). Дружила с *Д.Бурлюком, М.Ларионовым, Н.Гончаровой* и др. левыми художниками, но, как вспоминал А.Дейч, «талантливая искательница, скромная и сдержанная, она не любила шумихи и того «успеха скандала», который сопровождал выступления первых русских футуристов». Выставлялась в парижском Салоне независимых (1912-14), на Международной футуристической выставке в Риме (1914, вместе с *А.Архипенко*, О.Розановой и др.).

Познакомившись с А.Таировым, работала с 1915 в московском Камерном театре. Расписала интерьеры театра и выполнила эскиз его занавеса. Исключительный успех выпал на долю

оформленных Э. с «колоссальным творческим напором» (В.Мухина) спектаклей «Фамира Кифаред» И.Анненского (1916) и «Саломея» О.Уайльда (1917). По словам А.Эфроса, первый из них явился «торжественным парадом кубизма», второй, как писала А.Коонен, — одной из лучших работ Э. «по экспрессии, темпераменту, по чувству формы»; изломанные ритмы костюмов соответствовали музыкальному ритму действия, объемные декорации Э. создавали живописную атмосферу, «которой дышало развитие пьесы» (Эфрос).

В декабре 1917 уехала в Киев, в годы гражданской войны жила в Киеве и Одессе. После смерти мужа (летом 1918) вышла замуж в 1920 за московского актера Г.Некрасова. В Москве примкнула к группе конструктивистов, участвовала вместе с А.Родченко, Л.Поповой, А.Весниным и В.Степановой в выставке «5х5=25» (1921), в Первой Русской художественной выставке в Берлине (1922), разрабатывала модели тканей и одежды, в частности, парадной формы Красной армии. Отстаивала согласование формы одежды с требованиями современной жизни (простота, практичность), считала главным в одежде интенсивность цвета как элемент, характеризующий русский народный костюм, подчеркивая, что «ни в коем случае не следует руководствоваться образцами Западной Европы, основанными на идеологии другого порядка». Сотрудничество Э. с Таировым прекратилось после постановки в Камерном театре «Ромео и Джульетты» (1921); как писал Эфрос, причиной «проигрыша» спектакля явилось то, что декорации Э. были «слишком хороши, вернее — роскошны», «ее исконное неистовство... здесь разгулялось». Не был осуществлен ни один из спектаклей Художественного театра, эскизы к которым выполнила в 1920-22 Э.: «Дама-невидимка» П.Кальдерона, «Интермедии» М.Сервантеса, «Смерть Тарелкина» А.Сухово-Кобылина и др. В Государственном театре комедии и драмы Э. оформила спектакль «Товарищ Хлестаков» Д.Смолина, но А.Луначарский раскритиковал ее работу. Выполнила эскизы костюмов к фильму «Аэлита» Я.Протазанова (1923). Участвовала в оформлении павильона «Известий ВЦИК» и «Красной нивы» на 1-й Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке (1923). Много времени уделяла все эти годы преподаванию — в детской рисовальной школе в Одессе (1917-18), в своей студии в Киеве (1918-20), во ВХУТЕМАСе в Москве (1921-22). По словам А.Ахматовой, посвятившей ей стихотворение «Старый портрет» (1910), из школы Э. «вышли все левые художники Киева», в том числе *П.Челищев*, Н.Шифрин, И.Рабинович, А.Тышлер. Оформляла в 1919 вместе со своими учениками Киев ко дню Красной армии и Одессу к 1 Мая, расписывала агитпоезда и агитпароход «Пушкин».

В 1924 Э. участвовала в организации советского павильона на 14-й Международной выставке искусств в Венеции, где экспонировались и ее работы. В декабре того же года поселилась с мужем в Париже, с 1930 жила в парижском пригороде Фонтене-о-Роз. В 1925-30 преподавала в Академии современного искусства Ф.Леже и А.Озанфана и в собственной студии: читала лекции по сценографии и конструированию театрального костюма, вела мастерскую композиции, теории цвета и художественной промышленности, требуя от учеников знания классической литературы — от античности до А.Рембо и посещения, наряду с Лувром, индустриальных выставок. Среди работ этого периода эскизы костюмов для балетных спектаклей *Б.Нижинской* в Лондоне (1925) и Э.Крюгер в Германии (1927-29), марионетки для театра и кино. В 1930 в Париже вышел альбом театральных декораций Э. с предисловием Таирова, отметившего ее возросшее мастерство и постоянно обновляющееся творческое воображение. В 30-40-е она создавала декоративные панно, детские книги по заказу издательства «Фламмарион», «рукописные» книги в нескольких экземплярах, занималась художественной керамикой. Персональные выставки Э. прошли в Берлине, Магдебурге (1927), Лондоне (1928), Париже (1929), Нью-Йорке (1930), Праге (1937). О парижской выставке режиссер Г.Бати писал, что она дает «прекрасное представление о движении, которое, родившись в России, обновило устаревшие драматические формы»; оформленные Э. спектакли «открывали миру чудесный секрет взаимосвязи декораций и персонажей». Работы Э. выставлялись в советском отделе Международной выставки художественно-декоративных искусств в Париже (1925, золотая медаль), в русском отделе выставки «Современное французское искусство» в Москве (1928), в одесском (1926) и киевском (1929) художественных музеях, на Международных выставках театрального искусства в Нью-Йорке (1926), Вене (1936) и Оттаве (1938).

С конца 20-х Э. тяжело болела, в годы 2-й мировой войны испытывала материальную нужду. В 1945 умер Г.Некрасов. До конца жизни она сохраняла советский паспорт, но к искусству в СССР относилась отрицательно, в том числе и к работам своей подруги В.Мухиной, усматривая в них «погоню за модой», «психологию», понимаемую как проявление натурализма. В одном из писем Мухиной писала: «Я бы хотела видеть русских выше всех..., но в ...пластическом искусстве мы жалкие и неумелые

подражатели и всегда ими были...» Большую часть своих работ и архив Э. завещала художнику С.Лиссиму, бывшему киевлянину, проживавшему с 1940 в США. С середины 60-х произведения Э. снова стали экспонироваться — в Милане (1964), Берлине (1967), Париже (1969), Лондоне (1971); мемориальные выставки состоялись в Париже (1972), Нью-Йорке и Западном Берлине (1974).

Лит.: Тугендхольд Я. Александра Экстер как живописец и художник сцены. Берлин, 1922; Таиров А.Я. Записки режиссера. Статьи. М., 1970; Стриженова Т.К. Из истории советского костюма. М., 1972; A.Exster. Exposition (Cat. by A.B.Nakov). Paris, 1972; Александра Экстер. От импрессионизма к конструктивизму: Каталог выставки. М., 1988; Колесников М.М. Александра Экстер и Вера Мухина / Панорама искусств-12. М., 1989; Коваленко Г.Ф. Александра Экстер: Путь художника. Художник и время. М., 1993.

Р.Ильин

ЭЛЛИС (наст. фам. Кобылинский) Лев Львович (2.8.1879, Москва — 17.11.1947, Локарно, Швейцария) — поэт, переводчик, литературный критик. Внебрачный сын педагога, владельца частной гимназии в Москве Льва Ивановича Поливанова и Варвары Петровны Кобылинской. Учился в 7-й московской гимназии, по окончании которой в 1897 поступил на юридический факультет Московского университета; изучал экономику, считал себя марксистом. Получив в 1902 диплом 1-й степени, готовил под руководством профессора И.Озерова диссертацию о министре финансов при Николае I графе Е.Канкрине, но не закончил ее и целиком посвятил себя литературной деятельности. Увлекся Ш.Бодлером, Э.Верхарном, др. французскими и бельгийскими поэтами-символистами, а также Данте. Подружился в конце 1901 — начале 1902 с А.Белым, основал вместе с ним кружок «Аргонавты» (1902-3). В начале XX в. писал стихи в духе раннего символизма: сборник «Иммортели» (М., 1904), «Stigmata» (М., 1910), «Арго» (М., 1914); переводил произведения французских символистов, Данте; разрабатывал теорию символизма (кн. «Русские символисты», 1910). Читал лекции, свои стихи и переводы в московских кружках и салонах у П.Астрова («среды»), С.Танеева («вторники»), Л.Тамбурер, в «Обществе свободной эстетики», в Доме песни. С 1907 по 1909 активно сотрудничал с В.Брюсовым в журнале «Весы». Основал вместе с А.Белым и Э.Метнером издательство «Мусагет» (1910-17), организовал журнал «Труды и дни» (1912-16).

Новым увлечением Э. явилась теософия, антропософское учение Р.Штейнера. В 1909-10 он посещал в Москве теософские кружки К.Христофоровой. 18.9.1911 уехал в Германию, сопровождал Штейнера в лекционных турне. Поселился в Берлине, изучил немецкий язык, на котором в дальнейшем печатал все свои труды, пропагандировал учение Штейнера среди русских литераторов, но в 1912-13 разочаровался в антропософии и обратился к католичеству; свидетельствовавший об этом трактат «Vigilemus!» (1914) стал поводом для разрыва Э. с А.Белым В 1913-14 жил в Дегерлохе, близ Штутгарта вместе с Иоганной ван дер Мойлен (псевд. Intermediarius), также бывшей ученицей Штейнера (из богатой и знатной голландской семьи, умерла в 1959). Период 1-й мировой войны они провели в Италии и Швейцарии, с 1917 — в Базеле, с 1919 и до конца жизни — в Локарно, в горной части города.

Вдохновленный произведениями И. ван дер Мойлен, Э. занимался эзотерикой и космологией, в 20-30-е его интерес привлекала культура Средневековья. В начале 30-х перешел в католичество, регулярно посещал службу в монастыре «Madonna del Sasso». Одна из основных занимавших его проблем — взаимоотношения религии и искусства. Публиковал свои статьи в католических журналах «Westöstlicher Weg», «Theologie der Zeit», «Die Schildgenossen», «Das neue Reich» и в сборниках католического издательства «Matthias-Grünewald-Verlag» («Christi Reich im Osten» и «Ex Oriente»). Переписывался с *Д.Мережковским, Вяч.Ивановым, Н.Лосским.* Стремился познакомить немецкого читателя-католика с культурным наследством православия (иконопись, былины). Выступал за слияние христианских церквей, но в виде присоединения православной церкви к католической. Опубликовал ряд книг и статей о В.Жуковском, А.Пушкине, Н.Гоголе, Вл.Соловьеве, о древнерусской культуре. Перевел на немецкий язык стихи и философские произведения Вл.Соловьева, опубликовав их со своими комментариями (подписывался Dr. Leo Kobilinski-Ellis). Продолжал и в годы эмиграции писать стихи по-русски, но не публиковал их. Умер, по-видимому, от рака. Похоронен на кладбище Св.Антонио в Локарно; могила его не сохранилась.

Соч.: Platon und Solowjew. Die alte Philosophie und die neue Weisheit / W.Solowjew. Das Lebensdrama Platons. Mainz, 1926; Christliche Weisheit. Sapientia divina. Cosmologia perennis. Nach der Lehre des Intermediarius. Per crucem ad rosam. Basel, 1929; W.A.Joukowski. Seine Persönlichkeit, sein Leben und sein Werk. Paderborn, 1933; Die Macht des Weinens und des Lachens. Zur Seelengeschichte Nikolaus Gogols // N.Gogol. Betrachtungen über die göttliche Liturgie. Freiburg, 1938; Alexander Puschkin. Der religiöse Genius Russlands. Olten, 1948.

Лит.: Fedjuschin V.B. Russlands Sehnsucht nach Spiritualität. Theosophie, Anthroposophihe, R.Steiner und die Russen. Eine geistige Wanderschaft. Schaffhausen (Schweiz), 1988; Pepitoni V. Ellis Kobilinskij tra Dante e Marx / Dantismo Russo e cornice Europea. II. Firenze, 1989; Виллих X., Козьменко M.B. Творческий путь Эллиса за рубежом // Изв. Акад. наук. Сер. литературы и языка. 1993, т. 52, № 1.

Арх.: РГИА, ф. 418, оп. 311, 314; РГАЛИ, ф. 575, оп..1, д. 1-66; ОР РГБ, ф. 167, 190, 386.

Х.Виллих

ЭЛЬМАН Миша (Михаил Саулович) (8.1.1891, пос. Тальной, Украина — 5.4.1967, Нью-Йорк) — скрипач. Родился в бедной семье потомственных музыкантов. Рано приобщившись с помощью отца к скрипке, мальчик обнаружил незаурядные способности. Под руководством педагога Одесского музыкального училища Ф.Фидельмана он сделал столь значительные успехи, что в 7 лет выступал с оркестром, исполняя Концерт № 7 Шарля Берио. По совету педагога и с помощью друзей отец на последние гроши повез сына в Елизаветград, где должен был остановиться проездом на гастроли профессор Петербургской консерватории *Л.Ауэр*. Прослушав игру вундеркинда, Ауэр согласился взять его в свой класс и написал композитору А.Глазунову, в то время директору консерватории, письмо с просьбой принять мальчика и похлопотать о стипендии. Так в 1901 Э. попал в Петербург. Поразительные музыкальные способности и огромное трудолюбие мальчика давали Ауэру простор для смелых педагогических экспериментов. Юный скрипач быстро осваивал одно за другим произведения традиционного скрипичного репертуара — концерты М.Бруха, Ф.Мендельсона, Г.Венявского, П.Чайковского. Показав в начале 1904 Э. строгой петербургской публике, Ауэр отправил его в Берлин, где юного виртуоза ждал огромный успех. Когда 13-летний Э. дал 14.10.1904 свой первый концерт в Берлине, публика, среди которой находились прославленные музыканты — Й.Иоахим, А.Никиш, Х.Рихтер — была буквально ошеломлена стихийностью его скрипичного дарования, феноменальным виртуозным мастерством, а главное — необычайным по красоте, певучести и выразительности звуком. Этот округлый, мягкий, мощный, насыщенный экспрессией звук впоследствии так и стали называть — «эльмановский» или «русский» тон. Дальнейшие гастроли по городам Германии, Англии, Франции, Австрии, Скандинавии принесли молодому артисту европейскую славу. В свободное от гастролей время Э. продолжал заниматься с Ауэром, который в одном из писем сообщал своему помощнику по консерватории И.Налбандяну: «Миша еще сделал успехи, техника совсем закончена, тон прелестный, мужественный»; «он поразил меня своим большим, полным тоном и техникой, вообще поразительной».

В 1908 вместе с Петербургским симфоническим оркестром Э. пересек Атлантический океан. Первое же выступление скрипача в США (10.12.1908, исполнил Концерт П.Чайковского) стало сенсацией. По словам критики, такого исполнения в Америке еще не слышали. Знаменитый скрипач Э.Изаи, слышавший этот концерт в исполнении Э. тремя годами позже, писал, что он «играл восхитительно, горячо и технически совершенно. Молодые пальцы, свежесть мысли, благородство выражения — все это придало произведению красоту, о которой я не подозревал. Сколько жизни может дать произведению самобытная интерпретация! В настоящее время он — один из лучших виртуозов. Любя неисчерпаемое богатство воображения, порыв, горячий ритм, я испытываю безграничное наслаждение, слушая скрипку, вибрирующую жизнью». Восхищенный талантом Э., Изаи посвятил ему свою поэму «Экстаз». В Нью-Йорке Э. познакомился со знаменитым итальянским тенором Энрико Карузо; они часто встречались, вместе музицировали. Память об этом замечательном дуэте, где скрипка Э. соревнуется в пении с голосом Карузо, была по просьбе великого итальянца увековечена в ряде грамзаписей («Элегия» Ж.Массне и др.).

С годами концертная деятельность Э. становилась все шире. Ему аплодировали слушатели крупнейших европейских городов, он стал любимцем музыкальной Америки. Э. выступал с крупнейшими симфоническими коллективами, прославленными дирижерами, известными музыкантами-ансамблистами. В 1926 Э. организовал струнный квартет, который достиг высокого художественного мастерства. Слушавший Э. в зените его славы Карл Флеш — выдающийся скрипач и прославленный педагог — в своих воспоминаниях писал: «Главное достоинство его как скрипача заключается в звукоизвлечении, трогающем и подчас даже потрясающем изобилием чувственной эмоциональности, итальянского бельканто... Интонации его чисты, словно колокольный звон, что придает еще большую прелесть его тону... Смычковая техника удовлетворяет даже самым высоким требованиям. Что же касается эмоциональности и темперамента, то здесь нет никаких мертвых точек... Он — точно маленький вулкан, в котором что-то постоянно клокочет». Помимо выразительного звука, в игре скрипача обращал на себя внимание живой, подвижный ритм — то четкий, властный, упругий, то прихотливо из-

менчивый, способный передать тончайшие психологические оттенки музыкальной мысли. Все это составляло основу неповторимого искусства артиста.

Э. очень много работал, постоянно расширяя свой и без того огромный репертуар. С ошеломляющим успехом играл он виртуозную музыку — произведения Н.Паганини, Г.Венявского. Блеском техники, красотой звука, импровизационной свободой отличались в его исполнении «Цыганские напевы» и др. пьесы П.Сарасате, венгерские танцы И.Брамса. Произведения, насыщенные сильными чувствами, романтическими страстями, особенно удавались артисту. Исполнение концертов Чайковского, Брамса, Глазунова, Сибелиуса, сонат Брамса, Франка, Грига захватывало таким слиянием артиста с музыкой, что слушателям казалось, будто скрипач сам творит ее в данную минуту на сцене. Репертуар Э. включал много современной музыки, в том числе Концерт А.Хачатуряна, а также посвященный ему Концерт Б.Мартину. Он сам писал пьесы для скрипки и фортепиано («Романс», «Гондола» и др.). Отыскивая забытые сочинения классиков, артист создавал превосходные транскрипции и аранжировки фортепианных пьес Л.Бетховена, Ф.Шуберта, *С.Рахманинова.* Еще в молодости Э. обратился к обработкам старинных миниатюр, многие из которых и сегодня пользуются большим успехом благодаря мастерству изложения, тонкому ощущению стиля. В 1936-37 Э. сыграл в «Карнеги-холл» в Нью-Йорке цикл концертов «Развитие скрипичной музыки», объединив в 5 программах лучшее из того, что было создано для этого инструмента на протяжении трех веков. До глубокой старости скрипач сохранял поразительную творческую активность: в день своей кончины он готовился в Сан-Франциско к очередному турне. Многочисленные грамзаписи, запечатлевшие вдохновенное искусство Э., занимают достойное место в ряду творческого наследия великих мастеров XX в.

Лит.: Elman S. Memoirs of Mischa Elman's Father. New York, 1933; Carpenter Mc.D. Mischa Elman and Joseph Szigeti. New York, 1955; Applebaum S. Mischa Elman / The Way They Play. Neptune, 1971.

В.Руденко

ЭРЬЗЯ (наст. фам., имя Нефедов Степан Дмитриевич) (27.10.1876, с. Баево, Алатырского у., Симбирской губ. — 24.11.1959, Москва) — скульптор. Из крестьян мордовского племени эрзя. С 14 лет работал в артелях богомазов, изготовляя иконы и расписывая деревенские храмы. В 1900 исполнил в Алатыре, где поселились родители, декорации к любительскому спектаклю и был замечен просвещенными людьми местного общества. В 1901 поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Готовился вначале стать живописцем; затем перешел на скульптурное отделение. Учился у С.Волнухина, однако наибольшее влияние на его становление оказал *П.Трубецкой.*

В 1906 отправился в Италию. Принял псевдоним «Эрьзя», желая утвердить имя своего народа в мировой семье человечества. Быстро овладел навыками обработки мрамора, рубил свои вещи прямо в камне, без подготовительных эскизов и моделей и без помощи ремесленников, которые, как правило, переводили замыслы скульпторов в материал. Статуя Иоанна Крестителя для храма города Специя сделала его имя известным в профессиональных кругах. Доминировала в его искусстве религиозная тематика. Распятия, страдающий Христос были основными темами создаваемых им голов и фигур. В 1909 на 8-й биеннале в Венеции была показана композиция «Последняя ночь осужденного перед казнью» (бетон, не сохранилась); высокий внутренний накал работы, страстность исполнения дали критикам основание окрестить Э. «русским Роденом».

В 1910 переехал во Францию. Благодаря триумфам на выставках в Венеции, Милане, Ницце, Мюнхене произведения Э. были закуплены музеем Ниццы, частными коллекционерами. В 1913 в Париже состоялась его первая персональная выставка. Значительный коммерческий доход давали Э. портреты, которые он делал с невероятной быстротой; лучшие из них — «Портрет Марты» (1912, цемент), «Автопортрет» (1912, бронза), «Норвежская женщина» (1914, гипс) и др.

Весной 1914 возвратился в Россию по приглашению городских властей Алатыря, предложивших ему создать музей, но с началом 1-й мировой войны был призван в армию. Служил санитаром в одном из московских военных госпиталей, не оставляя занятий скульптурой: «Балерина С.В.Федорова 2-я» (1915, мрамор); «Эрзянка» (1915, бетон); «Калипсо» (1917, мрамор). Мраморные изваяния, созданные в 1917-19, демонстрировали непревзойденное владение Э. этим материалом. После Октябрьской революции уехал на Урал, надеясь найти породы мрамора, не уступавшие каррарскому. В Екатеринбурге преподавал в созданной им художественной школе (1918-20). Недолго работал в Москве, затем на юге (в Геленджике на его руках умер Волнухин), в Батуми и Баку (1921-25), где также преподавал и участвовал в художественных начинаниях новой власти. Впервые обратился к дереву; портреты Руста-

вели, Церетели и И.Чавчавадзе утеряны, но об их стилистике можно судить по уцелевшим работам «Летящий», «Материнство», «Леда и лебедь» (все — 1922).

С декабря 1925 снова в Москве, поселился в мастерской уехавшего из СССР *С.Коненкова*. Участвовал в деятельности Общества русских скульпторов. При содействии А.Луначарского, который предложил Э. показать свои новые работы в Европе, организовал в 1926 персональную выставку в Париже, но произведения его на этот раз успеха не имели. Т.к. французские власти отказались продлить визу, а в другие европейские страны «красного скульптора» не пускали, Э. направился в 1927 в Аргентину. Обрел здесь свой любимый материал, с которым неразрывно связано его имя, — древесину экзотических квебрахо и альгарробо, не уступавшую по твердости камню; добился поистине ювелирной их обработки, используя наросты, наплывы и корни, соединяя нужные куски клеем собственного изобретения. Лучшие работы: двухметровый «Моисей» (1932), в котором было более 200 вклеенных кусков; «Ужас» (1933); «Пламенный» (1934); «Аргентинка» (1941).

Э. одиноко жил в двухэтажном домике на окраине Буэнос-Айреса, регулярно экспонировал работы на аргентинских выставках. В 1927, 1928, 1930, 1931, 1934, 1945 в Буэнос-Айресе были проведены его персональные выставки. На все лестные предложения продать работы скульптор отвечал отказом, поскольку не терял надежды увидеть когда-нибудь свой музей. Стремление Э. вернуться на родину поддержал советский посол в Аргентине, и в 1950 зафрахтованный советским правительством корабль привез вместе с самим мастером более 300 скульптур, а также множество заготовок — пней и чурбанов квебрахо и альгарробо для будущих произведений. Последние годы жизни Э. прошли в Москве. В 1954 состоялась персональная выставка, имевшая большой успех у зрителей, но официальные художественные круги его не признали. Мраморное надгробие на могиле Э. исполнено давним другом Коненковым.

Лит.: Полевой Б.Н. С.Эрьзя. Саранск, 1961; Сутеев Г. Скульптор Эрьзя. Саранск, 1968; Воспоминания о скульпторе С.Д.Эрьзе. Саранск, 1972; Сергеев А. Портреты // Нов. мир, 1993, № 7.

А.Шатских

Ю

ЮРЬЕВСКАЯ (наст. фам. Ленкина) Зинаида (1896, Дерпт — 3.8.1925, Андерматт, Швейцария) — артистка оперы, концертная певица (сопрано). Юрьевская — артистический псевдоним, взят по старинному русскому наименованию родного города певицы Тарту (Юрьев). О начале жизненного и творческого пути певицы известно очень немногое. Она училась у профессора М.Маломаа, авторитетного педагога, начало ее артистической деятельности связано с Петроградом. Ее дебют состоялся в Мариинском театре 17.5.1921 в партии Ольги в «Псковитянке» Н.Римского-Корсакова (в спектакле участвовал *Ф.Шаляпин*). Спустя 3 дня Ю. вновь оказалась на одной сцене с Шаляпиным, выступая в концерте в Большом зале филармонии. Это свидетельствует о том, что молодая дебютантка к тому времени бесспорно признавалась за большую певицу. Вскоре Ю. выехала в Германию и получила возможность выступать на сцене Государственной оперы в Берлине. В 1922 она исполнила партию Шемаханской царицы в «Золотом петушке» Римского-Корсакова и стала солисткой столичного театра. Возглавлял Государственную оперу в то время один из крупнейших дирижеров Европы Эрих Клайбер. Сразу оценив дарование Ю., ее творческие возможности, он доверил ей ряд ответственных партий. В течение одного сезона Ю. из дебютантки превратилась в ведущую солистку. Ее репертуар складывался из партий в итальянских, немецких и русских операх. В 1924 Ю. была поручена заглавная партия в лучшей опере чешского композитора Леоша Яначека «Енуфа». Вспоминая свои берлинские гастроли, знаменитый итальянский тенор Беньямино Джильи из всех партнеров, певших с ним тогда, называет только Ю., с которой он выступал в «Богеме» Дж.Пуччини. В 1925 Ю. проводила свой отпуск в Швейцарии и погибла по время экскурсии в горах — попала под внезапно обрушившийся обвал.

Граммофонные записи Ю. немногочисленны, но в полной мере подтверждают ее высокую артистическую репутацию. На рубеже 1924-25 ее голос записывали авторитетные граммофонные производства «Homocord», «Parlophon», «Polydor», сотрудничавшие с видными артистами Германии. Ю. записаны арии из опер К.Глюка, В.Моцарта, Пуччини, Яначека, Римского-Корсакова, П.Чайковского. Ее голос — лирическое сопрано светлого, «элегического» тембра. Необычайно естественны, органичны и благородны в своей простоте и вокальная, и музыкальная стороны интерпретаций. Возвышенная классическая ясность — Ифигения («Ифигения в Тавриде» Глюка), чистота и гармония — моцартовская Памина («Волшебная флейта»), поэтичная Снегурочка в одноименной опере Римского-Корсакова — вот некоторые из них. В 1970-х австрийское производство грампластинок «Preiser», специализирующееся на реконструкции записей выдающихся певцов прошлых лет, выпустило пластинку, включавшую почти все немногочисленные записи Ю. (кроме русских арий). Практически все записи Ю. в виде копий хранятся в фонде фирмы «Мелодия».

Лит.: Kutsch J., Riemens L. Unvergängliche Stimmen. Sängerlexicon. Bern-München, 1975.

П.Н.

ЮРКЕВИЧ Владимир Иванович (1885, Москва — 13.12.1964, Нью-Йорк) — инженер-кораблестроитель. Образование получил на кораблестроительном отделении Петербургского политехнического института (1903-9). Трудовую деятельность начал в Кронштадтском порту в должности корабельного инженера. Вскоре Ю. был направлен в Ревель, где занимался проектированием морских судов, в частности, подводных лодок. Затем молодому инженеру предложили занять ответственную должность руководителя отделения Балтийского завода в Николаеве. Находясь при этом на действительной воинской службе, Ю. получил в 1914 чин штабс-капитана. Активно содействовал организации в Петербурге в 1915 Союза морских инженеров; стал секретарем Союза. Привлеченный перед 1-й мировой войной в отдел кораблестроения морского генерального штаба, Ю. был в числе авторов проектов 4 супердредноутов: «Бородино», «Кинбурн», «Измаил» и «Наварин». В процессе разработки им были предложены новые линии обводов для корпуса корабля, что дало отличные результаты при макетных испытаниях. Начавшаяся революция помешала строительству кораблей. Заслуги Ю. были отме-

чены орденами Св.Станислава 1-й степени (1913) и Св.Анны 3-й степени (1915).

После Октябрьской революции Ю. покинул Россию. Преодолев обычный для белых офицеров маршрут (Крым — Черное море — Турция), он в конце концов добрался до Парижа. С трудом, после продолжительных поисков, получил место чертежника на автомобильном заводе Рено. Со временем появилась возможность вернуться к работе по судостроительной специальности. Благодаря рекомендации адмирала Погуляева Ю. познакомился с директором верфей Пенхоэт — Фульдом. Русский инженер включился в разработку проекта большого пассажирского океанского лайнера для трансатлантических маршрутов — предложил оригинальный профиль корпуса корабля, имевший своеобразные «бульбообразные» обводы. Опытные испытания модели в гамбургском бассейне подтвердили высокие ходовые качества конструкции. Из более чем 20 представленных вариантов проект Ю. оказался лучшим и был положен в основу при создании парохода «Нормандия». Построенный в конце 20-х — начале 30-х, этот лайнер стал одним из самых больших (водоизмещение 83400 т), быстроходных и комфортабельных судов. После первого рейса в 1935 лайнер стал обладателем приза «Голубая лента Атлантики», установив рекорды наименьшей продолжительности перехода и наивысшей средней скорости. Несмотря на шумный успех парохода «Нормандия», имя автора важнейших расчетов конструкции осталось по существу в тени. Не находя новых интересных предложений в Европе, Ю. в 1937 уехал в Америку. С 1940 работал техническим консультантом Управления морского флота США. В 1941 принял американское гражданство. В США Ю. провел последний период своей жизни.

В.Борисов

ЮШКЕВИЧ Семен Соломонович (25.12.1868 [1869 — ?)], Одесса — 12.11.1927, Париж) — прозаик, драматург. Из семьи еврея-торговца. Окончил 5 классов гимназии в Одессе, служил в аптеках. В Париже учился на медицинском факультете университета (сдал экзамены в 1902). Печататься начал в «Одесском листке». Литературный дебют Ю. — рассказ «Портной» (1897) — положительно оценил В.Короленко. Известность Ю. принесла автобиографическая повесть «Распад» (М., 1902) — о крушении патриархального уклада жизни местечкового еврейства. Сотрудничая в сборниках «Знание», Ю. зарекомендовал себя как бытописатель жизни в «черте оседлости». В 1903-8 в издательстве «Знание» вышло собрание сочинений Ю. в 5-ти томах, в 1914-18 — полное собрание сочинений (т. 1-15).

Наряду с прозой Ю. писал в 1900-6 пьесы: «Чужая», «Голод», «Деньги», «Король». Пьесу «В городе» (1905) поставил В.Мейерхольд, другие постановки успеха не имели, а спектакль Художественного театра «Miserere» (1909) вызвал протесты еврейской общественности. По отзыву К.Чуковского, Ю. — «певец горя человеческого... Он обнаружил большое знание еврейского быта», но в некоторых рассказах «банален... и равнодушен в изображении персонажей». *В.Ходасевич* также писал о произведениях Ю. раннего периода («Хаимка и Иоська», «Распад», «Кабатчик Гейман», «Невинные», «Евреи» и др.), что «все это в сущности вариации одной главной темы о невероятных человеческих страданиях, темы о людях, замученных нищетой, голодом, побоями, злобой, развратом, непосильным трудом». В пьесе «Мендель Спивак» (1907-18) Ю. впервые обрисовал представителя еврейского пролетариата. После 1907 в прозе и драматургии Ю. появляется еврейская буржуазия, осваиваются сатира и гротеск («Комедия Брака», 1911; «Бес», «Человек воздуха», «Повесть о господине Санькине», 1916). В 1908 издана 1-я часть романа «Леон Дрей», законченного в эмиграции.

В 1918-19 Ю. работал редактором в Одессе; в Бессарабском издательстве вышел «Южный альманах» с его произведениями и под его редакцией. В 1920 эмигрировал в Румынию, затем во Францию. В 1921 выезжал в США, но вскоре возвратился в Европу, жил в Германии (Вормс), в окрестностях Парижа. Сотрудничал в журналах «Воля России», «Современные записки», «Звено». В Берлине в 1922 вышел роман Ю. «Леон Дрей»; тираж его был скуплен Союзом христианской молодежи и сожжен, негативное отношение вызвал он и в др. кругах эмиграции, главным образом, из-за одиозности героя — современного аналога Хлестакова. По словам Ходасевича, он — «ничтожество, дрянь, пустышка, выскочка ...пошляк, развязный и наглый враль, ...путем беззастенчивой лжи, безграничного себялюбия... при полном отсутствии нравственных издержек ...со сверхестественной легкостью становится центром, вокруг которого все вращалось... Хам, оценивший свои силы, переступает через все». В Берлине Ю. издал также пьесу «Похождение Леона Дрея». Отпрыском Леона Дрея назвала критика героя юмористического рассказа «Дудька» — мелкого торгаша, который в 1917 кричал «Ура!», «Долой!», а в 1918 стремился

«сделать миллион», главным образом, в своем воображении.

Книга «Эпизоды» (Берлин, 1923) — зарисовки судеб евреев-дельцов, разбогатевших в годы революции, описание реквизиций, заложничества, грабежей, бегства за границу. В предисловии к одному из изданий (М.-Л., 1926) Л.Авербах писал: «Эта книга о нашем враге и это книга, врагом написанная о находившихся по ту сторону баррикад... У них вместо разума страх, трусливый трепет... Его персонажи кажутся карикатурами». Иначе оценила «Эпизоды» эмигрантская критика. По мнению А.Бахраха, это «в глубокой сути своей книга подлинно трагическая и горькая, лишь написанная в ключе юмора».

Среди зарубежных произведений Ю. сборник «Автомобиль и другие рассказы» (1922), *«Улица»* (1924), *«Голубиное царство»* (1923), пьесы «Облака. Четыре картины», «Семья», повесть «Вышла из круга» (Париж, 1921). Спектакли по пьесам Ю. ставились в Париже, Нью-Йорке, Берлине, Вене. Посмертно были изданы книги «Одинокие» (1929) и сборник рассказов «Семь дней» (1933). Действие их Ю. перенес в русскую среду, отказавшись от гротеска, рассматривая «тему случая» в жизни. Рассказы из книги «Посмертные произведения» (Париж, 1927) получили невысокую оценку *Ю.Айхенвальда*. *М.Осоргин* согласился с тем, что Ю. был не «писателем еврейского происхождения», а «русским писателем, писателем русской литературы», вводившим в нее простого еврея — живого человека. В свое творчество, писал Ст.Иванович, Ю. вложил «еврейскую душу, еврейское сердце, еврейские нервы и еврейский ум». По словам *П.Милюкова*, это было «служение русской литературе», писатель «дал понять и почувствовать жизнь еврейского народа».

Лит.: Зайцев Б. С.С.Юшкевич (1869-1927) // СЗ. 1927, № 31; Памяти С.С.Юшкевича // Звено. 1927, 20 февр. (№ 212); Алексеев А.Д. Литература русского зарубежья. Книги 1917-1940. Материалы к библиографии. СПб., 1992.

Е.Трущенко

Я

ЯВЛЕНСКИЙ Алексей Георгиевич (1864, близ Торжка, Тверской губ. — 15.3.1941, Висбаден, Германия) — художник. Из дворянской семьи. Ранние годы провел в Белоруссии, в имении отца. Воспитывался с 1874 во 2-м кадетском корпусе в Москве. В 1885-87 учился в Александровском военном училище. По окончании его служил в 7-м гренадерском полку, с 1890 — в Кронштадтском крепостном пехотном батальоне; последний воинский чин — штабс-капитан. В 1896 вышел в отставку, отказавшись от военной карьеры.

Интерес к живописи возник у Я. в 1880; он часто посещал выставки и музеи, в особенности Третьяковскую галерею. В 1890 поступил в Академию художеств, в класс И.Репина. Познакомился там с М.Веревкиной; неудовлетворенный академической системой преподавания, с 1893 работал в ее мастерской. Вместе с ней учился в 1896-98 в «немецких Афинах» — Мюнхене, в школе А.Ашбе. В 1897 посетил Венецию. Увлеченно писал натюрморты и пейзажи, добиваясь цветовой гармонии, в основном используя темные тона. После пребывания в 1905 во Франции пейзажи Я. стали превращаться в цветовые композиции; «цвета горят, — писал он, — передавая жар души». 10 работ Я. (пейзажи Бретани) были представлены в 1906 на Осеннем салоне в Париже, на выставке русского искусства, организованной *С.Дягилевым*. О своих произведениях сам Я. писал в это время: «Мое искусство небольшое, наверное, но оно искреннее, нервное и красивое». Во Франции Я. посещал мастерскую А.Матисса, был дружен с Э.Веркаде, последователем П.Гогена, который познакомил его с произведениями группы «Наби». Вернувшись в Германию, жил и работал в Мурнау, близ Мюнхена, где переосмысливал французские впечатления и делился новыми идеями с М.Веревкиной, *В.Кандинским* (который позднее называл Я. своим учителем), Г.Мюнтер. Вместе с Кандинским играл ведущую роль в создании «Нового художественного общества — Мюнхен», организовавшего в 1909-12 три интернациональные выставки современного искусства; вице-президент общества, с 1911 — президент. В 1911 создал серию «голов», заполняя почти квадратные по формату холсты изображением лиц, фокусируя зрительское внимание на выражении их глаз; считал, что в головах нашел, наконец, свою форму и цветовое решение, стремясь к синтезу своих впечатлений и ощущений. «Я выкидываю все частности, все детали, — писал Я., — чтобы как можно яснее выразить суть моей задачи. И если я утрирую и формирую, то только для того, чтобы подчеркнуть каждый раз главный мотив моей эмоции». Участник выставок объединения «Буря» (Берлин, 1912), входил в объединение «Голубой всадник». Персональные выставки Я. состоялись в Бремене (1911) и Мюнхене (1912 и 1913). В России картины Я. экспонировались на выставках нового общества художников (1905), «Союза русских художников» (1906, 1907), «Мира искусства» (1906), «Венок-Стефанос» (1909), «Бубновый валет» (1910-11) и др. Последний раз был в России в 1914.

В связи с началом 1-й мировой войны Я. переехал в Швейцарию, в селение Сант-Пре (кантон Во), где в крошечной мастерской с одним окном написал около 100 пейзажных вариаций, получая, по его словам, «вдохновенье от состояния в природе и моей собственной души». Переехав в 1917 в Цюрих, в 1918 — в Аском, а затем в 1921 в Висбаден, продолжал создавать серии с изображением лиц в различных вариациях: серии «мистических» и «святых» голов, в основном, женских, где появился новый религиозный оттенок звучания; серия «медитация» («Терновый венец», 1918; «Молитва», 1922; «Поэзия утра», 1930; «Аврора», 1931). В дальнейшем написал ряд «абстрактных голов», отличавшихся чистотой форм, геометрической ясностью и точностью. В 1922, после разрыва с Веревкиной, женился на Е.Незнакомовой; их сын — А.Незнакомов-Явленский, также стал художником.

В 1924 вместе с П.Клее, Л.Фейнингером и Кандинским вошел в группу «Четверо синих»; выставки группы, организованные Эммой Шеер, проводились в различных городах Германии (с 1920) и США (1936-43). Среди работ 30-х — «Мечтание» (1934), «Тибетский пророк» (1936), «Христос воскрес» (1937). После прихода в Германии к власти нацистов произведения Я. были там отнесены к «дегенеративному искусству» и запрещены. В последние годы жизни Я. тяжело болел (болезнь суставов), но продолжал писать небольшие по формату картины с «магическим звучанием» красок. Мемо-

риальные выставки Я. состоялись после войны в Европе и США.

Лит.: Alexey Jawlensky. Catalogue. Locarno. 1989; Jawlensky M., Jawlensky L., Jawlensky A. Alexey von Jawlensky: Catalogue Raisonne of the Oil Paintings, vol. 1-2. München, 1991-92; Соколовский В. Алексей Явленский // Творчество, 1991, № 8.

Н.Автономова

ЯКОБСОН Роман Осипович (11.10.1896, Москва — 18.7.1982, Кембридж, шт. Массачусетс) — языковед, литературовед. Учился в гимназии при Лазаревском институте восточных языков (1906-14), испытал воздействие фольклористических интерсов Вс.Миллера, бывшего в ту пору директором института. В гимназические годы Я. начал собирать московский городской фольклор, сблизился с художниками-экспериментаторами П.Филоновым, К.Малевичем и В.Хлебниковым, с которым обсуждал внутренние законы русских сектантских глоссолалий, записанных в XVIII в., и магические русские народные заклинания. Исследовал соотношение между звуками и значением на примере французского поэта-символиста Ст.Малларме. Под воздействием одного из своих учителей — этнографа В.Богданова, Я. составил списки различных значений каждого падежа, что позднее нашло отражение в работах об общих значениях русских падежей.

В 1914 Я. поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Московского университета. В 1915 возглавил Московский лингвистический кружок, на заседании которого сделал свой первый научный доклад — «Влияние народной словесности на Тредиаковского». Кружок, в работе которого принимали участие В.Маяковский, Б.Пастернак, О.Мандельштам, занимался вопросами поэтики, метрики, фольклора. В том же 1915 получил Буслаевскую премию в Московском университете. Я. принимал активное участие в деятельности ОПОЯЗ'а (Общества по изучению поэтического языка), созданного в 1916 в Петрограде. Членами Общества были также Ю.Тынянов, В.Шкловский, Б.Эйхенбаум. Книга Я. «О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским» (Прага, 1925) была одной из первых монографий, изданных ОПОЯЗом. Работал в Московском университете (1918-20).

В 1921 Я. выехал в Прагу в составе постпредства РСФСР и не вернулся. Дружил с В.Незвалом, В.Ванчурой и др. чешскими писателями. Входил в Пражский лингвистический кружок (создан 6.10.1926), в котором участвовали С.Карцевский, П.Богатырев, *Н.Трубецкой*, чешские лингвисты В.Матезиус, Б.Трнка, Б.Гавранек. Был профессором университета Масарика (1933-39).

После оккупации Чехословакии для Я. наступили годы вынужденных странствий. В 1939-41 был приглашенным профессором в университетах Копенгагена, Осло, Упсалы. В Дании сотрудничал с М.Ельмслевым и др. датскими членами Копенгагенского лингвистического кружка. В Норвегии в 1939 завязалась тесная дружба Я. с А.Соммерфельтом, специалистом по общему языкознанию и кельтологии. В Швеции Я. встречался с выдающимися финноугроведами В.Штейницем и Я.Лотцем, с которым написал совместную работу об аксиоматике мордовского стиха, дающего образец использования фонологических идей в стиховедении. Работал над изучением нивхского языка.

4.6.1941 Я. прибыл в Нью-Йорк, где в 1942-49 работал в Вольной школе высших исследований, созданной французскими и бельгийскими эмигрантами. Познакомился с К.Леви-Строссом, который писал, что Я. излагал свои новаторские взгляды «с тем бесподобным искусством, которое делает из него наиболее блестящего профессора и докладчика, какого мне когда-либо приходилось слышать». В 1946-49 Я. работал профессором славянских языков и литературы и общей лингвистики в Колумбийском университете. С 1949 по 1967 преподавал в Гарвардском университете. С 1957 Я. одновременно работал в Массачусетском технологическом институте, вел совместный семинар с Н.Бором, стремился к установлению широких связей с др. науками. С 1956 Я. почти ежегодно приезжал в СССР, принимал участие в научных съездах в Москве, Ленинграде, Тбилиси.

В 1957 Я. вышел на пенсию, но продолжал активно работать приглашенным профессором в университетах США (Йельский, 1967; Принстонский, 1968; Браунский, 1969-70; Нью-Йоркский, 1973), Токио (1967), Парижа (1972). Стал членом Британской и Финской академий. Получил 5 международных наград, являлся членом многих научных обществ.

Работы Я. отличает широкий диапазон: от трудов по теоретической лингвистике, славянской и общей фонологии, сравнительному анализу грамматических категорий, детскому языку, речевым повреждениям — до изучения поэтики: стиховедения, метрики, языковых традиций. В области литературоведения Я. принадлежат работы по раннеславянской поэзии, «Слову о полку Игореве», «Задонщине», о А.Пушкине, А.Радищеве, А.Блоке, В.Хлебникове, Б.Пастернаке, В.Маяковском, а также о Данте, Шекспире, Блейке, Бодлере, Брехте и др.

Новизна работ Я. как лингвиста-фонолога заключалась в исследовании звуков с точки зрения их функций. Идея двойного противопо-

ставления в фонологии высказана в докладе Пражскому лингвистическому кружку 23.3.1938. Типологическая точка зрения в историческом языкознании представлена в сообщении Нью-Йоркскому лингвистическому кружку в 1949, докладе на 7-м международном лингвистическом съезде в Осло. С именем Я. связан опыт перенесения структурных принципов в область морфологии.

В последние десятилетия жизни важной областью исследования Я. было изучение того, как грамматические значения и выражающие их формы используются в поэзии. Я. наметил шесть основных функций языка, опираясь на общую модель акта коммуникации, и определил место поэтического языка. «Язык не сводим ни к одной из отдельно взятых его функций, среди которых эстетическая — одна из самых важных и неотъемлемых. Тем самым для сравнительного изучения славянских литератур наиболее естественно было бы сосредоточиться в первую очередь на тех элементах художественного творчества, которые наиболее тесно связаны с языком». Я. предложил новое понимание языковой поэзии (в работах о Хлебникове и Маяковском).

В конце 20-х вместе с П.Богатыревым Я. наметил общие черты, объединяющие лингвистику и фольклористику. С 30-х занимался восстановлением исходных форм славянского народного стиха на основании сопоставления архаичных южнославянских форм с северновеликорусскими. Я. соединял лингвистические исследования с изучением мифологии славянских и др. индоевропейских народов. Я. был постоянным участником симпозиумов по семиотике (международный семиотический симпозиум в Варшаве, авг. 1965; летняя школа по семиотике в Кяярику (под Тарту), июль 1966). Я. интересовали контакты лингвистики с биологическими науками. Афазиологические труды Я. поднимают проблемы соотношения языка и мозга в целом. Исследуя проблемы, пограничные между лингвистикой и психиатрией, Я. опирался на поэтическое творчество Ф.Гёльдерлина, который после заболевания шизофренией писал стихи, существенно отличавшиеся от предшествующих.

Объединяющим началом статей Я. по литературоведению служит структурный метод анализа, который дает ему возможность сосредоточиться на проблеме «литературности» произведений, т.е. на его внутренних, имманентных чертах, отличающих художественное произведение словесного искусства от иных дискурсов. Момент оценки и внелитературные факторы произведения отступают на задний план, что и отличает структурный метод от традиционного литературоведения. Последние исследования Я. связаны с изучением языка и бессознательного.

Я. вел большую редакторскую и переводческую работу. Совместно с А.Бемом редактировал 4-томное «Юбилейное издание избранных сочинений А.С.Пушкина» на чешском языке (Прага, 1936-38). Он одним из первых обратил внимание на связь переводческой проблематики с коренными вопросами общего языкознания. Большое значение придавал основной проблеме перевода — эквивалентности, в которой усматривал кардинальную задачу языка в целом. Большинство работ Я. первоначально выходило в журналах и сборниках и только после международного конгресса лингвистов, организованного в 1962 Гарвардским университетом и Массачусетским технологическим институтом, вышли три тома его избранных сочинений (1962, 1971). 60-летие Я. было отмечено томом «For Roman Jakobson» (Гаага, 1956). К 70-летию Я. коллеги и ученики выпустили 3-томное издание «To honor Roman Jakobson» (Гаага-Париж, 1967), в котором приняли участие ученые из 13 стран. Библиографический указатель работ Я. включает свыше 500 названий.

Соч.: Новейшая русская поэзия: Набросок первый. В.Хлебников. Прага, 1921; Славянская филология в России за годы войны и революции. Берлин, 1923 (совм. с П.Богатыревым); Selected Writings. s'Gravenhage, 1962; Избр. работы. Предисл. Вяч.Вс.Иванова. М., 1985.

Лит.: Станкевич Э. Роман Якобсон [Некролог] // НЖ, 1982, № 148; Language, Poetry and Poetics. The Generation of the First Roman Jakobson Colloquium, of the Massachusetts Institute of Technology. Oct. 5-6, 1984. Berlin-New York-Amsterdam, 1987; Rudy S. Roman Yakobson, 1896-1982: A Complete Bibl. of his Writings. Berlin-New Jork, 1990.

Е.Цурганова

ЯКОВЛЕВ Александр Евгеньевич (13.6.1887, Петербург — 12.5.1938, Париж) — живописец, график, монументалист, сценограф, педагог. Родился в семье морского офицера. Рано обнаружил любовь к рисованию и после окончания гимназии К.Мая в 1904 поступил в Высшее художественное училище при петербургской Академии художеств. С 1907 вместе с *В.Шухаевым*, пожизненным другом, Я. учился в мастерской Д.Кардовского в Академии художеств, став приверженцем его школы реализма. «Он выбрал принципы академической живописи... За ней стоял авторитет строгой, серьезной школы, чудились тени великих мастеров прошлого», — писали критики о раннем творчестве Я. Для него на долгие годы основной стала работа с натуры. Вместе с тем Я. стремился выйти за рамки «неоакадемизма», насаждавшегося Кардовским, в реализме он искал своих реше-

ний, что дало основание Э.Голлербаху отметить: «Во всех произведениях Я. академическая крепость рисунка сочетается с оригинальной стилизацией; в творчестве его нашел выражение особый графический уклон живописи, отмеченный замечательной четкостью линий и твердой моделировкой формы». Одновременно в годы учебы, проводя вместе с сокурсниками лето в селе Бармино на Волге, Я. исполнил серию портретов и этюдов в типично импрессионистской манере, правда, не закрепившейся у него. Творческий поиск привел его, как и Шухаева, к пониманию больших возможностей мало освоенных в России техник сангины и темперы, которые он постигал в мастерской техники и технологии живописи под руководством профессора Д.Киплика. В те же годы в мастерской Кардовского Я. овладевал приемами *театрально-декоративного искусства*. В 1910-е много занимался графикой, его карикатуры печатались в журналах «Сатирикон», «Новый Сатирикон», иллюстрации — в «Ниве» и «Аполлоне». Участвовал в выставках Академии художеств, Союза русских художников (член Союза с 1911), «Мира искусства» (член этого объединения с 1913) и др. Картина Я. «На академической даче», выставленная на Балтийской выставке в Мальмё (1912), вызвала восторженные отклики, в частности, *А.Бенуа*, который до последних дней жизни Я. внимательно следил за его творчеством.

В 1913 Я. окончил курс Академии художеств, получив звание «художника» за картины «В бане» и «Купание» и возможность стажировки за границей. В январе 1914 вместе с Шухаевым выехал в Италию, провел за границей полтора года, кроме Италии посетив Испанию и остров Майорку. В 1915 вернулся в Петербург и в том же году на выставке «Мир искусства» показал выполненные за границей работы маслом и сангиной. «Музейный», «антикварный» стиль работ Я., выработанный под впечатлением от живописи итальянского Возрождения, вызвал одобрение части критиков, заговоривших о «неоклассицизме» Я., другая часть осудила Я. за «манерность» и «эклектизм». Совет Академии художеств продлил заграничную стажировку Я., однако начавшаяся 1-я мировая война нарушила планы. С 1916-17 Я. всерьез осваивал монументальную живопись: вместе с Шухаевым выполнил роспись плафона «Девять муз» в особняке Фирсановой в Москве. По инициативе А.Щусева разрабатывал (при участии Шухаева) проект росписи зала ожидания Казанского вокзала в Москве и церкви Николая Мирликийского в итальянском городе Бари (для этого выезжал с Шухаевым в Ферапонтов монастырь, где копировал фрески Дионисия). Участие в объединении «Мир искусства» не удовлетворяло Я., и в 1917 вместе с Кардовским и Шухаевым он учредил «Цех живописцев Святого Луки» с целью передачи «подмастерьям» опыта классического искусства; преподавал рисунок в Новой художественной мастерской, Институте истории искусств, на Женских курсах Е.Богаевой. В 1917 Я. был командирован Академией художеств в Китай; провел в Китае, Монголии и Японии несколько лет, изучая культуру этих стран (особенно театр), создав несколько сотен рисунков и картин; они были выставлены в галерее Барбизанж в Париже, куда в 1919 перебрался Я. В 1922 издатель Люсьен Вожель, поддерживавший художников-эмигрантов, выпустил альбом репродукций с выставки, утвердивший славу Я. — «одного из самых уникальных и значительных художников XX века».

Парижский период деятельности Я. — необычайно многообразный и плодотворный; Я. работал интенсивно и феноменально быстро. Он участвовал во многих европейских и американских выставках, в том числе в выставке живописи, организованной Институтом Карнеги в Питсбурге (1924), принесшей ему известность в США. В 1924-25 участвовал в рекламной экспедиции по Африке, организованной французской автомобильной фирмой «Ситроен» («Черный рейс»), создал там сотни рисунков и картин, выставленных в галерее Шарпантье (1926). Выставка стала сенсанцией, Л.Вожель выпустил новый альбом работ Я., а в 1927 за картины о жизни африканского континента Я. был награжден орденом Почетного легиона. После поездки в 1928-29 в Италию (острова Сицилия и Капри, Геркуланум, Помпеи) Я. создал серию широкоформатных полотен в стиле помпейской живописи на сюжеты греческих мифов. В те же годы Я. не прекращал занятий фресковой живописью (внутренние росписи концертного зала частного дома на улице Перголез в Париже — совместно с Шухаевым); иллюстрировал для парижских издательств книги о японском и китайском театрах. Помимо частных заказов (например, большая серия портретов деятелей балетного театра), Я. писал декорации для парижских театров, выполнил стенные панно для ресторана «Лань», расписывал зал гостиницы «Князь Юсупов» и купол Оперы *Иды Рубинштейн* в Париже. В 1931-32 участвовал во второй экспедиции фирмы «Ситроен» по странам Азии («Желтый рейс»). Результатом поездки стала новая выставка в галерее Шарпантье (1933), прошедшая с неменьшим успехом, что и предыдущая.

В 1928 состоялась единственная выставка работ Я. в Ленинграде после его отъезда из России. Выставлялись, главным образом, репродукции Л.Вожеля и картины из Русского музея.

Выставка получила очень высокую оценку. Искусствовед В.Воинов сравнивал рисунки Я. с рисунками Гольбейна и Энгра. Э.Голлербах писал о Я.: «Мастер, обладающий исключительной зоркостью глаза... Утонченная техника старых мастеров сочетается с большой психологической выразительностью».

В последнее десятилетие жизни Я. испытывал определенное влияние современных французских художников, с которыми его связывали дружеские отношения (особенно с Сегонзаком, одним из вождей новой парижской школы). Свой огромный арсенал графической техники он сочетал с чисто живописными задачами, подчиненными цвету; искусство Я. становилось синтетическим. В 1935 он был приглашен в Бостон, где преподавал живопись и рисунок в школе при Музее изящных искусств. Совершил поездки по США и Мексике. В 1937 возвратился в Париж и умер на гребне популярности и славы, после операции на запущенной опухоли. Посмертные выставки работ Я. прошли в 1939 в Нью-Йорке и Сан-Франциско. В некрологе А.Бенуа писал: «Творчество Я. колоссально, но оно до сих пор не оценено по достоинству... Таких, как он, вообще не судят: их принимают от Провидения такими, какими они созданы для нашего же счастья и радости».

Вторично признание пришло к Я. посмертно в 1960-70-е. Ретроспективные выставки его работ прошли сначала во Франции (1965, 1967), в США (1972), затем в Ленинграде в Русском музее (1988) к 100-летию со дня рождения Я. и Шухаева. Картины и рисунки Я. рассеяны по всему миру в частных собраниях и музеях Франции, Бельгии, Германии, Италии, США, Японии, Грузии и др. стран. Значительно меньше их в России, главным образом это ранние работы, сосредоточеные в Русском музее, Третьяковской галерее и провинциальных музеях.

Соч.: Путевые заметки // Вест. знания, 1928, № 11; [Письма к Д.Н.Кардовскому]/ Д.Н.Кардовский. Об искусстве. М., 1960.

Лит.: Радлов Н.Э. Цех Святого Луки // Аполлон, 1917, № 8/10; Маковский С. Силуэты русских художников, Прага, 1922; Volotaire M. Alexander Iakovleff // The Studio, 1926, vol. 92; Голлербах Э.Ф. Современные русские художники за границей // Вест. знания, 1928, № 6; Birnbaum M. Jacovleff and Other Artists. New York, 1946; Щербакова Г. Художник-атташе // Художник, 1990, № 8.

Арх.: РГАЛИ, ф. 2744; ГРМ, ф. 106, 137 и др.; РГИА, ф. 789.

А.Кузнецов

ЯНИШЕВСКИЙ Алексей Эрастович (12.4.1873, Казань — 9.10.1936, София) — невропатолог. Сын известного казанского математика Э.П.Янишевского. В 1892 окончил 3-ю казанскую мужскую гимназию, в 1897 — медицинский факультет Казанского университета (с золотой медалью). В 1897-1901 — ординатор психиатрической клиники Казанского университета, возглавляемой профессором-психиатром Н.Поповым. 30.3.1903 Я. защитил диссертацию на тему «О коммисуральных системах мозговой коры» (опубл. в 1902). Исследование представляет интерес созданием метода (и прибора) разрушения глубоко лежащих волокон белого вещества головного мозга; это была первая работа в области экспериментальной стереотоксической хирургии в России. Я. принадлежит также интересная публикация по патопсихологическому анализу творчества русского писателя *Л.Андреева* (1903).

В 1904 стал приват-доцентом кафедры душевных и нервных болезней Новороссийского университета. В 1912 в Одессе организовал первый в России специальный санаторий для нервных и психических больных. Как невропатолог Я. приобрел известность благодаря описанию (1909) хватательного рефлекса кисти руки, свидетельствующего о поражении лобной доли головного мозга и наблюдающегося при псевдобульбарном параличе. Я. отметил сходство патологического рефлекса кисти руки с аналогичным хватательным рефлексом у новорожденных (последний является нормой и с возрастом исчезает). В 1913 хватательный рефлекс кисти руки был описан немецким клиницистом Р.Рецницером без указания на приоритет Я., который был вынужден в 1914 дать по этому поводу опровержение в журнале «Revue Nevrologic».

В 1922 выехал по контракту в Болгарию, где работал в должности профессора Софийского университета; организовал кафедру и клинику нервных болезней, руководил ими до 1933. В 1924 Я. описал «бульдожий» рефлекс, проявляющийся в сжатии челюстей в ответ на раздражение чем-либо губ или десен и указывающий на поражение задних отделов лобной доли мозга (например, при паркинсонизме). Автор учебника по нервным болезням. Хотя Я. имел советское гражданство, связи с российскими невропатологами не поддерживал. Похоронен в Софии на Русском кладбище.

Соч.: К симптоматологии и патогенезу дрожательного паралича // Рус. врач, 1909, № 32; Un cas de maladie Parkinson avec sindrom pseudobuldare et pseudoophtalmoplegis // Revue Neurologique, 1909, № 13.

Лит.: Алексей Эрастович Янишевский // Неврология, психиатрия и нейрохирургия, 1968, № 6.

Ю.Архангельский

ПЕРЕЧЕНЬ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ

А

Аверченко Аркадий Тимофеевич
Адамович Георгий Викторович
Айхенвальд Юлий Исаевич
Акерман Янис Давович
Алданов Марк Александрович
Алексеев Александр Александрович
Алексеев Николай Николаевич
Алексинский Иван Павлович
Алехин Александр Александрович
Амфитеатров Александр Валентинович
Андреев Леонид Николаевич
Андрусов Николай Иванович
Анисфельд Борис Израилевич
Анненков Юрий Павлович
Анреп Глеб Васильевич
Анри Виктор Алексеевич
Антоний (Храповицкий)
Анцыферов Алексей Николаевич
Арсеньев Николай Сергеевич
Архипенко Александр Порфирьевич
Арцыбашев Михаил Петрович
Ауэр Леопольд Семенович
Афонский Николай Петрович

Б

Бабкин Борис Петрович
Байков Николай Аполлонович
Бакланов Георгий Андреевич
Бакст Лев Самойлович
Баланчин Джордж
Балиев Никита Федорович
Бальмонт Константин Дмитриевич
Баранов-Россинэ Владимир Давидович
Бахметьев Борис Александрович
Безикович Абрам Самойлович
Беляев Николай Тимофеевич
Бенуа Александр Николаевич
Берберова Нина Николаевна
Бердяев Николай Александрович
Бернацкий Михаил Владимирович
Билибин Иван Яковлевич
Билимович Александр Дмитриевич
Билимович Антон Дмитриевич
Бицилли Петр Михайлович
Бобрищев-Пушкин Александр Владимирович
Бобровников Николай Федорович
Богданович Карл Иванович
Боголюбов Ефим Дмитриевич
Болдырев Василий Николаевич
Болеславский Ричард Валентинович
Больм Адольф Рудольфович
Боровский Александр Кириллович
Бородин Николай Андреевич
Ботезат Георгий Александрович
Браиловский Александр
Брунст Виктор Эмильевич
Бруцкус Борис Давидович
Бубнова Варвара Дмитриевна
Бубнова-Оно Анна Дмитриевна
Буйневич Казимир Альбинович
Булгаков Сергей Николаевич
Бунин Иван Алексеевич
Буницкий Евгений Леонидович
Бунятян Ментор Абрамович
Бурлюк Давид Давидович
Бурцев Владимир Львович
Буховецкий Дмитрий

В

Ваксман Зельман Абрахам
Вальден Пауль
Ванновский Александр Алексеевич
Варшавский Владимир Сергеевич
Васильев Александр Александрович
Васильев Николай Илларионович
Ваттер Михаил
Вейдле Владимир Васильевич
Венгерова Зинаида Афанасьевна
Венгерова Изабелла Афанасьевна
Вернадский Георгий Владимирович

Вертинский Александр Николаевич
Веселовский Александр Николаевич
Вильде Борис Владимирович
Виноградский Сергей Николаевич
Вишняк Марк Вениаминович
Волков Александр Александрович
Волконский Сергей Михайлович
Высотский Александр Николаевич
Вышеславцев Борис Петрович
Вышнеградский Иван Александрович

Г

Габо Наум Абрамович
Газданов Гайто Иванович
Гайсинский Моиз
Гамов Джордж
Гапошкин Сергей Илларионович
Гарбузова Раиса Борисовна
Гессен Сергей Иосифович
Гиппиус Зинаида Николаевна
Головин Николай Николаевич
Голубев Виктор Викторович
Гомберг Мозес
Гончарова Наталия Сергеевна
Горовиц Владимир Самойлович
Горянский Валентин Иванович
Грабар Андрей Николаевич
Грабар Петр Николаевич
Гречанинов Александр Тихонович
Гржебин Зиновий Исаевич
Григорашвили Михаил Леонтьевич
Григорьев Борис Дмитриевич
Григорьев Михаил Петрович
Гуль Роман Борисович
Гурвич Георгий Давыдович
Гусев-Оренбургский Сергей Иванович
Гучков Александр Иванович

Д

Давыдов Константин Николаевич
Дан Федор Иванович
Данзас Юлия Николаевна
Данилова Александра Дионисьевна
Деникин Антон Иванович
Добржанский Феодосий Григорьевич
Добровейн Исай Александрович
Добужинский Мстислав Валерианович
Дон-Аминадо
Дягилев Сергей Павлович

Е

Евлогий Георгиевский
Евреинов Борис Алексеевич
Евреинов Владимир Алексеевич
Евреинов Николай Николаевич
Егорова Любовь Николаевна

Ж

Жардецкий Венчеслав Сигизмундович
Жаров Сергей Алексеевич

З

Завьялов Василий Васильевич
Загорский Семен Осипович
Зайцев Борис Константинович
Зайцев Кирилл Иосифович
Замятин Евгений Иванович
Захарченко Константин Львович
Зворыкин Владимир Козьмич
Зданевич Илья Михайлович
Зеньковский Василий Васильевич
Зернов Михаил Степанович
Зернов Николай Михайлович
Зернова Софья Михайловна
Зилоти Александр Ильич
Зуров Леонид Федорович

И

Иванов Вячеслав Иванович
Иванов Георгий Владимирович
Изгоев Александр Соломонович
Изюмов Александр Филаретович
Ильин Владимир Николаевич
Ильин Иван Александрович
Иоанн (Максимович)
Иоанн (Шаховской)
Ипатьев Владимир Николаевич
Ислямов Илья Исхакович

К

Кандинский Василий Васильевич
Каракаш Михаил Николаевич
Каралли Вера Алексеевна
Карпович Михаил Михайлович
Карсавин Лев Платонович
Карсавина Тамара Платоновна
Карташев Антон Владимирович
Картвели Александр Михайлович
Кизеветтер Александр Александрович
Кистяковский Георгий Богданович
Клыков Владимир Александрович
Ключников Юрий Вениаминович
Ковалевский Максим Евграфович
Ковалевский Петр Евграфович
Когбетлянц Эрванд Геворгиевич
Комиссаржевский Федор Федорович
Кон Станислав Салезиевич
Кондаков Иван Лаврентьевич
Кондаков Никодим Павлович
Коненков Сергей Тимофеевич
Корвин-Круковский Борис Вячеславович
Коренчевский Владимир Георгиевич
Коровин Константин Алексеевич
Костицын Владимир Александрович
Кошиц Нина Павловна
Крымов Владимир Пименович
Кузнец Саймон Смит
Кузнецова Мария Николаевна
Кузьмина-Караваева Елизавета Юрьевна
Купер Эмиль Альбертович
Куприн Александр Иванович
Куренко Мария Михайловна
Кусевицкий Сергей Александрович
Кускова Екатерина Дмитриевна
Кшесинская Матильда Феликсовна
Кякшт Лидия Георгиевна

Л

Лапинский Михаил Никитович
Ларионов Михаил Федорович
Лебедев Алексей Александрович
Левен Фоэбус Арон Теодор
Левин Иосиф Аркадьевич
Левина Розина Яковлевна
Левинсон Андрей Яковлевич
Легат Николай Густавович
Ледковский Борис Михайлович
Леонтьев Василий Васильевич
Лещенко Петр Константинович
Липковская Лидия Яковлевна
Липшиц Жак
Литвак Анатолий Михайлович
Лифарь Серж
Лосский Борис Николаевич
Лосский Владимир Николаевич
Лосский Николай Онуфриевич
Лукаш Иван Созонтович
Лукомский Георгий Крескентьевич
Лурье Артур
Ляцкий Евгений Александрович

М

Маковский Сергей Константинович
Максимов Александр Александрович
Малахов Александр Егорович
Малевский-Малевич Святослав Святославович
Малько Николай Андреевич
Малявин Филипп Андреевич
Мамулян Рубен Захариевич
Манухин Иван Иванович
Маркевич Игорь Борисович
Мартов Юлий Осипович
Маршак Яков
Маслов Сергей Семенович
Массалитинов Николай Осипович
Махонин Иван Иванович
Мельгунов Сергей Петрович
Мережковский Дмитрий Сергеевич
Метальников Сергей Иванович
Метнер Николай Карлович
Мещанинов Оскар Самойлович
Милиоти Николай Дмитриевич
Мильштейн Натан Миронович
Милюков Павел Николаевич
Минский Николай Максимович
Мирский Дмитрий Петрович
Могилянский Николай Михайлович
Мозжухин Иван Ильич
Мордкин Михаил Михайлович
Мочульский Константин Васильевич
Мунштейн Леонид Григорьевич
Муратов Павел Павлович
Мякотин Венедикт Александрович
Мясин Леонид Федорович

Н

Набоков Владимир Владимирович
Набоков Николас
Наживин Иван Федорович
Назимова Алла Яковлевна
Невский Николай Александрович
Нижинская Бронислава Фоминична
Нижинский Вацлав Фомич
Николаевский Борис Иванович
Никольский Александр Михайлович
Новгород-Северский Иван Иванович
Новгородцев Павел Иванович
Новиков Михаил Михайлович

О

Обухов Николай Борисович
Одоевцева Ирина Владимировна
Орлов Николай Андреевич
Орлова Хана
Осипов Николай Евграфович
Осоргин Михаил Андреевич
Осоргин Михаил Михайлович
Островский Александр Маркович
Остромысленский Иван Иванович
Оцеп Федор Александрович
Оцуп Николай Авдеевич

П

Павлова Анна Павловна
Павловский Александр Дмитриевич
Пантелеймонов Борис Григорьевич
Пастернак Леонид Осипович
Певзнер Натан Абрамович
Петражицкий Лев Иосифович
Петрушевский Владимир Александрович
Пешехонов Алексей Васильевич
Пильский Петр Моисеевич
Пио-Ульский Георгий Николаевич
Питоев Жорж
Питоева Людмила Яковлевна
Плевицкая Надежда Васильевна
Подтягин Николай Евгеньевич
Полевицкая Елена Александровна
Поль Владимир Иванович
Поплавский Борис Юлианович
Попруженко Михаил Георгиевич
Постников Сергей Порфирьевич
Потёмкин Петр Петрович
Потресов Александр Николаевич
Преображенская Ольга Иосифовна
Прокопович Сергей Николаевич
Прокофьев Сергей Сергеевич
Прокофьев-Северский Александр Николаевич
Пуни Иван Альбертович
Пушкарев Сергей Германович
Пшеборский Антон Павлович
Пятигорский Григорий Павлович

Р

Рахманинов Сергей Васильевич
Рейн Георгий Ермолаевич
Ремизов Алексей Михайлович
Рерих Николай Константинович
Розинг Владимир Сергеевич
Романов Борис Георгиевич
Ростовцев Михаил Иванович
Рощина-Инсарова Екатерина Николаевна
Рубакин Николай Александрович
Рубинский Иван Александрович
Рубинштейн Ида Львовна
Руднев Вадим Викторович
Рябушинский Владимир Павлович
Рябушинский Дмитрий Павлович
Рябушинский Павел Павлович

С

Сабанеев Леонид Леонидович
Савицкий Петр Николаевич
Салтыков Николай Николаевич
Санин Александр Акимович
Сапельников Василий Львович
Сахновский Алексей Владимирович
Сватиков Сергей Григорьевич
Свинне Рихард Иоганнович
Седых Андрей
Селиванов Дмитрий Федорович
Сергиевский Борис Васильевич
Серебряков Александр Борисович
Серебрякова Зинаида Евгеньевна
Сикорский Игорь Иванович
Сиротинин Василий Николаевич
Скиталец Степан Гаврилович
Слободская Ода Абрамовна

Слоним Марк Львович
Смирнов Дмитрий Алексеевич
Соловьев Александр Васильевич
Сомов Константин Андреевич
Сорокин Питирим Александрович
Спасский Петр Васильевич
Спекторский Евгений Васильевич
Спесивцева Ольга Александровна
Старевич Владислав Александрович
Степун Федор Августович
Стравинский Игорь Федорович
Стратонов Всеволод Викторович
Струве Глеб Петрович
Струве Отто
Струве Петр Бернгардович
Струков Михаил
Сувчинский Петр Петрович
Судейкин Сергей Юрьевич
Сургучев Илья Дмитриевич
Сутин Хаим

Т

Тамаркин Яков Давыдович
Тимашев Николай Сергеевич
Тимошенко Степан Прокофьевич
Толстой Алексей Николаевич
Тотомианц Вахан Фомич
Трефилова Вера Александровна
Трошин Григорий Яковлевич
Трубецкой Николай Сергеевич
Трубецкой Павел Петрович
Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна
Тэффи Надежда Александровна

У

Уваров Борис Петрович
Успенский Яков Викторович
Устрялов Николай Васильевич

Ф

Фан-дер-Флит Александр Петрович
Федорова Софья Васильевна
Федотов Георгий Петрович
Флоровский Антоний Васильевич
Флоровский Георгий Васильевич
Фокин Михаил Михайлович
Фондаминский Илья Исидорович
Франк Семен Людвигович

Х

Хейфиц Яша
Хлытчиев Яков Матвеевич
Ходасевич Владислав Фелицианович

Ц

Цадкин Осип Аронович
Цветаева Марина Ивановна
Церетели Ираклий Георгиевич
Цетлин Михаил Осипович
Цимбалист Ефрем Александрович

Ч

Челищев Павел Федорович
Черепнин Николай Николаевич
Чернов Виктор Михайлович
Черный Саша
Чехов Михаил Александрович
Чехонин Сергей Васильевич
Чечотт Генрих Оттонович
Чириков Евгений Николаевич
Чичибабин Алексей Евгеньевич
Чупров Александр Александрович

Ш

Шагал Марк Захарович
Шаляпин Федор Иванович
Шаршун Сергей Иванович
Шахматов Мстислав Вячеславович
Шаховская Зинаида Алексеевна
Шестов Лев Исаакович
Шлёцер Борис Федорович
Шмелев Иван Сергеевич
Шмурло Евгений Францевич
Шохат Яков Александрович
Шрейдер Александр Абрамович
Штейнберг Аарон Захарович
Шухаев Василий Иванович

Щ

Щекатихина-Потоцкая Александра Васильевна
Щербина Федор Андреевич

Э

Эйхенвальд Александр Александрович
Экстер Александра Александровна
Эллис Лев Львович
Эльман Миша
Эрьзя

Ю

Юрьевская Зинаида
Юркевич Владимир Иванович
Юшкевич Семен Соломонович

Я

Явленский Алексей Георгиевич
Якобсон Роман Осипович
Яковлев Александр Евгеньевич
Янишевский Алексей Эрастович

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ
Золотая книга эмиграции.
Первая треть XX века

Художественное оформление *А.Сорокин*

Техническое редактирование
и компьютерная верстка *Н.Галанчева*

ЛР № 030457 от 14.12.1992. Подписано в печать 25.12.96.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 78,12+6,72 л.вкл. Уч.-изд.л. 101,75+6,38 л.вкл.
Тираж 6000 экз. Заказ № 3796

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп.1. Тел. 181-00-13
Факс 181-01-13

АО Типография «Новости»
107005, Москва, ул. Ф.Энгельса, д. 46